КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДВАДЦАТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией.—Конференция союзников в Петрограде в 1917 г.—Из дневника А. Н. Куропаткина. — Бухара в 1917 г.—Дневник Николая Романова.—„Работа" эсеров в 1918 г.—„Европа и Китай". — Письма Г. Ф. Здановича.—Из народовольческих автобиографических документов. — Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 г. — Треповский проект речи Николая II к рабочим в 1905 г.—Программа Союза русского народа, и пр.

ЦЕНТРАРХИВ
1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г.). Материалы по истории крестьянских движений в России, вып. IV. Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче, стр. 177, ц. 1 р. 20 к.

Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского, стр. 484, ц. 2 р. 75 к.

Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового, стр. 291, ц. 1 р. 50 к.

Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890). (Мемуары и дневники царских сановников). Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна, стр. X+396. ц. 3 р.

Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова. Текст подготовлен к печати и снабжен примечаниями М. М. Константиновым, стр. XI+236, ц. 1 р. 50 к.

Достоевская, А. Г. Воспоминания. Под ред. Л. П. Гроссмана, стр. 310, ц. 3 р. 75 к.

Из архива Достоевского. Письма русских писателей: Голенищева-Кутузова, Гончарова, Григоровича, Достоевского, Мельникова-Печерского, Некрасова, Островского, Плещеева, Полонского, Помяловскаго, Рыбникова, Салтыкова, Тургенева. Заметки А. Г. Достоевской. Редакция и вступит. статья Н. К. Пиксанова. Комментарии Н. Ф. Бельчикова и Н. К. Пиксанова, стр. 138, ц. 50 к.

Крестьянское движение 1902 года. Материалы по истории крестьянских движений в России, вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче, стр. 128, ц. 50 к.

Материалы для биографии М. Бакунина. По архивным делам 6. III отделения и морского министерства. Редакция и примечания В. Полонского. Том I, стр. 438, ц. 3 р.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский, стр. 248, ц. 3 р.

Партизанское движение в Сибири. Том I. Приенисейский край. Материалы подготовлены к печати А. Н. Туруновым. Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова. стр. 295+XV+1 карта, ц. 2 р. 50 к.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 198+14 (нен.), ц. 1 р. 50 к.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 гг. Том III. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 512, ц. 5 р.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916 г. Том IV. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 440, ц. 4 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ПЕРВЫЙ (ДВАДЦАТЫЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 88544.
Гиз. № 22067. Тир. 2.500.

Зак. № 1180.

Дипломатия Временного Правительства в борьбе с революцией [1]).

I

Еще после международных социалистических конференций в Циммервальде (IX/1915 г.) и в Кинтале (IV/1916 г.), сплотивших революционные социалистические элементы международного рабочего движения и наметивших линию действий, которая шла в разрез с курсом официальных социалистических партий, царская дипломатия начинает уделять особенное внимание деятельности русской социалистической эмиграции.

Своеобразный политический кретинизм царской дипломатии, сочетаясь с неграмотностью ее в вопросах международного рабочего движения и углубляясь влияниями, шедшими из Парижа и Лондона, придавал специфический и несколько однообразный колорит всей посольской литературе, связанной с этим предметом.

Русская революция далеко не сразу привела к обновлению личного состава дипломатического ведомства. С другой стороны, в эпоху Временного Правительства из всех ведомств, именно дипломатическому, удается в наибольшей мере сохранить традиционные приемы работы. Поэтому и трактовка тех вопросов, о которых мы говорили выше, не претерпевает после революции принципиальных, существенных изменений.

Разумеется, поскольку вопросы войны и мира заострялись русскими рабочими массами и находившимися за границею русскими революционными центрами, с первых же дней революции борьба за мир ставилась на более реальную почву, информационная работа русской дипломатии в этом направлении должна была усилиться, при чем поневоле чинам дипломатического ведомства приходилось специализироваться, — правда, далеко не всегда удачно, — на изучении различных оттенков международного социалистического движения.

Первоисточником всех бед в глазах русских дипломатов являлся, разумеется, Берлин. Уловлению тех тайных нитей, которые мерещились им и которые, по их мнению, должны были протягиваться между Берлином — с одной стороны, и Берном, Женевой, Цюрихом и, далее, петербургскими рабочими кварталами — с другой, посвящена значительная часть дипломатических донесений первых месяцев революции.

---

[1]) Печатаемые ниже документы извлечены из хранящихся в Архиве Революции и Внешней политики по отделу Секретного Архива папок: 1) «Исходящие мин. ин. дел март—апрель 1917 г.», № 530; 2) «Исходящие м. и. д. май—июнь 1917 г.», № 531; 3) «Франция. Телеграммы. 1917 г.», № 510; 4) «Дания. Телеграммы. 1917 г.», № 517; 5) «Англия. Телеграммы. 1917 г.», № 511; 6) «Швеция. Телеграммы. 1917 г.», № 520; 7) «Берн. Телеграммы. 1917 г.», № 519; 8) «Ос. Д. Социалисты. 1917 г.», № 1325, папка № 360.

Произведенная в середине марта германскими социалистами в рейхстаге демонстрация наводит русского поверенного в делах в Лондоне вместе с автором передовицы «Таймса» на мысль о том, что она инсценирована германским правительством с целью ввести в заблуждение русское общественное мнение.

В телеграмме от 18 (31) марта за № 212 он сообщал министру: «Считаю долгом обратить внимание ваше на сегодняшнюю передовую статью «Таймса», переданную в Петроград министром. В ней содержится определенное указание на то, что демонстрация немецких социалистов в рейхстаге произведена была по уговору с канцлером с целью обмануть наши крайние элементы. Это указание кажется мне особенно благоприятно в наших истинных интересах настоящей минуты. *Набоков* [1])».

Опираясь на передовую «Лозаннской Газеты», поверенный в делах в Берне останавливается на той «усиленной пропаганде в пользу немедленного заключения мира с Германией, которую ведут в Швейцарии русские социалисты циммервальдского направления». «За этой пропагандой, — пишет он со слов той же газеты, — чувствуется влияние германских социалистов партии Каутского, искренность которых в смысле борьбы за социалистические принципы в данном случае подлежит большому сомнению. Положение, занятое германскими социалистами с самого начала войны, и, в особенности, характер их теперешней пропаганды дают основания опасаться, что они, сознательно или невольно, играют в руку германскому правительству» [2]).

В телеграмме из Берна от 27/III (9/IV) за № 269 сообщалось: «Находящиеся под влиянием Германии некоторые здешние газеты усиленно пропагандируют мысль, что русская демократия может окрепнуть лишь под условием скорейшего заключения мира. Эта газетная кампания, без сомнения, инспирируемая из Берлина, является дополнением маневра немецких газет, отстаивающих невмешательство в русские внутренние дела и вместе с тем высказывающих горячие благопожелания молодой России. *Ону*».

У того же поверенного в делах в Берне был также и материал более конкретного характера. В его телеграмме от 19/III 1917 г. читаем: «Сватковский сообщает: по сведениям литовского бюро в Лозанне, на-днях в Стокгольме образовался пацифистский комитет для установления сношений Германии с социал-демократией России. *Ону* [3]).»

В следующей по порядку телеграмме того же автора значится: «Еще до получения сообщения Сватковского я виделся с английским посланником, который указал мне, что среди русских крайних левых кругов в Цюрихе многие лица поддерживают непосредственные связи с Германией, а некоторые просто являются тайными немецкими эмиссарами. *Ону* [4])».

Урегулировать водну реэмиграции, отделив благонадежных оборонцев от крамольных интернационалистов, — такова была в ту пору нелегкая и, в конечном счете, неосуществимая задача, стоявшая перед дипломатическим ведомством. Дело реэмиграции вверялось при этом особым, образующимся на местах эмигрантским комитетам, действовавшим под контролем дипломатических чинов. Такой порядок устанавливался согласно циркулярной телеграммы министра ин. дел. от 18/III 1917 г. за № 1231 на имя всех посольств и миссий: «На случай возникновения каких-либо сомнений о личности политических эмигрантов, желающих возвратиться в Россию, в силу акта амнистии, благоволите

[1]) Секр. тел. повер. в делах в Лондоне от 18 (31)III 1917 г. № 212.
[2]) Секр. тел. повер. в делах в Берне от 18 (31)III 1917 г. № 247.
[3]) Секр. тел. повер. в делах в Берне от 19/III (1/IV) 1917 г. № 249.
[4]) Секр. тел. повер. в делах в Берне от 19/III (1/IV) 1917 г. № 251.

образовать при вверенном вам заграничном учреждении министерства комитет из представителей политических эмигрантов для разъяснений всех могущих возникнуть сомнений по этому вопросу. *Милюков*».

То же подтверждалось телеграммой за № 1444 от 1/IV, посланной бар. Нольде по тому же адресу: «При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадежности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашей телеграммы 1231. *Нольде*».

Волна всякого рода иностранных социалистических делегаций, шедшая из-за границы, усугубляла тяжесть положения. Собирающийся ехать в Россию итальянский депутат Моргари предпринимает эту поездку со специальною, по словам русского посла в Риме, целью — «пропаганды против войны». Отправляющемуся в Россию датскому социалисту Боргбьергу русский посланник в Копенгагене приписывал «постоянные сношения с германскими социалистами» [1]); и даже вопросы о приезде таких, не вызывавших сомнений в оборончестве, представителей французской социалистической партии, как Кашен, Лафон, Мутэ, Дюма и английской рабочей партии, как О'Грэди, Сандерс, Торн и даже таких маститых вождей оборончества, как Брантинг и Гюисманс, требовали предварительного обсуждения и особой работы по наведению соответствующих справок.

В качестве образчика такого рода справочной работы приведем не лишенную интереса справку о личности Брантинга, выданную русским посланником в Стокгольме. В секретной телеграмме его от 20/III (2/IV) 1917 г. за № 129 читаем: «К приезду Брантинга. Я полагаю, что Брантинг может в своем путешествии также руководствоваться желанием содействовать делу мира. Не исключена возможность, что об этом его просили корифеи социалистической партии в Германии и Австрии. Брантинг — человек безусловно высоких нравственных качеств, прямодушный, чуждый всяких крайностей. Но нужно иметь в соображении: [1]) что у него давнишние и крупные связи с германскими единомышленниками; 2) что он питает симпатии к германскому народу и искренно скорбит о нынешнем его ужасном положении; 3) что его шведский глубокий патриотизм заставляет его стремиться к водворению мира в Европе, так как от войны наживаются некоторые отрасли промышленности Швеции, но зато начинают страдать остальные рабочие классы и земледельцы; 4) что он очень мало знает наши русские обстоятельства и вопросы. Относительно последнего пункта я постарался его просветить, по возможности, доказав ему, между прочим, необходимость русской победы над нынешнею Прусскою Германиею для обеспечения свободы не только польскому народу, но и свободного и справедливого национального существования в составе Российской державы народам: литовскому, латышскому, эстонскому, армянскому. Я заметил, что весьма многое из того, что я говорил по этому поводу Брантингу...[2]) было для него совершенно новым. В общем, я сердечно приветствую путешествие Брантинга в Россию и рекомендовал бы его особому вниманию разумных и понимающих вопросы внешней политики членов нашей социал-демократической партии. *Неклюдов*».

Запретить нежелательным элементам въезд в Россию Временное Правительство, по обстоятельствам времени, часто оказывалось не в силах. Так, по поводу предполагавшегося приезда Боргбьерга Милюков запрашивал посланника в Копенгагене об имею-

---

[1]) Секр. тел. Буксгевдена из Копенгагена от 2(15)IV 1917 г. № 121.

[2]) Пропуск в оригинале.

щихся у него сведениях, характеризующих датского социалиста «преимущественно со стороны его отношений и симпатий к делу союзников».

Русский посланник в Стокгольме по тому же делу писал [1]):

«Брантинг, вернувшийся вчера, посетил меня и, между прочим, просил обратиться к вашему заступничеству в пользу датского депутата, главы социалистов, Боргбьерга, который 6 дней сидит в Хапаранде и которого не пускают через нашу границу, несмотря на то, что все бумаги его в полном порядке. Причина невыпуска — известные германофильские симпатии Боргбьерга. Брантинг убежден, что Боргбьерг не может никоим образом иметь воздействие на русских социалистов и что его недопущение в Россию произведет весьма неблагоприятное впечатление в Дании и других скандинавских странах; раз не боятся пустить Ленина, то нет причины не впускать Боргбьерга; последний довод кажется мне весьма основательным. *Неклюдов*».

Чтобы парализовать тот вред, какой мог проистечь от приезда многочисленных, хотя и не вызывавших сомнения в оборончестве социалистов Франции и Англии, имелось в виду уравновесить это организацией поездок в Россию представителей западно-европейских буржуазных партий.

Откликаясь на зародившийся в этом направлении в русском дипломатическом ведомстве план, российский поверенный в делах в Париже писал [2]):

«Ваша телеграмма передана Франклину Бульону, который объяснил мне, что он имел в виду не торжественную поездку парламентских групп, а лишь по 2 или 3 человека от каждой страны. Он, между прочим, уже заручился согласием Пишона и бывшего английского министра Монтегю. Подобной поездке он придавал бы большое значение, так как он считает ошибкой, что в Россию отправлены были только социалисты. Он вполне признает, что, с точки зрения необходимости вести войну до конца, Кашен и его спутники смотрят на дело весьма здраво, и что в этом отношении влияние их не может не оказать общему делу союзников огромную услугу. Но он опасается их влияния в вопросе присоединения к нам Константинополя и проливов, так как нет сомнения, по его мнению, что они являются убежденными противниками территориальных приращений. Поэтому он считает, что если бы они поехали в Петроград вместе с такими людьми, как Пишон и Монтегю, то это позволило бы нашему общественному мнению убедиться, что социалисты отнюдь не являются представителями мнения Франции и Англии, и что значительная часть здешнего общества усиленно настаивает на необходимости осуществить наши вековые вожделения, на что он намекал в своей телеграмме к вам. Кроме того, он считает весьма невыгодным для престижа умеренных партий союзных стран, если все дело будет устроено одними социалистами. *Севастопуло*».

Известно, что в это же время в английских дипломатических сферах возникает план организации совещаний премьеров союзных держав. Мероприятие это должно было вносить некоторые коррективы в подверженную колебаниям линию Временного Правительства.

Крайне заинтересованный в укреплении своих материальных рессурсов, петроградский кабинет живо откликается на английское предложение. Беседующий с временно заменяющим Ллойд-Джорджа лордом Сесилем русский поверенный в делах в Лондоне подчеркивает необходимость углубления англо-русских дружественных связей.

---

[1]) Секр. тел. Неклюдова из Стокгольма от 2(15)IV 1917 г. № 144.

[2]) Секр. тел. Севастопуло из Парижа от 5(18)IV 1917 г. № 291.

Содержание этой беседы излагается им в телеграмме на имя министра от 14 (27) апреля за № 275: «В результате моего вчерашнего разговора с Мильнером лорд Р. Сесиль, временно заменяющий Ллэйд-Джорджа, вызвал меня на откровенный обмен мнений по поводу инструкции, которую он дает великобританскому послу, возбудить вопрос о совещаниях премьеров союзных держав. Он показал мне текст петроградской резолюции, с которой я таким образом впервые познакомился. Я высказал ему тоже свое мнение, которое вчера заявил Мильнеру. Я воспользовался этим случаем, чтобы вполне откровенно сказать министру, что в настоящее время мною наблюдается в среде английского правительства несколько сдержанное отношение к России, и указать на ту опасность для будущих наших дружеских связей, скрепленных тремя почти годами общих усилий в борьбе с Германией, которая станет тем реальнее, чем более поводов будет у новой России сомневаться в полной готовности Англии всячески содействовать нашему правительству в разрешении неотложных и громадных задач настоящей минуты. Я напомнил ему, что то время, когда Англия развивала свою военную мощь и готовилась к тем решительным ударам, которые она наносит Германии теперь, Россия, преодолевая продажность и измену тогдашних вершителей ее судьбы, выдерживала и отражала натиск Германии по всему фронту. Я указал ему, что теперь настало время заложить основы прочному сближению и что задача английского правительства ныне облегчается тем, что оно встретило бы на этом пути полную и единодушную поддержку общественного мнения Англии. В частности, в вопросе о политических эмигрантах я сказал лорду Роберту, что вполне отдаю себе отчет в затруднительности для Англии исполнить наши пожелания и именно поэтому, в сознании тяжелых последствий, могущих возникнуть из недостаточно энергичных попыток к разрешению вопроса, я и прошу его приложить сейчас все старания к тому, чтобы, хотя бы с помощью Америки, добыть необходимый тоннаж. По поводу назначения Временным Правительством особого лица в связи с намеченными петроградским совещанием периодическими съездами премьеров, не имея от вас указаний касательно приемлемости этой идеи для нас в данную минуту, могу высказаться лишь предположительно. Из разговоров с Мильнером и Робертом Сесилем вывожу заключение, что здешнее правительство приветствовало бы приезд Родзянко, если бы Временное Правительство не сочло возможным уполномочить кого-либо из своей среды, и поэтому пожелало дать специальные широкие полномочия председателю Думы говорить от имени России. *Набоков*».

Не следует забывать, что заявление Временного Правительства об отказе от захватных целей в войне сделано было исключительно для внутреннего употребления и оставалось не сообщенным державам дипломатическим путем. Оно оставалось не сообщенным, разумеется, не в силу слабости дипломатических связей с Западом [1]). Диплома-

[1]) Еще телеграммою от 30 марта (12 апреля) за № 242 поверенный в делах в Лондоне сообщал о предпринятых им шагах по укреплению дипломатических связей с Антантой:

«В беседах с государственными деятелями и издателями руководящих лондонских газет я в течение последних трех недель высказывал от своего личного имени мысль, что настало время прибавить к акту 5 сентября 1914 года заявление союзных держав, что они никогда и ни при каких обстоятельствах не заключат мира с Гогенцоллернами. Как правительство, так и руководители главных газет сначала отнеслись к этой мысли несколько пугливо. Я, между прочим, указывал им, что президент Вильсон, когда решит призвать С.-А. С. Штаты к вооруженной борьбе, несомненно, должен будет в силу соображений как идейных, так и внутренне-политических провести

тическая связь министерства Милюкова с Западом была достаточно сильна, и даже лондонский кабинет, который, как казалось русской дипломатии, стал проявлять после первый дней революции признаки охлаждения к русским делам, не покидает ее своею помощью и своими советами.

Особенно энергичную помощь оказывала английская дипломатия своим русским коллегам в злободневном вопросе о наблюдении за передвижениями русских социалистов.

В секретной телеграмме от 23/III (5/IV) за № 654, посланной Бальфуром в зашифрованном виде на имя Бьюкенена и расшифрованной в министерстве ин. дел, читаем: «Сообщается из достоверного источника, что некоторые швейцарские социалисты, вместе с г-ном... [1]), национальным советником и главою бернской социалистической партии, ведут переговоры с целью добиться безопасного проезда через Германию в Россию рус-

---

грань между германским народом и преступными самодержавными правителями Германии. Газета «Дэйли Мэйль» имеет ежедневный заголовок в этом смысле, а сегодняшняя передовая статья «Дэйли Кроникль», на которую обращаю ваше особое внимание, приводит все те аргументы, которыми я старался убедить... ..еля [пропуск в оригинале]. Лично я глубоко верую в эту идею. Думаю, что инициатива должна исходить от Франции, но вместе с тем полагал бы очень желательным, чтобы вы уполномочили меня от имени России заявить английскому правительству, что в случае, если бы мысль о соглашении между союзниками по поводу невозможности заключить мир с Вильгельмом приняла конкретную форму, мы присоединимся к этому решению. *Набоков*».

К стараниям своего лондонского представительства министерство отнеслось скептически. В телеграмме министра от 1(14) апреля за № 1445 на имя Набокова читаем:

«Не могу разделить вашей мысли о целесообразности заявления со стороны союзных держав, что они никогда и ни при каких обстоятельствах не заключат мира с Гогенцоллернами. Помимо принципиальной нежелательности увеличить число связывающих союзников обязательств, я считаю, что подобное соглашение могло бы явиться серьезным тормозом к заключению мира, если бы военные или иные события сломили в будущем силу сопротивления Германии, но не сопровождались династическим кризисом. С другой стороны, рекомендуемый шаг, в котором немцы не могут не усмотреть иностранного вмешательства в их внутренние дела, способен был бы, опасаюсь, привести к обратному результату и лишь упрочить положение германской династии. *Милюков*».

Вместе с тем в тот же день Милюков крепил узы, связующие Временное Правительство с Антантой, телеграммой за № 1447 на имя Извольского и Набокова, которая гласила:

«За последнее время в английской и французской печати стали появляться статьи, в которых подробно обсуждаются некоторые заявления отдельных членов Временного Правительства в связи с выступлением крайних левых партий в смысле будто бы нашего отказа от соглашения 1915 г. о Константинополе и проливах. Последняя декларация Временного Правительства в связи с выступлением об основных началах нашей внешней политики упоминает, между прочим, о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников». В виду того, что эти обязательства являются двусторонними, мы отнюдь не отказываемся от обеспечения жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях. Кроме крайних социал-демократических органов, агитация которых в настоящее время в значительной мере ослаблена и подорвана означенной декларацией, вся серьезная печать и общественные круги России стоят на вышеуказанной нашей точке зрения, находящей себе также сочувственный отклик в армии. Благоволите, не делая официальных заявлений, руководствоваться этими соображениями в ваших объяснениях и беседах с представителями местной прессы и общественного мнения». («Константинополь и проливы», т. I, изд. НКИД. 1925, стр. 479.)

[1]) Пропуск в оригинале.

ских социалистов и... [1]), проживающих в Швейцарии. Впоследствии, в целях заключения скорейшего мира, им будет поручена пропаганда среди русского рабочего класса и среди солдат на фронте. Вышеуказанным способом германское правительство надеется ввезти в Россию шпионов и агентов-провокаторов... [1]). Комитет, организованный российскими эмигрантами, стремится и надеется быть в состоянии послать через Германию 1 партию. Среди них лица уже... [1]) и хорошо известные, как интернационалисты. Я информировал моего русского коллегу» [2]).

Дав вопросу надлежащую установку, великобританское министерство ин. дел получает через несколько дней от своего петербургского представителя следующий ответ:

«Я говорил по этому вопросу с министром ин. дел, который тоже слышал об этом, хотя и не мог установить имен русских социалистов и... [1]). На мой вопрос, что он намерен противопоставить этой опасности, он сказал, что единственное, что можно предпринять, — это опубликование их имен и сообщение, что они едут через Германию, что, по его мнению, будет достаточно, чтобы предотвратить их приезд в Россию» [3]).

Некоторое время спустя Бальфур мог сообщить Бьюкенену более подробные сведения [4]): «Имена русских социалистов следующие: ... [1]) Троцкий... [1]) Мухин, Константин Романенко...[1]) занский, Григорий...[1]) ский...[5]) и двое детей. Информация была получена от ...[1]) что большое возбуждение возникло здесь среди социалистов, которые финансируются здесь...[1]) и, возможно, Германией со специальной целью облегчения возврата в Россию социалистов, которые должны противодействовать настоящему правительству и вести пропаганду за мир и которые вместе с тем станут во главе социалистического движения, направленного против...[1]), включая и Соединенные Штаты. Троцкий находится в союзе с вожаками этого движения, и на митинге в...[1]) он высказывался по принципиальным вопросам. Многие немцы принимают участие в подготовке их отъезда, и Троцкий, как сообщают, встречая помощь со стороны германских социалистов, все сделает, что от него зависит, чтобы продолжить осуществление своих революционных планов. Мы воздержимся от дальнейших суждений до получения от британского правительства инструкций...[1]), какие меры следует принять в отношении этой партии. Мы очень желали бы получить определенный ответ в возможно скором времени».

Соединенные усилия британской и русской дипломатии, как известно, не привели ни к чему.

Насколько было затруднительно в этом деле положение русской дипломатии, явствует уже из текста секретной телеграммы, посланной в те дни Милюковым дипломатическим представителям в Лондоне и Париже: «Настоятельно просим, по соображениям внутренней политики, не проводить различия между политическими эмигрантами пацифистами и не-пацифистами. Благоволите сообщить о сем великобританскому (французскому) правительству» [6]).

Об остроте эмигрантского вопроса в Швейцарии свидетельствовала телеграмма Ону из Берна от 5(18) апреля за № 291: «В Швейцарии пока образовались две организации

[1]) Пропуск в оригинале.

[2]) Перевод с английского.

[3]) Секр. тел. Бьюкенена Бальфуру от 26/III (8/IV) 1917 г., расшифрованная в русском министерстве ин. дел. Перев. с английского.

[4]) Секр. тел. Бальфура Бьюкенену от 1(14)/IV 1917 г. № 709, расшифрованная в русском министерстве ин. дел. Перев. с английского.

[5]) В тексте пропуска приписка, сделанная в русском мин. ин. дел: «сестра Троцкого».

[6]) Отпуск секр. тел. Милюкова в Лондон и Париж от 5/IV 1917 г. № 1493.

для эвакуации эмигрантов: одна в Цюрихе носит скорее интернационалистический характер, другая в Берне — так называемые «обороновцы» [sic!], желающие продолжения войны и составляющие лишь пятую часть всей политической организации. Обе группы с большим нетерпением ждут отъезда и просят миссию передать Временному Правительству горячую просьбу об ускорении их отправления на родину; при этом обороновцы ссылаются на желание поскорее поступить в русскую армию. В виду бедности многих эмигрантов, общая цифра уезжающих, вероятно, не превысит тысячи человек. Обе организации просят об оказании материальной помощи как уезжающим, так и временно оставшимся в Швейцарии семействам и больным. *Ону*».

В телеграмме того же поверенного в делах от 7 (20) апреля за № 293 сообщалось:

«Среди эмигрантов упорно распространяются слухи, что Англия пропустит в Россию только «надежные элементы». Немало эмигрантов уже ликвидировали свои дела в Швейцарии и желают во что бы то ни стало ехать в Россию поскорее. Поэтому следует ожидать, что под влиянием указанного слуха они будут уезжать через Германию, подобно тому, как уехала группа Ленина. *Ону*» .

Не более утешительны были сведения, шедшие из Парижа. В телеграмме от 30/III (12/IV) за № 271 Севастопуло писал: «Вопрос о составлении эмигрантского комитета осложняется существующими между эмигрантами несогласиями; вследствие сего, быть может, придется действовать через посредство двух комитетов: комитета обороны под председательством гр. Нессельроде и комитета, обнимающего всю остальную... [1]). Раш [2]) в отсутствии и возвращается завтра; на завтра же у меня назначено свидание с некоторыми видными эмигрантами. Можно надеяться, что в начале будущей недели вопрос окончательно выяснится. Есть надежда найти небольшой пароход, который провез бы четыреста-пятьсот эмигрантов из Гавра в Норвегию по 250 фр. за человека. В общем же, единственным средством сообщения, на которое можно рассчитывать с уверенностью, являются пароходы, которые весной пойдут за нашими войсками в Архангельск; на них провоз обойдется по 100 франков с человека до Архангельска. Как говорил мне гр. Нессельроде, было бы весьма желательно в некоторых случаях выдавать небольшие суммы эмигрантам для расплаты с долгами, за квартиру и пр. Таким образом, расходы по водворению до русской границы должны быть определены в 500 или 1000 франков с человека, смотря по тому, совершается ли путешествие через Архангельск или Норвегию. О числе же желающих ехать пока нет никакой возможности составить себе даже приблизительное представление, тем более, что неизвестно, сколько еще прибудет из Швейцарии, Италии и даже Англии, в случае водворения через Архангельск. Так как одновременный проезд семей недопустим из-за подводной войны, то может возникнуть вопрос, о чем прошу указаний, равно как и о том, следует ли считать политическими эмигрантами дезертиров и уклонившихся от военной повинности, объясняющих свое поведение побуждениями политического характера. *Севастопуло*».

Между тем, еще 1 апреля (ст.ст.) 1917 г. телеграммою за № 142 Неклюдов предостерегал из Стокгольма:

«Вчера проехал и здесь остановился Ленин и еще несколько эмигрантов пораженческого лагеря из Швейцарии. Проезд через Германию был устроен для них стараниями

[1]) Пропуск в оригинале.

[2]) Присяжный поверенный, старый политический эмигрант, один из организаторов эмигрантского комитета в Париже.

швейцарского социалиста толка Циммервальда, Фрицом Платтеном, который провожал их до Стокгольма. В Стокгольме Ленин и оставшийся пока здесь Радек совещались вчера с крайними отщепенцами социалистической шведской партии, уверяя их, что через 2 недели они вернутся с другими товарищами, дабы встретить в Стокгольме германских уполномоченных, а может быть, и французских, и начать переговоры о мире. Проезд и похвальбы Ленина с товарищами очень взволновали здешних латышских и эстонских бывших эмигрантов. Многие уверяют, что наши пораженцы, при проезде через Германию, имели кой-где свидания с тамошними социалистами, некоторые из коих проводили их до Мальме. Латыши и эстонцы утверждают, что Ленин обладает большим красноречием и замечательною ораторскою способностью, почему они боятся его влияния на Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в пораженческом смысле. *Неклюдов*».

3 (16) апреля международная дипломатическая обструкция, направленная против возвращения вождя русских рабочих масс на родину, должна была кончиться, и тогда же, к великой досаде Foreign Office'а, по выходе с Финляндского вокзала он произносит свою первую речь на территории России.

В тот же день великобританским посольством в Петрограде была передана в министерство ин. дел памятная записка следующего содержания [1]):

«Посланник его величества в Стокгольме телеграфирует, что хотя и опровергалось то обстоятельство, что в Стокгольме имел место съезд для мирных переговоров немецких и русских социалистов, однако, является вполне определенным, что нечто подобное в этом роде было предложено. Германское правительство разрешило русскому социалисту Ленину проезд через Германию, и он оставил Стокгольм в последнюю пятницу вечером, направляясь в Петроград с целью предпринять самую энергичную пропаганду мира.

Перед отъездом из Швейцарии Ленин пригласил на съезд в Стокгольме английских, французских и немецких социалистов, при чем немцы приняли его предложение. Ленин заявил в Стокгольме, что он уверен, что через две приблизительно недели он будет в состоянии вернуться в Стокгольм во главе русской мирной делегации, что над Чхеидзе он легко возьмет верх и что популярность последнего, в сравнении с его, в Петрограде падает. Он хотел бы попытаться добиться мира для всех воюющих сторон, но если западные державы и особенно Англия (предмет особенной его враждебности) откажутся, Россия могла бы заключить сепаратный мир. Во время пребывания в Швеции Ленин излил свою горечь против Англии в газетной статье, в которой он заявляет, что скоро он опубликует доказательство того, что Англия сделала все, что было в ее силах, чтобы помешать политической амнистии в России. К этому заявлению он прибавил, что в то время как германское правительство предоставило ему и его партии особые льготы во время их путешествия через Германию, английское правительство напрямик отказало ему в пропуске. Сэр Э. Хоуард узнал от эстонского социалиста — противника сепаратного мира, — что Ленин — хороший организатор и крайне опасный человек, и, в е с ь м а в е р о я т н о [2]), он будет иметь многочисленных последователей в Петрограде.

Во время пребывания в Швейцарии он состоял в заговоре с индийскими революционерами. Петроград. Апрель 3 (16) 1917».

---

[1]) Записка хранится в секретном архиве министра в папке, носящей заголовок «Социалисты» и входящей в группу «особых дел» 1917 г. под № 360. В оригинале записка на английском языке.

[2]) Подчеркнуто в оригинале.

Тогда же в министерство ин. дел поступила записка и от французского посла, в которой также говорилось о проезде Ленина через Германию. На листе записки французского посла, сложенной товарищем министра ин. дел Нератовым вместе с цитированной телеграммой Неклюдова и с английской запиской, рукою того же Нератова была сделана помета: «Все сведения из 3 источников нужно поместить в газетах завтра же, не указывая источников, и подчеркнуть благожелательность германского правительства к Ленину и пр. 3 апреля. *А. Нератов*».

Напомним, что к этому времени относится задержание Л. Д. Троцкого и ряда других эмигрантов в Галифаксе, произведенное, по словам Бьюкенена, местными властями «впредь до выяснения намерений Временного Правительства» [1]).

Потерпев фиаско в деле непосредственной борьбы с большевистской опасностью и уступив в этом вопросе место ведомству внутренних дел, дипломатическое ведомство продолжает свою работу в меру предоставляемых ему его компетенцией возможностей.

Особенное усердие проявлял поверенный в делах в Берне. Телеграммою от 1 апреля он сообщал [2]):

«Здесь производят очень невыгодное для нас впечатление инсинуации немецких газет о зависимости русского правительства от комитета рабочих, постоянном вмешательстве последнего в правительственные дела и упадке дисциплины в армии. Вся швейцарская пресса помещает известие, что во время беспорядков в Балтийском флоте убито около 500 офицеров и уничтожено два больших судна. *Ону*».

Специализировавшийся на наблюдении за чистотою междусоюзнических отношений, тот же поверенный в делах обращал затем внимание министерства на опасность, какая могла явиться от возможного дипломатического выступления со стороны Германии. В телеграмме от 14(27) апреля за № 320 он сообщал: «Дополнение к моей телеграмме № 318 [3]). Трудно определить, насколько основательно это сведение, но, во всяком случае, следует иметь в виду, что за последнее время здесь распространяется мнение, что германское правительство собирается предложить мир без аннексий; чтобы выступить с этим предложением, Германия будто бы выжидает только того момента, когда такое предложение сможет произвести наиболее сильный эффект и максимальное брожение умов в России. Английский посланник полагает, что ближайший политический маневр Германии будет именно заключаться в предложении такого мира без аннексий в надежде посеять известное шатание умов среди рабочих классов в странах Согласия и тем ускорить наступление мирных переговоров».

9/IV поверенный в делах в Берне [4]) сообщал о некоторых подробностях, связанных с отъездом В. И. Ленина:

«Деятельное участие в отъезде Ленина из Швейцарии принимал социалистический депутат Гримм, который конфиденциально обратился к министру ин. дел Гофману, прося его взять на себя переговоры с германской миссией об обмене русских эмигрантов на ин-

---

[1]) Дж. Бьюкенен. «Мемуары дипломата». Москва. Гиз, 1925 г., стр. 217.

[2]) Секр. тел. Ону из Берна от 1(14)IV—1917 г. № 283.

[3]) В телеграмме от 13(26) апреля за № 318 Ону передавал со слов «одного швейцарца» доверительное сообщение Рихтгофена о том, что император Вильгельм собирается предпринять мирное выступление, предлагая за базу для переговоров о мире отказ от всяких аннексий и контрибуций и очищение Германией значительной полосы занятых ею территорий.

[4]) Секр. тел. Ону от 9(21)IV 1917 г. № 303

тернированных в России немцев, но получил отказ. Кто именно из швейцарцев служил затем посредником при переговорах Ленина с германскою миссией, установить очень трудно, но участие в них как самого Гримма, так и секретаря швейцарской социалистической фракции г. Платтена несомненно. Тов. министра г. Дюнан, которому я поставил вопрос, участвовали ли какие-либо швейцарские официальные лица в этих переговорах, категорически отрицает таковое участие. Что же касается англичан, то ни к английской миссии в Берне, ни к консульству в Цюрихе никто решительно из русских не обращался».

Тот же дипломат еще ранее, телеграммою от 7(20)апреля за № 289, сообщал следующее: «Швейцарский депутат социалист Гримм спешно выезжает через Германию в Стокгольм с тем, чтобы оттуда ехать в Россию. Так как миссия дает визу лишь на проезд через Францию и Англию, то Гримм ходатайствует о выдаче ему русской визы в Стокгольме. Цюрихский комитет эмигрантов сделал миссии письменное заявление, что Гримму поручено вести переговоры с министром Керенским о возвращении русских эмигрантов через Германию. Не подлежит никакому сомнению, что это лишь предлог. Гримм принимал самое деятельное участие в переговорах с германскими социалистами, после коих германское правительство разрешило проезд группе русских пацифистов, отъезд коих состоялся на прошлой неделе. Ходит упорный слух, что Гримм просил швейцарского министра ин. дел оказать ему содействие при переговорах с немцами, но получил отказ».

В течение первых чисел апреля министерством отдаются распоряжения: 1) «о невпуске в Россию Платтена, приехавшего в Швецию вместе с Лениным, которого он сопровождал через Германию [1])», и 2) об отказе в выдаче визы Гримму в случае обращения за нею последнего в посольства в Стокгольме и Копенгагене [2]).

13 апреля русские дипломатические представители за границей уведомляются о том, что возвращение эмигрантов через Германию вообще «признается невозможным» [3]).

Рассматриваемые дни были днями зенитного подъема той линии, которую проводил в иностранной политике Милюков, после чего начался закат дипломатической карьеры последнего.

Напомним, что 11/IV на страницах кадетского официоза цитировалось заявление, сделанное Милюковым на собрании членов кадетской партии в Москве, составленное в следующих выражениях [4]): «Декларация Временного Правительства о целях войны содержит не условия мира, а лишь общие принципы, не раз уже провозглашенные ранее государственными деятелями союзных с нами стран. Условия мира могут быть выработаны не иначе как в согласии с нашими союзниками согласно лондонской конвенции. Как бы ни относиться к лозунгу «мир без аннексий», нельзя игнорировать признанные всеми союзниками принципы воссоединения Польши, Армении, удовлетворение национальных стремлений австрийских славян».

Через две-три недели Милюков будет вынужден выпустить из своих рук министерский портфель.

Действия нового главы дипломатического ведомства, естественно, будут отмечены первоначально рядом уступок. Ожидающий в Стокгольме уже в течение двух недель визы на въезд в Россию Роберт Гримм получает, наконец, хотя и с большим опозданием,

[1]) Секр. тел. Доливо-Добровольского в Стокгольм от 7/IV 1917 г. № 1530.
[2]) Секр. тел. его же от 12/IV 1917 г. № 1622 в Стокгольм и Копенгаген.
[3]) Секр. тел. Доливо-Добровольского посланнику в Гааге от 13/IV 1917 г. № 1655.
[4]) См газ. «Речь» № 83, 11(24)/IV 1917 г.

просимое им разрешение. 7/V в Стокгольм дается категорическое распоряжение: «Благоволите незамедлительно визировать паспорт на приезд в Россию Роберту Гримму» [1]).

Одиозная в глазах министерства фигура швейцарского социалиста пацифистского толка, с именем которого ассоциировались у министерства представления о дьявольских силах «пацифистской агитации», по приезде в Россию, благодаря ряду своих нетактичных шагов, связавших его с политикой германской правящей клики, дает министерству богатую пищу, которою оно спешит накормить идущие за коалицией круги «демократии».

23/V (5/VI) министерство ин. дел перехватывает секретную телеграмму, идущую из Берна в швейцарскую дипломатическую миссию в Петербурге [2]). Расшифрованный в русском министерстве текст телеграммы гласил:

«Федеральный советник Гофман уполномочивает вас сделать Гримму следующее устное сообщение: Германия не предпримет никакого наступления до того, пока не оказалось бы возможным соглашение с Россией. После повторных бесед с выдающимися личностями я убежден, что Германия ищет с Россией мира, почетного для обеих сторон, с тесными сношениями торговыми и экономическими, и финансовою поддержкою для восстановления России. Никакого вмешательства во внутренние русские дела, дружеское соглашение относительно Польши, Литвы и Курляндии, принимая в соображение соотношение народов. Возвращение занятых территорий, взамен возвращения Россиею занятых австрийских провинций. Я убежден, что Германия и ее союзники немедленно начали бы мирные переговоры по желанию союзников России. Относительно целей войны прочтите сообщение «Норддейтше Цейтунг», где, в согласии с Асквитом, утверждается относительно аннексий, что Германия не хотела бы никакого приращения территории с целью увеличения или расширения экономического или политического».

В то же время русский поверенный в делах в Париже извещался министром [3]): «Благоволите через специального курьера доставить поверенному в делах в Берне следующую телеграмму: «Из совершенно секретного источника нам удалось ознакомиться с телеграммою, отправленною федеральным советником Гофманом швейцарскому посланнику в Петрограде. Последнему поручалось передать словесно находящемуся здесь Гримму предлагаемые Германией России мирные условия. В целях разоблачения истинной роли Гримма, пользующегося в наших социалистических кругах широкою популярностью, я, по соглашению с Альбером Тома, признал полезным, чтобы телеграмма Гофмана была предана гласности в Стокгольме с указанием, что таковая добыта секретным путем в Берне. Об изложенном предупреждаю вас строго доверительно. В случае, если бы после опубликования сказанной телеграммы в Стокгольме к вам были обращены запросы по настоящему делу, вам следует отвечать уклончиво, отнюдь, однако, не отрицая подлинности телеграммы и стараясь, наоборот, создать впечатление, что таковая, действительно, могла быть получена в Берне. *Терещенко*».

С согласия английского и французского дипломатических представителей телеграмма Гофмана предается министерством гласности, виновник же торжества — высылке из пределов России.

Телеграммою от 4/VI 1917 г. за № 2614 министр ин. дел извещал российских представителей в Париже и Стокгольме: «Дело о высылке Гримма произвело большое впе-

---

[1]) Секр. тел. Доливо-Добровольского в Стокгольм от 7/V 1917 г. № 2061.

[2]) Телеграмма имеет следующий заголовок: «Политический департамент, г-ну Одье. Берн. 23/V (5/VI) 1917 г.».

[3]) Телеграмма отправлена была министерством ин. дел 31/V 1917 г. № 2496.

чатление. Сторонники Циммервальда смущены тем обстоятельством, что Гримм недостаточно резко осудил происки Германии, в вопросе же о роли Швейцарии занял недопустимую для интернационалиста позицию. Тем самым, раз швейцарское правительство сочло возможным обратиться к нему с предложением, исходящим от Германии, а он не мог отмежеваться в полной мере от своего правительства, получается, несмотря на все отговорки, впечатление связи его, хотя бы косвенной, с Германией. Умеренная печать, радуясь его высылке, открыто называет его германским агентом. Социалистическая печать либо замалчивает инцидент, либо, не соглашаясь с необходимостью высылки, все же осуждает Гримма. Весьма знаменательным является вчерашнее заседание Всероссийского Съезда Сов. Раб. Деп., впервые собравшего в Петрограде представителей всех местных Сов. Раб. Деп. Несмотря на выступления большевиков, требовавших осуждения действий министров-социалистов в деле Гримма, прошла резолюция, выражавшая им одобрение большинством 640 против 120 голосов. Этим первым своим голосованием Всероссийский Съезд Сов. Раб. Деп. сразу твердо стал на национальную почву,— факт в высшей степени знаменательный и значение которого для будущего является исключительно важным. На него можно будет указывать каждый раз, когда за границей будут возникать слухи о стремлении России к сепаратному миру. В общем, можно рассчитывать, что разоблачение Гримма нанесло сильный удар Циммервальду и открыло глаза многим, слепо доверявшим ему организациям. *Терещенко».*

В связи с этим намечалось развитие недипломатической работы ведомства ин. дел, и Берн становился центром его внимания: «Нами организуется в Стокгольме контр-разведка, — сообщал министр ин. дел в начале июня поверенному в делах в Берне [1]), — имеющая целью обнаружение путей и средств, коими пользуются немцы для пропагандирования в России идей об окончании войны.

Особое внимание предполагается, между прочим, обратить: 1) на пропаганду через отпускаемых военнопленных и эмигрантов, 2) на переводы денег из Германии и нейтральных стран в Россию, часть коих, по всей видимости, предназначена на пропаганду. Представлялось бы крайне важным организовать подобную же разведку и в Швейцарии. Прошу вас сообщить заключение о том, считаете ли вы возможным взять на себя организацию сказанного, дела на каких основаниях, и какие средства оказались бы для сего необходимыми. *Терещенко».*

Дело образования контр-разведывательного органа оказалось далеко не простым. Ответ, полученный министерством из Берна, гласил [2]): «Весьма доверительно. От Мандельштама: В ответ на вашу телеграмму за № 2628 считаю долгом представить нижеследующие предварительные соображения относительно организации контр-разведки для обнаружения путей и средств, коими пользуются немцы для своей пропаганды в России: что касается русских военнопленных, то, как известно, в Швейцарию попадают только те из них, которые бежали из плена. Они являются к нашему военному агенту, заботами которого отправляются на родину. Допрос этих солдат касательно немецкой пропаганды в лагерях предпочтительно оставить в ведении военного агента и военных властей в России. Что же касается раскрытия интриг немцев среди русских эмигрантов в Швейцарии, то не исключена возможность содействовать обнаружению нитей германской пропаганды путем расширения круга деятельности моих обычных агентов и увеличением

---

[1]) Секр. тел. Терещенко поверенному в делах в Берне от 6/VI 1917 г. № 2628.

[2]) Секр. тел. Ону от 13 (26)/VI 1917 г. № 467.

числа их. Но вполне успешная организация такой контр-разведки предполагает также прочные связи в самой эмигрантской среде, коими я лично не обладаю. Я могу, однако, указать на лицо, имеющее там такие связи и способное оказать услуги в желательном направлении, а именно на директора здешнего агентства русской прессы, корреспондента «Речи» Викторова-Топорова, лично известного П. Н. Милюкову. В виду сказанного, прежде чем дать окончательное заключение по настоящему доверительному делу, считаю долгом просить вашего разрешения на обсуждение его с Г. Н. Викторовым. *Ону*».

Организация контр-разведки происходила, как видим, при преемнике Милюкова, на долю которого выпадала, таким образом, немалая тяжесть в деле продолжения традиций своего предшественника. Уход Милюкова из состава Временного Правительства расценивался Бьюкененом как определенная «потеря», ибо это был уход человека «с здоровыми взглядами по вопросу о войне». Утешением для английского дипломата должно было служить то обстоятельство, что в связи с этим вопрос о Константинополе и проливах терял свою остроту. Еще в беседе с Бьюкененом 23/IV Терещенко критиковал навязчивую идею своего предшественника об аннексии Константинополя, отмечая, правда, при этом существование у России жизненных интересов в Армении и Курдистане. Бьюкенен-мемуарист говорит об этом новом обстоятельстве как об определенном «выигрыше»; к Терещенко же, которого он считал «склонным к излишнему оптимизму», относился, как к лицу, вполне приемлемому, который сумеет, к тому же, играть роль «посредника между буржуазией и демократией» [1]).

Заметим кстати, что другой мемуарист, один из виднейших членов к.-д. партии, В. А. Маклаков, назначенный впоследствии Временным Правительством на должность русского посла в Париже, набрасывая характеристику демократического министра ин. дел, признает, что все, сделанные последним, уступки были скорее формальными уступками, чем «уступками по существу», — он признает даже, что, «когда его [Терещенко] обвиняли в саботировании политики советов, его обвинители были не совсем неправы» [2]).

В двадцатых числах мая обновленное министерство посылает по адресу оставшихся на местах старых членов инструкцию, составленную в духе, для последних достаточно понятном [3]).

«Временное Правительство постановило предписать российским заграничным установлениям руководствоваться в деле водворения политических эмигрантов следующими дополнительными указаниями:

1) Политические эмигранты, заявляющие о намерении возвратиться на родину через Германию, не должны рассчитывать на оказание им какого бы то ни было денежного пособия.

2) Заграничные установления отказывают таким лицам также и в выдаче и визе паспортов. Благоволите сообщить вышеизложенное постановление Временного Правительства консулам и о получении настоящей телеграммы телеграфируйте. *Доливо-Добровольский*».

Такой юридически и дипломатически небольшой вопрос, как вопрос о возвращении русских эмигрантов, являлся своеобразным барометром, отмеча-

---

[1]) Дж. Бьюкенен. «Мемуары дипломата», стр. 209.

[2]) «Revue de Paris», № 22. 1924. 15/XI, ст. В. А. Маклакова — «La Russie de 1900 à 1917», стр. 282.

[3]) Телеграмма Доливо-Добровольского российским посольствам и миссиям за границею от 27/V 1917 г. № 2446.

вшим те или иные реакции, протекавшие в недрах руководящих органов «революционной демократии».

В двадцатых числах июля, «в связи с чрезвычайными обстоятельствами и по соображениям настоящего времени», по требованию военного министра Керенского, «льготный порядок выдачи паспортов на въезд в Россию нашим политическим эмигрантам» отменяется совершенно [1]).

Это относится к моменту, граничащему с кануном первой вспышки гражданской войны, и появление такой исходящей от дипломатического ведомства директивы тогда будет вполне естественным и закономерным. Но и до того, в период относительного затишья, центральное дипломатическое ведомство продолжало свою незаметную, но не лишенную политического значения работу, прежде всего работу по формированию западно-европейского «общественного мнения».

Следует отметить, что вопрос об обработке этого общественного мнения возникает именно при Терещенко, который начинает снабжать своих представителей за границей систематическою информацией о внутреннем положении России.

Приведем несколько образчиков этой информационной литературы, из которой вырисовывается попутно общий политический облик ее автора.

Отмечая скрупулезно все факты, свидетельствовавшие об укреплении власти Временного Правительства, сообщая о предпринятой Керенским на фронт поездке, носящей триумфальный характер, в своей телеграмме от 19/V 1917 г. за № 2308 на имя посла в Париже, министр сообщал:

«Поездка Керенского на фронт носила триумфальный характер и дала уже заметные результаты. Начальники доносят, что приезд пришелся во-время и произвел перелом настроения в армии. Брусилов сообщает, что наступление его задержано преимущественно недочетами продовольствования, необходимостью пополнения. Щербачев доносит, что его армия приходит в порядок. Заметно также улучшение настроения на севере. Драгомиров сообщает, что XII-я армия, бывшая в состоянии разложения, возвращается к дисциплине, тоже V-я армия. В тылу, вследствие выступлений Керенского и его мер, ведется энергичная борьба с дезертирами с видным участием солдатских комитетов. Ловля дезертиров идет всюду, опасность от них железнодорожному движению почти устранена. В Киеве, где дезертиры оказали сопротивление, они были усмирены войсками и милицией. В Севастополе конфликт улажен, Колчак остается на посту. Настроение петроградского гарнизона продолжает быть апатичным, но наблюдается восстановление дисциплины, случаи отдачи чести. Хорошее впечатление произвело назначение помощником главнокомандующего Кузьмина, революционное прошлое которого позволяет ему ставить категорические требования солдатам. В Гельсингфорсе и Ревеле флот приходит в порядок, восстанавливаются отношения с офицерами. Исключением является Кронштадт, не признающий власти правительства, где матросы держат в заключении в тяжелых условиях 86 офицеров. Ожидается приезд Керенского для решения дальнейших мер в Кронштадте. В Петрограде большевики продолжают кампанию против правительства, ведут кампанию на заводах за перевыборы Совета Рабочих Депутатов, чему Совет противится. В последнее время заметно некоторое расхождение в настроениях Совета Рабочих Депутатов и Совета Крестьянских Депутатов. Это видно

[1]) Телеграмма Петряева росс. посольствам и миссиям за границею от 22/VII 1917 г. № 3309.

из различия текстов первых пунктов резолюций о войне Советов, сообщенных вам «Вестником». Недавно Совет Рабочих Депутатов предложил слиться в общий совет: крестьяне ответили, что согласны лишь на основе пропорциональности, что смутило Совет Рабочих Депутатов, в виду того, что крестьяне представляют 95% населения и поглотили бы рабочих. В виду толков о речи Чернова, заявившего, что пора прекратить призывы к армии штатских крикунов, что было понято как выпад против Керенского, я заявил в заседании правительства, что такие выступления в неудачной передаче и истолковании подрывают мою работу и возбуждают недоумение за границей. Чернов опроверг приписанный смысл и объяснил, что имел в виду безответственных штатских правых и левых, вмешивающихся в дела армии без понятия стратегии, но, во всяком случае, не представителей Правительства. По вопросу о мире продолжается кампания интернационалистов. Считаю правильным, не конкретизируя положительную часть нашей формулы, особенно настаивать на отрицательной части, имеющей в виду недопущение явных и скрытых аннексий Германии. *Терещенко*».

29 мая, несмотря на значительно осложнившееся положение внутри, в порядке такой же информации, Терещенко писал [1]):

«В настоящее время все яснее становится расхождение между группой, включающей меньшевиков и эсэров, и большевиками, к которым примыкает небольшая группа крайних интернационалистов из других партий. Большевики несколько усилились, так как к ним примыкают все элементы беспорядка, но зато происходит во всей стране постепенная их изоляция и обострение отношения к ним населения и других партий. С этой точки зрения чрезвычайно важен вопрос о Кронштадте, так как это организованный центр большевизма, откуда в армии и по всей России рассылаются агитаторы. В виду роста анархии, самосудов, неподчинения властям, в некоторых случаях захватов власти на местах самочинными организациями, а также преступных действий некоторых офицеров и солдат, призывающих армию открыто к неповиновению, правительство вступило на путь решительной борьбы с такими явлениями, что видно из ряда актов, вам ранее сообщенных. Вслед за ними последует новый ряд мер, при чем предположено возбудить судебное преследование против всех преступников и пользоваться гласностью процессов для указания общественному мнению на гибельность в настоящее время действий, дезорганизующих страну и грозящих всему делу революции. Оберегая полную свободу слова, правительство примет все доступные ему в пределах закона меры пресечения для каждого конкретного случая. В армии, как это указывает опубликованное донесение с румынского фронта, решительная борьба с неповиновением частей протекает успешно, и следует в особенности отметить ожесточенное отношение войск к зачинщикам противоправительственных выступлений. *Терещенко*».

Факт образования коалиционного правительства вселяет в министра максимум оптимизма, омрачаемого несколько лишь наблюдениями над фактами экономики. Телеграмма его от 1/VI 1917 г. за № 2522 на имя посла в Вашингтоне, предназначенная к осведомлению американских капиталистов, гласила:

«Образование коалиционного правительства совершенно изменило положение Временного Правительства, обеспечив ему поддержку Сов. Раб. Деп., представители которого в лице министров-социалистов вошли в состав власти. Благодаря этому исчезло двоевластие, бывшее при первом составе правительства.

[1]) Тел. Терещенко послу в Париже и посланнику в Стокгольме от 29/V 1917 г. за № 2471.

Общее распределение партий сейчас следующее: министерство поддерживают кадеты, народники, эсэры и меньшевики. Против правительства выступают одни большевики, несколько усилившиеся за последнее время в виду приезда некоторых эмигрантов, а также присоединения к ним элементов беспорядка. Однако надо отметить здоровую реакцию в стране против большевиков, постепенно охватывающую все партии.

На выборах в районные думы Петрограда первое место принадлежит блоку социалистов-народников и меньшевиков, кадеты занимают второе место, большевики—последнее. Во внутренней политике замечается в связи с распространением анархии, возрастающее сознание необходимости власти. Правительство, пользуясь этим настроением, переходит к решительным мерам, проводимым твердо при полном уважении к началам свободы. В вопросе Кронштадта такая политика правительства увенчалась успехом; там наступило успокоение; посланная правительством следственная комиссия приступила к расследованию дела арестованных офицеров.

Во внешней политике главными моментами являются известные вам из телеграмм декларации нового правительства, мое интервью с заявлением программы и недавно опубликованные ноты союзников, отвечавшие на нашу декларацию. Несмотря на протест большевиков и критику интернационалистов, общее отношение нашего общественного мнения к этим ответам сравнительно спокойное. Тем не менее приходится считаться с сильными интернационалистическими настроениями, и нередко нападки на союзников затрудняют нашу задачу. В частности, нужно отметить, что американская нота также подверглась критике в крайней левой печати. Направление внешней политики находится в тесной зависимости от состояния армии и возможности наступления. Поездки Керенского и принятые им меры произвели большое впечатление; можно считать, на фронте идет процесс оздоровления армии. Из принятых мною мер следует отметить закон, карающий дезертирство лишением права земли и каторжными работами. В борьбе с дезертирством принимают деятельное участие солдатские комитеты. Рядом с этим смещение генералов, расформирование полков, оказывающих неповиновение, привлечение к суду за воинские преступления. В общем, военный министр бодро смотрит на будущее армии. В некоторых частях фронта отмечается особенный патриотический подъем. Экономическое и финансовое положение продолжает быть тяжелым. Промышленный кризис, вызвавший отставку Коновалова, трудно разрешим вследствие чрезмерных ожиданий рабочих в отношении повышения платы. Намечается путь разрешения посредством урегулирования производства государством по примеру других воюющих стран.

Для нужд казны, находящейся вследствие больших эмиссий в трудном положении, предполагается обложение военной прибыли, а также повышение ставок прогрессивного, подоходного и введение поимущественного налогов.

Для вашего личного сведения считаю долгом сообщить: общие причины, вызвавшие уход Коновалова, не затрагивают вашего положения как товарища министра. Причины его ухода не чисто-политические, а финансово-политические, связанные с тяжелым экономическим положением, и начавшиеся против Коновалова решительные нападки из промышленной среды. По моим впечатлениям, экономический кризис, являющийся естественным последствием политического переворота, даст остро себя чувствовать еще два или три месяца. Поэтому временная приостановка промышленного расширения не должна останавливать наших шагов, направленных к привлечению иностранных капиталов и подготовительных шагов к будущему развитию. О финансовом положении вам посылается отдельная подробная телеграмма. Мне представляется, что в переговорах

нам оказывается косвенное противодействие английским финансовым представителем Левером [sic!], затрудняет также отсутствие точных указаний и неполная осведомленность Ону. Вчера приехала комиссия Рута, встреченная достаточно торжественно. Сегодня состоится представление Временному Правительству. Общественное мнение оставляет миссию почти без внимания. *Терещенко*».

Тем же оптимизмом проникнуто и сообщение Терещенко от 7/VI, где он, в частности, дает не лишенную пикантности характеристику роли министров-социалистов [1]):

«Самым важным явлением в общей политической обстановке следует считать образование в стране и в общественных организациях сильного и сплоченного большинства, на которое может опираться правительство. В смысле партийном большинство это состоит из большей части народнических групп и из большей части меньшевиков. Против выступают большевики, эсэры-интернационалисты и меньшевики-интернационалисты. Кадеты также поддерживают правительство, хотя не согласны со многими его мерами. Платформа, объединяющая правительственное большинство во внешней политике, заключает в себе требование мира при сохранении полного единения с союзниками, на основании самоопределения народов без захватов с чьей бы то ни было стороны, что исключает осуществление планов германского империализма, в отношении войны — реорганизация армии и готовность наступать, в экономической жизни — регулирование производства по примеру других воюющих государств, в аграрной области — подготовление организованного перехода земли к крестьянам, в отношении управления — в создании на местах самоуправления, а в центре—сильной власти. Все политические факты последнего времени указывают на усвоение большинством этой программы и на дружное ее отстаивание от покушений справа и слева. Таковы резолюции Советов Рабочих Депутатов и Крестьянских Депутатов, а также других организаций. Выборы в районные думы в Петрограде дали большинство сторонникам этой программы. В настоящее время обнаружилось, что голосования Съезда Советов Рабочих Депутатов и общее его настроение соответствует вполне этому направлению, что чрезвычайно важно, так как правительство может опираться на эту организацию, имеющую всероссийский характер и пользующуюся безусловным авторитетом. Посредниками между организованной в таком виде демократией и правительством являются министры-социалисты, в особенности Церетелли и Скобелев, весьма умело приноравливающие программу большинства к требованиям практической государственности; в частности по вопросам внешней политики все яснее сказывается разумное и практическое отношение наших социалистов к тем объективным фактам, с которыми нужно считаться при осуществлении революционных лозунгов. Можно надеяться, что дело Гримма сыграет известную роль в отрезвлении наших интернационалистических кругов и внушит им подобающую осторожность к происках Германии. Во внутренней политике министры-социалисты так же, как и все министерство, являются сторонниками сильной власти и решительных действий против дезорганизующих сил. Но нужно признать, что применение силы допускается революционным сознанием в крайних случаях, и потому, чтоб не разойтись с общественным настроением, правительство пытается во всех случаях находить мирный исход конфликтов. Однако участившиеся проявления чистой анархии, нередко в уголовных формах, создают настроение, при котором все яснее делается опасность их для страны и революции и необходимость

[1]) Секр. тел. Терещенко российским представителям в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Стокгольме от 7/VI 1917 г. № 2650.

твердого их пресечения. Таким образом, в общем, можно сказать, что происходит медленное укрепление власти как в области политической, так и в области управления. *Терещенко*».

Старания министров-социалистов, направленные к поддержанию гражданского мира во что бы то ни стало, неизменно разбивались, между тем, все выше вздымавшимися волнами классовой борьбы. 10 июня Терещенко вынужден был констатировать [1]):

«Из последних резолюций Съезда Советов Рабочих Депутатов, сообщенных «Вестником», видно, что Съезд во всех вопросах поддерживает правительство. Большой успех имело вчерашнее выступление Керенского, в котором он отвечал Ленину выдержками из радиограммы Леопольда Баварского. Последние дни настроение в Петрограде было довольно тревожным в виду, с одной стороны, усиленной агитации анархистов, с другой—слухов о готовящихся якобы контр-революционных выступлениях. Слухи эти были связаны с заявлениями членов Думы, казачьего съезда и т. п., что не отвечает фактам. Отношение Думы к событиям не изменилось, и решение, принятое по отношению к ней Советом Рабочих Депутатов, есть лишь констатирование положения, наступившего фактически вследствие революции. Казачий съезд отражает, несомненно, умеренное настроение казачества, всецело вместе с тем стоящего на почве подчинения правительству. Вчера агитация крайних элементов завершилась решением большевиков устроить сегодня манифестацию против «начинающейся контр-революции» с участием рабочих и некоторых войсковых частей. Попытка эта, носившая явно противоправительственный характер, встретила самый решительный отпор со стороны правительства, объявившего, что всякая попытка насилия будет пресекаться всею силою государственной власти. Совет Рабочих Депутатов, со своей стороны, после выхода большевиков, единогласно вынес постановление, решительно осуждающее предполагавшееся выступление, обратился с воззванием к населению и войскам не участвовать в демонстрации и запретил на три дня всякие манифестации. В результате большевики отменили свое решение. Событие это можно считать большим моральным успехом правительства и поддерживающего его большинства. *Терещенко*».

Когда через неделю (18/VI) намеченная большевистскою фракцией Съезда манифестация все-таки состоялась, и принятые ею размеры оказались грозно-симптоматичными, склонный к «излишнему оптимизму» министр счел возможным очередной своей информации за границу дать следующую редакцию [2]):

«Вчерашняя манифестация, несмотря на обилие большевистских плакатов, по общему мнению, разделяемому лидерами демократии, считается неудавшейся. Отношение населения было явно неприязненным. Умеренные социалисты в шествиях почти не участвовали. Сегодня известие с фронта возбуждает всюду бодрое настроение. На улицах организуются патриотические манифестации. На Невском качали французских офицеров. Во многих местах толпа арестовала лиц, говоривших против войны. Большое впечатление производит состоявшийся ночью арест анархистов на даче Дурново, освободивших перед этим из тюрьмы нескольких преступников, среди которых находился поручик Хаустов, обвиняемый за пропаганду неподчинения на фронте. Большинство освобожденных арестовано вместе с анархистами. Войска были крайне озлоблены против нарушителей порядка и с трудом сдерживались начальством. Съезд Сов. Раб. Деп. нахо-

---

[1]) Тел. Терещенко послам в Париже и Вашингтоне от 10/VI 1917 г. № 2702.

[2]) Тел. Терещенко в Париж и Вашингтон от 19/VI 1917 г. № 2815.

дится под впечатлением наступления и победы, при чем отмечается, что наступление начала VII-я армия, от имени которой якобы говорил на Съезде большевик Крыленко, заявляя, что она наступать не будет. В общем, положение благоприятно для проведения твердой политики, хотя можно ожидать некоторых эксцессов в виду агитации, которая ведется большевиками на окраинах. *Терещенко*».

21 июня тот же министр-оптимист писал [1]):

«Успешное наступление производит свое действие в стране. В Съезде Сов. Раб. Деп. и Сов. Крест. Деп. большой подъем. Отрицательное отношение большевиков и кучки меньшевиков-интернационалистов резко осуждается большинством. В некоторых группах — изменение настроения в благоприятном смысле. Так, эсэры вынесли постановление против всяких попыток дезорганизации в настоящий момент. Их лидер Чернов выступил на Съезде с несколькими речами, в которых энергично защищает необходимость наступления и борьбы с анархией. Поддержка Черновым наступления объясняется, между прочим, разочарованием его в возможности для немецких социалистов принять нашу программу; министры-социалисты за свои последние выступления подвергаются резким нападкам большевиков, называющих их социал-империалистами и приравнивающих их к Л. Джорджу и Плеханову. Сами большевики сейчас в трудном положении вследствие наступления и действий анархистов, компрометирующих их связью с уголовными преступниками и шпионами. Не выступая открыто против наступления, большевики стараются внушить недоверие к его целям. Во внутренней политике они заявляют, что сейчас против открытых выступлений. Они признают, что страна идет за эсэрами и меньшевиками, при чем считают, [что] органы последних, Сов. Раб. Деп. и Сов. Крест. Деп., представляют интересы не пролетариата, а мелкой буржуазии. Все надежды возлагают на петроградских рабочих, показавших им будто бы 18 июня свое сочувствие. Надеются достичь цели постепенным разоблачением деятельности правительства. За последние дни в некоторых заводах и частях войск происходила агитация за свержение правительства, при чем организация большевиков в ней не участвовала. Большинство войск в Петрограде относится к такой агитации отрицательно и всецело доверяет Сов. Раб. Деп. Некоторые части озлоблены против анархистов. Несмотря на такие благоприятные признаки, столкновения и эксцессы всегда возможны, так как масса не всегда сдерживается организациями и может быть увлечена темными силами. Правительство готово на все. Вполне сознавая предстоящие трудности, оно черпает силы в растущем патриотическом порыве населения и в сознании достигнутых уже успехов, несмотря на все пессимистические предсказания. *Терещенко*».

В цитированной информации любопытно, во всяком случае, признание автора в том, что оппозиционное движение в массах нарастало даже помимо агитации большевиков.

Дальнейшее развитие событий внутри страны приведет к тому, что бодрость духа и уверенный тон министра подвергнутся быстрому и окончательному полинянию.

Уже его сообщение от 26/VI гласило [2]):

«Общее положение сейчас неопределенное. Наступление наше продолжается, хотя встречает большие трудности в сопротивлении неприятеля, а также в организации на

---

[1]) Тел. министра ин. дел послам в Париже, Вашингтоне, Токио и посланнику в Стокгольме от 21/VI 1917 г. № 2849.

[2]) Секр. тел. послам в Токио, Вашингтоне, Париже и посланнику в Стокгольме от 26/VI 1917 г. № 2935.

новых началах армии. Главную цель его — стратегическую — удержать на нашем фронте неприятельские войска — и политическую — создать психологический перелом в нашем отношении к войне можно считать достигнутой. Активность наша на фронте в ближайшее время не ослабеет. Сейчас в Петрограде некоторое успокоение. Большевики несколько изменили свою тактику, отмежевываются от анархистов и даже осудили некоторые крайние выступления. вызванные большевистской пропагандой, как, например, избиение на фронте делегатов Сов. Раб. Деп. Однако большинство относится к этому с недоверием и считает, что крайние партии лишь выжидают минуту для выступления. Анархические элементы здесь и в Кронштадте сильно шумят по поводу ареста на даче Дурново, но, повидимому, чувствуют себя изолированными. В полках гарнизона настроение изменчивое. Однако достигнуты некоторые успехи. Маршевые роты отправляются на фронт, в том числе худший полк, пулеметный, отправляет 500 пулеметов. Правительство, кроме общих дел, занято сейчас срочными вопросами — украинским и финляндским. Для выяснения первого выезжает в Киев делегация министров с широкими полномочиями в составе Керенского, Церетелли и меня. Финляндский вопрос обострился вследствие отказа сейма в валютном вопросе дать нам заем. В виду неотложности платежей в Финляндии и тревожного настроения находящихся там войск вследствие отсутствия размена, можно ожидать больших осложнений. Итти на крайние средства, в роде установления принудительного русского курса, правительство не хочет, ибо это вызвало бы конфликт с Финляндией, и, может быть, восстание. Надеюсь уладить дело посредством финансовой комбинации с Америкой. Считаю нужным, чтобы вы были осведомлены в этом вопросе о том, что с нашей стороны делаются все попытки, вплоть до самых больших уступок, чтобы сохранить добрые отношения с Финляндией. Последняя же, к сожалению, проявляет крайнюю несговорчивость во всех делах, как будто провоцирует безвыходное положение. *Терещенко*».

Временное Правительство действительно стояло в это время перед крупными осложнениями в украинском вопросе и ждало, в связи с валютными делами, еще бо́льших осложнений в вопросе финляндском.

Весьма характерно намерение Терещенко «уладить дело посредством финансовой комбинации с Америкой».

Мысль о разрешении национального вопроса путем обращения к американскому капиталу, разумеется, была вполне естественна для министра, который был призван, по выражению Бьюкенена, быть «посредником между буржуазией и демократией». Эта роль посредника и примирителя интересов международного капитала и российской «революционной демократии» налагала отпечаток на всю организационную работу его в пределах вверенного ему ведомства.

При расходовании главной ведомственной энергии на работу по разоблачению циммервальдизма и борьбе с большевизмом ни о какой радикальной чистке затхлого дипломатического аппарата не могло быть и речи. Дипломатический центр продолжал быть носителем славных традиций царской «тайной» дипломатии, аппараты же дипломатических представительств на местах служили прямыми очагами для подымавшей за границею свою голову российской контр-революции. Известно, что в здании русского посольства в Париже резидировал орган заграничной агентуры министерства внутренних дел. Еще в телеграмме от 10 марта за № 205 Извольский, признавая те неудобства, какие, при сложившейся конъюнктуре, могли для нее проистечь от подобного рода сожительства, писал:

«... При нынешних обстоятельствах оставление сказанной агентуры в посольском здании более чем когда-либо нежелательно и компрометирует посольство в глазах французского правительства и общественного мнения. Поэтому, дабы предотвратить могущие возникнуть, вследствие хорошо известного вам характера деятельности агентуры, инциденты, я решил ныне же и не ожидая особых инструкций прекратить доступ в посольство личного ее состава и самое помещение, со всем находящимся в ней делопроизводством, запереть на ключ и опечатать печатями посольства и агентуры впредь до дальнейших ваших распоряжений. По заявлению исполняющего должность начальника агентуры в помещении ее не имеется никаких денежных сумм, ибо таковые хранятся в банке. *Извольский*».

В начале апреля министерством были получены сведения о продолжающемся контакте парижского дипломатического представительства с чинами старой охранки. Телеграммой от 4 апреля за № 1485 Милюков запрашивал Извольского:

«По полученным министерством сведениям, посольством в Париже было выдано бывшему агенту министерства внутренних дел Красильникову 50.000 франков. Благоволите сообщить обстоятельства этого дела. *Милюков*».

Извольский категорически отрицал полученные в министерстве сведения и решительно отклонял мысль о каком-либо касательстве его к денежным делам агентуры. Он отвечал телеграммою от 6 апреля за № 293 следующего содержания:

«Ссылаюсь на вашу телеграмму за № 1485. Упомянутые в ней сведения—чистейшей вымысел. Посольство никогда никаких денежных выдач Красильникову не производило. Как вам известно из моей телеграммы № 205, в момент наложения печатей на помещение бывшей агентуры управляющий оною заявил, что в сказанном помещении не находилось никаких денежных сумм, ибо таковые хранятся в банке, при чем не указал их размера. Могу лишь присовокупить, что денежные дела агентуры, которая никогда не была мне подчинена, мне совершенно неизвестны, и что я не имел и не имею к оным никакого касательства. *Извольский*».

Известная доля истины в полученных министерством сведениях, безусловно, имелась. Это признавал сам Извольский в своей телеграмме от 16(29) апреля за № 338:

«Ссылаюсь на мою телеграмму № 283 [1]) и на вашу телеграмму № 1485. По наведенным справкам оказалось, что сумма около 50.000 была выдана Красильникову приблизительно месяц тому назад военным агентом графом Игнатьевым согласно особому поручению кредитной канцелярии. *Извольский*».

Командированный в мае месяце за границу для ликвидации заграничной агентуры департамента полиции С. Г. Сватиков, ознакомившись на месте с деятельностью и личным составом русских дипломатических представительств, приходил к определенному выводу о теснейшей связи заграничного дипломатического аппарата Временного Правительства со старым аппаратом охранки и гнездившимися в нем и вокруг него силами черной сотни. В своем специальном докладе [2]) Временному Правительству он предупреждал последнее о непосредственной, грозящей отсюда опасности.

Не приходится задумываться над вопросом о том, какие меры приняло правительство Керенского по указанному докладу, препровожденному в министерство ин. дел только 18 октября.

---

[1]) В оригинале очевидная ошибка: нужно не «283», а «293».

[2]) Печатается ниже.

Дело окончательной ликвидации русской заграничной политической агентуры, а вместе с тем старого аппарата русского дипломатического представительства за границей, а вместе с тем и авгиевых конюшен самого центрального дипломатического ведомства выпало на долю правительства, возглавлявшегося человеком, имя которого столь долгое время служило предметом складывавшихся в недрах министерства ин. дел легендарных сказаний и объектом для провокационной работы дипломатическо-охранических органов русского и международного империализма.

А. Попов.

II.

Доклад Временному Правительству комиссара Временного Правительства С. Г. Сватикова о контр-революционном движении за границей [1]).

Весьма секретно.

Приглашенный 18 марта с. г. министром-председателем, князем Г. Е. Львовым, для организации, на место уничтоженного департамента полиции, главного управления по делам милиции, я был занят в течение 2-х месяцев организационной работой по созданию этого нового учреждения. Однако вопросы обеспечения безопасности вновь установленного государственного строя, пришедшего на смену старого лже-конституционного порядка, занимали меня, по необходимости, с первого же момента вступления в управление вновь созидаемым ведомством. С первых же дней революции вновь установившемуся государственному строю стали угрожать анархические течения слева, и лишь постепенно, мало-по-малу, стали намечаться опасности, грозившие новому порядку вещей со стороны контр-революции.

Несомненно, что главной причиной, создающей реакцию, являются крайности революции, выразившиеся в росте повсеместной анархии, взрыве эгоистических классовых и национальных групповых вожделений, и многие другие обстоятельства. Несомненно также, что династия Романовых может считаться навсегда похороненной. Но ни в коем случае не следует закрывать глаза на рост общеполитической реакции в России, а также на несомненный рост и развитие контр-революционного и даже царистского движения, доходящего в некоторых местах до требований не только восстановить старый порядок, но и династию Романовых.

Командированный 17 мая с. г. за границу с особым поручением Временного Правительства, заключавшимся в том, чтобы расформировать в окончательном виде заграничную политическую агентуру департа-

---

[1]) Копия доклада С. Г. Сватикова хранится в Архиве Внешней Политики за № 1336 по Секретному Архиву министра, в папке, имеющей заголовок: «Особые дела 1917 г. 25—28. № 360» Доклад был прислан Сватиковым в министерство ин. дел при отношении на имя министра от 18/X 1917 г. за № 201.

мента полиции и произвести полное расследование ее деятельности, путем допроса штатных чинов и так называемых «секретных сотрудников» заграничной политической агентуры, я должен был также, по особому поручению г. министра-председателя, выяснить связь между работою старой охраны — с одной стороны, и наших контр-разведочных организаций — с другой стороны, и, далее, установить, как велика была помощь, оказываемая охране со стороны представителей дипломатического ведомства за границей. Благодаря столь широкому объему моей задачи, мне пришлось войти в обсуждение и заняться расследованием вопросов, касающихся развития контр-революционного движения за границею. Ряд сведений об этом движении был получен мною от представителей нашей военной контр-разведки за границей (в частности от графа Павла Игнатьева в Париже и генерала С. А. Голованъ в Берне), от представителей английской и французской контр-разведки, официозным путем из кругов министерства иностранных дел в Париже, от английских дипломатов и, наконец, от представителей русской политической эмиграции в Швеции, Норвегии, Англии, Франции, Италии и Швейцарии. Не все сведения, полученные мною, проверены в достаточной степени, но большинство этих негласных сведений является вполне достоверным.

Резюмируя эти сведения, необходимо сказать, что контр-революционное движение за границей, несомненно, существует и выражается в формах гораздо более крупных, чем этого можно было бы ожидать на первый взгляд. Контр-революционные центры существуют в Стокгольме, Лондоне, Ницце, Риме, Неаполе и особенно в Швейцарии. Контр-революционные организации находятся в настоящее время в периоде своего создания и взаимного сближения. В них принимают участие лица, занимавшие видное положение в среде бюрократии старого режима, а также, несомненно, многие лица, состоящие в настоящее время на службе Временного Правительства, но назначенные при старом режиме.

Первый пункт, в котором скопляются добровольно уехавшие или бежавшие от революции элементы, есть Стокгольм. Здесь эти лица, как и в Швейцарии, вступают в тесное общение с представителями международной шайки аферистов, работающей в Швеции, а через них и с несомненными германскими агентами. На это обстоятельство обратил мое внимание видный английский дипломат, узнавши в разговоре о характере моего поручения. Второй пункт, где происходит формирование контр-революционной организации, есть Лондон. Один из контр-революционных кружков группируется около представителей семьи Романовых, проживающих в этом городе. Этот кружок стоит, несомненно, в тесных сношениях с Россией через одно иностранное посольство как в Лондоне, так и в Петрограде, представляющее собой нейтральную, пограничную с Россией страну. Во всяком случае, я утверждаю, что Романовы и их друзья в Англии регулярно получают письма, минующие всякую цензуру, от многочисленных Романовых

из России. Один из планов реставрации Романовых в России, обсуждавшийся усиленно в лондонском контр-революционном кружке, заключался в возведении на престол великого князя Дмитрия Павловича, которого считали из всех Романовых наиболее пригодным для этой цели потому, что участие его в убийстве Распутина и наложенная на него за это Николаем II кара создали, по мнению лондонского кружка, великому князю Дмитрию Павловичу громадную популярность в среде народа и особенно в среде солдат. По негласным сведениям из означенного кружка, усиленную деятельность, в смысле пропаганды среди солдат и офицеров, проявлял весною и летом князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон. В августе месяце, в момент корниловского выступления, в том же лондонском кружке появились надежды даже на реставрацию Николая II.

Очень сильным контр-революционным центром является Париж. Здесь, кроме бывших представителей правящего сословия старой России, принимают участие в контр-революционных кружках видные представители банковского мира и даже некоторые представители дипломатического ведомства. К последним, согласно доклада графа Павла Игнатьева, относятся: 1) секретарь посольства, в звании камергера, действительный статский советник Владимир Михайлович Горлов и 2) состоящий при посольстве коллежский асессор граф Георгий Александрович Лидерс-Веймарн. Затем из кругов, близких к министерству иностранных дел в Париже и к французской контр-разведке, я получил указания, что французское общественное мнение возмущается оставлением на посту военного агента, после революции, графа Алексея Игнатьева, который для этого французского мнения является несомненным другом Романовых, контр-революционером и германофилом. По непроверенным данным, граф Алексей Игнатьев, собравший у себя в военной миссии достаточное количество ярых приверженцев старого режима, в настоящее время дает приют целому ряду гвардейских офицеров, изгнанных из России и сумевших получить командировки на разные места за границу. Обладая, по отзыву французов, неограниченными денежными средствами, граф Игнатьев употребляет их, по отзыву тех же французов, на материальную поддержку контр-революционеров. Русские контр-революционные круги в Париже имеют тесную связь с французскими реакционными кругами и, до основания своего органа на русском языке, ведут усиленную пропаганду в пользу Николая II в таких органах, как «Le Gaulois» и нек. др. Хотя граф Павел Игнатьев, заведывающий нашей контр-разведкой во Франции, и сообщил мне некоторые сведения о контр-революционной деятельности посольских кругов во Франции, однако я не могу не обратить внимания Временного Правительства на то, что правою его рукою, если не главным руководителем русской контр-разведки, состоит не кто иной, как таинственно скрывающийся в течение многих лет от французской полиции, руководивший до 1909 г. политическим сыском старого режима за границей, знаменитый Гар-

т и н г, он же Л а н д е з е н (подлинная фамилия Абрам Гекельман). В своем секретном докладе представителю Временного Правительства при французских армиях генералу Занкевичу, начальник русского отдела союзнического бюро в Париже, полковник граф Павел Игнатьев, пишет о Гекельмане: «А. М. Гартинг, бывший девять лет тому назад начальником заграничной политической полиции. Последние девять лет, сколько мне известно, г. Гартинг жил за границей, занимаясь частными делами и никакого участия в государственной службе не принимал. В конце 1915 года я пригласил работать г. Гартинга по разведке. К весне 1916 г. им была создана прочная организация, которая сейчас еще усилилась, и, несмотря на некоторые аресты, которые ей пришлось выдержать в начале 1917 года, эта организация продолжает давать хорошие результаты исключительно по военной разведке». Принимая во внимание исключительно вредную, чисто провокаторскую и совершенно преступную деятельность Абрама Гекельмана-Гартинга, приговоренного французским судом к тюремному заключению, я считаю в высокой степени неосторожным поручение дела контр-разведки такому лицу, как Гартинг, который, несомненно, не задумается перед тем, чтобы продавать наши военные тайны германцам! У того же Павла Игнатьева служит французский агент русского заграничного политического сыска Б и т а р - М о н е н. Туда же усиленно домогается попасть бывший начальник заграничной политической агентуры в течение последних 7 лет, д. с. с. А. А. К р а с и л ь н и к о в. Такое заполнение совершенно доверительных мест, как контр-разведка, крупными агентами царского сыска за границей, в связи с очень опасным направлением, принятым нашею контр-разведкою в смысле возобновления политического розыска, под предлогом борьбы с анархизмом и пацифизмом, создает невольные опасения, что старая охранка возобновляет свою деятельность под новым именем. На основании сведений, сообщенных мне из эмигрантских кругов, я пришел к убеждению, что в подстрекательстве к неповиновению начальству и Временному Правительству нашей мятежной (первой) бригады в лагере ла-Куртин принимали участие не только анархистские и большевистские круги и их эмиссары, но также и германские агенты и агенты контр-революционных групп, поставившие своей целью, путем доведения до абсурда солдатских требований, вызвать кровавое столкновение русских солдат с войсками, верными Временному Правительству, и особенно с французскими войсками. Президент республики г. Пуанкарэ в разговоре со мною в особенную заслугу ставил генералу Занкевичу то обстоятельство, что он действовал осторожно по отношению к мятежникам, всячески устраняя возможность столкновения между русскими и французскими солдатами, и высказал предположение, что здесь имеется налицо не только русская анархистская, но и германская и русская царистская пропаганда. Как в русских военных лагерях Фельтен, Куртин, так и в тех госпиталях, где находились на излечении русские солдаты с французского и с салоник-

ского фронтов, распространялись рукописные прокламации монархического, а также юдофобского содержания, утверждавшие, что «Советы Собачьих Депутатов», а также самое Временное Правительство состоят из «жидов, проходимцев и тому подобной сволочи». На ряду с прокламациями, содержавшими в себе перечисление членов Совета Солдатских и Рабочих Депутатов с следующими краткими характеристиками: «Чхеидзе—грузин», «Церетелли—грузин», «Мартов—жид», «Плеханов—едва ли не жид» и т. д., при чем большинство членов Комитета с основанием и без основания зачислялись в евреи, распространялись также прокламации, что Керенский — жид, ибо мать его—жидовка, что Керенский домогается царской власти, что революционеры губят Россию, что Николай II невинно страждет за счастье народа и т. д. Нельзя не сказать, что юдофобские списки Совета Рабочих Депутатов имели некоторый успех в среде солдат. Подобные прокламации, распространявшиеся в госпитале Гиер и в Канн (южная Франция), были доставлены мне в Ницце. В этом последнем городе, среди лиц, уехавших сюда до и после революции, существует контр-революционный кружок, стоящий, по слухам, в связи с великой княгиней Анастасией Михайловной, проживающей то здесь, то в Швейцарии. Отношение этой особы к Германии и ее свидания с германцами в Швейцарии заслуживают самого внимательного обследования. Контр-революционный кружок существует также в Риме, при чем на средства этого кружка, помимо статей, помещаемых в некоторых периодических органах, в Италии изданы две брошюры: одна из них на итальянском языке, автор ее Владимир Френкель, название — «Русская Революция». «Разговор». Рим, 1917 г., 62 страницы, цена 1 лира; другая на французском языке под заглавием «Что есть свобода». «Вокруг Николая второго. Не состоявшийся протест». Рим, 1917 г., 45 стр. Одну из них итальянское правительство сочло нужным конфисковать. Российское посольство в Риме, состоящее в значительной степени из реакционеров, тесно связано с реакционными группами в России и за границей, совершенно отрицательно относится к Временному Правительству и к революции, считая их явлениями временными, скоро проходящими и питая надежду на скорое восстановление Романовых и на укрепление реакции. К числу реакционеров относятся военный агент князь Волконский, его помощник полковник Родзянко, состоящий при посольстве коллежский секретарь Бронислав Владиславович Янишевский, неаполитанский генеральный консул д. с. с. Оскар Оскарович фон-Визель. Из этих лиц полковник Родзянко нисколько не стеснялся в самых резких выражениях против русской революции. Янишевский, посылавшийся для временного исправления должности консула в разные города Италии, доносил из Неаполя на эмигранта с.-р. Вигдорчика, что тот состоит в дружбе «с социалистическим депутатом Лабриолой», а в Генуе занимался сыском по отношению к эмигрантам, проживавшим на итальянской Ривьере, пользуясь услугами итальянской полиции; оба эти факта установлены

мною на основании подлинных дел архивов российского посольства в Риме и генерального консульства в Генуе. Полковник князь Волконский занимался травлею комитета политических эмигрантов, пытавшихся разоблачить дело злоупотреблений в военной миссии, именуя их в своих официальных рапортах, в манере старого режима, «комитетами бывших эмигрантов», создающими «митинговую атмосферу и поднимающими неприличный шум». Неаполитанский консул Визель обвиняется политическими эмигрантами в притеснениях, чинимых политической эмиграции, и в распространении противоправительственной, контр-революционной литературы, брошюры — «Великое царствование великого Николая II». Для характеристики этого лица считаю необходимым сказать, что, вопреки телеграмме посла, предписывавшей ему отдаться в полное распоряжение комиссара Временного Правительства и представить ему секретные дела, касавшиеся Максима Горького и др., Визель к комиссару не явился, дел не представил; не явился он и после письменного приказа о том комиссара; и только на пятый день с явною неохотой исполнил вторичное приказание посла. На службу контр-революционной организации поступил в Риме и весьма энергично работает разоблаченный агент-провокатор, бывший секретный сотрудник заграничной политической агентуры Яков Вакман. Там же в Италии мною было открыто на основании дел посольства, что бывший консул в Генуе, а ныне в Женеве, Горностаев, пытался организовать политический сыск на Ривьере среди политических эмигрантов. Телеграммою своею от 20 июля —2 августа министру-председателю, министру юстиции и министру иностранных дел я сообщил об этом Временному Правительству, высказываясь, что считаю совершенно недопустимым дальнейшее пребывание на службе сего чиновника. Министерство иностранных дело оставило Горностаева на службе и, минуя комиссара Сватикова, запросило посла Гирса, в чем комиссар конкретно обвиняет Горностаева. Горностаев в настоящее время продолжает состоять на службе.

Наиболее мрачную картину в смысле развития контр-революционного движения представляет собою Швейцария. По отзыву кругов, близких французскому министерству иностранных дел, в высокой степени подозрительной, в смысле сношений с германцами, представлялась деятельность покойного посланника Бахерахта, и в высокой степени подозрительной, в том же отношении, является деятельность вдовы покойного Бахерахта, относительно которой упоминал в докладе лично мне русский военный агент в Швейцарии генерал Головань. Согласно общему мнению кругов французского министерства иностранных дел, русского военного агента генерала Головань и русских политических эмигрантов в Швейцарии, совершенно нетерпимым представляется дальнейшее пребывание в Швейцарии Бибикова, который был в момент революции уполномоченным в делах в Швейцарии, был уволен телеграммою Милюкова, с приказанием выехать немедленно в Россию, но под формальным предлогом от явки

в Россию уклонился, продолжает жить в Берне, посещать миссию, оказывая громадное влияние на весь личный состав ее, еще столь недавно состоявший под его начальством, проникая в тайны дипломатической переписки. Означенный Бибиков, согласно официозному и совершенно доверительному заявлению французского министерства иностранных дел, переданному мне через посредство бывшего депутата Шарля Дюма, является человеком в высокой степени подозрительным по германскому шпионажу, вследствие сношений его с германцами и австрийцами. По отзыву русских эмигрантов и французского министерства иностранных дел, Бибиков является одним из главных организаторов контр-революционного движения. Относительно покойного Бахерахта бывший начальник заграничной политической агентуры признался мне (доклад Красильникова от 18—31 августа 1917 г. за № 11), что в нужных случаях он сносился с Бахерахтом, который имел свои собственные источники политического сыска за русскими революционерами в Швейцарии, докладывал эти сведения в Петроград, одновременно сообщая эти сведения Красильникову на случай возможных по сему запросов. Относительно Бибикова видный член русской колонии в Берне сообщает: «Революционный угар скоро рассеялся, началось отрезвление. Стали появляться слухи о нарастающем контр-революцонном движении среди русских в Швейцарии. В начале неясные, они начали принимать все более и более определенную форму. Среди циркулирующих имен участников контр-революционного движения нередко назывались имена большинства чинов бернской миссии и женевского консульства. Считаю своим нравственным долгом отметить, что во всех этих слухах ни разу не упоминались имена поверенного в делах А. М. О н у, бывшего генерального консула во Франкфурте Д а м ь е и агента министерства торговли и промышленности в Швейцарии В. М. Ф е л ь к н е р а. Центром, вокруг которого объединяется контр-революционное движение, все слухи упорно называют бывшего поверенного в делах М. М. Бибикова и женевского консула Л. Н. Горностаева»... «Хотя я и не имею документальных данных об участии тех или иных лиц в контр-революционном движении, как законченной организации, но глубоко уверен, что контр-революция существует, что начинает поднимать свою голову и безусловно поддерживается представителями старого режима, оставшимися на своих местах в бернской миссии и женевском консульстве».

Согласно данным министерства иностранных дел в Париже, Бибиков и некий Б у б н о в, состоящий в российской миссии в Берне, поддерживают связи с княгиней Голицыной, которая была в начале войны в Мюнхене и состоит любовницей германского военного агента в Берне. Посему Шарль Дюма, от имени французского министерства иностранных дел, официозно заявил мне пожелание, чтобы гг. Бибиков и Бубнов были немедленно вызваны в Россию. Согласно донесениям секретного агента генерала Головань, «Бибиков находится

в сношениях с Германией. Ему помогает г-жа Бахерахт, которая была морганатическою супругою великого герцога гессенского. В его руках сосредоточено много денег, и он работает над восстановлением монархии в России»... «Среди помощников Бибикова, — по словам того же агента, — находится князь Воронецкий, живущий в местечке Les Avants sur Montreux и являющийся братом жены г. Юркевича, очень богатого человека, который его поддерживает. Воронецкий был атташе русского посольства в Париже и последнее время в Лондоне. Крайний монархист и крайний черносотенец, он помогает Бибикову. Часто появляется во французских кругах Монтре. Другим помощником Бибикова является Кюлеман, женатый на племяннице Шуберта, германского уполномоченного в делах в Берне. Через посредство m-me Бахерахт они работают над восстановлением монархии в России. Воронецкий сказал одному из своих друзей, что Бибиков и Сватковский в восторге от перевоза царя в Тобольск, потому что бегство оттуда будет гораздо легче, чем из Царского Села. В этом направлении уже предприняты серьезные шаги. Для сношений пользуются датским курьером, равно как и курьером одной из южноамериканских республик (Чили или Уругвая). На этих днях (конец августа) Бибиков имел свидание с Шубертом довольно долгое время, позади большого бернского госпиталя, около 8 часов вечера... Сватковский и Бибиков продолжают иметь прямые сношения с Дармштадтом. Сватковский получил на этих днях 88.000 франков через посредство некоего Кольбера, приехавшего из Базеля и отправившегося обратно в Германию с двумя большими запечатанными пакетами. Третий конверт был отдан Кольбером в германском посольстве в Берне. Большевистские листки проходят через Германию в германской вализе, без посредничества нейтральных»...

По сведениям того же агента, за границей создано общество, работающее втайне, под названием «Святая Русь». Цель его — реставрация Романовых и даже, если будет возможным, Николая II. По негласным сведениям, полученным мною в Берне, к тайному контр-революционному сообщничеству в Берне принадлежат служащие в миссии г. Лавров, русский консул в Давоссе — Голике, заведывающий русским отделом бюро помощи военнопленным А. Березников, женевский протоиерей отец Сергей Орлов, княгиня А. А. Голицына, княгиня Л. В. Голицына и др. По тем же сведениям, тайное контр-революционное сообщничество, с присутствием членов из других стран, имело уже два съезда в Уши (Лозанна), при чем на этих съездах обсуждались вопросы относительно устройства побега Николая II, создания в Швейцарии контр-революционного журнала и различные организационные вопросы, в частности вопрос о сношениях по телеграфу между Швейцарией, Россией, Францией и Англией. При этом должен высказать основательное подозрение, возникшее у меня, что контр-революционеры за границею, пользуясь официальными бланками для телеграфа и старыми, вышедшими из

употребления, а может быть, и новыми русскими правительственными шифрами, сносятся по телеграфу между собою в пределах Западной Европы, а также со своими единомышленниками в России. Что касается основательности высказанных моим осведомителем подозрений, то, по сообщению Шарля Дюма, официозно, от имени французского правительства, по сведениям французской контр-разведки, вдова покойного князя Голицына, крайняя реакционерка и чрезвычайно богатая женщина, оказывает большую денежную помощь контр-революционным группам, другая же княгиня Голицына, жившая в начале войны в Германии, является и прямою пособницею германцев и контр-революции. Бывший ставропольский губернатор А. Березников, крайний реакционер, занимался все время до революции доносами в русскую миссию на русских революционеров в Швейцарии, что доказывается изъятыми мною из архива российской миссии в Берне подлинными его письмами. Такими же доносами на эмигрантов и юдофобскими выпадками в официальных бумагах занимался также русский консул в Давоссе Голике, коего подлинные донесения (в количестве 4-х) изъяты мною из архива бернской миссии.

Что касается протоиерея Орлова в Женеве, то тамошний консул Горностаев донес миссии, что Орлов и после отречения Николая II продолжал поминать бывшего императора, и только гласный протест, заявленный в церкви прихожанами, вынудил отца Орлова отказаться от поминовения царствующего дома. Во всяком случае, все, с кем я беседовал в Швейцарии, единогласно считают священника Орлова одним из самых крайних и активных контр-революционеров. Что касается консула в Женеве Горностаева, то он и в Швейцарии продолжал заниматься сыском, как делал это в Италии, причем имел своих собственных шпионов среди эмигрантов. Он состоял в сношениях с агентами Красильникова в Женеве. При осмотре секретных дел женевского консульства я обнаружил и изъял целый ряд бумаг, доказывающих шпионскую деятельность Горностаева на службе старого режима. Должен добавить, что Горностаев продолжал свою деятельность и после революции, при чем вошел в сношение с военным агентом в Швейцарии генералом Головань, работая теперь в области сыска, под предлогом борьбы с анархизмом и пацифизмом и создавая новую агентуру. Пребывание этого лица на службе является явным издевательством над русской революцией. Что касается военного агента генерала Г о л о в а н ь, то и на него местные слухи указывают как на участника контр-революционного сообщества. Не ручаясь за достоверность этих сведений, я имею достаточные данные, чтобы утверждать, что Головань, а равно и прикомандированный к нему О з н о б и ш и н, являются крайними реакционерами. Головань входил в сношения при посредстве Бибикова с агентами Красильникова в Швейцарии, например, с С а н в е л о в ы м, а письма Ознобишина к Красильникову доставлены мне комиссией Раппа в Париже. Письма эти характеризуют крайнюю интимность этих лиц. На опыте я убедился,

что не существует тайны, несмотря на шифрованные телеграммы. Так, например, во время пребывания моего в Берне, один из чинов посольства позволил себе обратиться ко мне с вопросом, касавшимся содержания весьма секретной телеграммы, отправленной мною через посредство миссии. На мое настойчивое требование объяснить, откуда он знает о содержании моей телеграммы, означенное лицо ответило мне, что узнало о ней от шифровавшего телеграмму секретаря миссии барона Мейндорфа. Затем, когда, возвратившись в Париж, я послал генерал-квартирмейстеру, через посредство посольства, запрос о предшествовавшей службе генерала Головань, в виду слухов о причастности его к контр-революционным кругам, то уже через 3 дня я увидел у себя в Париже генерала Головань с докладом и секретным досье по тому самому делу, которое могло подать повод к подозрениям против генерала Головань, между тем как я лично генерала Головань ни о чем по этому делу не запрашивал и объясняю его приезд тем, что он был предупрежден кем-то из парижского посольства о посланной мною телеграмме. Крайне неприятное впечатление произвела на меня попытка уполномоченного в делах в Швейцарии А. М. Ону, уже после отъезда моего в Париж, под формальным предлогом, к тому же совершенно неосновательным, воспрепятствовать деятельности лиц, уполномоченных мною, в виду кратковременности пребывания моего в Швейцарии, на производство дознания, вместо меня, по вопросам о германском шпионаже среди эмигрантов, о русских провокаторах в Швейцарии и о вспомогательной работе консулов в деле политического сыска. Если даже этот высоко-корректный и очень нерешительный чиновник осмелился сделать попытку саботировать дело революционного правосудия, то можно себе представить ясно, каково было отношение твердых черносотенцев к делу дознания о шпионаже в пользу старого режима. Яркий пример, какую защиту находили явные провокаторы и даже подозрительные по германскому шпионажу лица в крупных черносотенцах, оставшихся на видных постах, можно видеть в деле провокатора Штакельберга. Этот провокатор под кличкою «Пьер», состоявший на службе у Красильникова, был офицером русской армии, работал в бюро военной миссии у графа Алексея Игнатьева в Париже, неоднократно командировался на французский и английский фронты, причем на все заявления офицеров графу Игнатьеву о подозрительности барона Штакельберга граф Игнатьев самым энергичным образом защищал Штакельберга, допуская его к самым секретным делам. Когда 7 августа н. с. получилось в Париже «Русское Слово», в коем Штакельберг был опубликован как провокатор, то полковник Колонтаев, не имея возможности лично предупредить графа Игнатьева, сообщил сведения, прочитанные им в газете, английскому военному агенту, который немедленно озаботился отозванием Штакельберга с фронта, справедливо рассуждая, что агент-провокатор старого режима свободно мог быть германским шпионом. Граф Игнатьев, вместо благодарности полковнику Колонтаеву, «по-

ставил ему на вид, что он не имел права обращаться к представителю иностранной державы помимо русского военного агента», и затем, в тоне явной защиты Штакельберга, предложил Колонтаеву немедленно представить ему, Игнатьеву, в письменной форме факты, на основании коих Колонтаевым возводятся «подобные обвинения» на поручика Штакельберга. Очевидно, граф Игнатьев, повидимому, знавший о том, что Штакельберг—провокатор и служит у Красильникова, усиленно хотел сохранить этого господина у себя в миссии даже и после того как стало известно, что Штакельберг—провокатор. При объяснениях с Игнатьевым Колонтаев спросил его, почему не было произведено дознание о подозрительном поведении Штакельберга, несмотря на неоднократные его заявления. На это полковник Игнатьев заявил повышенным тоном полковнику Колонтаеву, что тот не имел права высказывать подозрений и что он «не хочет и не допустит подобных обвинений Штакельберга, что провокаторство его не доказано официально и что, во всяком случае, провокаторство не есть доказательство шпионства, если бы таковое и было бы доказано официально». Я вполне согласен с полковником Колонтаевым, который 25 (13) августа за № 390 донес военному комиссару Е. И. Раппу следующее: «Я считаю по долгу присяги, данной мною Временному Правительству, невозможным и абсурдным поручать какие бы то ни было секретные дела заведомо преданным прежнему режиму лицам и оставлять их у власти для проведения в жизнь мероприятий революционного правительства». Если я не ошибаюсь, провокатор Штакельберг продолжает до сих пор находиться в Париже под дружескою защитою графа Алексея Игнатьева.

Не менее характерным для настроений наших посольских сфер я считаю дело о выдаче паспорта г-же Савинковой (Сомовой), жене бывшего управляющего военным министерством. В то время как жена последнего коллежского регистратора, посланного за границу департаментом полиции или иным ведомством при старом режиме, как жена человека, находящегося на государственной службе, может в любое время получить паспорт для свободного возвращения в Россию, жена управляющего военным министерством не могла получить паспорта только потому, что она — политическая эмигрантка, без предварительной посылки опросного листа в Петроград и предварительной проверки в контр-разведке, не принадлежит ли она к германскому шпионажу. Подобное отношение к представителям Временного Правительства я считаю крайней черносотенной наглостью и совершенно пустыми те формальные оговорки, что ограничение это применяется вследствие общих требований из Петрограда. Вторым примером является тот список международных шпионов, который был обнаружен мною у женевского консула Горностаева, в пачке секретных дел, при чем на букву А чуть ли не первым стояло имя бывшего в тот момент министром внутренних дел Авксентьева («Николая Дмитриевича, родившегося в Пензе в 1878 г.»). В этом же списке были имена и других видных

революционеров, оставшихся там, несмотря на произошедшую этим временем в России революцию. Я тот же час телеграфировал генерал-квартирмейстеру и министру внутренних дел о необходимости немедленно пересмотреть русский отдел международных контрольных списков, составленный такими господами, как Бибиков, Красильников и другие. О результатах мне ничего не известно. Третий пример крайне враждебного отношения со стороны посольства в Лондоне заключается в следующем: проживавший в Англии агент-провокатор Николай Селиванов делал доносы, обвиняя в германском шпионаже эмигранта Литвинова. Приехавши в Англию, я вскрыл преступную деятельность Селиванова и при этом открыл крайне подозрительную, в смысле германского шпионажа, деятельность самого Селиванова, о чем довел официально до сведения английской контрразведки; при этом оказалось, что Николай Селиванов отлично знает крепостное дело, настолько, что мог на память набрасывать план главнейших укреплений целого ряда крепостей. По просьбе Литвинова, который жаловался, что он нигде не может найти работы, потому что посольство, опирающееся на информацию Селиванова, дает о нем дурные отзывы, я произвел обследование его деятельности и выяснил, что Селиванов старался набросить тень на Литвинова с целью отвлечь таким образом внимание от своей подозрительной деятельности. Посему я выдал Литвинову соответственное удостоверение для посольства. Возвращаясь обратно в Россию, я получил жалобу Литвинова, что К. Д. Набоков не только не оказал ему никакого содействия, но и пытался отвергать какое бы то ни было значение выданного Литвинову удостоверения, придавая таким образом больше веры доносам разоблаченного провокатора, нежели удостоверению специально уполномоченного комиссара Временного Правительства.

Целый ряд лиц, русских и иностранцев, частным образом и официозно, указывал мне на недопустимость того положения, которое существует в смысле представительства России за границею — в дипломатическом, военном, финансовом и благотворительном отношениях. Все черносотенцы оставлены на своих местах и пользуются усиленною поддержкою таких же черносотенцев, оставшихся в управлениях и министерствах в Петрограде. Такие выражения, как «жиды, шайка жидов, завладевшая Россией, Советы Собачьих Депутатов» и т. п. выражения являются высоко-характерными для представителей России за границею. Но, глубоко ненавидя революцию, они всеми силами стараются дискредитировать не только демократию, но и само Временное Правительство, указывая иностранцам на то, что революция виновата в разрухе, переживаемой Россией. Представители России даже в области благотворительной продолжают вести резкую борьбу с общественными элементами русскими и иностранными, на что горько жаловался мне депутат Поль Лафон в Париже, рассказавший мне целую историю тяжкой и бесплодной борьбы за очищение состава и оздоровление деятельности общества помощи пленным, бывшего раньше под покро-

вительством г-жи Извольской. Характерною чертою для наших посольств является продолжающееся в них пренебрежение к русским гражданам и возобновившееся, после короткого перерыва, преследование политических эмигрантов. Господа дипломаты травят эмигрантов в полном смысле этого слова: так, например, группа эмигрантов-оборонцев, выпущенная после долгой переписки, по официальной просьбе Временного Правительства, обращенной к английскому, из Швейцарии, уполномоченному в делах Ону, с трудом проехала через Париж и была окончательно остановлена в Лондоне К. Д. Набоковым. Таким образом, в то время, когда ехавшим в Россию большевикам и даже проехавшим через Германию лицам оказано было полное содействие, представители оборонцев задерживаются и подвергаются притеснениям. На ряду с этим продолжается низкопоклонство по отношению к представителям Романовской семьи. Так, например, в церкви лондонского посольства для проживающих в Лондоне Романовых пред алтарем продолжали расстилать великолепный ковер и ставить золоченые кресла еще в июне месяце, что я сам видел, посетивши церковь. Не менее характерным является несомненный саботаж правосудия, коему, согласно указания эмигрантского комитета в Риме, содействовало римское посольство, не желавшее разоблачения злоупотреблений в русской военной миссии в Риме. Равным образом, цюрихский комитет эмигрантов принес мне жалобу — и по расследованию она оказалась справедливой — на то, что поверенный в делах в Швейцарии Ону не пожелал переслать мне телеграмму цюрихского комитета по делу возвращения эмигрантов в Россию. Тот же самый Ону не пожелал засвидетельствовать мою подпись, отлично ему известную, на уполномочии, выданном мною эмигранту Декабреву на предмет производства в Швейцарии допросов русских провокаторов.

Таким образом, оставление неприкосновенными всех черносотенцев за границею ведет не только к ущербу для революции, но и вообще для России как государства. В делах о многомиллионных заказах на государственную оборону процветают хищения, следствие о которых тормозится изо всех сил. Имя революции и имя России дискредитируется официальными представителями Временного Правительства за границею из старых черносотенцев. Новых назначений почти совершенно нет. Русская заграница совершенно забыта и Временным Правительством и русским общественным мнением. Контр-революционные организации, подготовляющие реставрацию монархии и Романовых, замышляющие убийство правительственных лиц обновленной России, ведущие усиленную пропаганду против демократии и революции, крепнут и процветают за границею. Великою ошибкою является поэтому решение Временного Правительства отправлять за границу явных черносотенцев и сторонников царизма, ибо это укрепит и обогатит роялистическую эмиграцию. Юридически возмутительный акт Гельсингфорсского Совета С. и Р. Д. был продиктован правильным политическим пониманием вредности высылки за границу активных пред-

ставителей черной сотни. Я считаю своим долгом просить Временное Правительство и представителей демократии в нем обратить самое серьезное внимание на русское контр-революционное движение за границею и на необходимость укрепления позиции демократии в русском заграничном представительстве. Практические меры к борьбе с контр-революцией и к изменению русского представительства за границею излагаются мною в особой секретной докладной записке [1]).

---

[1]) При документе означенной записки не сохранилось.

Конференция союзников в Петрограде в 1917 году.

Положение России ко времени созыва названной конференции всего ярче может быть изображено на точном языке цифр.

За первые $2^1/_2$ года мировой войны из населения России было извлечено 14.375.000 военнообязанных, что составляло 47,4% всех трудоспособных мужчин [1]).

В декабре 1916 года в армии состояло 7.450.000 человек, в том числе: 5.500.000—в строевых частях и 1.950.000—в тыловых учреждениях и организациях. Кроме того, в запасных войсках внутренних округов числилось 1.500.000 человек [2]).

По сведениям главного штаба, потери русской армии к 1 февраля 1917 года выражались в следующих цифрах: убитых, раненых, контуженных и отравленных газами—47.005 офицеров и 3.151.588 нижних чинов; пленных и без вести пропавших—16.609 офицеров и 2.823.753 нижних чинов; всего 63.074 офицера и 5.975.341 нижних чинов [3]).

Экономическое положение России было крайне тяжелое.

В деревнях уменьшение рабочей силы имело последствием значительный и притом все возраставший недосев, который на третий год войны составлял уже около $^1/_3$ посевной площади.

В промышленности к концу 1916 года 73,3% рабочих работали исключительно на оборону и только 26,7% были заняты в других отраслях [4]).

В результате цены на предметы первой необходимости настолько возросли, что удовлетворение даже самых скромных потребностей стало доступно лишь состоятельным людям.

Общее обеднение России за время мировой войны видно из того, что «народное потребление сократилось в первый год на 25%, во второй — на 43% и в третий — на 52%» [5]).

На ряду с указанными материальными невзгодами, порожденными затянувшейся войной, в сознание крестьян и рабочих все более проникала мысль о ненужности ее для трудового народа. К этому в солдатской среде присоединялось глубокое недоверие к высшему командному составу, который в предшествовавших военных действиях выказал свою полную неспособность вести армию к победе.

---

[1]) «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». Москва. 1925. Таблица 6. Издание Центрального Статистического Управления.

[2]) Военно-Ученый Архив, дело № 703. «Справка управления дежурного генерала, от 21 декабря 1916 года».

[3]) Военно-Ученый Архив, дело № 1073, л. 83.

[4]) «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». Москва. 1925. Таблица 60.

[5]) «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.». Москва. 1925.

В результате, к 1917 году, страна и армия, утомленная войной, были охвачены стихийной жаждой мира во что бы то ни стало.

При таком настроении народных и солдатских масс продолжение войны становилось фактически невозможным, и царскому правительству оставалось лишь заключить сепаратный мир, к чему стремились также и центральные державы.

О возможных условиях этого мира, в рассматриваемый исторический момент, германский генерал-адмирал Тирпиц в своих воспоминаниях говорит [1]):

«Мы должны были дружески разрешить сербский вопрос, признав десять принятых царем в 1914 г. пунктов ультиматума и передав остальные два пункта на решение третейского суда так, чтобы в общем получился русский успех без австрийской неудачи. Мы могли для стратегического обеспечения Восточной Пруссии потребовать линию Нарева и за это предложить русским соответствующий кусок Восточной Галиции, за что австрийцы, в случае надобности, могли себя вознаградить в Ново-Базарском санджаке и в Албании. При нашем посредстве русские военные суда получили бы право прохода через Дарданеллы, а если бы Россия согласилась заключить с нами союз, то, сверх того, она могла получить остров в Эгейском море. От Багдадской дороги мы бы отказались, или же приняли бы русских в долю. Мы предоставили бы им Персию и приняли бы на себя уплату русских долгов Франции. Условия могли быть еще более благоприятными, если бы, при посредстве России, нам удалось заключить мир с Японией.

Относительно Константинополя русские должны были понять, что мы не могли совсем оставить турок, но мы должны были обещать постепенно изменить свою турецкую политику. О личных потребностях (Aufweidungen) великих князей и т. д. можно было позаботиться. Австрию можно было склонить к такому миру, а затем и Италия была бы вынуждена на соглашение».

Из приведенных слов Тирпица видно, что Германия была готова предложить побежденной ею России такие условия мира, какие последняя едва ли получила бы даже при полном успехе Антанты.

В пользу сепаратного мира на Николая II влияли некоторые представители правых, особенно Штюрмер, Маклаков и Протопопов, которые, в случае продолжения войны, предвидели неизбежность уступок Государственной Думе в виде реформ, ограничивающих самодержавие. К заключению мира склонялась и императрица Александра Федоровна, что, конечно, объяснялось отнюдь не заботами о благе народа, а династическими соображениями [2]).

На продолжении войны «до победного конца» настаивала могущественная торгово-промышленная буржуазия, которая была тесно связана с англо-французским капиталом, опасалась в будущем германской конкуренции и непомерно обогащалась от военных подрядов и поставок [3]).

Представителем этой буржуазии являлся прогрессивный блок Государственной Думы, который, кроме того, учитывал факт, что, в случае заключения царским правительством выгодного мира с Германией, пришлось бы надолго оставить надежду на образо-

---

[1]) «Erinnerungen von Alfred Tirpitz». Leipzig. 1920, S. 270.

[2]) Архив Окт. Революции. Фонд Чрезвычайной Следственной Комиссии. Следственная часть, д. № 10, т. 5, стр. 186 (182). Показание жандармского полковника Пиранга.

[3]) По этому вопросу документальные данные помещены в труде Маниковского: «Боевое снабжение русской армии в 1914—18 гг.».

вание ответственного министерства. Против заключения мира были также газетчики, зависевшие от назначенной буржуазии и наживавшие в военное время большие деньги.

Наконец, продолжали брящать оружием высшие военные начальники со своими штабами, для коих война представляла выгодное и безопасное предприятие.

В конце 1916 года германское правительство обратилось к державам Антанты с общим призывом начать мирные переговоры. На это Николай II ответил приказом по армии и флоту от 12 декабря, в котором объявил, что время для заключения мира еще не наступило, так как: «достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее, ныне разрозненных, областей еще не обеспечено».

Этот приказ, представлявший важный политический документ, был составлен и поднесен к подписи царю, без ведома председателя Совета Министров и министра иностранных дел, генералом Гурко, исполнявшим обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего, за отсутствием заболевшего Алексеева.

Гурко весьма гордился своим поступком, так как принадлежал к числу сторонников того мнения, что долг чести побуждает Россию не покидать своих союзников, а участвовать в войне до конца.

По этому поводу уместно привести следующие слова Бисмарка [1]): «В борьбе за существование между великими державами, выполняемость всех договоров условная. Ни одну великую нацию нельзя побудить принести свое существование в жертву на алтарь союзнической верности».

Переходя от описанного состояния России к положению дел на французском фронте, мы видим, что оно было в это время весьма благоприятное: союзники имели 2.251 батальон против 1.333 немецких батальонов: орудий у них было 17.213 (из коих 9.642 тяжелых), а у немцев всего 9.900 орудий, в том числе тяжелых 5.510); число аэропланов у союзников равнялось 1.877, у немцев же—760 [2]).

Такова была общая обстановка, создавшаяся к 1 февраля 1917 года, когда собралось в Петрограде очередное совещание представителей союзных главнокомандующих.

В этом совещании приняли участие: со стороны России — вышеупомянутый генерал Гурко и начальник морского генерального штаба адмирал Русин; от Франции — генерал де Кастельно; от Англии — генерал Вильсон; от Италии — генерал граф Руджиери-Ладерки.

На обсуждение было поставлено 8 общих вопросов, касающихся ведения войны. По существу, совещание пришло к заключению, что операции 1917 года должны иметь решающий характер, а потому наступательные действия как на западном, так и на восточном фронтах будут вестись с максимумом средств.

Несомненно, военные представители союзников хорошо понимали, что тогдашняя русская армия была неспособна к переходу в общее решительное наступление, которое неизбежно должно было привести ее к катастрофе; но союзники уже привыкли смотреть на русские войска как на пушечное мясо, услужливо нагромождаемое, по мере надобности, для отвлечения внимания немцев от западного фронта.

Однако на сей раз расчеты Антанты не оправдались. Русские рабочие и крестьяне не пожелали более проливать свою кровь за чуждые им империалистические интересы, а предпочли обратить оружие против собственной буржуазии. *Е. Мартынов.*

[1]) Bismark. «Gedanken und Erinnerungen», Stuttgart, 1898, B. II, S. 249.

[2]) Зайончковский. «Кампания 1917 года», 1923, стр. 32.

Заседание военного совещания 1 февраля 1917 г. [1]).

I.

Присутствующие: генерал Гурко, генерал де Кастельно, генерал Вильсон, генерал граф Руджиери-Ладерки, адмирал Русин, начальник морского генерального штаба.

РАССМОТРЕНИЕ ОБЩИХ ВОПРОСОВ, КАСАЮЩИХСЯ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.

1 вопрос.

Должны ли операции 1917 года иметь решающий характер? Или же, наоборот, следует отказаться от достижения решительных результатов в течение 1917 года?

Генерал Гурко заявляет, что в принципе вопрос не допускает двух решений, но что решение, которое должно быть принято, зависит от средств, которыми союзники будут располагать. Если в их распоряжении в нужное время будут необходимые средства, то операции 1917 года должны иметь решающий характер.

Генерал де Кастельно указывает, что прежде всего необходимо выяснить, что́ подразумевается под словами решающий характер: подразумевается ли под этим, что война должна быть окончена в течение 1917 года, или же лишь, что она должна принять такой оборот, при котором победа союзников будет вне всякого сомнения. По его мнению, под словами решающий характер должно подразумеваться последнее толкование.

Мнение это разделяется всеми другими делегатами.

Генерал Гурко предлагает поэтому формулировать заключение по первому вопросу нижеследующим образом:

Кампания 1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств.

Генерал де Кастельно просит добавить к этому заключению нижеследующие слова:

«с целью создать такое положение, при котором в положительном успехе союзников не могло бы быть никакого сомнения».

Согласно с сим делегатами принимается нижеследующее решение:

Кампания 1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения.

---

[1]) Заголовок оригинала (Военно-Ист. Арх. Дело штаба верх. главнокомандующего, № 73. Петроградская конференция).

2 вопрос.

Если решение придать операциям 1917 года решающий характер будет установлено, то явится ли возможность предпринимать совместное наступление союзников достаточно своевременно, дабы воспрепятствовать неприятелю взять в свои руки инициативу действий?

Генерал Гурко. Надо думать, что неприятель приложит все старания, чтобы вырвать в 1917 году инициативу из рук союзников; предстоит, следовательно, решить следующий вопрос: должны ли мы торопиться с нашими приготовлениями и начать операции, хотя бы не закончив их, дабы быть уверенными в сохранении за собою этой инициативы; или же, наоборот, мы должны прежде всего закончить свои приготовления, хотя бы с риском дать неприятелю возможность нас опередить.

Генерал де Кастельно замечает, что этот вопрос должен рассматриваться отдельно для каждого фронта. На западном фронте французские армии будут готовы для наступления начиная с 15 февраля, согласно решениям, принятым на конференции в Шантильи. К этому времени Франция еще не соберет максимум своих средств, однако и тогда она будет находиться в гораздо более выгодном положении, чем она была в начале наступления на Сомме, так как в то время часть ее сил и средств была прикована под Верденом.

Поэтому, при малейшей серьезной попытке к наступлению со стороны неприятеля на западном фронте французские армии будут в состоянии опередить действия неприятеля.

Генерал Вильсон заявляет, что в таком же положении находится на западном фронте и британская армия.

Генерал граф Руджиери-Ладерки заявляет, что если неприятель не начнет наступления на итальянском фронте ранее 15 февраля, то итальянские армии будут также в состоянии начать операции с этого срока; тем не менее их наступательные действия не будут в состоянии достичь своего полного развития ранее 15 апреля нового стиля.

Генерал Гурко разъясняет, что, с одной стороны, русская армия находится в состоянии реорганизации, в целях дать дивизиям новое устройство, а с другой, что никакие серьезные операции не могут иметь места в России ранее весны. Как раз к этому времени должна окончиться выполняемая ныне реорганизация.

Весна, таким образом, является сроком, начиная с коего русские армии будут в состоянии предпринять большие наступления.

Генерал де Кастельно замечает, что было и должно остаться в силе принятое решение, что если один из союзников будет атакован, то другие союзники должны возможно скорее выступить с максимумом своих средств.

Генерал граф Руджиери-Ладерки. Не надо упускать из виду, что чем больше проходит времени, тем более мы можем улуч-

шать свои вооружения, но что и неприятель воспользуется этим временем для своего усиления; поэтому мы не имеем никакой выгоды откладывать срок наступления.

Генерал де Кастельно замечает, что для придания операциям 1917 года решающего характера необходимо начать их насколько возможно раньше, дабы иметь достаточно времени, чтобы достичь намеченной выше цели.

Принятое решение: делегаты единогласно приходят к заключению о необходимости ответить положительно на 2-й вопрос.

3 вопрос.

Если, наоборот, попытка новых инициатив со стороны неприятеля возможна, то не представляется ли необходимым наметить второстепенные, но достаточно важные операции, в целях удержания в руках союзников инициативы операций до момента возможности общего наступления?

Этот вопрос отпадает вследствие решения, принятого в ответ на 2-й вопрос.

4 вопрос.

Должно ли служить целью общего наступления союзников нанесение противнику решительного удара путем удара по его центрам сопротивления или же, наоборот, предпочтительнее атаковать его там, где он может оказать меньшее сопротивление?

Генерал Гурко. Центральные империи, напрягая все свои усилия на главных театрах военных действий, одновременно пытались наносить удары там, где союзники могли противопоставить им лишь малые силы (Бельгия, Сербия, Румыния). Должны ли мы следовать их примеру?

В действительности, вопрос касается лишь операций против Болгарии, предвиденных на конференции в Шантильи.

Не повлияли ли события, возникшие после этой конференции, на взгляды главнокомандующих?

Генерал де Кастельно замечает, что решения, принятые в Шантильи 15 ноября, соответствовали тогдашнему положению на румынском фронте. В Шантильи подымался вопрос об операциях против Болгарии не весною 1917 года, а в гораздо более близкий период с целью оказания помощи Румынии.

Ныне условия изменились. Ныне действия на русско-румынском фронте должны рассматриваться лишь как составная часть общих операций на главных фронтах.

Генерал Гурко. Во всяком случае, действия против Болгарии могут быть предприняты с надеждою на достаточный успех лишь при условии, если они будут ведены одновременно с севера и с юга, но нельзя упускать из вида, что салоникская армия, может быть, не в состоянии вести подобную кампанию.

Поэтому нельзя придерживаться решений, принятых конференцией в Шантильи по вопросу, касающемуся операций против Болгарии.

Генерал де Кастельно напоминает, что, согласно решению, принятому в Шантильи, союзники должны атаковать все вместе и возможно ранее.

Генерал Гурко предлагает установить, что решения, принятые конференцией в Шантильи, касающиеся операций на Балканах, потеряли свое значение вследствие последовавшего коренного изменения в стратегическом положении на этом театре.

Генерал граф Руджиери-Ладерки спрашивает, что́ надлежит понимать под словами «центры сопротивления» и следует ли под этим подразумевать самые основные базисы неприятельского сопротивления, для захвата которых надлежит сосредоточить максимум сил и средств. В этом случае мы поступили бы обратно тому, что́ предпринимал наш противник во многих случаях. Или, может быть, вопрос касается просто выбора на каждом фронте определенного сектора, где неприятельское сопротивление наиболее сильно, в целях атаковать такие секторы.

Генерал Гурко констатирует, что действительно неприятель до сего времени всегда старался наносить удары в тех пунктах, где союзники были наиболее слабыми. Союзники со своей стороны могли бы действовать подобным же образом, но этим лишь задержат развитие решительных операций.

Генерал граф Руджиери-Ладерки просит более точно определить, сохраняют ли отдельные союзники-главнокомандующие свободу выбора зон наступления на своих фронтах.

Генерал де Кастельно. Вопрос не подлежит сомнению: главнокомандующие должны сохранить за собою всю свободу действий; каждый из союзников недостаточно знаком с особенностями всех фронтов, чтобы иметь возможность правильно судить о выборе соответствующих зон наступления.

С общего согласия, под словами «центр неприятельского сопротивления» признано понятие: «главные фронты»; делегаты единогласно постановляют необходимость атаковать неприятеля на этих главных фронтах.

5 вопрос.

Какова важность балканского театра при современном положении вещей? Надлежит ли преследовать план изоляции Турции совместным действием русско-румынской и салоникской армий против Болгарии?

Должны ли решения конференции в Шантильи по этому вопросу быть оставлены в силе или должны быть соответственно изменены?

Если будет признано невозможным предпринять энергичные наступательные операции против Болгарии на македонском фронте, то какова будет задача салоникской армии?

Должна ли она, отказавшись от наступлений, ограничиться удерживанием наличных неприятельских сил на этом театре и препятствуя ему наложить руку на Грецию? Необходимо ли в этом случае удержать Монастырь, Валону?

Положение румынской армии.

Генерал Гурко. Операции на Балканах возможны лишь в случае совместных наступательных действий на салоникском фронте и на Серете. Необходимо поэтому выяснить сначала, должна ли и может ли салоникская армия быть приведена в такое состояние, чтобы действовать наступательно?

Генерал де Кастельно. Салоникская армия достигла приблизительно максимума силы, которую мы можем ей придать, принимая во внимание ограниченность транспортных средств, коими мы располагаем.

В силу сего эта армия получила приказание прочно укрепиться на занимаемых ею позициях на случай неприятельского наступления, а равно быть готовой атаковать с целью удержать наличного противника перед собою.

В случае, если неприятель начнет снимать свои войска с македонского фронта в крупных размерах, то салоникская армия должна тотчас же воспользоваться этим благоприятным положением для достижения серьезного стратегического успеха, прежде всего перерезая железнодорожный путь из Белграда в Константинополь. Таковы задачи, поставленные этой армии.

Генерал Гурко считает необходимым подчеркнуть, что русское верховное командование не имеет в виду в данное время предпринимать наступление против Болгарии. Россия не видит исключительного интереса в операции непосредственно против Константинополя, так как этот город падет сам собою в тот день, когда будет нанесен решительный удар главным ее противникам.

Она не преследует эгоистичных целей в военных операциях на Балканах. Зато она желает, чтобы салоникский фронт был энергично защищаем, дабы этим воспрепятствовать сообщениям греков с болгарами, что в общих интересах союзников.

Генерал де Кастельно снова указывает на характер задачи, поставленной салоникской армии; о том, чтобы союзники покинули Салоники — нет и речи.

Генерал Вильсон. Необходимо точно уяснить себе при настоящем положении вещей, что даже если бы немцы послали еще новые значительные силы в Македонию против генерала Саррайля, мы не можем доставить последнему новых дивизий: этого не допускают транспортные средства.

Генерал Гурко замечает, что атака неприятеля против салоникской армии становится все менее вероятной.

В прошлом ноябре месяце можно было думать, что немцы вместо того, чтобы продолжать свое движение к Серету, направят свои усилия на салоникскую армию.

Ничего подобного не случилось до сего времени; когда же начнутся большие операции на главных фронтах, то возможно, что немцы не только не пошлют новых дивизий в Македонию, но даже оттянут таковые из Македонии.

Этот вопрос уже теперь, следовательно, теряет много своей остроты.

Генерал де Кастельно дополняет ранее сделанные им указания и заявляет, что салоникская армия сохранит свое положение и что силы этой армии будут постоянно поддерживаться в полном комплекте.

При этих условиях Монастырь может быть энергично защищен, и владение этим городом будет обеспечено всеми возможными средствами.

Генерал Гурко. Совершенно необходимо, чтобы союзники держали салоникскую армию постоянно в полном составе.

Вопрос о пополнении сербской армии начинает внушать все бо́льшие опасения; эта армия ослабевает не только лишь в отношении численного состава, но и в моральном отношении.

Необходимо поэтому найти способы пополнения сербской армии. С этой целью Россия уполномочила сербских офицеров объезжать лагери военнопленных для вербовки добровольцев; этим она дала возможность получить контингенты для пополнения; необходимо, чтобы и Италия приняла аналогичные меры.

Генерал граф Руджиери-Ладерки признает, что с военной точки зрения было бы очень полезно поддерживать в полном комплекте сербские дивизии в Македонии, но он не может высказаться по вопросу набора добровольцев среди австрийских военнопленных славян, находящихся в Италии, так как этот вопрос относится исключительно к компетенции его правительства.

Генерал Гурко. Я предлагаю вследствие этого следующее решение: военные делегаты настоятельно просят правительства России и Италии согласиться, чтобы сербские офицеры получили возможность облегчить набор добровольцев среди военнопленных юго-славян, содержащихся на территориях названных государств.

Это решение принимается.

Генерал Гурко переходит затем к вопросу о сообщениях между Монастырем и Валоной (Санти-Кваранта):

Будет ли признано лучшим оставить эту страну в нынешнем состоянии в отношении сообщений или же лучше создать в ней дорожную сеть и в первую голову улучшить сообщение между Монастырем и Валоной (Санти-Кваранта)?

Генерал де Кастельно напоминает, что этот вопрос уже был затронут конференцией в Риме, на которой было решено приспособить возможно скорее дорогу Валона (Санти-Кваранта) — Монастырь для автомобильного движения.

Генерал Гурко. Устройство хорошего сообщения между Валоной (Санти-Кваранта) — Монастырь крайне важно тем, что путь

этот обеспечит прямое сообщение между Италией и салоникской армией. Кризис тоннажа потеряет при создании такой дороги свою остроту.

Генерал граф Руджиери-Ладерки. Намечаемая работа, несмотря на все желание, не может быть выполнена скоро; она потребует неминуемо несколько месяцев.

Генерал Гурко. Мы обязаны предвидеть все случайности. Если кампания 1917 года не даст ожидаемых нами результатов, то может случиться, что Германия постарается использовать зиму 1917—1918 гг. для операций в Македонии, как она уже воспользовалась зимою 1916—1917 гг. для операций в Румынии и зимою 1915—1916 гг. для операций в Сербии. Не следует поэтому считать, что работы по сооружению указанной дороги будут напрасными, потому что они не будут закончены в короткий срок. Хорошая дорога из Валоны в Монастырь окажет нам будущей зимою большие услуги, если вышеизложенное предположение осуществилось бы.

Генерал де Кастельно указывает, что постройка дороги была решена и что следует держаться этого решения.

Генерал Гурко переходит к вопросу о состоянии румынской армии. Эта армия находится в печальном состоянии и нужно считать, что потребуется более трех месяцев (считая с 15 декабря) для ее реорганизации. Самые приемы, избранные для ее реорганизации, скрывают в себе некоторые недочеты.

С другой стороны, реорганизация румынской армии чрезвычайно затруднит ведение наступательных операций в Румынии, так как тогда придется одновременно обеспечивать снабжение войск как реорганизуемых, так и находящихся на фронте.

Мы предложили румынам эвакуировать их войсковые части на юг России, но они воспротивились этому и согласились на перемещение в эту зону лишь части тыловых учреждений и складов, что являлось совершенно необходимою мерою в виду затруднений в снабжении.

Генерал де Кастельно. Вы все же признаете, что реорганизация румынской армии необходима?

Генерал Гурко. Конечно.

Принятое решение: делегаты признают, что при современной обстановке балканский театр утратил свое значение, и что поэтому необходимость осуществления плана изоляции Турции совместными действиями русско-румынской и салоникской армий против Болгарии отпадает.

В соответствии с этим решения, принятые в Шантильи, должны быть изменены нижеследующим образом:

Салоникская армия будет поддерживаться в числе дивизий, ныне входящих в ее состав; войсковые части будут поддерживаться в полном штатном составе.

Эта армия будет иметь задачей:

а) Энергично противостоять всякой наступательной попытке противника и, в частности, обеспечивать в пределах возможного обладание Монастырем.

б) Приковывать находящиеся перед ней силы противника и не допускать сообщений греков с болгарами.

в) В случае, если неприятель начнет уводить значительные силы из Македонии, то армии надлежит перейти в наступление, с целью использовать такую благоприятную обстановку, стремясь при этом, главным образом, перерезать железнодорожное сообщение Белград — Константинополь.

Далее, делегаты устанавливают, что хотя обстоятельства, изложенные в депеше сербского престолонаследника, и должны быть приняты во внимание, но, при создавшейся обстановке, наступательные операции в Македонии осуществимы лишь при обстоятельствах, изложенных в § б.

Разработка дороги Санти-Кваранта — Монастырь будет продолжаться согласно условиям, намеченным конференцией в Риме.

Румынская армия будет реорганизована в том количестве дивизий, какое будет признано возможным создать и содержать.

6 вопрос.

Каковы мнения правительств и верховных командований союзников относительно намерений противника? Необходимо учитывать возможность действий противника на русском фронте в направлении на Москву или Петроград, так как таковые могли бы предоставить неприятелю преимущества, в виду чрезвычайной длины русского фронта сравнительно с количеством войск, его защищающих, и затруднений в перевозке на север, в случае необходимости, сил, сосредоточенных на румынском фронте.

Генерал Гурко. Этот вопрос предложен конференции, потому что некоторые сведения, недавно полученные в ставке, дают основание предполагать, будто немцы намереваются направить в 1917 году главный удар на русский фронт.

В виду того, что делегаты уже постановили считать балканский театр войны потерявшим свое значение, верховное русское командование приобрело бо́льшую свободу действий в отношении группировок сил, соответствующих обстановке, то они в этом вопросе могут лишь подтвердить принятые обязательства взаимной поддержки. К тому же возбужденный вопрос будет разбираться еще раз в 7-м вопросе.

7 вопрос.

Удержание в силе обязательства взаимной поддержки заключается в том, что в случае, если одна из держав будет атакована, то другие немедленно придут ей на помощь всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, или наступлениями своих армий, или же посылкой подкреплений атакованной державе.

Генерал де Кастельно снова подтверждает обещание взаимной поддержки, принятое в Шантильи, но при этом замечает,

что в течение верденского сражения Франция не просила у союзников применения этого параграфа, выработанного предыдущей конференцией.

Весьма важно, без особо серьезных мотивов, не принуждать армии, сохранившие свободу действий, начинать слишком рано наступательные операции и тем самым терять значительную часть преимуществ, какими она могла бы воспользоваться при свободном выборе момента для наступления. Однако, если положение России станет затруднительным, то она может быть уверена, что Франция придет ей немедленно на помощь всеми своими средствами.

Генерал Вильсон поддерживает это заявление и замечает, что в случае, если поддержка, о которой идет речь, потребуется, то необходимо предоставить союзникам, помощи коих просят, известный промежуток времени, дабы они могли принять нужные меры; само собою разумеется, что этот промежуток не должен быть слишком продолжительным.

Генерал де Кастельно́ считает, что было бы важно установить сроки начала общего наступления.

Делегаты уже признали важность для союзников предвосхитить инициативу у противника в предстоящую кампанию; поэтому следует выяснить, в какое время русское верховное командование считает возможным начать наступление.

Генерал Гурко разъясняет, что в настоящую войну зимою в России невозможно предпринимать серьезных операций и, с другой стороны, предпринятая реорганизация в русских армиях не окончится ранее весны. Поэтому русские армии могут начать крупные наступления лишь к 1 мая (нового стиля); до этого же времени они должны будут ограничиваться лишь второстепенными наступательными задачами в целях удержания, в случае необходимости, на восточном фронте находящиеся там неприятельские силы. Эти второстепенные наступления подготовляются в данное время в соответствии с возможностями, предвиденными на конференции в Шантильи.

Вопрос, подлежащий решению, должен быть, следовательно, поставлен нижеследующим образом:

Стремясь не быть опереженными своими противниками, следует, однако, выяснить, представляется ли действительно для союзников необходимым начать наступление на западных фронтах с февраля месяца, т.-е. в то время, когда русские армии смогут лишь вести второстепенные операции, или же, наоборот, предпочтительнее, чтобы франко-британские и итальянские армии, будучи готовыми к наступлению, если обстоятельства принудят их к таковому, а главным образом, в целях обеспечения себе возможности опередить неприятеля, отложат свои наступления до того времени, когда их можно будет согласовать с крупными операциями на восточном фронте?

Генерал де Кастельно, после заявления генерала Гурко, спрашивает, что́ будет делать Италия, если Франция перейдет в на-

ступление в то время, когда русские армии со своей стороны будут в состоянии предпринимать лишь второстепенные операции.

Генерал граф Руджиери-Ладерки заявляет, что, согласно решению, принятому в Шантильи, Италия будет готова через три недели после 15 февраля. Однако программа ее вооружения, в том виде, в каком она намечена на весну, не будет закончена к этому сроку, а завершится лишь во второй половине апреля.

Таким образом, если обстоятельства принудят ее к действиям ранее этого срока, то ее усилия будут соответствовать тем средствам, коими она будет располагать.

Вопрос, поставленный таким образом, решено разрешить окончательно позднее, с тем, чтобы дать возможность делегатам снестись со своими верховными командованиями.

Кроме того, делегаты выражают пожелание, чтобы заинтересованные правительства пришли к соглашению касательно совместных военных операций на кавказском фронте и в Месопотамии.

Меры, кои необходимо будет принять по отношению нейтральных стран и в особенности скандинавских, будут рассмотрены после того, как они будут разобраны на политической конференции.

8 вопрос.

Необходимость объединения средств, которыми располагают союзники. Важность принятого на последней конференции в Париже решения поддержать Россию, предоставив ей всеми возможными мерами необходимый материал для успешной кампании. Для успешного ведения большого наступления русская армия нуждается в определенном минимуме технических средств, коими она до сего времени не располагает. Исходя из какого принципа, будет установлено количество боевого материала, который будет передан России? Будет ли признано возможным, в целях достижения наилучшего успеха, распределить необходимый материал так, чтобы обеспечить каждой из союзных армий известный минимум?

В этом случае этот минимум не должен ли быть пропорционален количеству действующих войск и важности каждого фронта как по его длине, так и по задачам, на него возложенным?

В какой срок материал, предназначенный для отправки в Россию, может туда прибыть?

Этот вопрос не может быть рассматриваем ранее, чем делегаты не будут иметь в руках данные комиссии по снабжению, тем не менее делегаты решают приступить теперь же к предварительному обмену мнений.

Генерал Гурко заявляет, что в этом вопросе могут быть два мнения: или дать союзникам избыток своего производства, или же дать каждой армии необходимый ей минимум, а излишек средств распределить согласно плану, который будет для сего выработан. Если союз-

ники желают дать России возможность усилить свою армию и обеспечить ей возможность выдержать продолжительную войну, они должны ей обеспечить необходимый минимум боевого материала.

Генерал де Кастельно. Мы вынуждены считаться с фактической обстановкой, как она сложилась. Представляется недопустимым обнажать французский фронт в пользу русского.

Генерал Гурко. Мы того же мнения; речь идет лишь о новом производстве.

Генерал де Кастельно. Что касается вопроса о новом производстве, то, не зная подробностей вопроса, я тем не менее полагаю, что меры в этом направлении уже приняты. Франция уже теперь делится пополам с Россией производством своих мортир калибра 72 *мм*.

Генерал Вильсон. Невозможно разбирать этот вопрос, не изучив одновременно вопроса о перевозке морем и железными дорогами в России.

Генерал Гурко. Это весьма важный пункт, и России необходима помощь для приобретения железнодорожного материала в Соединенных Штатах и в Канаде.

То, в чем Россия главным образом нуждается в данное время, это:

а) с одной стороны, в железнодорожном материале для обеспечения перевозок и вывоза из портов, главным образом из Владивостока;

б) с другой стороны, в полевой артиллерии, требующейся вследствие увеличения фронта, вызванного событиями, происшедшими в Румынии.

Румынская армия держит лишь 24 *км*; таким образом, фронт русских армий увеличился на 500 *км*. Необходимо выяснить, могут ли союзники дать нам потребную артиллерию?

Генерал де Кастельно. Вопрос о полевой артиллерии не удастся разрешить, если дело идет о новейших типах ее. Необходимо поэтому использовать материал менее новый, но тем не менее все же вполне пригодный к службе. Франция предоставила в распоряжение России большое количество 90 *мм* орудий, которыми она сама пользуется в больших размерах на западном фронте.

Орудия 90 *мм* более выносливы, чем 75 *мм*, обращение с ними не требует особо подготовленного состава прислуги, снаряд их очень действителен, и лишь скорость стрельбы не так велика, как у 75 *мм* пушки. Но ведь на практике пришлось уменьшить скорость стрельбы и из орудий 75 *мм* для сбережения орудий. Разница, следовательно, в общем, не так велика, как это кажется с первого раза.

Генерал Гурко заявляет, что западный фронт был всегда несравненно богаче снабжен артиллерией, чем русский фронт, и что даже пассивные части западного фронта имеют значительно больше орудий, чем активные районы русского фронта. Между тем, ныне русский фронт увеличился на $^1/_3$ своего протяжения.

Генерал де Кастельно. Не решая, впрочем, суждений по сему поводу, комиссии по снабжению необходимо, однако, иметь в виду, что распределение средств между различными фронтами нельзя подчинять отвлеченным математическим суждениям; это распределение должно прежде всего соответствовать значению намечаемых операций, при чем союзники не должны забывать, что все их фронты вместе взятые представляют собою единое и общее поле сражения.

II.

Заключение военного совещания.

1 вопрос. — Операции 1917 года будут иметь решающий характер, т.-е. наступательные действия на разных фронтах будут вестись с максимумом средств, коими будут располагать союзные армии и с целью добиться решительных результатов.

2 и 3 вопросы. — На каждом из главных фронтов коалиции к 15 февраля будут приняты все меры в целях воспрепятствовать противнику захватить инициативу операций.

Если, с целью обеспечить за собою эту инициативу, один из союзников будет вынужден выступить ранее весны, то другие союзники выступят, в свою очередь, в срок, не превышающий 3-х недель, при этом они используют максимум имеющихся в их распоряжении средств, учитывая климатические особенности каждого фронта.

4 вопрос. — Если тому не будут противодействовать обстоятельства, общее наступление со всеми имеющимися в распоряжении союзников средствами будет произведено на всех фронтах между 1 апреля и 1 мая, при чем последняя дата признается предельной всеми союзниками, если, однако, климатические условия не создадут непреодолимых условий.

5 вопрос. — При настоящей обстановке балканский театр войны, с точки зрения общего успеха операций, уже не представляет той важности, какая была за ним признаваема ранее.

Следовательно, более нет надобности стремиться к приведению в исполнение проекта изоляции Турции совместным действием русско-румынской и салоникской армий против Болгарии. В силу сего салоникская армия, постоянно поддерживаемая в ныне наличном числе дивизий и полном числе рядов, должна иметь задачей:

a) энергично противостоять всякой атаке неприятеля и, в частности, обеспечение обладания Монастырем;

b) удерживать находящиеся перед нею силы неприятеля; препятствовать сообщениям греков с болгарами;

c) в случае увода неприятелем из Македонии значительных сил, перейти в наступление с целью воспользоваться благоприятной обстановкой и стараясь, прежде всего, отрезать железную дорогу из Белграда в Константинополь.

В виду невозможности при теперешней обстановке усилить салоникскую армию, наступательные операции в Македонии возможны лишь в случае, если осуществится предположение, изложенное в выше отмеченном § b.

Задачи, которые возлагаются на салоникскую армию, выдвигают необходимость содержать салоникскую армию в полном комплекте. Дабы это решение могло быть применено к сербской армии, необходимо, чтобы русское и итальянское правительства приняли все меры к облегчению быстрой вербовки юго-славян из военнопленных, находящихся в их распоряжении.

Улучшение пути Валона — Монастырь будет производиться сколь возможно спешно, в порядке, намеченном в конференции в Риме.

Румынская армия будет реорганизована в числе дивизий, каковое будет признано возможным создать и содержать.

6 и 7 вопросы. — Делегаты присоединяются к решению взаимной поддержки, принятому конференцией в Шантильи 15 ноября 1916 г., а именно: если одна из держав будет атакована, то другие придут ей немедленно на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами или, косвенно, переходом в самостоятельное наступление в кратчайший срок (в срок, который не должен превышать 3-х недель, выше назначенный для перехода в наступление), или же, непосредственно, путем посылки подкреплений на другие союзные фронты, если сообщения между ними не представляют особых затруднений.

Делегаты высказывают пожелания, чтобы заинтересованные правительства согласовали военные операции на кавказском фронте и в Месопотамии.

Меры, кои необходимо будет принять по отношению к нейтральным странам, в особенности к скандинавским, будут рассмотрены после того как вопрос этот будет рассмотрен на политической конференции.

III.

Постановления политического характера.

1. Конференция, констатируя недостаточность связи, обнаружившейся в прошлом и продолжающей обнаруживаться после римской конференции, между посланниками союзных держав в Афинах, постановляет, что следует принять необходимые меры для обеспечения между ними вполне согласованных действий.

2. Ссылаясь на римские постановления, конференция постановляет, что когда специальные делегаты, на коих возложен контроль, засвидетельствуют полное выполнение требований, предъявленных к Греции, тогда ослабление блокады позволит дать известное количество запасов жизненных припасов, не превышающее необходимого количества таковых запасов для снабжения ими страны на срок в два или три дня, и чтобы количество портов, через которые можно будет

производить ввоз, было строго ограничено для обеспечения действительного контроля.

3. Принимая во внимание, что в числе пленных, взятых у врага, большое количество принадлежащих к различным угнетенным народностям сочувствует делу союзников и было бы готово защищать его, конференция постановляет пригласить правительства использовать все проявления доброй воли, которые могли бы быть призваны обнаружиться в этом направлении.

4. Конференция постановляет, что есть основание просить у Японии бóльшей помощи в виде артиллерийского материала, снарядов, артиллерийских офицеров и прислуги.

5. Конференция признала необходимость создания центрального органа четырех держав, представленных на этой конференции, для более быстрого соглашения по вопросам, касающимся высшего направления войны.

С этой целью конференция полагает, что этот орган должен бы составляться при помощи регулярных и частных собраний председателей советов министров. Председатель совета мог бы быть заменен другим членом правительства или политическим делегатом, специально для этого уполномоченным.

Конференция высказывает пожелание, чтобы, поскольку возможно, на собраниях этого совета принимали участие те же самые лица.

Пожелание.

Конференция, удостоверяя с сожалением прогрессивное ослабление сербской армии вследствие понесенных ею значительных потерь, которые не могли быть пополнены из-за недостатка резервов, выражает пожелание:

1) чтобы по мере того как это будет допускаться военными требованиями, армия эта уводилась с фронта в возможно широких размерах;

2) чтобы она была усилена при помощи взятых у врага пленных славян, добрая воля коих могла бы быть использована в этих целях.

Верно: генерального штаба подполковник *(Барановский)*.

Из дневника А. Н. Куропаткина.

Дневник Куропаткина уже давно известен читателям «Красного Архива» (см. тт. II и VIII). Печатаемые теперь отрывки не являются, конечно, тем первоклассным историческим источником, каким были записи дневника начала 900-х годов, перед японской войной. К 1917 году Куропаткин давно уже сошел с «ответственнейших» постов царской России. Политики он более не вершил, как о стратеге о нем больше никто не говорил — и даже назначение его, в империалистскую войну, скромным корпусным командиром вызвало опасения Александры Федоровны; Николаю пришлось почти оправдываться. Попытка командовать одним из фронтов прошла совсем бесцветно — и под конец войны — и империи — Куропаткин должен был удовольствоваться совсем скромным — для старого боевого генерала — положением «туркестанского» генерал-губернатора, за тысячи верст от фронта. Здесь его задания были больше полицейские, чем военные, с «сартами» (как называли русские чиновники узбеков) и киргизами воевать было куда легче, нежели с немцами, и, повесив несколько десятков человек, неудавшийся победитель микадо блестяще разгромил среднеазиатскую революцию 1916 года. Он был уже совсем спокоен, — когда революция вдруг явилась в Среднюю Азию из Петербурга.

Первое, о чем захлопотал старый служака (Куропаткину было уже под семьдесят), это, чтобы революция прошла, по крайней мере, без нарушения внешних форм и чинопочитания. И если не самими петербургскими событиями — они перед Куропаткиным открылись лишь постепенно — то официальными петербургскими телеграммами о событиях он был вполне удовлетворен. «Государь одновременно с отречением утвердил князя Львова в должности председателя Совета Министров», с удовольствием заносит в дневник туркестанский генерал-губернатор: что отрекшийся император так же мало мог назначать министров, как отставленный министр назначать чиновников, это хранителям легальности — не одному Куропаткину, а и Родзянке и даже Гучкову — как-то не пришло в голову. «Войска перешли к новому порядку управления Россией без нарушения присяги». Войска скоро показали Куропаткину, что они этой стороной дела весьма мало интересуются. Но пока все шло почти гладко — и 8 марта (ст. ст.) старый генерал даже поймал себя «на радостном настроении: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революционному движению и перевороту».

Тучки на горизонте уже показывались. «И в Ташкенте уже сорганизовался Совет Рабочих, выделивший из себя Исполнительный Комитет. Образовался и Совет представителей от войск (по 1 со ста человек; от иных частей и больше). Пока еще никаких особых выступлений не делается, но ожидать можно всего, до террористических актов...» (!). Старому царскому слуге революция все еще мерещилась в образе бомб и вся-

кого рода «покушений» — красный террор он наверное не имел в виду в мартовские дни 1917 года — и он никак не мог еще освоиться с мыслью, что «покушаться» пришла очередь не революции, а ее противникам.

Но революция шла своими, не предусматривавшимися военным уставом, путями. Уже в той записи, где констатируется неприличная генерал-адъютантская радость по случаю падения Николая, говорится о «восстановлении» дисциплины в войсках. Того, что разумеется само собой, не восстанавливают. И тем труднее было «восстанавливать», что на место старого уже рождалось новое. На параде, которым ознаменовалась присяга Временному Правительству, «порядок поддерживался учениками, р а б о ч и м и и одиночными н и ж н и м и ч и н а м и образцово».

Революция, которой ждали в виде «анархии» и «террористических актов», шла регулярным строем. И 31 марта перед Куропаткиным взорвалась совершенно неожиданная бомба: ему было объявлено, что он арестован. Поводом было распределение генерал-губернатором оружия среди русского населения области «для защиты» от узбеков и киргизов. Оснований «защищаться» с царско-полицейской точки зрения было более, чем достаточно: «Каракиргизы Ошского уезда совершенно не понимали совершившейся перемены, считали, что наступило безначалие и собирались выбрать своего хана» (!). А в Фергане дело пошло чуть ли не еще дальше: «сарты Ферганы стойко хотят добиваться равных с русскими прав (четыреххвостки) и хотят все городское хозяйство забрать в свои руки». Как же тут было не запастись винтовками? Нет оснований думать, что Куропаткин, за пять месяцев до Корнилова, замышлял контр-революционное восстание. Но он до такой степени явно не понимал происходящего, что уже одно это, при наличии его во главе власти края, грозило неисчислимыми бедами. Ташкентский Совет Солдатских Депутатов был тысячу раз прав, независимо от формальной правильности или неправильности выдвинутого против Куропаткина обвинения, когда он решил изолировать усмирителя революции 1916 года вместе со всеми его приспешниками.

Доказывая опасность равноправия «туземцев» с русскими — т.-е. подавляющего большинства с ничтожным меньшинством — Куропаткин обмолвливается несколькими, чрезвычайно ценными, для туркестанского генерал-губернатора и одного из завоевателей Средней Азии, признаниями: «Большинство голосов будет у туземцев», пишет он, «и они захватят все в свои руки, а руки-то ненадежные по нашей вине: 50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни». А прочитав у Спиридовича программу социал-демократической партии, произведшую на старого генерала до комизма сильное впечатление, особенно, если вспомнить, что это было не в 1905, а в 1917 году, — он вздохнул: «мы счастливых мелких собственников в Фергане обратили в батраков».

Впрочем, если Куропаткин не был контр-революционным заговорщиком, то контр-революционером в своей политике он был несомненно, и у его ареста были не только идеологические, а и прямо деловые основания. Неприличная генерал-адъютанту радость по поводу революции нисколько не мешала ему водить дружбу в Средней Азии с ярыми реакционерами. Относительно Бухары, приехав в Петербург, он советовал Терещенке опираться на старо-бухарцев — т.-е. чиновников и купечество — против младо-бухарцев, т.-е. бухарской интеллигенции. «Они во вражде, и старо-бухарцы многочисленнее». А что такое старо-бухарцы, это мы узнаем из другого места днев-

ника: «Старо-бухарцы против широких реформ. Когда младо-бухарцы, подталкиваемые приезжими из Туркестана русскими пропагандистами, хотели устроить демонстрацию, их схватили и высекли. Один умер». На таких людей можно было положиться!

Само собою разумеется, что Петербург очень скоро освободил Куропаткина из-под ареста — и мы уже сейчас видели бывшего туркестанского генерал-губернатора в разговоре с министрами Временного Правительства. Эти петербургские разговоры Куропаткина дают самые интересные, пожалуй, страницы «дневника». Старого генерала встретили с почетом: Керенский принял его, «назначив особые для сего часы, а не в общий прием». С места в карьер он пообещал «быстро реабилитировать» Куропаткина «от обвинения в вооружении населения в целях возбуждения междунациональной розни». Очень любопытно, что это обещание было дано, повидимому, раньше какого бы то ни было расследования дела. Но еще любопытнее, что по части национальной политики в Средней Азии собеседники говорили на одном языке и великолепно понимали друг друга. «Керенский согласился с моим мнением, что, при неравенстве обязанностей с русским населением (!), туземцам не следует предоставлять и полноту прав». Ободренный этим Куропаткин и заговорил потом с Терещенкой о старо-бухарцах. Вообще, Керенский, считавшийся знатоком средне-азиатских дел, поразил даже Куропаткина своей отсталостью по этой части. В Бухаре он предлагал начать с «уничтожения рабства». Пришлось напомнить, что эти лавры уже предвосхищены у вождя российской «демократии» Александром II, в 1870-х годах.

Но родственные души Куропаткин в изобилии находил в министерских кабинетах «Петрограда», даже когда он беседовал и не о среднеазиатских делах. Сам премьер, князь Львов (дело было в апреле) начал не то с жалобы, не то с извинения, «что они не думали заходить так далеко, как унесли их события. Мы теперь, сказал он, как щепки носимся на волнах». Это образное сравнение столь поразило Куропаткина, что он записал его в свой дневник дважды. А 1 мая, в пролетарский праздник, он долго беседовал со своим прежним, по японской войне, подчиненным, Корниловым, у которого теперь его бывшему начальнику пришлось просить корпуса. Но разговор был не столько о военных делах, сколько о политике, и этой части разговора автор дневника дал такое резюме: «два врага, один впереди настоящий, другой в виде солдатской деспотии позади, в виде разных Советов».

Против этого последнего «врага» храбрые генералы, с которыми беседовал бывший маньчжурский главнокомандующий, предлагали радикальные средства: «сформировать корпус или полкорпуса из офицеров и силою уничтожить Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов». Характерно, что такие разговоры велись еще в м а е. Но храбрых генералов плохо слушали, ясно представляя себе, что ставить ставку на то, кто кого «силою уничтожит», крайне рискованно. Пробовали «мягкие» средства, — но они оказывались явно негодными. О близости «демократов» и православия много писали в связи с «Комучем» 1918 года — но близость началась гораздо раньше: уже в мае 1917 года протопресвитер Шавельский, глава военного духовенства (было такое, читатель!), «посылал на разные фронты своих наиболее даровитых проповедников». Но увы! «Проповедников принимали неохотно» — хотя, будто бы, послушав, «просили приехать еще раз». Самое ужасное для охранителей порядка, что сообщали проповедники, это о начавшемся братанье на фронте. Против этого никакое христианское братолюбие помочь не могло.

В конце концов приходилось хвататься за соломинку и утешать себя тем, что, будто бы, «за последнее время евреи во всей России очень поправели. Речи товарищей Ленина и большевиков им не нравятся. Делиться не хотят».

На этом пассаже, о национальной вражде большевиков и евреев на почве дележа куропаткинской «России», можно покончить характеристику дневника. Он очень подтверждает ту характеристику, какую когда-то Витте слышал от Абазы: «умный генерал, храбрый генерал, но душа у него штабного писаря». Не обиделись бы только писаря?

М. Покровский.

Переворот [1]).

6 марта (1917 г.), г. Ташкент.

1 марта в 7 ч. вечера, в заседании по выработке нового положения, я получил депешу начальника Ташкентской железной дороги, инженера Мазуровского, о том, что вместо предписанного роспуска Госуд. Думы Родзянко образовал Исполнительный Комитет Госуд. Думы, взял управление делами в руки Исполнительного Комитета (арестовал министров) и предписал инженеру Бубликову временно взять в свое управление мин. путей сообщения. Почта и телеграф одновременно перешли в руки нового правительства. К 4, 5 марта выяснилось: отречение государя от престола, отказ Михаила Александровича принять престол до созыва Учредительного Собрания и определения им формы правления для России. Государь одновременно с отречением утвердил князя Львова в должности председателя Совета Министров (избранного Исполнительным Комитетом Государственной Думы). Этим актом министерство Львова явилось законным. Министром военным назначен Гучков. По получении решения государя объявлено в приказе по краю [2]) требование полного подчинения новому правительству.

Порядок до сих пор нигде не нарушался. Войска перешли к новому порядку управления Россиею б е з н а р у ш е н и я п р и с я г и. Мне, старому служаке, хотя и глубоко сочувствующему новому строю жизни России, все же было бы непосильно изменить присяге, но, конечно, мое решение касалось бы только меня лично, войскам же и населению надлежало признать новое правительство даже и в том случае, если бы царская власть была бы свергнута насильственным путем. Ныне я могу с спокойною совестью работать на пользу родины, пока то будет соответствовать видам нового правительства.

Задача очень затрудняется тем, что в Петрограде большую, быть может, даже решающую силу забрал Совет представителей рабочих и нижних чинов. Отголоски, и очень опасные, этого нароста на новом правительственном организме дошли и до нас. И в Ташкенте уже сорганизовался Совет рабочих, выделивший из себя Исполнительный

[1]) Дневники А. Н. Куропаткина хранятся в Архиве Октябрьской Революции, отдел «Падение старого режима», фонд XI, д. № 36.

[2]) В подлиннике дальше зачеркнуто: от 4 марта.

Комитет. Образовался и Совет представителей от войск (по 1 со ста человек; от иных частей и больше). Пока еще никаких особых выступлений не делается, но ожидать можно всего, до террористических актов, особенно опасных в Азии, где мы, русские, составляем треть среди 10 милл. туземного населения. Непрерывно влияю на начальствующих лиц, говорю с войсками, удерживаю их от всяких беспорядков. Опасно, если Совет рабочих в Петрограде не удовольствуется программою нового правительства, а предъявит требование о переходе теперь же к народоправию, что может сопровождаться общим развалом и поражением на фронте. Это требование быстро будет передано и в Туркестанский край и вызовет беспорядки. Без воли нового правительства я не допущу изменения программы этого правительства.

Вчера при особо торжественной обстановке объявил войскам и подтвердил начальствующим лицам 3 марта отданное приказание во всем повиноваться новому правительству.

Весь гарнизон, военное училище, школа прапорщиков, старший класс кадетского корпуса, несколько тысяч публики и представителей туземного населения собрались на Соборной площади. Сказал им речь о перевороте и приказал прочитать: а) манифест об отречении государя, б) акт об отречении Михаила Александровича, в) мой приказ по краю от 4 марта о повиновении всем новому правительству, с переименованием всех министров, г) депешу ко мне о перевороте князя Львова. После этого я прочел приказ верховного главнокомандующего Николая Николаевича. Провозглашение здравицы Николаю Николаевичу, Львову, Родзянко, Гучкову. Потребовал торжественного обещания по трем пунктам: 1) обещание повиноваться новому правительству свободной России, 2) обещание все силы, средства и даже жизнь положить для достижения полной победы на фронте, 3) обещание поддерживать везде и всегда полный порядок и стоять за него (иначе стращал голодом). На все мои требования тысячи грудей ответили троекратно «обещаем». Я провозгласил затем ура! за процветание свободной России, за победы нашей славной армии, за всех чинов ташкентского гарнизона и всех жителей г. Ташкента. Городской голова Малицкий после небольшой речи, где он, между прочим, назвал бывшее правительство изменниками, провозгласил здравицу за мое имя.

Кричали громко.

Пока строились на молитву, я беседовал с туземной депутацией. Передал им коротко то, что передавал и войскам, и потребовал прежде всего полного порядка и спокойствия. Обещали и то и другое. Я высказал и им веру, что при новом строе жизни в России им будет тоже жить легче прежнего.

Обходил и массу публики, принимали приветливо. Порядок поддерживался учениками, рабочими и одиночными нижними чинами образцово.

Войска прошли отлично и разошлись по домам с песнями. Общее настроение было серьезное, но спокойное и приподнятое.

8 марта.

Чувствую себя помолодевшим и, ловя себя на радостном настроении, несколько смущаюсь: точно и неприлично генерал-адъютанту так радоваться революционному движению и перевороту. Но так плохо жилось всему русскому народу; до такой разрухи дошли правительственные слои, так стал непонятен и ненавистен государь, что взрыв стал неизбежен. Ликую потому, что без переворота являлась большая опасность, что мы были бы разбиты , и тогда страшная резня внутри страны стала бы неизбежна. Теперь только бы удалось восстановить всюду дисциплину в войсках, только бы политическая горячка не охватила войска действующей армии; победа, глубоко уверен в том, нам обеспечена.

Многовластие на Руси.

12 марта.

Гучков прислал очень теплую и хорошую депешу, одобряющую все мои действия и утверждающую меня на будущую деятельность. Высылают мне комиссара Временного Правительства, члена Государственной Думы князя Васильчикова (сына генерал-адъютанта).

Сдерживаю до сих пор население Ташкента от всяких опасных выступлений. Сдерживаю и весь край. Пока нигде не пролито крови, но обстановка до сих пор тревожная. Главная причина: многовластие на Руси.

В Петрограде: Исполнительный Комитет Думы ведет себя отлично. Сдал свою власть министрам. Но рядом с Комитетом Министров действует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, предводимый Чхеидзе. Это и есть второе правительство. Чхеидзе располагает телеграфом общим и искровым и передает свои приказания Исполнительному Комитету в Ташкент и, значит, и в других пунктах.

Программа Чхеидзе простая: не дожидаться решения Учредительного Собрания, объявить в России демократическую республику. Борьба в Петрограде с Чхеидзе уже ведется, ибо он деморализует войска.

31 марта.

Мне объявлено, что я нахожусь под домашним арестом. Командующим войсками Совет Солдатских Депутатов назначил полк. Черкесса, коменданта г. Ташкента. Вместе со мною подвергнуты домашнему аресту: начальник штаба округа г.-м. Сиверс, кристалльный человек, и ген. Ерофеев, бывший очень резким, даже грубым с войсками. Причина ареста — надо было взять власть в свои руки. Повод — посылка для вооружения русского населения ружей. Никаких документов не смотрели. Решение было составлено заранее. Всеми делами руководил солдат еврей Бройда [1]), юрист. Разумные члены Исполнительного Комитета противились этому решению, видели значительную часть

[1]) Так в оригинале. Следует: Бройдо.

документов, убедились в полной основательности сделанных распоряжений, но ничего сделать не могли: революционная волна докатилась и до меня. Целый месяц я боролся, чтобы провести новый строй свободной России без потрясений, без пролития крови и добился больших результатов: в пяти областях Туркестанского края не было пролито ни капли крови за весь март месяц.

Дело с ружьями обстояло так: вследствие недостатка в ружьях, военное министерство потребовало в 1915 году высылки в армию всех ружей, находившихся в Туркестанском крае на вооружение населения. В 1915 и 1916 годах было взято свыше 18 тысяч ружей, и русское население пережило беспорядки и восстание в Семиреченской Области безоружным. Усиленно просило о возвращении ружей. Усиленно просила о том же администрация, но ружей не было. Только в конце прошлого года и начале настоящего, когда мы сформировали для Кавказа 8 стрелковых батальонов, удалось в 1916 и 1917 годах вернуть 8.000 ружей. Не возвращено еще до 10.000 ружей. Опасаясь, как бы ружья, выданные в слишком большом количестве, не дали русскому населению средства мстить киргизам, мною, несмотря на усиленные просьбы давать одно ружье на один двор или на два двора, приказано было рассчитать отправку ружей лишь по одной винтовке на десять дворов с целью охраны населения от разбойных нападений туземного населения. Надеюсь, что в семимиллионной массе оно останется спокойным, но отдельные выступления не только возможны, но, по моему мнению, неизбежны. Независимо сего, указано, чтобы высылаемое оружие до поры до времени хранилось у воинских властей и выдавалось только, когда в этом будет настоятельная надобность. По полученным ныне мною из всех уездов депешам, только в редких случаях это оружие было выдано. Более всего выдано ружей в Пишпекском уезде, затем в Пржевальском и Дераконтельском. Эти уезды и наиболее пострадали. Там жители отказывались выходить на свои поля, часто в отдаленные, если не были вооружены даже одним ружьем на довольно большую партию рабочих.

Последнее мое распоряжение о высылке ружей, уже по получении части сведений от военных губернаторов, было сделано циркулярно по штабу округа от 2 февраля, за месяц до перехода к новому строю. В ведомостях было проставлено число дворов, душ мужского и женского пола. Против каждого селения значилась цифра потребного оружия. Так, напр., по Сыр-Дарьинской области на 34.000 или 32.000 мужчин (кроме 10 тысяч детей и 30 тысяч женщин) предназначено было выслать одну тысячу с небольшим винтовок, не принимая в расчет новоселов.

В марте месяце никаких распоряжений по высылке оружия я не делал за одним исключением: 17 марта я получил депешу из Уро-тюбе, подписанную председателем совета Киселевым, в которой он сообщает, что на общем сходе всех жителей Уро-тюбе решено было просить меня увеличить воинскую

команду с 56 чел. до 100 и дать ружья для вооружения населения. Я приказал исполнить то и другое, ибо действительно Уро-тюбе, как и значилось в депеше, лежит вне железных дорог, и окрестное туземное население наиболее воинственно: в 1866 году (год моего приезда в Туркестан) штурм Уро-тюбе нашими войсками был наиболее тяжелым: из нашего батальона были убиты мой товарищ Кончиц и адъютант батальона пор. Плешков. Послал 200 ружей. Это было тем более необходимо, что одновременно ко мне поступили сведения о возможных выступлениях туземцев в Джизакском, Самаркандском уездах и в Голодной степи Ходжитского уезда. Из Джизака сообщили мне об этой тревоге два члена Исполнительного Комитета и пом. уездного начальника. Там сбежали в Джизак все лесники. Из Самаркандского уезда приехал тоже выбранный председателем Областного совета по продовольствию. В Голодной степи киргизы зарезали семью, оттуда просили спешной присылки военного караула, что и было исполнено посылкою 27 солдат с подпоручиком Кочергиным. Этого оказалось мало, и пришлось послать еще 120 чел., ибо все станции были в тревоге. Эти 200 ружей в Уро-тюбе хранились у начальника караульной команды и никому не выдавались. Они-то и послужили обвинением меня в провокации и натравлении одной группы населения на другую с целью вызвать беспорядки. Якобы охрана посылалась также малая, ибо Куропаткину было все равно, в чьи руки попадут эти ружья: русские или туземные, только бы они начали стрелять.

Независимо тревожных сведений из трех уездов Самаркандской области, тревожные сведения получались из Семиреченской области о скоплении киргиз на оз. Балахата. Туда посылались команды и пристава из Пржевальского уезда, где можно было опасаться на почве взаимного озлобления больших беспорядков. По Закаспийской области были донесения о сборе иомудов на колодцах Ортокуя между Хивой и Закаспийской областью. Получились тревожные сведения и из Ферганы. Начальник гарнизона Полонский прислал нарочного хорунжего Александрова с донесением, что со стороны Афганистана, через Дарваз и Кулеб, афганцы собираются вторгнуться в Фергану, и просил присылки войск и сбора разбросанной Кушкинской дружины ополчения. Приказал послать в г. Скобелев Уссурийскую казачью сотню из Кызыл-Арвата. Александров представил донесение, что каракиргизы Ошского уезда совершенно не понимают совершившейся перемены, считают, что наступило безначалие и собираются выбрать своего хана. Хорунжий Александров сообщил также, что сарты Ферганы стойко хотят добиваться равных с русскими прав (четыреххвостки) и хотят все городское хозяйство забрать в свои руки. Особенно горячие выступления их еще митингового характера были в Андижане, где их собралось 3600 человек. И вот при такой-то общей обстановке, по мнению солдатских депутатов, надо было оставить русское население без охраны даже на их полях. Характерно, что в марте ко мне пришла

депеша из Пензы от Совета Солдатских Депутатов, подписанная солдатом-гражданином Капыловым. В ней он, по полномочию находящихся в их полку семиреченцев и сыр-дарьинцев, сообщает, что до них дошли слухи о готовящемся нападении на русских киргиз, и спрашивает, какие приняты мною меры к защите русских?

Как снисходительно я относился к преступлению бунтовавших туземцев, видно из того, что из 340 приговоров к смертной казни, ко мне поступивших, я отменил 320 приговоров, заменив смертную казнь часто легкими наказаниями.

7 марта я ходатайствовал, чтобы, вообще, окончить все возбужденные по восстанию дела.

По многочисленным указаниям, циркулярным и отдельным, начальственным лицам я постоянно напоминал о необходимости братской жизни в свободной России русских и туземцев и поощрял образование согласительных комиссий и комитетов для примирения киргиз с русскими и полюбовного решения поземельных вопросов, в виду амнистии, разрешавшей киргизам возвращение на отнятые у них земли.

6 апреля.

Третьего дня пришел из Петрограда приказ: не протестовать моему отъезду в Петроград. Вчера готовы были 5 экземпляров моей обвинительной записки и приложений к ней. Один экземпляр послан прокурору Меллеру, другой — Черкессу для Исполнительных Комитетов. Просил, рассмотрев, гласно, путем печати признать ошибочность возведения на меня глупого обвинения: «в провокаторстве международной розни»... Исполнят ли, не знаю.

Выяснилось с несомненностью, что в трех основных областях, а также Закаспийской и Бухаре, всего в прошлом и за три месяца сего года роздано 165 рублей, главным образом, по требованию комитетов, для вооружния милиции. Завтра уезжаю в Петроград.

Бройда принимает все меры, чтобы я ни с кем не виделся, опасаясь взрыва возмущения против него и его соучастников в Комитете Солдатских Депутатов. Во всем городе, во всех слоях подавленное настроение. Тучи собираются. Солдатская деспотия, наступившая в Ташкенте, всем грозит опасностью, перерывом мирной деятельности. Дом ген.-губернатора готовят для краевого съезда.

..... мнения о возможности обойтись без аннексий и контрибуций [1]). Немцы тоже резко заявили, что, победив, воспользуются и аннексиями и контрибуциями. Мы одни ломаем дурака!! Думаю, что главная надежда этих, повидимому, бескорыстных патриотов заключается в том, чтобы ускорить окончание войны.

---

[1]) В подлиннике отсутствуют л.л. 73—76, где находится начало помещаемой здесь статьи. *(Прим. ред.)*

Все же вчера на Невском, когда манифестанты за правительство встретили малую манифестацию против правительства и начали срывать плакаты, ленинцы и, вероятно, большевики рабочие открыли стрельбу и убили нескольких солдат.

29 апреля[1]).

Был сегодня у министров юстиции и земледелия: Керенского и Шингарева. Оба назначили особые для сего часы, а не в общий прием.

Керенский обещал быстро реабилитировать меня от обвинения в вооружении населения в целях возбуждения междунациональной розни. Высказал мнение о необходимости заметку о реабилитации поместить и в ташкентских газетах. Я ему очертил положение Туркестана в начале апреля. Высказал, что с европейским населеним новые власти и Исполнит[ельные] Комитеты справятся: силы нашлись. С туземным населением труднее, сложнее; авторитет новых властей туземцы не признают. Кто тянет к старым, кто к федерации и обособленности Туркестана. Указал на необходимость не применять полностью принципа равенства, иначе Туркестан пойдет назад: большинство голосов будет у туземцев, и они захватят все в свои руки, а руки-то ненадежные по нашей вине: 50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни. Керенский согласился с моим мнением, что, при неравенстве обязанностей с русским населением, туземцам не следует предоставлять и полноту прав. Относительно общего положения Керенский настроен довольно бодро. Считает, что революция нам далась «б е з у м н о д е ш е в о». Что трения необходимы и неизбежны, но устранятся. Успокоение даже наступает и в Кронштадте. Что на днях их кабинет пополнится новыми силами (социал-демократич.), что это укрепит его значение. Засилье солдат ему тоже не нравится, но и тут по его мнению есть улучшение. Керенский высказал мнение, что следовало, как только вспыхнула революция [2]), двинуть войска вперед, пока у них еще был революционный пыл от сознания свободы, даже, если бы не все было к наступлению готово. Как бы признает, что ныне наступательная сила нашей армии очень уменьшилась

У Шингарева просидел около часа. Впечатление благоприятное. Очень внимательно расспрашивал по вопросам, которые касались министерства земледелия.

25 апреля[1]).

Сейчас представлялся министру-председателю князю Львову. Принял в своем домашнем кабинете очень сердечно. Не виделись с японской войны. Помню, в Манчжурии много работали с ним, как с представителем земских организаций. Он тогда поверял мне свои планы

[1]) В подлиннике не выдержана хронологическая последовательность записей.
[2]) Далее зачеркнуто: надо было.

об образовании общеземской организации и добился этого. Я оказывал ему всевозможную помощь и очень сочувствовал его начинаниям. Расспрашивал про Туркестан. Успокоил его за европейское население: там сознательные элементы нашлись и найдутся еще. В их руках свобода не перейдет в анархию. Труднее с 7 милл. туземцев. Огромная масса темна. При полном равноправии заберет в свои руки городское хозяйство и всю страну. Пойдем не вперед, а назад. Относительно войска указал на солдатскую деспотию и опасность этого положения. Кн. Львов сказал мне, что они не думали заходить так далеко, как унесли их события. Мы теперь, сказал он, «как щепки, носимся на волнах». Все же выразил надежду, что все успокоится. Общее впечатление разговора с кн. Львовым — благоприятное.

Видел в тот же день начальника главного штаба Минута и помощника начальника генер. штаба — Потапова. Оба озабочены. Минут говорит, что, если бы не война, вышел бы в отставку.

В главном штабе все же наружный порядок. Писаря стали вольные, но это естественно.

По улицам честь отдают лучше и чаще, чем две недели тому назад. И среди солдат ныне много элементов, которые, бог даст, не допустят полного разрушения дисциплины, не допустят, значит, развала великой нашей родины.

Звонил мне по телефону А. И. Гучков, но меня не было дома.

Кажется, забыл записать, что кн. Львов мне сказал, что они вовсе не ожидали, что революция так далеко зайдет. Она опередила их планы и скомкала их. Стали щепками, носящимися по произволу революционной волны.

1 мая.

Вчера в 3 ч. пополудни был у меня и долго сидел Корнилов, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. Встретились тепло. Давно его знаю. Очень смелый, решительный, доблестный человек. Смелую поездку переодетым совершил в Афганистан; под Мукденом геройски вывел несколько тысяч отставших у Императорских могил и неизбежно попавших бы иначе в плен. В эту войну геройски командовал 48 див. Попал в плен и бежал оттуда. Объявил мне, что он отказался от начальствования войсками Петроградского военного округа, ибо не мог прийти к соглашению с Советом Солдатских и Рабочих Депутатов. Они вырывают власть у него из рук и мешают восстановить дисциплину. Он шел на то, чтобы при штабе находилось несколько членов Совета для совместного обсуждения разных вопросов. Они же требовали, чтобы все приказы Корнилов издавал не только за своею подписью, но и за подписью председателей Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. На это Корнилов не согласился. Ему дают VIII армию, а Каледина переводят в V армию. Было предположено дать

Корнилову Северный фронт, оставив в подчинении и Петроградский военный округ. Тогда предполагалось, что войска Петроградского гарнизона, переформированные в строевые части, будут подтянуты к побережью и Риге для обороны подступов к Петрограду. Алексеев не согласился на эту комбинацию и выдвинул на Северный фронт своим кандидатом Абрама Драгомирова. Когда Гучков этому противился, то Алексеев выразил желание подать в отставку. Говорил, что сила стратегического дарования Корнилова неизвестна. Корнилов едет в армию с верою в успех, но ожидает огромные трудности от падения дисциплины в войсках и принужденного положения офицеров. Я просил Корнилова дать мне в его армии корпус войск. Он обещал. Просил его поговорить об этом и с Брусиловым. Я высказал свою мечту иметь в корпусе три дивизии с тем, чтобы одна была в резерве. Понимаю всю трудность командования в настоящее время: два врага — один впереди, настоящий; другой, в виде солдатской деспотии, позади, в виде разных Советов. Но тяжко в минуты грозной для России опасности сидеть без дела, а не находиться в передовой линии. Написал с просьбой о корпусе и М. В. Алексееву.

Вчера обедал у Влад. Дмитр. Набокова, управляющего делами Временного Правительства. Знаю Набокова с его детства. Женат на Елене Ивановне, урожденной Рукавишниковой. Ее мать крестила моего сына. С отцом ее, Иваном Васильевичем, были приятелями. Вместе охотились и ловили рыбу, у Набокова — большая, дружная семья, 5 детей, не очень здоровых видом. Они богаты. На днях подписались на 500 тысяч руб. на заем свободы. Набоков не очень спокойно относится к происходящему. Говорит, что совсем не то они ожидали. Что надо было, чтобы Михаил нашел в себе мужество принять престол. Тогда разрухи и безначалия не было бы. Теперь нет власти. Уходит Гучков, заменить его некем; уйдут и другие. Керенского прочат в морские министры. На мое недоумение по этому вопросу Набоков ответил, что надо поднять во флоте дисциплину. Максимов в Балтийском флоте бог знает что делает и рушит наш флот. На побегушках у матросов. Чудного Непенина и 200 офицеров убили. Потребовали, чтобы и сухопутные офицеры сняли погоны. Терроризируют в Гельсингфорсе финляндцев. На днях матросы явились, чтобы свалить памятник Александру II. Финны вынули ножи, окружили памятник и не допустили матросов выполнить их дикое намерение.

Коалиционное министерство может и не состояться. Представители Совета Солдатских и Рабочих Депутатов предпочитают иметь контрольную и «подстегивающую» власть, чем разделять ответственность. Предполагают привлечь в министерство Плеханова и что-то вроде Пальчевского, большого промышленного деятеля.

Набоков утверждает, что, в случае дальнейшей разрухи и попыток заключить сепаратный мир, у наших союзников состоялось соглашение с Японией и, кажется, с Китаем напасть на нас в Азии.

Сведения с фронта у нас благоприятны. По словам Набокова, Брусилов стал неузнаваем, нервничает, ходит мрачный и собирается просить об увольнении. Другие главнокомандующие, в том числе Гурко, тоже хотят уходить. Поливанов с своею комиссиею только подливает масло в огонь. Все толкует о правах солдат, в защиту офицеров ничего. Дух офицерства подавленный.

Вчера в трамвае рядом со мною сидела женщина с мальчиком на руках. Малютка потянулся к моим погонам. Мать остановила. Я тогда сказал: пусть трогает, может быть, сам носить будет. Стоявший против нас мужчина в штатском платье с изможденным лицом ответил: бог даст, к тому времени как ребенок подрастет и погон никто носить не будет, не будет армии, невозможны станут и ужасы, нами ныне переживаемые. Затем он рассказал, что был $1^1/_2$ года в плену, выпущен по доброте врача, признавшего его душевно-больным; что все немцы, за малым исключением, жестоки, думают только о себе, что боятся своих офицеров бесконечно и что голодают. Ему приходилось из присланных ему сухарей совать сухарик в руку голодному немецкому часовому.

7 мая.

Вчера вечером после всенощной службы в церкви протопресвитера слушал речи ко мне отца Георгия Шавельского. Этот чистый человек и чудный пастырь тоже был в подозрении и 2 дня был арестован. Теперь его, кажется, восстанавливают в звании протопресвитера. Он посылал на разные фронты своих наиболее даровитых проповедников. Они ему передали о состоянии армии, между прочим, следующее.

В V армии хуже всех расстроен 19 корпус (Веселовского). Ему труднее других приходилось. Хуже других частей в этом корпусе 38 дивизия, бывшая ...[1]), считавшаяся наиболее надежною. 13 корпус значительно лучше, 14 корпус отличный духом и дисциплиною. В XII армии хуже всех 109 дивизия. Ее вынуждены были вывести в резерв, ибо она склонна была открыть дорогу немцам. Заменили ее кавал. дивизиею. Во II армии (штаб в Несвиже) есть тоже здоровые и слабые части. В XII армии наиболее сильна духом и дисциплиной 44-я дивизия Циховича. Особенно упоминают Переволоцкий полк, лучший по дисциплине. Проповедников принимали неохотно, но собирались слушать от полка до 2.000 человек. Отрадно, что, выслушав, всюду просили приехать еще раз. Офицеры отсутствовали, на что указывали и солдаты. По мнению Шавельского, офицеры во многих случаях недостаточно работают, чтобы влиять на нижних чинов. Держатся в стороне. Два лагеря. Братания на фронте доходили до позорных явлений: на одном из участков фронта наши солдаты поставляли хлеб в германские окопы. Когда доставка хлеба прекратилась, немцы пригрозили разбить русские окопы, привели свою угрозу в исполнение, и наша часть малодушно возобновила отсылку хлеба немцам.

[1]) Неразобрано.

Василий Федорович Новицкий, бывший помощник военного министра. Долго сидел у меня. Смещен Керенским, огорчен. Едет на фронт. Несколько недоумевает относительно полезности первых мер, принятых Керенским. Он взял себе в помощники двух только что произведенных полковников: Якубовича и кн. Туманова, а еще более удивлен назначением поручика Кузьмина помощником главнокомандующего Петроградского военного округа. Опасается, что эти три лица не будут иметь авторитета в старшем начальствующем персонале. Керенский издал второй приказ, дающий возможность попасть в офицеры и без образовательного ценза после 4 лет пребывания на войне. Керенский продолжает повторять в своих речах, что он «добьется железной дисциплины» в армии. Меры к тому еще не выяснились и ему самому. 9 мая хочет ехать на юго-западный фронт.

Новицкий справедливо возмущается Поливановскою комиссиею. Работает к разложению армии. Совет Солдатских Депутатов предписывает комиссии свои решения и всё к поднятию прав солдат и к принижению офицерского состава.

Адмирал Коломейцев. Начальствовал Наровской флотилией на Северном фронте. Отличный моряк, знающий, строгий, но заботливый. Держал свои суда в отличном порядке. В бытность мою главком Северным фронтом несколько раз плавал на его судах. Сегодня Коломейцев рассказывал мне, что в Пскове генерал Рузский опубликовал отречение государя только 5 марта. Назначили войска на парад. Коломейцев добивался, чтобы все были одеты по форме. Некоторые матросы все же вышли с красными бантами. У двух, трех снял собственноручно, за что был арестован. Сидя сегодня долго у меня, очень огорчался развалу Балтийского флота. По его словам, флот этот к бою уже непригоден. Максимов никуда не годится. Матросы называют его «адмирал-подлиза». По словам Коломейцева, убийства офицеров в Свеаборге и Гельсингфорсе происходили по подкупу, на немецкие деньги.

По его словам, в Кронштадте до сих пор томятся 85 офицеров с бритыми головами, которые чистят отхожие места, метут улицы и пр.

Сегодня юнкер кавалерийского училища, член Совета Солдатских и Рабочих Депутатов утверждал, что настроение членов Совета очень патриотическое. Скоро дадут приказ фронтам наступать и сами хотят подать пример. Просят, чтобы запасные части Петрограда скорее формировали в полки.

12 апреля. [*sic!*].

За последнее время евреи во всей России очень поправели. Речи товарищей Ленина и большевиков им не нравятся. Делиться не хотят.

Керенский взял к себе в помощники двух молодых полковников, а помощником главнокомандующего Петроградским округом сде-

лал поручика Кузьмина. В одном из посещенных им полков Керенский произвел единолично полковника в генерал-майоры. Подписал, не дождавшись заключений командующих армиями, «Декларацию прав солдатам». Там есть пункт об неотдании чести солдатами офицерам. Полк. Якубович ездил в заседание Совета Солдатских и Рабочих Депутатов и просил, в одолжение Керенскому, устроить так, чтобы и без обязательства нижние чины честь отдавали. Идут разговоры, чтобы офицеры первые отдавали честь нижним чинам. В Поливановской комиссии, холопски ухаживая за солдатами, Якубович и еврей Цейль, ныне Покатов, предлагают, чтобы солдатам было предоставлено право награждать офицеров, а именно солдатским Георгием. Этим принизится не только положение офицера, но и значение офицерского Георгия.

Вчера встретил командовавшего у меня на фронте XII, а затем VI армиею Горбатовского. Говорил о развале армии с глубоким возмущением, но средства помочь горю предлагал невероятные: сформировать корпус или полкорпуса из офицеров и силою уничтожить Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов.

13 мая.

Был у министра иностранных дел Михаила Ивановича Терещенко сегодня от $11^1/_2$ до 12 часов. Он просил ознакомить его с Туркестаном. Прочел ему, в сущности, в сжатом виде лекцию о современном состоянии каждой из пяти областей, входящих в состав Туркестанского края, и о положении Бухары. О Хиве сказал очень мало. На вопрос Терещенко, что же нам делать, ибо приходится отзывать комиссара Временного Правительства Щепкина, по его просьбе, ибо ташкентский Комитет Солдатских и Рабочих Депутатов не соглашается признать эту власть и требует отмены распоряжения комиссаров о назначении уездными комиссарами Тризну и Иванова, я задал такой вопрос: какие задачи правительство ставит себе относительно Туркестана? Должны ли 7 областей, его составляющих (считая Хиву и Бухару), с 10—11 милл. населения, составлять и в будущем часть России, неразрывно с нею связанную, или по отношению $10—10^1/_2$ милл. туземного населения будет во всей широте применен принцип «самоопределения народности»? Но в этом последнем случае Россия может потерять Туркестан. Терещенко ответил определенно, что Туркестан должен в будущем составить часть России. Тогда я указал главное средство достигнуть этой цели: в Ташкенте, как в зеркале, отражается все, что творится в Петрограде. Было у вас двоевластие — такое было и еще есть и теперь в Ташкенте. Из Петрограда пошел развал нашей армии. Этот развал докатился и до Туркестана. У вас создалась солдатская деспотия, такая же явилась и в Ташкенте. Теперь вы избавились временно от двоевластия и хотите «железной дисциплины» в армии. Если вы этого достигнете, несомненно, удастся восстановить дисциплину и в Ташкенте. Без

этого результата положение Туркестана необходимо признать тревожным. Несомненно, необходима твердая власть, которая, по полномочию правительства, могла бы приказывать. После долгого обсуждения разных способов Терещенко остановился на мысли о необходимости отозвать Щепкина и одного из комиссаров и вместо них послать двух более левых. Посылая их, прибавить им представителей Совета Солдатских и Рабочих Депутатов для приведения Ташкентского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к порядку и уважению распоряжений правительства. Эту последнюю меру я ему рекомендовал.

Кроме того, рекомендовал относиться с большим доверием к выбранным комиссарам самим населением. (Прислали из Петрограда самаркандского комиссара, даже не запросив меня).

Относительно Бухары посоветовал образовать мусульманский высший совет или комитет, дав там представительство как старобухарцам, так и младо-бухарцам. Они во вражде, и старо-бухарцы многочисленнее.

Высказал мнение, что Бухару и Хиву надо сохранить как автономные области, что наши революционные силы еще не справятся с задачами обратить эти провинции в республики. У нас и своих забот очень много. Если наше туземное население стало под русским владычеством более обеспечено, стало много богаче бухарского или хивинского, это, конечно, составляет предмет зависти бухарцев и предмет недовольства своим правительством, но, с другой стороны, наши подданные туземцы упрекают русских, что они развратили их молодежь, что часть младо-сартов отошла от старой веры, пьянствует, безобразничает в публичных домах, играет в карты, не уважает старших. Что число краж и преступлений возросло, и — больше, чем в Бухаре. Поэтому, старо-сарты Туркестана, горячие приверженцы старого уклада жизни и шариата, завидуют, что в Бухаре имеется кази-каляян с огромною духовною властью, которой подчиняется эмир, что этому кази-каляну, кроме духовной части, подчинено все школьное дело и подчинен «раис», блюститель нравов, наблюдатель за исполнением законов (шариата). Наши туземцы старо-сарты мечтают о создании и у нас [1]) таких же должностей — кази-каляна и раиса. Мечтают, кроме того, создать в Ташкенте высший духовный совет из представителей от 5 областей с подчинением ему всей духовной части, учебной части и судебной части всего мусульманского населения Туркестана. Разработана, кроме того, целая программа требований со стороны мусульман, отстраняющих русскую власть. Запросы сложны, противоречивы для разных групп туземного, не только русского, населения. Проведение их в жизнь встречает огромные трудности. Удовлетворение их отодвинет Туркестан в культурном отношении назад, ибо все русские города попадут в руки туземцев. Выход мною уже принятый: не давать равных прав туземцам при выборах с европейцами.

---

[1]) Так в подлиннике.

Терещенко соглашался с этими мыслями. Хочет их доложить в Совете Министров. Признает положение серьезным. Говорил, что они теперь борются за сильную власть у правительства и за понижение значения Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Что Керенский и его поездка на фронт — их последняя ставка.

Мало говорит, но что говорит,—продумано. Производит хорошее впечатление. Славные блестящие умные глаза. В общем, вид утомленный.

У начальника ген. штаба Романовского.

Встретились сердечно. Сын Романовского — героя Ходжента, Уро-тюбе, Джизака и Ирджора; в 1866 году я служил под его начальством, приехав в Ташкент в 1866 году подпоручиком Оренбургского стрелкового батальона (ныне Туркестанский стрелковый полк). Сын его — георгиевский кавалер. Он был начальником штаба 9-го корпуса, соседнего гренадерскому, говорил много лестного по поводу приведения мною в порядок гренадерского корпуса.

Я рассказал ему о военных нуждах Туркестана, записал об постепенном расформировании 1-го Сиб. запасного полка. Он ответил мне, что надо под тем или иным поводом вызвать Бройду и что теперь надо даже назначать маршевые роты с осторожностью, чтобы не натолкнуться на отказ ехать на фронт. Настроение его нервное. Работает, но не видит близкого исхода безначалию. Тоже надеется на Керенского.

У начальника главного штаба Архангельского.

Хорошее впечатление. Редкий работник. Витмер — его тесть. Он много говорил Архангельскому хорошего на мой счет. Архангельского очень тревожит положение Туркестана. Он говорил, что от мусульманского населения поступают просьбы вернуть меня, Куропаткина, в Туркестан. Я ответил, что по нынешним временам это может состояться только после моей реабилитации и с согласия Петроградского и Ташкентского Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

С полк. Энгельгартом.

Явился ко мне. Вспомнил, что после ранения под Ляояном я дал ему боевой орден. Работал со мною в Херсу. Относительно своего командования войсками Петроградского военного округа в первые дни революции сказал, что он был хозяином положения только первые 6 часов. Затем фактическая власть перешла в Совету Солдатских и Рабочих Депутатов, и он не мог предотвратить издание приказа № 1. Настроен пессимистически. Считает, что необходимо скорее употребить силу, расстрелы. Что ему стыдно встречаться на улице с офицерами-иностранцами. Керенский — последняя ставка, в которую он не верит. Итти вперед не хотят. Впереди — смерть, а позади — дележ земли, безнаказанность. На Кавказе войска разбегаются. В Персии наши войска будто бы отступают.

Клемм сказал мне сегодня, что французы понесли очень большие потери и к порыву вперед мало пригодны. Очень большие потери были причиною замены Ниволя Петеном. Англичане еще держатся. Все ждут нашего усилия. Союзники нервничают. Наше «братание» их возмущает. Энгельгарт тоже сказал мне, что на французском фронте наши стрелки бригады Лохвицкого также пробовали брататься, но французы окружили бригаду своими войсками, выяснили виновных и расстреляли 118 нижних чинов и 5 наших офицеров.

У полк. Якубовича.

Принял меня в кабинете военного министра на Мойке. Толстый, смелый, умный, нахальный. Повидимому, есть характер и будет иметь большое влияние на дела. Тоже очень озабочен Туркестаном. Согласен со мною, что для оздоровления Туркестана надо прежде всего оздоровить Петроград. Надеется достигнуть этого при помощи Керенского. О мерах, кои для сего надо принять, еще ясного представления себе не составил. Тоже говорил, что надо меня возвратить в Туркестан. Я передал ему, что просился у Корнилова получить корпус войск и о том же написал Алексееву.

У полк. Туган-мирзы-Барановского, управляющего канцелярией военного министерства.

Очень неблагоприятное впечатление. Растерян. Винит во всем корпус офицеров. Разбил его на 5 групп, одна хуже другой. В первой считает просто негодяев, во второй — подлиз к солдатам, в третьей—представители старого режима, готовые его защищать, в четвертой — очень многочисленной — выжидающих и бездействующих, и только в 5-й группе, к которой причисляет и себя, сознательных революционеров, на коих, по его мнению, и вся надежда. Смотрит на будущее мрачно. Жалуется на офицерство в Петрограде. В главном штабе объединились и вмешиваются во все назначения. Писаря там ведут себя более сдержанно. По словам Барановского, надо взять воинскую часть, окружить главный штаб и всех выдворить оттуда, уволить от службы и заменить другими.

В канцелярии считает, что им заведен порядок.

Военный совет, по его словам, будет преобразован, как бы по образцу Госуд. Совета, где будут чины по назначению и чины по выбору войск.

В канцелярии встретил большую группу офицеров всех чинов Поливановской комиссии. Сказал им, что восстановление дисциплины в войсках надо начинать с восстановления отдания чести офицерам солдатами.

Интересное мнение мне сообщил сегодня Энгельгарт. По его словам, падение дисциплины, братание, нежелание воевать охватило более всего пехотные части. Кавалерия тоже затронута, но не так, как

пехота. Тверда вполне осталась вся артиллерия. Ей пехота иногда грозит, если артиллеристы начинают стрелять по солдатам, выходящим для братания.

14 мая.

Виделся с Александром Ивановичем Гучковым и сегодня обедал у него. Он просил откровенно высказать мое мнение прежде всего по войску. Ответил в общем: вы в Петрограде и затем во всей России произвели революцию с целью обеспечить победу. Разложив армию, вы пока сделали обратное: обратили армию в значительной ее части в толпу вооруженных людей, для победы против немцев мало способную. Для победы надо, чтобы начальник командовал, а не просил. Для победы надо, чтобы солдат (независимо любви и уважения) б о я л с я офицера, а теперь офицер б о и т с я солдата, подделывается к нему, просит его исполнить солдатский долг. Первым этапом к разложению армии был приказ № 1 Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Петроградского округа. Вторым — привлечение армии к политической жизни; третьим — образование разных комитетов с митинговым характером. На этих комитетах, как бы улицею, решались вопросы и о начальствующих лицах. Четвертым — неотдавание чести офицерам. Отсюда пошло и высаживание офицеров в вагонах с занимаемых ими мест, пускание им дыма в лицо, хождение по улице в растерзанном виде, наполнение трамваев, сидение, когда раненые офицеры стоят, и пр. Пятым — проповедь о братании на фронте. Шестым — мир без аннексий и контрибуций и пр.[1]), 7-е — отменою и для военного времени смертной казни. Гучков признал правильность диагноза и разрушительную силу этих распоряжений. Он сказал, что телеграф был в руках Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Все посылаемые им депеши цензуровались. По мнению Гучкова, Россия идет к катастрофе одновременно четырьмя путями: 1) развалом армии; 2) банкротством, — мы живем печатанием бумажек. Предполагаемые нам ссуды Америкою приостановлены. Подвижной состав Америкою дан не будет; 3) голодовкою (расстройство транспорта при имеющихся еще запасах); 4) безначалием и смутою внутри. Гучков не видит просвета. По его словам, министерство, в котором он служил, — «слякоть». Один еще был работник — Милюков. Керенский, по его словам, ничего не достигнет. Взятая им на себя задача совершенно не по его силам. Я утешал Гучкова, что не все еще потеряно, что в армии не все роды оружия расстроены, артиллерия тверда, конница тоже. В пехоте есть очень твердые корпуса и дивизии и полки. В солдатской среде главная масса темна, невежественна, непатриотична, с преобладанием звериных инстинктов, если их разбудят, но при дисциплине склонны, по своим прирожденным славянину и татарину качествам, к геройским

[1]) Я прибавил, что «декларация прав» ухудшает положение. Что, кроме того, обсуждается вопрос, чтобы нижние чины и награждали офицеров (солдатскими георгиями). *(Прим. А. Н. Куропаткина).*

делам. Они же при ином руководстве способны залить Россию кровью. Левый фланг этой массы — преступники, на все готовые. Они очень опасны. Меньшинство солдат — сознательные. На них вся надежда. Они при содействии офицеров могут дать победу, закрепив хотя отчасти дисциплину. Но и от этой группы сознательных солдат надо отделить тоже на фланг сознательных — «ленинцев», вообще большевиков разных оттенков, а также анархистов и провокаторов. Они тоже опасны и даже опаснее, чем группа порочных.

Вид Гучкова мрачный, недовольный. Но при всем его пессимизме он сообщил мне, что поступления в городские, земские и казенные суммы, почти прекратившиеся в марте и первой половине апреля, начали ныне поступать успешнее.

15 мая.

Сейчас сидел у меня отст. полковник Джурабек, сын правителя городов Шара и Китоба храброго Джурабека. Мы в 1871 году взяли Шар и Китоб, отдали их бухарскому эмиру, а двух правителей, Джурабека и Баба-бека, поселили в Ташкенте, дав русские чины и пенсии. Теперь посетивший меня сын его — один из крупнейших землевладельцев Ташкента. Хорошо говорит по-русски. Хитрый, но недалекий и коварный. Туземцы не любят его, но ввиду его богатства и поддержки, оказываемой ему бывшими генерал-губернаторами (у Самсонова он был в доме свой человек, раньше был адъютантом при генерал-губернаторе), Джурабек пользуется влиянием и попадает во все депутации для выражения чувств туземного населения.

Джурабек рассказал мне, что в Ташкенте обострился земельный вопрос, что русские крестьяне стали захватывать земли многоземельных туземцев, что от мусульман была послана в Петроград кн. Львову большая депеша с просьбой: а) прекратить самовольство крестьян, б) прекратить переселение русских крестьян, ибо свободных земель в Туркестане нет, в) расформировать переселенческое управление. Там указывалось, что следовало бы русским даже вернуть занятые ими земли, но они на этом не настаивают.

До 40 представителей Туркестана принимали участие на мусульманском съезде в Москве, где собралось до 800 представителей мусульман со всей России. Съезд происходил в большом порядке. Голосовали за будущую форму устройства России. Татары и мусульмане Евр. России высказались за демократическую республику, но представители Кавказа, Туркестана и Сибири за ф е д е р а т и в н у ю республику. По словам Джурабека, за федеративную республику подано 445 голосов. Равно большинством голосов было решено открыть женщину и установить отказ от многоженства. Шариат не упразднен. Джурабек сказал, что ни открыть женщину, ни перейти к одной жене Туркестан не согласится. Заседали в доме, устроенном богатым бакинским мусульманином, забыл его фамилию.

Джурабек и один из сартов Туркестана участвовали и как члены крестьянского съезда. Съезд ему не понравился. Нет порядка. Много солдат; много говорили лишнего. Раздел земель мусульманам не понравился. Социализация земли тоже им непонятна и несимпатична. Они сторонники частной собственности. Идеи коммунизма и анархизма мусульманам противны.

Относительно Ташкента Джурабек высказал, что там больше порядка, чем в Петрограде, солдаты более дисциплинированы, но ждут голода: цена пуда пшеницы дошла до 40 рублей.

Говорил мне о желании мусульманского населения моего возвращения в Туркестан.

Забыл прибавить, что на мусульманском съезде большой раскол произошел по вопросу о равноправии наследования детей мусульманского женского пола.

Вчера наш резидент в Бухаре Алекс. Яковл. Миллер подробно рассказывал мне о беспорядках в Бухаре, вызвавших его отъезд в Петроград. По его словам, дело в Бухаре по установлении нового строя свободной России шло очень хорошо. Манифест эмира о реформах был обнародован. Он, Миллер, дружно работал с Исполн. Комитетом Новой-Бухары. Просился переехать в Старую Бухару для наблюдения за реформами. Жаловался, что в Петрограде три недели задержали ответ на его депешу о манифесте (Клемм говорил, что Милюков внес этот вопрос на рассмотрение Совета Министров). Керенский, которого считали знатоком азиатских дел, высказался за расширение рамок манифеста, указывал на необходимость уничтожения рабства. Клемму пришлось поправить указанием, что рабство в Бухаре давно уничтожено. Младо-бухарская партия в Бухаре, по словам Миллера, ничтожная: 15—30 человек. Старо-бухарцы против широких реформ. Когда младобухарцы, подталкиваемые приезжими из Туркестана русскими пропагандистами, хотели устроить демонстрацию, их схватили и высекли. Один умер. Забили тревогу, вызвали войска из Самарканда и Каттокургана. С ними приехал анархист Чертов и еще несколько большевиков. Чуть дело не дошло до драки. Бухарский комитет стоял за Миллера. Приезжие требовали его смены. Приехавший из Ташкента Рождественский и Давлетшин ничего в действиях Миллера неправильного не нашли, но все же «для успокоения населения» предложили ему отправиться в Петроград. Эмир держит себя пассивно, но сделает то, что ему прикажут. Просился на Кавказ или Ялту лечиться, но Миллер ему отсоветовал. Переехал в Кермине. Там спокойнее. Кушбек и раис сменены [1]).

Окончил чтением труд А. Спиридовича: «Революционное движение в России», выпуск I, Российская Социал-Демократическая партия, изд. 1914 г. Очень поучительная книга. Поражает упорство, энергия, самоотвержение деятелей этой партии. Отлично

[1]) Об этих событиях подробнее говорится в печатаемых ниже материалах о Бухаре в 1917 г. *(Прим. ред.)*

обрисована эволюция в планах партии: отказ от хождения в народ, перенос деятельности в города, фабрики для подготовки фабрично-заводских рабочих к активной деятельности. Отказ от землепашцев. Следующим этапом было перенесение пропаганды в войска по отношению к нижним чинам. К сожалению, не было пройдено последнего этапа: образование революционного офицерства. Пройдя и этот этап, революция могла бы пройти сверху, что для России, где массы совершенно темны, было бы соответственнее. Тогда и армия не разложилась бы, дисциплина не ослабла бы, и мы были бы вполне обеспечены победою над врагами внешними, и не существовало бы опасений за анархию внутри страны. Теперь мы на рубеже: пойдет ли назад «солдатская деспотия» или пойдет еще вперед. В первом случае обеспечение победы, в последнем — поражение, презрение союзников и врагов, анархия и, быть может, вооруженное вмешательство других держав. Пошли боже сил Керенскому помочь этому отступлению солдатской деспотии [1]).

---

[1]) Далее несколько страниц дневника занято конспективным изложением книги Спиридовича.

Бухара в 1917 году.

Публикуемые ниже документы [1]) относятся к начальному периоду революционного движения в Бухаре — вассальном государстве царской России в Средней Азии. Они не дают исчерпывающей картины событий и освещают, главным образом, взаимоотношения бывших царских «резидентов» при дворе эмира бухарского — господ Миллера, Введенского, Чиркина, Шульги и др. с самим эмиром и представителями местной либеральной буржуазии («младо-бухарцами» — «джедидами»), Временным Правительством России в 1917 г. и местными Советами Рабочих и Солдатских Депутатов.

Документы дают общую характеристику взаимоотношений различных политических течений в Бухаре в первой половине 1917 г. — до Октября — и, в общем, довольно ярко иллюстрируют систему феодального строя в этом государстве в его столкновении с русской буржуазной революцией.

Особенно четко в документах выявлена роль царских резидентов, которые либеральными фразами прикрывали свою реакционную сущность, будучи на самом деле сторонниками сохранения феодального режима эмира в его более или менее полной неприкосновенности.

Точно также материалы сообщают любопытные данные для характеристики национальной политики Временного Правительства, являясь вообще весьма ценным источником для истории революционного движения в Бухаре, которое лишь недавно стало объектом серьезного научного исследования (см. работу тов. Файзуллы Ходжаева «О младо-бухарцах» в «Историке-Марксисте» т. I, 1926 г. и его же книгу «К истории революции в Бухаре». Узбек. Гиз, Ташкент, 1926 г.).

Освещаемые документами вопросы заслуживают самого серьезного внимания, так как в наши дни колониальных революций события в Бухаре могут дать весьма поучительные выводы о политической линии борющихся классовых сил в революциях в отсталых государственных образованиях в роде Бухары.

А. Шестаков.

---

[1]) Подлинники печатаемых документов хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики — фонд бывш. министерства иностранных дел, «Секретный Архив», 1917 г папка № 1753: «Бухара. Телеграммы политических агентов и резидентов». Документы печатаются по новой орфографии; формулировка заголовков принадлежит подлиннику; неясности и пропуски в тексте оговорены в подстрочных примечаниях.

Текст публикуемых материалов подготовил к печати И. И. Тоболин. *Ред.*

1. Телеграмма политического агента в Бухаре.

9 марта 1917 г., № 3503.

Срочная.

Сегодня торжественно принял представителя бухарского правительства Ходжа Низам-уд-Дина диванбеги, вручившего мне, по приказанию его высочества эмира, ответную ноту, с просьбой представить Временному Правительству могущественной России заверения в искренней и непоколебимой дружбе и уверенность, что Бухара попрежнему будет находиться под высоким покровительством России, которое все бухарское население считает величайшим для себя благом, давшим ему мир, спокойствие и безопасность от врагов. Бухарское правительство, торжественно подтверждая ненарушимость заключенного с Россией договора, молит бога о даровании своей высокой покровительнице победы над врагом и всепреданнейше желает процветания и развития великой России на благо и пользу покровительствуемого ею Бухарского ханства.

Подробности почтой.

Копия туркестанскому генерал-губернатору. *Миллер.*

2. Телеграмма генерал-губернатора в Туркестане.

10 марта 1917 г.

Его высочество эмир бухарский телеграфирует мне:

Приняв сегодня, по случаю наступления весны и мусульманского нового года, политического агента со всем штатом, приношу вашему высокопревосходительству мои искренние поздравления с наступлением также весны в жизни России и от души радуюсь тому спокойствию, с коим совершилось это важное событие. Преисполненный, как всегда, желанием блага и счастья России и ее народу, покорнейше прошу вас довести до сведения Временного Правительства о таковых моих чувствах и пожелать от моего имени прежде всего окончательной победы России в борьбе с коварным врагом и полного успеха в делах на благо и счастье великой России и покровительствуемой ею Бухары.

Куропаткин.

3. Телеграмма эмира бухарского министру иностранных дел.

10 марта 1917 г.

Прошу вас, господин министр, принять мою глубокую благодарность за любезное поздравление по случаю наступления нашего нового года. Со своей стороны прошу вас от моего имени и от имени моего народа твердо верить в незыблемость тесных уз дружбы, связывающих Бухару с Россией, и непоколебимо верю в блестящую бу-

дущность Российской державы, яркий свет прогресса коей озарит и покровительствуемую ею Бухару. Я приказал в сегодняшний великий день, 10 марта, совершить моления в мечетях Бухары о даровании победы русскому оружию и о ниспослании господом богом полного счастья России при новом демократическом правительстве, обеспечивающем полное свободное развитие всем национальностям и народам.

Сеид-Алим, эмир бухарский.

4. Телеграмма российского резидента [1]) в Бухаре на имя министра иностранных дел.

17 марта 1917 г., № 3939.

Реформы в Бухаре — назревший вопрос, требующий своего разрешения в полном соответствии с видами нашего правительства. Для планомерного, без ущерба нашим политическим и экономическим интересам в стране, проведения этих реформ в жизнь необходимо, чтобы они не противоречили шариату и религиозным воззрениям массы туземного мусульманского населения, — чтобы они не нарушали автономии Бухары и чтобы осуществление реформ производилось всецело под нашим непосредственным контролем и руководством. Доложенные условия устранят вредное для нас иноземное влияние на бухарцев и обеспечат мирное проведение реформ в Бухарском ханстве. Главнейшие реформы суть: облегчение и равномерное распределение податей и повинностей, установление бюджета, контроль, в особенности над местными губернаторами-беками, цивильный лист эмира, городское самоуправление столицы и, где возможно, в других городах ханства, улучшение образования, устройство больших просветительных учреждений, увеличение наших почтово-телеграфных контор и наших культурных предприятий и развитие дорог. Немало в этом направлении уже сделано, но многое еще остается сделать в целях планомерного и настойчивого проведения реформ, требующего постоянного общения с бухарским правительством и представителями населения. В целях предупреждения каких-либо нежелательных для этого дела недоразумений и инцидентов, полагал бы целесообразным временно перенести пребывание политического агентства из Новой Бухары в Старую Бухару. Продовольственный комитет со своим представителем Введенским останется в Новой Бухаре. Испрашиваю указаний.

Копия туркестанскому генерал-губернатору. *Миллер.*

---

[1]) В телеграмме политического агента в Бухаре от 13 марта 1917 г. говорится: «Принимая во внимание неверное толкование массой русского населения титула: «политический агент» и вызываемое этим недоверие ....не будет ли признано возможным заменить «политический агент» титулом «российский резидент в Бухаре». *(Прим. ред.).*

5. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

18 марта 1917 г., № 128.

Телеграмма за № 1176 получена.

Еще до получения этой телеграммы послал министру и генерал-губернатору телеграмму за № 3939 о реформах. Эмир готов во всем следовать в этом вопросе нашим указаниям. Я уже сказал ему, что почин должен исходить от него, с чем он вполне согласился. Он уменьшает наказание уголовным преступникам, а прочим дает амнистию. Приняты меры к устройству типографии и изданию русской и бухарской газет. Приступаем к устройству самоуправления в Старой Бухаре. Обсуждаем уже доложенные мною основные реформы. Сегодня вечером в Арке, в присутствии эмира и кушбеги, состоится совещание о реформах со мною и Шульгой. Среди бухарских евреев, передовых купцов и шиитов существует течение окончательного присоединения Бухары к России. Пока здесь все спокойно.

Копия в Ташкент. *Миллер.*

6. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

20 марта 1917 г., № 129.

Срочная.

Прошу доложить министру.

Вчера вечером обсуждал вопрос о широких реформах с кушбеги, который считает необходимым ввести самоуправление в городе Старой Бухаре на выборных началах, точно установить размеры содержания чиновничества, с организацией правильного контроля, провести выборное начало в судебных установлениях, заняться устройством школ, возможно быстрым насаждением общего образования. Текст манифеста эмира к народу вырабатывается. Кушбеги настоятельно подчеркнул необходимость проведения реформ, основанных на строгих основах шариата, так как малейшее отклонение от таковых повлечет неизбежность категорического протеста многочисленных мулл и неизбежно будет истолковано, как наше враждебное исламу вмешательство и повлечет за собой волнение. Со своей стороны позволю настоятельно подчеркнуть разумность и ценность для наших интересов этой точки зрения, ибо обострение бухарского вопроса в данный момент и наше активное вмешательство вплоть до присоединения Бухары незамедлительно и несомненно вызовет выступление Афганистана, твердо занявшего позицию защитника ислама против неверных, и в виду крайней косности и фанатизма местного населения превратит нас в глазах почти всего населения во врагов ислама. Во всяком случае, считаю крайне опасным присоединение ныне же Бухары и полагаю, что благожелательность к нам эмира и кушбеги служит

гарантией возможности проведения при осторожности и уважении к шариату самых широких реформ в ханстве, масса населения коего по своему духу и обычаям во многом чрезвычайно демократична.

Копия в Ташкент.

Миллер.

7. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

20 марта 1917 г., № 132.

Срочная.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 131.

Текст проекта манифеста эмира к народу:

№ 1. «Во имя бога милостивого и милосердного. В непрестанных заботах наших о благе и счастье всех верноподданных наших решили мы приступить к возможно широкому улучшению всех отраслей нашего управления и к искоренению злоупотреблений и неправильностей оного на выборных началах согласно желанию народа. Напоминая всем верноподданным нашим, что единственной основой всех улучшений и полезных изменений может быть лишь священный шариат, призываем всех помочь нам в исполнении принятого на себя твердого решения осветить Бухару светом прогресса и знаний, полезных для бухарского народа. Прежде всего нами будут положены незыблемые основания справедливого отправления правосудия и взимания караджа, зякота и других налогов и обращено серьезное внимание на развитие в ханстве промышленности и торговли, в особенности с могущественной Россией. Чиновничеству и всем служащим лицам, над которыми будет установлен контроль, будет определено содержание с воспрещением каких-либо вознаграждений за служебные действия. Нами будут затем приняты все меры к развитию и поощрению в стране полезных наук и знаний в точном согласии с повелениями шариата. В заботах о здравии и благоденствии подданных наших, проживающих в столице нашей, решили мы предоставить населению избрать совет достойных, уважаемых народом людей, каковые и озаботятся оздоровлением и благоустройством столицы ханства. Считаем также отныне необходимым учредить государственное казначейство и установить бюджет нашего ханства с точным исчислением приходов и расходов на государственные надобности. Полагая, что все верноподданные наши должны быть точно и своевременно осведомляемы о всех начинаниях и распоряжениях наших на благо и счастье бухарского государства, приказали мы устроить в столице нашей Бухаре типографию, первой задачей коей будет издание особых, по мере надобностей, известий, для общественного пользования и для приобретения бухарцами полезных сведений. В ознаменование торжественного сего события, в тесном единении с великой покровительницей нашей Россией, повелеваем ныне отпустить на свободу, с согласия и одобрения народа, заключенных в тюрьмах».

Миллер.

8. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

22 марта 1917 г., № 135.

Прошу доложить министру.

Под влиянием слухов о предстоящих реформах, в Бухаре замечается некоторое брожение среди весьма многочисленных мулл, усматривающих причину предстоящих реформ в интригах шиитов и в происках весьма ничтожного по числу кружка местных либералов. В виду сего спешно просим кушбеги незамедлительно лично и через кази-каляна разъяснить выдающимся муллам, что непреклонное решение произвести реформы исходит от самого бухарского правительства и будет выполнено на точном основании шариата. Считаю долгом вновь упомянуть крайнюю необходимость в обращениях бухарского правительства к народу неизменно указывать на шариат, как на главное основание всех будущих реформ; малейшее уклонение от сего повлечет тотчас же самое враждебное отношение в широких невежественных массах, могущих усмотреть в реформах покушение неверных на изменение основ шариата. На первых порах, при разработке проекта о реформах комиссиями, считал бы необходимым совершенно удержать комиссии от обсуждения каких бы то ни было вопросов, затрагивающих интересы мулл, и лишь приступить к таковым вопросам впоследствии, после возникновения в городе крепкой власти на выборных началах. Насколько удалось выяснить, это мое мнение совершенно совпадает с убеждением либерального купечества и других сторонников реформ. У последних состоялись собрания, на коих решено было послать телеграмму депутату Тевкелеву с указанием на необходимость помощи угнетенному бухарскому народу со стороны свободной России. По одобрении министром переданного телеграммой за № 132 проекта манифеста и по объявлении его народу, — сочту необходимым выехать в Старую Бухару для непосредственного направления хода работ и, главным образом, для урегулирования всех могущих возникнуть столкновений — на почве крайнего фанатизма.

Миллер.

9. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя советника третьяго политического отдела.

24 марта 1917 г., № 137.

Прошу срочно доложить министру.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 131.

Вчера говорил с представителями местных либералов и посетил кази-каляна и кушбеги. Последний вполне искренно и убежденно идет навстречу всем наших реформам, при чем выразил готовность немедленно ассигновать нужные для начала реформ средства. По моему предложению, кази-калян и бухарский реис будут заменены

завтра известными сторонниками реформ гиджуванским и чарджуйским казиями Мухаммед-Шерифом и Абд-ус-Самад-Ходжей, пользующимися большим авторитетом и широкой популярностью. Мои объяснения касательно плана реформ вполне удовлетворили вышеупомянутых делегатов, обещавших мне не затрагивать [sic!] в интересах дела шариата и всецело следовать нашим указаниям. Ежедневно по-очереди ездим с Шульгой в Старую Бухару.

Лично убедился в нетерпеливом ожидании населением и чиновничеством во главе с кушбеги и эмиром скорейшего официального возвещения эмиром реформ. Со своей стороны считаю возможным скорейшее опубликование манифеста крайне желательным, во избежание каких-либо недоразумений и прискорбных инцидентов.

Копия в Ташкент.

Миллер.

10. Секретная телеграмма туркестанского генерал-губернатора на имя министра иностр. дел.

24 марта 1917 г., № 360.

Создание нового строя свободной России неизбежно должно отразиться на Бухаре и повлечь за собою изменение существующего в ханстве деспотического образа правления, применительно к основаниям, принятым ныне во всей России, но с изменениями, необходимыми по местным условиям. Переход к новому порядку может быть совершен или с присоединением Бухары к России или без такового. Полагаю, что предпочтительнее — второй способ, и первоначально Бухара должна составить подчиненный России автономный район, управляемый эмиром, определение же окончательной формы правления в ханстве следует отложить и решить этот вопрос в зависимости от установления той или другой формы правления в России по постановлению Учредительного Собрания. Пока же для подготовки ко введению нового строя необходимо временно установить права резидента по наблюдению за действиями бухарских властей и направлению таковых на демократических началах. В этом отношении мне кажется полезным применение к Бухаре того порядка, с нужными изменениями, который проектирован мною для военного комиссарства в Хиве. Означенный проект и мое соглашение с ханом хивинским сообщены бывшему министру иностранных дел 16 февраля 1917 г. № 2955. Однако в решении всех вопросов, касающихся введения начал нового строя в Бухаре, надлежит, по моему мнению, руководствоваться чрезвычайной осторожностью, считаясь с особенностями шариата и векового быта ханства, дабы, вместо довольства населения присоединением его к дарованным всей России свободам, не вызвать недовольства и даже возмущения. Создав в туземцах Бухары враждебное к России отношение, можно опасаться вмешательства Афганистана в защиту ислама. Волнение же в Бухаре, особенно в связи с выступлением Афганистана, неизбежно отразится и на туземном населении сосед-

них русских областей, и особенно в Самаркандской. В предупреждение сего желательно, чтобы первые шаги приобщения Бухары к новой жизни исходили от самого бухарского правительства, а не снизу, так как революционное движение против эмира может принять характер выступления против России и породить смуту не только в Бухаре, но и в крае, последствия которой даже трудно предусмотреть. Подобные же соображения высказывает резидент, прося меня передать вам следующую телеграмму.

Продолжение следует. *Куропаткин.*

11. Секретная телеграмма туркестанского генерал-губернатора на имя министра иностр. дел.

24 марта 1917 г., № 362.

Продолжение моей телеграммы за № 360.

Телеграмма резидента в Бухаре за № 129.

Прошу доложить министру [1]).

Со своей стороны, считая непосильным для эмира и кушбеги справиться с делом обновления Бухары, полагал бы необходимым значительно расширить, по соглашению с эмиром, ныне существующую контрольную и направляющую роль резидента.

Копия почтой Миллеру. *Куропаткин.*

12. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

25 марта 1917 г., № 140.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 138.

Сегодня посетил эмира и кушбеги. Его величество [2]) выразил живейшую радость по поводу полученной им от генерал-губернатора телеграммы с приветствием военного министра. Эмир объявил мне о состоявшейся замене кази-каляна и реиса убедительными [sic!] сторонниками реформ, упомянутыми в моей предыдущей телеграмме. На-днях каршинский бек будет заменен старшим сыном диван-беги Нусретуллой. Все распоряжения эмира вызвали полное удовлетворение в широких кругах населения, усматривающего в быстро принятых мерах твердое решение эмира провести реформы.

Свидетельствую о в высшей степени энергичном и горячем содействии испытанного друга России кушбеги, искренно идущего навстречу всем предначертаниям Временного Правительства.

Народ спокойно ожидает появления манифеста эмира здесь.

Копия Чиркину.

Миллер.

---

[1]) Далее следует текст телеграммы Миллера, напечатанной выше под № 6.

[2]) Описка; следует: высочество.

13. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

25 марта 1917 г., № 138.

Прошу спешно доложить министру.

В целях планомерности и практического, под нашим непосредственным контролем и руководством, проведения реформ в ханстве, считал бы желательными следующие мероприятия:

Учредить пока в Новой Бухаре следующие 7 отделов: земледелия в составе уже существующих на бухарские деньги оросительной, агрономической, лесной и ветеринарной организаций; отдел финансов; отдел торговли и промышленности, просвещения, почт и телеграфов, общественных работ и здравоохранения. Начальники и члены этих отделов составят под председательством российского резидента совет, рассматривающий и вырабатывающий все мероприятия в ханстве, утверждаемые затем по соглашению резидента с бухарским правительством. Сказанные отделы войдут в соприкосновение с туземными комиссиями, упомянутыми в моей телеграмме за № 131 и постепенно заменят таковые. Для реального осуществления реформ в бекствах и тюменях необходимо ныне же пригласить в качестве управляющих туземными канцеляриями при беках 34 татар учителей или чиновников. Они будут под начальством окружных инспекторов, живущих в центральных пунктах ханства. Окружные инспектора непосредственно подчинены резиденту. Кроме того, в бекствах будут жить и чины вышеупомянутых отделов для проведения на месте разных мероприятий. Вызываемый этой организацией расход представлялось бы справедливым, в интересах нашего престижа желательным, как то предполагалось при таможенном объединении ханств, отнести на доходы наших таможен в бухарском ханстве, давших за два последних года по два миллиона в год. В противном случае расход этот придется отнести на средства бухарского правительства, уже выразившего мне согласие немедленно ассигновать потребную на это сумму. В случае одобрения этих предположений, полагал бы немедленно по получении указаний командировать специальное лицо для найма подходящих правителей туземных канцелярий и подыскать 6 инспекторов на хорошее жалованье.

Копия сообщается, ради скорости, почтой Чиркину для доклада генерал-губернатору. Телеграф работает неровно.

Испрашиваю указаний. *Миллер.*

14. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

26 марта 1917 г., № 141.

Телеграмма за № 1250 получена.

Телеграммы подписаны двумя местными либералами — Абд-ур-Реуфом Фитратом, по профессии учителем и журналистом, и Муса Юлдашевым, кассиром бухарского товарищества «Берекет». С ними

и целым рядом их товарищей, сторонников реформ, познакомился во время моих поездок в Бухару. Все они, убедившись в непреклонном намерении эмира провести, с нашего одобрения, намеченные реформы, выразили полную готовность всецело следовать моим указаниям, избегая всего, что могло бы навлечь на них обвинение в нарушении шариата. Они прекрасно понимают, что реформы должны осуществляться в полном соответствии с шариатом, иначе ничего, кроме смуты, не выйдет. Они просили меня доложить эмиру и кушбеги чувства их радости и благодарности за намеченные реформы и за замену реакционного кази-каляна убежденным сторонником реформ и высоко авторитетным гиджуванским казием Мухаммед-Шерифом. Бухарский реис назначен казием в Чарджуй. Чарджуйский казий, известный либерал и популярный ученый Абд-ус-Самад Ходжа назначен бухарским реисом. Нынешний Муфти-Аскер назначается казием в Гиждуван, а на освободившуюся должность Муфти-Аскера подыскивается лицо, соответствующее требованиям обстоятельств. В скором времени начнется соответствующая смена беков. Счастлив донести, что последние распоряжения эмира произвели наилучшее для нас и дела реформ действие среди народа, с нетерпением ожидающего объявления акта о реформах. Пока все спокойно.

Копия туркестанскому генерал-губернатору.

Миллер.

15. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

26 марта 1917 г., № 142.

Телеграфирую генерал-губернатору.

Во исполнение предписания вашего, мною уже приняты и принимаются все меры предосторожности, дабы не вызвать враждебного отношения к делу реформ и к нам ни реакционных слоев бухарского населения, ни взаимной вражды шиитов и суннитов.

Миллер.

16. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре [1]).

30 марта 1917 г., № 151.

Срочная.

Ссылаюсь на мои телеграммы за №№ 131 и 132.

Ходатайствую немедленно доложить министру.

Неполучение до сего времени каких-либо указаний касательно манифеста эмира, одобренного генерал-губернатором, создает здесь тяжелое, опасное по своим последствиям для наших интересов в хан-

[1]) На телеграмме помета: «В телеграмме пропуск 26 групп. Исправление последует».

стве положение. Население нетерпеливо ожидает возвещения эмиром обещанных реформ, волнуется вследствие всевозможных слухов, распространяемых реакционерами и сторонниками реформ. Крайняя группа последних вошла даже в сношения с самаркандскими мусульманами касательно попытки вырвать у эмира уже одобренный министром почин реформ и самим предъявить бухарскому правительству ряд требований. В случае... выборными лицами образовать из Бухары и Самарканда область и, если не самостоятельное, то автономное здесь участие в его управлении русских.

Происходят оживленные сношения с Афганистаном. Усилились слухи о готовящемся избиении и изгнании русских. Вооруженной силы для защиты наших граждан, в случае восстания мусульман, у меня нет. Рассчитывать на таковую извне нельзя. Поэтому, в виду одобрения министром программы реформ и условий их проведения в ханстве в жизнь и неимения со стороны генерал-губернатора каких-либо возражений против манифеста, считаю, в силу создавшегося положения вещей, необходимым немедленно же обнародовать таковой, дабы внести успокоение и избегнуть катастрофы. Все могущие быть изменения манифеста можно будет объявить дополнительными актами. Настоятельно испрашиваю срочных указаний.

Копия генерал-губернатору. *Миллер.*

17. Телеграмма российского резидента в Бухаре.

30 марта 1917 г., № 4476.

Телеграфирую в Ташкент.

Применение в Бухаре проектированного для Хивы военного комиссарства представляется совершенно невозможным прежде всего в виду несомненного наличия либеральной организованной группы, коей необходимо дать возможность высказать свои взгляды на ближайшие задачи, лежащие на бухарском правительстве, и дать возможность найти компромисс под ближайшим руководством резидентства с консервативной партией. Всякая попытка наша непосредственно взять в свои руки реформы, не обратив внимания на растущее самосознание масс, несомненно вызовет недовольство тех или иных групп населения именно против нас. Что касается штата резидентства, то, принимая во внимание неизмеримо бо́льшее по сравнению с Хивою развитие всех отраслей государственной жизни бухарского ханства, проектируемый штат с отдельными по разным отраслям советниками должен быть несравненно более широким, чем в Хиве, и точно сообразован с совершенно особыми местными условиями.

Миллер.

18. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

31 марта 1917 г., № 154.

Срочная.

Телеграмма за № 1405 получена.

Нечто в роде меджелиса представит из себя бухарский муниципалитет. Дальше итти положительно опасно и невозможно, так как большинство меджелиса будет состоять из фанатиков-реакционеров, среди коих несколько десятков сторонников реформ совершенно пропадают. Невежественная и фанатичная масса населения, конечно, последует за своими муллами, чиновниками и землевладельцами, которые почти все противники реформ и подчинятся проведению их лишь по приказу эмира. Поэтому создание меджелиса и предоставление самоопределения местным элементам, большинство коих, повторяю, противники реформ, привед[ет к] анархии и свержению эмира, как вероотступника, и к анти-русскому движению на панисламской почве; поэтому: первое, т.-е. создание нечто в роде меджелиса или Учредительного Собрания представляется совершенно недопустимым в виду доложенных опасных последствий, указанных в моей телеграмме за № 151. По местным условиям туземных комиссий вполне достаточно. Им же поручена выработка основных законов. Одним туземным комиссиям, состоящим из занятых своим делом лиц, со своей задачей не справиться и им необходимы наши советники, о чем бухарцы всех классов, особенно прогрессивно-демократические элементы, меня настоятельно просили... [1]). Кроме того, первоначального пыла у туземных комиссий хватит ненадолго. Работа же предстоит огромная и серьезная, для долгого выполнения коей мною предложена в отзыве за № 138 организация по примеру Туниса, Алжира, Марокко и Египта. Агрономическая, лесная, ирригационная, строительно-дорожная и ветеринарная организации уже существуют на бухарские средства. Следует добавить еще финансовую, торгово-промышленную, санитарную, просвещения, почт и телеграфов и контрольную. Во главе каждой стоят советники, которые образуют совет под председательством резидента; без наших людей на местах все возвещенные реформы останутся мертвой буквой. Все бухарцы, особенно прогрессивно-демократический элемент, это прекрасно сознают, и сами этого требуют, понимая, что без нашего содействия реформы не будут осуществлены. Подходящие для этого люди, в виду хорошего жалованья, найдутся. Все наши организации никоим образом не идут вразрез с туземными комиссиями, а наоборот, явятся опорой, советниками и инструкторами последних, под общим руководством резидента. Ему же одному без помощи специалистов на месте с огромной задачей переустройства Бухары на новых началах не справиться. Срок туземных комиссий — 6 месяцев. Обращение в Ташкент по отдельным специальным вопро-

[1]) Пропуск в подлиннике.

сам совершенно противоречит в общем направлению общественных организаций, стремящихся во всех областях создать в настоящее время независимые от Ташкента полномочия. Практически, при создавшихся условиях, по несомненно широком развитии реформаторской работы во всех отраслях управления, обращения в Ташкент совершенно невозможны и лишь послужат к созданию непреодолимого и ныне мало компетентного тормоза и бесполезной волокиты. Против добавления к пункту о разрешении открытия типографии и... [1]), с моей стороны возражений не встречается.

Ссылаясь на мой № 151, вновь настоятельно ходатайствую о скорейшем обнародовании манифеста эмира с поправками и дополнениями, кои Временное Правительство сочтет нужным сделать. Позволяю себе вновь доложить о необходимости упомянуть в манифесте о соблюдении шариата и... [2]) с ним реформ.

Испрашиваю спешных указаний. *Миллер.*

19. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

5 апреля 1917 г., № 156.

Срочная.

Прошу повторить телеграмму за № 1473.

Можно или нельзя немедленно обнародовать манифест эмира? Если можно, то с какими добавлениями или же в моей редакции без изменения? Замедление этого дела уже начало создавать серьезные затруднения.

Прошу срочных указаний хотя бы открытой телеграммой.

Миллер.

20. Телеграмма эмира бухарского 1) министру-председателю князю Львову и 3) министру иностр. дел Милюкову.

8 апреля 1917 г.

Сегодня мною особым манифестом в Старой Бухаре возвещено народу о твердом решении моем произвести коренные реформы всех частей правления ханством, в согласии с вековыми верованиями и обычаями Бухары, с неуклонным постепенным развитием в стране начал самоуправления. Счастлив сообщить Временному Правительству об искренней радости и ликовании моего народа, заботам о благе коего посвящаю все мои силы. Непрестанно руководствуясь мыслью о тесном единении ханства с великой покровительницей Россией, молю бога о даровании всем членам Временного Правительства сил, здоровья и полного успеха на благо великой России и покровительствуемой ею Бухары.

Сеид-Алим, эмир бухарский.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

[2]) Тоже.

21. Телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

9 апреля 1917 г., № 4617.

Несмотря на мое категорическое запрещение каких-либо манифестаций в Старой Бухаре, таковая была устроена 8 апреля утром и вызвала восстание городского и пригородного населения. Сторонники реформ реис и кази-калян избиты и заменены реакционными. При виде огромной толпы, предводимой фанатичными муллами, манифестанты разбежались. С утра до половины седьмого вечера я был в Старой Бухаре в Арке, помогая кушбеги в его переговорах с исступленной толпой, требовавшей казни сторонников реформ — вероотступников, в чем было отказано. Манифестанты разбежались. Убитых нет. Один из манифестантов сильно избит, так как при нем нашли револьвер. По соглашению с Исполнительным Комитетом, вызвал из Самарканда роту. Она уже прибыла. В виду начавшихся утром 9 апреля беспорядков, по соглашению с Исполнительным Комитетом, вызвал для охраны наших граждан пехотный полк с пулеметами и предъявил бухарскому правительству ноту с требованием немедленного прекращения беспорядков и с возложением на это правительство ответственности за все последствия беспорядков как в отношении русских граждан, так и бухарско-подданных — сторонников реформ.

Выехал вместе с Шульгой в Старую Бухару.

Миллер.

22. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

10 апреля 1917 г., № 160.

Срочная.

Несмотря на полное единение резидентства с ново-бухарским Исполнительным Комитетом и находящимися здесь прибывшей из Самарканда ротой, членами самаркандского Комитета, среди рабочих и младо-мусульман идет основанная на провокационных слухах агитация о замене нас новыми людьми.

Считая несение ответственной работы при таких условиях совершенно непосильным, я и Шульга ходатайствуем об отозвании нас из Бухары.

Испрашиваю срочных указаний. *Миллер, Шульга.*

23. Телеграмма российского резидента в Бухаре.

10 апреля 1917 г., № 4624.

Срочная.

Телеграфирую в Ташкент, командующему войсками.

Прибытие роты внесло успокоение еще до получения вашей телеграммы. По моему требованию, были освобождены все десять арестованных младо-бухарцев. Вчера же утром нотой возложил на бухар-

ское правительство ответственность за все последствия беспорядков по отношению к русским гражданам и младо-бухарцам. Для поддержания в Старой Бухаре и окрестностях порядка и спокойствия назначен Ходжа Низам-уд-Дин диванбеги, спешно вызванный из Карши. Потребовал удаления из города бывшего кази-каляна и наказания строгим тюремным заключением лиц, нанесших оскорбление недавно назначенному кази-каляну. Вчера все это лично передал эмиру. Сегодня при свидании с ним, совместно с членами самаркандского и ново-бухарского Исполнительных Комитетов, передали эмиру вашу телеграмму.

Миллер.

24. Телеграмма российского резидента в Бухаре министру иностранных дел Милюкову.

10 апреля 1917 г., № 4647.

Сегодня вместе с членами ново-бухарского Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и прибывшими вместе с ротой генералом Колчановым, Вяткиным и членами самаркандского Исполнительного Комитета посетил эмира и кушбеги. До выезда было единогласно постановлено никаких ни демонстраций, ни манифестаций в Бухаре не допускать. Заявление об этом очень обрадовало эмира, подтвердившего свое непреклонное намерение осуществить возвещенные реформы в полном согласии с видами российского правительства, указаниям которого он всегда следует и будет следовать. По просьбе эмира, прочел присутствующим полученную его высочеством телеграмму командующего войсками. Бóльшая часть требований уже исполнена до получения этой телеграммы. Его высочество и я, конечно, несем полную ответственность, но просим избавить... [1]). На обратном пути все лавки и базары, закрытые с утра, вследствие слухов о готовившейся манифестации, были открыты, и народ нас приветствовал. На совещании членов вышеупомянутых Комитетов, член самаркандского Исполнительного Комитета Исахаров признался, что манифестация 8 апреля, вызвавшая столь большое возбуждение всего населения, была устроена по его инициативе и при его воздействии, несмотря на мои категорические советы и усерднейшие просьбы этого не делать. Заявление Исахарова внесено в протокол. Подобные действия безответственных русских граждан лишают его высочество и меня возможности нести в полной мере возложенную за спокойствие в Бухаре ответственность. Усерднейше ходатайствую о недопущении подобного образа действия посторонних лиц. В Бухаре все спокойно.

Копия в Ташкент.

Миллер.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

25. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

11 апреля 1917 г., № 161.

Телеграмма за № 1563 получена.

Как я уже упомянул в телеграмме министру за № 160, нервность младо-бухарцев усиливается распространяемыми здесь провокационными слухами, а также влияниями русских мусульман, самаркандских и ново-бухарских, считающих настоятельно необходимым предъявление ряда самых категорических требований бухарскому правительству, в уверенности, что невозможность для последнего выполнить таковые приведет к желательному для них нашему вооруженному вмешательству в дела Бухары. На этой почве идет сильная агитация и умеряющая деятельность резидентства, полагающего, по обстоятельствам политического момента, необходимым избежать кровопролития и возможного обращения фанатизма против нас, что, естественно, встречает ряд нападок со стороны младо-бухарцев. Что касается Муса-Юлдашева, это несомненно одна и та же безцветная личность, упомянутая в моей телеграмме за № 141.

26. Телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностранных дел.

14 апреля 1917 г., № 4707.

Вчерашние и сегодняшние дни в Бухаре прошли совершенно спокойно. Русско-подданный фанатик мулла Камар-ед-Дин, за возбуждение 8 апреля толпы, арестован и высылается в Самарканд. Торжественные похороны одного из трех товарищей, пострадавших 8 апреля, похороны, на которых было все резидентство с конвоем, ново-бухарский Исполнительный Комитет и самаркандские делегаты со взводом, отличались торжественною стройностью и порядком. Все горожане провожали тело павшего за бухарскую свободу бойца.

Миллер.

27. Телеграмма членов самаркандского Комитета при отряде, посланном в Бухару, на имя министра иностр. дел.

14 апреля 1917 г., Старая Бухара.

13 апреля в Новой Бухаре происходили торжественные похороны первой жертвы освободительного движения в Старой Бухаре после объявления эмиром манифеста. Покойный мусульманин Нурулла Гафуров принимал участие в радостной, благодарственной эмиру манифестации по поводу объявления манифеста. Был схвачен сторонниками старого, бесправного режима, муллами, при явном попустительстве кушбеги, избит палками. Избиение производилось публично

бухарскими чиновниками на дворцовой площади. Перед смертью в больнице, в присутствии свидетелей и своего духовного лица мударриса Серхетдина, умирающий оставил следующее завещание:

«Я умираю, счастливый, что наконец-то Бухара получила хоть какую-нибудь свободу. Меня били не как разбойника, а как борца за свободу бухарского народа. Я прощаю всех. Целую руки бивших меня, помогавших этим мне умереть за бухарский народ. Посылаю привет всем моим братьям-мусульманам, солдатам, рабочим, русскому Временному Правительству».

В похоронах принимало также участие и все туземное население.

Сообщаем вам об этом.

Бухарский младо-мусульманский комитет, Совет Солдатских и Рабочих Депутатов и временный комитет при отряде из Самарканда, подпоручик Андреев, прилагая все меры к проведению реформ, просят вашей моральной поддержки.

Временный адрес: Старая Бухара, Отряд. *Игорь Чертов.* Свидетельствуют и утверждают: *генерал Колчанов, подпоручик Андреев, солдат Рябчуков.*

28. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

15 апреля 1917 г., № 168.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 163.

Безразличное, якобы, беспомощное отношение кушбеги к вчерашним событиям ясно доказало недоброжелательное отношение его к реформам. Волнения и агитация мулл им подстроены и инсценированы. Эмир сегодня утром предупредил мое созревшее во время вчерашнего вынужденного пребывания в Арке среди фанатичной толпы решение потребовать смены кушбеги, прислав мне письменный запрос об этом. Я немедленно письменно же сообщил о своем согласии на эту меру. Вчерашние события доказали невозможность быстрого и решительного проведения реформ, как того желают еще находящиеся здесь безответственные самаркандские делегаты. Несколько раз я тщетно ходатайствовал об удалении отсюда их, во избежание кровопролития. Противниками реформ являются, как я уже доносил раньше, все классы бухарского населения. Сторонников реформ младо-бухарцев насчитывается около 200 человек. Следовательно, без наличия значительной силы — до дивизии — быстрое проведение реформ невозможно и может вызвать антирусское движение Бухары, Туркестана и Кавказа, на почве защиты ислама, с весьма возможным вмешательством Афганистана. С точки зрения наших интересов представляется желательным поддерживать спокойствие в Бухаре, для чего 4 рот с казачьей сотней пока достаточно, и не ослаблять нашей армии отвлечением от нее значительных сил. Поэтому, при создавшейся обста-

новке, полагаю необходимым осторожное проведение реформ в ханстве, при непременном условии скорейшего осуществления нашей организации, доложенной в моей телеграмме за № 138. Испрашиваю указаний.

Копия Чиркину для доклада Щепкину. *Миллер.*

29. Телеграмма российского резидента в Бухаре министру иностр. дел.

15 апреля 1917 г., № 4742.

Дополнение к телеграмме моей за № 4707.

Согласно соглашению с бухарским правительством, вчера, 14 апреля, 12 младо-бухарцев, составляющих их комитет, должны были вернуться в Бухару, представиться кушбеги и разъехаться по своим домам. Посетив вновь назначенного реиса и кази-каляна, я вместе с первым секретарем Шульгой прибыл на Старо-Бухарский вокзал, где вместе с Низам-уд-Дин Ходжей диванбеги встретил упомянутый младо-бухарский комитет с крупным купцом Мирза Мухиддином Мансуровым во главе. Все члены младо-бухарского комитета обнялись и поцеловались с диванбеги. В придворных экипажах, в сопровождении казаков конвоя резидентства и бухарских чиновников во главе с диванбеги, прибыли в Арк. Здесь уже собрались 4 члена новобухарского Исполнительного Комитета с прикомандированным к резидентству Введенским во главе. Они приехали согласно моему за 2 дня до этого соглашению с кушбеги, чтобы присутствовать при обращении кушбеги к сановникам, чиновникам и к выборным от мулл мударрисам касательно выполнения манифеста эмира и беспрекословного подчинения воле его высочества. Для бо́льшей убедительности, это сделал сам эмир в присутствии меня, чинов резидентства и 12 младо-бухарцев. Мударрис Ибодулла-Ходжа, перебив речь эмира, стал возбужденно говорить о шариате и исламе. Все присутствовавшие пришли в волнение, и эмир покинул зал при плаче и заверениях их верноподданнических чувств. Мое обращение, что шариат и вера останутся неприкосновенным и реформы будут согласны с ними, несколько успокоили собрание, хотя по адресу находящихся здесь младо-бухарцев раздались крики: «вероотступники проклятые». Один из сановников заявил, что никакого манифеста, ни реформ Бухаре не надо. Все должно остаться по-старому. В Арке появились ученики четырех мударрисов, и образовался митинг, в котором деятельное участие принял Введенский, объяснивший собранию манифест. Многие, этого акта не читавшие, горячо говорили о предстоящей замене ислама и шариата какой-то новой верой. На площади перед Арком появилась толпа. Все усилия диванбеги успокоить толпу, требовавшую казни младо-бухарцев как вероотступников, были тщетны. Введенский, Шульга и я разъяснили муллам отсутствие каких-либо противоречий манифеста шариату. С нами согласились, но затем другие

лица подымали шум о том же. После долгих переговоров Введенскому удалось получить от 4 мударрисов подписку в признании ими манифеста и в непрепятствовании с их стороны расклейке такового. После закрытия в 7 часов вечера ворот Арка толпа не расходилась и на приказ разойтись отвечала бранью и криками: «Не разойдемся, умрем за шариат, казним вероотступников-«джедидов» — младо-бухарцев». Толпа начала ломиться в ворота. Наши казаки без применения оружия попробовали оттеснить толпу. Ножами было ранено 3 лошади, а один казак получил удар камнем в спину. Лишь в половине одиннадцатого ночи нам удалось в экипажах покинуть Арк. Все младобухарцы и члены Исполнительного Комитета были благополучно доставлены в Новую Бухару, где наши граждане радостно приветствовали нас. Вчерашний день доказал растерянность бухарских властей и явное попустительство и потворство Насрулла-бия кушбеги реакционному движению. Из Арка по телефону через ротного командира я просил о присылке из Самарканда 2 рот, и сегодня, по соглашению с ново-бухарским Исполнительным Комитетом, телеграфировал командующему войсками о присылке еще одной роты и сотни казаков. Закрытые утром базары и лавки к полудню стали открываться. Потребовал смены кушбеги.

Копия в Ташкент. *Миллер.*

30. Телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

15 апреля 1917 г., № 4744.

Для успокоения русских граждан, прикомандированный к резидентству Введенский, он же и член Исполнительного Комитета и председатель продовольственного комитета, объехал Бухару и убедился в успокоении города. Половина базаров и лавок была открыта. Толпы не было. По моему поручению, он посетил эмира, который вновь заверил о своем непреклонном решении провести в жизнь реформы. Насрулла-бий кушбеги сдает свою должность. Временно исполняющим должность кушбеги назначен Низам-уд-Дин Ходжа диванбеги, о чем официально будет объявлено через 3 дня. Встретил прибывшие в Самарканд роты.

Копия в Ташкент Чиркину для доклада Щепкину. *Миллер.*

31. Телеграмма делегатов при отряде, посланном в Бухару, на имя министра иностр. дел.

Новая Бухара, 16 апреля 1917 г.

Срочная.

Все нарастающее возбуждение среди русского населения и солдат в Новой Бухаре и недовольство деятельностью резидента в Бухаре Миллера на общем собрании граждан 16 апреля вылилось в столь

острую форму, что единственным выходом из положения была необходимость исполнить волю общего собрания, не желавшего отложить арест резидента хотя бы до ожидаемого приезда представителя Временного Правительства Преображенского. Приведение в исполнение ареста общим собранием было поручено комиссарам ново-бухарского Комитета Залесскому, Рабиновичу, Щеглову, начальнику милиции Федорову, самаркандскому делегату Чертову, отставному подполковнику Черневскому и прапорщику Березнему, а принятие дел от резидента поручено делегату Чертову, при участии Черневского и прапорщика Березнего. Согласно этому постановлению общего собрания, с ведома прибывшего для командования войсками генерала Кургановича, резидент Миллер временно отстранен от исполнения своих обязанностей до прибытия представителя Временного Правительства Преображенского и подвергнут домашнему аресту.

Игорь Чертов, Черневский и Березний.

32. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

16 апреля 1917 г., № 169.

Телеграмма за № 1655 получена.

Сегодня [нельзя] успокоить мусульман. Совершенно спокойно ожидаем с часу на час ареста, по требованию Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, опирающихся на самаркандских делегатов.

Вчера, на митинге, вынесена резолюция о задержании меня и Шульги и об опечатании секретной переписки. Ново-бухарский Исполнительный Комитет временно сложил полномочия до приезда Преображенского.

Агитация против меня и Шульги усиливается. Ради престижа министерства и безопасности русских граждан, в виду неустойчивого положения в Бухаре усердно ходатайствуем о немедленном отчислении нас, а именно: Миллера, Шульги, Введенского, Умнякова от должностей и о передаче резидентства по усмотрению вашему и Щепкина.

Просим разрешения выехать. При создавшейся обстановке нести ответственную работу окончательно невозможно.

Ожидаем срочных указаний по телеграфу.

Копия в Ташкент Чиркину для доклада Щепкину.

Миллер, Шульга, Введенский, Умняков.

33. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

16 апреля 1917 г., № 170.

Еще 11 апреля письменно потребовал от бухарского правительства недопущения в город вооруженных сельчан. Сегодня тревога, основанная на ложном слухе о начавшейся резне русских, объясняется

появлением у разных городских ворот вооруженных сельчан, кои были немедленно же разогнаны бухарскими властями. Зачинщики муллы будут строго наказаны. Из опроса задержанных и затем отпущенных по домам сельчан выяснилось, что началась агитация войны против неверных, то есть газавата для защиты ислама. Эмир дал мне в присутствии наших граждан заверения, что примет серьезные меры к недопущению этого.

Копия в Ташкент. *Миллер.*

34. Телеграмма российского резидента в Бухаре.

16 апреля 1917 г., № 4746.

Телеграфирую в Керки, Чарджуй и Термез, в 2 адреса, Исполнительному Комитету и начальнику гарнизона.

Бухарское правительство официальным письмом обратилось с просьбой ни под каким видом не допускать 18 апреля манифестаций бухарско-подданных и прогрессистов, по ихнему «джедидов», с красными флагами, во избежание восстания туркмен. Последние прислали по этому поводу в Бухару двух своих депутатов, Мирза-Нуреддина Караулбеги и Инает-Ходжу Бакы Ходжаева. Содержание упомянутого письма сообщено здешним младо-бухарцам, с просьбой предупредить своих товарищей.

Миллер.

35. Телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

16 апреля 1917 г., № 4748.

Ссылаюсь на мои телеграммы за №№ 4712 и 4744.

Вследствие тревожного слуха, оказавшегося ложным, с Шульгой, Введенским и членами ново-бухарского Исполнительного Комитета объехал всю Бухару, посетив эмира и вновь назначенного исполняющего должность кушбеги Низам-уд-Дин Ходжа диванбеги. Город нашел совершенно спокойным. Базары и лавки открыты. От эмира потребовал принятия самых энергичных мер к недопущению в город окрестных сельчан. 15 вооруженных сельчан были задержаны сегодня нашими солдатами. После допроса в присутствии двух депутатов рабочих они были отпущены. Оружие — пистонные ружья, серпы и кривые шашки — конфискованы. В нашей старо-бухарской почтово-телеграфной конторе и больнице все на местах и ничего тревожного даже не слышали.

Вследствие упорно распускаемых провокационных тревожных слухов многие русские граждане приехали на станцию Бухара.

Принимаю все меры к их успокоению.

Копия в Ташкент. *Миллер.*

36. Телеграмма первого секретаря российского резидента в Бухаре.

17 апреля 1917 г., № 4753.

Срочная.

После ареста резидента Миллера произведшие по постановлению митинга сей арест самаркандский присяжный поверенный Чертов, кокандский отставной подполковник Черневский и самаркандский прапорщик Березний признали необходимым взять ключ от шифров. Ключ находится у Чертова.

Шульга.

37. Телеграмма представителей русских финансовых и торгово-промышленных предприятий в Бухаре: 1) министру-председателю, 2) министру иностранных дел, 3) военному министру и 4) министру юстиции.

17 апреля 1917 г.

На случайном собрании, созванном приехавшим из Коканда представителем партии социалистов-революционеров, при участии большинства прибывших из Самарканда солдат и члена самаркандского Исполнительного Комитета Чертова, вопреки вынесенной резолюции ново-бухарским Советом Солдатских и Рабочих Депутатов и общего мнения ново-бухарского Исполнительного Комитета и большинства граждан Новой Бухары, было вынесено постановление о немедленном аресте российского резидента в Бухаре Миллера и о передаче представительства российской державы в Бухарском ханстве члену самаркандского Исполнительного Комитета Чертову и неизвестному никому в Бухаре Черневскому, организатору означенного собрания. Мы считаем чрезвычайно опасным пребывание Чертова и Черневского во главе резидентства как для интересов России в Бухаре, так и для жизни граждан Новой и Старой Бухары. Выражаем свой протест против вмешательства члена комитета другого города в дела Бухары, тем более опирающегося на военную силу, и просим назначить по этому поводу расследование, а также поставить во главе резидентства лицо по усмотрению Временного Правительства.

Управляющий Соединенного банка Зарин. Управляющий Азовского банка Юнгер. Управляющий Русского для внешней торговли банка Соловьев. Доверенный Московского учетного банка. Промышленное товарищество Иван Стахеев и К°. Заводовладелец Лапин, Лев. Управляющий Андреевского торгово-промышленного товарищества Дубинчик. Управляющий пароходного общества «Кавказ и Меркурий» и Восточного Баранов. Заводовладелец Вишник. Доверенный завода акционерного общества «Хлопок» Гургалин. Заводовладелец Поляк. Представитель товарищества Бр. Нобель Двоскин. Потеляховского торгово-промышленного товарищества доверенный Пинскер. Заместитель начальника пути Бухарской железной дороги Ердман. Мировой судья Пожарский. Управляющий бухарской таможнею Афанасьев.

38. Секретная телеграмма председателя Туркестанской Комиссии Временного Правительства на имя министра иностр. дел.

17 апреля 1917 г., № 430.

Телеграммы за №№ 1689 и 4946 получены.

При полном безводии трудно помочь Бухаре. Наличная вода распределяется по соглашению самаркандских и бухарских земледельцев. Предложено организовать смешанную милицию из бухарцев и самаркандцев для борьбы с хищением воды.

В Старой [Бухаре на] почве борьбы между младо-сартами и муллами идут волнения. К сожалению, делегаты самаркандского Исполнительного Комитета, прибывшие в Бухару, вносят дезорганизацию. На требование наше выехать обратно в Самарканд отказываются. Эти делегаты создали среди русского населения возбуждение против Миллера и его сотоварищей. Вчера Миллер и товарищи просили освободить их от обязанностей. Сегодня Миллер и Шульга взяты самаркандцами под домашний арест, а ново-бухарский комитет сложил полномочия. Экстренным поездом члены Комитета — Преображенский и Давлетшин выехали в Бухару. Преображенский перед отъездом говорил с Клеммом. Общее направление политики в Бухаре нами усвоено и разделяется. Ход событий опережает распоряжения, почему испрашивать разрешения на меры в Петрограде нельзя, ибо опаздывает. Просим верить, [что] никаких осложнений не прибавим, а создавшиеся ликвидируем. Миллера мы считаем осторожным, опытным, авторитетным в делах, будем пользоваться его советами. Никакой опасности русскому населению нет. Убеждены, что с делом спокойно справимся, если не будет новых осложнений. Муллы и народ сильно возбуждены против сторонников реформ. Это не помешает нам провести реформы, как пожелаем, но постепенно, лишь бы справиться с напором самаркандцев, чему поможет авторитет Временного Правительства. Общее положение в крае удовлетворительно, если бы не угрожающий голод и неурожай. Население европейское и туземное стосковалось по власти. Стоим все время на принципе защиты самых демократических основ, действуем, опираясь на общественное мнение, вошли в контакт со всеми организованными группами, давая широкий простор самодеятельности, не позволяя узурпировать власть в стране. Пока все хорошо, но работы много. Широкая помощь Временного Правительства хлебом быстро и окончательно укрепила бы авторитет Туркестанского Комитета.

Просим не тревожиться.

Копии министрам военному и юстиции и управляющему делами Временного Правительства.

Щепкин.

39. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре на имя министра иностр. дел.

13 апреля 1917 г., № 164.

Усердно ходатайствую о скорейшем приезде в Бухару правительственного комиссара; равно, во избежание трений и недоразумений между ново-бухарским Комитетом и находящимися здесь делегатами из Самарканда, считаю настоятельно необходимым скорейший отъезд отсюда последних, иначе ни эмир, ни я не в состоянии нести лежащей на нас ответственности за порядок и спокойствие и настойчивое — без применения силы и кровопролития — проведение реформ в ханстве.

Миллер.

40. Телеграмма председателя Туркестанской Комиссии Временного Правительства.

19 апреля 1917 г., № 433.

Преображенский и Давлетшин телеграфируют:

Прибыли вчера в восемь часов утра. Торжественно встречены гарнизоном, населением и бухарскими властями. Прибытие внесло несомненное успокоение. Целый день занимались выяснением положения дел и выслушиванием докладов различных организаций. Общее впечатление таково, что положение дел не так остро, как казалось по телеграммам. Сегодня едем к эмиру.

Щепкин.

41. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

21 апреля 1917 г., № 4802.

Поддерживаю ежедневные сношения с бухарским правительством и стараюсь держаться в курсе всего происходящего. Тревога среди мусульман улеглась, порядок ничем не нарушался ни в Старой Бухаре, ни в провинции. Консервативное течение настаивает на уводе наших войск, опасаясь каких-либо эксцессов. Либеральное, весьма незначительное, будирует и мусульманское и русское население на оставлении. Лично полагал бы возможным начать теперь же постепенный увод наших войсковых частей, оставив одну роту в Новой Бухаре. Лучшим исходом из создавшегося ненормального положения признавал бы скорейшее назначение и присылку советников, без коих никакие реформы, никакое, даже частичное, осуществление начал манифеста немыслимо. Выписанной уже типографии без руководителя грозит участь быть сложенной в подвал. Полнейшая невозможность и доказанная неспособность бухарцев самим стать на путь реформ усилят общественное давление из России, в частности растущее

давление русских мусульман, а вместе с тем и вызовут подозрение, а, может быть, и убеждение в полнейшей нежелательности бухарского правительства считаться с манифестом, что при настоящем положении вещей было бы не вполне верным и даже опасным, с точки зрения спокойствия в ханстве. Только русские руководители смогут сдвинуть манифест с мертвой точки, примирить вышеназванные течения в Бухарском ханстве и не допустить слишком прямолинейного и часто малоосторожного давления общественного мнения как России, так и здесь на месте. Эта точка зрения, единственно правильная, разделяется всеми, в том числе и бухарским правительством, требующим только осторожности, разумной постепенности в проведении реформ нашими советниками, коих оно ждет со дня на день.

Введенский.

42. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

22 апреля 1917 г., № 4820.

В Старой Бухаре наружно спокойно. Эмир выехал в Ситарен-Мохасса. Бывший диванбеги официально назначен кушбегием. В состав правительства введено новое лицо — Тюря-Судур, бывший каршинский бек, остававшийся не у дел долгое время. Последний — кандидатура консервативной партии, так же как и новый диванбеги. Ожидается пополнение правительства новыми лицами по назначению, имеющими распределить между собою функции единоличной власти бывшего кушбеги. В некоторых местах, например, в Чарджуе, Керки — русские торговцы отказываются от уплаты зякета бухарскому правительству до открытия казначейства, предусмотренного манифестом. Поручиком Андреевым получено распоряжение об уводе в Самарканд двух рот, 14-й и 5-й, которые ожидают приказа командующего войсками. Имеются частные сведения об уводе других рот. В Новой Бухаре желательно оставление роты поручика Андреева. Часть младо-бухарцев уехала в Ташкент, в неизвестном направлении, в сторону Асхабада, часть — меньшая — осталась в Новой Бухаре.

Чиркин.

43. Секретная телеграмма комиссара Временного Правительства Преображенского на имя министра иностр. дел.

Ташкент. 23 апреля 1917 г., № 454.

События в Бухаре, о которых вы знаете из телеграмм резидента, вынудили меня и генерала Давлетшина поехать в Бухару. Состояние умов в момент нашего приезда было крайне напряженное. Миллер был уже арестован, но волнения не утихали, и рознь как среди русского населения, так и среди мусульман — все росла. Отдельные организации и лица не могли согласиться одинаково относительно ли-

нии поведения, и нам пришлось явиться посредниками, поделившими области компетенции отдельных групп населения. На некоторое время спокойствие, повидимому, удалось установить, но следует иметь в виду, что проведение реформ в тех небольших размерах, как это возвещено в манифесте эмира, собственными силами Бухары почти невозможно. В результате может возникнуть подозрение в нежелании правительства осуществить манифест и в том, что русская новая власть потворствует этому. Таковое подозрение грозит спокойствию. Необходимо сдвинуть манифест с мертвой точки и сделать это могут лишь русские советники. Наконец, я был вынужден принять это положение и согласиться с проектом Миллера, хотя принципиально и желал бы иного пути. Оставить дело, начатое нами, мы не можем... Несомненно можно найти пути, приемлемые для большинства населения ханства, и кое-что в этом направлении намечается. Миллера и первого секретаря Шульгу пришлось просить принести себя в жертву и сложить свои обязанности. Заведывание резидентством временно возложено на дипломатического чиновника Чиркина, которого вызвал из Ташкента, обязанности первого секретаря переданы Введенскому. Миллер пал жертвой своей немецкой фамилии и благодаря общему недоверию к представителям старой власти. Фактов, хотя сколько-нибудь порочащих Миллера в политическом отношении, не представлено. Считаем необходимым немедленное назначение нового резидента. Введенского также лучше перевести в другое место. Совершенно необходимо, чтобы новый резидент выехал возможно скорее и заехал по пути в Ташкент для свидания с генералом Давлетшиным, планы которого мне представляются заслуживающими большего внимания.

Преображенский.

44. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

24 апреля 1917 г., № 4835.

Телеграфирую в Ташкент Щепкину:

Вчера в сопровождении Введенского посетил эмира. Приветствовал его от имени вашего и Комитета, сказав, что начинания его высочества по проведению возвещенных его манифестом реформ встретят самую широкую поддержку со стороны Комитета. Эмир просил меня передать вам и Комитету его горячую признательность и заверения в неуклонном решении приступить к обновлению строя Бухары.

Эмир выглядел успокоенным и сообщил, что тревожных настроений в ханстве нет, не будучи, повидимому, еще осведомлен об... [1]) апреля манифестации, предупредить которую не удалось, несмотря на известную вам телеграмму резидента от 16 апреля, за № 4745, керкинскому Исполнительному Комитету и начальнику гарнизона.

[1]) Пропуск в оригинале.

О манифестации этой я узнал от кушбеги, к которому проехал от эмира. Манифестанты прошли по городу с флагами у Арка, требовали выхода к ним губернатора, угрожая смещением в случае неповиновения. Губернатор якобы обратился с речью к собравшимся. Подробности еще не получены, и сведений о беспорядках в связи с манифестацией не было, тем не менее бухарское правительство озабочено и опасается последствий в смысле старо-бухарской манифестации, ознаменовавшейся выступлением консервативных элементов.

Кушбеги сообщил мне о пополнении состава объединенного бухарского правительства должностью главного аксакала с функциями полицейско-санитарного характера, а также о своем предположении ввести в кабинет новых должностных лиц,—контролера над границами и контролера над судебными учреждениями. Главным аксакалом назначен Баши Азизов, принадлежащий к консервативной партии. Тюря-Судур, о коем упоминалось в телеграмме за № 4820, будет ведать делами по принятию и разбору прошений на имя правительства. Я, конечно, не мог не одобрить благих начинаний кушбеги, однако означенные мероприятия служат ярким показателем того, на что можно рассчитывать, предоставив дело реформ самоопределению бухарцев.

Вчера ушли из Бухары две роты. Скорейшее назначение их, как предположено, на охрану головных арыков по Зарявшану настоятельно необходимо, так как затяжка вопроса водоснабжения грозит здесь катастрофой.

Чиркин.

45. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

25 апреля 1917 г., № 4858.

Фатхулла Ходжа на собрании крайних младо-бухарцев предложил вопрос о необходимости подготовления вооруженного восстания бухарцев, для коей цели он требует кредит на первое время в 100.000 рублей. Часть этого кредита разложена на хатырчинского бека, которого правительство всячески стремится удержать на своей стороне. В последнее время он получил в управление обширное зиадинское бекство, сохранив прежний пост хатырчинского бека. Оружие Фатхулла Ходжа намерен отыскать среди туркмен. Умеренная часть младо-бухарцев вчера обратилась с воззванием к жителям Старой Бухары, прося верить их желанию спокойно работать сообща на благо страны. Бухарское правительство перестраивается исподволь в бекствах на принципах угодничества тем лицам, кои могли бы иметь вес и значение в назревших событиях.

Наши советники необходимы. Убедительно прошу скорейшего усиления состава чинов резидентства. Дело стоит. Промедление ухудшает дело.

Чиркин.

46. Телеграмма младо-бухарского Комитета на имя министра иностр. дел.

25 апреля 1917 г.

Младо-бухарский Комитет считает своим нравственным долгом довести до сведения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов нижеследующее:

По последним данным, бухарское правительство, заверившее официальных представителей русского Временного Правительства о своем неуклонном стремлении провести возвещенные манифестом эмира реформы, имеет в своем составе самых закоснелых приверженцев старого бухарского режима. Главным министром назначен Низам-уд-Дин Ходжа, министром правосудия Тюря-Ходжа-Судур. Министром двора эмира — Алуиаяк-уль-Бек. Все эти лица в течение всего времени революционного движения выказывали самое враждебное отношение ко всяким попыткам введения реформ. Всякие переговоры при теперешнем составе заранее обречены на неудачу. Поэтому младо-бухарский Комитет, глубоко возмущаясь такими подборами состава министерства, протестует перед революционным русским народом против назначения эмиром бухарским такого министерства и просит поддержки, чтобы настаивать перед Временным Правительством о непризнании состава бухарского правительства достойным проведения реформ.

Младо-бухарский Комитет.

47. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

26 апреля 1917 г., № 4883.

18 апреля в Керки, несмотря на просьбы резидента и телеграммы командующего войсками не допускать манифестации младо-бухарцев, последняя была допущена совместно с войсками. Манифестанты потребовали выхода бека и амнистии заключенных. Бек выразил готовность служить делу реформ и пожертвовал свыше тысячи рублей на бедных.

Во избежание каких-либо враждебных демонстраций со стороны консервативного элемента и в предупреждение столкновений, как говорят, орудия крепостной артиллерии во все время манифестации были наведены на местопребывание бека.

Начавшийся голод в Керки усиливает тревожное настроение. Сегодня просил кушбеги принять меры воздействия на бека в смысле охраны жизни и имущества русских граждан, а также, если возможно, посоветовать младо-бухарцам временно переехать на станцию Самсоново для ограждения их безопасности.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

48. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

27 апреля 1917 г., № 4902.

Сегодня меня посетил чарджуйский комиссар, подтвердивший сведения бухарского правительства о выступлении младо-бухарцев в Чарджуе. Комиссар сообщил, что моя телеграмма относительно невмешательства Исполнительных Комитетов в дела реформ была им доложена местному Исполнительному Комитету и Совету Солдатских и Рабочих Депутатов. В этом смысле установлена совместно с посетившим вчера комиссара беком и представителями названных организаций общая точка зрения на дела реформ.

Копия в Ташкент. *Тиркин.*

49. Секретная телеграмма председателя Туркестанского Комитета Временного Правительства на имя министра иностр. дел.

28 апреля 1917 г., № 462.

Необходимо скорейшее командирование лиц в резидентство в Новой Бухаре. Наши постоянные настоятельные советы необходимы. Дело реформ направляется дурным путем и поведет к осложнениям. Идет уже явная агитация подготовки вооруженного выступления.

Щепкин.

50. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

28 апреля 1917 г., № 4941.

Вчера по поручению Съезда Солдатских и Рабочих Депутатов русских поселений Бухары меня посетил делегат для получения разъяснений о реформах. Сообщив делегату об установленном делегатом Преображенским положении невмешательства общественных организаций в дела реформ, возложенных на резидентство и эмира, я указал, насколько усложняется проведение реформ такими выступлениями младо-бухарцев, как происшедшие в Старой Бухаре, Керки и Чарджуе.

Делегат, согласившись со мною, сказал, что Съезду представлялось бы все же целесообразным установление контроля за деятельностью в этом направлении резидентства и приближение младо-бухарцев к делу реформ. Я ответил, что контроль в отношении Бухары как иностранного, покровительствуемого нами в силу договоров государства, осуществляется Временным Правительством, благожелательное же содействие «джедидов» мы приветствуем, но попыткам их поднять движение против бухарского правительства, обещавшего реформы, обеспеченные Временным Правительством, должны всеми

силами противодействовать. Дальнейшая беседа установила, что обращение ко мне со стороны Съезда исходит не столько от последнего, сколько от младо-бухарцев, добивающихся поддержки солдат. Указав депутату, насколько опасно становиться на этот путь, способный породить народное волнение, грозящее безопасности русских граждан, я высказался в смысле желательности воздействия Съезда на умерение пыла младо-бухарцев.

Несомненно, что обращения с подобными запросами в резидентство будут часто повторяться и в дальнейшем нельзя будет ограничиваться теоретическими объяснениями. Поэтому должен вновь указать на неотложную необходимость присылки сюда специалистов советников, так как этим путем удастся двинуть дело реформ и удовлетворить общественное мнение.

Копия в Ташкент. *Чиржин.*

51. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

30 апреля 1917 г., № 4962.

Суть письменного доклада керкинского бека эмиру о младобухарском движении в Керки такова:

С начала переворота в России керкинские младо-бухарцы вошли в сношения с единомышленниками в Старой Бухаре и образовали род политического клуба, приглашая на свои собрания русских солдат и офицеров. Со времени обнародования манифеста в Старой Бухаре настаивали перед беком на объявлении манифеста в Керках. Бек указывал на необходимость подготовки и осторожности, в виду пограничного положения города. Младо-бухарцы думали, что под защитой нескольких тысяч штыков опасаться нечего. Уступая настроениям и видя, что манифест получает распространение и народ ждет разъяснений, бек с казием и реисом объявили манифест в главной мечети и после молитвы. Предупреждая о празднике 18 апреля, местный Исполнительный Комитет возложил ответственность за безопасность манифестантов на бека. Гарантируя порядок, бек тщетно просил не допускать участия младо-бухарцев. Последние вошли в состав процессии, держась под защитой солдат. Произвело тяжелое впечатление освобождение по требованию демонстрантов четырех тяжких преступников. По предписанию эмира, беком приняты меры к успокоению населения в Керки и провинции, тем не менее бек не ручается за спокойствие, пока Керки не будут избавлены от выступлений младобухарцев, и считает положение особо серьезным, в виду соседства с Афганистаном и туркменами, служившего и в обычное время источником тревоги. Бек отмечает случаи приезда мусульман-эмиссаров из Ферганы, смущающих население воззваниями.

Копия Щепкину. *Чиржин.*

52. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

30 апреля 1917 г., № 4963.

Телеграмма за № 1914 получена.

Без наших руководителей комиссии не могут держаться, и существование их в дальнейшем возможно единственно при постоянном направлении деятельности нашими советниками. Сами бухарцы не способны сорганизоваться, да и не видят в этом надобности. Разделение обязанностей кушбеги между несколькими лицами весьма консервативного направления — вот все новое, что могло сделать бухарское правительство. Вновь, по практическим соображениям, настаиваю на присылке советников, с приездом коих только и возможна организация комиссий, которые [следует] рассматривать лишь как придаток местных общественных сил к нашим советникам.

Чиркин.

53. Телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

2 мая 1917 г., № 4942.

Телеграфирую в Ташкент:

Вчера в городе распространились тревожные слухи о волнении туркмен в Чарджуе. Запрошенный мною комиссар ответил, что тысячная толпа туркмен, возбужденная темными слухами, шла в Новый Чарджуй к беку за разъяснением. Появление всегда вооруженных туркмен взволновало русское население. Убеждения бека подействовали. Туркмены разошлись.

Чиркин.

54. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

2 мая 1917 г., № 5006.

Консервативные элементы Старой Бухары стараются отыскать покуда сочувствие духовенства мусульман Самаркандской и других областей Туркестанского края. Пока реальных результатов и обращения нет. Агитация приезжих русских мусульман татар среди туземцев, по преимуществу чарджуйских и керкинских туркмен, продолжается. Ожидается прибытие в Керки делегации 8 человек татар из Казани. Появление на-днях в Чарджуе тысячной толпы туркмен взволновало русское население. Младо-бухарцами послан в мусульманский съезд в Москву делегат, молодой человек Убойдулла Ходжаев. Немногочисленная умеренная младо-бухарская партия во главе с Мансуровым пробовала установить платформу младо-бухарцев в виде двух основных положений:

1) Осуществление в общем удовлетворяющего их манифеста эмира.
2) Пропаганда дела реформ среди населения.

Резолюция эта была сорвана в общем собрании младо-бухарцев Фатхулла Ходжей, требовавшим решительных действий.

Резидентству приходится все чаще и чаще иметь дело с волнующими слухами, оказывающимися по проверке неосновательными. На успокоение умов разных классов приходится тратить много времени.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

55. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

5 мая 1917 г., № 5069.

В течение нескольких дней не поступало тревожных сведений ни из русских поселений, ни из бухарской провинции. Прошедший из Самарканда слух о подготовке еврейского погрома в Шахрисябе оказался совершенно необоснованным, в Келифе же произошло лишь недоразумение между местными жителями и пограничниками, требовавшими продажи ячменя по низкой цене. Отъезд в Ташкент Фатхуллы Ходжи, вызванного председателем туркестанского комитета Щепкиным для объяснений по младо-бухарским делам, отозвался явно благотворным образом на настроении здешних «джедидов», удерживающихся пока от активных выступлений. Ради дальнейшего успокоения, в интересах самих же младо-бухарцев, крайне желательно недопущение Фатхуллы Ходжи обратно в Бухару. Вчера в резидентстве был казанский мулла Алим-Джан-Галеев, прибывший в Туркестан по поручению казанского мусульманского комитета для содействия к усвоению мусульманами края идей нового строя России. Мною и Введенским была дана Галееву полная картина недавних бухарских событий и установлена общая точка зрения на причины их и необходимость осторожных действий и прежде всего примирения сторон путем воздействия на наиболее влиятельных представителей старо-бухарского духовенства и разъяснениями манифеста эмира. Сегодня Галеев выехал в Старую Бухару для свидания с кази-каляном, отец коего был наставником Галеева, изучавшего богословие в Бухаре. Завтра он посетит кушбеги в присутствии Введенского.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

56. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

8 мая 1917 г., № 5118.

Мусульманские консервативные партии разных городов Туркестана, крайне недовольные новыми течениями в жизни России, ищут опоры в Бухаре, центре ислама, и стараются восстановить здешнее

сильное и организованное большинство духовенства против новых порядков. Замечен сильный приток в Бухару туркестанских улемов, безответственно выступающих с угрожающими общему спокойствию ревайетами. Третьего дня ташкентский мулла Хамурад, по настоянию ташкентского духовенства, издал ревайет, объявляющий всех «джедидов» как России, так и Бухары, врагами веры и поощряющий правоверных на насилия над ними. Ревайет этот был скреплен под угрозами револьверной расправы одним из здешних улемов Мулла-Икрамом, на следующий день заявившим о полной несолидарности с ревайетом Хамурада. Ревайет произвел сильное действие на мусульман, в частности на неспокойных младо-бухарцев, до сего времени, несмотря на все мои усилия изолировать от раздражающих выступлений, продолжавших сеять смуту в Старой Бухаре. Сдерживаю панику, стараясь всячески действовать на младо- и старо-бухарцев совместно с бессильным бухарским правительством. Младо-бухарцы прилагают усилия, как и прежде, втянуть наших солдат в борьбу со старо-бухарцами. Последнему противлюсь, стараясь повлиять через офицеров и делегатов.

Копия в Ташкент. *Введенский.*

57. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

9 мая 1917 г., № 494.

Успех миссии Галеева сомнителен. Консервативная партия твердо стоит на своей точке зрения. Младо-бухарцы стараются все же бороться, вызывая насильственными распространениями своих прокламаций возбуждение. Правительство просит принять меры воздействия против младо-бухарцев, а равно против наших кавказцев, составляющих постоянную беспокойную свиту младо-бухарцев. Последнее движение младо-бухарцев усилило деятельность консервативной партии. Непопулярность «джедидов» растет. Консервативная часть старается отыскать опору в кочевых племенах. Правительство вводит частичные улучшения в управлении, тариф судебных пошлин, жалованье центральным органам.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

58. Секретная телеграмма дипломатического чиновника в Ташкенте.

Ташкент. 9 мая 1917 г., № 495.

На-днях меня посетил доктор Писаренко, сообщивший о желании эмира выехать в Кисловодск, в виду сильного сердечного недомогания, вызванного недавними тревожными событиями в Бухаре.

Я просил передать его высочеству, что при настоящих условиях необходимо, в случае отлучки, предвидеть возможность создания и та-

кого положения, при коем обратное возвращение эмира в Бухару окажется неосуществимым. Если же соображения здоровья превозмогли бы, надлежит считаться с тем обстоятельством, что в переживаемое время ни беспрепятственный переезд, ни спокойный курс лечения не могли бы быть гарантированы эмиру.

Его высочество поручил Писаренко передать мне, что он согласен с этим взглядом и, в интересах здоровья, переедет лишь на знойный сезон в Кермине.

Щепкину доложил. *Чиркин.*

59. Секретная телеграмма Туркестанского Комитета Временного Правительства.

10 мая 1917 г., № 501.

Ссылаюсь на телеграмму Чиркина за № 4963.

Вполне разделяю высказанные соображения. Туземные выборные комиссии, если даже ...[1]) что они могли бы сорганизоваться. Составленные сплошь из консервативного элемента, так как кучка младобухарцев ничтожна, [они] только усилили бы партийную рознь и осложнили бы дело реформ. Туземные комиссии могли бы быть полезны только под руководством наших советников.

Настаиваю на скорейшей их присылке.

Щепкин и Преображенский.

60. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

11 мая 1917 г., № 5141.

Благодаря принятым мною решительным мерам, ожидавшийся вчера погром младо-бухарцами и сильнейшая демонстрация консервативной партии не прошли. Все спокойно.

Галеев, не закончив своей миссии, уехал, оставив среди здешних мулл раздражение. Полагаю, при таких обстоятельствах, необходимо задержать приезд сюда и шести делегатов казвинских мусульман, находящихся в Ташкенте. Их миссия также обречена на неудачу и осложнит наше дело. Пользуюсь каждым случаем морального воздействия на наших мусульман, под флагом младо-бухарцев стремящихся в русских поселениях к активной борьбе с бухарским правительством. Первый раз за все время раздалось требование реакционной партии о низложении эмира за его уступчивость в вопросе реформ и о возведении на трон дяди эмира—гузарского бека. Робкому голосу не придаю пока значения, но о будущем нужно подумать серьезно.

Эмир сделал пока слабое давление на главарей духовенства, лично прибыв в Бухару. Совет их гарантировал недопустимость дальнейшей агитации против его высочества, но слабость и неуверенность

[1]) Пропуск в подлиннике.

в себе бухарского правительства становится ясной для высших слоев населения. Всем главарям, духовным... [1]).

Полагаю, что реакция в дальнейшем усилится. Необходимо предотвратить заблаговременно сорганизованность реакции, для чего нужно: положить начало предварительной работе по проведению реформ и скорейший приезд резидента и советников. Это спасет положение: 1) поднимающая голову реакция будет значительно сломлена; 2) остановленными будут удары безответственных мусульманских групп России... [1]) переворот в Бухаре по образцу нашей революции, не считаясь ни с какими местными условиями; 3) укреплен будет значительно авторитет бухарских властей, и нам ненужно будет войск.

Копия Щепкину.

Введенский.

61. Секретная телеграмма управляющего российск. резидентством в Бухаре.

15 мая 1917 г., № 5243.

Консервативное старо-бухарское духовенство проявляет все большие спайку и активность, решаясь даже на необычные выступления. Вчера, по настоянию кучки мулл, при участии лишь одного из четырех уважаемых мударрисов, имеющих обычно доступ к кушбеги, эмир был принужден отложить свою поездку для поправления здоровья в Кермине. В целях получения просителями нашей поддержки, письмо кушбеги с ходатайством мулл было доставлено эмиру во время приема резидентства. Наши разъяснения у кушбеги, что эмир болен и нет никаких тревожных данных для задержки отъезда, встретили совершенно необоснованное возражение собравшихся мулл, имевших, очевидно, готовое решение. Есть основание предполагать протест у мулл против кушбеги, боящегося конкурента в Чарджуе или... [1]) и надеявшегося путем изменения плана поездки устранить от участия в ней последнего. По уходе мулл, нами было сделано строгое внушение кушбеги о недопустимости подобных выступлений духовенства ни в отношении эмира, ни даже самого кушбеги, роняющего авторитет власти, и обсуждения государственных дел с совсем неизвестными муллами, могущими явиться не менее опасными сеятелями волнения среди населения, чем крайние младо-бухарцы.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

62. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

18 мая 1917 г., № 5303.

Ссылаюсь на телеграмму министра за № 1925.

Сегодня в резидентство явился бывший самаркандский уездный начальник полковник Мартинсен, представивший мне предложение

[1]) Пропуск в подлиннике.

Туркестанского Комитета состоять в распоряжении резидентства. Из беседы с полковником Мартинсеном можно было заключить, что он назначается в состав коллегии советников по проведению реформ в Бухаре, с возложением на него административной части. В дальнейшем выяснилось, что подбираются советники и по другим отраслям, при чем в числе кандидатов состоит бывший помощник губернатора Самаркандской области Семенов, известный министерству с лучшей стороны по неоднократному исполнению должности дипломатического чиновника в Ташкенте.

Не встречая возражений против привлечения названных лиц к делу реформ в Бухаре и не имея точных данных о миссии полковника Мартинсена, полагаю, что на последнего, по роду его предыдущей службы, могла бы быть возложена лишь должность одного из окружных инспекторов по административной части. В отношении же советников не могу не высказать мнение, что перегружение состава их чинами бывшей краевой администрации нежелательно, в виду известного предубеждения со стороны общественных организаций, и может вызвать недоверчивое отношение к делу реформ, вследствие чего представляется необходимым, чтобы в дальнейшем подборе советников фигурировали не связанные с административной службой в Туркестане специалисты.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

63. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

21 мая 1917 г., № 5334.

В пятницу прибыл в Бухару проездом в Асхабад в составе председателя Щепкина, членов — Елпатьевского, Максудова и Давлетшина Туркестанский Комитет. После посещения резидентства, Комитет в сопровождении всех чинов резидентства выехал, по приглашению эмира, в загородный сад Ширбудун. Свидание носило весьма теплый характер. Деловая беседа касалась почти исключительно вопроса водоснабжения Бухары Самаркандом, крайне острого в текущем году вследствие бездождия. Его высочество убедительно просил Комитет о воздействии на самаркандскую организацию, оставляющую Бухару почти без воды, несмотря на несение бухарским правительством ложащейся на него одной трети расходов. Недостаток водоснабжения грозит хлопковым посевам, и этот государственной важности вопрос не должен быть предоставлен усмотрению самаркандских властей. Миссия полковника Мартинсена выяснилась: он не назначается в состав советников, которые даже и не намечались, а прислан состоять в распоряжении резидентства, с возложением на него также представительства Туркестанского Комитета в Самаркандской ирригационной комиссии по распределению воды между областью и Бухарой. Представителю

младо-бухарцев Щепкин заявил, что для проведения реформ в Бухаре нужны советники-специалисты, подбор которых требует времени и особой тщательности.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

64. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

24 мая 1917 г., № 5383.

Ссылаюсь на вашу телеграмму за № 2246.

Организация выборного муниципалитета возможна только под руководством наших инструкторов, так как самим бухарцам эта задача не под силу и не диктуется необходимостью, не говоря уже о том, что по техническим соображениям при отсутствии статистического материала, выборы встретились бы с серьезными препятствиями. Кроме того, предлагаемая мера не имела бы реального для массы населения результата, тогда как по данным момента это в особенности существенно. В этом отношении наиболее желательно спешное установление каких-либо экономических льгот, например, на первых порах, уменьшение податей на злаки, по случаю неурожайного года. При ближайшем свидании с эмиром я имею в виду возбудить этот вопрос. Подобная точка зрения разделяется и умеренной частью младо-бухарцев, начинающих сознавать необходимость постепенности и осторожности в деле реформ и солидарности с резидентством. Сообщение о том, что обещанная манифестом типография уже близка к открытию, произвело на них сильное впечатление.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

65. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

29 мая 1917 г., № 5489.

Вчера состоялся здесь реферат директора правления общества Бухарской железной дороги Слуцкого, под названием «Россия и Бухара», устроенный культурно-просветительной комиссией при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов Новой Бухары. Основные положения реферата — недопустимость деспотического строя Бухары рядом со свободной Россией — деятельность партии младо-бухарцев по обновлению Бухары, парализуемая работою реакционных слоев бухарского населения и, главным образом, духовенства, — возможность незамедлительного проведения реформ в Бухаре при посредстве русских демократических общественных организаций. Последовавший обмен мнений, в котором участвовал и Введенский, побужденный к этому

произвольным толкованием докладчика сделанных им в свое время солдатским и рабочим депутатам разъяснений о реформах в Бухаре, показал, что младо-бухарцы, или, вернее, руководящие ими отдельные безответственные личности, не надеясь на успех переворота в Бухаре при помощи местных общественных сил, намерены обратиться за содействием к мусульманским организациям в России, в Туркестане и на Кавказе.

Резидентство, при каждом удобном случае, продолжает отстаивать указанную ему Временным Правительством, в лице Туркестанского Комитета, позицию, заявляя о возложении на резидентство и эмира ответственности за проведение реформ по манифесту, о необходимости осторожности, предупреждая, что революция в Бухаре может вызвать народное восстание; тем не менее для упорядочения положения резидентства, колеблемого выступлениями, подобными реферату Слуцкого, нужны не разъяснения, а приступ к реальной работе, что возможно только по приезде сюда советников. Без опытного специалиста даже попытка организовать выборный муниципалитет в Старой Бухаре была бы обречена на неудачу. Затяжка крайне вредна, так как бухарский Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов уже вынес резолюцию о контроле над резидентством. Экономические льготы, о желательности которых я буду завтра докладывать эмиру, внося временное удовлетворение, неспособны изменить очевидного стремления произвести переворот в Бухаре. При создающейся обстановке желательно назначение на пост резидента авторитетного общественного деятеля.

Копия в Ташкент.

Чиркин.

66. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

31 мая 1917 г., № 5534.

Вчера докладывал эмиру о желательности дарования населению экономических льгот по случаю неурожая. Его высочество весьма сочувственно отнесся к этой мысли, сказав, что подобную меру он уже и сам обдумывал. Признав необходимым спешно осуществить податную льготу и широко распространить весть о ней в населении, эмир в тот же день дал соответственные указания кушбеги; во-вторых, предлагаемое младо-бухарцами введение определенного содержания сельским казиям, бедствующим по недостаточной обеспеченности по сравнению с их городскими сотоварищами. Эмир, не возражая принципиально против этого нововведения, считает длительное проведение в жизнь этой меры невозможным, так как одного объявления о ней недостаточно и необходима разработка известного плана в зависимости, например, от степени доходности того или другого прихода; в-третьих, — предложение министерства об устройстве выборного городского управления в Старой Бухаре. Эмир считает, что применение широкого выборного начала без надлежащей подготовки невоз-

можно. Все, что ему кажется возможным при существующих условиях, — это попытка организации выборного по сословиям городского совета, подчиненного кушбеги. Но и в этом даже случае нет уверенности в успехе дела, который необходим, так как неудача вызовет критику, недовольство и осложнит положение. Без опытного руководства и в этом сравнительно небольшом второстепенном вопросе не обойтись.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

67. Телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

1 июня 1917 г., № 5634.

Эмир бухарский, в духе изданного им манифеста, объявил народу о сложении в текущем году, в виду засухи, неурожая и дороговизны, половины хераджа и связанных с ним других налогов, что составит огромную сумму.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

68. Секретная телеграмма вр. управляющего российским резидентством в Бухаре.

9 июня 1917 г., № 5723.

Достаточно верно осведомился о выплате теперешним кушбегием казенных сумм духовенству на поддержание и развитие реакционного движения. Это — истина. Муллы начинают дерзко вмешиваться во все отрасли управления. Власть кушбеги делается номинальной. Он весь укрылся за ними и всякая... [1]) делу реформ, проводить кои в жизнь при этом составе правительства немыслимо. Третьего дня отстоял предполагавшийся муллами разгром устанавливаемой в Старой Бухаре первой бухарской типографии. Наша нерешительность, промедление, отсутствие плана и поддержки в Петрограде в вопросе присылки советников и усиления личного состава ведут дело к печальному концу. На ряду с усилением реакции растет противодействие ей. Организуются крайние элементы, пополняемые приезжими русскими мусульманами. Русская общественность предъявляет свои права на повторное после приезда Преображенского сюда вмешательство в бухарские дела, не видя активных шагов резидентства, которое бессильно справиться со своей задачей, не имея достаточного личного состава. Столкновение сил неизбежно. Необходимо срочное и на крайние случаи хотя бы частичное в Петрограде принятие мер, указанных в телеграммах за №№ 5141 и 5489. 6 июня, энергично и не скрывая правды, сказал эмиру, к каким печальным результатам может привести безумная политика теперешнего кушбеги. Советовал порвать явную связь с духо-

[1]) Пропуск в подлиннике.

венством, отстранив его от влияния на дела управления. Кушбеги неизбежно должен уйти. Его высочеству я дважды указывал на всю желательность решительных действий в этом вопросе. На почве острого недостатка продуктов в некоторых частях ханства заметно частичное недовольство, коим пользуется противная партия. Еле поспеваю улаживать повсеместно вопросы продовольствия. Много времени уходит на борьбу за положение резидентства. Необходимы энергия, люди, скорейшая присылка советников, немедленный приступ к неотложным реформам, иначе мы накануне новых беспорядков, в которых не устоять резидентству, предоставленному собственной участи и лишенному физической возможности стать органом проведения реформ без предварительного освобождения от массы других обязанностей. Наличный состав перегружен работой и не может нести никакой ответственности за назревающие не по его вине события.

Копия в Ташкент. *Введенский.*

69. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

20 июня 1917 г., № 5904.

Телеграфирую в Ташкент.

На прошлой неделе здесь происходил Съезд Солдатских и Рабочих Депутатов русских поселений в Бухаре. Обсуждался доклад Слуцкого о русской политике в Азии, в частности в Бухаре. Выводы: — неудовлетворительность этой политики, необходимость смены состава третьего политического отдела министерства иностранных дел и резидентства и замена его более демократическим. Ввиду недостаточной убедительности доклада, выводы эти не приняли формы резолюции, тем не менее постановлено организовать особый комитет по бухарским делам в составе представителей солдатских и рабочих депутатов, младо-бухарцев и других общественных организаций, резидентства и делегата бухарского правительства. Председателем, видимо, намечается Слуцкий.

Постановление Туркестанского Краевого Съезда Солдатских и Рабочих Депутатов относительно некомпетентности Бухарского Совета этой организации в вопросе контроля над резидентством в деле реформ в ханстве, особенно при настоящем коалиционном министерстве, поддерживает данные мне Туркестанским Комитетом указания. Поэтому, если бы я получил какие-либо предложения в связи с проектируемыми Комитетом, то ныне имел бы еще большие основания сослаться на необходимость для меня новых инструкций Временного Правительства. Со своей стороны не могу не напомнить, что по приезде в Бухару мною в беседе с представителем солдатских и рабочих депутатов была выражена полная готовность частного обмена мнений по делу реформ и возможность широкого осведомления этой организации

путем неофициальных собеседований. Этот взгляд, проводимый мною вообще в отношении общественных организаций, я не премину подтвердить вновь, в случае надобности, здешнему Совету Солдатских и Рабочих Депутатов.

Вчера был у эмира. «Ураза» вообще неподходящее время для ведения дел, и свидание носило характер общего обмена мнений. По некоторым признакам чувствуется все же приближение министерского кризиса, хотя эмир от каких-либо сообщений в этом отношении воздержался.

Чиркин.

70. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

1 июля 1917 г., № 6197.

Телеграмма за № 2872 получена.

Введенский просит еще раз передать, что он ручается за достоверность сведений, добытых им из весьма близкого к кушбеги источника. Выданы 22 мая суммы, ничего общего неимеющие с «уразой». О выдачах на поддержание крайне реакционного движения упоминалось в телеграмме за № 5141. Факт поддержки кушбегием движения мулл здесь не оспаривается никем из мусульман.

Чиркин.

71. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

5 июля 1917 г., № 6265.

Ссылаюсь на ваши телеграммы за №№ 2873 и 2997.

Во время беседы вчера эмир сказал, что не видит препятствий к пересмотру манифеста духовенством, но считает недопустимым привлечение к этому делу туркестанских мулл, так как они в глазах бухарского духовенства не пользуются авторитетом, будучи в большинстве случаев учениками бухарских мударрисов. Опыт приезжих мулл доказал бесплодность их попыток компромисса с местным духовенством.

Эмир думает, что для пересмотра манифеста нашлись бы среди местного духовенства прогрессисты, могущие осуществить это дело совместно с представителями консервативного направления. Привлечение к сказанной работе туркестанских мулл было бы, по мнению эмира, вмешательством посторонних общественных сил в национальное дело бухарских реформ, лежащее лишь на ответственности эмира и резидентства.

Относительно намеченных в советники лиц его высочество не возражает за исключением Лапина, против коего категорически высказался и Туркестанский Комитет. Эмир интересуется, какую отрасль реформ предполагается поручить генералу Еникееву, лицу, неизвестному его высочеству.

Лично я полагаю, что к пересмотру манифеста следует подходить с чрезвычайной осторожностью, дабы не скомпрометировать особого акта эмира, не дать повода к кривотолкам и не вызвать обострения партийной розни и новых волнений на этой почве. Казалось бы целесообразным придать работе характер совещания по вопросу проведения в жизнь начал манифеста с внесением попутно изменений по существу и редакционных поправок.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

72. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

13 июля 1917 г., № 6335.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 6307.

В связи с постановлением Временного Правительства о лишении права участия в Учредительном Собрании Бухары, Хивы и Финляндии, Слуцкий, в виде отдельного вопроса, предложил Комитету, на основании особого доклада, ходатайствовать перед Временным Правительством о предоставлении сказанного права Бухаре, имея в виду не только русские поселения в Бухаре, но и все ханство в целом. Последняя мысль, не считающаяся с положением Бухары, как иностранного, хотя и протекторатного государства, была отвергнута подавляющим большинством голосов. Поэтому решено лишь просить о предоставлении права послать представителей в Учредительное Собрание русскими поселениями в Бухаре, каковые могли бы, как сведущие лица, осветить и бухарский вопрос в целом.

Чиркин.

73. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

14 июля 1917 г., № 6358.

Со времени апрельских событий в Старой Бухаре назревало недовольство новым кази-каляном, занявшим пост в силу случайных обстоятельств.

11 июля мне было передано, по поручению эмира, что муллы настаивают на возвращении к власти прежнего кази-каляна, создавая тревожное, грозящее беспорядками, положение. Посетив на следующий день эмира, я наблюдал его очень встревоженным. Его высочество подтвердил, что положение серьезно и что он не имеет никаких средств к устранению насилия над нынешним кази-каляном, не пользующимся авторитетом ни среди духовенства, ни среди народа, и предвидит народное волнение. По мнению эмира, подыскание на должность кази-каляна нового лица не удовлетворило бы общих требований и лишь восстановление прежнего кази-каляна способно внести успокоение. Ввиду изложенного, считаю, что задачею момента должно быть сохранение порядка на местах, для каковой цели в настоящее время

возможен только путь компромисса. Так как, в случае беспорядков, на присылку сюда наших войск рассчитывать нельзя, не говоря уже о крайней нежелательности этой меры, я заявил его высочеству, что готов не возражать против возвращения к власти прежнего кази-каляна, при условии смещения кушбеги, человека не государственного, не авторитетного и слишком пассивного перед духовенством, и замены его более сильным лицом. Эмир сказал мне, что прежнему кази-каляну, вина которого до сих пор проблематична, могли бы быть даны категорические указания к усвоению нового курса и необходимости примирительного отношения к «джедидам»; вопрос же в целом обещал передумать, согласившись, что перемены в правительстве, в противовес духовенству, необходимы. Говоря о кандидатах на пост кушбеги, его высочество называл чарджуйского бека и сановника мирзу Селим-Бека. Сегодня мною получено известие о восстановлении прежнего кази-каляна и назначении так называемым «нижним кушбеги» — «закетчием» мирзы Селим-Бека, человека, по отзывам, умного и достойного.

Полагаю, что это переход к смещению кушбеги Низам-уд-Дина Ходжи, от которого ныне отошла финансовая часть, и вопрос об его отставке связан лишь с отчетом. Выясню это при ближайшем свидании с эмиром.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

74. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

20 июля 1917 г., № 6431.

На днях обменялся визитами с восстановленным кази-каляном и новым закетчи. Кази-калян уверил меня, что он был уволен по недоразумению, что противником реформ он не являлся и лишь был удивлен тем, что, несмотря на свое положение главного духовного лица в ханстве, он не был привлечен к разработке манифеста эмира. Кази-калян подтвердил, что воля эмира и русского правительства для него закон, и он только нуждается в поддержке для продуктивной работы в соответствии с предначертаниями правительства. Я ответил, что реформы — дело бесповоротно решенное, и он имеет полную возможность доказать свою доброжелательность. Затем беседа зашла о настроении младо-бухарцев в связи с восстановлением кази-каляна. Я отметил их тревогу за участь реформ, опасение репрессий с приведением фактов, что таковые уже начались. Кази-калян заявил, что тревога «джедидов» вообще неосновательна и что, в частности, никаких репрессий по отношению к «джедидам» с его стороны не было и не будет. Ввиду сделанного младо-бухарцами в здешнем комитете по бухарским делам заявления о начавшихся притеснениях, комиссией, по моей просьбе, потребовано от них сообщение фактических данных.

Копия в Ташкент. *Чиркин.*

75. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

29 июля 1917 г., № 6536.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 6431.

Обвинение младо-бухарцами восстановленного кази-каляна в репрессиях по отношению к прогрессивным элементам в Старой Бухаре и смещении им 18 мулл, «джедидов», оказалось совершенно необоснованным, о чем лично мне в комитете по бухарским делам заявили сами представители младо-бухарцев. За последние две недели, т.-е. со времени возвращения к власти прежнего кази-каляна, в Старой Бухаре наблюдается полное спокойствие.

Выезжаю по делам службы на несколько дней в Ташкент.

Чиркин.

76. Секретная телеграмма управляющего российским резидентством в Бухаре.

7 августа 1917 г., № 6409 [1]).

Ссылаюсь на телеграммы ваши за №№ 2873 и 3118 и мою за № 6225. Копия в Ташкент.

В бытность в Ташкенте я узнал, что намеченный в состав советников по реформам в Бухаре Семенов подлежит перечислению в киевский военный округ, что могло бы осложнить приглашение его в недалеком будущем на бухарскую службу, тогда как в настоящий момент он мог бы быть без затруднения откомандирован в Бухару, состоя в распоряжении туркестанского генерал-губернатора. — В виду сего, по поручению председателя Туркестанского Комитета, я доложил об этом деле эмиру. Его высочество, не встретив препятствий к приглашению ныне же Семенова, выразил однако желание, принимая во внимание неспокойное еще настроение в Бухаре и учитывая также наши текущие события, чтобы работа Семенова не носила пока активного характера. Резидент разъяснил эмиру, что первый период работ как Семенова, так и других советников неизбежно должен носить кабинетный характер подготовительного свойства. Годичное вознаграждение Семенову предполагается в размере восьми тысяч рублей, но сумма эта могла бы быть несколько повышена в виду тяжелых в настоящее время жизненных условий.

Прошу телеграфных указаний по вопросу о Семенове, требующему срочного решения, сообщите мне окончательный взгляд министерства относительно коллегии советников и ее состава.

Чиркин.

---

[1]) Под таким номером приведена эта телеграмма в подлиннике.

77. Секретная телеграмма российского резидента в Бухаре.

9 октября 1917 г., № 7606.

В Термезе произошло столкновение русских войск с бухарскими торговцами на базаре. Есть убитые бухарцы. Счел необходимым поехать лично на место для урегулирования положения и на будущее. Инцидент улажен при умелом содействии бека. Подробности письмом. Сегодня посетил вторично эмира и беседовал о предстоящих реформах. Эмир на ближайшее время отказался ограничиться советником...[1]), вопрос же остальных ...[2]), чтобы точнее наметить план предстоящих реформ. Я, присоединяясь, полагаю, что мне, Жуковскому, Семенову совместно с эмиром нужно предварительно разработать план проведения реформ, считаясь с несколько возбужденным состоянием старобухарцев. Сегодня на три дня уезжаю по вызову в Ташкент.

Елпатьевский [3]).

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

[2]) Тоже.

[3]) Елпатьевский прибыл на место службы 30 сентября 1917 года (то же дело, телеграмма от 30 сентября 1917 г., № 7470). (*Прим. ред.*)

Дневник Николая Романова.

Опубликованная Центрархивом переписка Николая и Александры Романовых [1] не дает сплошной картины событий за период декабрь 1916 г. — февраль 1917 г.: убийство Гр. Распутина заставило Николая Романова спешно покинуть ставку и вернуться 19 декабря 1916 г. домой в Царское Село, где он прожил почти до кануна революции. Таким образом, в истории последних месяцев самодержавия переписка б.б. царя и царицы оставляет большой пробел, а между тем «на этот именно промежуток падает окончательная, последняя, уже без поддержки Распутина, борьба Александры Федоровны за власть и влияние, и последняя ее победа — последний председатель царского Совета Министров Голицын, сменивший подозрительного для царицы Трепова, был ее креатурой» [2].

Опубликование печатаемого ниже извлечения из дневника Николая Романова за время с 16 декабря 1916 г. по 30 апреля 1917 г. имеет целью восполнить в некоторой мере вышеуказанный пробел. При всем лаконизме и протокольной сухости ежедневных записей Николая дневник его все же дает ценные сведения о его времяпрепровождении в декабре—феврале, о министрах и других лицах, которых он принимал по делам в дни «последней борьбы» царицы за власть и влияние, и т. д. Записи за время с 22 февраля и по 6 марта 1917 г. — роковые дни для Романовского самодержавия — являются значительным дополнением к письмам и телеграммам Николая, опубликованным в V томе «Переписки». Что же касается позднейших записей, т. е. начиная с 7 марта, то они являются непосредственным первоисточником для биографии последнего царя после его свержения, сообщая не только бытовые факты из его жизни с семьей под арестом в Царском Селе, но и некоторые мысли его о русской революции и оценки революционных деятелей, напр., Керенского и др.

Правда, значительное количество выдержек из дневника Николая за этот и позднейший период уже появлялись в нашей печати, но в полном виде, без купюр, дневник последнего царя опубликован не был. В последующих томах «Красного Архива» будет напечатана дальнейшая часть дневника, начиная с 1 мая до конца 1917 года.

Текст дневника Николая Романова воспроизводится здесь полностью с подлинника, хранящегося в Особом Отделе Центрального Архива Октябрьской Революции («Дневники Николая Романова», тетрадь № 50), без каких-либо купюр, но по новой

---

[1]) «Переписка Николая и Александры Романовых», т.т. III, IV, V (1914—1917 гг.). Гиз. Москва—Ленинград. 1923—1927.

[2]) Предисловие М. Н. Покровского к «Переписке Николая и Александры Романовых», т. V, стр. III.

орфографии; слова, пропущенные в подлиннике, и части дописанных слов взяты в прямые скобки; подчеркнутое в тексте набрано разрядкой, пунктуация подлинника и некоторые сокращения слов сохранены. К тексту прилагается объяснительный указатель имен.

Текст дневника подготовил к печати А. А. Сергеев.

1916 ГОД.

16-го декабря. Пятница.

Утром было 7° мороза и яркое солнце, впрочем, скоро спрятавшееся.

Завтракало трое новых англичан, француз и трое румын [1]). Прогулка была по дороге на Оршу — Алексей играл в своем арх[иерейском] лесу. Прошел 6 верст. Обедал ген.-ад. Эверт. Вечером читал и писал мама.

17-го декабря. Суббота.

Доклад был совсем короткий.

Завтракали все три главноком[андующие]. Прогулку сделали туда же в арх[иерейский] лес. Вернулись домой в $4^1/_2$. После чая в штабе происходило совещание по военным вопросам до обеда и затем от 9 ч. до $12^1/_2$ ч.

18-го декабря. Воскресенье.

Утром было 14° мороза. После обедни пошел к докладу Лукомского, нового ген.-квартирмейстера, а затем на заседание главнокоманд[ующих]. После завтрака оно продолжалось еще полтора часа. В $3^1/_2$ поехали вдвоем в поезд. Через час у е х а л и н а с е в е р. День был солнечный при 17° мороза. В вагоне все время читал.

19-го декабря. Понедельник.

Хорошо выспался. Мороз стоял крепкий. Все время в вагоне читал. Прибыли в Ц а р с к о е С е л о в 6 ч. Дорогая Аликс с дочерьми встретила и вместе поехали домой. После обеда принял Протопопова.

20-го декабря. Вторник.

День простоял ясный и морозный—14°. Утром принял англ[ийского] полк[овника] Burn — адъютанта Georgie, кор[оля] англ[ийского], и затем Шуваева. Погулял перед завтраком и днем с детьми. В 4 ч. принял сен[атора] Добровольского, кот[орый] назначается упр[авляющим] мин[истерством] юстиции. В 6 час. принял Трепова.

После обеда вечер провели вместе.

---

[1]) Военные представители союзных держав при ставке верх. главнокомандующего. (*Прим. ред.*)

21-го декабря. Среда.

В 9 час. поехали всей семьей мимо здания фотографий и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек[абря] извергами в доме Ф. Юсупова, кот[орый] стоял уже опущенным в могилу. О. Ал[ександр] Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12° мороза. Погулял до докладов. Принял Шаховского и Игнатьева.

Днем сделал прогулку с детьми. В $4^1/_2$ принял нашего Велепольского, а в 6 ч. Григоровича. Читал.

22-го декабря. Четверг.

Утром у меня был Сандро.

В $12^1/_2$ пошли к молебну в походную церковь, по случаю именин Анастасии. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.) [1]. Сделал с ним и дочерьми прогулку вокруг парка. В 4 ч. принял Протопопова, а после чая Покровского. Вечером занимался.

23-го декабря. Пятница.

Утром у меня был Воейков. В 11 ч. принял Барка, а затем представляющихся. Погулял до 3 час. Погода сделалась мягкая. Принял Протопопова, в 4 ч. Щегловитова. В 6 ч. Танеева. Вечером читал.

24-го декабря. Сочельник.

В 11 ч. поехал с дочерьми к концу обедни и к вечерне. Завтракал Саблин (деж.). Погулял. Было 10° мороза и тихо. В 4 ч. принял В. Кочубея. До чая была наверху е л к а детям и наша одновременно.

В $6^1/_2$ поехали ко всенощной. Обедали Аня и Н. П. Занимался.

25-го декабря. Рождество Христово.

Хороший солнечный день, 8° мороза. В $10^1/_2$ поехали к обедне. В 2 часа была первая елка конвоя, Свод[ному] и Жел[езнодорожному] полкам. Играли балалаечники, и недурно пел хор песенников. Вернулись домой в $3^1/_4$. Погулял с Ольгой. До 5 ч. принимал Протопопова. После чая — кн. Голицына. Вечером видели семью покойного Григория у Ани. Читал немного — был посвободнее.

26-го декабря. Понедельник.

Погулял четверть часа. Принял Григоровича и Риттиха. После завтрака поехали в манеж на вторую елку. Хор Железнодорожного полка пел и играл на балалайках и домрах, чередуясь со Сводным полком. Сделал прогулку с детьми.

Принял Рейна. Обедал Мордвинов (деж.) Видел сен[атора] Кульчицкого, кот[орый] будет назначен упр[авляющим] м[инистерством] нар[одного] пр[освещения].

[1] Т.-е. «дежурный». (*Прим. ред.*)

27-го декабря. Вторник.

Утром у меня были доклады — Шуваева и Булыгина. После завтрака поехали в манеж на третью и последнюю елку. Опять хор Железнодорожного полка играл усладительно.

Погулял с Татьяной и Марией. Погода была отличная, солнечная и морозная — 8°. В $4^1/_4$ принял Раева. После чая был кинематограф — того же содержания, как в Могилеве. У Алексея заболела правая рука от ушиба; он, бедный, очень страдал перед ночью. Занимался долго после обеда.

28-го декабря. Среда.

Сегодня Алексею лучше; он пролежал целый день в игральной. Принял Добровольского. В $12^1/_2$ ч. митрополит Питирим славил Христа с братией. Завтракали: Аня и Гротен. Гулял с дочерьми. Принял Максимовича и затем кн. Голицына, нового пред[седателя] Сов[ета] Мин[истров]. После чая у меня был кн. Ширинский-Шихматов по делам Палестинского О[бщества]. Читал. Вечером посидел с Алексеем.

29-го декабря. Четверг.

Немного погулял. Погода была солнечная при 7° мороза. В 11 час. принял Мамантова и затем Ильина по Красному Кресту. Днем гулял один. В 4 ч. у меня был Щеглювитов; в 6 час.—Фредерикс и потом Танеев. Алексей себя чувствовал хорошо, но день всетаки пролежал. Вечером занимался долго.

30-го декабря. Пятница.

Утром был туман при 9° мороза. В 11 час. принял анг[лийского] посла Бьюкенан и Барка. После завтрака уральскую казачью депутацию.

Погулял с дочерьми. В 4 ч. у меня был Боткин — моряк Вечером читал.

31-го декабря. Суббота.

Принял доклады: Шуваева, Кульчицкого и Фредерикса. До завтрака зашел наверх к Алексею; его рука совсем поправляется. Завтракал и обедал Н. П. (деж.). Погулял с детьми. В 4 часа принял ген. Беляева и затем кн. Голицына. В 6 ч. поехали ко всенощной. Вечером занимался. Без 10 м. полночь пошли к молебну. Горячо помолились, чтобы господь умилостивился над Россией!

1917 ГОД.

1-го января. Воскресенье.

День простоял серенький, тихий и теплый. В $10^1/_2$ ч. поехал с дочерьми к обедне. После завтрака сделал прогулку вокруг парка. Алексей встал и тоже был на воздухе. Около 3 ч. приехал Миша, с кот[орым] отправился в Большой дворец на прием министров, свиты, на-

чальников частей и дипломатов. Все это кончилось в 5.10. Был в пластунской черкеске. После чая занимался и отвечал на телеграммы. Вечером читал вслух.

2-го января. Понедельник.

Мороз снова усилился. Погулял недолго. Принял Григоровича, Риттиха и нового управл[яющего] мин[истерством] путей сообщения Войновского-Кригера. Обошел весь парк с дочерьми. В 6 ч. у меня был Протопопов, затем Танеев. Занимался вечером после прощания с Алексеем.

3-го января. Вторник.

Утром у меня был Воейков. После небольшой прогулки принял Шуваева, кот[орый] уходит, и Покровского.

После завтрака просидел полтора часа наверху у зуб[ного] врача Кострицкого, приехавшего из Ялты. Погулял с дочерьми. Мороз стоял порядочный. В 6 ч. принял Шаховского. Обедал Линевич (деж). Вечером говорил с ним. Читал вслух.

4-го января. Среда.

Утром приехал Алек по случаю награждения тройным портретом на груди. Погулял. В 11 ч. принял Добровольского и затем кн. Голицына-Муравлина. После завтрака провел полтора часа у Кострицкого.

Сделал прогулку в полутьме. В 6 час. у меня был Щегловитов. Занимался. Вечером почитал вслух.

5-го января. Четверг.

Утром принял кн. Голицына.

В 11 час. поехали к обедне с водосвятием. После службы о. Александр окропил все наши комнаты.

После завтрака опять посидел у зуб[ного] врача и погулял с Татьяной и Марией. До чая принял ген. Шильдера, директора лицея. Перед обедом принял Гурко, кот[орый] приехал из Могилева на 3—4 дня. Занимался недолго.

6-го января. Богоявление.

Поехали к обедне, кот[орую] служил митр. Питирим, скоро и благолепно. После завтрака был у Кострицкого долго. Погулял с Татьяной и Марией. Было солнечно и морозно —10°.

До чая принял А. С. Боткина, а в 6 час. кн. Ширинского. Много читал и все окончил. Вилькицкий (деж.) обедал. Вечером читал вслух.

7-го января. Суббота.

Беляев имел свой первый доклад как военный министр. После него принял Родзянко. От 2 до $3^1/_2$ сидел у Кострицкого. Погулял с Марией. Фредерикс пил у нас чай. Поехал ко всенощной. Вечером принял Протопопова.

8-го января. Воскресенье.

После обедни поехал встречать Кароля — наследного [принца] румынского — и привез его домой. Он завтракал с нами. Приняли его свиту; затем долго разговаривал с ним и с пред[седателем] сов[ета] мин[истров] Братиано. Погулял с Марией и Анастасией. Мороз был небольшой. Занимался до 8 час. Обедал Н. П. (деж.).

9-го января. Понедельник.

Немного погулял. После доклада Григоровича принял Шуваева и графа Игнатьева. От 2 до 3 ч. посидел у Кострицкого. Сделал хорошую прогулку. До чая принял ген. Мрозовского из Москвы. Занимался до $7^1/_2$ ч. Дали обед Каролю и всем румынам. Миша тоже приехал. Разговаривали до $9^1/_2$. Вечером был свободен.

10-го января. Вторник.

Утром принял Беляева, Самарина и кн. Шаховского. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.). Погуляли все вместе, Аликс в санках. Было ясно и морозно. В 6 час. у меня был Стахович по коннозаводству. Окончил бумаги скоро. Вечером читал вслух.

11-го января. Среда.

Утром ко мне заходили Воейков и Боткин. Погулял недолго. Принял — Войновского-Кригера, Ягмина, ком[андира] Нижегородцев, и сенатора Кривцова. После завтрака приняли вместе жену Кульнева с маленьким сыном, моим крестником. Погулял с Ольгой. В 4 ч. принял Щегловитова, а в 6 ч. Штюрмера. Занимался бумагами. Обедали: Лили Ден с мужем, кот[орый] приехал с «Варяга» с Мурмана, Аня и Н. П. Вечером читал вслух.

12-го января. Четверг.

После утренней прогулки принял кн. Голицына и Покровского.

По случаю именин Татьяны пошли к молебну в походную церковь. Миша завтракал. В $2^1/_2$ у меня были Костя и Игорь. Погулял с Ольгой и Марией. В 6 час. был кинематограф.

13-го января. Пятница.

Солнечный день при 12° мороза. Погулявши, принимал — докладов не было. Завтракал Кедров, кот[орый] теперь контр-адмирал свиты и начальник минной дивизии Балт[ийского] моря. Днем сделал хорошую прогулку с Ольгой и Марией. В $6^1/_2$ ч. принял Протопопова. Вечер был свободный.

14-го января. Суббота.

От 11 час. принял: Дейтриха — вице-председателя Госуд. Совета, Беляева, Трепова и Фредерикса. Он с нами завтракал. Принял с Але-

ксеем депутацию от 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка. Погулял с Ольгой и Марией.

В 4 часа принял ген. Гурко.

В $6^1/_2$ поехал с детьми ко всенощной. Обедал Стефанович (деж.). Читал.

15-го января. Воскресенье.

В $10^1/_2$ поехали к обедне. Завтракал Линевич (деж.).

В 2 часа отправился со всеми детьми на снеговых моторах Кегресса к Пулкову; проезжали по разным оврагам, спустились с горы, ехали прямо полями и болотами вдоль Гатчинского шоссе и вернулись чрез Баболово. Нигде не застряли, несмотря на глубокий снег, и вернулись домой в 4 ч. очень довольные необычайной прогулкой. Погулял еще в саду. После чая принял сен. Милютина по делам наместничества. Читал до 8 ч. Вечер провели на той стороне у Ани с Н. П., обоими Ден, С. В. Злебовым и Линевичем.

16-го января. Понедельник.

Стало холоднее, день простоял ясный. Погулял. Принял Григоровича с Русиным. Затем двенадцать итальянцев их [sic!] торговой палаты. Завтракал и обедал Вилькицкий (деж.). Гулял полтора часа с О[льгой], М[арией] и А[настасией]. В 6 ч. принял Маклакова. Вечером был свободен и читал вслух.

17-го января. Вторник.

В 10 ч. у меня был Борис и затем Воейков. Вышел на четверть часа. Принял Беляева и Покровского. Завтракал Кароль. Погуляли с ним. Было ясно и мороз в 16°. В 6 ч. у меня был ген. Хабалов. Миша приехал к обеду и посидел до 10 ч. Читал вслух.

18-го января. Среда.

Солнечный день, 14° мороза и свежий S. W. Недолго гулял. В 11 ч. принял членов съехавшейся конференции — от Англии, Франции и Италии, всего 37 чел.[1]). Поговорил с ними около часа. В 12 час. у меня был Сазонов, назначенный послом в Англию.

У Алексея болели гланды, он пролежал весь день. Обошел весь парк. В 6 час. принял Танеева. Читал.

19-го января. Четверг.

Мороз увеличился, день простоял светлый. После прогулочки принял Мамантова, ген. Фролова, Пильца и пензенского губернатора Евреинова. После завтрака посидел у Алексея — ему лучше

[1]) В конце января в Петрограде происходила междусоюзная военная конференция по вопросу о подготовке и начале общего наступления против австро-германцев. См. в настоящем томе ст. «Конференция союзников в Петрограде в 1917 г». *Ред.*

и жара почти не было. Сделал хорошую прогулку с Татьяной. До чая принял А. С. Боткина, после Добровольского. Вечером занимался и затем посидел у Ани с Денами, Гротеным [sic!] и Н. П.

20-го января. Пятница.

Утром у меня был Кирилл по возвращении из поездки на Мурман в г. Романов. После прогулки принял Барка и в 12 час. lord Milner. Он, В. Долгоруков и Н. П. (деж.) завтракали. Погулял с Татьяной. Мороз был здоровенный — к ночи он дошел до 23°. В 7 ч. принял Протопопова. Обедал Н. П. Читал немного.

21-го января. Суббота.

Морозный ясный день. Принял Беляева, Кульчицкого и Фредерикса, кот[орый] завтракал, также Мордвинов (деж.). В 2 часа принял Думерг и говорил с ним до $3^1/_2$ ч. Погулял полчаса и принял Раева. После чая у меня был Гурко и затем кн. Голицын. В 8 час. был большой обед всем членам союзной конференции. Разговоры окончились в $10^1/_2$ ч.

22-го января. Воскресенье.

Солнечный морозный день.

В 10 час. принял итальянского министра из состава членов конференции — Шалойя. В $10^1/_2$ поехали с дочерьми к обедне. Завтракали: Мордвинов и Сердюков (деж.). Посидел у Алексея и затем погулял с Татьяной. Читал и писал до 8 ч. После обеда провели вечер на той стороне с Денами, Аней, Н. П., Солтановым и Чистяковым.

23-го января. Понедельник.

Утром у меня были Гротен и Граббе с новым офицером 1-го Гребенского полка Вертеповым. После прогулки принял Григоровича и командующего Балтийским флотом в.-а. Непенина. Затем франц[узского] генерала Castelnau, кот[орый] завтракал с нами. От $2^1/_2$ до $4^1/_2$ ч. принимали офицеров, окончивших ускоренный курс военной акад[емии], числом 227 чел.; громадное количество из них ранено и контужено.

Выбежал на полчаса в сад.

В 6 час. принял Булыгина. Читал. Обедали — Аня и Эристов (деж.). Вечером читал вслух.

24-го января. Вторник.

С 10 час. до часа принимал: Гурко, Беляева и Покровского. Завтракал Кароль, вернувшийся с фронта. Погулял с дочерьми. Было 12° мороза. Занимался до 8 час. Вечер был свободный.

25-го января. Среда.

Утром явился Воейков из Пензенской губернии. Погулял. Принимал представляющихся, последним был Граббе—донской атаман. Зав-

тракал и обедал Н. П. (деж.). Гулял один. Погода была солнечная и очень морозная — 17°.

До чая принял сенатора Трегубова, а после кн. Шаховского. Вечером занимался.

26-го января. Четверг.

Мороз полегчал. День стоял солнечный. После прогулки принял Мамантова, ген. Остроградского и Раева. Завтракал Кароль и его свита. Простились с ними — они уезжают в Москву. Погулял с Татьяной. В 6 час. принял Протопопова. После обеда сидели на той стороне с Денами, Алей, Н. П. и Злебовым.

27-го января. Пятница.

За ночь сделалась оттепель — первая с начала декабря. Было ясно и очень ветрено. Погулял. Принял Барка и Войнов[ского]-Кригера; познакомился с инж[енером]-строителем Мурманской жел[езной] дор[оги] Горячковским. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.). Гулял с дочерьми и работал у начала основания снеговой башни. От 4 ч. принимал Братиано, а после чая кн. Голицына.

Вечером читал недолго.

28-го января. Суббота.

Теплый серый день. Утром был Воейков. После прогулки принял Беляева, Хана-Нахичеванского, Стремоухова, Седергольма и Фредерикса, он завтракал. Погулял с дочерьми и поработал в снегу. В $6^1/_2$ поехали ко всенощной. Обедал Замойский (деж.). Вечером читал и делал puzzle с Марией.

29-го января. Воскресенье.

Был мороз в 6°. Поехали к обедне. Днем погулял и поработал в снегу. Сидел у Алексея до чая. В 6 час. принял старого Клопова. Читал до 8 час. Вечером были на той стороне и видели Н. П., Лили Ден, Ребиндера с женою, Линевича, А. П. Саблина.

30-го января. Понедельник.

Проснулся с хрипотой. После Григоровича принял ген. Меллер-Закомельского, ген. Хелленса и полковника гр. Адлерберга. Погулял с Татьяной. Погода стояла приятная. Сидел у Алексея до чая. В 6 ч. принял Щегловитова, а затем Протопопова. Завтракал и обедал Линевич (деж.). После вечерних бумаг делали puzzle.

31-го января. Вторник.

Хрипота была меньше. Зашел утром к Алексею и погулял. Принял Беляева и Покровского. Обошел парк с Марией.

Ольга и Татьяна были в городе до чая и заседали в Татьянинском комитете. В 6 час. у меня был с докладом д[ядя] Павел. Читал до обеда. Вечером делали puzzle.

1-го февраля. Среда.

Утром принял Танеева, Феодосьева, английского адмирала Джерама и японского мор[ского] агента Сузуки. Погулял с Марией, пока другие ездили на лыжах, держась веревкой за сани. Дул шторм, но было тепло. В 4 часа принял кн. Шаховского, а после чая кн. Голицына.

В 6.45 поехали ко веснощной. Вечером занимался и затем читал вслух.

2-го февраля. Сретение господне.

Утром был Борис с раненым прапорщиком Масальским, потерявшим зрение, и двумя казаками, убежавшими из плена. В $10^1/_2$ поехали к обедне. Завтракал и обедал Мордвинов (деж.).

В 2 часа приняли вдвоем депутацию от моего 1-го Кизляро-Гребенского полка. Сделал хорошую прогулку с Татьяной. Погода была солнечная и морозная. В $4^1/_2$ принял Мамантова, а в 6 час. Протопопова. Читал после обеда.

3-го февраля. Пятница.

После прогулки принял Барка, Рейна, Скалона и Дрентельна. Завтракал Н. П. (деж.). В $2^1/_2$ у меня был Трепов.

Погулял с Ольгой. В $4^1/_2$ принял Кутайсова, кот[орый] вернулся из Персии, куда он сопровождал Дмитрия [1]). После чая читал и затем принял Добровольского. Обедали Лили Ден и Н. П. Сидели и собирали вместе puzzle.

4-го февраля. Суббота.

Солнечный морозный день. Утром были Воейков и Сандро. Погулял. Принял Беляева и Фредерикса. Он и Вилькицкий (деж.) завтракали.

Погуляли с Марией. Писал Georgie английскому. После чая поехали ко всенощной. Вечером занимался.

5-го февраля. Воскресенье.

Очень холодный ясный день — 20° мор[оза]. Были у обедни. Завтракал и обедал Сандро (деж.). В 2 часа принял Думерга, лорда Мильнера, Шалойя и ген. Кастельно перед отъездом их из России. Погулял с Марией и Анастасией. В 9 час. пошли на ту сторону и послушали оркестр Гулеско. Румыны играли отлично. Разошлись в полночь.

6-го февраля. Понедельник.

Утром у меня был Нилов. Погулял 10 мин. Принял Григоровича и Риттиха, кот[орый] вернулся из поездки на юг и в Самару. Завтр[акал]

---

[1]) Дмитрий Павлович, вел. кн., за участие в убийстве Гр. Распутина был выслан Николаем Романовым из Петрограда на персидский фронт. *(Прим ред.)*

и обедал Кутайсов (деж.). Посидел у Алексея, как всегда, перед прогулкой. В 4 ч. принял Мосолова, а в $6^1/_4$ ген. Адлерберга. Миша пил чай. Протопопов был у меня на полчаса. Вечером долго занимался.

7-го февраля. Вторник.

Морозный день. С $10^1/_2$ принял: Гурко, Беляева, нового японца — посла Ушида с посольством и Покровского. Завтракал Свечин (деж.). Погулял один. В 6 час. был д[ядя] Павел с докладом. Читал и писал. Вечер провели вместе.

8-го февраля. Среда.

Весь день была мятель, и поезда всюду задерживались. Принял четырех представляющихся. Завтракала графиня Воронцова. Посидел у Алексея и погулял. В 6 ч. принял Добровольского. Занимался. Обедал Дмитрий Шер[еметев] (деж.).

9-го февраля. Четверг.

С 10 ч. принял Гурко, Мамантова и Раева. Погулял четверть часа. Завтракал Георгий Мих[айлович], вернувшийся из объезда армии в течение трех месяцев. Сделал прогулку с Марией. В 6 час. принял Протопопова. Весь вечер читал.

10-го февраля. Пятница.

В 10 ч. у меня был кн. Голицын. Погулял. Принял пять генералов и затем Войновского-Кригера. Завтракал и обедал Линевич (деж.).

В 2 часа приехал Сандро и имел при мне в спальне долгий разговор с Аликс. Гулял с Марией; у Ольги заболело ухо. До чая принял Родзянко. Миша пил чай. Затем принял Щегловитова. Вечером занимался до 11 час.

11-го февраля. Суббота.

В 10 ч. принял Маркова по финлянд[ским] делам. Погулял полчаса; опять была мятель при 8° мороза. В 11 ч. принял Беляева и затем гр. Нирода. Пошел наверх к Ольге и Алексею, кот[орые] днем лежали в одной комнате. Завтракал и обедал Петровский (деж.). Он сопровождал Георгия в его поездке. Принял гахама караимов Шапшала из Евпатории. Погулял с Марией. Соня Ден пила чай. Маклаков был у меня до $6^1/_2$ ч. Поехал ко всенощной с Т[атьяной], М[арией] и А[настасией].

Вечером долго читал.

12-го февраля. Воскресенье.

Утром шел снег и мело; днем вышло солнце и стало морознее. Были у обедни, завтракал Митя. Осмотрел дом с трапезною, кот[орый] построен заботами Ломана в старом русском стиле — очень красиво.

Погулял с Марией. До чая принял Сергея. После 6 ч. читал и писал Карлу норвеж[скому]. Вечер провели на той стороне. Опять играли румыны, и Лерский потешал нас до 12 час.

13-го февраля. Начало великого поста.

Хороший нехолодный день. С 10 час. принял: Григоровича, Риттиха и Гурко. Последний меня задержал настолько, что я опоздал вовсе к службе и пошел наверх к Ольге и Алексею. Завтракал Замойский (деж.) по случаю моего уланского праздника.

Принял Абациева — командира 6-го Кавк[азского] арм[ейского] корпуса. Долго гулял. В 6 ч. принял кн. Голицына и поехал в пещерный храм. Вечером читал.

14-го февраля. Вторник.

В 10 час. принял Покровского и затем Беляева. В $11^1/_2$ поехали к службе. Погода была мягкая, серая. Принимал после завтрака до $3^1/_4$. Погулял. Алексей днем встал, Ольга еще лежит. В $6^1/_2$ поехали в церковь. Обедали: Мордвинов (деж.) и Н. П. Занимался до $10^1/_2$ час.

15-го февраля. Среда.

У меня сразу сделался сильный насморк. В 10 час. принял ген.-ад. Безобразова. В $11^1/_2$ час.— к обедне. Завтракал и обедал Сашка Воронцов (деж.). Принимал и осматривал собрание рисунков и фотографий военной трофейной комиссии до $3^1/_2$. Погулял. Погода была мягкая. Сегодня прибыл из Измаила баталион Гвар[дейского] Экипажа и расположился в Александровке. В 6 ч. принял А. С. Боткина. Вечером занимался.

16-го февраля. Четверг.

С 10 час. принял: Ильина, Кочубея и Мосолова. В $11^1/_2$ поехали к часам. Завтракал и обедал Н. П. (деж.). Посидел у Ольги, Марии и Алексея. Погулял с Татьяной и Анастасией. Было 5° мороза и тихо. В $9^1/_2$ принял Протопопова.

17-го февраля. Пятница.

Утром принял Барка и затем М. Граббе. Ездили к обеим службам. День был солнечный и морозный. Погулял с Татьяной и Анастасией. В $4^1/_2$ принял Озерова. Завтракал и обедал Кутайсов (деж.). Вечером исповедывались.

18-го февраля. Суббота.

Солнечный и морозный день. В 9 час. поехали с Татьяной и Анастасией к обедне и причастились св. тайн. Затем о. Ал[ександр] Васильев приехал к нам и приобщил Ольгу, Марию и Алексея. В 12 час. принял Беляева. Погулял один. В 4 ч. у меня был Рейн. Ездили ко всенощной. Обедал Свечин (деж.).

19-го февраля. Воскресенье.

В $10^1/_2$ поехали к обедне с Татьяной, Анастасия тоже простужена. Завтракал и обедал Вилькицкий (деж.). Гулял один. До чая принял Балашева — члена Гос. Думы. В 6 час. был кинематограф — видели конец «Таинственной руки».

Вечером у Аликс собрались: Лили Ден, Н. П., Мясоед[ов]-Иванов, Родионов и Кублицкий.

20-го февраля. Понедельник.

Встал поздно. Утром был Воейков. После десятиминутной прогулки принял Григоровича и полк. Данильченко, командира запасного батальона Измайловского полка. Побыл наверху у болящих. Завтракал и обедал Сандро (деж.). В $2^1/_2$ принял деп[утацию] от 8-го грен[адерского] Московского полка. Погулял. В 4 ч. у меня был Шаховской. В 6 ч. кн. Голицын и затем д[ядя] Павел. Успел прочесть нужные бумаги до обеда.

21-го февраля. Вторник.

Погулял полчаса. Погода была холодная и ветреная, шел снег. Принял Беляева, Покровского, Щегловитова, полк. Доброжинского и Крейтона, нового командира л.-гв. 1-го Стрелко[вого] полка. Завтракала Елена Петровна. Посидел наверху у Ольги и Алексея, кот[орому] лучше. Погулял с Татьяной. В 4 ч. принял Танеева, в 6 час. Стаховича и в 9.45 Протопопова. Обедали Аня и Петровский (деж.).

22-го февраля. Среда.

Читал, укладывался и принял: Мамантова, Кульчицкого и Добровольского. Миша завтракал. Простился со всем милым своим [семейством?] и поехал с Аликс к Знамению, а затем на станцию. В 2 часа у е х а л на ставку. День стоял солнечный, морозный. Читал, скучал и отдыхал; не выходил из-за кашля.

23-го февраля. Четверг.

Проснулся в Смоленске в $9^1/_2$ час. Было холодно, ясно и ветрено. Читал все свободное время франц[узскую] книгу о завоевании Галлии Юлием Цезарем. Приехал в М о г и л е в в 3 ч. Был встречен ген. Алексеевым и штабом. Провел час времени с ним [1]). Пусто показалось в доме без Алексея. Обедал со всеми иностранцами и нашими. Вечером писал и пил общий чай.

24-го февраля. Пятница.

В $10^1/_2$ пошел к докладу, который окончился в 12 час. Перед завтраком [?] принес мне от имени бельгийского короля военный крест.

[1]) От слов «с ним» в подлиннике проведена стрелка к слову «Алексеевым». *Ред.*

Погода была неприятная — мятель. Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру.

25-го февраля. Суббота.

Встал поздно. Доклад продолжался полтора часа. В $2^1/_2$ заехал в монастырь и приложился к иконе божией матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч. пошел ко всенощной. Весь вечер занимался.

26-го февраля. Воскресенье.

В 10 час. пошел к обедне. Доклад кончился во-время. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобр[уйскому] шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сен. Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино.

27-го февраля. Понедельник.

В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Ц[арское] С[ело] поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

28-го февраля. Вторник.

Лег спать в $3^1/_4$, т. к. долго говорил с Н. И. Ивановым, кот[орого] посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час.

1-го марта. Среда.

Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и П с к о в, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам господь!

2-го марта. Четверг.

Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц[иал]-дем[ократическая] партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор

в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К $2^1/_2$ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот[орыми] я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость и обман!

3-го марта. Пятница.

Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в М о г и л е в. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В $9^1/_2$ перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четырехвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились — лишь бы так продолжалось дальше.

4-го марта. Суббота.

Спал хорошо. В 10 ч. пришел добрый Алек. Затем пошел к докладу. К 12 час. поехал на платформу встретить дорогую мама, прибывшую из Киева. Повез ее к себе и завтракал с нею и нашими. Долго сидели и разговаривали. Сегодня, наконец, получил две телеграммы от дорогой Аликс. Погулял. Погода была отвратительная — холод и мятель. После чая принял Алексеева и Фредерикса. К 8 час. поехал к обеду к мама и просидел с нею до 11 ч.

5-го марта. Воскресенье.

Ночью сильно дуло. День был ясный, морозный. В 10 ч. поехал к обедне, мама приехала позже. Она завтракала и оставалась у меня до $3^1/_4$. Погулял в садике. После чая принял Н. И. Иванова, вернувшегося из командировки. Он побывал в Царском Селе и видел Аликс. Простился с бедным гр. Фредерикс и Воейковым, присутствие которых почему-то раздражает всех здесь; они уехали в его имение [в] Пензен[ской] губ[ернии]. В 8 час. поехал к мама к обеду.

6-го марта. Понедельник.

Утром был очень обрадован, получив два письма от дорогой Аликс и два письма от Марии. Их привезла жена кап. Головкина л.-гв. Финляндского полка. Погулял в садике. Мама приехала к завтраку. Посидели вместе до 3 ч. Гулял; опять началась мятель. После чая принял Williams. К 8 ч. поехал к мама в поезд.

7-го марта. Вторник.

Получил еще два письма от дорогой Аликс, привезенные двумя офицерами конвоя. В 11 час. принял Williams, Janin, Ryckel; все так тепло и участливо относятся. Завтракала мама, просидел с нею до $2^1/_2$. Принял Coanda, Romei, Marcengo и Лонткевича. Погулял около часа. Погода была мягкая, но целый день шел снег. После чая начал укладывать вещи. Обедал с мама и поиграл с ней в безик.

8-го марта. Среда.

Последний день в Могилеве. В $10^1/_4$ ч. подписал прощальный приказ по армиям. В $10^1/_2$ ч. пошел в дом дежурства, где простился с со [sic!] всеми чинами штаба и управлений. Дома прощался с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка — сердце у меня чуть не разорвалось! В 12 час. приехал к мама в вагон, позавтракал с ней и ее свитой и остался сидеть с ней до $4^1/_2$ час. Простился с ней, Сандро, Сергеем, Борисом и Алеком. Бедного Нилова не пустили со мною. В 4.45 уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала. 4 члена Думы сопутствуют в моем поезде!

Поехал на Оршу и Витебск.

Погода морозная и ветренная.

Тяжело, больно и тоскливо.

9-го марта. Четверг.

Скоро и благополучно прибыл в Царское Село — в $11^1/_2$. Но, боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики! Пошел наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Марии, у кот[орой] корь недавно началась. Завтракали и обедали в игральной у Алексея. Видел доброго Бенкендорфа. Погулял с Валей Долг[оруковым] и поработал с ним в садике, т. к. дальше выходить нельзя! После чая раскладывал вещи. Вечером обошли всех жильцов на той стороне и застали всех вместе.

10-го марта. Пятница.

Спали хорошо. Несмотря на условия, в которых мы теперь находимся, мысль, что мы все вместе, радует и утешает. Утром принял Бенкендорфа, затем просматривал, приводил в порядок и жег бумаги. Сидел с детьми до $2^1/_2$ час. Погулял с Валей Долг[оруковым] в сопровождении тех же двух прапорщиков, они сегодня были любезнее. Хорошо поработали в снегу. Погода стояла солнечная. Вечер провели вместе.

11-го марта. Суббота.

Утром принял Бенкендорфа, узнал от него, что мы останемся здесь довольно долго. Это приятное сознание. Продолжал сжигать письма и бумаги. У Анастасии заболели уши, — то же, что было

с остальными. От 3 ч. до 4½ ч. гулял в саду с Валей Д[олгоруковым] и работал в саду. Погода была неприятная, с ветром, при 2° мороза. В 6.45 пошли ко всенощной в походную церковь. Алексей принял первую ванну. Зашли к Ане и Лили Д[ен] и затем к остальным.

12-го марта. Воскресенье.

Началась оттепель. Утром были Бенкендорф и Апраксин; последний покидает Аликс и простился с нами. В 11 час. пошли к обедне. Алексей встал сегодня. Ольге и Татьяне гораздо лучше, а Марии и Анастасии хуже, головная и ушная боль и рвота. Погулял и поработал в саду с Валей Д[олгоруковым]. После чая продолжал приводить бумаги в порядок. Вечером обошли жильцов дома.

13-го марта. Понедельник.

Оттепель продолжалась, день был полусерый. Погулял утром полчаса. Все еще возился с старыми делами. У Марии продолжала стоять высокая темп[ература] 40,6, а у Анастасии болели уши. Остальные себя чувствовали хорошо. Погулял также днем и поработал. Вечером сидели у Ани с Лили Д[ен].

14-го марта. Вторник.

Серый день и оттепель. Утром погулял с Валей Д[олгоруковым] три четверти часа. Теперь — много времени читать для своего удовольствия, хотя достаточное время тоже сижу наверху у детей. У Марии все сильный жар продолжается — 40,6. У Анастасии осложнение с ушами, хотя ей вчера сделали прокол прав[ого] уха. Днем погулял по всему парку.

15-го марта. Среда.

Чудный солнечный морозный день. Сделал с Валей Д[олгоруковым] и, как всегда теперь, в сопровождении одного из караульных офицеров, хорошую прогулку.

У Марии и Анастасии состояние, как вчера, плохо спали и высокая темпера[тура] Марии побила рекорд, т. к. у ней днем было 40,9. Остальные совсем поправились. Днем еще долго гулял и работал.

До обеда читал, а вечером сидели с детьми до 10 ч. и пили чай вдвоем.

16-го марта. Четверг.

Ясный морозный день. Утром погулял. Мария и Анастасия в том же положении, лежат в темной комнате и сильно кашляют; у них воспаление легких. Днем гулял и работал. Вечером посидели у Ани и затем у Бенкендорфов.

17-го марта. Пятница.

Такой же солнечный день. Погулял от 11 ч. до 11½ ч. У Марии и Анастасии попеременно подымалась высоко темп[ература], затем опускалась, была также рвота. Днем долго гулял и работал; кончил с Валей Д[олгоруковым] дорожку у старой беседки. Вечером зашли к Ане и Лили Ден.

18-го марта. Суббота.

Серый день и оттепель; утром во время прогулки падал мокрый снег. У Марии днем было 40,9 и по временам бред, к вечеру у нее опустилось до 39,3, у Анастасии днем 37,8, веч[ером] 39,3. Днем поработал. В 6½ пошел с Ольгой и Татьяной ко всенощной. Вечер провели семейно и разошлись на покой рано.

19-го марта. Воскресенье.

Лучезарный день. В 11 час. пошли к обедне с Ольгой, Татьяной и Алексеем. Темп[ература] у Марии и Анастасии опустилась до нормы, только к вечеру у Марии она несколько поднялась. Вышел на прогулку в 2 часа, гулял, работал и наслаждался погодой. Вернулся домой в 4½. Сидел долго у детей, а вечером были у Ани и у других жильцов.

20-го марта. Понедельник.

У Марии и Анастасии, повидимому, наступил перелом, темп[ература] держалась нормальная; они слабы и весь день спали, конечно, с перерывами.

Погулял от 11 час. Сильно таяло. Днем много поработал. Вечером посидели у Ани.

21-го марта. Вторник.

Сегодня днем внезапно приехал Керенский, нынешний мин[истр] юстиции, прошел чрез все комнаты, пожелал нас видеть, поговорил со мною минут пять, представил нового коменданта дворца и затем вышел. Он приказал арестовать бедную Аню и увезти ее в город вместе с Лили Ден. Это случилось между 3 и 4 час., пока я гулял. Погода была отвратительная и соответствовала нашему настроению! — Мария и Анастасия спали почти целый день. После обеда спокойно провели вечер вчетвером с О[льгой] и Т[атьяной].

22-го марта. Среда.

Ночью была буря, и выпала огромная масса снега. День простоял солнечный и тихий. Ольга и Татьяна вышли в первый раз на воздух и посидели на круглом балконе, пока я гулял. После завтрака долго работал. Младшие много спали и чувствовали себя хорошо. Все время провели вместе.

23-го марта. Четверг.

Ясный день после 2 час. и оттепель. Утром погулял недолго. Разбирался в своих вещах и в книгах и начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уезжать в Англию. После завтрака погулял с Ольгой и Татьяной и поработал в саду. Вечер провели, как всегда.

24-го марта. Пятница.

Хороший тихий день. Утром погулял. Днем Мария и Анастасия были перевезены в игральную комнату. Успешно поработал с Валей Д[олгоруковым]; теперь почти все дорожки вычищены. В $6^1/_2$ пошел ко всенощной с О[льгой] и Т[атьяной]. Вечером читал вслух Чехова.

25-го марта. Благовещение.

В небывалых условиях провели этот праздник — арестованные в своем доме и без малейшей возможности сообщаться с мама и со своими! В 11 час. пошел к обедне с О[льгой] и Т[атьяной]. После завтрака гулял и работал с ними на островке. Погода была серая. В $6^1/_2$ были у всенощной и вернулись с вербами. Анастасия встала и ходила наверху по комнатам.

26-го марта. Вербное воскресенье.

Целый день простоял туман. Гулял и работал на острове. Татьяна только выходила. Прибирал книги и вещи. Вечером зашли к жильцам той стороны.

27-го марта. Понедельник.

Начали говеть, но, для начала, не к радости началось это говение. После обедни прибыл Керенский и просил ограничить наши встречи временем еды и с детьми сидеть раздельно; будто бы ему это нужно для того, чтобы держать в спокойствии знаменитый Совет Рабочих и Солдатских Депутатов! Пришлось подчиниться, во избежание какого-нибудь насилия.

Погулял с Татьяной. Ольга опять слегла, т. к. у нее заболело горло. Остальные себя чувствуют хорошо. В 9.45 спустился к себе, Татьяна посидела со мною до $10^1/_2$ ч. Затем почитал, выпил чаю, принял ванну и лег спать на своей тахте!

28-го марта. Вторник.

Спал очень хорошо. Погода была теплая, дороги оттого стали уже хуже; погулял. В 11 час. пошли к обедне. У Ольги горло продолжает болеть, темп[ература] дошла до 39,4, так скучно — еще недавно окончилась корь. Гулял и работал на островке с Т[атьяной]. В $6^1/_2$ ч. Анастасия пошла с нами к службе. Вечер опять провел с Татьяной и ночевал у себя.

29-го марта. Среда.

Хороший теплый день. Встал в $9^1/_2$ ч., т. к. спал неважно. Погулял до обедни. Служат у нас в походной церкви о. Афанасий Беляев, за болезнью нашего духовника о. Васильева, диакон, дьячок и четыре певчих, кот[орые] отлично справляются со своими обязанностями. Жаль, что не все дети могут ходить с нами в церковь! Гулял с Т[атьяной] и долго работал с нею на островке; двое из караульных офицеров тоже помогали нам. После обеда провели вечер до 10 ч. вместе, а затем Татьяна посидела у меня. Лег рано.

30-го марта. Четверг.

Дул сильный ветер и днем разогнало тучи. В 10 ч. пошли к обедне, за кот[орой] много наших людей причастилось. Недолго гулял с Татьяной; сегодня происходили похороны «жертв революции» у нас в парке против середины Александровского дворца недалеко от Китайского. Слышны были звуки похоронного марша и марсельезы.

К $5^1/_2$ уже все кончилось. В 6 час. пошли к службе 12 евангелий, о. Беляев молодцом прочел их один. Вечер провел, как все последние.

31-го марта. Пятница.

Хороший солнечный день. Погулял с Татьяной до 11 час. В 2 часа был вынос плащаницы. Гулял и работал у парома. В $6^1/_2$ пошли к службе. Вечером исповедывались у о. Беляева.

1-го апреля. Суббота.

Забыл упомянуть, что вчера мы простились с 46 нашими служащими, которых, наконец, выпустили из Александровского дворца к их семьям в Петроград.

Погода была хорошая, с сильным южным ветром.

В 9 час. пошли к обедне и причастились св. христовых тайн со свитой и остальными людьми.

Погулял до завтрака. Днем начали ломать лед по-старому у моста с ручейком; работали Татьяна, Валя и Нагорный. Поспал до обеда. Одарили друг друга яичками и фотографиями. В $11^1/_2$ пошли к началу полунощницы.

2-го апреля. Светлое Христово воскресенье.

Заутреня и обедня окончились в час 40. Разговлялись со всеми в числе 16 челов[ек]. Лег спать не сразу, т. к. плотно поел. Встал около 10 час. День стоял лучезарный, настоящий праздничный. Утром погулял. Перед завтраком христосовался со всеми служащими, а Аликс давала им фарфор[овые] яйца, сохранившиеся из прежних запасов. Всего было 135 чел[овек]. Днем начали работать у моста, но вскоре собралась большая толпа зевак за решеткой — пришлось уйти и скучно

провести остальное время в саду. Алексей и Анастасия вышли в первый раз на воздух.

В 7 ч. в игральной комнате наверху была отслужена вечерня. После обеда разошлись в 10 час.; читал Татьяне вслух у себя. Лег рано.

3-го апреля. Понедельник.

Отличный весенний день. В 10 час. погулял с Валей Д[олгоруковым]. В 11 час. пошел с Т[атьяной] и Ан[астасией] к обедне. После завтрака вышел с ними и Алексеем в парк и все время ломал лед у нашей летней пристани; толпа зевак опять стояла у решетки и от начала до конца упорно наблюдала за нами. Солнце хорошо согревало. После чая разбирал массу полученных прежде открыток. Вечером наверху поиграл с Аликс в «мельницу», а затем у себя почитал Татьяне вслух.

4-го апреля. Вторник.

Дивный весенний день —12° в тени. Утром погулял почти час. Днем продолжали ломать лед, и толпа попрежнему смотрела из-за решетки с улицы. Начал читать «Историю Византийской империи» Успенского, очень интересная книга. Вечер провел, как последние.

5-го апреля. Среда.

Ночью шел дождь, отчего весь снег почти исчез. День простоял серый и прохладный. Спал плохо и встал поздно. Утром погулял. Днем поработал с Алексеем и его штатом на обоих местах. Смотрело на нас немного народу. Воды было очень много, она переливалась через каменные плиты. До обеда читал свою книгу, а вечером Татьяне вслух.

6-го апреля. Четверг.

Стало совсем холодно, погода простояла серая. Гулял одновременно с Алексеем, а днем колол лед в шлюзе под мостом и затем у ручейка, при этом неизвестно почему нас всюду сопровождало 6 стрелков кроме офицера!

Вечер провел по обыкновению.

7-го апреля. Пятница.

Погода поправилась и потеплела. Долго гулял утром, т. к. было хорошо. Днем с Татьяной и Алексеем на работе. Лица солдат и их развязная выправка произвели на всех отвратительное впечатление. Много читал. С $10^1/_4$ веч[ера] у себя внизу.

8-го апреля. Суббота.

Тихо справляли 23-ю годовщину нашей помолвки!

Погода простояла весенняя и теплая. Утром долго гулял с Алексеем. Узнали, почему вчерашний караул был такой пакостный: он был весь из состава солдатских депутатов. Зато его сменил хороший

караул от запас[ного] бат[алиона] 4-го стрелкового полка. Работали у пристани из-за толпы и наслаждались теплым солнцем. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной с Т[атьяной], Ан[астасией] и Ал[ексеем]. Вечер провели попрежнему.

9-го апреля. Воскресенье.

Чудный весенний день. Погулял утром полчаса. Ходили к обедне. От 2 час. до $4^1/_2$ ч. работали и ломали лед между двумя мостами против средины дома. Читал много после чая. К вечеру собрались тучи, было очень тепло; у Аликс вынули зимние рамы.

10-го апреля. Понедельник.

День простоял прохладный.

У Алексея немного заболело горло, его уложили в постель. Ольга еще лежит, а Мария встает на несколько часов. Днем поработал с Татьяной между мостами. Вечер провел попрежнему.

11-го апреля. Вторник.

Опять чудный тихий день.

Погулял от 11 до 12 час.

Днем наконец Аликс вышла с нами на прогулку. Нагорный вез ее в кресле. Она смотрела, как мы работали на льду. Солнце грело прекрасно. Читал до обеда. Аликс заказала всенощную наверху для детей. Просидел у себя внизу с Татьяной до 11 ч.

12-го апреля. Среда.

Холодный день с ветром.

Погулял полчаса и затем посидел с детьми, пока Аликс была у обедни. Днем приехал Керенский и отвлек меня от работы на льду. Сначала он говорил с Аликс, а потом со мной. После чая читал.

Вечером посидели наверху, чай пили вместе, и спали тоже вместе.

13-го апреля. Четверг.

Ночью был мороз до 3°, и день простоял холодный с неприятным ветром. Погулял час с Валей Д[олгоруковым] как всегда утром. Днем с Т[атьяной] и штатом Алексея, но без него самого. До обеда читал, а вечером вслух дочерям до 11 час.

14-го апреля. Пятница.

Температура воздуха зимняя, вместо дождя временами шел мокрый снег. Погулял $^3/_4$ часа. Днем на прогулку никто из дочерей не вышли, боясь простуды. После чая рассматривал свои сапоги и отбирал старые и негодные. Вечером начал вслух дочерям книгу C. Doyle «The valley of the fear».

15-го апреля. Суббота.

Холодный день, но немного лучше и без снега. Погулял и почитал много. Днем вышел с Татьяной. Под конец нашей работы свободные стрелки из караульного помещения подошли к нам и смотрели с любопытством, как мы вытаскивали льдины! В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Вечером читал вслух ту же книгу.

16-го апреля. Воскресенье.

Ночью мороз дошел до 3°. Кроме того, дул холодный ветер. В 11 ч. пошли к обедне. Гулял с Татьяной. Читал до обеда у себя и вечером детям.

17-го апреля. Понедельник.

Невольно вспомнился праздник 1-го и 2-го стрелковых полков; но никакие гласы человеческие и трубные не огласили сегодня стены Большого дворца.

Во [время] утренней прогулки думал об этом. С 12 час. до завтрака дал Алексею урок географии. Гулял и работал с Татьяной, погода была ясная и потеплее. Вечер провели, как вчера.

18-го апреля. Вторник.

За границей сегодня 1-е мая, поэтому наши болваны решили отпраздновать этот день шествиями по улицам с хорами музыки и красными флагами. Очевидно, они вошли к нам в парк и принесли венки на могилу!

Погода как раз испортилась ко времени этого чествования — пошел густой мокрый снег! Вышел погулять в $3^3/_4$, когда все кончилось и выглянуло солнышко. Поработал полтора часа с Татьяной.

Вечером начал читать вслух детям «A Millionnaire girl».

19-го апреля. Среда.

Погода была такая же как вчера, но немного теплее. От 12 час. до завтрака сидел с Алексеем на уроке из русской истории. Днем погулял с ним и Татьяной. В первый раз все семейство обедало за одним столом — Ольга и Мария последними выздоровели.

20-го апреля. Четверг.

Необычайная осенняя погода продолжается; то появляется солнце, то идет густой снег и при этом дует сильнейший ветер. Утром от 10 ч. до 11 час. давал урок географии Алексею. Потом погулял. Днем работали на льду. Видел спящего часового, сидящего на скамейке, закутавшись в свой тулуп! До обеда и после читал долго.

21-го апреля. Пятница.

Погода немного потеплела и выдержала в смысле отсутствия осадков. Прогулялся с Алексеем на «детском острове» и затем занимался с ним русской историей.

Днем вышла гулять также Анастасия на полтора [часа]; усиленно работали на льду между мостами. До обеда читал «Ист[орию] Визант[ийской] имп[ерии]», а вечером наверху вслух.

22-го апреля. Суббота.

Отличный весенний день. Погулял с Алексеем от 11 ч. до 12 ч.; он играл на острове, а стрелки стояли на другой стороне в саду и смотрели. Днем работали на прежнем месте. Солнце хорошо припекало. В $6^1/_2$ пошли всей семьей ко всенощной. До обеда Аликс получила от «арестованных» скромные подарки, по удачному выражению Марии. Вечером читал вслух.

23-го апреля. Воскресенье.

Чудная погода выдалась для именин дорогой Аликс. Перед обедней дамы и господа, живущие во дворце, а также наши люди принесли поздравление. Завтракали, как всегда, наверху. В 2 часа вышли в сад всей семьей. Работали на пруду вокруг «детского» острова; разбили и разогнали весь лед. Вернулись домой в $4^1/_2$ часа. Читал у себя до обеда и вечером вслух. С 9 час. пошел дождь.

24-го апреля. Понедельник.

За ночь снова похолодело, день простоял шквалистый с солнцем и мокрым снегом. Утром погулял, пока Алексей играл на острове. Затем имел с ним урок географии. Днем поработали на прудах, лед со вчерашнего успешно стаял. Вечер провели, как всегда.

25-го апреля. Вторник.

Снова совсем осенняя погода.

Утром погулял, пока Алексей играл на островке. Только что мы вернулись, пошел густой снег и покрыл все белым покровом. Днем вышли на прогулку в 3 ч. и через час пошли домой. Окончил чтение интересной «Истории Византийской империи» Успенского — 870 крупных страниц.

После обеда по обыкновению делали puzzle и затем читал вслух дочерям до 11 час.

26-го апреля. Среда.

Погода была холодная, но сухая. Около 3 час. вышло солнце. После прогулки занимался с Алексеем историей, проходили княжение св. Владимира. Днем с Татьяной, Марией и Анастасией пропихивали большие льдины от шлюза до конца под обоими мостами. До обеда начал читать книгу Кассо «Россия на Дунае».

27-го апреля. Четверг.

День рождения дорогого Георгия [1]). Погода слегка улучшилась. Утром погулял подольше после урока географии с Алексеем. Завтракала Е. А. Нарышкина. От $2^1/_2$ до $4^1/_2$ гуляли и ломали последние льдины там же.

До обеда читал у себя, а вечером наверху вслух.

28-го апреля. Пятница.

День простоял хороший, солнечный. Погулял между 11 ч. и 12 ч. и имел урок истории с Алексеем.

Днем гуляли и приступили к работам по устройству огорода в садике против окон мама. Т[атьяна], М[ария], Анаст[асия] и Валя деятельно перекапывали землю, а комендант и караульные офицеры смотрели и давали иногда советы. Вечером окончил «A Millionnaire girl».

29-го апреля. Суббота.

Та же хорошая ясная погода. Погулял. Днем вышли в сад всей семьей; Аликс в кресле на лужайке смотрела на нашу работу по перекопке земли. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Последние дни обедаем без электр[ического] освещения наверху, т. к. вечера стали светлые. Начал вслух книгу S. Holmes [2]) «The hound of the Baskervilles».

30-го апреля. Воскресенье.

Отличная погода. Погулял до обедни. В 2 часа все мы вышли в сад и много наших людей, желающих поработать. Все с большим усердием и даже с радостью принялись за копание земли и незаметно проработали до 5 ч. Погода была насладительная. Читал до и после обеда.

(Продолжение следует).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Адлерберг, Алекс. Алекс., гр., ген.-от-инф., ген-адъют.

Адлерберг, Влад. Вас., гр., полк., по арм. кав.

Алек — Александр Петрович, принц Ольденбургский, ген.-адъют., ген.-от-инф., член Госуд. Совета, главноначальствующий санитарной и эвакуационной частью.

Александр о. — см. Васильев, А. П.

Алексеев, Мих. Вас., ген.-адъют., ген.-от-инф.; до войны ком. 13 арм. корп.; с начала войны нач. штаба юго-зап. фронта; с весны 1915 г. ком. сев.-зап. фронтом; с августа 1915 г. — нач. штаба верховного главнокомандующего; после Февральской революции — верховный главнокомандующий (до мая 1917 г.).

Алексей — Алексей Николаевич, вел. князь, сын Николая Романова, наследник престола.

---

[1]) Георгий Александрович, брат Николая Романова, умерший в Абас-Тумане в 1899 г. *(Прим. ред.)*.

[2]) Описка, надо: C. Doyle. Речь идет о книге К. Дойля «Баскервильская собака», в которой повествуется о сыщике Ш. Холмсе (S. Holmes). *(Прим. ред.)*.

Аликс — Александра Федоровна, императрица.

Аля Пистолькорс — Пистолькорс фон, Александра Александровна, урожд. Танеева, жена кам.-юнкера А. Э. Пистолькорс, бывш. фрейлина, сестра А. А. Вырубовой.

Анастасия — вел. княжна, дочь Николая Романова.

Аня — Вырубова, Анна Александровна, урожд. Танеева, бывш. фрейлина Александры Романовой.

Апраксин, Петр Никол., граф, в должн. гофм., сост. при имп. Александре Федоровне, тов. председ. особого комитета вел. кн. Ольги Николаевны, член Татьянинского комитета, бывш. таврический губернатор.

Балашов, Петр Никол., в должн. егерм., член III Госуд. Думы.

Барк, Петр Львович, министр финансов и главнонач. отд. корпуса пограничной стражи (30 янв. (ст. ст.) 1914—1917 г.г.).

Безобразов, Владимир Мих., ген.-адъют., ген.-от-кав., ком. в начале войны гвард. корп. до июля 1915 г., когда был устранен от команд.; в декабре 1915 г. получил в ком. особый гвард. отряд, сформированный из 1-го и 2-го гвард. корпусов; после неудачных Ковельских боев в июле 1916 г. был окончательно смещен. Однополчанин Николая Романова по л.-гв. Гусарскому полку.

Беляев, Мих. Алексеевич, ген.-от-арт.; с июня 1915 г. пом. военного министра; в январе 1917 г. сменил ген. Шуваева в должности военного министра.

Бенкендорф, Павел Конст., граф, ген.-адъют., ген.-от-кав., обер-гофмаршал.

Борис — Борис Владимирович, вел. князь, ген.-майор свиты его вел., во время войны ком. л.-гв. Атаманским полком, затем состоял походным атаманом при Николае Романове.

Боткин, Алекс. Серг., отст. кап 2 р., член особого ком. по усилению военного флота на добров. пожертвования.

Братиано — председатель румынского совета министров.

Булыгин, Александр Григ., статс-секретарь, член Госуд. Совета, главноупр. собств. е. в. канц. по учреждениям имп. Марии Федоровны; бывш. министр внутр. дел.

Бьюкенен сэр Джордж Уильям, английский посол при русском дворе (1910—1917).

Валя Д. — см. Долгоруков, В. А.

Васильев, Александр Петрович (о. Александр), протоиерей, духовник царской семьи.

Велепольский, м. б., Альфред Сиг., граф, флиг.-ад., полк. л.-гв. Гусарского полка.

Williams — Виллиамс, Хенбри, ген.-лейт., начальник английской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

Воейков, Владимир Никол., ген.-майор свиты е. в., дворцовый комендант.

Воронцов-Дашков, Александр Иллар. (Сашка), флиг.-адъют., полк. л.-гв. Гусарского е. в. полка.

Воронцова, гр. — Воронцова-Дашкова, Елиз. Андр., гр., вдова наместника е. в. на Кавказе гр. Илл. Ив. Воронцова-Дашкова.

Георгий Михайлович, вел. князь, ген.-адъют., ген.-лейт., состоял при ставке верх. главнокомандующего.

Голицын, Николай Дм., кн., сенатор, член гл. управления Красного Креста, председ. Совета Министров.

Голицын-Муравлин, Дм. Петр., кн., член Госуд. Совета; писатель.

Граббе, Александр Никол., граф, ген.-майор свиты е. в., командир собств. его вел. конвоя.

Граббе, Мих. Ник., граф, ген.-лейт , войсковой наказный атаман Войска Донского (с 8 мая (ст. ст.) 1916 г.).

Григорий — Распутин, Григорий Ефимович, крестьянин с. Покровского, Тобольской губ., «старец»; убит в ночь с 16 на 17 декабря (ст. ст.) 1916 г. в Петрограде в доме кн. Юсупова-гр. Сумарокова-Эльстон. В убийстве принимали участие вел.

кн. Дмитрий Павлович, кн. Ф. Ф. Юсупов-гр. Сумароков-Эльстон, член Госуд. Думы В. М. Пуришкевич и др.

Григорович, Иван Конст., ген.-адъют., адмирал, член Госуд. Совета, морской министр (1911—1917).

Гротен, Павел Павл., ген.-майор свиты его вел., ком. л.-гв. Конно-гренад. полка.

Гурко, Василий Иосиф., ген.-от кав., команд. «особой армией»; во время болезни ген. М. В. Алексеева зимой 1916—1917 г. исправлял должность нач. штаба верховного главнокомандующего.

Гучков, Александр Ив., член Госуд. Совет., б. председатель III Госуд. Думы, лидер «партии 17 октября».

Данилов, Николай Александрович, ген.-от-инф., начальник снабжения армий северо-западного фронта.

Ден Лили — Ден фон, Юлия Александровна, жена К. А. Ден, кап. 1 ранга, командира крейсера «Варяг», перекупленного Россией во время войны у Японии.

Ден Соня — Ден фон, Софья Владимировна, жена Д. В. Ден, помощника начальника военно-походной канцелярии е. в.

Georgie — Георг V, король английский.

Дмитрий — Дмитрий Павлович, вел. князь, флиг.-адъют., шт.-ротмистр л.-гв. Конного полка; принимал участие в убийстве Григ. Распутина, после чего был отправлен на персидский фронт.

Добровольский, Николай Александр., сен., егерм., 20 декабря (ст. ст.) 1916 г. был назначен упр. мин. юстиции.

Доброжанский, вер., Алекс. Алекс., полк. л.-гв. егер. п., сост. в распоряжении главноком. войсками Кавказ. военного округа.

Долгоруков В. (Валя Долгоруков) — Василий Александрович, кн., ген.-майор свиты е. в., в должн. гофмаршала высоч. двора; во время войны состоял при Николае Романове в ставке.

Дрентельн, Александр Александрович, ген.-майор свиты его вел., командир л.-гв. Преображенского полка.

Думерг — б. председатель франц. совета министров (1913—1914), член конференции союзников в Петрограде в янв. 1917 г.

Елена Петровна — урожд. королевна сербская, жена кн. Иоанна Константиновича.

Janin — Жанен, ген., начальник французской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

Замойский, Адам Стан., граф, флигель-адъютант.

Злебов, Сергей Вас., инж.-мех., кап. 1-го ранга Гвард. Экипажа.

Иванов, Николай Иудович, ген.-адъют., ген.-от-арт., до войны командовал Киевским военным округом (1908—1914); с начала войны главнокомандующий армиями юго-зап. фронта до марта 1916 г., позднее состоял при Николае Романове.

Игнатьев, Павел Никол., граф, министр народн. просвещения (8 января (ст. ст.) 1915 г. — 27 декабря 1916 г.).

Игорь — Игорь Константинович, сын вел. кн. Константина Константиновича (поэта К. Р.), шт.-ротм. л.-гв Гусарского полка, флигель-адъютант.

Ильин, Алексей Алексеевич, член Госуд. Совета, председатель Росс. Общества Красного Креста.

Кегресс, Ад. Ад., завед. имп. гаражем.

Кедров, Михаил Александр., контр-адм., ком. минной див. Балтийского флота

Кирилл — Кирилл Владимирович, вел. кн., контр-адм. свиты е. в., командир Гвардейского Экипажа и нач. Морского батальона в действ. армии с февраля 1915 г.

Coanda — Коанда, ген., начальник румынской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

Кострицкий, Сергей Сергеевич, придворный зубной врач.

Костя — Константин Константинович, сын вел. кн. Константина Константиновича (поэта К. Р.), шт.-кап. л.-гв. Измайловского полка; флигель-адъютант.

Кочубей, Виктор Серг., кн., ген.-адъют., ген.-лейт,. начальник главного управления уделов.

Кривцов, Алексей Никол., сенатор.

Кублицкий, Александр Иван., ст. лейтенант Гвард. Экипажа.

Кульнев, Леонид Иван., офицер л.-гв. 4-го Стр. имп. фамилии полка.

Кутайсов, Конст. Павл., граф, полк. л.-гв. Конной артиллерии; флигель-адъютант.

Лерский, Иван Владисл., артист имп. русской драмы.

Линевич, Александр Никол., полк. л.-гв. Конной арт., флигель-адъютант.

Ломан, Дмитрий Никол., полк., штаб-офицер для поручений при дворцовом управлении, староста царскосельского Федоровского «государева» собора.

Лонткевич, полк., представитель сербского военного командования при ставке верх. главнокомандующего.

Лукомский, Александр Серг., ген.-лейт., генерал-квартирмейстер штаба верх. главнокомандующего.

Маклаков, Николай Алексеевич, член Госуд. Совета, бывш. министр внутр. дел (1912—1915).

Максимович, Конст. Клавд., ген.-адъют., ген.-от-кав., пом. ком. имп. главной квартирой.

Мамантов, Василий Ильич, член Госуд. Совета, главноуправляющий канцелярией е. в. по принятию прошений.

Мария — Мария Николаевна, вел. княжна, дочь Николая Романова.

Марков, Влад. Иван., ген.-лейт., министр статс-секретарь по делам Финляндии.

Меллер-Закомельский, Александр Никол., бар., ген.-от-инф.

Мильнер сэр Альфред, член конференции союзников в Петрограде в янв. 1917 г.

Милютин, Павел Никол., сенатор, заместитель наместника е. в. на Кавказе в заседаниях высших госуд. установлений.

Митя — Дмитрий Константинович, вел. кн., ген.-адъют., ген.-от-кав.

Миша — Михаил Александрович, вел. князь, брат Николая Романова, ген.-адъют., ген.-лейт., член Госуд. Совета, ген.-инспектор кавалерии.

Мордвинов, Анатолий Александр., полк. л.-гв. Кирасирского п., флигель-адъютант.

Мосолов, Александр Александр., ген.-лейт., нач. канцелярии мин. имп. двора и уделов.

Мрозовский, Иосиф Иван., ген.-от-арт., гл. нач. Московского военного округа.

Мясоедов-Иванов, Сергей Викт., кап. 2-го ранга, бывш. ст. офицер имп. яхты «Царевна».

Н. П. — см. Саблин Н. П.

Нагорный — матрос, состоявший при наследнике Алексее Николаевиче.

Нарышкина, Елизавета Алексеевна, гофмейстерина высоч. двора, статс-дама.

Нилов, Конст. Дмитр., ген.-адъют., адмирал, флаг-капитан; состоял при Николае Романове.

Нирод, Николай Евстаф., граф, член Госуд. Совета, пом. министра имп. двора и уделов.

Озеров, Сергей Серг., ген.-майор свиты е. в.

Ольга — Ольга Николаевна, вел. княжна, старшая дочь Николая Романова.

Остроградский, Всев. Матв., ген.-от-кав., ген.-инспектор кавалерии.

Павел дядя — Павел Александрович, вел. кн., ген.-адъют., ген.-от-кав., инспектор войск гвардии.

Петровский, Николай Александр., полк. л.-гв. Кирасирского полка, флигель-адъютант.

Питирим, петроградский митрополит, член синода.

Покровский, Николай Никол., член Госуд. Совета, министр иностр. дел (с 30 ноября (ст. ст.) 1916 г.).

Протопопов, Александр Дмитр., тов. председателя IV Госуд. Думы, 16 сент. (ст. ст.) 1916 г. был назначен упр. мин. внутр. дел; 20 декабря 1916 г. утвержден в занимаемой должности, которую занимал до Февральской революции.

Раев, Николай Павл., обер-прокурор синода (с 30 авг. (ст. ст.) 1916 г.).

Ребиндер, м. б., Сергей Александр., граф, офицер гв. Конной артиллерии.

Рейн, Георгий Ермол., член Госуд. Совета, лейб-хирург; 22 сентября (ст. ст.) 1916 г. был назначен главноуправляющим госуд. здравоохранением.

Ryckel — Риккель, барон, ген., начальник бельгийской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

Риттих, Александр Александрович, сен., 29 ноября (ст. ст.) 1916 г. был назначен упр. мин. земледелия.

Родзянко, Михаил Владим., председатель IV Госуд. Думы.

Родионов, Николай Никол., старший лейт. Гвард. Экипажа.

Romei — Ромеи, начальник итальянской военной миссии при ставке верх. главнокомандующего.

Рузский, Николай Владим., ген.-адъют., ген.-от-инф., член Госуд. Совета, главнокомандующий армиями сев.-зап. и северного фронтов.

Русин, Александр Ив., адм., нач. морского ген. штаба и пом. морского министра; состоял при царской ставке в должн. нач. морского штаба верх. главнокомандующего.

Саблин, Александр Павлович, офицер, брат Н. П. Саблина.

Саблин, Николай Павлович (Н. П.), флигель-адъютант, кап. 1-го ранга, состоял ст. офицером имп. яхты «Штандарт» в 1912—1915 г.г.; в 1916 г. ком. морским бат. Гвард. Экипажа на фронте, а затем был назначен командиром «Штандарта»; личный друг Николая Романова.

Саввич, Сергей Серг., ген.-от-инф.

Самарин, Александр Дмитр., член Госуд. Совета, московский губ. предв. дворянства; и. д. обер-прокурора синода с 5 июля (ст. ст.) по 26 сентября 1915 г.

Сандро — Александр Михайлович, вел. князь, ген.-адъют., адмирал; во время войны заведывал организацией авиац. дела в действ. армии.

Свечин, Влад. Влад., полк. л.-гв. Преображенского полка; флигель-адъютант.

Седергольм, Влад. Альб., ген.-м., до войны ком. 8 арт. бриг.

Сергей — Сергей Михайлович, вел. князь, ген.-адъют., ген.-от-арт., полевой ген.-инспектор артиллерии при верх. главнокомандующем.

Сердюков — флигель-адъютант.

Скалон, Михаил Ник., ген.-майор свиты е. в.

Стахович, Павел Александр., ген.-лейт., упр. госуд. коннозаводством.

Стефанович, Лев Платон., полк., флигель-адъютант.

Стремоухов, Петр Петр., варшавский губернатор.

Танеев, Александр Серг. (отец А. А. Вырубовой), статс-секр., обер-гофм., член Госуд. Совета, главноупр. собств. е. и. в. канцелярией.

Татьяна — Татьяна Николаевна, вел. княжна, дочь Николая Романова.

Трегубов, Серг. Ник., сенатор.

Трепов, Александр Федор., член Госуд. Совета, сен., министр путей сообщений, 10 ноября (ст. ст.) 1916 г. был назначен председателем Совета Министров с оставлением министром путей сообщ., 27 декабря 1916 г. был уволен от обеих этих должностей.

Феодосьев, Сергей Григ., директор общей канц. мин. финансов.

Фредерикс, Владимир Борис., граф, ген.-адъют., ген.-от-кав., министр двора и уделов.

Хабалов, Сергей Серг., ген.-лейт., б. военный губернатор Уральской области; 13 июня (ст. ст.) 1916 г. был назначен гл. нач. Петроградского военного округа.

Хан-Нахичеванский — Хан-Гуссейн Нахичеванский, ген.-адъют., ген.-от-кав., ком. отдельным гв. кав. корпусом.

Хелленс, Яльмар Фед. бар., ген.-майор.

Чистяков — офицер Гвард. Экипажа.

Шапшал, Семен Маркович, гахам — духовный глава караимов.

Шаховской, Всеволод Никол., кн., управляющий мин. торговли и промышленности.

Шереметев, Дмитрий Сергеевич, полк. Кавалергардского полка; флигель-адъютант

Ширинский-Шихматов, Алексей Александр., кн., гофм., член Госуд. Совета.

Штюрмер, Борис Владим., член Госуд. Совета, министр-председатель с 20 января (ст. ст.) по 10 ноября 1916 г., одновременно министр внутр. дел с 3 марта до 7 июня, министр иностр. дел с 7 июня по 10 ноября 1916 г.

Шуваев, Дмитрий Савельевич, ген.-от-инф.; с 15 марта (ст. ст.) 1916 г. военный министр. В январе 1917 г. был заменен ген. М. А. Беляевым.

Шульгин, Василий Витальевич, член IV Госуд. Думы от Волынской губ.; монархист.

Щегловитов, Иван Григ., сенатор, член Госуд. Совета, б. министр юстиции (1906—1916), председатель Госуд. Совета с 1 января 1917 г.

Эверт, Алексей Ермол., ген.-адъют., ген.-от-инф., главнокомандующий армиями западного фронта.

Эристов, Георгий Никол., кн., полк. л.-гв. Уланского полка; флигель-адъютант.

Юсупов кн.-граф Сумароков-Эльстон, Феликс Феликсович, — женат на дочери вел. кн. Александра Мих. Ирине Алекс. Принимал участие в убийстве Григ. Распутина и был после этого выслан в свое имение «Ракитное», Курской губ., где до Февральской революции проживал под надзором.

Ягмин, Стан. Юльевич, полк. 17-го драг. Нижегородского полка.

„Работа" эсеров в 1918 году.

Вооруженное выступление чехов по всей Урало-сибирской магистрали весной 1918 г. не было случайностью. Оно было результатом заговора между английским и французским посольствами и эсеро-кадетскими партиями.

Тотчас после заключения Брестского мира союзные посольства начали вести переговоры со всеми анти-советскими партиями о вооруженном выступлении чехов на русской территории и о предполагаемом ими десанте в Архангельске. Вопрос обсуждался почти открыто, и на ряде собраний, а также в своей прессе эти партии высказали полное одобрение грядущей иностранной интервенции.

В апреле ряд анти-советских партий объединился в межпартийную группировку под названием «Союза Возрождения». В него входили члены партий: с.-р., к.-д., народных социалистов, меньшевиков и группы «Единство». По соглашению с союзниками, «Союз» выделил из себя правительство, которое должно было возглавить чешский переворот.

Наиболее активной партией контрреволюции в момент подготовления чешской авантюры являлась партия социалистов-революционеров. Весь старый опыт конспирации и подпольной работы был использован ею для борьбы против Советской власти. Поэтому именно Центральный комитет партии социалистов-революционеров наиболее активно помогал союзникам в подготовке их предательского удара. [1])

20 мая (нового стиля) собрался 8-й Совет партии социалистов-революционеров. Он санкционировал все переговоры своего Центрального комитета и постановил призвать войска Антанты для сокрушения большевистского движения.

Одновременно с политическими переговорами посольств о вооруженной интервенции во французской военной миссии на ряде секретных заседаний обсуждался военный план кампании. В выработке плана участвовали и члены эсеровского ЦК и представители эсеровских подпольных организаций, в том числе от Сибири. Было решено, что чехо-словацкие войска, эвакуируемые на Дальний Восток, постепенно займут опорные стратегические пункты Уральской, Сибирской и Уссурийской железных дорог и, координируя свои действия с нелегальными контрреволюционными организациями, выступят против Советской власти.

Чешский корпус в России начал формироваться по инициативе чешской и англо-французской буржуазии еще при самодержавии. При Керенском он был окончательно сформирован и насчитывал 42.000 человек. Офицерский состав в чешском корпусе был в два раза больше, чем в русских частях. Кроме того, значительное число русских черносотенных генералов и офицеров нашли убежище в чехо-словацких частях.

После Октябрьского переворота весь корпус стоял против Октября за правых с.-р. и меньшевиков. Национальный Совет (русское отделение), который управлял этим

---

[1]) См. Вера Владимирова. «Год службы «социалистов» капиталистам.» Гиз. 1927.

корпусом, переехал сначала в Москву, затем в Киев к Центральной Раде, заявив, что отказывается иметь какое-либо дело с Советской властью.

Начиная с января 1918 г., производилось систематическое натравливание солдат корпуса на Советскую власть. В ряде листков, приказов, газет чешское командование распространяло среди них нелепейшие слухи.

К началу марта Национальный Совет заключил соглашение с английским и французским посольствами, по которому союзники брали всецело на себя выплату жалованья и содержание чехо-словацких войск, а также обещали при заключении мира с Германией требовать независимости Чехо-Словакии. Взамен этого руководители чехо-словацких войск согласились поднять восстание против первой в мире Советской власти.

Практическая подготовка к восстанию на Волге началась у эсеров ранее 8-го Совета. С конца апреля уже шла переброска из центра ряда ответственных работников эсеров на Волгу. «Переброска началась полным ходом на Волгу после первых чисел мая. Но предварительная работа шла и раньше... Мы содержали кадровые формирования и перебрасывали их на волжский фронт», — говорит Гоц [1]). «Непосредственно перед самым Советом партии выяснилось, что мы должны нашу работу ориентировать на Восток», — рассказывает в своих показаниях другой член Центрального Комитета — Дашевский. [2])

Соответственно «волжским» планам изменилась и работа военной комиссии эсеров в Москве. Дашевский, ее руководитель, рассказывает: «Незадолго до 8-го Совета партии перед нами была поставлена задача способствовать созданию восточного фронта. И после 8-го Совета и принятых им решений задача эта перед нами стала совершенно определенно. Мы решили усилить военными специалистами наши партийные организации, расположенные в Поволжьи, которые в случае поднятия местных восстаний могли бы повести работу создания более серьезных отрядов, организацию народной армии. Началась работа по собиранию и переотправке офицерства... В качестве центра военной поволжской работы мы избрали Саратов и там же устроили приемник офицерских кадров... Большинство отправляемых была беспартийная военная молодежь — офицеры, озлобленные против большевиков, стоящие в тяжелых материальных условиях. Их республиканские настроения были под большим сомнением. Эта работа продолжалась три месяца: май, июнь, июль — до начала августа — момент моего отъезда в Саратов.

Велась мною также через одно лицо организация подрывной группы, в целях использования ее в ближайшем тылу большевистского фронта. Группа была создана из 3—4 человек. Суммы на отправку офицеров получались мною через Моисеенко из сумм «Союза Возрождения», а потом прямо из Центрального Комитета. Тимофеев мне говорил, что он имел свидание с французским консулом Гренаром и получил от него деньги для передачи офицерам и военной организации... Все офицеры направлялись мною в распоряжение партийной организации Поволжского областного комитета» [3]).

О работе Центрального комитета партии социалистов-революционеров в этом же направлении М. А. Веденяпин [4]) сообщает: «После последнего (8-го. *В. В.*) Совета партии

---

[1]) См. его показания на процессе правых с.-р. в 1922 г. (стенограмма от 18 июня).

[2]) Процесс правых эсеров 1922 г. Стенограмма от 18 июня.

[3]) Показания Дашевского на процессе правых эсеров 1922 г. Стенограмма от 23 июня.

[4]) Член Центрального Комитета. Здесь приводится его сообщение на съезде членов партии с.-р. 5 августа 1918 г. в Самаре. См. протокол заседания.

Центральный комитет послал своих членов для организации восстания в Поволжье и на Урале. Была установлена связь с чехо-словаками. В Самаре также шли переговоры с ними. Брушвит для связи с чехо-словаками был отправлен в Пензу»...

Поволжский областной комитет эсеровской организации охватывал губернии: Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Астраханскую, Тамбовскую, Пензенскую и Область Войска Уральского. Организационным центром был Саратов, и работа велась главным образом в прилегающих губерниях: Тамбовской, Пензенской и Самарской. Для руководства военной работой тотчас после 8-го Совета в Саратов был командирован Донской, который и вошел по приезде в областной комитет.

Как работали эсеры в Саратове весной и летом 1918 года, помогая чехам, можно судить по показаниям Дашевского. «Главной нашей задачей в Саратове, — говорит он [1]), — была дезорганизация советского 4-го Уральского фронта, который стоял против казаков. Ответственный пост при штабе 4-й армии занимал наш полковник Бредихин, получивший в июне месяце назначение от Советской власти формировать кавалерийский полк и кавалерийскую бригаду из 2 полков. У нас и возникла идея пополнить через него эти полки своим офицерским кадровым составом, а затем низшим... Но это провалилось, так как на фронте был арестован какой-то офицер, перебиравшийся через фронт, военным контролем 4-й армии, и через него добрались до дежурного генерала Оленихина и до полковника Бредихина. Бредихин, предупрежденный, с двумя адъютантами успел удрать, а то, что было в его бригаде, было ликвидировано. Такую же работу по пополнению частей мы вели в самом Саратове, — так: электро-технический батальон, батальон связи, минно-подрывная рота. В них имелась серьезная связь с командирами этих частей и офицерским составом. Для пополнения своими людьми мы получали из Питера и Москвы людей из военной организации юнкеров, которых было много в военной офицерской организации в Саратове. Эта работа велась август-сентябрь — те месяцы, которые я был в Саратове. Через свои связи мы вели военную разведку и информацию о боевых приказах и частях и все это переправляли через фронт нашими связями. В Саратов был переброшен за месяц до меня Шкловский, и на него была возложена задача организации подрывной работы на противо-уральском фронте. Центр своей работы он сделал в Аткарске, достал из минной подрывной роты пироксилин и предлагал взрывать все поезда, которые шли в этом направлении, с чем большинство не соглашалось. Он был принужден из Аткарска уехать, в виду слежки. По техническим соображениям мы отклонили взрыв железнодорожного пути и решили его дезорганизовать, заменив гайки, скрепляющие рельсы, своими, внутри выпиленными, которые легко снимались, и их снять в последний момент перед проходом поезда. Это в сентябре»...

Таковы были основные черты поволжской работы эсеров в Саратове. Не менее энергичную и предательскую работу развили они и в других городах Урала и Сибири. Выступления чехов шли под их знаменем и им передавали чехи власть в захваченных городах. А в конце июня Центральный комитет партии эсеров весь переехал в охваченный чешским восстанием район, призвав всех членов Учредительного собрания сделать то же самое.

Публикуемое ниже «Обвинительное заключение», составленное на основании показаний рядовых членов партии с.-р. и офицеров, арестованных с поличным, а также письма А. И. Альтовского Н. И. Ракитникову и «докладная записка» с «приложениями»

---

[1]) См. стенограмму процесса от 23 июня.

об организации эсерами подрывной работы в тылу советских войск, характеризуют «работу» с.-р. партии осенью 1918 г. Эти документы не оставляют сомнений, что партия правых эсеров являлась агентом антантовского империализма и верой и правдой служила ему, подготовляя и осуществляя совместно с чехами вооруженную интервенцию.

Письма А. И. Альтовского печатаются с подлинников, «докладная записка» и «приложения» к ней — с копий, находящихся в Моск. Центр. Архиве Октябрьской Революции.

Вера Владимирова.

1.

Обвинительное заключение по делу Саратовской и Петроградско-Московской организации правых эсэров по обвинению членов этой организации в участии в контр-революционной организации, имевшей целью свержение Советской власти и шпионаж [1]).

В августе 1918 г. военконтролем 4-й армии был раскрыт заговор, имевший целью открыть восточный фронт Советской Республики уральским казакам. Во главе этого заговора находились: дежурный генерал 4-й армии Буренин, командир 2-го кавалерийского полка Бредихин, его помощник Шевелев, б. помещик Ларин и др. Буренин и Шевелев, по постановлению следственной комиссии военного контроля 4-й армии, 21 января были расстреляны, Бредихин же и Ларин успели скрыться.

Полагая, что этот заговор имеет более глубокие корни и что удалось раскрыть и ликвидировать лишь часть его, военный контроль 4-й армии продолжал вести наблюдение за внушавшими подозрение лицами командного состава и одновременно стал подвергать тщательному допросу попадавших в плен офицеров противника.

Один из таких пленных офицеров, Николай Ракин, допрошенный в октябре прошлого года, показал, что в рядах неприятеля он находился всего лишь $1^1/_2$ месяца, а до того времени жил в Саратове и что переправила его через фронт существовавшая тайная организация. Далее Ракин рассказывал подробно о том, что он познакомился с представителями этой организации и каким образом он был переправлен из Саратова в Уральск и Самару, занятые в то время казаками. При этом им были сообщены известные ему фамилии лиц, входящих в Саратовскую организацию, и их адреса.

На основании данных допроса Ракина военный контроль произвел обыск в квартире некоего Николая Ивановича Панфилова и задержал как самого Панфилова, так и проживавшего в его квартире под именем В. С. Люблинского Сергея Максимовича Максимова. Последним был представлен список с указанием адресов лиц, причастных к раскрывшейся организации. В дальнейшем, пользуясь показаниями Ракина,

---

[1]) Верх. Триб. ВЦИК. Дело № 196 по обв. чл. ЦКПСР и иных орг. ПСР в контр-рев. деятельности. Материалы, приобщ. по ходат. обвиняемых.

Панфилова и Максимова, а также найденным документом, военный контроль выяснил как самую организацию, так и состав и задачи ее, заключающиеся в следующем:

Группа лиц, большинство которых принадлежало к партии правых социалистов-революционеров, входила в контр-революционную организацию, имевшую целью свержение Советской власти путем подготовки восстания и оказания содействия военным операциям противника посредством снабжения его командным составом и сообщения сведений военнаго характера.

Имея центром своей деятельности Саратовскую губернию (Аткарск, Покровск и Саратов), раскрытая организация непрерывно поддерживала прочные связи с Москвой и Петроградом, где вербовались члены организации — белогвардейцы, преимущественно из бывших офицеров, и направлялись в Саратов. Одновременно такая же вербовка производилась в самом Саратове и в уездных городах этой губернии. Часть привлеченных офицеров направлялись во 2-й кавалерийский полк, находящийся под командой Бредихина, участника заговора, и состоявший, таким образом, из явных противников Советской власти. Другая часть переправлялась через фронт в Уральск и Самару, где эти лица и вступали в ряды противника. Сказанное находит себе подтверждение в показаниях Максимова, Ракина, Аксенова, Васильева II и др. Из показания первого видно, что, приехав в мае 1918 г. в Петроград и ища себе каких-либо занятий, он познакомился с неким шофером Шильинским. Последний предложил ему заработок и представил его некоему Ганжонкову, Ганжонков познакомил Максимова с каким-то «Виктором Борисовичем», наконец, Максимов был направлен в дом № 22 по Литейному проспекту, где помещался клуб социалистов-революционеров. Здесь он должен был спросить Иванову, оказавшуюся Еленой Александровой Ивановой. От Ивановой Максимов узнал, что ему надлежит поехать в Москву, откуда он будет направлен в Саратов. При этом ему было выдано 200 рублей денег и документ на имя И. М. Слепцова. В то время в комнату вошел некий «Григорий Иванович», как установлено позже — Васильев, и спросил, указано ли Максимову, к кому он должен обратиться в Москве. Прибыв в Москву 27 июля, Максимов отправился по указанному адресу (на Зацепу), где и нашел «Нину Васильевну», оказавшуюся Ниной Васильевной Скуригиной. На другой день, получив от Г. И. Васильева, также приехавшего в Москву, адрес, по которому надлежало явиться в Саратов, и пароль, Максимов выехал из Москвы. В Саратове ему пришлось прежде всего познакомиться с Исидором Григорьевичем Ворониным, через последнего с Анатолием Ивановичем Доброхотовым, который и направил его к Николаю Ивановичу Панфилову. У Панфилова Максимов и поселился. Туда же вскоре приехал Виктор Карлович Рейзнер. У Панфилова, по словам Максимова, кроме упомянутых лиц, часто бывали Василий Дмитриевич Суворкин и Иосиф Самойлович Куликовский, Петр Лукьянович Фалунин и Петр Васильевич Поспелов.

Все названные лица были посвящены в дела организации и принимали сами непосредственное в них участие.

Каким образом шла переотправка бывших офицеров из Саратова, где сборным пунктом была квартира Панфилова, в Покровск, в котором также имелась конспиративная квартира (Поспелова), и дальше через фронт в Уральск, видно из показаний Ракина, Аксенова и др.

Познакомившись с Панфиловым, Ракин получил от него предложение ехать в Покровск, явиться по данному адресу к П. В. Поспелову, сообщить последнему пароль и объяснить свое желание. 15 августа с другим бывшим офицером Новичковым выехал в Покровск и явились к Поспелову. Здесь им было предложено, как и в Саратове, поступить во 2-й кавалерийский полк, стоявший в местечке Дергачи, но они отказались и просили отправить их в Уральск.

Из разговора членов организации, находившихся на квартире Поспелова, Ракин узнал, что 2-й Советский кавалерийский полк насыщен этой организацией своими людьми и что оттуда получаются необходимые для проезда офицеров удостоверения.

18 августа Ракин и Новичков, как им было указано, явились в Дергачи к адъютанту 2-го кавалерийского полка Трущелеву, который должен был дать им проводника для перехода фронта. В это же время в полку были получены сведения о раскрытии заговора дежурного генерала Буренина, ввиду чего вместе с Ракиным и Новичковым бежали командир полка Паушин, адъютант Трущелев и др. офицеры. Все эти лица, в числе 10 человек, на подводе отправились в местечко «Красная Речка», занятое казаками, и дальше до железнодорожной станции, где и сели в отходящий на Уральск поезд.

В той же организации деятельное участие принимал, по словам Поспелова, Дмитрий Алексеевич Рогов.

Обвиняемый Борис Васильевич Аксенов, работавший вместе с Панфиловым и Роговым в Покровской организации, рассказывает об аналогичной отправке через фронт сербского консула. При этом Аксенов показывает, что в Саратовской организации видную роль играл Альтовский и Устинов.

Помимо переотправки бывших офицеров в лагерь противника, в задачи организации входило насыщение некоторых воинских частей белогвардейцами. О заполнении такими лицами командных должностей во втором кавалерийском полку упоминалось выше. С помощью этого полка генерал Буренин намеревался осуществить свой план открытия фронта. Другими подобными частями были батальон связи при штабе 4-й армии и 3-я минно-подрывная рота при электротехническом батальоне. Допрошенный солдат минно-подрывной роты Егор Степанович Швырков показал, что он был направлен из Петрограда в Саратов к Рейзнеру. Последний дал Швыркову подложные документы и записку к командиру роты Якову Степановичу Ефимову, который и принял его в роту. По словам Швыркова, связь между ротой и представителем организации Рейзнером поддерживал Михаил Григорьеви-

Масленников, шурин Рейзнера, служивший вместе с Швырковым в минной роте. Начальник батальона связи Сергей Васильевич Черников поддерживал постоянную связь с одним из главных руководителей организации, некиим «Максимом Петровичем», фамилия которого осталась неизвестной.

Следующей задачей организации было сообщение противнику сведений военного характера, с целью содействовать его военным операциям. Эту сторону деятельности организации освещают показания Константина Коваленко. Во время захвата гор. Вольска белогвардейцами некий Симуков привез из Саратова приказ по Красной армии, в котором были указаны расположения советских войск и план наступления, и поручил Коваленко отвезти приказ в Вольск. Коваленко принял предложение и на велосипеде поехал в Вольск, но с полдороги вернулся и сообщил, что приказ он передал немцам-колонистам, и они обещали его переслать в Вольск. В действительности же будто бы он, Коваленко, приказ этот уничтожил в Покровске еще до выезда в Вольск. С таким же предложением к нему обращались и при вторичном занятии Вольска белогвардейскими войсками, но [он] якобы отказался.

Из показаний того же Коваленко видно, что упомянутый Симуков переезжал фронт и перевозил какие-то сведения, а затем снова возвращался в Покровск. Во время его отсутствия за «сведениями» в Саратов ездил Аксенов. Не ограничиваясь переправкой бывших офицеров в лагерь противника, заполнением некоторых воинских частей «своими людьми» и сообщением неприятелю сведений оперативного характера, Саратовская организация намеревалась препятствовать успехам Красной армии путем взрывов мостов, подготовки крушений воинских поездов и проч.

Для первой цели был привлечен некий Петр Васильевич Цветаев, которому было поручено из Саратова выехать в Покровск, осмотреть находившийся близ Покровска железнодорожный мост и постараться взорвать его. Несколько раньше Цветаеву были переданы пироксилиновые шашки для отправки в Аткарск, что осуществить Цветаеву не удалось, и шашки оставались у него. Помимо того, ему было обещано, что если в Покровске не найдется достаточно материала, то таковой будет ему выслан из Саратова. Однако дело взрыва мостов около Покровска ограничилось осмотром их Цветаевым, и план этот дальнейшего осуществления не получил. Директивы о взрыве мостов, со слов Цветаева, он получил от Суворкина и Николая Ивановича (Панфилова).

Если для взрыва мостов был привлечен Цветаев, способный скорее, по его собственному признанию, к шантажированию организации, чем к выполнению серьезного поручения, то для осуществления подготовки крушения поездов была создана специальная организация из лиц, обслуживавших в качестве грузчиков ст. Саратов Ряз.-Уральской ж. д. и поддерживавших связь со ст. Аткарск той же дороги.

Во главе этой железнодорожной организации стояли заведующий демобилизационным отделом Московского областного продовольственного комитета Дмитрий Иванович Нечкин и агент названного отдела Иван Григорьевич Львицын.

Нечкин приглашает на должность заведывающего складом б. полковника Валериана Николаевича Чеснокова, который, в свою очередь, привлекает б. юнкера Ивана Ивановича Полякова на таинственную работу, оплачиваемую, однако, по 15 рублей в день. Через посредство Полякова поступают в товарный склад «грузчиком» б. офицер Валериан Михайлович Трынкин, Виктор Михайлович Горбунов и Николай Васильевич Власов. Все они хорошо осведомлены о том, что в действительности состоят на службе в тайной организации противосоветского направления. Одновременно здесь же устраивается Савва Андреевич Иванов, присланный к Нечкину из фотографии «Новь», конспиративной квартиры, адрес которой обычно давался в Москве и Петрограде лицам, ехавшим в Саратовскую организацию. Далее в члены железнодорожной организации вступают Владимир Прокофьевич Барков и Александр Николаевич Никонов.

Из названных лиц Трынкин, Власов, Барков и Горбунов были участниками происшедшего в мае месяце 1918 г. в г. Саратове противосоветского выступления.

Савва Андреевич Иванов рассказывает, что однажды Львицын поручил ему искать на полотне дороги гайки и несколько позже велел отнести эти гайки в Военный городок служащему электро-технического батальона Фалунину; Иванов, не зная, где находится Военный городок, просил это поручение исполнить Трынкина. Что Фалунин занимался обработкой этих гаек, видно из показаний Максимова, который слышал разговор Фалунина и Рейзнера о болтах и гайках. То же подтверждает и Власов, показывающий, что подпиленные Фалуниным гайки ему предложено было отвезти в Аткарск, где предполагалось подготовить крушение поезда. У Никонова обнаружен ряд заготовленных для неизвестных целей чистых официальных бланков. Эта же организация занималась собиранием сведений о движении воинских грузов, главным образом артиллерийских, и приобретением оружия. Так, во дворе дома, где проживал член железнодорожной организации Власов, были найдены закопанные в землю винтовки и патроны.

В этой группе, входившей в состав сложной организации, созданной, как сказано выше, членами партии правых эсэров, представителями последней являлись лишь Нечкин и Львицын, остальные же принадлежали к числу б. офицеров, являя собой белогвардейский элемент.

То или иное участие в деятельности обще-саратовской организации, кроме отмеченных выше, принимали еще следующие лица: Федор Федорович Конев, Вячеслав Павлович Кузнецов, Вячеслав Константинович Белецкий, Сергей Петрович Одинцов, Константин Митрофанович Поляков-Хреновский и Павел Васильевич Васильев. У первого

из названных лиц, Конева, было найдено шифрованное письмо, привезенное из Самары для передачи эсеровской организации. Кузнецов, по его собственному признанию, должен был сообщать адрес членов организации тем лицам, которые являлись к нему с установленным паролем. Между прочим, в числе лиц, которым им были указаны пароли и адреса, указал Сергея Одинцова. Белецкий принимал участие в передаче листков об Учредительном Собрании в электро-технический батальон для распространения. Васильев — участник Покровской организации. Между другими лицами, причастными к той же организации, арестован на партийной явке Хреновский-Поляков, Константин Митрофанович.

При изложении показаний Максимова-Люблинского уже упоминалось, что Саратовская организация в целом имела тесную связь с Москвой и Петроградом, где была своя организация, располагавшая рядом конспиративных квартир. Ввиду этого, после раскрытия Саратовской организации правых эсэров, представилось возможным обнаружить и Петроградско-Московскую организацию.

По данным дела Саратовской организации были подвергнуты в Москве аресту Г. И. Васильев, оказавший при этом вооруженное сопротивление и пытавшийся бежать, Е. А. Иванова, Н. В. Скуридина, В. И. Михайлов, П. И. Рудаков, Н. Н. Гладков, В. Ф. Томашевич и др. При личном обыске у Гладкова была найдена квитанция о сдаче на хранение на Николаевском вокзале саквояжа, который был немедленно военноконтролем получен, привезен и вскрыт. В этом саквояже оказался динамит, привезенный из Петрограда и предназначавшийся для Саратова. Как выяснилось из допроса Вячеслава Фелициановича Томашевича, он вместе с Николаем Николаевичем Гладковым прибыл из Петрограда в Москву накануне ареста, т.-е. 20 октября, по поручению Петроградской организации, для свидания с Григорием Ивановичем Васильевым, который имел дать им поручение съездить в Нижний-Новгород к видным членам организации Зейману и Флейкину. В той же Москве, в конспиративной квартире в Сыромятниках , состоялось собрание активных работников, в котором принимали участие, кроме Томашевича и Гладкова, Г. И. Васильев, Елена Александровна Иванова, Петр Ильич Рудаков, Василий Иванович Михайлов, Красавин и некая Лидия Васильевна. На этом собрании говорилось о том, что кто не желает работать здесь (в Советской России), тот может переправиться по ту сторону фронта, при чем Васильев сообщил, что переехать можно при содействии энергичного работника в Саратове Виктора Рейзнера. После обсуждения этого вопроса тот же Васильев довел до сведения собрания, что им решено взорвать поезд, отправлявшийся с нашей контрибуцией в Германию, но препятствием к тому служит отсутствие в достаточном количестве динамита.

Кроме квартиры в Сыромятниках, где происходило указанное собрание, в Москве обнаружены еще две конспиративных квартиры этой организации: квартира Н. В. Скуридиной по б. Дворянской

в доме № 38 и квартира Наталии Николаевны Богоявленской по Долгоруковской ул. в доме № 23/3.

Как видно из всего вышеизложенного, Саратовская и Петроградско-Московская организация являются одной общей организацией, созданной группой членов партии правых социалистов-революционеров и имеющей в своем составе, кроме членов этой партии, руководивших деятельностью этой организации, еще ряд лиц, без определенной политической окраски, но явно враждебно настроенных к Советской власти и принадлежащих в значительной своей части к числу бывших офицеров.

На основании всех изложенных данных предаются суду Революционного Трибунала при ВЦИК:

1) Николай Иванович Панфилов, 2) Исидор Григорьевич Воронин, 3) Виктор Карлович Рейзнер, 4) Василий Дмитриевич Суворкин, 5) Иосиф Самойлович Куликовский, 6) Петр Лукьянович Фалунин, 7) Петр Васильевич Поспелов, 8) Борис Васильевич Аксенов, 9) Егор Степанович Швырков, 10) Яков Степанович Ефимов, 11) Михаил Григорьевич Масленников, 12) Сергей Васильевич Черников, 13) Константин Коваленко, 14) Петр Васильевич Цветаев, 15) Федор Федорович Конев, 16) Вячеслав Павлович Кузнецов, 17) Вячеслав Константинович Белевский, 18) Иван Иванович Поляков, 19) Павел Васильевич Васильев, 20) Дмитрий Иванович Нечкин, 21) Иван Григорьевич Львицын, 22) Владимир Прокофьевич Барков, 23) Николай Васильевич Власов, 24) Валериан Михайлович Трынкин, 25) Виктор Михайлович Горбунов, 26) Николай Николаевич Гладков, 27) Вячеслав Фелицианович Томашевич, 28) Елена Александровна Иванова, 29) Петр Ильич Рудаков, 30) Василий Иванович Михайлов, 31) Наталья Николаевна Богоявленская, 32) Нина Васильевна Скуридина, 33) Григорий Иванович Васильев, 34) Анатолий Иванович Доброхотов, 35) Савва Андреевич Иванов, 36) Дмитрий Алексеевич Рогов, 37) Константин Митрофанович Поляков-Хреновский, 38) Сергей Петрович Одинцов и 39) Александр Николаевич Никонов.

По обвинению: Иосифа Самойловича Куликовского, Дмитрия Ивановича Нечкина, Григория Ивановича Васильева, Виктора Карловича Рейзнера и Николая Ивановича Панфилова в том, что они, будучи членами партии социалистов-революционеров (правых), т.-е. лицами, называющими себя убежденными социалистами и сторонниками, следовательно, интересов рабочего класса и трудового крестьянства, сознательно, по взаимному между собою соглашению, вошли в тайную организацию, имевшую свои отделения в Москве, Петрограде, Аткарске, Покровске и других городах, следствием не установленных, в целях свержения власти Рабоче-Крестьянского правительства в России, для чего, пользуясь имевшимися в их распоряжении паспортными бланками, подложными документами, а также динамитом и другими взрывчатыми веществами, и, при помощи личных связей и знакомств с отдельными лицами, занимавшими те или другие посты

в Рабоче-Крестьянской Красной армии, систематически занимались транспортировкой своих сторонников из явно белогвардейских элементов, из состава бывшего офицерства, по ту сторону фронта к чехословакам, в целях нанесения наибольшего ущерба Советской власти путем оказания военной помощи внешнему неприятелю; во-вторых, в тех же целях занимались транспортированием взрывчатых веществ из Петрограда в Саратов, в целях организации железнодорожных крушений, взрыва мостов и повреждения железнодорожных путей, пользуясь для этих целей теми же белогвардейскими элементами или привлеченными ими рабочими, привлекая их на службу в товарную станцию в Саратов и понуждая их собирать и засим подпиливать железно-дорожные гайки; в-третьих, в тех же целях, при помощи связи с воинскими частями, занимались насыщением красноармейских частей своими сторонниками, а именно: 2-го кавалерийского полка, 3-й минно-подрывной роты и службы связи и штаба 4-й армии, сверх иных частей, следствием не установленных; в-четвертых, распространяли при помощи своих сторонников контр-революционного содержания литературу среди воинских частей в тех же целях подготовки свержения Советского правительства, при чем, в частности, Иосиф Самойлович Куликовский играл под именем Михаила Петровича руководящую роль в Саратовской и Московской организациях, Виктор Карлович Рейзнер в Петроградской и Саратовской организации, Николай Иванович Панфилов в Саратовской, руководил, сверх того, переправкой офицеров по ту сторону фронта и сообщением им же секретных военных сведений. Дмитрий Иванович Нечкин играл такую же роль в Саратовской организации и, сверх того, занимался поставкой, под видом грузчиков-агентов по подготовке разрушения железнодорожных путей сообщения. Григорий Иванович Васильев, сверх того,—по обвинению в оказании вооруженного сопротивления при аресте.

По обвинению Кузнецова Вячеслава Павловича, Елены Александровны Ивановой, Натальи Николаевны Богоявленской, Нины Васильевны Скуридиной и Исидора Григорьевича Воронина в том, что они, зная о существовании указанной организации, вполне разделяли ее цели, способствовали деятельности этой организации путем предоставления ей явочных и конспиративных квартир, помещений, где проживали или занимались сами, укрывая у себя деятелей этих организаций или направляя их по заранее условленным с главарями организаций адресам и квартирам по условленным паролям.

По обвинению: Павла Васильевича Васильева, Константина Коваленко, Сергея Ивановича Одинцова, К. М. Полякова-Хреновского, Петра Васильевича Поспелова, Бориса Васильевича Аксенова, Дмитрия Алексеевича Рогова, Анатолия Ивановича Доброхотова и Федора Федоровича Конева в том, что они, зная о существовании вышеописанной организации и состоя ее членами, способствовали ее деятельности — Поспелов, Аксенов и Рогов в г. Покровске, где занимались переправкой офицеров по ту сторону фронта, раздобыванием и пере-

дачей секретных военных сведений; Васильев Павел Васильевич— в соучастии с Аксеновым и Поспеловым—в передаче секретных бланков, а Коваленко Константин — также в соучастии в переправе секретных документов неприятелю; Доброхотов и Конев способствовали ее деятельности — первый, состоя в постоянном общении с указанными деятелями первой группы, а второй, храня секретную шифрованную переписку, явно компрометирующего характера, представляющую из себя руководящие директивы для деятельности всей организации в целом; Поляков-Хреновский и Одинцов — в членстве этой организации.

По обвинению: Суворкина Василия Дмитриевича, Фалунина Петра Лукьяновича, Цветаева Петра Васильевича, Львицына Ивана Григорьевича, Трынкина Валериана Михайловича, Горбунова Виктора Михайловича, Власова Николая Васильевича, Никонова Александра, Иванова Саввы Андреевича, Баркова Владимира Прокофьевича и Полякова Ивана Ивановича в том, что они, Суворкин, Фалунин и Цветаев, сознательно принимали участие, под руководством руководителей вышеописанной организации, в подготовке взрыва железнодорожного пути, а Фалунин, сверх того, в работе по подпиливанию гаек железнодорожного пути; Трынкин, Горбунов, Власов и Барков под руководством Львицына в качестве грузчиков собирали сведения о движении воинских эшелонов, сообщая их руководителям организаций, а также принимали участие в работе по сбору гаек, Горбунов же, Барков, Власов и Трынкин были, сверх того, участниками антисоветского выступления 1918 г. в Саратове; Поляков и Иванов — в том же самом.

По обвинению: Михаила Григорьевича Масленникова, Егора Степановича Швыркова и Вячеслава Константиновича Белецкого в том, что они, зная о существовании такой организации и находясь на службе Красной армии, кроме Белецкого, способствовали разложению Красной армии путем распространения там контр-революционной литературы и таковой же агитации.

По обвинению: Якова Степановича Ефимова и Сергея Васильевича Черникова в том, что они, занимая командные посты в Красной армии, способствовали той же организации приемом во вверенные им части лиц заведомо для них контр-революционного направления.

По обвинению: Николая Николаевича Гладкова, Вячеслава Феликсановича Томашевича, Петра Ильича Рудакова и Василия Ивановича Михайлова в том , что они все, будучи членами вышеописанной организации, принимали и исполняли ее поручения по перевозке ее распоряжений, пакетов и т. д., а Томашевич и Гладков, сверх того, в переправе, по поручению той же организации, динамита из Петрограда в Саратов в целях взрыва железнодорожных путей.

В отношении Сергея Максимовича Максимова и Николая Ивановича Ракина — дело за нерозыском выделить, в отношении Цветаева — дело за болезнью выделить, а в отношении Дмитрия Алексеевича Крылова, Валериана Николаевича Чеснокова, Александра Николаевича

Киселева, Николая Сергеевича Соколова, Ильи Ивановича Полянинова, Николая Николаевича Никонова, Виктора Ивановича Егорова за недостаточностью улик прекратить.

Составлено 24 июня 1919 г.

Обвинитель Верховного Трибунала Н. Крыленко.

2.

Письмо А. И. Альтовского [1]) Н. И. Ракитникову [2]) от 20 октября 1918 г.

Омск. Воскр[есенье] 20 окт[ября 1918 г.].

Дорогой Ник[олай] Иван[ович].

Вам лично и Ц[ентральному] К[омитету] доношу о моих здесь хождениях и хлопотах по известному вам делу.

На основании нашего повт[орного] опыта, а также на основании бесед моих в Самаре с Ивановым [3]) и [в] Уфе с Фл[орианом] Фл[орановичем] [4]) и Петровичем мною здесь совместно с Б. Соколовым [5]) была составлена докл[адная] записка ген. Болдыреву [6]), с которой мы ознакомили предварительно Зензинова [7]) и Ракова [8]).

Записка эта со всеми к ней добавлениями при сем прилагается [см. докум. 4 и 5].

Она составлена л и ч н о от имени двоих ее авторов, но н а с л о в а х было сказано, что мы уполномочены Ц[ентральным] К[омите]том вести переговоры с Вр[еменным] Пр[авительством] по этому делу (на что у меня имеется мандат, выданный Фл[орианом] Фл[орановичем].

Зензинов вначале отнесся с полным сочувствием. Он говорил с Болд[ыревым], и тот ему также выразил вполне сочувственное отношение.

Для практических переговоров Болд[ырев] направил нас к полковнику Сыромятникову и подполк. Текелину (разведка).

Здесь тоже мы встретили полное сочувствие и готовность содействовать, но.... с маленькой заминкой. Сим полковникам, повидимому, показалось, что на наши дела должны быть даны средства из тех кредитов, которые им отпущены на разведку. Это их покоробило: стали говорить, что у них нет, нехватает и т. д. Когда же мы разъяснили, что мы будем добиваться о с о б о г о ассигнования непоср[едственно]

---

[1]) Альтовский, Арк. Ив., инж., член Ц. К. партии с.-р.

[2]) Ракитников, Ник. Ив., член Ц. К. партии с.-р., впоследствии вошедший в состав группы «Народ».

[3]) Иванов, Ник. Ник., член Ц. К. партии с.-р. и Учред. Собрания.

[4]) Федорович, Флор. Флор., член Ц. К. партии с.-р.

[5]) Соколов, Бор. Фед., прив.-доц., член партии с.-р.

[6]) Болдырев, Вас. Георг., ген., член «Директории», образованной «Уфимским Госуд. Совещанием» 10 (23) сентября 1918 г.

[7]) Зензинов, В. М., член Ц. К. партии с.-р.

[8]) Раков, Д. Ф., член Ц. К. партии с.-р.

Вр[еменным] Прав[ительством] специальных кредитов на это дело, то готовность содействовать стала еще более полной (на словах, по кр[айней] мере).

Подполк. Текелин взялся составить доклад об организации работы в Большевизии, в котором он хочет использовать материал нашей записки. Во вторник его доклад будет готов. Он нам его покажет для замечаний и дополнений.

Мы, со своей стороны, взялись через Зенз[инова] и А. В. повлиять на Болд[ырева], чтобы он сам затребовал этот докл[ад] в н е о ч е р е д и. Предполагаем, что в среду или в четв[ерг] это и будет сделано (23—24 окт[ября].).

Это все не плохо, хотя и дольше, чем я бы хотел и чем я ожидал. Но вот что уже хуже.

Раков, к кот[орому] я обр[атился] (естественно) за содействием, отнесся ко всему этому как-то очень уж кисло и, пожалуй, даже не как подобало бы чл[ену] Ц[ентрального] К[омитета].

1) Он как-то уже очень на все безнадежно рукой машет: «когда-то еще ваш доклад на очередь попадет, когда-то будет принят», да «когда-то потом пройдут ассигновки», — «сколько времени пройдет, и все до тех пор измениться может». «Это дело третьестепенной важности, теперь важнее всего международная конъюнктура» и т. д.

2) По приезде сюда, ознакомившись с здешним положением, он сам стал на почти Чайкинскую [1]) позицию: «ждать выяснения обстоятельств для определения нашего отношения к правительству». «До тех же пор не ангажировать партию».

3) По отношению к нашим организациям в Сов[етской] Рос[сии] он высказал вообще сомнение, можно ли для них брать деньги, в состоянии ли они — полуфиктивные, номинальные — выполнить те обязательства, которые с получением денег сопряжены.

При таких обстоятельствах содействия с его стороны выходит маловато. Напротив, он, кажется, нагнал изрядно «раздумчивости» и на Зензинова.

Оно, конечно, можно с большим глубокомыслием сидеть на реках Вавилонских и плакать о международных конъюнктурах, но мне-то казалось бы, что уж довольно мы проворонили. Ведь Ком[итет] Чл[енов] Уф[имского] С[овещания] был вполне в наших руках и, конечно, мог бы снабдить партию в Сов[етской] России («на агитацию», «на подготовку» и т. д.) неск[олькими] милл[ионами] р[ублей], которые очень бы пригодились на черный день. Теперь, когда этот черный день, может быть, совсем на носу, не следует упускать ни малейшей возможности получить для п[артии] деньги.

Я бы считал необходимым, чтобы по поводу моего доклада (Болдыреву) состоялось определенное решение Ц[ентрального] К[омитета], которое и должно быть как можно скорее сообщено сюда. Лучше всего

---

[1]) Чайкин, В., член Ц. К. партии с.-р., вышел из состава Ц. К. 15/XI.

было бы, чтобы хотя бы Иванов приехал сюда сам. Необходимо заранее наметить кандидатов в эту комиссию (предлагаю Иванова, Петровича и Бориса Соколова), чтобы со стороны п[артии] не было никаких задержек.

Можно телеграфировать Зензинову шифром — одним из тех двух ключей, кот[орые] я дал Витковичу (кстати, необходимо, чтобы Фл[ориан] Фл[орианович] взял у него эти ключи и отметил их себе) или летним ключом Ц[ентрального] К[омитета] (двойная шифровка с суммированием — Фл[ориан] Фл[орианович] должен знать этот ключ). Я все эти три ключа сообщу Зензинову.

Мое лично дальнейшее пребывание здесь будет убийственно тошным. До сих пор я составлял проект, видался с нач[альствующими] лицами, беседовал, убеждал. Теперь это кончено, правит[ельственный] механизм приведен в движение, и мне остается только ждать. А я уже и так бесплодно прождал столько времени. Теперь бы хотелось чего-нибудь из двух: или получить хоть часть нужн[ых] средств и ехать немедленно в Совдепию, или получить окончательную уверенность, что мы по обыкновению проворонили, и тогда немедля ехать туда же для ликвидации, с сохранением только аппарата, нужного только для переправы учредителей.

М[ожет] б[ыть], дождусь таки здесь «выяснения обстоятельств» и удеру таки в Советскую Респ[ублику] раньше.

Телеграфируйте, Ник[олай] Ив[анович], с р о ч н о, долго ли вы будете оставаться в Уфе и если уезж[аете] оттуда, то куда? В Совдепию я поеду через Уфу.

Кстати вашу книжку (Ленин) Бор. Черн. оставил в № в «Волге» (кажется, № 45 или 46) — возьмите ее там.

А. Альтовский.

3.

Письмо А. И. Альтовского Н. И. Ракитникову от 24 октября 1918 г.

Омск. 24 окт[ября 1918 г.].

Дорогой Ник[олай] Ив[анович].

Пишу дополнительно после того, как мое предыдущее письмо пролежало здесь 4 дня. Теперь, наконец, все это отправляется. Здесь сообщили, что вы уже (т.-е. весь Ц[ентральный] К[омитет]) перебрались в Екатеринбург. Не знаю, верно ли это. Вы ведь обещали мне телеграфировать об этом, но тел[еграммы] до сих пор не было.

Дело, для которого я сюда приехал, стоит неподвижно. Все заняты совершенно другим. Идет торг с переторжками о министерских местах. Впрочем, обо всем этом сообщает Ц[ентральному] К[омите]ту подробно Раков.

То, что я писал в прошлом письме, остается в силе — за исключением отношения Ракова, которое стало более положительным: он теперь содействует, как может, но толку выходит мало. Очень уж все затягивается и тормозится.

Я лично уже не в силах сидеть тут и дожидаться конца. Решил таки, и об этом сообщил Авкс[ентьеву]; если через 3—4 дня не будет положительного ответа, что предложение принимается, я уезжаю в Совдепию информировать наши организации и все дела ликвидировать. В Пов[олжье] сохранены будут только явки в неск[ольких] городах и необходимый минимальный аппарат для содействия проезду учредителей. Не знаю, нужно ли это. — Из Сар[атова] поеду в Москву, а потом уже не знаю, куда. В здешних газетах помещено известие о втором покушении на Ленина. Конечно, из-за этого были у нас нов[ые] аресты и новые расстрелы. И ведь никаких вестей нет оттуда. Я совершенно не в состоянии здесь сидеть без дела и не знать, целы ли и живы ли оставшиеся там в ожидании ответа отсюда, который я давно уже должен был привезти.

С лицом, которое привезет это письмо, посылаю Фл[ориану] Фл[орановичу] два наших нов[ых] ключа, т[ак] к[ак] не помню, дал ли их я ему перед отъездом сюда. Для сношений с Ц[ентральным] К[омитетом] будем пользоваться этими ключами, а также ключом Ц[ентрального] К[омитета] (двойным — сложение), известным Фл[ориану] Фл[орановичу].

Всего лучшего.

А. Альтовский.

P. S. Отсюда можно телеграфировать во Фр[анцию], и ответ получится. Я пошлю завтра телег[рамму], а адрес дам вам в Екатеринбурге.

4.

Докладная записка.

Условия борьбы с большевиками настоятельно требуют планомерной и широкой дезорганизаторской и разведочной работы в тылу большевистских войск. Крупное стратегическое значение Украины, в связи с оккупацией ее немцами, ставит также вопрос о подобной же деятельности в тылу австро-германских войск. Работа эта приобретает тем большее значение еще потому, что большевики и немцы упорно развивают дезорганизаторскую и разведочную службу в тылу наших армий.

I. Работа в тылу большевистских и немецких войск должна выражаться:

1) в широко поставленном саботаже, как-то: расстройство железнодорожного и пароходного движения путем порчи линии, паровозов, букса вагонов и т. д., взрывов мостов, устройства крушения поездов и воинских эшелонов, порчи последовательно расположенных водокачек, уничтожения запасов жидкого топлива, разрушения почтово-телеграфных и почтовых связей;

2) уничтожении запасов военных снаряжений посредством поджогов и взрывов артиллерийских и иных складов, порче орудий, аэропланов и броневых автомобилей;

3) дезорганизации большевистской армии путем проникновения в штабы, на командные должности и в специальные технические части сторонников Временного Правительства;

4) организации разведочной службы при помощи агентов, находящихся в Советской армии и учреждениях, и при посредстве внешнего наблюдения и передаче сведений через особых курьеров и через радио (телеграфирование шифром, установка собственной радиостанции, использование связей среди служащих в советских учреждениях); в частности, на Украине—выяснении количества и состава австро-германских войск и их передвижений;

5) переправе на территории, освобожденные от большевиков, офицеров и солдат-фронтовиков для пополнения наших армий группами и в одиночку.

II. Руководство этой работой поручается особому отделу при верховном главнокомандующем. Отдел состоит из трех лиц, получающих от верховного главнокомандующего стратегические задания и представляющих верховному главнокомандующему финансовый и фактический отчеты.

Привлечение сотрудников и агентов поручается руководителям отдела.

Работа на местах ведется под непосредственным руководством особых уполномоченных, посылаемых отделом в различные районы. Уполномоченные получают от отдела задания и, сохраняя перед ними полную ответственность, действуют на местах совершенно самостоятельно.

III. При выполнении вышеуказанной работы будут использованы все партийные, военные, офицерские, профессиональные и иные организации и объединения, стоящие на точке зрения активной борьбы с большевиками.

IV. Отпуск сумм на работы отдела, согласно особо представляемых сметных предположений, совершается в авансовом порядке под личным контролем верховного главнокомандующего.

Омск. Октября 16 дня 1918 г.

5.

Приложения к докладу.

I. Об особом значении нижне-средне-волжских губерний в борьбе с большевиками.

А) Занятие сравнительно короткой линии Самара — Пенза — Балашов — Поворино отрезает от Советской России не только Саратовскую, часть Пензенской и Самарскую губернии, но и Астраханскую, Каспийское море, все юго-восточное Заволжье, все Закаспийские области и весь Кавказ.

Б) Происходит таким образом соединение территории Учредительного Собрания с другими областями, освобожденными от власти

большевиков, вплоть до берегов Черного моря (Области Войска Донского, Терская и Кубанская Область, Новороссийск).

В) Открывается возможность непосредственного влияния на донское казачество и возможность совместных с ним действий против большевиков, равно как и с Терско-Кубанской Добровольческой армией генерала Деникина.

Г) Открывается возможность связи с союзниками через Черное море, благодаря выходу из германской коалиции Болгарии и вероятного выхода Турции.

Д) Области, отрезаемые линией Самара — Поворино, чрезвычайно богаты хлебом и другими продуктами продовольствия, спешно и в огромном количестве вывозимыми в настоящее время большевиками. Эти области являются теперь для Советской России почти единственным источником продовольствия (хлеб, мясной скот, рыба, соль).

Е) Запас жидкого топлива (нефть, керосин, бензин), имеющийся в Астрахани, Царицыне, Камышине и Саратове, спешно вывозится большевиками в центральную Россию.

Ж) Население этих областей, в особенности в связи с продовольственной кампанией большевиков, до чрезвычайности против них озлоблено. Вместе с тем оно достаточно зажиточно и, следовательно, имеет реальное основание желать защищать свое достояние от грабителей. Непрерывные местные восстания о том свидетельствуют. Население это может стать деятельной опорой для работы в тылу у неприятеля. Оно окажет содействие при вступлении в названные области Народной армии и союзников и даст богатый и хороший людской материал для будущего добровольческого и принудительного набора в армию.

З) В Поволжской области сохранился до настоящего времени налаженный аппарат военной организации при областном комитете, деятельность которого теперь свернута ввиду недостатка средств и отсутствия регулярных сношений с правительством, но всегда может быть вновь развернута в короткое время.

II. Выполнение общего плана работы в пределах Поволжской области и главнейшие сметные предположения.

А) Примерная схема работы одного железнодорожного дезорганизаторского отряда.

Возьмем участок Рязанско-Уральской ж. д. Аткарск — Ртищево, через который проходят интенсивно поезда с хлебом из Саратовского, Николаевского и Новоузенского уездов, частью из Камышинского, поезда с жидким топливом из Саратова, поезда с хлебом с дополнительной ветки Аткарск — Вольск.

Взрыв одного из мостов на этом участке остановит движение на 5—6 дней. В конце этого срока взрыв другого моста на противоположном конце участка еще остановит на 5—6 дней. Затем прекращение работы последовательного ряда водокачек путем порчи важных частей

их паровых машин произведет новую остановку. Серьезная порча поворотного круга перед депо в то время, когда в депо находится большое число паровозов, даст еще 2—3 дня сильного сокращения движения. Уничтожение при содействии местного крестьянского населения на значительных пространствах железнодорожных телеграфных и телефонных проводов еще расстроит движение минимум на 2 дня. Производство крушений специальных воинских поездов в наиболее подходящих местах тоже даст, хотя и кратковременную, задержку.

Вся эта работа, при наличности хорошей связи среди железнодорожных служащих и рабочих и среди крестьянского населения, могла бы быть выполнена отрядом в 11 человек в течение одного—полутора месяцев и прервала бы движение за этот период на 20—25 дней, что почти равносильно полной остановке транспорта продовольственных и других грузов.

Состав отряда: один начальник, опытный организатор; два его помощника, оба или, по крайней мере, один из них специалист-подрывник, 8 рядовых членов отряда: половина их обязательно военные, хотя бы и не местные жители, другая половина из лиц, хорошо знакомых с местностью, хотя бы и не военных.

Б) Смета расходов по области на железнодорожную дезорганизаторскую работу.

На содержание каждого отряда понадобится:

Содержание личного состава: 7.000—8.000 р.

Приобретение оружия и патронов: 8.000—10.000 р.

Примечание: в следующие месяцы эта графа расхода может быть сокращена на половину.

Приобретение подрывного материала: 15—20 тыс. р.

Примечание: подрывной материал добывается путем связи в красноармейских частях, и в зависимости от состояния этих связей и их характера затраты меняются в очень больших пределах.

Разъезды: 4.000—5.000 р.

Организация связи и общее руководство (доля расходов, приходящаяся на один отряд, предполагая наличность в области 4—5 отрядов): 4.000—5.000 р.

Всего ежемесячно на один отряд: 40.000—50.000 р.

При существовании [в] Поволжской области 4—5 таких отрядов ежемесячный расход на расстройство железнодорожного (и пароходного) движения обойдется от ста семидесяти пяти тысяч до двухсот пятидесяти тысяч руб.

Примечание: предполагаемое назначение отрядов следующее: 1) участок Саратов — Ртищево, 2) участок Кирсанов-Козлов, 3) Рузаевский узел: Симбирск, Казань, Пенза, Инза, 4) участок Саратов — Астрахань и Саратов — Новоузенск, 5) пароходное сообщение, или же

2 отряда для Рузаевского узла, — при имеющихся в Поволжской области организациях и связях первые 3 отряда могли бы начать свою деятельность через 10—15 дней по прибытии на место уполномоченного и доставке средств, 4 и 5 отряды — через 20—25 дней.

В) Расход на посылку курьеров 5 раз в месяц.

Из опыта прежних посылок Саратов — Самара или Пенза — Самара, обходившихся от 500 до 1.000 руб. туда и обратно, следует, что в настоящее время посылка 5 курьеров в месяц и их возврат обойдутся от семи до десяти тысяч руб., не считая их личного содержания от 7.000 до 10.000 р.

Г) Организация радио-связи.

Возможно организовать получение в Советской России шифрованных и общих радиотелеграмм Временного Правительства через посредство существующей связи советских радио-станций. Через посредство тех же связей возможна иногда отправка (не регулярная) шифрованных радиотелеграмм из Советской России.

Расход на основании опыта Поволжского областного комитета и на поддержание имеющихся связей, их сохранение, возобновление утраченных и создание новых может быть исчислен в десять-пятнадцать тыс. руб. в мес.: 10.000—15.000 руб.

Кроме того возможна постановка своей собственной радио-станции в местности, очищенной от большевиков, и в то же время легко доступна и в пределах Советской России (2—3 дня пути из центральной России, Украины или Поволжья); оборудование такой станции достаточной мощи для подачи радиотелеграмм до радио-станции, находящейся при Александровской сопке, обошлось бы от семидесяти пяти тыс. руб. до ста тысяч руб.: 75.000—100.000 руб.,— и ее ежемесячное содержание, в зависимости от крайне изменчивых местных условий, от пяти до десяти тыс. руб.: 5.000—10.000 р.

Д) Организация переправы офицеров и солдат-фронтовиков из Советской России.

Одиночная переправа 20 офицеров в месяц группами по двое: 25.000—30.000 р.

Таковая переправа 300 солдат группами по трое от 75.000—100.000 р.

Переправа целых отрядов не может быть оценена вне зависимости от конкретных условий каждого данного случая. Как, например, можно указать на предполагавшиеся и не состоявшиеся из-за недостатка средств и неблагоприятного стечения обстоятельств два случая организации таких отрядов:

1) Отряд в 200—300 человек на севере Саратовского уезда, имевший целью пробиться в Вольск или Хвалынск в момент наступления со стороны отряда полковника Махина. Предполагавшиеся расходы: 35.000—40.000 руб.

2) Отряд 100—150 человек в Покровске, имевший целью произвести захват оружия и уйти на Уральский фронт в момент предполагав-

шегося наступления казаков на Ершово и Урбах. Намеченный расход: 25.000—30.000 руб.

Е) Расход на организацию службы разведки.

На основании опыта организации разведки при Волжском областном комитете постановка ее в одном губернском городе и в 2—3 наиболее важных уездных городах каждой губернии обходится в 20.000—25.000 руб.

Следовательно, постановка разведки в 5—6 губерниях области обошлась бы в 100.000—150.000 руб.

Ж) Постановка агитационно-политического отдела.

На основании опыта Поволжского областного комитета организация политической агитации в красноармейских частях среди населения может быть поставлена в наиболее важных пунктах каждой губернии при затрате — 30.000—35.000 руб. на губернию. Всего на шесть губерний около 200.000 руб.

Общий итог сметных предположений по организации военной работы в Поволжской области сводится к сумме 600.000—700.000 руб. в месяц.

При этом следует отметить, что в пределах Поволжья развернуть эту работу до полного объема организация могла бы к концу первого месяца.

III. Краткий очерк деятельности военной комиссии при Всеукраинском комитете п. с.-р.

Деятельность в Областной Украинской военной комиссии с.-р., работавшей по созданию добровольческих противо-большевистских отрядов, приняла широкий и планомерный характер только после оккупации Украины германскими войсками, когда вся задача военной комиссии вырисовывалась в формулу: борьба с германскими властями. Эта борьба выразилась:

1) в организации активного железнодорожного саботажа: за июнь и июль было испорчено агентами военной комиссии свыше 200 паровозов. Произведено около . . . . крушений германских воинских поездов. Оказана энергичная поддержка руководительством железнодорожной забастовки.

2) Была произведена спланировка всех крупных железнодорожных мостов.

3) Организован военный штаб из опытных офицеров.

4) Произведен ряд взрывов: одесский взрыв, пожар аэропланного завода и т. д. — дело агентов военной комиссии.

5) Пропаганда среди крестьян против отдачи хлеба германцам и руководство крестьянскими вооруженными отрядами.

6) Разведочную деятельность приходилось вести в очень ограниченном размере за недостатком нужных для этого больших материальных средств. Некоторые сведения, добытые агентами военной комиссии, были переданы союзным миссиям.

За время наиболее интенсивной деятельности военной комиссии при Всеукраинском комитете п. с.-р. было израсходовано около 500.000 руб. При чем этой суммы оказалось недостаточно для осуществления намеченной программы действия.

По сметным предположениям необходимо для широкой и правильной постановки дела около 1.000.000 руб. в месяц, не считая специальных сумм для разведки.

IV. Общий итог сметных предположений.

Предполагая организацию работы в Поволжьи, на Украине в северо-восточных прифронтовых районах, около — 500.000 — 600.000 руб., общий итог расходов по этим трем областям сведется к сумме в 2.000.000—2.500.000 руб. в месяц.

Период развертывания работы до полного объема в пределах Украины тот же, что был указан и для Поволжской области (один месяц). Для северо-восточного узла этот период должен быть удлинен до полутора месяца.

Таким образом единовременное авансовое ассигнование 2.000.000 р. обеспечит постановку и развитие работы в течение приблизительно первых двух месяцев.

За этот период могут быть выяснены точно сметы расходов по всем отделам работы на ближайшие месяцы.

Записка Ф. Ф. Мартенса „Европа и Китай".

Печатаемый ниже документ «Европа и Китай» относится еще к периоду боксерского восстания (1900 г.), представляя собою докладную записку непременного члена министерства иностранных дел профессора Ф. Ф. Мартенса. Теперь, когда под напором великой революционной волны рушится, наконец, вековое господство в Китае мирового империализма, этот документ, в котором 27 лет назад ученый профессор, считавшийся непререкаемым авторитетом в вопросах международного права, пытался «вникнуть во внутренние причины» боксерского движения, «выяснить условия, могущие действительно умиротворить китайскую нацию», — приобретает самый актуальный интерес.

Как известно, британский империализм, чьи твердыни в Китае штурмуются сейчас в первую очередь, пытается, зачастую, свалить ответственность за свои неудачи на «враждебные интриги» Москвы, а антимиссионерское движение представить как проявление вандализма и самой «черной неблагодарности» со стороны китайцев.

Есть ли за что китайцам благодарить миссионеров и нужны ли чьи-либо «интриги», дабы негодование восставшего китайского народа направилось прежде всего против Великобритании, ответы на эти вопросы читатель найдет в печатаемом документе.

«Святая христианская вера обратилась в Китае в ширму, прикрывающую самые незаконные дела и самые анархические стремления».

«Никто не сомневается в том, что наибольшая вина в анархическом состоянии Китайской империи лежит на Англии».

«Тот, кто внимательно следил за развитием международных отношений между Европою и Китаем за последние 50 лет, не был застигнут врасплох нынешними событиями в Срединной империи. Напротив, нужно было их ожидать довольно давно и остается только удивляться тому обстоятельству, что китайцы не раньше подняли знамя восстания».

«Пока европейские державы не изменят своего образа действий в отношении Китая, пока опиум будет законным средством для привития китайцам возвышенных идеалов европейской цивилизации, а пропаганда христианской религии—удобнейшим способом для подорвания основ китайского государства, и пока, наконец, неприкосновенность китайской территории и верховной власти не будет обязательным для европейских государств и Соединенных Штатов законом, до тех пор мира в Китае не будет, и новые бунты и войны с китайцами совершенно неизбежны».

Все эти выводы и заключения представляют тем больший интерес, что автором их является наиумереннейший из либералов, «обласканный» Вильгельмом и королем Эдуардом, Кампбелль Баннерманом и Клемансо, Пишоном и Титтони, императором Францем-Иосифом и королем Виктором-Эммануилом, непременный и в то же время наиболее активный участник гаагских конференций, перед которым почтительно расшаркиваются остальные делегаты, наконец, арбитр, неоднократно приглашаемый самой же

Великобританией для решения возникавших у нее спорных вопросов то с Францией, то с Голландией, то с Венецуэлой.

Говоря о том, что «эксплоатация китайцев со стороны европейских народов на самой китайской территории доведена до крайних пределов бессовестности», проф. Мартенс делает, однако, исключение для царской России. «Никогда русская политика, — пишет он, — не подчинялась стремлениям к наживе «торгашей»... Никогда Россия не преследовала по отношению к Китаю целей, которые должны были деморализировать или уничтожить его жизненные силы или подрезать корни его государственного организма» и т. д., и т. д. Все это, разумеется, далеко расходится с действительностью, ибо в действительности никакой принципиальной разницы между китайской политикой царской России и политикой остальных империалистических держав не было. В данном случае ошибочность суждений знаменитого юриста приходится, повидимому, отнести к столь обычному для него «излишнему преклонению перед дипломатическими традициями» царской России,—недостаток, отмеченный еще бар. Е. Нольде, известным ученым дипломатом, бывшим долгое время секретарем Мартенса.

В виду того, что докладная записка Мартенса относится, как мы уже сказали, к периоду боксерского восстания и лишь вскользь касается так наз. «неравноправных договоров», вся опасность которых для судеб Китая сказалась лишь за последние десятилетия, будет, может быть, нелишним остановиться на этих договорах несколько подробнее.

Непрекращающийся, начиная с Нанкинского договора, процесс превращения независимого Китая в полуколонию, поделенную на сферы влияния между различными империалистическими странами, увенчивается, в результате подавления боксерского восстания, знаменитым протоколом 1901 года, сделавшим из пекинского дипломатического корпуса чуть не «сверх-правительство» Китая. И хотя, несмотря на вышеупомянутые сферы влияния, вопрос о разделе последнего между различными империалистическими державами как будто отпадает к началу XX ст., тем не менее самый факт дальнейшего существования неравноправных договоров грозит привести Китай к полной потере его независимости.

Необычайный рост внешней торговли Китая за последние десятилетия, сопровождающийся колоссальным ростом экономического могущества открытых портов с их иностранными концессиями и сеттльментами, как и медленная, но упорная индустриализация Китая, со все бóльшим и бóльшим проникновением иностранцев вглубь страны, радикально меняют значение старых, силой навязанных договоров. Поясним это на конкретных примерах. Возьмем право экстерриториальности, т.-е. неподсудности иностранцев китайским судам. При наличии в необъятном Китае всего лишь нескольких сот иностранцев это право особой опасности для китайского суверенитета представлять не могло, чем и объясняется, что недальновидное манчжурское правительство даровало это право иностранцам чуть не добровольно. Но теперь, когда иностранцы проникли во все провинции и когда количество их, исчисляемое уже не в сотнях, а в сотнях тысяч человек, все растет и растет, экстерриториальность превратилась в грубейшее нарушение этого суверенитета.

То же самое приходится сказать и об иностранном контроле над китайскими таможнями. При 2—3 сотнях миллионов рублей оборота внешней торговли этот контроль не имел, разумеется, того значения для экономической и политической жизни страны, какое он приобретает теперь, когда оборот внешней торговли достиг 2—3 миллиардов

и когда Китай для развития своей национальной индустрии нуждается в покровительственных пошлинах, ибо при силой навязанном ему 5% тарифе, его индустрия не в силах конкурировать с могущественной индустрией не только Западной Европы и Америки, но и Японии.

Возьмем, наконец, концессии и сеттльменты. Одно дело — шанхайский сеттльмент 1844 года, когда в нем насчитывалось всего лишь 23 иностранца, 11 иностранных фирм и 2 протестантских миссионера, и другое дело — шанхайский международный сеттльмент 1927 г., с десятками тысяч иностранцев, а главное, чуть не с миллионным китайским населением, не имеющим никаких прав, но зато несущим все обязанности, — фискальные в первую очередь. То же самое относится и к остальным иностранным сеттльментам и концессиям.

Но дело национального освобождения Китая ставит своей целью полную о т м е н у, а не только п е р е с м о т р неравноправных договоров, как этого добивается теперь Великобритания, понимая под «пересмотром» заключение вместо старых нового неравноправного договора. В этом, по существу, и заключается тот спор, который ведется в настоящее время между китайским народом и британским империализмом, надеющимся при помощи крейсеров, броненосцев и дальнобойных орудий навязать революционному Китаю свою точку зрения.

Это ему теперь вряд ли удастся.

«Новый Китай, — заявил недавно один из китайских дипломатов, — достаточно силен, чтобы заставить в своей собственной стране уважать свою волю вопреки всем державам. Система международного контроля, ограничивающая китайский суверенитет как в экономической, так и в политической областях ведет свое начало с Нанкинского договора. С тех пор ни о какой полной независимости Китая не могло быть и речи. Цель националистов — вернуть эту независимость. Между китайским национализмом и британским империализмом не может быть настоящего мира, пока не будет совершен этот акт исторической справедливости».

Так ставится проблема, решение которой будет иметь мировое значение.

А. Ивин.

Европа и Китай [1]).

Suum cuique.

События, совершающиеся в Китае, приковывают к себе внимание всего цивилизованного мира. Борьба, происходящая в Срединной империи между китайцами—с одной стороны, и вооруженными представителями европейско-американских народов—с другой, есть не простая международная война, но есть борьба между разными расами, разными культурами и разными цивилизациями. Этою борьбою определятся на многие годы вперед судьба Дальнего Востока и взаимные отношения между цивилизованными народами, имеющими какие-либо интересы на Дальнем Востоке. Окончательная победа европейских армий над китайскими войсками не подлежит сомнению. Но эта победа не разрешит нынешнего кризиса, ибо она не будет окончательною побе-

[1]) Воспроизводится по подлиннику, хранящемуся в Архиве Революции и Внешней Политики.

дою над Китаем, его народом и его общественно-государственным строем. Никакие победы над китайскими войсками или бунтовщиками не в состоянии будут уничтожить нацию в 430 милл. людей и вырвать с корнем сорокавековую цивилизацию. С этим фактом нужно считаться уже в настоящее время для предупреждения неизбежных и неприятных разочарований. С этой точки зрения вопросы дня об освобождении посланников в Пекине из их опаснейшего положения или о наказании китайских бунтовщиков имеют только второстепенное и преходящее значение.

Несравненно важнее вопрос о том, какими средствами можно создать в Китае на будущее время прочные порядки, могущие предупредить новые взрывы и общий пожар.

Правильное разрешение этого важнейшего вопроса мыслимо только при верном понимании в н у т р е н н и х причин нынешних неурядиц в Китае. Это восстание против в с е х, без исключения, «заморских дьяволов», т.-е. иностранцев, имеет свои глубокие причины, которые нужно понять. Вникнув во внутренние причины нынешних печальных событий в Китае, можно будет выяснить условия, могущие действительно умиротворить китайскую нацию в настоящем и упрочить китайские порядки в будущем.

I.

Тот, кто внимательно следил за развитием международных отношений между Европой и Китаем за последние 50 лет, не был застигнут врасплох нынешними событиями в Срединной империи. Напротив, нужно было их ожидать довольно давно, и остается только удивляться тому обстоятельству, что китайцы не раньше подняли знамя восстания против своего правительства и против иноземцев, пред которыми сам «сын неба» неоднократно унижался в своем бессилии.

Ровно двадцать лет тому назад, по поводу Кульджинского вопроса, я писал следующее:

«Чем китайское правительство слабее, чем более оно имеет врагов в самой стране, тем более цивилизованные державы должны помнить, что всякая неуместная пропаганда, равно и всякое вмешательство в дела внутреннего управления могут привести только к двум следующим результатам: и л и в ы з в а т ь п а д е н и е н ы н е ш н е г о п р а в и т е л ь с т в а в П е к и н е, и л и п р и н у д и т ь п о с л е д н е е о т к р ы т о п р и м к н у т ь к н а р о д у д л я и с т р е б л е н и я в с е х и н о с т р а н ц е в. При первой гипотезе нет никаких гарантий для того, чтобы новая династия более благоприятствовала сношениям с христианским миром. При второй, — в случае истребления или изгнания иноземцев, — будет весьма трудно обратно завоевать утраченное положение» [1]).

---

[1]) См. мое исследование: Le conflit entre la Russie et la Chine. Étude politique. Bruxelles. 1880. Переведено на русский и несколько иностранных языков. (*Прим. автора*).

Уже в 1880 году я указал на «накопившиеся на крайнем Востоке горючие материалы, которые могут раздуть всеобщий пожар и вызвать самые опасные осложнения». Уже тогда мне казалось несомненным, что последствием несправедливостей, навязанных Китаю грубой силой, является стремление китайской нации ниспровергнуть все международные обязательства.

С этой точки зрения трудно удивляться нынешним событиям в Китае и считать общий взрыв китайцев против иноземцев «неожиданным сюрпризом».

Внутренних причин общего восстания китайцев против иноземцев много. Ограничусь указанием только на главнейшие.

Эксплоатация китайцев со стороны европейских народов на самой китайской территории доведена до крайних пределов бессовестности. На основании навязанных Китаю грубою силою трактатов, правительство богдыхана не только принуждено было смотреть сквозь пальцы на систематическое отравление своего народа опиумом, привозимым англичанами, но, мало того, оно д о л ж н о было покровительствовать этим иноземным отравителям. Если недобросовестность и жажда к наживе английских подданных вселили в китайцах ненависть и презрение, то эти чувства ненависти и презрения, в силу политики «открытых дверей» и формулы «наиболее благоприятствуемой нации», должны были распространяться на все иностранные народы. Лорд Эльджин, бывший в 1838 году чрезвычайным английским послом в Китае, писал своей супруге, что «с тех пор как он познакомился со своими соотечественниками на Востоке, среди населения слишком робкого, чтобы сопротивляться, и чересчур невежественного, чтобы жаловаться, он увидел больше, чем в течение всей своей жизни, фактов, способных поселить к ним отвращение».

Между тем, эти самые англичане имели до последнего времени в своих руках $^2/_3$ всей торговли с Китаем! Они были первенствующими представителями европейской цивилизации. Они препятствовали китайскому правительству запретить ввоз опиума в Китай, ибо они выручали таким образом 12 миллионов фунтов стерлингов.

Таким образом, торговля опиумом не касается одной только Англии, она имеет всемирное значение, так как ненависть, возбуждаемая этою торговлею в сердцах всех китайских патриотов, одинаково направлена против подданных всех других христианских держав.

Другая причина, вызвавшая нынешнюю катастрофу, это деятельность христианских миссионеров в Китае. Китаец отличается полным индифферентизмом в делах веры, и Китай — классическая страна свободы совести. Но ни один китаец не может относиться равнодушно к деятельности римско-католических и протестантских миссионеров в его отечестве. Тян-цзинские трактаты 1858 года послужили основанием самых вопиющих злоупотреблений во имя христианской веры, и христианская религия обратилась в глазах порядочных китайцев в предмет самой неограниченной и справедливой ненависти. Католи-

ческие миссионеры, пользуясь особенным покровительством Франции, присвоили себе право юрисдикции над китайцами-христианами; они защищают всякого крещеного туземца против законных требований отечественного правительства, они не признают власти китайского правительства по отношению к его подданным-христианам, часто принявшим святое крещение с целью не платить податей и не исполнять отечественных законов; они стараются избавить китайцев-христиан от подсудности китайским судам; наконец, они часто с явным презрением относятся к китайскому правительству и органам местной администрации.

Одним словом, католические миссионеры составляют в Китае государство в государстве, и протестантские их собратья стараются занимать такое же положение. Франция и другие католические державы считают долгом чести поддерживать эти опаснейшие претензии католических миссионеров. Англия, Соединенные Штаты и Германия признают себя обязанными не отставать от католических держав в покровительстве самым несправедливым требованиям протестантских и англиканских миссионеров.

При таких обстоятельствах святая христианская вера обратилась в Китае в ширму, прикрывающую самые незаконные дела и самые анархические стремления. Миссионерская деятельность подорвала самые устои китайского государства, распространяла анархию и вызывала глубокую ненависть к христианской религии и ее представителям в лучших слоях китайского народа. Принятие святого крещения сделалось удобнейшим средством для избавления от заслуженного наказания, для неисполнения требований законных властей и для безнаказанного осмеяния своего собственного законного правительства.

Вот объяснение постоянных избиений в Китае христианских миссионеров, китайцев-христиан и всех иноземцев вообще. Вот объяснение того неопровержимого факта, что во главе таких народных движений обыкновенно стоят мандарины и «лучшие» патриоты — в глазах китайцев.

В тесной связи с такими результатами деятельности миссионеров находятся тенденции деятельности иностранных консулов и консульских судов в Китае. Консулы, пользующиеся на Дальнем Востоке огромными правами и привилегиями, признают себя обязанными защищать пред местною китайскою властью миссионеров и их паству. К последней принадлежат также туземцы-христиане. Таким образом, консульскою властью часто прикрываются беззакония миссионеров и противозаконные поступки крещеных китайцев. Этого мало. Деятельность консульских судов является весьма часто злою насмешкою над всеми требованиями правды и справедливости, в особенности, если в судебных делах замешаны туземные подданные.

В виду таких обстоятельств странно удивляться, если китайскому народу европейская цивилизация представляется произведением ада и христианская религия—удобным средством в руках «заморских чер-

тей» для уничтожения порядка, благосостояния, добрых нравов и многовековой культуры китайцев.

Наконец, ко всем этим причинам разложения китайского государства прибавилась, в новейшее время, еще новая: захваты частей китайской территории. Эти захваты могут быть оправдываемы обстоятельствами и временем. Но не подлежит сомнению, что согласие пекинского правительства, без войны, на эти уступки китайских провинций и портов никак не могло упрочить его собственное положение среди народа. Чем бессильнее было это правительство, тем опаснее для его престижа были эти территориальные уступки.

II.

«Такой порядок вещей, — писал я в 1880 году, — очевидно, не может продолжаться. Каждую минуту в Срединной империи может произойти взрыв против всех христиан как иностранцев, так и китайцев».

К крайнему моему прискорбию это предсказание совершенно оправдалось в 1900 году, и общий взрыв против представителей европейской цивилизации и христианской религии привел к ужасным событиям последнего времени.

Излагая внутренние причины нынешних горестных событий, я нисколько не намерен критиковать действия той или другой европейской державы. Моя единственная цель: беспристрастным анализом положительных фактов открыть причины «восстания» китайцев и выяснить, по мере сил и способностей, средства, могущие служить для водворения в Китае лучших порядков и для обеспечения в будущем мирных международных отношений.

Имея в виду вышеприведенные причины внутреннего государственного разложения Китая, не следует думать, что эти причины действуют независимо друг от друга. Напротив, между ними существует самая тесная связь.

Только при бессовестной эксплоатации китайцев со стороны европейцев возможно безнаказанное отравление китайцев навязываемым им опиумом. Только при водворившейся в Китае анархии мыслима опасная и часто развращающая деятельность миссионеров. Наконец, только при такой органической связи между всеми указанными недугами государственного организма Китайской империи понятно, почему избиение двух германских миссионеров могло быть избрано Германиею предлогом для захвата ею Шантунской области. Где и в какой стране на земном шаре избиение двух подданных могло бы служить законным основанием для захвата целой провинции чужого государства? Это могло случиться только с Китаем, ибо в отношении этого государства все считалось дозволенным.

Насколько переплетаются внутренние причины разложения китайского государства, настолько же смешаны политические виды и нравственная ответственность европейских государств в отношении Китая.

Однако никто не сомневается в том, что наибольшая вина в анархическом состоянии Китайской империи лежит на Англии. Эксплоатацию китайцев со стороны англичан сам лорд Эльджин назвал «позорной» (scandalously), и систематическим отравлением китайского народа опиумом занимаются одни англичане под защитою английских законов, пушек и флага [1]). Поэтому глубокою правдою проникнуты слова принца Кунга, сказанные уезжавшему из Китая английскому посланнику sir Ruthford Alenk'у: «Сделайте милость — увезите с собою опиум и миссионеров». К несчастью для Китая и европейских народов, sir R. Alenk уехал из Китая, но опиум и миссионеры там остались.

Примеру Великобритании последовали, в известной степени, другие западно-европейские правительства и Соединенные Штаты. Правда, в виду захвата Англиею наиболее важных торговых пунктов в Китае и установленной ею систематической эксплоатации естественных и промышленных богатств китайского народа, на долю других государств выпала третьестепенная роль. Но ни одному из этих государств не пришла мысль относиться с должным уважением к нации из 430 миллионов людей. Ни одно из этих правительств не призадумалось над вопросом: на основании какого права они постоянно вмешиваются во внутренние дела китайцев, подрывают их государственные порядки и насмехаются над их обычаями, нравственными и правовыми понятиями?

Совершенно иначе относилась Россия к Китаю до самого последнего времени. С XVI века, когда начались первые международные сношения с соседями-китайцами, вплоть до последних годов, политика нашего правительства в отношении Китая была проникнута государственными целями доброго соседства и мирных торговых оборотов. Никогда русская политика не подчинялась стремлениям к наживе «торгашей» (как в Англии), ибо торговые интересы всегда подчинялись у нас пользе государственной.

Никогда Россия не преследовала по отношению к Китаю целей, которые должны были деморализовать или уничтожить его жизненные силы или подрезать корни его государственного организма. Никогда Россия не старалась навязывать китайцам блага христианской религии в ущерб их национальному суверенитету, в подрыв их государственному порядку и в надругание над дорогими им национальными обычаями и вековыми традициями.

Русская духовная миссия в Пекине не занималась пропагандой православной веры и не покровительствовала никаким китайцам, добровольно и искренно принявшим святое крещение, против их собственного правительства. Русским посланникам при пекинском дворе никогда не приходила в голову мысль, что они призваны подрывать

[1]) Принятые английским правительством меры для некоторого упорядочения этой торговли ничего не доказывают. (*Прим. автора*).

основы китайского государства посредством потворства китайцам-православным христианам, не желавшим исполнять законы и распоряжения китайских властей.

Вот почему Россия и русские занимали в глазах китайцев особенное положение и их не смешивали с «рыжими заморскими чертями». Великодушная защита, оказанная Китаю Россией после японско-китайской войны, еще более закрепила вековые чувства доброго соседства, которые китайский народ питал к русскому народу.

III.

Раскрыв внутренние причины нынешнего восстания китайского народа против всех иностранных народов и выяснив положение европейских держав по отношению к Китаю, остается, наконец, указать на цели и средства, которыми, по моему крайнему разумению, европейские державы должны бы руководствоваться по отношению к нынешним событиям в Китае.

Нет сомнения, что прежде всего надлежит водворить мир и спокойствие в Китае и наказать примерным образом виновников в совершенных убийствах, поджогах и вообще преступлениях. Эта первая задача, наверно, будет исполнена блестящим образом союзными войсками. Но было бы опрометчиво думать, что разрешение этой задачи представляется очень легким. Если те же китайцы, которые в войнах с европейскими державами и с Японией обнаруживали полную военную несостоятельность и «прирожденную» трусость, в настоящее время сражаются с изумительной стойкостью, умением и храбростью, то этот факт раскрывает всю бездну, отделяющую прежние войны от нынешнего восстания. Прежние китайские войны были международными войнами, начатыми пекинским правительством. Настоящее же восстание или бунт есть н а р о д н а я война китайцев, в которой пекинское правительство принуждено было стать на сторону народа.

Воодушевленные непримиримою ненавистью к иноземцам, китайцы совершают подвиги храбрости. Граф Вальдерзе лично убедился, что ученики германских инструкторов с успехом изучали военное дело для войны против самих же германцев.

Но когда Китай будет умиротворен и виновные китайцы понесут заслуженную кару, тогда наступит самое трудное время. Весьма разнородны и тяжки будут предъявленные пекинскому правительству требования, и баснословно велики будут денежные претензии европейских государств и их подданных.

Смею думать, что для целесообразного разрешения этих вопросов весьма желательно уже в настоящее время установить известные руководящие начала, в особенности с точки зрения интересов России. К таким руководящим началам, мне кажется, можно отнести, между прочим, следующие:

I. Географическое положение, непосредственное соседство и жизненные интересы России дают ей неотъемлемое право на совершенно

особенное и преобладающее положение во всех вопросах касательно будущности Китая. Если Англия, в виду своих особенных интересов в Шанхае, считает себя в праве занять этот важнейший китайский порт, то Россия, по праву, могла бы занять всю Манчжурию.

II. Было бы чрезвычайно печально, если б настоящая война против китайцев имела бы последствием новые захваты китайской территории или «раздел» Китая. Напротив, поддержание принципа полной неприкосновенности Срединной империи требуется высшими интересами России. Нельзя не желать, чтобы, по почину России, все заинтересованные державы подписали формальный акт в подтверждение неприкосновенности китайской территории и отказа от всяких территориальных приобретений. Чем скорее такой акт будет подписан, тем лучше для России и всеобщего мира.

III. Требования о вознаграждении, предъявленные державами китайскому правительству, будут 2-х родов: о нравственном и материальном удовлетворении. Например, за убийство своего посланника Германия имеет право на особенное нравственное удовлетворение. Китай не может отказать в таком удовлетворении, а христианская Европа только может желать, чтобы требования Германии не были проникнуты тем духом беспощадной мести и нехристианской ненависти, которыми дышали последние речи германского императора.

Несравненно более трудно будет Китаю удовлетворять все предъявленные ему денежные претензии. При полном расстройстве китайских финансов и отсутствии кредита китайскому правительству очень трудно будет удовлетворять все требования. Если еще иметь в виду, что каждая держава совершенно произвольно может определить размер своих денежных претензий, то понятна будет полная несостоятельность Китая. Между тем, отказ со стороны Китая дал бы державам право на захват китайской территории.

Это следует предупредить всеми средствами. Держава, наиболее заинтересованная в сохранении целости Китая, — Россия. Поэтому, мне кажется, что русской политике придется отыскать выход из этого затруднения. Самым справедливым и удобным разрешением этого затруднения было бы согласие всех европейских государств и Соединенных Штатов на предоставление Гаагской Третейской Палате определить размер следующего каждой державе вознаграждения. Едва ли можно найти другой международный спор, более подходящий арбитражному разбирательству. Перед Гаагскою Третейскою Палатою все державы, потерпевшие убытки в Китае, могли бы доказывать законность своих претензий, и решение Палаты окончило бы этот труднейший спор. Китайское правительство, вероятно, охотно согласится на этот способ решения спора. Но согласятся ли Англия и Германия— неизвестно.

IV. Наконец, если Россия всеми силами будет защищать принцип территориальной неприкосновенности Китайской империи, если она

согласится оказывать всякую помощь для окончания счетов с европейскими государствами, то абсолютным условием успеха подобной политики является существование в Китае устойчивого и всеми признанного правительства. Если ныне царствующая манчжурская династия оказалась негодною, необходимо поставить другого китайского императора и, в случае надобности, поддерживать его. Только при существовании в Пекине твердого правительства цельность Китая может быть поддерживаема и претензии иностранных держав могут быть удовлетворяемы.

Но горе, если такого китайского правительства не окажется. Тогда водворится в Китае невообразимый хаос, от которого больше всего пострадает его сосед — Россия.

Нельзя достаточно энергически настаивать на существенном различии взглядов и интересов России в сравнении со взглядами и интересами западно-европейских государств. Для последних Китай есть колония, которую нужно эксплоатировать всеми средствами. Для России же Китай есть великое соседнее государство, которое имеет полное право на самостоятельную жизнь.

Россия не может согласиться смотреть на китайцев как на подданных африканского короля Макоко на берегах реки Конго. Нужно, чтоб европейские державы отказались от такого ошибочного взгляда на сплоченную Китайскую империю, народ которой составляет целую треть всего человеческого рода.

«Нужно,—писал я в 1880 году,—чтобы христианские державы отказались от мысли, что только одна грубая сила в состоянии убедить китайскую нацию в превосходстве европейской культуры, чтобы державы всегда памятовали, что в Китае существует сорокавековая цивилизация, имеющая право на уважение, по крайней мере — в Китае. Европейские народы не должны забывать, что они — непрошенные гости в Срединной империи, что они силою взломали запоры, за которыми китайцы думали сохранить святость своих традиций, власть своего правительства, чистоту своих обычаев и неприкосновенность своих национальных идеалов.

Надо же признать, что народ в 430 миллионов душ имеет неотъемлемое право жить у себя, как ему хочется».

Итак, пока европейские державы не изменят своего образа действия в отношении Китая, пока опиум будет законным средством для привития китайцам возвышенных идеалов европейской цивилизации, а пропаганда христианской религии — удобнейшим способом для подорвания основ китайского государства, и пока, наконец, неприкосновенность китайской территории и верховной власти не будет обязательным для европейских государств и Соединенных Штатов законом, до тех пор мира в Китае не будет, и новые бунты и войны с китайцами совершенно неизбежны.

Ф. Мартенс.

Август 1900 г.

Письма Г. Ф. Здановича.

Процесс 50-ти, полвека тому назад обрекший на каторгу, поселение и тюрьму 46 юношей и девушек, был завершением второй фазы движения в народ, которую можно было бы назвать «малым походом» в противовес «большому походу» 1874 года. Группа трузин и цюрихских студенток, бросив заграничные университеты, приехала в Россию на смену товарищам, потерпевшим поражение в 1874 г. Стихийности порыва своих предшественников они пытались противопоставить строго-регламентированную организацию. Наученные горьким опытом, они не «нырнули в народ» в одиночку, не пошли летучими пропагандистами в деревню, а направили свою деятельность по линии наименьшего сопротивления, сулившей в то время наибольший успех, — в среду фабричных рабочих.

К фабричным тяготели революционеры с самого начала 70-х годов. Многие пытались браться за этот рычаг, который, как им казалось, мог поднять крестьянскую массу. Еще чайковцы отдавали явное предпочтение фабричным рабочим перед заводскими. Их близость к земле, к крестьянским интересам заставляла предполагать, что они могут быть лучшими проводниками пропаганды в народ. Но чайковцы были их «учителями», они читали им лекции, преподавали разные предметы, просвещали их, не входя всецело в их среду. Лозунгом же новой смены было: «итти в народ в качестве рабочего».

Мы — мирные пропагандисты, — говорила потом на суде С. Бардина. Мы — революционеры, — вот смысл рассуждений на эту тему Г. Здановича. К чему же призывали эти пропагандисты-революционеры? Что мы знаем об их программе? Очень мало, почти ничего. Могут ли служить материалом для суждения о том, с чем шли они на работу в 1875 г., программные речи, произнесенные ими на суде в марте 1877 г.? Вряд ли мы ошибемся, предположив, что программные вопросы продумывались ими задним числом, в тиши одиночек, при подведении итогов, в «лаборатории» революционного движения, как называл Джабадари дом предварительного заключения. Но в конце 1874 г. — в начале 1875 г., когда они начинали работу, у них не было определенной программы. Они не примыкали ни к одному из господствовавших тогда течений. Не будучи вполне бакунистами, они отрицательно относились и к лавристам. Даже более, они вообще отрицательно относились к теоретизированию. Это было естественной реакцией после бесконечных споров в кружках молодежи Петербурга и эмиграции. Джабадари пишет об этом в своих воспоминаниях: «Споры петербургских представителей бакунистов и лавристов были чисто академические... Лучшая часть молодежи внимательно прислушивалась и к тем и к другим, но сама намечала свой путь. Она быстро разобралась в этих, иногда бесплодных, теоретических спорах и произнесла свой приговор над обеими партиями: лавристов она признала резонерами, не способными к активной работе, бакунистов

назвала вспышкопускателями, которые толкают молодежь на многочисленные вспышки, кончающиеся горьким разочарованием, а потом и бесплодной гибелью сотен молодых жизней... Теоретические споры надоели всем... Бросив бесплодные споры и узкие односторонние программы, молодежь ринулась в народ, ища там ответа на свои наболевшие вопросы [1])». Вся энергия этой молодежи была направлена на организационную, практическую сторону дела, интерес и внимание сосредоточены на том, к а к заводить связи, к а к добывать литературу и средства, к а к организовать сношения. Тема их рефератов: «итти ли в народ в качестве рабочего или нет», при чем и этот вопрос рассматривается не столько с этической точки зрения, сколько с точки зрения «пользы». Даже тема их позднейших, уже тюремных размышлений—и то чисто практическая [2]). Практицизм — чрезвычайно характерная черта всероссийской социально-революционной организации. В этом ее сила и ее слабость. При изучении ее деятельности поражает несоответствие между организационными и пропагандистскими рессурсами. Как далеки они даже от той незаконченной «программы революционной пропаганды», которую составил В. Дьяков, ведший приблизительно в то же время работу среди петербургских фабричных рабочих! Но организационно участники «малого похода» были значительно сильнее своих предшественников. Их устав — вот то реальное и положительное, что они внесли в революционную борьбу. Дальнейшая работа — «Земли и Воли», «Народной Воли» развивались, несомненно, не без влияния их организационных идей.

Если Джабадари сыграл видную роль в самом начале, при объединении заграничных кружков и собирании остатков революционных сил, разгромленных в 1874 г., то позже, с апреля по сентябрь 1875 г., в известной степени «ответственным организатором» был Г. Зданович [3]). Он ведал техникой, транспортом, сношениями. В его руках, как члена администрации, сходятся все организационные нити.

Отсюда — интерес печатаемых ниже писем.

Мы видим, как строилась, направлялась работа организации, как, даже за решеткой, продолжалась она в том же деловом духе, как при полном уже разгроме мысль была направлена на то, чтобы спасти деньги, людей, связи. Затронуты в этих письмах, правда, бегло, вскользь, и общие вопросы. Для выяснения теоретической позиции периода работы хотя бы отдельных лиц (взгляды Здановича не могут быть признаны взглядами всей организации в целом, так как программного единомыслия у них не было, поскольку не было единой программы), письма 1875 г., конечно,—более достоверный и ценный источник, нежели речи 1877 г.

Письма воспроизводятся с расшифрованных копий, хранящихся вместе с подлинниками в вещественных доказательствах при деле особого присутствия сената, № 17. Первое письмо печатается с подлинника. Как материал для обвинения, оно было оглашено на суде, остальные опубликовываются впервые.

Э. Корольчук.

---

[1]) «Былое», 1907 г., кн. VIII, стр. 14—15.

[2]) «Красный Архив», т. XV, А. Лукашевич: «Нечто из попыточной практики (к материалам об ошибочных и надлежащих формах, способах, приемах и пр.)».

[3]) К сожалению, приходится отметить, что впоследствии, лет через 15 после отбытия каторги (14 лет в Новобелгородской каторжной тюрьме и на Каре), не сломивших его убеждений, он от них все же отказался и ушел совсем из революционного лагеря. В 1904 г. он даже подавал прошение на высочайшее имя о восстановлении в правах дворянства.

1. Письмо Г. Ф. Здановича Иваново-Вознесенской группе 19 июля 1875 г.

Вы начинаете свое письмо словами: «прежде всего»; начнем и мы тем же манером. Прежде всего, мы должны поставить вам на вид, что вы имеете неимоверные претензии, будто не знаете здешних условий; 2-е, напрасно силитесь вы доказать, что письмо ваше написано правильно: никакой чорт его не поймет. Мы его храним как документ. Мы не крючкотворы и на этом покончим полемику с вами, хотя, при желании, можно было бы найти многое, за что вас выругать следует. Но бог с вами, прощаем!

Новостей много есть — и хорошие и скверные. Начнем с «отцов». Приехали отцы Михайла [1]) и Бетьки [2]). Прежде первый, а затем и второй. Дело Михайла, как передавал отец, стоит очень хорошо: его, быть может, выпустят на поруки под залог. Посмотрим! Дело Бетьки неизвестно. Отец поехал хлопотать в Питер. Интересно, что не мы их отыскали и познакомили друг с другом, а сами снюхались и рассказали каждый про свое горе другому. Оказалось, что они имеют точки соприкосновения — и соединились. Мы думаем, что скоро составится кружок «отцов». Отыскали Тетку [3]); она сидит в Городской части; написали письмо; она почему-то побледнела, разорвала его и бросила на пол. Не знаем объяснения этой странности. Письмо писано рукой Веры [4]). Дело Федора будто бы подвигалось и было готово, только прогнали служителя тюрьмы и сношения прекращены [5]). Михайло просит уговорить Ивана Вас[ильевича] [6]) отказаться от своего показания на него, что он познакомился с ним через Николая [7]) и знал, как Михаила Петрова. Жени [8]) нет, уехала домой. Я думаю скоро уехать по делу о пути. Путь пропал: перехватили гинцбурята [9]), т.-е. устроили таким образом, что и их книги должны провозиться чрез наш путь. Нужно уничтожить подкопы. Вот каковы эти гинцбурята проклятые, а мы большие дураки: доверяем им, а они проводят нас.

С юга вообще неутешительные вести. Ив. Ал. и Соня [10]) наотрез отказались остаться в Одессе и уехали в Киевскую губернию в деревню. С ним в Одессе имели наши разговор, и он вышел из нашей организации, разошелся с нами. Мотивирует это тем, что он прежде ошибался, думая, что возможна какая-нибудь «организация». Сколько его ни убеждали, он остался непоколебим, как скала. Поступил в какую-то шайку, не признающую будто бы организации, но вместе с тем, с сильной централизацией; члены не должны знать друг друга, разделяются на разряды и т. д., как обыкновенно бывает. Из Одессы пишут, что насчет этой компании ходят неодобрительные слухи. Вообще мы мало что понимаем в этой комедии. Это писали наши, а он сам ничего об этом нам не писал, только мотивирует свой отъезд из Одессы тем, что ему там опасно оставаться, имея много знакомых. Ерунда, тысячу раз ерунда! Здесь что-то неладно. Узнаем, посмотрим.

Была Вера в Туле. Тульские ведут себя преступно. Огромное у них знакомство между рабочими — и еще ни одной революционной

книги не читали им, «по осторожности», мол. Хороша осторожность. Почва очень хорошая, сделать возможно весьма многое, только нужно послать туда кого-либо более энергичного, чем эти рыбообразные деятели, «осторожные пропагандисты», осколки Ив. Ал—ва. Мы думаем, что Ольге [11]) и Ванюше [12]) не мешало бы туда переселиться, так как им положительно нельзя в Одессе оставаться. Их ищут, на них сделан донос негодяем Зигером. Вахтель по тому же доносу сидит. Надя [13]) нашла уже работу, Василию тоже обещали. Если только почему-нибудь нельзя будет Ольге уехать в Тулу, то придется отнять человека от вас, так как это необходимо в виду, во-1-х, того, что там огромное знакомство и прелестная почва, нужно только подталкивание, а во-2-х, этого Злобина [14]) может Ив. Ал. перетянуть. Тогда Тула ушла у нас из рук, а этого нельзя делать. Сапогов [15]) ни откуда нет. Никаких вестей ни от Саратовца, ни от Егора, а в Туле подавно: сменили писаря, есть новый, с которым Злобин обещался поговорить, но, аллах ведает, когда все это будет. Впрочем, Женя [16]) пишет, что «есть надежда», что Маня [17]) скоро получит. Надежд-то много, да толку мало. Феклюша вышла замуж за князя Мутрука [18]). Свадьба сыграна, отец доволен. Обещал деньги, но теперь не имеет на руках; и то хорошо. О Гамке [19]) знаете... Кабарда обвенчалась с Россиею. К вопросу о Кабарде. Приехал Мут(рук) сюда и рассказал много утешительного насчет Кабарды. Сильное возбуждение в местной молодежи, борьба партий (политиканов и социалистов), социалисты берут верх. Вообще страшная оживленность и жизнь. В Сванетии (местность на Кавказе, племя с особым языком, но большинство говорит по-грузински, живут в неприступной котловине, в горах) — бунт; вырезали гарнизон солдат, перебили начальников, засорили дороги. Все это произошло по поводу акциза; наложили акциз на водку. Они не признают такого беззакония, и вольные сванетинцы, сговорившись, взялись за свои всегда готовые оружия. Подробности еще неизвестны, но дело, должно быть, жаркое; послан Трубецкой усмирять бунт от наместника; в Кутаисе схвачены осетинцы, пригнавшие табун лошадей. Арест мотивируется тем, что будто бы они присланы от осетинцев к грузинам для «переговоров». Дай Бог! Поговаривают, что взбунтуется Абхазия. Черкесы, прогнанные в Турцию, настороже, готовые совершенно, только ждут случая. Кавказ, словом, на военной ноге. Туда наслали вдесятеро больше солдат, чем было до сих пор. Это — Кавказ. А вот поглядите и на Россию. 1) Посылаем корреспонденцию (другую) о Чигирине. 2) Был бунт рабочих в Серпухове, на фабрике Коншина. Бунтовало 4.000 чел. Требовали отмены работы под праздник, т.-е. ночь субботы. Отказались работать. Стачка продолжалась 14 дней. Их удовлетворили вполне. Приезжал туда губернатор Воейков и т. п. сволочи, обходились с народом очень вежливо, льстили рабочим до безобразия. Видно, струхнули. Подробную корреспонденцию получите скоро [20]). 3) Был бунт в Туле, на казенном заводе. Мастера потеряли или прокутили машины (сколько-то), стали спрашивать с рабо-

чих. Они отказались и стали бунтовать, когда на них наложили штраф в уплату растраченных машин. Подробностей не знаем. Злобин обещал корреспонденцию. 4) В Питере была стачка каменщиков против частного хозяина. 5) На-днях в Главном Штабе крикнули: «да здравствует революция». Сейчас обыск, но ничего не нашли. Хотели прогнать писаря, крикнувшего такую «дерзкую фразу», но почему-то помилосердствовали. 6) В Питере читали, недели три или четыре тому назад, на Конной площади приговор одному «адъютанту», который, как говорят одни, найден за печатным станком во Владимирской губернии, в с. Павлове, другие говорят, что на фабрике. Так этот «адъютант» говорил революционную речь: «Это ничего, ребята, что нас казнят, ссылают, не падайте духом, продолжайте свое дело. Долой царя, помещиков», etc., etc.

Телеграфировали и прислали барабанщиков, которые заглушили «проклятого революционера» [21]). Вот оно как! А прочтите вдобавок циркуляр Палена, который пересылаем вам, как трусит наше правительство революционеров и ничего поделать не может. Делает промахи, ряд непоследовательностей: для них гибель, нам на руку. Циркуляр послан для отпечатания за границу отдельною брошюрою, с должными комментариями. Он будет иметь успех громадный. Платье получите с Катею [22]), с нею же книги дозволенного содержания. Так как здесь не особенно много имеется денег, то пока посылаем 100 руб. Посылаем книги, посылаем револьверы с патронами. Убивайте, стреляйте, работайте, бунтуйте. Горькая наша доля! Карабкаться приходится Вере и мне: мы думаем сбежать. Началось дело Дьякова. Мы будем посылать номера газет, где будет отчет о деле. Первый номер отсылаем теперь же.

Кажется, не успеем выслать интересного циркуляра. Пошлем с Катею.

P. S. Не желаете ли получить по почте m-lle Гамку (хотя она и вышла замуж за Катю, но все-таки не теряет права называться m-lle'ю). Одесская община предложила принять в нашу организацию Санчо [23]), мотивируя тем, что, кроме его качества, как человека, еще и то, что он будет на Кавказе и нам необходимо иметь там своего человека. Московские члены организации согласны и поддерживают предложение одесских; вообще остановка только за вами, а то все согласны *).

2. Письмо Г. Ф. Здановича из тюрьмы без даты.

Братцы! Дерзкая и отчаянная мысль пришла мне в голову: не только доказать, что я не «рыжий», но даже выпутаться самому! Я хочу надуть, провести подлецов и, если ловко приготовить обстоятельства, то наша взяла и мы можем выиграть; если заключенные будут показывать согласно и если вы, друзья, ловко исполните выпадающую на вашу долю работу, то успех едва ли сомнителен. Только вам надо

*) Последние две фразы приписаны рукою Веры Спир. Любатович.

постараться, иначе все рухнет, все пропадет. Не знаю, враги ли, приятели ли внутренние, а все подсказывает: дерзай, выиграешь. И действительно, смелость города берет. Декабрист Рылеев говаривал: «Дерзайте! Это первое дело!» Я хочу «дерзать», хочу начать, выпутаюсь — хорошо, а нет — то и беда невелика, хуже не будет. Для моего плана требуется — как бы вам сказать — не мало, но и не много. Больше энергии, стойкости, чем труда. В чем же он, наконец, заключается, желаете вы знать? Извольте, я, пожалуй, изложу его пред вами, судите и рядите.

Прежде всего надо, разумеется, доказать, что я вовсе не «проклятый рыжий»; как это сделается, вы это отчасти знаете, прибавлю кое-что: 1. Надо передать записку через какого-нибудь жандарма психопату о «рыжем» (это вам известно). 2. Надо немедленно послать письмо в Одессу по следующему адресу: Его сиятельству, князю Микеладзе, Ямская ул., д. № 16. На внутреннем: передать «Рыжему». Письмо все-таки должно быть написано шифром, тем, что я вам уже писал из Одессы в Питер, начало: «скрывая» и конец: «развади». Письмо такого содержания: «Друг Рыжий! Письмо ваше получил третьего дня. Вы жалуетесь, что не имеете от меня известий, я жалуюсь на вас, что вы не отвечаете на мое письмо. Вы спрашиваете: получил ли я посланные вами мне вещи, вот что я вам скажу: «большой дурак» (извините за выражение, но я так зол). Ну, скажите же, пожалуйста, посылать такие вещи с подобным плутом, как присланный тобой? Насколько я мог узнать его в это короткое время, в которое я говорил с ним, я вывел заключение, что он халуй первой руки, доктринер, болтун, хвастун, чорт его совсем дери. Ты, может быть, знаешь, что этот господин влопался. Вот вам наказание! Наболтает он, должно быть, просто страсти! Не говорить же на ваше благородие приятные вещи! Вот как дело было: я его встретил на вокзале, как вы телеграфировали, и он хотел передать мне квитанции и программу, дурак. Даже стал отвязывать на вокзале револьвер, чтобы передать мне и уехать в Питер. Но чорт попутал меня уговорить его остаться, хотел кое о чем расспросить, но, конечно, оказалось, что ничего не знает. Он навязывался ко мне на квартиру под тем предлогом, что забыл дома свой вид. Напрасно я старался уговорить болвана, что на несколько дней не потребуют вида. Распинался так, что я принужден был одолжить ему недавно приобретенный прелестный вид (так просил он, чтобы пусто ему было!). Затем попросил оставить у него револьвер и некоторые из присланных вами бумаг и на другой день отправился вместе с ним на вокзал (дернул же меня чорт!). Его послал получить ящик, а сам условливался с ломовым, только вижу, он бежит (осел!), а за ним жандармы. Его, разумеется, схватили. Я тотчас же дал деркача, полагая, что он показал на меня и меня схватят. Вот, брат, история какая! Хотел воспользоваться его видом, его франтовитостью, — на вот, воспользовался! Или он по своей крайней непрактичности (в чем сам мне сознался) накуралесил на вокзале, или же следили за ящиком. Я скорее

предполагаю первое. Итак, тебе, любезный, следует принять меры для своей безопасности. Я уезжаю отсюда тоже, хотя он и хвастал предо мною, что никого решительно не выдам. Но на это плоха надежда, — не такие болтали. Но чего надо им? У нас дело идет порядочно, о чем я скоро напишу по случаю: едет к вам один мой знакомый, а теперь жму твою руку. Ваш Коренной.

P. S. Как жаль, что пропал револьвер, он был такой хороший. Свой взгляд о программе скоро сообщу. Кто ее составлял? Не анархисты ли? Нельзя ли прислать еще экземплярчик?»

Не забывайте, что это письмо должно быть послано немедленно. Смысл этого: 1) Доказательство, что «рыжий» цел. 2) Что квитанция передана мне этим злосчастным «рыжим». Письмо раз будет перехвачено, а прочесть не могут, пока не сообщу шифра, а сообщу тогда, когда все будет готово. 3) Далее Мавр [24]) покажет, что по фамилии «Рыжий» — Николай Семенович Доброхотов, сибиряк, наружность, приметы и свойства Рыжего: 28 л., лицо старое не по летам, брюнет, маленький, жиденький, с черною бородкой, сильно близорукий, так что постоянно в очках, говорит скороговоркой, картавит, никак не может произнести букву ж, почему и назвали «Рыжим», имеет очень много знакомых, вообще у него способность легко знакомиться с людьми. Обыкновенно постоянного местожительства не имеет: больше всего частию в разъездах, частию бывает за границею, телосложения слабого, мал ростом, тщедушен, на лице большое родимое пятно, потому иногда зовут его «Бородавкой». Все это, конечно, мало похоже на меня. Далее Мавр покажет, что познакомился с «Рыжим» за границей, был им выписан из-за границы (но зачем?). Раз идут в Москве по улице Мавр с Рыжим, встретили старого знакомого Мавра Гамку [19]), который его познакомил с Рыжим. Гамка объявил, что занят, так как скоро у него свадьба, и приглашал нас обоих. Рыжий вызвался отыскать. Пока я был на свадьбе (при этом меня могут показать попу, который, разумеется, меня не признает, стало быть, я не Рыжий). Спросят, вероятно, и Катю [22]), как жену Гамки, был ли на свадьбе Рыжий, она для разнообразия может сказать, что никакого Рыжего она не знает, а Доброхотова видела на свадьбе (сообщит некоторые признаки Рыжего, если спросят). Вообще надо повести дело: не надо показывать вида, что особенно откровенничает насчет Рыжего, и 2-ое, чтобы показания не были абсолютно одинаковы, а то это покажется подозрительным. Затем Рыжий заходил в «Украйну» [25]), там тоже меня не признают. Микеладзе может показать, что с Доброхотовым (он же Рыжий) он познакомился в Одессе, адреса своего не давал, а не говорил до сих пор о знакомстве с Рыжим потому, что не помнил, кто такой Рыжий, т. к. Доброхотов как-то вскользь сказал: имейте в виду, что меня иногда зовут Рыжим (сообщите признаки, если спросят). Таким образом, я думаю, что будет возможно доказать, что я не Рыжий. Затем начинается второй акт комедии, касающийся лично до меня. Как-то свою роль сыграет несчастный Рыжий? Начинаю излагать свою эпопею.

В первых числах января я поехал к своим родным на родину, во-1-х, потому, что долго не видался с нежно любимой мною матерью, а, во-2-х, у меня стала болеть грудь от влияния петербургского воздуха. Подтвердить это могут: студент университета Андрей Эристов и бывший студент Технологического Института Леван Абдушели (оба из моей гимназии); разумеется, с ними нужно сговориться предварительно или же других кого-нибудь найти из кавказцев через этого Эристова (это вещь нетрудная); ехал я сухим путем, так, чтобы в Тифлис (я из Кутаиса) проездом, и видал там товарища по Технологическому Институту Михаила Кипиани[26]) (условиться с ним, он согласится, порядочный человек). Ему я говорил, что думаю остаться дома до августа, а потом ехать обратно в Питер, держать экзамен в Медико-Хирургическую академию. В Кутаисе видался с Виссарионом Гоголеридзе, с гимназистом... *) (Александровым) и с моими братьями и всем им говорил то же самое, что и Кипиани (если кто-нибудь из них не согласится быть свидетелем, то всегда найдутся люди, только вести дело нужно осторожнее, так как Кутаис, как и все провинциальные города, отличается крайней болтливостью); пробыл несколько дней в Кутаисе (у кого? условиться!), я уехал в деревню, к себе, к родным (главное дело, уломать родных, чтобы они показали, что я жил у них все время, им надо втолковать или, вернее, их надо напугать, что от их показаний зависит погубить или спасти своего сына, расписать в ужасных красках последствия их отказа и до тех пор не открывать им, где я сижу, пока они не согласятся извинить меня в том, что я не подавал вести о себе, но причину я объясню при свидании с ними). Надо им объяснить, чтобы они сами не заявили обо мне, пока их не потребуют для показаний. Имейте в виду, что в Кутаисе, кроме жандармского управления, у них есть много знакомых, даже есть какой-то дальний родственник. Дело на Кавказе или Кутаисе лучше всех уладить может Кикодзе, в деревне я занимался французским языком, а на каникулах учил братьев и сам готовился к экзамену в академию, и, вообще, пусть сложат какую-нибудь басню и напишут — в начале августа я хотел уехать уже в Питер, но заболел лихорадкой и принужден был остаться до сентября (число напишите, рассчитав на дорогу. Я пойман 19 сент., приехал сюда 18 (20). Приехав в Одессу (когда? справиться в путеводителе), я захотел осмотреть город и с этою целью поехал в гостиницу. (Было бы прелестно, если бы кто-нибудь ехал со мною вместе, и мы приехали в Одессу вместе, хотели взять номер один для обоих. Нельзя ли подыскать кого-нибудь? Это просто восхитительно.) Только на улице встретили мы (если нас будет двое) моего старого знакомого Доброхотова, он остановил нашего извощика, и стал разговаривать, откуда и куда etc., узнав, что в Питер, сильно обрадовался и пригласил нас к себе, сказав, что не стоит тратиться на гостиницу. Мы согласились и пошли к нему, кажется, на Полицей-

*) Далее в копии пропуск.

ской, хорошо не помню, а товарищу по дороге... *), где-то около части, но где? не помню. Рыжий спросил меня, мог ли бы я остановиться денька на два в Москве, если это понадобится, и, получив утвердительный ответ, предложил мне завезти к его знакомому некоторые вещи; он мне передал квитанцию и маленькие записочки, завернутые в заклеенную бумагу и револьвер. На мой вопрос, как я найду его знакомого? — он сказал: я сейчас ему телеграфирую, чтобы он вас встретил на вокзале. Выходя на вокзал, перевяжите руку платком — это будет условным знаком, по которому он вас узнает. Я согласился, и мы (я и мой товарищ, который должен показать, тоже знать наружность Рыжего) приехали утром, 18 сент. Приехал в Москву, действительно, на вокзале меня встретил этот господин. (На вопрос, кто он и как его рапортовать? Полагаю, что удобнее всего назвать самую запятнанную фамилию, вроде Клеменса. Если бы нашлась какая-нибудь квартирная хозяйка, которая согласилась бы показать, что около этого времени, 10—12 сентября, у нее поселился тот господин, на которого я похожу, то это было бы как нельзя лучше. Это, братцы, всецело зависит от ваших стараний. Хозяйка не должна сбиваться, а то беда. Она должна показать, что 10—18 сентября у нее поселился «этот господин», и 19 сентября, к ее удивлению, съехал, уплатив деньги. Он не прописывался. Вообще насчет московского у меня загвоздка, придумайте, братья, как быть. Если все это удастся, то я укажу квартиру, где «этот господин» жил. Я отвечу: я должен был передать вещи, а показание хозяйки подтвердит мое. Постарайтесь как-нибудь. Я хотел «этому» передать все ему следуемое и ехать с моим товарищем дальше, но он попросил меня остаться, так мой товарищ и уехал один в Питер. Я хотел ехать на квартиру к нему, но он сказал, что он недавно там живет и не знает еще хозяйки, полагая, что она... **). Я был в неловком положении: номер я не мог нанять, не имея вида (я все бумаги позабыл дома, у родителей, они должны заявить, что не посылали их мне потому, во-1-х, что сами не знали об этом, а, во-2-х, не имели от меня известий). Я об этом заявил «этому», на что он ответил, что пустяки, я вам одолжу прекрасный вид (Вернера). Я нанял номер. «Этот» попросил сходить меня на вокзал, на что я согласился. На другой день мы отправились на вокзал, — меня послал получать товар, а сам пошел нанимать ломового. Меня схватили, а он удрал. Вот, господа, мое чистосердечное признание.

Вообще в Питере кто-нибудь заявит, что я писал что-нибудь в Питер. Познакомился с Рыжим еще в 1872 году на Московской выставке, встречался по временам в Питере, а потом долго уже не видал, до встречи в Одессе. Он мне обещал написать письмо в Питер «до востребования», так что письмо из Одессы должно быть на мое имя (Здановича, Георгия), ему, вместо «Модестова», как я писал прежде вам. Передал мне шифр: «Скрывая» и взял слово написать ему «конец».

*) Не разобрано в тексте.

**) В тексте неясно написанное слово, которое можно прочесть: дрянь.

Как вам, братцы, это кажется? Быть может, мне, как заинтересованному лицу и заключенному, все это кажется в розовом свете. Это очень вероятно. Посмотрите лучше трезвыми глазами и напишите свое мнение. И если вы найдете, что это невыполнимо, я буду упорно продолжать свое молчание: не пророню ни единого слова. Замечу кстати: прокурор все ко мне пристает, чтобы я им, подлецам, назвал свою фамилию и открыл свою душу. Я все им обещал, не скрою, любезные, дождутся. Я жду вашего ответа с (естественным в этом случае) нетерпением. Что, братья, если я, великий грешник, их проведу и меня надо будет освободить? Вот наклеим им нос-то! Какой еще большой. Успех дела, друзья, зависит исключительно от вас. Требуется: осмотрительность, энергия и наивозможнейшая быстрота действий. Быстрота — это главное условие успеха и вот на каких основаниях:

1) чтобы мое молчание не продолжалось особенно долго,

2) чтобы не узнали мою фамилию (что легко — мерзавцы) и не навели справку у моих родных, тогда все пропало и

3) чтобы скоро не прекратилась возможность переписываться — тогда даже если все будет готово, то напрасно, я не буду знать, стало быть, показывать не буду. Словом, чем скорее, тем лучше. Удобнее всего отрядить на Кавказ Кикодзе. Потребуйте его, если он цел, или же Ардасенова [27]), только чтобы он устроил свой отъезд, или пошлите кого-нибудь на ... *). Требуемые на все это деньги, если у вас нет, потребуйте немедленно от «Мирной Веры» [28]). Надо будет съездить в Питер (там же можно отыскать товарища) мне по дороге. Если только мой план может иметь в ваших глазах успех, то я надеюсь, вы приложите все усилия к его осуществлению.

P. S. Не приехал ли кто? Нет ли Ардасенова? Нет ли вестей от «Мирной», из Киева, Тулы, Одессы? Жду!!

3. Письмо Г. Ф. Здановича (из тюрьмы без даты). В город **).

Вы жалуетесь на отсутствие квартир и на неудобства трактирных свиданий. Я вполне разделяю ваше мнение. Трактир неудобен не только тем, что там бывает всякий народ (и сыщиков не редкость встретить), но там решительно невозможно говорить, в особенности, если желательно, чтобы народу между собой побольше, да, наконец, просто даже книжки неудобно передавать. Теперь вопрос, как устранить невыгодное неудобство? Вы находите практичным открыть в разных частях города где трактир, где мастерскую, где лавочку и т. д. Соглашаясь с вами в принципе, выскажу, однакоже, несколько замечаний насчет практической стороны вашего плана. Чтобы открыть трактир, надо ведь взять патент — внести, кажется, даже залог — есть ли у вас такое лицо, которое могло бы без подозрений со стороны полиции предъявить свои права на открытие трактира? Будет ли это

*) Не разобрано.

**) Следует два шифрованных слова.

подставное лицо или же свой человек? Обыкновенно, трактиры открывают люди более или менее достаточные, больше из купцов и редко из интеллигенции или дворянства. Конечно, можно было бы взять трактир на имя какого-нибудь купца, а распоряжаться трактиром, но, во-1, надо иметь такого купца, а во-2, нужно ловко вести дело, чтобы не сделалось известным его назначение. Если откроется на имя какого-нибудь «подозрительного», неизвестного никому выскочки, — то ведь, знаете, насколько любопытны другие сотоварищи-трактирщики (они наперечет знают все трактиры). А окружающие ваш трактир лавочники? ведь без сомнения, крайне будут интересоваться всем: кто хозяин? откуда он? на какие средства открыл заведение? чем занимался и чем занимается? etc., etc. Они обыкновенно знают всю подноготную своих сотоварищей-торговцев и по привычке, по заведенному обычаю, они будут добиваться узнать и вашу биографию. В трактире, конечно, должно иметь половых. Кто они будут? свои или наемные? Если наемные — насколько это удобно? Как они отнесутся ко всяким там вашим сходкам и рассуждениям? Насколько они будут болтливы и распространят слух о «необыкновенном» трактире и делах, там совершаемых? Не в диковинку ли им будет все это? Наконец, каких размеров будет трактир? Ставлю этот вопрос потому, что ничто под луной не вечно *), и он может провалиться — один неосторожный шаг для нового трактира и неизвестного хозяина, и заведение пропало, если притом же не пропадет масса людей: печальный конец для нового дела! Бесспорно, если будут устранены эти и им подобные препятствия, то трактир представляет собой массу незаменимых удобств, т.-е. если трактир дает много полезных выгод, то за то же, без сомнения, он требует весьма осторожного и расчетливого ведения дел, надо много ловкости и умения, много лавирования и хитрости, чтобы продержаться на первых порах, а когда он получит права гражданства, когда к нему привыкнут и власти, и соседи, и посетители, когда он, словом, сделается «стариком» — о, тогда он застрахован от всяких полицейских нашествий! В России «беззубость» есть гарантия безопасности. Правительство наше любит стрелять в «молодую» дичь: нельзя отнять у него хорошего вкуса.

Другое дело — мастерские; они не возбуждают ничьего подозрения, стоят дешевле, надо меньше гораздо хлопот, и удобнее еще в том отношении, что постороннего народа не бывает. При том же можно работников иметь из своих и с большой пользой для дела. Мастерские важны не только для сходок, но они представляют еще незаменимые выгоды в другом отношении, — постараюсь объяснить свою мысль яснее — поэтому мне придется быть не кратким. Я пришел к тому заключению, что нашему брату интеллигентному — быть праздношатающимся, «не работающим рабочим» положительно невыгодно, даже вредно для дела. Непосвященным, свежим рабочим пря-

*) В тексте: не видно.

мо бросается в глаза, что люди не работают, а рабочими величаются, говорят о бедности рабочего люда, а сами деньги имеют, не работая, — достаточно этих сомнений, чтобы они (рабочие) стали относиться к пропагандисту не искренно, по-братски, а как к «непонятному для них барчуку», хуже этого быть ничего не может! Пошло недоверие и доносы и всякая гадость: бывали, к величайшему прискорбию, и такие случаи, когда рабочие смотрели на знакомство с подобными пропагандистами как на выгодный источник в денежном отношении! Что может быть хуже и мерзее подобного отношения? Не говорю уже о нравственной раздвоенности в пропагандисте, красноречиво болтающем о «тяжелом, невыносимом труде рабочего люда», когда он сам ни единым пальцем не пробовал этого тяжелого труда! Не знаю, как другим, но мне всегда в сношениях с рабочими было очень уж... *) разглагольствовать о притеснениях, когда сам вовсе не притеснен, о непроизводительности труда для рабочих, когда сам не пробовал даже работать! Но оставим то нравственное чувство в стороне! Будем рассуждать со стороны пользы. Действительно, работая, напр., на фабрике — мало уже остается времени для пропаганды — и в этом главное неудобство работы, но, с другой стороны, принимая во внимание отношение рабочих к праздношатающимся, — я считаю положительною необходимостью как в отношении дела, так ради нравственной чистоты пропаганды (с каким поддельным жаром должен говорить о бремени труда человек, вовсе им необремененный! И какое право имеет он, человек непритесненный, говорить именем притеснения и бесправия!), чтобы пропагандисты работали — и если не так безобразно много, как рабочие, то нормальное количество времени; при этом остается время и для пропаганды, и он, пропагандист, смелее уже может заявить не только свои убеждения, но и свою принадлежность к трудящемуся классу. — Но как создать подобные условия? По моему, единственная возможность — это иметь свои мастерские, которые выгодны еще вот в каком отношении. В этих мастерских с громадной пользой для революционного дела мо[жет] **) освоиваться с условиями труда, с условиями пропаганды — молодеж[ь] интеллигентная, желающая быть революционерами. Она будет приглядываться к рабочим, к их манерам, к их образу жизни, она будет усваивать себе их говор, их привычки (хорошие, конечно) — словом, она приучится обращаться с рабочими, приучится пропагандировать без книжной примеси, приучится, наконец, трудиться, а это весьма много и так необходимо для наших революционеров, не умеющих заговорить с простым человеком. Я не думаю, как некоторые у ч е н ы е л ю д и [29]), что достаточно прочесть несколько толстых книг — в том числе, разумеется, их жалкие царапания! По их просвещенному (светом толстых многотомных сочинений) взгляду, вишь, выходит, что молодежи л е н ь читать да поучаться,

*) Повидимому, пропущено слово.
**) В копии пропуск.

а я им скажу, что им лень работать и с нечесанным народом возиться, им с к у ч н о проводить время с сиволапыми мужиками (известно, неучи!)! По моему же непросвещенному взгляду, недостаточно прочесть «Капитал», да «Логику» Милля, да еще в придачу несколько толстых книг, чтобы стать порядочным революционером и умелым пропагандистом! Нельзя стать революционером в д р у г, нельзя вычитать из книг умения пропагандировать, — покоптеть в кабинете над книгами — еще не значит быть революционером! Да знаете ли что, я даже думаю (даже уверен), что у нас в России весьма и весьма мало революционеров; у нас есть и могут быть теоретики-социалисты, но революционеров пока, повторяю, мало! Революционеров дают жизнь, практика, общественные треволнения, а разве наша молодежь ж и в е т? Нет, она читает и мыслит, а в жизнь редко бросается, а подобным образом революционер получиться никогда не может! Хотя Декарт и сказал: «Cogito, ergo sum», но я говорю не о такой жизни.

Итак, говоря без всяких рассуждений, я полагаю, что революционером можно [сделаться(?)] единственно путем жизни и постепенно, поэтому мастерские принесут громадную пользу в этом отношении; к тому же их легче открыть и держать даже в нескольких экземплярах. Добавьте ко всему этому еще их дешевизну. Я хотел воспользоваться этим случаем (вашим вопросом) и высказать мой взгляд на некоторые общие вопросы. Я только что узнал, что на-днях троих из нашей пугачевки увезут куда-то, — я имею основания предполагать, что один из них буду я, — поэтому спешу кончить общие разсуждения. Итак, я вполне согласен с вашею мыслью завести в разных частях города мастерские и вообще места для сборищ; я с своей стороны предложил бы завести также порядочную интеллигентную квартиру, и с этой целью было бы недурно устроить такую штучку: снять квартиру под магазин или маленькую лавку и открыть табачный или галантерейный магазин; как мастерскую придется открыть на имя мужчин, то лавку с удобством можно открыть на имя бабы, только, конечно, с совершенно незапятнанной репутацией, недорого будет стоить, а удобств не мало — да им сказать: продажею можно оплачиваться.

Прескверная штука, если меня увезут, все наши конспирации и подвохи как будто в воду канули! Говорил ли я: скорее, скорее, а то не успеем! И, кажись, действительно, не успеем сговориться, потому что я не имею известия ни из Питера (на счет свидетелей и попутчика — я не знаю даже их фамилии), ни из Кавказа (о свидетелях) и родных. Если не получу на днях этих нужных сведений, т.-е. до тех пор, пока увезут, то прощай свобода, прощай воля-волюшка! Полагаю, что̀ этим и кончится, потому что не имею основания предполагать противное! Жаль, но что же делать! Тем не менее надежды терять не следует. Поэтому предлагаю немедля телеграфировать Ардасенову, чтобы с е й ч а с же отвечал — д а или н е т, согласны родные, свидетели или нет, подробности можно потом. Господа, спешите, а то не стыдно ли будет, если наш план пропадет вследствие медленности? Я как будто

поласкал, полакомился им и в самый момент, когда все должно итти в осуществление, он выплывает из моих рук! Мое положение похоже на расплакавшегося ребенка, которого обманывают лаской, чтобы унять его плач. Мне тоже суждено, кажись, только обманывать себя его осуществимостью. Посмотрим однако, посмотрим!

Прошу немедленно сообщить: 1) пересланы ли мои документы к моему родителю и нет ли вестей с Кавказа; 2) если да, то какие, если нет, то, повторяю, телеграфируйте Ардасенову и потребуйте ответа телеграммой же; 3) кто свидетели в Питере, кто мой попутчик; 4) нет ли ответа от Медведихи [30]) и если не поспеет для меня, то передайте его Мавру, хотя он и не знает по-грузински, но может прочесть Гамка, а для Мавра ответ Медведевой важен.

Имейте в виду, что меня могут увезти в Питер — Одессу — Киев — Кишинев или же, наконец, на Кавказ — сообщите на всякий случай какой-нибудь адрес для писем и квартиры, быть может, где с дороги удастся бежать: не стану ждать плана.

4. Письмо Г. Ф. Здановича 28 ноября 1875 г.

В письме от пятницы вы пишете, что по тону моего письма будто отгадали, что я впал в мизантропию — как горько вы ошиблись и как неловко вы угадали! Если бы вы взялись быть ворожеею, вы не только умерли бы с голода — но вас довольно таки часто угощали бы пинками да колотушками! Как же? Если бы вы стали так же неудачно предсказывать, как мне,—вам помяли бы наверно бока! Но не думайте, чтобы я тоже воспользовался подобной расправой — нет! боже избавь меня от такого варварства и невежества! Я выкажу более приличные стороны моей гуманной натуры и объясню, в чем тут было дело. Нужно вам знать, что жизнь наша острожная крайне разнообразна и многосложна, условия нашего существования так хитро и разнохарактерно переплетаются меж собой, что поводов, причин для расстройства необыкновенно много — было бы излишне приводить примеры. Говоря без шуток и откровенно, я должен вам доложить следующее: во 1-х, в мизантропию я не впадал, всевышний избавил меня от этого греха и милосердно даровал мне спокойствие душевное: слава всевышнему создателю неба и земли! Во 2-х, неверно угадали причины моего маленького и временного (скоропреходящего) расстройства. Вы каетесь в своей ошибке, что вы написали т а к и е вещи (какие это?) и добавляете: «я виновата, что написала т а к и е вещи», — а я вам скажу, что вы виноваты не тем, ч т о пишете, а тем, что ничего н е п и ш е т е — вот где вина, а не в том, что вы написали такие вещи — нужно вам знать, что я не обладаю слабыми нервами и могу перенести самые ужасные вещи без особенного расстройства, — впечатлительность и слабонервность две вещи разные, — и поэтому я вам заявляю раз навсегда: пишите самые ужасные, самые горькие и неприятные вещи без малейшей боязни за мои нервы, только ради бога п и ш и т е!

Я был не расстроен, а вернее, взволнован — сердито взволнован, рассержен резонерством Мавра и писал ему в тот же самый день ругательное письмо — затем вот еще какой странный казус со мной приключился в тот же день: днем я писал несколько (опять таки весьма ругательных, такой *) этот день как бы пришел для моего бездонного ругательства) писем; было довольно холодно, я лег, и укрылся пальто, унтер (редкий мерзавец — продувная шельма) заносит лампу, я ему говорю, что ужасно холодно — он скорчил гримасу и трагически: «да — холодно! Вы тут занимаетеся, я вижу!» — я вскочил, как ужаленный: «что? что?» — он: «ничего-с» и вышел — это-то и навело также на размышления грустного неприятного оттенка: «неужели негодяй заметил, что я позволяю себе заниматься, грешным делом, пописыванием? не донесет ли он? да не будет [ли] у меня обыска? — да полно: заметил ли он еще что-нибудь? может, он на счет чего другого сказал? а? нет, надо его спросить, что он хотел сказать! На этом останавливались мои мысли, но после долгого раздумья я пришел к тому неминуемому заключению, что спрашивать отнюдь не следует и надо себя держать при нем гордо, непринужденно — расчет оказался верен: — он теперь изволит со мной шутить, — но, конечно, ужасно плоско! — но чорт с ним, отпустим его! надоел шельма! Имейте при всем этом в виду еще то, что за мною ужасно как следят, т.-е. приходится писать не без опаски. Унтер, проходя около часового и указывая на мою дверь, грозно ему замечает: «Смотри! хорошенько смотри!» и несчастный смотрит, но ничего не высмотрит. А знаете ли, когда я пишу письма и как я к этому же пригнал мой образ жизни? Ложусь большею частью в 5—6 часов вечера и просыпаюсь в 2 ч. и принимаюсь работать, т.-е. пописывать — кругом все спит, тихо, малейший шум — шорох — часовой слышит (но больше и они дрыхнут!) напр., я осторожно, бережно переворачиваю бумагу — часовой услышал, подходит к дверям — смотрит — я лежу — дотронется до окна, я молчу — стукнет шашкой об дверь — ни единым членом не шелохнусь, смотрит, смотрит, да и отойдет: «спит!» — как бы не так, я пишу, пописываю! — Другому лень встать да подойти — так он повертится на стуле или каской об стену ударит, или ногами стучать начнет— это все для того, чтобы показать, что он не спит — «Смотри, мол, не шуми!» — А некоторые так спят себе сном праведным — беззаботным: ничего не видят и ничего не слышат! Признаться, я, грешный человек, последних больше всех уважаю: уж такова моя испорченная натура!

Но давно пора кончить это длинное, ни к чему не ведущее введение, да от нечего делать просто пишется! Да не вменится мне это в обвинение в словоохотливости. Вы мне писали, чтобы я докончил бы шифр для телеграмм — мне это положительно неудобно, да и нет возможности при условиях нашего существования. Я лучше вот что сделаю:

*) В тексте: такому.

я напишу, как дополнить и составить его, а также способ его, а вы, вольные казаки, потрудитесь над ним поработать: оно проще и практичнее — в имеющихся у вас черновых сделано больше половины работы — остается расклассифицировать слова и добавить некоторые. Дело вот в чем: берется известное количество групп — положим 18—20, в каждой группе такое же количество слов, 18—20, что составит около 460 слов — количество порядочное. Слова, конечно, берутся самые употребительные и необходимые, сюда же включаются названия городов, имена собственные и фамилии (или псевдонимы); когда, таким образом, имеются слова, то берется равное числу групп количество букв более употребительных, как начальные, и вся механика заключается в следующем: напр. я хочу телеграфировать, что «книги получены»; я ищу в группах слов (для удобства расположенных по алфавиту) каждое из данных слов — положим, что первое слово выразится так: 5—7, т.-е. 5 — группа, 7 — слово; я беру 5— букву и 7, ну хоть — 53 и 63. Я уже составляю телеграмму и стараюсь подыскать слова, начинающиеся буквами 53 и 63 — напр. «дождь идет» и т. д. и для остальных слов — дело легкое и удобное.

Вы пишете мне об анархистах и их предложении — какие это анархисты и кто переговаривался с вами от их имени? Нужно вам сказать, что о русских анархистах я слышал не особенно завидные отзывы, и что в самом деле у всех теперь разыгралась такая связоохотливость, связомания? Мне представляется, что весь воздух заряжен какими-то «нами», предлагающими свою готовность связаться.

Порешили ли, т.-е. покончили ли дело с деньгами? Смотрите, чтобы они не пропали, а если вас, не дай бог, сцапают, ведь пропал капитал для дела. Устройте так, чтобы он не пропадал: это ваша нравственная обязанность. Я хотел послать вам это письмо в среду, 26 ноября, но я был извещен о вашем отъезде. Сегодня же, 28-го, я был извещен, что троих из нашей пугачевки увезут на днях — я полагаю, что меня в том числе и вот на каком основании: вчера смотритель меня спросил: «скоро вас отсюда возьмут?» — поэтому я спешу докончить это письмо и послать Г. К.; быть может, не придется больше не только свидеться, но и списаться. Мне жаль, что наш план, вся наша хитрость и конспирация кончаются такою плачевной кончиной: умирает без всякого практического существования, разлетается в прах, как шаловливая мечта, предназначенная только побаловать меня и моих друзей! Если меня куда-нибудь увезут, то уже трудно будет сообщить мне результат переговоров с родителями и свидетелями, хотя в вагоне можно передать записку, поэтому прощаюсь с вами и свободой, если еще не удастся бежать отнуда-либо. Имейте в виду, что если меня перевезут в Питер и если мне непременно придется назвать свою фамилию, то я потребую свидания с каким-нибудь кавказцем, он же может носить мне книги — так можно переписываться по ней Г. О. 5: под-

черкивать слегка некоторые буквы (стараться надо как можно реже, чтобы не было заметно) — на странице 2—3 буквы, — можно также во время лобызания (я непременно буду целоваться) передавать в виде шариков в рот. Что вы скажете, ведь было бы недурно, если бы удалось удрать где с дороги: посмотрим.

Да, вот какая история! Мерзавцы знают, что существует компания людей — «гинсбурят»; весьма нетрудно предположить — что доберутся до г. Лейба [31]) — поэтому я предлагаю всем, чтобы они след. манером объяснили: «гинсбуряты», «гин» называется компания людей в насмешку, которые проповедуют, что без денег, мол, ничего не сделаешь и поэтому надо прежде всего доставить капитал etc. — Названы «гин» в честь банкира, известного Гинцбурга. Этим путем можно будет отвлечь грозу над головой иерусалимского дворянина.

Мой план спасал не только меня, но и Мавра. Если мне не удастся выпутаться, то пусть воспользуется, по крайней мере, он — если еще хуже: докажет несомненно, что я «рыж», то пусть он и тогда продолжает показывать условленное: я приму все на себя, а на счет личности Рыжего, что это не я, пусть скажет, что я еще на воле так с ним условился; познакомился он со мной на Кавказе — хоть кого-нибудь да надо спасти хитростью. Я сделал отчаянную штуку, подобную прогуливанию акробата по канату, перекинутому через водопад: я все открыл стерве Медведевой и написал ей, как она должна показывать; если провалюсь, беда невеликая, но мне думается, что нет, — потому, что если бы она хотела бы быть окончательной шлюхой, то ведь она могла указать бумаги, назвать мою фамилию (верно, спрашивали), однако, живы будем — все увидим!

Быть может, милый друг, я пишу это письмо в последний раз, как знать! Как бы там ни было, но я буду эксплоатировать каждый данный случай, т.-е. где найду возможным, везде буду пробовать улизнуть из рук негодяев! Ждать, надеяться на план ужасно томительно и не придется, кажись, более баловать себя этой иллюзией! Так лучше всегда без иллюзий! Быть может, я ухитрюсь написать с дороги письмо, так подпись будет «Тупицына». Высылайте Давиду (за границу) деньги аккуратно: вы знаете насколько необходимый человек. Если мне не удастся осуществить план и если откроют фамилию, то я покажу, что жил в Питере до июля, а потом уехал в Одессу пользоваться морем — квартиры в Питере не имел, шлялся по товарищам. Да, я позабыл сказать, что переписка по книге с 25-й страницы. — Если... где-нибудь (напр., в вагоне) можно будет передать о согласии родных и свидетелей, то записку можно написать кратко: место, время и фамилию — я пойму, напр., так: Пит. — Андрей — 5 июня etc..

Прощайте, дорогой друг, последняя быть может просьба: не попадайтесь, не попадайтесь! крепко-на-крепко жму вашу дружескую руку. До гроба ваш — нуль.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Джабадари, Иван Спиридонович, вел пропаганду среди рабочих под именем Михаила Петрова и был под этим именем арестован 4 апреля 1875 года.

2. Каминская, Бетя Абрамовна, б. цюрихская студентка. С начала 1875 г. работала ткачихой на фабриках под именем Маши. Была также арестована 4 апреля 1875 года. Не судилась по процессу 50-ти, так как заболела психически.

3. «Теткой» еще в Цюрихе называли Бардину, Софью Илларионовну. Стояла во главе кружка «фричей» (цюрихских студенток).

4. Любатович, Вера Спиридоновна. Входила в это время вместе с Здановичем в «администрацию», т.-е. в организационный центр, ведший сношения с провинциальными группами, с арестованными и пр.

5. Чекоидзе, Михаил, вел пропаганду в Москве под именем Федора. Был арестован 4 апреля 1875 г. и до конца дознания отказывался назвать свое имя и дать показания. Речь идет о готовившемся побеге его.

6. Баринов, Иван Васильевич, рабочий, давал показания, уличавшие Джабадари в распространении нелегальных книг. Впоследствии от них отказался.

7. Васильев, Николай, рабочий, игравший видную роль в работе московской группы.

8. Субботина, Евгения Дмитриевна, из центральной группы организации и процесса.

9. Так называли лавристов по имени одного из наиболее известных последователей Лаврова — Льва Савельевича Гинцбурга. Речь идет о транспорте литературы, которым ведал Зданович. Для устройства контрабандного пути он ездил на границу, возле Кишинева.

10. «Ив. Ал.» и «Соня» — лица, нераскрытые дознанием.

11. Любатович, Ольга Спиридоновна, переехала вскоре в Тулу и устроила под именем Махоткиной рабочую квартиру. Была там арестована.

12. Окладский, Иван, известный впоследствии провокатор. Переехал в Тулу вместе с О. Любатович, под именем Петра, ее брата. При аресте ему удалось бежать.

13. Субботина, Надежда Дмитриевна. Работала в это время в Одессе.

14. Злобин, Иван Андреевич, вел пропаганду в Туле, работал там на заводе.

15. Подложных паспортов.

16. Субботина, Евгения Дмитриевна.

17. Субботина, Мария Дмитриевна, не принимала, вследствие болезни, активного участия в работе организации.

18. Хоржевская, Александра Сергеевна, вышла фиктивно замуж за кн. Александра Цицианова, чтобы получить для нужд организации деньги, предназначавшиеся ей в приданое. Цицианов был в то время на Кавказе, а в Одессе 13 июля 1875 г. по бумагам Цицианова обвенчался с ней Кикодзе.

19. Гамкрелидзе, Антимоз Евдов, один из активных членов организации, был арестован 9 августа при попытке завязать сношения с арестованными в Иваново-Вознесенске членами организации. Дальше речь идет о фиктивном браке Гамкрелидзе и Тумановой, Екатерины Петровны.

20. Речь идет, повидимому, о корреспонденции, напечатанной впоследствии в декабрьском № газ. «Вперед» (№ 22). Сведения, сообщенные Здановичем, не совсем соответствуют документальным данным. По делу об этой стачке (III отделение с. е. и. в. канцелярии, 3 эксп. 1875 г., № 509 ч. I) бастовало всего 2.500 рабочих, с 24 июня по 4 июля 1875 г.

21. Речь идет, вероятно, о приговоре над Долгушинцами, прочитанном 5 и 6 мая 1875 г. на Конной площади в Петербурге.

22. Туманова, Екатерина Петровна, уехала вскоре в Иваново-Вознесенск.

23. Цицианов, Александр.

24. «Мавром» в организации назывался Ст. Кардашев, который был «кассиром» организации. При его аресте было захвачено около 9.000 денег организации.

25. Гостиница в Москве.

26. Печатаемое письмо было взято у Кишиани. Значит, находившиеся на воле члены организации приступили к выполнению плана Зденовича.

27. А. Ардасенов привлекался тоже к дознанию по делу о пропаганде в Московской губ.

28. «Мирная Вера» — вероятно, Вера Шатилова, уцелевшая от арестов и располагавшая средствами Субботиных.

29. Зданович имеет в виду, без сомнения, лавристов.

30. Медведева, Елена Петровна (Мачтет), на имя которой шли письма.

31. Гинцбург, Лев Савельевич.

Из народовольческих автобиографических документов.

Публикуемые ниже документы принадлежат трем видным членам народовольческой организации: если Н. Н. Колодкевич довольно рано был арестован (в январе 1881 г.), то Ю. Н. Богданович, как Кобозев ставший почти легендарным после 1 марта, оказался одним из центральных деятелей 1881 г.—1882 г., московского периода Исполнительного Комитета, а Савелий Златопольский именно в этот же год выдвинулся как один из главных деятелей народовольческой военной организации в Петербурге. Печатаемые показания их, носящие и автобиографический и программный характер, существенны как для изучения основных этапов революционного движения 70—80 г.г., так и еще более, пожалуй, для определения социального состава и социально-политической идеологии «Народной Воли». Для характеристики последней чем более материалов оказывается в наших руках, тем определеннее должен быть выставлен тезис, что поставленная «Народной Волей» задача политического переворота и еще более — ее решительная террористическая борьба с самодержавным правительством привлекла к ней также и представителей тех социальных групп, которых ранее анархизм, а позднее те же анархо-социалистические тенденции в землевольчестве отталкивали от революции. Показания Савелия Златопольского ценны именно в этом отношении. До сих пор, когда желали указать на тенденции чистого политического радикализма в «Народной Воле», обычно ссылались на мемуарные заявления о тех либо иных высказываниях Желябова, хотя значение этих заявлений отнюдь не безусловно и еще должно быть подвергнуто соответствующему критическому анализу. Гораздо существеннее, конечно, был бы ряд документальных доказательств. Некоторые из них все-же можно отыскать в народовольческой прессе, а путь к народовольчеству Златопольского — наглядная автобиографическая иллюстрация наличия подобных радикально-политических элементов в среде народовольчества. Признавая, что «Народная Воля» — «социалистическая, в научном смысле этого слова, партия» (что это определение результат влияния «Капитала» Маркса, тому доказательство другой одновременный документ, автор которого Герасим Романенко, тоже член, хотя и недолговременный, Исполнительного Комитета, прямо указывает, что научное значение социализм приобрел лишь 20 лет тому назад, со времени появления работы Маркса), Златопольский, однако, заявляет, что он-то лично не примкнул к «Земле и Воле» потому, что землевольческая программа оттолкнула его «по своей отчужденности от вопросов чисто политического характера и по преобладанию в ней элементов чисто социалистических»; мало того, даже программа Исполнительного Комитета не удовлетворила Златопольского «в виду отсутствия прямого заявления о политическом перевороте как задаче, не сопряженной непосредственно с насильственным осуще-

ствлением социалистических идеалов», хотя нужно признать, что задачи политического переворота определены этою программой в достаточной мере отчетливо. Поэтому, признавая и «социалистичность» «Народной Воли», Златопольский все же сводит ее суть к одному лишь политическому «основному догмату» — «необходимости ввести народное представительство в русскую государственную жизнь и сделать народную волю ее верховным принципом».

Иначе — в документах, вышедших из-под пера Ю. Богдановича. Однако, прежде всего, несколько слов об их происхождении и значении. Ю. Н. Богданович был арестован 13 марта 1882 г. в Москве под фамилией Владимира Николаевича Прозоровского. Уже к 17 марта он был опознан и дал в этот день свое первое показание в качестве Богдановича, признав свою принадлежность к «Народной Воле», указав в качестве своего занятия «деятельность на пользу освобождения народа» и сообщив самые беглые биографические сведения, из которых можно отметить разве то, что выход из Медико-хирургической академии, в который он был вольнослушателем в 1872—73 г., им объяснен «требованиями революционного дела». Автобиографическое показание, как видим ниже, Богданович дал лишь 22 сентября 1882 г., в частности объяснив здесь также только что упомянутый уход свой из академии. Однако, еще ранее, 5 мая им была написана записка, не имеющая в подлиннике никакого ни заглавия, ни обращения. Она имеет по содержанию своему программно-декларативный характер и указывает в конечных своих частях на те правительственные мероприятия, которые могли бы повести к прекращению террора и повели бы страну по пути «спокойного развития». Не только форма документа и его содержание не подходят под рубрику показаний обычного типа: подлинник записки Богдановича приобщен не к актам дознания по процессу 17-ти, а находится в соответствующем деле департамента полиции. Думается, что накопляющиеся и мемуарные и документальные факты позволят в совокупности объяснить все эти особенности публикуемого документа. В своих воспоминаниях О. С. Любатович рассказала, как с ней начал переговоры тов. прокурора петербургской судебной палаты известный Добржинский, впоследствии недолгое время бывший директором департамента полиции. «Скажите, на чем помирилась бы революционная партия, на каких условиях она отказалась бы от террора, нельзя ли установить перемирие хотя бы до коронации?» После реплики Любатович на этот вопрос Добржинского последовало новое предложение прокурора: «Напишите письмо государю и изложите то, что говорили нам». Любатович отказалась, и вторичное предложение было ей сделано уже самим Плеве. «Простите,— сказал он мне,— сообщает Любатович,— что я побеспокоил вас, но я хочу предложить вам еще раз то, что советовал вам сделать Добржинский: напишите государю искреннее письмо, ваши чувства и мысли. Государь любит народ и весь проникнут желанием сделать все возможное для блага его». Любатович, которая к тому времени уже и не была в Исполнительном Комитете, отказавшись как от этого, так и от предложенного ей освобождения, с целью переговоров с Исполнительным Комитетом попросила свидания с Герасимом Романенко, одновременно с нею арестованным и вошедшим после приезда своего из-за границы летом 1881 г. в состав Исполнительного Комитета, в котором, впрочем, он не оставил по себе доброй памяти. «Не знаю, моя ли то вина, что я не умела объяснить суть моих разговоров с Добржинским и Плеве, или Романенко, как человек, в деятельности еще не очень опытный, слишком резко поставил большие требования, или стал играть на угрозах, но переговоры сейчас же порвались, и почему, я не знаю: Добржинский отвечал мне уклончиво», заключает Любатович свой рассказ — об этом эпизо-

де. Как и во многих других случаях, архивы преподносят нам факты, которых не могли знать сами современные деятели. Очевидно, Романенко было сделано то же предложение относительно письма на имя царя, которое было сделано Любатович, и Романенко взялся за эту задачу. Обширная его записка, о которой мы уже упоминали, имеет на себе пометку Плеве: «Доложено его величеству господином министром внутренних дел 3 марта 1882 г. в Гатчине». Нам кажется, что оба только что изложенные эпизода, с Любатович и с Романенко, по времени чрезвычайно близко примыкающие к к публикуемому нами документу от 5 мая, проливают свет на его происхождение: несомненно, что перед нами еще один документ к истории нескольких в этом году правительственных (надо вспомнить также мысли Нивинского и Николадзе) попыток найти пути соглашения с народовольцами.

После этих предварительных разъяснений, возможно перейти и к оценке этого документа с двух точек зрения, и той, с которой мы выше считались, говоря о показаниях Савелия Златопольского, и той, которая связана с его назначением и содержит практическую платформу реформаторской правительственной работы. С первой точки зрения, интерес документа несомненно в том, что Богданович продолжает стоять на старой народнической точке зрения и, исходя из нее, оценивает так же народнически «Народную Волю»,—прямая противоположность тому, что мы видели у Златопольского. В своей записке Богданович пишет, что в 1876 г. произошла «выработка новой программы, так называемой народнической, которая легла в основание всей последующей деятельности революционной партии и была только дополнена в 1879 году вновь организованной фракцией «Народной Воли», но по существу уже не изменялась более», а в своем сентябрьском показании коротко повторяет об этой программе 1876 г.: «теоретическая часть этой программы сохранилась и по настоящее время». Та же традиция, в отличие от Златопольского, подчеркивается Богдановичем и в личном составе народовольческих рядов: «это новое направление не было внесено в нее (партию) извне, а принято теми же лицами, которые пережили весь предыдущий период деятельности и для которых политическая борьба явилась неизбежным логическим выводом из всего прошлого», «Народная Воля» — по своему составу, своим целям и средствам — то же самое, чем были раньше народники... тот же самый организм, только окруженный новыми условиями».

Однако, в записке Богдановича ее практическая сторона не менее интересна, особенно, если сопоставить ее с другим основным для этой эпохи народовольческим документом — письмом Исполнительного Комитета Александру III, документом, который после своего появления заслонил собою программу Исполнительного Комитета. Напомним, что письмо от 10 марта выставляло два основных требования: «общую амнистию» и «созыв представителей от всего русского народа» — «Народного собрания», избранного свободно, от которого сама верховная власть должна получить свою «легализацию» т.-е. созыв не чего иного, как Учредительного Собрания. У Златопольского видим в его показании одно пожелание—того же Учредительного Собрания: «ближайшие задачи партии, пишет он, будут осуществлены, когда созван будет Земский Собор с задачами высшей решающей инстанции, без всяких косвенных посредников между ним и особой монарха». Предложения же Богдановича резко отступают от этих положений, казалось бы общепризнанных, и носят тот же явный отпечаток его народнического традиционализма. Вопрос о «народном представительстве» — у него самый последний, и один из вопросов лишь «ближайшего будущего», требующий к тому же «продолжительной и серьезной работы», и само это «народное представительство» не носит народовольческих черт центрального

представительного учреждения; оно должно быть создано длительным по существу путем расширения «местного самоуправления в смысле подготовления естественного перехода к народному представительству». В то же время тот ряд мероприятий, пусть даже и очень умеренных, которые имеют отношение к крестьянскому быту, перечисляются Богдановичем так детально, как этого нет в других аналогичных документах. Несомненно, что у Богдановича народнические воззрения довольно сильно сказались на положениях его записки, почему она и может показаться чрезвычайно умеренной, даже необычно умеренной в сравнении со всеми другими документами того времени. Однако, именно на тех же народнических убеждениях основана перспектива будущего у Богдановича, отнюдь не столь пессимистическая, какою она оказалась вскоре на самом деле. Говоря о возможностях будущего в том случае, если правительство не станет на путь реформ, Богданович рисует картину того, как «недовольство в массах будет расти и обостряться и, наконец, выразится в явном нарушении порядка», чем революционная партия, «конечно, постарается воспользоваться», «в сравнительно непродолжительное время стать во главе уже значительных сил» и, «пользуясь общим недовольством, вызвать, наконец, страну к революции». Что для Богдановича это не было одною лишь литературною фразою в документе, написанном для врага, а народническою верою в возможность такого исхода, доказывает один эпизод, рассказанный В. Г. Короленко. Именно Короленко, жившего в ссылке в Перми, посетил Богданович и изложил план, «к которому пришла партия». Вот этот план: «Нужен толчек. Предполагается, что в известный день большое количество решительных людей отправится по селам, соберут сходы и объявят, что вся земля отдается крестьянам. Здесь (т.-е. на Урале) пришлось бы объявить это на заводах, которые тягаются из-за земли с самого освобождения с заводоуправлениями». Можно категорически утверждать, что рассказ Короленко неточен, особенно там, где речь идет о решении «партии». Однако, для оценки, нас интересующей, достаточно даже приблизительного содержания рассказа, относящего нас далеко назад от народовольчества к народничеству. Именно эти народнические точки зрения придают народовольческим документам Богдановича значение существенных материалов при изучении социально-политической идеологии «Народной Воли»: достаточно их сопоставить с этою целью с показаниями Златопольского.

Одно лишь можно было бы еще добавить и по адресу Златопольского, и по адресу Богдановича: это об их категорических рассуждениях относительно монархии. В такой форме они, конечно, написаны ad usum delphini. Достаточно взять №№ 5 и 6 «Народной Воли», передовые которых в части своей посвящены «народной вере в царя и судьбам монархизма», чтобы согласиться с этим.

Печатаемый рядом с показаниями и запискою Ю. Н. Богдановича «Устав Общества Освобождения» в значительной мере должен быть сочтен произведением Богдановича же. «Общество Освобождения» — другое, более раннее название «Красного Креста Народной Воли», для которого дошло и еще третье названье — «Креста мучеников». Несколько данных об участии в этом деле Богдановича находим у М. Н. Ошаниной, впрочем, данных, которые теперь можно было бы разносторонне дополнить. Отмечу здесь лишь то, что Ошанина, действовавшая в Москве вместе с Богдановичем, сообщает, что для существовавшего «с незапамятных времен «Красного Креста» правильная организация создана Богдановичем в Москве п о с л е 1 марта; он же и писал устав (правда, с помощью других, так как Богданович слишком мало полагался на себя, чтобы брать что бы то ни было на свой страх)». Устав этот ценен и как материал для изучения органи-

зационных принципов «Народной Воли», тема, теперь требующая особого рассмотрения, для которой все еще слишком мало данных.

Третьи из печатаемых показаний — Н. Н. Колодкевича, которые вносят новые живые черты в известный уже облик «народолюбцев-семидесятников» и народовольцев.

Все документы ,кроме «Устава», печатаются по автографам; показания Н. Н. Колодкевича и Ю. Н. Богдановича находятся в соответствующих делах особого присутствия Сената; заявление Ю. Н. Богдановича и «Устав» — в деле деп. пол. 1883 г. № 42 т. I; данная копия «Устава» сделана с того его экземпляра, взятого по обыску у П. А. Теллалова, который был переписан, по поручению Богдановича, для пересылки за границу.

С. Валк.

I.

1. Показание Н. Н. Колодкевича 12 февраля 1881 г.

Зовут меня Николай Николаевич Колодкевич. Еще в юношеском возрасте меня крайне интересовал вопрос об отношении класса имущего — как в материальном отношении, так и во всех других, — как казалось моему юношескому уму, неразрывно связанных с этим правах и преимуществах, — к так называемому, на либеральном языке, народу, лишенному не только всех прав свободного человека, но даже той обеспеченности с материальной стороны, которыми пользуется, положим, лошадь или какое-либо другое домашнее животное, пользуясь услугами которого человек, поскольку он способен здраво и не в ущерб себе мыслить, доставляет все нужное как-то: пищу, питье и кров. Видя с одной стороны, т.-е. со стороны народа, труд и труд, который, как казалось бы, должен обеспечивать положение труженика своим трудом, конечно, личным, а не обоснованным на эксплуатации другого такого же труженика, купившего право жить и пользоваться плодами своих трудов [1]). Что может быть естественнее и справедливее этого, как мне, юноше, казалось! Но и этого не было. С другой стороны, т.-е. со стороны привилегированного класса почти полное отсутствие какого-либо производительного труда, роскошная до разврата жизнь на счет труженика-народа! Итак труд и вопиющая бедность — с одной стороны; роскошь, ничем не отличающаяся от разврата, и полное отсутствие продуктивного труда — с другой стороны... Почему и отчего так? Вот вопросы, которые мне, еще 17-летнему юноше, ставила окружающая меня жизнь! Не нигилист студент, не запрещенная брошюрка, напечатанная где-то за границей, не цензурная какая либо книга, осторожной предусмотрительностью, в смысле уловления и пресечения, изъятая потом из употребления, натолкнула меня на эти вопросы, а жизнь, и только жизнь, с ее ужасами в борьбе за существование вечно голодного труженика, поставила мне эти вопросы! Думаю, что так же, как мне, так точно и другим тоже, самая суровая, строгая, но фактически правдивая жизнь ставила, ставит и впредь будет ставить такие же вопросы, может, точнее и определеннее, чем

[1]) Так в подлиннике.

мне, а может, еще менее определенно, до тех пор, пока не изменятся царящие теперь социально-экономические отношения. На эти вопросы, поставленные мне суровой правдой жизни, ответа я долго не мог получить: ни люди, которые меня тогда окружали (это было в период моей гимназической жизни), ни книги, которыми окружал себя, ничто сразу не давало мне на эти вопросы ответа. И только лишь чрез достаточно продолжительный период времени, после достаточно усиленных трудов, изучая жизнь родного мне народа, а также историю культуры других народов, культура которых стояла значительно выше культуры родного мне края, нашел ответы на мучившие меня вопросы! Сами вопросы, как и следовало ожидать, выяснились, оформились, при чем определились причины ненормальных отношений общественных, или, вернее, определился состав фундамента, на котором построено здание, — само собой разумеется, что этим разрешался самый трудный вопрос, — вопрос, каким путем разрушить здание...

Остановившись на избранном и верном, как мне казалось, — и тогда оно было так, — пути, начал сближаться с людьми, мыслящими со мной одинаково; составили кружок с революционными задачами и тогда только, выяснивши себе окончательно наше положение, как борющиеся с единственным и величайшим злом на земле, что можно формулировать так: эксплуатация сравнительно интеллигентным меньшинством невежественной массы, причем система эксплуатации организована таким образом, что эксплуатируемые никоим образом не могут выйти из своего положения благодаря прогрессивно увеличивающейся бедности, вследствие чего возрастающий физический труд отнимает всякую возможность умственного прогресса. Все это относится к 1875 г., с которого я начал свою революционную деятельность, а начал тогда, когда вполне сознательно относился ко всему окружающему. Время, а главным образом поход правительства против социалистов заставил видоизменить несколько программу и кроме требований экономического характера внести и политические требования; это уже относится к позднейшему периоду моей революционной деятельности, так что мой взгляд в настоящее время вполне совпадает со взглядами, изложенными в программе, помещенной в 3-м № «Народной Воли», издание относится к генварю 1880 года. Таким образом, в изложенном заключается мой ответ на вопрос о принадлежности моей к социально-революционной партии. По поводу ответов на следующие вопросы прошу отложить до следующего раза.

Николай Колодкевич.

2. Из показания Н. Н. Колодкевича 13 февраля 1881 г.

Зовут меня Николай Колодкевич. По поводу участия моего на Липецком съезде, имевшем место в июне 1879 г., могу сказать следующее. Липецкий съезд не занимался решением практических вопросов, а также не занимался избранием членов в Исполнительный Комитет,

как говорится в обвинительном пункте, предъявленном мне, будучи вызван почти исключительно походами правительства против социалистов; походы доведены были до беспредельной жестокости, не могущей быть ничем оправданной и не имевшей до того времени места в сколько-нибудь цивилизованном государстве [1]). Конечно, всякий другой, но только не революционер, под страхом виселиц и других прелестей, на которые так щедро правительство и чем особенно [оно] рассчитывало запугать, решил бы совершенно бросить пропаганду и агитацию не только среди народа, но и вообще среди всяких общественных сфер, и, отойдя в сторону, спокойно созерцать, как это способны делать российские культуртрегеры, в тиши своих рабочих кабинетов печалующиеся о «низшей братии», как хищническая система ежеминутно, может даже для близоруких незаметно, подтачивает главную основу государства, благосостояние народа, понимая под этим не только материальные средства народа, его богатство, как избыток его же личного труда, но, что главнее всего, не давая ему возможность прогрессировать в умственном отношении, а напротив употребляя все имеющиеся в распоряжении средства, а таковых много, и подобраны они, правду сказать, довольно искусно, доводящие до полнейшего отупения и развращения. И, конечно, такому благодушному созерцателю можно нарисовать такую картину будущего рус[ского] народа, а в то же время и государства, что при своей достаточно испорченной нравственности легко может сойти с ума. Но до этого в таковой момент, т.-е. когда пишешь протокол, очень мало дела, так как протокол не его достояние. В виду вышесказанного Липецкому съезду пришлось заниматься разрешением теоретических вопросов и, главным образом, решением вопроса «политической борьбы», т.-е. борьбы с правительством, а не только борьбы экономической, как делалось прежде, ибо правительство есть и было главным тормозом, хотя нужно прибавить, что тормоз еще более сильный это — невежество массы. Но и само правительство только лишь на этом и зиждется, а посему и все заботы его направлены на усиление и проповедь невежества, если так можно выразиться, но пока возможно! Поставивши такой, для многих прибывших на съезд — новый вопрос, а если даже не новый, то, во всяком случае, серьезный и важный вопрос, долженствующий войти в программу к[ото]рая, кстати сказать, окончательно была разработана впоследствии, и приняв во внимание 3 или 4 дня, которые съезд имел в своем распоряжении, не было места для практических вопросов и всяких трактований об Исполнительном Комитете, о выборах в члены и проч. и проч., что пылкая фантазия психически больного человека, а может и ренегата, приписывает съезду. Из всего сказанного следует, что в Липецке в июне 79 г. был, участие в съезде принимал, но в какой гостинице жил и под какой фамилией, сказать отказываюсь.

---

[1]) Так в подлиннике.

II.

1. Из показания Ю. Н. Богдановича 22 сентября 1882 г.

О прежней своей жизни и революционной деятельности имею показать следующее. По окончании курса в Псковских землемеро-таксаторских классах я поступил на службу великолуцким уездным землемером, кажется, в 1869 году. В 1871 году у меня был произведен первый домовой обыск, причем конфискованы все книги литературного содержания, составлявшие мою личную библиотеку. Причина этого обыска мне не была объявлена, но, судя по конфискации книг, между которыми не было ни одной запрещенной или бесцензурной, можно предположить, что она и заключалась именно в тех научных занятиях, которым я посвящал свободное от службы время. Предположение это не покажется странным, если прибавить к тому, что ближайшими моими знакомыми были [не] [1]) сослуживцы, а прежние товарищи по гимназии, с которыми я имел гораздо больше общего как по летам, так и по всему душевному складу. Косвенным последствием этого обыска было распоряжение губернатора, лишавшее меня летних командировок, т.-е. единственного живого дела и главного ср[едства?] заработок. Отчасти вследствие этого обстоятельства, а также желая продолжать свое образование, [я] [1]) подал в отставку и переехал в Петербург. Я посещал лекции общеобразовательных наук в Медико-хирургической академии в качестве вольнослушателя и участвовал в нескольких кружках самообразования. В 1873 году, во время известного самарского голода, я, с целью изучения на месте этого явления, а также вообще с целью практического ознакомления с народною жизнью, поехал в Саратов, откуда пешком обошел все голодающие местности Новоузенского, Николаевского и Бузулукского уездов. Поездка эта имела важное значение в моей жизни, так как в то время я решился навсегда отказаться от личной карьеры и посвятить себя народному делу. Чтобы иметь возможность стать в более близкие и постоянные отношения к простому народу — не для политической агитации, а для изучения его жизни, — для определения возможности форм деятельности, которые приходилось вырабатывать вновь, так как в прошедшем русской жизни я не имел никакого образца для того, я из Самары поехал в имение старшего брата Николая, в Торопецком уезде, где в течение года хорошо изучил кузнечное производство и мог сам открыть такую же мастерскую. Мастерские брата, при своем учреждении, не имели другой цели, кроме обыкновенных целей всех промышленных заведений, но я просил его принимать к себе учениками тех моих знакомых, которые бы, подобно мне, пожелали изучить кузнечное мастерство, на что он изъявил полное свое согласие. Я забыл сказать, что до отъезда моего в Самару я был в Петербурге арестован, причем пробыл под арестом две недели. Причина

[1]) Край листа оборван.

этого ареста мне совершенно неизвестна; мне был назван целый ряд незнакомых фамилий, которые затем оказались причастными к делу Долгушина. При освобождении с меня была взята подписка, обязывавшая сообщать адреса полиции, но я от этого после уклонился. Во время моей жизни в с. Воронине, по приезде из Самары, у меня вновь был произведен обыск, причем ничего запрещенного не найдено, и причина его также мне не была объявлена. В 1875 году из Торопца я проехал в Москву, где был назначен съезд представителей кружков разного направления, а также отдельных лиц, с целью сделать первую попытку объединения разрозненных кружков и лиц. Но попытка эта удалась только отчасти. Выработки общей программы деятельности не последовало, и было лишь принято решение совместно поселиться в некоторых центральных губерниях, вмещающих в себе все разнообразие форм народной жизни, с тем, чтобы в течение года составить уже совершенно определенные и точные ответы на выработанные на этом съезде вопросы. Для этой цели я, с своей стороны, открыл кузнечную и слесарную мастерскую, которую, впрочем, мне скоро пришлось оставить, так как в руки полиции попалось одно из моих рекомендательных писем, данных к самарским знакомым, и мне угрожала опасность быть арестованным и привлеченным к делу о 193 лицах. С этого времени я решился уже не жить под своею фамилиею.

Предпринятая работа, о которой я только что упомянул, привела в 1876 году к новому съезду в Петербурге, который и положил основание обще-революционной русской партии, названной народническою. Теоретическая часть этой программы неизменно сохранилась и по настоящее время. Она развивала три основных требования: политической свободы, подразумевая под этим право и обязанность каждого подчиняться только закону; народного представительства, как единственного учреждения, могущего оградить эту свободу и дать ей истинное толкование, и разрешение аграрного вопроса в смысле установившегося обычного народного права, в чем и заключается вся сущность русского практического социализма.

Практические задачи партии определялись таким образом. Партия не должна стремиться вызвать революцию, так как эта последняя есть результат общих условий жизни и, вызванная искусственно, делает успех ее больше чем сомнительным. Каждый же член партии, пользуясь существующими правами и учреждениями народа, как-то: сельскими и волостными сходами и судами, правом представительства в земствах, школами, товариществами и артелями и т. д., должен возвышать эти учреждения до их истинного назначения, вызывать в народе и обществе сознание общности интересов, защищать народ от угнетения его со стороны всех народных паразитов, причем стараться вызвать в народе чувство собственного достоинства и сознание своих прав и т. д.

К числу членов партии принадлежал и я, согласно этой программе работал в течение 77, 78 и 79 гг., принадлежа к самарской и саратовской группам. Формальная сторона жизни моей за это время достаточно исследована, и потому я не буду о ней говорить. В это время последовали одно за другим временные распоряжения, усилилась практика политического доноса, и вместе с тем прекратилась последняя возможность легальной деятельности. Как известно, на Липецком съезде (на котором я не был) была принята всею партиею программа политической борьбы. В 79 году из Саратова я проехал в Петербург с целью примкнуть к действующей в то время организации «Земли и Воли», но прибыл туда накануне покушения Соловьева и вследствие розысков, направленных против меня, должен был вновь уехать в провинцию. В 80 году вновь прибыл в Петербург, где и получил приглашение от Исполнительного Комитета принять участие в подкопе на Малой Садовой. После первого марта 81 г., переждавши в Петербурге наиболее горячее время розысков, я через $1^1/_2$ или 2 месяца переехал в Москву для организационной работы, где и был арестован в марте 1882 г. Более по делу добавить ничего не имею.

Зачеркнутое и сверху приписанное сделано мною.

Юрий Богданович.

2. Записка Ю. Н. Богдановича от 5 мая 1882 г.

Обвинения, предъявляемые к партии «Народной Воли», сводятся, в существенном, к следующему: партия стремится к насильственному ниспровержению государственного строя; лучшим средством для проведения своих идей она признает динамит и кинжал и таким образом личную расправу возводит в руководящий принцип. Ее не могут удовлетворить никакие формы общежития, кроме полной анархии, и потому она никогда не остановится в своих революционных попытках. Всегда призывать общество к насильственному низвержению существующего строя — вот ее цель, а политическое убийство и самоуправство — ее средства.

Такой взгляд на партию, сам по себе совершенно ошибочный, заставил правительство прибегнуть к чрезвычайным мерам, которые, в свою очередь, послужили к обострению борьбы и, увлекая по этому пути обе стороны, отражаются не только на авторитете власти и гибели членов партии, но и на жизни всего общества. Все усиливающиеся реакционные меры производят умственный и промышленный застой, вызывают глухое недовольство в обществе и массах народа, парализуют всякое проявление таланта, творчества. Общественная жизнь, литература, школа — все, что служит к развитию народной жизни и обеспечивает благосостояние на будущее, на всем лежит печать омертвения, застоя. Если такое положение вещей и создалось, в значительной степени, под влиянием деятельности революционной партии, то, во всяком случае, она не желала этого. Единственною же причиной всех внутренних беспорядков, переживаемых Россией в текущее пяти-

летие, послужил именно тот предубежденный взгляд на партию, который превращал ее в сообщество, враждебное всякой общественности.

Я постараюсь правдиво изложить действительный взгляд партии «Народной Воли» на ее задачи и средства, служащие к достижению этих задач.

Восемь лет назад мы, действительно, были анархистами, врагами существующего государственного строя. Наши общественные идеалы сводились к уничтожению всех ныне существующих границ, всякого деления на племена и народности и водворению вольных экономических, промышленных и ученых ассоциаций, связанных между собою свободным договором. В то время мы были глубоко убеждены, что такая система общественной жизни не заключает в себе ничего неисполнимого, ничего мечтательного, и мы стали проповедывать ее в народе, обществе, среди учащейся молодежи, распространяя в то же время целые массы брошюр и прокламаций. В этом заключалась самая характерная сторона деятельности так называвшихся пропагандистов. Эти пропагандисты, и только они, и были действительными врагами государства, но то были враги неопасные. Первое же столкновение с действительной жизнью убедило их несравненно сильнее, чем преследования, которым они подверглись, что все их мечты не имеют под собою никакой почвы в настоящем, ничего реального. Это первое разочарование заставило их убедиться, что правда жизни и программа деятельности человека могут быть определены только путем всестороннего изучения самой жизни, а не из сочинений, хотя бы и гениальных, утопистов. Трехлетнее затем изучение жизни народа, его нужд и истории привело в 1876 году к выработке новой программы, так называемой народнической, которая и легла в основание всей последующей деятельности революционной партии и была только дополнена в 1879 г. вновь организованной фракцией «Народной Воли», но, по существу, уже не изменялась больше. Основные начала ее таковы: естественный путь прогресса заключается в постоянном удовлетворении насущных и уже сознанных потребностей народа. Всякая система, несоответствующая сложившимся в народе представлениям, его умственной и нравственной природе, не служит к улучшению его жизни, поэтому должно стремиться к таким государственным формам, при которых бы народ мог не только выразить свое понимание жизни и свои нужды, но удовлетворить их и итти дальше по пути развития. Исходя из такого основного начала, программа ставит только такие требования, как обязательные, которые признаны уже наукой и историей всех народов необходимыми условиями прогресса, без которых невозможно всестороннее развитие так же, как дыхание без кислорода, а именно: свобода мысли, совести и слова, уничтожение всех сословных привилегий, право каждого на землю и орудия труда и свободу обществ и ассоциаций, не имеющих явно вредных целей, которые будут определены законом. Вот единственные регламентированные требования партии; что же касается остальных экономических

и политических вопросов, то, если партия и имеет свои собственные взгляды по поводу их, она не признает за собой права и компетентности ставить их как обязательные, так как истину в этом случае может сказать только сам народ. В виду этого партия находит нужным, для решения всех общегосударственных вопросов, созвание Земского Собора.

Такая программа по отношению к России, конечно, революционна, но она не заключает в себе ничего антигосударственного; напротив, при установлении этих новых начал жизни русское государство достигло бы наибольшей силы единства, наибольшего материального благосостояния и культурного развития. Но партия не только не враждебна государству, она не враждебна и существующей форме правления, т.-е. монархии. Если в революционных изданиях и встречаются обращения [1]), направленные против государя, то это объясняется теми условиями борьбы, в которые принуждена была стать партия, и носят на себе чисто агитационный характер. Но никогда за все время своего существования она не выражала стремления пропагандировать какой-либо иной способ правления. Да этого и не могло быть. Живя долго и близко с народом, мы не могли не видеть, что монархический принцип силен и живет в народе. Мы убеждены, что если бы даже совершилась революция, то и она, изменивши все, не коснулась бы принципа монархии, но еще санкционировала и укрепила бы его, создавши действительную, жизненную связь народа с его государем.

Насколько неверно обвинение, направленное против задач партии, настолько же, если не больше, ошибочно и то, будто бы лучшими средствами она признает самоуправство и политическое убийство.

Только с 1879 года народническая партия выступила на путь непосредственной борьбы с правительством; но это новое направление не было внесено в нее извне, а принято теми же лицами, которые пережили весь предыдущий период деятельности и для которых политическая борьба явилась неизбежным логическим выводом из всего прошлого. В течение шести лет наша практическая деятельность выражалась в следующем:

Мы делились на группы, которые и расселялись в определенных местностях, в Петербурге же оставался центральный кружок, на обязанности которого было вести орган партии и сношения со всеми группами. Кружок этот не был руководящим центром партии, так как каждая группа пользовалась совершенной самостоятельностью в своих действиях, и его скорее можно назвать центральным бюро. Такая федеративная организация естественно вытекала из самой организации партии. Мы явились в новую для нас местность без всяких предвзятых планов. Прежде всего старались занять определенные и, по возможности, влиятельные в народе положения и затем, озна-

[1]) Первоначально было: нападки.

комившись уже с местным населением и его нуждами, вырабатывали местный план действия. Обыкновенно он не заключал в себе ничего революционного и сводился к тому, чтобы путем личного примера и влияния вызвать крестьянство к живому участию в мирских делах, приучить его отстаивать его общие интересы от кулаков и других врагов крестьянского мира и, наконец, вселить в нем уверенность в возможность удовлетворения своих нужд посредством легальных требований, выраженных в мирских приговорах. Мы не старались вызывать такого сильного недовольства, которое могло бы выразиться в восстании, так как не признавали пользы за местными бунтами [1]). Деятельность наша была настолько законна и плодотворна, что не только местное общество, но и местные власти, включая и полицейские, относились к нам с полным доверием и сочувствием. Тем не менее мы подвергались постоянным и жестоким преследованиям. Гонения эти, хотя и не могли не отзываться на нас весьма тяжело, но не они сами по себе заставили нас изменить нашу программу. Нам приходилось бросать начатую работу, вновь приискивать себе места и занятия, вновь начинать дело; но едва только мы успевали вызвать в себе необходимое доверие для дальнейшей работы, как опять постигало преследование; происходили аресты, бегство спасшихся и новые начинания.

Так продолжалось в течение шести лет. Мы занимали всевозможные положения в обществе: докторов, учителей, земских деятелей, простых рабочих, волостных писарей, и всех постигала та же участь. Ее не избегли и другие общественные деятели, не принадлежавшие к нашей партии. Казалось, будто все, что выходит из рамок безличности, обречено на погибель. Рассудок отказывался понимать, во имя чего происходит такая гибель людей. Многие из нас были уже не в силах вновь приниматься за такую безнадежную работу и молча сносить гонения. Они не имели перед собою никакого посредника, — даже суд и тот не желал выслушивать их оправданий. Руководимые одним стремлением посвятить свои силы на служение народу, они объявлялись врагами отечества, не зная за собой ни одного проступка, они ссылались на каторгу, как преступники, не признающие ничего святого. Такое положение было выше сил многих, и они, чувствуя свою правоту, решились защищать себя сами. Под такими влияниями произошло первое вооруженное сопротивление Ковальского, выстрел Засулич, и организовался первоначальный Исполнительный Комитет, который представлял тогда самостоятельное тайное общество и не имел организационной связи с остальною партией. Но это все-таки было меньшинство, громадное же большинство решилось попытаться продолжать работу в том же направлении, и были вновь организованы группы саратовская и тамбовская. В это время были введены новые репрессивные меры: генерал-губернаторство, усиление административной власти, воен-

[1]) Далее зачеркнуто: отчасти.

ные суды, институт урядников и др., и преследования усилились в небывалых размерах. Тогда к чувствам людей, преследуемых выше вины своей, присоединилось еще ясное сознание в невозможности самой скромной культурно-прогрессивной деятельности.

В итоге всей шестилетней жизни партии была утрата более 1.000 человек и последовательное разрушение всех ее поселений: нижегородского, самарского, саратовского, тамбовского, воронежского, Земли Войска Донского. Теперь мы имели перед собою только два выхода: безусловно отказаться от всех своих стремлений и признать невозможность самостоятельного движения или вступить с силами самой партии в непосредственную борьбу с правительством. Не от нашего произвола зависел выбор, и мы должны были взяться за последнее средство, ибо возможность нравственной жизни для человека определенного уровня развития столь же обязательна, как и удовлетворение его физиологических потребностей. Некоторые, не имевшие сил вступить на новый путь, кончили самоубийством, иные стали ренегатами, вся же остальная масса решилась или умереть или добиться возможности свободной, полезной общественной деятельности.

Из этого краткого очерка, в котором я не мог, конечно, представить полную картину деятельности партии, тем не менее можно видеть, что задачи ее не заключают в себе ничего демагогического; они только наиболее определенно и полно выражают те самые требования, которые существуют уже в народе и обществе в отрывочных, неясных формах. В этом и заключается та поистине изумительная жизненность, которую проявляет партия при самых, повидимому, невозможных условиях для своего существования. Обвинение же в анархизме и других антигосударственных стремлениях перенесено на нее с предшествовавшего ей общества пропагандистов без всякого действительного основания. Это составляет первую и самую существенную ошибку со стороны правительственного суда. Покуда преследования были направлены против действительных анархистов, которых ни общество, ни народ не понимали и которым не могли сочувствовать, то деятельность правительства в этом случае являлась в глазах народа целесообразной и направленной к общему благу, ибо искоренялось то, что было чуждым общественности. Но те же самые обвинения, перенесенные на народников, были на самом деле фикцией, которая и разоблачилась перед обществом по мере их деятельности, а гонения, перешедшие вместе с обвинениями, поставили как суд, так и правительство в весьма ложное положение, ибо на народников падало обвинение в таких преступлениях, которых они не совершали. Далее видно, что партия не только не желала перейти на путь насилия, но всеми силами старалась постепенно проводить свои идеи путем нравственно-культурной деятельности и не совершила ни одного насилия, пока направленные против нее меры грозили только жизни ее членов, но когда они стали угрожать и самой возможности проявления в обществе тех стремлений, которые служат единственным залогом его развития, тогда только

партия сочла своим нравственным правом употребить все средства борьбы. В доказательство того, что такой взгляд разделяется всею партией, я сошлюсь на объявления Комитета по поводу террористических актов и на обращение к американскому народу по поводу покушения на Гардфильда.

Теперь мне остается ответить на один еще вопрос: если все, что сказано, верно по отношению к народникам до 79 года, то может ли быть применимо то же самое и к фракции «Народной Воли»? Для человека, незнакомого с историей жизни партии или желающего видеть в ней нечто совершенно аномальное, не имеющее своего зародыша в самой русской жизни, а принесенного извне, может показаться, что я мистифицирую, утверждая, будто бы «Народная Воля» по своему составу, своим целям и средствам то же самое, чем были раньше народники, и что она, таким образом, есть тот же самый организм, только окруженный новыми условиями. Такое недоразумение весьма возможно и понятно и происходит вследствие тех изменений, которые пришлось внести партии в свои приемы и способ организации; но еще в большей степени оно зависит от того бросающегося в глаза упорства, с которым, несмотря ни на что, продолжается террористическая деятельность. Если бы произошло несколько покушений, которые затем не повторялись бы больше, тогда, я уверен, всякий объяснил бы их тем особенным, временным душевным настроением отдельных единиц, которое возможно везде и всегда благодаря случайным обстоятельствам; никто не обвинил бы их в извращенности натуры, а тем более в проповеди убийства. Их назвали бы несчастными жертвами случая, а не преступными отрицателями всякого закона. Именно такого рода явления происходили на наших глазах почти во всех государствах Европы. Приведение же их в систему, как то случилось у нас, обыкновенно приписывается исключительно злой воле людей, совершивших их, и ничему больше, тогда как на самом деле подобное явление весьма понятно: стоит только окружить теми-же условиями не отдельные единицы, а тысячи людей, сделать эти условия постоянными, и вот получится целый, непрерывный ряд таких явлений. В объяснение к сказанному можно указать и у нас на покушение Каракозова. Он бесспорно принадлежал к движению, зародившемуся еще раньше его и продолжающемуся до сего времени, и тем не менее его поступок не нашел себе продолжателей в течение 16 лет, хотя за это время, без сомнения, было много людей, способных совершить его. Были те же люди, но были другие условия.

Насколько переход к политической борьбе был неизбежен для партии и не зависел от желания отдельных лиц, можно видеть и из следующего примера: при обсуждении программы «Народной Воли» от первоначального состава партии отделилась фракция «Черного Передела», которая желала остаться верной прежней программе, и, несмотря на упорство и настойчивость ее членов, с нею произошло то же, что со всеми народниками, т.-е. лучшие силы ее примкнули

к «Народной Воле», а остальные или выбыли из России или стали ренегатами. Та же непреложность в подчинении действий возможному обнаружилась и на пропагандистах 73—74 годов, которые стремились вызвать в народе бунты и восстания во имя своих идей и, несмотря на всю свою страстность, не нашли к себе ни одного отклика и принуждены были убедиться в бесплодности своих желаний. Так, под влиянием внешних условий, и партия народников, преобразуясь в фракцию «Народной Воли», изменила свой внешний вид и приемы борьбы, но по своему существу осталась тем же, и стремление продолжать террор, несмотря ни на что [1]), столь же чуждо этой фракции, как и первоначальной партии. Но не от ее желания зависит решение этого вопроса. Желать прекращения террора и привести это желание в исполнение может только правительство и никто больше.

В заключение этого очерка я позволю себе высказать свое мнение по этому поводу.

Не подлежит никакому сомнению, что прекращение террора есть только вопрос времени, ибо то внутреннее состояние общества, о котором я упомянул вначале, неопределенно долго длиться не может и должно найти себе выход. При этом я вижу только три случая: или путем мер, направленных против террора, в настоящее время будут обнаружены и заарестованы все лица, участвующие в движении, и немедленно затем правительство даст необходимые реформы, которые и произведут должное равновесие общественных сил, или, при неуспешности полицейских мер и при той заброшенности народа и общества и невнимании к его интересам и нуждам, которые естественно являются вследствие преимущественного сосредоточения забот правительства на борьбе с террором, недовольство в массах будет расти и обостряться и, наконец, выразится в явном нарушении порядка. Существующая еще революционная партия, конечно, постарается воспользоваться этим недовольством для увеличения своих сил и тем отложить еще свое поражение. Таким образом она может в сравнительно непродолжительное время стать во главе уже значительных сил и, пользуясь общим недовольством, вызвать, наконец, страну к революции. Третий и последний случай может быть тот, когда правительство, зная самую природу и условия появления террора, пожелает прекратить его не путем уничтожения лиц, в которых он проявляется, а самых причин его появления. Второй случай составляет сам по себе неизбежность, против которой воля человека бессильна, но первый и последний зависит всецело от выбора правительства. Не входя в подробную оценку того и другого, я решаюсь указать лишь на тот факт, что во всяком случае время, в которое могут быть обнаружены все лица, участвующие в движении, весьма неопределенно, и существуют все основания предположить, что контингент таких лиц будет постоянно пополняться, и потому первый способ представляет собою много случайностей.

[1]) Первоначально было: во что бы то ни стало.

Последний же может быть приведен в исполнение в каждую данную минуту и не заключает в себе ничего гадательного; он представляет еще и то преимущество, что не только не отвлекает правительство от его высших забот о благе всего народа и регулировании его жизни, но сам по себе составляет первый и неизбежный шаг к восстановлению должного влияния авторитета власти и спокойного развития страны.

Придавая такое преимущественное значение этому последнему средству, я позволю себе выразить его в более определенной, конкретной форме. Весь жизненный опыт мой приводит меня к тому заключению, что террор в том виде, в каком он существует у нас в России, есть результат чрезмерного несоответствия между накопившимися духовными и материальными силами народа, которые он может проявить в жизни, и теми внешними формами, которые задерживают не только их проявление, но и самую возможность стремления к тому. Поэтому не только во имя прекращения внутренних беспорядков, но и во имя дальнейшего развития и счастия народа эти формы должны быть изменены.

Первым словом должно быть слово прощения [1]), ибо это лучший способ забвения тяжелого прошлого. Я не касаюсь подробностей амнистии, но, думаю, было бы справедливо отнести ее как к лицам, причастным к политическим делам, так равно и пострадавшим за свободное исповедание религии. Затем, отмена всех тех постановлений, которые вызваны этим прошлым и которые при новых условиях являются напрасною тяжестью над всем обществом. Я разумею здесь как все временные положения, вызванные борьбой с революционной партией, так и все дополнения, которые с момента введения положения 19-го февраля служили не к расширению, а к ограничению вложенных в них начал первоначальными предначертаниями покойного государя императора, то-есть: 1) все ограничения свободы местного самоуправления насчет усиления административной власти, имевшего первоначальной своей целью постепенное политическое, экономическое и духовное развитие народных масс, посредством самостоятельной заботы о своих местных нуждах, земского представительства, свободы народной школы и местной литературы; 2) ограничения компетентности суда совести, свободы защиты и следствия и самостоятельности мировых судей, подрывающие собой авторитет суда и закона и проявление справедливости; 3) ограничение свободы прессы посредством подчинения ее предварительной цензуре и администрации и 4) ограничения самостоятельности высшей школы.

Но последние 19 лет обнаружили уже многие несовершенства и пробелы в системе управления и многие неотложные нужды народа, а потому недостаточно ограничиться этими отрицательными действиями; необходимо удовлетворить те из народившихся нужд, которые носят на себе более острый характер и для своего осуществления не требуют

[1]) Первоначально было: высочайшего милосердия.

время и медленной разработки. Необходимо издать ясно выраженное законодательство о политических преступлениях с строгим подчинением таковых общему суду, за исключением преступлений, направленных против личности государя, и совершенно изъять политические преступления из ведения администрации и тем оградить право и безопасность личности. Необходимо признание свободы вероисповеданий, отсутствие которой поселяет бесплодную вражду между миллионами людей; уничтожение паспортной системы, служащей только к обременению народных масс и вызывающей собою бесчисленные злоупотребления; окончательное уничтожение телесного наказания; прощение всех недоимок и совершенное сложение выкупных платежей, с пополнением государственного бюджета из источников, не падающих на народные массы. Эта мера послужит к успокоению наиболее сильно выражающегося недовольства масс. Затем — как дела, требующие продолжительной и серьезной работы в ближайшем будущем: пересмотр и реорганизация всей податной системы с целью поднятия народного благосостояния, пересмотр уставов фабричного и промышленного и вопроса о расширении местного самоуправления в смысле подготовления естественного перехода к народному представительству.

Вот те простые и возвышенные меры, которые, по моему мнению, при введении их единовременно и совокупно, прекратят все наиболее крупные, наболевшие страдания народа и общества, вызовут к жизни и плодотворной деятельности лучшие силы страны, усилят чувства любви к своей родине и доверие и преданность к ее государю и сделают совершенно невозможным проявление самоуправства и насилия, а при возможности дальнейшего развития будут вернейшим залогом внутренней и внешней силы и величия нашего отечества.

5 мая 1882 г. *Юрий Богданович.*

3. Устав Общества Освобождения [1]).

I.

§ 1. Общество Освобождения есть специальный отдел общей организации партии «Народной Воли».

§ 2. Цель его: а) материальная помощь (деньгами, платьем, доставлением мест и т. п.) всем лицам, подвергшимся гонению и пострадавшим за свободу мысли и совести, без различия партий, к которым они принадлежали, и религиозных учений.

б) Нравственная помощь тем же лицам посредством защиты и восстановления их прав путем словесной агитации в обществе, легальной и нелегальной прессы и воздействия на местную и центральную администрацию.

---

[1]) При воспроизведении «Устава» редакцией дописаны недописанные в копии слова и введены знаки препинания там, где они отсутствуют. *(Прим. ред.)*

в) Установление правильных и постоянных сношений [между] ссыльными и заключенными и

г) организация побегов и освобождения лиц заключенных.

II.

Состав Общества Освобождения.

§ 3. Общество Освобождения составляется из постоянных членов, испытуемых и случайных агентов.

§ 4. Постоянными членами могут быть только лица, вполне согласные с настоящим уставом и готовые безусловно подчиниться ему.

§ 5. Прием постоянных членов производится местным отделом и центром, при чем вступающий член должен иметь за себя поручительство двух постоянных членов.

§ 6. Для вступления членов нужно пробыть испытуемым агентом не менее полугода.

§ 7. Все члены пользуются одинаковыми и равными правами.

§ 8. Во всем, что касается общего дела, член подчиняется администрации отдела или центру, к которым принадлежит.

§ 9. Каждый член правообязан привлекать случайных агентов, о чем немедленно сообщает администрации, для привлечения же испытуемых агентов должно быть и согласие администрации.

§ 10. Члены обязаны безусловно хранить тайну организации.

§ 11. За все проступки против организации член подлежит суду товарищей.

§ 12. Если по суду член будет исключен из общества, то постановление об этом с подробной мотивировкой передать в Исполнительный Комитет.

§ 13. О выходе своем из общества или о переходе в другой отдел член обязан своевременно заявить администрации.

§ 14. При выходе члена из общества или исключении ему ставятся определенные обязательства, охраняющие целость организации и дальнейшее успешное ведение дела.

§ 15. Все имущество, переданное членом обществу, по выходе его, считается собственностью этого общества и ему не возвращается.

§ 16. Испытуемыми агентами могут быть лица, способные, по своим умственным и нравственным свойствам, стать постоянными членами, но еще недостаточно известные местному отделу.

§ 17. Испытуемые агенты могут быть посвящены во все дела местного отдела, но ни в каком случае не в общие дела организации.

§ 18. Не имея права голоса в общих делах, они не имеют и строгих обязательств, но местный отдел должен стремиться поставить их в полную от себя зависимость.

§ 19. По прошествии полугода испытуемые агенты могут быть приняты в постоянные члены.

§ 20. Случайными агентами называются лица, привлеченные для отдельных дел и предприятий членами на свой риск.

§ 21. Они не стоят ни в каких обязательных отношениях к организации, и за все их поступки ответствует член, привлекший их к делу.

§ 22. Кроме специального дела, к которому они привлечены, им не должно быть ничего известно об организации, как и вообще всем посторонним лицам.

III.

Организация Общества Освобождения.

§ 23. Все дела и учреждения Общества ведутся местными отделами и центром.

А. Местный отдел.

§ 24. Местный отдел составляется из всего наличного числа членов данной местности.

§ 25. Все дела местного отдела ведутся администрацией, состоящей из трех членов и двух к ним кандидатов, избираемых отделом без срока простым большинством голосов.

§ 26. Администрации отдела подлежат все дела местной организации, а именно:

а) Ведение и заведывание денежными средствами и всем имуществом (кассою, складами имущества, оружия и т. п.).

б) Устройство конспиративных квартир, складов, притонов.

в) Заведение связей, полезных для обеспечения побегов и сношений и для защиты гонимых от произвола местной администрации.

г) Хранение всех имеющихся в отделе сведений о проезжих и таежных дорогах, населенных местах и лицах, могущих быть полезными делу, о количестве и расположении местных войск, планы мест заключения, этапов и проч.

д) Составление подробных списков о всех ссыльных и заключенных с обозначением их биографий, средств к жизни и отношения их к революционному делу.

е) Распределение помощи между ссыльными и заключенными.

ж) Организация побегов в том случае, если на это требуется затрата, не превышающая сметной суммы на 500 руб. единовременно и 1.000 р. в год; в случаях более сложных должно быть спрошено согласие центра [1]).

---

[1]) *Примечание.* О лицах, желающих бежать, отдел и уполномоченные агенты заблаговременно извещают центр, при чем сообщают все имеющиеся о них сведения — имя и фамилию краткую характеристику и намерения бегущего.

В видах сохранения организации и пользы революционному делу им не должна оказываться помощь в побеге до получения ответа из центра

При самом побеге отделы и уполномоченные агенты предупреждают бегущих, что по прибытии их в Россию им будет оказана помощь только в течение одного месяца. За это время они должны или пристать к революционной организации или избрать себе род жизни. *(Прим. в оригинале.)*

з) Созывать отдел для приема новых членов и других экстренных надобностей.

§ 27. Все вопросы в администрации решаются простым большинством голосов.

§ 28. Распределение занятий между членами администрации делается самими ими по взаимному соглашению.

§ 29. Совещания администрации происходят еженедельно.

§ 30. Два раза в год администрация отдает подробный отчет в своей деятельности наличному числу членов отдела, при чем адреса, притоны и фамилии могут не сообщаться.

§ 31. Для сношений с администрацией между собою ими устанавливается особый шифр сношения с центром по §... [1]).

§ 32. Все имеющиеся сведения администрация передает в центр по мере их накопления.

§ 33 [2]). Два раза в год с 1 января и 1 августа администрация представляет подробный отчет в своей деятельности центру и подробную смету необходимых для нее затрат на текущее полугодие. В экстренных же случаях она сносится, не дожидаясь срока.

Б. Центр Общества Освобождения.

§ 34. Центр Общества Освобождения составляется не менее как из 5 (человек) членов и не более числа всех существующих отделов. Касса отдела составляется из сумм, отпускаемых центром.

§ 35. Каждый отдел имеет в центре одного своего представителя. Каждому отделу известен только свой представитель. Полный же состав центра составляет его тайну.

§ 36. Представитель должен быть утвержден центром.

§ 37. Если число отделов в Обществе менее пяти, или который-нибудь отдел не избрал представителя, утвержденнного центром, то состав центра пополняется Исполнительным Комитетом.

§ 38. Один из членов центра, сверх числа представителей, назначается Исполнительным Комитетом.

§ 39. Член центра может выйти из общества не иначе, как с согласия центра.

§ 40. Член, назначенный Исполнительным Комитетом, может быть всегда смещен или отозван самим Исполнительным Комитетом, но на его место должен быть немедленно назначен новый.

§ 41. Все дела и вопросы в центре решаются простым большинством голосов.

§ 42. Для ведения своих дел центр, кроме своих членов, может иметь неопределенное число запасных агентов, избираемых им самостоятельно.

---

[1]) § Сношения происходят через лиц, назначенных для этого администрацией из своей среды. Кроме этих лиц, отделом и уполномоченными агентами не должен быть извещен личный состав отделов. *(Прим. в оригинале.)*

[2]) Зачеркнуто: «Все имеющие». *(Прим. ред.)*

§ 43. Запасный агент должен удовлетворять всем требованиям, упомянутым в §§ 4—16, и стоит в таких же отношениях к центру, как исполнительный агент к отделу.

§ 44. Ведению центра подлежат:

а) Центральная касса.

б) Центральный архив.

в) Сношения с местными отделами и Исполнительным Комитетом.

г) Суд над своими членами, запасными и уполномоченными агентами.

Примечание. Суд над членом, назначенным ИК, подлежит самому ИК.

д) Ведение всех предприятий, учреждений и связей, обеспечивающих целость всей организации и успешность в достижении общих задач ее.

§ 45. Центральная касса составляется из имущества, внесенного всеми членами Общества, добровольных сборов среди лиц, сочувствующих его задачам, и временных, случайных взносов членов и посторонних лиц.

§ 46. Два раза в год, по получении отчетов из отделов, центр составляет смету на все необходимые затраты Общества, распределяет денежные расходы и сметы на текущие расходы, представляет их в Исполнительный Комитет.

§ 47. Раз в год центр составляет подробный отчет о деятельности всего Общества, один экземпляр которого передает в ИК, другой с нарочно посланным агентом рассылает всем местным отделам и уполномоченным агентам.

§ 48. В центральном архиве хранятся все сведения, полученные центром из отделов.

§ 49. Для сношения с отделами центр устанавливает общий всему Обществу шифр.

§ 50. Центр заботится об увеличении денежных средств Общества, о целости всей организации, о привлечении лиц, могущих так или иначе быть полезными Обществу (литературным содействием, влиянием на центр. адм. и т. п.).

§ 51. Все дела Общества центр ведет совершенно самостоятельно.

§ 52. Если центр пошлет от себя по специальному делу своего агента, то администрации отделов и уполномоченные агенты оказывают ему доверие, как вообще постоянному члену, для полного же доверия необходима рекомендация Исполнительного Комитета.

Уполномоченные агенты.

§ 53. В местах, где за малочисленностью не может быть образован местный отдел, центр ведет дело через уполномоченных агентов, которых или избирает на месте или нарочно назначает из числа запасных агентов.

§ 54. Правообязанности уполномоченного агента те же, что и местного отдела с ограничением в следующем:

Они не имеют права:

а) Принимать новых членов и испытуемых агентов.
б) Начинать самостоятельно дело освобождения и
в) Расходовать выше сметной суммы.

Во всех означенных делах должно быть испрошено согласие центра.

Примечание. Если желающий бежать имеет свои средства, то уполномоченный агент может оказать ему содействие в побеге, не спрашивая согласия центра при условии не подвергать риску как себя, так и других лиц, которые окажут бегущему дальнейшую помощь.

§ 55. Уполномоченный агент не может выйти из Общества или перейти в другой отдел прежде, чем сдаст свои дела заменившему его место.

Члены Общества, притоны, шифры, имеющиеся связи и самая организация Общества составляют тайну его, и обнаружение ее перед посторонними есть преступление против организации.

III.

I. Из показания С. С. Златопольского 4 мая 1882 г.

Зовут меня Савелий Соломонович Златопольский. Признав свою принадлежность к партии «Народной Воли», я, в дополнение к предъидущему показанию своему, излагаю в нижеследующих строках задачи партии, как они представляются мне.

Партия «Народной Воли» по существу своему не есть фракция русской социально-революционной партии, как это принято было понимать до последнего времени; она сама по себе включает строго определенные задачи, обнимающие собою интересы народа и его благо. Будучи по основным своим воззрениям социалистическою, в научном смысле этого слова, партия «Народной Воли» признает основным своим догматом — необходимость ввести народное представительство в русскую государственную жизнь и сделать народную волю ее верховным принципом. Поскольку современное государство враждебно этому принципу — постолько партия «Народной Воли» революционна. В общей терминологии принято задачи партии «Народной Воли» определять — «политическим переворотом»; этот термин указывает лишь на господствующее убеждение в рядах социалистов, что правительство отрицает необходимость такого status quo, которое признает партия. Таким образом вопрос о совместимости народоправления с монархией, с принципиальной его стороны, решается в положительном смысле, подтверждением чему служит письмо императору от 10 марта.

Конкретно — ближайшие задачи партии будут осуществлены, когда созван будет Земский Собор, с задачами высшей решающей инстанции, без всяких косвенных посредников между ним и особою

монарха. Что же касается средств, которыми располагает партия, то они, с точки зрения закона, все «преступны»: 1) критика существующего порядка, вернее — политического строя, 2) пропаганда идеи политического переворота, в том его смысле, в каком я выше пояснил, и 3) организация сознательных сторонников партии в такую силу, которая в глазах правительства приобрела бы значение и вес. Террора же, как средства борьбы п а р т и й н о г о, признаваемого всеми членами партии «Народной Воли», — нет. Не все народовольцы — террористы и, в свою очередь, не все террористы — народовольцы. Иначе говоря, террор не есть система, которую практиковала до сих пор партия, а в каждом отдельном случае проявление террора обусловливается сочетанием ч е л о в е к а и п о л и т и к и п р а в и т е л ь с т в а. Ясно, что и цареубийства, как системы, в партии также нет, как нет вообще и каких бы то ни было предрешенных политических убийств, демонстраций и пр. Никогда партия, в ее целом, не решает вопросов, каждый замысел, каждое революционное предприятие возникает по инициативе ограниченной группы людей и остается тайной для партии до проявления того [или иного?] замысла или предприятия. Партия включает в себе понятие об единстве миросозерцания по общим вопросам, и в этом смысле каждый признавший 1, 2 и 3 пункты программы действия является фактическим членом партии; организация же «Народной Воли» есть часть партии, и в ней нужно подразумевать и подмечать единство действий; по условиям своей деятельности, деятельности пропагандиста, я стоял слишком далеко от организации «Народной Воли» и о ней никаких новых сведений дать не могу, кроме того, что случаи, подобные Меркулову, возбудили в партии оживленные стремления и энергичные усилия отрешиться от тех организационных ошибок, которые ведут за собою несвоевременную гибель десятков деятелей.

2. Показание С. С. Златопольского 23 сентября 1882 г.

Зовут меня Савелий Златопольский. Со времени выхода моего из Технологического института в 1875 году — я проживал в г. Николаеве, занимаясь уроками и отчасти литературным трудом. Сочувствуя революционному движению, выразителем которого был журнал «Вперед», сочувствуя ему по общей его тенденции — призыв интеллигенции на помощь народу, — я в то же время находил, что теоретическая сторона учения страдает уклонением в чересчур отдаленное будущее, вопросы которого, главным образом, разрабатывал журнал. Это обстоятельство, в связи с сознанием необходимости личного серьезного развития и знакомства с современной русской жизнью во всех ее проявлениях, побудили меня в бытность мою в Николаеве замкнуться и жить отшельником. Совершенно случайно, по литературным отношениям своим к «Николаевскому Вестнику», я столкнулся в 1876 году с корректором его И в а н о м К о в а л ь с к и м (казненным в Одессе

в 1878 году). Это было первое мое основательное знакомство с практическим деятелем. Ковальский также оказался человеком, не разделявшим тенденций лавризма и упрекавшим его теорию в шаткой постановке, вследствие кабинетности ее, разобщения с русской народной жизнью. В этом смысле Ковальский нашел во мне единомышленника, так как на «хождение в народ» я смотрел, с одной стороны, как на очистительную жертву за грехи отцов, а с другой — как на депутацию от интеллигенции к народу, представлявшим [1]) своего рода «terra incognita». Практическая деятельность Ковальского выражалась исключительно в изучении штундизма, как самостоятельного духовно-нравственного движения в малорусском народе, в отыскании причин возникновения и крайне быстрого распространения этого учения. К этой деятельности примкнул и я после некоторой подготовки в этом направлении. В конце 1876 года Ковальский уехал в Одессу, избегая, как он выразился, «ежемесячных позорных осмотров до-гола в полиции», а в начале 1877 года я уехал на некоторое время в Одессу, а затем в Калужскую губернию для изучения однородного штундизму учения так наз. «воздвиганцев» в среде великорусского населения. В конце того же года приехал в Петербург для свидания с своим братом и столкнулся у него с Софьей Перовской, а потом независимо уже и с некоторыми другими подсудимыми процесса 193. Процесс тем более имел глубокий интерес для меня, что большинство подсудимых было арестовано, как в бытность свою в народе, так и при деятельности сообразно программе журнала «Вперед». Определенного вывода [2]) о переломе во взглядах трудно было сделать, но ясно было, что все слабые стороны лавризма оценены по достоинству и что в нарождавшемся направлении исходной точкой программы будет русская жизнь, во всем ее отличии от жизни западно-европейской. Первую половину 1878 года я провел в занятиях в Публичной библиотеке и уехал в Одессу ко времени суда над Ковальским, где и проживал легально, не скрываясь, до повальных административных ссылок, введенных ген.-губ. Тотлебеном. Возникшая в этот период газета «Земля и Воля», хотя и больше, чем «Вперед», соответствовала моим взглядам, но по своей отчужденности от вопросов чисто политического характера и по преобладанию в ней элементов чисто социалистических не привела к сближению с существовавшими в то время в Одессе кружками «землевольцев». Разногласие коренилось, главным образом, в оценке той роли, которую играет государство в сознании и жизни народа, и тех общих задач, которые партия ставит на очередь. Руководящим взглядом моим было признание за социализмом значения вероисповедания партии и отвести ему соответственное место [3]); ближайшая задача — существующий строй политической жизни видоизменить настолько, чтобы народ получил возможность участвовать в решении вопросов обще-русской

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Так в подлиннике.

жизни, т.-е. формулировал я: революционная партия не упраздняет ни государства, ни религии, ни собственности, ни семьи, а, исходя из существующего политического и общественного строя, должна все силы направить к введению в России представительных народных учреждений.

Мои воззрения вышеизложенные ставили меня в положение, изолированное от всей «землевольческой» одесской публики, и отсюда же проистекает целый ряд знакомств, имевших задачей выяснить и отстоять эту точку зрения. Так, в конце 1878 года я познакомился с Михаилом Грачевским, а потом и с Андреем Желябовым; были беседы, не приведшие, впрочем, к соглашению по основным вопросам программы; знакомство это было непродолжительно, так как Грачевский был сослан, а Желябов скрылся. Деятельность моя в Одессе за все время пребывания посвящена была пропаганде идеи политического переворота в том его смысле, как я выше упомянул. Вплоть до июля 1879 года я не приобрел никаких новых знакомств с лицами уже осужденными, — и, кажется в июле, я познакомился с Николаем Колодкевичем и через него я впервые имел возможность ознакомиться с характером тех взглядов, которые были преобладающими в С.-Петербурге; он же сообщил мне, что новое направление имеет выразиться в органе «Народная Воля», программу которого он изложил на словах и в общих чертах. Частые разъезды его мешали более близкому знакомству с программой. С получением лишь 1-го № «Народной Воли» и с поселением Колодкевича на жительство в Одессе, знакомство с ним и его взглядами приняло более деятельный характер. Солидарность во взглядах лично с Колодкевичем оказалась полная, хотя полученная впоследствии программа Исп[олнительного] Ком[итета] несколько нарушила эту солидарность в виду отсутствия прямого заявления о политическом перевороте, как задаче, не сопряженной непосредственно с насильственным осуществлением социалистических идеалов; посещая квартиру Колодкевича, я встречал разных лиц, разновременно, при чем ни фамилии их, ни деятельность их мне неизвестны. К этому же периоду относится знакомство с Колодкевичем Герасима Романенко чрез мое посредство; знакомство это состоялось в виду заявленного со стороны Романенко желания поговорить с «иноземцем», разделяющим необходимость представительных учреждений в России. В августе месяце 1879 года приехал в Одессу Гольденберг, с которым я был знаком еще в Петербурге в 1874 г.; на бульваре меня свел с ним Колодкевич, и встреча эта ограничилась самым обыкновенным разговором. По каким делам приехал Гольденберг, я не знаю и больше его не видел за этот приезд. В начале ноября он опять приехал в Одессу — прямо на квартиру Колодкевича, о чем я узнал на другое утро при свидании с Колодкевичем, заявившим мне, чтобы я принес данные им чрез меня на хранение 500 рублей; явившись на квартиру, я не застал Колодкевича, а одного только Гольденберга, а затем пришел и Романенко, в присутствии

которого завязался разговор обыкновенного революционного содержания, при чем продолжался до прихода Колодкевича, которому я и вручил деньги. (Романенко был с Колодкевичем познакомлен мною незадолго до приезда Гольденберга.) Больше я не виделся с Гольденбергом в присутствии Романенко, а в отсутствии последнего я видел его в ресторане «Славянской гостиницы», вместе с Колодкевичем, куда последний приходил обыкновенно ужинать. Таким образом, встреча с Гольденбергом в ноябре месяце ничем по характеру своему не отличалась от встречи в августе месяце, и показание Гольденберга относительно бывшего у него со мною и Романенко разговора о приготовлениях к покушению в Москве является с его стороны ложным оговором, вызванным, вероятно, неприязненным его ко мне отношением.

Савелий Златопольский.

Из записной книжки архивиста.

Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 г.г.

(Письмо бар. Лессепса Таллейрану.)

Верхи русского общества привлекали внимание иностранцев, посещавших малознакомую и во многом диковинную северную монархию, издавна: еще со времен Московского государства исследователь встречает среди исторических материалов ряд характеристик, часто очень резких и метких, правящих кругов России. Одной из таких является и предлагаемое письмо на имя знаменитого Таллейрана [1]).

В России знали об этом письме, несмотря на то, что оно, очевидно, предназначалось не для широкого распространения: еще в 1805 г. некий эмигрант и тайный агент Бурбонов, шевалье д'Антрэг, писал князю Адаму Чарторыйскому, что он перехватил письмо, и сообщал князю некоторые из него частности [2]); в 1830—31 г.г. князь Василий Викторович Кочубей [3]), сын известного сотрудника Александра I кн. Викт. П. Кочубея, затронутого также в письме, будучи с дипломатическим поручением в Дрездене, снял в дрезденских архивах с письма копию. Наконец, исследователь времени Александра I, Н. К. Шильдер, указал на существование в Госуд. Архиве — очевидно копии — письма, привел из него характеристику Г. Р. Державина, но не использовал его совершенно в своем труде. Последнее замалчивание объясняется, конечно, тоном сообщений письма, дающих очень безотрадную картину стоявших у власти лиц в первые годы царствования Александра I, сообщений, может быть, в известной степени и субъективных, но, во всяком случае, — ярких и образных.

Автор письма устанавливается упомянутым выше письмом шевалье д'Антрэга: это был барон де Лессепс [1]), торговый агент французского правительства в С.-Петербурге; датировка письма — конец 1802 г., начало 1803 г. (очевидно, вскоре после ухода с поста морского министра гр. Н. С. Мордвинова и до отставки министра юстиции Г. Р. Державина). — Для живого, энергичного и деятельного француза много было удивительного в совершенно чуждой для него, пышной, полуазиатской среде, а определенное англофильство некоторых из сановников наложило на его характеристики их безусловный отпечаток пристрастности. Однако, даже принимая во внимание последнее обстоятельство,

---

[1]) Де Таллейран-Перигор, Шарль-Морис, виконт, князь Беневентский, герц. Дино, р. 1754 г. ум. 1838 г. При Наполеоне, после 18 брюмера, — министр иностр. дел.

[2]) В. кн. Николай Михайлович, «Граф П. А. Строганов (1774—1817)», т. I, СПБ. 1903, стр. 113.

[3]) Кочубей, Вас. Викт., кн., р. 1812 г., ум. 1850 г., известный коллекционер-нумизмат, потом попечитель Петербургского учебного округа.

[1]) Де Лессепс, Жан-Батист-Бартелеми, бар., госуд. деятель и путешеств., р. 1766 г., ум. 1834 г., назначен 8 марта 1802 г. главным коммерч. агентом в СПБ (Commissaire général des relations commerciales).

все же в послании Лессепса остается для читателя богатый, крепко выжатый экстракт из всего, что по крохам разбросано в других показаниях современников. К сожалению, язык донесения излишне цветист и вычурен — автор явно склонен к антитезам и другим риторическим приемам и далеко не прочь щегольнуть витиеватым выражением, иногда в ущерб смыслу.

Донесение Лессепса дошло до Наполеона — д'Антрэг, видевший подлинник письма, уверяет кн. Ад. Чарторыйского, что на нем была помета секретаря Бонапарта Буреенна: «M-r de Talleyrand temoigne à Lesseps ma satisfaction de cette lettre et l'assurera de ma bienveillance et de ma confiance. Signé: Bonaparte» [1]). Повидимому, и в России придавали ему значение: недаром юноша Кочубей, очевидно по приказу отца, разыскал и списал его в архиве... Нелишней поэтому будет, думается, и настоящая его публикация.

Донесение Лессепса издается в переводе с копии, сделанной кн. Вас. Викт. Кочубеем и хранящейся в фамильном архиве Всеволожских (Ленинградский Центр. Ист. Архив, Архивохранилище Народного Хозяйства, Быта, Культуры и Права, IV экономический отдел); копия на 4 листах почтовой бумаги крупного формата, сшитых тетрадкой, с пометой на обложке: «Lettre à M-r de Talleyrand, tirée des archives de Dresde». Бумажный водяной знак — «1814».

П. Садиков.

Гражданин министр!

Представляю вам мои наблюдения и характеристики лиц, с которыми мне приходится жить и работать. Представляю их вам скорее как объект для забавы, чем для работы и размышлений. Двор, кабинет и министры в Петербурге — все люди известные, имеющие вес, и горе тому, кто в течение двухнедельного пребывания среди них не оценит их по их настоящей стоимости. Для наблюдателя, действенного уже в силу своего долга, в силу самого положения своего преданного общественному благу, страстно его желающего, ничто, конечно, не представляется столь странным, как проявляемая повсюду и каждым значительным лицом медлительность и фразы, лишенные содержания и выводов. Я принимал в начале за меры осторожности то, что оказалось лишь безрассудством и бездарностью. Я ошибочно полагал, что имею дело с прекрасно продуманными планами и самыми мудрыми проектами; на самом же деле во всем этом скрывался лишь тупой эгоизм и в конце концов равнодушие. Император в такой же мере тяготится своим положением, в какой министры тяготятся своими обязанностями, внушающими им отвращение. Первый царствует так же как булочник печет свой хлеб: он делает это, как бы отбывая барщину. Министры ненавидят друг друга, враждуют между собой, друг друга презирают. Слишком ограниченные, слишком ничтожные сами по себе, нимало не способные руководить государем, который им не доверяет, они не могут друг друга опрокинуть, но взаимно друг другу вредят; ни один из них не пользуется уважением императора и все имеют одинаковое влияние. Они возвышаются, терпят поражение, пытаются противодействовать, в свою очередь терпят противодействие и ни о чем не говорят так охотно, как о своих отставках. Таковы они в целом; посмотрите теперь каждого в отдельности.

Воронцов [1]), глава министров, является тем лицом, относительно которого делают вид, что с ним более всего советуются и которого в сущности слушают менее всего. Он превосходно отвечает тому представлению, которое вы мне [о нем] дали, но в настоящее время вся его энергия, ослабленная возрастом и болезнями, выражается только в непомерном личном честолюбии, тем более низком, что оно обращено только на его соб-

*) (Г-н де Таллейран засвидетельствует Лессепсу мое удовольствие по поводу этого письма и удостоверит его в моей благосклонности и моем доверии. Подписал: Бонапарт.)

ственные выгоды и на преуспеяние своих близких. Два племянника, Татищев [2]) и Бутурлин [3]), обремененные долгами и преступлениями, являются его интимнейшими клевретами: оба они — низкие царедворцы, бесчестные шпионы, — доносят ему по вечерам обо всем, что им представляется способным его позабавить, запугать и, главное, удержать его на месте. Он проявляет очень большое желание возвратиться к своему мирному существованию, но никто не подходит на его место и он уже слишком слаб, чтобы стряхнуть иго своих пошлых льстецов, которые только и держатся благодаря своему дядюшке. Последний отнюдь не преследует интересов общественного блага и, кажется, пока Воронцов будет иметь власть, — петербургский кабинет будет в руках того, кто больше предложит. Столь же жадный до прибыли, сколь беззаботный в остальном, он не имеет иных расчетов, кроме расчетов собственной выгоды. Он — фальшив по натуре, вероломен из принципа, спокоен из расчета, плохой гражданин, плохой друг, отвратительный министр, внушающий страх и презрение, недоступный и пресмыкающийся, надменный и раболепный, сообразно обстоятельствам и людям, в настоящий же момент разбитый параличом, что ставит его более чем когда-либо в зависимость от его племянников.

К о ч у б е й [4]) обладает известными достоинствами, достаточными для того, чтобы в качестве придворного играть роль при дворе в Мадриде, Лиссабоне или Дрездене, но у него нет и признака тех способностей, которых требует значительность его положения; он не плут, хотя малороссы редко бывают лишены этого порока, он, как и император, очень хотел бы блага, но у него нет и намека на понимание своей должности и своих обязанностей. Он полагается на своих канцеляристов, у которых привычка и навык к канцелярской работе заменяют способности [5]). Все предоставлено на разграбление, все в империи продажно и [человек] достойный, но слабый постоянно бывает жертвой богача-интригана.

Д е р ж а в и н [6]) — министр юстиции или генерал-прокурор. не знает иного языка, кроме своего, — говорят, хороший поэт, но министр-поэт никогда не будет ни Сюлли [7]), ни Шапталем [8]); он и не похож на них. Это пес Фемиды, которого берегут, чтобы спустить против первого встречного, не понравившегося министерской шайке; но он мало выдрессирован и часто кусает даже своих товарищей, которые многое дали бы, чтобы его погубить.

Министр просвещения [9]) сам погружен во мрак XV века, педант и софист, царедворец и философ, игрок и рогоносец, имеющий самодовольный вид и ничтожные способности; он более других стремится налагать на все свое veto, в действительности же он имеет наименьшее значение. Он также только обременяет свою отрасль управления, которую считают мало существенной, так как она наименее прибыльна.

Г р. Р у м я н ц е в [10]) — министр торговли — был когда-то во Франкфурте и около правящих кругов; этим, конечно, исчерпываются все его способности; руководимый хорошим секретарем, он мог бы там оставаться без ущерба для своего государства; занимаемое же им ныне положение не только, конечно, превышает его способности, но никогда у него не было даже и самого отдаленного понятия о торговле. Находясь с ним часто в сношениях, я никогда не уходил от него без чувства крайнего недоумения, вызываемого каждый раз тысячью новых проявлений пошлости и доказательств его бесконечной глупости; он говорит много, но это — болтовня старой вандейской дворянки [11]). Сказанное им невозможно ни повторить, ни удержать. Однако вот такое смешное и ограниченное творение находится во главе торговли, сухопутных и водных путей сообщений.

Министр финансов В а с и л ь е в [12]) — существо одинокое и вышедшее из канцелярии прежнего министра финансов князя Вяземского [13]). Он обделывает значительно лучше свои дела, чем государственные; я никогда не говорил с ним иначе, как через переводчика, и был гораздо более дово-

лен его манерой рассуждать, чем его образом действий.

Военный министр Вязмитинов [14]) — ничтожество. По основным законам [15]) сам император является военным министром и ведает этой отраслью управления; она во всем так же плоха, как и остальное. Его брат [16]) разделяет с ним, эту важную обязанность и они находят, что покрой какого-нибудь платья, поля шляпы и изящество какого-нибудь экзерсиса на параде составляют всю тактику. Нет старого офицера, который бы не боялся войны; нет ни одного молодого военного фаворита, который бы ее не желал. Первый с грустью наблюдает наступившие вдруг перемены; вторые — этим восхищены.

Скоро, быть может, увидят разницу, и тогда решится, является ли она на пользу страны или врага [17]).

Министр морской, Мордвинов [18]), уволен, так как его место было необходимо, и оба Воронцовы [19]) стремились изо всех сил доставить его одному молодому контр-адмиралу по имени Чичагову [20]), англичанину по духу, англичанину по связям и обязанному англичанам; как и Воронцовы — изворотливому интригану, умному, но целиком презираемому своими сотоварищами-моряками, теперь его подчиненными.

Товарищи министров — надежда е. в. Он [21]) очень хочет видеть их на месте стариков, которых он презирает, так как знает их, но он не отдает себе отчета в том, что молодых он ценит именно потому, что не знает их.

Строгонов [22]) — управляющий внутренними делами вместе с Кочубеем, — имеет ум, достоинства и, может быть, это один из лучших. Он обожает первого консула [23]) и в своем энтузиазме говорил сто раз, что он предпочел бы лучше быть простым адъютантом Бонапарта, чем первым министром Александра.

Чарторыйский [24]) — поляк. Его рождение и обстоятельства несомненно возвели бы его фамилию, без императрицы Екатерины, на трон Польши. Он этого не забыл и всегда будет это помнить, питая вечную злобу к русским, которых он проклинает, к императору, которого он обманывает, и к министрам, которых он презирает, но он всегда остается сам собою — и в том, чем он будет, и в том, что он сделает...

Остальные не заслуживают чести быть названными: интриганы или, скорее, люди без идей, без желаний, без ума, без каких-либо талантов, кроме одного: способности пресмыкаться и сохранять за собой место. Таковы суть: Гурьев [25]), Голицын [26]), Бутурлин и т. п.

Примечания.

1. Воронцов, Александр Романович, гр., р. 1741 г., ум. 1805 г., сначала в военной службе, с 1761 г. — поверенный в Вене, затем в Англии; при Екатерине II — сенатор и президент коммерц-коллегии, но находился вдали от двора; при Павле I — в отставке; в 1802 г. — государственный канцлер и министр иностранных дел. Воронцов был сторонником союза с Австрией и Англией против Наполеона, способствуя разрыву с Францией. Александр I относился к гр. А. Р. Воронцову неприязненно (см. в. кн. Николай Михайлович, «Гр. П. А. Строганов», т. I, СПБ. 1903).

2. Татищев, Дмитрий Павлович, р. 1767 г., ум. 1845 г., двоюродн. племянник гр. А. Р. Воронцова, д. т. сов., обер-камергер, член Гос. Сов., сенатор, крупный дипломат, участник почти всех конгрессов.

3. Бутурлин, Дмитрий Петрович, гр. р. 1763 г., ум. 1829 г., родной племянник гр. А. Р. Воронцова, известный коллекционер рукописей и владелец библиотеки, сгоревшей в 1812 г.

4. Кочубей, Виктор Павлович, гр. (с 4/IV 1799), с 1831 г. — князь, р. 1768 г., ум. 1834 г., видный госуд. деятель, дипломат, посол в Константинополе (1793—98 гг.), вице-канцлер, друг Александра I, член «Негласного комитета», в 1801—1802 г. — президент коллегии иностр. дел, в 1802 г. — 1807 г. — министр внутренних дел. Его помощником был гр. П. А. Строганов. В 1792 г. В. П. Кочубей предполагал, действительно, поехать в Лиссабон и Мадрид; в 1800—1801 гг. — он проживал в Дрездене.

О кн. В. П. Кочубее см. биографию его, написанную проф. Н. Д. Чечулиным в «Русском биограф. словаре».

5. «Канцеляристы» у кн. Кочубея были выдающиеся — гр. М. М. Сперанский, Балт. Кампенгаузен (известн. своими трудами на немец. яз. о России) и Габлиц, Карл Ив., участник экспедиции акад. Гмелина и также автор ряда научных трудов.

6. Державин, Гавриил Романович, р. 1743 г., ум. 1816 г., известный поэт, сенатор, министр юстиции в 1802—1803 гг.; его заносчивость и резкие приемы на этому посту, а также консерватизм в вопросе о законе о «вольных хлебопашцах» поссорили его с «Негласным комитетом» Александра I и принесли ему отставку.

7. Сюлли, герцог (Максимилиан де Бетюнь, герц. де Сюлли), р. 1559 г., ум. 1641 г., знаменитый французский госуд. деятель, министр и помощник короля Генриха IV.

8. Шапталь, Жан-Антуан, граф де Шантелу, р. 1756 г., ум. 1832 г., известный французский химик; был с 1800 г. мин. вн. дел при Наполеоне I.

9. Завадовский, Петр Васильевич, гр., р. 1739 г., ум. 1812 г., бывший фаворит имп. Екатерины II (об его переписке с ней см.: Я. Л. Барсков, «Письма Екат. II к П. В. Завадовскому», «Русск. Ист. Журн.», кн. 5), при Павле I — в опале; мин. нар. просв. 1802 — 1810 гг., открывший ряд учебных заведений (университеты в Харькове, Казани, Дерпте, Педагогический институт в С.-Петербурге); при нем выработаны новые уставы для университетов, Академии Наук, духовн. академий и цензурный устав (1804). Ленивый и любитель вина, Завадовский вызывал отрицательное к себе отношение Александра I, называвшего его «un vrai mouton» («сущая овца») и ничтожеством. (Н. К. Шильдер, «Имп. Александр», т. II, СПБ, 1897, стр. 96).

10. Румянцев, Николай Петрович, гр., р. 1754 г., ум. 1826 г., канцлер (1809 — 1814 гг.), мин. коммерции (1802 — 1814 гг.), мин. ин. дел (1808 — 1814 гг.). Ранее своего министерства Румянцев был с 1781 г. полномочным мин. (послом) при курфюрстском округе Нижнего Рейна и при многих других владетельных князьях ближайших округов Германии (с пребыванием во Франкфурте) до 1795 г., играя довольно большую роль в германских делах и одно время состоя послом при «регенте Франции» гр. Прованском (эмигранте, брате Людовика XVI). — Современники (Н. И. Греч, кн. А. А. Прозоровский, Н. Н. Новосильцов, Бунина) очень резко отзывались о Румянцеве, считая его неспособным, говоруном, глупцом, безумцем и т. п. (см. П. Майков, «Румянцев, Н. П., гр.» — «Русский биограф. словарь»).

11. В подлиннике: «...c'est une langue d'une vieille marquise du Marais». Le Marais — местность в Вандее, французской провинции, известной своим реакционным дворянством.

12. Васильев, Алексей Иванович, гр., р. 1742 г., ум. 1807 г., обер-секретарь Сената, участник Комиссии уложения при Екатерине II; при Павле I — директор медицинской коллегии, сенатор и государственный казначей, затем в опале; при Александре I Васильеву возвращена должность госуд. казначея, а с учреждением министерств — он назначен мин. финансов.

13. Вяземский, Александр Алексеевич, кн., р. 1727 г., ум. 1793 г., генерал-прокурор, несший обязанности и государственного казначея. Его правою рукою в финансовых вопросах и близким по родству человеком был А. И. Васильев. Кн. Вяземского документ ошибочно называет «министром финансов».

14. Вязмитинов, Сергей Кузьмич, гр., р. 1744, ум. 1819 г.; начав с военной службы, он затем был могилевским губ.; по усмирении уфимских киргизов — губернатор оренбургский; при Павле I — Вязмитинов был в опале; в 1802 г. назначен военным министром, с 1805 г. также и петербургский главнокомандующий по охране спокойствия в столице; в 1812—1819 гг. — мин. полиции.

15. В подлиннике — «par la constitution».

16. Константин Павлович, вел. кн., цесаревич, р. 1779 г., ум. 1831 г., с 1801 г. — председатель «воинской комиссии».

17. О военщине при Александре I см., напр., в записках А. С. Шишкова, т. I., стр. 84—85; также: А. Е. Пресняков, «Александр I», П. 1924, стр. 33—34.

18. Мордвинов, Николай Семенович, гр., р. 1754 г., ум. 1845 г., адмирал, известный экономист и государственный деятель. Морским министром был всего три месяца (с 8 IX 1802). Его помощником был к.-адм. П. В. Чичагов (О Н. С. Мордвинове см.: акад. В. С. Иконников, «Граф Н. С. Мордвинов», СПБ, 1873 г.).

19. Канцлер гр. Ал. Ром. Воронцов и его брат, посол в Англии, гр. Семен Романович (р. 1744 г., ум. 1832 г.).

20. Чичагов, Павел Васильевич, контр-адмирал, р. 1765 г., ум. 1849 г., бывший товарищ гр. Н. С. Мордвинова, заменил его в мин. 31/XII 1802. Он, действительно, был англоманом и был встречен резким антагонизмом со стороны командного состава флота; современники отзываются о нем с большою неприязнью (В. С. Иконников, op. cit., стр. 66—69 и Н. К. Шильдер, «Император Александр I,» т. II, СПБ, 1897, стр. 114—115).

21. Очевидно — Александр I.

22. Строганов, Павел Александрович, гр., р. 1774 г., ум. 1817 г., близкий друг имп. Александра I, член «Негласного комитета», тов. мин. внутр. дел с 1802 г. Энтузиаст-мечтатель, он был в юности членом Якобинского клуба в Париже (о нем см.: вел. кн. Николай Михайлович «Граф П. А. Строганов», тт. I—III, СПБ, 1903 г.).

23. Наполеон Бонапарт — «Первый консул Французской республики» — 1799—1804 гг.

24. Чарторыйский, Адам, князь, р. 1770 г., ум. 1861 г., друг Александра I, член «Негласного комитета», тов. мин. ин. дел (1802 — 1804), затем, с уходом гр. А. Р. Воронцова, — мин. ин. дел, автор известных «Мемуаров». Его характеристику см. в указ. сочинениях Н. К. Шильдера и в. кн. Николая Михайловича. В 1807 г. Чарторыйский отошел от участия в госуд. управлении, в 1830 г. примкнул к восставшим полякам и эмигрировал.

25. Гурьев, Дмитрий Александрович, гр., р. 1751 г., ум. 1825 г., служил в Сенате, затем тов. мин. финансов (1802—1810 г.), с 1806 по 1810 г.— мин. уделов, с 1810 г.— мин. финансов.

26. Голицын, — вероятно — кн. Александр Николаевич, р. 1773 г., ум. 1844 г., близкий друг Александра I.

Петиция литераторов Николаю II в 1895 г.

20 октября 1894 г. закончилась 18-летнее царствование Александра III, исполненное самой мрачной реакции и усиленных репрессий. К этому времени сознание необходимости коренного изменения нашего политического и административного строя созрело в прогрессивной части общества. Казалось, что со вступлением на престол нового императора должна была воцариться и долгожданная «весна». Хотя ни малейших шагов к смягчению реакционного направления сделано не было, хотя все орудия бюрократического и полицейского гнета продолжали существовать попрежнему, тем не менее среди литературного и ученого мира появились неясные надежды и упования. Находя совершившуюся перемену царствования наиболее благоприятным моментом для выступления, представители ученых и литературных кругов обратились 8 января 1895 г. к императору Николаю II с петицией, в которой ходатайствовали о «принятии русской литературы под сень закона... дабы русское печатное слово, подчиненное лишь закону, огражденное от непосредственного воздействия светской и духовной цензуры, могло послужить славе, величию и благоденствию России». К петиции была приложена особая записка, где в ярких красках изображалось бесправное положение печати и приводилась критика действующих о ней законополо-

жений, с указанием целого ряда злоупотреблений, совершавшихся под прикрытием закона. Вместе с этим записка намечала ряд желательных улучшений в законах о печати, т.-е. отмену предварительной цензуры, стеснительных циркуляров и всякого рода административных воздействий и кар, концессионной системы выпуска в свет повременных изданий и установления ответственности виновных за преступления путем печати исключительно по суду; в заключение авторы записки указывали, что «с осуществлением этих улучшений умственная жизнь России войдет в правильные, устойчивые нормы, а созданная почином Петра Великого печать, верная заветам гениальнейших представителей русской литературы, получит возможность оберечь себя от порчи, которая начала вкрадываться в нее в последние годы под действием постановлений, заимствованных из наполеоновской Франции и извративших французскую журналистику в такой мере, что в настоящее время потребовались особые усилия для очищения ее от дурной накипи. Законность и правосудие избавят русских писателей от ярма, налагаемого на печать промышленною предприимчивостью и угодничеством перед низменными вкусами. Освобожденное от излишних стеснений слово будет неизменно сеять «разумное, доброе, вечное» [1]).

История подачи петиции и ее текст приведены в статье Пантелеева «Либеральная петиция 1895 г.», напечатанной в «Современнике» за 1913 г., ч. 4. Статья эта заканчивается указанием, что петиция была отклонена, но в ней ничего не говорится о тех «глубоких» соображениях и доводах, на основании которых правительство сочло возможным не только оставить петицию без последствий, но и усмотреть в ней одно из проявлений крамолы.

Петиция вместе с запиской была передана Николаем II на рассмотрение и заключение особого совещания из министров внутренних дел (Дурново, И. Н.), юстиции (Муравьева) и обер-прокурора синода (Победоносцева). Совещание это было признано, очевидно, наиболее компетентным по вопросу о предоставлении печати свободы, так как именно подобному совещанию из министров внутренних дел, юстиции и обер-прокурора синода закон предоставил право безапелляционного прекращения периодических изданий, не угодивших правительству или казавшихся ему опасными. Насколько надежды и мечты подписавших петицию могли осуществиться и чего должно было ждать от совещания, в которое входили такие лица, как Дурново или Муравьев, и такой яркий реакционер и гаситель всякого проблеска независимой мысли, как Победоносцев, — это показали рассуждения совещания и решение, к которому оно пришло.

Совещание имело лишь одно заседание 18 марта 1895 г. Журнал его, сохранившийся в делах бывшего глав-

---

[1]) Фамилии лиц, подписавших петицию, — М. Альбов, С. Андреевский, М. Антонович, К. Арсеньев, К. Баранцевич, В. Бильбасов, А. Бекетов, Е. Белов, М. Бродовский, П. Вейнберг, М. Ватсон, Е.Водовозова, С. Венгеров, князь М. Волконский, А. Вольф, П. Висковатов, И. Василевский, М. Свешников, Д. Григорович, Г. Градовский, Е. Гаршин, В. Гайдебуров, Я. Гуревич, Н. Гарин (Михайловский), А. Трачевский, М. Загуляев, В. Зотов, К. Станюкович, В. Манасеин Н. Кареев, Н. Михайловский, В. Семевский, А. Кауфман, В. Мякотин, Е. Щепкина, Н. Котляревский, В. Яроцкий, В. Лашкин, Л. Оболенский, А. Скабичевский, А. Хирьяков, Г. Потанин, М. Меньшиков, Н. Рубакин, А. Слепцов, С. Южаков, Д. Мамин-Сибиряк, Л. Пантелеев, С. Кривенко, Р. Минцов, С. Щепотьев, В. Спасович, Н. Лесков, А. Субботин, Р. Сементковский, Евт. Карпов, В. Лесевич, С. Шубинский, О. Нотович, В. Чуйко, П. фон-дер Флит, Л. Полонский, О. Шапир, М. Песковский, А. Тихонов-Луговой, Н. Лейкин, Д. Мордовцев, В. Сиповский, А. Пятницкий, В. Немирович-Данченко, В. Михневич, С. Булич, С. Смирнова, А. Поповицкий, М. Коялович, В. Лебедев, М. Слонимский, Н. Вагнер.

ного управления по делам печати, представляет собою один из наиболее ярких и характерных документов начальных годов царствования последнего Романова.

Совещание, по словам журнала, «обратило прежде всего внимание на подписи лиц, находящиеся под прошением. Оказалось, что только три редактора периодических изданий приложили к нему руку: Нотович (газета «Новости»), Гайдебуров (журнал «Неделя») и Вольф, редактирующий журнал «Новь». Редакторы периодических изданий, отличающихся благонамеренным направлением, уклонились от всякого участия в этом ходатайстве, которое, таким образом, является делом лишь одного лагеря, наиболее видными представителями коего в настоящем случае выступили: Бильбасов, один из главнейших руководителей газеты «Голос», причинявшей в свое время огромный вред; Григорий Градовский, постоянный сотрудник того же издания, который восторженно приветствовал Веру Засулич, покусившуюся на жизнь генерала Трепова, и заявил печатно, что в этом событии он видит наступление новой счастливой эры для России; Леонид Полонский, бывший редактор журнала «Страна», подвергавшегося строгим карам и, наконец, вовсе запрещенного. Что же касается значительного большинства других имен, выставленных под просьбой, то они вовсе неизвестны.

Задача просителей состоит в том, чтобы выставить в самом мрачном свете положение нашей печати, будто бы угнетаемой административным произволом, и доказать необходимость пересмотра действующих ныне цензурных правил. По мнению их, следовало бы утвердить у нас такой порядок вещей: 1) повременные издания, а также книги, должны быть повсеместно — в столицах и в провинции — освобождены от предварительной цензуры светской и духовной; 2) нет необходимости испрашивать разрешений на издание газеты или журнала; достаточно, чтобы всякий, кто желает заняться таким делом, заявлял о сем надлежащей власти; отказ ему был бы равносилен лишению или ограничению его гражданских прав; 3) всякие административные взыскания, вошедшие в действующее ныне законодательство о печати, как, например, предостережения, запрещения розничной продажи газеты или печатания в них газетных объявлений, подлежат отмене; 4) взыскания за правонарушения, совершаемые путем печати, должны быть налагаемы исключительно по суду. Если бы, — говорят просители, — дарованы были такие льготы нашей печати, то она сделалась бы, наконец, независимою в настоящем смысле слова, будучи подчинена лишь ограничениям закона и воздействию суда; она приобрела бы право не завидовать просвещеннейшим государствам Европы. Выражая такие пожелания, составители записки, приложенной к прошению на высочайшее имя, упускают из виду коренное различие между государственными учреждениями России и Западной Европы; очевидно, они не прониклись глубоким смыслом знаменательных слов, с которыми его величество государь император соизволил обратиться 17 января сего года к депутациям дворянств, земств и городов.

Если бы осуществились вожделения авторов прошения, то, несомненно, снова пробудилось бы брожение, причинявшее столько тревог в семидесятых годах. Пример прошлого достаточно убедительно свидетельствует об этом. Впервые цензурный устав 6 апреля 1865 г. предоставил значительный простор отечественной печати; правительство имело право рассчитывать, что она воспользуется дарованными ей льготами с надлежащим благоразумием и патриотизмом, но надежды эти оправдались относительно лишь немногих периодических изданий; что касается большинства их, то они усвоили себе столь неблаговидное направление, что в 1869 г. в высочайшем рескрипте на имя председателя комиссии для пересмотра цензурных правил статс-секретаря князя Урусова было указано на настоятельную необходимость «вооружить административную власть для борьбы с необузданностью печат-

ного слова». Та часть нашей прессы, которая особенно отличалась своею зловредною деятельностью, неоднократно заявляла, что был лишь весьма краткий период времени, когда она пользовалась некоторой свободой, а именно в управление графа Лорис-Меликова министерством внутренних дел. Действительно, он рассчитывал на возможность руководить печатью не столько репрессивными мерами, сколько увещаниями и советами, но ошибочность подобного образа действий обнаружилась очень скоро. Именно в самом начале восьмидесятых годов направление, известное под названием нигилизма, достигло у нас крайнего своего развития.

Если в течение последнего десятилетия наша печать, сравнительно с прежним, изменилась к лучшему, если уже не с такою дерзостью, как прежде, пытается она проповедывать вредные учения, обнаруживать неуважение к основам нашего государственного строя, то достигнуто это было не потворством ее притязаниям, а усилением мер для борьбы с нею.

В этом отношении особенную пользу принесли высочайше утвержденные в 1882 г. дополнительные правила к цензурному уставу. Именно они и возбуждают сильное неудовольствие лиц, выступивших ныне со всеподданнейшим прошением, но отмена этих правил повела бы к гибельным последствиям.

На основании вышеизложенного совещание министров, рассматривавших ходатайство о пересмотре цензурных узаконений, с которым выступило несколько лиц, действующих лишь в интересах своего кружка, отнюдь не призванных возбуждать вопроса, подлежащего усмотрению правительства, единогласно признают его незаслуживающим вовсе удовлетворения» [1]).

Содержание этого журнала не нуждается в комментариях.

Журнал совещания, при докладе министра внутренних дел, был представлен 19 марта императору Николаю II, который поставил на нем резолюцию: «Вполне согласен».

Так закончилась эта попытка. Единственным результатом ее было то, что директор департамента полиции Петров немедленно обратился в главное управление по делам печати с просьбой «не отказать в доставлении ему копии прошения некоторых литераторов и публицистов о пересмотре действующих узаконений о печати, а равно и списка лиц, участвовавших в подписании последнего»... Желание директора департамента полиции было удовлетворено.

С. Л.

Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января 1905 г.

Назначение 11 января 1905 г. петербургским губернатором Д. Ф. Трепова — не случайно. Помимо того, что он мог импонировать своей решительностью и энергией, за ним числился опыт борьбы с рабочим движением своеобразными методами. Так, с его благословения, Зубатов начал свою деятельность среди московских рабочих. В своем докладе московскому ген.-губ. вел. кн. Сергею Александровичу Трепов писал, что правительство должно делать то, что делает революционер.

Эти зубатовские методы, в сочетании с полицейским кулаком и казацкой сотней, казались лучшим оружием против революции, которую начал рабочий класс на улицах Петербурга 9 января.

Трепов сразу же прибирает к рукам все, что может касаться рабочего вопроса, и по-своему пытается разрешить его.

На другой день после своего назначения Трепов принял «депутацию» путиловских рабочих. Эту депутацию прислал к нему вместе с нижеследующим письмом министр внутр. дел Святополк-Мирский.

---

[1]) Дело гл. упр. по делам печати, 1895 г., № 89, отд. III.

Многоуважаемый Дмитрий Федорович [1]),

У меня сейчас были трое рабочих из Путиловского завода, не принимавших участия в беспорядках и совершенно благоразумных. Не хочешь ли ты с ними поговорить или поручить кому-нибудь выслушать их? Они очень просят, чтобы их послушали, и говорят, что большинство рабочих Путиловского завода опомнились и желали бы приступить к работам.

Искренно преданный
Святополк-Мирский.

Петербург,
12 января 1905.

Возможно, что эта депутация и натолкнула его на мысль в большем масштабе изобразить представительство рабочих и выставить самодержавие перед рабочими в обеленном виде. Мысль эту он через полицейский аппарат привел в исполнение, и 19 января специальным поездом привезли в Царское Село 34 рабочих от разных заводов из числа «благонадежных», намеченных администрацией заводов. В Царском они выслушали прочитанную Николаем речь. Текст этой речи был тогда опубликован. Как и большинство (если не все) официальные обращения, исходившие от Николая, она была составлена не им — в данном случае Треповым.

Треповский проект речи Николая II к рабочим идентичен по содержанию с официальным текстом, напечатанным в современной прессе (см., напр., «Право» 1905, № 3, стр. 176), хотя и сильно отличается от него текстуально. Он сильнее, резче, определеннее. Официальный же текст более обработан, распространен, более расплывчатый, со смягчением некоторых резких углов.

Проект речи, печатаемый ниже, написанный рукою Трепова, сохранился в деле дворцового коменданта № 9,— озаглавленном «Материалы по рабочему вопросу». В том же деле находятся четыре перебеленных экземпляра речи, переписанных на машинке; первые два — более близки к черновому тексту, в двух последних имеются указанные ниже сокращения.

«Я принял вас, чтобы сказать после всего случившегося на этих днях в столице мое слово. Запомните его [1]) и верно передайте всем вашим товарищам.

Когда на улицах Петербурга пролилась кровь моих подданных, сердце мое тоже облилось кровью от скорби о несчастных, большею частью неповинных жертвах происшедшей смуты. Виновны в ней изменники и воры, которые вас обманули и которым вы к своей пагубе поверили.

Я верю, что, кроме горсти негодных и потерянных людей, рабочие в огромном большинстве были, есть и будут истинно русскими православными людьми, любящими бога, царя и отечество, верными сынами России, и прощаю им их вину.

Трудна жизнь рабочего человека. Многое нужно в ней исправить, во многом облегчить и упорядочить условия этой жизни. Знаю это; думаю и пекусь о всех вас и устрою так, чтобы все справедливые ваши нужды были удовлетворены, при соблюдении той же справедливости и относительно хозяев ваших.

Я позабочусь, чтобы и хозяева и рабочие всегда имели законную возможность заявлять о своих нуждах и чтобы никто никогда не был обижен и обездолен [2]). А теперь [3]) возвращай-

[1]) Сверху карандашная помета Трепова: «Деп[утацию] принял 12/I 1905».

[1]) В перебеленных текстах: «это».

[2]) Конец фразы: «и чтобы никто никогда не был обижен и обездолен» сначала рукою Трепова был изменен: «и чтобы не было обиженных и обездоленных», а потом им же зачеркнут. В перебеленных экземплярах этот конец фразы совсем выброшен.

[3]) После слова: «теперь» карандашом, рукою Трепова, вставлено: «осенив себя крестным знаменем», потом затерто резинкою. В первых двух перебеленных текстах эта фраза есть, но зачеркнута карандашом; в двух последних выброшена.

тесь на ваши заводы и фабрики и принимайтесь, благословясь, за дело.

Помните, что Россия воюет с сильным внешним врагом. Все русские люди от мала до велика, кто не изменник своей родины [1]), должны дружно приняться за общую работу, и тогда бог дарует нам победу».

Сообщил *И. Татаров.*

Программа союза русского народа перед Февральской революцией.

15 января 1917 года один из виднейших монархистов, член главного совета союза русского народа, член Госуд. Совета А. А. Римский-Корсаков послал министру внутренних дел Протопопову письмо. «Посылаю вам, — писал он, — сводку общих положений и пожеланий, выработанных на происходивших у меня собеседованиях; они изложены в самой общей форме, так как подробная их разработка представлялась нам делом соответствующих ведомств».

Это письмо Корсакова и «Сводка общих положений» за его подписью находятся в делах Чрезв. Следств. Комиссии Временного Правительства [1]) (переписка Протопопова) и приводится нами ниже полностью.

Щегловитов во время допроса его Ч. С. К. не дал ответа на вопросы по этому делу, уклонился, представил дело это — мелочью.

Между тем программа эта, подготовлявшая новый государственный переворот, подобный акту 3 июня 1907 года, была принята к немедленному исполнению и, по многим данным, видимо, в полной мере отражала взгляд б. царя.

В этом свете очень интересным представляется содержание следующей, обнаруженной в переписке Протопопова, записки, помеченной 2 февраля 1917 г. без подписи:

«Относительно выборов в Государственную Думу V созыва член Государственной Думы Н. Е. Марков II полагает, что, прежде чем приступить к выборам, необходимо изменить избирательный закон, по примеру 3 июня 1907 года. Новый избирательный закон должен установить выборы по сословиям, ибо сословия являются бытовыми, жизненными ячейками русского народа. Сословная Дума либеральна не будет. В ней также не будет и партийности, ибо каждое сословие будет защищать только свои эгоистические интересы. Тем не менее и при действующей избирательной системе Н. Е. Марков считает возможным создать Государственную Думу V созыва относительно правой и консервативной. Для этого в первую очередь необходимо создать новые, широко поставленные органы правой печати и обуздать левую печать»...

Требование усиления власти на местах было основным в программе правых и самого б. царя, который приказал Штюрмеру разработать законопроект об областничестве; меры в отношении колеблющихся членов Государственного Совета и сенаторов принимались немедленно. «Колебание» должно было прекратиться с приходом в Государственный Совет в качестве его председателя Щегловитова.

Отметим еще только пункт 5-й программы, где намечалась борьба с «общественностью» путем дискредитации органов земского и городского самоуправлений, отдельных лиц, а также путем сдачи наиболее оппозиционно настроенных лиц в солдаты.

Накануне самой революции, 25 февраля 1917 года, в «Собрании узаконений и распоряжений правительства», № 51, было помещено высочайшее повеление, предложенное Сенату министром юстиции, об утверждении наказа «По общей проверке всей постановки дела предоставления отсрочек и освобождения от призыва на службу военнообязанных, равно изъятий от военных повинностей и реквизиций».

---

[1]) Моск. Архив Революции и Внешней Политики.

[1]) Фраза: «кто не изменник своей родины» зачеркнута. В перебеленных текстах она выброшена.

Намеченная программа спешно проводилась в жизнь, и кто знает, как и во что бы она развернулась, если бы не наступила революция.

И. Тоболин.

Россия, несомненно, переживает тяжелое время; оно делается опасным благодаря постоянной политической смене убеждений, колебанию и расшатыванию властей; благодаря полнейшей неуверенности лучших слуг царя в завтрашнем дне; благодаря преступному попустительству общественности; наконец, благодаря отсутствию системы и программы в управлении страною, преемственно обязательной для каждого нового состава Совета Министров.

Только сильная воля способна вести нашу родину к светлому будущему, только при господстве православной церкви может процвести святая Русь.

Необходимы — в виде программы — нижеследующие общие меры:

1) Пересмотр основных законов в части, касающейся установления Государственной Думы, ее прав, обязанностей и пр.

2) Усиление власти на местах.

3) Необходимо назначение объединенного, правого, ответственного перед царем Совета Министров.

4) Однородности состава Совета Министров должны соответствовать и чины всех ведомств. Ненадежные элементы должны быть немедленно удалены. Содержание на казенный счет явных и тайных врагов самодержавия — недопустимо. При стройном подборе правительственного аппарата от верха до низа никакая ответственность, никакой натиск общественности не страшны.

5) Все силы объединенного правительства должны быть направлены к водворению порядка и спокойствия в стране. Только при таком условии возможно, когда придет время, заключение выгодного и славного мира. При другой обстановке, победа над врагом приведет к той же революции.

6) Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий.

7) Необходимо усилить правое крыло Государственного Совета надежными людьми. В отношении колеблющихся (членов Госуд. Совета и Сената) должны быть приняты меры. Способов для этого много.

8) Усиление вырождающегося дворянства свежими элементами.

Мероприятия по ведомствам.

По министерству внутренних дел.

1) Организация мощной, широкой ежедневной патриотической печати в крупных центрах столицы, не менее 10—12 органов. Влияние на существующие органы печати.

2) Цензура на все время войны для полного успокоения страны. Развитие и разумная постановка дел телеграфных агентств.

3) Основание патриотического книгоиздательства, ежемесячных журналов; книги для народа, школы для детей.

4) Не стесняя свободы печати, назначить драконовские наказания по суду за клевету, при чем возбуждение преследования за оклеветание должностных лиц должно быть в общем порядке, а не в порядке частного обвинения.

5) Ослабление Зем-Города [1]). Средства для борьбы: усиленная ревизия земских и городских самоуправлений при широком опубликовании результатов ревизий. Ревизия Зем-Города. Привлечение в строй значительного количества людей, освобожденных от воинской повинности по ходатайствам Зем-Города. Ревизии должны протекать при участии чинов министерства внутренних дел.

6) Там, где введено военное положение, таковое должно применяться в полной мере, — иначе получаются обратные результаты.

---

[1]) Речь идет о всероссийских объединениях земских и городских деятелей, принимавших активное участие в деле помощи фронту в 1914—1917 гг.

7) Военный закон о конфискации имущества государственных изменников, а также лиц, осужденных военным судом за попытку к ниспровержению государственного порядка, либо в возбуждении смут, крамол или волнений, могущих ослабить силу государственной власти и обороны государства во время войны.

8) Широкое награждение верноподданных, особенно низов. Умалилось значение высочайших наград, и для придания соответствующего значения желательно не придерживаться установленного порядка выслуги сроков.

9) Реформа полиции. Усиление наказания за оскорбление должностных лиц, ложные доносы и проч. Уездные начальники — увеличение содержания. Подчинение общей и жандармской полиции одному началу — взаимная поддержка и солидарность.

По свят. синоду.

Яркая поддержка православного духовенства. Реформа консистории. Упорядочение дел православной церкви.

По министерству земледелия.

1) Организация сельско-хозяйственных ремесленных мастерских-школ; усиление для севера мероприятий по рыборазведению и упорядочение лесных промыслов. Хозяйственная разработка казенных лесов. Развитие коневодства и животноводства. Покупка хлеба министерством для заграничного экспорта. Эксплоатация Сибири и Кавказа. Пересмотр лесоохранительного закона.

2) Разумное использование труда военнопленных.

3) Упорядочение продовольственного дела. Накопление, на случай недорода, запасов.

По министерству финансов.

1) Монополизация нефти и угля.

2) Покровительственное отношение к созиданию кооперативами мелких фабрик и технических производств.

3) Усиление добычи золота. Использование труда: каторжан, заключенных в арестантских отделениях, ссыльно-поселенцев. Монополизация золотого и платинового дела.

4) Переоценка городских имуществ.

5) Передача дел и сумм трезвости — духовенству.

По министерству путей сообщения.

Усиление железнодорожного строительства. Выкуп частных железных дорог.

По министерству народного просвещения.

Усиление правительственного надзора за школами. Пересмотр программ — последние должны преследовать не отвлеченные, а практические цели. Покровительственное отношение к ремесленному и техническому образованию.

По военному министерству.

1) Сокращение тыловых учреждений.

2) Сокращение отпусков с фронта.

3) Прекращение заигрывания с общественностью высших чинов армии.

По министерству ин. дел.

Реорганизация ведомства. Представители России должны быть русскими по духу. Только такой подбор лиц может внушить уважение к родине. Открытие за границей в крупных центрах органов печати, которые должны работать в наших интересах. Развитие коммерческой агентуры.

Римский-Корсаков.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Дипломатия Временного Правительства в борьбе с революцией. *А. Л. Попов*. . . . . 3—38

Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. С предисловием *Е. Мартынова*. . . . . 39—55

Из дневника А. Н. Куропаткина. С предисловием *М. Н. Покровского*. . . . . 56—77

Бухара в 1917 г. С предисловием *А. Шестакова*. . . . . 78—122

Дневник Николая Романова. . . . . 123—152

«Работа» эсеров в 1918 г. С предисловием *В. Владимировой*. . . 153—174

Записка Ф. Ф. Мартенса «Европа и Китай». С предисловием *А. Ивина*. . . . . 175—185

Письма Г. Ф. Здановича. С предисловием *Э. Корольчук*. . . . . 186—204

Из народовольческих автобиографических документов. С предисловием *С. Н. Валка*. . . . . 205—231

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 гг. Сообщил *П. Садиков*. . . . . 232—237

Петиция литераторов Николаю II в 1895 г. Сообщил *С. Любимов*. 237—240

Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января 1905 г. Сообщил *И. Татаров*. . . . . 240—242

Программа союза русского народа перед Февральской революцией. Сообщил *И. Тоболин*. . . . . 242—244

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

НОВЫЕ КНИГИ

ЦЕНТРАРХИВ

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЬВА ТИХОМИРОВА

Предисловие В. И. НЕВСКОГО
Вступительная статья В. Н. ФИГНЕР

Стр. 515. Ц. 5 р.

„Главная ценность дневников Тихомирова в том, что они — иллюстрация к тому тяжелому кризису русского революционного движения, который характеризует 80-е годы прошлого века. И роль, которую играл Тихомиров в партии, и публицистический талант, каким он обладал, и наконец самый факт измены своей партии ее бывшего вождя, часто отвратительные, но всегда талантливые рассуждения „героя безвременья“,—все это заставляет внимательно прочесть эту книгу“.

Из предисловия В. Невского.

М. В. НЕЧКИНА

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Стр. 244. Ц. 2 р. 50 к.

Содержание. Диференциация дворянства в первой четверти XIX века. Возникновение Общества Соединенных Славян и первые его члены. Слияние Общества Соединенных Славян с Южным Обществом декабристов. Идеология Общества Соединенных Славян. Подготовка восстания. Восстание Черниговского полка. Славяне во время восстания. Следствие и суд над Славянами. Заключение.

Приложения. Список Общества Соединенных Славян. Примечания. Указатели: географический и именной. Таблицы символических знаков славян. Карта района деятельности Общества Соединенных Славян.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. **М. Н. Покровского**

ДЕЛА ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА и СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ.

ТОМ I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева. Стр. 540. Ц. 6 р.

ТОМ II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Приготовил к печати А. А. Покровский. Стр. 420. Ц. 6 р.

ТОМ III. Следственные дела: А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. Приготовил к печати А. А. Покровский. Стр. 447. Ц. 6 р.

ТОМ IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. Приготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. Стр. 486. Ц. 6 р.

ТОМ V. Следственные дела: П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридонова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. Подготовил к печати Н. П. Чулков. Стр. 495. Ц. 6 р.

ТОМ VI. Восстание Черниговского полка. (Печ.)

ТОМ VII. „Русская Правда" П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печ.)

ТОМ VIII. Дела Следственной Комиссии о злоумышленных обществах.

Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Стр. 431. Ц. 4 р. 50 к.

В книге воспроизведен текст подлинной рукописи книги, принадлежавшей Николаю I, находившейся всегда у него на столе для справок, как содержавшей в себе в азбучном порядке имена всех декабристов и других привлеченных к следствию о тайных обществах. Таких лиц было 579. В виде приложения к этому ценному историческому документу редакторами его—Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом—даны подробные биографические справки о всех упоминаемых в „Алфавите" лицах, при чем приложена судьба каждого до 14 декабря и после до самой смерти.

Материалы дают впервые совершенно полное и точное воспроизведение дел с сохранением всех особенностей расположения, правописания и пунктации.

Продажа во всех отделениях, магазинах и киосках Госиздата

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ „КНИГА—ПОЧТОЙ"

высылает эти книги наложенным платежом. При высылке всей стоимости вперед—пересылка бесплатно.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

В 3-х ТОМАХ

ПУГАЧЕВЩИНА

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ в РОССИИ XVII и XVIII вв.

Под общей ред. М. Н. ПОКРОВСКОГО

СОДЕРЖАНИЕ 1-го ТОМА

(Вышел из печати)

Предисловие М. Н. Покровского. Введение С. А. Голубцова. Из „дел" Главного Штаба Пугачевщины. 1. Именные указы Пугачева. 2. Указы коллегии Пугачева. 3. Именные повеления Пугачева. 4. Постановления коллегии Пугачева. Из „дел" местных очагов Пугачевщины. 5. Возвания, увещания и наставления пугачевцев. 6. Текущая переписка пугачевцев. 7. „Инородцы" и Пугачевщина. 8. Уральские заводы и Пугачевщина.

Примечания. Указатели: 1. Личных имен. 2. Географических названий. Стр. 292, ц. 3 р.

СОДЕРЖАНИЕ 2-го ТОМА

Предисловие М. Н. Покровского

I. Из материалов о происхождении Пугачевщины.

1. О монашенском и священном чине. 2. О казанской адмиралтейской конторе. 3. О проежающих командах. 4. О вальтмейстерах (надсм. за дубовыми лесами). 5. Графу Панину доношение Нижнеломовского воеводы и других.

II. Состояние урожая в 1772—1774 гг. и Пугачевщина.

III. Казачество и Пугачевщина.

1. Уральские казаки и Пугачевщина. 2. Донские и волжские казаки и Пугачевщина. 3. Пугачев и его ближайшие сподвижники в пути.

IV. Инородцы и Пугачевщина.

1. Башкиры. 2. Калмыки. 3. Киргиз-кайсаки. 4. Татары. 5. Разные народности.

V. Фабрично-заводское население и Пугачевщина.

1. Горные заводы Приуралья. 2. Разные заводы и фабрики.

ТОМ 3 ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Подписная цена—7 руб. Задаток—1 руб., при получении каждого тома—2 руб.

Подписка принимается Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата, Москва, Воздвиженка, 10, тел. 4-87-19 и 5-88-91 в магазинах, киосках и отделениях Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех **киосках Всесоюзного контрагентства печати,** а также во всех почтово-телеграфных конторах.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Том V. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 303, ц. 3 р.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро ИК. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 375, ц. 2 р. 75 к.

Письма Ф. М. Достоевского к жене. Предисловие и примечания Н. Ф. Бельчикова. Общая редакция В. Ф. Переверзева, стр. 367, ц. 4 р.

Покровский М. Н. Декабристы. Сборник статей, стр. 95, ц. 80 к.

Последние дни колчаковщины. Материал подготовлен к печати М. М. Константиновым. С приложением статьи А. А. Ширямова, стр. 231, ц. 2 р. 50 к.

Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева „Гвардия в декабрьские дни 1825 года". (Восстание декабристов. Исследования, под ред. М. Н. Покровского), стр. 226+2 схемы, ц. 2 р. 50 к.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 год в документах и материалах. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 372, ц. 4 р.

Разложение армии в 1917 г. Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 192, ц. 1 р. 50 к.

Революция в 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого). Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного, стр. 184, ц. 1 р. 70 к.

Русско-японская война. Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского, стр. VII+189, ц. 1 р. 80 к.

Царская Россия в мировой войне. Том I. С предисловием М. Н. Покровского, стр. XXIV+304, ц. 3 р. 20 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ, „КНИГА—ПОЧТОЙ

высылает книги наложенным платежом, при высылке вперед всей стоимости пересылка бесплатно.

3 руб.

Государственное Издательство РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1927 ГОД

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО и В. М. ФРИЧЕ.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

Подписная цена: год—15 р., 6 мес.—8 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата: Москва, Воздвиженка, 10. Тел. 4-87-19, 5-88-91. Ленинград, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-48-05, в книжных магазинах, киосках, провинциальных отделениях и филиалах Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, и во всех почтово-телеграфных конторах.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Февральская революция 1917 г. — Дневник Николая Романова. — Союз земельных собственников в 1917 г. — „Демократическое" правительство Грузии и английское командование. — Начало врангелевщины. — Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания. — Общество „Священной Дружины". — Как буржуазия готовилась к Октябрю. — Письмо ген. Щербачева ген. Деникину. — „Студенческий союз" и казнь 8 мая 1887 г. — Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. — Ф. М. Достоевский — „член тайного общества", и др.

ЦЕНТРАРХИВ
1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 год

В МАТЕРИАЛАХ И ДОКУМЕНТАХ

Под редакц. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ

РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И БЮРО И. К.

С предисловием Я. Яковлева

Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к.

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ в 1917 году

Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным

С предисловием Я. А. Яковлева

Материалы и документы из делопроизводства „Ставки канцелярии военного министерства и военного министра.

Стр. 192+карта. Ц. 1 р. 50 к.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в 1917 году

Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова

С предисловием Я. А. Яковлева

Рост рабочего движения от Февраля к Октябрю по основным его этапам. По материалам и документам, хранящимся в Архиве Октябрьской революции по „делам" Временного Правительства, ВЦИКа, Моссовета и пр.

Стр. 371. Ц. 4 р.

„Серия представляет собою научно-обработанные систематические публикации документов и материалов по истории массовых движений семнадцатого года и истории государственного строительства в первый год революции."

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

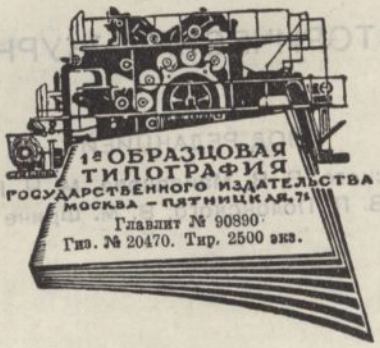
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ВТОРОЙ (ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД



Главлит № 90890.
Гиз. № 20470. Тир. 2500 экз.

Заказ № 2397.

Февральская революция 1917 года.

(Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта.)

Документы, публикуемые ниже, извлечены: из 1) дела управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем «Переписка, связанная с переходом к новому строю» от 25 февраля — 13 марта 1917 г., в семи частях (Московский Центральный Военно-Исторический Архив, ч. I, № 256-992—256-998) и 2) дела штаба главнокомандующего армиями северного фронта «Об изменении государственного строя России» от 27 февраля — 20 мая 1917 г. (Московский Центральный Военно-Исторический Архив, ч. I, № 222—116). В основу настоящей публикации положены, главным образом, материалы первого дела, а из дела штаба армий северного фронта взяты лишь некоторые документы, которые дополняют картину событий февральско-мартовских дней революции 1917 г., как они рисуются по документам управления генерал-квартирмейстера при ставке верховного главнокомандующего.

Содержание дела ставки верховного главнокомандующего определило как объем, так и план настоящей публикации: печатаемые документы восходят от 25 февраля к 11 марта (ст.ст.) 1917 г. и размещены здесь в порядке расположения их в деле, из которого они извлечены (дополнения из дела штаба северного фронта расположены в порядке хронологической связи).

Настоящая публикация не ставит своей целью полного воспроизведения всего документального содержания обоих вышепоименованных дел: этому, с одной стороны, препятствует ограниченность места в журнале, — с другой же стороны, перепечатка имеющихся в обоих делах многочисленных агентских телеграмм, которые в те дни публиковались в повременной прессе, а также мелкой переписки, связанной с осуществлением контр-революционных мероприятий ставки и штабов, достаточно освещенных в выбранных для публикации материалах, — представлялась редакции нецелесообразной.

Являясь первоисточником исключительной ценности, печатаемые документы день за днем, час за часом, освещают: отношение ставки верховного главнокомандующего, т.-е. царя и его приближенных, к только что начавшейся в Петрограде революции; организацию посылки войск с фронтов для подавления революции, о размерах которой в ставке еще не имели правильного представления, и отправку Ивановской экспедиции; затем быстрое нарастание тревоги высших чинов армии за судьбу династии и успешный конец войны; переговоры верховного командования о спасении положения с Родзянко, официально возглавлявшим тогда революцию; отъезд царя на север и безуспешные попытки его прорваться в Царское Село; разложение флота; попытки ставки, в лице генерала Алексеева, к компромиссному соглашению монархии с Временным Комитетом

Государственной Думы на почве «дарования» царем ответственного министерства; все усиливающийся подъем революционной стихии в Петрограде под лозунгом свержения династии Романовых и провозглашения республики; фактическое признание штабом верховного главнокомандующего — еще до отречения царя — новой власти в Петрограде и попытки его спасти монархический принцип; назначение Корнилова главнокомандующим Петроградского военного округа; роль Алексеева в подготовке отречения Николая II; самое отречение и возвращение Николая Романова в Могилев; задержку опубликования манифеста Николая об отречении; появление первых агитаторов на фронтах; историю смещения нового главковерха Николая Николаевича; уговоры генерала Алексеева Временным Правительством принять пост верховного главнокомандующего, назначение его на эту должность и т. д.

Отметим, что некоторое количество публикуемых здесь документов уже появлялось в газетно-журнальной прессе, а также было напечатано в работах Лукомского, Мартынова, Перетца и др., но систематической публикации важнейших документов ставки за этот период мы до сих пор не имеем. Кроме того, необходимо указать, что появившиеся до сих пор публикации некоторых из печатаемых ниже документов, за небольшими исключениями, отличаются значительными неточностями, будучи воспроизведены с непроверенных копий, а также пропусками, сокращениями, отсутствием точной датировки и т. п.

Документы печатаются нами по новой орфографии, но с соблюдением некоторых особенностей подлинника; даты заголовков обозначены по старому стилю; пунктуация большей частью выправлена; заголовки принадлежат редакции, за исключением особо оговоренных в подстрочных примечаниях.

Текст подготовил к печати А. А. Сергеев. *Ред.*

Телеграмма гл. начальника Петроградского военн. округа ген. Хабалова начальнику штаба верх. главноком. ген. Алексееву 25 февраля 1917 г. № 486 [1]).

Подана 25. II. 17 ч. 40 м.

Принята 25. II. 18 ч. 8 м.

Доношу, что 23 и 24 февраля, вследствие недостатка хлеба на многих заводах возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В средине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана. Насильственные действия выразились разбитием стекол в нескольких лавках и трамваях. Оружие войсками не употреблялось, четыре чина полиции получили неопасные поранения. Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками. Утром полицмейстеру Выборгского района сломали руку и нанесли в голову рану тупым орудием. Около трех часов дня на Знаменской площади убит при рассеянии толпы пристав Крылов. Толпа рассеяна. В подавлении беспо-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «Доложена государю императору 26. II. 917 г.».

рядков, кроме петроградского гарнизона, принимают участие пять эскадронов 9 запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии сводно-казачьего полка из Павловска, и вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка. № 486/сек. *Хабалов.*

Телеграмма ген. Хабалова ген. Алексееву 26 февраля 1917 г. № 3703 [1]).

Подана 26. II. 13 ч. 5 м.

Принята 26. II. 13 ч. 40 м.

К № 486. Доношу, что в течение второй половины 25 февраля толпы рабочих, собиравшиеся на Знаменской площади и у Казанского собора, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими чинами. Около 17 часов у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги с надписями: «Долой войну!» На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов, одним из коих был ранен в голову рядовой 9 запасного кавалерийского полка. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около 18 часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранены один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. 25 февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Мною выпущено объявление, воспрещающее скопление народа на улицах и подтверждающее населению, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силою оружия. Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно. № 3703. *Хабалов.*

Телеграмма председателя Госуд. Думы Родзянко ген. Алексееву 26 февраля 1917 г. [2]).

Подана 26. II. 21 ч. 53 м.

Принята 26. II. 22 ч. 22 м.

Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но, главным образом, полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве, несомненно, разовьются события, сдержать которые можно временно, ценою пролития крови мирных граждан, но которых при повторении сдержать будет невозможно. Движение может перебросится на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону, в Петрограде останавливаются за недостатком топлива и сырого мате-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «Доложена государю императору 27. II. 917 г.».

[2]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «Доложена государю императору 27. II».

риала, рабочие остаются без дела, и голодная безработная толпа вступает на путь анархии стихийной и неудержимой. Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28, в виду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов. Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением. Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно бессильна восстановить нарушенный порядок. России грозят унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю необходимым и единственным выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия, воодушевившись вновь верою в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода на светлый путь нет, и я ходатайствую перед вашим высокопревосходительством поддержать это мое глубокое убеждение перед его величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно. В ваших руках, ваше высокопревосходительство, судьба славы и победы России. Не может быть таковой, если не будет принято безотлагательно указанное мною решение. Помогите вашим представительством спасти Россию от катастрофы. Молю вас о том от всей души. Председатель Государственной Думы *Родзянко*.

Телеграмма Родзянко царю 27 февраля 1917 г.

Подана 27. II. 12 ч. 40 м.

Принята 27. II. 13 ч. 5 м.

Занятия Государственной Думы указом вашего величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому министерства внутренних дел и Государственной Думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною вашему величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Возвестите безотлагательно эти меры высочайшим манифестом. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии неминуемо. От имени всей Рос-

сии прошу ваше величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно. Председатель Государственной Думы *Родзянко*.

Телеграмма главнокомандующего юго-западным фронтом ген. Брусилова ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. [1]).

Принята 27. II. 1 ч.

Представляю телеграмму, полученную мною в 23 часа двадцать шестого февраля. Прошу ваше высокопревосходительство всеподданнейше доложить ее его императорскому величеству. По верноподданнейшему долгу и моей присяге государю императору считаю себя обязанным доложить, что при наступившем грозном часе другого выхода не вижу. «Главнокомандующему южного фронта генерал-адъютанту Брусилову...» [2]) *Брусилов*.

Телеграмма вр. и. д. начальника гв. зап. частей в Петрограде полковника Павленкова царю 27 февраля 1917 г. № 4374 [3]).

Подана 27. II. 1 ч. 40 м.

Принята 27. II. 2 ч. 55 м.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 27 сего февраля [неизвестным?] из толпы тяжело ранен командир запасного баталиона л.-гв. Павловского полка полковник Экстен и ранен того же полка прапорщик Ридигер. 4374. Временно исправл. должность начальника гвардейских запасных частей полковник *Павленков*.

Телеграмма председателя Совета Министров кн. Голицына царю 27 февраля 1917 г. [4]).

Подана 27. II. 1 ч. 58 м.

Принята 27. II. 2 ч. 5 м.

Долгом поставляю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что, в силу высочайше предоставленных вашим величеством мне полномочий и согласно состоявшемуся сего числа заключению Совета Министров, занятия Государственного Совета и Государственной Думы прерваны с сего числа, и срок возобновления

---

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «Доложена государю императору 27. II. 917».

[2]) Далее приводится текст телеграммы Родзянко на имя Алексеева от 26 февраля, начинающейся словами: «Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер».

[3]) На подлиннике помета: «Копия его величеству передана 27. II. 1917 г. Подполковник *Лебедев*».

[4]) На подлиннике помета: «Копия его величеству доставлена 27. II. 1917 г. Подполковник *Лебедев*».

таковых занятий предуказан не позднее апреля текущего года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Соответственные указы, помеченные 25 февраля в царской ставке, будут распубликованы завтра 27 февраля. Председатель Совета Министров *князь Голицын.*

Телеграмма ген. Хабалова царю 27 февраля 1917 г. № 56.

Подана 27. II. 12 ч. 10 м. пополудни.
Принята 27. II. 12 ч. 20 м. пополудни.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что 26 февраля рота эвакуированных запасного баталиона лейб-гвардии Павловского полка объявила командиру роты, что она не будет стрелять в народ. Рота обезоружена и арестована. Дознание производится. Командир баталиона полковник Экстен ранен неизвестным из толпы. Сегодня 27 февраля учебная команда запасного баталиона лейб-гвардии Волынского полка отказалась выходить против бунтующих, вследствие чего начальник ее застрелился, затем вместе с ротой эвакуированных того же баталиона направилась частью к расположению лейб-гвардии Литовского и частью лейб-гвардии Преображенского баталионов, где к ним присоединилась рота эвакуированных последнего баталиона. Принимаю все меры, которые мне доступны, для подавления бунта. Полагаю необходимым прислать немедленно надежные части с фронта. Генерал-лейтенант *Хабалов.*

Телеграмма военного министра ген. Беляева ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. № 196.

Подана 27. II. 13 ч. 15 м.
Принята 27. II. 13 ч. 20 м.

Начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и баталионами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власти сохраняют полное спокойствие. 196. *Беляев.*

Телеграмма главнокомандующего западным фронтом ген.-ад. Эверта ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. № 6081.

Принята 27. II. 13 ч. 59 м.

Минск. 26 февраля в 24 часа мною получена следующая нешифрованная телеграмма: «Главнокомандующему западного фронта генерал-адъютанту Эверту. Действующая армия. Из Петрограда. Волнения . . . »[1]). По долгу верноподданного считаю себя обязанным сообщить

[1]) Далее следует текст приведенной выше телеграммы Родзянко Алексееву от 26 февраля.

вам изложенную выше телеграмму и просить доложить ее его императорскому величеству. Я — солдат, в политику не мешался и не мешаюсь. По отрывочным доходящим до меня слухам, насколько справедливо все изложенное в телеграмме по отношению внутреннего положения страны, судить не могу, но не могу не видеть крайнего расстройства транспорта и, как результат сего, постоянного и значительного недовоза продуктов продовольствия. При отсутствии запасов в базисных, промежуточных и армейских магазинах, забастовка на железных дорогах и прекращение подвоза, хотя бы на непродолжительный срок, могут поставить армию в безвыходное положение, поэтому если сведения о возможности забастовок на железных дорогах справедливы, то я считал бы необходимым немедленное принятие надлежащих военных мер для обеспечения железнодорожного движения и подвоза продовольствия к армиям. 6081. *Эверт.*

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. № 197 [1]).

Копия главкосев.

Подана 27. II. 19 ч. 22 м.
Принята 27. II. 19 ч. 35 м.

Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается; напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города. 197. *Беляев.*

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. № 198.

Подана 27. II. 19 ч. 29 м.
Принята 27. II. 19 ч. 35 м.

Совет Министров признал необходимым объявить Петроград на осадном положении. В виду проявленной генералом Хабаловым растерянности, назначил в помощь ему генерала Занкевича, так как генерал Чебыкин отсутствует. 198. *Беляев.*

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с начальником штаба северного фронта ген. Даниловым 27 февраля 1917 г.

— Ссылаюсь на телеграмму главкосеву военного министра от сегодняшнего числа № 197. Государь император повелел: генерал-адъютанта Иванова назначить главнокомандующим Петроградским воен-

[1]) Телеграммы ген. Беляева №№ 197 и 198 были представлены ген. Алексеевым 27 февраля при письменном докладе царю, который поставил на докладе синим карандашом знак рассмотрения (·/.).

ным округом. В его распоряжение с возможной поспешностью отправить от войск северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящихся в резерве 15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для георгиевского баталиона, который едет из ставки. Нужно назначить прочных генералов, так как, повидимому, генерал Хабалов растерялся, и в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. Войска нужно отправлять с ограниченным обозом и организовать подвоз хлеба и припасов распоряжением фронта, так как трудно сказать, что творится сейчас в Петрограде и возможно ли там обеспечить войска заботами местного гарнизона. Обстоятельства требуют скорого прибытия войск. Поэтому прошу очень соответствующих распоряжений и сообщите мне, какие полки будут назначены, для уведомления генерала Иванова, от которого, быть может, последуют распоряжения, особенно для головных частей, прибывших к Петрограду ранее самого генерала Иванова, который ускоренно отправляется 28 февраля с георгиевским баталионом. Такой же силы наряд последует от западного фронта, о чем иду говорить с генералом Квецинским. Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего. До свидания. *Алексеев.*

— Могу ли предложить один вопрос?

— Если непродолжительный, то слушаю.

— Сколько следует послать генералов в качестве помощников генерала Иванова? Так ли я понял, что во главе каждой бригады пехотной и кавалерийской нужно иметь по одному генералу или же генералы могли бы быть посланы от других частей, тогда был бы шире выбор и можно было бы отправить особо смелых и решительных? *Данилов.*

— Конечно, было бы лучше, если бы оба генерала имели под командою свои полки, хорошо им известные и на которые они могли бы иметь нравственное влияние, но решение этого вопроса я предоставляю вам в зависимости от того, кто командует теми бригадами, кои отправятся в Петроград. Ничего не имею, если поедут начальники дивизий, так как им придется подчинить те запасные части Петроградского гарнизона, которые останутся верными своему долгу. *Алексеев.*

— Слушаю, понял, и будет исполнено. Желаю всего хорошего. *Данилов.*

— До свидания. Будьте здоровы.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Беляеву 27 февраля 1917 г. № 1789.

Передана 27. II. 22 ч. 25 м.

По высочайшему повелению главнокомандующим Петроградского военного округа назначается генерал-адъютант Иванов с чрезвычайными полномочиями. Двадцать восьмого февраля вместе с генерал-

адъютантом Ивановым в Петроград высылаются из ставки три роты георгиевского баталиона. От северного фронта высылаются бригада 15-й кавалерийской дивизии и бригада пехоты. От западного фронта высылаются одна бригада Уральской казачьей или одна бригада второй кавалерийской дивизии и одна бригада пехоты. Прошу срочно сформировать для генерал-адъютанта Иванова штаб из чинов главного управления генерального штаба, главного штаба и штаба округа. От западного и северного фронтов, кроме того, будет назначено по одной кольтовской пулеметной команде. Срочно телеграфируйте, вызвана ли вами из Павловска гвардейская запасная батарея. 27 февраля 1917 года. 1789. Генерал *Алексеев*.

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с вел. князем Михаилом Александровичем 27 февраля 1917 г. около $22^1/_2$ часов [1]).

— У аппарата великий князь Михаил Александрович. Прошу вас доложить от моего имени государю императору нижеследующее: для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения, по моему глубокому убеждению, необходимо увольнение всего состава Совета Министров, что подтвердил мне и князь Голицын. В случае увольнения кабинета, необходимо одновременно назначить заместителей. При теперешних условиях полагаю единственно остановить выбор на лице, облеченном доверием вашего императорского величества и пользующемся уважением в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совета Министров, ответственного единственно перед вашим императорским величеством. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению. В виду чрезвычайно серьезного положения, не угодно ли будет вашему императорскому величеству уполномочить меня безотлагательно объявить об этом от высочайшего вашего императорского величества имени, причем, с своей стороны, полагаю, что таким лицом в настоящий момент мог бы быть князь Львов. Генерал-адъютант *Михаил*.

— Сейчас доложу его императорскому величеству телеграмму вашего императорского высочества. Завтра государь император выезжает в Царское Село. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Позволяю себе доложить, что если последует сейчас какое-либо повеление государя императора, то я немедленно телеграфирую его вашему императорскому высочеству. Генерал *Алексеев*.

— Я буду ожидать ваш ответ в доме военного министра и прошу вас передать его по прямому проводу. Вместе с тем прошу доложить его императорскому величеству, что, по моему убеждению, приезд государя императора в Царское Село, может быть, желательно отложить на несколько дней. Генерал-адъютант *Михаил*.

---

[1]) Заголовок подлинника.

— У аппарата его императорское высочество великий князь Михаил Александрович? Государь император повелел мне от его имени благодарить ваше императорское высочество и доложить вам следующее. Первое. В виду чрезвычайных обстоятельств государь император не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает завтра в два с половиною часа дня. Второе. Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе, его императорское величество откладывает до времени своего приезда в Царское Село. Третье. Завтра отправляется в Петроград генерал-адъютант Иванов в качестве главнокомандующего Петроградского округа, имея с собою надежный батальон. Четвертое. С завтрашнего числа с северного и западного фронтов начнут отправляться в Петроград, из наиболее надежных частей, четыре пехотных и четыре кавалерийских полка. Позвольте закончить личною просьбою о том, чтобы высказанные вашим императорским высочеством мысли в предшествовавшем сообщении вы изволили настойчиво поддержать при личных докладах его императорскому величеству как относительно замены современных деятелей Совета Министров, так и относительно способа выбора нового Совета и да поможет вашему императорскому высочеству господь бог в этом важном деле. Генерал *Алексеев*.

Со своей стороны сообщаю лично вам, что я опасаюсь, как бы не было упущено время до возвращения его величества, так как при настоящих условиях дорог буквально каждый час.

— Благодарю вас, Михаил Васильевич, за принятый на себя труд. Желаю вам полного успеха. Генерал-адъютант *Михаил*.

— Завтра при утреннем докладе еще раз доложу его императорскому величеству желательность теперь же принять некоторые меры, так как вполне сознаю, что в таких положениях упущенное время бывает невознаградимо. Желаю здоровья вашему императорскому высочеству и успеха в той помощи, которую вы желаете оказать государю императору в переживаемые нами решительные минуты, от которых зависит судьба и дальнейшего хода войны и жизни государства. Генерал *Алексеев*.

Разговор по прямому проводу кап. Брагина с подполк. Гаугер 27 февраля 1917 г.

— Пригласите дежурного офицера для срочных переговоров. Капитан *Брагин*.

— У аппарата дежурный офицер подп. Гаугер.

— Связь по городу [1]) прекращена. Идет стрельба на улицах. Доставка телеграмм посыльными невозможна. Все принятые телеграммы с двух часов лежат. Говорят о скором возможном прекращении телефонного сообщения. Сообщаю для сведения.

---

[1]) Т.-е. Петрограду.

Копия телеграммы царя председателю Совета Министров кн. Голицыну 27 февраля 1917 г.

Передана 27. II. 23 ч. 25 м.

Председателю Совета Министров. Птгр.

О главном военном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми. *Николай.*

Телеграмма главнокомандующего северным фронтом ген. Рузского царю 27 февраля 1917 г. № 1147/Б [1]).

Подана 27. II. 21 ч. 15 м.

Принята 27. II. 21 ч. 35 м.

Почитаю долгом представить на благовоззрение вашего величества полученную мной от председателя Государственной Думы телеграмму, указывающую на грозное положение в столице и внутри государства, вызывающее тревогу за судьбу родины. Армия остается проникнутой сознанием долга и желанием довести войну до победного конца. Тем не менее, на ней непосредственно начинают уже отражаться последствия продовольственной и железнодорожной неурядиц, а доходящие на фронт сведения о тяжелом кризисе и о волнениях Петрограда, переживаемых населением, могут в будущем создать условия весьма неблагоприятные. Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений, почему она не может не отразить в себе настроений страны. Поэтому дерзаю всеподданнейше доложить вашему величеству соображение о крайней необходимости принятия срочных мер, которые могли бы успокоить население и вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и свое будущее. Эти меры, принятые теперь, накануне предстоящего оживления боевой деятельности на фронте, вольют новые силы в армию и народ для продления дальнейшего упорства в борьбе с врагом. Позволяю себе думать, что при существующих условиях меры репрессий могут скорее обострить положение, чем дать необходимое длительное умиротворение. 27 февраля. № 1147/Б. Генерал-адъютант *Рузский.*

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. 2 ч.». На копии этой телеграммы в том же деле (л. 68) помета: «Представлена его величеству 27.II. 917 г.».

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 1161/Б.

Подана 28. II. 0 ч 15 м.

Принята 28. II. 0 ч. 33 м.

Назначены 67 и 68 пехотные полки во главе с командиром бригады генералом Листовским. 15 уланский Татарский и 3 Уральский казачий с начальником дивизии генералом Мартыновым, кроме того пулеметная команда Кольта для георгиевского баталиона. В голове пойдет 67 полк, 1-й эшелон которого будет отправлен из Двинска около двух часов 28 февраля. Прибытие в Петроград примерно через 18 часов после отправления. Псков. 27 февраля. 23 часа 45 мин. 1161/Б. *Данилов.*

Копия телеграммы ком. 42 корп. ген. Гулевича командующему войсками Петроградского округа 27 февраля 1917 г.

Высылаю из Выборга роту с пулеметным взводом для восстановления нарушенного у Финляндского вокзала в Петрограде движения по железной дороге. *Гулевич.*

Телеграмма ген. Рузского командующим I, V и XII армий и ком. 42 корп. 28 февраля 1917 г. 1169/Б.

Беспорядки в Петрограде принимают большие размеры. Подробная ориентировка высылается сегодня нарочным для личного вашего сведения. Необходимо принять меры, чтобы беспорядки не перекинулись в другие пункты войсковых районов армий, а также в район общего тыла. В случае перерыва движения на железных дорогах необходимо оказывать всяческое содействие восстановлению нормального движения, требуя помощи, где нет войск, от ополченских и запасных частей. Кроме того необходимо в каждой армии иметь наготове отряд для поезда, в составе двух рот с 4 пулеметами и соответствующей железнодорожной командой, для немедленного направления к угрожаемым пунктам и необходимых быстрых исправлений в случае порчи пути, мостов и станций. Псков. 28 февраля. 16 часов. № 1169/Б. *Рузский.*

Телеграмма графа Капниста начальнику морского штаба верх. главнокомандующего адм. Русину 28 февраля 1917 г. № 2704.

Подана 28. II. 0 ч. 35 мин.

Положение к вечеру таково: мятежные войска овладели Выборгской стороной, всей частью города от Литейного до Смольного и оттуда по Суворовскому и Спасской. Сейчас сообщают о стрельбе на Петроградской стороне. Сеньорен-конвент Государственной Думы, по просьбе делегатов от мятежников, избрал комитет водворения порядка в столице и для сношения с учреждениями и лицами. Сомнительно, однако, чтобы бушующую толпу можно было успокоить. Войска переходят

легко на сторону мятежников. На улицах офицеров обезоруживают. Автомобили толпа отбирает. У нас отобрано три автомобиля, в том числе вашего высокопревосходительства, который вооруженные солдаты заставили выехать со двора моей квартиры, держат с Хижняком, которого заставили править машиной. Командование принял Беляев, но, судя по тому, что происходит, едва ли он справится. В городе отсутствие охраны, и хулиганы начали грабить. Семафоры порваны, поезда не ходят. Морской министр болен инфлюенцией, большая температура — 38°, лежит, теперь ему лучше. Чувствуется полная анархия. Есть признаки, что у мятежников плана нет, но заметна некоторая организация, — например, кварталы от Литейного по Сергиевской и Таврической обставлены их часовыми. Я живу в штабе, считаю, что выезжать в ставку до нового вашего распоряжения не могу. 2704. *Капнист.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому, Эверту, Брусилову и пом. главнокоманд. румынским фронтом ген. Сахарову 27 февраля 1917 г. № 1801 [1]).

Беспорядки, ныне происходящие в Петрограде, могут перебросить в большие центры и на железные дороги. Необходимо немедленно подготовить меры к тому, чтобы обеспечить во что бы то ни стало работу железных дорог. 27 февраля 1917 года. 1801. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. № 199 [2]).

Подана 27. II. 23 ч. 53 м.

Принята 27. II. 23 ч. 59 м.

1789. Из Царского Села вызваны небольшие части двух гвардейских запасных полков и, по просьбе свиты генерала Гротена, более войск из Царского Села вызывать не предположено. Батарея была вызвана из Петергофа, но грузиться в поезд для следования в Петроград отказалась. Так как батареи обоих училищ не имеют снарядов, артиллерийский огонь сегодня не применялся. 199. *Беляев.*

Телеграмма ген. Хабалова ген. Алексееву 27 февраля 1917 г. [3]).

Подана 27. II. 20 ч. 10 м.

Принята 28. II. 0 ч. 55 м.

Прошу доложить его императорскому величеству, что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей одни за другими изменили своему долгу, отказываясь сражаться

[1]) На подлиннике пометы о времени передачи телеграммы: «Главкосев — 27. II. 23 ч. 20 м. Главкозап — 28. II. 0 ч. 10 м. Главкоюз — 27. II. 23 ч. 45 м. Поглавкорум — 28. II. 0 ч. 52 м.». Кроме того, на подлиннике имеется след. помета: «Копия передана ген. Тихменеву. Полк. *Базаров.* 27. II. 1917».

[2]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. 1 ч.».

[3]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. 1 ч.».

против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили свое оружие против верных его величеству войск. Оставшиеся верными долгу весь день боролись против мятежников, понеся большие потери. К вечеру мятежники овладели большею частью столицы. Верными присяге остаются небольшие части разных полков, стянутые у Зимнего дворца под начальством генерал-майора Занкевича, с коими буду продолжать борьбу. Генерал-лейтенант *Хабалов*.

Запрос в ставку верх. главнокомандующего телеграфных чиновников из Петрограда 28 февраля 1917 г. [1]).

— Если у вас много депеш, то мы фактически больше никуда не можем доставлять, так как окружены со всех сторон мятежниками. Пулеметы не дают [пройти] никому даже на площадь, так что депеши могут только попасть в руки мятежников, если не успеем уничтожить их. Скажите, что это видно из депеши ген. Хабалова. Высочайшей депеши председателю Совета Министров не могли доставить, так как проезда по городу нет, а передали по телефону министру иностранных дел, который в заседании Совета Министров. Иначе никак не могли, так что передача депеш, повидимому, излишня.

Телеграмма ген. Беляева дворцовому коменданту ген.-ад. Воейкову 28 февраля 1917 г. № 200 [2]).

Подана 28. II. 1 ч. 55 м.

Принята 28. II. 1 ч. 59 м.

Мятежники заняли Мариинский дворец. Благодаря случайно услышанному по телефону разговору, там теперь члены революционного правительства. Министры, кроме Покровского и Войновского-Кригера, заблаговременно ушли из дворца. Относительно этих двух сведений не имею. 200. *Беляев*.

Телеграмма ген. Алексеева председателю Совета Министров кн. Голицыну 27 февраля 1917 г. № 1802.

Передана 28. II. 1 ч. 19 м.

По высочайшему повелению главнокомандующим Петроградского военного округа назначается генерал-адъютант Иванов с чрезвычайными полномочиями. Двадцать восьмого февраля вместе с генерал-адъютантом Ивановым в Петроград высылается из ставки георгиевский баталион. С северного и западного фронтов высылаются четыре полка конницы и четыре полка пехоты. 27 февраля 1917 года. 1802. Ген.-адъютант *Алексеев*.

---

[1]) На подлиннике пометы: «28. II. 1917 г. 1 час. 05 мин. — Депеши будут передаваться — пока будет действовать провод. Г.-л. *Лукомский*».

[2]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. 2 ч.».

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому и ген. Эверту 28 февраля 1917 г. № 1805 [1]).

Государь император повелел назначить сверх войск, высылаемых в Петроград согласно предшествовавшей моей телеграммы, еще по одной пешей и одной конной батарее от каждого фронта, имея на орудие по одному зарядному ящику и сделав распоряжение о дополнительной присылке снарядов в хвосте всего движения назначенных войск. Краткий обзор событий в столице сообщу вам двадцать восьмого февраля. 28 февраля 1917 года. 1805. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева командующему войсками Московского военного округа ген. Мрозовскому 28 февраля 1917 г. № 1806.

Передана 28. II. 3 ч. 45 м.

Прошу вас сообщить мне, каково настроение в Москве, и не отражаются ли на ней события в Петрограде? Государь император предоставляет вам полномочие объявить Москву в осадном положении в ту минуту, когда в этом окажется надобность, донеся о принятой мере государю императору в Царское Село и сообщив мне. Нужно принять все возможные меры, дабы обеспечить работу железных дорог московского железнодорожного узла и прилив продовольствия, дабы не было недостатка хлеба, так как первые беспорядки в Петрограде возникли из-за недостатка хлеба для наиболее бедной части населения. 28 февраля 1917 года. 1806. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Эверта ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 6114.

Принята 28. II. 4 ч. 55 м.

Минск. 28 февраля. 2 ч. 12 м. Во исполнение высочайшего повеления, в Петроград командируются: 34 Севский и 36 Орловский пех. полки, под начальством начдива 9-й пехотной генерала Лошунова, 2 гусарский Павлоградский и 2 Донской казачий полки под командой комбрига генерала Юрьева и начальника дивизии генерала князя Трубецкого. Одновременно и вместе с пехотными полками для георгиевского батальона командируется пулеметная команда Кольта от 10-го корпуса. Посадка начнется с полудня 28 февраля и окончится 2 марта. 6114. *Эверт.*

Служебная записка нач. военных сообщений театра военных действий ген.-м. Тихменева ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 42.

1917 г. 28 февраля. 9 ч. 10 м.

Представляю депешу, полученную около 2 ч., после отъезда государя императора на вокзал, и посланную вслед на вокзал его величеству. Императорский поезд отошел в 5 ч. (утра) в моем присутствии. Ген. *Тихменев.*

[1]) На подлиннике пометы о времени передачи этой телеграммы: «Главкосев — 28. II. 2 ч. 12 м. Главкозап — 28. II. 2 ч. 27 м.».

Телеграмма выборных членов Госуд. Совета 28 февраля 1917 г. [1]).

Ваше императорское величество. Мы, нижеподписавшиеся члены Государственного Совета по выборам, в сознании грозной опасности, надвинувшейся на родину, обращаемся к вам, чтобы выполнить долг совести перед вами и перед Россиею. Вследствие полного расстройства транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов, остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до отчаяния. Это чувство еще обострилось тою ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу. Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением. Государь! Дальнейшее пребывание настоящего правительства у власти означает полное крушение законного порядка и влечет за собою неизбежное поражение на войне, гибель династии и величайшие бедствия для России. Мы почитаем последним и единственным средством решительное изменение вашим императорским величеством направления внутренней политики согласно неоднократно выраженным желаниям народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета Министров и поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия, представить вам, государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страною в полном согласии с народным представительством. Каждый час дорог. Дальнейшие отсрочки и колебания грозят неисчислимыми бедами. Вашего императорского величества верноподданные члены Государственного Совета: *барон Меллер-Закомельский, Гримм, Гучков, Юмашев, Савицкий, Вернадский, Крым, граф Толстой, Васильев, Глебов, Зубашев, Лаптев, Ольденбург, Дьяконов, Вайнштейн, князь Трубецкой, Шумахер, Стахович, Стахеев, Комсин, Шмурло, князь Друцкой-Соколинский, Марин.*

Докладная записка главноком. войсками Петроградского военного округа ген.-ад. Иванова ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № I [2]).

Начальнику штаба верховного главнокомандующего.

При представлении моем сего числа, около 3 часов утра, государю императору, его императорскому величеству было благоугодно повелеть доложить вам, для поставления в известность председателя Со-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917».

[2]) Вся записка написана собственноручно ген. Ивановым. На записке помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917».

вета Министров, следующее повеление его императорского величества: «Все министры должны исполнять все требования главнокомандующего Петроградским военным округом генерал-адъютанта Иванова беспрекословно».

Генерал-адъютант *Иванов*.

Телеграмма ген. Хабалова ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 415.

Подана 28. II. 8 ч. 21 м.

Принята 28. II. 8 ч. 25 м.

Число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 15 пулеметах, 12 орудиях, с 80 патронами всего. Положение до чрезвычайности трудное. 415. *Хабалов*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому 28 февраля 1917 г. № 1807.

Передана 28. II. 11 ч. 13 м.

Государь император повелел в случае требования генерал-адъютанта Иванова назначить в его распоряжение один наиболее прочный баталион Выборгской крепостной артиллерии. 28 февраля 1917 г. 1807. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева морскому министру адм. Григоровичу 28 февраля 1917 г. № 1809.

Передана 28. II. 11 ч. 5 м.

Государь император повелел в случае требования генерал-адъютанта Иванова назначить в его распоряжение два наиболее прочных баталиона Кронштадтской крепостной артиллерии. 28 февраля 1917 г. 1809. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Беляеву 28 февраля 1917 г. № 1808.

Передана 28. II. 11 ч. 10 м.

Передаю вам высочайшее повеление, отданное словесно через генерал-адъютанта Иванова около трех часов. Прошу вас изыскать все способы вручить это повеление председателю Совета Министров и прочим министрам. Повеление следующее: «все министры должны исполнять все требования главнокомандующего Петроградским военным округом генерал-адъютанта Иванова беспрекословно». 28 февраля 1917 года. 1808. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 201 [1]).

Копия: Орша, вслед, дворцовому коменданту.

Подана 28. II. 11 ч. 32 м.

Положение попрежнему тревожное. Мятежники овладели во всех частях города важнейшими учреждениями. Войска, под влиянием утомления, а равно пропаганды, бросают оружие и переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Сейчас даже трудно указать, какое количество рот является действительно надежными. На улицах все время идет беспорядочная пальба, всякое движение прекращено, появляющихся офицеров и нижних чинов разоружают. При таких условиях сколько-нибудь нормальное течение жизни государственных установлений и министерств прекратилось. Министры Покровский и Войновский-Кригер вчера в ночь выбрались из Мариинского дворца и сейчас находятся у себя. Скорейшее прибытие войск крайне желательно, ибо, до прибытия надежной вооруженной силы, мятеж и беспорядки будут только увеличиваться. Великий князь Михаил Александрович выехал из дома военного министра в 3 часа ночи, не мог проехать на вокзал и вернулся в Зимний дворец. 201. *Беляев.*

Телеграмма ген. Хабалова ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. [2]).

Принята 28. II. 1917 г. 11 ч. 30 м.

1) В моем распоряжении в здании главного адмиралтейства четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен, две батареи, прочие войска перешли на сторону революционеров или остаются, по соглашению с ними, нейтральными. Отдельные солдаты и шайки бродят по городу, стреляя в прохожих, обезоруживая офицеров. 2) Все вокзалы во власти революционеров, строго ими охраняются. 3) Весь город во власти революционеров, телефон не действует, связи с частями города нет. 4) Ответить не могу. 5) Министры арестованы революционерами. 6) Не находятся вовсе. 7) Не имею. 8) Продовольствия

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. 11 ч. 45 м.».

[2]) Эта телеграмма ген. Хабалова, повидимому, представляет собой копию ответа его на след. вопросы, заданные ему ген. Ивановым в разговоре по прямому проводу из Могилева: «1) Какие части в порядке и какие безобразят? 2) Какие вокзалы охраняются? 3) В каких частях города поддерживается порядок? 4) Какие власти правят этими частями города? 5) Все ли министерства правильно функционируют? 6) Какие полицейские власти находятся в данное время в вашем распоряжении? 7) Какие технические и хозяйственные учреждения военного ведомства ныне в вашем распоряжении? 8) Какое количество продовольствия в вашем распоряжении? 9) Много ли оружия, артиллерии и боевых припасов попало в руки бунтующих? 10) Какие военные власти и штабы в вашем распоряжении?» (См. Е. И. Мартынов. «Царская армия в февральском перевороте», 1927, стр. 117—119.)

в моем распоряжении нет. В городе к 25 февраля было 5.600.000 [1]) пудов запаса муки. 9) Все артиллерийские заведения во власти революционеров. 10) В моем распоряжении лично начальник штаба округа. С прочими окружными управлениями связи не имею. Генерал *Хабалов*.

Телеграмма ген. Иванова ген. Рузскому 28 февраля 1917 г. № 2.

Передана 28. II. 11 ч. 24 м.

Части, назначенные в мое распоряжение: 67 и 68 пехотные полки, под начальством генерала Листовского, и 15 уланский Татарский и 3 Уральский казачий полки, под начальством генерала Мартынова, и пулеметная команда Кольта, с целью сосредоточения, должны высадиться на ст. Александровская, вблизи Царского Села, где и получат от меня дальнейшие указания. Выезжаю из Могилева сегодня, 28 февраля, в 13 часов и предполагаю быть на ст. Царское Село около 8 часов 1 марта, где и остановлюсь на вокзале до выяснения обстановки. Об отданных по сему распоряжениях прошу мне телеграфировать на ст. Дно и Царское Село и приказать этим частям по прибытии в Царское Село установить со мною связь. 28 февраля 1917 г. № 2. Генерал-адъютант *Иванов*.

Телеграмма ген. Рузского ген. Иванову 28 февраля 1917 г. № 1168/Б.

Дно—Царское Село-вокзал, вагон.

Подана 28. II. 16 ч. 25 м.

Все распоряжения сделаны, копия таковых послана вам депешей в Царское Село. 1168/Б. 28. II. 16 ч. *Рузский*.

Телеграмма ген. Иванова ген. Эверту 28 февраля 1917 г. № 1.

Передана 28. II. 11 ч. 26 м.

Части, назначенные в мое распоряжение: 34 и 36 пехотные полки, под начальством генерала Лошунова, 2 гусарский Павлоградский и 2 Донской казачий полки, под начальством генерала князя Трубецкого, и пулеметная команда Кольта и две батареи, с целью сосредоточения, должны высадиться на ст. Царское Село, где и получат от меня дальнейшие указания. Выезжаю из Могилева сегодня, 28 февраля, в 13 часов и предполагаю быть на ст. Царское Село около 8 часов 1 марта, где и остановлюсь на вокзале до выяснения обстановки. Об отданных по сему распоряжениях прошу мне телеграфировать на ст. Дно и Царское Село и приказать этим частям по прибытии в Царское Село установить со мною связь. 28 февраля 1917 г. № 1. Генерал-адъютант *Иванов*.

---

[1]) Так в подлиннике.

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим фронтами 28 февраля 1917 г. № 1813 [1]).

Двадцать шестого, в тринадцать часов сорок минут, получена телеграмма генерала Хабалова о том, что двадцать пятого февраля толпы рабочих, собиравшиеся в различных частях города, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими чинами. Около семнадцати часов у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги. На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов и был ранен один рядовой. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около восемнадцати часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранены один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. Двадцать пятого февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Генералом Хабаловым было объявлено о воспрещении скопления народа на улицах и подтверждено, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силою оружия. По донесению генерала Хабалова, с утра двадцать шестого февраля в городе спокойно. Двадцать шестого, в двадцать два часа, получена телеграмма от председателя Государственной Думы Родзянко, сообщающего, что волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры и что начало беспорядков имело в основании недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику.

Двадцать седьмого военный министр всеподданнейше доносит, что начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Бунт еще не подавлен, но военный министр выражает уверенность в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Председатель Государственной Думы двадцать седьмого около полудня сообщает, что начался военный бунт, что войска становятся на сторону населения и убивают своих офицеров. Генерал Хабалов двадцать седьмого, около полудня, всеподданнейше доносит, что одна рота запасного батальона Павловского полка двадцать шестого февраля заявила что не будет стрелять в народ. Командир батальона этого полка ранен из толпы.

Двадцать седьмого февраля учебная команда Волынского полка отказалась выходить против бунтовщиков, и начальник ее застрелился. Затем эта команда с ротой этого же полка направились в расположение других запасных батальонов, и к ним начали присоединяться люди этих частей. Генерал Хабалов просит о присылке надежных частей

[1]) На подлиннике пометы об отправлении: «Главкосев — 28. II. 13 ч. 10 м. Главкозап — 28. II. 14 ч. Главкоюз — 28. II. 14 ч. Поглавкорум — 28. II. 14 ч. 58 м. Августейшему главнокомандующему Кавказской армии пер. 28. II. 19 ч. 25 м.».

с фронта. Военный министр к вечеру двадцать седьмого февраля сообщает, что батарея, вызванная из Петергофа, отказалась грузиться на поезд для следования в Петроград. Двадцать седьмого февраля, между двадцатью одним часом и двадцатью двумя, дано указание главнокомандующим северного и западного фронтов отправить в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских и по два пехотных полка, с энергичными генералами во главе бригад, и по одной пулеметной команде Кольта для георгиевского баталиона, который приказано направить двадцать восьмого февраля в Петроград из ставки. По высочайшему повелению, главнокомандующим Петроградским военным округом, с чрезвычайными полномочиями и подчинением ему всех министров, назначен генерал-адъютант Иванов.

Двадцать седьмого, около двадцати четырех часов, мною сообщено главкосев, главкозап, главкоюз и поглавкорум о необходимости немедленно подготовить меры к тому, чтобы обеспечить во что бы то ни стало работу железных дорог. Двадцать седьмого, после девятнадцати часов, военный министр сообщает, что положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить не удается, и войсковые части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары.

Петроград объявлен в осадном положении. Двадцать восьмого, в два часа, посланы телеграммы от меня главкосев и главкозап о направлении в Петроград, сверх уже назначенных войск, еще по одной пешей и одной конной батарее от каждого фронта.

Двадцать восьмого февраля, в три часа, мною послана телеграмма командующему войсками Московского округа о принятии необходимых предупредительных мер на случай, если беспорядки перекинутся в Москву, и об обеспечении работы железнодорожного узла и прилива продовольствия. Двадцать восьмого февраля, в час, от генерала Хабалова получена телеграмма на высочайшее имя, что он восстановить порядок в столице не мог. Большинство частей изменило своему долгу, и многие перешли на сторону мятежников. Войска, оставшиеся верными долгу, после борьбы в продолжение всего дня понесли большие потери. К вечеру мятежники овладели большей частью столицы, и оставшиеся верными присяге небольшие части разных полков стянуты у Зимнего дворца.

Двадцать восьмого февраля, в два часа, военный министр сообщает, что мятежники заняли Мариинский дворец и там находятся члены революционного правительства. Двадцать восьмого февраля, в восемь часов двадцать пять минут, генерал Хабалов доносит, что число оставшихся верных долгу уменьшилось до шестисот человек пехоты и до пятисот всадников, при пятнадцати пулеметах и двенадцати орудиях, имеющих всего восемьдесят патронов, и что положение до чрезвычайности трудное. Головной эшелон пехотного полка, отправляемый

с северного фронта, подойдет к Петрограду примерно к утру первого марта [1]). Государь император в ночь с 27 на 28 февраля изволил отбыть в Царское Село. По частным сведениям, революционное правительство вступило в управление Петроградом, объявив в своем манифесте о переходе на его сторону четырех гвардейских запасных полков, о занятии арсенала Петропавловской крепости, главного артиллерийского управления. Только что получена телеграмма военного министра, что мятежники во всех частях города овладели важнейшими учреждениями. Войска, под влиянием утомления и пропаганды, бросают оружие, переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Все время на улицах идет беспорядочная пальба, всякое движение прекращено, появляющихся офицеров и нижних чинов на улицах разоружают. Министры все целы, но работа министерств, повидимому, прекратилась. По частным сведениям, председатель Государственного Совета Щегловитов арестован. В Государственной Думе образован совет лидеров партий для сношения революционного правительства с учреждениями и лицами, назначены дополнительные выборы от рабочих и мятежных войск. Только что получена от генерала Хабалова телеграмма, из которой видно, что фактически влиять на события он более не может. Сообщая об этом, прибавляю, что на всех нас лег священный долг перед государем и родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов. 28 февраля 1917 года. 1813. Ген. *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Брусилову 28 февраля 1917 г. № 1812.

Передана 28. II. 12 ч. 15 м.

В дополнение моего сообщения о положении дел в Петрограде уведомляю, что государь император изволил выразить желание назначить в распоряжение генерала Иванова гвардейские полки: Преображенский, третий и четвертый стрелковые, отправя их, как только представится возможность по условиям железнодорожных перевозок. Прошу ваших распоряжений о подготовке этих полков, выводе их в резерв. Не откажите уведомить, когда обстоятельства позволят отправить эти войска. Думаю, что полезно придать им одну батарею. Если обстоятельства потребуют дальнейшего усиления в Петрограде вооруженной силы, то придется отправить одну из гвардейских кавалерийских дивизий. Войска, отправляемые северным и западным фронтами, будут снабжаться хлебом попечением фронтов. Если это вашему фронту будет затруднительно, просил бы просить генерала Рузского принять довольствие ваших войск на попечение северного фронта. 1812. *Алексеев*.

---

[1]) Зачеркнуто в подлиннике: «двадцати часам сегодняшнего числа».

Телеграмма гр. Капниста адм. Русину 28 февраля 1917 г. № 2707 [1]).

Весь город в руках мятежников и войск, перешедших на их сторону. Правительственные войска — несколько рот. Хабалов засел в адмиралтействе, организует оборону, как последнего редута. Опасаюсь, что это послужит только бесполезному истреблению драгоценных документов штаба и кораблестроения. Телефоны прерваны. Мятежники появились со стороны Гороховой. 2707. *Капнист.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Беляеву 28 февраля 1917 г. № 1811.

Передана 28. II. 11 ч. 15 м.

Благоволите срочно сообщить судьбу Кригер-Войновского, а равно, может ли при настоящем положении министерство путей сообщения управлять железными дорогами, ибо при отсутствии этой возможности власть над всей сетью должна безотлагательно перейти к товарищу министра путей сообщения на театре военных действий. 1811. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 202 [2]).

Подана 28. II. 12 ч. 25 м.

1811. Министр путей вчера был застигнут в Мариинском дворце при занятии его мятежниками. Ему удалось скрыться в подвалах, откуда в 4 часа ночи он незаметно скрылся и, по имеющимся у меня данным, перешел на квартиру сенатора Гарина, Миллионная, 11. При таких условиях ни он, ни министерство путей не могут правильно и безостановочно выполнять своих функций, почему управление всей сетью, казалось бы, должно без замедления перейти к товарищу министра на театре военных действий. Высочайшее повеление, сообщенное вашим высокопревосходительством телеграммою 1808, мною передано четырем министрам, с коими могу поддерживать связь по дворцовому телефону. Городской телефон не действует, и потому с остальными министрами, в том числе и председателем, сегодня связи не имею. 202. *Беляев.*

Отношение ген.-квартирмейстера при верх. главнокоманд. ген. Лукомского на имя тов. министра путей сообщения на театре военных действий ген.-м. Кислякова 28 февраля 1917 г. № 1818.

На обороте сего сообщаю вам копию телеграммы военного министра по вопросу об управлении сетью железных дорог, на каковой телеграмме начальник штаба верховного главнокомандующего поло-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917.».

[2]) На подлиннике резолюция ген. Алексеева: «Копию передать ген. Кислякову. Управление всеми жел. дор. временно принимаю на себя через товарища м[инистра] п[утей] с[ообщения] на театре военных действий. Ген. *Алексеев.* 28. II.917. 12 ч. 35 м.».

жил следующую резолюцию: «Копию передать ген. Кислякову. Управление всеми железными дорогами временно принимаю на себя через товарища мин. путей сообщ. на театре военных действий. Ген. Алексеев». Генерал-лейтенант *Лукомский*. Генер. штаба подполк. *Барановский*.

Отношение тов. министра путей сообщения на театре военных действий ген. Кислякова на имя ген.-квартирмейстера при верх. главнокомандующем ген. Лукомского 1 марта 1917 г. № 1.

Секретно. Срочно.

В виду личного доклада моего начальнику штаба верховного главнокомандующего, что до сего времени железные дороги фронта руководились нами лишь в техническом отношении и находились в полном подчинении управлению ж. д. в отношении хозяйственном, почему перенесение управления ими в ставку может вызвать затруднения в смысле дальнейшей планомерной работы всей сети дорог, его высокопревосходительство приказал сообщенную в отношении вашем меру отложить впредь до нарушения действий центрального управления железных дорог.

Генерал-майор *Кисляков*. Секретарь *Н. Кочетков*.

Копия телеграммы ген. Эверта начдиву 9-й пехотной ген. Лошунову, начдиву 2-й кавалерийской ген. кн. Трубецкому 28 февраля 1917 г. № 6121.

Принята 28. II. 13 ч. 9 м.

Минск. 28 февраля. 11 ч. 50 м. В то время как жестокий враг стоит упорной стеной на нашей родной земле, когда наши братья, томимые вражеской неволей, ждут не дождутся, когда эта стена рухнет под мощным усилием всей России, когда все мы чуем, что час победы близок, что враг напрягает последние силы перед надвигающимся грозным призраком печального для него конца, у нас за спиной, в столице, начались беспорядки. Спокойная работа заводов, которая обеспечивала наши армии снарядами, патронами, снаряжением и вооружением, необходимыми, чтобы окончательно сразить надменного врага, нарушена, и с каждым новым днем беспорядков уменьшается материальная мощь храбрых наших войск, стоящих лицом к лицу с коварным врагом. Каждый такой день приносит нам вред, а противнику идет на пользу. В твердом непоколебимом решении довести в тесном единении с союзниками навязанную нам войну до победного конца, государь император повелел призвать к восстановлению порядка и правильной работы в тылу полки из действующей армии. Передайте командируемым под вашим начальством полкам и батареям, что, исполняя высочайшее повеление и останавливая свой выбор на доблестных севцах, орловцах, павлоградцах и донских казаках 2-го наследника цесаревича полка с их батареями, я ни минуты не сомневаюсь, что проникнутые, как и всегда, непоколебимой верностью

царю и преданностью родине, они с честью выполнят возложенное на них, в трудную для государства минуту, ответственное дело, твердо памятуя, что порядок внутри России, который они призваны государем восстановить, нужен для победы над нашим упорным врагом. Без этой победы невозможен мир, тот славный мир, который обеспечит свободное, спокойное и широкое процветание нашей родины. К этой победе до сих пор неуклонно шли их доблестные товарищи, смертью своею запечатлевшие верность престолу и России, к ней же всеми силами и помышлениями стремится вся армия и теперь. Напутствуя назначенные на государево дело полки, прошу вас напомнить им, что залог успешного выполнения возложенной на них задачи лежит в строжайшем внутреннем порядке и полной дисциплине их самих, дабы прежде всего они всегда и везде служили для всех живым примером верных слуг своего царя и родины. 6121. Генерал-адъютант *Эверт*.

Копия телеграммы ген. Эверта командующим II, III и X армиями 28 февраля 1917 г. № 6126.

Принята 28. II. 14 ч. 20 м.

Минск. 28 февраля. 11 ч. 30 м. В Петрограде — восстание. Ни в каком случае никакое брожение среди войск фронта не может быть допущено. Войска должны помнить, что мы стоим перед злейшим врагом России и что наша святая обязанность — отстоять родину от врага. Примите к этому все необходимые меры. 6126. *Эверт*.

Телеграмма ген. Беляева ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 9157 [1]).

Подана 28. II. 13 ч. 30 м.
Принята 28. II. 14 ч. 25 м.

Около 12 часов дня 28 февраля остатки оставшихся еще верными частей, в числе 4 рот, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованию морского министра были выведены из адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание. Перевод всех этих войск в другое место не признан соответственным, в виду неполной их надежности. Части разведены по казармам, причем, во избежание отнятия оружия по пути следования, ружья и пулеметы, а также замки орудий сданы морскому министерству. 9157. *Беляев*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Беляеву 28 февраля 1917 г. № 1816.

Передана 28. II. 18 ч. 30 м.

В Петроград командируются с севфронта 67 и 68 пехотные полки во главе с командиром бригады генералом Листовским, 15 уланский Татарский и 3 Уральский казачий полки с начдив генералом Марты-

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «28. II. 917. Главнокомандующим. В Царское Село для представления гос. имп. и г.-а. Иванову».

новым; кроме того, пулеметная команда Кольта для георгиевского баталиона. Первый эшелон 67 полка отправлен из Двинска около восьми часов 28 февраля и прибудет в Петроград не ранее рассвета 1 марта. С запфронта командируются 34 и 36 полки под начальством начдива 9 пехотной генерала Лошунова, 2 гусарский Павлоградский и 2 Донской казачий полки под командой командира бригады генерала Юрьева и начдива генерала князя Трубецкого; кроме того, пулеметная команда Кольта для георгиевского баталиона. С северного и западного фронтов, кроме того, направляются в Петроград по одной пешей и по одной конной батарее с каждого фронта. Сделаны распоряжения об отправлении с юго-западного фронта, как только представится возможность, лейб-гвардии Преображенского, третьего и четвертого гвардейских стрелковых полков. Если представится необходимость, то в Петроград будет отправлена одна из гвардейских кавалерийских дивизий, каковую приказано подготовить к посадке. 28 февраля 1917 года. 1816. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Лукомского ген.-квартирмейстеру западного фронта ген. Лебедеву 28 февраля 1917 г. № 1817.

Передана 28. II. 15 ч. 55 м.

Наштаверх приказал немедленно направить по маршруту Орша — Царское Село одну полевую радиостанцию с офицером в распоряжение генерал-адъютанта Иванова, выехавшего из ставки 28 сего февраля эшелоном номер 8. Офицер должен явиться к генерал-адъютанту Иванову на любом пункте линии железной дороги, где он встретит названного генерала, и поступить в его распоряжение. Кроме того, одну полевую радиостанцию следует направить в Невель и открыть там действия, поддерживая непрерывную радиосвязь с тремя радиостанциями: находящейся в распоряжении генерала Иванова, в ставке и во Пскове. Радиостанции могут выступить не в штатном составе, а лишь в необходимом для обеспечения поддержания непрерывной радиосвязи между указанными пунктами. О последующем прошу уведомить с указанием порядковых номеров означенных станций. 28 февраля 1917 года. 1817. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Лебедева ген. Лукомскому 1 марта 1917 г. № 6143/99 [1]).

Копия генералу Тихменеву.

Минск. 1 марта. 1 ч. 20 м. 1817. Одна радиостанция, под командой капитана Козякина, порядковый номер 217, назначенная в распоряжение генерал-адъютанта Иванова, погружена 28 февраля и срочно отправляется по указанному маршруту. Вторая радиостанция, по-

[1]) На подлиннике резолюция ген. Алексеева: «1. III. 917. Сообщить ген.-ад. Иванову».

рядковый номер 218, под командой прапорщика Гурьянова, грузится 1 марта, утром, после чего срочно отправляется на станцию Невель. 6143/99. *Лебедев.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому и ген. Эверту 28 февраля 1917 г. № 1819.

Послана главкосев — 28. II. 19 ч. 21 м.
Главкозап — 28. II. 18 ч.

Если обстоятельства потребуют дальнейшего усиления войск, направленных в Петроградский округ, то подлежат отправлению остальные полки и батареи 2 и 15 кавалерийских дивизий. От юзфронта предназначена часть гвардейских полков, которые отправятся, когда позволят условия железнодорожного движения. 1819. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Занкевича ген. Лукомскому 28 февраля 1917 г. № 9158 [1].

Подана 28. II. 17 ч. 25 м.
Принята 28. II. 17 ч. 30 м.

Благоволите уведомить, когда прибудет назначенный главнокомандующим генерал-адъютант Иванов. 9158. *Занкевич.*

Разговор по прямому проводу морского штаба верх. главнокомандующего с главным морским штабом 28 февраля 1917 г. в 18 ч.

— Наморштаверх просит узнать, где капранг Альтфатер.

— Капранг Альтфатер в Петрограде, уехать не может никуда, так как вокзалы заняты мятежниками. Обстановка теперь такова: Дума делает попытки собрать войска в казармы и подчинить их офицерам, но для этого ей необходимо опереться на какой-либо правительственный акт, который послужил бы началом успокоения. Таким актом должно быть прежде всего назначение заслуживающего общее доверие лица главой правительства, коему предоставить составить кабинет. Всякое промедление крайне опасно, потому что, с одной стороны, войска перепьются и исхулиганются, а, во-вторых, может образоваться рабочая организация, которая подымет социалистическое знамя и устранит Думу. Правительственных войск больше нет, и гарнизоны пригородных мест почти все примкнули к мятежникам. Про гарнизон Царского Села я не знаю. Едва ли, впрочем, какие-либо войска удержатся на стороне теперешнего правительства. Принял старлейт *Арнаутов.*

Верно: Генерального штаба подполковник *Барановский.*
28 февраля 1917 года. 18 часов.

---

[1]) На подлиннике помета синим карандашом: «1-е дел. Срочно исполнить. *Л.* 28. II.».

Телеграмма майора Тонелли из Петрограда ген. Ромеи, состоявшему при ставке, 28 февраля 1917 г.

Принята 28. II. 16 ч. 28 м. Перевод.

Революционное движение распространилось на весь город. Народ открыл камеры заключенных, преимущественно политических, занял крепость и почту. Офицеры арестованы и разоружены. Бронированные автомобили ездят по городу с красными флагами. Временное Правительство составлено с Родзянко и Милюковым. Borghesi soldati armati percorrand vie ove echeggiano frosi late e mitragliotrici [1]). Толпа аплодирует проезжающим революционерам и держится спокойно. Кабинет смещен, и Протопопов, говорят, бежал. «Астория» сожжена. Мы все находимся в главном штабе. Я просил капитана Руджиери предложить полковнику Ориго и капитану Борсарелли прибыть ко мне. Он сказал, что они хорошо устроены в посольстве. Телефон занят революционерами. Никакая (nessuna) власть не действует. Майор *Тонелли*.

Телеграмма подполковника Ловернь ген. Жанен, состоявшему при ставке, 28 февраля 1917 г.

Принята 28. II. 16 ч. 32 м. Перевод.

Все петроградские войска перешли на сторону мятежников. До сих пор войска производят мало эксцессов, собственность уважается, убивают или разрушают только в виде репрессий или по ошибке. Некоторые заводы работают. Тюрьмы открыты. Окружной суд и дом генерала Фредерикса сожжены. Комитет из членов Думы непрерывно заседает и взял на себя управление делами.

Перевел и верно генерал-майор (подпись).

28 февраля 1917 г.

Телеграмма команд. Балтийским флотом адм. Непенина адм. Русину 28 февраля 1917 г. № 229/оп [2]).

Подана 28. II. 12 ч.

Мною объявлены Свеаборг, Моонзундская и Абоская позиции на осадном положении. В подчиненных мне частях все в полном порядке. *Непенин*.

Телеграмма гр. Капниста адм. Русину 28 февраля 1917 г. [2]).

Последние войска ушли из адмиралтейства. Все пока спокойно, но вокруг мятежники. В городе довольно спокойно. Кое-где полиция постреливает из пулеметов без толка. *Капнист*.

---

[1]) На полях рукой ген. Лукомского написан перевод этой фразы: «Горожане и солдаты, вооруженные, проходят по улицам».

[2]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «28. II. 917. Гл[авнокомандую]щим».

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим и ген. Сахарову 28 февраля 1917 г. № 1815 [1]).

События в Петрограде, сделавшие революционеров временно хозяевами положения, конечно, известны нашему противнику, быть может, принявшему довольно деятельное участие в подготовке мятежа. Надо допускать, что противник попытается использовать наши внутренние затруднения и проявить активную деятельность на фронте в предположении, что события в Петрограде отразятся на настроении и боевой готовности наших войск. Необходимо иметь это в виду и ожидать в полной готовности возможные частные атаки противника. 1815. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева в Царское Село ген. Иванову 28 февраля 1917 г. № 1833 [2]).

Передана в Царское Село (дворец) 1. III. 1 ч. 15 м.

Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, примкнув к Временному Правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное Правительство, под председательством Родзянки, заседая в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным Правительством, говорит о незыблемости монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства. Ждут с нетерпением приезда его величества, чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожелание народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового министра путей Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите его величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию. *Алексеев.*

28 февраля 1917 г. № 1833.

---

[1]) На подлиннике пометы о времени передачи телеграммы: «Минск — 28. II. 22 ч. 15 м. Южн. фр. — 28. II. 20 ч. 22 м. Псков — 1. III. 1 ч. 8 м.»

[2]) Эта телеграмма была сообщена ген. Клембовским под № 1846 — ген. Рузскому 1. III. 13 ч. 55 м., ген. Эверту — 1 . III. 13 ч. 35 м., ген. Брусилову — 1. III. 14 ч. 59 м., ген. Сахарову — 1. III . 14 ч. 20 м., ген. Янушкевичу — 1. III. 15 ч. 47 м.

Копия телеграммы ген. Алексеева командующим войсками Петроградского, Псковского, Минского, Киевского, Казанского, Одесского, Омского, Иркутского военных округов 28 февраля 1917 г. № 1810 [1]).

Передана 28. II. 13 ч. 16 м. в Петроград.

Благоволите обратить чрезвычайное внимание на ограждение железнодорожных служащих узловых станций, мастерских и депо от посягновений внести к ним смуту извне в пределах вверенного вам округа и примите меры к тому, чтобы все эти служащие были обеспечены продовольствием. Последнее условие приобрело чрезвычайное значение. 1810. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Разговор по прямому проводу ставки с заведующим передвижением войск московского узла 28 февраля 1917 г. в 13 ч. 10 м.

— Я — полковник Люби. В настоящее время объявлено второе положение охраны. Патрулирование конных частей идет беспрерывно. Все войска на местах. С 10 час. утра сегодня не работает трамвай. По слухам, полученным мною, на окраинах прекратились все фабрики: говорят, закрываются магазины. Находясь все время на вокзале, другого сообщить не могу.

Вопрос из ставки:

— Как движение поездов в узле? Были ли эксцессы со стороны публики?

— Нет. Все протекает нормально. Из Петрограда покуда приходят. 5-й Ростовский прошел уже.

Вопрос:

— В случае отклонения от нормального течения жизни столицы, усердная просьба сообщить по аппарату, держа по возможности в курсе дела нас.

— Хорошо. Так и будет. Полковник *Ахшарумов*.

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с нач. штаба западного фронта ген. Квецинским 1 марта 1917 г.

Квецинский. Сейчас нам доставлены телеграммы, разосланные — первая по всем станциям железных дорог — следующего содержания: «Из Петрограда. 6932, 28/II, 13, 50. Военная. По всей сети, всем начальствующим. По поручению Комитета Государственной Думы, я сего числа занял министерство путей сообщения и объявляю следующий приказ председателя Государственной Думы: «Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху всех отраслей госу-

[1]) На подлиннике помета: «Справка: подлинная отправлена г.-м. Кислякову».

дарственного управления, оказалась бессильной. Государственная Дума взяла в свои руки создание новой власти. Обращаюсь к вам от имени отечества, от вас зависит теперь спасение родины — она ждет от вас больше, чем исполнение долга, — она ждет подвига. Движение поездов должно производиться непрерывно с удвоенной энергией. Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием важности транспорта для войны и благоустройства тыла. Председатель Государственной Думы Родзянко». Член вашей семьи, я твердо верю, что вы сумеете ответить на этот призыв и оправдать надежду на вас нашей родины. Все служащие должны остаться на своем посту. Член Государственной Думы Бубликов».

И вторая, доставленная комендантом станции Полоцк Николаевской железной дороги заведывающему передвижением войск минского района: «28/II. 1917. Из Петрограда. Ник. № 10465. Экстренно по всей линии начальствующим лицам службы движения, пути, тяги и телеграфа. По приказанию Временного Правительства, приказываю всем начальникам станций и почтово-телеграфных отделений Николаевской линии немедленно сообщать мне на имя военного коменданта Николаевского вокзала о всех без изъятия воинских поездах, составе и количестве людей и роде оружия, имеющих своим назначением Петроград. То же касается и всех поездов, груженых военными припасами, и не выпуская [sic!] со своей станции данные поезда без соответствующего разрешения от имени Временного Правительства. Военный комендант Николаевского вокзала поручик Греков».

По первой телеграмме сделано распоряжение не допускать ее распространения, а по второй приняты меры к безостановочному движению эшелонов в пределах фронта. Вместе с тем главкозап интересуется знать, не признаете ли необходимым изолировать армии от проникновения туда таких телеграмм. Сделать это только в пределах фронта едва ли достигнет цели, так как оградить от проникновения сведений всяким другим путем нет возможности. Это — с одной стороны, а с другой — неполучение штазапом своевременно таких сведений лишит возможности своевременного принятия мер. Благоволите сообщить взгляд наштаверха по этому вопросу, а равно, каково положение в данное время в Петрограде, и имеете ли вы связь с военным министром, которому мы, согласно ваших указаний, адресуем копии телеграмм по отправке войск. *Квецинский.*

Лукомский. Здравствуйте, Михаил Федорович! Первая телеграмма нам известна, но она не страшна, ибо призывают к порядку; вторую же мы не имели, но надо было ее ожидать, ибо, конечно, будут приняты все меры, чтобы не допустить в Петроград войск. Конечно, нужно принять все меры к тому, чтобы эшелоны следовали безостановочно. Что касается вопроса изоляции от проникновения подобных сообщений, то это совершенно недопустимо, ибо нельзя прекратить телеграфное и почтовое сообщение и тем вызвать панику и общее

замешательство. Необходимо лишь преподать твердые и определенные указания, что долг службы и присяги обязывает всех нас исполнять лишь приказания законных властей, а с теми, кои этого не будут исполнять, поступать по всей строгости военных законов. Вероятно, завтра вы получите указания относительно подчинения железных дорог на театре военных действий наштаверху через товарища министра путей сообщения Кислякова. Так, по крайней мере, намечено. По частным сведениям, в Петрограде теперь спокойно, и в управление в столице вступило Временное Правительство, избранное из состава Думы. Повидимому, никто из настоящих министров ныне не находится у власти. С военным министром у нас связь все это время была, но он сидит на квартире и, повидимому, сам не ориентирован во всем происходящем. Завтра по вопросу железнодорожных перевозок, повторяю, будут вам даны определенные указания. *Лукомский.*

К в е ц и н с к и й. Очень вам благодарен за ваше сообщение. Оно дает надежду полного обеспечения дорог от постороннего влияния. Все доложу главнокомандующему.

Разговор закончен мной с генералом Квецинским 1 марта в 1 час 40 минут. Ген.-лейт. Лукомский. 1/III—17 г.

Разговор по прямому проводу полк. Бармина с полк. Карамышевым 1 марта 1917 г. [1]).

— У апп[арата] полковник Карамышев.

— Я — Бармин. Получили ли сведения из Петрограда от Шихеева?

— Да, получил. Сначала скажу о литерных, которые прошли до Вишеры, были повернуты обратно и через Бологое идут к нам [2]). Ожидаем между 16-ю и 17-ю часами.

Б. Куда к нам?

К. Ожидаем к нам сюда, ожидаем между 16-ю и 17-ю часами. За исключением Варшавского, Виндавского и Балтийского вокзалов, все остальные заняты Временным Правительством. К[омендан ты?] сменены. Порядок не восстанавливается. Из Ораниенбаума, Стрельны, Петергофа прибыли в Петроград все гарнизоны. Начальники отдельных частей и военных училищ заседают в Думе. Протопопов, Питирим, градоначальник, генерал Забелин, Богашев [3]) арестованы в Таврическом дворце. Военный Комитет Думы назначил комендантом города генерального штаба полковника Энгельгардта. Шихеев держит с нами связь, но заявил в конце разговора, что, может быть, к вечеру и его

---

[1]) На подлиннике помета: «1. III. 12 ч. 30 м. Из Пскова». Полк. Бармин — начальник отдела воинского движения в ставке.

[2]) После слова «нам» над строкой написано карандашом: «в Псков. *Г.-м. Тихменев*».

[3]) После слова «Богашев» над строкой написано тем же почерком карандашом: «Начальник управления железных дорог. *Г.-м. Тихменев*».

уберут. По Петрограду шляется масса бродячих нижних чинов, много разбитых магазинов. Много высокопоставленных лиц арестовано, много офицеров убито на улице, где их останавливают, отбирают оружие и даже срывают погоны. Положение совершенно безнадежное в виду отсутствия связи с Петроградом. Сейчас у нас прошел конец депеши от Родзянки к Григоровичу, еще не видал ее. Вот какая обстановка.

Б. Скажите, где сейчас литерные поезда?

К. Литерный А в 11.45 вышел из Старой Руссы, и в то же время литера Б из Полы.

Б. Они следуют в Псков?

К. Да, да, в Псков.

Б. Имеете наряд? и от кого?

К. Официального наряда не имеем. Г [?] поезд идет, мы ему обеспечиваем благополучное следование. Приказание, наверно, получено из поезда.

Б. Это все, что вам говорил Шихеев?

К. Все.

Полк. *Бармин.*

Копия телеграммы ген. Рузского ген. Гулевичу 28 февраля 1917 г. № 1183/Б.

Подана 28. II. 22 ч. 50 м.

Принята 28. II. 23 ч. 13 м.

525. Ваши права определены мною в телеграмме номер 1181/Б. В обстоятельствах чрезвычайных вам надлежит руководствоваться статьей 418 полевого управления и, в случае полного перерыва сообщения, частью второй статьи 600 того же положения. Непосредственное обращение ваше в ставку признаю неправильным. Псков. 1183/Б. 28 февраля. *Рузский.*

Телеграмма ген. Гулевича ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 525.

Копия главкосев [1]).

Подана 28. II. 21 ч. 50 м.

Принята по радио из Выборга только для наштаверх.

По сообщению командующего флотом в Петрограде сформировано Временное Правительство во главе с Родзянко. Моя связь и сообщение прерваны. Прошу указания о моей подчиненности, дабы правильно войска могли исполнить и я свой долг в Финляндии. 525. *Гулевич.*

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «Спросить г.-а. Рузского, какое он дал указание, дабы не вышло противоречивых разъяснений». Ниже помета рукой ген. Лукомского: «Уже есть сообщ[ение] от г.-а. Рузского».

Телеграмма ген. Лукомского ген.-кварт. Петроградского военного округа ген. Занкевичу 28 февраля 1917 г. № 1825.

Передана 28. II. 19 ч. 45 м.

9158. Генерал-адъютант Иванов прибудет в Царское Село в пять часов первого марта. 28 февраля 1917 г. 1825. *Лукомский.*

Телеграмма Родзянко ген. Алексееву 1 марта 1917 г.

Подана 1. III. 5 ч. 51 м.

Временный Комитет членов Государственной Думы сообщает вашему высокопревосходительству, что в виду устранения от управления всего состава бывшего Совета Министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной Думы. Председатель Государственной Думы *Родзянко.*

Копия телеграммы комиссара Испол. Комитета Госуд. Думы Бубликова управляющему и начальнику движения Виндавской жел. дороги 1 марта 1917 г.

Принята 1. III. 11 ч.

По распоряжению Исполнительного Комитета Государственной Думы благоволите немедленно отправить со ст. Дно в направлении на Бологое два товарных поезда, следом друг за другом, и занять ими какой-либо разъезд возможно восточнее ст. Дно и сделать физически невозможным движение каких бы то ни было поездов в направлении от Бологое в Дно. За неисполнение или недостаточно срочное исполнение настоящего предписания будете отвечать как за измену пред отечеством.

Комиссар Исполнит. Комитета Госуд. Думы член Госуд. Думы *Бубликов.*

Разговор по прямому проводу ген. Эверта с ген. Лукомским 1 марта 1917 г. в 11 часов.

— Попросите к аппарату генерала Лукомского, просит главнокомандующий. У аппарата генерал Лукомский?

— Что прикажете, ваше высокопревосходительство? Очень извиняюсь, что вас задержал, занят срочным делом.

— Я — Квецинский. Здравствуйте, Александр Сергеевич. Главкозап сейчас подойдет к аппарату.

— У аппарата главнокомандующий. Сегодня получил две телеграммы за подписью Родзянки, номера 1360 и 1660, вероятно, и вы получили дословно такие же. Сначала я предполагал ничего не отвечать, но это может иметь вид принятия их к сведению или, еще хуже, к исполнению, поэтому, думаю, лучше ответить так: армия присягала своему государю и родине, ее обязанность исполнять повеления верховного вождя и защищать родину. Хотел бы знать мнение Михаила Васи-

льевича. В трудные минуты нужна полная наша общая солидарность. *Эверт.*

— Генерал-адъютант Алексеев получил сегодня одну телеграмму от Родзянки, в которой он призывает к спокойствию в армии и смысл которой тот, чтобы армия не впутывалась пока в дело. Генерал Алексеев хотел ответить, что подобными телеграммами вносится совершенно недопустимое отношение к армии и что необходимо посылку таких телеграмм прекратить. Но эту телеграмму пока генерал Алексеев не послал, так как прежде всего хотел выяснить, прибыли ли в Царское Село государь и генерал-адъютант Иванов, так как до настоящего времени мы этих сведений получить не можем, ибо, по распоряжению Думы, нам не дают прямого провода с Царским Селом. Генерал Алексеев вчера послал телеграмму генерал-адъютанту Иванову, в которой сообщает об успокоении, наступившем в данный момент в Петрограде, и просит доложить государю, что было бы желательно избежать применения открытой силы. Докладываю вам, что, по полученным сообщениям, беспорядки начинаются в Москве и Кронштадте. Генерал Алексеев подписал телеграмму его величеству, в которой, излагая всю обстановку и указывая, что нельзя вести войну в то время, когда в России наступит революция, просит об издании акта, который мог бы успокоить население. Но пока, за отсутствием связи, эта телеграмма не послана. Ваше предположение об ответе Родзянке я сейчас доложу генералу Алексееву, который, к несчастью, чувствует себя плохо, и о его ответе передам генералу Квецинскому для доклада вашему высокопревосходительству. *Лукомский.*

— Александр Сергеевич, телеграмма, вами полученная, очевидно, та же самая, что получена и мною. В другой телеграмме Родзянко кратко сообщает, что бывший Совет Министров устранен и власть перешла к Временному Комитету Государственной Думы. Полагаю, мой ответ именно имеет в виду необходимость скорейшего успокоения. Передайте сердечный привет Михаилу Васильевичу. Дай бог, чтобы нездоровье было легкое, временное и чтоб господь сохранил нам его, когда полное его здоровье особенно необходимо. До свидания. Всего хорошего. *Эверт.*

Из разговора с Ново-Сокольническим отделом Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дороги 1 марта 1917 г. [1]).

10 00 ч. утра. 1. III.

Сообщили из Ново-Сокольнического отдела [2]): известно ли вам, что литерные поезда в Бологое повернули на Дно и дальн[ейшее] направление их из Дно пока неизвестно? В данное время литерные находятся между Валдаем и Руссой на Псков[ском] участке. Полковник [подпись].

[1]) Заголовок подлинника.

[2]) Слова «Сообщили из Ново-Сокольнического отдела» вписаны над строкой красным карандашом.

Телеграмма пом. нач. штаба верх. главнокоманд. ген. Клембовского ген. Иванову 1 марта 1917 г. № 1844 [1]).

Одна радиостанция, под командой капитана Козякина, порядковый номер 217, назначенная в ваше распоряжение, погружена 28 февраля и срочно отправляется по указанному маршруту. Вторая радиостанция, порядковый номер 218, под командой прапорщика Гурьянова, грузится 1 марта утром, после чего срочно отправляется на станцию Невель. 1 марта 1917 г. 1844. *Клембовский.*

Копия телеграммы начальника штаба западного фронта ген. Квецинского командующим II, III и X армиями 28 февраля 1917 г. № 6133.

Подана 28. II. 13 ч. 35 м.

Принята 28. II. 15 ч. 45 м.

Минск. 28 февраля. 13 ч. 35 м. Необходимо быть в полной готовности, если бы понадобилось, в виду возникших в Петрограде беспорядков, обеспечить во что бы то ни стало непрерывную работу железных дорог. Главкозап приказал в каждой армии немедленно подготовить подвижные резервы в необходимом размере с пулеметами под начальством энергичных, твердых командиров, обеспечив быструю посадку этих резервов на поезда. 6133. *Квецинский.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Клембовскому 1 марта 1917 г. № 1193/Б.

Подана 1. III. 15 ч. 45 м.

Принята 1. III. 16 ч. 5 м.

1846. В виду ожидающегося через 2 часа проследования через Псков поезда лит. А, главкосев просит ориентировать его срочно, для возможности соответствующего доклада, откуда у наштаверх сведения, заключенные в телеграмме 1833. 1 193/Б. 15 ч. 45 м. *Данилов.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Клембовскому 1 марта 1917 г. № 1195/Б.

Подана 1. III. 15 ч. 30 м.

Принята 1. III. 16 ч. 24 м.

К № 1189/Б. Железнодорожное сообщение по Финляндской дороге на участке, ближайшем к Петрограду, прервано, и поезда из Выборга следуют только до Белоострова. В соответствии с сим комкор 42 опасается, что баталион Выборгской крепостной артиллерии, в случае потребности в таковом, едва ли представится возможность доставить по назначению. Псков. 1 марта. 15 ч. 30 м. 1195/Б. *Данилов.*

[1]) На подлиннике помета: «Не послана за отсутствием связи».

Разговор по прямому проводу подполк. Барановского (Ставка) с подполк. Медиокритским (Псков) 1 марта 1917 г.

— У аппарата подполковник Барановский. Я сейчас вам передам телеграмму от наштаверха на имя государя императора. Начальник штаба просит эту телеграмму передать главнокомандующему и просит его вручить эту телеграмму государю императору, когда его величество будет проезжать через Псков. Предполагается, что его величество проедет по направлению от станции Дно — Псков около шестнадцати часов; быть может, раньше или позже. Эта телеграмма была передана в Петроград для передачи в Царское Село, но его величество до Царского Села не доехал и едет через Псков. Передаю телеграмму:

«Государю императору. Всеподданнейше доношу телеграмму командующего войсками Московского военного округа, отправленную из Москвы первого сего марта: «Наштаверх, 1806. Сообщаю, что население Москвы, вследствие петроградских событий и отсутствия сведений, крайне возбуждено, газеты сегодня не вышли. 27 февраля порядок не был нарушен. К 12 часам дня 28 февраля почти все заводы забастовали. Рабочие прекращали работу и обезоруживали одиночных городовых, собирались толпы с красными флагами, но рассеивались полицией и казаками. Толпа в несколько тысяч собралась у городской думы, но без активных действий. Одна толпа ворвалась в Спасские казармы, но была вытеснена. Гражданская власть на некоторых площадях передала охранение порядка военным властям. Считаю необходимым немедленное правительственное сообщение о петроградских событиях. Получаю просьбы о сведениях. Дальнейшее умолчание угрожает эксцессами. № 8128. М р о з о в с к и й». Беспорядки в Москве, без всякого сомнения, перекинутся в другие большие центры России, и будет окончательно расстроено и без того неудовлетворительное функционирование железных дорог. А так как армия почти ничего не имеет в своих базисных магазинах и живет только подвозом, то нарушение правильного функционирования тыла будет для армии гибельно, в ней начнется голод и возможны беспорядки. Революция в России,— а последняя неминуема, раз начнутся беспорядки в тылу, — знаменует собой позорное окончание войны со всеми тяжелыми для России последствиями. Армия слишком тесно связана с жизнью тыла, и с уверенностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут таковые же в армии. Требовать от армии, чтобы она спокойно сражалась, когда в тылу идет революция, невозможно. Нынешний молодой состав армии и офицерский состав, в среде которого громадный процент призванных из запаса и произведенных в офицеры из высших учебных заведений, не дает никаких оснований считать, что армия не будет реагировать на то, что будет происходить в России. Мой верноподданнический долг и долг присяги обязывает меня все это доложить вашему императорскому величеству. Пока не поздно, необходимо немедленно

принять меры к успокоению населения и восстановить нормальную жизнь в стране. Подавление беспорядков силою при нынешних условиях ужасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Государственная Дума старается водворить возможный порядок, но если от вашего императорского величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю ваше величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту это единственное спасение. Медлить невозможно, и необходимо это провести безотлагательно. Докладывающие вашему величеству противное бессознательно и преступно ведут Россию к погибели и позору и создают опасность для династии вашего императорского величества. 1847. Генерал-адъютант *Алексеев*».

Передан 15 ч. 55 м. 1. III. 17 г.

— Высочайшую телеграмму принял. Подполк. *Медиокритский*.

— Не откажите мне сообщить, нет ли у вас сведений о нахождении литерных поездов?

— Полковник Карамышев имел сведения, кажется, от вас, что его величество проследует между 14 и 16 часами. Во всяком случае, если угодно, то наведу справки.

— Будьте любезны доложить главнокомандующему, не будет ли признано возможным, если литерные поезда будут находиться недалеко от Пскова, послать навстречу офицера генерального штаба, который мог бы доставить эту депешу.

— Необходимо навести справки, где именно находятся литерные поезда.

— Прошу вас сообщить мне по аппарату результат вашего доклада и справки о поездах. Подполковник *Барановский*.

— Сейчас доложу. Подполковник *Медиокритский*.

15 ч. 58 м. 1. III. 17 г.

Телеграмма ген. Клембовского главнокомандующим армиями 1 марта 1917 г. № 1854/718 [1]).

В Москве полное восстание, и войска переходят на сторону сторонников Временного Комитета Государственной Думы, сформированного с Родзянко во главе для замены упраздненного правительства. В Кронштадте восстание, и Балтийский флот, с согласия командующего флотом, перешел на сторону Временного Комитета. Решение адмирала Непенина вызвано стремлением спасти флот. Генерал-адъютант Алексеев телеграфировал государю, прося издать акт, способный успокоить население и прекратить революцию. Генерал Але-

[1]) На подлиннике пометы: «Передана — Тифлис. 1. III. 21 ч. 15 м. Главкозап. — 1. III. Главкоюзу — 1. III. 18 ч. 9 м. Поглавкоруму — 1. III. 20 ч. 20 м. Главкосеву не передается, так как он ориентирован. Подполковник *Барановский*».

ксеев докладывает, что спасение России и возможность продолжать войну будет достигнуто только тогда, когда во главе правительства будет стоять человек, который будет пользоваться доверием населения и который образует соответствующий кабинет. Его величество еще не прибыл в Царское Село, и поезд находится близ станции Дно. 1 марта 1917 года. 1854/718. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Лебедева ген. Лукомскому 1 марта 1917 г. № 6157.

Принята 1. III. 14 ч. 50 м.

Минск. 1 марта. 13 ч. До сего времени отправлено два эшелона 34 Севского полка, четыре эшелона 2 казачьего и один эшелон 4-й конной батареи. В течение настоящих суток намечено отправить 3 эшелона павлоградцев, 1 эшелон легкой батареи и 4 эшелона 36 Орловского полка. 6157. *Лебедев.*

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву 28 февраля 1917 г. № 1185/Б [1]).

Принята 28. II. 23 ч. 23 м.

Комкор 42 доносит о перерыве железнодорожного сообщения, а также телеграфной и телефонной связи с Петроградом. В виду изложенного и возможности дальнейшего изолирования Финляндии, я впредь до распоряжения подчинил комкору 42 все войска, находящиеся в Финляндии, кроме состоящих в подчинении комфлоту, и предоставил ему право давать указания финляндскому генерал-губернатору в отношении гражданского управления. О таковой мере, принятой мною, прошу доложить государю императору применительно ст. 12 правил о местностях на военном положении. Псков. 1185/Б. 28 февраля. *Рузский.*

Разговор по прямому проводу ген. Клембовского с ген.-кварт. северного фронта Болдыревым 1 марта 1917 г.

— Не откажите переключить аппарат на кабинет главнокомандующего. С ним желает говорить генерал Клембовский.

— Главнокомандующий и начальник штаба уже уехали на вокзал для встречи литерного поезда. Может быть, пригласить к этому аппарату ген. Болдырева? *Полковник Ступин.*

— Сейчас узнаю. Не откажите послать немедленно переданные телеграммы на вокзал с офицером. Передали ли вы наштасеву первую из трех телеграмм?

— Сейчас все повезет офицер на вокзал; туда передано, что есть депеши.

— Полковник Ступин?

— Полковник пошел справиться, там ли?

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «1. III. 917. Телеграмму государю императору».

— Здесь полковник Ступин? Генерал Клембовский просит к аппарату генерала Болдырева.

— Сейчас придут.

— У аппарата помощник начальника штаба. Здравствуйте.—Наштаверх и великий князь Сергей Михайлович просят главнокомандующего всеподданнейше доложить его величеству о безусловной необходимости принятия тех мер, которые указаны в телеграмме генерала Алексеева его величеству, так как им это представляется единственным выходом из создавшегося положения. Так как главнокомандующий, повидимому, держится тех же взглядов, как и наштаверх, то исполнение просьбы их не представит затруднений для него и, быть может, закончится успешно. Великий князь Сергей Михайлович, со своей стороны, полагает, что наиболее подходящим лицом был бы Родзянко, пользующийся доверием. Передайте, пожалуйста, все это на вокзал главнокомандующему, по возможности безотлагательно, до прихода поезда. *Клембовский.*

— Здравия желаю вашему высокопревосходительству. Приказание будет точно и беззамедлительно исполнено. Поезд его величества пока еще не прибыл. Не будут ли еще какие-либо указания с вашей стороны? *Болдырев.*

— Могу лишь прибавить одно — время не терпит. Есть много вопросов, которые надлежит разрешить, между тем обращаться не к кому. До свиданья. *Клембовский.*

— Честь имею кланяться. *Болдырев.*

Разговор окончен 1. III. 17 ч. 40 м. Подп. Сергеевский.

Телеграмма главного морского штаба адм. Русину 1 марта 1917 г.

Послана 29-го [1]) *февраля 1917 г.*

Общее положение в Петрограде:

Думе удалось собрать под свою власть довольно большое число войск, количество коих растет. По городу ставятся караулы и патрули, порядок понемногу восстанавливается. Необходимы, однако, решительные акты власти для удовлетворения требований общественного мнения, иначе все может рушиться, так как растет пропаганда социал-революционеров.

Телеграмма главного морского штаба адм. Русину 1 марта 1917 г.

Подана 1. III. 17 ч. 35 м.

Граф Капнист просит доложить наморштаверху, что за сегодняшний день изменений в общем положении после вчерашней телеграммы не последовало. Порядок налаживается с большим трудом. Есть опас-

[1]) Так в подлиннике. На поле рукой ген. Алексеева сделана помета: «1. III. 917»

ность возможности раскола в самом Комитете Государственной Думы и выделение в особую группу крайних левых революционных партий и Совета Рабочих Депутатов.

Копия телеграммы морского министра адм. Григоровича адм. Русину и ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 2719 [1]).

Мною получена телеграмма коменданта Кронштадта: «Вечером начались беспорядки в некоторых сухопутных частях и береговых командах флота. Части ходят по улицам с музыкой. Принимать меры к усмирению с тем составом, который имеется в гарнизоне, не нахожу возможным, так как не могу ручаться ни за одну часть. 220. Комендант крепости вице-адмирал Курош». Прошу вас передать эту телеграмму в Царское его величеству, ибо прямого сообщения генмора с Царским — нет. 2719. *Григорович.*

Телеграмма ген. Лукомского ген. Данилову 1 марта 1917 г. [2]).

Передаются прилагаемые телеграммы для доклада его величеству. Необходимо принять все меры для доставления их по назначению. Ген.-л. *Лукомский.*

I.

Государю императору.

Всеподданнейше доношу полученную мною телеграмму от командующего флотом Балтийского моря: «С 4-х часов утра 1-го марта прервано сообщение с Кронштадтом каким-либо путем. Главный командир порта убит, офицеры арестованы. В Кронштадте — анархия, и станция службы связи занята мятежниками». Адмирал *Русин.*

II.

Государю императору.

Доношу вашему императорскому величеству телеграмму, полученную от командующего флотом Балтийского моря: «Сообщаю для доклада государю императору, что мною получены следующие телеграммы председателя Государственной Думы Родзянко [3]). Эту переписку сообщил для сведения соседям по фронту, генералам Гулевичу и Рузскому, это же мною объявлено начальникам отдельных частей и приказано прочесть командам. Считаю, что только таким прямым и правдивым путем я могу сохранить в повиновении и боевой готовности

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «1. III. 917. Телеграфировать его величеству». Телеграмма была передана на имя царя в Царское Село 1. III. 1917 г. в 17 ч. 19 м. за № 1849.

[2]) На подлинниках телеграмм имеются пометы об отправлении из ставки — первой: «1. III. 1917 г. 17 ч. 53 м.», второй: «1. III. 1917 г. 18 ч. 13 м.».

[3]) Текст телеграмм Родзянко в настоящей телеграмме отсутствует.

вверенные мне части. Считаю себя обязанным доложить его величеству мое искреннее убеждение в необходимости пойти навстречу Государственной Думе, без чего немыслимо сохранить в дальнейшем не только боевую готовность, но и повиновение частей. О размере беспорядков в Кронштадте не имею донесений с четырех часов утра. В Ревеле забастовали без предъявления каких-либо требований судостроительные мастерские Северо-Западного общества. В Гельсингфорсе была прекращена выпечка хлеба торговцами — заставил печь. В остальном пока нормальное течение жизни и полный порядок. Все на своих местах. 236/оп. 10 час. 1 марта сего года. Непенин». Адмирал *Русин*.

Телеграмма ген. Лукомского начальнику штаба главноком. кавказской армии ген. Янушкевичу 1 марта 1917 г. № 1864/717.

Передана 1. III. 22 ч. 1 м.

1319. Наштаверх просит пока не посылать ответов на такие телеграммы до пропуска царского поезда в Царское Село и до последующего указания от государя. Пока литерные поезда стоят в Пскове. Новых событий нет. Наштаверх нездоров и просит вас получаемые телеграммы от генерала Клембовского и меня докладывать великому князю. 1 марта 1917 г. 1864/717. *Лукомский*.

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко 1 марта 1917 г. № 1845 [1]).

Высшие военные чины и армия в массе свято исполняют долг перед царем и родиной согласно присяге и будут продолжать борьбу с врагом до полной победы. Но для этого необходимо оградить армию от вмешательства постороннего влияния чуждого и недопустимого по нашей военной организации и принесенной присяге. Между тем ваши телеграммы ко мне и к главнокомандующим, а также распоряжения, отдаваемые по железным дорогам театра военных действий, показывают, что Временный Комитет Государственной Думы не считается с тем, что является азбучным в управлении военными силами, и своими распоряжениями не способствует внесению успокоения, а скорей может привести к непоправимым последствиям и нарушениям дисциплины, без поддержания которой победа немыслима. Перерыв связи между ставкой и Царским Селом и центральными органами военного управления вносит полное расстройство в военное управление и довольствие армии и грозит страшными бедами. По полученным сведениям, литерные поезда не пропускаются на Дно и дальше. Последняя мера, если действительно хотят успокоения и продолжения борьбы с врагом, совершенно недо-

[1]) На подлиннике имеются следующие пометы о времени рассылки этой телеграммы «для сведения»: «Главкосеву — 1. III. 20 ч. 45 м. Главкозапу — 1. III. 21 ч. 18 м. Главкоюзу — 1. III. 21 ч. 59 м. Поглавкорум — 1. III. 23 ч. 31 м. Тифлис. Ген. Янушкевичу — 2. III. 4 ч. 40 м.».

пустима. Прошу срочного распоряжения о безотлагательном пропуске литерных поездов, о восстановлении непосредственной связи ставки с центральными органами военного министерства и о том, чтобы никто и никаких сношений с чинами действующей армии и управлениями, подведомственными верховному главнокомандованию на театре военных действий, помимо ставки не делал и сношение ставки с центральными управлениями не контролировалось вашими агентами, сплошь и рядом назначенными из младших чинов, мало понимающих сущность военной дисциплины. При наличии такого контроля я вынужден буду прекратить все сношения с центральными управлениями, но это может повести к нарушению и без того плохо налаженного продовольствия армии. Предоставляю вам судить о последствиях голодания армии. 1 марта 1917 года. 1845. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма команд. войсками Московского военного округа ген. Мрозовского ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 8196.

Подана 1. III. 13 ч. 20 м.

Получена 1. III. 15 ч. 15 м.

Несколько тысяч артиллеристов 1-й запасной бригады на Ходынке захватили орудия и сараи с вооружением для формирований, часть коего передана революционерам. Громадное число учреждений, требующих охраны, большие толпы забастовщиков, большие расстояния и недостаток надежных войск препятствуют обезоружить бунтующих. Число воинских чинов, переходящих к революционерам, все увеличивается. Благоволите уведомить о получении этой телеграммы. 8196. *Мрозовский*.

Телеграмма ген. Мрозовского ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 8197.

Подана 1. III. 14 ч. 30 м.

Получена 1. III. 16 ч. 10 м.

В Москве полная революция. Воинские части переходят на сторону революционеров. 8197. *Мрозовский*.

Телеграмма ген. Лукомского ген. Данилову 1 марта 1917 г. № 1848.

Передана 1. III. 16 ч. 59 м.

По приказанию наштаверха передаю для доклада главкосеву с просьбою генерал-адъютанта Алексеева доложить государю. Первое. В Кронштадте беспорядки. Части ходят по улицам с музыкой. Вице-адмирал Курош доносит, что принять меры к усмирению с тем составом, который имеется в гарнизоне, он не находит возможным, так как не может ручаться ни за одну часть. Второе. Генерал Мрозовский сообщает, что Москва охвачена восстанием и войска переходят на сторону мятежников. Третье. Адмирал Непенин доносит,

что он не признал возможным протестовать против призыва Временного Комитета Государственной Думы, и, таким образом, Балтийский флот признал Временный Комитет. Сведения, заключенные в телеграмме 1833, получены из Петрограда из различных источников и считаются достоверными. Если будет хоть малейшее сомнение, что литерные поезда могут не дойти до Пскова, надлежит принять все меры для доставления доклада по принадлежности, послав хотя бы экстренным поездом с надежным офицером и командой нижних чинов для исправления пути, если бы это имело место. Генерал Алексеев нездоров и прилег отдохнуть, почему я и подписываю эту телеграмму. 1 марта 1917 г. 1848. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Алексеева царю 1 марта 1917 г. № 1850.

Передана 1. III. 17 ч. 14 м.

Царское Село. Государю императору.

Генерал-адъютант Рузский сообщает о перерыве железнодорожного сообщения, а также телеграфной и телефонной связи между Финляндией и Петроградом. Генерал-адъютант Рузский сообщает, что, вследствие изложенного и возможности дальнейшего изолирования Финляндии, он, впредь до распоряжения, подчинил комкору 42 все войска, находящиеся в Финляндии, кроме состоящих в подчинении комфлоту, и предоставил ему право давать указания финляндскому генерал-губернатору в отношении гражданского управления. О таковой мере, принятой генерал-адъютантом Рузским, применительно статьи 12 правил о местностях на военном положении, всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству. 1 марта 1917 г. 1850. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Рузского Родзянко 1 марта 1917 г. № 1201/Б.

Послана 1. III. 17 ч. 37 м.

По имеющимся у меня сведениям, на улицах Петрограда продолжается стрельба, делающая сообщение в городе не безопасным. Разрушены некоторые вокзалы, что грозит правильности срочных железнодорожных сообщений. По улицам бродит масса нижних чинов. Обращаюсь к вам как лицу, ставшему во главе Комитета, принявшего на себя заботы по восстановлению порядка и спокойствия в столице, с просьбой принять меры к устранению отмеченных непорядков, могущих отразиться на подвозе продовольствия к Петрограду и еще более обострить положение в городе, особенно в отношении развития бродяжного элемента. Скорейшее водворение порядка в столице в связи с обеспечением населения продовольствием дадут залог спокойного исполнения долга перед родиной в борьбе с неприятелем на фронте. 1201/Б. *Рузский.*

Телеграмма ген. Клембовского ген. Рузскому 1 марта 1917 г. № 1857.

Послана 1. III. 18 ч. 30 м.

Вследствие перерыва железнодорожного движения между Белоостровом и Петроградом, в случае, если потребуется двинуть в Петроград баталион Выборгской крепостной артиллерии, необходимо будет таковой от Белоострова направить походным порядком. Желательно вместе с этим баталионом подготовить к отправлению часть 106 пех. дивизии, дабы получился более серьезный отряд. О том, возможно ли это, прошу телеграфировать, а время отправления, если таковое будет иметь место, должно определиться требованием генерал-адъютанта Иванова. 1 марта 1917 г. 1857. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Брусилова министру двора гр. Фредериксу 1 марта 1917 г. № 744.

Станция Дно, вслед, генерал-адъютанту графу Фредериксу.

Принята 1. III. 19 ч. 36 м.

По долгу чести и любви к царю и отечеству обращаюсь к вашему сиятельству с горячей просьбою доложить государю императору мой всеподданнейший доклад и прошение признать совершившийся факт и мирно и быстро закончить страшное положение дела. Россия ведет грозную войну, от решения которой зависит участь и всего нашего отечества и царского дома. Во время такой войны вести междоусобную брань совершенно немыслимо, и она означала бы безусловный проигрыш войны к тому времени, когда вся обстановка складывается для нас благоприятно. Это угрожает безусловной катастрофой и во внутренних делах, и после стольких жертв вся Россия ввержена будет в страшное горе, и вероятны события, которые будут неисчислимы по своим печальным последствиям. Армия от преждевременного мира придет в отчаяние, и нужно очень подумать и о результатах демобилизации при таких условиях. Каждая минута промедления повлечет за собой новые напрасные жертвы и затруднит благоприятное разрешение кризиса. 744. 1 марта. 19 часов. Генерал-адъютант *Брусилов.*

Разговор по прямому проводу подполк. Барановского с полк. Ступиным 1 марта 1917 г.

— Пригласите офицера ген. штаба.

— Сейчас доложу. Здесь полковник Ступин.

— У аппарата полковник Барановский. Доложите начальнику штаба, что понаштаверх признает необходимым после отхода литерных поездов на Петроград послать вслед поезд с рабочей командой, которая, в случае необходимости, могла бы исправить путь. О резуль-

тате доклада прошу мне сообщить. Есть ли у вас сведения о подходе к Пскову литерных поездов?

— Должны были бы прибыть в 19 часов. Немного подождите, сейчас спрошу по телефону. По нашим сведениям, они придут в 8.40 и в 9 с минутами. Первый поезд — литерный поезд — прибыл. Сейчас доложу то, что вы просили.

Конец переговоров 1. III. 19 ч. 20 м.

— Пригласите полковника Барановского. Здесь полковник Ступин для переговоров.

— У аппарата подполковник Барановский.

— Все, что вы просили, доложено, и генерал-квартирмейстер приказал передать, что будет исполнено. Полковник *Ступин*.

— Спасибо.

19 ч. 40 м. 1. III. 1917 г.

Телеграмма ген. Янушкевича ген. Клембовскому 1 марта 1917 г.

Принята 1. III. 19 ч. 50 м.

1846 [1]). Получил, доложил. Великий князь на нее частно ответил наштаверху и просит доложить генерал-адъютанту Алексееву, что уполномочивает, в случае признания желательным, доложить эту депешу государю или сообщить, кому признает нужным. *Янушкевич.*

Телеграмма вел. князя Николая Николаевича ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 1317.

Подана 1. III. 18 ч. 30 м.

Принята 1. III. 18 ч. 54 м.

1846. Ознакомившись с содержанием твоей телеграммы № 1833 генерал-адъютанту Иванову, вполне и всецело присоединяюсь к твоему мнению. 1317. *Николай.*

Телеграмма вел. князя Николая Николаевича ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 320.

Подана 1. III. 12 ч. 32 м.

Получена 1. III. 12 ч. 55 м.

1833. На Кавказе гарнизоны и в армии пока, слава богу, спокойны. Лишь 22 и 23 февраля были на почве недовольства пищей брожения в 27 и 28 Кавказских стрелковых полках. Ныне спокойно. Прошу держать меня в курсе всего происходящего в столице и в войсках. 320. Генерал-адъютант *Николай.*

---

[1]) См. на стр. 31 телеграмму ген. Алексеева № 1833.

Копия телеграммы ген. Рузского командующим I, V и XII армиями и командиру 42 корпуса 1 марта 1917 г. № 1194/Б.

Подана 1. III. 15 ч. 30 м.

Принята 1. III. 18 ч. 28 м.

Волнения в Петрограде приняли настолько серьезный характер, что для установления порядка в столице образовался Временный Комитет Государственной Думы под председательством председателя Государственной Думы Родзянко. Петроградские события, очевидно, не скроются от наших противников, которые, вполне возможно допустить, попытаются использовать наши внутренние затруднения, чтобы нанести нам где-либо внезапный удар. В это тяжелое время необходимо, чтобы каждый воин исполнил свой долг защиты родной земли от возможного натиска неприятеля. Призываю всех удвоить бдительность и мужество, дабы армия оставалась вполне боеспособною и готовою отразить всякую активную попытку противника. Усилия начальников всех степеней должны быть, сверх того, направлены к обеспечению армии должного подвоза всего необходимого и полного порядка и спокойствия в тылу армий и фронта. Командующим армиями надлежит иметь в виду, что в настоящее время нельзя ждать детальных указаний, а необходимо, по силе ст. 418 пол. упр., руководствоваться местной обстановкой и настоящей директивой, требующей поддержания боеспособности войск, обеспечения железнодорожного движения и общего спокойствия в тылу. Необходимо принять все меры к сохранению всеми наибольшего спокойствия и продуманности принимаемых мер. 1194/Б. 1 марта. 15 ч. 30 м. *Рузский.*

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 1 марта 1917 г. № 1206.

Подана 1. III. 19 ч. 55 м.

Принята 1. III. 20 ч. 5 м.

Весьма вероятно, что литерные поезда из Пскова не пойдут, так как задержка в Луге. Во всяком случае, вопрос этот выясняется. Псков. 1 марта. 20 ч. 1206. *Болдырев.*

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 730.

Копия начвосоверх и начвосоюз.

Подана 1. III. 1 ч. 40 м.

Принята 1. III. 2 ч.

1812. Посадка может быть начата в Луцке: гвардейских полков, Преображенского и 4-го Стрелкового, начиная с утра 2 марта, 3 Стрелкового и батарей гвардейской стрелковой артиллерийской

бригады с утра 3 марта. Благоволите уведомить, подлежат ли эти части отправке теперь же или по получении особого уведомления. 730. 1 ч. 10 м. 1 марта 1917 г. *Брусилов.*

Телеграмма ген. Клембовского ген. Брусилову 1 марта 1917 г. № 1843.

Передана 1. III. 13 ч. 17 м.

730. Отправление войск должно быть произведено лишь по получении от наштаверха особого уведомления. 1 марта 1917 г. 1843. *Клембовский.*

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с ген. Квецинским 1 марта 1917 г.

— У аппарата генерал Лукомский.

— У аппарата Квецинский. Еще раз здравствуйте, Александр Сергеевич. Побеспокоил вас, чтобы узнать ответ по предложенным вам главкозапом вопросам, а также сообщить, что фронт наводняется агентскими телеграммами, сведениями, слухами и очевидцами, прибывающими со всех концов, причем все это создает такую обстановку, в которой каждый становится втупик: что правда, а где простая сплетня. Ваша телеграмма № 1854, конечно, для нас освещает положение вопроса, но не решает его. Вследствие этого главкозап, опасаясь за возможную передачу беспорядков на фронт, особенно в запасные войска, полагал бы необходимым получить возможно скорее определенное решение, так как всякое промедление в этом отношении при той обстановке, которую рисует телеграмма № 1854, может быть роковым. Благоволите также сообщить, где находятся в данную минуту государь император, генерал-адъютант Иванов и ушедшие от нас войсковые эшелоны. *Квецинский.*

— Здравствуйте, Михаил Федорович. Очень извиняюсь, что в суголоке вам не передали телеграмму генерала Алексеева на имя председателя Государственной Думы — штаб-офицер напутал. Эта телеграмма будет сегодня же передана и осветит отношение наштаверха к получаемым из Петрограда телеграммам. Генерал Алексеев просит, ради спокойствия в армии, обращаться исключительно в ставку, так как является совершенно недопустимым вмешательство в порядок военного управления посторонних лиц. В общем, проектированный ответ главкозапа не противоречит взгляду наштаверха. Государь в данную минуту в Пскове, а генерал-адъютант Иванов в трех перегонах от Царского Села. Повидимому, эшелоны проходят свободно. Больше я ничего не имею сказать. *Лукомский.*

— Покорнейше благодарю. Доложу все главкозапу, и будем ожидать указанной вами телеграммы и, в особенности, определенного решения. До свидания. *Квецинский.*

— До свидания. *Лукомский.*

Разговор окончен 1 марта в 19 ч. 43 м.

Телеграмма ген. Клембовского ген. Мрозовскому 1 марта 1917 г. № 1858.

Передана 1. III. 20 ч. 35 м.

Из ряда донесений генерала Хабалова и сообщений председателя Государственной Думы события, происшедшие в Петрограде с 25 февраля, представляются в таком виде:

25 февраля начались волнения, выразившиеся в демонстрациях и вооруженных столкновениях населения в различных пунктах города с полицией и войсками. В этот день забастовало двести сорок тысяч рабочих. 26 февраля прошло спокойно. 27 февраля с утра начались серьезные волнения в войсковых частях гарнизона; войска отказались подчиняться начальникам и перешли на сторону населения. Петроград объявлен на осадном положении. 28 февраля ген. Хабалов донес, что подавить беспорядки нельзя, столица в руках мятежников. В Мариинском дворце заседает временное революционное правительство. Арсенал и все важнейшие учреждения в руках мятежных войск. В Кронштадте полное восстание. Балтийский флот перешел на сторону Временного Комитета, образованного под председательством Родзянко. Генерал Алексеев послал телеграмму государю, прося согласиться на перемену правительства и издать акт, который может внести успокоение в население. Наштаверх просит держать его в курсе того, что происходит в Москве. Надо употребить все силы для внесения успокоения. 1 марта 1917 года. 1858. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 1 марта 1917 г. № 1213/Б.

Подана 1. III. 22 ч. 45 м.

Принята 1. III. 22 ч. 53 м.

Для сведения докладываю: оба литерные поезда —в Пскове. Дальнейший маршрут еще не выяснен. 1 марта. 22 ч. 30 м. 1213/Б. *Данилов.*

Разговор по прямому проводу ставки верх. главнокомандующего со ставкой главнокомандующего северного фронта 1 марта 1917 г.

— У аппарата подполковник Щербаков.

— У аппарата подполковник Сергеевский. Только что вам передана телеграмма государю императору особой важности. Приняты ли меры к ее немедленному доставлению, лучше всего через главнокомандующего? Прошу сообщить, читал ли ее главнокомандующий и когда доложена его величеству?

— Телеграммы таковой как офицер генерального штаба я не принимал. Принял дежурный офицер и отдал генкварсеву. Сейчас узнаю. Сейчас узнал, что принял телеграмму генкварсев и взял ее с собой. Сейчас узнаю. Сейчас генкварсев сказал, что телеграмма передана наштасеву для доклада главкосеву.

— Не откажите сообщить, когда будет доложено его величеству, для доклада наштаверху.

22 ч. 30 м. 1. III. 17.

— С вами желает говорить подполковник Барановский. Не откажите сообщить, для доклада генкварверху, был ли с докладом у его величества главкосев, доложены ли его величеству телеграммы, переданные из ставки, и не последует ли каких-либо указаний его величества или сообщений главкосева для наштаверха.

— Главкосев с докладом был; телеграммы все переданы, распоряжений пока никаких нет.

— Больше ничего?

— Больше ничего. Сейчас соединяем прямым проводом главкосева с Петроградом-полителестаном, по которому будет говорить председатель Государственной Думы.

22 ч. 50 м. 1. III. 17 г.

— Попросите к аппарату подполковника Сергеевского, просит генерального штаба подполковник Щербаков.

— У аппарата подполковник Сергеевский.

— У аппарата подполковник Щербаков. Наштасев приказал доложить, что телеграмма минут 10 тому назад отправлена главкосеву, который находится в поезде его величества. Главкосев телеграмму доложит лично.

— Благодарю.

1. III. 23 ч. 3 м.

— Сейчас возвратился из поезда наштасев, но никаких распоряжений не получено. Сейчас наштасев говорит по прямому проводу с Родзянко.

— Пожалуйста, ориентируйте нас как можно чаще. *Сергеевский.*

— Если что-нибудь будет интересное, то сообщу немедленно.

— Здесь подполковник Вишневский. Пригласите к аппарату офицера генерального штаба.

— У аппарата подполковник Сергеевский.

— Генкварсев приказал сообщить для доклада генкварверху, что телеграмма последняя генерал-адъютанта Алексеева вручена генералу Рузскому в 23 часа, во время доклада государю, и что доклад до сих пор еще продолжается.

— Благодарю. *Сергеевский.*

23 ч. 25 м. 1. III.

Телеграмма Родзянко ген. Рузскому 1 марта 1917 г.

Все меры по охранению порядка в столице приняты. Сообщение по железным дорогам поддерживается тщательно и непрерывно. Опасений за подвоз продовольствия нет, распоряжения даны, возникающие беспорядки ликвидируются. Спокойствие, хотя с большим трудом, но восстанавливается. Председатель Государственной Думы *Родзянко.*

Копия телеграммы царя ген. Иванову 2 марта 1917 г.

Царское Село.

Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. *Николай.*

2. III. 1917 г. 0 ч. 20 м.

Телеграмма ген. Алексеева царю 1 марта 1917 г. № 1865 [1]).

Передана 1. III. 22 ч. 20 м.

Его императорскому величеству.

Ежеминутно растущая опасность распространения анархии по всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможность продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют немедленного издания высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем призвания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной Думы. Поступающие сведения дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти. Но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. В виду этого усердно умоляю ваше императорское величество соизволить на немедленное опубликование из ставки нижеследующего манифеста: «Объявляем всем верным нашим подданным. Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час. Судьба России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц [2]), пользующихся доверием всей России. Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной [3]) нашей армии завершить ее великий подвиг. Во имя нашей возлюбленной родины, призываю всех русских людей к исполнению

---

[1]) Отпуск телеграммы напечатан на машинке и подписан ген. Алексеевым. Описки исправлены рукой ген. Лукомского; им же внесены исправления некоторых слов, оговоренные ниже. Вверху сделана помета карандашом: «22. 20. Псков» и подпись (неразборчивая). В левом верхнем углу наклеена 10-копеечная марка с портретом Николая II, замазанным красными чернилами.

[2]) Первоначально было «людей» и рукой ген. Лукомского заменено «лиц».

[3]) Первоначально было «геройской» и рукой ген. Лукомского заменено «доблестной».

своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет нам господь бог». 1865. Генерал-адъютант *Алексеев*.

1 марта 1917 года.

Копия телеграммы ген. Данилова командиру 42 корпуса 2 марта 1917 г. № 1221/Б.

Принята 2. III. 3 ч. 30 м.

Последовало высочайшее повеление об отмене назначения батальона Выборгской крепостной артиллерии, предназначавшегося для отправки в направлении на Петроград. 1221/Б. 2 марта. 2 ч. 30 м. *Данилов.*

Разговор по прямому проводу ген. Клембовского с ген. Болдыревым 2 марта 1917 г.

— У аппарата генерал-квартирмейстер.

— У аппарата помощник начальника штаба. Здравствуйте. Где находится начальник штаба фронта?

— Генерал Данилов в настоящее время занят выполнением поручения, связанного с высочайшими указаниями. Может освободиться часа через полтора-два.

— Известно ли вам о прибытии сегодня конвоя его величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров и о просьбе депутатов конвоя арестовать тех офицеров, кои отказались принять участие в восстании? Известно ли также о желании государыни императрицы переговорить с председателем Исполнительного Комитета Государственной Думы и, наконец, о желании великого князя Кирилла Владимировича прибыть лично в Государственную Думу, чтобы вступить в переговоры с Исполнительным Комитетом? *Клембовский.*

— Никак нет, эти известия нам неизвестны.

— В Москве по всему городу происходят митинги, но стрельбы нет. Генералу Мрозовскому предложено подчиниться Временному Правительству. В Петрограде арестованы Штюрмер, Добровольский, Беляев, Войновский-Кригер, Горемыкин, Дубровин, два помощника градоначальника и Климович. Исполнительный Комитет Государственной Думы обратился с воззванием к населению возить хлеб, все продукты на станции железных дорог для продовольствия армии и крупных городов. Петроград разделен на районы, в которые назначены районные комиссары. Представители армии и флота постановили признать власть Исполнительного Комитета Государственной Думы впредь до образования постоянного правительства. Все изложенное надо доложить главнокомандующему для всеподданнейшего доклада.

Прошу сообщать о всех переговорах, которые ведутся между вами и Государственной Думой, хотя бы вкратце, суть дела. *Клембовский.*

2 марта. 0 ч. 25 м.

— В точности будет исполнено. *Болдырев.*

— До свидания. Я кончил.

Копия телеграммы ген. Квецинского начальнику военных сообщений западного фронта и ком. II армией 2 марта 1917 г. № 6176.

Принята 2. III. 3 ч. 45 м.

Минск. 2 марта. 3 ч. 12 м. Государь император повелел отправленные в Петроград части 9 пехотной и 2 кавалерийской дивизии задержать на больших станциях; те части, которые еще не отправлены, не грузить. Дальнейшие указания последуют дополнительно. 6176. *Квецинский.*

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 1222/Б.

Принята 2. III. 3 ч. 48 м.

Главкосев в настоящее время ведет разговор с председателем Государственной Думы Родзянко. Псков. 2 марта. 3 ч. 20 м. 1222/Б. *Болдырев.*

Разговор по прямому проводу ген. Рузского с Родзянко 1 марта 1917 г.

— Доложите генералу Рузскому, что подходит к аппарату председатель Госуд. Думы Родзянко.

— У аппарата генерал-адъютант Рузский.

— Могу ли я начать разговор?

— Можно. Здравствуйте, Михаил Владимирович. Сегодня, около 7 часов вечера, прибыл в Псков государь император. Его величество при встрече мне высказал, что ожидает вашего приезда. К сожалению, затем выяснилось, что ваш приезд не состоится, чем я был глубоко опечален. Прошу разрешения говорить с вами с полною откровенностью: этого требует серьезность переживаемого времени. Прежде всего я просил бы вас меня осведомить, для личного моего сведения, истинную причину отмены вашего прибытия в Псков. Знание этой причины необходимо для дальнейшей нашей беседы. *Рузский.*

— Здравствуйте, Николай Владимирович. Очень сожалею, что не могу приехать. С откровенностью скажу, причин моего неприезда две: во-первых, эшелоны, высланные вами в Петроград, взбунтовались, вылезли в Луге из вагонов, объявили себя присоединившимися к Государственной Думе и решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда. Мною немедленно приняты были меры, чтобы путь для проезда его величества был свободен; не знаю, удастся ли это;

вторая причина — полученные мною сведения, что мой приезд может повлечь за собой нежелательные последствия, и невозможность остановить разбушевавшиеся народные страсти без личного присутствия, так как до сих пор верят только мне и исполняют только мои приказания. *Родзянко.*

— Из бесед, которые его величество вел со мной сегодня, выяснилось, что государь император предполагал предложить вам составить министерство, ответственное перед его величеством, но затем, идя навстречу общему желанию законодательных учреждений и народа, отпуская меня, его величество выразил окончательное решение и уполномочил меня довести до вашего сведения об этом — дать ответственное перед законодательными палатами министерство с поручением вам образовать кабинет. Если желание его величества найдет в вас отклик, то спроектирован манифест, который я мог бы сейчас же передать вам. Манифест этот мог бы быть объявлен сегодня, второго марта, с пометкой «Псков». Не откажите в ваших соображениях по всему вышеизложенному. *Рузский.*

— Я прошу вас проект манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что его величество и вы не отдаете отчета в том, что здесь происходит. Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко, — в течение двух с половиной лет я неуклонно при каждом моем всеподданнейшем докладе предупреждал государя императора о надвигающейся грозе, — если не будут немедленно сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну. Я должен вам сообщить, что в самом начале движения власти в лице министров стушевались и не принимали решительно никаких мер предупредительного характера. Немедленно же началось братание войск с народными толпами, войска не стреляли, а ходили по улицам, и им толпа кричала «ура!» Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-по-малу наступила такая анархия, что Госуд. Думе вообще, а мне в частности, оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе для того, чтобы избежать такой анархии при таком расслоении, которое грозило гибелью государства. К сожалению, это мне далеко не удалось, народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы; не только не слушаются, но убивают своих офицеров; ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов; вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на все, что более умеренно и ограничено в своих требованиях. Считаю нужным вас осведомить, что то, что предлагается вами, уже недостаточно, и династический вопрос поставлен ребром. Сомневаюсь, чтобы возможно было с этим справиться. *Родзянко.*

— Ваши сообщения, Михаил Владимирович, действительно рисуют обстановку в другом виде, чем она рисовалась здесь на фронте;

если страсти не будут умиротворены, то ведь нашей родине грозит анархия надолго, и это прежде всего отразится на исходе войны; между тем, затратив столько жизней на борьбу с неприятелем, нельзя теперь останавливаться на полдороге, и необходимо довести ее до конца, соответствующего нашей великой родине; надо найти средство для умиротворения страны. Прежде передачи вам текста манифеста, не можете ли вы мне сказать, в каком виде намечается разрешение династического вопроса? *Рузский.*

— С болью в сердце буду теперь отвечать, Николай Владимирович. Еще раз повторяю, ненависть к династии дошла до крайних пределов, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам, войскам, решил твердо войну довести до победного конца и в руки немцам не даваться. К Государственной Думе примкнул весь петроградский и царскосельский гарнизон, то же самое повторяется во всех городах, нигде нет разногласия, везде войска становятся на сторону Думы и народа, и грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становится определенным требованием. Повторяю, с страшною болью передаю я вам об этом, но что же делать? В то время, когда народ в лице доблестной своей армии проливал свою кровь и нес неисчислимые жертвы, правительство положительно издевалось над нами, — вспомните освобождение Сухомлинова, Распутина и всю его клику, вспомните — Маклаков, Штюрмер, Протопопов, все стеснения горячего порыва народа помогать по мере сил войне, назначение князя Голицына, расстройство транспорта, денежного обращения и непринятие никаких мер к смягчению условий жизни; постоянные аресты, погоня и розыски несуществующей тогда еще революции; изменения состава законодательной палаты в нежелательном смысле. Вот те причины, которые привели к этому печальному концу; тяжкий ответ перед богом взяла на себя государыня императрица, отвращая его величество от народа. Его присылка генерала Иванова с георгиевским баталионом только подлила масла в огонь и приведет только к междуусобному сражению, так как сдержать войска, неслушающиеся своих офицеров и начальников, решительно никакой возможности нет. Кровью обливается сердце при виде того, что происходит. Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут. Остановите ненужные жертвы. *Родзянко.*

— Все то, что вы, Михаил Владимирович, сказали, тем печальнее, что предполагавшийся приезд ваш как бы предвещал возможность соглашения и быстрого умиротворения родины. Ваши указания на ошибки, конечно, верны, но ведь это ошибки прошлого, которые в будущем повториться не могут; при предлагаемом способе разрешения переживаемого тяжелого кризиса, подумайте, Михаил Владимирович, о будущем. Необходимо найти такой выход, который дал бы немедленно умиротворение. Войска на фронте с томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что делается в тылу, а начальники лишены авторитетного слова сделать им надлежащее распоряжение;

переживаемый кризис надо ликвидировать возможно скорее, чтобы вернуть армии возможность смотреть только вперед в сторону неприятеля; войска в направлении к Петрограду с фронтов были направлены по общей директиве из ставки, но теперь этот вопрос ликвидируется. Иванову несколько часов тому назад государь император дал указания не предпринимать ничего до личного свидания. Эта телеграмма послана через Петроград, и остается только пожелать, чтоб она скорее дошла до генерала Иванова. Равным образом, государь император изволил выразить согласие, и уже послана телеграмма два часа тому назад вернуть на фронт все то, что было в пути. Вы видите, что со стороны его величества принимаются, какие только возможно, меры, и было бы в интересах родины и той ответственной войны, которую мы ведем, желательным, чтобы почин государя нашел бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар. *Рузский.*

Сообщаю проект манифеста: «Объявляем всем верным нашим подданным. Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час. Судьба России, честь геройской нашей армии, благополучие народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко из лиц, пользующихся доверием всей России. Уповаю, что все верные сыны России, тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной нашей армии завершить ее великий подвиг. Во имя нашей возлюбленной родины призываю всех русских людей к исполнению своего святого долга перед ней, дабы вновь явить, что Россия столь же несокрушима, как и всегда, и что никакие козни врагов не одолеют ее. Да поможет нам господь бог». Конец проекта манифеста. Если будет признано необходимым внести какие-либо частичные поправки, благоволите меня уведомить, равно и об общей схеме такового. В заключение скажу вам, Михаил Владимирович, я сегодня сделал все, что подсказывало мне сердце и что мог, для того, чтобы найти выход в деле обеспечения спокойствия теперь и в будущем, а также для того, чтобы армиям в кратчайший срок обеспечить возможность спокойной работы. Этого необходимо достигнуть в кратчайший срок: приближается весна, и нам нужно сосредоточить все наши усилия на подготовке к активным действиям и на согласовании их с действиями наших союзников; мы обязаны думать также о них; каждый день, скажу больше, каждый час в деле водворения спокойствия крайне дорог. *Рузский.*

— Вы, Николай Владимирович, истерзали в конец мое и так растерзанное сердце. По тому позднему часу, в который мы ведем разговор, вы можете себе представить, какая на мне лежит огромная работа, но, повторяю вам, я сам вишу на волоске, и власть ускользает

у меня из рук; анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное Правительство. К сожалению, манифест запоздал, его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно, о чем я горячо просил государя императора; время упущено, и возврата нет. Повторяю вам еще раз, народные страсти разгорелись в области ненависти и негодования. Наша славная армия не будет ни в чем нуждаться. В этом полное единение всех партий, и железнодорожное сообщение не будет затруднено. Надеемся также, что после воззвания Временного Правительства крестьяне и все жители повезут и другие станции [1]) снаряды и других предметов снаряжения. Запасы весьма многочисленны, так как об этом всегда заботились общественные организации и особое совещание. Молю бога, чтобы он дал сил удержаться хотя бы в пределах теперешнего расстройства умов, мыслей и чувств, но боюсь, как бы не было еще хуже. Больше ничего не смогу вам сказать. Помогай вам бог, нашему славному вождю, в битве уничтожать проклятого немца, о чем в обращении, посланном армии от Комитета Госуд. Думы, говорится определенно в виде пожелания успехов и побед. Желаю вам спокойной ночи, если только вообще в эти времена кто-либо может спать спокойно. Глубоко уважающий вас и душевно преданный *Родзянко*.

— Михаил Владимирович, еще несколько слов. Дай, конечно, бог, чтобы ваши мысли в отношении армии оправдались, но имейте в виду, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно. Что — если анархия, о которой говорите вы, перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти, — подумайте, что будет тогда с родиной нашей? В сущности, конечная цель одна: ответственное министерство перед народом и есть для сего нормальный путь для достижения цели перемены порядка управления государством. Дай бог вам здоровья и сил для вашей ответственной работы. Глубоко уважающий вас *Рузский*.

— Николай Владимирович, не забудьте, что переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней, — одно могу сказать: ни кровопролитий, ни ненужных жертв не будет, я этого не допущу. Желаю вам всего лучшего. *Родзянко*.

— Дай бог, чтобы все было так, как вы говорите. Последнее слово, скажите ваше мнение, нужно ли выпускать манифест? *Рузский*.

— Я право, не знаю, как вам ответить. Все зависит от событий, которые летят с головокружительной быстротой. *Родзянко*.

— Я получил указания передать в ставку об его напечатании, а посему это и сделаю, а затем пусть что будет. Разговор наш доложу, если вы против этого ничего не имеете. *Рузский*.

— Ничего против этого не имею и даже прошу об этом. *Родзянко*.

— До свидания, да поможет вам бог!

---

[1]) Так в подлиннике.

Телеграмма ген. Лукомского ген. Квецинскому и ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1869.

Передана: Наштазап — 2. III. 2 ч. 2 м.
Наштасев — 2. III. 3 ч. 55м.

Вследствие невозможности продвигать эшелоны войск, направляемых к Петрограду, далее Луги и разрешения государя императора вступить главкосеву в сношения с председателем Государственной Думы и высочайшего соизволения вернуть войска обратно в Двинский район из числа направляемых с северного фронта, наштаверх просит срочно распорядиться — те части, кои еще не отправлены, не грузить, а те, кои находятся в пути, задержать на больших станциях. Относительно дальнейшего направления или возвращения перевозимых частей последует дополнительное указание. 2 марта 1917 г. 1869. *Лукомский.*

Служебная записка ген. Тихменева ген. Лукомскому 1 марта 1917 г.

Согласно полученных донесений, из числа войск, отправленных 1) с северного фронта — Лугу прошли 3 эшелона, 4 эшелона находятся между Лугой и Псковом, остальные между Псковом и Двинском; 2) с западного фронта — прошли Полоцк 4 эшелона 2-го Донского казачьего п., прочие эшелоны этого полка и 2-й Павлоградский гусарский полк — между Полоцком и Минском. Посадка в Минске закончена. Из Сенявки отправлено 5 эшелонов, осталось отправить — 2 эшелона. Генерал-майор *Тихменев.*

Телеграмма адм. Непенина адм. Русину 1 марта 1917 г. № 246/оп. [1]).

Получил известие, что Белоостров занят вооруженной толпой. Войска и жандармы обезоружены. Полковник Тюфяев и его штаб арестованы. Восстановление порядка в Кронштадте налаживается при содействии Комитета Государственной Думы, внимание коего обратил также и на положение в Белоострове и на необходимость прекратить дальнейшее движение. 246/оп. 23 часа 1 марта. *Непенин.*

Телеграмма ген. Лукомского ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1868.

Передана 2. III. 1 ч. 58 м.

Наштаверх просит испросить высочайшее указание относительно частей, направляемых к Петрограду из района западного фронта. Не признано ли будет возможным их вернуть на фронт, а относительно частей, намеченных к отправлению с юго-западного фронта, указать главкоюзу, что отправка их отменяется. 2 марта 1917 г. 1868. *Лукомский.*

[1]) На телеграмме помета рукой ген. Алексеева: «2. III. 917».

Телеграмма ген. Клембовского [?] ген. Иванову 2 марта 1917 г. [1]).

Сообщаю для сведения краткую ориентировку. События в Петрограде: 1 марта наступает успокоение, порядок налаживается с трудом. Стрельба на улицах не прекращается. По городу расставлены караулы и патрули. Имеются сведения, что со 2 марта начнут правильно функционировать все центральные управления. События в Кронштадте: 28 февраля вечером начались беспорядки в некоторых сухопутных частях и береговых командах флота. 1 марта сообщение с Кронштадтом было прервано, в крепости началась анархия. Главный командир порта был убит, офицеры арестованы. Начавшееся брожение в Балтийском флоте вызвало решение командующего флотом перейти на сторону Временного Комитета. События в Москве: до 28 февраля порядок нарушен не был. 28 февраля на улицах начали собираться толпы с красными флагами, но активных действий не принимали. 1 марта несколько тысяч артиллеристов на Ходынке захватили орудия и сараи с вооружением, часть коего передали революционерам. Воинские части начали переходить на сторону революционеров. После полудня в городе полная революция. 1 марта генерал Алексеев послал телеграмму государю императору, прося согласиться на перемену правительства и издать акт, который может внести успокоение в население, и указывая на то, что лица, доказывающие его величеству противное, бессознательно и преступно ведут к гибели Россию и династию. Вместе с сим, генерал Алексеев, в ответ на обращение председателя Государственной Думы Родзянко к нему и всем главнокомандующим, просил Родзянко, ради спокойствия в армии, обращаться исключительно в ставку, так как непосредственное обращение является совершенно недопустимым вмешательством посторонних лиц в порядок военного управления.

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 1215/Б.

Принята 2. III. 1 ч. 10 м.

Начальник штаба поручил мне сообщить для доклада понаштаверху. Первое, что в два с половиною часа сегодня, 2 марта, главкосев будет говорить по аппарату с председателем Государственной Думы Родзянко, по особому уполномочию его величества. Есть надежда на благоприятное разрешение. Второе. У нас имеются сведения, что гарнизон Луги перешел на сторону Комитета. Эшелоны с войсками, предназначенными в распоряжение генерал-адъютанта Иванова, задержались царским поездом между Двинском и Псковом. В виду событий в Луге возникает вопрос об их обратном возвращении, о чем главкосев будет иметь всеподданнейший доклад у государя. Генерал Данилов уехал на вокзал доложить главкосеву о времени разговора его по аппарату с председателем Государственной Думы. Псков. 2 марта. 0 ч. 50 м. 1215/Б. *Болдырев.*

[1]) На подлиннике документа помета: «Не посылалась».

Телеграмма тов. председателя Временного Комитета Госуд. Думы Некрасова ген. Алексееву 2 марта 1917 г.

Подана 2. III. 1 ч. 6 м.

Принята 2. III. 1 ч. 33 м.

Поезд государя находится, по сведениям Временного Комитета, в Пскове. Вечером первого предполагалось отправление в Царское Село, однако, повидимому, не состоялось. Товарищ председателя Комитета *Некрасов.*

Телеграмма ген. Квецинского ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 6180.

Принята 2. III. 4 ч. 45 м.

Минск. 2 марта. 1 ч. 30 м. До выяснения внутреннего положения в стране представляется крайне нежелательным проникновение в войска тех телеграмм, которые рассылаются членами Временного Правительства, равно как агентских телеграмм и газет, в которых названные телеграммы могут быть напечатаны. Главнокомандующий, признавая это проникновение в указанный период времени недопустимым, отдал соответствующее приказание в районе фронта, но, считая вместе с тем необходимым в данном отношении единство мер на всех фронтах, приказал просить соответственных указаний. 6180. *Квецинский.*

Телеграмма царя ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 1223/Б.

Принята 2. III. 5 ч. 25 м.

1865. Можно объявить представленный манифест, пометив его Псковом. 1223/Б. *Николай.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 1224/Б.

Принята 2. III. 5 ч. 48 м.

По приказанию главкосева, сообщаю вкратце сущность разговора генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы. Отмену своего приезда в Псков председатель Государственной Думы объяснил, первое: эшелоны, высланные в Петроград, взбунтовались, вылезли в Луге, объявили себя присоединившимися к Государственной Думе и решили отнимать оружие и никого не пропускать, даже литерные поезда. Второе. Невозможность оставить разбушевавшиеся народные страсти без личного присутствия, так как верят пока только ему и только его приказания исполняют. Генерал-адъютант Рузский сообщил председателю Государственной Думы об окончательном решении государя, идущего навстречу желанию законодательных учреждений и народа, дать ответственное перед законодательными палатами министерство и поручить председателю Государственной Думы образовать кабинет и что если желание его величества найдет отклик, то спроек-

тирован манифест, который мог бы быть объявлен сегодня, 2 марта, с пометкой «Псков». Председатель Государственной Думы просил передать манифест теперь же и заявил, что, очевидно, его величество и вы [1]) не отдаете отчета в происходящем, что наступила одна из страшнейших революций и что, к сожалению, и ему, председателю Государственной Думы, далеко не удалось сдержать народные страсти. Войска окончательно деморализованы, ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов и что то, что теперь предлагается, уже недостаточно, и династический вопрос поставлен ребром. Генерал-адъютант Рузский ответил, что при создавшейся обстановке родине грозит анархия надолго и что она прежде всего отразится на исходе войны, и просил уточнить по этому вопросу. Председатель Государственной Думы ответил, что толпа и войска решили твердо войну довести до победоносного конца, но предъявляют требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Вместе с тем председатель Государственной Думы высказал о необходимости прекратить посылку войск в Петроград. Генерал Рузский ответил, что уже сделано распоряжение вернуть войска обратно на фронт и что, в интересах родины и той ответственной войны, которую мы ведем, желательно, чтобы почин государя нашел отзыв у тех, кто может остановить пожар. Затем был передан текст манифеста, сообщенного в вашем № 1865. Председатель Государственной Думы признал содержание манифеста запоздалым и высказал, что он был бы уместен, если бы был отдан после посылки им телеграммы его величеству от 27 февраля. Так как об изложенном разговоре главкосев может доложить государю только в 10 час., то он полагает, что было бы более осторожным не выпускать манифеста до дополнительного указания его величества. 2 марта. 5 ч. 30 м. 1224/Б. *Данилов.*

Отношение начальника военных сообщений на театре военных действий на имя ген. Лукомского от 2 марта 1917 г. № 217/2с.

Возвращая при сем депеши за №№ 1216/Б и 1217/Б, сообщаю вашему превосходительству, что копия депеши за № 1216/Б вручена генерал-адъютанту Иванову на станции Сусанино [2]) 2 марта сего года в 15 часов 5 минут.

Приложение: 2 депеши.

Начальник военных сообщений театра военных действий генерал-майор *Тихменев.*

И. д. начальника отдела воинского движения генерального штаба полковник *(подпись).*

И. д. начальника отделения связи генерального штаба подполковник *(подпись).*

---

[1]) Т.-е. ген. Алексеев. *(Прим. в подлиннике, написано от руки.)*

[2]) На поле помета карандашом рукой ген. Алексеева: «Примерно 25 в. от Ц. С.».

Копия телеграммы ген. Данилова командующему V армией 2 марта 1917 г. № 1216/Б.

Принята 2. III. 1 ч. 20 м.

В виду невозможности продвигать эшелоны далее Луги, нежелательности скопления их на линии, особенно в Пскове, и разрешения государя императора вступить главкосеву в сношения с председателем Государственной Думы, последовало высочайшее соизволение вернуть войска, направлявшиеся на станцию Александровскую, обратно в Двинский район, где расположить их распоряжением командарма V. 1216/Б. 1 час. 2 марта. *Данилов.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 1217/Б.

Принята 2. III. 1 ч. 25 м.

Так как местопребывание генерал-адъютанта Иванова штасеву неизвестно, прошу содержание телеграммы № 1216/Б о возвращении эшелонов в Двинск сообщить г.-а. Иванову. 2. III. № 1217/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 1227/Б [1].

Подана 2. III. 12 ч. 26 м.

Принята 2. III. 12 ч. 45 м.

Главкосев приказал мне доложить вам по принадлежности, для распоряжения, о высочайшем соизволении вернуть войска, направленные к Петрограду с западного фронта, и о состоявшейся отмене посылки войск с юго-западного фронта. 2 марта. 12 часов. 1227/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Эверту и ген. Брусилову 2 марта 1917 г. № 1877 [2].

Государь император приказал вернуть войска, направленные к Петрограду с запфронта, и отменить посылку войск с юго-западного фронта. 2 марта 1917 года. 1877. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим фронтами 2 марта 1917 г. № 1870 [3].

Генерал-адъютант Рузский, учитывая настоящее положение и опасаясь, что воспрещение распубликовывать и пропускать в армию все заявления Комитета Государственной Думы может внести беспо-

---

[1]) На подлиннике помета: «Доложена и исполнена».

[2]) На телеграмме пометы о времени передачи телеграммы: «Минск — 2. III. 13 ч. 44 м.» и «Ю.-З. — 2. III. 13 ч. 48 м.».

[3]) На подлиннике помета о времени отправления телеграммы: «Главкозап — 2. III. 9 ч. 20 м. Главкоюз — 2. III. 8 ч. 52 м. Поглавкорум — 2. III. 12 ч. 15 м. Тифлис Генералу Янушкевичу — 2. III. 13 ч. 37 м.».

койство в армию, приказал пропускать и разрешать к печати все те из заявлений, кои клонятся к успокоению, к призыву порядка и к усилению подвоза продовольственных припасов. Признавая необходимым одинаковое решение по всем фронтам армий, прошу отдать распоряжения, аналогичные с отданными главкосевом. 2 марта 1917 года. 1870. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1871.

Передана 2. III. 10 ч. 3 м.

Прошу командировать офицеров вашего штаба, дабы убедиться в действительном настроении войск, командированных из армии в распоряжение генерала Иванова. Допуская при данных условиях все, я имею, однако, основания не вполне доверять сообщению Родзянки, ибо первого марта имел сведения, что Луга занята представителями Временного Правительства, имевшими определенные инструкции не пропускать через Лугу литерных поездов. Прошу также командировать через Дно офицера для установления связи с генералом Ивановым, о котором имеем сведения, что вечером первого прибыл в Царское Село. Сейчас веду переговор с главнокомандующими, содержание которого вслед засим передаю главкосеву. 2 марта 1917 г. 1871. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 1229/Б.

Принята 2. III. 14 ч. 34 м.

1874. В виду повторного [1]) приказания командировать офицера генерального штаба для установления связи с г.-а. Ивановым, по приказанию наштасева, прошу указать, в чем собственно выразится поручение этого офицера: должен ли он лично видеть г.-а. Иванова? Кроме того, считаю необходимым доложить, что командирование офицера к лицу, имеющему определенное назначение, может затрудниться соответственным занятием ближайших Царскому станций. Псков. 2 марта. 13 ч. 15 м. 1229/Б. *Болдырев.*

Телеграмма ген. Лукомского ген. Болдыреву 2 марта 1917 г. № 1881.

Передана 2. III. 15 ч. 50 м.

Наштаверх еще раз повторяет необходимость командирования офицера [2]). Нужно найти генерала Иванова или выяснить, что далее известной станции проникнуть нельзя. Если генерала Иванова можно увидеть, то словесно получить от него все сведения о его намерениях, положении и обстановке. 2 марта 1917 г. 1881. *Лукомский.*

[1]) Запросу ген. Болдырева предшествовала телеграмма ген. Данилова, выразившего сомнение в желательности посылки офицера для связи с г.-а. Ивановым. Лукомский ответил, что «наштаверх все же признает желательным».

[2]) Дальнейший текст этой телеграммы представляет собой воспроизведение резолюции ген. Алексеева на телеграмме Болдырева № 1229/Б.

Разговор по прямому проводу полк. Ступина с подполк. Сергеевским 2 марта 1917 г. в 23 часа.

— Пригласите офицера ген. штаба. Просит полковник Ступин.

— У аппарата подп. Сергеевский.

— Простите, что вас беспокою по частному делу. Дело в следующем. Я получил предписание отправиться на поиски генерала Иванова. Могу выехать для этого только в 1 ч. 30 м. 4-го. Приеду в Дно в 5 часов 4-го. О дальнейшем же маршруте никаких данных нет. Следовательно, когда я именно приеду в нужное место, неизвестно. Теперь же уже последовало распоряжение об отозвании ген. Иванова. Кроме того, с минуты на минуту ожидается решение всех вопросов. Является ли при таких условиях необходимой моя поездка? Спрашиваю об этом частным образом и вас прошу справиться у начальника оперативного отдела о необходимости моего выезда из Пскова, тем более, что при теперешней усиленной работе здесь нежелательно лишаться офицера генерального штаба. Буду ждать у аппарата. *Полк. Ступин.*

— Подполковник Тихобразов пошел спросить, какого мнения по этому поводу начальство. Быть может, вам именно прикажут отозвать ген. Иванова. Пока сообщу могущие быть полезными сведения. По линии Могилев — Витебск — Дно — Петроград ходят скорые поезда строго по расписанию; по крайней мере, так прибывают сюда и уходят отсюда. Генерал Иванов предполагается или в Царском, или между Царским и Вырицей. Сведений от него мы никаких не имеем. С ним находится штаб-офицер угенкварверха ген. штаба подп. Капустин. Пытаемся сообщить ему об отозвании его назад и через Петроград. Какие у вас сведения насчет поезда Гучкова?

— Поезд Гучкова уже пришел, и сейчас идет заседание. Относительно местонахождения генерала Иванова я не думаю, чтобы он был в Царском Селе, так как там, по частным сведениям, поддерживается порядок распоряжением Госуд. Думы. Вчера ночью у нас проскочило какое-то сведение, будто поезд ген. Иванова в 22 часа 1 марта прибыл на вокзал в Царское и что он остается там же на вокзале, но это был только слух, документально не подтвержденный.

— Благодарю вас. Я жду у аппарата.

— Ответа нет. Тихобразов еще не пришел.

— Полковник Ступин у аппарата?

— Да, он здесь.

— Могу вам сообщить, что, по имеющимся сегодня утром последним сведениям, ген. Иванов якобы действительно приехал в Царское Село. Затем был на ст. Александровской, а оттуда переехал на ст. Вырица, где, как будто бы, и находится.

— Благодарю вас. До свидания.

Телеграмма ген. Лукомского ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1902.

Передана 2. III. 22 ч. 53 м.

Дополнение 1874. Наштаверх разрешил офицера для связи с генерал-адъютантом Ивановым не посылать в виду отозвания генерал-адъютанта Иванова к месту своей службы. 2 марта 1917 г. № 1902. *Лукомский.*

Разговор по прямому проводу ген. Эверта с ген. Клембовским 2 марта 1917 г.

— Здравствуйте, Владислав Наполеонович. У аппарата главнокомандующий. Что скажете?

— Здравия желаю, Алексей Ермолаевич. Наштаверх поручил мне передать вам следующее. «Его величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифестом итти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной Думы образовать кабинет. По сообщении этого решения главкосевом председателю Государственной Думы, последний в разговоре по аппарату, в два с половиной часа второго сего марта, ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, в настоящее же время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшнейших революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы. Председателю Государственной Думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно; что теперь династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, повидимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находятся фактически в руках петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России, и судьбу династии нужно поставить на первом плане хотя бы ценою дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству через главкосева, известив наштаверха? Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мыслей и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при

решении сверху. 2 марта 1917 года. 10 часов 15 минут. № 1872». Вот и все, если имеете задать вопрос, то я в вашем распоряжении. *Клембовский.*

— Этот вопрос может быть разрешен безболезненно для армии, если только он будет решен сверху. В противном случае, несомненно, найдутся элементы, враждебные тому или другому решению, а может быть, и желающие ловить рыбу в мутной воде. Есть ли время сговориться с командующими армиями? Запрошены ли остальные главнокомандующие? *Эверт.*

— Всем главнокомандующим сообщено одно и то же. Время не терпит, дорога каждая минута, иного исхода нет. Государь колеблется, единогласные мнения главнокомандующих могут побудить его принять решение, единственно возможное для спасения России и династии. При задержке в решении вопроса Родзянко не ручается за сохранение спокойствия, причем все может кончиться гибельной анархией. Надо иметь в виду также, что царскосельский дворец и августейшая семья охраняются восставшими войсками. *Клембовский.*

— Больше ничего не имею. *Эверт.*

— Имею честь кланяться. *Клембовский.*

Разговор окончен 2 марта в 11 часов.

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с ген. Брусиловым 2 марта 1917 г.

— У аппарата генерал-адъютант Алексеев.

— Имею честь кланяться, что прикажете? *Брусилов.*

— Его величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифестом итти навстречу народному желанию учредить ответственное перед народными представителями министерство, поручив председателю Государственной Думы Родзянко образовать кабинет.

По сообщении этого решения председателю Государственной Думы главкосевом Родзянко в разговоре по аппарату ответил, в два с половиной часа 2 марта, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, а в настоящее время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшнейших революций, что сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы. Председателю Государственной Думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно, что теперь династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявляемых вновь требований относительно отречения от престола в пользу сына, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Передавая вам это, сообщаю, что туманная обстановка, повидимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что продовольственное существование армии и работа всех железных дорог находятся фактически в руках

петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала и продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии, поставив все это на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою соответствующую верноподданническую просьбу его величеству через главкосева? Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а определенные скорые решения относительно внутренних дел должны избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно может совершиться при решении сверху. Повидимому, из Пскова посланы были повеления генералу Иванову возвратиться как ему самому, так и вернуть все войска, направленные из армии в Царское Село. Сейчас мне сообщили, что генерал Иванов через полчаса вернется в Могилев, чему, однако, я не вполне доверяю. *Алексеев.*

2 марта. 11 ч.

— Колебаться нельзя. Время не терпит. Совершенно с вами согласен. Немедленно телеграфирую через главкосева телеграмму с всеподданнейшею просьбою государю императору. Совершенно разделяю все ваши воззрения. Тут двух мнений быть не может. Кончил. *Брусилов.*

— Будем действовать согласно — только в этом возможность пережить с армией ту болезнь, которой страдает Россия, и не дать заразе прикоснуться к армии. До свидания. Всего хорошего. *Алексеев.*

— Очевидно, должна быть между нами полная солидарность. Я считаю вас по закону верховным главнокомандующим, пока не будет другого распоряжения. Да поможет нам господь. *Брусилов.*

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с ген. Сахаровым 2 марта 1917 г.

— Попросите к аппарату главнокомандующего. У аппарата генкварверх. Для передачи очень срочной и важной депеши и для личных объяснений, если таковые потребуются. Вопрос крайне спешный, поэтому прошу помощника главнокомандующего не отказать подойти к аппарату возможно скорее.

— Сию секунду доложу.

— У аппарата генерал-лейтенант Лукомский. Честь имею кланяться, ваше высокопревосходительство. Генерал Алексеев поручил мне передать вам нижеследующую телеграмму: «Его величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифестом...» [1])

[1]) Далее идет текст телеграммы ген. Алексеева главнокомандующим № 1872, приведенный в разговоре Клембовского с Эвертом, но без указания номера телеграммы.

Л у к о м с к и й. Нет ли каких-нибудь вопросов, так как я кончил?

— У аппарата генерал Сахаров. Здравствуйте, Александр Сергеевич. Скажите пожалуйста, то, что вы сказали, то составляет мнение Михаила Васильевича?

— Да, мнение Михаила Васильевича начинается после слов Михаила Александровича — со слова «обстановка».

— А от других главнокомандующих есть ответ или нет?

— Эта телеграмма одновременно передается всем главнокомандующим. Генерал Алексеев говорит с генералом Брусиловым, генерал Клембовский говорит с генералом Эвертом, мне поручено доложить вам и передать в Тифлис [1]).

— Повидимому, как ни грустно, а придется согласиться с этим единственным выходом. Телеграмму составлю, но не было ли бы лучше отправить ее после получения от вас окончательного решения, основанного на мнении всех остальных? Но было бы крайне желательно и даже более всего необходимо знать ответ с Кавказа.

— Должен доложить, что генерал-адъютант Рузский, повидимому, с этим согласен. Генерал Клембовский сейчас мне передает, что генерал Эверт, повидимому, не находит другого выхода. Лучше всего приготовьте ваш ответ как Алексееву, так и телеграмму государю, а я вам сейчас же доложу, как только будет получен ответ с Кавказа, после чего вы и пошлете свои телеграммы.

— Отлично. Так и сделаю. До свидания, Александр Сергеевич.

— До свидания, ваше высокопревосходительство. *Лукомский.*

Разговор окончен 2 марта в 11 ч. 7 м.

Служебная записка ген. Тихменева ген. Клембовскому 2 марта 1917 г. № 45.

Генералу Клембовскому (через генкварверх).

1917 г. 2 марта 11 час. № 45.

1) Ген.-ад. Иванов в Вырице с 4 час. ночи. В связь еще не вошли, ибо есть несколько переприемов по пути. Через них и посылаем депешу.

2) Ген.-ад. Иванов увез с собой в Вырицу начальника ст. Царское Село по неизвестным причинам.

3) Положение эшелонов.

С е в е р н ы й ф р о н т. Те, которые южнее Луги, наштасев приказал вернуть в Двинск и Креславку.

З а п а д н ы й ф р о н т. Два эшелона (головные) задержаны в Режице, три эшелона задержаны в Двинске, три эшелона задержаны в Полоцке, один — в Молодечно, три — в Минске, два — на участке Минск — Заречье будут задержаны в Минске, и два останутся в Сенявке.

Ген.-м. *Тихменев.*

---

[1]) Как видно из пометы в деле, телеграмма № 1872 была передана в Тифлисе ген. Янушкевичу 2/III в 10 ч. 50 м.

Разговор по прямому проводу полк. Ахшарумова с комендантом ст. Москва-Александровская 2 марта 1917 г. в 11 часов [1]).

О т в. Сегодня предложено думой всем войсковым начальникам собраться на Красной площади, для чего — не знаю. Для передвижения офицеров по городу требуется иметь пропуски, выдаваемые в городской думе. Мы же, все офицеры управления заведывающего передвижением войск, живем на вокзале, в город не выходим. Газеты вышли. Обещают сегодня пустить трамваи. Подробностей никаких не знаю. В некоторых местах бывают одиночные выстрелы.

В о п р. Как движение поездов в узле?

О т в. Пока в порядке, и, думаю, это не расстроится.

В о п р. Заводы и мастерские ж.-д. работают?

О т в. Заводы работают, но не все. Слухов много, но пока не убедимся, не можем ничего сказать.

В о п р. Большие беспорядки и столкновения с войсками были?

О т в. По слухам, на Мясницкой столкновение с полицией и только.

В о п р. В чьем распоряжении войска гарнизона?

О т в. В распоряжении полковника Грузинова. По газетным данным, Мрозовский арестован вчера.

В о п р. А комендант города?

О т в. Комендант города Горковенко заболел.

В о п р. А кто вместо него?

О т в. Не знаю.

В о п р. В общем, каково настроение Москвы: жителей и войска?

О т в. Настроение прекрасное, все ликуют.

В о п р. Государственные и общественные учреждения работают?

О т в. Вчера работали до 2 часов. Государственный банк охраняется войсками.

В о п р. Трамвай, водопровод, электричество работают? Магазины открыты?

О т в. Магазины открыты; электричество, водопровод работают. Трамвай еще не пошел.

Полк. *Ахшарумов.*

Телеграмма ген. Клембовского ген. Сахарову 2 марта 1917 г. № 1875.

Передана 2. III. 13 ч. 39 м.

Дополнение № 1872. Великим князем Николаем Николаевичем составляется ответ в духе пожеланий генерал-адъютанта Алексеева. Благоволите сообщить ваше решение. Присовокупляю, что генерал Брусилов и ген. Эверт телеграмму уже послали в том же духе. 2 марта 1917 года. 1875. *Клембовский.*

---

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «2. III. 917. Чит. Ген. *Алексеев*».

Телеграмма ген.-кварт. румынского фронта Черемисинова ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 03316 [1]).

Принята 2. III. 14 ч. 33 м.

1875. Телеграмма № 1872 не поступала. Не есть ли это телеграмма, переданная вашим превосходительством в разговоре сегодня 2 марта с генералом Сахаровым? В противном случае прошу немедленно повторить телеграмму № 1872. Ожидаю безотлагательного ответа. Яссы. 2 марта. 14 час. 10 мин. № 03316. *Черемисинов.*

Телеграмма ген. Лукомского ген. Янушкевичу 2 марта 1917 г.

Передана 12 ч. 14 м.

Генерал Алексеев, вследствие срочности дела, просит сообщить ответ великого князя. Ген.-л. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Янушкевича ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. [2]).

Принята 2. III. 12 ч. 28 м.

Скоро по окончании редакции ответ будет сообщен. Составляется в духе пожеланий генерала Алексеева. *Янушкевич.*

Телеграмма ген. Алексеева царю 2 марта 1917 г. № 1878.

Передана 2. III. 14 ч. 30 м.

Всеподданнейше представляю вашему императорскому величеству полученные мною на имя вашего императорского величества телеграммы. От великого князя Николая Николаевича: «Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить ваше императорское величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо

---

[1]) На подлиннике помета: «№ 1872 передан ген.-кваруму. Наклеенная лента представляется. Дежурный шт.-офицер капитан *Кожезников*».

[2]) На подлиннике помета: «Доложено ген. Клембовскому 12 ч. 40 м. 2. III. 917».

горячею молитвою молю бога подкрепить и направить вас. Генерал-адъютант *Николай*». От генерал-адъютанта Брусилова: «Прошу вас доложить государю императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к родине и царскому престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, — отказаться от престола в пользу государя наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет, но необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе он повлечет за собой неисчислимое катастрофическое последствие. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника. Генерал-адъютант *Брусилов*». От генерал-адъютанта Эверта: «Ваше императорское величество. Начальник штаба вашего величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве, и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы. Ваше величество, на армию в настоящем ее составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и к сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный вашему величеству верноподданный умоляет ваше величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. Генерал-адъютант Эверт».

Всеподданнейше докладывая эти телеграммы вашему императорскому величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое господь бог внушит вам. Промедление грозит гибелью России. Пока армию удается спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города. Но ручаться за дальнейшее сохранение высшей дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России, развал ее. Ваше императорское величество горячо любите родину и, ради ее целости, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжкого положения. Ожидаю повелений. 2 марта 1917 г. 1878. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Копия телеграммы ген. Сахарова ген. Рузскому 2 марта 1917 г. № 03317 [1]).

Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной Думы вам на высокомилостивое решение государя императора даровать стране ответственное министерство и пригласил главнокомандующих доложить его величеству через вас о положении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения. Горячая любовь моя к его величеству не допускает душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного вам председателем Думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя, если бы не были призваны к защите родины от врага внешнего и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армий. Таковы движения сердца и души.

Переходя же к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный его величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности продолжать биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших и еще гнуснейших притязаний. Яссы. 1 [2]) марта. № 03317. Генерал *Сахаров*.

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с ген. Даниловым 2 марта 1917 г.

— У аппарата генерал Данилов.

— Здравствуй, Юрий Никифорович. У аппарата Лукомский. Генерал Алексеев просит сейчас же доложить главкосеву, что необходимо разбудить государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко. Переживаем слишком серьезный момент, когда решается вопрос не одного государя, а всего царствующего

---

[1]) На подлиннике документа следующие пометы: «15 ч. 5 м. 2 марта 1917 г.» (повидимому, дата получения в ставке копии телеграммы, адресованной главкосев для передачи царю). В левом верхнем углу первого листа телеграммы: «Пер[едана в] Псков 2. III. 15 ч. 45 м. [подпись]». На первом же листе помета рукой ген. Алексеева: «2. III. 917».

[2]) Так в подлиннике.

дома в России. Генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна каждая минута, и всякие этикеты должны быть отброшены.

Генерал Алексеев просит, по выяснении вопроса, немедленно сообщить, дабы официально, и со стороны высших военных властей, сделать необходимое сообщение в армии, ибо неизвестность хуже всего и грозит тому, что начнется анархия в армии. Это официально, а теперь я прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет, и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласится, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударом Германии, и погибнет вся династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет. Я буду ждать твоего ответа. *Лукомский.*

— Генерал Рузский через час будет с докладом у государя, и поэтому я не вижу надобности будить главнокомандующего, который только что сию минуту заснул и через полчаса встанет. Выигрыша во времени не будет никакого. Что касается неизвестности, то она, конечно, не только тяжка, но грозна. Однако и ты и генерал Алексеев отлично знаете характер государя и трудность получить от него определенное решение. Вчера весь вечер до глубокой ночи прошел в убеждениях поступиться в пользу ответственного министерства. Согласие было дано только к двум часам ночи, но, к глубокому сожалению, оно, — как это, в сущности, и предвидел главнокомандующий, — явилось запоздалым. Очень осложнила дело посылка войск генерал-адъютанта Иванова. Я убежден, к сожалению, почти в том, что, несмотря на убедительность речей Николая Владимировича и прямоту его, едва ли возможно будет получить определенное решение. Время безнадежно будет тянуться. Вот та тяжкая картина и та драма, которая происходит здесь. Между тем Исполнительный Комитет Государственной Думы шлет ряд извещений и заявлений, остановить поток которых нет никакой возможности. Два часа тому назад главнокомандующий вынужден был отдать распоряжение о том, чтобы не препятствовать распространению таких заявлений, которые клонятся к сохранению спокойствия среди населения и к приливу продовольственных средств. Другого исхода не было. Много горячих доводов высказал генерал Рузский в разговоре с Родзянко в пользу оставления во главе государя с ответственным перед народом министерством, но, видимо, время упущено, и едва ли возможно рассчитывать на такое сохранение. Вот пока все, что я могу сказать. Повторяю, от доклада генерала Рузского я не жду определенных решений. *Данилов.*

— Дай бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить государя. В его руках теперь судьба России и царской семьи. *Лукомский.*

Телеграмма гл. нач. Одесского воен. округа ген. Эбелова ген. Клембовскому 2 марта 1917 г. № 0735.

Подана 2. III. 12 ч. 15 м.
Принята 2. III. 12 ч. 41 м.

В виду неполучения высочайшего акта, задержки телеграмм из Петрограда и распространения в обществе разного рода тревожных слухов, прошу указаний, когда можно ожидать соответствующих распоряжений свыше. Тревога населения будет расти с каждым днем. Пока порядок поддерживаю. Запасные полки переполнены прибывшими новобранцами, до двадцати тысяч каждый полк; внутренний порядок поддерживать трудно. При настоящих обстоятельствах настоятельно необходимо новобранцев этих, до шести тысяч в каждом полку, немедленно отправить на полевые работы. Просил об этом генерала Сахарова, ответа не получил. Прошу указаний. 0735. Генерал *Эбелов*.

Телеграмма ген. Лукомского ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1883.

Передана 2. III. 15 ч. 55 м.

Прошу срочно телеграфировать, находятся ли в Пскове литерные поезда или куда-либо отправились. 2 марта 1917 года. 1883. *Лукомский*.

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 1231/Б.

Принята 2. III. 17 ч. 30 м.

1883. По приказанию наштасева сообщаю: литерные поезда находятся в Пскове. О времени их отправления и направлении движения будет донесено беззамедлительно. Псков. 2 марта. 17 ч. 1231/Б. *Болдырев*.

Телеграмма ген. Иванова ген. Алексееву из Семрино 2 марта 1917 г. № 5.

Подана 2. III. 5 ч. 5 м.
Принята 2. III. 12 ч. 10 м.

Ночь на 2 марта ночую в Вырице. 1 марта 1917 г. № 5. Генерал-адъютант *Иванов*.

Телеграмма ген. Лукомского начальникам штабов фронтов 2 марта 1917 г. № 1884 [1]).

Ожидается разрешение на опубликование высочайшего акта, который должен успокоить население, предотвратить ужасы революции. Поэтому наштаверх, прося принять все меры для предупреждения возможных эксцессов, находит необходимым, чтобы главные начальники военных округов, входящие в состав фронтов, были ориентированы во всем происходящем. 2 марта 1917 г. 1884. *Лукомский*.

[1]) На подлиннике пометы о времени посылки телеграммы: «Наштасев — 2. III 16 ч. 43 м. Наштазап — 2. III. 16 ч. 53 м. Наштаюз — 2. III. 17 ч. 9 м. Наштарум — 2. III. 18 ч. 40 м.».

Телеграмма ген. Клембовского ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1886.

Передана 2. III. 16 ч. 50 м.

Телеграмма № 1223 об объявлении манифеста не приводится в исполнение в ожидании дальнейших указаний после доклада главкосева. Очень прошу ориентировать наштаверха, в каком положении находится вопрос. Из вашего штаба сообщили, что литерные поезда стоят в Пскове и нет никаких распоряжений относительно их отправления. Между тем получены известия, что начальник эксплоатационного отдела Северо-Западных дорог инженер Гавалов отдал распоряжение по линии об отправлении литерных поездов к Двинску. Прошу сообщить, что известно. 2 марта 1917 г. 1886. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Брусилову 2 марта 1917 г. № 1887.

Передана 2. III. 17 ч. 34 м.

Прошу вас через генерала Ходоровича ориентировать в обстановке императрицу Марию Федоровну и сообщать ее величеству о всем, что будет происходить. 2 марта 1917 года. 1887. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 1230/Б.

Подана 2. III. 16 ч. 30 м.

Принята 2. III. 16 ч. 50 м.

Около 19 часов сегодня его величество примет члена Государственного Совета Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина, выехавших экстренным поездом из Петрограда. Государь император в длительной беседе с генерал-адъютантом Рузским, в присутствии моем и генерала Савича, выразил, что нет той жертвы, которой его величество не принес бы для истинного блага родины. Телеграммы ваши и главнокомандующих были все доложены. 2 марта. 16 ч. 30 м. № 1230/Б. *Данилов* [1]).

Телеграмма гр. Капниста адм. Русину 2 марта 1917 г. № 2740.

Положение прежнее. Большая опасность со стороны социалистов. Москва, Харьков и Симферополь, повидимому, подчиняются Думскому Комитету. Минмор считает необходимым действовать в согласии с Комитетом Думы, о чем дал директивы на север. Адмиралу Корвину угрожала со стороны нижних чинов опасность, считающих его немцем. По соглашению с караульным начальником, он был арестован и отправлен в Думу, где получил свободно отдельный пропуск, но остается там до отъезда на север. В Кронштадте анархия. Вирена, кажется, убили, Курош арестован. Два члена Думы попробовали вос-

[1]) Эта телеграмма ген. Данилова была передана из ставки главкозапу в тот же день в 18 ч. 5 м., главкоюзу в 17 ч. 40 м., поглавкоруму в 18 ч. 45 м., ген. Янушкевичу в 18 ч. 40 м.

становить порядок. В Луге и Ораниенбауме возмущение. Я виделся с Родзянко, к которому ездил в Думу с согласия минмора, причем выяснил, что Думский Комитет не вступал в связь со ставкой. Родзянко сказал мне, что вступит в сношение с генералом Алексеевым и с вами, дабы не было несогласных действий. Не откажите сообщить мне для доклада минмору позицию ставки, занятую в этом деле. Здесь приходится действовать по обстоятельствам, чтобы установить порядок и не нарушить интересов войны. Великий князь Кирилл Владимирович с баталионом гвардейского экипажа и вторым экипажем отдали себя в распоряжение Государственной Думы. 2740. *Капнист.*

Разговор по прямому проводу ген. Клембовского с ген. Эбеловым 2 марта 1917 г. [1]).

— Ввиду наплыва телеграмм из Петрограда самого тревожного свойства, положение становится с каждым часом серьезнее. Прошу указаний, последует ли указанный в вашей последней телеграмме высочайший акт и когда именно.

— Государь император согласился на постановку: во главе правительства — Родзянко, с тем чтобы он избрал себе ответственных министров. Родзянко ответил, что это было возможно 27 февраля, а теперь поздно, народные страсти так разгорелись, что исход имеется лишь один — отречение от престола в пользу наследника под регентством великого князя Михаила Александровича. Его величество находится в Пскове, решение еще не принял, но, повидимому, оно неизбежно. Как только узнаю исход происходящих там переговоров, немедленно сообщу вам. Нет ли еще вопросов, и известно ли вам положение в Петрограде и Москве? *Клембовский.*

— Разрешается ли печатать в газетах телеграммы, поступающие из Петрограда ПТА и «Вестника»? Положение очень тревожное, с трудом удерживаю порядок.

— Сегодня газеты в Москве вышли, завтра вы их получите. Полагаю, однако, что лучше ничего не печатать, пока не получим определенных сведений из Пскова, о чем, повторяю, немедленно вам сообщу. *Клембовский.*

— Однако можно ли сообщать в печать выдержки из телеграмм в более смягченном смысле?

— Повторяю, лучше воздержаться, так как решение вопроса — дело нескольких часов. *Клембовский.*

— Все, что известно мне из Петрограда, вероятно, известно и вам? Если нужно, то наиболее тревожные телеграммы буду передавать вам по прямому проводу без шифровки.

— Нет, нам все известно, и если я спросил, то только для того, чтобы в случае нужды ориентировать вас. *Клембовский.*

— Сердечно благодарю. Разговор кончаю. *Эбелов.*

(*Окончание следует*).

[1]) На подлиннике помета: «2. III. 17 ч. 23 м. Понашт-верх и главнокр. Одесса».

Дневник Николая Романова.

(*Продолжение* [1]).

1-го мая [*1917 г*]. *Понедельник.*

Чудный теплый день. Утром хорошо погулял. От 12 час. был урок географии с Алексеем. Днем опять работали над нашим огородом. Солнце здорово пекло, но работа успешно подвигается. Читал до обеда и вечером вслух.

Вчера узнали об уходе ген. Корнилова с должности главнокоманд[ующего] Петрогр[адским] воен[ным] окр[угом], а сегодня вечером об отставке Гучкова, все по той же причине безответственного вмешательства в распоряжения военною властью [sic!] Сов[ета] Рабоч[их] Депутатов и еще каких-то организаций гораздо левее.

Что готовит провидение бедной России? Да будет воля божья над нами! [2]).

2-го мая. Вторник.

Серый теплый день. Погулял. Окончил чтение книги Кассо «Россия на Дунае» и начал многотомное сочинение Куропаткина «Задачи русской армии». Днем работали на огороде, около половины сделано. Под конец пошел дождичек. Вечер провели по обыкновению.

3-го мая. Среда.

У Алексея болела рука, и он пролежал целый день. С утра до вечера лил дождь, очень полезный для появляющейся растительности. Недолго погулял утром и днем — с Марией и Анастасией. Много читал. Вечером окончил англ[ийскую] книгу вслух.

4-го мая. Четверг.

Погода стала ясная, но прохладная. Рука у Алексея не болела, занятий не было, т. к. он остался лежать. После утренней прогулки читал много. Днем все вышли в сад, опять происходила общая работа по огороду. Вечером начал читать вслух «Le mystère de la chambre jaune» [3]).

---

[1]) См. «Красный Архив», т. 20 (1), стр. 123—152.

[2]) После восклицательного знака поставлен крест.

[3]) «Тайна желтой комнаты» Леру.

5-го мая. Пятница.

После утренней прогулки занимался с Алексеем историей. Рука его прошла, и он встал после завтрака. Продолжали работу в саду; Аликс вышла на час. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. До обеда получил подарки. Читал дочерям вслух.

6-го мая. Суббота.

Мне минуло 49 лет. Недалеко и до полсотни! Мысли особенно стремились к дорогой мама. Тяжело не быть в состоянии даже переписываться. Ничего не знаю о ней кроме глупых или противных статей в газетах. День прошел по воскресному: обедня, завтрак наверху, puzzle! Дружная работа на огороде, начали копать грядки, после чая всенощная, обед и вечернее чтение — гораздо больше с милой семьей, чем в обычные года.

7-го мая. Воскресенье.

Холодная ветреная погода со снежными шквалами. В 11 час. пошли к обедне. Погулял днем с Татьяной, Марией и Анастасией, пока Алексей играл на острове. До и после чая начитывался всласть. К вечеру погода окончательно повернула на зиму — выпал снег при 2° мороза.

8-го мая. Понедельник.

Утром все оказалось покрытым снегом. Дул холодный ветер, и гулять было неприятно. От 12 ч. занимался с Алексеем географией. К 2 часам вышло солнце, стало теплее и стихло. Гулял с детьми и сидел с ними на острове. Видел коменданта Ц. Села полковн. Кобылинского, кот[орый] гулял с дворцов[ым] комендантом подполк. Коровиченко. Вечер прошел по обыкновению.

9-го мая. Вторник.

Очень хороший солнечный день. Погулял почти час с Алексеем. Днем усиленно работали на огороде; копать грядки было тяжело из-за сырости земли после снега. Читал с интересом куропаткинскую книгу до обеда, а вечером франц[узскую] вслух дочерям.

10-го мая. Среда.

Отличный теплый день. Пробыл час на воздухе с Алексеем, а потом занимался с ним историей. Днем все были в саду, работали на огороде и начали сажать некоторые овощи. В $6^1/_2$ были у всенощной. Вечером окончил франц[узскую] книгу.

11-го мая. Вознесение господне.

Чудный летний день. Погулял недолго с Валей до обедни. После завтрака зашел с Аликс к Е. А. Нарышкиной, которая больна, повидимому, воспалением легкого. Работали на огороде и потели страшно. Читал до $7^1/_4$ и затем в первый раз с дочерьми покатался на велосипеде. Было очень приятно подышать еще вечерним воздухом.

12-го мая. Пятница.

Погулял с Алексеем чудным утром. Пошли посмотреть работу по складыванию досчатого «ground» для нашего тенниса на прежнем месте. Перед завтраком с Алексеем [занимался] историей. В $2^1/_2$ ч. вышли в сад. Помог с другими копать грядки на огороде двух из наших людей впереди 1-го и 4-го подъездов, затем вернулся в садик и продолжал работу на нашем огороде.

Погода сделалась серая и прохладная. Утром перевезли в санитарном моторе в Большой дворец Е. А. Нарышкину, по ее просьбе, для возможности чаще видеть своих родных.

13-го мая. Суббота.

Солнечный день с прохладным бризом. Погулял час с Алексеем. Днем хорошо поработали в саду. Видел, как привезли байдарки и шлюпку к нам на пруд. Татьяна и Алексей воспользовались и покатались. В $6^1/_2$ час. пошли ко всенощной. Вечером читал вслух книгу «Le parfum de la dame en noir», [1]) которую начал 11-го мая.

14-го мая. Воскресенье.

В другой обстановке провели мы 21-ю годовщину коронации! Погода была отличная — 15° в тени. До обедни погулял с Алексеем. Днем от 2 час. до $4^1/_2$ час. провели в саду; катался в байдарке, в шлюпке, поработал на огороде, где готовятся новые грядки, и еще на острове. После чая читал и вечером также.

15-го мая. Понедельник.

Ясный и очень теплый день. После прогулки имел с Алексеем урок географии. Вышли в сад в $2^1/_4$, работал все время с другими на огороде; Аликс и дочери сажали разные овощи на готовых грядках. В 5 час. возвратились домой потные. После чая читал. В $7^1/_2$ вышел с Татьяной, Марией и Анастасией и покатался на велосипедах до 7.45. Вечер провели как всегда.

16-го мая. Вторник.

Дивный летний день; после полдня в тени было 20°. Погулял час утром, пока Алексей играл на остр[ове]. Кончил первый том «Задачи русской армии» Куропаткина и начал второй. От $2^1/_4$ до 5 час. в буквальном смысле работали в саду в поте лица на огороде.

[1]) «Духи дамы в черном» Леру.

Караул от запасного бат. 2-го стр. Царскос[ельского] полка (прап. Беляковский) вел себя как следует, ни один стрелок не шлялся по саду, и выправка часовых была приличная. Перед обедом с наслаждением покатались на велосипедах.

17-го мая. Среда.

Великолепный жаркий день — 20° в тени, на солнце 33°, при легком южном ветре. Погулял более часа с Алексеем и затем занимался с ним историей. Днем гуляли, работали, катались на пруде и сидели на берегу его. До обеда покатался с дочерьми на самокатах. Около $9^1/_2$ нашли тучи и пролили на землю необходимую ей живительную влагу.

18-го мая. Четверг.

Такой же чудный день, немного посвежее после вчерашнего дождя. Очень позеленело все в парке. Воздух был великолепный на прогулке, после урока географии Алексею. Днем опять усиленно работали по уборке дерна и по устройстве [sic!] новых грядок. До обеда покатались на велосип[едах]. Вечер сделался совсем прохладный — 9°.

19-го мая. Пятница.

Утром было много туч, но к 11 час. вышло солнце, и погода сделалась ясная и сразу теплая. После прогулки занимался с Алекс[еем] историей. Днем усердно копал с другими грядки, которых у нас всего теперь 65. Караул от 2-го стр. полка был опять распущенный и офицеры неважные! До обеда поездили на велосипедах.

20-го мая. Суббота.

Идеальный жаркий день, но без духоты. Погулял час с четвертью утром с Алексеем. Днем работал с другими на огороде и отдыхал, катаясь в байдарке. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Аромат из сада был удивительный, когда сидишь у окна.

Вчера начал читать вслух «Le fauteuil hanté». [1])

21-го мая. Троицын день.

Чудесная погода без единого облачка на небе. Погулял с Алексеем до 10 час. В $10^1/_2$ началась обедня и затем была вечерня, кот[орая] окончилась в $12^1/_4$. Днем находились в саду три часа. Перепиливал поваленное в саду дерево на дрова, катался в байдарке и на велосипеде. Читал до $7^1/_2$ и немного погулял с дочерьми до обеда.

22-го мая. Духов день.

Теплый серый день. Пошел гулять до 11 час. с Ольгой, Анастасией и Алексеем. Завтракали в 12 ч. Днем провели три часа в саду,

[1]) «Кресло привидения» Леру.

на острове и на пруде. Под конец начался дождь, кот[орый] продолжался до 8 час. Аромат в окна влезал удивительный.

Сегодня годовщина начала наступления армий юго-западного фронта! Какое тогда было настроение и какое теперь!

23-го мая. Вторник.

Тоже серый день; только к вечеру показалось солнце. Днем спилил с моими людьми три сухих дерева — березу на острове и две больших ели подальше в парке. Перед обедом покатался на велосип[еде] с дочерьми. Вечер был чудный.

24-го мая. Среда.

Теплый день с проходящими дождями. Утром гулял с Алексеем. До завтрака занимался с ним историей. Распиливали на части одну из вчерашних елей. Вернулись домой пораньше из-за дождя. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Перед обедом Аликс получила наши скромные подарки.

25-го мая. Четверг.

День рождения моей дорогой Аликс. Да ниспошлет ей господь здоровье и душевное спокойствие!

Перед обедней все жильцы дома принесли свои поздравления. Завтракали наверху по обыкновению. Днем Аликс вышла с нами в сад. Рубил и пилил в парке. В $7^1/_2$ покатался с дочерьми на велосип[еде]. Погода была хорошая. Вечером начал читать вслух «Le comte de Monte-Christo» [1]).

26-го мая. Пятница.

Как раз приехавший к часу прогулки новый главноком[андующий] Петр[оградским военным] округом ген. Половцев задержал выход Алексея и мой в сад на 20 мин. Погода была чудная. В $3^1/_4$ все мы отправились на прогулку; спилили еще два дерева с короедом. Покатался в байдарке, а вечером на велосипеде.

27-го мая. Суббота.

Забыл упомянуть вчера, что после нашего обеда Коровиченко попросил зайти, чтобы проститься, и привел с собой своего преемника — коменданта Ц[арско]-С[ельского] гарнизона полк. Кобылинского. Никто из нас не жалеет об его уходе, и, напротив, все рады назначению второго. День простоял чудный. Утром погулял дальше в парк, искал еще сухих деревьев. Днем много рубил и пилил. Катался в шлюпке с детьми. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Вечером читал вслух.

[1]) Роман Дюма-отца «Граф Монте-Кристо».

28-го мая. Воскресенье.

До обедни погулял с Татьяной, Марией и Анастасией; погода стояла дивная. Днем вышли в 2 часа. Отправился с теми же дочерьми на работу в лесу. Аликс, как всегда, сидела у воды против «дет[ского] острова», на кот[ором] играл Алексей. После 4 ч. вернулся сюда и покатался в байдарке. В $7^1/_2$ на велосипедах. Перед обедом Татьяна получила подарки.

29-го мая. Понедельник.

Дорогой Татьяне минуло 20 лет. Утром долго гулял со всеми детьми. В 12 час. был молебен. Днем провели три часа в саду, из кот[орых] я работал два часа в лесу. Потом покатался в шлюпке. День был превосходный. До обеда погуляли еще и побывали на огороде. Вечером читал вслух как всегда.

30-го мая. Вторник.

Простоял отличный, но более прохладный день. Погулял от 11 до 12 час., пока Алексей играл на острове. После завтрака вышли в сад в 2 ч. Со мною работали, пилили и рубили дрова постоянные: Валя Д., Волков, камер[динер] Аликс, Тетерятников, Мартышкин, Корнеев, и сегодня прибавился пожарный. Присутствовали и переносили дрова: Т[атьяна], М[ария] и Ан[астасия], два офицера и четыре стрелка 1-го бат.

Вернулись к чаю домой в 5 час. До обеда еще погуляли полчаса внутри «кольца».

31-го мая. Среда.

Такой же день — безоблачный и теплый. Погулял с Алексеем и затем занимался с ним географией. Днем была успешная работа около дорожки, пройдя теннис; срубили пять сухих елей и распилили их всех [sic!] на дрова. После чая распечатал с Бенкендорфом шкапчик в кабинете папа и просмотрел все находящиеся там бумаги и вещи. До обеда погулял с дочерьми. Вечером начал читать второй том «Le comte de Monte-Christo».

1-го июня. Четверг.

Чудесный очень теплый день. От 10 час. занимался с Алексеем историей, затем сделал хорошую прогулку по парку. После завтрака спилили огромную ель около вчерашнего места. Было очень жарко работать, и мухи сильно надоедали. До обеда тоже погуляли.

2-го июня. Пятница.

Утром также погулял внутри парка, где так хорошо и густо. До завтрака имел урок с Алекс[еем]. Днем Аликс присутствовала при нашей работе на вчераш[нем] месте; окончили распилку всего дерева. Покатался в байдарке. После полуторачасового чтения погулял с О[льгой], Мар[ией] и Ан[астасией]. Погода была поразительная.

3-го июня. Суббота.

После утреннего чая неожиданно приехал Керенский на моторе из города. Остался у меня недолго: попросил послать следственной комиссии какие-либо бумаги или письма, имеющие отношение до внутренней политики. После прогулки и до завтрака помогал Коровиченко в разборе этих бумаг. Днем он продолжал это вместе с Кобылинским. Допиливал стволы деревьев первого места. В это время произошел pechе с винтовкой Алексея; он играл с ней на острове; стрелки, гулявшие в саду, увидели ее и попросили офицера взять ее и унесли в караул[ьное] помещение. Потом, оказалось, ее отослали почему-то в ратушу!

Хороши офицеры, кот[орые] не осмелились отказать ниж[ним] чинам!

Были у всенощной. Вечер — по обыкновению.

4-го июня. Воскресенье.

Дивный жаркий день с ветром. До обедни погулял с дочерьми. В первый раз заступил в караул 3-й стрелк. зап. баталион. Разница огромная с прочими. Днем допиливали недоконченные уже сваленные деревья. Покатался в байдарке. До обеда обычная прогулочка.

5-го июня. Понедельник.

Сегодня милой Анастасии минуло 16 лет. Погулял со всеми детьми до 12 час. Пошли к молебну. Днем спилили две большие ели на скрещивании трех дорог около арсенала. Жара была колоссальная, солнце красноватое, в воздухе пахло гарью — вероятно, от горящего где-нибудь торфа. Покатался немного в шлюпке. Вечером погуляли до 8 час. Начал 3-й том «Le comte de Monte-Christo».

6-го июня. Вторник.

Сегодня Керенский сделал смотр всем запасным стрелк[овым] бат[альонам]. К нам он не заезжал.

Днем спилили большую высохшую ель, рядом со вчерашним местом, и другую на «детском острове». Погода была идеальная.

7-го июня. Среда.

Очень жаркий день и очень сильный запах гари. Утром погулял внутри парка. После завтрака спилили три сухих дерева все в тех же местах около арсенала. Покатался в байдарке, пока люди купались в конце пруда. Караульн[ым] нач[альником] был общий нелюбимец прап. Шумович 2-го стр. п[олка].

8-го июня. Четверг.

Самый жаркий день до сих пор — 24° в тени.

Перед утренней прогулкой занимался с Алексеем историей. Днем, несмотря на тропическую жару, распилили две ели. Снова был отличный караул от зап. бат. 3-го стрелк. полка. Пил чай запоем после работы. Как всегда, читал до вечерней прогулки, а вечером вслух.

9-го июня. Пятница.

Ровно три месяца, что я приехал из Могилева и что мы сидим, как заключенные. Тяжело быть без известий от дорогой мама, а в остальном мне безразлично. Сегодня день еще жарче — 25° в тени, на солнце 36°. Опять сильно пахло гарью. После [1]) прогулки занимался с Алексеем историей в моем новом кабинете, т. к. в нем прохладнее. Хорошо поработали на том же месте. Аликс не выходила. До обеда погуляли впятером.

10-го июня. Суббота.

Ночью и днем до 3 час. жара и духота продолжалась. Утром сделал большую прогулку. Завтракали, как вчера, в детской столовой. Днем работали на том же месте. В стороне прошла гроза, было несколько капель дождя. К счастью, сделалось прохладнее. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Вечером около 11 ч. раздался выстрел в саду, через $^1/_4$ часа кар[аульный] нач[альник] попросил войти и объяснил, что часовой выстрелил, т. к. ему показалось, что из окна дет[ской] спальни производят сигнализацию красною лампою. Осмотрев расположение электр[ического] света и увидя движения Анастасией своей головой, сидя у окна, один из вошедших с ним унт.-оф[ицеров] догадался, в чем дело, и они, извинившись, удалились.

11-го июня. Воскресенье.

Вчера Тетерятников сменился, вместо него прибыл Чемодуров. Утром погулял с детьми. В 11 ч. пошли к обедне. День стоял прохладный сравнительно — 17° в тени. Пилить и рубить было совсем легко. Обработали еще две сухие ели. Покатался в байдарке, пока Алексей купался в пруду. До обеда сделали обычную прогулку.

12-го июня. Понедельник.

После приятной прохладной ночи день наступил жаркий. Утром хорошо погулял с Валей. Занимался географией с Алексеем. Днем копали большую грядку на нашем огороде, после чего отдыхал в байдарке. Во время обеда прошла гроза с освежительным ливнем.

13-го июня. Вторник.

Простоял чудный день с проходящими тучами. Утром хорошо погулял. У Аликс уже несколько дней болит шея, и поэтому она не выходит в сад. Сегодня спилили четыре сухих дерева и разделали их под дрова. После чая читал в новом кабинете. До обеда Мария получила подарки.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «урока».

14-го июня. Среда.

Дорогой Марии сегодня 18 лет! Утром погулял со всеми детьми по всему парку. Погода была прекрасная. В 12 час. пошли к молебну. Днем Аликс вышла с нами. Работали в парке недалеко; спилили три больших дерева. После чая кончил чтение труда Куропаткина «Задачи русской армии», очень меня заинтересовавший [sic!]. Начал франц[узскую] книгу «La maison des hommes vivants».

15-го июня. Четверг.

Жаркий ясный день. Сделал утреннюю большую прогулку. Занимался с Алексеем географией. Аликс осталась дома. Пилили и рубили на том же месте, свалили крупную ель у маленькой дорожки. Принял освежительную ванну до чая. Погуляли перед обедом. Вечером начал читать вслух 5-ю часть «Comte Monte-Christo».

Бенкендорф, Валя Д. и обе фрейлины получили уведомление об увольнении их от службы.

16-го июня. Пятница.

Утро было серое и душное, днем показалось солнце. После прогулки был на уроке истории у Алексея. Теперь караул от зап. бат. 3-го стр. полка входит в общую очередь с другими и продолжает выделяться от прочих. Днем работали немного дальше вчерашнего места, но влево от дороги. Срубили две старые березы.

Окончил «La maison des hommes vivants».

17-го июня. Суббота.

Сделал утром обычную прогулку по всему парку, жара стояла необычайная. Начал читать «Юлиан» Мережковского. Днем разработали еще две грядки перед мраморной вазой в самой середине огорода. Покатался в байдарке. Купался в ванне перед чаем. В $6^1/_2$ час. всенощная. Вокруг ходили тучи, даже слышен был гром, во время завтрака шел дождь в течение десяти минут.

18-го июня. Воскресенье.

Ночью еще был дождь, ожививший воздух. День настал отличный. Погуляли до обедни. В 2 часа пошли в парк за хорошей землей и затем работали на огороде. Перед обедом помогали садовнику в поливке грядок. К вечеру температ[ура] опустилась до 9°. Дышалось легко.

19-го июня. Понедельник.

Погода была [sic!] и сравнительно прохладная. День прошел как всегда. Перед самым обедом пришла добрая весть о начавшемся наступлении на юго-западном фронте. На Золочовском направлении, после двухдневного арт[иллерийского] огня, наши войска прорвали

неприятельские позиции и взяли в плен около 170 офицеров и 10.000 чел., 6 орудий и пулеметов 24. Благодарение господу! Дай бог в добрый час! Совсем иначе себя чувствовал после этой радостной вести.

20-го июня. Вторник.

За вчерашний день бой протекал успешно: всего за два дня нашими войсками взято 18.600 чел. пленных. Перед завтраком в походной церкви был отслужен благодарственный молебен.

Днем спилили четыре сухих дерева за теннисом и затем недолго поработали на огороде до $4^1/_2$ час. Весь день погода хмурилась, и с 4 ч. пошел благодетельный дождь. Читал все время до обеда.

21-го июня. Среда.

Дождь окончился как раз перед утренней прогулкой, а к 3 часам погода окончательно поправилась.

До завтрака занимался с Алекс[еем] историей. Во время работы в парке Аликс присутствовала в своем кресле. Окончил чтение «Юлиана», понравившееся [sic!] мне.

До обеда погуляли. Вечером начал вслух 6-ю книгу «Comte de Monte-Christo».

22-го июня. Четверг.

Чудный день с освежительным ветром. От 10 до 11 час. занимался с Алексеем географией. Гулял. Начал вторую часть трилогии Мереж[овского] «Христос и Антихрист» — «Леонардо да-Винчи». Днем все были на работе в парке против арсенала. Срубили и распилили громадную ель. Вечером, т.-е. до 8 час., поливали огород.

23-го июня. Пятница.

Хороший прохладный день. Сделал большую прогулку. У Алексея был урок истории. Днем работали на том же месте. Срубили еще две ели. Прошел небольшой дождь. После чая читал до самого обеда.

24-го июня. Суббота.

Дождливый день и холодный. Утром не выходил. В 3 часа пошел гулять с детьми вокруг парка в сопровождении стрелков 3-го полка. Несколько из них косило с нашими людьми около дворца. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной.

Вечером читал вслух.

25-го июня. Воскресенье.

Утром вышел с Алексеем. Погода была прохладная. Были у обедни. Пошли гулять в 2 часа. Несколько кратких дождей не промочили нас. Срубили и распилили одну ель. Смотрели, как наши люди косили траву. Посидели на огороде и вернулись домой в свое время. Читал много до обеда.

26-го июня. Понедельник.

День стоял великолепный. Наш хороший комендант полк. Кобылинский попросил меня не давать руки офицерам при посторонних и не здороваться со стрелками. До этого было несколько случаев, что они не отвечали. Занимался с Алексеем географией. Спилили громадную ель недалеко от решетки за оранжереями. Стрелки сами пожелали помочь нам в работе. Вечером окончил чтение «Le Comte de Monte-Christo».

27-го июня. Вторник.

Забыл записать, что 26-го июня наши войска произвели новый прорыв и захватили: 131 офицера, 7.000 нижн. чин. и 48 орудий, из них 12 тяжелых. Утром вышли все дочери, чтобы собирать скошенную траву. Сделал свою обычную прогулку.

Днем работали на вчерашнем месте. Срубили и распилили две ели. До обеда провели полчаса на огороде. Вечером начал вслух «Arsene Lupin contre Sherlock Holmes» [1]).

28-го июня. Среда.

Вчера был взят нами Галич и 3.000 пленных и около 30 орудий. Слава богу!

Погода стояла серая и теплая, с ветром. После прогулки имел урок истории с Алексеем. Работали там же; спилили три ели. От чая до обеда читал.

29-го июня. Четверг.

Простоял чудный день. В 11 час. пошли к обедне; Алексей простоял ее в алтаре. Гуляли с 2 ч. до $4^1/_2$ ч. Работали там же, окончили вчерашнюю ель и спилили другую. Покатался с Татьяной в байдарке. До чая покупался в ванне. Перед обедом были на огороде.

30-го июня. Пятница.

Отличный жаркий день с сильным дымом от горящего торфа. Во время прогулки зашел с Валей в Китайский театр и осмотрел его внутри. У Алексея был урок истории. Работали на том же месте. Срубили три дерева. К ночи переставили все часы на один час вперед!

1-го июля. Суббота.

День простоял превосходный. Обошел весь парк, пока дети собирали сено и возились с копнами. Работа днем происходила около прежнего места. Находим рядом все новые сухие деревья или поваленные бурею весною 1914 года, скрытые кустами и высокою травою. В $6^1/_2$ ч. пошли ко всенощной. Поздно вечером пошел дождь.

---

[1]) «Арсен Люпен против Шерлока Холмса» Леблана.

2-го июля. Воскресенье.

Очень теплый серый день. Встал поздно и почитал до обедни. В 2 часа вышли в сад; сперва обошел парк с Татьяной и Анаст[асией] и затем распилили самое первое наше дерево в садике около беседки. Подчистили некоторые кусты от сухостоя и гнили. В это время другие оканчивали косить лужайки в том же саду. До обеда читал и окончил «Леонардо». После еды Алексей показывал свой кинематограф очень удачно. Вечером начал вслух «L'homme a l'oreille cassée».

3-го июля. Понедельник.

Душный тепличный день с облаками; но дождь прошел только во время обеда. Утром гулял, а днем свалили крупную сосну там же около решетки. — Все четыре дочери сбрили себе волосы, так как после кори они сильно лезли.

4-го июля. Вторник.

Начал вчера третью часть трилогии Мережковского «Петр». Утром гуляли под теплым проливным дождем. Днем работали там же и окончили разделку сосны. Вечером опять начался дождь.

5-го июля. Среда.

Все утро шел дождь, а к 2 часам погода поправилась; к вечеру стало прохладнее. День провели, как всегда. В Петрограде эти дни происходили беспорядки со стрельбою. Из Кронштадта вчера прибыло туда много солдат и матросов, чтобы итти против Временного Прав[ительст]ва! Неразбериха полная. А где те люди, которые могли бы взять это движение в руки и прекратить раздоры и кровопролитие? Семя всего зла в самом Петрограде, а не во всей России.

6-го июля. Четверг.

К счастью, подавляющее количество войск в Петрограде осталось верно своему долгу, и порядок снова восстановлен на улицах.

Погода была чудная. Сделал хорошую прогулку с Татьяной и Валей. Днем успешно поработали в лесу — срубили и распилили четыре ели. Вечером начал: «Tartarin de Tarascon» [1]).

7-го июля. Пятница.

Гулял утром с Марией, Валей и целым конвоем от караула 3-го стрелк. полка. Накрапывал дождь. К 2 час. погода поправилась, но было душно. Работали там же, только вдоль маленькой дорожки. Вечером клеил фотографии из жизни «под арестом» в свой альбом.

---

[1]) «Тартарен из Тараскона» А. Додэ.

8-го июля. Суббота.

Хороший жаркий день. Обошел парк с Татьяной и Марией. Днем работали в тех же местах. И вчера и сегодня караулы были исправны в несении службы и отсутствием шатания по саду во время нашей прогулки — от 4-го стр. и 1-го стр. полков. В составе правит[ельст]ва совершились перемены; кн. Львов ушел и председателем Сов[ета] Мин[истров] будет Керенский, оставаясь вместе с тем военным и морским мин[истром] и взяв в управление еще мин[истерство] торг[овли] и пром[ышленности].

Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту; чем больше у него будет власти, тем будет лучше.

9-го июля. Воскресенье.

Солнечный день с прохладным ветром. Погулял до обедни. Вышли в 2 часа. Работали в двух местах, под конец на вчерашнем месте срубили три ели; сложили дрова на просеке. Вечером Алексей показывал свой кинематограф. Окончил вслух: «Tartarin de Tarascon».

10-го июля. Понедельник.

Погода была полуясная, приятная, без жары. Сделал утреннюю прогулку по всему парку. Днем срубили четыре сухие ели там же и разделали все на дрова. Вернулись домой ровно в 5 час. Читал много. Перед обедом Ольга получила подарки. Вечером начал вслух: «Tartarin sur les Alpes» [1]).

11-го июля. Вторник.

Утром погулял с Алексеем. По возвращении к себе узнал о приезде Керенского. В разговоре он упомянул о вероятном отъезде нашем на юг, ввиду близости Ц. Села к неспокойной столице.

По случаю именин Ольги пошли к молебну. После завтрака хорошо поработали там же; срубили две ели — подходим к седьмому десятку распиленных деревьев. Кончил читать 3-ю часть трилогии Мережковского «Петр»; хорошо написано, но производит тяжелое впечатление.

12-го июля. Среда.

День был ветреный и холодный — 10° только. Погулял со всеми дочерьми. Днем работали там же. Распилили четыре дерева. Все мы думали и говорили о предстоящей поездке; странным кажется отъезд отсюда после 4-месячного затворничества!

13-го июля. Четверг.

За последние дни нехорошие сведения идут с юго-западного фронта. После нашего наступления у Галича многие части, насквозь зараженные подлым пораженческим учением, не только отказались итти

[1]) «Тартарен в Альпах» А. Додэ.

вперед, но в некоторых местах отошли в тыл даже не под давлением противника. Пользуясь этим благоприятным для себя обстоятельством, германцы и австрийцы даже небольшими силами произвели прорыв в южной Галиции, что может заставить весь юго-запад[ный] фронт отойти на восток.

Просто позор и отчаяние! Сегодня наконец объявлено Врем[енным] Правит[ельство]м, что на театре воен[ных] действий вводится смертная казнь против лиц, изобличенных в государ[ственной] измене. Лишь бы принятие этой меры не явилось запоздалым.

День простоял серый, теплый. Работали там же по сторонам просеки. Срубили три и распилили два поваленных дерева. Потихоньку начинаю прибирать вещи и книги.

14-го июля. Пятница.

Немного теплее, но без солнца. Утром по обыкновению хорошо погулял с дочерьми. После завтрака работали рядом вдоль просеки к арсеналу. Срубили три ели и распилили еще одну, лежавшую в траве. Разбирал свои книги и читал. Вечером окончил вслух: «Tartarin sur les Alpes».

15-го июля. Суббота.

Более теплый день. Утром обошел весь парк с О[льгой], Т[атьяной], М[арией], А[настасией], пока Алексей играл около огорода. С нами гулял только офицер 3-го стр. п[олка]. Сегодня срубили семь деревьев около маленькой дорожки. Работали дружно. В $6^1/_2$ пошли ко всенощной. Вечером наклеивал фотографии в свой альбом. Начал вслух: «The luck of the Vails».

16-го июля. Воскресенье.

Утро было серое, но погода теплая. По окончании обедни, по своему обыкновению, о. Беляев сказал замечательно правдивое слово о переживаемом времени. Днем работали там же. Разделали вчерашние четыре и свалили еще четыре ели в одну кучу. До обеда погулял с Т[атьяной] и М[арией]. Вечер стоял прелестный.

17-го июля. Понедельник.

Настала чудная жаркая погода. Хорошо погулял с Татьяной. Караул от 1-го стр. п[олка] был в порядке, также караул от 2-го стр., сменивший его сегодня. Распилили вчерашние четыре ели на самой дорожке. Работать было жарко. Выкупался в ванне до чая. Просматривал старые альбомы наверху в новом кабинете.

18-го июля. Вторник.

Простояла дивная погода с темно-голубым небом. Запах лип в цвету, ласкающий обоняние. Утром хорошо погулял. Днем поработали справа от дорожки близ вчерашнего места. Повалили четыре

сухие ели, но разделали на дрова только две, т. к. они очень крупные, да и солнце жарило здорово. До чая выкупался.

19-го июля. Среда.

Три года тому назад Германия объявила нам войну; кажется, целая жизнь пережита за эти три года! Господи, помоги и спаси Россию! [1]).

Было очень жарко. Погулял с Т[атьяной], М[арией] и А[настасией]. Опять целый конвой от караула 3-го стр. полка. Работали на том же месте. Свалили четыре дерева и окончили поваленные вчера ели. Теперь читаю роман Мережковского: «Александр I».

20-го июля. Четверг.

Ночью шел живительный дождь. Утро было туманное. Во время прогулки зашел с дочерьми и Валей в арсенал, где осмотрели нижний этаж, т. к. верхний оказался заперт. После завтрака прошел короткий дождь. Работали там же; распилили две вчерашние толстые ели.

Все мы истекали потом.

Дочери получили в первый раз письмо от Ольги из Крыма.

21-го июля. Пятница.

Идеальный день простоял с утра; а также чудная лунная ночь. Утром почему-то поджидал Керенского, хочется, наконец [знать], куда и когда мы отправимся? Совершили обычную прогулку от 11 ч. до 12 ч. Опять работали там же и окончили четыре лежавшие дерева. После чая окончил 1-й том «Александра I».

Перед обедом Мария получила подарки.

22-го июля. Суббота.

Именины дорогой мама и нашей Марии. Погода была восхитительная и жаркая. Днем работали; срубили три небольших дерева и перепилили их и еще два старых — лежавших давно. Потели жестоко. В 6 час. пошли к молебну и всенощной. Читал вслух по обыкновению.— Вчера вечером Керенский внезапно приехал из города и остановился в лицее. Оказывается, все правительство развалилось, он сам подал в отставку и ожидает решения, к кот[орому] должно притти совещание разных партий, заседающее в Зимнем дв[орце].

23-го июля. Воскресенье.

Ночью прошел дождь, и день был значительно свежее. Днем поработали на маленькой дорожке, срубили и распилили две ели. Аликс сидела там же в лесу.

После обеда посетили чету Бенкендорф. Вечером окончил: «The luck of the Vails».

---

[1]) После восклицательного знака поставлен крест.

24-го июля. Понедельник.

День простоял прохладный и серый. Утром обычная прогулка. Во время завтрака был дождь. Вышли в $2^1/_2$ без него. Спилили четыре ели рядом со вчерашним местом. Кроме прежних помогали тоже Тетерятников и Волков. После обеда начал вслух «The poison belt» Conan Doyle [1]).

25-го июля. Вторник.

Новое Временное Прав[ительст]во образовано с Керенским во главе. Увидим, пойдет ли у него дело лучше? Первейшая задача заключается в укреплении дисциплины в армии и поднятии ее духа, а также в приведении внутреннего положения России в какой-нибудь порядок!

Погода была очень теплая.

Работали там же; срубили четыре ели и распилили столько же.

Окончил чтение «Александра I» Мережков[ского]. Последние караулы были хороши, благодаря присылке с фронта по 300 человек от каждого стрелкового полка и ухода из запасных батальонов многих маршевых рот.

26-го июля. Среда.

Опять настала поразительно жаркая погода. Вследствие духоты Аликс не выходила, в комнатах значительно свежее. Распилили и раскололи все поваленные и срубленные ели там же. Потели ужасно.

27-го июля. Четверг.

Такая же дивная погода, но не душная. Хорошо погуляли утром. Днем работали у маленькой дорожки и распилили три дерева. Читаю книгу «Морская идея в русской земле» ст. лейт. Квашнина-Самарина.

28-го июля. Пятница.

Чудесный день; погуляли с удовольствием. После завтрака узнали от гр. Бенкендорфа, что нас отправляют не в Крым, а в один из дальних губернских городов в трех или четырех днях пути на восток! Но куда именно, не говорят, — даже комендант не знает. А мы-то все так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии! — Срубили и свалили огромную ель на просеке у дорожки. Прошел короткий теплый дождь.

Вечером читаю вслух «A study in scarlet» Conan Doyle [2]).

29-го июля. Суббота.

Такая же дивная погода. Во время утренней прогулки, проходя мимо ворот прямой дороги к оранжереям, заметили спящего на траве часового. Унтер-оф[ицер], сопровождавший нас, подошел и взял с собой его винтовку.

---

[1]) «Отравленный пояс» Конан-Дойля.

[2]) В русском издании: Конан-Дойль, «Кровавое пятно».

Днем срубили 9 деревьев и распилили одну ель — все у самой дороги. Парило, кругом ходили тучи, и был слышен гром, но к вечеру небо очистилось. После всенощной Алексей получил подарки.

Убирал и укладывал все свои вещи, так что комнаты имеют опустелый вид.

30-го июля. Воскресенье.

Сегодня дорогому Алексею минуло 13 лет. Да даст ему господь здоровье, терпение, крепость духа и тела в нынешние тяжелые времена!

Ходили к обедне, а после завтрака к молебну, к которому принесли икону Знаменской божьей матери. Как-то особенно тепло было молиться ее святому лику вместе со всеми нашими людьми. Ее принесли и унесли через сад стрелки 3-го полка.

Поработал на той же просеке; срубили одну ель и начали распиливать еще две. Жара была большая. Все уложено теперь, только на стенах остались картины. До обеда видел Бенкендорфа, а вечером коменданта.

31-го июля. Понедельник.

Последний день нашего пребывания в Царском Селе. Погода стояла чудная. Днем работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда, кот[орый] все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около $10^1/_2$ милый Миша вошел в сопровождении Кер[енского] и караульн[ого] нач[альника]. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно. Когда он уехал, стрелки из состава караула начали таскать наш багаж в круглую залу. Там же сидели Бенкендорфы, фрейлины, девушки и люди. Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный! Алексею хотелось спать, — он то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело. Выпили чаю, и, наконец, в $5^1/_4$ появился Кер[енский] и сказал, что можно ехать. Сели в наши два мотора и поехали к Александ[ровской] станции. Вошли в поезд у переезда. Какая-то кавалер[ийская] часть скакала за нами от самого парка. У подъезда встретили И. Татищев и двое комиссаров от прав[ительст]ва для сопровождения нас до Тобольска. Красив был восход солнца, при кот[ором] мы тронулись в путь на Петроград и по соедин[ительной] ветке вышли на Северн[ую] ж.-д. линию. Покинули Ц[арское] С[ело] в 6.10 утра.

(Продолжение следует).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Алексей — Алексей Николаевич, сын Николая Романова, б. наследник престола.

Аликс — Александра Федоровна, б. императрица.

Анастасия — Анастасия Николаевна, четвертая дочь Николая Романова.

Бенкендорф, Павел Конст., гр., ген.-адъют., ген.-от-кав., б. обер-гофмаршал.

Валя, Валя Д. — Долгоруков, Василий Александр., кн., б. гофмаршал высоч. двора.

Волков, Алексей, камердинер Александры Романовой.

Корнеев, Николай, придворный лакей.

Мария — Мария Николаевна, третья дочь Николая Романова.

Мартышкин, Иван, гардеробщик Николая Романова.

Миша — Михаил Александрович, брат Николая Романова.

Нарышкина, Елизавета Алексеевна, б. гофмейстерина высоч. двора и статс-дама.

Ольга — Ольга Александровна, сестра Николая Романова, была замужем за принцем П. А. Ольденбургским; в 1916 г. развелась с ним и вышла замуж за полк. В. А. Куликовского.

Ольга — Ольга Николаевна, старшая дочь Николая Романова.

Татищев, Илья Леон., гр., ген.-адъют., ген.-лейт.

Татьяна — вторая дочь Николая Романова.

Тетерятников, Никита Кузьмич, камердинер Николая Романова.

Чемодуров, Терентий Ив., камердинер Николая Романова.

Союз земельных собственников в 1917 году.

Печатаемые ниже журналы заседаний пленума главного совета Всероссийского Союза земельных собственников любопытны в двух отношениях: с одной стороны, в них дается «помещичье» освещение аграрной революции 1917 г., а с другой — в них находит отражение та степень организованности помещиков, какой они достигли к концу июля 1917 г.

История возникновения самого Союза земельных собственников в двух словах такова: Союз возник впервые в 1906—1907 годах, когда помещики, напуганные развитием аграрного движения, создали эту организацию в целях непосредственной защиты интересов крупного землевладения.

Основным пунктом устава возникшего Союза было провозглашение незыблемости принципа частной собственности на землю. Однако дворяне — инициаторы [1]) создания Союза — очень скоро охладели к этой организации, ибо вскоре перестали видеть в ней надобность: революция кончилась поражением, мужик был усмирен, а попечительное правительство очень рьяно занялось насаждением в деревне крепкого хозяина-мужика, на которого помещики всегда смотрели как на своего ближайшего союзника в борьбе с аграрной революцией. В частности, как в 1906—1907 гг., так и в 1917 г., они рассчитывали на то, что в борьбе за сохранение частной собственности на землю крепкие хозяева-крестьяне будут их вернейшей опорой и внесут настолько большой раскол в общую массу крестьянства, что радикальное разрешение земельной реформы в духе программ социалистических партий окажется немыслимым. Помещики полагали, что принцип частной собственности на землю будет сохранен и что земельным собственникам — как крестьянам, так и помещикам — будут сделаны уступки в виде оставления за ними некоторого минимума земли из состава их прежних владений и т. п.

Охладев к своему детищу в годы торжества реакции, помещики, однако, немедленно вспоминают о нем, едва начинается революция 1917 г. Так, имеются данные о том, что к началу июня месяца в большей или меньшей степени были организованы помещики 14 губерний (Витебской, Воронежской, Екатеринославской, Московской, Минской, Рязанской, Саратовской, Самарской, Тульской, Харьковской, Казанской, Ставропольской, Пензенской и Симбирской). К концу июля (судя по докладам на пленуме от 29 июля) организации Союза земельных собственников существовали уже не менее, чем в 30 губерниях. Кроме перечисленных выше 14 губерний, они существовали в Виленской, Владимирской, Калужской, Могилевской, Новгородской, Орловской, Пермской, Псковской, Петроградской, Курской, Смоленской, Уфимской, Херсонской, Бессарабской, Ярославской, Таврической и Черниговской губерниях.

---

[1]) Союз возник при самом живейшем участии деятелей организации объединенного дворянства, в частности — устав был выработан центральным органом этой организации.

Организация была возглавлена главным советом Союза, выделенным 1-м всероссийским съездом земельных собственников, состоявшимся в Москве в самых первых числах июля 1917 г.

Официальная земельная программа Союза, зафиксированная в решениях этого съезда, признавая факт малоземелья «некоторой части нашего земледельческого населения», требовала, однако, того, чтобы на удовлетворение нужд этого населения в первую очередь были обращены земли казенные и удельные и затем — лишь только «в случае их недостаточности» — земли частновладельческие и притом, конечно, «по добросовестной, соответствующей действительной стоимости оценке».

Помещаемые ниже документы дают довольно полную картину деятельности как местных, так и центрального органа Союза. Все они одинаково ревностно занимались и устной и печатной пропагандой идей и принципов, защищаемых Союзом.

Стремясь максимально использовать все законные пути к защите своей собственности в пределах постановлений и распоряжений Временного Правительства, они организовывали юридические консультации и бюро и привлекали юристов для составления всевозможных жалоб и ходатайств перед местными и центральными органами власти. Кое-где им удавалось добиться успеха и засадить ряд земельных комитетов на скамью подсудимых. Эти факты находят некоторое отражение и в печатаемых ниже протоколах пленума.

Как мы отмечали выше и как видно из настоящих документов, особенно много стараний прилагали помещики к тому, чтобы привлечь в организации Союза мелких собственников из крестьян, хуторян и т. п.

В связи с этим чрезвычайно критически следует отнестись к тем оптимистическим выкладкам и подсчетам, какие делались помещиками по поводу вовлечения в члены Союза собственников-крестьян. Едва ли помещики в своем оптимизме не преувеличивали их числа и не считали членом Союза каждого крестьянина, случайно зашедшего в их организацию за юридическим советом. Этот оптимизм понятен: ведь эти крестьяне только и могли быть единственной опорой помещиков.

С другой стороны, эти цифровые данные все-таки наводят на некоторые размышления. Даже согласившись с тем, что они страдают преувеличением, мы не можем не видеть, что они являются отражением действительных процессов, происходивших в то время в деревне. Деревня, объявившая поход против помещика, несомненно, раздиралась уже внутренними противоречиями, была уже накануне гражданской войны.

Наиболее обеспеченная часть крестьянства испытывала жесточайшие колебания и питала нескрываемую боязнь в отношении революции. Неудивительно, что эта часть крестьянства начинала высказывать некоторые симпатии программным положениям Союза землевладельцев и откалывалась от остальной крестьянской массы. Неудивительным является также и то, что в последующем она, в силу своих колебаний, оказывалась иногда на стороне тех, кто шел против революции и кто выступал под знаменем реакции.

Особенно любопытным является в документах освещение развития аграрной революции с точки зрения помещика. Мы уже не говорим о таких заявлениях, как заявление о том, что «крестьянское население терроризировано большевизмом», что состав комитетов «плохой», потому что домовитые крестьяне не являются на сходки, а являются на них только «отбросы крестьянства», «отщепенцы», «хулиганы» и т. п. Было бы нелепо ожидать, чтобы кровно обижаемые революцией помещики могли беспристрастно

и объективно относиться к тем, кто являлся на деревне выразителем и проводником воли революционной стихии.

Для нас несомненно любопытно и характерно в этих документах другое. В них находит выявление целый ряд таких деталей, которые еще более уточняют наше представление о развитии аграрного движения в 1917 г. При прочтении их получается более отчетливое «впечатление» о каждой губернии в отдельности. В одних случаях мы видим заявления о том, что толчок развитию аграрного движения давали постановления самих земельных комитетов и крестьянских съездов (Виленская, Орловская, Таврическая губ. и др.), в других случаях, что толчок движению давался солдатами (Калужская, Могилевская, Смоленская губ. и др.). Одни делегаты говорили, что движение только что начинает развиваться, другие заявляли, что сейчас эксцессов нет только потому, что, в сущности, «уже почти все захвачено» (Пензенская губ.). Ценны документы также и тем, что в них мы находим отражение того, насколько искренно присоединялись помещики к принципу принудительного отчуждения частновладельческой земли. Не говоря уже о всяческих происках помещиков с целью парализовать действие закона Временного Правительства от 12 июля (о запрещении частных земельных сделок), документы дают представление о том, какую позицию мыслили занять землевладельцы при проведении выборной кампании в Учредительное Собрание и в самом Учредительном Собрании.

Мы видим, что, декларируя свое присоединение (хотя бы с оговоркой) к принципу принудительного отчуждения земли, они, однако, ставили своей задачей доказать Учредительному Собранию и убедить его в том, насколько невыгодным с точки зрения государственных интересов может явиться признание принципа ликвидации частного крупного землевладения и как вообще необычайно важно сохранение принципа частной собственности на землю. Едва ли, конечно, сами помещики искренно верили в то, что им удастся добиться своих целей подобным, чисто парламентским, способом действий. Несомненно, — о чем особенно красноречиво говорит факт корниловского выступления, — они мечтали положить предел революционным притязаниям крестьянства путем решительного разгрома Советов и большевизма еще задолго до созыва Учредительного Собрания, которое в таком случае едва ли было бы созвано вообще, а тем более на таких демократических основаниях, на каких должны были состояться — и в действительности состоялись — выборы в Учредительное Собрание в 1917 г. Крупнопомещичий класс, ослепленный своей беспредельной ненавистью к революции, конечно, не мог видеть того, насколько утопичны и безнадежны были бы его попытки, предпринимаемые в том и в другом направлении. Но такова уж судьба всякого класса, обреченного на гибель!

О. Чаадаева.

1.

ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА ГЛАВНОГО СОВЕТА 29 ИЮЛЯ 1917 ГОДА. [1])

В заседание прибыли: председатель совета Н. Н. Львов, 17 членов совета, 39 представителей от губернских отделов и 18 представителей от уездных отделов.

Заседание объявлено было открытым в 6 часов 10 минут вечера.

---

[1]) Моск. Центр. Архив Окт. Рев., фонд 3, дело № 15, л. л. 52-64.

Председатель Н. Н. Львов сделал краткий доклад о деятельности совета в области подачи им Временному Правительству заявлений, касающихся запрещения земельных сделок, а затем ознакомил собрание с финансовым положением центрального управления Союза.

Заведующий литературным отделом М. К. Ушков сообщил о приобретенной литературе и отметил крайние затруднения с печатью; в типографиях имеется много рукописных брошюр, но они находятся в корректуре. Несмотря на трудности, тем не менее, оказана услуга Рязанскому отделу в печатании первого номера его «Вестника». В отношении обеспечения писчей бумагой сделан запас ее в количестве также двух с половиной вагонов.

Член совета Н. А. Баумгартен переименовал все организованные уже на местах губернские и уездные отделы, а член совета Г. В. Дмитренко сообщил о способах организации отделов, а также о пропаганде и о командировках на места.

Председатель Н. Н. Львов, придавая серьезное значение точной регистрации отделов, обратился к присутствующим в заседании представителям их с просьбой, чтобы каждый делегат до окончания заседания подал записку с точными сведениями о наименовании отдела, составе его и адресе.

Засим приступлено было к заслушанию сообщений с мест.

Представитель Минской губернии граф Чапский сообщил, что наибольшие беспорядки наблюдались при укосах лугов, захватываемых крестьянами. Народившиеся в губернии разные комитеты устраивают союзы батраков, последние, в свою очередь, ставят землевладельцам такие требования, на которые трудно согласиться. При уборке хлеба ощущался экономический кризис в найме рабочих. В настоящее время исходатайствовано от командующего войсками обязательное постановление, карающее уголовной ответственностью лиц, препятствующих уборке урожая и сенокосов, но, к сожалению, в исполнении этого постановления замечается не только медленность, но иногда даже противодействие со стороны местных административных властей. Губернский отдел организовался 16 июля, предполагается открытие отделов и во всех уездах. В правлении 12 человек, из коих 2 от мелких собственников. Губернский отдел желает блокироваться с Союзом, но несколько на автономных началах, по случаю расположения губернии при фронте. В настоящее время членов более 300 человек, и они прибывают. Членский взнос равняется годовому окладу государственного поземельного сбора. В центральное управление Союза предполагают отчислять 10% из общих членских взносов в губернии.

Представитель Виленской губернии И. А. Боровский сообщил, что сорганизовались 3 уезда, которые соединились и выбрали центральное управление, — местонахождение его в городе Минске. Среди членов доминируют мелкие собственники, в особенности в Дисненском уезде. По распоряжению комиссара Балай, во-

лостные комитеты объявили себя и земельными, после чего издали обязательные постановления о переходе в распоряжение комитетов луговых и пахотных угодий. Луга отдавались с торгов крестьянам по очень низким ценам, а деньги поступали в комитет. До издания названных постановлений захватов земли не было, с изданием же их начались аграрные беспорядки. На означенные действия комиссара Балай принесена жалоба прокурору.

Представитель Витебской губернии А. Н. Кутузов, приветствуя всероссийский Союз земельных собственников, сообщил, что первое собрание в Витебске было 28 июня и оно было немноголюдное, благодаря проникновению в собрание большевика Розенфельда, стремившегося сорвать заседание. Розенфельд, состоя во главе большевиков и известный более под фамилией Каменева, впоследствии был в Петрограде арестован. Неблагоприятно также отразилось на собрании неисправное, а, может быть, и умышленное недоставление почтой пригласительных на заседание писем, так как очень много лиц получили эти письма лишь на третий день после заседания. Смета отдела выработана в 16.000 рублей, и губернию предположено разделить на четыре отдела, в которые послать агитаторов, снабженных литературой. На приобретение ее ассигновано 5.000 рублей, предполагается также издание еженедельной газеты-листовки. Крестьянское население терроризовано большевизмом и находится в страхе, но все-таки нравственные начала у него не заглохли, на что указывает следующий случай: к нему, делегату, приходил знакомый крестьянин с покаянной и буквально сказал следующее: «Прости меня, Александр Николаевич, ведь я — подлец против тебя, подписал приговор о твоем выселении, а ведь ты — мой друг, — испугался угроз, говорили — если выселим тебя, то и землю твою поделим». Состав комитетов очень плохой, так как на сходы домовитые крестьяне не ходят, а являются на них лишь отбросы крестьянства и люди с уголовным прошлым. Пропаганда здоровых идей нашла бы большой отклик в губернии и способствовала бы увеличению числа членов среди крестьян, не примкнувших к Союзу, главным образом, из страха. Ощущается острая нужда в агитаторах и крайняя необходимость безотлагательно иметь хотя бы одного опытного агитатора, в чем отдел и просит помощи у совета.

Землевладелец Владимирской губернии граф Апраксин заявил, что о существовании губернского отдела земельным собственникам неизвестно, в отношении же аграрных беспорядков наблюдаются те же явления, что и в других губерниях; назначаемые комитетом арендные цены очень низки.

Землевладелец Воронежской губернии В. И. Стемковский сообщил, что уборка сенокоса происходила печально, луга были захвачены, и не пускали к уборке их не только собственников, но и арендаторов, даже для воинских частей. Землевладельцы принуждены были ликвидировать скот, ибо для прокорма его оставляли очень мало лугов. Культурные хозяйства очень постра-

дали. Значительная часть пара в начале июля не была еще вспахана. Наблюдается винокурение в уездах. Задонский земельный комитет в постановлении от 29 июня предоставил себе право реквизиции скота, мертвого инвентаря, сельскохозяйственных орудий, экипажей и пр., а равно и уполномочил себя на распоряжение частновладельческими землями, таким образом предвосхитив все мероприятия, преподанные министром Черновым в инструкции его от 16 июля земельным комитетам. Дело организации отделов идет слабо из-за боязни населения. В этом отношении губерния крайне нуждается в помощи центрального управления.

Землевладелец Бобровского уезда граф Апраксин дополнил доклад В. И. Стемковского сообщением, что в уезде хлеб не убирался землевладельцами, так как им было это воспрещено волостными комитетами. Неподчинение требованиям комитета зачастую влекло за собой немедленную в тот же день продажу имущества владельца. Наблюдалось насильственное собирание крестьянами денег за прежние аренды, именно — разницу между прежней и установленной ныне волостным комитетом ценами. Были случаи появления крестьянских масс с требованием от владельца наличных денег; в скором времени, вероятно, последуют и грабежи. Может быть, эксцессы были бы смягчены организацией на месте юридической помощи.

Представитель Калужской губернии С. К. Благовещенский сообщил, что для оборудования отдела имеется комитет из 7 лиц, и на 13 августа назначено учредительное собрание, на котором крайне желательно присутствие делегатов от центрального управления. Первыми нарушителями порядка явились солдаты, истолковавшие понятие «земля и воля» так, что земля моя, а воля — что хочу, то и делаю. Земли и луга отбирались по постановлениям комитетов. Посевная площадь сократилась на-половину. Урожай очень плох, едва ли соберут семена.

Представитель Казанской губернии П. И. Геркен сообщил, что отдел издает еженедельную газету. Юридическая помощь сосредоточена в губернском отделе, жалобы на правонарушения подаются комиссарам и прокурору, но дела двигаются очень медленно, из опасения самих судейских разных эксцессов, так как было два случая, когда судебных следователей толпа вызвала на площадь и обратила их в писцов для записей лишь показаний, диктуемых той же толпой, объяснявшей, что суд должен быть народным. Спасский и Свияжский уезды особенно страдают правонарушениями: земли отбирают, а скот продают с торгов по ценам 30—35 рублей за лошадь, стоящую иногда более тысячи рублей. В Свияжском уезде захваты обратились в систему по случаю того, что бывший комиссар Майоров, пользовавшийся большим авторитетом у населения, собрал земельный комитет и сделал постановление о том, что все частновладельческие хозяйства должны перейти в распоряжение волостных комитетов, и это было немедленно приведено в исполнение путем угроз и насилий.

Комитеты же, в свою очередь, посылали в имения своих управляющих. Милиция не только не приходила на помощь пострадавшим, но, наоборот, требовала от них строгого исполнения распоряжений комитетов.

Представитель Могилевской губернии С. И. Казанович сообщил, что эксцессы появились с окончания яровых посевов, когда стали разъезжать по селениям солдаты и другие лица с пропагандой о переходе земли к крестьянам. Все постановления местных комитетов пользовались поддержкой в Петрограде. В Могилеве уже открыт губернский отдел, а в уездах происходят подготовительные к этому работы. Пропаганда начинается с мелких собственников (хуторян), и после этого созывается организованное собрание. Землепользование у крестьян подворное, и более 40% из них перешли уже к хуторянскому владению, вследствие чего пропаганда Союза имеет успех, и можно надеяться, что в Могилевской губернии дело будет расширяться.

Второй представитель из той же Могилевской губернии Р. К. Словинский заявил, что Оршанский и Могилевский уезды уже сорганизовались, состав их — хуторяне, преимущественно латыши. В Могилеве агитирует председатель Совета Крестьянских Депутатов Гольман, пытавшийся сорвать заседание земельных собственников 23 июля, в Рогачеве же собрание было сорвано, и милиция вынуждена была арестовать председателя Спиридонова, из опасения эксцессов со стороны толпы.

Представитель Московской губернии В. Н. Пономарев сообщил, что в губернии организованы уже 11 отделов, а 26 июля открыт и губернский отдел. Намечается открытие отделов и в волостях. В Московском уездном отделе организована юридическая помощь, приглашены три присяжных поверенных, и помощь оказывается ежедневно.

Представитель Новгородской губернии В. В. Милютин сообщил, что 10 уездов сорганизовались уже. В губернии много отрубников, и поэтому можно рассчитывать на успех дела. Отрубники также подвергались обидам за отказ перейти в общину, но на обиды отрубники отвечали поджогами. Аграрные беспорядки наблюдались в южных уездах, в северных же хотя крупных эксцессов не было, но попытки к дележу земли имели место. Были случаи запрета уборки тимофеевки и заготовки дров на зиму. Сена в значительной мере армия не дополучит. В уездных городах организовались союзы домовладельцев, преследующих те же цели, и с ними желательно было бы войти в контакт.

Представитель Орловской губернии С. Н. Хитрово сообщил, что в западной части губернии (нечерноземной) до весеннего посева было тихо, но затем местные комитеты стали назначать цены на луга и паровую землю, оставляя в распоряжении владельца самую незначительную часть их. Обращения в некоторых местах к судебной власти имели благоприятные результаты. В отноше-

нии борьбы с правительством делегат полагал применять современный метод, именно: обращаться к нему не с просьбами, а с требованиями, и при этом настойчиво.

Представитель Пензенской губернии П. В. Голов сообщил, что Союз организовался еще 9 апреля. 20 мая у них был съезд земельных собственников, но большевики сорвали заседание. В губернии имеются в 10 местах порайонные комитеты. Платных членов состоит 850 лиц, отрубники же принимаются в члены бесплатно, и их более 10 тысяч. Эксцессов сейчас мало, потому что почти уже все захвачено. Недовольство в деревне растет, в особенности среди отрубников, у которых земля отобрана; также терпят обиды и зажиточные крестьяне. Отдел собирает статистические сведения о землевладении и захватах, и поступило уже около 200 ответов. Денежных средств у отдела имеется около $3^1/_2$ тысяч, составившихся из пожертвований, сборы же по обложению поступают слабо, но надеется в скором времени путем агитации их улучшить. Отдел вошел в контакт с кадетской и торгово-промышленной партиями и стал издавать газету, но, к сожалению, 8 июня она прекратилась, по случаю забастовки рабочих, снятых с работы социалистическими партиями перед городскими выборами в гласные.

Представитель Пермской губернии Н. Д. Федоров сообщил, что 21 июля организовался губернский отдел; надеется, что в скором времени откроются отделы и в уездах, а также и в некоторых волостях. На 20-е августа назначен съезд делегатов от уездных и волостных отделов. Средства отдела пока незначительны, собрано по подписке около 500 рублей. В день открытия отдела была послана телеграмма председателю Государственной Думы.

Землевладелица Псковской губернии Опочецкого уезда баронесса Т. Г. Розен сообщила, что в Песчано-Горской волости образовался союз крестьян-собственников, в который вошли два землевладельца — она, баронесса, и ее сестра. В союзе 150 членов. Желание у крестьян сорганизоваться большое, но не имеется на местах подходящих для этого людей. В этом отношении крайне необходима помощь центрального управления. В Опочках назначен был съезд земельных собственников, но его сорвали солдаты.

Представитель Торопецкого отдела Псковской губернии Г. Г. Челищев сообщил, что в скором времени предполагается организовать губернский отдел, так как в 5 уездах отделы уже открыты, а в остальных трех ожидается открытие их. Торопецкий отдел открыт 9 июля. Состав его — преимущественно крестьяне. Ощущается нужда в командировании от центрального совета лектора. Также крайне желательно принятие Союзом на себя некоторых функций земства по облегчению населения в приобретении ими орудий, семян и других предметов сельского хозяйства.

Представитель Ново-Ладожского отдела Петроградской губернии А. И. Рябов сообщил, что членами отдела состоят преимущественно хуторяне и отрубники.

Представитель Рязанского губернского отдела Б. М. Петрово-Соловово сообщил, что отдел издает газету. Аграрные беспорядки стали заурядным явлением, благодаря тенденциозной деятельности местных комитетов, поддерживаемых в Петрограде. Постановлением уездных комиссаров от 22 июля деятельность Союза признана вредной, и для борьбы с ней рекомендуется отколоть от Союза мелких собственников путем обеспечения защиты их интересов земельными и волостными комитетами.

Представитель Ставропольской губернии И. В. Пастухов сообщил, что в апреле месяце крупные землевладельцы и торгово-промышленники сорганизовались было, но в июле землевладельцы выделились и образовали Ставропольский союз хлеборобов, к союзу присоединился и уездный отдел, организованный бывшим непременным членом землеустроительной комиссии Кульшичем. Чтобы привлечь в члены побольше отрубников, союз оказывает своим членам помощь и материальную в области приобретения орудий и прочих предметов сельского хозяйства. Юридическая помощь оказывается бесплатно. Выработан устав, и членский взнос определен в 25 копеек с десятины для землевладельцев и 15 копеек с десятины для арендаторов и 10 рублей для членов соревнователей. Собрано пока 35 тысяч, но рассчитывают на увеличение средств. Предположено издавать газету. Юридическая помощь организована, и подается она бесплатно. Крупных эксцессов на аграрной почве не было. В составе земельных комитетов происходят частые перемены, но деятельность их остается та же самая, именно — преследование исключительно партийных целей. Уполномоченным от главного земельного комитета в Ставропольскую губернию назначен зубной врач Маянц. О замене его другим, более соответствующим для этого дела лицом возбуждено перед Временным Правительством ходатайство. Посевная площадь в этом году, вероятно, сократится более чем на половину. От прошлого года, благодаря нераспорядительности продовольственного комитета, остались невывезенными свыше шести миллионов пудов хлеба. В настоящем году можно ожидать вывоза не более 20% урожая.

Представитель Самарской губернии А. А. Булыгин сообщил, что в губернии организованы губернский отдел и два уездных; рассчитывают, что и в остальных уездах отделы откроются. Контингент членов — преимущественно мелкие и средние собственники, крупных же почти нет. Юридическая помощь организована, и она оказывается всем крестьянам бесплатно, что способствует привлечению их в члены Союза. Просветительный отдел хромает за отсутствием на месте инструкторов для пропаганды. По поводу правонарушений говорить нечего, картина потрясающая. В основу землепользования положены постановления 2-го крестьянского съезда, и потому всякий

землевладелец считается вором, укравшим землю, которая и подлежит отобранию. Комиссар Бузулукского уезда издал приказ об исполнении постановлений 2-го крестьянского съезда. Отделом подана Временному Правительству записка об упорядочении земельных отношений путем признания постановлений крестьянского съезда — уничтоженными.

Объявлен перерыв заседания до 10 часов утра 30 июля.

2.

ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА ГЛАВНОГО СОВЕТА 30 ИЮЛЯ 1917 ГОДА.

Заседание возобновлено в 10 час. 40 минут утра.

Представитель Курской губернии кн. Касаткин-Ростовский сообщил, что в 8 уездах уже организованы отделы, в Щигровском уезде было собрание, но его разогнали, и поэтому названный уезд примкнул пока к Курскому отделу. В Курске имеется Народный Совет, состоит он преимущественно из хулиганов. На одном из заседаний Совета один из ораторов говорил, что надо точить косы, чтобы резать помещиков, на что председатель собрания ответил: «товарищ, ваше предложение еще преждевременно». В отделе ощущается большой недостаток в литературе, которой и просят снабдить. Типография «Свободной Речи» печатает очень быстро, поэтому отдел, получив от главного совета оригиналы, мог бы сам отпечатать их. Отдел также предлагает услуги взять заказ и для других отделов в большом количестве. Затем делегатом было выражено пожелание, чтобы копии с журнальных постановлений совета сообщались уездным отделам, а также чтобы все протесты Временному Правительству исходили сначала от центрального управления, а затем поддерживались бы уже отделом.

Представительница Симбирского отдела Е. К. Перси-Френч сообщила, что пока организован лишь губернский отдел, а после уборки хлеба будут организованы отделы в уездах. Средств губернский отдел имеет около семи тысяч.

Представитель Саратовской губернии Н. Ф. Иконников сообщил, что прокурор сочувственно относится к привлечению комитетов к уголовной ответственности за превышение власти, и 2 комитета уже находятся под судом. В губернии открыты пока три уездных отдела, но в августе месяце предполагается открытие отделов и в остальных уездах.

Представитель Смоленской губернии Хитров сообщил, что отделом составляется листовка о национализации земли и подыскиваются инструктора для пропаганды. Отдел находится в контакте с партией народной свободы и пользуется ее типографией, так как частные типографии умышленно искажают тексты воззваний и даже объявлений. Средств собрано до 50 тысяч. Аграрные эксцессы наблю-

даются во всех уездах, а в Ельнинском в особенности. В нем хозяйничает Совет Солдатских Депутатов, состоящий преимущественно из большевиков, и даже командир их полковник Черниловский-Сокол — большевик. Им разосланы по уезду 170 солдат для управления. Отобрание у помещиков скота без уплаты за него денег — явление не единичное. В настоящее время полковник Черниловский-Сокол назначен комиссаром. В Поречском уезде хозяйничает пришлый элемент, большевики, которые терроризировали хозяйственные силы. Помещик Гедеонов убит, а власти бездействуют. В губернии наблюдается большое неудовольствие, и в члены Союза записываются даже общинники. Ощущается недостаток литературы, и для пополнения ее необходима помощь центрального управления.

Представитель Тульской губернии П. И. Раевский сообщил, что в уездах образовались уже отделы, но членов пока мало. Отделы стремятся проникнуть в местные комитеты и в Губернский Исполнительный Комитет путем предоставления в каждом из них одного места представителю Союза с правом решающего голоса. При губернском отделе организована юридическая помощь, но она недостаточна по количеству материалов. Отдел предполагает предложить комиссару и продовольственному комитету свои услуги по производству реквизиции у землевладельцев хлеба для армии и доставку его на станции. Эта мера значительно способствовала бы привлечению членов в Союз.

Представитель Уфимской губернии В. Н. Юраш сообщил, что аграрное движение привито извне, путем агитации, главным образом, в Мензелинском уезде, где и наблюдались эксцессы. Лозунг «земля и воля» понимался каждым по-своему. Домовитые крестьяне, будучи заняты сельскими работами, не принимали участия на сходках, и за них являлись лишь отщепенцы и даже хулиганы. Оклады в местных комитетах высокие — до 200 р. в месяц, и это привлекло многих лиц в комитет для разрушительной его деятельности. В губернии до 160 тысяч крестьянских дворов, превышающих трудовую норму. Вообще земельного голода в губернии не ощущается. Лиц, не сочувствующих беспорядкам, пугают, говоря, что они сторонники старого режима. Организация отделов, вероятно, в самом скором времени последует во всех уездах. Обложение 10 коп. с десятины, при владении свыше 50 десятин; при меньшем же количестве земли членский взнос установлен один рубль. В губернском отделе организовано юридическое бюро, а в Белебеевском уезде имеется юрисконсульт. Литературу распространяют на русском и татарском языках ввиду значительного количества татар в губернии. Губернский земельный комитет вынес постановление об отобрании от владельцев лесов. Постановление это обжаловано, так как в состав комитета вошли самочинно солдатские депутаты. Вообще с жалобами на незаконные действия местных комитетов обращаются к прокурорской власти, и Белебеевский комитет предан суду.

Представитель Харьковской губернии К. З. Бекарюков сообщил, что в пяти уездах имеются уже отделы, а в остальных уездах будут открыты в середине августа. Крайне желательно включение в состав местных комитетов представителей от Союза с правом решающего голоса.

Представитель Херсонской и Бессарабской губерний князь Волконский сообщил, что губернии соединились, и к ним, вероятно, в скором времени присоединятся еще Таврическая и Екатеринославская губернии. Эксцессов сравнительно не было, но со съезда хлеборобов, на котором было много евреев, настроение изменилось, и стали наблюдаться беспорядки. Союз занимается пропагандой к выборам в волостное земство и тем самым для Учредительного Собрания. О земельных захватах и беспорядках, влияющих на поставку хлеба для армии, послана была телеграмма генералу Брусилову, но реальных результатов от нее не последовало. Крайне желательно изменение твердых цен на продукты.

Представитель Ростовского отдела Ярославской губернии Н. А. Чурин сообщил, что отдел открыт 20 июля, и на 14 августа назначено собрание для организации губернского отдела. В Ростовском уезде более $2^1/_2$ тысяч мелких собственников. Отделом установлено обложение, выработанное на июльском делегатском съезде. Аграрные беспорядки начались с апреля месяца, когда появились солдаты (большевики), которые стали хозяйничать в уезде. Волостные комитеты ввели таксы на лесные материалы, по ценам неимоверно низким, и если владелец не подчинялся им, то брали его имение в управление волостного комитета. Затем появился запрет рубки леса, даже заготовки дров для нужд хозяйства. В уезде очень много огородников, занимающихся сушкой картофеля и овощей для армии, все они остались без топлива. Принесенная им, делегатом, жалоба на незаконные действия комитета разрешилась почто-телеграммой товарища министра Вихляева от 10 июня за № 966 на имя жалобщика следующего содержания: «Обращаюсь к вам с горячим призывом во имя гражданского мира и нового свободного строя приложить все усилия к достижению миролюбивых соглашений с гражданами и волостными комитетами по вопросу о рубке леса в принадлежащем вам имении, в частности по вопросу о таксе на лесной материал и дрова. Отстаивая точку зрения интересов государства, обороны страны, крайне нуждающейся в топливе, обращаюсь с призывом при разрешении недоразумений того или иного характера не ставить во главу угла исключительно личные интересы. Товарищ министра земледелия Вихляев». Ответ этот еще больше расширил волостным комитетам почву для произвола.

Представитель Воронежской губернии В. И. Раевский сообщил о постановлениях Воронежского уездного земельного комитета от 18 июля, в силу коих воспрещено совершение арендных сделок на землю без разрешения волостных земельных комите-

тов, а также не может быть производима никакая рубка леса без ведома тех же комитетов, плата же за сданную в аренду землю на текущий 1917 год должна быть немедленно возвращена владельцами земли в волостные земельные комитеты, при этом разница, превышающая твердую арендную плату, установленную уездным исполнительным комитетом, должна быть возвращена волостными комитетами арендаторам. В заключение комитет полагал, что его постановления всего лишь на несколько дней предупреждают вступление в жизнь «временного аграрного закона», проектированного министром земледелия, в согласии с каковым законом земельный комитет и вынес приведенные постановления. Постановления эти приводились в исполнение по настоянию представителя ведомства Иосифова, служившего ранее в правлении Южных железных дорог. Издание названных постановлений породило всю смуту на местах и вызвало целый ряд эксцессов. Затем характерно также отношение губернского комиссара от 24 июля за № 16187 следующего содержания: «Ко мне поступила жалоба землевладельца И. И. Карасева на произведенные над ним и его женой насилия (арест, обыск, опись личного имущества) со стороны председателя земельного комитета и начальника милиции. Находя, что подобные насилия не должны омрачать революционного движения и представляют действия в духе старого полицейского строя, я, в случае справедливой жалобы, прошу упомянутых лиц уладить дело с Карасевым по мирному соглашению и впредь от каких бы то ни было насильственных действий воздержаться, в противном случае дело по жалобе потерпевшего будет передано судебным властям. Губернский комиссар Келлер». В губернии уже открыты пять уездных отделов, и, вероятно, организуются отделы и в остальных семи уездах. Обложение пока по 10 коп. с десятины, и вопрос об увеличении его до нормы, установленной делегатским съездом, будет предметом обсуждения на предполагаемом губернском собрании землевладельцев. Средств у отдела имеется около 7 тысяч руб. Юридическая помощь обеспечена приглашением в бюро бывших судебных деятелей в количестве трех лиц. По губернии собирается статистический о землевладении материал, необходимый для подготовки к земским выборам в Учредительное Собрание.

Представитель Казанской губернии кн. А. А. Кропоткин полагал, что решения волостных комитетов можно парализовать неприведением их в исполнение по формальным основаниям, ибо в состав их должны входить волостные гласные, а выбор их еще не производился. У отдела имеются средства — около 60 тысяч рублей, и есть надежда собрать еще до ста тысяч. Ощущается большая нужда в агитаторах, желательно командирование для этой цели не местных людей.

Представитель Таврической губернии Г. З. Захаров сообщил, что беспорядки в губернии появились с открытием земельных комитетов, которые проявили тенденцию взять все земли

в свои руки, о чем и делали объявления о записи лиц, желающих получить землю за плату 6—7 руб. за дес. Земля вся наша и воля наша,— вот рассуждения, какие слышались в народе. Продовольственные комитеты реквизируют скот под флагом для нужд армии, а между тем хороший скот оставляют себе, а плохой дают армии, затем реквизицию скота производят также и для нуждающихся крестьян. В Мелитополе имеется отдел, состав его — преимущественно мелкие собственники. Средств собрано пока около десяти тысяч рублей. Такими же средствами обладает и Перекопский отдел. На 13 августа в Мелитополе назначено общее собрание землевладельцев Таврической губ., и, вероятно, будет открыт губернский отдел. В Мелитопольском уезде юридическая помощь организована.

Землевладелец Черниговской губернии, служащий в Московско-Тверском управлении государственных имуществ, Пиротский сообщил о бывшем в Москве съезде лесничих, на котором выяснилась анархическая деятельность земельных комитетов, поддерживаемая министром Черновым. О парализовании деятельности земельных комитетов послана Временному Правительству телеграмма.

Представитель Новгородской губернии С. К. Хитрово сообщил о предстоящем 15 августа съезде землевладельцев в Новгороде и просил о командировании на съезд делегата от совета.

В 12 час. 50 минут объявлен перерыв заседания до 2 час. дня.

Заседание возобновилось в 2 час. 45 мин. дня.

Председатель Н. Н. Львов сообщил о предполагаемом в Москве в первой половине августа совещании разных групп и союзов на почве объединения и в совещании этом предоставляется Союзу 25 мест, из которых 15 мест желательно дать крестьянам, а потому представителям губернских отделов необходимо озаботиться избранием на совещание крестьян. Все расходы по поездке в совещание принимаются Союзом на свой счет.

Представитель Петроградского отдела В. И. Гурко прочитал свою записку по земельному вопросу, с кратким перечнем эксцессов на аграрной почве и статистическими сведениями о частновладельческих землях, отчуждение коих не предоставит крестьянам наделов, приближающихся к трудовой норме.

После прений, в которых принимали участие В. И. Стемковский, кн. Кропоткин, Ю. В. Вульферт, В. И. Гурко, Л. Л. Кисловский и др., совет выразил благодарность В. И. Гурко за его доклад.

Член совета И. Н. Свечин сделал доклад о своей поездке в Петроград во исполнение поручения совета выяснить отношение земельных и коммерческих банков, а также государственного банка к закону 12 июля о запрещении всяких крепостных сельскохозяйственных сделок и опереходе имений в казенное управление в случае

постановки их на торги за просроченные платежи, тотчас по опубликации о том, а также отношение коммерческих банков в связи с законом 12 июля к соло-вексельному и другим кредитам банков обеспеченным сельскохозяйственными недвижимостями. Докладчик заявил, что он вел переговоры, при любезном содействии И. И. Дмитрюкова, и что без такого участия и совместных усилий едва ли бы ему удалось исчерпывающе выяснить вопросы.

В отношении земельных банков докладчик сообщил, что он выяснил их полное сочувствие тяжелому положению, созданному этим законом для их заемщиков, а тем и для самих банков, и полную их личную готовность, в пределах устава, всячески облегчить заемщикам выход из тяжелого положения, но что определенного ответа об их мероприятиях в этой области они дать не могут еще, так как это будет в значительной степени зависеть от указаний в этой области кредитной канцелярии, в значительной зависимости от которой эти банки стоят. Что касается государственного дворянского и крестьянского земельного банков, то, конечно, роль их более самостоятельная, но одинаково благоприятно направленная в предположениях.

Что касается коммерческих банков, докладчик заявил, что он нашел эти банки, так сказать, неподготовленными к постановке на разрешение вопроса о соло-вексельном и других сельскохозяйственных кредитах, в связи с тяжелыми последствиями для заемщиков, создавшимися после закона 12 июля. Однако при обсуждении этого вопроса с разносторонних точек зрения на съезде (совета) консорциума этих банков, с которыми докладчик вел переговоры, было установлено, что закрытия или сокращения кредитов уже открытых они делать не будут; что касается расширения прежних кредитов или открытия кредитов новым лицам, то эти вопросы будут разрешаться в зависимости от обстоятельств и данных каждого отдельного случая. Далее докладчик заявил, что И. И. Дмитрюковым был поставлен вопрос банкам в новой широкой плоскости оказания кредита всеми ими сообща Союзу земельных собственников для оказания последним кредита тем земельным собственникам, которые оказались временно в особенно безвыходном положении, и докладчик просил И. И. Дмитрюкова не отказать самому доложить эту часть результатов переговоров, как возбужденную по его инициативе.

Член совета И. И. Дмитрюков доложил, что на такое предложение его банки первоначально отнеслись как бы отрицательно, боясь риска, но, с другой стороны, принимая во внимание заинтересованность свою в сохранении общей кредитоспособности своих клиентов — земельных собственников и вообще частновладельческого сельского хозяйства, пришли к тому, что для осуществления такого широкого задания необходимо было бы Союзу земельных собственников обратиться в юридическое финансовое лицо, например, типа общества взаимного кредита. В таком случае коммерческие банки могли бы кредитовать Союз, а последние — своих членов.

Ввиду все же неизбежной, сравнительной длительности такого разрешения вопроса, было установлено в переговорах с банками, что временно, до открытия такого общества взаимного кредита при Союзе, возможно было бы кредитование Союза со стороны банков только в случае представления Союзом серьезных, веских векселей на потребную Союзу сумму безусловно кредитоспособных лиц (или с их бланками).

По заслушании этих докладов совет постановил считать вопрос о возможности образования при Союзе общества взаимного кредита на изложенных общих основаниях, о соло-вексельном и других видах сельскохозяйственного кредита в настоящую минуту особо важным и срочным, ввиду приближения времени возможности постановки имений на торги, но что вопрос о временном разрешении дела помощью кредита по бланкированным векселям представляет большие затруднения для его практического осуществления.

Член совета А. Э. Вормс, не находя формальных оснований для обжалования в Сенат распоряжений правительства, в то же время высказался за необходимость политической агитации против закона 12 июля, направляя все удары на отмену его, благодаря неясностям и разногласиям, имеющимся в законе. Кроме того, интересы третьих лиц совершенно игнорированы, так, например, частные закладные ничем не гарантированы при переходе земли в распоряжение земельных комитетов.

Член совета И. И. Дмитрюков, не соглашаясь с проф. Вормсом об отсутствии формальных оснований для обжалования распоряжений Временного Правительства в Сенат, в то же время, по практическим соображениям, находил обжалование это излишним.

Председателем Н. Н. Львовым поставлен был на баллотировку вопрос: «угодно ли собранию подтвердить протест против закона 12 июля, заявленный советом Временному Правительству».

Собранием протест был подтвержден.

Представитель Черниговской губернии граф Мусин-Пушкин высказался за необходимость немедленно же выяснить всех землевладельцев, которым предстоит попасть в публикации, чтобы предотвратить их.

Князь А. А. Кропоткин высказался за немедленное собрание сведений о том, кто из землевладельцев может внести срочные платежи в банки и кто не в состоянии этого сделать.

Член совета Ю. В. Вульферт возбудил вопрос о крестьянских землях, заложенных в банке.

Председатель Н. Н. Львов внес предложение о передаче затронутых И. И. Дмитрюковым и И. Н. Свечиным вопросов, касающихся соло-вексельного кредита и взноса срочных платежей по залогу земли, на обсуждение совета, с просьбой составить краткую записку о законе 12 июля и об угрожающих от него для землевладельцев последствиях. В отношении же собрания сведений

о платежеспособности владельцев для взноса срочных платежей в земельные банки, то сведения эти немедленно собрать через уездные отделы.

Предложение собранием принято.

Затем председателем внесено было предложение о желательности принесения на распоряжения правительства жалобы в Сенат через частных лиц, поддерживать же жалобы просить В. А. Маклакова.

Собрание согласилось с предложением.

В 6 час. 10 мин. вечера объявлен перерыв до $8^1/_2$ часов вечера.

Заседание возобновлено в 8 час. 55 мин. вечера.

Членом Совета Ю. В. Вульфертом прочитан был проект наказа уездным отделам.

Проект наказа собранием утвержден.

Председатель Н. Н. Львов, коснувшись обложения в 15%, полагал, что уменьшение размера его неблагоприятно будет для дела, требующего больших средств. Необходимо раскрыть землевладельцам глаза на их положение и закон 12 июля, являющийся веревкой на их шее. Поэтому необходимо созвать на местах собрания для обсуждения названного закона и принесения на него протестов, а также по возможности привлечь пожертвования, не понижая размера обложения.

Вопрос о размере обложения вызвал оживленные прения, в которых приняли участие: Ю. В. Вульферт, Б. М. Петрово-Соловово, И. Н. Свечин, гр. Ф. А. Уваров, Л. Л. Кисловский, кн. А. А. Кропоткин, Г. В. Дмитренко, граф Чапский, В. Н. Пономарев, В. И. Раевский и др.

По выслушании прений собрание остановилось на предложении председателя Н. Н. Львова о немедленном созыве на местах съездов для обсуждения закона 12 июля и вопроса об обложении.

Бар. В. В. Меллер-Закомельский возбудил вопрос о необходимости установить, куда членам надо вносить деньги, и в этом отношении желательно преподать известные указания.

В. И. Раевский полагал, что взнос денег надо сосредоточить в мелкой ячейке, начиная с волостей.

Гр. Ф. А. Уваров, возражая против этого, находил, что место взноса денег надо предоставить усмотрению самого плательщика.

Председатель Н. Н. Львов внес предложение об установлении сборов по губерниям, сделав исключение лишь для лиц, живущих в столицах, которые могут вносить деньги непосредственно в центральные управления, последние же о полученных взносах должны сообщать на места.

Предложение собранием принято.

Председатель Н. Н. Львов предложил собранию высказаться по вопросу, внесенному делегатом Тульской губернии, о принятии Союзом на себя производства реквизиций у землевладельцев

хлеба для армии и доставку его на станции, а также обсудить вопрос о твердых ценах и о доплатах в случае повышения их.

По выслушании прений, в которых приняли участие В. И. Раевский, Ю. В. Вульферт, кн. А. А. Кропоткин и др., собрание пришло к заключению о необходимости воздержаться от каких бы то ни было ходатайств по означенным вопросам.

Член совета А. Э. Вормс доложил, что на 20 августа назначен съезд юристов в Москве и поэтому желательно приурочить к этому времени съезд юрисконсультов Союза.

Собранием постановлено: назначить съезд юрисконсультов на 18 августа.

Председатель предложил собранию приступить к рассмотрению вопроса об отсрочке уплаты землевладельцами подоходного налога.

В. И. Раевский внес предложение о пересмотре всего закона о подоходном налоге.

А. Э. Вормс, указав на 141 ст. уст. о под. нал., допускающую отсрочки и рассрочки платежей в случае бедствий, тем не менее присоединился к предложению о пересмотре всего закона.

Председатель Н. Н. Львов полагал, что, помимо возбуждения общего ходатайства о пересмотре закона, желательно, чтобы губернии и уезды собрали сведения о землевладельцах для использования неимущими 141 ст., о чем уезды и должны возбудить ходатайства перед правительством.

Собрание согласилось с формулой председателя.

А. В. Кривошеин внес предложение о возбуждении ходатайства по поводу предоставления Союзу одного места в устраиваемом в Петрограде податном совещании и, в случае удовлетворения ходатайства, просил А. Э. Вормса принять участие в названном совещании.

Собрание согласилось с предложением и просило А. Э. Вормса принять участие в податном совещании в качестве представителя от Союза.

Председателем предложено было произвести выборы трех делегатов на съезд 3 августа Всероссийского Союза торговли и промышленности.

Делегатами избраны: В. И. Гурко, кн. А. А. Кропоткин и А. Э. Вормс.

В 12 час. 10 мин. ночи объявлен перерыв заседания до 11 час. утра 31 июля.

3.

ЗАСЕДАНИЕ ПЛЕНУМА ГЛАВНОГО СОВЕТА 31 ИЮЛЯ 1917 ГОДА.

Заседание возобновлено в 11 час. 30 м. утра.

По открытии заседания председатель совета Н. Н. Львов предлагает на обсуждение собрания предложение совета о необходимости произвести поуездную статистическую работу о земельных запасах уезда и его населения. Работа эта, по мнению Н. Н. Льво-

в а, особенно необходима для того, чтобы вывести рассуждения об аграрной реформе из области теоретических предположений на путь практических выводов, основанных не на посулах социалистических партий, а на незыблемых цифровых данных.

Социалисты, пропагандируя свои программы, цифр не дают, и не дают их потому, что если бы они говорили своим слушателям правду — в какую реальную форму обратятся их посулы, то никто не пойдет за ними, а потому нам для борьбы с социалистической пропагандой необходимо иметь в руках точные сведения, доказательные цифровые данные, основываясь на которых мы могли бы разъяснить населению, что оно приобретает и чего лишится в случае проведения в жизнь социалистических программ.

Независимо от этой общей работы, предлагаемой советом, Н. Н. Львов считает, с своей стороны, весьма полезным произвести описание отдельных хозяйств, с учетом, хотя бы в грубых чертах, производительности данного хозяйства, стоимости его оборудования и учета расходов по оплате труда местных крестьян и различных служащих и рабочих имения и затем сделать выводы, что приобретает население в случае раздела имения между крестьянами и какого заработка лишится то население, которое обслуживает имение. Если удастся сделать довольно много таких отдельных работ, то они послужат богатым материалом для наших представителей в Учредительном Собрании в их борьбе с социалистическими теориями.

Вульферт оглашает программу по учету частновладельческих хозяйств, выработанную группой московских агрономов, и говорит, что рассмотрению собрания подлежат три отдельных вопроса: 1-й вопрос — об общем учете земель, 2-й — учет частных хозяйств согласно предложению группы московских агрономов и 3-й — подробный учет отдельных хозяйств соответственно мысли, высказанной Н. Н. Львовым. Конечно, такое многолюдное собрание не может выработать программу обследований, это дело небольшой комиссии при непременном участии специалистов, но все же желательно было бы получить от собрания общие указания, в каком направлении и в каком объеме должны вестись вышеуказанные работы и кем они должны быть исполнены.

Андреевский считает, что статистические работы должны быть произведены уездными советами, а главный совет должен лишь выработать программу обследования и преподать уездам общие указания.

Геркен докладывает собранию, что в Казанской губернии имеется весьма ценный труд по обследованию землевладения в губернии. Хотя труд этот относится к 1907 году, но для преследуемой цели его нельзя считать устаревшим, так как изменения, происшедшие за это время, составляют, конечно, увеличение народонаселения и уменьшение количества частновладельческой земли. Между тем выводы, получаемые из этого труда, весьма показательны, ибо дают прибли-

зительно такие данные: если разделить все земли Казанской губернии, принадлежащие казне, уделу, частным владельцам всех сословий, т.-е. в том числе и мелким землевладельцам-крестьянам, церковные и монастырские, — исключительно между крестьянами-общинниками, то на душу мужского пола окажется прибавки около $^1/_2$ десятины, а на крестьянский двор около 2 десятин, при этом, если сделают общее уравнение в пользовании землей, то более чем у $^1/_3$ крестьянских обществ придется землю отнимать, чтобы давать другим.

Статистический материал, которым располагает Казанская губерния, настолько полный, что из него можно будет получить очень скоро какие угодно сведения, по какой угодно программе, но, к сожалению, такой работы в большинстве губерний нет, и сделать такую работу скоро нельзя. В Казани работа эта была основана [?] в течение нескольких лет оценочным бюро губернского земства, теперь же мы располагаем очень малым временем и очень незначительными силами, поэтому Геркен настаивает, чтобы программа обследования была возможно проще, чтобы работа была выполнима.

Князь Кропоткин, поддерживая это мнение, указывает, что нам необходимо иметь абсолютно верные цифровые данные, ибо если окажутся ошибки, то ими воспользуются наши оппоненты и дискредитируют всю работу. Переходя к вопросу об учете частновладельческих хозяйств, князь Кропоткин находит, что оглашенная программа, выработанная группой московских агрономов, будучи, может быть, в некотором отношении слишком обширной, в то же время не даст картины, на которую указывал Н. Н. Львов, так как в каждом хозяйстве, в зависимости от его направления, имеются особенности, которые нельзя подвести под общую программу, поэтому он склоняется к принятию предложения Н. Н. Львова сделать описание лишь отдельных хозяйств для получения того материала, на который указывал Н. Н. Львов, считая, с своей стороны, такой материал весьма ценным для защиты прав земельной собственности.

Раевский говорит, что Воронежский совет выработал свою программу обследования, и, вырабатывая ее, совет преследовал одну главную цель — учесть земельный фонд губернии по категориям владения для того, чтобы иметь возможность с цифрами в руках разъяснить населению, что оно приобретает в случае осуществления социалистических реформ; то же, что теперь предлагается, это уже работа экономического обследования, и такой вопрос, не имея в руках обоснованного доклада, по мнению Раевского, не представляется возможным разработать в настоящем собрании, но он лично полагает, что такую работу в такой короткий срок, которым мы располагаем, вряд ли возможно выполнить.

Представитель Витебской губернии тоже высказывается в том смысле, что главной работой обследования должно быть выяснение того, какое количество земли поступит в распоряжение крестьян по программе социалистических партий, сколько крестьян-

ских хозяйств от этого выиграет и что именно они приобретут, и сколько крестьян от этой реформы пострадает.

В. И. Гурко указывает, что вопрос о программе обследования не может быть разрешен в собрании — это дело небольшой комиссии, — собрание может лишь дать общие директивы, поэтому он, не касаясь подробностей, считает нужным лишь указать на то обстоятельство, что главным земельным комитетом уже разработана программа учета земель, по которой во всей России приступлено уже к работе. С этим обстоятельством необходимо считаться и при этом необходимо выяснить себе, ознакомившись с программой главного земельного комитета, чего именно добивается этот комитет, нет ли в программе его стремления получить известные тенденциозные сведения и, если мы это усмотрим, то вести параллельное обследование, дополнив программу такими вопросами, ответы на которые дадут нам материалы для опровержения тех тенденциозных данных, к которым может привести статистика главного земельного комитета; кроме того, нам надо выяснить, какими сведениями из работы главного земельного комитета можно будет воспользоваться, чтобы не давать лишней работы себе самим, а также необходимо иметь в виду, что в работе главного земельного комитета, которая будет исполняться на местах социалистическими организациями, возможны как неправильное собирание сведений, так и тенденциозность в их разработке, — поэтому необходимо изыскать способ парализовать эти явления. Что касается своей программы, то, по мнению В. И. Гурко, следует иметь в виду, во-первых, чтобы методы исследования были в некотором соответствии с прежними статистическими работами в этой области, чтобы возможно было производить нужные сравнения; во-вторых, исследование должно быть поставлено возможно проще, ибо чем крупнее вопросы, тем яснее ответы и результаты работы ближе к действительности; необходимо также иметь в виду, что в отчетах крестьянского банка имеются все сведения о землях заемщиков банка; надо воспользоваться этими сведениями, чтобы не брать на себя лишней работы.

Князь Васильчиков, поддерживая предложение совета о необходимости производства статистической работы по земельному вопросу, подчеркивает, что это—единственный способ защиты собственника, потому что никакие рассуждения с указаниями на несправедливость отчуждения земли и на убыточность для государства такой реформы никого не убедят в невозможности проведения ее в жизнь — только цифры могут доказать ее нецелесообразность и разочаровать крестьян, открыв им глаза на сущность посулов социалистов; вместе с тем, кн. Васильчиков настаивает, чтобы производилась не анкета, а обследование специально командированными людьми, так как только при такой работе возможно получить нужный материал.

И. И. Дмитрюков предостерегает собрание от увлечения задаваться слишком широкими предположениями — надо помнить, что срок для этой работы максимум 3 месяца, широкие программы

невыполнимы; как ни заманчиво получить все то, о чем здесь говорится, силою вещей приходится отказаться от многого, никакого обследования частных хозяйств делать не надо, учета отдельных хозяйств по мысли Н. Н. Львова тоже не надо делать; единственно, что необходимо, это — учет земель по категориям владения для получения самых элементарных выводов. Если нам удастся справиться хотя бы с этой задачей, то и это будет уже очень много.

В. И. Гурко находит, что анкета по отдельным хозяйствам не может дать тех результатов, которых ожидает Н. Н. Львов, примеры не дадут ничего уже потому только, что в социалистических программах предусмотрено, что культурные имения не подлежат разделу между крестьянами, а передаются в распоряжение земств.

Важно иметь не примеры, а получить нужные сведения по возможности о всех имениях, чтобы определить, какое количество имений должно быть признано культурными и что, за изъятием их из распределительного фонда, останется для крестьян; оратор уверен, что такое обследование даст нам цифровые данные, доказывающие, что под культурными имениями находятся сотни миллионов десятин.

По предложению председателя собрания постановлено:

1) Поручить губернским советам собрать и разработать по уездам статистические сведения по учету земель, по категориям владений с целью использования этих материалов для агитации.

2) Поручить главному совету разработать программу и преподать ее как обязательную в губернские советы для анкеты о культурности частных хозяйств, пользуясь для получения нужных сведений в тех случаях, когда это возможно, анкетным способом, а в отдельных случаях и командировкой специальных лиц.

3) Поручить губернским советам добыть от отдельных сельских хозяев возможно подробные описания их хозяйств с выводами, к каким экономическим результатам приведет раздел этих имений между крестьянами, т.-е. какая будет потеря для государства, какой капитал, затраченный в хозяйство, будет безвозвратно потерян, какой капитал придется затратить для основания новых мелких хозяйств и, наконец, какое количество крестьян от этого получит прибыль и какую и сколько потеряет население заработных денег, принимая во внимание все местные обстоятельства.

В 1 час дня объявлен перерыв до 2 часов.

В 2 часа дня заседание возобновляется.

Принимается предложение Свечина рекомендовать провинциальным советам использовать лиц их губерний, проживающих в Москве, в качестве своих уполномоченных, так как для сношения с главным советом нельзя рассчитывать на почту и телеграф как вследствие беспорядка, так и потому, что эти учреждения находятся в руках наших врагов.

Представитель Рязанской губернии Семенов-Тяньшанский делает сообщение о настроении крестьян в его губернии, указывая, что агитация там совершенно невозможна, ибо агитация связана с риском подвергнуться насилию, и описывает свои личные переживания.

Председатель совета Н. Н. Львов предлагает приступить к обсуждению вопроса о порядке участия земельных собственников в выборах в Учредительное Собрание. Указав собранию на печальное явление, что до сих пор далеко не во всех уездах земельные собственники организованы, и подчеркнув необходимость быстрейшей организации и необходимости борьбы с явлениями уклонения от работы по организации на местах некоторых видных общественных деятелей, священная обязанность которых встать во главе организаций, Н. Н. Львов выясняет собранию свой взгляд на позицию, которую должны принять земельные собственники в предстоящей выборной кампании. Необходимо создать одно большое течение в русской жизни — течение патриотическое и государственное, надо объединить все частные и здравомыслящие силы России в борьбе против разрушительных начал социалистических течений.

На это объединение должны пойти все, и в самих себе надо побороть те предубеждения, которые еще держатся в нас против некоторых партий, не разделяющих нашу аграрную программу, но имеющих в своей основе начала государственности, а не начала разрушительные.

Необходимо организовать широкий, смелый напор против социалистических партий для спасения России.

Чтобы выяснить себе положение, необходимо понять, какими путями пришла Россия к тому состоянию развала, в котором она находится. Первое течение было глубоко патриотическое и являлось результатом тех явлений, которые пережила Россия из-за войны, убедившись, что представители старой власти защищают не Россию, а только самих себя. Такие люди, как Таганцев, которые по духу были не чужды стремлений к революции, провозглашали лозунг: «отечество в опасности». Убийство Распутина было совершено людьми, движимыми монархическими чувствами, и, конечно, все они не хотели революции, а лишь добивались сдвинуть власть с ее позиции самозащиты и направить ее к защите государства. Но ничто не помогало, так что в момент переворота монархист Родзянко вынужден был протянуть руку революции.

Но здесь выдвинулось другое течение — в момент переворота организованными оказались лишь революционные группы в лице рабочих депутатов и быстро сорганизованной ими группы солдатских депутатов, и Исполнительному Комитету Государственной Думы пришлось считаться с фактом полного уничтожения власти, арестом всех министров, упразднением полиции и жандармерии, и под напором этих организаций сформированное Временное Правительство было вынуждено отказаться от мысли вступления на престол Михаила

Александровича и допустить уничтожение власти во всей России; несомненно, что здесь играло первенствующую роль также и третье течение, руководимое германским генеральным штабом — Кронштадт, захват минных заграждений, убийства и аресты офицеров по спискам германских агентов и, наконец, пресловутый приказ № 1, разложивший нашу армию. В результате создалась бессильная власть, и разложение России идет по плану германского генерального штаба.

Вся деятельность социалистических партий основана на ненависти к царизму и к правящим классам. В них нет любви к родине, и для них не существует никаких государственных задач, ибо они преследуют одну лишь разрушительную цель. Как они разрушили армию приказом № 1, так теперь они разрушают экономическую жизнь России. Все сообщения с мест рисуют одну и ту же картину — на местах все спокойно, пока не собирается съезд, бросающий лозунги разрушения, — эти лозунги подхватываются различными волостными комитетами и навязываются населению, а вслед за тем санкционируются в предательской, слащавой форме министром Черновым. Весь ужас в том, что мы имеем министра циммервальдца, которому нет дела до России, для которого нет ничего святого в своем отечестве. Мы имеем право и обязаны смело итти на защиту своих интересов, потому что, защищая собственность, мы защищаем государственность, но наша задача, забыв свои интересы, — создать силу, объединенную любовью к своей отчизне и ненавистью к врагам ее, которые готовы пожертвовать Россией, кто из-за торжества революции, а кто из-за немецких денег.

Мы должны итти на все, вплоть до риска жизнью, но должны победить во что бы то ни стало.

К сказанному Н. Н. Львов добавляет, что он уже начал работу по объединению с группами промышленников, банковскими, кадетами и другими и просит съезд одобрить его программу действий. Горячая речь Н. Н. Львова встречает единодушное полное сочувствие со стороны съезда.

После обмена мнений съезд принимает следующие решения по организации:

1) Постановлено обратиться к губернским советам с указанием на необходимость установления в организациях строгой дисциплины и с просьбой, чтобы губернские советы в тех случаях, когда у них в губернии не устанавливается стройность организации, обращались в главный совет, который будет присылать своих уполномоченных.

2) Обратить внимание советов на необходимость привлечения к живой работе женщин, участие которых, как показал опыт, дает иногда блестящие результаты.

3) Просить губернские советы наметить отдельных крестьян-собственников, подходящих для участия в Московском Всенародном Совещании, которых требуется всего 15 человек.

Закрывая заседание, председатель Н. Н. Львов выражает надежду, что наступает конец петроградского периода истории.

Россия хочет жить для себя, а не для Петербурга, и Россия добьется для себя истинной свободы, а не фиктивной свободы, выражающейся в деспотизме социализма.

Поблагодарив участников съезда за их труды, Н. Н. Львов заявляет, что главный совет получил от съезда много ценных указаний, и выражает уверенность, что как главный совет, так и местные советы с новой бодростью и энергией будут продолжать свою работу во имя спасения России.

Собрание единодушно и горячо благодарит Н. Н. Львова.

Заседание объявлено закрытым в 5 час. вечера.

„Демократическое" правительство Грузии и английское командование.

Отделившись от России и декларировав свою независимость 26 мая 1918 года, меньшевистская Грузия попала в сложнейший переплет международных отношений. Раньше немецкая, а потом английская оккупация, даже для глаза непосвященного обывателя, ликвидировали всякую видимость независимости.

Не располагая самостоятельной военной силой, кроме разрозненных, не обученных и совершенно непригодных к боевым действиям нескольких отрядов и знаменитой Джугелевской «народной гвардии», прославившейся своими карательными экспедициями против крестьянских восстаний, правительство не имело возможности в какой бы то ни было степени противостоять той системе нажима, которую практиковало английское командование.

Грузия интересовала Англию не только как путь к нефти, но в годы ожесточенной борьбы с большевизмом в значительной мере и как один из плацдармов для развертывания этой борьбы. Все внимание и все симпатии англичан были направлены в сторону Деникина, который после разгрома колчаковщины олицетворял собою основную силу борьбы с большевизмом. Стремления Деникина были совершенно ясны: борясь за «единую великую Россию», он не только не желал признавать каких-либо самостоятельных государственных объединений на прежней территории Российской империи, но открыто бородся с автономистскими тенденциями кубанского казачества.

На Закавказье он смотрел как на одну из русских провинций, в пределах которой в дальнейшем должна была быть восстановлена старая система управления — «наместничество». Представители грузинского национализма примириться с такими тенденциями, конечно, не могли.

Публикуемые материалы представляют крупный исторический интерес потому, что показывают, как, несмотря на обострившийся в начале 1919 г. конфликт между Деникиным и меньшевистской Грузией, дошедший до вооруженных столкновений, последняя ни на минуту не забывала, что у нее и у Деникина один общий классовый враг — большевизм, во имя борьбы с которым можно и должно итти на любые компромиссы.

В самом начале прихода английских войск в Закавказье, в 1918 г., ген. Томсоном было заявлено, что они (союзники) «не признают никаких независимых образований, которые образовались в России, и не будут к ним относиться как к таковым», и что задача их деятельности — «восстановление от имени русской власти прежнего наместничества на Кавказе» [1]). Правда, впоследствии (1919 г.) отношение союзников к вопросу о самостоятельности Грузии несколько изменилось, но, как видно из публикуемых

---

[1]) Шафир. «Очерки грузинской Жиронды», Гиз, 1925 г., стр. 160.

разговоров, вопрос о будущем самостоятельных государственных объединений для Англии был далеко не решен.

В разговоре с Жордания 24 мая 1918 г. ген. Бич, в ответ на заявление председателя правительства, что «Грузия самостоятельна и ни о какой автономии говорить не приходится», сказал: «но Россия когда-нибудь возродится», этим самым показав, что в условиях создания «единой России» вопрос о самостоятельной Грузии может оказаться далеко не решенным.

Повторяем: все это ни в какой мере не помешало грузинскому меньшевизму пойти на компромисс с Деникиным, причем, когда переговоры начали налаживаться, Н. Жордания цинично заявил: «ведь ген. Деникину будет несравненно лучше, если тыл у него будет обеспечен».

То, что принципиально грузинское правительство не возражало против того, чтобы через его территорию англичане провозили обмундирование и снаряжение Деникину для борьбы с большевизмом, видно из заявления председателя правительства в июне 1919 г. «Грузинское правительство определенно расположено не делать препятствий для осуществления плана, предложенного верховным командованием»... [1]).

В публикуемых материалах в подтверждение этого положения можно наблюдать, как под нажимом английского командования грузинское правительство шаг за шагом скатывалось на позиции активной помощи и содружества с Добрармией (раньше Деникиным, а потом Врангелем).

И все это делалось во имя вступления в семью «цивилизованных народов». Ген. Бич так и заявил: «...соглашение с Деникиным сильно подняло бы Грузию в глазах цивилизованного мира, борющегося с большевизмом».

Во имя этой связи с цивилизованным миром грузинский меньшевизм принужден был уступить Деникину в гагринском конфликте, не получив каких-либо гарантий для будущей самостоятельности.

Во имя той же связи грузинский меньшевизм соглашался на смещение высших военных чинов, провинившихся перед английским командованием (конфликт с Гедевановым — протокол от 15 февраля); на передачу английскому командованию не только контроля, но и управления Закавказскими железными дорогами; на публичное ошельмование себя в своей же прессе (разговор с Уоккером 15 февраля) и даже на отказ от принципов, выдвинутых в социал-демократической программе — на такое толкование своих собственных законов, которое действительно позволяло героев из II Интернационала ввести в семью цивилизованного капитализма.

Необходимо остановиться еще на толковании самими же вождями грузинского меньшевизма изданного ими закона о земле.

Аграрное законодательство было одним из козырных моментов грузинского меньшевизма. Оно всегда пускалось ими в ход, когда приходилось перед лицом II Интернационала декларировать свою верность социалистическим принципам. Но это была лишь одна (показная) сторона медали.

Фактически же все сводилось к тому, что под давлением крестьянского движения еще в конце 1917 года Закавказским комиссариатом был проведен закон об отчуждении удельных и частновладельческих земель, впоследствии подтвержденный Закавказским сеймом и Грузинским учредительным собранием. Однако этот закон не только не ликви-

[1]) Шафир. «Очерки грузинской Жиронды», стр. 127.

дировал принципа частной собственности на землю, но даже не мешал дальнейшему росту и развитию крупного землевладения. Тов. Шафир в своей книге приводит текст переговоров с американской миссией, где представитель грузинского правительства недвусмысленно заверял, что принцип частной собственности сохранен и что вся реформа проведена исключительно с целью приостановить массовые и «самовольные» захваты и насилия, производимые крестьянами [1]).

Разговор правительства с представителем английского командования 16 мая 1919 г. особенно ценен потому, что на мелком факте показывает отношение грузинского правительства к проводимой им земельной реформе.

В ответ на просьбы ген. Бич сказать ему, «как друг, как человек», сможет ли дальше после реформы крупнейший землевладелец и винодел Ананов развивать свое дело, так как «ведь он выделывает прекрасные вина» (старый буржуазно-помещичий лейтмотив — на помещичьих землях культура хлеба выше, чем на крестьянских), председатель «демократического» правительства ответил: «О, нет, его дело продолжается и в будущем далеко улучшится» (подчеркнуто мной. *С. С.*).

Представители грузинского меньшевизма были глубоко уверены — и в этом заверяли представителей «европейской цивилизации», что крупное землевладение после реформы продолжится, разовьется и улучшится, но это им не мешало, копируя кадетскую тактику периода 1905—1907 гг., одновременно убеждать массы, что аграрная реформа проведена в их интересах.

Публикуемые материалы, еще раз подтверждая прямую связь грузинского меньшевизма с российский контр-революцией, указывая на проведение грузинскими меньшевиками законов, рассчитанных на защиту интересов не трудовых масс, а развивавшегося капитализма, на полную зависимость их от английского командования, при одновременной борьбе с пролетариатом, захватившим власть, ставят вопрос: находились ли грузинские меньшевики в период власти между революцией и империализмом или они уже тогда целиком обосновались в лагере врагов революции и прямых друзей русской контр-революции и европейского империализма.

Семен Сеф.

Архивы министерств так называемого демократического правительства Грузии частично были увезены при эвакуации, а частично уничтожены. В пределах ССР Грузии сохранились лишь остатки архивных фондов, главным образом министерства иностранных дел и военного министерства. Уцелели частично также личные архивы — Чхенкели и др. В настоящее время они хранятся в Музее Революции ССР Грузии.

Публикуемые девять протоколов переговоров председателя правительства с английскими генералами являются остатками архива канцелярии председателя грузинского правительства. Переговоры велись, повидимому, на французском языке, и печатаемые нами документы представляют собой записи переговоров, переведенные на русский язык канцелярией председателя грузинского правительства.

Последний из публикуемых документов — мемуар грузинской социалистической делегации на Люцернской конференции для рабочей фракции палаты общин обнаружен в личном архиве А. Чхенкели.

Печатается он здесь с рукописи, и имеющиеся в нем пропуски сделаны самим автором документа. Пропуски эти, повидимому, объясняются тем, что автор в процессе письма не мог иногда подыскать должного слова или фразы.

Ред.

[1]) Шафир. «Очерки грузинской Жиронды», стр. 92.

Беседа председателя правительства Н. Н. Жордания с генералом Броуд, начальником английской железнодорожной миссии [1]).

6 февраля 1919 г. Четверг. 1 час 5 мин. дня.

После взаимных приветствий ген. Броуд спрашивает председателя правительства о том, получил ли он от генерала Форестьер-Уоккера доклад английской железнодорожной комиссии о состоянии железных дорог как на территории Грузинской республики, так и на протяжении всего пути бывших Закавказских жел. дорог.

Генерал прибавляет, что председателю правительства, очевидно, известно и то, что английское командование на Кавказе, желая итти навстречу улучшению железнодорожного хозяйства Грузинской республики, полагало бы установить наблюдение, пользуясь своим опытом, за ведением железнодорожного дела.

Председатель правительства благодарит генерала за внимание, проявляемое английским командованием по отношению к Грузинской республике, и говорит, что вопрос контроля английским командованием грузинских госуд. жел. дорог передан на обсуждение железнодорожного совета, заключение которого, будучи препровождено правительству, будет незамедлительно сообщено английской железнодорожной миссии.

Генерал Броуд замечает, что есть масса мелких вопросов, которые могли бы быть разрешены без всякой задержки теперь.

Председатель правительства, не возражая по существу затронутого вопроса, отвечает, что как только кардинальный пункт будет принципиально разрешен железнодорожным советом, все детали разрешатся сами собой.

Генерал Броуд соглашается с мнением председателя правительства и переходит к вопросу, о котором английское командование уже имело честь снестись с министерством иностранных дел, а именно о создании общей железнодорожной комиссии совместно с республиками Азербайджаном и Арменией.

Председатель правительства доводит до сведения генерала Броуда, что правительство Грузии давно обсуждало этот вопрос и всецело находит необходимым создание межгосударственной железнодорожной комиссии. Правительство сомневалось лишь в одном, а именно — в согласии англичан в этом вопросе.

Генерал Броуд. Почему?

Председатель правительства отвечает, что создание общей железнодорожной комиссии было бы невозможно без присоединения ветки Натанеби — Батум для эксплоатации ее для прямого сообщения. Иначе пришлось бы иметь дело еще с вновь образовавшимся управлением для этого перегона, что значительно затруднило бы сквозное движение.

---

[1]) Заголовки в настоящей публикации взяты из подлинников.

Генерал Броуд доводит до сведения председателя правительства, что английское командование никогда не было против передачи грузинскому правительству для эксплоатации означенной ветки, но ставило этот вопрос в непосредственную связь с ускорением создания межгосударственной комиссии.

Председатель правительства сообщает генералу, что как только эта ветвь будет передана грузинскому правительству, которое безусловно предоставит право контроля по линии Натанеби — Батум и представителю английского командования, весь вопрос о создании комиссии будет разрешен незамедлительно.

Генерал Броуд говорит, что англичане ждали лишь создания этой комиссии, а вопрос передачи будет разрешен ими в благоприятном смысле для Грузинской республики. Для него, как для лица, не вполне еще ознакомившегося с положением дел на ветви Натанеби — Батум, трудно было бы сейчас дать категорический ответ, но, желая итти навстречу правительству Грузии в деле упорядочения железнодорожного хозяйства, он согласен теперь же разрешить этот вопрос.

Председатель правительства сообщает генералу, что вопрос создания межгосударственной комиссии по вопросам эксплоатации всей линии бывшей Закавказской железной дороги был бы, несомненно, разрешен много раньше, и правительство Грузинской республики предлагало созвать конференцию, где был бы затронут и этот вопрос, но война, вспыхнувшая между Грузией и Арменией, помешала этому начинанию.

Генерал Броуд. Я понимаю.

Председатель правительства интересуется взглядами генерала, как специалиста, о тех мерах, которые можно было бы предпринять для улучшения положения железных дорог именно Грузинской республики.

Председатель правительства просит генерала Броуда не отказать в любезности обо всех мероприятиях, которые он находит необходимыми, сообщить правительству Грузии в письменной форме.

Генерал Броуд сожалеет, что, будучи обременен громадной работой, он не имел возможности до сего момента осмотреть детально состояние грузинских жел. дорог, что он проехал только до Тифлиса, но на-днях он направляется в сторону Батума и обо всем виденном сообщит в письменной форме правительству Грузии.

Председатель правительства говорит генералу, что, будучи за границей и, в частности, в Англии, он всегда любовался идеальной постановкой железнодорожного дела, где, при небольшом сравнительно количестве служащих, царит образцовый порядок как в смысле эксплоатации пути, так и доходности железных дорог.

Генерал Броуд обещает, что все свое знание, а у него его немало, так как генерал заведывал всем железнодорожным движением Франции и транспортом войск и снаряжения, он предоставит к услугам Грузинской республики.

Председатель правительства благодарит генерала за его любезность и надеется, что Грузия поспешит воспользоваться его доброжелательным отношением.

Генерал Броуд глубоко убежден, что при том количестве подвижного состава, каким обладает Грузинская республика, можно прекрасно оборудовать железнодорожное дело, и он примет все меры, чтобы помочь грузинскому государству получать доходы с жел. дороги. Генерал просит по всем делам, касающимся вопросов жел. дороги, обращаться к нему непосредственно в железнодорожную миссию, помещающуюся на Фрейлинской ул., № 6.

Председатель правительства еще раз благодарит ген. Броуда за внимание и просит после поездки в Батум не отказать поделиться с ним впечатлениями, создавшимися от осмотра линии Грузинской жел. дороги.

Разговор окончен в 1 час. 20 мин. дня.

Беседа председателя правительства с генералом Уоккером.

15 февраля 1919 г. 12 час. дня.

Присутствовали: председатель правительства республики Грузии *Н. Н. Жордания*, мин. ин. дел *Е. П. Гегечкори*, командующий британскими войсками в Закавказьи генерал *Форестьер-Уоккер*, глава французской военной миссии в Закавказьи полковник *Шардиньи*, генерал *Бич*, майор *Кэмпбль*, английский офицер интерпретер, *г. Симонов*, интерпретер грузинского правительства, секретарь *Мачавариани*.

Генерал Уоккер приветствует председателя правительства и говорит, что он просил принять его, дабы выяснить вопросы чрезвычайной важности.

Председатель правительства. Мы давно ждали вас с нетерпением.

Генерал Уоккер. Первый вопрос, которого я коснусь, — это наступление Добровольческой армии. Вы помните, что в конце прошлого месяца и начале этого я говорил вам о письме английского командования от 23 января, в котором упоминалось о неприкосновенности Грузии и о том, что войска генерала Деникина не перейдут границы, занимаемой в настоящий момент войсками Грузинской республики. Помимо этого, я заверял вас ранее, что приму все меры, чтобы деникинская армия не тревожила Грузию, и в этом отношении чувствую по отношению к грузинскому правительству определенные обязательства. Я очень огорчен всем происшедшим. Прежде чем было наступление, я послал офицера английской армии в Сочи для расследования всего происходящего там. К сожалению, снежные заносы и пурга помешали указанному офицеру достичь Сочи, и в настоящий момент он в Сухуме, но я надеюсь, что он выполнит возложенную на него задачу, и пока я не получу от него донесений, я не считаю себя особенно виноватым. Благодаря перерыву телеграфных сношений

я не могу дать исчерпывающего ответа на все вопросы, и как только представится возможность выслушать обе стороны, я смогу решить, кто в действительности виноват. Несмотря на все это, факт остается фактом: Добровольческая армия наступает, и я, верный своему слову, принял следующие меры. При первой возможности передвижения я посылаю английский отряд, который высадится в Сухуме или в Гаграх, откуда он пойдет к вашей границе и будет служить местным барьером. Английский отряд останется на указанном месте впредь до выяснения всех вопросов. Надеюсь, что вы против этого ничего не имеете.

Председатель правительства. Я выскажусь потом, но сейчас решительно заявляю, что, если Добровольческая армия не оставит немедленно Гагринский округ, правительство Грузии собственными силами принудит их очистить этот округ. Мы требуем категорически, чтобы граница Грузинской республики проходила у старых Гагр, и, если они сами добровольно не подчинятся этому требованию грузинского правительства, мы их прогоним. Правительство Грузии не может быть спокойно, если отряды Добровольческой армии будут стоять в пределах Грузинской республики.

Генерал Уоккер. Я хотел послать отряд английских войск не для того, чтобы заставить отступить ту или другую сторону, но для улажения конфликта. Но если правительство Грузии этого не хочет, то я их не пошлю. В этом случае я должен предупредить, что вся ответственность ложится на вас.

Председатель правительства. Если деникинцы сами не уйдут за Гагры, то английские пикеты могут не трудиться занимать ту или иную зону, и грузинское правительство собственными силами сумеет их заставить отойти от занимаемой ими в настоящий момент линии.

Генерал Уоккер. Я не имею права заставить Деникина отойти в ту или иную сторону — это зависит всецело от константинопольского командования. Посылку же английского отряда в Гагринский округ я полагал как предупредительную меру.

Председатель правительства. Мы не знаем, как быстро Деникин выполнит распоряжение константинопольского командования. Мы стоим перед голым фактом: Добровольческая армия раз уже не выполнила требований высшего британского командования. Где у нас гарантия, что деникинцы на этот раз быстро выполнят ваше предписание в настоящем случае?

Генерал Уоккер. Вы предполагаете, что деникинцы могут продолжать развивать наступление, несмотря на присутствие в означенной полосе английских пикетов?

Председатель правительства. Генерал, очевидно, не знает русских; мы же их изучили очень хорошо. Не будучи в состоянии итти на север, Добровольческая армия развивает наступление в сторону наименьшего сопротивления.

Генерал Уоккер. Неужели председатель правительства предполагает, что слабой стороной будет та, где будут английские силы?

Председатель правительства. Конечно, нет, но при малейшей возможности они пойдут вперед, обманув и вас.

Генерал Уоккер. Я сейчас не знаю, какое количество я могу поставить в предполагаемых местах, но думаю, что если деникинцы позволят себе пойти даже против самых немногочисленных отрядов английского войска, то это будет объявлением войны Великобритании.

Председатель правительства. Это очень важный вопрос, и ваше предложение мы обсудим, так как грузинское правительство категорически решило силою принудить их покинуть границы Грузии, причем я должен довести до вашего сведения, что нас интересует лишь историческая граница Грузии, и я вновь повторяю, что мы не имеем никаких притязаний на Сочинский округ, как таковой.

Генерал Уоккер. Тогда все ваши действия будут находиться под вашей ответственностью.

Председатель правительства. Нет, мы не возьмем на себя этой ответственности, так как нас ранее заверили, что со стороны Добровольческой армии не будет никаких наступательных движений. Грузинское правительство, поверив этому заявлению, отвело свои войска, и результатом этого явилось наступление Деникина.

Генерал Уоккер. В таком случае я должен заявить, что если Грузия сейчас не захочет принять посредничество Англии, то в будущем я отказываюсь от этого. Я должен сообщить председателю правительства, что, по моим сведениям, грузинские силы в Сочинском округе не были ослаблены.

Председатель правительства. Мы, конечно, принимаем посредничество Англии и верим, что Великобритания даст нам удовлетворение в этом вопросе, но я должен сообщить генералу Уоккеру, что он ошибается в отношении ослабления наших сил в Сочинском округе. Правительство Грузии приказало отвести войска на десять верст, и это приказание командующим нашим отрядом было немедленно выполнено. До последнего момента генерал Кониев был в Тифлисе и лишь случайно к моменту наступления добровольцев оказался в Сочи.

Генерал Уоккер. Я могу вас заверить, что положение в данном участке будет не всегда таким, но, к величайшему сожалению, сейчас большего я не могу сделать. Повторяю, что разрешение этого вопроса— дело константинопольского командования, и, до получения сведения от противной стороны, я не могу вам сказать, какие представления будут мною сделаны высшему командованию. Теперь я перейду к вопросам, которые считаю неприятными вещами, а именно — об официальном протесте правительства Грузии в инциденте с полк. Гедевановым. Я не могу понять, чем объясняется все то, что произошло. Я прочту председателю правительства объяснения батумского генерал-губернатора, но прежде этого хочу сказать несколько слов. Министр иностранных дел Грузии прислал на мое имя письмо несколько резкого характера; в нем говорилось об инциденте с полк. Гедевановым. Это письмо переслано мною батумскому генерал-губернатору, и он, ко-

нечно, пришлет ответ по существу. Пока не получено мною ответа, мне кажется, об этом не стоило писать. Я протестую в данном случае и заявляю, что такая линия поведения не улучшает положения вещей. Прежде чем прочесть письмо батумского ген.-губернатора, я хотел бы слышать ответ, чем все это вызвано.

Председатель правительства. За время вашего отсутствия, генерал, здесь произошли некоторые изменения, о чем я сейчас доведу до вашего сведения. Я заявляю вам, что то, что будет мною передано, чувствуется всеми гражданами Грузинской республики. Так думает вся Грузия: мы объявили независимость 26 мая 1918 года и, до прихода к нам союзников, занимались исключительно строительством своей новой государственной жизни. Мы ни с кем не воевали и нигде не имели врагов. Единственной угрозой нашему благосостоянию были большевики, но мы отогнали их за Сочи, и наше государство было избавлено от этой опасности. Повторяю, что со всеми окружающими мы жили в мире. С приходом союзников картина резко изменилась: мы все время воюем. Прежде всего предательское нападение Армении, затем наступление добровольцев и, наконец, вторжение на нашу территорию турецко-татарских полчищ со стороны Ардагана на Ахалцых. Я особенно обращаю ваше внимание на последний факт. Правительство Грузии всегда считало, что Батумский и Ардаганский округа находятся под непосредственным влиянием и управлением британских военных сил, и я полагаю, что аскеры и офицеры турецкой армии с этих территорий будут удалены распоряжением английского командования. В отношении Карской области мы полагали, — и имели основание на это, — что она будет передана на законном основании Армении. Между тем на упомянутом мною пространстве образовалось новое самозванное государство, открыто заявляющее, что оно находится под непосредственным покровительством Англии.

Генерал Уоккер. Я ничего не слыхал об этом.

Председатель правительства. Вы плохо осведомлены, генерал, но правительство Грузии обладает неоспоримым документом. Мы перехватили циркуляр главаря этого правительства Атабекова, в котором он сообщал своим единомышленникам о том, что я имел честь сейчас вам доложить. Это самочинное правительство создало регулярное войско, в котором находятся аскеры и служат офицеры как турецкие, так и русские; оно ведет с нами войну, и их войска вторглись из Ардагана в Ахалцых, и самый важный и прискорбный факт — это то, что в лагерях этих повстанцев (иначе я их не могу назвать) находились два английских офицера, проникших туда через Аджарию из Батума. Мы думали всегда, что британское командование своим веским словом не позволит им вторгнуться в пределы Грузинской республики, и на основании этого убеждения не посылали туда своих войск, но это оказалось не так, и мы вынуждены были очистить Ахалцых и в настоящий момент стоим в 25 верстах от него. Результаты налицо: кроме Сочи, мы имеем еще новый фронт. Правительство Грузии с уверенностью

заявляет вам, что наступления на обоих фронтах были строго согласованы. Все было задумано и сорганизовано в Батуме, и из этого источника направляются все распоряжения. Для нас совершенно очевидно, и в этом вы не можете сомневаться, что оба удара были предприняты одновременно, и в этом важнейшую роль сыграли турецкие эмиссары в Батуме. Влияние их настолько сильно, что артвинцы отказались принять начальника округа, посланного туда британским командованием.

Генерал Уоккер. Это неправда.

Председатель правительства. Мы получили сведения, что артвинцы отказались принять должностное лицо, назначенное английским генерал-губернатором, и заявили, что начальника округа им пришлет Карское правительство.

Генерал Уоккер. Вы могли получить сведения и телеграммы со всех частей мира, но я категорически утверждаю, что это неправда.

Председатель правительства. Мне очень приятно, что генерал отрицает существование этого печального факта. Но я продолжу свою мысль. После всего изложенного мною в голову каждого грузина вкрадывается неотвязчивая мысль: почему все это происходит после прихода союзников на нашу территорию. Мы вполне верим искренности телеграммы, полученной из Лондона, и вместе с тем правительство Грузии считает своим долгом заявить вам как представителю союзников, что все происходящее здесь совершенно не на руку державам Согласия. Все общественное мнение страны, все классы населения, вся пресса, все, что есть мыслящего в республике, требуют от правительства выяснить: какова политика союзников и чего они хотят от Грузии. Мы отвечали, что «единственный человек, который может дать исчерпывающий ответ,— это генерал Уоккер, но, к величайшему сожалению, он сейчас отсутствует; по его возвращении все выяснится и, без сомнения, в нашу пользу».

Генерал Уоккер. Я не вполне в этом уверен.

Министр ин. дел. Я хотел бы объяснить генералу те причины, которые вызвали со стороны правительства Грузии протест, обращенный к английскому командованию в Грузии, а именно в отношении действий Добровольческой армии и батумского генерал-губернатора. Я попутно коснусь причины их опубликования и теперь же заявляю, что не вижу в них ничего оскорбительного. Дело в том, что в отсутствие генерала произошли три прискорбных события.

Генерал Уоккер. Я касался исключительно протеста, заявленного министерством иностранных дел по поводу инцидента в Батуме с полковником Гедевановым.

Министр ин. дел. Повторяю, произошли три печальных события в вашем отсутствии, генерал. Первое — наступление добровольцев, второе — инцидент с полковником Гедевановым и третье — вмешательство английского офицера в Поти в законные распоряжения грузинских военных властей. Генералу, безусловно, известны все детали:

правительство Грузии не могло оставаться безучастным ко всему происшедшему, и, так как возбуждение в населении росло, мы вынуждены были опубликовать свой протест, а вслед за полученным сообщением от полковника Гедеванова, подробно доложившим обо всем происшедшем и вполне удовлетворившим правительство, мы сочли необходимым дать сведения прессе и показать народу, что работа правительства Грузии направлена в сторону защиты интересов и достоинства как всего населения республики, так и отдельных его граждан.

Генерал Уоккер. Я должен заявить председателю правительства, что печальный инцидент с английским офицером в Поти, о котором упомянул министр иностранных дел, не имел места в действительности. Я очень сожалею, что сведения грузинского правительства неверны. В действительности вот что произошло: администрация пароходов в порту Поти не хотела перевезти грузинский десант и требовала на это разрешение английских военных властей, но так как англичане не имеют никакого отношения и права вмешательства во внутренние дела Грузинской республики, то английские власти не могли дать подобного разрешения. Вот факт искажения прессой действительных событий. Я прошу господина председателя ответить: принимает ли на себя правительство Грузии ответственность за письмо-протест, посланное мне как командующему британскими войсками в Закавказьи, или это является частным выступлением министра иностранных дел?

Председатель правительства. Конечно, правительство принимает на себя всю ответственность за выступление министра иностранных дел.

Генерал Уоккер. Теперь я позволю себе ознакомить вас с письмом батумского генерал-губернатора (читает письмо; содержание его следующее: полковник Гедеванов просил свидания с генерал-губернатором 7 числа сего месяца в среду в 10 часов утра. Генерал-губернатор, занятый заседанием в конференции, выразил сожаление, что не может принять его, и заявил, что следующие два дня он будет в отсутствии и вернется лишь к 10-му, когда и примет с большим удовольствием полковника Гедеванова. Несмотря на это, полковник явился на следующий день, но, конечно, ввиду отсутствия, принятым быть не мог. Как только генерал-губернатор вернулся из поездки, Гедеванов был принят в самый короткий срок).

Председатель правительства. Полковник Гедеванов сообщил нам, что оба раза, когда он ходил к генерал-губернатору, последний был у себя, но отказывался его принять. Если же, как это видно из ваших слов и письма генерал-губернатора, Гедеванов ввел нас в заблуждение, то с него будет взыскано самым строгим образом.

Генерал Уоккер. Я позволю себе заметить, что, раньше чем писать мне подобного рода протест, можно было выждать более точных разъяснений от английского командования, которые не замедлили бы быть представленными правительству Грузии, чем класть в основание своего письма разъяснения полковника Гедеванова. Я считаю, что мне, как

представителю Великобритании, этим была нанесена обида, и как удовлетворение прошу о смещении полковника Гедеванова с занимаемой им должности в Батуме. Правительству Грузии предоставляется полная и самая широкая свобода замещения этой вакансии тем лицом, которое оно найдет для себя подходящим.

Председатель правительства. Раз генерал-губернатор сообщает о своем действительном отсутствии в эти дни из Батума, то, конечно, желание генерала будет уважено.

Генерал Уоккер. Я заверяю вас, что генерал-губернатор Батума отсутствовал, и поэтому прошу сместить полковника Гедеванова, как лицо, введшее в заблуждение свое правительство. Я прошу также выразить по этому поводу в газетах сожаление. 11 числа в газете «Борьба» помещена была статья по поводу инцидента с полковником Гедевановым, написанная в весьма резких выражениях; в ней говорилось о том, что правительство Грузии требует удовлетворения у английского командования.

Председатель правительства. О каких резких выражениях говорит генерал?

Генерал Уоккер. Я утверждаю, что все письмо написано довольно резко, а так как английское командование не имело еще сведений по затронутому мною вопросу, то я считаю, что это является неслыханным случаем в области международного права; между тем, в газете «Борьба» была помещена эта статья, очевидно, по сведениям, полученным из министерства иностранных дел.

Председатель правительства. Правительство имеет лишь одну официальную газету, это — «Сакартвелос Республика», и несет ответственность за те сведения, которые печатаются в ее официальном отделе.

Генерал Уоккер. За этот протест ответственен сам министр иностранных дел, как лицо, официально подписавшее его.

Председатель правительства. Нет, за такую официальную подпись отвечает все правительство.

Генерал Уоккер. В таком случае, я предлагаю поместить в газетах следующее заявление (читает текст заявления, который будет на-днях передан правительству). Выражения, которые я предлагаю, самые мягкие, и я высказал их только из симпатии к Грузии и ее правительству и личной дружбы к господину Гегечкори; я надеюсь, что правительство Грузии сделает нам эту уступку.

Председатель правительства. Все, что находится в связи с инцидентом с полковником Гедевановым, по выяснении подробностей, будет исправлено в большей степени, чем этого просит генерал.

Генерал Уоккер. Ничего не может быть более удовлетворительного. Теперь я перейду дальше и коснусь тех вопросов, о которых говорил председатель. Если я не ошибаюсь, грузинский народ разочаровался в Великобритании?

Председатель правительства. Да, престиж Великобритании пошатнулся в связи с наступлением Добровольческой армии.

Генерал Уоккер. Повторяю, что я больше чем кто-либо сожалею о случившемся и приму все меры для улажения этого печального инцидента. Теперь я перейду к тем причинам, в связи с которыми вы говорили об умалении престижа с [?] Арменией, и считаю долгом сказать, что, когда вспыхнула эта война, на территории Грузии не было ни одного английского солдата.

Председатель правительства. Чтобы не было недоразумений, я должен предупредить вас, что говорил только о совпадении. Я сам горячий сторонник держав Согласия и, будучи по профессии публицистом, и до войны и во время нее писал всегда в защиту Англии и Франции, но, благодаря, повторяю, этим печальным совпадениям, общественное мнение и народ все происходящие события ставят в непосредственную связь с приходом к нам союзников и требуют у своего правительства объяснения по этому вопросу.

Генерал Уоккер. Война началась до нас, и первой нашей задачей по прибытии на территорию Грузии было принятие всех мер для прекращения кровопролития. Что же касается событий в Ардаганском и Ахалцыхском округах, то английский офицер, посланный из Батума для выяснения всех обстоятельств этого печального недоразумения и прибывший оттуда с докладом ко мне, сообщает, что грузины первые перешли границу. Министр иностранных дел может переговорить с этим офицером и получить от него самые точные сведения. Недоразумения начались впервые на территории Грузии между грузинским и мусульмано-татарским населением, но я уже раньше предупреждал ваше правительство, что не беру на себя ответственности за порядок внутри прежней Тифлисской губернии. Я имею сведения, что грузинские солдаты вели себя по отношению местного населения скверно. Мне известно, что три тысячи грузинских солдат ушли от тысячи пятисот татар, оставив раненых, подобранных неприятелем и переданных англичанам. Войска не слушались генерала Мазниева. Все подробности приехавший офицер может рассказать министру иностранных дел. Что же касается газет и слухов, а также общественного мнения относительно политики британского командования в Закавказьи, то в письме, которое я имел честь вручить правительству Грузии, был определенно высказан взгляд на наши задачи в Закавказьи. Целью прихода было желание сохранить за страной покой и положение status quo ante мирной конференции. Что же касается местностей, занятых ранее турецкими войсками, то их заняли британские военные силы. Внешняя политика Англии достаточно ясно выражена по отношению к Грузии телеграммой из Лондона. Переходя к политике британского командования в Батуме, я должен довести до вашего сведения, что иной политики в настоящий момент Англия вести не может.

Председатель правительства. Правительство Грузии не сомневается в доброжелательном вашем отношении, но благодаря неосведомленности генерала происходят следующие вещи: вопрос идет о фактах, и если нас информировали неверно наши агенты, то ваши сведения

тоже неверны, — например, движение в Ардаганском уезде началось в Поцховском округе, и еще в то время, когда здесь еще был генерал Мильн, министр иностранных дел довел до его сведения, что там формируются дружины, которые из Ардагана собираются повести наступление на Ахалцых.

Генерал Уоккер. Как раз наоборот. У меня имеются сведения по этому поводу от полковника Рич и капитана Мани, которые, обследовав положение вещей, пришли к тому, что все произошло в Ахалцыхском уезде.

Председатель правительства. Я говорю, придерживаясь хронологии событий. Ваши офицеры прибыли сейчас, а беседа, упомянутая мною, велась еще в бытность генерала Мильн в Тифлисе. Министр иностранных дел сообщил ему об авантюре господина Атабекова, и генерал обещал даже выслать его оттуда.

Генерал Уоккер. Я согласен, что в данном случае нужно смотреть на вещи с точки зрения хронологии, и в этом отношении могу сообщить, что еще до приезда генерала Мильн мы знали, что грузины перешли в наступление именно у Ахалцыхского уезда, убили несколько человек и забрали пулеметы. Я не сомневаюсь в том, что когда две враждебные стороны стоят друг против друга, то на выступление способны в одинаковой степени как татары, так и грузины.

Председатель правительства. Нет, это не так. Еще до войны мы знали, что в Поцховском районе происходят сборы повстанцев. Генерал Макаев, командующий пограничным отрядом, просил разрешения перейти границу, взять Поцхо и этим предупредить раз навсегда могущие возникнуть там беспорядки в отношении Грузинской республики, но мы этого не разрешили и сообщили своевременно обо всем британскому командованию.

Генерал Уоккер. И все-таки, несмотря на это, один грузинский офицер перешел границу. Я упоминаю об этом факте, чтобы показать председателю правительства, что его информация неверна.

Председатель правительства. К сожалению, сведения генерала не соответствуют действительности. Я в письменной форме пришлю вам изложение всего происшедшего с неоспоримыми доказательствами того, что движение против Грузии было направлено и проведено через Ардаган.

Генерал Уоккер. Все сведения мои получены из английских источников. Что касается господина Атабекова, он совсем мне не нравится, и в бытность мою в Батуме я предупредил этого господина, что, в случае, если он позволит себе какое-либо выступление, то его попросту повесят. Насколько мне известно, в настоящее время он не позволяет бесчинствовать бекам и следит за их поведением, но я не хотел бы, чтобы правительство Грузии думало, что я его защищаю, но, наоборот, я должен сообщить, сказать вам, что зорко слежу за ним.

Председатель правительства. Я был вчера в Боржоме и знаю наверно, что Атабеков находится во главе сражающихся с нами банд.

Скажу даже более, он прислал к нам одного пленного грузинского офицера с ультиматумом следующего рода: так как в Тифлисе арестованы три турецких эмиссара, пропагандировавших за присоединение Ардаганского и Батумского округов к вновь образуемым мусульманским государствам, если мы их немедленно не выпустим, то всем нашим пленным будут перерезаны горла.

Генерал Уоккер. К сожалению, нам часто обещают документы в подтверждение тех или иных обстоятельств, но мы их не получаем.

Председатель правительства. Генерал может спросить о сообщенном мною факте того английского офицера, который прибыл к нам с этим же пленным, передавшим грузинскому командованию ультиматум господина Атабекова.

Генерал Уоккер. Я должен обратить внимание председателя правительства на то что, хотя и не собирался никогда вмешиваться во внутренние дела Грузии, но вынужден сообщить вам следующее: газета «Борьба» с некоторых пор на своих страницах помещает статьи по адресу союзников и Англии, в частности, которые я считаю абсолютно недопустимыми. Я должен предупредить грузинское правительство, что если оно не прикажет этой газете прекратить подобную кампанию и статьи подобного рода будут продолжаться печатанием, а правительство Грузии в этом случае не закроет «Борьбу», то я сам вынужден буду прекратить существование этой газеты, видя в статьях, помещаемых в ней, явное оскорбление держав Согласия.

Председатель правительства. Прежде всего, у нас нет предварительной цензуры, а, во-вторых, пресса Грузинской республики, являясь выразительницей общественного мнения, могла поместить ту или иную статью, отражающую состояние взволнованного мнения граждан. Вместе с тем я хочу сказать вам, что, перечитывая все газеты, ни в одной из них не встречал оскорбления по адресу союзников или обвинения в чем-либо Англии или английского командования. Единственно, что проходит красной нитью во всех статьях, — это желание узнать, чего хотят англичане, пришедшие к нам водворять якобы порядок, тогда как страну охватывают вместе с их приходом все большая и большая разруха и беспорядки. Так что, если тон прессы и изменится, то он изменится в связи с переменой событий в стране.

Генерал Уоккер. Надеюсь.

Председатель правительства. Но если правительство увидит, что в какой-либо газете печатаются статьи, направленные против союзников, то подобных выступлений в прессе мы сами не позволим; если же в этом отношении что-нибудь, по невозможности проследить, пропустим, то я прошу известить нас об этом, и правительство примет все меры для предупреждения повторений подобного рода статей.

Генерал Уоккер. Я лично не читал, но знаю, что в «Сакартвелос» появилась статья, которая показывает, что, собственно, желательно нам видеть в печати, — конечно, в отношении союзников. Теперь я перехожу к вопросу относительно полковника Шмагайлова и русских

офицеров, арестованных в связи с выступлением Деникина. Полковник Шмагайлов заболел вследствие дурного обращения с ним, но если он умрет, то я должен предупредить, что вся тяжесть ответственности перед союзниками падет на Грузию. Что же касается офицеров Добровольческой армии, то я не возражаю в принципе против самого факта ареста, являющегося правом воюющей стороны, но я должен протестовать против обращения с ними, так как правительство Грузии, посадив их в тюрьму вместе с уголовными преступниками, где они содержатся в невозможных условиях, лишает их неотъемлемого права каждого военнопленного на содержание в особых концентрационных лагерях.

Председатель правительства. Прежде всего я отвечу вам по вопросу о полковнике Шмагайлове. Мы получили просьбу задержать приведение в исполнение приговора, так как он заявил, что является агентом союзников, но до сих пор правительство Грузии не имеет подтверждения в этом.

Генерал Уоккер. Это так. Но его держат в невозможных условиях, и вследствие этого он заболел.

Председатель правительства. Да, он заболел, но факт заболевания и последствия не могут быть возложены ответственностью на правительство Грузии. Уход за ним очень хороший, его посещают и наши и английские врачи. Полковнику Шмагайлову дано все, что ему угодно, и нет ничего удивительного, что, находясь в тюрьме во время эпидемии, он мог заболеть сыпным тифом, так же как болеют люди, находящиеся на свободе. Я не вижу оснований для ответственности перед союзниками правительства Грузии за то, что полковник Шмагайлов, совершив преступление, был посажен судебными властями в тюрьму.

Генерал Уоккер. Хорошо.

Председатель правительства. Полковника Шмагайлова посетили английские офицеры и после этого прислали в министерство иностранных дел сообщение, что они вполне удовлетворены тем помещением и содержанием полковника Шмагайлова, которое они могли видеть в тюрьме № 2.

Генерал Уоккер. Да, это было в госпитале, но раньше?

Председатель правительства. И там его содержали хорошо.

Генерал Уоккер. Теперь я перехожу к вопросу об арестованных офицерах Добровольческой армии.

Председатель правительства. Мы этот вопрос разрешаем так: тех из офицеров, кто просто объявлен военнопленным, высылаем в Гори и Кутаис, а тех, которые будут изобличены в организации восстания в пределах Грузинской республики, мы задержим здесь до выяснения следствием их виновности и суда над ними.

Генерал Уоккер. Какое следствие и в чем вы их обвиняете?

Председатель правительства. В том, что одновременно с наступлением со стороны Сочи они хотели поднять восстание здесь.

Генерал Уоккер. Все-таки все они — военнопленные, и их не следует сажать в уголовную тюрьму.

Председатель правительства. Мы имеем военную гауптвахту, но помещения ее нехватает для арестованных. Ввиду этого мы посылаем их в Метехский замок, где они содержатся на режиме военнопленных, а не арестантов. По выяснении тех или иных обстоятельств их пересылают в Гори или Кутаис.

Генерал Уоккер. Не совсем правильное направление — ближе к деникинцам.

Председатель правительства. Ничего, их из города не выпустят. Больные же находятся в госпиталях на излечении.

Генерал Уоккер. Отчего правительство Грузии не разрешает британским офицерам посещать военнопленных?

Председатель правительства. Это происходит в связи с инцидентом в Сочи. Я указывал вам, что общественное мнение видело в наступлении деникинской армии согласие со стороны британского командования; если бы английские офицеры вслед за арестом деникинцев получили пропуск на свидание с ними, то общество еще более утвердилось бы в своем первоначальном предположении. Как только это уляжется, мы, конечно, сейчас же дадим пропуск.

Генерал Уоккер. Я не могу ждать перемены общественного мнения. Моя просьба обще-международна. Офицер грузинской армии может сопровождать английских офицеров при посещении военнопленных.

Председатель правительства. Мы ответственны перед обществом и не можем сейчас этого разрешить, так как оно поколебало бы веру народа в свое правительство, и, пока мы у власти, только мы распоряжаемся порядком в стране. Я ничего не имею в принципе против того международного требования, о котором вы упоминаете, но в тот момент, когда английское командование просило для своих офицеров пропуск, дать им таковой не представилось возможности в силу указанных мною ранее обстоятельств. Но тогда же английским офицерам было сообщено, что через два дня они смогут повидаться с военнопленными.

Министр ин. дел. После отказа в разрешении свидания с военнопленными ко мне зашел полковник Беллу и выразил сожаление по этому поводу; я сказал ему, что через два дня я этот вопрос улажу и выдам просимое свидетельство. Кроме того, я писал вам, что в Сочи штаб отряда Добровольческой армии хочет расстрелять несколько лиц — вполне добросовестных людей и популярных общественных деятелей, инкриминируя им сочувствие и доброжелательное отношение к республике Грузии. Я хотел бы слышать мнение генерала по затронутому мною вопросу.

Генерал Уоккер. Я уже телеграфировал штабу генерала Деникина с просьбой уважить ваше ходатайство об освобождении этих лиц и послал своего офицера для осмотра раненых и пленных. 24 января я прислал председателю правительства письмо с предложением контроля всей линии бывших Закавказских жел. дорог. Две недели спустя я получил предложение составить комиссию для выработки необходимых условий.

Генерал Броуд сообщает мне, что вся железнодорожная линия находится в самом плачевном состоянии. Если бы этот вопрос касался только Грузии, я удовольствовался бы только указанием на факт разрухи, но вопрос, затронутый мною, слишком сложный и касается всего Закавказья. Для скорейшей организации этого дела я предлагаю следующее: генерал Броуд представит свой доклад об общегосударственном железнодорожном тресте. В этом проекте интересы всех республик Закавказья и, в частности, Грузии будут ограждены. Если это предложение будет принято, то железнодорожное дело будет поставлено в нормальное положение под непосредственным руководством генерала Броуда. Это предложение — деловое, а не политическое. Железные дороги стоят в тесной связи с финансовым вопросом, и союзники не будут касаться финансовых дел Закавказья до улучшения положения железных дорог.

Председатель правительства. У меня был генерал Броуд, и мы беседовали с ним по поводу этого вопроса. Я согласился в принципе в вопросе объединения всех железнодорожных линий Закавказья. Нужно выработать только детали. Генерал Броуд любезно обещал мне представить свои соображения по поводу улучшения грузинских жел. дорог в частности. Я уже предложил министру путей сообщения составить соответствующий доклад, но, если генерал Броуд пришлет свой, мы будем очень благодарны. В вопросе улучшения железнодорожного хозяйства правительство Грузии само заинтересовано.

Генерал Уоккер. Я хотел предупредить вас, что проект генерала Броуда будет наиболее нейтральным и вследствие этого наиболее приемлемым как для Грузии, так и Армении и Азербайджана. Я очень жалею, что должен коснуться того вопроса, о котором здесь упоминается. Я хочу спросить правительство Грузии, какова ее политика по отношению к Англии и союзникам? На ранее заданный вопрос вами я вам отвечаю вопросом. За мое короткое отсутствие здесь все изменилось. Грузия стоит на перепутьи, и от политики ее вождей зависит все ее будущее. Вы знаете телеграмму из Лондона. Это единственная телеграмма к вновь образовавшимся молодым державам. Грузия идет по пути самостоятельности с такой мощной поддержкой, как Великобритания, и я не думаю, чтобы Грузия от нее отказалась. Я не дипломат, я просто солдат и предложу чистосердечно ответить мне на один вопрос: является ли Грузия искренней сторонницей Англии?

Председатель правительства. Я — председатель правительства и вновь повторяю вам, что вся моя деятельность, — как государственная, так и публицистическая, — была направлена в сторону Англии и Франции. Повторяю, что мои симпатии не изменились ни во время войны, ни теперь. Что касается министра иностранных дел, руководителя нашей иностранной политики, то его деятельность и взгляды как самого искреннего сторонника держав Согласия никогда никем не скрывались и всем хорошо известны. Так что в этом вопросе не может быть никакого сомнения. Единственно в связи с происходящими со-

бытиями народ мог сомневаться: правильна ли взятая нами линия поведения и доверия всецело высшему английскому командованию, и могла бояться неверного информирования его безответственными агентами [1]).

Министр ин. дел. В вашем отсутствии, генерал, я говорил с генералом Бич о том, что мы, Грузия, всецело идем по пути теснейшего единения с Англией. Я говорил, что мы ждем практических результатов этого единения, но последний вопрос с наступлением Добровольческой армии несколько поколебал нашу уверенность.

Генерал Уоккер. Разве это единение расценивается исключительно в той плоскости, насколько практически мы вам поможем?

Министр ин. дел. Нет, но у нас есть связующие интересы, например, я говорил с генералом Бич о вопросах финансовых, продовольственных, промышленных и железнодорожных. Я поставил прямо вопрос: на что мы можем рассчитывать со стороны Англии?

Генерал Уоккер. Мной уже обращено внимание на финансовое состояние вашей республики, но оно тесно связано с железнодорожным делом, ибо Англия не может финансировать страны без обеспечения в этом направлении. Что же касается притока частных капиталов союзников, то, при существующей у вас социализации, капиталы союзников сюда приходить не могут.

Председатель правительства. Социализации не подлежат промышленные и торговые предприятия. Этого у нас нет.

Генерал Уоккер. Мы не имеем твердой уверенности.

Председатель правительства. Надо иметь, иначе мы были бы большевиками, а не Грузией. У вас, англичан, есть колония Новая Зеландия, она вся национализирована, у нас национализации подверглись только крупные имения и леса. Грузия богата как недрами, так и поверхностью земли, но без капиталов союзников мы не сможем эксплоатировать эти сокровища. Мы не хотим, чтобы сюда направились капиталы других государств, что, конечно, может иметь место.

Генерал Уоккер. Возможно.

Председатель правительства. Я хотел бы знать, что думает генерал относительно Ардаганского уезда. Мы выгоним из Ахалцыхского уезда атабековские банды, но собирается ли генерал поставить английские пикеты от границы Грузии до линии, занимаемой после ухода турок англичанами?

Генерал Уоккер. Я послал в настоящий момент в Ахалцыхский уезд английские отряды и оттуда, наверное, разошлю пикеты в другие местности. Но может ли Грузия в своих границах сохранить порядок?

Председатель правительства. Конечно, порядок никогда не будет нарушен в пределах Грузии, если не будет авантюр со стороны Ардагана вроде последнего выступления Атабекова.

Разговор окончен в 2 часа 50 мин. дня.

---

[1]) Так в подлиннике. (*Прим. ред.*)

Беседа председателя правительства с генералом Бич.

16 мая 1919 года.

Присутствовали: председатель правительства *Н. Н. Жордания*, генерал *Бич*, полковник *Сандерс*, интерпретер подполковник *Меликов*, секретарь *Мачавариани*.

Начало в 12 час. дня.

Генерал Бич приветствует председателя правительства и говорит, что им получена телеграмма от генерала Брикза, в которой последний сообщает о согласии генерала Деникина прислать своих представителей для переговоров с правительством Грузии. Генерал Бич спрашивает: будут ли представители грузинского правительства полномочны?

Председатель правительства. Где должна произойти встреча?

Генерал Бич. В Гаграх, в среду, 21 мая.

Председатель правительства. Кто будет из англичан?

Генерал Бич. Генерал Брикз пишет, что получил полномочие от генерала Мильн: он сам приедет в Гагры. Генерал Брикз является первым по старшинству после генерала Мильн.

Председатель правительства. Но приедут ли представители Деникина?

Генерал Бич. В телеграмме генерала Брикза об их приезде ничего не сказано. Но чрезвычайно важен факт приезда самого генерала Брикз.

Председатель правительства. Конечно. Это очень хорошо. Ведь Деникин раньше не хотел говорить с нами. Так, значит, к 21-му мы пошлем наших представителей в Гагры?

Генерал Бич. Если отсюда выехать 19-го, то, пройдя путь от Батума до Гагр на миноносце, 21 числа все выехавшие будут там.

Председатель правительства. Выедет ли в Гагры кто-либо из представителей английского командования в Тифлисе?

Генерал Бич. Я и полковник Сандерс.

Председатель правительства. Очень приятно, что вы лично, генерал, едете на эти переговоры. Мы надеемся, что вы уладите весь этот вопрос. Вам хорошо известно, что мы не хотели войны.

Генерал Бич. Впервые эта мысль о совместном совещании возникла у меня, и об этом я говорил генералу Мильн.

Председатель правительства. Достигнуть соглашения входит и в интересы генерала Деникина: он сможет тогда перебросить войска с Черноморского фронта на большевистский.

Генерал Бич. Да, конечно.

Председатель правительства. Я хотел бы с вами поговорить относительно приходящих из Европы грузов. Нам известно, что много товаров сосредоточилось в Константинополе, тогда как нам не присылают ничего, а, между тем, мы могли бы установить правильный товарообмен. У грузинского правительства есть большие склады в Батуме. Был случай, когда пароход, шедший в Одессу с полным грузом, вы-

нужден был, вследствие занятия ее большевиками, повернуть и часть товаров выгрузить в Констанце. Гораздо целесообразнее было бы направить этот пароход в Поти.

Генерал Бич. Несколько дней тому назад по этому поводу я говорил с генералом Коре, который высказал ту мысль, что Англия, мобилизовав все пароходы для перевозки войска и воинских грузов, не имела возможности прийти до сих пор на помощь Грузии, но теперь, с демобилизацией, этот вопрос разрешится в удовлетворительном смысле. Я слышал, что и пароход «Кюве» привозит вам товар...

Председатель правительства. Нами было зафрахтовано в Лондоне давно уже два парохода с грузами медного купороса и до сих пор они не прибыли.

Генерал Бич. Я приму все меры для установления правильных товаро-пассажирских рейсов.

Председатель правительства. Я боюсь, что именно пароходы с купоросом задержаны, а между тем приходит пора лечения винограда.

Генерал Бич. От кого вы имеете сведения о выходе в море пароходов с грузом купороса?

Председатель правительства. От Гамбашидзе.

Генерал Бич. Я прошу узнать точно название пароходов, также порт, откуда они вышли в море, и я по беспроволочному телеграфу наведу справки по интересующему вас вопросу. Вчера вечером сюда из Лондона приехал г. Твид, живший раньше на Кавказе в продолжение 13 лет, проездом через Париж, и видел Гамбашидзе и имеет для вас письма от него.

Теперь позвольте мне поговорить по частному делу; я буду говорить совершенно по-дружески и не хочу, чтобы вы хоть на минуту подумали, что я вмешиваюсь в ваши внутренние дела.

На-днях у меня был г. Ананов и жаловался на свое тяжелое положение.

Председатель правительства. Этот господин ранее вас обращался к немцам, обращался ко всем и, наконец, дошел до вас. Его дело такое же, как дело всех бывших землевладельцев. (Описывает положение дела в связи с аграрной реформой.) Если удовлетворить его ходатайство, то и все остальные обратятся с подобными просьбами. Тогда вся наша государственная система пойдет вверх дном.

Генерал Бич. Но ему за весь отбираемый инвентарь и вина заплатят?

Председатель правительства. Конечно. Но не по спекулятивной, а справедливой расценке.

Генерал Бич. А в дальнейшем ему разрешат продолжать свое дело?

Председатель правительства. Да, он получит законную часть земли, инвентарь и вина и может продолжать свою работу. Для расплаты с ним назначена особая комиссия. Но он все время недоволен. Из-за этого дела нам пришлось вести целую дипломатическую переписку с германцами. Ананов упорно не хочет понять, что это уже раз навсегда конченное и решенное дело.

Генерал Бич. Скажите мне, как друг, как человек, — дело Ананова пропадет? Ведь он выделывает прекрасные вина.

Председатель правительства. О, нет, его дело продолжается и в будущем далеко улучшится.

Генерал Бич. В чьих руках останутся винные погреба Ананова?

Председатель правительства. Частью у Ананова, но большая часть переходит государству. К сожалению, г. Ананов не хочет этому подчиниться, а между тем таких, как он, в Грузии много, но никто из них не беспокоит правительство.

Генерал Бич. На долю Ананова придутся и машины, так как они имеются на причитающейся земельной норме?

Председатель правительства. Точно не знаю, но если генерал интересуется этим вопросом, я прикажу представить точные сведения.

Генерал Бич. Не беспокойтесь, я просто хотел знать, что ответить этому господину, так как он обращался ко мне с просьбой. Теперь позвольте мне окончательно узнать, что я могу сообщить генералу Бриксу.

Председатель правительства. Что наши представители будут к назначенному сроку в Гаграх.

Генерал Бич. Как их фамилии? Я хочу знать для себя.

Председатель правительства. Я еще не знаю, мы должны обсудить кандидатуры.

Генерал Бич. Как личный друг генерала Гедеванова, я просил бы делегировать и его.

Председатель правительства. Прекрасно.

Взаимные приветствия.

Беседа окончена в 12 час. 40 мин. дня.

Беседа председателя правительства Н. Н. Жордания с британским генералом Бич.

24 мая 1919 года.

Началась в 11 час. 10 мин. утра, кончилась в 1 час 20 мин. дня.

Присутствовали: председатель правительства *Н. Н. Жордания*, генерал *Бич*, полковник *Сандерс*, интерпретер *Меликов*, секретарь *Мачавариани*.

Генерал Бич. Я не обеспокоил вас ранним посещением?

Председатель правительства. Я рад видеть вас, вы так редко бываете.

Генерал Бич. Масса дел не дает мне этой приятной возможности. Вам, г. председатель, наверное, известен результат вчерашних обоюд-

ных разговоров. Генерал Гедеванов вчера, в 8 часов вечера, вернувшись, сообщил об окончательном решении правительства сохранить нейтральную зону. Генерал Гедеванов добавил, что он мог бы поехать в Екатеринодар для переговоров лишь по получении от генерала Деникина телеграммы с принципиально выраженным желанием вести мирные переговоры. Насколько я понял, грузинское правительство согласно оттянуть свои войска за р. Бзыбь, при условии неперехода частями Добровольческой армии реки Мехадырь.

Председатель правительства. Да. И при условии, что создавшаяся нейтральная зона будет занята британскими или итальянскими войсками. Если же союзные силы покинут Закавказье, то тогда этот вопрос будет разрешен путем соглашения с Деникиным.

Генерал Бич. Да, но генерал Мильн больше не сможет объезжать Закавказье и проверять расположение войск, а в этом районе надо будет держать не менее 1.000 человек.

Председатель правительства. Это—единственная наша гарантия, иначе во имя чего мы приносим эту жертву?

Генерал Бич. Если генералом Деникиным будет дано принципиальное согласие, вы делегируете генерала Гедеванова на переговоры в Екатеринодар?

Председатель правительства. Да.

Генерал Бич. Генерал Брикз полагает, что генерал Деникин не согласится вести переговоры до того, пока грузинское правительство не отведет свои войска за р. Бзыбь; в этом случае генерал Брикз обещает свое всемерное содействие перед генералом Деникиным. Генерал Брикз послал генералу Мильн телеграмму, в которой запрашивает главнокомандующего, согласен ли он взять под свое управление образовавшуюся нейтральную зону, при условии, что в Гаграх будет находиться добровольческий офицер, а в Сухуме — добровольческий и английский офицеры.

Председатель правительства. Если генерал Брикз будет вмешиваться в такие бесспорные дела, как управление Сухумским округом, то правительство Грузии сочтет это за полную солидарность его с генералом Деникиным и заинтересованность в политике Добровольческой армии.

Генерал Бич. Сухумский округ — это второстепенный вопрос.

Председатель правительства. Я прошу передать, что еще вчера слышал о взглядах генерала Брикза, и могу заключить, что он сторонник генерала Деникина в вопросах о Грузии. Я приму все меры, чтобы узнать, являются ли взгляды генерала взглядом английского командования или же это его собственное мировоззрение. Мне приходится впервые слышать подобные речи от английских генералов.

Генерал Бич. Нет, это его частное мнение. Если я поеду в Екатеринодар, там меня примут за сторонника Грузии. Мы хотим иметь британского офицера в Сухуме. Вы не очень протестуете против этого?

Председатель правительства. Мы очень протестуем, если это будет вытекать как следствие наших переговоров с генералом Деникиным. Но мы ничего не имеем против, если это будет рассматриваться, как частное соглашение между английским военным командованием и грузинским правительством.

Генерал Бич. Генерал Брикз заверяет, что если грузинские войска уйдут за Бзыбь, то со стороны генерала Деникина никаких агрессивных действий предпринято не будет.

Председатель правительства. Нет. Этого мы не можем принять, так как научены горьким опытом. Генерал Брикз не знает их хорошо, но вы, генерал, наверное, помните первое наступление Добровольческой армии, когда Деникину неоднократно посылались английским командованием телеграммы с предложением немедленно прекратить наступление.

Генерал Бич. Во время первого наступления британские телеграммы не были получены генералом Деникиным.

Председатель правительства. Но тут была масса добровольческих агентов, и генерал Деникин не мог не знать о подобном вмешательстве англичан. Попросту, они не признают нас и не считаются с нашими границами.

Генерал Бич. Но теперь вы можете быть спокойны.

Председатель правительства. Нет. Спокойны быть мы не можем.

Генерал Бич. Генерал Брикз был впервые назначен в Екатеринодар на смену генералу Пуллю в момент первого наступления добровольцев в Сочинском округе. Расставаясь с Брикзом, генерал Мильн передал генералу, что в этой полосе должно быть сохранено февральское status quo, а военные действия немедленно прекращены. Когда генерал Брикз приехал в Екатеринодар, он узнал, что ни одна из телеграмм генерала Мильн там получена не была. В беседе с генералом Деникиным Брикз изложил точку зрения английского командования на положение вещей и в ответ услышал от генерала Деникина, что последний вообще не знает, для чего англичане пришли на Кавказ. Более того, Деникин сказал, что даже не знает фамилий английских генералов, и довел до его сведения, что грузины занимают линию реки Мехадырь по наущению германцев. Далее Деникин сообщил Брикзу, что грузины прислали мирную делегацию в Екатеринодар, но высшее командование Добровольческой армии ответило, что, пока грузинские войска находятся в районе Черноморской губернии, никакие мирные переговоры не могут иметь места. Вслед за этим к генералу Деникину начали поступать на грузин жалобы со стороны русских и абхазцев, а армяне постоянно взывали к добровольцам о помощи. Войска Деникина видели, как грузины расстреливали армян из пулеметов у реки Лоо. Получив все эти сведения, Деникин повел наступление до р. Бзыби и просил генерала Брикз в этом районе установить нейтральную зону. Во время прихода британских войск в Закавказье Деникин не имел никакой связи с англичанами и даже не знал фамилий генералов

Мильн и Форрестер-Уоккер. Но теперь все это можно уладить. Наступление грузин через Бзыбь — это больное место добровольцев, и поэтому они не хотят начать переговоры ранее отхода грузин на прежнюю линию. Кроме того, генерал Бриз вчера получил телеграмму от генерала Деникина, в которой сообщается, что 19 числа грузины, в количестве 100 человек, повели наступление, очевидно, с целью разведки. Наступление было отбито, но генерал Деникин с этого момента считает себя свободным в своих действиях.

Председатель правительства. Разве можно верить сообщениям Деникина? Он не побрезгует ничем, чтобы оправдать свое наступление.

Генерал Бич. Нет, Деникин только развивает свою точку зрения. И я могу вас уверить, что пока грузинские войска будут стоять у Мехадыри, такое напряженное состояние будет продолжаться у деникинцев.

Председатель правительства. То же состояние будет у нас, если мы уйдем за Бзыбь. Мы не верим ни на слово Деникину. И эта телеграмма о наступлении 100 человек (наверное, там было 2—3 разведчика), и то, что он не знал фамилий английских генералов, — все это ложь. Ведь к моменту вашего прихода в Закавказье здесь были официальные представители Добровольческой армии, например, генерал Шатилов и др. Ведь весь спор идет о небольшом пространстве земли между реками Мехадырь и Бзыбь. Это исконное наше достояние, и только бывший наместник Воронцов-Дашков несколько изменил границу Сухумского округа, оттянув ее к реке Бзыбь. Ту же границу, определенную нами, требует для себя Абхазский национальный совет.

Генерал Бич. Мы будем говорить о настоящем положении вещей. Когда британские войска пришли в Закавказье, ваша граница была на р. Бзыбь, и я вас прошу оставаться там.

Председатель правительства. Ввиду того, что спор идет из-за клочка земли, то справедливее будет его нейтрализовать. Я соглашаюсь на это не только для Грузии, но и во имя интересов человечности и справедливости.

Генерал Бич. Я могу вам привести пример того, что Деникин действительно мог не получить телеграмму. Я говорю про случай, когда генерал Гедеванов послал через английскую миссию в Екатеринодар сообщение о наступлении. Телеграмма не была получена.

Председатель правительства. Да. Но ведь когда-нибудь она должна была дойти! Я тоже могу привести другой пример. Англичане послали Деникину телеграмму о прекращении наступления, прошло две недели, срок — достаточный для того, чтобы получить депешу, а все же спустя 14 дней Деникин продолжал наступление.

Генерал Бич. Я не понимаю, как это произошло.

Председатель правительства. Зато я очень хорошо понимаю.

Генерал Бич. В тот раз вам неправильно сделали заверения — тогда у англичан еще не было связи с добровольцами, теперь она существует. Генерал Бриз очень любит Деникина, а Деникин Бриза.

Председатель правительства. Мы идем на все во имя гуманности. Нейтрализируем бесспорную для нас зону, но если Деникин не согласится на наши условия, то, значит, он попросту желает войны, и об этом мы доведем до сведения правительств Европы и Америки.

Генерал Бич. Я продолжу вчерашний разговор. Генерал Гедеванов сказал, что правительство Грузии с удовольствием вступит в переговоры с добровольческим командованием, если последние не перейдут Мехадыри. На это генерал Брикз возразил, что он очень жалеет об отсутствии у грузинского правительства широкого взгляда на положение вещей и из-за мелочи нарушает [1]) добрососедские отношения. Генерал Брикз изъявил свою полную готовность в содействии к достижению соглашения, но генерал Деникин не хочет произнести ни единого слова до отвода грузинских войск за р. Бзыбь. На вопрос генерала Гедеванова: что же может в таком случае сделать генерал Деникин, Брикз ответил, что Деникин не остановится перед самой широкой военной операцией против Грузии. На это генерал Гедеванов возразил, что подобный шаг Деникина ничем не может быть оправдан, так как грузинское правительство не предпринимает никаких агрессивных мер против Добровольческой армии, но в этот момент генерал Брикз прочел ту самую телеграмму Деникина, о которой я уже говорил. Деникин не ожидал наступления грузинских войск и отвел свои из Гагр, но в это время грузины неожиданно перешли Бзыбь, результатом чего явился захват в плен большого числа офицеров из отряда Добровольческой армии. О положении этих офицеров в плену, об их плачевном состоянии как в продовольственном, так и санитарном отношении генерал Брикз хотел поговорить впоследствии, но генерал Гедеванов обещал послать на фронт санитарную комиссию, которая обследует положение вещей, а наиболее больных офицеров переведут в Тифлис, где и поместят в общежитии. В заключение генерал Брикз выразил сожаление, что потерял бесплодно драгоценное время, думая достигнуть соглашения; он полагал, что в результате переговоров Деникин мог бы послать войска, стоящие теперь на Черноморском побережьи, в места, где наиболее нужна сейчас военная сила. Генерал Брикз выразил самое серьезное опасение, что Деникин поведет большое наступление против Грузии, и эту мысль подтвердили полковник Звягинцев и другие. Я лично также уверен в этом, а разговор с генералом Коре окончательно убедил меня. Не для угрозы, но как истинный друг Грузии я хочу предупредить ваше превосходительство, что у добровольцев имеются танки, крейсер и аэропланы, и я лично глубоко верю, что всякое вооруженное столкновение только ухудшит положение Грузии. Неделю тому назад я был убежден, что наступление с моря невозможно, и высказался в этом направлении в своей беседе с председателем правительства, но теперь все изменилось, и боюсь, что наступление может быть и с моря. Внешне соглашение будто достиг-

[1]) Так в подлиннике. *(Прим. ред.)*

нуто. Грузинские войска отходят, имущество русское обеспечивается, и поэтому надо верить генералу Брикз, который уладит все шероховатости и недоразумения. Я не хотел бы выражаться грубо, но скажу, — и мой взгляд разделяет генерал Мильн, — что Деникин упрям и настоит на своем. В свое оправдание он приводит тот аргумент, что не является царем и не может решить собственной властью вопрос о границах; он выполняет только свое дело. Я думаю, что, поведя наступление, он вряд ли ограничится пространством до р. Бзыби, пойдет дальше в Абхазию, что значительно ухудшит дело.

Генерал Брикз и Деникин имели превратное понятие о развитии в Грузии большевизма и даже меня готовы были счесть за большевика, но теперь, благодаря правильной информации английским командованием в Тифлисе, они совершенно изменили свой взгляд. Вчера мне говорил полковник Звягинцев, что он знает, насколько я — большой друг Грузии, но он также знает, как враждебно Грузия настроена по отношению к Добровольческой армии. Между тем, соглашение с Деникиным сильно подняло бы Грузию в глазах цивилизованного мира, борющегося с большевизмом. В Европе сказали бы, что маленькая Грузия, так много потерявшая и пострадавшая, в сочинском вопросе настолько проявила способность к мудрой государственности, что во имя борьбы с большевизмом принесла жертву, войдя в соглашение с Добровольческой армией, и этим дала возможность Деникину перебросить крупные силы с Черного моря на большевистский фронт. Даже с точки зрения экономической (хотя я не специалист) полагаю, что это соглашение сыграет большую роль в открытии границы, в деле снабжения страны хлебом, товарообмена и пр. Я извиняюсь, что отнял у вас так много драгоценного времени, но я сообщил вам свой взгляд, выслушав ваш, и позволю себе сказать, как друг Грузии, что мир принесет вам только пользу и сохранит много дорогих для родины жизней.

Председатель правительства. Благодарю. Я всегда видел в вас искреннего друга Грузии. Но я позволю себе возразить. Почему, скажите, если существует справедливость, мы должны отступать? Не мы наступали, и не мы должны отступать. Деникин опирается на силу, и эта сила есть результат снабжения его боевым материалом со стороны Англии. Если генерал Деникин позволит себе при наступлении на Грузию воспользоваться британскими танками, аэропланами и крейсером, то правительство Грузии сочтет это за выступление англичан против нас заодно с генералом Деникиным и немедленно оповестит об этом правительство Великобритании. Нам хорошо известно, какая большая пропаганда ведется во Франции и Англии против помощи союзников Деникину, и когда о подобном факте выступления против нас мы оповестим Европу, то вы можете себе представить, как это увеличит уже существующее у вас движение.

Наступление Деникина коснется не только нас, оно больно ударит все народы Закавказья, и я уверяю вас, что в предстоящей борьбе мы будем далеко не одни.

Генерал Бич. Знает ли председатель правительства условия перемирия, предложенные генералом Деникиным? Он опубликовал их 25 апреля в своем меморандуме.

Председатель правительства. Знаю, но мы не придаем им серьезного значения.

Генерал Бич. Другие нации на этот вопрос имеют иной взгляд.

Председатель правительства. Так думают те, кто не знает добровольческого командования. Их дела и программа совершенно различны, — где добровольцы, там царит самая свирепая реакция. Сейчас я высказал свое личное мнение; о нашем разговоре я доведу до сведения совета министров и думаю, что они также разделят мой взгляд.

Генерал Бич. Я заверяю вас, что в случае отвода грузинских войск за Бзыбь генерал Деникин не предпримет наступления.

Председатель правительства. Государственные интересы не могут базироваться ни на словесных заверениях, ни на личных интересах; раз мы согласны отвести свои войска за Бзыбь, пусть и генерал Деникин не переходит Мехадыри, предоставив занять нейтральную зону английским и итальянским войскам.

Генерал Бич. Надо верить словам генерала Брикз.

Председатель правительства. Но если уйдет из Екатеринодара генерал Брикз, будут ли его заверения обязательны для его заместителя или генерала Деникина? Какие в этом гарантии?

Генерал Бич. Надо верить.

Председатель правительства. Если бы это было английское правительство или английские войска, то мы могли бы верить.

Генерал Бич. Так что вы полагаете, что грузинские войска отойти не могут?

Председатель правительства. Конечно. Как только мы очистим известную полосу, добровольцы немедленно ее займут, и так они будут все время следовать за нашими отходящими частями.

Генерал Бич. Но в Гаграх будут стоять английские пикеты.

Председатель правительства. Что же из этого? Они обойдут их и пойдут вслед за нашими войсками.

Генерал Бич. Я думаю, что генерал Деникин не согласится на ваши условия и начнет наступление.

Председатель правительства. Пожалуй. Но я прошу вас принять все меры, чтобы это наступление велось без помощи танков, аэропланов и крейсеров, — в противном случае мы будем рассматривать его как наступление с помощью англичан. Я должен буду также просить английское командование о возврате нам тех истребителей, которые были ему уступлены грузинским правительством.

Продолжительное молчание.

Генерал Бич. Я думаю, что все кончится миром, так как от вас лично многое зависит.

Председатель правительства. Да. Но я не могу ставить на карту судьбу Грузии. Мы не можем отойти от Мехадыри и стать в выжидательном положении у Бзыби.

Генерал Бич. Я думаю, что генерал Брикз сумеет сохранить вашу неприкосновенность.

Председатель правительства. Пусть в таком случае он убедит генерала Деникина подписать договор о неприкосновенности Грузинской республики, а решение вопроса о пространстве Мехадырь — Бзыбь предоставит мирной конференции. Но Деникин этого не подпишет, так как не признает нашей самостоятельности и считает Грузию российской провинцией.

Генерал Бич. Нет, он признает автономию.

Председатель правительства. Мы совершенно не нуждаемся в признании или непризнании генералом Деникиным автономии Грузии. Грузия самостоятельна, и ни о какой автономии говорить не приходится.

Генерал Бич. Но Россия когда-нибудь возродится.

Председатель правительства. Тогда мы и будем говорить с Россией.

Генерал Бич. Вы, конечно, знакомы с декларацией Деникина и по ней можете судить о взглядах, программе и намерениях вождя Добровольческой армии.

Председатель правительства. Мы не можем считаться с декларацией генерала Деникина; если бы это был парламентский или правительственный акт, то, конечно, мы придали бы ему серьезное значение, а декларация Деникина есть не что иное, как меморандум военноначальника.

Генерал Бич. Но там есть подпись его и 12 лиц.

Председатель правительства. О, мы их хорошо знаем, это все старые слуги царизма, и никто не верит всем их выступлениям и программам. Обнародована эта декларация с единственной целью показать Англии, что Добровольческая армия проникнута демократическими принципами.

Генерал Бич. Нельзя же отрицать, что в России, так же как и в Европе, после войны значительно усилилось демократическое движение.

Председатель правительства. В России два крайних течения, которые действуют одним и тем же средством. Их цель — силой насадить тот или иной строй, и в достижении этой цели они падают в пропасть: один вправо, другой влево. Даже если Деникин возьмет Москву, это вопроса не решает, ибо благодаря его свирепой реакции неминуемо вспыхнет новая революция, и эта борьба займет еще 15—20 лет. Грузия не имеет ни малейшей охоты ввязываться в эту борьбу.

Генерал Бич. Деникину не до маленькой Грузии. Но так как все возмущены последним наступлением Грузии, то Деникину приходится с этим считаться.

Председатель правительства. В таком случае следовало бы возмущаться не нами, а Деникиным, так как наступление начал он. Ввиду того, что мирная конференция придает большое значение тому, кто из двух воюющих сторон начал военные действия, то несомненно, что генералу Деникину придется сесть на скамью подсудимых.

Молчание.

Генерал Бич. Генерал Деникин не считает Сочинский округ частью территории Грузии, и он объясняет свое наступление желанием ликвидировать беспорядки в этом участке.

Председатель правительства. Вам известно, генерал, что мы не хотели занимать Сочинский округ и ввели туда свои войска, согласно неоднократных просьб местного населения, для подавления царившей там анархии. Но ведь теперь-то мы заняли свою бесспорную территорию.

Генерал Бич. Безусловно тут были ошибки с обеих сторон.

Председатель правительства. Вот мы и исправляем эту ошибку. Пусть ваши войска стоят в Гаграх, там прелестный климат, великолепные гостиницы, где можно комфортабельно разместить офицеров и солдат.

Генерал Бич. Еще раз благодарю за время, уделенное вами. Я думаю, что все можно будет уладить миром в связи с моим предложением. Вы разрешите мне послать телеграмму генералу Брикз с извещением, что Грузия отводит войска за р. Бзыбь?

Председатель правительства. Да. Но при условии, что части Добровольческой армии не перейдут р. Мехадырь.

В виде гарантии этого необходимо условие — английские войска занимают образованную нейтральную зону между реками Мехадырь — Бзыбь.

Взаимные приветствия.

Беседа закончена в 1 час 20 мин. дня.

Беседа председателя правительства с генералом Бич.

27 мая 1919 года.

Присутствовали: председатель правительства *Н. Н. Жордания*, генерал *Бич*, полковник *Сандерс*, интерпретер *Меликов*, секретарь *Мачавариани*.

Генерал Бич. Так как генерал Брикз, вероятно, послал телеграмму командованию в Константинополь, то я решил, в свою очередь, информировать генерала Мильн в нижеследующем: в четверг была конференция в 4 часа, причем стороны не пришли к соглашению. Что предпринять в дальнейшем? Генерал Брикз гарантировал грузинскому правительству, что, в случае отвода грузинских войск за Бзыбь, добровольцы не поведут в дальнейшем наступления.

Грузинское правительство выставило следующие положения: грузинские войска отходят за Бзыбь, добровольческие части не переходят р. Мехадырь, образовавшуюся нейтральную зону занимают итальянцы или англичане, об администрации в этой зоне будут в дальнейшем вестись переговоры. Далее я телеграфировал, что 24 числа (мая) в течение 2 часов беседовал с председателем правительства, но достичь соглашения не мог; причиной затруднения, по моему убеждению, является отсутствие гарантий в дальнейшем непродвижении противника, что ставит грузинское правительство в прежнее напряженное состояние. Далее я сообщил, что если добровольцы будут на р. Мехадырь, а грузины на р. Бзыбь, то вопрос об администрации, по моему мнению, может легко разрешиться, и просил генерала Мильн дать ответ по вопросу организации администрации.

Председатель правительства. Чье это было мнение и получили ли вы ответ?

Генерал Бич. Мнение это мое, а ответа я еще не получал. Скажите, это вас устраивает?

Председатель правительства. Да, конечно, мы должны прийти к соглашению с добровольцами.

Генерал Бич. Конечно. Я сделал все, что мог.

Председатель правительства. Большое спасибо.

Генерал Бич. Я хочу сделать все хорошее для Грузии.

Председатель правительства. Если бы все британские генералы так себя держали по отношению к нам, мы, грузины, давно устроили бы все свои дела.

Смех.

Ведь генералу Деникину будет несравненно лучше, если тыл у него будет обеспечен.

Генерал Бич. Я очень рад, что пароход «Веренция» прибыл.

Председатель правительства. Да. А что вам известно относительно парохода «Мадрид»?

Генерал Бич. Он тоже приходит. Я хотел вам сообщить, что в газете «Таймс» от 19 марта отпечатана статья относительно администрации Грузии. Я заявляю категорически, что статья эта ни в коем случае не исходит от английского командования здесь. Если бы это зависело от меня, то я, конечно, запретил бы это печатать, но, к сожалению, газета издается в Лондоне. Я прошу этого не опубликовывать, так как не имею на это опровержение официальных полномочий и говорю об этом по дружбе.

Председатель правительства. В «Таймсе» часто печатаются статьи, направленные против нас, и так как это серьезный орган, то мы думаем, что и информация его вполне солидна. Мы полагаем, что сведения идут отсюда или из Константинополя.

Генерал Бич. Нет.

Председатель правительства. В таком случае, из Константинополя.

Генерал Бич. Здесь есть корреспондент «Таймс», — мой друг...[1] и я могу вас заверить, что к этим статьям он непричастен. Скажите, г. президент, за что закрыли газету «Грузия»?

Председатель правительства. За статьи против американцев.

Генерал Бич. Все думают и говорят, что ее закрыли по моему настоянию.

Председатель правительства. Вы тут не при чем. Газета эта вышла опять под другим названием.

Генерал Бич. Такое закрытие не достигает цели. (Со смехом.) Лучше забрать весь шрифт, а редактора засадить. Я прошу вас, г. президент, дать мне короткий исторический обзор Грузии с начала войны.

Председатель правительства. У нас печатается в Париже политический обзор Закавказья, и Грузии в частности, с 25 мая.

Генерал Бич. Меня интересует этот обзор исключительно в отношении Грузии.

Председатель правительства. Я вам пришлю его с удовольствием. Что — генерал Брикз прибыл в Екатеринодар?

Генерал Бич. Не знаю, он во-время прибыл во Владикавказ и, наверное, в тот же день проехал в Екатеринодар.

Взаимные приветствия.

11 час. 15 мин.

Беседа председателя правительства Н. Н. Жордания с британским генералом Корэ [2].

Начало в 2 1/2 часа дня, конец 3 часа 20 мин. дня.

Присутствовали: председатель правительства *Жордания*, министр ин. дел *Е. П. Гегечкори*, генерал *Корэ*, полковник *Беллу*, офицер при генерале Корэ, интерпретер *Меликов*, секретарь *Мачавариани*.

Председатель правительства. Я узнал, что генерал приехал заменить генерала Томсона. Это временное замещение? Я не видел генерала Томсона.

Генерал Корэ. Генерал Томсон спешно уехал утром и, к сожалению, не успел проститься. Я принял командование британскими силами в Закавказьи и считаю своим долгом приветствовать председателя правительства.

Председатель правительства. Очень приятно. Я думаю, что мы сообща будем дружно работать.

Генерал Корэ. Я рад это слышать и верю этому.

Председатель правительства. Последние 2—3 недели у нас были недоразумения с английским командованием на Кавказе, но я думаю, что теперь это уладится.

---

[1]) Пропуск в подлиннике. (*Прим. ред.*)

[2]) Подлинник даты не имеет. Фамилия англ. ген. Corv передается в настоящих документах их составителями различно: Коре, Корэ и Кори. Мы оставляем везде транскрипцию подлинника. (*Прим. ред.*)

Генерал Корэ. Вчера я имел удовольствие видеть трех ваших министров, и они меня тоже заверили в этом.

Председатель правительства. Здесь был на-днях генерал Мильн, и он не принял наших представителей. Мы не привыкли к такому обращению.

Генерал Корэ. Я ничего не слышал об этом. Это, должно быть, печальное недоразумение, так как генерал Мильн был в Тифлисе в самый разгар этого недоразумения.

Председатель правительства. К сожалению, это так. Я лично 25 лет и многие из теперешних членов правительства пропагандировали в пользу англичан, но теперь я должен сказать, что подобное обхождение со стороны британских властей расхолаживает нашу работу.

Генерал Корэ. Я давно слышал, что председатель правительства — большой сторонник Англии. Генерал Мильн, без сомнения, в следующий приезд посетит господина президента. Насколько мне известно, глава правительства бывал в Англии, говорит по-английски, и будет очень приятно, если президент опять посетит нас.

Председатель правительства. Благодарю вас. Скажите, чем объяснить приход итальянцев в Грузию?

Генерал Корэ. Согласно письма генерала Томсона, они приходят заменить здесь наши войска.

Председатель правительства. Надолго?

Генерал Корэ. Насколько мне известно, все будет передано итальянцам, а дальнейшая линия поведения мне неизвестна.

Председатель правительства. Но все же, сколько времени это продолжится? До решения конференции?

Генерал Корэ. Я думаю, что это один из предрешенных вопросов Парижской конференции.

Председатель правительства. Итальянцы будут самостоятельны в своих действиях, или же будут действовать согласно английских директив?

Генерал Корэ. Они будут действовать так же, как и англичане, от имени Антанты.

Председатель правительства. Такая частая перемена войск, без нашего ведома и согласия, очень неприятна. Мы уже познакомились с англичанами, они заверили нас в своих симпатиях и здесь и по сообщениям из Лондона, и вдруг теперь приходят итальянцы, — мы не знаем их намерений.

Генерал Корэ. Вы можете через своих представителей в Париже узнать от находящейся там итальянской делегации более точные сведения. Они, конечно, лучше меня осведомлены в этом вопросе.

Председатель правительства. Как вам нравится наша страна?

Генерал Корэ. О, она прелестна!

Министр ин. дел Е. П. Гегечкори. К нам не пропускают ни одного парохода с грузом из-за границы, тогда как в Константинополе скопилось громадное количество всевозможных товаров. Нельзя ли снять

блокаду с нашего побережья и прислать нам что-нибудь? Это, так сказать, ознаменовало бы ваш приезд и сыграло бы громадную роль в наших отношениях. По имеющимся у меня достоверным сведениям, один из пароходов, направляющихся в Одессу, не попал туда вследствие занятия ее большевиками. Половина груза этого парохода снята в Констанце. Нельзя ли вторую половину направить к нам, в Грузию?

Генерал Корэ. Я узнаю все подробно и обещаю свою помощь в этом направлении. Я прекрасно сознаю всю важность торговых сношений.

Министр ин. дел Гегечкори. Вчера вы просили нас, генерал, говорить чистосердечно обо всем, и вот я скажу, что за 7 месяцев пребывания в нашем крае британских сил мы не получили из Англии ни одной вещи, ни одного зерна. Это создает неприятную картину, между нами могли быть недоразумения, но это были лишь случайные явления. Мы прекрасно понимаем, как важна для нас связь с Англией, и знаем, что контакт именно с Англией для нас важнее связи с каким-либо иным государством.

Генерал Корэ. Я пошлю в Константинополь телеграмму и узнаю от главного командования обо всем. Через 2—3 дня я пришлю к вам для переговоров своего офицера. Мне известно, что несколько пароходов с грузом для Кавказа находятся в море, и сделаю для вас все, что могу.

Председатель правительства. Я думаю, вы удовлетворены объяснениями наших министров по поводу событий в Сочинском округе?

Генерал Корэ. Да, я говорил с ними по этому поводу. Что касается доктора Маговели, то сожаление правительства по этому поводу, как мне говорили, будет напечатано в местной прессе.

Председатель правительства. Да, это будет сделано. Мы получили сведения, что Деникин делает обход в сторону Сухума. Мы не желаем войны с ним, но раз он поступает так, то правительство Грузии снимает с себя всякую ответственность. Вопрос касается уже совершенно бесспорной части территории Грузии.

Генерал Корэ. Думаю, что это неверные сведения.

Председатель правительства. Нет, это точные данные нашей контрразведки в Гаграх и штаба народной гвардии. Поэтому я вас прошу, если у англичан есть связь с Деникиным, сообщить ему об этом.

Генерал Корэ. Благодарю вас за эти сведения.

Председатель правительства. Каков ваш взгляд на положение вещей в Ардагане?

Генерал Корэ. Насколько мне известно, правительство Грузии не хочет эвакуировать этого округа, но точных сведений от моих офицеров в этом районе я еще не имею.

Председатель правительства. Дело в том, что занятие Ардаганского округа стоит нам много крови, забот и денег. Кроме того, не дальше как сейчас у меня была делегация от греческого населения этого округа и просила не очищать его, так как греки боятся кровавой расправы со стороны татар за сочувствие грузинам.

Генерал Корэ. Как понять ваши слова? Значит ли это, что вы не хотите покинуть Ардаганского округа?

Председатель правительства. Нет, вопрос касается самого Ардагана и части округа по сию сторону Куры. Очищение территории названного округа мы ставим в зависимость от прихода туда на смену нам британских войск.

Генерал Корэ. Это для меня ново. Насколько меня информировал мой штаб, грузинские войска уже отходят.

Председатель правительства. Конечно, войска демобилизуются, но в некоторых частях мы удерживаем небольшие гарнизоны, впредь до замены их английскими частями. Это предпринято правительством как предупредительная мера для предотвращения возможности грабежей.

Генерал Корэ. Если войска будут отходить спокойно, то и грабежей не будет.

Председатель правительства. Мы не можем обнажать границы, в особенности такой беспокойной. Интересы государства властно диктуют именно в этой части республики держать вооруженные силы, иначе там опять начнется движение банд.

Генерал Корэ. Очень прошу: для того, чтобы не испортить добрых отношений, не брать обратно своих слов и отвести войска. Тем более, что, я знаю, там беспорядков не будет. Я приехал сюда с лучшими намерениями и не хочу их ухудшать, а потому прошу вас еще раз отвести войска. Я же, в свою очередь, снесусь с генералом Мильн и буду ходатайствовать о разрешении послать в эти части британские войска.

Председатель правительства. Кто же там будет стоять до посылки ваших войск? Эту часть нельзя ни одной минуты оставлять без вооруженной силы.

Генерал Корэ. Я ясно представляю вопрос, но прошу увести ваши войска. Повторяю, сейчас же я снесусь с Константинополем, с донесением о необходимости послать туда наши войска.

Председатель правительства. У нас не было официального решения по вопросу об эвакуации, но, действительно, мы полагали произвести отвод.

Генерал Корэ. Начало этих событий произошло без меня, но полковник Беллу говорил, что генерал Квинитадзе поехал в Ардаганский округ для отвода войск.

Председатель правительства. Нет. Он уехал для производства демобилизации, но вместе с тем и чтобы расставить по границе гарнизоны и пикеты в необходимых местах.

Полковник Беллу. Это противно просьбе генерала Мильн.

Председатель правительства. Но мы занимаем этот округ согласно письма генерала Томсона.

Генерал Корэ. Если я вас правильно понял, вы хотите поместить гарнизоны только в городах.

Председатель правительства. Да, только в городах, за исключением Поцховского района, где будет стоять часть в одном селении. Из всех других мест войска отводятся.

Генерал Корэ. Я рассмотрю этот вопрос и дня через 2—3 сообщу, но вместе с тем я прошу вас прежде чем принять какое-либо решение, взвесить его в связи с предложением генерала Мильн.

Председатель правительства. Мы не имеем претензий на Ардаганский округ, но у правительства — твердое намерение оградить себя от возможности повторения тех событий, которые имели место в этом районе, и с этой целью хотим упрочить свою границу. Конечно, если это сделают англичане, то подобный факт мы можем только приветствовать.

Генерал Корэ. Я думал, что это уже решенный вопрос, но оказывается, что это не так. Я должен с ним подробно познакомиться и затем снестись с Константинополем.

Министр ин. дел Е. П. Гегечкори. Будет хорошо, если вы будете информированы нами, так как ваш штаб может дать одностороннее освещение всему делу.

Генерал Корэ. Тогда я лучше переговорю с вами.

Председатель правительства. Имейте в виду, что мы не сделали ни одного шага без согласия англичан.

Генерал Корэ. Извиняюсь, что отнял у вас массу драгоценного времени.

Председатель правительства. Пожалуйста, всегда прошу говорить по всем интересующим вопросам лично со мною.

В заключение приветствия.

Беседа председателя правительства с командующим британскими войсками в Закавказьи генералом Кори.

31 мая 1919 года. Нач. 5 час. 30 мин. дня.

Присутствовали: председатель правительства *Н. Н. Жордания*, генерал *Кори*, полковник *Беллу*, интерпретер капитан *Хент*, интерпретер подполковник *Меликов*, секретарь *Мачавариани*.

Генерал Кори приветствует председателя правительства и просит его объяснить, чем вызвано распоряжение грузинского правительства о задержании поезда с британскими снарядами.

Председатель правительства разъясняет генералу, что все вагоны с британским снаряжением будут пропущены беспрепятственно. Задержаны только те вагоны, в коих, по указанию самих британских офицеров, находилось русское боевое снаряжение.

Генерал Кори интересуется, что называет председатель правительства русским снаряжением.

Председатель правительства говорит, что таковым называется всякое снаряжение, имеющее русские клейма, а также патроны, по калибру своему подходящие для орудий русского образца.

Генерал Кори спрашивает, откуда председатель правительства получил сведения о присутствии в составе британского поезда вагонов с русским снаряжением.

Председатель правительства отвечает, что сведения эти получены от офицера британского штаба майора Кемпбель, который сам сообщил об этом на запрос товарища министра иностранных дел. Это снаряжение идет из Карса; были примеры и раньше, что британское командование посылало оттуда подобные поезда, и тогда правительство Грузии пропускало их, но теперь, в момент военных действий Грузии с армией генерала Деникина, подобное явление безусловно недопустимо.

Генерал Кори заверяет председателя правительства, что все это снаряжение направлялось в Баку.

Председатель правительства добавляет, что из Баку, по имеющимся сведениям, это снаряжение будет направлено на фронт к генералу Деникину.

Генерал Кори спрашивает председателя правительства: он ли задержал этот поезд?

Председатель правительства. Я.

Генерал Кори заявляет, что в таком случае придется телеграфировать генералу Мильн, что председатель правительства республики Грузии задержал британский поезд со снарядами.

Председатель правительства просит не забыть сообщить генералу Мильн и то, что с этим поездом шло снаряжение для армии генерала Деникина, который находится в состоянии войны с республикой Грузии.

Генерал Кори говорит, что кроме снаряжения было задержано и снабжение.

Председатель правительства разъясняет генералу, что в отношении перевозки снабжения британских войск в Закавказье правительство Грузии всемерно оказывает содействие и если произошли какие-либо недоразумения, то они, конечно, будут немедленно выяснены.

Полковник Беллу возражает, что начальник бронированного поезда Грузинской республики имеет предписание задержать каждый вагон из состава британского поезда, в котором будут патроны.

Председатель правительства. Нет, все вагоны с британским снаряжением будут пропущены.

Генерал Кори заявляет, что, однакоже, у начальника бронированного поезда имеется такого рода распоряжение.

Председатель правительства отвечает, что в данном случае произошло какое-то недоразумение и что он сейчас же даст соответствующее распоряжение.

Генерал Кори продолжает, что он будет вынужден послать своему высшему командованию сообщение, что весь британский состав поезда не может двинуться согласно своего маршрута ввиду угрозы грузинского правительства, переданной ему начальником бронированного поезда, открыть огонь по поезду в случае его продвижения.

Председатель правительства просит генерала, прежде чем сделать подобного рода сообщение выяснить этот инцидент, так как генерал Кори должен прекрасно знать, что до настоящего момента все составы английских поездов свободно курсировали.

Генерал Кори спрашивает председателя правительства, что он предполагает сделать с офицером, утверждающим, что существует подобное распоряжение.

Председатель правительства категорически утверждает, что подобное распоряжение в отношении всего состава британского поезда правительством Грузии никогда не делалось.

Генерал Кори утверждает, что по всему, что происходит на станции железной дороги, он вынужден предположить о существовании такого распоряжения.

Председатель правительства. Генерал может мне верить или не верить — это его дело. Но раз я говорю, что подобного распоряжения правительством Грузии не делалось, то этого достаточно.

Генерал Кори просит председателя правительства принять к сведению, что, несмотря на подобного рода заявление, поезд стоит, и ни одного вагона не пропускают.

Председатель правительства. Я — не начальник бронированного поезда и не начальник станции, поэтому не в курсе дела, что делается на вокзале. Но я повторяю, что пошлю на вокзал своего секретаря, если вам угодно, в обществе вашего офицера, который на месте выяснит все обстоятельства дела и установит факт недоразумения.

Генерал Кори после некоторой паузы говорит, что в конце концов это такое незначительное дело, что он полагает, что не стоит посылать телеграммы генералу Мильн.

Председатель правительства высказывает свое сожаление, что подобные факты и недоразумения происходят теперь, в момент ухода англичан, тогда как правительство Грузии от души хотело бы, чтобы между англичанами и грузинами оставались всегда дружеские отношения.

Генерал Кори уверяет председателя правительства в своем неизменно доброжелательном отношении к Грузии, но он полагал, что бронированный поезд стоит у британского состава со специальной задачей помешать движению поезда с английским снаряжением.

Председатель правительства говорит, что все происшедшее будет исправлено, что же касается бронированного поезда, то постоянная стоянка его ст. «Тифлис».

Генерал Кори разъясняет председателю правительства, что вагоны с русским снаряжением посылались к туркменам, но не Добровольческой армии, так как Деникина нет в Баку.

Председатель правительства отвечает, что это снаряжение пока может быть передано Добровольческой армии через Баку в Петровск. Затем председатель правительства спрашивает генерала Кори, известно ли ему, что со вчерашнего дня добровольцы ведут наступление на речке Мехадырь.

Генерал Кори задает вопрос председателю правительства: хочет ли Грузия оставить себе задержанное снаряжение?

Председатель правительства. Нет. Но мы не хотим и не позволим, чтобы нашему противнику через нашу территорию посылалось бы подкрепление.

Генерал Кори спрашивает, почему не осведомились у него прежде нежели приступить к каким-либо решительным мерам.

Председатель правительства доводит до сведения генерала, что накануне исключительно по поводу вагонов с русским снаряжением беседовал с майором Кемпбель.

Генерал Кори интересуется узнать, чем объясняются подобные экстренные меры. Не было ли паники среди населения?

Председатель правительства уверяет, что паники никакой не было. Но генерал должен понять, что Грузия не может видеть для себя в настоящий момент абсолютно никакой выгоды в том, чтобы подкрепление Деникину пересылалось через грузинскую территорию.

Генерал Кори. Из личного уважения к вам, г. председатель, я оставлю спорные вагоны в Тифлисе, но остальные должны быть немедленно отправлены по назначению.

Генералу Брикз уже дано мною предписание оставить вагоны с русским снаряжением, а остальные двинуть, но ваши воинские чины их не пропустили.

Председатель правительства. Это недоразумение будет исправлено.

Генерал Кори просит во всех случаях извещать непосредственно его.

Председатель правительства замечает, что генерала не хотели беспокоить из-за пустяков.

Генерал Кори. Но это был не пустяк. Остановили весь британский поезд.

Председатель правительства. По этому вопросу говорили с Кемпбелем и тогда же ему указали на то, что вагоны не входили в состав поезда, так как стояли без паровоза.

Генерал Кори спрашивает, в первый ли раз задерживаются английские вагоны?

Председатель правительства. Да.

Генерал Кори. И последний?

Председатель правительства. Надеюсь.

Генерал Кори (с улыбкой). Не надеюсь, а наверное.

Председатель правительства. При условии, что вагоны не будут отправляться генералу Деникину.

Затем председатель правительства напоминает генералу Кори, что генерал Томсон обещался отдать грузинскому правительству часть патронов, оставшихся в Карсе.

Генерал Кори спрашивает: не этим ли обстоятельством объясняется задержка вагонов?

Председатель правительства. Нет, я только сегодня узнал об этом.

Генерал Кори просит председателя правительства не сомневаться, что все это снаряжение направлено к туркменам, борющимся с большевиками, и думает, что правительство Грузии не против военных действий с последними.

Председатель правительства говорит, что грузинское правительство против тех, кому это оружие, в действительности, посылается.

Генерал Кори спрашивает: сознает ли правительство Грузии, что Деникин действительно воюет с Грузией?

Председатель правительства отвечает, что это безусловно так, и в настоящий момент опасность грозит со стороны Баку. Правительство республики собирается о подобном факте широко оповестить правительства Англии и прочих европейских государств.

Генерал Кори выражает сомнение в действительности факта войны и высказывает опасение, что у правительства Грузии неверные сведения.

Председатель правительства задает генералу Кори вопрос: за что он считает боевую стрельбу между двумя различными по национальности военными частями, когда налицо имеются убитые и раненые?

Генерал Кори просит разрешения задать председателю правительства еще два вопроса: 1) когда можно будет получить сумму в 1.000.000, ассигнованную грузинским правительством семье убитого английского офицера (доктора)?

Председатель правительства. Когда угодно.

Генерал Кори. 2) Об Ардаганском вопросе. Генерал Кори уже говорил генералу Гедеванову о том, как происходит эвакуация грузинского войска из этого района; были, например, случаи, что войска, отходя, угоняли с собою и скот, — правда, генерал Гедеванов распорядился оставить скот на месте. Кроме того, генерал-губернатор Батумской обл. Кук-Коллис против оставления в Ардагане грузинского гарнизона численностью в 50 человек. Генерал Кори посылает туда британские силы, и с их приходом грузины должны покинуть Ардаган.

Председатель правительства высказывает свое недоумение по этому поводу, так как генерал Кори лично в беседе с военным министром решил, что гарнизон этот останется, ввиду необходимости иметь защиту на этом фронте. Раз таковое решение состоялось, то его следует выполнить. Последнее предложение генерала Кори ставит председателя правительства в необходимость вновь переговорить по этому вопросу с военным министром. Кроме того, председатель правительства имеет сведения, что в Ардагане появился офицер армянской части; из этого председатель правительства делает вывод, что английское командование, в лице генерала Кори, передало потустороннюю часть Ардаганского округа в распоряжение армян.

Генерал Кори. С приходом британских военных сил не будет надобности ни в грузинских, ни в армянских частях.

Председатель правительства сообщает генералу, что грузинское правительство не хотело бы ни в стратегическом, ни в географическом отношении отделить Поцховский округ от Ахалцыхского.

Генерал Кори заверяет, что это так не будет. Он уже послал по этому поводу телеграмму генералу Мильн, и когда оттуда прибудет британский офицер, обо всем будет сообщено председателю правительства. Генерал Кори рад, что все выяснилось, так как до этого он был «целый день недоволен председателем правительства,— может быть, вы, ваше превосходительство, тоже чем-нибудь недовольны?»

Председатель правительства говорит о гагринском вопросе и о том, что англичане не хотели употребить свое влияние для того, чтобы заставить Деникина признать нейтральную зону, которая явилась бы единственно справедливым решением создавшегося вопроса.

Генерал Кори. Значит, у вас идет сейчас спор?

Председатель правительства говорит, что там идет сейчас бой, и генерал Брикз, от которого правительство Грузии ждало, что он примирит воюющие стороны, занял такую позицию, являясь открытым сторонником генерала Деникина, что еще более рассорил их; все это производит дурное впечатление в народе и отнюдь не способствует укреплению его симпатий к англичанам. Народ думает, что это не личный взгляд генерала Брикз на создавшееся положение, но взгляд всей английской нации.

Генерал Кори. Да, генерал Брикз высказал здесь много своих личных взглядов.

Председатель правительства продолжает: «Генерал Брикз чуть не в виде угрозы говорил, что у Деникина имеются танки, крейсеры и т. п. У правительства Грузии создался взгляд, что все, чем добровольцы снабжались союзниками против большевиков, все это направлено против республики Грузии».

Генерал Кори. Это говорил Брикз?

Председатель правительства. Да он вообще не хотел говорить ни о чем ранее ухода грузинских войск за р. Бзыбь.

Генерал Кори спрашивает: не говорил ли ранее этого о чем-нибудь генерал Брикз.

Председатель правительства. Нет.

Генерал Кори. Если к нам сюда придут танки, я с удовольствием передам вам их в пользование.

Председатель правительства. Спасибо, вот собственно в чем заключаются наши неудовольствия.

Генерал Кори просит председателя правительства впредь не задерживать британских вагонов.

Председатель правительства повторяет, что не только не бывает задержки британских вагонов, но даже отдано специальное предписание оказать англичанам всемерное содействие в перевозках. К сожалению, происходит много эксцессов на почве обслуживания английских поездов, и виновниками является английская поездная прислуга. Бьют и самих агентов и довели служащих до того, что последние грозят забастовкой. Об этом правительство уже письменно сообщило британскому командованию.

Генерал Кори. Это, должно быть, единичные случаи и чересчур мелкие, «чтобы ваше превосходительство беспокоили себя по этому поводу».

Председатель правительства. Да, но я говорю об этом в связи с вашим удобством и желанием планомерной перевозки войск, снаряжения и снабжения.

Взаимные приветствия.

Разговор окончен в 6 час. 35 мин. вечера.

Беседа председателя правительства республики Грузии Н. Н. Жордания с английским генералом Бич.

Началась 6 июня 1919 года в 1 час 5 мин.

Присутствовали: *Ной Николаевич Жордания,* генерал *Бич,* полковник *Сандерс,* секретарь *Мачавариани.*

Генерал Бич. Я только что прибыл из Эрзерума, куда ездил с целью познакомиться с положением вещей в этом районе.

Сегодня я получил письмо и думаю, что можно будет вновь открыть переговоры с Добровольческой армией, и хотя это — частное сообщение, но я уверен, что оно вполне заслуживает доверия.

Председатель правительства. Мы тоже ждем возобновления переговоров, так как не можем вечно стоять на фронте. Либо война — либо мир. Известно ли вам, генерал, что четвертого дня добровольцы произвели наступление, были убитые и раненые?

Нами наступление было отбито, но грузинские войска не переходили в наступление.

Генерал Бич. Это были армяне.

Председатель правительства. Армяне у добровольцев в передовых частях.

Генерал Бич. Насколько мне известно, генерал Деникин в это время не переходил в наступление. Я хотел с вами переговорить о закрытии тифлисской газеты. Официально сообщается, что газета закрыта за напечатание сведений о наступлении Деникина.

Председатель правительства. И за то, что эта газета является деникинским органом, неоднократно писавшим и одобрявшим политику этого генерала.

Генерал Бич. А против английской части газеты вы ничего не имеете против?

Председатель правительства. Нет.

Генерал Бич. Я прошу вас указать статьи, за которые эта газета закрыта, так как редактором там состоит капитан Линдлей-Скотт, и было бы неприятно, если английская газета будет закрыта.

Председатель правительства. Английская газета может печататься сколько угодно; мы — против тех статей, которые помещаются в русской части «Тифлисского Листка».

Генерал Бич. Я прошу вас дать мне список этих статей.

Председатель правительства. Это дело министерства внутренних дел.

Генерал Бич. Может быть, вы распорядитесь...

Председатель правительства. Я не могу сделать подобных распоряжений, так как это будет иметь вид вмешательства англичан в наши личные дела. В частном порядке, из симпатии лично к вам, генерал Бич, я попрошу доставить интересующие вас статьи.

Генерал Бич. Тогда вы разрешите мне сейчас поехать к г. Рамишвили.

Председатель правительства. Я бы советовал вам поехать завтра, так как ему нужно будет распорядиться, чтобы приготовили все материалы по этому предмету. Ведь вы понимаете, генерал, что статьи эти у него не в портфеле, под рукой, а имеются в делах канцелярии.

Генерал Бич. Редактор «Тифлисского Листка» г. Франчески, высылаемый ныне из пределов Грузии, обратился за помощью к редактору английской части «Тифлисского Листка» — Линдлей-Скотт с просьбой о содействии, но он ничего не может сделать, и Франчески сердится.

Председатель правительства. При чем же редактор английской газеты? Разве он информировал г-на Франчески?

Генерал Бич (поспешно). Нет. Но они оба обратились ко мне с просьбой узнать, за что высылается г. Франчески.

Председатель правительства. Может быть, Линдлей-Скотт не знает причины, но Франчески знает очень хорошо.

Генерал Бич. А могу я частным образом узнать причину?

Председатель правительства. Пожалуйста, — за антиправительственное направление газеты, распространение вздорных слухов и сочувствие к генералу Деникину.

Генерал Бич. Не был ли он агентом генерала Деникина?

Председатель правительства. Не знаю.

Генерал Бич. Франчески мне казался умеренным.

Председатель правительства. Он был в нашей партии, и мы его все хорошо знали. Он был в свое время выслан, но затем вернулся. Повторяю, что мы его хорошо знали.

Генерал Бич. А ваше мнение?

Председатель правительства. Затрудняюсь сказать. Судя по газетным материалам, по высказываемым взглядам и т. п., он был определенным сторонником Деникина. Этот случай почти аналогичен с высылкой председателя Русского национального совета Лебедева, которому предложили покинуть пределы Грузии за доносы Деникину и Краснову.

Генерал Бич. Что же Лебедев и Франчески были в контакте?

Председатель правительства. Не знаю, но они были хорошими друзьями. Вообще русский национальный элемент здесь агитирует за Деникина, а местные русские жители, сжившиеся здесь, его не пере-

варивают. Лучшим доказательством служит последний съезд русских жителей Закавказья, когда все чиновники, сторонники Деникина, были удалены со съезда, а оставшиеся в громадном большинстве голосовали за нас. Настоящие русские коренные жители Грузии не переваривают генерала Деникина и его реакционную политику.

Генерал Бич. У меня к вам просьба частного характера. Один мой друг просил узнать, кто у вас в Грузии лучший адвокат по гражданским делам.

Председатель правительства. Лучшим не только в Тифлисе и Грузии, но и на всем Кавказе по гражданским делам считается Серг. Дав. Джапаридзе.

Генерал Бич. А криминалист?

Председатель правительства. Долуханов, Месхиев.

Генерал Бич. Очень благодарен.

Председатель правительства. Я очень прошу вас, если будут иметься какие-либо определенные сведения о Деникине, не отказать в любезности сообщить мне.

Генерал Бич. Всегда к вашим услугам.

Взаимные приветствия.

Беседа окончена в 1 час 10 мин.

Беседа заместителя председателя правительства министра иностранных дел Е. П. Гегечкори с чрезвычайным комиссаром Англии в Закавказьи сэром Уардроп.

4 сентября 1918 года [1]).

Начало 1 час 40 мин. дня; конец 2 часа 15 мин. дня.

Присутствовали: заместитель председателя правительства министр иностранных дел *Е. П. Гегечкори*, чрезвычайный комиссар Англии в Закавказьи сэр *Уардроп*, товарищ министра иностранных дел *К. Б. Сабахтаришвили*, интерпретер *Л. Г. Меликов*, секретарь *К. Г. Мачавариани*.

Е. П. Гегечкори. Я очень огорчен, сэр, что болезнь помешала мне в эти дни повидаться с вами.

Сэр Уардроп. Надеюсь, что теперь вы чувствуете себя лучше?

Е. П. Гегечкори. Благодарю вас. Как вы устроились и довольны ли своим помещением?

Сэр Уардроп. О, да, очень благодарен.

Е. П. Гегечкори. Мне хотелось бы, сэр, поговорить с вами по общим вопросам, и поэтому я прошу вас назначить время, когда вы сможете выслушать меня.

Сэр Уардроп. Хоть сейчас.

Е. П. Гегечкори. Одной из главнейших задач для себя я считаю необходимость правильно информировать вас обо всем происшедшем

[1]) Так в подлиннике; следует: «1919 года». (*Прим. ред.*).

в Грузии за последнее время. Делаю это с исключительной целью предостеречь вас от каких-либо ошибок как следствие недостоверных сведений, доставленных вам кем-либо со стороны. К нашему искреннему огорчению, правительство Грузии, несмотря на всяческие попытки, не смогло установить до сих пор желательного контакта с британским командованием в Закавказьи. Рассматривая внимательно указанный факт, я полагаю, что основной причиной этого явления была враждебная для нас информация представителей английского командования. Самым веским аргументом против Грузии приводилось пребывание в нашей стране германских войск, и это создавало чувство недоброжелательности. Когда же, наконец, после долгих усилий, мы рассеивали это настроение, командующий войсками уходил, и взамен их являлись новые; и снова приходилось повторять правительству ту же работу. За 6 месяцев пребывания англичан в нашей стране сменилось три генерала: генерала Уоккера сменил генерал Томсон, и на место последнего приехал сравнительно недавно генерал Кори. Этим людям, как военным лицам, при всем искреннем желании, трудно было ориентироваться в тех сложных и запутанных экономических, политических и национальных вопросах, которые переплетаются здесь. Прибавьте к этому предвзятое чувство раздражения, о котором я уже говорил. Должен оговориться: генерал Кори, ныне находящийся здесь, глубже своих коллег вник в сущность дела и взял более или менее правильный курс. Но в общем враждебная информация делала свое, и ваши генералы, возвращаясь в Англию, без сомнения, отзывались неблагоприятно о нашей стране.

Сэр Уардроп. Считаю нужным вам сказать, что перед отъездом из Англии я говорил с генералом Томсоном и вывел заключение из разговора с ним, что он очень тепло относится к Грузии и к Закавказью вообще.

Е. П. Гегечкори. Все же, я полагаю, что они могли это сделать. Как бы то ни было, факт остается фактом, и по существу дела мы поговорить с ними не могли. Все наши попытки в этом направлении разбивались о стереотипную фразу английских генералов: «Мы — простые солдаты, политика — вне нас. Наша задача сохранить порядок». Очевидно, это являлось следствием отсутствия у них соответствующих полномочий на ведение каких бы то ни было политических переговоров. Таково было положение дела до вашего прибытия сюда. Теперь я позволю себе развить перед вами точку зрения моего правительства: мы великолепно понимаем, что без могущественного союзника Грузии трудно будет добиться признания своей независимости, ибо не только мы, но и сравнительно большие государства Европы, более обеспеченные в финансовом отношении, не могут существовать в настоящий момент без поддержки извне. Правительство Грузии сознает, что оно должно опереться на какой-нибудь крепкий государственный организм, и это сознание продиктовало нам определенную ориентацию на Англию. Конечно, мы знаем, подобная помощь со стороны Соединен-

ного королевства должна быть компенсирована нами в том или ином направлении. К сожалению, до сих пор мы не можем получить ответа на этот столь существенный для нас вопрос. Я резюмирую все сказанное мною: при создавшейся конъюнктуре Грузия не может одна без поддержки пройти сквозь горнило испытаний, она просит помощи у Англии и хочет знать, чего захочет Англия взамен. Высказанное мною положение есть результат совещаний правительства, и нужно сказать, что по этому вопросу у нас не было никаких разногласий. Настоящий момент осложняется уходом британских вооруженных сил из Закавказья. И этот факт взволновал общественное мнение Грузии. Конечно, мы боимся не за себя, ибо Грузия собственными силами сможет сохранить порядок внутри страны и защитить себя, но, к счастью или к несчастью, мы слишком тесно связаны со своими соседями. Добавьте к этому, что турки стоят в Эрзеруме. Достаточно, чтобы англичане, являвшиеся сдерживающим элементом, ушли, как тотчас же создадутся осложнения с юга и севера. Исходя из этой точки зрения, мы официально просили мирную конференцию, Лондон и здешнее британское командование оставить хотя бы часть английских войск в Закавказьи. Нам обещали дать ответ, но до сих пор его нет. В настоящее время правительство Грузии обеспокоено, что ваша работа, сэр, будет парализована. Конечно, наши войска всегда будут к вашим услугам, но их может оказаться недостаточно. Такое положение затормозит вашу работу и одновременно подорвет престиж Англии в Закавказьи, то их можно было оставить хотя бы только в Армении [1]). Еще одно больное место в жизни нашего государства — это вопрос о Батумской области и городе Батуме; в связи с этим грузинское правительство своевременно послало соответствующий меморандум английскому командованию. Историческая сторона этого дела такова: я был председателем Закавказского комиссариата, когда мы потеряли Батум. Потеря его явилась следствием тогдашней нашей слабости. Мы объявили войну Турции, чтобы парализовать позорный Брест-Литовский договор, признать который народы Закавказья не хотели и не могли. Вы понимаете, конечно, что такое выступление со стороны Закавказского комиссариата навлекло на себя гнев Турции и Германии, — повторяю, мы были слабы, и этому была причиною семисоттысячная большевистская армия русских солдат, возвращавшихся с Кавказского фронта и находившаяся у нас в тылу. Поддерживая порядок в этом направлении, нехватило сил отстоять Батум; он был взят, а за ним мы потеряли Озургеты. Только у реки Чолока мы могли остановить наступление турок, разбив их дивизию, причем турки оставили на поле сражения 1.500 трупов. Неизвестно, чем все могло кончиться, если бы не приход германцев, прекративших своим вмешательством войну. Мы думали, что, учтя все происшедшее, союзники, придя в Закавказье, передадут нам Батум, но, к сожале-

[1]) Так в подлиннике.

нию, они этого не сделали. Английские власти, заняв город, не доверяя нам и не зная, на кого опереться, поручили оставшимся русским чиновникам организовать управление Батумской областью. Кто были эти господа и какова их политическая физиономия, вы можете установить из того факта, что они первые приветствовали турок и явились в свое время их проводниками при взятии Батума. Созданный ими совет по управлению делами Батумской области вскоре был распущен английским военным командованием ввиду полнейшего бесправия, воцарившегося в этом крае. Сейчас там царит безвластье, и, очевидно, обоюдные наши интересы властно диктуют создать в Батумской области известный правопорядок.

Перехожу к вопросу финансовому. Вы знаете наше положение, мы до сих пор существуем собственными силами. Не имея возможности создать товарообмен, не получая продовольственной помощи, наши финансы так расшатались, что если в ближайший срок мы не будем поддержаны, то запоздавшая помощь может оказаться бесплодной. Мы не могли добиться товарообмена с Англией, так как она либо не хотела его, либо была слишком занята более сложными вопросами, но вы, конечно, поймете, как все это важно было для Грузии. Вот собственно комплекс всех положений, какие я имел сообщить вам от имени правительства. Все необходимые материалы по каждому вопросу, если вы захотели бы ознакомиться с ним подробнее, будут немедленно предоставлены в ваше распоряжение. Правительство Грузии твердо верит, что найдет точки соприкосновения и общий язык с Англией. Грузия, являющаяся дорогой в Переднюю Азию, должна заинтересовать Великобританию, и последняя безусловно протянет руку помощи грузинскому народу, который через ряды столетий пронес светоч культуры и цивилизации. Вы так основательно знаете историю нашего народа, что я считаю лишним указывать вам на эти факты.

Сэр Уардроп. Я не получал определенных инструкций от моего правительства, но обо всем сказанном вами сообщу немедленно в Лондон, и тогда по каждому вопросу я вам дам исчерпывающий ответ.

Е. П. Гегечкори. Что касается Батумской области и города Батума, то мы уже снеслись через представителя британского командования в Тифлисе с вашим правительством. Мой товарищ сообщит вам подробности наших предложений.

К. Б. Сабахтаришвили. Наши предложения таковы: Грузии передают Батумскую область, в которой она организует власть, опираясь на широкие народные массы. Муниципальное управление города организуется на выборных началах. Порт предоставляется англичанам как военная база и угольная станция на Черном море.

Е. П. Гегечкори. На эти предложения нам ответили, что они в принципе приемлемы, но определенного ответа мы до сих пор не имеем. Ваше доброжелательное отношение к нам является лучшей гарантией, так

что вы поддержите наше предложение для разрешения его в благоприятном смысле.

Сэр Уардроп. Я должен вам сказать, что телеграфировал в Лондон о прикомандировании ко мне финансового советника и жду в скором времени его приезда.

Е. П. Гегечкори. Мне сейчас сообщили, что вы не имеете с собой автомобиль, прошу вас, сэр, располагать любой из наших машин.

Сэр Уардроп. О, не беспокойтесь. Мой автомобиль остался в Батуме и на-днях будет доставлен сюда. Боюсь воспользоваться вашею любезностью, чтобы не обеспокоить вас.

Е. П. Гегечкори. Прошу вас. Сегодня же автомобиль будет в вашем распоряжении.

Взаимные приветствия.

Мемуар грузинской социалистической делегации на Люцернской конференции для рабочей фракции палаты общин [1]).

Угроза Грузии со стороны генерала Деникина и роль британских генералов.

Октябрьское перемирие с Турцией предусматривало, между прочим, увод турецких войск из пределов Закавказья и занятие этого края войсками Согласия, а именно британскими. До перемирия турки занимали всю Азербайджанскую республику, больше половины Армянской республики и несколько провинций Грузинской республики (Батумская область, половина Карской области, Ахалкалакский уезд, части Ахалцыхского и Борчалинского уездов Тифлисской губ.).

Приход британских войск в Грузию в январе 1919 года был встречен всеми слоями населения с чувством удовлетворения. На это были две причины: 1) грузины видели в англичанах, как в представителях старейшей демократии Европы, истинных защитников права на самоопределение маленьких угнетенных народов и 2) англичане вместе с союзниками освободили весь Кавказ от турецкой опасности. Внутри республики грузинский народ не нуждался, разумеется, в иностранной военной помощи, ибо в ней давно господствовал полный порядок, и правильно функционировали как парламент, так и другие государственные и общественные учреждения.

Надежды грузинского народа на Англию нашли как будто свое подтверждение в одной официальной ноте, которую британское министерство иностранных дел передало еще в ноябре 1918 года в Лондоне представителю грузинского правительства г. Авалишвили. В этой ноте от имени британского правительства выражалась симпатия к независимости Грузии, а также в ней было дано формальное обещание под-

---

[1]) Воспроизводится здесь с рукописи, найденной в делах личного архива А. Чхенкели, хранящегося в Тифлисе в Музее революции СС Грузии.

держать грузинскую делегацию в деле допущения ее на Парижскую мирную конференцию.

Но позиция, занятая британскими генералами в Тифлисе в вопросе о взаимоотношениях между Грузинской республикой и Добровольческой армией генерала Деникина, в сильной степени поколебала веру грузинского народа.

В том факте, что реакционер и поборник восстановления царской России генерал Деникин с ненавистью смотрит на независимость Грузии и на господство в ней демократии, ничего удивительного нет. Удивляться следует, наоборот, тому, что британские генералы на Кавказе оказывают этому черному генералу активную помощь в его стремлении уничтожить независимость и свободу как Грузинской, так и остальных кавказских республик.

В доказательство сказанного достаточно будет привести несколько наиболее ярких фактов:

1) Не довольствуясь тем, что союзники обильно снабжают Добровольческую армию Деникина деньгами, оружием и амуницией, британские генералы в Тифлисе не останавливаются перед тем, чтобы взять из города Карса его крепостную артиллерию и демонстративно провозить ее через грузинскую территорию для передачи генералу Деникину. Той же участи подвергся грузинский город Батум, откуда были взяты тяжелые орудия и переданы генералу Деникину. Мало того, британские генералы отобрали у грузинского правительства в другом грузинском городе Поти несколько истребителей и тем лишили Грузию возможности защищаться от Деникина со стороны моря.

2) Город Батум и вся Батумская область временно оккупированы британскими войсками на основании перемирия с Турцией. Известно, что подавляющее большинство населения всей Батумской области составляют грузины — магометане и христиане, причем сам город Батум в большинстве населен грузинами-христианами. Что делает британский генерал-губернатор там? Он передал управление батумским муниципалитетом так называемой временной комиссии девяти, состоящей поголовно из русских реакционеров, по собственному назначению. Когда грузины запротестовали против этой несправедливости, британский генерал лишь в ничтожном меньшинстве допустил их участие в городском самоуправлении. Что же касается устройства новых демократических выборов в городское самоуправление, которого потребовали грузины, британский генерал-губернатор наотрез отказал им в этом. Таким образом, население города лишено даже того элементарного права, которым оно пользовалось во время царизма, когда все самоуправление города, несмотря на националистическую политику русского правительства, находилось в большинстве в грузинских руках.

Еще хуже обстоит дело в провинции, где начальниками участков и округов, словом — чиновниками, британским генерал-губернатором назначаются исключительно русские реакционеры, перешедшие у него

на службу от генерала Деникина. Дело дошло до того, что старый царский губернатор Батумской области генерал Романовский-Романько восстановлен в своей прежней должности.

Но наиболее скандальным фактом является то, что, с ведома и разрешения британского командования, в пределах Батумской области собираются сотнями и тысячами враги Грузинской демократической республики, в особенности из стана Добровольческой армии Деникина, и образовывают, таким образом, грозную вооруженную силу на грузинской же территории.

3) В феврале 1919 года Добровольческая армия напала неожиданно на Грузинскую республику со стороны Черноморского побережья и заняла весь Сочинский округ и часть Сухумского округа. Это произошло при пассивном созерцании англичан, и, лишь когда грузинское правительство заявило энергичный протест, британское высшее командование в Константинополе, по предложению британского правительства, потребовало от генерала Деникина эвакуации занятой территории, чего, разумеется, последний не исполнил.

Очутившись, таким образом, в смертельной опасности, грузинское правительство, с ведома и согласия британского генерала в Тифлисе г. Томсона, нашло необходимым отобрать обратно у Деникина, по крайней мере, часть Сухумского округа, а именно Гагринский район, что и было выполнено грузинскими войсками почти без пролития крови. Дело в том, что Гагринский район до реки Мехадырь всегда составлял нераздельную часть Сухумского округа или Абхазии, входящей в качестве автономной области в Грузинскую республику и населенной в большинстве грузинами-мингрельцами. Генерал Деникин, зная хорошо, что занятие Гагринского дефиле отдавало ему в руки стратегический ключ всей Грузии, поставил грузинскому правительству ультиматум об очищении этого дефиле до реки Бзыбь, грозя в противном случае войной.

Какую роль сыграли в этом споре между Деникиным и грузинским правительством британские генералы? Вот факты, взятые из двух официальных протоколов о переговорах между британскими генералами и грузинским правительством от 23 и 24 мая 1919 года по этому поводу. Английские генералы Briggs и Beech, взяв демонстративно сторону Деникина, потребовали от грузинского правительства удовлетворить последнего, т.-е. отдать ему стратегический ключ Грузии. Они не захотели принять во внимание даже того факта, что Деникин, вопреки предложению британского правительства и командования, не эвакуировал Сочинского округа, и, напротив, предлагали, как бы в вознаграждение за это, отдать ему, Деникину, новую территорию.

Генерал Briggs открыто заявил во время переговоров: «Je parle en qualité du représentant de Dénicine et non du gouvernement anglais»[1]).

---

[1]) «Я говорю в качестве представителя Деникина, а не английского правительства».

Генерал Beech заявил с своей стороны: «Le général Briggs aime beaucoup Dénicine, et Dénicine aime beaucoup Briggs» [1]).

Генерал Briggs не скрывал своего отрицательного отношения к независимости Грузии, игнорируя тем самым официальную ноту британского правительства об его симпатии как раз к этой независимости. Вот его слова: «Ces petits États (т.-е. Грузинская демократическая республика и угнетенная Деникиным Кубанская область) sont en effet trop faibles, ils ne doivent pas se quereller, mais au contraire s'unir» [2]). Генерал приглашал маленькую Грузию поддержать Деникина в его борьбе против большевиков, что на самом деле является борьбой за восстановление царской России. «Une entente avec Dénicine ferait considérablement monter la Géorgie dans l'estime du monde civilisé en lutte contre la bolchéviste» [3]).

Грузинское правительство, оставаясь верным своему долгу перед народом, не могло принять предложение британских генералов и согласилось очистить Гагринский район лишь в том случае, если его займут, до разрешения этого спорного вопроса Парижской конференцией, войска союзников. В ответ на это генералы начали устрашать правительство... [4]) прямо заявил: «...».

Таким образом, британские генералы находили совершенно в порядке вещей, чтобы генерал Деникин полученное от союзников вооружение использовал против свободной и демократической Грузии.

4) Намерения генерала Деникина идут дальше Грузии, он стремится задушить и другие республики Кавказа. Весной этого года его банды, с известным кровожадным генералом Ляховым во главе, с тем самым Ляховым, который в 1908 году по приказу царя Николая II разогнал персидский парламент и расстрелял десятки депутатов, заняли насильственно Республику горцев Северного Кавказа и разогнали их парламент и правительство. Теперь банды Деникина стоят на границе с Азербайджанской республикой и готовят ту же участь как последней, так и Грузинской и Армянской республикам. И все это неслыханное попирание прав народов и их свобод происходит на глазах британских генералов, при их явном сочувствии и даже содействии.

5) 11 июня 1919 года J. Cory, major général, commandant des forces britanniques en Transcaucasie, сообщил от имени британского правительства председателю грузинского правительства новую демаркационную линию между генералом Деникиным и кавказскими государствами. На основании этой линии Гагринский район отходит к Деникину, стало быть, ему открывается свободный путь для его завоевательных целей в глубь Грузии. В ответ на это сообщение грузинское

---

[1]) «Генерал Брикз очень любит Деникина, а Деникин очень любит Брикз».

[2]) «Эти маленькие государства в действительности слишком слабы, они должны не враждовать между собой, а, напротив, быть в единении».

[3]) «Соглашение с Деникиным сильно подняло бы Грузию в глазах цивилизованного мира, борющегося с большевизмом».

[4]) Пропуск в подлиннике.

правительство обратилось с энергичной нотой непосредственно к г.... [1]), в которой оно требовало превратить Гагринский район в нейтральную зону, расставив там английские пикеты.

Приведенных фактов достаточно для характеристики роли британских генералов на Кавказе вообще и в Грузии в частности. Названные генералы ведут явно вредную политику не только для кавказских народов, но и для самого британского народа, ибо восстанавливают первых против второго.

Грузинский народ не может допустить, чтобы британские генералы в Тифлисе по прямому указанию из Лондона поддерживали Деникина против Грузии. Это противоречило бы как традициям британской демократии, так и самой элементарной справедливости. Грузинский народ явно выразил свою твердую волю к независимости; будучи противником большевистской анархии, он установил у себя демократический республиканский строй, созвал Учредительное собрание, ввел провинциальные selfgovernments и т. д.; он сильно рассчитывал на то, что британское правительство сдержит свое обещание и, согласно провозглашенным им во время войны принципам, поддержит молодую Грузинскую республику в ее стремлении быть признанной и введенной в союз народов.

Нашествие Деникина означает торжество анархии и гражданской войны в Грузии. В этом не может быть заинтересованным британское правительство.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

Начало врангелевщины.

Октябрь 1919 года оказался переломным месяцем в истории гражданской войны. Войска Деникина («Вооруженные Силы Юга России»), заняв, было, Орел, остановились, дрогнули и с дружной стремительностью покатились снова на юг через всю Украину до Новороссийска.

Деникин был разгромлен. 25—27 марта эвакуировался Новороссийск, побивая все рекорды панических сумбурных эвакуаций. Деникинщине настал конец. Попав в Крым, Деникин еще пытался что-то предпринять, как-нибудь собрать силы. Он издал даже приказ о реконструкции своего правительства, распустив, «ввиду сокращения территории, занятой В. С. Ю. Р.», Совет Министров и поручив Бернацкому создать «упрощенное деловое учреждение».

Но все это было впустую. За Деникиным никто не шел, его имя было окончательно дискредитировано.

Руководители белой армии стали готовиться к смене командования. Было собственно два серьезных кандидата в преемники Деникину: Слащев и Врангель. Последний все время находился в оппозиции Деникину и только недавно был устранен от должности и выслан за границу. Неудивительно, что в момент полного дискредитирования Деникина Врангель получил наибольшие шансы на успех. Слащев учел положение и не стал тягаться за власть. «Дворцовый переворот» произошел безболезненно. 4/IV (22/III) 1920 г. на заседании высших чинов белой армии Врангель был избран главнокомандующим В. С. Ю. Р. Деникину оставалось лишь подписать приказ о назначении его своим преемником.

Южная контрреволюция вступила в новую и последнюю фазу своего существования.

В тяжелой обстановке начинал Врангель свое царствование.

Всю территорию его «государства» составлял Крымский полуостров. Сил было мало. Корпус Слащева, который, отступив в Крым с севера, задержал Красную армию у перешейков и в течение нескольких месяцев удерживал Крым, — был наиболее дисциплинированной и боеспособной единицей. Но он не превышал $7^1/_2$—8 т. человек. Остальная масса войск состояла из жалких остатков деникинской армии, бежавшей в Крым из Новороссийска. Это были совершенно расстроенные, недисциплинированные, плохо вооруженные казачьи части [1]), почти без лошадей, и сравнительно лучше сохранившийся корпус ген. Кутепова (около 30 тыс. чел.).

[1]) Главным образом остатки Донской армии, численностью около 15 тыс. чел. Меньшая часть Донской армии с Кубанской армией отступила из Новороссийска в направлении к Грузии и в Крым была перевезена позже.

Печально было и экономическое положение Крыма. Уже изнуренный гражданской войной полуостров был переполнен войсками и колоссальным количеством беженцев. С первых же дней стал осложняться продовольственный кризис.

Однако не в этом было самое страшное.

Хуже всего было то, что отношение союзников вызывало большие опасения.

Ряд причин заставил союзников усомниться в возможности продолжать старые способы борьбы с большевизмом. Вокруг «русского вопроса» сплетался сложный узел противоречивых интересов. Непримиримое отношение к русскому большевизму оставалось; к нему присоединялся все увеличивающийся страх, что р у с с к и й большевизм окончательно утратит свое местное значение и перекинется и в другие страны. Но на-ряду с тем учитывались все неудачи прежних попыток интервенции. Была также боязнь, — не во всех, правда, странах одинаковая, — что активная, явная борьба с Советской властью обострит внутреннюю классовую борьбу, вызовет резкое недовольство своего рабочего класса. Наконец, тяжелое экономическое положение властно диктовало необходимость так или иначе вовлечь Россию в международный товарооборот.

Здесь не место подробно разбираться во всех этих противоречивых столкновениях интересов. Важно лишь то, что появление Врангеля на сцену произошло тогда, когда союзники пересматривали «русский вопрос» и строили новые планы его разрешения. Укажем хотя бы на знаменитое постановление Верховного Союзного Совета, принятое 16 января 1920 г., по которому признавалось необходимым возобновить торговые сношения с Россией. Речь, правда, шла о сношениях не с Советским правительством, а «с населением Советской России», но по существу дело сводилось к прекращению блокады. Это половинчатое решение изобличало неопределенность во взглядах, неуверенность политики. Колебательное настроение союзников станет еще более наглядным, если мы вспомним, что в тот же день 16 января Верховный Союзный Совет постановил не возобновлять с Советской Россией сепаратных дипломатических сношений, а всего лишь через месяц, 23 февраля, было решено предоставить право каждой отдельной державе вести самостоятельную политику по отношению к Советской России.

Если к сказанному добавить, что, перед самой сменой командования, Англия, которая доселе была фактической распорядительницей «Вооруженных Сил Юга России», содержа их почти всецело на свой счет, выступила с требованием прекратить военные операции против большевиков, — картина неопределенности «международного положения» нового «государства» станет для нас еще более ясной.

Будущее показало, что опасения Врангеля насчет союзной поддержки были напрасны. Его снабжали, пожалуй, еще больше, чем раньше снабжали Деникина, но в момент прихода Врангеля к власти, а только этот момент нас сейчас и интересует, положение, повторяем, было далеко не твердым...

Такова обстановка апреля 1920 года.

Ниже мы печатаем журнал [1]) первого заседания врангелевского правительства, так называемого «Совета при главнокомандующем вооруженными силами Юга России» (от 9 апреля по старому стилю).

«Совет» был учрежден приказом Врангеля от 11/IV (29/III) в качестве «совещательного органа» при «правительстве и главнокомандующем вооруженными силами Юга

---

[1]) По копии, хранящейся в Московском Центральном Архиве Октябрьской Революции.

России», который «обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений».

На первом заседании Врангель выступил перед своими министрами с общим докладом о международном, внутриполитическом и экономическом положении Крыма.

Это чуть ли не единственное заседание, на котором обсуждались общеполитические вопросы. В дальнейшем вся деятельность Совета, за очень редкими исключениями, сводилась к рассмотрению финансовых и хозяйственных вопросов. Сам Врангель появлялся на заседаниях «Совета» очень редко. Председательствовал на них сначала его помощник ген. Шатилов, а позже А. В. Кривошеин, назначенный на специально для него учрежденную должность «председательствующего Совета» (24/V 1920 г.).

На первом заседании прежде всего обсуждался вопрос о взаимоотношениях с Англией. Напомнив о мартовской ноте Деникину, требовавшей, под угрозой лишения В. С. Ю. Р. всякой помощи, прекращения военных операций против большевиков, Врангель указал, что в результате его протеста против этих угроз Англия обратилась с нотой к Чичерину, в которой и от большевиков требовалось прекратить войну. Очевидно, здесь речь идет о ноте лорда Керзона от 11 апреля 1920 года к Советскому правительству с предложением прекратить войну против Врангеля и обещать последнему амнистию. С этим предложением, между прочим, связывалась возможность начала торговых переговоров Англии с делегацией Центросоюза. Указание Врангеля на то, что Советское правительство приняло ультиматум о «прекращении военных действий и неприкосновенности территории, занятой В. С. Ю. Р.», — не совсем точно.

Ответное советское радио от 14 апреля говорило не о принятии ультиматума, а предлагало поставить на обсуждение между Англией и Россией всю сумму интересующих их вопросов. В части же, касающейся Врангеля, радио соглашалось, конечно, не на «мир» с Врангелем и не на признание неприкосновенности «территории, занятой В. С. Ю. Р.», а всего-навсего на помилование Врангеля, и то при условии обмена его на бывших венгерских народных комиссаров.

Значительный интерес представляет другое заявление, сделанное Врангелем на том же заседании. Врангель признал ошибочной прежнюю политику Деникина, который вел «под лозунгом единой России непримиримую борьбу со всеми населяющими Россию народностями». Врангель заявил, что он «будет стремиться к объединению всех противобольшевистских сил, учитывая, что в будущем здоровая клетка поглотит больную».

Этот торжественный отказ Врангеля от старых добровольческих традиций обусловливался не столько действительным сознанием ошибочности старой политики, сколько необходимостью считаться с огромным недовольством самостийного казачества, которое численно являлось главной опорой врангелевской армии.

Впоследствии Врангель не прекращал заигрываний с казачеством. Он заключил даже специальное соглашение с атаманами, по которому за Доном, Кубанью, Астраханью и Тереком признавалась «независимость», но как это соглашение (4 августа), так точно и декларация, сделанная на первом заседании «Совета», показывают, что отказ от старого принципа «единой России» — не больше, чем политический маневр. Текст соглашения 4 августа, на-ряду с признанием «независимости», содержит столько оговорок, что от «независимости» ничего, в сущности, не остается; слова же о том, что в будущем «здоровая клетка поглотит больную», сказанные в приведенной выше декларации,

показывают, что Врангель собственно даже и не скрывал, что его «терпимость» — временная мера, от которой всегда легко будет отказаться.

Впрочем, свою готовность объединить все противобольшевистские силы Врангель применял не только к казакам. Лозунг «хоть с чортом, но против большевиков!», популярный в белом стане в период господства Врангеля, прекрасно отражает не только позицию его самого, но и всего белого движения того времени. Что же касается Врангеля, то он не брезговал даже объединением с Махно и долгое время спекулировал на его мнимом присоединении, широко рекламируя создание этого нового «единого фронта».

Из других вопросов первого заседания отметим вопрос об экономическом и, в частности, продовольственном положении Крыма. Характерны те мероприятия, к которым приходилось прибегать для смягчения продовольственных затруднений: воспрещение выпечки сдобных изделий, введение постных дней недели и т. д. Продовольственные затруднения в Крыму не прекращались все время. Смягчился хлебный голод лишь после занятия северной Таврии, откуда стали вывозить хлеб на юг.

Наконец, — последний вопрос, заслуживающий особого внимания, это — рабочий вопрос. Не случайно он попал в повестку первого заседания. Настроение рабочих было больше чем неблагоприятно, и правительство неоднократно возвращалось к этому вопросу. Врангель усвоил здесь двойственную тактику. С одной стороны, с рабочими заигрывали, суля им привилегированные условия снабжения, обещая развернуть кооперативную сеть лавок, широко снабженных и продовольствием и заграничными товарами, зачисляя их даже на пайковое довольствие. Все эти мероприятия не шли дальше бумажных постановлений и реально ничего не давали рабочим, но некоторое психологическое воздействие, — в особенности первое время, — они оказывали. С другой стороны, с рабочим движением расправлялись самым беспощадным образом, еще энергичнее, чем это имело место раньше при Деникине. Даже меньшевики не избегали арестов, и находившиеся в их руках профессиональные союзы вынуждены были поставить вопрос о самоликвидации своего легального существования.

Ал. Гуковский.

Журнал заседания Совета при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. 9 апреля 1920 г. № 1.

В заседании присутствовали: 1) главнокомандующий вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант барон Врангель, 2) помощник главнокомандующего генерал-лейтенант Шатилов, 3) начальник штаба главнокомандующего генерал-майор Махров, 4) начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов, 5) начальник морского управления вице-адмирал Герасимов, 6) и. д. начальника гражданского управления Д. П. Перлик, 7) и. об. начальника финансового управления д. с. с. Матусевич, 8) начальник управления иностранных сношений П. Б. Струве, 9) государственный контролер А. А. Васильев, 10) начальник управления снабжений генерал-майор Вильчевский, 11) управляющий делами Совета при главноко-

мандующем С. Л. Флок, 12) начальник Севастопольского завода генерал-майор Чорбо, 13) начальник военных снабжений полковник Флоро и 14) начальник отдела путей сообщения Ефремов.

Председательствовал главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель.

Заседание было открыто в 8 часов 5 минут вечера.

Во вступительной речи главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель осветил Совету политическое положение Крыма и настоящее отношение союзных держав к вооруженным силам Юга России. Упомянув о мартовской ноте англичан к генералу Деникину, в коей они предлагали свое посредничество с целью прекращения междоусобной брани под угрозой, в случае несогласия на это генерала Деникина, лишить вооруженные силы Юга России всякого рода помощи, главнокомандующий заявил, что, с согласия военного совета старших начальников, он ответил на указанную ноту заявлением, в коем, указывая на невозможность в случае прекращения помощи союзников продолжать борьбу совершенно и исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, возлагал на великобританское правительство всю нравственную ответственность за последствия предпринятого шага. Далее главнокомандующий сообщил, что в той же ноте он указал союзникам, что долг чести требует от тех, кто лишает помощи в самую тяжелую минуту армию, оставшуюся неизменно верной союзникам, обеспечить полную неприкосновенность всех чинов армии, всех жителей местностей, занятых вооруженными силами Юга России, всех беженцев, кои желали бы вернуться на родину, и, наконец, всех тех, кто, борясь за правое дело, ныне томится в тюрьмах Советской России. Результатом указанного заявления, по словам главнокомандующего, явилась нота английского правительства, адресованная народному комиссару иностранных дел Чичерину, в коей великобританское правительство требует от большевиков прекращения военных действий и неприкосновенности территории, занятой вооруженными силами Юга России, предупреждая, что в противном случае английским морским силам будет предписано принять меры против вторжения советских войск.

Главнокомандующий сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, Советское правительство приняло указанный выше ультиматум.

Вслед засим главнокомандующий поставил Совет в известность, что политику прежней власти, ведшей под лозунгом единой России непримиримую борьбу со всеми населяющими Россию народностями, он считает ошибочной и будет стремиться к объединению всех противобольшевистских сил, учитывая, что в будущем здоровая клетка поглотит больную. В заключение главнокомандующий, приглашая всех к совместной и дружной работе, заявил, что на первую очередь он ставит вопрос об усилении боеспособности армии, для чего считает необходимым:

1) накопление запасов продовольствия, снаряжения, снарядов и т. п.;

2) переброску в Крым всех боеспособных войсковых единиц и

3) устройство тыла (удешевление предметов первой необходимости, увеличение запасов муки и т. п.).

После вступительной речи главнокомандующего начальник управления снабжений генерал-майор Вильчевский сделал подробный доклад Совету о продовольственном положении Крыма и о принятых мерах для устранения продовольственного кризиса, причем указал, что наличные запасы в Крыму муки позволяют предполагать, что муки хватит до нового урожая, при условии расходования до одного фунта в сутки на человека. По докладу начальника управления снабжения им с целью устранения продовольственного кризиса приняты следующие меры:

1. Воспрещена выпечка сдобных изделий.

2. Воспрещен вывоз хлебных злаков из пределов Крыма.

3. Уменьшение потребления мяса введением 3 постных дней в неделю.

4. Поднят вопрос о доставлении нескольких миллионов порций солонины и мясных консервов из Болгарии, о снабжении населения и армии предметами вещевого довольствия, углем и т. п.

Главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель поставил Совет в известность, что в Крыму имеются запасы сырья и минералов: готовой соли до 20.000 пудов, огромные залежи серы, значительное количество туфов, железа на Керченском полуострове, уголь в Бешуйских копях и небольшое количество нефти.

По выслушании объяснений генерал-майора Вильчевского и обмена мнений, в коем принимали участие начальник управления иностранных дел П. Б. Струве и государственный контролер А. А. Васильев, главнокомандующий указал Совету на необходимость напрячь все силы к возможной эксплоатации крымских богатств, привлекая к этому делу и частные капиталы и создавая таким путем экономическую независимость Крыма от чьей бы то ни было помощи.

Вслед за сим главнокомандующий возбудил вопрос о необходимости строгого отношения к выдаваемым казною городам и земствам денежным ссудам на продовольственные и иные надобности, указав, что весьма часто городские и земские самоуправления расходуют получаемые ими иногда многомиллионные авансы не по прямому своему назначению, а на повышение оклада содержания служащих и т. п.

После обмена мнений, в коем принимали участие главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель, и. д. начальника управления финансов д. с. с. Матусевич, государственный контролер А. А. Васильев, начальник военного управления генерал-лейтенант Вязьмитинов, начальник морского управления вице-адмирал Герасимов, Совет, по предложению главно-

командующего, постановил: подчинить расходы земств и городов за счет ссуд, выдаваемых им из казны, ревизии государственного контроля на основаниях, предусмотренных общими правилами предварительной и фактической ревизии, утвержденными главнокомандующим вооруженными силами на Юге России 2 октября 1919 года (Узак. и расп. правительства № 44, 1919 г., ст. 410).

От ассигнуемых в распоряжение земств и городов денежных средств, выдаваемых из государственного казначейства, отчислить 0,6% в распоряжение государственного контролера на усиление средств означенного ведомства на покрытие расходов, связанных с организацией этой новой отрасли ревизионного наблюдения.

Далее государственный контролер А. А. Васильев указал на замеченное им резкое несоответствие окладов содержания служащим в различных ведомствах и, иллюстрируя это несоответствие примером: бухгалтер южных дорог по новым ставкам получает в месяц 39.000 рублей, тогда как государственный контролер — всего лишь 27.000 рублей, внес предложение о необходимости пересмотреть штаты всех ведомств с целью возможного сокращения их и установить строгое единообразие окладов содержания во всех ведомствах соответственно классам занимаемых должностей.

В прениях по затронутому вопросу принимали участие: главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель, г. Васильев, генерал-лейтенант Вязьмитинов, г. Матусевич и др. члены Совета.

По предложению главнокомандующего Совет постановил: организовать под председательством помощника главнокомандующего генерал-лейтенанта Шатилова междуведомственную комиссию из представителей всех ведомств и с непременным участием представителя государственного контроля для тщательного пересмотра штатов всех учреждений, с целью возможного сокращения их и для установления единообразных окладов содержания во всех ведомствах соответственно классам занимаемых должностей.

Засим главнокомандующий предложил присутствовавшему на заседании начальнику Севастопольского завода ген.-майору Чорбо доложить Совету выработанные собранием рабочих положения о нормировке рабочих ставок. В подробном докладе генерал-майор Чорбо осветил Совету материальное положение рабочих Севастополя, указал на выработанные ими так называемые «прожиточные» и «голодные» минимумы содержания, далеко превышающие существующую оплату труда, и упомянул, что единственным выходом из создавшегося положения он считает не повышение вознаграждения за труд, так как такое повышение немедленно же вызовет поднятие рыночных цен на продукты первой необходимости и не достигнет цели, а натурализацию окладов содержания путем выдачи продовольственного пайка. Имея в виду, что рабочих в Севастополе до 12.000 человек и принимая средний состав семьи рабочего из 4 человек, генерал-майор Чорбо

считал, что рабочим ежемесячно пришлось бы выдавать до 48.000 пайков.

В возникших по докладу прениях принимали участие: главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель и члены Совета генерал-майор Вильчевский, генерал-лейтенант Вязьмитинов, генерал-майор Махров, вице-адмирал Герасимов и П. Б. Струве. Прениями выяснилось, что выдачи продовольственных пайков, о которых ходатайствуют не только рабочие, но и все служащие учреждений вооруженных сил Юга России, представляются весьма желательными, но выдача пайков в таком большом количестве — до 48.000 пайков только рабочим Севастопольского завода — является невыполнимой за отсутствием соответствующих запасов.

По выслушании прений Совет, по предложению главнокомандующего, постановил: организовать под председательством генерал-майора Вильчевского особую комиссию, пригласив для участия в таковой и начальника Севастопольского завода, и поручить названной комиссии подробно разработать вопрос о нормировке рабочих ставок и возможном переходе хотя бы к частной натурализации оплаты труда, для чего определить точное число требуемых пайков и размер их и наметить иные пути к облегчению рабочему классу борьбы за существование: устройство яслей, мастерских для шитья белья, широкого развития кооперативов «Добрармия — населению» и т. п.

В заключение Советом был заслушан доклад и. об. начальника управления финансов г. Матусевича о причинах падения русского рубля и о мерах, необходимых к устранению этого печального явления.

После обмена мнений, в котором принимали участие: главнокомандующий генерал-лейтенант барон Врангель, члены Совета генерал-майор Вильчевский, П. Б. Струве и др., Совет, по предложению главнокомандующего, признавая исключительную важность затронутого вопроса, постановил: организовать под председательством начальника управления финансов особую комиссию для выработки мер к поднятию ценности русского рубля.

Заседание было закрыто в 11 часов 15 минут вечера.

Подлинный подписал: правитель и главнокомандующий вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант барон Врангель и члены Совета.

С подлинным верно:

Управляющий делами Совета при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России Флок.

За начальника части общих дел канцелярии Совета (подпись)

С копией верно:

Помощник юрисконсульта (подпись неразборчива).

Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания.

Весной 1853 г. победоносное движение тайпинских войск по территории Срединного Китая достигло высшей точки успеха. Уже взяты города Чан-ша, Хан-ян, Учан, Ханькоу; 8/III 1853 г. со своей 100-тысячной армией тайпины стоят перед Нанкином, древней столицею Срединной империи.

Десять дней упорной осады, решительный штурм, — и священная столица династии минов попадает в руки восставших китайских крестьян.

Манчжурские правительственные круги, опиравшиеся на армию, которая день ото дня все более разлагалась, располагавшие казною, которая день ото дня все сильнее опустошалась, стоявшие перед угрозою кризиса продовольствия, которое вконец истощалось, — правящие круги северной столицы охватываются паникой.

Для их уныния и растерянности было тем более оснований, что они стояли не только под ударами восставшего класса, но и перед опасностью интервенции международного капитала, фактически начавшейся еще в 1842 г. Вслед за англичанами, пробившими себе тогда брешь в пяти портах, в китайскую стену начинают стучаться французские капиталисты, американские, а за ними к Китаю тянутся руки маломощных итальянцев, шведов, бельгийцев, голландцев, испанцев. Взимание податей с китайских владельцев побережного судоходства, разрешение китайским купцам провозить контрабанду под английским флагом — таковы образчики хозяйства «заморских братьев», отнюдь не удовлетворенных своими нанкинскими достижениями.

Несколько особняком от других стояла страна, имевшая самую большую сухопутную границу с Китаем: занятая вопросами Западного Туркестана, ограничиваясь в своей торговле с Китаем кяхтинской линией, она лишь медленно, путем цеплявшихся друг за друга пограничных конфликтов, подходила к дальневосточной проблеме, собираясь локализовать ее первоначально в районе устьев Амура.

Наиболее активная роль в концерте держав на берегах Тихого океана в ту пору выпадала бесспорно на долю Англии.

Тайпинское движение, направленное в первую голову против пекинского правительства, открывало английской агрессии новые перспективы.

«Из последних, приходящих из Китая известий, явствует, — писал лорд Кларендон аккредитованному при Петербургском дворе посланнику Гамильтону Сеймуру [1]), — что повстанческое движение, которое с некоторых пор нарастало в центральных провинциях, в последнее время приняло громадные размеры и что, хотя все силы китай-

---

[1]) Копия депеши лорда Кларендона сэру Гамильтону Сеймуру из Лондона от 17/V (н. ст.) 1853 г. за № 67. (Архив Революции и Внешней Политики).

ского правительства доведены до последнего напряжения, коммерческим интересам иностранных держав угрожает серьезная опасность».

Лондонский кабинет в ту пору был особенно озабочен приближением инсуррекционных войск к Шанхаю, главному нерву английских коммерческих интересов в Китае. Великобританский дипломатический представитель в Китае Бонгэм спешно покидает Гонгконг и едет в Шанхай. Официальной миссией его поездки являлась «защита жизни и имущества британских подданных».

«Равным образом в задачи его входит, — расшифровывал лорд Кларендон действительный смысл поездки, — воспользоваться обстоятельствами настоящего кризиса, дабы добиться возможно больших льгот в области сношений Китая с другими державами как лучшего средства развить иностранную торговлю на рынке, открывающем коммерческим предприятиям всех стран столь заманчивые перспективы».

Известно, что Англии в ту пору принадлежала никем не оспариваемая гегемония на китайских рынках: конкуренция других держав ей была не страшна, помощь же их далеко не безразлична. Отсюда понятна инструкция, даваемая Бонгэму,— «не искать никакой исключительной привилегии для британской торговли в Китае» и все те преимущества, которых удастся добиться, «разделить со всеми цивилизованными нациями мира». Это означало, по разъяснению того же Кларендона, что, «если представители иностранных правительств в этой стране проявили бы себя расположенными сотрудничать с ним (великобританским представителем) для достижения не менее выгодных для них целей — он должен без колебаний принять их содействие».

По своей заинтересованности в китайских делах и по своим возможностям оказывать влияние на ход китайских событий Россия была в рассматриваемое время второй после Англии державой.

Сэр Гамильтон Сеймур получал поэтому специальную директиву побудить Петербургский кабинет на «соучастие с другими державами в выгодах, которые представляет настоящий кризис, дающий возможность открыть Китайскую империю вообще для коммерческих операций цивилизованных наций всего мира».

«Потрясающая Стамбул и Тегеран десница» русского царя была еще слишком коротка, чтобы протянуться на далекий Восток. Известно, что переговоры, возникающие в это время между морским и дипломатическим ведомствами по поводу занятия о. Сахалина, приводят к передаче острова во владение Российско-американской компании. И хотя стоящий весною 1853 г. перед вооруженным конфликтом с Портою Петербургский кабинет преисполнен безграничным оптимизмом и уверенностью в своих силах, в китайском вопросе он не расположен к решительным действиям.

Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что, как уже сказано выше, торговые сношения России с Китаем исчерпывались в ту пору кяхтинской линией, игравшей роль главной чайной артерии, и относительно небольшой меновой торговлей в пограничном пункте Тарбагатае.

Высказываясь во всеподданнейшей записке по поводу предложения Сент-Джемского кабинета управляющий российским министерством ин. дел гр. Нессельроде писал [1]: «Министерство ин. дел по содержанию депеши лорда Кларендона полагает: что нам едва ли что-либо можно предпринять в смысле сделанного английским правительством предложения: англичане, по близости от Китая своих Ост-индских владений и за-

[1]) Всеподданн. докладная записка от 16/V 1853 г.

нимая Гонгконг, располагая значительною морскою силою, имеют все средства, чтобы оказать действительную помощь китайскому правительству. Мы же, к сожалению, не имеем всех этих средств: от Китая (от китайских собственно областей. *А. П.*) отделяет нас огромная Монгольская степь, через которую войско, сколько-нибудь значительное, встретит в движении своем непреодолимые препятствия, поставляемые самою природою. Путь через Манчжурию, конечно, не соединен с такими неудобствами, но самые наши военные силы в Восточной Сибири — особенно при могущих произойти волнениях в сопредельной Монголии — не позволяют также помышлять об этой мере. Если бы камчатская наша флотилия имела более... [1]), то, без сомнения, всего удобнее было бы оказать некоторую помощь морским путем, отрядив с этою целью несколько военных судов, которые мы могли бы направить к Тянь-цзину или в Шанхай и явить, таким образом, участие к судьбам манчжурской династии. Но при теперешнем состоянии китайской флотилии и эта мера оказывается невозможною»... В соответствии с такой оценкою собственных сил министерство ин. дел дает свой ответ на ноту великобританского посла, ответ, составленный в благожелательных, но «общих», ни к чему не обязывающих выражениях [2]).

По поводу дававшихся английским правительством заверений в том, что оно не намерено искать для себя каких-либо исключительных привилегий в Китае и стремится распространить их на все «цивилизованные нации», Горчаков напоминал бар. Бруннову, что во время своей последней войны с Китаем англичане давали аналогичные заверения, в Нанкинский же договор была включена впоследствии статья, ограничивавшая пользование пятью портами только тем нациям, кои ранее имели коммерческие сношения с Кантоном — Россия, не принадлежавшая к этой категории, оказывалась, таким образом, исключенной из пользования добытыми привилегиями.

Министерство ин. дел напоминало еще Бруннову и о том, что в 1848 г. на основании этой статьи русскому судну было запрещено посещение шанхайской гавани [3]).

Русское дипломатическое ведомство не теряло при всем этом надежды, что особое положение России в Китае приведет к тому, что развивающиеся в стране события не отразятся на русско-китайских отношениях, и, в частности, на дальнейшем пребывании в Пекине русской духовной миссии.

Последняя успела к рассматриваемому времени неплохо обстроиться, приобрести движимую и недвижимую собственность [4]) и развить в известной степени пропагаторскую работу. «Поэтому министерство полагало бы... чтобы миссия наша оставалась на своем месте до последней крайности. Притом же, допуская даже возможность совершенного низвержения инсургентами нынешней манчжурской династии и овладения Пекином, трудно предположить, чтобы они решились на какие-либо насильственные поступки против нашей миссии. В лицах, ее составляющих, они будут видеть мирных иностранцев, русских, к которым китайцы не только не питают никакой вражды и ненависти, но даже являют некоторое расположение».

Отсюда вытекала директива, дававшаяся русской миссии из Петербурга: «Не иначе оставлять Пекин, как когда уже будут истощены ею все средства к отвращению опасности и когда гибель, при дальнейшем пребывании, будет для всех явною».

---

[1]) В копии пропуск.

[2]) Проект депеши бар. Бруннову в Лондон от 23/V 1853 г.

[3]) Проект депеши бар. Бруннову в Лондон от 23/V 1853 г.

[4]) Два храма и два подворья при них.

Однако не русские миссионерские интересы в Пекине были в центре внимания петербургского правительства.

Главный нерв русских интересов, как уже сказано, был сосредоточен в ту пору в районе кяхтинской чайной торговли. Еще до получения записки лорда Кларендона министерство ин. дел получило информацию из Кяхты о том, что «мятеж в Китае увеличивается» и что «торговцы китайские начинают тревожиться за безопасность пути через Монгольскую степь и что, в случае каких-либо в Монголии волнений, они заранее заявляют свое желание передать все товары, находящиеся у них в Маймачене, на нашу сторону, для большей их безопасности»...

«Что касается до положения дел в Монголии, — докладывал по этому поводу министр царю, — то вопрос этот, по мнению министерства, есть самый важный и более всего касающийся до существенных интересов России. При нерасположении, которое монголы питают к китайскому правительству, довольно вероподобно, что они при перевороте, который может постигнуть Китай, захотят отторгнуться от Китайской империи... Так как с спокойным положением Монголии тесно связаны пользы нашей кяхтинской торговли, то на беспорядки в Монгольской степи мы не можем взирать равнодушно, и искренно желаем сохранения в оной тишины и благоустройства».

Правительство знало, что русские купцы располагают значительным запасом закупленных ранее чаев и что у китайских купцов тоже заготовлены в Маймачене большие запасы для предстоящей расторжки — все это обеспечивало рынок на случай прекращения подвоза чаев в течение ближайшего года. Правительство вместе с тем признавало невозможность «остановить ход событий в Китае». Оно ограничивало поэтому себя задачей иметь тщательное наблюдение за всем, что будет происходить в соседственной Монголии, «и — особенно — за положением нашей границы», принимая «должные меры к ее ограждению, к предотвращению всяких к нам вторжений, хотя бы даже и не враждебных, со стороны монголов или же переходов на их сторону наших бурят — их единомышленников, которые, при восстании монголов, легко могут быть увлечены их примером и с ними соединиться».

В своем листе в китайский трибунал внешних сношений российский министр ин. дел писал в соответствии с сказанным следующее [1]: «До нас доходят также слухи, что якобы путь через Монголию, по которому следуют ваши купеческие караваны на Кяхту, делается уже не столь безопасным, как был прежде, и что при увеличивающихся беспорядках он может совсем пресечься. Надеемся и желаем искренно, чтобы эти опасения не сбылись. Но, в случае, если, действительно, в Монголии возникнут какие-либо замешательства, мы, конечно, по близости от нас сей страны, которая соприкасается с нами Сибирью, не можем взирать равнодушно на подобного рода происшествия, и желание наше еще более будет состоять в том, чтобы какими-либо благоразумными мерами сии беспорядки были предотвращены»...

Известно, что после временных неуспехов в течение летних месяцев 1853 года к осени тайпины снова переходят в наступление, в сентябре врываются в Чжилийскую провинцию и значительно (вплоть до Пекина) расширяют сферу своего влияния.

«По сведениям, имеющимся в министерстве ин. дел и частично полученным также от наших консулов в Кульдже и Чугучаке, — писал встревоженный министр к ген.-губернатору Западной Сибири [2]), — дух мятежа уже начинает проникать и в западные

[1]) Проект листа от 26/V 1853 г.

[2]) Проект отношения к ген.-губернатору Западной Сибири от 21/XI 1853 г.

китайские области: умы приходят там в сильное брожение, и по всему видно, что эта часть китайских владений также не избегнет смут и беспорядков, последствием коих не невозможно и отпадение от Китая не только Кашгарии, но и Илийской области (бывш. Джунгарии. *А. П.*) как страны, также завоеванной, и которая с негодованием сносит иго китайцев»...

Готовясь к тому, чтобы «события западного Китая не застали нас врасплох», русское правительство не упускало также из виду и тех перспектив, которые могли открыться для его морской торговли в портах восточного Китая. Учитывая возможность образования в ходе гражданской войны нового революционного правительства в Китае, министр ин. дел еще раньше давал ген. Путятину такие советы [1]): «...буде бы к тому времени, когда вы предполагаете вновь посетить китайские порты, произошел в Китае окончательный переворот и манчжурская династия была ниспровергнута, — то, по мнению нашему, не лишним было бы появиться вам в Тянь-цзинском заливе, яко ближайшем месте от столицы Китая, и откуда вы могли бы иметь удобнейшие сношения с Пекином. Цель же сего появления вашего в Тянь-цзин состояла бы в том, чтобы войти в некоторые переговоры с новым китайским правительством, показать оному, что мы желаем сохранять с ним те же добрые связи, которые всегда имели с Китаем и которых требуют соседство обеих империй и обоюдные интересы, а затем попытаться также сделать, что будет возможно, в торговых видах, т.-е. насчет выговорения каких-либо по торговой части новых прав, кроме тех, которые уже имеем, свободной морской торговли наравне с другими державами»...

В другой депеше, посланной министром незадолго перед тем на имя того же Путятина [2]), пожелания русского дипломатического ведомства уточнялись в следующих выражениях: «Если же к времени вашего возвращения в Россию дела в Китае примут уже окончательный оборот и произойдет в сем государстве перемена правления, — то в таком случае... еще полезнее будет... зайти в китайские порты, показать там наш флаг, и чтобы китайцы самым появлением оного уже считали нас, наравне с прочими европейцами, в праве заходить в их открытые порты и производить там торговлю. Конечно, вы тогда воспользуетесь также вашим временным пребыванием в шанхайском или ином китайском порте, дабы войти с местным китайским начальством в некоторые сношения и сделать оному те внушения, какие польза дел наших будет требовать, имея во всем этом в виду установление с Китаем правильной морской торговли»...

И дальше в той же инструкции читаем:

«Если же при вас будет какое-либо колониальное наше судно с товарами, то вы также воспользуетесь этим, чтобы тут же положить некоторое начало торговым оборотам, испросив, буде можно, письменное на сие разрешение, если не от высшего китайского правительства, то хотя бы от местного китайского начальства. Упрочение же и большее узаконение сей новой торговли может быть потом предметом дальнейших сношений с Китаем нашего правительства»...

Сохранить сухопутную торговлю с Китаем и положить начало торговле морской — таковы две основные задачи, которые ставило себе царское николаевское правительство, готовое использовать для того все обстоятельства, вплоть до фактического признания правительства восставших китайских крестьян.

---

[1]) Проект депеши к ген.-ад. Путятину от 30/VIII 1853 г.

[2]) Проект дополнительной шифрованной инструкции ген.-ад. Путятину от 9/VIII 1853 г.

Известно, что великобританский консул в Шанхае в вопросах вспыхнувшей в Китае гражданской войны держит в ту пору строгий нейтралитет и даже наносит визит вождю тайпинов Хунь Сю-цуань, провозгласившему себя в Нанкине «императором неба» [1]). Совершенно понятно, что русское правительство, располагавшее гораздо меньшими, чем англичане, ресурсами для какой-либо интервенции, было еще в большей степени расположено к невмешательству во внутренние дела Китая: и в упомянутой депеше, и в дополнительной к ней инструкции Путятину давалась строжайшая директива в этом духе.

Соблюдать фигуру невмешательства для русского правительства было тем более важно, что этим продемонстрировалась лишний раз его особо дружественная, отличная от английской, позиция в китайском вопросе. Характерно во всяком случае то, что, намечая Путятину тот образ действий, какого он должен держаться в условиях возможного крушения манчжурской династии, министр настоятельно подчеркивал, что «при настоящих обстоятельствах» он не должен ставить себе никакой «другой цели, как токмо собрание по возможности точнейших сведений обо всем... а также о действиях и всяких преднамерениях англичан и американцев и других там иностранцев, по поводу нынешних событий в Китае».

Не вмешиваясь во внутренние дела Китая и «поступая, вообще, с осторожностью», Путятин должен был особенно остерегаться «дружеских изъявлений англичан».

Революционное движение китайских крестьян, эта своего рода китайская пугачевщина, между тем продолжало расти и, казалось, было далеко от того, чтобы разделить участь пугачевщины русской.

Неудачи тайпинов на севере компенсировались их успехами в среднем и южном Китае. Оставив Шанхай (конец 1854 г.), они прочно утверждаются в Ханькоу и Учане (1855 г.) и дважды отражают (1855 и 1856 гг.) от Нанкина стремящиеся овладеть городом войска богдыхана.

«Из донесений..., полученных от нашей миссии из Пекина.., видно, — докладывал Горчаков царю летом 1856 г. [2]), — что положение дел на юге Китая весьма неблагоприятно для правительства. Главные инсургенты, известные под именем длинноволосых, владея попрежнему рекою Ян-Цзы-цзяном и распространившись в смежных губерниях до Кантонской, приобрели новые успехи. 24 марта с. г. они разбили правительственные войска и, бросившись на север, снова овладели Ян-Чжоу-фу. Итак, надежда на освобождение Императорского канала возвращением Гуа-чжоу, которого ждали с часу на час, не сбылась, напротив, сделана новая, чрезвычайно важная, потеря».

Отмечая оживленную деятельность инсургентов в Аньхое и Хенани, а также восстание горцев Мяо-цзы, известных под именем рыжеволосых (нянь-фэй), русский министр ин. дел к оставшимся спокойными провинциям мог причислить только Сы-чуань и Юнь-нань на западе и Чже-цзянь с Фу-цзянем на востоке.

«Вынужденное этими обстоятельствами, — продолжал Горчаков, — китайское правительство решилось прибегнуть к важным мерам. В марте месяце обнародован манифест о собрании в Монголии конного войска, которое должно вступить в Китай, чтобы осенью нынешнего года, соединившись с манчжурскими и китайскими войсками, от-

[1]) Шпильман. «Крестьянская революция в Китае», изд. «Московский Рабочий», 1925 г., стр. 40.

[2]) Всеподд. доклад от 7/VIII 1856 г. Докладная записка основывалась на донесениях миссии от апреля того же года. Кн. Горчаков вступил в должность министра ин. дел 15/IV 1856 г.

правиться в поход на юг. Но это предприятие не легко привести в исполнение при настоящем крайнем недостатке финансов. Правительство едва ли будет в состоянии обойтись временными средствами: пожертвованиями, ассигнациями и биллонной монетой [sic!]. Оно ясно видит это, и Верховный совет беспрестанно придумывает новые меры для поправления финансов. Более замечательная из них — обложение пошлиной тех привозных статей торговли, которые доселе не были означены в тарифах. Было также предположение взимать пошлины за опиум, формально дозволив ввоз его в Китай; но, по настоянию члена Верховного совета, Вэнь-цина, проект был отвергнут, и опиум попрежнему остался контрабандой в глазах правительства... Соображая ход событий в Китае, можно с достоверностью сказать, что пока еще не предвидится скорого водворения мира, столь желательного для империи».

Положение пекинского правительства становилось тем более тяжелым, что трения с англичанами и французами давали ему попрежнему себя остро чувствовать, а к концу 1856 г. вылились в формы вооруженной борьбы, загоревшейся вокруг старого опиумного вопроса. Операции союзников начинаются у Кантона, после взятия которого европейские войска двигаются на север, с целью овладения фортами Таку и открытия себе дороги на Пекин.

Повидимому, для европейцев настал тот момент использования создавшегося в Китае положения, который, как мы видели выше, имел в виду лорд Кларендон.

Россия ни в какой мере не участвовала в этом выступлении [1]) против Китая. Правда, китайский вопрос теперь, после неудач черноморской политики, был для нее далеко не безразличен: он выходил далеко из рамок вопроса о караванной торговле в пределах западного Китая и фиксировался преимущественно на областях северо-восточного Китая, территории которого, лежащие по левой стороне реки Амура вплоть до устья последнего, должны были, в полном соответствии со статьями старых трактатов, утешить утерявшее устья Дуная петербургское правительство.

Но это были все же чисто «пограничные» вопросы, которые должны были быть разрешены согласно букве и духу старых русско-китайских трактатов, и явиться продуктом свободного волеизъявления Пекинского двора. К каким-либо военным операциям теперь, в 1856 г., Петербург не мог питать ни малейшей склонности, и участие в выступлении держав, ничего, кроме вреда, принести ему не могло.

«Опытный чиновник и в особенности знакомый с духом правления Китая» [2]), ген.-майор Ковалевский в своей записке, представленной министру ин. дел, писал по этому поводу следующее: «...обстоятельства идут слишком быстро; эскадры западных держав уже отправились к китайским морям; разрушение Кантона возвестило начало неприятельских действий с Китаем, и можно ожидать появления европейских войск у самого Пекина. Присутствие их там и влияние, которое они могут иметь на китайское правительство, конечно, будут неблагоприятны для наших дел на Амуре, а потому неизбежно рождается вопрос, что должны мы предпринять в виду предстоящего кризиса в Китае? соединиться ли с другими европейскими державами и воспользоваться выгодами, которые приобретут они?» «Но интересы наши, — следовал ответ, — слишком отличны от интересов других европейских держав, и, конечно, мы не можем рассчитывать на их содей-

[1]) 27/X (н. ст.) 1856 г. Сеймур подвергает Кантон бомбардировке; официальное объявление военных действий относится только к марту 1857 г.

[2]) Так характеризовал Горчаков автора записки, которая была при докладе от 22/I 1857 г. препровождена Александру II.

ствие при определении наших границ на Амуре; кроме того, соединиться с врагами Китая нам, не имеющим никакого повода к вражде и скорее подавшим повод к неудовольствию на нас со стороны Китая, было бы даже и в политическом отношении несовместно. Остается — мирными переговорами разрешить возникшие вопросы с Китаем».

Особые интересы России в Китае, существенно отличные от интересов западноевропейских держав, не позволяли ей принять участие в их вооруженной игре. Но пройти мимо этой игры Петербургскому кабинету также не представлялось возможным. «Взятие европейцами Пекина, как и взятие англичанами Герата, — замечал тот же Ковалевский, — будут для нас одинаково чувствительны и не дозволят нам ни в каком случае оставаться равнодушными зрителями; первое парализует все наши начинания на берегах Великого океана и Амура; второе ставит во власть англичан всю среднюю Азию».

Русские интересы на границах западного Китая удавалось в той или иной мере обеспечить. После сожжения в августе 1856 г. в Чугучаке китайской толпою русской фактории, причем были расхищены товары русских купцов, китайское правительство само спешит подвергнуть виновных наказанию, по словам Горчакова, «может быть, слишком строгому» [1]).

Гораздо большее беспокойство должно было вызывать у царского правительства положение дел на границах восточного Китая, где пока еще было меньше реальных интересов, но где были заложены возможности крупных достижений. Слагавшаяся конъюнктура грозила в дальнейшем расстроить дело реализации этих накопившихся возможностей; вместе с тем момент был таков, что требовалось спешить с решительными действиями.

В письме к ген.-губернатору Восточной Сибири от 9/II 1857 г. Горчаков писал [2]): «Новейшие сведения о действиях англичан в Кантоне и о дальнейших их намерениях в отношении к Китаю убеждали нас более и более, что терять времени для приведения к окончанию существующих у нас с Китаем вопросов нельзя и что, если трудно достигнуть сего окончания, то, по крайней мере, необходимо приступить к каким-либо для того решительным действиям».

В отличие от линии поведения прочих европейских держав действия русского правительства должны были быть облечены в дружественные формы дипломатических переговоров. Переговоры поручалось вести за отсутствием у России своего дипломатического представителя в Пекине особому уполномоченному ген.-ад. Путятину, который должен был немедленно отправиться в Пекин во главе чрезвычайного посольства; ему же предоставлялась «полная власть условиться и решить по всем делам, до России и Китая относящимся».

«В настоящее время, — сообщал в связи с тем Горчаков в китайский трибунал внешних сношений [3]), — когда Китайская империя взволнована внутренними беспокойствами и угрожаема извне неприятелем, который уже обнаружил свои враждебные действия в Кантоне, мы не хотим, чтобы достойно уважаемое китайское правительство могло предполагать и со стороны нашей какое-либо недружелюбие, и с тем вместе не желаем, чтобы эти беспокойства внутри и нападения извне отразились на наших границах как сухопутных, так особенно морских»...

---

[1]) Всеподд. доклад министра ин. дел от 15/XII 1856 г.

[2]) Письмо министра ин. дел к ген.-лейт. Муравьеву от 9/II 1857 г.

[3]) Проект листа в китайский трибунал внешних сношений от 2/II 1857 г.

Предполагая первоначально отправить посольство обычным (сухим) путем через Монголию и допуская в крайнем случае, в случае препятствий со стороны китайского правительства, продвижение посольства по Амуру и морем до Тянь-цзиньского порта, министерство ин. дел предписывало духовной миссии в Пекине употребить все средства, чтобы убедить китайское правительство в необходимости принять посольство.

Хотя миссия, в случае упорства китайцев, не должна была останавливаться и перед угрозами «вредных последствий», хотя ей внушалась мысль о необходимости «оставить прежнюю систему нерешительности при сношениях с китайскими властями», однако прежде всего ей вменялось в обязанность «главнейше настаивать на том, что посольство это не имеет ничего общего с требованиями предполагаемых посольств западных держав», ибо Россия «дорожит вековою дружбою с Китаем и не пожертвует ею из-за каких-либо мелочных интересов».

Поддержание дружественных отношений с Китаем и демонстративное отмежевание от политики прочих держав в китайском вопросе — таков был тот путь, который намечался царским правительством для достижения отнюдь не мелочных целей, выраставших для него на почве китайской проблемы.

«Наше утверждение на устьях Амура, — давал министр ин. дел официальную мотивировку позиции Петербургского кабинета [1]), — отнюдь не является завоеванием [2]). Согласно нашим прежним трактатам с китайским правительством мы уже имеем на устья этой реки давние права, и, если мы не считали необходимым до сего времени придавать им характер публичности, наше обладание ими не стало, по нашему мнению, вследствие того менее очевидным. Гр. Путятину, миссия коего носит совершенно мирный характер, поручено только договориться с китайским правительством относительно нескольких второстепенных пунктов, связанных с этим вопросом и требующих возможно лучшего разрешения. Открытие свободного плавания по Амуру является для нас тою крайнею необходимостью, которая не может быть оспариваема. Это единственный путь снабжения продовольствием наших поселений возле устьев реки. Приезд наших кораблей, предназначенных для обслуживания этой важной линии связи, требует некоторых уступок на левом берегу, относительно которых гр. Путятин уполномочен договориться. Что же касается нашей духовной миссии в Пекине, — она совершенно лишена всякого политического характера».

Желание «привести в ясность и определительность все наши трактаты и окончить все споры с китайцами» толкало Петербургский кабинет на действенное изъявление своей дружбы Китаю и вместе с тем на определенную ориентировку во внутренних китайских делах.

---

[1]) Проект депеши Стэклю в Вашингтоне от 12/II 1857 г.

[2]) Еще в 1855 г., в ответ на протест китайского правительства против самоуправных действий ген. Муравьева, Правительствующий Сенат подтверждал правомерность действий последнего. С того времени китайский трибунал молчал. «Этим молчанием, — писал Путятин в своей депеше от 25/IX 1857 г., — китайское правительство доказало, что не имеет никаких утвержденных прав на владение устьем Амура, где в продолжение семи лет, как Россия основала свои поселения, не появлялось ни одного китайского и манчжурского чиновника и где дикие племена никогда не были подчинены и не платили дани Китаю». Необходимо отметить, что Путятин мог при этом иметь в виду только нижнюю часть Амура, ибо пространства обоих берегов и среднего и верхнего Амура были заселены племенами, хотя и «дикими», но платившими дань Китаю.

«Представьте трибуналу, — инструктировалась пекинская духовная миссия в связи с вопросом о предстоящем посещении русским посольством Пекина [1]), — что в годину бедствий Китая западные державы, пользуясь его тяжелым положением, являются не только с угрозами, но с войною, которая уже разразилась в Кантоне. Одна Россия обращается к нему с посольством дружественным и даже готова оказать помощь, как нравственную, так отчасти и материальную, в оружии и артиллерийских снарядах состоящую и для внутренних врагов предназначаемую»...

Мысли, высказанные несколько более откровенно, но не расходившиеся, в общем и целом, с цитированною инструкциею, мы находим в министерском отношении на имя ген.-губернатора Восточной Сибири [2]): «Положение Китая, — значилось там, — так исключительно, подвержено таким неопределенным случайностям, что трудно заранее делать какие-нибудь предположения относительно этой империи. Вопрос о том, удержится ли настоящее правительство в Китае, будет ли низвергнуто инсургентами — находится в том же самом виде, в каком он был три года тому назад, и, по всем сведениям, которые мы получаем из Пекина через миссию и через иностранцев из Кантона, мы решительно не в состоянии вывести какого-либо заключения по сему предмету. А потому всякое суждение наше было бы преждевременно. Во всяком случае, по моему мнению, мы едва ли имеем право объявить Монголию и Манчжурию под русским покровительством. Не говорю уже о том, достаточно ли мы имеем сил и средств, чтобы защитить этот обширный край».

Весною 1857 г., после того как англичанам вооруженною рукою удалось доказать китайцам основательность своих притязаний, они собираются приступить к мирным переговорам с пекинским правительством, поручая ведение этих переговоров лорду Эльджину, выезжающему к устью реки Пей-хо. Возмещение за убытки, причиненные английским подданным во время беспорядков, полное соблюдение всех трактатов, согласие на учреждение в Пекине постоянного дипломатического представительства, уничтожение существовавших ограничений в деле торговли с Китаем, открытие для иностранной торговли портов, свободное сообщение с городами внутреннего Китая, обеспечение безопасности христианским миссионерам и свобода вероисповедания живущим в Китае христианам, в том числе и китайцам, принявшим христианскую веру,— таковы были главные пункты требований, выставлявшихся англичанами. Великобританский посланник в Петербурге по поручению своего правительства зондирует российское министерство ин. дел по вопросу о совместных действиях в течение мирных переговоров. Ответ министерства отличался попрежнему некоторой неопределенностью.

«Государь император, — инструктировал в связи с тем Горчаков гр. Путятина [3]), — разрешает вам оказывать зависящее от вас содействие тем домогательствам лорда Эльджина, кои относятся до интересов, общих всем просвещенным нациям, каковы: установление правильных дипломатических сношений с Пекинским двором, отстранение стеснительных мер, коим подчинена торговля иностранцев и обеспечение свободы вероисповедания для христиан. Но таковое содействие ваше... ни в каком случае не должно выходить из пределов дружелюбного домогательства... Относительно же вознаграждения за убытки, понесенные англичанами вследствие принятых ими самими враждебных

[1]) Отношение директора Азиатского департамента начальнику пекинской духовной миссии от 9/II 1857 г.

[2]) Доложенном царю 23/III 1857 г.

[3]) Отношение ген.-ад. гр. Путятину от 4/V 1857 г.

мер в Кантоне, — государю императору угодно, чтобы ваше сиятельство воздержалось от всякого участия в требованиях лорда Эльджина. Поддержка с нашей стороны в этом вопросе означала бы некоторым образом признание правоты тех действий англичан в Кантоне, кои подали повод к разрыву: это было бы несовместно ни с убеждениями нашими, ни с желанием нашим не вмешиваться в интересы, вовсе для нас чуждые».

Уклончивая позиция России, разумеется, не останавливает энергии англичан. Взятие фортов как Таку, так и Тянь-цзиня, открывает им прямую дорогу к Пекину и делает китайское правительство еще более уступчивым.

Это в свою очередь побуждает Россию торопиться с делом продвижения своей миссии в Пекин. «Обнаруженные ныне намерения Англии попытаться достигнуть своих целей в самой столице Китайской империи, — отмечал министр ин. дел, обращаясь к Путятину [1]), — должны изменить характер возложенного на вас поручения и те условия, которым оно должно было быть подчинено»... Сущность возложенного на гр. Путятина поручения, основные цели его миссии оставались, разумеется, без изменения и должны были попрежнему сохраняться в строжайшей тайне. Устранялась лишь необходимость «связывать исполнение оного предосторожностями», которые прежде представлялись важными, и предписывалось, не считаясь ни «с щекотливостью китайцев», ни «с подозрительностью и недоброжелательством других правительств», — «употребить всевозможное старание к проезду в Пекин тем или другим способом».

«Вопрос об участи, ожидающей Китайскую империю, — писал тот же министр Путятину в одной из своих предыдущих инструкций [2]), — сделался еще сложнее действиями англичан в Кантоне и дальнейшими их замыслами в отношении к этой империи; обстоятельства сии, изменив до некоторой степени прежние предположения наши, убеждают в необходимости принять скорейшие меры к объяснению и решению спорных дел между нами и китайцами»...

В чем же заключались эти неоднократно отмечавшиеся «спорные дела», которые должны были явиться предметом переговоров едущего чрезвычайного посланника и полномочного министра с утесненным правительством богдыхана?

Мы видели, что русское правительство особенно высказывалось против поддержки требования англичан о возмещении им за убытки, понесенные от «смуты» в Китае. Оно само понесло немалые убытки во время беспорядков в Чугучаке и оценивало убытки эти (вызванные сожжением и разграблением русской фактории в 1855 г.) в 300.000 руб. серебром. Быть может, оно хотело добиться теперь их возмещения? Отнюдь нет — в той же инструкции, данной Путятину, предписывалось не требовать вознаграждения за эти убытки.

У русского правительства были давние споры с китайцами из-за права взимания податей с живущих в прилегающих к южной части Томской и Енисейской губерний местностях двоеданцев-урянхайцев. Русское правительство отказывается теперь от своих прав в пользу китайского правительства. Вместе с тем оно готово обеспечить последнему платеж ясака кочующими племенами.

Русское правительство, правда, не хочет уступить китайскому в вопросе о караванной торговле в западном Китае, но оно не слишком при этом настаивает на свободном

---

[1]) Проект отношения г.-ад. гр. Путятину от 11/V 1857 г.

[2]) Проект инструкции г.-ад. гр. Путятину от 19/II 1857 г.

пропуске своих караванов до Пекина и готово примириться даже с Ургою как конечным пунктом.

Оно заинтересовано в организации почтового сообщения и в открытии для русских факторий некоторых пунктов в западном Китае через Монголию. Оно вместе с прочими державами заинтересовано в учреждении в Пекине своей дипломатической миссии и в признании за ним права вести торговлю в пяти портах, открытых для других держав. Но самым главным, самым первым вопросом в предстоящих переговорах должен был явиться вопрос об определении прав России на реку Амур, где до сего времени не было произведено точного и ясного разграничения.

Русскому правительству было известно, что англичане, а за ними и французы, выставляют требование свободного плавания по всем рекам. Отнюдь не отказываясь от такой перспективы и для себя, русское правительство, предоставляя правый берег Амура китайцам, стремится прежде всего к тому, чтобы весь левый берег Амура был признан в его владении.

Мы отмечали не раз, что русское правительство считало особенно важным не вмешиваться во внутренние китайские дела. Но, ради успешного завершения своей исторической миссии на Амуре, оно готово поступиться теперь этим принципом. По этому поводу министр ин. дел писал гр. Путятину: «Восстание, имеющее, повидимому, целью низвержение ныне царствующей династии, хотя медленно, но подвигается вперед; нам невозможно составить себе полное и настоящее понятие о сочувствии китайского народонаселения к сему событию. Нет никакого, однако, сомнения, что приверженцы императорского дома должны видеть и понимать грозящую им опасность, а потому, конечно, они изыскивают всякие средства для усмирения возмущения. Но как доселе богдыханские войска почти всегда претерпевали поражения, то очень может статься, что правительство будет просить пособия России. Конечно, мы предпочитали бы воздержаться от всякого вмешательства во внутренние дела Китайской империи, но, принимая в уважение — с одной стороны, важность приобретения для нас Амурского края, а с другой — замыслы англичан, которые будут, без сомнения, пользоваться всеми случайностями для достижения своих целей и в этих видах могут предложить свое содействие китайскому правительству для усмирения мятежа, — нам, может быть, не следует отказать сему правительству в пособии, если оно будет о том просить. Пособие это, однако, ни в каком случае не должно простираться далее защиты самой Манчжурии как более доступной для наших войск... и только под одним непременным условием: благоприятного для нас исхода по Амурскому и др. вопросам»...

Заметим, что в той же инструкции Путятину подчеркивалась необходимость выполнить данное ранее китайцам обещание — сформировать, вооружить и инструктировать ряд китайских военных частей.

Основные устремления царского правительства вырисовываются таким образом с достаточной ясностью. Ясными также становятся и пути, намечавшиеся им для достижения поставленных целей. Отклонение от этого пути допускалось только в одном случае: «Если ход переговоров ваших покажет, что на успех их решительно нельзя рассчитывать, — писал Горчаков, — тогда вы можете прибегнуть к совокупному участию с западными державами как мере крайней, действуя, однако, во всяком случае только нравственным влиянием своим, нисколько не обещая материальной поддержки»...

Русское дипломатическое ведомство так мало рассчитывало на выгоды от совместных с другими державами действий, что, когда, через несколько дней, ему стало из

вестно о данной лорду Эльджину из Лондона директиве подкреплять русские настояния в Пекине, Горчаков счел необходимым снова напомнить Путятину дававшиеся ему ранее тактические советы: «Лорд Вудгауз,—писал он [1]),—не говорил мне о сем ничего; но если бы он формально предложил мне содействие лорда Эльджина к подкреплению домогательств наших в делах, собственно до России относящихся, то, поблагодарив за предложение, я не преминул бы оное отклонить... Нужным считаю обратить внимание ваше на то, что совокупное действие ваше с английским уполномоченным должно иметь предметом лишь интересы, общие всем просвещенным государствам. Вопросы, относящиеся до частных переговоров России и Англии, должны быть предоставлены особому домогательству каждой из сих держав»...

Когда, после официального предложения лорда Вудгауза, последовало заявление в том же духе со стороны французского посла гр. Морни, ответ, данный русским дипломатическим ведомством, не изменился ни на иоту.

Интересно отметить, что в это же самое время, встречая уклончивость со стороны китайцев в деле приступа к переговорам, гр. Путятин принял решение «прибегнуть в случае упорства Пекинского кабинета к военной демонстрации против Сахалин-улы или Айгунта» [2]).

«Военная демонстрация против Сахалин-улы или Айгунта, — замечал по этому поводу министр [3]), — поставила бы нас в противоречие с нашим объявлением, а в отношении Китая мы явились бы участниками в военных действиях англичан»...

Министр выражал при этом уверенность в том, что к такой «понудительной» мере Путятин приступит лишь в таком случае, если «будет вынужден к тому самой крайнею необходимостью».

Министр выражал также надежду, что «крайность эта будет избегнута», ибо она «поставила бы нас в весьма неприятное и даже затруднительное положение не столько в отношении к Пекинскому кабинету, сколько в отношении к Англии и Северо-Американским Штатам».

И, однако, в той же депеше Путятин извещался и о том, что принятое им решение о военной демонстрации удостоилось высочайшего одобрения.

Не получая от китайского правительства официального согласия на проезд в Пекин, Путятин в июне 1857 года оставляет Кяхту, чтобы, спустившись по Амуру, проникнуть в столицу Китая. «Вы будете всегда исходить из того положения, — напутствовал его при этом министр, — что мы решили занять левый берег Амура и что наши старания должны быть направлены к тому, чтобы оформить это дело, получив на то согласие китайского правительства» [4]). Ориентируясь все же на мирный исход всего дела, русское правительство предписывало в то же время ген.-губернатору Восточной Сибири «ограничиться насколько возможно простою колонизациею» края, порученного его попечению, и «избегать всякого вооруженного столкновения и насильственного занятия территории, не прибегая к подобным мерам иначе, как в случае крайней необходимости».

Путятин двигался медленно: к августу месяцу он шлет депеши лишь со среднего течения Амура. Но и тогда, когда он подходил к самому устью, согласия от китайского правительства на принятие посольства в Пекине все еще не было.

---

[1]) Проект отношения г.-ад. гр. Путятину от 25/V 1857 г.

[2]) Депеша гр. Путятина от 25/V 1857 г., № 18.

[3]) Проект письма к гр. Путятину от 25/V 1857 г., № 242.

[4]) Проект депеши к гр. Путятину от 8/VI 1857 г.

«После многих опытов, — писал Горчаков Путятину [1]), — мы не полагаем, чтобы китайцы решились вступить с нами в переговоры с намерением привести их к окончанию».

«Так как звание посланника в Китае делалось уже бесполезным» — Путятин назначался начальником отдельной эскадры и императорским комиссаром в китайских морях, где сосредоточивались военные силы европейских держав. Надежды достигнуть намеченной цели путем миролюбивых переговоров иссякали. Русскому правительству ничего не оставалось более, как спешить поставить китайцев перед совершившимся фактом и для того усилить в районе Амура колонизаторскую работу, экстренно вызвав из Парижа ген.-ад. Муравьева для присутствия в Амурском комитете.

Так как китайцы работе этой никакого сопротивления оказывать не могли, она, естественно, должна была носить мирный характер. «Правительство наше, — разъяснялось министерством Путятину, — решилось не уклоняться от того пути, который оно первоначально избрало в сношениях своих с китайским правительством, т.-е., с одной стороны, продолжать занятие левого берега Амура и других известных вам местностей в том крае, с другой — не прерывать наших сношений с китайским правительством, возобновление которых было бы чрезвычайно трудно, может быть, даже невозможно на тех началах, на которых они существуют ныне, и, наконец, угрожало бы гибелью нашей миссии и уничтожением кяхтинской торговли»...

Поступавшие в министерство из пределов Китая сведения носили между тем, в общем и целом, благоприятный характер: «При сложных и неблагонадежных отношениях,— писал начальник пекинской духовной миссии архимандрит Палладий [2]), — в какие поставлено манчжурское правительство к иностранным державам, оно терпит неудачи и во внутренней борьбе с инсургентами. Недавно они имели новый успех, который может иметь последствия крайней важности. Инсургенты, простирая виды на Фу-цзянь, обложили западную границу этой губернии. В течение апреля нынешнего года они большою массою вторглись в пределы Фу-цзянь и в короткое время, сряду, заняли несколько городов этой промышленной и торговой области; с одной стороны, они овладели речным сообщением между Вуишаньскими горами и портом Фу-Чжоу-фу, с другой — городом Чун-Ань-сянем, расположенным близ самых Вуишаньских чайных плантаций»... Испытываемые пекинским правительством затруднения создавали, по мнению того же осведомителя, почву, благоприятствующую успехам русской политики. «Мне кажется, что здешнее правительство, внутренно сознавая невозможность удержать за собой спорную линию Амура, будет считать новую пограничную черту фактом, который, по духу китайской дипломатии, остается искусно избавить от огласки, прикрыв его благовидным молчанием с той и другой стороны, пока он, по праву давности, не сделается естественным и неоспоримым»... В международной обстановке того времени было еще одно обстоятельство, благоприятствовавшее успешной колонизаторской работе того времени,— это связанность Англии вспыхнувшим в ту пору в Индии восстанием. «Нынешнее восстание в Индии, — доносил Путятин 25/IX 1857 г. из Шанхая, — замедляя ход событий в здешних краях, дает нам нужное время для достижения имеющейся в виду цели».

Министерством делалось попрежнему принципиальное различие между интересами России и других держав, ибо «для нас права и преимущества, которые последние могут

---

[1]) Проект инструкции гр. Путятину от 24/XII 1857 г.

[2]) Донесение не датировано, написание его относится к июню 1857 г.

вытребовать для себя на китайских морях, не достаточно важны, чтобы рисковать своими выгодами на сухопутной границе». И попрежнему Путятину разрешалось входить в совместные действия лишь с представителем Вашингтонского кабинета, предписывалось держаться в благородном отдалении от своих воинственно настроенных коллег и наблюдать за тем, «чтобы ни одна из означенных держав не выговаривала себе права владения или временного занятия местностей, на которое мы имеем виды; чтобы, в случае, если им предоставлено будет свободное плавание по рекам Китая, не был включен Амур»... Отмежевываясь от политики западно-европейских держав, русская дипломатия непрочь была однако заимствовать кой-что из арсенала их империалистической практики. «Китайское правительство, — писал Путятин [1]), — не может сделать упрека России в занятии левого берега Амура от реки Горбицы до Хинганского хребта, где он проходит в Манчжурию; ибо хотя эта часть бесспорно принадлежала Китаю по трактату, но теперь возвращена под русское владение вследствие нарушения двух важных постановлений того же трактата. Относительно приобретения приморской страны Россия поступила так же, как и Китай, который, находя вблизи своих границ народы дикие и не имеющие никакого устроенного управления, всегда подчинял их своей власти и тем делал взаимную пользу как для себя, через распространение границ, так и для диких народов, вводя к ним образованность и устраивая всякого рода порядок, каковыми правилами руководствуются французы, англичане и другие европейские народы при занятии мест, прежде им не принадлежавших».

До мая месяца 1858 года в русско-китайских отношениях нельзя заметить существенных изменений. Плавающим в дальне-восточных водах Путятиным заключается этим временем соглашение с Японией в подтверждение трактата от 26/I 1855 г. [2]).

Военные успехи союзников все более склоняют министерство к мысли об общности интересов России с интересами великих морских держав.

Мысль эта была теперь тем более закономерной, что неизбежность понудительных мер становилась очевидной.

Даже в вопросах западного Китая, где недавно русское правительство хотело проявить особую мягкость, у него намечается теперь более твердая линия, и оно посылает туда специальный военный отряд «для окончательного разрешения дела о разграблении русской фактории в Чугучаке» [3]).

В пределах же восточного Китая действия русского правительства отличаются непреклонною твердостью.

«Вообще, не видя успеха в сношениях наших с китайским правительством касательно разграничения в Приамурском крае, — писал министр Путятину в апреле 1858 г. [4]), — мы решились продолжать занятие его, пока самые обстоятельства не дозволят обеспечить наши права формальным договором»...

Дело «колонизации» подвигалось успешно и быстро и компенсировало неудачи дипломатической миссии гр. Путятина.

16/V 1858 г. ген. Муравьев завершает это дело подписанием в г. Айгуне с командующим китайскими войсками, сосредоточенными на Амуре, кн. И-шанем соглашения,

---

[1]) Депеша Путятина от 25/IX 1857 г., за № 80, из Шанхая.

[2]) Трактат от 26/I 1855 г. был заключен в Симоде и касался вопросов торговых и пограничных.

[3]) Проект инструкции коллежскому советнику Захарову от 9/V 1858 г.

[4]) Проект шифров. депеши гр. Путятину от 26/IV 1858 г.

«утверждающего за нами весь левый берег Амура и предоставляющего нам другие в том крае выгоды» [1]).

Соглашение это косвенным образом получает дипломатическое подтверждение в Тянь-цзине (1 (13)/VI 1858 г.), где гр. Путятин старается не отставать от своих западноевропейских коллег.

«Оба акта,— пояснял Горчаков в своей докладной записке царю [2]) значение совершившегося,— завершают урегулирование наших дел с Китаем, т.-е., обогатив Россиию необъятной территорией, ваше величество добилось также признания китайским правительством великих принципов европейской цивилизации, свободного исповедания христианской религии, допущения в Пекин нашего полномочного представителя всякий раз, когда нам это будет необходимо, открытия портов и т. д. Первым из договоров этого рода, заключенных Китаем, был договор с Россией, ибо, только заключив соглашение с гр. Путятиным, китайское правительство согласилось на заключение тождественных договоров с другими державами, представленными в Тянь-цзине. С чувством глубокого волнения и от всего сердца я позволю себе поздравить вас, ваше величество, по случаю того, что в историю вашего царствования вписана новая прекрасная и славная страница».

Вместе с тем кн. Горчаков мог обрадовать и энергичного ген.-губернатора Дальневосточной Сибири, поздравив его «с блестящим успехом» и заявив, что царь «вполне оценяет его подвиг», и что он «в скором времени увидит тому доказательства».

Доказательства заключались в резолюции Александра II на цитированной докладной записке Горчакова: «Я поблагодарил бога от всего моего сердца за блестящий результат, достигнутый в двух различных направлениях. После сего я не остановлюсь перед тем, чтобы ген. Муравьева именовать: гр. Муравьев-Амурский, с производством в генералы в день коронации».

От избытка переполнивших его чувств русское правительство готово теперь пойти снова на уступки в Чугучакском вопросе и согласиться на возмещение убытков лишь в размере $^2/_3$ и даже на уплату вознаграждения чаем.

Прикомандированному к пекинской духовной миссии чиновнику мин. ин. дел Перовскому, которому поручалось урегулировать вопросы сухопутной торговли в Китае, дается настоятельная директива: «так как главная цель требований наших уже достигнута», «употребить все старания свои, чтобы стремление министерства ин. дел к сохранению мирных и дружественных отношений наших к китайскому правительству не было нарушено» [3]).

Отправляемый в Кашгар в качестве правительственного агента Захаров должен действовать не менее осторожно, и, для прикрытия цели [4]) данного ему поручения, снаряжается особый караван, его сопровождающий.

---

[1]) Проект отношения ген.-губернатору Западной Сибири от 12/VII 1858 г.

[2]) Всеподд. записка Горчакова от 7/VIII 1858 г.

[3]) Проект отнош. ст. сов. Перовскому от 16/VII 1858 г.

[4]) Захарову поручалось собрать подробные сведения о крае, интересовавшем министерство ин. дел. «Распространение владений наших за реку Или, приблизившее нас к Кашгарскому ханству, — писал по этому поводу Горчаков в докладной записке от 12/VII 1858 г. — вассальному Китайской империи и соседственному с Тибетом, Кашмиром и Лагором, под владычеством Англии находящимся, и виды правительства нашего на этот важный в государственном отношении край, постоянно обращали на себя внимание министерства ин. дел».

Наконец, из переписки министра с тем же Перовским [1]) мы узнаем, что, по заключению договора, «государь император... в знак дружественного своего благорасположения к китайскому правительству всемилостивейше соизволил назначить в дар ему 10.000 нарезных ружей с принадлежностями и 50 пушек большого калибра со снарядами». Обещание снабжения Китая оружием, повидимому, первоначально было дано пекинскому правительству гр. Путятиным и поставило Петербургский кабинет даже в несколько затруднительное положение. Однако данное обещание приводится в исполнение: на всеподданнейшей записке Горчакова [2]), где говорилось о возможности доставки пушек в Китай на судах из г. Николаевска, царем была поставлена помета «исполнить».

Не безынтересно отметить, что к тому же времени относится ассигнование российским министерством ин. дел особой суммы в 500 тысяч рублей, «определенных к устройству военной силы Китая» [3]).

Посылая орудия и снаряды в дар правительству богдыхана, русское правительство отнюдь не имело в виду противопоставить их работе англо-французских снарядов, ни, как мы в том уже убедились, пренебречь плодами работы последних.

Своей ратификации и вместе с тем расширения [4]) договор Муравьева, заключенный с напуганными русской экспедицией местными китайскими властями [5]), дождался только через два года. «Поступательный» путь России на Крайнем Востоке [6]) прервется после того на некоторое время. Это будет вполне закономерно, поскольку руками Муравьева осуществлялись интересы русского крупно-капиталистического предпринимательства, получавшего новые перспективы в период «великих реформ». Тем не менее тот путь, какой определялся царизму историей в китайском вопросе для царского правительства, наметился в эпоху Тайпинского восстания с достаточной ясностью: при всех особенностях, при всем своеобразии самостоятельной, независимой от других великих держав тактики, это был путь объективного, фактического сотрудничества с ними в деле разрушения китайской стены.

Все труднее становилось ему соблюдать и фигуру невмешательства во внутренние китайские дела и оставаться бесстрастным зрителем борьбы царствующей манчжурской династии с бушевавшей в стране крестьянской стихией, борьбы, которая, после принятия богдыханским двором всех условий великих держав, должна была превратиться в кровавую расправу последних с восставшими китайскими крестьянами.

Получив от правительства богдыхана все, в чем пока ощущалась нужда, царское правительство в вопросах происходящей в Китае гражданской войны все свои симпатии отдает манчжурской династии.

Вопросам этим посвящена инструкция, даваемая министерством отправляющемуся в начале 1859 г. в Пекин во главе нового посольства Игнатьеву [7]). Положение дел в Китае в этот момент еще нельзя было считать определившимся, и министерство учитывало возможность падения дайцинов и распадения Китайской империи.

---

[1]) Проект отношения Перовскому от 5/XI 1858 г.
[2]) Всеподд. записка Горчакова от 17/I 1859 г.
[3]) Всеподд. записка Горчакова от того же числа.
[4]) Присоединение Уссурийского края.
[5]) М. Н. Покровский, «Войны царской России».
[6]) Мы не имеем в виду района западного Китая.
[7]) Проект инструкции ген.-майору Игнатьеву от 17/II 1859 г.

«Междоусобия, сила обстоятельств и требование всего народа, — читаем в инструкции, — могут восстановить туземную династию; тогда, если убедитесь, что это восстановление достаточно прочно, вы не колебайтесь и с своей стороны вступить с нею в сношения. Имейте однако в виду, что ни в каком случае мы не можем защищать интересы манчжуров в Китае вооруженною рукою. Этот предмет является совершенно в другом виде, если нынешний император Китая или кто-нибудь из членов его фамилии успеет спастись от общего истребления и утвердиться в своем отечестве как независимый от Китая владетель, тогда вопрос о признании его независимости уже выходит из среды ваших поручений... Во всяком же случае, вам, как и гр. Муравьеву, необходимо знать заранее намерение министерства как относительно Манчжурии, так и Монголии, а равным образом двух других соседственных с нами владений, которые, конечно, отпадут от Китая ранее всех других; а именно: Джунгарии и Кашгара; виды наши могут ясно обозначиться только тогда, когда мы вполне узнаем, при каких условиях совершится распадение Китайской империи; в настоящее же время мы можем высказать одни наши гадательные предположения. По нашему мнению, должно стараться приобрести сколь возможно более влияния на эти владения, и в случае добровольного желания самих владетелей, решиться принять их под наше покровительство»... Министр оговаривался при этом, что это лишь одна из учитываемых возможностей, и возможность «по убеждению министерства» далеко «не так близкая, как давно предполагают».

Точка зрения министерства обосновывалась в другой части той же инструкции. Обоснование это сводилось к следующему: «...Более десяти лет продолжается междоусобная война с переменным счастьем для воюющих, а Китайская империя все еще существует... В судьбе империи, существующей около 3.000 лет, при возможных потрясениях, внутри и вне ее происходивших, и сохранившейся во всей ее самобытности законов и даже нравов, трудно предусмотреть, какое действие произведут направленные на нее разнородные силы внутренних беспорядков и внешней цивилизации; но мы все еще не соглашаемся вполне с теми, которые полагают, что конец Срединной империи близок... Исторический ход событий в Китае показывает, что время от времени, и именно в период 200 лет, китайский престол силою войны или внутренних переворотов заменяется новою династиею. К этому так уже приучен народ, что в настоящее время он находится в ожидании подобной перемены, потому что манчжурская династия царствует в продолжение почти означенного периода. Это обстоятельство, по мнению нашему, всего легче может случиться во время вашего пребывания в Пекине, следовательно, оно и подлежит прежде всего к разрешению. Вопрос состоит в том, будет ли для нас выгоднее возведение на престол китайской династии, прежней (минской) или новой,— или полезнее, чтобы удержались манчжуры на престоле. Китайская династия всегда отличалась своею нетерпимостью к иностранцам, и в этом случае мы, конечно, ничего не выиграем с переменою. Сверх того, нынешней династии мы обязаны всеми трактатами и хотя некоторыми дипломатическими сношениями со времен Петра Великого до последних двух трактатов. Следовательно, при одинаковых условиях, было бы желательно удержать нынешних манчжуров на китайском престоле»... Кроме той помощи посылкою 50 орудий и созданием 500.000-го фонда, о которых упоминалось выше, царское правительство ничего не дало дайцинской династии в ее смертельной борьбе с тайпинами.

Честь действительного подавления национальной крестьянской революции выпала на долю артиллерии англичан и французов. Но субъективно царское правительство и в этом было всецело уже с ними.

А. Попов.

Общество „Священной Дружины".

(«Отчетная записка» за 1881—1882 гг.)

«Священная Дружина», как хорошо известно в исторической литературе, образовалась вслед за смертью Александра II (1 марта 1881 г.). Это тайное аристократическое общество, поставившее целью своей борьбу с «крамолою», давно уже привлекало к себе внимание интересующихся историей русской общественности и революционного движения. Против небольшой, полуразбитой кучки народовольцев выступала сложная, сильная материальными средствами и административными связями и влияниями организация. Тщательно и чрезвычайно хитроумно законспирированная, она, однако, не только не осталась тайной для своих противников, но и вообще не сделалась популярной даже в среде, социально ей близкой, вызвав у части того правительственного механизма, который она собиралась защищать, презрительное и враждебное отношение. О «Священной Дружине», повидимому, ходили анекдоты, а государственной полиции, наружной и тайной, она мешала, результатом чего и явилась борьба между «Дружиной» и министерством внутренних дел — и падение первой [1]).

«Священная Дружина», как только что было сказано выше, имеет большую литературу [2]). Долгое время последняя питалась, главным образом, показаниями извне «Дружины»; документы, на которые опирались исследователи, выходили из лагеря противников «Общества», а отсюда, естественно, вытекали и ошибки в гаданиях о том или ином факте и его значении, и, безусловно, недооценка «Дружины» в смысле достижения ею поставленных целей. Лишь теперь, отчасти, публикуются материалы непосредственно из архива «Священной Дружины», сохранившиеся (во фрагментах) в фамильных архивах ее участников и главарей. В печати имеются два очерка, основанных на подобном материале, — к сожалению, не полном и, так сказать, «местном» [3]). Предлагаемая «От-

[1]) Анекдотическая история «Священной Дружины» и отрицательное к ней отношение со стороны многих из современников хорошо отмечены в существующей литературе; из мемуаров следует отметить записки гр. П. А. Валуева, гр. С. Ю. Витте (т. III), А. С. Суворина. — Из участников «Священной Дружины» любопытные записки оставил ген. Смельский («Голос Минувшего», 1916, №№ 1—6).

[2]) Список статей, вызванных полемикой между В. Я. Богучарским и Б. А. Кистяковским, см. А. А. Шилов, «Что читать по истории русского революционного движения?» II. 1922, также в статье М. Е. Федоровой «Московский отдел Священной Дружины» («Голос Минувшего», 1918, №№ 1—3).

[3]) М. Е. Федорова, «Московский отдел Священной Дружины (по данным архива секретного отделения канцелярии московского ген.-губернатора) («Голос Минувшего», 1918, №№ 1—3); Д. О. Заславский, «Взволнованные лоботрясы» («Былое», 1925, №№ 23—24).

четная записка» является, без сомнения, одним из основных исторических источников, вышедших из недр общества, но, конечно, в силу своего происхождения, также не свободна от некоторых специфических, ей присущих недостатков.

Прежде всего необходимо помнить, что «Отчетная записка» есть действительно «отчет», но отчет, составленный после ликвидации «Священной Дружины», по всей видимости — в 1883 г., когда у участников нарастало уже, безусловно горькое чувство растерянных сил и средств и желание показать всю ценность закрытого и непризнанного верховною властью общества. Все недостатки, вся суетливая, часто комическая, повседневная деятельность, вызывавшая иронию и насмешки современников, в «Записке» не могли быть отражены. Составленная как официальная история, она, можно думать, предназначалась для того, чтобы быть представленной в самые высшие сферы общества, в тот неуловимый «Совет первых старшин», каковой нигде и ни разу не выявил себя в документах в качестве конкретных, исторических лиц и состоял, повидимому, из людей, занимавших столь высокое общественное положение, что их участие только и могло выразиться в подобной форме, — т.-е. непосредственно в великокняжескую среду и, может быть, самому Александру III. В подобного рода отчете можно было, конечно, говорить о несбывшихся мечтах, разбившихся «лучших» стремлениях, скорбеть об «инсинуациях» и «клевете» и стараться всячески их рассеять. Это — первый недостаток «Записки» как исторического источника. Второй недостаток вытекает из характера самой «Священной Дружины» как общества тайного: в «Записке» нет указаний на персональный состав общества. Так как подлинник «Записки», повидимому, был представлен в высшие органы общества, и в руках исследователя имеется лишь его, правда прекрасно исполненный, черновик, то и обозначенные в конце главы второй «приложения» (устав общества, инструкции, наказы и циркуляры — очевидно, п о л н ы й их подбор) не сохранились, отправившись по своему прямому назначению отдельно. «Списки членов уже представлены», читаем там же: и их лишается читатель. Наконец, третий недостаток «Записки» заключается в том, что она дает нам лишь схему, так сказать, идеологии, структуры и «достижений» общества. Подробности изменений организации самой «Дружины» и ее борьбы с революционным движением, знаменитые попытки дружинников войти в сношения с народовольцами — все это, всю непосредственную жизнь «Дружины», читатель принужден будет искать в других источниках: отдельных записках, письмах, журналах комитетов Дружины (центрального, исполнительного, организационного), отчетах по «Добровольной охране», заграничной и внутренней агентур и т. п.

Но если в публикуемой «Отчетной записке» имеется ряд дефектов, как в историческом источнике, то, в то же время, она дает и много ценнейших указаний. «Записка» именно в силу своего официального, так сказать, происхождения разрешает ряд спорных пунктов, до последней поры еще так и не получивших общего признания. Так, вопрос о роли «Вольного Слова», как «конституционной» газеты «Земского Союза» получает свое окончательное разрешение — газета преследовала определенные провокационные цели, и весь «Союз» был только «фикцией» «Священной Дружины». В связи с этим становится известным: во-1-х, целая, хорошо продуманная, система «подпольной литературной борьбы» «Дружины», с постановкой трех газет, преследующих одну общую скрытую цель и резко антагонистичных по своим программам: «Правда» — ультралевая, «Вольное Слово» — конституционная и украинофильская и «Московский Телеграф» — либерально-легальная. Как завершение такой системы — предполагалась (но не осуществилась) к выпуску газета в духе направления «Священной Дружины»:

вербовка членов на развалинах обанкротившихся миросозерцаний противников. Из этой «литературной» программы вытекает для исследователя необходимость заново поставить другой вопрос, именно — о «конституционализме» некоторых из членов «Священной Дружины» и их сношениях в «литературных» делах с настоящими либералами. Мы имеем в виду графа Павла Петровича Шувалова, с его «конституционной запиской» [1]), и связь его с Мих. П. Драгомановым, редактором «Вольного Слова» и безусловно искренним конституционалистом. Решение этой задачи, думается, может быть, следует искать в установлении: во-первых, «идеологии» «Дружины», хорошо выясняемой из «Отчетной записки», а во-вторых, характера самого гр. П. П. Шувалова, прекрасного практика-хозяина, умного и, повидимому, очень хитрого человека. С последней точки зрения следовало бы пересмотреть и настроения других заправил «Священной Дружины» — напр., гр. Алексея Александровича Бобринского, «брата № 126», члена исполнительного и центрального комитетов, впоследствии известного археолога, члена Госуд. Совета, министра земледелия и крайне правого политического деятеля, написавшего, однако, 10 марта 1881 г. «Несколько скоро набросанных слов по поводу общих толков, мнений и предположений», с требованием созыва Земского Собора для «уничтожения» «небольшой шайки злодеев» и заявлением, что из-за этой шайки «наказывать всю страну, стращать всех и каждого, терроризировать всю Россию за гнусное преступление наших отъявленнейших врагов — обидно и несправедливо, да и, наконец, не поведет никогда к добру» [2]).

Фактическая история общества из «Отчетной записки» также получает решительные и окончательные вехи. Мы узнаем из нее, что «Священная Дружина» приступила к работе уже 12 м а р т а 1881 г. [3]), а распущена была 26 н о я б р я 1882 г., с окончательной ликвидацией дел к 1 января 1883 г. Затем, совершенно ясной становится организация частей общества — С. П. С., центрального, исполнительного и организационного комитетов, их круга ведения, агентур и т. п.; ясно и взаимоотношение с «Дружиной» с а м о с т о я т е л ь н ы х вспомогательных обществ — «Добровольной охраны» и «Железнодорожной добровольной охраны». К сожалению, в «Записке» совершенно не упоминается любопытное с т у д е н ч е с к о е общество (повидимому — С.-Петербургского университета), устав которого приводится нами в приложении к «Записке» [4]): надо думать, что общество это, построенное по принципу также заговорщическому и преследующее откровенно шпионские цели, так и осталось неосуществленным ввиду малого числа охотников среди молодежи заняться полицейским сыском среди своих товарищей.

---

[1]) И. Д. Шишманов, «Конституционная записка гр. П. П. Шувалова (К истории русского освободительного движения в 80-х гг. XIX столетия)» — («Вестник Европы», 1913, № 8).

[2]) Ленингр. Центр. Исторический Архив, Архивохр. Народного Хозяйства, Быта, Культуры и Права, IV экономический отдел, архив гр. Бобринских.

[3]) Поэтому явно неверны, думается, указания гр. С. Ю. Витте, что «Дружина» была организована по его проекту, хотя на это есть ссылка и в дневнике А. С. Суворина (ср. гр. С. Ю. Витте «Воспоминания», т. III, Л. 1924 г., гл. VIII; А. С. Суворин «Дневник», П. 1923 г., стр. 26): к 12 марта едва ли мог Витте уже дать в П е т е р б у р г сведения через Фадеева из Киева о своих замыслах, успеть съездить туда, повидаться с гр. Воронцовым-Дашковым и гр. Шуваловым и вернуться в Киев уполномоченным «Священной Дружины».

[4]) Лен. Ц. И. Архив, Архивохр. Нар. Хоз., Быта, Культуры и Права, IV экономический отдел, архив гр. Бобринских.

Наконец, из «Отчетной записки» выясняется и точное количество членов «Священной Дружины», достигавшее к ликвидации общества 729 человек, и число «добровольцев» («постоянных» — значит не наемных филеров!) в «Охранах» («Добровольной» и «Добровольной Железнодорожной») — 14.672 человека.

«Отчетная записка» представляет собою рукопись в лист писчей бумаги, написанную прекрасным писарским почерком, на 15 л., на «слоновой» бумаге, переплетенную в темно-зеленый сафьян с золотым тиснением. Кое-где рукопись поправлена другим почерком, и тем же почерком сделаны вставки в оставленные в рукописи пустые места. Таковы — сведения о количестве членов «Дружины» и названия журналов и газет, издаваемых ею. Очевидно, сведения эти являлись тайной для лица, переписывавшего рукопись, и были вставлены после кем-либо из «высших братьев». Все эти вставки в тексте набраны курсивом. Разрядкою набраны все места, подчеркнутые в самой рукописи, повидимому, тем же лицом, которым произведены указанные вставки (насколько это можно судить по цвету чернил). Обращает на себя также внимание очень плохой, местами, русский язык «Записки». Рукопись хранится в Ленинградском Центральном Историческом Архиве, в Архивохранилище Народного Хозяйства, Быта, Культуры и Права, IV экономический отдел (Фам. архив гр. Воронцовых).

П. А. Садиков.

«Отчетная записка».

Глава I.

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВА.

Злодейство 1 марта глубоко потрясло все слои русского народа, не исключая и тех, которые были не чужды политических метаний и увлечений. Благоразумная часть русского общества не могла не отнестись с ужасом и опасением к различным, ясно выразившимся, явлениям нашей жизни и не считать своим долгом принять в них какое-либо деятельное участие. Естественно явились тревога и страх за безопасность ныне царствующего государя императора и его августейшей семьи. Естественно порождалось недоверие к силам и действиям подлежащих властей, не успевших оградить в бозе почившего государя от ряда преступных покушений и мученической кончины в центре государственного управления. Эта часть общества не могла не видеть размеры политических брожений, охвативших в последнее время русскую жизнь, в особенности интеллигентные ее сферы. Начинались эти брожения с неопределенных и довольно бесформенных либеральных мечтаний разнообразных оттенков и кончались, однако, развитием революционной партии и уродливой кучки наших крайних террористов, убийц.

Верноподданные русского государя не могли также не сознавать, что каждая из означенных партий брожения отличается сплоченностью и солидарностью своих членов, пользуется безусловным — сознательным или бессознательным — содействием легальных органов нашей

печати, не говоря о подпольных. Совершенно иное усматривалось в противоположной им части русского общества.

Далеко не малочисленная, но бессильная против такой организации, при полном отсутствии связи внутренней и общей программы действий, эта часть общества чувствовала, в такой ужасный исторический момент, необходимость организации для образования твердого и решительного отпора всяким покушениям на государственный строй и его исторические основы.

Чувство это было искренно, глубоко и требовало только формы для осуществления.

Казалось, что такая организация, такой союз людей охранительного образа мыслей могли бы облегчить заботы администрации по охране государя императора и его августейшей семьи, а также этот охранительный союз, приняв на себя задачу постепенного рассеяния заблуждений и утопий, оказал бы тем деятельную помощь властям в борьбе с крайними партиями.

Проникнутые этим сознанием, с этою целью некоторые лица охранительных воззрений образовали частное общество, которое открыло свои действия 12 марта 1881 года.

Глава II.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА.

Первые месяцы своего существования общество почти исключительно было занято внутренними, организационными работами (выработка устава, привлечение членов общества, группировка их по специальностям и т. д.).

Делами руководил Совет из первых старших членов (С. П. С.) через особое делопроизводство.

Одним из главнейших оснований организации было сохранение самого образования общества и его деятельности в возможной тайне.

Признавалось это необходимым для более успешного противодействия различным группам политической оппозиционной партии. Нескромность некоторых лиц (узнавших по служебному своему положению об образовании общества) обнаружила его существование; хотя это обстоятельство и породило не мало невыгодных для него толков со стороны лиц, недостаточно знакомых с организацией и целями общества, но имело, однако, и ту хорошую сторону, что произвело удручающее впечатление на всю, без исключения, социально-революционную партию.

Революционеры увидели, что против них вооружается общественная сила, могущая действовать самыми разнообразными и неуловимыми орудиями. Они по собственному опыту знали, насколько для них может быть опасен скрытый враг, обладающий всеми средствами

не только проникнуть вглубь их организации (как они проникают в правительственные), но могущий начать с ними самую опасную борьбу — борьбу идеи.

Поэтому они заволновались в прессе как в своей подпольной и заграничной, так, значительной частью, и в нашей легальной, всеми средствами стараясь восстановить общественное мнение против возникающего учреждения. К сожалению, нельзя умолчать, что иногда и правительственные чиновники (не только полицейские, но и других ведомств) относились к обществу не с должным беспристрастием, чем нередко ставили делу серьезные затруднения.

На молодое, только что возникающее общество сыпались обвинения и нападки со всех сторон. Приходилось только отмалчиваться, так как организация союза не представляла никакой возможности защищаться от инсинуаций и открытой клеветы, направленных как против его целей и деятельности, так и против личного его состава.

В этом нравственно-тяжелом положении членов общества поддерживало только одно сознание, что они собрались для борьбы, для отстаивания своих глубоких убеждений и что эта борьба, что поднятие охранительного знамени не может обойтись без нравственных и материальных жертв.

В июне месяце 1881 г. общество настолько окрепло, что могло организовать народную охрану в городах: Москве, Нижнем-Новгороде, Ярославле и Рыбинске во время путешествий их величеств по России.

В октябре того же года закончился организационный период жизни общества, которое приняло нижеследующее устройство (форму):

1. Во главе общества остался Совет первых старших его членов (С. П. С.).

2. Всею деятельностью управлял центральный комитет (Ц. К.), члены которого были по назначению от С. П. С. — Ц. К. были подчинены все учреждения общества.

3. Исполнительная деятельность лежала на двух коллегиальных учреждениях: организационном комитете (О. К.), ведавшем общественную деятельность и личный состав, и исполнительном комитете (И. К.), направлявшем специальную службу подчиненных обществу разведывательных органов. В состав комитетов входили попечители, руководившие отдельные организации [sic!], а также принимали в них постоянное участие как члены: в центральном комитете — товарищ министра внутренних дел, в исполнительном комитете — С.-Петербургский обер-полицмейстер.

4. К этому же времени относится образование вспомогательного общества, принявшего название «Добровольной охраны».

Добровольная охрана была подчинена центральному комитету и имела специальную цель — наружную охрану священной особы

государя императора и членов августейшего семейства путем привлечения к этому делу, в качестве добровольцев, масс местных обывателей.

Добровольная охрана имела два постоянных отделения — одно в С.-Петербурге, другое в Москве, которые и действовали во время высочайших приездов с отделением своих сил и в загородные места пребывания государя императора.

5. В провинции учреждено было несколько местных комитетов (в Нижнем-Новгороде, Харькове, Киеве, Земле Войска Донского и др.), подчиненных, на общем основании, центральному комитету. Всем этим учреждениям выданы были наказы и инструкции, обусловливающие круг их деятельности.

В этом виде, не считая незначительных изменений, осталась организация общества до его закрытия.

В начале декабря 1881 г. состоялось распоряжение о приостановлении дальнейшего развития личного состава общества: предполагалось произвести органическую реформу, придав ему полуофициальный характер. Реформа эта произведена не была, и учреждение осталось, до своего закрытия, без увеличения личного состава. Всех членов в обществе было *729*. — В охране же постоянных добровольцев состояло *14.672 человека*.

В этот последний период могла развиться только внутренняя деятельность общества настолько, насколько это позволяла численность его членов. 26 ноября, по приказанию С. П. С., было приступлено к ликвидации дел, которая и была закончена 1 января 1883 г.

Приложения: устав общества, наказы, инструкции и циркуляры (списки членов уже представлены).

Глава III.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА.

Согласно условий, при которых возникла мысль об образовании общества, и той задачи, которая легла в его основание деятельности, общество имело охранительную цель, в широком смысле этого слова. Охранительную эту деятельность, по формам ее проявления, возможно разделить: на личную охрану государя императора и его августейшего семейства и общественную деятельность.

Первый вид деятельности (охранная) подразделился на охрану наружную и внутреннюю (деятельность секретно-агентурная). Внутренняя же охрана распалась на работу по чисто полицейскому сыску и на литературную борьбу с социально-революционными лжеучениями.

Наружная охрана.

Для содействия наружной охране священной особы государя императора и его августейшего семейства общество выставляло уличную (панельную) стражу из своих членов, добровольцев и оплачиваемых стражников.

При проезде же его величества по району постоянной деятельности охраны все дома и строения, расположенные по пути высочайшего следования, были также специально оберегаемы. Для успешного выполнения этой серьезной и ответственной обязанности образовано было [sic!] вспомогательная организация, принявшая название общества «Добровольной охраны».

Приводим главные основания организации Добровольной охраны:

1. Добровольная охрана действовала открыто, хотя и неофициально.

2. Обыкновенные маршруты государя императора составляли район постоянной деятельности охраны, т.-е. все дома и строения этого района, равно как и его народонаселение, были под постоянным бдительным надзором.

3. Панельная охрана в городах, в районе Добровольной охраны, производилась домовой стражей и летучими отрядами; вне района — одними летучими отрядами.

4. Для усиления внутреннего, домового надзора (в местах, где обстоятельства этого требовали) в распоряжении Добровольной охраны находились бригады из оплачиваемых агентов, составлявшие из себя отдельную организацию (искл. Добр. охр.).

Предполагалось, что при подобной организации район Добровольной охраны гарантирован от заблаговременно устроенных преступных покушений из домов и строений. Панельная же охрана его усилится до возможных пределов.

Добровольная охрана постоянно действовала в городах: С.-Петербурге и Москве, в местах пригородной резиденции их императорских величеств и по линиям железных дорог: Николаевской, С.-Петербурго-Варшавской, Балтийской и Царскосельской.

Кроме того, постоянно находился летучий отряд из оплачиваемых стражников Добровольной охраны в Царском Селе.

Внутренняя охрана или сыскная агентурная деятельность.

Опыт первых же месяцев указал, что деятельность наружной охраны крайне затрудняется без сведений и указаний из той среды, из которой можно ожидать преступных предприятий, так как эти сведения дают возможность наружной охране действовать спокойнее

и сознательнее, что более чем важно в таком трудном и ответственном деле.

Поэтому общество, желая добросовестно исполнить принятую на себя священную обязанность, не останавливалось перед образованием, из оплачиваемых лиц, нескольких полных секретно-агентурных организаций. Каждая из этих организаций была под высшим руководством одного из членов общества, которому присваивалось название попечителя этой организации.

Всех попечительств было 4 (местность № 1 и 2, Петербургская и Московская, заграничная и железнодорожная).

Каждое попечительство получило свои наказы.

Все агентурные организации были тесно друг с другом объединены в исполнительном комитете, где, в свою очередь, через заседающего в комитете обер-полицеймейстера, устанавливалась связь с местными организациями государственной полиции.

В центральном комитете присутствовал *с осени 1882 года* при докладах товарищ министра внутренних дел.

Деятельность внутренней охраны была направлена к проникновению в самую глубь социально-революционной партии для выяснения как личного состава ее деятелей, так и их преступной работы.

Предполагалось, что чем с большего числа сторон поведется всякая сыскная деятельность, чем шире ею охватят революционную среду с ее многоразличными разветвлениями, тем больше шансов будет и углубить разведывательную работу и предупредить всякое преступное начинание.

Общий порядок, общий тип деятельности был установлен следующий:

Старались разными путями добыть таких людей, которые или вращались, по какому-либо случаю, в революционной среде, или, через имеющиеся знакомства, могли туда проникнуть.

Эти люди (секретные агенты) сообщали в агентуры все, что делалось в этих кружках.

Сведения эти проверялись и дополнялись агентурной разработкой с помощью секретных справок и наблюдений, которые производили наружные агенты (филеры).

Агентурная организация строго отделяла секретных агентов от наружных, проверяя действия одних с помощью других.

Не входя в подробности изложения системы, принятой агентурной организацией, можно только сказать, что общество старалось обеспечить успех дела тайной его обстановки и хорошим выбором секретных агентов.

Последнее условие чрезвычайно важно, так как все искусство руководителя заключалось в умении избрать хорошего внутреннего сообщителя и в направлении его деятельности с таким расчетом, чтобы он не обнаружился, а приобретал все большее и большее доверие в революционной среде.

Драгоценным секретным агентом считался тот, который, оставаясь преданным обществу и его целям, добивался положения выдающегося деятеля в революционной партии. Это положение давало ему возможность знать многое, что делается в революционных сферах.

За некоторое время секретно-агентурные сведения не только познакомили членов общества с частью личного состава революционной партии, но и выяснили им характер самого движения с его опасными и слабыми сторонами.

Это более близкое знакомство с революционным движением указало на необходимость открыть борьбу с этим движением на поприще идеи, употребив для этого особые агентурные приемы.

Подпольная литературная борьба.

Ввиду преобладания в русском революционном движении террористической (народовольческой) партии и широкого развития ее деятельности и разветвлений (что явствует из приложенных к обзору сведений), общество признало недостаточной деятельность своих разведывательных, секретно-агентурных органов, направляемых рутинно-полицейским способом; потому что, если даже допустить, что этим путем удалось бы охватить бо́льшую часть опасного революционного движения (что на практике едва ли исполнимо), то все-таки на характер движения не могли бы иметь никакого влияния. Умаление же острого движения в революционных сферах, а этим и размера террористической деятельности, признавалось в охранном отношении крайне необходимым, так как при развитии террористического (народовольческого) фанатизма можно было ожидать самых непредвиденных и тяжелых случайностей. Для целей активного воздействия на крайние революционные фракции, общество успело открыть три печатных периодических органа, действующих каждый в разных революционных группах, питающих народовольческую (террористическую) партию.

Совокупное действие этих органов было рассчитано таким образом, чтобы дискредитировать в революционных сферах народовольческое (террористическое) учение; породить сомнения и споры в практической применимости этого учения; завести искусственные ссоры между членами партии и вообще всячески стараться произвести расколы в личном его составе. Кроме того, с помощью этих орудий надеялись значительно расширить сведения общества о революционном движении и проникнуть в высшие его слои,

недоступные для простого полицейского сыска.

Деятельность этих трех органов печати распределялась следующим образом:

В эмиграционных сферах были два подпольных органа: «*Вольное Слово*» и «*Правда*». «*Вол[ьное] Слово*» должно было поднять почвенные вопросы и стараться, путем анализа и критики русского революционного движения, обездомить [sic!] беспочвенных народовольцев. Кроме того, выкидывая флаг умеренно-революционного движения, оно должно было дать нужную аргументацию всем колеблющимся в народовольческой партии силам, для естественного их отделения от партии.

Дело это увенчалось полным успехом: борьба *вольнословческого* с народовольческим направлением лишила последнее значительного количества последователей и денежных средств *(отделение украинофилов)*.

Газета «*Правда*» действовала в диаметрально-противоположном направлении. Она утрировала народовольческую программу, доводила ее до очевидной нелепости даже для политически отуманенных лиц. Первоначально она увлекла даже народовольческих авторитетов, связала революционную репутацию многих из них своим существованием, а затем, с величайшим скандалом, провалилась вместе со своими покровителями. Карикатурность этого факта имела на крайнее движение отрезвляющее действие как доказательство от противного. Между «*Вольным Словом*» и «*Правдой*» была установлена ожесточенная полемика. Наконец, в либеральных политических сферах действовал легальный орган «*Московский Телеграф*», который нужен был для одной из фикций [sic!] «*Вольного Слова*» *(Земский Союз)* и должен был провалить политическо-либеральное движение, столкнув его с экономически-либеральным *движением*. Главное, чем предполагалось произвести потрясение, — это *обнаружением факта*, что «*Московский Телеграф*» служит агентурным целям Священной Дружины. Дело это ликвидировано было незаконченным.

Общественная деятельность.

Общественная деятельность имела целью по возможности тесно сплотить консервативные элементы русского общества, исследовать общественные движения, волнующие русскую жизнь, и бороться с этими движениями по мере сил и возможности. Для достижения этой цели принят был нижеследующий план действия.

Решено было привлекать в члены общества таких лиц, которые по своим знаниям и положению могли бы служить руководителями или сильными пособниками консервативного движения.

К подобным лицам принадлежат служащие по выборным учреждениям как городским, так и земским (предводители дворянства, председатели земских управ, влиятельные гласные и т. п.), литераторы, богатые собственники, пользующиеся влиянием в своей местности, выдающиеся лица торгового, промышленного и финансового мира, серьезно занимающиеся политическими и экономическими исследованиями и т. п. При оценке лиц, кроме вышеприведенных условий, принимались еще во внимание некоторые особенности их положения, увеличивающие их нравственный ценз: их консервативные семейные традиции, их политическая зрелость, некоторые экономические особенности и независимость их положения и др.

Обращено было особенное внимание на принадлежность доверенных членов общества к коренной национальности страны, заинтересованной в охранении политического преобладания этой национальности. Так, напр., общество мало доверяло польскому и еврейскому консерватизму, так как политические интересы этих национальностей расходятся с коренными русскими, а на экономическую связь, экономическое тяготение к России — еще мало можно рассчитывать. Прием же привлечения новых членов в общество через старых и под личную ответственность последних вполне обеспечивал возможность иметь хорошую оценку новопоступающих.

Решено было избранных членов общества заинтересовать разными общественными вопросами с тем, чтобы они занялись их разработкой.

При этом исключительно предпочиталась фактическая разработка данного предмета общим рассуждениям, имевшим значение только личного мнения.

К вопросам, подлежавшим разработке, относились:

Местные народные волнения, разные проявления общественного неудовольствия, экономические бедствия, беспорядки, хищения и т. д.

Рекомендовалось более знакомиться с вопросами административными, вопросами земского самоуправления и в особенности с крупными правительственными распоряжениями, как-то: сенаторскими ревизиями, специальными комиссиями по исследованию вопросов, затрудняющих центральное правительство, и т. п.

Работа эта должна была восстановить действительную картину общественной жизни и дать ей истинную окраску.

Результатом этой работы должна была быть выработка не только принципиальной, но и практической консервативной программы, — солидарность с этой программой всех членов общества и пропаганда этой программы членами общества, — каждым в кругу его естественной деятельности.

Кроме того, консервативная борьба должна была выразиться и высказаться и на земских выборах и на почве литературной, где

общество предполагало привести в исполнение одного [sic!] из самых могучих рычагов сплочения партии, именно: печатный орган. Имея своих членов подписчиками и через них его распространяя весьма обширно по России, все указанные вопросы могли бы разрабатывать подробно и в желаемом направлении. Общество не скрывало от себя трудности устройства такого дела, ввиду принадлежности массы пишущих лиц к либеральным и крайним кружкам. Оно уже имело некоторый план проекта такого дела, когда деятельность его была прекращена, а вместе с тем, конечно, и дальнейшая разработка сказанного плана.

В сравнительно короткое, для такового важного дела, время существования общество еще не могло успеть образовать настоящей связи партии. Но сношения со многими лицами были уже начаты, и получались весьма полезные сведения, характеризующие как настоящее положение нашего общества, так и политическое брожение, охватившее разные его слои.

Глава IV.

КРАТКИЙ СВОД СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА И ОТ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ЕГО ОРГАНИЗАЦИЙ.

С первых дней своего образования общество старалось о выяснении русского революционного движения, революционной организации, личного состава и деятельности различных кружков, преимущественно кружков активных и крайних. Но, для большего освещения всей картины этого движения, общество не могло не интересоваться и другими слоями, не революционными, но лишь оппозиционными, так как исследование этих слоев могло указать частью на точки соприкасательства их с революционными партиями, частью же повести к разъяснению тех условий, которые дают возможность к пополнению рядов революционных партий, а, следовательно, если не прямо, то косвенно поддерживают революционное движение.

Поэтому в настоящий свод внесены главнейшие по означенным предметам указания, имевшиеся в поступивших от членов общества и от разведывательных организаций сведениях.

Революционное движение в России представляется развитым в сильной степени, и в нем преобладает народовольческое (террористическое) направление.

Теоретический созиализм [sic!] с его многообразными проявлениями уступил место систематическому террору: учение о народолюбстве, с хождением в народ, заменилось зажигательными воззваниями к борьбе с правительством, для насильственного его ниспровержения.

Аксиомами народовольческого учения сделались: обязательное и окончательное разрушение существующего правительственного и общественного строя и недопущение даже рассуждений о будущем, желательном для революции созидании, из опасения могущих поро-

диться вследствие того споров и несогласий, а следовательно — раскола и затем ослабления сил. Все же усилия и все внимание специализировались на борьбе с правительством.

Учение это принято не без увлечения революционною молодежью, отзывчивой на всякие новые партии: оно мало обременяло ее ум и давало богатую пищу страстям.

Большинство более серьезных революционных кружков (не исключая и эмиграционных) признало, что активная борьба с правительством с помощью политических убийств есть единственное быстрое средство для достижения государственного переворота.

Наконец, не малое число политических либеральных кружков, преимущественно преследующих специальные интересы своих национальностей, смотрело на народовольчество как на крайне действительное средство к ослаблению политической силы государства и тем самым к успешности всякого национального движения.

Таким образом это дикое революционное движение не только не встречало во многих оппозиционных сферах общества противодействия, но не подвергалось в них даже поверхностной критике.

Народовольческая пропаганда велась во всех землячествах, студенческих кружках и на многих фабриках; она вызывала охотников пожертвовать собой для революционного дела — для освобождения личности гражданина от политического и экономического гнета. Главным аргументом пропаганды было проводимое убеждение, что экономическое освобождение немыслимо без освобождения политического, а последнее может быть только завоевано у правительства и завоевано единственно силою.

Результатом преобладания народовольческого учения явилось обострение революционного движения в опасном для общественного спокойствия направлении; выразилось оно в объединении самых активных и энергических революционных сил в народовольческой партии, для систематического их направления против слабых сторон правительственного организма. Это объединение сил получило в революционных сферах название централизации революционной борьбы.

Хотя личный состав народовольческой партии в значительной части состоит из молодых людей, учащихся, а равно бросивших занятия, но руководство делами партии, повидимому, сосредоточено в руках старых профессиональных революционеров.

Есть основания предполагать, что часть денежных средств для народовольческого движения поступает из некоторых крайних фракций либеральной партии и что существует полная солидарность интернациональной партии анархистов-динамитчиков с русскими народовольцами.

Хотя влияние более горячих либералов-экономистов, так называемых «почвенников» и не безучастно [sic!] в революционном движении, но лица эти поддерживают революционное движение нередко

бессознательно, не имея в своих стремлениях ослабления политической силы отечества и потому менее вредны.

Прочие фракции революционного движения, как-то: народники, чернопередельцы, социал-общинники и другие не имеют серьезного государственного значения как по слабости своего личного состава, так и по незначительности их денежных средств; они послужили частию к усилению своим отделившимся континентам [sic!] народовольческой партии и частию к внесению в сельское население смешения экономических понятий.

Политическая и экономическая программа весьма многочисленных либеральных партий чрезвычайно разнообразное [sic!]. Общая черта всех либеральных стремлений отличается теоретичностью, отсутствием знакомства с условиями русской жизни, по крайней мере — жизни громадного большинства, их потребностями и даже с нравственными и умственными силами народа.

Вследствие этих отличительных явлений либеральное движение дает в России совершенно иные результаты, чем те, которые встречаются в государствах, глубоко освоивших возможность всякого поступательного движения политического и экономического лишь в порядке последовательно-постепенном: движение это в России не имеет р е ш и т е л ь н о н и к а к о г о в о с п и т а т е л ь н о г о з н а ч е н и я и даже влияет бесспорно разрушительно, революционно. Либеральное волнение проникло из интеллигентных сфер в низшие слои общества. В результате оно дает одно лишь смешение основных экономических понятий в сельском населении и порождает не мало аграрных недоразумений и затруднений. Крестьянское население во многих местностях стало в какое-то выжидательное положение, надеется нового наделения землею [sic!] и страшится, чтобы бары и чиновники не помешали осуществлению воли государя отдать крестьянам всю помещичью землю. Это явление, а также широкая смута, посеянная во многих слоях общества, представляются единственными почти результатами деятельности либеральной партии, п о л ь з у ю щ е й с я д л я п р о д л е н и я с в о и х д н е й п о ч т и о с о б ы м и, л и ш ь в р е м е н н ы м и у с л о в и я м и п р а в я щ и х с ф е р, н е у с п е в ш и х е щ е у с т а н о в и т ь с в о е й п о л н о й о р г а н и ч е с к о й п р о г р а м м ы.

Хотя учение либералов и не имеет твердой почвы, но представляет для интеллигентных групп большое обаяние: таким образом некоторые частные общества, разрешенные правительством для целей филантропических, литературных и ученых, не чужды политического брожения; некоторые лица, участвующие в городских и земских общественных учреждениях, сочувствуют либеральному движению и мечтают о политической роли для общественных представителей. Хотя законодательства об общественных учреждениях ясно обрисовывают их исключительно местный, хозяйственный характер, но представляется возможным, что эти отдельные либеральные мечтатели успеют

воспользоваться случайным составом некоторых отдельных представительных местных собраний, чтобы свести их с почвы строго хозяйственной на путь беспочвенных ходатайств о расширении круга представительной юрисдикции.

Некоторые члены судебного ведомства оказываются не чуждыми либерального движения; они не освоили строго охранительного духа законодательства 20 ноября 1864 г. и искали в нем одного лишь поклонения формам правомерности и правового порядка.

Грустный, тяжелый факт замечен при расследовании революционных сфер: значительный, почти преобладающий контингент в революционной фракции, не исключая и крайних, дают учебные заведения. Оказываются не безучастными в *политическом движении* и воспитатели и преподаватели заведений как высших, так средних и низших; их участие замечается преимущественно в либеральном лагере, дающем, однако, иногда исполняющие силы в партию революционеров.

Тяжелый упрек в поддержании и развитии в обществе революционных и либеральных брожений падает на весьма многие органы периодической печати. На страницах большей части изданий встречается умышленное искажение различных фактов общественной жизни, междустрочная, а иногда и открытая, пропаганда политических доктрин, начиная с республиканских и конституционных и кончая славянофильскими мечтаниями об общении царя с народом путем всесословной думы из народных ходебников. В целях чисто материальных печать старается, во вкусе многочисленной либеральной партии, различных оттенков, вести постоянную критику общественного строя и действий правительства. Ввиду почти полного отсутствия в печати серьезных консервативных органов, преобладающий в прессе характер имеет в результате серьезное влияние и, особенно в провинции, усугубляющее брожение умов.

Дворянство значительными массами удалилось от своих хозяйств, от местных провинциальных интересов. Это оскудение провинциальной жизни, между прочим, повлияло и на самое дворянство, выразившись постепенным уменьшением ее [sic!] практической компетентности в различных местных вопросах; этим [sic!] пробел нередко пополняется или газетными, не всегда точными, сведениями, или теориями модных экономистов и политиков, по большей части людей кабинетных. Явившаяся таким образом разрозненность сил дворянских отзывалась неблагоприятно и на остальные консервативные элементы [sic!], которые хотя и многочисленны, но находятся вне всякой внутренней связи и солидарности. Это явление, с одной стороны, лишает правительство поддержки надежной и значительной общественной силы, а с другой — открывает без боя поле действия для либерально-оппозиционной и революционных партий.

Остается затем масса, весьма многочисленная, спокойных [sic!] обывателей, незараженных никаким партиозным духом. Отличительной чертой этой массы являются п о л и т и ч е с к а я б л и з о р у-

кость, иногда увлечение громкими фразами и стадные свойства. Хотя эти массы были только смущены волнением оппозиционных групп, хотя волнение это не поколебало их верноподданнических чувств, но в них зародилось прискорбное недоверие к правящим сферам и пошатнулось нравственное их спокойствие, что не осталось без влияния на экономическую жизнь населения.

Ближайшее изучение всех имевшихся в виду общества указаний и сведений приводит к следующему заключению: точная определительность на основаниях коренных свойств русского самодержавия и строгая обязательность основной программы, данной для высших правящих сфер, должны, повидимому, повести к следующим крупным результатам. Явится успокоение в тех слоях общества, которые стоят вне всяких оппозиционных движений, и возможность сплотиться тому консервативному элементу, который так настоятельно необходим для верного урегулирования государственной и общественной жизни.

Либеральные партии, вероятно, потеряют настоящую свою нетвердую и временно случайную почву, свою страстность и вступят на тот путь, где будут безвредно служить покойным разъяснениям различных общественных потребностей; а с видоизменением характера либеральных партий партии революционные почувствуют, конечно, весьма скоро свою изолированность, отсутствие контингента для пополнения своих рядов, что независимо от нормального их ослабления путем полицейским, по всей вероятности, заставит их примкнуть к либеральным партиям, на почве безвредной для государственного строя и общественной безопасности.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРОЕКТ УСТАВА «КОМИТЕТА БЛАГОНАДЕЖНОСТИ» В С.-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ [1]).

Для искоренения революционной, антиправительственной пропаганды в университете учреждается в среде студентов «Комитет благонадежности» с следующей организацией:

1. Ареопаг, или верховное судилище Комитета, состоящий из 4 членов (по одному от каждого факультета — юридического, филологического с восточным, математического, естественного).

2. Распорядительный совет на каждом из четырех факультетов, состоящий из четырех членов-распорядителей по одному от каждого курса (к юридическому факультету присоединяется пятый член —

---

[1]) Заглавия в подлиннике не имеется.

распорядитель от административного разряда, а к филологическому пятый от восточного факультета).

3. Члены-исполнители, не менее одного на десять студентов. Члены-исполнители дают при вступлении в члены Комитета следующее обязательство:

«Верный данной мною церковной присяге, я (такой-то), вступая в члены «Комитета благонадежности», обязуюсь: противодействовать всеми силами антиправительственной пропаганде в университете и хранить неприкосновенно тайну существования «Комитета» как во время пребывания моего в нем, так и по выходе из него.

Число. Подпись».

Члены-исполнители принимаются в Комитет членами-распорядителями, причем члены-исполнители одного курса знают только имя своего распорядителя, которое, в свою очередь, не разглашают никому из членов-исполнителей других курсов и факультетов. Члены-исполнители сообщают своему распорядителю по мере возможности необходимые сведения о студентах, им указываемых. В случае университетского суда над студентами члены-исполнители обязаны давать чистосердечно все имеющиеся у них показания против обвиняемых.

Члены-распорядители, помимо всего этого, обязаны вести список всех студентов своего курса, причем благонадежных отмечают синим крестом, неблагонадежных — красным крестом и опасных или вредных — черным крестом. Причисление к той или другой категории делается распорядителями на их совете (из четырех распорядителей от одного факультета). Списки красных и черных с собранными против них уликами сообщаются членам Ареопага.

Ареопаг решает: 1) кто из студентов может быть принят в товарищество (только члены Комитета и благонадежные); 2) кто из них должен быть подвергнут университетскому суду или исключен из университета и затевает дело по этому поводу, и 3) дает различные предписания распорядительным советам.

Двое из членов Ареопага состоят братьями «Священной Дружины», хотя последняя остается тайною для «Комитета благонадежности». Все, что эти два члена найдут необходимым сообщить «Священной Дружине», будет передано по назначению через № 211 [1]).

Члены Ареопага и члены-распорядители обозначаются буквами алфавита, а члены-исполнители — цифрами при букве членов-распорядителей.

---

[1]) Т.-е. через «брата» «Священной Дружины» № 211, который, очевидно, получает в свое специальное введение студенческую организацию.

Из записной книжки архивиста.

Как буржуазия готовилась к Октябрю.

Ниже печатается приказ начальника штаба 2-ой гвардейской запасной бригады от 20 октября (по ст. ст.). Приказ говорит о тех мерах, какие намечались военным начальством «в случае выступления анархических элементов столицы», т.-е. в случае выступления рабочих и солдат. На войска возлагалась задача: во-первых, в корне пресечь всякую попытку «мятежа», во-вторых — не допустить занятия правительственных и общественных учреждений и, в-третьих, опять-таки — не допустить «погрома и мятежа». Войскам предлагалось, в случае этого выступления, преградить революционным рабочим и солдатам или — по терминологии приказа — мятежникам — доступ в центральную часть города. Посему город разбивался на отдельные районы, и каждый из этих районов поручался особой охране отдельных полков 2-ой гвардейской запасной бригады.

Применением оружия рекомендовалось «не стесняться». Любопытно то заявление, какое делалось в этом приказе,— о том, что все идущие от штаба округа распоряжения делаются по приказу Временного Правительства и с полного его ведома, а посему от полковых комитетов требовалось, чтобы и они содействовали проведению в жизнь указанных выше распоряжений.

Приказ предусматривал мельчайшие детали в отношении распределения постов и караулов и т. п.

Однако вся эта предусмотрительность оказалась напрасной: уже 21 октября собрание представителей от всех полков петроградского гарнизона призвало солдат не подчиняться тем приказаниям, какие не будут скреплены подписями представителей Военно-Революционного Комитета. Как показали события 25 октября и последующих за ним дней, выполняли волю и приказания Временного Правительства только юнкера и ударницы. Публикуемый ниже приказ является интересным именно потому, что он дает наглядное представление о полной неудаче буржуазии в ее попытке использовать армию против революции в самый решающий момент борьбы армии и рабочего класса против господства буржуазии и мелкобуржуазных социалистов-соглашателей.

О. Чаадаева.

Приказ начальник штаба 2-ой гвардейской запасной бригады командиру Финляндского резервного полка от 20 октября 1917 года № 1868.

Копия.

В. спешно.

Командиру гвардии Финляндского резервного полка.

По приказанию начальника бригады сообщаю для руководства следующие распоряжения главного начальника округа. В случае выступления анархических элементов населения столицы, на войска петроградского гарнизона

возлагается задача: во-первых, в корне пресечь всякую попытку мятежа; во-вторых, не допустить занятия правительственных и общественных учреждений и, в-третьих, не допустить погрома и мятежа.

В виду того, что главнейшими объектами захвата являются: Зимний дворец, Смольный институт, Мариинский дворец, Таврический дворец, штаб округа, государственный банк, экспедиция заготовления государственных бумаг, почта-телеграф и центральная телефонная ст.,— все усилия должны быть направлены на сохранение этих учреждений в наших руках. Для этого необходимо: заняв линию реки Невы с одной стороны и линию Обводного канала и Фонтанки с другой, преградить мятежникам всякий доступ в центральную часть города, а кроме того принять меры к недопущению разгрома спиртохранилищ, винных складов и пр.

Для выполнения вышеизложенной задачи весь город разделяю на районы и поручаю их охране и ведению полков в лице их командиров и полковых комитетов:

Московский полк — река Большая Невка, река Большая Нева, проспект Петра Великого включительно.

Гренадерский полк — река Большая Невка, Архиерейская улица исключительно; Большой проспект исключительно, река Малая Нева, т.-е. полку поручается северная часть Петроградской стороны и острова.

Павловский полк — река Малая Нева; Большой проспект включительно. Архиерейская ул. включительно, река Большая Невка, река Большая Нева, Кронверкский пролив и канал кругом арсенала, т.-е. южная часть Петроградской стороны без крепости и арсенала.

Финляндский полк — река Малая Нева, река Большая Нева, т.-е. весь Васильевский Остров.

В своем районе каждый командир полка обязан: а) выставить заставы на мостах через Неву (Фонтанку и Обводный канал), чтобы никоим образом не пропустить вооруженной толпы мятежников в центральную часть города; б) решительно разгонять, не стесняясь применением оружия, всякие попытки отдельных групп к образованию групп; в) при прибытии заставы на мост немедленно выставить у телефона в будке моста часового и сообщать обо всем в штаб округа по телефонам 45-29, 22-64, 107-09 и, в особо важных случаях, по № 265-40; г) усилить караулы или выставить новые у важных правительственных и общественных учреждений; д) организовать наблюдение за своим районом, не допускать никаких погромов и иметь в своем резерве всегда учебную команду и роту в 250 человек при 5 офицерах, с 4-мя пулеметами, коих без разрешения из штаба округа никуда не высылать.

Распределение застав от полков:

От Павловского полка — на Биржевом и Сампсониевском мостах по одному взводу при офицере.

От Гренадерского полка — на Гренадерском, Каменноостровском и Крестовских мостах — по одному взводу при офицере.

От Финляндского полка — на Тучковом мосту по одному взводу при офицере.

По городу будет производиться патрулирование солдат 9-го запасного кавалерийского полка и казаков, согласно особого расписания.

Все указанные выше распоряжения только тогда будут иметь результаты, если полковые комитеты своим авторитетом будут содействовать проведению их в жизнь, почему на комитеты возлагается обязанность проверять и поддерживать исполнение настоящих приказаний.

Все распоряжения, идущие от штаба округа, делаются по приказу Временного Правительства и с полного ведома, почему каждое распоряжение штаба будет скреплено.

Солдатам из казарм до особого на то распоряжения не выходить.

При выходе в парад иметь патронов на пехотную винтовку — 120, ручных бомб по 4 на гренадера; пулеметов по 4 на роту.

Во исполнение вышеизложенного начальник бригады приказал принять все необходимые подготовительные ме-

ры, дабы вверенный вам полк находился в полной готовности принять на себя охрану назначенного ему района.

Высылать заставы и т. п. следует лишь по особому распоряжению в каждом районе штаба округа.

О начале, а также о прекращении волнений, кроме донесений в штаб округа, неукоснительно доносить также и в штаб бригады (телефон № 689-96).

Генерального штаба капитан *Кондратьев.*

С подлинным верно: полк. адъютант (подпись).

21 окт[ября 1917 г.].

Письмо ген. Д. Г. Щербачева ген. А. И. Деникину.

Вопрос о причинах ухода интервентов из России едва ли не больше других привлекал к себе внимание исследователей. Уже одно совпадение двух фактов — в сентябре ушли «союзники» с севера и на сентябрь же падают расцвет Деникина, попытка Юденича начать новый поход на Питер и приостановка отступления Колчака — приводило в недоумение изучающих этот момент гражданской войны. Помещаемый ниже документ несколько разрядит это недоумение, так как познакомит нас с одной из наиболее серьезных причин неудачи интервенции — с положением внутри империалистских стран, притом так, как оно отражалось в представлении заинтересованных генералов.

И. Минц.

Письмо ген. Д. Г. Щербачева ген. А. И. Деникину 15 ноября 1919 г. [1]).

Милостивый государь Антон Иванович.

Хочу охарактеризовать вам в нескольких словах наблюдающуюся сейчас картину политического состояния Франции, последнего неудачного выступления по русскому вопросу английского премьер-министра Ллойд-Джорджа — в Англии и политических последствий поездки президента Французской республики Пуанкаре в Англию.

В данную минуту Франция находится в самом остром периоде предвыборной агитации. Выборы вызывают живой интерес только среди масс, примыкающих к двум политическим флангам. Средние классы как бы охладели к прелестям парламентского режима, превращенного французскими политиканами, с одной стороны, в игру личных интересов, с другой — в источник благосостояния народных избранников.

Корыстная жажда власти явно и отвратительно сказалась в отчаянных попытках только что распущенной палаты депутатов продлить и так отсроченные из-за войны на 2 года депутатские полномочия: министерство внесло законопроект с расписанием первых выборов, начиная от 16 ноября, палата же стремилась оттянуть их до марта и чуть-было не свалила на этом основании министерство Клемансо, поставившего по этому поводу в палате вопрос доверия. Клемансо был особенно в ударе, пристыдил блестящей речью себялюбивые элементы палаты и одержал победу, хотя, надо сказать, и весьма слабым вотумом.

«Отвратительно было смотреть, — писала одна из больших газет, — на алчность этих представителей страны, отчаянно хватавшихся за ускользавший пирог».

[1]) Московский Центральный Архив Октябрьской Революции. Фонд IV, инвентарь № 23. Арх. № 1—16 (л.л. 91—97). На печатаемой копии письма вверху слева: «Военный представитель верховного правителя при союзных правительствах и командовании». Ниже: «15 ноября 1919 г. № 11565 г. Париж». На поле слева: «Его превосходительству А. И. Деникину, главнокомандующему вооруженными силами на юге России».

Охлаждение средних классов к выборам и вытекает из этой эгоистической точки зрения на депутатов, точки зрения, блестяще доказанной во время войны бесчисленным количеством скандалов, разоблачений и процессов — от жанра Кайо и подобных ему до мелкого скандала с депутатом Curmel, обвиненным во взятке в 1.000 франков. Приходится слышать ходячее мнение, что кого ни выбери в депутаты, сейчас же станет казнокрадом и аферистом.

Предвыборная кампания явно разделила всех избирателей на два определенных лагеря: открытых большевиков, считающих переживаемый момент не «выборным», а «революционным периодом», и антибольшевиков, составивших один блок всех буржуазных и части умеренно-социалистической партии. К сожалению, блок антибольшевистский раскололся в Париже и некоторых крупных центрах, и такое же явление наблюдается и у большевистского блока, но как раз не в тех избирательных округах, как у правых.

Левое социалистическое крыло сперва включало в себе левых радикал-социалистов и социалистов всех толков, но на-днях произошел раскол на почве сочувствия и несочувствия большевизму, часть социалистов с А. Брианом и Марселем Самба во главе высказалась против совдепских начинаний и составляет отдельные выборные списки, другие же (Ренодель, Лонгэ, Кашен и пр.) категорически высказались за ленинские эксперименты и с особым списком собираются в отдельные митинги, проходящие под клики: «A bas la France! Vive Lenine! Vive Sadoul! Vive les Soviets!»

Они наиболее организованы и строят свою тактику на почве экономических неудовольствий толпы.

Поэтому все шансы большевиков ограничиваются только Парижем, который, несомненно, даст большевистское большинство, и несколькими фабричными центрами. Вся же провинция даст антибольшевиков, так что в результате, по уверению авторитетов, в палате будет большее преобладание партий порядка.

Исключительный и страстный интерес к выборам только политических флангов при дезорганизации центра создает весьма острое положение выборной кампании и придает выступлениям обоих крайних лагерей революционный характер. Между прочим, большевистская партия уже открыто и всенародно вербует адептов в Красную гвардию, пока не вооруженную, но организующуюся по русскому образцу и кадрам которой уже присвоено название «народных легионов» (légions populaires) с тем же хорошо знакомым нам лозунгом «защиты интересов пролетариата». В большевистских парижских газетах («Юманите», «Популэр» и «Журналь дю Пепль») публикуется приглашение рекрутов, с указанием адресов красных призывных участков, куда уже, как удалось выяснить, стекаются всякие подонки «апашского» типа и истерические подростки.

Правительство старается оказывать давление в пользу центра и правых партий и отводить кандидатов большевистского толка. Так, известный капитан Садуль, поставленный во главе нового списка по 4-му парижскому округу, предан был военно-полевому суду и приговорен к смертной казни.

Несмотря на все эти меры, как было сказано выше, не исключена возможность частичных успехов элементов, близких по духу русским большевикам.

Расчет и вся надежда Клемансо именно и зиждется на быстром проведении выборов, пока большевистская пропаганда не коснулась составляющих большинство солдатских демобилизованных масс. На дебатах о сроках выборов оппонировавший Клемансо Бриан, лидер левых, имел неосторожность поставить одним из аргументов за отсрочку — неподготовленность солдат к проявлению своей политической воли. В своем ответе Клемансо разразился громовой филиппикой за poilus, которые сумели спасти своей грудью Францию и которых подозревают в гражданской незрелости, и палата, заискивающая перед военным большинством выборщиков, должна была вотировать за сроки выборов, предложенные Клемансо. И войска, и демо-

билизованные до сих пор учитывались правительством как благоприятный ему и надежный в государственном смысле элемент. Таковым решительно показали себя солдаты в охране порядка в первомайской забастовке и в июньской попытке всеобщей забастовки и, наконец, в кровавом подавлении октябрьской забастовки в Бресте. Причиной такой стойкости солдат является их общее озлобление против рабочих за то, что последние во время войны были милитаризованы и оставлены для работ на милитаризованных фабриках, где зарабатывали колоссальные деньги, между тем как фронтовики гибли в окопах. Правительство не упускало ни одного случая сваливать задержки в снабжении во время войны и замедления в демобилизации всецело на забастовки этих фабричных.

Но сейчас приходится учитывать и то обстоятельство, что недочеты демобилизации, за которые явно было ответственно правительство, возбудили неудовольствие и оппозиционный дух в самой среде бойцов великой войны и что, вернувшись к частной жизни, бывшие poilus, вместо давно желанного отдыха, попали в ту же исключительно тяжелую обстановку жизни, в которой томились до сих пор их тыловые соотечественники. А обстановка не только не улучшилась, но с наступлением зимы грозит принять катастрофическую окраску. На первом плане стоит дороговизна, — сколько о ней ни писали и сколько ни обещал г. Нуланс (бывший посланник в Петрограде), назначенный министром продовольствия, — не только не устранена, но имеет повышательные тенденции, взаимно усиливаясь с забастовками, как в заколдованном кругу. Самое сердце Франции, по недосмотру министра продовольствия Лушера, не сегодня—завтра останется совершенно без угля и посему без освещения и перевозочных средств, а некоторые провинциальные центры уже закрыли часть фабрик. Уверяют, что виной недостатка угля является отказ Англии, после забастовки каменноугольщиков, снабжать Францию углем. Но народное неудовольствие, подогреваемое всей большевистской и оппозиционной печатью, ищет виновников только у себя дома. На самом деле правительство действительно проявило какую-то непонятную нераспорядительность. Однако одной из главных причин не только недостатка топлива, но и всего внутреннего французского кризиса, является полная разруха транспорта как последствие военной страды и ее ликвидации.

Переходя к отношению союзников к русскому вопросу, приходится сказать, что оно оставалось до самых последних дней все тем же неопределенным и расплывчатым с случайными и частичными декларациями отдельных министров. 8 же ноября н. ст. Ллойд-Джордж удивил всех заявлением о желательности скорейшего мирного разрешения русских внутренних конфликтов. Это заявление встревожило всех ввиду совпадения с новыми мирными предложениями Советского правительства. И в печати, и в парламентских кругах явилось опасение за возможность новой попытки в роде Принкипо. В тот же день я был уведомлен, что французское правительство категорически осуждает высказанное Ллойд-Джорджем предположение, а парламентские деятели отправились к уезжавшему вечером 8 ноября в Лондон Пуанкаре и поручили ему решительно противиться каким бы то ни было попыткам сближения или компромисса с большевиками. Аналогичные инструкции были даны Клемансо сопровождавшему Пуанкаре Пишону.

В результате в Лондоне состоялось международное совещание, на котором вынесено решение, в силу которого ни одно союзное правительство не приступит к переговорам с Россией, доколе не будут достигнуты следующие основные условия: 1) уничтожение Советов, 2) роспуск Красной армии, 3) созыв совещания земских организаций и Учредительного собрания.

Ллойд-Джордж на следующий же день, т.-е. 13 ноября, сделал в палате общин соответственное разъяснение, сказав, что не имел вовсе в виду никаких переговоров с большевиками,

а только лишь выразил надежду на быстрейшее прекращение кровопролития и решения русского вопроса. Русский вопрос, — добавил он, — будет обсуждаться на специальной конференции представителей союзников, в которую должны быть также внесены неразрешенные до сего времени мирным конгрессом вопросы, как турецкий и т. д.

Относительно помощи антибольшевистским правительствам Ллойд-Джордж прямо заявил, что новых против намеченной ранее программы каких бы то ни было пособий английское правительство ввиду трудного финансового положения дать не может.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

Д. Щербачев.

Верно: Военный чиновник (подпись.)

Подкуп «Нового Времени» царским правительством.

Печатаемые ниже документы относятся ко второй половине 1916 г., т.-е. к последним месяцам существования царского правительства. Революция уже надвигалась, и при том очень быстро. Кризис власти для всех был очевиден, не исключая и самого правительства Николая II. Оно чувствовало нарастание враждебных себе сил и в борьбе с ними искало опоры и поддержки в реакционных кругах.

Публикуемые нами документы к этой общей картине настроения правительства «последних дней» Романовых прибавляют еще небольшую, но показательную черточку.

В поисках союзников правительство, в лице министра финансов Барка, решило в мае 1916 г. обратиться за помощью к известному органу реакционной прессы — газете «Новое Время». Не полагаясь, однако, на добровольность услуг ее издателя, М. А. Суворина, Барк счел более надежным купить его услуги за деньги. В наивной уверенности, что суворинский «парламент мнений» можно с успехом противопоставить поднимающейся все выше и выше волне народного движения, он предложил царю, для подчинения газеты «влиянию правительства», выдать М. А. Суворину ссуду в размере 880.000 рублей. Царь согласился. Сделка состоялась. Суворин даже успел получить около половины этих денег. Но разразилась Февральская революция, и дружественный союз рептилии с царским правительством лопнул, не успев принести ожидавшихся ими плодов. Ставшее у власти Временное Правительство аннулировало сделку в заседании 1 июня 1917 г., приостановило дальнейшее получение Сувориным денег, а полученные потребовало назад.

Дело, к сожалению, не кончено, и из него не видно, удалось ли Временному Правительству взыскать с Суворина полученную им сумму.

Документы извлечены нами из делопроизводства канцелярии министерства финансов по 2-му отделению — дело «№ 47 по переписке о выдаче из прибылей иностранного отдела кредитной канцелярии М. А. Суворину под паи газ. «Новое Время» ссуды в размере 880.000 рублей». Фонд хранится в Архиве Народного Хозяйства, Культуры и Быта в Москве.

В. Алексеев.

Доклад мин. финансов Барка Николаю II 16 мая 1916 г. [1]).

Вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть мне принять меры к тому, чтобы министерство

---

[1]) На подлиннике рукою Николая написано синим карандашом: «Согласен». Далее помета Барка: «Собственною его императорского величества рукою начертано: «Согласен». В Евпатории 16 мая 1916 г. *П. Барк*».

финансов могло располагать известным количеством паев газеты «Новое Время», в видах надлежащего влияния на направление этого распространенного печатного органа. Ныне представляется возможным выдать ссуду под 160 паев газеты, принадлежащих Михаилу Суворину, по 5.500 руб. за пай, и таким образом подойти к решению вопроса о подчинении газеты влиянию правительства. Предполагая осуществить эту операцию совершенно секретно, чтобы сохранить видимую независимость газеты «Новое Время», я признавал бы наиболее целесообразным выдать ссуду через посредство Волжско-Камского банка, который в свое время исполнял вполне конфиденциально подобные же поручения министерства финансов по выдаче негласной ссуды сербскому королю Милану, с ассигнованием на этот предмет восьмисот восьмидесяти тысяч (880.000) рублей из прибылей иностранного отделения министерства финансов.

На приведение сего в исполнение приемлю долг всеподданнейше испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение.

Министр финансов *Петр Барк.*

Обязательство Волжско-Камского коммерческого банка [1]).

Правление Волжско-Камского коммерческого банка выдает общей канцелярии министра финансов настоящее обязательство в нижеследующем:

1. Волжско-Камский коммерческий банк получил от общей канцелярии министра финансов сумму руб. 880.000 (восемьсот восемьдесят тысяч рублей), каковые составляют собственность общей канцелярии министра финансов.

2. Означенные в пункте 1-м сего обязательства руб. 880.000 (восемьсот восемьдесят тысяч рублей) предназначаются общей канцелярией министра финансов, без ответственности Волжско-Камского коммерческого банка за возврат их, для выдачи г. Михаилу Алексеевичу Суворину под соло-векселя последнего, выписываемые приказу Волжско-Камского коммерческого банка, сроком по предъявлении, на сумму руб. 880.000 (восемьсот восемьдесят тысяч рублей), причем в обеспечение исправной уплаты по соло-векселям г. Михаилом Алексеевичем Суворины должны быть представлены Волжско-Камскому банку 160 (сто шестьдесят) именных паев товарищества А. С. Суворина «Новое Время» на номинальную сумму 800.000 (восемьсот тысяч) рублей с передаточными на них надписями на имя Волжско-Камского коммерческого банка.

3. Проценты за пользование выданной Волжско-Камским коммерческим банком по поручению общей канцелярии министра финансов суммою в общем до руб. 880.000 (восьмисот восьмидесяти тысяч рублей) назначаются в размере $7^1/_2$% (семи с половиной процентов) годовых, причем по уплате г. Михаилом Алексеевичем Суворины всего или части долга с причитающимися процентами на уплачиваемый капитальный долг Волжско-Камский коммерческий банк волен возвращать г. Михаилу Алексеевичу Суворину соответствующую по пропорциональному расчету задолженности г. Михаила Алексеевича Суворина часть обеспечения в соло-векселях и вышеупомянутых паях.

4. Волжско-Камский коммерческий банк уплачивает общей канцелярии министра финансов из средств банка проценты из расчета 5% (пять процентов) годовых за деньги, внесенные общей канцелярией министра финансов за все время до момента выдачи денег по поручению общей канцелярии министра финансов г. Михаилу Алексеевичу Суворину и, засим, обязуется передавать без задержки по принадлежности общей канцелярии министра финансов суммы, вносимые впоследствии банку за счет г. Михаила Алексеевича Суворина на уплату процентов и капитального долга, за удержанием из них комиссии в пользу банка в размере $^1/_2$% (полпроцента) годовых с суммы задолженности г. Михаила Алексеевич-

[1]) На подлиннике помета карандашом: «Одобряю. *П. Барк.* 3. VI. 1916».

ча Суворина. Далее Волжско-Камский коммерческий банк обязуется во всякое время, когда того потребует общая канцелярия министра финансов, передать общей канцелярии министра финансов все долговые документы: соло-векселя с безоборотною надписью банка и паи с передаточными надписями, служащие в момент передачи обеспечением еще неуплаченной г. Михаилом Алексеевичем Сувориным суммы долга. Равным образом, Волжско-Камский коммерческий банк обязуется право голоса по вышеупомянутым паям в общих собраниях пайщиков передавать учреждению или лицу по указанию общей канцелярии министра финансов. Волжско-Камский коммерческий банк, кроме того, обязывается по требованию общей канцелярии министра финансов во всякое время предъявить г. Михаилу Алексеевичу Суворину требование об уплате полностью непогашенной части долга.

5. Все расходы по сему обязательству оплачиваются общей канцелярией министра финансов.

Волжско-Камский коммерческий банк

Член правления (подпись).

Г. Петроград. 3 июня 1916 года.

Отношение особенной канцелярии по кредитной части в общую канцелярию министра финансов 9 июня 1917 г. № 1597.

В. срочно.

В общую канцелярию министра финансов.

В виду постановления Временного Правительства, в заседании 1 июня 1917 года, о безотлагательном возвращении в казну ссуды 880.000 рублей, выданной в июне 1916 г. из прибылей иностранного отделения М. А. Суворину, особенная канцелярия по кредитной части покорнейше просит общую канцелярию препроводить в кредитную канцелярию в возможной скорости переписку по сему делу, находящуюся в общей канцелярии.

Директор *К. Замен.*

За нач. отделения *Соколовский* [1]).

Письмо директора особенной канцелярии по кредитной части К. Замена директору общей канцелярии министра финансов В. К. Скворцову 15 июня 1917 г. № 1852.

Спешно.

Секретно.

Милостивый государь Вадим Клавдиевич.

Г. министр выразил желание, чтобы документы по делу выдачи ссуды М. А. Суворину были опубликованы в возможно непродолжительном времени.

Сообщая вам о сем, считаю долгом высказать, с своей стороны, что я полагал бы, что в отношении опубликования договора общей канцелярии с Волжско-Камским банком представлялось бы необходимым предварительно снестись с правлением названного банка.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном почтении и искренней преданности.

К. Замен.

Отношение общей канцелярии министра финансов в правление Волжско-Камского коммерческого банка от 17 июля 1917 года № 5400.

Срочное.

В правление Волжско-Камского коммерческого банка.

Вследствие отношения от 11 сего июля за № 4192 общая канцелярия министра финансов, имея в виду неисполнение М. А. Сувориным требова-

[1]) На подлиннике пометка карандашом: «Спешно. Пок[орнейше] пр[ошу] исполнить сегодня. 11 ч. утра 10-го. *В. Скворцов*».

ния банка о взносе остатка его долга по счету под соло-векселя и паи товарищества «Новое Время» в сумме 427.403 руб. 17 к. с $^0/_0{}^0/_0$ по день расчета, просит немедленно приступить к принятию мер по производству взыскания с М. А. Суворина долга его по представленным в обеспечение счета соло-векселям.

Директор *В. Скворцов.*

За делопроизводителя *В. Обнорский.*

«Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 года.

Дело 1 марта 1887 г. прошло в эпоху утвердившейся реакции, когда единственный орган вольного слова — нелегальная печать — замолкла. И потому-то у нас почти нет современных событию откликов на него. Лишь та среда, из которой вышли деятели 1 марта, — петербургское студенчество откликнулось на факт, и первый из этих откликов уже появился в печати. Это напечатанная впервые в «Красной Летописи», а теперь вторично в книге «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» [1]), прокламация «Союза объединенного петербургского студенчества» (не все экземпляры имеют эту подпись, — часть их была без всякой подписи) в ответ на составленный ректором адрес царю и созванное им собрание студентов университета с верноподданническими речами. Та же группа, которая выступила в начале марта тотчас после ареста первомайцев, решила, как увидим, выступить и вторично, в трагический момент казни привлекавшихся. Однако она была выслежена и арестована, заготовленные тексты проектов прокламаций были взяты еще неотпечатанными, и лишь архивы сохранили эти настроения эпохи для потомства. Агентурные сведения и показания привлекавшихся вскрыли недолгую жизнь создававшейся студенческой организации и историю составления интересующих нас документов. Так, по «негласным сведениям», после 1 марта в квартирах студентов Алексея Павловского, Евгения Яковенко [2]) и Болеслава Мотца происходили сходки, на которых вырабатывалась программа студенческого союза и обсуждался вопрос о выпуске воззвания по поводу событий 1 марта. В собраниях этих участвовали студенты Иван Эйсымонт, Павел Захаров, Александр Троицкий, Николай Евстифеев и слушательница Высших Женских Курсов Вера Козакевич. Опубликованное же воззвание, в начале заметки нами указанное, было, по тем же сведениям, составлено студентами Мих. Сосновским и Евгением Яковенко, а гектографировалось Н. Евстифеевым. Процесс вторично взволновал уже раз откликнувшихся лиц, и с 9 мая по 16 мая происходят опять студенческие собрания, для обсуждения процесса, причем, по показанию уже упоминавшегося выше Н. Евстифеева, «многие находили необходимым познакомить общество путем печатных и гектографированных воззваний с личностями, осужденными по этому процессу». Для обсуждения воззваний собралась 14 мая на взморье сходка, где присутствовали частью участники первых собраний, а также кое-кто новый, и где были предложены три проекта воззвания. Одно из них было тут же брошено в море, как непригодное, а два решено было отгектографировать. Одно из них («8 мая в сокровищницу...») было составлено Яковенко, второе же («По поводу драмы...») — Евстифеевым; гектографировать их взялся опять Евстифеев. Аресты погубили это дело, и 15 лиц оказались привлеченными к дознанию. С ними обошлись довольно сурово. Ссылаемые в административном по-

[1]) См. «Красная Летопись», 1924 г., № 2, стр. 200—201, и А. И. Елизарова: «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», стр. 363 — 365.

[2]) Когда настоящий текст уже был сдан в печать, в «Каторге и ссылке» 1927 г. № 3, появились воспоминания Е. И. Яковенко, одного из авторов печатаемых прокламаций.

рядке, они все получили наказания большие, чем предложенные прокуратурой: из них Николай Евстифеев был сослан на 8 лет в Восточную Сибирь (прокуратура предлагала пять лет), а Яковенко на 5 лет в Восточную Сибирь (в то время как прокуратура предлагала Западную Сибирь).

Если первая из публикуемых прокламаций представляет эмоциональный отклик на совершавшиеся события, то вторая пытается взглянуть на него с точки зрения его политического значения. Автор воззвания, Евстифеев, — по его же показанию, — бывал «в кругу товарищей, где читались издания социал-демократов и обсуждались, кроме научно-литературных вопросов, и вопросы политического характера, из которых наибольшее внимание возбуждал вопрос о необходимости в России политической свободы, в смысле свободы слова, печати и сходок», а по обыску у него был взят листок для сбора в пользу петербургских социал-демократов. Второй из состава кружка, Евгений Яковенко, показал, что принадлежал к организовавшемуся во второй половине 1885 г. кружку, где читали Успенского и Маркса. В то же время публикуемое ниже воззвание говорит исключительно о терроре. Это сочетание социал-демократизма и народовольческого терроризма, однако, обще нашим авторам и деятелям 1 марта — точно так же и «террористическая фракция Народной Воли», вышедшая с бомбами на Невский проспект, считала свои разногласия с социал-демократами «очень несущественными и лишь теоретическими» (см. программу А. И. Ульянова). Для изучения же эволюции терроризма представляет несомненный интерес то подчеркивание децентрализации террористической борьбы, которое имеется в программе А. И. Ульянова и в прокламации Евстифеева. Она имеет свою историю, восходящую еще к 1884 г., когда и разгром центра и дегаевщина поставили чрезвычайно остро вопрос о значении центра в террористической борьбе и вели отдельные кружки к протесту против создания новой центральной организации вместо погибшего Исполнительного Комитета. Однако, вопреки мнению Н. Евстифеева, попытка 1 марта не знаменовала собою наступления новой террористической эпохи, а явилась лишь заключительным эпизодом народовольческой борьбы: и в той новой форме, которую впервые выдвинули новаторы 1884 года и которую, теоретически вновь ее продумав, пытались осуществить деятели 1 марта, террор уже не мог стать тем, чем он был в единственную пору полноты своего политического значения, в эпоху Исполнительного Комитета, и в обстановке нового соотношения социальных и политических сил, он должен был смениться новыми формами политической борьбы.

Обе прокламации печатаются по копиям во «Всеподданнейших докладах деп. полиции» за 1887 г., ч. I, а объяснительные замечания заимствованы из заключения прокурора в соответствующем деле министерства юстиции за 1887 г.

С. Валк.

1. Проект прокламации.

8 мая с сокровищницу прекрасных деяний современного царствования прибавились новые перлы; еще пять повешенных борцов за свободу родной земли закачались на виселицах над опозоренной головой русского царя...

За шестилетний период, казалось, смолкла террористическая борьба русских революционеров: так утешало себя правительство и, ничем не сдерживаемое, довело свою реакционную политику до отсутствия всякой политики. Всякий, кто не разучился чувствовать и думать, как хочет, сам знает безумную вакханалию разнузданного своеволия современного режима, именующегося «внутренней политикой».

И под этот «Гатчинский концерт» слилось когда-то копошившееся и протестовавшее общественное самосознание; либеральные общественные элементы, приподнятые когда-то успехами борьбы партии «Народной Воли», не нашли сами в себе сил, чтобы вступить в борьбу с реакционным правительством, и спрятались по своим углам. Самой

партии пришлось понести тяжелые потери, и для пополнения своих рядов нужно было время. Но прошло шесть лет, и мы едва не были свидетелями нового торжества террористической борьбы. Да, история не берет своих требований назад; всякая новая эпоха в ее течении, прежде чем выйти на сцену жизни и пройти весь цикл своего развития, высылает вперед способных, понявших, самоотверженных людей. Они не склоняют своих честных голов пред насилиями отжившей рутины, они трусливо не мирятся с нею. Народное страдание — их личное страдание; задачи, выдвигаемые процессом народного прогресса, — их личные задачи; борьба за удовлетворение назревших народных требований — их нравственный долг, их символ веры. Вот тот святой очаг, откуда вышли так честно погибнувшие 8 мая, откуда столько выходило раньше — и выйдет вновь. И русскому правительству не затушить этот святой очаг. Он вспоит и вскормит лучших своих детей, — и пойдут они на великую борьбу, и принесут свои жизни в жертву за «великое дело любви». К их рядам примкнут все те, которым стыдно сидеть в настоящую минуту сложа руки и наслаждаться личным довольством и счастьем, и каждый принесет свои силы, какие бы они ни были, на общее дело. Вперед же, друзья, без страха и сомнения, — и борьба, борьба до тех пор, пока правительство не положит оружия, не выпустит из своих дряблых рук непосильную ему власть в руки самого народа! Пусть оно свирепеет в своем отчаянии, — мы будем бороться еще упорнее, еще сильнее, и с каждым часом методы нашей борьбы становятся: выполнения — легче, борцов — больше, сам террор — популярнее.

Мы же, товарищи погибнувших, понесем [1]) на их могилы гордое сознание своей [2]) правоты и в самой их смерти найдем свое торжество. Мы скажем всем: преклонитесь пред этими виселицами — это современная Голгофа России: здесь — ее честь, краса, гордость; здесь — самоотвержение до смерти, во имя великого долга; здесь — залог будущего счастья родной страны. Мы скажем всей России: смотри, как умеют бороться и умирать твои революционеры! Мы глубоко запечатлеем их славные имена в своих сердцах и будем воспитывать на их примере себя и лучших детей родной земли. Мир вашему праху, дорогие братья! Вы честно исполнили свой долг, вы твердой рукой поддержали знамя борьбы за свободу и правду! — Глубокое спасибо вам — и вечная память!

[1]) Пометка на проекте: «Мне кажется, союз не имеет нравственного права сказать это по отношению к себе».

[2]) Пометка на проекте: «Могли бы сказать это их сотоварищи по этому самому делу, за которое погибли мученики 8 мая».

2. По поводу драмы 1 марта — 8 мая 1887 г. Зрителям.

1 марта этого года жизнь опять поднесла нам сильный нравственный толчок, вопреки самому искреннему и настойчивому желанию многих из нас забыться сном праведников.

1 марта этого года таинственный призрак «красного» террора опять вырисовался на политическом небосклоне рядом с хроническим «белым» террором, который сделался не «явлением» жизни, а стал ее «условием» постоянным.

Опять жертвы... жертвы, не подумайте «красного» террора! Нет! у нас «красный» террор красен больше от собственной крови.

Так и на этот раз попытка — обуху ответить обухом, желание, хотя отчасти, удовлетворить требование возмездия, которое мы все слышим, если не затыкаем ушей, в стонах исповедников прогрессивной идеи — залиты кровью, — кровью молодой интеллигенции; это тоже в порядке вещей на Руси — молодость и интеллигентность, эти драгоценнейшие блага человека, гибельны для русского.

Мы остановились на этом не за тем, чтобы обсуждать событие с точки зрения возможности успеха, целесообразности таких попыток, их желательности или необходимости; в нем есть нечто гораздо более близкое всем нам — зрителям.

Нам, зрителям, людям, не участвующим ни духом, ни тем паче телом в подобных предприятиях, — должно

быть тем тяжелее, что мы, как говорится, не «исключительно односторонни», мы не относимся ни с готовым предубеждением, ни с предвзятым сочувствием к таким событиям — мы просто «смотрим», и нам чуется, что это явление есть симптом болезни, что здесь много мучительного для всех участвующих, что здесь страдание и мука начинаются не с того момента, когда падает жертва «белого» или «красного» террора, а что сама жизнь, со всеми ее струпами, может быть, далекими по времени и месту, является какой-то застарелой (хронической) болезнью, какой-то ложью и нелепицей, которая ломает людей и физически, и духовно, толкая раньше расцвета жизни на путь убийства и смерти.

Читатель, вы, наверное, слышали эти слова, или такие же, еще в 70-х годах, когда более умные или догадливые люди говорили вам таким образом о тех гнусных злодеяниях, которых неожиданным свидетелем вам привелось быть? Наверное — и мы вам напоминаем эти слова не потому, чтобы считали их для вас новостью, а потому, что, может быть, последнее событие нагляднее покажет вам то, что тогда вы считали утопией, выводом, сделанным из мнений предвзятых и даже «напрокат взятых», как у нас остроумно выражались.

В 70-х годах вы, может быть, сомневались в словах «провидцев», потому что считали их мнение построенным на аналогии с Западом, и были убеждены, что это основание недостаточно прочно; вы, может быть, говорили себе: «посмотрим, что скажет ход событий, может быть, и правы те, которые считают это «поветрие», «заразу», по тем или другим причинам, явлением временным и преходящим, т.-е. не вытекающим из самих условий нашей реальной жизни.

В 81-м году прокурор, требуя смерти для цареубийц, обвинял их в шарлатанстве, в том, что они выдают себя за орудие и часть партии, между тем как, по его словам, они все тут и есть — эта отверженная злодейская шайка сброда из всяких проходимцев! Вас, вероятно, коробило от этого размашистого хлестания лежачих, от плевания человеку в душу накануне уже смерти, но что касается фактической стороны слов прокурора, вы в ней подозревали если не всю, то значительную долю истины.

Следующие годы, повидимому, оправдали слова прокурора и ваше предположение, — «этим последним напряжением (говорится о 1 марте 1881 г.) наши революционеры исчерпали все свои силы», решали вы. Вы верили, что революция обнаружила перед всеми и собою, что ее сила химерична и фиктивна, что у нее нет связи с жизнью, нет корней в народной почве; вместо революционного взрыва народных масс, каковой, по мнению профанов, ожидался партией, последовало «избиение студентов», — вместо систематической и прогрессирующей деятельности, главным образом террористической, последовало какое-то забвение, застой, исчезновение самых слухов. «Неумолимая борьба» стала «делом давно минувших дней, преданьем старины глубокой».

Вы слышали вокруг себя свист нагаек деспотизма, но... вы это принимали за «торжество победителей», за роковое vae victis! Вы указывали на это людям, идущим жить, и говорили: «Страшитесь гнева владык больше всего! не пробил еще час! они еще всесильны!» Сказали и совершилось, присмотрелись к делу и увидели, что стоит им деятельно захотеть, и они своими силами, без всякой помощи, сотрут всякого супостата! Просить и ждать — можно, требовать и добиваться — значит только ожесточать сердца владык, а все в их воле!

Итак, в 1881 г. партия «истощила себя на бесплодный пуфф» и «умерла отчасти естественною смертью» от сознания своей одинокости и бессилия, отчасти от немыслимости борьбы с вернувшимся правительством, решившимся «не робеть».

Проходило несколько лет, «белый» террор свирепствовал, но о серьезном революционном предприятии не было и помину; правительство стало упражняться в терроризации самых умеренных, невинных, иногда даже чуть не жалких лиц, учреждений, предприятий. Несоразмерность между силами реакции и революции явилась даже для вас неожиданной; вы увидели, что реакция имеет, повидимому, возможность, не рискуя истощить свои силы, «палить

по каждому (революционному) воробью из пушки».

Убийство Судейкина мало изменило общую картину, потому что оно являлось изолированным — делом одного лица, — и, кроме того, это был как бы последний отголосок старого, последний вздох умирающего и затем — хоть шаром покати!

Можно, конечно, начать говорить о том, что затишье было гораздо более официальное, чем действительное, но это неважно, — вы, читатель, в праве ответить, что шила в мешке не утаишь, если оно достаточно крупно, как, напр., последнее событие, и что будь силы революции велики, ее известность не разбилась бы о цензурные запоры.

Да, за это время много схоронено,— много людей, живых и мертвых, много затей и предприятий, много мнений и направлений, но вы, читатель, конечно, говорили не о такой «частичной» смерти, скорее напоминающей обмен вещества в живом организме. Вы говорили о смерти террористических идей и тенденций, о смене их политикой благоразумия, но теперь вы видите, что это не совсем так, что тощие коровы террора не поедены мирными коровами благоразумия, и вы, вероятно, недоумеваете— что же означал 5-летний перерыв? Если это не был отказ от террористической теории, — отчего мы не видели соответственной практики? Оттого ли, что террористы, при всем своем желании и готовности, не находили случая? Оттого ли, что они после 81-го года отказались от своих приемов? Оттого ли, что их вырвали с корнем из общественного организма, как вырезают пораженное гангреной место?

Последний вопрос, и самый важный для нас в данную минуту, таков: следует ли смотреть на это недавнее событие, как на новое воплощение все той же идеи для новой жизни, или как на возрождение забытой на время идеи, или как на случайное явление, истекающее из личных стремлений отдельных людей?

Имея в виду ответ на этот вопрос, вернемся к предыдущему. Да, за это время произошел крупный факт во внутренней жизни партии «действия», известной под именем «Народная Воля»: единая, централизованная, революционная организация умерла в борьбе за свое существование и уступает место федерации отдельных кружков для успешности борьбы.

Реакция сделала свое дело, централизованная организация «Народной Воли» оказалась слишком слабою для беспрерывной борьбы с деспотизмом, и сознание этого зародило мысль у приверженцев ее принципов о несвоевременности такой организации. — Процесс перехода от прежней организации к новой, по необходимости, продолжителен и тягостен для партии и настолько важен, что нельзя удивляться его сильному влиянию на боевую ее деятельность. Мы не имеем возможности изобразить читателю этот процесс документально и в деталях, в настоящем обращении, где мы ограничены в пользовании временем и местом; но, зная более или менее внутреннюю историю партии за последнее время, мы советуем читателю не упускать из виду этого факта внутренней жизни революционной партии при желании объяснить себе такой продолжительный и поразительный застой в ее внешней жизни. Перерыв в деятельной борьбе, по нашему мнению, вызывался тем, что традиции единой, централизованной, боевой организации и инициатива центра в террористических предприятиях пережили эту организацию и тем связывали инициативу отдельных, самостоятельных групп; но жизнь и практика в конце концов обнаружили, что прежняя центральная организация перестала de facto быть центром и, таким образом, дали право инициативы отдельным группам, которые теперь не опасаются помешать планам «центра».

1 марта 1887 г. мы видим первый случай выступления на путь террора не от имени Исполнительного Комитета, а в качестве какого-то «тайного преступного сообщества».

Целью настоящего обращения было объяснить причины предшествовавшего затишья и указать, какое, по нашему мнению, значение должно придавать последнему событию, в смысле указания дальнейшего хода событий русской жи-

зни. О, если бы жертвы последнего события могли найти какой-нибудь другой путь для водворения «на земле мира, в человецех благоволения» кроме сурового требования: si vis pacem, para bellum!

Л. Н. Толстой и Н. М. Романов.

Печатаемые ниже материалы относятся к первым годам знакомства вел. кн. Николая Михайловича с Л. Н. Толстым и дают нам объяснение их дальнейших взаимных отношений. Начавшееся по инициативе Н. М. Романова осенью 1901 г. в Крыму, это знакомство продолжалось, повидимому, до самой смерти писателя. По крайней мере, из изданной уже переписки Л. Н. Толстого видно, что оба корреспондента интересовались друг другом и в 1907 году *). Последнее не представляется затруднительным объяснить, если принять во внимание свойственную обоим и научно-литературную устремленность в прошлое и живой интерес к современной русской действительности; это обстоятельство было, конечно, не последним побудительным мотивом и для их первой личной встречи. Нельзя также исключить при этом и некоторой доли любопытства со стороны великого князя, много слышавшего о Л. Толстом и желавшего лично проверить составившиеся о нем характеристики наиболее близких ему придворных кругов. В этом отношении не малый интерес представляют те места приводимого ниже дневника, где Н. М. Романов останавливается на внешности Толстого и вполне серьезно отмечает, что его собеседник «вполне опрятен, хорошо вымыт, руки чистые и ногти в полной исправности; большая, окладистая, седая борода его, хотя и находится как бы в поэтическом беспорядке, но расчесана», что его оппонент не обнаруживает никакого беспокойства в обращении, и хотя «спорит упорно, но без всякого повышения голоса» и «свободно допускает возражения».

В обстоятельствах, сопровождавших эти встречи в Крыму осенью 1901 года, следует, повидимому, искать и причину возникновения у Л. Н. Толстого мысли обратиться к Николаю II с письмом *), о котором говорится в переписке обоих корреспондентов. В центре этого письма, как и всей нижеприводимой переписки, стоит земельный вопрос, к разрешению которого Л. Н. Толстой подходит с теорией Генри Джорджа, кажущейся ему в особенности приемлемой для России.

Не входя здесь в принципиальное разрешение вопроса о том, насколько справедлива вообще теория Генри Джорджа в приложении к вопросу о раскрепощении труда от капитала, приходится признать, что в той постановке, в какой она дается у Л. Толстого, она никогда не могла рассчитывать на успех даже в отношении разрешения одной только аграрной проблемы. И в этой части спора прав, конечно, Н. М. Романов, делающий вполне верное заключение: «насколько ваша мысль идеальна и симпатична, настолько же она на практике не осуществима». Но, с другой стороны, не много практического смысла заключается и в тех мероприятиях, которые, как предварительные условия возможного в будущем земельного переустройства, выдвигаются самим Н. М. Романовым; они к тому же достаточно выпукло обнаруживают и собственную политическую и социальную ограниченность их автора. Окончание этого интересного во всех отношениях спора следует видеть в напечатанном уже ранее письме Л. Н. Толстого от 20 авг. 1902 г., где последний, между прочим, пишет Н. М. Романову: «Что

*) Последнее письмо Л. Н. Толстого, к Н. М. Романову по сообщению Н. Н. Гусева, было написано 2 сентября 1907 г.

*) Напечатано в журнале «Былое», 1917, № 1, стр. 16—21.

же касается до вопроса об уничтожении земельной собственности, то я в последнее время написал об этом — насколько умел — обстоятельное сочинение, которое, само собою разумеется, будет напечатано не в России, а в Англии. Заглавие сочинения: «Рабочему народу». Всякое сочинение est une lettre de l'auteur à ses amis inconnus. Оно может служить и ответом на ваши возражения. И если предмет этот интересует вас — вы прочтете его» *). Очевидно, острота спора начала уже для одной стороны терять свою силу, заслоняясь другими интересами. Но Толстого эта тема продолжала занимать и в дальнейшем, и он еще раз возвращается к ней в письме своем к председателю Совета Министров П. А. Столыпину 26 июля 1907 г. **). Некоторые нерусские и неправильные обороты речи и выражения в письмах Н. М. Романова («не только... и даже», «казалось заметить», «внаружу», «не на иоту» и т. д.) в точности воспроизводят текст подлинников, хранящихся в Библиотеке им. Ленина ***).

А. Чулошников.

Мои свидания осенью 1901 г. в Крыму с графом Л. Н. Толстым. 26, 31/X и 3/XI ****).

Желая давно видеть и познакомиться с Л. Н. Толстым, мне представился удобный случай в Крыму, осенью 1901 года. Я гостил две недели у брата Александра [1]), а Толстой жил почти рядом, в Гаспре, на даче графини Паниной [2]). Приехав в Крым 22 октября, я тщетно делал прогулки, чтобы встретить графа Льва Николаевича, который, как мне говорили, ежедневно совершал большие экскурсии в окрестностях пешком и верхом. Видя, что на счастливый случай рассчитывать не стоит, я решился прямо написать графу записку, могу ли я к нему зайти, прося откровенного ответа. Сказано — сделано. Послав утром 26-го мою записку, я получил немедленно ответ от графа прийти к нему в час дня. Меня встретила гр-ня Софья Андреевна весьма приветливо, сказав, что муж сейчас спустится с верхнего этажа, где его комната. Действительно, через минуты две, Л. Н. явился и очень ласково со мной поздоровался, говоря, что извиняется, что ответил по телефону, а не запиской, но что у него сильно болит рука от ревматизма. После этого мы сели очень близко друг к другу и началась беседа вдвоем, так как графиня удалилась. Физически, на первый взгляд, Л. Н. делает впечатление дряхлого старика, но во время разговора с ним это впечатление сглаживается быстро, и, наоборот, старик этот обращается в здорового и бодрого мужичка. Одет он просто: в серую блузу с ремневым поясом, шаровары такого же цвета и сапоги небольшие, голенищами поверх шганов. Когда вам будут говорить, что граф грязно одевается, что он не мыт — не верьте; напротив того, он вполне опрятен, хорошо вымыт, руки чистые и ногти в полной исправности. Большая, окладистая, седая борода его хотя и находится как бы в поэтическом беспорядке, но расчесана. Особенно вас поражают его светло-голубые глаза с весьма проницательным взглядом, который вас пронизывает и как бы хочет проникнуть в самую душу, а так как глаза помещаются глубоко, а скулы очень выдвинуты, то впечатление делается еще сильнее. Выражение глаз доброе, с оттенком грусти, но умное, сосредоточенное, показывающее характер и силу воли, — вовсе нет блуждающего взгляда, как многие рассказывают, ни беспокойства в обращении, а все величаво, просто и достойно.

---

*) Письма Л. Н. Толстого под ред. П. А. Сергеенко, 1910 г., т. I, № 215, стр. 274.

**) Ibid. № 253, стр. 314—319.

***) Труд сличения текста с подлинниками любезно выполнен, по просьбе редакции, Н. Н. Гусевым.

****) Печатаются по автографу Н. М. Романова, извлеченному из архива б. Ново-Михайловского дворца, хранится в помещении б. Дворцового архива (1 отделение экономической секции Л. Ц. И. А., V отделение).

Правда, он во время разговора не сводит с вас глаз, а когда увлечется разговором, его особенно интересующим, то смотрит прямо в глаза. Мне лично это очень понравилось. Тема нашей беседы была самая разнообразная. Я желал с ним поговорить о трех вопросах: 1) о духоборцах на Кавказе [3]), 2) об Александре I и старце Феодоре Кузьмиче [4]) и 3) о лично касающегося меня дела. Вот этот последний вопрос его особенно заинтересовал, даже поразил, и он как-то любовно на меня глядел, повторяя: «странный вопрос и еще более странный случай». Но о сем я не буду и не хочу распространяться. Насчет духоборцев, роли бывшего тифлис[ского] губернатора кн. Шервашидзе [5]) и личного вмешательства в это дело графа Л. Н. — мы остались противоположных мнений. При этом замечу, что граф свободно допускает возражения, спорит упорно, но без всякого повышения голоса, и дает вам полную возможность высказать ваше суждение. Относительно роли кн. Шервашидзе в [духоб]орческом деле, Л. Н., хотя и вполне убедился, что князь человек добрый и благонамеренный, но продолжает его считать плохим администратором, не сумевшим обставить дела после их расселения по уездам Тифлис[ской] губернии. Я уверял графа, что князю Ш[ервашидзе] было трудно бороться, имея, с одной стороны, полное равнодушие и бессилие всех правительственных органов, а с другой — его, Л. Н., пропаганду, которая принесла духоборцам много вреда.

Граф же хотел меня убедить, что он все делал, чтобы удержать их в пределах России, но, увидав равнодушие правительства, действительно советовал им выселиться за границу для их же блага. Теперь, по мнению Л. Н., духоборцы блаженствуют в Канаде, а по моим сведениям они пока там бедствуют. Когда я заявил графу, что духоборцы до сего времени остались в прекрасных отношениях с кн. Шервашидзе и даже ему пишут из Канады, то это явление его, видимо, озадачило. Я же особенно настаивал на вреде влияния Хилкова [6]) и Бирюкова [7]), учеников Л. Н., которые наверное пересолили и не действовали умиротворяюще на духоборцев. Л. Н. как будто сдал и готов был согласиться, что часто ученики его не вполне его понимают, но все же лучше, чем администрация и чиновники.

Насчет импер. Александра I толковали мы много, и гр. Толстой говорил, что давно ему хотелось написать кое-что по поводу легенды, что Александр кончил свое поприще в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. Хотя пока еще легенда эта не подтверждается и, напротив того, много данных против нее, но Л. Н. интересует душа Ал[ександра] I, столь оригинальная, сложная, двуличная, и Толстой добавляет, что если только Ал[ександр] I действительно кончил свою жизнь отшельником, то искупление, вероятно, было полное, и соглашается с Н. К. Шильдером, что фигура вышла бы шекспировская.

После этого разговор пошел на тему личного характера, о которой должен умолчать. Потом говорили об общих наших знакомых, напр., о графине Елене Ив. Шуваловой [8]), Елис. Ив. Чертковой [9]), которые следуют учению лорда Редстока [10]) и Пашкова [11]). Об этом учении Л. Н. выразился, что оно в основании неверно и никакого удовлетворения не дает, хотя побуждения толкования их считает хорошими. Просидев у Л. Н. более часа, я встал, чтобы проститься, не желая на первый раз засиживаться. Он меня проводил до выхода и очень любезно сказал, прощаясь, что был рад со мной познакомиться.

Второй раз я был у Л. Н. под вечер до его обеда.

Меня просили наверх, в его кабинет. Граф встретил меня словами: «Очень рад вас видеть, я поджидал вас, меня мучила совесть, хочу спросить вас, подумали ли вы, что сделали, когда первый раз пришли ко мне. Ведь я — скарлатина, я отлучен от церкви, меня боятся, а вы приходите ко мне; повторяю, я — скарлатина, зараза, и у вас могут выйти неприятности ради меня, будут на вас косо смотреть, как это

вы посещаете политически неблагонадежного человека». На сие неожиданное вступление я ответил, что, мол, мне 42 года, что я холост, что меня знают и что для себя безусловно не боюсь ни неприятностей, ни гонений, и что все же лучшего мнения о нашем правительстве, чем граф.

Потом снова зашла речь о духоборцах и Шервашидзе, но Л. Н. не удалось меня переубедить. Я продолжал настаивать, что нельзя графу на-слово верить всем своим разнокалиберным ученикам и последователям, что именно они его подводят, не понимая его и делая на практике вовсе не то, что Л. Н. желал бы. Черткова [12]) Л. Н. признает за умного и самого толкового из своих толстовцев, а также Бирюкова.

Первого я лично знаю и считаю за крайне ограниченного парня, хотя он прямой, честный и симпатичный малый. Говорили и о герое дня, о Мише Стаховиче (орловск. предв. двор.) [13]) и о его звонкой речи по поводу свободы совести. Хотя Толстой находит, что давно пора в России прийти к убеждению, что свобода совести необходима, но Стахович забил тревогу ради собственной популярности, что он, Ст[ахович], не серьезный, ко всему относится поверхностно и, к сожалению, и наш и ваш. Меня очень порадовало это услыхать от Л. Н., так как и мое мнение об этом герое нашего времени, что он только бьет на популярность и без всяких твердых убеждений.

После этого разговор перешел на современное состояние России, о полном безвластии, об отсутствии всякой определ[енной] системы, о произволе и бесцеремонности г-д министров, о бездарности Сипягина, о нахальстве Витте (отдавая справедливость его способности), о всеобщем безверии и т. д. Относительно безверия Толстой подробно распространился, упрекая, главным образом, наше духовенство в результатах этого печального явления. Когда я ему заметил, что многие, читая его произведения, полагают, что он сам ели-ели верит в бессмертие души, граф, видимо, смутился и сказал мне: «Неужели это так некоторые понимают и объясняют? Ну, что же, очень жаль, если это так — да я и сам чувствую, что сильно старею, вдохновение уже не то, а часто и совсем нет, но, я уверяю вас, только и жажду помочь больному человечеству».

«Теперь я усиленно работаю над моим предсмертным трудом «О религии», и если только мне удастся окончить это произведение до моей смерти, то я буду счастлив. Готово уже около $^2/_3$ работы, но последняя $^1/_3$ мне как-то не дается, редко чувствую вдохновение, часто болею — вот где беда!» Вообще Толстой очень часто в разговорах со мной упоминал о смерти, так что этот вопрос, видимо, его тревожит, хотя он в этом и не сознается, но сомнения, овладевающие им, чувствуются в самой его речи.

В этот раз я засиделся у графа почти целых два часа, беседуя с ним наедине. Л. Н. был также очень интересен, говоря об эпохе Ал[ександра] I, о тогдашних людях и о его романе «Война и Мир». Что меня поразило во время этого tête-à tête, это, что Т. был совсем натурален, вовсе не думал рисоваться передо мной, а просто говорил о всем и очаровал меня, как приятнейший из собеседников.

Наконец, последний раз я зашел к Л. Н. накануне отъезда, чтобы проститься с почтеннейшим старцем. Опять просидел у него более часа. На сей раз он мне подробно рассказывал свои севастопольские воспоминания, которые так свежи в его памяти, что повествование графа выходит живым рассказом, картина сменяется картиной, эпизод идет за эпизодом и слушать одно наслаждение.

Потом Толстой начал говорить о нынешнем государе Николае II. Очень его жалеет, так бы хотелось ему помочь, он, видимо, добрый, отзывчивый и благонамеренный человек, но окружающие его люди — вот где беда! Помянул Л. Н. и покойного государя Александра III хорошим словом, сказав, что «будь он жив, меня смиренные отцы не отлучили бы от церкви».

Далее расспрашивал о моем батюшке, которому был представлен, будучи офицером артиллерии, в 1854 году в Севастополе; осведомился о его здравии, все так мило и просто, что, право, нельзя выставлять Л. Н. анархистом.

В заключение скажу одно. Л. Н. Толстой как писатель — одна личность, а как человек — другая; и я очень рад, что мне удалось видеть близко, с глаза на глаз, именно человека, тогда можно многое простить увлекающемуся старцу-писателю.

Н. М.

Аи-Тодор. 4-XI 1901 г.

Переписка *) Л. Н. Толстого и вел. кн. Николая Михайловича [14]).

1.

Дорогой Николай Михайлович.

Хотел писать вам тотчас же по получении вашей телеграммы, но тут же слег и два месяца не мог сидеть и взять пера в руки. Хотелось же мне писать вам для того, чтобы от всего сердца благодарить вас. Я почувствовал к вам особенную благодарность за то, что вы исполнили мою просьбу, несмотря на то, что исполнение ее могло повредить вам, и что самое письмо [15]), которое вы передали — и вероятно читали, о чем я просил вас — должно быть несогласно с вашими взглядами и скорее неприятно вам. Если я ошибаюсь, то я очень рад и прошу вас простить мне мои сомнения. Во всяком случае, теперь, когда я первый день в состоянии писать, я пользуюсь им, чтобы горячо благодарить вас. Мне передано было через Черткова, что письмо принято благосклонно (это очень приятно) и дано обещание никому не показывать. Я об этом не просил, но если вы нашли нужным это сделать, то, вероятно, вы имели свои причины, и я ничего не имею против этого.

Хотелось мне еще разъяснить вам некоторые изложенные мною мысли, чего я не мог сделать в письме, надеясь, что если вы и не разделяете моих взглядов, вы поймете меня и посмотрите на мои предположения не как на плод фантазии непрактического человека — как я уверен, в лучшем случае, смотрят на меня в правительственных кругах, а как на результат серьезной и продолжительной работы мысли, пришедшей к убеждению, что для спасения самодержавия от полного крушения есть только одно средство: усвоение правительством тех передовых целей, к которым стремится человечество, и ведение с помощью своей власти к этим целям своего народа. Передовая же цель, к которой всегда стремился и стремится русский народ, по моему убеждению, есть освобождение земли от права частной собственности. Об этом предмете было много писано и теперь пишется, но разработан этот вопрос самым основательным образом Henry George'ем в его большом сочинении «Progress and poverty» и в более сжатом «Social problems» [16]). Вопрос этот, по моему мнению, стоит на той же самой точке необходимости разрешения его, на которой стоял в первой половине прошлого столетия вопрос крепостного права и рабства. Но не только разрешение, но разъяснение этого вопроса в наше время задерживается тем, что богатые и вообще частные землевладельцы в Европе и Америке, составляющие правительство, старательно замалчивают его и не дают ему хода в правительственных сферах. Так что разрешение вопроса возможно только в России при самодержавной власти, и в России же особенно нужно и важно, так как большая часть русского народа занята земледельческим трудом, главной помехой для которого служит отсутствие земли или неравномерное распределение ее. План Henry George'а, называемый single tax system, как вы,

*) Приводимые письма Л. Н. Толстого и Н. М. Романова печатаются с копий, переписанных неизвестным лицом; извлечены они из архива б. Ново-Михайловского дворца и хранятся в помещении б. Дворцового архива 1 отделение экономической секции Л. Ц. И. А., V отделение). Текст сверен Н. Н. Гусевым с подлинниками, хранящимися в библиотеке имени Ленина в Москве.

вероятно, знаете, очень прост и удобоисполним, состоя в том, что вся земля оценивается по приносимой ею ренте, и рента эта уплачивается владельцами земли правительству и составляет все доходы государства, заменяя этим все другие подати.

Так что я очень легко могу себе представить, как по высочайшему повелению учреждается главное учреждение уничтожения земельной собственности и по губерниям — комитеты, которым поручена оценка земли и другие подробности. А какое бы величайшее благо сделал не только своему народу, но и всему миру тот русский царь, который предпринял бы такое дело! И как обеспечен бы был такой царь от всяких социалистических волнений и революционных козней! Как бы твердо он чувствовал себя, опираясь на лучших людей своего народа и на народные массы, которые ожидали бы от него осуществления своих заветных и самых законных желаний: права каждого человека кормиться с земли, данной богом не некоторым, а всем людям без исключения.

Таковы мои убеждения, но, как я и писал, очень может быть, что я ошибаюсь, и есть другие передовые цели, к достижению которых стремится человечество, и они должны стать целью, преследуемой правительством. Это может быть, но одно никак не может быть — это то, чтобы правительство, продолжая теперешнюю систему — поддерживать отжившее и, не став впереди своего народа, указывая ему цели, достижение которых даст ему истинное благо, чтобы такое правительство могло существовать еще долго.

Вчера пришло известие об убийстве Сипягина. Событие это ужасно, главное, той злобой, ненавистью, мстительностью, которые оно неизбежно вызовет в людях, но оно было неизбежно и обещает только еще худшие бедствия, если правительство не изменит совершенно свой курс. Добрый порядок может быть основан только на разумном согласии и любви, а на насилии, казнях, мести, ничего не может быть основано, кроме таких же насилий, жестокостей, мести, которые могут быть отсрочены, но неизбежно придут в свое время.

Простите, что утрудил вас таким длинным письмом, но мне хотелось, чтобы вы понимали мои мотивы, и, кроме того, я взволнован и своей слабостью — пишу лежа — и, главное, ужасным событием убийства Сипягина, предвещающим все большее и большее озлобление и зверство с обеих сторон, тогда как так легко избежать этого.

Прощайте. От всей души желаю вам всего хорошего в вашей личной и, главное, духовной жизни.

Любящий вас

Лев Толстой.

5 апреля 1902 г.

2.

15 апреля 1902 г. Тифлис.

Милейший

Лев Николаевич.

Ваше письмо, полученное мною вчера, вызвало во мне живейшую радость, во-первых, потому, что я вижу, что вы настолько поправились, что можете писать, а во-вторых, — я давно ждал от вас весточки, и весточка пришла в дни светлых праздников. Я же, зорко следя за бюллетенями о вашем здоровьи, намеревался на-днях прервать мое молчание и обеспокоить вас моей болтовней, после двух с половиной месяцев, что я прокатался и нравственно отдохнул *)...

Теперь отвечу на ваше письмо. Приехав в Петербург 22 января, я получил на другой день ваше послание, которое, конечно, прочел, оставив себе копию, и нашел, что смело могу оное вручить тому, кому оно адресовано.

Когда я спросил, могу ли я передать ему это послание, то государь сказал: «Да, конечно», и через три дня, после

*) Начала письма до этого места в копии нет; оно приводится по подлиннику и внесено Н. Н. Гусевым. Далее идет за этим речь о занятиях Н. М. Романова и личных делах, что опускается.

одного семейного обеда, я ему из рук в руки передал письмо ваше. Но, передавая, прибавил от себя: «Прошу из уважения ко Льву Николаевичу мне сделать удовольствие — не давать читать это письмо никому из ваших министров. Вот моя личная просьба». Государь обещал никому не показывать и сказал, что прочтет оное с интересом. После этого мне не пришлось с ним говорить об этом письме, а сам начинать разговор я не считал себя в праве.

Благосклонность я вижу в самом факте разрешения передачи письма и в дальнейшем дружеском отношении ко мне. Ведь государь наш очень добрый и отзывчивый человек, а все горе в окружающих. Если я позволил себе просить не показывать это письмо министрам, то исключительно из уважения к вашей личности и нежелания излишних толков и объяснений господ министров, которые только бы постарались вас очернить в глазах государя. Надеюсь, что вы меня одобрите.

Что касается средств, которые вы излагаете в письме 5 апреля, для спасения самодержавия и безотрадного положения нашей родины, то, не сердитесь, но вы слишком большой идеалист. Идеалист уже потому, что считаете возможным сделать в России то, что не только в Европе, и даже в Америке е щ е н е п о м ы ш л я ю т. Ведь всякий крестьянин очень и очень ц е н и т свою крохотную собственность, а, насколько я вас понимаю, вы желаете, чтобы общая собственность с доходами от нее поступала государству, т.-е., другими словами, казне. Я полагаю, что если на эту меру, конечно, при соблюдении с т р о г о й пропорции подоходности, даже согласились бы имущие классы, т.-е. владельцы всех сортов и сословий, то самую ярую оппозицию вы встретили бы в самих же крестьянах. Кроме того, для осуществления этой грандиозной идеи нужен был бы царь богатырь, вроде Петра Великого, и, конечно, другие сотрудники, чем те, которыми может располагать Николай II. Нужно переформировать и оживить существующие более 100 лет высшие учреждения, как Госуд. Совет, Сенат и машину министерств.

Так что я прихожу к заключению, что насколько ваша мысль идеальна и симпатична, настолько же она на практике не осуществима. Ясно, что переживаемое поистине ужасное и удручающее время требует реформ, и реформ практических, не скороспелых, но с чего начать, that is the question. Вопрос образования, воспитания, учителя, профессора, рабочий вопрос, зловредное чиновничество и бюрократия, страсть всеобщая к наживе, всякие панамы, непосильный милитаризм, распущенность нравов и т. д. А тут вы думаете возможным еще возбудить поземельный вопрос!? Ведь один в стане не воин, а вы рискуете остаться на этой почве одиноким, потому даже те, которые вам симпатизировали, остановятся, когда придется идеальную теорию вводить в жизнь. Я считаю наше общество до того падшим, что выздоровление возможно только при дружной и постепенной работе правительственных сфер, и то при полной их солидарности. По-моему, можно спасти самодержавие, если ограничить его ответственность перед 130-миллионным населением и увеличить ответственность министров. В устарелости всего этого — корень зла. Жизнь и ее требования ушли за XIX столетие далеко вперед, а учреждения остались почти на той же точке. Вот, когда все это будет переформировано и обновлено, тогда только можно будет подумать о возбуждаемом вами весьма сложном вопросе и тогда, может быть, найдутся и дельные исполнители этой грандиозной идеи.

Что вы смотрите черно на будущее и что убийство Сипягина может вызвать нежелаемые мести и возбуждения, — возможно, и вот почему меня интересует, как поведет дело Плеве. Мне казалось заметить, что есть уже поворот к лучшему относительно Финляндии и Кавказа, дай-то бог, чтобы я не ошибся. А что сказать про уход Ванновского? Если это сделано для личной популярности и по его собственной инициативе, то неужели возможно

покидать своего государя в такое время и затруднять его положение? Но я увлекся, боюсь вас утомить и прошу не взыскать за это длинное письмо. Если у вас будет свободное время, пишите мне, я перлюстрации не боюсь, а мне так приятно с вами беседовать.

Самое сердечное спасибо за ваши милые строки от 5 апреля, которые меня тронули и убедили, что и вы меня немного любите. От души желаю вам скорее окрепнуть и поправиться. Берегите себя и не делайте неосторожных прогулок ни верхом, ни пешком.

Передайте, прошу вас, мой искренний поклон графине.

Крепко жму вашу руку.

Весь ваш искренно любящий

Николай М.

3.

Тифлис. 11 мая 1902 г.

Милейший
Лев Николаевич.

Весьма жалею, что вы опять чувствуете слабость вследствие приступа малярии, но надеюсь, что с летними днями вернутся и силы ваши. Письмо, которое вы так любезно мне написали, затрогивая столько важных, существенных и интересных вопросов, я перечитал несколько раз, но, к сожалению, не могу согласиться с вами во многом.

Первая тому причина мое незнакомство с книгой Henry George'a, проект которого я действительно не читал и имею лишь смутное понятие. Будьте так милы мне прислать русский или французский перевод этой книги, потому по-английски хотя я и читаю, но многие слова мне не достают для бойкого чтения. Вторая причина — моя некомпетентность по земельным вопросам, так что на этой почве все мои аргументации будут слабы, особенно в беседе с вами, который много и неутомимо работает над этими вопросами. За вами и опыт и знание дела, а за мной лишь противные тому свойства.

Хотя меня все вопросы дня интересуют, но, по складу моего характера, я только тогда «реагирую», когда несу какую-либо ответственность. Между тем вы хорошо знаете, как я далек от дел и как держу себя в отдалении от правящих петербургских сфер. А потому польза или вред, который я мог бы принести в делах общественных, пока отпадает, и я могу только академически рассуждать на бумаге, и то благодаря вашей снисходительности желать со мной говорить в переписке. Конечно, я глубоко тронут такому ко мне отношению, после того что вы меня видели несколько часов прошлой осенью и что я вселил вам некоторое к себе доверие: но переписка по таким сложным вопросам куда затруднительнее, чем живой обмен мысли в разговорах. А, к сожалению, я, право, не знаю, скоро ли мне снова представится случай вас увидеть и побеседовать всласть. Я убежден, что некоторые мои недоумения или сомнения по многим возбужденным вами вопросам тогда быстро бы отпали, а на бумаге многое выходит так, да не так.

Тем не менее сердце не камень, и я не могу удержаться, чтобы не ответить на кое-что из вашего письма. 1) Если самодержавие вы признаете такой формой правления, которая могла бы заняться проведением в жизнь проекта поземельной реформы (типа Джорджа), то неужели в своей настоящей оболочке? Вы же сами говорите, что нынешние сотрудники невозможны и один неподходящее другого. Вывод из этого простой. Надо их заменить. Откуда? Неужели Николай II может разом обновить весь правительственный персонал! Вы считаете, что формы высших учреждений устарели, но не желаете делать «заплаток» на «старом рубище». Тогда я становлюсь в тупик, потому, как же новые элементы будут работать с «отжившими» формами? 2) Ну положим, что вы сумеете найти новых людей, способных работать и знающих Россию (прибавлю я). Вы думаете, что ими «полна Россия». Вряд ли. Этот пункт я ставлю под большое сомнение. Но, тем не менее, вот вы нашли людей, и неужели вы допускаете возможность, что все эти 10, 20 новых сотрудников могут быть солидарными и все проникнуты идеей

пользы применения поземельной реформы! Я даже скажу следующее. Вдруг Николай II признал бы пользу вашего проекта и пожелал бы привести оный в исполнение. Вот первый и самый существенный камень преткновения очутился бы в подборе сотрудников, и на деле вышла бы басня щуки, лебедя и рака. 3) Потому я вам и писал, что мне представляется исполнителем такой грандиозной реформы (если она не утопия) — царь богатырь, вроде Петра Великого. Т.-е. царь энергичный, самостоятельный, упорный в своих затеях и умеющий выбирать людей. А с одной добротой и благостью намерений нельзя совершить и сотую долю того, что вы желали бы. Этому я твердо верю, потому эти качества для монарха суть основные для поддержания самодержавия. 4) На деле, т.-е. на практике, надо считаться с тем, что есть. Нельзя требовать от него неисполнимого, а необходимо ему помочь, и это есть святая обязанность каждого русского, любящего свою родину и его. Вот я и набрел на мысли о переформировании высших учреждений. Необходимо установить ответственность министров. Вы спрашиваете перед кем? Да просто перед общественным мнением. Отчего бы не печатать в «Правительственном Вестнике» подробных отчетов заседаний Государственного Совета и его департаментов?! Всякий бы министр или член Государственного Совета не раз задумался бы, что сказать, если знал, что все его слова сделаются общим достоянием. Болтовни было меньше, а дела больше. Вот уже начало нравственной ответственности. Одна перед царем — другая перед публикой.

Отчего бы не ограничить число департаментов, переписку, принявшую ужасающие размеры, установить более строгий надзор за бесшабашным чиновничеством, которое, как червь, понемногу съедает все строение и дискредитирует власть, где только хочет и может.

Тогда бы и многое, что теперь царю неизвестно, стало бы выходить внаружу, у него открылись бы очи, и он легче мог бы подобрать себе добросовестных деятелей и исполнителей его воли.

А тогда бы, т.-е. при полном обновлении всех высших государственных учреждений, новые люди сами бы явились и, может быть, и ваш проект мог бы осуществиться. Ведь даже за истекшее XIX столетие были люди, которые хотели влить живую струю. Неужели вы не признаете пользы, принесенной такими личностями, как Сперанский, Н. С. Мордвинов, гр. Канкрин, Н. А. Милютин, сам император Александр II? А покойный государь Александр III, как русский человек, положил основу всему русскому и старался стать на твердые начала добра во внутренней политике, а во внешней придал такое положение России за 13-летнее царствование, как она дотоле не имела. Следовательно и личность самодержца играет выдающуюся роль в нашей жизни на Руси. Но опять повторяю — с одной добротой далеко не уйдешь.

Вот я и увлекся за пределы должного приличия и выдержки! Боюсь, что не на иоту вас не убедил, но повторяю, что пишу, как разумею. Во всяком случае в одном мы с вами согласны. Что так, как теперь, дела не могут итти дальше и что все это кончится плачевно, если еще продолжится по теперешнему курсу. Средства лечения — вот где рознь наша. И то для меня утешительно, что я могу откровенно и по душе с вами говорить и что вы имеете терпение слушать меня.

Еще раз прошу вас, берегите себя, не насилуйте себя, когда вам станет лучше, а я думаю, что воздух Крыма и лето будут иметь на вас хорошее влияние.

Крепко жму вашу руку.
Сердечно вас любящий

Весь ваш *Николай М.*

Примечания.

[1]) Александр Михайлович Романов (род. в 1866 г.), б. великий князь, брат Николая Михайловича, женат на сестре Николая II Ксении Александровне.

[2]) Панина, София Владимировна, графиня, крупная благотворительница и бывшая владелица известного имения «Марфино» гр. Паниных.

[3]) Духоборы (или духоборцы) — русская секта рационалистического направления, сложившаяся во второй половине XVIII в. и отличавшаяся непримиримым отношением к государству и ко всякому принуждению в общественной жизни. В 1895 г. духоборы, выселенные еще в 1840 г. по указу Николая I в Закавказье, подверглись особенно жестоким преследованиям со стороны правительства вследствие своего отказа от присяги и от военной службы. В 1898—1899 гг., по приглашению американских сектантов-квакеров и при содействии толстовцев, в количестве 7.400 человек перебрались в Канаду. О пребывании духоборов в России в 1890-х гг. и о влиянии на них толстовства см. в книге П. Бирюкова, «Духоборы. Сборник статей, воспоминаний», М., 1908 г.

[4]) Федор Кузьмич — сибирский старец, умерший в г. Томске 20 января 1864 г. Легенда связывала с его именем конечную судьбу императора Александра I. Оба корреспондента живо интересовались личностью Федора Кузьмича — см. вел. кн. Николай Михайлович, «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича», СПБ., 1907 г., и Л. Н. Толстой, «Посмертные записки старца Федора Кузьмича».

[5]) Шервашидзе, Георгий Дмитриевич, кн., род. в 1847 г., тифлисский губ. с 1888 по 1897 г., позднее обер-гофмаршал двора и состоящий при императрице Марии Федоровне.

[6]) Хилков, Дмитрий Александрович, кн. (1858—1914), участник русско-турецкой войны (1877—78); в 1890-х гг. за близость к духоборам и толстовству и за ряд резких выступлений против духовенства был выслан в Закавказье; впоследствии отошел от толстовства и примкнул к соц.-революционерам; после 1905 г. превратился в убежденного церковника. Убит на войне в начале октября 1914 г. в Карпатах. О нем см. «Вера и разум». 1914 г., «Богословский Вестник», 1915, «Письма кн. Д. А. Хилкова», Сергиев Посад, в. I—II, 1909—1916 гг.

[7]) Бирюков, Павел Иванович (род. 1860 г.), писатель, последователь и друг Л. Н. Толстого, автор известной четырехтомной его биографии.

[8]) Шувалова, Елена Ивановна, рожденная Черткова (род. 1830 г.), графиня, деятельная последовательница учения пашковцев.

[9]) Черткова, Елисавета Ивановна, рожденная графиня Чернышева-Кругликова (род. 1832 г.), мать известного толстовца Владимира Григорьевича Черткова, деятельная последовательница учения пашковцев.

[10]) Редсток, Гренвиль Вальдигрен, лорд, английский пропагандист, под влиянием которого и образовалась в России секта пашковцев. В Петербурге появился в 1874 году, где проповедывал в аристократических домах и скоро собрал вокруг себя большое количество последователей.

[11]) Пашков, Василий Александрович (ум. в 1902 г.), отставной полковник гвардии, последователь протестантских идей лорда Редстока и основатель «Общества поощрения духовно-нравственного чтения». Учение пашковцев, очень близкое к баптизму, распространялось первоначально среди петербургской аристократии, а затем перешло и в другие слои населения. После не совсем удавшегося съезда русских сектантов в 1884 г. и под влиянием правительственных репрессий, Василий Александрович Пашков эмигрировал за границу. Дело его в России продолжали многочисленные друзья, в их числе: гр. А. П. Бобринский, Е. И. Черткова, кн. В. Ф. Гагарина, светлейшая княгиня Ливен и гр. Е. И. Шувалова.

[12]) Чертков, Владимир Григорьевич, ближайший друг и последователь Л. Н. Толстого, основатель издательства «Посредник» и заграничного изд-ва «Свободное Слово».

[13]) Стахович, Михаил Александрович (1861—1923), орловский предводитель

дворянства с 1896 по 1908 г., председатель совета общества Толстовского музея, член Государственной Думы и член Государственного Совета по выборам.

[14]) О свиданиях Н. М. Романова с Л. Н. Толстым в 1902 г. и об их переписке в связи с письмом Л. Н. Толстого к Николаю II — см. П. И. Бирюков, «Биография Л. Н. Толстого», т. IV, Гиз, 1923, стр. 53 и сл.

[15]) Речь идет об известном письме Л. Н. Толстого к Николаю II, напечатанном в «Былом», 1917, № 1, стр. 16—21.

[16]) Джордж Генри (1839—1897 гг.) — американский экономист и политический деятель, автор известной книги «Прогресс и бедность». Об увлечении Л. Толстого его идеями см. Т. Л. Сухотина-Толстая, «Толстой и о Толстом». Новые материалы, ред. Н. Гусева, М., 1924 г.

Ф. М. Достоевский — «член тайного общества».

В 1868 г. в Вюрцбурге вышла книга Пауля Гримма «Тайны царского двора времен Николая I» [1]). В романе дана фантастическая картина последних дней царствования Николая I [2]). События в «Тайнах» происходят в 1855 году, и Достоевский изображен проживающим в Петербурге. Он участвует в каком-то тайном обществе, к которому примкнул после возвращения из Сибири, куда был сослан по делу «Петрашевского-Петрушевича». Члены тайного общества, в том числе и Достоевский, собираются в подвале. Их выслеживают. Достоевский арестован. На допросе у Орлова в III отделении собств. е. в. канцелярии он не желает открыть своих соучастников. Его подвергают тут же «секуции» (выражение автора) и отправляют в Петропавловскую крепость. Жена Достоевского пытается его спасти. Она вымаливает у императора Николая прощение для мужа. Она является в крепость, но Достоевского там уже нет. В III отделении Орлов объявляет ей, что Достоевский был уже выслан в Сибирь и по дороге умер в Шлюссельбурге (?). Почти одновременно с Достоевским кончает самоубийством и Николай I.

Достоевский прочел эту книгу раньше, чем о ней написал ему А. Н. Майков. Последнему Достоевский по поводу ее в письме из Милана 7 ноября (26 октября) [1]) 1868 г. ответил: «Я читал книжку. ...и, признаюсь, был взбешен ужасно. Наглее ничего представить нельзя. Конечно, наплевать, я так, было, и хотел сначала; но меня сму-

[1]) Книга вышла на французском языке и полное ее заглавие такое: «Les mystères du Palais de Tzars (sous l'Empereur Nicolas I) par Paul Grimm, propriété de l'éditeur. Vurzbourg. F A. Julien libraire-éditeur. 1868».

[2]) С этой книгой нам лично не удалось ознакомиться, так как ее в Москве нет. Благодаря любезному содействию Б. Л. Модзалевского, мы получили краткое изложение содержания книги, составленное Е. Б. Покровской-Гиппиус, которой выражаем свою признательность. Экземпляр книги в Ленинграде имеется только в Публичной библиотеке.

[1]) В издании писем Страхова (1883 г.) письмо датировано: «7 октября (26 ноября).» Это, конечно, ошибка. В автографе письма (хранящемся в Пушкинском Доме) та же ошибочная дата (см. сообщение Е. Б. Покровской «Переписка Достоевского с Майковым», в сборнике «Достоевский». Статьи и материалы под редакцией А. С. Долинина, т. 2, Л. 1925, стр. 334). По предположению Е. Б. Покровской и А. С. Долинина, здесь путаница в месяцах: надо переставить ноябрь на место октября, так как обычная датировка заграничных писем первую дату имеет по новому стилю, а второй датой обозначается русский стиль. Разница в стилях в 12 дней предполагает здесь обязательно два месяца; тогда как в пределах одного месяца выходит разница в 21 день. Поскольку в октябре 31 день, вычисление получается верное для прошлого века. С соображениями А. С. Долинина и Е. Б. Покровской мы вполне согласны и выше датируем письмо, исправив месяцы.

щает и то, что если я не протестую, то тем самым как бы дам мое оправдание подлой книжонке. Но где протестовать? В «Nord»? Но я по-французски не умею хорошо написать и, кроме того, желал бы поступить с тактом. Думаю перебраться во Флоренцию и посоветоваться в русском консульстве, спросить наставления, как поступить». (Биография. Письма, 1883 г., стр. 198).

В нашем распоряжении имеется черновик письма Достоевского на русском языке к неизвестному пока для нас редактору швейцарского журнала, в котором Достоевский опровергает ложь этой вздорной книги, приписывая появление подобных сочинений незнакомству с Россией лиц, пишущих о ней. Это письмо говорит за то, что Достоевский сделал попытку разоблачить книгу. Появилось ли и где именно в печати это письмо Достоевского, нам неизвестно. Текст его следующий:

«Господин редактор. Позвольте иностранцу прибегнуть к бл. госклонной помощи вашего уважаемого журнала для ниспровержения лжи и восстановления истины.

Вот уже год, как я живу в Швейцарии. Выезжая прежде из России за границу, я только [ездил] [1]) проезжал мимо, путешествовал. Теперь же в первый раз поселился на месте, не езжу как путешественник, а живу в чужой земле, на одном месте. Таким образом в первый раз в моей жизни заметил во всей силе многое из того, чего бы мне и в голову не пришло, если б я только проезжал путешественником.

Между прочим, меня чрезвычайно поразило необыкновенное незнание европейцев почти во всем, касающемся России. Люди, называющие себя образованными и цивилизованными, готовы часто с необычайным легкомыслием судить о русской жизни, не зная не только условий нашей цивилизации, но даже, например, географии. Не буду распространяться об этой неприятной и щекотливой теме. [Скаж.] Замечу только, что самые дикие и необычайные известия из современной жизни России находят в публике полную [вы] и самую наивную веру. Нельзя не заметить, что масса этих известий увеличивается как в газетах, так и в отдельных изданиях, [что кон] что, конечно, составляет признак все большего и большего интереса, который возбуждает мое отечество в массах европейской публики.

Всем известно, что есть в Европе несколько периодических изданий, почти специально назначенных ко вреду России. Не прекращается тоже в разных [концах] краях Европы и появление отдельных сочинений с тою же целью. Эти книжки имеют большею частью вид обнаружения тайн и ужасных секретов России. Человек, европеец или русский, долго страдавший и негодовавший в России, сбиравший сведения, случайно поставленный так, что мог [обнаружить] добраться до истины и до обнаружения чрезвычайных фактов, успевает наконец, покинуть несчастную страну, в которой он задыхался от негодования, и где-нибудь за границей, где уже русское правительство над ним бессильно, издает, наконец, книгу, — свои наблюдения, записки, секреты. Его издатель спешит надписать на заглавной странице «собственность издателя» — и вот масса публики, в чем я твердо убедился в этот год жизни за границей, с самой наивной добросовестностью верит, что все это правда, святая истина, а не спекуляция на благородных чувствах читателя, не продажа на фунты или на лиры благородного негодования, отлично фабрикованного [1]) для двух целей — для вреда России и для собственной выгоды, потому что благородное негодование все-таки продается и продается с выгодой. Книжка издателю окупается, «труд» сочинителя тоже.

Таких книжек я видел много, некоторые из них читал. Фабрикованы они или иностранцами или даже рус-

[1]) Слова, зачеркнутые самим Достоевским в тексте, ставим в прямые скобки.

[1]) Первоначально: «подделанного», заменено и зачеркнуто.

скими, — во всяком случае — людьми, необходимо бывшими в России. В них называются известные имена, сообщается история известных лиц, описываются события, действительно бывшие, — но все это описано неверно, с искажением — для известной цели. И чем более автор лжет, тем становится он наглее. [Нужны] Промахи против истины и умышленные клеветы до такой степени иногда наглы и бесстыдны, что становятся даже забавны. Я часто смеялся, читая эти сочинения. Тем не менее [эти] они вредны, так, как и всякая клевета, всякое искажение истины. От всякой клеветы, как бы она ни была безобразна, всетаки что-нибудь остается. Кроме того, в мас[с]ах европейской публики распространяются ложные [искажения] искаженные мнения и тем сильнее, чем малоизвестнее европейцам русская жизнь, а ложные мнения, ложные убеждения могут вредить в этом случае и не одной России. Таково, по крайней мере, мое убеждение.

И, однако, признаюсь, я никогда [1]) не взял бы на себя труда обнаруживать в этом случае ложь и восстановлять истину; труд слишком был бы уж унизителен. По прочтении [многих] некоторых из этих сочинений мне становится всегда почему-то чрезвычайно стыдно: или за автора, или за себя, что я взял на себя труд читать такую наглую нелепость [2]).

Но вот на-днях, случайно, попалась мне на глаза книжонка: «Les mystères du Palais des Czars (sous l'Empereur Nicolas I) par Paul Grimm, propriété de l'éditeur. Vurzbourg. F. A. Julien libraire-éditeur. 1868».

В этой книжке описывается собственная моя история, и я занимаю место одного из главнейших действующих лиц. Действие происходит в Петербурге, в последний год царствования императора Николая, т.-е. в 1855 году. И хоть бы написано было: роман, сказка; нет, все объявляется действительно бывшим, воистину происшедшим [и обнаруживаются будто бы секреты и тайны], с наглостью, почти непостижимою. [Упоминает] Выставляются лица, существующие действительно, упоминается о происшествиях не фантастических, но все до такой степени искажено и исковеркано, что [не в] читаешь и не веришь [подо] такому бесстыдству. Я, например, назван моим полным именем «Théodore Dostoiewsky, писатель, женат, председатель тайного общества»...

На этом обрывается письмо. Письмо не дописано и не датировано. Каким временем его датировать? Пока, за отсутствием определенных данных, возможно точно указать год: 1868, и приблизительно месяцы: август — октябрь [1]).

---

[1]) Первоначально: «всетаки», потом зачеркнуто и заменено: «никогда».

[2]) Первоначально: «мерзость», но зачеркнуто и заменено: «нелепость».

[1]) Достоевские Ф. М. и А. Г. приехали в Женеву из России через Баден 14—25 августа 1867 г. В этом письме Ф. М. указывает на год (почти) своего пребывания в Швейцарии. Таким образом датой письма надо считать июль — август 1868 г.; разумеется, датировка эта условна. Письмо обнаружено в тетради № 3, хранящейся в личном фонде писателя в Центрархиве. Письмо находится на стр. 89, 88 и 90 тетради; после письма на одной из ближайших страниц стоит дата 9 сентября нового стиля 1868 г. — по старому стилю это 28 августа. Попутно заметим, что на последней странице тетради есть дата. («Петербург 7 августа 1877 г. я еще не начинал продолжения романа», — пишет Достоевский; роман — «Бесы».) Первая дата позволяет думать, что письмо писано приблизительно в августе 1868 г. — Майкову в октябре 1868 г. Достоевский пишет о книге, как уже известной ему.

Но возможно сделать и другое предположение. Именно, после ответа Майкова Достоевский посоветовался с русским консульством в Женеве и набросал черновой набросок письма, который мы и привели выше. Рассуждая так, надо допустить, что датой письма является время после посылки письма Майкову, т.-е. время после 7 октября 1868 г. Придавать значение месту записи письма в тетради особенно не следует: ведь До-

В перспективе литературно-общественных настроений Достоевского в 70-е годы письмо это представляет интерес. За год перед тем появился в свет роман Тургенева «Дым», герой которого Потугин вызвал крайне резкое осуждение со стороны Достоевского, — Достоевский, встретясь с Тургеневым вскоре в Баден-Бадене, поссорился с ним из-за романа. В известном письме к А. Н. Майкову 16(28) августа 1867 г. Достоевский взволнованно рассказал последнему о причинах размолвки с автором романа «Дым». «Главное, — писал Достоевский Майкову, — книга «Дым» раздражала». И тут же ссылается на смысл, на «главную мысль» романа, которая собственно и раздражала его: «Тургенев сам говорил мне, — добавляет Достоевский, — что главная мысль, основная точка его книги, состоит в фразе: «Если бы провалилась Россия, не было бы никакого убытка, ни волнения в человечестве». Близкой разновидностью этого «убеждения» Тургенева, так сильно оскорбившего Достоевского, мог Достоевский считать и «Тайны двора времен Николая I», — вот почему он так был задет этой книгой.

Н. Бельчиков.

стоевский записывал не в порядке страниц. Он часто писал вперемежку, торопливо записывая пришедшую в голову мысль там, где свободно. И в тетрадях его можно встретить не раз случаи записывания материалов об одном и том же сюжете в двух-трех местах, из которых (материалов) одна часть бывает записана в начале тетради, другая в конце и в обратном порядке. Посредине эти записи бывают разделены другими, совсем неоднородными с первыми записями. Так и в данном случае, черновик этого письма очутился между записями материалов к роману «Вечный муж» (1869 и 1879 гг.). Самая запись письма шла в необычном порядке; начатая на 89 стр. запись перекинулась на 88 и закончилась на 90 стр. Словом, наше наблюдение говорит о том, что по месту записи датировка письма не может быть точно определена; скорее данные другого порядка (если только они найдутся; напр., тот журнал, где появилось письмо) — подскажут решение, — но таковых пока у нас нет. Письмо осталось в черновом, не отделанном и незаконченном виде. Никаких следов того, что Достоевский беседовал или советовался с консульством, нет. Поэтому вероятнее всего, что дело ограничилось вспышкой настроения Достоевского после того, как он прочел книгу, — и черновым наброском предполагаемого ответа. Затем все осталось забытым

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: **Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Февральская революция 1917 года	3—78
Дневник Николая Романова (продолжение)	79—96
Союз земельных собственников в 1917 г. С предисловием *О. Н. Чаадаевой*	97—121
«Демократическое» правительство Грузии и английское командование. С предисловием *С. Е. Сефо*	122—123
Начало врангелевщины. С предисловием *А. Гуковского*	174—181
Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания. С предисловием *А. Л. Попова*	182—199
Общество «Священной Дружины». С предисловием *П. А. Садикова*	200—217

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Как буржуазия готовилась к Октябрю. Сообщила *О. Н. Чаадаева*	218—220
Письмо генерала Д. Г. Щербачева ген. А. И. Деникину. Сообщил *И. И. Минц*	220—223
Подкуп «Нового Времени» царским правительством. Сообщил *В. П. Алексеев*	223—226
«Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. Сообщил *С. Н. Валк*	226—231
Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. Сообщил *А. Чулошников*	231—241
Ф. М. Достоевский—«член тайного общества». Сообщил *Н. Ф. Бельчиков*	241—244

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

НОВЫЕ КНИГИ

ЦЕНТРАРХИВ

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЬВА ТИХОМИРОВА

Предисловие В. И. НЕВСКОГО

Вступительная статья В. Н. ФИГНЕР

Стр. 515. Ц. 5 р.

„Главная ценность дневников Тихомирова в том, что они — иллюстрация к тому тяжелому кризису русского революционного движения, который характеризует 80-е годы прошлого века. И роль, которую играл Тихомиров в партии, и публицистический талант, каким он обладал, и наконец самый факт измены своей партии ее бывшего вождя, часто отвратительные, но всегда талантливые рассуждения „героя безвременья“,—все это заставляет внимательно прочесть эту книгу“.

Из предисловия В. Невского.

М. В. НЕЧКИНА

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Стр. 244. Ц. 2 р. 50 к.

Содержание. Диференциация дворянства в первой четверти XIX века. Возникновение Общества Соединенных Славян и первые его члены. Слияние Общества Соединенных Славян с Южным Обществом декабристов. Идеология Общества Соединенных Славян. Подготовка восстания. Восстание Черниговского полка. Славяне во время восстания. Следствие и суд над Славянами. Заключение.

Приложения. Список Общества Соединенных Славян. Примечания. Указатели: географический и именной. Таблицы символических знаков славян. Карта района деятельности Общества Соединенных Славян.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г.). Материалы по истории крестьянских движений в России, вып. IV. Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче, стр. 177, ц. 1 р. 20 к.

Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского, стр. 484, ц. 2 р. 75 к.

Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового, стр. 291, ц. 1 р. 50 к.

Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890). (Мемуары и дневники царских сановников.) Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна, стр. X+396, ц. 3 р.

Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883). С предисловием А. Е. Преснякова. Текст подготовил к печати А. А. Сергеев, стр. 172, ц. 2 р.

Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова. Текст подготовлен к печати и снабжен примечаниями М. М. Константиновым, стр. XI+236, ц. 1 р. 50 к.

Достоевская, А. Г. Воспоминания. Под ред. Л. П. Гроссмана, стр. 310, ц. 3 р. 75 к.

Из архива Достоевского. Письма русских писателей: Голенищева-Кутузова, Гончарова, Григоровича, Достоевского, Мельникова-Печерского, Некрасова, Островского, Плещеева, Полонского, Помяловскаго, Рыбникова, Салтыкова, Тургенева. Заметки А. Г. Достоевской. Редакция и вступит. статья Н. К. Пиксанова. Комментарии Н. Ф. Бельчикова и Н. К. Пиксанова, стр. 138, ц. 50 к.

Крестьянское движение 1902 года. Материалы по истории крестьянских движений в России, вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче, стр. 128, ц. 50 к.

Материалы для биографии М. Бакунина. По архивным делам б. III отделения и морского министерства. Редакция и примечания В. Полонского. Том I, стр. 438, ц. 3 р.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский, стр. 248, ц. 3 р.

Нечкина М. В., Общество Соединенных Славян, стр. 244, ц. 2 р. 50 к.

Партизанское движение в Сибири. Том I. Приенисейский край. Материалы подготовлены к печати А. Н. Туруновым. Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова, стр. 295+XV+1 карта, ц. 2 р. 50 к.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 198+14 (нен.), ц. 1 р. 50 к.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 гг. Том III. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 512, ц. 5 р.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916 г. Том IV. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 440, ц. 4 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Том V. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 303, ц. 3 р.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро ИК. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 375, ц. 2 р. 75 к.

Письма Ф. М. Достоевского к жене. Предисловие и примечания Н. Ф. Бельчикова. Общая редакция В. Ф. Переверзева, стр. 367, ц. 4 р.

Покровский М. Н. Декабристы. Сборник статей, стр. 95, ц. 80 к.

Последние дни колчаковщины. Материал подготовлен к печати М. М. Константиновым. С приложением статьи А. А. Ширямова, стр. 231, ц. 2 р. 50 к.

Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева „Гвардия в декабрьские дни 1825 года". (Восстание декабристов. Исследования, под ред. М. Н. Покровского), стр. 226+2 схемы, ц. 2 р. 50 к.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 год в документах и материалах. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 372, ц. 4 р.

Разложение армии в 1917 г. Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 192, ц. 1 р. 50 к.

Революция в 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого). Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного, стр. 184, ц. 1 р. 70 к.

Русско-японская война. Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского, стр. VII+189, ц. 1 р. 80 к.

Царская Россия в мировой войне. Том I. С предисловием М. Н. Покровского, стр. XXIV+304, ц. 3 р. 20 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ, „КНИГА—ПОЧТОЙ"

высылает книги наложенным платежом, при высылке вперед всей стоимости — пересылка бесплатно.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ В 3 ТОМАХ

ПУГАЧЕВЩИНА

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ в РОССИИ XVII и XVIII вв.

Под общей ред. М. Н. ПОКРОВСКОГО

СОДЕРЖАНИЕ 1-го ТОМА

(Вышел из печати)

Предисловие М. Н. Покровского. Введение С. А. Голубцова. Из „дел" Главного Штаба Пугачевщины. 1. Именные указы Пугачева. 2. Указы коллегии Пугачева. 3. Именные повеления Пугачева. 4. Постановления коллегии Пугачева. Из „дел" местных очагов Пугачевщины. 5. Воззвания, увещания и наставления пугачевцев. 6. Текущая переписка пугачевцев. 7. „Инородцы" и Пугачевщина. 8. Уральские заводы и Пугачевщина.

Примечания. Указатели: 1. Личных имен. 2. Географических названий. Стр. 292, ц. 3 р.

СОДЕРЖАНИЕ 2-го ТОМА

Предисловие М. Н. Покровского

I. Из материалов о происхождении Пугачевщины.

1. О монашенском и священном чине. 2. О казанской адмиралтейской конторе. 3. О проезжающих командах. 4. О вальтмейстерах (надсм. за дубовыми лесами). 5. Графу Панину доношение Нижнеломовского воеводы и других.

II. Состояние урожая в 1772—1774 гг. и Пугачевщина.

III. Казачество и Пугачевщина.

1. Уральские казаки и Пугачевщина. 2. Донские и волжские казаки и Пугачевщина. 3. Пугачев и его ближайшие сподвижники в пути.

IV. Инородцы и Пугачевщина.

1. Башкиры. 2. Калмыки. 3. Киргиз-кайсаки. 4. Татары. 5. Разные народности.

V. Фабрично-заводское население и Пугачевщина.

1. Горные заводы Приуралья. 2. Разные заводы и фабрики.

ТОМ 3-й ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Подписная цена—7 руб. Задаток—1 руб., при получении каждого тома—2 руб.

Подписка принимается Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата, Москва, Воздвиженка, 10, тел. 4-87-19 и 5-88-91 в магазинах, киосках и отделениях Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех **киосках Всесоюзного контрагентства печати,** а также во всех почтово-телеграфных конторах.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. **М. Н. Покровского**

ДЕЛА ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА и СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ.

ТОМ I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева. Стр. 540. Ц. 6 р.

ТОМ II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Приготовил к печати А. А. Покровский. Стр. 420. Ц. 6 р.

ТОМ III. Следственные дела: А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. Приготовил к печати А. А. Покровский. Стр. 447. Ц. 6 р.

ТОМ IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. Приготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. Стр. 486. Ц. 6 р.

ТОМ V. Следственные дела: П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридонова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. Подготовил к печати Н. П. Чулков. Стр. 495. Ц. 6 р.

ТОМ VI. Восстание Черниговского полка. (Печ.)

ТОМ VII. „Русская Правда" П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печ.)

ТОМ VIII. Дела Следственной Комиссии о злоумышленных обществах. **Алфавит декабристов.** Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Стр. 431. Ц. 4 р. 50 к.

В книге воспроизведен текст подлинной рукописи принадлежавшей Николаю I, находившейся всегда у него на столе для справок, как содержавшей в себе в азбучном порядке имена всех декабристов и других привлеченных к следствию о тайных обществах. Таких лиц было 579. В виде приложения к этому ценному историческому документу редакторами его—Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом—даны подробные биографические справки о всех упоминаемых в „Алфавите" лицах, причем приложена судьба каждого до 14 декабря и после до самой смерти.

Материалы дают впервые совершенно полное и точное воспроизведение дел с сохранением всех особенностей расположения, правописания и пунктуации.

Продажа во всех отделениях, магазинах и киосках Госиздата

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ „КНИГА—ПОЧТОЙ"

высылает эти книги наложенным платежом. При высылке всей стоимости вперед — пересылка бесплатно.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журнал

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ежемесячный орган ИСТПАРТА

ПОСВЯЩЕН ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б).

Ответственный редактор ***М. Савельев***

История революционного движения в России, работа партийного подполья, борьба с контр-революцией, гражданская война—все это находит освещение на страницах историко-революционного журнала.

ПРИЛОЖЕНИЯ

для годовых и полугодовых подписчиков

I серия

1. Петроградская Общегородская и Всероссийская Конференция РСДРП (б) в апреле 1917 г. (Истпарт), ц. 85 к.
2. **Гаскольников Ф. Ф.** Кронштадт и Питер в 1917 г. (Истпарт), ц. 2 р.
3. **Антонов-Саратовский В. П.,** Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 до 1918 года. (Истпарт), ц. 2 р.
4. **Бош Евг.,** Год борьбы. (Борьба за власть на Украине). (Истпарт), ц. 1 р. 80 к.
5. Борьба за Урал и Сибирь. (Истпарт), ц. 3 р.

Всего вместо 9 р. 65 к. — 5 рублей

Подписная цена на журнал без приложений

На год — 12 руб., на 6 мес. — 6 руб. 60 к., на 3 мес. 3 руб. 60 к.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

II серия

Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 года и ИСТПАРТ

МАТЕРИАЛЫ 1905 и ДОКУМЕНТЫ

Под общей редакцией **М. Н. Покровского**

Аграрное движение в 1905 — 1907 гг., стр. 694, ц. 6 р.
Большевистские прокламации и листовки в Москве и Московской губ., стр. 470, ц. 5 р.
Боевая группа РСДРП (б) 1905 — 1907 гг., стр. 284 с многочисл. фотогр. ц. 3 р. 50 к.
Профессиональное движение, стр. 388, ц. 4 р.
Советская печать и литература о советах, стр. 541, ц. 5 р.
Стачечное движение, стр. 349, ц. 5 р.
Армия в первой революции, стр. 391, ц. 4 р.

Все издание полностью или отдельные книги по выбору высылаются подписчикам со скидкой 50%.

Подписка принимается Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата, — Москва, 19, Воздвиженка, 10, в магазинах киосках и отделениях.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

К 10-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

ОТЧЕТЫ

I и II ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ РАБОЧИХ и СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА I и II СОЗЫВОВ

ГОСУДАРСТВЕННОГО МОСКОВСКОГО СОВЕЩАНИЯ (август 1917 г.)

и

ЗАСЕДАНИЙ ПЛЕНУМОВ И ИСПОЛКОМОВ МОСКОВСКОГО СОВЕТА

ПРОТОКОЛЫ ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

„Историческое значение „Всероссийского Совещания Советов" состоит в том, что на нем, с неизбежной и окончательной ясностью, определились позиции меньшевизма и большевизма по всем боевым вопросам тогдашних дней: по вопросу о войне и мире, об отношении к Временному Правительству и т. д."

Эти издания снабжены обширными вводными статьями, необходимыми комментариями, указателями и т. д. (в протоколы съездов советов, ВЦИК'ов включаются и законодательные материалы: постановления, резолюции и пр.)

ЗАЯВКИ НА ЭТИ ИЗДАНИЯ НАПРАВЛЯТЬ

в Торговый сектор Госиздата — Москва, Ильинка, Богоявленский п., 4
и во все магазины и отделения Госиздата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

29 марта—3 апреля 1917 г.

(СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ)

„Историческое значение „Всероссийского Совещания Советов“ состоит в том, что на нем, с неизбежной и окончательной ясностью, определились позиции меньшевизма и большевизма по всем боевым вопросам тогдашних дней: по вопросу о войне и мире, об отношении к Временному Правительству и т. д.“

(Печатается).

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ, КИОСКАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

Москва 9, Госиздат, „КНИГА—ПОЧТОИ“

высылает книги наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости—**пересылка бесплатно.**

Государственное Издательство РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1927 ГОД

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО и В. М. ФРИЧЕ.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

Подписная цена: год—15 р., 6 мес.—8 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата: Москва, Воздвиженка, 10. Тел. 4-87-19, 5-88-91. Ленинград, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-48-05, в книжных магазинах, киосках, провинциальных отделениях и филиалах Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, и во всех почтово-телеграфных конторах.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Февральская революция 1917 г. — Дневник Николая Романова. — Крымское краевое правительство в 1918—1919 г. — Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 г. г.). — Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского. — Побег Ярослава Домбровского. — К истории „нечаевщины". — Л. Н. Толстой в Московском архиве мин. юстиции. — Последние Романовы о „либерализме" и конституционном строе.

ЦЕНТРАРХИВ

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 год

НА ЖУРНАЛ

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

12 №№

Ежемесячный орган Истпарта

Ответств. редактор М. САВЕЛЬЕВ

В ГОД

Журнал „Пролетарская Революция" посвящен истории Октябрьской революции и ВКП (б), истории революционного движения в России, работе партийного подполья, интервенции, гражданской войне и борьбе с контрреволюцией

ПРИЛОЖЕНИЯ для годовых и полугодовых подписчиков:

I. 1. VI С'езд РСДРП (б). 2. „Октябрьская Революция" I и II т.т. Сборники под ред. М. Н. Покровского.

Книги высылаются со скидкой 50% наложенным платежом

II. Подписчики получают в магазинах Госиздата по предъявлении специального талона скидку 50% на литературу Истпарта (в изд. Госиздата и издательства „Прибой" по спец. каталогу) на сумму 25 р. (для год. подписч.) и 15 р. (для полугод. подписч.)

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ПОДПИСЧИКА

Подписная цена: на год — 12 руб., на 6 мес.— 6 р. 60 к., на 3 мес.— 3 р. 60 к.

Цена отд. номера 1 руб. 50 коп.

№ 10 (69) журнала „ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" за 1927 г. посвящен 10-летию Октябрьской революции

СОДЕРЖАНИЕ. СТАТЬИ: **Покровский М.** Октябрьская революция и Антанта. **Ярославский Е.** Большевики в Октябре. **Шестаков А.** Октябрь в деревне. **Пионтковский С.** Военно-революционный комитет в Октябрьские дни. **Лозинский З.** Временное правительство [illegible] разрухой. **ВОСПОМИНАНИЯ:** [illegible] ский С. Октябрьские дни в Мо[illegible] дии Выборгского района в 1917 г[illegible] ской революции в Эстляндии. МА[illegible] тябрь—октябрь 1917 г.). **КРИТИ[illegible]** об октяб[illegible]

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: [illegible] ских изданий Госиздата, Моск[illegible] в магазинах, киосках и провинци[illegible] ченных, снабженных соответству[illegible] Всесоюзного контрагентства печат[illegible] конторах [illegible]

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ТРЕТИЙ (ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО

в 1-ой Образцовой типографии
ГИЗа, Москва, Пятницкая, 71,
Главлит № 95082. Гиз. № 23491.
Заказ № 3638. Тираж 2.000.

Февральская революция 1917 года.

(Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта).

Окончание [1].

Разговор по прямому проводу подп. Медиокритского с подп. Сергеевским 2 марта 1917 г. в 3 ч. 20 мин. дня.

— У аппарата подполковник Медиокритский.

— У аппарата подполковник Сергеевский. Генерал Клембовский приказал мне узнать у вас наверное, — если вы точно не знаете, то доложите наштасеву, — где в данную минуту находятся литерные поезда: в Пскове или ушли, когда и по какому маршруту?

— Сейчас будет наведена справка. Сейчас справлялся по телефону у коменданта: литерные поезда находятся в Пскове. Главнокомандующий находится там с утра, а наштасев проехал туда в 3 часа дня. Подполковник *Медиокритский*.

— Подполковник Медиокритский там?

— Да.

— Подполковник Сергеевский. Ген. Клембовский просит вас, если бы получилось сведение об уходе литерных поездов или о распоряжении о таком уходе, то немедленно сообщить в штаверх. Все.

— Слушаюсь. Будет исполнено. Подполковник *Медиокритский*.

Донесение ком. 82 пех. Дагестанского полка бар. Раден ген. Алексееву 1 марта 1917 г.

Начальнику штаба верховного главнокомандующего.

28 февраля сего года я, возвращаясь из отпуска в действующую армию, утром прибыл на Балтийский вокзал. По дороге было все спокойно, хотя слухи о беспорядках в Петрограде дошли уже до Мерекюля, где я жил с семьей. Как только я вышел из вагона на вокзал, меня окружила толпа, частью вооруженная револьверами, шашками и ружьями, и, угрожая оружием, потребовала у меня оружие. Я отказался его выдать. Часть толпы, узнав, что я еду на фронт и сейчас перебираюсь на Царскосельский вокзал, стала кричать: «Оставить

[1]) См. «Красный Архив», т. XXI, стр. 3—78.

ему шашку, ему нужно». Толпа оставила меня, успокоившись, когда я заявил, что не останусь ни одного часа в Петрограде и сейчас же уеду дальше, а пока просила лишь сдать вещи и шашку на хранение, так как иначе не ручается за мою жизнь. Я снял шашку и положил ее с револьвером на чемодан. Толпа разошлась. Перед вокзалом происходила стрельба из пулеметов и ружей и лежал убитый городовой. На вокзале было человек 6 офицеров, у которых насильно отобрали оружие. — Через 15 минут после того, как первая толпа разошлась, на вокзал пришла новая большая толпа с прапорщиком Выборгского полка (вероятно, переодетый) во главе. Толпа была частью вооружена и пьяна. Она также потребовала оружие, но я отказался дать его. Один из лакеев указал, что я его положил под стол на чемодан. Тогда меня схватили за руки и втиснули в толпу, приставляли револьверы к голове, крича, что я — против народа и хочу употребить оружие против него. Я говорил, что еду на фронт, и опять часть толпы за меня заступилась, и меня, помятого, отпустили, но в это время шашку и револьвер утащили. В толпе кричали, чтобы меня убили, но часть ее не допустила этого. После этого я пошел пешком на Царскосельский вокзал, вещи мои нес какой-то человек, назвавшийся посыльным. По дороге мне солдаты честь отдавали, хотя не все, а чернь угрожала и старалась напугать, стреляя через голову на воздух. Около казарм Измайловского полка вся улица была полна солдатами этого полка, но без оружия, также и против казарм Семеновского полка. — Всюду стрельба. По городу разъезжают автомобили с пулеметами и вооруженными солдатами. Видел то же и с матросами гвардейского и флотского экипажей. На всех машинах красные флаги. На улицах разъезжают конные солдаты, имея у лошадей вплетенными в гриву красные ленты. Полиция избивается, и в некоторых местах она засела в дома и защищается. Оставив вещи на Царскосельском вокзале, я пошел к жене моего двоюродного брата генерала Тимрот, в Семеновский полк, и оттуда видел, как солдаты обстреливали дом, в котором засели городовые, причем руководил ими офицер. Окна верхних этажей во многих домах выбиты. Говорят, что первый перешел на сторону революционеров Волынский полк, а последний Семеновский (т.-е. запасные части). Говорят, убито много офицеров. В 5 часов вечера опять нахлынула толпа на вокзал, и я был оттерт от своих вещей. Охраны и жандармов не было, и я не мог пробиться до своего чемодана, а когда толпа поредела, оказалось, что он исчез и с ним все мое имущество, взятое с собой, так что я уехал, имея шинель и папаху. В виду анархии, я нашел совершенно бесполезным разыскивать украденное, обращаться же не к кому, а на предложение ехать в Госуд. Думу, где заседал какой-то комитет узурпировавших власть и называющих себя Врем. Правительством, я, конечно, отказался.

Между прочим я был свидетелем, что многие офицеры соглашались на отправку в Думу. Удерживая одного из них, я чуть не был убит толпой.

Уже в поезде я узнал, что в Думе офицерам предлагали признавать Врем. Правительство и предлагали вступить в ряды революционных войск, но отказавшихся отпускали с конвоем для отправки на фронт.

В общем получается впечатление, что анархия разрастается и что можно ожидать погромов и убийств. Войск, верных присяге, в столице, повидимому, нет, — разве отдельные маленькие части.

О вышеизложенном доношу для доклада начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву по приказанию генерала-адъютанта Иванова.

Командир 82 пех. Дагестанского его императорского высочества великого князя Николая Михайловича полка полковник барон *Раден.*

1917 год. 1-е марта.

Разговор по прямому проводу ген. Занкевича с управлением ген.-квартирмейстера штаба верх. главнокоманд. 2 марта 1917 г. в 15 ч. 36 м.

— Генерал Занкевич. По приказанию Родзянко прошу генквар-верх со всею срочностью сообщить мне о положении на фронтах, в особенности северном. Немедленное получение этих сведений имеет особую важность. Жду у аппарата. Немедленно доложите генквар-верху.

— У аппарата дежурный штаб-офицер капитан Кожевников. На срочную вашу записку на имя генкварверх сообщаю: «Огенквар генералу Занкевичу. На фронтах затишье. 2 марта 1917 г. 1882. Клембовский».

Телеграмма ген. Клембовского командующим войсками Московского, Казанского, Иркутского, Приамурского и Одесского округов, наказному атаману области Войска Донского 2 марта 1917 г. № 1885.

Передана 2. III. 17 ч. 18 м.

Ожидается разрешение на опубликование высочайшего акта, долженствующего успокоить население. Временным Правительством в Петрограде принимаются меры для водворения порядка в столице. В Москве наступило успокоение. Наштаверх просит принять все необходимые меры для избежания эксцессов и выражает уверенность, что войска вверенного вам округа будут вполне спокойны. 2 марта 1917 г. 1885. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Клембовского ген. Эбелову 2 марта 1917 г. № 1889.

Передана 2. III. 17 ч. 43 м.

В Петрограде Госуд. Дума приняла ряд мер для водворения нарушенного порядка. Спокойствие восстанавливается. В Москве оно не нарушалось, и только трамваи перестали ходить. Государь

император находится в Пскове, куда выехали к нему экстренным поездом из Петрограда уполномоченные Государственной Думы Гучков и Шульгин. Это все можно объявить в печати. 1889. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Эверту и Брусилову 2 марта 1917 г. № 1900 [1]).

Государь император приказал вернуть войска, направленные в Петроград с запфронта, и отменить посылку войск с юго-западного фронта. 2 марта 1917 г. 1900. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Клембовскому 2 марта 1917 г. № 1237/Б.

Принята 2. III. 18 ч. 25 м.

1886. Литерные поезда стоят в Пскове. Действительно, одно время возникло предположение у государя проехать через Двинск в ставку, но вскоре эта мысль была оставлена в виду вторичной беседы с его величеством генерала Рузского, о которой я уже донес наштаверху, а также в виду выяснившегося прибытия из Петрограда депутатов. Чтобы не загромождать ставку противоречивыми сведениями, сообщаю только достоверно выяснившееся и в этом отношении прошу мне оказать доверие, что ничего важного не пропущу сообщить. По поводу манифеста не последовало еще указания главкосева потому, что вторичная беседа с государем обстановку видоизменила, а приезд депутатов заставляет быть осторожным с выпуском манифеста. Лично я полагал бы, что необходимо лишь подготовиться к скорейшему выпуску его, если потребуется. Вернее думать, что государь император проследует из Пскова в Царское Село, но окончательное решение будет принято только после выяснения результатов приезда Гучкова и Шульгина. 2. III. 18 часов. 1237/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Аверьянова ген. Алексееву 2 марта 1917 г.

Послана 2. III. 17 ч. 55 м.

Принята 2. III.

Считаю долгом ориентировать ваше высокопревосходительство об истинном положении в Петрограде. Временный Комитет прилагает все усилия удержать войска от перехода на сторону крайней левой рабочей партии и поставить их под команду офицеров, но эти усилия разбиваются энергичной пропагандой Совета Рабочих Депутатов. Хотя сегодня и установлено соглашение между Временным Комитетом и Советом Рабочих Депутатов о необходимости сохранения порядка в войсках и установления связи их с начальниками, но соглашение это ненадежно, и разрушительная работа среди войск продолжается.

---

[1]) На подлиннике пометы о времени передачи телеграммы: «Главкоюз—2. III. 22 ч. 53 м., Минск—2. III. 23 ч. 10 м.».

Для спасения Петрограда от анархии и террора и дабы дать опору Временному Комитету, спасающему монархический строй, повелительно необходимо немедленное осуществление меры, изложенной в телеграмме председателя Государственной Думы 158 номер, т.-е. безотлагательное командирование генерала Корнилова, на доблестном имени коего пришли к соглашению все члены Временного Комитета. *Аверьянов.* 2 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Данилову 2 марта 1917 г. № 1896.

Передана 2. III. 19 ч. 40 м.

Сообщаю проект выработанного манифеста на тот случай, если бы государь император соизволил принять решение и одобрить изложение манифеста. 2 марта. 1896. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Проект манифеста Николая II об отречении от престола.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, господу богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали мы за благо отречься от престола государства российского и сложить с себя верховную власть. В соответствии с установленным основными законами порядком мы передаем наследие наше дорогому сыну нашему государю наследнику цесаревичу и великому князю Алексею Николаевичу и благословляем его на вступление на престол государства российского. Возлагаем на брата нашего великого князя Михаила Александровича обязанности правителя империи на время до совершеннолетия сына нашего. Заповедуем сыну нашему, а равно и на время несовершеннолетия его правителю империи править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением юному царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести государство российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет господь бог России!

Телеграмма ген. Данилова ген. Клембовскому 2 марта 1917 г. № 1239/Б.

Принята 2. III. 20 ч. 48 м.

Поезд с депутатами Гучковым и Шульгиным запаздывает и ожидается не ранее 22 час. Таким образом, окончательное решение вновь откладывается на несколько часов. Как только все выяснится, немедленно будет сообщено для доклада наштаверху. Телеграмма генерал-адъютанта Алексеева о генерале Корнилове [1]) в 20 ч. 20 м. отправлена для вручения государю императору. Проект манифеста направлен в вагон главкосева. Есть опасение, не оказался бы он запоздалым, так как имеются частные сведения, что таковой манифест будто бы уже опубликован в Петрограде по распоряжению Временного Правительства. Повторяю, последние сведения частного характера. Псков. 2 марта. 20 ч. 35 м. 1239/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 768.

Послана 2. III. 21 ч. 10 м.

Принята 2. III. 21 ч. 32 м.

1891. Препятствий нет, но согласия Корнилова пока не запрашивал. По совести обязан доложить, что считаю генерала Корнилова мало подходящим именно для этой должности. Он отличается прямолинейностью и чрезмерной пылкостью. Если окажется хорошим, буду очень рад. 768. *Брусилов.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Брусилову 2 марта 1917 г. № 1891.

Передана 2. III. 18 ч. 59 м.

Председатель Государственной Думы Родзянко ходатайствует о назначении главнокомандующим Петроградского военного округа командира 25 корпуса генерала Корнилова. Я полагаю, что назначение боевого генерала с популярным именем может повести к более быстрому водворению порядка и успокоению столицы. Одновременно с сим я испрашиваю разрешения его величества на удовлетворение этого ходатайства. Если согласие государя последует, то генералу Корнилову необходимо срочно выехать в Петроград. До соизволения государя ответа Родзянко не даю. 2 марта 1917 г. 1891. *Алексеев.*

Разговор по прямому проводу ставки верх. главнокоманд. с штабом северного фронта 2 марта 1917 г. в 20 ч. 15 м.

— У аппарата поручик Багенский.

— У аппарата подполковник Тихобразов. — Наштаверх просит сообщить, представлена ли государю императору и когда телеграмма о назначении генерала Корнилова главнокомандующим Петроград-

[1]) См. ниже.

ским округом. Благоволите спешно передать генералу Воейкову убедительную просьбу наштаверха возможно ускорить разрешение, ибо среди раз изменивших войск идет усиленная, небезуспешная пропаганда рабочих депутатов. Новая измена поведет к анархии и террору в столице. Еще надеются, что популярное имя Корнилова удержит войска от повторения бунта. Эти слова наштаверха не откажите спешно доложить генквартирсеву. Подполковник *Тихобразов.*

— Слушаю, сейчас будет доложено. Поручик *Багенский.*

Телеграмма ген. Алексеева царю 2 марта 1917 г. № 1890 [1]).

Передана 2. III. 18 ч. 55 м.

Государю императору.

Получена следующая телеграмма: «Временный Комитет Государственной Думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть в виду того, что, под давлением войска и народа, старая власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена. В настоящее время власть будет передана Временным Комитетом Государственной Думы Временному Правительству, образованному под председательством князя Георгия Евгеньевича Львова. Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть. Необходимо для установления полного порядка и для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной Думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя, командира двадцать пятого армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова. Во имя спасения родины, во имя победы над врагом, во имя того, чтобы неисчислимые жертвы этой долгой войны не пропали даром накануне победы, необходимо срочно командировать генерала Корнилова в Петроград. Благоволите срочно снестись с ним и телеграфировать срок приезда генерала Корнилова в Петроград. Председатель Временного Комитета Государственной Думы М. Родзянко. 158. 2 марта 1917 г.»

Всеподданнейше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрешения вашего императорского величества исполнить ее во имя того, что в исполнении этого пожелания может заключаться начало успокоения столицы и водворения порядка в частях войск, составляющих

---

[1]) Телеграмма Родзянко, передаваемая в настоящей телеграмме ген. Алексеевым царю, была отправлена из Петрограда 2 марта в 17 ч. 45 м., а принята в ставке в 18 ч. 2 м.

гарнизон Петрограда и окрестных пунктов. Вместе с сим прошу разрешение отозвать генерал-адъютанта Иванова в Могилев. 2 марта 1917 г. 1890. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 1241/Б.

Подана 2. III. 21 ч. 20 м.

Принята 2. III. 21 ч. 29 м.

1890. Государь император соизволил на отозвание в Могилев генерал-адъютанта Иванова и на назначение главнокомандующим войсками Петроградского военного округа комкора 25 генерал-лейтенанта Корнилова. 2 марта. 21 час. 1241/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Рузского Родзянко 2 марта 1917 г. № 1240/Б.

Послана 2. III. 21 ч. 40 м.

Петроград. Председателю Государственной Думы Родзянко.

Его величество приказал отозвать генерал-адъютанта Иванова, а генерал-лейтенанта Корнилова назначить главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. 2 марта. 1240/Б. *Рузский.*

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко 2 марта 1917 г. № 1898.

Передана 2. III. 22 ч. 19 м.

158. Моим приказом от второго марта командир 25 армейского корпуса генерал-лейтенант Корнилов назначен главнокомандующим войсками Петроградского округа. Приказ этот передан генералу Корнилову установленным порядком, с уведомлением, что генералу надлежит незамедлительно отправиться к новому месту службы. Не имея возможности установить непосредственное сношение с генерал-адъютантом Ивановым, командированным на должность главнокомандующего Петроградским округом и находящимся или в Царском Селе или между Царским Селом и Вырицею, прошу вас распорядиться передать ему содержание настоящей телеграммы и приказание вернуться в Могилев к месту прежней службы. Время выезда и вероятного прибытия генерала Корнилова в Петроград сообщу дополнительно по выяснении. Генерал-адъютант *Алексеев.* 1898. 2 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Лукомского начальнику штаба южного фронта 2 марта 1917 г. № 1899.

Передана 2. Ш. 22 ч. 24 м.

768. От генерала Аверьянова из Петрограда получена следующая телеграмма [1]).

[1]) Далее следует текст телеграммы ген. Аверьянова, напечатанной выше.

Разговор по прямому проводу ставки со штабом северного фронта 2 марта 1917 г.

— Я — полковник Карамышев. Доложите полковнику Бармину.

— Я — Бармин. Вот опять [пришлось?] добиваться целый час, и никого у вас получить не мог. Сейчас имею сведения от Гавалова [1]), что вопрос об отправлении литерных поездов решится после семи часов вечера, т.-е. после приезда Гучкова. Так ли, что вы знаете по этому?

К а р а м ы ш е в. Имею сведения, что Гучков собирался выехать, но уже раз нас так же обманули: вместо депутации с Бубликовым оказался один только член Думы Лебедев, который сидит в Луге. Сейчас наведу справку.

Б а р м и н. А о литерных поездах вы ничего не знаете?

К а р а м ы ш е в. Десять минут [назад] вышел из литер А главкосев. Второй экстренный поезд из Петрограда вышел в 2. 47. Ожидается у нас между семью и восемью, с ним едет Гучков. Головной полк номер 67, оставшийся совершенно лойяльным, распоряжено возвратить из Александровской [о]кружностью через Тапс-Валк, во избежание могущего быть конфликта при проходе через Лугу, где 68-й полк частично присоединился к Лужскому гарнизону.

Б а р м и н. Сколько же эшелонов прошло через Лугу и где те, которые до Луги не дошли?

К а р а м ы ш е в. Каждый полк шел тремя эшелонами и одним эшелоном батарея. Следовательно, 68-й полк и батарея оказались между Лугой и Псковом.

Б а р м и н. А как же вы только что сказали, что 68-й полк частично присоединился к Лужскому гарнизону?

К а р а м ы ш е в. Сейчас объясню, как это случилось. Меня зовет по телефону Луга правительственный инспектор Некрасов. Сию минуту переговорю и вернусь к вам.

Б а р м и н. Жду.

К а р а м ы ш е в. Сию минуту Некрасов передал из Луги, что поезд Гучкова опаздывает на час. Батарею и третий эшелон 68-го полка уже повернули из Серебрянки и Пляссы к нам на Псков, а два эшелона, задержанные в Луге раздачей возвращаемого оружия, будут направлены вскоре тоже на Псков.

К а р а м ы ш е в. Что нам делать с задержанными эшелонами западного фронта в Режице и Двинске?

Б а р м и н. В Режице и Двинске пускай ждут распоряжения. Опять не понимаю, кто же перешел к Лужскому гарнизону и кому и кто возвращает оружие?

---

[1]) Гавалов — нач. отдела путей сообщения при штабе сев. фронта.

К а р а м ы ш е в. Лужский гарнизон, признавши новое правительство, образовал военный комитет, который при проходе первых двух эшелонов 68-го полка обезоружил их, а третий эшелон до Луги не дошел. Вот и получилась задержка возвращения двух первых эшелонов, которым постановлением комитета возвращено оружие.

Б а р м и н. Значит, никто и не переходил на их сторону?

К а р а м ы ш е в. Об этом обещали подробно рассказать по прибытии эшелонов из Луги в Псков. По телефону стесняются.

Б а р м и н. В итоге, значит, 67-й полк прошел в Александровскую и оттуда пойдет на Тапс, а 68-й весь возвращается в Псков, — так?

К а р а м ы ш е в. Совершенно верно, и еще одна батарея тоже на Псков.

Б а р м и н. Так скажите же тотчас, когда узнаете, об отправлении литерных.

К а р а м ы ш е в. Хорошо. Я полагаю, когда приедет Некрасов с экстренным поездом, все разъяснится, и я доложу.

Б а р м и н. И, пожалуйста, держите связь с нотсевом. Создается скверное впечатление, что они знают все, а вы ничего. Так, сегодня с 3 часов стали поступать сведения о предстоящем отправлении литерных, а от вас ни слуху, ни духу.

К а р а м ы ш е в. Говорили очень много, но все это только одни слова. События идут так быстро, что не знаешь, что будет через час.

Б а р м и н. Так вот покорнейшая просьба и держать нас в курсе всего того, что у вас делается. Это ваша прямая обязанность. До свидания.

К а р а м ы ш е в. Прошу не забыть, что виленский отдел сносится непосредственно с северо-западными, которые признали новое начальство, а я только пользуюсь возможностью говорить с Шихеевым, который, бедный, измучился за эти дни, не получая руководящих указаний от бывшего петроградского начальства.

Копия телеграммы адм. Непенина адм. Русину и ген. Рузскому для доклада царю 2 марта 1917 г. № 260/оп.

С огромным трудом удерживаю в повиновении флот и вверенные войска. В Ревеле положение критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам великого князя Николая Николаевича и главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, формулированного председателем Государственной Думы. Если решение не будет принято в течение ближайших же часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей родины. 20 часов 40 минут. 2 марта. 260/оп. Вице-адмирал *Непенин*.

Верно: Подполковник *Тихобразов*.

Телеграмма адм. Герасимова адм. Русину 2 марта 1917 г. № 124 [1]).

Подана 2. III. 14 ч. 10 м.

Мною послана командующему флотом телеграмма: «Положение грозит чрезвычайными осложнениями, если не будет мною объявлено категорически, на какой стороне стою я с гарнизоном. Номер 123». Получен ответ: «Ревель. Комокреп. На № 123 объявляю телеграмму командующего флотом: «Благоволите объявить всем частям, что Исполнительный Комитет Государственной Думы требует от войск полного подчинения своему начальству, а от рабочих восстановления усиленных работ и что я действую в полном согласии с этим Комитетом, который занят устроением тыла, а от армии и флота требует только поддержания строгой дисциплины и полной боевой готовности для войны до победы. Если положение потребует во что бы то ни стало категорического ответа, то объявите, что я присоединяюсь к Временному Правительству и приказываю вам и старшему на рейде сделать то же». Благоволите передать вашу телеграмму № 123 и этот мой ответ наморштаверху в ставку. № 250/оп. 10 ч. 30 м. 2 марта 1917 г. Непенин». № 124. Вице-адмирал *Герасимов*.

Разговор по прямому проводу полк. Карамышева с полк. Барминым 2 марта 1917 г. 22 ч. 30 м. [2]).

— Я — Карамышев. Нотсев на вокзале. Сейчас только прибыл экстренно из Петрограда. Приехали Гучков и Шульгин и были немедленно приглашены в вагон к государю, где по сие время находятся. Туда же прошел главкосев.

— Я — Бармин. А что насчет выхода литерных?

— Пока неизвестно. Паровозы — в сторону Двинска.

Бармин. Эшелоны западного фронта верните обратно, т.-е. на Двинск, Полоцк, Молодечно. Что еще можете сказать?

Карамышев. З [3]) Виленский из Ека [4]) Псков докладывал, что от Бологое по трем направлениям выехала депутация, которая обезоруживает жандармов. Уже подъезжают к Полоцку.

Бармин. Что за депутация?

Карамышев. Говорят, что представители нового правительства или, вернее, уполномоченные.

Бармин. С Петроградом не говорили?

Карамышев. Там все по-старому, но все-таки порядок постепенно восстанавливается.

---

[1]) На телеграмме помета ген. Алексеева: «2. III. 917. Сообщить главнокомандующим для сведения».

[2]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «2. III. 917. Чит.».

[3]) Над буквой «З» написано карандашом «Зав. пер. в.».

[4]) «Из Ека» зачеркнуто и сверху надписано: «З. К. (комендант [?])».

Б а р м и н. Значит, как только узнаете об наряде литерных, сейчас же сообщите вызовом дежурного офицера к аппарату — дежурный офицер будет в управлении всю ночь.

К а р а м ы ш е в. Слушаю.

Телеграмма ген. Квецинского ген. Лукомскому 2 марта 1917 г. № 6204.

Принята 2. III. 21 ч. 25 м. [1]).

Минск. 2 марта. 20 ч. 58 м. Получены сведения, что из Великие Луки на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов. Главкозап приказал просить сношением с председателем Государственной Думы установить как правило, чтобы о всяких командированиях на фронт сообщалось главкозапу, дабы знать, что прибывающие не самозванцы, каковых теперь будет много. В частности, главкозап просит выяснить, не является ли самозванной названная выше депутация? 6204. *Квецинский.*

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко 2 марта 1917 г. № 1901.

Передана 2. III. 23 ч. 48 м.

От начальника штаба западного фронта получена следующая телеграмма: «Получены сведения, что из Великие Луки на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов. Главнокомандующий западным фронтом приказал просить сношением с председателем Государственной Думы установить как правило, чтобы о всяких командированиях на фронт сообщалось главкозапу, дабы знать, что прибывающие не самозванцы, каковых теперь будет много. В частности, главкозап просит выяснить, не является ли самозванной названная выше депутация?» Вполне соглашаясь с мнением главнокомандующего фронтом, считаю недопустимым отправление на фронт каких-либо депутатов, тем более — без предупреждения о том главнокомандующих, ибо это нарушает существующий в армиях порядок, и, действительно, могут быть случаи появления самозванцев. Прошу не отказать преподать соответствующее указание и сообщить, что это за депутация, которая отправляется на Полоцк. 2 марта 1917 г. 1901. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Болховитинова ген. Лукомскому 2 марта 1917 г.

Принята 2. III. 23 час. 12 м.

Августейший главнокомандующий просит сообщить, имеются ли сведения относительно результата приема Гучкова и Шульгина. Великому князю чрезвычайно важно знать, какое решение состоялось.

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «2. III. 917. Сообщить председателю Госуд. Думы».

Если оно еще неизвестно, то великий князь просит безотлагательно сообщить ему об этом решении, как только получатся известия в ставке. *Болховитинов.*

Телеграмма ген. Лукомского ген. Болховитинову.

Передана 2. III. 23 ч. 32 м.

По полученным сведениям, в настоящее время идет совещание с Гучковым и Шульгиным. Обещано дать знать немедленно, как только выяснится результат, и тогда, конечно, будет немедленно сообщено для доклада великому князю. 2 марта 1917 г. 1903. *Лукомский.*

Копия телеграммы ген. Квецинского командующим II, III и X армий 2 марта 1917 г. № 6211.

Принята 3. III. 0 ч. 40 м.

Минск. 2 марта. 23 ч. 21 м. Главкозап приказал назначенные для охраны железных дорог подвижные резервы не отправлять по намеченным местам, а иметь их лишь наготове на случай надобности. 6211. *Квецинский.*

Телеграмма ген. Болдырева ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 1243/Б [1].

Послана 3. III. 0 ч. 28 м.

Принята 3. III. 0 ч. 40 м.

Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата, который будет по подписании государем вручен депутату Гучкову, после чего передача будет продолжена. Псков. 3. III. 0 ч. 30 м. 1243/Б. *Болдырев.*

Телеграмма ген. Клембовского дворцовому коменданту ген. Воейкову 3 марта 1917 г. № 1901.

Подана 3. III. 0 ч. 55 м.

Из Царского Села по телефону передают, что генерал Гротен, князь Путятин, полковник Герарди и полковник Терехов арестованы в ратуше. Сообщаю для сведения. 1901 [sic!]. 3. III. 1917. *Клембовский.*

Телеграмма Гучкова и Шульгина начальнику главного штаба 3 марта 1917 года [2].

Просим передать председателю Думы Родзянке: «Государь дал согласие на отречение от престола в пользу великого князя Михаила Александровича с обязательством для него принести присягу консти-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «3. III. 917. 1-й ч.».

[2]) Подлинник — четвертушка писчей бумаги — написан карандашом, повидимому, рукой Гучкова. На нем красным карандашом написано сверху: «Петроград. Начальнику главного штаба», внизу — «Зашифровал подполк. Медио-

туции. Поручение образовать новое правительство дается князю Львову. Одновременно верховным главнокомандующим назначается великий князь Николай Николаевич. Манифест последует немедленно. Сообщите немедленно в Псков положение дел в Петрограде». *Гучков. Шульгин.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 1244/Б.

Копии комкор 42, командарм XII, V, I, главкозапу, комфлоту.

Принята 3. III. 1 ч. 28 м.

Его величеством подписаны указы Правительствующему Сенату о бытии председателем Совета Министров князю Георгию Евгеньевичу Львову и верховным главнокомандующим — его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу. Государь император изволил затем подписать акт отречения от престола с передачей такового великому князю Михаилу Александровичу. Его величество выезжает сегодня, примерно, в 2 часа на несколько дней в ставку через Двинск. Манифест и указы передаются по телеграфу дополнительно. 3 марта. 1 час. 1244/Б. *Данилов.*

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко 3 марта 1917 г. № 1905.

Копия огенквар генералу Аверьянову.

Послана 3. III. 1 ч. 18 м.

Распоряжения о самом спешном командировании генерал-лейтенанта Корнилова сделаны. Приняты меры для скорейшего его приезда в Петроград. 2 марта 1917 г. 1905. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко 3 марта 1917 г. № 1906.

Послана 3. III. 1 ч. 42 м.

По донесению коменданта Полоцка, с поездом из Петрограда прибыло пятьдесят нижних чинов, вооруженных револьверами и шашками. Выйдя из поезда, они потребовали разоружения жандармов. На вопрос коменданта, по чьему приказанию они это требуют, они ответили, что по приказанию офицера, который остался в вагоне. На при-

---

критский. 3/III. 1917». В левом нижнем углу помета рукой Данилова: «Ген.-кв. 3/3. Д». В том же деле (дело ВИА, ч. I, 222—116) имеется второй экземпляр этой телеграммы, написанный тем же почерком на четвертушке писчей бумаги и содержащий тот же текст, но с зачеркнутым добавлением: «Сообщите немедленно положение семьи графа Фредерикса». На этом экземпляре та же помета Данилова и приписка: «Зашифровано и передано по аппарату полковнику Шихееву (завед. Петр.-Рижским районом). Комендант ст. Псков (подпись)».

сланного в вагон для проверки жандарма солдаты напали и разоружили. В это время показался на станции взвод драгун из стоявшей близ вокзала части, и все приехавшие солдаты разбежались, в вагоне же никакого офицера не оказалось. Убедительно прошу принять необходимые меры, чтобы из Петрограда на фронт не появлялись банды солдат и какие-либо странные и самозванные депутации. Оставить на железных дорогах охрану без вооружения недопустимо, а против лиц, своевольно принимающих на себя право распоряжаться в районе действующей армии, будут приниматься самые суровые меры по законам военного времени. Этого требуют благо действующей армии и необходимость спасти ее для великой службы отечеству от того глубокого нравственного разложения, которое переживают все части Петроградского гарнизона. 3 марта 1917 года. 1906. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева вел. кн. Николаю Николаевичу 3 марта 1917 г. № 1907.

Послана 3. III. 2 ч. 57 м.

Всепреданнейше доношу вашему императорскому высочеству, что мною от начальника штаба северного фронта в 1 час. 25 минут 3 сего марта получена нижеследующая телеграмма [1]).

Всепреданнейше докладывая эту телеграмму вашему императорскому высочеству, испрашиваю указаний, когда можно ожидать прибытия вашего в ставку и благоугодно ли будет предоставить мне временно до вашего прибытия права, согласно положению о полевом управлении войск, верховного главнокомандующего, или угодно будет установить иной порядок. Испрашиваю также указаний, какие угодно будет установить общие основания для управления Кавказом и войсками Кавказского фронта, т.-е. будет ли назначен особый главнокомандующий, или же все полномочия будут переданы генералу Юденичу на правах командующего отдельной армией. 3 марта 1917 г. 1907. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Эверту, Брусилову, Сахарову и адм. Русину 3 марта 1917 г. № 1908.

От наштасева мною получена следующая телеграмма [2]). Настоящую телеграмму прошу срочно передать во все армии и начальникам главных военных округов, входящих в состав фронта. По полу-

[1]) Далее следует текст телеграммы ген. Данилова № 1244/Б, напечатанный выше.

[2]) Далее идет текст телеграммы ген. Данилова № 1244/Б, напечатанной выше. На подлиннике пометы: «Передана западный фронт — 1917 г. 3. III. 3 ч. 23 м. Псков.4. [?] III. 3 ч. 40 м. Ю.-З. и Поглавкорум. 3. III. 3 ч. 19 м.».

чении по телеграфу манифеста, таковой должен быть безотлагательно передан во все армии по телеграфу и, кроме того, напечатан и разослан в части войск. 3 марта. 1908. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 330.

Принята 3. III. 6 ч. 28 м.

1907. Согласно воли его императорского величества государя императора Николая второго о назначении меня верховным главнокомандующим, повелеваю вам до моего приезда с Кавказского фронта, применительно к статье 47 положения о полевом управлении войск, руководить военными операциями и утверждать штатно-хозяйственные распоряжения. Что же касается приведения войск к присяге и других чрезвычайных обстоятельств, могущих возникнуть при настоящих условиях, повелеваю вам обращаться срочно ко мне за повелениями. Время моего прибытия с Кавказского фронта определить сейчас не могу, так как надо разрешить вопрос о наместнике. Полагал бы для пользы края необходимым, чтобы я оставался наместником, а временно меня замещало бы лицо, которое я буду рекомендовать. Для поддержания порядка и спокойствия края это, по моему мнению, абсолютно необходимо. Что касается командования войсками Кавказского фронта, то ожидаю приказ и допустил к временному исполнению должности командующего Кавказской армией на правах командующего отдельной армией генерала Юденича. 330. Генерал-адъютант *Николай.*

Разговор по прямому проводу ставки верх. главнокомандующего с штабами фронтов 3 марта 1917 г.

Западный фронт.

— Спешно пригласите офицера генерального штаба. Здесь подполковник Тихобразов.

— Сию минуту. Подполковник *Малиновский.*

— У аппарата подполковник Тихобразов. Наштаверх приказал спешно задержать объявление переданного манифеста. Сообщаю для исполнения. Подполковник *Тихобразов.*

— Хорошо. Доложу. Подполковник *Малиновский.*

Юго-западный фронт.

— Поручик Сулима-Сильванский? Говорит подполковник Тихобразов. Наштаверх приказал спешно задержать объявление переданного манифеста. Сообщаю для исполнения. Подполковник *Тихобразов.* Передано 6 ч. 40 мин. 3 марта.

— Немедленно докладываю генерал-квартирмейстеру. Поручик *Сулима-Сильванский.*

Северный фронт.

— У аппарата подполковник Мороз? У аппарата подполковник Тихобразов. Наштаверх приказал спешно задержать объявление переданного манифеста. Сообщаю для исполнения. Подполковник *Тихобразов*. 3 марта. 6 ч. 45 м.

— Здесь. Подполковник Мороз спрашивает, следует это заявление передать по всем станциям или только войскам своего фронта?

— Сию минуту узнаю. Задержать нужно по всем станциям. Подполковник *Тихобразов*.

Румынский фронт.

3. III. 6 ч. 40 м.

— У аппарата подполковник Тихобразов. Наштаверх приказал спешно задержать объявление переданного манифеста. Сообщается для исполнения.

— У аппарата офицер генерального штаба Николаев, штабс-капитан. Ваше заявление принято, в журнал записано. Скажите, задержать только манифест или еще и предварительную телеграмму.

— Вот ответ на ваш вопрос — задержать манифест и предварительную телеграмму.

— Хорошо.

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим фронтов, начальнику морского штаба верх. главнокоманд., командующим войсками округов 3 марта 1917 г. № 1913 [1]).

Председатель Государственной Думы Родзянко убедительно просит задержать всеми мерами и способами объявление того манифеста, который сообщен этой ночью, в виду особых условий, которые я вам сообщу дополнительно. Прошу сделать соответствующие распоряжения, ознакомив с манифестом только старших начальствующих лиц. Прошу ответа. 3 марта. 6 ч. 45 м. 1913. *Алексеев*.

Разговор по прямому проводу полк. Тихобразова с штабом авиации 3 марта 1917 г. в 7 ч. 43 м.

— У аппарата прапорщик Фрейлих? Здесь подполковник Тихобразов.

— Даю спешно штаб авиации.

— Сегодня ночью великий князь Сергей Михайлович сообщил великому князю Александру Михайловичу содержание манифеста, указав, что содержание его можно сообщить властям для объявления.

[1]) На отпуске пометка: «Содержание сообщено штабу авиации и губернатору». Аналогичная телеграмма за тем же № 1913 послана была вел. кн. Николаю Николаевичу 3. III. 7 ч. 10 м.

Сообщаю, что объявление манифеста, по просьбе Родзянко, наштаверхом задержано, в виду особых непредвиденных условий. Дежурный штаб-офицер подполковник *Тихобразов*. 3 марта. 7 ч. 43 м.

Справка о рассылке манифеста Николая II об отречении.

Манифест послан:

1) Тифлис. Главнокомандующему.
2) Главкозап.
3) Главкоюз.
4) Поглавкорум.
5) Командующему войсками Московского округа.
6) В морской штаб для флота.
7) Губернатору.

Приказание задержать манифест послано:

1) Тифлис.
2) Главкозап.
3) Главкоюз.
4) Поглавкорум.
5) Командующему войсками Московского округа, откуда передать во все округа, куда передан манифест.

Ставка манифест посылала только в Москву.

6) В морской штаб.
7) Главкосев.
8) Губернатору по телефону.
9) Штаб авиации — по содержанию посланной вел. кн. Сергеем Михайловичем телеграммы вел. князю Александру Михайловичу.

Телеграмма из штаба Кавказской армии ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 4147.

Подана 3. III. 6 ч. 55 м.

Принята 3. III. 7 ч. 28 м.

Доношу, только что получил приказание вашего высокопревосходительства спешно задержать объявление войскам переданного по телеграфу манифеста. Докладываю, что этот манифест кавармии не объявлялся и не будет объявляться, доколе не станет законом, т.-е. пока не будет опубликован порядком, указанным законом. 4147. *Болховитинов.*

Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 332.

Принята 3. III. 7 ч. 58 м.

1913. Мне и в голову не приходило сообщать кому-либо содержание манифеста, переданного по телеграфу, так как он еще не был опубликован в установленном законом порядке. Изложенное прошу сообщить председателю Государственной Думы. 3 марта 1917 года. 7 ч. 40 м. 332. Генерал-адъютант *Николай.*

Телеграмма ген. Лебедева ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 6219.

Принята 3. III. 7 ч. 54 м.

Минск. 3 марта. 7 ч. 45 м. 1913. По приказанию главкозапа доношу, что распоряжения о задержании объявления манифеста сделаны, но в какой мере удастся это сделать в армиях, указать нельзя, так как еще не получены от них донесения. 6219. *Лебедев.*

Телеграмма ген. Лебедева ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 6222.

Принята 3. III. 9 ч. 58 м.

Минск. 3 марта. 9 ч. 40 м. В дополнение номера 6219 доношу, что, по сообщению армий, объявление манифеста задержано, но не исключается возможность проникновения сведений о нем в войска. 6222. *Лебедев.*

Телеграмма ген. Квецинского ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 6226 [1]).

Принята 3. III. 11 ч. 42 м.

Минск. 3 марта. 11 ч. 15 м. Объявление того или иного манифеста войскам должно быть произведено с должной торжественностью, с совершением богослужения о здравии восшедшего на престол монарха. Поэтому главкозап считает желательным, чтобы протопресвитером были преподаны военному духовенству соответственные указания. 6226. *Квецинский.*

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 778.

Принята 3. III. 9 ч. 42 м.

1913. Распоряжения сделаны. В трех армиях манифест задержан в штабах армий и лишь в одной — в штабах корпусов. В Киевском округе объявить его не успели. Не откажите возможно скорее ориентировать меня, что крайне необходимо. 778. 3 марта. *Брусилов.*

Телеграмма ген. Лебедева ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 6224.

Принята 3. III. 10 ч. 40 м.

Минск. 3 марта. 10 ч. 25 м. Главкозап приказал просить вас уведомить. Первое. Когда можно рассчитывать получить указания об объявлении манифеста, так как задержка его крайне нежелательна. Второе. Не следует ли довести до сведения войск телеграмму наштаверха 1913? Третье. Не выяснились ли причины задержания манифеста? 6224. *Лебедев.*

---

[1]) На телеграмме помета ген. Алексеева: «Это может последовать только после манифеста нового императора. Ген. *Алексеев*».

Телеграмма ген. Лукомского ген. Лебедеву 3 марта 1917 г. № 1914.

Передана 3. III. 10 ч. 53 м.

6224. Наштаверх составляет телеграмму главнокомандующим, которая ориентирует в ссздавшемся положении. 3 марта 1917 г. № 1914. *Лукомский.*

Телеграмма Родзянко ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 183 [1]).

Подана 3. III. 6 ч. 50 м.
Принята 3. III. 7 ч. 45 м.

1901. Никакой делегации Временным Комитетом Государственной Думы на фронт не посылалось. Председатель Временного Комитета председатель Государственной Думы *Родзянко.* 183.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому, Эверту, Брусилову, Сахарову 3 марта 1917 г. № 1918 [2]).

Дополнение 1913. В шесть часов 3 марта председатель Государственной Думы, вызвав меня к аппарату, сообщил, что события в Петрограде далеко не улеглись, положение тревожно, неясно, почему настойчиво просил не пускать в обращение манифеста, подписанного 2 марта, сообщенного уже главнокомандующим, или задержать обнародование этого манифеста. Причина такого настояния более ясно и определенно изложена председателем Думы в разговоре по аппарату с главкосевом; копия этого разговора только что сообщена мне. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича,— говорит Родзянко, — быть может, помирились бы, но кандидатура великого князя как императора ни для кого не приемлема, и вероятна гражданская война. На запрос, почему депутаты, присланные в Псков для решения именно этого вопроса, не были достаточно инструктированы, Родзянко ответил главкосеву, что неожиданно, — после, повидимому, отъезда депутатов, — в Петрограде вспыхнул новый солдатский бунт, к солдатам присоединились рабочие, анархия дошла до своего апогея. После долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось к ночи 2 марта притти к некоторому соглашению, суть коего: через некоторое время, не ранее полугода, собрать Учредительное Собрание для определения формы правления; до того времени власть сосредоточивается в руках Временного Комитета Государственной Думы, ответственного министерства, уже сформированного, при дей-

---

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «Главнокомандующим в дополнение».

[2]) На телеграмме пометы о времени ее передачи: «Главкосев — 3. III. 13 ч. 27 м. Главкозап — 3. III. 13 ч. 30 м. Главкоюз — 3. III. 13 ч. 13 м. Поглавкорум — 3. III. 13 ч. 40 м.».

ствии обеих законодательных палат. Родзянко мечтает и старается убедить, что при такой комбинации возможно быстрое успокоение, решительная победа будет обеспечена, произойдет подъем патриотического чувства, все заработает в усиленном темпе. Некоторые уже полученные сведения указывают, что манифест уже получил известность, местами распубликован. Вообще немыслимо удержать в секрете высокой важности акт, предназначенный для общего сведения, тем более, что между подписанием акта и обращением Родзянки ко мне прошла целая ночь. Из совокупности разговоров председателя Думы с главкосевом и мною позволительно притти к выводу: первое — в Государственной Думе и в ее Временном Комитете нет единодушия— левые партии, усиленные Советом Рабочих Депутатов, приобрели сильное влияние; второе — на председателя Думы и Временного Комитета Родзянко левые партии и рабочие депутаты оказывают мощное давление, и в сообщениях Родзянки нет откровенности и искренности; третье — цели господствующих над председателем партий ясно определились из вышеприведенных пожеланий Родзянки; четвертое — войска Петроградского гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всех, не исключая умеренных элементов Временного Комитета. Очерченное положение создает грозную опасность более всего для действующей армии, ибо неизвестность, колебания, отмена уже объявленного манифеста могут повлечь шатание умов в войсковых частях и тем расстроить способность борьбы с внешним врагом, а это ввергнет Россию безнадежно в пучину крайних бедствий, повлечет потерю значительной части территории и полное разложение порядка в тех губерниях, которые останутся за Россией, попавшей в руки крайних левых элементов. Получив от его императорского высочества великого князя Николая Николаевича повеление в серьезных случаях обращаться к нему срочными телеграммами, доношу ему все это [1]), испрашиваю указаний, присовокупляя: первое — суть настоящего заключения сообщить председателю Думы и потребовать осуществления манифеста во имя спасения родины и действующей армии; второе — для установления единства во всех случаях и всякой обстановке созвать совещание главнокомандующих в Могилеве. Если на это совещание изволит прибыть верховный главнокомандующий, то срок будет указан его высочеством, если же великий князь не сочтет возможным прибыть лично, то собраться 8 или 9 марта.

Такое совещание тем более необходимо, что только что получил полуофициальный разговор по аппарату [2]) между чинами морского главного штаба, суть его: обстановка в Петрограде 2 марта значительно спокойнее, постепенно все налаживается, слухи о резне солдатами офицеров — сплошной вздор: авторитет Временного Правитель-

[1]) Содержание настоящей телеграммы было передано ген. Алексеевым вел. кн. Николаю Николаевичу 3 марта в 14 ч. 5 м. за № 1919.

[2]) См. ниже, стр. 32.

ства, повидимому, силен. Следовательно, основные мотивы Родзянки могут оказаться неверными и направленными к тому, чтобы побудить представителей действующей армии неминуемо присоединиться к решению крайних элементов как к факту, совершившемуся и неизбежному. Коллективный голос высших чинов армий и их условия должны, по моему мнению, стать известными всем и оказать влияние на ход событий. Прошу высказать ваше мнение; быть может, вы сочтете нужным запросить и командующих армиями, равно сообщить, признаете ли соответственным съезд главнокомандующих в Могилеве. 1918. Генерал *Алексеев*. 3 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 782.

Послана 3. III. 17 ч. 25 м.
Принята 3. III. 17 ч. 40 м.

1918. Собрать командармов теперь нельзя, необходимо всем начальникам быть на своих местах, а потому обмен мнений труден, да и что можно сказать при настоящем положении быстро меняющейся обстановки. Сбор главнокомандующих желателен, но допустимо ли в настоящий момент покидать свои посты — вопрос, который трудно решить, хотя, очевидно, крайне нужно сговориться. Во всяком случае, неизбежно немедленно объявить войскам положение дела в твердом определенном размере, иначе это повлечет за собой тяжелые последствия. Необходимо помнить, что худшее решение — это бездействие, в особенности в такой обстановке, в какой мы находимся. 782. 3 марта. 17 ч. 15 м. *Брусилов*.

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 1254/Б.

Принята 3. III. 16 ч. 20 м.

1918. Первое. Считаю необходимым объявление манифеста, ибо скрыть его нельзя, а в некоторых местах, например—Ревеле, он уже объявлен. Присяга только по выходе акта о вступлении на престол. Второе. Потребовать от нового правительства воззвания к армии и населению. Третье. Для установления единства действий необходимо, чтобы штаверх был в полном контакте с правительством и чтобы только ставка, а не орган правительства, давала необходимые и своевременные указания главнокомандующим фронтами. Четвертое. До установления успокоения главнокомандующие должны оставаться на местах. Это единственно авторитетная власть на местах, к помощи которой все обращаются. Во всяком случае, до фактического вступления в главнокомандование великого князя сбор главнокомандующих несоответствен. Пятое. Командармам обстановка внутри империи мало известна, поэтому запрашивать их мнение считаю лишним. 3 марта. 16 часов. 1254/Б. *Рузский*.

Телеграмма ген. Сахарова ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 03411.

Принята 3. III. 14 ч. 55 м.

1918. Съезд главнокомандующих признаю желательным. Мнение свое по содержанию телеграммы вашей номер 1918 доложу после обсуждения с командующими армиями. Яссы. 3 марта. 14 ч. 35 м. 03411. Генерал *Сахаров.*

Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 3318.

Принята. 3. III. 18 ч. 22 м.

1919. В сношениях с правительством считаю, что выразителем объединенного мнения армии и флота, но не как коллегиального мнения главнокомандующих, должен быть я. Несомненно, для этого мне необходимо знать ваше мнение и мнение главнокомандующих. Священный долг всех командующих армиями и флотов принять все меры к тому, чтобы армия и флот, несмотря ни на что, исполнили свой долг в бою с врагом. Выехать на ставку в данную минуту считаю невозможным, так как несколько дней не будет возможности в должной мере сноситься с вами и правительством в Петрограде для ориентировки, дабы давать соответственные указания по армии и флоту. Я уже послал телеграмму председателю Совета Министров, прося его держать меня в курсе дела, дабы я мог ему сообщить мое мнение, какие меры желательно принимать в тылу и для достижения согласованности в наших действиях. Ожидал манифест о передаче престола наследнику цесаревичу с регентством великого князя Михаила Александровича. Что же касается сообщенного вами сегодня утром манифеста о передаче престола великому князю Михаилу Александровичу, то он неминуемо вызовет резню. Кроме того, его редакция и неуказание наследника престола могут, несомненно, вызвать осложнения. Вот по этому вопросу мне особенно важно знать мнение председателя Совета Министров, которое и запрашиваю. Вопрос же об Учредительном Собрании считаю для блага России и победоносного конца войны совершенно неприемлемым. 3318. Генерал-адъютант *Николай.*

Разговор ген. Алексеева с Родзянко по прямому проводу 3 марта 1917 г. от 6 час. до 6 час. 46 мин.

— Председатель Государственной Думы просит пригласить немедленно к аппарату генерала Алексеева.

— У аппарата генерал Алексеев.

— Здравствуйте, ваше высокопревосходительство. События здесь далеко не улеглись, положение все тревожно и неясно: настойчиво прошу вас не пускать в обращение никакого манифеста до получения от меня соображений, которые одни могут сразу прекратить революцию. *Родзянко.*

— Здравия желаю, ваше высокопревосходительство. Манифест, подписанный ночью на третье марта в Пскове, сообщен главнокомандующим и великому князю Николаю Николаевичу, командующим войсками в округах, ибо полная неизвестность вызывала с их стороны запросы, как действовать, чем руководствоваться, чего держаться, касаясь исключительно войск и войсковой жизни. Манифест этот был протелеграфирован мне из Пскова около двух часов ночи. После получения я телеграфировал председателю Совета Министров после сообщение котором второго манифеста по армиями относительно присяги [1]). Если все это не соответствует вашим видам, прошу разъяснить мне это, главное же — внести ясность, столь необходимую для армии и ее ближайшего тыла. *Алексеев.*

— Нельзя ли задержать обнародование манифеста, потому что предложенная комбинация может вызвать гражданскую войну, потому что кандидатура Михаила Александровича как императора ни для кого неприемлема?

— Сообщал не для обнародования, сейчас дам дополнительную телеграмму, но опасаюсь, что в армиях манифест станет более или менее известным. Вероятно, А. И. Гучков протелеграфировал вам его суть из Пскова. Я предпочел бы быть ориентированным вами ранее, чтобы знать, чего держаться. Сейчас разошлю телеграммы. *Алексеев.*

— Предполагалось воцарение наследника цесаревича, при регентстве великого князя Михаила Александровича. Соглашения на этом достигнуть не удалось, и установлено только перемирие: предполагается необходимым созыв Учредительного Собрания, а до тех пор действие Верховного Комитета и Совета Министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных палат. Поэтому прошу вас не обнародовывать манифеста до моего известия, так как только что сказанная комбинация внесла уже значительное успокоение, и только при ней возможно надеяться на возвращение дисциплины воинских частей и успокоения общего в населении, и решение Учредительного Собрания не исключает возможности возвращения династии к власти, ибо для дальнейшего развития России необходимо признание всем народом такого выхода, потому что возмущение и негодование против существовавшего режима [1]) и ничем иным утолить [?] его нельзя. При высказанной комбинации можно гарантировать колоссальный подъем патриотического чувства к родине, небывалый подъем энергии, абсолютное спокойствие в стране, и победа, самая блестящая этим обеспечивается. Волновавшиеся войска, состоящие, очевидно, из крестьян, только на этом успокоились и решили вернуться к своим начальникам и подчиниться требованиям дисциплины и решениям Временного Правительства. Только сегодня Петроград, услыша такое решение, несколько начал успокаиваться. *Родзянко.*

---

[1]) Так в подлиннике.

— Приму все меры задержать у главнокомандующих и командующих войсками в округах сообщенный им манифест. Сообщенное мне вами далеко не радостно. Неизвестность и Учредительное Собрание — две опасные игрушки в применении к действующей армии, у которой в ближайшем тылу есть большие пункты, как Киев. Петроградский гарнизон, вкусивший от плода измены, повторит это с легкостью и еще и еще раз, для родины он теперь вреден, для армии бесполезен, для вас и всего дела опасен. Вот наше войсковое общее мнение относительно этих частей, окончательно, повидимому, расстроенных нравственно. Желаю скорее получить от вас что-либо окончательно определенное, столь необходимое для менее устойчивых частей флота и подчиненных последнему сухопутных частей. В таком положении находится Ревель, тоже недалекий от нашего войскового тыла. Все помыслы, все стремления начальствующих лиц действующей армии направлены теперь к тому, чтобы действующая армия помнила об одной войне и не прикоснулась к болезненному состоянию внутреннему, переживаемому ныне частью России. Дай бог, чтобы эти усилия привели к желанной цели и действующая армия осталась исключительно верной вооруженной силой родины для борьбы с внешним врагом. *Алексеев.*

— Вполне разделяю ваши огорчения и опасения, но страна не виновата, что два с половиной года ее терзают, помимо войны, всевозможными неустройствами и постоянными оскорблениями народного самолюбия. Учредительное Собрание ведь может состояться не ранее полугода, а до тех пор, я вполне уверен, что по изложенным соображениям можно удержать спокойствие в стране и довести войну до победного конца. Не буду больше вам мешать приводить в исполнение задержки обнародования манифеста. Желаю вам спокойной ночи в исполнении мер, направленных к задержке обнародования манифеста. Спокойной ночи. *Родзянко.*

— Распоряжение делается. Что можно, задержу. Добавлю, что я — солдат, и все мои помыслы обращены на фронте на запад к стороне врага. До свидания. Помоги вам бог. *Алексеев.*

Разговор по прямому проводу ген. Рузского с Родзянко и кн. Львовым 3 марта 1917 г. в 8 ч. 45 м.

— У аппарата ген. Рузский.

— Здравствуйте, ваше высокопревосходительство. Чрезвычайно важно, чтобы манифест об отречении и передаче власти великому князю Михаилу Александровичу не был бы опубликован до тех пор, пока я не сообщу вам об этом. Дело в том, что с великим трудом удалось удержать в более или менее приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя, и весьма возможна гражданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его

как императора абсолютно неприемлемо. Прошу вас принять все зависящие от вас меры, чтобы достигнуть отсрочки.

— Родзянко отошел. У аппарата стоит князь Львов.

— Р у з с к и й. Хорошо, распоряжение будет сделано, но насколько удастся приостановить распространение, сказать не берусь в виду того, что прошло слишком много времени. Очень сожалею, что депутаты, присланные вчера, не были в достаточной степени освоены с той ролью и вообще с тем, для чего они приехали; во всяком случае, будет сделано все, что в человеческих силах. В данную минуту прошу вполне ясно осветить мне теперь же все дело, которое вчера произошло, и последствия, могущие от этого быть в Петрограде.

— У аппарата Родзянко. Опять дело в том, что депутатов винить нельзя. Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому еще подобных я не видел и которые [1]), конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе: «Земли и воли», «Долой династию», «Долой Романовых» «Долой офицеров!» И началось во многих частях избиение офицеров; к этому присоединились рабочие, и анархия дошла до своего апогея. В результате долгих переговоров с депутатами от рабочих удалось притти только к ночи сегодня к некоторому соглашению, которое заключалось в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное Собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления, и только тогда Петроград вздохнул свободно, и ночь прошла сравнительно спокойно. Войска мало-по-малу в течение ночи приводятся в порядок, но провозглашение императором великого князя Михаила Александровича подольет масла в огонь, и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому; при предложенной форме возвращение династии не исключено, и желательно, чтобы, примерно до окончания войны, продолжал действовать Верховный Совет и ныне действующее с нами Временное Правительство. Я вполне уверен, что при этих условиях возможно быстрое успокоение, и решительная победа будет обеспечена, так как, несомненно, произойдет подъем патриотического чувства, все заработает в усиленном темпе, и победа, повторяю, может быть обеспечена. *Родзянко.*

— Распоряжения все сделал, но крайне трудно ручаться, что удастся не допустить распространение, так как имелось в виду этой мерой поскорее дать возможность армии перейти к спокойному состоянию в отношении тыла. Вчера императорский поезд или, вернее, уже сегодня, так как события протекали ночью, ушел через Двинск в ставку, и, таким образом, центр дальнейших переговоров по этому важному делу должен быть перенесен туда, так как по закону началь-

[1]) Так в подлиннике.

ник штаба, в случае отсутствия верховного главнокомандующего, замещает его должность и действует его именем. Кроме того, необходимо установить аппараты Юза в том месте, где заседает новое правительство в Петрограде, дабы обеспечить вам удобство скорейших сношений со ставкой и мною. Прошу также два раза в день в определенное время сообщать мне о ходе дел лично или через доверенных лиц, имена которых желал бы знать. *Рузский.*

— Я в точности выполню ваше желание, и аппарат Юза будет поставлен, но прошу вас, в случае прорыва сведений о манифесте в публику и армию, по крайней мере, не торопиться с приведением войск к присяге. К вечеру сегодня дам вам и всем главнокомандующим дополнительные сведения и буду два раза давать сведения о ходе дела. Скажите мне, пожалуйста, когда выехал Гучков? *Родзянко.*

— Гучков выехал сегодня ночью из Пскова около трех часов. О воздержании от приведения к присяге в Пскове я сделал распоряжение еще вчера. Немедленно сообщу о том же в армии моего фронта и в ставку. У аппарата был, кажется, князь Львов? Желает ли он со мной говорить?

— Николай Владимирович, все сказано, князь Львов ничего добавить не может. Оба мы твердо надеемся на божью помощь, на величие и мощь России, на доблесть и стойкость армии и, не взирая ни на какие препятствия, на победоносный конец войны. До свидания.

— Михаил Владимирович. Скажите, для верности, так ли я вас понял? Значит, пока все остается по-старому, как бы манифеста не было, а равно и о поручении князю Львову сформировать министерство. Что касается назначения великого князя Николая Николаевича главнокомандующим повелением его величества, отданным вчера отдельными указами государем императором, то об этом желал бы знать также ваше мнение; об этих указах сообщено было вчера очень широко, по просьбе депутатов, даже в Москву, и, конечно, на Кавказ. *Рузский.*

— Сегодня нами сформировано правительство с князем Львовым во главе, о чем всем командующим фронтами посланы телеграммы. Все остается в таком виде: Верховный Совет, ответственное министерство и действия законодательных палат до разрешения вопроса о конституции Учредительным Собранием. Против распространения указов о назначении великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим ничего не возражаем. До свидания.

— Скажите, кто во главе Верховного Совета.

— Я ошибся: не Верховный Совет, а Временный Комитет Государственной Думы под моим председательством.

— Хорошо. До свидания. Не забудьте сообщить в ставку, ибо дальнейшие переговоры должны вестись в ставке, а мне надо сообщать только о ходе и положении дел. *Рузский.*

Телеграмма ген. Алексеева Родзянко, кн. Львову и Гучкову 3 марта 1917 г. № 1921 [1]).

Передана 3. III. 16 ч.

Главнокомандующий западным фронтом сообщил, что главный начальник Минского округа получил требование непосредственно от министра юстиции выпустить политических. Комендант Калуги, города, подчиненного главнокомандующему западным фронтом, получил от начальника штаба Московского округа сообщение, что в Калугу прибудет новый комендант с особыми полномочиями. Хотя распоряжения выполнены, но, во избежание вредной двойственности власти и связанных с этим неизбежных беспорядков в деле управления вооруженной силой на фронте, прошу все распоряжения правительства и отдельных министров направлять главнокомандующим фронтами и мне как лицам, которыми регулируется и обеспечивается своевременность исполнения. Назначения же на должности на фронте офицерских и классных чинов предоставлены или главнокомандующим или верховному главнокомандующему. Незыблемое сохранение этих основ военной службы гарантирует правильность деятельности войска, своевременность и точность исполнения всех распоряжений свыше. 3 марта. 1921. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Лукомского начальникам штабов фронтов 3 марта 1917 г. № 1922 [2]).

Сообщаю для сведения копию телеграммы № 1921. Наштаверх просит о всех недоразумениях по получаемым распоряжениям из Петрограда сообщать в ставку. 3 марта. 1922. *Лукомский*.

Телеграмма адм. Непенина адм. Русину 3 марта 1917 г. № 271/оп.

Принята 3. III. 8 ч. 15 м.

№ 631 получен. В Гельсингфорсе задержал, пытаюсь задержать в Абозиции и Монзиции. В Ревеле уже объявлено, расклеено и получило широкую огласку. В Ревеле беспорядки временно прекратились. 271/оп. 8 ч. 3 марта 1917 года. *Непенин*.

Телеграмма ген. Иванова ген. Алексееву 2 марта 1917 г. № 9.

Из Вырицы. Подана 1 ч. 30 м. 3. III. 1917 г. Копия генералу Тихменеву.

До сих пор не имею никаких сведений о движении частей, назначенных в мое распоряжение. Имею негласные сведения о приостановке

---

[1]) На отпуске помета: «По всем трем адресам приняла Государственная Дума. 3. III.».

[2]) На отпуске помета о времени передачи этой телеграммы: «Наштасев — 3. III. 16 ч. 50 м. Наштазап — 3. III. 17 ч. 16 м. Наштаюз — 3. III. 16 ч. 50 м. Наштарум — 16 ч. 30 м. Наштарм Кавказской — 20 ч. 15 м.».

движения моего поезда. Прошу принятия экстренных мер для восстановления порядка среди железнодорожной администрации, которая, несомненно, получает директивы Временного Правительства. 2 марта 1917 г. № 9. *Г.-ад. Иванов* [1]).

Копия телеграммы ген. Эверта Родзянко 3 марта 1917 г. № 6215 [2]).

Принята. 3. III. 5 ч. 52 м.

Объявив войскам армий вверенного мне западного фронта манифест государя императора Николая II и вознеся вместе с ними молитвы всевышнему о здравии государя императора Михаила Александровича, о благоденствии родины и даровании победы, приветствую вместе с вверенными мне войсками в вашем лице Государственную Думу, новое правительство и новый государственный строй, в твердом уповании, что, с божиею помощью, в общем единении всего народа родина найдет новые силы на пути к победе, славе и процветанию. 6215. Генерал-адъютант *Эверт*.

Копия телеграммы ген. Данилова командующим I, V и XII армий и ком. 42 корп., главнокр. Двинского, запасоополченцев, начвососев, начальнику гарнизона города.

Подана 3. III. 10 ч. 25 м.

Принята 3. III. 10 ч. 50 м.

Необходимо принять все меры к борьбе с бродяжничеством в тылу, сократить до крайнего предела выдачу пропусков в армии, установить контроль на железных дорогах на пропускных пунктах, кои менять чаще, дабы к наличию их не приспособились, установить службу разъездов и облав. Цель этого — изолировать войска от возможного проникновения агитаторов, а также не допустить образования в тылу шаек грабителей и бродяг. К последним главкосев приказывает применять самые беспощадные меры. Псков. 3 марта. 9 ч. 45 м. 1246/Б. *Данилов*.

Копия телеграммы адм. Непенина адм. Русину 3 марта 1917 г. № 275/оп.

В дополнение к № 271/оп. В Свеаборге небольшой части команды манифест объявлен. Прошу срочно ориентировать меня в подробностях. Считаю, что вопрос о форме манифеста не имеет особого значения. 8 ч. 45 м. 3 марта 1917 г. № 275/оп. *Непенин*.

---

[1]) Далее на подлиннике приписка: «Помощнику начальника штаба верх. главнокомандующего. Ген.-ад. Иванов с георгиевским баталионом выехал в 15 ч. 3/III из Вырицы в Могилев. 23 ч. 15 м. 3/III. *Ген.-м. Тихменев*».

[2]) На подлиннике помета: «Не послана».

Разговор по прямому проводу морского штаба верх. главнокомандующего с гл. морским штабом 3 марта 1917 г.

Гончаров. Скажите, как обстановка?

Альтфатер. Обстановка значительно спокойней, постепенно все налаживается.

Гончаров. Вчера распространился [слух], что вчера была произведена резня офицеров, и наморштаверх просит узнать, все ли офицеры здоровы.

Альтфатер. Все это сплошной вздор. Все живы и здоровы.

Гончаров. Наморштаверх просит также выяснить, сильно ли в настоящее время правительство Государственной Думы или авторитет его уже поколеблен.

Альтфатер. Полагаю, что сильно.

Гончаров. Если что-либо изменится в обстановке, наморштаверх просит немедленно ставить в известность.

Альтфатер. Я пошлю сегодня подробнейшую телеграмму обо всем, не могу этого сделать сейчас, ибо не имею времени — у нас у всех масса работы.

3 марта 1917 г. 10 ч. 20 м.

Копия телеграммы командующего флотом Черного моря адм. Колчака адм. Русину 3 марта 1917 г. № 488/оп.

Секретная. Для сохранения спокойствия, нахожу необходимым объявить вверенным мне флоту, войскам, портам и населению, кто в настоящее время является законной верховной властью в стране — кто является законным правительством и кто верховный главнокомандующий. Не имея этих сведений, прошу их мне сообщить. До настоящего времени в подчиненных мне флоте, войсках, портах и населении настроение спокойное. 14 ч. 30 м. 3 марта 1917 г. 488/оп. *Колчак.*

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с ген. Брусиловым 3 марта 1917 г. от 15 ч. до 15 ч. 45 м.

— У аппарата генерал Брусилов? Здравия желаю, ваше высокопревосходительство. Я — Алексеев. Жду ваших вопросов.

— Здравия желаю. Командарм мне доносит, что дальше трудно ничего войскам не объявлять, слухи до них проникли, многое преувеличено, просят отдачи какого-либо приказа. До настоящего времени я только сообщал командармам все сведения, которые от вас получал, и ожидал манифеста, который все бы объяснил. Чтобы ускорить его появление, я посылал частную телеграмму Родзянке, как своему ста-

рому однокашнику по корпусу, чтобы скорей они закончили свои колебания и имели в виду, что крайне необходимо сохранять армию от каких-либо волнений, и по-товарищески просил его воздействия на левые элементы, но ответа не получил. Теперь ждать сбора главнокомандующих в ставке для решения вопроса слишком долго и испытывать столь продолжительное терпение войск нежелательно. Вы это сами понимаете. Крайне необходимо осведомить войска о положении дела, — конечно, в известных пределах. Мне кажется, что нужно объявить, первое, что государь император отрекся от престола и что вступил в управление страной Временный Комитет Государственной Думы и что составлен новый комитет министров и, в-третьих [1]), воззвать к войскам, что они охраняют своею грудью матушку-Россию и в политику теперь вмешиваться не можем. Но, раньше чем составить такой приказ, я хотел испросить ваше на то разрешение. Было бы желательно всем фронтам действовать однообразно по вашим указаниям, но, повторяю, совершенно необходимо теперь что-либо объявить войскам. Молчание может вызвать недоумение, а может быть, и что-либо хуже. Кончил. Ожидаю указаний.

— Вполне понимаю все вами высказанное. Мое положение: 1) Не могу добиться, чтобы Родзянко подошел к аппарату выслушать мое решительное сообщение о невозможности далее играть в их руку и замалчивать манифест. 2) Повеление великого князя верховного главнокомандующего во всех важных случаях обращаться к нему и его извещение, что для Кавказской армии манифеста не существует до распубликования его законным порядком через Сенат. Сейчас вторично доложу по аппарату великому князю положение дел на нашем западном фронте и заявление всех главнокомандующих, что дальнейшее молчание грозит опасными последствиями. При неполучении каких-либо указаний, возьму на себя отдачу приказания, которое к вечеру будет получено всеми фронтами, с общим объяснением дел. Самое трудное — установить какое-либо согласие с виляющим современным правительством, в составе которого крайние элементы берут верх и разнузданность приобретает права гражданства. Кончил. *Алексеев*

— Слушаю. Буду ожидать к вечеру приказа вашего. Настоятельно докладываю еще раз, что он безусловно необходим, иначе могут последовать тяжелые последствия. Докладываю также, что я отдал приказание в Киеве исполнять распоряжения новых министров, так как иначе возникли бы беспорядки, которые бы кончились столь же плачевно для войска, как в Петрограде и Москве. Полагаю, что это был единственный исход. Кончил. *Брусилов.*

— Ваше распоряжение совершенно правильно. До свидания. Дай бог всего хорошего. *Алексеев.*

— Имею честь кланяться. *Брусилов.*

---

[1]) Так в подлиннике.

Телеграмма вел. кн. Николая Николаевича ген. Алексееву 3 марта 1917 г. [1]).

Подана 3. III. 15 ч. 10 м.

Принята 3. III. 15 ч. 26 м.

Инженер Козырев предложил начальнику Закавказских дорог о снятии жандармов с линии дорог, на что таковым отвечено, что, при особых условиях жизни Кавказа и опасении невозможности продолжать борьбу со шпионажем, таковая мера поставит армию в опасное положение, ибо борьба с шпионажем требует преемственности. Изложенное сообщается для согласования распоряжений в районе западных фронтов. Генерал-адъютант *Николай*.

Телеграмма ген. Эбелова ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 2112.

В видах успокоения умов, полагал бы необходимым выпустить распоряжением местных судебных органов всех политических, осужденных по судебным приговорам, во избежание могущих быть эксцессов, которые неизбежно нарушат всемерно поддерживаемое спокойствие в районе округа. Лучше принять эту меру немедленно законным путем, дабы не вызвать промедлением насильственных действий к освобождению. Прошу срочного указания. Только что прокурор местной судебной палаты сообщил, что в Херсоне получено распоряжение министра юстиции об освобождении всех политических. 2112. *Эбелов*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Эбелову 3 марта 1917 г. № 1923.

Передана 3. III. 15 ч. 10 м.

2112. Все распоряжения нового правительства должны исполняться, в том числе и освобождение политических осужденных. 3 марта 1917 года. 1923. *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева ген. Квецинскому 3 марта 1917 г. № 1925 [2]).

Вследствие телеграммы наштазап о том, что из Великих Лук на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов, по означенному вопросу был запрошен председатель Государственной Думы, который сообщил, что никаких депутаций не посылалось. Таким образом, повидимому, начинают уже появляться из Петрограда чисто революционные разнузданные шайки, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и, вероятно, попытаются

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «3. III. 917. Председ. Сов. Мин. за все фронты».

[2]) На подлиннике пометы о времени передачи телеграммы: «Наштазап на № 6204. Копии наштасев, наштаюз, поглавкорум (3. III. 19 ч. 30 м.). Наштасев — 3. III. 17 ч. 35 м. Минск 3. III. 18 ч. 16 м. Ю.-З. 3. III. 18 ч. 25 м.».

проникнуть и в самую армию. Надо принять самые энергичные меры, установив наблюдение на всех узловых станциях железных дорог в тылу и иметь на этих станциях гарнизоны из надежных частей под начальством твердых офицеров. При появлении где-либо подобных самозванных делегаций, таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговор которого приводить немедленно в исполнение. 3 марта 1917 года. 1925. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Сухомлина ген. Лукомскому 3 марта 1917 г. № 781 [1]).

Подана 3. III. 16 ч. 30 м.

Принята 3. III. 17 ч. 30 м.

2783. Генерал-лейтенант Корнилов отправился из Луцка экстренным поездом в 3 часа 35 минут 3 сего марта по новому назначению. 781. 3 марта. *Сухомлин.*

Копия телеграммы адм. Непенина адм. Русину 3 марта 1917 г. № 285/оп.

Сообщаю для сведения копию телеграммы, отправленной мною председателю Государственной Думы: «Положение в Ревеле вновь приняло угрожающий характер. Войска выходят из повиновения. Прибытие членов Думы не внесло достаточного успокоения. Из Ревеля передают, что является желательным прибытие депутата Керенского, который пользуется особым авторитетом среди рабочих. Необходимо немедленно какое-либо категорическое решение. В Гельсингфорсе сегодня был беспорядок, прекращенный лично мною и начальником минной обороны адмиралом Максимовым. № 282/оп. 15 ч. 3 марта 1917 г. Вице-адмирал Непенин». 15 ч. 15 м. 3 марта 1917 г. № 285/оп. *Непенин.*

Телеграмма ген. Алексеева председателю Совета Министров кн. Львову 3 марта 1917 г. № 1926.

Передана 3. III. 19 ч. 50 м.

Получено сообщение от великого князя Николая Николаевича, что инженер Козырев предложил начальнику Закавказских дорог снять жандармов с линии дорог. Вновь повторяю, что снимать охрану с линий железных дорог на театрах военных действий недопустимо. Она прежде всего нужна, дабы продолжать борьбу со шпионажем. Вообще же обращение отдельных агентов правительственной власти с какими-либо распоряжениями к исполнителям, а не через ставку или, в крайне спешных случаях, через главнокомандующих, без-

[1]) На подлиннике пометы: «Будет проездом в Могилеве 3 марта 20 часов. Г.-л. *Лукомский*». Выше рукой ген. Алексеева: «3. III. 917. Сообщить председателю Гос. Д.».

условно недопустимо и может роковым образом отразиться на управлении на театре военных действий, внести много путаницы и подорвать авторитет военной власти. В настоящую страшную минуту для спасения России надо принять все меры для сохранения в армии дисциплины и уважения к власти. Если это будет нарушено, то неминуемы катастрофа и гражданская война, а в настоящее время и порабощение России немцами. 3 марта 1917 г. 1926. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Копия телеграммы адм. Непенина адм. Русину 3 марта 1917 г. № 286/оп. [1]).

Подана 3 марта 1917 г. 19 ч. 30 м.

На «Андрее», «Павле» и «Славе» бунт. Адмирал Небольсин убит. Балтийский флот как военная сила сейчас не существует. Что могу сделать? 19 ч. 30 м. 3 марта. 286/оп. *Непенин*.

Копия телеграммы адм. Непенина адм. Русину 3 марта 1917 г. № 288/оп. [2]).

Дополнение к 286/оп. Бунт почти на всех судах. 288/оп. *Непенин*.

Телеграмма ген. Иванова из Вырицы ген. Алексееву 3 марта 1917 г. [3]).

Подана 3. III. 9 ч. 25 м.
Принята 3. III. 20 ч. 15 м.

От Родзянко получил телеграмму о возвращении в Могилев. Прошу подтвердить, куда направить георгиевский баталион. *Иванов*.

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с Гучковым 3 марта 1917 г.

— Здесь, у аппарата, военный министр Александр Иванович Гучков. Просит начальника штаба верховного главнокомандующего подойти к аппарату.

— Здравия желаю, Александр Иванович. У аппарата Алексеев. Не имея возможности говорить с председателем Государственной Думы, я очень прошу взять на себя передачу ему серьезнейшего для армии вопроса. Сегодня в 6 часов утра М. В. Родзянко просил меня задержать обнародование манифеста 2 марта. Хотя манифест этот дошел только до высших начальствующих лиц, но этим вопрос в отношении армии совершенно не решен, скрыть акт столь великой важности в жизни России немыслимо. Он должен быть безотлагательно обнародован в установленном порядке. Слух о нем уже просочился и в войсковую среду и в население губерний фронта. Главнокомандующие в течение всего дня настоятельно указывают, что дальнейшее

---

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «3. III. 917. Чит.».

[2]) Тоже.

[3]) На телеграмме помета рукой ген. Алексеева: «Георг. бат. — в Могилев нужно вернуть. 3. III. 917.»

промедление объявления войскам содержания этого акта может теперь же повлечь за собой сначала недоумение, а потом последствия весьма грозные. Этот голос всех старших начальствующих лиц должен быть услышан в Петрограде: они доносят о том, что стало болезненным вопросом для всей действующей армии. Выход должен быть найден путем соглашения с лицом, долженствующим вступить на престол. Совершенно не исключена возможность выработки по успокоению страны всех подробностей того или иного государственного устройства. Нужно памятовать, что борьба с внешним врагом в данное время все же остается главнейшей обязанностью каждого русского человека. Расшатав же действующую армию, скрывая от нее истину и действительные намерения правительства, мы подготовим себе печальную участь. Главнокомандующие единогласно свидетельствуют, что сегодня или завтра — крайний срок надлежащего осведомления войск, о чем я донес и великому князю Николаю Николаевичу, ожидая его указаний. Второй вопрос. До настоящего времени правительство, приняв в свои руки власть, не желает обратиться к действующей армии с горячим воззванием выполнять свой святой долг, заключающийся в упорной борьбе с внешним врагом. Желательно такое же воззвание к народу, чтобы он спокойно продолжал свою деятельность, напрягая все силы к той же общей великой цели. Третий вопрос. Считаю себя обязанным настоятельно просить, чтобы все сношения с армиями, все распоряжения органов правительства велись только через вверенный мне штаб и по второстепенным вопросам через главнокомандующих. Только при этом условии мы сохраним столь важные для армии устои подчиненности и порядка, без коих нет вооруженной силы. Возвращаясь к первому вопросу, полагаю вполне возможным в первом манифесте нового царствования объявить о том, что окончательное решение вопросов государственного управления будет выполнено в согласии с народным представительством, хотя бы по окончании войны или наступлении успокоения. Для прочности нравственной и боевой наших войск это вопрос исключительной важности и не допускающий никакого отлагательства. Пять миллионов вооруженных людей ждут объяснения совершившегося. Я пока кончил. *Алексеев. 3 марта 18 ч. 2 м.*

— Здравствуйте, Михаил Васильевич. Отвечаю вам по пунктам. Первое. Манифест 2 марта был передан мне государем вчера вечером во Пскове. Обнародование его в Петрограде встретило препятствия в том, что великий князь Михаил Александрович, посоветовавшись с составом Совета Министров, вопреки моему мнению и мнению Милюкова, решил отказаться от престола. Предполагается одновременное обнародование как манифеста 2 марта, так и манифеста 3 марта — об отказе со стороны Михаила Александровича. Обнародование обоих манифестов произойдет в течение предстоящей ночи. У власти остается Временное Правительство, с князем Львовым во главе, и в составе вам известном, до созыва Учредительного Собрания, которому надле-

жит разрешить окончательно вопрос о государственном устройстве. Срок созыва собрания не определен. Пункт второй. Воззвание к армии будет безотлагательно составлено. Пункт третий. Ваше совершенно справедливое желание, чтобы сношения с действующей армией производились исключительно через ставку или через главнокомандующего, с допуском исключения только по мелочным вопросам, будет принято к исполнению. Кончаю. Не имеете ли что-либо мне сказать?

— Имею, Александр Иванович. Неужели нельзя было убедить великого князя принять временно до созыва Собрания власть? Это сразу внесло бы определенность в положение России вообще в серьезный для данной минуты отношения к союзникам [1]), а главное — явилось бы отличным способом влиять на настроение армии. Хорошим примером служит Ревель, где при получении первых сведений о манифесте наступило успокоение среди флотских частей и соприкасающихся с ними сухопутных, а когда появился там текст манифеста, то образовалось хорошо [1]) приподнятое настроение. Трудно предусмотреть, как примет стоящая в окопах масса манифест третьего марта. Разве не может она признать его вынужденным со стороны? Теперешнюю действующую армию нужно беречь и беречь от всяких страстей в вопросах внутренних. Ведь теперешний Петроградский гарнизон, разложившийся нравственно, бесполезен для армии, вреден для государства, опасен для Петрограда. От этого нам нужно сохранить все части действующей армии, ибо жестокая борьба еще далеко не закончена, и каждый борец необходим отечеству. Хотя бы непродолжительное вступление на престол великого князя сразу внесло бы и уважение к воле бывшего государя и готовность великого князя послужить своему отечеству в тяжелые переживаемые им дни. Уверен, что на армию это произвело бы наилучшее бодрящее впечатление, а ведь в этом теперь залог успешного решения важнейшей государственной задачи. Через полгода же все выяснится ближе, лучше, и всякие изменения протекут не столь болезненно, как теперь. Вот, что я считаю своим священным долгом добавить к ранее высказанному. Слишком тяжелая и ответственная задача лежит на армии и ее начальниках, и нужно облегчить им возможность иметь все мысли и силы направленными против врага внешнего и спасти их от всяких колебаний. *Алексеев. 3 марта. 18 ч. 35 м.* [1]).

— Отвечаю. Вполне разделяю ваши опасения, также мнение, что в интересах быстрого успокоения страны — возвращение ее к нормальной жизни, а также в интересах армии являлось бы крайне важным, чтобы престол был безотлагательно замещен кем-либо, хотя бы временно, впредь до санкции Учредительного Собрания. Однако мои доводы никого не убедили, и решение великого князя было принято свободно и бесповоротно. Приходится подчиниться совершившемуся факту столь громадной исторической важности и попытаться честно

---

[1]) Так в подлиннике.

и добросовестно упрочить новый строй и не допустить серьезного ущерба для армии. С этим намерением принял я предложенный пост и приложу все мои силы к выполнению этой задачи. Кончаю. *Гучков. 6 ч. 33 м.* [1]).

— Еще одно слово. Могу ли я официально сообщить сейчас главнокомандующим, что предстоящей ночью манифест второго марта будет обнародован?

— Повторяю, оба манифеста будут обнародованы одновременно. Об этом можете сообщить официально. Кончил. *Гучков.*

— Очень благодарен. Будьте здоровы. *Алексеев.*

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с полк. Энгельгардтом 3 марта 1917 г.

— У аппарата генерал Алексеев.

— Родзянко занят неотложными делами. Гучков подал в отставку, временно занимаюсь военными делами и явился к аппарату. Может быть, найдете возможным переговорить со мною?

— Я сейчас только окончил разговор с Гучковым, и он мне ни одним словом не обмолвился о своей отставке, указывая, напротив, что все усилия свои посвятит на пользу армии. Очень трудно решать какие бы то ни было вопросы, касающиеся действующей армии, если отсутствует какая бы то ни было ориентировка в эти исключительные дни со стороны правительства. Если вы можете довести до сведения председателя Совета Министров, то я прошу, чтобы я был ориентирован в ходе дел, ибо отдавать распоряжения с завязанными глазами невозможно. *Алексеев.*

— Час тому назад Некрасов сообщил мне, что Гучков подал в отставку. В Думе его не было, а потому я позволил себе лично прибыть к аппарату, чтобы не задерживать вас. Из ставки трижды вызывали Родзянко или Гучкова. Если вы говорили с Гучковым после 18 часов, то, возможно, он взял отставку обратно. Передам нашу беседу князю Львову немедленно. Имеете ли еще что сказать?

— Ничего не имею, но прошу вас на ленте отметить свою фамилию. Генерал *Алексеев.*

— До свидания. Член Госуд. Думы *Энгельгардт.*

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с Родзянко 3 марта 1917 года [2]).

— У аппарата генерал-лейтенант Лукомский. Если председатель Государственной Думы может мне передать то, что он хотел сказать генералу Алексееву, то я могу принять.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич. Как изволите поживать?

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На подлиннике помета: «Вечером около 22 часов. Подполк. [подпись]».

— Здравия желаю, Михаил Владимирович. Ради бога, говорите, в чем дело?

— Положение тяжкое. Когда вернется генерал Алексеев и подойдет к аппарату?

— Генерала Алексеева его величество позвал к себе в вагон, и он там находится. Поэтому я затрудняюсь сказать, когда вернется генерал Алексеев, но я в курсе всех вопросов и могу, если вам угодно предложить мне вопрос, на него ответить.

— Могу вам сообщить, что сегодняшний день проходит спокойнее, и, повидимому, все приходит более или менее в порядок. Вчера пришлось войти в соглашение с левыми партиями и, установив несколько общих положений, заручиться их обещанием прекратить беспорядок. Начиналась форменная анархия, бессмысленная и неудержимая, и значительно более интенсивная, чем в 1905 году. Эти беспорядки были настолько велики, что грозили перейти в поголовную резню и общую потасовку населения и солдат. Дабы избежать кровопролития, порешили войти в соглашение, главным пунктом которого было установление необходимости Учредительного Собрания. Затем ряд требований всяких свобод, еще неустановленных по манифесту 17 октября и которые крупными жертвами и пролитием крови на полях битвы русский народ вполне заслужил. Сегодня значительно тише, солдатские бунты ликвидируются, нижние чины возвращаются в казармы, и город мало-по-малу принимает приличный вид. Надеюсь, что скоро заработаем на оборону и на организацию необходимой победы. Иного выхода нет. Акт отречения государя императора встречен спокойно, но еще, по моей просьбе генерал-адъютанту Алексееву, не опубликован. Соблаговолите сделать распоряжение о немедленном его опубликовании, а вместе с ним одновременно акт отречения великого князя Михаила Александровича. Сегодня утром был привезен от государя императора акт отречения от престола в пользу великого князя Михаила Александровича. Он еще не опубликован здесь и будет опубликован завтра. Одновременно будут опубликованы два акта: отречение императора от престола и манифест великого князя Михаила Александровича следующего содержания [1]).

Хотя эти акты не опубликованы, но слух о них прошел и встречен населением с ликованием. Произведен салют с крепости новому правительству в 101 выстрел. Завтра передам вам по прямому проводу на усмотрение генерала Алексеева текст присяги для войск, которую соблаговолите привести в исполнение. Прошу вас сообщить мне, какие известия с фронта?

— У аппарата генерал Алексеев. На фронте благополучно, но главнокомандующие в течение целого дня запрашивали о времени опубликования акта 2 марта, ибо слухи об этом проникли в армии, в ряды войск и население, порождали недоумение и могли закончиться

---

1) Далее следует текст манифеста Михаила Романова об отречении.

нежелательными проявлениями. Безотрадно положение Балтийского флота, бунт почти на всех судах, и боевая сила флота, повидимому, исчезла. Мы лишимся весною одного из элементов борьбы с флотом противника, что может повлечь за собою гибельное последствие. Это результат промедлений в объяснении чинам флота сути акта 2 марта. По имеющимся сведениям, так же печально и безнадежно состояние войск Петроградского гарнизона, окончательно развращенных пропагандою рабочих, против чего не принимается, повидимому, никаких мер. Немало солдат покинули ряды своих частей и разбредаются по домам, зараза касается понемногу и других запасных полков, расположенных недалеко от столицы, до Нарвы включительно. Много нужно будет положить труда, усилий войсковым начальникам действующей армии, чтобы выполнить свой священный долг перед родиной и спасти действующую армию от позорной и пагубной заразы военной измены. Все зараженные запасные полки являются при данных условиях временно утраченными для родины и армии до приведения их в порядок, водворения суровой дисциплины и перевоспитания людей. Накануне почти начала боевых операций мы теряем немалое число подготовленных укомплектований для пополнения потерь. В Черноморском флоте пока благополучно. Вот грустная картина с военной точки зрения. Полагаю, что новое правительство должно притти на помощь армии, призвать к порядку развращенные части и прежде всего положить предел пропаганде рабочих. От этого именно будут зависеть дальнейшая прочность армии и возможность победы. Суровые меры на первое время должны образумить забывших дисциплину. Манифест 3 марта передан теперь же великому князю Николаю Николаевичу, так как получил от него повеление — до опубликования законным порядком не объявлять армиям манифестов, между тем умолчание ведет к тем нежелательным явлениям, о которых я сказал выше. Более пока прибавить ничего не могу, кроме слов: боже, спаси Россию! *Алексеев.*

— Искренно жалею, что ваше высокопревосходительство так грустно и уныло настроены, что тоже не может служить благоприятным фактором для победы, а я вот и все мы здесь настроены бодро и решительно. Вчера получили от командующего Балтийским флотом телеграмму о том, что в Балтийском флоте все успокоилось, все бунты ликвидированы, и флот приветствует новое правительство. Желательно, чтобы под влиянием наших доблестных начальников фронтов и армий такое же настроение было прислано нам со всего фронта, для того, чтобы, наконец, объединенно и дружно всем народом вместе с армией, без недомолвок и взаимных подозрений, взяться за расправу проклятого немца. В начале ленты сообщил вам о необходимости немедленного опубликования двух переданных актов: одного — об отречении государя и другого — манифеста великого князя Михаила Александровича. Мы здесь тоже восклицаем: боже, спаси Россию, но прибавляем: да здравствуют сильная великая матушка Русь, ее славная дружная

армия и великий русский народ! Прошу ваше высокопревосходительство сообщить, как встретила армия опубликованные акты, на основании сообщений и донесений командующих фронта и армиями. В начале ленты сообщал вам, что мало-по-малу здесь все успокаивается, и мы в скором времени с удвоенной энергией приступим к работе на оборону. Желаю вам всего лучшего. *Родзянко.*

— Благоволите, ваше высокопревосходительство, выслушать две телеграммы: 1) от 7 часов 30 мин. вечера 3 марта: «На «Андрее», «Павле» и «Славе» бунт. Адмирал Небольсин убит. Балтийский флот как военная сила сейчас не существует». Подписал: Непенин. 2-я телеграмма, в дополнение к только что изложенной, кратко: «Бунт почти на всех судах». Подписал: Непенин. Вы видите, как быстро развиваются события и как приходится быть осторожным в оценке событий. Конечно, я извещу вас о том, как будут встречены войсками действующей армии оба акта. Все начальники от высших и до низших приложат все усилия, чтобы армия продолжала быть сильным, могучим орудием, стоящим на страже интересов своей родины. Что касается моего настроения, то оно истекает из того, что я никогда не позволяю себе вводить в заблуждение тех, на коих лежит в данную минуту ответственность перед родиной. Сказать вам, что все благополучно, что не нужно усиленной работы по оздоровлению,— значило бы сказать неправду. Будьте здоровы, всего хорошего. *Алексеев.*

— Ваше высокопревосходительство, не сердитесь на меня. Я забыл справиться, как ваше здоровье и принесло ли вам пользу достаточную ваше пребывание в Севастополе?

— Сердечно благодарен. Работаю почти попрежнему. Поправился, за некоторыми еще существующими дефектами, не мешающими р ботать. Еще раз будьте здоровы.

Телеграмма ген. Эверта ген. Алексееву 3 марта 1917 г. № 6245.

Принята 3. III. 19 ч. 53 м.

Минск. 3 марта. 18 ч. 30 м. 1918. На запрос мой командармов по вашей телеграмме получены ответы: командарма 2: «Секретно. Спешно. Главкозап. Несвиж. 17 ч. 40 м. 3 марта 1917 г. на № 6236. Первое. Необходимо личное присутствие в ставке верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Второе. Если решено ознакомить армию с создавшимся внутри страны положением, то говорить только голую правду. Будет совсем плохо, если вера словам и разъяснениям ближайших начальников будет заподозрена или подорвана. Третье. Не обнаруживать неустойчивости и колебаний в решениях — отмены и перемены колеблют и сеют шатание мысли. Четвертое. Надо устранить поводы к недовольству и на первый план поставить пищевое довольствие. 7677. С м и р н о в». От командарма 3: «Главкозапу. Секретно. Оперативная. Домбровиза. 3. III. 6236. Пока в армии спокойно. Мое мнение откладывать до 8 или

9 марта будет долго, может повести к волнениям в виду проникающих уже вниз слухов. Следует теперь же окончательно решить вопрос об образе правления и объявить его честно и прямо войскам и твердо его держаться; раз манифест объявлен в некоторых местностях, то, мне кажется, лучше его придержаться и объявить к исполнению, хотя, не зная обстановки в Петрограде, трудно решить этот вопрос. 949. Л е ш.». От командарма 10: «Весьма секретно. Главкозап. 6236. Мое мнение таково: вторая половина манифеста о передаче престола великому князю Михаилу Александровичу не приведет к успокоению страны. Наилучшим считал бы изменение второй половины манифеста с объявлением о переходе престола к наследнику цесаревичу великому князю Алексею Николаевичу, коему армия и народ присягали, и о назначении временно, до его совершеннолетия, регентом великого князя Николая Николаевича как более популярного среди войск и народа. Новый манифест в таком виде, отменяющий ранее изданный, явился бы спасительным для родины, армии и народа. Откладывать решение такого вопроса нельзя ни на один день. К/2377. Командарм 10. Г о р б а т о в с к и й». Мое решительное мнение сводится: недопустимо медлить ни дня, ни часа, необходимо дать войскам совершенно определенное объяснение о новом правлении и строе: сведения о манифесте государя императора распространились и несомненно дойдут до армии. Отсутствие официального объявления войска могут объяснить нежеланием начальников мириться с новым положением и их противодействием: в результате — несомненные волнения в армии. Тот путь, на который становится Государственная Дума и новое правительство, т.-е. создание Временного Правительства, производство выборов в Учредительное Собрание, ввергнет страну на продолжительное время в анархию, войска потребуют, с своей стороны, право голоса, и в результате — несомненные волнения в то время, когда армии неустанно должны готовиться к решительной борьбе с врагом, который, конечно, воспользуется нашей смутой. Считаю необходимым, подобно тому как мы, под давлением обстановки, коллективно вынуждены были обратиться к государю императору с мольбой о согласии его на изменение формы правления, так же ныне необходимо обратиться к Государственной Думе и новому правительству с заявлением о необходимости немедленного объявления высочайшего манифеста, спешно и законно изданного Сенатом, и просить, во имя спасения родины от порабощения ее злейшим ее врагом, немедленно успокоить все волнения в стране, отказаться ныне от намеченного ими пути избрания Учредительного Собрания, при выполнении чего в стране и армии будут волнения и несомненная разруха подвоза и позорный погром армии врагом. В противном случае просить об освобождении нас от тяжкой ответственности перед родиной за успех борьбы с врагом и о замене нас людьми, которые в состоянии будут даже при той обстановке несомненной разрухи повести войска к желанному победному концу и к славе дорогой родины. Заявление это должно быть сделано

сегодня и не позже утра завтра. Что касается съезда главнокомандующих, то считаю это необходимым, но обстановка развивается так быстро, что откладывать до 8-го признаю недопустимым. 6245. *Эверт.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Рузскому, Эверту, Брусилову, Сахарову, адм. Русину и ген. Янушкевичу 4 марта 1917 г. № 1943 [1].

Сообщаю, что акт об отречении от престола его императорского величества государя императора Николая второго, переданный вам вчера в дополнение к телеграмме за № 1908, а также нижеследующий манифест великого князя Михаила Александровича подлежат немедленному опубликованию в армиях фронта и во всех крупных населенных пунктах района фронта, причем их надлежит сообщить и всем подлежащим гражданским властям.

Содержание манифеста великого князя Михаила Александровича следующее: «. . . .» [2]. Рассылая эти манифесты войскам, необходимо указать, что в настоящую минуту, когда Россия ведет великую войну с грозным врагом и когда от результатов войны зависит самое существование России, все воины, начиная от старших до самых младших, должны проникнуться единой мыслью о победе над врагом и всеми силами стремиться, чтобы не могли возникнуть какие-либо междоусобные распри, памятуя, что только после победы над врагом может наступить полная слава и благоденствие России. 4 марта 1917 г. 1943. Генерал-адъютант *Алексеев.*

Телеграмма ген. Клембовского ген. Иванову в Вырицу 3 марта 1917 г. № 1940.

Передана 4. III. 1 ч. 25 м.

Вам и георгиевскому батальону надлежит вернуться в Могилев. 3 марта 1917 г. 1940. *Клембовский.*

Телеграмма ген. Лукомского начальникам штабов фронтов, ген. Янушкевичу и адм. Русину 4 марта 1917 г. № 1944.

Текст присяги при новом государственном строе будет разослан по его выработке. 4 марта 1917 г. 1944. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим, ген. Сахарову, адм. Русину и ген. Янушкевичу 4 марта 1917 г. № 1945.

Прошу мне сообщить, как будет принято войсками и населением района фронта объявление актов об установлении нового правительственного строя. 4 марта. 1945. Генерал-адъютант *Алексеев.*

[1] На подлиннике пометы о времени передачи телеграммы: «Главкоюз — 4. III. 1 ч. 57 м. Главкосев — 4. III. 1 ч. 45 м. Главкозап — 4. III. 2 ч. 5 м. Поглавкорум — 4. III. 2 ч. 15 м. Тифлис — 4. III. 3 ч. 40 м.».

[2] Пропуск и точки в подлиннике.

Телеграмма ген. Алексеева главнокомандующим фронтами 4 марта 1917 г. № 1947 [1]).

В ответ на мое донесение верховному главнокомандующему о моем указании главнокомандующим фронтами о необходимости незамедлительно объявить по армиям манифест государя императора об отречении от престола и второй манифест великого князя Михаила Александровича, мною сейчас получена следующая телеграмма от великого князя Николая Николаевича: «В виду обстоятельств подтверждаю принятое вами решение. Вместе с тем повелеваю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъявления воли русского народа и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, оберечь родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе. 4 марта 1917 г. № 4138. Генерал-адъютант Николай». Объявляя настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, предлагаю его именем немедленно опубликовать и разослать в армии как манифесты об отречении от престола государя императора и великого князя Михаила Александровича, так и настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, которую прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. 4 марта 1917 г. 1947. *Алексеев.*

Разговор по прямому проводу ген. Лукомского с ген. Даниловым 4 марта 1917 г.

— У аппарата ген. Данилов. Здравствуйте, Александр Сергеевич.

— Здравствуй, Юрий Никифорович.

— При осуществлении телеграммы № 1943 у меня возникает несколько сомнений, которые прошу разрешить, в виду ответственности, связанной с осуществлением названной телеграммы. Первое. Телеграмма № 1943 начинается сообщением, что акт об отречении от престола его императорского величества государя императора Николая второго передан главкосеву в дополнение к телеграмме № 1908. Ни этой телеграммы, ни дополнения к ней главкосеву сообщаемо не было. Нахожу необходимым, чтобы акт об отречении, о котором идет речь, для проверки был передан нам целиком, не исключая заголовка, подобно тому как таковой имеется в манифесте великого князя Михаила Александровича. Второе. Только что получена телеграмма от главкозапа с сомнениями по поводу манифеста великого князя Михаила Александровича, ибо он не скреплен. Это сомнение

---

[1]) На подлиннике телеграммы пометы о времени ее передачи: «Главкосев — 4. III. 6 ч. 10 м. Главкозап — 4. III. 5 ч. 55 м. Главкоюз — 4. III. 6. ч. 12 м. Поглавкорум — 4. III. 6 ч. 30 м. Наморштаверх — копия снята. Копия Тифлис генералу Янушкевичу для доклада верховному главнокомандующему. 4. III. 6 ч. 32 м.»

или, вернее, этот пробел бросился и мне в глаза. Третье. При существовании акта великого князя Михаила Александровича возникает несогласованность с положением дела, имеющаяся в приказе верховного главнокомандующего по армии и флоту № 1. Именно в словах: «Вы готовы отдать на благо России и престола» эти слова могут породить массу недоразумений, почему не лучше ли упомянутый приказ номер первый, при действительном наличии манифеста великого князя Михаила Александровича, приказ верховного главнокомандующего номер первый не опубликовывать впредь до выяснения этого недоразумения. Прошу соответствующих разъяснений. *Данилов.*

— Должен сказать, что ссылку на телеграмму № 1908 для северного фронта поместили неудачно, ибо в этой телеграмме, т.-е. в № 1908, сказано: «От наштасева мною получена следующая телеграмма» и дальше идет изложение твоей телеграммы от 3 марта № 1244/Б, за твоей подписью, и дальше идет указание от генерал-адъютанта Алексеева о срочной ее передаче во все армии и начальникам главных военных округов, входящих в состав фронта, и еще дальше указано, что, по получении по телеграфу манифеста, таковой должен быть безотлагательно передан во все армии по телеграфу и разослан в части войск. Эта телеграмма № 1908 недавна передана в твой штаб.

— Я говорю не о телеграмме № 1908, а о дополнении к ней, которой, очевидно, был передан текст манифеста, и прошу о передаче обратно этого текста мне в целях проверки. Извиняюсь, что перебил, и слушаю далее. *Данилов.*

— Добавление к телеграмме № 1908 именно и составляет текст манифеста об отречении от престола, который был получен по телеграфу от вас. Нужно ли его повторить? Ибо изменений там нет.

— В таком случае, можно его не повторять, но прошу ответить, нужен ли заголовок и какой, а затем на остальные два вопроса, мною предложенные.

— Что касается вопроса о разногласии между приказом № первый и манифестом великого князя Михаила Александровича, то на первый взгляд, конечно, бросается в глаза слово «престол», но надо иметь в виду, что этот приказ верховным главнокомандующим отдан до получения им текста манифеста великого князя Михаила Александровича. Кроме того, в этом приказе вряд ли можно было бы этого слова не помещать, ибо, по существу соглашаясь на манифест великого князя Михаила Александровича и ему покоряясь, мы слушаем голос, исходящий с высоты престола. Что касается возможности не опубликовывать приказа № 1, то это недопустимо, но только, конечно, его надо пустить вперед. Наштаверх, если б была малейшая возможность, конечно, подождал бы из Петрограда письменного текста манифеста Михаила Александровича и задержал бы объявление его до тех пор, пока не получится все черное по белому. Но, с одной стороны, передавал текст манифеста Родзянко и подтвержден он Гучковым, а с другой стороны, вечером получены были сведения, что Бал-

тийский флот окончательно взбунтовался, и, повидимому, причина произошла оттого, что получилась проволочка в объявлении первого манифеста об отречении. Это и побудило наштаверха отдать указание о необходимости манифесты объявить и об этом донесено верховному главнокомандующему. Прошу ответить, будут ли при этих условиях главкосевом объявлены манифесты. *Лукомский.*

— Главкосев еще спит, я его не будил до выяснения всех недоразумений. Теперь разбужу и, после ознакомления его с материалом, протелеграфирую тебе. Желал бы знать решение главкозапа, если оно у тебя есть. *Данилов.*

— Затяжка в опубликовании манифеста очень невыгодна. *Данилов.*

— Главкозап не хочет публиковать до тех пор, пока не получит решения об этом же вопросе от всех прочих фронтов. Дабы тебя вполне осветить, я передаю тебе текст моего разговора с генералом Квецинским, как он о том меня сейчас просил. Передаю разговор.

— Этот разговор только что мне подали, равно и заключение, поэтому не беспокойся. Я думаю, что главкосев выскажется за объявление манифеста, при единогласии главнокомандующего западным фронтом и комфлота Балтийского, ибо ты хорошо понимаешь наше географическое положение в отношении Балтийского флота. Нет ли у тебя заключения комфлота, которое обязательно нужно? Кроме того, считаю служебным долгом отметить, что войскам трудно будет разобраться в тонком сличении времени отдачи приказа верховного главнокомандующего и манифеста великого князя Михаила Александровича, ибо оба документа помечены третьим марта. Получится безусловное впечатление несогласованности, очень тяжкое в таких государственной важности и деликатных для совести каждого вопросах. Прошу это мое мнение доложить наштаверху, причем время этого доклада предоставляю тебе. Мое дело отметить. *Данилов.*

— Прошу сообщить, нет ли у тебя решения комфлота, ибо с ним говорить будет, вероятно, очень трудно и долго, а между тем это существенно в отношении нас и его. *Данилов.*

— Манифесты комфлоту Балтийскому только сейчас закончены передачей, и поэтому, конечно, ответа дать пока не могу, но не сомневаюсь в том, что манифесты будут объявлены. Сейчас адмирал Непенин сообщает, что путем уговора и при помощи юзограмм министра юстиции Керенского удалось прекратить кровопролитие и беспорядок. Линейные корабли «Павел» и «Андрей» еще во власти команд, сведений о крейсере «Россия» он еще не имеет. Окончательно восстановлен порядок в Ревеле. Вот все, что известно. Буду ждать ответа. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 4 марта 1917 г. № 1274/Б.

По приказанию главкосева докладываю для доклада его величеству следующую телеграмму, полученную на имя главкосева: «До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу вас не отказать повергнуть

к стопам его величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого монарха. 2370. 3 марта. 14 ч. 45 м. Генерал-эдъютант *Хан-Нахичеванский*». Конец телеграммы. 4 марта. 1 час. *Данилов*. 1274/Б.

Телеграмма ген. Алексеева вел. князю Николаю Николаевичу 4 марта 1917 г. № 1948.

Передана 4. III. 11 ч. 1 м.

Всеподданнейше доношу, что от адмирала Непенина получена следующая телеграмма: «Собрал депутатов от команд и путем уговоров и благодаря юзограммам министра юстиции Керенского удалось прекратить кровопролитие и беспорядок. Линейные корабли «Павел» и «Андрей» все еще во власти команд. На прочих судах постепенно восстанавливается подчинение, кроме крейсера «Россия», о котором пока не имею сведений. Разрешил на завтра в отведенном помещении собрание депутатов от команд, куда направлю прибывающих депутатов. Морские команды дали обещание прекратить кровопролитие и радиотелеграфирование. Так же окончательно установлен порядок в Ревеле. Через депутатов передал командам, пролившим кровь офицерскую, что я, с своей стороны, крови не пролью, но оставить их в командах не могу — виновных же пусть разберет Временное Правительство. № 291/оп. Непенин». Генерал-адъютант *Алексеев*. 1948.

Телеграмма ген. Алексеева вел. князю Николаю Николаевичу 4 марта 1917 г. № 1951.

Передана 4. III. 12 ч. 8 м.

Всепреданнейше доношу, что с поездом 20 ч. 15 м. 3 сего марта его величество изволил прибыть в ставку, где, согласно полученным мною сведениям, его величество предполагает пробыть несколько дней. Когда выяснится, сколько времени его величество предполагает здесь пробыть, немедленно донесу вашему императорскому высочеству. 4. III. 1917 г. 1951. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма адм. Григорова ген. Рузскому 4 марта 1917 г. № 306/оп.

В воротах Свеаборгского порта адмирал Непенин убит выстрелом из толпы. С утверждения морского министра в командование флотом вступил вице-адмирал Максимов. 16 ч. 4 марта 1917 г. 306/оп. *Григоров*.

Телеграмма ген. Алексеева Гучкову 4 марта 1917 г. № 1953.

Передана 4. III. 12 ч. 15 м.

Сообщаю, что мною отданы распоряжения главнокомандующим об объявлении войскам манифеста об отречении от престола государя императора Николая II, манифеста великого князя Михаила Але-

ксандровича и повеления верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, дабы было разъяснено всем чинам от старших до младших о спокойном ожидании изъявления воли русского народа и призывы оставаться в повиновении законным начальникам. Все же распоряжения по военным округам, не находящимся на театре военных действий, должны исходить от вас. 1953. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову 4 марта 1917 г. № 1954.

Передана 4. III. 12 ч. 30 м.

Мною получена следующая телеграмма от начальника штаба северного фронта: «Наштарм 5 телеграммой наштасеву донес: «Прибывшие сегодня днем из Петрограда в Режицу вооруженные делегаты рабочей партии освободили везде всех арестованных, обезоружив частью караул, обезоружили полицию, начали обезоруживать офицеров, угрожая всем наведенным огнестрельным оружием, ходили даже для этого по квартирам. Примкнули нижние чины гарнизона. Сожгли в управлениях начальника гарнизона, коменданта и в полицейских участках судные и арестантские дела. Кровопролития и особых беспорядков не было. Командарм ходатайствует срочно войти в сношение с представителями власти и немедленно прекратить обезоруживание офицеров, врачей, чиновников. 2078. В а х р у ш е в». Главкосев, находя указанные действия преступными, вносящими разлагающее влияние среди войск и населения ближайшего тыла армий, приказал просить ваше высокопревосходительство о срочном сношении с представителями власти по принятию самых решительных мер к прекращению таких явлений, могущих деморализовать всю армию. Псков. 4 марта. 1275/Б. Д а н и л о в». Прошу срочно принять все меры, чтобы не допускалось отправление на фронт каких-либо делегаций. Вместе с сим сообщаю главнокомандующим фронтами, чтобы, в случае появления таких шаек, они немедленно захватывались и предавались на месте же военно-полевому суду. 4 марта 1917 г. 1954. Генерал-адъютант *Алексеев*.

Телеграмма кн. Львова ген. Алексееву 4 марта 1917 г.

Послана 4. III. 3 ч. 50 м.
Принята 4. III. 5 ч. 35 м.

Второго сего марта последовало отречение от престола государя императора Николая II за себя и за своего сына в пользу великого князя Михаила Александровича. Третьего марта Михаил Александрович отказался восприять верховную власть впредь до определения Учредительным Собранием формы правления и призвал население подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной

Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до созыва Учредительного Собрания, которое своим решением об образе правления выразит волю народа. Председатель Совета Министров князь *Львов*.

Телеграмма ген. Корнилова Родзянко 4 марта 1917 г. № 51.

Послана 4. III. 12 ч. 5 м.

Телеграмму вашу № 159 получил сегодня в Могилеве. Назначение на должность главнокомандующего принял в твердом решении приложить все свои силы ко благу родины. 51. Ген.-л. *Корнилов*.

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 4 марта 1917 г. № 35149.

Послана 4. III. 20 ч. 55 м.

Принята 4. III. 21 ч. 05 м.

В телеграммах Петроградского телеграфного агентства и в сообщениях редакции «Военного Вестника» попадаются сведения, могущие поколебать некоторые неустойчивые умы и нанести существенный вред армии при ее стремлении достигнуть победы. Излишними, например, являются указания об убийстве адмирала Вирена солдатами, о неповиновении солдат офицерам, солдатских комитетах и вообще явном нарушении основ военной дисциплины и всего того, что подтачивает армию и лишает ее крепкой организации, при которой возможна только победа над внешним врагом. Не признаете ли возможным соответствующим сношением с правительством урегулировать этот вопрос? 35149. *Брусилов*.

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву 4 марта 1917 г. № 1278/Б [1]).

Петроградским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов издан приказ № 1 Петроградскому гарнизону, трактующий о выборе комитетов из представителей от нижних чинов, о главенствующем значении самого Совета и о взаимоотношениях между офицерами и нижними чинами. Приказ этот распространяется в воинских частях и вносит смущение в умы. Вместе с тем и пункт 7 программы нового кабинета, опубликованный в газетах, указывает на устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. Такое постановление, без соответствующей формулировки подробностей и при недостаточности сознания сущности новых взаимоотношений большинством нижних чинов, может породить и уже порождает в отдельных случаях внутреннюю рознь между офицерами и нижними чинами. В виду крайней важности обоих вопросов, в целях сохранения прочной, столь необходимой для победы дисциплины и общего успокоения, необходимы беззамедлитель-

[1]) Копия этой телеграммы была послана Рузским Гучкову.

ное разрешение и точное установление особым приказом взаимоотношений офицеров и нижних чинов. Быстрое и определенное разрешение этого вопроса особенно необходимо на фронте, где самые условия службы и жизни делают соприкосновение офицера и солдата почти непрерывным и где вопрос о прочной и здоровой дисциплине играет первенствующее значение. 4 марта. 16 ч. 1278/Б. *Рузский.*

Телеграмма ген. Алексеева Гучкову 5 марта 1917 г. № 1964.

Передана 5. III. 11 ч.

Заявления, помещенные в адресованных вам телеграммах генерал-адъютантов Эверта и Брусилова о производящихся арестах военных начальников лицами, именующими себя делегатами или уполномоченными городских комитетов, и об избрании солдатами новых начальников, требуют немедленных самых энергичных правительственных мер для своего искоренения, дабы зараза разложения, начавшаяся в тылу, не перекинулась в армию и не привела ее к полной небоеспособности. Всем воинским чинам в тылу, населению и гражданским властям должно быть определенно указано на преступность вышеупомянутых деяний и на строгую законную ответственность за совершение их. Равным образом, во избежание гибельных трений на почве предоставления солдатам общественных прав, безусловно необходимо если не полное уничтожение пункта седьмого программы, то совершенная переработка редакции его с точным разграничением прав и обязанностей солдат. Все вышеизложенное необходимо привести в исполнение в кратчайший срок, в чем прошу энергичного вашего содействия для спасения военной дисциплины, без которой немыслима победа. Всем таким коренным реформам нужно уделить время после войны, оставив пока привычный строй службы и отношений. 1964. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову, Родзянко и Гучкову 5 марта 1917 г. № 1973.

Передана 5. III. 17 ч. 22 м.

Главнокомандующий северного фронта сообщает[1]) на необходимость правительства обратить внимание на крайнюю опасность создавшегося положения, проистекающую из стремления каких-то неуловимых элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок на фронте. В Выборге власть над гарнизоном крепости в руках солдатских делегатов, и комендант крепости генерал Петров был арестован нижними чинами, теперь выпущен. Попытки стать хозяевами положения замечаются и в Пскове, причем при столкновении с толпой пал начальник распределительного пункта полковник Самсонов. Дабы иметь возможность продолжать войну и не допу-

[1]) Так в подлиннике.

стить позора России, необходимо новому правительству проявить свою власть и авторитет и устранить причины начинающейся разрухи. Правительству крайне необходимо срочно вполне определенно и твердо сказать, что армии никто не смеет касаться и что все распоряжения должны производиться через верховного главнокомандующего. Просим военного министра точно так же издать воззвание правительства к армии, что ее основной, как и прежде, долг — сражаться с врагом внешним, свято хранить лучшее достояние армии — ее прочную дисциплину, что все распоряжения будут исходить от правительства, высших начальствующих лиц, что никакие делегации, депутации не имеют права вводить какие-либо перемены в определенные законом нормы войсковой жизни до перемены закона. Убедительно прошу издать воззвание, ибо на него обопрется всякий начальник, всякому будет понятно, что прежде всего его обязанность честно исполнять свое прямое дело. Нужно спасти войска от развала всеми силами и способами, ибо начало развала будет знаменовать конец борьбы с неприятелем. 1973. Генерал *Алексеев*.

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с Гучковым 4 марта 1917 г. от 13 ч. 13 ч. 35 м.

— У аппарата Гучков.

— У аппарата генерал Алексеев.

— Только что получил вашу тревожную телеграмму о беспорядках в некоторых пунктах северного фронта. В Петрограде общее успокоение умов идет довольно быстро вперед. Очень рассчитываю, что это влияние через некоторое время скажется и у вас на фронте. *Гучков*.

— Думаю, что разбежавшиеся из войсковых частей Петроградского гарнизона нижние чины теперь появляются в ближайших гарнизонах тыла северного фронта и оказывают растлевающее влияние на такие же запасные полки, как и составлявшие гарнизон Петрограда. В Полоцке захвачено 17 человек, если не ошибаюсь в цифре, проехавших почти от самого Петрограда и обезоруживших жандармов. Сейчас в Могилеве на вокзале появилась такая же команда от Московского Исполнительного Комитета с такою же целью. Удалось арестовать трех, остальные скрылись, воспользовавшись проходившими двумя поездами. Приказал всех таких задержанных предавать военно-полевому суду по возможности на месте для быстрого приведения в исполнение приговоров. Вчера в Смоленске, не без влияния гастролеров из Петрограда или Москвы, арестованы командующий войсками генерал Рауш и начальник штаба генерал Мориц. Как видите, это — отголоски событий, отголоски — неминуемые — того, что у вас уже пережито. Главнокомандующие принимают все меры к тому, чтобы эти отголоски не распространились далеко к западу — фронтовой собственно территории, дабы сохранить от всякого влияния боевую силу. Генерал Корнилов проехал через Могилев и будет завтра в Петрограде. Желательно установить по водворении порядка в частях Петро-

градского гарнизона, сколько у них исчезло за этот период людей, не считая, конечно, убитых и раненых. Часть этих самовольно отлучившихся, кроме разошедшихся по деревням, представляет главную опасность для тылового пространства фронта, в котором войсковых строевых частей нет, а различные мелкие команды всегда склонны к нарушению порядка, а в данное время особенно. Все возможные меры безусловно принимаются в интересах правильной работы тыла. *Алексеев.*

— Убедительно прошу не принимать суровых мер против участников беспорядка: они только подольют масла в огонь и помешают тому успокоению в центре, которое теперь наступает. Без центра мы не успокоим и фронт. Должен сейчас кончить нашу беседу, ибо спешно вызван в Совет Министров, где доложу также вашу телеграмму. Имеете ли вы что-либо сказать еще? *Гучков.*

— Чтобы не задерживать вас, не возбуждаю других вопросов. *Алексеев.*

4 марта 1917 г. от 13 ч. до 13 ч. 35 м.

Копия телеграммы ген. Рузского члену Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих Депутатов Бонч-Бруевичу 5 марта 1917 г. № 1303/Б.

Принята 5. III. 20 ч. 35 м.

Петроград. Государственная Дума.

Уполномоченному Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов Бонч-Бруевичу.

В ответ на ваше письмо от 3 марта сообщаю, что я и подчиненные мне армии и воинские чины вполне приняли ныне новое существующее правительство впредь до решения Учредительного Собрания об образе правления. Прошу содействия, чтобы уполномоченные и другие лица Комитета, прибывающие в пределы северного фронта, предварительно обращений к рабочим и войскам обращались ко мне, дабы можно было установить полную связь между действиями центральной и местной власти. Псков — ближайший пункт к Петрограду, имеющий как главная квартира фронта огромное значение. Всякие волнения в нем недопустимы. Между тем приезжают делегаты, обращающиеся непосредственно к населению и войскам. Желателен ваш приезд сюда. 1303/Б. *Рузский.*

Записка Николая Романова [1]).

Потребовать от Временного Правительства след[ующие] гарантии:

1) О беспрепятственном проезде моем с лицами, меня сопровождающими, в Царское Село.

---

[1]) Записка б. царя написана карандашом на осьмушке писчей бумаги. Она вложена в пакет с надписью, сделанной, повидимому, Лукомским: «Подлинная записка отрекшегося от престола императора Николая II, посланная им ге-

2) О безопасном пребывании в Царском Селе до выздоровления детей с теми же лицами.

3) О беспрепятственном проезде до Романова на Мурмане с теми же лицами.

4) О приезде по окончании войны в Россию для постоянного жительства в Крыму — в Ливадии.

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову 4 марта 1917 г. № 54.

Отказавшийся от престола император просит моего [1]) сношения с вами по следующим вопросам. Первое. Разрешить беспрепятственный проезд его с сопровождающими лицами в Царское Село, где находится его больная семья. Второе. Обеспечить безопасное пребывание его и семьи с теми же лицами в Царском Селе до выздоровления детей. Третье. Предоставить и обеспечить беспрепятственный проезд ему и его семье до Романова на Мурмане с теми же лицами.

Доводя до сведения вашего сиятельства обращенную ко мне просьбу, настоятельно ходатайствую о скорейшем [2]) решении правительства [3]) указанных [4]) вопросов, что особенно важно для штаба верховного главнокомандующего, как и для самого отрекшегося императора. Генерал-адъютант *Алексеев*. № 54. 4 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову и Родзянко 5 марта 1917 г. № 55.

В дополнение моей телеграммы от 4 марта № 54 очень прошу ускорить разрешение поставленных вопросов и одновременно командировать представителей правительства для сопровождения поездов отрекшегося императора до места назначения. 5 марта. 55. *Алексеев*.

Телеграмма ген. Алексеева Гучкову 5 марта 1917 г. № 1990.

Передана 6. III. 3 ч.

Необходимость отъезда немедленного из Могилева графа Фредерикса и генерала Воейкова вытекала из недружелюбного к ним отношения значительного числа чинов гарнизона, состоящего, главным

нералу Алексееву, для сношения с Временным Правительством, от которого поручено ген. Алексееву потребовать гарантии: 1) О беспрепятственном проезде в Царское Село. 2) О безопасном пребывании в Ц. Селе до выздоровления детей. 3) О беспрепятственном проезде в Романов на Мурмане. 4) О приезде по окончании войны в Ливадию. Примечание. Записка без подписи, писана карандашом».

[1]) В черновике телеграммы далее зачеркнуто: «содействия».

[2]) Далее зачеркнуто: «сообщение мне».

[3]) Далее зачеркнуто: «по этому делу, так как продление пребывания здесь отрекшегося от престола императора нежелательно вследствие воспоследовавшего уже назначения нового верховного главнокомандующего. 4 марта 1917 г. № ».

[4]) Далее зачеркнуто: «этих».

образом, из частей, ранее подчиненных дворцовому коменданту. Опасаясь при настоящем повышенном общем настроении или ареста этих генералов или какого-либо резкого проявления неуважения, особенно в присутствии отрекшегося государя, предпочел дать совет обоим уехать из Могилева и из состава чинов свиты. Совет принят, и 5 марта они просили обеспечить им выезд из Могилева и следование к избранным местам временного пребывания. 1990. *Алексеев.* 5 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Алексеева вел. князю Николаю Николаевичу 5 марта 1917 г. № 1988.

Передана 6. III. 3 ч. 25 м.

Новый министр по делам Финляндии Родичев послал телеграмму Совету Министров такого содержания. «По совещании с комфлотом предлагаю восстановить финские войсковые части. Будут дисциплинированы, могут заменить и освободить расстроенные русские части. Предлагаемая мера высоко полезна для обороны, привяжет финнов к России. Адмирал Максимов берется оборудовать. Отвечайте в штаб флота». Этим оканчивается телеграмма, сообщенная адмиралом Максимовым. Предложение забывает горький опыт минувшего, поможет нашему противнику в том случае, если наш флот не возродит к весне своей боевой силы, а неприятель решит выполнить десантную операцию на Финском побережье. Пока от Совета Министров запроса об этой мере не было. 1988. Генерал-адъютант *Алексеев.* 5 марта 1917 г.

Телеграмма ген. Болховитинова ген. Алексееву 5 марта 1917 г. № 4237.

Подана 6. III. 12 ч. 22 м.
Принята 6. III. 15 ч. 9 м.

1988. Верховный главнокомандующий просит вас ответить, что этот вопрос будет лично обсужден великим князем с председателем Совета Министров, который, узнав о выезде верховного главнокомандующего с Кавказского фронта, телеграфировал, что прибудет в ставку для обсуждения важнейших вопросов. 4237. *Болховитинов.*

Телеграмма кн. Львова ген. Алексееву 6 марта 1917 г. № 938 [1].

Временное Правительство разрешает все три вопроса утвердительно; примет все меры, имеющиеся в его распоряжении: обеспечить беспрепятственный проезд в Царское Село, пребывание в Царском Селе и проезд до Романова на Мурмане. 938. Министр-председатель князь *Львов.*

[1]) На телеграмме пометы: «Перевод сообщен ген. Вильямсу 7. III. 1917 г. Послано 6. III. 1917 г. 12 ч. дня 1) его величеству, 2) адмиралу Нилову, и о том же сообщено на Кавказ».

Телеграмма ген. Лукомского ген. Янушкевичу 6 марта 1917 г. № 2002.

Передана 6. III. 17 ч. 3 м.

Сообщаю для доклада его высочеству, что от министра-председателя князя Львова получена телеграмма относительно того, что будет обеспечен проезд его величества в Царское Село и пребывание там до дальнейшего отъезда. Отъезд из ставки еще не определен, но не задержится. 6 марта. 2002. *Лукомский.*

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову 6 марта 1917 г. № 2013.

Передана 6. III. 23 ч. 28 м.

Генерал граф Фредерикс задержан в Гомеле. Прошу экстренного распоряжения о том, чтобы ему был предоставлен беспрепятственный проезд туда, куда он пожелает, так как никакой задержки его без распоряжения правительства не может быть. 6 марта 1917 г. 2013. *Алексеев.*

Разговор по прямому проводу флаг-капитана морского штаба верховн. главнокоманд. Альтфатера с ст. лейт. Смирновым (морской ген. штаб). 6 марта 1917 г. в 20 ч. 30 м. [1]).

— В Петрограде почти полный порядок. Завтра большинство заводов начинает работу. В Ревеле совершенно все спокойно. От флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом Балтийского моря капитана 1 ранга князя Черкасского следующие сведения: настроение улучшается, но по теории колебательного движения, строго научной, всегда возможны повторения затухающих колебаний, а посему не надо удивляться, если еще будут эксцессы, но, конечно, несравненно более слабые. Действие представителей Думы, безусловно, громадное. Надеюсь, что в ближайшие дни явится возможность вернуться мне к исполнению прямых своих обязанностей, т.-е. подготовки флота к бою, так как за эти дни я был весь поглощен заботами и стремлениями спасти флот от полной разрухи, и все операции были пущены мной по-боку. Не причисляя себя к оптимистам, думаю, что все изложенное довольно близко к истине. Под влиянием Петроградских депутатов Думы и работающего здесь местного Комитета Матросских и Солдатских Депутатов случаи арестования офицеров матросами и солдатами не только прекратились, но офицеры возвращены в свои части с принесением им извинения и сожаления о случившемся.

Адмирал Григоров (начальник штаба командующего флотом Балтийского моря) сообщил следующее: спокойствие восстанавливается все больше и больше. Исполнительный Комитет Совета Депутатов принимает все меры к восстановлению полного порядка, помогает все

[1]) На подлиннике помета ген. Алексеева: «6. III. 917. Оптимистично. Розовые очки. В доклад в[ерх.] гл[авнокомандующему]».

время командующему. В посещенных командующим частях и кораблях команды поклялись сохранять порядок и восстановить дисциплину. Больше сведений пока не имею». Верно: флаг-капитан, капитан 1 ранга *Альтфатер*.

Телеграмма адм. Кочака ген. Алексееву 6 марта 1917 г. № 511/оп.

На кораблях и в сухопутных войсках, находящихся в Севастополе, при известиях о назначении великого князя верховным главнокомандующим и обнародовании манифестов пока не было никаких внешних проявлений, только на некоторых кораблях существует движение против офицеров, носящих немецкую фамилию. Команда и население просили меня послать от лица Черноморского флота приветствие новому правительству, что мною и исполнено. Представители нижних чинов, собравшиеся в Черноморском экипаже, обратились ко мне с просьбой иметь постоянное собрание из выборных для обсуждения их нужд. Я объяснил им несовместимость этого с понятием о воинской части и отказал. В населении Севастополя настроение возбужденно-мирное; было несколько просьб, обращенных толпой к коменданту, кончившихся мирно. Из других районов покуда имеются сведения только из Керчи и с Дуная, где все спокойно. Большое смущение в войсках вызвала внезапность воззвания рабочих и солдатских депутатов об общих гражданских правах вне службы. В интересах спокойствия, дабы дать возможность занять войска невнутренними делами, необходимо, чтобы Временное Правительство объявило всем военнослужащим обязательно исполнять все до сих пор существующие законы, покуда не будут разработаны и утверждены правительством новые законы о быте воинских чинов. 3 ч. 00 м. 6 марта 1917 г. 511/оп. *Колчак*.

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву, Гучкову, кн. Львову и Керенскому 6 марта 1917 г. № 1318/Б.

К № 1282/Б. Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов, несмотря на признание всеми нового государственного строя, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии, нередко георгиевских кавалеров, в безвыходное положение. Аресты эти произведены в Пскове, Двинске и других городах. Вместе с арестами продолжается, особенно на железнодорожных станциях, обезоружение офицеров, в том числе едущих на фронт, где эти же офицеры должны будут вести в бой нижних чинов, товарищами которых им было нанесено столь тяжкое и острое оскорбление, и притом вполне незаслуженно. Указанные явления крайне тяжко отзываются на моральном состоянии офицерского состава и делают совершенно невозможной спокойную энергичную и плодотворную работу, столь необходимую в виду приближения весеннего времени,

связанного с оживлением боевой деятельности. При таких условиях представляется серьезная опасность разложения армии, при котором предстанет грозный вопрос о возможности успешной борьбы с нашим противником. Несмотря на полную осведомленность населения и нижних чинов в признании решительно всеми совершившихся событий и единодушном переходе всех армий со всеми их начальниками без исключения на сторону нового порядка, указанные события не только продолжают существовать, но даже разрастаются, захватывая районы, вплотную подходящие к позициям. В виду грозности этого явления, убедительно и настоятельно прошу о немедленном и авторитетном разъяснении центральной власти о недопустимости его, без чего внутренний развал армии неизбежен. Кроме того, крайне необходим экстренный приезд в район фронта доверенных правительством комиссаров с целью успокоить население и нижних чинов в том, что всеми признанному новому строю никакой опасности не угрожает и что каждому необходимо вернуться к своей работе для организации совместной с нашими союзниками победы над неприятелем. Только эти меры нравственного влияния я признаю единственно верными и соответственными для внесения столь необходимого успокоения, почему о скорейшем осуществлении их горячо настаиваю. 6 марта. 1 ч. 1318/Б. *Рузский.*

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву 6 марта 1917 г. № 1321/Б [1]).

Подана 6. III. 13 ч. 5 м.

Приказал вам передать копию телеграммы, полученной мною от Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Никаких распоряжений по ней делать не предполагаю и настоятельно прошу о сношении с центральным правительством, дабы все распоряжения, имеющие обязательный характер для армий фронта, направлялись через ставку. Приказ, изложенный в в названной телеграмме, № 2 засвидетельствован неизвестным мне генералом Потаповым и носит по заголовку характер, обязательный лишь для войск Петроградского округа. Тем не менее, распространенный всякими способами среди войск армии, он, несомненно, как и приказ № 1, внесет смущение, а самый порядок его передачи, минуя центральный орган полевого управления, колеблет установившийся порядок, вытекающий из существа дела. Благоволите меня уведомить, будет ли по данной телеграмме возбуждено соответственное ходатайство, так как ряд моих телеграмм по аналогичным вопросам остался без ответа. Псков. 6 марта. 1321/Б. 12 ч. 30 м. *Рузский.*

---

[1]) На подлиннике помета ген. Лукомского: «Срочно. 1-е дел[опроизводство]. Сост[авить] телегр[амму] ген. Рузскому, что по всем его пред[ложениям] тел[еграммы] были посл[аны]... и по этой будет посл[ана], но от прав[ительства] ответа нет. *Л.*».

Телеграмма ген. Квецинского ген. Лукомскому 7 марта 1917 г. № 6345 [1]).

Принята 7. III. 3 ч. 32 м.

Минск. 7 марта. 2 ч. 50 м. Главкозапом получена следующая телеграмма члена Госуд. Думы В. М. Пуришкевича: «Считаю долгом уведомить ваше высокопревосходительство, что распространяемый агитаторами по фронту приказ № 1 Совета Рабочих и Солдатских Депутатов о неповиновении солдат офицерам и о неисполнении распоряжений нового Временного Правительства является злостной провокацией, что удостоверено особым объявлением министра юстиции Керенского и председателя Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Чхеидзе, напечатанным в номере седьмом «Известий» комитета петроградских журналистов от третьего сего марта, а также в «Известиях Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». Настоящее сообщаю вашему высокопревосходительству, буде признаете необходимым оповестить о сем в приказах по армиям вверенного вам фронта. Член Государственной Думы Владимир Пуришкевич». Главкозап приказал испросить указаний, следует ли объявить эту телеграмму в приказах армиям. 6345. *Квецинский.*

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с кн. Львовым и Гучковым 6 марта вечером.

— Позвольте сообщить вам общее положение вещей внутри империи. В столицах стало спокойно, порядок среди населения и в войсках водворился. Из других городов империи поступают утешительные вести. Совершившиеся факты в столицах избавили от бурных переживаний в прочих городах. Все ваши телеграммы, сообщающие о грозном проникновении в армию революционного течения, вызвали следующие решения Временного Правительства. Сегодня ночью выезжают на все фронты официальные депутаты Думы, вчера были напечатаны объявления от Временного Правительства гражданскому населению, сегодня печатается такое же обращение к войскам. Прошу принять во внимание, что догнать бурное развитие невозможно, события несут нас, а не мы ими управляем. Я вам ответил о решении правительства на три пункта вашей телеграммы о государе. Сегодня будут командированы представители для сопровождения поезда. Совершенно убежден в полной безопасности проезда: желательно знать, для еще большей уверенности в этом, путь дальнейшего следования из Романова. Сегодня получил телеграмму от верховного главнокомандующего, что он выезжает из Тифлиса и предполагает прибыть в ставку 10-го. Я телеграфировал ему об общем положении вещей, а на все конкретные вопросы его, требующие указаний, чем руководствоваться в дальнейших действиях, обещал переговорить лично в ставке.

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «7. III. 917. Всем армиям сообщить».

Однако здесь заключается самый сложный вопрос — великий князь желает, сохраняя наместничество на Кавказе, быть одновременно главнокомандующим. Больше недели употребляю все усилия, чтобы склонить течение в его пользу; состав Временного Правительства в большинстве считает крайне важным признание его главнокомандующим. Вопрос наместничества совершенно отпадает, вопрос главнокомандования становится столь же рискованным, как и бывшее положение Михаила Александровича. Остановились на общем желании, чтобы великий князь Николай Николаевич, в виду грозного положения, учел создавшееся отношение к дому Романовых и сам отказался от верховного главнокомандования. Общее желание, чтобы верховное главнокомандование приняли на себя вы и тем отрезали возможность новых волнений. Подозрительность по этому вопросу к новому правительству столь велика, что никакие заверения не приемлются. Во имя общего положения страны считаю такой исход неизбежным, но великому князю я об этом еще не сообщал, не переговоривши с вами. До сего дня вел с ним сношения как с верховным главнокомандующим.

— Очень благодарен за скорое решение вопроса. О путешествии государя сейчас сказать вам дальнейший путь от Романова не могу. Повидимому, сейчас этот вопрос решается на семейном совете; постараюсь выяснить и дополнительно поставлю вас об этом в известность.

Для водворения порядка в армии нам нужна нравственная поддержка правительства в виде его воззвания, что для России, для ее блага и для одержания победы нужна армия дисциплинированная, сохраняющая строгий порядок во всех без исключения воинских частях и повинующаяся своим начальникам, поставленным Временным Правительством. Для нас это будет то нравственное средство, при помощи которого начальствующие лица будут иметь возможность растолковать людям, чего ждут от армии родина и ее новое правительство.

Сейчас получил просьбу генерала Брусилова о том, чтобы было отдано распоряжение о признании правительством военных властей Киевского военного округа с начальником во главе и что все должны исполнять их требования в районе Киевского военного округа, так как округ этот составляет тыл юго-западного фронта и находится на театре войны.

Такое распоряжение сразу облегчит работу в округе, установит правильные отношения между всеми властями и будет способствовать водворению и поддержанию порядка.

Перехожу к самому деликатному вопросу. Характер великого князя таков, что если он раз сказал: признаю, становлюсь на сторону нового порядка, то в этом отношении он ни на шаг не отступит в сторону и исполнит принятое на себя. Безусловно думаю, что для Временного Правительства он явится желанным начальником и авторитетным в армии, которая уже знает о его назначении, получает приказы и обращения.

В общем, он пользовался большим расположением и доверием в средних и низших слоях армии, в него верили. Я могу еще раз только повторить, что для нового правительства он будет помощником, но не помехою. Относительно Кавказа, думаю, можно прийти к соглашению путем словесных переговоров. Если настроение среди членов правительства таково, что перемена почему-либо признается необходимою, то в этом случае лучше выждать приезда великого князя сюда и здесь переговорить вам лично с ним. Из разговора, мне кажется, убедитесь, какого надежного в его лице будете иметь исполнителя и сторонника. Отстранение вызовет с его стороны, конечно, нежелательную обиду. Только после личных переговоров с великим князем, когда так или иначе установится решение, можно будет обсудить вопрос о заместителе. Вопрос также деликатный, так как необходимо обеспечить от трений между верховным главнокомандующим и главнокомандующими фронтами.

Если полного единодушия, согласия и искреннего подчинения не будет, то мы получим комбинацию, при которой трудно будет рассчитывать на здоровую работу нашего крупного войскового организма, растянувшегося на 1.600 верст в Европейской России и свыше 1.000 верст на Кавказе. Особенно тягостно тогда будет служебное положение того же великого князя. Это общие мысли, которые я разовью вам при личном свидании, но убежденно говорю вам, что члены правительства могут с полным доверием отнестись к совершившемуся уже назначению.

Бог приведет, с каждым днем положение правительства будет становиться более прочным, твердым, авторитетным. При таких условиях, если явится в том надобность, замена в будущем будет более безболезненна, чем теперь; в данную минуту для армии нужно спокойное течение жизни и в смысле назначения высших начальников. К этому назначению она уже привыкла за несколько дней, знает человека и встретит его с доверием. Мы все с полной готовностью сделаем все, чтобы помочь правительству стать прочно в сознании армии; в этом направлении ведутся беседы, разъяснения, и думаю, что ваши делегаты привезут вам отчеты весьма благоприятные. Помогите, чем можете, и вы нам, поддержите нравственно и своим словом авторитет начальников. Нам нужно пережить благополучно совершающийся ныне некоторый болезненный процесс в организме армии, и, с этой точки зрения, сохранение за великим князем главнокомандования имеет большое значение. Вот мое искреннее убеждение, у вас сохранится в руках для будущего возможность всяких перемен, благовидные предлоги всегда найдутся, но пока не вносите коренной ломки в вопросе высшего управления армии. Я кончил: быть может, вам угодно сказать мне что-либо теперь же или же командировать к вам моего генерала или же будет можно развить весь наш разговор при личном свидании? *Алексеев.*

— Дорогой Михаил Васильевич, необходимо ответить вам по существу сейчас. Все ваши соображения разделяются здесь вполне всеми

членами правительства, все понимают, насколько важно для армии иметь вождя, которому верят. Прошу вас верить, что дело здесь не в личном доверии или недоверии нашем к Николаю Николаевичу, а совсем в другом. Все ваши соображения были бы решающими в этом вопросе месяц тому назад, но теперь дело другое. Уже год, как соотношение тыла и армии изменилось, и участь нашей великой задачи стала зависеть и решаться больше тылом, чем армией; теперь же, когда совершился величайший переворот, размеров которого никто не ожидал, тыл решает все: события рождаются психологией масс, а не желанием правительства. Мы считаем, что устранение в той или другой форме великого князя еще не даст крушения всего дела, а назначение его может дать такие явления в тылу, которые решат участь всей армии и всего нашего дела. Примите во внимание, что благородное решение великого князя Михаила Александровича привлекло к нему симпатию громадных масс и открывает в будущем возможность новых горизонтов и спасло его и нас от новой бури. Учитывая все это, не смеем рисковать и думаем, что лучшим исходом был бы такой же великодушный акт со стороны великого князя Николая Николаевича. Если б он своим высокоавторитетным голосом в армии призвал ее подчиниться лицу, на которого согласились бы [?] передать главнокомандование, это бы не означало отказ с его стороны от принятого им решения, напротив, это был бы первый шаг в его помощи к укреплению нового строя и еще больше подняло бы его популярность. Выезд государя желателен раньше приезда верховного главнокомандующего. Ваше предложение прислать сюда генерала для переговоров очень приветствую. С вами будет говорить Александр Иванович. Одну минуточку. Еще соображение о личной обиде, которая может быть вызвана в сердце великого князя Николая Николаевича. Я уверен, что при предложенном мною пути [?] не могут возникнуть в благородном сердце Николая Николаевича. Сейчас будет говорить Александр Иванович Гучков.

— Сейчас прочел ваш разговор с князем Львовым. Раньше находил возможным комбинацию с главнокомандованием великого князя Николая Николаевича, находил ее желательным со всех стратегических и деловых точек зрения, а с политической точки зрения находил ее возможным. Но события идут с такой быстротой, что теперь это назначение укрепило бы опасное подозрение в контр-революционных попытках, а это подозрение является ныне самым опасным элементом, заставляющим народные массы сохранять боевую позицию. Лично я убежден в безусловной лойяльности великого князя в отношении нового порядка, но совершенно невозможно это убеждение внушить народным массам. Поэтому высказываю свое твердое убеждение в совершенной необходимости отказа великого князя от главнокомандования в пользу вашу. Благородный патриотизм великого князя пусть продиктует ему это решение, которое очень поможет нам водворить успокоение в умах здесь в центре, без чего не успокоится и ваш центр. Кончаю, жду вашего мнения.

— Если вопрос стоит так, то к 10 или 11 марта приезжайте сами в Могилев, чтобы в словесной беседе выяснить деликатную сторону вопроса самому великому князю. Кстати, нужно будет обсудить вопрос, не следует ли остановиться при выборе заместителя на лице, занимающем место одного из главнокомандующих, к которому народные массы могут отнестись с бо́льшим доверием, чем к человеку, работавшему в должности начальника штаба. Необходимо считаться, как я высказал князю Львову, с тем, чтобы новое назначение было принято и всеми главнокомандующими без неудовольствия. Осложняется несколько вопрос с подчинением румынского короля, который считается главнокомандующим соответствующим фронтом. Подчинение его очередному генералу явится, конечно, для него тяжелым, а давать ему самостоятельность вместе с тремя русскими армиями недопустимо. Итак, лучше всего решить вопрос личными переговорами с великим князем, ибо в письме и на бумаге трудно выяснить условия современной обстановки, резко меняющей его положение. Я кончил.

— Положение столь серьезно, что все вопросы о деликатности должны быть навсегда устранены. Великий князь поймет всю необходимость того шага, который мы рекомендуем. Несомненно, что румынский король должен быть всецело подчинен верховному главнокомандованию русской армии. Никого другого, кроме вас, мы не видим. Если мы теперь упустим время, то через несколько дней обстановка может еще измениться. Вы пользуетесь доверием правительства и популярностью в армии и народе. И то и другое вы можете в один миг удесятерить, приняв ряд решений, которые будут встречены с полным одобрением и горячим сочувствием страны и армии. Так, например, если бы вам удалось немедленно отстранить от командования западным фронтом генерала Эверта, полная неспособность которого известна всем, начиная от вас и кончая последним солдатом. Если в дальнейшем примете подобные меры устранения заведомо неспособных генералов, то ваше положение упрочится быстро и твердо. Но эти решения должны быть приняты безотлагательно. Лучше сделать эти шаги добровольно, чем под принуждением. Никогда не был я так уверен в своей правоте, как давая вам эти советы. Ждем вашего решения.

— Все такие меры я в данную минуту как начальник штаба принять не имею права, ибо мне это не предоставлено законом. Уже объявлено великим князем, что 4 марта он вступил в должность, нужно изменить первоначально положение служебное, а засим только можно выполнять те или другие решения. Примите во внимание нашу бедность выдающимися силами генералов, широкие же меры встретятся с недостатком подходящих людей; заменять одного слабого таким же слабым — пользы мало. Вот, что я могу сказать в ответ на поставленные мне вопросы. *Алексеев.*

— Вполне понимаю, что вы не можете привести такие меры теперь в исполнение, нам нужно ваше внутреннее решение. Можем ли мы рассчитывать, что вы поддержите тот совет, с которым мы обратимся

к великому князю, об отказе от главнокомандования? Совершенно не могу согласиться относительно затруднительности найти даровитых генералов для замены ряда бездарностей. Такие новые назначения, произведенные с одного маха, вызовут величайший энтузиазм как в армии, так и в стране, и завоюют вам и новому правительству громадное доверие. Приезд князя Львова и мой в ближайшие дни в ставку совершенно исключен. Мы будем в состоянии переговорить с великим князем только по телеграфу. Понимаю всю затруднительность вашего личного положения, но умоляю вас дать ваше согласие на те решения, которые мы вам рекомендуем. Если мы с вами не примем их свободно и добровольно, то они нам будут навязаны со стороны, что, действительно, способно расшатать армию. Ждем вашего решения. *Гучков.*

— С глубоким огорчением я должен буду говорить с великим князем, которому, я полагаю, вы пришлете письмо, а затем уже дополните его разговором по аппарату. Лично я очень хотел бы остаться в моем настоящем положении, готовый честно сотрудничать с каждым, кого избрало бы правительство на должность верховного. Некоторые причины заставляют меня желать этого решения, если иного выхода нет, — конечно, долг прежде всего, и придется принять неминуемое, хотя в моем здоровьи остались после болезни некоторые следы, о чем я должен откровенно сказать. Потревожу вас совершенно неподходящим посторонним вопросом. Граф Фредерикс приказал отцепить свой вагон в Гомеле и просит разрешения ехать в Петроград. Если такое разрешение возможно, дайте его старику, совершенно уже утратившему память и способность распоряжаться даже собою. *Алексеев.*

— От имени князя Львова и своего повторяю, что кроме вас никого у нас не имеется в виду. Письмо великому князю, о котором вы пишете, будет послано. Покажите ему также настоящую ленту. Можно также поговорить по аппарату. Советуем графу Фредериксу пока не возвращаться в Петроград. Разрешение может быть ему дано, но нет никаких гарантий полной его безопасности. Очень мне не хотелось бы подвергать его, человека совершенно незапятнанного, какому-либо риску. Передайте графу, что с его семьей все благополучно; подробности о ней сообщу позднее. Кончаю. *Гучков.*

— До свидания. *Алексеев.*

Телеграмма ген. Рузского ген. Алексееву 7 марта 1917 г. № 1345/Б [1].

Копия кн. Львову, Гучкову, Керенскому и Гулевичу.

Подана 7. III. 15 ч. 50 м.
Принята 7. III. 16 ч. 5 м.

Генерал Гулевич доносит, что в некоторых частях начальники и часть офицеров солдатами отстранены от должностей и даже арестованы. Прошу о приезде в Выборг и другие пункты Финлян-

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «7. III. 917. Ничего не могу сделать, кроме уже сделанного».

дии депутатов Государственной Думы для разъяснения неправильности таких действий и освобождения арестованных. Ответ благоволите телегр рировать. 7 марта 15 ч. 30 м. 1345/Б. *Рузский.*

Телеграмма ген. Алексеева кн. Львову и Гучкову 7 марта 1917 г. № 2044.

Передана 7. III. 11 ч. 3 м.

В дополнение высказанного мною по аппарату вечером 6 марта сообщаю, что постепенно получаемые от войск донесения указывают на принятие войсками вести о назначении верховным главнокомандующим вел. кн. Николая Николаевича с большим удовольствием, радостью, верою в успех, во многих частях восторженно. Проникает сознание, что вел. князь даст сильную твердую власть — залог восстановления порядка. Благоприятное впечатление произвело назначение даже в Балтийском флоте, в Черноморском же приветствуют эту перемену. До настоящей минуты получил на имя верховного главнокомандующего приветственные телеграммы от 14 городов, в том числе Одессы, Киева, Минска, с общим выражением удовольствия, что верховный главнокомандующий возвращается на свой прежний пост, и уверенности в победе. Отмечая все это для подтверждения высказанных вчера мною соображений, убедительно прошу сохранить назначение в силе. Авторитет имени поможет, вероятно, сохранить порядок в армии, на которую ведется сильный натиск с тыла, о чем я ежедневно телеграфирую вам — вопль наболевшей души начальников, любящих родину и армию. В такие минуты подвергать хрупкий организм армии новому испытанию, в случае мало понятной для простой массы солдат перемены, не следует. Высшие интересы армии требуют поберечь ее от излишних потрясений, имея в виду, что мы накануне начала операций, при сильно расстроенном материальном тыле, при неулегшемся еще повышенном настроении и тыловых частей и ближнего войскам населения, которое получает толчки со стороны Петрограда и Москвы. Обеспечьте хотя бы установившееся верховное командование, которое произведет, конечно, замены сотрудников сообразно общим потребностям и интересам минуты. Верую в то, что вы примете в соображение все высказанное. Чем-то жертвовать приходится, но думаю, что именно теперь нельзя жертвовать порядком, сплоченностью и сохранением боевой пригодности армии. 2044. *Алексеев.* 7 марта 1917 г.

Телеграмма Гучкова ген. Алексееву 7 марта 1917 г. № 269 [1]).

Подана 7. III. 14 ч. 15 м.
Принята 7. III. 14 ч. 23 м.

В сознании лежащей на мне великой ответственности перед страной приложу все мои силы к обеспечению армии всем необходимым для доведения войны до победоносного конца. 269. Военный министр *Гучков.*

[1]) На подлиннике помета рукой ген. Алексеева: «7. III. 917. Сообщить главноком. фронтами».

Копия телеграммы ген. Данилова начальникам штабов I, V и XII армий 7 марта 1917 г. № 1356/Б.

Необходимо, чтобы членам Государственной Думы была предоставлена широкая возможность видеть и говорить с возможно большим числом солдат и офицеров, которые являлись бы избранными в своих частях и доверенными, и все слышанное передать затем своим боевым товарищам. Прошу о времени приезда депутатов, о порядке объезда ими войск и впечатлении, которое они произведут в войсках, ставить меня в известность. Псков. 1356/Б. *Данилов.*

Телеграмма великобританского посла Бьюкенен ген. Виллиамс [1]).

Петроград. 8/21 марта 1917 г.
Получена 10/23 марта 1917 г.

Министр иностранных дел заявил мне сегодня, что для великого князя Николая Николаевича представляется невозможным сохранить верховное командование, ввиду весьма сильной и обширной оппозиции в стране.

Правительство дало телеграфное распоряжение в Ростов остановить его поездку в ставку, причем надеются склонить его к добровольному отказу. Если он этого не сделает, правительство будет поставлено в затруднительное положение. Я официально запрашивал сегодня новое правительство и признаю чрезвычайно важным оказать ему возможно полную моральную поддержку.

Знаю, что назначение великого князя было бы желательно во многих отношениях, но отказ с его стороны принять решение правительства явился бы сильным ударом престижу последнего и мог бы иметь гибельные последствия. Я счел соответственным сообщить вам их соображения.

Телеграмма ген. Брусилова ген. Алексееву 8 марта 1917 г. № 881.

Подана 8. III. 14 ч. 00 м.
Получена 8. III. 14 ч. 31 м.

Политическая обстановка чрезвычайно усложнилась в тылу и перенесена в войска. Необходимо лично воздействовать во все стороны, поэтому приходится снять вензеля, которые очень затрудняли бы мое положение. 881. *Брусилов.*

Телеграмма ген. Алексеева ген. Брусилову 8 марта 1917 г. № 2069.

Передана 8. III. 20 ч. 25 м.

881. Сам отрекшийся от престола император, понимая положение, дал разрешение снять вензеля, аксельбанты теперь же. Отмена званий пройдет установленным порядком, вопрос направлю только по приезде верховного главнокомандующего. 2069. *Алексеев.*

[1]) На подлиннике помета: «Перевел генерального штаба полковник Назаров. 10 марта 1917 г.».

Радиотелеграмма, принятая радиостанцией морского штаба верховного главнокомандующего от неизвестной станции [1]).

9 марта 1917 г. 18 ч.

Срочное сообщение всем.

От Исполнительного Комитета Рабочих и Солдатских Депутатов. По всем железным дорогам и другим путям сообщения, комиссарам, местным комитетам, воинским частям.

Всем сообщается вам, что предполагается побег Николая второго за границу. Дайте знать по всей дороге вашим агентам и комитетам, что Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов приказывает задержать бывшего царя и немедленно сообщить Исполнительному Комитету — Петроград, Таврический дворец — для дальнейшего распоряжения.

Председатель Исполнительного Комитета Чхеидзе.

Товарищ председателя Скобелев.

Верно: флаг-капитан морского штаба капитан 1 ранга *Альтфатер*.

Письмо ген. Алексеева кн. Г. Е. Львову 7 марта 1917 г. [2]).

Милостивый государь, князь Георгий Евгениевич.

Начальник французской военной миссии в России генерал Жанен обратился к министру военных дел Франции с предложением, чтобы последний вошел в сношение с французскими социалистическими организациями по вопросу об обращении последних к соответствующим русским организациям с призывом продолжать войну до победного конца.

Ныне генералом Жанен получен от французского военного министра ответ, что французские социалистические организации обратились к соответствующим русским организациям с призывом продолжать войну до крайности.

Об изложенном довожу до вашего сведения и, пользуясь случаем, прошу принять уверение в совершенном уважении и полной преданности.

7 марта 1917 г. № 22141/773. Ставка.

Телеграмма франц. военного министра ген. Жанен 9 марта 1917 г.

Télégramme reçu par le Général Janin, le 9/22 Mars 1917 de Paris.

Conformément aux suggestions que vous avez faites, nos organisations socialistes interviennent auprès des organisations similaires russes dans le sens de la continuation de la guerre à outrance.

Ministre de la Guerre.

[1]) Заголовок подлинника.

[2]) Воспроизводится с отпуска.

Перевод [1]).

Телеграмма, полученная 9/22 марта 1917 г. из Парижа.

Согласно поданной вами мысли, наши социалистические организации обратились к соответствующим русским организациям в смысле продолжения войны до крайности.

Разговор по прямому проводу ген. Алексеева с кн. Львовым 11 марта 1917 г. от 14 ч. 40 м. до 15 ч. 30 м.

— Имею честь кланяться, Георгий Евгеньевич. У аппарата генерал Алексеев.

— Князь Львов, министр-председатель. Здравствуйте, Михаил Васильевич. Я только что получил телеграмму от великого князя Николая Николаевича, что он прибыл в ставку и вступил в отправление должности верховного главнокомандующего. Между тем, после переговоров с вами по этому вопросу, Временное Правительство имело возможность неоднократно обсуждать этот вопрос перед лицом быстро идущих событий и пришло к окончательному выводу о невозможности великому князю Николаю Николаевичу быть верховным главнокомандующим. Получив от него из Ростова телеграмму, что он будет в ставке одиннадцатого числа, я послал навстречу офицера с письмом, с указанием на невозможность его верховного главнокомандования и с выражением надежды, что он во имя любви к родине сам сложит с себя это высокое звание. Очевидно, посланный не успел встретить великого князя на пути, и полученная, благодаря этому, телеграмма великого князя о его вступлении в должность стала известна Петрограду и вызвала большое смущение. Достигнутое великими трудами успокоение умов грозит быть нарушенным. Временное Правительство обязано немедленно объявить населению, что великий князь не состоит верховным главнокомандующим. Прошу помочь нашему общему делу и вас и великого князя. Решение Временного Правительства не может быть отменено по существу, весь вопрос в форме его осуществления: мы хотели бы, чтобы он сам сложил с себя звание верховного главнокомандующего, но, к сожалению, по случайному разъезду нашего посланного с великим князем, это не удалось. Прошу срочный ответ.

— Вопрос можно считать благополучно исчерпанным. Ваше письмо получено великим князем сегодня утром. Сегодня же посланы две телеграммы: одна вам, что великий князь, подчиняясь выраженному пожеланию Временного Правительства, слагает с себя звание и передает временное исполнение своей должности, применительно статьи 47 полевого положения, начальнику штаба, впредь до назначе-

[1]) На подлиннике пометы: «9. III. 917. Письмом ознакомить с этим министра председателя. Ген. Алексеев». Перевод телеграммы сделан в ставке; в нем отсутствует подпись отправителя телеграммы.

ния Временным Правительством ему преемника. Вторая телеграмма — военному министру с просьбою уволить великого князя в отставку. Полагаю, нет препятствий немедленно объявить это во всеобщее сведение и положить предел смущению умов. Независимо от этого великий князь поручил мне просить вас гарантировать ему и семейству беспрепятственный проезд в Крым и свободное там проживание. На время проезда он просит командировать вашего комиссара или члена Государственной Думы. Чем скорее будет решен этот вопрос, чем скорее состоится отъезд великого князя из Могилева, тем, конечно, будет лучше во всех отношениях. Об этом я убедительно прошу вас, прибавляя, что семья великого князя находится в Киеве. *Алексеев.*

— Слава богу. Вопрос относительно дальнейшего следования великого князя будет решен к шести часам, и немедленно решение будет сообщено вам. Военный министр выехал на северный фронт. Сообщите, пожалуйста, общее положение, настроение войск в данную минуту.

— В боевых линиях в громадном большинстве частей совершенно спокойно, настроение хорошее, исключение составляет гренадерский корпус, где все события нарушили равновесие и замечается некоторое брожение и недоверие к офицерскому составу. Меры к разъяснению событий, к устранению брожения приняты. Надеюсь на благополучный исход, которому поможет и близость противника. Далеко не в таком положении находятся войсковые части и запасные полки войскового тыла; бедность в офицерском составе, энергичная агитация делают свое дело, и то тут, то там вспыхивают местные беспорядки, выражающиеся в аресте офицеров и в попытках местами перейти к выборному началу. Веду переговоры с главнокомандующими об организации особых комитетов с участием в их составе наиболее надежных и умеренных представителей Совета Рабочих Депутатов, работников Земгора и офицеров. Желательно, чтобы эти комитеты объехали войсковые части, установили связь между войсками и Советом Депутатов и были готовы, при возникновении где-либо брожения, командировать своих членов для разъяснений и бесед с солдатами. Лично у меня такая организация сложилась. Ожидаю, однако, согласия или возражений главнокомандующих как на это предложение, так и еще на два, направленных к тому, чтобы установить больше взаимного понимания между офицерами и солдатами и устранить поводы к тем явлениям, с которыми приходится иметь дело теперь. Как только получу все ответы, войду к вам с представлением, в надежде, что вы поддержите эту мысль. Равным образом, я просил бы назначить комиссара Временного Правительства для пребывания в ставке и для установления и нравственной и деловой связи между штабом и правительством. Я закончу просьбою скорее закончить переходное время в смысле верховного командования, назначив определенное лицо, которое полновластно вступит в трудную должность управления войсками. Так как ныне главкосев, повидимому, пользуется наибольшими симпатиями известных кругов Петрограда, то, быть может, вы сочтете соответственным

ему вручить эти обязанности. Позвольте задать один вопрос. Великий князь вчера назначил генерала Гурко на место ушедшего генерала Эверта, но сегодня появились агентские телеграммы, из которых видно, что на эту должность будто бы назначен генерал Лечицкий. Если вам известно что-либо по этому вопросу, не откажите ответить, так как нужно положить конец недоразумениям сразу на трех фронтах — западном, южном и румынском. *Алексеев.*

— По поводу Гурко ничего не знаю. Ждем Гучкова, тогда скажу, чтобы он тотчас вам сообщил. Имею три вопроса: когда будет объявлен приказ о принятии вами верховного главнокомандования? Второе: улучшилось ли положение на северном фронте? Третье: как решен вопрос с князем Тумановым? Приложим все усилия помогать вам, и надеемся на дальнейшее несение вами должности верховного главнокомандующего.

— Приказ объявлен (?) сегодня и сообщен телеграммой на фронты. Второе. Положение на северном фронте пока остается в прежнем виде. Относительно князя Туманова прошу указать, относительно которого вы говорите. Генерал Туманов, приведя в порядок Смоленск и успокоив там войсковые части, вернулся в Минск, передав управление округом генералу Пыхачеву. Вчера здесь был командированный военным министром полковник князь Туманов, переданные им вопросы спешно будут здесь разрабатывать. В боевом отношении на всех фронтах более или менее спокойно, особо рельефных признаков накопления сил немецких против северного фронта пока нет, да и погода не благоприятствует развитию широкой операции и участию в ней германского флота. *Алексеев.*

— Спрашивая о князе Туманове, имел в виду начальника снабжения армии. У меня больше вопросов нет, могу добавить ко всему, что в последние дни во всей России, не исключая Петрограда, заметно сильное стремление браться за работу и большой подъем духа. Можно надеяться и твердо верим, что этот подъем покроет недоимки, вызванные пароксизмом революции. Идут вести о подвозе хлеба в усиленном порядке. Москва вступила в нормальную жизнь во всех отношениях; повидимому, мы перешли стадию первых шагов строительства новой жизни. Наша опора — здравый рассудок и великая душа русского народа. До свидания. Имеете ли что сказать мне?

— Больше ничего не имею. Будьте здоровы. Помоги вам бог! *Алексеев.*

— До свидания.

11 марта 1917 г. от 14 ч. 30 м. до 15 ч. 30 м.

Дневник Николая Романова.

(Продолжение) [1]).

1-го августа [1917 г.].

Поместились всей семьей в хорошем спальном вагоне межд[у] нар[одного] о[бщест]ва. Залег в 7.45 и поспал до 9.15 час. Было очень душно и пыльно — в вагоне 26° Р. Гуляли днем с нашими стрелками, собирали цветы и ягоды. Едим в ресторане, кормит очень вкусно кухня Вост.-Китайской ж. д.

2-го августа.

Гуляли до Вятки, та же погода и пыль. На всех станциях должны были по просьбе коменданта завешивать окна; глупо и скучно!

3-го августа.

Проехали Пермь в 4 ч. и гуляли за г. Кунгуром вдоль реки Сылве [sic!] по очень красивой долине.

4-го августа.

Перевалив Урал, почувствовали значительную прохладу. Екатеринбург проехали рано утром. Все эти дни часто нагонял нас второй эшелон со стрелками — встречались, как со старыми знакомыми. Тащились невероятно медленно, чтобы прибыть в Тюмень поздно — в $11^1/_2$ час. Там поезд подошел почти к пристани, так что пришлось только спуститься на пароход. Наш называется «Русь». Началась перегрузка вещей, продолжавшаяся всю ночь. Бедный Алексей опять лег бог знает когда! Стукотня и грохот длились всю ночь и очень помешали заснуть мне. Отошли от Тюмени около 6 час.

5-го августа.

Плавание по р. Туре. Спал мало. У Аликс, Алексея и у меня по одной каюте без удобств, все дочери вместе в пятиместной, свита рядом в коридоре; дальше к носу хорошая столовая и маленькая каюта с пианино. II класс под нами, а все стрелки 1-го полка, бывшие с нами

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XXI, стр. 79 — 96.

в поезде, сзади внизу. Целый день ходили наверху, наслаждаясь воздухом. Погода была серая, но тихая и теплая. Впереди идет пароход мин. пут. сообщ., а сзади другой пароход со стрелками 2-го и 4-го стр. полков и с остальным багажом. Останавливались два раза для нагрузки дровами. К ночи стало холодно. Здесь на пароходе наша кухня. Все залегли рано.

6-го августа.

Плавание по Тоболу. Встал поздно, так как спал плохо вследствие шума вообще, свистков, остановок и пр. Ночью вышли из Туры в Тобол. Река шире, и берега выше. Утро было свежее, а днем стало совсем тепло, когда солнце показалось. Забыл упомянуть, что вчера перед обедом проходили мимо села Покровского — родина Григория. — Целый [день] ходили и сидели на палубе. В $6^1/_2$ час. пришли в Тобольск, хотя увидели его за час с $^1/_4$.

На берегу стояло много народу, — значит, знали о нашем прибытии. Вспомнил вид на собор и дома на горе. Как только пароход пристал, начали выгружать наш багаж. Валя, комиссар и комендант отправились осматривать дома, назначенные для нас и свиты. По возвращении первого узнали, что помещения пустые, без всякой мебели, грязны и переезжать в них нельзя. Поэтому на пароходе и стали ожидать обратного привоза необходимого багажа для спанья.

Поужинали, пошутили насчет удивительной неспособности людей устраивать даже помещение и легли спать рано.

7-го августа. Понедельник.

Спал отлично; проснулся с дождем и холодом. Решили оставаться на пароходе. Проходили шквалы, к часу погода прояснилась. Толпа продолжала стоять на шлюпочной пристани, ноги в воде, и убегала под крышу только тогда, когда шел дождь. В обоих домах идут спешные работы по очистке и приведению комнат в пристойный вид. Всем нам, также и стрелкам, хотелось пойти куда-нибудь подальше по реке. Завтракали в час, обедали в 8 час., кухня уже готовит в доме, и еду нам приносят оттуда. Весь вечер ходил с детьми вокруг наших кают. Погода была холодная из-за N. W. ветра.

8-го августа. Вторник.

Спал отлично и встал в $9^1/_4$. Утро было ясное, позже поднялся тот же ветер, и опять налетало несколько шквалов. После завтрака пошли вверх по р. Иртышу верст за 10. Пристали к правому берегу и вышли погулять. Прошли кустами и, перейдя через ручеек, поднялись на высокий берег, откуда открывался красивый вид. Пароход подошел к нам, и мы пошли обратно в Тобольск. Подошли в 6 час. к другой пристани. До обеда принял ванну, впервые после 31 июля. Благодаря ей спал чудесно.

9-го августа. Среда.

Простояла теплая отличная погода. Утро, как всегда, свита провела в городе. У Марии была лихорадка, у Алексея болела немного левая рука.

До завтрака пробыл все время наверху, наслаждался солнцем. В $2^1/_2$ наш пароход перешел на другую сторону и стал грузиться углем, а мы пошли гулять. Джоя [1]) укусила змея.

Ходить было прямо жарко. Пришли на пароход в $4^1/_2$ и вернулись на старое место. Жители катались в лодках и проезжали мимо нас. Стрелки с нашего конвоира «Кормилец» переехали на жительство в свои городские помещения.

10-го августа. Четверг.

Проснулся со скверной погодой — дождь и ветер. Мария пролежала с жаром, у Алексея, кроме руки, заболело ухо!

День был скучнейший, без прогулки и дела. К 5 час. погода разъяснилась.

11-го августа. Пятница.

Алексей спал мало, он перебрался на ночь к Аликс. Ухо у него поправилось, рука побаливала, Марии лучше. День простоял тихий. Все утро ходили наверху. Днем пошли вверх по р. Тоболу. Высадились на левый берег, ушли по дороге, а вернулись вдоль реки с разными затруднениями веселого свойства. В 6 час. пришли в Тобольск и с сильным треском подошли к парох. «Товарпар», обломав об него обшивку борта. Днем была настоящая жара.

12-го августа. Суббота.

Тоже отличный день без солнца, но очень теплый. Утром ходил по палубе и читал там же до самого завтрака. Мария и Алексей встали и днем были на воздухе. В 3 часа спустились по Иртышу и пристали к подножью высокого берега, куда давно хотелось попасть. Немедленно влезли туда со стрелками и затем долго сидели на лысой сопке с чудным видом.

Вернулись в Тобольск во время чая.

13-го августа. Воскресенье.

Встали пораньше, и последние вещи были немедленно уложены. В $10^1/_2$ я с детьми сошел с комендантом и офицерами на берег и пошел к нашему новому жилищу. Осмотрели весь дом снизу до чердаков. Заняли второй этаж, столовая внизу. В 12 час. был отслужен молебен, и священник окропил все комнаты св. водой. Завтракали и обедали с нашими. Пошли осматривать дом, в кот[ором] помещается свита.

[1]) Джой — собака Романовых.

Многие комнаты еще не отделаны и имеют непривлекательный вид. Затем пошли в так называемый садик, скверный огород, осмотрели кухню и караульное помещение. Все имеет старый заброшенный вид. Разложил свои вещи в кабинете и в уборной, которая наполовину моя, наполовину Алексея. Вечер провели вместе, поиграл в безик с Настенькой.

14-го августа. Понедельник.

После вчерашней грозы до обеда, сегодня погода была холодная и дождливая, с сильным ветром. Целый день разбирал фотографии из плавания 1890/1891 г. [1]). Взял их нарочно с собою, чтобы на досуге привести в порядок. Простились с Макаровым — комиссаром, уезжающим в Москву. Погулял в садике, дети качались на новых качелях. Вечер провели со всеми.

15-го августа. Вторник.

Так как нас не выпускают на улицу, и попасть в церковь мы пока не можем, в 11 час. в зале была отслужена обедница. После завтрака провели в саду почти два часа, Аликс также. Погода была теплая, и около 5 час. вышло солнце; посидели на балконе до $6^1/_2$ час. Продолжал и кончил разбор фотографий дальнего плавания.

16-го августа. Среда.

Отличный теплый день. Теперь каждое утро я пью чай со всеми детьми. Провели час времени в так называемом садике и бóльшую часть дня на балконе, кот[орый] весь день согревается солнцем. До чая провозились в садике, два часа на качелях и с костром.

17-го августа. Четверг.

Дивный день — в тени было 19°, а на балконе 36°. У Алексея болела рука. Провели утром час в саду, днем два часа. Вчера начал читать «L'ile enchantée». Вечером играли в домино: Аликс, Татьяна, Боткин и я. Во время чая прошла сильная гроза. Ночь была лунная.

18-го августа. Пятница.

Утро было серое и холодное, около часа вышло солнце, и день настал отличный. Алексей встал. Утром на улице появилась Рита Хитрово, приехавшая из Петрограда, и побывала у Настеньки Гендр[иковой]. Этого было достаточно, чтобы вечером у нее произвели обыск. Чорт знает что такое!

---

[1]) Николай Романов имеет в виду свое заграничное путешествие на Дальний Восток в 1890/91 г.

19-го августа. Суббота.

Вследствие вчерашнего происшествия Настенька лишена права прогулок по улицам в течение нескольких дней, а бедная Рита Хитрово должна была выехать обратно с вечерним пароходом! Погода стояла чудная с горячим солнцем. Утром высидели в саду час, а днем два часа. Устроил себе там висячий турник. Начал книгу: «The scarlet Pimpernel».

20-го августа. Воскресенье.

Идеальная погода, днем темп. дошла до 21° в тени. В 11 час. в зале была отслужена обедница. В саду нашел себе работу, срубил сухую сосну. После чая, как все эти дни, читал с дочерьми на балконе под палящими лучами солнца. Вечер был теплый и лунный.

21-го августа. Понедельник.

С наслаждением жарились на солнце целый день на балконе или в саду. Днем срубил сухую березу и наколол из нее дрова. Во время чая прошла гроза и немного освежила воздух. Начал читать «В лесах» Печерского.

22-го августа. Вторник.

Такой же дивный день. Досада берет, что в такую погоду нельзя делать прогулок по берегам реки или в лесу! Читали на балконе, провели три часа в саду и вечером по обыкновению играли в кости.

23-го августа. Среда.

Сегодня два года, что я приехал в Могилев. Много воды утекло с тех пор [1])!

День простоял превосходный — 23° в тени и прошел как и прежние в Тобольске. Перекапывал с Кирпичниковым парниковую землю в садике. Прошел теплый ливень.

24-го августа. Четверг.

Дивный день. Приехал Вл. Ник. Деревенко с семейством, это составило событие дня. Плохие известия с фронта, к сожалению, подтвердились; сегодня узнали, что Рига оставлена, и что наши войска далеко отступили на сев.-восток.

25-го августа. Пятница.

Теплая погода с сильным восточным ветром. Прогулки в садике делаются невероятно скучными; здесь чувство сидения взаперти гораздо сильнее, нежели было в Ц[арском] С[еле]. Работал с Кирпичниковым в парниках. Вечером пошел дождь.

[1]) Николай Романов имеет в виду свой приезд в Могилев 23 августа 1915 г., когда он принял на себя верховное командование армиями вместо отставленного им вел. кн. Николая Николаевича.

26-го августа. Суббота.

После хорошего дождя ночью погода сделалась опять чудная. Читал с дочерьми до прогулки, до завтрака и после чая на балконе. Работал в саду. Алексей пролежал с простудой и болью в ухе; она днем прошла. С фронта известий мало, газеты приходят на шестой день.

27-го августа. Воскресенье.

Сегодня стало посвежее. В 11 час. была отслужена обедница. Нам всем очень нравится священник, кот[орый] служит у нас; поют четыре монахини. Алексей пролежал в кровати из предосторожности.

28-го августа. Понедельник.

Утром узнали о кончине Ек. Ил. Татищевой; срочную телеграмму сын ее получил на восьмой день! Погода была свежая и серая. Алексей встал и ходил по комнатам. У дочерей тоже насморки, но они выходят в сад. На балконе, понятно, никто не сидел. Читал много. И Татищев и Валя были нездоровы.

29-го августа. Вторник.

Сегодня 10 лет, что мы сели на камень на «Штандарте».

В 11 час. была отслужена обедница. Погода стояла холодная, и по временам шел дождь. Недолго гуляли днем. После обеда прочитали телеграммы о том, что ген. Корнилов провозгласил себя диктатором, а в другой, что он смещен с должн[ости] верх[овного] глав[нокомандующего], а на его место назначен ген. Клембовский.

30-го августа. Среда.

В 11 час. была обедница. Днем все гуляли в садике. Погода потеплела, а вечером пошел дождь. День протек, как всегда. После обеда поиграли в кости.

31-го августа. Четверг.

День прошел по обыкновению.

1-го сентября. Пятница.

Прибыл новый комиссар от Врем[енного] Прав[ительства] Панкратов и поселился в свитском доме с помощником своим каким-то растрепанным прапорщиком. На вид — рабочий или бедный учитель. Он будет цензором нашей переписки. — День стоял холодный и дождливый.

2-го сентября. Суббота.

Погода была ясная и теплая. Начали гулять в огороженном дворе перед домом; все-таки лучше чем в сыром садике, так как тут солнце светит целый день. Лазил с детьми на крышу оранжерей. Вечером читал вслух «Девятый вал» Данилевского.

3-го сентября. Воскресенье.

Дивный теплый день. В 11 час. была обедница. Гуляли и утром и днем. Вчера кончил «В лесах» и начал «На горах». Хорошо написано.

4-го сентября. Понедельник.

Великолепный летний день. Много были на воздухе. Последние дни принесли большую неприятность в смысле отсутствия канализации. Нижний wc заливался мерзостями из верхних wc, поэтому [пришлось] прекратить посещение сих мест и воздерживаться от ванн; все от того, что выгребные ямы малы и что никто не желал их чистить. Заставил Е. С. Боткина привлечь на это внимание комиссара Панкрат[ова], кот[орый] пришел в некий ужас от здешних порядков.

5-го сентября. Вторник.

Телеграммы приходят сюда два раза в день; многие составлены так неясно, что верить им трудно. Видно, в Петрограде неразбериха большая, опять перемены в составе прав[ительст]ва. Повидимому, из предприятия ген. Корнилова ничего не вышло, он сам и примкнувшие генералы и офицеры большею частью арестованы, а части войск, шедшие на Петроград, отправляются обратно.

Погода стояла чудная, жаркая.

6-го сентября. Среда.

Такой же день и провели его так же. Выкопал в садике прудок для уток. Дочери играли в bumble puppy.

7-го сентября. Четверг.

Утро было облачное и ветреное, позже погода поправилась. Много были на воздухе; наполнял пруд для уток и пилил дрова для нашей ванны.

8-го сентября. Пятница.

Первый раз побывали в церкве [sic!] Благовещения, в кот[орой] служит уже давно наш священник. Но удовольствие было испорчено для меня той дурацкой обстановкой, при которой совершалось наше шествие туда. Вдоль дорожки городского сада, где никого не было, стояли стрелки, а у самой церкви была большая толпа! Это меня глубоко извело.

Погода стояла хорошая, немного прохладная.

9-го сентября. Суббота.

Ночью и утром шел дождь, и дул холодный ветер. Около 3 час. выглянуло солнце. Усиленно ходил взад и вперед по двору. По вечерам во время игры в домино и безик Татищев и Боткин читают вслух «Девятый вал».

10-го сентября. Воскресенье.

Утро было ясное, а с полудня пошел дождь. Обедницу отслужили дома. Пробыл на дворе и в саду два часа. Вечером Валя читал вслух— хорошо и внятно.

11-го сентября. Понедельник.

Опять простоял отличный солнечный день, который во всем остальном прошел по обыкновению.

12-го сентября. Вторник.

Теплая серая погода. Днем пилил дрова, а дочери играли на деревянной мостовой мячами от тенниса.

13-го сентября. Среда.

Полдня шел дождь, но было тепло. Окончил книгу «На горах» и начал роман Лескова «Обойденные». В 9 час. вечера у нас в зале была отслужена всенощная. Легли рано.

14-го сентября. Четверг.

Для того, чтобы избежать скопления народа на улице у церкви, заказали обедню в 8 час. Все обошлось хорошо, стрелки были расставлены по ограде город[ского] сада. Погода стояла плохая — холодная и сырая; все-таки много гуляли. К Алексею допустили Колю Деревенко.

15-го сентября. Пятница.

Хороший ясный осенний день; провели его, как прочие дни.

16-го сентября. Суббота.

Погода простояла совсем теплая. Приятно было ходить и работать на дворе. Кончил рассказ «Обойденные» и начал «Островитяне».

17-го сентября. Воскресенье.

Чудный теплый день. 13° в тени. После обедницы гуляли и днем долго пробыли на воздухе. Ольга пролежала в постеле [sic!] с легким жаром. Татищев тоже не совсем здоров [1]).

№ 51.

Начат в Тобольске.

18-го сентября. Понедельник. 1917 г.

Осень в этом году здесь замечательная; сегодня в тени было 15°, и совсем южный теплый воздух. Днем играл с Валей Д. в городки, чего не делал много, много лет. Нездоровье Ольги прошло; она сидела долго на балконе с Аликс. Кончил «Островитяне» Лескова. Написал мама письмо через цензуру Панкратова.

[1]) Этой записью кончается тетрадь дневника № 50. Дальнейшие записи велись Николаем Романовым в тетради № 51.

19-го сентября. Вторник.

Полуясный, но такой же теплый день. Около 12 час. прошел короткий летний дождь. Анастасия пролежала в постеле [sic!]. Татищев поправился. Днем попилил дрова и поиграл в городки. Начал читать роман Лескова «Некуда».

20-го сентября. Среда.

Погода резко изменилась, задул шторм с дождем, потом с крупой и, наконец, со снегом. Ходили на дворе взад и вперед усиленным темпом. Дочери поправились, но бывшие больные оставались еще дома.

21-го сентября. Четверг.

С ночи все оказалось покрытым снегом, но благодаря солнечному дню после 12 час. все стаяло. Пилил дрова.

22-го сентября. Пятница.

Утром опять лежало много снега, погода была серая, к вечеру все сошло. Гуляли два раза по обыкновению. На-днях прибыл наш добрый бар. Боде с грузом дополнительных предметов для хозяйства и некоторых наших вещей из Ц[арского] Села.

23-го сентября. Суббота.

Между этими вещами было три-четыре ящика с винами, о чем проведали солдаты здешней дружины, и вот днем из-за этого загорелся сыр-бор. Они стали требовать уничтожения всех бутылок в Корниловском доме. После долгого увещевания со стороны комиссара и др. было решено все вино отвезти и вылить в Иртыш. Отъезд телеги с ящиками вина, на кот[орых] сидел пом[ощник] ком[иссара] с топором в руках и с целым конвоем вооруженных стрелков сзади, — мы видели из окон перед чаем. Утром шел дождь, после часа разъяснилось, и настала отличная погода при 11° в тени.

24-го сентября. Воскресенье.

Вследствие вчерашней истории нас в церковь не пустили, опасаясь чьей-то возбужденности. Обедницу отслужили у нас дома. День стоял превосходный — 11° в тени с теплым ветром. Долго гуляли, поиграл с Ольгой в городки и пилил. Вечером начал читать вслух «Запечатленный ангел» [1]).

25-го сентября. Понедельник.

Дивная тихая погода — 14° в тени. Во время нашей прогулки комендант, поганый помощник комиссара, прапорщ. Никольский и трое

[1]) Рассказ Н. С. Лескова.

комитетских стрелка осматривали помещения нашего дома с целью отыскать вино.

Не найдя ничего, они вышли через полчаса и удалились. После чая начали переносить к нам вещи, прибывшие из Ц[арского] Села.

26-го сентября. Вторник.

Такой же великолепный день без единого облачка. Долго гулял утром и читал на балконе до завтрака. Днем пилил и играл в городки. После чая разбирали вновь привезенные ковры и украсили ими наши комнаты. Окончил роман Лескова «Некуда».

27-го сентября. Среда.

Погода была превосходная, в тени 14°. Начал читать «Ramuntcho» P. Loti.

28-го сентября. Четверг.

С начала недели у детей пошли по утрам занятия; продолжаю уроки истории и географии с Алексеем. Погода та же восхитительная. Много были на воздухе.

29-го сентября. Пятница.

На-днях Е. С. Боткин получил от Керенского бумагу, из которой мы узнали, что прогулки за городом нам разрешены. На вопрос Боткина, когда они могут начаться, Панкратов поганец ответил, что теперь о них не может быть речи из-за какой-то непонятной боязни за нашу безопасность. Все были этим ответом до крайности возмущены. Погода стала прохладнее. Окончил «Ramuntcho».

30-го сентября. Суббота.

День простоял солнечный, хороший. Утром гуляли час, а днем два с половиною часа; играл в городки и пилил. Начал читать пятый том Лескова — длинные рассказы. В 9 час. у нас была отслужена всенощная. Вечером уехал б[арон] Боде.

1-го октября. Покров пр. богородицы.

Встали в 7 час. до восхода солнца и в 8 час. пошли к обедне. После вторичного чая долго гуляли; погода стояла отличная, но с ветром от W. Днем усиленно играл в городки. Узнали из телеграмм, что немцы высадили десант на Эзеле и Даго!

2-го октября. Понедельник.

Теплый день; около 4 час. прошел небольшой дождь. — Теперь все наши, желающие погулять, обязаны ходить по городу в сопровождении стрелков.

3-го октября. Вторник.

Погода была совершенно августовская, тихая, при 13° в тени, а на солнце на балконе дошло до 29°. День провели по обыкновению. Вечером читал вслух рассказ Лескова «Грабеж».

4-го октября. Среда.

Мы вспоминали сегодня конвойный праздник в прежние годы. Было теплее, чем бывало иногда в Крыму в этот день. Ай-да Тобольск! День провели, как всегда. После всенощной Алексей получил подарки. Обедали в $7^1/_2$ час.

5-го октября. Четверг.

В день именин Алексея не попали в церковь к обедне из-за упрямства г-на Панкратова, а в 11 час. у нас был отслужен молебен. С утра стоял туман, кот[орый] рассеялся к часу. Долго пробыли на воздухе. Вечером Алексей устроил нам свой кинематограф.

6-го октября. Пятница.

Ясный, холодный день. Узнали о приезде вчера мг. Gibbs, но его еще не видели, вероятно потому, что привезенные им вещи и письма не подверглись осмотру! Начал шестой том Лескова.

7-го октября. Суббота.

Ночью было 9° мороза. Днем ясно, но довольно холодно, рукам в особенности. Наконец, появился мг. Gibbs, кот[орый] рассказывал нам много интересного о жизни в Петрограде.

В 9 час. у нас была отслужена всенощная.

8-го октября. Воскресенье.

В 8 час., как раз с восходом солнца, пошли к обедне. Все утро валил снег, мороз был небольшой, днем дошло до 1°. Гуляли до и после завтрака. Много читал. Прилег на часок до обеда. Вечером — безик.

9-го октября. Понедельник.

Выпал еще снег, день простоял хороший; к вечеру мороз дошел до 9°. Днем очищал с дочерьми часть деревянной мостовой для прогулок. Слышны были свистки парохода.

10-го октября. Вторник.

Погода простояла приятная — около градуса мороза. Приехавшая сюда два дня тому назад Клавдия Михайловна Битнер передала мне письмо от Ксении. Она сегодня начала заниматься с детьми, кроме Ольги, по разным предметам.

11-го октября. Среда.

Сделалась оттепель, и день простоял ясный, совершенно весенний. Начал читать «La Reine Marg t».

Татищеву опять нездоровилось; после завтрака он ушел к себе и залег.

12-го октября. Четверг.

Чудный солнечный день после легкого мороза ночью. Теперь возвращаемся с прогулки в 4 ч., так как у детей прибавилось число уроков.

13-го октября. Пятница.

Уже два месяца, что мы живем в этом доме. — Отличный солнечный день; провели его, как всегда.

14-го октября. Суббота.

Ночью было 6° мороза, утром туман, чудная погода с полудня до 13° на солнце и вечером опять мороз. В 9 часов всенощная.

15-го октября. Воскресенье.

В 8 час. пошли к обедне. Утро было отличное; затем заволокло солнце туманом, и день простоял скучный. Вечером домашний кинемат[ограф].

16-го октября. Понедельник.

Такой же серый день без оттепели. Окончил «La Reine Marg t». Вечером, как всегда, играли в безик.

17-го октября. Вторник.

29 лет прошло со дня нашего спасения при крушении поезда; кроме меня, никого здесь нет из бывших при этом! [1]) Начал VIII том Лескова. С Алексеем занимаюсь теперь только русской историей, передав рус[скую] географ[ию] Кл. Мих. Битнер. Узнали о приезде Кострицкого из Крыма.

18-го октября. Среда.

Наконец, показалось солнце, день был хороший, таяло. Пилил дрова. Вечером читал вслух «Женитьбу» Гоголя.

19-го октября. Четверг.

Было тепло, перепадал мокрый снег. Перед завтраком посидел внизу у Кострицкого. Усиленно читал. Вечером начал вслух «Дракула».

---

[1]) Николай Романов имеет в виду крушение царского поезда в Борках, Курско-Харьковско-Севаст. ж. д. 17 октября 1888 г. В память «чудесного спасения» царской семьи день этот был объявлен «неприсутственным».

20-го октября. Пятница.

Сегодня уже 23-я годовщина кончины дорогого папа и вот при каких обстоятельствах приходится ее переживать! Боже, как тяжело за бедную Россию! Вечером до обеда была отслужена заупокойная всенощная.

21-го октября. Суббота.

Утром видели из окон похоронную процессию с телом стрелка 4-го полка; впереди шел и скверно играл небольшой хор гимназистов. В 11 час. у нас была отслужена обедница. До чая сидел у Кострицкого. В 9 час. была всенощная, и затем мы исповедались у о. Алексея. Легли спать рано.

22-го октября. Воскресенье.

В 8 час. пошли к обедне и всей семьей причастились св. таин. Такое душевное утешение в переживаемое время! Погода стояла мягкая, целый день шел [1]) снег. Долго пробыли в саду.

23-го октября. Понедельник.

Утро было ясное с оттепелью.

Начал 9-й том Лескова.

Сегодня 27-я годовщина моего отъезда в заграничное плавание.

24-го октября. Вторник.

Простоял чудный солнечный день. Были много на воздухе. До чая имел урок истории с Алексеем.

25-го октября. Среда.

Тоже отличный день с легким морозом. Утром показывали Кострицкому все наши комнаты. Днем пилил.

26-го октября. Четверг.

От 10 до 11 час. утра сидел у Кострицкого. Вечером простился с ним. Он уезжает в Крым. День простоял чудный, на солнце 11°. Долго пилил.

27-го октября. Пятница.

Великолепный солнечный день.

Днем помогал трем стрелкам копать ямы для постановки столбов под новый навес для дров, даже вспотел. Написал мама.

28-го октября. Суббота.

Все та же отличная погода: 4° мороза ночью и до 10° тепла днем. Много гуляли и долго пилил дрова. За всенощной пели любительницы и 4 стрелка хорошо, но тянули.

[1]) В подлиннике далее зачеркнуто слово «дождь».

29-го октября. Воскресенье.

Встали в 7 час. с полной темнотой и в 8 ч. пошли к обедне. После вторичного чая погуляли. Погода мягкая, серая. Написал Ольге. Начал X т[ом] Лескова. Сегодня производили сбор пожертвований вещами на улицах в пользу армий на фронте.

30-го октября. Понедельник.

День прошел по обыкновению. Погода была теплая. Вечером окончил вслух чтение «Дракула» по-русски.

31-го октября. Вторник.

Та же мягкая погода с оттепелью днем. В $4^1/_2$ был урок истории с Алексеем. Вечером начал читать вслух «Морские рассказы» Беломора

1-го ноября. Среда.

Ночью выпало много снега, но днем он почти стаял. Укладывали дрова в новый сарайчик — грязная работа. Начал книгу «I will repay» — продолжение «The scarlet Pimpernel».

2-го ноября. Четверг.

Сразу в ночь хватил мороз, дошедший к утру до 11°. День был солнечный и с северным ветром. Гуляли, как всегда; днем перетаскивали дрова. Вечером Ольга получила скромные подарки.

3-го ноября. Пятница.

Дорогой Ольге минуло 22 года; жаль, что ей, бедной, пришлось провести день своего рождения при нынешней обстановке. В 12 час. у нас был молебен. Погода стала снова мягкая. Пилил дрова. Начал новую интересную книгу «The elusive Pimpernel».

4-го ноября. Суббота.

Утром был обрадован письмом от Ксении.—Выпало много снега, очищал от него место для прогулки, а днем переносили дрова в сарайчик.

Уже два [дня] не приходят агентские телеграммы, — должно быть, неважные события происходят в больших городах! В 9 час. была всенощная.

5-го ноября. Воскресенье.

С полной темнотой пошли к обедне. Написал письмо Ксении. Утром шел дождь. Днем переносили дрова. Отдыхал перед обедом.

6-го ноября. Понедельник.

Гусарский праздник. Начал новую книгу того же автора «Fire in stubble». Утром шел снег и таяло до 8 час. вечера, потом сильно задуло, и после обеда сделалось 13° мороза при весьма низком барометре — 735.

7-го ноября. Вторник.

Простоял солнечный день при 14—15° мороза. Днем до чая занимался с Алексеем рус[ской] историей. Вечером во время безика читал вслух рассказы Беломора.

8-го ноября. Среда.

Хороший морозный день. Утром было 14°, а к вечеру 17° мороза. Гуляли и переносили дрова.

9-го ноября. Четверг.

Утром от 10 час. был урок с Алексеем. Днем перенесли все дрова в сарайчик и наполнили его вплотную. Погода стала мягче. Начал читать «Quatre-vingt-treize» V. Hugo [1]).

10-го ноября. Пятница.

Снова теплый день — дошло до нуля. Днем пилил дрова. Кончил первый том «1793» V. H. Вечером читал вслух Тургенева «Записки охотника».

11-го ноября. Суббота.

Выпало много снега. Давно газет уже никаких из Петрограда не приходило; также и телеграмм. В такое тяжелое время это жутко. Дочки возились на качелях и соскакивали с них в кучу снега. В 9 час. была всенощная.

12-го ноября. Воскресенье.

В $8^1/_2$ час. пошли к обедне.

Долго гуляли, день был не холодный. Начал «Всеобщую историю» Иегера.

13-го ноября. Понедельник.

Оттепель была сильная — 3°: и это — в Сибири!

Наконец, появились телеграммы из армии, но не из Петрограда.

14-го ноября. Вторник.

День рождения дорогой мама и 23-я годовщина нашей свадьбы! В 12 час. был отслужен молебен; певчие путали и сбивались, — должно быть, не сделали спевки. Погода была солнечная, теплая и с порывистым ветром. За дневным чаем я перечитываю свои прежние дневники — приятное занятие.

15-го ноября. Среда.

День был морозный и солнечный, на дворе стало скользко невероятно. Гуляли долго, пилил дрова.

---

[1]) В. Гюго, «93-й год».

16-го ноября. Четверг.

Целые сутки была буря и почти без мороза. Утром имел урок с Алексеем.

17-го ноября. Пятница.

Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром.

Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве!

Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени.

18-го ноября. Суббота.

Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентеров нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия!

19-го ноября. Воскресенье.

В $8^1/_2$ час. пошли к обедне, дорога была очень скользкая. Утро стояло солнечное, потом заволокло. Днем вносил дрова в сарайчик. Вечером, как всегда, безик.

20-го ноября. Понедельник.

Мороз усилился, и день простоял ясный. У стрелков было брожение из-за неполучения суточных за три месяца из Петрограда, быстро приведенное к концу временным позаимствованием нужной суммы в банке. Днем работал с дровами. В 9 час. была отслужена всенощная.

21-го ноября. Вторник.

Праздник введения во храм пришлось провести без службы, потому что Панкратову неугодно было разрешить ее нам! Погода была теплая. Все работали на дворе.

22-го ноября. Среда.

Чувствовал себя не совсем здоровым, тяжесть в голове и боль в разных сочленениях; поэтому остался дома. Погода как нарочно была солнечная. Окончил I том «Всеобщей истории» Иегера — очень хорошо составленная книга.

23-го ноября. Четверг.

Самочувствие было получше и без лихорадки, не выходил на воздух. Переписывал из книги свою роль для будущего нашего представления франц. пиесы «Les deux timides». К вечеру окончил эту работу— пришлось [sic!] полторы тетради, сшитой из двух.

24-го ноября. Пятница.

Полдня у меня болела голова, в особенности во время чтения. Сидел дома; погода была непривлекательная. Начал читать II том «Всеобщей истории» Иегера — средние века. Вечером попрежнему безик недолго с Татьяною и вслух из Тургенева.

25 го ноября. Суббота.

Хороший морозный день.

Днем вышел, наконец, погулял и немного попилил. Солнце светило и даже грело, в особенности в комнатах. В 9 час. была всенощная.

26-го ноября. Воскресенье.

В 8 час. пошли к обедне.

Сегодня георгиевский праздник. Для кавалеров город устроил обед и прочие увеселения в народном доме. Но в составе нашего караула от 2-го полка было несколько георг[иевских] кавал[еров], кот[орых] их товарищи не кавалеры не пожелали подсменить, а заставили итти по наряду на службу — даже в такой день! Свобода!!! Гуляли долго и много, погода мягкая.

27-го ноября. Понедельник.

Праздник нижегородцев![1]) Где они и что с ними? Солнечная и морозная погода: — 13° днем и — 18° к вечеру. Гулял только взад и вперед. Сделали перетасовку дивана в зале из угла к стене.

28-го ноября. Вторник.

Солнечная морозная погода.

День протек, как всегда, скоро. От 4 час. до 5 час. занимался с Алексеем. После чая перечитали вместе каждый свою роль из «Les deux timides» — Татьяна, Анастасия, Валя и m. Gilliard.

29-го ноября. Среда.

Мороз был поменьше, а день серый. У меня простудное чувство в голове совершенно прошло.

30-го ноября. Четверг.

Хороший ясный день — 8° мороза. От 12 час. до завтрака занимался с Алексеем. Днем перекладывал дрова в сарае. После чая Ольга, играя с Аликс в карты, показала 4 безика.

1-го декабря. Пятница. 2-го декабря. Суббота.

Оба дня прошли совершенно одинаково. Был порядочный мороз с солнцем. После дневной прогулки ежедневно собираемся у m. Gilliard и разучиваем свои роли на-чистоту. В 9 час. была всенощная.

3-го декабря. Воскресенье.

Аликс и Алексей не пошли с нами к обедне из-за мороза — было 16°. Все утро репетили [sic!] наши пьесы в зале, где с помощью множества ширм и всякой мебели устроили нечто вроде сцены. Вечером все это опять было убрано. Гуляли, пока было светло. Во время безика теперь читаю вслух «Накануне» Тургенева.

[1]) Т.-е. полковой праздник 17 Нижегор. драг. полка, шефом которого был Николай Романов.

4-го декабря. Понедельник.

Было не так холодно, как вчера. День прошел по обыкновению.

5-го декабря. Вторник.

Кажется, начинает загибать настоящий мороз — с 15° утром дошло до 20° к вечеру.

До чая занимался с Алексеем.

В 9 час. была всенощная.

6-го декабря. Среда.

Мои именины провели спокойно и не по примеру прежних лет. В 12 час. был отслужен молебен. Стрелки 4-го полка в саду, бывшие в карауле, все поздравили меня, а я их — с полковым праздником. Получил три именинных пирога и послал один из них караулу. Вечером Мария, Алексей и m. Gilliard сыграли очень дружно маленькую пьесу «Le fluide de John»; много смеху было.

7-го декабря. Четверг.

Мороз дошел до 22° с сильным ветром, так что режет лицо; тем не менее исправно выходили и утром и вечером. В моем кабинете, у дочерей и в зале очень холодно — 10°, поэтому днем и до ночи сижу в черкеске пластунской. Кончил II том «Всеобщей истории».

8-го декабря. Пятница.

Утром за прогулкой видели двух стрелков 1-го полка, приехавших из Царского Села, чтобы проверить правильность слухов, ходящих о нас и о здешнем отряде. Один из этих стрелков — служащий в нашем ливадийском доме.

Было ясно — 21° мороза.

9-го декабря. Суббота.

День прошел по обыкновению.

Погода была тихая, и к вечеру мороз начал уменьшаться, но на моем кабинете это не отразилось, в нем темп[ература] неизменно оставалась та же — 10°. Вечером была всенощная.

10-го декабря. Воскресенье.

В 8 час. пошли в нашу церковь к обедне. Погода стояла сравнительно ясная и мягкая — 10° мороза. До завтрака сидел у зубного врача г-жи Рендль. Перед чаем был очень обрадован получением первого письма от дорогой мама.

11-го декабря. Понедельник.

Отличный солнечный день — 15° мороза. После завтрака снова сидел полчаса у той же Рендль. До чая имели, как все эти дни, репетицию пьесы.

12-го декабря. Вторник.

Утром случай с доской от качель в саду, на кот[орой] была неприличная надпись, сделанная кем-то из стр[елков] 2-го полка. После дневной прогулки имел урок с Алексеем. Вечером кончили «Накануне» Тургенева.

13-го декабря. Среда.

Во время утренней прогулки зашли в караульное помещение — 1-й взвод 4-го полка — обогреться и покурить и вышли, когда пришел новый караул 1-го полка. Было 16° мороза и совершенно тихо; благодаря этому в комнатах тепло, и у меня в кабинете темп[ература] держится до 12°. Вечером начал вслух «Дым» Тургенева.

14-го декабря. Четверг.

Ветер переменился, и стало немного теплее. Имел урок с Алексеем до завтрака. Перед чаем репетили [sic!].

15-го декабря. Пятница.

После завтрака сидел у дантистки. От 4 до 5 час. прорепетили [sic!] пьесу до конца. После безика читал вслух.

16-го декабря. Суббота.

Сделалось теплее — 10° мороза; утро серое, а день солнечный. Много пилил мелких дров для нашей ванны. В 9 час. была всенощная.

17-го декабря. Воскресенье.

Утром пошли к обедне. Погода была теплая, дул ветер со снегом. До завтрака сидел у дантистки. Гуляли долго, дети, как всегда, возились отчаянно с В. Долгор[уковым] и mr. Gilliard. Перед обедом сделали полную репетицию.

18-го декабря. Понедельник.

Погода была не холодная, 5° мороза, ветренная и со снегом. Долго оставались на воздухе. Пилил дрова.

19-го декабря. Вторник.

Вчера получил хорошее письмо от Ольги. Стало холоднее, дул ветер и было ясно. После прогулки занимался с Алексеем. Наконец, от усиленной топки сделалось совсем тепло в комнатах.

20-го декабря. Среда.

Солнечный день с ветром.

Сегодня окончил III том «Всеобщей истории». От 6 час. прорепетили [sic!] всю нашу пьесу, шло довольно гладко.

21-го декабря. Четверг.

Погода была очень приятная. До завтрака имел урок с Алексеем. Написал Ольге в Ай-Тодор. Вечером Анастасия получила скромные подарки.

22-го декабря. Пятница.

Отпраздновали именины Анастасии молебном в 12 час. Днем работали над горкой и пилил дрова. После чая сделали репетицию.

23-го декабря. Суббота.

Погода стояла мягкая, шел мелкий снег. Работали все над горкой. В 9 час. была всенощная.

24-го декабря. Воскресенье.

Утром сидел полчаса у дантистки. В 12 час. была отслужена в зале обедница. До прогулки готовили подарки для всех и устраивали елки. Во время чая — до 5 час. — пошли с Аликс в караульное помещение и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками со всеми сменами до $5^1/_2$ час. После обеда была елка свите и всем людям, а мы получили свою до 8 час. Всенощная была очень поздно, началась в $10^1/_2$, так как батюшка не успел притти из-за службы в церкви. Свободные стрелки присутствовали.

25-го декабря. Понедельник.

К обедне пошли в 7 час. в темноте. После литургии был отслужен молебен пред Абалакской иконой божией матери, привезенной накануне из монастыря в 24 верстах отсюда. Во время прогулки зашли еще раз в караульное помещение. Днем работал со снегом. До обеда прорепетили [sic!] пьесу основательно.

26-го декабря. Вторник.

Такой же тихий морозный день — 13°. Все долго спали. Утром зашел с детьми в караульное помещение — был 1-й взвод 1-го полка; послали вчера елку, сладкий пирог и игру в шашки. — На-днях приехала Иза Буксгевден, но не допущена к нам по капризу Панкратова.

27-го декабря. Среда.

Хороший теплый серый день — 4° мороза. Утром и днем работали над уборкой снега со двора и над увеличением горки. После чая репетили [sic!] пьесу. У Аликс вечером заболела голова.

28-го декабря. Четверг.

Чудный солнечный теплый день — 2° мороза. Долго пробыли на воздухе утром и вечером. Узнали с негодованием, что нашего доброго о. Алексея притягивают к следствию, и что он сидит под домашним арестом. Это случилось потому, что за молебном 25 дек[абря] диакон помянул нас с титулом, а в церкве [sic] было много стрелков 2-го полка, как всегда, оттуда и загорелся сыр-бор, вероятно, не без не без [sic!] участия Панкратова и присных.

29-го декабря. Пятница.

Тоже хороший солнечный день — 4° мороза. Работали на горке, кот[орая] готова, а днем пилил, пока дочери скатывались на лыжах.

30-го декабря. Суббота.

Тихий ясный день. У Алексея слегка распухла щиколка, и он пролежал в кровати. Много гуляли; дочери выходили и после обеда.

31-го декабря. Воскресенье.

Не холодный день с порывистым ветром. К вечеру Алексей встал, так как мог надеть сапог.

После чая разошлись до наступления нового года.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Алексей — Алексей Николаевич, б. наследник престола.

Аликс — Александра Федоровна, б. императрица.

Анастасия — Анастасия Николаевна, четвертая дочь Николая Романова.

Битнер, Клавдия Мих., б. начальница Царскосельской Мариинской женской гимназии.

Боде, Николай Льв., бар., гв. полк., штаб-офицер для особых поручений при гофмаршальской части.

Боткин, Евг. Серг., лейб-медик.

Буксгевден Иза, — Софья Карловна, фрейлина.

Валя, Валя Д. — Долгоруков, Василий Алекс., кн., ген.-м. свиты е. в., в должн. гофмаршала высоч. двора.

Gibbs, — Гиббс, Сидней Ив., гувернер наследника.

Григорий — Распутин, Григ. Ефим., крест. села Покровского, Тобольской губ., «старец», фаворит семьи Романовых.

Деревенко, Влад. Ник., поч. лейб-хирург.

Деревенко Коля — сын В. Н. Деревенко.

Gilliard, — Жильяр, Пьер, гувернер наследника.

Кострицкий, Сергей Серг., придворный зубной врач.

Ксения Александровна, сестра Николая Романова, жена вел. кн. Александра Михайловича.

Мария — Мария Николаевна, третья дочь Николая Романова.

Настенька — Гендрикова, Анаст. Вас., фрейлина Александры Федоровны.

Никольский, Вл. А., прап., пом. комиссара при семье Романовых.

Ольга — Ольга Александровна, сестра Николая Романова, по второму браку — Куликовская.

Ольга — Ольга Николаевна, старшая дочь Николая Романова.

Панкратов, Вас. Сем., б. шлиссельбуржец, комиссар Врем. Прав. при семье Николая Романова. См. его воспоминания «С царем в Тобольске» — «Былое», тт. XXV—XXVI.

Татищев, Илья Леон., гр., ген.-адъют., ген.-лейт.

Татьяна — Татьяна Николаевна, вторая дочь Николая Романова.

Хитрово Рита — Хитрово, Марг. Серг., фрейлина.

Крымское краевое правительство в 1918/19 г.

Публикуемые ниже «Записки В. С. Налбандова», «Справка М. М. Винавера» и другие документы характеризуют два смежных периода в истории гражданской войны в Крыму: время хозяйничания немцев и сменивших их союзников.

Фактически полными господами положения, вполне чувствовавшими себя как дома, в то время были иностранные войска, сначала немецкие, потом союзные (французские). Но официально «государственная власть» находилась в руках краевого правительства. При немцах оно возглавлялось ген. Сулькевичем (об этом периоде повествуют «записки» министра Налбандова), при союзниках — С. С. Крымом (об этом времени говорит «справка» министра Винавера).

В апреле 1918 г. началась оккупация Крыма немцами. Стал вопрос об организации власти. Первыми засуетились социалисты. Они поспешили явиться к фактическому хозяину Крыма — в германский штаб, который не пожелал, однако, с ними разговаривать, предпочитая иметь дело с более «солидными» общественными деятелями. Начались переговоры об организации власти с кадетами, немцами-колонистами и крымскими татарами. Кадеты с оглядкой на земство робко выдвинули кое-какие требования, но немецкий генерал Кош, пришугнув передачей Крыма украинцам и не желая дожидаться пока «правительство» организуется «населением», сам *назначил* премьер-министра. Генералу Сулькевичу *поручили* организовать кабинет.

Так возникло Крымское краевое правительство.

Небезынтересно сопоставить деятельность кабинета ген. Сулькевича и кабинета С. С. Крыма.

Призванное к власти немцами, правительство Сулькевича до конца сохраняло немецкую ориентацию. Оно не чуждо было тенденции сепаратизма. Министр иностранных дел по вопросу о «независимости» Крыма вел таинственные переговоры с турками. Во внутренней политике правительство, несмотря на эсеровское прошлое одного из влиятельнейших министров — Джафара Сейдамета, ни в какой степени не претендовало на связь с «демократией» и даже распустило все органы местного самоуправления, избранные на основании законов Временного Правительства. «Протесты» демократии не смущали Сулькевича, и когда в конце октября собрание губернских гласных нескольких крымских уездов пыталось выносить какие-то постановления протеста, полиция просто разогнала собравшихся.

О подобных событиях Налбандов в своей записке умалчивает и пытается создать впечатление, что правительство стремилось организовать подлинное народное представительство, но что немцы и слышать не хотели ни об «ответственном» правительстве, ни о созыве крымского сейма. Позиция немцев вполне понятна. Они пришли на Украину и в Крым прежде всего в надежде на *немедленный* хозяйственный эффект. Все,

что могло в какой-либо степени стеснять или ограничивать их хозяйничание в оккупированных областях, решительно ими устранялось. Поэтому немцы, действительно, ни за что не хотели допускать ни созыва сейма, ни создания правительства, «ответственного» перед кем бы то ни было помимо немецкого штаба. Они никогда не скрывали, что главнейшая цель их появления в Крыму — выкачать оттуда все, что возможно, для голодной Германии. Неудивительно поэтому, что, когда обсуждалась подлежащая обнародованию декларация правительства Сулькевича, немцы особенно энергично спорили по поводу пунктов, говорящих об ограничениях вывоза продуктов из Крыма. Несмотря на плохой урожай в Крыму и грозящий ему голод, они даже в торжественную декларацию, которая, в общем, мало к чему обязывала, не хотели включить ничего, что могло бы, хотя бы на словах, помешать вывозить продовольствие из Крыма.

С уходом немцев ген. Сулькевич вынужден был ретироваться. На сцене появилось правительство С. С. Крыма.

Оно вышло из недр земского и городского самоуправления и очень кичилось таким «законно-демократическим» происхождением, считая себя чуть ли не самым демократическим правительством в мире.

«Призванное к власти,—заявляет в своей «справке» Винавер,—демократическим губернским земским собранием и опираясь в своей деятельности на периодически созываемые съезды представителей земств и городов, коим правительство представляло ежемесячно отчет о своей деятельности, правительство отменило все установленные немцами и прежним правительством стеснения по отношению к свободе слова, печати и собраний и все ограничения по отношению к органам самоуправления, проводя выборы во все органы местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права. В течение 5 месяцев не было никаких эксцессов со стороны каких-либо органов правительственной власти в смысле стеснения свободы граждан.»

Это утверждение Винавера в части, касающейся «стеснения свободы граждан» очень далеко от истины. Даже Бобровский, другой член правительства, — социалист и корректировавший «справку» Винавера, — вынужден признать здесь некоторую неточность. В действительности, в Крыму, под властью С. С. Крыма, господствовал обычный для белой власти произвол, решительное подавление рабочего движения и беспощадное преследование всего заподозренного в близости или симпатиях к большевизму. В это время в Крыму были массовые аресты и бессудные казни. Все это очень плохо гармонировало с постоянными заявлениями власти о своем демократизме. Приходилось итти на дипломатические хитрости. Когда факты произвола и бесчинств стали очевидными, их пытались прикрыть разговорами о том, что во всем, дескать, виноваты добровольцы, с которыми нет слада и которые против воли правительства бесчинствуют, искореняя большевистскую крамолу. Стали усиленно говорить о крупных разногласиях между Деникиным и краевым правительством.

В этих разговорах была доля истины. Разногласия, действительно, были, но совсем не по вопросу о большем или меньшем демократизме внутреннего режима. Деникин просто хотел прибрать к своим рукам Крымское «государство», а последнее пыталось отстаивать свою независимость. Впрочем, и здесь спор шел не в принципиальной плоскости — быть Крыму самостоятельным государством или нет, — а лишь о времени, когда должно прекратиться автономное существование краевого правительства.

В недавно вышедшем V томе «Очерков русской смуты» Деникина имеются любопытные данные, рисующие вопрос о спорах Крыма с Деникиным совсем в ином свете, чем

это делается и в «справке» Винавера, и в многочисленных мемуарах других деятелей правительства С. С. Крыма.

Оказывается, что еще до своего официального рождения правительство С. С. Крыма по своей инициативе вступило в сношения с Деникиным, прося его о военной помощи и договариваясь об общей политике. В Екатеринодар посылается будущий министр внутренних дел Богданов. Позже сам С. С. Крым в письмах к Деникину спешит заверить его, что новое демократическое правительство «с таким же нетерпением призывает и ждет единую и великую Россию», как и сама Добровольческая армия, исконная носительница этих идей. Мало того, С. С. Крым в этих письмах признавал «необходимость при содействии Добровольческой армии борьбы со скрытой и временно подавленной присутствием германских войск организацией анархических элементов Крыма».

Итак, борьба с «анархическими элементами» происходила далеко не помимо воли правительства С. С. Крыма, и не только с его ведома, но прямо по его заданиям и уж, конечно, с полной его ответственностью. С. С. Крым и Деникин смотрели на задачи «водворения порядка» одинаковыми глазами, но для того, чтобы примирить крымскую демократию с Добровольческой армией, по просьбе Винавера (министра внешних сношений), «ввиду сильной агитации, враждебной Добровольческой армии, обвиняемой в реакционности, антисемитизме и антидемократизме», было передано официальное заявление, что армия прибывает в Крым «исключительно с целью поддержания порядка, не вмешиваясь во внутренние дела.., не преследует реакционных целей, не предрешает будущих форм правления.., относится с величайшим негодованием к попыткам восстановить одну национальность, один класс против другого...»

Такой либеральной завесой Деникин и С. С. Крым прикрывали истинную сущность своего общего дела.

В «справке» Винавера много внимания уделено вопросу о взаимоотношениях с союзниками.

Крым входил в зону французского влияния. Этот вопрос в «справке» затрагивается лишь вскользь и к тому же не точно. Из слов Винавера (п. 8) создается впечатление, будто разграничение сфер влияния между французами и англичанами имело место лишь после появления союзной эскадры в Севастопольском порту, в конце 1918 года. Между тем соглашение о сферах влияния в России было заключено между Францией и Англией еще в декабре 1917 года, т.-е. чуть ли не через несколько дней после Октябрьского переворота. По этому соглашению в зону французского влияния на юге России входила территория к западу от линии, проведенной от Босфора через Керченский пролив, к устью Дона и дальше по Дону на Царицын (английская зона распространялась на восток от этой линии).

На основе этого соглашения французы осенью 1918 года начали интервенцию на юге России, но фактически успели занять лишь Одессу с небольшим примыкающим районом и некоторые пункты Крыма (главным образом — Севастополь). В этих местах они, конечно, были полными хозяевами положения, малейшее предписание которых тотчас беспрекословно выполнялось всеми местными властями.

Однако французам неудобно было осуществлять свою власть открыто. Они предпочитали находиться не на авансцене, а за кулисами, и постоянно пытались выдвинуть на первый план какое-либо самостоятельное, послушное правительство. Это было необходимо для оправдания интервенции как в глазах местного русского, так и отечественного

французского «общественного мнения». В Одессе дело организации местной власти подвигалось очень туго. Было слишком много претендентов на власть, между которыми велись нескончаемые споры. В конце концов, после многомесячных переговоров, французское командование перед лицом наступающих с севера советских войск вынуждено было махнуть рукой на игру в «невмешательство в русские дела» и открыто взять в свои руки всю полноту гражданской и военной власти. В Одессе к концу интервенции был полностью осуществлен неприкрытый оккупационный режим.

Иначе обстояло дело в Крыму. Здесь к моменту прихода французов существовало самостоятельное краевое правительство. Французский генерал Франше д'Эспере, прибыв в Севастополь из Одессы сейчас же после осуществленного им там «переворота», когда была сконструирована оккупационная власть, был приятно поражен картиной крымского единовластия. Генерал расточал любезности крымчанам и не мог нахвалиться организованностью местной власти. Казалось, все сулило самое полное и мирное содружество кабинета С. С. Крыма и французского командования. Началась игра в «независимое правительство» и не вмешивающихся в русские дела «благодарных союзников», лишь помогающих «бедной России» в ее борьбе с большевизмом.

Игра разыгрывалась по всем правилам искусства до тех пор, пока это нужно было французскому командованию. Когда выяснилось, что интервенция должна быть ликвидирована, фарс тотчас был прекращен, причем сделано это было с цинизмом и грубостью поистине изумительной. Высший французской властью в Крыму был армейский полковник Труссон. Он совсем не был дипломатом и привык к колониальным приемам политики. Как только «правительство» оказалось полковнику Труссону ненужным, он решил, что стесняться больше нет надобности. Кончилась вся эта история для крымских министров очень печально. Полковник заподозрил их в каких-то финансовых махинациях с государственной казной и... арестовал их, чуть ли не как проворовавшихся жуликов.

Мы вспоминаем эпизод с арестом правительства (о нем в смягченной форме говорит публикуемый журнал заседания совета министров на пароходе «Надежда»), как один из образчиков отношения интервентов к белому правительству. Это пример далеко не исключительный. Именно так всегда относились союзники (а до них и немцы) к подставным и неизменно послушным контр-революционным правительствам. На юге России и на севере, в Сибири, и на северо-западе на подступах к Петрограду — везде французы и англичане организовывали, поддерживали и руководили белым движением. Российская контр-революция шла на поводу у союзников. Виднейшие лидеры всех мастей, укладывающихся в широкий диапазон от монархистов до социалистов, послушно выполняли приказания извне.

Французы в районе своей интервенции предпочитали иметь дело с «демократическими» слоями контр-революции. Они неоднократно указывали на желательность присутствия во всех органах и во всевозможных заграничных делегациях и представительствах русских социалистов. Социалистический ярлык был нужен для того, чтобы изысканное общественное мнение республиканской Франции не было шокировано слишком явной реакционностью авантюристического предприятия интервенции. Однако решающим критерием для оказания поддержки тем или иным контр-революционным группам, претендующим на руководящую роль в движении, оказывался критерий не большей или меньшей демократичности, а реальной военной силы.

Французы пришли на юг России для борьбы с большевизмом и для осуществления своих империалистических притязаний. И то и другое требовало значительных военных

сил. Французы располагали и своими собственными войсками и войсками колониальными. В их распоряжении были также и греки. Но все это были очень ненадежные силы. В условиях послевоенной обстановки очень трудно было вновь побудить войска итти в сражение. Это было не только трудно, но и рискованно, так как легко могло вызвать революционную вспышку в оккупационных войсках (в действительности так оно в конце концов и случилось). Поэтому французы искали живую военную силу на месте. Они готовы были войти в сношение и поддерживать кого угодно, кто мог бы предоставить в их распоряжение достаточное количество войск. Они вели переговоры и вступали в сношения в одно и то же время и с Деникиным, и с демократическим правительством Крыма, и даже с Петлюрой. Союзные войска присылались на юг в большом количестве [1]), но французское командование принимало все меры, чтобы эти войска шли в т ы л у у русской белой армии.

Разбить большевиков и утвердить свое «влияние» на юге России, по возможности не потеряв ни одного французского солдата, — вот задача, которая стояла перед французской интервенцией.

Ал. Гуковский.

Печатаемые ниже материалы хранятся в Архиве Октябрьской Революции Центрального Архивного Управления Крымской АССР, куда были переданы Таврическим обществом истории, археологии и этнографии в 1926 г.

Записки В. С. Налбандова написаны на обыкновенной школьной тетради, в мягкой розовой обложке, принадлежавшей, повидимому, его дочери, так как на обложке имеется надпись, сделанная детским почерком: «Тетрадь для пения ученицы I класса Е. Налбандовой».

Авторского заголовка записки не имеют. Написаны по старой орфографии, мелким и довольно затруднительным для чтения почерком, и занимают 48 страниц, из коих 28 вшиты в тетрадь дополнительно. Приложения к запискам даются нами в порядке, указанном автором, и с теми пометками, кои на них имеются. Часть приложений является подлинниками, часть копиями, некоторые напечатаны на машинке, другие написаны рукой Налбандова, о чем нами сделаны соответствующие оговорки в подстрочных примечаниях.

«Справка» М. М. Винавера также написана на ученической тетради в синей плотной обложке и занимает неполных 33 страницы. На обложке тетради имеется надпись, сделанная рукой П. С. Бобровского: «Справка о деятельности Крымского правительства и причинах его падения, сост. мин. вн. сношений М. М. Винавером, с примечаниями и дополнениями министра труда П. С. Бобровского».

Все подстрочные примечания к «Справке» Винавера, помеченные инициалами «П. Б.», являются примечаниями П. С. Бобровского и подписаны им же и в подлиннике. Но дополнения, о котором он несколько раз упоминает в тексте своих примечаний, нет, и, повидимому, он его написать не успел.

Метод писания записок разный. Налбандов описывает пространно, шаг за шагом, деятельность «правительства» и свою роль в нем. Винавер дает краткую, якобы, объективную «справку» общего характера. Налбандов снабжает свои записки «приложениями», из которых иные являются особо ценными, так как вскрывают закулисную сторону деятельности «правительства»; Винавер ограничивается приложением одного лишь протокола заседания «совета министров» на судне «Надежда» (мы перепечатываем здесь этот протокол, хотя он уже опубликован в «Архиве Революции», т. II, стр. 135—142).

---

[1]) Всех оккупационных войск на юге России, в Крыму и Одессе в период французской интервенции было прислано приблизительно около 45—50 тыс. чел.

Для большей связи между записками мы сочли возможным дать в приложениях, кроме материалов записок, два документа, авторами записок не приложенные.

Это — «правительственное сообщение» Сулькевича о сдаче власти С. Крыму и декларация «кабинета» С. Крыма о программе его деятельности, хранящиеся в Крымцентрархиве в фонде Крымского краевого правительства.

Текст публикуемых материалов подготовил к печати и снабдил примечаниями И. Н. Прохоров.

Редакция.

1.

Записки В. С. Налбандова [1]).

История возникновения «Крымского правительства» и его деятельности в будущем, несомненно, составит главу истории русской революции, и, думается, необходимые материалы должны быть сохранены всеми участниками этого глубоко печального периода жизни России. Часть этих материалов могу дать в связном изложении, вероятно, я один, и только это и вынуждает меня взяться за перо.

Вступление германских войск в Симферополь, происшедшее 18 апреля 1918 г., застало полное безначалие. Три губернских комиссара—П. И. Бианки [2]), Поливанов [3]) и Озенбашлы [4]) вновь появились на свет божий и «вступили в исполнение своих обязанностей», но чувствовалось, что эта стадия революции уже изжита, что сами комиссары не верят в свою власть и не решаются ею пользоваться даже в тех слабых размерах, в каких они делали это при Совете народных представителей [5]). В сущности, все были убеждены, что германцы установят свое управление под главенством военного генерала, что стало казаться особенно вероятным после энергичной высылки немцами украинских эшелонов, первыми вошедших в Симферополь. Однако время шло, сдался и Севастополь [6]), а немецкое начальство не создавалось. Под давлением необходимости начали один за другим пробуждаться от большевистской летаргии губернские учреждения, возродился суд, и невольно встал вопрос о губернском центре. По слухам, В. П. Поливанов в свои частые посещения штаба немецкого командования пытался привлечь его симпатии к комиссариату, но из этих попыток ничего не выходило. Власть фактически сосредоточилась в руках так называемого «чиновничьего парламента» [7]), состоящего из глав губернских учреждений, собиравшихся не то под главенством губернского комиссара, не то дававших ему указания. В это-то время в квартире Д. А. Крыжановского [8]), по инициативе гр. В. С. Татищева [9]), с которым я встретился вновь впервые после 1899 года, когда он служил в хозяйственном департаменте, собрались Татищев, Харченко [10]), Кипчакский [11]) и я. Гр. Татищев, объясняя причину приглашения им, человеком в Крыму совершенно новым, нескольких общественных деятелей, указал на то, что побудило его к такому шагу. В его квартире поселился командовавший германским отрядом генерал Гальвиц (уступивший затем свое место ген. Кошу), который заявил Татищеву, что германское командование испытывает чувство глубокого

недоумения. Около месяца оно занимает Крым и совершенно не понимает, где бывшие деятели, руководители жизни края до-большевистского периода. «К нам приходят социалисты, с которыми мы не хотим иметь дела, а других групп точно не существует, — так приблизительно говорил Гальвиц, — а между тем мы ждем обращения их к нам для создания власти в Крыму». Наше совещание не пришло к определенным выводам, но все же решили попытаться как-нибудь вызвать к жизни совершенно запуганное и разбитое большевиками и, вообще, революцией «общество». Попытка была сделана: в течение мая было устроено три частичных совещания с довольно переменным составом из губернских и уездных земских и городских гласных, начальников отдельных учреждений, землевладельцев, представителей банков и торговцев Симферополя. На этих совещаниях был выработан меморандум, который должен был быть доложен особому большому совещанию, состав которого так и остался неопределенным. Уже к концу выработки основных положений участникам совещания стало ясно, что ждать активной работы общественных сил пока нельзя — испуг и растерянность были еще слишком сильны. В прилагаемом меморандуме (док. № 1) *) следует особенно отметить, что Крым уже тогда мыслился как временно самостоятельный край. Да и нельзя было мыслить иначе, так как германцы выдворили украинские войска только за Перекоп, приняв, таким образом, фактически границу, установленную 3-м универсалом. Вообще, по моему мнению, во все это смутное время Крым — как отдельная единица, — конечно, временно отдельная, — мыслился далеко не одними татарами — так и в наших совещаниях было татар 2—3 человека, да и те совсем не из лагеря сепаратистов, а говорили все члены только об упорядочении жизни в Крыму и управлении Крымом **). Уже к концу наших совещаний возникли слухи о том, что германское командование поручает сформирование Крымского правительства татарскому парламенту [12]). Слухи стали особенно упорными с момента, когда в Симферополь приехал Д. Сейдамет [13]), который прямо с поезда явился в парламент, где произнес большую речь, а прямо из парламента сделался «гостем» германского командования и, кажется, неделю провел в «Европейской» гостинице без права выхода. Действительно, слухи оправдались, и в конце мая Сейдамет приехал ко мне с заявлением, что ему поручено ген. Кошем сформирование кабинета, и с просьбою о вступлении в кабинет представителей крымских немцев и моем, в частности. Представителем от губернского комитета крымских немцев [14]) я был и в совете народных представителей, в заседаниях губернского комитета участвовал во все серьезные моменты, и поэтому обращение ко мне Сейдамета явилось вполне понятным. Направив его к председателю губернского комитета [15]), я в то же время принял необходимые меры, чтобы выяснить, насколько

*) См. отдельно ниже № 2. (*Прим. ред.*)

**) Так в подлиннике. (*Прим. ред.*)

это было возможно, у немецкого командования создавшееся положение. Положение было, несомненно, довольно сложным. Личные качества Сейдамета, выяснившиеся во время нахождения его во главе Крымского штаба, и особенно бегство его и оставление несчастных офицеров штаба на произвол судьбы без указаний, без роспуска, забота о спасении себя и полная беззаботность о том, что будут делать подчиненные ему люди, из которых многие заплатили жизнью только потому, что до конца остались верны начинаниям штаба [16]) — все это не могло располагать к вступлению в кабинет с таким премьером во главе. Но премьер этот был указан татарским парламентом, который германский штаб считал единственной организованной силой в Крыму, и которому он уже поручил составление кабинета. При этом штаб совершенно недвусмысленно давал понять, что им будет оказана кабинету всякая поддержка: деньгами, вооруженной силой и доставкой необходимых материалов и машин из Германии. «Дайте нам деловой кабинет, с которым мы могли бы работать для блага вашего края и упорядочения его», — так говорили Кош и его штаб.

Все же недоверие к такому кабинету было очень сильно, и когда был созван губернский комитет и явившиеся в заседание Сейдамет и Аблаев [17]) вновь изложили все свои предположения и заявили, что у них есть уже принципиальное согласие на вступление в кабинет С. С. Крыма [18]) и еще кого-либо из партии народной свободы, то решение было принято такое: губернский комитет крымских немцев, считая согласие к.-д. на вступление в кабинет установленным, соглашается дать своих представителей, но при том лишь условии, что создаваемое министерство будет совершенно самостоятельным и не должно отчитываться перед курултаем, или татарским парламентом. Сейдамет отстаивал подотчетность хотя бы премьера, как лица, выдвинутого парламентом, но ему было указано, что подотчетность премьера есть ответственность всего кабинета, а потому и премьер должен быть освобожден, свободен от особливой ответственности перед курултаем. Сейдамет принял оба положения и поехал в Ялту, чтобы окончательно переговорить с к.-д. Ему было также указано, что немецкая группа рекомендовала бы включение в кабинет Вл. В. Келлера [19]).

По возвращении из Ялты Сейдамет сообщил губернскому комитету, что состав министерства намечается из девяти членов, причем членов этих должны дать поровну татары, немцы и партия к.-д., что с последними все улажено и что 3—6 июня в Симферополе состоится губернский съезд к.-д., через который хотят провести намеченных кандидатов. Я уехал к себе на дачу, куда, — если не ошибаюсь, 4 июня,— приехал Сейдамет с просьбою ехать в Симферополь для переговоров с к.-д. В переговорах, которые велись у меня на квартире, участвовал С. С. Крым, В. В. Келлер, Д. Сейдамет и Д. Аблаев, председатель татарского парламента; от немецкой группы были я и присяжный поверенный Гейне, председатель губернского комитета. К.-д. были выдвинуты следующие положения: 1) соглашаясь на приглашение премье-

ром татарина, они не согласны на занятие этого поста Сейдаметом; 2) кабинет не должен быть ответственным перед курултаем; 3) в кабинете не должно быть особого министра иностранных дел и 4) члены кабинета должны быть указаны или хотя бы допущены губернским земским собранием, которое должно состояться 5 июня.

Второе предложение было требованием и немецкой группы, которая полностью поддержала и первое пожелание к.-д. К чести Сейдамета надо сказать, что он довольно легко согласился с предъявляемым отводом, и кандидатом в премьеры С. С. Крымом был тут же указан Д. Аблаев. Тот долго отказывался, указывая на свою совершенную неподготовленность, но Крым настаивал на этой кандидатуре, подчеркивая, что для Сейдамета будет совершенно не обидно уступить премьерство лицу, стоящему во главе национального парламента. Во всяком случае, оба первые вопроса были решены совершенно согласно с желаниями к.-д. По третьему вопросу мы отказались уступить, так как, при неопределенности создавшегося положения и будущей судьбы Крыма, национальности, нами представляемые, т.-е. немцы и татары, видели в этом министерстве возможность обеспечить свои будущие судьбы, если бы явилась необходимость в оставлении ими Крыма (для немцев, по крайней мере, такая необходимость предусматривалась и очень горячо обсуждалась как раз в это самое время, и были даже отправлены особые ходоки для осмотра земель в различных местностях вне Крыма. Губернский немецкий комитет никогда не сочувствовал, насколько я знаю, этим начинаниям, но, конечно, не мог их игнорировать, так как диктовались они всеми теми невзгодами, которые пережили крымские немцы в годы войны). Четвертый пункт мы предложили понимать так, что официальных выборов не будет, но выбор лиц будет произведен сообща, и нежелательные для какой-либо из групп кандидаты будут своевременно устранены. Как бы то ни было, был момент, когда казалось, что все трения улажены, и кабинет намечался в таком составе: председатель — Д. Аблаев, от татар, кроме него, — Д. Сейдамет и Сулькевич [20]), от немцев — Налбандов, Рапп [21]) или, по желанию к.-д., Шредер [22]) (третье лицо окончательно не было намечено, но говорили о гр. Татищеве), от к.-д. — Крым, Келлер и Набоков [23]) или кн. Оболенский [24]). С. С. Крым тут же написал письмо, которое должно было быть на другое утро отослано Набокову с приглашением приехать в Симферополь для окончательных переговоров. Это было часа в 2 дня, причем, ввиду важности вопроса, Крым передал даже кому-то председательствование в губернском собрании, которое заседало с утра.

Но к вечеру все уже резко изменилось. Часов в 10 вечера Келлер сообщил мне по телефону, что губернским собранием выдвинуто новое требование: 5 мест уже не к.-д., а губернскому собранию, и ультимативно отрицается министерство иностранных дел. Я сообщил эти требования участникам переговоров, и таковые были признаны прерванными окончательно.

На следующее утро Крым и Келлер были у меня рано утром и сообщили подробности заседания. Нельзя не отметить характерного замечания В. В. Келлера, который был явно огорчен происшедшим разрывом: «Мы шли в губернское собрание, а попали в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов». Замечание — глубоко справедливое и многое объясняющее [25]). Крым и Келлер сидели еще у меня, когда приехал Сейдамет, совершенно угнетенный неудачей соглашения, казавшегося уже налаженным путем ряда сделанных им и татарским парламентом уступок, и сообщил нам, что идет к Кошу отказаться от возложенного на него поручения. Казалось бы, что такой исход должен был бы всех обрадовать, но в ту минуту вместо радости возникали самые разнообразные опасения. Надо сказать, что тянувшиеся безмерно долго переговоры, не приведшие в конце концов ни к каким результатам, вызывали в германском штабе неисправимое уже раздражение и угрозы передать Крым Украине, уже воинствующей и не скрывающей своих стремлений не только к самостийности, но и к украинизации, рассылающей свои приказания и циркуляры школам и учреждениям. По словам Сейдамета, в последние дни ему с трудом удавалось сдерживать требование штаба дать скорее окончательный ответ о составе кабинета, так как благоприятный исход переговоров был штабу им гарантирован на основании предварительных соглашений в Ялте и здесь. И вдруг теперь оказывалось, что весь налаживавшийся аппарат распадался окончательно. В большом смущении мы ожидали, что́ предпримет германское командование. Но в этот же день, около 1 часу дня, когда я пришел на квартиру моей сестры, меня уже ждал там генерал-лейтенант Сулькевич с предложением вступить в кабинет, который ему германский штаб только что поручил организовать. В разговоре о составе кабинета я указал Сулькевичу на всех тех лиц, которые намечались в состав кабинета накануне, причем он выразил полное согласие вступить с ними в переговоры. Окончательный свой ответ я отложил до выяснения результатов этих переговоров и временно уехал даже к себе на дачу.

Через несколько дней выяснилось, что гг. Крым и Келлер сделанные им предложения отклонили. Вновь началось обсуждение вопроса в губернском немецком комитете, причем специально отправленная в германское командование делегация указала на то, что наша группа предпочитает при создавшихся условиях уклониться от участия в кабинете. Однако штаб заявил вновь о полной своей готовности поддержать все начинания будущего правительства в деле упорядочения края, прямо объявив, что при неудаче формирования кабинета Крым будет присоединен к Украине. При этих условиях губернский комитет признал участие немецкой группы в формировании кабинета неизбежным и делегировал в него меня и Т. Г. Раппа.

Привожу полностью полученное мною поручение: «Многоуважаемый Владимир Сергеевич. Вся ваша долголетняя общественная деятельность и ваше справедливое отношение к немцам-колонистам во

время их притеснения старым правительством дают нам уверенность, что вы в качестве члена краевой власти употребите всю свою энергию, знания и опытность на культурное и экономическое развитие нашей родины — Крыма, а потому мы просим вас войти от союза немцев в Крыму в состав формируемого ген.-лейт. Сулькевичем краевого правительства. Центральный комитет союза немцев в Крыму» (док. № 2) *).

Так создалось правительство Сулькевича [26]), в составе которого я пробыл с 25 июня до 9 сентября. История его деятельности за это время, конечно, ясна из его распоряжений, своевременно публиковавшихся. Но не опубликовывались сношения кабинета с германским штабом и попытки уладить отношения с Украиной; на них следует остановиться подробнее.

Впервые мне и, вообще, всему будущему правительству пришлось познакомиться с ген. Кошем и его штабом еще до официального представления ему декларации. Во время ее составления возникло разномыслие о сроке существования будущего кабинета. Я настаивал на том, чтобы в самой декларации было указано на предстоящий созыв Крымского сейма, которому и будет передана власть и организация правительства. Я указал, что только что я участвовал в переговорах, во время которых для меня, как и для других их участников, была совершенно ясна необходимость созыва сейма, а потому я никоим образом не считаю возможным отступить от этой точки зрения и войти в кабинет, срок полномочий которого не будет ограничен пределами крайней необходимости. Моя точка зрения не встречала особых возражений, но оказалось, что разрешение этого вопроса не безразлично для немецкого командования. Для его выяснения весь будущий кабинет отправился к ген. Кошу, и здесь после довольно длинных переговоров с ген. Кошем и его начальником штаба майором Риделем были составлены два письма (14 июня). Сулькевич писал: «До образования кабинета я хотел бы знать, может ли быть поставлен в его программу вопрос относительно выборов в Крымский парламент» (док. № 3) **). Ген. Кош ответил: «Вопрос о выборах в парламент было бы целесообразнее отложить, пока в Крыму наступит полный покой и порядок». Эта несколько уклончивая редакция была продиктована Риделем, но ответ был ясен: в декларации срока выборов устанавливать нельзя. Невольно возникает, конечно, вопрос, а почему же было нужно согласие штаба на декларацию. Ответ ясен уже из предыдущего — если мы хотим избежать подчинения Крыма Украине, необходимо было согласовать наши начинания с требованиями штаба. Но было еще более серьезное основание. Во второй половине июня, когда писалась декларация, было уже совершенно ясно, что Крым ждет средний или ниже-средний урожай озимых и совсем плохой яровых хлебов. Надо было во что бы то ни стало и какой бы то ни было ценою добиться того, чтобы

*) См. ниже № 3. (*Прим. ред.*)
**) См. ниже № 4. (*Прим. ред.*)

из Крыма не вывозился хлеб. Поэтому в декларации было определенно указано, что устанавливается безусловное временное воспрещение вывоза из Крыма всех сельскохозяйственных продуктов, за исключением фруктов в сыром виде. Само собою разумеется, что жизненную силу этот пункт приобретал только в том случае, если бы германское командование его приняло и обязалось исполнять. А так как этот пункт нельзя было провести в отдельном постановлении, то приходилось и всю декларацию подвергнуть обсуждению командования.

Итак, декларация была исправлена без указания срока выборов в парламент и 15 июня представлена Сулькевичем Кошу, который еще 14-го, во время наших с ним переговоров, заявил, что для обсуждения декларации ему нужно двое суток. Прошел указанный срок. Мы узнали только, что декларация отправлена с особым офицером в Киев, откуда она будет подтверждена по телеграфу. Однако прошло еще несколько дней — ответа не было. Тогда 20 июня нами был составлен особый меморандум (док. № 4) *), переданный ген. Сулькевичу, после чего мы, уверенные в том, что кабинет не будет образован, разъехались по домам.

Но 23 числа за мною приехал адъютант Сулькевича с просьбою немедленно приехать в город. Там на квартире у гр. Татищева я застал целую комиссию германских офицеров, во главе которой стояли майор фон-Бринкман, специально командированный из штаба принца Леопольда Баварского, главнокомандующего восточным фронтом германцев, и новый начальник штаба Коша — Энгелин.

В продолжение двух дней, с утра до поздней ночи, шло обсуждение декларации во всех пунктах, которые как-нибудь могли интересовать немцев. Много было затрачено сил с обеих сторон, многое нам удалось отстоять, но кое-что пришлось и уступить, что видно из сличения первоначального (док. № 5) и окончательного (док. № 6) **) текста декларации. Так, вопрос о Крымском парламенте потерпел новое изменение. После упомянутого выше письма Коша в проекте декларации было сказано следующее: «Приняв на себя власть в Крыму до времени, когда германским командованием будет признано возможным допустить организацию выборного ответственного краевого правительства». Фон-Бринкман, несмотря на предъявленное ему письмо Коша, (которым (письмом) он, повидимому остался очень недоволен), решительно запротестовал против этой редакции и, не изменяя положение дела о сроке выборов по существу, настаивал на полном исключении всяких указаний на соотношение между германским командованием и парламентом и лишь очень неохотно принял ту неудовлетворительную редакцию, которая помещена в последней декларации: «Вопрос об образовании ответственного выборного правительства будет

*) См. ниже № 5. (*Прим. ред.*)

**) См. ниже № 6. Текст декларации, обозначенной Налбандовым под названием «док. № 5», нами опускается, так как отличия его от текста опубликованного советом министров Сулькевича «Правительственного сообщения» почти исключительно редакционного характера. (*Прим. ред.*)

разрешен впоследствии, по соглашению с германским командованием» и т. д.

Как и нужно было ожидать, наибольшие споры вызвал пункт о воспрещении вывоза хлеба. Здесь обе стороны стояли одинаково упорно, и к концу дня 25 июня спор принял такой характер, что, казалось, все соглашение разрушалось. Но мы твердо стояли на своем, и вечером германцы уступили, выговорив лишь наше обещание, что мы отменим этот пункт, если будущие подсчеты докажут возможность вывоза хлеба без ущерба для интересов населения Крыма. Это было обусловлено в особом письме, написанном ген. Кошу министром финансов, в котором гр. Татищев вместе с тем указывал на необходимость получения Крымским правительством ссуды, под залог винной и табачной пошлины или акциза или под залог вин бывш. удельного ведомства, 50 миллионов марок. В ответном письме, тогда же сообща нами редактированном, ген. Кош давал обещание принять необходимые меры для скорейшего получения этой ссуды. Тогда мы еще этим обещаниям верили... Надо, однако, тут же сказать, что для меня несомненно, что верил своим обещаниям и ген. Кош, т.-е. верил в то, что он добьется их исполнения.

Поздно ночью 25 июня нового стиля декларация была подписана. Одновременно было подписано Кошем и обязательство *) признавать нашу декларацию, редактированное следующим образом (док. № 7): «Генер.-лейт. Сулькевичу. Имею честь подтвердить вашему превосходительству получение вашей декларации. Я приветствую образование вами, на основах этой декларации, правительства, которое начнет немедленно свою деятельность на благо страны». Продолжение этого письма является как бы совершенно неожиданным. «Окончательная судьба Крыма, — пишет далее ген. Кош, — должна определиться позднее. Но я знаю, что я в полном согласии с правительством жду, что оно на основе самостоятельности Крыма установит добрососедские отношения с Украиной, как это необходимо в интересах обеих соседних стран». Объясняется эта часть письма тем, что возникновение отдельного Крымского правительства первоначально в лице ген. Сулькевича было встречено Украиною крайне недружелюбно, что, конечно, вполне вытекало из тех притязаний, какие Украина имела на присоединение Крыма. Еще до 25 июня, т.-е. в тот период, когда остальные члены будущего правительства не имели права голоса, ген. Сулькевич обменялся с правительством Украины телеграммами, редактированными в довольно резком тоне. Фон-Бринкман, проезжая в Крым через Киев, был, очевидно, инспирирован в смысле побуждения Крымского правительства к более дружелюбному отношению к Украине. Но когда мы ему выяснили, что мы не видим решительно никаких оснований ссориться с Украиной и, в свою очередь, указали на ряд начавшихся

*) «Обязательство» нами отдельно не печатается, ввиду полного воспроизведения текста его в «Записке». «Документ № 7» представляет собой копию письма Коша на нем. языке, сделанную рукой Налбандова. (*Прим. ред.*)

уже тогда враждебных выпадов со стороны Украинского правительства, то он обязался на обратном пути остановиться в Киеве и там сделать все, чтобы убедить германское правительство в полном нашем миролюбии и готовности приехать в Киев, чтобы выяснить все основания недовольства еще не родившимся Крымским правительством. Как сугубая гарантия нашего миролюбия и был преподан официальный совет Коша, который, действительно, был дан «в полном согласии» с нашими взглядами на Украину и отношение к ней. Но в этом же письме подчеркивалось и признание германским командованием независимости Крыма от Украины, что, как мы надеялись, убедит лучше всяких других доводов тамошнее правительство в бесцельности враждебных по отношению Крыма действий. Надо сознаться, что и здесь мы горько обманулись, так как, ожидая известий от Бринкмана, не предпринимали попыток приехать в Киев для личных объяснений; вражда Украины крепла, а от Бринкмана так мы вестей и не дождались.

Не придерживаясь хронологической последовательности, изложу здесь всю историю наших сношений с Украиной. Когда выяснилось, что враждебные действия Украины (остановка почтовых и телеграфных сношений, запрещение вывоза и ввоза хлебов и товаров и т. д.) являются уже не результатом какого-то недоразумения, которое, как мы надеялись, удастся устранить, а представляют цепь совершенно планомерных действий, направленных к понуждению Крыма войти в состав Украины, мы серьезно задумались. В этот период деятельности кабинета не было еще в нем той шовинистической национальной розни, которая погубила его позднее, и все сходились в убеждении, что задачи кабинета есть благо населения Крыма, и поэтому для всех было ясно, что надо принимать все возможные меры, чтобы нарушить губительную для Крыма рознь. Но пути для этого намечались разные: скептики утверждали, что Украинское правительство будет слушаться только немецкой указки, и рекомендовали сразу к ней обратиться. Они оказались правы, и в конце концов на этот путь и пришлось встать, правда, гораздо позднее. Но некоторым из нас казалось совершенно недопустимым, чтобы Крым и Киев говорили между собою через немецкого переводчика, и мы горячо запротестовали. Мы не соглашались взять на себя ответственность за то, чтобы начать переговоры таким недопустимым для лица, считающего себя русским патриотом, путем, и настояли на командировании в Киев особого лица. Но враждебное отношение Киева зашло так далеко, что мы не решились дать этому лицу официальных полномочий, а решили первоначально отправить «экономического разведчика», которому, в случае его принятия Украиной, могли бы быть даны дополнительные полномочия. Таким разведчиком был избран присяжный поверенный В. Н. Каленский — личный знакомый Лизогуба [27]), долго живший на Украине. Едва успел он приехать в Киев, как разразилась забастовка [28]), и мы надолго оказались совершенно отрезанными и от Киева, и от нашего посла. Но еще до забастовки ко мне пришел председатель Симферопольской

группы к.-д. А. Я. Хаджи [29]) и просил принять и с полным доверием переговорить с Е. А. Галейзером [30]), едущим на Украину. И литературное имя Е. А., и рекомендация его Хаджи давали мне все основания говорить совершенно откровенно, и мы быстро сговорились. Вначале осторожно, а затем открыто Е. А. заявил мне, что, как человек, очень близкий к министерским кругам Украины, он хочет выяснить причины возникшей розни и принять меры к ее устранению. Он сообщил, что из состава кабинета Украины пять министров (помню имена Василенки и Гутника) настроены совершенно миролюбиво и охотно пойдут «на мировую», если Крым захочет наладить добрые отношения. Что это так, подтверждает участие их в особом обществе, учредившемся в Киеве, для содействия дружбе Крыма и Украины и содействия последней Крыму. Уставы эти Е. А. тут же мне показал. Когда я не менее откровенно изложил ему всю историю наших отношений и взгляды мои и моих товарищей по кабинету, то он прямо заявил мне: «Я должен признать, что у нас дело представляют себе совершенно неправильно и что здесь шовинизма меньше, чем в Киеве». Мы расстались друзьями и условились, что Галейзер употребит все усилия в Киеве, чтобы оттуда была послана нашему кабинету телеграмма с предложением прислать кого-либо для переговоров, а я постараюсь, чтобы наш кабинет снабдил это лицо возможно более широкими полномочиями для заключения мира. Вся наша беседа была мною сообщена совету министров. Однако время шло, а телеграммы не было. Тем временем уехали в Берлин гр. Татищев и Сейдамет [31]). Чтобы избегнуть проезда через Киев, они предполагали ехать из Одессы на Констанцу, как это и было условлено с местным германским командованием. Однако, продержав их в Одессе, их повезли все же на Киев, причем ехавший с ними офицер германского штаба из Одессы заявил гр. Татищеву в Киеве, что гетман хочет его видеть и просит его приехать. Татищев согласился, но когда он приехал к гетману, то тот совершенно неожиданно заявил, что он рад видеть Татищева, как частного человека, но не как крымского министра. Совершенно сбитый с толку, Татищев, в свою очередь, ответил, что он приехал только как крымский министр и по переданному ему немецким офицером желанию гетмана и что ему как частному лицу здесь делать нечего. Гетман ответил, что он о желании принять Татищева никому не говорил, и на этом все и окончилось.

Однако все это мы узнали гораздо позднее, а пока, вместо ожидаемой телеграммы, в Симферополь вновь приехал Е. А. Галейзер. В этот свой приезд он остановился у меня, где жил и П. Н. Соковнин, министр народного просвещения, и поэтому все разговоры мы вели уже втроем *). Теперь он уже прямо повел разговор о том, что необходимо нам договориться с Украиною, что «там» тоже хотят договориться,

*) Кстати сказать, вероятно, эти переговоры с Галейзером, хотя все они докладывались мною совету министров, послужили основанием для того, чтобы впоследствии мне было предъявлено обвинение, переданное мне В. Э. Фальц-Фейном [32]), в том, что я «продал» Крым Украине за десять миллионов. Как характер-

но что необходимым, совершенно необходимым условием является признание гетмана. Он предъявил, в качестве «частного проекта», 8 пунктов, на которых могло бы состояться соглашение. Первый из них говорил о том, что Крым является соединенным с Украиною, частью ее. Он должен был управляться особым наместником, назначаемым гетманом, при котором образовывался особый совет наместников. Все бытовые, религиозные и культурные особенности Крыма должны были быть сохранены. Существующее правительство должно было уйти, но уход должен был быть чисто формальным, ибо Сулькевич мог восстановиться в виде наместника, а мы — членов его совета. Последний пункт обещал за все это немедленное восстановление товарообмена и доставку необходимых продуктов. Мы заявили Галейзеру, что эти пункты так мало соответствуют настроению нашего кабинета и, как мы думаем, вообще крымского населения, что выдвигать их теперь значило бы еще более ухудшить отношения между Украиною и Крымом. Много часов обдумывали мы сообща создавшееся положение и решили на том, что составили проект телеграммы, которую Украинское правительство должно было послать нам, вызывая наших представителей в Киев. Вот эта телеграмма: «Не признавая возможным в переживаемую тяжелую историческую минуту отягощать судеб народов близкого Украине Крыма и не отказываясь от прав своих на Крым, повелительно диктуемых Украине государственными ее потребностями и экономическими требованиями жизни, но соглашаясь признать объявленную декларацией Крымского правительства самостоятельность полуострова, впредь до выяснения положения его на международной мирной конференции, Украинское правительство предлагает Крымскому правительству вступить немедленно в переговоры для устранения нежелательных последствий настоящего положения, для чего командировать в Киев уполномоченных лиц с целью выработать основание временного соглашения между Украиной и Крымом».

Этот проект, который должен был явиться мостом для перехода через пропасть, все шире раздвигавшуюся и уже грозившую всему фруктовому рынку Крыма неисчислимыми убытками, мы с П. Н. Соковниным в тот же вечер представили совету министров. Вначале он был встречен довольно недружелюбно, но нам удалось выяснить всю необходимость этого шага и в конце концов было решено, что если мы получим такую телеграмму, то представители поедут, но тут же был выработан и проект ответа, составленный Ахматовичем (док. № 8) *). Этот проект меня лично не совсем удовлетворял, но, по настроению

но это обвинение для нашего совершенно запутавшегося общества! В одно и то же время меня обвиняли одни в том, что я продал «независимость» Крыма Украине, другие в том, что, отстаивая эту же «независимость», я способствую отторжению Крыма от России, ибо «русский» мыслящий человек должен через Украину соединить Крым с Россией. Наконец, третьи прямо заявляли, что немцы нас наняли, чтобы обратить Крым в немецкую колонию. Не определялась только плата за этот наем. (*Прим. в подлиннике.*)

*) См. ниже № 7. (*Прим. ред.*)

того момента, лучшего добиться было нельзя, и даже то, что в конце концов было принято, приходилось считать большим успехом. Прочли мы этот проект Галейзеру. Он нашел его в общем приемлемым, но резким, и составил свой проект (док. № 9)*). Забрав оба документа, он в то же утро уехал в Киев, чтобы убедить там послать составленную телеграмму, а мы обещали ему употребить все усилия, чтобы ответная телеграмма была составлена возможно ближе к примирительному проекту Галейзера. К слову сказать, Галейзер уехал отсюда со своей семьей, жившей летом на южном берегу, в особом вагоне, данном ему по распоряжению из Киева, в руках которого находились все время южные железные дороги. Это давало, конечно, лишнее доказательство некоторой официальности его миссии и позволяло надеяться на установление хотя бы возможности для него встретиться лицом к лицу с деятелями Украины. Но и эта попытка не привела ни к чему — никаких телеграмм, ни известий ни от правительства, ни от Галейзера мы не получили. Наконец, последняя попытка за время моего пребывания в кабинете завязать сношения с Украиной произошла при следующих обстоятельствах.

Непрерывавшееся, несмотря на все наши настояния, хищение казенного имущества в Севастополе [33]) вынудило нас, наконец, попытаться путем посылки в Севастополь особого уполномоченного повлиять на личное благородство командного состава и хотя бы этим путем чего-нибудь добиться. Для этой цели был намечен, в силу различных соображений, кн. С. В. Горчаков [34]). Когда, в начале августа, он приехал в Севастополь, то вскоре у него установились вполне добрые отношения не только с немецким командованием, в лице адм. Гопмана и ген. Гальвица, но и с представителями Украины — адм. Клочковским и кн. Ливеном, которые были в Севастополе в момент прихода немцев, а затем выступили, по поручению украинских властей, их уполномоченными по делам флота [35]). Кн. Горчаков, зная вполне дружелюбное отношение наше к Украине, убедил Клочковского приехать в Симферополь, чтобы выяснить здесь отношение наше к совместному заведыванию нами и Украиной освещением маяков. 29 августа кн. Горчаков был у меня, затем ко мне же пришел адмирал Клочковский, и нами втроем было намечено соглашение не только по вопросам лоции и маяков, но и по делу охраны военно-морского имущества в Севастополе, попытки — одинаково безуспешные — делали и мы, и украинцы. Решено было в тот же день доложить наши переговоры совету, куда должен был быть приглашен и Клочковский, который обещал нам немедленно затем выехать в Киев или послать туда достаточно авторитетное лицо для окончания переговоров. Попутно мы обсуждали, вообще, наши отношения с Украиною, и Клочковский, лично вполне миролюбиво настроенный, обещал нам через морское ведомство попытаться воздействовать и на направление общей политики Украины.

*) См. ниже № 8. (*Прим. ред.*)

Составленный мною проект (док. № 10) *) соглашения был в тот же день доложен совету, в отсутствии Клочковского, затем был приглашен Клочковский, и с ним был обсужден дальнейший образ действий. В этом заседании отсутствовали Сулькевич и Ахметович, выезжавшие в Ялту, почему было решено, что по их возвращении принятие проекта советом в полном составе будет подтверждено особой телеграммой, после получения которой Клочковский выедет сам или пошлет своего представителя в Киев. На следующий день телеграмма была отправлена, после того как возвратившиеся члены совета присоединили свои подписи к проекту. Каковы были окончательные результаты этой попытки, не знаю, так как через 10 дней я вышел из состава кабинета [36]). Непосредственным же результатом выяснившегося при этих переговорах положения дел в Севастополе была отставка контр-адмирала Бурлея, назначенного г. Сулькевичем без ведома кабинета и занявшего во многих вопросах совершенно непонятную для нас позицию.

Таким образом все попытки завязать какие-либо отношения с Украиной не удались, хотя всеми возможными способами мы пытались довести до сведения украинских министров о нашей готовности вступить в переговоры. Но все это было ни к чему, так как, очевидно, для Украины в лице ее министерства было просто неприемлемо самое существование крымского кабинета. Нас много обвиняли за ту остановку в правильных почтовых, телеграфных и товарных сношениях, которую коротко прозвали таможенною войною. Но я положительно утверждаю, что кроме факта существования самостоятельного правительства Крыма мы решительно ничем не вызвали гнева Украины, так как за время с 25 июня до 9 сентября мы не получили ни одного требования, предложения или запроса Украины — с нами просто не разговаривали и всеми мерами добивались лишь одного — покорения Крыма. Не могу это назвать иначе, чем покорением, так как не только не делалось никакой попытки соглашения, но и все наши попытки оставались даже без ответа. Требовалось одно — капитуляция без условий. Но дала ли бы эта капитуляция что-либо Крыму? Я думаю, вопреки высказывавшимся ожиданиям, что если бы и дала, то не много. Главное, чего ждали все, — хлеба, — она бы не дала. Правда, после ухода немцев из Мелитопольского уезда пришло несколько вагонов с мукой, но это произошло после ухода германцев, а пришли ли бы эти вагоны при них, это — большой вопрос. Дело в том, что, в то время как мы обязали немцев не вывозить из Крыма зерна и муки, Украина была связана обязательством вывезти в Германию определенное число вагонов хлеба, а при ниже среднем урожае 1918 года обязательство это делало то, что, по отзыву приехавших к открытию Таврического университета гостей — профессоров из Киева и Одессы, в сентябре, т.-е. сейчас после умолота, хлебный паек в обоих городах был равен $^3/_4$ фунта, а мука стоила значительно дороже, чем в Крыму. Можно ли

*) См. ниже № 9. (*Прим. ред.*)

было при таких условиях рассчитывать на хлеб из Украины, даже при наилучших отношениях?

Ожидание получения ячменя и овса, совсем плохо уродившихся в Крыму, также были очень проблематичны, как мне говорил в августе начальник штаба германских войск, Энгелин, уверявший меня, что лошади германских войск на Украине получают только по одному килограмму зерна в день. Легче было бы получать сахар и картофель, но летом нужда в этих продуктах не была еще так высока, чтобы заставить Крым капитулировать. А что у населения Крыма не было особенного стремления к капитуляции, ясно показал съезд фруктовладельцев, состоявшийся, кажется, в конце июля или в начале августа; несмотря на ожидание многотысячных убытков, съезд не стремился к подчинению Крыма Украине и не вынес такого решения, несмотря на то, что некоторые его на такой выход наталкивали довольно откровенно.

Следует остановиться еще на истории наших отношений с германским командованием, особенно в области отстаивания военного имущества, безжалостно и с одинаковым, пожалуй, усердием разграбленного и немцами и нашими патриотами. Я уже говорил выше, что отношения эти, вначале дававшие нам все основания думать, что мы с помощью немцев сумеем справиться со всеми финансово-экономическими трудностями управления краем, довольно скоро привели нас к ряду разочарований. Заверения устные и письменные, дававшиеся высшею местною властью, игнорировались и в немецком центре — Киеве и Берлине, и на местах — отдельными комендантами. Нам обещали денег, — несмотря на ряд настойчивых требований, мы так их и не получили; обещали соблюдать декларацию, — об ее нарушении офицерами — комендантами и интендантами — мы сообщали штабу чуть ли не еженедельно. И злым гением всех непорядков приходится признать майора Энгелина, начальника штаба. Сам командующий генерал-от-инфантерии Кош оставил о себе наилучшее впечатление, так как он, несомненно, честно понимал даваемые обязательства и всеми силами старался их выполнить. Помню, как однажды после очень резкого выражения неудовольствия с нашей стороны по поводу несоблюдения одного из данных им обещаний, нарушенных из Киева, весь бледный от волнения, старик убеждал нас, что он — честный солдат и неспособен к таким дипломатическим «передержкам».

Еще при подписании декларации было решено, что гр. Татищев в ближайшие дни выедет в Берлин, чтобы там обосновать будущее нашей денежной системы, так как это, несомненно, было одно из существеннейших, если не самою существенною потребностью живущего самостоятельно Крыма. Но на время отсутствия Татищева и во избежание слишком больших прижимов в Берлине было выговорено, что под залог табачных пошлин, акциза с вина, а если нужно, то и вина, находившегося в удельных подвалах, нам дадут 50 миллионов марок. Все это было обусловлено с Бринкманом и Энгелином и закреплено

письмом Коша, которое тот написал на имя гр. Татищева. Но время шло, а мы ничего не получали: не только денег, но даже не получили паспортов гр. Татищев и Сейдамет, собиравшиеся уже выехать в Берлин. Мало этого, приехавшие в Крым из Киева фельдмаршал Эйхгорн и посол в Киеве бар. Мумм проехали через Симферополь, не останавливаясь, побыли в Севастополе, Ялте и Феодосии и уехали, не сделав даже попытки чем-нибудь оправдать полное игнорирование ими существования Крымского правительства. Я не помню точно, какую именно телеграмму прислал нам в тот день Кош, но эта телеграмма переполнила чашу нашего терпения, и мы все вместе отправились к Кошу объясняться. Взволнованный старик пытался всеми способами извинить неловкость своего начальства, но сам признал всю трудность нашего положения и просил только указать ему выход. Обсудив все его объяснения, мы решили поставить вопрос прямо. Я написал тут же в «Европейской» гостинице письмо, которое было принято почти без поправок (док. № 11) *). Тут же оно было переведено на немецкий и вручено Кошу. Тот был очень смущен резким тоном письма, а Энгелин прямо заявил: «да ведь это ультиматум!» Они оба настаивали, чтобы мы изменили письмо, но мы категорически отказались. В воздухе пахло разрывом. И сколько раз потом я жалел, что этот разрыв не наступил тогда! Это было 11 июля, т.-е. всего через 2 недели после подписания декларации. От скольких бесполезно-мучительных переживаний освободил бы нас этот разрыв! Но Кош и Энгелин совершенно недвусмысленно заявили нам, что наш уход приведет к передаче Крыма Украине, и мы согласились искать выход; кто-то предложил такой выход: мы не меняем нашего письма, но так как Энгелин заявил, что они не решатся сообщить в Киев такого письма, то пусть они примут его как заявление на словах. Штаб пошел на это и прислал нам ответ (док. № 12) **). Но, увы, ответ по существу дела нисколько не исправлял, хотя гр. Татищев немедленно получил паспорт [37]).

2.

Приложение к запискам № 1.
(Вариант 1.)

Меморандум совещания земских и городских гласных, землевладельцев и торговцев в г. Симферополе в мае 1918 г. *).**

Меморандум.

Перед лицом надвигающихся на родной и дорогой нам Крым грозных последствий все усиливающейся разрухи внутренних отношений, отсутствия власти, расстройства экономической жизни, полного зами-

*) См. ниже № 10. (*Прим. ред.*)

**) См. ниже № 11. (*Прим. ред.*)

***) Документ напечатан на пишущей машинке. Надпись в правом верхнем углу сделана рукой Налбандова. Внизу его же рукой написано: («мой проект»). (*Прим. ред.*)

рания торговли и промыслов, мы, нижеподписавшиеся, считаем своим общественным долгом высказать те наши пожелания, осуществление которых, по нашему глубокому убеждению, одно принесет мир и покой нашему краю в настоящее переходное время, пока не установились окончательно будущее устройство и судьба Крыма.

1) В Крыму должна быть восстановлена твердая, спокойная, правосудная власть. Мы полагаем, что власть эта будет принадлежать во все переходное время германскому главному в крае командованию; для осуществления же и разработки начинаний этой власти необходимо скорейшее восстановление нормального функционирования губернских и уездных учреждений на точном основании действовавших до революции о них положений и законов. Для согласования взаимных отношений отдельных органов управления надлежит создать губернский совет из начальников отдельных управлений. Совету этому должно быть присвоено право издания всех распоряжений, которые выходят из пределов власти отдельных губернских учреждений и которые учреждения эти получали раньше от высших государственных установлений России.

2) Особые заботы и внимание должны быть обращены на скорейшее восстановление финансового и налогового механизма; немедленное урегулирование средств государственного банка и казначейства даст возможность планомерного развития деятельности всех остальных органов власти в крае. Восстановление и потребное расширение деятельности органов суда предоставят возможность прекращения самосудов и успокоят общественную совесть строгим, но правомерным наказанием всех виновных. Только совместная энергичная деятельность этих двух важнейших отраслей управления создаст условия, необходимые для восстановления разрушенного торгового аппарата, уверенность в результатах промышленных и хозяйственных предприятий, надежду на кредит, фактическую его возможность и правовую его защиту.

3) Необходимо скорейшее восстановление и сохранение в полном объеме деятельности земских и городских общественных управлений. В целях восстановления связи между ними и всем населением края необходимо немедленное переизбрание гласных земских собраний и городских дум с ограничением круга избирателей лицами, участвующими в какой-либо мере в коммунальном обложении.

4) Необходимо восстановление свободы торговли и промыслов; за общественными учреждениями должно быть оставлено лишь право регулирования цен на предметы первой необходимости, о чем должно быть объявлено каждый раз за известный срок до вступления в силу издаваемых по сему поводу специальных постановлений. Губернскому же совету предоставляется право приостанавливать в случае необходимости вывоз из края предметов первой необходимости.

5) Необходимо немедленное понижение цен на главнейшие продукты питания (хлеб, овощи, мясо) с одновременным понижением цены на труд и с восстановлением права свободного договора.

6) Необходимо признание незыблемости права собственности и создание условий, благоприятных безболезненному разрешению всех спорных отношений, создавшихся на почве отрицания этого права.

7) Необходимо скорейшее восстановление возможно беспрепятственного железнодорожного и пароходного движения для доставки товаров, для поездок, для их закупки и для приезда в Крым рабочих из других губерний ввиду совершенной недостаточности рабочих рук для удовлетворения, главным образом, сельскохозяйственных нужд.

Приложение к запискам № 1.
(Вариант 2.)

Меморандум *).

Перед лицом надвигающихся на родной и дорогой нам Крым грозных последствий все усиливающейся разрухи внутренних отношений, отсутствия власти, расстройства экономической жизни, полного замирания торговли и промыслов, группа лиц, издавна посвятивших свой опыт и труд, познания и силы общественной и правительственной, земледельческой и промышленной, финансовой и торговой сфере местной жизни, считает своим общественным долгом высказать те пожелания свои, осуществление которых, по их глубокому убеждению, должно привести к скорейшему умиротворению и успокоению нашего края в настоящее переходное время, пока не установятся окончательно будущее устройство и судьба Крыма:

1) В Крыму должна быть установлена твердая, спокойная, правосудная власть. Мы полагаем при этом, что фактически эта власть будет принадлежать во все переходное время германскому главному в крае командованию; вместе с тем для осуществления и разработки начинаний, вызываемых насущными потребностями населения, а равно и для введения нарушенного событиями строя жизни в нормальное русло, необходимо скорейшее восстановление правильного функционирования ныне действующих правительственных и уездных учреждений на точном основании изложенных о них в своде законов положений. Для согласования взаимных отношений отдельных органов управления надлежит создать губернский совет из начальников отдельных управлений и представителей местных земских и городских самоуправлений. Этому совету должно быть присвоено право издания всех распоряжений, которые выходят из пределов власти отдельных губернских учреждений и которые исходили раньше от высших государственных установлений России.

---

*) Документ напечатан на машинке. Верхняя надпись сделана от руки Налбандовым. В конце имеется сделанная им же надпись: «(Переделка 1 варианта Гиммельфарбом)». Гиммельфарб Б. С. — симферопольский присяжный поверенный и общественный деятель. Член. симфер. гор. думы, училищного совета и др. организаций. Кадет. (*Прим. ред.*)]

2) Особые заботы и внимание должны быть обращены на скорейшее восстановление финансового и судебного аппаратов края. Только быстрое восстановление финансового и налогового механизмов, немедленное урегулирование средств казначейства и кредитных учреждений дадут возможность планомерного развития деятельности всех остальных органов власти в крае. — Восстановление в полной мере деятельности суда и необходимое в этих целях усиление штатов следственной и прокурорской власти дадут возможность рассчитывать на быструю репрессию и успокоят общественную совесть строгим, но правомерным наказанием всех виновных; этим же будет достигнуто и прекращение недопустимых самосудов. Только совместная энергичная деятельность этих двух важнейших отраслей управления создаст условия, необходимые для восстановления разрушенного хозяйственного и торгового аппарата, надежду на кредит, фактическую его возможность и правовую его защиту.

3) Необходимо скорейшее восстановление и сохранение в полном объеме деятельности земских и городских общественных учреждений. В целях укрепления связи между ними и населением края немедленно необходимо переизбрание гласных земских собраний и городских дум на основании действовавших прежде о них положений, с расширением круга избирателей предоставлением избирательных прав всем лицам, достигшим гражданского совершеннолетия, прожившим хотя бы год в данной местности и участвовавшим в течение этого срока в какой-либо мере в уплате окладных сборов.

4) Необходимо постепенное восстановление свободы торговли и промыслов; за общественными учреждениями должно быть оставлено лишь право урегулирования цен на предметы первой необходимости, о чем должно быть объявляемо каждый раз за известный срок до вступления в силу издаваемых по сему предмету специальных постановлений. Губернскому же совету должно быть предоставлено право приостанавливать, когда того потребуют обстоятельства, вывоз из края предметов первой необходимости.

5) Необходимо немедленное понижение цен на все предметы первой необходимости (главнейшие продукты питания, как то: хлеб, мясо, овощи, чай, сахар, а также на мануфактуру, керосин , обувь и т. п.) с одновременным понижением цен на труд и с восстановлением права свободного договора.

6) Необходимо признание незыблемости права собственности и создание условий, благоприятных возможно безболезненному разрешению всех спорных отношений, создавшихся на почве отрицания этого права.

7) Необходимо скорейшее восстановление возможно беспрепятственного железнодорожного и пароходного сообщения как необходимейшего условия для возрождения экономического и хозяйственного благосостояния края.

3.

Письмо ЦК союза немцев в Крыму В. С. Налбандову 20 июня 1918 г.*).

Владимир Сергеевич.

Вся ваша долголетняя общественная деятельность и ваше справедливое отношение к немцам-колонистам во время их притеснения старым правительством дают нам уверенность, что вы и в качестве члена краевой власти употребите всю свою энергию, знания и опытность на культурное и экономическое развитие нашей родины — Крыма, а потому мы просим вас войти от союза немцев в Крыму в состав формируемого ген.-лейт. Сулькевичем краевого правительства.

Центральный комитет союза немцев в Крыму.
А. Нефф [38]).
Ф. Штоль [39]).
Эд. Штейнвальд [40]).

Симферополь,
июня 20 дня 1918 г.

4.

Письмо ген. Сулькевича ген. Кошу и ответ ген. Коша 14 июня 1918 г.).**

14 июня 1918 г. Генералу Кошу.

До образования кабинета я хотел бы знать, может ли быть поставлен в его программу вопрос относительно выборов в Крымский парламент.

Сулькевич.

---

16 июня 1918 г. Генерал-лейтенанту Сулькевичу.

Вопрос о выборах в парламент было бы целесообразнее отложить, пока в Крыму наступит полный покой и порядок.

Генерал *Кош.*

5.

Меморандум Налбандова, Горчакова, Раппа и др. 20 июня 1918 г. *).**

Меморандум 7(20) июня 1918 г., 10 ч. утра.

Обсудив положение, создавшееся вследствие неполучения ответа от генерала-от-инфантерии Коша на правительственную декларацию, представленную ему 2(15) июня сего года генералом Сулькевичем от лица всех нас, нижеподписавшихся, мы, изъявившие согла-

---

*) Печатается с подлинника, написанного рукой Штейнвальда. (*Прим. ред.*)

**) Печатается с копии, сделанной рукой Налбандова; адреса на русском, тексты на немецком языке. Мы даем перевод. (*Прим. ред.*)

***) Документ представляет собой копию, напечатанную на машинке. Ни подписей, ни заверения не имеет. В правом верхнем углу сделана рукой Налбандова надпись: «Документ № 4». В левом верхнем углу напечатанная на машинке помета: «Передал краевому секретарю ген.-л. Сулькевича. 12(25) июня». (*Прим. ред.*)

сие на вступление в совет министров с генералом Сулькевичем во главе, пришли к заключению, что:

1) вопрос о создании в Крыму верховной власти требует немедленного и окончательного своего решения, ввиду настоятельной необходимости восстановить в крае порядок и законность и выяснить неопределенность положения как в смысле международных и общественно-политических, так и финансово-экономических отношений;

2) необходимость успокоения края требует незамедлительного ознакомления населения Крыма с намеченными правительством мероприятиями;

3) спешность в образовании краевой власти была признана самим генералом-от-инфантерии Кошем, обещавшим дать на представленную ему 2(15) июня сего года правительственную декларацию определенный и окончательный ответ в течение 48 часов с момента ее вручения, чего, однако, до сих пор не последовало;

4) для создания взаимного доверия между населением Крыма и краевым правительством представляется необходимым строгое проведение в жизнь намеченной правительственной программы и прежде всего обеспечение населения края продовольствием и источниками средств к существованию, с каковою целью необходимо немедленно же осуществить ту часть правительственной программы, которая касается безусловного воспрещения вывоза за пределы Крыма каких бы то ни было сельскохозяйственных продуктов и подлежащих обложению акцизом товаров;

5) для осуществления той же цели необходимо распространение данного воспрещения на всех без исключения, что, однако, пока не наблюдается, так как имеются сведения о вывозе чинами германской армии хлеба и необложенных акцизом табака и вина;

6) последнее обстоятельство вызовет со стороны населения Крыма справедливые упреки в недостаточно стойкой охране правительством интересов населения и богатств края и лишит краевое правительство единственных пока источников дохода;

7) давая свое согласие на вступление в краевое правительство, мы руководствовались единственной целью спасения Крыма от анархии, беззакония и обнищания, каковую цель, однако, при сложившихся условиях мы не надеемся выполнить, вследствие чего полагаем свое участие в краевом правительстве неприемлемым и самую возможность создания краевой власти сомнительной и маловероятной.

Подлинное подписали: *Налбандов, князь Сергей Васильевич Горчаков, Т. Рапп, Д. Сейдамет, Д. Фриман, граф Владимир Сергеевич Татищев.*

6.

Декларация Крымского правительства 25 июня 1918 г. *).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

Премьер-министр Крымского краевого правительства сим объявляет, что, закончив переговоры с представителями германского правительства, принявшими основные положения обнародываемой ныне декларации, он передает всю полноту власти составленному им Крымскому краевому правительству.

Премьер-министр *Сулькевич*.

12/25 июня 1918 г.

К населению Крыма.

С согласия германского военного командования, оккупирующего Крым для восстановления спокойствия и порядка, генерал-лейтенант Сулькевич принял на себя организацию правительственной власти. Вопрос об образовании ответственного выборного правительства будет разрешен впоследствии по соглашению с германским командованием, когда наступят в крае действительное спокойствие и порядок.

Образованное ныне генерал-лейтенантом Сулькевичем Крымское правительство, представляющее собою верховную власть в Крыму, доводит до сведения всего населения полуострова о тех началах, которыми оно будет руководствоваться в своей деятельности.

Крымское краевое правительство ставит своей задачей сохранение самостоятельности полуострова до выяснения международного положения его и восстановления законности и порядка.

Для восстановления нормальной жизни в крае правительство признает пока возможным сохранить в силе все законоположения государства российского, правомерно изданные до 25 октября 1917 года, оставляя за собою право незамедлительного пересмотра и упорядочения законодательства бывшего Временного Правительства и право издания новых законоположений.

Все должностные лица, служившие в Крыму, неправомерно уволенные после 2 марта 1917 года, могут подать заявления краевой власти о восстановлении в нарушенных правах: находящиеся на территории Крыма в течение 2 недель, остальные в течение 6 недель со дня опубликования сей декларации.

Точно так же все должностные лица, состоящие к моменту опубликования декларации на государственной службе, обязуются в те же сроки подать по начальству заявления о своем желании продолжать службу в соответствующем учреждении при современном краевом

*) Документ является типографским печатным экземпляром декларации. В правом верхнем углу рукой Налбандова сделана помета: «Документ № 6» (*Прим. ред.*)

правительстве. Заявившие о сем лица будут приведены к присяге на верность службы Крыму и краевой власти на общих основаниях.

Действующие земские собрания (волостные, уездные, губернские) и городские думы объявляются распущенными. Равным образом с опубликованием сего отменяются назначенные в ближайшем будущем или уже произведенные выборы в городские и земские самоуправления. Земские и городские управы сохраняют свои полномочия впредь до производства новых выборов гласных на основаниях, которые будут выработаны в ближайшее время правительством при участии съездов земских и городских гласных состава начала 1917 года. Разрешение дел, относящихся к компетенции земских собраний и городских дум, впредь до образования таковых, производится по представлениям соответствующих управ властью министра внутренних дел.

Государственным языком Крыма признается русский, но сношения с государственными и общеизвестными учреждениями допускаются как на русском, татарском, так и на немецком языках.

Провозглашается полная свобода вероисповеданий, за исключением сект, заведомо вредных и безнравственных.

В целях обеспечения самостоятельности Крыма в религиозном отношении, всем церквам и религиозным общинам Крыма предоставляется управляться в своей внутренней религиозной жизни законами своей религии, поскольку они не противоречат законам страны. Православная церковь в Крыму возглавляется митрополитом Крыма и Херсона, если на ходатайство о том крымского поместного собора последует благословление святейшего патриарха.

Стоя на страже интересов всех населяющих Крым народностей, сословий и лиц, краевое правительство будет всеми мерами поддерживать существовавшие законоположения, касающиеся всех гражданских прав и прежде всего права собственности, которое восстанавливается в полной мере, в связи с чем с момента опубликования сей декларации разрешаются земельные и всякие вообще имущественные сделки, с отменою всех существующих по этому предмету ограничений.

Вопрос о квартирном законе и квартирном налоге будет служить предметом особого обсуждения правительства, до которого остаются в силе все законоположения, изданные до 25 октября 1917 года.

Правительство считает своим непременным долгом сохранить за лицами, получавшими из средств государственного казначейства территории Крыма пенсии, право на получение таковых, как впредь, так и за то время, в течение которого пенсионные суммы им не выдавались. Главным образом право на получение пенсий из средств краевого государственного казначейства по законам Российской империи пользуются лица, состоящие на государственной службе Крыма.

Ввиду того, что офицерский состав понес в дни революционного движения незаменимые и невознаградимые утраты и явился неискупленной жертвой разгула темных масс и провокации злонамеренного и преступного элемента, краевое правительство считает долгом чести

и священной обязанностью притти на помощь обездоленным семьям погибших на поле брани и от руки озверелых убийц офицеров и нижних чинов путем установления повышенных пожизненных пенсий, единовременных пособий, приискания мест. Впоследствии расчет по этим выдачам будет произведен с казначейством подлежащих мест.

Для усиления на означенный выше предмет средств краевого государственного казначейства, помимо других мероприятий, правительством будет введена монополия на игральные карты.

Признавая в принципе полную свободу печати и собраний, совет министров, однако, ввиду крайней серьезности переживаемого момента, считает себя вынужденным временно ограничить полную свободу печати и собраний. С этой целью временно вводится цензура как для периодических изданий, так и для прочих печатных и литографированных произведений. Ограничения, уже введенные, остаются временно в силе. Устроители собраний за сутки до созыва собрания должны известить о сем администрацию, каковая командирует своего чиновника для присутствия в нем.

Сохраняя до окончательного разрешения судьбы Крыма в международном отношении строгий нейтралитет, краевое правительство находит необходимым для ограждения внутреннего порядка и внешних границ постепенное создание сухопутного войска и морских сил на условиях, которые будут выработаны особо. Для несения службы береговой охраны правительство надеется получить часть военных судов русского флота, захваченных германскими войсками в Севастополе.

Военные судовые команды набираются и пополняются добровольцами.

Опыт недалекого прошлого показал крайнюю степень народной темноты, а потому краевое правительство обратит самое серьезное внимание на народное образование и откроет сеть низших и средних школ, а также учредит университет с техническими отделениями, что предполагается сделать в самом ближайшем будущем.

Считая одним из самых важных вопросов текущего момента справедливую постановку земельной реформы, краевое правительство полагает воспользоваться для удовлетворения земельной нужды всех граждан Крыма без ограничения сословий земельным фондом Крестьянского банка, имеющего войти, как особый отдел, в Ипотечный банк, а равно землями, принадлежавшими государству.

Удельные земли признаются государственной собственностью Крыма, за исключением личных имений бывшей царской фамилии, следующих общим основаниям восстановленного права собственности.

Безусловному возврату подлежат все земли и все имущество граждан Крыма немецкой национальности, подвергшиеся ликвидации во время военных действий против Германии и Австро-Венгрии. С этой целью организуется при министерстве юстиции комиссия, действующая на основании особой инструкции.

Из отделений Государственного банка будет образован Краевой государственный банк, коим будут произведены добросовестные расчеты по всем отношениям, возникающим у него с центральными органами, находящимися в Петрограде, но не ранее решения судьбы Крыма в международном отношении.

Краевое правительство будет настаивать на восстановлении аннулированных бумаг, принадлежащих жителям Крыма.

Финансовое ведомство предполагает выпустить на твердых основаниях и при определенном обеспечении свои денежные знаки.

Для восстановления нормальной финансовой деятельности предполагается открыть в Симферополе биржу, бумаги на которую будут допускаться с особого каждый раз разрешения министерства финансов.

Для выработки общего плана действий предполагается созыв съезда банковских деятелей.

Для удовлетворения потребностей земств, городов и общин в кредите при Ипотечном банке будет создан коммунальный отдел.

В области торгово-промышленной правительство предполагает объявить свободу торговли, однако, с безусловным временным воспрещением вывоза из Крыма всех сельскохозяйственных продуктов за исключением фруктов в сыром виде. Ввоз же продуктов предполагается сделать беспошлинным, причем за ввоз некоторых товаров предполагается ввести премии. Вместе с тем правительство будет вести самую энергичную и беспощадную борьбу со спекуляцией, применяя и спекулянтам статью 1180 Уложения о наказаниях.

Для наиболее правильного и справедливого разложения налогового бремени личные налоги будут уменьшаться за счет косвенных, от которых безусловно будут освобождены предметы первой необходимости. Вопрос о подоходном налоге будет подлежать особому обсуждению. Счастливые географические условия создали в Крыму целый ряд популярных курортов, которые издавна служат источником больших доходов, однако, далеко не отвечают своему назначению в отношении благоустройства и доступности. В интересах всей страны краевое правительство намерено упорядочить и развить существующие курорты, а равно и поддержать вновь возникающие по образцу заграничных санаторий и курортов.

Для поднятия промышленной жизни края правительство приложит все усилия к улучшению и развитию сети железных и, прежде всего, шоссейных дорог.

Вследствие ожидаемого в текущем году неурожая, население Крыма призывается ко всяческой экономии и бережливости; с той же целью будут изданы нормирующие убой скота распоряжения.

Для искоренения подпольной продажи вина и улучшения средств края, а также для поднятия виноделия правительством будет разрешена после выработки размеров акциза свободная продажа вина.

Тарифы железнодорожный и почтово-телеграфный будут выработаны министерством путей сообщения, почт и телеграфов по соглашению с министерством финансов.

Для нормального течения торгово-промышленной жизни правительство будет принимать все меры к охране труда, не нанося, однако, ущерба производству и признавая принцип личной свободы труда.

Для разрешения вопросов, связанных с передачей земельными комитетами частновладельческих, государственных и монастырских земель в обработку сельским обществам или отдельным лицам, при министерстве земледелия будет создан особый орган. Предварительная разработка земельных взаимоотношений подлежит ведению соответствующих земских управ.

Все общества, союзы, комитеты и партийные организации на территории Крыма, а также представители тех юридических лиц, правления коих находятся вне территории Крыма, обязаны—первые в месячный срок, а вторые в трехмесячный срок—представить свои уставы на утверждение в министерство внутренних дел. Не исполнившие сего будут признаны несуществующими в Крыму и ликвидированы.

Признавая право ношения и хранения оружия только за теми лицами, коим оное по закону присвоено, правительство примет все меры к окончательному обезоружению населения. Разрешения на право ношения и хранения оружия будут попрежнему выдаваться или непосредственно германской комендатурой или краевым правительством Крыма с согласия германского командования.

Вследствие отсутствия в Крыму апелляционной и кассационной инстанций правительство в самом непродолжительном времени приступит к учреждению таковых, расширив попутно круг дел, передаваемых на рассмотрение присяжных заседателей.

Ввиду переобременения местных судебных установлений заявлениями и жалобами на преступные деяния, учиненные в последний период революции и по характеру своему зачастую не квалифицируемые общими нормами Уложения о наказаниях, для расследования таковых преступлений, совершенных за время с 25 октября 1917 г., будут созданы особые следственные комиссии под председательством лица, назначенного правительством, в составе судебного следователя и представителя земской управы. Лица, преданные суду этими комиссиями, будут судимы военно-окружным судом с применением законов военного времени. Означенному суду подлежат виновные в преступлениях против личности и собственности, совершенных до дня обнародования настоящей декларации, и в попытках ниспровержения установленной краевой власти, причем ответственности подлежат не только непосредственные виновники и пособники, но и укрыватели. Последние подлежат тюремному заключению на срок до трех лет. Означенное наказание для сельских обществ заменяется штрафом до 20.000 рублей.

Для ограждения внутреннего порядка и личной безопасности граждан милиция будет реорганизована на началах военной дисциплины.

Гражданами Крыма считаются без различия состояния, религии и национальности лица, к моменту опубликования настоящей декларации: а) приписанные к сословиям и обществам пяти уездов и городов Крыма, б) служащие в государственных и общественных учреждениях, в) владеющие недвижимой собственностью в пределах Крыма. Все же остальные лица признаются иностранцами и обязаны иметь паспорта; в случае желания перейти в число крымских граждан они обязаны обратиться в министерство внутренних дел.

Государственным флагом Крыма признается голубое поле с гербом бывшей Таврической губернии в верхнем углу около древка. Государственным гербом Крыма признается герб бывшей Таврической губернии.

Местопребывание краевого правительства будет город Симферополь.

Правительство признает счисление по старому и новому стилям одновременно.

Для разрешения вопроса о пользовании старой или новой русской орфографией правительство созовет до начала предстоящего учебного года съезд представителей учебных заведений.

Краевое правительство заверяет население Крыма, что оно будет свято и ненарушимо соблюдать все начала, им провозглашенные, и работа его будет носить строго деловой характер.

Краевое правительство сочло своим нравственным долгом принять на себя тяжкое бремя власти над Крымом во имя спасения его от окончательного распада, анархии и обнищания и во имя необходимой защиты его интересов среди создавшегося тяжелого международного положения.

Премьер-министр и министр внутренних, военных и морских дел *Сулейман Сулькевич.*

Заступающий министра внутренних дел, товарищ министра князь *Сергий Горчаков.*

Министр земледелия, краевых имуществ и снабжений *Томас Рапп.*

Министр иностранных дел *Джафер Сейдамет.*

Краевой контролер и краевой секретарь и временно управляющий министерством исповеданий и народного просвещения *Владимир Налбандов.*

Министр путей сообщения, общественных работ, почт и телеграфов *Лев Фриман.*

Министр финансов, промышленности, торговли и труда и временно управляющий министерством юстиции граф *Владимир Татищев.*

г. Симферополь,
12/25 июня 1918 г.

7.

Проект ответа Крымского правительства Украинскому правительству, составленный Ахматовичем *)

Оставляя в стороне вопросы политического содержания, а в том числе главнейший из них — вопрос о политической судьбе Крыма, который получит окончательное разрешение исключительно на международной конференции при заключении всеобщего мира (когда получат разрешение такие же вопросы, касающиеся и других частей б. Российской империи),—Крымское правительство, в интересах своего населения, с экономической точки зрения, а равно и в тех же интересах населения Украины, находит желательным войти с правительством Украины в переговоры об установлении взаимных добрососедских отношений в делах торговых, путей сообщения, почты, телеграфа и т. п. и для достижения сего согласно: принять у себя представителей правительства Украины или же делегировать своих в столицу Украины, предоставляя выбор места и времени предстоящих переговоров правительству Украины.

8.

Проект ответа Крымского правительства Украинскому правительству, составленный Галейзером **).

Оставляя в стороне вопросы политического содержания, а в том числе главнейший из них — вопрос о политической судьбе Крыма, который получит окончательное решение на международной конференции при заключении всеобщего мира, Крымское правительство, в интересах населения Крыма и Украины, находит желательным войти в переговоры с правительством Украины об установлении более нормальных отношений в целом ряде вопросов, имеющих насущный интерес, в делах торговли, путей сообщения, почт, телеграфа и проч. и согласно делегировать своих представителей в столицу Украины или принять у себя представителей Украины, предоставляя выбор места и времени предстоящих переговоров правительству Украины.

9.

Проект соглашения Крымского и Украинского правительств по вопросам лоции и маяков, а также охраны военно-морского имущества в Севастополе *).**

Совет министров Крымского краевого правительства в заседании 29 августа, заслушав доклад кн. Горчакова о положении дела и охране

*) Воспроизводится с подлинника, написанного карандашом рукой Ахматовича на 2 стр. листа писчей бумаги. В верхнем правом углу помета рукой Налбандова: «Док. № 8». (*Прим. ред.*)

**) Воспроизводится с подлинника, написанного карандашом рукой Галейзера, В правом верхнем углу рукой Налбандова сделана помета: «Док.№ 9». (*Прим. ред.*)

***) Воспроизводится с копии, напечатанной на машинке. Со слов: «с тем, чтобы» и до конца документ написан от руки Налбандовым. Его же рукой в правом верхнем углу сделана помета: «Документ № 10». (*Прим. ред.*)

военно-морского имущества в Севастополе и о дирекции маяков и лоции и выслушав сообщение по тем же вопросам контр-адмирала Клочковского, постановил:

1. Признать, что контр-адмирал Бурлей, отказываясь от имени Крымского правительства от участия в содержании маяков и лоции, не имел не то никаких полномочий, почему отказ его должен быть признан необязательным для правительства.

2. Установить, что Крымское правительство, в сознании всей ответственности по возможно полной охране имущества и материалов, принадлежавших государству Российскому, с своей стороны признавало бы вполне возможным как эту охрану, так и руководство дирекцией лоции и маяков предоставить совместной деятельности уполномоченных Украиною и Крымом на то лиц, по одному от каждой стороны, работающих в согласии с германским морским командованием в лице вице-адмирала Гопмана.

3. Признать желательным установление указанного порядка путем поездки в Киев к.-адм. Клочковского, по вызову коего в Киев должно будет выехать, в случае необходимости в том, лицо, уполномоченное краевым правительством для заключения соглашения.

4. Впредь до выработки такого соглашения и во избежание возможного перерыва в освещении маяков, признать дирекцию маяков и лоции находящейся временно в единоличном заведывании контр-адмирала Клочковского, с тем, чтобы связь дирекции с краевым правительством продолжалась на тех же началах, на которых она производится теперь.

Севастополь, Чесменская, 29, адмиралу Клочковскому.

10.

Письмо Крымского правительства ген. Кошу 11 июля 1918 г. *).

Ваше превосходительство!

Крымское краевое правительство, как известно вашему превосходительству, признало возможным принять власть над краем лишь по детальном обсуждении всех пунктов проекта декларации правительства вашим превосходительством и лицами, особо для того командированными. Ваше превосходительство изволили в особом письме подтвердить согласие ваше на установление основных положений декларации и выразить желание, чтобы правительство организовалось возможно скорее именно на этих положениях. Все изложенное давало Крымскому краевому правительству полное основание полагать, что как само правительство, так и его декларация являются признанными в вашем лице и правительством Германской империи.

---

*) Воспроизводится с копии, написанной на машинке и заверенной собственноручно Налбандовым. Его же рукой в правом верхнем углу сделана помета: «Документ № 11. Копия». (*Прим. ред.*)

Сегодня сообщенные вашим превосходительством правительству телеграммы в связи с приездом в Крым фельдмаршала Эйхгорна и барона Мумм, не выразивших желания встретиться с правительством дружественного Германии Крыма, и с неполучением согласия на приезд в Берлин делегатов Крымского правительства по делам, не терпящим отлагательства, с несомненностью свидетельствует о том, что Крымское правительство правительством Германии еще не признано. Совершенно несомненно, что, при отсутствии этого необходимого основания сохранения власти в руках нынешнего правительства Крыма, последнее должно немедленно возвратить власть в те руки, в которых она фактически находилась до вступления в управление краем нашего кабинета — в руки верховного командования армией, оккупирующей Крым.

Исполняя это обязательное для него решение, Крымское правительство долгом считает просить вас довести до сведения Германского правительства, что по истечении 5 суток от 4 часов дня сего 11 июля Крымское правительство объявит населению Крыма о сложении им полученных от вашего превосходительства полномочий на образование власти, если до того времени от правительства Германии не последует совершенно определенного утвердительного ответа на нижеследующие вопросы:

1. Признает ли Германское правительство самостоятельное существование Крыма до окончательного определения судьбы его в международном отношении.

2. Подтверждает ли то же правительство закономерность существования настоящего кабинета и власть его над всей территорией Крыма без изменения границ уездов.

3. Принимает ли на себя Германское правительство обязательство содействовать установлению добрососедских отношений между Крымом и Украиной.

Решение Германского правительства должно быть обнародовано вашим превосходительством.

Симферополь, 28 июня/11 июля 1918 года.

С подлинным верно: Краевой секретарь *Налбандов*.

11.

Письмо ген. Коша ген. Сулькевичу 12 июля 1918 г.*).

Генеральное командование (2. В. У.) № 52.

12 июля 1918 года.

Генерал-лейтенанту и председателю министров Крымского правительства его превосходительству Сулькевичу.

Имею честь доверительно сообщить вашему превосходительству, что я только что получил уведомление о смене в Германии министра

*) Воспроизводится с копии, написанной на машинке. В правом верхнем углу рукой Налбандова сделана помета: «Док. № 12». (*Прим. ред.*)

иностранных дел. Одно это обстоятельство, по моему мнению, делает совершенно невероятным, чтобы желание министерства быть официально признанным Германским правительством в 5-дневный срок могло быть исполнено. Новый министр иностранных дел на первых порах своей деятельности будет занят крупными политическими вопросами в такой мере, что для менее острого крымского вопроса так скоро не найдет времени.

Я позволяю себе, кроме того, вновь обратить внимание вашего превосходительства на уже ранее подчеркнутые технические затруднения, которые заключаются в том, что телеграммы на столь длинной дистанции не могут быть переданы так скоро, как это господам *) думается. Телеграмма генерального командования о заседании совета министров, составленная вчера после обеда в $5^1/_2$ часов, могла быть отправлена лишь сегодня утром в 7 часов, ибо провода на Киев были прерваны. Такие порчи проводов возможны и в других местах. Следствием чего является большое скопление непереданных телеграмм, которые затем низшими инстанциями передаются без соображения о степени их важности, так что может случиться, и неоднократно случалось, что важные телеграммы опаздывали на 5 дней и более. Обстоятельства ныне не те, что в мирное время.

Я прошу ваше превосходительство ознакомить с этим положением министерство и настаивать, чтобы оно, правильно соображаясь с обстоятельствами, проявило терпение. Генеральное командование вступило в служебные отношения с новым Крымским правительством, и посему министерство может быть уверено в покровительстве германских властей. Это будет правительству, как высшему местному управлению Крымом, на мой взгляд, гораздо важнее и для населения, чем формальное признание.

Отставка министерства, могущая состояться вследствие того, что вышеуказанные обстоятельства не будут приняты во внимание в полной мере, может создать лишь положение, из которого германское командование вынуждено будет искать выход, весьма вероятно, нежелательный для настоящего правительства.

Я позволяю себе надеяться, чтобы столь важная деятельность управления правительством в интересах страны не прерывалась, и остаюсь вашего превосходительства покорный слуга

Кош.

---

*) Так в подлиннике.

12.

Постановление № 266
Собр. узак. и расп. пр. №...
ст... «Вестн. Крымск. прав».
№... 191 г.

Правительственное сообщение *).

18 октября 1918 года совещанием земских гласных был выдвинут вопрос о формировании нового состава правительства, опирающегося на широкие слои населения, о чем было доведено до сведения совета министров Крымского правительства.

Обсудив это заявление, Крымское правительство не нашло возможным передать управление краем лицам, избранным совещанием земских гласных, имея в виду, что члены совещания не являлись представителями всего населения Крыма и, в частности, татарского населения, представители которого в совещании не участвовали. Отнюдь не намереваясь оставаться у власти вопреки воле населения, правительство объявило о созыве парламента в кратчайший срок, поручив одновременно разработку положения о выборах особой комиссии.

Состоявшиеся вслед за тем съезды земских и городских деятелей и чрезвычайный съезд татар в полной мере отразили волю населения Крыма, подтвердив также необходимость скорейшего созыва парламента, и дали возможность выделить смешанную согласительную комиссию для образования нового кабинета, опирающегося на все элементы населения.

Ввиду изложенного, правительство объявляет, что оно передаст немедленно власть тому кабинету, который будет сформирован представителями общественных деятелей по соглашению с представителями национальных групп.

Председатель совета министров *Сулькевич*.

13.

Постановление № 267
Собр. узак. и распор.. № . .
ст... «Вестн. Крымск. прав.»
№ . . 191 г.

Правительственное сообщение *).

Во исполнение правительственного сообщения от 14 сего ноября, сего числа правительство, мною возглавляемое, передало управление краем правительству, возглавляемому председателем таврического губернского земского собрания С. С. Крымом.

Председатель совета министров Крымского краевого правительства генерал-лейтенант *Сулькевич*.

15 ноября 1918 года.
г. Симферополь.

---

*) Заголовок оригинала. Текст воспроизводится с подлинника из журнала постановлений Крымского краевого правительства, подписанного Сулькевичем. (*Прим. ред.*)

14.

Декларация Крымского краевого правительства 14 ноября 1918 г. *).

К населению Крыма.

Объявляю во всеобщее сведение, что, согласно избрания краевого съезда губернских гласных, представителей городов, уездных и волостных земств [41]), я принял на себя исполнение обязанностей председателя совета министров Крымского правительства.

Председатель совета министров *Крым*.

Крымское краевое правительство, следуя призыву земства, принимает власть в тяжелую и ответственную историческую минуту.

Наступает конец мировой войны, но нет единой великой России, образовавшейся в течение тысячелетней исторической жизни. Россия распалась на части, и на значительном ее пространстве преступные силы, разжигающие взаимную ненависть и низменное своекорыстие, продолжают дело разрушения культуры, основ права, правды и всего человеческого общежития.

В таких условиях первым патриотическим долгом каждого гражданина и национальной задачей, выше всех стоящей, правительство признает стремление к возрождению единой России.

На этой почве должно последовать воссоединение всех уже возникших ныне, еще между собою разобщенных и разрозненных государственных образований. И поскольку распад и гибель России были следствием анархии и разнуздания диких страстей, постольку возрождение великой России не может быть достигнуто без установления во всех ее частях законности, права и на них основанных порядка и свободы. К этому должны быть направлены усилия всех.

Под единой Россией правительство разумеет не старую бюрократическую, централизованную Россию, основанную на подавлении и угнетении отдельных народностей, а свободное демократическое государство, в котором будут обеспечены права на самобытную культуру всех национальностей, его населяющих.

Вместе с тем правительство убеждено, что обеспечение благополучия и процветание всех народов, населяющих Россию, ни в коем случае не может быть построено на отрицании единой России, на ее ослаблении и на стремлении к отторжению от нее.

В настоящее время наибольшей угрозой восстановлению нормальной жизни в Крыму, как и во всей России, являются те разлагающие силы анархии, которые довели нашу родину и наш край до теперешнего бедственного положения.

---

*) Воспроизводится с печатного типографским способом экземпляра декларации. (*Прим. ред.*)

Правительство призывает все население помочь ему в его борьбе с этими злейшими врагами права и свободы. В этой борьбе правительство не остановится перед самыми решительными мерами и воспользуется как всеми средствами, имеющимися в его распоряжении, так и готовой ему содействовать военной силой.

Правительство общественных деятелей должно быть в общении с населением. Оно должно опираться на широкие круги населения и пользоваться его доверием.

Ввиду этого, впредь до созыва сейма, правительство будет созывать краевой съезд губернских гласных и представителей уездных земских управ и городских голов, которому будет давать краткий отчет о своей деятельности, и который будет знакомить его с состоянием края. На утверждение этого же съезда правительство представит 7 декабря уже разрабатываемое положение о краевом сейме и избирательный закон и предоставит ему определить срок созыва сейма.

Руководствуясь в своей законодательной и административной деятельности резолюцией краевого съезда губернских гласных от 18 октября с. г., с дополнениями от 10 ноября, правительство поставит себе задачей обеспечить продовольственные нужды населения и экономический подъем нашего края. Правительство почтет своим долгом обеспечить интересы всех национальностей Крыма. В частности, оно озаботится удовлетворением справедливых стремлений и законных интересов многочисленной татарской части населения.

Правительство не скрывает от себя всей трудности предстоящей ему задачи. Правительство отдаст этой задаче все свои силы. Обращаясь ко всем гражданам, оно ждет от них поддержки и помощи.

Пусть умолкнут гибельные призывы к дикой вражде, ненависти и взаимному истреблению.

Пусть тревога, страх, неуверенность в завтрашнем дне исчезнут, и да объединятся все в одном высоком стремлении послужить великому и святому делу спасения и возрождения нашей общей родины.

Подлинный подписали:

Председатель совета министров, член I Государственной Думы и Совета, председатель таврического губернского земского собрания *С. С. Крым*. Министр внутренних дел, член Государственой Думы 2-го созыва *Н. Н. Богданов* [42]). Министр юстиции, член I Государственной Думы, сенатор *В. Д. Набоков*. Министр продовольствия, торговли и промышленности, председатель краевой продовольственной управы *А. А. Стевен* [43]). Министр народного просвещения, исповеданий и труда, член Учредительного Собрания *С. А. Никонов* [44]). Министр внешних сношений, член I Государственной Думы, сенатор *М. М. Винавер* [45]). Краевой контролер и краевой секретарь, член таврической губернской управы *П. С. Бобровский* [46]).

15.

«Справка» М. М. Винавера.

1. Крымское правительство имело задачею упрочить связь оторванной немцами и сепаратистским правительством ген. Сулькевича части территории России *) со всею остальною Россиею и содействовать воссоединению этой части со всею Россиею, основываясь на началах русской государственности во внутренней политике и верности союзникам во внешней политике.

2. Призванное к власти демократическим губернским земским собранием и опираясь в своей деятельности на периодически созываемые съезды представителей земств и городов, коим правительство представляло ежемесячно отчет в своей деятельности, правительство отменило все установленные немцами и прежним правительством стеснения по отношению к свободе слова, печати и собраний, все сепаратистские законы, устанавливающие привилегии для особой категории «крымских граждан» и все ограничения по отношению к органам самоуправления, проведя выборы во все органы местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права. В течение 5 месяцев не было никаких эксцессов со стороны каких-либо органов правительственной власти в смысле стеснения свободы граждан **). Вспыхнувшая в марте месяце в Севастополе большевистская забастовка была ликвидирована без пролития капли крови, но и без всяких уступок со стороны правительства [47]). Возникновение в Севастополе большевистской забастовки и степень участия в ней проникающих извне элементов заставили, однако, правительство в течение последнего месяца издать ряд исключительных законов о внесудебных арестах и военной цензуре, причем применение этих законов вверено было особому совещанию, в состав коего входили министр внутренних дел, министр юстиции и начальник штаба Д. А. [48]). Применение это требовалось, впрочем, редко и выразилось главным образом в воспрещении собраний и в аресте главарей забастовки ***).

3. Приняв власть лишь на время, до образования единой русской государственной власти, Крымское правительство исключило из своей программы всякие крупные социальные реформы, могущие быть предпринятыми лишь в крупном всероссийском масштабе; тем не менее, оно приняло некоторые частичные меры в социальной области, а именно провело законы о страховании рабочих и биржах труда, а также арендный закон, в основе которого лежит начало принудительной сдачи в аренду за фиксированную плату земель, сдававшихся в аренду до начала войны. Правительство предприняло ряд финансовых мер, направленных к более равномерному распределению по-

*) Т.-е. Крыма. (*П. Б.*)

**) Это правильно только для периода до конца февраля 1919 года. (*П. Б.*)

***) Исключительным законам следовало бы посвятить значительно больше места. (*П. Б.*)

датного бремени и, в частности, издало закон об единовременном налоге, главная тяжесть которого должна была лечь на состоятельную буржуазию и спекулянтов. Правительство приняло меры к удовлетворению разменного голода, приобретя разменные знаки у Донского правительства и само выпустив разменные знаки. В области продовольственной мероприятиями правительства достигнуто было обеспечение населения хлебом до нового урожая [49]); вместе с тем установлены были сношения с западными странами в целях снабжения населения мануфактурными и другими товарами, в обмен на предметы вывоза Крыма (табак и вино).

4. Территория Крыма, отделенная Украиною от всей остальной России, лишена была высших инстанций суда, как гражданского и уголовного, так и административного: правительство обеспечило краю полное отправление правосудия, введя в действие законченную систему судов, вплоть до высшего, и учредив для Крыма особый совет присяжных поверенных. Для внутреннего управления краем, который после большевистской анархии и временной немецкой оккупации лишен был каких бы то ни было административных органов, правительство создало сеть местных административных органов и организовало повсеместно внутреннюю стражу, а в двух крупнейших городах края (Симферополе и Севастополе) организована была городская милиция. Правительство поддерживало деятельность органов местного управления и за 5 месяцев выдало земствам и городам около 18 миллионов субсидии. В области народного просвещения восстановлена пенсионная касса для народных учителей, переданы земским самоуправлениям права попечителя округа по отношению к высшим начальным училищам, проведен закон о явочном открытии частных школ и библиотек. В заботах о высшем образовании правительство упрочило вновь учрежденный Таврический университет, ассигновав на его содержание 2.300.000 руб. и учредив агрономический факультет при нем. Забота о торговле и промышленности выразилась, между прочим, в рассмотрении и утверждении уставов ряда крупнейших торгово-промышленных банков и предприятий, имеющих целью содействие торгово-промышленной жизни как в Крыму, так и в других областях России, по мере их освобождения от советской власти. В области охраны национальных имений приняты были меры к сохранению в полном порядке единственного в России виноградо-виноделческого хозяйства, устроен заповедник из бывшей царской охоты, обеспечена охрана от расхищения ценных лесов и обеспечено функционирование ценнейших научно-вспомогательных учреждений в Крыму: Никитского сада, биологической станции. Наконец, на долю Крымского правительства выпала и поддержка общегосударственных начинаний, случайно связанных с Крымом. Таковы: расходы на флот, на охрану общегосударственного имущества, находящегося в Севастопольской крепости, организация комиссий по исчислению миллиардных убытков, причиненных немцами русской казне, выплата за счет

общегосударственной казны пенсий, содержание общегосударственных лазаретов, санаторий и т. д.

5. Земское собрание вручило правительству власть безответственную. Однако эта безответственность и по мысли правительства и по мысли земского собрания не должна была длиться бесконечно. Земское собрание установило власть, имевшую действовать «до воссоздания единой России». Этот момент предполагался очень близким и исчислялся приблизительно 2—3 месяцами. Далее этого срока ни земское собрание, ни правительство не мыслили безответственной власти. Вследствие этого, при самом своем вступлении во власть, правительство обязалось, буде в течение двух месяцев не будет образована единая русская власть, созвать местный сейм, перед которым правительство было бы ответственно *). В этом предположении впоследствии ошибочно усматривалось — в особенности со стороны командования Д. А. — какое-то сепаратистское стремление; такое подозрение исключалось, казалось бы, не только составом правительства, но и текстом постановления земского собрания, в котором ближайшею целью деятельности правительства указывалось именно стремление к образованию единой русской государственной власти. Мало того: вопрос о будущей форме устройства русского государства был резолюциею земского собрания определенно изъят из ведения местного сейма и предоставлялся Всероссийскому Учредительному Собранию **). При таких условиях всякое предположение о сепаратистских тенденциях, связываемое с созывом сейма, являлось либо результатом недоразумения, либо признаком совершенно непонятного недоверия к правительству. Правительство считало себя обязанным исполнить свой долг. Правительство выработало и издало закон о выборах в краевой сейм и приняло все меры к производству выборов, которые не состоялись лишь ввиду последовавшего к моменту выборов вступления большевиков в пределы Крыма.

6. Крымское правительство лишено было собственной военной силы. Приняв власть во время немецкой оккупации, перед самым уходом немецких войск, правительство, ввиду создавшегося изнутри взрыва большевизма ***), обратилось за воинской помощью к той единственной представительнице русской воинской силы, какою являлась на юге России Д. А. Генерал Деникин ответил сочувственно на обращение правительства. При этом отношения между правительством и Д. А., формулированные как в письмах и телеграммах ген. Деникина, так и в обращениях к населению, исходивших от правительства и от Д. А., должны были покоиться на следующих двух началах: полное невмешательство Д. А. во внутренние дела Крыма и полная самостоя-

*) Допущена небольшая фактическая ошибка, которая исправлена в моем «дополнении». (*П. Б.*)

**) Неточно и неполно. Дополнено и исправлено в моем «дополнении». (*П. Б.*)

***) Неверно: в тот момент никакого взрыва большевизма не было. О причинах, побудивших правительство призвать Д. А., см. в моем «дополнении». (*П. Б.*)

тельность Д. А. в вопросах военного командования. Начало невмешательства, к сожалению, осуществлено было не соответственно первоначальным предположениям. Д. А. не могла прислать в Крым сколько-нибудь значительных сил, а по качеству своему отряды, присланные в Крым, особенно в Ялту, были таковы, что поведением своим вызывали негодование со стороны мирного населения. Отряды эти сочли себя вправе взять в свои руки расправу с теми, кого они признавали большевиками, и самовольными убийствами, арестами, разгромом типографий газет вызвали во всем населении Крыма крайне недружелюбное отношение к Д. А. Репрессий со стороны командования Д. А., невзирая на настояния правительства, не последовало. В скором времени Д. А. объявила, что она вынуждена пополнить свои ряды путем принудительной мобилизации, чего правительство ранее в виду не имело. Такая мобилизация вообще непосильна для правительства, не имеющего сильного аппарата принуждения, но она совершенно неосуществима в такой атмосфере несочувствия, которая создалась под влиянием первых шагов Д. А. Правительство боролось с этим несочувствием всеми мерами — участвуя в организации комитетов и обществ, содействующих Д. А., делая соответственые обращения к населению и принимая на себя производство ряда мобилизаций и ответственность за них перед лицом населения. Мобилизации эти дали плачевные результаты. Ввиду массового характера уклонения от поступления в Д. А., преследование уклоняющихся представлялось и с точки зрения Д. А. бесцельным *). Главное командование Д. А. с своей стороны также стало скоро проявлять стремление к вмешательству во внутреннее управление края, требуя от правительства борьбы с большевиками путем введения военного положения, при котором вся власть фактически перешла бы в руки военного командования. Правительство не соглашалось с этим, исходя не только от принципа невмешательства, но и из глубокого убеждения, что Крыму, при наличии союзнических и добровольческих сил, не грозит, при усвоенной правительством системе управления, никакая опасность от большевиков внутренних, а грозит опасность лишь от внешнего врага. Действительность подтвердила это воззрение, ибо в течение 5 месяцев не было ни одного серьезного большевистского эксцесса, а севастопольская забастовка, организованная проникшими извне большевиками и протекшая совершенно мирно, окончилась, как сказано, поражением большевиков. Тем не менее, требование введения военного положения предъявлялось столь настойчиво, что в последний раз генерал Деникин даже заявил ультимативно, что, в случае отказа правительства ввести военное положение, он отзовет Д. А. из Крыма, и только указание местного командования на отсутствие у него военной силы на проведение в жизнь военного положения приостановило

*) Все же большая ошибка правительства в том, что оно не принимало действительных мер к привлечению виновных. (*П. Б.*)

исполнение угрозы ген. Деникина *). Не менее трений, чем вопрос о борьбе с большевизмом, вызывал и вопрос о сейме. Д. А. настойчиво требовала от правительства отмены выборов в сейм и в решительном отказе правительства усматривала стремление к сепаратизму. Такое именно обвинение в весьма резкой форме предъявлено было правительству в последней телеграмме ген. Деникина, адресованной правительству. Это непрерывное заподазривание правительства как со стороны местных добровольцев, так и со стороны главного командования создавало недружелюбное отношение к правительству среди армии, а делаемые правительством во имя сохранения добрых отношений уступки Д. А. стали вызывать неудовольствие в тех кругах общества и органах печати, на которые правительство опиралось. Продолжая поддерживать правительство, они требовали, однако, настойчиво эмансипации правительства от Д. А. В производимом Д. А. давлении на правительство крылся новый источник неудовольствия и отчужденности населения от Д. А.

7. Охраняя второй из принципов, положенных в основание отношений к Д. А., — самостоятельность военного командования, — правительство во все время своего управления не считало себя вправе ни вмешиваться в деятельность местного командования, ни делать представления о видимых всем недостатках его. Пока дело касалось внутренней охраны Крыма двумя-тремя отрядами добровольцев в несколько сот человек, вопрос не вызывал затруднений. Однако обстоятельства быстро изменились: задачи Д. А. усложнились, появился внешний фронт, и для успешной защиты его требовалось гораздо более тесное и непосредственное участие правительства в вопросах обороны, чем то допускали главное и особенно местное командование Д. А. Гетманская власть на Украине пала, и в отошедших, было, к Украине трех бывших северных уездах Таврической губернии водворилась анархия [50]). Органы самоуправления трех северных уездов приняли резолюцию о переходе под власть Крымского правительства. Однако ранее, чем это осуществилось, Д. А. высадила в Бердянске свои отряды для занятия уездов и ввела в них свое собственное гражданское управление в лице военного генерал-губернатора, управление которого, ознаменовавшееся арестами представителей местного самоуправления, из которых двое, представители весьма умеренных левых партий, Мирович и Алясов, были убиты добровольцами, — еще усугубило враждебное отношение населения к Д. А. Вместе с тем начало военных действий в ближайших к Крыму уездах — сначала против петлюровско-махновских банд, а затем и против надвигавшихся большевиков — значительно расширило военную организацию Д. А. и требовало особого внимания к качествам командного состава. Вместо Крымской дивизии учреждена была особая Крымско-

*) Телеграмма Деникина заслуживает большого внимания. О ней смотри в моем «дополнении». (*П. Б.*)

азовская армия, и чрезвычайно усилен был численно штаб армии в Симферополе. Во главе этой армии поставлен был молодой генерал, проявивший, по слухам, значительную храбрость в боях, но не подготовленный, как показали события, к самостоятельному командованию и к принятию мер защиты на большом фронте [51]). Крымскому правительству не сообщали сведений ни о численном составе армии, ни о действиях чрезвычайно разросшихся штабов армии, ни, наконец, что особенно важно, о предполагаемых мерах для защиты Крыма от приближающегося внешнего врага. Обо всем этом командование не считало нужным регулярно осведомлять правительство и давало лишь, в случае настойчивых запросов, краткие успокоительные ответы. В заседании земского собрания 18 марта командующий Д. А. публично заверил, что защита северных уездов была, правда, не под силу Д. А., но защита ею Крыма совершенно обеспечена. Когда ввиду ожидавшегося прибытия новых транспортов союзных войск и неизбежных по сему поводу [?] правительства с союзным командованием правительство пожелало узнать мнение Д. А. о желательном распределении союзных войск на территории Крыма, Д. А. ответила, что этот вопрос уже разрешен главнокомандующим, но он входит в сферу «оперативных соображений, которые не могут быть сообщены».

Никакого содействия в осуществлении тех или иных задач по обороне от правительства не требовалось, и помочь чем-либо в этом отношении правительство было бессильно. Правительство приняло на себя обязанность уплачивать Д. А. $1^1/_2$ млн. рублей в месяц. За уплатою этих денег, а равно и других сумм сверх условленных, к нему обращались, но никаких деловых осведомлений о положении дел на фронте ему не делали. В частности, никаких требований, связанных с необходимостью укрепить подступы к Крыму, не предъявлялось; на вопрос о состоянии обороны перешейков, защищающих Крым с севера, давались самые успокоительные ответы, а когда председатель совета министров выразил желание лично ознакомиться с положением Перекопского перешейка, командование выразило несочувствие такому желанию. Только за несколько дней до окончательного прорыва фронта правительство узнало, что позиции на перешейках совершенно не подготовлены. Спешно создав для этой цели особую организацию [52]) в распоряжении командующего армиею *) и ассигновав на эту цель несколько миллионов рублей, правительство успело оборудовать защиту Чонгарского полуострова и взрыв моста на Чонгаре, но укрепить второй перешеек (Перекопский) уже не успело, и большевики прошли его, встретив лишь очень слабое сопротивление. В общем отношения Д. А. к правительству, формулированные в самом начале, были бы достаточно надежною опорою при осуществлении общей задачи правительства и Д. А., если бы не все растущая подозритель-

*) Это имеет отношение к телеграмме Деникина, о которой упоминалось выше. См. «дополнение». (*П. Б.*)

ность Д. А. по отношению к правительству, которая привела в конце концов к ослаблению самой Д. А.

8. Крымское правительство, так же, как и Д. А., как и все антибольшевистские силы России, рассчитывало с момента перемирия на помощь союзников. На долю Крымского правительства, ввиду особого положения Севастополя, выпало тесное и близкое общение с союзниками. Правительство старалось использовать его как для осведомления союзников о положении России и необходимости общей интервенции, так и для воздействия с целью добиться участия союзников в защите Крыма совместно с Д. А. В целях осведомления предпринято было два специальных повременных издания на французском языке («Bulletin» и «Dernières Nouvelles»), распространявшихся в союзнической армии и флоте в Севастополе и Одессе. Воздействие в целях достижения военного участия союзников в делах Крыма происходило путем сношений с союзным командованием в Севастополе, Одессе и Константинополе. Сношения эти имели ощутительные результаты и давали правительству все основания рассчитывать на безусловную поддержку союзников. Появившись в водах Севастополя только для урегулирования с немцами вопросов, связанных с перемирием, союзники, сначала в лице высшего английского командования, а затем после распределения зон влияния в лице высшего французского командования, морского и сухопутного, стали делать представления своим правительствам о необходимости высадки десанта для охраны Крыма, в результате чего: а) был высажен (в начале декабря) еще при английском командовании союзною эскадрою английский десант в 500 человек; б) был высажен французский десант всех разрядов войск в 1.600 чел., усиленный затем до 3.000 чел.; отряд этот оставался впредь до дальнейших инструкций в Севастополе, где сыграл, между прочим, решающую роль в ликвидации большевистской забастовки бдительною охраною города и заявлением в приказе командующего, что союзные войска будут охранять существующий порядок и не допустят образования большевистской власти; в) 12 марта главнокомандующий союзными войсками на Востоке ген. Франше д'Эсперэ заявил русскому представителю в Константинополе Б. С. Серафимову, в ответ на сообщенную ему последним просьбу Крымского правительства, что через 10 дней в Крым будут присланы достаточные греческие силы. И, действительно, 23 марта высадились два греческих баталиона, численностью в 2.000 чел., и один из них на следующий же день отправлен был в Симферополь; г) командующий французской эскадрой, верховный французский комиссар на Востоке адмирал Амет, как до 23 марта, так и впоследствии, многократно указывал, что союзный десант давно был бы высажен в Крыму, что он приказал для этой цели зафрахтовать несколько русских транспортов в Одессе, но ген. Деникин наложил запрет на это соглашение; адм. Амет с большим ожесточением многократно говорил об этом факте, повторяя: «Вы бы давно имели здесь наши войска, и если имеете хоть часть их теперь, вы этим

обязаны тому, что я решил не подчиниться «указам» Деникина и «passer outre»; д) 23 марта приехал в Севастополь ген. Франше д'Эсперэ и в беседе с правительством указал, что на-днях прибудет еще греческий баталион и что нужно только две недели («quinze jours») удержаться с наличными силами, из чего следовало, что через две недели даны будут новые подкрепления для защиты перешейков; е) с этого времени французское командование неоднократно обращалось к правительству с заявлением о необходимости приготовить казармы для имеющих вновь прибыть французских войск. Правительство, с момента прибытия первого десанта союзников, изъявило готовность предоставить союзным войскам часть довольствия (хлеб, сахар, вино), отопление, освещение и квартиры либо в казармах, либо в реквизируемых правительством частных домах. После пребывания Франше д'Эсперэ правительство, вследствие заявления французского командования, решило в конце марта ассигновать на ремонт казарм для французских войск дополнительно еще авансом $^1/_2$ миллиона рублей; ж) в конце марта, когда начался нажим большевиков на перешейках, двинута была из Симферополя одна греческая рота на Таганаш, а другая в Джанкой и из Джанкоя по направлению к Перекопу, где вместе с Д. А. приняла участие в бою с большевиками и понесла довольно значительные потери в людях. Однако с этого времени начинается поворот во всем отношении союзников к обороне Крыма. Вновь назначенный командующий всеми союзными силами в Крыму на правах дивизионного генерала, полк. Труссон, ясно сознавая, что Д. А. слишком слаба для того, чтобы сдержать напор большевиков, и что можно было бы остановить большевиков, сила которых представлялась ему незначительною, путем посылки небольших союзнических подкреплений, заявил, что он готов послать не только греческие, но и французские подкрепления, что он даст все технические средства и даже займется организациею армии, соединив здоровые части Д. А. с союзническими и с местными новыми образованиями (татарскими, греческими, немецкими и другими), но только после того, как добровольцы сами удержат вторую линию позиций на Перекопе. Говоря это, полк. Труссон сообщил вместе с тем о состоявшемся уже решении относительно эвакуации Одессы. В этом странном решении поставить всю судьбу защиты Крыма в зависимость от поведения отряда Д. А., заведомо слабого и нуждающегося в поддержке, с одной стороны, и в совершенно необъяснимой внезапной перемене настроения относительно Одессы, защита которой недавно еще была объявлена неизменно предрешенною, с другой стороны, — правительство усмотрело уже неминуемую опасность для Крыма. Вместе с тем французское командование как будто не желало подать вида, что оно сразу оставляет правительство. Заявив, что большевикам остается всего 3—5 дней до взятия Симферополя, согласившись потому с решением правительства эвакуироваться в Севастополь и отказываясь помочь Д. А. в ее последней попытке перейти (7 апреля) в наступление,

во время которого Д. А. удалось было уже отогнать противника на 12 верст, полк. Труссон вместе с тем требовал от правительства издания успокоительной прокламации, текст которой, написанный им собственноручно в помещении министерства внешних сношений, хранится в архиве последнего [53]).

Такою же двойственностью отличалось и поведение французского командования в вопросе об обороне Севастополя. Правительство переехало в Севастополь, уверенное в том, что Севастополь будет защищен и что оттуда затем, как уверяли еще в последние дни представители французского морского командования, будут предприняты действия против большевиков во всем Крыму. Но и эта надежда оказалась призрачною. Полковник Труссон заявил правительству 6 и 7 апреля, что, как он это и раньше говорил, воротами в Севастополь является Перекоп, что даже по прибытии нового греческого баталиона он сумеет удержать Севастополь не более 3—7 дней, что для защиты Севастополя ему требуется не менее 10.000 человек, которых у него нет и не будет, и что правительство, находящееся в угрожаемом положении, правильно поступит, если покинет территорию Крыма. Линия поведения союзников, повидимому, под влиянием более определенных директив, получаемых извне, становилась, таким образом, с часу на час яснее: становилось совершенно очевидным, что защита Крымского полуострова, так же, как и Одессы, не входит более в планы союзников. Через два дня полк. Труссон объявил Севастополь на осадном положении и принял звание военного губернатора Севастополя. При таких условиях правительство вынуждено было оставить и Севастополь, воспользовавшись любезным предложением греческого адмирала принять правительство на пароход, идущий под греческим флагом в Константинополь. 10 апреля совет министров составил определение, коим, ввиду оставления им территории Крыма, предлагает органам городского и земского самоуправления принять на себя исполнение обязанностей гражданской власти, о каковом постановлении правительство довело до сведения французского командования.

Таким образом бессилие Д. А., с одной стороны, и общий поворот в стане союзников в сторону, враждебную интервенции, с другой,— решили участь Крыма и пресекли усилия Крымского правительства к воссоединению этой окраины с остальной антибольшевистской Россией.

Настоящий текст был заслушан в заседании бывшего Крымского правительства 11 мая, в Афинах, в полном составе, кроме Н. Н. Богданова, и был признан в общем соответствующим действительности. Таковым признаю его и я, но, тем не менее, изложение Винавера нуждается в довольно существенных исправлениях и дополнениях. Ошибки и неточности Винавера кратко отмечены мною в подстрочных примечаниях. Точное и подробное изложение всех исправлений и дополнений дается мною в нижеследующем дополнении *). *П. Б.*

*) В распоряжении редакции нет этого «дополнения». (*Прим. ред.*)

16.

Журнал заседания совета министров Крымского краевого правительства 16 апреля 1919 года на судне «Надежда» *).

Председательствует: С. С. Крым.

Присутствуют: В. Д. Набоков, М. М. Винавер, С. А. Никонов, А. А. Стевен, А. П. Барт, П. С. Бобровский.

Совет министров, не имея возможности в течение последних двух недель, ввиду тревожного времени, подробно изложить в журнале мотивы принимаемых им спешно решений, постановил составить настоящий общий журнал о событиях последних двух недель, каковые события представляются в следующем виде.

В пятницу 28 марта на совещании совета министров с командующим Добровольческой армией ген. Боровским и начальником его штаба ген. Пархомовым, последние заявили правительству, что положение на фронте в общем твердое, и Добровольческая армия будет всеми силами защищать Крым, но что, к сожалению, только что получены сведения об оставлении ст. Сальково, что, по словам ген. Боровского, объясняется слабостью той части, на которую возложена была защита Сальково. А на следующий день утром ген. Пархомов запросил по телефону, может ли застать министров, и, получив утвердительный ответ, явился в помещение совета министров и заявил, что армия отступила к мосту, отдав весь Чонгарский полуостров, несколько пушек и бронированный поезд, что мост не подготовлен для взрыва и что правительству необходимо приступить к эвакуации.

Правительство решило, что необходимо принять срочные меры для защиты перешейков, которые оказались гораздо менее защищенными, чем правительство имело основание предполагать по прежним заявлениям командования Добровольческой армии.

Вследствие сего правительство назначило инженера С. Н. Чаева главноуполномоченным по снабжению армии в распоряжение командующего армией, ассигновав в его распоряжение на указанную цель один миллион рублей.

Что же касается эвакуации, то правительство решило лишь избрать лицо, которому поручить разработать план эвакуации и на всякий случай сделать к ней все приготовления; однако самой эвакуации не производить. И когда возникли слухи о предположении правительства оставить Симферополь, и слухи эти вызвали даже запрос французского командования, обращенный к министру внешних сношений, последний в беседе, напечатанной во всех крымских газетах, выяснил истинную точку зрения правительства, и поднявшаяся, было, паника значительно успокоилась.

---

*) Заголовок оригинала воспроизводится с копии, напечатанной на пишущей машинке на одной стороне листа. (*Прим. ред.*)

Несколько дней спустя в Симферополь прибыл командующий союзными войсками в Крыму, полковник Труссон, выехавший на следующий день вместе с командующим армией и председателем совета министров на позиции у Сиваша. Все исполненные Чаевым работы на Сиваше полковник Труссон признал вполне удачными — мост к тому времени удалось уже взорвать, но на обратном пути в Джанкое получено было известие об отступлении нашей армии от Перекопа. Полковник Труссон заявил, что он окажет нашей армии всяческое содействие — техническими средствами и живою силою, как греческою, так и французскою, но при условии, если она удержит вторую линию у озер. В противном случае он никакой помощи оказать не сумеет, и большевики будут через 3—5 дней в Симферополе, а он стянет все союзные (собственно греческие) войска обратно в Севастополь.

В субботу вечером получено было известие, что вторая линия сдана, и одновременно с этим известие из Севастополя о том, что полковник Труссон, ввиду такого положения дела, никакой больше помощи не окажет. Совет министров решил командировать немедленно в Севастополь министра внешних сношений для выяснения вопроса о защите Севастополя; затем, исходя из указаний полковника Труссона об оставшемся 3—5-дневном сроке, назначил отъезд правительства на понедельник. А в воскресенье утром начальник штаба Добровольческой армии сообщил, что большевики приближаются уже к Дюрменю, что до прихода войск в Симферополь остается только два-три дня и что, по приказу ген. Деникина, штаб Добровольческой армии в Симферополе должен закончить эвакуацию к среде 9 апреля. При таких условиях правительство решило переехать и перевести весь правительственный аппарат в Севастополь, с тем, чтобы оттуда управлять той частью территории Крыма, которая будет свободна от большевиков, если только союзники будут защищать Севастополь. В Симферополе же решено возложить всю гражданскую власть на министра внутренних дел, который должен был оставаться в Симферополе в качестве представителя гражданской власти до самой последней минуты.

В заседании совета министров, происходившем 8 апреля вечером в Севастополе, в помещении министерства внешних сношений, было доложено:

1. Министр внешних сношений, выехавший по поручению правительства из Симферополя в ночь с 5 на 6 апреля, тотчас по получении сведений о том, что французское командование, ввиду сдачи нашими войсками второй линии позиции у озер, решило отозвать союзные войска, сообщил правительству телеграммою от 4 апреля и дополнил свое сообщение устно в настоящем заседании о ходе своей беседы с полковником Труссоном, к которому он отправился тотчас по прибытии в Севастополь для выяснения вопроса о том, будут ли французские власти защищать Севастополь. Полковник Труссон заявил министру, что он ожидает на-днях прибытия батальона в 1.000 человек, и что, если он прибудет, Севастополь может держаться в течение 7 дней. А для того, чтобы прочно защищать Севастополь, нужно не менее

10.000 человек, которых у него нет. Полковник Труссон обнаруживал во время беседы большое волнение по поводу того, что Добровольческая армия не удержала второй позиции, что посланный в качестве арьергарда греческий отряд был выдвинут вперед и понес большие потери ввиду бегства добровольцев; причем заявил, что он готов был помочь армии, хотя и малочисленной, но желающей драться, но совершенно не желает помогать армии, бегущей с поля битвы, а в ответ на указание, что среди добровольцев имеется 300 человек раненых и убитых, заявил, что никто этих цифр не проверял.

2. Министр-председатель, министр внешних сношений и министр полиции доложили, что в понедельник, по получении известия, что отряд полковника Слащова подошел к Армянску и что наша отступившая армия предприняла наступление, они явились к полковнику Труссону и заявили как ему, так и вслед за этим адмиралу Амету на судне «Jean Bart», что правительство оставило Симферополь на время, ввиду указаний военных властей, в том числе и самого полковника Труссона, согласно коим с момента оставления нашими войсками второй линии позиций до занятия большевиками Симферополя пройдет не более 3—5 дней, что эвакуация правительству была предложена Добровольческой армией, которая сама назначила срок для эвакуации штаба на среду, 9 апреля, но что, как только наступление увенчается успехом и противник будет откинут на вторую линию, правительство вернется в Симферополь. Полковник Труссон, нисколько не возражая против принятой правительством меры, заявил, что никаких распоряжений относительно защиты Севастополя у него нет, что удерживать Севастополь он не может в течение трех дней, и что надо стараться выиграть время (gagner le temps). Адмирал Амет первоначально выразил неудовольствие по поводу того, что правительство оставило Симферополь, но затем, выслушав объяснение министров, признал, что они были правы (Vous en avez raison), и в заключение предложил правительству сделать нечто практическое, а именно образовать комиссию по эвакуации. Полковник Труссон выразил готовность поехать на следующий день в Симферополь вместе с председателем совета министров для свидания с генералом Боровским и с организаторами немецкой стрелковой бригады [54]) — для того, чтобы после удачи наступления приняться за организацию единой армии со включением в нее как годных частей Добровольческой армии, так и союзных отрядов — не только греческих, но и французских, а также новых местных формирований (немецких, татарских и других).

3. Председатель совета министров сообщил, что он утром 8 апреля выехал вместе с полковником Труссоном в Симферополь, но что в Симферополе получилось известие о неудаче нашего наступления и об отходе наших частей на Джанкой, вследствие чего поездка полковника Труссона оказалась бесцельной, и полковник заявил, что он считает положение безвозвратно потерянным и потребует немедленно возвращения всех греческих войск.

4. Министры торговли, финансов и труда сообщили, что, во исполнение возложенного на них накануне поручения организовать, согласно пожеланию адмирала Амета, комиссию по эвакуации, они созвали утром 8 апреля в помещении начальника округа совещание, в котором приняли участие, кроме названных министров, министр внешних сношений и министр народного просвещения, товарищ министра внутренних дел Винберг, начальник штаба крепости генерал Рерберг, главноуполномоченный по эвакуации Каринский и начальник округа Рыбарский. На совещании выяснилось, что еще накануне образована была, по требованию французских властей, эвакуационная комиссия, так называемая франко-русская, под председательством коменданта крепости генерала Субботина, в составе представителей как русского морского командования, так и французского командования, морского и сухопутного, вследствие чего совещание решило ограничиться откомандированием в состав указанной комиссии, в качестве представителя гражданской власти, главноуполномоченного по эвакуации Каринского и начальника округа Рыбарского; заседание комиссии должно было состояться в 7 час. вечера.

5. Министр юстиции и министр внешних сношений заявили, что, узнав, в отсутствие министра-председателя, уезжавшего в Симферополь, об образовании указанной франко-русской комиссии и желая, ввиду ожидавшегося отплытия адмирала Амета, переговорить с ним о судьбе выраженного им правительству пожелания, решили предварительно свидеться с генералом Субботиным. Запросив в 5 час. дня по телефону, могут ли они увидеть генерала Субботина, они получили ответ, что генерал находится уже в заседании франко-русской комиссии в штабе командующего флотом. Отправившись туда, министры вызвали из заседания генерала Субботина, который им заявил, что действительно сейчас происходит заседание, в котором, кроме него, участвуют главный командир порта адмирал Саблин, заместитель адмирала Амета, командир судна «Vergniaud» команд. Вуазен, комендант «Buse Navale» Pelle Desforges и представитель полковника Труссона, что ими распределяются транспорты для эвакуации, что дело с транспортами для нас обстоит очень плохо, так как французы и греки забирают для себя самые лучшие транспорты, повидимому, для отправки своих войск. К адмиралу Амету министрам, ввиду позднего времени, уже не удалось поехать.

6. Наконец, военный министр заявил от имени председателя комиссии генерала Субботина ходатайство об отпуске 500.000 рублей на «эвакуацию и на оборону», а морской министр адмирал Канин заявил от имени адмирала Саблина ходатайство об ассигновании $2^1/_2$ миллионов рублей для оплаты тружеников флота, мотивируя это ходатайство тем, что без такой оплаты эвакуация неосуществима.

Обсудив, при указанных условиях, общее положение, совет министров в заседании 8 апреля пришел к заключению, что эвакуация не только предуказана командованием Добровольческой армии и пред-

ложениями, исходящими от адмирала Амета, но и осуществляется уже действиями комиссии, назначенной по соглашению между военным командованием, русским и французским,— как морским, так и сухопутным, — и что это мероприятие вполне соответствует разъяснениям, данным полковником Труссоном, о необходимости выиграть время и о предположении защищать Севастополь не более 3—7 дней. Ввиду сего совет министров признал своим долгом обеспечить населению возможность спастись от опасности, грозящей ему при приближении большевиков, и при беззащитности последнего убежища, каким являлся до того времени Севастополь в представлении правительства и значительной части населения. Совет министров ассигновал потому в распоряжение председателя франко-русской комиссии генерала Субботина 500 000 рублей, выслушав затем сообщение явившегося к концу заседания главноуполномоченного по эвакуации Н. С. Каринского о состоявшемся только что с его участием заседании комиссии по эвакуации, совет министров принял к сведению, что в комиссии главноуполномоченному удалось с большим трудом обеспечить на транспорте «Рион» 1 000 мест для эвакуации правительственных чинов, и то лишь при условии, что главноуполномоченный возьмет на себя заботу по погрузке на тот же транспорт 500 легко раненых. Все другие транспорты заняты в распоряжении коменданта крепости генерала Субботина, который заявил, что эвакуация всего гражданского населения, за исключением указанных 1 000 человек, должна быть предоставлена ему. Вслед затем разрешен был вопрос о выдаче служащим эвакуационного содержания, причем предложение о применении в полном объеме закона о 6-месячном содержании было отклонено, ввиду состояния кассы, и решено было выдать служащим лишь 3-месячное эвакуационное содержание. На следующее утро, по случаю прибытия на Севастопольский рейд греческого адмиральского судна «Килькис», министр внешних сношений сделал командующему судном адмиралу Какулидису визит, во время которого возбужден был вопрос о принятии правительства на суда, ввиду опасности, грозящей ему не только от появления большевиков извне, момент которого можно более или менее учесть, но главным образом от единичных покушений со стороны возбужденных приближением большевиков большевистски настроенных масс. Предположение это осуществилось на следующий день: в четверг 10 апреля члены правительства с их семьями, за исключением Н. Н. Богданова и М. М. Бутчика, сели на находившееся под греческим командованием судно «Трапезонд». Предварительно члены правительства сочли нужным оповестить о своем решении как морское, так и сухопутное французское командование. С этою целью министр внешних сношений и министр юстиции, по поручению совета министров, отправились на флагманское судно «Jean Bart», где, ввиду отъезда адмирала Амета в Одессу, были приняты старшим по рангу командиром судна Вуазеном и начальником штаба адмирала Амета Казнавом. Оба они никаких возражений против перехода правительства на союз-

ное судно и против предположенного отъезда правительства на этом судне в Константинополь не встретили, обусловив, однако, окончательный свой ответ согласием полковника Труссона. Надлежит указать, что к этому времени французское командование решило объявить в Севастополе осадное положение, не войдя, однако, с правительством ни в какое по этому поводу соглашение и не предложив ему взять на себя гражданскую власть при военном губернаторе, каковым объявил себя полковник Труссон. При таких условиях правительственная власть, и без того ограниченная уже пределами одного Севастополя, превращалась в нечто, лишенное всякого реального содержания. Оба министра отправились к полковнику Труссону, которому объяснили, что, при создавшемся положении, при переходе почти всей власти в руки его, Труссона, как военного губернатора, и назначенного им себе в помощники генерала Субботина, остаток власти, сводящийся исключительно к решению в масштабе городского хозяйства финансовых и продовольственных вопросов, может быть передан городскому самоуправлению. Полковник Труссон вполне согласился с планами правительства, не встретив никаких возражений против отъезда, и просил лишь после посадки правительства на судно сообщить об этом для того, чтобы он мог тотчас сделать свое официальное сообщение.

В четверг, 10 апреля, совет министров перешел на пароход «Трапезонд» и там составил определение, коим, объявляя об оставлении территории Крыма, предложил органам городского и земского самоуправления принять на себя исполнение обязанностей гражданской власти, каковое постановление министр внешних сношений при особом письме немедленно препроводил полковнику Труссону. В пятницу, 11 апреля, около 5 час. вечера, на пароход «Трапезонд» явился русский офицер, предъявивший правительству писанную карандашом записку генерала Субботина, коею он предлагал офицеру немедленно отправиться на «Трапезонд» и пригласить всех членов правительства явиться к военному губернатору полковнику Труссону в морские казармы, с тем что, в случае неявки, министры будут отвечать по закону, и ни одно судно не будет выпущено из порта. Министры отправились на берег, где в сопровождении офицера явились к полковнику Труссону. Последний указал, что, за израсходованием значительных сумм на эвакуацию, в кассе не осталось никаких средств, и потому он требует, чтобы правительство немедленно вернуло все деньги, розданные им чиновникам, иначе он не выпустит ни одного парохода из рейда. А когда правительство указало, что часть расходов (на уплату жалованья) произведена была во исполнение закона, которого правительство не могло не исполнить, а другая часть была ассигнована правительством по требованию франко-русской эвакуационной комиссии, причем генерал Субботин, независимо от ассигнованных ему 500.000 руб., самовольно взял из банка еще 500.000 рублей, пригрозив и с своей стороны правительству, в случае сопротивления, запрещением выезда, полковник Труссон ответил, что закон наш он уничтожает (je l'annule),

и он его не смущает; что генерала Субботина и адмирала Саблина он в тот же день посадит в тюрьму, а правительству дает срок для внесения денег до 11 часов утра следующего дня. Председатель совета министров обратил при этом внимание полковника Труссона на то, что форма приглашения членов правительства с угрозою применения репрессивных мер представляется совершенно неуместной. Во время беседы полковник Труссон, между прочим, указал, что, по сведениям, сообщенным ему финансовым комиссаром французской эскадры Шардоном, у Крымского правительства имелось дней 5 тому назад 11 миллионов, и все эти деньги израсходованы. Ввиду решительных возражений министра финансов, указавшего, что в кассе неделю тому назад имелось не более 7 миллионов и что из них более $2^1/_2$ миллионов взято по текущим счетам, полковник Труссон предложил министру финансов снестись по этому поводу непосредственно с комиссаром. На следующее утро, в 8 часов, министр финансов, в сопровождении председателя совета министров, министра внешних сношений и министра юстиции, отправились на судно «Jean Bart», предполагая не только объясниться с комиссаром по поводу сообщенных им неточных сведений, но и указать лично адмиралу Амету на совершенную недопустимость приемов полковника Труссона как по существу, так и по форме их. Адмирал Амет отказался принять делегацию, финансовый же комиссар получил от министра финансов точные, по дням, сведения о движении сумм в кассе краевого банка и краевого казначейства за весь последний месяц, причем выяснилось, что 11 миллионов имелось в кассе только 18 марта, после чего наличность, под влиянием усиленных требований владельцев текущих счетов, постепенно таяла и к 5 апреля упала до 7 миллионов, — заинтересовался вопросом об эвакуированных ценностях, находящихся на судне «Кагул», и [?] в Севастопольском казначействе должно находиться около 25 миллионов краткосрочных обязательств государственного казначейства, под обеспечение коих выпущено правительством свыше 20 миллионов рублей разменных знаков, и, кроме, того имеется около 700 000 рублей денег министерства продовольствия и еще некоторые ценности, и что если правительственной власти требуются средства на удовлетворение государственных нужд, она может позаимствовать их из указанных источников. В 11 час. утра делегация совета министров, в составе председателя совета министров, министра финансов, министра внешних сношений и министра юстиции, ознакомившись предварительно с движением по всем счетам за последнюю неделю в государственном банке и в казначействе, вручила полковнику Труссону ноту за подписью всех министров (см. приложение) *), доказывающую правильность всех мер, принятых правительством, и всех расходов, им произведенных. Полковник Труссон, приняв делегацию, чрезвычайно резко отказался, было, даже прочитать ноту и приложенный к ней расчет и кратко заявил: «Где деньги, дайте деньги,

*) «Приложения» к журналу в распоряжении редакции нет. (*Прим. ред.*)

иначе не уедете. Мне нужны деньги, а не ваши разъяснения». На указания министров, что у Крымского правительства остались деньги в других местах, где имеются отделения банка (в Керчи, Ялте, Феодосии), а в Севастополе касса, естественно, иссякла, ибо из нее пришлось уплачивать жалованье чиновникам всего Крыма, полковник Труссон ответил, что ссылка на Керчь, Феодосию и Ялту его не удовлетворяет, но что он согласен получить нужные ему на расходы по Севастополю 8—10 миллионов рублей из государственных ценностей Крыма, эвакуированных в Севастополь, а до получения этих денег он правительства не выпустит. Делегация четырех министров заявила, что никаких других денег у нее нет, что она готова передать все спасенные правительством ценности на хранение французским властям, с тем чтобы им расходовались необходимые суммы на нужды края, а остаток был бы затем передан в одну из русских миссий в Европе, но никоим образом не попал бы в руки большевиков. О таком согласии делегации составлен был особый акт на русском и французском языках (приложения II и III) [55]), и оба экземпляра вручены тут же полковнику Труссону. Последний, приняв акт, направил его к начальнику штаба адмирала Амета на предмет производства ревизии эвакуированных ценностей, с тем чтобы до перевода денег на «Jean Bart» министры не были выпущены. В тот же день начался осмотр ценностей на «Кагуле» и в казначействе, закончившийся, однако, лишь на следующий день. Вечером в тот же день, 12 апреля, морское союзное командование предъявило к министрам, находящимся на «Трапезонде», требование покинуть судно и перейти на другое, стоящее на рейде судно «Надежда», так как «Трапезонд» должен уйти в Константинополь, а министры выпущены быть не могут. Через час на судно «Надежда», где были уже собраны все члены правительства, явился французский морской офицер от имени адмирала Амета и заявил, что адмирал Амет желал бы быть в курсе движений гг. министров (être au courant des mouvements des m.m. les ministres). На следующий день в 1 час дня возобновилась ревизия; к трем часам дня в результате ее обнаружено в составе эвакуированных ценностей, кроме весьма значительного количества процентных бумаг, 5 миллионов краткосрочных обязательств, 750 000 рублей денежных знаков министерства продовольствия и на 1 миллион обязательств краевого казначейства. О вероятном месте нахождения остальных краткосрочных обязательств министр финансов доложил совету министров, перевод какового письма сообщен был полковнику Труссону (приложение IV) *). Тем не менее, ни в день 13 апреля, ни в следующий день 14 апреля, ни, наконец, 15 апреля никаких распоряжений об отъезде правительства дано не было, а правительство оставалось на судне в Севастопольском рейде, пока 15 апреля под вечер на высотах, окружающих Севастополь, не раздалась пушечная и пулеметная стрельба большевистских войск. Канонада,

*) Этого «приложения» в распоряжении редакции нет. (*Прим. ред.*)

все более приближавшаяся к рейду, продолжалась уже 4 часа, когда, наконец, в 10 часов вечера 15 апреля отдан был приказ «Надежде» уйти в море.

Совет министров постановил:

1. Действия министров, о коих изложено в сем журнале, и, в частности, акт, подписанный делегацией четырех министров 12 апреля о передаче ценностей французским властям, утвердить.

2. Все изложенное занести в журнал и копию его сообщить как союзным правительствам, так и русским послам при них.

Председатель совета министров, министр земледелия *С. Крым.*
Министр юстиции *Влад. Набоков.*
Министр внешних сношений *М. Винавер.*
Министр народного просвещения *С. Никонов.*
Министр финансов *А. Барт.*
Министр торговли *А. Стевен.*
Министр труда, краевой секретарь *П. Бобровский.*

17.

Акт 12 апреля 1919 г. о передаче Крымским краевым правительством французским властям банковских сумм и др. ценностей.

Акт.

Тысяча девятьсот девятнадцатого года апреля 12 дня составлен настоящий акт в том, что Крымское краевое правительство передает французским властям в Севастополе ценности, вывезенные из краевого банка на крейсер «Кагул», а равно ценности, находящиеся в здании казначейства в Севастополе, с тем, что мы предоставляем французским властям расходовать эти ценности на нужды края по их усмотрению, а остаток, который окажется, передать одному из российских посольств в Европе.

Председатель совета министров *С. Крым.*
Управляющий министерством финансов *А. Барт.*
Министр внешних сношений *М. Винавер.*
Министр юстиции *Влад. Набоков.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Автор «Записок» — Налбандов, Владимир Сергеевич,— помещик, владелец имения «Каяш», Симферопольского у. б. Таврич. губ., видный в Крыму общественный деятель царского времени, гласный Таврического губ. и Симферопольского уезди. земских собраний и Симферопол. городской думы и член губ. земской управы. Кроме того, был членом губ. по водным делам присутствия, губ. по земским и городским делам присутствия и т. д. Правый октябрист.

После Февральской революции вошел как представитель союза немцев-колонистов в губернский общественный комитет. В правительстве Сулькевича, созданном немцами в 1918 г., занимал пост краевого секретаря и краевого кон-

тролера. Кандидат в Учредит. собрание по Таврич. избир. округу по списку «земельных собственников и хлеборобов».

[2]) Бианки, Павел Иванович, — симферопольский присяжный поверенный и общественный деятель. Член социал-демократической группы «Единство». Был избран помощником Таврического губ. комиссара Временного Правительства 26 мая 1917 г. «демократическим» губ. земским собранием. Кандидат в Учред. собрание по Таврич. избир. округу по списку с.-д. группы «Единство».

[3]) Поливанов, В. П., — евпаторийский мировой судья. Выделен дополнительно в губ. комиссариат 26/XI 1917 г. общегуб. съездом земств и городов.

[4]) Амет Озенбашлы — видный крымский татарский общественный деятель. Националист. Член партии татарских националистов «Милли-ферка» (национально-демократическая — «народная партия»). В комиссариат введен одновременно с Поливановым как представитель Крымско-татарского курултая (парламента).

[5]) «Совет народных представителей» был организован 26 ноября 1917 г. по инициативе эсеровско-меньшевистской «демократии» на общегубернском съезде земств и городов. В его состав входили представители земских учреждений, профсоюзов (находившихся в то время в руках меньшевиков) и «социалистических» партий (эсеров, меньшевиков, плехановцев, сионистов и т. д.). Председателем его был плехановец Ворошилов, секретарем—бундовец Иткин. Большевики в «Совет народных представителей» не входили и называли его «Советом народных предателей».

[6]) Севастополь был занят немцами 1 мая после недельных боев отряда красногвардейцев и севастопольских матросов с немцами под ст. Альма.

[7]) «Чиновничьим парламентом» называли «Совет представителей губернских правительственных учреждений и местных самоуправлений», организованный при губернском комиссариате 27 апреля 1918 г., для согласования деятельности отдельных правительственных учреждений и разрешения вопросов, кои раньше разрешались высшими инстанциями.

[8]) Крыжановский, Д. А., — присяжный поверенный г. Симферополя и крупный домовладелец. Правый октябрист.

[9]) Граф Татищев, Владимир Сергеевич, — чиновник и общественный деятель царского времени, октябрист, мин. финансов, труда, торговли и промышл. в кабинете Сулькевича. В 1920 г. при Врангеле тавр. губернатор.

[10]) Харченко, Яков Тарасович, — председатель Таврической губ. земской управы и уполномоченный министерства земледелия по закупке хлеба для армии в 1916—1917 гг. Первый тавр. губ. комиссар Врем. Прав. в 1917 г. Монархист.

[11]) Кипчакский, Мустафа Мурза, — видный татарский общественный деятель. Националист. Член Симферопольского и Перекопского уездных земских собраний и Бахчисарайской городской думы. Впоследствии заменил Налбандова в должности краевого контролера в «кабинете» Сулькевича и был председателем организованной Сулькевичем комиссии по выработке положения о выборах в «Крымский парламент».

[12]) Крымско-татарский парламент или курултай был созван 10 декабря 1917 г. Крымско-мусульманским исполкомом как высший орган татарского самоуправления. Проработав три дня, курултай образовал «Крымско-татарское национальное правительство», или «директорию» из 5 директоров (юстиции, по внешним и военным делам, финансов и вакуфов, по делам религии, народного просвещения), существовавшую на-ряду с «Советом народных представителей» и являвшуюся фактической властью в Крыму до создания советской «Республики Тавриды». Директория опиралась на штаб крымских войск. Разогнанный в январе 1918 г. большевиками, «курултай» вновь собрался 8 мая 1918 г. после занятия Крыма немцами и работал до 5 июня 1918 г.

[13]) Джафер Сейдамет — бывший социалист и видный татарский революционер, сын крестьянина дер. Кизильташ, Ялтинского уезда. Учась в Константинополе в университете, вступил в ряды протестантов-революционеров, среди кото-

рых, благодаря блестящему ораторскому таланту, организаторским и литературным способностям, играл видную роль. В 1910 г. написал книгу «Угнетенный татарский народ», после чего, дабы не быть арестованным, бежал в Париж, где окончил Сорбонну. Перед войной вернулся в Россию. В 1914 г. был направлен по мобилизации из Петроградского университета в юнкерское училище. После революции в 1917 г. вернулся в Крым, где был одним из виднейших татарских общественных деятелей. Кандидат в Учред. собрание по Таврич. избир. округу по списку Крымско-мусульм. исп. комитета. После Октября 1917 г. перешел в лагерь крайних татарских националистов. Был комиссаром вакуфной комиссии в 1917 г., а затем директором по внешним и военным делам в крымско-татарской национальной директории. Организатор «Крымского революционного (на деле контр-революционного) штаба», созданного 31 октября 1917 г. Крымско-мусульманским исполкомом для борьбы с большевиками. В правительстве Сулькевича занимал пост министра иностранных дел и вел крайнюю шовинистическую националистическую политику, стремясь к образованию из Крыма самостоятельного «Крымского ханства» под протекторатом Германии и Турции.

[14]) Губернский комитет крымских немцев организовался после Февральской революции и объединял немцев-колонистов Крыма. Руководство в нем принадлежало кадетского толка интеллигенции и крупным землевладельцам.

[15]) Председателем губернского комитета крымских немцев был Гейне, Артур Фридрихович, присяжный поверенный гор. Симферополя.

[16]) Автор имеет в виду разгром войск «Крымского революционного штаба» (см. прим. 13), руководимого русским контр-революционным офицерством во главе с полковником Макухиным, в январе 1918 г. отрядами большевистского Севастопольского Совета Рабочих и Солдатских депутатов, установившими советскую власть в Крыму. Объявленная затем на губернском съезде советов 10 марта 1918 г. «Советская социалистическая республика Таврида» просуществовала до двадцатых чисел апреля 1918 года, когда Крым был оккупирован немцами.

[17]) Аблаев, Джафер Эмир Усейн, — татарский общественный деятель. Националист. Председатель Крымско-татарского парламента.

[18]) Крым, Соломон Соломонович, — крупный землевладелец Феодосийского уезда Таврической губ., гласный Таврич. губ. и Феодосийского уезди. земских собраний, член Государственной Думы I созыва и Гос. Совета. Кадет. Впоследствии, с 15 ноября 1918 г., после падения правительства Сулькевича, в связи с уходом немцев и приходом «союзников», премьер-министр и мин. земледелия и госуд. имуществ Крымского краевого правительства.

[19]) Келлер, Владимир Васильевич, — крупный землевладелец и виноторговец Ялтинского уезда. Гласный Таврического губ. зем. собрания. Кадет.

[20]) Сулькевич, Матвей (Сулейман) Александрович. Происходил из литовских татар-мурзаков (помещиков). Генерал-лейтенант царской службы. В 1914 г. был начальником штаба 7 армейского корпуса в гор. Симферополе. Во время империалистической войны командовал 32-й дивизией и Крымским мусульманским конным корпусом. Будучи премьер-министром Крымского правительства, находился всецело под влиянием Д. Сейдамета и Крымско-татарской директории.

[21]) Рапп, Томас, — крупный землевладелец из немцев-колонистов Феодосийского уезда. Один из руководителей Союза крымских немцев.

[22]) Шредер — крупный землевладелец из немцев-колонистов Феодосийского уезда; один из руководителей Союза крымских немцев.

[23]) Набоков, Владимир Дмитриевич, — один из лидеров партии «народной свободы». Член I Госуд. Думы, мин. юст. в Крымском правительстве С. Крыма.

[24]) Оболенский, Владимир Андреевич, кн., — крупный землевладелец Таврической губ. Председатель крымского комитета партии «народной свободы».

[25]) Эти замечания, как и переговоры кадетов о вступлении в кабинет, организуемый Д. Сейдаметом, очень показательны для кадетов, потом задним числом

обвинявших Налбандова и др. в «сепаратизме», «продаже Крыма немцам» и т. п. Кадеты и сами непрочь были принять участие в этой «продаже».

[26]) Правительство Сулькевича было сформировано в следующем составе: 1) премьер-министр и министр внутренних и военных дел Сулькевич; 2) заступающий министра внутренних дел, товарищ министра князь С. В. Горчаков (смещенный Февральской революцией таврический вице-губернатор); 3) министр земледелия, краевых имуществ и снабжения Т. Рапп; 4) министр иностранных дел Д. Сейдамет; 5) краевой контролер, краевой секретарь и врем. управляющий мин. исповеданий и народного просвещения В. С. Налбандов; 6) министр путей сообщ., почт и телеграфов и общ. работ Лев Фриман; 7) министр финансов, торг., пром. и труда и врем. упр. мин. юст. граф В. С. Татищев.

Позднее в состав «кабинета» дополнительно вошли: 1) П. Н. Соковнин (б. чиновник мин. земледелия, при Временном Правительстве был управляющим отделом национализированных сельскохозяйственных предприятий мин. земледелия), занявший пост министра народного просвещения (в кабинете С. Крыма был министром земледелия); 2) Ахматович, Богдан Матвеевич (б. сенатор, из литовских татар) — министром юстиции и 3) контр-адмирал Бурлей, Сергей Иванович — товарищем военного министра по морским делам.

[27]) Лизогуб, Ф. А., — председатель Сов. мин. при гетмане Скоропадском.

[28]) Автор имеет в виду забастовку железнодорожников Южных ж. дор. в июле 1918 г. как протест против занятия Крыма немцами; после массовых арестов забастовщиков германцами она закончилась поражением бастовавших.

[29]) Хаджи, Абрам Яковлевич, — присяжный поверенный, кадет. Гласный Симферопольской городской думы.

[30]) Галейзер, Е. А., — журналист, сотрудник киевских газет.

[31]) Граф Татищев и Д. Сейдамет были командированы в Берлин в конце июля 1918 г. Цель их поездки: 1) определение международного положения Крыма до созыва всеобщей мирной конференции, 2) получение в Германии займа и 3) организация торговых сношений между Германией и Крымом. Пункт первый имел, собственно, в виду добиться в Берлине признания независимости Крыма от Украины. Займа Татищеву получить не удалось, но им было организовано общество для товарообмена между Германией и Крымом. Но в то время как Татищев был занят выполнением своей экономической миссии, Д. Сейдамет тайно от него предпринял шаги к осуществлению стремлений татарских националистов о создании в Крыму самостоятельного «Крымского ханства» путем представления «высокому германскому правительству» особой докладной записки по данному вопросу от имени «Крымско-татарской национальной директории». В этой записке директория, имея в виду «исторические и военные способности татарской расы», выставила ряд оснований, на коих может быть, по ее мнению, восстановлено «татарское владычество» в Крыму.

Узнав об этой стороне деятельности Д. Сейдамета в Берлине, гр. Татищев письмом сообщил об этом Налбандову. Последний, получив копию документа у ген. Коша, подал заявление о выходе из правительства. Гр. Татищев также, по возвращении из Берлина, в конце сентября, подозревая — и не без основания — о том, что делалось все это Сейдаметом не без ведения Сулькевича, также 2/X—1918 г. подал заявление о выходе из состава правительства и ликвидировал созданное, было, им в Берлине общество для товарообмена Крыма с Германией. Были, конечно, и другие причины выхода из кабинета группы Налбандова (вслед за ним и Татищевым из кабинета ушел и Т. Рапп), но основные разногласия были именно в этой плоскости — в вопросе о самостоятельности Крыма.

[32]) Фальц-Фейн, Владимир Эдуардович, — помещик, крупный землевладелец Днепровского у. Таврич. губ. Гласный Таврич. губ. земского собрания.

[33]) Речь идет о расхищении имущества б. военно-морского ведомства. Хищения были крайне велики и производились как русским населением Севастополя, так и немецкими войсками.

[34]) Горчаков, Сергей Васильевич, князь, — таврический вице-губернатор, смещенный Февр. революцией. Тов. мин. внутр. дел в правительстве Сулькевича.

[35]) Перед приходом немцев в Крым Украинским правительством по радио дано было распоряжение Черноморскому флоту поднять украинские флаги (якобы во избежание захвата флота немцами), но флот этому не подчинился и под обстрелом немцев ушел в Новороссийск. Украинский флаг подняли лишь крейсер «Кагул» и несколько мелких судов.

[36]) Налбандов вышел из кабинета Сулькевича 11 сентября 1918 г. Причиной ухода послужило несогласие его с большинством членов кабинета в вопросе о проводимой Сулькевичем пантатарской националистической политике, стремившейся к образованию из Крыма самостоятельного Крымского ханства под протекторатом Германии и Турции, о чем указано было выше.

[37]) На этом записки Налбандова обрываются. Украина не согласилась на признание независимости Крыма. Созванное 5 октября 1918 г. в Киеве, по инициативе немецкого командования, совещание по вопросу о создании союза между Украиной и Крымом также ни к чему не привело, так как украинцы остались на своей точке зрения.

[38]) Нефф А., — крупный землевладелец из немцев-колонистов Евпат. ц.

[39]) Штоль, Филипп Матвеевич, — крупный землевладелец Перекопского (ныне Джанкойского) уезда. Председ. Джанк. общ. взаимн. кредита в 1917 г.

[40]) Штейнвальд, Эд., — крупный землевладелец Симферопольского уезда.

[41]) Упоминаемый в обращении съезд губернских гласных, представителей городов, уездных и волостных земств состоялся 7—10 ноября 1918 г. и потребовал от правительства Сулькевича сдачи власти выбранному съездом, как органом, представляющим общественное самоуправление, новому кадетскому правительству С. Крыма. В принятых им решениях съезд указывал, что задачами нового правительства являются: «1) Содействие объединению распавшейся России и с этой целью сближение со всеми возникшими на русской земле государственными организациями, поставившими себе основной задачей воссоединение единой России, причем вопрос об устройстве и форме правления объединенной России должен быть окончательно решен имеющим быть избранным Всероссийским учредительным собранием. 2) Восстановление распущенных правительством Сулькевича органов общественного самоуправления и перевыборы их на основе законов Временного Правительства. 3) Созыв на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, по пропорциональной системе, Крымского краевого сейма, в случае, если в течение 2-х месяцев не будет по каким-либо причинам создана единая всероссийская власть» и т. п. Подчинение Сулькевича требованию съезда о передаче власти новому, избранному съездом «кабинету» объясняется, конечно, не «демократичностью» Сулькевича, а той простой причиной, что поражение Германии и вспыхнувшая затем германская революция лишали его тех штыков, с помощью которых он лишь и держался; другой, не менее реальной, причиной ухода в отставку «кабинета» Сулькевича было появление в крымских водах антантовской эскадры.

[42]) Богданов, Николай Николаевич, — кадет. Член губ. земской управы. 26 мая 1917 г. был выбран председателем Таврической губ. земской управы и губернским комиссаром Временного Правительства вместо скомпрометировавшего себя слишком открытой защитой слуг старого режима Я. Т. Харченко. С поста губернского комиссара Н. Н. Богданов ушел 4 ноября 1917 г. после столкновения с татарскими националистами, выразившими ему недоверие «вследствие его неумения ориентироваться в событиях и нетактичности по отношению к татарам в прошлом и настоящем».

[43]) Стевен, А. А., — крымский общественный деятель. Член Таврич. губ. земской управы и председатель губ. (в 1917 г.), а затем краевой (при Сулькевиче) продов. управы. Член клуба «Единство».

[44]) Никонов, С. А.,правый с.-р. Председ. Севаст. гор. упр. в 1917, 1918 гг.

[45]) Винавер, М. М., — один из лидеров партии «народной свободы» и активнейших деятелей контр-революции. Автор публикуемой нами «Справки».

[46]) Бобровский, Петр Семенович, — симферопольский прис. поверенный, член Таврич. губ. земской управы. Председатель Симферопольской с.-д. группы «Единство». После Февральской революции на чрезв. губ. земском собрании («демократическом») 26/V—1917 г. был избран вместе с П. И. Бианки помощником таврич. губ. комиссара Временного Правительства, на каковом посту находился до ноября 1917 г. Автор «примечаний» к «Справке» Винавера.

[47]) Первоначальной причиной упоминаемой Винавером забастовки, объявленной 11 марта 1919 г. и продолжавшейся до 15 марта, была невыплата правительством С. Крыма денег рабочим Севастопольского морского завода, в сумме 55 млн. рублей (разница за время с 7/III по 1/IX—1917 г. и 6 мес. заштатное пособие по ликвидации порта в августе 1918 г.). Но еще 7 марта, когда на общем собрании союза металлистов разрешался этот вопрос, по инициативе самого собрания принята была следующая резолюция: «От получения денег от кадетского правительства отказаться, работы на заводе прекратить, требовать немедленного удаления из Севастополя вооруженных отрядов Антанты и для разработки окончательного плана созвать делегатское собрание от всех союзов и предложить им присоединиться к нашим требованиям». В 2 часа ночи 10 марта после долгих прений с меньшевиками, делегатское собрание всех союзов 83 голосами против 7 меньшевиков приняло постановление о немедленном объявлении стачки всех союзов и выбрало стачечный комитет из 7 тт. (все большевики). 11-го утром стачка была объявлена. 12-го белогвардейская контрразведка арестовала члена стачкома большевика тов. Городецкого и 6 рабочих. В ответ на это стачком объявил мертвую стачку (до этого больницы, водокачки и электростанция работали). Севастополь на двое суток замер: ни света, ни воды, ни фунта печеного хлеба. Арестованные были возвращены из Симферополя, и 15-го стачка была прекращена. Тогда же был выбран Военно-революционный комитет, связавшийся с частями Красной армии, прорвавшими Перекоп и наступавшими на Крым. Через несколько недель в Крыму была восстановлена советская власть.

[48]) Д. А. — Добровольческая армия, части которой через Керчь вступили в Крым при отступлении немцев, одновременно с появлением в Севастополе антантовской эскадры. «Особое совещание» было создано постановлением совета министров Крымского правительства 7 февраля 1919 года.

[49]) Насколько население действительно было «обеспечено» продовольствием и, в частности, хлебом, показывает следующее: введена была хлебная монополия, запрещена выпечка хлеба из сеянной муки, паек установлен в $^3/_4$ ф. в день.

[50]) Имеются в виду Бердянский, Мелитопольский и Днепровский уезды б. Таврич. губ., при немцах входившие в состав «Украинской державы».

[51]) Автор имеет в виду ген.-майора Боровского.

[52]) Автор имеет в виду учреждение в заседании совета министров от 30 марта 1918 г. «комитета обороны края». Означенный комитет был создан в составе: председатель — командующий войсками Крымско-азовской армии, члены: председатель совета мин., военный министр, министр внутр. дел, министр внешних сношн., нач. штаба ком. Крымско-азовской армией, главноуполн. по обороне края.

[53]) К сожалению, архивов правительства С. Крыма не сохранилось.

[54]) Немецкая бригада была сформирована из добровольцев немецких колонистов. Подобные же части формировались из греков, татар и т. д.

[55]) Так как это один и тот же акт, мы даем в приложении только русский его текст.

Переписка Николая II и Марии Федоровны.

(1905—1906 гг.)

Печатаемые письма представляют собою ценнейшее дополнение к двум документам, давно известным и опубликованным: дневнику Николая II и воспоминаниям Витте. «Письма» содержательнее первого и — если можно употребить это слово по отношению к Николаю II — искреннее. Дневник тщательно пытался скрыть от «потомства», для которого исключительно он писался, настроения писавшего. Николай чрезвычайно редко проговаривался, когда душа у него уходила в пятки — да и то больше в ранних частях дневника (в рассказе о покушении на него в Японии, например, в 1891 году). Перед матерью этого он не скрывает: хотя и ее, как увидим, он обманывает, но на иной лад. К воспоминаниям же Витте письма дают, так сказать, вторую половину оттиска. Витте его ненавидел, он — Витте. Как ненавидел Витте, мы знаем из «Воспоминаний»: как Николай его ненавидел, мы знаем теперь из писем — опять-таки больше, чем из «Дневника». В «Воспоминаниях» Витте старался показать лицевую сторону свою — и оборотную Николая; здесь Николай пытается дать оборотную сторону Витте (любимца его матери) и показать себя возможно красивее.

Нужно отметить еще одну особенность писем. Мария Федоровна гостила в это время у своих датских родственников. Не было сомнения, что фактическое содержание писем она им передаст; а датский двор был в родстве на все стороны — одна из датских принцесс была королевой Англии, другая за братом германского императора. Говорить с датскими родственниками значило говорить почти со всей Европой. Отсюда чрезвычайно тщательная отделка «информационной» стороны писем: письмо, например, от 19 октября ст. ст. — это почти реляция императора всероссийского своим заграничным собратьям о понесенном им только что поражении. Здесь все закруглено: «иначе нельзя было поступить». И, конечно, Николай ни в чем не виноват: все изменили, «ни на кого я не мог опереться, кроме честного Трепова».

Эту «честную» фигуру предшественника Столыпина нужно постоянно иметь в виду, когда перед нами появляется та или иная «оценка» Николая. Это оценка не столько царя, сколько именно Трепова. «Трепов для меня незаменимый, своего рода, секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно. Это, конечно, секрет для всех!» Датские родственники не должны были знать, что Россией фактически управляет Трепов и что Николай только марионетка в его руках.

Если бы мы не знали, что Николай ненавидел Витте и долго спустя после смерти Трепова, и раньше, чем он с Треповым близко познакомился, мы могли бы отнести насчет антагониста портсмутского графа те характеристики Витте, которыми усеяны письма.

Еще перед 17 октября он предупреждал Николая, «что если Витте будет назначен, то им вместе служить невозможно». И это было, конечно, много серьезнее, чем антипатия коронованного ничтожества к умнейшему из слуг самодержавия накануне падения последнего.

Противоречие Витте и Трепова было классовое противоречие. Витте представлял крупнейшую, главным образом банковую, лишь во второй линии промышленную, буржуазию[1]). В этом его смычка с кадетами, в каковой смычке — или попытке ее наладить — он откровенно признается в своих «Воспоминаниях». У Трепова тоже была смычка с теми же кадетами, но по иной линии. Трепов представлял юнкерство, феодалов-предпринимателей, притом правое их крыло. Но так как крайнее левое крыло той же группы сидело в кадетской партии (Петрункевичи, Львовы, Родичевы, Долгоруковы), то смычка и тут должна была получиться сама собой. То, что тянуло кадетов вправо, тянуло Трепова влево — они не могли не встретиться. В этом отношении Трепов был опаснейшим конкурентом для Витте, и конкурентом не только в снискании милостей Николая — это было самое последнее. И Витте и Трепов ставили ставку на кадетов. Ставка Витте была бита подавлением декабрьского восстания 1905 года — ставка Трепова «благополучным» разгоном первой Думы. Столыпин явился в этой триаде синтезом — он дал либеральной буржуазии тот минимум, без которого она уже совершенно не могла обойтись, отразил интересы юнкерства полнее, чем это мог бы сделать «погромщик» Трепов, — и создал режим, который, хотя и с ворчанием, признали даже и погромщики, т. е. самое крайнее правое крыло юнкеров. После этого Трепову не оставалось ничего более, как умереть — а Витте дожидаться нового подъема буржуазной революции.

Правее всех правых крыльев стоял, конечно, Николай. Никаких следов даже отдаленного предчувствия классовой подоплеки разыгравшейся на его глазах борьбы вы у него не найдете. Все сводится к нарушению и водворению порядка. Если бы можно было получить философию истории 1905 года, написанную участковым приставом, она, вероятно, не на много отличалась бы от философии истории царя. Октябрьскую забастовку подготовили «разные съезды, которые, неизвестно почему, были разрешены Дурново». Остановлено же было «движение или революция» только тем, что «Трепов предупредил жителей, что всякий беспорядок будет беспощадно подавлен». Но против стачки — в особенности железнодорожной — и Трепов был бессилен. Пришлось позвать Витте — а Витте «прямо объявил, что если я [Николай] хочу его назначить председателем Совета Министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать». Это и привело Николая к «страшному решению» — подписать манифест 17 октября. Причем как результат ожидалось «скорое успокоение». То, что «успокоение» не наступало, сразу же (еще в начале ноября ст. ст.) вызвало разочарование в Витте. «Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и что он примется сразу за водворение порядка прежде всего». Ибо для «водворения порядка» ничего не нужно, кроме энергии; «у хороших и честных губернаторов везде было спокойно», тогда как «в Петербурге менее всего видно смелости власти».

Поскольку Витте брался для «успокоения», заранее могло считаться предрешенным, что, как только движение будет подавлено, Витте снимут. Что его не только сняли, а и наградили при этом пинком ноги («я никогда не видал такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера, почти никто больше ему не верит, он окончательно потопил себя в глазах всех, — может быть, исклю-

[1]) Я говорю о 1905-м годе — в 1890-х годах Витте представлял именно промышленную буржуазию.

чая заграничных жидов». Письмо от 12 января ст. ст.), — это было уже результатом «личной психологии»; а что его сняли не тотчас же, а лишь в апреле, следует отнести насчет «заграничных жидов», т. е. необходимости довести до конца дело с заключением займа. Ибо Витте приглашался не только для «успокоения», но и для извлечения сумм из карманов европейской буржуазии, которая Николаю давно уже перестала верить.

Полицейская точка зрения на революцию проходит через все письма — можно бы цитировать без конца. Так, и в Москве, само собою разумеется, «мятеж подавлен благодаря верности и стойкости славных войск». Правда, после «глупейшего бунта в Ростовском полку» утешать себя «верностью и стойкостью» было психологическое основание. Но это было не только настроение — это был метод. «Энергичный образ действий Дубасова и войск в Москве» упоминается и в следующем письме, когда «глупейший бунт» уже изгладился из памяти. «Энергия» все преодолевает! Чрезвычайно любопытно, что Николаю, повидимому, совершенно не было известно, какие ничтожные — по количеству — вооруженные силы революции держали целую неделю под шахом «верные и стойкие» войска. Дубасов, видимо, изображал ему дело, как поголовное восстание всего московского населения — и Николай спокойно приводит такие цифры, как 10 тысяч или 3 тысячи убитых «революционеров». Если бы он знал, что вооруженных революционеров было убито меньше, чем его солдат! И что все остальные погибшие были безоружные рабочие и даже просто обыватели, павшие жертвой дубасовской канонады. Но еще любопытнее, что Николаю и в голову не приходило задать себе вопрос: почему же это против него восстало все московское население? Для полицейского взгляда все ясно: «толпа» всегда «бесчинствует», ежели над ней не бодрствует «энергичный» кулак городового. Витте не успел показать этого кулака, Дубасов сумел, и сразу «все скверные элементы упали духом и на Северном Кавказе, и на юге России, также и в сибирских городах».

Мировоззрение Николая было не просто мировоззрение поручика, каким его часто изображали; это было мировоззрение «квартального поручика» доброго старого времени, когда еще не было и участковых приставов. И лишь изредка действительность напоминала ему, что кулак городового, хотя бы и самого «энергичного», не есть еще начало всех начал и конец всех концов. К августу 1906 года кулак торжествовал — декабрьское восстание было далеким прошлым, первая Дума благополучно разогнана, последние военные восстания благополучно подавлены. А «милая мама» должна была «понять чувства» человека, не имеющего возможности «ни ездить верхом, ни выезжать за ворота куда бы то ни было. И это у себя дома, в спокойном всегда Петергофе!» (письмо от 30 авг. 1906 г.). Но мировоззрения это не могло поколебать ни на минуту, как не поколебали его в свое время цифры убитых москвичей. И через два письма мы читаем: «полевые суды и строгие наказания за грабежи, разбои и убийства, конечно, принесут свою пользу. Это тяжело, но необходимо и уже производит нужный эффект. Лишь бы власти исполняли свой долг честно и не страшась ничего. В этом условии главный залог успеха» (письмо от 27 сентября ст. ст. того же года). Лишь бы городовой браво стоял на своему посту!

Но крайняя ограниченность легко соединима с хитростью. Не умея дать никакого другого объяснения революции, кроме «беспорядков, учиняемых злонамеренными людьми», Николай умел скрывать от своих датских родственников то, — что он знал, — даже их заставило бы брезгливо наморщить нос. Всем известно, как после «страшного решения», «тяжелого решения» Николая, манифеста 17 октября, по всей России прокатилась волна погромов, направленных против евреев и интеллигенции. Всем известно также, что эти погромы были подготовлены в департаменте полиции — подготовлены,

вероятно, еще раньше, в дни чистой и незапятнанной треповщины — и не пущены во-время в ход, потому что октябрьская забастовка помешала. Теперь пружину нажали уже как средство мести, задним числом, победившей революции, — и механизм все же еще смог сделать свое дело. Николай был посвящен в Кишиневский погром — это мы знаем из дневника Куропаткина. Совершенно невероятно, чтобы эта серия погромов была организована без его ведома. И посмотрите теперь, как он живописует события в своем письме к матери (письмо от 27 октября). «В первые дни после манифеста нехорошие элементы сильно подняли голову, но затем наступила сильная реакция, и вся масса преданных людей воспряла [!]. Результат случился понятный и обыкновенный у нас: народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как $^{9}/_{10}$ из них — жиды, то вся злость обрушилась на них — отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким е д и н о д у ш и е м и с р а з у это случилось во всех городах России и Сибири. В Англии, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полицией, как всегда — старая знакомая басня! Но не одним жидам пришлось плохо, досталось и русским агитаторам, инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям» [!!].

Поразительно, до какого подлого лицемерия может доходить квартальный поручик, поставленный судьбою во главе стомиллионного государства с неограниченной властью! Разумеется, в следующем же письме пришлось признаваться «милой и дорогой маме», что бунтуют отнюдь не одни «жиды», вкупе с инженерами и адвокатами, — и что «жиды» никак не могли дать $^{9}/_{10}$ бунтующих. «Внутри России начались аграрные беспорядки», читаем мы в письме от 10 ноября. «Это самое опасное явление, в с л е д с т в и е л е г к о с т и п о д б и в а т ь к р е с т ь я н о т н и м а т ь з е м л ю у п о м е щ и к о в». Знала кошка, чье мясо съела — знала даже и тогда, конечно, когда писала о «жидах». Если раньше мы видели широту умственного размаха последнего Романова, то теперь, в этой тираде об им самим организованных погромах, мы имеем мерку его моральной высоты. Династия кончала беспримерным вырождением — и история сняла ее скорее слишком поздно для нее самой, чем слишком рано. Уже задолго до 17-го года романовскую машину возглавлял человек, которого не уважали даже сами Романовы.

Расхлябалась не только дисциплина «империи» Николая — начинала расхлябываться дисциплина его семьи. Еще раньше, чем ему пришлось писать матери об октябрьской забастовке, ему пришлось изображать бунт в недрах «царской фамилии». И героем этого бунта — что делает рассказ весьма актуальным — был не кто иной, как теперешний «император», Кирилл Владимирович, незаконно женившийся на теперешней «императрице» (знали ли принимавшие ее американцы об этой червоточине в товаре?) и после этого как ни в чем не бывало явившийся ко двору, обнаружив этим невероятное, «ужасно рассердившее» Николая «нахальство». У того даже «заболела голова» — самое твердое место организма. Кирилла решено было наказать примерно, лишив его сразу и «чинов, и орденов, и дворянства»: он должен был перестать быть «великим князем». Как близка была династия к тому, чтобы потерять даже и теперешнего императора! Но рука всевышнего бодрствовала над Романовыми, и последняя надежда не была утрачена: после припадка головной боли Николая Кирилл остался великим князем. Было теперь кому спасать империю в черные дни. Любопытнее всего, что из пятидесяти остолопов, составлявших «фамилию», роль спасателя досталась именно тому, который был с трещинкой...

В письмах много интересных подробностей и помимо отмеченных (о внешнем холуйстве Витте, о «честном слове», которое дал Николай 17 октября — сам сказал! — о новом брачном скандале в «фамилии», на этот раз тоже с будущим, на пять минут, «импера-

тором» Михаилом — не могли ни разу найти императора без изъяна! и т. д.). Но мы не собираемся излагать писем — они здесь же и печатаются. Мы хотели только показать их значение — очень большое и после всей массы уже опубликованных романовских документов.

Ответные письма матери Николая представляют несравненно меньший исторический интерес — но для «фона», на котором развертывается вся картина, характерны и они. Для того, чтобы быть мелким буржуа, вовсе не нужно быть лавочником, — говорил Маркс: достаточно, чтобы мировоззрение человека не выходило за пределы кругозора лавочника. Мещан и мещанок можно найти где угодно — в том числе и на троне. Мария Федоровна, прежде всего другого — типичнейшая обывательница. Революция для нее, прежде всего, — явное и полное нарушение приличий. «Слава богу, что вы все здоровы и что ты опять можешь верхом ездить свободно и охотиться. Это все-таки показывает, что обстоятельства немного лучше стали. — Ах! Когда же, наконец, у нас все это пройдет и что мы опять могли бы жить спокойно, как все приличные люди? Почти обидно видеть, как здесь хорошо и смирно живут, каждый знает, что ему делать, исполняет свой долг добросовестно, и не делают пакости другим». (Письмо от 14 октября 1906 г.). Даже самые трагические, для реакционного лагеря, события берутся с этой точки зрения. «Какой ужас — убийство бедного толстого Сахарова в Саратове! Я долго не хотела этому верить. Это отвратительно [убить] генерал-адъютанта, посланного тобой» (т. е. Николаем. Письмо от 28 ноября 1905 г.). Кабы убили кого-нибудь другого, было бы не так ужасно — а когда убивают революционеров, это совсем хорошо. «Пока не истребят всех этих чудовищ, никогда не будет спокойствия и тишины в России» (письмо от 16 августа 1906 г.). «Надеюсь, что с Шмидтом покончили, а то, пожалуй, он еще убежит, с такими канальями церемониться не надо» (3 декабря 1905 г.).

Само собою разумеется, что и массовое движение эта приятная во всех отношениях дама — получившая столь же «квартальное» воспитание, как и ее сын — брала под тем же углом зрения. Тут мы встречаем пассажи комизма истинно-щедринского. «Только вчера получила твою [Николая] ответную после 26 ноября телеграмму из Эйдкунена. Вот безобразие эти забастовки, полное разорение для страны и для всех! Не чувствуется ни патриотизм, ни власть, это просто ужас» (то же письмо от 3 декабря). И действительно, подумайте только: «полковник Мин [известный палач Пресни] мне телеграфировал — ужасно счастлив быть флигель-адъютантом, я боюсь, что он не получил мой ответ, я ему два раза телеграфировала, но, вероятно, он не получил, благодаря этим отвратительным, непростительным забастовкам, которые разоряют всю страну». Что же это, в самом деле, такое: поздравительной телеграммы послать нельзя!..

Но окончательно выходит из себя мещанин, когда дело начинает касаться его кармана. Тут он становится неумолим и беспощаден, становится даже — принципиален. Для полноты картины и такое место в переписке есть. До сведения Марии Федоровны дошел, наконец, тот пункт революционной программы, который касался царских недвижимых имуществ (он был более или менее одинаков у всех партий). «Теперь я хочу тебе поговорить об одном вопросе, который меня очень мучает и беспокоит», писала она сыну 16 января 1906 г. «Это насчет кабинетных и удельных земель, которые эти свиньи хотят одобрать [sic!] по программам разных партий. На всякий случай посылаю тебе книжки, где все это написано, ты уже все это знаешь, но это такой важный вопрос, что об этом не могу молчать» [совсем, как Лев Толстой — только тот

по немножко другому поводу!..]. «Нужно, чтобы все знали у ж е т е п е р ь, что до этого никто не смеет даже д у м а т ь коснуться, так как это л и ч н ы е и ч а с т н ы е права императора и его семьи. Было бы в е л и ч а й ш е й и н е п о п р а в и м о й и с т о р и ч е с к о й о ш и б к о й у с т у п и т ь з д е с ь хоть одну копейку, это вопрос п р и н ц и п а, все будущее от этого зависит. Невежество публики в этом вопросе так велико, что никто не знает начала и происхождения этих земель и капиталов, которые составляют ч а с т н о е достояние императора и не могут быть т р о н у т ы, ни даже стать предметом обсуждения: это н и к о г о не касается, но нужно, чтобы все в этом были убеждены».

Караул, грабят! Не ясно ли, что Россия — «в когтях злого духа» (письмо от 29 декабря 1905 г. — ср. письмо от 16 октября) и что «только бог один может из этого хаоса вывести и спасти» (письмо 3 декабря 1905 г.).

Но если свои беды очень донимают, приятно развлечься зрелищем чужих неприятностей — и тут не беда, если приличия немножко и пострадают. «Я с большим интересом читаю мемуары князя Гогенлоэ [дяди германского императора] и понимаю гнев и ярость Вильгельма. Это должно быть ужасно неприятно — и какая бестактность и дерзость напечатать это, но для м е н я чрезвычайно весело и интересно читать» (26 октября 1906 г.)... Ужасно неприлично — но мещане очень любят читать неприличное — про других...

М. Покровский.

Печатаемые ниже письма Николая II и Марии Федоровны воспроизводятся здесь с подлинников, хранящихся в Особом отделе Московского Центрального Архива Октябрьской Революции. Письма печатаются по новой орфографии, но с соблюдением грамматических и стилистических особенностей подлинника (так, в письмах Марии Федоровны — «снова», «говорит о тебя», «примишь», «что случился с бедном ген. Стесселем ?» и т. п.); недописанные в подлиннике части слов и сокращенные слова восстановлены полностью, при чем дополнения взяты в прямые скобки. Пунктуация в письмах большей частью исправлена; слова, подчеркнутые в подлиннике, набраны разрядкой. Николай II писал матери по-русски; Мария Федоровна также писала по-русски, но часто переходила на французский язык, — перевод этой части ее писем дан петитом в подстрочных примечаниях. Под строку же снесены краткие сведения о событиях и лицах, упоминаемых в письмах.

Текст печатаемой здесь части переписки Николая II с Марией Федоровной подготовил к печати А. А. Сергеев.

Ред.

1.

18 мая 1905 г.

Милая мама,

Извини, что раньше не написал тебе, но вчера я весь вечер принимал Булыгина [1]) и Трепова [2]).

Отправление бедного Миши [3]) в Берлин ни для кого из нас не удовольствие.

В настоящую минуту пребывание за границею для всякого русского — настоящая пытка, а в особенности присутствие на разных торжествах. Но на это надо смотреть как на тяжелую с л у ж б у. Я убежден, что имп[ератор] В[ильгельм] сделает все, чтобы облег-

---

[1]) Булыгин, А. Г., министр внутренних дел.

[2]) Трепов, Д. Ф., ген.-майор свиты е. в., петербургский генерал-губернатор (с 11 янв. 1905 г.); с 26 окт. 1905 г. — дворцовый комендант.

[3]) Михаил Александрович, вел. князь. 18 мая он выехал в Берлин для присутствия на свадьбе германского кронпринца.

чить это для Миши. Но, к сожалению, переменить отъезд его нельзя, так как я вчера дал знать туда, что Миша приедет в день, назначенный для прибытия д[яди] Владимира [1]).

До сих пор почти ничего нового оттуда нет, даже о самом Рожественском [2]). Видно, придется нам всем испить горькую чашу до конца. Храни тебя господь, дорогая мама. Горячо тебя любящий *Ники.*

2.

Bernstorff. 2 сентября 1905 [г.].

Мой милый, дорогой Ники,

Пользуюсь отъездом ком. Nielsen'a, чтобы тебя написать несколько строк с ним, и надеюсь, что ты его раз увидишь.

Хотя мне было очень грустно с вами расстаться, ты понимаешь, как я счастлива снова быть здесь у дорогого арара [3]) in the old home с a[unt] Alix [4]) и со всеми, особенно после всего того тяжелого и ужасного времени, кот[орое] мы пережили! et qui nous écrasait comme le plus affreux de tous les cauchemars [5]). Слава богу, теперь можно немножко отдохнуть, и я чувствую себя так хорошо и свободно. Погода чудная, зелень великолепная, как летом. Мы много катаемся и только гуляем пешком утром.

Надеюсь, что неправда на счет толстого Сахарова [6]), что он ранен бомбой. Это было телегр[афировано?] из Парижа, но так как ты ничего об этом не сообщил, это, наверно, направда. Арара тебя целует и много думает и говорит о тебя. Я вас всех нежно и крепко обнимаю, дай бог тебе, наконец, спокойства и хоть немножко отдохнуть. Мысленно всегда с тобой, мой дорогой Ники. Христос с вами! Всем сердцем

твоя *мама.*

3.

«Полярная Звезда». 7 сентября 1905 г.

Моя милая, дорогая мама,

Прости, что я до сих пор не написал тебе. Пока мы жили в Петергофе после твоего отъезда, ничего интересного не было.

Мысль о том, чтобы уехать на несколько дней, переменить обстановку и дать отдохнуть самому себе — давно меня занимала. И после подписания мира [7]) она еще более укрепилась во мне. Теперь, слава богу, эта мечта осуществилась, и мы уже четвертый день на милой яхте в знакомой тебе обстановке в Транзунде.

---

[1]) Владимир Александрович, вел. князь, главнокомандующий войсками гвардии и петербургского военного округа (до 27 октября 1905 г.).

[2]) Речь идет о поражении под Цусимой 14—15 мая 1905 г. русской эскадры, которой командовал адм. З. П. Рожественский, взятый в бою японцами в плен.

[3]) Король датский Христиан IX, отец Марии Федоровны.

[4]) «в этом старом доме с тетей Аликс» (сестра Марии Федоровны, жена англ. короля Эдуарда VII — королева Александра).

[5]) «и которое давило нас, как ужасный кошмар.»

[6]) Сахаров, В. В., ген.-адъют., б. военный министр.

[7]) Мир с Японией был подписан С. Ю. Витте в Портсмуте 16/VIII 1905 г.

Мы хотели уйти из Петергофа в субботу, но отложили уход из-за бури. В воскресенье погода поправилась, и мы воспользовались этим, чтобы проскочить в Транзунд.

С нами пришли: «Стрела», «Украйна», «Войсковой», «Трухменец», «Абрек» и 4 миноносца. Застали здесь: брон. «Слава», «Александр II», «Память Азова» и «Адм. Корнилов», так что рейд очень оживлен.

Погода побаловала нас удивительным образом — дни стояли положительно летние, но, конечно, с холодными лунными ночами. Спутники наши: старшая Танеева [1]) и Шнейдер [2]), Фредерикс [3]), Олсуфьев [4]), Бенкендорф [5]), Бирилев[6]), Котя Обол. [7]), Гейден [8]), Чагин [9]), Нилов [10]) и Соллогуб.

Занятия — по утрам прогулка на островах или посещение судов, днем — маленькие облавы на островах с матросами или рыбная ловля. Дети и мы наслаждаемся страшно. Ты не узнала бы нас всех, так мы загорели и поправились в несколько дней.

Я счастлив, как малое дитя, этой свободе и отдыху, а в особенности жизни на воде. Я живу в каюте папа, Аликс [11]) в моей старой, Ольга и Татьяна [12]) в каютах Ксении [13]) и Миши, а маленькие в средней. Твой внук [14]) очень в духе и, видно, все ему нравится; надеюсь, и он будет любить море. Он весьма дружен с гр. Толстым [15]).

Хочется продлить еще на несколько дней пребывание на яхте.

Прощай, моя дорогая мама. Мы все тебя нежно обнимаем с милым арара и всем семейством. Христос с тобой! Всем сердцем твой

Ники.

4.

Петергоф. 29 сентября 1905 г.

Милая, дорогая моя мама,

От всей души благодарю тебя за твое письмо с com. Nielsen, которого я на-днях принял. Я давно хотел написать тебе, но с тех пор, что мы возвратились с моря, на меня страшно насели все. Кроме всяких дел, нужно принимать многих раненых офицеров и солдат, так что гулять мне удается какой-нибудь час в день. Зато я так отлично отдохнул на яхте.

---

[1]) Танеева, Александра Алекс., сестра А. А. Вырубовой, фрейлина.
[2]) Шнейдер, А. Е., гоф-лектриса имп. Александры Федоровны.
[3]) Фредерикс, В. Б., барон, министр имп. двора и уделов.
[4]) Олсуфьев, А. В., ген.-адъютант, пом. команд. имп. главной квартирой.
[5]) Бенкендорф, П. К., гр., обер-гофмаршал.
[6]) Бирилев, А. А., вице-адм., морской министр.
[7]) Оболенский, Николай Дм., кн., ген.-м. свиты его вел.
[8]) Гейден, А. Ф., кап. 1-го р., фл.-ад., нач. морской пох. канцелярии е. в.
[9]) Чагин, И. И., контр-адм., ком. имп. яхты «Штандарт».
[10]) Нилов, К. Д., контр-адмирал свиты его вел.
[11]) Александра Федоровна, императрица.
[12]) Ольга и Татьяна — дочери Николая Романова.
[13]) Ксения Александровна — сестра Николая Романова, жена вел. князя Александра Михайловича.
[14]) Алексей Николаевич, вел. кн., наследник.
[15]) Толстой, Ник. Мих., кап. 1-го р., ком. имп. яхты «Полярная Звезда».

В Биорке к нам явился Витте [1]), он был прост и весьма интересен. После длинного разговора с ним, когда я ему объявил о графском титуле, с ним почти случился «столчок» и затем он три раза старался поцеловать руку! На другой день он с нами завтракал и на «Стреле» ушел в Петербург.

После двухнедельного пребывания на милой «Полярной Звезде», ты поймешь, как было тяжело съезжать. Ольга и Татьяна плакали, когда мы пришли в Кронштадт. Чтобы отблагодарить Толстого и офицеров, мы их приглашали эти дни к обеду и очень весело проводили с ними вечера. Сегодня будет обед с инженер-механиками.

Я видел Дена [2]) — мужа Сони [3]) и нахожу, что он выглядит хорошо, но ходит неважно. Его посылают на юг; через некоторое время Бирилев даст ему место морского агента в Италии, что очень устраивает их обоих.

Ты меня спрашиваешь о Сахарове — я ничего не слыхал об этом и уверен, что это обыкновенные газетные выдумки.

Николай [4]) недавно вернулся с Кавказа; он видел Воронцова [5]), который спокоен и бодр духом. Т[етя] Вера [6]) приехала к т[ете] Сани [7]); у нее опять был небольшой удар, но теперь ей лучше.

В Царское Село мы думаем переехать 6 окт[ября].

Прощай, моя дорогая мама. Крепко обнимаем тебя и милого апапа.

Христос с тобой!

Всем сердцем твой *Ники.*

5.

Петергоф. 5 октября 1905 г.

Милая, дорогая мама,

На этой неделе случилась драма в семействе по поводу несчастной свадьбы Кирилла [8]). Ты, наверное, помнишь о моих разговорах с ним, а также о тех последствиях, которым он должен был подвергнуться, если он женится: 1) исключение из службы, 2) запрещение приезда в Россию, 3) лишение всех удельных денег и 4) потеря звания великого князя.

На прошлой неделе я узнал от Ники [9]), что он женился 25 сентября в Tegernsee. В пятницу на охоте Ники мне сказал, что К[ирилл]

---

[1]) Витте, Сергей Юльевич, председатель Комитета Министров,—за успешное ведение мирных переговоров с Японией в Портсмуте получил графский титул.

[2]) Ден-фон, Дм. Вл., кап. 2-го ранга; позже флигель-адъютант.

[3]) Ден, С. В., урожд. Шереметьева.

[4]) Николай Михайлович, вел. кн.; историк.

[5]) Воронцов, И. И., ген.-адъютант, наместник е. в. на Кавказе.

[6]) Вера Константиновна, герцогиня вюртембергская.

[7]) Александра Иосифовна, вдова вел. князя Константина Николаевича.

[8]) Кирилл Владимирович, вел. князь. Речь идет о его женитьбе на разведенной жене вел. герцога гессенского Эрнста-Людвига (брата имп. Александры Федоровны) — Виктории Федоровне.

[9]) Николай, принц греческий, женатый на в. к. Елене Владимировне.

приезжает на следующий день! Я должен сознаться, что это нахальство меня ужасно рассердило — нахальство потому, что он отлично знал, что не имел никакого права приезжать п о с л е с в а д ь б ы. Желая предупредить возможность появления Кирилла в нашем доме, я послал за Фредериксом и поручил ему отправиться в Царское и объявить Кириллу те 4 пункта и, кроме того, мое негодование за его приезд и приказание сейчас же выехать за границу. На другой день в воскресенье, как нарочно, мы должны были принять Friedrich Leopold [1]) (oiseau de mauvaise augure); он завтракал у нас с д[ядей] Владимиром. Затем я имел с бедным отцом очень неприятный разговор. Как он ни заступался за своего сына, я стоял на своем, и мы расстались на том, что о н попросил уйти со службы. В конце концов, я на это согласился.

Кирилл уехал в воскресенье, предварительно побывав в кают-компании Гвардейского Экипажа, как говорят, чтобы проститься с товарищами.

С этого дня мы ничего не слыхали из Царского, за исключением письма от Ники, который был в отчаянии от всего происшедшего и умолял о смягчении наказания Кириллу.

Морской приказ уже вышел, дни проходили, а бумага о лишении его титула вел. князя все переделывалась, т[ак] к[ак] это был первый случай.

Вместе с тем меня брало сомнение, хорошо ли наказывать человека публично несколько раз под-ряд и в теперешнее время, когда вообще к семейству относятся недоброжелательно.

После долгих размышлений, от кот[орых] наконец заболела голова, я решил воспользоваться имянинами твоего маленького внука и телеграфировал дяде Владимиру, что я возвращаю Кириллу утраченное им звание.

Само собою разумеется, что остальные виды наказаний остаются в силе. По мнению тех, которых я спрашивал, эти три взыскания достаточны, лишь бы они продолжались долгое время!

Уф! Какие это были скучные и неприятные дни! Теперь что дело решено, как будто гора с плеч свалилась!

Интересно было бы знать, что думает т[етя] Miechen? [2]). Как она должна была нас ненавидеть!

Мы так надеемся, что они поедут за границу, потому что д[яде] Владимиру необходимо лечение.

Вот почему мы еще хотим остаться здесь.

Надеюсь, милая мама, ты оправдываешь мой поступок и не находишь, что я действовал мягко.

Сегодня, по-моему, был именно для оказания милости настоящий д е н ь [3]).

---

[1]) Фридрих-Леопольд, принц прусский.

[2]) Мария Павловна (старшая), жена великого князя Владимира Александровича.

[3]) День тезоименитства наследника престола — Алексея Николаевича.

Не знаю, сообщила ли тебе т[етя] Мари [1]) об этой свадьбе, мы от нее ничего не слыхали.

Извини, что все письмо наполнено только этим предметом, но я хотел бы, чтобы ты узнала всю правду от меня.

Прощай, моя дорогая, милая мама. Я постоянно мысленно с тобою. Крепко обнимаем тебя и милого апапа.

Христос с тобою!

Всем сердцем горячо тебя любящий твой *Ники.*

6.

Amalienborg. 6 октября 1905 [г.]

Мой милый, дорогой Ники!

Твое милое письмо меня очень обрадовало и всем сердцем благодарю тебя за него. Я так давно ничего от тебя не слышала, что мне очень не доставало. Не понимаю, зачем добрый ком. Nielsen так долго задержал мое письмо, он, вероятно, сам лично хотел тебе дать, боясь, что ты его иначе не примишь.

Но что опять за брожение умов! Свадьба Кирилла и его приезд в Петербург! Это т а к о е г л у п о е н а х а л ь с т в о, еще не бывалое. Как он смеет явится тебе после этого акта, о т л и ч н о з н а я, ч т о его ожидает et te mettre toi dans cette p é n i b l e p o s i t i o n. C'est simplement honteux et la conduite de la t[ante] Miechen dans cette histoire inexplicable car c'est e l l e qui lui a donné ce bon conseil d'aller à Pétersbourg. La t[ante] Mariem'a écrit une lettre en annonçant le mariage, et deux jours après elle me télégraphie que Кир[илл] est parti pour Царское. Je lui ai répondu par télégr[amme] que je m'étonne et regrette le voyage de K., prévoyant nouvelles complications pénibles et surtout i n u t i l e s. A ceci elle m'écrit une seconde lettre qu'elle n'a pas pu empêcher le départ de K[ирилл] comme André Wl. [2]) envoyé par ses parents est venu avec cette combinaison. D'abord il est venu dire de la part de ses parents que le mariage d e v a i t s e f a i r e a v a n t l'h i v e r, à quoi Кир[илл] lui a annoncé qu'ils étaient déjà mariés ce dont André enchanté. Enfin c'est une telle каша et un tel manque de logique que je n'y comprends absolument rien. Je trouve seulement qu'il n'avait qu'à l'épouser après qu'il l'avait tellement compromise devant le monde entier, — mais alors qu'il se tienne tranquille et se fasse o u b l i e r et qu'il subisse les conséquences, on lui a a s s e z s o u v e n t d i t ce qui l'attendait après. Probablement la t[ante] Miechen a eu l'illusion qu'avec s o n fils on d e v a i t faire une exception et que cet acte de courage et d'h o n n ê t e t é m a l p l a c é e de venir en personne te l'annoncer, devait t'attendrir à tel point que tout serait pardonné. Ce qui me fâche le plus c'est qu'ils ne

[1]) Мария Александровна, сестра имп. Александра III, вдова принца Альфреда-Эрнеста-Альберта Великобританского, герцога Саксен-Кобург-Готского.

[2]) Андрей Владимирович, великий князь.

pensent qu'à eux-mêmes et ont l'air de se moquer de tous les principes et des lois et cela dans un temps aussi serieux et dangereux, où tu as déjà assez de tracas et de tourments sans cela. Non, dans un moment comme celui-la des membres de la famille viennent encore ajouter de nouvelles complications à tous tes désagréments, mon pauvre Ники, et t'accuseront toi d'injustice criante etc. quand ils savaient parfaitement d'avance ce qui se ferait. Car tu ne pouvais pas agir autrement que lui ôter l'uniforme comme à l'oncle Paule [1]) aussi, ainsi qu'à M. M. [2]). Tout ceci la tante Marie comprend très bien, elle me l'a écrit, mais ajoute: «pourvu que Ники ne lui enlève pas son titre de grand duc; c'est une chose impossible, ne s'est jamais vu et n'a pas été fait pour les autres. Songes donc qu'il n'a pas épousé une Dieu sait qui, mais ma fille. Qu'il perde son rang, son service, qu'il doive quitter la Russie, tout cela nous nous y attendions, mais si on lui ôte son titre de grand duc, c'est un immense scandale et que Ники n'a pas le droit de faire sans conseil de famille au moins» [3]). Она тебе, вероятно, тоже написала; она, конечно, страшно

---

[1]) Павел Александрович, великий князь; женился на О. В. фон-Пистолькорс, урожденной Карнович, получившей в 1916 г. титул княгини Палей.

[2]) М. М.— Михаил Михайлович, вел. кн., женился на гр. С. Н. Меренберг, получившей титул графини Торби.

[3]) «и ставит тебя в такое затруднительное положение. Это просто позорно, и поведение тети Михень в этой истории необъяснимо: ведь это она подала ему добрый совет поехать в Петербург. Тетя Мари написала мне письмо с сообщением о браке, а два дня спустя телеграфировала, что Кирилл уехал в Царское. Я ответила телеграммой, что я удивлена и сожалею о поездке Кирилла, предвидя новые тяжелые осложнения, к тому же совершенно бесполезные. На это она мне написала во втором письме, что она не могла помешать отъезду Кирилла, так как Андрей Владимирович, посланный родителями, предложил эту комбинацию. Он приехал сказать от лица родителей, что свадьба должна состояться до наступления зимы, на что Кирилл сообщил, что они уже повенчаны; Андрей был в восторге от этого. Одним словом, это такая каша и такое отсутствие логики, что я решительно ничего в этом не понимаю. Я только считаю, что ему ничего больше не оставалось, как жениться на ней после того, как он ее так скомпрометировал в глазах всего света, — но в таком случае пусть он сидит смирно и ведет себя так, чтобы о нем забыли; пусть он несет последствия: ему достаточно часто говорили о том, что его ожидает. По всей вероятности, тетя Михень воображала, что для ее сына сделают исключение, и что мужество и неуместная честность, выразившиеся в том, что он явился лично объявить тебе об этом, растрогают тебя до такой степени, что все будет прощено. Больше всего меня сердит то, что они думают только о себе и как будто смеются над всеми принципами и законами, и это в такое серьезное и опасное время, когда у тебя и без того достаточно хлопот и мучений. Нет, в такой момент даже члены семьи прибавляют новые осложнения ко всем твоим неприятностям, мой бедный Ники, и будут обвинять тебя в вопиющей несправедливости и проч., тогда как они прекрасно знали заранее, что произойдет! Ибо ты не мог поступить иначе и должен был лишить его мундира, как дядю Павла и как М. М. Все это тетя Мари понимает прекрасно и пишет об этом, но добавляет: «лишь бы Ники не лишил его звания великого князя; это невозможно, невидано и никогда не применялось в отношении других. Подумай: ведь он женился не бог знает

взволнована, но все-таки довольна, что Ducky наконец вышла замуж и эти истории, по крайней мере, кончены, это понятно de son point de vue [1]). Что говорит д[ядя] Владимир? Я ничего не знаю, никто мне не пишет ничего.

Пятница. 7-го ок[тября]. Сегодня чудная ясная погода, но холодно, ночью был мороз и теперь только 2 гр. т[епла]. Мы почти каждый день гуляем пешком с дорогим арара или катаемся, если слишком ветренно. Он иногда кашляет, и тогда лучше быть осторожно. Я чувствую себя очень одинока с тех пор, что a[unt] Alix уехала, но она хотела еще провести несколько дней с George и May перед их отъездом, они вчера уехали из Англии, и бедная a[unt] Alix и Toria [2]) послали мне очень грустные телеграммы. Мы еще не знаем, когда будет a[unt] Thyra [3]), что несносно. Она надеется приехать, когда George Wilhelm отправляется на юг на зиму, он до сих пор в Gmunden, где уже давно холодно и скверно, что именно очень нехорошо для него.

— Что случился с бедном ген. Стесселем? [4]) Правда ли, что его прогнали? не может быть — для меня il est et restera toujours un héros [5]).

Но теперь пора кончать. Мысленно всегда с тобою, мой дорогой Ники. Дай бог тебе всего лучшего, здоровье, силы и душевное спокойство! Крепко целую вас всех, мои дорогие дети и внуки. Да сохранит вас господь! Горячо тебя любящая

Арара обнимает. твоя *мама*.

7.

Amalienborg. 16 окт[ября] 1905 [г.]

Мой милый, дорогой Ники!

Я была так счастлива наконец получить твое дорогое длинное письмо и благодарю тебя от души за него. Тогда ты только писал об истории Кирилла, что уже было так неприятно, но с тех пор какие ужасные вещи случились у нас! Просто не верится! Мне так тяжело не быть с вами. Я страшно мучаюсь и беспокоюсь сидеть здесь, читать газеты и ничего не знать, что делается. Мой бедный Ники, дай бог тебе силы и мудрость в это страшно трудное время, чтобы найти необходимые меры, чтоб побороть это зло.

ном, а на моей дочери. Пусть он потеряет свой чин, свою службу, пусть он должен будет покинуть Россию, ко всему этому мы были готовы, но если его лишат звания великого князя, это будет величайший скандал, и Ники не имеет права сделать этого, по крайней мере, без семейного совета».

[1]) «с ее точки зрения».

[2]) Виктория, принцесса, дочь англ. короля Эдуарда VII. George и May — принц Уэльский Георг и его жена Виктория-Мэй.

[3]) Aunt Thyra — тетя Тюра, жена герцога Кумберлэндского Эрнеста-Августа, сестра Марии Федоровны.

[4]) Стессель, В. А., ген.-адъютант, порт-артурский «герой», развенчанный после судебного следствия об обетоятельствах сдачи им Порт-Артура японцам.

[5]) Он был и всегда будет героем.

Сердце все время ноет, думая о тебе и о бедной России, которая находится в руках злого духа. Теперь, наверно, единственный человек, который может тебе помочь и принести пользу, это — Витте, car maintenant il est pour sûr dans une bonne disposition, un homme génial energique et qui voit clair [1]).

Да поможет тебе господь, это моя постоянная молитва. Я в отчаяние не иметь каждый день известий, нельзя ли мне телеграф[ировать] ежедневно, если нужно — шифром, и ничего не скрывать, так гораздо хуже. Так как только что узнала, что Извольский [2]) едет на несколько дней, я пользуюсь им, чтобы это послать, но не успею больше написать. Я надеюсь, что ты его примешь, он все тебе расскажет про нас. Я его довольно часто видела и нахожу, что он очень умный и серьезный человек, с которым приятно говорить. — Как ужасно быть от вас отрезанной, даже сидеть без почты! Сегодня, к моей радости, я все-таки получила письмо от Ксении и Ольги [3]). Они, слава богу, здоровы и тогда еще очень наслаждались Ай-Тодором [4]).

Я так боюсь, чтобы не забастовали на телеграфе, этого еще недоставало! Они все сумашедшие люди! — Дорогой арара тоже очень беспокоится и тебя очень целует.

Да сохранит вас господь, мои дорогие дети и внуки! Крепко и нежно тебя обнимаю, мой дорогой Ники.

Горячо тебя любящая твоя грустная *мама*.

8.

Петергоф. 19 октября 1905 г.

Моя милая, дорогая мама,

Я не знаю, как начать это письмо.

Мне кажется, что я тебе написал последний раз — год тому назад, столько мы пережили тяжелых и небывалых впечатлений. Ты, конечно, помнишь январские дни, которые мы провели вместе в Царском — они были неприятны, неправда ли? Но они ничто в сравнении с теперешними днями!

Постараюсь вкратце объяснить тебе здешнюю обстановку. Вчера было ровно месяц, что мы вернулись из Транзунда. Первые две недели было сравнительно спокойно.

В это время, как ты помнишь, случилась история с Кириллом. В Москве были разные съезды, которые, неизвестно почему, были разрешены Дурново? [5]). Они там подготовляли все для забастовок желез-

---

[1]) «так как теперь он наверное благожелательно настроен; это гениальный, энергичный человек с ясной головой».

[2]) Извольский, А. П., посланник в Копенгагене; в 1906—1910 г.г. — министр иностранных дел.

[3]) Ольга Александровна, вел. кн., дочь Марии Федоровны.

[4]) Ай-Тодор, имение в. к. Александра Михайловича в Крыму.

[5]) Дурново, П. П., московский генерал-губернатор.

ных дорог, которые и начались вокруг Москвы и затем сразу охватили всю Россию.

Петербург и Москва оказались отрезанными от внутренних губерний. Сегодня неделя, что Балтийская дорога не действует. Единственное сообщение с городом морем — как это удобно в такое время года? После железных дорог стачка перешла на фабрики и заводы, а потом даже в городские учреждения и в департамент железн[ых] дорог мин. путей сообщения. Подумай, какой стыд! Бедный маленький Хилков [1]) в отчаянии, но он не может справиться со своими служащими.

В университетах происходило бог знает что! С улицы приходил всякий люд, говорилась там всякая мерзость и — все это терпелось! Советы политехникумов и университетов, получившие а в т о н о м и ю, не знали и не умели ею воспользоваться. Они даже не могли запереть входы от дерзкой толпы и, конечно, жаловались на полицию, что она им н е помогает (а что они говорили в прежние годы—ты помнишь?).

Тошно стало читать агентские телеграммы, только и были сведения о забастовках в учебных заведениях, аптеках и пр., об убийствах городовых, казаков и солдат, о разных беспорядках, волнениях и возмущениях. А господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того, чтобы действовать решительно.

Когда на «м и т и н г а х» (новое модное слово) было открыто решено начать вооруженное восстание, и я об этом узнал, тотчас же Трепову были подчинены все войска петербург[ского] гарнизона, я ему предложил разделить город на участки, с отдельным начальником в каждом участке. В случае нападения на войска было предписано действовать немедленно оружием. Только это остановило движение или революцию, потому что Трепов предупредил жителей объявлениями, что всякий беспорядок будет беспощадно подавлен — и, конечно, все поверили этому.

Наступили грозные тихие дни, именно тихие, потому что на улицах был полный порядок, а каждый знал, что готовится что-то — войска ждали сигнала, а те не начинали. Чувство было, как бывает летом перед сильной грозой! Нервы у всех были натянуты до невозможности, и, конечно, такое положение не могло продолжаться долго. В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно, наши разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силою; но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы неминуемо к теперешнему положению, т.-е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы вперед не могли осуществляться бы.

---

[1]) Хилков, М. И., министр путей сообщения.

Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Госуд. Думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что хотя он и рискованный, тем не менее единственный в настоящий момент. Почти все, к кому я ни обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода кроме этого нет. Он прямо объявил, что если я хочу е г о назначить председателем Совета Министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать. Манифест был составлен им и Алексеем Оболенским [1]). Мы обсуждали его два дня и, наконец, помолившись, я его подписал. Милая моя мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь! Я не мог телеграммою объяснить тебе все обстоятельства, приведшие меня к этому страшному решению, которое, тем не менее, я принял совершенно сознательно. Со всей России только об этом и кричали и писали и просили. Вокруг меня от многих, очень многих, я слышал то же самое, ни на кого я не мог опереться, кроме честного Трепова — исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все просят. Единственное утешение это — надежда, что такова воля божья, что это тяжелое решение выведет дорогую Россию из того невыносимого хаотического состояния, в каком она находится почти год.

Хотя теперь я получаю массу самых трогательных заявлений благодарности и чувств, положение все еще очень серьезное. Люди сделались совсем сумасшедшими, многие от радости, другие от недовольства. Власти на местах тоже не знают, как им применять новые правила — ничего еще не выработано, все на честном слове. Витте на другой день увидел, какую задачу он взял на себя. Многие, к кому он обращался занять то или другое место, теперь отказываются.

Старик Победоносцев [2]) ушел, на его место будет назначен Алексей Оболенский; Глазов [3]) тоже удалился, а преемника ему еще нет. Все министры уйдут и надо будет их заменить другими, но это — дело Витте. При этом необходимо поддержать порядок в городах, где происходят двоякого рода демонстрации — сочувственные и враждебные, и между ними происходят кровавые столкновения. Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страною; в этом главная опасность.

Но милосердный бог нам поможет; я чувствую в себе его поддержку и какую-то с и л у, которая меня подбадривает и не дает пасть духом! Уверяю тебя, что мы прожили здесь года, а не дни, столько было мучений, сомнений, борьбы!

---

[1]) Оболенский, А. Д., кн., член Госуд. Совета, позже обер-прокурор синода (окт. 1905—1906 г.)

[2]) Победоносцев, К. П., обер-прокурор синода бессменно с 1880 г.

[3]) Глазов, В. А., ген.-лейт., министр народного просвещения.

Сию минуту мне принесли твое милое письмо от Извольского. От всей души благодарю тебя, дорогая мама. Я з н а ю, что ты молишься о твоем бедном Ники.

Христос с тобою!

Господи, спаси и успокой Россию!

Всем сердцем твой *Ники.*

9.

Петергоф. 27 октября 1905 г.

Милая, дорогая моя мама,

Пользуюсь отъездом Извольского, чтобы поговорить с тобой немного по-душе. Думаю, что последнее мое письмо, хотя и длинное, было очень неясное и слабое. Надеюсь, Извольский лучше объяснит и расскажет тебе все то, что он видел и сам слышал, нежели я это сделаю.

Прежде всего спешу тебя успокоить тем, что в общем положение стало, конечно, лучше, чем оно было неделю тому назад!

Это бесспорно так! Также не может быть сомнения в том, что положение России еще очень трудное и серьезное.

В первые дни после манифеста нехорошие элементы сильно подняли головы, но затем наступила сильная реакция, и вся масса преданных людей воспряла.

Результат случился понятный и обыкновенный у нас: народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как $^{9}/_{10}$ из них — жиды, то вся злость обрушилась на тех — отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким е д и н о д у ш и е м и с р а з у это случилось во всех городах России и Сибири. В Англии, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полицией, как всегда — старая знакомая басня! Но не одним жидам пришлось плохо, досталось и русским агитаторам, инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям. Случаи в Томске, Симферополе, Твери и Одессе ясно показали, до чего может дойти рассвирепевшая толпа, когда она окружала дома, в которых заперлись революционеры, и поджигала их, убивая всякого, кто выходил.

Я получаю много телеграмм отовсюду, очень трогательного свойства, с благодарностью за дарование свободы, но с ясным указанием на то, что желают сохранения самодержавия. Зачем они молчали раньше — добрые люди? Всю эту неделю я прощался с министрами и предлагал новым занять их места. Об этих переменах Витте меня просил раньше, но у него не все кандидаты согласились пойти. Вообще он не ожидал, что ему будет так трудно на этом месте.

Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение. Мне не нравится его манера разговаривать с разными людьми крайнего направления, при чем на другой же день все эти беседы попадают в газеты и, конечно, навранными. Я ему говорил

об этом, и, надеюсь, он перестанет. К сожалению, Трепов уходит. Он давно меня предупреждал, что, если Витте будет назначен, то им вместе служить невозможно.

Хотя они ладили первые дни и сам Витте очень хвалил действия Трепова, тем не менее постоянно возникали разного рода затруднения. Как это ни жаль, но я должен уступить настойчивым просьбам Трепова убрать его; он, бедный, совершенно выбился из сил, потому что никто из господ министров ему ни в чем не помогал! Он действовал молодцом в эти тревожные дни в Петербурге, и только благодаря ему и удивительной выдержке войск не произошло страшного кровопролития. Офицеры и солдаты очень озлоблены бывшими манифестациями с красными и черными флагами и самыми невозможными речами на улицах.

Сегодня Трепов назначен на место Гессе [1]), где он будет весьма полезен и может отдохнуть.

В Финляндии тоже произошла полная забастовка, так что, когда был послан туда манифест на «Ellakön», я три дня не знал, как он был принят. По непонятной для меня причине, Оболенский [2]) вдруг испугался и переехал с семьею в Свеаборг! Он так скомпрометирован, что там оставаться больше не может. Из твоей депеши я узнал, что там все хорошо окончилось. Теперь пора кончать. Крепко обнимаю тебя, моя милая душка мама.

Поверь мне, что у меня на душе гораздо спокойнее.

Христос с тобою!

Всем сердцем тебя любящий твой *Ники.*

10.

Amalienborg. 1 ноября 1905 [г].

Милый, дорогой мой Ники!

Наконец, можно послать фельдегера обратно. Извольский третьего дня вернулся с вашими дорогими письмами, за кот[орые] я всем сердцем благодарю тебя, мой милый Ники. Ты не можешь себе представить, как твое письмо меня обрадовало, зная, как тебе трудно в это время писать, но я так много страдала и измучилась, что я чувствую, что я, по крайней мере, 10 лет постарела в это короткое время! Слава богу, что последние дни всетаки немного спокойнее стало в Петербурге и что тебе немножко легче стало на душе, мой бедный Ники. Это же ужас, через какие страдания ты прошел, surtout ne pas savoir à quoi se décider, tout cela je le sentais dans mon coeur et souffrais pour toi. Je comprenais que tu ne pouvais pas me télégraphier, mais l'angoisse pour moi ici sans nouvelles était simplement tuante! Au moins par Isvolsky j'ai eu tous les détails de toutes ces

[1]) Гессе, П. П., ген.-лейт., ген.-адъют., дворцовый комендант.

[2]) Оболенский, Ив. Мих., кн., ген.-адъют., финляндский генерал-губернатор; был заменен сен. Н. Н. Герардом (1905—1908).

terribles journées et on a de la peine à croire que c'est en R u s s i e que cela s'est passé! Enfin tu ne pouvais pas agir autrement, le bon Dieu t'a aidé à sortir de cette terrible et plus que pénible situation et toi, avec ta grande foi, je suis sûre qu'il continuera à t'aider et à te soutenir dans tes bonnes intentions. Il lit dans les coeurs et voit avec quelle patience et résignation tu portes la lourde croix dont il t'a chargé. Witte est aussi bien à plaindre dans ses terribles difficultés, surtout qu'il ne s'y attendait pas — il faut que tu lui montres de la confiance maintenant et le laisses agir d'après son programme. Je regrette énormement que Trepoff a dû quitter, car il a vraiment deux fois sauvé toute la situation à Pètersbourg grâce à son énergie et admirable conduite, mais je suis heureuse de le savoir près de toi à la place de l'ecce, où il pourra être d'une si grande utilité, car c'est maintenant un poste des plus importants et responsables, et pour m o i c'est un sentiment d e g r a n d e s é c u r i t é de le savoir l à. Ainsi l'oncle Wladimir a quitté. Dieu donne que Николаша [1]) fasse bien, je suis sûre qu'il fera tout son possible, étant un si bon militaire dans l'âme et très énergique. J'espère seulement qu'il sera m o i n s c a s s a n t avec ses subordonnés, qu'il l'était avant. L'oncle Wladimir a, dit-on, été très blessé de ce que si longtemps tu ne lui as pas répondu à sa lettre où il avait demandé sa démission après l'histoire de Кирилл — c'est la t[ante] M[arie] qui me l'a écrit. Peut-être s'eût été mieux de l'avoir fait venir pour en parler et s'expliquer personnellement mais tout cela est justement tombé avec toutes ces grandes journées de trouble où certainement tu n'avais ni la tête ni le temps de t'occupper d'autres choses à côté, qui dans ce moment paraissaient bien moins graves. Comme tout cela est pénible et comme la première entrevue, surtout avec e l l e, sera désagréablement émouvante. Au moins si dans la famille on voulait rester u n i, surtout dans des temps a u s s i m a u v a i s comme maintenant.

Ici au moins nous menons une vie des plus paisibles dont j'aurais pu jouir, si le coeur n'était pas si troublé et tourmenté! Je suis heureuse d'avoir la chère t[ante Thyra ici, après deux ans de séparation. Le cher apapa se sent bien Dieu merci, mais je trouve que souvent il a l'air si fatigué et n'a pas envie de marcher le dernier temps, c'est vrai qu'il fait plus froid et surtout le vent n'est pas agréable. Il parle si souvent de toi et prend tout tellement à coeur ce qui se passe chez nous. — La question norvégienne semble décidée maintenant et lundi prochain on attend la députation pour offrir définitivement à Charles le trône de la Norvège. Pour Charles [2]) et Maud ce temps d'indécision a aussi été très pénible et ennuyeux et je crois, une fois la décision prise, ils sont assez contents,

---

[1]) Николай Николаевич, великий князь, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа с 27 октября 1905 г.

[2]) Карл, принц датский, был избран норвежским стортингом на норвежский престол после отделения Норвегии от Швеции; по вступлении на престол принял имя — Гаакон VII.

quoique le moment du départ leur sera très pénible et triste. Je les vois dans le jour et leur baby est ravissant et m'enchante. Isvolsky m'a raconté combien il était ravi de mon petit-fils Алексей, qu'il marche déjà et parle. Cela me fait т а н т de peine que j'ai manqué ce moment, le plus intéressant et gentil d'un enfant. Je l'embrasse avec toutes mes chères petites-filles qui, j'espère, ne m'oublient pas [1]).

Но теперь прощай, мой дорогой Ники, мои молитвы п о с т о я н н о с тобою. Да сохранит тебе господь! Нежно и крепко вас всех обнимаю.

Горячо тебя любящая твоя *мама*.

Сердечно благодарю дор[огую] Аликс за милое письмо.

---

[1]) «в особенности не знать, на что решиться,— все это чувствовало мое сердце, и я с т р а д а л а за тебя. Я понимала, что ты не можешь мне телеграфировать, но тоска для меня здесь без вестей была просто у б и й с т в е н н о й. От Извольского, по крайней мере, я узнала все подробности обо всех этих ужасных днях; трудно поверить, что все это произошло в России! В конце концов ты не мог поступить иначе, бог помог тебе выйти из этого ужасного и более чем мучительного положения, и я уверена, что при твоей глубокой вере он будет и дальше помогать тебе и поддерживать тебя в твоих благих намерениях. Он читает в сердцах и видит, с каким терпением и смирением ты несешь тяжелый крест, возложенный им на тебя. Витте также заслуживает большого сожаления со всеми его ужасными затруднениями, в особенности потому, что он их не ожидал. Ты должен теперь высказать ему доверие и предоставить ему действовать по его программе. Я очень жалею, что Трепов должен был покинуть свой пост, так как он поистине дважды спас положение в Петербурге, благодаря своей энергии и прекрасному поведению, но я счастлива, что он около тебя, на месте Гессе, где он может принести такую большую пользу, так как теперь это один из наиболее важных и ответственных постов, и д л я м е н я б о л ь ш о е у с п о к о е н и е знать, что он т а м. Итак, дядя Владимир покинул службу. Дай бог, чтобы Николаша преуспел; я уверена, что он сделает все возможное, будучи таким хорошим солдатом в душе и очень энергичным человеком. Надеюсь только, что он будет м е н е е р е з к и м со своими подчиненными, чем был раньше. Дядя Владимир, говорят, был очень задет тем, что ты так долго не отвечал на его письмо, в котором он просил отставки после истории с Кириллом, — мне написала об этом тетя М[ари]. Может быть, было бы лучше вызвать его, чтобы поговорить об этом и объясниться лично, но все это как раз совпало со всеми этими днями тревоги, когда тебе, разумеется, было не до того, чтобы заниматься другими побочными делами, которые в это время казались значительно менее важными. Как все это тяжело, и каким неприятно волнующим будет первое свидание, особенно с н е й! Если бы, по крайней мере, в семье хотели остаться с п л о ч е н н ы м и, особенно в такое т р у д н о е время, как сейчас! Здесь, по крайней мере, мы ведем самую мирную жизнь, которой я могла бы наслаждаться, если бы душа не была так неспокойна и измучена. Я счастлива, что со мной после двухлетней разлуки дорогая тетя Тюра. Дорогой арара чувствует себя, слава богу, хорошо, но я нахожу, что у него часто очень усталый вид и ему не хочется в последнее время ходить; правда, стало холоднее и особенно ветер неприятен. Он так часто говорит о тебе и принимает так близко к сердцу все, что происходит у нас. Норвежский вопрос, повидимому, теперь разрешен, и в будущий понедельник ждут депутацию, которая окончательно предложит Карлу норвежский трон. Для Карла и Мод это время неопределенности было также очень тягостным и тоскливым, и я думаю, что, раз приняв решение, они должны быть довольны, хотя момент отъезда будет для них очень

11.

Царское Село. 10 ноября 1905 г.

Милая, дорогая моя мама,

От всего сердца благодарю тебя за твое доброе длинное письмо, которое меня глубоко тронуло. Я чувствовал все это время твои молитвы за меня и знаю, что ты постоянно думаешь о мне, так же как и мои мысли всегда окружают тебя. Хотя мы и в разлуке, но душою и сердцем в м е с т е. Это сознание облегчает перенесение трудностей жизни!

2 ноября Миша прикатил в Петергоф на своем моторе, и мы переехали вместе сюда. В этот же день началась вторая забастовка железных дорог вокруг Петербурга; но она была не серьезная, так как все остальные дороги отказались от нее. Стачка на фабриках прекратилась потому, что рабочие этот раз ничего не добились кроме голода для себя и своих семейств.

Знаменитый «Союз союзов», который вел все беспорядки, много потерял своего значения после этой забастовки!

Но, вместе с этим, как ты, конечно, знаешь, внутри России начались аграрные беспорядки. Это самое опасное явление, вследствие легкости подбивать крестьян отнимать землю у помещиков, а также потому, что войск везде мало.

Армия из Манчжурии возвращается медленно из-за прекращения движения Сибирской ж. д. Три генерал-адъютанта были посланы для усмирения этих беспорядков: Струков, Дубасов и Сахаров. Сведений от них еще немного, но там, где они сами бывали, наступает спокойствие.

У меня каждую неделю раз заседает Совет Мин[истров]. Миша тоже присутствует. Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять. Ты мне пишешь, милая мама, чтоб я оказывал доверие Витте. Могу тебя уверить, что с моей стороны делается все возможное, чтобы облегчить его трудное положение. И это он чувствует. Но не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и что он примется сразу за водворение порядка прежде всего.

Он с а м мне говорил еще в Петергофе, что как только манифест 17 окт[ября] будет издан, правительство не только может, но должно решительно проводить реформы и н е допускать насилий и беспоряд-

---

мучительным и грустным. Я вижу их днем, их baby восхитителен и приводит меня в восторг. Извольский рассказывал мне, в какое восхищение привел его мой внук, Алексей, который уже ходит и говорит. Мне так больно, что я пропустила этот самый интересный и очаровательный период в жизни ребенка. Целую его и всех моих дорогих внучек, которые, надеюсь, не забывают меня».

ков. А вышло как будто наоборот — повсюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожения имений помещиков!

У хороших и честных губернаторов везде было спокойно; но многие ничего не предпринимали, а некоторые даже сами ходили впереди толпы с красными флагами; такие, конечно, уже сменены. В Петербурге менее всего видно смелости власти и это, именно, производит странное впечатление какой-то боязни и нерешительности, как будто правительство не смеет открыто сказать, что можно и чего нельзя делать. С Витте я постоянно говорю об этом, но я вижу, что он не уверен еще в себе.

— Мы читали с интересом об избрании Carl и Maud на норвежский престол. Как трогательно милый апапа говорил депутации и как хорошо отвечал ему Carl!

Дай бог счастья и успеха в новом трудном деле! Сегодня они уходят, мы им послали телеграмму.

Теперь я должен отдать письмо фельдъегерю. Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама, милых апапа и a[unt] Thyra.

Христос с тобою!

Все твои внучки целуют тебя.

Всем сердцем твой

Ники.

12.

Царское Село. 17 ноября 1905 г.

Милая, дорогая мама,

Еще одна тяжелая неделя прошла.

Крестьянские беспорядки продолжаются, в одних местах они кончаются, а в новых местностях начинаются. Их трудно остановить потому, что нехватает войск или казаков, чтобы поспевать всюду.

Но что хуже всего, это новый бунт в Севастополе в морских командах на берегу и в некоторых частях гарнизона.

До того больно и стыдно становится, что словами нельзя выразить.

Вчера, по крайней мере, ген. Меллер-Закомельский [1]) энергично покончил с мятежом; морские казармы взяты Брестским полком, и крейсер «Очаков» сдался после стрельбы с «Ростислава» и артиллерии на берегу. Сколько убитых и раненых, я еще не знаю. Подумать страшно, что это все свои люди!!

Какой-то прогнанный со службы офицер — бывший лейтенант Шмидт [2]) провозгласил себя командиром «Очакова», но после боя бежал, переодетый матросом, и был пойман. Его, конечно, придется расстрелять!

---

[1]) Меллер-Закомельский, А. Н., бар., ген.-от-инф., в 1904—1906 г.г. ком. 7, а затем 5 арм. корп., в 1906 г. был начальником карательной экспедиции на Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорогах, позже ген.-губ. Прибалтийского края.

[2]) Шмидт, П. П., лейтенант, один из руководителей матросского восстания в Севастополе в ноябре 1905 г.; был расстрелян в марте 1906 г.

Вероятно, ничего этого не случилось бы, если бы команда «Потемкина» была строго наказана, а не осталась за границей.

Пропаганда в войсках проводится в последнее время очень сильно, и бороться с нею можно только надзором и внимательным отношением к солдатам со стороны офицеров, как это существует в гвардии.

Я хочу видеть полки здесь по очереди и начну с Семеновского полка.

Георгиевский праздник будет тоже здесь, в сокращенном виде, с большим завтраком вместо обеда.

У меня нет времени больше писать тебе, милая мама.

Крепко обнимаю тебя и дорогого апапа.

Христос с тобою!

Всем сердцем твой

Ники.

13.

Amalienborg, 28 ноября 1905 [г.].

Мой милый, дорогой Ники.

Всем сердцем благодарю тебя за твое дорогое письмо, которое меня страшно обрадовало, хотя еще м а л о утешительного! Все т а к т я ж е л о и грустно, что слов нет. Когда же, наконец, бог нас услышит и поможет несчастной России выйти из этого ужасного бедствия! Мои мысли п о с т о я н н о с тобою, мой дорогой Ники, и мое сердце рвется к тебе, переполненное самыми горячими благопожеланиями для тебя. Я совсем измучилась, день и ночь только об этом думаю, но, как ты, всетаки не теряю надежды на богу.

Я о ч е н ь рада, что гв[ардейские] полки по очереди будут в Царском, я уже слышала, как Семеновский полк был в восторге от приема. Это отлично, чтобы они тебя видели, и для тебя утешение, est t r è s n e c e s s a i r e de les c a j o l e r pour leur dévouement et tous leurs services bien pénibles pendant ces longues semaines de troubles [1]).

Полковник Мин [2]) мне телеграфировал — ужасно с ч а с т л и в быть фл[игель] ад[ъютантом], я боюсь, что он не получил мой ответ, я ему два раза телеграф[ировала], но, вероятно, он не получил grâce à ces dégoutantes impardonables grèves qui ruinent tout le pays! Ici nous menons une vie bien tranquille (moi pas dans mon i n t é r i e u r). Le cher apapa sort dans les jours et se sent Dieu merci bien, excepté la toux qui l'empêche souvent de dormir. Malheureusement, la chère t[ante] Thyra a déjà dû partir samedi matin d'ici, ce qui est une perte terrible pour le pauvre apapa et pour moi qui étions toujours ensemble et la seule avec qui je pouvais parler à coeur ouvert. C'est très triste, mais le bon oncle Ernest n'a pas voulu fléchir, il prétendait qu'il avait tant à

---

[1]) «н е о б х о д и м о и х п р и л а с к а т ь за их преданность и очень тяжелую службу в эти недели беспорядков».

[2]) Мин, Г. А., полк., фл.-адъютант, ком. Семеновского полка, прославившийся жестокостями при подавлении декабрьского восстания в Москве.

faire à Gmunden, qu'il ne pouvait pas rester un jour de plus. Insupportable. Elle me manque horriblement, tous les matins nous marchions ensemble en ville, courrions les magasins, qui sont si bien arrangés, surtout maintenant avant Noël, quelques fois nous faisions des visites à des vieilles dames, m-elle Rosen entre autres, qui est toujours si malade, tout à fait sourde et presqu'aveugle, la pauvre. Tout de même elle s'interesse à tout comme, avant et etait si contente de nous voir. Le temps est sombre, mais assez doux pas moins de 3 d[égrés] de chaud, hier dimanche il a fait magnifique avec un soleil resplendissant et 5 d[égrés]. J'espère que chez vous il n'y a pas encore l'hiver c'est encore trop tôt. Nous avons fêté le cher oncle Hans [1]) le 22 où il a eu 80 ans, vraiment on ne peut pas le croire quand on le voit, toujours le même avec sa tournure de jeune homme. Il me prie de te dire mille choses de sa part, ainsi que le cher apapa qui prend une telle part de coeur à tous nos malheurs et terribles chagrins.

De Xenia je n'ai plus du tout de nouvelles, quelques fois je reçois par hasard un télégramme, mais depuis trois jours pas même cela. C'est un affreux sentiment d'être ainsi coupée de tous et j'en souffre horriblement. Quelle horreur que l'assassinat du pauvre gros Сахаров [2]) à Саратов! Longtemps je n'ai pas voulu y croire. C'est abominable, un gén[éral] aide de camps envoyé par toi! Je suis très triste que mon ami Orloff-Dawidow est si malade. Tu sais peut-être qu'il a eu un coups d'apoplexie et ne parvient pas se remettre depuis. Je crois que cela lui aurait fait grand plaisir si pour le 6 déc. tu lui aurais envoyé une marque d'attention. Je sais qu'au printemps il devait fêté son jubilé de 50 ans où probablement il aurait reçu quelque chose, il doit avoir dit à sa famille que probablement il ne vivra plus pour son jubilé. Si tu lui donnais le St. André le 6 déc. je crois que cela le rendrait très heureux, c'est un si brave et excellent homme, tellement devoué et grand seigneur, comme on n'en trouve plus.

J'espère que tous mes chers petits-enfants vont bien et qu'ils ne m'oublient pas. Le Baby a-t-il été photographié dernièrement, alors je prie qu'on me l'envoie. Il doit avoir tant grandi et courre déjà je suis sûre. Au moins le bonheur d'avoir ses chers enfants autour de vous est une joie et une vraie consolation pour laquelle il faut remercier le bon Dieu.

Maintenant il faut finir, le courrier attend ma lettre [3]).

Я вас всех нежно и крепко обнимаю, как я вас люблю. Да сохранит вас господь!

Горячо тебя любящая

твоя старая *мама*.

---

[1]) Пов., принц Иоганн, брат датского короля Христиана IX.

[2]) Сахаров, В. В., ген.-адъютант, посланный для подавления крестьянских «беспорядков» в Саратовскую губернию, был убит 22 ноября 1905 г. с.-р. Биценко.

[3]) «Из-за этих отвратительных непростительных забастовок, разоряющих всю страну! Мы ведем здесь очень спокойную жизнь (она не совпадает с моим душевным состоянием). Дорогой арара выходит днем и чувствует себя, слава

14.

Царское Село. 1 декабря 1905 г.

Милая моя, дорогая мама,

Сегодня пришло твое дорогое длинное письмо, за которое от всей души благодарю тебя. Мы все чувствуем, как тебе должно быть тяжело теперь, в особенности после отъезда т[ети] Thyra. Конечно, неприятна эта оторванность друг от друга благодаря забастовке телеграфа, но для нас здесь она лучше железнодорожной стачки. Странно, что я продолжаю получать массу телеграмм каждый день изнутри России, но из-за границы ничего не приходит. Сибирский телеграф не действует, я уже две недели не получаю известий от Линевича [1]). Войска оттуда

богу, хорошо, если не считать кашля, который часто мешает ему спать. К несчастью, дорогая тетя Тюра должна была уже уехать отсюда в субботу утром, и это ужасная потеря для бедного арара и для меня, так как мы всегда были вместе, и с ней одной я могла говорить откровенно. Это очень грустно, но дорогой дядя Эрнест остался непреклонным: он утверждал, что у него так много дела в Гмундене, что он не мог остаться ни на один день дольше. Невыносимо! Мне ее ужасно недостает. Каждое утро мы ходили вместе по городу, бегали по магазинам, которые так хорошо убраны, в особенности теперь перед Рождеством; иногда мы делали визиты пожилым дамам, в том числе m-lle Розен, которая всегда очень больна, совсем глуха и почти слепа, бедняжка. Тем не менее, она всем интересуется, как прежде, и была так рада нас видеть. Погода пасмурная, но довольно мягкая, не менее 3° тепла; вчера, воскресенье, был чудный день с ярким солнцем и 5-ю градусами тепла. Я надеюсь, что у вас еще нет зимы, еще слишком рано. Мы праздновали 22-го рождение дорогого дяди Ганса, ему исполнилось 80 лет. Право, нельзя поверить этому, когда видишь его все тем же с его юношеской фигурой. Он просит передать тебе тысячу пожеланий, равно как и дорогой арара, который принимает так близко к сердцу все наши несчастья и тяжелые огорчения.

От Ксении я больше совсем не имею известий; иногда случайно я получаю телеграммы, но вот уже три дня не получала даже их. Это ужасное чувство — быть до такой степени отрезанной от всех, и я ужасно страдаю от этого. — Какой ужас — убийство бедного толстяка Сахарова в Саратове! Я долго не хотела этому поверить. Это ужасно: генерал-адъютант, посланный тобою! Мне очень грустно, что мой друг Орлов-Давыдов так сильно болен. Ты, может быть, знаешь, что у него был апоплексический удар, и с тех пор ему не удается поправиться. Я думаю, что ему доставило бы большое удовольствие, если бы 6-го декабря ты оказал ему знак внимания. Я знаю, что весною он должен был праздновать свой 50-летний юбилей и, вероятно, получил бы что-нибудь; он говорил своей семье, что, по всей вероятности, не доживет до своего юбилея. Если бы ты дал ему 6-го декабря орден св. Андрея, я думаю, это осчастливило бы его; это такой честный и чудный человек, такой преданный и — настоящий барин, каких больше нет.

Надеюсь, что все мои дорогие внучата здоровы и не забывают меня. Снимался ли в последнее время baby? Если да, прошу прислать мне карточку. Он, должно быть, очень вырос и, я уверена, уже бегает. Во всяком случае, счастье иметь вокруг себя дорогих детей является для вас большою радостью и истинным утешением, за которое надо благодарить бога.

Ну, пора кончать: курьер ждет мое письмо».

[1]) Линевич, Н. П., главнокомандующий русской армией в войне с Японией. Речь идет о перевозке в Россию с Д. Востока демобилизованных войск.

начинают подходить; на-днях в Москву прибыли первые эшелоны 13-го корпуса. Так что железная дорога опять работает теперь хорошо.

Бедный Сахаров! Не думал я, прощаясь с ним в Петергофе, что более никогда не увижу его! Подумай, что убийцей была женщина; она три раза выстрелила в него, сидя с другой стороны письменного стола, в доме Столыпина! [1]).

Здесь на-днях скончался маленький Лобко[2]), бывший мой профессор военной администрации.

Семеновский полк был в великолепном виде, хотя его баталионы не видали друг друга полтора месяца, вследствие службы в Петербурге. Мин и все офицеры были в отличном расположении духа.

26-го происходил Георгиевский праздник.

Новых кавалеров было довольно много.

Из армии прибыло 150 чел., которых Линевич нарочно прислал для этого.

За два дня мы смотрели 800 солдат 1-го армейского корпуса, вернувшихся с войны, чтобы быть учителями молодых солдат своих полков. Приехали между ними и 100 Новочеркасцев; всем раненым и оставшимся в строю я дал георг[иевские] кресты.

Такая радость была увидеть этих славных людей, которые с таким самоотвержением послужили полтора года в страшной и трудной войне!

Старый Мейндорф [3]), их командир, бегал около них и расспрашивал о тех боях, в которых он был с ними; а я рядом говорил с другими, на это он не обращал никакого внимания. Было очень забавно!

Сегодня был смотр Московскому полку — тоже блестящий. Офицеры вчера обедали у нас — теперь это уже вошло в привычку, Аликс отлично разговаривает со всеми по-русски. Завтра приходят Преображенцы. 6 дек[абря] здесь будет парад Гвардейскому Экипажу и Стрелкам, а затем дальше по очереди будут смотры и другим частям.

В общем, положение очень серьезное ввиду не прекращающихся крестьянских беспорядков, но всетаки со всех сторон начинают раздаваться голоса все громче и все сильнее о том, что пора правительству начинать действовать энергично, и это — очень большой успех!

Витте именно этого и ждал, и теперь он начнет подавлять решительно революцию, — по крайней мере, он так мне говорил. Он понимает, что все благомыслящие люди недовольны им и стали нетерпеливы от его бездействия, и поэтому готов приказать арестовать главных руководителей мятежа. Я ему давно говорил про это, но он все надеялся обойтись без крутых мер.

Теперь я должен кончать.

---

[1]) Столыпин, П. А., саратовский губернатор; позднее — министр внутр. дел и премьер-министр (1906—1911).

[2]) Лобко, П. Л., ген.-адъют., ген.-от-инф., проф. академии ген. штаба, госуд. контролер (1899—1905).

[3]) Мейндорф, Ф. Е., ген.-от-кав., ген.-адъют., ком. 1 арм. корпуса.

Прощай, моя дорогая мама. Крепко обнимаю тебя и милого апапа.

Внучки тебя очень целуют; маленький отлично ходит, но почти не говорит.

Фотографии еще не снимали.

Христос с тобою!

Всем сердцем любящий тебя

твой *Ники*.

15.

Amalienborg. 2 дек[абря] 1905 [г].

Милый, дорогой мой Ники!

От души поздравляю тебя и шлю тебе самые горячие благопожелания [1]). Дай бог тебе всего хорошего и помощи в эту страшно трудную минуту! Ты понимаешь, как мне грустно и тяжело не быть с тобою именно в этот день и вообще в это время, т[ак] к[ак] издали все еще мучительнее, просто выразить невозможно, ни одной минуты сердце не может быть спокойно, так страдаю за тебя и с тобой за Россию и за всех, что даже писать трудно. Только вчера получила твою ответную телеграмму после 26 ноя[бря] из Eydtkuhnen. Вот безобразие эти забастовки, полное раззорение для страны и для всех! Не чувствуется ни патриотизма, ни власть, это просто ужас. Только бог один может из этого хаоса вывести и спасти! Может быть с Гос. Думы начнется лучшее время, все надеятся на нее, дай бог!

Вчера я, наконец, получила старое письмо от бедной Ксении, телегра[ммы] совсем не доходят. Она в полном отчаянии от всех гадостей в Севастополе и пишет, что несколько дней положение в Ялте было очень неприятное, т[ак] к[ак] там ожидался приход взбунтовавшихся судов с подлецом Шмитом. Но, слава богу, его поймали раньше à la grande déception des revolutionnaires de [2]) Ялта! Надеюсь, что с Шмитом покончили, а то, пожалуй, он еще убежит, с такими канальями церемониться не надо. Ксения страшно беспокоится насчет добрых офицеров — задержаны на «Очакове», все ли они спаслись? Надеюсь, что ты имеешь известие. Я решительно ничего не знаю кроме датских газет, и это далеко неутешительно, особенно известия из Риги, где, говорят, просто республика, — прелестно!! Как это все кончится, богу одному известно!

Ольга и Миша мне раз телеграф[ировали], что послали письма 27-го н[оября], но до сих пор не получила. Не понимаю, отчего они их не послали с фельдъег[ерем], отправляемым ежедневно с телегр[аммами] в Eydtkuhnen. Все это несносно и ужасно мучительно. Такая тоска, что терпения нет! Просто иногда не знаешь, что делать, что даже думать, все кажется так невероятно и что это в России что все это происходит!!

---

[1]) 6 декабря — день тезоименитства Николая Романова.

[2]) «к большому разочарованию ялтинских революционеров».

4 д[екабря]. Воскресенье.

Вчера вечером получила твое милейшее письмо и от души благодарю тебя, мой дорогой Ники, за него. Я очень рада, что 6-го будет парад моего дорог[ого] Гв. Экипажа, и прошу их поздравить от меня. Они, я не сомневаюсь, всегда будут служить в пример другим, qu'on fasse bien sonner cette note et relever leur moral et le sentiment de l'honneur que malheureusement les Черном[орцы] et les autres équipages ont o u b l i é et se sont couvert de honte qui aurait pu croire chose pareille. Cela vous retourne le coeur!! [1]).

Дорогой арара тебя целует. Waldemar [2]) тоже. Я вас всех крепко и нежно обнимаю, мои дорогие дети.

Христос с тобою, мой дорогой Ники!

Горячо тебя любящая

твоя *мама*.

16.

Царское Село. 8 дек[абря] 1905 г.

Милая, дорогая мама,

Благодарю тебя от всего сердца за твое доброе горячее письмо, которое пришло как раз 6-го утром и меня ужасно обрадовало.

Все, что ты пишешь о себе, меня волнует. Я понимаю, что тебе, вдали от России, все кажется еще серьезнее и хуже. Но не беспокойся о нас, милая мама.

Конечно, мне не легко, но господь бог дает силы трудиться и спокойствие духа, что самое главное.

Именно это спокойствие душевное, к сожалению, отсутствует у многих русских людей, поэтому угрозы и запугивания кучки анархистов так сильно действуют на них.

Без того у нас вообще мало людей с гражданским мужеством, как ты знаешь, ну а теперь его почти ни у кого не видно. Как я тебе писал последний раз, настроение совершенно переменилось. Все прежние легкомысленные либералы, всегда критиковавшие каждую меру правительства, теперь кричат, что надо действовать решительно. Когда на-днях было арестовано около 250 главных руководителей комитета рабочих и других партий, в с е этому обрадовались [3]). Затем 12 газет было запрещено, и издатели привлечены к суду за разные пакости, которые они писали, — опять все единодушно находили, что так нужно было давно поступить!

Все это, конечно, дает Витте нравственную силу продолжать действовать как следует!

---

[1]) «пусть хорошенько оттенят это и поднимут их мужество и чувство чести, которое черноморцы и другие экипажи, к несчастью, забыли и покрыли себя позором! Кто бы мог подумать подобную вещь! Это разрывает сердце!!»

[2]) Вальдемар, принц датский, брат Марии Федоровны.

[3]) Николай Романов имеет в виду, очевидно, арест Петербургского Совета Раб. Деп., произведенный полицией 3 декабря (ст. ст.).

У меня на этой неделе идут очень серьезные и утомительные совещания по вопросу о выборах в Гос. Думу. Ее будущая судьба зависит от разрешения этого важнейшего вопроса. Ал. Оболенский с некоторыми лицами предлагал всеобщие выборы, т. е. suffrage universel, но я вчера это убежденно отклонил. Бог знает, как у этих господ разыгрывается фантазия!

Сидим мы в заседании по 7 часов — просто отчаяние.

6-го происходил великолепный парад Гвардейскому Экипажу, Стрелкам и другим частям в манеже.

Было чудное солнце, светло и радостно на душе. Я им передал твои поздравления, и матросы долго кричали «ура»! в ответ.

Накануне все офицеры обедали у нас.

3-го был очередной смотр Преображенцам. Погода была теплая, и Аликс взяла с собой маленького, кот[орый] смотрел на парад со ступенек подъезда перед дворцом. Полк был очень рад видеть его.

В память этого Николаша был зачислен в списки полка. Enthousiasme indescriptible!

Я так счастлив, что войска полюбили Николашу и верят ему! Недавно он принимал всех командиров частей, при чем сказал им такую горячую речь о верности долгу и присяге, что все присутствовавшие плакали, и «ура»! их было слышно на улице. Это я знаю от самих начальников частей.

Сегодня пришли кавалергарды, и у нас сейчас будет им обед. Завтра утром смотр, — конечно, в конном строю.

Мысли мои будут о тебе, милая мама.

К сожалению, уже надо кончать письмо.

Обнимаю тебя и апапа нежно.

Христос с тобою!

Всем сердцем

твой *Ники.*

17.

Царское Село. 15 декабря 1905 г.

Милая, дорогая мама,

Ты недавно писала Ольге [1]), что предполагаешь приехать к Рождеству. Конечно, мы все будем более чем счастливы, наконец, увидеть тебя после 4-месячной разлуки. Но, милая мама, все мы — Аликс, Миша, Ольга, Петя [2]) и я — очень просим тебя пока отложить твой приезд. Варшавская жел. дорога не безопасна. На-днях два эскадрона твоих кирасир отправлялись в Лифляндскую губернию; через несколько минут после ухода поезд их остановился в поле — оказалось, что локомотив тащил на себе веревку, на конце которой был привязан динамитный патрон, как раз под серединой поезда. Если бы машинист не заметил этого, случилось бы огромное несчастье!

---

[1]) Ольга Александровна, сестра Николая II, жена принца Ольденбургского Петра Александровича.

[2]) Петр Александрович, принц Ольденбургский.

В Ковне и около Вильны тоже неспокойно, а там тебе именно пришлось бы проезжать. Без войск решительно нельзя ехать, а их ни Фрезе [1]), ни Николаша дать не могут, так как их и без того немного.

Кроме всего уланского полка и половины твоего кирасирского с конной батареей, ушедших в Лифляндию под командою Орлова [2]), вчера пришлось отправить в Москву весь Семеновский полк. Дубасов [3]) настоятельно просил о помощи, потому что московский гарнизон совсем измучился. Из Варшавского округа туда тоже послан Ладожский пехотный полк. Как ни тяжело и больно то, что происходит в Москве, но мне кажется, что это к лучшему. Нарыв долго увеличивался, причинял большие страдания и вот, наконец, лопнул. В первую ночь восстания из Москвы сообщали, что число убитых и раненых доходит до 10.000 чел.; теперь, после шести дней, оказывается, что потери не превышают 3 тыс. В войсках, слава богу, немного убитых и раненых. Гренадеры ведут себя молодцами после глупейшего бунта в Ростовском полку, но начальство очень вяло, а главное Малахов [4]) очень стар. Дубасов надеется, с прибытием двух свежих полков, быстро раздавить революцию. Давай бог!

В Лифляндию кроме отряда Орлова послано из Вильно и Варш[авского] округа еще два отряда — все они должны пройти восставшую страну вдоль и поперек и соединиться в одном пункте. Жаль, что это не было сделано раньше, теперь масса имений разорено, некоторые помещики взяты с семействами в плен, а все, кто могли, бежали сюда или в Германию! Латыши совершенно с ума сошли, они прогнали все власти, выбрали себе своих уполномоченных и вообще хозяйничают свободно не только в уездах, но и в небольших городах. Причина та же, потому что войск мало. Были случаи нападения на маленькие отряды войск, которые стояли группами в местечках на охране имений баронов. Во избежание этого приказано отряды стягивать в города и ожидать прихода больших колонн.

Все это напоминает восстание Польши в малом размере. Вооружение у этих подлецов отличное — английское и швейцарское. Морская граница наша длинная и охранять ее от ввоза оружия крайне трудно, хотя сведения о том, что это готовилось, были еще летом, и Трепов, я помню, доносил о них.

Стыдно и больно за бедную Россию переживать на глазах всего мира подобный кризис, но на то, видно, воля божья, и надо перетерпеть все бедствия до конца.

---

[1]) Фрезе, А. А., ген.-лейт., ком. виленским военным округом.

[2]) Орлов, А. А., ген.-майор свиты его вел., ком. Уланского имени имп. Александры Федоровны полка.

[3]) Дубасов, Ф. В., адм., московский генерал-губернатор, руководитель подавления декабрьского восстания в Москве.

[4]) Малахов, Н. Н., ген.-от-инф., командующий войсками Московского военного округа.

Грустно нам невыразимо без тебя, дорогая мама, и за тебя, но мы тебя умоляем со всеми преданными друзьями не приезжать сейчас! Риск слишком велик.

Я первый дам тебе знать, как только обстоятельства позволят. Верь мне, милая мама, я недаром пишу тебе все это. Прошу тебя ответить мне согласием на нашу общую просьбу по телеграфу.

Крепко обнимаю тебя и дорогого апапа.

Да хранит тебя господь!

Всем сердцем любящий тебя

твой *Ники.*

18.

Amalienborg. 21 дек[абря 1905 г].

Мой милый, дорогой Ники!

Всем сердцем благодарю тебя за твое дорогое письмо от 15-го, которое меня так успокоило, потому что я рвалась вернуться непременно к Рождеству и не могла назначить день отъезда благодаря всем этим несносным забастовкам. Я все время страшно мучилась, но твое письмо меня успокоило и окончательно убедило, что теперь просто невозможно. Но мне не менее страшно грустно первый раз не быть с вами на Рождество, и единственным утешением было видеть радость дорогого арара, когда я ему это объявила.

Мои мысли беспрестанно с тобою и разделяю все твои страдания, это ужас то, что везде происходит, в особенности то, что было в Москве. Слава богу, что там тише теперь благодаря энергичным мерам: Дубасов — молодец.

Какие известия от отряда Орлова? Ужасно беспокоюсь, так как здесь появилось в газетах очень скверное известие, как будто бы они потерпели неудачу. Не хочу этому верить, дай бог, чтобы это было неправда. Я тоже ужасно мучаюсь за моих кирас[ир]. Какое чудо спасло их в начале путешествия; слава богу, что этот машинист заметил во-время покушения этих поганых подлецов!

Мне так грустно узнать о смерти гр. Орлова-Давыдова! Еще один из старых друзей! Такой чудный человек и настоящий барин. Я так надеялась его еще застать! Теперь уже надо кончать это письмо, которое получишь 23-го с игрушками на елку. Надеюсь, что тебе понравятся и что большой старый ящик тебе будет полезен. Шлю тебе самые горячие желания к великому празднику и дай бог нам всем мир и тишину. Арара тебя целует и много думает о тебя.

Я с особенной нежностью обнимаю тебя, мой дорогой Ники, и всех моих милых внуков. Да благословит и укрепит тебя господь!

Горячо тебя любящая

твоя *мама.*

Нельзя ли делать доброе дело и назначить генерала Сиверс членом Комитета о раненых? Он ввочаянии [sic!], что должен теперь оставить службу по жребию, прослужив 52 года, не имея никаких средств. Был долго в свите.

19.

Царское Село. 22 дек[абря] 1905 г.

Милая, дорогая мама,

Все мои молитвы за тебя будут особенно горячие в эти дни праздников! Это второй раз, что я не провожу Рождества с тобою; тогда ты была дома, а мы путешествовали по Индии. Очень грустно будет эту елку проводить без тебя, она бывала такою уютною в Гатчине наверху!

Ты мне писала, что уже 40 лет не была вместе с дорогим апапа на Рождестве. Воображаю, как он должен быть счастлив, что ты с ним все это время!

В Москве, как ты знаешь, слава богу, мятеж подавлен — благодаря верности и стойкости славных войск! Я послал Богдашу Мейндорфа благодарить их всех от моего имени.

В частях — убито 10 чел. (два семеновца), ранено тяжело 11 чел., легко 41 (8 семеновцев).

Это очень счастливо за целую неделю непрерывной стрельбы. Потери революционеров огромные, но точные сведения трудно получить, т[ак] к[ак] много убитых сгорело, а раненых они уносили и прячут.

В Лифляндии и Курляндии восстание еще продолжается, потому что эти мерзавцы испортили жел[езные] дор[оги] и взорвали несколько мостов. Теперь отряды войск сосредоточились и начали движение, но интересных известий еще нет.

Около Пернова и Гапсаля в последние дни случились беспорядки. Туда послан из Кронштадта баталион матросов под командою сына Рихтера [1]). Он только что вернулся из Японии, я его не видел.

Кавказ телеграфом отрезан от России. Бедный Воронцов совсем болен и писал мне, что не может управлять краем и просит настойчиво уйти, уже второй раз. Ужасно жаль!

Прости, милая мама, что мне нужно кончать, т[ак] к[ак] времени совсем нет. Сейчас обед офицерам Конной гвардии, а завтра смотр.

От всей души желаю тебе тихо и спокойно провести праздники. Христос с тобою!

Всем сердцем любящий тебя

Ники.

20.

Amalienborg. 29 дек[абря] 1905 [г].

Милый мой, дорогой Ники!

Всем сердцем благодарю тебя за твое дорогое милейшее письмо к праздникам, которые пришлось так грустно этот раз провести в разлуке. Ваши прелестные подарки меня очень обрадовали, и маленькая елка была так симпатична и меня глубоко тронула. Это письмо полу-

---

[1]) Рихтер, капитан 2-го ранга, командир 1-го морского батальона, участвовавшего в «карательной экспедиции» в Прибалтийском крае.

чишь накануне Нового года и мыслями и сердцем буду особенно с тобою. Слава богу, что этот кошмарный год кончается. Дай бог, чтобы новый был немножко светлее и дал нам всем душевное спокойствие et arrache la pauvre Russie des griffes du m a u v a i s e s p r i t ![1])

Так жаль, что бедный Воронцов не может продолжать по болезни, и у ж а с н о г р у с т н о, что на Кавказе так все плохо. Жалко, что Воронцов был назначен, когда положение уже было так испорчено и напутано, ему, конечно, было не под силу бороться с революцией. Он это тогда чувствовал и принял только из преданности. В Финляндии теперь только мечтают о назначении на место Линдена [2]), кот[орого] ненавидели, графа Армфельда, кот[орый] всеми уважаем, un homme parfaitement c o m m e i l f a u t et qui connait tout à fond [3]) или B j o r n b e r g [4]), кот[орого] в с е л ю б я т и у в а ж а ю т. Раз, что теперь финляндцам вернули права, надо уже продолжать в э т о м д у х е, une fois qu'on a dit A il faut dire B, sans cela ce ne seront de nouveau que des d e m i m e s u r e s qui ne mènent à rien [5]).

Погода до сих пор совсем не зимная, сегодня 4 гр. т[епла]. Арара первый раз немножко гулял на воздухе. Слава богу lumbago почти кончился, он опять сильно страдал несколько дней и даже лежал в постеле, что было ужасно скучно. От бедной Louisse известие. Слава богу, немножко лучше, хотя она еще опасно больна. Christian теперь у нее, чтобы узнать, что с нею и что за болезнь. Телеграм[мы]от них там были такие vagues [6]), что ничего понять нельзя было. Все, конечно, так испугались, думали, что воспаление мозга, т[ак] к[ак] она была 24 ч[аса] без памяти. Сегодня Christian телегр[афировал], что он ее видел и что не так плохо, как он ожидал. Дай бог ей поправиться. Но теперь пора кончить. Молю бога, чтобы он тебя благословил и укрепил и помог во всем. Горячо желаю тебе, мой дорогой Ники, счастия, спокойствия и всего, всего хорошего на Новый год. Арара тебе тоже шлет свои самые сердечные пожелания. Крепко вас всех обнимаю, мои дорогие дети. Христос с вами!

Всем сердцем любящая тебя

твоя *мама*.

21.

Царское Село. 29 дек[абря] 1905 г.

Милая, дорогая мама,

Эта неделя рождественских праздников была много спокойнее прежних. Как и следовало ожидать, энергичный образ действий Дубасова и войск в Москве произвел в России самое ободряющее впеча-

[1]) «и вырвал бедную Россию из когтей злого духа!»

[2]) Линден — министр статс-секретарь по делам Финляндии.

[3]) «человек вполне comme il faut и хорошо осведомленный».

[4]) Бьерберг, Ф. Ф., тов. министра статс-секретаря по делам Финляндии.

[5]) «раз сказано *а*, надо сказать *б*, иначе опять это будут только полумеры, которые не ведут ни к чему».

[6]) «неясные».

тление. Конечно, все скверные элементы упали духом и на северном Кавказе и на юге России, также и в сибирских городах.

Граф Воронцов поправился, поэтому я ему написал, прося его остаться еще некоторое время, пока здоровье ему позволит.

В Прибалтийских губерниях восстание все продолжается. Орлов, Рихтер и другие действуют отлично; много банд уничтожено, дома их и имущество сжигаются. На террор нужно отвечать террором. Теперь сам Витте это понял.

На прошлой неделе был прекрасный парад конной гвардии. Завтра приходят лейб-казаки.

27-го мы отлично отпраздновали 50-летний юбилей стрелков имп[ераторской] фамилии.

Петя великолепно командовал парадом. У нас был большой завтрак с женами офицеров и всеми прежде служившими. Вечером я обедал в офицерском собрании и закутил до 6 час. утра! Было очень хорошо и более чем весело!

За ужином я объявил, что возвращаю баталиону самую первую форму с малиновыми рубашками — enthousiasme v r a i m e n t tout à fait indescriptible [1]).

Кроме того для восстановления традиций: Костя [2]) был назначен шефом 2-й роты, а Николаша шефом 3-й роты, как их отцы; Димка Голицын [3]) сделан стрелком, как сын первого командира баталиона.

Давно я так не отдыхал душою. — Опять у меня нет времени писать. Желаю тебе, дорогая мама, душевного покоя и счастья в наступающем году.

От всего сердца обнимаю тебя и милого апапа.

Христос с тобою! Безгранично любящий тебя

Ники.

22.

Царское Село. 12 янв[аря] 1906 г.

Моя дорогая мама, это первое мое письмо тебе в этом году. В прошлый четверг я решительно не имел возможности написать тебе, так как я был особенно занят и, кроме того, должен был послать длинное письмо гр. Воронцову. К счастью, он теперь поправился и стал действовать энергично — сейчас же все там пошло лучше. Вообще, слава богу, положение сделалось несравненно спокойнее.

В Прибалтийских губерниях Орлов и моряки: Рихтер и барон Ферзен [2]) действуют великолепно, замирение уже близко, кроме части Курляндии, куда эти отряды подходят с разных сторон.

На юге России совсем тихо, кроме небольших беспорядков в Полтавской губернии. В Сибири тоже лучше, но еще не кончена чистка железной дороги от всей дряни.

---

[1]) «энтузиазм п о и с т и н е совершенно неописуемый».

[2]) Константин Константинович, вел. князь (поэт К. Р.).

[3]) Голицын, Д. Б., кн., ген.-майор свиты его вел.

[4]) Ферзен, Н. П., бар., кап. 1-го ранга.

Николаше пришла отличная мысль, кот[орую] он предложил, — из России послан Меллер-Закомельский с войсками, жандармами и пулеметами в Сибирь до Иркутска, а из Харбина Ренненкампф [1]) ему навстречу. Обоим поручено восстановить порядок на станциях и в городах, хватать всех бунтовщиков и наказывать их, не стесняясь строгостью. Я думаю, что через две недели они съедутся, и тогда в Сибири сразу все успокоится.

Там на жел[езной] дор[оге] инженеры и их помощники—поляки и жиды, вся забастовка, а потом и революция была устроена и м и при помощи сбитых с толку рабочих.

Семеновский полк вернулся 31 декабря. Мин являлся и завтракал с нами, он рассказывал много интересного, а также и грустного. Он, как всегда, был в духе и благодарил от имени полка за то, что и х послали в Москву усмирять мятеж. Дубасов особенно просил произвести Мина в генералы, что я и сделал, конечно, назначив его в свиту.

На-днях я увижу Björnberg и хочу предложить ему место Линдена. Надеюсь, что с ним пойдет хорошо и спокойно!

В Финляндии очень подняли головы социалисты со времени октябрьской забастовки, и сенат не особенно этим доволен. Добрый Герард принялся за изучение совсем нового для него дела, но, несмотря на трудное свое положение, он не теряет бодрости духа.

Витте, после московских событий, резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать.

Я никогда не видал такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера, почти н и к т о больше ему не верит, он окончательно потопил самого себя в глазах всех, — может быть, исключая заграничных жидов.

Мне очень нравится новый министр юстиции Акимов [2]). Он был сенатором, помещик Саратовской губернии, ушел от службы потому, что не разделял взглядов Муравьева [3]). Он, к сожалению, немолод, но замечательно бодрый и энергичный, с честными взглядами, и начал сильно подтягивать свое поганое ведомство.

Дурново [4]) — внутрен[них] дел — действует прекрасно; я им тоже очень доволен. Остальные министры — люди sans importance!

Дети все поправились — они простудились в одно время и на праздниках валялись в постелях вокруг елки.

Теперь, моя милая мама, мне пора кончать. От всего сердца обнимаю тебя и дорогого апапа.

Христос с тобою!

Горячо тебя любящий

твой старый *Ники*.

---

[1]) Ренненкампф, П. К., ген.-лейт., ком. 7 арм. корп., нач. карат. экспедиции на Сиб., Вост.-Кит. и Забайкальской жел. дор.

[2]) Акимов, Мих. Григ., сен., министр юстиции (16 дек. 1905 г. — апрель 1906 г.), позже председатель Госуд. Совета.

[3]) Муравьев, Ник. Вал., мин. юстиции (1894 г. — янв. 1905 г.).

[4]) Дурново, П. Н., управляющий мин. внутр. дел (1905—1906).

23.

Amalienborg. 16 января 1906 [г].

Дорогой мой Ники!

Всем сердцем благодарю тебя за твое милейшее письмо, которое меня страшно обрадовало и от которого повеяло как будто более свежим духом. Дай бог, чтобы это затишье продолжалось по крайней мере до окончания выборов и до начала Думы. Если б раньше были энергичнее и показали бы больше твердости и власти, beaucoup de choses auraient été evitées [1]), и не понимаю Витте, почему он потерял так много времени.

Теперь я хочу тебе поговорить об одном вопросе, который меня очень мучает и беспокоит. Это насчет кабинетных и удельных земель, которые эти свиньи хотят одобрать по программам разных партий. На всякий случай посылаю тебе книжки, где все это написано; вероятно, ты уже все это знаешь, но это такой важный вопрос, что об этом не могу молчать. Il faudrait que tout le monde sache déjà maitenant qu'à ceci personne n'ose même pas penser à toucher, comme ce sont les droits personnels et privés de l'Empereur et de sa famille. Ce serait la plus grande faute historique irréparable si de ceci on cedait un seul copek, c'est une question de principe et tout l'avenir en depend. L'ignorance du public est si grande à ce sujet, que personne ne connait l'origine ni la provenance de ces terrains et capitaux, qui forment la fortune privée de l'Empereur et ne peuvent pas du tout être ni touchés ni discutés, cela ne regarde personne, mais il faudrait que tout le monde en soit convaincu.

Puis je dois te raconter que mon pauvre vieux Protassoff est venu me voir ici dans un état de santé bien faible et m'a demandé sa demission, que j'ai du accepter le voyant tellement à bout de forces, le pauvre vieux. Cela me fait beaucoup de peine de m'en séparer après 17 ans de paisible travail ensemble — mais vraiment sa santé et son manque de forces physiques ces deux dernières années font qu'il ne peut plus continuer, la grande oeuvre en aurait souffert et je suis contente qu'il l'a compris lui-même. Il m'a priée de te l'écrire, pour le moment il est à Berlin en congé pour faire une cure de repos et de iod pour son coeur. Il ne veut ni pension ni rien, il faudra donc doublement le ласкать autrement.

Pour le moment je garde Oliv qui est excellent et déjà depuis longtemps au fait de toutes les affaires du ведомство, aimé et estimé par tous [2]).

---

[1]) «многого удалось бы избежать.»

[2]) «Нужно чтобы все знали уже теперь, что до этого никто не смеет даже думать коснуться, так как это личные и частные права императора и его семьи. Было бы величайшей и не-

Я в таком горе! Дорогой, чудный арара неожиданно, но тихо скончался!! Он был совсем здоров и весел до $1^1/_2$. Он массу народу принимал до 1 ч. и завтракал с большим апетитом, когда вдруг почувствовал себя дурно и пошел лечь, и у него были боли в груди и сильный пот. Уже в 3 [1]) все было кончено! И я одна была у него. Слава богу, что я тут и с ним до последней минуты была. Я благодарю богу за это счастие.

Но больше не могу.

Крепко тебя обнимаю, мой дорогой Ники, знаю, что ты молишься за меня.

Твоя грустная

мама.

24.

Царское Село. 19 января 1906 г.

Милая моя, дорогая мама,

Не верится, что горячо любимый апапа заснул навеки! Эта весть, как громом, грянула нас всех! Я понимаю тебя, что надо благодарить бога, что ты была при нем. Подумай, как было бы ужасно, если бы ты уехала раньше!

Мои мысли ни на минуту не покидают тебя.

Молю бога дать тебе силы перенести этот ужасный удар. Твоя вторая телеграмма успокоила нас, ты лучше спала и чувствуешь себя бодрее. Хорошо, что a[unt] Thyra приехала так скоро.

Мысленно я переживаю эти тяжелые дни с бедным д[ядей] Freddy [2]), так как на себе знаю, что это за мучения! От всей души жалею д[ядю] Вальдемара и бедного д[ядю] Hans!!.

поправимой исторической ошибкой уступить здесь хоть одну копейку, это вопрос принципа, все будущее от этого зависит. Невежество публики в этом вопросе так велико, что никто не знает начала и происхождения этих земель и капиталов, которые составляют частное достояние императора и не могут быть тронуты, ни даже стать предметом обсуждения: это никого не касается, но нужно чтобы все были в этом убеждены. Должна тебе еще рассказать, что мой бедный старик Протасов пришел ко мне в очень болезненном состоянии и просил об отставке, которую я должна была принять, видя бедного старика до такой степени обессиленным. Мне очень больно расстаться с ним после 17 лет мирной совместной работы, — но, действительно, состояние его здоровья и недостаток физических сил в течение последних двух лет делают для него невозможным продолжение службы; большое дело пострадало бы от этого, и я рада, что он сам это понял. Он просил меня написать тебе об этом; в данное время он в Берлине в отпуску, чтобы полечить покоем и иодом свое сердце. Он не хочет ни пенсии, ни чего бы то ни было, следовательно, надо будет вдвойне ласкать его по иному.

Пока что я оставляю Олива; он превосходен и уже давно в курсе всех дел ведомства, любим и уважаем всеми».

[1]) В подлиннике далее зачеркнуто: «я у него была».

[2]) Фредерик, наследный принц датский.

Они все прислали такие трогательные ответы. Со всех сторон я получаю много проявлений сочувствия.

Прости, я забыл тебя поблагодарить за твое дорогое письмо, именно в тот день написанное. Меня глубоко тронуло, что ты могла докончить его уже после кончины. Поверь, милая мама, что первым искренним желанием было поехать к тебе, быть около тебя и отдать последний долг апапа. Но, как ни грустно сознаться, моя совесть не позволит мне это сделать при настоящих обстоятельствах.

Я не могу оставить Россию теперь: положение еще слишком серьезно.

Но я хотел бы, чтобы семейство и все вообще в Дании знали бы, что важные причины препятствуют мне, как внуку, прибыть к похоронам. Миша и Ольга поедут.

Все твои полки и Гвард. Экипаж пошлют депутации. Только Нилов не может отлучиться, т[ак] к[ак] он в комиссии по следствию о Небогатове [1]), вместо него будет Толстой.

Прощай, моя дорогая, нежно любимая мама.

Да укрепит и хранит тебя Христос!

Всем сердцем и всей душой любящий тебя

Ники.

25.

Царское Село. 26 янв[аря] 1906 г.

Моя дорогая мама,

Постоянно думаю о тебе и иногда прихожу в отчаяние, что я не с тобою в эти грустные, тяжелые дни. Слава богу, что ты теперь не одна, а с а[unt] Alix и Thyra. Какое грустное было с ними свидание после всего, что случилось! Понимаю всецело, что за пустота в доме и, в особенности, в его комнатах. Да поможет тебе господь, как и прежде, терпеливо переносить ниспосланные им страдания!

Знай, моя милая мама, что мы всею душою разделяем твою скорбь и страдаем за тебя.

Минни [2]) и Георгий [3]) вернулись из Крыма и были у нас сегодня. Она сомневается, ехать ли ей или нет на похороны; и, по нашему совету, посылает телеграмму д[яде] Willy [4]).

Самым удобным способом для нее было бы поехать вместе с Ксенией, Мишой и Ольгой. Ксения приезжает в субботу, а они хотят ехать в воскресенье — и Петя тоже. Ксения настаивает на понедельнике. Не знаю, чем это все кончится?

---

[1]) Небогатов, Н. И., контр-адм., б. ком. III Тихо-океанской эскадрой, был предан военно-морскому суду за сдачу своей эскадры японцам в Цусимском бою без сопротивления.

[2]) Мария Георгиевна, жена вел. кн. Георгия Михайловича, урожд. принцесса греческая.

[3]) Георгий Михайлович, вел. князь.

[4]) Георг I, король греческий, б. принц датский, брат имп. Марии Федоровны.

После кончины апапа мы не делали обедов офицерам полков, и смотров тоже не было — ожидая похорон. Так как они откладываются, а мне нужно кончить смотры остальным войскам до весны, мы решили начать их опять с субботы. Будут лейб-гренадеры.

Занятий у меня страшно много, но бог помогает скоро управляться.

Трепов для меня незаменимый, своего рода, секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно. Это, конечно, секрет для всех!

Прощай, моя милая мама!

Христос с тобою!

Нежно тебя любящий

твой старый *Ники.*

26.

Царское Село. 2 февраля 1906 г.

Милая, дорогая моя мама,

Ты получишь это письмо перед самыми похоронами горячо любимого апапа.

Мне о ч е н ь б о л ь н о не быть при этом вместе с тобою. Некоторым утешением для тебя будет присутствие Ксении, Миши, Ольги и Пети; когда много своих кругом себя — горе разделяется между всеми!

Наши усердные молитвы и думы будут в этот день в Roeskilde, где апапа навсегда будет рядом с дорогой амама!

У нас в тот же день в Большой церкви будет отслужена торжественная панихида, с дипломатами, двором и свитою.

Мы все надеемся, что ты скоро вернешься сюда. Уже пять с половиной месяцев, что мы не виделись. Кажется, что целые годы прошли со времени твоего отъезда — столько случилось, столько пережито!

Сегодня Мари [1]) и Дмитрий [2]) уезжают в Москву, чтобы провести ужасный день 4 февр[аля] [3]) вместе с Ella [4]). В понедельник они вернутся назад.

Они прожили здесь два месяца в своих старых комнатах в Большом дворце. Вообще они очень любят Царское, потому что здесь все напоминает им их прежнюю жизнь, и они себя чувствуют дома. Москву они не любят, что открыто говорили нам.

Прости, моя милая мама, что письмо мое такое короткое, но у меня времени нет, а Миша и Ольга расскажут все, что тут делается, гораздо лучше на словах. От всей души обнимаю тебя.

Христос с тобою!

Всем сердцем любящий тебя

твой *Ники.*

[1]) Мария Павловна (младшая), вел. княжна.

[2]) Дмитрий Павлович, вел. князь; он и его сестра Мария Павловна воспитывались в семье в. кн. Сергея Александровича.

[3]) Годовщина смерти вел. кн. Сергея Александровича, убитого 4 февраля 1905 г. в Москве с.-р. И. Каляевым.

[4]) Елизавета Федоровна, жена вел. кн. Сергея Александровича.

27. *Гатчина. 12 июня 1906 [г].*

Мой дорогой Ники!

Пишу тебе несколько слов, чтобы сказать тебе, что знаю, что в Москве очищается место полицмейстера кремлевских дворцов. Было бы очень хорошо дать это место капи[тану] Беляеву, сводного баталиона. Он такой хороший скромный человек, средств не имеет и еще содержит семью брата. Ce serait un bienfait pour lui qui accomplit si bien son service [1]).

Надеюсь, что вы все здоровы и благополучно вернулись домой из Гатчины. Я была так рада вас, наконец, видеть у себя. — Миша завтра утром рано уходит, думает быть пятница вечером в Копенгагене, где останется до субботы ночью, так что он может вернуться понедельник. Крепко вас обнимаю, мои дорогие дети.

Господь с тобою!

Твоя *мама.*

28.

Петергоф. 21 июля 1906 г.

Милая, дорогая мама,

В первый раз приходится проводить твои именины без тебя. Мне грустно, что мы т а к д а в н о не видались из-за болезни маленького Феодора [2]).

Конечно, не за себя мы боялись, а за наших детей. Прибавить ко всем переживаемым теперь тягостям еще риск заболевания детей — это свыше сил, и я уверен, что ты понимаешь нашу осторожность.

Я думаю много о тебе, дорогая мама, и о том, как ты тоже должна страдать сердцем от всего происходящего.

Надо крепко и изо всех сил верить в милосердие божие, что настанут, наконец, светлые и спокойные дни и что так продолжаться не может долго. Сердце обливается кровью от мерзостных событий, бывших в Свеаборге, в Кронштадте и на моем «Память Азова»!

Бедный Дабич [3]) — я не могу добиться, где он и что с ним случилось на берегу?

Я очень устал головою, хотя телом здоров.

Приходится видеть много народу; между прочим, вчера я принимал Львова [4]) (Саратовской губ.) и Гучкова [5]). Столыпин им предла-

---

[1]) «Это было бы благодеянием для него, такого хорошего служаки».

[2]) Федор Александрович, сын вел. кн. Александра Михайловича и Ксении Александровны, у которых часто проживала Мария Федоровна, болевший в это время скарлатиной.

[3]) Дабич, Ник. Дм., кап. 1-го ранга, командир крейсера «Громобой», флигель-адъютант.

[4]) Львов, Н. Н., член I Госуд. Думы, эволюционировавший от кадетов вправо к октябристам.

[5]) Гучков, А. И., лидер партии октябристов.

гал места министерские, но оба отказались. Также и Самарин, которого я видел два раза,—он тоже не желает принять место обер-прокурора! У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужною скромностью и боязнью скомпрометироваться. Придется и без них обойтись. 25-го мы переезжаем в Красное Село, в тот же день объезд лагеря.

От всего сердца поздравляю тебя, милая, дорогая мама.

Все мысли и молитвы с тобою. Да хранит тебя господь!

Всей душой твой

Ники.

29.

Петергоф. 25 июля 1906 г.

Милая, дорогая мама,

Три дня тому назад Миша написал мне, что он просит моего разрешения жениться и что он не может ждать дольше середины августа [1]).

Разумеется, я никогда не дам согласия моего на этот брак.

Не буду повторять то, что я ему написал в ответ. Прочти мое письмо к Мише; оно вполне ясно и определенно.

Я чувствую всем моим существом, что дорогой папа поступил бы так же. Изменить закон для э т о г о случая, в такое опасное время, я считаю решительно невозможным. Бедный Миша пишет вздор, что, так как закон, утвержденный папа, не прошел через Государ[ственный] Совет, поэтому его легче отменить. Это ровно никакой разницы не составляет. Я боюсь, что кто-то помогал Мише писать его письмо, там много казуистики, которая на него непохожа!

Посылаю тебе его, посуди сама.

Всею душою разделяю твою скорбь, дорогая мама, но и мне горестно и тяжело от всего, что может произойти!

Несравненно легче согласиться, нежели отказать, но здесь я н и к о г д а не дам согласия.

Не дай бог, чтобы из-за этого грустного дела в нашей семье вышли недоразумения. И без него едва хватает сил переносить испытания [2]), которые приходится переживать.

Помоги мне, дорогая мама, удержать его.

Да благословит и укрепит тебя господь!

Твой верный и любящий

Ники.

---

[1]) Речь в письме идет о намерении вел. кн. Михаила Александровича жениться на Н. С. Шереметевской; несмотря на запрещение Николая Романова, брак этот состоялся в 1912 г. за границей; Шереметевская получила после этого титул графини Брасовой.

[2]) В подлиннике далее зачеркнуто: «чрез».

30.

Гатчина. 5 авг[уста] 1906 [г].

Мой дорогой Ники.

У меня т а к а я т о с к а все это время, все так грустно и тяжело, и мне так хотелось тебя, наконец, увидеть, что я тебе написала эту телеграмму pour nous donner rendez-vous [1]) в Красном в саду. Но получив твой ответ, я поняла все, что мое предложение натворила. Это чувство меня страшно мучило — так, что я даже не могла заснуть, и вчера утром решила лучше н е приехать, хотя я уверена, что я никак не могу занести вам заразу, т[ак] к[ак] больные детки совершенно отделены. Ирину [2]) я больше 2 недель (даже три) не видела и, после того что она заболела, все комнаты, вещи и в с е, в с е было дезинфектировано. Она даже не была у меня в комнатах с приезда из Бьерке, ее и Андрюша [3]) я только видела в саду. Что это был за ужас, в особенности первые дни болезни бедного мал[енького] Федора, трудно себе представить! Бедная Ксения была просто в отчаянии! Но, с л а в а б о г у, теперь все идет нормально, но, конечно, долго еще надо быть осторожно.

Посылаю тебе письмо Миши, которое прочла с г р у с т ь ю; просто не знаю, ч т о делать, видя его в таком горе! Что бы я ему не говорила, он объясняет по своему и все уверяет, что он не может иначе поступить. Je tâche de faire vibrer la corde de son patriotisme, son devoir, etc., mais il prétend toujours que cela n'a rien à faire avec cette question. Enfin tu comprends et sais quel nouveau chagrin et tourment c'est pour moi, qui ne me donne pas de repos n u i t et j o u r, e n c o r e c e l a outre tous nos autres malheurs et tristesses! [4])

Так как карантин продолжается еще месяц и я вас в с е т а к и не вижу, я думаю ехать в Данию на некоторое время, пока t[ante] Alix там будет, и взять Мишу с собою, чтобы его тут не оставить одного. Вот все, что я хотела тебе сказать на словах, и как мне было грустно, что наш rendez-vous не состоялся. Что ты об этом думаешь? пиши!

Теперь кончаю, крепко и нежно вас всех обнимая. Скажи моим внучкам, как я была рада получить их письма, особенно Ольги, которая так мило и трогательно писала. Так жалко, что лето прошло, и я их с о в с е м не видела. Боюсь, что мой драгоценный внук меня совсем забудет!

---

[1]) «о том, чтобы нам встретиться».

[2]) Ирина Александровна, вел. княжна, дочь в. к. Александра Михайловича и Ксении Александровны.

[3]) Андрей Александрович, вел. кн., сын в. к. Александра Михайловича и Ксении Александровны.

[4]) «Я стараюсь играть на струнах его патриотизма, чувства долга и т. д., но он все утверждает, что это не имеет ничего общего с данным вопросом. Словом, ты понимаешь и знаешь, какое это для меня новое огорчение и мучение, не дающее мне покоя ни днем ни ночью. Еще и это в добавление ко всем нашим другим несчастьям и горестям!»

Ксения тебя целует и боится писать. Да благословит и укрепит тебя господь и пошлет нам утешение и успокоение, которое нам и бедной России так необходимо! Мысленно и молитвенно постоянно с тобою, мой милый, дорогой Ники!

Горячо тебя любящая

твоя старая *мама*.

Посылаю тебе еще письмо Andersen Waldemar'y. Wald[emar] меня просил тебе послать. Maintenant il ne demande que ce que lui même a dépensé pour les marchandises, sans compter tout ce que le pauvre homme a perdu [1]).

31.

Петергоф. 8 августа 1906 г.

Моя дорогая мама,

Я получил твое письмо перед самым отъездом из Красного Села. Приéхав сюда, я подвергся нападению министров и их докладов и потому не мог собраться, чтобы написать тебе.

Я вполне понимаю твое желание поехать в Данию и там встретиться с т[етей] Alix. Но Мише лучше оставаться здесь, по-моему. Он не будет один в Гатчине, т[ак] к[ак] Ксения и Сандро [2]) пробудут там до сентября.

А после их отъезда он может переехать к нам, так что о д и н он не останется. Надо помнить, милая мама, что Миша теперь в ненормальном состоянии и поэтому в течение некоторого времени можно опасаться un coup de tête!

Ксения и Сандро, Ольга и Петя будут заграницею. Если Миша будет в Дании, он может отпроситься поехать к ним, и тебе будет трудно отказать ему в этом. Кто может поручиться, что она не приедет к нему и что они все-таки [не] повенчаются?

Ведь надо все предвидеть, а то, что я пишу, вполне возможно, к сожалению.

И потом мне кажется, что мой единственный брат должен остаться в России и около меня в такое трудное время.

Ты не сердишься, неправда ли, дорогая мама, за откровенно высказанные мысли, но я отвечаю на твое желание знать мое мнение. То же самое я сказал бы тебе при нашем несостоявшемся свидании в Красном.

Оттуда мы вернулись под самым лучшим впечатлением всего виденного. Господь благословил пребывание наше в лагере также и дивною погодою; все было удачно и интересно.

Как переехали сюда, начался дождь, но теперь это все равно. Виктория [3]) гостит у нас, что для нас обоих громадное удовольствие.

[1]) «Он просит теперь только то, что он сам истратил на товары, не считая того, что он, бедняга, потерял».

[2]) Александр Михайлович, вел. кн., женатый на сестре Николая Романова Ксении Александровне.

[3]) Виктория, жена принца Людвига Баттенбергского, сестра имп. Александры Федоровны.

Когда ты думаешь ехать?
Мы все тебя нежно обнимаем, моя дорогая мама.
Всею душою тебя любящий

твой *Ники.*

32.

Гатчина. 16 авг[уста] 1906 [г.].

Мой дорогой Ники,

Ты не знаешь, как я грущу тебя так давно не видеть, в такое время, где уже так трудно и тяжело жить. Le coeur souffre de toutes les horreurs qui se passent la seule consolation d'être ensemble de se parler nous est encore ôté par cette insupportable quarantaine. Je ne puis te dire combien je pense toujours à toi, à ce que tu dois souffrir, mon pauvre Ники. Que de tristesses et de malheurs, chaque jour une nouvelle épreuve, un nouveau chagrin. Vraiment on est f a t i g u é à force de souffrir! Je ne puis te dire quelle douleur j'ai ressenti en apprenant la mort de notre brave et excellent M i n! J'espèrais tellement que Dieu ne permettrait pas qu'on touche à cet homme qui avait une foi si touchante et profonde. J'ai été hier à Pétersbourg le recevoir à la gare où j'ai pu assister à une лития. C'était n a v r a n t de voir sa pauvre vieille mère, femme et fille dans leur terrible douleur. Quand donc finiront toutes ces horreurs de crimes et de meurtres révoltants! Avant qu'on n'extermine tous ces monstres nous n'aurons jamais de repos ni de calme en Russie. Dieu merci que les pauvres petits Stolypin vont mieux et quel miracle que Stolypin n'a pas été touché![1]) Mais q u e l l e s souffrances pour ces malheureux parents de voir souffrir ainsi leurs propres enfants,—et toute cette masse d'autres innocentes victimes! C'est tellement affreux et r é v o l t a n t que je n'ai pas de paroles pour exprimer tout ce que je sens.

Je pense partir mardi sur la «Поляр[ная Звезда»], pour arriver à Copenhague en même temps que la t[ante] Alix et désire pourtant b e a u c o u p que Миша m'accompagne comme c'est t e l l e m e n t t r i s t e pour m o i d'aller t o u t e s e u l e. La «Полярная Зв[езда»] devra tout de même retourner après quelques jours, donc il pourra revenir à bord.

Là dessus je vous embrasse tous bien tendrement, très triste pas vous voir. Je t'envoie ce rapport d'Olive sur mon institut de garçons de Gatchina qu'on a tellement calomnié [2]).

Господь с тобою, мой дорогой Ники! Горячо тебя любящая

мама.

Федор и Ирина купались и чувствуют себя прекрасно, слава богу.

---

[1]) Мария Федоровна имеет в виду взрыв дачи П. А. Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге, произведенный максималистами в августе 1906 г.; при взрыве было много раненых, в том числе дети Столыпина.

[2]) «Сердце страдает от всех ужасов, которые происходят; единственное утешение — быть вместе и иметь возможность поговорить, но и оно отнято у нас этим невыносимым карантином. Не могу тебе выразить, как много я думаю

33.

Петергоф. 16 авг[уста] 1906 г.

Моя дорогая мама,

Снова масса дела помешала мне ответить сейчас же на твое письмо.

Ты пишешь, что Миша пойдет с тобою.

Я вполне согласен на это, если ты ручаешься, что он через несколько дней вернется на «Полярной Звезде».

Я боюсь, чтобы он не нашел предлога поехать на юг Франции или в другое место, где состоялась бы встреча с нею и т. д.!!.

Страшно надеюсь, что мы тебя увидим во вторник и проводим до Кронштадта.

Сегодня мы были там и посетили: «Цесаревич», «Славу» и Богатырь».

Море было тихое, и все вышло очень удачно.

Мне пришлось говорить офицерам, гардемаринам и матросам. Надеюсь, они не забудут моих слов!

Молодец Бострем командует этим отрядом; так как он, несомненно, один из блестящих офицеров нашего флота — я его произвел там же сегодня в контр-адмиралы. Enthousiasme indescriptible!

Возвращаю тебе доклад Олива. К сожалению, я давно слышу о нехорошем духе Гатчинского института. До каких-либо реформ, мне кажется, там необходим строгий и железный директор, и тогда все пойдет как следует.

До скорого свидания, милая, дорогая мама.

Сердце изныло оттого, что мы так давно не виделись в такое поганое время.

Всей душой тебя горячо любящий

твой старый верный *Ники.*

всегда о тебе, о том, как ты должен страдать, мой бедный Ники. Сколько печали и несчастий, каждый день новое испытание, новое горе. Право, чувствуешь утомление от страданий! Не могу тебе передать, какую скорбь я испытала, узнав о смерти нашего храброго и чудного Мина! Я так надеялась, что бог не позволит тронуть этого человека, обладавшего такой трогательной и глубокой верой. Я ездила вчера в Петербург, чтобы встретить его на вокзале, где я смогла присутствовать на литии. Было невыносимо тяжело смотреть на его бедную старую мать, жену и дочь в их ужасном горе. Когда же окончатся все эти ужасы преступлений и возмутительных убийств! Мы никогда не будем иметь отдыха и покоя в России, пока не будут истреблены все эти чудовища. Благодаренье богу, что бедным маленьким Столыпиным стало лучше, и какое чудо, что Столыпин уцелел! Но какое страдание для несчастных родителей видеть подобные мучения своих собственных детей,—и это множество других невинных жертв! Это до такой степени чудовищно и возмутительно, что у меня нет слов выразить все, что я чувствую.

Я собираюсь уйти во вторник на «Полярной Звезде», чтобы приехать в Копенгаген одновременно с тетей Аликс, и все же очень хочу, чтобы Миша сопровождал меня, так как мне так грустно ехать совсем одной. «Полярная Звезда» должна все равно через несколько дней вернуться, и, следовательно, он сможет возвратиться на ней.

Целую вас всех нежно и очень грущу, что не вижу вас. Посылаю тебе отчет Олива о моем Гатчинском институте для мальчиков, на который столько клеветали».

34.

Петергоф. 30 августа 1906 г.

Моя дорогая мама,

Нам было ужасно грустно узнать, что у тебя началось lumbago, и ты была принуждена лежать как раз в самое неудобное время.

Я так понимаю твои чувства злобы и досады на эту несносную болезнь, которая мешает тебе двигаться и ездить и, кроме того, утомляет постоянною болью и мешает спать.

Дай бог, чтобы оно поскорее прошло и не возвращалось.

Странно, отчего у тебя lumbago часто случается в Дании?

Мы радовались, что твой переход был так удачен, и как ты хорошо сошлась с тетей Аликс!

С тех пор, что ты уехала, мы сидели здесь, почти запертые в Александрии, такой стыд и позор говорить об этом!

После убийства бедного Мина [1]), ободренные этим успехом для них, мерзавцы анархисты приехали в Петергоф, чтобы охотиться на меня, Николашу, Трепова, Орлова и толстого кн. Орлова [2]).

Вчера, к счастью, самых главных арестовали, что нужно было сделать в виду парада сегодня утром.

Но ты понимаешь мои чувства, милая мама, не иметь возможности ни ездить верхом, ни выезжать за ворота куда бы то ни было. И это у себя дома, в спокойном всегда Петергофе!!

Я краснею писать тебе об этом и от стыда за нашу родину и от негодования, что такая вещь могла случиться у самого Петербурга!

Поэтому мы с такою радостью уходим завтра на «Штандарте» в море, хоть на несколько дней прочь от всего этого позора.

5 сентября мы возвратимся для кавалергардского парада, и потом надеемся опять сходить куда-нибудь.

Повидимому, погода установилась хорошая, но осенняя.

Сегодня был отличный парад Павловскому, Двинскому, Новочеркасскому и Александро-Невскому полкам по случаю их праздника. Завтракала масса офицеров. На этом я кончаю. Прощай, дорогая моя мама. Мы все тебя сердечно обнимаем.

Христос с тобою!

Горячо любящий тебя

твой старый *Ники.*

35.

На Копенг[агенском] рейде. «Полярная Звезда». 9 сентября 1906 [г].

Мой дорогой Ники!

Только сегодня могу тебе написать, чтобы всем сердцем благодарить тебя за твое милое, но грустное письмо. Не могу тебе сказать, как мне тяжело даже думать о твоем ужасном житье последнее время

[1]) Мин, Г. А., был убит с.-р. З. В. Конопляниковой 13 августа 1906 г.

[2]) Орлов, В. Н., полк., флигель-адъютант, нач. военно-походной канцелярии его вел.

в Петергофе взаперти в Александрии, это же просто невыносимо и, как ты говоришь, просто стыдно, что это могло бы так случиться. Слава богу, что ты теперь хоть немного на свободе на «Штандарте» и все можете отдохнуть морально. Надеюсь, что вы к а к м о ж н о больше там останетесь, правда — сделай это, мой милый Ники, это гораздо лучше во всех отношениях.

Теперь я, наконец, поправилась после 9 дней лежания в кровати. Это было слишком досадно и несносно приехать сюда, чтобы получить lumbago и пролежать и благодаря этому потерять все это драгоценное время, которое можно было бы так приятно провести всем вместе! Но все-таки я счастлива, что я могла сюда приехать, их видеть всех, особенно т[етю] Alix, которая проводила все дней со мною на яхте и была очень трогательна et comme mon ange de consolation [1]). Бедная т[етя] Thyra так мало осталась, я ее только 3 раза видела, т[ак] к[ак] она простудилась и не могла выходить из дома. Uncle Ernest непременно хотел быть в Gmunden 10 сен[тября], день с в о е г о рождения, и ни за что не хотел слушать нас и остаться. У ж а с н ы й тиран и д е с п о т, и мы почти дрались с ним. — В нашем доме H v i d o r e мы были два раза с т[ант] Alix. Мы были в в о с т о р г е от него, вид такой чудный, прямо на море, такой красивый маленькой сад, масса цветов, просто прелесть! Дом еще совсем не устроен, мы выбрали разн[ые] матер[ии] для комнат, и я думаю, что это будет удивительно мило и уютно.

Я счастлива жить на «Полярн[ой] Зв[езде]», это совсем другое, было бы слишком грустно жить в Amalienborg б е з дорогого незабвенного арара и amama.

В Bernstorff мы тоже были у Waldemara, и ты не можешь себе представить, к а к мне грустно видеть это для меня так дорогое место, так пусто теперь без них. — Вчера уже т[етя] Alix и Toria нас покинули, и это большое горе для меня comme nous passions toutes nos journées ensemble et dinions chaque soir à deux dans mä cabine, et nous étions si heureuses ensemble. Elle a du remettre son départ d'un jour à cause du vent terrible qui a presque duré deux semaines. Aujourd'hui il fait calme pour la première fois et il y a 17 degrés à l'ombre. Tout est complétement vert comme en été et une masse d'arbres fleurissent pour la seconde fois [2]).

Сегодня будем обедать в Charlottenlund у д[яди] Fredy первый раз. От этого надо кончать, чтобы одеваться. Нежно и крепко вас всех обнимаю, мои дорогие. Да сохранит вас господь! Мне так жалко бедного Трепова. Он был такой преданный честный человек, и я

---

[1]) «и как бы моим ангелом утешителем».

[2]) «так как мы проводили целые дни вместе, обедали каждый вечер вдвоем в моей каюте и были так счастливы вместе. Она должна была отложить свой отъезд на один день из-за ужасного ветра, который дул почти две недели. Сегодня первый раз тихо и в тени 17 градусов. Все совершенно зелено, как летом, и масса деревьев цветет вторично».

понимаю, какое для тебя потеря. Еще раз целую тебя, мой дорогой Ники.

Горячо тебя любящая

твоя старая *мама*.

U[ncle] Fredy me prie de te dire qu'on attend avec impatience ici que tu signes le papier de la Société Store Nordiske Telegraph pour qu'ils aient le temps de mettre le cable sous mer à Libau avant l'hiver [1]).

36.

Рейд Питкопас. 13 сентября 1906 г.

Моя милая, дорогая мама,

От всей души благодарю тебя за твое доброе письмо.

Слава богу, что ты чувствуешь себя опять хорошо.

Как жаль, что т[етя] Аликс и т[етя] Тюра уже уехали, понимаю, как грустно и пусто тебе должно казаться без них!

Завтра — четверг — ровно две недели, что мы ушли из Петергофа. Ты не можешь себе представить, как я уже отдохнул и поправился!

Погода прямо благословение божие — из 15 дней всего одни сутки стоял густой туман, а все остальные дни были солнечные и тихие. Было иногда 13° и 14° в тени, так что днем мы ходили в кителях.

Сначала мы простояли пять дней в Биоркэ, затем пошли в Котку, где пробыли сутки и посетили ваш дом в Лангикоми. Все осталось так, как было, дом содержится в поразительном порядке, только деревья и кусты в саду очень выросли.

На следующий день, 6 сентября, мы вернулись в Биоркэ, но стали в другом месте на якорь. Там мы оставались четыре дня и затем перешли сюда в Питкопас. Это хороший, почти закрытый рейд, с красивыми островами вокруг. Я не знал раньше это место, потому что мы прежде проходили мимо, не останавливаясь. По утрам все катаемся в шлюпках с детьми, конечно, сами гребем — я в моей байдарке. Днем обыкновенно охотимся на каком-нибудь острове. По вечерам я занимаюсь делами, т[ак] к[ак] до сих пор каждый день фельдъегерь приходил из Петергофа на дежурном миноносце.

С нами здесь: «Украйна» и «Финн», миноносцы «Видный», «Резвый», «Громящий», «Царевна», «Генерал-Адмирал» и «Азия». Все они по ночам светят боевыми фонарями кругом яхты, но не касаясь ее, так красиво!

Вообще не могу тебе достаточно выразить, насколько я радуюсь и наслаждаюсь жизнью немножко д л я с е б я самого.

Прощай, моя дорогая душка мама.

Все тебя крепко обнимаем. Христос с тобою!

Горячо и от всей души

любящий тебя твой *Ники*.

---

[1]) «Дядя Фреди просит передать тебе, что здесь с нетерпением ожидают, чтобы ты подписал бумагу О-ва Store Nordiske Telegraph, чтобы у них было время до зимы проложить подводный кабель до Либавы».

37.

Питкопас. Яхта «Штандарт». 20 сент[ября] 1906 г.

Милая, дорогая мама,

Два дня тому назад Миша пришел сюда. «Полярной Звезде» мы дали знать по беспроволочному телеграфу, чтобы она повернула на Питкопас от Гохланда, и в 11 час. утра она стала на якорь около «Штандарта». Накануне была небольшая качка, на которую даже «Войсковой» не жаловался.

Здесь мы уже стоим 11 дней, место очень симпатичное, масса прогулок на островах. Почти каждый день охотились, матросы-загонщики отлично делали облаву.

Съезжали для охоты после завтрака около двух часов, а возвращались обыкновенно к чаю. Несмотря на короткое время охоты общий результат за все дни очень хорош: 110 зайцев и тетеревей.

Гулять приходилось основательно и по очень трудным иногда местам. По утрам гребли сами в двойках, так что движения при такой жизни очень много. Все мы загорели и поправились. Я отдохнул великолепно, голова сделалась свежая и способная, надеюсь, снова для работы. Завтра, к великому сожалению, приходится возвращаться, так как будет ровно три недели, что находились в плавании, а мы думали уйти на 12 дней.

Погода стояла для сентября замечательная — всего было три дня холодных и ветренных и сегодня первый дождь.

Гр. Толстой и офицеры постоянно завтракают и обедают у нас. Он много рассказывал про тебя и про стоянку в Копенгагене. Представь себе, у меня сделалось тоже небольшое lumbago в спине, но я мог ходить, оно прошло в два дня.

Кроме крейсеров и миноносцев, о которых я писал тебе, при нас находятся еще два минных моторных катера. Они вроде миноносок, ходят 18 узлов в час.

Сегодня утром я пробовал их в море, где была крупная зыбь, на которой они держались отлично. Затем днем сегодня же Миша и я ходили на новой колесной яхте морского министра «Нева» — тоже в море. Она мне кажется удачнее новой «Александрии» — построена в Або.

Про серьезные дела я тебе не пишу, оставляя это до Петергофа. Прощай, милая моя мама. Аликс, Миша и [я] сердечно тебя обнимаем.

Христос с тобою!

Горячо любящий тебя твой старый *Ники.*

38.

Петергоф. 27 сентября 1906 г.

Моя милая, дорогая мама,

Вот уже целая неделя, что мы вернулись из чудного плавания, и скучаем ужасно по милому «Штандарту»!

Теперь, что мы опять дома и что теплая погода продолжается, я должен сознаться, что мы напрасно вернулись так рано, тем более,

что важных дел нет, и мы могли бы отлично остаться еще немного. Чувство долга или verfluchte Schuldigkeit, как говорил дорогой папа, виновато в этом.

Здесь я теперь замечаю отсутствие моего доброго и верного Трепова.

Дедюлин [1]), как ты знаешь, его заменил.

К счастью, атмосфера совсем не та, какая она была месяц тому назад. Я начал опять ездить верхом и на охоту, как было прежде.

Пользуясь чудною погодою, я третьего дня вызвал кавалергардов, и вчера они представились в замечательном виде и порядке, в парадной форме и кирасах.

Как я тебе телеграфировал, Шипов [2]), Безобразов [3]) и Воейков [4]) были назначены в свиту (полное дежурство). Безобразов себя отлично показал зимою в Эстляндии, а Воейков впродолжение всей войны заведывал ранеными.

Кажется, полк был очень доволен этими назначениями.

Со времени нашего приезда я уже видел Столыпина, который раз приезжал в Биоркэ. Слава богу, его впечатления, вообще, хорошие; мои тоже. Замечается отрезвление, реакция в сторону порядка и порицание всем желающим смуты.

Конечно, будут повторяться отдельные случаи нападений анархистов, но это было и раньше, да оно и ничего не достигает.

Полевые суды и строгие наказания за грабежи, разбои и убийства, конечно, принесут свою пользу. Это тяжело, но необходимо и уже производит нужный эффект.

Лишь бы все власти исполняли свой долг честно и не страшась ничего. В этом условии главный залог успеха.

Какой срам производят в Гельсингфорсе все наши Долгорукие, Шаховские и компания! Все над ними смеются в России!

И из Англии лезет какая-то шутовская депутация с адресом Муромцеву [5]) и им всем.

Дядя Bertie [6]) и английское правительство дало нам знать, что они очень сожалеют, что ничего не могут сделать, чтобы помешать им приехать. Знаменитая свобода!

Как они были бы недовольны, если бы от нас поехала депутация к ирландцам и пожелала тем успеха в борьбе против правительства!

---

[1]) Дедюлин, В. А., ген.-л., б. петерб. градонач. и ком. отд. корп. жанд.

[2]) Шипов, Н. Н., ген.-от.-кав., ген.-адъютант.

[3]) Безобразов, В. М., ген.-майор свиты его вел.

[4]) Воейков, В. Н., полк., флигель-адъютант, впоследствии дворцовый комендант.

[5]) Муромцев, С. А., б. председатель I Гос. Думы; Николай II имеет в виду предполагавшийся приезд в Россию делегации членов английской палаты общин для приветствия Госуд. Думы, намеченный еще до разгона последней и, в конце концов, вследствие настояния русского правительства, не состоявшийся.

[6]) Эдуард VII, король английский.

Извольский уехал на три недели в Тегеризсе[?] к семье и затем привезет ее сюда.

Пора кончать письмо.

Прощай, моя дорогая мама. Мы все тебя крепко обнимаем.

Христос с тобою!

Горячо и от всей души тебя любящий

твой *Ники.*

39.

Петергоф. 5 окт[ября] 1906 г.

Моя дорогая мама,

У меня очень мало времени было, чтобы написать тебе.

Посылаю Мариинский знак к 14-му октябрю, это не особенно лестная вещь за 40 лет, но требуется носить по уставу.

Погода у нас стоит замечательная, делается все теплее; вот уже несколько дней 10° тепла, по ночам тоже.

Вчера некстати был дождь в день конвойного праздника. Парад пришлось сделать в манеже. Но за завтраком вышло солнце и стало так хорошо, что я решил вызвать казаков на плац в конном строю.

Вышло два парада в один день и оба очень удачные. Уже три раза мы охотились тут в окрестностях от 2-х часов до захода солнца.

Сегодня именины Алексея [1]), мы сейчас едем к обедне, за которой он будет причащаться.

Прощай, моя милая мама. Крепко обнимаю тебя.

Христос с тобой!

Горячо тебя любящий

твой старый *Ники.*

40.

Петергоф. 11-го октября 1906 г.

Моя дорогая мама,

Вот уже три недели, что мы вернулись из нашей чудной поездки в шхеры. Как я тебе писал, мы все долго тосковали, приехавши сюда, по милому «Штандарту». С тех пор мы два раза были на нем. Он стоит в Неве у Николаевского моста посреди реки. В первый раз мы отправились с Ольгой и Татьяной и пили там чай. Вчера мы ходили одни, так как у детей уроки, и отлично позавтракали в кают-компании.

Погода стояла ясная, но дул шторм, нас хорошо качало на «Разведчике» до самого города.

Такое самопожертвование доказало нашу привязанность к «Штандарту»! Неправда-ли?

Он завтра кончает кампанию. «Полярная Звезда» и «Царевна» уже стоят на своих зимних местах.

---

[1]) Алексей Николаевич, наследник.

На-днях был великолепный спуск броненосца «Андрей Первозванный», к сожалению, без нас. Столыпин просил не ездить на церемонии, назначенные вперед — в городе.

Но вообще, слава богу, все идет к лучшему и к успокоению.

Это всем ясно, и все это чувствуют!

Только это и слышишь от приезжих из деревни. Как давно мы этого не слыхали!

Как приятно знать, что на местах люди ожили, потому что почувствовали честную и крепкую власть, которая старается оградить их от мерзавцев и анархистов!

Ты наверное читаешь в газетах многочисленные телеграммы Столыпину со всех сторон России. Они все дышат доверием к нему и крепкою верою в светлое будущее!

А в этой уверенности, с помощью божией, залог приближающегося успокоения России и начало правильного улучшения жизни внутри государства.

Но при всем том необходимо быть готовым ко всяким случайностям и неприятностям, сразу после бури большое море не может успокоиться!

Вполне возможны еще пакостные покушения на разных лиц. Я все еще боюсь за доброго Столыпина. Вследствие этого он живет с семейством в Зимнем и приходит с докладами в Петергоф на пароходе.

Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю. Старый Горемыкин [1]) дал мне д о б р ы й совет, указавши т о л ь к о на него! И за то спасибо ему.

Ольга и Петя вернулись неделю тому назад.

Она выглядит отлично, загорела и очень поправилась. Он имеет лучший вид, чем до отъезда, но чувствует себя неважно, бедный. Ему будут делать какую-то операцию скоро.

Мишу я вижу два раза в неделю: с субботы на воскресение и на охоте.

Он жалуется на боль выше живота; давал себя осматривать доктору, который прописал ему режим и принимать капли, в общем — он выглядит недурно и весело. Не знаю, конечно, что он думает, бедный, но со мною он разговорчив попрежнему и, разумеется, про «свое дело» ни с кем не говорит после известного письма.

Мне было очень грустно за тебя, когда д[ядя] Вальдемар и Georgie [2]), уехали и последним д[ядя] Вилли — оставили тебя почти одну! Мои мысли постоянно окружают тебя, моя дорогая мама.

Крепко тебя обнимаю.

Христос с тобою!

Всем сердцем любящий тебя

твой старый *Ники.*

---

[1]) Горемыкин, И. Л., предшественник Столыпина на посту председателя Совета Министров (24 апр. — 8 июля 1906 г.).

[2]) Георг, принц греческий.

41.

Amalienborg. 14 октября 1906 [г].

Мой милый, дорогой Ники!

Мне очень совестно, что тебе давно не писала, и прошу мне простить. Мои мысли постоянно с тобою, мой милый Ники, но настроение было такое грустное, что просто не могла написать. Твои дорогие письма меня о ч е н ь обрадовали и всем сердцем благодарю тебя за них.

Слава богу, что вы все здоровы и что ты опять можешь верхом ездить с в о б о д н о и охотиться. Это всетаки показывает, что обстоятельства немного лучше стали. — Ах! К о г д а ж е, наконец, у нас все это пройдет и что мы опять могли бы жить спокойно, как все приличные люди! Почти обидно видеть, как здесь хорошо и смирно живут, каждый знает, что ему делать, исполняет свой долг добросовестно и не делают пакости другим.

В Fredensborg было н е в ы р а з и м о грустно и пусто без дорогого незабвенного арара! Там было как будто е щ е чувствительно и т а к а я тоска, что просто ужас! Первые дни погода была чудная, солнце и совсем тепло, а потом стало свежее и пасмурно.Понедельник вечером я сюда вернулась с u[ncle] Willy, кот[орый] на другой день уехал, к сожалению. Я была очень довольна de me retrouver dans mes gentilles petites chambres ici [1]), u[ncle] Willy тоже, и мы очень уютно и приятно провели этот вечер здесь вместе. Меня каждый день м а с с и р у е т против lumbago, и я нахожу, что это очень полезно, хотя довольно скучно et que cela prend beaucoup de temps le matin [2]). Завтра после обедни я опять поеду на несколько дней в Fredensborg. День рождения Swan [3]) в среду провожу с ними и опять вернусь сюда, где я спокойно могу отдохнуть. Я часто бываю на нашей прелестной даче «Hvidore», где я сейчас чувствую себя в д у х е, и радуюсь мысли там жить. Вид из дома в е л и к о л е п н ы й — прямо на море. Сад очень мил, много фруктов: дере[ья] — яблоки, груши, греческие орехи, даже настоящие каштаны, все это мне посылают к обеду, что очень весело.

Здесь в Amalienborg все старые люди арара и amama у меня служат. Они все p e n s i o n n é s [4]), но б е з мест и так довольны быть опять в дворце. И для меня так приятно видеть toutes ces bonnes figures connues du passé [5]), как старик Jakobsen, Paulsen и даже старый повар Hansen, кот[орый] так отлично приготовляет, как никто.

Я вас всех нежно обнимаю, мои дорогие дети. Дай бог тебе всего, всего хорошего! Да благословит вас господь!

Горячо тебя любящая

старая твоя *мама*.

---

[1]) «снова очутиться здесь в моих милых маленьких комнатах».

[2]) «и отнимает много времени по утрам».

[3]) Луиза, жена короля датского Фредерика.

[4]) «получают пенсию».

[5]) «все эти славные знакомые лица прошлого».

42.

Царское Село. 26 октября 1906 г.

Моя дорогая мама,

Сегодня ровно неделя, что мы переехали сюда и с большим сожалением оставили Петергоф.

Но какая разница в обстоятельствах прошлогоднего переезда и нынешнего!

Тогда начиналась вторая и самая большая забастовка железных дорог и телеграфа. Помнишь, как мы сидели долго без известий друг от друга — противно и стыдно думать о том!

Теперь, благодарение богу, совсем не то.

В Петергофе в этом году мы провели отличную осень и ездили много на охоту.

Перед отъездом Елены [1]) были у нее на вечере, когда пел Крестьянов. В один из последних дней к нам приехала m-me Макарова, с дочерью, и я ее благословил, т.-е. дочь, конечно! Они обе были очень веселы и разговорчивы.

С приездом сюда приходится больше принимать. Уезжают Эренталь [2]), что жалко, — мы им даем обед завтра. Потом разные дипломаты переменяются, и всех их надо видеть, что отнимает время на более полезное занятие. Тем не менее мне удается раз или два на неделе поохотиться, что я страшно люблю. Пока снега нет, так удобно ездить всюду на моторах, наприм[ер] в Петергоф отсюда в 40 минут, а в Ропшу через Красное—50 м. В Гатчине я еще не был, надеюсь начать там на будущей неделе.

Я постоянно думаю о тебе, милая мама, и о том, как ты живешь одна в Amalienborg, как-будто дома. Вполне понимал твои чувства, когда тебе в первый раз пришлось жить в Fredensborg при столь изменившихся условиях!

Но и д[яде] Freddy и другим тоже было тяжело там!

Недавно т[етя] Ольга [3]) и т[етя] Вера завтракали у нас. Она [4]) приводила всех в восторг тем, что она ела очень «busy» с салфеткой кругом шеи.

Только что получили радостное известие, что у Ernie и Onor [5]) родился сын — это большое счастие для них и их страны!

Мы все здоровы и бодры!

---

[1]) Елена Владимировна, дочь вел. кн. Владимира Александровича, жена принца греческого Николая.

[2]) Эренталь, гр., австро-венгерский посол в Петербурге, впоследствии австрийский министр ин. дел.

[3]) Ольга Константиновна, жена греческого короля Георга I.

[4]) В подлиннике проведена стрелка от слова «Она» к слову «т. Вера».

[5]) Эрнст-Людвиг, великий герцог гессенский, брат имп. Александры Федоровны, и его жена Элеонора.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама. От души благодарю тебя за милое письмо.

Да хранит тебя Христос!

Всем сердцем любящий тебя

твой *Ники*.

43.

Amalienborg. 26 ок[тября] 1906 [г].

Мой милый, дорогой Ники!

Хотя я редко пишу, мои мысли и молитвы п о с т о я н н о с тобою, мой милый Ники. Вот, наверно, было грустно покинуть Петергоф, но в Царском в это время года всетаки лучше и для тебя больше места ходить, что тебе так необходимо. Скучно, что у вас уже так холодно, говорят — 6 гр. мороза, здесь пока тепло 8-9 гр. т[епла], что очень приятно. Третьего дня был чудный день, на солнце 16 гр. Я гуляла на . . . . . [1]) и наслаждалась погодой и видом.

Меня здесь каж[дый] день массирует против lumbago, что очень полезно. Когда я бываю в Fredensborg, эта masseuse [2]) не может туда приехать à cause des trains [3]), и это мне очень недостает. Там как-то о с о б е н н о грустно и такая тоска без дорогого арара и amama, просто ужас что такое!

Я с большим интересом читаю les mémoires du Prince Hohenlohe [4]) и понимаю la rage et le courroux de G u i l l a u m e! [5]) Это должно быть ужасно неприятно — и какая бестактность и дерзость d'imprimer cela [6]), но для м е н я чрезвычайно весело и интересно читать. Д а й б о г, чтобы у нас это спокойствие продолжалось бы, лишь бы все власти исполняли свой долг честно и хорошо и не страшась ничего. Depuis qu'on a commencé à être f e r m e cela va déjà mieux et c'est bien regrettable qu'on a laissé passer tant de temps. Combien de malheurs auraient pu être évités! [7])

Надеюсь, что вы все здоровы. Нежно вас всех обнимаю и желаю вам всего лучшего. — Как теперь здоровье бедной дочки Столыпина? Катя Озерова [8]) мне писала, что она у себя в комнате слышит ее крик. Это же ужасно думать! Что за пытка для несчастных родителей!

Но теперь прощай, мой дорогой Ники. Христос с тобою!

Твоя горячо любящая тебя

старая *мама*.

---

[1]) В подлиннике одно неразборчиво написанное слово.

[2]) «массажистка».

[3]) «из-за поездов».

[4]) «мемуары князя Гогенлоэ».

[5]) «гнев и ярость Вильгельма!»

[6]) «напечатать это».

[7]) «С тех пор, как начали проявлять твердость, дело уже обстоит лучше, и можно пожалеть, что было упущено так много времени. Скольких несчастий можно было бы избегнуть!»

[8]) Озерова, Е., фрейлина Марии Федоровны.

44.

Царское Село. 2 ноября 1906 г.

Моя дорогая мама,

В тот день, когда я тебе написал в последний раз, — вечером пришло твое милое письмо, за которое благодарю тебя от всей души.

Я рад, что массаж помогает тебе и что ты себя чувствуешь хорошо. Теперь у тебя много времени читать мемуары князя Гоэнлое. Как только они появились, я немедленно выписал себе обе книги и дал их Бенкендорфу, который находит их очень интересными!

Но опубликование этих записок так скоро после смерти старика— действительно, очень бестактно.

Говорят, что в ответ появится будто 3-й том воспоминаний Бисмарка — это было бы le comble всего.

Сюда вернулся на-днях, к сожалению, гр. Витте. Гораздо умнее и удобнее было бы ему жить за границею, потому что сейчас около него делается атмосфера всяких слухов, сплетен и инсинуаций. Уже скверные газеты начинают проповедывать, что он вернется к власти и что он только один может спасти Россию. Очевидно, жидовская клика опять начнет работать, чтобы сеять смуту, которую с таким трудом мне и Столыпину удалось ослабить. Нет, никогда, п о к а я ж и в, не поручу я этому человеку самого маленького дела!

Довольно прошлогоднего опыта, о котором я вспоминаю, как о кошмаре.

Я его еще не видел, слава богу!

Надеюсь, милая мама, что мы тебя скоро увидим, есть слухи о том, что ты возвращаешься к 14-му. Все мы будем в восторге, если это верно.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама.

Христос с тобою!

Горячо тебя любящий

твой старый Ники.

45.

Царское Село. 10 ноября 1906 г.

Моя дорогая мама,

Это письмо придет накануне дня твоего рождения, с которым я тебя от души поздравляю. Да благословит тебя господь здоровьем, бодростью духа и миром душевным!

Нам очень грустно провести этот день без тебя, но мы радуемся всетаки твоему скорому приезду.

Просим принять скромные вещицы, которые, может быть, пригодятся в вашем домике.

После настоящей зимы наступила совсем теплая погода, весь снег стаял, и даже почки на кустах начали увеличиваться. Удивительная осень!

Теперь началась серия полковых праздников. 6-го был замечательно красивый парад гусар. Я поехал к ним на обед, остался ужинать,

слушал цыган всю ночь и вернулся домой в $9^1/_2$ час[ов] совсем свежий и очень счастливый.

Принял три доклада, завтракал и лег спать в 3 часа, а встал в 8 ч. к обеду. Прекрасно!!

8-го был отличный парад Московскому полку.

На охоту продолжаю ездить раз в неделю, теперь мы берем гатчинские облавы с охотничьими командами от пехотных полков.

Чтения у меня много, но иногда выпадают свободные вечера, когда удается почитать для собственного удовольствия.

Как неожиданно дядя Freddy и т[етя] Swan отправились в Берлин; кажется, их приняли очень любезно. Но теперь до свидания, моя дорогая мама.

Нежно обнимаю тебя. Счастливого пути!

Горячо тебя любящий

твой старый *Ники*.

Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского.

До сих пор об этой «записке» было известно лишь то, что сообщалось о ней в третьем выпуске сибирской переписки Чернышевского с родными. В предисловии к этой книге Е. Ляцкий писал следующее: «18 февраля 1881 года А. Н. Пыпин предпринял новую попытку добиться смягчения участи Николая Гавриловича и передал Лорис-Меликову обширную «записку о деле Чернышевского», где доказывал полную неосновательность всех предъявлявшихся к Чернышевскому обвинений и просил о смягчении его участи и разрешения напечатать, ввиду тяжелого материального положения семьи, некоторые из его сочинений. Но и эта записка, написанная местами с необычайной для Пыпина страстностью, не имела никаких последствий» [1]).

В примечаниях к той же книге сын Н. Г., М. Н. Чернышевский, говорит о записке Пыпина следующее: «В этой записке А. Н. Пыпин охарактеризовал личность моего отца как литератора и общественного деятеля, весьма подробно разобрал весь ход процесса, доказывая полную неосновательность всех предъявленных к нему обвинений, ходатайствовал о смягчении участи моего отца вообще и, ввиду тяжелого материального положения нашего семейства, просил разрешения напечатать хоть некоторые из его сочинений. По обыкновению, и эта записка не имела никакого результата» [2]).

Такие сообщения в состоянии были возбудить естественное любопытство исследователей. Подробная записка лица, стоявшего так близко к Чернышевскому и его семье, равно как к кругам «Современника», и, следовательно, знавшего много деталей из истории жизни великого писателя, а с другой стороны — вращавшегося всегда в литературных кругах, которые должны были интересоваться участью лучшего из них, не могла не

---

[1]) «Чернышевский в Сибири», вып. III, СПБ. 1913, стр. XXXI.

[2]) Там же, стр. 239. В известной статье Н. Николадзе о переговорах, которые он в 1882 году вел с народовольцами по поручению «Священной Дружины», также упоминается о записке Пыпина («Былое», 1906, № 9, стр. 278). Встречаясь в начале 1883 года с гр. П. Шуваловым для оформления вопроса об освобождении Чернышевского, обещанного ему за его хлопоты по переговорам с членами Исполнительного комитета, Николадзе представил своему контрагенту биографические сведения о Чернышевском и проект докладной записки, составленный А. Н. Пыпиным. Эта записка, по словам Николадзе, «была написана сильно и сжато, но в полемическом тоне против приговора Сената. В ней доказывалось, как дважды два четыре, что Чернышевский пострадал невинно». Гр. Шувалов через несколько дней вернул записку, уверяя Николадзе, что представление ее неминуемо погубит дело, а взамен предложил сыновьям Чернышевского подать всеподданнейшее прошение, проект которого обязательно представил. Была ли то копия той самой записки, которую мы публикуем, или какая-нибудь другая, мы не знаем. Судя по словам Николадзе о том, что она была написана сжато, можно предполагать, что речь идет о другом документе. Возможно, что это было извлечение из печатаемой ниже записки, точнее — из первой ее части.

привлекать внимания историков и не казаться документом первостепенного значения. Но по какой-то причине она до сих пор опубликована не была, хотя мы вправе думать, что некоторым лицам, просматривавшим архивные дела о Чернышевском, она не могла остаться неизвестной (напр., М. Лемке и М. Н. Чернышевскому). Возможно, что опубликованию ее помешал ее характер, тон, которым она написана и который является компрометантным как для самого Пыпина, так и для российского либерализма вообще, точку зрения коего она отражает. Но так как нас подобного рода соображения остановить не могут и так как, с другой стороны, все, что касается основоположника революционного коммунизма в России представляет для нас, его преемников, величайший интерес, то мы и решились напечатать, наконец, этот документ, хранящийся в Центрархиве (дело III отделения собственной е. в. канцелярии № 230/26, ч. III, лл. 617—633).

Прежде всего несколько слов о предшествовавших ходатайствах за Чернышевского.

По истечении 10-летнего срока со времени осуждения Н. Г. родные его сочли момент удобным для возбуждения просьбы о смягчении участи Чернышевского. Замечательно, что жена Н. Г., которую сыновья уговаривали подать прошение царю, проявила в этом случае больше гражданского чувства и смысла, чем ее советчики. Эта легкомысленная и аполитичная женщина, инстинктивно сознавая, что ореол мужа невольно осеняет и ее, «жену Чернышевского», писала 12 февраля 1874 года сыновьям: «Для вас обоих я сделаю то, что вы хотите. Но знайте, что это будет сделано против моего и, наверное, против желания вашего отца». Этой же датой помечено прошение Ольги Сократовны на имя Александра II, которого она, впрочем, не решалась просить о помиловании ее мужа, а только о переводе его из Вилюйска в более здоровую местность. Даже эта скромная просьба оставлена была кровожадным тираном без ответа, несмотря на кисло-сладкие полуобещания гр. Шувалова, тогдашнего шефа жандармов.

В 1875 году Пыпин, получив письмо Чернышевского от 28 марта, в котором Н. Г., скрывавший свое действительное положение от жены, сообщал своему двоюродному брату правду (у него образовался зоб, медицинской помощи в Вилюйске не было никакой и т. п.), решил возобновить хлопоты. Он обратился к гр. Шувалову с просьбой исходатайствовать у царя разрешение на перевод больного Чернышевского в место с более благоприятным климатом, где он имел бы возможность пользоваться медицинской помощью. Эта просьба также осталась без ответа [1]).

К осени 1877 года относится новая попытка Пыпина. На этот раз он хотел добиться разрешения напечатать некоторые сочинения Чернышевского с целью облегчить тяжелое материальное положение его семьи. Для этого он обратился к тогдашнему председателю Литературного Фонда, сенатору Г. К. Репинскому [2]) с докладной запиской и письмом, напечатанными в приложении к выпуску II сибирских писем Чернышевского (стр. 219—221). На сей раз Пыпин взял уже неприличный тон, так неприятно поражающий нас в публикуемой ниже записке. Здесь уже содержатся постыдные выпады против

---

[1]) Прошение О. С. Чернышевской напечатано на стр. 183—184 первого выпуска книги «Чернышевский в Сибири», а прошение Пыпина — на стр. 186—187.

[2]) Этот Репинский некогда учился в пензенской семинарии вместе с отцом Чернышевского. Когда Сперанский, бывший пензенским губернатором, получил назначение генерал-губернатором в Сибирь, он решил взять с собою одного из лучших воспитанников семинарии. Ему указали на Репинского и Г. И. Чернышевского. Так как второй не отважился на столь дальнее путешествие, то поехал первый. С этого началась его карьера, доставившая ему впоследствии место сенатора.

эмигрантов и омерзительные выходки против активных революционеров, участников Казанской демонстрации, выходки, которые шли навстречу улюлюканью полицейской прессы, и которыми Пыпин надеялся, видимо снискать благоволение «начальства». Но расчеты эти не оправдались.

На несколько лет хлопоты о смягчении участи Чернышевского, которого ревниво сторожил коронованный коршун, прекратились. Но они возобновились с выступлением партии «Народной Воли», которой удалось своими террористическими приемами борьбы вызвать временное колебание в рядах правительства. После взрыва Зимнего дворца Халтуриным 5 февраля 1880 года на пост руководителя внутренней политики призван был Лорис-Меликов, который для изолирования революционеров повел лицемерную политику видимых уступок, направленную к отколу либералов от террористов. С появлением лорисовской «диктатуры сердца» и с уничтожением III отделения собств. е. в. канц. (фактически просто переименованного в департамент полиции) снова возникли надежды на смягчение участи Чернышевского, «преступление» которого за давностью, казалось, подернулось дымкой забвения, и который к этому времени превратился в хилого старика. Лорис-Меликов сам посоветовал родным Чернышевского подать царю прошение и обещал лично содействовать благополучному концу. Прошение было подано 6 октября 1880 года сыновьями Чернышевского, которые, впрочем, благоразумно ходатайствовали не о полном помиловании их отца, а только о переводе его в более близкую местность. Но и это прошение осталось без результатов [1]).

Тем временем о Чернышевском заговорила и осмелевшая печать. Первой сломила лед молчания газета «Страна», редактор которой Л. Полонский поместил в № 7 от 15 января 1881 года передовую статью, требовавшую помилования великого писателя. Статья была в выдержках перепечатана другими либеральными газетами. В воздухе, казалось, повеяло тогда конституционным духом. В это именно время Пыпин счел нужным и возможным обратиться к Лорис-Меликову с публикуемой ниже запиской. При таких обстоятельствах, при общем подъеме в стране, при растерянности правительства, тон записки Пыпина представляется особенно странным и возмутительным.

Известный историк литературы, Александр Николаевич Пыпин, был двоюродным братом Чернышевского, который с детства горячо его любил и заботился об его развитии. Но влияние Н. Г. на Пыпина оказалось недостаточно глубоким, и последний никогда не сумел выйти за узкие рамки умеренного либерализма. Революционно-коммунистических идей своего старшего двоюродного брата Пыпин никогда не разделял и даже не понимал. В «Современнике» он в сущности был чуждым по духу гостем и по общему своему направлению гораздо больше подходил к основанному в 1867 году прилизанному консервативно-либеральному «Вестнику Европы» М. Стасюлевича, этому, по остроумному замечанию Михайловского, мертвецу, ежемесячно появлявшемуся в своем красном гробу (у него была густо-красного цвета обложка, но — только обложка). Это направление Пыпина может отчасти объяснить общий тон его записки, но ни в коем случае не оправдать его. Каких бы он лично ни держался политических взглядов, он не имел права в записке, трактующей о Чернышевском, брать такой грубо-ругательный и клеветнический тон по отношению к революционерам, какой он позволил себе взять. Конечно, сам он руководился самыми лучшими намерениями. Он хотел помочь своему горячо

---

[1]) Прошение сыновей напечатано на стр. 235—237 третьего выпуска книги «Чернышевский в Сибири».

любимому родственнику и его семье, которую он все время ссылки Н. Г. благородно поддерживал; он даже, быть может, искренно верил в то, что Чернышевский ничего общего не имеет с революционным социализмом (хотя для этого нужно было обладать особенным недостатком понимания), и все-таки вся его записка является характерным образчиком либерального приспособления к подлости, о котором с такой злобой говорил Щедрин (сам, впрочем, тоже не бывший в практической жизни идеалом гражданской добродетели). Можно не сомневаться в том, что если бы Чернышевский знал, что позволил себе писать Пыпин в документе, в котором его имя использовалось для забрасывания грязью борющихся революционеров, он не только самым решительным образом протестовал бы против такого обращения с его именем, но и порвал бы все отношения с автором этой скандальной записки.

И для чего все это делалось? Для того, чтобы в лучшем случае получить право на выпуск некоторых, отобранных цензурой, «безвредных» статей Чернышевского и притом без его имени (как и случилось через 25 лет после того). Даже с точки зрения тех «положительных» людей, над которыми всегда так зло издевался Чернышевский, овчинка не стоила выделки.

С самого начала Пыпин заявляет, что он ближе всякого другого знал действительные мысли Чернышевского, тогда как другие, как поясняет он в конце, говорили о Чернышевском «с полным незнанием его характера и деятельности». Но это более чем сомнительно. Достаточно прочитать то, что Пыпин говорит о «либеральной (!) репутации» Чернышевского, о романе «Что делать?», о его «катедер-социализме» и согласии с Миллем и т. д., чтобы убедиться в том, что Пыпин не только не понимал Чернышевского, но даже не читал его сочинений, о которых говорит с таким апломбом. Некоторые же взгляды Чернышевского Пыпин просто перевирает и довольно бесцеремонно, напр., когда позволяет себе утверждать, будто Чернышевский «с великой отрадой, с энтузиазмом приветствовал Положение 19 февраля». Между тем о действительном отношении Чернышевского к реформе 19 февраля Пыпин мог узнать хотя бы из того романа «Пролог», по поводу опубликования которого он за несколько лет до того затеял скандальный спор с П. Лавровым, уже тогда упрекая последнего в «воровском» обращении с сочинениями Чернышевского, обвинение, которое он не постеснялся повторить и в записке. Любой гимназист знал, что Чернышевский относился к Положению 19 февраля как к гнуснейшему обману и к вопиющему нарушению крестьянских интересов и что именно содержание этого Положения окончательно толкнуло его на путь активной революционной борьбы. Понятно, взводя такой поклеп на Чернышевского, Пыпин подлаживался к царскому правительству в надежде помочь своему родственнику. Но здесь имелась и другая сторона: маленький умеренный либерал высказывал свой собственный взгляд на крестьянскую реформу, а также взгляд своего патрона М. Стасюлевича. Но с воззрениями Чернышевского, за которого столь уверенно берется говорить Пыпин, это не имеет ничего общего. Это просто клевета на великого революционера.

Сплошной клеветой и на Чернышевского, и на революционеров является последняя часть записки Пыпина. Величайшая слава Чернышевского заключается в том, что он был учителем революционеров 60-х и 70-х годов. Пыпин, воображающий, что он лучше знал «действительные мысли» Чернышевского, чем революционная молодежь, старается отделить Николая Гавриловича от его последователей, изображает революционеров в виде каких-то самозванцев и авантюристов, злоупотреблявших именем Чернышевского и глупо или нахально эксплоатировавших его (все эти ругательства принадлежат разъя-

ренному питомцу Стасюлевича). Все революционеры, на его взгляд, или несчастные глупцы, или червонные валеты (в число последних попадает и Лавров, посмевший напечатать роман Чернышевского «Пролог»). С пеной на губах говорит Пыпин об эмигрантах, дерзнувших опубликовать за границей вышедшие из обращения сочинения Чернышевского, на которые революционная молодежь предъявляла значительный спрос. Его обвинения имели бы хоть какой-нибудь смысл, если бы в России можно было тогда печатать эти сочинения, но в том-то и дело, что это было невозможно. А потому применять к заграничным изданиям этих сочинений такие любезные эпитеты, как «кража», «обкрадывание», «воровской» и т. п., которыми кишит записка Пыпина, было, по меньшей мере, никчемной низостью.

Вообще в этой части записки Пыпин ничем не отличается от охранителей типа Каткова, стилем которых он и пользуется для характеристики тогдашних революционных фракций. Достаточно его заявления о «бесшабашном болтуне, нечистом на руку» Бакунине и об «ошалевшем философе Лаврове», «сбивших с пути немало русской молодежи», о «грубом материализме» революционеров, с которым-де Чернышевский не имеет ничего общего, чтобы убедиться, как близко стоял российский либерализм к реакционерам и как одинаково враждебно оба они относились к действительной борьбе за народное освобождение.

Такова отрицательная сторона записки Пыпина. Но у нее есть и положительная сторона. Она совершенно справедливо указывает, что причина вражды к Чернышевскому господствующего класса объясняется его позицией в вопросе об освобождении крестьян (впрочем, этому верному указанию резко противоречат слова самого Пыпина о мнимом сочувствии Чернышевского Положению 19 февраля). Столь же справедливо указание Пыпина, что, в сущности, Чернышевский пострадал за свою литературную деятельность, протекавшую под бдительным оком царской цензуры. И, наконец, верно утверждение Пыпина, что в деле Чернышевского были совершены возмутительные правонарушения, и что он осужден был на основании ложных обвинений предателя и изготовленных им поддельных документов. Правда, Пыпин пришел к своим выводам не на основании знакомства с подлинным делопроизводством, которое в то время хранилось за семью печатями в полицейских тайниках, а больше на основании разговоров, ходивших в писательских кругах, но его показание является в этом смысле тем более ценным, ибо свидетельствует о том, что уже и тогда публика знала, что Чернышевский был осужден юридически неправильно.

Впрочем, свое суждение о юридической неправильности приговора, вынесенного Чернышевскому, Пыпин основывает и на своих беседах с самим Николаем Гавриловичем. В этом отношении его записка дает новые материалы по делу Чернышевского, сообщая мнение самого подсудимого о выдвинутых против него уликах. С этой стороны особенный интерес представляют рассказы Чернышевского о показаниях Яковлева (писец Вс. Костомарова, нанятый жандармами для лжесвидетельства против Чернышевского), а также о пресловутом «письме к Плещееву»: здесь приводятся известные слова сенатора Карниолина-Пинского, сказанные им при предъявлении этой подделки Чернышевскому: «Oculis, non manibus» («смотрите, но не трогайте»); эта фраза уже не раз опубликовывалась в нашей литературе именно со слов Пыпина.

К числу новых фактов относится также сообщение Пыпина о письме его к петербургскому генерал-губернатору кн. Суворову. Посланное в начале 1864 г., накануне вынесения приговора Чернышевскому, оно предупреждало Суворова относительно

«сомнительных сторон дела» и просило его обратить на эти неправильности внимание «самых высших властей», т.-е. царя. Письмо, конечно, осталось без последствий. И неудивительно: ведь царь принимал личное участие во всех преступных махинациях, направленных к «изобличению» Чернышевского, погубить которого решено было во что бы то ни стало — по той простой причине, что «самые высшие власти», от которых наивный либерал ждал правды, гораздо лучше его понимали «действительные мысли» Чернышевского.

Интересно, далее, сообщение Пыпина о занятиях Чернышевского высшей математикой, которую он изучал для отдыха и развлечения. Здесь тоже замечается черта сходства с Марксом, которого наш учитель напоминал многими другими сторонами своей духовной физиономии.

От Пыпина же мы узнаем, что газеты, которые он в первое время посылал Чернышевскому в Вилюйск, последнему не выдавались. Так старательно попечительное начальство хотело отрезать узника от остального мира.

Наконец, любопытно указание Пыпина о том, что именно он вдохновлял реакционную кампанию А. Суворина против эмигрантов по поводу «кражи» сочинений Чернышевского, т.-е. заграничного их издания, которое пером Суворина, но по желанию Пыпина было объявлено «контрафакцией» в «Спб. Ведомостях» Корша (в те времена Суворин еще «либеральничал»).

На фактические неточности и ошибки Пыпина мы указываем в примечаниях к его записке.

Ю. Стеклов.

Записка о деле Н. Г. Чернышевского

Основания этой записки. Прежде всего считаю необходимым объяснить, на каком основании я могу судить об этом деле и какие мог иметь о нем сведения.

Я — близкий родственник (двоюродный брат) Чернышевского, рос с ним вместе, жил с ним постоянно вместе в Петербурге (с перерывами моего пребывания по командировкам от министерства нар. просвещения за границей) и знал лучше чем кто-нибудь его личный характер и, если не совершенно, то ближе всякого другого его действительные мысли и его отношения.

Для полного и беспристрастного суждения о деле Чернышевского не наступило еще время; о нем, быть может, будут говорить еще вкривь и вкось и наши потомки. Чернышевский, арестованный 2 июня 1862 г. [1]), два года пробыл в стенах Алексеевского равелина и в руках следственной комиссии, руководимой III отделением. Что такое бывшее III отделение, об этом, после его закрытия, общество и печать высказались так определенно, что нет надобности в дальнейших разъяснениях. Все знали наверное, что такой человек, как Чернышевский, раз попавший в руки обвинителей III отделения, был заранее вычеркнут из списка живых. Судим он был в особом присутствии Сената, по старым формам, без защитника. Неужели и теперь, когда протекли эти два года крепостного заключения, семь лет каторги, десять лет поселения в захолустье Якутской области, худшего, чем была сама каторга, — не может быть сказано слово, если не в защиту Чернышевского,

то для выяснения дела и для правдивого освещения тех фактов, в которых он обвинялся, на основании которых осужден и до сих пор остается вне человеческого общества?

Смею думать, что дух справедливости и великодушия, заявленный правительством во многих последних фактах нашей политической жизни, не останется глухим к этому слову.

Во время ареста Чернышевского я жил за границей, откуда вернулся лишь в конце 1862 года. По моем возвращении в Петербург, Чернышевскому дано было высочайшее разрешение для свидания со мной, как близким родственником, на которого, притом, легло попечение об его семействе. Свидания происходили раз в две недели (в присутствии начальника равелина, покойного полковника Удома). Я из уст самого заключенного постоянно узнавал о ходе его дела, всю наготу его; впоследствии мне самому пришлось видеть след интриги, направленной против Чернышевского и, на основании вечной юридической аксиомы: audiatur et altera pars, считаю святым долгом передать это, через 20 почти лет после события.

Литературная деятельность Чернышевского и его большая популярность, навлекавшая тем более сильную вражду. Начало и ход процесса. Подлоги и лжесвидетельства. Осуждение.

Услышав за границей об аресте Чернышевского и по возвращении в Петербург, я долго не мог найти этому точной действительной причины, кроме его либеральной репутации. Мне трудно было бы, да и нет надобности, восстановлять теперь всю последовательность того, как выяснялся мне этот процесс: я предпочту говорить о нем с более общей точки зрения — не только тогдашних обвинений, заключенных в III-отделенском и сенатском процессе, но и обвинений нынешних.

Обвинений этих накопилось множество, особенно потому, что на них не могло быть ответа, в процессе — за отсутствием адвокатской защиты; позднее, в литературе — вследствие цензурных запрещений; против Чернышевского можно было говорить все, и Цитовичу позволено было взводить на него обвинения самым развязным образом. Известная статья «Страны» была первым голосом за Чернышевского, и как она всех поразила и — удивила!

Литературная деятельность Чернышевского, начавшаяся в 1853 г., быстро доставила ему обширную известность. Посвященная сначала предметам литературным, позднее — экономическим и публицистическим, под обычным ведением цензуры, она была одним из самых ярких проявлений того исторического оживления русского общества, которое наступило с началом нынешнего царствования. Его сочинения — свидетельство глубокого одушевления, которое пробуждено было в лучших людях общества зарей наступавшего возрождения.

С великой отрадой, с энтузиазмом приветствовал он Положение 19 февраля, освобождение крестьян с з е м л е й, которому именно посвящена была его публицистическая деятельность по крестьянскому вопросу. Этот энтузиазм к успехам преобразования вообще дал ему его литературное влияние, — и он был первой причиной его бедствий!

Молодые умы особенно восприимчивы к влияниям подобного рода, и немудрено, что среди молодежи в особенности имя Чернышевского пользовалось сочувствием и известностью. Это обстоятельство служило впоследствии специальным обвинением против него! Из этой молодежи вышел вскоре писатель, работавший в том же «Современнике», столь же быстро приобревший настоящую литературную славу высокоталантливого художественного критика и публициста. Это был умерший почти юношей Добролюбов (умер в 1861 г.) и это был в действительности у ч е н и к Чернышевского.

Прибавлю к этому еще одну черту, неизвестную, конечно, процессу, но очень известную мне, которая много содействовала популярности Чернышевского, после считавшейся подозрительною! Это был его личный характер, безграничная доброта и готовность помочь всякому, кто нуждался в помощи. В кругу литературного и учащегося юношества, в котором так много нуждающихся в помощи, эта черта характера (прибавлю: известная в с е м, кто только его помнит) производила большое впечатление и к нему привязывала.

Понятно, что этой чертой могли воспользоваться и негодяи. Лично Чернышевский был в жизни непрактичен до ребячества, добр и мягок до наивности; он доверчиво принимал иных людей, которые потом выкопали ему яму...

Крестьянский вопрос, — тот вопрос, первое решение которого составляет гордость нынешнего царствования; тот вопрос, д а л ь н е й ш е е р а з в и т и е которого составляет ныне пламеннейшее желание людей, глубоко любящих свое отечество (без различия партий — славянофилов и неславянофилов, все равно), — этот вопрос, с первых слухов о намерении правительства приступить к его решению, овладел всем существом Чернышевского. Он оставил совсем литературные сюжеты и писал только о крестьянском вопросе, писал экономические исследования и т. д. Возможно широкое решение этого вопроса была его мечта и надежда, — решение в т о м с а м о м смысле, как говорят об этом н ы н е, через двадцать лет, люди сведущие и преданные интересам отечества! Именно в том смысле, чтобы освобождение крестьян было по возможности достаточным экономическим их обеспечением. Тот вопрос об общине, о наделах, который всего сильнее занимал его, возвращается теперь снова во всей своей силе и становится предметом каждодневных рассуждений в каждом журнале и газете, как только литературе дана была возможность снова говорить о них искренно и несколько свободно.

Здесь, в этих вопросах, и лежит корень преследования, которое кончилось для Чернышевского такой тяжелой, страшной ссылкой.

Очень известно, что и доныне, через двадцать лет после совершившегося освобождения крестьян, оно имеет довольно недвусмысленных врагов. Их было не меньше или несравненно больше, в эпоху самого освобождения, и в особенности в среде лиц весьма влиятельного положения. Известно, каким ограничениям уже вскоре стала подвергаться на практике не только крестьянская, но и все другие реформы, судебная, земская, печать и проч. *).

*) Чтобы не говорить голословно, воспользуюсь цитатой из одной статьи К. Д. Кавелина. Он пришел к такой картине после двадцати лет освобождения крестьян:

«У огромного большинства владельцев, несочувствовавших отмене крепостного права в том виде, как оно совершилось, и у значительного числа административного персонала, все более и более пополнявшегося недовольными этой реформой, возродилась, благодаря этому обстоятельству, надежда, что если новые законоположения и не будут совершенно отменены, то, по крайней мере, на деле будут допущены существенные отступления от их духа и буквы. Горячие желания и надежды такого рода, казалось, были несовсем напрасны. Где только можно было, Положения 19 февраля и последующие крестьянские законоположения применялись не в пользу крестьян, а в пользу владельцев; укрепление за крестьянами земель, купленных в прежнее время на их деньги, часто отклонялось под самыми ничтожными предлогами; наделы отводились, вопреки смыслу Положений, к невыгоде крестьян и к выгоде владельцев; выкупные платежи и оброки взыскивались с беспощадною и разорительною строгостью, причем не обращалось никакого внимания на обстоятельства, делавшие рассрочку или отсрочку не только справедливой, но и необходимой в видах сохранения платежных сил крестьян на будущее время. Всякие приемы с целью обмануть крестьян при отводе им надела, по возможности стеснить их, установить экономическую их зависимость от владельцев не только считались позволенными, но владельцы и управляющие ими гордились и хвастали. Незаметное, почтенное меньшинство помещиков и должностных лиц, не сочувствовавших такому обороту крестьянского дела, мало-по-малу устранилось или было устранено от всякого в нем участия.

«Всего этого, разумеется, никак нельзя было ни ожидать, ни предвидеть, судя по началу разрешения крестьянского вопроса. Вначале сангвиники и добродушные, непрактические идеалисты — сознаемся, и мы когда-то принадлежали к их числу — мечтали о том, что владельцы воспользуются отменой крепостного права для установления иных отношений с сельским населением, чем прежние; что они горячо примутся за поднятие умственного и нравственного уровня новых граждан, помогут им стать твердой ногой посреди новых условий быта и теснейшим образом свяжут свои интересы с ихними. Такой способ действий указывался самым ходом вещей, но, к сожалению, не таков он был на самом деле. В действительности случилось то, чему, по состоянию нашей культуры, конечно, и следовало быть.

«Взгляд на наш сельский люд, как на простой народ, чернь в европейском смысле, имеет у нас тоже своих энтузиастов. Мы слыхали, что в Европе чернь представляет беспокойную массу людей, недовольных своим положением, готовых при малейшей искре обратиться в огнедышащий вулкан, опасный для государства и существующих в нем порядков; что массы народные — элемент вечного движения, которому, чтобы удерживать его в границах, необходимо противопоставить оплот консервативных сил, каковыми являются крупное землевладение, капитал и высшая интеллигенция. Нашлись люди, которые целиком перенесли и это воззрение на наш деревенский люд. На этом воззрении построены, например, удивительные политические комбинации генерала Фадеева в книге: «Чем нам быть». По его мнению, наше крестьянство — клокочущий кратер, гото-

Крепостная реформа в основных своих началах, при обсуждении ее в высочайше утвержденных комиссиях и комитетах, подвергалась сильным колебаниям. Вопрос об освобождении крестьян с землею или без земли, а затем с большим или меньшим количеством надела, был предметом жаркой борьбы как в правительственных сферах, так и в обществе и в печати.

Чернышевский, занимавший тогда видное место в журналистике, как талантливый редактор наиболее распространенного журнала («Современник»), будучи ученым теоретиком, ставил этот вопрос очень прямо и страстно в интересах народа. С энергиею и жаром, нередко с неумеренной резкостью, он отстаивал не только возможно бóльшие земельные наделы, но и исконное наше народное общинное начало. В тогдашней печати голос его был громче и слышнее всех других. Свежее и молодое горячо ему сочувствовало, но заинтересованные и влиятельные классы не знали границ озлобления к этому «коммунисту» и «социалисту», каковым окрестила его противная партия и служившая ей печать *).

Когда в 1861 г. люди, не имевшие никакого отношения к Чернышевскому, стали причиной волнений, озабочивавших правительство, то враги Чернышевского из крепостного лагеря и из мутных органов печати явно и тайно указывали на Чернышевского как на главного виновника и руководителя всех волнений. Даже знаменитый апраксинский пожар (происшедший, как после, образумившись, утвердительно говорили, от мошеннического поджога лавочника) дикая молва громко приписывала «нигилистам» (слово это только что было подхвачено из романа Тургенева), а Чернышевского провозглашали их главой! Все это, конечно, без всяких доказательств, по догадкам, которые так легко принимаются за факт людьми озлобленными или встревоженными.

Настойчивой защиты общины и бóльших размеров надела было довольно, чтобы возбудить к Чернышевскому ожесточенную вражду в людях упомянутого круга. Резкость тона, в которую иногда впадал Чернышевский в своей полемике; его популярность, личная и литературная, и выше объясненная, быть может, несколько резких слов [2]) довершили представление его как человека опасного. В июне 1862 [г.] Чернышевский был арестован...

Повторим, что после совершившегося ныне закрытия III отделения общественное мнение получило впервые возможность высказаться

вый каждую минуту произвести взрыв и разрушить наш политический и гражданский строй. До таких поразительных нелепостей, сколько нам известно, никто еще у нас не договаривался, за исключением только сотрудников и покровителей газеты «Весть». Генералу Фадееву принадлежит, бесспорно, честь, что он из ошибочной предпосылки логически вывел ее крайние последствия»... *А. П.*

*) Напомним параллельный факт. Скарятин, даже несколько позднее, в своих изданиях, имевших чисто-крепостнический характер, обзывал и московских славянофилов «сен-симонистами»! Какую репутацию «красного», «радикала» та же партия старалась составить К. Д. Кавелину, довольно известно. *А. П.*

о свойствах деятельности этого ведомства, и высказалось столь ясно, что нет надобности в дальнейших разъяснениях. При старых формах суда и следствия, судьба Чернышевского была в руках этого самого ведомства. Человек почти вычеркивался из списка живых: он был весь в руках обвинителей, которые были и следователями, а во множестве случаев и судьями!

Не буду повторять ходивших тогда и известных доныне слухов об отношении ведомства к делу Чернышевского. Довольно сказать, что предполагалось, что оно разделяло ту вражду, которую внушила к Чернышевскому его горячая защита крестьянского интереса в реформе, в тех кругах, которые для краткости можно назвать крепостническими... Обратимся к фактам.

Факты были таковы. Дело Чернышевского, т.-е. следствие и суд, тянулось целых д в а г о д а, с июня 1862 по май 1864 г.! Не потому, чтобы процесс был сложен: был следуем и судим один человек, к его делу не было привлечено никакого другого лица, т.-е., конечно, не могло быть привлечено. Но потому, что в приискании обвинения оказалось нелегко одолимое затруднение. Я сам после слышал от Чернышевского, что в течение нескольких месяцев после ареста ему не было даже делано допроса. Повидимому, ожидали, что самый обыск доставит материал для обвинения, но обыск их не доставил (об одном исключении упомянем далее), и спрашивать было не о чем... Впоследствии обвинения составились.

Сколько было слышно, в III-отделенском и сенатском процессе ставилось против Чернышевского несколько общих и затем одно частное обвинение. Скажу сначала о первых (насколько я о них тогда слышал).

Видели в нем человека, вредно действовавшего на молодежь. Но не было представлено н и к а к и х ф а к т о в, а одни предположения. (Выше мы указали причину его популярности; надо прибавить, что он был тогда главным деятелем «Современника», наиболее распространенного из тогдашних журналов, и положение редактора само собою приводило к обширному знакомству.)

Винили его по отношению к журналу «Военный сборник». Но к участию в редакции этого журнала (в литературном отношении) он был приглашен официально, и журнал издавался в обычных цензурных условиях и при участии таких лиц, как полк. Аничков и полк. (ныне генерал-адъютант) Обручев [3]).

Винили его за «связи с поляками» [4]). Обвинение до крайности странное. Дело в том, что в 1856 году, по высочайше дарованной амнистии, вернулись из ссылки много лиц, русских (декабристы, петрашевцы, в числе последних был Ф. М. Достоевский), поляков, малороссов (Шевченко, Костомаров). Эта амнистия была одним из самых отрадных, радостных фактов, начинавших новое царствование, и общественное сочувствие было открыто для лиц, получивших царскую милость. Между этими лицами было несколько первостепенных талантов!

Общество отнеслось любезно и к полякам; трех-четырех человек из них знал Чернышевский. Это и был в е с ь факт. Далее общих, очень многими выражаемых сочувствий, эти отношения не шли, и я сам лично не раз был свидетелем, как Чернышевский решительно отвергал некоторые национальные притязания поляков и не оставлял им в своем несогласии с ними никакого сомнения.

Винили его за литературную деятельность. Но эта деятельность совершалась в обычных цензурных условиях, и для справедливости обвинения следовало осудить само цензурное ведомство, предположив, что оно злонамеренно допускало эту деятельность, — однако, такого предположения сделано не было. Ясно, однако, что этим обвинением власть дезавуировала саму себя. В действительности литературные труды Чернышевского и не имели того зловредного характера, который был им приписан III-отделенским и позднее сенатским обвинением.

Позднейшая, беспристрастная критика (людей, его вовсе не знавших) признала в нем «блестящего публициста», чем он и был; к сожалению, обвинение вторило воплям его литературных и общественных противников из того лагеря, который характеризуется названием крепостнического. Из этого же лагеря шли и долго после нападки против Чернышевского (уже осужденного!) — нападки, нравственная цена которых достаточно определяется тем обстоятельством, что нападавшие очень хорошо знали, что не могут встретить ответа ни от самого человека, ни от кого-нибудь, кто бы захотел защитить его. Выше замечено, что цензура не допустила бы этой защиты, и при существовании III отделения последняя могла бы обрушиться бедствием на самого защитника!

До каких геркулесовых столбов непристойности дошли, наконец, нападки, свидетельствует брошюрка Цитовича, где на Чернышевского свалена была вся грязь, наполнявшая мысли и все существо самого автора. На этот раз простое чувство опрятности не допускало вступать в спор с подобным обвинителем.

Наконец, винили Чернышевского в сношениях с заграничными революционерами.

Это было, кажется, п е р в о е реальное обвинение, по которому спрашивала Чернышевского следственная комиссия при III отделении. Дело в том, что при обыске в бумагах Чернышевского найдено было письмо, адресованное к нему Герценом *), который, после закрытия (в мае 1862 г.) журнала «Современник», предлагал Чернышевскому издавать этот журнал в Женеве или Лондоне. Чернышевский в сношениях с Герценом вовсе не был, не был даже и особенно расположен к этому писателю, а однажды подвергся даже язвительной насмешке в «Колоколе». На упомянутое письмо Чернышевский, сколько я знаю, даже не ответил и бросил его без внимания, потому что не помышлял о заграничной журналистике. На допросе он отвечал, что в переписке

*) Или может быть, адресованное к другому лицу, но с упоминанием о Чернышевском; в точности не помню, но, кажется, последнее вернее *). *А. П.*

с Герценом вовсе не состоял, — что и была совершенная правда, а что он не может помешать всякому (он употребил даже раздражительное выражение) написать к нему письмо. Обвинение этим исчерпывалось, но, сколько помнится, «сношения с заграничными революционерами» красовались в числе обвинений в приговоре.

Этот допрос был через несколько месяцев после арестования. Затем дело остановилось и возобновилось опять — довольно странным образом.

В III отделении появилось показание против Чернышевского от некоего Всеволода Костомарова. Драгунский, кажется, офицер, проживавший в Москве, Всеволод Костомаров (занимавшийся стихотворством и поэтому бывший два — три раза у Чернышевского как редактора «Современника»), был судим в 1861 г. за содержание тайной типографии в Москве и привлечен был также к одновременному делу Михайлова. Присужденный к разжалованию в рядовые на Кавказ, Костомаров в конце 1862 г. или начале 1863 г. был на пути к назначенному месту, но доехал только до Тулы, откуда получил разрешение явиться в Петербург для дачи заявленных им показаний против Чернышевского. Как, — после долгого следствия и суда, в течение которых была возможность, и когда даже искали таких показаний, — мысль о них явилась у В. Костомарова только тогда, когда он уже ехал в свою ссылку [6]), — куда ехать ему, без сомнения, не хотелось, — мы не знаем; но достоверно то, что ценою показаний оказалась для него возможность не отправляться рядовым на Кавказ, а остаться в Петербурге (где он жил на свободе и умер через два — три года после ссылки Чернышевского).

Показания В. Костомарова клонились, как я после слышал, к тому, что якобы Чернышевский побуждал его напечатать в тайной типографии в Москве какое-то воззвание к дворовым людям (безграмотство которых Чернышевскому было прекрасно известно) [7]). Но эти первые изветы В. Костомарова остались безуспешны; подтвердить их он ничем не мог.

Позднее нашелся, однако, свидетель в подкрепление извета. Это был некто мещанин Яковлев, служивший прежде у Костомарова; он будто бы слышал разговор Чернышевского с Костомаровым, где шла речь об упомянутом воззвании. Чернышевскому была дана очная ставка с Яковлевым, на которой последний смешался так, что был выслан III отделением административно в Архангельск, так что на сенатском суде эта темная личность уже не появилась.

К этому эпизоду с Яковлевым относится следующее обстоятельство, вероятно, не вошедшее в сенатский процесс, но существенно важное, так как оно указывало на присутствие в этом деле прямого лжесвидетельства.

Замечу предварительно, что в периоде допросов свидания, разрешенные Чернышевскому со мной, были прерываемы на неопределенные сроки. Я еще не знал ничего о появлении выставленного В. Костомаро-

вым свидетеля в лице мещанина Яковлева, когда однажды в редакции «Современника» (возобновившегося с 1863 года) получено было особенно любопытное письмо. Это было коллективное письмо от пяти или шести человек студентов Московского университета (из их фамилий остались в моей памяти только Сулин и Гольц-Миллер), находившихся тогда, вследствие московской студенческой истории, в заключении в Московском смирительном доме. Юноши обращались в редакцию в предположении, что она не безучастна к судьбе Чернышевского, так как они имели сообщить одно обстоятельство большой важности. Дело было в следующем. По словам письма, в одно прекрасное утро в смирительном доме появилось новое лицо, оказавшееся мещанином Яковлевым. В скором времени Яковлев познакомился с «господами-студентами» и посвятил их в свои интимные дела. Они состояли в том, что Яковлева призвал к себе (в Москве) недавно В. Костомаров и «уговаривал» его поехать в Петербург и, явившись по данному адресу (т.-е. в III отделение), заявить свое желание дать показание по делу Чернышевского. В. Костомаров объяснил, какое «должно быть» показание, и уверял, что Яковлеву это будет выгодно. Яковлев согласился и отправился уже в Петербург, но на дороге в пьяном виде нашумел, был взят, возвращен в Москву и посажен за буйство в смирительной дом. Теперь он обращался к господам студентам за советом — как они полагают, последовать наставлению В. Костомарова или нет; для него был бы интерес последовать, потому что, по его заявлению о т а к о й необходимости ехать в Петербург, его без сомнения тотчас бы выпустили из смирительного дома. Студенты отвечали ему, что не могут ему дать иного совета, кроме того, что он должен показывать только то, что в действительности было, и не показывать того, чего не было. Через два — три дня после этих бесед мещанин Яковлев исчез из смирительного дома. Студенты поняли, что он пожелал соблюсти свою выгоду, т.-е. отправиться в Петербург лжесвидетельствовать. Студенты опасались, чтобы лжесвидетельство не получило доверия, и просили довести факт до сведения властей. Они все поименно подписали письмо, замечая, что готовы утвердить правдивость своего показания п о д п р и с я г о ю.

О деле Чернышевского и именно о показаниях В. Костомарова ходили уже подозрительные слухи, и письмо из московского смирительного дома открывало след темной интриги. Что с ним было делать? Единственным и всемогущим пунктом было III отделение. Тогдашний редактор «Современника» Некрасов и я отправились заявить об этом письме и объясняемых в нем странных обстоятельствах генералу Потапову. Он прочел письмо и — сколько помню — сказал нам только, что с этим письмом делать нечего, так как дело Чернышевского перешло уже из III отделения в Сенат, и что там оно не нужно...

Когда, по окончании перерыва наших свиданий, я увиделся с Чернышевским, он рассказал мне (как выше упомянуто), что мещанин Яковлев действительно являлся давать против него показания, но на очной ставке совершенно растерялся от своего собственного лганья.

Деятельность В. Костомарова еще тем, однако, не кончилась. Он проживал в Петербурге. Прошло несколько времени; дело Чернышевского поступило в Сенат, и здесь уже явилось новое показание В. Костомарова. В Сенат доставлен был (сколько было слышно, из III отделения) документ, который сочтен был за главнейшее обвинение против Чернышевского. Это было знаменитое (в своем роде) письмо, будто бы писанное Чернышевским к известному литератору Плещееву.

По рассказу В. Костомарова (как тогда передавали), он вспомнил, что это письмо, будто бы данное ему (конечно, ранее собственного процесса Костомарова) Чернышевским для передачи в Москву Плещееву (но оставшееся не переданным), было у него заложено в саквояже; оно чудесным образом осталось неоткрытым во время внимательного обыска, сделанного у Костомарова; сам он об этом письме совсем забыл. А теперь он извлек его из саквояжа для представления в Сенат...

До меня дошел слух, что в Сенате явился, наконец, какой-то документ, уличавший Чернышевского. Меня встревожил этот слух — в самом деле, не могло ли случиться чего-нибудь подобного? Но первое свидание с Чернышевским после этого совершенно меня успокоило: он рассказал мне, что он уже был вызываем в Сенат, где ему сделан был допрос по этому письму. Документу, видимо, придана была большая важность: председательствующий сенатор, Карниолин-Пинский, держа или положив перед Чернышевским это письмо, многозначительно сказал ему на латинском языке: «Oculis, non manibus!» (т.-е. смотрите глазами, но руками не касайтесь). Чернышевский понял, в чем дело, и на вопросы относительно содержания письма просил Сенат спрашивать не его, Чернышевского, но самого автора этого письма, — которого Чернышевский никогда не писал. Чернышевский рассказывал мне это шутя, как о вещи слишком ясной и которая не могла казаться ему ни на минуту опасной. Он скоро должен был разочароваться, потому что, несмотря на категорическое заявление Чернышевского, что это письмо есть наглый и глупый подлог, несмотря на сомнительные отзывы экспертов (выбранных из сенатских же чиновников), Сенат признавал подлинность письма...

Как замечено выше, письмо, будто бы писанное Чернышевским к Плещееву, по словам самого Костомарова, не было им Плещееву передано, но понятно, что Плещеева все таки надо было спросить. Он был вызван в Петербург. В Сенате, по предъявлении ему письма, Плещеев заявил, во-первых, что рукопись, хотя в начале похожа на руку Чернышевского, но дальше не похожа совсем, т.-е., несомненно, подделана, и подделана плохо; во-вторых, что содержание письма таково, что ни Чернышевский не мог писать такого письма, ни Плещеев от него получить, — оно предположило между ними отношения, каких в действительности не было. (Не припомню, от кого из них я слышал потом, что в письме была, между прочим, одна

фраза, долженствовавшая утвердить Плещеева в соучастии: «не мы-де с вами пойдем на каторгу» [8]) — эта фраза, невозможно бессмысленная в устах Чернышевского, обличала склад мыслей поддельщика. Эта бессмысленность не требует объяснения для тех, кто имел какое-нибудь понятие о высокочестном и нравственном характере Чернышевского.)

Письмо было такого рода, что из него надо было заключить, что между Чернышевским и Плещеевым было ранее законопреступное соглашение. Если письмо было подлинное, над Плещеевым должны бы быть произведены следствие и суд. Тем не менее Сенат на основании одного и того же документа, после единственного спроса, отпустил Плещеева, но осудил Чернышевского!

Но приговор, читанный на площади, говорил об его вредной литературной деятельности, распространявшей социалистические учения, — когда сочинения его были разрешаемы цензурой...

В начале 1864 года, дело Чернышевского в Сенате было близко к окончанию. Мои свидания с ним стали неправильны, откладывались; до меня доходили самые тревожные слухи; мнимое письмо становилось главным основанием обвинения; странное появление улик не обратило внимания Сената... Защиты ниоткуда не было. Я думал, что не только мое личное отношение к Чернышевскому, но простое чувство правды обязывает указать те, по меньшей мере, сомнительные стороны дела, которые были упущены из вида в процессе. — Ныне сделать это было бы чрезвычайно просто — одним обращением к прокурорской власти и председателю суда. Тогда этой возможности не существовало, и по условиям того времени, для меня оставалось одно — обратиться к г. генерал-губернатору. Я это и сделал. В письме к тогдашнему С.-Петербургскому генерал-губернатору, князю италийскому А. А. Суворову, я подробно изложил выше только вкратце упомянутые обстоятельства, которые были мне известны как личному свидетелю, и просил кн. Суворова обратить на это обстоятельство внимание самых высших властей, чтобы не была совершена несправедливость. Я брал на себя всю ответственность за представленные сведения.

Не знаю соображений, имевших силу в этом случае, но через несколько дней после представления своего письма, я выслушал сожаление кн. Суворова, что при всем желании, он ничего не может сделать [1]).

Последующая судьба. Злоупотребление имени Чернышевского и эксплоатация собственности его семейства новейшими «социалистами». Продолжение преследования.

---

[1]) Если письмо мое 1864 года сохранилось в бумагах кн. А. А. Суворова, оно может служить современным документом, где факты переданы, вероятно, точнее и подробнее, чем я ныне могу их припомнить. У меня самого не сохранилось, к сожалению, черновой этого письма. *А. П.*

Я далеко не досказал историю бедствий Чернышевского.

В самые суровые времена в обществах существует понятие, что когда преступление (предположив, что Чернышевский был преступник) карается, то «справедливость бывает удовлетворена». Осужденного оставляют в покое; считается неприличным, постыдным преследовать его упреками и обвинениями, когда он уже понес кару, присужденную высшей общественной властью, судом или правительством. «С одного вола двух шкур не дерут», грубо, но совершенно справедливо говорит народная пословица; осужденного народ называет «несчастным» — каким он слишком часто и бывает в действительности.

На долю Чернышевского не выпало этой элементарной справедливости. Прежние друзья боялись проявить свою дружбу; лишь немногие из них сохранили теплое чувство, которое некогда в такой степени внушал им... я чуть не сказал... «покойник», ...но они осуждены были на молчание; большинство поторопилось не только скрыть это чувство от других, но и совсем забыть его. Зато совершенно свободны были выражать свою ненависть старые враги. За семнадцать лет, протекших уже со времени ссылки Чернышевского, сколько сделано было в печати нападений на противника, лишенного средств защиты и связанного! Первым исключением была статья «Страны», написанная человеком, который даже не знал Чернышевского лично.

Для выяснения судьбы Чернышевского надо остановиться на этих обвинениях.

После старой ненависти к нему со стороны крепостнической партии, первым поводом к этим обвинениям послужил роман «Что делать?» Этот роман написан был Чернышевским очень быстро, во время заключения в Алексеевском равелине. Рукопись была передана мне из III отделения. Я принимал тогда участие в редакции «Современника», издававшегося Некрасовым; я сообщил рукопись Некрасову, который тотчас выразил желание напечатать роман. (N. Чернышевский, всегда в высокой степени деликатный в денежных делах, писал роман, имея в виду заработать деньги для своего семейства, чтобы оно не нуждалось в чужой помощи.) Роман получался частями и печатался по мере получения. В то время была исключительно предварительная цензура, и никому в голову не приходило, чтобы мог возбудить — не литературные, а криминальные нападки роман, полученный из III отделения, пропущенный — без всяких исключений — предварительной цензурой.

Но не прошло много времени, как этот роман вызвал, именно, криминальные нападения. Ответить на них в ту же силу не было уже никакой возможности; реакция была в полном разгаре, и цензура не пропустила бы ни единого слова в защиту Чернышевского. Это слово могло бы даже навлечь серьезные опасности. Итак, обвинение оставалось без возражений и, в понятиях толпы, явилось подтверждением злокачественной репутации. Противники были такого нравственного склада, что им недоступно было даже то чувство, которое (как сейчас

сказано) понятно самым грубым массам — чувство приличия, запрещающее нападать на человека, раз осужденного и лишенного средств защиты.

Что же такое этот роман?

В заключении Чернышевский много работал. Из тюрьмы ему хотелось обеспечить свое семейство от нужды. Он перевел два тома для издававшейся тогда «Всемирной истории» Шлоссера, написал роман, написал еще ряд сочинений, которые уже не были выданы мне III отделением... Понятно, что для него уже немыслимы были те работы, к каким он привык — публицистика и политико-экономическая разработка крестьянского вопроса и т. п. Что же оставалось делать? или найти работу почти механическую: таков был перевод; или, когда этой работы больше не представилось, писать что-нибудь для журнальных читателей, писать повести, отдаться ф а н т а з и и. Результатом был роман.

Как известно, роман был после обвиняем в распространении социалистических теорий. Человеку рассудительному, не ослепленному старой ненавистью или недостатком образования, при разборе романа, написанного в столь исключительных условиях положения самого автора, прежде всего пришла бы мысль об общем настроении писателя, какое приводилось бы этими условиями. Я был о ч е в и д ц е м этого настроения... Чернышевский с великим мужеством выдерживал свое тяжкое положение — одиночное заключение в тюрьме, имевшей страшную славу; долгие месяцы, тянувшиеся без движения дела; сомнительную постановку этого дела; разлуку с нежно любимыми... Но, как бы ни была велика твердость, есть предел для человеческой природы: работала мысль, работало воображение, и их не сдерживала, не развлекала никакая мелочь, никакое впечатление действительной жизни. Когда он начал писать роман, он однажды поручил мне попросить одного знаменитого петербургского математика указать несколько капитальных книг по высшей математике (Чернышевский любил и ранее занимался этим предметом и вообще имел весьма разнообразные научные интересы) — и просил меня купить и доставить ему эти книги, что и было мной исполнено. При свидании он говорил мне, что ему не просто захотелось опять заняться математикой: он употреблял сухие цифры, как гигиеническое средство — его фантазия так возбуждалась, что он стал сознавать небезопасность этого возбуждения. Иногда — говорил он мне — довольно было ему проработать подчаса над романом, как он уже чувствовал необходимость остановиться и брался за диференциальное исчисление...

Роман заключает в себе лица и сцены из действительности и чистые ф а н т а з и и, какими они были и в глазах самого автора. Надо быть слишком неразвитым и пугливым, чтобы вообразить «социалистический» вред в фантазиях о будущем развитии человеческих обществ. Они и изображены, как «сон», и притом не сон какого-нибудь серьезного мыслителя или агитатора, а просто молоденькой дамы. К ней и трудно было бы предъявить строгие требования. Мысль

подобного «сна» нимало не нова: много раз писатели задавали себе темы, вроде «XXV» или «XXXV» столетия, и никому не приходило в голову винить их в стремлении ниспровергнуть порядок XIX века для того порядка, какого они ожидали в XXXV. В нашей литературе есть рассказ кн. Одоевского: «2845 (или подобный) год». Фантазия имеет в произведениях литературы свое право и свое место.

Позднейшие явления в кружках молодежи, составлявших тайные общества, были уже совсем далеки от каких-нибудь личных влияний Чернышевского, но тем не менее опять были поставлены в укор и обвинение Чернышевскому.

Остановимся на этом.

Признаем с самого начала, что правительственная власть могла подозрительно взглянуть на то, что имя Чернышевского повторялось в кружках новейших «социалистов» и в заграничных революционных изданиях, что эти «социалисты» делали даже дерзкую попытку «освобождения» Чернышевского. Все это факты, но где же настоящее объяснение этих фактов?

Со времени ссылки в Сибирь в 1864 г., когда Чернышевский жил сначала в отдаленной, страшно захолустной казачьей стоянке Кадае, на границе Монголии, потом короткое время в Александровском заводе в Нерчинском крае, наконец, многие последние годы в Вилюйске, небольшом городишке Якутской области (9.448 верст от Петербурга), на несколько сот верст в сторону от проезжего пути по Лене и в таком захолустье, что за Вилюйск нет уже никуда никаких дорог, — Чернышевский только изредка посылал письма к своей семье, изредка получал домашние известия и затем не имел, да и не мог иметь никакой переписки; письма рассматривались начальством. В 17 лет я поменялся с ним едва несколькими письмами, и, однако, я знаю что не все его письма, ко мне обращенные, дошли до меня. Сначала я посылал ему газеты, но потом перестал, когда через несколько лет узнал, что газеты, мною посылавшиеся, ему не выдавались! Несколько книг, один—два журнала, — это было все, что ему разрешено было иметь. Он был (и есть) так удален от всего света, что горькой иронией было бы думать, что он может как-нибудь действовать, что он может иметь какую-нибудь солидарность с тем, что делается в нашем обществе. Он не знал даже, как злоупотребляется его имя самозванными «последователями»: газет до него не доходило; семья не решалась тревожить его совершенно бесплодно, не была даже нимало уверена, что подобного рода письмо дошло бы до Чернышевского. Не знаю, доходили ли к Чернышевскому какие-нибудь темные слухи об этом положении вещей; но раз до самого Вилюйска дошли затеи новейших революционеров (покушение Мышкина), и тогда Чернышевский с негодованием писал жене о людях, злоупотребляющих его именем, и чтобы дать понять, о чем он говорит, замечал, что, если ему суждено когда-нибудь оставить Вилюйск, он уедет из него не иначе, как т е м ж е способом, каким в него приехал [9])...

Излишне говорить, как эти злоупотребления его имени возмущали его семью, очень хорошо видевшую, что это постыдное легкомыслие авантюристов в конце концов ложится только новым бременем на Чернышевского. Местные власти так мало понимали все это (хотя через их руки шла переписка Чернышевского), что после покушения Мышкина сделали у Чернышевского обыск и отобрали у него какие-то письменные работы, сокращавшие томительную тоску почти 20-летнего одиночества![10]) Быть может, впрочем, это было распоряжение III отделения.

Таковы были обстоятельства. В действительности, все отношение Чернышевского к новейшим событиям состояло в том, что его имя и даже собственность сделались предметом или глупой, или нахальной эксплоатации, о которой он поныне не имеет даже и приблизительного понятия.

Злоупотребление и эксплоатация, производившиеся (как выше указано), с одной стороны, злейшими врагами — крепостнической и ретроградной партией, с другой — производились в новейшей «социальной» агитации. Последняя ведена была людьми разного рода: наибольшую долю составляли идеалистические фанатики, возбужденная крайне молодежь, часто поистине несчастная, которая не находила себе исхода в запутанных и натянутых отношениях новейшего времени. Но к этой молодежи присоединялись и люди иного рода, имевшие полное право на название «червонных валетов». Для тех и других был свой интерес впутывать в свои увлечения или интриги имя Чернышевского. Во-первых, новейшие «социалисты» слышали о прежнем значении Чернышевского и, вероятно, искренне сочувствовали его печальной судьбе. Но, несмотря на эту возможную искренность, это сочувствие было грубо, бестактно и не удержало, как мы видели, «почитателей» от нанесения самого серьезного вреда Чернышевскому. Во-вторых, и это было ни мало не честно, — некоторые и, особенно, предводители, старались прикрывать свои затеи известным именем и тем придать больше важности в глазах молодежи своей собственной роли. Большинство говорило о Чернышевском с полным незнанием его характера и деятельности, и здесь им помогла сама реакционная печать, извращавшая этот характер и деятельность в своих видах в «социалистическое» пугало. Иные были лишены настолько здравого смысла, что, не имея о Чернышевском понятия, называли его имя даже перед судом. Но были и люди, действовавшие вполне сознательно. К их числу принадлежали некоторые женевско-базельско-лондонские эмигранты, которые приступили и к эксплоатации собственности Чернышевского, начав воровское издание его сочинений.

Эта контрафакция есть одно из постыднейших дел, какие совершаются червонными валетами. «Социалисты» не только компрометировали Чернышевского, перепечатывая (в журнале «Вперед») его старые статьи, рядом со своими собственными радикальными изделиями,

но и принялись за прямое о б к р а д ы в а н и е того самого человека, которого желали ставить в первых рядах своей партии! Они предприняли издание его сочинений и имели подлость объявить, будто бы выручка издания будет передана ими семейству Чернышевского. Это была наглая ложь. Семейство Чернышевского никогда не позволяло и никогда не позволило бы этого издания, если бы было спрошено, и никогда не взяло бы гроша, полученного ценою вреда самому Чернышевскому. Впрочем, речь о выручке была простым грубым отводом, и мнимые деньги для семейства Чернышевского принадлежали к области мифологии.

В действительности, при первом опыте этой кражи сочинений Чернышевского, в русской печати было заявлено, что заграничное издание есть контрафакция. Это заявление сделано было г. Суворины в «Спб. Ведомостях» (издав. тогда Коршем), по моему желанию.

Впоследствии, в январе 1878 [года], категорическое обличение этого воровства сделано было мною в подробной статье, посланной в одну немецкую газету (об этой статье будет упомянуто далее).

Таковы были действия мнимых «учеников» и «последователей».

В действительности, ни те юноши, которые составляли заговор в России, ни заграничные эмигранты не видывали Чернышевского в лицо. Положение нашей печати было таково, что для людей, его знавших, и которые могли бы защитить его интересы, писать о нем с полной правдивостью было немыслимо.

А сказать можно было бы многое.

На деле мнимые «последователи» Чернышевского были питомцы совсем иной школы. Статья «Страны» очень верно заметила, что, если Чернышевский был социалист, то лишь такой, какие в Германии называются Katheder-Socialisten, т.-е. ученые, книжные теоретики по социально-экономическим предметам. Его «социализм» есть политико-экономическая т е о р и я, какова, например, теория Дж.-Ст. Милля, которого он именно внимательно изучил и высоко ставил; у настоящих «социалистов»-радикалов Дж.-Ст. Милль есть предмет злобного презрения *). Для Чернышевского социальные отношения были предметом научного исследования; для новейших радикалов эти вопросы уже решены. Интересы Чернышевского были всегда широки и идеальны; он всегда высоко ценил искусство, поэзия была для него глубоким выражением человеческого духа и драгоценной его воспитательницей, — новейшие радикалы грубые материалисты и т. д. Словом, это два совсем разных взгляда, два несовместимых понятия, и иначе быть не могло. Мнимые последователи Чернышевского, о которых он, отрезанный от всего мира, не имеет ни малейшего понятия, как я сказал, питомцы совсем иной школы, именно бакунинской. Счесть людей, исповедающих бакунинскую теорию «анархии», за

*) Образчик можем указать даже в русской литературе 60-х годов: см. статью о Милле в «Р. Слове» 1865 и ответ на нее в «Современнике» 1865. *А. П.*

последователей Чернышевского, есть не только клевета, но бессмыслица. Последователи Бакунина также называются иногда «социалистами», но это — социалисты особого рода, и в числе их положений есть и такое: что твое — то мое, а что мое — то не твое. Бакунин был бесшабашный болтун, нечистый на руку; его ученики поступили и с собственностью семейства Чернышевского — как выше сказано.

Бакунин и К⁰ и ошалевший философ Лавров сбили с пути немало русской молодежи, которая, к сожалению, не могла найти противовеса этому влиянию в подавленной русской литературе. В э т о й (бакунинской) школе в первый раз возникла мысль о ненужности науки и образования, как и идея об исключительной способности пролетария понимать истину (без предварительного обучения); здесь возродилось учение, что цель оправдывает средства; здесь развилось постыдное неуважение к праву чужой личности. Все это было н е и з в е с т н о в то время, когда писал Чернышевский, и это составляет существенную черту бакунинско-лавровской школы. Смешать т а к и е взгляды с понятиями Чернышевского исторически — ложно, а политически — бесчестно. Так делала, однако, глупая молодежь по недоразумению, а враги Чернышевского — сознательно; те и другие, повидимому, одинаково вводили в заблуждение и правительство. Чернышевскому уже довольно того, что он вынес и выносит; можно было бы пощадить с новыми обвинениями этого талантливого писателя, нравственно безупречного человека, страдающего так незаслуженно, так тяжко и так долго.

К сожалению, иностранная литература, именно та, которая знает русские дела с пятого на десятое — повторила о Чернышевском немало нелепостей, выслушанных от русских крепостников и реакционеров. Таковы, напр., отзывы о Чернышевском в книге «St. Petersburger Gesellschaft», самоуверенные нелепости в статьях Леруа-Больe (в «Revue des Deux Mondes»), в статье: Zur Geschichte des russischen Socialismus (в «Unsere Zeit», 1877, 9 Heft) и проч. Признаюсь, я и не желал следить за этой литературой бессмысленного перевирания; но однажды счел нужным сделать разбор двух названных писаний (в берлинской газете «Post», 1878, в январе). Надо упомянуть, впрочем, что в специальных иностранных книгах мне случалось видеть справедливое признание ученых заслуг Чернышевского в политической экономии; его «Примечания к Миллю» были переведены в Бельгии на французский язык; известный Меккензи-Уоллес, в своей книге о России (6-е английское и немецкое издание), сказал о нем несколько сочувственных слов, — как следовало человеку, ближе других иностранцев знавшему русские отношения и порядочному.

На Чернышевском все рассказанное отразилось следующим образом. После жительства в Кадае, на монгольской границе, он короткое время прожил более сносно на Александровском заводе; отсюда он был переведен в Вилюйск, на край обитаемого Сибирского края. Не одно из облегчений, какие даются ссыльным по отбытии срока, ему

дано не было; он был исключен из амнистий; у него отбирались его бумаги, затруднялась переписка с семейством и родными — единственная, какую он вел. Наконец, пришла болезнь, нет врача, болезнь серьезная и в том климате, вероятно, неизлечимая, общий ревматизм. Он тщательно скрывает болезнь от жены, не желая ее огорчать, но писал о ней мне, а я, по совету со здешними докторами, посылал ему отсюда хинин и медицинские лечебники.

Несколько раз жена выражала желание поехать к нему, он решительно просил ее не делать этого — ради трудности для нее пути; в действительности, конечно, ради того, чтобы не испугать ее видом своей жизни.

Материальное положение семейства. Недозволение издания сочинений.

Издавая с Некрасовым «Современник», Чернышевский был материально очень хорошо обеспечен, в особенности в последнее время. Закрытие журнала и затем арест сразу отняли у семейства его средства, которые прежде доставлял его труд.

В первое время Некрасов давал некоторую поддержку, но уже вскоре она стала его затруднять..., и я не стал ему этого напоминать. Упомянутые выше работы, сделанные в заключении, принесли некоторые средства. После ссылки Чернышевского я сделал отдельное издание (потом еще раз повторенное) его перевода «Политической Экономии» Милля (1865) и сделал также новое издание его университетской диссертации и биографии Пушкина для юношества (обе также в 1865 г.). Но затем начались против Чернышевского злостные нападения, и издание трудов его, на которое я рассчитывал для доставления средств его семейству, было разными обстоятельствами затруднено, а, наконец, стало совсем невозможным по следующему постороннему случаю.

В 1871 г. одна предпринимательница сделала в Москве издание нескольких старых сочинений Герцена, напечатанных им еще в России («Раздумье»). Слышно было, что должен был выйти 2-й томик. Книжка по содержанию имела чисто литературное и вовсе не политическое значение; но III отделение не хотело допустить этого и, чтобы сделать появление 2-го томика невозможным, испросило высочайшее повеление, запрещавшее вообще издание сочинений «государственных преступников».

С этим нанесен был тяжкий удар материальным средствам семейства Чернышевского. Высочайшее повеление, испрошенное по поводу сочинений Герцена, распространено было этим на сочинения Чернышевского, составлявшие единственное «наследство» его жены и детей. Пользование литературной собственностью было невозможно — в то же время как она воровалась «социалистами» бакунинской школы за границей.

Это положение вещей продолжается и до сей минуты.

Несколько лет назад семейство Чернышевского обращалось через общество Литературного Фонда в III отделение с просьбой разрешить издание только чисто литературно-критических сочинений, приводя свое трудное материальное положение и заграничную контрафакцию,— ответом был отказ.

Мои личные средства не бывали велики, и раз случилось, что жена Чернышевского должна была обратиться в общество Литературного Фонда за пособием.

Семейство Чернышевского несколько раз обращалось к высшей власти с просьбами о смягчении его судьбы, хотя бы самом умеренном: обращалось через комиссию прошений, к гр. Шувалову (как шефу жандармов), обращалось к генералу Мезенцову с просьбой о дозволении печатания сочинений, обращалось в III отделение во время управления генерала Дрентельна, и в последний раз в октябре 1880 обращало просьбу на высочайшее имя, через г. министра внутренних дел, графа М. Т. Лорис-Меликова.

Все было тщетно.

18 февраля 1881 г.

Александр Пыпин,
бывший профессор Спб. университета.

Жительство: Вас. Остров, Б. Просп. 22.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Чернышевский был арестован 7 июля 1862 года. Эта же ошибка повторена Пыпиным и дальше.

[2]) Вероятно, Пыпин имеет здесь в виду слова, произнесенные Чернышевским на похоронах Добролюбова 19 ноября 1861 года. Чернышевский объяснял преждевременную смерть Добролюбова неблагоприятными внешними условиями, намекая на политику правительства.

[3]) В редактировании «Военного сборника» (точнее, литературной части этого журнала), продолжавшемся всего один 1858-й год, Чернышевского не обвиняли. Повидимому, здесь говорится о толках в реакционных кругах. Чернышевский принужден был уйти из военного журнала вследствие доноса военного цензора полковника Штюрмера. Ответная записка Чернышевского на этот донос, составленная по поручению военного министра Сухозанета («Объяснение»), напечатана в двух редакциях в собрании сочинений Чернышевского (т. X, ч. 2, стр. 230—292).

[4]) В связи с поляками судьи Чернышевского открыто тоже не обвиняли, хотя его сочувствие национально-освободительной борьбе поляков не было секретом. Оно, между прочим, определенно выражено было в его статье «Национальная бестактность» 1861 г. (в «Сочинениях», т. VIII), вызвавшей ряд доносительских реплик в реакционной печати, в частности в аксаковском «Дне». С известным польским революционером Сераковским (выведен в романе «Пролог» под фамилией Соколовский) Чернышевский был в дружеских отношениях. Вероятно, он был знаком и с Падлевским, быть может, с Я. Домбровским и другими. То, что говорит по этому поводу Пыпин, весьма двусмысленно. Разумеется, Чернышевский был против притязаний польских националистов на украинский и белорусский народы, но с той же точки зрения права каждой нации на полное самоопределение он даже в подцензурной статье открыто признал право поляков на

отделение и самостоятельное политическое существование. Здесь Пыпин по своей обычной манере подсовывает Чернышевскому свой и подобных ему либеральчиков взгляд.

[5]) Предложение издавать за границей приостановленный на 8 месяцев в 1862 году «Современник» Герцен сделал в конце письма своего к Н. А. Серно-Соловьевичу, найденного при обыске у возвращавшегося из Лондона П. Ветошникова. Это и дало формальный повод к аресту Чернышевского, который, впрочем, полицией был решен уже давно (еще в 1861 г.). Впоследствии Герцен повторил свое неосторожное предложение в «Колоколе», распространив его также на «Русское Слово» и «День». Однако Аксакова за это не арестовали!

В приговоре обвинения по сношению с эмигрантами не содержится. По этому пункту Сенат, чтобы доказать свое беспристрастие, позволил себе роскошь «оправдать» Чернышевского. В этом отношении Пыпин ошибается.

[6]) Пыпину неизвестна была история предательства В. Костомарова. На самом деле, как мы теперь знаем, он начал свою предательскую работу гораздо раньше. Мнимая высылка его была венцом его фальсификаторских махинаций и по уговору между ним и царем входила в общий план погубления Чернышевского.

[7]) Не к «дворовым людям», а к «барским крестьянам». Эта прокламация с тех пор неоднократно опубликовывалась (в последний раз в брошюре «Прокламации шестидесятых годов», под ред. Ф. Ф. Раскольникова, изд. «Московский Раб.», 1926).

[8]) В апокрифическом письме якобы Чернышевского к Плещееву, сочиненном по поручению III отделения предателем В. Костомаровым, такой фразы нет, а сказано: «В случае неуспеха самая большая доля ответственности падает на них самих», т.-е. на участников тайного печатания прокламаций. Кстати, Пыпин ошибается, говоря о «сомнительных отзывах» экспертов: сенатские секретари е д и н о г л а с н о признали письмо подлинным!!.

[9]) Относительно попыток к его освобождению Чернышевский писал дважды. В первый раз он писал жене 30 декабря 1873 года (в тот самый день, когда у него в Вилюйске произведен был обыск жандармским полковником Купенковым, присланным из Иркутска вследствие нелепого доноса о подготовляемом якобы Лопатиным, Бакуниным и Утиным увозе Чернышевского). Он говорил, что в Европе и в России есть очень много бестолковых людей; от беспокойных людей могут исходить всякие глупые слухи. Могли быть слухи и о нем, но пусть она не тревожится. Вследствие нездоровья и неспособности переносить что-либо физически трудное, он не согласится ни на какое предприятие, связанное с материальными лишениями, и уедет из Вилюйска только таким же путем, каким туда приехал. Следовательно, он отказывался от побега. Но никакого осуждения авторов подобных попыток Чернышевский не выносит. Бестолковыми и беспокойными людьми он называет не их, а распространителей слухов о его побеге (это могло скорее относиться к жандармам и доносчикам, чем к революционерам). Следовательно, слова Пыпина о «негодовании» Чернышевского и пр. сюда не относятся.

Второе письмо Чернышевского к жене по поводу слухов о его увозе написано было 25 января 1875 года, т.-е. задолго д о п о п ы т к и М ы ш к и н а, которая была сделана в июле того же года. Следовательно, вопреки тому, что рассказывает Пыпин, и оно не относится к Мышкину. Оно, видимо, связано с полученными в III отделении доносами о новом замысле Лопатина увезти узника, результатом чего было распоряжение о строгом надзоре за проезжающими через Якутскую область лицами (это-то распоряжение и погубило потом Мышкина). Возможно, что слух об этом через местную администрацию дошел до Чернышевского и вызвал его письмо.

Повторяя содержание первого письма, Чернышевский намекает, что писал его для успокоения начальства, и снова заявляет, что уедет из Вилюйска не иначе,

как законным способом. Повидимому, это нужно было для того, чтобы жена его могла получить заграничный паспорт ввиду предполагавшейся поездки ее в Италию. Нужно, впрочем, сказать, что Чернышевский, думая, что повторяет первое письмо, на самом деле пишет нечто совершенно новое, когда говорит: «Есть в каждой стране, есть и в России глупцы, делающие разного рода нелепости. Мне кажется, что некоторые из нелепостей, делаемые некоторыми из русских ли или нерусских глупцов, порождают слухи, которые могут тревожить тебя за мою жизнь или, по крайней мере, за мою безопасность». Впрочем, даже эти слова, написанные с нарочитою целью, трудно истолковать в том смысле, какой им придает Пыпин, говорящий о «негодовании» Чернышевского на «людей, злоупотребляющих (?) его именем» и пр.

[10]) Это неверно. Обыск с отобранием рукописей был произведен у Чернышевского в конце 1873 года, т.-е. за полтора года до попытки Мышкина; см. прим. 9.

Из записной книжки архивиста.

Побег Ярослава Домбровского.

В процессе Каракозова и его товарищей было объединено, собственно, несколько дел — о покушении на царя, о тайном обществе «Организация», о попытках устроить завод в Калужской губ. на началах ассоциации и пр. Особое место занимает здесь дело о побеге Ярослава Домбровского, в котором оказались замешанными некоторые «каракозовцы». «Следственное дело о побеге из Колымажного двора в Москве политического преступника Домбровского»*) включено в состав общего следственного производства по Каракозовскому делу. Заключающиеся в нем документы несколько выясняют этот интересный эпизод в жизни будущего знаменитого генерала Парижской Коммуны.

11 ноября 1864 г. в Москву из Варшавы прибыла партия польских «государственных преступников», в числе которых находился Ярослав Домбровский, приговоренный к 15 годам каторги. Вновь прибывших поместили сначала в городскую полицейскую часть, а 21 ноября перевели в тюрьму на Колымажном дворе — на Пречистенке, между Антипьевским и Голицынским переулками. Новую партию посадили к прежде присланным арестованным полякам. Всего составилось 130 человек; помещались они все в одной камере. 2 декабря в тюрьме обнаружили, что неведомым образом бежал Домбровский. Дело о его побеге и о порядках в тюрьме вообще рассматривалось «Следственной комиссией о польских арестантах в Москве».

Комиссия выяснила, что утром 2 декабря 99 польских арестантов отправились в баню, а 31 остались в тюрьме. Через некоторое время обнаружилось, что среди оставшихся одного нехватает. Когда была сделана всем арестантам, по возвращении партии из бани, поименная перекличка, то отсутствующим оказался Домбровский. По обстоятельствам дела можно было сделать предположение, что Домбровский ушел из тюрьмы, переодевшись в офицерскую форму. Было еще указание, дававшее иной срок побега и совсем другую обстановку. А именно, арестант Гершек Фрейде заявил, основываясь на услышанном им разговоре двух заключенных, что Домбровский скрылся еще 1 декабря, воспользовавшись моментом ухода из тюрьмы торговца съестными припасами, являвшегося в камеру, и его работников. Но когда комиссия пошла по этому следу, он никуда не привел. Заключенные, на которых ссылался Фрейде, отказались от приписываемых им слов. Подозрение в пособничестве Домбровскому, павшее на работника лавочника Чеботарева, Федора Акимова, не подтвердилось, и арестованный Акимов был вскоре выпущен.

В деле «Следственной комиссии о польских арестантах в Москве» не имеется общего заключения комиссии, и мы не знаем, как представляли себе следователи картину побега. Каково бы ни было это заключение, дело было сдано в архив. Его пришлось извлечь оттуда менее, чем через 2 года.

10 мая 1866 г. Максимилиан Загибалов [1]), привлеченный по делу Кара-

*) Архив Революции и Внешней Политики. «Следственное дело о побеге из Колымажного двора в Москве политического преступника в Москве», 1866 г., № 29.

козова, показал, между прочим, Следственной комиссии под председательством Муравьева следующее:

«Выписка из показаний, данных в высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии дворянином Максимилианом Загибаловым. 10 мая 1866 г.

«В конце ноября или в начале декабря 1864 г. на общую квартиру мою и Юрасова, в Трехпрудном переулке, в доме Мухина, вечером пришел некто Шостакович [2]) в сопровождении неизвестного мне человека и говорил о чем-то с Юрасовым; я в это время куда-то выходил и поэтому не знаю, в чем заключался этот разговор. Когда я возвратился, Шостаковича уже не было, и Юрасов объявил мне, что этот неизвестный господин, оставшийся у нас, государственный преступник Домбровский, приговоренный к 15-летней каторжной работе, что он просится пробыть у нас несколько времени и было бы бесчеловечно отказать ему. Признаюсь, мне стало чрезвычайно жаль Домбровского, которого ожидала такая участь, и я согласился на его пребывание у нас, не сообразя всей великости ответственности, которую я принимал на себя из-за совершенно незнакомого мне человека и притом врага моего отечества. Это было увлечение молодости и сочувствие к чужим страданиям. Домбровский пробыл у нас дня 3 или 4, твердо не помню, вообще же около этого времени. Шостакович бывал все это время несколько раз в день у нас и переговаривал с Домбровским насчет паспорта, с которым он мог бы жить безопасно. На 3-й, кажется, день по поселении у нас Домбровского он принес ему вид на имя учителя какой-то гимназии, фамилию теперь не припомню, и они делали там подчистки. Вид был настоящий. В это же время Шостакович сказал Домбровскому, что он может перейти теперь к нему, ибо он поселился на другой, более удобной квартире, чем прежняя, в которой он не решался его поместить. К нам же Шостакович привел Домбровского, потому что рассчитывал, что если мы и не примем его, то во всяком случае не донесем на него. От Шостаковича Домбровский приезжал раз к нам и предлагал Ишутину взять на свое имя паспорт, передать ему, а после 2 или 3 дней, когда он уже будет за границей, объявить о пропаже этого паспорта. Мы отсоветовали Ишутину делать подобную глупость — лезть в петлю для всякого ляха, довольно уже, что мы из жалости держали его у себя. После этого раза я уже не видел более Домбровского. Но Шостакович бывал несколько раз у нас и сначала говорил, что он возьмет на свое имя паспорт заграничный, а потом говорил, что поляки, находящиеся в Москве, узнали о Домбровском и достанут непременно заграничный паспорт, и при этом показывал поддельный паспорт, который достал для прожития Домбровского в Москве, у кого — не говорил, но из слов его можно было заключить, что у поляков. Как совершился самый отъезд Домбровского из Москвы и когда именно, я не знаю. Знали о его у нас пребывании Ишутин, Ермолов и Странден» *).

Ермолов дополнил это показание, сообщив, что из квартиры Загибалова и Юрасова Домбровский перешел на одну ночь к нему и потом был уведен Шостаковичем. На дело о побеге Домбровского было опять обращено внимание. 22 мая 1866 г. Муравьев назначил новую комиссию для расследования этого дела под председательством генерал-майора В. И. Дена. Вызванный в Московскую комиссию Шостакович 2 июня дал показание, объяснявшее обстоятельства побега Домбровского и его дальнейшего пребывания в Москве.

«Протокол № 1.

1866 года июня 2 дня свиты е. в. ген.-майор Ден и состоящий при нем обер-аудитор коллежский асессор Балаченко по нижеследующим пунктам допрашивали сына кол. асессора Болеслава Шостаковича, который и показал:

*) Дело № 29, л. л. 7—8.

«Решаюсь сказать все то, что я знаю, и на все вопросы, которые мне будут предложены, буду отвечать чистосердечно и откровенно. Я начну с того, каким образом Домбровский, по его словам, бежал с Колымажного двора. 1 декабря 1864 года он, надевши женскую юбку под полушубок и взявши с собой платок, отправился в числе арестантов в комнату, где собрались продавцы и продавщицы разных вещей. Присевши в угол, он надел платок на голову и вышел в числе продавщиц в 12 часов дня.

«У кого были им взяты юбка и платок, я не знаю.

«Около 5 часов вечера Домбровский встретил меня на улице и обратился ко мне с просьбой позволить ему переодеться. Он был одет деревенской бабой — внизу у него была мужская одежда: темносерые брюки и коричневого цвета сюртук обыкновенного статского покроя. Я согласился на его просьбу и, взявши из дому плащ и фуражку, нанял извозчика, и мы поехали по разным улицам; приехавши часов в 10 вечера к Екатерининской или Елизаветинской больнице (названия ее хорошо не помню), я отдал ему плащ и фуражку, которые он надел сверх бывшей на нем женской юбки, платок же с головы снял и надел фуражку. После того мы ходили по бульварам часов до 2 ночи для того, чтобы позднее явиться в трактир, где предположили провести ночь. В 2 часа мы пришли в гостиницу «Крым», где, спросивши ужин, и ночевали в отдельном номере. Юбку женскую он бросил в отхожее место. На другой день мы отправились в д. Мухина к живущему там Ишутину, которого я просил принять к себе на несколько дней Домбровского. Ишутин жил тогда, кажется, с Юрасовым и Загибаловым. Особенно близко знаком с Ишутиным, Юрасовым и Загибаловым я не был и обратился к первому только за неимением знакомых, на которых бы можно было рассчитывать в этом случае. Ишутин принял Домбровского, и он прожил у него несколько дней. Приведя Домбровского к Ишутину, я не сказал настоящей фамилии Домбровского, а назвал его Морелем, бежавшим поляком; я сделал это потому, что не надеялся на молчание Ишутина. Затем я взял Домбровского от Ермолова (квартиры этого последнего не помню) и привез к себе на квартиру в д. священника ц. Успенья на Покровке. Паспорт ему был сделан таким образом: у меня осталось свидетельство Шатилова [3]); я не помню кто из нас выскоблил часть первой палочки буквы Ш и таким образом получилась буква М. У меня ли была сделана подскобка или в квартире Ишутина, я не припомню. Паспорт этот был предъявлен в местный квартал для прописки. Домбровский жил в квартире Калистовых [4]) как постоялец и платил им 25 р. в месяц, в отдельной комнате, которая предназначалась к отдаче в наем. Он, Домбровский, мне сказал, что у него есть 200 р. с., но денег у него я не видал. Я ходил с ним обедать в трактир раз или два, раз катался на наемном извозчике, в это же время он купил себе енотовую шубу и заплатил за нее 50 р. с., шапку, галоши зимние. Во время жительства его на квартире у Калистовых я с ним в первое время находился постоянно, но затем, вследствие несогласий с его взглядами на пропаганду, он стал удаляться от меня и несколько раз делал намеки, что я еще молод и до того, до чего дошел он, мне еще нужно дорасти. С времени этих несогласий он стал уходить из дому один, — куда именно, мне не говорил. Бывал ли он у Маевского [5]), мне также неизвестно. В отношении того, бывал ли он у родственников своих Хрщонстовских [6]), он мне говорил, что считал это опасным для себя, так как, говорил он, прежде всего после его побега должны были обратиться для разыскания его к родственникам. Были ли у него в Москве близкие знакомые, которые бы могли ему содействовать в побеге, он мне не говорил; напротив, он говорил, что если бы был в Петербурге, то давно был бы за границей. О желании своем уехать за границу Домбровский сказал мне в первые же дни знакомства с ним и уговаривал меня

взять на свое имя паспорт за границу. Я склонился на его просьбу, отправился в квартал и взял там свидетельство о неимении препятствий со стороны квартала к выезду моему за границу. С этим свидетельством я явился в канцелярию московского генерал-губернатора, но там мне сказали, чтобы я обратился за получением паспорта в Вильну, так как родители мои тамошнего происхождения. После этого я свидетельство, полученное из квартала, уничтожил, и хотя в квартале у меня его спрашивали, но я отозвался тем, что потерял. Спустя несколько времени Домбровский принес ко мне лист гербовой бумаги, не помню какого достоинства и с титулом, или без титула, а также начерно написанный указ об отставке, прося меня переписать этот указ на принесенный им лист гербовой бумаги, на котором внизу была приложена сургучная печать и было, кажется, четыре подписи. Какого ведомства была эта печать и какие были подписи — не помню, а равным образом не могу припомнить имени и фамилии, какими был назван Домбровский в переписанной мною бумаге [7]). Откуда Домбровский достал означенный лист с подписями и черновой указ об отставке, он мне не говорил. Приготовив этот документ, мы с Домбровским отправились к Ишутину и просили его сходить в канцелярию губернатора, где бы он, назвавшись именем, означенным в этом документе, испросил заграничный паспорт. Ишутин исполнить это отказался, как заметно было, из трусости. Не помню, до принесения Домбровским означенных бумаг или после он писал письмо, но к кому и о чем, я не знаю; даже он отнес его сам на почту. Кроме этого, в продолжение его жизни в Москве к нему никаких писем не приходило, и он ни к кому не писал, насколько мне это известно. Приготовление отставки происходило в последних числах декабря 1864 года, а первого января следующего года Домбровский уехал в Петербург, взяв с собою и упомянутую отставку. В то же время я объявил в квартале, что живущий в доме священника Матилов выбыл в Казань. Куда девался документ Матилова, я в настоящую минуту не могу припомнить. Документ же Шатилова, из которого сделан был Матилов, достался мне после ареста Шатилова, документ этот находился в ящике стола, на котором занимался Шатилов, служа в управлении Нижегородской дороги, и когда его арестовали, то я взял его себе для сохранения. На станцию Николаевской железной дороги я проводил Домбровского один, и кроме меня при проводах никого не было. При этом случае он мне не говорил о том, где и у кого он предполагает остановиться в Петербурге. Он не говорил мне об этом и прежде. Сколько имел денег Домбровский при отъезде в Петербург, я не знаю и получал ли он их от кого в Москве, неизвестно. Но до отъезда его из Москвы приходила к нему какая-то дама, всегда одетая в темное платье, в темной же шляпке и шубке, под вуалью, закрывавшею лицо не все, и поэтому я мог рассмотреть морщины на лице и сужу поэтому, что ей лет за 30 слишком. Она была у него раза три и приходила обыкновенно между 3 и 4 часами пополудни, оставалась у него несколько минут, разговаривали они по-французски. Если бы дама эта была предъявлена в том же костюме, в каком я ее видел, то, может быть, я и признал бы ее. Вскоре после побега Домбровского из Колымажного двора я, по его просьбе и под его диктовку, написал письмо к его жене, находившейся, по его словам, в ссылке в городе Ардатове [8]). Предъявленное мне письмо от 8 декабря 1864 г., находящееся в деле на листе 189-м, писано мною [9]). Об участии жены Домбровского мне неизвестно, и об ней он ничего не говорил. Домбровский небольшого роста, блондин, худощав, короткие волосы с рядом по средине и с заческой волос на висках вперед, бороду и усы брил во все время пребывания в Москве. Домбровский говорил мне, что, содержась на Колымажном дворе, он имел длинные волосы на голове, бороду и усы, и за две недели до побега ходил в фотографию

снимать карточку с себя, но в какую именно фотографию, я не знаю. Все, что сказано здесь, сказано совершенно чистосердечно и если что впоследствии вспомню, то объявлю с такою же откровенностью. К сему показанию Болеслав Петров Шостакович руку приложил.

Свиты его величества генерал-майор *Ден.*

Советник Киевского губернского управления *Сталевич.*

Обер-аудитор *Балаченко*» *).

К этому можно прибавить еще некоторые подробности из показания Шостаковича 4 июня.

«... Домбровский встретил меня не помню на какой улице и, вероятно, принявши меня за студента, так как я шел с книгами, обратился ко мне с просьбой позволить ему переодеться. Хотя одежда его меня сильно удивила, так как он был одет деревенской бабой и голос вовсе был не похож на женский, однако, я сказал ему, чтобы он шел со мной. Дорогой он сказал мне, что он бежал с Колымажного двора, что он сосланный поляк, просил меня принять в нем участие и помочь ему. Вид, какой он имел, действительно, был жалок, он говорил, что ничего не ел с утра и что все время находится на ногах и несколько раз просил меня остановиться, чтобы, прислонившись к стене, отдохнуть. Когда я узнал, что он поляк, то на квартиру его вести к себе не решился, так как там не было отдельной комнаты, в которой можно было бы его поместить, а главное я должен был бы сказать всем домашним, кто он такой, к этому еще присоединялось то неудобство, что вещи были все уложены к перевозу на квартиру в д. свящ. ц. Успенья на Покровке, куда можно было привести Домбровского как постояльца, так как там была комната, предназначавшаяся к отдаче в наймы. Квартира, с которой я перешел в дом священника, была в Златоустовском пер. в доме Скрябина на Мясницкой. Переход этот состоялся в первых числах декабря 1864 года. Я с Домбровским первую ночь провел в гостинице «Крым», а на другой день я отвез его к Ишутину, где он и оставался несколько дней, пока я успел переехать на квартиру и куда мог привести его как постояльца» *).

Комиссии после этих показаний оставалось установить, каким образом собственно мог Домбровский совершить свой побег в женском платье. Было выяснено, что некоторые из заключенных брали обед из польской кухмистерской и что обед этот приносили в тюрьму служанки этой кухмистерской. Иногда они приходили по 3 сразу. Вместе с ними и мог уйти переодетый Домбровский. Вопрос, откуда он достал себе платье, остался невыясненным.

В заключение нужно добавить, что некоторые члены Муравьевской комиссии остались очень недовольны результатами следствия, произведенного Деном. А именно, известный генерал Черевин в своих «Записках» (Кострома, 1918) утверждает, что Шостакович провел Дена и изобрел басню для сокрытия истинных обстоятельств побега Домбровского. По мнению Черевина, Шостакович не встретил Домбровского на улице, а «выхватил» его каким-то образом с Колымажного двора и потом привел на квартиру к знакомым студентам.

*) Дело № 29, л. л. 34 об.—38.

*) Дело № 29, л. л. 85 об. — 86.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. О Загибалове, Юрасове, Ишутине, Ермолове, см. в т. 17 «Красного Архива» статью «Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г.», примечания.

2. Шостакович, Болеслав Петрович, род. в 1845 г. Учился в 1-й Казанской гимназии. Вышел из нее, не окончив курса, и в 1862 г. приехал в Москву. Судился по делу Каракозова за укрывательство Домбровского. Был приговорен к лишению всех особенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Томскую губ. По царской конфирмации он

был отправлен на житье в Томскую губ. без лишения прав.

3. Шатилов, Николай, дворянин, уроженец г. Казани, учился в Московском университете. В 1858 г. был исключен за участие в студенческих беспорядках. В 1859 г. вместе с Юрием Мосоловым он был основателем кружка под именем «Библиотека казанских студентов». В 1863 г. арестован по делу общества «Земля и Воля» и предан суду. В 1866 г. приговорен к лишению прав и ссылке в Сибирь на поселение.

4. Калистов служил врачом в Самарской городской больнице. Жена его, Варвара Гавриловна, временно проживала в Москве; в 1865 г. она уехала в Самару. В Москве у нее проживала Ольга Сократовна Чернышевская.

5. Маевский, Павел Петрович, дворянин, род. в Вильне 14 апреля 1839 г. С 1856 по 1862 г. был студентом Московского университета. Летом 1862 г. был арестован и находился под следствием и судом «за подозрение в распространении возмутительных изданий». В 1866 г. Маевский был привлечен к суду по делу «каракозовцев» по обвинению в укрывательстве Домбровского, Ольтаржевского, Оржеховского, Верницкого и других польских государственных преступников. Приговорен был к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение.

6. В Москве жил двоюродный брат Домбровского, Иосиф Станиславович Хршонстовский, титулярный советник в отставке. Семья его состояла из жены Натальи Осиповны, и матери, Дукляны Алексеевны Хршонстовской, акушерки. Дукляна Алексеевна — родная тетка Ярослава Домбровского (сестра его отца, Виктора Алексеевича, проживавшего в Луцке). Домбровский навещал Хршонстовских в Москве всякий раз, когда бывал в этом городе. Он известил их запиской о своем приезде и в 1864 г., еще находясь в городской части. Наталья Осиповна Хршонстовская дважды навещала Домбровского в тюрьме. И в 1864 г., и в 1866 г. Хршонстовских усиленно допрашивали в комиссии.

7. 13 июня Шостакович показал, что указ об отставке был написан на имя офицера Ивана Петровича Бутовского.

8. Жена Домбровского, Пелагея Михайловна, урожденная Згличинская, дочь помещика Люблинской губернии, с 11 июня 1864 г. находилась под надзором полиции в г. Ардатове, Нижегородской губ. 19 мая 1865 г. она бесследно скрылась из Ардатова.

9 Вот текст этого письма: «8 декабря 1864 г. По поручению супруга вашего честь имею уведомить вас, что он, вырвавшись благополучно из рук своих мучителей в первых числах этого месяца, в настоящее время выехал уже за границу» (Дело № 28, л. 189). Писано это письмо, конечно, для отвода глаз — 8 декабря Домбровский был еще в Москве.

М. Клевенский.

К истории «нечаевщины».

(Две прокламации к русскому дворянству.)

Ю. М. Стеклов в своей биографии Бакунина, перечисляя прокламации, изданные летом 1869 года Нечаевым и Бакуниным, упоминает о прокламации «Благородное российское дворянство!», подписанной: «Потомки Рюрика и партия российского независимого дворянства» («Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность», т. III, Гиз, 1927 г., стр. 445).

Насколько нам известно, до сих пор прокламация к дворянству воспроизводилась только один раз: в рукописной работе Неттлау о Бакунине (именно по работе Неттлау цитирует эту прокламацию Ю. М. Стеклов), почти недоступной не только рядовым читателям, но и исследователям.

Однако та прокламация, которую воспроизводит Неттлау, была издана не в 1869, а в 1870 году. Прокламация же 1869 года оставалась до сих пор исследователям неизвестной.

Ниже мы печатаем обе эти прокламации. Что касается датировки их, то она не возбуждает сомнений. Во второй из них говорится о «наступившем 1870 годе». Шрифт, которым набрана эта прокламация, весьма схож с тем, которым набраны другие издания Нечаева начала 1870 г. (насколько нам с этими изданиями удалось познако-

миться). Что касается первой из этих прокламаций, то она набрана именно тем самым шрифтом, который мы встречаем в других прокламациях 1869 г. — «Наша повесть», «Постановка революционного вопроса», «Несколько слов к молодым братьям в России» и др.

Все это убеждает в том, что первая из воспроизводимых нами прокламаций есть именно та, которая рассылалась по России в ноябре 1869 г.

Таким образом первая из наших прокламаций была издана осенью 1869 г., а вторая — в начале 1870 г., когда Нечаев вновь скрылся за границу.

Ю. М. Стеклов высказывает предположение, что автором известной ему прокламации к дворянству был не Нечаев, а Бакунин. «Нечаеву, органически ненавидевшему бар, — пишет он, — вряд ли могла притти в голову мысль об обращении к «благородному дворянству» во имя его аристократических и олигархических вожделений. Здесь и мысль, и исполнение, несомненно, принадлежат хитроумному, но вместе с тем глубоко наивному Бакунину, этому блудному сыну российского дворянства» (Назв. соч., стр. 456).

Мы лично полагаем, что предположение Ю. М. Стеклова вполне вероятно, но только по отношению к первой прокламации к дворянству; при этом мы не можем придать решающего значения тем аргументам, которые Ю. М. Стеклов выдвинул в подтверждение своего предположения. Нечаев ненавидел купцов не менее, чем бар, однако, это не мешало ему назначать специальных лиц для пропаганды среди купечества: именно такую революционную задачу возложил Нечаев на члена организованной им «Народной расправы» А. К. Кузнецова. К тому же ненависть к барам не помешала Нечаеву усердно распространять в ноябре 1869 г. прокламацию, адресованную к этим барам.

Если же, тем не менее, мы склонны считать автором первой прокламации Бакунина, то исходим из соображений иного порядка, чем Ю. М. Стеклов.

Среди тех многочисленных прокламаций, которые распространялись в то время, когда летом 1869 г. Нечаев находился за границей, прокламации «Русское дворянство» не было. Насколько можно судить по архивным документам, с которыми нам удалось познакомиться, эта прокламация начала распространяться только в ноябре 1869 г. Между тем еще в августе этого года Нечаев вернулся в Россию. Таким образом естественным является предположение, что эта прокламация была составлена и издана, когда Нечаев уже находился в России. А если это так, то автором ее мог быть только один Бакунин, ибо среди эмигрантов того времени мы не находим никого другого, перу которого можно было бы приписать эту прокламацию.

Что касается второй прокламации, то, как видно из ее содержания, она выпущена в свет не ранее 19 февраля 1870 г. Как известно, в это время Нечаев издал и ряд других прокламаций. Никаких данных за то, что в составлении их принимал участие Бакунин, не имеется (см. Ю. Стеклов, назв. соч., стр. 507-508). Поэтому вряд ли будет ошибкой предположить, что автором второй из воспроизводимых прокламаций был уже не Бакунин, а Нечаев. Другими словами, Нечаев переделал бакунинскую прокламацию, увеличив в ней долю «нечаевщины»: только здесь — во второй прокламации — появились упоминания о «сиявшем доблестями Михаиле Николаевиче Муравьеве» и о «Михаиле Никифоровиче Каткове», который «наш и телом и душой».

Обе прокламации (Архив Рев. и Вн. Пол.) воспроизводятся нами по новой орфографии, но с соблюдением особенностей правописания подлинника

Б. Козьмин.

Русское дворянство.

I.

Наступает пора, когда нам снова следует выступить на сцену русской истории, на которой с конца прошлого столетия теснилась все мелюзга или немецкая безродная челядь... Вырвав власть у одного лица, завладевшего ею, благодаря исторической случайности и глупости наших предков, мы должны распределить ее пропорцио-

нально достоинству между русским дворянством.

Нам нечего ждать от этого Голштинского князька, что стоит во главе Благородной России, этого пустоголового потомка Павла, незаконно прижитого Екатериною с Салтыковым. Окруженный любимцами немцами, он забыл, что вся сила Империи в Нас!.. Что Мы так же легко вычеркнем его из государей, как легко уберегали его предков от народной ярости. Благоприятней настоящего для Нас нет: все элементы русской жизни чувствуют недовольство, Мы должны употребить его для свержения пустоголовой личности и заменить абсолютизм лица не менее твердым абсолютизмом достойных представителей Нашего благородного сословия. Имея во главе Нашей организации высокопросвещенную личность, Мы тем легче достигнем желаемого, пока в руках ее еще сосредоточена власть над военными силами. Тайная работа, веденная в последнее пятилетие, не была замечена фаворитами, вышедшими в генералы из поручиков, которые недостойны названия дворян. Польское движение, волнения журнальной и прочей слабосильной мелюзги скрыло нашу работу. Подражая Западу, наш тупоумный немецкий князек Александр искал источников беспокойства в низшей среде и оказывал нам услугу тем, что уничтожал людей, строивших козни против дворянского сословия. Теперь Мы окрепли и почти готовы открыто заявить о своих желаниях. Имея друзей во всех отраслях администрации, с потомком Рюрика во главе, Мы скоро заставим дрожать этого глупыша-немца и отречься самого от власти. Если же нет, Мы вырвем власть из слабых рук и вверим ее тем из Нас, которые по происхождению имеют наиболее права. Нам надо предупредить народное движение, которое близко. Увлеченная западными волнениями, грубая чернь может подняться против монархии, и тогда трудно будет сдерживать ее в пределах. Будучи вождями Российского государства в продолжение веков, будучи представителями русской науки, интеллигенции и пр., спасем же Россию от страшной бури, готовой разразиться в Европе. Произведем разумный переворот, пока все в наших руках, и потом будем двигать Русскую землю по пути прогресса, создав из своих рядов гранитную стену против социальных утопий. Итак, пусть благородное дворянство откликнется на этот первый открытый зов организации. Пусть, однако, пока, до поры, в которую дадут сигнал, каждый на своем месте, не вдруг, а осторожно начинает готовиться. Люди, заслужившие доверенность правительства, публицисты, ученые Нашего круга, пусть подождут условного знака, чтобы резким, безвременным поворотом не попортить дело.

Данное воззвание не должно выходить из рук тех, кому оно высылается, т.-е. лиц, которые по положению не могут быть заподозрены. По прочтении в кружках дворян оно должно быть уничтожено. Надеемся на аккуратность.

Потомки Рюрика и Революционный Дворянский Комитет.

Брюссель.

II.

Благородное Российское дворянство!

Наступила пора, когда Мы снова должны выступить с открытым забралом, пред изумленными глазами немецкой безродной челяди, которая с конца прошлого столетия теснилась около Престола; занимая Наше место, она марала его холопским служением этому ничтожному потомку Голштинского князька, случайно попавшего в российские венценосцы.

Наступила пора, когда Мы должны написать своими доблестными подвигами в Истории Российского Государства блестящие страницы. Мы должны увековечить в памяти Наших Благородных Потомков эти дни героической битвой и славной победой над пришлецами, так долго грязнившими Российский Престол, который по праву принадлежит Древнейшему и Знаменитейшему Роду благороднейшего происхождения.

Разве уже забыли Мы, что в Нашем Благородном Сосло-

вии заключаются еще потомки Славной Рюриковской крови, которые с благородным негодованием и гордостью ожидают того часа, в который Российское Дворянство, жертвуя Своей Драгоценной Кровью, вырвет власть из рук внука Павла, незаконно прижитого Екатериною с Салтыковым, и вручит ее торжественно в Мощные Длани Тех, предки которых в продолжение ряда веков разделяли ее с Благородным Российским Дворянством, имея в этом разделении основы Своего неизмеримого всемогущества.

Чего Мы дождались за долгое молчание и терпение от того, который обязан Нам и своей властью и своей силой и значением среди Европейских Монархов?..

Чем стали Мы в глазах Наших добрых поселян, привыкших считать Нас своими Отцами и Повелителями, и в глазах той пришлой челяди, которую Нам унизительно дарить даже Нашим презрением?..

Какие права даны Нам за Наше открытое, истинно рыцарское служение Николаю I, отцу теперешнего, спившегося с ума мерзавца? Какие привилегии дарованы Нашему Сословию за то, что в продолжение половины XIX столетия Мы были опорой столько раз шатавшегося в самом основании Престола; за то, что в 1848 году, во время бурных ураганов народного безумия в Европе, Мы Своими Доблестными Подвигами спасли Российское Государство от наплыва социальных утопий?..

Чем награждены были Мы, беспредельной храбрости которых дивился еще так недавно весь Запад, когда, омывая Своей Благородной Кровью стены Севастополя, Мы составляли из Наших рядов гранитную стену для врагов Российского Государства?..

Чем пожалованы Мы за то, что спасли Государство от раздробления и потушили в Польше красное зарево, которое грозило охватить и Россию; за то, что, не щадя Наших Сил, с неподражаемой неустрашимостью еще до сей поры неустанно работаем над искоренением в России революционных элементов?..

Разве не из Нашей среды вышел сиявший доблестями Михаил Николаевич Муравьев, которого даже сам Александр II, несмотря на свое слабоумие, называл Спасителем Отечества?..

Что же за все это?..

За все эти неоценимые заслуги Мы лишены всего, что у Нас было.

Мы лишены возможности заботиться о Наших добрых поселянах. Помещики уже не Отцы своих крестьян; власть над ними в руках немца-чиновника или подлеца из Нашей среды, забывшего о своем происхождении и пошедшего в лакеи к князьку Александру Голштинскому.

Мы оттерты немецкой швалью от Престола, сложенного Нашими руками.

Мы отстранены от участия в Управлении.

Мы из равноправных сделались хуже чем вассалами.

Мы стали не более, как подданные Голштинского князька, которого княжество было меньше любого из Наших поместий.

Мы, в среде которых еще есть Лица с Драгоценной Славной Кровью, Мы, заключающие в Нашем Сословии Истинных Венценосцев, лишенных нагло Короны, удалены на задний план Государственной жизни.

Мы попраны, уничтожены, поруганы разной литературной сволочью, вышедшей из хамов.

Мы лишены права свободного голоса. Выразители Наших чувств должны прикрываться усердием к Александру II. Сам Михаил Никифорович Катков, которому Московское Дворянство поднесло чернильницу в знак своего доверия к его убеждениям, подвергался несколько раз гонениям и, наконец, принужден был заявить о несолидарности с Дворянством, хотя он Наш и телом и душой?!.

Где же предел всему этому?!.

Предел сознания Наших Прав, Сил и Могущества, которые должны выра-

зиться в Геройской Борьбе и Победе над тем, что неисповедимые Судьбы Истории назначили в испытание сил Нашего Благородного Сословия.

Мы приглашаем Все Российское Дворянство, не забывшее о Своем Царственном Происхождении и о Доблестях и Могуществе Предков, с львиным Мужеством воспрянуть от унижения и встать под Гордо развевающееся Знамя Потомков Древнего Рюрикова Дома, свергнув ничтожную, современную императорскую власть!..

Что может устоять против Нашего соединения?..

Это — сила, которая привыкла побеждать, но никогда не победима!

Распоряжаясь самостоятельно Российским Престолом в течение длинных веков, Предки Наши завещали Нам это право!.. Забудем ли Мы это завещание?!! Наш открытый тепе-

решний зов есть заявление от огромного большинства настоящего Российского Дворянства, уже давно готового и организовавшегося.

Российское Благородное Дворянство имеет с русским мужичком глубокую, сильную, чисто-психическую, а потому и неуловимую нравственную связь. Оторгнуть добродушный русский народ от Нас совершенно, как предполагает сделать немецкое правительство после 19 февраля 1870 г., так же немыслимо и невозможно, как невозможно немецкой челяди оттереть Нас от престола.

Мы чувствуем Силу в Нашем Праве и смело бросаем Нашу перчатку в лицо деспота, немецкого князька Александра II Салтыкова-Романова и вызываем его на Благородный рыцарский бой в наступившем 1870 году.

Потомки Рюрика и *Партия Российского Независимого Дворянства*.

Л. Н. Толстой в Московском архиве мин. юстиции.

Как известно, Л. Н. Толстой по окончании «Войны и мира» задумал новый исторический роман, на этот раз из эпохи Петра I. Работа над этим романом продолжалась с начала 1870 г. до марта 1873 г. [1]), когда Толстой увлекся сюжетом «Анны Карениной». Закончив этот роман, он снова принимается за изучение первой половины XIX века и начинает работу над романом «Декабристы», но в то же время возвращается и к прежней мысли — написать роман из эпохи Петра I. Эта мысль, повидимому, мелькала у него еще в 1878 г., как можно предполагать на основании того, что Н. Н. Страхов к письму своему к Л. Н., которое датировано редактором их переписки концом мая 1878 г., прилагает составленный В. В. Стасовым список печатных источников и пособий по истории времени Петра I [1]). В 1879 г. у Л. Н. окончательно созрело намерение написать роман из этой эпохи и приступить к ее изучению, на этот раз не на основании одних только печатных источников, но и неопубликованного архивного материала, в частности, хранящегося в Московском архиве министерства юстиции. С этим архивом он уже был знаком по другому поводу: в начале 1879 г. Л. Н. заинтересовался личностью своего двоюродного деда, генерал-майора князя Вас. Ник. Горчакова, в начале царствования Александра I сосланного в Сибирь, и через Н. Н. Страхова добывал о нем архивные сведения, между прочим и из Московского архива министерства юстиции [2]).

Московский архив министерства юстиции помещался тогда на Старой Басманной улице, в том здании, где

[1]) Этой работе А. С. Грузинский посвятил специальную статью, напечатанную в журнале «Новый Мир», 1925 г., № 5; здесь же помещены и «Два начала из неоконченного романа Л. Н. Толстого из эпохи Петра I».

[1]) Толстовский музей, том II: переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, Спб., 1914, стр. 173—175.

[2]) Там же, стр. 202—225.

впоследствии находилось Александровское коммерческое училище (теперь промышленный техникум). Во главе архива стоял известный археограф Н. В. Калачев, по должности сенатора проживавший большею частью в Петербурге; заместителем его был А. А. Орлов.

В марте 1879 г. Толстой был в Москве и 20-го числа обратился в Московский архив министерства юстиции со следующим прошением:

«Имею честь покорнейше просить господина исправляющего должность управляющего Московским архивом министерства юстиции сделать распоряжение о допущении меня к занятиям в архив для извлечения из документов оного нужных мне сведений. Марта 20 дня 1879 года.

Граф *Лев Николаевич Толстой*».

Прошение написано не лично Толстым, а только им подписано. На это прошение последовала резолюция А. А. Орлова: «Марта 20 1879 г. допустить графа Толстого и дать ордер гг. начальникам отделений. А. Орлов»[1]). В прошении не указано, какими именно архивными фондами собирался заниматься Л. Н., но, без сомнения, он дал администрации архива словесные разъяснения, причем выяснилось, что интересующие его материалы могут найтись в делах Сената и Сыскного приказа.

В частности, Л. Н. интересовался делами обер-фискала Нестерова и, повидимому, 20 же марта навел о нем справки. В письме, полученном Н. Н. Страховым 25 марта 1879 г., Л. Н. писал: «Где может находиться дело об обер-фискале Нестерове, казненном в 1724 году? В Москве его нет»[2]). По всей вероятности, Л. Н. не имел возможности сейчас же приступить к занятиям, а высказал намерение приехать позднее; по крайней мере, только 17 мая был дан ордер начальнику I и II отделений[3]) И. Н. Николаеву допустить в заведуемые им отделения, кроме секретного отдела, графа Л. Н. Толстого для извлечения из документов архива нужных ему сведений[1]), очевидно, потому, что Л. Н. приблизительно в это время вторично посетил архив. В отчете за майскую треть 1879 г. находим указание, что Толстой именно в эту треть был в архиве и занимался делами Правительствующего Сената и Сыскного приказа[2]), но в книге записи выдаваемых документов никаких указаний не имеется.

В планы Льва Николаевича, однако, не входило заниматься только делами Сената и Сыскного приказа, его интересовали дела секретные — Преображенского приказа, на занятия которыми необходимо было получить специальное разрешение от самого министра юстиции. Потому ли, что в архиве не было дано Толстому соответствующего разъяснения, или потому, что им не вполне было понято сказанное ему там, Л. Н. первоначально не обратился к министру юстиции, а прибег к посредничеству своей двоюродной тетки, фрейлины графини А. А. Толстой, которой писал в конце марта: «Другая моя просьба к вам, чтобы мне были открыты архивы секретных дел времени Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы. Я был в Москве, преимущественно для работы по архивам (теперь уже не декабристы, а XVIII век, начало его — интересует меня), и мне сказали, что без высочайшего разрешения мне не открыть архивов секретных, а в них все меня интересующее: самозванцы, разбойники,

---

[1]) Дело М.А.М.Ю. 1879 г. № 22.

[2]) Толстовский музей, том II, стр. 215.

[3]) В этих отделениях находились дела Сената и Сыскного приказа. Они соответствовали бывшим до 1852 г. архивам Разрядному и Государственному старых дел, а теперь составляют Разрядно-сенатский отдел древлехранилища Московского центрального исторического архива.

[1]) Дело по производству архива № I/485.

[2]) Дело 1879 г. № 35. Это же сведение повторено в статье В. В. Шереметьевского «Краткий обзор ученых занятий, совершенных посторонними лицами и ведомствами на основании документов, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции». (Описание документов и бумаг, хранящихся в М.А.М.Ю. кн. VIII, М. 1891, стр. 45).

раскольники... Как получить разрешение? Если вам не скучно, не трудно, не неудобно, то помогите мне, научите меня» [1]). А. А. Толстая принялась за хлопоты в министерстве иностранных дел и посоветовала Л. Н. написать письмо либо министру кн. А. М. Горчакову, либо его товарищу Н. К. Гирсу. Л. Н. и написал последнему «краткое, официально-почтительное письмо с просьбой исходатайствовать разрешение заниматься архивами» [2]).

«Тула. 1879, 14 апреля.

Милостивый государь
барон Николай Карпович!

Желая воспользоваться для начатого мною исторического труда, времен Петра I и Анны Иоанновны, сведениями [3]) из отдела, так называемых, секретных бумаг, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство об исходатайствовании мне разрешения для рассматривания этих дел как в Петербургском Государственном архиве, так и Московских Главном и Архиве министерства юстиции.

С совершенным почтеньем [sic!] и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга
Граф *Лев Толстой*».

Наверху письма помета: «Получено 3 мая 1879 г.».

Повидимому, Гирс был в это время в отсутствии, и письмо попало к старшему советнику министерства, исполнявшему обязанности товарища министра, барону А. Г. Жомини, который и доложил его самому министру, государственному канцлеру кн. А. М. Горчакову, одновременно с ходатайством ректора Московского университета и директора Московского архива министерства иностранных дел магистра всеобщей истории Лебедева, желавшего заниматься дипломатическими делами времени Екатерины II и Павла I. Канцлер разрешил занятия Толстому и отказал Лебедеву. Решение Горчакова было записано Жомини по-французски в таких выражениях: «Pour le C-te Tolstoy le Chancelier a decidé Oui, quant au Magister Lebedeff — non. A. Jomini» [1]).

Директору Московского архива барону Бюлеру было послано соответствующее уведомление, Толстому же Жомини написал следующее письмо:

«11 мая 1879 г. № 7.

М. г. граф Лев Николаевич!

Вследствие письма вашего сиятельства от 14 прошлого апреля я входил с докладом к государственному канцлеру, и его светлости угодно было дозволить вам воспользоваться, для исторического труда, некоторыми сведениями из секретных бумаг, относящихся ко временам Петра Великого и Анны Иоанновны и хранящихся в Государственном и в Московском Главном архиве министерства иностранных дел, о чем вместе с сим сделано распоряжение по Государственному архиву и сообщено г. директору Московского Главного архива для зависящих от него по тому архиву распоряжений. Что же касается до разрешения занятий в Архиве министерства юстиции, то министерство иностр. дел никакого участия в этом принять не может.

Сообщая вам о вышеизложенном, покорнейше прошу вас, м. г., принять уверение в истинном моем почтении и преданности» [2]).

В августе Толстой обратился к министру юстиции Д. Н. Набокову с

---

[1]) Толстовский музей, том I, Спб. 1911, стр. 319.

[2]) Тамже, 320, 322.

[3]) В подлиннике: «свѣденіями».

[1]) «Относительно графа Толстого канцлер решил д а, что же касается магистра Лебедева — н е т».

[2]) Древлехранилище, текущие дела б. Гос. архива, дело 307, № 19. «Толстой граф Лев. О допущении его в Госуд. и Московский главный архив м-ва и. д. к пользованию сведениями из секретных бумаг времен Петра I и Анны Иоанновны. 1879 г.» В отношении из министерства в Московский архив Л. Н. Толстой титулуется членом-корреспондентом Академии Наук.

письмом, в котором просил разрешения на занятия секретными делами Московского архива министерства юстиции. Вот это письмо:

«Ваше высокопревосходительство,

милостивый государь

Дмитрий Николаевич!

Начав исторический труд из времен конца XVI [sic!] и начала XVII века, я просил г-на министра иностранных дел об исходатайствовании мне высочайшего разрешения для работ в архивах по «секретным делам», кое и получил; но, к сожалению, разрешение это не относится до архива министерства юстиции, и я поставлен в необходимость утруждать ваше высокопревосходительство покорнейшей просьбой об исходатайствовании для меня разрешения на пользование «секретными делами» архива министерства юстиции. Буду считать себя много обязанным вашему превосходительству [sic!], если через него [sic!] получу это разрешение.

С истинным уважением и преданностью имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга

Граф *Лев Толстой*.

20 августа 1879 г.

Адрес: Тула, графу Льву Николаевичу Толстому» [1]).

26 августа в архиве было получено отношение распорядительного отделения департамента министерства юстиции от 23 августа на имя управляющего архивом: «Граф Л. Н. Толстой обратился в министерство юстиции с просьбой о дозволении ему пользоваться, для предпринятых им исторических исследований, секретными делами, хранящимися в Московском архиве министерства юстиции. Вследствие сего департамент, по поручению г. управляющего министерством юстиции, имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить в возможно непродолжительном времени заключение ваше по настоящему ходатайству графа Толстого. И. д. директора *А. Бенкендорф*. За управляющего отделением *Яф*». Это отношение было отправлено обратно в Петербург к Н. В. Калачеву, который отношением от 4 сентября ответил, что с своей стороны не встречает препятствий к допущению графа Льва Толстого, после чего департамент отношением от 11 сентября просил управляющего архивом «сделать распоряжение о допущении графа Льва Толстого к занятиям секретными делами, хранящимися в Московском архиве мин. юстиции». Это отношение было получено 17 сентября, и в тот же день дан был ордер И. Н. Николаеву «по явке в архив графа Льва Толстого допустить его к занятиям секретными делами» [1]).

Толстой явился в архив для занятий в октябре 1879 г. В книге записи выдаваемых документов находим следующие сведения:

«Льву Николаевичу графу Толстому выдавались нижеписанные документы в 1879 году.

8 октября. Преображенского приказа секретные столбцы №№ 1017, 1019, 1021, 1027. Дела оного же приказа — вязка № 4, №№ 21, 26, 33, 34, 41. Возвращены 12 октября.

18 октября. Столбцы оного же приказа №№ 355, 388, 484, 497, 519, 739, 1085. Дела оного же приказа из вязки № 4, №№ дел 49, 53, 84, 88, 90; вязка № 37, дело № 3. Возвращены 20 октября» [2]).

Таким образом, Л. Н. начал свои занятия в архиве 8 октября и закончил 20-го числа того же месяца. Сколько раз он посетил архив, установить нельзя, но, во всяком случае, не менее четырех раз: 8-го (понедельник), 12-го (пятница), 18-го (четверг) и 20-го

[1]) Ленинградский Центр. Истор. Архив. Дело мин. юстиции 1879 г. № 3946 — «О дозволении гр. Толстому пользоваться для предпринятых им исторических исследований секретными делами, хранящимися в Московском архиве министерства юстиции».

[1]) Дело по производству архива № 1/485.

[2]) Дело 1880 г. № 20.

(суббота). Л. Н. мог быть и в промежутке между 8 и 12, а также 19-го. По субботам в архиве занятий не было, но для Толстого, очевидно, было сделано исключение. В упомянутой выше книге записи выдаваемых документов имеется графа для расписки в получении документов. Расписки Толстого нет. Однако отсутствие ее не дает права делать вывод, что не лично он получил документы: и другие лица, занимавшиеся в архиве в то время, не всегда расписывались в получении документов. Возможно, что иногда занятия посторонних лиц протекали в таких условиях, что не требовалась расписка, например, под непосредственным надзором начальника отделения. Отчет управляющего архивом за сентябрьскую треть 1879 г. удостоверяет занятия Толстого в архиве в этот именно период времени.

Запись удостоверяет, что Л. Н. занимался исключительно секретными столбцами и делами Преображенского приказа, в конце XVII и начале XVIII века ведавшего сыск и суд по политическим преступлениям; поэтому дела этого приказа являются важнейшим источником для изучения противоправительственного настроения в России в эпоху Петра I. Часть столбцов Преображенского приказа принадлежит к фондам других учреждений, главным образом Печатного приказа. Хотя прямых указаний мы не имеем, но, без сомнения, Л. Н. предварительно были даны описи, и по ним он выбрал те дела, которые ему показались интересными для его цели. Опись дает большею частью очень подробное изложение содержания дела. Вот, для примера, описание одного из столбцов, бывших в руках у Толстого:

«1027. 1701 г. Дело об усманцах Митрофане Ракове и Евдокиме Душкине, доносивших, что усманский солдат Гаврила Шмуйлов произносил следующие слова: «последние времена стали, в последние времена, пишется в книгах, будет антихрист, а ныне де знатно антихрист-государь, потому что людей своими руками бьет». Солдат Шмуйлов с своей стороны сказал, что Раков и Душкин произносили непристойные слова: Раков говорил: «государь наш немилосерд, людей бьет своими руками, бороды бреет, я де с бородою на Воронеж к епископу, и епископ меня не дал». А Душкин прибавил: «На Туле де попы два человека двоеженцы служили обедни и государь де их простил и после того велел им, обедни отслужа, казнить их смертью». Шмуйлов был семь раз пытан и огнем сжен, но и с пыток в произнесении непристойных слов не сознался. Шмуйлов был наказан и сослан в Соловецкий монастырь в тюрьму. 58 л.».

Все дела, просмотренные Толстым, относятся к 90-м годам XVII века и первым годам XVIII века; только одно дело более позднее —1721 года. По содержанию они большею частью однородны с вышеизложенным делом, т.-е. касаются лиц, выражавших недовольство как новыми порядками, заведенными Петром I, так и его личным поведением: то курский дворянин Букреев в разговоре с своим гостем произносит такие слова: «он де государь нарочно холопей своих морил под Ругодевым (Нарвой), много де ему государю стало силы» и называет царя блудником (столб. 1019); то истопник Никонов кричит в Москве у Пречистенских ворот: «будь проклят государь за то, что он в Московском государстве завел немецкие чулки и башмаки» (столб. 1021); чаще всего встречаем обвинение в именовании Петра антихристом. Заинтересовали Толстого и дела с упоминанием антиправительственной литературы: о строителе Андроньевского монастыря старце Аврамии, судившемся «за сочинение тетрадей, в которых заключалось рассуждение о великом государе» (столб. 484), и о чернеце Симонова монастыря, взявшем у другого чернеца книгу в тетрадях о любви, «где было писано о брадобритии», и по просьбе владельца книги написавшего к ней предисловие стихами (вязка 4, дело 33). Отметим еще два дела, несколько отличных от упомянутых выше: о взятых в Москве за бродяжничество трех человеках, называвшихся Иванами, из которых один ходил во власянице, второй носил на себе вериги, а третий ходил

нагой и притворялся немым (столб. 739), и о крестьянине-раскольнике, обвинявшемся в неправославии, в непочитании икон и непристойных и дерзких словах о царе (вязка 4, дело 21). Только один столбец (№ 355), взятый Толстым, был не Преображенского, а Печатного приказа, и заключал в себе совершенно другого рода документы: памяти о доставлении сведений из Сибирского в Печатный приказ о том, сколько числится в покупке у гостя Ивана Исаева корня ревеня, который отдан ему на откуп на 5 лет, памяти о выдаче жалованья стрельцам, находившимся в карауле на Красном крыльце, и записи о расходе денег на покупку разных материалов.

Насколько Л. Н. использовал просмотренный им материал, может показать только изучение оставшихся после него рукописей. *Н. Чулков.*

Последние Романовы о «либерализме» и конституционном строе [1].

При докладе царю министром иностранных дел донесений российских представителей в разных государствах, царь в некоторых случаях, особенно почему-либо обративших на себя его внимание, делал на полях заметки карандашом, характеризующие его отношение к данному вопросу. Некоторые из этих заметок, особенно принадлежащие Александру III, — не всегда сдержанному в своих выражениях, — невольно останавливают на себе внимание как отражающие взгляд монарха на тот или другой вопрос государственного значения. В нижеследующих строках приведено несколько помет Александра III и Николая II, характеризующих их отношение к участию народа в законодательстве и к так наз. «либеральному направлению».

3(15) апреля 1881 г., т.-е. вскоре после совершившихся в Петербурге событий, посол в Берлине, Сабуров, доносил царю о том, что в правящих кругах Берлина находили необходимыми строгие меры в отношении «нигилистов», меры, которые упрочили бы порядок и дисциплину; что прежде чем думать о расширении реформ прежнего царствования, необходимо, чтобы абсолютная власть восстановила свой престиж и чтобы всюду чувствовалось ее присутствие. «Совершенно справедливо и верно» — отметил на полях Александр III, а в начале донесения надписал: «Это до того в е р н о и с п р а в е д л и в о, ч т о, д а й бог, чтобы в с я к и й р у с с к и й, а в о с о б е н н о с т и министры наши поняли наше положение, как его понимает кн. Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом» [1].

В декабре 1889 г. министр иностранных дел Гирс докладывал Александру III о первых шагах японского конституционного правительства: «Чувствуя себя не в силах справиться с оппозицией, японское правительство начинает испытывать на себе неудобство необдуманно введенного в стране представительства». — «Еще бы!» — сделал на полях помету Александр III [1].

В 1893 г. на докладе министра о работах японского парламента царь написал: «Чепуха и комедия» [2].

Столь же отрицательно было отношение Александра III и к революционным деятелям. Так, на донесении нашего посла в Париже от 23 декабря 1882 г. с запросом о том, должен ли он присутствовать на похоронах Гамбетты, Александр III написал: «Собачьих похорон я не признаю и нашему представителю нечего там делать».

Сын Александра III не отстал от отца в отрицательном отношении к участию народного представительства в управлении государством. Так, на докладе министра иностранных дел о

[1] Архив Революции и Внешней Политики. Секретный архив министра иностранных дел, папка № 9, л. 212.

[1] Всеподданнейшие доклады по Дальнему Востоку 1889 г.

[2] Ibidem, 1893 г.

положении дел на острове Крите от 24 декабря 1898 г. Николай II сделал следующую помету: «Очень важно на первых же порах ограничить, сколько возможно, применение на Крите представительного начала, о чем меня очень просил королевич Георгий еще в Дании. С этим я вполне согласен».

Этому же царю принадлежит следующая помета на донесении нашего представителя при персидском правительстве от 8 декабря 1907 г. (т.-е. в эпоху действия молодого русского «парламента»): «Спасти Персию шах может только немедленным разгоном меджилиса и прочих революционных сборищ. Это единственный ответ».

К приведенным заметкам нечего прибавить, они слишком красноречиво говорят за себя.

Н. Беляев.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Февральская революция 1917 г. (окончание) . . . . . 3— 70
Дневник Николая Романова . . . . . 71— 91
Крымское краевое правительство в 1918—1919 гг. С предисловием *А. И. Гуковского* . . . . . 92—152
Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 г.г.). С предисловием *М. Н. Покровского* . . . . . 153—209
Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского. *Ю. М. Стеклов.* . . . 210—235

Из записной книжки архивиста.

Побег Ярослава Домбровского. Сообщил *М. М. Клевенский* . . . . . 236—241
К истории «нечаевщины». Сообщил *Б. П. Козьмин* . . . . . 241—245
Л. Н. Толстой в Моск. архиве мин. юстиции. Сообщил *Н. П. Чулков* . . . . 245—250
Последние Романовы о «либерализме» и конституционном строе. Сообщил *Н. О. Беляев* . . . . . 250—251

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Письма Ф. М. Достоевского к жене. Предисловие и примечания Н. Ф. Бельчикова. Общая редакция В. Ф. Переверзева, стр. 367, ц. 4 р.

Покровский М. Н. Декабристы. Сборник статей, стр. 95, ц. 80 к.

Последние дни колчаковщины. Материал подготовлен к печати М. М. Константиновым. С приложением статьи А. А. Ширямова, стр. 231, ц. 2 р. 50 к.

Пресняков, А. Е. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева „Гвардия в декабрьские дни 1825 года". (Восстание декабристов. Исследования, под ред. М. Н. Покровского), стр. 226+2 схемы, ц. 2 р. 50 к.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 год в документах и материалах. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 372, ц. 4 р.

Разложение армии в 1917 г. Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 192, ц. 1 р. 50 к.

Революция в 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого). Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного, стр. 184, ц. 1 р. 70 к.

Русско-японская война. Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского, стр. VII+189, ц. 1 р. 80 к.

Царская Россия в мировой войне. Том I. С предисловием М. Н. Покровского, стр. XXIV+304, ц. 3 р. 20 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Крестьянское движение 1902 года. Материалы по истории крестьянских движений в России, вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче, стр. 128, ц. 50 к.

Материалы для биографии М. Бакунина. По архивным делам б. III отделения и морского министерства. Редакция и примечания В. Полонского. Том I, стр. 438, ц. 3 р.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский, стр. 248, ц. 3 р.

Партизанское движение в Сибири. Том I. Приенисейский край. Материалы подготовлены к печати А. Н. Туруновым. Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова, стр. 295+XV+1 карта, ц. 2 р. 50 к.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 295+14 (нен.), ц. 1 р. 50 к.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 гг. Том III. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 512, ц. 5 р.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916 г. Том IV. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 440, ц. 4 р.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Том V. С предисловием М. Н. Покровского, стр. 303, ц. 3 р.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро ИК. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева), стр. 375, ц. 2 р. 75 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г.) Материалы по истории крестьянских движений в России, вып. IV. Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче, стр. 177, ц. 1 р. 20 к.

Воспоминания Л. Тихомирова. Предисловие В. И. Невского. Вступительная статья В. Н. Фигнер, стр. 515, ц. 5 р.

Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского, стр. 484, ц. 2 р. 75 к.

Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового, стр. 291, ц. 1 р. 50 к.

Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890). (Мемуары и дневники царских сановников). Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна, стр. X+396, ц. 3 р.

Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова. Текст подготовлен к печати и снабжен примечаниями М. М. Константиновым, стр. XI+236, ц. 1 р. 50 к.

Достоевская, А. Г. Воспоминания. Под ред. Л. П. Гроссмана, стр. 310, ц. 3 р. 75 к.

Из архива Достоевского. Письма русских писателей: Голенищева-Кутузова, Гончарова, Григоровича, Достоевского, Мельникова-Печерского, Некрасова, Островского, Плещеева, Полонского, Помяловского, Рыбникова, Салтыкова, Тургенева. Заметки А. Г. Достоевской. Редакция и вступительная статья Н. К. Пиксанова. Комментарии Н. Ф. Бельчикова и Н. К. Пиксанова, стр. 138, ц. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Проф. Д. М. ПЕТРУШЕВСКИЙ

ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА

Очерки по истории разложения феодального строя в Англии.

Изд. третье, вновь переработанное.

Стр. 416 + карта. Ц. 4 р. 50 к.

ТАРЛЕ, Е. В., акад.

ЕВРОПА В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

1871 — 1919 гг.

Стр. 483. Ц. 4 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ТАРЛЕ, Е. В., акад.

РАБОЧИЙ КЛАСС ВО ФРАНЦИИ В ПЕРВЫЕ ВРЕМЕНА МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Содержание: Введение. Значение темы для истории рабочего класса в Европе. Глава I.—Французская промышленность в 1814—1831 гг. Глава II. Материальное положение рабочего класса. Глава III. Борьба против машин. Глава IV. Рабочее движение в провинции. Глава V. Рабочее движение в Париже. Глава VI. Политическое настроение рабочего класса. Глава VII. Рабочие организации и товарищества. Глава VIII. Рабочий класс во время июльской революции и в первые месяцы после нее. Глава IX. Лионское рабочее восстание 1831 г. и его всемирно-историческое значение.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

МАТЬЕЗ, А.

БОРЬБА С ДОРОГОВИЗНОЙ И СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЭПОХУ ТЕРРОРА

Авторизованный перевод с рукописи, с предисловием автора к русскому изданию.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. **М. Н. Покровского**

ДЕЛА ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА и СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ТОМ I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева, стр. 540, ц. 6 р.

ТОМ II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А.-Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Приготовил к печати А. А. Покровский, стр. 420, ц. 6 р.

ТОМ III. Следственные дела: А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. Приготовил к печати А. А. Покровский, стр. 447, ц. 6 р.

ТОМ IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. Приготовил к печати Б. Е. Сыроечковский, стр. 486, ц. 6 р.

ТОМ V. Следственные дела: П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридонова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. Подготовил к печати Н. П. Чулков, стр. 495, ц. 6 р.

ТОМ VI. Восстание Черниговского полка (печ.).

ТОМ VII. „Русская Правда" П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова (печ.).

ТОМ VIII. Дела Следственной комиссии о злоумышленных обществах.

Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, стр. 431, ц. 4 р. 50 к.

В книге воспроизведен текст подлинной рукописи принадлежавшей Николаю I, находившейся всегда у него на столе для справок, как содержавшей в себе в азбучном порядке имена всех декабристов и других привлеченных к следствию о тайных обществах. Таких лиц было 579. В виде приложения к этому ценному историческому документу редакторами его — Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом — даны подробные биографические справки о всех упоминаемых в „Алфавите" лицах, причем приложены справки о судьбе каждого до 14 декабря и после до самой смерти.

М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян, стр. 214, ц. 2 р. 50 к.

Материалы дают впервые совершенно полное и точное воспроизведение дел с сохранением всех особенностей расположения, правописания и пунктуации.

Продажа во всех отделениях, магазинах и киосках Госиздата МОСКВА, ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ „КНИГА—ПОЧТОЙ" высылает эти книги наложенным платежом. При высылке всей стоимости вперед — пересылка бесплатно.

3 руб. 30018

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 год

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО и В. М. ФРИЧЕ.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

Подписная цена: на год — **15** р., на 6 мес. — **8** р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 р.

ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГ НА ЖУРНАЛЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ К НИМ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ГЛАВНОЙ КОНТОРОЙ ПОДПИСНЫХ и ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ГОСИЗДАТА, Москва, 19, Воздвиженка, 10, Телефоны 4-87-19 и 5-88-91, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Госиздата, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного Контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев. Продажа отдельных номеров журналов производится в магазинах, киосках и отделениях Госиздата, в киосках Всесоюзного Контрагентства печати и Управления Московскими киосками при издательстве „Рабочая Москва“.

3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1928 год

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО и В. М. ФРИЧЕ.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

Подписная цена: на год — 15 р., на 6 мес. — 8 р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 р.

ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГ НА ЖУРНАЛЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ К НИМ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ГЛАВНОЙ КОНТОРОЙ ПОДПИСНЫХ и ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ГОСИЗДАТА, Москва, Рождественка, 4, телефоны 4-87-19 и 5-88-91, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Госиздата, у уполномоченных снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного Контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев. Продажа отдельных номеров журналов производится в магазинах, киосках и отделениях Госиздата, в киосках Всесоюзного Контрагентства печати и Управления Московскими киосками при издательстве „Рабочая Москва“.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

М. Н. Покровский. Предисловие.— Июльские дни в Петрограде.— Московский Военно-Революционный Комитет. — Октябрь на фронте. — Накануне перемирия. — Из дневника ген. В. Г. Болдырева.

ЦЕНТРАРХИВ
1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 год в материалах и документах. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 371, ц. 4 р.

В наиболее типичных документах (пополненных газетными материалами) дана история рабочего движения от Февраля к Октябрю по основным его этапам. Для более удобного пользования и изучения публикуемых материалов в текст книги введено краткое изложение фактов, не нашедших достаточно полного освещения в документах сводного характера.

Крестьянское движение в 1917 году. С предисловием Я. А. Яковлева. Подготовили к печати К. Г. Котельников и В. Л. Меллер, стр. XXVII + 444, ц. 5 р. 25 к.

В основу вышедшего тома положены сводки Главного управления милиции (Временного Правительства), составлявшиеся по сообщениям с мест и расположенные в книге хронологически и по районам. В первый том вошло около четырех с половиной тысяч таких сводок. Взятые в целом, сводки дают движение многомиллионного крестьянства во всем его грандиозном размахе.

Разложение армии в 1917 году. Материалы и документы. Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 192 + 1 карта, ц. 1 р. 50 к.

По материалам и документам делопроизводства ставки, канцелярии военного министерства и кабинета военного министра.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро И. К. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 375, ц. 2 р. 75 к.

Первый Всероссийский Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов. Стенографический отчет. С предисловием Я. А. Яковлева. Т. I. Выходит из печати.

Второй Всероссийский Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов. Отчет и материалы. С предисловием Я. А. Яковлева. Печатается.

Всероссийское совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Март—апрель 1917 года. Стенографический отчет. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 355 ц. 4 р. 50 к.

Протоколы заседаний Съездов Советов и Всероссийского Совещания даны в проверенных сводных редакциях, снабжены вступительными статьями, необходимыми комментариями, указателями и т. д.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ (ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
ГИЗа Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № 98375 Гиз № 24006
Зак. № 4908. Тир. 2000 экз.

Десятилетний юбилей Октябрьской революции совпал с другим, более скромным — пятилетним юбилеем собирания архивных материалов для истории этой революции. Центрархив (первоначально Главное Архивное Управление Наркомпроса) возник уже в 1918 году, но первые три-четыре года он должен был ограничиваться простейшей задачей — с о х р а н е н и я того, что находилось уже в руках, от пожара, от сырости, от расхищения. Не все удалось сберечь: ценнейшие собрания «по недосмотру и от поспешности» попали в котел бумажной фабрики; не менее ценные превратились в бумажную массу без посредства фабричного котла, от лежания в сырых и неотоплявшихся в «холодные» годы помещениях; кое-что было растащено «любителями» — кое-что из этого удалось потом отыскать и даже напечатать. Но в основном старые архивы были спасены. И только в 1921 году могла быть поставлена на очередь следующая задача — с о б и р а н и я новых архивных материалов, в первую очередь материалов по истории нашей революции. Организационная работа взяла еще год — и лишь с 1922 года «Архив Октябрьской Революции» существует на таких же основаниях, как архивы, дошедшие до нас от дореволюционной эпохи, — имеет свое здание, свои штаты, свои описи и каталоги и т. д.

Теперь, наконец, мы подходим к т р е т ь е м у периоду — периоду о п у б л и к о в а н и я архивных материалов по Октябрьской революции. Издавать какие бы то ни было архивные собрания на условиях самоокупаемости — это, приблизительно, то же самое, что поставить на начала самоокупаемости военную авиацию или исследование Ледовитого океана. Нигде в мире архивные документы на таких началах не издаются и не могут издаваться. Всюду это дело требует огромных приплат или от щедрот частных меценатов или от государства. От первой возможности нас избавила сама Октябрьская революция, — но, казалось бы, тем очевиднее неизбежность второй. Тем не менее, довод Госиздата (не теперешнего, по личному составу, а его предшественника), что собрания архивных документов плохо раскупаются, к величайшему удивлению всех времен и народов некоторое впечатление произвел — и издать все, или даже большую часть того, чего в праве были ждать от нас желающие изучать Октябрьскую революцию по первоисточникам, — Центрархив не смог. Правда, что отложено, то еще не потеряно — не издали в этот год, издадим через

год, два, три года: юбилейный срок, в конце концов, — дело условное. Но сказать это нужно было, чтобы читатель понял, почему он имеет перед собою не систематическое издание целых серий документов, а своего рода хрестоматию — выборку из архивных фондов того, что является наиболее интересным и опубликование чего желательно в первую очередь.

Выпускаемая сейчас книжка «Красного Архива» и есть лишь часть этой хрестоматии. Кое-что («Армия в 1917 году», «Крестьянское движение в 1917 году», «Рабочее движение в 1917 году») нам удается все же выпускать и отдельными томами. И документы, собранные в т. XXIII «Красного Архива» (их продолжение войдет в следующую книжку журнала), несмотря на свою внешнюю пестроту, представляют собою нечто цельное. Большая часть их относится к армии в 1917 году — к участию различных полков в июльском выступлении в Петрограде и к событиям на фронте отчасти весною и летом 1917 г. (дневник Болдырева), главным же образом в октябре и ноябре этого года («Октябрь на фронте» и «Накануне перемирия»). «Московский Военно-Революционный Комитет» как будто выпадает из этой схемы: но он связан с фронтовыми документами по другой линии. Помимо событий на фронте, там освещено и много других любопытных вещей, — в частности, история с образованием «министерства из всех социалистических партий». А переговоры с этими «социалистическими партиями» представляют собою один из самых ярких эпизодов, освещаемых протоколами Московского Военно-Революционного Комитета.

Эти «протоколы» — ценность документа едва ли нужно доказывать — дошли до нас в неполном и притом крайне несовершенном виде. Они начинаются не с первого дня существования В.-Р. К., а, с 28 октября (ст. ст.), с перерывом 29, 30, 31 октября, и далее идут в таком порядке: 1—8, 10, 12 и 13 ноября. Протоколы за первые дни уничтожены, — очевидно, в те тяжелые минуты, когда, казалось, Московский Совет вот-вот попадет в руки белых. Но и запись за сохранившиеся дни едва ли соответствует понятию «протокола», как бы либерально ни толковали мы это слово. Только тот, кто не видел своими глазами работы наших первых советских учреждений, может объяснить это небрежностью секретариата. Хотя протоколы и разделены на «заседания», но заседаний в строгом смысле этого слова не было. Не объявляя своих заседаний «непрерывными» (en permanence), как это делали французы, заседали, фактически, непрерывно — случалось и ночевали тут же в зале заседаний, а уж ели обязательно тут же, перерывов «для обеда» делать не приходилось, тем более, что и обеда, в точном смысле этого слова, не было; просто, насыщались чем попало (преимущественно черным хлебом и консервами), когда желудок начинал властно требовать пищи. А еще пишущий эти строки помнит, по личным воспоминаниям, первый Президиум Московского Совета — непосредственно сменивший В.-Р. К. (примерно, с 8/21 ноября), — учреждение, работав-

шее в более «нормальных» условиях (пальбы под окнами не было): и к Президиуму всецело относится только что данная характеристика. Раньше внешнего хаоса было, конечно, еще больше.

В таких условиях «вести протокол» было дело почти немыслимое. Делались заметки для памяти — на основании их тотчас же выдавались мандаты или рассылались приказы, если это было нужно. На основании таких мандатов в 2 строки вершились крупнейшие дела — переговоры с иностранными представителями, передачи миллионных сумм из банка и т. д. Как низко стояла «протокольная часть» в те дни даже в центральных учреждениях, показывает тот факт, что на переговоры в Брест наши делегаты ехали с такими же мандатами, заменявшими и дипломатический паспорт, и «верительную грамоту», и все, что требовалось вековыми дипломатическими обычаями. Удивленным немцам приходилось объяснять, что мы упразднили все эти «формальности».

Подобного рода документ следовало бы издать с тщательнейшим комментарием, составленным по воспоминаниям участников и по другим документам этих дней. Составить такой комментарий в настоящее время нет еще — быть может, нет уже — никакой возможности. Участники, перегруженные адской суетой жизни «ответственного работника», отказываются мучить свои переутомленные мозги припоминанием, что их обладатель — или тот или другой его товарищ — сказал или сделал 10 лет назад. Легче, говорят они, написать связные мемуары: но их тоже не пишут — это, во-первых; а во-вторых, когда их начинают писать, десять лет сказываются — и оправдывается скептицизм многих историков по отношению к мемуарам: как раз детали в них оказываются весьма далеки от исторической точности, верна лишь общая картина. Нам же, для нашего издания, нужны именно детали. Что же касается «других документов» (записей из противного лагеря, например — у меня была в руках их порядочная пачка в те дни, — куда они девались с моим отъездом в Брест, сказать я не умею), собирание их только-только начинается.

Наиболее интересными моментами, отмеченными в записях, являются переговоры о сдаче юнкеров и тесно связанный со сдачей остатков власти Керенского в Москве вопрос о конструировании новой власти. И то, и другое проходило не так гладко и ровно, как может показаться на основании популярного рассказа о событиях. С прекращением вооруженной борьбы в Москве спешили, во-первых, потому, что неясно было отношение к этой борьбе фронта. Из переговоров ставок — публикуемых здесь же, дальше — мы теперь знаем, что на всем фронте частей, которые можно было бы двинуть против московских рабочих, не было. Но Военно-Революционный Комитет знал это наверное только о северном фронте. С западного фронта что-то двигалось: когда послали представителя В.-Р. К. навстречу двигавшимся частям, оказалось, что и это были друзья, а не враги. Но тут грозные вести пошли с юга о движении каледин-

цев. Мы и о калединцах теперь знаем, что у них было всего две дивизии, и тех они не могли снять с Дона, ибо это была их единственная вооруженная сила: но в Москве в ноябре 1917 года об этом никто не знал. Наконец, представители «социалистических партий» трезвонили, что в Питере соглашение-де уже заключено, дерутся только в Москве, и этим в Питере страх как недовольны. Все это не могло не действовать на державшихся, нужно сказать, очень твердо членов В.-Р. К. Все это объясняет нам исключительно мягкие условия капитуляции юнкеров, которым по объективному соотношению сил в тот момент ничего не оставалось, в сущности, как сдаться на милость победителя. Что мы этим спасли кадры для будущей «Добровольческой армии» — это не подлежит сомнению. Но что по кажущемуся и казавшемуся весьма правдоподобным, хотя и не существовавшему на деле, соотношению сил поступить иначе было нельзя — в этом также трудно сомневаться. Помимо всего прочего, где бы стали мы держать несколько тысяч пленных, когда наши собственные вполне организованные и надежные части не выходили за пределы немногих тысяч?

Менее легко объяснить те прения, которые возгорелись около вопроса о конструкции власти. Казалось бы, тут дело было совершенно ясно. Борьба шла под лозунгом «вся власть Советам!» Советы победили. Совет в Москве был большевистским — ясно, что должно было быть образовано большевистское правительство. Но, во-первых, Советов было два — и если Рабочий был уже большевистским, то в Солдатском попрежнему господствовали соглашатели: по почину именно Совета Солдатских Депутатов было заключено неудачное перемирие 29/X, которое было бы на-руку только юнкерам, дожидавшимся подкреплений с юга, и которое не состоялось благодаря верному инстинкту рабочих и революционных солдат, не прекративших борьбы, несмотря на состоявшееся между верхушками соглашение. Впрочем, не соблюдали перемирия и юнкера, правильно понявшие самый факт его заключения как признак упадка настроения в противном лагере. На их несчастие — настроение-то только упало не везде, как раз в массах оно не упало, а в солдатских массах, вопреки соглашательству Солдатского Совета, даже поднималось. Номинально, однако же, Совет Солдатских Депутатов представлял гарнизон Москвы: не считаться с его мнением вовсе было невозможно. Уже одно это заставляло вести переговоры с «социалистическими партиями». Еще более к этому вынуждало поведение союза железнодорожников, знаменитого «Викжеля». Он был прочно в руках инженеров и «служащих» — то-есть элементов, определенно враждебных пролетарской революции. Только боязнь массы рабочих-транспортников мешала верхушке Викжеля выступить открыто на стороне Керенского. И ей, этой верхушке, ничего не оставалось, как обманывать свою массу, делая вид, что Викжель не саботирует революцию, а «мешает кровопролитию». Массе льстило, что, вот, железнодорожники снова,

как в 1905 году, оказываются решающей силой, и политика Викжеля удавалась: а от железных дорог зависело все снабжение, все продовольствие. Переубедить транспортный пролетариат в один-два дня было немыслимо, на это нужны были месяцы, а хлеб нужно было подвозить сейчас. «Викжелить» стало ругательным словом, но разговаривать с «викжелившими» приходилось.

И вот, на фоне этих объективных условий, данных исторической обстановкой, с которыми нельзя было не считаться, пышно расцветали субъективные настроения, которыми отчасти была заражена и наша партия. Соглашательство — потому оно и соглашательство — всегда и всюду имело два крыла. Одним — правые эсеры, меньшевики-оборонцы — оно было прочно связано с кадетами; другим — левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, интернационалисты просто — оно тянуло к революции. В левом крыле соглашателей привыкли видеть возможного союзника; иногда оно и действительно занимало приличную позицию (Мартов и меньшевики-интернационалисты после июльских дней); левые эсеры потом вошли в Совнарком. Социальный удельный вес этих групп, несомненно, был страшно переоценен. На выборах в Учредительное Собрание по Москве они все вместе получили 8% всех поданных голосов: реальной силой было именно п р а в о е крыло соглашателей, в конечном счете и давшее Учредительному Собранию большинство. В Москве же в качестве правых открыто выступили кадеты, получившие голосов лишь на $^1/_5$ меньше, чем большевики. Между революцией и контр-революцией больше середины не было, но это осознали лишь задним числом. И с левыми соглашателями по привычке продолжали разговаривать, как будто они кого-то за собою вели и что-то собою представляли; без них не мыслили себе правительства. В Питере эта переоценка «левых» привела, как известно, к настоящему кризису — к расколу и в ЦК партии и в Совнаркоме. В Москве, где только что не без труда одержанная военная победа (в Питере именно легкость военной победы запутывала положение) и боевое настроение масс создавали более устойчивую психологию, до раскола не дошло, но несколько дней на переговоры с «левыми» и на проекты, по существу, н о в о й к о а л и ц и и (без кадетов) все же было потрачено — без достаточно серьезного, как показала история, основания.

В основе тут, конечно, лежала та же сила, которая была силой противодействующей и по отношению к октябрьскому выступлению вообще: неверие в социалистическую революцию, уверенность, что речь может итти только о завершении буржуазно-демократической революции, — а какая же «демократическая» революция без «демократии»? Что наступает момент, когда под знамя «чистой» демократии, по предсказанию Энгельса, соберутся все реакционеры, это не всеми сознавалось: а между тем энгельсовское пророчество исполнялось уже в эти дни б у к в а л ь н о. Об этом напоминает нам другой документ, печатаемый в этой же книжке: переговоры ставок о п е р е-

мирии. Провал большевиков был главной, основной надеждой ставки Духонина. С каким торжеством этот последний сообщал военному министерству в Питер: «Из поставленных мною ребром вопросов и из полученных ответов я совершенно ясно увидел, что народные комиссары на свой декрет о мире не получили абсолютно никаких ответов, их, очевидно, не признают... Я высказал взгляд, что вопросы о перемирии может вести лишь центральная власть, облеченная доверием народа и армии и ими признанная, такая власть в состоянии обратиться к союзникам и противной стороне». Причем, по новости дела, демократия перепутывалась у ген. Духонина с начатками законоведения, усвоенными им в кадетском корпусе: «Могу сдать должность также в том случае, если от нее буду отстранен, новому лицу, на нее назначенному в законном порядке, то-есть указом сенату, распубликованным этим последним, являющимся высшим блюстителем законности в стране, досель не упраздненным».

Военное министерство было совершенно солидарно с этим «демократизмом». Марушевский отвечает Духонину: «Главное, что нас затрудняет, это — то, что власть в Петрограде фактически перешла в руки только одной социалистической партии, и правительство, созданное этой партией, если таковое будет, явится лишенным представителей других демократических партий». Ужасная вещь: нет «настоящей» демократии! Если бы эти переговоры были тогда же известны питерским и московским большевикам! Если бы они знали, что «демократия» была именно то, что нужно было в эту самую минуту совершенно открытым калединцам и корниловцам. Инстинкт масс и здесь выручил. Солдаты фронта почти без исключений стали на сторону большевиков — и этим сразу решился вопрос о новой коалиции. Фактически то же настроение масс решило дело и в данном частном случае, в Москве: после разоружения юнкеров вопрос о конструировании московской власти как-то незаметно утратил всякую остроту, и городом стал править большевистский Президиум Московского Совета, куда, сколько я помню, не вошел ни один меньшевик (левые эсеры потом вошли в Совнарком Московской Области, — как входили они, до марта 1918 г., и в общероссийский Совнарком).

О том же самом — соотношении массы и соглашателей — напоминает нам и другая серия документов, печатаемых в этом томе «Красного Архива»: военно-судебное следствие о «преступлениях» «воинских чинов, участвовавших в июльском выступлении 1917 года. Документы чрезвычайно характерны, прежде всего, своим внешним видом: это классическое военное следствие, какое велось бы, и не будь никакой Февральской революции. Уполномоченные «демократии» с невозмутимым видом допрашивали о сословии, о вероисповедании (!), даже о том — законнорожденный или незаконнорожденный. Следствие вели уполномоченные, между прочим, и от Советов: но, как на-грех, непосредственный допрос вели все капитаны, подполковники

и полковники, да «товарищи прокурора», а уполномоченные сидели в пленуме для красоты картины. Но даже и полковникам с прокурорами не удалось установить самого главного: восстания. Никаких абсолютно доказательств того, что солдаты выходили с оружием не для самозащиты, а для нападения, в следственных документах найти нельзя. По поводу стрельбы все единогласно утверждали — не только солдаты, но и офицеры, — что не демонстранты стреляли, а по демонстрантам стреляли. Кто и как начал стрельбу, это объяснил как раз один из свидетелей обвинения, казачий офицер Аверин. Его отряд, как оказывается, имел нахальство разоружать солдат, «разгоняя толпу», в случае надобности, нагайками. Демонстранты были явно ошеломлены этой наглостью — и до Литейного моста дело хорунжего Аверина шло «благополучно». На Литейном мосту случилось то, чего следовало ожидать с самого начала: на попытку отнять у солдат винтовки последние начали стрелять из этих винтовок — чем моментально заставили казаков рассыпаться во все стороны. Что это был непроизвольный жест самообороны, доказывается расположением стрелявших: демонстранты были и по ту и по другую сторону казаков, и пули попадали не только в казаков, но и в находившихся сзади них демонстрантов. У этих последних и получилось впечатление, что по ним стреляли казаки; на самом деле, последние не имели времени открыть огонь — они тотчас же дали тыл. Наивный рассказ хорунжего «поправил» его начальник, полковник «граф» Ребиндер. У него о попытках разоружать солдат ничего нет — зато в казаков стреляют «личности в арестантских халатах». Граф не заметил, что уже если от солдат-большевиков казакам бежать зазорно, то от арестантов тем паче.

Нет никакого сомнения, что вооруженное восстание велось бы по-иному — и ничто подобное действиям отряда хорунжего Аверина на питерских улицах не имело бы места. Неудача 3—5 июля на три четверти и объясняется тем, что это было хотя и вооруженное, но отнюдь не организованное выступление. И уже это одно устраняет мысль, что оно могло быть подготовлено большевиками: как-никак, а в умении организовать нам даже наши враги не отказывают. 25 октября блестяще показало, как могут организованно действовать большевики. В июле партия была еще далеко не готова к такому выступлению и потому, насколько от нее зависело, его сдерживала. Но неготовность в том, между прочим, и выразилась, что сдержать не удалось, — это была оборотная сторона именно недостаточной организованности. Агитационное влияние партии, как это было в 1905 году, хватало гораздо дальше ее организационного влияния. Следствие установило, что и инициаторами движения были, по большей части, не партийные люди: в 1-м пулеметном полку, который составил ядро выступавших, агитацию за вооруженное выступление начали анархисты. Напротив, есть прямые показания, что «Военная Организация 3 июля около 7 часов вечера приняла решение удержать воин-

ские и заводские части от выступления», для чего рассылала ораторов по заводам и казармам. Когда это не удалось, — по описанным выше причинам, — ЦК решил «пригласить рабочих и солдат к мирной манифестации, чтобы ввести манифестации в мирное русло». Это также не удалось — и, надо правду сказать, это и не могло удаться. Солдаты смотрели на дело проще, и раз они взяли винтовки и патроны, — воспользовались ими, как только представилась реальная в том надобность. Получилось нечто, заранее обреченное на гибель, — о б о р о н и т е л ь н о е в о с с т а н и е. Оправдались слова Маркса, что революция может спасти себя только решительным, безоглядным н а с т у п л е н и е м. Но партия вооруженного восстания именно и не хотела. Тов. Володарский, показывает один из участников, «приветствовал полк, поздравлял нас со второй победой как представителей революционной демократии и говорил, чтоб спокойно шли к себе домой, в казармы, соблюдая революционную дисциплину, сидели бы и дожидали, пока нас не позовут. Ясно было, что сейчас пойдем домой». Даже наиболее «радикально» настроенные вожди солдатской массы, — напр. Сахаров в 1 запасном пехотном полку, — говорили: «Цель нашей демонстрации мирная, мы не собираемся ни грабить, ни арестовывать, ни убивать; мы только должны показать свою силу. Оружие мы берем для самозащиты; что бы ни говорили и ни делали, а пойдем, этого требует народ, и это постановил полк вчера ночью на митинге; всякие разговоры излишни, я беру на себя всю ответственность за выступление и за могущие быть последствия, и если полковой комитет откажется итти, то я сам поведу полк».

Рассказывавший об этом свидетель, о ф и ц е р, передает речь Володарского так же, как и другие: «После меня говорил тов. Володарский. В своей речи он указал, что большевики победили, многие министры ушли от власти, их места займут те люди, которые выведут страну из этого тупика, куда ее загнало старое правительство. Потом он приветствовал полк от имени всех большевистских организаций и указал, что силы большевиков огромны и победа их несомненна. В заключение просил солдат воротиться в казармы и ждать дальнейших событий».

Дневник Болдырева, командовавшего в октябре 1917 г. V армией, как раз на максимально большевистсокм северном фронте, ярко рисует растерянность командной верхушки перед надвигавшейся революцией. И как всегда к самому ее моменту оказались неготовы — в те дни, когда матросы и рабочие «Петрограда» брали Зимний дворец, V армия «мирно» принимала весьма воинственно (Болдырев даже испугался!) настроенную французскую миссию, с ген. Ниесселем во главе. Как наблюдение революции из штаба и со штабной точки зрения, дневник очень ценен — в особенности если рассматривать его как д о п о л н е н и е к ценнейшим переговорам штабов по прямому проводу. Этим переговорам пишущий эти строки

посвятил специальную статью [1]) — только по этой причине в настоящем введении им и не уделено особого места.

Документы только начинаются печатанием в XXIII томе «Красного Архива». Их непосредственным продолжением явится следующая, 24-я книжка. Там будут помещены, аналогично московским, протоколы Петроградского Военно-Революционного Комитета, продолжение июльского военного следствия и т. д. Имея в распоряжении, для «юбилейных» книжек, всего 30 печатных листов, мы стараемся дать возможно разностороннюю картину по важнейшим документам. Исходя от этого основного фонда, потом уже легче будет пополнять его деталями. Важно положить начало документальному издательству по истории нашей революции — первой удачной пролетарской революции мира. Она и в этом отношении счастливее своих предшественниц — французской революции, например. Основные документы последней стали печататься через сто лет после нее — нашей через десять лет...

М. Покровский.

---

[1]) «Большевики и фронт в октябре — ноябре 1917 года». «Красная Новь», 1927, октябрь.

Июльские дни в Петрограде [1]).

I.

РАСПОРЯЖЕНИЯ ЦИК И КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ.

Телеграмма [2]).

Во все части войск.

3 июля 1917 г. № 2050.

Исполнительный Комитет подтверждает для неуклонного исполнения свое прежнее распоряжение, что выход вооруженных частей для демонстрации недопустим.

Члены Президиума Исполнительного Комитета *Дан, Гоц.*

Телеграмма [3]).

В. экстренно.

Во все части войск, штабы, управления, военно-учебные заведения Петроградского гарнизона и гарнизонов Царского Села, Красного Села, Ораниенбаума, Старого и Нового Петергофа, Лигово, Стрельны, Сергиева, Павловска, Кронштадта.

3 июля 1917 г. 8 час. 50 мин. № 2056.

Некоторые воинские части нарушили постановление Всероссийского Съезда, запретившего вооруженные манифестации. Вооруженные кучки пытались угрозами навязать свою волю полномочным представителям большинства революционной демократии России. На улицах Петрограда появились пьяные, были многочисленные попытки разгрома лавок, была стрельба, снова, как 20—21 апреля, улицы обагрились кровью, есть убитые и раненые. В разгаре смуты в городе открыто велась черносотенная агитация, подозрительные темные личности были обнаружены среди агитаторов, призывавших воинские части к выступлению. Все эти события грозят создать пропасть между

[1]) Текст подготовил к печати и снабдил примечаниями И. Тоболин.

[2]) Архив Октябрьской Революции, ф. 349, д. № 7, л. 12.

[3]) А. О. Р., ф. 349, д. № 7, л. л. 7—11.

гарнизоном Петрограда и фронтом. Тыл призывает т.т. солдат, пока не поздно, принять меры, чтобы спасти честь Петроградского революционного гарнизона. Товарищи, бойтесь провокации. Защитите ваш Совет Рабочих и Солдатских Депутатов от подтачивающих его силы дезорганизаторов. Спасайте единство сил революции. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил всем полковым, батальонным, ротным и командным комитетам, а также членам Совета Рабочих и СолдатскихДепутатов быть при своих частях. Всем частям поддерживать связь со Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом, сообщая ему обо всем. Все призывы, кроме приказа штаба, проверять через Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, телефоны 104-05, 104-06, 622-63, 123-68, 48-74.

Члены Комитета *Богданов, Войтинский, Бинасик, Скалов.*

Телеграмма [1]).

Копия.

Принята с аппарата 4-го 12 ч. 25 м.
Подана 4-го 10 ч. 15 м.
4/VII 1917 г. № 82.

Во все части войск Петроградского гарнизона.

В согласии с мнением Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов требую, чтобы при выступлении воинских частей для участия в манифестациях офицеры находились бы со своими солдатами; таковое участие в манифестациях офицеров, даже под лозунгами, которым они явно не сочувствуют, и, если таковые не удастся предотвратить, конечно, не будет им поставлено в вину, но удержит в частях внешний порядок и оградит население от анархических выступлений отдельных дезорганизованных групп.

Подписал: генерал-майор *Половцев.*

С подлинным верно: адъютант 1 пех. зап. полка подпоручик (подпись).

II.

ОСОБАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ СТЕПЕНИ УЧАСТИЯ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ В ВОССТАНИИ 3—5 ИЮЛЯ 1917 г.

Постановление Временного Правительства [2]).

9 июля 1917 г.

I. Для расследования степени участия в восстании 3—5 июля 1917 года отдельных частей войск и чинов гарнизона Петрограда и его

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 10, л. 122.

[2]) Собрание узаконений и распоряжений правительства, изд. при Правительствующем Сенате от 7 августа 1917 г. № 185, ст. 1074: «Об организации

окрестностей организовать Особую следственную комиссию, на нижеследующих главных основаниях:

1) В состав комиссии входят: а) один гражданский юрист — по назначению прокурора Петроградской судебной палаты, б) один военный юрист — по назначению главного военного прокурора, в) один строевой офицер — по назначению штаба Петроградского военного округа, г) один солдат с юридическим образованием — по назначению штаба Петроградского военного округа, д) два представителя от Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, е) два представителя от Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, ж) два представителя Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и з) один представитель от прибывших с фронта частей.

2) Комиссии предоставляется приглашать в свой состав лиц с юридическим образованием, участие коих в работах будет признано полезным.

3) Комиссия уполномачивается возлагать отдельные следственные действия на отдельных членов комиссии или особо приглашенных лиц, пользующихся в сем случае одинаковыми с комиссиею правами.

II. Предоставить означенной (отд. 1) следственной комиссии производить расследование под общим наблюдением и руководством прокурора Петроградской судебной палаты.

III. Присвоить актам упомянутой в отделе 1 комиссии силу актов предварительного следствия.

IV. Предоставить Особой следственной комиссии (отд. 1) все права, которыми облечены судебные следователи на основании устава уголовного судопроизводства.

V. Признать следственные действия, произведенные занятой ныне расследованием степени участия в восстании 3—5 июля 1917 года Особой комиссиею, сохраняющими законную силу согласно отд. III сего закона.

VI. Ввести в действие настоящее постановление немедленно до обнародования его Правительствующим Сенатом.

Заместитель министра председателя *Н. Некрасов.*

За министра юстиции *Скарятин.*

Список членов комиссии [1]).

Председатель — прокурор палаты — Н. С. Каринский.

1. Заместитель председателя — по назначению гл. воен. прокурора подполковник Украинцев (дом. 6-71-74, штаб 2-36-26).

Особой следственной комиссии для расследования степени участия в восстании 3—5 июля 1917 года отдельных частей войск и чинов гарнизона Петрограда и его окрестностей». А. О. Р., ф. 349, д. № 14.

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 26.

2. Заместитель — по назначению прокурора Петроградской судебной палаты — тов. прокурора Л. И. Поволоцкий (дом. 1-57-25, сл. 11-89).

3. Строевой офицер по назначению штаба Петроградского военного округа — полковник [1]) Раевский.

4. Солдат с юридическим образованием по назначению штаба Петроградского военного округа — Хохряков (82-92; 184-15).

Два члена от Ц. И. К. Всеросс. Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов:

5. А. А. Булат (2-82-97) [2]).

6. М. С. Бинасик (1-30-72).

Два члена Петроградского И. К. С. Р. и С. Д.:

7. Скалов.

8. Сомов (1-30-93).

Их заместители: Заварин.
Огурцовский.

Два члена И. К. Всеросс. Совета Крестьянских Депутатов:

9. Пасечный (104-68), (102-11), (654-93 кв.).

10. Турабин (104-68), (102-11).

11. Представитель воинских частей, прибывших с фронта — поручик 178 пех. Венденского полка Михеев (Народный дом — 22-33, 6-50-74).

Состав подкомиссий [3]).

Г. судебному следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда П. А. Александрову.

В ответ на ваш запрос от 30/VII с. г. за № 120 сообщаю вам, что в настоящее время действуют подкомиссии, обследующие деятельность следующих воинских частей:

1) для 1 пулеметного полка и пулеметных команд при офицерской стрелковой школе: председатель подполковник Н. П. Украинцев, товарищ прокурора Н. П. Наказный;

2) для запасного батальона Гренадерского полка: председатель подполковник Люзин, товарищ прокурора Бари;

3) для 3 запасного полка: председатель полковник Анохин, товарищ прокурора Громов;

4) для морских частей в Петрограде и Кронштадте: председатель полка [4]) Семенов, прокурор Петроградского морского суда Раздольный, товарищ прокурора Левицкий, Земмель [5]);

5) для 3 запасного полка: председатель капитан Архипов, товарищ прокурора Зубков;

---

[1]) Зачеркнуто: «Ржевусский».

[2]) Зачеркнуто: «5-91-23».

[3]) Документ написан на бланке со штампом: «Комиссия. Августа 1. 1917. № 6677». А. О. Р., ф. 349, д. № 24, л. 27.

[4]) Видимо, описка, — вместо полковник.

[5]) Так в подлиннике.

6) для 1 запасного полка: председатель подполковник Украинцев, товарищ прокурора Круглевский;

7) для 176 пехотного полка: председатель полковник Анохин, товарищ прокурора Громов;

8) для Московского полка: председатель полковник Анохин, товарищ прокурора Громов;

9) для Павловского полка: председатель капитан Архипов, товарищ прокурора Зубков;

10) для Финляндского полка: председатель подполковник Люзин, товарищ прокурора Бари.

Кроме того, товарищу прокурора Фицтум поручено произвести отдельное расследование деятельности прапорщика запасного батальона гвардии Волынского полка Горбатенкова.

В комиссию поступила в настоящее время переписка об участии в событиях 3—5 июля следующих частей: моторно-понтонного полка, 6 запасного саперного полка и запасного броневого автомобильного дивизиона. Расследование деятельности этих частей комиссией пока не организовано [1]).

Прокурор судебной палаты.

Секретарь.

---

[1]) Постановлением комиссии от 6 сентября 1917 г. была образована подкомиссия для обследования участия в событиях 3—5 июля 1917 г. 2 пулеметного полка в составе: председатель М. Н. Фицтум, членов: полковника Арбузова и солдат-юристов Хохрякова и Князева. — Постановлением комиссии в октябре 1917 г. дело было прекращено.

Список воинских чинов, в отношении коих ведется расследование [1]).

№ 1.

1 пулеметный полк.

Переписка	Фамилии	Привлечен ли в качестве обвин.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 2887	Поляков	51, 100 и 108 ст. у. у.	Один. тюрьма	
17/VII	Пыхтин	»	—	Надзор нач.
1917 г.	Диденко	»	—	»
	Жилин	»	—	Скрылся
	Маслов	»	—	Надзор нач.
Вх. № 2882	Ильинский	Привл. по ст. № 1.	Один. тюрьма	
15/VII	Казаков	»	»	
1917 г.	Паршин	»	—	Надзор нач.
	Камалетдинов	»	—	»
	Кошелев	»	Один. тюрьма	
	Головин	»	Один. тюрьма	
Вх. № 2962	Семашко	Привл. по ст. № 1.	—	Скрылся
18/VII	Романов	»	Один. тюрьма	
1917 г.	Минкин	»	—	Надзор нач.
	Вознесенский	»	—	»
	Шаповалов	»	—	»
(Нач. т.	Муханов	»	—	»
Вх. № 3008)	Петрунин	»	—	»
19/VII	Яковлев	»	—	»
1917 г.	Зайцев	»	—	»
Вх. № 3296	Студинский	Привл. по ст. № 2.	—	»
27/VII	Кашинцев	»	—	»
1917 г.	Хвесюк	»	—	»
	Клопов	»	—	»
	Цикунов	»	—	»
(Вх. № 2962)	Спец	»	Один. тюрьма	
Вх. № 3624	Зерюкаев	Привл. по 51 и 100 ст. уг. улож.	Один. тюрьма	
2/VIII 1917 г.				
Вх. № 3625	Волков Алекс.	»	—	Залог 1.000 р.
2/VIII 1917 г.				
Вх. № 3732	Манин Иван	»	—	Надзор нач.
5/VIII	Русинов Конст.	9 и 2 ч. 1459 ст. ул. о нак.	Один. тюрьма	
1917 г.	Никитин Порф.	»	—	»
Вх. № 3945	Подпор. Малышев Георгий	»	—	»
14/VIII 1917 г.	Прап. Ян Сель	»	—	»
Вх. № 4090	Валюнин Алексей	»	—	»
18/VIII	Челяков	»	—	»
1917 г.	Быков Ник.	»	—	»
	Ильин Мих.	»	—	Действ. армия
	Татаркин Вас.	»	—	»
	Костылев Петр	»	—	Надзор нач.
	Подпр. Реутов [2])	»	—	»
	Блейхман-Солнцев	51, 100 и 108 ст.	—	Скрылся
	Теляков	»	—	Надзор нач.
	Солодкий-Солодкин	»	—	Скрылся
	Подлезов Пав.	»	—	Действ. армия
	Осетров Пав.	»	—	»

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 25.

[2]) Далее зачеркнуто: «Прап. Сахаров, Гаврилов».

№ 2.

180 запасный пехотный полк.

Переписка	Фамилии	Привлечен ли в качестве обвин.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 33.5 27/VII 1917 г. (вх. 2886)	Тер-Арутюньянц	Привл. по 51, 100, 108 ст. уг. ул.		
	Куделько	»		
	Долматов	»		
	Самин	»		
	Батунов	»		
	Поляков	»	—	Скрылся (см. пост. № 1).
	Бабкин	»		
	Каменский	»		
	Занько	Привл. по 51 и 100 ст. уг. ул.		
	Вишневецкий	»		
	Климм	»		
	Коцюбинский	»		
(вх. 2886)	Горбачев	»		
	Холостов	»		
	Кабанов	»		
	Соловьев	»		
	Кузнецов	Привл. по 108 ст. уг. ул.		
	Церашкин	»	—	Скрылся (см. пост. № 1).
	Ракчеев	»		Освоб. 12 авг. под Ком.
Вх. № 2887 17/VII 1917 г.	Гробаков			Освоб. 2/VIII 1917 г. № 6724.
	Суровец		—	Освоб. 18/VII 1917 г. (см. телефонограммы).

№ 3.

Гвардии Павловский полк [1]).

Переписка	Фамилии	Привлечен ли в качестве обвин.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 2893 17/VII 1917 г. (вх. № 3155)	Фролов Андрей	51 и 100 ст. уг. ул.	1 ком. управл.	
	Айнгорд Никол.	»	»	
	Плясов Андрей	»	»	
	Горшков Вас.	»	»	
Постановл.	Летунов	»	»	Не допр.
	Соболев	»	»	»
	Арский	»	»	Надзор нач.

[1]) Дела в А. О. Р. не оказалось.

№ 4.

1 пехотный запасный полк.

Переписка	Фамилии	Привлечен ли в качестве обвин.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 2862 15/VII 1917 г.	Сахаров		1 комендантское управл.	
	Осипов Иван		2 комендантское управл.	
	Осипов Гавр.		»	
	Гаврилов	Привл. 51 и 100 ст. уг. ул.		
	Шишакин	»		
	Каратеев	»		
	Славкин	»		
	Степанов	»		
	Зимин	»		
	Марков	»		

№ 5.

3 запасный пехотный полк.

Переписка	Фамилии	Привлечен ли в качестве обвин.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 2862 15/VII 1917 г.	Дашкевич	Привл. по 51 и 100 ст. уг. ул.	1 комендантское управл.	
	Баландин	»	»	
	Дзенис	»	»	
Вх. № 3816 10 августа 1917 г.	Жарновецкий К.	»	—	Залог 1.000 р.
	Толкачев	»	1 комендантское управл.	
	Егоров	»	»	
	Захаров	»	»	
	Иванов	»	—	Надзор нач.
	Александров	»	—	Залог 500 р.
	Булин	»	1 комендантское управл.	
	Фирсов	»	—	Надзор нач.
	Тимченко	»	—	»
	Полуэктов	»	—	»
	Орлов	»	—	»
	Лебедев, полк.	»	—	»

№ 6.

Офицерская электр. школа.

Переписка	Фамилии	Привлечен ли в качестве обвин.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 2862 15/VII 1917 г.	Баранов, писарь		2 комендантское управл.	Освобожден 10/VIII 1917 г. № 7084.

№ 7.

Частные лица [1]).

Переписка	Фамилии	Привлечен ли в качестве обвин.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 2862 15/VII 1917 г.	Жарновецкий Сигизмунд [2])		Петр. один. тюрьма.	

№ 8.

Команды при офицерской стрелковой школе.

Переписка	Фамилии	Привлечен ли в качестве обвин.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 3058 20/VII 1917 г.	Новиков Ник.	Привл. по 100 ст. уг. ул.	Петрогр. один. тюрьма	
	Беляев Сергей	»	»	
Вх. № 3295 26/VII 1917 г.	Белов Конст.	Привл. по 51 и 100 ст. уг. ул.	—	Надзор нач.
Вх. № 3081 24/VII 1917 г.	Миронов Вас.	»	—	»
	Молоканов Арт.	»	—	»
Вх. № 3626 2/VIII 1917 г.	Тарасов-Родионов	»	Арест. дом	
	Жендзян	»	»	
	Алексеев	»	Один. тюрьма	
	Бровкин	»	—	Залог 2.000 р.
Вх. № 3805 9 августа 1917 г.	Акимов Яков	»	—	Скрылся.

[1]) Следственная комиссия в заседании 26 июля 1917 г. постановила: «не предрешая дальнейшего направления законченных следствий, признать, что члены подкомиссии (комиссии) в праве привлекать к делу в качестве обвиняемых и не военнослужащих, являющихся соучастниками преступления, учиненного военнослужащими» (А. О. Р., ф. 349, д. № 23).

[2]) Жарновецкий, Константин Сигизмундович, преподаватель Петергофской гимназии, был привлечен в связи с выступлением 3 пехотного зап. полка.

№ 9.

Гв. Московский полк [1]).

Список

воинских чинов: 1, 2, 3 и 4 рот запасного батальона гвардии Московского полка, кои участвовали в возбуждении прочих рот и людей.

№№	Звание	Имена и фамилии	Где содерж.	Примечание
1	Ратник	Алексей Болоцков	Содержатся во 2-м Петроградском комендантском управлении.	Освоб. вх. 3686.
2	»	Иван Сазонов		Освоб. вх. 3686.
3	»	Андрей Колесихин		Освоб. вх. 3686.
4	Мл. ун.-оф.	Федор Жульков		Освоб. постан. 20/VII.
5	Ратник	Антон Юрковский		Освоб. вх. 3686.
6	»	Алексей Лебедев		Привл. вх. 3687.
7	Ст. ун.-оф.	Федор Лебедев		Освоб. вх. 3686.
8	Подпрап.	Евдокименко		Привл. вх. 3687.
9	»	Дятлов		Освоб. вх. 3687.
10	Рядовой	Степан Костюшин		Освоб. вх. 3686.
11	»	Василий Юрченко		Освоб. вх. 3686.
12	»	Евлампий Науменко		Освоб. вх. 3686.
13	»	Яков Малышев		Освоб. вх. 3686.
14	Ст. ун.-оф.	Андрей Семянников		Привл. вх. 3687.
15	Рядовой	Федор Баллад		Освоб. вх. 3686.
16	Мл. ун.-оф.	Федор Деменко		Привл. вх. 3687.
17	Рядовой	Лука Веселов		Привл. вх. 3687.
18	»	Максим Курбатов		Привл. вх. 3687.
19	»	Павел Румянцев		Привл. вх. 3687.
20	»	Александр Коробков		Привл. вх. 3687.
21	»	Митрофан Артемьев		Привл. вх. 3687.
22	»	Семен Заико		Привл. вх. 3687.
23	»	Василий Бурдаков		Привл. вх. 3687.
24	»	Корней Бабахин		Привл. вх. 3687.
25	»	Федор Мишин		Освоб. вх. 3686.
26	»	Федор Струнин		Освоб. вх. 3686.
27	»	Рафаил Белых		Освоб. вх. 3686.
28	Ефрейтор	Иосиф Романюк		Освоб. вх. 3686.
29	Рядовой	Иван Потуй		Освоб. пост. 20/VII
30	»	Никита Меликов		Тоже
31	Ефрейтор	Констант. Ластовский		Тоже
32	»	Карпичев		Освобожден 20/VII
33	»	Вейховский		Освобожден 20/VII
34	»	Сыценко		Привл. вх. 3687.
35	Ст. ун.-оф.	Светличный		Освобожден 20/VII
36	Рядовой	Никита Клименко		Освоб. вх. 3686.
37	Ефрейтор	Борис Богарников	Петр. один. тюрьма.	Привл. вх. 3688 и 3687.
38		Цыганов	»	Привл. вх. 3885.
39	Унтер-оф.	Нефедов	2 комендантское управл.	Привл.
40	Прапорщик	Семашко	Скрылся.	Привл.

Старший адъютант судного отделения штаба
Петроградского военного округа прапорщик *Чебанов*.

[1]) Дела в А. О. Р. не оказалось.

№ 10.

Гв. Финляндский полк [1]).

Переписка	Фамилии	Привлеч. ли в качестве обв.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 3110	Васильев Корсаков		Ком. упр.	Переписка направлена прокур. Петр. в. окр. суда, и арестанты перечислены: 4 авг. 1917 г. №№ 6870 и 6869.

№ 11.

Гв. Волынский полк.

Переписка	Фамилии	Привлеч. ли в качестве обв.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 3254 26/VII 1917 г.	Горбатенков		1 ком. упр.	

№ 12.

Гренадерский полк.

Переписка	Фамилии	Постановл. о привл. в кач. обв.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 3324 27/VII 1917 г.	Казим	Привлечены в качестве обвиняемых по 51 и 100 ст. угол. уложения.	Одиночная тюрьма	Освобождены.
	Балашов		»	
	Шелестов		»	
	Щукин		»	
	Сапелкин		»	
Вх. № 3323 27/VII 1917 г.	Ган		2 ком. упр.	
Вх. № 3480 — 3481 27/VII	Цыганков		Один. тюрьма	
Вх. № 3479 — 3226 27/VII	Мехоношин		»	Освобожден.

№ 13.

Зап. моторно-понтонный батальон [2]).

Переписка	Фамилии	Привлечен ли в качестве обв.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 3299 26/VII 1917 г.	Агафонов Алекс. Христоф.		Гауптвахта батальона.	Освобожд.

[1]) Постановлением комиссии 16 авг. 1917 г. дело производством прекращено.
[2]) 23 авг. 1917 г., «за отсутствием состава преступления» дело прекращено.

№ 14.

6-й зап. саперный полк [1]).

Переписка	Фамилии	Привлеч. ли в качестве обв.	Где содерж.	Примечание
Вх. № Постановл.	Березовский		2 ком. упр.	Дознание передано прокурору суда, за коим перечислено содержан. (см. нар. № 14).
	Телепнев Ник.	51 и 100 ст. уг. ул.		
	Бакланов Геор.	»		

№ 15.

176 зап. пехотный полк [2]).

Переписка	Фамилии	Привл. ли в кач. обвин.	Где содерж.	Примечание
	Левенсон	Привл.		
	Медведев	Привл.		
	У.-оф. Степанов	Привл.		
	Урицкий	Привл. по 51 и 100 ст. уг. ул.		

№ 16.

Запасный броневой автомобильный дивизион.

Переписка	Фамилии	Привлечен ли	Где содерж.	Примечание
	Пантелеев	Привл. по 51 и 100 ст. уг. улож.	Ком. 2. упр. Ушаковск. ул.	
	Ерофеев	»	»	
	Елин	»	»	
	Евсеев	»	»	
	Лукин	»	»	
	Васильев Сергей	»	»	Освоб. 21/VIII 1917 г.
	Иванов Петр	»	»	Освоб. 21/VIII 1917 г.
	Сидоров Иван	»	»	Освоб. 21/VIII 1917 г.

[1]) Дела в А. О. Р. не оказалось.
[2]) Дела в А. О. Р. не оказалось.

№ 17.

Крейсер «Аврора» [1]).

Переписка	Фамилии	Привл. ли в качестве обвин.	Где содерж.	Примечание
Вх. № 3817 10 авг. 1917 г.	Масловский	Привл. по 51 и 100 ст. угол. улож.		?
	Златогорский	»		
	Курков	»		
	Липатов	»		Скрылся.
	Ковалевский	»		
	Симбирцев	»		
	Пономарев	»		
	Мясников	»		

№ 21 [2]).

Кронштадтские части [3]).

Переписка	Фамилии	Привлечены ли	Где содерж.	Примечание
Нар. № 21	Ильин (он же Раскольников)	51 и 100 ст. уг. ул.		
	Рошаль Семен			
	Гурвич Иосиф			
	Ярчук Хаим			
	Брегман Лаз.			
	Дешевой			
	Громов Фед.			
	Ремнев Аф.			

III.

1 ПУЛЕМЕТНЫЙ ПОЛК.

Постановление [4]).

1917 года июля 18 дня члены Особой следственной комиссии, учрежденной согласно постановления Временного Правительства от 9 июля с. г., обсудив собранный материал об участии в восстании 3—5 июля чинов 1 пулеметного полка, нашли следующее:

3 июля 1917 года в городе Петрограде члены полкового комитета 1 пулеметного полка собрались в солдатском доме для обсуждения некоторых вопросов, касающихся внутреннего распорядка в полку.

---

[1]) Дело поступило 6 сентября 1917 г. к прокурору Петроградской судебной палаты; постановлением комиссара над упраздненным Петроградским окружным судом и судебной палатой оно прекращено. В нашем распоряжении его не было.

[2]) Так в подлиннике; очередной номер должен быть 18.

[3]) Постановлением комиссии от 6 сентября 1917 г. дело по яхте «Штандарт» и по 15 частям Кронштадтского гарнизона «за отсутствием состава преступления» производством прекращено.

[4]) А. О. Р., ф. 349, д. № 14, л.л. 41—45 об.

К этому времени в том же доме уже собралась значительная группа солдат, что-то оживленно обсуждавших. Собравшиеся вскоре избрали председателя — солдата Головина, который открыл собрание речью о современном политическом положении, в которой призывал солдат не посылать на фронт маршевых рот и пулеметов, так как наступление на фронте начато против воли народа и посылка помощи армии будет только способствовать продолжению войны. Вторым оратором выступал Блейхман (от имени Петроградского федератива анархистов; протокол собраний и показание Гибеля), который в горячей речи призывал солдат протестовать против войны и требование свое поддержать демонстрацией, но не мирной, которая никакой цели не достигнет, а демонстрацией вооруженной; он призывал взять всю власть в свои руки, помимо Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, из которых большинство на стороне буржуазии; он требовал реквизировать у буржуев деньги и продовольствие, захватить донецкие рудники, все заводы и фабрики, свергнуть Временное Правительство и сделать все это немедленно. (Показали свидетели: Чириков, Миндрум, Жигалин, Михавейский, Шофер, Лобанов, Куренков, Гриньков, Дегтерев, Карев, Царьков и др.)

Вслед за речью Блейхмана собрание перешло к исключительному обсуждению вопроса о немедленном выступлении полка на улицу с оружием в руках для свержения Временного Правительства.

Среди ораторов из лиц посторонних полку в пользу такового выступления высказались: некто Голубушкин (представитель Петроградского федератива анархистов), солдат 1 батареи 110 артиллерийского дивизиона Павлов и ряд других неустановленных следствием гражданских лиц, солдат и матросов.

Из солдат пулеметного полка выступали исключительно принадлежавшие к коллективу большевиков полка: Головин, Казаков, Романов и Ильинский, призывавшие равным образом к вооруженному выступлению для захвата власти и передачи ее Советам Солдатских и Рабочих Депутатов. Названные солдаты в своих речах расходились между собой лишь по вопросу о моменте выступления: одни предлагали выступить немедленно же, а другие предлагали отложить таковое выступление до установления более организованной связи с другими воинскими частями (до утра 4 июля — показание Кошелева).

Вопрос о немедленном выступлении полка был решен в положительном смысле единогласно, время выступления было назначено в 5 часов вечера. Тогда же был избран вместо полкового комитета временный революционный комитет, по 2 человека от роты, и делегаты для извещения о выступлении 1 пулеметного полка других войсковых частей и заводов (протокол собрания). Во главе революционного комитета и движения стал прапорщик Семашко.

Постановление собрания по указаниям прапорщика Семашко и других чинов полка, на коих были возложены организация и руководство выступлением для свержения Временного Правительства,

было приведено в исполнение. Полк с оружием в руках в течение двух дней находился на улицах Петрограда для осуществления означенной выше цели, последствием какового вооруженного выступления 1 пулеметного полка совместно с присоединившимися к нему другими воинскими частями города Петрограда и его окрестностей было убийство и ранение значительного числа лиц среди войск, вызванных правительством для подавления восстания, коим они оказали вооруженное сопротивление, а равно и среди частных лиц.

Принимая во внимание изложенное и данные при допросах свидетелями показания, члены Особой следственной комиссии находят, что 1 пулеметного полка прапорщик Семашко и солдаты: 16 роты Яков Головин, 9 роты Иван Николаев Ильинский, 16 роты Романов, 13 роты Александр Иванов Жилин, 2 роты ефрейтор Григорий Маслов, 8 роты Иван Казаков, 16 роты ефрейтор Павел Андреев Кошелев, 4 роты Дмитрий Диденко, 4 роты Андрей Яковлев Поляков, 4 роты Арсений Семенов Паршин, 4 роты мл. ун.-оф. Павел Пыхтин, 4 роты Хабибулла Камалетдинов, 8 роты фельдфебель Минкин, 2 роты унтер-оф. Вознесенский, 2 роты фельдфебель Леонтий Алексеев Шаповалов, 16 роты мл. ун.-оф. Семен Сергеев Муханов, 2 роты мл. ун.-оф. Федор Петрунин, 2 роты Василий Яковлев и...[1]) роты мл. ун.-оф. Георгий Иванов Зайцев достаточно изобличаются в том, что в период времени с 3 по 5 июля 1917 года в городе Петрограде, заранее согласившись между собою и другими лицами и действуя заведомо сообща с ними, принимали участие в вооруженном выступлении для насильственного свержения Временного Правительства и передачи всей государственной власти Советам Солдатских и Рабочих Депутатов и оказали вооруженное сопротивление войскам, высланным Временным Правительством для подавления восстания, причем из названных лиц для осуществления указанной выше цели:

1) Прапорщик Семашко, принадлежа к коллективу большевиков полка и состоя членом Военной Организации, постоянно выступая на собраниях полка в течение времени с мая месяца с. г., призывал к недоверию и свержению Временного Правительства; в июне месяце агитировал за манифестацию с оружием в руках. (Показали свидетели: Зеберг и Носенко.)

2 июля принял участие в собрании, на котором было решено, что «если меньшевики и эсэры помешают выступлению, то перешагнуть через их трупы».

3 июля принял участие в полковом собрании, предложил избрать революционный комитет, стал во главе этого комитета, обходил роты 3 и 4 июля, вызывая солдат от имени Военной Организации, отдал распоряжение о выносе плаката с надписью: «Вся власть Советам Рабочих и Солдатских Депутатов», требовал с заводов автомобили, вооружал их пулеметами, рассылал их к Таврическому дворцу и другим местам, указывая маршруты, лично вывел полк из казармы в город, ездил в запасный батальон Московского полка с целью склонить

[1]) Пропуск в подлиннике.

его к выступлению, что и достиг, обещал солдатам пулеметного полка поддержку полков Военной Организации, поддерживал постоянную связь с этой Организацией, пребывающей в доме Кшесинской, и лидером большевиков Лениным, высылал караул для Военной Организации. (Показали свидетели: Постельников, Рязанцев, Шапошников, Максимов, Крапивников, Головин, Петрушин, Муханов, Костарев, Орехов, Иерюкаев, Ильинской, Аладкин, Градеко, Ершов, Галкин, Васильев, Чистосердов, Кузнецов, Ящук, Курочкин, Якунин, Борисов, Коршилов, Боржемский, Сеневский, Жилин, Царьков, Макавейский и Жигалин).

2) Солдат Головин 16 роты, принадлежа к коллективу большевиков полка, был ближайшим сотрудником прапорщика Семашко, на собраниях полка постоянно призывал к свержению Временного Правительства.

3 июля с целью склонить полк к вооруженному выступлению для насильственного в этот день свержения Временного Правительства созвал полковое собрание, не имея на то полномочий полкового комитета, и, будучи избран председателем этого собрания, предоставил слово только тем ораторам, которые призывали к вооруженному выступлению, хотя бы эти ораторы и не имели никаких «мандатов», сам лично призывал выступить мужественно и бить буржуев, а затем, когда был выбран революционный комитет, обсуждал вместе с ним план свержения Временного Правительства и рассылал делегатов в другие части для извещения о выступлении 1 пулеметного полка. (Показали свидетели: Максимов, Муханов, Кошелев, Аладкин, Васильев, Небылов, Рассказов, Константинов, Медведев, Оржаков, Гибель, Борисов, Коршилов, Шмыг, Луговский, Подконзин, Царьков, Жилин, Шляхтенко, Волков, Жигалин, Миндрум, Филатов и Соловьев.)

3) Солдат 9 роты Иван Ильинский, принадлежа к коллективу большевиков полка и состоя членом Военной Организации большевистской партии, постоянно призывал к организации всех частей гарнизона для насильственного свержения Временного Правительства.

3 июля призывал на полковом собрании к таковому свержению Временного Правительства, взяв на себя организацию связи с другими частями, обещая, что он, как член Военной Организации, к 5 часам поставит на ноги весь гарнизон, склонял броневой дивизион присоединиться к выступлению 1 пулеметного полка, вызывал из казарм, заведомо ложно при этом ссылаясь на требование СР и СД, распределял автомобили с пулеметами по батальонам, обсуждал совместно с революционным комитетом план свержения Временного Правительства, вел переговоры с комендантом Петропавловской крепости о занятии крепости восставшими пулеметчиками, отдавал распоряжения о выставлении караулов. (Показали свидетели: Рязанцев, Головин, Муханов, Реушов, Мазалев, Рассказов, Вахрамеев, Казаков, Андрианов, Понитащенко, Лебеденко, Баранов, Малышев, Безель, Лямкин, Дегтерев, Царьков и Руссин.)

4) Солдат 16 роты Романов, принадлежа к коллективу большевиков полка, постоянно призывал к насильственному свержению Временного Правительства.

3 июля, входя в президиум полкового собрания, призывал к вооруженному выступлению с указанной выше целью. Входил в революционный комитет, призывал солдат броневого дивизиона к совместному выступлению. Склонял отдельные роты своего полка к вооруженному выступлению на улицу, угрожая уклоняющимся от выступления «перешагнуть через их трупы». Исполнял поручения прапорщика Семашко по управлению полком 3—4 июля. Наряжал караулы, выставлявшиеся для достижения указанной цели. Обсуждал в революционном комитете план свержения Временного Правительства, распределял командные должности в восставших ротах. Развозил пулеметы, 4 июля вновь вывел роту на улицу, вопреки уговорам члена Исполнительного Комитета СС и РД и 5 июля вновь призывал 15[1]) роту к новому выступлению против Временного Правительства. (Показали свидетели: Крыгин, Максимов, Молодцов, Лебедев, Муханов, Костарев, Беляев, Реутов, Васильев, Шипель, Чистосердов, Гр. Смирнов, Небылов, Рассказов, Царьков, Жилин, Волков, Емельянов.)

5) Жилин Александр, 13 роты, принадлежа к коллективу большевиков полка, организовал коллектив и стоял во главе его, постоянно призывал к недоверию Временному Правительству и к свержению его, говоря, что «нас Временное Правительство расформировать не может, а мы его можем», и 3 июля фактически руководил восставшей 13 ротой. (Показали свидетели: Постельников, Максимов, Петрунин, Горнштейн, Грабек, Чистосердов, Рассказов, Казаков, Бунга, Курочкин, Лавригайтис, Прокофьичев, Тамбовцев, Шофер и Войтинский.)

6) Маслов Григорий, ефрейтор 2 роты, принадлежа к партии большевиков, призывал к вооруженному выступлению и свержению Временного Правительства и требовал 3 июля выступления 2 роты из казарм, стрелял 4 июля на Невском из пулемета. (Показали свидетели: Яковлев, Соколовский, Чистосердов, Усиков, Дюрибаум[1]), Васильев и Карев.)

7) Солдат 8 роты Иван Казаков, принадлежа к коллективу большевиков в полку и состоя членом Военной Организации партии большевиков, выступал в полку как до 3 июля, так и в этот день на полковом собрании, призывал полк к вооруженному выступлению против Временного Правительства и свержению его, а равно «бить буржуев». Поддерживал связь между Военной Организацией и коллективом своего полка. Был избран полковым собранием 3 июля делегатом в Кронштадт с целью склонить гарнизон Кронштадтской крепости к совместному выступлению с полком, фактически выехал в Кронштадт и возвратился оттуда с одним матросом с судна «Рында» и 20 дру-

[1]) Так в подлиннике.

гими вооруженными матросами. (Показали свидетели: Мершек, Ионов, Крушиков, Киселев, Кошелев, Рассказов, Жигалин, Бунга, Царьков, Безбородов и Лебеденко.)

8) Ефрейтор 16 роты Павел Кошелев. 3 июля на полковом собрании призывал немедленно к вооруженному выступлению для свержения Временного Правительства. Тем же собранием был избран делегатом в Кронштадт, выехал туда, склонил из гарнизона крепости матросов в числе около 2.000 человек к совместному с 1 пулеметным полком для означенной цели вооруженному выступлению, с коими и прибыл в Петроград, участвовал с ними в вооруженном выступлении в городе Петрограде и затем занял Петропавловскую крепость. (Показали свидетели: Головин, Дмитриевский, Миндрум, Васильев, Гаевский, Казаков и Медведев.)

9) Солдат 4 роты Дмитрий Диденко. 3 июля с намерением понудить отдельных солдат полка к выходу на улицу, — для осуществления указанной цели, совместно с некоторыми другими солдатами обходил роты полка и полковую канцелярию, требуя брать оружие и присоединиться к восставшим, угрожая неподчиняющимся его требованиям посадить их на штык. (Показали свидетели: Агуреев, Игнатов, Мухамедиев, Костылев и Сосков.)

10) Солдат 4 роты Андрей Поляков. Состоя членом Военной Организации партии большевиков, он 3 июля поднял свою роту, позвал ее на полковое собрание от имени Военной Организации большевиков, склонял солдат, объединившись вокруг этой организации, с другими частями гарнизона вооруженной силой свергнуть Временное Правительство и передать всю государственную власть Советам Солдатских и Рабочих Депутатов. В тот же день вооружал пулеметами грузовые автомобили, на одном из которых совместно с прапорщиком Семашко объезжал другие воинские части, призывая их присоединиться к вооруженному восстанию. В тех же целях выезжал в Ораниенбаум, место расположения 3 батальона своего полка. (Показали свидетели: Понитащенко, Сосков, Кобяк, Грибков и Быков.)

11) Солдат 4 роты Арсений Паршин. 3 июля обходил роты своей части, понуждал отдельных солдат поддержать восставших, угрожая отказывающимся штыком. (Показали свидетели: Агуреев, Игнатов, Мухамеддиев и Костылев.)

12) Младший унтер-офицер 4 роты Павел Пыхтин. 3 июля выстроил свою роту, в целях удержания желавших уклониться от участия в выступлении, произвел перекличку и угрожал расправиться как с таковыми уклоняющимися, также и с офицерами. Призывал солдат к свержению Временного Правительства, а 4 июля, будучи избран большевиками своей роты в ротные командиры, склонял солдат не подчиняться призыву Совета Рабочих и Солдатских Депутатов воздержаться от дальнейших выступлений. (Показали свидетели: Камалетдинов, Понитащенко, Мухамеддиев, Кузьмин, Кобяк, Лермонтов, Игнатов и Агуреев.)

13) 4 роты Камалетдинов. 3 июля призывал солдат своего полка к вооруженному выступлению для свержения Временного Правительства, не давал говорить, затыкал рты не сочувствующим выступлению роты, выгонял отдельных солдат из казарм, силою понуждая их присоединиться к восстанию; когда рота уже выступила, то командовал взводом, распоряжался о снабжении бензином автомобилей, вооруженных пулеметами; 4 июля, когда был получен приказ Совета Рабочих и Солдатских Депутатов о невыступлении, уговаривал не подчиняться ему, говоря — «это провокация, и исполнять мы не будем». 6 июля уговаривал солдат не отвозить оружие. (Показали свидетели: Игнатов, Кобяк, Грибков, Быков, Андрианов и Понитащенко.)

14) Фельдфебель 8 роты Минкин. 3 июля снарядил предназначавшийся для активного участия в свержении Временного Правительства автомобиль, устанавливая на него пулеметы, и отправил этот автомобиль. (Показал свидетель Вас. Баранов.)

15) Взводный унтер-офицер 2 роты Вознесенский. 4 июля принял на себя окарауливание дома Кшесинской, в коем заведомо для него находилась Военная Организация, руководившая восстанием, куда отвел и поставил караул, начальником коего он являлся. (Показали свидетели: Шихов, Губанов и Павленко.)

16) Фельдфебель 2 роты Шаповалов с целью охраны Военной Организации, руководившей заведомо для него восстанием, собрал караул, назначил караульного начальника и выслал этот караул к дому Кшесинской, в котором находилась эта Организация. (Показали свидетели: Вознесенский и Анисимов.)

17) Младший унтер-офицер 16 роты Семен Сергеев Муханов — вошел по избранию роты в состав революционного комитета и в качестве его члена и в целях осуществления разрабатывавшихся им планов свержения вооруженной силой Временного Правительства, передавал распоряжения комитета в свою роту о назначении командира роты, об отправлении роты в Петропавловскую крепость, куда сам и отвел таковую. (Показали свидетели: Головин, Беляев, Реутов, Вахрамеев, Пр. Дмитриевский, Миндрум и Ляшкин.)

18 и 19) 2 роты младшие унтер-офицеры Федор Петрунин и Василий Яковлев. 3 июля во главе своей вооруженной роты, направлявшейся к Таврическому дворцу, месту заседания Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, несли плакат с надписью: «Помни, капитализм, булат и пулемет сокрушат тебя».

20) Младший унтер-офицер Георгий Иванович Зайцев. 3 июля в 4 часа дня вызывал охотников для несения караульной службы в доме Кшесинской, в котором находилась Военная Организация большевиков, заведомо для него руководившая восстанием, и 5 числа вновь послал туда же караул.

В таковых деяниях прапорщика Семашко и 19 упомянутых солдат 1 пулеметного полка заключаются признаки преступления, предусмотренного 51 и 100 ст. ст. уг. ул.

В виду изложенного члены Особой следственной комиссии постановили: привлечь прапорщика Семашко и пулеметчиков Головина, Ильинского, Романова, Жилина, Маслова, Казакова, Кошелева, Диденко, Полякова, Паршина, Пытхина, Камалетдинова, Минкина, Вознесенского, Шаповалова, Муханова, Петрунина, Яковлева и Зайцева в качестве обвиняемых по признакам 51 и 100 ст. ст. уг. ул., предъявив им изложенные выше обвинения.

Подполковник *Украинцев.*
Товарищ прокурора *Наказный.*
Подполковник *Бородин.*
Чиновн. воен. времени главного военно-судного управления
Мелик-Шахназаров.

Постановление [1]).

В дополнение к постановлению от 18 июля 1917 года члены Особой следственной комиссии, обсудив собранный материал по вопросу об участии 1 пулеметного полка в восстании 3—5 июля сего года, находят следующее:

3 июля днем в Ораниенбаум явились неизвестные солдаты, назвавшиеся делегатами от 1 пулеметного полка, и предложили батальону приготовиться в выступлению в вооруженном виде в гор. Петроград для свержения Временного Правительства, заявив, что расположенные в Петрограде батальоны уже приступили к выполнению намеченного плана. Прибывшими часть гарнизона была собрана на плацу, где этот вопрос и был подвергнут обсуждению. В ночь с 3 на 4 июля вопрос о выступлении Ораниенбаумского гарнизона был подвергнут обсуждению, кроме того, в местном Совете Солдатских и Рабочих Депутатов, который постановил выступить на утро в Петроград. Особенно активное участие в разрешении вопроса о выступлении принял солдат 11 роты Спец. Он лично поехал в Петроград, явился в Таврический дворец, где застал заседание фракции большевиков Советов С. и Р. Д, в котором из солдат полка приняли участие Казаков, Жилин и Ильинский. По окончании совещания Спец, совместно с делегатами других частей, узнал от Жилина, Казакова и Ильинского о состоявшемся решении полков 1 пулеметного, 180 и Московского: выступить в тот же день с оружием в руках против Временного Правительства. Из Таврического дворца Спец совместно с Жилиным, Казаковым и Ильинским направился в дом Кшесинской, где происходило совещание Военной Организации при участии Троцкого и Шибаева, которое затем дало поручение делегатам отправиться в свои части и постараться удержать их от выступления с тем однако, что, если полки все-таки решат выступить, возвратиться в Военную Организацию для получения соответствующих инструкций.

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 36.

О полученных указаниях Спец, приехав в Ораниенбаум, доложил ротному комитету, а вечером 3 июля вновь поехал в Петроград в Военную Организацию, где узнал о состоявшемся за время его отсутствия окончательном постановлении этой организации выступить в 8 часов утра всем полкам с оружием в руках. Лично Спец тогда же и там же получил приказание упоминавшегося Шибаева вызвать в Петроград по постановлению Военной Организации Ораниенбаумский гарнизон с оружием в руках в боевом порядке, что Спец и сделал, отправив телефонограмму на имя фельдфебеля 11 роты.

В результате постановления местного Совета С. и Р.Д. и участия в организации восстания Спеца 3 батальон 1 пулеметного полка с утра выехал в город Петроград с оружием, пулеметами и снаряжением, а прибыв в Петроград частично, принял участие совместно с другими воинскими частями Петроградского гарнизона в попытках насильственного свержения Временного Правительства в целях передачи всей государственной власти Советам Солдатских и Рабочих Депутатов.

Принимая во внимание изложенное и данные при допросах свидетелями показания, члены Особой следственной комиссии находят, что 11 роты Евдоким Иванов Спец, 10 роты Николай Цикунов, 12 роты старший унтер-офицер Александр Степанов Клопов, Хвесюк, Кашинцев и Студинский достаточно изобличаются в том, что в период времени с 3 по 5 июля 1917 года в гор. Ораниенбауме и Петрограде, заранее согласовавшись между собой и другими лицами и действуя заведомо сообща с ними, приняли участие в вооруженном выступлении для насильственного свержения Временного Правительства и передачи всей государственной власти Советам Солдатских и Рабочих Депутатов и оказали вооруженное сопротивление войскам, высланным Временным Правительствам для подавления восстания, причем из названных лиц для осуществления указанной выше цели:

1) Евдоким Спец 3 июля посещал дом Кшесинской, в котором находилась Военная Организация, заведомо для него постановившая о вооруженном выступлении для свержения Временного Правительства и передачи всей власти Советам Солдатских и Рабочих Депутатов, передавал в 3 батальон все распоряжения Военной Организации, касавшиеся этого выступления, выставил часовых в Ораниенбауме к телефону для обеспечения связи с революционным комитетом, избранным полком в Петрограде, в ночь на 4 июля отправил из Петрограда в Ораниенбаум на имя фельдфебеля 11 роты телефонограмму о вызове 3 батальона в Петроград от имени Военной Организации «для поддержки товарищей», вследствие отправления каковой телефонограммы, батальон в действительности утром 4 июля выступил в Петроград, — встретил 4 июля прибывший в Петроград батальон на вокзале и требовал, вопреки уговорам некоторых офицеров и солдат возвратиться в Ораниенбаум на том основании, что полк их не вызывал, — чтобы прибывшие поддержали восставших. (Показали свидетели: подпоручик

Пузицкий, Лемков, Шведов, Максимчук, Соловьев, Зулин, подпоручик Евфбрицкий [1]), Ородлев [1]) и Зуев).

2) Николай Цикунов в ночь с 3 на 4 июля, узнав о постановлении Ораниенбаумского Совета С. и Р. Д. выступить с оружием в руках в Петроград для свержения Временного Правительства, ночью же явился в свой батальон, распорядился, чтобы был приготовлен солдатам ранний обед, давший бы им возможность с утренним поездом выехать в Петроград, утром будил солдат и заявлял им о выступлении по распоряжению Петроградского Совета Р. и С. Д. и, прибыв в тот же день утром в Петроград, вопреки уговорам офицеров, настаивал на выступлении совместно с восставшим войсками Петроградского гарнизона, каковыми уговорами и склонил часть своего батальона присоединиться к восставшим. (Показали свидетели: Чураков, Платонов, Лысков, Дучек, Зыков.)

3) Александр Клопов 4 июля в Ораниенбауме выстроил роту для отправления ее в Петроград и фактически повел ее, несмотря на уговоры офицеров той же роты прапорщиков Кинцеля и Савчика задержать отправление роты хотя бы для [1] выяснения действительности телефонограммы о вызове батальона. (Показали свидетели: Кинцель и Савчук.)

4) Хвесюк, Кашинцев и Студинский 4 июля обходили отдельные дома, где жили некоторые солдаты полка, и выгоняли этих солдат из домов, понуждая их присоединиться к восставшим, отправлявшимся в Петроград, и угрожая в противном случае заколоть их. (Показали свидетели: Ридвкин [1] и Бочаров).

В таковых деяниях пулеметчиков Спеца, Цикунова, Клопова, Хвесюка, Кашинцева и Студинского заключаются признаки преступления, предусмотренного 51 и 100 ст. ст. угол. улож.

В виду изложенного члены Особой следственной комиссии постановили: привлечь пулеметчиков Спеца, Цикунова, Клопова, Хвесюка, Кашинцева и Студинского в качестве обвиняемых по признакам 51 и 100 ст. ст. угол., улож. предъявив им изложенные выше обвинения.

20 июля 1917 года.

Председатель подполковник *Украинцев*.
Товарищ прокурора *Наказный*.
Члены: подполковник *Бородин*.
Вольноопределяющийся *Пульхеров*.
С подлинным верно: вольноопред. *Л. Пульхеров*.

Настоящая копия препровождается г. прокурору Петроградского окружного суда.

28 июля 1917 г.
№ 22.

За председателя Особой следственной комиссии товарищ прокурора *Наказный*.

---

[1]) Так в подлиннике.

Протокол [1]).

1917 г. июля 19 дня, член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., подполковник Бородин допрашивал нижепоименованного, в качестве обвиняемого, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Зовут меня Яков Максимович Головин, солдат 16 роты 1 запасного пулеметного полка, 31 года от роду, православный, грамотный, не судился, крестьянин Курской губ. Старо-Оскольского уезда Знаменской волости, деревни Нижней Опочки, постановление Особой следственной комиссии от 18 июля с. г. [2]) о привлечении меня в качестве обвиняемого по 51 и 100 ст. ст. угол. улож. мне предъявлено; я признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении и объясняю: к коллективу большевиков полка я не принадлежал, а всегда был беспартийным. С прапорщиком Семашко я знаком не был. К свержению Временного Правительства я призывал выступить организованно совместно со всеми воинскими частями Петроградского гарнизона, но предостерегал от единичного выступления наш полк. В состав революционного комитета я не входил и совместно с ним никаких обсуждений не имел. Личное участие в вооруженном выступлении полка с целью свержения Временного Правительства я принимал, но никого к тому выступлению не вынуждал. Общее собрание полка 3 июля было собрано не мною, а полковым комитетом, члены которого совместно с членами ротных комитетов в этот день призывались в Исполнительный Комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и желали испросить у полка наказ; но вскоре до открытия собрания поступило от Исполнительного Комитета извещение, что явка членов полкового и ротных комитетов отлагается до 5 июля. Тогда председатель полкового комитета заявил, что он находит настоящее собрание не нужным, а в ответ на это из среды собравшихся раздались голоса, требующие, чтобы собрание не расходилось, а обсудило вопрос о необходимости выступления полка на улицы Петрограда с целью свержения Временного Правительства и передачи власти Советам. После этого председатель комитета предложил избрать председателя собрания. Собрание назвало троих кандидатов, в число которых вошел и я; кандидаты подверглись баллотировке и большинством голосов председателем собрания был избран я. По избрании меня я открыл собрание. Секретарем собрания по предложению председателя полкового комитета остался секретарь этого комитета вольноопределяющийся Гибель, который вел протокол собрания, записывал ораторов, и проверял мандаты посторонних лиц, явившихся на это собрание и желавших выступать с речами. Большинство ораторов призывало полки к немедленному выступлению с оружием в руках; из таких ораторов помню Кошелева, солдата 16 роты нашего полка, другие были неизвестные мне лица в большин-

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 14, л. л. 50—52.

[2]) Слова: «о привлечении ..... улож.» — над строкой.

стве посторонние. По окончании полкового собрания я по постановлению полка подписывал делегатам из нашего полка мандаты, с которыми они должны были явиться в другие полки для извещения о выступлении нашего полка. Больше добавить ничего не имею. Показание мне прочитано. Вписано: «о привлечении меня в качестве обвиняемого по 51 и 100 ст. ст. угол. улож.». *Яков Головин.*

Член Особой следственной комиссии подполковник *Бородин.*
Чиновник военного времени *Мелик-Шахназаров.*

Протокол [1]).

1917 г. июля 21 дня, член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г. в г. Петрограде [2]), допрашивал нижепоименованного, в качестве обвиняемого, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Зовут меня Иван Федорович Казаков, ефрейтор 8 роты 1 запасного пулеметного полка, 22 лет от роду, православный, грамотный, не судился, крестьянин Казанской губ. и уезда, Алатской волости, деревни Шуманы, постановление Особой следственной комиссии от 18 июля с. г. о привлечении меня в качестве обвиняемого по признакам 51 и 100 ст. ст. угол. улож. мне предъявлено. Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении и объясняю: я принадлежал к коллективу большевиков в полку и состоял членом [3]) Военной Организации партии большевиков; 3 июля я выступал на полковом собрании, но не только не призывал к вооруженному выступлению, но, наоборот, говорил против такого выступления. После полкового собрания я, действительно, был избран делегатом в Кронштадт, но поехал туда лишь для извещения местного гарнизона о выступлении нашего полка. Избрание свое в делегаты я принял под угрозой смерти со стороны всего собрания. В Кронштадте я обратился в местный Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских депутатов с извещением о готовящемся 3 июля в 5 часов вечера выступлении нашего полка на вооруженную демонстрацию. Затем вместе с членами Кронштадтского Исполнительного Комитета я был на митинге на Якорной площади, где сделал перед собравшимися то же сообщение о выступлении нашего полка. Собрание ранее уже было осведомлено об этом, а потому извещение мое было принято ими холодно, но все же собрание избрало делегацию человек в двенадцать, которую отправило со мною в Петроград для осведомления о происходящих там событиях; никого из этих делегатов назвать не могу; к делегации присоединился какой-то матрос с «Рынды». Добавляю, что в Кронштадте со мною был послан и ездил солдат Кошелев, с которым мы действовали все время сообща. Вернувшись из Кронштад-

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 14, л. л. 76—78.

[2]) В подлиннике опущена фамилия члена Особой след. комиссии,— в данном случае Бородина, см. подпись в конце документа.

[3]) Слово в подлиннике исправлено.

та, я отправился к себе в полк и лег спать. Кошелев остался в Кронштадте, а с Кронштадтскими делегатами мы расстались в Петрограде на пристани у Николаевского моста. На следующий день, т.-е. 4 июля, я все время провел в Таврическом дворце в Исполнительном Комитете Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а 5 июля просидел у себя в роте. На улицах Петрограда в вооруженных демонстрациях я никакого участия не принимал. Больше добавить ничего не могу. Показание мне прочитано. Исправлено «членом». *Иван Казаков.*

Члены [1]) Особой следственной комиссии подполковник *Бородин.*
Чин. воен. врем. *Мелик-Шахназаров.*

Протокол [2]).

1917 года августа 11 дня, член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Временного Правительства от 9 июля с. г., товарищ прокурора Наказный допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Константин Федоров Реутов, 27 лет, подпрапорщик 16 роты 1 пулеметного полка, православный, не судился, кр. Воронежской губ. и уезда, Подгорненской вол., с. Подклетное, женат, детей не имею, у отца в деревне земля, дом, полное хозяйство, я лично недвижимого имущества не имею, кавалер ордена св. Георгия всех четырех степеней, два раза ранен и контужен.

Постановление о привлечении меня в качестве обвиняемого по настоящему делу мне прочитано, и обвинительный пункт мне разъяснен. В предъявленном мне обвинении я себя виновным не признаю. 3 июля председатель ротного комитета и ротного собрания Романов сказал мне: «Реутов, ты поведешь роту», но куда и с какой целью — не объяснил. Муханов же, входивший в состав революционного комитета, руководившего выступлением, сказал мне, что 4 батальон и наша рота пойдут по Сампсониевскому проспекту на Петроградскую сторону, к дому Кшесинской. Мы выступили около 7—8 часов вечера, у дома Кшесинской простояли полчаса, речей я не слыхал, стоял далеко. Наша рота шла последней по порядку. Здесь Муханов мне сказал, что нужно итти занять Петропавловскую крепость; зачем это нужно было сделать, мне Муханов не объяснил. Вероятно, он получил такое распоряжение от революционного комитета. От неизвестных мне лиц я не получал приказания занять крепость и об этом никому не говорил. Точно также мне не было известно, что такое распоряжение исходило от Военной Организации в доме Кшесинской и что об этом была получена из Организации телеграмма в роте. Когда мы двинулись к крепости, к нам

---

[1]) Так в подлиннике.
[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 14, л.л. 197—198.

присоединился еще Ильинский. Оставив роту у ворот, я, Ильинский, Муханов, Тарасов и Вахрамеев вошли во двор крепости, где нас встретил комендант. Один я предварительно в крепость для переговоров с комендантом не входил. На вопрос коменданта, что нам нужно, кто-то из нас сказал: «для усиления караула». Комендант принял нас «с большим удовольствием», спросил только, кто же нас послал в крепость. Ильинский на это ответил, что «революционные солдаты никаких приказаний не ожидают». По указаниям коменданта были расставлены караулы, три пулемета были поставлены на вышке, один против арсенала, а остальные — восемь — во дворе. Всех пулеметов с нами было 12. Рота выступала почти вся, за исключением 1 литерной команды, которая несла службу. На утро я ездил в роту похлопотать относительно пищи, причем вместе со мной приехал в крепость на автомобиле фельдфебель Старов, но вовсе не для усиления караула, о чем я ему не говорил, а потому, что в крепости была его команда. 3 стрелковый батальон нас не приглашал в крепость. Привозились ли еще пулеметы в крепость утром 4 июля, я не знаю.

Свое прежнее показание я подтверждаю и более добавить ничего не имею.

Прочитано. *Реутов.*

Член Особой следственной комиссии *Наказный.*

IV.

180 ПЕХ. ЗАПАСНЫЙ ПОЛК.

Протокол № 29 [1]).

общего собрания всех комитетов и части офицеров 180 пех. зап. полка, состоявшегося в среду 28 июня 1917 года [2]).

Председатель собрания прапорщик Долматов.
Секретарь прапорщик Тер-Арутюньянц.
Тов. секретаря ефр. Прокопенко.

Повестка дня:

1. Наказ делегатам.
2. Об отпусках.
3. Вознаграждение депутатам солдатам В[асил.] О[стр.] районного Совета.
4. Об общих собраниях.
5. Текущие дела.

---

[1] А. О Р., ф. 349, д. № 13. Перед заголовком чернилами написано: «Наказ, представленный прапорщиком Тер-Арутюньянцем председателю Чхиедзе в ночь на 4 июля».

[2]) Чернилами вписано: «председатель собрания прапорщик Долматов, секретарь прапорщик Тер-Арутюньянц, тов. секретаря ефр. Прокопенко».

В 11 часов председатель собрания заседание объявляет открытым. Присутствует более $^1/_2$ всех членов.

Прапорщик Цуран-Суранов предлагает почтить память убитого во время разведки прап. Иванова. Все присутствующие встают. По предложению подпоручика Гая почитается вставанием и память павших товарищей 50 дивизии.

Собрание переходит к рассмотрению повестки дня.

1. Вносятся предложения о делегатах на фронт:

а) Предложение прап. Цуран-Суранова: «Делегаты, не бывшие на фронте, но вошедшие в списки маршевых рот, отправляются на фронт в качестве делегатов и остаются там». За — 98 голосов. Принимается.

б) Предложение: «Делегатов на фронт выбрать только из эвакуированных» — отклоняется большинством.

2. По вопросу о порядке обсуждения наказа вносится несколько предложений: а) выслушав делегатов, а потом приступить к обсуждению наказа; б) выработать наказ и передать делегатам, не выслушав последних ни до, ни после выработки наказа; в) выработать наказ, а затем выслушать делегатов. Принимается большинством второе предложение: «Выработать наказ и передать его делегатам, не выслушивая их».

3. Вносится прап. Долматовым предложение: «Выработать резолюцию только по тем вопросам наказа, которые не рассмотрены на предыдущих общих собраниях». Принимается единогласно.

4. Собрание приступает к обсуждению следующих вопросов наказа: 1) о войне; 2) о власти: отношение к Петроградскому Совету Р. и С. Депутатов, к Всероссийскому Съезду Советов и к Временному Правительству; 3) о наступлении и пополнении 50 дивизии; 4) о земле.

1) По вопросу о войне докладчиком выступает прап. Долматов. Резолюция его принимается при 5 гол. против и 6 гол. воздержавшихся.

2) По остальным вопросам докладчиком выступает прапорщик Куделько.

Резолюция Куделько по этим вопросам принимается единогласно, кроме резолюции его о власти, которая принимается при двух воздержавшихся.

Наказ прилагается к настоящему протоколу.

5. Вносится предложение об освидетельствовании тех делегатов, которые останутся на фронте: «делегаты освидетельствуются в первую очередь». Принимается единогласно.

6. Далее, обсуждается вопрос о краткосрочных отпусках товарищей солдат, назначенных к отправке на фронт. Во время обсуждения вопроса вносится предложение о поверке кворума собрания. После поверки кворума не оказывается, и заседание закрывается в 16 часов.

Подлинный с надлежащими подписями.

С подлинным верно: тов. секретаря ефрейтор *Прокопенко*.

Прилож. к протоколу № 29.

Наказ делегатам 180 пех. зап. полка в 50 дивизию.

О войне.

В первые же дни после свержения Николая кровавого с его сворой насильников и грабителей вся революционная демократия громко заявила о своем желании окончить войну. Скоро уже будет 4 месяца, а война длится, пожирая новые и новые жертвы. Подумав над вопросом, почему это так, мы должны сказать следующее:

Постепенно вместе с изобретением и усовершенствованием машин европейские государства стали вырабатывать продуктов больше, чем их нужно для страны. Тогда появилась потребность вывозить эти продукты за границу в те места, где промышленность отстала и не удовлетворяла местных жителей. Это вызвало конкуренцию между капиталистами разных стран, погоню за новыми рынками сбыта продуктов своей промышленности. Буржуазные правительства Германии, Англии, Франции, Италии и других государств устремились завладать малокультурными народами Азии, Африки, Австралии и островов. В этом деле завоевания капиталисты не стеснялись применять самые позорные приемы.

Стоны насилуемых, вопли голодных, проклятия ограбленных, трупы расстрелянных и повешенных — вот следствие завоеваний капиталистов, вот что в частности делают Германия в колониях, Англия тоже в колониях и в богатейшей когда-то Индии, Россия — в Персии.

Трудовой народ всех стран уже не мог иметь дорогую машину и, чтобы не умереть с голоду, должен был наниматься [к] заводчику и фабриканту на каких угодно условиях. Капиталисты могли пользоваться рабочим так, как им хотелось. Но и этого им было мало. Золото прельщало их, золото заставляло их ссориться между собою.

Русские грабители завидовали германским, германские — английским. Имея в своем распоряжении угнетенную массу трудящихся, они время от времени посылали ее отнимать от своих соперников землю и золото, т.-е. устраивали войны. В промежутках между войнами они вооружались, стремясь наделать больше пушек и снарядов, изготовить крепче укрепления, изобрести новые орудия и средства и построить сверх и сверх-сверх дредноуты и подводные лодки. И все это во имя мира. «Ждешь мира — готовься к войне», говорили они и, конечно, не соглашались с нами, когда мы указывали, что наоборот, если хочешь мира, то не делайте никто всех этих предметов, специально назначенных на избиение людей. Так и шло. Капиталисты всех стран грабили, завидовали друг другу и вооружались. Следствием всего этого должно было [1]) разразиться мировая война и есть эта бойня.

---

[1]) Так в подлиннике.

Чтобы скрыть свою вину и ответственность, капиталисты одурманивали народы своими красивыми баснями, своими подлыми и лживыми слезами о самозащите. Русское и английское правительство проповедывало о германской опасности, «бронированном кулаке», а германское — дурачило свой народ «славянской опасностью». Все во имя «самозащиты» бросились друг на друга, во имя сохранения себя устремились уничтожать другого. И вот скоро уже три года, как все народы «самозащищаются», уничтожая друг друга и в то же время себя. Крестьяне и рабочие гибнут и разорены, а заводчики, фабриканты и торговцы, пристроившись в тылу, «работают на оборону», наживая и преувеличивая благосостояние своих сундуков.

Теперь нам ясно, что эта бойня началась и ведется ради выгод грабителей и что они должны ответить за слезы матерей, потерявших сыновей, и за стоны искалеченных, измученных и голодных. И мы потребуем опубликования всех тайных договоров, в которых говорится о грабительских замыслах всех стран. Пусть эти договоры станут документами, которые мы покажем всему пролетариату как одно из главных доказательств, что капиталисты всех стран—виновники этой войны. Это разгонит ядовитую дурманящую атмосферу бойни, раскроет глаза всем народам и заставит их потребовать у виновных отчета. А что скажет в свое оправдание буржуазия? Что пролепечет она, когда пролетариат грозно скажет: «Не ты ли променяла нашу кровь на золото? Прочь, убери твои запятнанные нашей кровью руки. Довольно смерти и голода, долой империалистическую бойню». Этим именно путем, путем разрыва с капиталистами, и союза с трудящимися всех стран желаем заключить между всеми народами мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций. Но чтобы уверовали они в нас, нам самим нужно быть сильными, нам самим надо быть свободными от власти капиталистов. А посмотрите кругом. Опубликованы ли договоры? Нет. Какова внешняя политика? Раньше был Милюков-Дарданелльский, а теперь богач-сахарозаводчик Терещенко. Какова их политика? Милюков два месяца дурачил русский народ, два месяца на словах был за мир без аннексий, а перестал быть министром и на 8 съезде партии народной свободы в Петрограде с гордостью заявил своим единомышленникам, что он за эти два месяца не дал союзникам повода думать, что Россия отказалась от Дарданелл и Константинополя.

Теперешний министр Терещенко по-старому пляшет под дудку западных капиталистов и ни за что с ними связи не порвет. Министр внутренних дел князь Львов тормозит всеми силами работу на местах. Промышленность, и продовольствие и торговля по-старому в руках фабрикантов и торговцев, которые не потеряли своих аппетитов и борются с трудящимися закрытием заводов, фабрик и лавок. Дело народного просвещения топчется на месте и т. д. и т. д. Мы — самый свободный народ, терпим все это. Терпим своих министров-капиталистов и в то же время хотим, чтобы западные народы восстали против своих капиталистов. Бесплодная надежда, которая продолжаться долго не

может. Если мы хотим мира, такого, который обеспечил бы навсегда мир всему миру, дал бы нам свободу и независимость от иностранных капиталистов (будь то германский, или английский, или американский — все равно), то мы должны стремиться помочь нашим товарищам на Западе свергнуть своих капиталистов, а для этого нам самим надо сделать это и взять государственную власть в свои руки в лице Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. Только тогда, когда власть будет всецело в наших руках, только при этом условии сможем заключить почетный мир, только тогда мы добьемся исполнения всех наших желаний. Без этого нет мира, нет свободного труда и не будет земли.

О власти.

Отношение к Петроградскому С. Р. и С. Д. и Всероссийскому Съезду С. Р. и С. Д. и Временному Правительству.

1) Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, являясь органом власти демократии, т.-е. народа, в своей политике поступает так, как желают руководящие в нем политические партии. Солдатские и рабочие массы, посылавшие своих депутатов в Совет, могут в любое время отозвать тех депутатов, которые не выражают в Совете их желаний. В Петроградском Совете ранее наблюдалось сильное течение партий соглашателей с капиталистами, таких партий, которые не стойко охраняли интересы бедноты и пролетариата, не стремились повести решительную борьбу за мир, наоборот, находясь на поводу у русских капиталистов, а за ними и у иностранных капиталистов, затягивают войну за грабительские договоры. Такие же течения наблюдаются во Всероссийском Съезде Советов. Там преобладают партии соглашателей и так называемых оборонцев, которые являются в действительности не истинными социалистами. Таким образом все зависит от личного состава Совета. За последнее время в Петроградский Совет Р. и С. Д. рабочие и солдаты производят усиленные перевыборы: они посылают туда таких депутатов, которые вместе с истинными социалистами, вместе с вождями революционной демократии будут бороться за переход власти в руки самого народа, после чего возможно прекращение позорной бойни, борьба с мародерством тыла, только тогда можно сказать, что вся земля будет принадлежать трудовому народу. Кто будет стремиться к переходу власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, тот является истинным другом трудящихся масс и крестьянской бедноты.

Временное Правительство является государственной властью. Мы хотим, чтобы эта власть принадлежала Советам Р. С. и К. Д. Почему? Да очень просто. Временное Правительство—из 10 министров-капиталистов и 6 социалистов, которые находятся в плену у капиталистов и в своей политике часто делают то, что приводит в неописуемую радость капиталистов не только русских, но и капиталистов всех стран. Вот почему до тех пор, пока правительством не будет Совет Рабочих

и Солдатских и Крестьянских Депутатов, всякое другое правительство будет вызывать у нас недоверие. Слишком много нам пришлось пережить уроков в революции, чтобы верить капиталистам и тем, кто с ними соглашается в политике.

О наступлении и пополнении.

Как вы знаете, на войну мы смотрим, как [на] позорящую человечество бойню, где приходится нам умирать за чужие интересы капиталистов своих и других стран. Мы должны всюду, как на фронте, так и в тылу вести решительную борьбу против бойни за чужие интересы. Не смерть нам страшна, мы хотим, чтобы ни единой капли пролетарской крови не пролилось так, чтобы радовались капиталисты. Первым условием борьбы против такой войны — это опубликование тайных договоров, переход власти в руки Совета С. Р. и К. Д. До того немыслима борьба против бойни. До тех пор пока капиталисты заправляют политикой, всякое пролитие крови, всякое наступление на фронте не будет служить делу революционного пролетариата и крестьянской бедноты. С другой стороны мы должны стойко находиться на часах, каким является фронт. И мы, товарищи, это великолепно понимаем, нами шлются и пополнения, по мере требования, в нашу дорогу[ю] 50 дивизию. Мы должны быть связаны с вами, товарищи, чтобы общими усилиями добиться перехода власти в руки Совета С. Р. и Кр. Депутатов.

Товарищи, мы понимаем как тяжело быть на фронте среди лишений, не зная, что здесь, в тылу, делается в то время, когда решаются многие важные вопросы. Вот почему мы, посылая пополнение, вместе с тем просим вас, товарищи, присылать делегатов для освещения того, что делается у вас. Мы же будем как можно чаще присылать вам своих и полно освещать все, что творится у нас в Петрограде, где решается судьбы всех нас.

О земле.

Товарищи, мы в большинстве крестьянская беднота, наши нужды прежде всего земля. Земля должна принадлежать только тому, кто над ней трудится. Вот почему [1]) мы говорим: «вся земля трудовому народу без выкупа». Нас большинство, стало быть, наша воля — закон. Вот почему мы говорим, что правильно поступали те товарищи крестьяне, которые организованно, не портя инвентаря, через свои крестьянские комитеты засевали пустующие помещичьи земли. Ведь эта земля трудящихся, засев на пустующих землях в имениях богачей только увеличит тот хлеб, который будет собран и, стало быть, спасет от голода и недоедания.

Земля не может быть личной собственностью, а является достоянием всего государства. Формы землепользования установит Учреди-

---

[1]) Зачеркнуто: «Народу».

тельное Собрание. Признаем и требуем, чтобы женские батальоны смерти должны быть названы батальонами труда и отправлены в деревни на домашние сельские работы, где они принесут гораздо больше пользы родине.

Об отпусках.

Мы требовали 21 сего июня от Временного Правительства немедленной отмены приказа о прекращении отпусков в виду того, что отпускаемые необходимы для нетерпящих отлагательств полевых работ.

Если в течение недели приказ не будет отменен, то мы с постановлениями Временного Правительства считаться не будем. Прошел указанный срок — неделя, но отмены приказа еще нет. Потому мы по-прежнему отпускаем 10% наличного состава на полевые работы.

С подлинным верно: тов. секретаря, ефр. *Прокопенко*.

Инструкция [1]).

1. Организовать руководящий комитет для командования батальоном из членов нашей организации.
2. В каждой роте должны быть руководители.
3. Устроить ротные собрания и на них прочесть наше обращение.
4. Установить связь с Военной Организацией, назначив для этого немедленно двух товарищей к нам.
5. Поддерживать связь с соседними частями.
6. Проверять, кто и куда отправляет команды из частей; командам давать наши инструкции.
7. Быть наготове и не выходить из казарм без призыва Военной Организации.

Записка Тер-Арутюньянца [2]).

Тов. Куделько.

Сейчас еду в объедин. заседание П. К. и Воен. Орг.

По заявлению тов. Слуцкой, только что вернувшейся из П. К., Васил. Остр., Петроград. стор. и Выборг. стор. в наших руках. О выступлении или невыступлении решится, вероятно, к вечеру.

Из тов. Ц. К. никто не арестован.

Заседание Васильеостр. районного Совета Р. и С. Д. состоится в 6 час. вечера.

Ь районный комитет нашей фракции посылать все сведения о полке и все постановления полка.

Я приеду со [3]) сведен. подробн. *М. Тер-Арутюньянц.*

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 13 л. 1. «Инструкция» была обнаружена следствием в нескольких воинских частях; она отбита на пишущей машинке, не имеет подписи, на некоторых экземплярах имеется печать Военной Организации.

[2]) А. О. Р., ф. 349.

[3]) Зачеркнуто: «подр.».

В виду того что я ухожу на заседание Исполнительного Комитета, передаю дело тов. Горбачеву.

С. Куделько 5/VII—17 года [1]).

Извещение Военной Организации о прекращении демонстрации [2]).

Товарищу Куделько, прапорщ., Тер-Арутюньянцу прапорщ. [3]).

В ночь на 5 июля Цен. Ком. Рос. Соц.-Демокр. Раб. Партии постановил в виду того, что политические выступления солдат и рабочих 3 и 4 июля самым решительным образом подчеркнули то опасное положение, в которое поставлена страна, благодаря губительной политике Врем. Правит., демонстрации более не продолжать.

После этого решения Центр. Комит. сегодня же ночью сборной командой казаков и солдат — главным образом вольноопределяющимися и автомобилистами, под начальством офицера из штаба было произведено нападение на редакцию газеты «Правда», нападавшие заявили, что они действуют [4]) по приказанию главнокомандующего Петроградским военным округом — Половцева [5]). По их заявлению арестован будто бы т. Ленин и Центр. Комитет. Как выяснилось, т. Ленин и др. члены Центр. Ком. не арестованы. Половцев отрицает свое участие в этом разгроме [6]).

В редакции произведен разгром, взяты бумаги, арестованы товарищи, работавшие там ночью, и караул, которые затем были отпущены.

В связи с происшедшим событием сейчас происходит совещание Центр. Комитета Исполн. Комиссии Петерб. Комитета и Воен. Орган.

Впредь до вынесения решения совещанием, Воен. Орган. призывает товарищей солдат быть в полной готовности и без О-ва Военной Организации не выходить из казарм.

Секретарь Воен. Орган.

Адрес: 180 пех. п.

Показание [7]).

Я, прапорщик 180 п. з. п., Куделько, относительно событий 3—4 июля могу показать следующее: 3 июля вечером около 9 часов вечера ко мне на квартиру явились прапорщик Тер-Арутюньянц, вольноопре-

---

[1]) Текст: «В виду того»... до конца написан на обороте документа.

[2]) А. О. Р., ф. 349.

[3]) «Куделько, прапорщ., Тер-Арутюньянцу прапорщ.» — написано чернилами, остальной текст — на пишущей машинке. Извещение было разослано и в другие воинские части.

[4]) «Нападавшие заявили, что они действуют»... — вписано чернилами над строкой.

[5]) Так в подлиннике. Далее зачеркнуто: «так было заявлено нападавшими солдатами и офицерами».

[6]) Текст: «как выяснилось, т. Ленин и др. члены Центр. Ком. не арестованы. Половцев отрицает свое участие в этом разгроме» — вписан чернилами

[7]) А. О. Р., ф. 349, № 13, л.л. 54—55.

деляющийся 12 р. Крамер и двое солдат и, сильно волнуясь, сообщили, что в полку творится нечто неладное, а именно: около 5 час. подъехали на автомобилях вооруженные ружьями и пулеметами солдаты 1 пулеметного полка и призывали полк выступать, указывая, что уже много полков выступили, с целью передать власть С. Р. и С. Д.; пулеметчиков попросили в полковой комитет, где они вручили постановление своего п-го к-та о том, что их полк выступает.

Было созвано экстренное собрание п-го к-та и там решено не выступать без призыва Сов. Раб. С. и Кр. Деп., о чем и сообщено собравшимся солдатам; пулеметчики повели агитацию с угрозой пулеметами и так возбудили массу, что на призыв, по его словам, Тер-Арутюньянца, не выступать без призыва С. Р. и С. Д., кричали подстрекаемые пулеметчиками: «ты предался буржуям»; наконец, кое-как солдаты вняли голосу благоразумия и подчинились решению п-го к-та, но через некоторое время пулеметчики опять подъехали и опять стали вызывать полк; под влиянием агитации, угроз и подстрекательств безответственных лиц масса наэлектризовалась и выражала желание выступить; чтобы предотвратить катастрофу, сознательные товарищи предложили выбрать делегацию и отправить ее в Таврический дворец, узнать, правда ли, что Совет Р. и С. Д. призывает полки. В делегацию был выбран пр. Тер-Арутюньянц, вольноопр. Крамер и еще двое солдат; эта делегация, по их словам, направилась в Тавр. дв., но ввиду отсутствия трамваев она не смогла бы вернуться к назначенному сроку, и поэтому решили вернуться в полк и уговорить не выступать, отложив все до завтра. Делегация просила меня пойти в полк и помочь ей в этом деле. Мы все немедленно направились к полку; идя по Большому проспекту, мы увидели, что по 19 линии движется часть солдат с красным плакатом; впереди — незнакомый мне прапорщик, среди солдат было несколько офицеров. Делегация остановила выступивших и указала, что нельзя было выступать, не подождав ее. В это время начали подъезжать какие-то автомобили, нагруженные солдатами, и призывали выступать за Совет; на одном были солдаты и офицер, как они говорили, Павловского полка, и офицер призывал итти к Таврическому дворцу — там уже много собралось полков. Подъехало еще несколько автомобилей с вооруженными солдатами и призывали выступать; они въехали во двор Финляндского полка и кричали, выехав оттуда, что финляндцы решили тоже выступать и сейчас выйдут, — дайте им место на улице. Решили продолжать итти; я решился пойти, чтобы быть свидетелем события и предотвратить от безответственных поступков в дальнейшем; я ожидал, что появятся автомобили от С. Р. и С. Д. и разъяснят события дня. Но по дороге шныряли какие-то автомобили и призывали к продолжению пути. У Дворцового моста остановились, решая итти или не итти по Невскому; многие говорили, что не стоит итти, другие же говорили — все равно пойдем. Уже стало заметно темно. Идя по Невскому, можно было видеть, как разъезжали автомобили, некоторые из них были очень подозрительны; публика приветствовала; возле

Садовой стояла на улице толпа, при приближении она расступилась. Не доходя до Литейного пр., куда надо было сворачивать, можно было различить вдали черную массу; здесь шныряли автомобили; они заехали вперед и как-то странно расположились; какая была их цель — неизвестно; через некоторое время раздался одиночный выстрел, потом несколько ружейных впереди, затем открылась пулеметная пальба из нескольких пулеметов, как я представляю себе — один автомобиль открыл огонь в сторону от Николаевского вокзала, другие в противоположную сторону, и по бокам были выстрелы и с домов. От огня получился сплошной рев; часть солдат бросилась в боковую улицу и унесла меня; часть легла на землю. Через минуты 3—4 пальба прекратилась.

Мне удалось собрать часть солдат возле набережной и отвести их, сильно волнующихся, в казармы.

Вернувшись, я рассказал о событиях в полковом к-те.

На следующий день у солдат было тихое настроение.

Но подъезжавшие автомобили с кронштадтцами и некоторыми рабочими настаивали определенным образом к выступлению.

На обще-полковом собрании, которое, вернее, было митингом, пр. Тер-Арутюньянц сделал доклад о своем посещении с частью солдат Таврического дворца. Здесь безответственно многие призывали к выступлению; выступавшим против не давали говорить. Как было дальше — не знаю, ибо я был делегирован п-вым к-том на собрание представителей гарнизона.

Между прочим, одна характерная черта: пятого июля я сделал доклад в п-вом к-те о резолюции, принятой представителями гарнизона; после чего было предложено присутствовавшим вооруженным делегатам-кронштадтцам вернуться к себе; один из них, объясняя цель их прибытия в Петроград, указал, что они были вызваны пулеметчиками, которые сказали им, что пулеметы, взятые в 1 п. п. для отправления на фронт, не были отправлены туда и для разыскания их и товарищей они пригласили кронштадтцев. Прапорщик *Куделько*.

10/VII 1917 г. К написанному мною делаю, согласно вопросам, следующие словесные дополнения. Тер-Арутюньянц, пришедший ко мне в 9 часов 3 июля с. г., о цели делегации в Таврический дворец сказал мне, что он, как член делегации, уполномочен только разузнать от Исполнительного Комитета о взглядах Комитета на выступление, о желаниях полка Тер-Арутюньянц мне ничего не говорил. С подъезда дома, где мы живем, Арутюньянц пытался говорить по телефону как с полком, так и с Исполнительным Комитетом, однако разговора добиться ему не удалось, так как телефона почему-то не соединяли, о чем он мне сказал. Я настаивал на отправлении делегации в Таврический дворец хотя бы на автомобиле, или извозчике, но Арутюньянц указал на невозможность добыть эти [1]) средства сообщения. Шли мы в полк [2])

[1]) «Эти» — над строкой.

[2]) «Полк» — над строкой.

по 13 линии и Большому проспекту и повстречали полк, но если бы мы вышли несколько раньше, то полка не повстречали бы, так как он [1]), следуя по Среднему проспекту, свернул на 19 линию, где стоит Финляндский полк, и вообще не встретиться с полком мы могли. 4 июля Тер-Арутюньянц делал доклад на митинге о посещении им Таврического дворца. Показание мое записано верно и прочитано.

Прапорщик *Куделько*.
Член комиссии *В. Разумов*.

Протокол [2]).

1917 г., июля 13 дня в г. Петрограде в помещении гауптвахты 1 комендантского управления член следственной комиссии Разумов, согласно личному распоряжению г. председателя комиссии, допрашивал нижепоименованного с соблюдением 722 ст. у. у. с., и он показал нижеследующее:

Мкртич Карапетович Тер-Арутюньянц, 23 лет, прапорщик 180 пехотного запасного полка, младший офицер 5 роты, нахожусь под стражей в месте допроса, до этого же жил на Васильевском Острове, д. № 4, кв. 26, на 13 линии в г. Петрограде, армяно-грегорианского исповедания, окончил Владимирское военное училище 1 февраля с. г. Под судом никогда не был.

С шестого класса гимназии у меня сложились вполне определенные политические убеждения, как социалиста. По моему социальному положению, как происходящий из пролетарской среды и переживший 1905 и 6-й революционные годы, последующее реакционное время, я не мог не примкнуть к радикальному социалистическому движению. Мои политические убеждения в дальнейшем все более углублялись, и с 1913 года я разделял вполне платформу и программу социал-демократической рабочей партии большевистского крыла. Официально я числюсь в партии «большевиков-интернационалистов» с марта месяца с. г., мне выдан из Военной Организации при Петербургском, впоследствии при Центральном, Комитете Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, помещающейся в доме Кшесинской, партийный билет, находящийся сейчас [3]) у меня на квартире моей на Васильевском острове среди моих книг. Еще с годов гимназичества, с 4 класса, я помогал родителям материально, зарабатывая уроками, и помогал им до последних дней. По производстве моем в офицеры с 1 февраля с. г. я отсылал моим родителям в Елизаветполь деньги два раза — 75 рублей и 50 рублей и один раз в г. Баку больному брату гимназисту 20 рублей, других посылок не производил. В полку, в который я поступил 7 февраля, как говорили мне, числилось около 15.000 солдат, временами доходило до 20.000 человек. Помещение казарм было

[1]) Зачеркнуто одно слово.
[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 13, л. 36.
[3]) Слово: «сейчас» — над строкой.

чрезвычайно тесно для такого количества людей: солдаты спали частью на полу; помещение содержалось антигигиенично и антисанитарно; пища была ниже всякой критики, кормили гнилой рыбой [1]), тухлой кашей и пресловутой чичевицей. Все это сильно раздражало солдат, так что они не страшились выражать своего негодования открыто. В начале апреля с. г. для 8 маршевых рот нашего полка было отыскано помещение на Петроградской стороне на Каменноостровском проспекте, в бывшем кинематографе «Спортинг-Палас», куда они были переселены. Я остался на Васильевском острове при кадровой роте. К переселенным ротам я никогда не ходил, связи с ними не имел и даже не знаю, где находится их помещение, так как [2]) ни разу там не бывал. Какую роль и должность занимал в этих ротах прапорщик Долматов, я абсолютно не знаю. Я же был кооптирован культурно-просветительной комиссией полка, основанной Никифоровым, прапорщиком нашего полка. Я работал по политической секции этой комиссии. Политических собеседований с солдатами я не имел. Свои политические воззрения с точки зрения последовательного интернационализма я высказывал солдатам и офицерам на митингах и на общих полковых собраниях, когда возбуждался тот или иной политический вопрос. Во время предвыборной кампании в районные думы я, совместно с другими представителями блока за список № 6 [3]) Горбачевым и другими, устроил митинг, где выяснил муниципальную программу партии социал-демократов фракции большевиков. Предвыборную агитацию я вел согласно инструкциям, полученным членами партии большевиков за несколько дней до этого на собрании членов партии в их помещении. Моими сочленами по партии из нашего полка были прапорщик Куделько, рядовой 16 роты Кузнецов, рядовой той же роты Левоска и другие; прапорщик Долматов был только сочувствующим нашей фракции, но я не знаю, состоит ли он членом ее. С выяснением солдатам программы большевиков мне приходилось выступать не этот единственный раз, а и в других случаях—например, 10 июня сего года, когда предполагалась мирная манифестация, каковая была отложена на 18 июня по распоряжению как [4]) Всерос. Съезда Сов. Р. и С. Д., так и нашей фракции. На этом митинге, созванном 10 июня делегатами от съезда, я выступал как большевик на-ряду с представителями других течений политической мысли. На митинге этом выступал член Исп. Комитета Съезда прапорщик Крыленко, с которым я не знаком был до этого. На митинг я явился невооруженным и как в этот день, так и накануне вооруженным не приходил. Я приходил только с шашкой, которая не считается полным вооружением офицера. Плакатов, с которыми предполагалось выступить ко дню 10 июня, у солдат не было, их приготовили только

---

[1]) Зачеркнуто: «к».
[2]) «Как» — над строкой.
[3]) «За список № 6» — над строкой.
[4]) Зачеркнуто: «всер».

накануне 18 июня. Как член фракции [1]) большевиков, я по просьбе солдат, сочувствующих большевистскому течению, указал им лозунги, напечатанные в газете «Правда». Среди лозунгов был «Да здравствует газета «Солдатская Правда» для читателей ее в виду того, что в воззвании Исп. Комитета В. Съезда Сов. Депутатов [2]) указывалось на допустимость всяких политических лозунгов. Не помню, был ли лозунг на наших полковых [3]) плакатах: «Долой войну». Выступать мне приходилось еще при обсуждении на собраниях по поводу опубликования декларации прав солдата. Здесь я указывал собранию на логические противоречия, заключающиеся в этой декларации. Говорил я здесь об институте денщиков, который я и ранее принципиально не признавал. Из вождей нашей фракции я лично знаком только с Лениным, Зиновьевым; с ними я встретился на митинге в Путиловском заводе по поводу приговора над Ф. Адлером; встретился я с ними еще [4]) раз в доме Кшесинской, куда заходил по делам партии. Каменева, Троцкого, Колонтай и других я знаю только как ораторов, но лично не знаком. Партийной литературы среди солдат я лично никогда не распространял, но через солдат, сочувствующих нашей фракции, распространял, так как делал им указания, что по интересующим их вопросам нашей фракции они могут найти литературу в издательстве «Прибой» и в доме Кшесинской, куда сочувствующие солдаты и обращались. В сборе денег на [5]) организацию военного клуба 180 полка «Интернационал» я не участвовал, сбор производил товарищ Левоска 16 роты; он же был казначеем инициативной группы по организации вышеуказанного клуба. Я был председателем этой инициативной группы; создалась она в мае или в апреле и задачей ставила освещение [6]) научного социализма и всех политических течений на основе последовательного интернационализма. Идеи Квиэнталя [7]) и Циммервальда я разделял не вполне, а только с точки зрения последовательного интернационализма. В Кронштадте я никогда не бывал, 10 июня я не дожидался прибытия [8]) матросов из Кронштадта у Николаевского моста, но ранее встречал их, когда они прибыли для возложения венков на могилы Марсова поля. Относительно событий 3—5 июля с. г. я могу показать следующее: 2 июля [9]) на партийном собрании в д. Кшесинской я вовсе не был, и решение, состоявшееся там, мне не известно. 2 июля утром я был на митинге в Народном доме, где выступали Троцкий и Луначарский, а потом уехал на ст. «Удельная» Финляндской ж. д.

---

[1]) Зачеркнуто: «партии» и надписано: «фракции».
[2]) Зачеркнуто: «съездов» и надписано: «депутатов».
[3]) «Полковых» над строкой.
[4]) Зачеркнуто: «же» и надписано: «еще раз».
[5]) Зачеркнуто: «покупку».
[6]) Зачеркнуто: «основ».
[7]) Так в подлиннике.
[8]) «Прибытия» над строкой.
[9]) Зачеркнуто: «я».

к моему бывшему квартирохозяину Денису Васильевичу Васильеву, жившему там на Скобелевском проспекте в собственном магазине «Дамский Конфексион». Ездил я для получения доверенности на получение квартирных денег из городского самоуправления. Самого Васильева дома не застал и разговаривал только с его женой Марией Ивановной, дочерью Любовью Денисовной и матерью Васильева. От супруги Васильева я получил доверенность и возвратился в Петроград в 11 часов вечера. С вокзала на трамвае я вместе со знакомой дамой Александрой Александровной Демидовой, живущей на Б. Пушкаревой ул. д. № 27, кв. 10, доехал до ее дома и после того вернулся на свою квартиру, Васильевский остров, 13 линия д. 4, кв. 26. На этой квартире я жил с 1 июня с. г., до этого же времени жил на Петроградской стороне по Зверинской улице д. 36, кв. № 34. Ночь я провел дома. 3 июля утром в 10 часов я пришел в полк, расположенный на Васильевском острове, Средний проспект [1]) дальше трамвайного парка около рынка. Пришел я в полковой комитет, где принялся за составление протокола общего собрания всех комитетов, происходившего незадолго до этого числа, так как я был временным заместителем секретаря Пряничникова, бывшего в месячном отпуску. Работал я до обеда, потом отправился в столовую 17-го попечительства на Малом Проспекте В. О. и возвратился оттуда в 4 часа дня в полковой комитет, чтобы продолжать свою работу. В полковом комитете я застал нескольких членов комитета: прапорщика Цуран Суранова, Ипатова, Нестерова и других. Они сказали мне, что в мое отсутствие от 2 до 4 часов в полку был устроен митинг прибывшими в полк солдатами [2]) из пулеметного полка и резолюцию митинга названные члены комитета теперь печатают. Резолюция была такова: «180 полк целиком выступит по первому организованному требованию всех частей Васильевского острова с требованием, чтобы вся власть перешла в руки Совета Р. и С. Д.» Кроме того, мне было сказано ими же, что неизвестные мне члены комитета отправлены в различные войсковые части для поддержания связи и объявления вышеуказанной резолюции. Весь полк был в возбужденном настроении, которое возрастало, и в виду неприбытия делегации с организованным требованием выступать или не выступать, начинали уже раздаваться голоса за вооруженное немедленное выступление. Я продолжал спокойно заниматься. Заметив, что некоторые из солдат выходят вооруженными на улицу и готовятся к неорганизованному выступлению, я, чтобы предотвратить таковое и даже всякое выступление до прибытия делегации, созвал митинг. Речи мои, направленные к предотвращению выступления, успеха не имели, и собрание постановило, по моему предложению, избрать делегацию из 5 человек и отправить ее в Таврический дворец для передачи решения полка о желании его отдать всю власть Совету Депутатов [3]). До производства выборов

[1]) Зачеркнуто: «дача» и надписано: «дальше».
[2]) Зачеркнуто: «прибывшими».
[3]) Зачеркнуто: «при».

членов этой делегации прибыли вооруженные пулеметчики на автомобиле и призывали солдат выступать немедленно, так как, по их словам, Московский, Гренадерский и другие полки уже выступили. Когда я объявил резолюцию полка пулеметчикам, один из них стал угрожать мне оружием. Потом пулеметчики уехали. Это было часов в 9 вечера 3 июля. Затем состоялись выборы делегатов; ими были: я, вольноопред. 12 роты Краммер, Попов и еще два лица, фамилии которых забыл. Получив мандат в полковом комитете на имя всех пяти делегатов, подписанный Нестеровым и еще кем-то из членов полкового комитета, мы отправились в Таврический дворец. Трамваи в это время уже не ходили, и мы пешком дошли до Морского корпуса; к этому времени уже стемнело и было около 10 часов. Сообразив, что пешком путь до Таврического дворца и обратно займет несколько часов, я и товарищи [1]) снеслись по телефону в подъезде моей квартиры с полком [2]), прося дать указания, как [3]) нам быть. Мне ответили, что полк уже выстроился и выступает. Тогда я зашел в свою квартиру, надел вооружение и пошел к полку навстречу. К полку я присоединился на углу Большого проспекта и той линии, где стоит Финляндский полк. Полк нес впереди плакат с надписью: «Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». Этот плакат фигурировал в шествии 18 июня. Взят он был без моего ведома. Кто его нес, я не знаю по фамилиям. По моему распоряжению, перед полком был выслан дозор, по бокам образованы цепи. Депутаты и я шли впереди полка. Из офицеров, бывших при полку, я помню Горбачева, Куделька, поручик Славнинский— командир 5-й роты и еще кто-то, фамилии которых я не помню. Следование наше было благополучно до самого Литейного проспекта. Шли мы Николаевской и Университетской набережной, Дворцовым мостом и Невским проспектом. К Литейному проспекту мы подошли в 12 часов ночи. Здесь мы увидели разъезжавшие по Невскому три вооруженных автомобиля, наполненные разными людьми, которых за темнотою разглядеть было невозможно. По этим автомобилям, а может быть, и по нас, с Литейного проспекта раздались выстрелы, автомобили отвечали пулеметной и ружейной стрельбой. Полк прилег на землю, часть скрылась на Троицкую улицу. Легши на углу Троицкой и Невского, я видел, как падали пули на Троицкую улицу рядом с лежащими и со мною и, повидимому, направленные выстрелами из дома против Троицкой улицы. Когда стрельба прекратилась и автомобили уехали, мы поднялись и продолжали шествие, но уже не в полном прежнем составе, так как часть полка разбежалась. Раненых и убитых я лично не видел, а только слышал от одного солдата, фамилию которого не знаю. Прибыли мы к Таврическому дворцу в 1 час ночи. Во дворе и на улице Шпалерной уже стояли какие-то войсковые части, которых

---

[1]) «И товарищи» — над строкой.

[2]) Зачеркнуто: «и узнал».

[3]) Зачеркнуто: «мне», надписано: «нам».

я угадать не мог. В Таврический дворец я и два другие делегата — Попов и какой-то другой на букву З, вошли, чтобы передать волю полка. В особой комнате мы получили пропуск на нас троих для присутствия на заседании объединенного заседания Советов Депутатов в полуциркульном зале. С разрешения Чхеидзе, я был допущен на кафедру для внеочередного заявления как делегат полка. Говорил я и затем Попов. Чхеидзе был мной передан наказ с протоколом № 29, при сем мною представляемый в копии для ознакомления с отношением полка к вопросам [1]) государственного устройства. Речь моя и Попова заключалась в изложении желаний полка [2]), чтобы Совет Депутатов взял всю власть в свои руки. Затем, поняв, что резолюция объединенного заседания будет вынесена не скоро, я передал об этом полку через Попова и от полка через делегата, кажется Зарницкого, узнал, что полк уже ушел обратно, оставив меня и Зарницкого на заседании своими уполномоченными. Мы пробыли в заседании до 5 ч. утра, когда резолюция была вынесена. Печатного текста ее иметь я не мог, но содержание прекрасно запомнил. По окончании заседания я с товарищем дожидался во дворе прихода трамвая часов до $6^1/_2$ утра. Товарищ ушел в это время, а я прождал еще полчаса, а затем, по указаниям милиционера, отправился в полк кратчайшим путем через Троицкий мост, проходя мимо дома Кшесинской, где все спали и куда я не заходил и не намерен был зайти [3]). В полк свой я прибыл в 9 часов утра. В это время происходило частное совещание членов полкового комитета, где рассказал о происшедшем. В 10 часов утра в помещении театра было созвано общее собрание, где я официально выступил с докладом и вполне точно по смыслу, не искажая его, передал содержание резолюции объединенного заседания. Затем были открыты прения, в которых я не участвовал в виду утомления; председателем собрания этого был выбран Горбачев, а потом прапорщик Долматов, вскоре прибывший, присутствовал здесь и Куделько; он по моей просьбе взялся нести обязанности секретаря. На собрании было вынесено постановление в 3 часа дня вновь выступить, несмотря на то, что резолюция объединенного заседания мною была передана не извращенно, а вполне точно. На [4]) собрании было также постановлено выбрать и отправить делегатов 6 человек в Центральный Исп. Комитет [5]) Всерос. Съезда С. Р. и С. Д. и в солдатскую секцию [6]) Петроградского Совета Депутатов для объявления решения полка выступить в 3 часа. Делегатами были выбраны: я, несмотря на мои ссылки на утомление, Долматов, подпоручик Гай, мл. ун.-оф. 3 роты Бабкин, Кузнецов и ун.-оф. 35 маршевой роты Батунов; мы получили соответствующие мандаты от полкового

---

[1]) Зачеркнуто: «у».
[2]) Зачеркнуто: «изложение передать в».
[3]) «И не намерен был зайти» — над строкой.
[4]) Зачеркнуто: «засед.».
[5]) Зачеркнуто: «съезда».
[6]) Зачеркнуто: «того же».

комитета. После собрания от Исполнительного Комитета Совета Депутатов явились на автомобиле 2 депутата штатских, снабженные законными полномочиями, каковые передали президиуму полкового комитета о той же самой резолюции объединенного заседания, о которой докладывал и я. Фамилии этих лиц не знаю. Так как собрание разошлось, изменять резолюцию полка не представлялось возможным. Все 6 делегатов и приехавшие штатские на автомобиле отправились к Таврическому дворцу, куда прибыли в 2 часа дня. Первым началось заседание солдатской секции Петроградского Совета в полуциркульном зале. Президиум секции не дал делегатам нашего полка права слова, и мы не могли сделать заявление о резолюции полка, каковую довели мы до сведения только президиума секции. Совершенно то же повторилось при открытии заседания Центрального Исполнительного Комитета. Когда член президиума неизвестный мне по фамилии заявил [1]), что президиум не может принять нашего заявления и что слово нам не будет предоставлено, мы покинули Таврический дворец и направились по Шпалерной в полк, оставив Кузнецова в солдатской секции, так как он член ее. Это было в 6 часу вечера. На Шпалерной неподалеку от Таврического дворца мы встретили 8 маршевых рот нашего полка, помещавшихся на Петроградской стороне в «Спортинг-Паласе». Офицеров с ними, кажется, не было. Солдаты просили прапорщика Долматова сопровождать их в Таврический дворец, на что он и согласился; я же, Гай и Батунов вернулись в полк. Шествовавшие солдаты были вооружены; был ли вооружен Долматов, я не помню; я же все время находился в полном вооружении. Делегат Бабкин в толпе затерялся, и где он оказался, я не знаю. На Шпалерной улице от солдат этих рот я узнал, что наша часть 180 полка с Васильевского острова [2]) выступила, но дошла только до Николаевского моста, после чего вернулась обратно в казармы; это известие оказалось верным, о чем я узнал, вернувшись в полк. От Шпалерной и до Дворцового моста мы трое доехали на извозчике, причем не помню, какими улицами мы ехали, во всяком случае никакой стрельбы и беспорядков на улицах этих мы не видели. Прибыв в полк в 7 часов вечера, мы узнали, что происходит заседание районного совета солдатских депутатов, и я пошел туда. Там застал я Горбачева. Из заседания этого совета я и Горбачев возвратились в полк. Ночь с 4 на 5 июля я, Горбачев и Куделько провели в помещении полкового комитета. Утром 5 июля часов в 10 я доложил на заседании полкового комитета о моей деятельности 4 июля, как делегата полка. Резолюция комитета должна была быть прочитана 6 июля утром после поверки перед солдатами, и о содержании ее доподлинно мне не известно [3]). Потом я возвратился домой и ночь с 5 на 6 провел дома. Весь день 6 июля я провел дома, так как чувствовал себя нездоровым. Прапорщик Куделько, возвратившись из

[1]) «Заявил» — над строкой.
[2]) Зачеркнуто: «своевременно».
[3]) Зачеркнуто: «ночь».

полка, сообщил мне о положении дел. Вечером 6 июля я пошел к больному товарищу Мехоношину на 11 линии, д. № 40, кв. 18, а переночевал у товарища Занько, живущего в противоположном доме на 10 линии, д. № 43, кв. 32. Ночи с 7 на 8 и с 8 на 9 я ночевал у знакомых Петраковских на Екатерингофской улице на городской стороне близ мостика на углу Екатерингофской ул. и Крюковского канала, № квартиры не помню. Ночь с 10 на 11 я провел дома и утром явился в полк узнать о положении вещей. Накануне товарищ Куделько передал мне об учреждении следственной комиссии в полку. В полковой канцелярии командир полка подполковник Мартынов сказал, что следственная комиссия заседает в штабе округа, куда я и прибыл с адъютантом; с нами прибыли Горбачев и Куделько. Не дождавшись допроса, мы трое были переведены в 1 комендантское управление, где находился до сего времени. Вношу следующие поправки: по вопросу о постановлениях Циммервальдского и Кинтальского конгрессов мое отношение к ним не правильно передано в моем показании членом следственной комиссии г. Разумовым. Я принимаю постановления этих конгрессов, поскольку они являются выражением последовательного интернационализма. Настоящей поправкой удовлетворяюсь. Вторая моя поправка состоит в следующем: прапорщик Долматов последнее время был выбран общим собранием всех комитетов и части офицеров постоянным председателем. На экстренном заседании общего собрания комитетов 4 сего июля в 10 час. утра за отсутствием прапорщика Долматова председателем на это заседание был выбран прап. Горбачев. Долматов же прибыл после открытия заседания, но не председательствовал. Этой поправкой я удовлетворяюсь. Третья моя поправка: упущено в показании объяснение причин моего вооружения, что и восполняю настоящим объяснением: в виду того, что мне передали, что полк в полном вооружении выступил, не дождавшись прибытия делегации и что никакое увещевание не остановит солдат вернуться обратно в полк, я по дороге зашел к себе и взял шашку с револьвером, ибо полагал, что все офицеры по уставу должны быть в форме с соответствующим вооружением и при своих ротах при выступлении полка, согласно резолюции, в полном вооружении. Вооружение с третьего июля с вечера до 5 вечером я не мог оставить дома, так как все время находился в распоряжении полка. Наконец, последняя моя поправка заключается в указании, что в чрезвычайном нервном потрясении, вызванном событиями и усталостью моей за отсутствием отдыха и пищи, я не ручаюсь за безусловную точность указаний моих, в какой последовательности и где происходили мои ночевки с 6 по 10 июля вне дома. В настоящем показании надписано: «сейчас», «за список № 6», «фракции», «Депутатов», «полковых», «еще раз», «прибытия», «дальше», «и товарищи», «нам», «и не намерен был зайти», «заявил». Зачеркнуты следующие слова: «и», «Всер.», «(партии)», «съездов», «же», «покупку», «основ», «я», «дача», «(прибывшими)», «при», «и узнал», «мне», «изложение передать в», «(засед.)», «того же», «Съезда», «своевременно»,

«ночь». Других поправок нет. Показание мое записано верно и мне прочитано и мною собственноручно дополнено. Изъявляю желание написать показание, дополняющее настоящее. Допрос закончен 14 июля с. г. в 4 часа дня.

Прапорщик *Тер-Арутюньянц.*
Член комиссии *Василий Разумов.*

Протокол допроса обвиняемого [1]).

1917 года, июля 19 дня, член следственной комиссии для расследования степени участия отдельных войсковых частей и чинов Петроградского гарнизона в восстании 3—5 июля допрашивал нижепоименованного, в качестве обвиняемого, и он на первоначальные расспросы по 403 ст. уст. уг. суд., показал:

Вопросы:	Ответы:
1) Имя, отчество и фамилия или прозвание.	Мл. оф. 6 роты Николай Петрович Вишневецкий,
2) Возраст.	20 лет.
3) Место рождения (губерния, уезд, волость, село или деревня).	Г. Могилев, губернский, кр. в церкви Успенской на той же улице.
4) Место приписки (город или село).	Там же.
5) Постоянное местожительство (временное пребывание).	Там же, временно живу в Петрограде на Вас. Остр., 10 линия, д. № 43, кв. № 32.
6) Рождение (законное или вне брака).	Брачное.
7) Звание.	Прапорщик (из мещ. сослов.).
8) Народность или племя.	Русский — белорусс.
9) Религия.	Православный.
10) Какое получил образование, или вообще знает ли грамоту.	Студент 1-го курса Историко-филол. Института князя Безбородко в Нежине.
11) Семейные отношения (женат, вдов, живет в разводе, имеет детей и сколько).	Холост.
Как зовут родителей, братьев и сестер и где они проживают.	Родитель Петр Васильевич Вишневецкий, р-ца Ольга Игнатьевна, живут в г. Могилеве, братьев 5, сестер 4.
12) Занятие или ремесло.	Состою на военной службе с 10 окт. 1916 г.

[1]) А.О.Р., ф.349, д. № 13, л.л. 89—90 об.

Вопросы:	Ответы:
13) Степень имущественного обеспечения.	Недвижимости не имею.
14) Особые приметы (глух, слеп, нем и т. п.).	Нет.
15) В каких отношениях состоит к пострадавшему от содеянного преступления.	—
16) Был ли на призыве или когда подлежит призыву к исполнению воинской повинности.	Подлежу в 1918 г., досрочно призван 1916 г. 10 октября.
17) Был ли под судом и если был, то какому подвергался наказанию.	Не был.
18) Не имеет ли особых заслуг и отличий.	Нет.
19) Имеет ли паспорт.	—

В предъявленном мне обвинении, в том, что 3 июля с. г. вечером в г. Петрограде, состоя членом Военной Организации и действуя по предварительному уговору с другими лицами и с ними совместно согласно инструкции Военной Организации о подготовке вооруженного восстания воинских частей Петроградского гарнизона для насильственного изъятия из рук Временного Правительства всей власти и передаче ее Советам Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов в исполнение означенной цели ниспровержения существующего в России государственного строя, явился в 180 п. з. полк в качестве делегата от указанной организации, помещающейся в д. Кшесинской и, исполнив возложенное на меня поручение, принял непосредственное участие в вооруженном выступлении полка к Таврическому дворцу для той же цели ниспровержения Временного Правительства, т.-е. в преступлении, предусмотренном 51 и 100 ст. ст. уголовного уложения и 263—266 ст. ст. улож. о нак.

В преступлении этом виновным себя не признаю, в оправдание же свое объясняю следующее (обвиняемый просил изложить свое объяснение письменно собственноручно, что ему и было предоставлено):

В предъявленном мне обвинении говорится, что я действовал по предварительному уговору с другими лицами и с ними совместно, согласно инструкции Военной Организации о подготовке вооруженного восстания. Но в Военной Организации не было никакого уговора или соглашения о подготовке вооруженного восстания, по крайней мере, ни о каком таком уговоре или соглашении я ничего не знал и не слыхал. О беспорядках в городе, в частности в 180 пех. зап. полку, я узнал только около $6^1/_2$ часов вечера 3 июля, когда прапорщик того

же полка, Занько, позвонил мне на квартиру из полка и просил ехать [1]) скорее в Военную Организацию и просить прислать оттуда кого-нибудь ему на помощь, так как, несмотря на все его усилия, полк хочет выступать. Я поехал в Военную Организацию, где мне сказали, чтобы я ехал немедленно в 180 полк и помог удержать его от выступления, так как Военная Организация 3 июля около 7 часов вечера приняла решение удержать воинские и заводские части от выступления. Поручение удержать полк мне было дано словесное редактором «Солд. Правды», Н. И. Подвойским. В полк я приехал около 8—8½ часов вечера 3 июля и удерживал его от выступления, прилагая все свои усилия, несмотря на ругательства некоторых солдат, желавших выступить сейчас же. Но так как 1) настроение в полку было очень повышенное, главным образом вследствие выступления перед моим приездом делегатов от 1 пулеметного полка, так как 2) в то время, когда я уже приехал в полк и удерживал его, приезжали делегаты полка, посланные в районы, с сообщениями о выступлении различных воинских и заводских частей, что еще более повышало настроение и, наконец, 3) так как офицеров, удерживающих полк, было очень мало, то я, несмотря на все свои усилия, удержать полк не мог. Часть полка вышла толпой на улицу, некоторые даже начали заряжать винтовки. Я, чтобы предотвратить могущие произойти вследствие этого несчастные случаи и чтобы сделать выступление полка по возможности мирным и упорядоченным, счел своим долгом пойти вместе с выступившей частью полка. Я с некоторыми своими товарищами, офицерами 180 п. з. п., добился того, что солдаты разрядили винтовки и пошли в полном порядке.

На предложенный мне вопрос: «Какое участие в выступлении полка принимал прапорщик Занько» я отвечаю:

Прапорщик Занько был в полку с 5 ч. веч. 3 июля и удерживал полк. К моему приезду (8—8½ ч. в.) он уже так охрип, что почти не мог говорить. Когда полк был почти выстроен, пришли солдаты (2 или 3 человека) и сообщили, что желают разводить мосты. Среди солдат началось волнение. Одни предлагали вызвать желающих охранять мост, другие — послать роту. Было решено послать роту с 1 офицером. Солдатами была послана впереди стоящая рота, какая именно, не знаю, с прапорщиком Занько, с поручением охранять мост.

Показание записано мною собственноручно. Добавить к нему, за исключением мелких подробностей, ничего не могу.

Мл. офицер 6 роты 180 п. з. п. прапорщик *Вишневецкий*.

Член комиссии *Василий Разумов*.

---

[1]) «Ехать» — над строкой.

V.

I ПЕХОТНЫЙ ЗАПАСНЫЙ ПОЛК.

Резолюция, принятая полковым комитетом и общим собранием I пехотного запасного полка 22 июня 1917 г. [1])

1. О наступлении.

Мы считаем наступление ударом для развития в Европе демократического, революционного движения, которое одно может привести к миру, приемлемому для всех народов. Наступление может быть остановлено организованно.

Вопрос о наступлении должен решаться не командным составом, а самими солдатами фронта. Нужно немедленно созвать фронтовой съезд, избранный на демократических началах. Только этот съезд представителей фронта может остановить наступление.

2. О пулеметном полку.

Рассмотрев телефонограмму Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, заявляем, что всякое подавление свободы слова и запрещение агитаций является воскрешением возмутительных приемов старого самодержавия. Мы не будем препятствовать свободе агитаций и не послужим орудием в руках Временного Правительства, если оно призовет нас подавлять пролетариат и крестьянство.

3. О создавшемся положении.

Признавая положение слишком важным и ответственным, чтобы оставлять власть в руках буржуазии, мы требуем, чтобы вся власть перешла в руки Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, чтобы были немедленно удалены десять министров от буржуазии, чтобы немедленно были опубликованы и пересмотрены тайные договоры.

Председатель комиссии *В. Шишакин.*

Члены: *Владимиров, Гаврилов, Страж, Устьвольский.*

Общее собрание 1 пехотного зап. полка

Председатель прап. *Сахаров.*

Секретарь *И. Осипов.*

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. №10, л. 92.

Приказание по 3 батальону I зап. пех. полка 4 июля 1917 г. [1]).

Спешно.

По приказанию [2]) полкового совета всем ротным командирам построить сегодня к 14 часам всех солдат, под командою младших офицеров, на Морском плацу для общей полков[ой] манифестации. Форма караульная.

Телеграмма [3]).

Копия.

Председатель полкового комитета, товарищ Торский, передал по телефону, чтобы, солдаты свободные от наряда, немедленно прибыли в распоряжение полкового комитета и отнюдь ни один солдат не шел бы в город, все солдаты должны быть вооружены винтовками с патронами.

Писарь *Фролов*.

В 13, 14, 15, 16 роты, команде разведчиков и служба связи.

13 час. 15 мин. 4/VII 1917 г.

Удостоверение [4]).

Копия.

Дано сие в том, что член исполнительного комитета полка Михаил Каратеев делегируется полковым комитетом для связи полка с рабочей секцией Совета Раб. и Солд. Депутатов.

За председателя комитета *В. Шпшакин*.

За секретаря *Блохин*.

Резолюция полкового комитета I пехотного запасного полка.

Заслушав доклад делегатов от Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов и признавая, что настоящий кризис правительственной власти может быть ликвидирован только путем немедленного перехода всей власти Всероссийскому Совету С. и Р. и Кр. Депутатов с частичным обновлением самого состава его в целях более полного отражения интересов революционного народа, полковой комитет слагает с себя всякую ответственность за могущие быть вооруженные эксцессы, если таковой переход власти к Всероссийск. Совету С. и Р. и Кр. Депутатов будет задерживаться со стороны последнего.

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 7, л. 13.

[2]) Зачеркнуто: «командира».

[3]) А. О. Р., ф. 349, д. № 7, л. 14.

[4]) «Удостоверение» написано на бланке со штампом: «Полковой комитет 1 пех. зап. полка 4 июля 1917 г. № 1283».

Постановление же объединенных бюро Всероссийского Совета Р. и С. Депутатов воздержаться в данное время от каких-либо манифестаций принимает к сведению.

4 июля 1917 года.

Протокол соединенного экстренного заседания полкового и ротных комитетов 5 июля 1917 г. [1])

1) О выступлениях полка с демонстрациями.

Принята резолюция, предложенная тов. Устьвольским, следующего содержания:

«Полковой и ротный комитеты 1 пех. зап. полка в соединенном заседании 5 июля 1917 г. постановили:

1. Выступление полка 4 июля являлось выступлением мирным. Происшедшее столкновение было печальным недоразумением, выяснение которого поручается Особой следственной комиссии.

2. Удовлетворенный разрешением вопроса момента, т.-е. резолюцией соединенного заседания Исп. К-тов С. Р. и К. Д., полк отдает себя в полное их распоряжение до созыва Всероссийского С'езда.

3. Принципиально оставаясь на прежней точке зрения, что разрешение министерского кризиса возможно исключительно только путем передачи всей власти в руки Советов Р. С. и К. Д., полк заявляет, что он считает волю революционного народа, выраженную на предстоящем С'езде для себя обязательной и беспрекословно подчинится решениям последнего.

4. Настоящее постановление довести до сведения Исполнительного Комитета С. Р. и С. Д.

2) О передаче разбиравшихся на собрании вопросов и принятой резолюции на обсуждение солдат полка.

Постановлено: Передать резолюцию тов. Устьвольского, принятую общим собранием и тов. Осипова на обсуждение солдат полка в виде референдума. (Единогласно против 1). При чем для разработки референдума избрана комиссия в составе Котельникова (42 г.), Страж (34 г.), Шишакин (36 г.) и Бриллиант (36 г.).

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 10, л.л. 3—4.

3) О посылке членов комитета в Исп. К. С. Р. и С. Д. для прочтения резолюции.	Избраны: Торский (48 г.), Даманский (40 г.) и Иоф (40 г.).
4) О посылке членов к-та на гарниз. засед. в Волынском полку.	Избраны: Бриллиант (37 г.), Егоров (40 г.) и Страж (39 г.).

Замест. секретаря *Макаров.*

После принятия чинами комитетов вышеприведенной резолюции прап. Сахаров, Гавр. и Иван Осиповы демонстративно с целью протеста против непринятия их резолюции, за которую голосовало меньшее количество голосов, покинули зал заседания и до окончания его не возвратились.

Замест. секретаря *Макаров.*

Протокол [1]).

1917 г. июля 13 дня, командированный в распоряжение нач. штаба Петроградского военного округа подпоручик Чигинадзе допрашивал нижепоименованных лиц, которые и показали:

Василий Васильевич Сахаров, 36 л., прапорщик 1 пех. запасного полка, показал:

В 1 пех. зап. полку я нахожусь с 3 декабря; сюда я поступил из Павловского военного училища; в Павловское же военное училище я поступил добровольцем 1 июня 1916 г., приехав для этого с Кавказа. В апреле сего года в полку возникла «Социалистическая школа», которая задавалась целью давать солдатам понятия об основах социализма и об учениях, программах и тактике [2]) всех социалистических партий. Для этого в «Соц. школе» устроена была библиотека, читальня, и там делались доклады и лекции. «Соц. школа» устраивала и митинги для всех солдат полка. В составе «Соц. школы» были и большевики, и меньшевики, и соц.-революционеры, но большинство составляли большевики. Я там был товарищем председателя. На митингах выступали представители различных партий, но преобладание возымели в полку большевистские течения, — настолько, что полк можно было называть единодушно большевистским. Я принадлежу к Р. С.-Д. Р. П., следовательно, большевик. Что касается тех [3]) политических вопросов, в неправильной постановке которых в печати обыкновенно обвиняют большевиков, то я на митингах по вопросу о наступлении на фронте [4]) всегда указывал настойчиво на то, что раз наступление уже решено, то ни один полк, ни одна дивизия не должны отказываться итти в на-

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 9, л. 34.
[2]) «Программах и тактике» — над строкой.
[3]) «Тех» — над строкой.
[4]) «На фронте» — над строкой.

ступление, иначе они расстроят фронт. По вопросу о подчинении Совету С. и Р. Д. я указывал на то, что нужно различать два понятия: «не подчиняться» и «критиковать». Мы стоим за передачу всей власти Советам, поэтому уже и теперь, когда еще не вся власть у Советов, мы должны всецело подчиняться Советам. Но критиковать действия и линию поведения Советов — наше право.

В демонстрации 18 июня наш полк в полном порядке с офицерами шел под большевистскими знаменами. К этой [1]) демонстрации 18 июня мы (т.-е. большевики) [2]) призывали солдат. После же этой демонстрации 18 июня мы никаких призывов к новым демонстрациям не делали; наоборот, призывали воздерживаться от демонстраций, так как партия относится резко отрицательно ко всяким неорганизованным демонстрациям. Не делали мы призывов и к демонстрации 3 июля.

3 июля я находился на заседании рабочей секции Сов. С. и Р. Д. (Я состою членом солдатской секции С. С. и Р. Д. от 7 роты нашего полка [3]) и потому имею право быть гостем на заседаниях рабочей секции.) Там было вынесено решение о том, что раб. секц. настаивает на том, чтобы вся власть перешла к Советам, и надеется на то, что и солд. секц. присоединится к этому решению. Решение было принято уже поздно вечером, часов в 10. Там же в большевистской фракции было сообщено, что Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П., принимая во внимание, что манифестаций уже нельзя остановить, так как полки и заводы, не слушая запрещений со стороны большевистской партии, все же уже выступают, решил пригласить рабочих и солдат к мирной манифестации, чтобы [4]) ввести манифестации в мирное русло.

Когда я с Иваном Осиповым подъезжал к полку, мы увидели наш полк уже двигавшимся от Новочеркасских казарм к Малоохтенскому мосту. Солдаты шли с винтовками.

Оказалось, что солдаты уже задолго до этого стали массами выбегать из казарм с винтовками и направляться в город по одиночке и группами. Отдельные члены полкового комитета [4]) и Гаврила Осипов уговаривали солдат вернуться в казармы, так как ни одна партия не призывает к демонстрациям; но все было напрасно: солдаты бежали с винтовками в город. Тогда эти члены полкового комитета решили хотя бы выстроить полк, чтобы полк шел организованно, чтобы не возникло беспорядочной стрельбы, куда попало и по случайному поводу. Я встретил [4]) полк уже в пути к мосту. Там я, зная, что организовать можно, лишь вдохновляя идейно [4]) и придавая сознательность массам, сообщал ротам о событиях, сообщил о постановлении рабочей секции совета, о нежелании Центр. Исп. Ком. взять власть в свои руки и о решении Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П., т.-е. большевистской организации, устраивать демонстрации м и р н о и организованно, в порядке. Полк прошел

[1]) «Этой» — над строкой.
[2]) «(Т.-е. большевики)» — над строкой.
[3]) «От 7 роты нашего полка» — над строкой.
[4]) Зачеркнуто одно слово.

к Таврическому дворцу [1]). Не входя в полукруглый въезд ко дворцу, полк [2]) остановился, выслал делегацию сказать рабочей секции, что полк пришел с лозунгом «Вся власть Советам», и повернул обратно в казармы и спокойно вернулся. Я был в числе делегации к раб. секции, вернее, — к комиссии раб. секции [3]), которая была оставлена рабочей секциею и которая заседала беспрерывно. Там нам предложили оставить кого-нибудь для связи на ночь. Остался я [4]).

На другой день, 4 июля, я провел почти весь день в Таврическом дворце, сперва на заседании большевистской фракции, а затем на заседании солдатской секции Совета. Часов в 6 вечера заседание солд. секции кончилось, и я отправился в полк, вместе с Иваном и Гаврилой Осиповыми. Там мы застали полк в таком положении: вопрос о новой демонстрации считался уже предрешенным со вчерашнего вечера. Вопрос был только о том, в котором часу выступить. Я в кругу лиц из бюро полкового комитета [4]) сообщил лишь о событиях дня, о запрещении демонстраций Центр. Исп. Комитетом, о чем, конечно, полк знал еще с утра из газет, и о призыве большевистской партии к мирным манифестациям. О том, что Ц. Исп. К. С. С. и Р. Д. призывает не устраивать демонстраций и даже запрещает их, полковой комитет хорошо знал еще и потому, что в течение дня 4 июля от Ц. Исп. Ком. приезжали в полк делегаты для освещения того, как смотрит на события Ц. Исп. Ком. С. С. и Р. Д. Председатель полкового комитета отдал по телефону распоряжение о том, чтобы полк, уже давно ждавший этого и роптавший, строился. Полк построился в полном порядке с офицерами на каждой роте. Руководил организацией шествия командир полка; для того, чтобы обезопасить полк от провокаторских нападений, вперед была выслана команда разведчиков. Хотели взять оркестр музыки, чтобы более придать шествию мирный характер, но музыкантов в полку случайно не оказалось. Полк выступил в 9 часов вечера. Стрельба по городу к вечеру, как говорили, уже кончилась, и все говорило за то, что полку удастся пройти мирно и спокойно. Маршрут был намечен такой: к Таврическому дворцу по Шпалерной на Литейный до Невского; по Невскому до Знаменской и по Суворовскому домой. Полк пришел к Таврическому дворцу и выслал делегацию, в которую вошел и я, передать в президиум Центр. Исп. Ком. резолюцию полкового комитета, в которой говорилось [4]) о том, что полк стоит за всю власть Советам. Делегация передала эту резолюцию через одного члена Ц. Исп. Ком. и вернулась к полку. К полку вышел представитель Сов. Раб. Деп. и произнес приветственную речь [4]). Затем полк продолжал свой маршрут, определенный заранее, т.-е. на Невский пр. [5]). Один офицер предлагал изменить маршрут и вернуться сразу в казармы.

---

[1]) Зачеркнуто: «Не доходя до дворца».
[2]) Зачеркнуто: «выслал».
[3]) «Раб. секции» — над строкой.
[4]) Зачеркнуто одно слово.
[5]) «Т.-е. на Невский пр.» — над строкой.

Другие возражали, что теперь трудно перерешать вопрос о маршруте. Разговоры об этом [1]) носили частный характер. Впрочем, мне говорили, что кто-то, кажется, члены полкового комитета, опрашивали по ротам, и роты высказались за продолжение пути на Невский. Я в этом участия принимал мало, так как считал вопрос не существенно важным. К тому же в городе, казалось, было спокойно. Наш полк двинулся дальше, причем в полукруглый въезд ко дворцу не заходил и никому не угрожал. Там же, пока я в составе делегации был во дворце, ко мне обратились от имени главного продовольственного комитета с просьбой выставить от полка караул к продовольственным складам. Я передал эту просьбу командиру полка, присоединившись к просьбе и указывая на важность мер предупреждения в городе грабежей и разгромов. Командир полка выделил тотчас же 50 человек в караул.

Полк пошел по [2]) Шпалерной и свернул на Литейную. Когда он вышел на Литейную, то раздалась сзади, по направлению с Литейного моста [3]), частая стрельба из винтовок и из пулемета. Я был в голове колонны, выстрелы были сзади в хвост колонны, и мне было плохо видно. Полк частью забежал в поперечные улицы, частью залег за орудиями арсенала и куда-то стрелял. Проскакали казаки от Литейного моста по Литейному пр. к Невскому. В результате перестрелки остались убитые и раненые. Солдаты по одиночке и кучками возвращались в полк. Все были подавлены неожиданной стрельбой откуда-то по полку [4]) и считали ее за провокацию. Другие винили казаков. Я зашел в Таврический дворец. Там меня просили дать еще [5]) караулы к продовольственным складам. Придя в полк, я просил у собравшегося полкового комитета дать эти караулы. Дал ли полк эти караулы, я не знаю, так как я, не дожидаясь решения, отправился опять в Таврический дворец для связи.

В последующие дни я ежедневно бывал в полку, но большую часть времени проводил в Таврическом дворце на заседаниях большевистской фракции Сов. С. и Р. Деп. Арестован был на заседании Сов. Солд. и Р.б. Деп.

Прап. *Сахаров.*

На вопрос ваш о произнесенной мною фразе после 4 июля, что я не жалею о происшедшем, т.-е. о жертвах, потому что фракция большевиков добилась удаления министров-капиталистов, я должен сказать, что 5 или 6 июля я в полковом комитете, видя, как члены полкового комитета хотят спрятаться за нас троих, т.-е. меня, Ивана и Гаврилу Осиповых, я сказал: «вы, господа, сожалеете и раскаиваетесь [6]) (при сожалении я подразумевал, конечно, не жертвы, а самый факт демон-

[1]) «Об этом» — над строкой.
[2]) Зачеркнуто два слова.
[3]) З черкнуто: «выстрелы».
[4]) «О куда-то по полку» — над строкой.
[5]) «Еще» — над строкой.
[6]) Зачеркнуто: «Конечно, сожалеете».

страции), я пока не сожалею, вы прячетесь друг за друга и стараетесь свалить ответственность с себя, — я не прячусь и беру на себя [1]) ответственность за каждый мой поступок. Мне скрывать нечего. Меня могут арестовать, но все равно история пойдет прежним путем: вся власть рано или поздно перейдет в руки Советов».

Прап. *Сахаров.*

Показание свое записал собственноручно. Прап. *Сахаров.*

Подп. *Чигинадзе.*

Протокол [2]).

1917 г., июля 23 дня, член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г. чин. воен. вр. Мелик-Шахназаров допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Ананьин Сергей Петрович, 24 лет, правосл., под судом и следствием не состоял, прапорщик 1 пех. зап. полка, до военн. службы студент Петроградского Политехнического института, инж.-стр. отд., пр. 1912 года.

1. Показания написал собственноручно, за правильность и истину отвечаю перед судом по закону.

2. Я — член Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов по выбору от 1 роты 1 пех. зап. полка.

3. 3 июля вечером в полку не был и участия в выступлении не принимал. 4 утром у себя в роте узнал, что полк выступал и после выступления был митинг; на митинге выступали члены социалистической школы — руководители Сахаров и Осиповы. Подробностями не интересовался, ибо заранее знал и предполагал, что этот митинг по настроению должен быть таким же, что были и раньше, если не хуже; кроме того, спешил на собрание полкового и ротных к-ов.

4. На собрании к-ов был недолго. Выступали ораторы с речами по текущему моменту, фамилий их не помню. Около 12 час. ушел на заседание солдатской секции Петроградского С. Р. и С. Д.

5. В начале 1 часа был уже в Таврическом дворце. Здесь было много делегаций от рабочих, много говорили различные ораторы — представители рабочих — говорили, что на улицах не безопасно. В 3 часу открылось заседание секции докладом т. Дана о кризисе власти. Он говорил больше часу. Затем т. Чхеидзе заявил, что в 4 час. будет в зале заседать ЦК. Секция решила большинством разойтись по частям. По этому вопросу выступал Сахаров; он призывал не расходиться и не уходить.

6. Выслушав заявление от председателя, т. Завадзе, что поступают сведения с улиц о перестрелках и волнениях и что на улицах льется кровь, я пошел в полк; дорогой вместе шли Сахаров, Осиповы и дру-

---

[1]) «На себя» — над строкой.

[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 7, л. л. 10—12.

гие члены Совета. Разговор шел о событиях и о выступлении полка. Я доказывал, что выступать не следует и нельзя, ибо Совет и все партии запретили выступления, ссылался на «Новую Жизнь». Сахаров и Осиповы доказывали, что полк должен выступить и что Ц. К. большевиков призывает, что одному из Осиповых т. Троцкий на словах сообщил утвердительно — выступать. Я просил письменное постановление Ц. К., на что получил ответ: «Что же вы нам не верите что ли?» Не удовлетворившись этим ответом - вопросом, я не стал больше завязывать разговор, тем более что все трое — Сахаров и Осиповы — подтверждали утвердительные разговоры одного из них [1]) т. Троцким.

7. После этого я пошел прямо в полковой к-т, где было частное совещание с представителем И. К. С. Крест. Депутатов. Говорил[и] т. Гуревич, члены полкового к-та, Сахаров, Осиповы и я. Тов. Гуревич призывал к единению, подчинению Ц. К-ам, просил разъяснить позицию полка. Сахаров и Осипов (большевики), говорили, что «нас не переубедишь», что мы решили и что полк не отойдет от занятой позиции. Я выступал с разъяснениями, что Советы запретили выступления, Вр. Правительство также, ни одна партия не зовет и ни одна партия не берет на себя руководство выступлением, ни одна партия не хочет взять власть в свои руки. Совет решительно отказался от всей власти. Бессмысленно итти, врага нет, если же есть к.-революция на чердаках и в домах, то нужно итти не полком целым с ней бороться, а организованно, по всем правилам в. тактики — боевыми взводами или отделениями. В ответ мне кинули Сахаров или Осиповы презрительно «меньшевик», на что я ответил: «Я стою на платформе меньшевиков-интернационалистов».

Часть членов полкового к-та удалилась в отдельную комнату и при закрытых дверях совещалась. По заявлениям Сахарова и Осипова (больш.) выходило, что полк решил выступить и пойдет сейчас. Настроение у всех было повышенное и нервное. Я и т. Бриллиант (предс. р. к-та) пошли к себе в роту.

8. В роте т. Бриллиант разъяснил «сорокалетним» положение, указал, что Советы запретили выступать, и получил от них согласие не выступать. Затем мы вместе пошли к остальным солдатам и тоже разъяснили, указывая также, что ни одна партия даже не зовет к выступлению. Эти товарищи также согласились не выходить. В это время доносился со двора шум солдат из других рот и явно враждебные выкрики по отношению к 1-й роте. Мы с Бриллиантом спустились вниз. Здесь пришел прапорщик Котельников, который сообщил, что солдаты других рот уже на плацу и что полковой к-т заседает при закрытых дверях. Этим разговоры прикончились, а солдаты с верхнего этажа нашей роты уже выбегали с винтовками Я, Бриллиант, пр. Котельников решили не пускать одних солдат, организовать их и пойти

[1]) Пропущено: «с».

с ними, дабы предотвратить могущие быть недоразумения, панику, дезорганизацию, кровопролитие и пр.

9. Я построил вышедших солдат в числе 48 чел. в один взвод, разбил на отделения и поставил на отделения офицеров. Принял командование я на себя с согласия солдат и офицеров, получил согласие исполнять беспрекословно мои распоряжения, без разговора подчиняться мне и отделенным офицерам, напомнил некоторые правила из в. тактики. С плаца кричали, что медлит 1 рота, уже полк пошел. Тогда я повел взвод на плац; роты уже пошли, и я взвод повел за 5-й ротой. При полку был к-р полк [1]), б-ные к-ры, р-ые к-ры, офицеры и полковой к-т. У меня была полная уверенность, что полковой к-т решил выступать, тем более пред. п. к-та заявил, что вся власть передана к-ру полка и что все его приказания исполнять всем беспрекословно.

10. Выступило, по-моему, около 1.500 и не больше 2.000 солдат. Шли организованно, без музыки, соблюдали интервалы и дистанции между отдельными частями полка и роты. Держали равнение. Впереди шла разведка. С нами шли санитарный закрытый автомобиль и грузовик. Другого оружия, кроме ружей, я не видал нигде.

11. Благополучно дошли до Таврического дворца, здесь остановились. От нас пошли в помещение дворца делегация из Сахарова и Осиповых. К-т ее выбрал, и кому она представлялась, я не знаю. Затем вышел к нам т. Володарский приветствовать. Сначала приветствовал т. Торский от лица полка Совет Р. и С. Д. Речь его была кратка и плохо слышна. После Торского с крыши автомобиля говорил Володарский. Он приветствовал полк, поздравляя нас со второй победой как представителей революционной демократии, и говорил, чтоб спокойно шли к себе домой, в казармы, соблюдая революционную дисциплину, сидели бы и дожидали, пока нас не позовут. Ясно было, что сейчас пойдем домой.

12. Видя вблизи к-ра полка Сахарова и др. я подошел и осведомился, куда пойдем. К-р полка говорил: итти домой сейчас нужно, Сахаров не соглашался; я тоже говорил, что нужно итти домой. Настроение было напряженное. Сахаров упорствовал и настаивал итти дальше. В виде компромисса, я предлагал опросить солдат и голосованием решить этот вопрос. Не помню, предлагал ли это же сделать к-р полка, но помню, что к-р полка приказал опросить солдат. Отдав приказание своим отделенным офицерам произвести опрос, я разъяснял, что и большевики говорили нам, чтоб шли домой. В этот момент Сахаров подошел ко мне и в резкой форме повышенным голосом заявил примерно так: «Что вы тут опрашиваете, прапорщик Ананьин; этот вопрос решен, не хотите, убирайтесь; полковой к-т решил, полк пойдет». Послышалась команда, и мы пошли к Литейному. Около меня все это время был т. Бриллиант, слыхавший обращение Сахарова ко мне.

---

[1]) Так в подлиннике.

По пути все соблюдали строгий порядок; санитарный и грузовой автомобили двигались с нами.

13. Когда головная часть была уже на Литейном около Захарьевской улицы, раздались выстрелы в тылу у нас (1-й роты), началась паника. Часть моих солдат слушала мои приказания, и мы перебежали на Захар. ул. К-р полка шашкой собирал солдат, я свистком звал своих солдат с Литейного. Появилась кавалерия, потом стрельба началась со стороны Захарьев. ул. Мы стояли на перекрестке. Я побежал к парадному ходу Оруд. завода. Остальное время я был уже в помещении завода, где были и солдаты. Солдаты хотели сдавать винтовки к-ту завода. Я отговаривал их от этого и отсылал по одному по Захарьевской, Шпалерной домой на Охту. Пришел председ. полкового к-та Торский, искавший к-ра полка. Мы вместе с ним пошли на Литейный. В это время все успокоилось. На улице были солдаты и штатские, стояла 3-дюймовка, валялись убитые лошади. Отсылая домой солдат, я пошел в Совет; там узнал, что уже сообщали о случившемся в заседании Ц. К-ов, послушал речи и пошел в полк.

14. В полку было соединенное заседание всех к-ов. Здесь не было ни Сахарова, ни Осиповых. Во избежание несчастных столкновений, недоразумений и т. д. по предложению к-та полка были наряжены патрули, а потом выбрана распорядительная комиссия, в которую вошли: я, Торский, Шишакин, Якобсон, Киселев. К этой комиссии перешла вся власть в полку.

15. В течение ночи ничего не произошло. Мы успокоили все к-ты, нарядили во всех ротах дежурства, расставили караулы, усилили посты у ворот, послали смену караула в центральный продовольственный склад, разместили 176 з. полк у себя и пр.

16. Утром состоялось опять соединенное заседание к-тов, на котором вынесли резолюцию о полном подчинении Ц. И. К. Советов Р. С. и Кр. Д.

17. Я утром вместе с Бриллиантом созвал роту и разъяснил, что произошло, чем кончилось. Наша рота немедленно образовала следственную комиссию для расследования всех печальных происшествий, выяснения участников, организаторов и роли полк. к-та.

18. Причины выступления полка различны. Солдаты 1 роты шли с плакатом «Долой контр-революцию», совершенно не помышляли о свержении Советов, воздействии на них оружием и т. д. Напротив, все солдаты искренне преданы Советам и всегда готовы были встать на их защиту по первому требованию. В полку большое разложение вносила «Социалистическая школа», верней, ее руководители Сахаров и Осиповы. Они своей безответственной агитацией, пользуясь темнотой широких масс, создавали такое положение и настроение, что невозможно было заниматься правильной пропагандой идей социализма не только на полковых собраниях, но и в ротах. «Школа» была просто коллегией безответственной агитации, зачастую и демагогии, под флагом большевизма. Настроение у части солдат

нарастало с каждым днем. Они не слушали уже тех, кто говорил не то, что Сахаров и Осиповы. В конце концов, вся власть перешла к этим руководителям школой и митингов. Было недовольство наступлением, затруднением в продовольствии, задержкой учетников и т. д.

Подписал *Ананьин*.

Член Особой след. комиссии чин. в. вр. *Мелик-Шахназаров*.

23 июля 1917 года.

Протокол [1]).

1917 г., июля 24 дня, член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., подполковник Украинцев, допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Ратник 1 роты 1 пехот. запас. полка Григорий Илларионович Торский, православный, 30 лет, не судился.

Свое показание записываю собственноручно.

3 июля с. г. около 5 часов дня ко мне, как к председателю полкового комитета, пришли солдаты, назвавшиеся делагацией от 1 пулеметного полка; с ними пришло несколько рабочих от заводов: Лесснер, Металлического и др., всего пришло человек 7: три солдата, остальные рабочие. Делегация заявила, что послана пулеметным полком к нам с требованием немедленного выступления с оружием в руках на улицы Петрограда для свержения министров-капиталистов и передачи всей власти в руки Советов С. Р. и К. Депутатов. Солдаты пулеметного полка и пришедшие с ними рабочие заявили, что весь петроградский гарнизон и все рабочие гор. Петрограда постановили к 5 часам выйти с оружием на улицы для выражения протеста, а потому требовали и от нас того же. Зная политическое настроение пулеметчиков, я крайне скептически отнесся к их заявлению и попросил подтверждения их слов письменными данными, т.-е. резолюцию собрания пулеметного полка и петроградского гарнизона. Последней у них не оказалось, а были представлены лишь только удостоверение личностей комитетом пулеметного полка. Предъявленный документ был за подписями председателя и секретаря, и приложена печать.

Резолюцию мне они обещали принести не позже 7 часов. На требование делегации я ответил: первый полк не сочувствует анархистам и к ним примыкающим, а признает постановления центральных демократических органов.

При этом разговоре присутствовал Иван Осипов, который вместе с делегацией вышел из полкового комитета, а куда — мне неизвестно. В 9 часов я ушел из полка домой. В полку было все тихо и спокойно. За себя оставил своего заместителя Шишакина. При мне больше никто в полковой комитет не приходил и не призывал к выступлению;

---

[1]) А. О. Р., ф, 349, д. № 7, л. л. 81—87.

пулеметчики своей резолюции не приносили. В 10 часов вечера ко мне позвонил дежур. член полк. ком. и просил немедленно приехать в полк, так как части полка выступают на улицы с оружием в руках. Я просил удержать полк от выступления, хотя до моего приезда, но получил ответ: «Логические доводы не имеют места, солдаты стихийно бегут в город, нужно хоть организованно выйти и тем не допустить грабежей и насилий». Я моментально ушел в полк. По городу разъезжали вооруженные автомобили с солдатами и рабочими. Движение трамваев прекращено. Только к 11 час. ночи я добрался пешком до полка.

На Охтенском мосту я встретил солдат своего полка около 500—600 человек, шли они с винтовками и несли плакат «Долой контрреволюцию, долой партийные споры», «Вся власть в руки Совета С. Р. и К. Д.», «Долой министров капиталистов» и «Объединимся вокруг Советов». Впереди шествия верхом на лошадях ехали прапорщик Сахаров и Осиповы. Я подошел к Сахарову и спрашиваю, куда вы ведете солдат? «К Таврическому дворцу приветствовать С. С. и Р. Д.» На мои возражения он ответил: «Так надо, вы ничего не понимаете, мне некогда с вами разговаривать»—и уехал от меня. Солдаты шли довольно стройно.

Я пошел в полк. В комитете мне дежурный дал телефонограмму за подписью Чхеидзе, в которой говорилось, чтобы полк не выступал.

С этой телефонограммой я поехал догонять солдат и нашел их около Таврического дворца, где они стояли стройными рядами. Подъехал к Сахарову, подал ему телефонограмму от Чхеидзе. Сахаров прочел телефонограмму и сказал: «Знаем мы эти телефонограммы, я знаю, кто их пишет и кто подписывается». После этого солдаты выделили из своей среды делегацию послать в Исполнительный Ком. В делегацию были избраны прап. Сахаров, Иван Осипов, Гавриил Осипов и Борис Бриллиант. Где они были, я не знаю, но когда пришли из Таврического дворца, то Сахаров сказал, что теперь можно итти в казармы, Исполнительный Комитет уже знает, что мы пришли, а завтра мы снова непременно выйдем на улицу. Стал и я уговаривать солдат воротиться в казарму, что было исполнено. Никаких столкновений в этот день не происходило, и я снова ушел к себе домой.

Придя 4-го с. м. в полк около 9 час. утра, я узнал, что ночью, по возвращении солдат в казармы, прапор. Сахаров и Осиповы устроили митинг на полковом плацу и своими бунтарскими речами разжигали страсти, требовали непременного выступления для передачи всей власти в руки Советов. В заключение они объявили на следующий день выступление и получили на это от присутствующих солдат согласие. Я на митинге не присутствовал и знаю это со слов товарищей.

В полковом комитете обсуждался вопрос о выступлении, и, не желая отрываться от Исполнительного Комитета С. С. Р. и К. Д., от нашего полка была выделена делегация в Таврический дворец, и ей было поручено узнать о том, нужно ли выступать или нет?

Так как самыми ярыми сторонниками выступления являлись Сахаров, Осиповы и несколько других, то полковой комитет, веря в то, что они еще не потеряли чести и совести и не введут комитет в ложное заблуждение, послал Сахарова и Гавриила Осипова в Исполнительный Комитет с условием сообщить оттуда, если будет постановление Исполнительного Комитета выступать, а если такого постановления не будет, то сами предложат солдатам отложить выступление, за которое они так горячо агитировали в течение последнего времени и минувшей ночью.

После ухода Сахарова и Осипова в комитет пришли два члена от Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов и после доклада о текущих событиях предложили проголосовать резолюцию, смысл которой говорил следующее: первый полк принципиально остается на той точке, что разрешение кризиса власти может быть только путем перехода в руки советов, но от всякого рода выступлений полк должен удерживаться. Резолюция эта принята не была, а была принята другая резолюция, редакцию которой при сем прилагаю. После этого члены от Кр. Деп. ушли. Возражали против резолюции, предложенной членами Исп. Ком., прапор. Гаврилов и фельдфебель Степанов. Вскоре я был вызван в дежурную комнату, где находился и командир полка, там я увидел м. у. о. [1]) 2 роты Каратаева, который заявил: «Я пришел из Таврического дворца, все полки уже пришли туда, а наш полк до сих пор сидит дома, нужно немедленно выступать».

Я ему заметил, что в Таврический дворец посланы Сахаров и Осипов, и не можем выступать, не получивши на это разрешения от Исп. Ком. через посланных туда. Об этом говорил Каратаеву и командир полка, но Каратаев настаивал на своем и даже словами оскорбил командира. Он сказал: «Я знаю, вам выгодно, чтобы мы не выступали, вы держите курс старого правительства». В это время (в 1 час дня) была получена записка от Гавриила Осипова такого содержания: «Решено выступать. Вызовите 4 батальон в штаб полка и ожидайте нашего приезда. Чтобы роты были все готовы. Г. О с и п о в».—Помечено: Таврический дворец, 12 ч. 38 минут. Записка была принесена м. у. о. [1]) 7 роты Заколтаевым. Эту записку я отослал в комитет, и решено оставить вопрос открытым до приезда Сахаров и Осипова, а мне поручено вызвать 4 бат. в штаб полка, что я и сделал. От командира полка я узнал, что 4-го с. м. получена телефонограмма за подписью генерала Половцева; в ней говорилось: в случае вооруженного или невооруженного выступления полка в целом его составе или даже частично требую, чтобы все офицеры и комитеты пошли с выступающими и тем предотвратили могущие быть грабежи и насилия. Эта телефонограмма в комитете оглашена не была из боязни истолкования ее солдатами в обратную сторону. Часа в 4 прибыли солдаты 4 батальона. В это время в полковой комитет пришла делегация матросов от артиллерийского

[1]) Млад. ун.-офицер. Выше (стр. 8) его фамилия: «Каратаев».

морского полигона: один офицер и 3 солдата, все вооружены, предъявили свои документы. Цель их приезда главным образом сводилась к просьбе дать роту солдат, так как они ожидали нападения со стороны казаков. В просьбе я им отказал; у них не было ни от штаба, ни от Исполнительного Комитета разрешения на этот наряд, и я не нашел возможным выполнить последний.

Между прочим они агитировали в пользу выступления, причем точно указывали, что Кронштадт вполне правильно поступил, принимая целый ряд репрессивных мер. Находившийся здесь солдат 13 роты Элиазар Славкин и солдат 15 роты анархист Маркин [1]) тоже стали поддерживать матросов и оправдывать их действия. Относительно Славкина должен сказать, что в продолжение всей войны он был в бегах и пришел в полк только после переворота. На митингах он выступал с речами, вносившими дезорганизацию в полк, и призывал солдат к неповиновению властям.

В это время приехал в полк член Исполнительного Комитета Совета С. Р. Депутат. Гуревич и, придя в полк. к-т, начал уговаривать не выступать. Он просил у меня разрешения собрать полковой митинг, но я от этого предложения уклонился из-за боязни нанесения оскорбления Гуревичу как представителю власти со стороны солдат. Стали приходить солдаты, и получился летучий митинг. На митинге говорил солдат 15 роты Решетников, и его речь сводилась к тому, что выступление необходимо, ибо пострадают интересы солдатских и рабочих масс. Так же говорил о бесполезности наступления и вообще ведения войны.

В комитет вошли Сахаров и Гавриил Осипов, которые воротились из Таврического дворца и заявили, что сейчас полк должен выступить на улицу и итти к Таврическому дворцу, чтобы показать Совету свою преданность и те силы, на которые Совет может опираться; он также указал, что это решение принято единогласно, но умышленно скрыл, как это оказалось впоследствии, что он был не в Исполнительном К-те, а на заседании рабочей секции. Ему возражал тов. Гуревич; Сахаров речь последнего оборвал и резко заявил: «Цель нашей демонстрации мирная, мы не собираемся ни грабить, ни арестовывать, ни убивать; мы только должны показать свою силу. Оружие мы берем для самозащиты; что бы ни говорили и ни делали, а пойдем, этого требует народ, и это постановил полк вчера ночью на митинге; всякие разговоры излишни, я беру на себя всю ответственность за выступление и за могущие быть последствия, и если полковой комитет откажется итти, то я сам поведу полк». После этого я вызвал в другую комнату Сахарова, Осипова и человек 10 членов полкового к-та и предложил не выступать; мое предложение было поддержено прапор. Гавриловым, но Сахаров и Осипов протестовали против этого. И тогда я сказал, что решаюсь согласиться только в том случае, если командование и вся власть будут

[1]) Выше (стр. 8) эта фамилия значится «Марков».

переданы ком. полка подполк. Лапинскому, зная его как человека честного и который сумеет удержать выступающих от нежелательных явлений. Мое предложение было принято, и я пошел доложить об этом к-ру полка. К-р полка приказал итти в роты, и те роты, которые хотели итти, должны строиться, а мне сказал, чтобы и полковой комитет тоже шел с полком. Одновременно с этим я [1]) получил заявление, что 10 и 9 роты не пойдут и в полном составе остаются при исполнении своих обязанностей; аналогичные заявления получены от сборной рабочей роты и от нестроевой команды. Первый батальон тоже почти не выступал за исключением отдельных лиц. В результате оказалось построено на плацу не более 1.200 челов. Около 7 часов вечера мы выступили из полка. Солдатам было лично мною отдано приказание беспрекословно подчиняться всем приказаниям к-ра полка и их исполнять.

Придя к Таврическому дворцу, была выделена делегация, в которую вошли я, Сахаров и Осипов. Мы пошли в Таврический дворец и хотели проникнуть на заседание Исп. Ком., но заседание было закрыто, и нас не приняли, тогда Сахаров повел нас в рабочую секцию и, встретив Володарского, просил выйти приветствовать нас.

Также обратился ко мне Машкевич, член рабочей секции, с просьбой дать ему роту людей для охраны от могущих быть погромов продовольственных магазинов. Я обещал ему исполнить. После этого вместе с Володарским мы вышли к полку, и я от имени пришедших солдат сказал: «Солдаты 1 пехотного полка пришли приветствовать Совет С. Р. и К. Депутатов и исполнительные его органы и заявляют, что они готовы по первому зову Совета отдать себя в распоряжение его». После меня говорил тов. Володарский. В своей речи он указал, что большевики победили, многие министры ушли от власти, их места займут те люди, которые выведут страну из этого тупика, куда ее загнало старое правительство.

Потом он приветствовал полк от имени всех большевистских организаций и указал, что силы большевиков огромны и победа их несомненна. В заключение просил солдат воротиться в казармы и ждать дальнейших событий. Речь его была покрыта бурными аплодисментами. Командир полка воспользовался словами Володарского и стал уговаривать воротиться в казармы. Я в это время пошел дать наряд солдат согласно просьбе Машкевича. Мне говорили, что Сахаров горячо запротестовал и стал уговаривать солдат пойти не в казармы, а по Литейному на Невский и домой, чтобы показать свою силу буржуям, так выразился он. Причем Сахаров еще раз подчеркнул, что он отвечает за выступление; к-р полка указал, что случайно может пролиться кровь, то Сахаров ответил, что он отвечает и за ту кровь, но вместе с тем уверенно заявил, что этого быть не может, так как мы идем мирно, никого убивать не намерены и в нас стрелять никто не будет.

---

[1]) Зачеркнуто: «Заявил».

Полк пошел, и до Литейного проспекта он шел спокойно и благополучно. Свернув на Литейный и дойдя до арсенала, мы услышали выстрелы со стороны Александровского моста, на котором стояла группа штатских и военных. Другие утверждают, что выстрелы были из здания окружн. суда. Первые выстрелы полк принял спокойно, но потом выстрелы стали частыми, и где-то открыли пулеметный огонь. Солдаты не выдержали и в паническом бегстве стали прятаться, кто где мог. Многие залегли за орудиями, стоящими у арсенала, и открыли бесцельную стрельбу, стреляли вверх и по мосту, но без определенной цели, командир полка стоял на Литейном и приказывал солдатам прекратить стрельбу. Ему удалось это сделать, стрельба была прекращена; казалось, что все окончено, но в эту минуту на Литейный выехала сотня казаков. По ним открыли со стороны Александровского моста сильный ружейный и пулеметный огонь. Слышно было 3 разрыва или орудийных снарядов или ручных гранат. Огонь был направлен вдоль Литейного и наносил нам потери. Наши солдаты, думая, что в них стреляют казаки, открыли огонь по ним. Опять паническое бегство и сильная стрельба. Около меня стоял солдат, которого ранила пуля, и я увел его на перевязку в арсенал. Стреляли казаки или нет, я не видел, но видел, как упали с лошадей 2 казака. Вскоре после этого стрельба прекратилась, и солдаты ушли в полк. Первые ряды организованно, а небольшая кучка пошла вразброд. У нас оказалось 5 убитых и около 20—раненых. Сахарова и Осиповых я во время стрельбы и после не видел и не знаю, где они были. По возвращении в полк сейчас же было созвано заседание ротных и полкового комитетов... [1])

Григорий Торский.

Подполковник *Украинцев.*

(Окончание следует.)

---

[1]) Остальная часть показаний Торского опущена, так как освещает последующие события.

Московский Военно-Революционный Комитет.

Печатаемые ниже документы воспроизводятся с подлинников, хранящихся в Московском Центральном Архиве Октябрьской Революции (фонд 1, инв. № 641, папка V и фонд 94, опись I, дело № 66).

В состав публикуемого материала вошли: протокольные записи и постановления заседаний Московского Военно-Революционного Комитета за 28 октября, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12 и 13 ноября (ст. ст.) 1917 г., протокольная запись частного межпартийного совещания большевиков, объединенцев и левых эсеров от 5 ноября 1917 г. и два заявления объединенцев и правых эсеров от 6 ноября 1917 г.

Так как заседания Военно-Революционного Комитета часто происходили по несколько раз в сутки, то за некоторые из выше перечисленных дней имеется по две и более протокольных записей. Эти записи необработаны, представляя собой *секретарские записи*, написанные с сокращениями и перечеркиваниями, преимущественно карандашом (о документах, напечатанных на пишущей машинке, при наборе сделаны в соответствующих местах оговорки в подстрочных примечаниях).

Трудность расшифровки и истолкования отдельных мест записей поставила перед редакцией вопрос об обращении с просьбой помочь ей в работе по подготовке к печати столь ценного в научно-историческом и политическом отношении материала к б. б. членам Военно-Революционного Комитета и руководившей его деятельностью партийной «пятерки» — тт. Владимирскому, Ломову, Розенгольцу и Соловьеву, а также к тт. Бричкиной, Додоновой, Ломтатидзе, Орловой и Темкиной, несшим секретарскую работу в Комитете в дни восстания. Названные товарищи, ознакомившись с «делом» Московского Военно-Революционного Комитета, из которого извлечены печатаемые здесь протокольные записи, подтвердили, во-первых, их подлинность (о чем составлен особый акт за подписями А. П. Розенгольца и В. И. Соловьева), во-вторых, сообщили ряд весьма ценных сведений об обстановке, в которой велись протоколы заседаний, числе последних, причинах отсутствия некоторых протокольных записей и беловых протоколов и т. п. С помощью тт. Бричкиной, Додоновой, Ломтатидзе, Орловой и Темкиной удалось, кроме того, установить вполне достоверно авторскую принадлежность каждой протокольной записи. К этому необходимо прибавить, что корректура каждой печатаемой здесь протокольной записи сверена по подлиннику с ее составителем.

В особом письме в редакцию «От секретарей Московского Военно-Революционного Комитета» содержится, вместе с удостоверением подлинности печатаемых документов, объяснение причины отсутствия в публикуемом «деле» некоторых протокольных записей, а также беловых протоколов Военно-Революционного Комитета. «Протоколы Московского Военно-Революционного Комитета, — сообщается в этом письме, — с момента их возник-

новения (в ночь 25/X 1917 г.) были сожжены, сохранился лишь у А. А. Додоновой протокол одного заседания от 28/X, случайно унесенный ею на квартиру в ночь с 28/X на 29/X, когда постановлением В.-Р. К. в здании Совета были оставлены только товарищи, непосредственно связанные с боевыми действиями, а остальные, в том числе и секретари, были удалены. Этот уцелевший протокол передан Центрархиву 25/XI с. г. Только с вечера следующего дня, т.-е. 29/X, с момента возвращения секретарей в Совет, возобновилось протоколирование заседаний, и в дальнейшем протоколы велись регулярно, обрабатывались, перепечатывались на машинке и прошивались в скоросшиватель. Однако, эта папка протоколов совершенно непонятным образом исчезла из Совета. Кто похитил папку и для какой цели, установить невозможно было».

Редакция «Красного Архива», не считая целесообразной отсрочку опубликования хранящихся в Архиве Октябрьской Революции протокольных записей заседаний Моск. Военно-Революционного Комитета впредь до обнаружения упомянутой папки протоколов, признала необходимым их опубликование уже в настоящее время с присоединением к ним протокольной записи заседания Военно-Революционного Комитета 28 октября (ст. ст.), полученной от тов. Додоновой.

Читатель при изучении печатаемых ниже материалов должен все время иметь в виду, что перед ним не так называемые беловые протоколы, т.-е. протоколы в их окончательно обработанной форме, исчерпывающе, в строгом порядке и без пробелов передающие содержание происходившего в заседаниях, с точными записями ораторских выступлений и четкими формулировками принятых постановлений.

На характере и приемах протоколирования сильно отражалась обстановка, в которой приходилось действовать Военно-Революционному Комитету. «Очень часто бывало, — указывают тт. секретари в цитированном выше письме, — что среди обсуждения серьезнейшего вопроса неожиданно врывалось новое событие, требовавшее исключительно спешного разрешения, вследствие чего приходилось возвращаться к одному и тому же вопросу по нескольку раз. При чтении протоколов это обращает на себя внимание». Необходимо обратить внимание и на то, что обычное различие протокольной записи и составленного по ней, но юридически оформленного, т.-е. скрепленного соответствующими подписями протокола, в те дни постоянно нарушалось, ибо некогда было возиться с делопроизводственными формальностями: постановление В.-Р. Комитета, будучи записано секретарем в «протокол», тем самым немедленно приобретало значение юридического акта. «Формулировка постановлений Военно-Революционного Комитета, — пишут тт. секретари, — производилась тут же на заседании, согласовывалась с кем-либо из присутствовавших на заседании Военно-Революционного Комитета и немедленно передавалась на исполнение».

Вместе с тем необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство, указываемое тов. В. И. Соловьевым, ознакомившимся, по просьбе редакции, с печатаемыми здесь материалами: «существовавший параллельно с Военно-Революционным Комитетом объединенный партийный центр («пятерка»), задачей которого являлось партийное руководство всей работой, ряд своих основных решений проводил через Военно-Революционный Комитет не всегда формально на заседаниях, а путем дачи персональных заданий. Протоколы же партийного центра не велись вообще, и эта часть работы сможет быть «восстановлена» только по воспоминаниям живых участников Октябрьских боев».

Необработанностью записей объясняется неудовлетворительность стилистической формы некоторых из них, могущей повести иногда к неправильному истолкованию зафикси-

рованных в них моментов восстания. Так, тов. Г. А. Ломов указывает в качестве примера на «передачу доклада Ломова об организации власти... Привожу дословно протокольную запись: «Этот вопрос краткий. Надо выработать такую конструкцию власти. Точка зрения Петрограда — все социалистические партии, основной орган которых является организатором власти». Этот протокол относится к 16(3) ноября, когда вопрос об организации власти в Питере был хотя более или менее ясен, но для нас — москвичей — в нем было еще много очень сложного». Эта запись, — говорит тов. Ломов,— тем более неудовлетворительна, что «как я помню, это был не мой доклад об организации власти. Я ставил вопрос не так, что этот вопрос краткий, а что резюмирую кратко. И уже из этого предварительного обмена мнениями вытекал ряд поручений товарищам для детальной проработки всего этого сложнейшего вопроса».

Но в то время, как замечание тов. Ломова базируется на неудовлетворительности формы изложения протокольных записей, у других товарищей они вызывают возражения с иных точек зрения. Так, у тов. М. Ф. Владимирского, ознакомившегося с печатаемым ниже материалом по гранкам, а не по подлинникам, вызвал сомнение «предложенный тов. Усиевичем (протокол от 1/XI) список распределения мест в органе управления Москвой. Между прочим, из дальнейшей записи видно, что члены Военно-Революционного Комитета не допускают включения представителя Думы в правительственный орган («как мы можем после боя... принять Думу как равную часть?»). «Не был ли это, — спрашивает тов. Владимирский, — тот список, может быть, даже написанный рукой Усиевича, который он предлагал на собрании воинских частей до восстания, когда там было еще довольно сильное влияние эсеров, т.-е. при совершенно других условиях?»

Однако в данном случае для сомнения не может быть места: указываемый тов. Владимирским список распределения мест во временном органе управления Москвой находится в самом тексте протокола от 14(1) ноября, собственноручно написанного тов. А. Ф. Темкиной, которая по этому поводу в особой записке на имя редакции пишет следующее: «В протоколе Военно-Революционного Комитета от 1 ноября (ст. ст.) 1917 г. список представителей от различных организаций, которых должна была кооптировать семерка, вписанный рядом с фамилией Усиевича, очевидно, был предложен именно Усиевичем, что подтверждается протоколом от 2 ноября 1917 г., 7 час. утра. В протоколе от 2 ноября, среди предложений Усиевича в связи с организацией власти, предложение за № 2 записано следующим образом: «последний (С. Р. С. и К. Д.) выдвигает орган, куда входят... —» дальше ничего не записано, очевидно, в виду того, что список был предложен 1 ноября».

Несомненно, возникнут и многие иные возражения по поводу тех или других мест печатаемых документов, но задачей редакции в настоящий момент было лишь — дать полное воспроизведение текста документов с самой тщательной буквенной точностью, включив (в прямых скобках) необходимые дополнения недописанных слов и некоторые пропущенные в подлиннике слова.

Старая орфография при печатании документов заменена новой, и местами исправлена пунктуация. В остальном удержаны особенности подлинников; слова и фразы, подчеркнутые в подлиннике, набраны разрядкой; буквы, слова и фразы, зачеркнутые в тексте, снесены в подстрочные примечания, в которых оговорены также описки, приписки, скобки и иные графические особенности подлинников.

Располагая, кроме публикуемого здесь материала, еще некоторой частью делопроизводства Московского Военно-Революционного Комитета, Центрархив в ближайшем

времени выпустит отдельным изданием, с соответствующим историческим комментарием сборник наиболее ценных документов Московского Военно-Революционного Комитета, в который войдут как печатаемые здесь протоколы, так и дополнения к ним в виде отрывков протокольных записей. В отдельном издании будет напечатана также цитировавшаяся выше, но не вошедшая в настоящую публикацию из-за технических затруднений, довольно обширная переписка редакции «Красного Архива», возникшая в связи с опубликованием протоколов Военно-Революционного Комитета и восполняющая сохранившиеся в архивах документальные данные по истории Московского Военно-Революционного Комитета.

Редакция.

Заседание Московского Военно-Революционного Комитета 10 ноября (28 октября) 1917 г.

Заседание В[оенно]-Р[еволюцинного] К[омите]та 28/X [19] 17 г.

Предложение Викжеля и лев[ых] революц[ионеров].	На предложение Викжеля и лев[ых] революционеров вести переговоры [1]) с К[омите]том Спасения при условии роспуска В[оенно]-Р[еволюционного] К[омите]та ответить категорическим отказом.
О задержании офицеров.	Как [2]) общее правило, в виду тревожного настроения солдат [3]), арестовывать всех, хотя бы и случайно задержанных офицеров. В следственную ко[мис]сию ввести т[т.] солдат.
О т. Чиколлини.	За неподчинение Чиколини распоряжениям В[оенного] штаба предложить последнему потребовать от Чиколини в категорической форме подчинения, в противном случае удалить.
Конституция В[оенного] штаба.	Конституция штаба д[олжна] б[ыть] коллективной, в составе т. В. М. Смирнова, Аросева [4]) и Альтера, при полном подчинении всех общему решению.
Об охране телефонной станции.	Т. Смирнов сообщает о посылке охраны на телефон в 25 чел[овек].

---

[1]) Далее зачеркнуто: «при».

[2]) Перед этим словом зачеркнуто: «В ви[ду]».

[3]) Слова: «в виду тревожного настроения солдат» — написаны над строкой вместо зачеркнутого слова: «задерживать».

[4]) В подлиннике: «Аросьева».

О прибытии 192 полка.

О прибытии 192 полка и о доверии к офицерам его передать на усмотрение В[оенного] штаба.

О продовольствии.

Приказать т. Шефлеру немедленно доставить по 24 пуда сена или 12 п. овса на день на 48 лошадей артиллерии.

О представительстве в В[оенно]-Р[еволюционный] К[омитет] 9-ти профсоюзов.

Допустить представительство от 9-ти профсоюзов в В[оенно]-Р[еволюционный] К[омитет] с правом совещательного голоса.

О перенесении центра тяжести борьбы в районы.

Т. Аросев считает необходимым повести наступление против Кремля, что произведет известное впечатление, сплотит и сорганизует солдат и предупредит наступление на нас прибывающих казаков и кавалерии.

Т. Ярославский[1]) находит невозможным наступать при современном состоянии[2]) нашего войска.

Т. Смирнов высказывается против наступления, приветствуя в то же время перенос борьбы в районы.

Т. Муралов указывает, что центром внимания д[олжен] б[ыть] арсенал, высказывается за наступление на-ряду с партизанской деятельностью в районах и тщательной охраной пушек.

Т. Голенко в принципе[3]) стоит за решительное наступление, не стесняясь разрушением Кремля[4]), думы и др[угих] частных помещений, но после некоторой подготовки, пока же готовиться и отражать нападения.

Т. Усиевич высказывается за наступление и против перехода в районы.

Т. Розенгольц — за 2 часа положение изменилось, арсенал взять невозможно. Разгром думы сплотит наших врагов, где в данный момент назре-

---

[1]) Далее зачеркнуто : «не».
[2]) Далее зачеркнуто: «всего».
[3]) Слова: «в принципе» — над строкой.
[4]) Далее зачеркнуто: «и».

вает раскол. Пока следует отражать и подготовляться, держа курс на наступление.

Т. Альтер — неорганизованная армия наступать не может. Положение наше таково, что обороняться мы можем, окраины нас поддержат, эвакуировавшись в районы.

Т. Аросев — надо курс держать на наступление в смысле подготовки маневров, продвижений войск, что даст моральную силу войску.

О захвате штаба юнкеров.

Постараться захватить, если можно, штаб юнкеров.

Т. Смирнов опасается при наступлении бунта солдат, благодаря неорганизованности продовольствия. Февральская революция победила потому, что она не встретила организованного сопротивления; теперь же неорганизованы мы и [1]) организован противник.

Т. Кушнер — организованность возможна при связи с районами и сплоченности. Нельзя уходить в районы, надо захватить определенный участок.

Постановлено: установить тесную связь с районами, обеспечив себе базу в одном из них. Начать наступательные действия в центре и партизанскую войну в районах.

Заявление лев[ых] с[оциалистов]-р[еволюционеров].

К[омитет] обществ[енной] безопасности решил вести переговоры, не устанавливая характера власти. Советы остаются, переговоры ведутся с В[оенно]-Р[еволюционным] К[омите]том, который подлежит суду. Требование ультимативом, после чего начинается наступление на Совет.

Т. Розенгольц напоминает, что по аналогичному случаю было уже вынесено решение, не обсуждать в такой постановке вопроса, с чем соглашается и в данный момент К[омите]т.

---

[1]) «И» написано над зачеркнутым: «при».

Об уходе т. Ярослав[ского] в район.

Т. Ярославского решено отпустить на отдых и затем эвакуировать в район.

Заявление т. Ногина.

Я теперь здесь совсем не нужен, т[ак] к[ак] время действий, а я [1]) не военный. Следует отправить отсюда все, что не необходимо [2]) с постепенным переходом и всего штаба в определенный момент.

Постановлено: С момента приведения Рябцевым своего ультиматума в жизнь, центр этот распускается и передается новому, переехавшему в район. Кто остается в центре и кто уходит, решить совместно с штабом.

Намечаются лица для распределения свеч и спичек по комнатам [3]).

По рытью окопов т. Розенгольц и т. Голенко.

Охрана типографии.

Поручить редакции «Соц.-Демократ[а]» напечатать ультиматум Рябцева. Установить охрану типографии.

Об утвержд[ении] т. Саблина членом.

В качестве члена В[оенно]-Р[еволюционного] К[омите]та утверждается т. Саблин.

Секретарь *А. Додонова.*

Заседание Московского Военно-Революционного Комитета 14 (1) ноября 1917 г.

Заседание В[оенно]-Р[еволюционного] К[омите]та 1/XI—[19]17 г.

Доклад Мостовенко о районах.

Юнкера, отошедшие из центра, перешли в районы, кот[орые] [4]) ведут партизанскую войну. Нужны там автомобили.

Снять с очеред[и] этот вопр[ос] [5]) в виду заявления

1) Постановлено: нарядить автомобили с т. Мостовенко [6]) и привести предста-

[1]) Слово: «я» — над строкой.
[2]) Далее зачеркнуто: «и не».
[3]) Далее зачеркнуто: «и».
[4]) Далее зачеркнуто: «пар».
[5]) Относится к первому пункту.
[6]) Слова: «с т. Мостовенко» — наверху строки.

В. Н. Яковл[евой] и обещания Мостовенко помочь этому делу.	вителей штабов р. к. для устройства совместног[о] с ними собрания, до... [1]). 2) Посылку пулеметов по районам предоставить усмотрению штаба. 3) Обсудить общее положение дела.
	С м и р н[о в]. Чер[ез] как[ие] нейтр[альные] [2]) группы мы можем дейст[вовать] выяснить [3]) относит[ельно] перегов[оров].
Прин[ято].	С т у к о в. 1) Объект[ивное] полож[ение] вещей диктует нам нанести всеми доступными нам способами нанести [4]) решительный удар [5]) по отнош[ению] к врагу и обращ[аться] к штабу для исполн[ения] н[ашего] решения помимо первого постановл[ения].
	С м и р н[о в]. 2) Обратить сам[ое] серьезн[ое] внимание на то, что одними военными силами мы достигнуть победы не можем, и предлагаем через
Отвергнуто.	нейтр[альные] группы вести переговоры о мире с тем, чтобы н[аша] платформа проведена была в жизнь, вступить в переговоры, приним[ая] активн[ое] участие.
Принято.	Ждать прихода групп, а самим не начинать переговор[ов], обратив на них самое серьезное внимание [6]).
Прин[ято].	Выработать определен[ную] платформу, на основе [7]) котор[ой] могли бы вестись переговоры о мире.
Прин[ято].	Поручить тов. из К[омите]та (парт. центр[а]) [8]) озаботиться выработкой платформы.

[1]) Далее зачеркнуто: «Поручить в. штабу представить план — доклад, что каково положение и что им предпринято. Самим же обсудить общее положение».

[2]) Над этим словом в подлиннике — цифра 2.

[3]) Над этим словом в подлиннике — цифра 1.

[4]) Так в подлиннике.

[5]) Далее зачеркнуто: «Стук»...

[6]) Далее зачеркнуто: «Не вступать в пер :

[7]) Слово: «основе» — над строкой.

[8]) В целях объединения работы большевистских парт. организаций был образован партийный центр («пятерка»). В него входили от Московского Комитета М. Владимирский, О. Пятницкий, кандидат В. Подбельский; от Окружного

[1]) Т. Ломову поручить.

Прин[ято]. { Заслушать предст[авителей] [2]) 2-го парка 5 артилл. див[изио]на.

С м и д о в и ч. О делег[ации] предст[авителей] II-ой армии свед[ений] у них нет. Они поедут в думу [3]), зат[ем] в Петрогр[ад].

Вся армия обольшев[ичена].

В случ[ае] чего наступлен[ия] Керенского [4]) примут решительн[ые] действия.

Давать лишь [5]) — проверенные сведения в газету «Соц[иал]-Демок[рат]» [6]).

Проверить слух о фра[нцузских] броневиках. Довести до сведения газ. «Соц[иал]-Дем[ократ]» и предложить [7]) опровергнуть помещен[ное] [8]).

Отвергнуто. { Написать письмо франц[узскому] консулу, ссылаясь на переговоры с Смидовичем о том, что фран[цузские] броневики не участвовали в обстреле.

Прин[ято]. Исполнено. { Обратиться в редакц[ию] «Соц[иал]-Дем[ократа]» найти способ опровергнуть помещ[енное] насч[ет] франц[узских] броневиков.

Поручить т. Ломову [9]) исполнить это поручение.

Комитета В. Соловьев, кандидат Сапронов; от Московского Областного Бюро И. Стуков, В. Яковлева, кандидат И. Кизильштейн. Слова: «(парт. центр.)» — над строкой.

[1]) Перед этой фразой стоит: «Исп[олнение]».

[2]) Далее зачеркнуто карандашом: «II-й армии» и надписано: «2-го парка 5 артилл. див-на».

[3]) Вероятно, Московскую городскую думу, где помещался Комитет Спасения.

[4]) Слова: «наступлен[ия] Керенского» надписаны над строкой.

[5]) Слово: «лишь» — над строкой.

[6]) «Социал-Демократ» — ежедневная газета Московского Бюро Центрального Комитета и Московского Комитета Р.С.-Д.Р.П. (б.).

[7]) Слова: «и предложить» — над строкой.

[8]) В № 197 «Соц.-Демократа» (1 ноября 1917 г.) помещена была редакционная статья: «Работа «союзнических» правительств», где, между прочим, сказано: «на помощь Рябцеву и юнкерам пришли французские артиллеристы, орудующие с броневиков»...

[9]) Зачеркнуто: «Соловьеву» и надписано: «Ломову».

Доклад Усиевича о взятии телефон[ной] станции.

Прин[ято]. Допустить к опросу арестов[анных] юнкеров у телеф[онной] станции Смидовича и Кушнера.

Усиевич. Вчера сделать ничего не удалось, сегодня окружили юнкеров у Криво-Коленного пер. Переговоры о сдаче велись солд[атами] и юнкерами. Они снач[ала] говорили о перегов[орах] между штабами. Я заяв[ил] опред[еленно]: безусловная сдача при гарантии безопасности. Они попросили 10 минут на размышление. Через 9 м[ин]. стали выходить и сдавать оружие группы офиц[еров] и юнк[еров]. Соверш[енно] безболезненн[о].

1) Там масса оружия и мешки с мукой. Надо послать туда грузовики.

Прин[ято]. 2) Надо послать к[омисс]ара для восстановления порядка и для установл[ения] охраны.

Исполн[ено]. 3) Поручается Пупко [1] прием пленных. Комендантом Бутырской тюрьмы, корпуса пленных назначить [2].

Прин[ято]. Группировать сведения из области о приход[ящих] и проход[ящих] частях. Организовать стол области поручается Соловьеву.

Прин[ято]. Наладить информацию и сделать сводку.

Поручить заведывание автомобильным отделом[?].

Прин[ято]. Для служащ[их] театра С. Р. Д. реквизировать столовую вблизи их района и обеспечить их обедом в течение одной недели. Поручить это выполнить Городск[ому] Районн[ому] Совету [3].

---

[1]) Слова: «поручается Пупко» — над строкой.

[2]) Фамилия не указана.

[3]) Далее зачеркнуто: «Выда[ть]. Нужную сумму выдать».

Представитель с северного [1]) фронта Толстопятов. Информация.

Когда получ[или] перв[ые] свед[ения] из Петр[ограда], образов[али] свой К[омите]т, как реагировать на события. Мы образов[али] свой Революц[ионный] К[омите]т и выпуст[или] воззв[ание] о перевороте. Исп[олнительный] К[омитет] С. Р. Д. выпустил контрвозз[вание] и шел вразрез с н[ашей] орган[изацией]. Тогда собрались предст[авители] всех частей г. Валки, и на чьей стороне. Оказал[ось], все на стор[оне] большев[иков]. 6-й Сибир[ский] [2]) заяв[ил], что активн[ых] дейст[вий] против больш[евиков] не предприм[ет].

С оруж[ием] обстоит слабо [3]). Центры с оруж[ием] не были на стороне [4]). Возгласов против — редко. Переизбр[ание] Искосола [5]), — вошло большинство большев[иков], а раньше были в меньш[инстве]. У нас никак[их] свед[ений]: почта и телегр[аф] в их руках. Я думаю, что Валки перейдут в н[аши] руки. Это важно, ибо ж.-д. центр, перешел латышск[ий] стрелков[ый] б[атальо]н. Настроение б[ольшею] ч[астью] большевистское.

С сев[ерного] фронта не пойдут против большев[иков]. Некот[орые] [6]) кавалер[ийские], воздухопл[авательные] и автомоб[ильные] — еще не уверены.

Усиев[ич]. Отправить литературу на фронт.

Прин[ято]. Организовать службу связи с Питером — телефон[ом] и телеграфом чер[ез] к[омисс]ара Подбельского — поручить т. Мостовенко. [7])

---

[1]) Слово: «северного» — над строкой.
[2]) Вероятно, корпус.
[3]) Далее зачеркнуто слово: «оруж...».
[4]) Разумеется, большевиков.
[5]) Искосол — Исполнительный Комитет Солдатских Депутатов.
[6]) Пропущено слово: «части».
[7]) В подлиннике этот абзац вписан в средину сл. докл. Исаева между словами: «то мы мо-» и продолжением этой фразы на сл. листе: «жем держаться».

Доклад Исаева [1]) о 1 запасн[ой] артиллер[ийской] [2]) бригаде.

Сейчас, если не буд[ут] дост[авлены] в Москву снаряды, то 1 зап[асная] бригада перестанет стрелять, ибо снарядов [3]) больше нет.

Надо экстренно послать в мызу [4]) Раево автомобили. Если этого не будет, то мы можем держаться 1—2 дня.

5 оруд[ий] в Пресн[енско]-Бутыр[ском] районе.

8 оруд[ий] у нас в центре.

На каждое орудие по 100 снарядов.

Далее вопрос финансовый [5]).

Надо содержать такую огромн[ую] часть — офицеров там нет, я один. У солдат замечается уже погромное настроение.

Прин[ято]. Послать в мыз[у] Раев[о] автом[обиль] грузов[ой] за снаряд[ами], а потом в бригаду.

Прин[ято]. Выдать 1 запасной бригаде на сено и фураж аванс в размере 10.000 рублей.

Исаев. Необходимы агитаторы и бюллетени, как можно скорей — информацию, ибо, когда они свободны, они начин[ают] устраивать погром.

Поручить т. Игнатову сорганизовать агитацион[ную] группу для обслуживания 1 запасн[ой] бригады.

Летчикам нужны ручные бомбы, надо нам доставить, ибо моральное значение громадное, а сила разрушения небольшая.

Доклад Пупко о телефон[ной] станц[ии].

На телеф[онной] станции оказался автом[обиль], увозивш[ийся] солдатами в Народн[ый] Дом. Я его остановил.

---

[1]) Прапорщик, большевик, член бригадного комитета.
[2]) Слово: «артиллер.» — над строкой.
[3]) Слова: «ибо снарядов» — в подлиннике подчеркнуты карандашом.
[4]) В подлиннике «Мызо». На мызе помещался огнесклад.
[5]) Слова: «Далее вопрос финансовый» — подчеркнуты карандашом.

Я решил отыскать арестов[анных], из служащ[их] я нашел 2-х монтеров, и решили завтра включить некотор[ые] телефоны. У них небольш[ой] караул.

Прин[ято].

1) Надо им послать подкрепление (25—30 солд[ат] для смены и 25—30 в помощь).
2) Назнач[ить] кадр лиц, подчиняющихся [1]) опред[еленному] лицу.
3) Кому-ниб[удь] из арестов[анных] [2]) предлож[ить] наладить это дело.

Со стор[оны] солдат явное мародерство.

Доклад [о] собр[ании], созв[анном] «Викжелем».

Прин[ято].

Поручить т. Плеханову исполнить приказ об освобождении анархистов из Таганской тюрьмы.

Стуков. Активн[ые] действ[ия] со стороны Пресненск[ого] и Хамовнич[евского] районов. Городск[ой] район перебр[ошен?] в Пресненск[ий] р[айон], Сокол[ьнический] р[айон] в Хамовн[ический] р[айон]. Собрание единогласно постановило [3]) к решит[ельным] дейст[виям] по отнош[ению] к думе и Кремлю.

Решили мобилизовать все технич[еские] средства, как бомбы с аэропланов.

Муралов протестует против бомб с аэропланов и против снарядов и бомб в городск[ую] думу.

Должна быть партизанская война.

Мостовенко — против.

Ведерн[иков] — против.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «к».
[2]) Далее в подлиннике зачеркнуто: «поруч.».
[3]) Видимо, пропущено слово: «перейти».

Прин[ято]. План в общ[ем] и целом [1]) район[ного] собрания принят[ь] в смысле решительного наступления на Александр[овское] уч[илище] и Кремль [2]), но против метания бомб с аэропланов и бомбардировки городск[ой] думы.

Прин[ято]. Поручить довести [3]) до свед[ения] район[ных] Револ[юционных] [4]) К[омите]тов поручается Розенгольцу.

С решающ[им] голосом:
1. Рыкунов.
2. Смирнов.
3. Пупко.
4. Муралов.
5. Аросев [5]).
6. Мостовенко.
7. Ломов.
8. Ведерников.

Делегация от объединенцев: Волгин, Вольский, Заблоцкий, Ломтатидзе, Романов.

Вольский. Информ[ация] из Петрограда об общ[ем] полит[ическом] положении. Соглашение практич[еское] в П[етрогра]де состоялось: с.-р. согласны вступить, меньшев[ики] колеблются, но поддержку будут оказывать. Персон[ально] намечивают[ся] [6]). В стратег[ическом] отнош[ении] полн[ая] победа; Керенск[ий] в Гатчине, у него казаки и кавалерия. Уступчив[ость] проявили правые элем[енты] большевик[ов], как Луначарск[ий] и друг[ие], исходя из изолированности, — прич[ем] полная разруха политич[еского] и воен[ного] аппарата. Семеновский и другие полки дейст[вуют] сами. Факт,

---

[1]) Слова: «в общ[ем] и целом» — над строкой.
[2]) В подлиннике слова: «на Александр[овское] уч[илище] и Кремль» — над строкой.
[3]) Слово: «довести» — над строкой.
[4]) Слово: «Револ[юционных]» — над строкой.
[5]) В подлиннике ошибочно: «Аросьев».
[6]) Так в подлиннике.

что Троцкий — предложил команд[овать] частью одному прапорщ[ику], кот[орого] в перв[ый] раз видит.

Полное отсутст[вие] руководства и заявл[ение] солдат [1]) вследст[вие] этого, что нужно повесить Керен[ского] и Ленина. Продов[ольственный] кризис очень острый.

Из Центрофлота сообщили, что около Або готовит[ся] германск[ий] десант, и они готов[ят] все возможное.

Таково внутр[еннее] разложение.

В Петрогр[аде] приходили в ужас все, узнав, что дел[ается] в Москве. Стороны вчера пришли к соглашению, а в М[оскве] продолж[ается] баррик[адная] борьба.

Мы рассм[атривали] вопр[ос] о перемирии у вас — вопр[ос] жизни или смерти. С точки зрен[ия] общерос[сийской], это губительно. Дальн[ейшее] продолж[ение] борьбы является жизнью или смерт[ью] пролет[арской] борьбы. Раз в Петрогр[аде] вопр[ос] решен, распред[еление] мест не им[еет]значен[ия].

[2]) Немедл[енное] перемирие и Вр[еменный] К[омите]т.

Вчера в Сем[еновском], Изм[айловском] и Волын[ском] полках было прин[ято]: 1) Петрогр[адский] гарниз[он] не хочет быть орудием гражд[анской] войны. 2) Социалист[ическое] м[инистерст]во без цензов[ых] элементов.

В о л г и н. Организ[ация], от им[ени] котор[ой] мы явились, прос[ит] делегиров[ать] немедленно 2-х лиц на Алекс[андровский] вокзал для немедл[енной] выработки соглашения.

Перемирие [3]) невозм[ожно] в виду обостр[ения] отнош[ений] сторон.

Прин[ято]. { Полит[ические] треб[ования] — вся власть Советам (из советск[их] партий).

---

[1]) Слово: «солдат» — над строкой.

[2]) В подлиннике перед словом: «Немедл[енное]» стоит цифра 1.

[3]) В подлиннике: «перемирия».

Прин[ято]. { Необх[одимость] разоружения сторон, кроме Красной гвардии.
Врем[енный] орган из 7-ки [1])+кооптац[ия], утвержд[енный?] пленарн[ым] засед[анием] Советов Р. и С. Д.

С м и д о в[и ч]. У нас нет колеб[аний] и разногласий.

С м и р н о в. Объект[ивными] усл[овиями] характ[ера] войны вопр[ос] о перем[ирии] не мож[ет] [2]), а лишь о мире, вопр[ос] лишь об усл[овиях] мира. Воен[ных] дейст[вий] прекр[атить] нельзя, ибо озлоблен[ие] достигло высш[ей] точки. Масса примир[ится] на лозунге: «Власть Советам в Москве», — впослед[ствии] орган, выбран[ный] Совет[ом], может кооптиров[ать] и друг[ие] орган[изации] и пар[тии].

Пока обе стороны будут вооруж[ены]. Разоруж[ение] юнкеров. До пленар[ного] засед[ания] Сов[ета] — вр[еменный] орган 7-ка, к ней кооптир[уются] от друг[их] фракций.

Пленарн[ое] засед[ание] отверг[ает] или утв[ерждает] орган. Охрана порядка возлаг[ается] на Красн[ую] гвардию.

С м и д о в и ч. Советск[им партиям] принад[лежит] преим[ущество]; включ[ая] Губ. Сов[ет] К[рестьянских] Д[епутатов] и Уезд[ный] Сов[ет] Р. и С. Д.

В случае кооптации больш[евикам] большинство. Результ[ат] соглаш[ения] — это власть Советам.

У с и е в и ч.

С. Р. и С. Д.	7
Думе [3])	1
Зем[ству]	1
К. Д. [4])	1
Губ. С. Р. Д.	1
Викж[ель]	1
Почт[а] и тел[еграф]	1

[1]) «7-ки» — семерки, т.-е. в составе Военно-Рев. Комитета.

[2]) Здесь в подлиннике пропуск, видимо, слова: «ставиться», или выражения: «быть поставлен».

[3]) Т.-е. Московской городской думе.

[4]) К. Д. — Крестьянских Депутатов (Совету)

Кр[асной] гв[ардии] 1
С[овету] Р[айонных] Дум . . 1
Пр[офессиональное] Бюро . 1
Союз гор[одских] сл[уж]. . . . 1

В о л ь с к и й. 1) В виду невозм[ожности] удерж[ать] стороны, вопр[ос] о перемирии снимается.

2) Разоруж[ение] юнкеров.

(Приним[ается] ли обязат[ельство], что юнкера не будут избиты [1]).

3) Делегир[уете] ли вы 2-х лиц на совещ[ание].

У с и е в и ч. Юнкерам сконцентрироваться в Кремле, в Алекс[андровском] уч[или]ще, в неск[ольких] пунктах, [2]) оставить оружие и разойтись в школы [3]).

К у ш н е р. Отобр[ать] оружие, отвезти в манеж, а оттуда по частям расходятся.

М у р а л о в. Юнкера, наход[ящиеся] на позиции и в школах [4]), отправл[яются] в арсенал, складыв[ают] оружие и расходятся по школам.

Юнкера стягиваются в Кремль. Мы прекращ[аем] стрельбу, мы их разоружаем и отправл[яем] в манеж, впустить пленных и передать н[аше] условие.

Прин[ято]. { Необход[има] сдача оружия юнкерами.

Принято. { Поручить Усиевичу переговорить с юнкерами.

П р о д о л [ж е н и е] п е р е г о в [о р о в] с д е л е г а ц [и е й] [5]).

С т у к о в. Перемир[ие] при всем желан[ии] невозм[ожно] и нет гарантии, что против[ная] стор[она] ис-

---

[1]) Круглые скобки здесь и везде находятся в подлиннике.

[2]) Слова: «в Алекс[андровском] уч[или]ще, в неск[ольких] пунктах» — над строкой.

[3]) Далее зачеркнуто в подлиннике слово: «Муралов».

[4]) Слова: «и в школах» — над строкой.

[5]) Слова: «Продолж[ение] перегов[оров] с делегац[ией]» — подчеркнуты.

пользует перемирие и нападет на нас; целесообр[азнее] говорить о мире.

Соловьев. Мы от перегов[оров] не отказ[ываемся] и пошлем н[аших] делегат[ов] немедленно, к[а]к только противн[ая] сторона соглас[ится] на н[аши] условия.

Вольский. Как[ие] гарантии на случай разоружения?

Стук[ов]. Власть В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] наст[олько] сильна, что мож[но] вполне гарантировать неприкоснов[енность] личности.

Вольский. Если добиться сдачи, то нужно оставить юнкер[ам] маленьк[ую] возм[ожность] не думать о капитуляции, или биться до послед[него] [1]) человека.

Если вы никак[их] шагов не сделаете, то вы ответств[енность] берете на себя.

Волгин. Путь приближ[ения] заключ[ения] мира — переговоры через 3-х [2]) лиц, или посылка делегации на нейтр[альную] почву. В[аши] услов[ия] орган[изации] власти с некот[орыми] редакц[ионными] измен[ениями] могут быть приемлемы, тут лишь видимость власти Совет[ов], стоит ли из-за этого вести войну? Разоруж[ение] юнкеров к[ак] вы понимаете? После образов[ания] социал[истического] пр[авительст]ва как[ое] значение имеет вооруж[енная] воен[ная] сила юнкеров, — этот пункт реальн[ого] значения не имеет.

Черепанов. Отбросить пункт кооптации.

Романов. Дальн[ейшее] продолж[ение] войны заст[авляет] иметь в виду наличность озлоблен[но] настроен[ного] населения.

Вольский. По существу вопроса делег[ация] юнкер[ов] ускорит мир или, наоборот, по-моему, удлинит дело.

---

[1]) Далее зачеркнуто слово: «степени».

[2]) «3-х» — третьих.

Смидович. В докум. юнкер. [1] и н[аши] предлож[ения], и мы ни в коем случае не затягиваем.

Прин[ято] Сообщить делегации юнкер[ов] част-н[ым] обр[азом] н[аше] мнение о согла-ш[ении], передать это Муралову.

Смирнов. К[а]к мы можем после боя, после такого [2] кровопролития принять думу как равн[ую] часть, когда она вела борьбу против нас. Если мы этого не сделаем[3], то не удовлетворим ни солдат, ни рабочих.

Вольский. Наск[олько] я знаю, в М[оск]ве большев[ики] не выдвигают большинства.

Вопр[ос] о коопт[ации] отпад[ает], ибо это капитуляция. Поч[ему] настаив[ают] здесь? Разоруж[ение] необх[одимо], но важно не став[ить] на колени, а обезврежение. В цел[ях] предотв[ращения] гражд[анской] войны в ближ[айшем] буд[ущем] временно Александр[овское] уч[или]ще лишается вооружения [4].

Наиб[олее] целесообр[азно] выдвин[утое] левыми с.-р-ами: [5] 40% больш[евикам], 40% обор[онческим] парт[иям], 20% интернац[ионалистам].

Плеханов. У нас разногласия в мелочах, можно заменить слово кооптация: в орган Сов[етов] входят так[ие]-то организации.

Черепанов. Совещ[ание] нейтральн[ой] стороны из социалистич[еских] партий (меньш[евики], инт[ернационалисты], меньшев[ики]-обор[онцы], левые с.-р., Бунд, Викжель и [6] друг[ие] орган[изации], порвавш[ие] с другой стороной).

Романов. Не в интер[есах] социал[истов], чтобы у юнкеров было

---

[1]) Выражение: «В докум. юнкер.» — не расшифровано.
[2]) Слово: «такого» — над строкой.
[3]) Очевидно следует: «если мы это сделаем».
[4]) Далее в подлиннике опущенное нами слово: «Вольский».
[5]) Выражение: «выдвин[утое] левыми с.-р-ами» — над строкой.
[6]) Слово: «и» в подлиннике написано дважды.

оружие, мы бы договорились, вопрос лишь о 2-й стороне, важно заставить эту 2-ю сторону. Дело тут не в цифровых единицах, а в принципе «вся власть Советов» [1]).

Я не хочу итти им навстречу, но неизв[естно], чем все кончится, и, б[ыть] м[ожет], мы все на этом потеряем, и кровь дальнейшая бессмысленна, важно договориться в основном.

Рыкунов. Вопрос тут, чего мы хотим, общедемокр[атической] власти или Советской власти. У нас все время стоит [2]) лозунг — вся власть Советам, и масса ждет этой власти.

Разоруж[ение] юнкер[ов] все мы [3]) признаем, нужно это сделать без оскорблений, и за лойяльное отнош[ение] к юнкер[ам] н[аш] Рев[олюционный] К[омите]т может поручиться.

Волгин. Выяснилось на редак[ции] поправки: разоружен[ие] юнкер[ов] и организ[ация] времен[ной] власти (власть Совет[ов] с включен[ием] других организ[аций]) полное [4]) разоруж[ение] юнкер[ов] в первое время, а там возвращается.

О перемирии вопроса быть не может, ибо фактич[ески] неосуществимо. [5]) Нам остается эти условия передать и там обсудить дальн[ейшие] шаги [6]).

Усиевич. Возражает Вольскому, что власть на местах будет зависеть от соотношения сил на месте, и это не имеет отнош[ения] к установлению власти в Петрограде [7]).

---

[1]) Так в подлиннике, первоначально было: «Совету».
[2]) Далее в подлиннике зачеркнуто: «вопрос».
[3]) Слово: «мы» над строкой.
[4]) Слово: «полное» над строкой.
[5]) Текст: «ибо фактич[ески] неосуществимо» — над строкой.
[6]) Далее в подлиннике зачеркнуто слово: «Сысин».
[7]) Далее идет следующий текст: «Реквизировать», «Ответить 1 тяжелому дивизиону».

Заседание Московского Военно-Революционного Комитета 15 (2) ноября 1917 года.

2 ноября 7 час. утра.

Усиевич предл[агает] условия те же.

Предл[ожение] немедл[енного] закл[ючения] мира на след[ующих] усл[овиях]:

1) Вся власть С. Р. С. К. Д.

2) Послед[ний] [1]) выдвиг[ает] орган, куда входят... [2]).

3) Разор[ужение] юнкеров и белой гвардии.

Стрельба прекращ[ается] с момента принятия ультиматума. В центре организ[ации] власти Совет[ские] центры, туда вход[ят] об[щественные] орган[изации], в центре должно быть обеспечено большинству [3]) состава Советов. За основу — резолюция Усиеви[ча].

Резолюц[ия] принята единогласно.

Разоружение [4]).

1. Юнкера должны выкинуть белые флаги, собираются в Кремле и Александр[овском] училище и затем собираются в манеже.

2. Во всех местах, где находятся юнкера [5]) в момент окончания ср[ажения?], они складывают оружие, и после этого отправляются в свои части.

Предложить юнкерам [6]) сложить оружие во всех опорных пунктах, где они выкидывают бел[ый] флаг [7]), и арестовать их на два дня для их безопасности.

---

[1]) Т.-е. Совет.

[2]) Далее в подлиннике пропуск.

[3]) Первоначально было: «большинство», а затем исправлено: «большинству».

[4]) Слово: «Разоружение» — подчеркнуто. Условия разоружения в несколько иной редакции опубликованы в «Пролет. Револ.» № 9 (21), 1923 г., стр. 225.

[5]) Слова: «в момент окончания ср[ажения]» — над строкой.

[6]) Слово «юнкерам» — над строкой.

[7]) Слова: «где они выкидывают бел[ый] флаг» — над строкой.

После сложения оружия их отводят в манеж.

1. Чтобы все юнкера были отправлены в Кремль[1]), где они склад[ывают] оруж[ие]. Обыскивается манеж, и после слож[ения] оруж[ия] они собираются в манеж.

2. На местах стоянки юнкера выкидывают бел[ый] флаг, складыв[ают] оружие и отправляются, куда хотят.

Те части, которые сражались, складывают оружие в местах стоянок, остальные — [2]) в...».

Делегируются для перегов[оров] с противн[ой] стор[оной] Смидович и Смирнов [3]).

Собраться.

Выработку приказа передать комиссии [?] из Усиевича и Смирнова.

При разоружении приглас[ить] прис[утствовать] «Викж[ель]» [4]) и представит[елей] фракций, которые [5]) выступали в качестве посредников (6 соц[иалистических] фракций).

Делегация от 6 соц[иалистических] пар[тий].

М у р а л[о в]. Оглашает [6]) обращение К[омите]та Безопасности и ответ Военно-Революц[ионного] К[омите]та.

С т у д е н е ц к и й [7]). К[омите]т Общ[ественной] Безоп[асности] ни под каким услов[ием] не может признать власти Советов.

В о л ь с к и й. Так [как] К[омите]т Безопасности подчин[яется] силе, как таковой, он должен признать эту силу. На идейном признании власти Совет[ов] Револ[юционный] К[омите]т не настаивает.

С м и д[о в и ч]. Дело идет о признании факта, что общ[ественная] жизнь мож[ет] быть организована только путем, указ[анным] Револ[юционным] К[омите]том.

К[омите]т Общ[ественного] Спас[ения] [8]), кото[рый] не мог столковаться и остановить[?] события, должен устраниться. Вместо него выдвинуться представители фракций, которые были посредник[ами] между борющ[имися] стор[онами].

---

[1]) Далее зачеркнуто: «и манеж».

[2]) Далее зачеркнуто: «собираются».

[3]) В подлиннике: «Смидовича и Смирнова».

[4]) Далее зачеркнут текст: «лев. с.-р. и объедин. с.-д. и те группы, которые участвовали», причем слово: «лев.» не зачеркнуто.

[5]) Далее зачеркнуто: «участвовали в».

[6]) Первоначально было: «Оглашается».

[7]) Студенецкий — член Комитета Общественной Безопасности.

[8]) «Комитет Общественной Безопасности» и «Комитет Общественного Спасения» — один и тот же орган.

Волгин [1]). К[омите]т Общ[ественного] Спасения тем сам[ым], что он отказ[ался] от дальнейш[ей] вооруж[енной] борьбы, тем сам[ым] признает, что управлять в дальнейшем Москвой не может. К[омите]т О[бщественной] Б[езопасности] устраняется от построения власти. Пункт об организ[ации] власти может быть устр[анен]. Речь может итти о технич[еском] осуществлении сдачи и т. д.

Стуков. Можно изменить редакцию. К[омитет] О[бщественной] Б[езопасности] признает переход власти в руки Советов.

Муралов. Никаких уступок не будет.

Вольский. Я присутствую при таком акте палачества, при каком никогда раньше не присутствовал. Вы не только не прекращаете арт[иллерийской] стрельбы, но вам мало капитуляц[ии] и того, что К[омитет] О[бщественной] Б[езопасности] распускает себя, вы заставляете идейно признать вашу власть, и так[им] соц[иалистам] я не могу подать руки [2]).

Смир[нов]. [1)] К[омите]т О[бщественной] Б[езопасности] [3]) прекращ[ает] свое существов[ание] [4]).

2) Юнкера и белая гвардия разоружаются, при ч[ем] В[оенно]-Р[еволюционный] К[омитет] гарант[ирует] [5]) неприкоснов[енность] [6]) и свободу. Офицера остаются при присвоенном им вооружении [7]).

---

[1]) Слово: «Волгин» — подчеркнуто. В подлиннике против слова: «Волгин» с левой стороны листа, вне текста, написано: «Место встречи Губ[ернская] Земск[ая] Управа по предложению Викжеля».

[2]) Первоначально было: «руку».

[3]) Далее зачеркнуто: «подчиняется власти Советов и распо[?]».

[4]) Далее зачеркнуто: «Войска капитулируют, боровшиеся на стороне К. О. Б. слагаю...

[5]) Далее зачеркнуто: «безопасн».

[6]) Зачеркнуто: «личности» и надписано: «и свободу».

[7]) Далее зачеркнуто: «3) «Пушечные выстрел. Артиллерийская стрельба прекращается не».

3) Для вопроса о [1]) способах осуществления сдачи организуется к[оми]ссия из представ[ителей] В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] и представ[ителей] организаций, приним[авших] участие в посредничестве.

4) В случае [2]) принятия выше указанных пунктов, немедленно отдается приказ о прекращении артилл[ерийской] [3]) стрельбы.

Встреча происходит в Губернск[ой] Земск[ой] Управе (организац[ия] служащих) в половине 11-го.

Смирнов. Мы фактически раньше чем через 2 часа мы [4]) не сможем остановить стрельбу.

Приказ об [5]) приоставлении артил[лерийской] стрельбы делается немедленно. Принято всеми против одного (Стукова). Стуков отказывается подписать договор.

Заседание Московского Военно-Революционного Комитета 15(2) ноября 1917 года.

Журнал заседания В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] СР и СД. 2/XI—17 г. вечер [6]).

Докл. Аросев [7]). Дается приказ: в переговорах с юнкерами [8]) требовать их [9]) разоружения без ареста [10]).

---

[1]) Зачеркнуто: «техниче» и надписано: «способах».

[2]) Далее зачеркнуто: «принятия вышеуказанных условий, если переговоры принимаются на основе этих условий» и надписано: «принятия выше указанных пунктов».

[3]) Слово: «артилл[ерийской] — над строкой.

[4]) Так в подлиннике.

[5]) В подлиннике здесь первоначально было: «оставлении», а затем к нему сделана надпись приставки: «при»; сложилось — «приоставлении» вместо «приостановлении».

[6]) Текст: «Журнал... вечер»—написан фиолетовым чернильным карандашом.

[7]) В подлиннике: «Аросьев».

[8]) Далее зачеркнуто: «дать право».

[9]) Слово: «их» — над строкою.

[10]) Слова: «без ареста» — приписаны фиолетовым карандашом.

	На вокзал [1]) для переговора [2]) с Ногиным делегируется Розенгольц.
Комиссары Пресн[енского] 1 и 2 уч.	Утверждается комиссаром 1-го Пресн[енского] уч. Николаев, а в 2-м А. К. Лейтман.
О допуске в В[оенно]-Р[еволюционный] К[омитет] с.-р. максималист[ов].	Ма[к]сималисты не имеют представит[ельст]ва в С. Р. Д., почему представительство не допускается.
Заявление Альтера.	Для получения, суммирования и принятия мер по вопросу передвижения войск к Москве решено создать централ[ьную] организацию, куда входят П. К. Штернберг и один от штаба.
О доставке избир[ательных] бюллетен[ей] в Клин.	Предписать [3]) губернской по выборам в Учред[ительное] Собрание комиссии организовать доставку бюллетеней в Клин, заявив губ[ернскому] к[омите]ту, что мы можем ему содействовать путем предоставления грузового автомобиля для подвозки к станции.
Об [о]бстреле франц[узского] консульства [4]).	Поставить караул у консульства. Написать извинение за стрельбу и распорядиться не обстреливать. Голосуют: [5]) Рыкунов, Ведерников, Муралов, Плеханов, Смирнов, Аросев Саблин, Нахгальцев, Ломов. Против — Стуков.
Предложен[ие] Кушнера.	Все оружие д[олжно] поступить в распоряжение ротных ко[мите]тов, находящихся под наблюдением представ[ителей] В[оенно]-Р[еволюционного] К[омите]та. Отдается приказ о немедленном прекращении военных действий [6]),

[1]) Первоначально: «еду[т]».

[2]) Первоначально: «переговоров».

[3]) Далее зачеркнуто: «Клинской К.».

[4]) Текст: «Об[о]бстреле... Поставить караул» и ниже «Стуков» — написан фиолетовым карандашом.

[5]) В деле имеется другая протокольная запись этого же заседания, написанная тем же почерком, но с большими пропусками, из которой видно, что голосование происходило по вопросу о договоре об условиях разоружения юнкеров и белой гвардии.

[6]) Текст: «Предложен[ие] Кушнера... действий» — написан фиолетовым карандашом.

войска остаются на местах до разору[жения] противной стороны. Артиллерийск[ая] стрельба д[олжна] окончиться к 11 часам.

Смидович в технической ком[иссии] заменяется Ломовым, остается Смирнов.

Еще третьим посылается т. Нахгальцев [1]).

Волгин заявляет, что он присутствует от посредническо[й] стороны [2]).

О заявлении Руднева и Якулов[а]. — Выяснить [3]).

Радиотелеграмма Морск[ого] К[омите]та. — Выяс[нить] [4]).

Яковлева. Надо сейчас же организовать дело прекращения воен[ных] действий. Поехать на места предупредить районные штабы.

Заказать 10 автомобилей, с означ[енным] приказом ехать в районы, а затем размножать на ротаторе. — Семерка [5]) не уезжает и выраб[атывает] проект организ[ации] власти.

Послать в районы [6]):

В. Ник. [7]) — Замоскворецк[ий].

Пятницкий — Леф[ортовский], Сок[ольнический], Жел[езнодорожный].

Вас. Ив. [8]) — Городской.

Кизельштейн — Басманный.

---

[1]) В подлиннике: «Назальцев».

[2]) Текст: «Волгин заявляет... стороны» — написан фиолетовым карандашом.

[3]) Вопрос идет об отобрании у этих лиц оружия солдатами. Слово: «выяснить» написано фиолетовым чернильным карандашом.

[4]) В радиотелеграмме Революционно-Морской Комитет сообщает всем о причинах роспуска Центрофлота и об организации Временного Революционного Комитета. Слово: «Выяс[нить]» — написано фиолетовым карандашом.

[5]) Семерка — Военно-Революционный Комитет.

[6]) Текст: «Яковлева. Надо... Послать в районы» — написан фиолетовым карандашом. Далее зачеркнут следующий текст: «1) Варв. Ник. — Сущ. Мар., 2) Камский — Замоск. (Рог.), 3) Пятницкий — (ж. д.), Сокол. Лефор. Басм., 4) Кизельштейн — Бутырск., 5) Рыкунов — Пресн., 6) Соловьев (Гор.), 7) Кушнер — Хамовнич., 8) Голенко». Слова: «Сущ.-Мар.», «Замоск.», «(ж. д.) Сокол.-Лефор.-Басм.», «Рыкунов», «Хамовнич.» — написаны над строкой. Зачеркнуто было слово: «Игнатов», и вместо него написано «Рыкунов».

[7]) Варвара Николаевна Яковлева.

[8]) Василий Иванович Соловьев.

	Кушнер — Хамовнический.
	Камский [1]) — Бутырский.
О прекр[ащении] забастов[ки].	Рыкунов. Надо войти в профсоюзы [2]), завтра созыв[аются] профсоюзы. Завтра созыв[ается] общее собрание, после чего мы издаем декрет.
О занятии Кремля, Алек[сандровского] училища и др[угих] пунктов, важн[ых] в страт[егическом] отн[ошении].	Розенгольц. Надо занять нам Кремль, Алекс[андровское] уч[илище] и др[угие] страт[егические] пункты.
	Голенко. Только в Кремль.
	Кизельштейн. В Кремль и др[угие].
	Постановл[ено]: ввести войска в Кремль и др[угие] важные стратегические пункты.
	У арсенала и в Кремле д[олжна] б[ыть] сильная охрана, когда оттуда противные войска б[удут] выведены.
	Разоруж[ение] начать с Кремля и [3]).
Воззвание к населению.	Жидок экземпляр, напис[анный] Ольминским, разыскать решено И. И. Степан[ова] или Бухарина.
Приказ о прекр[ащении] в[оенных] действ[ий].	Проект штаба забракован. Поручено Усиевичу написать новый.
О посылке в Петроград.	Для установления связи с В[оенно]-Р[волюционеным] Пр[авительст]вом [4]) делегируется в Петроград т. Нацаренус [5]).

Заседание Московского Военно-Революционного Комитета 16(3) ноября 1917 года.

Заседание В[оенно]-Р[еволюционного] К[омите]та 3/XI—17 года.

О воззвании к солдатам в печати.	Воззвание к солдатам написать с благодарностью и [6]) обещанием свобод.
О выборах.	Предложено комиссии по выборам в Учр[едительное] Собр[ание] поручить немедленно и усиленным темпом начать работу, ч[то]б[ы] во-время произвести их.

---

[1]) Михаил Федорович Владимирский.

[2]) Далее зачеркнуто: «после ч.».

[3]) Так в подлиннике.

[4]) Большевистским.

[5]) В подлиннике: «Нацаренуса». В другой протокольной записи этого же заседания значится: «Посылка в Петроград. Для информации и связи в Петроград назначен Нахгальцев».

[6]) Слова: «благодарностью и» — над строкой.

О передаче штаба [1]).

Предложить т. Муралову принять штаб воен[ного] округа [2]) без замедления.

Муралов заявил, что это он сделает завтра утром.

Розенгольц констатирует неудовольств[ие] солдат оставл[ением] оружия у офицеров и юнкеров и предлагает [3]) издать приказ о расформировании юнкеров.

Саблин. Этот вопрос сложный, и нельзя его непродуманно издавать. Нельзя поддаваться настроению массы.

Муралов. Предлагает устроить перерыв и, просидев долго, выработать приказ.

Альтер. Приказ надо пообдумать, а воззвание можно написать.

Постанов[лено]: выделить немедленно к[оми]ссию [4]), обсудить и выработать проект приказа к войскам о реорганизации армии и расформировании юнкерск[их] училищ.

Доклад Ломова об орган[изации] власти.

Этот вопрос краткий. Надо выработ[ать] такую конструкцию власти. Точка зрения Петрограда — все соц[иалистические] партии, основн[ой] орган кот[орых] является организат[ором] власти [5]).

Заседание (вечернее) Московского Военно-Революционного Комитета 16(3) ноября 1917 года.

Заседание В[оенно]-Р[еволюционного] К[омите]та 7½ ч. веч[ера] 3/XI—[1917 года].

Доклад комиссара [6]) по гражд[анской] милиции.

Постановлено [7]):

Отложить ассигновку впредь [8]) до принятия городской кассы.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «о выезде юнкеров из Москвы на 5 месяцев».

[2]) Зачеркнуто: «не».

[3]) Зачеркнуто: «внест».

[4]) Зачеркнуто: «и».

[5]) Этой фразой оканчивается протокольная запись.

[6]) Далее зачеркнуто: «милиции» и над строкой написано: «по».

[7]) Зачеркнуто: «В изъятие из общего правила уплатить жалованье милиционерам и ассигновать 5.000 на неотложные нужды градоначальства».

[8]) Последнее слово надписано над строкой.

Открыть кредит в 5.000 р. комиссару градоначальства до получения им средств от гор[одской] управы.

Заявление комиссара продовольствия.

Шлихтер. В целях разгрузки узла[1]) 1. Прекратить пассажирское движение.

Предоставить продов[ольственному] комиссару разрешить вопрос по перевозке продов[ольственных] грузов для армии [2]).

Декрет о прекращении забастовки.

Козловский сообщ[ил] решение Ц[ентрального] Б[юро] проф[ессиональных] союзов.

Ломов задает вопрос — можем ли мы уже теперь призывать к отказу от забастовки впредь.

Смирнов. Еще не наступ[ил] момент, когда мы можем отказ[аться] от такой формы борьбы. Необходим особый орган, регулирующий экон[омическую] борьбу.

Рыкунов. Здесь идет вопрос о политич[еской] стачке. Экон[омические] стачки отменяются временно.

Предлагает, помимо обращения о прекращении политич[еской] забастовки, обратиться особо с призывом к врем[енному] прекращен[ию] экон[омических] забастовок.

Постановление [3]).

1) Изменяется заголовок: «В[оенно]-Р[еволюционный] К[омите]т по соглаш[ению] с Ц[ентральным] Б[юро] и т. д.

2) «Прекратить настоящую пол[итическую] забастовку» — (поправка Ломова).

По поводу неоткрытия заводов, изготовляющих взрывч[атые] вещ[ества],— эта часть исключается.

---

[1]) Слова: «В целях разгрузки узла» надписаны над строкой.

[2]) До сего протокол написан фиолетовым чернильным карандашом.

[3]) В № 2 «Известий Военно-Революционного Комитета», от 4(17) ноября 1917 г., помещены два обращения Военно-Рев. К-та и Московского Совета профсоюзов: 1) «Ко всем рабочим и работницам» с призывом стать на работу, «объявив боевую стачку законченной», и 2) «Ко всем рабочим, работницам и служащим города Москвы» с призывом прекратить политическую забастовку. В примечании к этому обращению указано, что «вопросы об уплате за прогульное время... будут рассмотрены особо в Военно-Революционном Комитете совместно с Советом профсоюзов г. Москвы».

Вопрос об оплате прогульных дней — добавить: «совм[естно] с Ц[ентральным] Б[юро]».

2) Воззвание к работницам и рабочим.

Окончате[льную] редакцию передать в к[оми]ссию — Бухари[н] и Козловский.

Об экон[омическом] отдел[е].

Л о м о в предлагает экономич[ескому] совету немедленно заняться вопросами [1]) организации производства.

Постановл[ено]:

Поручить тов. Орловой [2]) известить экон[омический] отдел — до воск[ресенья] [3]) выработать план работ.

Р ы к у н о в. Ц[ентральное] Б[юро] собирается в воскр[есенье] в 4 часа.

Организация работ.

Р о з е н г о л ь ц. Для нормальных условий работ необходимо разгрузить помещение. Вопрос продов[ольственный] — 650 пуд[ов] хлеба выд[ать] сегодня.

А л ь т е р. Оперативная часть должна находиться здесь. Штаб переносится в штаб округа. Остается охрана Совета.

Выделить опред[еленные] части для оставления здесь. Другие выводят в казармы.

Завтра начнем демобилизацию.

М у р а л о в. Полки в казармы легко распределить. Полки, пришедшие из провинции, трудно распределить.

Выпускать из наших рук ее [4]) не следует.

С т е п н я к предлагает распределить провинц[иальные] войска по казармам вместе с гарнизоном.

Постановление:

Поручить т. Муралову совместно с штабом эвакуировать воинские части из помещения С. Р. Д.

---

[1]) Слово: «вопросами» — написано над строкой.

[2]) Орлова — один из секретарей Военно-Революционного Комитета.

[3]) 3 ноября, когда происходило это заседание В.-Р. К., — пятница; ближайшее воскресенье — 5 ноября.

[4]) Повидимому, — демобилизацию.

Караул в С. Р. Д. составить из двинцев и прибывших из Петрограда матросов и артиллеристов [1]).

2-а) Освобожд[ение] пленных из Кремля.

Розенгольц докладывает постановление гор[одской] думы 25/X и заявление делегатов с.-р., кот[орые] настаивали на необходимости освобожд[ения] Беркенгейма, Сталя и проч.

Смирнов находит, что Руднев, Сталь и Беркенгейм не подходят под понятие военнопленных [2]).

1. Предлож[ение] Левинсона: освободить и, в порядке работ следств[енной] к[оми]ссии, возбудить следствие против этих лиц.

2. Все дела об арестованных и пленных передать следственной комиссии [3]).

3. Обсудить совместно с обсужд[ением] [4]) организации следств[енной] к[оми]ссии.

Постановление.

Принято 2-е предлож[ение].

Внеоч[ередное] заявление т. Никитина о... [5]).

Никитин. Повреждения поправимы. Дела думы разбросаны и разорваны, т[ак] что приступить к работе невозможно.

Отдел по выборам пострадал. Избират[ельные] карточ[ки] разбиты, перемешаны.

Все сделано с умыслом. Бухгалтерия разгромлена. Предлагает образовать к[оми]ссию для осмотра и [6]) составления протокола о состоянии думы.

О налажении работы в думе. — Главные отделы в др[угих] помещениях, и

---

[1]) «Двинцы» — солдаты V армии, присланные в Московскую Бутырскую тюрьму из Двинской тюрьмы, где они содержались за большевизм. После освобождения из тюрьмы получили название «двинцев». Наиболее революционно-выдержанная часть. Матросы, в числе около 500 ч., были присланы в помощь из Петрограда.

[2]) Далее зачеркнуто: «постановление».

[3]) Пункт 2 отчеркнут на полях волнистой чертой.

[4]) Зачеркнуто: «проекта».

[5]) Далее пропуск. Речь идет о положении дела в городской думе после окончания военных действий.

[6]) Слова: «для осмотра и» — над строкой.

там работу можно наладить, если они не связаны тесно с бухгалтерией.

Немедленно приступить к ремонту и текущей работе [1]). Бомбардировка коснулась лишь двух комнат.

Постановление:

1. Образовать особую [2]) следственную к[омис]сию для гор[одской] думы, в нее войдет представитель судебно-следств[енной] к[омис]сии [3]).

2. Пригласить в нее [4]) представителей нейтральных партий.

3. Организацию к[омис]сии возложить на тов. Никитина.

О батальоне ударников. Т. Томский докладывает о перешедшем на нашу сторону [5]) ударников, кот[орые] пришли с своими офицерами. Они просят прикомандировать к моск[овскому] гарнизону.

Исполнено [7]). Постановление.
Прикомандировать их к моск[овскому] [6]) гарнизону. Распред[еление] поручить следственной к[омис]сии.

Военные вопросы. Мостовенко оглашает обращение к солдатам и проект реорганизации армии.

Возбуждаются прения по части 3-й — организационной.

Постановление.

Поправки: к пункту.

Предлож[ение] Муралова: отложить вопрос до подробного рассмотрения и обсуждения проекта, чтобы обеспечить более глубокую разработку.

---

[1]) В подлиннике: «работой».

[2]) Слово: «особую» — над строкой.

[3]) Слова: «представитель судебно-следственной комиссии» первоначально значились в оригинале как самостоятельный 4-й пункт, затем соединительной чертой они связаны с пунктом первым и над строкой для связи вписаны слова «в нее войдет».

[4]) Слова «в нее» вписаны над строкой.

[5]) Пропущено: «батальоне».

[6]) Последнее слово вписано над строкой.

[7]) Слово: «Исполнено» написано вертикально против абзаца о постановлении.

	Постановление. Отложить до завтра обсуждение проекта, создав к[омис]сию для разработки и пересмотра его. Избраны [1]): Альтер [2]), Ольминский [3]), Саблин. Созвать к[омис]сию поручается т. Альтеру.
Внеоч[ередное] заявле[ние] Усиевича.	Усиевич сообщает о сдаче оружия юнкерами в Александр[овском] училище. Несколько тысяч офицеров [4]) и юнкеров разных родов оружия. Опасность агитации антисоветской. Неорганизованность караула. Просьба всех установить постоянную связь между нами и училищем. Возмож[ны] кровавые столкновения. Есть раненые — необходимо послать санит[арный] автомобиль. Необходимо обеспечить охрану юнкеров и офицеров освобождаемых. Недостаточность... [5]) Постановление. Поручается штабу принять все меры к охране Александ[овского] учил[ища]. Послать туда роту солдат.
Информация с фронта и от Ц[ентрального] К[омитета].	Принять к сведению.
О реорганизации гор[одской] думы.	Владимирский предлагает следующий план реорганизации гор[одского] самоуправления: Постановление. Избрать орган из пяти лиц, кот[орому] поручить временное ведение дел городского самоуправления и хозяйства. 1 пункт с поправкой Левинсона. 2 пункт...

[1]) Зачеркнуто: «Муралов, Будзинский».
[2]) Зачеркнуто: «Андреев, Покровский».
[3]) Зачеркнуто: «Мостовенко».
[4]) В оригинале над этим словом стоит цифра 2.
[5]) Далее в подлиннике пропуск.

Проект принят.

Комиссарами назначены: Никитин, Владимирский, Обух, Вейсброд и Байков.

Окончат[ельная] редакция поручена Левинсону и Владимирскому.

Заседание Московского Военно-Революционного Комитета 17 (4) ноября 1917 года.

4-го ноября.

В[оенно]-Р[еволюционный] К[омите]т.

Доклад Нахгальцева [1]).

Всех бездеят[ельных] чиновн[иков] интенд[антского] вещ[евого] склада устранить. Нач[альника] 1 вещев[ого] склада — человек энергич[ный] — генер[ал] Ховренко — оставить на месте как человека энергичного и честного; весь состав же должен быть устранен.

Прин[ято]. Назначить Нахгальцева комиссаром 1 вещев[ого] интендантского [2]) склада со всеми отдельн[ыми] вещевыми магазинами, причисленными к 1 вещев[ому] складу.

Владимирский.

Пор[ядок] дня:

1. Об организац[ии] власти.
2. О пленуме Советов.
3. О свободн[ом] передвиж[ении] по улицам.

Прин[ято]. Издать приказ о допущении свободного передвижения по улицам г. Москвы [3]), оставив предыдущий приказ в силе до завтр[ашнего] дня.

№ 1 [4]) взять у Рогова.

Перевыборы Советов.

1. Отчет В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета].

---

[1]) В подлиннике ошибочно: «Наганцева».

[2]) Последнее слово над строкой.

[3]) Зачеркнуто: «поручить т.».

[4]) Речь идет, видимо, о приказе № 1 комиссара по гражданским делам г. Москвы, воспрещающем хождение по улицам после 8 часов вечера без особых пропусков Военно-Револ. К-та.

2. Орган[изация] власти.
3. Перевыборы.

У с и е в и ч. Ограничиться: 1) для рабочих собр[анием] район[ных] советов; 2) гарнизонное собрание; 3) издать декрет о перевыборах.

1) Пленар[ное] засед[ание] С[овета] Р[абочих] Д[епутатов] + предст. [1]) гарнизонного собр[ания] для отчета о деят[ельности] В[оенно]-Р[еволюционного] К[омите]та.

1) [2]) Отдельн[ое] собр[ание] С[овета] Р[абочих] Д[епутатов].

2) Отдельн[ое] собр[ание] гарнизона.

О пленарн[ом] собрании по вопросу об организ[ации] власти — отлож[ить] до перевыб[оров] Советов.

Прин[ято]. Созвать гарнизон[ное] собрание на завтра 5/XI в 11 час[ов] утра в Полит[ехническом] музее, на котор[ом] произвести перевыборы [3]).

Замоскр[орецкому] р[айону] ответить [4]), и обсудим этот вопр[ос] о похоронах на общ[ем] собр[ании] район[ных] Рев[олюционных] к[омитет]ов и штабов.

Прин[ято].

О с в о б о д е в ы х о д а б у р ж у а з н [ы х] г а з е т.

С м и р н [о в]. Необх[одимо] держ[ать] бурж[уазные] газеты закрытыми, ибо у нас плохо поставл[ена] информ[ация] в н[аших] газетах, или же, по крайн[ей] мере, установить строжайшую цензуру.

Р ы к у н о в. За полную свободу бурж[уазных] газет.

У с и е в и ч. Конфиск[овать] бурж[уазные] типографии и открыть широкую издат[ельскую] деят[ельность] по вопр[осу] об Учр[едительном] Собр[ании].

---

[1]) «Предст.» — первоначально было зачеркнуто, затем восстановлено.
[2]) Зачеркнуто: «2»).
[3]) Далее зачеркнуто: «Грандиозн. демонстр. о похорон..., у».
[4]) Далее зачеркнуто: «что на воск. 5/XI мы подготовить демонстрацию не можем».

О л ь м и н с к и й. Цензуру нельзя вводить.

Л о м о в. Прежде всего необходимо н[ашей] партии дать на этот вопрос свой ответ.

Преж[нее] постан[овление] о буржуазн[ой] печати остается в силе и разрешить вопр[ос] о рабочих.

О л ь м[и н с к и й]. У нас подымался вопрос о реквизиц[ии] типографии Сытина, но больш[ие] расходы — 70.000 р. в день — мож[ем] ли мы выдерж[ать]?

У с и е в и ч. У Сытина громадн[ые] запасы бумаги, мы можем его [1]) использовать.

Л о м о в. Поруч[ить] Владим[ирскому] выяснить с Литкенс[ом] Губ[ернский] Сов[ет], где печатаются бюллетени.

Прин[ято]. — Не высказ[ываясь] за открыт[ие] буржуазн[ых] газет, военную цензуру отвергаем; вопр[ос] о рабочих, работ[ающих] в бурж[уазных] газетах [2]), оставляем открыт[ым] до завтр[ашнего] дня; разрешить на общ[ем] собр[ании] профес[сиональных] союзов.

Прин[ято]. — Поручить Ольм[инскому] состав[ить] компетентн[ую] к[омис]сию и составить доклад о реквизиции типографий и всех вопросов, связан[ных] с этим.

Исп[олнено]. Прин[ято]. — Назначить к[омисс]аром по продовольствию воинских частей т. Осинского.

Ш е ф л е р. Все законополож[ения] не отменены до нов[ого] законодат[ельства], — в частности, не можем отменить акциза на сахар. В[оенно]-Р[еволюционному] К[омите]ту разрешить вопр[ос] об автономн[ости] прод[оволь-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) «Работ[ающих] в бурж[уазных] газетах» — над строкой.

ственной] управы, или признать 2-х ком[исса]ров, назнач[енных]...

Отменить акциз на сахар или к[а]к управа считает это — нецелесообразным сейчас сделать и непроводимым[?]

Е г о р о в И. И.

Прусс опасается установ[?]...

Ш е ф л е р. Счит[ает] ли В[оенно]-Р[еволюционный] К[омитет] необход[имым] 2-х к[омисс]аров по продовольствию и являются ли они контролерами над продов[ольственной] управой, или равноправными членами?

И. И. Е г о р о в. Мы стоим на краю продов[ольственного] краха, центр продов[ольствия] должен быть один. Прежде всего должны быть представлены район[ные] думы. Мы получали муку, внося авансом деньги, теперь мы стоим перед финансов[ым] кризисом. Мы могли существовать только благодаря авансам.

М е л ь н и ч[а н с к и й]. Я поддерж[иваю] предлож[ение] продов[ольственного] к[омите]та.

Принято. { П р е д л[о ж е н и е] Ш е ф л е р а. №2

Губ[ернское] продов[ольственное] дело—назн[ачить] к[омисс]аром Шлихтера.

Предоставить...

Е г о р о в. Необходимо, чтобы отдельн[ые] организации не производили реквизиций на местах.

Реквиз[иционный] отд[ел] должен расширить свою деятельность. Нам необход[имо] пользов[аться] силой для провед[ения] этих мер.

Прин[ято]. { Шефлеру немедл[енный] приказ: реквизицию произв[одить], о включ[ении] телеф[она], об освоб[ождении] помещ[ений] прод[овольственной] управы, д. Лобачева, б. гост[иницы] «Контин[енталь]» и рестор[ана] Егорова, зан[ятых] двинцами, и способ питан[ия] воинск[их] частей.

Прин[ято].	Заинт[ересованная] орга[ни]з[ация] пишет проект приказа, В[оенно]-Р[еволюционный] К[омитет] утверждает необх[одимость] немед[ленной] меры для борьбы со спекуляцией.
Прин[ято].	В Рублеве на водопров[одной] станции беспорядки, столк[новение] с милицией, грозит приостан[овлением] воды в Москве. Делегир[овать] Левенсона.
	Собрание по выбор[ам] в Учред[ительное] Собрание в губ[ернской] управе. От Губ[ернского] Сов[ета] делегир[уется] Сольц.
	Засед[ает] губ[ернское] земск[ое] собрание сейчас. Там меньш[евики], кадеты, кн[язь] Гагарин и проч[ие]; они, 67 гласн[ых], там; для информ[ации] оставил больш[евика] Хазова, котор[ый] нас информ[ирует], что там делается.
	Сост[ав] там: меньше полов[ины] наших, большинство там правых.
	Для сведения.
Прин[ято].	Для приема посетит[елей] и решения текущих дел делегируются Кушнер и Усиевич посменно.

Заседание (утреннее) Московского Военно-Революционного Комитета 18(5) ноября 1917 г.

Заседание Рев[олюционного] Ком[итета]. 5 ноября 8½ ч. утра.

Арестован[ных] направл[ять] с ордерам[и] Рев[олюционного] Ком[итета] в ближайшие [1]) участки, а потом, чтобы не создать накопления [1]), в тюрьмы.	В участки и тюрьмы. Принято.
Снять проволочные заграждения, снять окопы. Передать комиссару [2]) Рогову.	Принято.

[1]) Последнее слово вписано над строкой.

[2]) Первоначально было «комиссарам», исправлено «комиссару», зачеркнуто «районным».

4) [1]) Запретить ходьбу на улицах с ружьями.

У всех лицах[2]), не прин[а]длеж[ащих] к Красной гвардии или к какой-нибудь воинской части, по улицам не ходить с ружьями, а лишь разрешить тем, кто носит карау[л].

Каждому, кот[орый] [3]) имеет ружье [4]).

1) Винтовки вновь [5]) выдаются [6]) толь[ко] солдатам и красногвардейцам [7]).

Принят[о] [8]).

2) [9]) Разрешается по улиц[ам] ходить с ружьями только красногв[ардейцам] и солдат[ам].

Принят[о] [10]).

Пункт 5-й утвержден.

Установить [11]) кары за выстрелы... поручается штабу и Красной гвардии [12]).

Установить.

Пункт 6-й.

Утвердить за исключением старинн[ого] [13]) и ценно[го] [14]) и охотничьего.

Оружие хранить [15]) у комиссара впредь до особого распоряжения. Принято [16]).

Пункт 7-й — принято [17]).

Пункт 8-й — принято [17]).

9-й уничтожен [18]).

---

[1]) Над строкой написано «пункт».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Слово вписано над строкой.

[4]) Эта фраза заключена в скобки.

[5]) Зачеркнуто: «оружие», написано над строкой: «винтовки вновь».

[6]) Зачеркнуто: «кроме».

[7]) Зачеркнуто: «и раб.». Далее зачеркнуто: «2) Оставляется [sic!] на руках ружья».

[8]) Последнее слово в скобках.

[9]) Зачеркнуто: «3», исправлено на «2». Выше зачеркнуты слова: «2) Ходить по улицам частным лицам с ружья[ми] не разрешается».

[10]) Последнее слово в скобках.

[11]) Перед этим словом поставлена скобка.

[12]) Справа против всего абзаца стоит фигурная скобка.

[13]) Последнее слово вписано над строкой.

[14]) Зачеркнуто: «драгоцен.», вписано над строкой: «ценно». Далее зачеркнуто: «Пункт 7-й».

[15]) Зачеркнуто: «пр.».

[16]) Последнее слово заключено в скобки. Весь пункт 6-й в подлиннике кругом отчеркнут.

[17]) Слово: «принято» — заключено в скобки.

[18]) Первоначально было: «Пункт 9-й уничтожен». Зачеркнуто «пункт» и «уничтожен», вновь написано над строкой «уничтожен».

№ 10 — принято [1]).

К н ы ш е в. Сегодня в 10 ч. собрание социалист[ических] партий, надо выработать платформу соглашен[ия].

1) Признание для всех групп платформ[ы] нов[ого] пр[авительства].

1) о земле,
2) о раб[очем] контроле,
3) .....

2) Преобладание советск[ого] большинства, ответств[енного] перед Советами.

а) Обеспечение большинст[ва] для фракции бо[льшеви]ков [2]).

Было отвергнуто на партийном сов[ещании] участие «Викжеля» и почтово-тел[еграфного] союза.

Но участие нужно.

Надо предоставить «Викжелю» и почто[во]-телегр[афному] союзу место в Исп[олнительном] Ком[итете], как в Питере в Центр[альном] Ком[итете] (если 60 ч. в Исп. Ком. — 6 ч. для «Викжеля», 2 ч. для почтово-тел[еграфного] союза).

4) Представит[ельство] соц[иалистической] части земс[тв] и городо[в], Губ[ернских] Сов[етов] Раб[очих] и Крест[ьянских] Депут[атов]. Число Крест[ьянских] Деп[утатов] должно равнять[ся] Губ[ернским] Сове[там]; если 3 одних, то 3 других.

При подобной конструкц[ии] мы не гов[орим] о численности органа.

Внутри каждо[го] органа, напр[имер] Совета, должно быть пропорциональ[но] фракция[м]. Если какая-нибудь группа не захочет ввести [3]).

Задача органа: орган [4]) не только для города, но и для губернии.

В л а д и м и р с к и й. [5])

---

[1]) Слово: «принято» — заключено в скобки.
[2]) Зачеркнуто: «3)».
[3]) Этим прерывается фраза.
[4]) Последнее слово вписано над строкой.
[5]) В подлиннике здесь пробел.

Маршальский [1]). Когда создастся орган, можн[о] выделять секции по губерниям.

I. Признание всеми группами, входящими в орган, платформы нов[ого] правитель[ства], т.-е., главным образ[ом], признание 3 главн[ых] декретов:

1) о мире,
2) о земле,
3) о рабочем контроле.

II. Преобладание советского большинства, ответств[енного] перед Советами.

III. Обеспечение большинства за фракц[ией] б[ольшеви]ков (б[ольшин]ство не одно[го] — двух голо[сов]).

Участие «Викжеля» и почт[ово]-т[елеграфного] союза может быть лишь тогда, когда организаци[и] войдут в Исп[олнительный] Ком[итет] С. Р., как в Питере в Цент[ральный] Ком[итет], т.-е. если в Исп[олнительном] Ком[итете] 60 ч. в Исп[олнительном] Ком[итете] [2]), то «Викжелю» — 6 мест, почт[ово]-т[елеграфному] с[оюзу] — 2 мес[та].

IV. Представител[ьство] социалистич[еской] части земств и город[ов].

V. Число представ[ителей] Крест[ьянских] Деп[утатов] равняется числу Губ[ернских] Сов[етов] Р. Д.

Внутри каждого органа должна быть пропорциональность кажд[ой] фракци[и].

Кнышев. 1 пункт [3]).

Мельничанский [4]).

Т. Владимирский - (Камский). Послать своего представителя с информ[ационной] целью [в] междупарт[ийное] собрание [1]).

---

[1]) Так в подлиннике. Следует: «Мельничанский».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) В подлиннике далее идет т. назыв. пробы пера: несколько раз тщательно написанная буква К. Среди этих прописных букв помещена зачеркнутая фраза «Новая поправка Владимирского (принята»).

[4]) В подлиннике ошибочно: «Мельчанский». Далее зачеркнуто: «Послать своего представителя на совещ[ание], и дать... обработать принятый за основу. Составить основные положения».

[5]) Первоначально было: «на собрание сов., оглашая платф.», зачеркнуто и над строкой написано: «междупарт. собрание».

5/XI [2]). Производство юнкеров в прапорщики считать недействительным. Не принимавших участия в борьбе против нас разместить по воинским частям, снабдив таких юнкеров удостоверениями в том, что они не боролись против рев[олюционной] власти. Из них предоставить отпуска на время по усмотрению военно-политич[еского] отдела.

Юнкеров, принимавших участие в движении против нас, задержать в Москве в тех местах, где они в настоящее время находятся, в целях обеспечения и личной безопасности впредь до решения в[оенно]-п[олитического] о[тдела] штаба.

Юнкеров 5-й школы разместить по школам прапорщиков 2. 3. 4.

Поправка тов. Аросева. Юнкеров, принимавших участие в борьбе против револ[юционной] власти, сосредоточить в Бутырской тюрьме с тем, чтобы в кратчай[ший] срок воен[но]-полит[ический] отд[ел] штаба разместил этих юнкеров по воинским частям.

1. 2. 3. 4. 5. школы прапорщ[иков].
Алексеев[ское] учи[лище] . . . 100
Воен[ная] тюр[ьма] 100
Кремль. 280
Свест[и] в Бутыр[скую] тюрьму.
Не д[ействовавшим] против дать отпуск 150 и Крутицкие казармы 100.
Комис[сарами?] в школы прапор[щиков] назна[чаются]: 1 — Членов, 2 — Филатов, 3 — Попов, 4 — Наседкин.

---

[1]) Подлинник написан чернилами. В начале текста дата: «5/XI». Видимо, это проект приказа о военных училищах, который должна была выработать комиссия, намеченная в заседании Военно-Рев. К-та 3/XI 1917 г. Так как в утреннем заседании 5 ноября (8½ ч. утра) стоял вопрос об арестованных и вообще вопрос ликвидации военных действий, то мы даем документ этот приложением к этому протоколу.

Заседание (дневное) Московского Военно-Революционного Комитета 18(5) ноября 1917 года.

Заседание Военно-Рев[олюционного] Ком[итета]. 5-го ноября, 11½ ч. утра.

Смирнов, Максимов, Мостовенко [1]), Ведерников, Розенгольц, Стуков, Мельничанский [2]), Фельдман (пред[седатель] Губ[ернского] Ревком[а] Екатерин[ославской] губ[ернии]).

Доклад Петрограда [3]). Настроение в Питере спокойное, ударник[ов] 700 ч[еловек], выехал Аванесов. Делегация сказ[ала], что согласны, имя Ленина вызывает недовольство. Приех[али] представ[ители] Харьков[а] и Донец[кого] бас[сейна]. Каледин готовится к бою, хлеб задержа[н], рудники заняты.

Из Новг[орода] шел блиндирован[ный] поезд, выскочил господин, с револьвером в руках, саперы разбирали путь, арестовали всех кроме [4]) команд[ного] состава и Керенск[ого].

В Питере разрабатывается план похода на Каледина. Одна часть армии V и I, что часть армий нейтраль[на], друг[ая] нет. Против Каледина и Корнилова вся армия, даже казачь[и] полки.

Здесь будет ставиться вопрос о борьбе с ним своими силами. Позиция о сдаче была... условия о сдаче вызвали удивление, а в некоторых возмущение.

В Питере 3 казач[ьих] полка, кот[орые] явились [за] разрешение[м] без оружия отправиться домой. Им заявили, что считают заложниками. Послана Калединым телеграмма во все казачьи части, с руган[ью] по адресу Рев[олюционного] Ком[итета], Керенский определенно называется приманкой для других.

---

[1]) В подлиннике неправильно: «Муставенко».
[2]) В подлиннике неправильно: «Мельчанский».
[3]) В подлиннике перед последним словом стоит буква «с».
[4]) В подлиннике слова: «всех кроме» — повторены два раза.

В Петрограде стоит вопрос о самой беспощадной борьбе с преступным элементом и спекуляцией самыми беспощадными мерам[и].

Рево[люционный] Конвент = часть с.-р-ов и м[еньшеви]ков-оборонцев — занял непримиримую позицию. Левые с.-р-ы, Мартов и объедин[енцы] заняли неопред[еленную] позицию.

«Викжель» и провинциаль[ные] Советы...

Муралов — бумага о выводе вой[ск] из здания.

Максимов. Я ехал с тем, что, если эшелоны заняли непримиримую позицию, разобрать путь. В Можайске рань[ше] были смущены, но потом раб[очие] отправились за Можайск и разобрали путь, кот[орый] шел из Вязьмы. Мы доехали до разобранного пути, доеха[ли] до Гжатска и узнали, что там стоят 3 эшелона, настроены революционно все. Исп[олнительный] Ком[итет] в Гжатске собрал[ся] с представит[елями] полков и пригласи[л?] представит[ей] гусаров и уланов. Когда я сделал краткий доклад, кот[орые] поддерживали нашу сторону и сказали, что не едут, но они не были уверены в 13 эшелонах. Публика возмутилась, мы потребовали написать резолюцию [1]).

№ 1. Выписка из протокола Гжатского С. Р. и С. С. Д., предст[авителей] Рев[олюционного] Ком[итета] Москвы и т. д. [2]).

---

[1]) В деле имеется копия «резолюции общего собрания гвардейской кавалерийской бригады» (эскадронов Гродненского гусарского, Варшавского уланского и 3 конной батареи) от 4 ноября 1917 г., в которой сообщается, что «по детальном обсуждении создавшегося положения в стране в связи с совершившимся фактом сконструирования новой народной чисто социалистической власти, считаясь с тем, что задача момента власти Советов направлена к восстановлению порядка столицы, собрание пришло к заключению, что отправка частей в Москву теперь не нужна»... и т. д. Собрание единогласно выразило удовлетворение по поводу передачи всей власти Советам и обещало поддержку.

[2]) В выписке из протокола объединенного заседания Гжатского Исполнит. Комитета, полков. комитета 11 полка, боев. комитета 11 полка, представителей

Командный состав настроен реакцион[но]. Уланы — это элемент в виде казаков. Я выстави[л] вопросы, я заявил, что Советы — революция, кто не поддержива[ет] Советы = контр-революционеры. Пришлось гов[орить] по существу, у них было собрание полков[ых] ком[итетов], чтобы навести порядо[к]. Приехали представ[ители] Ком[итета] Обще[ственной] Безопасности, кот[орые] гов[орили], что в Москве жгут, режут. Они сказали, что нейтральны. Пусть скажут, что они против Советов, но надлежащим образом... [1]) тов. артил[?].

Каждый Сов[ет] задерживал их. Получен[ы] телеграммы с Минска, что их миссия исполнена, но уланы не смущали[сь].

Мои соображения, что эти части на фронт не пойдут, надо за ними следить и расколоть их. Они были на фронте, но не устали [2]).

Гусаров —

Надо послать делегатов следить за движением эшелонов. Я предлож[ил] послать делегатов от рот и полков, чтобы ждать приказаний. Они просят поставить вопрос о замене тех, кто не был на фронте и в тылу.

Роз[енгольц]. На каком расстоянии разобраны пути?

Максимов. Мы приказыва[ли], гов[орили] о том, чтобы иметь в резерве рабочих. Раньше из Вязьмы, а на Вязьму не был разобран. Путь немедленно восстановил[и] и теп[е]рь действуют по Алекс[андровской] ж[елезной] дороге.

Из Можайска просили или дать орудия, или вывезти снаряды, весь склад. Гарнизон там в 1.000 ч[еловек]. Там был

Москов. рев. организаций говорится, что «собрание получило от представителей гусарского Гродненского полка категорическое заявление, что они в Москву не поедут и, по выводе лошадей, вернутся обратно на Вязьму и далее, согласно указаниям, которые последуют». Для посещения других эшелонов выделена делегация.

[1]) Далее слово неразобрано.

[2]) Зачеркнуто: «Они движутся».

Четвериков и Снарский.

Вегер. Я доложил Пит[е]ру о том, что нужны силы, но ск[а]зал, что до ликвидации Керенского нельзя сделать это. В Колпино мы получили сведения, что едет поезд блиндирован[ный] поезд [1]). Мы прекратили переговоры, но застигли где [2]) Куженкенский гарнизон разобрал рельсы, и мы его взяли в 6 ч. утра. По дороге «Викжель» благоприят[но] относился к нему, наш[е] движение саботировано было [3]). Все офицерство [4]) арестовано; блиндир[ованный] поезд — это тот, кто был Гатчине. Он находился на рум[ынском] фронте. 17 окт[ября] за подпис[ью] Керенск[ого] итти на Петроград. У нас были подозрен[ия], что там был Керенский. Офицеры и весь командный состав будет отправлен в Петроград.

Потапов, командир полка из Гельсингф[орских] матрос[ов]. Мой полк (я в Финляндии нач[альник] обор[оны]) я взя[л?] 16-г[о]. Я получил в Петрограде-Кронштадте 500 ч[еловек], у меня была задача итти к Москве. Я получил сведения о поезде брониров[анном]. В виду движения поезда на Чудово, я послал свою разведку. До станции Акуловки я послал телеграммы, чтобы задержать эшелон. В Чудове я узнал, что бронированный паровоз враждебный, я... паровоз был задержан, а мой поезд... Мы их взяли, есть подозрение, что был Керенский, он был... [5]) с Петроградом, они посла[ли] телеграмму, что они едут на Кавказский фронт. Люди устали, голодны, были в боях. Я предполагал занять 3 вокзала, царску[ю] ветку.

Еремеев военный. Корнилов и Духонин остались на свободе, кот[орые] орган[и]зуют действия

[1]) Слово: «поезд» — повторяется дважды.
[2]) Слово: «где» — написано на полях.
[3]) В подлиннике «были».
[4]) Зачеркнуто: «отпр».
[5]) Далее следует одно неразобранное слово.

под Петроградом, а те[пе]рь под Москвой. Под Петроградом ему ничего не удалось, Гатчина взята была. Там был Керенский и весь его состав. Он повернул поезд [1]) обратно. «Викжель» передавал все сведения Керенскому, мы же имели целый ряд затруднений. Когда мы заявили о личной ответств[енности] (военно-полевой), тогда лишь они содействова[ли]. Казачьи войска раздроблены на группы, но сюда ближе к Москве разведка дала нам сведения, что некот[орые] части делают передвижения, окружение Москвы видно. Относительно южных операций сложно. Наша ближайшая задача — закрепление района, разоружение казаков, бат[альонов] смерти и женских баталь[онов]. Когда задача подвинется — это большая стратегическая задача.

Осташковский [2]) послал эшелон нам на помощь и еще предлагал цел[ый] ряд местных гарнизонов, надо связать эти гарнизоны войск около Москвы.

Нам нужно разгрузиться, дать отдых и разг[рузку]. Если нужно предпринять для очистки от хулиганских элементов и разоружит[ь] отрядами моряков [3]).

Розенгольц. Тов. Осинскому как комиссару по продовольствию войскове[ых] част[ей], устр[оить] и вам, поедет командующ. войска[ми], разработать план вместе с планом штабом и команд[ующим] войсками. Просить т. Осинского заняться этим.

Штаб в царских комна-[та]х Никол[аевского] вокзал[а].

4.000 челов[ек].

Принято.

Екатеринослав [4]).

---

[1]) Последнее слово заключено в скобки.

[2]) Гарнизон, видимо.

[3]) Слова: «Отрядами моряков» — заключены в скобки.

[4]) Т.-е. делегация из Екатеринослава. Слово «Екатеринослав» — подчеркнуто в подлиннике.

Фельдман, Лосский и др. У нас не оказалось враждую[щих] стор[он], мы образов[али] Губ[ернский] Воен[но]... [1]) Ком[итет].

Город[ская] упр[ава].

Исп[олнительный] Ком[итет].

Проф[ессиональные] со[юзы].

Предс[тавители] завод[ских] к[омитетов].

Военпред[ставительство].

Почт[ово]-тел[еграфный] со[юз].

В основе этого — Губ[ернский] Рев-к[ом], где была принята б[ольшевистс]-кая резолюция 400 — против 250. В основу она была положе[на], б[ольшевистс]кой программы мы не приняли, б[ольшеви]ки не наста[и]в[али], у нас не было резкой розни. У нас сначала было однородное социал[истическое] министерство. Борьба была внутри комит[етов] [2]), но она с...

Все партии

Однородн[ое] министерство и след.

1) О мире.

2) О земле.

3) Выборы в Учред[ительное] Собра[ние].

Не все были согласны, чтобы принять Собра[ние] С.-р-ы и м[еньшеви]ки настаивал[и], что в основу деят[ельности] не положить одну программу. Единый фронт у нас был по отношению к Каледину. Ж. д. = в контак[те] с нами. У нас есть сведения о движении калед[инских] войск, и там нет указаний.

Каледин в Макеевке, близ Екатеринослав[а] [3]) произв[одит] разгром Советов и установляет казачье начало.

Ростов остался вне влияния Каледина, к нам приезжал же[лезно]-дор[ожник], кот[орый] заявил, что все

---

[1]) Далее слово не разобрано.

[2]) Слова: «внутри комит[етов]» — вписаны над строкой.

[3]) Слова: «в Макеевке» — подчеркнуты, «близ Екатеринослав[а]» — вписаны над строкой.

на стороне Рев[олюционного] Ком[итета]. Ростов Новоросс[ийск] [1]) прислать миноносец из флота. У них нет снарядов, у них мало снарядов. Как будто Каледин заявил, чтобы все солдаты удали[лись] из Ростова, и заме[нен]ы казакам[и], последние заявили, что не пойдут против нас. Все комиссары Врем. Прав. наши. Никаких эксцессов не было. 2 запасн[ых] полк[а], батареи, Красн[ая] гвард[ия], боевые дружины национальн[ые], даже анархисты подчиняются Военно-Рев[олюционному] Ком[итету]. Бесконечное колич[ество] грабежей.

Маленький магазин, 8 душ порезал под звуки граммофона [2]).

Там много спирта.

Признал Украинскую Раду... [3]), Екатеринославск[ая] губ. = Центральная Рада. Б[ольшеви]ки призн[али] это.

В Киеве спокойно, войска перешли в командование Петлюры [4]), сообщаю[т?], что эти части поехали для соединения с Калединым. До сих пор не было сведения, что Каледин[ым] никаких попыток для того, чтобы перебросить свое вой[ско], не было [5]). Занято М и л л е р о в о [6]), М а к е е в о, З в е р е в о.

О с и н с к и й. Я приехал из Харькова, и там положение то же, что и в Екатери[нославе]. Надо поднять производительность топлива и отвоевать рудники. Там такая же путаница с Радой. Рада объявила — Харьковщ[ина] и Екат[еринославщина] присоединяют[ся] к Раде. В Киеве такая же путаниц[а].

Из Киева выяснилось, что там Центральная Рада действует одна.

---

[1]) Так о подлиннике.
[2]) Видимо, наглядная иллюстрация положения дела .
[3]) Далее две неразобранных буквы.
[4]) В подлиннике: «Петрула».
[5]) Вероятно, пропущено: «сделано».
[6]) В подлиннике: «Мирелево».

Фельдман. Положение Ростова неопределенно[е]. Движение к югу это особенно. Мы отказались от посыл[к]и отряда в Макеевку, ибо это и захват копей связан[ы] с общим планом [1]).

Я имею пр...

Полковник. Нам грозит опасность с юга = занять южные станции верными войсками, лишь тогда можно быть увер[енным], занять твердо узлы и в них сконцентрировать все силы.

Усиевич. Надо, тов[арищи], с Петроградом, обратиться со штабом и продов[ольствием] [2]), разработать ряд мер и представить Военно-Рев[олюционному] Комитету.

Заседание (вечернее) Московского Военно-Революционного Комитета 18(5) ноября 1917 года.

Заседание Врем[енного] [3]) Рев[олюционного] Ком[итета]. $10^1/_2$ часов вечера [4]).

Организация власти.

Москов[ский] Ком[итет]. Окруж[ная] орг[анизация]. Губ[ернский] Ком[итет].

Власть, ответствен[ная] перед Советами, из 7—10—11 по воз[можности]. К нему ряд демократич[еских] организа[ций], кот[орые] согласятся на определ[енной] платф[орме].

1. О мире.
2. О земле.
3. Раб[очем] контрол[е].

Орган конструир[уется] больш[инством] Советов и обесп[ечивает] больш[инство] Совета[м].

1. Орган[изацию] Совета произ[водит] фракция.

---

[1]) Зачеркнуто: «для».
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Так в подлиннике.
[4]) Слова: «$10^1/_2$ ч. вечера» — подчеркнуты, месяц и число не указаны; протокол нужно отнести к 5 ноября.

2. От Губ[ернии] [1]) и [2]) от крест[ьян] [3]).

3. От город[ского] сам[оуправления].

4. [4]) Социал[истической] части зем[ства],

5 [5]). Проф[ессионального] Бю[ро] союзо[в].

Исключая «Викжель» и почтов[о]-телегр[афных] союзов с тем, чтобы они вошли в Центр[альное] Бюро проф[ессиональных] союз[ов] или должны войти от торгово-пром[ышленных] служащих.

4 соц. по [6])

«Вик[жель]».

Крест...

Почт[ово]-телегр[афный] союз [7]).

От нас надо уполномочить кого-нибудь.

М е л ь н и ч а н с к и й [8]). Надо обсудить вопрос о власти в первую очередь завтра [9]) и сегодня выбрать представителя туда [10]).

$7^1/_2$ ч а с о в у т р а.

О регламенте заседаний. Определенное время для засед[аний] Рев[олюционного] Ком[итета], кроме экстр[енных]: 8 ч[асов] ут[ра] — 2 ч. дня. 7—12 ч[асов] вечер[а].

О дежурстве членов Рев[олюционного] Ком[итета]. 2-х членов надо выделить: Ломов [11]), Усиевич назначается [12]) для текущей работы.

---

[1]) Разумеется Губ. Совет Рабочих Депутатов.

[2]) Далее зачеркнуто: «уезд».

[3]) Разумеется Совет Крестьянских Депутатов.

[4]) В подлиннике дважды поставлена цифра 3.

[5]) В подлиннике: «4)».

[6]) Видимо, понимать это место надо так: «4 соц. по» — 4 социалистических партии. На этом заседании обсуждался вопрос о «межпартийном» совещании. Вырабатывалась платформа и выдвигался вопрос о посылке на это совещание своего представителя.

[7]) Справа против всего абзаца стоят фигурные скобки.

[8]) Часть фамилии дописана над строкой и неправильно: «Мельчанский».

[9]) Слова: «в первую очередь завтра» вписаны над строкой.

[10]) На межпартийное совещание, состоявшееся 5 ноября.

[11]) Фамилия Ломова написана над строкой над зачеркнутой фамилией Кушнера.

[12]) Так в подлиннике.

О похоронн[ой] процессии.

Т. Ильюшин. Поручается организовать комиссию с т. Малиновски[м] и представит[елями] район[ов].

О созыве пленума [1]) С. Р. и [3]) предст[авителей] полк[овых] и ротных, бригад[ных] [4]).

Собрание бригадное [2]).

2) Т. Степняк поручается созвать собрание бригадное [5]).

Оглашается телеграмма с фронта.

Поручить тт. Морозову, Тетельбауму, Сахар[ову] поручается [6]) приступить к организации органа по совещанию.

а) Довести до сведения продов[ольственного] ком[иссара] с предложением принять экстрен[ные] меры.

3) [7]) Поручить комиссии по снабжению армии теплыми вещами принять все меры.

Копия.

Морозову.

Врем[енный] Рев[олюционный] Ко[митет] предлагает вам принять срочные меры по организации комиссии снабжения армий теплыми вещами и о [8]) работах комиссии сообщить Врем[енному] Рев[олюционному] Ком[итету].

Заседание (ночное) Московского Военно-Революционного Комитета 18(5) ноября 1917 года.

Постановления В[оенно]-[Революционного] Комитета [9]).

Ночное заседание 5-го ноября.

Слушали:	Постановили: Исполн:
Утверждение комиссара по транспорту.	Утвердить кандидатуру В. С. Сергеева комиссаром по транспорту.

---

[1]) В подлиннике: «пленуме».

[2]) Слова: «Собрание бригадное» — отчеркнуты.

[3]) Зачеркнуто: «С[олдатских]».

[4]) Далее зачеркнута недописанная фамилия Смирнова.

[5]) Весь абзац подчеркнут.

[6]) Так в подлиннике.

[7]) Первый параграф не нумерован, второй помечен буквой а).

[8]) «О» — вписано над строкой.

[9]) «Постановления» Военно-Революционного Комитета от 5 ноября напечатаны на пишущей машинке и заверены одним из секретарей Военно-Революционного Комитета т. А. Ф. Темкиной.

Слушали:	Постановили:	Исполн.
Об оружии домовых комитетов.	Утвердить 4 пункта приказа комиссара Рогова об условиях пользования оружием домовыми комитетами, причем лица, виновные в нарушении постановления, отвечают по всей строгости закона.	
О повестке заседания В[оенно] - Р[еволюционного] Комитета.	Поставить на повестку ночного заседания В[оенно]-Р[еволюционного] Комитета: 1) О губернской Красной гвардии, 2) О Совете Народных Комиссаров, 3) [1]) О назначении эмиссаров в Калужскую и Тамбовскую губ., 5) О посылке военной экспедиции в Калугу, 6) Об отмене военного положения, 7) О банках, 8) О буржуазной печати, 9) Об организации власти.	
Откомандирование Осинского.	Со стороны Военно-Революционного Комитета не встречается препятствий для откомандирования тов. Осинского как комиссара по продовольствию воинских частей.	
О роспуске городской думы.	Признать необходимым явиться на заседание городской думы, назначенное на 6-е ноября, предложить [2]) разойтись и, в случае неповиновения, разогнать думу вооруженной силой. По вопросу об аресте городской думы голосование не состоялось, ибо 2 голоса за арест, 1 против, 1 воздержался и 1 не участвовал в голосовании.	
По вопросу о губернском комиссаре.	Признать необходимым поручить тов. Левенсону (Пре-	

[1]) Вероятно ошибочно пропущена далее цифра 4.
[2]) Последнее слово вписано карандашом над строкой.

	зидиуму Губернского Совета Рабочих Депутатов) подыскать кандидата в губернские комиссары (принято 2-мя против 1).
По вопросу о докладе по борьбе со спекуляцией.	Просить Продовольственный комитет представить к 7-му ноября к 11-ти час[ам] утра доклад по борьбе со спекуляцией.

Секретарь *А. Темкина.*

Заседание (ночное) Московского Военно-Революционного Комитета 18(5) ноября 1917 года.

12¾ часа ночи 5-го ноября 1917 года.

Заседание Военно-Революционного Комитета [1]).

Присутствуют: Смирнов, Кушнер, Усиевич, Розенгольц, Кизельштейн, Рогов, Жилин, Боголепов.

Слушали:	Постановили:	Исполн:
Делегация на межпартийное совещание.	Делегировать на межпартийное совещание для переговоров о конструкции власти т. Ломова или т. Смирнова.	
Военная экспедиция в Калугу.	Поставить на повестку утреннего заседания Комитета: 1. Вопрос о посылке эмиссаров в область. 2. Военная экспедиция в Калугу.	
Об открытии банков.	Поручить тов. Рогову сообщить банкам, что завтра он разрешает им не открывать своей деятельности, потребовав от них умолчания о выставляемых ими причинах неоткрытия банков.	
О завтрашнем заседании.	Назначить заседание В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] дневное в 4 часа, поставить на повестку вопрос о банках.	

[1]) Протокол заседания напечатан на пишущей машинке, но секретарем не заверен.

Постановление фракции большевиков 18 (5) ноября 1917 года.

О конструкции центральной власти.	Необходимо организовать Советское министерство на основе определенной программы с преобладанием большинства большевиков. Право отвода не признается. Власть выделяется Центральным Исполнительным Комитетом Сов[етов] Раб[очих] и Солд[атских] Депутатов, который пополняется всеми группами, указанными Центральным Комитетом партии, за исключением городского самоуправления. Министерство ответственно перед Центральным Исполнительным Комитетом [1]).
Конструкция местной власти.	Образуется Советский орган власти для города. Орган составляется из Советских фракций на основе определенной платформы. Для связи в орган входят с правом решающего голоса предст[авите]ли Губ[ернского] СРД и Губ[ернского] СКД в равном числе.

Секретарь *Р. Орлова.*

Частное междупартийное совещание в Москве большевиков, с.-д. об'единенцев и левых социалистов-революционеров 18(5) ноября 1917 года.

5-го ноября с[его] г[ода].

Частное межпартийное совещание большевиков, объединенцев и левых с.-р. [2]).

Присутствуют: Волгин и Кузовков (объединенцы), Зит[т]а [3]) и Магеровский (левые с.-р.), Владимирский (большевик).

В начале совещания т. Владимирский знакомит собравшихся [3]) в кратких чертах с точкой зрения Московского Комитета большевиков, указывая по вопросу о конструкции власти в Москве [4]), что К[оми]тет

[1]) До этого места постановление написано на пишущей машинке, дальнейший текст — чернилами.

[2]) В деле имеются черновая протокольная запись этого совещания, а также написанный от руки проект протокола, составленного по этой черновой записи, и машинописная копия проекта. Воспроизводим текст по рукописному экземпляру проекта.

[3]) Последнее слово — над строкой.

[4]) Слова: «по вопросу о конструкции власти в Москве» — над строкой.

б[ольшевиков] признал необходимым создать полномочный [1]) орган власти, избранный пленумом Советов и ответственный перед Советами.

З и т [т] а. От левых с.-р-ов. Соглашается с тем [1]), что орган власти должен быть безусловно — советский, причем президиум должен быть руководящим органом всей жизни Москвы. Исполн[ительный] К[оми]тет должен быть пополнен комиссарами с решающим голосом [2]), утвержденными пленумом Советов [3]). Орган власти должен быть ответствен в Москве перед Сов[етами] Раб. и Солд. Деп[утатов], а в губернии — перед С[оветами] Р[аб.], С[олд.] и К[рест.] Д[епутатов].

В л а д и м и р с к и й обращает внимание, что в органе власти советское большинство должно [4]) быть в большинстве, и этот орган должен быть полномочным для всей губернии.

В о л г и н указывает, что принцип построения власти на местах должен зависеть от построения власти в центре.

Центральной властью должен явиться Ц[ентральный] И[сполнительный] К[омитет], вновь избранный Советами, который должен быть расширен для координации всех революционно-демократических сил, что является необходимостью для укрепления завоеваний революции.

Единовластие президиума, — к[а]к говорят левые с.-р., — есть шаг назад. Нужно взять за основу выработанный Воен[но]-Рев[олюционным] К[омитет]ом проект состава органа власти.

Местный орган власти должен быть подчинен центральной власти, облеченной демократически-диктаторскими полномочиями.

Нельзя местный орган власти, пополненный представителями других демократических организаций, делать ответственным перед Советами, в котор[ые] эти организации не входят.

В л а д и м и р с к и й. Разъясняет, что Моск[овский] К[омите]т большевиков мыслит орган, сконструированный на определенной платформе, которую должны признать все входящие в него организации. Имея в виду конструкцию центр[альной] власти, мы признаем необходимым включить в орган власти предст[авителей] от Ц[ентрального] Бюро профсоюзов, представ[ителей] города и земства, Губ[ернского] Сов[ета] Р[аб.] Д[епутатов] и С[овета] Кр[естьянских] Деп[утатов], а предст[авителей] ж[елезно]-д[орожного] союза и почт[ово]-тел[еграфного] и союза город[ских] служ[ащих] [5]) мы исключ[а]ем постольку, поскольку они входят в Ц[ентральное] Б[юро] профсоюзов.

К у з о в к о в (объединенец) [1]). По принцип[иальным] и техническим соображениям считает неприемлемым чисто советскую власть.

М а г е р о в с к и й (от левых с.-р.). Стоит за советскую власть и считает вхождение других организаций желательным лишь с инфор-

---

[1]) Последнее слово — над строкой.
[2]) Слова: «с решающим голосом» — над строкой.
[3]) Далее зачеркнуто: «с реша...».
[4]) Далее зачеркнуто: «иметь».
[5]) Слова: «и союза город. служ.» — над строкой.

мационной целью, ибо в против[ном] случае они будут связаны императивным мандатом от своих организаций и будут тормозить работу. Программа должна объединить всех, входящих в орган власти, чтобы не было [1]) меньшинства, подчиняющегося большинству.

Волгин. Непременным условием для обеспечения доверия и прочности органу [2]) власти должно быть [3]) известное соотношение партийных сил в органе, при чем [4]) в нем должно быть обеспечено интернационалистическое большинство.

Владимирский. Информирует, что предполагается создать орган из 15 челов[ек], из них большевикам должно быть обеспечено в нем 8—9 мест.

Волгин. Настаивает, что представители других партий должны участвовать в обсуждении платформы и необходимо исходить из сформирования органа в Петрограде. Мы все согласимся с тем, что необходима единая платформа при организации власти, и признаем ответственность органа перед Советами.

Наша практическая задача — революционно-демократическая диктатура, важно привлечь меньшевиков и правых с.-р [5]). Мы должны заранее сказать, что идем на известный компромисс в формальной основе организации; для меня важно фактическое положение вещей, а именно твердое интернац[ионалистическое] большинство револ[юционно]-демокр[атической] власти, а не слова «вся власть Советам». Важно, чтобы строить сообща, а не подчиняться готовым формам.

Кузовков. Н[аша платформа — диктатура пролетариата и демократии. Наше решение будет зависеть от возможности вхождения в орган власти меньшевиков и правых с.-р.

Владимирский. Мы говорим о диктатуре интернационалистич[еских] элементов. Гораздо опаснее саботаж внутри, чем извне.

Магеровский. Указывает, что левые с.-р. считают необходимым назначить немедленно 1) перевыборы С. С. Д., 2) созвать пленум Советов, 3) все важнейшие вопросы, как роспуск Думы, должны решаться [6]) по утверждению пленума Советов.

Постановлено:

Созвать 6/XI в 3 часа дня межпартийное совещание для обсуждения вопроса об организации власти.

Послать приглашения всем социалистическ[им] партиям, входящим в Со-в[ет] Раб[очих] Деп[утатов.]

---

[1]) Зачеркнуто: «ни».
[2]) Первоначально было: «органа».
[3]) Далее над строкой зачеркнуто 2 недописанных слова.
[4]) Далее зачеркнуто: «ему».
[5]) Далее зачеркнуто: «но».
[6]) Далее зачеркнуто: «Советами»; слова: «по утверждению» — над строкой.

Межпартийное совещание 19(6) ноября 1917 г. [1]).

[Декларация Московской организации Р. С-Д. Р. П. (объединенцев).]

Московская организация Р. С.-Д. Р. П. (объединен.) считает необходимым заявить следующее:

1) Мнение Советов по вопросу об организации власти может быть установлено только самими Советами, где мы и будем отстаивать свои взгляды на форму и способы организации власти.

2) С Военно-Револ[юционным] Комитетом мы считаем возможными лишь предварительные переговоры, но только после действительной отмены всех введенных В[оенно]-Рев[олюционным] Комитетом нарушений и ограничений демократических свобод и после восстановления свободной деятельности разогнанной силой штыка Моск[овской] гор[одской] думы.

В [2]) отношении сохранения ею дальнейших полномочий решение должно быть вынесено самой думой, в которой мы, с своей стороны, предложим найти выход из создавшегося положения путем перевыборов при соблюдении всех гарантий свободного волеизъявления избирателей.

Представители Комитета Моск[овской] орган[изации] Р. С.-Д. Р. П. (объедин.) — *Михалевский* [3]). *А. Югов* [4]). *М. Даринский*.

Межпартийное совещание 19 (6) ноября 1917 г. [5]).

[Декларация Московского Комитета партии с.-р. (правых).]

В Московский Военно-Революционный Комитет.

Принимая во внимание, что, во-первых, Военно-Революционный Комитет разгоняет Московскую, избранную всеобщим голосованием, думу и тем самым уничтожает основы [6]) народовластия, добытые [7]) революцией;

---

[1]) Печатается с подлинника, написанного черным обыкновенным карандашом на полулисте нелинованной бумаги. Дата в документе не указана. Он относится к 19 (6) ноября 1917 г., когда оглашен был на межпартийном совещании представителем объединенцев — Михалевским.

[2]) Перед этим абзацем стояла цифра «3», зачеркнутая затем густо черным карандашом.

[3]) В. В. Михалевский.

[4]) А. Фрумсон.

[5]) Печатаем с подлинника. Последний отпечатан на полулисте нелинованной бумаги. Относится он к 19 (6) ноября 1917 г., когда оглашен был на межпартийном совещании представителем с.-р. Орловым.

[6]) Первоначально было: «основу», затем исправлено карандашом.

[7]) Первоначально отпечатано: «добытое», затем исправлено карандашом.

Что, во-вторых, он подвергает исключительным преследованиям социально-революционную печать (изгоняет из типографии газеты, закрывает типографии, конфискует и уничтожает вышедшие номера, препятствует печатанию и т. д.);

Что, в-третьих, по приказу или с попустительства Военно-Революционного Комитета, арестуются или подвергаются иным насилиям члены п[артии] с.-р.

Московский Комитет партии с.-р. заявляет, что при таких условиях он считает своим гражданским и революционным долгом не вступать в совместные действия с Военно-Революционным Комитетом.

За председателя Комитета *Н. Артемьев.*
Секретарь Комитета *В. Руднев.*

Заседание (утреннее) Московского Военно-Революционного Комитета 19 (6) ноября 1917 г. [1]).

Заседание Военно-Революционного Комитета.

6-го ноября 1917 г.

Присутствуют: Ломов, Усиевич, Смирнов, Кнышев и с совещательными голосами... [2])

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
По вопросу о повестке заседания.	Утверждается следующая повестка заседания: 1. Финансовый вопрос. 2. Организация власти. 3. Доклад Левенсона о занятиях в судебных учреждениях. 4. Отмена военного положения. 5. О буржуазной печати. 6. О Калуге, Туле и проч. (доклад Кизельштейна). 7. О загруженности Моск[овского] железно-дор[ожного] узла [доклад Шлихтера]. 8. Отношение к правительственному органу власти.	

[1]) Подлинник отпечатан на пишущей машинке.
[2]) Пропуск в подлиннике.

Слушали:	Постановили: Исполн.:
Финансовый вопрос.	Обсуждение финансового вопроса отложить до 4-х час. дня. Пригласить специалистов по этому делу.
Доклад Шлихтера.	Заслушав доклад Шлихтера о ложном сообщении Продовольственного к[омите]та в газетах «Вперед» и «Труд» об уменьшении хлебного пайка на $^1/_4$ фун. в связи с захватом власти большевиками, загрузивших Моск[овский] железнодор[ожный] узел, постановлено поместить офиц[иальное] [1]) разъяснение по этому [2]) поводу.
По вопросу о буржуазной печати.	1. Признать необходимым открыть буржуазную печать в зависимости от времени выборов в Учредит[ельное] Собрание. 2. Поручить т.т. Покровскому и Скворцову выработать проект декрета о печати. 3. Обязать владельцев типографий буржуазной печати уплатить печатникам за время закрытия этих газет.
О посылке экспедиции в Калугу [3]).	Признать необходимым принципиально посылку [4]) военной экспедиции в Калугу [5]), предоставив штабу подробно рассмотреть [6]) этот вопрос.
О посылке эмиссаров в Калужскую, Тамбовск[ую] и Тульскую губ.	Делегировать в Калужскую губ. в качестве эмиссаров т. Гинзбурга, председателя [7]) Жиздринского С. Р. Д.,

[1]) Слово: «офиц[иальное]» — вписано в текст карандашом.
[2]) Далее зачеркнуто: «делу» и приписано карандашом: «поводу».
[3]) Зачеркнуто: «жскую губ.».
[4]) Зачеркнуто карандашом: «вооруженной» и надписано: «военной».
[5]) Зачеркнуто карандашом: «жскую губ.».
[6]) «мотреть» над строкой и зачеркнуто: «ледовать».
[7]) «Председателя» — над строкой.

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
	в Тамбовскую губ. делегировать т. Сафронова.	
Заявление Покровского о признании нашей [1]) власти консулами.	В связи с докладом т. Покровского о заявлении шведского консула и консула Соединенных Американских Штатов от имени всех консулов о признании нашей [1]) власти и выраженных ими целого ряда пожеланий для иностранных подданных: 1) назначить т. Покровского комиссаром по иностранным делам, 2) поручить т. Покровскому [2]) организовать при комиссаре гражданской милиции паспортное бюро, 3) поручить т. Рогову наметить вместе с Покровским помещение для комиссара по иностранным делам, 4) назначить заместителем т. Покровскому [2]) т. Лукина, 5) выдать консулам, согласно их просьбе, пропуска в Военно-Революц[ионный] Комитет.	
О [3]) новых выборах [4]) городской думы.	1) Назначить новые выборы в городскую думу 26-го ноября с. г., 2) поручить т.т. Покровскому и Скворцову выработать проект воззвания о причине роспуска городской думы и назначении выборов на 26-е ноября с. г.	
Выборы комиссара городского хозяйства.	Назначить комиссаром городского хозяйства и самоуправления, а также в столичную комиссию по выборам в Учредит[ельное] Собрание, вместо	

[1]) Первоначально было: «народ.».
[2]) «т. Покровскому» — приписано над строкой карандашом.
[3]) Слово: «новых» — приписано карандашом над строкой.
[4]) Далее в подлиннике зачеркнуто карандашом: «новой».

Слушали:	Постановили: Исполн.:
	ушедшего Вейсброда, т. Камаринца.
	Делегировать в столичную к[оми]ссию по выборам в Учредит[ельное] Собрание представителя от Совета районных дум.
Доклад Кизельштейна.	Вопросы, связанные с выполнением нарядов на фронт, снаряжением и проч., передать на рассмотрение штаба.
Доклад Левенсона о судебных учреждениях.	1) Назначить временно комиссаром по учреждениям м[инистерст]ва юстиции т. Левенсона, 2) открыть свободный доступ в Кремль всем работающим в судебных учреждениях.
Об отмене военного положения.	В виду наступившего успокоения, Военно-Революционный Комитет считает необходимым ввести порядок мирной жизни, о чем передать штабу.
Об оружии для Грозного.	Передать вопрос об оружии для Грозного в штаб.

Секретарь *А. Темкина* [1]).

Заседание (вечернее) Московского Военно-Революционного Комитета 19(6) ноября 1917 года.

Постановления заседания В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] 6-го ноября 1917 г. (Вечером.) [2])

Слушали:	Постановили: Исполн.:
По вопросу об открытии банков и изыскании денежных знаков.	В виду того, что не установлено, какие денежные суммы имеются в государственном

[1]) Подпись сделана карандашом.
[2]) Протокол напечатан на пишущей машинке.

Слушали:	Постановили: Исполн.:
	банке для снабжения частных банков, банки пока не открывать. Назначить коллегию комиссаров, которой передать разрешение вопроса об открытии банков, казначейства и других кредитных учреждений, установлении наличности денежных знаков и вообще изыскание средств. Комиссарами назначаются Жилин, Максименко [1]), Боголепов, Закс и Попов.
О средствах городского самоуправления.	I. Поручить муниципальным комиссарам возбудить перед центральным пр[авительств]ом вопрос о гарантировании городского займа, утвержденного прежним пр[авительст]вом. II. Поручить декретной к[оми]ссии разработать декрет о конфискации арендной месячной [2]) платы [3]) в виде займа на нужды городского самоуправления. III. Поручить декретной к[оми]ссии разработать декрет о взыскании оценочного сбора за 1917 год.
Проект декрета о печати [4]).	Утвердить следующий декрет о печати: «Принимая во внимание: 1) что стеснения буржуазной печати, декретированные Военно-Революционным Комитетом в начале восстания юнкеров, обусловливались наличностью в городе Москве воен-

[1]) С. Шавердин.

[2]) Слово: «месячной» написано карандашом над строкой.

[3]) Зачеркнуто: «за месяц».

[4]) Декрет опубликован в № 4 «Известий Военно-Революционного Комитета» (вторник, 20 (7) ноября 1917 г.).

Слушали:	Постановили: Исполн.:
	ных действий, ныне прекратившихся; 2) что выборы в Учредительное Собрание предполагают свободу агитации [1]) для всех без исключения партий и направлений; 3) что на Военно-Революционном Комитете как представителе верховной власти Советов в Москве лежит обязанность ограждать эту власть от всяких на нее покушений со стороны кого бы то ни было, — Военно-Революционный Комитет постановляет: «1. Начиная со среды, 8-го ноября, в Москве могут беспрепятственно появляться все органы печати, без различия направлений, под условием оплаты рабочих и служащих за прогульное время с 28 октября по день открытия газеты. 2. Восстановляя свободу политической печати, Комитет считает долгом предупредить, что никакие воззвания, призывающие к восстанию против Советов, допущены не будут. Органы печати, где появятся подобные воззвания, будут конфискованы, авторы же их будут преданы революционному суду».
О реквизиции типографии «Русское Слово».	Высказываясь принципиально за реквизицию типографии, в которой мог бы печатать[ся] Советский орган и целый ряд других социали-

[1]) В опубликованном декрете о печати слово это заменено словом: «печати».

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
	стических изданий, поручить т. Егорову представить в ближайшее заседание доклад по этому вопросу.	
Об утверждении т. Монахова городским комиссаром.	Утвердить т. Монахова городским комиссаром.	
Об утверждении помощников городск[их] комиссаров.	Утвердить помощниками комиссаров т.т. Луданова, Томкевича, Андрюшина, Телешова и Пискарева.	
О контроле телеграмм.	Предложить командующему войсками, в контакте с комиссаром почт и телеграфов, принять меры к тому, чтобы военная цензура на телеграфе могла быть использована для контроля телеграмм в интересах обеспечения пролетарской и крестьянской революции.	
О тревожных слухах из Вязьмы.	Делегировать в Вязьму Максимова и Плеханова.	
Заявление профессионального союза низших служащих и рабочих в больницах.	В виду просьбы профессионального союза низших служащих и рабочих в больницах об уплате им жалованья по [1]) «плехановс[ким]» ставкам администрац[ией] за забастовку в течение прошлого месяца, разрешить эту просьбу в положительном смысле.	
Заявление Московской окружной по выборам комиссии.	Принять к сведению протест Московской окружной по выборам комиссии по поводу запрещения печати.	
Об отмене распоряж[ения] о запрещении въезда в Москву.	Передать этот вопрос на заключение наших комиссаров по городскому самоуправлению и в Продовольственный к[омите]т.	

[1]) «По „плехановс[ким]“ ставкам» — написано карандашом над строкой.

Слушали:	Постановили: Исполн.:
О допущении членов фракции б[ольшевик]ов Исп[олнительного] К[омите]та на заседание В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] с совещат[ельным] голосом.	Разрешить присутствие членов б[ольшеви]ков фракции на заседаниях В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] с совещательным голосом.
Назначение комиссара таможни.	Назначить комиссаром таможни т. Мельничанского.

Заседание (утреннее) Московского Военно-Революционного Комитета 20 (7) ноября 1917 года.

Выписка из журнала заседания Военно-Революционного Комитета от 7-го ноября 1917 г. (Утреннее) [1]).

По вопросу о докладе представителей Продовольственного комитета постановлено:

1. Временно, до общего собрания Продовольствен[ного] к[омите]та, делегировать в Продовольственную управу представителя В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] Шлихтера на правах ее члена и 2-х представителей Совета районных дум с решающими голосами [2]).
2. Должность комиссара по продовольствию упразднить.
3. Реквизиции могут производиться от имени Продовольственной управы [3]).

Делопроизводитель [4])
Секретарь *Р. Орлова* [5]).

Заседание Московского Военно-Революционного Комитета 21 (8) ноября 1917 года.

Постановление заседания Военно-Революционного Комитета 8-го ноября с. г. [6])

Слушали:	Постановили: Исполн.:
Заявление представителей Викжеля об аресте инж. Мастрюкова.	Заслушав сообщение представителей Викжеля, 1. Снестись со всем [?] штабом и, если он не будет возражать, освободить инж. Мастрюкова на поруки Викжеля.

---

[1]) Отпечатана на пишущей машинке.
[2]) Далее зачеркнуто: «одного в распределительный орган, другого в отдел снабжения».
[3]) Далее зачеркнуто: «и Военно-Революционного Комитета».
[4]) Подпись отсутствует.
[5]) Подпись секретаря сделана черными чернилами.
[6]) «Постановление» от 8 ноября напечатано на пишущей машинке.

Слушали:	Постановили: Исполн.:
	2. Принять немедленно все меры к выяснению вопроса, продолжают ли действительно сидеть под арестом 400 юнкеров, и если это подтвердится, то немедленно освободить их. Выполнить это поручается т. Белорусову.
Заявление о снятии ареста, наложенного Шлихтером на вагон картофеля.	Арест, наложенный Шлихтером на вагон картофеля, отменить.
Заявление Белорусова об арестованных юнкерах на гауптвахте.	Поручить следственной комиссии опросить юнкеров и принять меры к их освобождению.
Об уплате рабочим завода «Гном» заработной платы за время стачки.	Настоящим Военно-Революционный Комитет приказывает администрации завода «Гном и Рон» удовлетворить требованиям рабочих о выдаче суточных делегатам авиационного съезда по 5 р. и поденную плату всем рабочим за время стачки.
Доклад т. Буровцева о выборах в Учред[ительное] Собр[ание].	1. Предложить нашему комиссару в Транспортном комитете сделать все зависящее для предоставления столичной по выборам комиссии необходимое количество [1]) автомобилей, от 4—5 авт[омобилей] грузовых, до 3 легковых. 2. Отделу по выборам С. Р. и С. Д. предложить в печатных изданиях воздерживаться от рекомендаций списков, взяв на себя исключительно техническую часть по подготовке к выборам.

[1]) Так в подлиннике. Слова: «от 4—5 авт. грузовых, до 3-х легковых» дописаны карандашом в конце абзаца.

Слушали:	Постановили: Исполн.:
Заявление тов. Азарха.	В виду заявления тов. Азарха о том, что реквизиционный отдел не желает входить в разговоры с представителем Военно-Революционного Комитета, запросить об этом т. Шефлера [1]).
О вооружении солдат на похоронах.	Вооружить винтовками всех солдат, которые будут принимать участие в похоронах.
О назначении Певунова квартирмейстером.	Назначить временно тов. Певунова квартирмейстером здания Совета и бывшей гостинницы «Дрезден». Тов. Альтер остается комендантом.
О караулах.	По всем вопросам, касающимся караулов, обращаться к Берзину, предложив ему установить у себя дежурства днем и ночью.

Секретарь [2]).

Заседание Московского Военно-Революционного Комитета 23 (10) ноября 1917 года.

Постановления Военно-Революционного К[омите]та 10 ноября 1917 г. (Ночное заседание) [3]).

Присутствуют: Ломов, Усиевич, Покровский, Кушнер, Гальперин, Саблин, Черепанов, Максимов.

Слушали:	Постановили: Исполн.:
По вопросу о переименовании «Известий Революционного Комитета».	Впредь до организации солдатского печатного органа переименовать «Известия Военно Революционного Комитета» в «Известия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».
Об организации органа по борьбе с контр-революцией.	Поручить т. Розенгольцу снестись с комиссаром М[осковского] в[оенного] о[круга] Мураловым и комиссаром по гра-

[1]) Было напечатано: «Шлихтера» и потом исправлено чернилами: «Шефлера».

[2]) Подписи секретаря нет.

[3]) «Постановления» от 10 ноября напечатаны на пишущей машинке. А. О. Р., ф. 94, опись 1, дело № 66.

Слушали:	Постановили: Исполн.:
	жданской милиции Роговым по вопросу об организации органа по борьбе с контр-революцией.
По вопросу о сохранении наименования Военно-Революционного К[омите]та до вторника 14 ноября.	Признать необходимым, в виду целого ряда технических обстоятельств, оставить до вторника 14 ноября в исходящих бумагах наименование Военно-Революционного К[омите]та (левые с.-р. и объединенцы заявили о своем согласии оставить наименование В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] до вторника).
О назначении т. Заблоцкого.	Назначить комиссаром по тюремному ведомству т. Заблоцкого.
О назначении т. Плеханова.	Назначить комиссаром губернской Таганской тюрьмы на место т. Кустова т. Плеханова.
О делегировании в следственную комиссию.	Делегировать в следственную комиссию при В[оенно]-Р[еволюционном] К[омитете] тов. Костецкого.
О назначении комиссар[а] труда.	Поручить Центральному Совету профессиональных союзов наметить кандидата в комиссары труда.
О воззвании по выборам в Учредительное Собрание.	Утвердить воззвание по поводу выборов в Учредительное Собрание, предложенное т. Буровцевым.
Доклад тов. Ломова о банковской комиссии.	1. Отправить срочную телеграмму в Петроград комиссару финансов об утверждении т. Попова управляющим Московской конторой государственного банка.

Слушали:	Постановили: Исполн.:
	2. Утвердить приказ банковской комиссии об отпуске Совету районных дум 20.000.000 рублей из кассы государственного банка для нужд городского хозяйства. (Совет районных дум признает возможным выдать тюремному ведомству из своих средств до 100.000 рублей.) 3. Утвердить приказ банковской комиссии об ассигновке интендантству 600.000 рубл[ей] для уплаты жалованья солдатам, офицерам и проч. 4. Утвердить приказ банковской комиссии о явке служащих в контору государственного банка на работу с понедельника 13-го ноября к 11 ч. утра. Поручить банковской комиссии средактировать вышеозначенный приказ.
О действиях комитета почтово-телеграфных служащих.	Заслушав т. Пупко о действиях комитета почтово-телеграфных служащих и в частности председателя комитета Войцеховича, признать необходимым поручить т. Подбельскому созвать собрание почтово-телеграфных служащих, довести до их сведения о действиях ко[мите]та, предложив им самим рассмотреть это дело.
О непорядках на телефонной сети.	1. Поручить т. Пупко назначить экспертизу порчи проводов телефонной сети и внести вопрос о скорейшем восстановлении телефона в более разработанной форме на обсуждение В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета].

Слушали:	Постановили: Исполн.:
	2. Признать необходимым комиссару телефонной сети работать в контакте с к[омите]том служащих. 3. Признать необходимым вывести внутренний караул, оставив его лишь у кассы, технического отделения и внизу у входа. Со служащих никакой подписки не брать.
О функционировании городской управы.	Признать необходимым для правильного функционирования деятельности городской управы: 1. Обратиться к членам управы о немедленной передаче дел совету районных дум. 2. В случае продолжения ими своей деятельности, путем военной силы: а) не допускать собрания старой думы, б) не допускать работ старой управы, в) не останавливаться перед самыми решительными мерами, вплоть до ареста членов управы, независимо от их партийной принадлежности, а только в зависимости от их действий. 3. Выпустить воззвание о 20 миллионах рубл[ей], взятых в к[онто]ре госуд[арственного] банка на нужды городского хозяйства.
Об управляющем гос[ударственным] банком Ковальницком.	Освободить из Бутырской тюрьмы управ[ляющего] госуд[арственным] банком Ковальницкого, взяв с него подписку о подчинении Военно-Революц[ионному] К[омите]ту и оставив его под домашним арестом.

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
Доклад Левенсона о работе в судебных учреждениях.	Доклад комиссара по учреждениям министерства юстиции о работах в судебных учреждениях принять к сведению.	

Секретарь *А. Темкина* [1]).

Заседание (дневное) Московского Военно-Революционного Комитета 25(12) ноября 1917 года.

Заседание В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] (дневное) 12-го ноября [2]).

По поводу переговор[ов] с Викжелем на сч[ет] посылки войск в Калугу. Прин[ято] [7])	Присоед[иниться] к точке зрен[ия] штаба о посылке делегации в Калугу [3]) на паритетн[ых] началах с Викжелем и, по возвращ[ении] Антонова, не приостан[авливать] посылки отряда в Калугу, пока — погрузки отряда [4]). Делегировать для переговоров о восстан[овлении] д[ороги] и выводе войск, введенных в Калугу 18 окт[ября] с. г. [5]), несмотря на противодействия Викжеля: Упорова от штаба, Маликова [6]) от В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета].
Прин[ято].	В банковск[ую] к[омис]сию делегировать Ангарского. О заводе «Бромлей» [8]), котор[ый] брошен администрацией. О ссуде Бромлей. Зараб[отная] [плата] за [9]) 4 недели не получена.

---

[1]) Подпись секретаря сделана чернилами.

[2]) Протокол дневного заседания 12 ноября написан карандашом.

[3]) Первоначально было: «Калуге», исправлено: «Калугу».

[4]) Слова: «пока — погрузки отряда» — вписаны над строкой.

[5]) Не 18-го октября, а 17-го в Калугу прибыли казаки и Нижегородский драгунский полк для борьбы с большевистским Советом Солд. Деп. Перед этим в город прибыл батальон «смертников».

[6]) Первоначально было: «Ведерникова», зачеркнуто и исправлено: «Игнатова», вновь зачеркнуто, исправлено: «Маликова».

[7]) Весь абзац со слов: «по поводу» и т. д. заключен в фигурные скобки и против них написано «прин[ято]».

[8]) Слова: «О заводе Бромлей» — подчеркнуты. Постановление В.-Р. К. о заводе Бромлей в исправленном виде напечатано в № 204 (211) «Изв. Моск. Сов. Раб. Деп.» от 13 ноября 1917 г.

[9]) «З» вписано над строкой.

Сумму зав[оду] «Бромлей» выдать [1]).

3 зав[одского] к[омите]та,
2 служ[ащих],
1 зав[одского] совещания.

} Работают для военно [2]) -технического ведомства.

Инженера будут способствовать.

Передать Продов[ольственному] к[омите]ту 14.000 [3]) топор[ов] и кирки, 9.000 колунов [4]). 400.000 р. выдать зав[оду] Бромлею под исполн[енные] предметы [5]) и заняться передачей готов[ых] продуктов Прод[овольственному] к[омите]ту — для соотв[етственного] распределения. Выдать аванс рабоч[им] в размере 150.000 руб. и заняться сбытом изготовленных предметов; если воен[но]-техн[ическое] вед[омство] откажется принять, то передать Прод[овольственному] к[омите]ту.

П о п о в [6]). Мы выдав[али] лишь по текущ[им] сч[етам] и перев[одам] из 45.000.

Служ[ащих] в нашем распоряж[ении] было всего 6—12 чел[овек].

Дирекция — на точке зрения устава [7]).

Нам нужно выяснить общее положение банка и тогда ставить вопрос о частн[ой] операции.

Прин[ято]. 1. Ч е р е п а н о в предлаг[ает] уплат[ить] из сумм на текущем счету зав[оду] Бромлея (50.000 р.) на 3 дня [8]) для уплаты раб[очим] и служ[ащим], а там выяснить общее полож[ение] дел.

Прин[ято]. 2. П о п р [а в к а]. Выяснить полож[ение] в Петрограде. Вр[еменное] П[ра-

---

[1]) Т.-е. — просимую сумму.
[2]) Слово: «военно» — вписано над строкой.
[3]) «14.000» вставлено над строкой.
[4]) Слова: «9.000 колунов» — написаны над строкой.
[5]) Слова: «зав. Бромлею под исполн. предметы» — вписаны над строкой.
[6]) Попов — См. стр. 133, 143.
[7]) Т.-е. дирекция банка стоит на точке зрения устава государственного банка при всяких его операциях, в том числе и ссудах.
[8]) Зачеркнуто: «... дней», сверху исправлено «3 дня».

вительст]во мож[ет] предписать в чрезв[ычайном] порядке выдать средства, арестов[ав] все средства правл[ения] в Петрогра[де] [1]). Прежде всего снестись с Питером.

У с и е в и ч [2]). Неск[олько] дней обождать, снестись с Петрогр[адом], воспольз[оваться] 50.000 р. для уплаты рабоч[им] и служащим.

П о п о в . В срочн[ом] порядке поставить вопрос об указе [3]) о моратории.

[4]) 73.000 р. — заказ Воен[но]-пром[ышленного] к[омите]та.

Прин[ято]. Оказать давление на Воен[но]-пром[ышленный] к[омите]т на получ[ение] заказа и уплату; в прот[ивном] случ[ае] — передать, вступив в переговоры [5]) с Продов[ольственным] к[омите]том. Немедл[енно] выяснить полож[ение] в Воен[но]-пр[омышленном] к[омитет]е о 73.000 р. (заказ) [и] 53.000 р. М[осковского] к[омитета] по топливу.

Прин[ято]. Насч[ет] мазута и электр[ической]станц[ии] выяснить долг и возбуд[ить] от нас ход[атайство] о прод[лении] долга.

Прин[ято]. Поручить перегов[оры] с В[оенно]-пр[омышленным] к[омите]том и с уполномочен[ным] [6]) к[омите]та по топливу т. Ангарскому и завтра к вечеру дать ответ.

Прин[ято]. Поручить [7]) в Петрогр[ад] для выяснен[ия] вопр[оса] и урегулиров[ания] финанс[ового] вопроса Пятакова и Бухарина.

---

[1]) Слова: «арестов[ав] все средства правл. в Петрогра[де]» — написаны над строкой.

[2]) Фамилия написана над строкой и подчеркнута.

[3]) Слова: «вопрос об указе» — написаны над строкой.

[4]) Вероятно, пропущено слово: «Есть».

[5]) Слова: «вступить в переговоры» — написаны над строкой. Слово: «заказ» — в круглых скобках.

[6]) Слово: «уполномочен[ным]» — написано над строкой.

[7]) Первоначально было: «делегиров.», зачеркнуто и над строкой написано: «поручить».

Делегация из Донецк[ого] бассейна.

Мы были ночью в штабе и выжид[али] позиции Викжеля. Распор[яжение] Викж[еля] — войска, направл[яемые] в Калугу, задержать.

Мы пригот[овили] паровозы и охрану пути; если бригады не поедут, послать свои бригады. Телеграф в рук[ах] Викжеля и в оппозиции к нам и не будут передавать нам сообщ[ений] из Калуги [1]). Единств[енный] способ — устранение Викжеля и взять ж[елезные] д[ороги] в свои руки.

Донецкий бассейн, особ[енно] Донск[ая] обл[асть], уже заним[аются] казаками. Рабочие говор[ят], что, если не буд[ет] мер для против[одействия] казак[ам], они уйдут в Ек[атеринославскую] губ[ернию]. Постеп[енно] сокращаются грузы с Донск[ой] обл[асти].

Вблизи Луганска наход[ятся] казаки. Сырцов и Жаков арестованы. Рабочие просят вооружения, и они защитят. Мы прибыли в Москву и сегодня едем в Петроград.

Настроение приподнятое. Здесь говор[ят], что большев[ики] — разбойники.

Казаки выстроятся по прик[азанию] офицеров.

В Макеевке Сов[ет] разогнан, там 400 казак[ов], они хорошо вооружены. У них раскол, часть за власть Советам, но их не стало, — очевидно, арестованы. Офицеры избивают рабоч[их] и говор[ят] о подчин[ении] Каледину. В 20 числ[ах] [2]) мною была перехвач[ена] летуч[ая] почта — приказы Калед[ина] о разгоне Совета, о прекр[ащении] митин[гов] и собр[аний] и о невыходе после 9 ч[асов] вечера, и распростр[аняют], что раб[очие] не дают казак[ам] продов[ольствия].

---

[1]) Слова: «и не будут передавать нам сообщ. из Калуги» — написаны над строкой.

[2]) Вероятно, октября.

В Донск[ой] обл[асти] введено военн[ое] положение, и власть — в руках Каледина.

В Ростове арестов[аны] Сырцов и Жаков [1]) и закрыты большев[истские] газеты. Захвач[ены] Ростов, Таганрог, Новочерк[асск]. В Харькове власть перешла к Совет[у], без кровопролития, в Ек[атериносла]ве власть Совет[ов]. В Совет[е], куда перешла власть, осталось меньшинство меньшев[иков] и с.-р.

Уголь из Донецк[ого] бассейна идет. Хлеб из Донск[ой] обл[асти] не идет. Они [2]) держ[ат] в Донск[ой] обл[асти].

У них трения в Куб[анской] обл[асти]. В Новочер[касске] неск[олько] миллион[ов] [3]) хлеба. Угля больш[ие] запасы: на некотор[ых] рудниках от 300.000 пуд[ов] до 1 милл[иона] угля [4]), производ[ство] пало на неск[ольких] шахтах на 50%; добыча пала из-за отпуск[ов] на полев[ые] раб[оты]. Сейчас повышается добыча, и мы стремимся всячески к этому. У нас нет оружия, больш[ой] недост[аток] в обуви и м[ануфакту]ре.

Перед[ача] власти в руки Советов на Ясиновских рудниках, Ханженков[ских] и Горловск[их]. Казаками заняты все вокзалы от Ханженк[ово] до Новочеркасска.

Заседание Московского Военно-Революционного Комитета 26(13) ноября 1917 года.

Постановления заседания Военно-Революционного Комитета 13-го ноября 1917 года [5]).

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
Об уплате заработной платы за революционные дни.	Опубликовать общее постановление о том, что В[оенно]-Р[еволюционный] К[омите]т	

[1]) Слова: «Сырцов и Жаков» — написаны над строкой.
[2]) Т.-е. казаки.
[3]) Очевидно, пропущено — «пудов».
[4]) Слова: «от 300.000 пуд. до 1 милл. угля» — написаны над строкой.
[5]) «Постановления» от 13 ноября напечатаны на пишущей машинке.

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
	предписывает предпринимателям уплачивать рабочим за дни забастовки во время революции.	
Назначение комиссара таможни.	Вместо т. Мельничанского комиссаром таможни назначить т. Кропотова.	
О назначении комиссара г. Москвы.	Вместо комиссара Временного Правительства по гор. Москве Кишкина назначить т. Рогова, оставив его в должности комиссара по гражданской части временно впредь до избрания последнего Советом районных дум.	
Назначение комиссара по губернии.	Предложить коллегии [1]) губернских комиссаров [2]) наметить губернского комиссара из своей среды.	
Назначение комиссара по охране [3]) художеств[енных] ценностей.	1) Назначить т. Е. К. Малиновскую комиссаром по охране всех художественных, научных и исторических ценностей. 2) Временно для охраны ценностей Кремля назначается т. Малевич.	
Доклад о разгрузке Московского узла.	В виду необходимости оказания кредита Транспортному комитету для разгрузки Московского ж.-д. узла обратиться в Совет районных дум, чтобы он из текущего счета открыл заимообразно кредит Центральному транспортному комитету в 500.000 рублей (пятьсот тысяч). Центральное правительство в свою очередь должно для покрытия этой суммы открыть кредит Транспортному комитету.	

[1]) Слово: «коллегии» — написано чернилами над строкой.
[2]) Первоначально было: «губернскому комиссару».
[3]) Зачеркнуто: «для охраны».

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
По вопросу о Район[ных] Револ[юционных] Комитетах.	Постановление собрания Районных Революционных К[омите]тов о сдаче ими всех полномочий Район[ных] С[оветов] Р[абочих] Д[епутатов] распространяется на следующие районы: 1) Городской, 2) Замоскворецкий, 3) Рогожский, 4) Сущевско-Марьинский, 5) Пресненский, 6) Хамовнический, 7) Сокольнический, 8) Симоновский, 9) Бутырский, 10) Лефортовский, 11) Басманный, 12) Дорогомиловский.	
О декларации и вопросах служащих городских и общ[ественных] учреждений.	I) Опубликовать в газетах заявление от В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] [1]), опровергающее заявление служащих. Поручить написать это заявление т. Покровскому. 2. Ответить на вопросы служащих следующим образом: 1. «Военно-Революционный Комитет не предполагает вмешиваться в деятельность государственных и общественных учреждений в большей мере, чем это ему предписывает его положение как представителя верховной власти в Москве, ограждающей интересы миллионного населения Москвы и Московского округа. Такое вмешательство, разумеется, нисколько не исключает самостоятельность служащих во внутренней организации. II. Восстановление условий правильного хода работ.	

[1]) Опубликовано в № 206 (213) «Изв. Моск. Совета» от 28 (15) ноября 1917 года.

Слушали: Постановили: Исполн.:

Военно-Революционный Комитет принимает все меры к восстановлению правильного хода работ.

III. О возврате ключей от золотого запаса.

Ключи от золотого запаса в настоящее время, согласно устава Московской конторы государственного банка, находятся: один — в руках управляющего конторой Т. И. Попова, другой — у директора и третий — у контролера.

О захвате пяти миллионов.

Что касается 20.000.000, переданных для нужд городского самоуправления, то относительно этого составлен протокол, который опубликован в «Известиях С[овета] Р[абочих] Д[епутатов]» № 12-го ноября, в отделе Москвы [1]).

Управляющий государственным банком Ковальницкий [2]) освобожден 12 ноября, что касается утверждения вновь назначенного управляющего Московской конторой государственного банка, Т. И. Попова, то оно передано центральной власти.

Организовать комиссию из представителей служащих в общественных и государственных учреждениях Москвы и представителей В[оенно]-Р[еволюционного] К[омитета] для

---

[1]) Протокол опубликован в № 203 (210) «Изв. Моск. Сов. Раб. Деп.» от 25 (12) ноября 1917 г. С 16 (3) по 23 (10) ноября «Известия Московского Совета Раб. Деп.» выходили под названием: «Известия Военно-Революционного Комитета при Московском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов». Всего вышло 7 №№.

[2]) Первоначально было: «Ковальнишкин», причем исправление фамилии было сделано чернилами над строкой.

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
	урегулирования вопроса о внутренних распорядках в учреждениях.	
	Секретарь *Бричкина* [1]).	

Заседание Московского Военно-Революционного Комитета 26 (13) ноября 1917 года.

Постановления Военно-Революционного Комитета С[оветов] Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] 13-го ноября 1917 г. [2])

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
По вопросу об урегулировании финансового вопроса в Москве.	Делегировать в спешном порядке в Петроград для урегулирования финансового вопроса в Москве т. Закса с обязательством немедленного возвращения с определенными полномочиями от центральной власти [3]).	
О делегиров[ании] в штаб Красной гвардии.	Делегировать в пр. [4]) штаба Красной гвардии т. Ведерникова вместо т. Розенталя [5]).	
Об отпуске револьверов и патронов т. Муценину.	Возбудить ходат[айство] в Петр[ограде] об отпуске Моск[овской] Красн[ой] гв[ардии] [6]) 3.000 револьверов системы «Наган» и 120.000 патронов к ним [7]).	
По вопросу о просьбе консулов о предоставлении им	Удовлетворить просьбу консулов о предоставлении им	

[1]) Подпись: «Секретарь Бричкина» — написана чернилами.

[2]) «Постановления» от 13 ноября напечатаны на пишущей машинке.

[3]) На полях справа, в графе «Исполнено», против абзаца карандашная пометка и слово: «Исп[олнено]».

[4]) Слова: «Делегировать в пр.» написаны карандашом над зачеркнутыми: «Утвердить комиссаром».

[5]) В графе «Исполнено» — карандашная отметка: «исп».

[6]) Слова: «Возбудить ходат. в Петр. об отпуске Моск. Красн. гв.» написаны карандашом над зачеркнутыми «Отпустить т. Муценину, согласно его просьбе».

[7]) На полях справа в графе «Исполнено» против абзаца карандашная пометка.

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
2 раза в неделю пассажирских вагонов и об отмене паспортной системы.	2 раза в неделю по 2 пассажирских вагона. Послать срочную телеграмму в Петроград Совету Народных Комиссаров, военному министерству, м[инистер]ству внутренних дел и м[инистер]-ству иностранных дел о предоставлении Военно-Революционному Комитету права выдачи заграничных паспортов без сношения с Петроградом [1]).	
О наименовании местного органа власти.	Вопрос о наименовании местного органа власти передать на рассмотрение фракций, после чего перенести на обсуждение и заключение Советов Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов]. [2])	
Доклад комиссара тюремного ведомства Заблоцкого.	1. Поручить т. Заблоцкому организовать комиссию по ликвидации дел о дезертирах. 2. Поручить т[т]. Заблоцкому, Черепанову и Левенсону организовать уголовно-следственную комиссию. Назначить комиссаром Бутырской тюрьмы, вместо Нахгальцева [3]) — Ковалева. Назначить комиссаром в военную тюрьму т. Яковлева. Предложить т. Заблоцкому руководствоваться при назначениях выборным началом, для чего принять соответствующие меры.	
О заместительстве т. Заблоцкого.	Назначить заместителем комиссара тюремного ведомства т. Заблоцкого — т. Плеханова.	

[1]) На полях справа, в графе «Исполнено», против абзаца — карандашная пометка и слово: «исп[олнено]».

[2]) На полях справа, в графе: «Исполнено» — карандашная отметка.

[3]) В подлиннике: «Нахгольцева».

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
Об освобожденных анархистах.	Запросить организацию анархистов, какие товарищи были взяты ими на поруки.	
О сдаче дел комендантом Грачевым.	Поручить Плеханову принять меры к сдаче дел бывш[им] комендантом Грачевым коменданту Усанову [1]). Направить докладную записку Грачева на заключение тт. Певунова, Мамонтова и Булочникова, известив об этом Грачева [1]). Признать принципиально желательным организацию летучего отряда из 20 человек из состава караула при Совете [1]) для действия в экстренных случаях, исполнение поручить [2]) коменданту Усанову [3]).	
По вопросу о недопущении крестьянами порубки леса.	Поручить тт. Биценко и Скворцову организовать аграрную комиссию при Губернском Совете Р[абочих] Д[епутатов] для рассмотрения вопросов, связанных с реквизицией крестьянами дров и проч. [1]) Поручить комиссии составить разъяснительное воззвание крестьянам по этому поводу. Делегировать на места представителей от Сов[ета] Раб[очих], Солд[атских] и Крест[ьянских] Д[епутатов] [1])	
О резолюции 1-й школы прапорщиков.	Передать в следственную комиссию резолюцию 1-й шко-	

[1]) Справа, в графе «Исполнено» против абзаца — карандашная пометка.

[2]) Слова: «Исполнение поручить» написаны карандашом над зачеркнутыми: «о чем известить».

[3]) Первоначально было: «коменданта Усанова». Далее зачеркнуто: «и Грачева».

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
	лы прапорщиков о снятии с них обвинений об участии в восстании против Советов, для установления факта участия их против Советских войск [1]). Заключение следственной комиссии передать командующему М[осковским] в[оенным] о[кругом] Муралову для соответствующего распоряжения [1]).	
О представительстве с.-р.-интернационалистов в Совете и Исп[олнительном] Комитете.	Предоставить с.-р.-интернационалистам такое же представительство в Совете и Исполнительном Комитете, как и остальным партиям [1]).	
Об уплате рабочим завода «Гном и Ром» за время экономической стачки.	Поручить от имени Центрального Военно-Революционного Комитета представителям профессионального союза вместе с Районным Военно-Революционным К[омите]том переговорить с администрацией завода «Гном и Ром» об удовлетворении справедливого требования рабочих об уплате за время экономической стачки [1]). Уполномочить т. Максимова принять все необходимые меры для осуществления этого постановления.	
О взятии на учет милиционеров.	Удовлетворить просьбу уже работающих милиционеров о взятии их на учет, предоставив им отсрочку до 1/I—1918 г. [1]). Не распространять право отсрочки на вновь поступающих милиционеров.	

[1]) Справа, в графе «Исполнено» — карандашная пометка.

Слушали:	Постановили:	Исполн.:
О саботаже работающих в комиссариатах.	Увольнять саботирующих сотрудников комиссариатов, запретить им вход в помещение комиссариатов, выселить из казенных квартир в 3-дневный срок [1]).	
О выдаче пайков солдаткам.	Довести до сведения Совета районных дум и интендантства об открытии текущих счетов в конторе государственного банка на имя означенных учреждений в размере 20 миллионов 680 тысяч рублей. [1])	

Секретарь *А. Темкина* [2]).

---

[1]) Справа, в графе «Исполнено» — карандашная пометка.
[2]) Подпись сделана чернилами.

Октябрь на фронте [1].

I.

ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ НА ФРОНТЕ О ВОССТАНИИ В ПЕТРОГРАДЕ И СВЕРЖЕНИИ ВРЕМ. ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Телеграмма главного начальника Петроградского военного округа полковника Полковникова 25 октября 1917 г. верх. главнокомандующему [2].

Главковерх, копия главкосев.

Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления; казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили. Сознавая всю ответственность перед страною, доношу, что Временное Правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет сделано попытки к захвату Временного Правительства. № 538/С. 10 ч. 15 м. 25/X. 1917 г.

Главнаокр Петроградский полковник *Полковников*.

Разговор по прямому проводу главноком. сев. фронтом ген. Черемисова с нач. штаба Петроградского военного округа ген. Багратуни 25 октября 1917 г. о событиях в Петрограде [3].

— У аппарата главкосев.

— У аппарата начальник штаба генерал-майор Багратуни.

— Сообщите, что у вас делается.

---

[1]) Публикуемые ниже материалы, главным образом телеграммы и разговоры по прямому проводу, делятся на 4 следующие отдела: 1) Первые известия на фронте о восстании в Петрограде и свержении Временного Правительства; 2) Организация вооруженных сил для подавления восстания; 3) На северном фронте в дни Октябрьского восстания; 4) Гатчина — Луга.

Приводимые ниже материалы заимствованы из дел Моск. Военно-Историч. Архива и издаются здесь точно по подлинникам с соблюдением их особенностей, причем части слов, недописанные в оригинале, заключены в квадратные скобки.

Текст подготовил к печати и снабдил примечаниями И. Тоболин. *Ред.*

[2]) Военно-Исторический Архив, ч. I, 1917 г., д. № 222—092, л. 73.

[3]) В. И. А., д. № 222—092, л.л. 64—65.

— Только что на ваше имя послана шифрованная телеграмма главнаокра [1]) с кратким описанием обстановки. В городе беспорядков нет. На улицах спокойная нормальная жизнь, но пехотные части никаких приказаний не исполняют, но и не выступают. Даже наиболее послушные и дисциплинированные части сдают без сопротивления занимаемые ими караулы. Идет планомерный захват государственных и общественных учреждений: центральная телефонная станция, государственный банк и другие. Правительство лишено остатков власти, и возможно покушение на захват самого правительства.

— А что делают казаки?

— Казаки в течение целой ночи, несмотря на ряд приказаний, полученных ими, не выходили.

— Откуда не выходили?

— Не выходили из своих казарм.

— Следовательно, они отказываются исполнять ваши приказания?

— До сего времени они не исполнили.

— Хорошо, благодарю вас. До свидания.

Разговор по прямому проводу комиссара северного фронта Войтинского с гр. Толстым [2]) 25 октября 1917 г. о присылке войск для подавления восстания в Петрограде [3]).

— Пригласите к аппарату графа Толстого, просит комиссар фронта.

— Гр. Толстой ушел на несколько минут. У аппарата дежурные офицеры: подполковник Гнедич и прапорщик Богуславский. Толстой вас вызывал, чтобы знать о настроении фронта, о принятых мерах и информировать о принятых мерах и информировать о текущих событиях в Питере.

— Начинайте вы с вашей информацией, а потом я сообщу наши новости.

— Последние сведения, что правые эсэры, все меньшевики, Центр. Комитет меньшевиков и Центр. Комитет эсэров ушли из Съезда Советов и решили обратиться к пролетариату и армии с воззванием. Пришел Толстой и будет вас информировать.

— Говорит Толстой.

[В о й т и н с к и й] — Меня больше всего интересует один вопрос: каково отношение Центр. Комитета [4]) вызова с фронта вооруженной силы и каковы вообще в данный момент взаимоотношения между Временным Правительством и органом демократии?

[Т о л с т о й] — Кто говорит?

— Говорит Войтинский.

---

[1]) Помещена выше.

[2]) Начальник политического отдела военного министерства.

[3]) В. И. А., д. № 222—092, л.л. 161—167.

[4]) Так в подлиннике.

[Толстой] — Сейчас идет ружейная и орудийная стрельба в округ Зимнего дворца, где собрались большинство членов Временного Правительства и штаб округа, оставивший свое помещение, которое заняли советские караулы. Отношение, вас интересующее, трудно формулировать, так как Ц. К. самостоятельно вчера и сегодня не заседает, члены его частью участвуют в Съезде, частью поехали к войскам фронта, частью в городской думе, где складывается Комитет Общественного Спасения. Врем. Правительство решило ни в коем случае мятежникам прямо не капитулировать на ультиматум, предъявление которого ожидалось и теперь состоялось. Керенский выехал навстречу войскам. Казаки здесь занимают выжидательную позицию. Юнкера несут наши караулы, в частности в Зимнем дворце, где имеется также несколько орудий. Настроение советских караулов, по моим личным впечатлениям за сегодняшний день, совсем невоинственное. Паном будет тот, кто соберет хотя бы небольшой кулак. Из зданий заняты советскими караулами снаружи телеграфная контора, телефонная станция, Мариинский дворец и теперь штаб округа, но связь пока у нас есть. На открывшемся сегодня Съезде настроение, говорят, было растерянное, и в речах Ленина и Троцкого чувствовался некоторый тактический отбой. Практически, думаю, несколько дней может быть междувластие, и крайние элементы попытаются ввести во власть эсэров и эсде, которые, однако, едва ли пойдут, а затем все дело будет за Россией и за фронтом. Завтра, вероятно, будут распространяться два обращения: от правительства о действенной поддержке против захватчиков и от Совета с объявлением о переходе власти в его руки и устранении правительства. *Толстой.*

— Я прошу вас сообщить мне, не означает ли назначение Пальчинского, Лихтенберга [1]) вашего разрыва с демократией?

— Я об этом говорил в семь часов с Кишкиным [2]), указывая на тактическую невозможность этой комбинации и введение в управление городом кандидатов из приемлемых для Ц. К., называя, в частности, Станкевича или Авксентьева; он готов был принять и осуществить всякие назначения, лишь бы были твердые люди, готовые действовать, и объяснял эти назначения тем, что утром не было связи с другими лицами, и назначения нужны были. Я получил впечатление, что Вр. Правительство может пересмотреть эти назначения, если оно может функционировать. Это должно было решиться сегодня же после моего разговора, который я вел в штабе с Кишкиным и Пальчинским за несколько минут до его занятия, состоявшегося после того, как из него все вышли. А чем вы нас поддержите и поддержите ли, ведь вы чувствуете, чем грозит безвластие, если оно продолжится несколько дней?

---

[1]) Ошибка. Следует — Рутенберга.

[2]) Кишкину даны были Врем. Правительством исключительные полномочия «по водворению порядка».

— Отвечаю. Два батальона самокатчиков отправлены нами ночью и задержаны в 70 верстах от Петрограда; они не были никем встречены, вопреки моим указаниям, и имеются сведения, что состояние их резко переменилось к худшему. Из донских казачьих полков прошли через Псков 4 эшелона; настроение их неважное [1]). Искоборсев организует попытку останавливать все двигающиеся к Петрограду эшелоны. Псковский совет вынес постановление о приостановке движения эшелонов на сутки до выяснения положения в Петрограде специально посылаемой туда делегацией из двух человек. Намечается план установления контроля не только над аппаратами и штабом, но и над комиссариатом. В течение этого дня я вел переговоры с армиями. Наиболее решительную позицию занял Искосол XII. Он организует по собственной инициативе весьма значительный отряд, который и поведет к Петрограду. Первая армия высказалась в принципе за отправку вооруженной помощи Центр. Комитету, но вряд ли может выделить значительный отряд. V армия готовит свой особый отряд для поддержания революции в Петрограде, но эта затея большого значения не имеет. Серьезный характер может иметь лишь отряд Искосола XII. Если этот отряд будет действительно сорганизован, я не сомневаюсь, что он дойдет до места назначения, но в сегодняшних вечерних газетах имеются указания на то, что определенные фракции Съезда высказались против разрешения конфликта вооруженной силой. Этот вотум дает сему вопросу новую постановку, ибо действовать сейчас можно исключительно лишь именем Центрального Комитета. Ссылка на Времен. Правительство, как я убедился сегодня, не производит впечатления.

— Я это и указывал Кишкину и сейчас же передам ему эти ваши сведения, но все-таки скажите, эшелоны, значит, стоят и будут стоять или идут от Пскова сюда, это, во-первых? Во-вторых, нет ли у вас сведений, где Александр Федорович [2]), и, в-третьих, как вы думаете насчет присылки сюда аэропланов для бомбометания, и, наконец, имейте, пожалуйста, в виду, для всеобщего осведомления, что вооруженная сила уже применяется, и сейчас как раз идет осада Зимнего дворца с орудийной, пулеметной и ружейной стрельбой.

— Отвечаю. Эшелоны пока еще идут, но, кажется, главкосев решил их остановить, считая эту попытку уже потерпевшей неудачу.

[Толстой] — Я в гкт [3]). Может быть, теперь, когда вы ему доложите мои сведения, он переменит это решение.

[Войтинский] — Для этого необходимо иметь возможность сослаться на поддержку этой меры органами демократии или хотя бы влиятельными партиями, без этого я совершенно бессилен. Относительно Александра Федоровича никаких сведений не имею. Присылку

[1]) Врем. Правительство готовилось к подавлению «мятежа» и стягивало к Петрограду войска. По приказу Керенского, первые эшелоны с северного фронта должны были появиться в столице 24 октября.

[2]) Керенский.

[3]) Так в подлиннике.

аэропланов считаю совершенной утопией, пользы от этого никакой не будет, а вред получится огромный. Наконец, что касается до применения вооруженной силы, то этот вопрос сводится опять все к тому же: является ли эта мера актом самозащиты смелых людей, группирующихся вокруг Керенского, или же здесь демократия отстаивает определенным методом свое положение от посягательств? В зависимости от решения этого основного вопроса стоит все. Если в Петрограде вы политически изолированы, то никакими усилиями не удастся создать вам поддержку на фронте.

— Изоляция не духовная, а физическая: все в разных местах. Ц. К. не заседает, и движение затруднено караулами, стрельбой, арестами и баррикадами, тем более, что автомобили перехватывают, а телефоны некоторые выключены; я все-таки полагаюсь [1]) и надеюсь, что вы поддержите меня, что необходимо употребить все старания, чтобы эшелоны во что бы то ни стало прибыли, а при подходе их и для применения их силы, конечно, сотрудничество с Ц. К., тем более, что некоторые уже выехали с утра навстречу, — как-то: председатель общевойскового комитета при военмине. Можно на это рассчитывать?

— Да, можно. На этом я буду настаивать новые дальнейшие меры [1]). У вас в Петрограде находятся в настоящий момент Кучин и Хараш [2]). Отправьте их немедленно в XII армию: одного в Валк, где он сможет подготовить к отправке 17 кавалерийскую дивизию со стрелковым полком, другого в Ревель, где он возьмет одну бригаду 29 дивизии. Я думаю, что это сейчас самая надежная поддержка, которую фронт может дать Петрограду; присутствие Кучина и Хараша, если они стоят на почве необходимости вооруженной помощи Временному и [1])...

— Сейчас говорили по телефону с некоторыми членами Ц. К., городской думы, в том числе с Гомбергом; они настаивают на скорейшей присылке. В Ревель поехал Мазуренко. Кучина и Хараша не так легко отыскать, до Смольного далеко, и там ли, сейчас этого не знаю. Во всяком случае постараюсь передать Кучину о поездке в Валк, но подготовить дивизию к отправке было бы необходимо до его приезда.

— Как будто все переговорили, неправда ли? Может быть [1])...

— Сейчас получено сообщение из Комитета Безопасности при городской думе: городская дума, чтобы предотвратить кровопролитие, послала сейчас три делегации: в Зимний, в Смольный и на крейсер «Аврора», стоящий у Николаевского моста с орудиями против Зимнего дворца. На «Авроре» делегацию не приняли, и дума в полном составе направилась сама в Зимний дворец...

— Как видите, события бегут, и действия необходимы возможно скорые. Желательно, пока возможно, поддерживать с вами связь.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Кучин — председатель, Хараш — товарищ председателя Искосола XII армии. Они принимали деятельное участие в съезде XII армии, происходившем в Вендене 28—31 октября 1917 г., руководя правым блоком делегатов. В новый Искосол не были избраны.

Наш дежурный всю ночь здесь, устройте у вас так же, и это распространите по комитетам и командному составу у вас и на фронте. Официальных бюллетеней некогда писать и, может, не удастся передать. *Толстой.*

— Ну, всего хорошего. Надеюсь в следующий раз говорить в лучшей обстановке. До свидания.

— До свидания.

Телеграмма комиссара X армии Пасечного 26 октября 1917 г. о положении в Петрограде [1].

Вне очереди, секретно, аркому, всем коркомитетам, копия наштарму, всем комкорам X армии, комиссарверхуикомиссарзапу.

Временное Правительство на своих местах выполняет свой долг перед родиной и революцией. В 10 часов вечера отбито нападение на Зимний дворец. На поддержку Временного Правительства идут части разных фронтов армии. Временное Правительство призывает всех на защиту родины и революции от посягнувших на нее и ведущих ее к гибели безумцев, грозящих в то же время срывом Учредительного Собрания. В это тяжелое время Временное Правительство всемерно поддерживают части действующей армии, некоторые из коих идут на поддержку ему в Петроград. Черноморский флот, организованное крестьянство и рабочие, Центральный Комитет эсэров и меньшевиков вышли из Съезда и обращаются к пролетариату и армии с воззванием. Почтово-телеграфный и железнодорожный союзы предоставили Временному Правительству все средства сообщения. Революционный Комитет бунтовщиков выпустил радиотелеграфное провокационное обращение, которое необходимо, как не соответствующее действительности, членам коркомитетов не выпускать из своих рук. Вообще прошу очень внимательно и осторожно относиться к радиограммам, тщательно проверяя таковые, ибо у мятежников иного средства сношения нет. Прошу также вполне объективно ознакомить товарищей солдат с происходящим, приняв все меры к спокойному разрешению кризиса. О том, как организован контроль радиотелеграфа и насколько он действителен, сообщите мне, уделив ему особое внимание, как единственному средству сношения Революционного Комитета, не останавливающемуся перед ложью и провокацией. 1030. Комиссар X армии

Пасечный.

---

[1]) В. И. А., д. № 2247, л.л. 23—24.

Телеграмма начальника политического управления военного министерства Шера 26 октября 1917 г. [1]).

Общеармейский комитет при ставке, всем начальникам штабов фронтов, фронтовым комиссарами комитетам, всем начальникам штабов армии, комиссарам и армейским комитетами чрез ставку команд. войскамии комиссарокрам Двинского, Минского, Киевского, Одесского, Московского, Казанского, Омского, Тифлисского, Ташкентского, Иркутского и Приамурского и войсковому атаману Донской области.

За 25 октября. Подготовлявшееся восстание в Петрограде начало приводиться в исполнение. Советскими караулами Кексгольмского и др. полков с утра заняты входы в Мариинский дворец, государственный банк, главную телефонную станцию, центральную телеграфную станцию и др. На улицах в этом районе ряд караульных постов, баррикад, броневиков. К Николаевскому мосту подошел большевистский крейсер «Аврора». Вечером штаб округа перешел в Зимний дворец, и помещение штаба занято советскими войсками. Вечером началась осада Зимнего дворца, в котором осталось Временное Правительство, в том числе министры социалисты, идет пулеметная, ружейная и орудийная стрельба. При городской думе образуется Комитет Общественного Спасения с участием ЦИК СОРСОД. На предварительных фракционных совещаниях Съезда Советов в Смольном институте с.-д. меньшевики и эсэры решили выйти из состава Съезда и отмежеваться от большевистского восстания. ЦИК СОРСОД переходит в городскую думу. В Петроградском Совете выступал Ленин. Соотношение сил в Петрограде таково, что если быстро не вмешаются войска с фронта, власть будет захвачена большевиками ввиду настроения подавляющего большинства Петроградского гарнизона, отказывающегося подчиняться Временному Правительству и признавать ЦИК СОРСОД. Петроград. 26 октября, 30 минут. 1916. Начальник политического управления военного министерства *Шер*.

Телеграмма ген. Духонина 26 октября 1917 г. о низложении Врем. Правительства [2]).

Главкосев, главкозап, поглавкорум, главкокав, наморси.

В течение 25 октября, в общем, в Петрограде день прошел спокойно. Была лишь незначительная перестрелка на углу Невского и Дворцовой площади. Восставшие захватили государственный банк, центральную телефонную станцию, Мариинский дворец, причем Совет Респу-

[1]) В. И. А., д. № 2247, л. 39.
[2]) В. И. А., д. № 222—092, л.л. 71—72.

блики был оттуда удален. К вечеру настроение в столице прогрессирует, и был захвачен штаб Петроградского округа. По Зимнему дворцу, где собралось все Временное Правительство, идет редкий, но нервный ружейный огонь. На стороне правительства остались юнкера и один казачий полк. Восставшие объявили правительство низложенным и потребовали передачи себе полномочий, угрожая бомбардировкой из Петропавловской крепости и с крейсера «Аврора», но правительство, считая, что оно в праве передать свои полномочия только Учредительному Собранию, решило добровольно не уступать, а бороться с насилием кучки людей, воспользовавшихся большевистским настроением Петроградского гарнизона. Ставка, комиссарверх и общеармейский комитет разделяют точку зрения правительства и решили всемерно удерживать армию от влияния восставших элементов, оказывая в то же время полную поддержку правительству, обеспечивая тем своевременный созыв Учредительного Собрания. 7935.

Духонин.

Телеграмма подполк. Ковалевского [1]) 26 октября 1917 г. комиссарам всех фронтов, армий и военных округов о свержении и аресте Временного Правительства [2]).

Сообщаю обстановку данного момента в Петрограде: Невский до Мойки свободен для движения. От Мойки до Зимнего дворца и кругом его патрули матросов и солдат петроградских полков не пропускают никого. Остальные улицы свободны для движения, даже трамвайного. Вокзалы, телеграф и телефон заняты восставшими войсками. Около Смольного, где помещается штаб восставших войск, дежурят два броневика и несколько пулеметов на автомобилях. В общем, уже на улицах спокойно, и столкновений в течение дня почти не было. Толпа на улицах и в трамваях поражает своим безразличием. В думе заседает сейчас Комитет Спасения Революции из представителей думы и той части Центрального Комитета, которая удалилась из Смольного, порвав с большевиками.

Случаев погрома не было.

Фактическое соотношение сил таково, что до позднего вечера, когда началась осада Зимнего дворца, восстание происходило бескровно. Восставшие снимали правительственные посты без всякого сопротивления. План восстания, несомненно, был заранее разработан и проводился стройно. Комитет Спасения никакими силами не обладает. Крейсер «Аврора» подошел к Николаевскому мосту и обстреливал Зимний дворец, где собрались члены Временного Правительства, охраняемые юнкерами. Около полуночи Зимний дворец был взят приступом с большими потерями с обеих сторон. Члены правительства арестованы. Вначале восставшие не проявляли большой решимости,

[1]) Исполн. должность комиссара при штабе верх. главноком.

[2]) В. И. А., д. № 2247, ч. I, л. 25.

но, почувствовав отсутствие сопротивления, начали быстро захватывать все главные учреждения.

Большевики растерянно ищут поддержку в других слоях, говоря о совместной работе. Ленин, выступая в Петроградском Совете, заявил, что немедленного мира ждать невозможно и решительная политика мира не означает немедленного прекращения войны. Как сложится власть, сказать трудно, но можно предвидеть, что социалисты-революционеры, меньшевики, кооператоры и все, что вправо от них, участвовать во власти не будут. Есть сведения, что главковерх Керенский в Пскове и что войска, идущие на Петроград, остановлены главкосевом, чтобы избежать кровопролития. 1483 с.

Комиссарверх подполковник *Ковалевский*.

5 часов 26 октября [1]).

Телеграмма комиссара Военно-Революционного Комитета Тихонравова 26 октября 1917 г. по линии Сев.-Зап. ж. д. о приостановлении движения эшелонов, идущих на Петроград [2]).

Наштасев. Копия комиссарсев.

26 октября в 12 часов от коменданта ст. Режица получена следующая телеграмма:

Копия.

Из Петрограда — Балтийского. № 1001.

Всем начальствующим Сев.-Зап. ж. д.

Временное Правительство низложено. Предписываю точно исполнять предписания Революционного Комитета не допускать эшелоны, идущие на Петроград с фронта. Все противления [3]) будут подавляться Революционным Комитетом и виновные немедленно арестовываться.

Комиссар *Тихонравов*.

Врид. начвососев ген.-майор [подпись].

26 октября 1917 г.

Разговор по прямому проводу ген. Барановского с поручиком Данилевичем [4]) 26 октября 1917 г. о событиях в Петрограде [5]).

— У аппарата Данилевич.

— Я слушаю, что скажешь, дорогой?

— Здравствуй, Владимир Львович. Я хотел ориентировать тебя в действительной обстановке всего происшедшего в Петрограде. Утром

[1]) На обороте телеграммы имеется, в числе других записей карандашом, следующая помета: «вернуть Франция № 4».

[2]) В. И. А., д. № 222—092, л. 119.

[3]) Так в подлиннике.

[4]) И. д. штаб-офицера для поручений при начальнике кабинета военного министра.

[5]) В. И. А., д. 222—092, л.л. 168—174.

25-го и еще в тот момент, когда вопроса о свержении Временного Правительства как реальной угрозы не стояло и в Петрограде было совершенно спокойно, большевиками была выпущена газета «Рабочий Путь», в которой объявлялось о свержении правительства как о факте совершившемся. Около одиннадцати А. Ф. [1]) уехал по направлению к Луге с целью повидаться с самокатчиками. В его отсутствие оставшиеся члены Временного Правительства, как и полагается ему, заседали и разговаривали. Петроградский штаб бездействовал. Было решено передать власть над Петроградом Кишкину и Пальчинскому и Рутенбергу как его помощникам. Последние делали, конечно, что могли, но как люди штатские не занялись организацией даже тех многочисленных [2]) войск прапорщичьих школ, которые правительству были верны. В течение дня незначительные группы большевиков без всякого сопротивления заняли Мариинский дворец, телеграф и государственный банк, в семь часов вечера и Петроградский штаб. Захват последнего был произведен группой человек в тридцать. Можешь судить, как все это просто было проделано, как беспомощны оказались те, кто в этих зданиях находился. До 11 было совершенно спокойно, лишь изредка юнкера, по своей нервности, открывали стрельбу по пустой Дворцовой площади. Примерно в полночь несколько десятков большевиков забрались во дворец через открытые и никем не охранявшиеся входы и пробрались на третий этаж, в люки которого бросили, во второй этаж, примыкающий к бывшему твоему кабинету [3]), где находилось Временное Правительство, несколько бомб. Это произвело необычайный эффект на юнкеров, и они рассыпались, как пыль. Когда стихло, они начали подбираться и арестовывать забравшихся. Таких набралось человек 50, которые сдали свое оружие и бомбы. Наступило успокоение. Примерно через час большинство юнкеров забрало оружие и ушло в школы, и у нас осталась одна прапорщичья инженерная школа, наряд от которой, человек 15, находился в приемной у твоего бывшего кабинета, в непосредственной близости от Временного Правительства. В два часа утра поступило сведение, что четыреста повстанцев уже находятся в нижнем коридоре и идут наверх. Временное Правительство решило оружие не применять, и повстанцы вошли в числе до 200 человек, объявили Временное Правительство арестованным и около половины третьего отправили в Петропавловскую крепость. Как видишь, все это вышло просто до изумительного и может быть объяснено лишь невероятной халатностью и полным отсутствием сопротивления. Ныне власть не сформирована, и еще неизвестно, во что это выльется.

[Барановский] — Если бы не отменена была бы посылка войск, я уверен, что сегодня могу тебе сообщить, если ты один...

---

[1]) А. Ф. — Александр Федорович Керенский.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Ген. Барановский, ген.-квартирмейстер северного фронта, был ранее начальником кабинета военного министра.

— Один ли?

— Нет около тебя никого?

[Данилевич] — Я один лишь с телеграфным чиновником.

[Барановский] — Могу тебе сообщить, что Керенский с конным корпусом следует в Петроград. Распоряжения о продолжении движения войск сделаны около 11 сегодня. А. Ф. провел ночь у меня, дожидаясь прибытия генерала Краснова, с которым уехал в Остров [1]).

— Правильно. Это единственное государственное решение. А ставка мне наговорила массу небылиц. Теперь несколько подробностей, которые нелишне знать и Керенскому. Пусть он [2]) открытое сопротивление, иного выхода нет, иначе он будет чернью уничтожен, она еще вчера домогалась иметь его во что бы то ни стало. Я лично провел все время, до последней минуты, с Временным Правительством и не арестован лишь потому, что с повстанцами держал себя совершенно просто и спокойно. Правда, мне помог Цыганков, который, сняв чиновничьи погоны, сошел за большевика. Даже черновский орган и тот против случившегося. У них абсолютно нет организации. У нас и того хуже, и лишь по этому последнему все это случилось; если бы правительство и лица, им назначенные, использовали и организовали хотя бы то маленькое, что у них было, хотя бы закрыли двери на ключи в Зимнем дворце, и мы не имели бы того, что имеем ныне. Не признаешь ли нужным ориентировать ставку в распоряжениях, так как Дитерихс [3]), с которым я говорил, плетет, невероятное передает, и они не знают, какой позиции держаться. Быть может, уполномочишь меня. Ольга Львовна [4]), судя по газетам, арестована и находится в комендатуре.

— Духонину все уже сообщено, и я думаю, что линия поведения для них теперь вполне ясна. Не понимаю, как можно было колебаться. Впрочем, конечно, они мало осведомлены, и к тому же, как всегда, в ставке настроение паническое. Многое сообщу когда-нибудь при свидании, так как сейчас нет времени. Думаю, что А. Ф. будет сегодня здесь. Сейчас отправил к нему на автомобиле несколько духонинских телеграмм и свою записку. Должен сказать, что меня не покидает уверенность, что вся большевистская затея рухнет в ближайшее время, и я лишь скорблю, что А. Ф. слишком добр и не сумеет надлежаще расправиться с этой преступной бандой шпионов и предателей, убийц и мошенников. *Барановский.*

— Большевики одиноки, и их никто, кроме единомышленников, не поддерживает, а сами по себе они на три четверти воры. Вчера Кишкин не успел оглянуться, как у него украли пальто и котелок, и он, бедняга, потащился в какой-то дырявой шинели и такой же

---

[1]) Уездный город Псковской губ.

[2]) Видимо, пропущено: «идет на».

[3]) Ген.-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего.

[4]) Жена Керенского.

шапке. Ну, не задерживаю. Масса подробностей, которые сообщу при встрече. Там был и смех, и горе, и убожество, обидное до боли. Желаю всего хорошего, поддержи дух А. Ф., — этого требует и сложившаяся обстановка и даже интересы его личной безопасности. *Данилевич.*

— Значит, я могу с тобой всегда говорить. У вас агентов нет, у нас были, но их попросили удалиться, все же часов 5 просидели; все «товарищи» из Революционного Комитета. Не откажи позвонить по телефону 174-62 и 113-89 и выяснить судьбу сестры, а равно узнать, как мать и семья тещи и моя дочь. При случае сообщи запиской. *Барановский.*

— Не падайте духом, верю, что все повернется к лучшему. Если бы только не доброта и мягкость, вот ужас. До свидания.

[Данилевич.] — Мы-то не падаем духом, но беда, что власть имущие падают и более сильных духом не слушают и накликивают беды и на страну и на свои головы. Агентов у нас нет. Будем говорить, когда нужно, если революционная демократия не откроет мой стол в Зимнем дворце, который в их распоряжении, и не достанет оттуда, помимо невыданных мною револьверов, ряда меня компрометирующих документов и не присоединит меня к той компании, которая послушно, с печальным видом на челе, отправилась пешком в Петропавловку, в сопровождении пятидесяти бандитов в черных шляпах и рваных пальто. Вот и все. Сейчас иду звонить по телефону.

— Не считаешь ли ты лучшим приехать сюда навстречу А. Ф.?

— Я выехал бы с удовольствием. Разъясни, как сделать, а на словах я передал бы массу интересного материала.

— Сегодня в 11. 15 вечера из Петрограда должен выйти вагон штабной, в котором должна приехать семья Черемисова, и в нем же едет Карпов и мой денщик Чиж. Обратись к последнему, он на Бассейной, 60, укажет путь, как можно забраться в этот вагон, не подвергаясь досмотру «товарищей»; впрочем, обеспечь себя документом, каким можно.

— Наши, дорогой, документы не действуют. К революционной демократии обращаться не хочу. Постараюсь фуксом. В Пскове, надеюсь, встречу А. Ф. завтра утром. Больше ничего.

— Ну, попытайся, переговори с Чижом.

— Великолепно. Будь здоров.

II.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ДЛЯ ПОДАВЛЕНИЯ ВОССТАНИЯ.

Разговор по прямому проводу 26 октября 1917 г. ген. Н. Н. Духонина с ген. С. Г. Лукирским об организации Керенским войск для движения на Петроград [1]).

— Здравствуйте, Сергей Георгиевич. Прошу вас ориентировать в обстановке. У вас ли главковерх Керенский?

[1]) В. И. А., д. № 222—092, л.л. 91—95.

— Здравия желаю, Николай Николаевич. Доложу сейчас, что знаю, так как полные сведения собираюсь сейчас испросить у главкосева, как мне им указано было вчера. Вчера, после отдачи распоряжений об отмене движения войсковых частей к Петрограду, приехал Александр Федорович, который не разделяет мнения главкосева о необходимости отмены движения назначенных войсковых частей к Петрограду [1]). Однако передать распоряжения с подтверждением приказа о движении на Петроград не удалось, так как у аппаратов Революционным Комитетом, сформировавшимся в Пскове, были поставлены особые дежурные члены этого Комитета. В 5 $^1/_2$ часов 26 Александр Федорович выехал в Остров вместе с комкором 3 конного, который приезжал в Псков в 3 часа 26-го. Лично я главковерха не видел, а доложил мне об его здесь пребывании генерал Барановский, объяснив, что Александром Федоровичем принято решение вместе с 3 конным корпусом в полном его составе следовать первоначально к Луге. У нас получены следующие телеграфные сообщения: 1-е) постановление фронтового казачьего съезда, решительно осуждающего выступление большевиков и призывающего все казачество и всех, у кого осталась еще совесть и любовь к родине, к защите родины; 2-е) воззвание объединенных организаций партии эсэр, эсде, Центрофлота, армейских организаций в Петрограде и Центрального Исполнит. Комитета Совдепов, призывающее к тому же. У нас положение следующее: XII армия решительно и определенно высказалась против большевиков и заявила, что она употребит все свои силы, чтобы покарать бунтующую кучку большевиков. I и V армии заявили, что они за правительством не пойдут, а пойдут за Петроградским Советом. Это я вам сообщаю решение армейских комитетов. В Петрограде, по нашим сведениям, произошло следующее: Зимний дворец, где сгруппировалось Временное Правительство, после штурма, дошедшего до рукопашной, был взят большевиками, и члены Временного Правительства отправлены в Петропавловку. Большевики, тем не менее, должны праздновать Пиррову победу, так как за ними нет никого: вся организованная демократия стала против них, объединившись в Комитет Народной Обороны, в который вошли и все члены фронтовых организаций, находящиеся в Петрограде, а равно и весь состав думы. Этот Комитет Народной Обороны выслал на все окраины и въезды в Петроград своих представителей для встречи подходящих войск, которые, к сожалению, не подходят. 3 конный корпус из района Острова, I армии и Витебска, если не продолжает, то

[1]) В подлиннике находится сделанное [чернилами примечание: «Распоряжение об отмене движения войск на Петроград сделано с согласия главковерха, который приехал в Псков не после отмены, а до нее. Вторичное распоряжение о посылке 3-го кон[ного] к[орпу]са отдано главковерхом непосредственно комкору 3 кон. к[орпу]са. [Подпись]». Далее приписано синим карандашом: «Доложено наштаверху было на основании сообщенного мне генквартсевом как присутствовавшим при встрече главковерха с главкосевом. Сам я лично при встрече и разговоре не присутствовал. О приезде главковерха я узнал после отмены распоряжения. Г.-м. *Лукирский*».

будет продолжать движение. Распоряжение об этом главковерхом отдано категорическое, и мы его исполняем. *Лукирский.*

— Очень вам признателен. Не можете ли вы точно установить, где сейчас находится главковерх, и могу ли войти с ним в связь через вас? Необходимо немедленно установление этой связи. Прошу по исполнении этого мне телеграфировать, также [1]) прошу указать.

— Мы ждем главковерха сегодня же в Пскове, куда главковерхом приказано переместиться и штабу 3 конного корпуса. Надежной связи телеграфной между Псковом и Островом у нас нет, но штасев может принять вашу депешу и немедленно отправить ее с офицером на автомобиле навстречу главковерху. Все.

— Хорошо, передаю телеграмму [2]).

— Самокатные батальоны, по имеющимся у меня сведениям, полученным еще вчера, находятся, примерно, в 70 верстах от Петрограда и здесь приостановились. О решении комитетов армий севфронта я уже доложил в начале нашего разговора, других сведений у меня пока нет. Комиссарсев Войтинский утром вместе со мной был у главкосева и при мне докладывал о положении в Петрограде, изменяющемся не в пользу восставших. В настоящее время Войтинский куда-то уехал; я послал уже за ним и полагаю, что через час он подойдет к аппарату. За это время на аппарате будет говорить с Петроградом генерал Барановский, которого Петроград просит подойти к аппарату. Ориентировать вас буду немедленно во всем том, что будет доходить до меня из сведений о слагающейся обстановке и месте нахождения главковерха. Телеграммы, продиктованные вами на имя главковерха, отошлю с офицером Александру Федоровичу сейчас же. *Лукирский.*

— Все. Вероятно, будут приняты меры вами по охране главковерха в Пскове? Может быть, еще добавим одну телеграмму главкверху [3])...

Телеграмма ген. Духонина Керенскому 27 октября 1917 г. об организа вооруженных сил для подавления восстания [4]).

Главковерху Керенскому. Копия главкосеву.

340. Все распоряжения сделаны. Главкосеву лично подтверждено мною сегодня о точном выполнении вашего приказа № 315. На прочих фронтах настроение спокойное. Организуем, совместно с комитетами и комиссарами, дальнейшее усиление ваших средств. 27 октября. 7963.

Духонин.

---

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Текста телеграммы Духонина в «разговоре» нет.
[3]) На этом разговор оборван.
[4]) В. И. А., д. 222—092, л. 152.

Телеграмма ком. XII армией ген. Юзефовича главноком. сев. фронтом 27 октября 1917 г. о выделении ударных батальонов для движения на Петроград [1]).

Только что поступила на мое имя нижеследующая телеграмма: «Сообщаю копию телеграммы наштаверха: «Благоволите с доклада главкосеву сделать распоряжения о выделении из XII армии пехотного отряда, преимущественно из ударных батальонов, с артиллерией, и направлении его, согласно приказания главковерха, вслед за 3 конным, для совместных действий с ним. № 7948. 26 октября. Ставка. Духонин». За наштасева генерал-майор Барановский». — Ввиду того, что эта телеграмма прислана без № и не заключает в себе указаний, что она исходит от вас, прошу подтверждения этой телеграммы и приказаний. Кроме того, в телеграмме нет указаний о составе отряда, куда и в чье распоряжение он должен быть направлен. Валк. 27 октября 3 ч. 30 мин. № 05988. *Юзефович.*

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с ген. Лукирским 27 октября 1917 г. о движении войск на Петроград [2]).

— Наштасев Лукирский у аппарата.

— Здравствуйте, Сергей Георгиевич. Будьте добры ориентировать меня в обстановке на фронте и в отношении войск, направляющихся главковерхом.

— Здравия желаю, Николай Николаевич. С фронта никаких тревожных сведений не получается. Два донских полка первой донской дивизии, которые были главкосевом отправлены недели две тому назад в Ревель и получившие ныне приказ за моею подписью следовать на присоединение к третьему конному корпусу, насухвойском генералом Генрихсоном не пускаются с мотивировкой оперативной и с предупреждением, что если эти полки будут грузиться на жел. дорогу, прочие части, подчиненные наштасухвойску, будут противиться тому силой. Мною послано предупреждение генералу Генрихсону, что ему передано для немедленного исполнения личное приказание главковерха. Комкор 42 генерал Надежный сообщил главкосеву телеграфно, что комитет 5 кавказской дивизии постановил исполнять все оперативные приказания, а в выступлениях политических отнюдь не принимать участия. Однако вчера в десять часов вечера ко мне явился личный адъютант генерала Надежного и доложил от имени комкора 42, что 5 кавказская дивизия постановила послать в Петроград две батареи в распоряжение Революционного Комитета. Вчера я посылал начвососева навстречу главковерху. Главковерх проследовал с эшелоном казаков около 5 часов дня, не останавливаясь в Пскове, далее к Петрограду. До 9 часов вечера и позже эшелоны 3 кон-

[1]) В. И. А., д. № 222—092, л. 145. На подлиннике помета синим карандашом: «Ответ дан. *Ген. Черемисов. 27/X*».

[2]) В. И. А., д. № 222—092, л.л. 96—102.

ного корпуса беспрепятственно следовали по данному им направлению. В 22 часа 26 октября из Острова отправлено 6 эшелонов: 1 Донской каз. дивизии 3 сотни и пулеметная команда 10 Донского каз. полка, 2 сотни 9 Донского каз. полка, штаб 1 Донской каз. дивизии, первая Амурская каз. батарея, 6 и 7 Донская каз. батарея. Всего отправлено шесть эшелонов. Других частей 3 кон. корпуса еще ни откуда не отправлялось. Положение движения эшелонов в данную минуту доложу через некоторое время, по поверке этих сведений. Возле главковерха находится комкор 3 конного генерал Краснов. В Новгороде у нас есть две сотни первой донской дивизии, в Старой Руссе также две сотни и в Торопце две сотни. Я отдал приказания оставить их пока на местах для прикрытия жел.-дорожного пути на Петроград и присоединять к хвосту эшелонов, следующих в этом направлении. Вчера вечером я приказал из Торопца две сотни и два орудия присоединить к следующим на Петроград. Начальник гарнизона отказался исполнить это распоряжение, пока оно не будет исходить от главкосева. Я послал на подпись такое приказание главкосеву, затем объяснялся с ним по телефону, в результате главкосев мне указал, что он об этом посоветуется с комиссаром. В гарнизоне Пскова пока спокойно, настроение удовлетворительно. Ночью было бурное заседание Искоборсева. Постановлено арестовать комиссарсева и взять под свое наблюдение все правительственные учреждения. Рано утром Революционный Комитет забрал двести человек из пехотного гарнизона в свое распоряжение. Несколько минут тому назад ими введен караул на телеграфную станцию штасева для учреждения контроля над всей корреспонденциею. Я говорю с вами по аппарату, находящемуся в доме главкосева. Пока никаких распоряжений от главкосева не получал.

— Доложили главкосеву о происходящем в настоящее время? Комиссарсев арестован или на свободе? Известно ли о предположении его ареста главкосеву? Последовали распоряжения о направлении пехотного отряда из армии вслед главковерху? Приняты ли вами меры по прочному обеспечению надежными войсками Псковского железнодорожного узла, занятием постами семафоров, стрелок вокзала, водокачек? Мне казалось бы, что вы могли бы направить с этой целью школу прапорщиков, находящуюся у вас в Пскове, так как ее настроение, повидимому, хорошее, а затем ее можно было бы усилить нарядом из подходящих частей XII армии пехоты с пулеметами, ибо необходимо предупредить возможный захват железнодорожного узла также явочным порядком большевиками. Пожалуйста, наблюдайте за безостановочным следованием эшелонов 3 конного корпуса из Острова. Этот вопрос привлекает [1]) чрезвычайно важное значение, и необходимо настоять [1]) о немедленном отправлении эшелонов по назначению. Наштаверх Вырубов [2]) приедет на день переговорить с комиссар-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Помощник начальника штаба верховного главнокомандующего по гражданской части.

севом и его помощником. Прошу вас предоставить ему эту возможность и — когда он может подойти. Забыл вас спросить, последовало ли распоряжение об отправке отрядов из XII армии и броневиков. Скажите, пожалуйста, неужели вся 5 кавказская дивизия охвачена большевизмом? Ну, а Донской полк выслан из Финляндии?

— Я не сомневаюсь, что главкосев в полной мере ориентирован в происходящем в Пскове. Комиссарсев Войтинский, по полученным мною сведениям, уехал в Лугу в сопровождении нескольких человек, его охраняющих. Из состава Лужского гарнизона для переговоров по аппарату я могу вызвать помощника комиссарсева. Распоряжения о направлении из состава XII армии надежных частей пехоты отданы в часа два утра 27. Об успехе их продвижения сведений еще нет. Псковский железнодорожный узел приказано охранять двум сотням донской дивизии, и дело это организуется. Выделить для той же цели пехотную часть не представляется возможным, ибо в гарнизоне подходящих частей нет, школа прапорщиков упразднена. Усилим эту охрану, если подойдут из состава XII армии части. Все меры к безостановочному движению эшелонов 3 конного корпуса принимаем. Броневиков не наряжали. Сведения о пятой кавказской дивизии получил от комкора 42 в общих чертах по телеграфу, а затем эти сведения были подтверждены докладом мне личного адъютанта генерала Надежного. Последний, т.-е. комкор 42, не признал возможным отправить в Петроград 43 Донской полк ввиду общего неблагоприятного настроения финляндских гарнизонов. Ко всему этому докладываю, что лично мое положение, как наштасева, становится ложным и крайне тяжелым. *Лукирский.*

— Здесь кабинет начальника штаба [1]).

— Какого штаба?

— Северного фронта.

— Здесь ставка, кабинет наштаверха. — Наштасев там ли?

— Сию [минуту] доложу.

— У аппарата наштасев? — У аппарата генкварверх.

— Наштасев временно вышел, прошу дать ответы на его последние вопросы.

— Вы пропадали [2]), повторите ваши вопросы со слов: «упразднение школы прапорщиков».

— Как ваше имя, отчество?

[Генкварверх]—Скажите, пожалуйста, когда состоялось упразднение школы прапорщиков? Распоряжение военного министра не касалось школ прапорщиков. Чьим распоряжением проведена эта мера и где эти юнкера? Признаете ли вы достаточно обеспеченным Псковский железнодорожный узел, ибо двух сотен недостаточно. Не будет ли признано возможным просить командарма XII немедленно экстренно поездом

---

[1]) На этом, видимо, разговор был прерван.

[2]) Так в подлиннике.

доставить в Псков на вокзал надежную пехотную часть по его выбору? Мера эта крайне необходима, обеспечение узла имеет громадное значение, к этому должны быть приняты все меры, риск ненадежного обеспечения совершенно недопустим. Я вас настойчиво прошу рассмотреть этот вопрос всесторонне, сделать все необходимое для того, чтобы эта задача, весьма ответственная в данную минуту перед родиной, была бы безусловно выполнена. Главкосев и с своей стороны, конечно, не встретит возражения об отдаче необходимых распоряжений. Вы мне недостаточно определенно сказали относительно времени дальнейшей отправки эшелонов 3 конного корпуса из Острова. Промедление их в отправке недопустимо, я буду ожидать от вас телеграммы о времени отправки эшелонов, кроме того, будьте добры [1])...

Разгово по прямому проводу ген. Духонина с ген. Лукирским 28 октября 1917 г. в 2 ч. 30 м. о движении войск на Петроград [2]).

— У аппарата генерал Духонин.

— У аппарата ген. Лукирский.

— Здравствуйте, Сергей Георгиевич. Откуда и при каких обстоятельствах вы говорите?

— Здравия желаю. Говорю из оперативной телеграфной конторы, которой более никто корреспонденции не контролирует. Посты Революционного Комитета сняты. Возле меня генкварсев генерал Барановский.

— Хорошо. Приветствую Владимира Львовича. Прошу меня ориентировать в обстановке к настоящему моменту, как идет перевозка частей 3 конного корпуса, вошли ли в связь с 3 и 5 самокатными батальонами, где они сейчас находятся и имеют ли связь с главковерхом. Сегодня я разговаривал с представителями казачества, с генералом Калединым, указывая на недопустимое и позорное поведение 5 кавказской дивизии и некоторую неустойчивость Уссурийцев, на что получил ответ, что позиция казачества совершенно определенная, недопускающая никаких колебаний. Казачьи части все информированы, безусловно стоят за Временное Правительство. Объясняют настроение 5 кавказской дивизии: ее долгое нахождение в Финляндии. Считаю, что это временная закитка [3]), и если они узнают, что 3 конный корпус, состоящий из казаков, вблизи Петрограда, все колебания исчезнут. Находящиеся в Петрограде донские полки на стороне Временного Правительства. Позиция большевиков, несомненно, зашаталась. Не будет ли это достаточно вразумительно для тех, кто еще не решил, на какой стул сесть. Получены достоверные сведения, что город Гатчина

---

[1]) На этом разговор обрывается.

[2]) В. И. А., д. № 222—092, лл. 126—136.

[3]) Так в подлиннике.

занят войсками, верными правительству, без кровопролития. Роты кронштадтцев, Семеновцев, Измайловцев, моряков сдались беспрекословно. Положили оружие, присоединились к войскам Временного Правительства. От главковерха получена телеграмма, предписывающая все назначенные в путь эшелоны быстро продвигать вперед. От Военно-Революционного Комитета петроградские солдаты получили приказание отступить. Прошу меня осведомить, приняты ли меры к охране надежными войсками (не большевиками) Псковского железнодорожного узла, как я о том просил и настаивал сегодня утром. На прочих фронтах настроение в пользу Временного Правительства, за небольшими исключениями, которые не имеют значения. Отправляется с фронта достаточное количество войск. В первую очередь послана 3 финляндская дивизия с казачьим полком, затем подготовляются еще следующие эшелоны. Кроме того, по просьбе Москвы, послана, в первую очередь, бригада кавалерии с артиллерией, и подготовляется пехотный отряд.

— Докладываю, прежде всего, справку о движении эшелонов: через Псков проследовали 6 эшелонов в составе: 3 сотен 10 Донского казачьего полка с пулеметной командой, 2 сотен 9 Донского казачьего 6 и 27 Донских казачьих батарей, Амурской казачьей батареи и штаб. 1 Донской кав. дивизии. Все эти части проследовали через Лугу, но где выгрузились, неизвестно, — повидимому, в Гатчино. На ст. Псков, прибыли $1^1/_2$ сотни Нерчинского казачьего полка со штабом и 2 пулеметами, находятся на ст. Псков. В распоряжение начвососева только что мимо Пскова проследовали 2 эшелона: один в 21 ч., а другой в 22 часа с частями Уссурийской казачьей дивизии, но какими, записать не удалось, так как проследовали безостановочно. С главковерхом у нас установлена телеграфная связь по Юзу, и главковерх телеграфирует свои распоряжения преимущественно на имя начвососева, а последний все докладывает мне. О движении эшелонов главковерху послано такое донесение: «Все распоряжения погрузки частей сделаны. Составы готовы: из Осташкова три сотни и два орудия Уссурийского полка. Первый эшелон отправляется 27 октября в 21 час, второй 28 октября в 4 часа. Из Торопца две сотни донцов грузятся рано утром 28 октября, и все три эшелона идут по маршруту: Новосокольники—Дно—Псков и далее по Варшавской линии на север. Из Витебска Приморский полк начинает погрузку 28 октября утром. Из Острова отправлено десять эшелонов, одиннадцатый грузится. По соглашению с комкор 3, две сотни Нерчинцев оставил у себя и захватил ст. Псков в свои руки. Несмотря на отданное мною ваше приказание насухвойску, последний не желает отправлять 13 и 15 Донские полки. Из Новгорода срочно отправляю в Лугу и далее одну сотню первой Донской дивизии».— С 3 и 5 самокатными батальонами связь установить пока не удается. Прибывший сегодня в Псков штабс-капитан Данилевич сообщил мне, что от этих самокатных батальонов, якобы, посылались в Петроград к большевикам делегаты, но неизвестно, с какой миссиею. Никак не

можем двинуть 13 и 15 Донские казачьи полки, застрявшие в Ревеле. Крепостной комитет противится их отправке, а начальство, т.-е. насухвойск, шлет сообщение о том, что настроение во вверенных ему войсках неблагоприятное и стратегическая обстановка не позволяет отправить эти полки на Петроград. Я сообщаю копию одного из последних его сношений на мое имя: «Телеграммою № 5869/Б от 25 сего октября главкосевом отправка из Ревельского района бригады 44 дивизии и 13 и 15 Донских полков была отменена. Вчера мною об этом отдан приказ и вам донесено. Сегодня, 27 октября, получена телеграмма наштасев № 6002/Б с приказанием главковерха о немедленном отправлении обоих Донских полков на присоединение 3 конного корпуса. Таковые частые перемены и отмены отданных распоряжений не могут не действовать разлагающе на войска и делают управление ими невозможным, особенно при настоящих трудных обстоятельствах. Учитывая увеличивающуюся возможность производства противником десанта и местную политическую обстановку, считаю единственным и необходимейшим условием сохранения порядка и удержания фронта — оставление на местах всех подчиненных мне войск, в том числе и бригады 1 Донской дивизии, то-есть оставление в силе приказа главкосева № 5869/Б, в противном случае я лишен возможности выполнить возложенную на меня боевую задачу и вообще управлять войсками. Ревельский Военно-Революционный Комитет 27 октября в 18 часов предъявил коменданту мокрепа требование отправить в Нарву 2 батальона Батуринского полка и батареи 4 крепартполка. В удовлетворении этого требования отказано. Мокреп 27 октября. Комсухвойск Генрихсон». На этом донесении насухвойска главкосевом положена резолюция: «Копию донести главковерху». Нам очень деятельно и успешно помогает в установлении должного настроения в армиях и в продвижении беспрепятственно назначаемых к перевозке частей комарсев, который работает в целях поддержки Временного Правительства и главковерха очень горячо. В разговоре со мной 25 октября вы ошибочно назвали комарсев как неблагоприятную организацию. Такой характер носит явно деятельность Искоборсева. Сейчас получена на имя главкосева телеграмма от главковерха с приказанием немедленно выслать в его распоряжение в Гатчино 5 броневой дивизион. Главкосев таковое распоряжение сделал. Запрошенный комарсевом Армийском XII ответил, что настроение в этом дивизионе прекрасное и он немедленно вышлет их в направлении, указанном главковерхом. Настроение Уссурийцев, по нашим наблюдениям, не является вовсе неблагоприятным, и они следуют в составе корпуса беспрекословно. Вокзал и Псковский железнодорожный узел заняты достаточно надежно, и пока ему никто не угрожает.

— Относительно Уссурийцев я не сомневался, и тенденциозность отзыва о них была ясна, но считал необходимым подбодрить их больше. На отправке донской бригады из Ревеля в срочном порядке категорически настаиваю. Ее можете заменить в Ревеле другими частями, а

присоединение ее к своей дивизии значительно усилит 3 конный корпус. Относительно самокатчиков необходимо принять все меры, чтобы их отыскать и привлечь хотя бы в качестве резерва. Депутаты, действительно, ездили в Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, но нельзя утверждать, что они сговаривались с большевиками и просили их указаний, они не знали, зачем их везут, и по опыту Корниловского выступления хотели выяснить причину. Увидев себя в составе организованного отряда с главковерхом, они не будут колебаться. Это доблестная часть, показавшая себя во время июльских боев. Необходимо во что бы то ни стало их отыскать, и в этом розыске должен принять участие начвососёв, интенсев, ибо откуда-нибудь они довольствуются, вероятно, они расположены где-либо на станции. Относительно броневого дивизиона безусловно могу только горячо приветствовать. Относительно железнодорожного узла беспокоился потому, что получил определенные сведения из Пскова, что местные большевики поставили своей задачей захватить узел, может быть, разобрать путь и тому подобное, конечно, сейчас этого сделать не могли бы, но когда казаки уйдут, и на их смену никто не будет поставлен, то попытка возможна, между тем половина эшелонов Финляндцев будет итти через Двинск в Псков. Чтобы ускорить перевозку, нельзя ли поставить надежные и преданные правительству части, например, ударный. Если поедет поручик Данилевич к главковерху, как мне говорили, то, несомненно, он доложит всю создавшуюся у вас обстановку, весьма отличную от прочих фронтов и затрудняющую работу даже штабу. Мы получили здесь сведения, несколько разъясняющие обстановку в Пскове. Заметно ли какое-либо улучшение в настроении?

— Связь с самокатными батальонами буду пытаться установить непременно. Мне думается, что главковерх таковую связь уже имеет, ибо, будучи в Гатчино, говорил, что постарается непременно войти в связь с этими батальонами, и штасев не запрашивает о месте их нахождения. Железнодорожный узел Псков с проходом 3 конного корпуса и с подходом за ним следующих частей будет передан под охрану одной из них. Во всяком случае, забота об узле ни в коем случае забыта штасевом не будет. В настроении последовал некоторый перелом в сторону благоприятную. О заминке под Ревелем главковерху донесено, и я жду, что последует личное приказание главковерха комфлоту или насухвойску об отправлении казачьей бригады. Заменять ее, по оперативным соображениям, решительно нет никакой надобности, и я полагаю, что прибытие на смену полков регулярной кавалерии, вообще очень кропотливой, при бедности нашей железнодорожной сети, может, пожалуй, еще создать новое трение. *Лукирский.*

— Хорошо, но просил бы вас запросить от моего имени по Юзу главковерха, вошли ли с ним в связь самокатные батальоны. Их непременно нужно притянуть. Если в Ревеле вопрос с казачьей бригадой относится к области внутренней политики, то необходимо его разрешить категорическим требованием. Когда у вас прекратится контроль аппа-

ратов большевиками? В других местах, где они попробовали это сделать, уже таковой снят, отчасти потому, что чиновники отказались под этим контролем работать, а отчасти в силу определенного и прямого взгляда на вещи тех лиц, которые ведают и отдают категорические распоряжения. Для того, чтобы контроль этот снять, требуется немного преданных солдат.

— Распоряжением главкосева, отданным сегодня, все посты Революционного Комитета в Пскове сняты. В XII армии их и не было, в V, I [1]), Ревеле и Выборге и на флоте посты заняты Революционным Комитетом.

— Мною сделано распоряжение о прочном занятии войсками 17 корпуса станции Дно и Орша. Вероятно, это распоряжение приведено в исполнение; посланный на паровозе офицер, чтобы установить и проверить, еще не вернулся.

— Какие у вас сведения из Двинского округа, главное — по линии железной дороги? Имеются сведения, что в Витебске не вполне гладко.

— В штасеве неблагоприятных сведений об этом нет. Начвососев, конечно, в курсе дела.

— Получены ли какие-либо новые сведения о настроении XII армии? Действительно ли комитет ее мало отражает взгляды на армию?

— Комарсев бесперерывно держит связь с комитетом XII армии и послал сегодня в XII армию своих представителей. Комарсев никаких неблагоприятных сведений о настроении XII армии не получал, за него не беспокоится.

— Я очень рад, что я ошибся относительно комарсева. Неблагоприятные сведения касались областного комитета. С юго-западного фронта высланы части в Киев, дабы заставить притихнуть большевиков. Простите, что я так долго вас задержал и побеспокоил. Всего хорошего. До свидания. Нет что-либо у Владимира Львовича меня спросить?

— Нет ничего.

— Я думаю, что Войтинский уже у главковерха и ему подробно все доложил. Всего хорошего.

— До свидания.

[Барановский] — Войтинский в Луге, едва ли будет у главковерха. Последнего вполне информирует Данилевич, который за сегодняшний день достаточно напитался нашими настроениями, взглядами и имел возможность наблюсти и сам. *Барановский*. Всего хорошего.

— До свидания.

---

[1]) Т.-е. в V и I армиях. Главкосеву были подчинены: армии I, V, XII, 42 корпус, флот и сухопутные войска в Ревеле.

Телеграмма ген. Духонина верх. главнокомандующему 31 октября 1917 г. об угрожающем положении Москвы [1]).

Главковерх.

Распоряжение о направлении 17 кавалерийской дивизии к Петрограду сделано, хотя, по донесению командарма XII, обстановка в армии в политическом отношении складывается неблагоприятно и поведение латышских частей представляется малонадежным, охваченным большевистскими лозунгами. Возможно, что удастся отправить лишь бригады с батареей. Сведения о наступлении успокоения в Москве неверны, наоборот, там ведется чрезвычайно упорная борьба войск, верных правительству, с большевиками, получившими подкрепление, и наши войска настоятельно нуждаются сами в скорейшем подкреплении, к чему принимаю все меры, встречая, однако, на пути ряд препятствий и, главным образом, со стороны комитетов спасения революции на фронтах западном, только сегодня разрешившем пропуск через фронт частей, и румынском, малая энергия которого в этом деле привела к тому, что с этого фронта ни одна часть не отправлена еще в Москву. Между тем силы московского гарнизона начинают уже иссякать, и положение становится в Москве угрожающим. 8029. *Духонин.*

Телеграмма ген. Дитерихса начальнику штаба зап. фронта 31 октября 1917 г. о посылке в Москву казаков и броневиков [2]).

Наштазап. Копия Москва комвойск.

0614. Вследствие усиленной просьбы комвойсками Московского благоволите, кроме сотни кубанцев, выслать в Москву и броневик . Ставка. 31 октября 1917 года. 8038. *Дитерихс.*

Донесение председателя Центрального Исполнит. Комитета по формированию ударных батальонов Аристова на имя ген.-кварт. при штабе верх. главнокомандующего 31 октября 1917 г. о надежных и готовых к действию батальонах [3]).

Генквартверх.

На № 8046 [4]) сообщаю о готовности и достаточной надежности следующих революционных ударных батальонов:

I. На юго-западном фронте:

а) батальоны, находящиеся в пункте формирования в Черкассах:

1) 5-й революционный ударный батал.

2) 7-й Ново-Николаевский ударный батал.

---

[1]) В. И. А., д. № 815, ч. I, л. 25. Воспроизводится с отпуска, написанного рукой ген. Духонина. На отпуске помета о передаче 31 октября.

[2]) В. И. А., д. № 815, ч. I, л. 33.

[3]) В. И. А., ч. I, д. № 815, л. 5.

[4]) Документ под этим № в деле отсутствует.

3) 10-й Сибирский ударный батал.

б) находящиеся на фронте:

1) 1-й ударный революционный — «Свобода, Равенство и Братство».

2) 4-й ударный революционный батальон (партизанский).

3) 6-й ударный революционный Мариупольский.

4) 1-й Оренбургский.

5) 2-й Оренбургский.

6) 1-й революцион. ударный полк.

II. На западном фронте:

1) 1-й революцион. ударный батальон.

2) 3-й революцион. ударный батальон.

3) 5-й революцион. ударный батальон.

4) 6-й революцион. ударный батальон.

5) 2 эскадрона 2-го Кавказского ударного дивизиона.

Примечание: 2 и 4 ударные батальоны западного фронта распоряжением главкозап отправлены в Минск; в Москву 300 волонт. из 7-го револ. ударн. б-на из Брянска.

III. На северном фронте:

а) из пункта формирования в Новгороде:

1) 3-й ударный револ. батальон север. фр.

2) 4-й ударный револ. батальон север. фр.

б) с фронта:

1) 1-й революцион. ударный батальон север. фр.

2) 2-й революцион. ударный батальон север. фр.

3) Батальон смерти, 120 дивизия.

IV. На румынском фронте:

а) на пункте формирования:

1) 1-й революцион. ударн. Одесский батальон.

2) Ударный батальон имени Минина.

б) на фронте:

1) Павлоградский ударный баталион.

Председатель комитета *Аристов.*

Телеграмма ген. Духонина главноком. зап. фронтом 31 октября 1917 г. об отправлении в распоряжение Керенского броневых машин [1]).

Главкозап. Копия главковерх.

Главковерх приказал безотлагательно командировать для усиления его отряда в Петроград несколько броневых машин, кроме тех, которые должны быть отправлены на Москву. О времени отправления благоволите телеграфировать. 31 октября. Ставка. 8057. *Духонин.*

[1]) Воспроизводится с отпуска, написанного карандашом рукой Духонина. В тексте слова: «Секретно», «31 октября», «Ставка» и приписанные вверху бланка,

Телеграмма ген. Духонина Керенскому 31 октября 1917 г. о движении войск на Гатчино [1]).

Главковерх. Копия главкоюз.

Вслед за 3 Финляндской дивизией, проходящей ныне через западный фронт, будет двинута 1 Финляндская дивизия со штакором 22 на Гатчино в ваше распоряжение. 31/X. Ставка. 15440. *Духонин.*

Телеграмма ген. Духонина нач. штаба сев. фронта 31 октября 1917 г. о занятии станции Дно [2]).

Наштасев.

Благоволите телеграфировать, в достаточной ли степени признается обеспеченной станция Дно и имеются ли там части 3 Уральского казачьего полка. Станция Дно должна быть прочно обеспечена. 31/X. Ставка. 15442. *Духонин.*

Телеграмма ген. Духонина нач. штаба южного фронта 31 октября 1917 г. об отправлении в Москву штурмовых частей [3]).

Наштаюз. Копии: Москва — комвойсками, начвосоверх и центрискомревбат (Быховская, 3).

На № 2112. Ввиду того, что три ревбатальона из Черкасс еще до получения приказания номер 8036 уже были отправлены в Киев, прошу о назначении и перевозке в Москву взамен них других трех штурмовых или революционных вполне надежных батальонов. Об исполнении телеграфируйте. Ставка. 31 октября 1917 года. 15443. *Духонин.*

Разговор по прямому проводу 31 октября 1917 г. ген. Дитерихса с ген. Малявиным и нач. штаба зап. фронта ген. Вальтер о непропуске войск, едущих на Петроград [4]).

[Малявин] — Имеем сведения, что Орша занята большевиками, установлен строгий контроль, не пропускающий едущих на Петроград и ставку; наш ординарец, направленный с боевым расписанием в ставку,

---

опущенные нами: «Секретно», «Главковерху» — сделаны посторонней рукой. Внизу телеграфного бланка вторая дата, обозначенная Духониным: «31/X 1917 г.». Имеется отметка о передаче телеграммы того же 31/X в 19 ч. 10 пополудни. В. И. А., I ч., д. № 815, л. 2.

[1]) Воспроизводится с отпуска, написанного карандашом рукой Духонина, за исключением слов: «31/X. Ставка. 15440», приписанных чернилами посторонней рукой. Имеется отметка о передаче: «ЮЗ — 31/X в 20 часов, в Гатчину — 1/XI в 3 ч. 28 м.». В. И. А., д. № 815, л. 20.

[2]) Воспроизводится с отпуска, написанного рукой Духонина. Посторонней рукой сделана чернилами приписка: «31/X. Ставка 15442». В. И. А., д. № 815, л. 21.

[3]) В. И. А., д. № 815, л. 22.

[4]) В. И. А., д. № 815, лл. 84—88.

вернулся обратно, некоторые эшелоны сами пробивают себе дорогу, местный комитет, якобы, разрешил пропуск эшелонов, но отдал распоряжение по линиям, чтобы их задерживать у семафоров. Вопрос о посылке броневиков в Москву не разрешен, так как отправлению их препятствует Минский Комитет Спасения Революции, по этой же причине не можем оказать скорой поддержки Вязьме, которая в руках большевиков и не пропускает поездов, а также и Гомелю, где телеграф занят большевиками. Этот же Комитет препятствует снятию с фронта революционных батальонов для Минска, в котором гарнизонную службу несет кавказская кавалерийская дивизия, требующая смены, чтобы дать возможность отдохнуть людям. Из всех наших нарядов по переброске войск будет выполняться только перевозка первого Астраханского казачьего полка из III армии в Смоленск. Во всех своих неоперативных действиях мы связаны по рукам и по ногам фронтовым и армейскими Комитетами Спасения Революции и до тех пор, пока не будут приняты решительные меры со стороны центрального управления к тому, чтобы все распоряжения как ставки, так и штабов относительно переброски войск исполнялись беспрекословно, мы не в состоянии исполнять распоряжения ставки. Мы делаем соответствующие распоряжения, но наши телеграммы или задерживаются на телеграфе или прямо не приводятся в исполнение. Нужно положить конец этой вакханалии. *Малявин.*

— Не отходи от аппарата: с тобой будет говорить наштазап.

— Я — Вальтер. Здравствуй, Мих[аил] Конст[антинович]. К тому, что сказал Малявин, я хочу добавить, что, быть может, отправку 3 броневого дивизиона из Городка (это к северу от Витебска) можно сделать прямо из ставки, минуя совершенно наше распоряжение, ибо все, что сев[ернее] Витебска, находится вне района начвосозапа и, таким образом, нас можно обойти. Далее, я хотел бы несколько очертить здешний Комитет Спасения Революции. Он составился частью из благожелательного элемента и частью из большевиков; такой блок получился оттого, что эсэры и эсдеки, вообще благомыслящие, не были уверены, что военная сила их достаточно твердо поддержит против Совдепа, т.-е. большевиков, а затем не были уверены, чем кончится борьба в Петрограде. Отсюда личный шкурный страх ясно и определенно высказать в Комитете свой личный взгляд и, кроме того, страх, что решительные меры против Совдепа вызовут взрыв насилия на фронте. Также страх, что малейшее кровопролитие приведет к анархии в Минске, к погромам и грабежам. Большевики решительно проводят свою линию, а средние, т.-е. меньшевики, по своему политическому убеждению, не желают решительных действий против большевиков. Все решительно держат камертон по Петрограду: как только в Петрограде будет развязан узел в пользу Временного Правительства, так сейчас же отпадет всякое влияние Совдепа и большевиков. К этому надо прибавить полное отсутствие симпатий к Керенскому. Если все суммировать, то отсюда и результаты: боязнь оказать открыто помощь

Петрограду и Москве. Многие в душе сочувствовали бы этой помощи но ее скрывают. В настоящее время противодействие отправке подкреплений мотивируется у них следующим: будто железнодорожный комитет послал ультиматум в Петроград обеим сторонам, и большевикам и Керенскому, предлагая в установленный срок заключить соглашение и составить правительство по обоюдному согласию. Если в этот срок та или другая сторона не пойдет навстречу этому ультиматуму, то ее лишат помощи в подвозе продовольствия, а если это будет Керенский, то и в подвозе подкрепления. В силу этого Минский Комитет и признал нежелательным вмешиваться в действие этого ультиматума и противодействует отправке подкреплений на Петроград и Москву, а также и Оршу, через которую идет путь в оба пункта. В частности, в отношении Орши они мне только что предложили обратиться в этот ж[елезно]-д[орожный] комитет и спросить их, хочет ли он, чтобы мы отправили отряд (два эскадрона, о которых идет речь) в Оршу, дабы утвердить там порядок, и если только ответ будет утвердительный, отряд будет отправлен, причем они просят посаженные эскадроны из вагонов не выгружать, а ждать результатов. Не знаю, достаточно ли я ясно очертил их политику, но думаю, что единственно кто мог бы на них повлиять — это центральный комитет при ставке. В общем — страх перед большевиками, страх того, что сила останется за ними.

В частности, вы прислали телеграмму № 15444 — приказание отправить в Москву штурмовой батальон 73 пех. дивизии, а в Петроград батальон смерти 120 дивизии; — хотел только сказать, что такой дивизии у нас нет, вероятно, это описка. Большевики прибегают к самым неприличным приемам в смысле распространения ложных и выгодных для них сведений. Нельзя ли нас полнее информировать, дабы дать нам материал, с помощью которого мы могли бы бороться? Присылкой чаще более подробных сведений вы нас крайне одолжили бы. Вот все, что я хотел добавить. Имеете ли вы что нам передать?

[Дитерихс] — В ставку прибыли представители Викжеля, поэтому вопрос о посылке эскадронов в Оршу может быть разрешен довольно скоро. Все затруднения, которые вы мне передали, имеются налицо не только на вашем фронте, но буквально на всей территории России. Тактические причины настоящего времени требуют от нас настойчивого преодоления препятствий и трений, дабы пехота могла появиться на полях Гатчины. Полагаю, что вопрос с центральным управлением разрешится очень скоро, а с ним то или другое решение сего вопроса. Борьба партий и национальностей чересчур поглотила все, чтобы могли в данную минуту восторжествовать идеи, касающиеся национальности всей России как единого государства. Пока больше ничего не могу сказать. *Дитерихс.*

[Вальтер] — Хорошо еще то, что эшелоны Финляндской стрелковой дивизии здесь не задерживались. Комитет первоначально запро-

сил юзфронт и с тех пор никаких затруднений движению эшелонов не делал. Не знаю, как в севфронте, но здесь они свободно прошли на Полоцк. Вот все. Честь имею кланяться. *Вальтер.*

— Спасибо, всего хорошего. *Малявин.*

— До свиданья. *Дитерихс.*

Телеграмма ген. Духонина Керенскому 31 октября 1917 г. об отправлении войск в Гатчину [1]).

Главковерх. Копия главкосев.

Согласно доклада генкварсева в 49 корпус прибыл поручик Мазуренко, который от имени Комитета Спасения потребовал у комкора войск для направления в Гатчину на помощь генералу Краснову, при чем желающие части там нашлись. Я передал генералу Барановскому о посылке этих частей. Главкосев просит подтверждения этого приказания телеграммой, прошу таковое сделать непосредственно главкосеву, с выделением числа частей, допускаемых обстановкой на фронте 31 октября 1917 г. 8061. *Духонин.*

III.

НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ В ДНИ ОКТЯБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ.

Телеграмма ген. В. А. Черемисова 27 октября 1917 г. о невмешательстве армии в политическую борьбу [2]).

Командарм I, V, XII, комкор 42, комфлот, насухвойск, наштаверх.

Политическая борьба, происходящая в Петрограде, не должна касаться армии, задача которой остается прежняя — прочно удерживать ныне занимаемые позиции, сохраняя порядок и дисциплину. 27 октября. № 2003/гос. *Черемисов.*

Разговор по прямому проводу 27 октября 1917 г. ген. В. А. Черемисова с команд. XII армией ген. Я. Д. Юзефовичем о положении в XII армии и армиях других фронтов [3]).

— У аппарата командующий XII армии.

— Здравствуй, Яков Давыдович. Скажи, пожалуйста, что у тебя делается, какое настроение в армии и почему латышская бригада самовольно отошла в тыл?

---

[1]) Воспроизводится с отпуска, написанного карандашом рукой Духонина. В. И. А., д. № 815, л. 98.

[2]) В. И. А., д. № 222—092, л. 115. На телеграмме помета: «27/X. 19 час. 45 мин.».

[3]) В. И. А., д. № 222—092, лл. 205—210.

— Здравствуй, Владимир Андреевич. В общем настроение в армии спокойное, за исключением Вендена, являющегося центром большевизма. Там образовался самозванный Военно-Революционный Комитет, возглавляемый Искососгрелом, который и вызвал первый и третий латышские полки, ушедшие самовольно по этому вызову из своего района. Тут же от командного состава, Искосола и комиссариата было предложено вернуть эти полки. Вчера же состоялось в Валке совещание из членов Искосола, комиссариата, губернского комиссара, и, кроме того, там был прапорщик Рибер [1]), именующий себя каким-то комиссаром. На этом совещании все пришли к полному соглашению о недопустимости таких вызовов, и я думаю, что этот инцидент будет ликвидирован спокойно. Сегодня в Вендене армейский съезд.

— Верно ли, что Армейский Комитет XII армии оторван от войск и не является выразителем их взглядов? Мне сообщили, что сегодня в армии предполагаются перевыборы Армейского Комитета.

— Да, сегодня будут произведены выборы, но это делается не как результат текущего момента, а как следствие решения, принятого уже давно. Сегодняшние выборы обрисуют настроения масс.

— А не известно ли тебе, насколько Армейский Комитет твой сходится во взглядах с массами?

— Думаю, что со всей честной, благомыслящей, сознательной частью сходится.

— Мне сообщал председатель комарсева и комиссар Войтинский, что настроение Искосола не соответствует настроению масс. В I и V армиях настроение комитетов противоположное Искосолу, а в I армии даже сформировался Военно-Революционный Комитет. Эти две армии резко высказались за посылку войск в Петроград на поддержку Временному Правительству, из Финляндии же и Ревеля посылка войск оказалась фактически невозможной. Все это мной было доложено главковерху, когда он приезжал в Псков, и, с его согласия, посылка войск в Петроград с северного фронта была отменена, вслед затем, через несколько часов, повидавшись с комкором 3 конного, главковерх решил лично вести этот корпус к Петрограду, о чем я узнал значительно позже. Движение 3 конного корпуса вызвало протест некоторых частей и желание их двигаться на Петроград для защиты революционеров. Ввиду того, что такое положение дел могло привести к гражданской войне на фронте и к развалу фронта, я просил по аппарату наштаверха, как заместителя главковерха, связи с которым не было, отменить посылку войск с северного фронта, кроме уже отправленных лично главковерхом. Вчера, после того, как я прислал тебе телеграмму о том, что посылать войск не надо, получена была от главковерха телеграмма об отправке в Петроград 5 броневого дивизиона. Эту телеграмму я приказал передать тебе для исполнения, но

[1]) Риббэ — комиссар Петроградского Военно-Революционного Комитета.

ввиду того, что я сообщил тебе о слухах по поводу разногласия настроений Искосола и армии, меня тревожит мысль, не вызывает ли движение броневиков каких-либо эксцессов в армии?

— Результаты происходящего армейского съезда выяснят настроение, конечно. Таковое по теперешним временам загадка; несомненно, что порознь каждый думает так, а в массе, которой бросают безответственной рукой приятные массе лозунги, начинают кричать иначе. Посылка войск может вызвать волнения; что касается 5-го броневого дивизиона, то распоряжение об отправлении отдано ночью, предполагаю отправить на Ристи, а оттуда по жел. дороге через Ревель, но, опасаясь, что через Ревель он не пройдет, приказал рекогносцировать дорогу Пернов — Валк, ибо по узкоколейке Пернов — Валк его перевезти нельзя. Какие имеются сведения из Петрограда?

— Кроме тех, которые были разосланы в армии ночью, никаких не имеется.

— Прошел ли весь 3 конный корпус?

— Еще нет, но двигается.

— После результатов армейского съезда обстановка будет более сна, но съезд может затянуться на завтра и, быть может, на послезавтра.

— Необходимо принять все меры, чтобы происходящая политическая передряга не отразилась на устойчивости фронта; очень прошу тебя обратить на это внимание и внушить как съезду, так и новому комитету, что наша главная единственная задача — прочно удерживать ныне занимаемые позиции, каково бы то ни было политическое настроение съезда, нового комитета и чем бы ни закончилась петроградская передряга. Если у тебя нет вопросов, тогда до свидания, ориентируй меня, пожалуйста почаще в положении дела в армии, как в политическом, так и в оперативном отношении. *Черемисов.*

— Устойчивость фронта с самого начала составляет мою главную заботу, и я прилагаю все усилия, чтобы войска не отвлекались от своего военного долга в сторону политической распри; в таком духе мною даны и даются указания. Обо всем важном немедленно доложу. Желаю всего хорошего. *Юзефович.* Виноват, не откажи еще ориентировать о положении в Ревеле и на других фронтах.

— По сообщению наштаверха, настроение хорошее и резко отличается от настроения на севфронте. Духонин даже склонен думать, что я преувеличиваю неблагоприятное для Временного Правительства настроение наших войск. В Ревеле, Финляндии и во флоте настроение определенно не в пользу вмешательства в политическую передрягу и даже в пользу поддержки Петроградского Революционного Совета [1]). В этих частях установились свои революционные комитеты и контроль над аппаратами. У нас во Пскове Революционный

[1]) Так в подлиннике.

Комитет сегодня ночью безболезненно ликвидировался, контроль над аппаратами был снят еще вчера по моему предложению, мой личный аппарат не контролировался. Не имеешь ли еще вопросов?

— Пока вопросов нет, и, если что будет, сейчас же доложу; положение нашего фронта самое трудное, благодаря близости Петрограда. Всего хорошего. *Юзефович.*

— К сожалению, исключительно трудное положение нашего фронта, повидимому, не понимает ставка и объясняет все происходящее здесь по-своему; я рад, что мне удалось пока предупредить какие бы то ни было крупные эксцессы на фронте, несмотря на то, что в мое распоряжение врываются распоряжения ставки, которая живет иллюзиями, не желая знать действительной обстановки. Вчера я заявил, что если это будет продолжаться дальше, то я отказываюсь от своих полномочий главкосева; это сообщено и главковерху. Считаю, что это втягивание армии, стоящей на позициях, в политическую передрягу является крупной государственной ошибкой. Всего хорошего.

— Не будем терять бодрости и веры в благополучный исход всей передряги. Обстановка быстро меняется, и исцеление может наступить так же внезапно. Еще раз всего хорошего. *Юзефович.*

Разговор ген. Черемисова с ген. Юзефовичем 28 октября 1917 г. о положении в армии [1]).

— Здесь у аппарата командующий XII армии. Пригласите к аппарату главкосева.

— У аппарата главкосев. Здравствуй, Яков Давыдович.

— Здравия желаю. Разреши доложить о положении дел.

— Слушаю.

— Как выяснилось из вечернего опроса корпусов, в 48-м корпусе сегодня было спокойно, но на заседании представителей организаций и начальников выяснилось в общем сочувствие масс большевистским лозунгам. Однако предполагается, что причины кроются глубже и не вполне зависят от текущего момента. В Везенберге спокойно; представители города заявили, что каких-либо выступлений трудно ожидать, ибо население относится к большевикам отрицательно. В 13 корпусе эксцессов не было, под вечер сообщили, что поступило из Пернова тревожное известие, а именно, что в случае ухода броневиков будет вооруженное столкновение с позиционными батареями. Засим комиссар при корпусе сообщил, что столкновения не будет и броневики просят разрешения сейчас же двинуться по грунтовой дороге в Валк; о 2 латышской бригаде доложу дальше в связи с латышами, в 6 Сибирском выступлений не было. Настроение, очевидно,

[1]) В. И. А., д. № 222—092, л.л. 246—253.

выжидательное. В общем, к событиям относятся наружно спокойно. Во 2 Сибирском, в 4 и 20 дивизии, настроение спокойное, в 5 — хуже. Особенно острый вопрос — недостаток квартир, ибо дивизия стала на участок латышей, которые ничего не построили, но общее настроение корпус считает удовлетворительным. В 36 дивизии настроение крайне напряженное. Корпус считает, что могут быть эксцессы. В особой дивизии настроение большевистское. При начдиве есть комиссар Военно-Революционного Комитета. Начдив принимает все меры, чтобы не было эксцессов. Приезжал комиссар и в штакор 2-го Сибирского, но был принят корпусным комитетом холодно и уехал восвояси. Больше всего хлопот и наиболее скверно положение с латышами. Пришедшие вчера в Венден 1 и 3 полки не ушли, захватили железнодорожную и телеграфную станции, арестовали много офицеров в двух полках первой бригады, оставшиеся [1]) пока в резерве второго корпуса; брожение в 4 полку: арестовано 7 офицеров, происходят массовые избирания начальников из латышей. Проект нового порядка аттестования начальников, дошедший до самых низов, нашел весьма благоприятную почву в латышских сердцах; они вынесли самое крайнее постановление о выборном начальстве, вплоть до главковерха, и с допуском чуть ли [не] на все должности солдат. Начальник 1 латышской бригады еще находится под контролем Военно-Революционного Комитета. Полковые комитеты вынесли резолюции о выводе латышей в Лифляндскую губернию, якобы для охраны железных дорог. В Вольмаре городской управе Военно-Революционный Комитет приказал отвести помещение для полка латышей в числе 3 000 человек. Комкор 43 приказал без его разрешения никому из посторонних помещений не отводить. Военно-Революционный Комитет в Вендене заявляет, что им дана латышам какая-то специальная задача, но не указывает — какая. Ходят слухи, что собираются послать 2 полка в Валк из 2 бригады. Последние [1]) пока донесение об эксцессах не поступало. Таким образом ко всякого рода другим, вытекающим из современной обстановки вопросам, у меня в армии обостряется латышский вопрос, опасный сочувствием масс местного населения, озлобленного грабежами. Мое впечатление, что она [1]) тяготеет к немцам. Этот латышский вопрос стал меня озадачивать. С первого же момента начавшейся смуты я счел необходимым, в виду серьезности обстановки, придвинуть к Валку 20 драгунский полк и, кроме того, отдал распоряжение о приближении к району Валка остальных полков 17 кавалерийской дивизии. В виду того, что эта дивизия [не]находится в моем распоряжении, испрашиваю утверждения этой меры. Командиру 43 корп. приказано принять все меры к недопущению латышей хозяйничать в Вольмаре. Надо предвидеть все возможности — шпионов и немецких агентов в этом крае тьма; играя на темноте масс, они, избрав в качестве оружия латышей, могут, играя на большевизме,

[1]) Так в подлиннике.

внести сумятицу в тыл, чтобы дезорганизовать фронт. Комиссар и Армейский Комитет также очень озабочены этим вопросом и принимают все меры к его ликвидации безболезненно, но надо быть готовым и к худшим, а именно, что может оказаться необходимость ликвидировать дело и силою. О результате армейского совещания еще неизвестно. Все.

— Почему ты решил передвинуть 17 кавалерийскую дивизию? Разве у тебя нет частей конницы, несостоящих во фронтовом резерве? С уходом броневиков из Пернова и 17 кавалерийской дивизии, мы сильно ослабим Перновский район, где не исключается возможность высадки.

— Я это имел в виду, но она оттягивается верст на 25, у меня же только 5 кавалерийская дивизия, причем один полк разбросан во втором Сибирском корпусе, 5 Уланский полк совершенно ненадежный и вместе с двумя остальными полками находится в районе Лемзаля, прикрывая правый фланг и, главное, тыл 6 корпуса. Подвезти оттуда части 5 дивизии невозможно; один Прибалтийский полк охраняет побережье в 13 корпусе, другой разбросан пикетами по различным службам, назначить что-либо в Валк не из чего, дать же захватить Валк латышам невозможно.

— Скажи, пожалуйста, известна ли вся эта обстановка Искосолу и, если известна, то на каком основании он вводит всех в заблуждение своими сообщениями о полном благополучии в армии и о готовности ее отправить отряды на поддержку Временного Правительства?

— Обстановка Искосолу известна, но обрисовалась она к вечеру. Быть может, они располагают другими данными; все то, что я изложил, является, с одной стороны, донесениями корпусов, с другой, что касается латышей, моими предположениями.

— Не имеешь ли что еще сообщить?

— Пока ничего. Завтра выяснится. Меня не так беспокоит вопрос о наших войсках, в которых, как мне кажется, особых выступлений не будет, но беспокоит вопрос о латышах, причем надо считаться, что они есть и в Юрьеве. Однако надеюсь на благополучную ликвидацию; не откажи ориентировать об обстановке. До нас дошли слухи, что в I армии явился поворот в сторону Временного Правительства и что под Петроградом идет бой на Пулковских высотах.

— О бое ничего не знаем, но есть сведения, что в Петрограде во всех министерствах и административных учреждениях все служащие при появлении большевиков расходятся и, таким образом, большевики хотя и захватили в свои руки власть, но осуществить ее не могут. Собранные главковерхом войска, повидимому, заняли Ц. Село. Относительно поворота настроения I армии сейчас мне тоже сообщили со слов помощника комиссара. Пятая армия попрежнему отказывается от поддержки Временного Правительства, из Ревеля и Финляндии,

повидимому, не удастся [1]). Вот все, что пока нам известно. Броневой поезд, двигавшийся с юго-западного фронта через Псков в твою армию, выразил желание итти на Петроград на поддержку Вр. Правительства, куда и отправился только что. Больше никаких новостей нет.

— У нас служащие на железной дороге, весь телеграф и тому подобные на стороне Временного Правительства. Приехавшие из Петрограда свидетельствуют об большой растерянности большевиков, получивших власть и не знающих даже, с какой стороны к ней приступить. Как прикажешь относительно 17 дивизии? Она выступит только завтра утром. Без нее Валк окажется беззащитным.

— Хорошо. Распоряжайся ею, но не упускай из виду ее оперативной задачи. При первой возможности я верну ее обратно через несколько дней. Имеются какие-либо сведения о немцах берлинских?

— Не совсем понимаю твой вопрос.

— Я говорю о настоящем противнике.

— Есть агентурные сведения о готовящейся операции в Финляндии и даже с наступлением шведов. Больше ничего не известно.

— Можно ожидать, что с поражением итальянцев немцы получат возможность выделить сильные резервы для действия на нашем фронте. Вообще надо иметь в виду, что они зорко следят за передрягами внутри России и, конечно, попытаются использовать обстановку. Надо принять все меры, чтобы войска ни минуты не забывали, что независимо от того, какая политическая партия возьмет верх, задача армий остается прежняя — упорно удерживать свои позиции, сохраняя порядок и дисциплину. Исходя из этого, я настойчиво просил у главковерха и ставку не посылать войск на Петроград с северного фронта и не втягивать войска в политическую борьбу, что может привести к развалу фронта.

— Да, это вопрос серьезный и краеугольный: сохранить фронт, — но каких это стоит неимоверных, нечеловеческих усилий! Наши начальники и офицеры — это мученики; жизнь их сплошная Голгофа. Трудно даже говорить о том, что этим святым людям приходится переносить. Если у тебя ко мне [нет] распоряжений, то не смею больше задерживать.

— До свидания, сообщай, если что будет новое. *Черемисов.*

— Всего хорошего. *Юзефович.*

Разговор ген. Черемисова 29 октября 1917 г. с председателем Ревельского Революционного Комитета о невозможности посылки войск на Петроград с северного фронта [2]).

— У аппарата главкосев генерал Черемисов. С кем говорю?

— У аппарата председатель Военно-Революционного Комитета Робчинский. Здравствуйте.

---

[1]) Пропущено, повидимому: «получить войск».

[2]) В. И. А., д. № 222—093, л.л. 11—19.

— Скажите, пожалуйста, для каких целей сформировался ваш Комитет, какие задачи он выполняет и известно ли вам действительное положение дел в Петрограде и на фронте?

— Комитет выделен Ревельским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и Краевым Советом Эстонск[ого] края для сохранения и удержания революции в организованных рамках. В настоящее время он озабочен сохранением полного порядка и спокойствия в войсках и во флоте. Относительно дел Петрограда нам известно, относительно положения на фронте нам неизвестно.

— Есть ли ваши агенты на аппаратах и верно ли, что вы препятствуете передаче некоторых телеграмм и что ваш Комитет исключительно большевистский?

— На всех аппаратах стоят наши комиссары. Мы препятствуем [передавать] телеграммы политического характера и все политического содержания [телеграммы] Керенского; все телеграммы оперативного [характера] и шифрованные передаются беспрепятственно. Состав Военно-Революционного Комитета смешанный. Он выделен Советом и Краевым Исполнительным Комитетом совместно с Ревельским Исполнительным Комитетом на пропорциональных началах.

— Должен вас ориентировать в следующем: когда началась политическая передряга, я разослал во все армии и корпуса приказ, в котором говорю, что как бы ни обострилась эта передряга и чем бы она ни кончилась, наша задача, т.-е. задача войск, стоящих на фронте, остается прежняя, т.-е. прочное удерживание ныне занимаемых позиций, что возможно при условии сохранения полного порядка и дисциплины, а также невмешательства армии в политику. Посылку войск на Петроград я счел бы возможным лишь в том случае, если бы подавляющее большинство войск фронта единодушно высказалось за это. Имея это в виду, я просил комиссарсева и войсковые организации Пскова выяснить, как отражаются петроградские события на настроении масс и их комитетов; выяснилось, что некоторые части готовы поддержать Временное Правительство, другие, наоборот, склонны поддержать большевиков; выяснилось также, что из некоторых районов, как, например, Финляндии и Ревеля, посылка войск на Петроград для поддержки Временного Правительства невозможна без крупных эксцессов. При таких условиях я считал, что посылка войск на Петроград с северного фронта может вызвать борьбу политических партий в войсках фронта и гражданскую войну, что неизбежно привело бы к развалу фронта и всем вытекающим отсюда последствиям. Все это я доложил главковерху, когда он приезжал в Псков, и просил его отменить сделанный уже наряд войск от северного фронта на Петроград, на что он и согласился; впоследствии главковерх изменил эту точку зрения и приказал двинуть некоторые части, что и было, конечно, исполнено, так как все, кто считает, что армия должна быть организованной армией, а не дезорганизованной толпой, понимают, что приказания главковерха и ставки должны беспрекословно испол-

няться. В Пскове с начала петроградской политической передряги сформировался революционный политический комитет из представителей местных комитетов, который явился ко мне и заявил, что задачей его являются поддержание порядка и принятие всех зависящих мер для предупреждения гражданской войны; комитет этот высказался за неотправку войск на Петроград во избежание политической борьбы в войсках. По политическим воззрениям он, повидимому, стоял за Петроградский Революционный Комитет. Так как этот комитет стоял за сохранение порядка в войсках, то я разрешил ему с информационной целью иметь своих агентов на телеграфе, дабы он всегда был осведомлен о том, что никаких контр-революционных попыток с целью возвращения к старому порядку не делается, мог сообщать об этом в войска и своевременно устранять возможность всяких эксцессов на этой почве. Третьего дня, когда политическая обстановка в Петрограде разъяснилась, я предложил Революционному Комитету снять своих агентов, что он тотчас же исполнил, и самый Комитет за ненадобностью расформировался, а члены его вернулись в свои организации — Искоборсев, комарсев и Псковский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов. То же самое сделано в армиях. Так как в Петрограде большевики оказались совершенно изолированными и не смогли фактически осуществить захваченную ими власть вследствие ухода из министерств и административных учреждений всех служащих, а также вследствие того, что от них откололась вся демократия как в Петрограде, так и в России, то по примеру петроградских демократических партий псковская демократия и общественные демократические организации сорганизовались в Комитеты Спасения Революции, по примеру которых формируются Комитеты и в армиях. Псковские большевики, считающие себя политической партией, а не дезорганизованной толпой, и понимающие, что в революционном демократическом государстве должна осуществляться воля большинства демократии, а не меньшинства, — добровольно расформировали свой Комитет и до сих пор ничем не нарушили порядка, то-есть остались верны тому, что заявили мне при сформировании этого Комитета. Причем некоторые члены бывшего Революционного Комитета вошли в состав Комитета Спасения Революции и не чинят никаких препятствий к исполнению распоряжений, получаемых из ставки и от главковерха. Из Ревеля до сих пор не отправлены на присоединение к своей дивизии 13 и 15 Донские полки. Ввиду категорического требования ставки об отправлении этих полков приказание должно быть исполнено.

— Сообщите о результатах перевыборов Исполн. Комитета XII армии.

— Результаты еще не известны.

— Ваше отношение в первые дни революции известно; наши взгляды на организованность армии и оставление ее в боевом порядке и подчинение требованиям революции в смысле удовлетворения нужд

крестьянства и армии, вероятно, совпадают; об организации политического комитета во Пскове нам известно и его состав, но нам неизвестно, что 3 дня тому назад окончательно обрисовалась политическая обстановка и окончательность сформирования Временного Правительства. Относительно раскола среди социалистических партий ваша осведомленность несколько односторонняя. Мы получаем сведения из Питера, Гельсингфорса, Гатчино и ставки, и равнодействующая из этих сведений не имеет того характера, какой вы обрисовали; соглашаясь с вами в твердом выполнении воли большинства, мы выдерживаем целиком этот взгляд. В частности, и петроградские события сегодня еще не дали окончательного результата в смысле формирования власти. Еще сегодня получено сведение, что интернационалисты-эсэры в своей фракции постановили войти в состав Временного Правительства. Временное Правительство образовывается и утверждается законным большинством Всероссийского Съезда Советов. Это большинство окончательно и вырешит вопрос о власти. Сейчас переломный период революции и естественно, что в течение нескольких дней происходят заминки. Весь революционный Ревель будет до конца поддерживать волю большинства Съезда Советов и будет бороться с Керенским, который в течение почти 8 месяцев привел страну к полному краху и катастрофе. Расформирования войск и отправка, вопреки тому характеру постановления, который был выполнен вами в первые дни, мы считаем, создаст [1]) чрезвычайно тяжелую обстановку. Мы твердо заявляем и предупреждаем, на основании постановлений и решений местных войсковых частей и прочих демократических организаций, что это, то-есть отправка войск казачьих на подмогу, создаст ту анархию между солдатами и офицерами, которую мы, очень возможно, не в состоянии будем предохранить [1]). Итак, тринадцатый и пятнадцатый Донские полки не могут быть выведены из Ревеля. Для окончательного твердого вам заявления этот вопрос, еще вчера определенно окончательно вырешенный, еще раз сегодня будет поставлен на обсуждение Военно-Революционному Комитету.

— Если вы признаете свободу воззрений всех политических партий, а также и войск, как граждан Российской республики, и признаете за ними право свободно присоединиться к той или другой политической партии, то почему вы не пропускаете некоторых телеграмм войскам, и не создаете ли вы этим той атмосферы, в которой легче всего могут разыграться беспорядки и эксцессы?

— Именно, чтобы предупредить эксцессы, мы передаем [1]) телеграммы и контр-революционного политического содержания на таких же условиях, на каких действует противник Советов Керенский, который тоже не передает наших телеграмм и который поступил еще резче, прервав сообщение Ревеля с Петроградом. Что касается ка-

[1]) Так в подлиннике.

зачьих частей, то Совет вошел с ними в сношение и от нее [1]) было получено заявление о поддержке Советов и о нежелании ехать на выручку Керенскому. Мнение их командира для нас не может иметь [значения] при данных условиях.

— Больше ничего не имею, прошу вас только: 1) прочесть мой разговор с Генрихсоном [2]) сегодня утром и 2) не упустить из виду, что все войска, все начальники, все политические и войсковые организации, а также жители и рабочие, без различия их политических взглядов, должны в данную минуту, тяжелую, как всегда при кризисе власти, прилагать все старания к сохранению полного порядка и ни на минуту не забывать, что задача фронта, при всяком правительстве, остается прежняя, т.-е. прочное удерживание ныне занимаемых позиций, пока законно сформировавшееся правительство не сделает относительно армии каких-либо других распоряжений. До свиданья. *Черемисов.*

— Совершенно с вами согласен. Передам разговор Генрихсону. Прошу не распространять такие [телеграммы] политического содержания, как это им было сделано вчера. Нам стоит огромных усилий удерживать солдат оставаться в границах выдержки и спокойствия. Наш разговор будет напечатан в местных газетах. До свидания.

— Нет, я вас прошу убедительно не печатать этого разговора в газетах, так как это только прибавит лишние поводы к кривотолкам и разным слухам; я с вами разговаривал как с председателем политической организации, не предназначая этого разговора для масс; конечно, я ничего не имею, если вы сообщите его Генрихсону и Изместьеву, а также членам вашего и других комитетов, но я решительно против напечатания его в газетах, где мое имя и без того уже достаточно треплется. Уверен, что эта моя просьба будет вами исполнена.

— Хорошо, я сообщу в Исполнительный Комитет. До свиданья.

— До свиданья.

Разговор по прямому проводу нач. штаба сев. фронта ген. С. Г. Лукирского с нач. штаба I армии ген. Н. В. Пневским 29 октября 1917 г. вечером об отправке на Петроград войсковых частей из I армии [3]).

— Здесь начальник штаба?

— У аппарата генерал Пневский.

— Здесь наштасев. Здравствуйте, дорогой Николай Вячеславович. Сейчас мне главкосев указал, согласно доклада ему комарсева, что комитет первой армии постановил поддержать Временное Правительство. Ввиду этого главкосев приказал немедля избрать из состава армии соответствующие пехотные части, в полной мере надеж-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Насухвойск.

[3]) В. И. А., д. № 222—092, л.л. 225—229.

ные, для посылки в состав войск Российской Республики, собранных под Петроградом.

— Здравствуйте, дорогой Сергей Георгиевич. Тут какое-то недоразумение, ибо, согласно сказанного мне вполне определенно председателем Армейского Комитета, последний отнюдь не склонен поддерживать Временное Правительство, но поддерживает Комитет Спасения. Одно ли это самое или нет, то-есть, я хочу спросить, Временное Правительство солидарно с Комитетом Спасения или нет?

— Из ваших слов я вижу, что недоразумение не у нас, а у вас, ибо Комитет Спасения — открытый враг большевиков и твердо решил всемерно поддержать Временное Правительство. В состав этого Комитета вошли все организации, находящиеся в Пскове, кроме Революционного Комитета. В Комитет Спасения вместе с тем вошел комиссариат, городская дума и административные комиссары. Вместе с тем предваряю, что 23 Донской полк должен быть отправлен безусловно, о нем командарму I послано телеграфное приказание.

— Если у нас есть недоразумение, то только потому, Сергей Георгиевич, что вы нас не ориентируете. По отзывам комкоров, которых мы запрашивали для несостоявшегося совещания в Пскове, безусловно надежных полков в армии нет вовсе. Из более мелких подразделений к числу надежных могут быть отнесены батальон смерти 28 корпуса, 6 украинских рот 60 дивизии, пять ударных рот 22 пехотной дивизии и ударный батальон 24 пехотной дивизии. Телеграммы о 23 полке мы еще не получили и так как первоначальная телеграмма об его посылке была раньше отменена, то мы его не снимали с летучей почты. Сейчас отдадим приказ о снятии его с почты, но предупреждаю, что это потребует нескольких дней, как я о том в свое время предупреждал подполковника Артемьева. Итак, кого же вам посылать по части пехоты? Имейте в виду, что 4 кавалерийская дивизия, направляемая в Верро, к сегодняшнему вечеру заняла расположение близ станции Рамоцкой и Пыталовской ветвей железной дороги. Я полагаю, что конные полки этой дивизии сравнительно более надежны, а их современное расположение таково, что погрузку их на железную дорогу можно было бы сделать довольно быстро.

— Не ориентировали вас о Комитете Спасения в предположеньи, что это дело вашего Армейского Комитета, тем более, что он вошел в контакт с названным Комитетом, а штарм, конечно, находится в неизменном контакте с Армейским Комитетом. Частою переменою распоряжений, вам передаваемых, удивляться и смущаться ныне нельзя, ибо события идут одно за другим с такой головокружительной быстротой, что промежуток в день — два между противоречивыми телеграммами надобно оценивать как срок в несколько месяцев. На вопрос ваш, какие из названных вами ударных частей надобно разрешить командарму I, имея в виду, какая из ча-

стей может быть отправлена в первую голову и какие из них представляются вам наиболее надежными: было бы желательно отправить все названные вами части. Пулеметная команда 4 кавалерийской дивизии послала в Петроградский Револ. Комитет [телеграмму], нами перехваченную, с предложением прибыть в Петроград для поддержки большевиков. Не компрометирует ли такой поступок 4 кавалер. дивизию?

— Это пулеметная команда стрелкового полка 4 кавалерийской дивизии. Я же говорю о конных полках этой дивизии. Впрочем, должен вам сказать, что ни за кого, конечно, в полной мере поручиться нельзя. Кроме того за эти дни в настроениях частей и даже комитетов вообще происходят головокружительные по своей быстроте и переходу от одной крайности в другую перемены. Наш Армейский Комитет вчера назывался Революционным, и хотя большевиков и не поддерживал и не сходился с большевиками ег взглядах, однако отнюдь не был за Временное Правительство. Своодня он примкнул к Комитету Спасения, но, насколько мне известно, отнюдь не собирается поддерживать Керенского. Итак, видите, настроение переменчивое. Постараемся выслать части пехоты, мною перечисленные, и сообщим вам о необходимом подвижном составе. А насчет конных полков 4 кавалерийской как вы окончательно решаете?

— Относительно 4 кавалерийской дивизии благоволите разъяснить ее настроение и, если оно действительно благоприятное, то и она подлежит в силу полученного нами общего приказа верховного главнокомандующего немедленной отправке в состав войск Российской Республики, собранных под Петроградом.

— Постараемся исполнить, если Армейский Комитет не запротестует. Все.

— Благодарю вас, до свидания.

— Благодарю вас. До свидания. Всего хорошего.

Разговор по прямому проводу 29 октября 1917 г. ген. Лукирского с нач. штаба V армии ген. Поповым об отправке Керенскому I броневого дивизиона [1]).

— У аппарата наштарм V.

— Сейчас подойдет наштасев.

— Хорошо.

— Наштасев у аппарата.

— Здравия желаю, ваше превосходительство. Что прикажете?

— Здравствуйте, Владимир Николаевич, простите, что задержался подойти к аппарату — перехватывают по дороге. Главкосев прика-

---

[1]) В. И. А., д. № 222—092, л.л. 221—224. Время разговора определено на основании разговора ген. Лукирского с начальником штаба I армии ген. Пневским, который происходил 29/X вечером.

зал немедленно направить в состав Псковского гарнизона все части 3 Уральского полка. Это необходимо ввиду назревающих беспорядков в Пскове возле тюрьмы и распределительного пункта. Сообщаю об этом вам для сведения, так как этот полк недавним распоряжением был предназначен к возвращению в пятую армию. Вместе с тем крайне необходимо в состав Псковского гарнизона направить в полной мере надежную пехотную часть: полк или ударный батальон. Кого бы вы могли назвать из таковых для доклада главкосеву и немедленной отправки в Псков? Еще один вопрос: сейчас мы получили приказ от верховного главнокомандующего безотлагательно направить в его распоряжение первый броневой дивизион. В Псков прибыл командир этого дивизиона и просит грузить броневики не в Двинске, а в Режице или на другой станции в этом районе. Прошу по этим вопросам сообщить мне ваши соображения. *Лукирский.*

— Сейчас доложу командарму. Уральскому полку, броневому дивизиону и одному пехотному полку или ударному батальону будет отдано незамедлительное приказание. Вопрос осложняется большевистским настроением Армискома и других вновь переизбранных комитетов. Сегодня, минувшей ночью, Армиском получил телеграмму от Съезда Советов, посланную делегатом Крыленко, в которой было указано о посылке в Петроград на поддержку Петроградского гарнизона частей из армии. Часть Армискома стояла за эту посылку. Случайным большинством вопрос был провален. По полученным сведениям, отдельные лица собирались сегодня ночью самочинно двинуть 4 особую дивизию для указанной выше цели. Для предотвращения этого, по приказанию командарма, были приняты все меры; могла создаться опасность дурного примера насильственного ухода частей в Петроград по собственному почину, что могло развиться в открытие фронта другими частями. Пока все спокойно. Установлено полное наблюдение, и сформирован особый отряд для предотвращения такой тягостной возможности. Ввиду изложенного не могу немедленно и точно доложить о выполнении полученного распоряжения. Все зависящие распоряжения и меры к выполнению его незамедлительно будут приняты. Подробности и время выполнения доложу немного позднее. По докладе командарму и отдаче распоряжения для доклада вам буду просить к аппарату генкварсева или кого вы укажете. Прикажете ли еще что-нибудь?

— Прошу доложить командарму, что приказ об отправке нескольких броневиков, по указанию командира дивизиона, есть личный категорический приказ главковерха, и полагаю, что обсуждение препятствий к исполнению этого должно быть сделано исключительно в целях их устранения, а не отказа от осуществления этого приказания. Отправление в состав Псковского гарнизона 3 Уральского полка и одной из пехотных частей, вполне отвечающих условиям надежности, не должно было бы подлежать обсуждению как распоряжение с политической подкладкой. Благоволите сообщить о после-

довавшем попросту телеграммою, дабы себя не затруднять и не отрываться от дела, которого у вас, я знаю, хоть отбавляй. *Лукирский.*

— Слушаюсь. Все будет исполнено с полной энергией. Опасаюсь лишь затруднений со стороны Армискома, к устранению которых также будут приняты все меры; Армиском уже осуществил в своих заявлениях и бюллетенях две провокации, опровержение которых сообщено всем частям и телеграммой направлено было вчера вам. Получили ли вы ее?

— Сейчас у нас получено донесение из I армии, что войска I армии через своих представителей заявили верность Временному Правительству. Сейчас сделаем распоряжение об отправке из ее состава некоторых частей пехоты на присоединение к войскам Российской Республики, собранных под Петроградом.

— Сейчас приступлю к выполнению данного распоряжения. О выполнении донесу. *Попов.*

— Хорошо.

Разговор по прямому проводу ген. Барановского с нач. штаба V армии Поповым 30 октября 1917 г. о положении в V армии[1]).

— У аппарата генквартсев г.-м. Барановский.

— Здравствуйте, ваше превосходительство. У аппарата наштарм. В армии создается острое положение. Вчерашние распоряжения наштасева выполнены. Шесть броневиков первого дивизиона выступили из Двинска в 15 часов 40 минут сегодня согласно полученных указаний. Вчера ночью Армейский Комитет большинством всего 3 голосов вынес постановление послать в Петроград 12 батальонов, 24 пулемета с кавалерией, артиллерией, инженерными частями, якобы с нейтральной целью — для улаживания петроградского конфликта. Сегодня, 30 октября, представители большевистской части Армискома предъявили командарму требования об осуществлении этого постановления. Командарм категорически отказал и принял решение помешать осуществлению этого намерения Армискома, чего бы это ни стоило, применив все имеющиеся средства с полной решительностью, для чего в Двинске, на Двинском железнодорожном узле, собран особый отряд 3 родов оружия, кроме того, приказано частям первой кавалерийской [дивизии] закрыть дорогу у станции Рушоны. Сейчас постановление [2]) — очень острое положение.—Армейский Комитет, по полученным сведениям, принял решение арестовать командарма, штаб и комиссаров. На мой вопрос, поставленный прямо председателю Армискома штабс-капитану Седякину, я получил ответ уклончиво-провокационный, явно указывающий на наличие такого намерения. Командарм решил применить все возможные средства

[1]) На подлиннике помета: «Получено от генквартсев 31/X». В. И. А., д. № 222—092, л.л. 306—309.

[2]) Так в подлиннике.

к улажению острого положения и объединить около комиссара все средства в виде находящихся здесь и тесно мыслящих [1]) организаций, прибегнув к силе вооруженной лишь в крайнем случае, если отвращение его окажется невозможным. Командарм все же надеется на возможно благоприятное улажение дела, не уступая ни на иоту в основном решении: не допустить насильственной отправки частей большевистской частью Армискома на Петроград. Прошу сообщить ориентировку о положении в Петрограде и 2-е — о тех распоряжениях, которые отданы сегодня главкосевом в связи с последними событиями.

— Здравия желаю. Положение в Петрограде без перемен, т.-е. власть в руках большевиков, однако ими не осуществляемая, так как нет у них аппарата. Все чиновники и служащие учреждений забастовали, не желая работать с этими типами. Вожди большевиков, не чувствуя устойчивости, чувствуя приближение войск Краснова, сидят на крейсере «Авроре» с готовностью удрать. Вчера там происходили стычки юнкеров с большевиками, кончившиеся печально для первых. Лидеры большевиков, признавая безнадежность своих авантюр, предлагают сформировать социалистическое министерство и получить в нем меньшинство, с обязательством не вводить в министерство ни одного из своих объявленных ими народных комиссаров, т.-е. министров, вроде Дыбенко, Антипов [1]), Ленин, Троцкий, Крыленко. Вот по существу все, что нам известно о Петрограде. Говорят, что Краснов в 3—4 верстах от него, не входит туда, так как слаб и боится, что около каждого его казака может стать по десятку большевиков. Положение осложняется тем, что железнодорожный союз не желает пропускать войск против большевиков, говоря, что хочет избежать междуусобий. Однако до настоящего времени решения своего не привел в исполнение и лишь действует агитацией. Главкосев сегодня, сколько я знаю, распоряжений никаких не отдавал. Сейчас у него собрание, на котором присутствуют наштасев, комиссарсев, председатель Комитета Спасения и еще кто-то, не знаю. Что они там решат, тоже не знаю. Если будет вынесено какое-нибудь решение, то вам сообщу. Все. *Барановский.*

— Какое положение в Пскове?

— В Пскове у нас положение несколько тревожное: небольшая кучка большевиков развивает невероятную деятельность, предел которой еще не положен. Сегодня были здесь члены Всероссийского Комитета Спасения, которые, сознавая важность значения Пскова, требовали ареста этих господ, но до сих пор он не приведен в исполнение. Вчера эти господа освободили из тюрьмы до двухсот арестованных большевиков. Меры принимаются, но тревога растет. Боимся погрома и пьяной вакханалии. Не исключена возможность и арестов. Пока, однако, наружно спокойно. *Барановский.*

— До свидания.

---

[1]) Так в подлиннике.

Разговор по прямому проводу ген. Черемисова с ком. V арм. ген. В. Г. Болдыревым и членом Военно-Рев. Комитета V армии Седякиным о положении в V армии [1]).

— У аппарата главкосев. Здравствуй, Василий Георгиевич. Ты ли у аппарата?

— Здравствуй, Владимир Андреевич, это я.

— Мне сообщили, что у тебя сформировался Революционный Комитет, который занял аппараты и препятствует передаче некоторых телеграмм, верно ли это?

— Нечто [на]подобие Комитета, который фактической роли не играет. Первый день пытался стать на точку зрения руководства и даже контр-ассигнования моих распоряжений, но, получив категорический отпор, от этих попыток отказался. В аппаратной имеются комиссары Армискома, и с партийной точки зрения [2]) происходили некоторые заминки, но, в настоящее время, с установлением представителя комиссариата и дежурного офицера, вопрос этот исчерпался. Все попытки делаются обыкновенно скрытно, но без успеха. Предполагаю, что в дальнейшем даже отдельных попыток уже не будет. Вопрос осложнялся исключительно неблагоприятной партийной численностью Армискома. Приходится вести борьбу. *Болдырев.*

— А в 222 этапной конторе как сейчас обстоит дело? Мне только что докладывали заявление чиновника, что там находится агент Революционного Комитета, препятствующий передаче некоторых телеграмм.

— Доклада еще не имел, сейчас разберу и устраню это препятствие.

— Можешь ли ты сейчас пригласить к аппарату председателя Революционного Комитета, если таковой Комитет в Двинске имеется?

— В Комитете, насколько мне известно, председателя нет, одним из деятельных членов состоит председатель особой комиссии Армискома штабс-капитан Седякин. Прикажу сейчас позвать, если только он в городе и свободен.

— А много ли времени на это потребуется?

— Если он в Армискоме, то не более 10—15 минут.

— Хорошо, а если дольше, то не надо. Во всяком случае, передай ему, что и во Пскове был Революционный Комитет, который имел агентов на аппаратах, но по моему предложению, когда надобность в них миновала, снял эти посты. Они имели информационный характер. Передай своему Комитету, что я и его прошу снять посты, так как никакой надобности в них нет. Пока до свиданья. Извини, что потревожил тебя. *Черемисов.*

— Я сам считаю, что это явилось потребностью острого периода и будет ликвидировано самой собой. Очень рад был побеседовать;

---

[1]) В. И. А., д. № 222—093, лл. 51—55.

[2]) Так в подлиннике.

если ты имеешь минутку, был бы очень рад узнать что-либо об обстановке.

— Обстановка пока не изменилась. На сторону большевиков, захвативших в Петрограде власть, никто не стал из других политических партий, поэтому, повидимому, инцидент будет ликвидирован сам собою отказом большевиков от власти, которые, конечно, понимают, что в революционное время власть не может находиться в руках партии, являющейся выразительницей политических взглядов меньшинства. В Петрограде все время полный порядок, и это, конечно, делает большую честь большевикам. Кроме тех сведений, которые были разосланы в армии ночью, никаких других не получено. Вот все.

— Сердечно благодарю. Всего доброго. *Болдырев.*

— До свиданья. *Черемисов.*

— У аппарата главкосев генерал Черемисов. Кто со мной говорит?

— У аппарата генерал Болдырев. Я сейчас попрошу к аппарату штабс-капитана Седякина.

— У аппарата шт.-кап. Седякин.

— А, здравствуйте. Скажите, пожалуйста, имеете ли вы какое-либо отношение к той организации в Двинске, которая действует под именем Революционного Комитета?

— Здравствуйте. Я член Военно-Революционного Комитета V армии и товарищ председателя Армискома.

— Есть ли ваши посты на телеграфе?

— Посты есть, задачи их — охранять телеграф, отнюдь не контролировать. Для контроля на телеграфе присутствует комиссар Военно-Революционного Комитета. Телеграмм никаких он не задерживает.

— Очень хорошо. Следовательно, сообщенные мне сведения неверны; мне сообщили, что агенты Революционного Комитета в Двинске препятствуют передаче некоторых телеграмм. Революционный Комитет Пскова, с моего согласия, также имел посты при аппаратах с информационной целью; в настоящее время, за ненадобностью, эти посты, по моему предложению, сняты и самый Комитет расформировывается, а члены, его составлявшие, возвращаются в свои организации: Искоборсев, Комарсев и Совет Псковских депутатов. Извиняюсь, что побеспокоил вас. Больше ничего не имею.

— Комитет некоторые телеграммы задерживал и, по рассмотрении, не препятствовал отправке по назначению, теперь же контроль только информационный. Революцион[ный] Комитет еще существует, имеет своих комиссаров во всех частях армии с определенными полномочиями поддержания революционного порядка и сохранения целости фронта. Пока кризис власти не кончится, до тех пор Военно-Революционный Комитет будет продолжать выполнять возложенную

на него задачу Армискомом V. С командующим армией действуем в контакте. Больше ничего?

— А как у вас в армии относятся к отправке войск на Петроград? Не вызывает ли это каких-либо недоразумений и эксцессов?

— С какой целью?

— Для поддержки Временного Правительства.

— Определенно отрицательно. Армия не даст правительству Керенского ни одного солдата для борьбы с Петроградом.

— Я это знал и поставил в известность об этом Керенского; следовательно, положение у вас не изменилось?

— Да, но в армии пока все спокойно. В одной части армии симпатия на стороне Петрограда, в другой на стороне старого ЦК. Армиском занимает нейтральную позицию и примет все меры, чтобы не допустить братоубийственной резни между войсками революционных партий, но отдаст все силы, все имеющиеся в распоряжении силы, для борьбы с контр-революцией.

— Решение правильное вполне, приветствую его; из опасения гражданской войны между политическими партиями на фронте я просил главковерха отменить распоряжение о посылке войск на Петроград с севфронта, кроме тех частей, которые он лично повел, и, кажется, моя просьба уважена. До свидания. *Черемисов.*

— До свидания. *Седякин.*

(Окончание следует.)

Накануне перемирия.

Телеграмма Комитета Защиты и Спасения Революции Особой армии ген. Духонину 9 ноября 1917 г. [1]).

Главковерху, Обаркому, военмину, Искомитюзу, Искомсеву, Искомзап, Румчерод, Ревкомзап, Рекорум, Армкомам 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 и Кавказской армий, Черноморскому и Балтийскому флоту.

Ровно. 9 ноября 1917 года. Комитет Защиты Родины и Спасения Революции на территории Особой армии при командарм Особой (Комспасарм) считает постановление главковерх немедленно снестись с военными властями неприятельских армий о перемирии подлежащим немедленному исполнению, решительно протестует против отказа генерала Духонина, в качестве главковерха, принять соответственные меры, так как на местах фактически не может быть и речи о продолжении ведения военных действий и нам необходимо в целях предотвращения ужаснейшей катастрофы обеспечить себя от активных действий со стороны неприятеля. Резко осуждаем призыв Обаркома и препятствия, чинимые им перемирию. Ультимативно требуем от главковерха общего распоряжения о перемирии в течение 24 часов, что, в противном случае, Особая армия заключит перемирие собственной властью — это единственное средство предотвратить ужаснейшую катастрофу. Кроме того Особая армия, как сказано во вчерашней резолюции, приемлет кандидатуру Чернова как результат соглашения партий, а не как новый вид диктатуры, влекущей за собой новую гражданскую войну, и требует немедленного создания обще-социалистического правительства. № 88.

Председатель ротмистр *Гайлитс.*
Верно: прапорщик барон *Кноринг.*

---

[1]) В. И. А., I ч., д. № 222—093, лист 240. Документы, вошедшие в настоящую публикацию, взяты из дел Московского Военно-Исторического Архива (сокращенно: В. И. А.), ч. I, №№ 818, 820 и 222—093 (в подстрочных примечаниях дана точная ссылка к каждому документу). Документы охватывают период времени с 9 по 19 ноября 1917 г., за исключением «Сводки донесений о настроении армий», в которой дан обзор солдатских настроений

Обращение по радио Общеармейского Комитета к солдатам с требованием ухода большевистского правительства [1]).

Всем! Всем! Всем!

Товарищи! Вы видите, что в сложившейся ныне обстановке единственным препятствием к заключению мира является правительство Ленина и Троцкого. То, что предсказывалось давно лучшими умами демократии, стало действительностью: те, кто больше всех кричал о мире, меньше всех его могут дать. Ленин стал у власти и после двух недель бесплодного ожидания ответа на свое обращение к державам должен признать, что с ним не желают разговаривать. Но он не может сказать этой горькой правды обманутым им солдатам и рабочим и, стремясь снять с себя ответственность и свалить неудачу на другого, он предлагает вести мирные переговоры верховному главнокомандующему. Всякому ясно, что державы, не пожелавшие разговаривать с правительством Ленина, не станут говорить и с генералом Духониным, который мог бы обратиться к ним лишь как уполномоченный этого правительства. Ленин и Троцкий это великолепно понимают, но их главной задачей, по их собственному заявлению в Центральном Исполнительном Комитете, является углубление гражданской братоубийственной войны, и только этого они добивались своим обращением к генералу Духонину. Товарищи! Лишь вы можете положить конец этой недостойной игре судьбою родины. Заявите категорически и немедленно, что армии необходимо такое правительство, которое может действительно дать стране мир, а не только бросать громкие слова о мире. Требуйте немедленно образования общесоциалистического правительства и немедленного ухода кучки узурпаторов с Лениным во главе, от которого отказались даже их благоразумные единомышленники. Такое правительство будет признано и страной и иностранными державами и немедленно приступит к мирным переговорам. Товарищи! Единодушно сплотите все ваши силы вокруг идеи достижения действительного мира и поручите решение этого вопроса новому правительству с Виктором Михайловичем Черновым во главе. Только в этом спасение родины, только в этом конец нашим трехлетним мукам.

Общеармейский Комитет.

за время с 15 по 30 ноября 1917 г. Текст публикуемых документов подготовил к печати И. О. Тоболин. *Ред.*

[1]) В первой части радиотелеграммы Общеармейского Комитета помещен известный разговор Ленина, Сталина и Крыленко с Духониным, закончившийся отрешением последнего от должности главковерха. Эта часть радиотелеграммы опущена здесь.— Радиотелеграмма отпечатана типографским способом; перепечатываем с оригинала, хранящегося в В. И. А., ч. I, д. № 222-093, лист 193.

Телеграмма Армейского Комитета V армии 10 ноября 1917 г. о мирных переговорах.

Только Общеармейскому Комитету при ставке. Всем Фронтовым и Армейским Комитетам, кроме I и III армии.

Армейский Комитет V армии, обсудив создавшееся положение в связи с радиограммой [1]), постановил принять в основу следующую резолюцию объединенных с.-д. интернационалистов: 1) Прекратить все боевые действия на фронте до окончательного выяснения результатов мирных переговоров между центральными и союзными державами, для чего, во-первых, немедленно приступить к конструированию однородного социалистического министерства, которого требует армия, отозвать представителей внешней политики, не выражающих воли демократической России и аккредитованных еще поныне в союзных государствах, и заменить их истинными выразителями воли революционной России, которых уполномочить приступить к немедленным переговорам о справедливом и демократическом мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. 2) О принятом решении известить все фронты для координации действий всех армий, призвать полки к бдительности и предостеречь их от разрозненных и неорганизованных действий, ведущих к гибели всего дела революции и грядущего мира. 3) [2]) Известить о принятом решении германскую и союзную демократию через парламентеров [3]) фронтов. Для практического осуществления этого последнего Армейский Комитет берет на себя инициативу соответствующей организации. После того как эта резолюция была принята большинством голосов, причем в голосовании участвовали все фракции, входящие в состав Комитета, большевики, также принимавшие участие в голосовании, потребовали перерыва, после которого они заявили, что резолюция для них неприемлема и что они оставляют за собой свободу действий. № 245. Товарищ председателя Армискома V *Медянцев*.

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с военным министром ген. Маниковским и нач. ген. штаба ген. Марушевским 9 ноября 1917 г. об увольнении Духонина от должности главковерха [4]).

— Кто у аппарата?

— У апп[арата] генерал Маниковский.

— У аппарата генерал Духонин. Здравия желаю. Можно ли для проверки задать вам несколько вопросов: не откажите сказать, как имя отчество генерала Ханжина?

---

[1]) Радиограмма Совета Народных Комиссаров с предложением мира.

[2]) В подлиннике описка: вместо 3—4.

[3]) В подлиннике: «парламентариев».

[4]) В. И. А., ч. I, д. № 818, л.л. 25—32.

— Здравия желаю, сейчас справлюсь.

— А какую он занимает должность?

— Полевого генерал-инспектора при вашей ставке.

— Вы один у аппарата?

— Я и генерал Марушевский.

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич и Владимир Владимирович. Вчера я получил телеграмму от народных комиссаров с предложением войти в мирные переговоры со всеми воюющими и союзными державами и немедленно вызвать парламентеров. Телеграмма эта была передана по прямому проводу из генмора и по радио, без номера и даты, но с очевидным намерением широкого оповещения солдатских и народных масс. Столь необычный порядок передачи телеграммы по телеграфу, имеющей огромное государственное значение, заставил меня усумниться в подлинности этой телеграммы; совершенно недопустимо даже для людей, не отдающих себе отчета в значении военных тайн. Я просил вас эту телеграмму передать в зашифрованном виде, чтобы сличить ее текст и установить подлинность. Из вашей телеграммы я вижу, что для вас это предложение не было известно. Сегодня ночью меня вызвали к аппарату Ленин, Крыленко и Стал[ин] и требовали категорического ответа об исполнении этого предложения. Из поставленных мною ребром вопросов и из полученных ответов я совершенно ясно увидел, что народные комиссары на свой декрет о мире не получили абсолютно никаких ответов, их, очевидно, не признают. При этом условии они сделали другую попытку к открытию мирных переговоров [1]).

— Кто у аппарата?

— У аппа[рата] генерал Марушевский. Ген. Маниковский должен был уехать и приказал мне докончить переговоры с вами. Что прикажете, и я готов слушать, а затем доложу то, что мне приказано.

...[2]) переговоров через посредство верховного главноком[андующего], причем вопрос расширили, предложив вести все переговоры и надеясь на то, что со мной, как законной военной властью, будут разговаривать и противники и союзники. Я высказал взгляд, что вопросы о перемирии может вести лишь центральная власть, облеченная доверием народа и армии и ими признанная, такая власть в состоянии обратиться к союзникам и противной стороне. В ответ на это я получил телеграмму: «Генералу Духонину. Именем правительства Российской Республики и по поручению Совета Народных Комиссаров мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам, под страхом ответственности по закону военного времени, продолжать ведение дела, пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главно-

---

[1]) На этом произошел перерыв действия аппарата.

[2]) Продолжение передачи со стороны Духонина.

командующим назначается прапорщик Крыленко. Ленин. Сталин. Крыленко». Я считаю, что во времен[ное] и[сполнение] д[олжности] главковерха я вступил на основании закона («Положение о полевом управлении войск в военное время»), в виду отсутствия главковерха. Могу сдать эту должность также в том случае, если от нее буду отстранен, новому лицу, на нее назначенному в законном порядке, то есть указом Сенату, распубликованным этим последним, являющимся высшим блюстителем законности в стране, дотоль не упраздненным. Вот мой взгляд, Владимир Владимирович. Что вы можете сказать?

— Николай Николаевич. Ген. Маниковский вчера ночью совершенно не был в курсе всех этих известий и предложений о мире. Все вами изложенное для него стало известно, главным образом, из газет, где сегодня утром напечатаны как посланная вам телеграмма, так и обращение представителей Смольного института к французскому послу. Ваш взгляд на вещи я доложу ген. Маниковскому. Что касается нашего положения, то оно делается довольно трудным. Мы продолжаем твердо держаться положений первого приказа ген. Маниковского, т.-е. продолжаем работать исключительно для насущных нужд армии, так как полагаем, что управления военного министерства являются составною частью армии и с нею неразрывно связаны в военное время. Мы категорически отстраняемся от вмешательства во внутреннюю политику и пока что довольно успешно вели наши дела, так как отстранили народных комиссаров. Я нисколько не ошибусь, если доложу вам, что мы считаем вас законным главковерхом, и сведения, которые вы нам сообщили, несомненно, со стороны личного состава военного министерства вызовут, вероятно, и протест и, во всяком случае, прения [1]), с которыми мы обратимся к генералу Маниковскому, через генерала Маниковского к народным комиссарам. Должен доложить, что наше положение осложняется тем, что наша забастовка или отказ от работы может повлечь за собою неисчислимые бедствия. Только эти соображения заставили личный состав начать работу, но только по снабжению и по тем отделам, которые армии необходимы для жизни. Сегодня в 2 часа у ген. Маниковского собирается совещание из представителей как офицерского, так и солдатского управлен[ий] с тем, чтобы принять общую резолюцию, которая и будет объявлена народным комиссарам, захватившим власть. Суть этой резолюции, я думаю, будет общая для всех управлений, и смысл ее будет в том духе, как я вам доложил раньше. Мы страшно заинтересованы в том, чтобы мощный голос армии был нам известен, чтобы нам можно было опираться не только на наше мнение, но и на мнение всех армий, выраженное в резолюции соответствующих войсковых демократических организаций. Главное, что нас затрудняет, это то, что власть в Петрограде фактически перешла в руки только одной социалистической партии, и правительство,

[1]) Так в подлиннике.

созданное этой партией, если таковое будет, явится лишенным представителей других демократических партий. Прошу вас не отказать высказать свой взгляд на это, дабы дальнейшая работа военного министерства была бы органически связана с жизнью, нуждами и общим мнением всей армии.

— Я думаю, что едва ли есть шансы на образование однородного большевистского правительства, так как его совершенно не признают казаки, Украина, Кавказ; о том же имеются сведения с румынского фронта. Линия определенного настроения северного и западн[ого] фронта, где разложение в большей степени. До нас доходят сведения о полной изолированности большевиков в Петрограде и что вопрос о перемирии был их последней картой, причем выяснилось, что они сами ничего сделать не могут, не пользуясь полным признанием страны и доверием со стороны держав. Как правительственная власть они, несомненно, бессильны и делают последние отчаянные попытки вернуть к себе доверие народных темных масс. Их стремление — привести к миру во что бы то ни стало, хотя бы явочным порядком; конечно, кроме этого они ничего не могут дать стране, но зато ввергнут ее в пучину бед и междуусобной брани, внесут раскол ее [1]) к областям; уже и теперь Украина отделяется. Опасаюсь, что своими действиями они внесут полное расстройство в управление войсками. Сегодня они распространили радиотелеграмму о том, чтобы полки на позициях сами заключали мир с противником, так как никакого другого способа у них нет. Этого рода действия исключают всякое понятие о государственности и обозначают совершенно определенно анархию и могут быть на-руку не русского народа, комиссарами которого себя именуют большевики, а, конечно, только Вильгельму. Было бы желательным, если узнаете об отъезде Крыленко сегодня или в ближайшие дни, сообщить мне, пожалуйста, заблаговременно. Больше ничего.

— Все передам генералу Маниковскому лично. Я иначе смотреть на дело и не могу. Очень прошу вас приказать сообщать нам возможно чаще в открытую и по радиотелеграфу как ваше мнение и указания, так и пожелания и мнения армии всего фронта. Все.

— Владимир Владимирович, можете вы доложить ген. Маниковскому, что ставке крайне необходимы для войск денежные знаки, так как в них мы терпим недостаток? Можно ли на это рассчитывать?

— Полагаю, что можно, так как сейчас часть министерства финансов работает на тех же основаниях, как и мы, то есть для армии. Не прикажете ли еще что-нибудь?

— Нет, пока ничего, проталкивайте нам продовольствие, хлеб— главным образом.

— В этом направлении и делаются все усилия.

---

[1]) Так в подлиннике.

— До-свидания, всего вам хорошего, будем разговаривать по аппарату.

— Честь имею кланяться, буду ожидать дальнейших приказаний.

Обращение начальников военных миссий при штабе верх. главнокомандующего на имя ген. Духонина 10 ноября 1917 г. с протестом против заключения Россией сепаратного мира [1]).

A Son Excellence le général Doukhonine, Commandant en Chef des Armées Russes.

Mogilev, le 10/23 nov. 1917.

Votre Excellence.

Les Chefs soussignés des Missions Militaires accréditées auprès du Haut Commandement Russe, à la suite des instructions très formelles reçues de leurs Gouvernement respectifs, par leurs Ambassadeurs à Petrograd, ont l'honneur de protester de la façon la plus énergique auprès du Haut Commandement Russe contre toute violation du traité signé par les Puissances alliées de l'Entente le 23 Août/5 Septembre 1914, par lequel les Puissances Alliées, y compris la Russie, s'engagent solennellement à ne conclure séparément ni armistice, ni suspension d'armes.

Les soussignés, chefs de Missions Militaires croient aussi de leur devoir de porter à la connaissance de Votre Excellence que tout manquement à ce traité de la part de la Russie entraînerait les conséquences les plus graves.

Les soussignés Chefs de Mission Militaire, prient Votre Excellence de bien vouloir accuser réception de cette note par écrit et d'agréer l'assurance de leur considération la plus distinguée.

C. Barter, Lieut. général,
Chef de la Mission Militaire Britannique.
G-l Coanda,
Chef de la Mission Militaire Roumaine.
G-l E. Romei, Major Général,
Chef de la Mission Militaire Italienne.
Я. Такаянаги,
Chef de la Mission Militaire Japonaise.
J. Lavergne, G-al de Brigade,
Chef de la Mission Militaire Française.
Colonel B. Lontkiévitch,
Chef de la Mission Militaire Serbe.

[1]) В. И. А., ч. I д. № 818, л.л. 290—291. На подлиннике помета ген. Духонина: «10/XI. 1917. *Ген. Духонин*».

Перевод [1]).

Его превосходительству генералу Духонину верховному главнокомандующему российской армии.

Могилев, 10/23 ноября 1917 года.

Ваше превосходительство!

Нижеподписавшиеся начальники военных миссий, аккредитованных при верховном русском командовании, действуя на основании точных указаний, полученных от своих правительств через полномочных их представителей в Петрограде, имеют честь заявить самый энергичный протест пред российским верховным командованием против всякого нарушения условия договора от 23/5 [2]) сентября 1914 года держав Согласия, которым союзники, в том числе и Россия, торжественно обязались не заключать отдельно друг от друга ни перемирия, ни приостановки военных действий.

Нижеподписавшиеся начальники военных миссий считают также своим долгом довести до сведения вашего превосходительства, что всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собою самые тяжкие последствия.

Нижеподписавшиеся начальники военных миссий просят ваше превосходительство не отказать письменно уведомить о получении настоящего сообщения и принять уверения в совершенном их к вам уважении.

Бартер (генерал-лейтенант, начальник Британской миссии).
Коанда (генерал, начальник Румынской миссии).
Ромеи (генерал-майор, начальник Итальянской миссии).
Я. Такаянаки (начальник Японской миссии).
Лаверн (бригадный генерал, начальник Французской миссии).
Полковник *Лудкиевич* [2]) *(начальник Сербской миссии).*

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с ген. Марушевским в ночь с 10 на 11 ноября 1917 г. о ноте протеста военных представителей союзных держав [3]).

— У аппарата генерал Духонин.

— У аппарата ген. Марушевский. Здравствуйте, Николай Николаевич. Ген. Маниковский просил меня переговорить с вами, так как он целый день был занят на совещании всех представителей управлений военного министерства, а потом в этом совещании ему пришлось

---

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 818, л. 289. Перевод сделан в ставке; напечатан в приложении к книге Лелевича «Октябрь в ставке», 1922, изд. «Гомельский Рабочий», стр. 47.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) В верхней части телеграфного бланка, перед текстом, помета карандашом: «Начало переговоров в 22 часа 5 мин. Конец—11-го 0—35 мин.». В. И. А., ч. I. д. № 818, л.л. 141—153.

еще вести переговоры с комиссарами Крыленко и Подвойским. Я сейчас вам доложу суть сегодняшнего дня, но раньше хочу спросить вас, что вам было угодно передать Маниковскому?

— Здравствуйте, Владимир Владимирович. Благоволите сообщить, известна ли в Петрограде нота союзных держав с протестом о предполагаемых на нашем фронте переговорах о перемирии и приостановке боевых действий с указанием на тяжелые последствия для России, если она предпримет эти шаги единолично?

— Я лично об этом ничего не знаю. Не откажите сообщить, в чем дело?

— Сообщаю вам для доклада генералу Маниковскому и поставления в известность народных комиссаров: сегодня мне лично вручил старший из начальников союзных военных миссий при ставке верховного главнокомандующего генерал-лейтенант английской службы Бартер нижеследующее сообщение... [1]).

Нота эта мною сообщена главнокомандующим для оповещения войск.

— Ваше сообщение немедленно передам Маниковскому. Николай Николаевич, какой, по-вашему, может быть выход из создавшегося положения? Мне лично кажется, что, если на всем фронте происходило братание в течение многих недель, и что, если предложение о немедленном перемирии, переданное комиссарами на фронт, проникло уже в сознание войсковой массы, то положение делается, вероятно, трудно поправимым; я хотел бы знать, как отнеслись главнокомандующие фронтами к последним событиям и примет ли армия назначение нового главнокомандующего народными комиссарами. Мне совершенно неясно, представляет ли из себя ставка остров, отделенный от остальной массы армии, или же, наоборот, вся армия во всем целом действительно сочувствует идее немедленного перемирия со всеми тяжелыми последствиями, которые можно ожидать в силу протеста союзников, вами переданного?

— Мир желателен, но необходимо прийти к нему прямыми путями, так как сознательная солдатская масса отлично понимает, что мир этот должен быть заключен совместно с союзниками, путем сношения центральных правительств, обладающих полномочною властью. Последствия, на которые указано в ноте, для нас могут быть действительно тяжкими, самым существенным образом угрожающими существованию нашего государства. Последствия радиотелеграммы 9-го ноября с призывом к самочинным выступлениям частей к переговорам с противником может повести к тяжелым последствиям [2]), так как это не приведет к окончательному миру, которого только и желает масса, если самочинные действия будут восприняты большей частью

---

[1]) Далее следует текст приведенной выше ноты-протеста союзников от 10 ноября 1917 г.

[2]) Так в подлиннике.

армии. Результатом неудовлетворенности массы в основном ее стремлении могут явиться срыв фронта с места и стихийные бедствия гражданской войны. Конечно, эта радиотелеграмма достигла окопов, однако первых два дня не ознаменовались какими-либо массовыми выступлениями, и я думаю, что здравый смысл русского народа сумеет разобраться в сложной для него обстановке и выйдет с честью из посланных испытаний. Отсюда вы можете заключить, что ставка еще не является изолированным островком личных мнений и впечатлений. Она отражает в себе пока, — думаю, что не ошибаюсь, — большинство массы армии. Вот что дает мне утешение в трудные минуты теперешнего руководительства армии. Теперь я жду вашей ориентировки.

— Сегодня у Маниковского собрались представители как офицерской, так и солдатской среды всех управлений, и резолюция, которая была принята большинством, единодушно сходилась на точке зрения полной необходимости продолжения работы для нужд армии. Вместе с тем постановили эту работу вести исключительно по указаниям, исходящим от ген. Маниковского, ограждая себя от какого бы ни было вмешательства комиссаров в работу военного министерства, короче говоря, общая масса служащих не идет на признание той власти, которая категорически подпирается штыком и пулей здесь в Петрограде. Практически эта резолюция вряд ли выполнима в деталях, так как прежде всего приходится иметь дело с Петроградским округом и его представителями, требования которых по снабжениям приходится выполнять, и факт непризнания войск округа таковыми же, как и все войска в округах и на фронте, повлечет за собой воздействие вооруженной силой, которого никто не боится, как это и заявлено, но которое повлечет за собой немедленно абсолютный хаос в работе военного министерства, денежный и окончательный крах в армии и прочее совершенно ясное невероятное тяжелое последствие. Вот перед каким вопросом стоят управления военного министерства. О ходе политической жизни страны и армии мы осведомлены весьма туманно и лицом к лицу стоим только перед тем фактом, что, по нашим сведениям, те войска, которые подходили сюда для водворения порядка в Петрограде, быстро превращались в бездействующие массы и пока что все эти попытки окончились ничем. Из тех боевых действий, если их можно называть боевыми, которые я видел собственным глазом, я вывожу заключение, что здесь на улицах дрались только матросы и вооруженные рабочие, солдаты запасных полков были апатичны и, видимо, кажется мне, берегли себя и не желали особенно активных выступлений. Я не представляю себе, как должна сложиться государственная власть в дальнейшем, но с уверенностью говорю лишь то, что у армии и военного министерства должна сложиться какая-то ясная идея о возможности и необходимости дальнейшей работы. Нужно отдать полную справедливость, что из сегодняшней беседы с Крыленко и Подвойским, которые были приглашены по своем приезде на наше совещание к ген. Маниковскому, у меня сложилось убеждение, что

они желали бы пойти на соглашение, лишь бы достигнуть порядка и избавить страну и армию от анархии; видимо, комиссары несколько затрудняются ехать в ставку, так как Крыленко сегодня не поехал, а, между тем я именно этого-то и ждал, так как надеялся, что путем личного обмена мнениями с вами и чинами вашего штаба, мож[ет] быть, комиссары могли достигнуть выхода из того тупика, в котором мы находимся. Лично мне кажется, что комиссары несколько поторопились в разговорах с вами предыдущей ночью и с новым назначением на пост главковерха. Мне кажется, что этот пост можно или оставить за вами, или, при вашем содействии, назначить на него вполне определенное лицо с фронта, причем я лично крайне рекомендовал бы обратиться к помощи генерала Щербачева. Мне кажется, что в случае необходимости ведения переговоров о перемирии или мире генерал Щербачев, будучи главнокомандующим фронтом, был бы облечен одинаковым доверием, как со стороны массы, так и со стороны офицерской среды, и, кажется мне, что он помог бы найти выход при вашем сотрудничестве. Добиваясь во что бы то ни стало создания новой верховной власти, мы идем по пути крайне тягучего недоразумения, а между тем вижу, как растет анархия и как она выбивает последние точки опоры из-под наших ног. На поставленные сегодня вопросы комиссарам некоторые из начальствующих лиц убедились, что можно прибегнуть даже и к выходу в отставку, но как генерал Маниковский, так и мы между собою сговорились отбросить какие бы то ни было личные интересы и в полном смысле слова до последней капли крови нести на своих плечах всю тяжесть создавшегося положения до тех пор, пока не удастся создать благоприятного положения для тех миллионов солдат, судьба которых лежит на нашей ответственности. Вот вам искренний доклад о том, что я переживаю сейчас, помогите, посоветуйте и учтите обстановку, обстановку Петрограда.

— Для меня вопрос о перемирии и мире не связан с тем, кто будет верховным главнокомандующим. Я всем существом исповедую, что такой государственной важности вопрос может быть разрешаем только соглашением центральных властей. Учитывая всю сложность нашей современной политической жизни, я бы, быть может, принял на себя тяжесть и ответственность в данную минуту и приступил бы к выполнению задачи привести Россию к миру путем соглашения с союзниками и враждебными государствами, но я был поставлен в невозможность даже думать об этой работе, так как от меня потребовали немедленной высылки парламентеров без предварительных соглашений с союзниками, чего ни честь личная, ни честь России мне не позволяла сделать. Вот корень причин сложившейся обстановки, и мне кажется, что, чтобы выйти из тупика, надо сознаться в тех не прямых путях, которые мне диктовались для исполнения. Это сделать не трудно, надо, чтобы предложение для этого исходило бы от власти, которую хотя бы временно признало большинство страны. Власть по форме для данного времени может быть различна,

лишь бы она не была насильственно сложенной. Вот все, что я вам могу ответить.

— Николай Николаевич, мне все-таки неясно, какую позицию должно принять военное министерство, то есть, в частности, чем мог бы помочь генерал Маниковский, который является преемственным законным, но, к сожалению, не полный властью создавшемся положении [1]). Я бы хотел знать, в каком направлении вы рекомендовали бы ему воздействовать. Вместе с тем я хотел бы знать, возможна ли и желательна ли поездка комиссара в ставку, так как я боюсь, что обращение народных комиссаров непосредственно к фронтам, — а мне кажется, что этого можно ожидать, — нарушит окончательно самую систему управления армиями и создаст еще более невыносимую обстановку.

— Я вполне солидарен с той позицией, которую заняло военное министерство в своей сегодняшней резолюции, и, конечно, частные случаи сношений с Петроградским округом не могут выводить военное министерство из той общей линии, которую оно приняло в отношении снабжения армии всем необходимым. Ставка хотела бы иметь сношения только с генералом Маниковским, усматривая в его лице полноту власти по вопросам военным, с одной стороны, а с другой стороны, считая его как бы посредником с образовывающейся властью, еще не сформировавшейся и не обретшей всей полноты управления страной. Я совершенно не касаюсь политического лица этой власти, так как для данного момента нужна лишь власть как таковая. Поездка комиссара в ставку нежелательна не по личным моим каким-либо отношениям к ним, но этого требует обстановка в лице армейских организаций, которая не может быть признана благоприятной для утверждения такого исключительного верховного главнокомандующего. Эти мои слова относятся и к комиссарам. Я могу вам повторить почти то, что я сказал и народным комиссарам, — передача мною должности может быть только той властью [1]), которая будет способна привести Россию к миру в согласии с нашими союзниками и опираться, как я уже сказал, своем авторитете [1]) на большинство народа.

— Николай Николаевич, принципиально я с вами совершенно согласен, но что же делать, если та власть, которая делала высшее назначение [1]), так или иначе отошла в сторону. Если мы будем оставаться на этой точке зрения, не предлагая, вернее говоря, не изыскивая выхода из создавшегося положения, то в самом непродолжительном будущем, то есть, может быть, завтра, мы будем поставлены лицом к лицу с затруднениями, которые политическая партия, захватившая власть в Петрограде, будет решать оружием. Я полагаю, — но оговариваюсь, что не знаю обстановки в стране, — что мы не можем ограничиться только выжидательным положением. Я категорически не скло-

[1]) Так в подлиннике.

нен к каким бы то ни было активным выступлениям и ничем для этого не располагаю, я могу лишь для помощи при создавшемся положении предложить свои мозги, и мне кажется, что искать выходов нужно, и нужно экстренно, так как генерал Маниковский ежеминутно должен решать совершенно неразрешимые задачи. Что делать с представителями союзных держав? Я уже не раз говорил с агентами и старался всеми мерами не доводить их до открытого протеста. Совершенно естественно, что это было возможно лишь до открытого предложения мира. Нельзя ли склонить их теперь к необходимости для России хотя бы временного перемирия, может быть, до созыва Учредительного Собрания? Если обстановка дает возможность надеяться, что на фронте мы не получим хаоса, то, может быть, есть время еще предложить им составить совещание и обратиться для переговоров или через генерала Маниковского или даже непосредственно к народному комиссару? Оставаться дальше в пассивном положении нельзя, так как, повторяю, еще лишний день или два в государственном отношении может создать положение непоправимое.

— Владимир Владимирович, я вовсе не претендую на власть, желая лишь принесть родине возможно больше пользы. Я не исключаю возможность принятия власти в естественном порядке старшим из фронтовых начальников, которым является генерал Щербачев. Я останусь наштаверхом, пока я буду нужен. Если это дает для генерала Маниковского возможность разрешить кризис, при том условии, что генералу Щербачеву будет предоставлено вести управление фронтом нормально, в согласии с обязательствами нашими перед союзниками, и если передачу верховного главнокомандования я произведу сам, что хотел сделать уже несколько дней тому назад, то я ни минуты не задумаюсь привести это в исполнение.

— Николай Николаевич, все ночью же пошлю доложить генералу Маниковскому. Постараюсь доложить вам все, что будет происходить в дальнейшем.

— Я должен вам еще добавить, что генерал Щербачев может прибыть в Могилев после моего вызова только дней через 4—5. Увольнение 99 года мною намечалось к 1-му ноября, но я задержался с увольнением лишь по причинам расстройства железных дорог. Вчера послал распоряжение о порядке увольнения. Сегодня по воздуху был передан декрет народных комиссаров об этом же.

— Имеете ли что еще сказать?

— Армиям необходима срочная присылка денег для раздачи рабочим и солдатам жалованья. В некоторых казначействах все вышло.

— Имеете ли еще что-либо сказать?

— Никак нет.

— Тогда всего хорошего, до свидания.

— Честь имею кланяться.

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с командующим V армией генералом Болдыревым 11 ноября 1917 г. о ноте протеста союзников от 10 ноября 1917 г.[1]).

— У аппарата ген. Духонин.

— У аппарата командарм пять генерал Болдырев. Прошу извинения, что беспокою ваше превосходительство, считал долгом доложить вам нижеследующее: у меня имеется сведение, что сегодня, 11 ноября, прибывает экстренным поездом в Двинск прапорщик Крыленко. Армискому 5 указано из Петрограда обеспечить ему меры личной безопасности и подготовить товарищей, знающих немецкий язык. Из этого я заключаю, что, в связи с бывшими радиотелеграммами, поездка эта может иметь попытку переговоров о мире. Ввиду того, что все комитеты армии и в особенности армейский явно большевистского направления, а идея немедленного мира очень живуча и остра в сознании солдатской массы, полагаю, что приезд этот будет встречен сочувственно, и помешать ему, не имея реальной силы, я не могу; все, даже более спокойные части, в таких случаях отговариваются соблюдением нейтралитета. Таким образом приходится, к сожалению, ограничиться лишь обращением к армии, предостерегающим о самочинных выступлениях отдельных лиц, не облеченных полномочиями признанной всей страной власти, каким в данном случае является прапорщик Крыленко. Не исключаю возможности, — докладываю это лишь предположительно, — попытки захватить здесь власть и обосноваться, опираясь на сочувствие комитетов. Докладываю об изложенном и спрашиваю, не последует ли по сему каких-либо указаний от вас. *Болдырев.*

— Здравствуйте, Василий Георгиевич. Скажите, пожалуйста, когда получено это сведение о приезде прапорщика Крыленко и когда именно ожидается его прибытие?

— Сведение получено из разговора комиссара армии с Петроградом; я эти сведения получил из секретного доклада телеграфиста, который утверждает, что приезд должен состояться между 10 и 12 часами, но комиссар по телефону известил, как он выразился, что верховный главнокомандующий прапорщик Крыленко должен выехать из Петрограда между 10 и 12 час., насколько это заявление верно, утверждать не могу, так как вообще не имею основания доверять подобным заявлениям.

— Очень прошу вас указать, когда был разговор комиссара с Крыленко?

— Комиссар разговаривал не с Крыленко, а с Петроградом, повидимому, доктором Склянским, председателем Армискома пять. Если нужно знать точно время разговора, прошу минуту обождать. Полагаю, около 24 часов. Думаю, что эта цифра верна.

---

[1]) В верхней части подлинника помета: «Начало переговоров 11/XI. 6 ч. 35 м., конец — 7 ч. 40 мин.». В. И. А., ч. I, д. № 818, л.л. 132—135.

— Около полуночи сегодня я говорил по аппарату с Петроградом, с начальником генерального штаба, и передал ему по аппарату содержание той ноты, которую мне вручил 10-го ноября старший из начальников военных миссий союзных держав при ставке и которая, вероятно, уже дошла до вашего сведения через главкосева; нота эта выражает решительный протест против вступления наших войск в переговоры о перемирии с противником и приостановки боевых действий без соглашения предварительно с союзниками, причем говорится, что, в случае несоблюдения этих оснований договора, заключенного Россией с союзниками в августе 1914 года, нам грозят самые тяжкие последствия. Нота эта была передана во все фронты; осведомлены ли вы о ней?

— Да, эта нота получена и мною. Приказано сегодня не позже 10 часов прочесть ее и разъяснить ее во всех комитетах.

— Эту ноту генерал Марушевский должен был около часу ночи доложить генералу Маниковскому, управляющему делами военного министерства, а генерал Маниковский должен был довести эту ноту немедленно до сведения всех, кому это ведать надлежит, в том числе и прапорщику Крыленко. Нет никакого сомнения, что самое появление ноты есть непосредственный результат той радиограммы, которую 9-го ноября на рассвете пустили в воздух Крыленко и Ленин с призывом к самочинному приступу к переговорам о перемирии с противником даже на участках полков. Я не касаюсь, конечно, понятной оценки этого приема крайних большевиков дискредитировать власть начальников и добиться самочинного установления мирных переговоров и полного кавардака на фронте. Теперь, по получении этой ноты, разъяснившей обстановку даже и тем, кто не хотел ее понимать, прием, о котором вы сообщаете, явился бы очевидной форменной изменой родине. Вечером, до 24 часов по крайней мере, никаких выездов Крыленко из Петрограда не было: как мне говорил генерал Марушевский, Крыленко свой предполагаемый приезд, но не на фронт, а в ставку, отложил. Я приказал сейчас вновь навести справку, но лично более чем уверен, что он не выедет и на фронт, пока обстановка в Петрограде с союзниками не разъяснится. Я ожидаю сегодня вызова по аппарату из Петрограда по этому вопросу. Вероятно, поймут, что право и единственная возможность вступить в переговоры о перемирии принадлежит полномочному правительству в лице его центральной власти, облеченной доверием хотя бы большинства страны и армии и признанной союзниками. Если я получу сведения, подтверждающие отъезд, то вам немедленно сообщу.

— Очень благодарен и еще раз извиняюсь за беспокойство. *Болдырев.*

— До свиданья.

Разговор ген. Духонина с ген. Марушевским 11 ноября 1917 г. об отношении правительства Сев.-Американских Соединенных Штатов к событиям в России [1]).

— Здесь огенквар ген. Марушевский.

— У аппарата ген. Духонин. Добрый вечер, Владимир Владимирович. Что скажете?

— Добрый вечер, Николай Николаевич. За сегодняшний день нет ничего нового. Единственно, что могу вам сообщить, что, может быть, пост военного министра вновь займет Верховский. Из вчерашнего моего разговора по этому поводу с Крыленко и Подвойским я вынес впечатление, что к нему относятся благожелательно. Если бы ему предложили вступить в управление министерством, то полагаю, что его неуклонная программа была бы — первое: обязательные пути к миру, второе: планомерная демобилизация армии и третье: обязательное обеспечение этой демобилизации путем создания добровольных дружин для обеспечения от анархии. Полагаю, что эта программа была бы подходяща к идеям комиссаров, так как в конечных целях она сходится с ними; боюсь, задержка может последовать из-за добровольцев, но по существу идея создания Красной Гвардии, в сущности, то же самое, но Красная Гвардия, конечно, обладает большими недочетами в организации. Кажется, в Смольном об этом будут говорить сегодня вечером: когда выяснится что-нибудь, передам по аппарату, в журналах ничего нового нет.

— Ну-с, вот что делается у вас! С высказанным вами предположением я вполне согласен и считаю, что в данное время это было бы наиболее подходящим, принципы изложенной программы вполне жизненны. Как человек и как военный Верховский достаточно подготовлен, чтобы провести нашу демобилизацию на нормальных условиях. У нас нового нет ничего, из мероприятий — я приказал подготовить соображения об увольнении, если представится возможным, следующего — 1900 — года. Пожалуйста, если что узнаете, будьте добры ориентировать, не считаясь с часом. Между прочим, получил сообщение Вашингтонского правительства о взгляде его на текущие события у нас. Известно ли оно вам?

— Нет, я не знаю.

— Тогда я вам передам его текстуально для доклада генералу Маниковскому: «Американское правительство заявило, что никаких отправлений военного снабжения и продовольствия в Россию произведено не будет, пока не выяснится положение этой страны. Правительство, прежде чем разрешить вывоз американских продуктов, желает знать, в чьи руки они попадут в России. Вывоз в Россию возобновится только после образования устойчивого правительства, которое может быть признано Соединенными Штатами, но если большевики

[1]) Разговор происходил от 22 ч. до 22 3/4 ч. В. И. А., I ч., д. № 818, л.л. 137—140.

останутся у власти и приведут в исполнение их программу заключения мира с Германией, нынешнее запрещение вывоза останется в силе. Кредиты Временному Российскому Правительству достигают к сегодняшнему числу суммы в 325 миллионов долларов, из которых 191 миллион уже ассигнован, большая часть этих денег уже израсходована на покупку припасов, готовых к погрузке. Суда, предоставленные Америкой для перевозки этих грузов, готовы к отплытию, но не получат разрешения выйти из портов, и им будет отказано в выдаче угля».

Владимир Владимирович, не откажите сказать мне, передал ли генерал Маниковский и когда именно народным комиссарам предъявленную мне вчера ноту представителей союзных военных миссий. Мне необходимо это официальное заявление для того, чтобы знать, что народным комиссарам известна эта нота, и тогда моя совесть будет спокойна. Насколько мне известно, хотя и не из официальных источников, что у союзников есть также мысль о необходимости для нас мира, но, конечно, в полном согласии с ними.

— Наш вчерашний разговор Одинцов доложил Маниковскому ночью, а с народными комиссарами говорил сегодня утром. Завтра утром я постараюсь повидать ген. Маниковского, а после 12 доложу вам точно, когда это было сделано. Американское заявление я сейчас попрошу передать по телефону в Смольный, так как нас слушает комиссар, назначенный к аппарату, а завтра утром сообщу все это и ген. Маниковскому.

— Хорошо, буду вас ждать, если узнаете что-либо сегодня или завтра, как назначили. До свидания.

— Всего хорошего. До свидания. Дай вам бог всего хорошего.

— И вам тоже.

Обращение начальников военных миссий при штабе верх. главнокомандующего на имя ген. Духонина 11 ноября 1917 г. об укреплении порядка и дисциплины в русской армии [1]).

G. Q. G. Russe, le 11/24 novembre 1917.

Les Représentants des Missions Militaires Alliées auprès du Haut Commandement Russe, à Son Excellence Monsieur le Général Doukhonine, Commandant en Chef des Armées Russes.

Excellence!

Comme les rapports reçus du front pendant ces derniers jours indiquent que la crise politique a eu pour effet d'augmenter le désordre dans l'armée, et cette démoralisation croissante comporte un très grave dan-

[1]) Подлинник обращения хранится в деле В. И. А., I ч., д. № 818, л. 224; приводимый ниже перевод ноты, сделанный в ставке, хранится в том же деле— л. 136. — На подлиннике обращения помета ген. Духонина: «Г.-кв. 11/XI. 1917. Составить проект обращения. *Ген. Духонин*».

ger pour la sécurité du front russe, les Chefs de Mission Militaire accrédités auprès du Haut Commandement des Armées russes se croient le devoir d'insister respectuesement pour que Votre Excellence demande à tous les représentants des différents partis politiques de s'abstenir de tout langage et de ne prendre aucune mesure qui pourraient aggraver la situation très dangereuse vis à vis de l'ennemi qui existe en ce moment sur le front.

Vu l'alliance réelle et fraternelle des puissances de l'Entente avec la Russis, vu les sacrifices que ces puissances ont faits pour porter aide à la Russies au moment où elle avait conquis sa liberté, vu les conséquences désastreuses pour la Russie et la cause alliée qu'entrainerait l'affaiblissement du front russe, les représentants militaires soussignés se croient justifiés dans leur demande pressante pour que Votre Excellence par tous les moyens possibles fasse comprendre par un appel à tous les partis politiques aussi bien qu'à l'armée que l'honneur et le patriotisme exigent d'eux de porter tous leurs efforts pour préserver et consolider l'ordre et la discipline sur le front.

Le Chef de la Mission Militaire Belge B-on de-Ryckel.
Le Chef de la Mission Militaire Roumaine Général Coanda.
Le Chef de la Mission Militaire Anglaise C. Barter Lieut. général.
Le Chef de la Mission Militaire Italienne Général Romei.
Le Chef de la Mission Militaire Japonaise Я. Такаянаги.
Le Chef de la Mission Militaire Française Général Lavergne.
Le Chef de la Mission Militaire Serbe Br. Lontkievitch Colonel.

Перевод.

Ставка. 11/24 ноября 1917 года.

Представители союзных военных миссий при штабе верховного главнокомандующего.

Его превосходительству генералу Духонину, и. д. верховного главнокомандующего русскими армиями.

Ваше превосходительство.

Принимая во внимание, что донесения, полученные с фронта в течение последних дней, указывают на то, что современный политический кризис имел последствием усиление беспорядка в армии и что усиливающаяся деморализация представляет очень серьезную опасность для надежности русского фронта, начальники военных миссий, акредитованных при верховном командовании русскими армиями, считают своим долгом почтительно настаивать на том, чтобы ваше превосходительство обратились с просьбой ко всем представителям различных политических партий, дабы они воздержались от всех суждений и мероприятий, которые могут повести к ухудшению настоя-

щего чрезвычайно опасного положения ввиду присутствия противника на фронте.

Ввиду существования действительного и братского союза между державами Согласия и Россией, ввиду жертв, принесенных этими державами для оказания содействия России в тот момент, когда она завоевала свою свободу, ввиду тех гибельных последствий, как для России, так и для общего дела союзников, которые имело бы ослабление русского фронта, нижеподписавшиеся военные представители считают себя в праве обратиться с настойчивой просьбой о том, чтобы ваше превосходительство всеми возможными способами дали понять, путем обращения ко всем политическим партиям, а также к армии, что честь и патриотизм требуют от них приложить все свои усилия к сохранению и укреплению порядка и дисциплины на фронте.

Подписали:

Начальник Бельгийской военной миссии генерал барон де-Риккель.
Начальник Румынской военной миссии генерал Коанда.
Начальник Английской военной миссии генерал Бартер.
Начальник Итальянской военной миссии генерал Ромеи.
Начальник Японской военной миссии генерал Такаянаги.
Начальник Французской военной миссии генерал Лаверн.
Начальник Сербской военной миссии полковник Лонткиевич.

Перевел генерал-майор *Базаров.*

11 ноября 1917 года.

«Справка» о последствиях несоблюдения Россией договора о незаключении сепаратного мира или перемирия.

Перевод [1]).

Ввиду того, что масса армии и населения не имеет никакого представления о договорах и поэтому не может оценить значительности последствий несоблюдения Россией договора, которым союзные государства Согласия обязались не заключать ни сепаратного мира ни перемирия, было бы желательным распространить в войсках с возможной ясностью и точностью краткое предупреждение о тех роковых последствиях для России, которые повлекло бы за собой нарушение договора, торжественно ею подписанного.

Такой образ действия, как перемирие, сепаратно заключенное Россией, равносильно отказу от всех обязательств, принятых ею на себя по отношению к союзным государствам, и в то же время освободило бы союзников России от всех обязательств по отношению к ней. России, таким образом порвавшей с союзниками, придется рассчитывать только лишь на себя.

---

[1]) В деле В. И. А., I ч., № 818, где на листе 228 находится этот перевод, не оказалось документа, с которого он сделан, что не дает возможности установить его автора и адресата.

Она по собственной воле отказалась бы от помощи дружественных государств, которые не желают ничего лучшего, как оказывать ей поддержку и охранять ее демократические свободы. В одиночестве она станет легкой добычей жестокого врага, нарушающего все законы права и человечества, и первой задачей которого, как государства империалистического и почти что самодержавного, было бы лишение народа русского драгоценной свободы, лишь недавно им приобретенной, не говоря уже о чрезвычайно тяжелых условиях мира, каковые неминуемо были бы наложены на Россию Германией, которая, побеждаемая ежедневно на Западном фронте французами и англичанами и не имеющая возможности вследствие этого получить какое-либо вознаграждение или компенсации с этой стороны, полностью возместила бы все издержки с восточной стороны, т.-е. с России, которая тогда слишком поздно поймет, что она отвернулась от своих истинных друзей и бросилась в объятия врага жестокого и изменнического.

Чрезвычайно важно, чтобы заявление такого рода совершенно точно устанавливало, что Россия покинула своих союзников по собственному желанию и что такого рода действие, будучи невыгодным для союзников, для самой России является гибельным.

Таким образом не только затронут вопрос чести России, но даже самого ее существования. Следует, между прочим, отметить, что приблизительно год тому назад Германией были сделаны предложения мира трем великим державам Запада, выгодные для нее и невыгодные для России, почему эти предложения державами Запада были с негодованием отвергнуты.

Перевел полковник [подпись].

11 ноября 1917 г.

Заявление начальника французской военной миссии при штабе верх. главнокомандующего от 12 ноября 1917 г. на имя ген. Духонина о непризнании Францией власти Совета Народных Комиссаров [1]).

Missions Militaires Françaises en Russie
Le Général
№ 3478.

G. Q. G. Russe, le 12/25 novembre 1917.

Le Général Lavergne, représentant le Chef de la Mission,

à S. E. le Général Doukhonine,

Commandant en Chef des Armées russes.

Excellence!

Le Président du Conseil, Ministre de la Guerre me charge de vous déclarer ce qui suit:

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 818, л. 295. На подлиннике помета ген. Духонина: «Г.-кв. 14/XI. 1917. Ген. *Духонин*». Приводимый ниже перевод заявления сделан в ставке и находится в том же деле, л. 296. См. Лелевич, op. cit., стр. 53—54.

La France ne reconnait pas le pouvoir du Soviet des commissaires du peuple.

Confiante dans le patriotisme du Haut Commandement russe, elle compte sur sa fermété pour repousser tous pourparlers criminels et maintenir l'Armée russe face à l'ennemi commun.

Je suis chargé en outre de bien faire ressortir que la question d'armistice est exclusivement une question de gouvernements qui ne peut être traitée sans que les gouvernements alliés aient été consultés au préalable, et que par consequent aucun gouvernement n'a le droit de traiter isolement d'une question ou de paix.

Je prie Votre Excellence de bien vouloir agréer l'assurance de ma haute considération.

J. Lavergne.

Перевод.

Ставка. 12/25 ноября 1917 г.

Ваше превосходительство.

Председатель Совета Министров и военный министр уполномочил меня заявить вам нижеследующее:

Франция не признает власти Совета Народных Комиссаров.

Доверяя патриотизму русского верховного командования, она рассчитывает на его твердое намерение отклонить всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу.

Кроме того, я уполномочен обратить ваше внимание на то, что вопрос о перемирии является вопросом правительственным, обсуждение которого не может иметь место без предварительного запроса союзных правительств, и что вследствие этого никакое правительство не имеет права самостоятельно обсуждать вопрос о перемирии или мире.

Прошу вас, ваше превосходительство, принять и т. д.

Лаверн.

Разговор по прямому проводу и. д. ген.-квартирмейстера при штабе верх. главноком. ген. Скалона с нач. штаба зап. фронта ген. Вальтер 12 ноября 1917 г. о требовании Минского Военно-Революционного Комитета приступить к переговорам о мире [1]).

— Просят пригласить генерал-квартирмейстера. Будет говорить главкозап.

— У аппарата ген. Скалон.

— У аппарата наштазап. Здравствуйте, Владимир Евстафьевич. По поручению главкозапа я имею вам передать только что предъявленное главкозапу местным Военно-Революционным Комитетом требование, которое и прошу сейчас же доложить генералу Духонину. Тре-

[1]) В. И. А., ч. I, № 818, л.л. 155—157.

бование было объявлено двумя представителями Военно-Революционного Комитета, прибывшими к главкозапу. Заявление было сделано, примерно, в следующей форме: «Подчиняетесь ли вы Военно-Революционному Комитету и если подчиняетесь, то вам предлагается немедленно приступить к переговорам о перемирии и приказать подчиненным вам начальникам приступить к переговорам о перемирии. В случае отказа вам предлагается отстраниться от должности». Ответ главкозапа был, примерно, следующий: «Военно-Революционному Комитету не подчиняюсь, подчиняюсь только силе, приступить к переговорам о перемирии не могу и точно так же не могу приказать сделать это подчиненным мне лицам. Если Военно-Революционный Комитет будет настаивать силой, то я подам рапорт об отчислении». Вот сущность разговора. Представители Комитета сказали, что они отправятся доложить Комитету ответ главкозапа, и уехали. Об изложенном главкозап предупреждает генерала Духонина. Если к нему будет предъявлено требование, то он устранится от командования. Лично от себя добавлю, что при такой постановке вопросов я, конечно, не в состоянии буду принять, — что требуется по закону, — должность главкозапа, если бы меня об этом Военно-Революционный Комитет просил, и тоже подам рапорт об отчислении от должности. Военно-Революционный Комитет, видимо, ожидал, что мы примем меры противодействия силой; для этого у них собраны все верные им войсковые части и окружены те две роты ударников, на которые мы только и могли надеяться, но главкозап объявил им, что никакой силы оружия применено не будет. Последнее было бы и бесполезно, так как в наших руках ничего нет. Вот все. Нет ли у вас чего мне сообщить? *Вальтер*.

— Нет, сейчас доложу и потом передам вам.

Разговор по прямому проводу полк. Кусонского с нач. штаба зап. фронта ген. Вальтер 12 ноября 1917 г. о переходе власти на западном фронте в руки Военно-Революционного Комитета [1]).

— У аппарата наштазап.

— У аппарата полковник Кусонский. Вр.и.д. главковерх приказал мне вызвать вас к аппарату и передать следующее: через генерала Скалона генерал Духонин передал, что он одобряет ваш образ действий, но вовсе не одобряет вашего и генерала Балуева выхода в отставку и устранение от дел с передачей должности главкозапа подполковнику Каменщикову. У вас в Минске имеются сибирские казаки, три эскадрона польских уланов и поблизости части Кавказской кавалерийской дивизии, которые могли бы оградить вас от насилия. Оставление генерала Балуева и вас на своих должностях является настоятельно необходимым, о чем и просит убедительно генерал Духонин, прибавляя, что, в крайнем случае, вы могли бы переменить место своего пребывания. Все.

[1]) В. И. А., ч. I. д. № 818, лл. 158 — 164.

— Если бы генерал Балуев не согласился бы на уход, то это вызвало бы неминуемое кровопролитие. Сегодня к вечеру весь Минский гарнизон был поднят на ноги, дабы силой провести свое требование. Мы имели две ударные роты и 3 эскадрона польских улан; если бы этими частями мы могли на первое время сопротивляться, то с фронта были бы доставлены Военно-Революционным Комитетом такие силы, которые сломили бы сопротивление наших частей. После того, что генерал Балуев был отстранен, ему было объявлено, что он будет отправлен в Петроград под конвоем. Путем переговоров и решительным заявлением генерала Довбора, что он не допустит ареста генерала Балуева, удалось убедить Революционный Комитет отказаться от арестования генерала Балуева и отправки его в Петроград. Генерал Балуев сейчас находится в штабе польского корпуса. Повторяю, при общем настроении войск фронта генералу Балуеву не на кого было опереться, ибо две роты и три польских эскадрона, конечно, недостаточны, дабы сопротивляться против всех тех сил, которые могли бы быть доставлены с фронта, в настоящую же минуту в Минске в руках Военно-Революционного Комитета два запасных полка, один вновь сформированный революционный полк, батальон 60-го стрелкового полка и броневики. К тому, что мы имеем, мы могли бы подтянуть в Минск один неполный драгунский полк и, может быть, две сотни сибирских казаков, но последние своим настроением мало внушают надежды на поддержку, в результате получилось бы кровопролитие, а затем сплошные погромы города. Лично я отстранился, конечно, только оттого, что ушел генерал Балуев, ибо не согласен быть сотрудником у представителя Революционного Комитета подполковника Каменщикова. Он попробовал потребовать это от меня, но я решительно отказал. Повторяю, генерал Балуев в Минске. Телеграмму генерала Духонина я ему показал, сам я тоже остаюсь в Минске, пока ген. Духонин мне не разрешит выехать. Вообще я готов оставаться здесь, удирать не собираюсь, но быть исполнителем требований Военно-Революционного Комитета не согласен. Вот все. *Вальтер.*

— Вр. и. д. главковерх приказал передать, что если возврат генерала Балуева, хотя бы к номинальной власти, немыслим, то все же никак нельзя назначать главкозапом подполковника Каменщикова, и настоятельно просит принять эту должность вас или генерала Довбор-Мусницкого. Все.

— Все переданное я донесу генералу Балуеву, также генералу Довбору-Мусницкому, вслед за сим вам передается донесение генерала Балуева главковерху. Лично я не вижу выхода для генерала Балуева и для любого его нереволюционного заместителя. Генерал Балуев, со свойственным ему умением ладить с людьми, действовал совместно с Военно-Революционным Комитетом пока это было возможно, несмотря на то, что условия были неимоверно тяжелые, но предъявленные сегодня требования, опирающиеся на силу, перешли всякие границы. Я не думаю, что генерал Довбор, располагая одним уланским полком,

в состоянии бороться с Военно-Революционным Комитетом, на стороне которого все войска фронта. Мы почти ежедневно получали сведения, что та или другая часть требует отправки ее в Минск, и путем уговоров с Революционным Комитетом удавалось добиваться отмены движения этих частей. Вот все. Сейчас передается вам донесение генерала Балуева: «Главковерху. Минск. 12 ноября 1917 года. Оставаться в должности при создавшейся обстановке не могу. Обязанности должен был сложить, переехал к Иосифу Романовичу [1]). Командование принял подполковник 12 Туркестанского полка Каменщиков по назначению Военно-Революционного Комитета. Б а л у е в».

— Нельзя ли будет, ваше превосходительство, остаться вам временным главкозапом до прибытия в Минск старшего из командующих, которым, кажется, является генерал Данилов?

— Генерал Данилов на-днях просил главкозапа освободить его от командования и отпустить его в резерв и согласился остаться только оттого, что Балуев оставался на посту. Имейте в виду, что генерал Балуев не добровольно ушел с поста и не от усталости или слабости духа, а ушел под угрозой насилия, которое было бы неизбежно; то же самое произойдет, когда явится новый командующий армиями, я ли, Данилов или кто другой, каждому придется начать с того, что силой оружия обеспечить свое положение, а этого оружия у нас слишком мало, и оно привело бы к резне; не знаю, как на это взглянет генерал Довбор, постараюсь немедленно ему передать предложение генерала Духонина. Все.

— А как собирается реагировать ваш штаб?

— Насколько я знаю, ген. Малявин и остальные офицеры генерального штаба служить при создавшейся обстановке не намерены и собираются уходить, про чинов дежурства и прочие отделы ничего не могу сказать, так как событие произошло поздно ночью, и с ними у меня контакта не было. Сегодня вечером из Минска в Могилев поехал уполномоченный Всероссийского Земского Союза Хрипунов, он днем будет в ставке, и хотя эпизод сегодняшний произошел после его отъезда, все же он может очертить вам обстановку, которую, мне думается, в ставке неясно себе представляют. Все.

— Слушаюсь. Доложу.

Обращение ген. Духонина 12 ноября 1917 г. к политическим партиям и союзам о сплочении сил и организации всенародной власти.

К о всем представителям политических партий, городским, земским и крестьянским союзам [2]).

Русский народ!

4-й год армия стоит в окопах на страже родины, оберегая ее от коварного внешнего врага.

---

[1]) Команд. польским корпусом ген. И. Р. Довбор-Мусницкий.

[2]) Подлинник — лист линованной бумаги, текст написан черным карандашом. После заголовка «Ко всем... союзам» зачеркнуто: «страдают в окопах. Ар-

4-й год армия переносит всю тяжесть настоящей жестокой войны, терпеливо снося лишения, болезни, раны, голод, и холод и жаждет закончить войну и вернуться к своим очагам, к своим семьям.

Но судьбе угодно было ниспослать ей новое испытание: землю нашу постигла смута [1]), разорение от безвластия, и армии приходится выносить на себе все лишения от нарушившегося подвоза продовольствия, весь ужас анархии, вносимой в ряды армии агитаторами злой воли, влекущих Россию [2]) к полному развалу.

К вам, представители всей истинной русской демократии, к вам, представители городов, земства и крестьянства, обращаются взоры и мольбы армии. Сплотитесь все вместе во имя спасения родины; воспряньте духом и дайте исстрадавшейся земле русской власть, — власть всенародную, свободную в своих началах для всех граждан России и чуждую насилия, крови и штыка.

Не теряйте времени.

Армия ждет вашего слова столь же горячо, как жаждет мира, который только вы одни можете дать исстрадавшейся родине [3]).

Обращение ген. Духонина 12 ноября 1917 г. к солдатам о заключении мира совместно с союзниками [4]).

Солдаты-граждане!

Вас смущают тем, что вы желаете мира, а союзники наши его не хотят, и потому вас толкают нарушить договор с ними, заключенный при бывшем царе.

Но вам умалчивают при этом сказать, что [5]) вас толкают на мир [6]) с немецким империалистическим [7]) правительством, почти такого же самодержавия, от которого революцией освободилась Россия, добиваясь свободы.

Вас толкают произвести контр-революцию и лишиться всех завоеваний свободной демократии, только что начавшей образовываться и сорганизовываться в России.

мии изнемогают не только от и землянках от холода и». В верхней части листа, в левом углу, следующая помета чернилами: «22147», «4955», «79»; в правом углу листа дата синим карандашом: «12/XI. 1917 г.». В. И. А., I ч., 1917 г., д. № 818, л. 226.

[1]) Далее зачеркнуто: «анархия».

[2]) Зачеркнуто: «в».

[3]) Текст этого обращения, отпечатанный на машинке, имеется и в деле В. И. А., I ч., № 820, со следующими изменениями: в конце третьего абзаца слово «агитаторами» заменено «людьми»; в начале четвертого абзаца слово «истинной» — зачеркнуто; в последнем абзаце оставлено: «Армия ждет вашего слова», остальной текст зачеркнут.

[4]) Подлинник — лист линованной бумаги, текст написан карандашом. Вверху листа, в правом углу, отметка синим карандашом: «12/XI. 917». В. И. А., I ч., 1917 г., д. № 818, лист 227.

[5]) Зачеркнуто: «нарушив».

[6]) Зачеркнуто: «толкают во».

[7]) Зачеркнуто: «народо».

Кому нужно лишить вас, а с вами и весь русский народ свободы? Конечно, только империалистам-немцам, а не союзникам, которые именно с тех пор, как стал свободным русский народ, напрягли все силы помочь нам оружием, деньгами и снабжением, дабы отстоять свою завоеванную свободу, свой демократический строй.

Неверно, что союзники не хотят мира — их русское правительство не спрашивало, т[ак] к[ак] такового полномочного правительства сейчас в России и нет.

Его надо создать.

Не в том ужас, что мы должны выполнять договор с союзниками, заключенный при бывшем царском правительстве [1]); а в том ужас, что, нарушив этот договор, Россия сама себя лишит защитников своего желанного демократического строя и пойдет в рабство империалистической Германии, где право, свобода и совесть заменены кулаком, коварством и ложью.

Не поддавайтесь, солдаты, обольщению внешнему и не торопитесь в объятия Вильгельма. Дайте время [2]) истинной русской демократии сформировать власть и правительство, и она даст вам немедленный мир совместно с союзниками, который обеспечит вам покой на многие годы.

Сближение же с немцами — это новая война через некоторое время, т[ак] к[ак] немцы не потерпят рядом с собой свободного, демократического русского народа.

Записка верховного комиссара Временного Правительства Станкевича о необходимости образовать при ставке совет для разработки условий заключения мира [3]).

Как верховный комиссар, несущий в чрезвычайных условиях настоящего времени особую ответственность перед страной, считаю своим долгом обратиться к вам, г. посол, с нижеследующим.

Жажда скорейшего окончания войны и почетного и достойного мира со стихийной силой овладела народными массами, утомленными трехлетним небывалым напряжением [4]). Вместе с тем народные массы, охваченные энтузиазмом недавно завоеванной свободы и огненными идеями свободы, равенства и братства не только граждан, но и народов, непоколебимо верят, что народы стран, воюющих с нами, разделят это высоко-человечное стремление к скорейшему окончанию взаимного истребления народов, согласятся на мир на условиях равенства и не будут пользоваться теми временными преимуществами в военном

---

[1]) Зачеркнуто: «и не заключать мир или перемирие одновременно».

[2]) Зачеркнуто: «р».

[3]) В деле В. И. А., I ч., № 820, лл. 36—39, имеется два экземпляра этой записки, отпечатанных на пишущей машинке. [Один] экземпляр [чистый, второй с исправлениями, сделанными рукою Духонина. Последний мы приводим здесь.

[4]) Перед словом «Вместе» — скобка, текст отсюда до конца абзаца — перечеркнут.

отношении, которые им дают успехи на поле брани и занятие обширных территорий нашего государства.

Убеждение и предостережения со стороны тех, кто не разделяет оптимистическую веру [1]), властно охватившую [2]) умы солдат и трудящихся масс, не имеют силу до тех пор, пока противнику [3]) не предложены реальные условия мира и он не [4]) дал на них тот или иной ответ. Лишь получение [5]) ответа или уклонение от ответа со стороны противника может пробудить энергию народа для дальнейшей войны и заставить нацию напречь все свои, еще далеко не исчерпанные силы, для отстаивания [6]) жизненных интересов страны, неразрывно связанных с [7]) интересами союзных с нами народов. Путь к поднятию боеспособности армии и к ее дальнейшей боевой работе, если таковая в силу неуступчивости противника понадобится, лежит исключительно через мирные переговоры. Без этого несоответствие между мнением политических деятелей и настроением широких народных масс лишает возможности создать законную власть и твердое управление страной и приводит государство в состояние тягчайших потрясений, в корне разрушающих мощь всего административного аппарата. Достаточно указать, что даже путь самочинного перемирия отдельными полками, хотя он явно ведет к полной анархии, массам не кажется настолько безумным, чтобы активно бороться с ним. И вся сознательная Россия, служащая своему народу [8]), должна направить стихийное стремление к миру в русло реальных [9]) мер [10]).

Вместе с тем состояние фронта и трудности, возникающие от длительного отсутствия законной власти, не дают возможности медлить с принятием мер, приближающих [11]) окончание войны. В сознании этого я предполагаю просить верховного главнокомандующего генерала Духонина, не ожидая разрешения затяжного политического кризиса, образовать при ставке совет из представителей всех руководящих общественных организаций и областных управлений исключительно для того, чтобы в тесном контакте с представителями союзных правительств предпринять все необходимые меры к разработке [12]) мирных

---

[1]) Над словами: «оптимистическую веру» — надписано: «это стремление».

[2]) Исправлен конец слова с «ую» на «ее».

[3]) Исправлено: «противником».

[4]) Надписано: «высказал их в определенной форме» взамен текста: «дал... ответ».

[5]) Зачеркнуто: «отрицательного».

[6]) Зачеркнуто далее: «высоких идеалов».

[7]) Зачеркнуто далее: «идеалами и».

[8]) Зачеркнуто далее: «не в праве отказаться от выполнения народной воли и».

[9]) Зачеркнуто далее: «государственных».

[10]) Зачеркнуто далее: «окончания войны».

[11]) Над словами: «окончание войны» надписано: «выяснение этого вопроса».

[12]) Зачеркнуто: «разработке», надписано: «выяснению».

условий [1]) для обсуждения их с правительствами союзных стран с целью немедленно предложить противнику.

Нет сомнения, что такое совещание, берущее в свои руки важнейшую национальную проблему, будет пользоваться общенародным авторитетом и деятельность его в высокой степени облегчит и ускорит работы Учредительного Собрания подготовкой всего необходимого материала для немедленного решения вопроса о войне и мире [2]).

Разговор по прямому проводу генерала для поручений при верховном главнокомандующем Левицкого с команд. V армией ген. Болдыревым о приезде Крыленко в Двинск [3]).

— У аппарата генерал для поручений при верховном [главнокомандующем] генерал Левицкий. Здравия желаю. По приказанию генерала Духонина прошу вас сообщить обстановку для доклада ему, он подойдет через полчаса. Все. *Левицкий.*

— Там ли генерал Левицкий?

— Здесь.

— Здравия желаю, генерал. Говорит командарм V генерал Болдырев. Не откажите доложить генералу Духонину следующее: около 9-ти часов прапор[щик] Крыленко прибыл в Двинск. В начале 12-го я получил по телефону его приглашение прибыть в его вагон, на что я ничего не ответил и, конечно, никуда не поехал, так как еще вчера через Армиском просил ему сообщить, что я его жду к себе, чтобы передать ему некоторые крайне важные сведения: я имел в виду ноты союзников. В $15^1/_2$ часов я получил приглашение Армискома прибыть на его заседание в присутствии верховного главнокомандующего прапорщика Крыленко, на что был дан ответ, что командарм прибыть не может. Бывший в Армискоме начальник особого отделения штабс-капитан Красовский доложил мне потом речь прапорщика Крыленко в Армискоме. В этой речи он заявил, что прибыл в Двинск, чтобы начать борьбу с тремя врагами. Первый враг — внешний — неопасный, второй — голод, о предотвращении которого заботится правительство народных комиссаров, и третий враг — контр-революционный командный состав, возглавляемый корниловцем Духониным. Далее заявил, что народная масса прийдет к миру через трупы контр-революционного командного состава, что с сегодняшнего дня он начинает борьбу со ставкой, куда стеклись все враждебные элементы, и что он начнет ведение мирных переговоров с противником. Ноты союзников, на которые обратил внимание прапорщика Крыленко уполномоченный мною

---

[1]) Зачеркнут текст: «для обсуждения их с правительствами союзных стран с целью немедленно предложить противнику»; надписано: «которые были бы выставлены противником».

[2]) Весь абзац, начиная со слов: «Нет сомнения» и кончая «и мире» — зачеркнут.

[3]) В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 818, л.л. 179—180.

штабс-капитан Красовский, его, Крыленко, не смущают, так как это, по его мнению, типичная политика запугивания, которую союзники не в силах провести в жизнь. Прапорщик Крыленко предполагает, что я вечером должен буду к нему явиться с докладом, чего, конечно, не будет. Настроение большевиков торжествующее, но в городе совершенно спокойно. Прибыли Коллонтай и Склянский, сейчас все выехали в 19-й корпус на корпусное совещание. При Крыленко охрана из пятидесяти человек матросов «Авроры», солдат и красногвардейцев. Полагаю, что Двинск сделается временно штаб-квартирой Крыленко, чему я помешать средств, к сожалению, не имею. Партия социал-революционеров Армискома заявила о непризнании ею Крыленко как верховного главнокомандующего, но она корней в армии не имеет и к активному противодействию не способна. В указанных условиях положение мое крайне тяжелое, но буду твердо вести свою линию до конца. *Болдырев.*

— Слушаюсь, сейчас будет доложено.

Телеграмма ген. Духонина 12 ноября 1917 г. начальнику 1 Финляндской дивизии с приказанием вооруженной силой воспрепятствовать продвижению в ставку Крыленко с конвоем [1]).

Начдив 1 Финляндской.

Срочно.

В случае движения из Двинска на Могилев поезда с прапорщиком Крыленко и состоящей при нем охраной в 59 человек приказываю вам принять к руководству следующее: первое, на станциях Орша и Шклов поезд будет встречен представителями комиссарсева и Общеармейского Комитета, которые предложат Крыленко вернуться или назад в Петроград или отправиться в Могилев единолично, оставив на месте вооруженный конвой или отправив его на Петроград; второе, в этом случае вы обязываетесь, если бы потребовалось, вооруженной силой воспрепятствовать вооруженному конвою прапорщика Крыленко продолжать путь на Могилев. Ставка. 12 ноября 1917 года. 8254. *Духонин.* Председатель Общеармейского Комитета *Перекрестов.*

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с ген. Черемисовым 13 ноября 1917 г. о приезде в Псков Крыленко и об уходе в отставку ген. Черемисова [2]).

— У аппарата генерал Духонин.

— Здравствуйте, Николай Николаевич. Известны ли вам последние события во Пскове и Двинске?

— Здравствуйте, Владимир Андреевич. Простите, что не мог подойти сразу, разговаривал с Петроградом, с генералом Марушевским.

---

[1]) В. И. А., I ч., 1917 г., д. № 818, л. 196.

[2]) В. И. А., I ч., 1917 г., д. № 818, л.л. 235 — 245. Разговор происходил 13 ноября от 0 ч. 45 м. до 1 ч. 45 м.

О событиях я кое-что знаю из доклада мне генерала Левицкого и генерала Болдырева. Что произошло?

— Произошло то, что командный состав на северном фронте находится в совершенно нелепом положении; не знаю, как на других фронтах, а у нас это так. Войсковые части делают буквально, что хотят; пока немцы ведут себя смирно, но, если они двинутся, катастрофа неизбежна, и в самом грандиозном размере; продовольствия попрежнему нет, утешительные телеграммы получаю, а продовольствие не идет. Стоявший на побережьи у Гапсаля 13 Донской полк куда-то двинулся и пропал без вести, то же случилось с одним из партизанских и одним из ударных отрядов, авангарды самостоятельно уходят назад, и командармы доносят, что нет возможности ни вернуть их, ни заменить другими. Вчера приезжал в Псков Крыленко, требовал, чтобы я его встретил, а затем по прибытии приглашал по телефону через адъютанта, а затем присылал адъютанта ко мне; я не поехал и звал его к себе, чтобы объяснить ему, насколько его желание заключить мир отдельными полками неосуществимо и к чему оно может привести, но он ко мне не приехал, а поехал в Двинск и сейчас находится в 19-м корпусе. Из Петрограда прибыли какие-то делегаты в 4 кавалерийскую дивизию и вводят выборное начало. Заявляют, что таких делегатов разъехалось по всему фронту 150 человек. Есть еще много разных мелких фактов и крупных, о которых не буду говорить. При их [1]) условиях я не только не имею возможности командовать фронтом в оперативном отношении, что всегда считал своей единственной обязанностью, но и не имею средств предотвратить полный развал фронта. Может быть, кто-нибудь другой справится с этой задачей лучше, а потому я прошу вас сложить с меня полномочия главнокомандующего и указать, кому сдать командование фронтом, причем докладываю, что наштасев ген.-майор Лукирский желал бы, чтобы не он принял командование, а один из командармов. И он и я считаем, что наиболее подходящий для этого был бы командарм 12 Юзефович. Меня лично прошу отчислить в резерв по болезни.

— Владимир Андреевич, всю тяжесть нашего командного положения я вполне понимаю и чувствую и могу смотреть на сложившуюся обстановку как на очень близкую катастрофе. Тем не менее считаю, что выйти из создавшегося положения можно, только удерживая в своих руках командование, хотя бы и номинальное. Я считаю, что никто кроме вас на северном фронте не сможет справиться с трудной обстановкой, почему, вполне сознавая трудность вашего положения, я не могу согласиться на ваш уход. И, ради пользы родины, прошу вас остаться на занимаемом месте. Что касается продовольствия, то благоволите отдать распоряжение о разрешении покупки по вольной цене. Пришлю вам вслед за этим телеграмму. С юга, который один только во власти фронта, — ибо с востока, где анархия не прекратилась,

[1]) Так в подлиннике.

никакого притока продовольствия пока нет, — к вашему фронту подходит более двухсот вагонов, и около ста вагонов, по сведениям интенданта, уже в пределах фронта; кроме того из Кубанской области назначены два поезда, из Курской губернии значительное количество хлеба, числа вагонов не знаю. Нельзя ли уменьшить несколько дачу хлеба, немедленно сократить число рабочих, произвести расформирование 3-й дивизии, уволить 99 год?

— Поезда с продовольствием к нам не доходят, по дороге их перехватывают другие. В Ярославле Комитет перехватил 29 вагонов, шедших к нам, то же самое произошло где-то в районе Витебска. Уменьшить дачу совершенно невозможно: согласно последнего моего приказа, войска на фронте должны получать полтора фунта, а в тылу фунт, в действительности же, по постановлению Комитетов, многие части в тылу потребозали и получают 2 фунта, не желая ни с чем считаться. Расформировать кого бы то ни было совершенно невозможно, части угрожают сопротивляться этому оружием, случаи в Боровичах показывают, что это не только угроза; расформирование вообще возможно было только при содействии конницы, ныне же конница на эту работу не идет, мирные реквизиции не дали никакого результата, жители прячут свои продукты; попытка применить для реквизиции силу привела к тому, что назначенный для этого кавалерийский полк сделал постановление и разослал его жителям района реквизиции, что они не будут брать ничего силою у жителей; за наличные деньги по вольной цене купить нельзя, потому что нет денег ни во фронтовом, ни в армейских, ни в корпусных казначействах. В политическом отношении думаю, что я уже здесь бесполезен, так как завтра или послезавтра мне будет предложено заключить мир с противником на фронте и если я на это не соглашусь, то командование окончательно вывалится из моих рук. Считаю, что вообще мое дальнейшее пребывание здесь бесполезно, так как никаких операций не предвидится, кроме разве поголовного бегства с фронта. Для другой же работы, например специально политической, не считаю себя пригодным, а поэтому подтверждаю свою просьбу.

— Мне чрезвычайно трудно ее сейчас исполнить в той крайне сложной обстановке, которая сейчас складывается, и очень прошу вас остаться на своему посту; ваше желание буду иметь в виду. Прошу вас очень не настаивать. Сейчас всем безмерно тяжело, и не в такой час нам уходить, преданным делу и родине. Скажите, пожалуйста, имеете ли данные, что делает Крыленко. Мне кажется, что его попытки не увенчаются успехом; едва ли германцы захотят войти с ним в серьезные переговоры о мире. Союзники высказались определенно, что они считают, что вступать в переговоры может лишь центральная правительственная власть, признанная народом и армией, но ни в коем случае не командный состав. Французы заявили, что они не считают правительство комиссаров властью, могущею заключать перемирие. Вообще их угроза в случае нашего сепаратного заключения перемирия звучит

чрезвычайно грозно и решительно, при таких условиях нельзя и думать о каком-либо успехе перемирия. Крыленко никем не признается, за исключением лишь темной массы, жаждущей мира во что бы то ни стало и ничего не понимающей. Стремление Крыленко заключить перемирие, конечно, ничем не кончится, кроме обычного братания, — может быть, только в более широких размерах; наши солдаты, как мне приходилось слышать от них же, не верят такому заключению мира и прямо говорят, что мир должно заключить Учредительное Собрание; не примут и немцы такого мира, но, несомненно, Крыленко удастся в ближайшие дни сменить старший командный состав, и тогда уже будет не братание, а что-либо похуже.

— Вы заблуждаетесь, предполагая, что за ним идут массы, до сих пор они встречают его скорее скептически, чем сочувственно, но за ним идут комитеты, которые при инертности масс всесильны. Союзники теоретически совершенно правы, практически же могу сказать, что они не имеют ни малейшего представления ни о материальном положении наших войск, ни о их настроении: мы фактически неспособны дальше вести не только наступательную, но и оборонительную войну, и немцы знают это и имеют полную возможность снять с нашего фронта сколько угодно войск, а если им вздумается атаковать нас, то произойдет нечто катастрофическое. Мне кажется, следовало бы союзникам открыть на все это глаза, чтобы они не предъявляли к нам невыполнимых требований.

— Да я с ними постоянно разговариваю. Они видят наше положение и понимают, но они ни в каком случае не допускают мысли о возможности сепаратных наших выступлений в вопросе о перемирии. Вообще же, насколько можно понять их, они ничего не имели бы против заключения мира при их участии в этом вопросе, но не сепаратно.— Нельзя ли 4 кавалерийскую дивизию перевести в другой район, чтобы избавиться от пропаганды местной?

— Пропаганда идет не из Пскова, а из Петрограда, откуда возвратились члены полковых комитетов дивизии и ведут пропаганду; начальник дивизии только что был здесь и доложил, что постановлено прежде всего ввести выборное начальство и передать власть полковым комитетам. Сдвинуть дивизию никуда не удастся, она согласится итти только вглубь России, о чем уже был разговор. Считаете ли вы мой приезд в ставку попрежнему желательным?

— Если возможно, повремените несколько дней. Пока до свиданья. Всего хорошего. *Духонин.*

— Если вы настаиваете, чтобы я оставался на должности, то я останусь, чтобы не быть дезертиром, но имейте в виду, что в ближайшем будущем я либо буду устранен силой, либо должен буду действовать совершенно независимо от ставки, считаясь только с пользой России, как я ее понимаю и насколько позволит это наличная обстановка. Согласны ли вы, чтобы я оставался на своем месте при таких условиях?

— Владимир Андреевич, мы все находимся в чрезвычайно трудных условиях, но я не понимаю такой обстановки, при которой вы могли бы действовать для пользы России совершенно независимо от ставки, которая также работает для пользы России, насколько только может.

— Бывает такая обстановка, когда нельзя предупредить зло, а можно только ослабить его. Вам из ставки далеко не все то видно, что видно здесь; я именно про такую обстановку говорю, когда, может быть, придется допустить маленькое зло, чтобы избежать большого.

— Собирается ли Крыленко приехать к вам в Псков снова?

— Совершенно ничего не знаю. Болдырев только что сообщил, что Крыленко собирается основаться в Двинске, сегодня на собрании комитета V армии Крыленко объявил, что он сместил меня с должности за то, что я отказался явиться к нему в вагон. Мне об этом он ничего не сообщил, узнал я сейчас от Болдырева.

— Меня отстранили давно, однако я считаю, что постановление власти, не признанной большинством страны, не имеет силы, и продолжаю работать, как велит долг перед родиной. До свиданья. Всего хорошего.

— Вы живете в другой обстановке, чем мы. Разве пример Балуева для вас не убедителен?

— Балуев сам сделал ошибку и проявил слабость духа, чем воспользовались большевики. Я надеюсь, что несмотря на всю тяжесть обстановки, вы выйдете из затруднений. Что касается вопроса о продолжении войны, то, конечно, самочинно на фронтах он решаться не может. Завтра поговорю с союзниками, обрисовав им наше тяжелое положение более обстоятельно, ваш разговор даст мне материал. Пока до свиданья, всего хорошего. *Духонин.*

— До свидания. *Черемисов.*

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с ген. Марушевским 13 ноября 1917 г. о начале переговоров о мире на северном фронте [1]).

— Кабинет главковерха. У аппарата ли ген. Марушевский?

— Ген. Марушевский у аппарата.

— У ап[па]р[а]та генерал Духонин.

— Здравствуйте, Николай Николаевич. Телеграмму Бертелло рано утром сегодня передал ген. Маниковскому. По поводу этого ген. Маниковский сегодня днем говорил с комиссаром Подвойским, а я все содержание разговора передал Одинцову, чтобы и он, в свою очередь, об этом переговорил с комиссарами в Смольном. О результате их разговоров я не знаю, так как за этим, вероятно, прошел целый

[1]) В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 818, л.л. 254—255. Разговор происходил 13 ноября в 18 ч. 30 м.

день, во всяком случае, и Маниковский и Подвойский в курсе дела. Что происходит на фронте?

— Здравствуйте, Владимир Владимирович. На северном фронте Крыленко занялся смещением высших начальствующих лиц и послал парламентеров спросить немцев, хотят ли они приступить к переговорам о мире, и если немцы на это согласятся, то он объявит перерыв переговоров для того, чтобы вновь запросить союзников об их согласии тоже приступить к переговорам. Главкосев вчера просил меня уволить его от должности. Я первоначально не соглашался на это увольнение, но когда генерал Черемисов ответил, что он может остаться только при условии, что его образ действия может не соответствовать образу действия ставки, то я был вынужден не настаивать на сохранении им поста и предложил ему, если он останется при своей точке зрения, передать командование фронтом генералу Юзефовичу. Ответа от него еще не имею. На остальных фронтах все попрежнему. Больше ничего вам прибавить не могу.

— Сегодня же доложу об этом г. Маниковскому, а комиссар, который присутствует у аппарата, вероятно, передаст об этом комиссарам. Что прикажете еще доложить ген. Маниковскому?

— У нас нет денег совершенно, необходимо немедленно прислать на все фронты и в ставку. На юго-западном фронте сложилось в этом отношении критическое положение. Нельзя ли помочь в этом отношении армии и самым срочным образом?

— Ген. Маниковский уже дня четыре как дал распоряжение в канцелярию военного министерства. Сию минуту лично напишу Сурину записку и пошлю ее экстренно. Значит, и сегодня ничего не выяснилось у вас?

— Нет, больше ничего пока не знаю. До свидания. Всего хорошего. *Духонин.*

— Николай Николаевич, а как же немцы? Ответили что-нибудь Крыленко или это неизвестно?

— Нет, это неизвестно.

— Честь имею кланяться. Всего хорошего. *Марушевский.*

Разговор по прямому проводу ген. Щербачева с ген. Духониным о положении на фронте и в Петрограде [1]).

— Говорит генерал Щербачев. Восьмая и шестая армии наиболее неустойчивые, особенно 11 корпус (VIII армия) и четвертый армейский (VI армия). Четвертая и девятая армии более тверды, кроме третьей Туркестанской стрелковой дивизии, совершенно разложившейся. Все жаждут мира, но желают, чтобы переговоры вело законное правительство, таковым Ленина и компанию не считают. Отдельные части самостоятельно пытаются взять почин в руки. 8 ноября было выступление

[1]) В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 818, л.л. 259—264.

165 дивизии, ничем неокончившееся. В настоящее время выступает с тем же требованием 11 корпус, повидимому по инициативе 165 дивизии, входящей в состав корпуса. Революционные комитеты фронта, армий и большинства корпусов против отдельного выступления частей с предложением мира, кроме комитета 11 корпуса, резко высказавшегося за такое заключение мира и потребовавшего выступления от комкора, который отказался. Румыны верно и твердо выполняют союзный договор, опасаясь только нарушения его нами. Отдельные лица, вероятно, и немецкие агенты, с провокаторскими целями, будируют, дабы расстроить дружественное отношение между нами и румынами. Что касается отношения к нам представителей всех союзных держав, то, относясь сочувственно к нам и понимая тяжелое положение России, они опасаются расстройства фронтов вследствие выступления Ленина, относясь к нему резко отрицательно, совершенно его не признавая как официальное представительство России [1]), а также всех лиц, назначенных Лениным. Возможно скорое сформирование компетентного правительства при настоящем настроении в армиях существенно необходимо. Необходимо, кроме того, точно установить отношения фронта с Украинской Радой. О всех бывших переговорах в Одессе сегодня донесу. Не откажите ориентировать о положении под Петроградом, на северном и западном фронтах. *Щербачев.*

— Здесь у аппарата генерал Духонин. Положение следующее: до сих пор власть продолжает быть захвачена в Петрограде большевиками, и новое правительство, полномочное и компетентное, образоваться никак не может. Причина кроется в борьбе политических [1]) и социалистических партий, которые в такую минуту никак не могут отрешиться от своих частных интересов во имя общих, и вот причина, благодаря которой уже 20 день в стране не может водвориться всеми признанное правительство, а действует самочинно кучка большевиков самого крайнего направления, с Лениным во главе, опираясь на чернь и на темную массу солдат и матросов, объявляя ряд декретов от имени народных комиссаров и всячески дискредитируя ставку и командный состав. В настоящее время Крыленко отправился на северный фронт, проехал через Псков в Двинск, никто его не арестовал, железные дороги, в лице Викжеля, пропустили его экстренный поезд, нанеся тем существенный вред армии и нашей родине. В настоящее время Крыленко находится на фронте 19 корпуса. Никто из начальствующих лиц не выехал к нему навстречу и не пошел на его зов. Крыленко в Армейском Комитете V армии, почти сплошь состоящем из большевиков, сказал речь, содержание которой приблизительно следующее: у нас три врага: внешний — неопасный — с ним заключим перемирие, а на союзников не стоит обращать никакого внимания, — все равно они фактически сделать ничего не могут и только запугивают зря. Второй враг — голод, который поборят народные комиссары (способ, указанный в одной из

[1]) Так в подлиннике.

радиотелеграмм большевиков,—отнять у буржуев хлеб и деньги), третий враг — контр-революционный командный состав во главе со ставкой, с которым будет предпринята самая жестокая борьба. Он противится миру, и мы перешагнем через его трупы. Содержание этой речи я передал вчера в Петроград генералу Марушевскому с предложением немедленно довести до сведения генерала Маниковского и народных комиссаров, указав на преступность подобной пропаганды и необходимость принятия самых решительных мер против нее. Генерал Болдырев сегодня ночью арестован Крыленко. Незадолго перед арестом я говорил с Болдыревым, и он мне докладывал, что ему положительно не на что опереться, хотя все демократические партии на его стороне, но они не опираются на массу, которая слепо верит обещаниям скорого мира, и это заставляет ее признавать Крыленко. Я полагаю, что германцы не станут вступать в серьезные переговоры с Крыленко и не признают его за главковерха, иначе надо было бы видеть заранее обдуманный план измены, а не одно только безумное ослепление. Гораздо существеннее вред можно ожидать от Крыленко от самочинного смещения им лиц командного состава, что может породить полную анархию. На северном фронте Черемисов к Крыленко не поехал и теперь опасается, что арестуют и его. На северном фронте крайне слабый приток продовольствия, и это обстоятельство является большим козырем для развития анархии и самочинных действий. Часть груженых вагонов захвачена по дороге и разграблена героями тыла. Устойчивости в боевом отношении нет, братание на некоторых участках, преимущественно V армии. На западном фронте, к сожалению, генерал Балуев не проявил должной твердости характера и поддался требованиям Революционного Комитета, плыл все время по течению и в конце концов был вынужден тем же Комитетом подать рапорт о болезни для зачисления в резерв, обеспечив за собой обещание Комитета для [1]) его личной безопасности; сейчас же вместо него водворился избранный Революционным Комитетом подполковник Каменщиков. На-ряду с этим к исполнению должности приказано вступить снабзапу, временно, до приезда командарма II генерала Данилова, так как генерал Вальтер оказался также в немощном состоянии и представил свидетельство о невозможности, по болезни, вступить в должность. Настроение армий западного фронта очень пестрое, за исключением II, которая явно-большевистского направления. На фронте лишь частичные братания. На юго-западном фронте без перемен. Украинская Рада не признает комиссаров народных. На Кавказе все благополучно. Ставка продолжает держаться взгляда, изложенного мною вам в телеграмме от 9 ноября. Буду бороться против насильников до образования правительственной власти, признанной всею страной. Обстановка, конечно, крайне трудная, осложняющаяся полной несостоятельностью в государственном отношении политических партий, которые никак не могут

[1]) Так в подлиннике.

сговориться, предоставляя армии, главным образом командному составу, самим расхлебывать заваренную ими кашу. Конечно, мы выполним свой долг до конца, и история укажет каждому по делам его. Вот все, что я вам могу сказать. Верховский, по моим сведениям, находится в Петрограде; возникал вопрос от большевиков о привлечении его к работе в военном министерстве, но осуществления не получил. Вообще в Петрограде не сдвинулись с мертвой точки, до сих пор военное министерство работает исключительно для удовлетворения нужд армии и не вмешивается в политику. Все. Дай бог вам сил.

— Со своей стороны все сделаем. До свиданья.

Телеграмма ген. Скалона нач. штаба юго-зап. фронта 14 ноября 1917 г. о срочной перевозке в Могилев ударного батальона [1]).

Срочно.

Наштаюз. Копии начвосоверх и начальнику гарнизона Могилева.

Главковерх приказал перевезти срочным порядком в Могилев второй Оренбургский ударный батальон. Ставка. 14 ноября 1917 года. 8298. Вр. и. д. генкварверх *Скалон.*

Телеграмма ген. Духонину вр. и. д. главноком. зап. фронтом ген. Малявина 14 ноября 1917 г. о вступлении армий в переговоры о мире [2]).

Доношу, что сего числа, на основании ст. 112 положения о полевом управлении, вступил вр. и. д. главкозап, так как генерал Ярошевский телеграфировал вам о невозможности для него вступить вр. и. д. главкозап. Назначенный Революционным Комитетом вр. и. д. главкозап подполк. Каменщиков сегодня разослал в армии приказы о приступе к ведению переговоров о перемирии при посредстве делегатов от разного рода комитетов и о выборе командного состава. Распоряжение о выводе в тыл казачьих частей отменено подполковником Каменщиковым, но мною приняты меры, чтобы первоначальное распоряжение было исполнено казачьими частями. В силу доложенного в армиях, конечно, полный развал, вся власть постепенно переходит в руки большевиков, командный состав не знает, чьи же распоряжения подлежат исполнению. Фронт в настоящее время совершенно небоеспособен, распоряжения о передвижениях войск, исходящие от моего имени, конечно, ими задерживаются или не исполняются, штаб фронта работает под контролем Революционного Комитета, все неугодное этому Комитету не пропускается, каждое управление, снабзап, начвосозап и пр. работают автономно, работа угенкварзап постепенно парали-

---

[1]) В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 818, л. 310. Телеграмма была передана 14 ноября в 23 ч. 32 м.

[2]) В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 818, л.л. 265—269.

зуется. Сегодня вечером подполковник Каменщиков прислал мне письменное приказание о зачислении меня в резерв по Минскому округу со сдачею должности генквартзап полковнику Сологуб; я ответил, что не признаю этого приказания; тогда состоящий при подполк. Каменщикове подпоручик Полукаров, в присутствии полк. Сологуба, заявил, что если я добровольно не уйду из штаба, то против меня будет употреблено насилие. Я ответил, что подчиняюсь только силе, и потребовал выдачи мне соответствующего документа. В виду предъявленной мне угрозы насилием, подтвержденной вторично при свидетелях, я вынужден прекратить свои служебные обязанности. Считаю необходимым немедленно, во имя спасения родины, армии, командного и офицерского состава, двинуть на Минск две казачьих дивизии, окружить Минск, разоружить гарнизон, арестовать разные революционные организации, перерезать все пути к Минску со стороны фронта, и тогда, ручаюсь, что немедленно всюду, не только на фронте, но и в тылу, водворится нужный для нас порядок; будут жертвы — они неизбежны, но и сейчас есть жертвы, и их будет гораздо больше, когда измученные солдатские массы увидят, что они обмануты большевиками-руководителями, которые, конечно, успеют скрыться, всю свою злобу выместят на командном и офицерском составе и безоружном населении; все слои благомыслящего населения и многие солдаты, безусловно, не на стороне большевиков, но сейчас терроризованы ими. При первом же серьезном натиске на большевиков эти слои и солдаты безусловно окажут нам поддержку. Считаю, что даже одного извещения о начавшемся движении к Минску казачьего корпуса будет достаточно, чтобы Революционный Комитет начал разбегаться в паническом страхе. 13 ноября. 1111. *Малявин.*

— Ну, слава богу, передал. Мы окружены войсками. Охраняют или бить собираются, трудно знать. Однако никого не выпускают.

Протест военного представителя Сев.-Амер. Соед. Штатов при штабе верх. главноком. подполк. Керт 14 ноября 1917 г. против заключения сепаратного перемирия [1]).

Grand Quartier Général russe, le 14/27 novembre 1917.

A Son Excellence le Général Doukhonine, Commandant en Chef des Armées russes.

Excellence!

A la suite des instructions très formelles de mon gouvernement, que vient de me transmettre l'Ambassadeur des Etats-Unis d'Amérique à Petrograd, j'ai l'honneur de porter à votre connaissance que la Republique des Etats-Unis et la Russie, étant liées de fait dans une guerre qui

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 818, л. 284; перевод, печатаемый ниже, сделан в ставке (то же дело, л. 282).

est essentiellement une lutte de la démocratie contre l'autocratie, mon gouvernement proteste formellement et énergiquement contre tout armistice séparé que pourrait faire la Russie.

Je prie Votre Excellence de bien vouloir m'accuser réception de cette communication par écrit et d'agréer l'expression de ma plus haute considération.

Lieutenant-Colonel *M. C. Kerth*,

Représentant militaire des Etats-Unis d'Amérique auprés du Haut commandement russe.

Перевод.

14/27 ноября 1917 года.
Ставка верховного главнокомандующего.

Его превосходительству генералу Духонину, верховному главнокомандующему русской армией.

Ваше превосходительство.

Согласно совершенно определенным указаниям моего правительства, переданным мне послом Северо-Американских Соединенных Штатов в Петрограде, я имею честь довести до вашего сведения, что в виду ведения республикой Соединенных Штатов в союзе с Россией войны, являющейся в своей основе борьбой демократии против автократии, мое правительство определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией.

Я прошу ваше превосходительство не отказать в письменном извещении меня о получении этого сношения и принять выражение моего совершенного почтения.

Подполковник *М. Керт*,

представитель армии Соединенных Штатов Северной Америки при штабе верховного главнокомандующего.

Перевел и верно: поручик *бар. Пилар.*

14 ноября 1917 года.

Извещение начальника Великобританской военной миссии ген. Бартер ген. Духониным 15 ноября 1917 г. № 8323 о посылке Крыленко парламентеров на северном фронте [1]).

Ваше превосходительство.

13 сего ноября именующий себя верховным главнокомандующим и народным комиссаром прапорщик Крыленко, явившись из Петрограда в район расположения наших передовых войск у Двинска, выслал

[1]) В. И. А., I ч., 1917 г., д. № 818, л. 280. Извещение воспроизводится с отпуска.

к противнику парламентеров, с целью выяснить, желают ли немцы войти в переговоры о перемирии. В случае согласия немцев на таковое предложение, переговоры, по словам Крыленко, должны будут прерваться, и со стороны народных комиссаров последует обращение к союзным державам с запросом о согласии их на начало переговоров.

О вышеизложенном считаю себя обязанным довести до сведения всех представителей союзных военных миссий.

С своей стороны, до решения вопроса о перемирии и мире полномочной центральной правительственной властью в согласии с союзными державами, я приму все доступные для меня меры, дабы не [1]) нарушить союзных обязательств. *Духонин.*

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с ген. Марушевским 17 ноября 1917 г. о предстоящем перемирии [2]).

— У аппарата генерал Марушевский.

— Сию минуту. У аппарата генерал Духонин. Здравствуйте, Владимир Владимирович. У аппарата ли ген. Марушевский?

— Да, у аппарата генерал Марушевский и народный комиссар [3]). Здравствуйте, Николай Николаевич. Вы хотели поговорить о предполагаемом перемирии?

— Я хотел вообще, чтобы вы меня ориентировали в положении в Петрограде.

— Положение в Петрограде все то же самое, как и было после нашего последнего разговора. Начало переговоров о перемирии предполагается 19 числа. В какую форму выльется, не могу ориентировать, так как участия в этом не принимаю. Сегодня вечером выехал Одинцов, который вам подробно обрисует обстановку и подробно может рассказать существующее предположение о мирных переговорах. До сего времени положение союзников не определилось. Видимо, они не получили еще ответа от своих правительств. Во всяком случае, военные агенты продолжают мне заявлять свои протесты и самое начало переговоров постараются учесть как наш первый шаг. Наиболее мягкое отношение со стороны американцев, которые занимают, кажется мне, наиболее дружественное отношение к создавшейся обстановке.

— Я получил донесение, что из Петрограда двигаются на юг по Виндавской дороге эшелоны матросов. Не знаете ли вы, с какой это целью совершается передвижение.

— Я совершенно не в курсе операций чисто революционного характера и прямых сведений по этому вопросу не имею. Если это вооруженная сила для воздействия на мнение ставки, то я, с своей

---

[1]) Далее зачеркнуто: «прекращать военных действий».

[2]) В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 820, л.л. 26—29. Разговор происходил 17 ноября от $23^1/_2$ до $24^1/_2$ часов.

[3]) Далее в подлиннике пропуск.

стороны, предпринял все, чтобы отговорить народных комиссаров от какого бы то ни было вооруженного предприятия в данном направлении. Насколько мои уговоры имеют влияние, не знаю.

— Такая экспедиция представляется совершенно излишней и могущей вызвать крайне нежелательные последствия. Мне представляется совершенно иной способ, и с этой стороны приезд генерала Одинцова является для меня весьма желательным; жаль только, что он не приехал раньше, теперь очень трудно совместить этот приезд и экспедицию. Вопрос о мире интересует нас не меньше, но только пути достижения мира несколько иные, на мой взгляд, и в этом разница. Едва ли можно переубедить людей вооруженной силой, но силой логики и фактического материала безусловно можно, и это единственный достойный путь. За это время я также много говорил с союзниками. Вполне сложились определенные мнения по интересующему вопросу. Чрезвычайно озабочен я вопросами продовольствия армии, в особенности северного фронта, и путем весьма больших усилий удалось наконец направить туда 201 вагон хлеба из наших южных областей. Теперь имеются сведения, что эти вагоны прошли через станцию Невель. Таким образом, они уже на северном фронте и запасов этих хватит дня на четыре — пять, что уже дает некоторое благополучие на фронте. На западном фронте самочинно, по указанию, вероятно, Революционного Комитета, вводится выборное начало в частях, значительно их расшатывающее, ибо производится без всякой системы, как попало. Опыт и знание в расчет не принимаются. Вот все.

— Спасибо вам за новость. Я все еще не теряю надежды, что можно что-нибудь сделать и достигнуть какого-нибудь соглашения с союзниками и выхода из создавшегося положения. Переговорите со мной завтра к вечеру, может быть, положение будет определеннее.

— Хорошо, постараюсь переговорить, если обстановка не изменится. Меня крайне удивляет способ действия путем экспедиции и интересует миссия Одинцова при этом.

— Одинцов выехал с моего ведома и с ведома комиссаров, специально чтобы ориентироваться в существующей обстановке; никакой специальной миссии я, по крайней мере, ему не давал, так как я бы затруднялся давать советы в ту или другую сторону, а что касается моего личного мнения, то я категорически стою за поддержание отношений с союзниками, о чем мною был подан рапорт, который попал в печать. Таким образом, моя точка зрения: необходимость мира скорейшего, но при безусловном согласии с союзниками — остается все той же.

— Очень вам благодарен, до свидания.

— До свидания, Николай Николаевич, дай вам бог всего хорошего.

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с ген. Щербачевым об освобождении союзниками России от союзных обязательств и согласии их на заключение Россией сепаратного перемирия и мира [1].

— У аппарата генерал Духонин. Здравия желаю, ваше высокопревосходительство. Обстановка к вечеру сегодняшнего дня сложилась следующая: Рада до сих пор не дала ответа о возможности переезда в Киев [2], тем не менее были наряжены эшелоны к отправке. Со стороны местного Георгиевского батальона были сделаны попытки задержать движение грузовых автомобилей. Вообще обнаружилось некоторое беспокойство гарнизона. Эшелон с иностранными миссиями готов был к отправке вместе со мною. В это время представитель итальянской военной миссии генерал Ромеи получил телеграмму от своего офицера из Петрограда из посольства, в которой сообщалось, что союзники решили освободить Россию от союзных обязательств и предоставить ей возможность заключить более выгодный сепаратный мир, а пока перемирие. Основание этого: оставление войск на своих местах, стороны не имеют права обмениваться пленными, и Россия не должна снабжать германцев хлебом и сырьем. Официальное сообщение пока не получено. Это обстоятельство может коренным образом изменить вопрос о перемирии. Сейчас генерал Марушевский сообщил о назначении двух штаб-офицеров генерального штаба на северный фронт для ведения переговоров 19 числа. Большевистские эшелоны находятся в районе станции Ново-Сокольники и дальше, повидимому, не двигаются. В ставку направлен экстренным поездом генерального штаба генерал-майор Одинцов, как мне сообщили, для ориентировки создавшихся положений и переговоров. Обстановка на северном и западном фронте все более и более принимает большевистский характер, и командный состав поддается влиянию; на западном фронте продолжают оставаться самозванные главнокомандующие [3] — подполковник Каменщиков, который мутит фронт, но сделать с ним ничего не могут, так как он опирается на большевистские революционные комитеты фронта и армии и распропагандированные и разлагающиеся массы. Общеармейский Комитет вынес резолюцию, что он всячески будет избегать кровопролития с матросами и примет все меры, чтобы сговориться. Путь для этого, конечно, компромиссы, а вооруженная сила нужна лишь для вящшего влияния на успех переговоров. Компромиссы же таковы: 1) что они согласны войти в переговоры при условии, что прапорщик Крыленко будет устранен как главковерх, которого они не признают, также и как народный комиссар по военным делам. За это они при-

---

[1]) В. И. А., I ч., 1917 г., д. № 820, л.л. 68—72. Дата на подлиннике отсутствует.

[2]) Речь идет о переезде ставки в Киев, о чем ставка вела неудачные переговоры с Радой.

[3]) Так в подлиннике.

знают возможным, если оставление меня является неприемлемым, но что для них желательно, то в таком случае [1]) они выдвигают кандидатуру на должность главковерха генерала Бонч-Бруевича. 2) Считают невозможным выдачу мою матросам. Из этого вы видите, что они стали на путь компромиссов с большевиками. Считают также желательным перенесение ставки в Киев или другой город. Вот какая создалась обстановка в ставке. Сегодня было многолюдное собрание чинов гарнизона, который также настроен на бескровный исход борьбы. Представители иностранных миссий решили выехать только со мной, но высказались, что, ввиду такого поворота дела о перемирии, они считали бы более предпочтительным оставаться в Могилеве. Все поджидают официального уведомления от послов по вопросу о перемирии. Уведомление о согласии на перемирие наше с немцами союзники, насколько я мог понять, передали через генерала Ниеселя генералу Марушевскому для оповещения комиссаров, из чего можно усмотреть как бы косвенно их признание. Я тут же высказался за кажущуюся мне ошибочность этого шага, который безусловно должен был быть сделан в сторону верховного командования, тогда положение командного состава было бы более прочным, и было бы подчеркнуто признание его за действительно лояльных представителей законной власти в стране, и наше влияние несомненно возросло бы в солдатской и народной массе. Союзники, с которыми я говорил, безусловно со мною согласились и признали правильной мою точку зрения. Сегодня около трех часов ночи прибудет в ставку Одинцов. Я предвижу с его стороны уговоры передачи мною власти Бонч-Бруевичу или кому-нибудь еще другому. Таким образом большевики будут стараться разрешить вопрос; верховного главнокомандующего, конечно, Крыленко, они не предполагают [1]) оставить. После этого, вероятно, последует мой арест и отвоз в Петроград. Вот программа, которая мне представляется наиболее вероятной. Должно быть, Общеармейский Комитет будет, стремясь избежать кровопролития, всячески поддерживать уговоры Одинцова. Для меня создается чрезвычайно тяжелая обстановка. Я считаю возможным передать власть самолично, без участия большевиков, ибо таковое означало бы им повиновение. Лично, по моему убеждению, я предполагал и считал бы возможным передать власть вам. Оставление за собой ее, при создавшейся обстановке, когда меня всячески старались дискредитировать в большевистских армиях и где открыто призывали и призывают не исполнять моих приказаний как контрреволюционных, я считаю для пользы дела малополезным, и с этой точки зрения было бы несомненно выгоднее для дела должность верховного главнокомандующего [возложить на] новое лицо, авторитетное, которое признала бы вся армия и не назначенное большевиками. Очень прошу не отказать высказать ваше мнение. Дело в том, что на западном и северном фронте двоевластие: получаются приказы

[1]) Так в подлиннике.

мои и Крыленко, и весь командный состав вследствие этого сильно терпит.

— Здравствуйте, Николай Николаевич. Очерченная вами обстановка совершенно лишает меня возможности принять ваше предложение и скорее является вопрос, могу ли я остаться здесь. Мое мнение, в случае, если ваше оставление будет признано невозможным, главковерх должен быть избран всеми комитетами, имея полное доверие со стороны всех (общеармейский, фронтовые и армейские). Мне лично кажется, что есть много недоговоренного в телеграмме итальянцев и прежде всего вопрос о Румынии, — нельзя ее ставить в безвыходное положение, и выяснение этого необходимо в кратчайшее время. Какие основания полагаться, что немцы выполнят условия и, затягивая переговоры, не перейдут в наступление на румынском фронте, признаки чему за последнее время все усиливаются? Считая, с своей стороны, что мир нам, конечно, необходим, нам нужно гарантировать действительную возможность выполнения намеченных условий. Трудно верить, чтобы немцы искренно пошли на условия демократического мира и приняли лозунги, провозглашенные демократиями. Не откажите ответить прежде всего, известно ли что-нибудь относительно Румынии. *Щербачев.*

— Нет, относительно Румынии ничего неизвестно. Вероятно, этот вопрос будет предусмотрен в официальной союзнической ноте. Я понимаю то тяжелое положение, в котором окажется Румыния. Я буду просить всячески союзников выяснить этот вопрос скорее.

— Не известно ли чего-нибудь генералу Бертелло?

— Я выясню и тогда сообщу немедленно. Постараюсь исполнить.

— Слушаю, я буду ждать. Тогда я сейчас еду. Дай бог вам всего хорошего. Сообщите мне сегодня.

— От души желаю и вам всего хорошего. Да хранит вас бог.

Разговор по прямому проводу ген.-кварт. при штабе верх. главноком. ген. Дитерихс с ген. Лукирским о согласии союзников на вступление России в сепаратные переговоры о перемирии [1].

— У аппарата генерал Лукирский? Здравствуйте, Сергей Георгиевич. По поручению ген. Духонина говорит ген. Дитерихс по поводу вашей телеграммы 2288 [2]. Мы еще не имеем официального сведения о предложении союзников вступить нам в сепаратные переговоры о перемирии, но представители наших иностранных миссий сегодня утром получили из Петрограда частную телеграмму, что таковое предложение послами в Петрограде сделано. Ждут, что завтра утром получат здесь официальное об этом оповещение. Таким образом, приходится признать совершающийся факт почти реализованным, так как

[1]) В подлиннике дата отсутствует. В. И. А., I ч., 1917 г., д. № 820, л.л. 57—60.

[2]) Этой телеграммы в деле нет.

мы получаем здесь обыкновенно телеграммы на 24 часа позже, чем Петроград. Вполне разделяется ваше предположение о командировании по одному офицеру от каждой армии. Сегодня ночью, между тремя — четырьмя часами, приезжает в ставку генерал Одинцов, повидимому, командируемый со стороны народных комиссаров для переговоров. Из этого вы усмотрите, что к утру 19 числа обстановка вполне определится в той или другой степени. Не можете ли сообщить, что есть нового на вашем фронте?

— Здравствуйте, Михаил Константинович. Вы, вероятно, уже получили копию донесения мне командарма XII о результатах бывшего у него совещания комкоров и комиссара Познера. Я разделяю принятые суждения на этом заседании и прошу одобрения их главковерхом. У меня есть сведения, что комиссар Познер, приходивший ко мне вчера ночью и осведомлявшийся о положении назначения на должность главкосева, сегодня утром вызывал V армию и предлагал подыскать заместителя на эту должность. В разговоре с Познером я осведомил его, что вопрос о назначении главкосева пока ставкою не решен. Может быть, именно это обстоятельство побудило его к упомянутым переговорам. Однако у меня нет точных сведений относительно содержания этих переговоров. Начвососев мне доложил сейчас, что из Петрограда в 14 часов отправился экстренный поезд в Двинск. Может случиться, что едущий днем прапорщик Крыленко приостановится в Пскове и пожелает со мною видеться. Я хотел бы получить от главковерха указания относительно моего отношения к такой попытке.

Разговор по прямому проводу ген. Дитерихс с команд. польским корпусом ген. Довбор-Мусницким 18 ноября 1917 г. о согласии союзников на заключение Россией сепаратного мира [1]).

— У аппарата генерал Дитерихс? Я генерал Довбор-Мусницкий. Здравствуйте. Что у вас делается? Сейчас мы получили по радиотелеграфу из ставки телеграмму, что ставка разбегается. Офицеры разъезжаются, также и иностранцы. Косвенное подтверждение об этом с другой стороны. В радио сказано, что солдаты в ставке арестовывают офицеров и отбирают автомобили. Сейчас я был с Рампоном у революционного главнокомандующего. Местный Совдеп высылает сегодня, в 23 часа, комиссию для заключения перемирия от всего фронта. У аппарата генерал Дитерихс? Будьте добры, дайте ответ на мои вопросы.

— Здравствуйте, Иосиф Ромуальдович. Нас перебили. Ставка на месте. Сообщу вам некоторые подробности обстановки последних двух дней. Ко вчерашнему вечеру обстоятельства складывались следующим образом: с севера на Могилев надвигались эшелоны матросов. Вопрос о перемирии оставался в руках народных комиссаров, шедших

---

[1]) Дата в подлиннике отсутствует. В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 820, л.л. 61—62.

на сепаратные выступления и приводивших к разрыву с союзниками. При таких условиях, по общему решению всех, было предположено сегодня начать вывоз ставки на юг, дабы поставить ее в условия более спокойной оперативно-технической работы. Сегодня утром обстановка резко изменилась: союзные миссии при ставке получили уведомление из Петрограда, что союзники не будут препятствовать заключению Россией сепаратного перемирия при соблюдении некоторых условий, причем генерал Ниесель, старший из представителей иностранных миссий в Петрограде, принял на себя поручение выступить с этими предложениями там же, в Петрограде. Таким образом, во-первых, устраняется вопрос разного взгляда ставки и народных комиссаров на порядок заключения перемирия. Второе — обращение с этими вопросами непосредственно в Петроград есть как бы косвенное признание союзниками петроградской власти. Эти положения совершенно исключают необходимость ухода отсюда ставки, так как, будучи исключительно военным органом, ставка не может касаться вопросов политической борьбы за власть. Вот общее положение. В частности, когда сегодня утром некоторые отделы, еще до получения сведений о союзниках, начали грузить вещи, то некоторые солдаты из гарнизона выказали намерение не выпустить вещей из ставки. По принятии решения об оставлении ставки на месте все успокоилось. В настоящее время эшелоны матросов стоят в Ново-Сокольниках, а из всего отряда отделился вагон с генералом Одинцовым, который едет к нам, повидимому, для переговоров. Он должен приехать сегодня между 3—4 часами ночи. Ясна ли вам обстановка?

— Совершенно ясна. Благодарю вас. — Сейчас Рампон просил вызвать кого-нибудь к аппарату из французской миссии.

— Я просил вытребовать по телефону какого-нибудь француза.

— Виноват, не Рампон, а один из офицеров его свиты у аппарата и ждет французов из ставки.

— Сейчас француз подойдет. До свидания. *Дитерихс.*

— До свидания. *Довбор-Мусницкий.*

Телеграмма ген. Духонина 18 ноября 1917 г. с опровержением сведений о согласии союзников на заключение Россией сепаратного перемирия [1].

Срочная.

Наштасеву, наштазапу, наштаюзу, наштаруму, Могилевскому гарнизону.

Распространившиеся сегодня утром частные сведения о том, что союзники больше не препятствуют заключению нами с противником сепаратного перемирия по официальной проверке старших представителей иностранных миссий подтверждения не получили. 18 ноября 1917 года. № 16201. *Духонин.*

[1]) В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 820, л. 11.

Разговор по прямому проводу ген. Дитерихс с начальником связи штаба польского корпуса по поводу известий о согласии союзников на заключение Россией сепаратного мира [1]).

— Пригласите к аппарату комкор, а если его нет, то кого-либо из чинов штаба; просит генерал Дитерихс.

— У аппарата начальник связи штакора польского. Генерал Довбор-Мусницкий просил заместить.

— Сегодня вечером давал генералу Довбор-Мусницкому ориентировку. Ныне, по последним сведениям, должен внести существенную поправку. Дело в том, что союзники решили больше не протестовать против заключения нами сепаратного перемирия не в смысле согласия на такое перемирие с нашей стороны, а в том смысле, что, раз протестовавши, они не считают нужным высказывать новые протесты. Таким образом, они сами утром были введены в заблуждение и ввели нас. Однако сами же говорят, давая ныне официальную окраску, что это может быть не окончательное. Вот, что я вас прошу доложить генералу, и до свиданля.

— Слушаю, немедленно доложу. Здравия желаю.

Записка ген. Щербачева ген. Духонину 19 ноября 1917 г. с изложением ответа ген. Бертелло по поводу слухов о согласии союзников на заключение Россией сепаратного мира [2]).

Вручить немедленно.

Генерал Бертелло мне категорически заявляет, что он убежден в том, что телеграмма, полученная итальянским представителем в ставке, подложна, так как все телеграммы генералу Ниселю проходят только через него, генерала Бертелло, а им никакой телеграммы в этом смысле не было получено. Генерал Бертелло заявляет, что ни в коем случае союзники не могут согласиться на заключение Россией сепаратного мира или перемирия. Означенная телеграмма, по его глубокому убеждению, не должна служить предлогом для задержки немедленного переезда ставки в Киев. Ввиду изложенного, тем более считал бы необходимым сохранение вами верховного командования. Прилагаю при сем копию телеграммы, только что полученной генералом Бертелло. 19 ноября. 1 ч. 55 мин. *Щербачев.*

Копия телеграммы французского военного министра генералу Бертелло о решении правительства Германии не вести переговоров с большевиками [3]).

Русский военный морской агент в Копенгагене получил из хорошо осведомленного истсчника следующие сведения: германское правитель-

[1]) Дата в подлиннике отсутствует. В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 820, л. 64
[2]) В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 820, л.л. 52—53.
[3]) В. И. А., I ч., 1917 г., д. № 820, л. 54.

ство решило, будто бы, не вести переговоров с большевиками, поддерживая в них вместе с тем на такие переговоры надежду, которая будет производить на русские войска разлагающее влияние. Германцы рассчитывают, что через 2—3 недели Ленин и его сподвижники увидят, что они не могут сохранить в своих руках власть, предпишут всем русским войскам уйти с фронта.

Верно: полковник *Мельчаков*.

Телеграмма полк. Сологуб ген. Щербачеву с изложением условий перемирия, выработанных на западном фронте [1].

Штарум. Генералу Щербачеву.

01567. Передаю дословно условия перемирия, заключенного на западном фронте: «Минск. 19 ноября 1917 года. 19 часов 20 минут. Вчера около 18 часов я получил предложение подполковникаКаменщикова командировать двух офицеров генерального штаба в комиссию перемирия Воревкома [2] к 23 часам 18 ноября для обсуждения условий договора. Так как это предложение совершенно противоречило принятому накануне решению, то я определенно решил его не принять, но только около 22 часов мне удалось увидеть подполковника Каменщикова, бывшего целый день в Воревкоме. Мне легко удалось доказать необходимость вручения мне проекта договора о перемирии, и таковой был передан мне для обсуждения. Этот документ: «Проект договора о перемирии между армиями западного фронта и германскими армиями. Между русскими армиями западного фронта и германскими армиями заключается следующий договор о временном прекращении военных действий между этими армиями на ниженазванном участке для скорейшего достижения почетного для обеих сторон мира: 1) Договор о перемирии распространяется на участок фронта, ограниченный с юга линией рек Пинны и Припяти, с севера линией селений Довгелишки—Козляны. 2) Настоящий договор является временным и обязательным для обеих договаривающихся сторон впредь до заключения общего перемирия на всем русском фронте или до отказа одной из сторон от соблюдения договора. Сторона, расторгающая договор, должна предупредить противную сторону за одни сутки. 3) Договор о перемирии вступает в силу с 12 часов дня ... ноября 1917 года (декабря н. с.). 4) Немедленно по вступлении договора в силу на указанном выше участке прекращаются все боевые действия, как-то: стрельба пехоты, пулеметов, бомбометов, минометов, артиллерии, боевые действия штыками, ручными гранатами, сбрасывание бомб с аэропланов и стрельба с них, полеты над расположением противника, минерные работы и т. д.

[1] В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 820, л.л. 13—21. Воспроизводим с копии, на которой имеются пометки: «Копия», «Срочно» и «Подлинник отослан понаштаверх», сделанные чернилами; копия напечатана на пишущей машинке.

[2] Т.-е. Военно-Революционного Комитета.

5) С момента вступления договора в силу (согласно пункта 3) обе стороны взаимно обязуются не производить оперативных передвижений частей войск, не увеличивать на данном участке количества боевых сил, не уводить войсковых частей для усиления других фронтов. 6) Обе стороны обязуются не производить никаких подготовительных к наступлению работ. 7) Работы по поддержанию в порядке позиций позади проволочных заграждений допускаются. 8) Во время перемирия общения между солдатами обеих договаривающих сторон допускаются только на нейтральной зоне, между проволочными заграждениями, и только днем. Употребление спиртных напитков при этом совершенно воспрещается; солдаты и офицеры, зашедшие вопреки пункту 8 в окопы противника, считаются военнопленными. 9) В случае недоразумений, могущих возникнуть во время действия сего договора, таковые разбираются уполномоченными обеих сторон; место и время собрания уполномоченных назначается в каждом отдельном случае через посредство парламентеров. 10) Обе стороны имеют право делать предложения о пересмотре настоящего договора, для чего созывается комиссия уполномоченных обеих сторон. 11) Настоящий договор, как частичный, автоматически поглощается договором о общем перемирии на всем фронте, когда таковой будет заключен. 12) Каждой из сторон [вручается] по одному подписанному уполномоченными обеих сторон экземпляру сего договора на русском и немецком языке».

Немедленно же я собрал всех офицеров генштаба, и около $22^1/_2$ часов 18 ноября началось обсуждение статей проекта с своей точки зрения. Для ускорения и согласованности в работе я согласился на присутствование при обсуждении проекта членов комиссии Воревкома. Сразу же выяснилось, что по характеру проекта излишне участие в обсуждении представителей инспартзапа, начинзапа и снабзапа. Обсуждение этого проекта закончилось около $4^1/_2$ часов 19 ноября, и в окончательном виде он гласит: «Договор о перемирии между армиями русскими западного фронта и германскими армиями, действующими против означенного фронта. Между русским западным фронтом, состоящим из третьей, десятой и второй армий, и входящими в состав австро-германских войск фронта генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского: частью армейского отряда «Д» графа Кирхбаха, 10, 12 армий (армейского отряда генерала Шеффера), армии генерала Войрша и части армейского отряда Гронау, расположенными на участке м. Видзы (включительно) до р. Припяти (включительно), заключается следующий договор о временном прекращении военных действий для скорейшего достижения почетного для обеих сторон мира: 1) Настоящий договор является временным и обязательным для обеих договаривающихся сторон со дня подписания его в течение двух месяцев, т.-е. по ... января (февраля) включительно 1918 года, или до заключения общего перемирия на всем русском фронте, если таковое последует ранее означенного условного срока. 2) Настоящий заклю-

чаемый договор автоматически расторгается в случае перехода в наступление австро-венгерских, германских, турецких или болгарских войск против какого-либо из участков русского фронта и вне армий западного фронта или таковых же действий с русской стороны, с предупреждением о начале боевых действий. 3) Немедленно по вступлении договора в силу на указанном выше участке прекращаются все боевые действия, как-то: пулеметный, бомбометный, минометный и артиллерийский огонь, действия штыком, ручными гранатами, огнеметами и газами, а также все минные и саперные работы и вообще какие-либо виды боевых действий. 4) Взаимно прекращаются воздушные полеты над расположением не только противной стороны, но и в 5-тиверстной зоне от линии расположения своих передовых окопов. Одновременно прекращаются подъемы привязанных аэростатов. 5) Всякая высылка за свои проволочные заграждения разведывательных партий и одиночных разведчиков прекращается. 6) Сторожевое охранение с обеих сторон не имеет права выходить за свои проволочные заграждения. 7) Обе стороны обязуются не производить никаких подготовительных к наступлению работ. 8) Работы по поддержанию в порядке позиций позади передовых проволочных заграждений допускаются. 9) С момента вступления договора в силу обе стороны взаимно обязуются не производить оперативных перевозок, передвижений и перегруппировок войск, выходящих из рамок обычной смены частей боевой линии, не увеличивать и не уменьшать на данном участке количества боевых сил и средств. 10) Стоящие против русских войск западного фронта ко дню заключения настоящего договора германские дивизии, отдельные бригады и австрийские части в общем количестве $23^1/_2$ пехотных и кав. дивизий, считая в том числе 17 ландверную и 31 пехотную дивизию или сменившие их две другие дивизии, в случае окончания переброски первых, не могут быть переброшены на другие театры или за пределы фронта, указанного в начале договора. Равным образом не допускается выделение из указанных войсковых частей отдельных войсковых единиц для производства новых формирований, взаимно и с русской стороны не могут быть перебрасываемы за пределы западного фронта находящиеся к тому же сроку в составе армий фронта русские дивизии. 11) Во время перемирия нейтральной зоной считается только пространство между передовыми проволочными заграждениями обеих сторон. 12) Выход в нейтральную зону со всякого рода оружием воспрещается. 13) В указанной нейтральной полосе общение между солдатами обеих договаривающихся сторон допускается только с рассвета и до наступления темноты. 14) Чины договаривающихся сторон, зашедшие за пределы нейтральной полосы, считаются военнопленными. 15) Продажа, передача и употребление спиртных напитков в пределах нейтральной зоны не допускается. 16) В случае недоразумений, могущих возникнуть во время действия сего договора, таковые разбираются уполномоченными обеих сторон, место и время собрания уполномоченных назначается в каждом отдельном случае через посредство

парламентеров. 17) Обе стороны имеют право делать предложения о дополнении и изменении статей настоящего договора, для чего созывается комиссия уполномоченных с обеих сторон. 18) Настоящий договор, как частичный, автоматически поглощается договором об общем перемирии на всем русском фронте, когда таковой будет заключен. 19) Каждой из сторон вручается по одному подписанному уполномоченными обеих сторон экземпляру сего договора на русском и немецком языках».

Последний проект был принят в настоящей его редакции, и тем проект, составленный Воревкомом, отпал. Вслед за сим было приступлено к обсуждению тех возможных уступок, которые допустимо сделать для приемлемости соглашения неприятельской стороной. Единогласно было решено, что пункты 9 и 10 проекта являются существеннейшей его частью, уступки в них признаны невозможными, и указано на необходимость добиваться принятия этих пунктов неприятелем в составленной редакции. Лишь в крайнем случае можно поступиться второй частью пункта 10, начиная со слов «равным образом». Обсуждение проекта было для меня и офицеров генштаба в значительной степени облегчено официозным (повторяю, официозным) заявлением генерала Рампон, сделанным мне около 23 часов 18 ноября о неимении препятствий со стороны правительства Французской республики к заключению Россией сепаратного перемирия. Делегированные от Воревкома представители выехали сегодня на рассвете в район Сморгони, где намечена встреча с уполномоченными штаба группы генерала Эйхгорна. Решено было, что представители Воревкомзапа могут вести переговоры лишь с представителями штаба фронта принца Леопольда Баварского и не вступают в переговоры с представителями штаба группы генерала Эйхгорна. Последним предоставляется право на ведение переговоров лишь с представителями Воревкомов III и X армий. С своей стороны я командировал совместно с представителями Воревкомзапа генштаба капитанов Крузенштерна и Липского. Капитанам Крузенштерну и Липскому определенно и категорически указано, что они являются военно-техническими советчиками, сами переговоры не ведут и полномочия на подписание договора о перемирии не имеют и подписывать его не должны. Последнее я основывал на том, что переговоры ведутся не от имени штазапа, а от имени Воревкомзапа. Встреча сторон предполагается около 14-ти часов сегодня, ранее ночи не ожидаю возвращения указанных офицеров. № 5211. *Сологуб* [1]).

Сводка донесений о настроении армий за время с 15 по 30 ноября 1917 г. [2]).

Не подлежит оглашению.

За отчетный период подробные и систематические сведения поступили с юго-западного и северного фронтов, от остальных фронтов

[1]) Далее помета чернилами: «8413» и «За генкварверх полковник *Терехов*».
[2]) В. И. А., ч. I, 1917 г., д. № 820, л.л. 211—215.

доставлялись только эпизодические сведения. Таким образом, настоящая сводка не может дать правильной картины о состоянии армий всех фронтов, а отображает лишь положение дела в отдельных частях.

Общее настроение армий продолжает быть напряженным, нервно-выжидательным, каким оно было в первой половине месяца. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, попрежнему является неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке. Кроме того, недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий, ввиду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира — угнетающе действует на настроение и приводит к разочарованию. В этом отношении особенно характерный отзыв дает командир XII армии, который говорит, что армия представляет из себя «огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием». Такая характеристика без особой натяжки может быть применима ко всему фронту вообще. На почве этого разочарования наблюдается усиленное развитие в частях войск национальных притязаний — украинцев, литовцев, латышей и поляков; особенного обострения указанные притязания достигли в XII армии.

Переходя к перечислению отдельных фактов, рисующих состояние армии, необходимо указать прежде всего на значительное число случаев отказа от исполнения боевых распоряжений относительно смены тех или иных частей с позиции. Таких случаев было зарегистрировано: в XII армии — 2, I — 3, Особой и XI — по 1-му, VII — 4, IX — 2. Кроме того, со стороны многих частей раздаются настойчивые требования отвода их в тыл, под угрозой оставления к определенному сроку позиций (1-я Кавказская стрелк. див. I армии, 13 сиб. див., 431-й и 432-й пех. п. 108 див. VII армии); самовольно оставили позиции части 11-й сиб. див. X армии, причем увещевания местных комитетов, членов Ревкома, командного состава не достигли цели; тоже 296 Грязовецкий полк и одна рота 431 полка VII армии; 691 полк и 306 п. 46 корпуса Особой армии отказались выступить на позиции. Между прочим, в 141 полку XII армии был выработан план ухода в тыл, согласно которому, в случае отказа ротных командиров, постановлено их убить, а затем обратиться к батальонным и полковому командирам, потребовать особый поезд и ехать в Псков. Мотивом этого ухода было выставлено, с одной стороны, перемирие, делающее лишним стояние полка на фронте, а с другой — необходимость участия в выборах в Учредительное Собрание. План пока не приведен в исполнение.

Случаи братания участились и распределяются между отдельными армиями следующим образом: в Особой — 7, XI — 3, VII — 7, и по всему Румынскому фронту. Командный состав и комитеты принимали все меры к недопущению или прекращению братания. В некоторых случаях — на участке 74 и 76 п. п. 12 корпуса, 296 п. 41 корпуса 13 сиб. див. VII армии — братание происходило по инициативе про-

тивника с провокационной целью; это было замечено членами Ревкома, которые обратились к противнику с воззванием о недопустимости братания ввиду общих переговоров о мире. На территории упомянутого 296 п. была организована сходка наших солдат и противника, которая длилась 20 мин. [1]). Во 2 див. 1 Туркестанского корпуса Особой армии наши и немецкие солдаты разгуливают вместе, причем последние доходят до наших резервных рот; то же наблюдается и на участке 431 п. 108 див. VII армии. Особенно усиленное братание наблюдается на территории 19 див. 12 корпуса VII армии, где за неделю—с 20 по 27 ноября—было два случая увода в плен наших солдат во время братания; кроме того, пользуясь легкомысленным доверием наших солдат, австрийские офицеры 21 ноября ходили по своему берегу р. Сбруча с планшетками и с фотографическими аппаратами и снимали наши окопы. Уговоры и увещания офицеров и комитетов вызывают озлобления. В районе 432 полка завязана меновая торговля с неприятелем, окопы украшены белыми флагами, раздается музыка. В 442 полку 57 див. Особой армии офицерам, протестовавшим против братания, угрожали штыками. К прискорбным результатам привело братание на территории VI армии, где 3 наших солдата пошли к проволочным заграждениям противника, здесь их сфотографировали, дали табаку. Возвращаясь, они нашли головку дистанционной трубки, при разборе которой все три были ранены.

Отношение к командному составу попрежнему недоверчивое. Наиболее печальные факты, с этой точки зрения, имели место в следующих случаях: в 227 полку Особой армии на глазах командира и офицеров убит прапорщик Баранов; рядовой 43 полка VII армии убил двумя выстрелами из винтовки подпоручика 123 полка, при попытке арестовать его солдаты оказали сопротивление, и убийца скрылся. Во второй батарее 39 корпуса Особой армии в землянку командира была брошена бомба, которой контужено три офицера; в 1 Кавказской артиллерийской бригаде I армии выстрелом через окно ранен командир батареи. Кроме того, подвергнуты аресту 50 офицеров 126 див. Особой армии, двигавшейся на Луцк (впоследствии все офицеры освобождены после ликвидации самого выступления дивизии); командир 541 Велижского п. и 6 офицеров (XII армии) по обвинению в контр-революционности; командиры 237 Грайворонского полка и командир 9 роты того же полка (I армии).

Предупреждая закон о выборности командного состава, некоторые части стали осуществлять у себя это право ранее его официальной санкции. Так, в 4 самокатном батальоне (Особ. армии) были отстранены командир 3 роты и заведующий хозяйственной частью, и на их место избраны солдаты. В 648 дружине командиром избран комиссар; комитет летучего пункта 3 [2]) Гвардейской див. отстранил начальника и

[1]) Далее зачеркнуто: «и не дала никаких результатов в виду отсутствия немецких офицеров».

[2]) В подлиннике исправлено синим карандашом напечатанное «5» на «3».

завладел всем имуществом: комитет санитарного поезда сместил старшего врача, завед. хозяйством и сестер милосердия и избрал новых лиц (XI арм.); в 5 Кавказской див. был смещен делопроизводитель хоз. части за отказ выдать несколько перьев, в чем было усмотрено желание со стороны делопроизводителя помешать выборам в Учредительное Собрание (XII арм.); в 74 див. 41 корп. было вынесено постановление об упразднении должностей дивинта и начальника хозяйств. части с передачей их функций особым комиссиям (VII арм.); в 53 Сиб. стрелк. полку отказались принять прибывшего после эвакуации командира; комитет частей штаба XI армии постановил реквизировать собственных офицерских лошадей, обыскать уезжающих офицеров и отбирать у них оружие, перевести офицеров на общежитие.

Параллельно с приведенными фактами нельзя не отметить отрадного явления: полной солидарности командного состава 32 дивизии VIII армии с комитетами и дружной работы офицеров наравне с солдатами во всех организациях; точно также полное соглашение достигнуто между командным составом и Ревкомом XII армии, где командарм Новицкий и все комкоры беспрекословно подчинились власти Ревкома.

Что касается работ и занятий, то, как сказано в вводной части, таковые вообще не производятся, за весьма ничтожными исключениями; везде мотивами выставляется ненужность работ ввиду скорого мира, в некоторых же случаях, сверх того, в качестве мотивов приводится малая дача хлеба — 737 Абловинский полк I армии.

Погромное движение заметно растет и принимает организованный характер на территории 11 див. VII армии, где разоряется и уничтожается имущество как помещиков, так и крестьян. Командный состав и комитеты бессильны в борьбе с этим злом. Между прочим, солдатами 13 Сиб. див. той же армии был произведен еврейский погром в районе расположения штадива, дальнейшее развитие которого было приостановлено с помощью пулеметной команды. На участке X армии в имении Дуброво солдаты, вооруженные ружьями и бомбами, разграбили все имущество — домашнюю птицу, скот, белье, посуду и деньги. Вместе с тем для предотвращения погромов национальный блок XII армии признал желательным образование при армии и ставке комиссии из представителей национальных организаций по одному от каждой для охраны местного населения от грабежей национальными полками.

Обращаясь, в заключение, к тем фактам, которые характеризуют отношение армий к новому политическому строю, надлежит прежде всего заметить, что симпатии солдатских масс вполне определенно склоняются на сторону этого строя, приобретающего с каждым днем все большее и большее число приверженцев, начиная с крупных войсковых частей — фронтов, армий — и кончая более мелкими единицами — полками, ротами и т. п. Сделанный вывод иллюстрируется следующими конкретными данными. В 3 Сибирском корпусе II армии вся власть перешла в руки Военно-Революционного Комитета, над командным составом установлен контроль, выделена особая оператив-

ная комиссия, выборы командного состава прошли без особых трений; в VII армии тоже власть в руках Ревкома; во всех войсковых частях III армии образованы Ревкомы, к которым перешла вся полнота власти. Армейский Комитет пользуется громадным влиянием и авторитетом, во все учреждения назначены комиссары. Такой же Комитет образован на всей территории XI армии. 32 пех. див. VI армии вынесла постановление о бесповоротном признании власти Совета; съезд юго-западного фронта признал необходимым передать всю власть на фронте вновь избранному Общеармейскому Комитету и установить контроль над оперативной деятельностью в контакте с секретариатом Украинской Рады.

Центральный комитет служащих почтово-телеграфных учреждений северного фронта, протестуя против требований комиссара, чтобы все распоряжения п.-т. отдела были санкционированы им, обращает внимание Ревкома на пагубные действия его агента и призывает к правильной работе и тесному сплочению вокруг своих организаций для защиты Учредительного Собрания, верховного хозяина земли русской.

За начальника военно-политического отдела
упонаштаверха [подпись].

Из дневника ген. В. Г. Болдырева.

Печатаемые ниже отрывки из дневника ген. В. Г. Болдырева являются частью дневника, веденного автором на фронте за период с 1916 г. по конец 1917 г. Служебное положение автора за этот период — генерал-квартирмейстер северного фронта, командир 43-го корпуса и командующий V армией — давало ему возможность довольно близкого соприкосновения с деятельностью наиболее видных представителей фронта, правительства и общественных и политических группировок.

В настоящую публикацию вошли записи, начиная с 27 февраля по 25 октября (ст. ст.) 1917 г. Весь дневник в целом подготовляется к печати под общим заголовком: «Революция на фронте — 1916-1917 гг.». *Ред.*

Псков.
27. II. 1917 г.

...События приняли крайне серьезный оборот. Вчера Рузский [1]) получил телеграмму Родзянки с изложением той пропасти, над которой повисла Россия. Он просит содействия для разъяснения создавшегося положения и необходимости выбора правительства, опирающегося на доверие народа. Судя по этой телеграмме, постепенно прекращается деятельность заводов, подвоз, что, конечно, прежде всего отразится на армии. Кстати сказать, мы уже не дополучаем более трети дневного довольствия при расчете только на численный состав всех армий, т.-е. без организаций и всяких работающих на фронте учреждений.

Рузский отправляет телеграмму государю, извещая его о получении телеграммы Родзянки, которую приказано в копии передать в ставку. Данилов [2]) пригласил меня переговорить по поводу этой телеграммы, мы изменили ее в двух местах, носящих характер условности. Д. говорил, что выход один — выбор 30 доверенных лиц, которые, в свою очередь, выбрали бы кандидата, которому и вручить судьбу России. Теперь важен даже не столько человек, сколько призыв к чувству народа, но призыв искренний, который помирил бы народ и с надвигающимся голодом. Все это так, но «сам» [3]) уверен, что все это бредни, что Россия благоденствует. Это мнение, по словам Д., разделяет и вел. кн. Георгий Михайлович, бывший сегодня у главнокомандующе-

---

[1]) Главнокомандующий северным фронтом. [Все подстрочные примечания принадлежат автору дневника. *Ред.*].

[2]) Начальник штаба северного фронта.

[3]) Николай II.

го. Верно, что нет большей слепоты у людей, которые ничего не хотят видеть.

Рузский исправил конец телеграммы, указав, что репрессии не достигнут умиротворения. Любопытно, какой последует ответ на эту историческую телеграмму. Р. поступил, как велел долг; интересно, писал ли Родзянко другим главнокомандующим.

Около 8 час. получена копия телеграммы ген. Беляева [1]) в ставку, извещающей, что горсть оставшихся верными долгу войск не в силах справиться с военным мятежом. Начались пожары. Нужны особо надежные войска и в возможно большем числе.

Вскоре после этой телеграммы Алексеев [2]) вызвал к аппарату Данилова, результатом чего явилось распоряжение о командировании в Петроград двух полков пехоты и по полку улан и казаков. Столько же посылают и от западного фронта. Вопрос — учуют ли немцы, что мы на целых две дивизии ослабили себя для новой борьбы теперь уже с своим, потерявшим и веру и терпение, народом?

Главнокомандующим Петроградским округом назначен ген.-адъют. Иванов.

28. II. 1917 г.

События разрастаются. Алексеев прислал большую телеграмму, ориентирующую в событиях, начиная с 25 февраля. Войска перешли на сторону мятежников. В Мариинском дворце заседает Временное Правительство. Начались пожары. После полудня была получена телеграмма каперангу Остелецкому [3]) из морского генштаба: «во флоте все спокойно». Тем не менее, военный министр телеграфирует, что морской министр разоружил оставшихся верными долгу моряков из боязни разрушения адмиралтейства, которое теперь охраняется преображенцами под начальством офицеров-добровольцев, предложивших свои услуги Государственной Думе. Предположено усилить войска ген.-адъют. Иванова. Отправление от нас пехоты задерживается недостатком подвижного состава. Так не хотелось бы вовлекать во все это армию! За что еще хотят бороться — за призрак. Ведь кругом тайное и явное сочувствие...

Говорят, что новый министр путей сообщения Бубликов уже разослал по железным дорогам циркуляр о необходимости полной энергии работы на путях. Связь Финляндии с Петроградом прервана, от Белостока охрана дороги от Времен. Правительства. Ген. Гулевичу (командир корпуса в Финляндии) даны особые полномочия. Пригодился радиотелеграф. Вечером приехал Драгомиров [4]), но ввиду тревожного настроения вернулся к армии. Все будет зависеть от того, что удастся сделать г.-ад. Иванову.

---

[1]) Военный министр.

[2]) Нач. штаба верховного главнокомандующего.

[3]) Капитан I ранга — представитель флота в штабе северного фронта.

[4]) Командующий 5-й армией (Двинск).

1. III. 1917 г.

Решается судьба России. Ждем государя в Псков, куда идет его поезд лит. П., уже третий день не имеющий приюта. События в Москве и Кронштадте подтолкнули и ставку на решительную телеграмму государю, причем Алексеев умоляет его для блага России и династии теперь же, немедля, объявить об избрании правительства, облеченного доверием народа. Воззвание Родзянки, посланное от имени Исполнительного Комитета Гос. Думы, полно стремления к скорейшему умиротворению, причем говорится, что народ, желающий сохранения монархического начала, ждет нетерпеливо государя.

Только что вызывал меня к аппарату Клембовский [1]), из разговора выяснилось, что ставка, при поддержке вел. кн. Сергея Михайловича, уже ставит точку над i, указывая на Родзянку, как на человека, пользующегося доверием и способного стать во главе правительства. Дай бог удачи Родзянке, про него много говорят, и в добродушно шутливом тоне, но судьба его вынесла и—исполать ему! Большую роль во всем этом сыграло решение адмирала Непенина, командующего Балтийским флотом, он первый признал Исполнительный Комитет Госуд. Думы и, может быть, спас от анархии флот. Любопытно, что он уже ставит деловые, вызываемые боевыми условиями, требования новому правительству: требует сталь, муку и пр., — видно, что он имеет на первом плане не борьбу властей, а интересы отечества. Между тем события растут; преступная медлительность питает анархию; восстала Москва, охвачен бунтарством Кронштадт, где убит уже командир порта.

Странно складываются события: неограниченный монарх, лишенный опоры, бродит по своей стране и просит одного из своих главнокомандующих о беспрепятственном проезде через Псков. Этому городу и Рузскому, видимо, суждено сыграть великую историческую роль; здесь, в Пскове, опутанному темными силами монарху придется вынужденно объявить то, что могло быть сделано во-время.

Я понимаю тревогу рядового офицера и солдата, которые инстинктивно чувствуют что-то недоброе, которых преследуют кошмарные обрывочные рассказы «очевидцев». Надо немедля и честно объявить определенное решение, иначе всколыхнется армия.

Лукомский [2]) передал, что Алексеев занемог, видимо, сломленный последними событиями. Я сказал Данилову, что сегодня вопрос надо кончить, что завтра уже будет поздно. Видимо, они с Рузским решили, да другого выхода и нет.

Таврический павильон заполнен сановными пленниками, среди которых: «смиренный» Питирим, Добровольский, Протопопов, Штюрмер, несколько адмиралов и ген. Забелин.

Комендантствует в Петрограде мой академический товарищ, член Госуд. Думы, Б. Энгельгардт.

---

[1]) Помощник нач. штаба главнокомандующего.

[2]) Ген.-квартирмейстер ставки верх. главнокомандующего.

2. III. 1917 г.

В начале 4-го ночи меня вызвал Данилов, вошел я прямо в аппаратную. Рузский, сильно утомленный, сидел в расстегнутом кителе, весь окутанный табачным дымом. «Неважные дела», обратился он ко мне. Данилов своим деловито-монотонным голосом заканчивал передачу Родзянко проекта манифеста, присланного Алексеевым и теперь уже явно никого не удовлетворяющего.

Я сейчас же прошел с Ползиковым (адъютант Данилова) в кабинет Данилова, чтобы составить краткую суть разговора Рузского с Родзянкой для ставки.

Родзянко сообщил, что манифест запоздал, он был бы своевременным 27-го и что теперь ребром уже ставится вопрос династический — отречение в пользу сына и регентство вел. кн. Михаила Александровича.

Вскоре в кабинет пришли Рузский и Данилов, последний казался также сильно утомленным.

В набросанной мною телеграмме Рузский вычеркнул подробности по династическому вопросу — «подумают еще, что я был между ними посредником в этом вопросе». Когда Р. ушел, я выразил опасение, что такая передряга вредно отзовется на его сердце. «Да, — заметил Д., — а его авторитет так необходим».

Вернулся к себе в начале 6-го и едва прилег, как опять потревожили — явился цензор с номером «Псковской Жизни», где были отпечатаны все агентские телеграммы Комитета Гос. Думы. Возникал вопрос: разрешать или не разрешать. Ни официального признания Комитета Госуд. Думы, ни распоряжений по сему ставки не было.

Почтенный цензор очень извинился, видя меня в туфлях и солдатской шинели: «Бывают случаи, ваше превосходительство, когда и солдат непосредственно обращается к генералу».

Цензор лукавил, называя себя солдатом, — он был статский советник.

Лично я был того мнения, что, конечно, запрещать выход номера газеты нельзя, уже самый разговор с Родзянкой главнокомандующего указывал на некоторое признание новой образовавшейся власти, и, кроме того, воспрещение могло бы вызвать неизбежный вопрос о сочувствии или несочувствии перевороту. Между тем, штаб XII армии воспретил опубликование телеграмм, не будучи в достаточной степени ориентированным в обстановке. Пришлось вновь будить Д. и Р. Рузский в постели внимательно прочел газету, Д., окутавшись одеялом, сидел на стуле рядом с кроватью, я стоял. Решили выпустить явочным порядком.

Едва я добрался к себе, Д. опять меня вызвал, он уже сидел в кабинете и писал, по счастливой мысли, руководящую телеграмму о том, что главкосев (Рузский) находит соответственным распространение заявлений Комитета Гос. Думы, касающихся мероприятий по успокоению населения и по приливу продовольствия.

«А объявление об аресте министров это относится к успокоению или приливу продовольствия», смеясь заметил мне Д. У меня свалилась гора с плеч — высказано, наконец, определенное указание и до некоторой степени определенное отношение к Комитету Думы. Я отплатил Д. за вызов, так как, едва он лег, вновь пришлось разбудить его для переговоров со ставкой.

До 5-ти часов дня была легкая передышка, хотя заснуть не удалось, да и воздуха сегодня не нюхал. С 5-ти часов опять началась кутерьма.

Появились сведения о сношении послов Франции и Англии с Исполнительным Комитетом Госуд. Думы.

Приближается срок решения вопроса об отречении; Д. сообщил, что государь был особенно неприятно поражен, что это решение придется выполнить в присутствии, а может быть и под давлением ненавистного ему А. И. Гучкова, который, вместе с Шульгиным, экстренным поездом выехал в Псков.

По докладе государю телеграмм от всех главнокомандующих, государь повелел послать Алексееву депешу, что он «ради пользы родины не остановится ни перед какой жертвой».

Конвой передался Временному Правительству. Гвардейский морской экипаж изменил во главе с двоюродным братом — вел. кн. Кириллом.

В руках обломки власти... а через несколько часов просто бывший человек. Сколько ударов и, кажется, ни в ком ни капли сожаления!

Родзянко беспокоится за Петроград и просит о назначении популярнейшего боевого генерала на пост главнокомандующего Петроградским округом. Выбор Комитета пал на Корнилова. Алексеев просит ускорить его назначение. По докладу Рузского, государь назначает Корнилова.

Принял из ставки с аппарата проект манифеста об отречении.

В 10 час. вечера прибыли Гучков и Шульгин в сопровождении 5 красногвардейцев (красные банты на груди). Тихомиров, бывший при подходе поезда, спросил у одного из них газету и получил «Известия Совета Рабочих Депутатов» — злокозненный, по его мнению, листок.

Адмирал Непенин телеграфирует, что он еле сдерживает флот и что в Ревеле готова разразиться буря.

Сдержим ли мы поток разрушения и анархии?

Свершилось... 2-го марта в 3 ч. дня состоялось отречение Николая II в пользу своего брата, вел. кн. Михаила Александровича. Государь не пожелал расстаться с сыном и, таким образом, отрекся и за него в пользу дяди... «Признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть»...

Одновременно издан указ Правительствующему Сенату о назначении председателем Совета Министров кн. Г. Е. Львова и верховным главнокомандующем вел. кн. Николая Николаевича.

Столько событий — и такой важности — в один день!

3. III. 1917 г.

Последним актом государя в Пскове было подписание дубликата манифеста об отречении для вручения Гучкову. Государь торопился с отъездом: «.... захвачу семью и поеду к матушке в Киев».

Литерный поезд отбыл, увозя уже экс-монарха — «последнего Николая».

Манифест производил несколько смутное впечатление, явно нарушался закон о престолонаследии, и возникал серьезный вопрос о супружестве нового государя. Д. мне говорил, что этот вопрос возникал и на совещании в вагоне, там был указан, правда, не вполне подходящий прецедент с Александром II, женатым второй раз на княжне Долгорукой, но дело в том, что Александр II женился уже будучи государем.

Какая-то непрочность чувствовалась в этом документе огромной важности, когда я нес его для передачи по аппаратам. Предчувствие не обмануло меня: около 7 ч. меня разбудил дежурный офицер подполк. Мороз и представил телеграмму ген.-ад. Алексеева от 6 ч. 45 м., излагающую настоятельную просьбу Родзянки не допускать всеми способами опубликования манифеста. Вслед засим была доложена вторая экстренная просьба Родзянки пригласить Рузского к аппарату. В разговоре с главнокомандующим Родзянко высказал опасение, что при столь резком изменении манифеста таковой не будет принят с удовлетворением, вернее, как это потом и оказалось, им надо было выиграть время для издания такого манифеста, исходящего от вел. кн. Михаила Александровича, который не оставлял бы и тени сомнения об окончательной ликвидации дома Романовых.

Между тем был получен первый приказ верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, в коем, между прочим, говорилось... «что касается вас, чудо-богатыри, сверхдоблестные витязи земли русской, то знаю, как много вы готовы отдать за благо России и престола».... Это последнее слово находилось в полном противоречии с полученным манифестом вел. кн. Михаила Александровича, который отказался от престола и, «одушевленный единою со всем народом мыслею, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае восприять верховную власть, если такова будет воля великого народа....»

Это серьезное противоречие вызвало целый ряд запросов. Данилов долго говорил с Лукомским по аппарату, причем просил доложить наштаверху его мнение о возможных последствиях. Объяснение простое: приказ верховного (Николая Николаевича) вышел раньше отказа вел. кн. Михаила Александровича, таким образом, вел. кн. Николаю Николаевичу не была еще известна та форма, в которую выльется манифест, и он руководствовался исключительно манифестом государя. Вопрос этот возбудил сомнение и у Эверта [1]), который даже усомнился

[1]) Главнокомандующий зап. фронтом.

в подлинности манифеста Михаила Александровича, не скрепленного ничьей подписью.

Рузский, которого мы разбудили уже на рассвете, заупрямился, было, и хотел вычеркнуть слово «престола», донеся, конечно, об этом верховному.

Все мы запротестовали. Д. настаивал на замедлении его выпуска, но эта мысль не могла быть приведена в исполнение, так как наштаверх [1]) категорически требовал выпуска приказа.

Доложили, что прибыли какие-то 2 офицера из Царского Села и просят, не может ли их принять Р. или Д. Я вышел к ним, оказались офицерами — один конвоец, другой л.-гв. Московского полка, оба — приверженцы старого порядка и, в частности, «ее величества». Я спросил их, кого им надо, — «мы едем к государю, думали застать его здесь; не откажите сказать, где теперь его величество». Я им сказал: «В ставке. От кого же вы имеете поручение и к кому?» Замялись сначала, а потом сообщили, что к государю — «хотим осветить ему правдиво положение дел». Когда их принял Рузский, они сознались что везут по письму, кажется — дубликаты, государю от ее величества.

4. III. 1917 г.

В 7 час. утра закончили все распоряжения об отпечатании и распубликовании обоих манифестов, приказа верховного, приказа главнокомандующего и его же воззвания.

Между тем уже началось брожение. Ермолаев (дежурн. ген. штаба фронта) звонил мне, что автомобилисты II роты оскорбили религиозное чувство казаков, начав аплодировать после их молитвы и благодарить за прослушанный концерт.

Поступок скверный, я сейчас же отправился в роту; роту составляли полуинтеллигенты, мастеровые и вообще более или менее развитой элемент, на некоторых лицах уже было новое выражение любопытства и задора. Я в очень резкой форме указал им на неуместность их поступка, заявил, что они, едва добившись свободы, сами же нарушают ее, учиняя насилие над свободой человеческой совести. Рота молча выслушала мои слова и дружно ответила на благодарность за службу — бунтарство еще не выявилось наружу; оно зрело где-то глубоко внутри.

У кое-кого из солдат на груди уже красовались красные банты — эмблема революции. Еще раньше я встретил на улице нижнего чина охранной роты с таким же бантиком. Когда я спросил его, зачем он надел бантик, солдат почтительно ответил, что этим он приветствует новый порядок. Вспомнив, что конвой депутатов Госуд. Думы Гучкова и Шульгина был украшен такой же эмблемой, я разъяснил солдатам роты, что я не настаиваю на отмене бантов, так как уверен, что через 2—3 дня они сами перестанут носить их, сам же банта не надену

[1]) Начальник штаба верх. главнокомандующего.

так как формой это не установлено. Долго разъяснял им необязательность знаменитого приказа № 1 Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, заявив, что мы имеем новую установившуюся власть и таковой этот Совет не состоит.

На мое обращение: все ли понятно из моих слов, выступил довольно развязный с виду шоффер и по вопросу об отдании чести выдвинул следующий тезис: «Честь отдается погону, установленному царем; царя-батюшки нет — не надо и погон, а тогда не надо и отдания чести».

«А деньги с портретом царя ты тоже не признаешь?» — задал я ему неожиданный вопрос; шоффер смутился и пробормотал: «Так то ведь деньги». «Но пока их не заменят другими, они ведь в силе; то же самое и с отданием чести — выйдет новый закон, ее отменяющий, тогда и отменим». Аргумент подействовал, рискованная в эти дни тема об отдании чести не произвела взрыва, большинство добродушно улыбалось.

Из роты поехал в мастерскую — там дело обошлось глаже. Солдаты приветствовали громким «ура», красных бантов пока не было.

К вечеру город обнаруживал все большее и большее оживление. Получилась телеграмма об убийстве командующего Балтийским флотом адмирала Непенина, об аресте Финляндского ген.-губернатора Зейна, его помощника Боровитинова и коменданта Выборгской крепости ген. Петрова.

Около 9 часов явился с докладом подполк. Маслов и доложил, что в общем отделении собираются все писаря. Я сказал, что к 10 ч. прошу пригласить всех офицеров, в присутствии которых я буду говорить с писарями; получилась порядочная аудитория. Говорил с ними очень сердечно, указал, что только особенностью данного момента, когда все встревожены, все хотят разъяснения обстановки, я разрешаю их собрание. Под конец беседы, на мой вопрос, что же их особенно тревожит, пусть поведают мне свои заботы, ближайший из писарей вышел и мог сказать только одно: «Ваше превосходительство, я всем доволен».

Но, конечно, и их мучили вопросы о красной ленточке и об отдании чести.

В городе тревога росла. На вокзале тысячная толпа хозяйничала, обезоруживая офицеров. Убит начальник распределительного пункта полк. Самсонов.

5. III. 1917 г.

Пропаганда междоусобий между офицерским составом и нижними чинами распространяется по всему фронту. Утром меня вызвал Данилов, начал диктовать в присутствии Саввича [1]) и Ушакова [2]) какую-то длинную телеграмму; в это время вошел совершенно осунувшийся Ер-

[1]) Главный начальник снабжения фронта.
[2]) Начальник военных сообщений фронта.

молаев, которого сейчас же по экстренному делу потребовал комендант главной квартиры полк. Мицкевич. Оказалось, что только что арестовали начальника гарнизона ген. Ушакова; что войска выведены на парад, о котором я не имел никакого понятия, выведены без оружия, в виде какой-то сборной команды. Я спросил, почему это так сделано — хотели ли подчеркнуть, что солдатам не доверяют. Напутал только что арестованный комендант. Дошли слухи, что на месте парада собралась огромная толпа, настроение крайне тревожное, ген. Ушакова тащат топить.

Волнение чувствовалось и в приемной главнокомандующего, дежурный ген. Е. что-то лепетал; совершенно растерявшийся Мицкевич не имел лица, а Д. отвлекал Рузского какой-то длинной телеграммой.

На ходу испросив разрешение у Рузского и учитывая возможность больших осложнений, я в первом попавшемся автомобиле помчался на площадь. По обеим сторонам трамвайного пути построились части гарнизона, из которых только кадеты, юнкера школы прапорщиков, конвойный взвод и полевые жандармы имели обычный вид, все же остальное с трудом напоминало воинские части. Виднелись построившиеся гимназисты и реалисты.

Кругом море голов, устремленных на мой автомобиль; надо было переломить настроение. Прямо с автомобиля на резвом ходу, я начал здороваться и с первого же ответа почувствовал, что это пока еще войска.

В глазах рябило от красных ленточек и флагов с надписью: «Да здравствует свободная Россия». Поздравив войска с переходом к новому государственному строю, я крикнул: «Да здравствует Россия!». Раздалось бешеное «ура». Нашелся выход крайнему напряжению — толпа ревела вместе с солдатами, чувствовалось, что сейчас, в этот момент, эту толпу, опьяненную и взвинченную до последнего предела, легко можно было бросить и на подвиг и на преступление.

После нескольких горячих слов, я заявил, что главнокомандующий будет удивлен, видя войска на параде безоружными, и что я его именем приказываю немедленно разойтись по квартирам и прибыть сюда вновь в положенном уставом виде.

«Надеюсь, что население примет на себя охрану порядка во время парада», — ответ — громовое «ура».

Части начали перестраиваться и расходиться по казармам, движение внесло успокоение, выход для скопившейся энергии был найден.

Вернулся для доклада Рузскому, а затем все поехали на парад. Мне же пришлось взять на себя и командование парадом. Я не раз внутренне благословлял небо за свой громкий голос: для управления толпой это много значит, а большинство в войсках «нового порядка» уже весьма мало отличалось от толпы.

Рузский говорил с солдатами на тему о новом строе и необходимости дружной спокойной работы, упомянул даже попутно о вреде

«ханжи» и денатурата. Вензеля на его погонах с буквой «Н» как-то особенно коробили глаза среди моря революционных значков. Роскошно расшитые красные полотна мешались с красными тряпочками на простых палках в руках переодетых «в солдата» старых мужиков (ратники старых сроков).

Рузский говорил тихо, тепло, по-отечески; поняли, вероятно, немногие. Но его любят, и при отъезде ему была устроена овация и войсками и народом.

Вечером опять беспорядки; на улице схватили адм. Коломийцева и на автомобиле буквально поволокли под арест. Вот когда почувствовалось, что власть главнокомандующего свелась к нулю. Адмирала, георгиевского кавалера, волокут и оскорбляют солдаты, и главнокомандующий бессилен что-либо сделать. Сила принадлежит солдату, и он проявляет ее так, как указывают ему новые вожди. Одним словом, мы над пропастью анархии.

Были на панихиде по убитом Самсонове, — тяжелая драма, жена и дочь в отчаянии, но покойник принес искупительную жертву и успокоился навеки.

У всех офицеров страшное возмущение по поводу арестов. Возможен массовый отказ от командования.

6. III. 1917 г.

Загорелся революционный пожар в Двинске, где арестовали ген. Безладнова, — все усилия Драгомирова оказались тщетными. Он тоже признал, что всякое обострение нежелательно и также просил присылки членов Гос. Думы для успокоения войск и толпы.

Так постепенно началась сдача власти.

Получено сведение об убийстве полк. 1-го Сумского гус. полка Шебергзона и об исчезновении командира того же полка полк. Жукова. Гусары начали бунт в Режице. Пожар охватывает все большие и большие районы, причем везде убивают или арестуют, главным образом, комендантов, начальников гарнизонов и командиров частей.

Сегодня первое заседание «Комитета общественной безопасности» из членов от офицеров, солдат и рабочих. От моего управления послан добрейший О. П. Тихомиров, судейский полковник и общественный деятель-земец. Имеет некоторый успех, несмотря на свою скромность.

Рига.
11. III. 1917 г.

В 10 час. совещание у Радко-Дмитриева [1]). Слух о покушении на Радко. Угроза террористической партии смертью прибывшему в Ригу военному министру А. И. Гучкову. До обеда Гучков принимал делегатов. Обедать должны были у Радко. По выходе из вагона Гучков сказал мне: «Ваше превосходительство, едемте со мной, я не хочу,

[1]) Командующий 12 армией.

чтобы дети остались сиротами, лишившись одновременно отца и матери (жена Гучкова, сопровождавшая министра, тоже была приглашена к обеду). Вы слышали, что меня собираются убить. Что делать, доля риска необходима»... (А. И. упустил из виду спросить, есть ли у меня дети).

«Да, это маленькое неудобство вашей профессии», заметил я министру, но, конечно, никакого покушения не было. По городу предусмотрительно был установлен конный наряд. Потом уже решили, что для народного министра это излишне — приказали снять.

Устранен начальник штаба Радко-Дмитриева ген. Беляев.

После обеда совещались: министр, Радко-Дмитриев и я; присутствовали: ген. Балтийский, Соковнин и полк. Половцев. Ужинали у Радко.

Вечером интересная беседа в салоне вагона. Присутствовали члены Госуд. Думы Ефремов и Макогон; они ездили на «Пулеметную горку» [1]) и уже украшены георгиевскими медалями. Макогон — умница и редкий комик с трезвым мировоззрением хохла-крестьянина.

Псков.
13. III. 1917 г.

Прибыли в Псков около 11 ч. утра. Проехали прямо к главнокомандующему, где сразу же было короткое, до обеда, совещание, главным образом, по вопросам, связанным с брожением в войсках.

Гучков как единственное средство успокоения рекомендует различные уступки. «Мы не власть, а видимость власти, физическая сила у Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

Сначала срывался Драгомиров, однако скоро успокоился и вошел в тон Гучкова. Нелепо вел себя подъехавший ген. Литвинов [2]), брюзжал, фрондировал и произвел крайне невыгодное впечатление.

Обедали в офицерской столовой. Литвинов предложил мне должность начальника штаба его армии. Я воздержался от окончательного ответа, предчувствуя отчисление самого Литвинова.

За обедом мне сообщили, что сошел с ума адъютант ген. Рузского граф Гендриков и хотел застрелить главнокомандующего.

В 5 час. опять совещание. Гучков во вступительной речи очень ярко и красочно обрисовал положение дел, беспомощность Временного Правительства.

Ужинали у главнокомандующего. Гучков талантливо охарактеризовал Протопопова, а член Думы Макогон насмешил своим рассказом, как он «не желая терять 350 р. в месяц депутатских и итти домой крутить хвосты быкам, агитировал за Протопопова на должность председателя Думы».

---

[1]) Участок позиции под Ригой — место кровавых боев в декабре 1916 года.
[2]) Командующий 1-ой армией.

После ужина разбирали вопрос о положении на фронте и необходимости перемены оперативных задач. Данилов сделал обстоятельный доклад. Гучков настаивал на немедленном представлении в ставку о перемене существующих планов. Говорил, что надо завтра же командировать туда или начальника штаба или ген.-квартирмейстера. Рузский заупрямился, заявил, что ставке все это известно, но она стоит на своем — на производстве удара в Львовском направлении.

Получилась неловкость, как будто и Рузский и штаб болели пассивностью. Гучков нервничал: «Я завтра же по прямому проводу переговорю с ген. Алексеевым, и, вероятно, завтра же кому-нибудь придется ехать в ставку».

Я лично не понимал этого пассивного упрямства Рузского и высказал свои соображения о том, что в настоящее время представлялось бы необходимым поставить задачей северного фронта.

Разошлись под неприятным впечатлением. Гучков уехал в школу прапорщиков, а мы с Даниловым сели составлять телеграмму в ставку.

«Ведь вот пишем же,— заметил я Данилову,— но под влиянием министра, у которого, несомненно, осталось впечатление нерешительности со стороны Рузского, а ведь он — кандидат в верховные». — «Да, я тоже не понимаю упрямства Н. В.,— ответил Д.,— на него события тоже наложили отпечаток».

В 12 ч. приехал в вагон Гучкова, где уже сидел Рузский, жена Гучкова, Любомиров и депутат Ефремов. Гучков был у себя в купэ с Половцевым. Рузскому пришлось подождать не менее получаса. Расстались все же, видимо, тепло.

17. III. 1917 г.

Политика охватила и нас, сегодня было первое заседание общего собрания офицеров и чиновников управления ген.-квартирмейстера под председательством кап. 1-го ранга Остелецкого. Слушали доклад прап. Ч. о поездке в Петроград. Там творится что-то кошмарное: обойдя весь Таврический дворец, избегав половину Петрограда, он нигде не нашел ответа хотя бы на часть тех вопросов, которые уполномочен был выяснить.

В Государственную Думу стекаются все делегаты, беженцы с позиций, лишенные всякой дисциплины солдаты местного гарнизона.

В различных комнатах заседают: офицеры-эсэры или просто офицеры, эсдеки, офицеры-максималисты, офицеры-республиканцы и т. д., и все это без программы, без идеи.

Был Ч. и у пресловутого Гущина, преподавателя военной академии, портретом которого украшено сегодняшнее «Вечернее Время», и, нигде ничего не добившись, в конце концов, бежал из сумасшедшего дома, каковым, по его мнению, представляется теперешний Петроград.

В. говорил сейчас же после Ч. и указал, что при таких условиях гибель родины не за горами, что надо образовать здоровое ядро и спасать армию от разложения, а Россию от гибели.

Возник вопрос о присяге. Совет Солдатских и Рабочих Депутатов бросил новую охапку горящей пакли, объявив недействительность присяги, данной Врем. Правительству.

Собрание затянулось до 1 часу ночи. «Заговорила великая молчальница и довольно нелепо», заметил мне на ухо Шавров. И прав и не прав он.

Последнее слово принадлежало Гаитенову, он просил, чтобы было меньше слов и больше дела. Но медовый месяц речей еще не прошел, и послушать их придется.

18. III. 1917 г.

Временное Правительство приехало в ставку. Надолго ли? Говорят, Москва дала две недели сроку на выяснение вопроса: кто же настоящее правительство, а потом, кажется, выступит белокаменная и попытается взять Петроград голодом.

Мысль Совета Солдатских и Рабочих Депутатов о присяге уже приносит свои плоды. Сегодня получена телеграмма, что воинские части, стоящие в Финляндии, в Раумо, отказались присягать, признав присягу недействительной. Мы решили дать в этом вопросе серьезный отпор и выработали резолюцию, которую и посылаем на заключение в армии.

Среди солдат развал дисциплины увеличивается; сегодня мне докладывают, что автомобильная команда штаба выбрала себе начальника. Несколько матросов флотилии [1]) адмир. Коломийцева будоражат гарнизон.

Получена телеграмма Брусилова, подкрепленная подписями командующих армиями его фронта, о необходимости обуздания Петрограда и общего наступления, которым мы обязались перед союзниками...

Рига.
4. VI [2]). 1917 г.

Был на позиции первой латышской бригады у Гренгофа, чудные песчаные холмы. Думал найти у латышей больший порядок и чистоту, оказалось, революция развалила и их — они сплошь большевики и, конечно, за «мир без аннексий и контрибуций» и т. д.

Общее впечатление от латышей все же недурное, службу несут и озлобленных, угрюмых лиц мало.

Пошли в 743 полк, надо было пройти большое болото, прикрытое со стороны противника насыпным бруствером. Сопровождавший меня начальник дивизии ген. Викторов изнемогал от жары; изморился и слабый здоровьем мой адъютант Н. В. Грундман. Жара не менее 30 градусов.

---

[1]) На Чудском озере из пароходов, приспособленных к обороне.
[2]) Из периода моего командования 43 арм. корпусом.

Немцы безмолвствовали, с их стороны не последовало даже ответа на бомбу, пущенную, по моему приказанию, морской батареей [1]).— Артиллеристы докладывают, что ранее стоявший здесь 16 Сибирский полк стрелять запрещал.

У тирульцев говорил с пулеметчиками, решившими, было, не исполнять своего долга и не стрелять в противника даже при его наступлении. Какова незлобивость! Пулеметчики, однако, заявили, что это клевета, но, конечно, что-то в этом роде было.

12. VI. 1917 г.

Последнее крупное событие — отказ 3 Сибирской стр. дивизии идти на позицию. Содействие Искосола [2]) не привело ни к чему, представители его — прап. Кучин и солдаты Тумаркин и Кейко — были изгнаны, им грозили штыками.

Ездил в 744 полк. Как близость к врагу и наличность опасности меняет людей! В окопах застал дождь — промок до нитки, зато это хорошо действует на солдат; они из землянок с удивлением смотрели на корпусного командира, идущего из окопов и мокрого до костей.

21. VI. 1917 г.

Тяжелый день. «Уговаривали» латышей — не желают занимать боевых позиций, говорят, что их умышленно выманивают из Риги. В конце концов дело наладилось. Целый день шатались депутации от 4 особой дивизии; два ее полка по-просту разбрелись с указанных им мест и потянули к Риге. Как упростилось понимание служебного долга, теперь и самовольный уход из боевого района не подгонишь под справедливый гнев современной Немезиды!

Был лично в 439 полку, ворчали, говорили обычные глупости, но вечером выполнили смену — опять удалось строевому начальнику сделать то, чего не добился представительный солдатский орган.

22. VI. 1917 г.

Утром встречали нового главкосева [3]), ген. Клембовского, имеющего сугубо демократический вид, Радко-Дмитриева, Посохова и командиров корпусов. Клембовский принял в салон-вагоне, где Радко сделал довольно безотрадный доклад о положении дел. Выяснилось, что и два остальные полка 4 особой дивизии потянули в Ригу.

В 11 ч. совещались у Радко-Дмитриева; я предлагал крутые меры против «бастующих» частей, Посохов и кн. Меликов поддержали меня, но Р.-Дм. не согласился. Начали обычную канитель — при-

---

[1]) Часть морских батарей в то время была использована на сухопутном фронте.

[2]) Исполнительный Комитет Солдатских Депутатов — армейский выборный орган.

[3]) Главнокомандующий северным фронтом.

гласили «знаменитого» Роома [1]) и комиссара правительства прап. Дюбуа, к слову сказать, теряющих влияние в солдатской массе. Кстати, у них сегодня «День солдатской печати», с кабарэ после 12 час. ночи!

Пришлось опять рубить узлы самому. После обеда поехал с Васильевым к полкам. Тяжелая картина в Стуриче — одни офицеры, покинутые своими солдатами. Читая мне принятую офицерами резолюцию, полную достоинства и твердости, командир полка полк. Карганов еле сдерживал слезы. Я поблагодарил его: «Вы, офицеры и горсточка не потерявших совесть солдат, остались на месте — это то, что вы обязаны были сделать. Вы — остов полка, с вами — знамя, ушедших солдат я рассматриваю как вооруженную, забывшую свой долг банду».

Решил проехать и к ушедшим солдатам; они расположились в одной из ближайших рощ на берегу Зап. Двины и, по рассказам, видимо, уже тяготились своей неорганизованной изолированностью.

По пути заехал в 11 особый полк; здесь командир поступил гораздо хуже. Когда его полк, составлявший один из участковых резервов, под видом спасения от дыма от лесного пожара, самовольно отошел в тыл на «более удобное» место, подальше от боевой линии, командир вместо того, чтобы удержать солдат или, по крайней мере, остаться самому и офицерам, покорно поплелся в тыл, покинув порученный боевым приказом участок.

«Вы будете мною отрешены и преданы полевому суду», сказал я смущенному командиру, подошедшему ко мне с рапортом. В глубине души я сознавал всю тяжесть положения начальника в создавшихся условиях развала и анархии, но здесь командир, еще сравнительно молодой офицер, выдвинутый революционными настроениями, не проявил и тени твердости.

Самовольно покинувшие позиции солдаты 16 особого полка расположились в чудесной сосновой роще и сейчас же толпами начали сбегаться к моему автомобилю. Я разъяснил всю преступность их поступка. Из их толпы выступил уже приобревший известность «защитник солдатских интересов» кап. С. Не стесняясь моим присутствием, капитан открыто агитировал против командующего армией ген. Радко-Дмитриева. Настроение делалось напряженным.

Я заметил, что увлеченный своей речью капитан встал одной ногой в потухший уже почти костер. В самую острую минуту я неожиданно сказал: «Капитан, вы сожжете свой сапог». С. быстро взглянул вниз, отдернул ногу и как-то сразу потерял тон.

Солдаты мигом потянулись смотреть, что произошло, сзади уже кричали, что «кто-то горит». Внимание нарушилось, эффект речи пропал. Я отдал приказание, чтобы к утру полк был весь вместе с офицерами, и уехал.

---

[1]) Вольноопределяющийся — председатель Армейского Комитета — «Искосола».

У себя в штабе узнал, что главковерх Брусилов согласился на увод из нашей армии 4 особой дивизии в 5 армию на соединение с 3 особой дивизией, — скатертью дорога!

9. VII. 1917 г.

Целая серия неприятностей. Все хотят командовать, все желают быть властью, и никто не хочет ни повиноваться, ни работать.

Драма на юго-зап. фронте, грозящая свести на-нет все наше положение в Галиции, покрыть позором революционную армию и погубить Россию, — наконец, отрезвила наших правителей-идеологов. Но теперь суровые приказы могут уже остаться пустым звуком и, как не опирающиеся на реальную силу, явятся лишь простым лоскутом бумаги.

Армейские Комитеты и комиссары правительства в отчаянии телеграфируют по всем направлениям и, конечно, безуспешно.

Главкоюз [1]) и командарм 11-й [2]) отдали распоряжение расстреливать бегущих. Через 4 месяца пришли к старому приему, который с такой пышностью и отвагой был отменен Керенским!

Радко уходит. Кому достанется его развалившееся царство?

2 Сибирский корпус все еще не может решиться, идти ему или не идти на позиции!

Искосол непрерывно заседает и приходит только к одному убеждению, что его никто уже не слушает. Правительственному комиссару М. тоже отовсюду грозят побоями.

Формирование моих батальонов, на условиях действительно железной дисциплины, идет туго. Митингующих всех изгоняют, а привычка к митингам уже сильно укоренилась.

Рига танцует и веселится попрежнему!

10. VII. 1917 г.

Приезжали ген. Викторов и Хенриксон, оба порядочно измучились от «помощи» Комитетов.

Ездил на позиции 438 и 440 полков — посмотреть результаты вчерашнего ночного «боя». Пробрался в передовую заставу, пострадавшую от мин немцев. Только приходится удивляться нашему легкомыслию и лени. Застава в 60 шагах от противника связана с основной линией окопов ходом, по которому можно с трудом укрыться от расстрела в упор, согнувшись в три погибели. Чтобы лучше продемонстрировать эту небрежность, перед кем следует, заставил прогуляться вместе с собой все начальство, от начальника дивизии до командира батальона. Чудом как-то нас не подстрелили. Простым глазом отлично

---

[1]) Главнокомандующий юго-западным фронтом.

[2]) Командующий 11-й армией.

были видны рыжие бороды немецких ландштурмистов, наблюдавших через прорезы в металлических щитах.

На заставе, в сильно разрушенном блиндаже, находились 4 солдата, совершенно черных от пыли и дыма, сильно струхнувших и в то же время обозленных против немцев за их огонь. Они очень удивленно посмотрели на нас, видимо, не понимая, зачем мы попали в эту полуразрушенную дыру, из которой они, несомненно, очень хотели бы поскорее выбраться.

В заставе соседнего 440 полка, наиболее пострадавшей, отсиживались 7 солдат, отрезанных заградительным огнем немцев (минами по ходу сообщения). С трудом и большим риском пробрались и туда; те же закопченные, со следами пережитого страха, лица.

Одного из них, молодого тамбовского парня, я спросил: «Страшно было?» — «Знамо страшно, мешками [1]) в сопли (нос) бьет, песком засыпает, а кругом молынья, куски железа (осколки) летают — страсть».

— «Что же, вы решили штыками отбиваться, если бы ворвались немцы?»

— «Какой там штыками, старик-то (старый ратник) и винтовку бросил, я уж ее утром отыскал».

Боялись ли, в свою очередь, немцы лезть ночью в наши окопы или просто не хотели — эти семеро едва ли стали бы отбиваться.

Помогла делу наша артиллерия, которая отлично «крыла» немцев. Правда, это стоило 1500 снарядов! В конечном итоге обе стороны напугали друг друга.

Из беседы с ротным командиром выяснилось, что люди струхнули порядком, но «бегунцов» не было.

«Забились в землянки, а в окопах прижались к стенкам спиной к противнику, никого не соберешь, бегал, бегал, пока не упал сам!»

К приказу Керенского о дисциплине и подтяжке отнеслись различно: в наиболее распропагандированном батальоне 440 полка хотели разорвать приказ, уверяя, что «вертают на старое, скоро левой ногой заставят честь отдавать»!

25. VII. 1917 г.

Утром проводили Радко-Дмитриева — доволен, что сбросил с себя бремя и не переживет конечного позора нашей армии. Проводы весьма скромны, кроме военных — никого. Как упал престиж военачальника, как вообще демократизация свела на-нет всякую власть!

В $9^1/_2$ ч. утра, вместе с другими командирами корпусов, представлялся новому командарму ген. Парскому. Он подбрил по-модному усы и как будто слегка помолодел, хотя лицо сильно изможденное. Я знал Парского по 25 корпусу, где он имел репутацию достойного строевого начальника, весьма близкого к солдату и чрезвычайно либерально настроенного.

[1]) Мешки, наполненные землей, служат для обшивки укреплений.

По очереди доложили о положении в корпусах. Общее впечатление — отрадного мало.

Вскоре прибыл комиссар фронта пор. Станкевич, в форменных тужурке и брюках, без погон. Очень симпатичный, еще совершенно молодой человек, полный оптимизма и веры в восстановление боеспособности армии теми же средствами, которые привели ее к развалу. Эти люди в тупике; восстановление власти начальников, без чего невозможно восстановление армии, требует упразднения или, во всяком случае, умаления значения Комитетов. А эти последние, в свою очередь, хлопочут о еще больших полномочиях и контроле, которыми они и без того, как тенетами, опутали начальников.

Из всех речей ясно, что вожди революции не уверены в себе и, видя крушение авторитета созданных ими организаций, стремятся спасать таковые всеми мерами.

Сознание необходимости единства мощи для военных вождей свело сегодня обе стороны, пытающиеся друг друга призвать к общей работе, что, однако, невозможно по самому существу военного дела. Я прямо заявил, что все меры, о которых здесь говорилось, — паллиативы, хотят переменить скальпель на топор для операции над армией, которая прежде всего не желает никакой операции. Переменили приемы увещевания на принуждение и сами же боятся этого принуждения.

Ведь недаром комиссар Дюбуа испугался даже языка последних приказов военного министра и верховного главнокомандующего.

Новый председатель Искосола пор. Кучин ревнует к престижу военных комиссаров правительства и, при поддержке Хэроша (молодой солдат — член Искосола), взывает к усилению полномочий Армейских Комитетов.

А армия, которой хотят командовать эти взаимно мешающие друг другу власти, воевать не хочет, потому что она устала, потому что большевики ее уверили, что война ей не нужна, что это затея капиталистов и буржуев, потому что в ней убили патриотизм идеей интернационализма, потому что, просидев три года в окопах, она сознает несправедливость, видя миллионы бездельников в тылу, обделывающих свои личные делишки и не спешащих сменить ее на фронте.

«Душа армии улетела с фронта», как образно и справедливо заявил ген. Парский. Вернуть эту душу хотят молодые революционные организации, но едва ли эта задача по силам молодым диллетантам, в большинстве не знающим этой армии.

Брусилов запретил в боевых районах митинги — испугались и этого; добились разрешения «лекций» и «докладов», т. е. прощай временное успокоение и авторитет верховного! Видимо, и Корнилов даст отбой своим гордым и необходимым требованиям.

Первый раз видел Войтинского (пом. комиссара фронта), игравшего видную роль в Петроградском Совете Солдатских и Рабочих

Депутатов. Посохов сказал, что его влияние огромно и что Войтинский сам уклоняется от министерского портфеля. Недаром он носит кожаную шведскую куртку с красными отворотами — генерал от революции.

Общее впечатление от совещания: убили 6 часов времени, сказали много умных слов, но... армию воевать, по крайней мере в ближайшем будущем, не заставили. Ведь строго говоря, с военной точки зрения, у нас совершается положительный абсурд: гибнут два фронта от боев, а два другие бездействуют и разлагаются, чтобы, в свою очередь, быть легкой добычей врага.

Ведь наши полки душевных потрясений от событий на юге не переживают, их не трогает и вопль невоюющих вожаков. Любви к родине нет, ее и не было или она вытравлена в зародыше, и поражение на юго-западе только на руку большевикам, чтобы окончательно похоронить идею об активности, без которой не только победа, но и мало-мальски сносное сопротивление немыслимы.

Двинск.
14. IX [1]. *1917 г.*

Двинск, благодаря эвакуации, сильно опустел. С Ю. Н. Даниловым [2]) встретились сердечно, он сейчас же начал посвящать меня в обстановку, предварительно доложенную мне нач. штаба армии ген. А. А. Свечиным, моим товарищем по академии.

Ю. Н. огорчен неожиданным отчислением без причин; по его мнению, в вину ему ставится телеграмма, которую он послал Керенскому со своим моральным одобрением Корниловскому выступлению.

Вызывал командира XIX корпуса ген. Антипова, которого называют «живым трупом», и, правда, вида он чрезвычайно унылого, анемичного и, судя по его прежним деяниям, — не герой.

Сведения о настроениях в войсках не особенно важны. Представлявшийся комкор 27 [3]) ген. Рычков очень озабочен состоянием старой, знакомой по Риге, 4-й особой дивизии. Ее 11 и 12 полки он считает даже не нулем, а отрицательной величиной... Прочитанные им донесения командиров полков и батальонов — сплошной вопль. Просят уволить их на каких угодно условиях; жизнь в полках невозможна.

16. IX. 1917 г.

Были заместитель комиссара и президиум Армискома (Армейского Комитета). Всех их и сравнивать нельзя с демагогами Искосола 12 армии. Все очень сдержанные, воспитанные люди, недаром кто-то назвал их «гвардией комэндарма»! Все они, видимо, болеют за армию, а главное, чувствуют свою беспомощность спасти положение.

---

[1]) Из периода моего командования 5-й армией.
[2]) Командующий 5-й армией перед моим назначением.
[3]) Командир 27 корпуса.

Мой выезд на позиции на второй день принятия армии произвел впечатление не только на них, но и на население. Все несколько подбодрились.

Видимо, Армиском теряет почву в солдатской массе, попадающей все больше и больше в плен к большевикам. По крайней мере, в отношении 4-й особой дивизии они признали свое полное бессилие.

Смотрел на городской площади ударный революционный баталион западного фронта, в составе 4 рот разведчиков, пулеметчиков и сапер.

Впечатление отличное. Собралась масса народу. Горожане забегали вперед и жадно разглядывали нового командующего. Здоровая часть и давно не виданный жителями воинский порядок сделали свое дело — влили крупицу бодрости, породили надежду!

17. IX. 1917 г.

Представлялся уполномоченный союза городов И. И. Залкинд — предлагал содействие банями и устройством зимних квартир, главным образом школ, оговорился, что это на тот случай, если «товарищи» не разойдутся по домам. Идея о доме, видимо, прочно засела в солдатские головы.

Приезжал ген. Беляев, начальник 70-й дивизии, и у него, в лучшей дивизии в армии, есть кое-какие неустойки.

Опять заходили заместитель комиссара вольноопределяющийся Залкинд, молодой, худенький, чрезвычайно учтивый и вежливый, и заместитель председателя Армискома прапорщик Кемулария, молодой, храбрый мингрелец. Сообщили, что их сведения о настроении запасных полков безнадежны, на фронт они не собираются.

Просили вновь открыть культурно-просветительную школу в Креславке, а также разрешить пленарное заседание особо уполномоченных войсковыми организациями делегатов для обсуждения вопроса о выборах в Учредительное Собрание. Разрешили и школу (1 солдат от роты) и съезд в двух пунктах: в районе 28 корпуса и в Двинске.

Передали постановление полкового комитета 85 пех. полка, просят себе командиром подполковника Н. Командир корпуса отказал, и правильно. Прецедент опасный. Теперь слишком злоупотребляют жупелом — доверием солдат.

Из XIX корпуса получил донесение, что какие-то две роты хотят сдать г. Двинск врагу.

Решительные ребята!.. С каким наслаждением я хотел бы прочесть сообщение, что две роты хотят до последнего защищать Двинск!

Тяжелое время!

10. X. 1917 г.

Холодно. Утром представлялись судьи — председатели корпусных судов и два прокурора. Начнем судить,— благо, материалу свыше

меры. Один из судей привез письмо от В. В., по обыкновению — очень интересное и остроумное. Он считает, что в истории Корниловского «мятежа» Керенский использовал «махровую ложь и бесцеремонную демагогию».

Собирал комкоров 19, 27 и 14 по поводу активных действий войсками, которые отказываются от смен на позициях и охвачены порывом... повального стремления домой.

Будберг [1]) поддерживает мою идею о выборе в отдельные группы лучших солдат; я кривлю душой, так как всегда считал вредной мысль о сохранении трусов за счет доблести, но что делать — это последний выход.

Антипов стоит за эволюцию настроения, за терпеливое выжидание оздоровления, и все сходятся на одном, что при попытках призыва к активности возможны кровавые эксцессы.

Вечером «товарищи» из стрелков [2]) 15-й кав. дивизии заявили ходатайство об отправлении 600 чел. на замену их товарищей, находящихся в тылу, в запасном полку, в знаменитой «Кирсановской республике». Таким образом, хотят не из тыла пополнять фронт, а наоборот. Нелепость этого требования, очевидная самим «товарищам», требования, которое могло подать пример к массовому уходу с фронта (что вполне возможно), крайне возмутила меня, я обругал и выгнал делегатов, чем, кажется, очень встревожил председателя Армискома Виленкина, долго потом объяснявшего «товарищам» вздорность их требования.

12. X. 1917 г.

Приходил помощник комиссара прап. Брагин — смущен, ему прислали на конфирмацию смертный приговор, суд ходатайствует о полном прощении малолетнего преступника, будто бы по недоразумению пытавшегося бежать к врагу.

Вечером К. доложил, что в 152-м и 67-м полках братанье идет полным темпом.

Посылаю завтра следственную комиссию в эти полки, — едва ли, впрочем, поможет.

А командир корпуса ни гу-гу, он, как добрый муж, обо всем узнает после всех.

13. X. 1917 г.

Добрых вестей нет; развал продолжается.

14. X. 1917 г.

Сегодня отдохнул на вечеринке у хирурга А. Е. Кожина. Дивно играл на рояле Г. «Лунная соната» произвела на всех захватывающее

---

[1]) Командир 14 корпуса.

[2]) Для усиления конницы при каждой кавалерийской дивизии были созданы стрелковые полки.

впечатление. С фронта слышались сильные взрывы — это немцы минами «наказывали» Таманский полк за сопротивление братанью.

Комкор 14 ген. Будберг доложил, что у него окончательно разваливается 120 дивизия. Грозили побоями, когда он обратился к одному из полков со словам призыва.

15. X. 1917 г.

С утра чувствовал себя неважно. Приходится выступать перед солдатским парламентом в крайне непопулярном положении главы командного состава.

Делегатский съезд, действительно, оказался парламентом, зал железнодорожного театра полон солдатскими депутатами. Разместились по фракциям, большевики в большинстве.

Виленкин волнуется, против него травля. После ряда деловых предварительных выступлений мне было предоставлено слово для приветствия — встретили аплодисментами. Речь моя, сводящаяся к трем положениям: необходимости нести крест на фронте, при ленивом и безучастном отношении тыла, невозможности немедленного мира, достойного нашей страны, и преступности братанья — два раза прерывается аплодисментами.

Виленкин предлагает поблагодарить меня за приветствие, все встают, большевики задних рядов постепенно садятся.

Выскакивает кап. С., бросает обвинение Виленкину, что тот оставил за собой председательствование. Приступают к выбору председателя; борьба между эсэром, доктором Колеровым, симпатичным, подвижнического типа человеком, и большевиком, доктором Склянским, игравшим уже крупную роль в 19 корпусе и, в частности, в 38 дивизии, где он состоял врачом. Большинством 6-ти голосов проходит Склянский — большевики бешено аплодируют и торжествуют.

Половина избранного президиума тоже большевики (Седякин, Родкевич).

Очень умеренной и патриотичной речью приветствуют съезд представители местного Совета Солдатских и Рабочих Депутатов и союза учителей.

Выступают с большими деловыми речами Вербо, говоривший довольно горячо о текущем моменте, и Мазуренко — о мероприятиях специальной комиссии при военном министре — оратор посредственный, сильно злоупотреблявший кивками в сторону буржуазии. Имел большой успех Войтинский; в его искусно построенной и весьма темпераментной речи явно прозвучало открыто подчеркнутое недоверие к командному составу и Врем. Правительству, представителем которого он являлся. Войтинский сильно нападал на тыл, безмерно льстя фронту и, в частности, большевикам, допустил оправдание неисполнения приказов, объявив, что это только внешнее проявление усталости и протеста, а внутри все горят жаждой подвига.

На обратном пути я высказал Войтинскому допущенные, с моей точки зрения, промахи его речи; он признал их всецело.

В своем выступлении на съезде представители 18 дивизии буквально молили о смене их полков 70 дивизией, представители которой, в свою очередь, заявили, что их дивизия до истечения 3 месяцев на смену не пойдет.

Решено послать делегатов съезда уговаривать тех и других.

Все это глубоко противно и духу истинной дисциплины и существу военного дела. Что делать, приходится мириться и желать сохранить в глазах союзников хоть иллюзию фронта!

Все — Вербо, Мазуренко и Войтинский — считают положение фронта неважным и, как мне кажется, втайне мечтают о том же, за что осужден Корнилов и что, только в обратном, конечно, направлении, задумали большевики!

17. X. 1917 г.

Отвратительное самочувствие, приступы головных болей, чего раньше никогда не было.

В 12 часов собрались командиры корпусов, начальник штаба, начальники отделов штаба, комиссар армии и комиссары корпусов. Обсуждался вопрос, какие дивизии следует расформировать. Отзывы начальников почти безнадежны, комиссары смотрят на дело не веселее. У ген. Антипова, наиболее пассивного комкора, видимо, давно корпусный руль выпал из рук и управляют комитетские товарищи, которых теперь, в свою очередь, не только не слушают, но и бьют.

25. X. 1917 г.

В 9 часов прибыл начальник французской миссии ген.-лейт. Ниессель, бравый мужчина с твердым, энергичным и живым лицом.

Всего в миссии 8 человек. Красовский еще накануне выработал церемониал встречи. После визита ко мне повезли гостей: одну группу с генералом Ниессель в 76 дивизию, там все прошло благополучно, и другую в 183 дивизию, к Иллуксту, — здесь на обратном пути группа солдат с палками преградила дорогу, якобы не уверенная, что едут не шпионы, и на четверть часа задержала членов миссии. К счастью, Васильеву, сопровождавшему французов, удалось урезонить солдат. В общем, все прошло лучше, чем могло быть при нынешних условиях.

Ген. Ниессель нашел, что солдаты 303 полка, которых он видел, недурны.

В $3^1/_2$ часа парадный обед (завтрак) с музыкой и тостами-приветствиями. Затем смотр ударникам 38 дивизии и партизанам 15 кав. дивизии; начальнику последних ген. Ниессель, именем президента республики, вручил «военный крест». По церемониалу это сопровождалось ударами палашом по плечам награждаемого.

После парада огромная толпа солдат и жителей окружила французов. Я сейчас же призвал солдат и граждан приветствовать гостей из свободной Франции — раздалось громовое «ура» и аплодисменты.

Повезли гостей на учительский съезд, встретивший их аплодисментами. Ниессель прочел заранее написанную речь с опасной фразой: «борьба до окончательной победы», но все прошло хорошо. Съезд деловой, легкая попытка срыва настроения со стороны большевиков не удалась.

Пили у меня кофе. Предстоял ужин у французского представителя при штабе лейтенанта гр. Люберсака. К этому времени начали поступать тревожные телеграммы о перевороте в Петрограде. Там большевики бескровно одержали верх. Часть Врем. Правительства арестована. Керенский скрылся. Власть взял Съезд Советов, в президиум которого вошел и наш Склянский. Совет Республики распустили.

Ни штаб Петроградского округа, ни Врем. Правительство никакой организованной силы для себя не нашли. Казаки остались нейтральными.

Ген. Ниессель внимательно посматривал на меня, надо было немало усилий, чтобы скрыть до времени столь чрезвычайные новости и не нарушить общего настроения.

После ужина у гр. Люберсака собрал совещание: из Седякина и комиссаров — Пирогова и Долгополова. Я твердо выставил положение: «сохранение спокойствия, целость и прочность фронта и подавление анархии».

Все согласились. Седякин, впрочем, отправил уже тайно телеграмму в войска о низвержении Врем. Правительства и о переходе власти к Советам.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
М. Н. Покровский. Предисловие	III — XI
Июльские дни в Петрограде	1 — 63
Московский Военно-Революционный Комитет	64 — 148
Октябрь на фронте	149 — 194
Накануне перемирия	195 — 249
Из дневника ген. В. Г. Болдырева	250 — 273

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ ЦАРСКИХ САНОВНИКОВ

ДНЕВНИК Е. А. ПЕРЕТЦА

ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ

(1880 — 1883)

С предисловием А. Е. ПРЕСНЯКОВА.

Текст подготовил к печати А. А. СЕРГЕЕВ

Стр. 171. Ц. 2 р.

ДНЕВНИК В. Н. ЛАМЗДОРФА

(1886 — 1890)

Под редакцией и с предисловием Ф. А. РОТШТЕЙНА

Мемуары и дневники царских сановников.

Стр. X + 396. Ц. 3 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 ГОД

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ИСТПАРТА

„КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ“ ставит своей непосредственной задачей исследование прошлого организации ВКП (б) в Ленинграде и Северо-Западной области. В 1928 году будет уделено внимание истории отдельных заводов в Ленинграде. Особенное место в 1928 г. будет отведено Октябрьской революции и гражд. войне в области обороны Петрограда в 1919 г. и др.

„КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ“ необходима всем губкомам, укомам, ячейкам ВКП (б), клубам, библиотекам, редакц. газет, партийным работникам и профорганизациям.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на год — 4 р. 50 к.

Цена отдельного номера 2 рубля.

Имеются комплекты журналов за прошлые годы: 1922 г. — 75 к., 1923 г. — 1 р. 25 к., 1924 г. — 1 р. 30 к., 1925 г. — 2 р., 1926 г. — 3 р., 1927 г. — 4 р. 50 к.

В год выходит 3 сборника.

Редакц. коллегия **А. Ф. Ильин-Женевский, П. Ф. Куделли., Г. Л. Шидловский.** Ответственный редактор **П. Ф. Куделли.**

ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГ ЖУРНАЛА И ПРИЛОЖЕНИЯ К НИМ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО.

Подписка принимается Главной конторой подписных и периодических изданий Госиздата, Москва, Центр, Рождественка, 4, тел. 4-87-19 и 5-88-91, в магазинах и киосках и провинциальных отделениях Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев. Продажа отдельных номеров во всех магазинах и киосках.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

НОВЫЕ КНИГИ

ЦЕНТРАРХИВ

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЬВА ТИХОМИРОВА

Предисловие В. И. НЕВСКОГО
Вступительная статья В. Н. ФИГНЕР

Стр. 515. Ц. 5 р.

„Главная ценность дневников Тихомирова в том, что они—иллюстрация к тому тяжелому кризису русского революционного движения, который характеризует 80-е годы прошлого века. И роль, которую играл Тихомиров в партии, и публицистический талант, каким он обладал, и, наконец, самый факт измены своей партии ее бывшего вождя, часто отвратительные, но всегда талантливые рассуждения „героя безвременья",—все это заставляет внимательно прочесть эту книгу".

Из предисловия В. Невского.

М. В. НЕЧКИНА

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Стр. 244. Ц. 2 р. 50 к.

Содержание. Диференциация дворянства в первой четверти XIX века. Возникновение Общества Соединенных Славян и первые его члены. Слияние Общества Соединенных Славян с Южным Обществом декабристов. Идеология Общества Соединенных Славян. Подготовка восстания. Восстание Черниговского полка. Славяне во время восстания. Следствие и суд над Славянами. Заключение.

Приложение. Список Общества Соединенных Славян. Примечания. Указатели: географический и именной. Таблицы символических знаков славян. Карта района деятельности Общества Соединенных Славян.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. **М. Н. Покровского.**

ДЕЛА ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ.

ТОМ I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева. Стр. 540, ц. 6 р.

В первый том вошли следственные дела декабристов, принадлежавших к Северному тайному обществу. Материалы дают впервые совершенно полное и точное воспроизведение дел, с сохранением всех особенностей расположения, правописания и пунктуации.

ТОМ II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Стр. 420, ц. 6 р.

ТОМ III. Следственные дела: А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. Стр. 447, ц. 6 р.

ТОМ IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола, стр. 486, ц. 6 р.

ТОМ V. Следственные дела: П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. Стр. 495, ц. 6 р.

ТОМ VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Стр. 431, ц. 4 р. 50 к.

В книге воспроизведен текст подлинной рукописи, принадлежавшей Николаю I, находившейся всегда у него на столе для справок, как содержавшей в себе в азбучном порядке имена всех декабристов и других привлеченных к следствию о тайных обществах. Таких лиц было 579. В виде приложения к этому ценному историческому документу редакторами его — Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом — даны подробные биографические справки о всех упоминаемых в «Алфавите» лицах, причем прослежена судьба каждого до 14 декабря и после до самой смерти.

ТОМ VI. Восстание Черниговского полка.

ТОМ VII. „Русская Правда" П. И. Пестеля. По ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ДЕКАБРИСТЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Стр. 94. Ц. 80 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в Торговый сектор Госиздата РСФСР

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Телефон 1-91-49, 3-71-37 и 5-04-56; Ленинград, „Дом книги", проспект 25 Октября, 28. Телефон 5-34-18,

и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР.

МОСКВА, ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ „КНИГА ПОЧТОЙ"

высылает все книги немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 год

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО и В. М. ФРИЧЕ.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

Подписная цена: на год — **15** р., на 6 мес. — **8** р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 р.

ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГ НА ЖУРНАЛЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ К НИМ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ГЛАВНОЙ КОНТОРОЙ ПОДПИСНЫХ и ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ГОСИЗДАТА, Москва, Рождественка, 4, телефоны 4-87-19 и 5-88-91, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Госиздата, у уполномоченных снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного Контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев. Продажа отдельных номеров журналов производится в магазинах, киосках и отделениях Госиздата, в киосках Всесоюзного Контрагентства печати и Управления Московскими киосками при издательстве „Рабочая Москва“.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Июльские дни в Петрограде.— Октябрь на фронте. — Иностранные дипломаты о революции 1917 г. — Запрещенный рассказ В. Короленко. — Подготовка к наступлению на Петроград. — Романовы в первые дни революции.

ЦЕНТРАРХИВ

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 год в материалах и документах. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 371, ц. 4 р.

В наиболее типичных документах (пополненных газетными материалами) дана история рабочего движения от Февраля к Октябрю по основным его этапам. Для более удобного пользования и изучения публикуемых материалов в текст книги введено краткое изложение фактов, не нашедших достаточно полного освещения в документах сводного характера.

Крестьянское движение в 1917 году. С предисловием Я. А. Яковлева. Подготовили к печати К. Г. Котельников и В. Л. Меллер, стр. XXVII + 444, ц. 5 р. 25 к.

В основу вышедшего тома положены сводки Главного управления милиции (Временного Правительства), составлявшиеся по сообщениям с мест и расположенные в книге хронологически и по районам. В первый том вошло около четырех с половиной тысяч таких сводок. Взятые в целом, сводки дают движение многомиллионного крестьянства во всем его грандиозном размахе.

Разложение армии в 1917 году. Материалы и документы. Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 192 + 1 карта, ц. 1 р. 50 к.

По материалам и документам делопроизводства ставки, канцелярии военного министерства и кабинета военного министра.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро И. К. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 375, ц. 2 р. 75 к.

Первый Всероссийский Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов. Стенографический отчет. С предисловием Я. А. Яковлева. Т. I. Выходит из печати.

Второй Всероссийский Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов. Отчет и материалы. С предисловием Я. А. Яковлева. Печатается.

Всероссийское совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Март—апрель 1917 года. Стенографический отчет. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 355 ц. 4 р. 50 к.

Протоколы заседаний Съездов Советов и Всероссийского Совещания даны в проверенных редакциях, снабжены вступительными статьями, необходимыми комментариями, указателями и т. д.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЫЙ (ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗа.
Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № А—3077. Гиз № 24128.
Заказ № 5191. Тираж 2000 экз.

Июльские дни в Петрограде.

Окончание [1])

VI.

3 ПЕХОТНЫЙ ЗАПАСНЫЙ ПОЛК.

Удостоверение [2]).

Дано сие исполнительным комитетом 3 пехотного запасного полка товарищу Сергею Полуэктову в том, что он действительно командирован в качестве делегата во 2 пулеметный полк в Стрельну.

Председатель исполнительного комитета 3 пехотного запасного полка (подпись).

За секретаря (подпись).

Гор. Н.-Петергоф, 4 июля 1917 г.

Постановление Исполнительного Комитета Петергофского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов [3]).

1. Все воинские части должны исполнять приказания Исполнительного Комитета и не делать отдельных выступлений без распоряжения Исполнительного Комитета.

2. Все солдаты должны быть в полной боевой готовности. Ночью должны быть вооруженные дежурные взводы в каждой отдельной части.

3. Никаким телефонным сообщениям не верить; все распоряжения Исполнительного Комитета будут отдаваться письменно за подписью председателя и приложением Советской печати Исполнительного Комитета.

4. Снестись с Кронштадтом, Ораниенбаумом, Стрельной и Петроградом.

5. На телеграф для связи и контроля послать членов Совета.

6. Сообщить начальнику станции беспрекословно подчиняться распоряжениям, отдаваемым в письменной форме Исполнительным

---

[1]) «Красный Архив», т. XXIII, стр. 1—63.

[2]) Архив Октябрьской Революции, ф. 349, д. № 3, л. 1.

[3]) А. О. Р., ф. 349, д. № 3, л. 2.

Комитетом Петергофского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

7. Вызвать конный разъезд из 30 человек в распоряжение Петергофского Совета.

8. О всем случившемся сообщать в Исполнительный Комитет по телефону № 6.

9. Распределение караула и патрулей Совета возлагается на члена Исполнительного Комитета Лепина.

Председатель Исполнительного Комитета (подпись).

Приказание по 3 пехотному запасному полку [1]).

Гор. Н.-Петергоф.

По распоряжению командира полка объявляю почто-телеграмму № 185 начальника Петергофского гарнизона [2]).

4 июля 1917 г. № 252.

Список членов революционного штаба 18 июля 1917 года [3]).

Копия.

№№ Фамилии. Примечание.

1. Булин.
2. Толкачев, пред.
3. Фирсов.
4. Чернявский.
5. Блинов, секр.
6. Гирсяков.
7. Рождественский.
8. Другов.
9. Молохин.
10. Коваленко.
11. Пр. Дзевульский.
12. Ком. 2 б. [4]) Дорофеев.
13. » » Лаврентьев.
14. Ком. полка полковник Лебедев.

С подлинным верно:

Председатель исполнительного комитета *Блинов.*

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 2 л. 3.

[2]) Далее приводится предыдущая почто-телеграмма.

[3]) А. О. Р., ф. 349, д. № 3, л. 113 об. Дата относится ко времени посылки списка в следственную подкомиссию.

[4]) Так в подлиннике.

Показания секретаря революционного штаба Блинова [1]).

Председатель ротного комитета, секретарь исполнит. ком. и полкового совета и секретарь бывшего революционного штаба Павел Евгеньев Блинов, православный, 23 года, живет в помещении казарм, показал:

3 числа часов в 6 — 7 вечера товарищ наш приехал из Петрограда и сообщил мне частным образом, что в Петрограде выступили на улицу войска и разъезжают вооруженной [2]) автомобили. Выслушав рассказ товарища, я не придал ему особого значения, ушел к себе в роту и, частным же образом, поделился этими сведениями со своими товарищами. В 1 час. ночи приблизительно меня разбудили и потребовали в экстренное заседание совета; по приход [2]) собрание было уже в сборе; председательствовал тов. Фирсов; на собрании было человек 40 приблизительно. Повестка дня была уже выработана, и некоторые вопросы уже решены. Я присутствовал при обсуждении последнего вопроса об организации охраны полка. Собрание совета происходило в порядке большой спешности, меня ознакомили с принятыми резолюциями и сообщили, что я выбран секретарем революционного штаба. Революционный штаб был выбран на неопределенный срок,—на время продолжительности текущих событий. Все распоряжения революционного штаба за исключением вопросов о выступлении, безусловно были обязательны для полка. Поясняю, что вопрос о выступлении стоял в следующей плоскости. Самовольно решать этот вопрос революционному штабу право не было дано, но в случае получения приказа от [3]) Всероссийского Съезда С. Р. и С. Д. или же от Петроградского Совета о выступлении, революционный штаб имел право отдать приказ о выступлении по нашему полку. Такого приказа о выступлении от полномочных органов демократии получено не было; наоборот, было получено прямое [4]) постановление о невыступлении, со стороны Петергофского Совета Раб. и С. Депутат., впредь до получения приказа из Петрограда, и это постановление было привезено нашим представителем тов. Соколовым, того же 3 июля. Содержание постановления было следующее: без прямого приказа от Всеросс. Съезда через Петергофский Совет не могут быть проведены в жизнь никакие распоряжения о выступлении. В случае выступления какой-либо части Петергофский Совет снимает с себя ответственность Тов. Толкачев [5]) опроверг постановление, привезен-

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 2, л. л. 123—125. Показание дано «следственной комиссии при Центр. К. Советов Р., С. и Кр. Депутатов для расследования событий, имевших место в Петрограде и его окрестностях 3—6 июля 1917 г., их причин и следствий», в «числе трех лиц: О. С. Буренкова, В. М. Селецкого и В. Д. Розенкранца». — А. О. Р., ф. 349, л. № 2, д. 120.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Далее зачеркнуто: «Сов.».

[4]) Далее зачеркнуто: «приказ» и надписано сверху: «постановление».

[5]) Далее зачеркнуто: «выслушав».

ное тов. Соколовым, несмотря на то, что мы, остальные члены революционного штаба, были вполне согласны с постановлением. Ночью же тов. Толкачев собрал митинг нашего полка. На митинге присутствовало человек 100—200. На этом митинге Толкачев призывал к выступлению. Говорилось на митинге, что в Петрограде льется кровь, а мы здесь безучастно сидим. На этом митинге, насколько помню, члены революционного штаба, кроме Толкачева, не присутствовали, потому что большинство членов были выбраны заочно и о митинге своевременно не были извещены. Со слов товарища, возвратившегося с митинга, было решено никуда не расходиться, быть наготове и [1]) ждать распоряжения.

После митинга революционным штабом было отдано официальное приказание быть наготове, никуда не расходиться, выделить из батальонов полка 3 революционные роты, которые должны выступить по первому вызову революционного штаба. Кроме того, революционный штаб приступил немедленно к осуществлению постановления экстренного полкового совета от 4 числа.

Около 8 часов утра прибыла делегация от Петергофского Совета с подтверждением постановления о невыступлении до распоряжения. После горячих прений тов. Толкачев напечатал постановление о вооруженном выступление [2]) к 10.30 мин., каковое сам и подписал как председатель революционного [3]) штаба. Затем т. Толкачев обратился ко мне, как к секретарю, с требованием подписи. Я категорически отказался. Вместо меня постановление было подписано лицом, не входящим в состав революционного штаба, кажется, юнкером 1 роты Ориенбаумской [2]) школы Ботмером, который в это время находился у нас. Подпись под постановлением полковника Лебедева была получена следующим образом: в кабинет командира явился т. Толкачев и потребовал его подписи. Командир отказывался и направился в революционный штаб. Здесь т. Толкачев продолжал требовать подписи в тоне угрозы, из которой было ясно, что для командира полка был один из двух выходов: либо подписать, либо рисковать не только своей жизнью, но и жизнью многих солдат своей части, при стычке. Полковник решил подписать, решив, что отказ безусловно вызовет столкновение в части. До выступления в Петроград мы, члены револ. штаба, решили совместно с делегатом Петергофск. Совета устроить второй митинг в надежде, что нам удастся остановить выступление. Часть членов революц. штаба присутствовала на этом митинге. На митинге выступали прежде всего делегаты, призывавшие к невыступлению. К тому же призывали и некоторые офицеры, которым не давали говорить, так же как не дали говорить и мне. После нас выступил т. Толкачев с горячей речью о выступлении, и выступление было решено. После этого я пытался вторично говорить о том, что если уж решили выступать, то выступление

[1]) Далее зачеркнуто: «по первому призыву революционного штаба».
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Далее зачеркнуто: «Сове».

должно быть проведено организованно, в порядке, но и здесь меня сорвали. Около 11 час. утра 4 июля 1/5 часть полка (сборная) выстроилась на плацу с плакатами и вооруженная. На плакатах были надписи, что и 18 июня: «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся власть С.С.Р. и К. депутатов», «Долой наступление». В Петроград мы прибыли около 1 час. дня. У вокзала Балтийского мы увидали расположенный 1 пулеметный полк, который ожидал распоряжения. Мы, члены революц. штаба, совместно с командиром полка стали убеждать подождать выяснения и затем уже двигаться. Но и здесь тов. Толкачев, совместно со своими единомышленниками, одержал вверх, ссылаясь на то, что мы пришли сюда не стоять, а требовать ответа на их требования. Мы решили двинуться и пошли прямо к Таврическому дворцу с музыкой. Подошли к Таврическому дворцу около 5 ч. вечера и решили пойти в Исполнительный Комитет с докладом известным требованиям, [1]) на что нам сказали, что на наше требование мы ответа сегодня получить не можем, ввиду того, что вопрос обсуждается и пока не решен. Докладчиками пошли: командир полка, прап. Баландин, тов. Толкачев, я и тов. Булин. Докладывал один Толкачев. После ответа Исп. Ком. члены револ. штаба стали обсуждать дальнейший ход действий. Все члены, кроме т. Толкачева, были согласны возвратиться в Петергоф. Тов. Толкачев предложил вынести вопрос на обсуждение полка, на что мы и согласились. Решили, что один выступит за уход в Петергоф, а другой против. За уход взял слово я, против — тов. Толкачев. Первым говорил Толкачев. За время речи т. Толкачева раздался ружейный выстрел. Я стал успокаивать толпу. Вслед за этим раздался где-то недалеко орудийный выстрел; он вызвал панику, и все бросились через забор водокачки на луг. При этом паническом бегстве не обошлось без ранений и без случайных выстрелов. Это еще усилило панику. С час времени мы собирали полк и большинством решили отправиться в Петергоф обратно. Должен заметить, что при первом выстреле первым удрал и спрятался т. Толкачев. Обратно шли в беспорядке, отдельными группами и в одиночку. Также вразброд и прибыли мы в Петергоф, где группы сразу направлялись в казармы.

Тов. Толкачев пользуется влиянием со времени революции как оратор и как энергичный демагог. Основа его влияния — безответственный анархизм. Тактика и заманчивость лозунгов, обещающих земной рай сегодня же. В общем, по моему мнению, аудитория т. Толкачева насчитывала до четырех тысяч человек наиболее несознательных. Сейчас, после июльских событий, приверженцев Толкачева найдется не больше двух сотен. На моей памяти, со дня революции, в Петергофе как в Гренадерском манеже, так и у нас на плацу Каспийской казармы было митингов до 10. На нескольких из них выступали кронштадтцы во главе с Рошалем и Раскольниковым. Из Петрограда,

[1]) Так в подлиннике.

кроме советских членов, не приезжал никто. Успехом члены совета не пользовались, Рошаль же и матросы, как равно и т. Толкачев, пользовались колоссальным успехом. Неурядицы и недовольство на почве экономической — распред. экон. сумм, амуниция, стол и другие, и на почве общеполитической — приказ Керенского о запрещении отпусков, наступление на фронте и т. д., были ярко выражены у нас в полку. Дело доходило до отказа в маршевых ротах и до [1]) отказа приветствовать полки 18 июня. Большинство нашего полкового совета было на стороне Толкачева. Сейчас наш полк отрицательно относится к своему прошлому выступлению, и большинство быстро перешло на сторону Совета. Считаю урок 4 июля чрезвычайно полезным и оздоровляющим. И полковой и ротные суды образованы у нас не согласно приказам по военному ведомству. Так, например, полковой суд состоит из 5 [2]) солдат и одного офицера, запасных—3 солдата. Судят не по уставу. Дисциплина расшатана сильно, и до сих пор 4 батал. отказывался подчиняться обще-полковому совету и представлял собою как бы автономную часть. Он же наотрез отказался давать пополнения к маршевым ротам.

Показание мне прочитано, зачеркнутому и надписанному верить.

Блинов.

10/VII 1917 г.

Показания члена революционного штаба Дорофеева [3]).

Шт.-капитан Василий Дмитриевич Дорофеев, православный, 31 года, офицерский флигель, 9 кв. 32, показал: Мысль о создании революц. штаба принадлежала Толкачеву. По его же предложению в состав р. штаба должны были войти командир полка, батальонные командиры и 10 солдат по выбору полкового совета, при этом т. Толкачев [4]) мотивировал количество входящих в состав р. штаба солдат соображением, чтобы г.г. офицеры не имели в нем перевеса. Я, значит, вошел в состав р. ш. механически. Приказом командира полка, сначала словесным, а затем письменным, я был назначен командиром 1 сборного батальона, состоявшего из сборной роты 1 батальона и 3 рот 4 батальона. Цель создания р. ш., по моему мнению, была — подбор людей определенного партийного направления и определенной тактики. Заседаний штаба фактически не было ни одного. Приказание о выступлении полка было напечатано по личному распоряжению Толкачева и было подано командиру полка для подписи. Сначала командир полка отказался его подписать, спросив, не преждевременно ли подобное приказание. Подпись командира была вырвана, по моему впечатлению, угрозами Толкачева, каковые угрозы звучали в тоне,

---

[1]) Далее зачеркнуто: «порицания».

[2]) Далее зачеркнуто: «дейст.».

[3]) А. О. Р., ф. 349, д. № 2, л. л. 125—132 об.

[4]) Далее зачеркнуто: «ко».

заставлявшем предполагать даже возможность действия оружием, тем паче, что рука Толкачева лежала на кобуре револьвера. При этом присутствовали и другие члены р. штаба, кто именно — не помню. Третья подпись принадлежит не секретарю р. штаба, т. Блинову, а другому лицу, кажется юнкеру. Почему нет подписи Блинова, я не знаю. Я присутствовал в заседании полкового совета, как член его, в ночь на 4 июля, и затем, вплоть до 6 ч. утра, приблизительно, присутствовал в [1]) револ. штабе. Повторяю, что заседаний р. штаб не имел, члены его постановили не покидать офицерского собрания, но были моменты, когда они вместе и не держались, а разбредались. Программа практических действий, принятая в заседании полкового совета 4 же числа преобладающим большинством голосов, для револ. штаба была предложена т. Толкачевым. Заседание полк. совета, бывшее экстренным, происходило в порядке большой спешности. Слухи о том, что происходит в Петрограде, доставлены были нам солдатами нашей части, приехавшими из Петрограда около 12 ч. ночи, причем слухи эти были очень разноречивы: один говорил, что там все спокойно, а другой утверждал, что в Петрограде — полная анархия и революция. Общее собрание полк. совета 4 июля было назначено по требованию прапорщика Лепина, члена от нашего полка в Петергофск. Совете С. и Р. Д. Прапорщик Лепин сделал в заседании подробный доклад о происходивших в Петрограде событиях и ознакомил собрание с резолюцией, принятой Петергофск. Советом. Резолюция эта предлагала всем воинским частям Петергофского гарнизона быть готовыми к выступлению, но не выступать без прямого приказа Петергофского Совета. После прапорщика Лепина выступал Толкачев с призывом выступить по собственному почину, когда признаем это нужным. В этом же заседании полкового совета выступали и другие члены Петергофск. Совета и тоже предостерегали от быстрых и опрометчивых решений с призывом подчиняться Петергофскому Совету. Среди них были и два представителя от рабочих в Совете, фамилия одного из них, кажется, Матков. Р. штаб был избран на неопределенный срок; председателем его был избран т. Толкачев, секретарем т. Блинов, отсутствовавший в момент его избрания. Точно компетенция р. штаба полковым советом выработана не была, но из того факта, что предписания р. штаба становились обязательными при условии подписи этих постановлений командиром полка, председателем р. штаба и его секретарем, я заключаю, что р. ш. был временным верховным учреждением полка. Предложение это, как и все прочие, исходило от т. Толкачева. В р. штаб приехал затем т. Соколов, которого я считаю идейным большевиком, и опять призывал к подчинению Петергофскому Совету. Между т.т. Толкачевым, Соколовым и Матковым возник горячий спор, причем Толкачев объявил Соколова и Маткова черносотенцами и заявил, что весь

[1]) Далее зачеркнуто: «за».

3 полк — «большевистский». В ответ на это представители 10 роты заявили, что в таком случае 10 рота отделяется от полка, потому что в ней большевиков не имеется. 10 рота выступила главным образом, по словам командира полка, у которого на этот счет имеются точные сведения, для придания выступлению характера организованности и порядка; в виду того, что 10 рота не находилась под моим началом, точно о мотивах ее выступления сказать не могу. Могу засвидетельствовать, что 4 рота, находившаяся в моем командовании, выступила, опасаясь [1]) расстрела из пулеметов; во всяком случае, когда я, пред самым выступлениям, заявил 4 роте, что Петергофский Совет выступать не велит и что распоряжение о выступлении исходит от Толкачева, и спросил, как они поступят, мне ответили: «Что ж, надо пойти, а то нас выгонят силой». Ночью и под утро происходили у нас на плацу митинги, кажется, два. Не помню, когда происходил первый митинг и происходил ли он, но второй митинг происходил часов около 9 утра. На митингах я не участвовал, но знаю, что на них присутствовали члены Петергофского Совета, которые призывали не выступать. Первый митинг, который я видел издали, состоял приблизительно из человек 300—400. Вспоминаю, что ночью, точно не помню когда, кажется, когда расходились с первого митинга, к нам к казармам подъехали на автомобиле два студента; их остановили около плаца. Они потребовали, чтобы полк немедленно выступил в Петроград, потому что на Стрельне поставлены 2 пулеметным полком заставы для того, чтобы не пропустить 3 пех. полк в Петроград. По слухам, 2 пулеметный полк все время сохранял совершенно лойяльное положение. То обстоятельство, что т. Толкачев не получал должного отпора 4 июля со стороны остальных членов р. ш., я объясняю как особым положением момента, общей растерянностью и неизвестностью, с одной стороны, так и всей предыдущей историей отношений внутренних в нашей части и, в частности, в полковом совете, как они складывались с момента революции. В полковом совете часто и много возражали и противодействовали Толкачеву отдельные члены, но их выступления успеха не имели: Толкачев всецело брал верх и на собраниях и в солдатской массе. Думаю, что влияние Толкачева опиралось и объяснялось, главным образом, демагогией, безответственностью тактики и лозунгов и заманчивыми обещаниями, на которые он не скупился. Масса, противная Толкачеву, и даже полковой совет, в котором у Толкачева было много сторонников, были терроризованы Толкачевым. Терроризованность опиралась на бессилие бороться с Толкачевым и реальную силу массы, настроенной анархически, стоявшей за ним. К характеристике Толкачева, как политического деятеля в нашей среде, могу указать на следующие его лозунги: «Не верьте никому, даже Советам Р. и С. Д. и Всероссийскому Съезду», или «Мы, революционные войска, будем

[1]) Далее зачеркнуто: «уг.».

защищать революцию здесь, пусть солдаты в окопах делают свое дело защиты фронта». Посылка маршевых рот всегда встречала оппозицию и противодействие Толкачева, и реальным результатом этого противодействия бывало уменьшение числа отправляемых. Послано нашим полком в общем 10 маршевых рот со времени революции; роты эти комплектовались уравнительно из всех частей полка. Срывать отправку рот, в общем, Толкачеву не удавалось, но последнюю отправку Толкачеву сорвать удалось. Это было после [1]) наступления полков 18 июня, когда на требование штаба Толкачеву удалось добиться отправки вместо пополнения — простой [2]) делегации в 74 дивизию узнать, действительно ли дивизия нуждается в пополнении. Действовал Толкачев в этом направлении через ротные и полковой совет, которые, со своей стороны [3]), принуждены были считаться с настроением, создававшимся всякий раз в казармах. Личность Толкачева вызывала неоднократные нарекания в п. совете, где ему несколько раз выражалось [4]) неодобрение и даже недоверие, по каким случаям — не помню. Сейчас у нас среди офицеров циркулируют слухи о нечистоплотном отношении Толкачева в вопросах денежных; по слухам, Толкачев сейчас увез с собой около 5.000 р. [5]), принадлежащих культурно-просветительному клубу, где он состоял членом [6]) и членом правления его. Говорили и о присвоении частью [7]) Толкачевым и 2.000 р., выданных ему на устройство празднества по поводу 18 июня. Давал ли Толкачев отчет в этих деньгах, я не знаю. Мое личное впечатление, что у Толкачева деньги были, хотя человек он был небогатый, и что тратил он на себя довольно много, как раз после истории с этими 2.000 р. Мы, офицеры, были совершенно бессильны против Толкачева, потому что нам, именно как офицерам, доверия не оказывалось. Контакта между офицерами и солдатами почти не было; мне, например, командиру 1 батальона и члену полкового совета, доверия оказывалось мало. Сейчас, после 3—4 июля, положение в этом смысле начинает улучшаться, и связь крепнет. Причин экономического недовольства, в общем, в полку не было; экономические мотивы и требования были больше придирками, часто неосуществимыми. Экономические суммы требовались солдатами в распределение. Полковой совет два раза по этому вопросу выносил свое постановление с мотивированным отказом. С этим, в общем, помирились, но под давлением солдат пришлось согласиться на выдачу жировых, приварочных, табачных и иных денег едущим в отпуск. Пол. совету удалось свести такую вы-

---

[1]) Слово: «после» написано два раза.
[2]) Слово: «простой» — надписано сверху над зачеркнутым: «телеграмм».
[3]) Далее зачеркнуто: «долж.».
[4]) Далее зачеркнуто: «даже».
[5]) Далее зачеркнуто: «к».
[6]) Далее зачеркнуто: «в».
[7]) Слово: «частью» надписано над строкой.

дачу, в конце концов, на обещание исхлопотать [1]) выдачу не за все время пребывания все же [2]) в отпуску, а на время продолжительности дороги. На стол тоже поступали жалобы, на мой взгляд, совершенно необоснованные: я сам часто пользовался котлом и утверждаю, что он меня удовлетворял, даже при хорошем столе в офицерском собрании и дома. Вопрос о котле вызвал необходимость образования контрольной хозяйственной комиссии, состоящей из солдат, совершающей закупки продуктов и наблюдающей за кухней. Недовольство выражалось, главным образом, в области обще-политической; Толкачев пользовал в этом смысле и приказы Керенского, и распоряжения Вр. Правительства и позиции Сов. Р. и С. Д. и И. Комитетов в тех случаях, когда они поддерживали Керенского и Вр. Прав. Вопрос [3]) о запрещении отпусков был особенно использован Толкачевым, и опять, под давлением, отпуска, несмотря на подтверждение приказа Керенского, продолжались у нас по постановлению полков. совета. Сейчас, после 4 июля, отпуска прекращены по постановлению исполнит. к-та полка. В полку у нас много полуграмотных и часть совершенно неграмотных солдат; среди них именно агитация Толкачева и пользовалась особенным успехом. Газеты поступали в казармы по несколько экземпляров каждой газеты из культурно-просветит. клуба. Среди газет преобладали: «Правда», «Новая Жизнь» [4]), «Известия». Были и «Дело Народа», «Биржевые» и др. «Известия» часто подвергались беспощадной критике за «буржуазность». Интерес к газетам и книге был не очень велик в общем. Ротные комитеты энергично боролись с нежелательными сторонами солдатской [5]) жизни; особенно с карточной игрой, которая сильно процветала и велась довольно крупно. У нас в полку часты были кражи, против которых боролись и сами солдаты, проведя вора с плакатом о воровстве по казармам. Полкового суда у нас еще нет. Ротные суды пока к своей деятельности не приступали: во всяком случае, в приказах я не читал о решениях ротных судов. Дисциплина очень расшатана; гарнизонная служба велась скверно. Со времени 4 июля все это заметно улучшается. В 1 батальоне за последний месяц караулы стали и продолжают [6]) нестись удовлетворительно. Как в других частях полка — не знаю. Но несомненно, что 4 июля создало сильный и заметный перелом в жизни и настроении полка. Заметны общее смущение и непонимание, как могло случиться то, что случилось. После 4 июля полк. совет остался в прежнем составе. О выступлении могу сказать следующее: решили выступить часов в 10 утра 4 июля. Выстроились для этого на плацу наших казарм. По приказа-

[1]) Слова: «обещание исхлопотать» надписаны над строкой.
[2]) Слова: «все же» надписаны над строкой.
[3]) Далее зачеркнуто: «об».
[4]) Далее зачеркнуто: «Быль».
[5]) Далее зачеркнуто: «быта».
[6]) Слова: «и продолжают» надписаны над строкой.

нию командира полка вместе с полком должны были выступить и офицеры. Я был назначен также приказанием и затем получил и словесное распоряжение. Часть офицеров пошла, принужденная к тому силой. Я лично и другие офицеры пойти с полком считали своим долгом для придания выступлению организованности и порядка и для предупреждения возможных эксцессов. Командир полка мне, между прочим, передавал, что Толкачев требовал выхода всех офицеров полка, угрожая, в противном случае, их арестом. Командир ему на это возразил, что этого не будет и что офицеры пойдут при своих частях. Из выступивших самовольно без приказания и без выступления своей части был только прапорщик Баландин, который один из всего офицерского состава был и вооружен карабином. Выступили следующие части полка: сборная рота 1 батальона, 10 рота, 3 роты 4 батальона, учебная команда, нештатная команда, 12 рота, часть 9 роты; все роты выступали только в частях своего состава; — в общем было до 1.400 человек по подсчету. Может быть, были и другие роты — не помню. На вокзале при отправке и посадке в пассажирский поезд пришлось разбиться на 2 эшелона; в первом из эшелонов находился я; Толкачев остался во втором. Прапорщик Баландин [1]) шел с первым эшелоном. Прапорщик Баландин является председателем ротного комитета своей роты и [2]) полуротного ком. 13 ротой, которая не шла и была оставлена для несения караулов. Назначения рот было результатом [3]) частного обсуждения вопроса Толкачевым и командиром полка, который имел в виду уменьшить количество выступающих. Из плакатов помню один: «Вся власть Советам С. и Р. Д.»; впереди несли знамя 3 национального полка, которое при уходе из Петрограда было там оставлено и затем только доставлено нам обратно. — Когда мы доехали до ст. Лигово, прапорщик Эльснер позвонил с вокзала на Балтийский вокзал и говорил с помощником коменданта, который сообщил, что у Балтийского вокзала расположен 1 пулеметный полк и что он собирается возвратиться обратно в Ораниенбаум. Затем [4]) т. Блинов позвонил в Совет Петроградский, дабы попросить кого-либо из членов И. Ком. или Совета приехать на Балт. вокзал к нашему приезду и уговорить вернуться, но не дозвонился. На ст. Петергоф тоже звонили и ставили в известность командира полка о наших действиях. Эшелон, видя задержку, стал требовать продолжения путешествия и стал волноваться. По прибытии на Балт. вокз. мы опять пытались говорить с Петр. Советом, но опять не могли дозвониться. Я занял караулами все выходы вокзала по правую сторону (на улицу) и увел свой [5]) эшелон на товарную станцию в надежде выиграть время, дождаться под-

[1]) Слово: «Баландин» надписано над строкой.
[2]) Далее зачеркнуто: «командует» и надписано «полуротного ком.».
[3]) Слово: «результатом» надписано над строкой.
[4]) Далее зачеркнуто: «прапорщик Эльснер» и надписано сверху: «т. Блинов »
[5]) Далее зачеркнуто: «батал.».

хода остальных и, быть может [1]), переговорить с Советом, что опять не удалось. Через час приехал 2-й эшелон, и мы все стройно и с музыкой направились по улицам. Перед этим командир полка дозвонился в Совет и запросил, как быть дальше. И. Ком. спросил, как прибыл полк — с офицерами или без них. Узнав, что при полку находится командный состав его во главе с командиром и что, следовательно, полк может пройти в порядке, Совет предложил направиться к Таврич. дворцу. Командир полка шел сбоку по тротуару. Во главе шли Толкачев, прапорщ. Баландин, 2 студента и барышня. Когда подошли мы к зданию Семеновских казарм, Толкачев вошел туда и доложил потом [2]) нам, что семеновцы предложили нам двигаться дальше и что они, по 50 человек на роту, выйдут вслед за нами. Впоследствии я узнал, что Толкачев всех нас обманул и что ответ семеновцев гласил: «Мы с вами не пойдем и, может быть, выступим против вас». Мы, таким образом, пошли дальше. По Литейному пройти было нельзя ввиду обстрела, и мы двинулись обходным путем по Лиговке мимо Николаевского вокзала. По пути обстрелу не подвергались. К Таврическому дворцу мы подошли часам к 7 вечера. Человек 9, в том числе 4 офицера — полковник, я, прапорщик Буцько [3]) и, кажется, прапорщ. Баландин, Толкачев и др. (среди них Блинова не помню) вошли в Тавр. дворец в Исп. К. Совета. Толкачев настаивал на заявлении наших требований. Нас попросили выбрать 2—3 представителей; в числе [4]) их остались Толкачев, Баландин и Булин; Толкачеву говорить не пришлось: он оставил резолюцию с требованиями, в числе которых помню: «Вся власть в руки Советов Р. и С. Д.» и «Против политики наступления». Комитет заявил, что ответ на требования может последовать не раньше завтрашнего дня. В это время я и некоторые другие офицеры и солдаты обсуждали [5]) в здании дворца вопрос, не вернуться ли обратно. Подошедший Толкачев стал протестовать и настоял в решительной и грубой форме на митинге по вопросу. Обсуждение [6]) было прервано выстрелами пушечными, которые сильно обеспокоили солдат. После второго и 3-го выстрелов и выстрелов ружейных [7]) солдаты в панике стали прятаться и перелезать через забор Таврич. дворца и водокачки. Толкачев скрылся первым и, как говорят, спрятался в водокачке. Спустя несколько времени нам удалось снова собрать полк, и полк согласился отправиться в Петергоф. На Таврической улице уже мы услышали крики: «Стой, стой!» — нас догонял Толкачев, который спросил, куда мы идем. Мы заявили ему — «В Петергоф». Опять

---

[1]) Далее зачеркнуто: «снова».
[2]) Слово: «потом» надписано над строкой.
[3]) «Буцько» надписано над зачеркнутым: «Эльснер».
[4]) Далее зачеркнуто: «которых остался», надписано: «их остались».
[5]) Далее зачеркнуто: «на Дв. улице» и надписано: «в здании дворца».
[6]) Слово: «Обсуждение» надписано над зачеркнутым — «Митинг».
[7]) Слова: «и выстрелов ружейных» надписаны над строкой.

речь Толкачева, и солдаты [1]) стали колебаться — «пришли, чтоб уйти». Толкачев предложил отправиться в Народный дом. Мы возражали, что там ни пищи, ни места для ночлега не получим, что [2]) идет дождь и люди промокли. Но Толкачев оказался сильнее нас и стал снова во главе полка. Я тогда вышел и пошел по тротуару. По дороге зашли в 6-й Саперный, который нам в ночлеге отказал; по дороге же к нам подошел солдат и передал, что 1 пулеметный полк был обстрелян на Литейном, что с Литейного моста палят из пушек. Это изменило настроение полка. Ко мне подошел Марк, приятель и тень [3]) Толкачева, и заявил, что мы идем в Петергоф. Я спросил иронически: «А как же Толкачев?» Марк ответил, что и Толкачев согласен, потому что нет патронов и т. д. Должен заметить, что большинство патронов были другого образца — японские, австрийские, не подходящие к винтовке. Я и сам увидел, что учебная команда и еще рота повернули на вокзал. Шли отделениями в сравнительном порядке. Часть солдат по дороге отделялась и в общем колонна несколько таяла. Возвратились мы в Петергоф поздно вечером: первые выехали в 11 ч. 15 м., а остальные со следующим поездом. В Петергофе сразу направились в казармы. Отдельные солдаты возвращались еще и на другой день. По дороге обратно в вагоне ко мне обращались с вопросами солдаты, зачем же мы выступали? Я отвечал, что и сам задаю тот же вопрос: зачем я выступал — я знаю, а остальные, вероятно, ведомо Толкачеву. С такими же вопросами обращались и к командиру. Толкачев был здесь 5 и 6 июля: я видел его. После этого числа я его не видел уже. По слухам, его видели в Петрограде в субботу 8 числа. Говорят, что он уехал в Финляндию. Видел Толкачева 5 числа в полковом совете, где ему ставились серьезные обвинения в превышении власти и в обманных действиях; Толкачев оправдывался. На заседании был недолго и точно, потому, происходившего не знаю. Во всяком случае происходившее запечатлелось в протоколе п. совета. Знаю, что Толкачев в тот день в совете как-то вывернулся. Добавляю, что делегация в 74 дивизию до сих пор не отправлена. Показание мне прочтено.

Шт.-капитан *Дорофеев.*

Добавляю еще, что с мая месяца к нам в полк было зачислено до 2.000 [4]) бездокументных солдат. Они, главным образом, и поддерживали Толкачева и вносили дезорганизацию в полк. Один из них, т. Булин, сейчас член [5]) ротного комитета и Петроградского Совета. До 1.000 человек из этих солдат были отправлены маршевыми ротами в 74 дивизию 20 и 26 июня; часть из них находится в бегах, и часть

---

[1]) Далее зачеркнуто: «реш».
[2]) Слово: «что» надписано над строкой.
[3]) Слова: «и тень» надписаны над строкой.
[4]) Далее зачеркнуто: «человек».
[5]) Далее зачеркнуто: «полк».

находится здесь до сих пор. Сколько их в настоящее время — не знаю. В полку много крестьянского элемента; к лозунгу — земля и воля [1]) — относились они особенно нервно. Этим лозунгом [2]) Толкачев, в сильной степени, укреплял свою позицию. Слыхал, что были митинги, на которых выступали матросы Кронштадта. Чем кончилось и кто выступал — точно не знаю. В казармах выступлений посторонних и приезжих, за исключением Войтинского, Орлова, представителя XII армии — фамилии не знаю — и представителей Петергофского Совета — не помню. О рабочем вопросе говорить с солдатами мне не приходилось. Рабочих в полку меньше всего. Ораторы, выступавшие у нас, призывали стоять на платформе Совета и поддерживать его. Бывали случаи, что этим ораторам, — оффициальным [3]) представителям демократии — не давали говорить и срывали после оппозиции [4]) им Толкачева.

Зачеркнутому и [5]) надписанному верить. Показание мне прочитано.

Шт.-капитан *Дорофеев*.

Постановление [6]).

1917 года с 30 июля по 1 августа Особая следственная комиссия, учрежденная согласно постановления Временного Правительства 9 июля с. г., обсудив собранный материал об участии в восстании 3—5 сего июля чинов 3 пехотного запасного полка, нашла следующее:

Со времени приезда в г. Петроград Ленина (эмигранта) в Н.-Петергофе был образован клуб большевиков, во главе которого вместе с другими лицами стали: местный житель Константин Сигизмундович Жарновецкий, подпоручик 3 пехотного запасного полка Петр Васильевич Дашкевич и солдат того же полка Толкачев. Названные лица с апреля месяца с. г. начали призывать солдат 3 пехотного зап. полка к недоверию к Временному Правительству, свержению его и передаче власти Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, немедленному прекращению войны, непосылке на фронт пополнений и братанью с врагом. Действуя таким образом в названном клубе, на митингах и собраниях означенного полка, они породили среди солдат враждебное отношение к Временному Правительству и склонили их к насильственному свержению такового, вследствие чего на полковом митинге 10 сего июня под председательством солдат Егорова и Толкачева состоялась резолюция означенного полка о немедленном устранении от власти Временного Правительства, о передаче власти в руки Совету Раб., Солд. и Крест. Депутатов и поддержании изло-

---

[1]) Слова: «и воля» надписаны над строкой.
[2]) Далее зачеркнуто: «главным образом».
[3]) Слово: «оффициальным» надписано над строкой.
[4]) Далее зачеркнуто: «То».
[5]) Далее зачеркнуто: «что».
[6]) А. О. Р., ф. 349, д. № 6, л. л. 30—32.

женной резолюции силой оружия, а также о вооруженном сопротивлении применению правительством [1]) 129 ст. уг. ул.

Деятельными сотрудниками Толкачева в 3 пех. запасн. полку, призывавшими солдат к совместному с ними [1]) свержению Врем. Правительства, явились прапорщики того же полка Баландин и Дзенис и солдаты: Егоров, Захаров, Иванов, Александров, Булин, Орлов, Полуэктов, Фирсов и другие.

3 июля с. г. в 3 пехотн. запасном полку были получены сведения о выступлении в гор. Петрограде части гарнизона с оружием в руках для свержения Временного Правительства. В виду этого в ночь на 4 июля в здании собрания 3 пех. запасн. полка было созвано собрание разных командных и полкового комитетов под председательством солдата Фирсова. На этом собрании было постановлено: предъявить требование о передаче всей власти Петроград. Совету Раб., Солд. и Крест. Депутатов и о поддержании этого требования силою оружия. Тогда же для руководительства полком для его выступления был составлен революционный штаб, в который вошли солдаты: Булин, Толкачев, Фирсов, Чернявский, Блинов, Гирлоков, [2]) Рождественский, Другов, Молохин, Коваленко, прап. Дзевульский, командиры двух батальонов Дорофеев и Лаврентьев и командир полка Лебедев.

Револ. штабом к утру 4 июля были разосланы в части полка приказы от имени последнего о выступлении 4 того же июля в Петроград, с оружием в руках. На этом же собрании было отдано распоряжение о созыве перед выступлением полка митинга для объявления солдатам причин выступления. После этого митинга солдатам были розданы оружие и патроны, и полк в боевом порядке отправился в Петроград, где присоединился к восставшим войскам, а затем, прийдя к Таврич. дворцу, послал в Исполнит. Комитет делегацию для предъявления последнему требования полка, а затем, когда началась стрельба, вследствие прибытия высланных правительством войск, полк открыл беспорядочную стрельбу. Вследствие возникшей среди солдат паники полк через некоторое время вернулся в гор. Н.-Петергоф.

Принимая во внимание изложенное и данные при допросах свидетелями показания, Особая следственная комиссия находит, что житель г. Н.-Петергофа Константин Жарновецкий и 3 пехотного запасного полка: подпоручик Дашкевич, прапорщики Дзенис и Баландин и солдаты: Толкачев, Егоров, Захаров, Анатолий Иванов, Александров, Булин, Фирсов, Тимченко, Полуэктов и Орлов достаточно изобличаются в том, что в 1917 году в г.г. Н.-Петергофе и Петрограде, заранее согласившись между собою и другими лицами и действуя заведомо сообща с ними, с целью насильственного ниспровержения существующей в России верховной власти Временного Правительства, под-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Выше (стр. 4) он назван: «Гирсяков».

готовили и организовали в 3 пехотном запасном полку вооруженное выступление такового в г. Петрограде 4 июля 1917 года, совместно с другими частями войск Петроградского гарнизона, и, склонив солдат названного полка к вооруженному выступлению для насильственного ниспровержения Временного Правительства и передачи всей государственной власти Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, приняли вместе с ними участие в таковом и оказали вооруженное сопротивление войскам, высланным Временным Правительством для подавления восстания, причем из названных лиц для [1]), осуществления указанной выше цели:

1) Жарновецкий — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания и 4 июля с. г. шел вместе с восставшим 3 пех. зап. полком (Протопопов, Захари[2]), Блинов, Гаазе, Коликов и Никифоров).

2) Подпор. Дашкевич — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания (Богданов-Воробьев, Птицын, Евсеев, Красовский, Лемкин, Лебедев, Георгиевский).

3) Прап. Дзенис — призывал солдат неоднократно на митингах и собраниях к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, а 4 июля ночью, разбудив спавших офицеров 15 и 16 рот своего полка, побуждал их итти на митинг, а оттуда с полком в Петроград (Кудлай, Михеев, Коновалов, Лавровский, Кульгос).

4) Прап. Баландин — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, а 4 июля требовал немедленного выступления полка, с этой целью вошел в качестве члена в революционный штаб полка, руководивший этим выступлением, в г. Петрограде шел впереди полка, вооруженный карабином, призывал гвард. Семеновский полк присоединиться к 3 пех. зап. полку (Георгиевский, Никольский, Дорофеев, Нейман, Гаазе и Трещевский).

5) Солдат Егоров — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, руководил этим восстанием 4 июля с. г. в качестве члена революционного штаба и призывал гвардии Семеновский полк присоединиться к 3 пех. зап. полку (Ефимов, Дорофеев, Андреев, Скайст, Розмыслов, Высоцкий и Лийцит).

6) Захаров — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, а 4 июля с. г. грозил насилием тем солдатам, которые не примут участия в восстании (Ефимов, Кынин, Скайст, Блинов, Сийг, Марков и Кугин).

---

[1]) «Для» — над строкой.

[2]) Так в подлиннике.

7) Анат. Иванов — неоднократно призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания (Коваленко, Глебов, Морев, Виноградов и Гаазе).

8) Александров — неоднократно призывал солдат своего полка на митингах и собраниях к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, воздействовал на несогласных с ним револьвером, а 4 июля с. г. получил от Толкачева особое секретное поручение (Дорофеев, Андреев, Ефимов, Блинов, Чернявский, Юрьев, Кепп, Саломатов и Лебедев).

9) Булин — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, а 4 июля в качестве члена революционного штаба полка руководил таковым и в Петрограде шел впереди полка (Дорофеев, Андреев, Георгиевский, Юрьев, Блинов).

10) Фирсов — неоднократно призывал солдат своего полка к свержению Времен. Правительства путем вооруженного восстания, а 4 июля подписал резолюцию о таковом, назначил членов в революционный штаб полка и солдат для связи с другими войсковыми частями и в качестве члена революционного штаба полка руководил восстанием (Дорофеев, Булин, Блинов, Лебедев).

11) Тимченко — неоднократно призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания (Балагин, Денисевич).

12) Полуэктов — неоднократно призывал солдат своего полка к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания и еще за неделю до 4 июля оповещал солдат о предстоящем восстании, 4 июля требовал выхода караульной команды и в тот же день был послан в качестве делегата в восставший 1 зап. пулеметный полк (Блинов, Федоров и Алябьев).

13) Орлов — неоднократно призывал солдат 9 роты к свержению Врем. Правительства путем вооруженного восстания, участвуя в заседании собрания полка, на котором было решено восстать с указанной целью, собирал солдат на митинг для оповещения их о состоявшемся решении (Гратовень).

14) Толкачев — неоднократно на митингах и собраниях призывал солдат 3 пех. зап. полка к свержению Врем. Правительства путем воор. восстания; на митинге 10/VI по его предложению было постановлено требовать устранения от власти Врем. Правит. и о поддержке этого требования силою оружия, на собрании в ночь на 4 июля и утром этого дня призывал к немедленному выступлению с оружием для свержения Врем. Правит., образовал революционный штаб для руководительства полком, в дни его вооруж. сопротивления стал во главе этого штаба в качестве председателя этого штаба, продиктовал и подписал приказы о выступлении полка; перед выступлением полка в Петроград роздал солдатам патроны; при выступлении полка командо-

вал им; по прибытии в Петроград шел во главе полка, отдал распоряжение о заряжении винтовок, призывал гв. Семеновский запасн. полк присоединиться к 3 пех. зап. полку (Крамм, Шубин, Лебедев, Богачев, Дуцман, Кивкуцан, Лелекин, Евдокимов, Лепин, Морозов, Гаазе, Москвин, Филиппов, Блинов, Юрген, Трещевский, Лийцит, Киенский, Стешов, Ефимов).

В описанных деяниях названных: Жарновецкого, Дашкевича, Дзениса, Баландина, Егорова, Захарова, Иванова, Александрова, Булина, Фирсова, Тимченко, Полуэктова, Орлова и Толкачева заключаются признаки преступления, пред. 51 и 100 ст. уг. улож.

В виду изложенного Особая следственная комиссия постановила: привлечь Константина Жарновецкого, подпоручика Дашкевича, и прапорщиков Дзениса и Баландина и солдат: Толкачева, Егорова, Захарова, Иванова, Александрова, Булина, Фирсова, Тимченка, Полуэктова и Орлова в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотрен. 51 и 100 ст. уг. улож.

Председатель комиссии капитан *Архипов.*

VII.

КОМАНДЫ ПРИ ОФИЦЕРСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ШКОЛЕ В Г. ОРАНИЕНБАУМЕ.

Постановление [1]).

1917 года июля 25 дня Особая следственная комиссия, учрежденная на основании постановления Временного Правительства от 9 того же июля, рассмотрев данные, добытые произведенным расследованием по делу об участии в вооруженном выступлении 3—4 июля команд при офицерской стрелковой школе в гор. Ораниенбауме, находит следующее:

3 июля 1917 года в гор. Ораниенбауме, около 3—4 часов пополудни, в помещении офицерской стрелковой школы, происходило обычное заседание местного Совета Солдатских Депутатов, на котором, между прочим, должен был обсуждаться возбужденный еще ранее некоторыми из членов Совета вопрос о неблаговидных действиях подпоручика Тарасова-Родионова по поводу посещения им совместно с кронштадтской делегацией министерства юстиции и прокурора петроградской судебной палаты по делу об освобождении анархистов, арестованных на даче Дурново, причем, во время указанного посещения, Тарасов-Родионов, ложно назвав себя представителем ораниенбаумского гарнизона, чего в действительности не было, предъявил от его имени требование о немедленном освобождении анархистов, угрожая в противном случае прибытием в Петроград названного гарнизона, который силою освободит арестованных. Во время заседания одним из членов Совета были получены сведения, что какие-то приезжие из Петрограда вооруженные солдаты ходят по городу,

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 36, л. л. 9—12.

задерживают на улицах солдат местного гарнизона, насильственно удаляют их из чайных и трактиров и загоняют в казармы, указывая им на необходимость приготовиться к вооруженному выступлению в Петроград. Осведомившись об этом, Совет немедленно выделил из своей среды комиссию для проверки полученных сведений, а также поручил избранным в том же заседании делегатам отправиться в Петроград и выяснить в Исполнительном Комитете Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, действительно ли требуется выступление ораниенбаумского гарнизона и чем таковое было вызвано. Приезжих вооруженных солдат комиссия не обнаружила, но вместе с тем выяснила, что в расквартированный в городе Ораниенбауме 3 баталион 1 пулеметного полка приезжали из Петрограда делегаты этого полка предупредить товарищей о предстоящем выступлении, так как, по их словам, в Петрограде все полки уже выступили с протестом против 10 министров-капиталистов и за передачу власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, причем по поводу приезда делегатов на плацу тогда же состоялся митинг, на котором велась агитация за выступление в Петроград. Ввиду таких сведений, некоторые члены комиссии выехали в Петроград, где, узнав в Таврическом дворце о том, что Совет Солдатских и Рабочих Депутатов и вообще ни одна из социалистических партий выступления не требуют, сообщили об этом около 10 часов вечера телефонограммой в Ораниенбаум с просьбой сохранить спокойствие и поддерживать порядок в гарнизоне. Как выяснилось, в тот же вечер 3 июля выехали в Петроград некоторые из членов ораниенбаумского Совета Солдатских Депутатов от Кольтовских команд, образовавшие в Совете так называемый блок интернационалистов, подпоручик Тарасов-Родионов и солдаты Бровкин, Новиков и еще какой-то солдат из 3 баталиона 1 пулеметного полка, по фамилии Гаврилов, личность коего осталась пока не выясненной. Лица эти, по прибытии в Петроград, по приглашению подпоручика Тарасова-Родионова, отправились в дом Кшесинской, где, повидимому, приняли участие в заседании Военной Организации при Центральном Комитет Р. С.-Д. Р. П. или же, во всяком случае, ожидали там результатов этого заседания. На этом заседании было решено поддержать выступление в Петрограде и принять в нем участие. Тогда же один из участвовавших в заседании членов Военной Организации говорил Тарасову-Родионову, что выступление принимает стихийные размеры и что хотя таковое и не было ими вызвано, но идет под их лозунгами и поэтому «надо вмешаться». Когда Тарасов-Родионов, Бровкин, Новиков и упоминаемый выше Гаврилов выходили из дома Кшесинской, то видели подошедший в это время к дому 176 или 180 пехотный полк, к которому какой-то оратор обратился с балкона со словами: «Идите стройными рядами, покажите свою силу». Пройдя Марсово поле, названные четыре лица взяли у проезжавших мимо них неизвестных солдат автомобиль, который,

как потом выяснилось, принадлежал министру Церетелли, и на этом автомобиле приехали обратно в Ораниенбаум. По дороге они встречали воинские части, идущие с плакатами: «Долой Временное Правительство», «Долой 10 министров-капиталистов». Как выяснилось, образовавшаяся еще ранее до событий 3—4 июля при местном Совете Солдатских Депутатов, путем переизбрания в Кольтовских командах членов Совета, так называемая группа или блок интернационалистов, во главе которого находились организаторы и руководители этого блока — Тарасов-Родионов, солдаты Бровкин и Алексеев и поручик Жендзян, поставила целью своей деятельности, на-ряду с пропагандой в командах большевистских и даже анархистских идей, имевших наибольший успех в пулеметных командах Кольта, также и свержение Временного Правительства и передачу власти Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. Для осуществления этой цели названной группой в ночь на 4 июля, при посредстве вооруженной силы, была захвачена власть в гор. Ораниенбауме, поручик Жендзян объявил себя комендантом города, назначив своими заместителями Тарасова-Родионова и Бровкина, была захвачена телефонная станция и другие учреждения, были арестованы на некоторое время члены Исполнительного Комитета Солдатских Депутатов офицерской стрелковой школы, попутно велась агитация за необходимость вооруженного выступления в Петроград; под их давлением и настоянию было созвано экстренное заседание Совета, на которое были допущены вооруженные и притом посторонние люди, причем на заседании присутствовала лишь часть членов Совета (многих представителей команд не было), мандаты не проверялись. На этом заседании Тарасов-Родионов заявил, что он был в Военной Организации Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П., виделся там с членом этой организации Сталиным, который ему сообщил, что Военная Организация постановила присоединиться к движению, что в Петрограде восстали некоторые части войск: часть 1 пулеметного полка, Егерский полк, 1 и 180 пехотные запасные полки, а также много рабочих, есть и автомобили, вооруженные пулеметами. При этом Тарасов-Родионов настаивал на немедленном выступлении. По обсуждении этого вопроса и прений Совет Солдатских Депутатов ораниенбаумского гарнизона постановил: «выступить и поддержать мирную демонстрацию, для чего войскам к 8 часам утра собраться на вокзале во главе с их начальствующими лицами, причем во время шествия не должно быть ни одного выстрела, стреляющие будут арестованы. Решено оставить караул в достаточном количестве для охраны города и имущества. Комендантом города временно избрать прапорщика Ярцева, которому поручить выставлять и распределять караул наместо адъютанта школы. Вопрос о движении поездов решили: первый поезд 6-часовой отпустить, а остальные задержать. О решении Совета немедленно сообщить в Кронштадт и Петергоф».

В заседании Совета от 8 июля указанное собрание Совета в ночь на 4 июля было признано незаконным и постановления его недействительными.

Ввиду изложенного и на основании свидетельских показаний и приложенных к делу документов Особая следственная комиссия находит, что подпоручик Тарасов-Родионов, поручик Жендзян и солдаты Бровкин, Алексеев, Новиков, Белов, Молоканов, Миронов и Беляев в достаточной степени изобличаются в том, что 3—4 июля в городе Ораниенбауме и в Петрограде, по предварительному между собою и другими лицами соглашению и действуя заведомо сообща, приняли участие в вооруженном выступлении с целью свержения Временного Правительства и передачи власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, причем для достижения указанной цели:

1) Подпоручик Тарасов-Родионов, будучи членом Военной Организации при Центральном Комитете Р. С.-Д. Р. П. и действуя от ее имени, организовал еще до вооруженного выступления при Совете Солдатских Депутатов ораниенбаумского гарнизона так называемый блок интернационалистов, главной целью которого было свержение Временного Правительства и передача власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, руководил этим блоком, поддерживал связь с Военной Организацией, заведомо для него подготовлявшей это выступление; 3 июля поздно вечером, вернувшись в Ораниенбаум с заседания Военной Организации, на котором было решено выступить, настаивал на необходимости и неотложности выступления, причем по поводу предъявленного ему воззвания Исполнительного Комитета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов о недопустимости вооруженных выступлений говорил, что «это, быть может, провокация», участвовал в составлении приказа по гарнизону о выступлении и отдал распоряжение о немедленной передаче этого приказа по командам для исполнения, арестовал членов Исполнительного Комитета Совета Солдатских Депутатов при офицерской стрелковой школе, для чего ввел в помещение Совета вооруженных солдат, не допускал к телефону некоторых из членов Исполнительного Комитета для переговоров, говорил о необходимости захвата власти в свои руки, о состоявшемся решении Военной Организации выступить в Петрограде всем частям, о том, что «в Петрограде наших бьют», отдал приказ 15 пул. команде занять пост у канцелярии Кольта с 4 пулеметами, что и было исполнено и вообще руководил подготовкой выступления (показания: Воронов, Константин Степанов, Пигаревич, Романовский, Бургумов, Ярцев, Рыбкин, Батманов, Онискевич, Новиков, Локтев, Головизнин, Колыбин, Баскирев, Богатов, Кутин, Беляев и др., протокол заседания членов с.-д. ораниенбаумского гарнизона, приказ о выступлении).

2) Поручик Жендзян — говорил на собрании в ночь на 4 июля за вооруженное выступление в помощь восставшим в Петрограде вой-

скам, самовольно объявил себя комендантом города, составил и издал приказ о выступлении 4 июля, отдал распоряжение об объявлении такового по командам, ввел вооруженный караул в канцелярию Исполнительного Комитета Совета Солдатских Депутатов, тогда же арестовал членов этого Комитета и на вопрос одного из них: понимает ли он, что делает, ответил: «Прекрасно понимаю, мною все предусмотрено», требовал выдачи ему печати означенного Комитета, заявил, что арест членов местного Исполнительного Комитета произведен по приказанию Центрального Комитета из дворца Кшесинской, что он, Жендзян, ожидает оттуда распоряжений по телефону относительно выступления в Петроград, причем на замечание, что следовало бы подождать получения сведений от Исполнительного Комитета Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, ответил: «Нет, у меня еще есть обязательство, — надо узнать, как Кронштадт», был сотрудником Тарасова-Родионова по организации и подготовке выступления, был в числе организаторов при Совете Солдатских Депутатов блока интернационалистов, стремившегося к свержению Временного Правительства (показания: Воронов, Дубровин, Колыбин, Константин Степанов, Зязин, Пигаревич, Романовский, Батманов, Островский, Рыбкин, Онискевич и др.).

3) Бровкин, действуя от имени Военной Организации при Центральном Комитете С.-Д. Р. П., руководил образовавшимся при Совете Солдатских Депутатов блоком интернационалистов, деятельность которого была направлена к свержению Временного Правительства и передаче власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, принял 3 июля участие в заседании Военной Организации в доме Кшесинской, в каковом заседании было решено выступить с оружием на улицы Петрограда; вернувшись с этого заседания на захваченном автомобиле министра Церетелли в Ораниенбаум, сообщил о состоявшемся решении Военной Организации, руководил подготовкой вооруженного выступления, отдавал распоряжения, издавал приказы, говорил, что медлить нельзя, нужно выступить, для чего необходимо захватить предварительно власть в свои руки, арестовать членов местного Исполнительного Комитета Солдатских Депутатов, не допускал к телефону дежурного писаря, приказал приготовить обед на 4 июля к 6 часам утра, указывая на то, что «необходимо спешить, так как наших товарищей бьют» (показания: Бурумов [1]), Рыбкин, Батманов, Головизнин, Колыбин, Кутин, Корнеев, Иван Котецкий, Дубровин, Константин Степанов).

4) Алексеев — агитировал на заседании совета в ночь на 4 июля за выступление в Петроград, прервал речь прапорщика Рыбкина, говорившего против выступления и, в связи с этим, предложил выразитьнедоверие председателю за то, что он позволяет высказываться против выступления, указывал на то, что в его распоряжении имеется «какая-то особая дружина», говорил о необходимости ареста всех офицеров, состоя-

[1]) Выше (стр. 23) он назван «Бургумов».

щих в командах, привел вооруженных солдат для ареста членов Исполнительного Комитета, призывал к выступлению для поддержки восставших войск, участвовал в блоке интернационалистов, заведомо для него стремившихся к свержению Временного Правительства, и был деятельным сотрудником Тарасова-Родионова, Бровкина и Жендзяна по подготовке вооруженного выступления в Петроград (показания: Баулин, Ярцев, Онискевич Дубровин, Колыбин, Кутин, Корнеев, Ильчинко).

5) Белов — агитировал за выступление, говорил солдатам, что не нужно слушать офицеров, препятствующих выступлению, чем способствовал выступлению двух команд, лично повел 10 команду с 4 пулеметами, патронами и 15 винтовками (показания: Зязин, Харчев, Серебряков).

6) Молоканов — призывал к выступлению, увлек за собою нескольких солдат, уговаривал начальника стрелковой команды присоединиться к выступавшим и, когда тот отказался, предложил выбрать другого начальника, вернулся из Петрограда лишь 5 июля (показания: Яковлев, Оберюхтин и собств. показание).

7) Миронов — призывал выступить и не слушать офицеров, говоривших против выступления (показания: Оберюхтин).

8) Новиков — вместе с Тарасовым-Родионовым и Бровкиным посетил 3 июля Военную Организацию в доме Кшесинской, где узнал о состоявшемся решении Организации принять участие в выступлении и поддержать военную демонстрацию, и затем 4 июля вместе с другими выступил с винтовкой в Петроград (показания: Головизнин и собственное показание).

9) Беляев — состоял в группе интернационалистов, стоявших за свержение Временного Правительства и передачу власти Советам Рабочих и Солдатских Депутатов, агитировал в ночь на 3 июля за выступление, настаивал на аресте членов Исполнительного Комитета и угрожал прапорщику Рыбкину, говорившему против выступления (показания свидетеля Корнеева и собственное показание).

Описанные преступные деяния предусмотрены 51 и 100 ст. угол. улож., почему и руков. 396 ст. у. у. с.

Следственная комиссия постановила:

Названных: Тарасова-Родионова, Жендзяна, Алексеева, Бровкина, Белова, Молоканова, Миронова, Новикова и Беляева привлечь в качестве обвиняемых, предъявив им вышеуказанные обвинения.

За [1]) председателя *Наказный.*

Члены: вольноопределяющ. *Пульхеров.*

Настоящая копия препровождается господину прокурору Петроградского окружного суда.

За председателя Особой следственной комиссии *Наказный.*

1 августа 1917 г. № 35.

---

[1]) Зачеркнуто: «Товарищ», надписано «за».

VIII.

ГВ. ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК.

(Запасный батальон.)

Постановление [1]).

1917 года июля 23 дня, в гор. Петрограде комиссия по расследованию действий запасного батальона гвардии Гренадерского полка, в период времени с 3 по 5 июля того же года, рассмотрев собранные расследованием данные, нашла следующее:

Первое время после Февральских дней настроение и поведение чинов запасного батальона гв. Гренадерского полка не внушали никаких сомнений в полной преданности Верховной власти. Но со дня приезда в Петроград эмигрантов во главе с Лениным в батальоне стали появляться и усиливаться брожение и неудовольствие распоряжениями правительства.

Сильно способствовала этому близость дворца Кшесинской, где поселился Ленин. Сторонники последнего часто сами появлялись на митингах и собраниях батальона — как, например, Зиновьев, Коллонтай, Каменев, прапорщики Крыленко и Дашкевич, Рошаль и др., — где старались восстановить солдат против Временного Правительства, а кроме того бросали в солдатскую массу семена недоверия из самого дворца Кшесинской, мимо которого гренадерам необходимо было проходить по дороге в город.

Кроме агитации обитателей дворца Кшесинской, на настроение солдат запасного батальона очень влияли постоянно проходившие мимо казарм рабочие выборгского фабричного района, беседовавшие с солдатами на политические темы.

Усиленную агитацию против правительства вел также находившийся в действующей армии поручик гвардии Гренадерского полка Дзевалтовский-Гинтовт, приезжавший иногда сам в Петроград, а чаще присылавший из армии своих агентов, выступавших на митингах в запасном батальоне.

Особенно тревожным настроение солдат запасного батальона стало в конце июня месяца, когда в батальоне были получены сведения о расформировании на фронте Гренадерского полка за отказ итти в наступление.

Приезжавшие с фронта солдаты рассказывали в запасном батальоне невероятные ужасы про те меры, которые будто бы были приняты начальством против гренадер.

Несмотря на описанную агитацию, все же на состоявшемся 29 июня собрании батальонного, ротных и командных комитетов

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 30, л. л. 22—24.

запасного батальона была принята резолюция о готовности поддержать наступление действующей армии.

Через день после этого, 1 июля, на общем собрании в манеже запасного батальона группа «большевиков», последователей учения Ленина, пользуясь всевозможными приемами вплоть до физического воздействия и допустив к голосованию массу ворвавшихся в манеж солдат других частей, матросов и посторонней публики, провела к концу митинга резолюцию резко противоправительственного содержания, предложенную прапорщиком Крыленко.

Следующий день, 2 июля, и утро 3 июля прошли спокойно.

Но 3 июля около 3 часов дня в казармы батальона прибыло несколько солдат 1 пулеметного полка с призывом принять вечером участие в вооруженном выступлении петроградского гарнизона против Временного Правительства.

Так как никаких письменных мандатов у явившихся делегатов не было, то гренадеры призыву пулеметчиков не придали никакого значения.

Однако около 7 часов вечера во двор казарм въехало несколько вооруженных пулеметами автомобилей с солдатами, матросами и рабочими, призывавшими к выходу из казарм с оружием. Среди гренадер начались волнения. Часть бросилась за винтовками, часть уговаривала не выходить.

Но в этот момент к казармам подошел 1 пулеметный полк, и около 1.500—2.000 гренадер, взяв ружья, патроны и плакаты с надписями «Долой 10 министров-капиталистов», «Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», — последовали за названным полком.

Временно командующий батальоном полковник Неслуховский, видя крайне возбужденное состояние солдат, решил не оставлять солдат в таком состоянии без офицеров и отдал распоряжение, чтобы офицеры шли вместе с солдатами.

До Марсова поля гренадеры шли следом за 1 пулеметным полком. Но у казарм Павловского полка гренадеры остановились с целью предложить солдатам запасного батальона названного полка присоединиться к ним. Когда последние присоединились, гренадеры пошли к Преображенскому, Кексгольмскому запасным батальонам и к матросам 2 Балтийского флотского экипажа, но все названные воинские части отказались выступить. Тогда было решено итти по Офицерской и Морской улицам или к Таврическому дворцу или домой, но на Вознесенском проспекте гренадеры встретили 3 Гвардейский стрелковый полк, который последовал за ними.

После этого, заметив, что настроение солдат стало спокойнее, что часть солдат ушла домой, полковник Неслуховский стал уговаривать солдат итти обратно в казармы.

Но на углу Невского проспекта и Морской улицы дорогу пересек 180 пех. запасный полк, и шедшие впереди гренадеры, вместо того

чтобы свернуть под арку на Дворцовую площадь, — пошли за названным полком по Невскому проспекту, по направлению к Николаевскому вокзалу.

Около Садовой улицы впереди гренадер неожиданно открылась беспорядочная ружейная и пулеметная стрельба. Гренадеры частью разбежались, а частью начали стрелять в разные стороны, после чего группами возвратились к себе в казармы. При стрельбе из числа гренадер было легко ранено 4 солдата.

На следующее утро 4 июля на собравшемся в запасном батальоне Гренадерского полка общем собрании гренадеры поняли всю ошибочность своего поступка и решили больше не выступать без требования Исполнительного Комитета Солдатских и Рабочих Депутатов.

Вскоре в казармы стали один за другим приезжать вооруженные пулеметами автомобили с матросами, рабочими и солдатами других полков, которые открыто призывали гренадер к вооруженному восстанию. Гренадеры колебались.

Но около 2 часов дня явились из дворца Кшесинской агитаторы с воззваниями Военной Организации о немедленном вооруженном выступлении. В 7 часов вечера подошел запасной батальон гвардии Московского полка и предложил гренадерам следовать за ними.

Под влиянием уговоров и угроз, около 600—700 солдат гренадерского батальона присоединились к запасному батальону Московского полка и, взяв винтовки и патроны, вышли на улицу.

Так как полковник Неслуховский в тот день получил телеграмму—предписание командующего Петроградским военным округом генерала Половцева не оставлять солдат одних без офицеров, в случае если их не удастся удержать от выступления, то полковник Неслуховский приказал офицерам следовать вместе с солдатами.

Пройдя через Троицкий мост, полковник Неслуховский велел итти к Таврическому дворцу, откуда гренадеры хотели получить надлежащее распоряжение. Однако в Таврическом дворце никто никаких распоряжений не отдал, и, подождав немного, гренадеры начали расходиться в свои казармы.

На следующий день, 5 июля, в казармах гренадерского батальона был Рошаль с матросами, звал гренадер поддержать кронштадтцев, однако его призывы успеха не имели, и гренадеры больше в вооруженном выступлении не участвовали.

Переходя к разрешению вопроса о виновности отдельных чинов батальона гвардии Гренадерского полка в подготовке и организации описанных вооруженных выступлений, комиссия находит, что:

Прапорщик Ган, командир 4 роты, не скрывая своей принадлежности к помещающейся во дворце Кшесинской Военной Организации, неоднократно и систематически, еще до событий 3 — 4 июля, призывал солдат к открытому выступлению для отнятия власти у Временного Правительства. 4 же июля после прибытия в казармы Гренадерского

полка вышеуказанных делегатов от Военной Организации отправился в помещение 4 роты и отдал распоряжение о принятии участия в вооруженном выступлении, что Ган все время агитировал среди солдат против наступления, порицал деятельность военного министра Керенского и, пользуясь большим влиянием в 4 роте, много способствовал ее разложению, чем эта рота ярко выделялась среди батальона.

Гренадер 4 роты Кизима, [1]) состоя членом той же Военной Организации и постоянно поддерживая связь с дворцом Кшесинской, неоднократно и в частности 3, 4 и 5 июля открыто призывал солдат к вооруженному выступлению для свержения Временного Правительства и передачи власти Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.

Вольноопределяющийся Мехоношин, состоя членом той же Военной Организации и сотрудником издававшейся во дворце Кшесинской газеты «Солдатская Правда», неоднократно призывал гренадер к вооруженному выступлению против Временного Правительства и наконец:

Гренадеры: Балашов, Щукин, Шелехов [2]) и Сапелкин неоднократно, и в частности 3, 4 и 5 июля, открыто призывали солдат запасного батальона гвардии Гренадерского полка к вооруженному выступлению против Временного Правительства.

На основании изложенного: прапорщика Ган, унтер-офицера Тимофея Кизима, ефрейтора Михаила Балашова и рядовых Павла Шелехова, Егора Щукина и Тараса Сапелкина [3]) и вольноопределяющегося Мехоношина [4]) следственная комиссия постановила: привлечь к следствию в качестве обвиняемых в том, что в 1917 году в гор. Петрограде, действуя заведомо сообща по уговору с другими лицами, с целью насильственного ниспровержения существующей верховной власти, подготовили и организовали в запасном батальоне гвардии Гренадерского полка вооруженные выступления 3 и 4 июля 1917 года на улицы города солдат названного батальона совместно с другими воинскими частями для устранения некоторых членов Временного Правительства и передачи всей власти Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, сопровождавшиеся стрельбою на улицах, рядом убийств и насилий, т.-е. в преступлении, предусмотренном 51 и 100 ст. уг. ул.

Подписи. С подлинным верно:

Председатель комиссии подполковник *Люзин*.
Члены: полковник *Ржевуский*.
Товарищ прокурора *Бари*.

---

[1]) Выше («Красный Архив», т. XXIII, стр. 11) он назван «Казим».

[2]) Выше (тамже) он назван: «Шелестов».

[3]) Надписано над строкой: «и вольноопределяющегося Мехоношина».

[4]) Зачеркнуто: «обвиняются в том, что в 1917 году» и надписано: «следственная комиссия».

IX.

ЗАПАСНЫЙ БРОНЕВОЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ ДИВИЗИОН.
(Команда мастерских).

Удостоверение [1]).

Выдано сие тов. Якубовичу в том, что он уполномочен Военной Организацией обратиться с тов. просьбой к комитету мастерск. броневого дивизиона о присылке броневых машин для охраны Военной Организации от возможных нападений со стороны контр-револ. сил.

За председателя *Ворошилов.*
Секретарь *Н. Подвойский.*

Протокол [2]).

1917 г. августа 8 дня член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., подполковник Люзин допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд.

Я, нижеподписавшийся, подполковник запасного броневого автомобильного дивизиона Николай Иванович Задарин, 33 лет, православный, под судом и следствием не состою, занимаю должность помощника командира дивизиона по строевой и технической части.

В запасном дивизионе нахожусь с июля 1916 г. С командами дивизиона знаком хорошо; в частности с мастерскими и гаражем тоже.

В начале революции как мастерские, так и гараж работали отлично во всех отношениях, и затем я в конце марта уехал в отпуск и, вернувшись в 20-х числах апреля, застал другую картину: работа пала, настроение стало совершенно чуждым тому, что было раньше. Как оказалось из расспросов окружающих, что в этом виноват Ленин, число поклонников которого было порядочное. Особенно отличались из них: это Елин и Калашников. На заседаниях [3]) дивизионного комитета Калашников всегда требовал подчинения желаниям «массы» и говорил: «Если масса выступает, то мы должны ей подчиниться». Приходилось с почитателями Ленина вести борьбу не только устно, но и письменно — в газетах. Небольшой кучкой, в числе около 100 чел., в мастерских выносились постановления, идущие не только вразрез постановлений дивизионного комитета, но и распоряжению Вр. Правительства и С. С. и Р. Д. Это клало на наш

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 17, л. 4. Документ написан на бланке со штампом: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Военная Организация при Петербургском Комитете. Б. Дворянская ул., д. № 2. Телеф. 70-84. 4 июля 1917 г. № 217.»

[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 17, л. л. 39 — 41.

[3]) «Заседаниях» — над строкой.

дивизион пятно, которое приходилось смывать постановлениями дивизионного комитета в печати. Никогда нельзя было быть спокойным за мастерские. Для того, чтобы можно было парировать всякие эксцессы, у нас было создано бюро печати, где следили за выступлением т.т. из мастерских и немедленно отвечали статьей в газетах. С каждым днем положение обострялось; наконец, события 3—5 июля проявили на свет «их» деятельность.

3 июля утром было получено извещение из отдела нарядов при штабе округа приготовить на всякий случай броневые машины. Носились по городу разные слухи, и все это заставило собраться дивизионного комитета [sic!] в неурочное время — в 2 часа дня.

Дивизионн. комитет, как всегда, вынес одну резолюцию: полное подчинение [1]) приказаниям Исп. Ком. С. Р. и С. Д. Для того, чтобы контролировать за правильным выходом броневых машин из Михайловского манежа члены комитета были распределены частью в манеже, а частью в мастерских, куда еще были приданы члены исп. комит. броневого съезда. Время сбора в 6—8 ч. веч. Около 7—8 ч. веч. в манеж приехали на автомобилях с пулеметами пулеметчики, которые встали в воротах манежа и взошли внутрь и сказали, что они нам не позволят выпустить брон. машины. К этому же времени приехали в манеж член Исп. Комит. С. Р. и С. Д. Гоц с Богдановым и стали просить у нас 2 машины для охраны Совета. В канцелярии манежа было устроено «маленькое заседание» Комит., и было постановлено выслать две машины в Думу. Когда же пошли к машинам, то пулеметчики сказали, что они к машинам не допустят. Гоц стал уговаривать их, приказывать именем Совета — все это было пустым звуком. Наконец, Гоц уехал в Комитет с подпол. Чемодановым (председ. нашего комитета). Здесь же в манеже стали собираться члены ротного комитета гаража, пьяные, и стали говорить, что они машин не дадут никому. Около них было не более 20—30 челов. из команды гаража. Здесь же вертелись Елин и Летин. Вся эта компания вела себя крайне вызывающе и говорила, что в их заседании не место офицерам и посторонним лицам, т.-е. членам дивизионного комитета.

В это время в манеж въехала броневая машина из школы шоферов, а к манежу подъехали казаки. Появление это сбило спесь с этих господ, и они стали сговорчивее. В это время было около 12 час. ночи. Тут приехали Чемоданов, Гоц и еще кто-то из членов Исп. Комит. Тогда общими силами напали на эту публику, и 2 машины вышли. Командир дивизиона был в это время в Совете. Около 2 час. ночи он пришел в манеж и сказал лишь, что ему звонил по телефону поручик Дегтерев и сказал, что из мастерских вышла одна броневая машина в Военную Организацию при доме Кшесинской и что только ее, т.-е. Организацию (Ц. К.), они, мастерские, и будут слушать.

---

[1]) Зачеркнуто: «исполнен».

4 июля в 1 — 2 [час.?] снова был собран дивизионный комитет, на который были приглашены члены комит. брон. съезда и мастерских броневого отдела. Было постановлено, что броневой дивизион и броневой отдел отдадут все свои силы в распоряжение Совета и Вр. Правительства, если они возьмутся за ликвидирование мятежа и анархии, но ни в каком случае не демонстрации. Для этого были выбраны: я, Мохов, Коротков, Гикляев, и мы поехали в Совет. Там мы сказали Войтинскому, Гоцу, Бинасику и Сомову, что мы сейчас пришлем все свои 11 броневых машин, но с вышесказанным условием. Наше появление внесло бодрое настроение и [1]) указанных лиц, и они нам сказали, что они согласны с этим. Тогда мы попросили Войтинского поехать в броневой отдел, а сами дали знать по телефону о высылке наших 6 машин из Михайловского манежа. Через $^1/_2$—1 ч. прибыли 5 машин бр. отд. и вскоре после них и 6 наших. Таким образом с 2 находящимися с 3 июля у нас к 8 час. веч. находилось уже 13 брон. маш. Наше появление в Совете послужило толчком для тех частей, которые еще не решались выступить по приказаниям Исп. Комитета. В то время, когда я ехал в Думу (т.-е. около 3 ч. дня), мне стало известно, что из мастерских вышло 4 маш. в дом Кшесинской.

В Думе был соорганизован, в 42 комнате, военный совет, и было решено послать в штаб округа 3 брон. маш., с которыми я и поехал туда с Скобелевым.

Ночь провел на 5-е в штабе округа.

5-го видел, как мимо штаба со стороны Мильонной ул. выскочила броневая машина (я считаю безусловно, что она была из числа 4, находящихся в д. Кшес., так как не имела названия и за ней ехал на сером автомоб. Елин). По машинам был открыт огонь юнкерами и Георг. батал., и был ранен шофер, но машины ушли под арку на Морскую.

Дивиз. комит. я был назначен в комиссию по рассмотрению деятельности мастерских. Нами был просмотрен весь список, и был распределен на три категории весь состав: 1) не принимавших участия, 2) не пригодных оставаться в мастерских и 3) принимавших участие в выходе на сторону Военн. Организац. г.г. Ленина и Ком. Последних оказалось 15 чел.

После удаления этих господ из мастерских они переродились. Солдаты стали приветливее, веселее и добрее. Сами говорили, что вздохнули полной грудью.

Я считаю, что эта кучка в 15 человек терроризовала всех. Слабые духом шли или по указке или не принимали никакого участия, т.-е. относились совершенно безразлично.

Подполковник *Задарин*.
Подполковник *Люзин*.

Г. Петроград, 8 августа 1917 г.

---

[1]) Ошибочно: «и» вместо «на».

Протокол [1]).

1917 года августа 8 дня, член Особой комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., тов. прок. Бари допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Я, Михаил Дмитриевич Гаврилов, рядовой школы шоферов запасного броневого автомобильного дивизиона, уроженец г. Борисоглебска Тамбовской губ., 38 лет, православный, грамотный, не судившийся, показываю:

В запасном броневом автомобильном дивизионе течение «Ленизма» [2]) определилось с момента приезда Ленина в Россию (между прочим, для встречи последнего из ремонтных мастерских была выслана к вокзалу броневая машина).

Это течение проложило себе путь только в двух командах дивизиона — в ремонтных мастерских главным образом и в незначительной степени в команде гаража Михайловского манежа. Ремонтные мастерские, с момента приезда Ленина, усвоили особую тактику — не считаться с дивизионом, как целою политическою [2]) единицею и жить своею особою жизнью. Дивизион, в лице дивизионного комитета, смотрел на команду мастерских как на весьма беспокойную часть, которая во всякое время может пойти вразрез с общим дивизионным направлением. Так и произошло во время событий 3—5 июля с. года. Несмотря на неоднократные резолюции как дивизионного комитета, так и собраний команд дивизиона, что зап. броневой автом. дивизион, отдавая свои силы и технические средства в распоряжение Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов, беспрекословно подчиняется Совету и без его согласия ни в каких демонстрациях участия не примет, ремонтные мастерские все-таки приняли участие в вооруженной демонстрации, вынеся на собрании (состоявшемся 4 июля утром) резолюцию о выпуске машин 80 голосами из 100—120 собравшихся, при общем составе мастерских в 750—800 человек. Броневые машины в количестве четырех вышли к дворцу Кшесинской, где и вошли в контакт с Центральным К-том Военной Организации [2]). Ненормальная жизнь в мастерских, где небольшая кучка людей терроризовала весь состав их, привела к тому, что командный состав мастерских сложил с себя полномочия по управлению мастерскими и пред дивизионным комитетом встал вопрос о пересмотре списка команды мастерских и устранения из нее нежелательных элементов. Для указанной цели была избрана комиссия из пяти лиц: подполковника Задарина, штабс-кап. Келлера, солдат — Жмудского, Ершова и Гаврилова, которая и приступила к работе 8 июля с. года.

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 17, л. л. 42—44.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Наоборот — Военная Организация при ЦК.

Комиссией совместно с командным составом и выборными по мастерским от цехов удалены из состава команды пятнадцать человек с передачею их в распоряжение военных властей для производства над ними следствия. Из них: 1) Пантелеев Михаил — участник выступления; заседал во дворце Кшесинской в комитете Военной Организации. 2) Калашников Алексей — во всех своих выступлениях шел против Исполнительного Комитета Совета Солдатских и Рабоч. Депутатов. 3) Летин Николай принимал участие в выступлении, агитируя среди пулеметчиков 1 запасного пулеметного полка. 4) Ерофеев Петр — участник выступления. 5) Елин Георгий — главный инициатор вооруженной демонстрации; во время восстания заседал во дворце Кшесинской. 6) Евсеев Михаил — участник выступления; выезжал на броневике к дому Кшесинской. 7) Ляскин Георгий — инициатор выхода машин из мастерских. 8) Мясников Федор — член Военной Организации; принимал участие в демонстрации. 9) Прокофьев Василий—сочувствовал демонстрации, а также и принимал в ней участие. 10) Станевич Николай — принимал участие в демонстрации. 11) Якубанис Иван — принимал участие в демонстрации; около Дворцовой площади ранен в то время, когда в качестве шофера ехал на автомобиле с Елиным, сопровождая броневик к Зимнему дворцу. 12) Лукин Михаил — препятствовал выходу из мастерских машин в Таврический дворец в распоряжение Исполнительного К-та Сов. С. Р. и К. Депут. 13) Панин Николай — принимал участие в демонстрации. 14) Галямин Алексей — большую часть времени проводил во дворце Кшесинской; оттуда совершил кражу. 15) Громов Степан — принимал участие в демонстрации; находился у дворца Кшесинской.

Лично я, как свидетель, показываю следующее: в ночь, если не ошибаюсь, с 4 на 5 июля я был дежурным при машинах в Таврическом дворце и оттуда вместе с товарищами из мастерских Альшвангом, Серихиным был послан Исполнительным Комитетом ко дворцу Кшесинской в качестве парламентера с определенными инструкциями — предложить представителям мастерских, заседающим в указанном дворце, увезти машины обратно в гараж мастерских. При проезде через Троицкий мост я видел охрану моста, как я потом узнал, поставленную от Военной Организации. У дворца Кшесинской тоже была охрана из солдат, матросов и рабочих, и тут же стояли и наши броневики. При входе в помещение дворца я увидел солдат мастерских — Елина Георгия, Пантелеева Михаила и Ерофеева Петра, а также офицеров пулеметного полка, фамилий их я не знаю, и несколько человек статских. На мой вопрос, обращенный к Елину, может ли он вернуть машины в мастерские, последовал ответ с категорическим отказом, причем Елиным сообщено мне, что машины находятся в распоряжении народа и будут защищать его от всяких посягательств всех без различия организаций. Дальнейшие переговоры уже вел с нами, главным образом, прапорщик 1 пулеметного полка

(фамилию его я не знаю), из слов которого и из создавшейся обстановки я выяснил, что броневые машины уже не принадлежат более броневому дивизиону, а переданы в распоряжение Центрального Комитета Военной Организации. Когда мы, не придя ни к какому соглашению, решили уезжать, в это время вошел в помещение какой-то подпоручик и сообщил, что по постановлению Центрального Комитета с утра начнется «мирная работа». Тут же представитель ремонтных мастерских Елин сообщил мне, что теперь наши переговоры сами собою разрешились — машины сейчас же уйдут в гараж ремонтных мастерских. На этом наша миссия закончилась, и мы уехали в Таврический дворец сообщить Исполнительному Комитету о результатах переговоров с представителями дома Кшесинской. Несмотря на заявление Елина, что машины уйдут от дворца в гараж, они не ушли и стояли там еще порядочное время. Что касается Пантелеева и Ерофеева, то они, повидимому, играли там второстепенную роль. С Летиным Николаем я встретился у ворот Михайловского манежа при следующей обстановке. Не помню числа, но ясно помню, что дело [1]) в те сутки, когда команда гаража не выпускала машин в распоряжение Исполнительного Комитета. Я стоял у ворот манежа, и в это время подъехал к манежу грузовик с солдатами 1 пулеметного полка, среди которых был прапорщик и Летин Николай — одетый в статское пальто. Тут же офицер приказал солдатам немедленно войти в манеж и этих же солдат усиленно уговаривал итти в манеж и Летин. Сначала я обратился к офицеру: на каком основании вы вводите в чужое помещение вооруженных людей, но офицер, не отвечая мне, отвернулся и продолжал давать распоряжения; после этого я обратился с тем же вопросом к Летину. Последний ответил мне: «Что вы!.. Разве я их посылаю, я ничего не говорю; они идут в манеж по просьбе товарищей броневиков». Тут же Летин и скрылся. Результаты моих наблюдений за событиями 3—5 июля говорят за то, что в выступлении мастерских, манежа и 1 пулеметного полка была тесная связь, и этими выступлениями руководил Центральный Комитет Военной Организации. Больше показать ничего не могу.

М. Гаврилов.

Товарищ прокурора *Бари.*

Протокол [2]).

1917 г. августа 9 дня член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., подполковник Люзин допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Матвей Прокофьевич Серихин, ряд. зап. брон. автом. дивизиона, 30 лет, правосл., грамотный, не судился, председатель командного

[1]) Пропущено: «было».

[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 17, л. л. 45—48.

комитета мастерских названного дивизиона и член Сов. Солд. и Раб. Депут. и товарищ председателя дивизионного комитета.

Условия жизни в мастерских нашего дивизиона я знаю хорошо, так как с января 1915 года работаю в мастерских сперва при гараже в Михайловском манеже, а затем в мастерских на М. Дворянской ул. Какой-либо агитации перед вооруженным выступлением 3—5 июля с целью свержения Врем. Правит. я у нас в мастерских не замечал, и наше участие в таком выступлении явилось совершенно случайным. Должен отметить, что вообще отдельные команды нашего дивизиона размещены во многих местах Петрограда. Участвовали же в означенном выступлении лишь мастерские на М. Дворянской ул. и команда гаража из Михайловского манежа. Что касается выступления мастерских, то 3 июля до 12 час. дня все у нас было совершенно спокойно, и о каком-либо выступлении не было речи. Около 12 час. дня к нам приехали два солдата пулеметного полка и обратились, между прочим, ко мне с вопросом: «выступим ли мы, так как пулеметчики решили выступать?» Хотя эти солдаты называли мне свои фамилии, но я их не помню. Я ответил им, что без требования Исп. Ком. С. Р. и С. Д. мастерские не выступят и при этом осведомился, с какою целью они предполагают выступать. Выяснить эту цель у них я не мог, так как, по их словам, они сами — против этого выступления и предложили мне, как председателю комитета мастерских, съездить с ними в пулеметный полк, заявить об отказе мастерских выступить и этим по возможности удержать и пулеметчиков от выступления. Я согласился и прибыл с ними в полк. Там меня проводили в комитет, где находился и прапорщик Семашко, которого я раньше не знал. На мой вопрос ему, для чего предполагается вооруженное выступление пулеметчиков, Семашко не ответил, объяснив, что на собрании он высказался против выступления, но пулеметчики его не слушаются, и он ничего не может сделать, решив все же принять участие в этом выступлении, чтобы «придать этой вооруженной демонстрации мирный характер». Не узнав, таким образом, ничего определенного о цели выступления пулеметчиков, я уехал оттуда и вернулся в мастерские; было около 3 ч. дня. В мастерских я застал порядочное число вооруженных солдат пулеметного полка, которые агитировали за выступление, утверждая, что почти весь гарнизон решил выступить. Чтобы проверить это, я и Мясников поехали сначала в Гренадерский, а затем в Московский п. Увидели, что эти полки не выступили, не знают, для чего такое выступление предполагается, и отдельные лица нам говорили, что будто, по их сведениям, броневой дивизион уже выступил. Вернувшись назад около 4 часов, мы сообщили эти сведения начальнику мастерских и бывшим тогда в его кабинете Елину, Пантелееву [1]), Мясникову и другим бывшим тут нашим солдатам

[1]) Взято в скобки: «кажется».

и нескольким пулеметчикам. Все мы решили не выступать. После этого меня вызвали по телефону в Михайловский манеж, где должно было состояться заседание дивизионного комитета. Прибыв туда часов около 7 веч., я участвовал в заседании дивизионного комитета, на каковом было [1]) постановлено подтвердить прежние резолюции о полном подчинении С. С. и Р. Д. и Вр. Прав. Присутствовавший на том же заседании член Исп. Ком. С. С. и Р. Д. товарищ Гоц и еще другой член того же Комит., фамилии не помню, потребовали высылки в распоряжение Исп. Ком. двух машин [2]). Комитет постановил немедленно послать эти машины, но стоявшие тогда в манеже вооруженные солдаты пулеметн. полка (числом 30—50) запротестовали против этого. Трудно было понять, почему именно они протестовали. Повидимому, они опасались, что посланные нами в Исп. К. машины могут быть пущены в дело для разгона их вооруженного выступления. Я предложил им, чтобы они на каждую машину назначили одного своего делегата, они на это согласились. Тогда некоторые из солдат Михайловского манежа, — по фамилиям я их не знаю, — стали возражать против того, чтобы на машину садились пулеметчики, так как этим указывалось на недоверие к ним. Завязались пререкания, и для выяснения вопроса были посланы тов. председ. див. ком. подпол. Чемоданов, я и еще кто-то, не помню кто именно из наших, и два пулеметчика в Исп. Ком. С. С. и Р. Д. Там кто-то из членов военной комиссии (фамилии не знаю), узнав от нас, в чем дело, высказался за присылку машин с пулеметчиками. Мы, вернувшись в манеж, объявили это. Тогда совершенно для меня неожиданно со стороны некоторых солдат манежа послышались протесты. Среди этих солдат были Иванов Илья, Ершов, других не знаю. Всего их было человек 20 и из них человек семь — пьяных. Товарищ Гоц также стал их уговаривать, и в результате часов около 3 ночи машины вышли из манежа в Исп. Ком. Добавляю, что вопрос о посылке машин [3]) тогда еще ставился на голосование и за посылку высказались — поднятием рук — почти [4]) все. После этого я ушел домой к себе на частную квартиру. Между прочим, из манежа я осведомлялся по телефону у пор. Дегтерева о положении дел в мастерских. От него я узнал, что часов в 12 ночи, по требованию Елина и Ляскина, одна машина была послана из мастерских к арсеналу. Подробнее я пор. Дегтерева по этому поводу не расспрашивал. 4 июля утром я пришел в мастерские часов в 8. Около 10 час. было созвано собрание, на котором присутствовало чел. 70—80 (всего работало в мастерских около 800). На этом собрании Елин предложил выпустить машины в распоряжение Военной Организации для охраны большевистских или, как он говорил, вообще

[1]) Взято в скобки: «решено».
[2]) Зачеркнуто: «для».
[3]) Зачеркнуто: «уже».
[4]) «Почти» — над строкой.

организаций. Я против высылки машин, как против всяких вооруженных выступлений, возражал. При мне на собрании Елин не говорил, что С. С. и Р. Д. не существует. На мой вопрос, почему была выпущена машина накануне, Елин ответил, что по требованию Военной Организации для охраны арсенала [1]) от толпы. В этом собрании председательствовал Елин или, кажется, Пантелеев. Большинством голосов (причем против высказалось 16, и воздержалось 14, насколько помню) было постановлено послать машины в Военную Организацию. Кто еще высказывался [2]) за посылку машин, я не помню. Было послано четыре машины. Кто именно поехал на них, я не видел, так как спешил в Сов. С. и Р. Деп., где должно было состояться заседание солдатской секции. Это заседание не состоялось, и я вернулся в мастерские. Здесь я узнал, что пор. Дегтерев потребовал к себе секретаря Военн. Орг. для выяснения целей Военной Организ. При мне пришел этот секретарь, которого в лицо знаю, но не знаю по фамилии. Сущности их разговора я себе не уяснил. И сам поручик Дегтерев после ухода этого секретаря мне сказал, что ничего не понял. Поэтому предложил мне съездить в Исп. Ком. и выяснить это положение. Там я переговорил с членом Исп. Ком. Войтинским и по его предложению была послана делегация, состоявшая из Гаврилова, Альшванга, Алмазова, Снарского и меня, в дв. Кшесинской, чтобы потребовать возвращения машин в мастерские. Там Гаврилов спросил, вернут ли обратно машины в мастерскую. Из присутствовавших там в числе других и Елин ответил, что машин они не отдадут. По этому поводу начался разговор, но подошедший в это время какой-то подпоручик или поручик с бородою (фамилии его я не знаю) сообщил, что Центр. Комитет Р. С.-Д. Р. П. [3]) постановил, чтобы все воинские части вернулись по своим местам. Елин, выслушав это, сказал, что таким образом вопрос с машинами можно считать ликвидированным и машины будут возвращены. Мы все уехали в Исп. Комитет. Это было часа в 4 утра с 4 на 5 июля. Однако, когда я ехал обратно из Исп. Ком. около 7 час. утра, видел одну машину у дв. Кшесинской. Я прошел в мастерские, созвал собрание, на котором предложил вернуть машины в гараж. Это предложение было принято, и машины возвращены. Кроме сказанного мною выше об Елине, Пантелееве и других, я ничего не могу сказать относительно деятельности прочих лиц, включенных комиссиею в список № 2, поскольку их деятельность имела подготовку и организацию вооруженного выступления 3—5 июля.

Больше показать ничего не могу. Прочитано. Зачеркнуто: «для», «уже», «кроме Елина», «пар». Надписано: «почти», «арсенала». Исправлено: «работало».

Матвей Серихин.

Подполковник *Люзин.*

---

[1]) «Арсенала» — над строкой.

[2]) Зачеркнуто: «кроме Елина».

[3]) Зачеркнуто: «пар».

Протокол допроса обвиняемого [1]).

1917 г. августа 10 дня я, член следственной комиссии по расследованию степени участия отдельных войсковых частей и чинов Петроградского гарнизона в восстании 3—5 июля, товарищ прокурора Бари допрашивал нижепоименованного, в качестве обвиняемого, и он на первоначальные расспросы по ст. 443 уст. уг. суд. показал:

1. Имя, отч. и фамилия или прозв [2]).— Георгий Васильевич Елин.
2. Возраст. — 30 лет.
3. Место приписки. — Рязанской губ., Михайловск. у., Попадьинской вол., дер. Захаровки.
4. Место рождения, губ. — Там же.
5. Постоянное место жительства (врем. преб.). — г. Петроград.
6. Рождение. — Законное.
7. Звание. — Ефрейтор запасного броневого автомобильного дивизиона.
8. Народность или племя. — Русский.
9. Религия. — Православный.
10. Какое получил образование, грамотен ли? — Кончил церк.-прих. 3 кл. школу.
11. Семейное положение. — Женат, имею одного сына 3 лет.
12. Занятие или ремесло. — (Указано выше.)
13. Степень имущ. обеспечения. — Один душевой надел на родине.
14. Особые приметы. — Нет.
15. Призыва какого года? — 1908 г.
16. Был ли под судом и если был, то какому подвергнут наказанию. — Не судился.
17. Не имеет ли особых заслуг и отличий. — Нет.
18. Имеет ли паспорт [3]).

Мне объявлено, в чем я обвиняюсь (прочитано постановление от 10 сего августа), но я виновным себя не признаю и объясняю следующее:

В броневом автомобильном дивизионе я состоял с февраля месяца 1915 года, когда был призван на военную службу в качестве ратника 1 разряда. До военной службы я работал на различных заводах в городе Москве.

С марта месяца текущего года я состоял членом Военной Организации, помещавшейся во дворце Кшесинской.

С конца того же месяца я заведывал по назначению общего собрания наших мастерских караулом во дворце Кшесинской, где помещались читальня и приемный покой нашего дивизиона. В мае месяце

---

[1]) А. О. Р., ф. 3 д. № 17, л. 65.

[2]) Вопросы протокола написаны на пишущей машинке, ответы и остальной текст чернилами.

[3]) Зачеркнуто: «В предъявленном мне обвинении в том, что».

я уехал из Петрограда в отпуск (на 23 дня) и, по возвращении, караулом названного дворца больше не заведывал.

Я не скрываю, что я большевик и что я всегда высказывал свои взгляды, но к вооруженному восстанию я никогда не призывал потому, что к этому не находил никаких оснований.

3 июля на бывшем у нас в мастерских общем собрании (около 6 час. веч.) я советовал своим товарищам не выступать.

В ночь на 4 июля я присутствовал в кабинете начальника мастерских Дегтерева при том, как Ляскин [1]) просил выдать не помню одну или несколько броневых машин для охраны тех общественных организаций, которые помещались во дворце Кшесинской (т.-е. Военная Организация, Петроградский Комитет, Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Партии и др.). После обсуждения просьбы Ляскина одна броневая машина была отправлена ко дворцу Кшесинской. Кто в ней поехал — не знаю. Приблизительно через $^1/_2$ часа эта броневая машина вернулась обратно в мастерские. Почему — не знаю.

4-го я, в числе других, присутствовал на состоявшемся около 11 час. утра собрании под председательством Ерофеева. Я не помню, кто внес предложение отправить броневые машины в распоряжение Военной Организации. Но я лично советовал машины послать. Кто на них поехал — не знаю.

5-го на утреннем собрании, на котором решено было отобрать машины, я не присутствовал. Около 9 час. веч. я узнал, что к нашим мастерским был прислан караул Измайловского полка. Конечно, наши солдаты были этим очень недовольны. Я тоже высказывал свое неудовольствие этим караулом. Но задерживать вернувшийся в мастерские из-за порчи аккумуляторов броневик я не предлагал и не советовал. Больше пока ничего объяснить не имею. *Елин.*

Товарищ прокурора *Бари.*
Подполковник *Люзин.*

X.

КРОНШТАДТ.

Телефонограмма начальника всех морских частей города Кронштадта от 4 июля 1917 г. в Кронштадтский флотский полуэкипаж [2]).

Объявляю на распоряжение телефонограмму Исполнительного Комитета города Кронштадта. Исполнительный Комитет предлагает в 6 часов утра следовать с оружием в руках и собраться на Якорной площади, а затем строго организованным порядком отправиться в Петроград совместно [с] войсками Петроградского гарнизона.

---

[1]) Зачеркнуто: «принес кажется записку из дворца Кшесинской и».
[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 22, л. 164.

Будет произведена вооруженная демонстрация, под лозунги [1]) «Вся власть в руки Совета Солдатских и Рабочих Депутатов».

Подписали: *Раскольников, Гримм.*
Верно: Старший лейтенант *Ломанов.* [1])
Передал *Карпельцов*, принял *Чермных.*

С подлин. верно: председатель Комитета Кронш. флот. полуэкипажа (подпись).
За секретаря (подпись).

Отношение на имя председателя Особой следственной комиссии [2]).

Председателю следственной комиссии по расследованию действий морских частей и команд в связи с вооруженным выступлением 3—5 июля сего года. (Петроград, Екатерингофский, 16/2, зд. Воен. Мор. суда.)

Штаб при сем препровождает копию телефонограммы Исполнительного Комитета Совета Солдатских и Рабочих Депутатов в г. Кронштадте за № 220 относительно выступления 3—5 июля морских команд в вооруженной демонстрации.

Вместе с сим штаб сообщает, что означенная телефонограмма была передана целиком, за скрепой начальника всех морских частей старшего лейтенанта Ламанова [3]), во все морские части по телефону, которые таковой имеют и указаны на обороте сего.

Флаг-капитан. Капитан 2 ранга (подпись).
Начальник канцелярии (подпись).
Член контрольной комиссии (подпись).

Список [4]).

1-й Балтийский флотский экипаж.
Кронштадтский флотский полуэкипаж.
Береговая команда уч. артил. отряда.
Команда машинной школы.
Штаб н-ка уч. мин. отряда.
Школа юнгов в Кронштадте.
Пос. суд. «Освободитель».
Заградитель «Терек».

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) А. О. Р., ф. 349, д. № 22, л. 173. Написано на бланке со штампом: «Штаб начальника всех морских частей Кронштадта, пос. суд. «Зарница», 19 сентября 1917 г. № 2994».

[3]) Так в подлиннике.

[4]) Список помещен на обороте подлинника.

Пловуч. казарма № 1 (ныне «Новорусский»).
Лин. кор. «Заря Свободы».
Уч. суд. «Океан».
Пос. суд. «Зарница».
Миноносцы «Прочный», «Рьяный».

Начальник канцелярии (подпись).

Протокол [1]).

1917 года августа 18 дня судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда в г. Кронштадте допрашивал согласно 443 ст. уст. уг. суд. нижепоименованных, в качестве свидетелей, и они показали:

Федор Васильевич Кузнецов, 34 л., прав., не суд., слесарь электромеханического завода Кронштадтского порта, живу на Соборной ул., д. № 23, кв. 23. До мобилизации жил в Москве, где служил в управлении городских жел. дор.

3 июля и затем в ночь на 4 июля я присутствовал на заседании Кронштадтского Исполнительного Комитета Совета Раб. и Солд. Депутатов, а затем и на соединенном заседании Исп. Комитета, совместно с представителями от частей. На этих заседаниях я был секретарем и вел протокол заседаний.

Мне предъявлена копия протокола [2]) № 35 от 3 июля с. г. заседания Исполнительного Комитета Совета Раб. и Солд. Депутатов (свидетелю предъявлен этот документ). В протоколе этом правильно записано все то, что происходило на заседании, и протокол этот я подтверждаю.

Телефонограмму — резолюцию рабочей секции Петроградского Совета Р. и С. Депутатов, переданную Флеровским, огласил в заседании, кажется, Раскольников; хорошо этого не помню. Тогда не обсуждался вопрос, от всей ли рабочей [3]) секции вынесена эта резолюция о необходимости настоять на переходе всей власти Совету Р. и С. Депутатов.

До решения о выступлении, насколько помню, в перерыве заседания, были получены две телеграммы. Одна телеграмма на обыкновенном телеграфном бланке, в ней было написано: «долой Временное Правительство», «долой Керенского», сообщалось о выступлении полков в Петрограде, о том, что на улицах там происходит стрельба, ездят автомобили, и вообще обстановка напоминает первые дни революции в Петрограде. Телеграмма эта была отчасти зашифрована, и всего не удалось расшифровать. Возможно, что это был не шифр, а просто перепутана телеграмма. В телеграмме этой подписи нельзя

[1]) А. О. Р., ф. 8, д. № 10 л.л. 44—48 об.
[2]) «Протокола» — над строкой.
[3]) Зачеркнуто: «партии после».

было разобрать. Кому она была адресована, я не обратил внимания. — Получена телеграмма эта была около 12 часов ночи. Где теперь она находится, я не знаю, но постараюсь ее найти, если она сохранилась, и представить.

Вторая телеграмма, в виде ненаклеенной ленты, находилась в руках Раскольникова. Из этой телеграммы я запомнил, что говорилось о том, что происходят выборы в Исполнительном Комитете четырех министров вместо ушедших. Более из этой телеграммы я ничего не помню. Кому была адресована эта телеграмма и от кого она была, я не знаю.

Телеграммы эти в заседании не оглашались, но с содержанием их знакомились отдельными группами в перерывах. Куда девалась эта лента, я не знаю.

Затем в заседании обсуждался вопрос, после того как стали поступать соответствующие требования властей о снабжении выступающих оружием и патронами, о приготовлении перевязочных средств.

Эти приготовления оружия и патронов вытекали из того положения, что демонстрация предполагалась хоть и мирная, но вооруженная.

Я не помню, кто именно из ораторов поддерживал необходимость снабжения выступающих из Кронштадта как оружием, так и патронами.

Я не вспоминаю того, что говорили Раскольников и Покровский после сношений: 1-й — с Центральным Комитетом партии большевиков, а 2-й — с Областным Комитетом партии С. Р. и не знаю, были ли в действительности такие сношения. Возможно, что я в свое время упустил об этом занести в протокол и его при просмотре дополнили. Обычно просматривает протокол и иногда дополняет его председатель, в данном случае это мог сделать Бреман.

Затем Раскольников предложил, и Исполнительный Комитет принял, чтобы выступление состоялось в 6 часов утра, о чем были посланы телефонограммы частям.

Кто-то из присутствовавших сделал заявление, чтобы перенести решение вопроса о выступлении в Совет, но большинство было за то, чтобы Совет не созывать за недостатком времени. Я считаю, что резолюция о выступлении была принята единогласно.

Насколько помню, по предложению Раскольникова, было принято собранием решение о вызове судов из Бьоркэ и Транзунда и о посылке предложения Ораниенбауму присоединиться к демонстрации.

Учебные судна вызывались, как часть Кронштадтского гарнизона, для совместного выступления, но нужны были не боевые судна, а только команды.

Ораниенбауму решили предложить присоединиться к выступлению в силу солидарности, так как в нашем Совете имеются представители от Ораниенбаума и наоборот.

В соединенном заседании было около 50 человек или более; подсчета не было, я, по крайней мере, не помню.

Из Исполнительного Комитета на заседании 3 июля присутствовало около 20 человек. Из них я вспоминаю Брегмана, Покровского, Гримма, Богомолова, Раскольникова, Брушвида, Рошаль, Ремнева, Руднева, Ламонова, Пронина, Гредюшко, Пышкина, Царенко, Первушина, Тихонова. Раскольникова я считаю членом Президиума Исполнительного Комитета, но наверное последнего не знаю.

Кто и почему потребовал то или иное число патронов, я не знаю.

4 июля утром на Якорной площади я не был и более по делу показать ничего не имею, так как в Петроград я тогда не выезжал. Протокол читал, правильно записано.

Ф. Кузнецов.

И. д. судебного следователя (подпись).

Федор Петрович Тарасов, 32 л., прав., не суд., кр. с. Козмо-Демьянск., Юрьевского у., Владимирской губ., минер-унтер-офицер заградителя «Терек», живу теперь в Кронштадте.

Я, как представитель от заградителя «Терек», присутствовал на соединенном заседании Кронштадтского Исполнительного Комитета с представителями частей. На этом заседании, ввиду требования воинских частей о снабжении оружием и боевыми к ним припасами выступавших в Петроград, было решено удовлетворить это требование. Во исполнение этого собрание делегировало меня, Дешевого, Оболенского и Смирнова выяснить количество патронов, имеющихся в складе, а затем получить необходимое количество их.

Приблизительно около 3 часов в ночь на 4 июля я и указанные лица с соответствующим удостоверением Исполнительного Комитета обратились к бывшему коменданту Кронштадтской крепости Герасимову и получили от последнего разрешение навести справку в артиллерийском складе о количестве патронов.

Затем мы отправились в артиллерийский склад, выяснили там, сколько находилось патронов, и с этими сведениями вернулись в Исполнительный Комитет.

Обратились в Комитет к президиуму, который указал, сколько и каких патронов надо получить из склада, о чем выдали особую бумагу. Чем руководствовался Комитет, определяя необходимое число патронов, и кто входил тогда в президиум Комитета, я не знаю.

С требованием о выдаче патронов мы обратились в артиллерийский склад, откуда и получили 60 тысяч патронов, в получении коих я расписался на предъявленной мне бумаге. (Свидетелю предъявлено требование за № 3699.) — С полученными патронами мы поехали в Исполнительный Комитет. Там какой-то товарищ сказал нам, что Исполнительного Комитета нет, а что Президиум Исполнительного

Комитета распорядился отвезти патроны на Якорную площадь и раздать там их собравшимся для выступления в Петроград, что мы и сделали.

На площади и пристанях патроны раздавали я, Смирнов и Оболенский; Дешевого с нами не было. Роздали все патроны выступающим в Петроград. Раздавали отдельным лицам, тем, кто имел винтовки. Расписок в получении патронов не брали. Выдавали по 5—10 патронов. Раздачу начали приблизительно около 7 часов утра 4 июля и закончили около 10—11 утра. Я в Петроград не ездил.

Читал, записано правильно. *Тарасов.*
И. д. судебного следователя (подпись).

Лазарь Абрамович Брегман дополнительно показываю:

В заседании Комитета в ночь на 4 июля была избрана особая комиссия для выяснения количества патронов, подлежавших выдаче выступавшим. Кто входил в эту комиссию, я теперь не помню. Возможно, что в нее вошли Дешевой, Оболенский, Смирнов и Тарасов. По указанию кого-то из этой комиссии, а кого именно не помню, я и подписал предъявленное мне от имени Исполнительного Комитета требование в артиллерийский склад о выдаче 60 тысяч патронов для ружей и 500 для револьверов (свидетелю предъявлено требование за № 3699). Требование это подписано мной. Чем руководствовалась комиссия в определении необходимого числа патронов, я не знаю. Как и кто распределял патроны, я не знаю.

Протокол заседаний от 3 июля за № 35 редактировался несколько дней спустя после 3 июля, приблизительно дней через пять. В редактировании его принимали участие я, Покровский, Гримм, Кузнецов. Я хорошо не помню сейчас, участвовал ли в редактировании протокола Гримм. Возможно, что он не участвовал.

Протокол читал. Записано правильно. *Брегман.*
И. д. судебного следователя (подпись).

Протокол [1]).

1917 года августа 19 дня судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда в Петрограде допрашивал согласно 443 ст. уст. уг. суд. нижепоименованных свидетелей, и они показали:

Константин Николаев Быков, 28 л., прав., не суд., мещ. г. Буинского [2]), Симбирской губ., где и жил до призыва в войска. Строевой унтер-офицер морского полигона (около Петрограда).

Я состоял председателем комитета команды морского полигона. 5 июля у нас было заседание комитета, на котором присутствовал

[1]) А. О. Р., ф. 8, д. № 10, л. 65.
[2]) Так в подлиннике.

и штабс-капитан Степанов. Я председательствовал. Около 11 часов утра какой-то человек в кожаной куртке, военный он или штатский, мне неизвестно, принес и передал мне бумагу. Бумага эта была написана чернилами на бланке Военной Организации в Петрограде, адресована комитету команды морского полигона. В этой бумаге просили выслать три пушки 37 миллиметров, 20 ящиков снарядов к ним, три пулемета максима и 10 лент к ним. Бумага эта была подписана мичманом Раскольниковым. Более никто на этой бумаге не подписался. Бумага была помечена пятым июля, и на ней был нумер, насколько помню, 2400 с чем-то, приблизительно 2424. Кроме того, к бумаге этой была приложена печать мастичная, красного цвета, с оттиском «Военной Организации Социал-Демократической Рабочей Партии». На бланке был указан адрес и телефон. Лицо, передавшее эту бумагу, сказало, что если мы согласимся выдать просимое, то за всем этим пришлют грузовик. Я сказал, что мы это обсудим и о результатах обсуждения дадим знать по телефону, после чего податель бумаги ушел, и больше я его не видел. Кто он был такой, я не знаю.

Полученную бумагу за подписью мичмана Раскольникова читали в комитете и другие, кроме меня, а в том числе и штабс-капитан Степанов. В комитете было решено ничего из просимого не выдавать, так как у нас к этому времени было совсем другое настроение и для нас было ясно, что оружие и снаряды требуются в связи с происходившим в Петрограде вооруженным выступлением. Никакого ответа по поводу своего решения мы Военной Организации не передали.

Полученную бумагу во входящий не записывали и команде не сообщали, чтобы не волновать их. Когда затем через несколько дней стало известно, что в воинских частях назначено расследование по поводу вооруженного выступления этих частей, то в комитете было решено уничтожить эту бумажку, чтобы не навлекать никаких подозрений на нашу команду, никакого участия в выступлении не принимавшую. Бумажка эта затем была действительно уничтожена. Я хорошо помню ее содержание и правильно его передал.

Мне предъявлено отношение за подписью мичмана Раскольникова от 5 июля с. г. за № 2045, на имя Центрального Комитета Балтийского флота (свидетелю предъявлено это вещественное доказательство, зарегистрированное под № 5).

Та бумага, о которой я показывал, была на таком же бланке, с такой же печатью, подписью и написана таким же почерком, как и только что предъявленная мне бумага за № 2045.

Более по делу показать я ничего не имею.

Протокол читал, написан правильно. *Константин Быков.*

И. д. судебного следователя (подпись).

Постановление [1]).

1917 года октября 8 дня. Г. Петроград.

Следственная подкомиссия по расследованию действий воинских частей города Кронштадта в связи с вооруженным выступлением 3—5 июля сего года, рассмотрев следственное производство об участии отдельных воинских частей и команд города Кронштадта в означенном выступлении, нашла следующее:

Данными предварительного следствия установлено, что из числа расположенных в гор. Кронштадте воинских частей и команд в указанном выступлении в числе прочих участвовали: 1-й Балтийский флотский экипаж (по 50; 73; 80; 99; 105 и 130); Кронштадтский флотский полуэкипаж (по 19—24; 51 и 128); береговая команда учебно-артиллерийского отряда (по 141); команда машинной школы (7 об., 85; 118 и 141); береговая команда учебно-минного отряда (по 76 и 139 об.); команда судна «Освободитель» (по 68—70 и 139); команда заградителя «Терек» (по 87—88); команда пловучей казармы № 1 (по 141 об.); команда учебного судна «Океан» (по 1—5; 46; 122; 140 и 142 об.); команда самостоятельной станции Кронштадтской службы связи Балтийского моря (по 53—57); команда учетной канцелярии Балтийского флота (по 63—64 и 93); команда штаба начальника всех морских частей города Кронштадта (по 71—72), а также 1-й Кронштадтский пехотный крепостный полк (по 9—11; 14—18; 25—41) и 1-й и 2-й Кронштадтские крепостные артиллерийские полки (по 42; 60—62 и 48). Все перечисленные выше войсковые части и команды приняли участие в вооруженном выступлении 3—5 июля, как это выяснено данными предварительного следствия, исключительно по той причине что в ночь на 4 июля, т.-е. за несколько часов до выступления — была получена указанными воинскими частями и командами телефонограмма Исполнительного Комитета Кронштадтского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов следующего содержания: «Исполнительный Комитет предлагает немедленно сообщить по частям, что в 6 часов утра 4 июля следовать с оружием в руках и собраться на Якорной площади, а затем строго организованным порядком отправиться в г. Петроград, где совместно с войсками Петроградского гарнизона будет произведена вооруженная демонстрация под лозунгом: «Вся власть в руки Советов Солдатских и Рабочих Депутатов».

Означенная телефонограмма была распространена в морских частях — начальником всех морских частей города Кронштадта (по 173—174) и в сухопутных частях — начальником штаба Кронштадтской крепости (по 26 об.). Ввиду этого все воинские части и команды, в коих получена была означенная телефонограмма, смотрели на эту телефонограмму как на приказ, исходящий от высшего начальства, и к ука-

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 22, л. 177.

занному в телефонограмме сроку командированы были на Якорную площадь от некоторых частей все свободные в тот день от несения службы люди, а другие части выслали особые наряды от каждой роты. Командированные таким образом от отдельных войсковых частей наряды, собравшись в указанный срок на Якорной площади, затем оттуда проследовали в Петроград под руководительством и командою особо выбранных Исполнительным Комитетом Кронштадтского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов лиц. — Однако данными предварительного следствия установлено, что в большинстве случаев люди шли неохотно, тяготились этим выступлением и что ни одна из указанных выше воинских частей, ни даже отдельные лица не проявили какой-либо активной деятельности, направленной к осуществлению тех лозунгов, под которыми было организовано выступление 3—5 июля. И при первых раздавшихся на Невском и Литейном проспектах выстрелах большинство кронштадтских солдат и матросов, оставив ряды демонстрантов, разбежались, и часть их в тот же день вернулась обратно в Кронштадт, и лишь незначительная часть кронштадтцев в течение нескольких дней, оставаясь в Петрограде, укрывалась в казармах отдельных воинских частей петроградского гарнизона.

При таком положении в деятельности вышеуказанных воинских частей и команд нельзя усматривать признаков уголовно наказуемого деяния, так как участие их в вооруженном выступлении было обусловлено исключительно получением ими телефонограммы Исполнительного Комитета Кронштадтского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, каковую телефонограмму, ввиду того, что она была распространена указанными выше начальствующими лицами, означенные воинские команды и части рассматривали как приказы начальников, и во исполнение этого приказа посланы были для участия в выступлении от каждой из поименованных выше воинских частей отдельные наряды.

Обследование же вопроса о виновности отдельных лиц, принимавших участие в организации означенного выступления кронштадтских воинских частей и команд, является предметом особого расследования.

На основании вышеизложенного следственная подкомиссия, не усматривая признаков какого-либо преступного деяния в деятельности перечисленных выше воинских команд и частей Кронштадтского гарнизона, постановила: на основании 277 ст. уст. уг. суд. настоящее дело за отсутствием признаков преступления прекратить и препроводить таковое прокурору петроградской судебной палаты.

Член следственной подкомиссии товарищ прокурора *Н. Земчив.*

Резолюция: Утверждено.
В заседании комис. 10 октября 1917 г.

За председ. комиссии (подпись).

XI.

2 ЗАПАСНЫЙ ПУЛЕМЕТНЫЙ ПОЛК.

Протокол [1]).

Коробейников [2]), Филипп Афанасьевич, 27 лет, прапорщик 2 зап. пулеметного полка, православный, до военной службы состоял счетоводом московского Союза потребительского общества.

Я состою в полку с октября 1916 года. С основания комитетов я состою членом полкового комитета, а также членом Петроградского Совета Раб. и Солд. Депутатов. Жизнь в полку протекала в общем нормально, за исключением 1 и 2 рот, где было заметно большевистское настроение. Почва для этого настроения создалась вследствие недовольства внутренними условиями жизни, например пищей, запрещением отпусков, недостачей обмундирования и т. п. Этим настроением солдат воспользовались большевики для своей агитации. Агитацией этой в 1 роте занимались главным образом пр. Замятин и рабочий Иванов, а также приезжавший из Кронштадта Рошаль и кто-то из членов Военной Организации большевиков, фамилии коего не знаю. В своих речах Замятин говорил о необходимости передачи всей власти Советам Р. и С. Депутатов, причем указывал, чтоб быть готовыми к вооруженному выступлению, если Военная Организация большевиков к этому призовет. 4 июля утром, часов в 9—10, Замятин и Иванов приехали в автомобиле Военной Организации большевиков в полковое бюро по охране Стрельны, где в это время находились я, пр. Трендлер, Залата, Барс и др., которых сейчас не помню, и заявили, что полк настроен большевистски, 1 батальон уже выступил в Петроград и что остальная часть полка также должна немедленно выступить. Требование о выступлении было заявлено Замятиным в категорической форме, но бюро ответило на это требование отказом, указав, что если полк состоит из большевиков, то пускай их выводит сам Замятин. После этого Замятин, по словам пр. Залаты, заезжал по дороге в Лигово в 5, 8 и другие роты, убеждая их выступить. По словам члена Совета от 10 роты Квятковского, с таким же требованием Замятин приезжал и в 10 роту. По словам Замятина и Иванова, когда они приезжали в бюро, власть в Петрограде перешла уже в руки Военной Организации большевиков, ими составлено уже министерство, которое необходимо поддержать вооруженным выступлением полка. Более сказать ничего не имею. Протокол мною прочитан, и я его подтверждаю.

Прапорщик *Корабейник*.

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 15, л. 7.

[2]) Его фамилия правильно: «Корабейник». Допрошен в качестве свидетеля председателем подкомиссии по 2 запасному пулеметному полку 7 сентября 1917 г.

Протокол [1]).

1917 года, сентября 11 дня, член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., вольноопределяющийся Князев в штабе округа допрашивал нижепоименованных, в качестве свидетелей, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Борис Павлович Савин, 27 лет, православный, подпоручик 2 пулеметного запасного полка, начальник стрельбищной команды, урож. Петроградской губ., под судом не был, по делу показываю.

Утром 5 июля в командном комитете я узнал, что прап. Коробейников привез в стрельбищную команду копию приказа от Исполнит. Ком. Совета Р. и С. Депутатов, подписанную Чхеидзе, в которой моя команда вызывалась немедленно на охрану Таврического дворца. Я решил исполнить этот приказ. Сноситься с командиром полка я не имел времени, — от штаба полка стрельб. команда расположена в 3 верстах; поэтому я распорядился команде пообедать и строиться. Однако б. председатель командного комитета пулеметчик Иосиф Дахно и бывш. чл. того же комитета пулеметчик Логин Паникаха усомнились в подлинности приказа Исп. Ком. С. Р. и С. Д. о вызове команды в Петроград и по собственному почину поехали в другие роты, узнать — едут ли те в Петроград или же остаются в своем расположении. При этом названные Дахно и Паникаха говорили, что они поедут, если и другие роты тоже выезжают в Петроград Команда пошла к вокзалу под моею командою. По дороге к вокзалу я встретил Дахно, который выразил мне свое неудовольствие, почему я увел команду до его возвращения из рот. Дахно сказал, что роты, которые он посетил, ничего не знают о приказе Исп. Ком-та, но, все же, пошел с командой до вокзала, где нам прап. Коробейниковым было обещано показать подлинный приказ. На вокзале ст. Стрельна член Исп. Ком. Всеросс. С. Р. и С. Деп-ов показал приказ Исп. Ком., указав, что желающие могут не ехать в Петроград. Совету нужны люди, преданные делу революции, а колеблющиеся могут остаться в Стрельне. Из моей команды выразили желание ехать 26 человек. Остальные, частью по собственному почину, частью после настойчивых призывов Дахно, остались в Стрельне. Здесь же на вокзале я был свидетелем инцидента между прап. Коробейниковым и прап. Майгельдиновым. Прап. Коробейников по какому-то поводу сказал прап. Майгельдинову, что он, Коробейников, имеет полномочие солдат просить, а офицерам приказывать ехать в Петроград. Прап. Майгельдинов возразил Коробейникову, что отнюдь не считает Коробейникова лицом полномочным отдавать приказания. Кроме того, прап. Майгельдинов (большевик по убеждениям, как я знаю) на вопрос солдат, как он

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 15, л. 11.

смотрит на настоящий выезд в Петроград, сказал, что он не является сторонником этого вызова для защиты прежней позиции Советов, потому что вызванным солдатам придется убивать народ, требующий принятия Советом Р. и С. Депутатов всей полноты власти. Ввиду того, что желающим, как сказано выше, было разрешено не ехать в Петроград, прап. Майгельдинов и ушел с вокзала. Майгельдинов не призывал солдат уходить с вокзала. Добавить ничего не могу. Прочитано. Вписано: «Исполн. Ком.», «Копию».

Подпоручик *Савин*.

Член Особой следственной комиссии вольноопр. *Князев*.

Протокол [1]).

1917 г., сентября 11 дня, член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., полковник Арбузов допрашивал нижепоименованных, в качестве свидетелей, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., причем свидетели показали следующее:

1.

Я, Дмитрий Николаевич Сулевич, капитан 2 пулеметного полка, командир 11 роты, 32 лет, грамотный, православный, под судом и следствием не был, об ответственности за ложное показание предупрежден.

По делу показываю: 3 июля у нас в Сергиеве прошло совершенно спокойно, по разговорам частных лиц было известно, что делается в Петрограде. Моя роль ротного командира сводилась к хозяйственным обязанностям и к подписанию бумаг. В роте главную роль играл пулеметчик Кирюхин, бывший председателем ротного комитета. В роте, вообще говоря, господствовал большевистский дух, по моему мнению, благодаря Кирюхину, который, будучи сам большевиком и пользуясь громадным влиянием в роте, вел за собой всю роту. Занятий в роте не производилось, так как занятия считались признаком «старого режима». — 4 июля утром, часов в 8, меня разбудил какой-то солдат, посланный из роты. Он сказал мне, что рота выступает в Петроград. Наскоро одевшись, я отправился в роту. Нашел я людей выходящими из помещений на шоссе, но еще не построенной [2]). Здесь же был Кирюхин. Я спросил у солдат, куда выступают. Мне ответили, что идут в Петроград на мирную демонстрацию. На вопрос, зачем же тогда винтовки, мне ответили, что для самозащиты, так как на них могут напасть и что накануне в Петрограде разоружали. На вопрос, кто приказал выступать, не Совет ли Раб. и Солд. Деп., — ответили,

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 15, л. л. 15—17.

[2]) Так в подлиннике.

что приезжали на автомобиле прапорщик Замятин и какой-то Иванов, известный Кирюхину, от Военной Организации и требовали выступления, ссылаясь на то, что весь полк и весь Петроградск. гарнизон выступают. Несколько позже, уже при мне, от Стрельны подошел автомобиль, на котором было человека 4, в числе которых, как я потом узнал, были пр. Замятин и Иванов. Иванов с автомобиля крикнул: «Товарищи, скорее выходите — вас уже ждут на сборном пункте». 4 пулемета погружены были на двуколки и пошли по шоссе, а роту, построив, я повел на станцию. До выступления я всячески старался отговорить от выступления, но это не удалось. Офицеры и я в том числе, пошли только для поддержания порядка. На станции публика стала стыдить нас, офицеров, и нам пришлось разъяснять, почему мы идем с солдатами. Сборный пункт, как сказал Кирюхин, был на «4-й версте». На «4-й версте» [1]) — оказалось никого не было, вышла ошибка, так как сборный пункт был в Лигове, у 4 роты. Спустя некоторое время к нам подошло 3 рабочих Путиловского завода, пригласившие нас к себе на завод обедать. Около 11 ч. утра мы подошли к Путиловскому заводу, здесь мы пообедали, после обеда был митинг. Меня просили что-нибудь сказать на митинге, но я уклонился. Еще раньше нас на заводе уже были 1 и 4 роты нашего полка. Моя рота была почти полностью, человек 250, примерно. Меньше всего людей было от 4 роты. 1 и 4 рота также были с офицерами, был и командующий 1 бат. шт.-кап. Жиркович. В моей роте было 4 младших офицера; Кирюхин на митинге не выступал. После митинга стали выстраиваться (на митинг) [2]) в колонну и пошли. Рабочие чередовались с солдатами. Были плакаты с надписями: «Долой 10 мин. капит.», «Вся власть Сов. Р. и С. Д.», «Мир — хижинам, война — дворцам» и т. п. Пулеметы наши на заводе погружены были на грузовые автомобили. Погрузкой распоряжался Кирюхин, он же сопровождал и автомобиль с нашими пулеметами, на котором был какой-то плакат. Дорогой рабочие затаскивали в свои ряды силой встречных более прилично одетых людей «буржуев». Солдаты этого не делали. На заводе, при погрузке пулеметов, произошел несчастный случай: неосторожным выстрелом из пулемета был убит пулеметчик моей роты Мерзенный и ранен какой-то рабочий. По моему требованию винтовки были разряжены, солдаты подчинились. От Путиловск. завода пошли через Нарвские ворота и вышли на Садовую улицу. Когда мы были на углу Садовой и Гороховой, где-то впереди началась стрельба. Процессия сначала остановилась, потом все разбежались. Минут 15 была беспорядочная стрельба. Когда успокоилось, то я уже роту не нашел и решил вернуться домой. На ст. «Сергиево» я, выходя из вагона, увидел подпр. Трусьева-Струсь и 3—4 пулеметчиков, ехавших в других вагонах. Оказалось, что они

---

[1]) Зачеркнуто: «нас встретили».

[2]) Зачеркнуто: «на мин».

также потеряли роту. Возвращались люди партиями часов до 8 вечера. На другой день в роте говорили: «Правильно капитан говорил, что не следовало выступать» и зарекались на будущее время выступать без приказания. Я лично думаю, что дело обошлось не без Кирюхина, хотя указать, что именно он поднял роту, — не могу, так как его деятельности не видел. После этого выступления — настроение в роте улучшилось, авторитет мой поднялся, и постепенно удалось наладить занятия, хотя и в ограниченном размере. Больше показать ничего не могу. Показание мне прочитано. Поправки: вписано «и весь Петроградский гарнизон», зачеркнуто «нас встретили» и «на митинг».

Капитан *Сулевич.*

Председ. подкомисс. полковн. *Арбузов.*

2.

Я, прапорщик Корабейник, по делу известный, дополнительно показываю:

5 июля с. г., утром, в 9 часов, при отправлении эшелона с 500 пулеметчиками из расположения полка со ст. «Стрельна» — по вызову Центрального Исполнительного Комитета — прапорщик стрельбищной команды Могельдинов [1]) призывал к неисполнению распоряжения Центр. Комитета, пользуясь следующими приемами: он предлагал команде спросить у меня, для чего зовет вас Центр. Ком-т, не для того ли, чтобы «разгонять и расстреливать наших товарищей революционеров 1 пулеметн. полка и идущих с ними и, если да, — то мы не должны исполнять такого дикого приказа реакционного Центр. Ком-та, мы вольные граждане, и никто нам приказывать не может; кто со мною за революцию — идите в казармы». Часть малодушных людей, предназначенных врачебной комиссией к отпуску домой, пошла за ним. Остальные, исполняя приказ, уехали в Петроград, где и поступили в распоряжение Центрального Комитета. Сюда со мной приехало человек 30, ушло с вокзала с пр. Могельдиновым около 60 чел, остальная команда была на стрельбище. Тогда же вместе с прапорщ. Могельдиновым в том же духе действовали пулеметчики Паникаха — секретарь ротного комитета, и Дахно — председатель того же комитета, которые призывали солдат не исполнять приказов не только Центр. Ком-та, но и министра Керенского. Больше дополнительно показать ничего не могу. Показание мне прочитано. Поправки: вписано «распоряжения».

Прапорщик *Корабейник.*

Председатель следствен. подкомиссии полковн. *Арбузов.*

---

[1]) Выше его фамилия: Майгельдинов.

Протокол [1]).

1917 года сентября 18 дня член Особой следственной комиссии, учрежденной на основании постановления Вр. Правительства от 9 июля с. г., М. Н. Фицтум допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд.

Жиркович, Валериан Владимирович, 26 лет, шт.-кап., командир 1 роты 2 пулеметного полка, православный, живу в Стрельне, колония № 5.

В ночь с 3 на 4 июля с. г. я был разбужен в 4 часу утра приездом адъютанта 1 бат. прап. Гулидова и писаря Колотнева. Эти лица сообщили, что в Лигове готовится выступление, что накануне, т.-е. 3 июля, был митинг 1 бат., на котором было решено выступление Лиговского гарнизона с лозунгами: «Вся власть С. Р. и С. Д.», «Долой 10 министров-капиталистов». На митинге же решено было назначить сборный пункт у 2 полуроты 4 роты (эта рота расположена ближе других к Петрограду). Я послал прап. Гулидова и писаря Колотнева в полковой комитет узнать, что известно комитету о выступлении [2]). Вернувшись, они сообщили, что там тихо. Тогда я приказал им вернуться в Лигово, присовокупив, что утром я сам буду в Лигове. Утром 4-го до моего отъезда около 8 часов утра я получил через посыльного письмо от адъютанта следующего содержания: «Только что вернулся из Стрельны и узнал о полученном приказании выступать нашему гарнизону в Петроград в 9 часов утра 4 с. июля. Были представители от матросов и какой-то штатский (оказавшийся гражданином Ивановым). Ваше присутствие необходимо». Благодаря задержке поездов я попал в Лигово только в 10 часу. Приехав, я прямо направился в канцелярию батальона. Адъютант сообщил мне, что утром в канцелярию приходили какие-то два матроса и неизвестный штатский (гражд. Иванов) и предложили батальону быть готовыми выступить в 9 ч. утра. Эти же лица сообщили, что наш полк выступает. Тогда я стал звонить по телефону. Соединился с первой ротой, ответили, что уже выступили, но выступили не все, человек 50—60; затем я позвонил во 2 роту и 3. В 3 роте говорил с командиром роты пор. Шишко, он передал, что рота не выступает. Я приказал без моего приказания никуда не выступать. После этого я с прапорщиком Гулидовым поспешил в 1 роту, но встретил их уже идущими вооруженной командой во главе с прап. Поповым на сборный пункт. За ними ехала во главе с начальником команды и младшим офицером пулеметная команда 205 Шемахинского полка (сформировался при этой роте). Подойдя к роте я обратился к прап. Попову за разъяснением причины и выяснением, от кого получено приказание выступать. Прап. Попов ничего

---

[1]) А. О. Р. ф. 349, д. № 15, л. л. 28—29.

[2]) Зачеркнуто: «Утром около».

определенного не ответил. «Я,— говорит,— и сам не знаю, кажется, по приказанию Военной Орг. при Ц. К. С.-Д. Р. П. Скоро вернется прапорщик Замятин, поехавший в Стрельно на автомобиле, и он ответит на все вопросы, а сейчас мы идем на сборный пункт». Придя туда, рота остановилась и стала ждать пр. Замятина, который не заставил себя долго ждать. Еще до его приезда пр. Попов, выражая нетерпение, сказал: «А ну их всех к чорту, возьму и уведу роту домой». Но солдаты стали говорить, что уже повели, ведите и дальше. К этому времени подъехал пр. Замятин, но тоже не давший определенных ответов. Тогда стали решать, как поступить. Пр. Попов предложил пр. Замятину съездить в Ц. К. С.-Д. Р. П., но солдаты стали просить съездить меня. Я сказал прап. Гулидову вернуться домой, и что если придется, то я с ними пойду в Петроград, так как одно мое присутствие остановит их от бессмысленных случайностей. Сам же с прап. Замятиным и унт.-офицером Никифоровым на автомобиле поехал в Путиловский завод. Там мы нашли исполнительный комитет рабочих Путиловского завода. Там нам тоже определенного ничего не ответили, сказали, что выступление готовится, но когда неизвестно — около 3 часов (происходило это в 12 часу). Тогда я сказал, что соберемся мы и пойдем домой обедать. С этим мы решили ехать к роте. Но не доехали: дорогой сломалось колесо у автомобиля. Пока мы ждали трамвая, подошла и рота. (А не дождались они меня вот почему: Петергофским шоссе ехала команда 11 роты, которая и захватила первую роту.) Я объявил им, что у рабочих готовится выступление около 3 часов, и мы успеем вернуться домой и пообедать. На это прап. Попов сказал: «А ну их к чорту, пойдем домой». Но рабочие пообещали дать обед, и солдаты решили остаться. Действительно, вскоре солдат накормили. К этому времени пришли 4 рота с офицерами и 11 с к-ром батальона кап. Сулевичем.

После обеда все сгруппировались во дворе Путиловского завода. В это время прогудел гудок завода, и рабочие стали собираться на митинг. На митинге я не присутствовал, но там разработали план выступления. Присутствовать я не мог и решил итти с солдатами, чтобы по возможности предотвращать возможные эксцессы. Подали три грузовика, на которые погрузили пулеметы. Хотели на них грузить все имеющиеся, но я настоял и команду 205 Шемахинского полка отправил домой. Как только установили, все тронулись. Тронулись следующим порядком: впереди ехал грузовик, на который сел и я, за нами первая рота, потом часть рабочих, за ними опять грузовик, затем 4 рота, опять рабочие, 11 рота и замыкал колонну опять грузовик.

Наш грузовик уехал вперед и направился к Треугольнику, и сидящие на автомобиле штатские (кто — не знаю) стали призывать рабочих к выступлению, говоря, что выступили: весь Путиловский завод, весь пулеметный полк, Кронштадт и т. д., но там мы присоединились

к общей колонне и двинулись уже вместе к Таврическому дворцу. Я несколько раз приказывал и просил без моего приказания не стрелять. Со мной на автомобиле ехали прап. Попов (часть пути), старш. унт.-офиц. Никифоров и др. пулеметчики. Так без задержки дошли мы до угла Садовой и Невского, как вдруг где-то сзади в середине колонны раздались выстрелы. Произошло смятение. Солдаты и рабочие бросились в сторону. Я соскочил с автомобиля и поспешил к солдатам первой роты (их было уже человек сорок), стал призывать их к спокойствию и просить не стрелять. Что они и сделали. Успокоившись, мы благополучно дошли до Таврического дворца. Откуда приказал вернуться домой, что и было исполнено. Выступал ли кто-либо с речью к нашим солдатам около Таврического дворца, я не знаю, так как оставался у ограды. До какого места дошел с нами прап. Замятин я помню хорошо, так как видел его еще у Таврического дворца, где мне прап. Попов сказал, что он, пр. Замятин, выбран делегатом от роты в С. Р. и С. Д. Вернулся я домой отдельно от роты. Полученного приказания «выступать» я не проверил в Ц. К. С. Р. и С. Д., потому что я знал, что оно исходит не от него, а от В. О. С.-Д. Р. П., но все-таки пошел ради поддержания среди солдат порядка. В Путиловском заводе на митинге пр. Замятин произносил речь, в которой призывал к выступлению в Петроград, с требованием передачи всей власти С. Р. и С. Д. Вспомнить сейчас фамилии, хотя бы некоторых солдат 1 роты, принимавших участие в выступлении, не могу. Из кого именно состоял в то время ротный комитет я также не помню. Список членов ротного комитета, а также нескольких участников выступления я сообщу вам письменно. Зачеркнуто «Утром около», «в» и «до». Показание писал собственноручно.

Шт.-капитан *Жиркович.*

XII.

КОМАНДА МИХАЙЛОВСКОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА.

Постановление [1]).

1917 года, августа 27 дня в гор. Петрограде следственная подкомиссия под председательством полковника Анохина в составе членов — товарища прокурора Громова, подпоручика Малавского и прапорщика Дувина, рассмотрев добытый ею материал по делу об участии команды воинских чинов при Михайловском артиллерийском училище в вооруженном восстании 3—5 июля отдельных частей петроградского гарнизона против Временного Правительства, выяснила нижеследующее:

---

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. № 34, л. л. 1—3.

Вечером 3 июля 1917 года к казарме команды Михайловского артиллерийского училища, каковая команда, в составе до 350 человек, размещена отдельно от училища в конце Нижегородской улицы (д. № 16) — на Выборгской стороне за военной тюрьмой — в тупике, примыкающем к товарной Финляндской жел. дороге, подъехал автомобиль, в котором сидели вооруженные солдаты Московского и 1 пулеметного полков и, заметив мл. фейерверкера Ивана Григораша, потребовали через него, чтобы команда была готова к выступлению и приготовила бы свои орудия, так как сейчас за ними зайдут Московский и 1 пулеметный полки, уже выступившие против Временного Правительства.

Григораш ответил приехавшим, что команда не выступит, так как не имеет на то разрешения Совета Депутатов и связана в этом отношении общею с училищем резолюциею о невыступлении по иным призывам, кроме призывов Совета.

Приехавшие, сказав: «если вы не выступите, то Московский полк подойдет к вам и заставит вас выступить» — уехали.

После отъезда автомобиля к воротам команды, где еще находился Григораш, собралось человек 15 солдат команды, каковые, окружив Григораша, стали обсуждать случившееся, причем в конце концов решили от приглашения выступить отказаться. Этому решению отчасти способствовало и то обстоятельство, что в тот вечер команда, за исключением человек 25—30, поголовно отсутствовала, частью уехав в свой лагерь в Красное Село, а частью уйдя в город по своим личным делам. Кроме того, весьма большое количество солдат находилось в отпуску у себя на родине.

Вскоре после этого к воротам команды опять подъехал какой-то автомобиль, в котором находились вооруженные солдаты и с ними прапорщик 1 пулеметного полка Семашко, который и потребовал от Михайловцев немедленного выступления со своими орудиями против Временного Правительства для передачи всей власти Советам Депутатов, уверяя, что Московский и 1 пулеметный полки уже выступили.

Видя немногочисленность команды, приехавшие, не вступая с солдатами команды в дальнейшие переговоры, стали их, по их словам, «гонять» и принуждать амуничить лошадей, а так как амуничник 2 батареи был заперт, причем солдата Кутузова, у коего были ключи от него, налицо не оказалось, то приехавшие, сломав замок, запиравший это помещение, самовольно взяли оттуда амуницию и принялись и сами помогать Михайловцам амуничить лошадей.

Вслед за автомобилем на двор команды стали откуда-то появляться отдельные вооруженные солдаты Московского полка, и их в скором времени собралось так много, что они «раза в три» превысили количество солдат команды.

Когда запряжка лошадей была налажена, то Московцы, разыскав каптенармуса Башкирова, у которого были ключи от артиллерийского

сарая, путем угроз заставили его отпереть этот сарай; замок же, запиравший второй артиллерийский сарай, Московцы сломали, так как взводный фейерверкер Алексеенков ушел в тот вечер в город, унеся с собой ключи от этого сарая.

После этого Московцы выкатили из этих сараев два орудия и поставили их на плацу, где стояло еще третье орудие, случайно не убранное после строевых занятий; началась поспешная запряжка орудий.

С выдачей орудий больше всех «торопил» прапорщик Семашко, причем, обратив внимание на несочувствие Михайловцев этому выступлению и нерешительность их действий, он подошел к дежурному по конюшне упомянутому Григорашу, состоявшему председателем комитета команды и пользующемуся особым авторитетом у Михайловцев, и сказал ему: «Что вы сомневаетесь, товарищи!» Когда же Григораш стал говорить о том, что они, Михайловцы, не решаются выступать без ведома Совета Депутатов и действующего в согласии с ним Временного Правительства и что им не совсем понятно, для какой цели и куда требуются орудия, то Семашко на это ответил: «К Таврическому дворцу против Временного Правительства».

Некоторые из Михайловцев все-таки продолжали сомневаться в правдивости заявления Семашко о выступлении Московского и др. полков против Временного Правительства, но в это время через Ломанский переулок на Нижегородской улице появился почти около самой команды Московский полк и расположился частью по Ломанскому переулку, а частью по Нижегородской улице. Отделившиеся от пришедшего полка солдаты побежали в команду Михайловского артиллерийского училища и побудили запрягавших орудия присоединиться с орудиями к полку, поставив их в середину полка.

Зарядные ящики при этом не были взяты, но при орудиях снаряды были.

Боясь, что лошади и орудия, на которых уселись некоторые Московцы с винтовками, могут пропасть, Михайловцы, вооружившись револьверами, решили сопровождать их. Всего поехало 15 человек, из них 8—9 верхом, а остальные при орудиях.

Вместе с Московским и шедшим с ним 1 пулеметным полком Михайловцы дошли до Таврического дворца, а оттуда, отделившись от полков, поехали домой, куда и прибыли часов в 12 ночи [1]).

4-го числа команда не выступала. Лиц, подстрекавших команду к выступлению, кроме упомянутого прапорщика Семашко, установить и обнаружить не удалось.

Так как команда Михайловского артиллерийского училища почти не имела, повидимому, в своей среде лиц, официально принадлежащих по своим убеждениям к фракции большевиков, однако всегда голосовала за их списки, а своим делегатом в Совет Рабочих и Солдатских

[1]) Так в подлиннике.

Депутатов выбрала большевика канонира 1 батареи Аленина, принявшего участие в выступлении Михайловцев против Временного Правительства, то подкомиссия обследовала поведение и деятельность упомянутого Аленина, пользуясь для этого показаниями той же команды и объяснением самого Аленина, так как иного материала добыть не представилось возможным.

Выяснилось, что Аленин, член Совета Рабочих и Солдатских Депутатов фракции большевиков, днем 3 июля был в Таврическом дворце на заседании своей фракции, затем был около дома Кшесинской и часам к 4 дня явился в свою команду. Встретив у ворот команды солдат Курпуса и Боровика, он на их вопрос «что новенького в Совете?» рассказал им, что к ним во фракцию являлись делегаты от Московцев и пулеметчиков и заявляли, что они сегодня, 3 июля, после 5 часов вечера выступят против Временного Правительства. После этого Аленин от себя заметил Курпусу и Боровику, что выступление, вероятно, не состоится и что их фракция большевиков, тоже, как и другие партии, к этому выступлению не призывает.

Никаких иных разговоров и речей в пределах команды в тот вечер Аленин не вел и, побыв на кухне и закусив, ушел вместе со своим приятелем солдатом той же команды Щеголевым погулять около казармы в районе Лесного проспекта.

Однако к тому моменту, когда к воротам команды подъехал автомобиль с прапорщиком Семашко, Аленин оказался в команде, причем вызвался проверить заявление Семашко о выступлении Московского и 1 пулеметного полков и, сев на лошадь, поехал к Ломанскому переулку, откуда вернулся крайне взволнованный с сообщением, что Московский полк уже идет к команде.

В самом выступлении Михайловцев Аленин принял участие, но в такой же степени, как и другие Михайловцы; на обратном же пути от Таврического дворца к казармам Аленин, ведя Михайловцев, отговорил их итти на Невский проспект, куда их приглашали неизвестные лица, подъезжавшие к ним навстречу на автомобилях.

Ввиду изложенного подкомиссия, обсудив, на основании имеющихся данных, поведение канонира Аленина, не только не призывавшего Михайловцев к выступлению, скорей отговаривавшего их от дальнейшего участия в событиях 3 июля и от выезда на Невский проспект, и, не имея данных для предъявления ему обвинения по 51 и 100 ст. угол. улож., а вместе с тем имея в виду, что других виновных, кроме уже привлеченного к следствию в качестве обвиняемого прапорщика Семашко, следствием обнаружить не удалось — постановила:

Настоящее производство применительно к 277 ст. уст. угол. судопр. за необнаружением виновных представить в Особую следственную комиссию на прекращение.

С подлинным за надлежащими подписями верно.

Председатель подкомиссии полковник *Анохин.*

XIII.

ДЕЙСТВИЯ КАЗАКОВ И ГВАРДЕЙСКОЙ КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ.

Протокол допроса [1]).

1917 года, августа 1 дня, судебный следователь 24 участка гор. Петрограда Л. Г. Сергиевский допрашивал нижепоименованных, в качестве свидетелей, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и они показали:

Я, Василий Михайлович Аверин, православный, 22 лет, хорунжий 1 Донского генералиссимуса князя Суворова полка, живу временно в Петрограде, Атаманские казармы, под судом не был, по делу показываю:

Начиная со 2 минувшего июля и по 4 утром включительно весь наш полк, за исключением 2 сотни, находившейся на охране Путиловского завода, по приказанию главнокомандующего Петроградским военным округом генерала Половцева, был сосредоточен в Зимнем дворце. На нашей обязанности первоначально лежала охрана дворца, а с 4 числа утром, после того как началось вооруженное восстание, когда выступил 1 пулеметный полк и прибыли в большой массе кронштадтцы, нам было приказано разоружать проходящие мимо небольшие группы людей, из кого бы они ни состояли, а также вооруженные автомобили. Исполняя это приказание, мы время от времени выбегали в пешем строю из дворца и занимались разоружением, причем нам пришлось разоружать исключительно солдат и рабочих, вооруженных винтовками. Часов в 12 пополудни, лежа на заборе в садике при Зимнем дворце, я наблюдал, как с Васильевского Острова, через Николаевский мост, мимо занимаемого нами дворца, прошел в полном вооружении 1 пулеметный полк в строю, причем офицеров среди солдат было мало. Полк прошел на Невский проспект. В городе непрестанно велась ружейная и пулеметная стрельба, начиная с первого часа дня, хотя должен сказать, что и накануне, 3 июля, до нас изредка доносилась ружейная стрельба из-за Невы со стороны Невского проспекта, но 4 — стрельба производилась значительно чаще и ясно было, что восстание разгорается. Вскоре за проходом 1 пулеметного полка мимо Зимнего дворца прошли отдельными крупными группами вооруженные кронштадтцы, направляясь частью на Марсово поле, частью на Невский; видно было, что кронштадтцы уже разбились на отдельные группы, из которых каждая преследовала свою задачу. В восьмом часу вечера мы получили приказание от генерала Половцева выступить в составе двух сотен при двух скорострельных орудиях к Таврическому дворцу. Выступили две сотни: 1 сотня нашего полка, в которой состою и я, и сотня 4 Донского полка, при двух орудиях под общей командой

[1]) А. О. Р., ф. 3, д. № 5, л. л. 22 — 25.

присланного из штаба полковника с какой-то немецкой фамилией. Отряд выделил из себя головную часть, взвод нашей сотни под моим командованием, причем непосредственно за головною частью следовало одно орудие. Я выделил из своей части дозор в составе двух казаков, которым приказал зорко следить за всем, что может встретиться на пути и что может угрожать части. Дозор шел впереди приблизительно шагов на сто. Так мы проследовали до Марсова поля, разоружая по дороге встречные автомобили и отдельных вооруженных солдат и матросов, которых попадалось в общем довольно много. Отобранное оружие мы складывали в грузовой автомобиль, следовавший за нами специально с этою целью. На Марсовом поле мы увидели большую толпу, состоявшую частью из вооруженных, частью из невооруженных солдат, матросов и рабочих. Допуская, что по нас может быть открыт огонь со стороны этого сборища, я приказал командуемому мною головному отряду разогнать толпу, что и было исполнено, причем многие из толпы побросали винтовки. Когда я собрал свой взвод, ввиду того, что меня уже догоняло главное ядро нашего отряда, то подъехавший в это время командир отряда, упомянутый полковник с немецкой фамилией, приказал мне следовать непосредственно за ним, предполагая, очевидно, что казаки могут самовольно предпринять невызываемые обстоятельствами действия. Тогда я заявил полковнику, что казаки без повода никого не тронут, но приказание его исполнил, и мы отправились по набережной ускоренным аллюром. Так мы дошли до Литейного моста, на котором я увидел вооруженных рабочих, солдат и матросов, запрудивших мост. Со своим головным отрядом я подъехал к ним и попросил их отдать оружие, но просьба моя исполнена не была, и вся эта вооруженная банда бросилась бежать по мосту на Выборгскую сторону. Не успел я последовать за ними, как какой-то небольшого роста солдат без погон повернулся лицом ко мне и выстрелил в меня, но промахнулся, и пуля задела слегка пах у лошади, причинив царапину. Этот выстрел послужил как бы сигналом, и отовсюду по нас был открыт беспорядочный ружейный огонь, как с самого моста, так и с противоположного берега Невы. С находившимися со мною несколькими казаками я вынужден был повернуть обратно, съехать с моста и встретил перед собою на Литейном проспекте густую цепь солдат, взявших винтовки на изготовку. Под влиянием летевших с Выборгской стороны и со стороны Литейного моста пуль среди этих солдат раздались крики: «Казаки стреляют», после чего по нашему отряду открыт был залповый огонь. Моментально попадали некоторые казаки и лошади из моего взвода, со мною осталось приблизительно всего человек восемь, мы были не в состоянии здесь держаться, а потому с оставшимися людьми я рысью поехал по набережной к Таврическому дворцу и, когда обернулся, увидел следовавшее за мною орудие под командою подесаула сводной казачьей гвардейской батареи Филимонова. О раненых и убитых товарищах думать не пришлось, так как,

подбирая их, мы рисковали почти наверно подвергнуться той же участи ввиду интенсивного обстрела. Когда мы доехали до Потемкинской ул., находясь непосредственно под обстрелом со стороны противоположного берега Невы (Выборгская сторона), а также и с расположенных вдоль берега барж, на которых находились вооруженные солдаты, то мы встречены были выстрелами со стороны Таврической площади. Для нас было ясно, что мы попали в форменную засаду. Ввиду этого мы повернули орудие дулом по направлению к Таврическому дворцу и заняли выжидательное положение, будучи защищены от выстрелов с одной стороны сложенными здесь дровами, а с другой небольшой постройкой. Следуя сюда, мы все время имели перед собою несколько вооруженных солдат, которые по мере нашего приближения частью попрятались на береговые баржи, частью же убежали к Таврическому дворцу. Здесь мы простояли под дождем до вечера и, когда стемнело, отвезли орудие в гараж Таврического дворца, где и поставили его под охраной тех же артиллеристов. Среди последних было несколько раненых. Казаки с лошадьми в количестве шести остались на водокачке, где нашли себе приют, а я ушел на Греческий проспект к знакомому, от которого позвонил по телефону в полк, но ничего не мог добиться, провел здесь время до трех часов утра, после чего пошел с названным своим знакомым, помощником присяжного поверенного Николаем Алексеевичем Козьминым на водокачку к своим людям, предполагая отправиться с ними в полк, но здесь их уже не застал, и мне сказали, что они отправились в полк, в Атаманские казармы, куда отправился и я, прибыв в пять с половиною часов утра. Куда девался командир нашего отряда, вышеупомянутый полковник, после того, как начался обстрел на Литейном мосту — я не могу сказать, я потерял его из виду, а равно не знаю, куда проследовало ядро нашего отряда, и ничего не могу сказать об его судьбе. Из моей головной заставы убиты были казаки: Шапочников, Королев и Синельников. Из нашей сотни были и еще убитые, о чем я узнал впоследствии. Кроме того, из командуемой мною головной заставы было довольно много раненых и контуженных, списки коих имеются у командира сотни, сотника Власова. Должен еще сказать, что когда мы поставили орудие, повернув его по направлению к Таврическому дворцу, то здесь ко мне подходили трое каких-то рабочих и в разговоре между прочим заявили, что им известно, что все происшедшее с нами было предусмотрено: рабочим и солдатам было известно, что мы, казаки, проследуем к Таврическому дворцу, откуда будто бы последовало требование прислать казаков, почему против нас и устроена была засада. В частности нашему отряду дана была, как я это могу удостоверить, определенная задача: следовать к Таврическому дворцу на выручку Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, каковой собирались арестовать мятежники. Самая организация засады ясно указывала на полную осведомленность мятежников о пути нашего следования. На дру-

гой день 5 минувшего июля я узнал, что второй субалтерный офицер нашей сотни хорунжий Хохлачев тогда же и там же был тяжко ранен. Хохлачев, как известно, после ампутации руки скончался. Во время следования моего к Таврическому дворцу возле меня все время находился урядник Анохин, который на Литейном мосту был ранен в руку, после чего он отстал от меня. Более мне показать нечего. Прочитано. Показание с моих слов записано верно:

Василий Аверин.

Суд. следов. *Лев Сергиевский.*

Протокол [1]).

1917 года августа 20 дня судебный следователь С.-Петербургского окружного суда, 1 участка Царскосельского уезда, в своей камере, допрашивал нижепоименованного, в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., который показал:

Сергей Александрович граф Ребиндер, полковник гвардии Конной артиллерии, живу в городе Павловске, 32 года, православный, не судился.

4 июля 1917 года по приказанию главнокомандующего Петроградским военным округом взвод вверенной мне запасной батареи гвардии Конной артиллерии прибыл в 7 часов вечера из Павловска на Дворцовую площадь в город Петроград. В 8 часов вечера того же 4 июля главнокомандующий приказал мне взять по одной сотне от 1 и 4 Донских казачьих полков и два орудия запасной батареи гвардии Конной артиллерии и итти рысью на Шпалерную к Государственной Думе, где всеми мерами, вплоть до открытия огня, рассеять толпу, осаждающую Государственную Думу. Получив вышеизложенное приказание, я построил отряд в следующем порядке: взвод казаков, два конных орудия — остальные казаки, и двинул весь отряд рысью. Маршрут мой был выбран следующий: Миллионная, Суворовская площадь, Набережная, Воскресенский проспект, Шпалерная. Ввиду того, что отряд, двигаясь рысью, сильно растянулся, я перевел его, выходя на Набережную, в шаг. В таком виде в полном порядке отряд дошел до Литейного моста. Находясь лично в голове отряда, при переезде через Литейный проспект, у Литейного моста, я заметил, что какая-то пехотная часть в полном порядке выходила с Шпалерной улицы на Литейный по направлению к Невскому, ее окружала толпа. Увидев головной взвод вверенного мне отряда, кто-то из толпы, а может быть и из воинской части, двигающейся со Шпалерной на Литейный, крикнул: «Казаки», и одновременно со стороны Литейного моста из вооруженного автомобиля последовал ружейный выстрел, после чего началась страшно сильная ружейная и пулеметная стрельба по головной части вверенного мне отряда: со стороны Литейного проспекта, моста, Набережной,

[1]) А. О. Р., ф. 349, д. 9, л. 161.

из прилегающих домов и даже барок, находящихся на Неве. Точно установить дома, из которых стреляли, немыслимо: пули буквально сыпались со всех сторон. Кроме всего вышеизложенного, удостоверяю, что с Литейного моста стреляли не только матросы, солдаты и штатские, но даже личности в арестантских халатах, которые расстреливали нас буквально в упор. Казаки и конные орудия открыли огонь лишь после того, как в отряде были уже убитые и раненые. Одно из конных орудий снялось с передков на Воскресенской набережной и дало три выстрела по направлению на Литейный мост, другое орудие, за выбытием из строя всей прислуги орудия и всех лошадей, осталось на углу Литейной и было присоединено ко взводу в 2 часа ночи на 5 июля. Силу огня, направленную на головную часть отряда, можно судить по потерям, которые понес взвод запасной батареи гвардии Конной артиллерии: из 80 солдат и 60 лошадей убитых 3 солдата, раненых 17 солдат, и убито 30 лошадей, что составляет 25% солдат и 50% лошадей.

Граф *Сергей Александрович Ребиндер.*

И. д. судебного следователя 1 участка Царскосельского уезда (подпись)

XIV.

ВОЖДИ МЕНЬШЕВИКОВ О 3—5 ИЮЛЯ.

Протокол [1]).

1917 года сентября 11 дня судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда допрашивал согласно 443 ст. уст. уг. суд. нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Михаил Исаакович Либер-Гольдман, 37, иуд., не лишен прав, мещ. г. Вильны, живу в Петрограде, Мытнинская ул., д. 5, кв. 48.

Числа 5 или 6 июля Зиновьев и Каменев явились в Таврический дворец с жалобой на разгром конторы газеты «Правда» и с просьбой выяснить, в каком положении находится вопрос о продолжении ее издания. Я поехал вместе с ними в помещение конторы газеты, а оттуда в штаб главнокомандующего. Так как из беседы с ними я заключил, что они готовы способствовать скорейшей ликвидации восстания, я заявил им, что необходимо немедленно освободить Петропавловскую крепость, т.-е. убрать от входа в нее захваченные большевиками броневые машины и вывести всех расположившихся там солдат, оставив только постоянный гарнизон под начальством прежнего законного коменданта. Они предложили мне отправиться вместе с ними в штаб их Военной Организации, помещающийся в д. Кшесинской. Туда мы и отправились. — Здесь я был введен в комнату, где происходило

[1]) А. О. Р., ф. 3, д. № 12, ч. I, л. л. 119—121.

собрание, по всем видимостям, Военной Организации. На вопрос Зиновьева или Каменева, точно не помню, в каком положении находится Петропавловская крепость, отвечали лично мне известный Раскольников и какой-то солдат, выступавший в качестве выборного от гарнизона Петропавловской крепости. Оба они говорили о том, что крепость приведена в полную боевую готовность, увеличен запас снарядов, а орудия в любой момент готовы открыть пальбу по городу. После этого Каменев и Зиновьев предложили мне выждать результатов совещания в другой комнате. Я прождал там около получаса. Выйдя оттуда, Зиновьев и Каменев сообщили мне, что выставленные мною требования об очищении крепости и дома Кшесинской, равно как о ликвидации всего движения могут быть немедленно выполнены под единственным условием, чтобы кронштадтцам была предоставлена возможность беспрепятственно в полном составе и с оружием вернуться в Кронштадт. Выразив, с своей стороны, готовность добиваться принятия ЦИК С. Р. и С. Д. такого соглашения, я заявил, что не уполномочен дать окончательный ответ и предлагаю поэтому кому-нибудь поехать вместе со мною в Таврический дворец. В случае положительного ответа ЦИК должен был предоставить большевикам техническую возможность издать воззвание с призывом к немедленной ликвидации всего движения. По полномочию большевиков со мной поехали Каменев и еще двое, фамилии коих мне неизвестны. По дороге у Дворцового моста мой автомобиль был задержан часовым, и мне пришлось ехать в штаб округа за пропуском. Пока я был в штабе, Каменев с его спутниками оставались в автомобиле. Кем-то из толпы он был узнан, и, по требованию толпы, он был задержан в штабе. Попытки мои уговорить толпу солдат и офицеров пропустить его ни к чему не привели, и я не мог, таким образом, добиться скорейшего рассмотрения этого вопроса в ЦИК. Я попал в Таврический дворец только к 7 часам вечера. Несколько времени спустя туда появилась многочисленная делегация от кронштадтцев во главе с Раскольниковым и Рошалем для дальнейших переговоров. Но к этому времени обстановка уже сильно переменилась: стали прибывать части сводного отряда, и ежеминутно можно было ждать кровавых столкновений. Всячески заботясь о бескровной ликвидации восстания, Бюро ЦИК, заседавшее под моим председательством, считая невозможным в данный момент допустить выход кронштадтцев из Петрограда с оружием в руках, так как одно их появление на улице с оружием могло вызвать ряд кровавых эксцессов, поставило им новые условия: 1) они должны немедленно сдать все находящееся при них оружие, 2) должны совершенно очистить д[ом] Кшесинской, 3) они будут поименно переписаны, 4) все это они должны выполнить в продолжение трех часов. Только при этих условиях ЦИК гарантирует им беспрепятственное возвращение в Кронштадт. Условия эти были нашим Бюро предъявлены кронштадтцам ультимативно. После долгих совещаний они заявили, что не могут принять наш ультиматум,

не спросив остальных матросов. Зная, что через несколько часов дом Кшесинской будет окружен войсками, но не считая себя в праве их об этом предупреждать, так как у нас были опасения, что и это может привести к кровавым столкновениям, мы заявили им, что всякие дальнейшие переговоры мы считаем невозможными. Всю ответственность за возможные тяжелые последствия мы возлагаем на них. На собрании Военной Организации, насколько я могу припомнить, из знакомых мне лиц присутствовал только Раскольников.

Михаил Гольдман-Либер.
И. д. судебного следователя (подпись).

Протокол [1]).

1917 года сентября 23 дня судебный следователь 3 участка Валкского уезда округа Рижского окружного суда допрашивал, согласно 443 ст. уст. уг. суд., нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Федор Ильин Гурвич, 43 лет (Ф. Дан), военный врач, товарищ председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, проживающий по Сергиевской ул., д. 50, кв 9, вероисповедание православное, посторонний.

Изложение содержания речей моих, как оно сделано в предъявленных мне вырезках из №№ 108, 110 (две вырезки), 115 и 117 «Известий Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», в общем — правильно. При своих выступлениях по вопросу о причинах анархических вспышек и роли большевиков в этих движениях я всегда руководился одними и теми же соображениями. Я полагал, что всякого рода вспышки объясняются недовольством, которое питает в народных массах экономическая разруха, порожденная трехлетней мировой войной. Политическую же вину большевиков я видел в том, что, вместо разъяснения массам как неизбежности их страданий, пока не будет закончена война и не восстановится разрушенное ею народное хозяйство, так и невозможности по своему произволу в любой момент закончить войну на таких условиях, которые не увековечивали бы этих страданий, они демагогически [2]) использовали народное недовольство и подлаживались к массовым настроениям, совершенно не учитывая, к каким последствиям это ведет. В этом смысле я говорил в своих речах о политических преступлениях большевиков, но совершенно не имел никогда в виду обвинять кого-либо из них, не говоря уже о целой партии, в преступлениях в смысле уголовно-судебном. Для этого у меня решительно никаких данных и не было. Точно так же, будучи глубоко убежден, что агентура германского генерального штаба примазывается ко всем

[1]) А. О. Р., ф. 3, д. № 12, ч. II, л. л. 279—281.
[2]) Слог «ог» — вписан под строкой.

движениям такого характера, как движение 3—5 июля, я в то же время никого из большевиков, а тем более всю большевистскую партию никогда не обвинял в германском шпионаже. Более того, на одном из заседаний Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, — на каком именно, теперь точно не помню, — я публично заявил, что совершенно не верю обвинению Ленина и Зиновьева в связи с германским штабом. И если я все-таки настаивал на их обязанности явиться к следователю и на гласный суд, то потому, что считаю обязанностью всякого политического деятеля, которому предъявляют обвинения в организации движения, повлекшего за собою стрельбу на улицах и вызвавшего массу жертв, а тем более позорящего обвинения в шпионстве, — путем судебного разбирательства снять с себя эти обвинения и обличить обвинителей.

При допросе мне были предъявлены вырезки из «Известий Петр. С. Р. и С. Д.» из №№ 108, 110 (две вырезки), 115 и 117, содержащие изложение речей моих, произнесенных в заседаниях ЦИК С. Р. и С. Д. и солдатской секции Петрогр. С. Р. и С. Д. в связи с событиями 3—5 июля (были предъявлены указанные вырезки). Удостоверяю, что содержание речей моих изложено правильно.

В ночь с 3 на 4 июля я находился безвыходно в Таврическом дворце, где происходило объединенное заседание ЦИК С. Р. и С. Д. и Исп. Ком. Всер. Сов. Крест. Депутатов. К дворцу все время подходили вооруженные части войск и толпы рабочих с требованием перехода всей власти в руки ЦИК. Входные двери были закрыты, но отдельные солдаты и рабочие проникали как в Екатерининский зал, так и в зал заседания. В вестибюле мне лично пришлось столкнуться и беседовать с вооруженным молодым рабочим лет 18—19 и столь же молодым солдатом. Оба были возбужены до крайней степени и производили впечатление людей почти невменяемых. Они требовали выхода Церетелли для объяснений. На мое замечание, что Церетелли занят, они заявили, что он должен бросить все, когда его требует революционный народ. Я ответил им, что они могут говорить только от своего имени и имени пославших их. От имени же всего народа имеет право говорить только ЦИК, которому они свою волю навязать не могут. И рабочий и солдат были во время этого разговора так возбуждены, что один из стоявших рядом со мною рабочих-большевиков — имени его не знаю — настойчиво убеждал меня прекратить эту беседу, ибо собеседники мои явно не отвечали за свои действия. При попытках арестовать Чернова я не присутствовал, но, находясь с внутренней стороны стеклянной входной двери, видел какое-то движение на парапете и слышал крики, а затем кто-то прибежал сказать, что Чернова арестовали. Я обратился к караульным солдатам, находившимся в Екатерининском зале, убеждая их выручить Чернова, но солдаты, видимо, боялись и призыву моему не последовали. Вскоре я узнал, что Чернова освободил Троцкий, а затем увидел в зале и самого Чернова. Когда мне сказали, что

охрана дворца недостаточна и что вооруженные люди проникают во дворец, я обратился к нескольким солдатам, — если не ошибаюсь 178 [1]) пехотного полка, также пришедшего демонстрировать в пользу перехода всей власти к Советам, и просил их взять на себя охрану Екатерининского зала и никого не пропускать туда из вестибюля. Солдаты привели командовавшего ими прапорщика, и по его команде около полуроты солдат этого полка вошли во дворец и расположились шпалерами между вестибюлем и Екатерининской залой для ее охраны. Перелом в настроении наступил, когда подошла с музыкой рота одного из гвардейских полков, — если не ошибаюсь, Преображенского, — с заявлением своей готовности всецело подчиняться распоряжениям ЦИК. После этого все демонстранты стали расходиться, и постепенно двор Таврического дворца и окружающие его улицы опустели.

В своих речах в связи с событиями 3—5 июля я постоянно подчеркивал, что такие события должны крайне вредно отражаться на фронте, где как раз в это время армия переходила в наступление. Я утверждал также, что события эти непременно пойдут на пользу контр-революции, возбуждая негодование широких народных масс и вызывая у них разочарование в революции и жажду порядка во что бы то ни стало.

На предложенный мне вопрос, кто является автором статьи в «Известиях» от 2 июля № 107, я, хотя и являюсь редактором «Известий», сейчас ответить не могу, так как точно не помню. Но, кажется, статья эта написана Войтинским.

Настоящее показание записал собственноручно. Исправлено: «демагогически». *Ф. Гурвич (Ф. Дан).*

И. д. суд. следователя *В. Ножанский.*

Протокол [2]).

1917 года октября 5 дня судебный следователь по важнейшим делам округа Гродненского окружного суда в г. Петрограде допрашивал, согласно 443 ст. уст. уг. суд., нижепоименованного, в качестве свидетеля, и он показал:

Богданов Борис Осипович — дополнительно.

На дополнительно поставленный вопрос о самих событиях 3—5 июля ответил следующее:

3 июля, часа в 2 дня, в Таврическом дворце распространился слух, что 1 пулеметный полк собирается 3 же числа около 5 ч. дня выступить с оружием в руках на улицу. Так как этот пулеметный полк неоднократно грозил выйти на улицу, то вначале к слуху о выступлении отнеслись недоверчиво. Пошумят, пошумят и разойдутся по казармам. Но слухи стали крепнуть, и скоро со всех сторон города — из казарм и заводов — стали звонить и сообщать о полученном приглашении пулеметчиков присоединиться к их выступлению. Позвонили нам со стан-

[1]) Вероятно, 176.

[2]) А. О. Р., ф. 3, д. № 12, ч. II, л. л. 500—501.

ции Финляндского вокзала: поезд не выпускается, на ближайшей к городу станции расположены пулеметы, Финляндия отрезана. Послали проверить — оказалось, правда: к станции, занятой пулеметчиками, наш автомобиль не был пропущен расставленными ими постами. Скоро на улицах появились грузовики с пулеметами и вооруженными солдатами и рабочими, — и картина отчасти начала походить на дни 27—28 февраля, когда вооруженный народ в целях агитации разъезжал по городу. К вечеру толпы возросли. К Таврическому дворцу всю ночь приходили солдаты и рабочие. Движение разрослось, а с того момента, как в нем приняли участие большевики и выкинули лозунг: «Вся власть Советам», оно приняло и несколько организованный характер.

Роль большевиков в выступлении 3—5 июля бесспорно отрицательная. Они дали, так сказать, идеологию движению, которое имело все внешние признаки подозрительного движения, ведь, судя по началу, его не вызывала ни одна политическая партия демократии. Можно было считать, что его, это восстание пулеметчиков, вызвали и организовали вражеские агенты, можно было полагать, что это — происки контрреволюционеров, замаскировавшихся и спрятавшихся под плащем друзей народа, только в лучшем случае движение, организованное пулеметчиками, можно было отнести к бунтарству, к вспышкопускательству примитивных легкомысленных людей. Большевики вмешались в это движение. Они дали лозунги и благословили самое движение. Они содействовали привлечению к нему симпатий рабочих масс. В дальнейшем они принялись организовывать его. В оформленном виде это движение шло под лозунгом: «Вся власть Советам», было движением, направленным против Временного Правительства и в первую очередь против Центрального Исполнительного Комитета, поддерживавшего Вр. Правительство. Я скажу даже прямее: движение было против ЦИК с тем, чтобы косвенно нанести удар Вр. Пр-ву. Этим, вероятно, объясняется, что все «действо» разыгралось вокруг Таврического, а не Мариинского дворца. Во-вторых, политически вопрос сводился к тому, чтобы заставить, вынудить ЦИК С. Р. и С. Д. признать необходимость взять власть в свои руки. В этом последнем случае сразу решена была бы и первая задача — свержение Вр. Пр-ва.

На Центр. Исп. Ком. было организовано самое серьезное давление. Во время событий все время заседали Советы Раб., Солд. и Крестьянск. Депутатов. Было в это время и заседание рабочей секции Петроградского Совета Раб. и Солд. Деп. На этом заседании многие деятели ЦИК отсутствовали, занятые организацией прекращения возникших волнений. На рабочей секции был большевиками поставлен вопрос о переходе власти в руки народа, была избрана специальная комиссия, сущность которой мне до сих [пор] не ясна. Была ли эта комиссия подготовительной к организации стихийно вспыхнувшего движения, была ли эта комиссия создана для давления на ЦИК С. Р. и С. Д., была ли, наконец, организована рабочая часть Исп. Ком. на случай перехода

власти в руки Советов Раб. и Солд. Деп., но постановление раб. секции в бурлящей обстановке дней 3—4 июля было, конечно, направлено к закреплению за бунтом пулеметчиков определенного политического содержания. В дни 3—4—5 июля было организовано еще одно средство давления на ЦИК С. Р. и С. Д., так сказать, «изнутри». Вероятно большевиками, был отдан приказ по своей организации — присылать делегации от фабрик и заводов и казарм с требованием перехода власти в руки Советов и допущения этих делегатов на заседание Центрального Исп. Ком. с решающим голосом. Делегации с мандатами, обыкновенно на бланках фабрично-заводских комитетов, большей частью большевистских, причем текст мандатов однообразен, одинаков почти буквально, соб[и]рались в Таврическом дворце и настойчиво добивались допущения на заседания ЦИК С. Р. и С. Д. Это происходило в то время, как Таврический дворец был окружен толпами вооруженных людей.

Каков был характер движения 3—5 июля? Я затрудняюсь ответить определенно. Я до сих пор не знаю, было ли это вооруженное восстание или вооруженная демонстрация. Внешние признаки говорят о том, что это было вооруженное восстание. Нам, находившимся в Таврическом дворце в те дни, это казалось почти совершенно ясным. Положение тогда было такое, что вот-вот ворвутся эти вооруженные толпы, разнесут Таврический дворец, переарестуют или перестреляют нас, если мы откажемся взять власть в свои руки. Много было внешних поводов для таких настроений. С другой стороны — ряд сомнений — действительно ли это движение было вооруженным восстанием. И самое существенное — это, что вооруженные толпы могли нас свергнуть хотя бы на 1—2 дня, могли свергнуть в эти дни Вр. П-во и не сделали ни того, ни другого, несмотря на все крепкие резолюции и все крепкие слова и даже [1]) отдельные действия, вроде ареста Чернова, перестрелки и пр. Я поэтому склонен характеризовать движение 3—5 июля как вооруженное в ы с т у п л е н и е [2]), имевшее целью заставить ЦИК С. Р. и С. Д. взять под непосредственным давлением физически сильных масс власть в свои [3]) руки и тем самым заставить, наконец, уйти Вр. П-во.

Не взирая на всю грозность положения, мы под угрозой штыков отказались взять власть в свои руки [4]) и 5-го [5]), к ночи, имели в своем распоряжении «за ЦИК С. Р. и С. Д.» и «Вр. П-во» почти весь тот гарнизон, который 3—4—5 июля манифестировал с лозунгом: «Вся власть Советам».

Писал собственноручно *Б. Богданов*.
И. д. судебного следователя (подпись).

---

[1]) Далее зачеркнуто: «разроз.».
[2]) Подчеркнуто в подлиннике.
[3]) «Свои» над строкой.
[4]) Зачеркнуто «к».
[5]) Первоначально было: «му».

Октябрь на фронте.

Окончание [1]).

Разговор по прямому проводу 1 ноября 1917 г. ген. Черемисова с ген. Болдыревым о захвате власти в V армии Армейским Комитетом [2]).

— У аппарата командующий армией? — Сейчас подойдет главкосев.

— У аппарата главкосев генерал Черемисов. — Здравствуй, Василий Георгиевич. Какое недоразумение произошло у тебя в армии и ликвидировано ли оно?

— Здравствуй, Владимир Андреевич. Произошло следующее. Двинск фактически во власти Армискома. Недоразумение происходит по основному вопросу — моему решительному несогласию на продвижение войск армии к Петрограду. Армиском стоит на противоположной точке зрения и принимает меры самостоятельных в этом отношении распоряжений. Вопрос об аресте командного состава не исключается. Хотя председатель Армискома мне сейчас заявил, что с этой стороны опасений быть не может, так как вопрос оперативной части и прочности фронта всецело признается и ими, но, при отсутствии в своих руках фактической силы, конечно, приходится допускать всякие возможности. Настроение в Двинске очень нервное. Во всяком случае, я не теряю надежды установить положение, которое бы гарантировало целость фронта и прочность обороны. Вот все, что имею тебе доложить. *Болдырев.*

— С какой целью хочет посылать Армиском войска под Петроград? Ведь наряда от пятой армии не было, кроме броневого дивизиона, который ставка приказала послать. Но он, кажется, не пошел.

— Настоящая посылка имеет, по сообщению Армискома, целью иметь свои войска в Режице с целью обеспечения, якобы, от нашествия Каледина. Для ориентировки должен доложить, что здешний Армиском стоит на точке зрения исполнения приказов о посылке подкреплений не ставки, а руководящей партии большевиков из Петрограда. Мне стоило невероятных усилий воспрепятствовать этой идее и поставить всех на точку зрения сохранения войск армии на фронте и исключительно для обороны своих позиций. Это мнение не

[1]) «Красный Архив», т. XXIII, стр. 149—194.

[2]) Военно-Исторический Архив, ч. I, д. № 222—093, л.л. 40—43.

разделяется Армискомом, на стороне которого большинство армии. *Болдырев.*

— А разве они не боятся, что откроют фронт противнику?

— Этот вопрос я ставил категорически, и в настоящее время мне удалось заставить отклонить это решение. Но сегодня вопрос стал во всю широту, и частичная посылка, якобы, для охранения Режицкого узла, уже намечена и, видимо, проводится при поддержке широко организованной воинской силы. Все те небольшие части, которые могли быть противопоставлены этому намерению, заявляют, что они будут держать только нейтралитет. Полагаю, что Армиском пока хочет ограничиться охранением Режицы стоящими на его стороне войсками. Вся трудность положения заключается в том, что сильное большинство Армискома стоит на исключительно партийной точке зрения большевистской и эту точку зрения широко проводят в массе. Правительственные же партии крайне не энергичны и слабы и сорганизоваться надлежащим образом не могут, хотя комиссар Пирогов и делал попытки в этом направлении. Попытка организовать Комитет Спасения родины и революции также идет крайне вяло и, таким образом, все руководство пока в руках большевиков Армискома. *Болдырев.*

— А где председатель Армискома сейчас?

— Сейчас идет заседание, ему позвонили по телефону, чтобы приехал.

— Тогда, если он не выехал, скажи, чтобы не беспокоился, потому что я сейчас должен говорить с XII армией, и передай ему следующее: по полученным сведениям, под Петроградом столкновения обеих сторон прекращены, обе стороны стремятся прекратить братоубийственную распрю и договариваются об условиях; необходимо, чтобы и у вас под Двинском был полный порядок и спокойствие. Можно быть каких угодно политических воззрений, но нельзя не понимать, что, в случае беспорядков, немцы сметут Россию с карты Европы; не могу допустить, чтобы общественные организации V армии не понимали этого. Сейчас я буду говорить с ставкой и решительно буду просить еще раз отменить все наряды войск с нашего фронта, так как это может гибельно отразиться на оперативной стороне дела. *Черемисов.* Больше ничего?

— Больше ничего. До свидания. *Болдырев.*

Разговор по прямому проводу 1 ноября 1917 г. ген. Черемисова с ген. Юзефовичем о положении в латышских частях XII армии [1]).

— Там ли командарм? Доложу сейчас главкосеву.

[Черемисов].— Рассказывай, Яков Давыдович, я слушаю.

[Юзефович].— У меня положение такое: во всех армейских корпусах настроение выжидательно тревожное, причем в частях,

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л.л. 44—49.

стоящих в первых линиях, атмосфера более здоровая, в латышских же бригадах положение чрезвычайно острое. Как я докладывал, первый и третий полки пришли самовольно в Венден, где остаются до сих пор, шестой и седьмой латышские полки перешли самовольно в Вольмар, а оттуда собираются идти в Валк. Начальник второй латышской бригады был арестован, но успел пробраться в Валк; арестованы почти все офицеры, полками командуют большей частью какие-то прапорщики; значительное число латышских стрелков разбрелись по окрестностям, много накопилось одиночным порядком уже в Валке, остальные четыре латышских полка стоят на своих местах, арестовав большую часть офицеров. Полковник Вацетис, вступивший в командование второй бригадой, доносит, что пятый и восьмой полки в любую минуту готовы выступить, если понадобится, на позиции. Из расспросов выясняется, что Военно-Революционный Комитет, составленный почти исключительно из латышских организаций, объявил полкам, что вся власть перешла в руки Комитета, что ему подчинились начальники, и тому подобное. Вообще пущен был в ход весь арсенал провокации. Нужно сказать, что среди латышских полков тоже есть партийность, и не все люди [1]), тоже есть партийность и разногласие, но полки явились оружием в руках большевиков. Вчера закончился армейский съезд в Вендене. Большевики прибегали к самым демагогическим приемам, чтобы сорвать его. После больших уступок со стороны правой, наконец, как будто пришли к соглашению, а именно: образовался Комитет из двадцати трех большевиков и такого же числа небольшевиков [2]), но затем вышел спор из-за председателя. Постановили иметь их двух: большевика Медведева и небольшевика Лихача. Вчера в числе пунктов, принятых большевиками, стоял следующий: полный нейтралитет в смысле отправки войск в Петроград и немедленное прекращение самовольных передвижений войск в пределах армии, отмена всех распоряжений, сделанных Военно-Революционным Комитетом, и возвращение самовольно ушедших частей на свои места. Когда сегодня ночью, после сконструирования Комитета, перешли к деловому обсуждению приведения в исполнение указанного выше относительно войск, перемещенных Революционным Комитетом, то большевики отказались это выполнить и ушли из заседания. Сегодня прибыли в Валк только некоторые члены вновь избранного Комитета из числа небольшевиков, все же большевики остались в Вендене. Между прочим, на съезде решено было собрать к шестнадцатому [3]) ноября новый армейский съезд. Совершенно опре-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) На съезде происходила ожесточенная борьба между правым и левым блоками, правый блок руководился Черновым, численно силы блоков были почти равны. Временный Искосол состоял из 22 большевиков и 22 правых эсеров и меньшевиков.

[3]) Неверно: съезд назначался на пятнадцатое ноября.

деленно можно сказать, что большевики ведут политику затягивания, имея совершенно определенный план захвата власти в свои руки и, я сказал бы, вызова в армии гражданской войны. Тебе, должно быть, докладывал Барановский мой разговор с ним и мои опасения, повторяю еще раз: двенадцатая армия находится в исключительном положении, будучи расположена вся на латышской территории. Латыши везде — и на фронте, и на флангах, и в тылу. Край кишит немецкими агентами, среди большевиков, убежден, есть немецкие шпионы. Много приверженцев немецкой ориентации, вследствие совокупности политической обстановки. Есть и офицеры-латыши, стоящие на немецкой ориентации. Я предполагаю возможность правильно разработанного германским генеральным штабом плана захвата всех узлов и железнодорожной линии, питающей армию, с тем, чтобы заставить сдвинуть фронт. Поступают отовсюду сведения о готовящемся нападении на штаб армии с целью захвата управления армией, внесения дезорганизации в таковое управление. Вместе с тем — внесение разрухи на железных дорогах и прекращение подачи продовольствия; обстановка такова, что у меня нет реальной силы, чтобы воспрепятствовать, ибо нет надежных частей; если что-либо снять, то сейчас же это будет использовано большевиками как попытка командного состава ослабить фронт и отправить войска в Петроград. Я хотел придвинуть 4 донскую дивизию, поставив на ее место 14 кавалерийскую, но последняя вынесла резолюцию, что никуда не пойдет, и провожала 17 кавалерийскую дивизию с угрозами. Всякая попытка командного состава подавить вооруженной рукой возможные замыслы будет истолкована как контрреволюционный акт. 17 кавалер. дивизия — более надежная, но вынесла резолюцию: сохранение нейтралитета и выступление только для прекращения бесчинств и грабежей, — как видишь, положение очень тяжелое. Быть может, у меня предвзятая мысль относительно германского плана, но надо быть готовым к нему. Как тебе известно, весь фронт, с точки зрения боевой и моральной устойчивости, более чем хрупок. Трудно представить себе последствия, когда вся эта масса ринется назад; я напрягаю все усилия, чтобы избежать первого выстрела, успокаиваю, что никаких войск не отправляю из армии в Петроград. При этих условиях нельзя ничего выдергивать, а, между тем, сюда приехали уполномоченные Керенского — представитель [1]) союза броневиков, чтобы взять 5 броневой дивизион. Я категорически запретил, но он ведет какие-то разговоры с Псковом, пытается самовольно захватить подвижной состав и отправить дивизион. Эти все вторгающиеся в управление армией благополучно уедут, а ведь расхлебывать придется нам. Считаю, что [при] всякого рода вторжении нельзя командовать армией. Считаю, что надо подумать на всякого рода возможности [1]) на случай, если начнется в недрах армии

[1]) Так в подлиннике.

гражданская война. Мы сидим на бочке с порохом. Пока все. Не откажи высказать свои соображения и осведомить об обстановке.

Разговор по прямому проводу 4 ноября 1917 г. ген. Черемисова с ген. Юзефовичем о положении в XII армии [1]).

— У аппарата главкосев генерал Черемисов. Здравствуй, Яков Давыдович. Что скажешь?

— Разреши доложить следующее: несмотря на мой приказ армии латышским полкам вернуться на свои места, они, руководимые Военно-Революционным Комитетом, этого не исполнили. Вчера сконструировался новый Искосол, составленный, как я сообщал, из 23 большевиков и 23 небольшевиков, при двух председателях. И правая и левая части Искосола тоже приняли резолюцию о возвращении самовольно ушедших частей на места. Однако Военно-Революционный Комитет, находящийся в Вендене и составленный преимущественно из латышских организаций, с Искосолом не считается. Сегодня утром шестой Туккумский полк самовольно снялся из Вольмара и, при четырех офицерах, выступил походным порядком в Валк, предполагая ночевать в Стакельне, где к ним должна присоединиться первая батарея 42 тяжелого дивизиона, который, вопреки донесения командира дивизиона, оказался не в Коккенгофе, как это было указано, а в Стакельне. Есть слух, что вслед за шестым тронется в Валк и 7 полк. Могу ли говорить откровенно, нет ли там около тебя контроля?

— Нет никого.

— Мои опасения относительно систематического выполнения плана захвата главных узлов подтверждаются. Латышские полки могут оказаться, сами того не сознавая, равно как и русские части, которые к ним могут присоединиться, слепым орудием в немецкой руке. Попытки, все старания воздействовать уговором не приводят к результату; от Армейского Комитета мне пока решительно никакой реальной помощи нет. Настроение в прочих войсках пока спокойное. Сегодня 196 украинцев 17 сибирского полка с поручиком Руденко самовольно ушли с винтовками в 33 дивизию; ко мне поступают заявления от поляков тоже о выделении, предупреждая, что если до известного числа не будут выделены, то начнутся самовольные уходы; опасаюсь, что всплывут такие уходы. Вот все, что главнейшее. Я положительно лишен возможности управлять армией, когда в ней распоряжается кто угодно и нет средств противодействовать этому. Все.

— Чем же я могу тебе помочь? Если у тебя нет надежных войск, на которые ты мог бы опереться, то у меня тем более таких войск нет. Скажи, какой поддержки ты от меня ожидаешь?

---

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л.л. 137—145.

— Нельзя ли мне предоставить одну надежную бригаду 49 корпуса, которую экстренно подвезти к Валку? Я опасаюсь и Юрьева, где около 5.000 латышей в запасном полку. Единственно у меня наиболее серьезный вопрос это латышский. По теперешним временам надо быть ко всему готовым. Хотя представители общественных организаций и уверяют меня, что тут национального латышского движения нет, но, быть может, в народе этого и нет, но среди некоторых вожаков безусловно есть немецкая ориентация. Многие лица очень подозрительны; я опасался открыто объявить о моих опасениях войскам, дабы не вызвать национальной вражды. Практически, пожалуй, это привело бы к худшему, ибо сейчас же обвинили бы в провокации. Скажи, пожалуйста, кто комиссар во фронте? [1])

— Все волнения на фронте происходят вследствие движения войск, направляемых ставкой на север, по направлению к Петрограду, и хотя ставка объявила, что на Петроград войска больше не посылаются для гражданской войны, а двигаются в район Луги для расположения в стратегическом резерве и двигаются потому, что повернуть их сейчас обратно невозможно, тем не менее массы не понимают этого и волнуются, предполагая контр-революционные замыслы. Ты можешь объявить в армии, что никакие части на Петроград не двигаются для гражданской войны ни с других фронтов, ни тем более с нашего — это внесет успокоение. А затем, насколько я успел ознакомиться с требованиями и желаниями различных политических партий, ни одна из них, не исключая и большевиков, не желает открыть фронт противнику, а следовательно, они будут поддерживать все меры, направленные к тому, чтобы не дать возможности немцам опрокинуть наш фронт, то-есть они будут задерживать [2]) и меры против немецких шпионов. Нужно открыто смотреть на создавшееся положение и говорить со всеми партиями, не кривя душой, открыто. И они, так же, как и все мы, стоят за то, что армия должна приложить все усилия к удержанию ныне занимаемых позиций, — пусть они верят кому угодно и поклоняются чему угодно, но помогают нам, то-есть командному составу, в нашей оперативной задаче. Если же они смотрят иначе, тогда одно из двух — либо надо их устранить, либо мы должны уйти, что зависит оттого, какими силами мы и они располагаем, никакие средние решения недопустимы.

— Все это я отлично понимаю. О том, что ничего не отправляется на Петроград, объявлено. Принял все меры, чтобы все знали бы о малейшем движении войск и тому подобное, но это цели не достигает. Разделяешь ли ты мои опасения относительно правильно разработанного немецкого плана, заключающегося в занятии важнейших пунктов, с тем, чтобы внести разруху на фронте и заставить нас отойти?

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике. Надо, очевидно, «поддерживать».

Мне одно видное латышское лицо в разговоре сказало, что латыши изверились в Россию, что автономию им скорее даст Германия и что даже может оказаться, что латышские полки будут сражаться против нас.

— Я думаю, что латыши не пойдут против нас, потому что они понимают, что если это случится, то наши армии, стоящие на фронте, скифским потоком ринутся назад и, как саранча, уничтожат все на своем пути, а прежде всего уничтожат латышские хутора и деревни. Латыши не могут не понимать, что земля будет спасена от полного разорения лишь при правильной демобилизации армии; они ведь знают, как сейчас грабят их одиночные дезертиры и небольшие банды беглецов с позиций, что же это будет, когда хлынет вся масса войск, стоящих на фронте? — 49 корпус находится в твоем распоряжении, следовательно, ты можешь распорядиться им как угодно.

— Что ты сказал, мною почти дословно было сказано представителям латышского общества; и они и народ это понимают, но весь вопрос в том, что им выгодно разорить край тем или иным способом, и чем больше будет уничтожено латышей, тем вернее прочное господствование немцев в Латвии, а среди вожаков есть такие, которые являются германскими агентами. В темной массе они бросают лозунги: чем больше разруха, тем скорее мир. Не откажи сказать, что на других фронтах?

— Что делается на других фронтах, я, к сожалению, не знаю. Ставка нас не ориентирует и, повидимому, сама подпала под влияние разных политических партий. Я всегда решительно стоял за невмешательство армий в политику, так как это может кончиться гибельно для государства. Придут немцы, сметут все партии и водворят свои порядки. Советую и тебе не вмешиваться ни в какую политику, а исполнять свою оперативную задачу и все вопросы ставить на практическую почву. Пусть латыши разводят какую угодно политику и стремятся к кому угодно, к нам или к немцам, но они не могут не понимать, что с ними случится в ближайшем будущем, если произойдет развал фронта и войска вернутся назад голодные, оборванные.

— Ни в какую политику не впутываюсь, предоставляя в этом отношении полную свободу; есть политика, которая не может не отразиться на прямой боевой задаче; еще раз подчеркиваю, что немецкие агенты не считаются с разорением края. Что в Петрограде?

— Немецких агентов надо ловить и расправляться с ними, как с шпионами. В Петрограде, по имеющимся сведениям, полное спокойствие и порядок; повидимому, захватившие в руки власть стараются всемерно не дискредитировать ее хулиганскими выходками. Приехавший оттуда шофер рассказывал, что с пойманными... [1]) красногвардейские патрули расправляются на месте, уничтожая их. Вообще

[1]) Следующее слово не разобрано.

у нас связи никакой с Петроградом нет, получаем только случайные сведения, как, например, от шофера, ездившего за семьей наморштасева. С морским министром есть связь, но там на аппарате дежурит агент Революционного Комитета.

— Как поймать агентов и шпионов, когда многие из них — под маской любимых народных вожаков, и масса всегда пойдет за ними, не поверит другим, а улик нет. До нас дошли слухи, будто ночью в Петрограде было неспокойно.

— Если невозможно поймать немецких агентов, то и говорить не о чем. Я говорю о том, что мы должны делать и к чему стремиться, а удастся ли это осуществить — дело другое. Относительно последней ночи в Петрограде мне ничего не известно, газеты приходят, но с большим опозданием. Я жду, что, наконец, все это как-нибудь уладится и определится наше положение, ставшее теперь странным и даже глупым, я говорю про командный состав. Ставка не дает никаких указаний, осуществимых на практике по обстановке. Я уже заявлял о своем желании устраниться от всей этой передряги, но не решаюсь пока этого сделать, опасаясь общего пожара на фронте. До сих пор мне удается сдерживать все бесчисленные комитеты и войска фронта от эксцессов. У нас в Пскове дело кончилось выпуском арестованных солдат и грабежом одного ювелирного магазина. Все это удается достигнуть лишь благодаря тому, что я всемерно удерживаю ставку от посылки войск на север через станцию Псков. Это именно обстоятельство и создает все эксцессы. Вчера I армия, узнав, что финляндцы продолжают движение на Лугу, постановила половину армии послать для нападения на них с тыла, а другую половину оставить в окопах. Комиссары бывшего Временного Правительства избрали очень милую для них тактику: как только обстановка складывается для них неблагоприятно, они удирают из Пскова, — так удрал Войтинский, а за ним его помощник Савицкий. Нынешний комиссар Шубин балансирует между двумя стульями и, я думаю, скоро также даст тягу, и только мы, командный состав, при всех обстоятельствах должны оставаться, как часовые, на своем посту и расплачиваться за свои и чужие ошибки. Пресловутый Комитет Спасения революции, принадлежащий к партии, которая около 8 месяцев правила Россией и травила нас, командный состав, как контр-революционеров, теперь поджала хвосты, распустила слюни и требует от нас, чтобы мы спасли их. В то время, как большевики успешно пропагандируют в войсках, эти господа ограничиваются только тем, что ссорятся между собой и требуют помощи от командного состава. Картина безусловно возмутительная.

— Ты сказал то, что я с утра до ночи бросаю в глаза всем своим комитетам. Совершенно правильно: сделали все, чтобы лишить возможности командовать, а теперь предъявляют требования; только сознание долга заставляет оставаться на месте, и я завидую рядо-

вому солдату, стоящему в сторожевке. Если у тебя другого нет, то не буду больше задерживать.

— До свидания. *Черемисов.*

— До свидания. *Юзефович.*

IV.

ГАТЧИНА — ЛУГА.

Телеграмма Керенского 28 октября 1917 г. о распаде большевизма [1]).

Считаю необходимым указать, что большевизм распадается, изолирован и, как организованной силы, его нет уже и в Петрограде.

Главковерх *Керенский.*

Телеграмма и. д. штаб-офицера для поручений при начальнике кабинета военного министра Данилевича 28 октября 1917 г. о прекращении движения войск, идущих на помощь Петрограду [2]).

Генкварсев генералу Барановскому. Весьма срочно.

Из Кариса от Гатчины. 28 октября 1917 г. № 18.

Сообщаю адресованную в Петроград в Военно-Революционный Комитет телеграмму и прошу принять возможные меры к прекращению движения нижеуказанных войск. «Согласно приказания Военного отдела Областного Комитета Финляндии эшелоном 500 штыков 16 пулеметной бомбометной минометной командами следую ваше распоряжение из Экенеса. В Петрограде буду утром 29 октября. Командир 428 Лодейнопольского полка подполковник Поканов[?]». 162.

Данилевич.

Телеграмма ген. Барановского Керенскому 29 октября 1917 г. о невозможности приостановить движение войск, идущих из Финляндии на помощь Петрограду [3]).

Гатчина. Главковерх.

162. Штасев лишен возможности принять меры против движения мятежных войск из Финляндии, так как связи с Финляндией нет. В Финляндии повсеместно действуют большевистские Революционные

---

[1]) Получена и. д. комиссарверха из Царского Села вечером 28 октября. В. И. А., т. I, д. № 2247, л. 87.

[2]) На подлиннике пометы: «Начальнику военных сообщений армий сев. фронта. Генкварсев просит, если возможно, принять меры остановки эшелона. 29/X. Помгенкварсев полковник *Артемьев.*

Верно полковник (подпись).

Резолюция генкварсев: ГОС доложено 29/X.» В. И. А., д. № 222—092, л. 236.

[3]) В. И. А., ч. I, д. № 222—092, л. 237—238.

Комитеты. Полагаю, что отряд 428 полка рассыплется так же, как и Петроградские отряды. Не можете ли попытаться направить в Финляндию броневой поезд для временной порчи пути, либо принять другие меры, действуя через Петроград. Псков. 29 окт[ября]. № 2017-гос.

Барановский.

Телеграмма Керенского 30 октября 1917 г. начальнику штаба верх. главноком. о посылке ударных частей и кавалерии [1]).

Из Гатчины. 30/X 1917 г. 16 ч. 30 м.

Прошу сделать распоряжение о посылке ударных частей и кавалерии. В случае каких-либо затруднений с посылкой пехоты, напрягите всю энергию к скорейшему продвижению войск. Телеграфируйте через штасев всю имеющуюся у вас информацию за последние два дня. *Керенский.*

Телеграмма Керенского 31 октября 1917 г. командиру 17 драг. Нижегородского полка. [2])

Весьма срочно.

Калуга. Командиру 17 драгунского Нижегородского полка. Копии наштазап и начвосоверх.

Пассажирскими поездами 17 Нижегородскому полку приказываю немедленно прибыть в Гатчину. Гатчина. 31 октября 1917 года. 1 час. 10 мин. 172. *Керенский.*

Запрос комиссара сев. фронта Войтинского 30 октября 1917 г. о движении войск, направленных в распоряжение Керенского [3]).

Говорит комиссарсев Войтинский. Передайте, если можно, сейчас же генералу Кондратьеву [4]) просьбу главверха выяснить, где находятся эшелоны семнадцатого корпуса генерала Шиллинга и сколько их в пути. Подробные сведения телеграфируйте в Царское возможно скорее. На-ряду с этим примите все меры к ускорению продвижения эшелонов. Есть основание опасаться, что железнодорожное движение может приостановиться, поэтому необходимо спешить сосредоточением войск. На случай прекращения движения прошу зара-

---

[1]) В. И. А., д. № 222—092, л. 277.

[2]) В. И. А., ч. I, д. № 815, л. 35. На подлиннике помета: «31/X. 3 ч. 17 м.»

[3]) В. И. А., д. № 222—092, л. 233.

[4]) Начальник военных сообщений северного фронта. — С кем говорил Войтинский, не установлено.

нее принять меры к обеспечению продвижения наших эшелонов, не останавливаясь ни перед чем. Копию этой телеграммы отправьте Барановскому. Исполните немедленно. *Войтинский* [1]).

Телеграмма Войтинского 30 октября 1917 г. о посылке авиационных частей[2]).

Псков. Савицкому. Копия Барановскому.

С величайшей спешностью пришлите все, что можно, в частности оставшиеся в Пскове эшелоны 3 корпуса, кроме минимальных сил, которые вам абсолютно необходимы. Передайте авиасеву приказание главковерха выслать к нам все годные для боевых действий машины с перцовыми [3]) летчиками и достаточным запасом материалов. Это должно быть исполнено сегодня же утром. Прибыть в Царское Село в распоряжение генерала Краснова. О времени прибытия и месте спуска предупредить штакор 3 конного за два часа до встречи. Такой же приказ главковерха передайте, по моему поручению, авиазап, направив копию телеграммы комиссарзап. У нас положение, не выяснившееся окончательно. Идут боевые столкновения без решающего значения. В Петрограде сегодня разгромлены два юнкерских училища. Была сильная стрельба, много жертв, производятся аресты среди наших. В Москве наши успешно теснят большевиков. На юге, вокруг Новочеркасска, организуется не на шутку новый государственный центр с углем и хлебом. Железнодорожники под угрозой всеобщей забастовки требуют объявления перемирия в гражданской войне и образования социалистического правительства от эн-эсов и [3]) большевиков. Наш отряд приобрел значение решающее. Имейте это в виду и делайте все для усиления. Против лиц, противодействующих или отказывающих в содействии, принимайте решительные меры. Если требуемые меры превышают ваши полномочия, телеграфируйте главковерху и мне. Мой адрес на завтра — Гатчино. Сообщите о месте нахождения моего секретаря. *Войтинский.*

Телеграмма Войтинского ген. Барановскому 30 октября 1917 г. об ускорении отправки частей 49 корпуса в распоряжение Керенского [4]).

Генкварсев Барановскому. Копия помкомиссарсев Савицкому.

Главковерх просит вас выяснить, началась ли отправка частей 49 корпуса на восток. Если отправка не началась и есть возможность двинуть хоть несколько батальонов, примите все меры, чтобы уско-

[1]) На подлиннике помета: «Ген. Барановскому. Гос. К делу. Г.-кв. 30/X».

[2]) В. И. А., д. № 222—092, л.л. 279—280.

[3]) Так в подлиннике.

[4]) На подлиннике помета: «Необходим законный приказ главковерха или наштаверха. Если будет получен, передать в XII армию для исполнения. Ген. *Черемисов*. 31/X». В. И. А., д. № 222—092, л. 327.

рить дело. Передайте это главкосеву. Если формальный приказ об отправке главкосевом еще не получен, то настоящую телеграмму мою принять за устный категорический приказ главковерха, переданный мною по его поручению. *Войтинский.*

Сообщение адъютанта Керенского прапорщика Миллера по прямому проводу в ставку 31 октября 1917 г. о положении в Гатчине [1]).

— Говорит прапорщик Миллер. От Гатчино.

Ночью мною было передано вам о положении нашего отряда. Прошу сообщить, доложили ли ленту Духонину и какое распоряжение сделано об ускорении продвижения к нам эшелонов. Верх. главнокомандующий приказал передать ген. Духонину просьбу о распоряжении срочной доставки к нам броневиков. За истекшую ночь противник почти не проявил активности. По непроверенным еще сведениям, есть предположение, что какая-то кубанская двизия подошла к Петрограду со стороны Лесного. Настроение в отряде прекрасное, прибыли партизаны отряда смерти из Луги. Усиленный подвоз снарядов из Лужского склада. С Петроградом постоянная связь. Ночью были у верховного представители первого Донского казачьего полка из Петрограда и первой Петергофской школы прапорщиков, которая обезоружена большевиками. Прапорщик *Миллер.*

Прошу при разговоре с нами непременно вызывать меня или поручика Данилевича.

Телеграмма Керенского, Авксентьева, Гоца и др. 31 октября 1917 г. к армиям о срочной посылке войск в Лугу и Гатчину курьерскими поездами [2]).

Армикомитетам I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, особой, всем командармам и комкорам. № 103.

Из Гатчино-дворца. Военная, срочно. 31/X. 1917 г. 3 ч. 20 м.

Временный Совет Российской Республики, Всероссийский Комитет Спасения страны и революции, Центральные Исполнительные Комитеты Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов призывают действующую армию немедленно прислать войска хотя бы и по одному пехотному полку от ближайших армий и возможно срочно, самыми действенными средствами, не останавливаясь ни перед чем; курьерскими поездами доставить эшелоны в Лугу и Гатчину. Вся тяжесть ответственности за промедление падает на промедляющих. № 174 [3]).

Керенский, Авксентьев, Гоц, Войтинский, Станкевич, Семенов.

[1]) На подлиннике помета: «Угенкварверх 31 октября 1917 г. Вх. № 32599». В. И. А., ч. I, д. № 815, л.л. 51—53.

[2]) В. И. А., д. № 222—092, л. 287.

[3]) «№ 174» надписано над зачеркнутым: «№ 103».

Разговор ген. Духонина с ген. Барановским 31 октября 1917 г. (с 1 ч. до 2 ч. 40 мин.) о положении у Гатчины и донесения ген. Духонина Керенскому о положении в армиях и в тылу [1]).

— Пригласите ген. Барановского, просит наштаверх.

— Ген. Барановский у аппарата.

— Здравствуйте, Владимир Львович.

— Здравия желаю.

— Сейчас говорил с Данилевичем. Вот их обстановка: сегодня с 12 до вечера производили огневую разведку у Пулково. Вначале под влиянием огня большевики стали разбегаться, но потом к ним, повидимому, подошло значительное подкрепление, а у нас, при незначительном людском составе, иссяк запас снарядов и патронов, в виду недостатка коих и по тактическим соображениям генерал Краснов решил отвести главные силы в район Гатчины, где решено занять оборонительную позицию до подхода идущих подкреплений. Патронов в Гатчино достаточно. Снаряды поданы из Луги, но в небольшом количестве. Просят: поскорее продвигать эшелоны и принять меры к обеспечению Луги как ближайшего тыла и артиллерийской базы. Сейчас у них совещание; не откажите мне сообщить, действительно ли 30 вечером к Могилеву должна была подойти и подошла ли в действительности голова 3 Финл[яндской] дивизии, — об этом сегодня днем вы мне говорили.

— Меры к обеспечению снарядами и патронами и вообще всем довольствием должен принять на себя северный фронт целиком. Ему запасы эти пополним. Что касается эшелонов 3 Финляндской дивизии, то головной сегодня вечером подходил к Минску в восемь часов вечера, а на другом пути около десяти часов подходил к Жлобину; если он там не будет задержан эшелонами 156 дивизии, то ночью, вернее под утро, подойдет к Могилеву. Очень сильно вредят Комитеты Спасения революции, и большевики всячески устраивают саботаж.

— Не будет ли еще каких-либо распоряжений и вопросов?

— Три эскадрона Нижегородского полка должны были сегодня отправиться из Калуги в Москву на поддержку войск Московского гарнизона, поэтому, если приказание исполнено и перевозка уже в ходу, не удастся исполнить эту телеграмму. Передаю вам следующую телеграмму главковерху:

«Военная. Главковерх. Секретно. 29 октября. Положение на фронтах выразилось в следующем: на северном в XII армии латыши, оставив позиции, направились для занятия в тылу городов Валк, Вольмар, Венден. В Ревеле хотя выступлений не было, но 13 и 15 Донские полки не могли быть отправлены к Петрограду, так как большевики угрозой воспретили подачу подвижного состава. Полки же

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 815, л. 101—108.

эти, по неизвестным мне причинам, не проявили решимости добиться выхода хотя бы до ближайшей станции для погрузки вне района Ревеля. Комитеты V армии высказались за посылку войск в Петроград на помощь большевикам, а Комитеты I армии заняли, в общем, пассивное положение. В самом Пскове положение неопределенное, и образовавшийся Революционный Комитет не высказывает стремления к активному выступлению против большевиков. Общее настроение частей фронта скорее пассивное к текущим событиям, и, во всяком случае, решительно поддержать правительство в борьбе против все более и более охватывающего страну большевистского влияния не проявляется. На западном фронте, в сущности, распорядительным органом является образовавшийся в Минске Комитет Спасения революции, без санкции которого ни одна войсковая часть не может быть двинута куда-либо для подавления большевистского движения. В армиях эксцессов пока не было, но настроение масс нервно-выжидательное, а отчасти и пассивное по отношению к работе большевистского движения. В тылу фронта почти во всех городах и железнодорожных узлах большевистское движение взяло верх, захватывает в свои руки управление и распорядительную часть. Все эти операции большевиков производятся ими или при активном участии местных гарнизонов или при полном пассивном подчинении массовой воли небольшим кучкам руководителей и даже отдельных личностей. На юго-западном фронте настроение в общем наиболее благоприятное для правительства, но зато были и кровопролитные столкновения. В Виннице произошел упорнейший бой с участием с обеих сторон даже броневиков и аэропланов, причем со стороны правительственных войск приняли участие проходившие эшелоны 3 Финляндской дивизии, что задержало течение движения на Петроград. К вечеру 30 октября большевики обращены в бегство, но потери и утомление правительственных войск воспрепятствовали преследовать мятежников, которые рассыпались по окрестностям и внесут анархию в тылу. В Киеве обстановка представляется чрезвычайно сложной, благодаря образовавшемуся Украинскому Революционному Комитету, от которого 29 октября откололась Рада, выставив свои лозунги против большевиков. Революционный же Комитет дает приказания украинизированным войскам и усложняет дело борьбы с большевиками как в самом Киеве, так и вне его. В Киеве происходят пока отдельные стычки, но заметна подготовка более серьезного выступления большевиков. Шедшая с юго-западного фронта украинизированная 156 пехотная дивизия в стратегический резерв в район Полоцка получила приказ от Украинского Революционного Комитета повернуть на Киев для защиты Рады. Вследствие этого эшелоны ее в Орше и Жлобине отказались итти дальше и требуют направления их на Киев. Двухдневные усилия двинуть дивизию пока результатов не дали, а в Орше, кроме того, часть людей 623 полка примкнула к большевикам и дала

им возможность завладеть этим городом. На румынском фронте положение скорее пассивное к происходящему движению, так как до сих пор не удалось сформировать даже отряда для посылки в Москву, вследствие затяжки вопроса комитетами, несмотря на многократные напоминания. Одесса пока находится, в общем, в пассивном состоянии. В Москве положение тяжелое. Правительственные войска, геройски ведшие активную борьбу, напрягают последние усилия. Удалось овладеть центром города, но все окраины и вокзалы находятся в руках большевиков-красногвардейцев и пьяной черни, в уличной борьбе с которыми силы верных правительству войск тают, и если в ближайшие 2 дня не подойдет помощь, то законные власти должны будут капитулировать. Харьков, Воронеж, Курск, по сведениям Донского Правления, находятся во власти большевиков. В общем, непосредственно в войсках позиций большевистское движение пока проявилось только в несколько участившихся случаях братания, но эксцессов не было. Однако волна большевизма, идущая с тыла, постепенно приближается, и я считаю себя обязанным доложить, что если кризис затянется еще на 2—3 дня, то нельзя поручиться за спокойствие на позициях. Настроение масс неустойчивое, с часто меняющимся взглядом на положение. Это обстоятельство имело место и с отправкой бригады пехоты 17 корпуса, где части, выразившие сначала добровольное желание идти на Петроград, затем при посадке отказались, и ныне, с утра 31 октября, будут грузиться другие, которые сегодня высказали поголовно свое желание. Все, что возможно при наличии сложившейся обстановки для подавления большевистского движения и для оказания поддержки вам, я принимаю и настойчиво стремлюсь преодолеть все неожиданные возникающие препятствия на пути проведения мероприятий. К утру 1 ноября, если не возникнет новых препятствий, бригада пехоты 17 корпуса начнет подходить к Царскому Селу. И к вечеру 1 ноября начнут подходить 3 Финляндская дивизия и 17 Донской полк. Но напряжение на всем фронте, а главное, препятствия растут, и задержка в ликвидации движения позже 1-го ноября может сильно отразиться на положении войск на позициях, тем более, что расстроенный окончательно подвоз северному фронту может вызвать голод для войск этого фронта. 8032. *Духонин*».

— Передам вам телеграмму, только что полученную и указывающую, что 17 Нижегородский полк еще в Калуге.

Вот телеграмма депутации этого полка [1]).

Засим не откажите сообщить, насколько верны сведения, полученные у нас, о том, что немцы атаковали на Скробовском участке и заняли нашу передовую линию. Эти сведения получены из V армии и подтверждены штазапом.

---

[1]) Телеграмма в деле отсутствует.

— Пока мы такого донесения не имеем, но были сведения о начавшейся артиллерийской подготовке на этом направлении. Сейчас наведем подробную справку по этому вопросу. Что, еще не получена известная вам телеграмма [1]) от главковерха?

— Нет, не получена.

— Тогда разрешите передать непереданную мою вчерашнюю телеграмму: «Военная. Главковерх. 163. Оценивая обстановку, ныне слагающуюся на фронтах, считаю себя обязанным доложить, что наступивший момент признаю слишком критическим по настроению масс для приведения в исполнение указанной меры. Положение в армейских тылах на фронте за сегодняшний день осложнилось, большевистская пропаганда имеет успех и охватывает темные массы, самочинные организации побуждают войска к пассивному отношению к большевистскому движению и влияют на правильность работы железных дорог по подвозке войск. При наличии создавшейся обстановки полагаю как самый арест, так и перевозка и содержание в ставке могут вызвать тяжелые эксцессы. Полагал бы ограничиться предложением оставить должность и отбыть за пределы действующей армии во внутреннюю Россию, во временное исполнение должности, согласно положения о полевом управлении войск, вступить начальнику штаба. 8022. *Духонин*».

Сейчас получена телеграмма о том, что около 17 часов противник повел атаку на фронте от Горного Скробова до Заосья. Часть противника была отброшена огнем, а другой части удалось первоначально ворваться на нашу главную позицию, но контр-атакой он был отброшен, бежал в беспорядке и задержался только в некоторых передовых окопах. Подготавливается дальнейшая контр-атака, чтобы выбить его окончательно. Вот все.

— Спасибо, всего хорошего.

— Нельзя ли просить, чтобы Совет Республики побудил бы Совет Спасения революции западного фронта исполнять распоряжения, исходящие от командования, беспрепятственно, потому что каждый приказ, отданный войскам по посылке войск в Петроград и Москву, подвергается обсуждению, которое ведется крайне медленно, что, в лучшем случае, затягивает исполнение, а иногда, вследствие недостаточной компетентности и знания обстановки, приводит к неисполнению и дискредитирует командный состав. Было бы полезно указание этому Совету свыше. Всего хорошего. *Духонин.*

— Всего хорошего. *Барановский.*

---

[1]) Речь идет, очевидно, о телеграмме Керенского, которая должна была решить участь главкосева ген. Черемисова, удаление и арест которого подготовлялись ставкой.

Телеграмма адъютанта Керенского Миллера 31 октября 1917 г. в ставку об оставлении Царского Села [1]).

Из Гатчино. Принята 31/X 1917 г. 4 ч. 30 м.

Состоящий при верховном главнокомандующем адъютант прапорщик Миллер у аппарата. Поручик Данилевич занят на прямом проводе с наштасевом. По приказанию верховного главнокомандующего могу ориентировать о положении дел у нас в отряде, для чего прошу вызвать к проводу генерала Духонина. Прапорщик *Миллер*.

В настоящее время в отряде большой недостаток в пехоте, имеется только около 700 юнкеров школы прапорщиков северного фронта и 150 человек партизан из Луги. Сегодня произошел сильный бой с противником в районе Царского Села, Александровской и Пулково. Противник был много сильнее нас и, несмотря на то, что с начала боя, под влиянием обстрела двух батарей и конной атаки двух сотен сводного гвардейского казачьего полка, противник подался назад, но, в виду недостатка в снарядах и в патронах, нам пришлось свести силу огня до минимума. Это время противник пользовался этим [2]), начал обстрел наших частей и, очевидно, руководимый опытными, по поступившим сведениям, немецкими начальниками, применял чисто германскую тактику германского боя: пошел в наступление, стараясь обходить фланги нашего малочисленного отряда. Под прикрытием бронированного поезда и автомобиля мы отошли в Царское Село. По поступившим сведениям, в Колпино сосредоточивались их войска для удара нам в тыл. Принимая во внимание все вышеизложенное, генерал Краснов отошел в Гатчино, оставил Царское для ожидания пехоты и привозки необходимого запаса снарядов из Лужского склада. В отряде настроение бодрое, все время подходят эшелоны. Подробности можно получить от Барановского. Усиленно прошу как можно ускорить продвижение к нам пехоты, пользуясь для этого пассажирскими паровозами. Необходимы броневики. Состоящий при штабе верховного главнокомандующего адъютант прапорщик *Миллер*.

Прошу иметь в виду, что в 1 ч. 36 м. ночи Царскосельский радиотелеграф занят большевиками. Прошу передать, имеются ли у вас телеграммы.

Разговор по прямому проводу 31 октября 1917 г. ген. Духонина с ген. Барановским о выступлении броневого дивизиона и гарнизона гор. Режицы [3]).

— У аппарата ген. Барановский.

— Здравствуйте, Владимир Львович. Не откажите сообщить мне, послан ли броневой дивизион со станции Режица и улажен ли воз-

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 815, л.л. 133—140.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Разговор происходил 31 октября 1917 г. от 16½ ч. до 17¼ ч. В. И. А., ч. I, д. № 815, л.л. 112—117.

никший там инцидент с Комитетом Спасения. Его нужно немедленно отправить по назначению.

— Здравия желаю, Николай Николаевич. Извиняюсь, что задержал вас. По делам ездил в город. Относительно броневого дивизиона сейчас наводит справки подполковник Артемьев [1]), два часа тому назад он был в Режице, не уходил. Сейчас могу вам передать интересное — разговор с Данилевичем: «У нас произошло совещание большого значения. Толчком послужила телеграмма всех организаций, призывающая прекратить кровопролитие, заключить перемирие и вступить в переговоры. Решение еще не распубликовано и широко не оглашено, но соглашенческое течение идет из Петрограда. Однако соглашение о приостановлении действий не останавливает посылки войск, так как лишь при наличности сил с этой компанией можно взять удовлетворительный государственный курс. Могу сообщить, что первый авиационный отряд, отказавшийся вчера ехать в Гатчину, выбросив из своего состава 25 большевиков, в 3 часа ночи туда поехал; завтра откроет операции; кроме того, я приказал части аппаратов 4-й авиагруппы из-под Вендена лететь в Псков и Гатчину. Не знаю сейчас, прибыли они сюда, еще не докладывали». Вот пока все.

— Что же это значит? Главковерх принимал участие в этом совещании? Какое решение? Получена ли телеграмма главковерха, в ответ на посланную ему в связи с № 163?

— Сам не понимаю. Говорил не я, а Артемьев. У нас установлена полчаса тому назад связь с Гатчиной по юзу, часа через два будет связь прямая с вами, а сейчас я могу переключить вас на наш провод: попробуйте поговорить лично или обождите два часа. Ответ на телеграмму вашу № 163 не получен, равно как и на мою, отправленную много раньше, после разговора с вами вчера.

— А в Москве, Виннице, Киеве кровавые бои за поддержку Временного Правительства, за то, чтобы сокрушить большевиков. Много верных долгу пало в этой борьбе. Мне говорил Иорданский, что в Киеве расстреляны большевиками комендант генерал Цитович и четыре его офицера за то, что остались верными Временному Правительству. Около Винницы, говорят, до 1.500 человек убитых и раненых за верную поддержку правительства. Я думаю, это очень красноречивые данные, свидетельствующие, что это не была только область одних слов, но дела, для заветного служения родине.

— Скажите, пожалуйста, пойдет ли броневой дивизион? Он должен быть отправлен немедленно. Все большевики изъяты из него, и через полчаса поезд должен тронуться в путь. Я приказываю это от имени верховного главнокомандующего и об исполнении прошу телеграфировать, ибо это крайне необходимо.

---

[1]) Помощник генкварсева.

— Он еще не ушел, его задерживает гарнизон Режицы. Сию минуту передам ваше приказание. Будут ли еще какие-нибудь распоряжения?

— Что вами послано сегодня главковерху?

— Сегодня должны были уйти Уссурийцы и Нерчинцы из Пскова, но в связи с режицкими событиями были задержаны; тем не менее, они будут сегодня отправлены, так как к нам подходит 3 Уральский полк из V армии, вернее — со ст. Дно. Больше ничего не отправлялось, 17 кавалерийскую отправить оказалось невозможным, так как латышские полки это какие-то чудовища и гроза всей XII армии. Генерал Юзефович говорит, что действия латышских полков явно большевистские, совершенно самовольные, имеют более серьезное значение, чем подобные самовольные действия других частей, так как связаны с общенациональным движением латышей, ненавидящих наши войска и вообще нас за все причиненные им беды нашими войсками. Он называл положение своей армии катастрофическим, просил быть готовым ко всему и не строить себе никаких иллюзий. Также не двинулось ни одной части и из I и из V армии. Генерал Болдырев с трудом, при содействии железнодорожников и других демократических организаций, уговорил свой Армиском не посылать дивизию на помощь большевикам. Вот все.

В 49 корпус прибыл поручик Мазуренко, который от имени Комитета Спасения потребовал у комкора войск для направления в Гатчину на помощь Краснову. Желающие части там нашлись. Сейчас поступил запрос — можно ли их отправлять?

— Как же решили?

— Послал наштасеву телеграмму, решения еще нет, потом доложу.

— Какой гарнизон в Режице, который примкнул к большевикам?

— Всякие тыловые части армейских учреждений и этапные и, кажется, один эскадрон.

— Каково настроение самого дивизиона и почему он был намечен к отправлению?

— Настроение дивизиона, бывшего долго в Петрограде, на половину большевистское. По прибытии в Двинск, около трех недель тому назад, он вызвал там всеобщий ужас и смятение. Просили его убрать. Назначили его потому, что из Гатчины прибыл капитан этого дивизиона и просил настойчиво взять шесть машин, обещая соответственный подбор людей. Это было разрешено и выполнено. Мы же полагали необходимым отправить пятый броневой дивизион, находившийся в командировке у Пернова и, как вам известно, ныне застрявший в Валке, дивизион надежный.

— Если режицкий дивизион неблагонадежный, то как же его можно посылать?

— Был уверен, что благонадежность не внушает никаких сомнений.

— Если же доверять ему нельзя, то посылка только лишь повредит делу. Нельзя ли послать несколько машин по шоссе из состава пятого дивизиона? Это ослабит его немного, а делу принесет большую пользу.

— Я вам докладываю, что из состава 1 дивизиона взяты люди только надежные, все ненадежное осталось в Двинске, откуда он и пришел в Режицу для посадки. Так как в Двинске посадка была невозможна, он и погрузился в Режице, но потом был задержан, с арестом начальника эшелона. Что касается пятого, то мы на все лады пытались вытащить оттуда хоть что-нибудь, но не удалось ничего.

— Я сейчас на минутку отлучусь. Обождите у аппарата.

— Там ли, у аппарата ли, генерал Барановский?

— Отошел, послать?

— Передайте ему вопрос... «нельзя ли режицких послать на замену части пятого броневого дивизиона и Керенскому послать несколько машин из пятого?»

— Только передать это или пригласить их самих сюда?

— Только передать и ответ нам дайте сейчас же.

— Слушаю.

[Барановский].—Мы попробуем и сделаем все, что возможно, хотя я сильно сомневаюсь, чтобы такая замена была легче, чем отправление из Режицы.

[Духонин].—Словом, послать надо сегодня же и надежные машины в смысле состава. Сделайте это возможно внимательнее, чтобы усилить, а не ослабить главковерха. В настоящее время финляндцы проходят западный фронт. Когда установится связь по юзу с Гатчиной, то я буду просить подойти главковерха, а пока всего хорошего, сделайте все возможное для посылки броневиков и частей состава 49 корпуса и как можно скорее. *Духонин.*

— Сделаю все возможное. Всего хорошего.

Телеграмма Войтинского на северный фронт 1 ноября 1917 г. о низложении Керенского [1]).

Псков — главкосев, наштасев, помкомиссарсев, начвососев, комарсев.

1/XI. 1917 г. От 3 кон. [2]).

Между сосредоточенными у Петрограда войсками и представителями Петроградского гарнизона достигнуто соглашение на основе низложения Керенского. Предпишите немедленно остановить все двигающиеся к Петрограду эшелоны и прекратить всякие действия, связанные с формированием отряда Керенского. *Войтинский.*

---

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л. 34.

[2]) Третий конный корпус.

Разговор по прямому проводу 1 ноября в 17 ч. 10 м. ген. Духонина с генералами Лукирским и Барановским о низложении Керенского [1].

[Духонин] Не можете ли вы мне сказать, подошла ли к Пскову голова 3 Финляндской стрелковой дивизии, а также отправлены ли вами броневые машины?

[Лукирский] Сейчас генерал-квартирмейстер пошел получить новейшие сведения о месте нахождения 3 Финляндской дивизии. Броневые машины из состава V армии, дошедшие, было, до Режицы по шоссе, застряли на станции при погрузке. Вчера послал на выручку им 2 сотни Уссурийцев, охотно согласившихся выручить эти машины и сопровождать их в Гатчину. Однако, прибыв в Режицу, казаки уже не нашли броневиков, так как их угнали, кажется, в Двинск. 5 броневой дивизион, задержанный в Валке, ныне, по имеющимся у меня сведениям, но не проверенным, якобы, ушел из Валка. Первый ударный батальон, бывший в Валке, захватил подвижной состав и направляется на Псков, предварительно выбросив из своего состава элементы отрицательные. Эшелоны 3 Финляндской стрелковой дивизии с часу дня начали проходить Псков, причем в голове прошел первый эшелон девятого Финляндского, за ним идут 2 эшелона 137 Нежинского, далее штаб 35 дивизии, далее мортирный дивизион, далее в перемежку части 17 корпуса и 3 Финляндской дивизии, эшелоны один за другим. Вместе с тем позвольте доложить вам для сведения только что полученную мною телеграмму комиссарсева, которую, однако, я, кроме вас, никому не передам: «Псков — главкосев, наштасев, помкомиссарсев, начвососев, комарсев. Между сосредоточенными у Петрограда войсками и представителями Петроградского гарнизона достигнуто соглашение на основе низложения Керенского. Предпишите немедленно остановить все двигающиеся к Петрограду эшелоны и прекратить всякие действия, связанные с формированием отряда Керенского. Войтинский». К этой телеграмме, однако, надо относиться с большой осторожностью, так как нам известно, что Войтинский в Луге, а получена она по аппарату юза из Гатчино. Не признаете ли возможным дать нам сейчас телеграмму с приказанием направить в распоряжение комкора 3 конного следующее количество снарядов и патронов из Пскова: 20.000 гранат и 20.000 шрапнелей легких, пятнадцать миллионов 3 линейных русских ружейных патронов, две тысячи восьмисантиметровых австрийских снарядов для бронепоезда. Означенное количество снарядов требуется корпусу, и за ними приехал приемщик, а между тем, за отсутствием официального распоряжения, исходящего от главковерха или вас, главкосев не дает разрешения на отпуск этих снарядов и сейчас говорил по телефону, чтобы вы дали надлежащую телеграмму.

[1] В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л.л. 37—39.

[Барановский] Я заведомо знаю, так как сам лично говорил с Войтинским, что эти снаряды необходимы, и приехавший приемщик именно то лицо, которому поручено их получить. Кроме того, мы их пошлем под конвоем Нерчинских сотен, но задерживать дальше нельзя. *Барановский.*

[Духонин] Сейчас будет передано распоряжение. Считаю, что требуемое количество огнестрельных припасов чрезмерно велико. Необходимо значительно сократить. До свиданья. Всего хорошего. *Духонин.*

— До свидания. *Лукирский.*

Разговор по прямому проводу 1 ноября 1917 г. ген. Духонина с ген. Лукирским о бегстве Керенского [1]).

— У аппарата генерал Лукирский.

— Добрый вечер, Сергей Георгиевич. Не получали ли вы каких-нибудь вестей из Гатчины? Я получил телеграмму от Краснова и Войтинского. Обе? [2])

— Здравия желаю, Николай Николаевич. Только что говорил Барановский по аппарату со штабом 3-го конного. Выяснилось, что Керенский около 1 часу дня скрылся, так как в условиях переговоров с большевиками значился его арест, на который согласились казаки, так как после дела Корнилова Керенский был не популярен в казачьих войсках. Так они объясняют. Полагаю, что все это было, т.-е. бегство Керенского, было организовано его партией. Острый момент в Гатчине миновал, было несколько попыток самочинных арестов Краснова, но он остался на свободе, настроение утихает, дворец занят казачьими караулами. Сейчас там перемирие. Противник на все условия согласился. Вот все, что известно из Гатчины. Докладываю, что положение на Псковском железнодорожном узле [таково]. Сейчас в Псков прибыл 1 ударный батальон и вместе с ним партизанский отряд. Прибыли из-под Валка. В батальоне более 400 штыков и 13 пулеметов, в партизанском отряде 90 человек, настроение отличное, имеют запас продовольствия на 6 дней, похлопочу обеспечить еще бо́льшим количеством. Командир батальона был сейчас у меня и рассказал, что он со вверенным ему батальоном удрал из Валка тайно, с благословения Юзефовича. Я приказал, ввиду уже бывшего вчера захвата Псковского узла большевиками, вчера же оттуда выбитыми, и полной вероятности новых еще более организованных попыток, овладеть этим узлом — задержаться батальону в Пскове, прикрывая проход через него эшелонов 3 Финляндской дивизии и, может быть, еще и других. Батальон объявил, что он это поручение мое испол-

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л.л. 31—33.

[2]) Так в подлиннике.

нит, прося по возможности отпустить их в Гатчино 2 ноября ночью. Уссурийцев и Нерчинцев отправляем на присоединение к третьему конному корпусу. *Лукирский.*

— Успели ли вы передать мою телеграмму, сообщенную вам около 16 часов?

— Благоволите напомнить двумя словами содержание.

— О событиях в Киеве и по другому вопросу, по которому вы меня вызывали.

— О событиях в Киеве приказал передать, сейчас проверю. По другому вопросу я просил вас пожаловать к аппарату по просьбе Чернова и Сперанского, бывших у меня, и ленту сказанного вами они принимали в моем присутствии.

— Понимаю. Если вы знаете что-либо, где находится главковерх, пожалуйста, мне сообщите.

— Может быть, удастся это узнать через только что названных вами лиц.

— Не говорили ли они вам, когда будут известны условия переговоров? Каковы они? Имеете ли вы связь с Петроградом? Сколько эшелонов пехоты прошло Псков?

— Слушаю, будет исполнено. Лица, о которых упоминаем, говорили мне, что они прибыли сюда по поручению главковерха. Сегодня они долгое время вели переговоры с Гатчиной. Вероятно, зайдут ко мне. Через Псков прошли пока два эшелона, но в дальнейшем, по заверению начвососева, движение пойдет значительно быстрее.

— Очень вам признателен. До свидания пока. *Духонин.*

— Честь имею кланяться.

Разговор по прямому проводу ген. Черемисова с ком. 3 конного корп. ген. Красновым 1 ноября 1917 г. о бегстве Керенского и положении в Гатчине [1]).

— Главкосев у аппарата.

— Здравия желаю, ваше превосходительство. У аппарата генерал Краснов. Главковерх в пятнадцать часов исчез из Гатчинского дворца неизвестно куда. Его замещает, вероятно, наштаверх Духонин. Гатчино занято большевистскими войсками. Настроение очень тревожное. Большевики обещали всему отряду дать уйти на Дон и этим прельстили казаков. Никакого подкрепления к нам не шло. При этих условиях дальнейшая борьба была бесполезна и разлагающе действовала на полки.

— Вина за все это падает на Керенского; когда он был во Пскове, я ему предсказывал, чем это кончится, он меня не послушал — и вот результат налицо. Кто у вас есть, кроме казаков, в каких отношениях

---

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л.л. 56—59.

с большевистскими войсками, что делаете сейчас и что предполагаете делать?

— Кроме казаков у меня гвардейская конная сотня лейб-гвардии Сводного полка и взвод гвардейской запасной конной батареи. Приходится ожидать окончания переговоров, после чего необходимо отправить все эти части на Дон, так как только там они могут придти в порядок и успокоиться. Керенскому я говорил то же самое, но он верил твердо в успех, говоря, что опирается на постановление всех комитетов армии и всей русской демократии; сильно смущали постановления союза казаков, съезда казаков в Киеве, Кубанской Рады и кавказского фронта. Хотелось верить, что родина не погибнет. Шли с большою уверенностью в том, что идем за святое дело, за свободу и счастье дорогой родины. В будущем будем ходатайствовать о скорейшей погрузке эшелонов для отправления войска. Революционный Комитет обещал в этом оказать полное содействие; отношения с большевистскими войсками полны взаимного недоверия. Мы ими окружены и стоим под охраной двойных караулов — наших и их.

— Если ваши войска уйдут на Дон, то за ними уйдут с фронта и остальные казачьи части, а за казачьими частями уйдет и пехота. Нетрудно себе представить, что получится вследствие этого. Я полагаю, что демобилизация армии может начаться только тогда, когда будет сделано об этом общее распоряжение правительства и самая демобилизация должна производиться планомерно, а не в виде нашествия скифов. В чем заключаются переговоры, о которых вы упоминали, кто с кем и о чем переговаривается?

— Сейчас солдаты обезоруживают казаков. Переговоры шли утром между комитетами дивизионными и революционных организаций. Офицеры и командный состав допущены не были. Вынесены постановления прекратить кровопролитие, отпустить казаков на Дон, не производить никаких арестов и самочинных выступлений и арестовать Керенского. После этого на заставы наши сразу подошел Финляндский полк с орудиями с белым флагом, снял заставы и вошел в Гатчину, затем делегаты и командир полка, под предлогом переговоров, уехали в Петроград, а сейчас начинается неисполнение договоров, заседают солдатские комитеты и неизвестно, чем все это кончится. Все двери заняты караулами.

— Ваши части 3 конного корпуса и все части, прибывшие с северного фронта, должны безотлагательно вернуться на свои места, на Дон они пойдут, когда последует распоряжение правительства о демобилизации армии. Пока больше ничего не имею вам сказать. Доносите мне непосредственно. До свидания.

— Сказать, что будет, очень трудно, потому что мы сейчас фактически в плену у большевиков, которые вряд ли позволят исполнять мои приказания.

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с ген. Барановским 1 ноября 1917 г. об устранении главкосева ген. Черемисова [1]).

— У аппарата ген. Барановский.

— Добрый вечер, Владимир Львович. Целый день сегодня пытался соединиться, чтобы переговорить с главковерхом, но сделать это оказалось чрезвычайно трудным. Удалось соединиться на десять минут с казачьим представителем из ставки, чтобы высказать свою платформу в случае переговоров с политическими партиями, о которых им уже сообщили. Разрешите вам продиктовать следующую телеграмму на имя главковерха [2]). Что нового?

— Должен вам сообщить, что ни 17 кавалерийская, ни броневики из Режицы еще не отправлены, первая, вероятно, и не будет отправлена, а со вторыми произошло следующее: собравшаяся толпа солдат арестовала, заманивши обманным путем, часть команды и угрожала разборкой рельс. Путем сношения начальника отделения с комитетом ему удалось добиться обещания освободить арестованных и вернуть броневики в Двинск. Об этом сообщил наштарм пять два часа тому назад, мы же со своей стороны отправили туда две сотни Уссурийцев с приказанием освободить броневики и, конвоируя их, доставить в Гатчину. Результат пока неизвестен. У нас в Пскове ряд эксцессов. Первое: ворвались в комиссариат, желая арестовать комиссара и его помощника. Войтинского здесь нет, но он ожидался, а его помощник случайно отсутствовал. Ничего не взяв, банда вооруженных солдат ушла. Около 9 часов вечера толпа вооруженных солдат, повидимому, под предводительством члена Революционного Комитета и комарсева кронштадтского матроса Панюшкина, заняла вокзал. Казаки были в вагонах. Через два часа Панюшкин был арестован. Вооруженные солдаты разоружены и арестованы. Невооруженные выгнаны, тем и кончилось. Все без кровопролития, хотя Панюшкин, требуя освобождения, угрожал междоусобицей и резней. Не откажите ответить на телеграмму об отправлении частей 49 корпуса. Главкосев иначе не отдает распоряжений. Сегодня должен был приехать Войтинский с пакетом, повидимому от главковерха, но в виду того, что большевики о его приезде осведомлены, он задержан в Луге. В пакете предложение экстрактировать лицо, вам известное [3]). Приехал также Виктор Чернов от Комитета Спасения с такой же миссией. Был у наштасева и заявил, что его полномочий достаточно, если Войтинский и не приедет. Тем не менее наштасев опасается, что, в виду создавшихся политических условий, когда большевики могут трактовать, что старая власть фактически не существует, лицо это может отказаться исполнить приказание о выезде, и потому просит вас с своей

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 816, л.л. 5—6.

[2]) Телеграмма в тексте отсутствует.

[3]) Черемисов.

стороны, как власти вполне законной, прислать соответственную телеграмму с предложением оставить пост, как мы говорили. Может быть, сошлетесь на заявленное вам в свое время Войтинским о желании этого лица уйти добровольно. Вот все.

— Как положение отряда Керенского и что вы слышали о переговорах?

— О положении отряда не знаю, а что касается переговоров, то через нас без подписи в Петроград Викжель прошла телеграмма, говорящая о том, что представитель министра председателя и верховного главнокомандующего выехал в Петроград для переговоров. За подписью Краснова прошла телеграмма, трактующая о том, что войска, верные правительству, готовы прекратить кровопролитие при условиях освобождения всех министров и их единомышленников, восстановления Временного Правительства, с которым только и возможны переговоры партий о надлежащем конструировании власти. Больше ничего сообщить вам не могу. Прошу вас дать мне телеграмму о 49 корпусе, а равно ответить, дадите ли вы нам телеграмму, о которой я вам говорил. *Барановский.*

— Об отправке частей 49 корпуса я уже телеграфировал главковерху, а копию главкосеву; вероятно, телеграмма эта уже получена. Что касается второй телеграммы, то я до сих пор не получил ответа от главковерха на свой номер 8022 и полагал, что телеграмму окончательную пришлет сам главковерх или вызовет его [1]) к аппарату, дабы лично передать. Считаю, что настоящая обстановка именно требует этого способа. Главковерх, мог бы также прислать шифрованную телеграмму на его имя.

— Дело в том, что телеграммы от главковерха, повидимому, вы не дождетесь, так как распоряжение, которое вы просили сделать по телеграфу, везет Войтинский, и подобные же полномочия привез Чернов. Те, как главковерх, так и Комитет Спасения, думают одинаково и пришли к одному решению: изъять. Но наштасев полагает, что субъект изымаемый может сказать, что меня это не касается, так как фактически и главковерх, и Комитет Спасения ныне власти незаконные, устраненные другой властью, которая сидит ныне в Петрограде — Троцкий, Ленин и т. д. В этом случае в действующей армии вы, наштаверх, являетесь безусловно законной властью, и телеграмма эта нужна на случай протеста. Иначе может получиться неприятная история — промедление времени и связанные с ней возможные крупные эксцессы здесь, и все дело может повернуться обратно, этого надо избежать.

— Мне не предоставлено право отчислять таких лиц, и, согласно положения о полевом управлении, я получаю это право в случае болезни или смерти главковерха. Главковерх находится на театре военных действий и может дать указание в самый короткий срок по

[1]) Т.-е. Черемисова.

аппарату. Что касается законной власти, то с таким же успехом может быть возражение против меня; ведь он же исполняет приказания главковерха и его признает. Передаю вам телеграмму для главковерха с ориентировкой за 31 октября. У аппарата ли вы?

— Да.

— Попросите главковерха передать лично главкосеву по аппарату: это безусловно лучшее решение, наиболее обеспечивающее от крупных эксцессов, и оно будет наиболее приемлемо для него. Если больше ничего...

— Вашу ориентировку передать не могу, так как Гатчина не принимает, говоря взяла провод на прямую с вами. [1]) Не откажите передать из ставки прямо в Гатчину, у меня осталась связь лишь по морзе. Быть может, теперь лично переговорите с главковерхом и по тому вопросу и по поводу частей 49 корпуса. Пусть главкосев связь [1]) у нас только по морзе, ни ориентировки передать, ни переговоров при этих условиях вести я не могу, так как юз не действует. Поэтому прошу взять снова провод на себя и передать по юзу, что Гатчина не дает провод, заявив, что она переходит на юза со ставкой. Я хотел передать вашу телеграмму, но она не приняла, говорит: пускай передает сама ставка. Сейчас я вам скажу, наведу справки.

Разговор по прямому проводу Чернова, Фейта и Хараша с ген. Духониным 1 ноября 1917 г. об удалении с поста главкосева ген. Черемисова [2]).

— Здесь кабинет наштаверха? Пожалуйста, пригласите к аппарату генерала Духонина.

— Ген. Духонин у аппарата.

— У аппарата члены Центрокома Спасения родины и революции бывший министр земледелия Чернов и член Центрокома партии эсэр Андрей Фейт, а также член Искосола Хараш. Мы имеем вам сообщить только что сообщенные сюда комиссарсевом Войтинским следующие, пока не оглашенные решения, для оформления которых Керенский уже выехал, куда нужно. Предстоит сложение Керенским всех своих полномочий, назначение вас главковерхом и председателя Временного Совета Республики Авксентьева министром-председателем. С вашей стороны необходимо безотлагательное удаление отсюда Черемисова, хотя бы немедленным категорическим вызовом его в ставку, в дальнейшем оформление этого официальным назначением преемника. Против кандидатуры Драгомирова здесь у нас возражений нет. Временный заместитель — Лукирский — осведомлен обо всем и действует в полном контакте с Комитетом Спасения. Выезд Черемисова необходим в самом экстренном порядке: он развяжет руки для совершенно необходимых действий в Пскове, времени терять нельзя. Не исклю-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) В. И. А., ч. I, д. № 816, л. 19.

чена возможность мирной ликвидации петроградских событий путем переговоров, но только при условии скорейшей присылки серьезных подкреплений с пехотными частями. Повторяем еще раз: больше всего необходима быстрота, нельзя терять ни минуты.

— Прошу подождать. Ответ дам обдумавши.

Телеграмма ген. Духонина 2 ноября 1917 г. главкосеву о сосредоточении войск в районе Луги [1]).

Главкосев. Копии комкор 17 и начвосоверх.

Приказываю части 3 Финляндской дивизии и 17 корпуса, двинутые на Гатчину, сосредоточить в районах Луга — Плюссе и Передольское (не занимая самого города Луги) и [2]) принять все меры охранения. На войска эти возложить охрану желдорог в районе их расположения. По сосредоточении 3 Финляндской дивизии, части 17 корпуса вернуть к своему корпусу; те эшелоны этого корпуса, кои еще не выступили, оставить в своем районе. Части, собранные в вышеуказанных районах, поступают в ваше распоряжение и на довольствие северного фронта. Части 3 конного корпуса немедленно вывести из соприкосновения Петроградского гарнизона и перевезти [3]) по вашему усмотрению в район Чудово или Остров, предпочтительнее первый, и привести их в порядок. Бронированный поезд из состава отряда генерала Краснова оттянуть на участок Луга — Псков. Ставка. 2 ноября 1917 года. *Духонин.*

Разговор по прямому проводу ген. Духонина с ген. Черемисовым 3 ноября 1917 г. о сосредоточении войск у Луги [4]).

— У аппарата главкосев генерал Черемисов.

— У аппарата генерал Духонин.

— Здравствуйте, Николай Николаевич. Положение настолько угрожающее, что я не могу приехать к вам в ставку, да в этом и нет надобности, так как мы можем говорить по аппарату. Мой аппарат в моей квартире вне всякого контроля, так что вы можете говорить все, что сказали бы лично. В дополнение моих трех телеграмм, надеюсь, вами уже полученных, сообщаю следующее: связь с 42 корпусом, стоящим в Финляндии, прервана с 24 октября; по слухам из Ревеля, два полка из Финляндии ушли в Петроград на поддержку революционеров. Ревельский телеграф под контролем Революцион-

---

[1]) В. И. А., ч. I, д. № 816, л. 68.

[2]) Далее зачеркнуто: «скобка и отнюдь не входя [в] общение [с] гарнизоном Луги скобка».

[3]) Далее зачеркнуто: «район»

[4]) В. И. А., ч. I, д. № 222—093, л.л. 108—122.

ного Комитета. От комфлота получаются только оперативные сводки; что делается на судах, совершенно неизвестно. Получив вашу телеграмму о продолжении перевозок к Луге, я запросил нового начальника гарнизона города Пскова, насколько, по его мнению, возможно движение эшелонов через Псков на север, он мне ответил следующим рапортом: «Доношу, что местный гарнизон г. Пскова полностью находится во власти революционных организаций крайнего направления и в контакте с Военно-Революционным Комитетом Петрограда. Гарнизон силою открыл артиллерийские и оружейные склады и обильно снабжен всякого рода оружием вплоть до артиллерии. Гарнизон стоит на непримиримой позиции по вопросу продвижения эшелонов севернее линии ст. Псков, усматривая в этом развитие контр-революции и содействие таковой со стороны местных властей. На почве этого явления возможны эксцессы, вплоть до вооруженных выступлений, как это уже имело место 31 октября и 1 ноября, причем были раненые и убитые, а перевес всетаки на стороне местного Революционного Комитета. Дальнейшие передвижения, хотя бы только в ближайшие дни, поведут к тяжелым последствиям, в чем я лично убедился путем обмена мнениями с подлежащими организациями. В настоящее время даже чисто стратегические передвижения в районе Петрограда и его окрестностей невозможны. В гарнизоне нет ни одной части войск, которую можно было бы противопоставить другой группе, и всякая в этом отношении попытка будет гибельна для Пскова как центра жизни северного фронта. Генерал-лейтенант Триковский». — Надо вам сказать, что гарнизон города Пскова в настоящее время состоит из батальона 120 запасного полка, численностью около 1.200 человек, трех этапных рот, двух или трех рабочих рот, одной дружины и около 7.000 солдат распределительного пункта, большей частью вооруженных разграбленными винтовками. Кроме того, здесь два стрелковых эскадрона 16 кавалерийской дивизии, принимающей горячее участие во всех выступлениях. Вы видите, какова обстановка. Мое личное влияние на организации, не исключая Революционного Комитета, дает некоторую возможность пока предупреждать общий пожар, но я боюсь, что он вспыхнет с моим отъездом, хотя был бы рад уехать совсем, уехать отсюда совсем, немедленно. Положение в армиях вам, вероятно, известно из доклада Шубина [1]), который только что был у меня и показывал ленту разговора его с комиссаром ставки. Убедительнейше прошу вас не только не настаивать на продолжении перевозок, но и отправить обратно все части из района Луги, тем более, что эти части очень скоро переменят окраску и, возможно, самочинно двинутся к Петрограду, но уже совсем с другой целью, чем вы предполагали. Кроме того, если даже эшелоны пройдут через Псков, они будут задержаны на следующих узловых станциях, где уже при-

[1]) Помощник комиссара северного фронта (от Врем. Правительства).

няты меры, как мне говорил Шубин, Революционными Комитетами. К сожалению, наштасев и генкварсев, устраняясь от всякого общения с организациями и войсками, по недостатку, конечно, времени, дают вам слишком оптимистическую обстановку. Думаю также, что взгляды казачьего съезда при ставке или другом месте, — где он находится, я не знаю,— также не соответствуют настроению казаков. Считаю, что надо говорить о положении дел прямо, не создавая себе иллюзий, дабы не было ошибочных распоряжений. Я говорил с самого начала Керенскому, когда он был в Пскове, об отношении войск фронта к происшедшим в Петрограде событиям и советовал отменить перевозку войск с северного фронта, предвидя, что это практически не может осуществиться и приведет лишь к тому, что Керенский и те войска, которые ему удастся повести лично, попадут в тяжелое и, может быть, безвыходное положение. Среди оч [1])... свидетелями [2]) этого разговора были Барановский, Кузьмин и Войтинский. Керенский согласился тогда со мной и отменил перевозку войск с северного фронта, но затем, когда я в 5 часов утра ушел от него, к нему снова пришел Войтинский и привел Краснова. Они вместе убедили Керенского ехать не в ставку, как я ему советовал, опираясь на ваше сообщение о настроении войск других фронтов и сообщения генерала Балуева о настроении войск западного фронта, а в Остров и лично вести третий конный корпус, при этом Краснов упустил из виду, что корпус его был разбросан, а именно: 2 Донских полка находились в Ревеле, Приморский полк в Витебске, несколько Уссурийских сотен в Боровичах, где расформировывали запасный полк, убивший командира полка, и в других пунктах. Можно было предвидеть, что если Керенскому и удастся двинуть на Петроград лично части, сосредоточенные в Острове, то остальные разбросанные части будет двинуть очень трудно и, быть может, невозможно. Впоследствии стали от него и от вас поступать приказания о направлении различных частей на Петроград; я сообщал вам тогда, к чему это ведет, и копию нашего разговора отослал Керенскому. Вы согласились не посылать войска, но потом изменили свое решение, думаю, под влиянием докладов лиц, благожелательно относящихся к Керенскому, но неправильно оценивающих обстановку. Главную роль в этом, вероятно, сыграл Войтинский, настроенный очень воинственно, но совершенно не разбирающийся в настроениях масс. Повторяю вам, что я за эти дни настолько измучился, что с величайшим наслаждением ушел бы немедленно с должности, и сделаю это, как только начавшаяся политическая передряга так или иначе закончится. В настоящее время, если вы не отмените распоряжения о движении войск через Псков, я вынужден буду уйти, и если же отмените, останусь пока, чтобы употре-

---

[1]) Видимо, описка. Следует, по смыслу, допустить возможным: «очевидцев».
[2]) Так в подлиннике.

бить все свое влияние и не допустить развала фронта. Я высказал вам свои соображения с полной откровенностью и прошу вас сделать то же самое, прошу хотя бы на время нашего разговора забыть те сплетни и слухи, которые, я знаю, обо мне .....лагают [1]) и здесь и в ставке; мне совершенно до них нет дела с личной точки зрения, но вам они, несомненно, мешают отнестись надлежащим образом к тому, что я вам сообщаю уже не впервые. *Черемисов.*

— Здравствуйте, Владимир Андреевич. Я ни минуты не предполагал двигать на Петроград 3 Финляндскую и части 35 пехотной дивизии, после того как окончились события под Гатчиной, но воспользовался при этом слагающейся обстановкой и уже происходившим движением частей для задач стратегического значения. Позвольте вас спросить, как и чем предполагаете противодействовать развивающемуся латышскому движению на вашем правом фланге при невозможности рассчитывать на войска Петроградского гарнизона, при условии, [что] 49 корпус, придя в соприкосновение с прибрежными гарнизонами, значительно утратит свою боеспособность и при условии небоеспособности располагаемого вами в Острове 3 конного корпуса?

— Финляндская дивизия и весь 17 корпус, как стратегический резерв, были бы очень желательны в районе Луги, но, как я вам только что докладывал, перевозка его туда через Псков невозможна, так как массы никаких стратегических соображений не понимают и не захотят понять, в движении войск они видят или хотят видеть контрреволюционные попытки со стороны лиц, желающих лишить их возможности осуществить те соблазнительные лозунги, которые им брошены. Третий конный корпус не боеспособен с точки зрения гражданской войны, но пойдет когда угодно в бой, об этом мне заявляли представители уссурийских дивизий, когда приходили ко мне требовать объяснения, почему их везут в Гатчино; донские полки 13 и 15 и сейчас без малейшего ропота несут непрерывную службу на побережье между Гапсалем и Перновом. Если собрать 17 корпус или хотя бы 3 Финляндскую дивизию в районе юго-восточнее Пскова, верстах в 30 от него, вблизи железнодорожных станций, то это бы удовлетворяло и оперативным и политическим условиям, и только было бы затруднение в отношении продовольствия — этот вопрос у нас стоит в катастрофическом положении. Снабсев генерал Фролов на каждом своем докладе два раза в неделю докладывает мне, что положение безвыходное; опасаясь, что он, быть может, сгущает краски, чтобы не быть впоследствии обвиненным в том, что не доложил об этом во-время, я три дня тому назад пригласил к себе интенданта и спросил его о том же, он ответил, что выхода нет. Наштасев Лукирский недавно остроумно заметил, что безвыходное продовольственное положение

---

[1]) Часть слова не поддается прочтению.

северного фронта получилось вследствие нарезки фронтам полос для довольствия в глубину, причем в то время как на юге войска имеют все, в нашей полосе есть хороший мрамор, финляндский гранит и лес, но нет овса и хлеба. А перевозка запасов из одной полосы в другую запрещена. Нельзя ли найти какой-нибудь выход из этого? Я отвлекся в другую сторону, но это для нас слишком острый вопрос. Снабсев уже проектировал перейти на фронте к одному фунту хлеба и в тылу к $^3/_4$ фунта хлеба, но я положительно не решаюсь на это при нынешнем настроении масс. Противодействовать восстанию латышей мы можем лишь 14 кавалерийской дивизией в районе от Мойзеколь, 17 кавалерийской дивизией, переданной мною командарм XII в Валк, и 4 кавалерийской дивизией, сосредоточивающейся в районе Верро, — кроме того, теми ударными батальонами, какие по настроению кажутся подходящими для этого. Барановский сейчас выбирает район юго-восточнее Пскова на случай сосредоточения там третьей Финляндской дивизии, 35 же дивизию, как мне говорил Кондратьев, по техническим железнодорожным условиям можно повернуть обратно в район Невеля.

— Какое положение у вас сейчас на фронте армий и почему вы его считаете угрожающим?

— Угрожающее положение не в оперативном отношении, а в смысле настроения войск.

— Сейчас я знакомлюсь с теми телеграммами, о которых вы говорили, и лентой комиссарсева и, обсудив этот вопрос, вам сообщу по аппарату, тогда разрешите еще раз вас побеспокоить.

— Имейте только в виду, что я приказал Карамашеву и Кондратьеву приостановить перевозки до вашего ответа, так как гарнизон Пскова уже готовился занимать вокзал, а казаки заявили, что они выступать не станут.

— Всетаки вокзал необходимо занимать надежными войсками. Думаю, впрочем, что проходящие эшелоны едва ли дали бы возможность его разгромить гарнизону, собранному из разных команд.

— Этими командами управляют разжалованные офицеры, ходят команды по городу в полном порядке, как строевые части. Два же эскадрона стрелкового полка 16 кавалерийской дивизии действуют, повидимому, в полном составе. Вчера по моему предложению были собраны все комитеты, которых здесь образовалось до 15, кроме того присутствовали желающие от войск; собранием руководил начальник гарнизона ген.-лейт. Триковский, цель собрания — примирить бесчисленные комитеты, из которых два главных — Военно-Революционный и Комитет Спасения революции — наиболее враждебны и опираются первый на пехоту гарнизона, а второй хотел опереться на казаков, но это не удалось; на собрании комитетам было заявлено генералом Триковским, что они могут веровать во что угодно и поклоняться кому угодно, но обязаны всеми мерами поддерживать порядок.

На этом все комитеты согласились, при условии, если перевозка войск прекратится, вокзал будет нейтрален, то-есть не будет занят ни казаками, ни пехотой гарнизона и если из города будут выведены все войска, присланные сюда для водворения порядка, а по их мнению для контр-революционных действий, и гарнизон Пскова будет приведен в прежнюю норму, до событий 24 октября. Минувшую ночь и весь день сегодня в городе было полное спокойствие, патрули и караулы Псковского гарнизона охраняли город от погрома, казаки оставались в своем расположении, во избежание столкновений с пехотой, что было сделано по инициативе их начальства, но около 4 часов дня сегодня узнали, что войска продолжают двигаться через Псков, и снова начались волнения и поднялось недоверие к начальству. Если войска не будут двигаться через ст. Псков, то она по уговору будет нейтральна, но только Революционный Комитет все-таки хочет иметь на вокзале своего дежурного агента, который бы наблюдал и удостоверял, что перевозки действительно прекращены. Должен вам сказать, что, когда двигались хвосты 42 корпуса, Революционный Комитет и Псковский гарнизон отнеслись к этому вполне спокойно, так как им было объяснено и мною и представителями фронтового комитета оперативное значение этой перевозки, начавшейся задолго до того, как разыгралась политическая передряга. Получив вашу телеграмму ночью о сосредоточении 17 корпуса у Луги, я пытался сегодня объяснить представителям Комитета, что это сделано вследствие технических железнодорожных условий, не позволяющих повернуть сразу все эшелоны кругом. Но ни моим объяснениям, ни объяснениям впоследствии начальника гарнизона они не поверили.

— Мне кажется, что им можно было бы объяснить, что латышское движение возникло теперь и угроз [1]) и явилась необходимость обеспечить оборонительную линию озер в случае надобности и вследствие невозможности привлечь для этого Петроградский гарнизон. Теперь выходит так, что вопрос этот ставится в зависимость от настроения Псковского гарнизона, который сейчас же, когда были отправлены надежные части из Пскова, стал предъявлять свои ультиматумы, выпустил 200 человек из тюрьмы и при таких условиях выражает недоверие распоряжениям. Они могут иметь своих представителей в Луге, чтобы убедиться, что никаких контр-революционных замыслов здесь нет. Наконец, части надо расположить ближе к Пскову. Не будут же они итти походным порядком, а подача подвижного состава будет тогда известна. Мне кажется, что ваше влияние на комитеты могло бы изменить настроение и создать благоразумное отношение к вопросу, который, вероятно, и неправильно освещен.

---

[1]) Так в подлиннике.

— Арестанты выпущены несколько дней тому назад, когда казаки были здесь; наконец, и сегодня еще казаки в большинстве во Пскове, успели выехать, кажется, только две-три сотни Уссурийцев, весь Уральский полк будет здесь до 14 часов завтрашнего дня. Желая снестись с казачьим комиссаром ставки по поводу разногласия между полученными от него и от меня приказаниями, а именно — он приказал им соединиться с Уссурийцами в бригаду под начальством старшего и ждать на месте приказания, а я приказал им итти в район Острова и располагаться на отдых, в составе 3 конного корпуса и в качестве фронтового резерва,— сегодня у меня был их полковой комитет и, насколько я понял, ему более улыбается мое приказание, чем комиссара, так как им самим не хочется оставаться в Пскове, ввиду враждебного отношения к ним гарнизона. Таким образом, Псковский гарнизон не потому заволновался опять, что ушли казаки, а потому что казаки не выражают желания вступать с ними в бой после кровавой стычки 1 ноября и постоянных насмешек над ними, действующими всегда изолированно, без пехоты; казаки это мне заявляли и сегодня и раньше. Мое влияние на комитеты возможно лишь в отношении предупреждения разгрома города и лишь при условии прекращения перевозок, что мне не раз заявлялось; кроме того в Пскове есть агенты от армий, которые также наблюдают за вокзалом. О настроении армий вам из доклада Шубина известно.

— Я послал за лентой, ознакомлюсь и тогда сообщу вам. А как же перевозка? Надеюсь, что эшелонов на места назначения не повернули?

— Непонятно, о каких эшелонах вы говорите. Я приказал приостановить движение через станцию Псков. Причем Кондратьев мне сообщил, что он уже сделал это до моего приказания, с тою лишь разницей, что разорвайные полки он предполагал собирать, пройдя Псков, а я приказал делать это, не доходя Пскова, для чего повернуть прошедшие уже Псков отдельные батальоны полков. Может быть, вы окончательный ответ дадите завтра утром, ввиду того, что уже поздно, а я 6-ю ночь уже не спал? Думаю, что если на ночь перевозка приостановится, это не создаст оперативных осложнений. Барановский, вероятно, уже сделал распоряжение, чтобы эшелоны 3 Финляндской дивизии сосредоточивались юго-восточнее Пскова, как я вам говорил раньше.

— Где же это юго-восточнее?

— Сейчас я могу узнать по телефону, если он не спит.

— А какие уже части прошли Псков?

— Сейчас скажу, справки у меня не оказалось, она у начальника штаба. Если хотите, разбужу. Насколько помню, часть 3 Финляндской дивизии прошла, и ее-то предполагалось всю стянуть к Луге, а 35-ю Кондратьев сам решил повернуть к Невелю, где она

садилась. Фактически он это сделал уже давно, до получения моего приказания, вероятно, часов 8 тому назад, весь вопрос сводится к движению 3 Финляндской. Думаю, что те два или три полка, которые еще не прошли Псков, не очень улучшат стратегическую обстановку, если сосредоточатся в Луге, а не юго-восточнее Пскова, а между тем движение их может причинить непоправимый вред.

— Как же генерал Кондратьев мог самовольно повернуть эшелоны без вашего ведома и не сообщив об этом начвосоверху? — Ответ окончательный я вам дам телеграммой. Пока до свидания.

— Может быть, на Кондратьева тоже было произведено давление, а может быть, он раньше узнал от наштасева о моем решении приостановить движение, хотя я после разговора с наштасевом почти сию же минуту позвонил Кондратьеву и отдал приказание, а он мне ответил, что это все уже сделано, а затем прислал письменную справку о числе прошедших эшелонов, она у наштасева. До свидания. *Черемисов.*

— До свидания.

Разговор ген. Барановского по прямому проводу с прап. Толстым и пор. Данилевичем 5 ноября 1917 г. в 18 ч. о сосредоточении войск у Луги [1].

— У аппарата генерал Барановский. Здесь у аппарата поручик Данилевич и Павел Михайлович Толстой. Здравствуйте, Владимир Львович. Нам крайне необходимо знать положение фронта и ту линию поведения политических [2], которая теперь проводится в отношении к Петрограду. Со своей стороны я, Толстой, ориентирую вас о всем [происходящем] в Комитете Спасения, где я провожу все время, и очень прошу пока вызвать к аппарату членов центрального комитета Хараша и Скалова или Шаскольского и Тумаркина. В частности, не откажите сообщить точные сведения о составе Лужского отряда и движущихся эшелонов.

— Здравствуйте, каким образом вы говорите?

— Мы говорим в кабинете, и центральная станция сегодня, наконец, нас включила с вами, но ставки дать не могла, поэтому после вас прошу соединить нас со ставкой. Ждем ваших сведений.

— Говорит Данилевич. Не сомневайся в подлинности. Доказательства: покинул тебя в 23 часа 45 мин. 27 октября и уехал в Гатчину, откуда по ликвидации всего под арестом Дыбенко прибыл в Петроград. Начинай.

— Положение, которое занял фронт, можно характеризовать как нейтральное. Наши армии определенно высказались за непосылку войск ни той, ни другой стороне, причем образовавшиеся в Двинске,

---

[1]) В. И. А., ч. I., д. № 222—093, л.л. 153—157.

[2]) Пропущено, видимо, слово: «организаций».

Валке, других пунктах и особенно в Пскове Военно-Революционные Комитеты старательно соблюдают эту позицию, не пропуская никаких эшелонов севернее Пскова. В Лугу проскочило до 6 эшелонов, стало быть, около полка пехоты, ударный батальон и штаб сводной дивизии. Все остальные эшелоны задержаны, севернее Пскова не пойдут. Находящиеся в Луге будут возвращены к своим дивизиям. Наши армии поставили командному составу нечто вроде ультиматума, что если войска с других фронтов будут продвигаться к северу, то армии организуют отряды для посылки им в тыл уже как содействие большевикам и как предотвращение междуусобной войны. Мерами содействия Военно-Революционные Комитеты имеют: разборка путей, захват аппаратов, затем вооруженные нападения, угрозы погромов и насилий, каковые и имели уже место, в частности, у нас в Пскове, гарнизон которого всецело на стороне Военно-Революционного Комитета. В армиях настроение напряженное, но выжидательное. В XII армии бунтуют латыши, выполняя свой какой-то организованный план захвата власти и важных узлов. Там появился обвинявшийся в июле месяце в работе на пользу противника поручик Рябе, а может быть, прапорщик. В V армии положение было очень тяжелое. Армия хотела послать в помощь большевикам целую дивизию. Теперь это улеглось. Западный фронт держит нейтралитет, и Комитеты Спасения с трудом пропустили через район фронта Финляндскую дивизию, ехавшую к нам, после долгих убеждений и уговоров. Южные фронты также проявляют мало активности. Вот в каком приблизительно положении находится фронт. Командный состав абсолютно никакого значения не имеет, совершенно бессилен, не имея возможности проявить свою волю. Все распоряжаются, кроме начальников, которые лишь «пешки» в руках массы и комитетов. Надо сказать, что на нашем фронте Комитеты Спасения не имеют никакого значения и влияния, таковое всецело в руках Военно-Революционных Комитетов. Вот все. Каково положение в Петрограде?

— Говорит Толстой. Эшелоны, дошедшие до Луги, это [не] Невельской бригады или отряда из фронта 3 Финляндской дивизии, 30 и 35 див.?

[Барановский].— Там есть части той и другой.

[Толстой].— По нашим сведениям, от прибывшего из Пскова и Луги знакомого члена Искосола XII, есть все основания надеяться сосредоточить все части отряда под фирмой Комитета Спасения, для чего там образуется филиальное отделение, и кроме выехавших уже товарищей выезжают еще несколько. Решено вести там соответствующую противобольшевистскую агитацию и стягивать там кулак, угрожая оттуда Петрограду, но не двигаясь сейчас на Петроград, чтобы не распылять сил и выждать лучшей обстановки как в смысле подхода с юга подкреплений, так и внутреннего разложения большевизма и разочарования в нем, что происходит сейчас скорее даже, чем можно

было ожидать, особенно в рабочих кварталах, где перевыборы в Совет дают торжество не большевикам, а например, в Путиловском заводе, в заседании представители комитетов не дали даже говорить большевикам, стянув их с кафедры. Из большевистских комиссаров-министров сегодня около половины заявили письменно в газетах о сложении этого звания. Бо́льшую стойкость проявляет весь Комитет Спасения, настаивающий «не признавать большевистского правительства и бороться с ним».

Иностранные дипломаты о революции 1917 г.

Публикуемая ниже коллекция документов отложилась в министерстве иностранных дел в результате работ шифровального или так называемого «цифирного» отделения министерства за период Февральской революции, тех работ его по дешифрированию, которые производились над перепискою иностранных дипломатических представителей в Петрограде, посвященной внутреннему положению страны в связи с революцией.

Нельзя не признать, что продукция работы названного отделения, штат которого пополнялся преимущественно из непривычных к усидчивому труду и особенно нуждавшихся в трудовой дисциплине представителей золотой молодежи, была и в качественном и в количественном отношении не на достаточной высоте. Сравнительно значительный процент нерасшифрованных документов, значительные пропуски в тексте расшифрованного материала, наконец, относительно слабая политическая значимость того материала, который поддавался расшифрованию, таковы характерные особенности оставшейся нам в наследство продукции «черного кабинета» царской дипломатии. Особенности эти могут не только наводить на мысль о том, что именно важнейшие документы ускользали от внимания бывшего министерства, но порою и поселить подозрение в нарочитости той редакции, какую давали иные корреспонденты посылавшимся ими шифрованным телеграммам.

При всем том историк русской революции не может пройти мимо того немногого, что дошло до нас от зашифрованной переписки иностр. дипломатических представителей и чем мы обязаны составителям хранящихся в Моск. Архиве Рев. и Внешней Политики двух досье: 1) «Dossier spécial. 1917. Английские из Англии, Английские из России» (по инвентарю фонда канцелярии мин. ин. дел № 84, на 402 листах.) 2) «Dossier spécial. 1917. Греческие, Персидские, Румынские, Итальянские, U. S. A., Швейцарские, Японские» (по инвентарю фонда канцелярии мин. ин. дел № 85, на 396 листах.)

Обращает на себя внимание факт полного отсутствия в папках относящейся к рассматриваемому времени шифрованной переписки французского посольства.

Что же касается характера собранной министерством шифрованной переписки прочих иностранных миссий, то она представляет для нас интерес не столько по заключенному в ней описанию хода событий, которое в большинстве случаев даст далеко неточное и даже неправильное отображение действительности, сколько по тем данным, которые характеризуют позицию представителей союзных и нейтральных держав в связи с происходившим в России переворотом и выявляют их отношение к основным фактам развивавшейся революции.

Первое место среди них занимает, разумеется, английское посольство, глава которого Бьюкенен, как известно, после Октября, в своих отдельно изданных мемуарах

оправдывался от обвинений в активном пособничестве революции. Февральская революция встречается им не только спокойно, но даже благожелательно; благожелательно — прежде всего потому, что не в пример последнему году эпохи царизма — теперь «нет как-будто никаких оснований опасаться прекращения войны». В те дни Бьюкенену, как и Милюкову, рисовалась идиллическая перспектива конституционной монархии с регентом Михаилом.

В дальнейшем, обеспокоенный антивоенными настроениями солдатских и рабочих масс, он проявляет максимум активности, принимая участие в организации агитационной работы в войсках. Он хлопочет над ускорением возвращения на родину эмигрантов, объявившихся оборонцами, и принимает зависящие от него меры к задержанию едущих в Россию интернационалистов. Полный оптимизма, он советует своему правительству «избегать поступков, которые могут показаться направленными против нового строя». Апрельская демонстрация нанесла первый удар по железному оптимизму посла; но ни июньские, ни даже июльские испытания не сломили бодрости духа великобританского представителя. Теперь он делает ставку на коалиционный кабинет с Керенским во главе, с своей стороны всячески толкая его к решительной, твердой, антибольшевистской политике. Он высказывается в то же время за то, чтобы не препятствовать английским делегатам ехать на Стокгольмскую конференцию. Им продолжает руководить желание «не оставлять России, чтобы этим не воспользовалась Германия, и извлечь, как можно больше, пользы для военного союза с Россией». Сохранившаяся переписка не заключает в себе достаточных данных для суждения о контактной работе английской миссии с ген. Корниловым. Но обращает на себя внимание, что после неудачи Корнилова Бьюкенен особенно занят реабилитацией своего имени перед лицом распространившегося слуха о причастности миссии к предприятию мятежного генерала. В дошедшей до нас переписке «революционером» Бьюкенен продолжает оставаться вплоть до Октября, когда, сжигая все старые политические расчеты, он озабочен только одною мыслью — сохранить находящиеся у него на руках ценности в одном из солидных банковских учреждений.

На роли радетелей и печальников русской революции подвизаются не одни англичане: в той же роли выступает и американская дипломатия, обещающая новому правительству долю в 3-миллиардном займе и горячую плодотворную дружбу при условии, если Временное Правительство сумеет на деле опровергнуть распространившееся мнение о том, что оно «находится под влиянием крайних социалистов, стремящихся к заключению мира».

В ту пору еще далеко не всем было ясно, что предлагавшаяся России великими державами финансовая и всякая иная «поддержка» должна была, по выражению В. И. Ленина (употребленному им на 1-м Съезде Советов), «поддерживать» ее «как веревка поддерживает повешенного». Это станет особенно ясным тогда, когда, ставшие перед лицом Октября, великие державы допустят японские войска к работам по восстановлению далекого русского тыла.

Но и в первые дни революции останавливает на себе внимание позиция Японии, хорошо отдающей себе отчет в том, что ее интересы требуют «обстоятельного выяснения причин революции и ее хода», ибо «будущее России имеет серьезное значение для Японии». Прогноз, даваемый японскою дипломатией в первые дни революции, отличается исключительной определенностью: «Будущее России сомни-

тельно» — такое заключение слышим мы от нее уже через две недели после Февральского переворота.

Итальянская точка зрения характеризуется в материалах также не менее мрачными мотивами, навеваемыми ей преимущественно обстановкой прифронтовой полосы, в какую попал итальянский посланник в Румынии (находившийся в Яссах). В связи с развертыванием русской революции у последнего проявляются даже покаянные настроения в развернутом виде: «настоящее положение вещей не позволяет возлагать больших надежд на будущее России и ее союзников».

Свободная от всяких обязательств перед державами Антанты, швейцарская дипломатия ограничивается строго информационной работой и ничем себя в переписке не проявляет, как только растерянностью и страхом за будущее («мы живем, как на вулкане»). Излюбленной темой греческой переписки служат вопросы обслуживания пострадавших членов многочисленной царской семьи. Что же касается дипломатии шахской, она исходит из мысли о «странности» происходящих в России событий и сообщения о них собирается первоначально «сохранить в тайне», но затем, убедившись в неудобстве такой постановки вопроса, спешит вслед за другими державами с признанием нового правительства.

Было бы ошибкой, основываясь на пикантности формальной природы документов, искать в них новых разоблачительных данных, но значения документальной иллюстрации того, как преломлялась революция в сознании больших и малых хищников империализма, отнять у публикуемых документов нельзя и нельзя пройти мимо них, поскольку документы эти помогают уяснению того международного окружения, в каком и несмотря на которое русская революция развивалась.

В настоящей публикации все документы воспроизводятся в переводе на русский язык, причем английская и американская переписки даны в переводах, сделанных с английского в Архиве Внешней Политики; итальянская, швейцарская и греческая — в переводах с французского, сделанных в том же Архиве; японская и персидская печатаются по тексту переводов с японского и персидского, сделанных в б. министерстве иностранных дел.

А. Попов.

Телеграмма Исидзака [1]) начальнику японского ген. штаба в Токио.

Петроград. 24 февраля (9 марта) 1917 г., № 297.

Вчера на улицах наблюдались большие скопления народа, и произошли некоторые беспорядки, но серьезного ничего не было. Сегодня толпы больше, и на улицах много войск, жандармов и полиции, которые препятствуют продвижению рабочих в южную часть города, на левый берег реки. Много фабрик в городе остановилось из-за недостатка топлива или вследствие ухода рабочих в виду... [2]) Симпатии населения всецело на стороне рабочих.

---

[1]) Военный агент, прикоманд. к японскому посольству в Петрограде.

[2]) Многоточием здесь и далее обозначены пропуски в подлиннике.

Телеграмма Бьюкенена [1]) Бальфуру [2]) в Лондон.

Петроград. 1(14) марта 1917 г., № 314.

Весьма срочно.

Министр иностранных дел сообщил сегодня мне и моим коллегам— французскому и итальянскому послам,— что у него нет никаких сведений об императоре и что он не знает, верно ли, что императрица покинула Царское Село. Он считает, что революция — совершившийся факт и что у правительства нет войск для ее подавления. Он знает лишь, что император отбыл из ставки в Царское Село сегодня в 2. 30. Он сообщил, что поезд его величества был остановлен на ст. Бологое на полпути между ставкой и Петроградом и не был пропущен дальше. Дума посылает делегатов для предъявления его величеству своих условий. Они предъявляют императору требование отречься от престола в пользу своего сына, а великому князю Михаилу Александровичу предлагают принять регентство на время войны. Должно быть назначено ответственное министерство из 12 членов Думы во главе с князем Львовым и с Милюковым в качестве министра иностранных дел. Сегодня положение в Петрограде значительно улучшилось; хотя и имела место небольшая перестрелка, но она свелась к обмену выстрелами между полицией, стрелявшей с крыш из пулеметов, и солдатами. Тысячи войск вошли в город и присоединились к восставшим. Войска хорошо дисциплинированы; к ним присоединилась некоторая часть офицеров. Город будет разделен на районы с подчинением каждого военному командованию. Москва вполне солидарна с движением. Комитет проявил большую организационную силу, и, если император останется на престоле, нет как будто никаких оснований опасаться прекращения войны. Протопопов добровольно явился в Думу и находится под арестом. Дворец в Царском Селе занят; вследствие просьбы императрицы об охране, туда были посланы два комиссара для переговоров с ней.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 3(16) марта 1917 г., № 333.

Император подписал сегодня в Пскове манифест, в котором он отрекся от престола в пользу великого князя Михаила, так как, по его словам, он не хотел быть разлученным с сыном. Великому князю Михаилу предложено вступить на престол. Воззвание с извещением об отречении расклеено по городу, и солдаты срывают императорские эмблемы.

Военный атташе, только что вернувшийся из Думы, сообщил, что Милюков и Гучков примирились с положением, так как они счи-

[1]) Великобританский посол в Петрограде.

[2]) Статс-секретарь по ин. делам Великобритании.

тают необходимым... Я спросил у Сазонова, которого видел сегодня, какую линию, по его мнению, примут союзные правительства. Он ответил, что они признают всякое правительство, которое решит вести войну до победного конца, но лишь по получении прочных гарантий по этому вопросу.

Телеграмма Исаак-Хана [1]) на имя Вусук-уд-Доуле [2]) в Тегеран.

Петроград. 3(16) марта 1917 г., № 145.

Дума назначила Временный Комитет, который будет управлять государством до созыва Учредительного Собрания, которое определит форму правления.

Я неофициально вступаю в сношения с Комитетом и жду распоряжения для заявления об официальном признании Персией нового правительства.

Телеграмма Фрэнсиса [3]) на имя Рейниш в Пекин.

Петроград. 3(16) марта 1917 г., № 50.

Пожалуйста, передайте государственному департаменту следующую телеграмму: «Наше посольство и служащие нетронуты. Ни одного американского подданного нет в числе пострадавших. Революция, повидимому, удачна и находится в надежных руках. В городе вполне спокойно. Были ли получены телеграммы посольства с № 10 по 1101?»

Телеграмма Вусук-уд-Доуле Исаак-Хану в Петроград.

Тегеран. 4(17) марта 1917 г., № 19.

Здесь получены весьма странные известия о происшедших в России событиях, как то: отречении императора и т. п. Между тем от вас получена только одна короткая телеграмма о забастовке рабочих. Прошу вас срочно телеграфировать о событиях. Существует полная возможность хранить в тайне ваши сообщения, если это окажется необходимым.

Жду также вашего срочного ответа на телеграммы относительно Петроградского совещания по персидским делам, о поездке английского посланника в Тегеран и т. д.

Телеграмма Панаса Залокостасу [4]) в Афины.

Петроград. 4(17) марта 1917 г.

В первый день беспорядков я послал представителя посольства в Павловск для принятия мер. Вчера я снова послал его, но сообщение

[1]) Персидский посланник в Петрограде.
[2]) Министр ин. дел Персии.
[3]) Посол Сев.-Амер. Соед. Штатов в Петрограде.
[4]) Министр ин. дел Греции в кабинете Ламброса (окт. 1916—май 1917 г.)

было прервано. Сегодня сообщил мне, что королева мать [1]) здорова, что в Павловске все благополучно и что никаких беспокойств причинено не было.

Телеграмма Уцида [2]) виконту Уцида [3]) в Петроград.

Стокгольм. 4(17) марта 1917 г.

Ватанабэ генерал-майору Исидзака:

«Сводка главнейших немецких и здешних отзывов: цель русских революционеров заключалась в том, чтобы свергнуть бюрократическое правительство, заменить его народным правительством и произвести крупные реформы, необходимые для организации страны ради войны. Они должны были направить все силы против внешнего врага, добившись соглашения между императором и войсками и единения всей страны. Была надежда на образование коалиционного правительства.

Однако, как теперь передают, революционные партии хотят устранения императора, и еще сомнительно, присоединятся ли к ним войска или нет. При нынешних беспорядках устранение затруднений во внутренней политике и особенно в области продовольствия и транспорта невозможно, пока революция не достигнет своего апогея или [4]) будет заключен мир. Такие беспорядки внутри страны нанесут немалый вред силам армий на фронте. Хотя, поэтому, и желают продолжать войну, но положение русской армии сделалось невыгодным, и это ускорит наступление мира.

Согласно германским официальным сообщениям, потери неприятельского и нейтрального судоходства в течение февраля достигают 368 судов с водоизмещением в 780.000 тонн».

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно [5]) в Токио.

Петроград. 5(18) марта 1917 г., № 253.

Теперь, когда император отрекся от престола и арестован, нет другого исхода, как признать новое правительство фактическим правительством. Однако желательно, чтобы это признание не состоялось позже признания со стороны правительств Англии и Франции. Если вы признаете нужным вступить по этому поводу в переговоры с правительствами Англии и Франции, желательно это сделать немедленно. Если нет, то прошу мне поручить произвести признание совместно с здешними послами Англии и Франции.

---

[1]) Ольга Константиновна, вдова греческого короля Георга I.
[2]) Японский посланник в Стокгольме.
[3]) Японский посол в Петрограде.
[4]) Повидимому, пропущено слово: «не».
[5]) Министр ин. дел Японии.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 6(19) марта 1917 г., № 355.

Сегодня в разговоре г. Милюков выразил большую удовлетворенность положением вещей, но признал, что, хотя армия и спокойна, но по вопросу о перемене режима среди войск существует значительное разногласие. Правительство, — добавил он, — посылает эмиссаров для объяснения положения. Что касается поста верховного главнокомандующего, занимаемого великим князем Николаем, то его превосходительство высказал мнение, что его высочество будет вынужден отказаться от этого поста сам. На мой вопрос об Учредительном Собрании его превосходительство сообщил, что будет выпущено воззвание, объявляющее о созыве Учредительного Собрания при первой возможности, но умалчивающее о сроке. Говоря о Финляндии, он сказал, что будет составлен проект указа о самостоятельности, но никаких решений не будет принято до созыва Учредительного Собрания. Что касается Польши, то он решительно против как независимости, так и отдельной армии и считает, что Польша должна быть автономна и иметь территориальные войска, которые явятся составной частью русской армии. По полученным мною сведениям, крайняя партия теряет почву, и я надеюсь, что она никогда не будет иметь господствующего значения. Она намеревается полновластно управлять страной и вести войну независимо от Думы, и есть какая-то аномалия в том, что Дума, предъявлявшая требования об ответственном министерстве, отойдет от революции и не будет иметь права контроля над правительством. Г. Милюков, который только что заходил ко мне, приходит к следующим выводам относительно положения: революция, — сказал он, — стоила лишь немногих жизней в Москве, и теперь там полный порядок. Он полагает, что окончательным устроением вещей явится избрание нового императора. Единственным кандидатом он считает великого князя Михаила. Его высочество приобрел большую популярность после опубликования своего манифеста.

Телеграмма Лансинга [1]) Фрэнсису в Петроград.

Вашингтон. 7 (20) марта 1917 г., № 1271.

Срочно.

Пожалуйста, зайдите к г. Милюкову, министру иностранных дел в новом правительстве, и попросите о назначении..., чтобы оповестить его о желании нашего правительства завязать сношения с новым правительством России. В конце беседы сообщите, что правительство Соединенных Штатов признает новое русское правительство, и что вы, как посол Соединенных Штатов, готовы продолжать... новое правительство.

[1]) Министр ин. дел Сев.-Амер. Соед. Штатов.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 8 (21) марта 1917 г., № 526.

Из Гавра, № 27. Секретно.

Министр иностранных дел получил сильно тревожащие его сведения о позиции, которую занял в Петрограде Совет Рабочих. Он опасается, что эти настроения начинают расти. Он уполномочил бельгийского посланника в Петрограде сговориться с союзными представителями и, если это нужно, просить русское правительство не оставлять Бельгию. Г. Вандервельде сносится с русскими социалистами.

Телеграмма Исаак-Хана Вусук-уд-Доуле в Тегеран.

Петроград. 8 (21) марта 1917 г., № 148.

По приказанию Временного Правительства, бывшие император и императрица лишены свободы и будут содержаться в Царском Селе. Министр двора также арестован. Финляндия получила конституцию. Сторонники республиканского образа правления устраивают в Петрограде демонстрации и высказываются против назначения наместника на Кавказе верховным главнокомандующим.

№ 149.

Я посетил министра иностранных дел и выразил надежду персидского правительства на содействие и благожелательность нового русского правительства. Министр ответил, что он всегда был и будет сторонником свободы Персии и персидского народа, и выразил пожелания развития и преуспения Персии. По моему мнению, наши дела при новом правительстве получат благожелательное разрешение.

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 9 (22) марта 1917 г., № 228.

Китайское правительство медлит с выполнением различных мер, необходимых в связи с разрывом дипломатических сношений с Германией. Я думаю, что одной из главных причин является опасение по поводу русской революции, и телеграфировал поэтому нашему посланнику в Пекине, чтобы он устранил это недоразумение и надлежащим образом дал понять китайским властям, что русская революция не только не повредит делу союзников, но, наоборот, меры нового правительства укрепят позицию союзных держав.

В ответ на мою телеграмму посланник телеграфировал, что он 2—3 дня тому назад поручил генерал-лейтенанту Аоки и генерал-майору Саито поговорить об этом с влиятельными китайцами, с которыми они в постоянных сношениях, причем оказалось, что китайцы, очевидно, уже поняли, в чем дело.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 10 (23) марта 1917 г., № 276.

Содержание конфиденциального сообщения, сделанного Уэда одним русским, который хорошо осведомлен в делах русской революции:

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов попрежнему имеет большую власть: он Исполнительный Комитет Думы [1]) и обращается с Временным Правительством по своему усмотрению. Правительство почти ничего не может сделать без его согласия. Рабочие и солдаты, в общем, пока еще не доверяют новому кабинету, и некоторые из них даже питают недоверие к своему представителю в кабинете — Керенскому. Они уже отклоняют Гучкова и Милюкова, которые занимают самое видное место в кабинете, и говорят, что Гучков оказывал помощь покойному Столыпину и поэтому им не... Возможно, что Гучков скоро оставит свой пост. Родзянко и Милюков совершенно не предвидели, что революция достигнет таких крайних пределов, как мы наблюдаем теперь. В то время, когда Родзянко отправил императору телеграмму, что положение опасно и грозит анархией, они желали образовать ответственный кабинет, но события развивались, и представители всех партий, принадлежащих к прогрессивному блоку, были принуждены образовать кабинет совместно с крайними левыми партиями социалистов-демократов и рабочих. Революция произведена рабочими и солдатами. Поэтому, хотя за исключением Керенского, представителя двух левых партий, все остальные члены кабинета принадлежат к блоку, тем не менее взгляды блока не осуществляются, — наоборот, взгляды означенных двух партий берут верх. В виду этого, в случае ухода Гучкова и Милюкова из кабинета, Временное Правительство всецело обратится в... Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Революция произвела большое впечатление во всей армии и во флоте. Особенно вредно она отразится на войсках на фронте. Солдаты... приказу рабочих, не подчиняются строгим приказам командиров, и многие оставляют фронт. Например, войска в Финляндии, узнав о революции в Петрограде, захотели отправиться в Петроград, чтобы быть свидетелями событий, и так как командиры этого не разрешили, они им оказали сопротивление и теперь свободно, без разрешения, прибывают в Петроград. Не говоря уже об окрестностях Петрограда и об Ораниенбауме, много таких случаев вблизи фронта. Кроме того, в Кронштадте матросы убили 450 офицеров, и в Черноморском флоте, говорят, произошли такие же события. Если, к несчастью, войска на фронте будут себя вести таким образом, война, естественно фактически должна кончиться. Часть крайних с самого начала была против войны, а потом уже большинство стало требовать ее прекращения. Теперь партии русских социалистов, демократов и рабочих открыто агитируют

[1]) Так в подлиннике.

в пользу прекращения войны. В случае, если Россия окажется во власти крайних левых и Германия этим воспользуется, чтобы предложить уступчивые (?) [1]) мирные условия, возможен сепаратный мир между Россией и Германией.

Я, конечно, не могу судить, правильны ли наблюдения этого русского или нет, но, изучая ход революции, многое подтверждается. Судя по заявлению, сделанному мне бывшим русским послом в Токио, Малевским-Малевичем, он высказывается совершенно идентично, и, указав на чрезмерные требования рабочих, он заявил, что опасность заключается именно в этих чрезмерных требованиях. Наоборот, бельгийский посланник высказывается весьма оптимистически: порядок в стране восстанавливается, и он уверен, что революция не отразится особенно на военном положении. Хотя я не думаю, чтобы его наблюдения имели какое-либо серьезное основание, но я их привожу для вашего сведения, как противоположные выше изложенным мнениям.

Уэда конфиденциально сообщили, что корреспондент «Таймс» не так оптимистически настроен и несколько изменил свой взгляд.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 11(24) марта 1917 г., № 559.

Выясните и сообщите, можно ли предполагать, что нынешнее русское правительство не будет придерживаться политики своих предшественников в отношении вывоза пшеницы из России в Великобританию и Францию? Может быть, было бы хорошо указать, что всякое изменение этой политики, неблагоприятное для союзников, неминуемо отразилось бы на экспорте военного снаряжения в Россию. Крайне необходимо, чтобы правительство его величества и правительство Франции немедленно узнали, возможны ли какие-либо изменения. Такого рода телеграмма может быть послана...

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 11(24) марта 1917 г. [2]).

Сообщение военного атташе: «Майор Торнгилл и я посетили сегодня Царское Село и виделись с представителями гарнизона. Условия там лучше, чем в Петрограде, и в первом кавалерийском полку еще обучают солдат. Есть, в общем, надежда на продолжение войны, но солдаты с восьминедельной подготовкой учатся лишь по 4 часа в день и только... работают шесть часов. Говорят, что из отрядов Петроградского гарнизона будут образованы регулярные войска. Корнилов сообщил мне, что завтра перед Думой состоится парад нескольких

[1]) Вопросительный знак в подлиннике.

[2]) В подлиннике № отсутствует.

полков. Майор Нельсон возвратился с северного фронта, вынеся неблагоприятные впечатления от положения в Двинске, создавшегося в силу того, что офицеры совершенно утратили свой авторитет, и многие солдаты покидают окопы. Два офицера из состава высшего командования выразили надежду, что положение вещей изменится, но признают, что оно очень неблагоприятно на северном фронте. Г. Гучков выехал из Петрограда на фронт вчера ночью. Генерал Эверт отозван с западного фронта и заменен генералом Лечицким.»

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 12(25) марта 1917 г., № 242.

Благодаря вашим донесениям относительно русской революции положение постепенно выясняется, однако, так как будущее России имеет серьезное значение для Японии, нет надобности настаивать на том, как важно для будущего обстоятельное выяснение причин революции и ее хода. Каждый раз, когда вы будете получать какие-либо сведения, прошу мне подробно телеграфировать о ваших наблюдениях, особенно относительно следующих пунктов: была ли забастовка только одним из действий, предусмотренных революцией, как таковой, или же она возникла сама по себе и явилась только удобным случаем для возникновения революционных беспорядков; вызвано ли быстрое присоединение армии и флота к революции предварительным соглашением с революционными партиями; как относятся войска к старому императорскому дому, и не следует ли опасаться по этому поводу контрреволюционных действий?

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 13(26) марта 1917 г., № 249.

Наш посланник в Берне телеграфирует за № 51:

«23-го здешний испанский посланник со слов одного дипломата мне сообщил следующее: Россия вследствие революции окажется в невыгодном положении. Желание мира со стороны русского народа будет все усиливаться, и Россия будет принуждена заключить сепаратный мир с Германией. В таком случае Германия намерена через посредство России заключить мир с Японией и отделить ее от союзников. Говорят, что русский поверенный в делах, кроме инструкции г. Милюкова, которую он сообщил здешнему правительству, не получил никаких телеграмм и, очевидно, не осведомлен о перевороте в России.

«Викторов, который в прошлом году здесь открыл осведомительное бюро, уверен в успехе революции. Он говорит: русская революция имеет две задачи: во-первых, реформировать правительство и страну, а во-вторых, победить внешнего врага. Нынешняя революция, которая подготовлялась 10 лет, сделана кадетами и октябристами. Социалисти-

ческие и рабочие партии в ней мало участвовали. Первые умеют изменить то, что следует изменить, и сохранить то, что следует сохранить.

«На мое замечание, что японцы не могут понять опасений императора,[1]) он сказал: император добрый человек, однако, сколько ему ни говорили, он не слушался. Ничего не поделаешь. Здешние..... газеты поместили статьи такого же содержания, как немецкие газеты. Французские газеты приветствуют революцию, но говорят, что революционеры во многих отношениях должны изменить свое поведение».

Телеграмма Псиша [2]) Залокостасу в Афины.

Яссы. 13(26) марта 1917 г.

Комитет..... Петрограда дал приказ высшему командному составу войск румынского фронта объявить подчиненным ему войскам, что они примут участие в выборах в Учредительное Собрание, которые будут произведены путем голосования одновременно по всей России и в армии на всех фронтах.

Мой русский коллега, генерал Мосолов, который в течение четырех лет был чиновником министерства двора и, несмотря на либеральные тенденции, глубоко привязан к бывшему императору, сказал мне, что командование румынским фронтом, посовещавшись с ним, сочло долгом отложить на время объявление этого сообщения войскам.

В русских войсках здесь царит полный порядок. Очень большое количество солдат открыто носит красный цвет на улице и вчера утром отправилось в церковь причащаться.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 13(26) марта 1917 г., № 396.

Как вам известно, крайней рабочей партией ведется активная пропаганда против войны, причиняющая большое беспокойство русскому правительству. Они делают все возможное, чтобы ослабить влияние правительства на армию. Временное Правительство не чувствует себя достаточно сильным, чтобы бороться со всякого рода пропагандой и препятствовать свободному передвижению агитаторов. Мне говорили, что для борьбы с партией, которая ведет агитацию против войны, был бы полезен приезд сюда члена второй Думы Алексея Аладьина, который давно живет в Англии. С ним надо было бы посоветоваться и относительно приезда других. Полагают, что англичане, говорящие по-русски, хорошо сделали бы, если бы лично вели работу в пользу войны. Военный атташе уж привлечен к агитационной работе в войсках, и было бы ошибкой с нашей стороны отказаться от этой меры.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Греческий посланник в Румынии.

Телеграмма бар. Фашотти [1]) бар. Соннино [2]) в Рим.

Яссы. 13(26) марта 1917 г.

Телеграмма № 96. Румынская главная квартира также переведена сюда. Всеобщий интерес сосредоточен на событиях в России, особенно военного характера. Говорят, что генерал Лечицкий, командующий северной частью румынского фронта, должен будет заменить генерала Эверта, который получит отставку. Говорят также, что генерал Сахаров будет отозван. Две русские дивизии, из которых одна находилась в Бессарабии, а другая в Молдавии, переведены куда-то в другое место; из этого делают заключение, что эти две дивизии составляли единственные русские резервы и что число русских войск здесь все уменьшается. Здесь получен приказ снять с мундиров царские знаки отличия, короны и пр.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 14(27) марта 1917 г., № 407.

Корреспондент «Таймса», только что вернувшийся из поездки на фронт с г. Гучковым, утверждает, что положение там сильно изменилось, и солдаты стоят за доведение войны до конца. Г. Гучков был встречен тепло, и это должно придать ему силы. Здесь положение также, повидимому, изменилось. Я получил сведения, что в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов единомыслие и что крайние в незначительном меньшинстве.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 15(28) марта 1917 г.

Телеграмма № 99. Братиано сообщил мне, что г. Милюков сделал ему самые твердые и сердечные заверения, что война будет доведена до конца и что Россия окажет Румынии всяческую поддержку.

Отозвание генерала Сахарова, оказывается, решено. Говорят также об отозвании генерала Мосолова вследствие его интимной связи с бывшим двором и особенно с генералом Фредериксом. Братиано против отозвания этих двух должностных лиц, первого потому, что он знает местные условия и потому что он убежден в безусловной необходимости сделать все для открытия Дунайского пути, а второго потому, что он всегда отличался сговорчивостью и доброжелательностью. Что касается продовольственного вопроса, то Братиано не придерживается мнения, будто русские уже сами заботятся об удовлетворении всех своих нужд, как сказал мне русский посланник. Братиано утверждает, что русские обязались доставлять сюда ежедневно двенадцать поездов для себя и два для Румынии, тогда как до начала настоящей недели пришло лишь восемь поездов для русских и ни одного для румын.

[1]) Итальянский посланник в Румынии.

[2]) Министр ин. дел Италии.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 15(28) марта 1917 г., № 303.

27-го граф Коковцев заявил посетившему его Марумо следующее: я весьма затрудняюсь ответить на ваш вопрос о положении. По моему мнению, дальнейшее всецело зависит от хода войны. В нынешнем Временном Правительстве большинство умеренно-прогрессивных взглядов и желает введения либеральной конституции. Последняя забастовка была только устроена, чтобы показать силы революционеров. Это движение, против их собственного ожидания, получило дальнейшее развитие и привело, в конце концов, к нынешнему положению. Совет Рабочих Депутатов, который за последнее время неоднократно имел столкновения с думскими депутатами, согласился поддержать правительство в вопросе о продолжении войны. Если будет достигнуто соглашение, если нынешнее положение на фронте будет сохранено, если порядок, который теперь восстанавливается, будут поддерживать, положение прогрессивного правительства укрепится. Контрреволюционное движение невозможно. Факт — что между армией и флотом и революционными партиями существовало предварительное соглашение: это одна из причин быстроты переворота. Сведения о положении на фронте, которые я до сих пор имею, к счастью, удовлетворительны. Однако, об этом можно судить только на основании донесения бывшего военного министра, генерала Поливанова, который на-днях должен вернуться из ставки (Марумо собирается сделать вторичный визит в ближайшие дни).

Вообще, следует обращать внимание на ход войны. Если события примут неблагоприятный оборот, нельзя ручаться, что сепаратный мир и восстановление монархии не возможны. Будущее России .....[1]).

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 15(28) марта 1917 г., № 304.

Вознесенский, член совета Общества 1914 года, заявил 27-го марта Уэда следующее: в органах крайних левых партий довольно сильно течение в пользу прекращения войны, но Временное Правительство, в целях препятствования осуществлению этих планов, сделало различные уступки Совету Рабочих и Солдатских Депутатов и добилось соглашения. Особенно солдатам даны большие права: им предоставлено право выбора командного состава. Сделано предостережение, что, как только немцы придут в Петроград, старый порядок будет восстановлен. Большинство рабочих склонно к прекращению войны, солдаты согласны на прекращение ее и, вероятно, дело не [2]) дойдет до прекращения войны. Англия уже давно опасалась появления мирных

[1]) Пропуск слова в подлиннике; от руки приписано: «сомнительно?».

[2]) Так в подлиннике. Повидимому, здесь ошибка переводчика.

течений в России и препятствовала раньше движению консервативных партий в пользу сепаратного мира. Теперь еще сильнее желание мира со стороны рабочих и социалистических партий. Революция пока еще не особенно вредно отразилась на фронте, однако она имела весьма печальные последствия во флоте. В Балтийском флоте свыше 200 офицеров убиты матросами. В деревнях революция также имела дурные последствия: много помещиков подверглось нападению со стороны крестьян, и их дома разрушены. В настоящее время революция достигла апогея, и неизбежна реакция. Сейчас нельзя предвидеть, откуда она произойдет: от крайних левых или крайних правых, или одновременно от обеих крайних партий, но можно наперед сказать, что в ближайшем будущем в какой-либо форме должна...

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 15 (28) марта 1917 г., № 585.

Французское правительство посылает в Россию миссию, в состав которой входят несколько французских парламентариев, и мы предлагаем, чтобы три английских парламентария также отправились с ними. Высказывались предположения, что г. Григорий Алексинский, бывший член Думы, будет сопровождать депутацию. Я был бы рад узнать ваше мнение относительно того, хорошо ли это будет принято русским правительством.

Телеграмма Фрэнсиса Лансингу в Вашингтон.

Петроград. 15 (28) марта 1917 г., № 1143.

Вчера возвратился г. Гучков. Я видел его сегодня. Он говорит, что положение постепенно улучшается и что напряженность его ослабела с тех пор, как я виделся с ним перед его отъездом на фронт. Конфиденциально он сообщает, что неприятель не ведет активных приготовлений вблизи фронта и не предполагает переходить в наступление. Тем не менее, в официальных воззваниях он объявляет, что неприятель стягивает силы для наступления на Петроград. Он. . . . затруднения попрежнему с г. Скобелевым. Продолжают царить порядок и спокойствие. Я передал г. Гучкову 10.000 рублей, переведенные мне по телеграфу . . . для нуждающихся солдат, и предполагаю передать 10.000 рублей Красного Креста. . . . министру юстиции г. Керенскому для политических ссыльных.

Похороны жертв революции на Марсовом поле состоятся в четверг 23 марта. Ожидается большое стечение народа. . . весь порядок церемонии. Временное Правительство заявляет, что оно берет на себя честное выполнение денежных обязательств прежнего правительства, как, например, выплату процентов и выкуп государственных займов и т. д., и что подлежащие уплате налоги и другие подобные платежи должны вноситься попрежнему, пока новое законодательство не изменит их.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 16 (29) марта 1917 г., № 415.

На вашу телеграмму № 585/373.

Министр иностранных дел сказал, что он приветствует приезд английских представителей с Григорием Алексинским, но что он предпочел бы, чтобы Аладьин, о котором я упоминал ранее в телеграмме за № 396, не приезжал.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 16(29) марта 1917 г., № 601.

Из различных телеграмм, посланных все еще находящимися в Берлине корреспондентами американских газет, выясняется, что немцы распространяют в Америке следующую версию о недавних событиях: русская революция является результатом ваших интриг и интриг английского правительства, имевших целью ниспровержение старого режима как в наших интересах, так равно в интересах русских промышленных и торговых кругов. Они изображают правительство состоящим из людей, подобных Неккеру в эпоху французской революции, которые колеблются между уступками и настоящей свободой. Америка, — внушают немецкие корреспонденты, — вероятно склонная сочувствовать новому движению, должна ясно понять, что правительство состоит не из радикалов, социалистов, демократов или республиканцев, но из либералов, лишь немногим менее консервативных, чем партия октябристов.

Я не вижу в настоящее время иного средства к тому, чтобы рассеять это впечатление в Америке, кроме ваших бесед или бесед русских должностных лиц с американскими корреспондентами в России. Я был бы рад получить сведения о проведенных беседах и передать их г...

Телеграмма маркиза Карлотти [1]) бар. Соннино в Рим.

Петроград. 18 (31) марта 1917 г.

Телеграмма № 164. Речь Бетман-Гольвега на тему о возможности сепаратного мира произвела большое впечатление на радикальные элементы в Советах Рабочих и Солдат. Собрание Совета созвано назавтра для обсуждения вопроса о мире. Правда, радикалы ставят вопрос о мире и в зависимость от упразднения монархии и милитаризма и от победы революции в Германии. Но, с другой стороны, есть опасность, что эти взгляды могут легко превратиться в сильное течение в пользу мира, тем более, что как солдаты, так и рабочие, в сущности, против продолжения войны. Опасность тем более велика, что нет ни малейшей возможности рассчитывать на Временное Правительство, авторитет

[1]) Итальянский посол в Петрограде.

которого в Петрограде чрезвычайно мал по сравнению с авторитетом Совета Рабочих и Солдат. Временное Правительство явно старается сделать все, чтобы угодить Совету, на стороне которого, по крайней мере, 300.000 рабочих и столько же солдат, но удастся ли это ему? Мне думается скорее, что Временное Правительство может быть свергнуто или же должно будет для своего спасения уступить радикальным требованиям Совета. Во всяком случае, настоящее положение вещей не позволяет возлагать больших надежд на будущее России и ее союзников.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 18(31) марта 1917 г., № 314.

Секретно.

Мнения о положении у всех различны, в зависимости от занимаемого положения и общего настроения, и трудно прийти к определенному выводу. Однако, в виду вашей телеграммы за № 242, что я должен телеграфировать о всем слышанном, я передаю следующее:

30-го Савицкий, исключительно для моего осведомления, под большим секретом, сделал Уэда сообщение, которое диаметрально противоположно взглядам, высказанным графом Коковцевым (сравни мою телеграмму за № 303). Граф по своему положению не мог сказать больше того, что сказал. Несколько дней до революции он высказался весьма оптимистически, но если. . . ., то не оказалось ли это мнение неправильным? Внутреннее положение по внешнему виду благоприятное, но на самом деле, оно, наоборот, заключает в себе большие опасности. Кроме того, оно изо дня в день ухудшается. Если у людей сложилось поверхностное мнение, что все благополучно, то это происходит оттого, что Временное Правительство, в согласии с Исполнительным Комитетом Думы, скрывает от общества правду. Революция уже чрезвычайно вредно отразилась на фронте и в деревнях. На фронте между офицерами и солдатами плохие отношения, а солдаты не только не подчиняются приказам офицеров, но многие из них оставляют фронт вследствие... Поездка всех членов кабинета в ставку предпринята исключительно для обсуждения положения на фронте. Кроме того, на фронте недостаток в продовольствии. На северном фронте еще есть некоторые запасы, а на других фронтах уже ощущается недостаток. Сообщения членов Исполнительного Комитета Думы, командированных на фронт, составлены весьма оптимистически, но на самом деле положение диаметрально противоположно. Я в этом убедился из разговоров с офицерами, вернувшимися на-днях с фронта. Если, поэтому, неприятель сделает попытку наступать, он с легкостью может дойти сюда. Далее, в различных губерниях начались восстания крестьян. Например, в Орловской губернии было большое крестьянское восстание. Здесь войска ежедневно устраивают шествия с красными флагами с надписью:

«До конечной победы», «Да здравствует республика», «Земля и Воля» и т. д. Однако, это делается Временным Правительством для того, чтобы скрыть в стране и за границей безотрадное положение. Порядок в городе удовлетворителен, но через 2—3 недели наступит недостаток в припасах, и нельзя знать, не начнут ли народ и солдаты снова бесчинствовать и не дойдут ли они опять до насилий. Я намерен поэтому в ближайшем времени отправить свое семейство в Москву на попечение родных.

Вчера я посетил Плансона, с которым познакомился в Пекине; его мнение, что нынешняя революция — дело пролетариата, среди которого много нигилистов. Он уже несколько лет опасался наступления нынешних дней, особенно после возвышения Распутина. . . Может быть, это весьма. . . по отношению к иностранному государству, но поскольку ему самому приходилось сталкиваться, нет таких лиц, которые не были бы недовольны нынешним положением. Он заявил, что нынешние дела не могут вызывать восхищения, и был весьма пессимистически настроен.

Бельгийский посланник, который меня посетил вчера вечером, уже не так оптимистически настроен, как прошлый раз. За последние дни аграрное движение весьма распространилось, и результаты его вызывают опасения. Относительно нападения германской армии на столицу он сказал: «если они не воспользуются этим благоприятным случаем, «Germans would be stupid»[1]). Теперь рабочие изо всех сил агитируют в пользу того, чтобы Учредительное Собрание заседало здесь, однако к тому времени русская столица может оказаться в руках неприятеля, и было бы лучше его устроить в Москве, где сравнительно безопаснее.

Телеграмма Одье [2]) в политический департамент в Берн.

Петроград. 18(31) марта 1917 г., № 53.

Внутреннее положение неустойчиво. Временное Правительство не располагает силами, на которые оно могло бы опереться. Значительная часть солдат Петроградского гарнизона исчезла. Пытаются организовать оставшуюся часть. На фронте — многочисленные случаи дезертирства солдат, стремящихся возвратиться домой. Поступают сведения о беспорядках в провинции, убийствах помещиков, грабежах имущества. В дипломатических кругах предполагают, что немцы не перейдут в немедленное наступление, так как дороги совершенно испорчены, и так как немцы рассчитывают на скорое разложение армии в связи с отсутствием дисциплины, что делает в настоящее время наступление излишним. В столице тревожно. Возможно, что Бибиков будет отозван в министерство. Плансон окончательно устранен. Назначение посланника в Берн еще не состоялось; имеется несколько кандидатов.

[1]) Немцы были бы глупы.

[2]) Швейцарский посланник в Петрограде.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 19 марта (1 апреля) 1917 г., № 323.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 303.

1 апреля Марумо опять посетил графа Коковцева. Он остается при своем мнении и заявил следующее:

1. Ни в коем случае не будет контрреволюции старых монархических партий, так как у русских консерваторов нет силы настоящего убеждения.

2. Между солдатами и рабочими есть некоторые разногласия, но с каждым днем все более сказывается тенденция. . . и приступить к работам. В Петрограде положение еще не совсем удовлетворительно, но в Москве, Харькове и т. д. оно вполне удовлетворительно. Вызвано это сознанием, что забастовки приведут к поражению, и в результате с таким трудом завоеванная свобода будет потеряна.

3. Он не верит в недостаток в продовольствии. Крестьяне уже начали выдавать спрятанные запасы хлеба. Товаров в стране достаточно, но зима в этом году помешала транспорту и снабжению продовольствием, но и это будет исправлено. Нельзя сказать, что в столице продовольственное дело обстоит вполне удовлетворительно, однако таких стеснений, как прежде, уже не будет. Беспорядки в провинции просто. . . .

4. Относительно военного положения ему не удалось как следует побеседовать с генералом Поливановым, но положение на фронте удовлетворительно, и есть возможность сказать, что ему ничего неизвестно, но у него, очевидно, есть опасения.

5. Относительно места и сил германского наступления ничего неизвестно, но, с точки зрения германской армии, она, вероятно, сперва направится к Риге и Двинску. От этого фронта до столицы кратчайшее расстояние — 445 километров, и продвижение больших сил вызовет большие затруднения.

Несмотря на эти заявления, граф, очевидно, в душе сомневается, на чьей стороне будет победа.

Телеграмма Цинда [1]) виконту Уцида в Петроград.

Лондон. 21 марта (3 апреля) 1917 г., № 102.

Я телеграфировал министру иностранных дел за № 141: «Сегодня я посетил лорда Гардинга и беседовал с ним о положении в России. Он заявил, что положение быстро ухудшается.

Я сказал, что известия как будто бы хороши, а в то же время я слышал пессимистические разговоры. Говорят, что дисциплина в войсках на фронте весьма расшатана, и вследствие неподчинения солдат многие офицеры уехали. Действительно ли так?

[1]) Японский посол в Лондоне.

Лорд ответил: это верно, но это нас не должно беспокоить. В самом деле, солдаты поступают так не потому, что они не желают войны, а — желая прогнать офицеров, которые им не нравятся. Изгнанные офицеры обменялись местами, и многие из них снова заняли свой пост.

На мой вопрос, не возможно ли при таких условиях в армии наступление немцев, о котором говорится в газетах, он ответил: если Германия предпримет большое наступление, то именно это будет великим счастьем для России. В виду внешней опасности немедленно укрепится внутреннее единение. Германия действует весьма необдуманно, и поэтому возможно, что она способна совершить такую глупость.

На мой вопрос, нет ли симптомов каких-либо выступлений консервативных партий, он сказал: я не верю в такую возможность. Единственно, чего я опасаюсь, это — усиления радикальных элементов. Но, судя по ходу событий, они постепенно теряют свое влияние. Вообще положение немного улучшилось. Что касается переезда императора в Англию, то я не получил никаких сведений от русского правительства. Возможно, что социалистическая партия боится, как бы удаление императора за границу не имело опасных последствий, и противится этому. Я это предвидел».

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 21 марта (3 апреля) 1917 г., № 453.

Министр иностранных дел сообщил сегодня, что император переведен из Царского Села в Петергоф, где их величества жили обычно летом. Мы еще не имели возможности ... Императрица должна была приехать к нему, но осталась со своими детьми, один из которых сильно болен. Перемена местожительства императора вызвана тем, что в Петергофе легче обеспечить безопасность его величества, окружив его войсками.

Телеграмма Уцида виконту Уцида в Петроград.

Стокгольм. 22 марта (4 апреля) 1917 г.

Генерал-майору Исидзака от Ватанабэ: «Полковник Кавасэ и четверо его подчиненных прибыли сюда 3 апреля из Англии. По их рассказу условия плавания между Англией и Бергеном следующие: суда приблизительно в 1.200 тонн, скорость хода 1... узлов, с 1 легким орудием. Обыкновенно есть конвой, состоящий из двух истребителей, так что опасность сравнительно невелика.

Выражение германским канцлером сочувствия русской революции и заявление, что немцы в настоящую минуту не намерены наступать на восточном фронте, показывают, что Германия желает опять сблизиться с Россией и склонить социалистические партии к миру. Немецкие социалисты стараются через посредство социалистических партий в Да-

нии и Швеции добиться сближения с русскими социалистическими партиями. Поэтому здесь склонны думать, что германское наступление будет предпринято на западном или итальянском фронтах».

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 23 марта (5 апреля) 1917 г.

Телеграмма № 104. Русская революция начала возбуждать отголоски здесь, в особенности в отношении аграрного вопроса.

Президент палаты депутатов просил Братиано выступить в совете министров в защиту того, чтобы парламент был уполномочен провести, по крайней мере, своим голосованием, принцип экспроприации крупных частных владений и раздела государственных земель между крестьянами. Братиано сказал мне, что он еще не решается поднять этот вопрос. Тем не менее, он убежден, что предоставление более широких прав земледельческому населению настолько же необходимо для поддержания порядка, как и по соображениям внутренней политики.

Я слышал, что король Фердинанд также серьезно занят этим вопросом и что ожидают опубликования мероприятий в пользу крестьян.

Что касается общего положения Румынии, то его не следует считать улучшившимся.

Телеграмма пом. начальника япон. ген. штаба Исидзака в Петроград.

Токио. 23 марта (5 апреля) 1917 г.

Мы не в состоянии разобраться в известиях, поступающих отовсюду, относительно политического положения в России. Вы должны немедленно выяснить нынешнее положение и отношение к революции со стороны политических и финансовых кругов, всех классов и особенно войск на северном фронте, и обрисовать дальнейшие перспективы революции. Если потребуется, вы можете для этой работы вызвать в Петроград одного военного агента. Военное министерство дало на это свое согласие.

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 23 марта (5 апреля) 1917 г., № 302.

Ваше мнение о ходе революции и о дальнейшем положении, благодаря вашим сообщениям, постепенно выясняется. По поводу дальнейшего развития мнения еще очень расходятся, особенно, что касается положения на фронте. Представляются ли отношения между офицерами и солдатами на фронте действительно опасными или нет, на этот вопрос смотрят различно, в зависимости от того, кто говорит. Таких рассуждений нам не нужно. Для императорского правительства в настоящее время нужны точные сведения о положении русских войск на фронте.

В виду этого мы обсудили вопрос с военными властями, и помощник начальника генерального штаба отправил военному агенту, прикомандированному к вашему посольству, инструкции вызвать наших военных агентов в Петроград и сделать действительно правильное донесение. Поэтому я бы просил вас обсудить этот вопрос с генерал-майором Исидзака и телеграфировать мне о результатах ваших наблюдений. Если вы сочтете нужным отправить кого-нибудь на фронт для подробного изучения положения, прошу мне телеграфировать для...

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 28 марта (10 апреля) 1917 г., № . . .

Морской атташе сообщает: контр-адмирал Верховский, до сих пор командовавший балтийской подводной эскадрой, назначен начальником штаба вице-адмирала Максимова, командующего морскими силами в Балтийском море. Это назначение заслуживает одобрения, так как адмирал Верховский хорошо известен как офицер и в начале движения держался осторожно, сохраняя доверие матросов. Адмирала Максимова считают лучшим администратором, чем офицером, и так как он в настоящее время не вполне отвечает своему назначению, хотя и пользуется доверием корабельных команд, то при удобном случае он будет смещен. Таким образом, назначение Верховского начальником штаба Максимова, несомненно, поведет к большим улучшениям в Балтийском флоте; к тому же, думают, что он будет преемником Максимова.

Телеграмма швейцарского политического департамента на имя Одье в Петроград.

Берн. 31 марта (13 апреля) 1917 г., № 65.

Газеты Francfort Times [1]) сообщают, что Совет Солдат и Рабочих намеревается свергнуть Временное Правительство и послать депутатов в Стокгольм для заключения мира во что бы то ни стало.

Так ли это?

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 3 (16) апреля 1917 г.

Могу сообщить о реорганизации министерства иностранных дел, создании экономического департамента и введении должности помощника секретаря по юрисконсультской части, что должно заменить упраздненный второй департамент [2]). Послы в Вашингтоне, Мадриде и посланник в Копенгагене будут сменены. Плансон оставлен за штатом.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Второй департамент министерства ин. дел ведал вопросами экономического характера, реорганизации подвергался в 1914 и в 1917 гг.

Многочисленные манифестации воинских частей требуют от рабочих возобновления интенсивной работы для производства боевых припасов. Дезертиры начинают возвращаться на фронт. Аграрное движение усиливается, — в некоторых губерниях крестьяне не признают властей, землевладельцев и управляющих и держат себя так, словно земли принадлежат им. Съезд кадетской партии поддерживает политику Милюкова, зато Совет Рабочих и Солдатских Депутатов продолжает оказывать давление на Временное Правительство с целью добиться отказа союзников от завоевательной политики и контрибуций и заключения мира по соглашению демократий всех воюющих стран. Временное Правительство и Совет ведут переговоры. Информирую вас, если упомянутое соглашение будет достигнуто.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 3(16) апреля 1917 г., № 535.

Товарищ министра иностранных дел сообщил мне сегодня, что он слышал, будто итальянский анархист, по имени М . . . ари [1]) намеревается приехать в Россию через Германию или через Англию. Товарищ министра иностранных дел выражает надежду, что если он выберет второй путь, то английское правительство будет в состоянии не пропустить его дальше.

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 4(17) апреля 1917 г., № 328.

Недавно в Петрограде состоялся съезд конституционно-демократической партии, причем была принята резолюция выразить Японии дружественные чувства. Вследствие этого лидеры партии отправили премьер-министру телеграмму, в которой была изложена вышеупомянутая резолюция членов партии по поводу продолжения войны.

В виду того, что мы должны послать ответную телеграмму, прошу мне сообщить о подробностях съезда. В упомянутой телеграмме говорится о Винавере, как о лидере партии. Прошу мне телеграфировать, что это за личность.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 4(17) апреля 1917 г., № 56.

На ваш № 65. Сведения об упоминаемом в ней аресте оказались неверными.

Все еще нет сведений о соглашении между Временным Правительством и Советом. Совет, конечно, во многих отношениях враждебен Временному Правительству и, особенно, Милюкову, несмотря

[1]) Так в подлиннике.

на запоздалое отступление Львова в вопросе о Константинополе. Временное Правительство не располагает силами, которые оно могло бы противопоставить рабочим; гарнизон и правительство осыпают друг друга упреками: обе стороны придерживаются выжидательной тактики. Два эскадрона, посланные правительством для подавления беспорядков в Эстонии, дезертировали: офицеры возвращаются одни. Совет, впрочем, не имеет никаких сил вне Петрограда. Поэтому союз с Советом не улучшил бы положения в провинции, где многочисленные комиссары и комитеты, образованные наспех, зачастую с сепаратистскими тенденциями, не признают никакой власти и не принимают никаких мер к подавлению аграрной анархии.

Недостаток угля и кризис транспорта парализуют деятельность заводов, несмотря на уменьшение прогулов. Опасаются наступления через 15 дней в Петрограде хлебного голода, который сделает положение еще более тяжелым. Сильно рассчитывают на энергию и опытность Керенского. В некоторых дипломатических кругах считают падение Временного Правительства весьма вероятным. Говорят также о возможности пополнения правительства новыми представителями левых групп, а также о переезде правительства в Москву, где оно будет иметь большую поддержку.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 4(17) апреля 1917 г., № 726.

Из Гааги. № 886. Я слышал за последние дни из четырех различных источников, идущих из Копенгагена, об уверенности Германии в том, что мир между Россией и Германией будет объявлен через две недели. Одно из этих сообщений гласит, что Кюльман, находящийся, по слухам, в указанном городе, уполномочен на ведение переговоров. Я не думаю, чтобы эти слухи были вызваны сегодняшним сообщением о том, что Австрия, в связи с недавней декларацией русского Временного Правительства об отказе от аннексии территорий других стран, а равно от нарушения их национальных прав, заявила, что Россия и Австрия движимы одними и теми же чувствами и что в скором времени поэтому может быть заключен мир.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 4(17) апреля 1917 г.

Лично.

Моя личная телеграмма от. . . . апреля.

Великий князь Михаил прислал мне письмо и сообщает, что сумма денег, которую он хочет перевести в Англию, достигает 100.000 руб. Я ничего ему не ответил и был бы рад, если бы вы ответили на вышеупомянутую мою телеграмму до предположенной поездки великого князя... в Англию.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 7(20) апреля 1917 г., № 58.

Будьте добры передать только коммерческому отделу нижеследующее: несмотря на кажущееся спокойствие, мы живем на вулкане, вследствие антагонизма между Временным Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, а также неподчинения и сепаратистских тенденций провинции.

Ненасытные аппетиты рабочих и недостаток сырья, топлива и съестных припасов грозят вызвать забастовку и остановку заводов и разрушить русскую промышленность. На частной бирже акции русской промышленности, даже предприятий, не работающих на национальную оборону, упали в последнее время на 40%. Государственная биржа закрыта со времени революции. Приобретение иностранной валюты становится все более трудным. Получите дополнительные сведения в отделе иностранных дел.

Телеграмма Лансинга Фрэнсису в Петроград.

Вашингтон. 8(21) апреля 1917 г., № 1337.

Сообщите нижеследующее Г. Ф. Мезерв.

«Конгресс вотировал 7-ми миллиардный военный заем. 3 миллиарда должны быть даны России и союзным правительствам. Русские государственные реформы были встречены здесь с большим энтузиазмом, но последние, широко распространяемые в печати сообщения о том, что новое правительство находится под влиянием крайних социалистов, стремящихся к заключению сепаратного мира, которого так жаждет Германия, — сильно вредят русским интересам здесь, и если эти сообщения не прекратятся, то это может помешать России получить свою долю в займе, предоставляемом союзникам. Широко оповестите об этом русских вождей, насколько это позволяет сделать деликатность, и настаивайте, чтобы были приняты все меры к исправлению злополучного дурного впечатления, произведенного на американский народ. Если новое правительство сможет поддержать порядок и успешно продолжать войну, нельзя достаточно оценить то чувство восторженной дружбы к России, которое родится здесь и откроет огромные возможности для ее развития после войны. Сепаратный мир пресечет всякую возможность содействия со стороны Америки. Робертс».

Телеграмма Сесиля [1]) Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 8(21) апреля 1917 г., № 770.

Я прошу адмиралтейство предписать местным властям освободить русских социалистов, задержанных в Галифаксе. Задержка про-

[1]) Зам. великобританского статс-секретаря по ин. делам.

изошла здесь для некоторых русских социалистов не в силу их политических убеждений, но в виду трудности обеспечения их перевозочными средствами [1]).

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 9(22) апреля 1917 г., № 382.

Я хочу командировать Ханаока на 4—5 дней в Москву для выяснения положения в связи с революцией. Прошу мне телеграфировать, даете ли вы ваше разрешение на это.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 10(23) апреля 1917 г.

Телеграмма № 135. Г. Гучков отказался от приглашения присутствовать на торжественном обеде. Он извинился, ссылаясь на то, что не взял с собой необходимого для этого костюма, так как не предвидел подобного приглашения.

Г. Гучков заявил здесь, что совместно с четырьмя другими политическими деятелями он уже в течение полутора года старался добиться отречения царя в пользу царевича с регентством великого князя Михаила и парламентарным строем, но что народ пошел дальше, и теперь уже невозможно было остановить его на пути. Я слышал, что военный министр, несмотря на его неблагоприятное мнение о генерале Лечицком, тем не менее убеждал генерала взять назад свою отставку.

Я слышал также, что за последние дни много русских солдат покинуло румынский фронт и что трудно заставить их вернуться. Есть и такие, которые отправились к немецким войскам и братались с ними, но после вернулись в свои ряды.

Г. Гучков принял многочисленные депутации солдат, к которым держал очень любезную, но энергичную речь на тему о войне.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 11(24) апреля 1917 г., № 60.

По словам Милюкова, которого я видел сегодня, русские социалисты стремятся добиться всеобщего мира путем соглашения между всеми социал-демократическими партиями. Конгресс, который соберется в

[1]) Это противоречит тому, что говорит Бьюкенен в своих мемуарах. В начале апреля он поставил Милюкова в известность о том, что русские политические эмигранты задержаны в Галифаксе «впредь до выяснения намерений Временного Правительства». 8 апреля, по просьбе последнего, Бьюкенен ходатайствовал перед великобританским правительством об освобождении их и о разрешении им продолжать путь в Россию. Спустя же два дня Милюков, по словам того же Бьюкенена, просил его взять это ходатайство обратно и сообщить, что Временное Правительство наедется, что они будут задержаны в Галифаксе вплоть до последующего сообщения о них. См. Д. Бьюкенен «Мемуары дипломата», Гиз, 1924 г., стр. 217.

Стокгольме, будет работать в этом направлении. Влияние Ленина незначительно. Милюков утверждает, что Временное Правительство единодушно поддерживает его политику, ставящую своей целью осуществить русские стремления к освобождению проливов в соответствии с декларацией Вильсона. Керенский один мог бы содействовать заключению мира, которого требуют социалисты у буржуазии.

Положение правительства укрепилось бы в Петрограде, если бы не глубокое разногласие между правительством и Советом Рабочих. Солдаты Петроградских частей мало-по-малу возвращаются на фронт. Подготовка к выборам деятельно проводится с тем, чтобы закончить ее к... месяцу. Упоминаемое корреспондентом перемирие, повидимому, является результатом совпадения оборонительных намерений обеих сторон. Стягивание немецких сил, отмеченное у Двинска и Молодечно, повидимому, находится в соответствии с дислокационным планом французского наступления.

Правительство делает большие усилия к тому, чтобы остановить бегство с фронта, случаи которого можно исчислить... Отмечено прибытие в Кронштадт английских моряков.

В районе Волги и в других районах наблюдаются довольно сильные аграрные беспорядки.

Телеграмма Бьюкенена Сесилю в Лондон

Петроград. 12(25) апреля 1917 г., № 575.

Мой осведомитель полагает, что английские фабриканты должны быть поставлены в известность о том, что как затруднения в транспорте, так и различные ограничения, установленные русским правительством в отношении экспорта, фактически закрывают в настоящее время русский рынок для иностранного ввоза. Если английские промышленники не знают этого и заготовляют в большом количестве товары для русского рынка, то я настоятельно рекомендую обратиться к кому-нибудь из них конфиденциально или даже лучше гласно, в виду того, что русское общественное мнение в настоящее время чрезвычайно чутко, в особенности по отношению к Великобритании, и необходимо избегать поступков, которые могут показаться направленными против нового строя. Я думаю, что рекомендуемое предостережение действительно необходимо в наших интересах, и считаю, что лучше отказаться от их заказов, особенно принимая во внимание количество товаров, уже заготовленных для русского рынка.

Телеграмма Цинда виконту Уцида в Петроград.

Лондон. 16(29) апреля 1917 г., № 116—117.

Я телеграфировал министру иностранных дел за № 182: «Согласно инструкции, я 28-го посетил лорда Сесиля и заявил ему, что, по сведениям императорского правительства, в России движение в пользу

ускорения мира со стороны рабочих и социалистов принимает крупные размеры, и создается угрожающее положение, при котором даже возможен сепаратный мир. Если английское правительство рассмотрело вопрос об укреплении позиции Временного Правительства, я был бы рад конфиденциально узнать об этом.

Сесиль ответил: по тем сведениям, которыми располагает английское правительство, положение в России все время улучшается, и нет таких угрожающих условий, как я заявил. Особенно, по поводу вопроса о сепаратном мире английское правительство заручилось... обещаниями членов Временного Правительства, включая Керенского. Более того, даже обсуждение этого вопроса вызывает чрезвычайное раздражение русских. Конечно, еще неизбежны ..., но при нынешних тенденциях через два месяца общее положение укрепится. Это настроение еще более утвердится в стране в случае каких-либо действий со стороны немцев.

Затем он сказал: английское правительство вообще не рассматривало вопроса о каких-либо мерах, о которых вы спросили. Тем более, что в России теперь действуют многочисленные германские шпионы, которые волнуют население указаниями, что Россия находится всецело в руках Англии и Франции, и всякие меры, которые могут вызвать новое недовольство русских, вредны и ..., и могут иметь такие последствия, которые как раз противоположны нашим задачам укрепить позицию нового правительства. Английское правительство желает избежать таких ошибок. (Например, при запросах в парламенте относительно русских дел, оно старается по возможности предварительно совещаться с русским правительством. Заявление ... по польскому вопросу доказывает это.) Французское правительство придерживается такой же политики. Представители рабочих и социалистов, находящиеся в настоящий момент в России, получили указания от правительства и воздействуют на крайние элементы в России. Франция с этой же целью командировала Альбера Тома, а в скором времени отправится Вандервельде, лидер бельгийских социалистов и нынешний ... Кроме агитации этих лиц, направленной к ослаблению социалистических тенденций в остальных государствах, и ... посла Бьюкенена, которому английское правительство вполне доверяет, никакие меры не принимаются, и не собираются принять в связи с политическим положением в России».

Телеграмма Такэда Исидзака в Петроград.

Яссы. 16(29) апреля 1917 г.

О своих наблюдениях до сего дня я уже телеграфировал. Получили ли вы телеграмму? В настоящий момент я нахожусь в весьма благоприятных условиях в смысле добывания общих сведений относительно положения, однако я еще не могу решительно высказаться относительно положения в настоящем и относительно будущего, а

также относительно политики, которую Япония должна избрать. Кроме того, в виду перемены в командном составе, я полагаю, что было бы весьма выгодно временно здесь остаться для наблюдений. Однако, если дела в Петрограде так важны, я могу выехать на этой неделе. Прошу мне сообщить о ваших взглядах на этот вопрос. Араки.

Телеграмма ген. Ромеи [1]) маркизу Карлотти в Петроград.

Ставка. 18 апреля (1 мая) 1917 г.

К большому шествию, организованному сегодня утром различными слоями населения Могилева и в большей части своей состоявшему из солдат и офицеров, присоединились также находящиеся здесь австрийские и немецкие военнопленные, которые братались с солдатами и офицерами.

Этот факт произвел сильнейшее впечатление на всех офицеров, находящихся здесь. . . . при иностранных миссиях.

Я телеграфировал о вышеизложенном нашему верховному командованию.

Телеграмма Бьюкенена Сесилю в Лондон.

Петроград. 21 апреля (4 мая) 1917 г., № 625.

На вашу телеграмму № 860.

Нет никаких сомнений в том, что сообщение произвело очень неблагоприятное впечатление в политических кругах Петрограда, и я не считаю его своевременным. Совет до сих пор действовал в области поддержания порядка солидарно с правительством [2]). Корреспондент «Таймса» основывает свое сообщение на появившейся в том же номере «Таймса» информации, будто Совет имеет в Стокгольме своего представителя и т. д., а также на частных сведениях.

Конечно, в Совете представлены и партии, которые являются сторонниками мира на любых условиях, но официальная программа Совета требует мира без аннексий и контрибуций, и это требование разделяется многими [3]). Я полагаю, что было бы уместным выступление в опровержение этой телеграммы, подчеркивающее, что правительство его величества не имеет оснований полагать, что Совет когда-либо поддерживал сепаратный мир.

---

[1]) Начальник итальянской военной миссии при ставке верховн. главнокомандующего.

[2]) В качестве оговорки к этим «советским» настроениям Бьюкенена приведем следующие строки его письма от 16/IV 1917 г ., адресованного в великобританское мин. ин. дел.: «Меня также очень озабочивает то обстоятельство, что правительство, повидимому, не в состоянии избавиться от контроля Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». См. «Мемуары дипломата», стр. 213.

[3]) По поводу возможности различных толкований формулы «мир без аннексий и контрибуций» Бьюкенен в том же письме говорит следующее: «Ссылаясь на выражение «мир без аннексий», вошедшее в резолюцию, принятую Съездом Рабочих Депутатов, Львов заметил, что в нее можно вложить любой смысл, какой мы хотим, напр., освобождение от ига неприятеля».

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 22 апреля (5 мая) 1917 г., № 422.

4-го продолжались большие демонстрации, причем было несколько убитых и раненых, но правительство сверх ожидания оказалось на высоте положения. Третьего дня оно сразу же вступило в переговоры с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и добилось соглашения. В результате все члены кабинета, начиная с министров военного и морского и иностранных дел, непосредственно обращались к толпе и солдатам, и объясняли им свою позицию, что правительство остается верным своей декларации от 9 апреля, и если в ноте союзным государствам были..., то это просто дипломатические термины. Наконец, они заявили, что если они не будут пользоваться доверием большинства, они подадут в отставку. В результате правительство одержало крупную победу. Беспорядки, которые начались третьего дня, прекратились вчера ночью, и наступило полное спокойствие. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявил, что он не имеет никакого отношения к агитации против правительства. Однако, так как основная причина этих волнений не устранена, то в любой момент возможны такие же события.

5 мая я осведомился у Клейна относительно его мнения по поводу событий. Он, попрежнему, оптимистически настроен. Судя по его словам, господин Милюков того мнения, что последние волнения представляют из себя апогей затруднений. На будущее он смотрит оптимистически.

Телеграмма Сесиля Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 25 апреля (8 мая) 1917 г., №....

На вашу телеграмму за № 592.

Соответствующими английскими властями было произведено тщательное расследование, но не удалось обнаружить никаких следов телеграммы, похожей на описанное сообщение, посланное независимой социалистической партией в Лондоне одному русскому социалисту. Невероятно, чтобы такое сообщение, если бы оно было послано по телеграфу, осталось незамеченным. Возможно, что сообщение попало в Россию контрабандным путем через посредство лица, желавшего скомпрометировать английских социалистических представителей в глазах русских социалистов, тем более, что оно могло послужить основанием для запроса в парламенте, особенно в виду того, что два члена независимой социалистической партии заявили, что социалистические представители, выбранные для поездки в Россию, вовсе не представляют английских социалистов [1]).

[1]) На стр. 216—217 своих «Мемуаров» Бьюкенен говорит об обвинениях, бросаемых русской социалистической прессой английским рабочим делегатам (Торну и О'Грэди) в том, что они являются «оплаченными эмиссарами» английского правительства, а также — об источнике этих нападок — сообщении, полученном в Петрограде от одного из членов независимой рабочей партии.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 26 апреля (9 мая) 1917 г., № 430.

Согласно донесения Ханаока, который вернулся 7 мая из Москвы, там спокойнее, чем здесь. Отношения между офицерами и солдатами также гораздо лучше. В противоположность Петрограду, где государственный герб снят со всех зданий, в Москве он остался по-прежнему. Здешнее политическое движение немедленно перебросилось в Москву, и в течение нескольких дней были волнения, но ничего особенного не произошло. Москва выдвинула премьер-министра, военного министра, министра народного просвещения и других, и поэтому она относится скорее сочувственно к Временному Правительству. На будущее страны склонны смотреть оптимистически, но по отношению к войне так же, как в других местах, есть признаки утомления населения. В большинстве уличных речей высказывается нежелание продолжать войну, и редко кто говорит в пользу продолжения войны, но даже эти ограничиваются призывами только отразить атаки немцев. Нет такого воодушевления, как в начале войны, почти все требуют уничтожения милитаризма. Агитационная поездка английских и французских социалистов там также не имела успеха. Помощь со стороны Америки не слишком приветствуют.

Бывший городской голова Челноков сказал Ханаока, что в случае нарушения Россией союза и прекращения войны Англия и Япония ей могут объявить войну. Газетные статьи о возможности объявления Японией войны России, конечно, только слухи, но в настоящее время это — полезное давление на русских. (В последнее время газеты и некоторые государственные деятели как средство оказать поддержку правительству пустили слух, что в случае прекращения войны Россией Япония нападет на Владивосток. Об этом я еще донесу особо.)

Что касается продовольственного дела, то в Москве неожиданно сократили рацион хлеба с одного до трех четвертей фунта. Между прочим, и здесь все бо́льший недостаток в съестных припасах, и с 10 мая всем полагается три четверти, а рабочим полтора фунта хлеба в день.

Телеграмма Лансинга Фрэнсису в Петроград.

Вашингтон. 26 апреля (9 мая) 1917 г., № 1385.

При передаче нижеследующего сообщения ... Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, подчеркните, что передача должна остаться совершенно неофициальной, чтобы не ... участие нашего правительства.

«В настоящее время совершается серьезнейший перелом в мировой истории, и позиция, которую займет Россия, может оказать решающее влияние на победу демократии или монархического начала. Не может быть никакого сомнения в том, что демократия и свобода, в конце концов, восторжествуют, но необходимо найти источник силы в мыслях

о той потере времени и о тех жертвах, которые должно повлечь за собой отсутствие единства действий. Чтобы это было избегнуто, я обращаюсь к вам. Перед лицом тяжелого кризиса, переживаемого русским народом, мы заверяем вас, что вы безусловно можете рассчитывать на всемерную поддержку и содействие со стороны американского народа в великой войне с нашим общим врагом — кайзеризмом. При выполнении этой задачи настоящее американское правительство опирается на девяносто девять процентов американского народа, включая сюда рабочий класс как городов, так и земледельческих районов. В свободной Америке, как и в свободной России, была предоставлена свобода слова агитаторам в защиту мира, выгодного для прусского милитаризма, в силу чего сознательные и несознательные сторонники кайзера кажутся более влиятельными, чем это есть в действительности. Вы должны понять истинное положение вещей. В Америке лишь очень немного сторонников того, чтобы кайзеризм и его союзники продолжали господствовать над негерманскими народами, желающими освободиться из-под их владычества. Не должны ли мы, в таком случае, протестовать против кайзеро-социалистического толкования лозунга «без аннексий», сводящегося к тому, что все угнетенные негерманские народы будут вынуждены остаться под владычеством Пруссии и ее лакеев Австрии и Турции? Не должны ли мы дать лучшее толкование, а именно, что не должно быть насильственных аннексий и что каждому народу должно быть предоставлено право свободного выбора подданства по его желанию, как того требует Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов? Подобно вам, мы против всяких контрибуций карательного и унижающего характера. Мы протестуем против тягостных карательных контрибуций, уже наложенных кайзером на народы Сербии, Бельгии и Польши. Американские рабочие разделяют мнение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, что единственный путь для немецкого народа довести войну до скорого конца, это — последовать славному примеру русского народа — вынудить отречение Гогенцоллернов и Габсбургов и отстранить от власти тираническое дворянство, бюрократию и военную касту. Пусть немецкие социалисты позаботятся об этом, оставив свои фальшивые требования и закулисные заговоры с целью заключить мир в интересах кайзеризма и правящего класса. Пусть они перестанут созывать по наущениям кайзера или, во всяком случае, при его поощрении мнимые международные конференции. Пусть оставят свои интриги, направленные к тому, чтобы заставить русский и американский рабочий класс извратить ваш лозунг «без аннексий и контрибуций» для защиты неприкосновенности престижа и власти немецкой военной касты. Теперь, когда русское самодержавие свергнуто, ни американское правительство, ни американский народ не сомневаются в том, что мудрость и опыт России приведут ее через будущее Учредительное Собрание именно к той форме правления, какая наиболее подходит к вашим требованиям.

Мы уверены, что со стороны Америки никакое послание, никакой специальный уполномоченный и никакая комиссия не посылались и не будут посылаемы с целью подачи каких бы то ни было советов России в ее внутренних делах. Всякая комиссия, которая может быть послана, поможет России в той форме, как она того пожелает, бороться с кайзеризмом, в каком бы виде он ни существовал или ни мог проявиться. До нас дошли слухи о том, что в России распространились ложные сведения об американских намерениях и настроениях, идущие вразрез с вышеизложенным. Мы утверждаем, что эти сведения — преступная работа отчаявшихся кайзеровских агитаторов и что они распространяются с целью обмана и возбуждения враждебных чувств между двумя великими демократиями мира. Русский народ должен знать, что эта деятельность лишь дополнительное проявление «темных сил», с которыми Россия была слишком хорошо знакома в ее несчастном прошлом. Американское правительство, американский народ, американское рабочее движение безраздельно с русскими рабочими, с русскими массами в их великом усилии удержать свободу. Вы уже победили, но для разрешения великих задач, все еще стоящих перед вами, мы призываем вас бороться за общее с нами дело — уничтожение всех форм самодержавия и деспотизма и установление и сохранение для будущих поколений неоценимых сокровищ справедливости, свободы, демократии и гуманности. Американская федерация труда. Президент Самуэль Гомперс».

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 29 апреля (12 мая) 1917 г., № 435.

Второй сын великого князя Константина Константиновича, скончавшегося в прошлом году, Гавриил Константинович направил ко мне своего адъютанта и велел заявить о своем желании поселиться в Японии, если Временное Правительство на это согласится, и спросить, как я смотрю на этот вопрос?

Что касается приема, оказываемого князю нашей императорской семьей, то были прецеденты в отношении принцев крови дружественной страны. Особого церемониала не придется соблюдать. Если обратить внимание наших газет, как им надлежит к нему относиться, то я полагаю, что не следует опасаться недовольства русских по поводу этого путешествия. Так как я должен дать ответ, прошу мне немедленно телеграфировать.

Телеграмма Бьюкенена Сесилю в Лондон.

Петроград. 29 апреля (12 мая) 1917 г., № 675.

Я узнал от генерального консула в Москве, что одна газета опубликовала интервью с . . . . . , где говорится, будто последний сказал, что если Россия прекратит военные действия и предоставит союзникам

нести все бремя войны, то она встретится с серьезной опасностью со стороны Японии, так как, согласно договору между союзниками, Япония получит в таком случае право занять всю Сибирь до Урала. Так как это сообщение произвело здесь большое впечатление, я уполномочил Бюро печати опубликовать, что подобного договора не существует и что союзники никогда не имели в виду просить Японию о вмешательстве с целью давления на Россию. Я был бы всетаки рад, если бы правительством его величества было опубликовано официальное опровержение.

Телеграмма Бьюкенена Сесилю в Лондон.

Петроград. 29 апреля (12 мая) 1917 г., № 684.

Военный атташе сообщает: следующие случаи, ставшие известными сегодня, обрисовывают положение в России. Вчера генерал Корнилов назначил смотр Финляндскому полку. 3 роты отказались выйти, так как они не получили предписания от Совета Рабочих. Один русский . . . . из . . . . . в Москву, посетивший . . . . ., был освистан солдатами, которые . . . . . Так как в коридоре были толпы солдат, он не мог выйти из своего купе в продолжение двадцати восьми часов и смог выбраться лишь через разбитое окно. Мост был . . . . . , и было возможно переправиться только в правительственном . . . . . был занят солдатами, которые отказывали всем . . . . ., и он потратил на переправу. . . . . больше дня. Поезда между Ростовом и Москвой переполнены солдатами, которые проводят время в поездках взад и вперед по линии.

Один англичанин — директор железного завода на Урале — утверждает, что важнейшие заводы в руках рабочих, которые отстранили администрацию с целью взять в свои руки добычу металлов и т. д.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 1 (14) мая 1917 г.

Телеграмма № 173. Сербский поверенный в делах сообщил мне конфиденциально, что командование двух сербских дивизий, находящихся в Одессе, очень обеспокоено тем положением, которое создал для них местный Совет Рабочих и Солдат, желающий подчинить их своей власти. Сербские офицеры решительно отказываются подчиняться. Некоторые из них, бывшие ранее в австро-венгерской армии, просят разрешения вернуться в лагери военнопленных. Командиры этих двух дивизий боятся, как бы солдаты не разбежались, и просят, чтобы их отправили на французский фронт, если не представляется возможным отправить их в Салоники.

Телеграмма Фрэнсиса Лансингу в Вашингтон.

Петроград. 2 (15) мая 1917 г., № 1289.

Г. Милюков вышел в отставку, г. Терещенко назначен министром. Г. Керенский назначен военным министром. Назначения на пост министра финансов и министра юстиции еще не последовали. И Керенский и Терещенко стоят за продолжение войны. Известно, что эти назначения обеспечивают коалиционный кабинет, в котором рабочая часть будет сторонницей наступления . . . . . при реорганизованном правительстве.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 3(16) мая 1917 г., № 71.

Военный министр Гучков и генералы, командующие: Петроградским гарнизоном — Корнилов, Московским гарнизоном — Грузинов, северным фронтом — Рузский, центральным фронтом — Гурко и южным фронтом — Брусилов вышли в отставку.

Гучков мотивирует, между прочим, свой уход нежеланием провинциальных организаций оказывать содействие в деле снабжения войск продовольствием, митингами и вмешательством комитетов в командование.

Корнилов ссылается на требование Совета Рабочих и Солдатских Депутатов скреплять подписью Совета его приказы.

Уход командующих фронтами, повидимому, мотивируется отказом войск выполнять наступательные операции и их желанием получать сведения о намерениях командования.

Временное Правительство объявило сегодня, что оно остается, но ходят слухи о других переменах.

Должность военного министра еще не замещена.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, на который отставки произвели, очевидно, впечатление, выпускает воззвание к солдатам на фронте против братания и перемирия и за наступление.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 4(17) мая 1917 г., № 74.

Идут непрерывные переговоры между Временным Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Последний окончательно решил вопрос о вхождении во Временное Правительство представителей Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с определенной программой. Вчера в ночном заседании Милюков подал в отставку. Министры земледелия и просвещения хотели последовать его примеру, но кончили тем, что заявили о своем намерении довести об этом до сведения своей (кадетской) партии. Князь Львов отклонил предложенную правительством кандидатуру министра финансов Терещенко на

пост министра иностранных дел. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов выдвигает два имени — Скобелева и Чернова. Керенского намечают военным министром. Это — комбинация, еще не окончательная.

Телеграмма Одье в политический департамент в Берн.

Петроград. 5(18) мая 1917 г., № 75.

Коалиционное правительство, почти сформированное сегодня вечером, опубликовало декларацию. Его задачи — скорейшее достижение общего мира, укрепление демократизации армии и ее боеспособности как для обороны, так и для наступления, контроль государства над производством, транспортом, обменом продуктов, развитие мер по охране труда. Учредительное Собрание свободно вырешит вопрос о передаче земли трудящимся, об увеличении прямого обложения имущих классов, об установлении подоходного налога, укреплении демократических органов, самоуправлении. Учредительное Собрание должно быть созвано в Петрограде. Правительство должно пользоваться безусловным доверием и полнотой власти. В Правительство входят три социал-демократа и три социалиста, если не будет изменений, которые еще возможны. Усилия кадет — коллег Милюкова — помешать его отставке не удались. Терещенко получает портфель министра иностранных дел. По настоянию военного министра Керенского, командующие армиями, повидимому, возьмут свои отставки обратно.

Телеграмма Сесиля Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 5(18) мая 1917 г., № 1000.

Сербский посланник сообщил, что сербская дивизия недалеко от Одессы сделалась объектом внимания Совета Рабочих и Солдат, который пытался поколебать ее лойяльность. Я сказал, что доведу это до вашего сведения, хотя сомневаюсь в том, чтобы было возможно добиться расследования по этому делу. Вы, без сомнения, сделаете все, что сочтете нужным.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 6(19) мая 1917 г.

Телеграмма № 177. Братиано прибыл сюда вместе с Поклевским. Он удовлетворен оказанным ему приемом и намерениями Временного Правительства и русских властей; что касается осуществления этих намерений, то он не скрывает, что дело идет не о доброй воле Временного Правительства, а о том, будет ли это ему по силам. Он считает внутреннее положение России очень непрочным.

В военных кругах считают, что русско-румынское наступление не только возможно, но и желательно для русских властей и достаточно подготовлено. Однако учитывается и то, что здесь, как и в других ме-

стах, в силу внутреннего положения вещей, русские войска нелегко согласятся драться, за исключением тех случаев, когда они будут атакованы неприятелем.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 7(20) мая 1917 г., № 470.

Содержание ответа нового министра иностранных дел, данного 20 мая на мои запросы: 1-я статья декларации коалиционного кабинета ни в коем случае не имеет смысла предложения немедленного общего мира. Вопрос о всеобщем мире возникнет только после окончания войны. Война ни в коем случае не прекратится и, конечно, будет продолжаться. Его участие в революции было вызвано неутешительным ходом войны с Германией и его желанием внести улучшение в это дело. Он принял должность министра иностранных дел, чтобы оказать поддержку военному и морскому министру Керенскому и чтобы сделать действия против неприятеля более энергичными. Он уверен, что я на днях от военного агента получу известия об улучшении положения на фронте. Он с самого начала питал неприязнь против Германии. Среди русских очень много таких, которые терпят засилие немцев, но он сам пробыл в Германии в течение 4 лет и хорошо ознакомился с . . . германского народа, и с тех пор он весьма ненавидит Германию. Окончательный мир должен быть прочным, и после войны в бюджетах держав вообще не должно быть статьи о расходах на военные приготовления.

Что касается подробной политической программы нового правительства, то он мне обещал прислать копии 4 документов, а именно: предложение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, критика его со стороны партии народной свободы, компромиссное мнение Временного Правительства и его беседа с корреспондентами газет.

После внимательного изучения этих документов я не премину вас уведомить.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 11(24) мая 1917 г.

Наш посол в Париже телеграфирует за № 96:

«Важнейшие пункты моей беседы с г. Маржэри 23 мая: русская революция короткое время проходила в порядке и имела тенденцию к отрадным улучшениям, между рабочими и солдатами царило большое единение, и взгляды армии были также умеренные, но затем произошла перемена, и теперь положение становится все серьезнее. Согласно декларации нового правительства, вопрос о сепаратном мире, конечно, не возбуждался, и оно решило продолжать войну. Генерал Алексеев весьма энергичен, но с наступлением необходимо подождать, пока командные отношения несколько восстановятся. Вопрос о требованиях

отказа от контрибуций и аннексий надлежит еще выяснить, но недавно Альбер Тома конфиденциально сообщил о слухах о намерении русского правительства сменить послов в Лондоне и Париже ... и вновь обсудить с союзниками вопрос о целях войны. Это, очевидно, имеет такое значение, что оно желает изменить цели, о которых до сих пор заявляло, т.-е., другими словами, пересмотреть ответ союзников на предложение Америки. Это весьма серьезный проект. Неизвестно, ... выбрать момент для начала наступления русской армии, но это вопрос не самого ближайшего времени и требует еще внимательного рассмотрения.

Что касается Америки, то она уже оказывает большие услуги в отношении вопроса о пшенице и транспортного дела. Партия американских войск, вероятно, будет послана сюда в начале июля, а затем 50.000 будут посланы постепенно начиная с сентября».

Телеграмма Сесиля Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 11(24) мая 1917 г., № 1045.

Из Берна. 486. Французское правительство информировано французским военным атташе о том, что 200 русских . . . . социалистических вождей решили возвратиться в Россию через Германию; им дали понять, что их просьба о разрешении проезда через Францию и Англию была отклонена союзными миссиями. Французское правительство сообщило мне, что их консульские и дипломатические власти в Швейцарии получили вполне точные инструкции не отказывать в удовлетворении подобных просьб за исключением крайних случаев, и что вашему французскому коллеге предложено принять меры к тому, чтобы русские консулы в Швейцарии были предупреждены о каких бы то ни было . . . . . со стороны немецких агентов. Французское правительство просило нас сделать соответствующее предписание, и я сообщил им, что мы уже предупредили их желание.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 14(27) мая 1917 г.

Телеграмма № 206. Керенский проедет через Одессу, почему его приезд сюда немного задержится.

Я узнал конфиденциально и прошу ваше превосходительство сохранить это в тайне, что Керенский имел намерение отправиться непосредственно к русским войскам, не останавливаясь в Яссах, но что король Фердинанд и генерал Щербачев настояли на том, чтобы он сделал хотя бы краткий визит государю, олицетворяющему верховное командование русскими войсками, находящимися на румынском фронте.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 18(31) мая 1917 г.

Телеграмма № 222. По вопросу о приезде сюда Керенского Братиано сообщил мне, что он самым энергичным образом настаивал на том, чтобы военный министр посетил румынский фронт, но что ответа не последовало. Только сегодня генерал Щербачев сообщил ему, что Керенский приедет сюда в половине июня по старому стилю.

Телеграмма Сесиля Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 29 мая (11 июня) 1917 г., № 1217.

Из Берна. № 476.

«Моя телеграмма № 425. Следствие установило, что русский социалист, занимающий видное положение в Петрограде, прибыл сюда. Надеюсь получить более точные сведения».

Телеграмма Бьюкенена Сесилю в Лондон.

Петроград. 3 (16) июня 1917 г., № 904.

Петроградский корреспондент г. Фарбман обратился за разрешением на въезд в Англию, которого, как мне кажется, после некоторого выяснения вопроса, не следует давать. Он выдает себя за лицо, весьма дружественное союзникам, но сотрудничает в «Новой Жизни» и горячо ратует за немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций. У меня есть основания полагать, что он едет в Англию с целью пропаганды этой идеи. За этим ходатайством могут последовать другие, так как Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, поддерживающий поездку Фарбмана, предполагает послать за границу ряд русских для того, чтобы склонить общественное мнение союзников к мысли, что война вызвана не германской агрессивной политикой, но империалистическими и капиталистическими правительствами союзных государств. Я сообщил об этом министру иностранных дел и сказал ему, что мы можем давать разрешения лишь тем русским, которых мне рекомендуют персонально, и что я надеюсь, что русское правительство не будет рекомендовать нежелательных лиц. Я хотел бы знать ваше мнение по этому вопросу.

Телеграмма Исидзака начальнику ген. штаба в Токио.

Петроград. 5(18) июня 1917 г.

16-го состоялось неофициальное экстренное заседание Думы, на котором лидеры партий блока произнесли речи, после чего была издана декларация, что сепаратный мир и сепаратное перемирие недопустимы. С другой стороны Съезд Рабочих и Солдатских Депутатов поддержал высылку швейцарского социалиста Гримма из России. Он и его сотруд-

ник, журналист Колышко, агитировали в пользу Германии, и отставка Гучкова и Милюкова — их дело. Деньгами он . . . . . перемены в кабинете в начале мая. Нынешние члены кабинета — Скобелев и Церетелли, которые стояли во главе этого движения, также были принуждены заявить публике, что есть доказательства виновности этих лиц.

Газеты центральных партий осуждают прекращение деятельности Думы и поощряют ее начать действовать, а, с другой стороны, они критикуют предложение русского правительства о созыве конференции держав согласия для пересмотра договоров. В настоящее время открытая борьба между центральными и социалистическими партиями все усиливается, и это может вызвать серьезный кризис. Некоторые политические деятели считают, что ближайшие дни будут очень тревожны.

В Греции кабинет Займиса заявил, что он выполнит все требования держав согласия. Одновременно со снятием блокады, державы согласия начали развивать деятельность в отношении внутренней политики страны. . . . и . . . заняты французскими войсками.

Телеграмма Фрэнсиса Лансингу в Вашингтон.

Петроград. 5(18) июня 1917 г., № 1492.

Из Ясс. 18-го. № 83. Капитан Иетс начал пропаганду, выступая с речами в солдатских комитетах и раздавая печатные прокламации, с целью противодействовать немецко-австрийской пропаганде в пользу сепаратного мира. Соединенный военный и . . . . . является единственно возможным методом. Ему должны быть переведены телеграфом деньги на расходы. Если судить по положению на румынском фронте, подобная пропаганда должна вестись по всему русскому фронту, а также внутри страны. В то время как Германия наводняла русский фронт литературой, а агенты ее вели работу внутри страны, союзники, повидимому, не обращали должного внимания на необходимость контрпропаганды.

Телеграмма виконта Мотоно виконту Уцида в Петроград.

Токио. 7(20) июня 1917 г., № 507.

Относительно нынешнего положения в России я получаю от вас время от времени донесения, однако теперь признано необходимым выяснить в еще более широкой степени действительное положение в различных частях страны и среди различных классов населения. Изучение этого вопроса поручено директору Южно-Манчжурской железной дороги Каваками, который под видом командировки от Общества выезжает 29 июня из Харбина в Петроград в сопровождении Миягава Сэмпу (члена Манчжурского железнодорожного Общества).

Прошу вас обратить внимание на все обстоятельства, касающиеся выполнения его миссии, и оказать ему надлежащую поддержку. Я отправлю немедленно почтой список вопросов, исследование которых ему поручено.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 12(25) июня 1917 г., № 965.

Министр иностранных дел сказал сегодня, что он почти не сомневается в том, что крайние попытаются вновь вызвать беспорядки, но что правительство к этому вполне готово и уверено в своем успехе. Сообщенные сведения о том, что правительство распустило Думу, оказались ложными. Правительство не касалось этого вопроса и не предполагало распускать палату. Министр иностранных дел уезжает сегодня в ставку с американской миссией.

Телеграмма Исидзака начальнику ген. штаба в Токио.

Петроград. 13(26) июня 1917 г. [1]).

Демонстрация крайних партий вследствие усилий умеренных партий и правительства еще не состоялась, и в городе спокойно. При обсуждении вопроса о войне на Съезде Делегатов Рабочих и Солдатских Депутатов крайние партии не имели такого успеха, как прежде. Я не думаю, что общее положение благополучно выяснится, благодаря коллизии между все усиливающимися умеренными партиями и партией крайних, и можно предвидеть, что раньше или позже произойдет столкновение. Умеренные предложили устроить 1 июля одновременно в Петрограде, Москве, Киеве и Одессе и других городах . . . . демонстрации, в которых крайние партии также примут участие, и это, может быть, приведет к некоторому успокоению, хотя нельзя гарантировать, что не возникнут беспорядки.

Согласно заявления одного офицера генерального штаба, в настоящее время агитация крайних ведется на полученные от Германии средства в размере 200.000 рублей. Ввиду этого державы согласия начали контр-пропаганду и тратят на это большие суммы. Этим объясняется недавний неуспех крайних. Среди лиц, окружающих великого князя Михаила, идут подготовительные работы по осуществлению либеральной конституционной монархии. Одновременно делаются приготовления в поддержку великого князя Михаила, Керенского и генерала Брусилова. Временное Правительство намерено при удобном случае бежать из Петрограда, сперва нарочно в другом направлении, и перебраться затем в Москву.

Если его взгляды и неправильны, то, во всяком случае, не только одно предположение, что видные деятели революции Гучков, Милюков

---

[1]) Эта телеграмма нам была доставлена 3(16) июля. *(Прим. в подлинн.).*

и Пуришкевич, которые теперь отступили на задний план, намерены, совместно с главными деятелями из Думы, которую теперь хотят лишить власти, и при поддержке держав согласия, начать действовать в удобный момент, когда между двумя партиями Съезда Делегатов Солдатских и Рабочих Депутатов произойдет столкновение.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 15(28) июня 1917 г., № 587.

Ссылаюсь на вашу телеграмму за № 512. Резолюция Украинской Рады объявляет автономию Украины и была опубликована в газетах 27 июня. Содержание ее передано особо. Хотя Финляндия уже получила широкую автономию, опасаются, что она намерена пойти еще дальше и провозгласить независимость. Вслед за этим началось движение в пользу автономии Литвы. Опасаются, что и в Сибири и на Кавказе также возникнет движение в пользу автономии. Принимая во внимание, что позиция центрального правительства шатка, и оно почти не имеет власти, значение этих движений в пользу автономии ни в коем случае не следует преуменьшать. Еще неизвестно, не являются ли они предвестниками появления в России в будущем федеративной системы.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 26 июня (9 июля) 1917 г., № 638.

Сегодня меня министр иностранных дел специально посетил и заявил: сегодня вечером я уезжаю в ставку и в Киев (сравни мою телеграмму за № 637/851) и намереваюсь вернуться в Петроград в субботу. На следующей неделе в понедельник или вторник я хотел бы вас снова посетить и откровенно обменяться взглядами по поводу всех больших и малых вопросов, по которым между Россией и Японией уже давно ведутся переговоры. Я не ... невозможного, но хотел бы уладить, что возможно, устранить недоразумения между правительствами и народами обеих стран и содействовать общему успокоению. Я сам политик, дипломат и убежден, что лучше всего откровенно посоветоваться, ввиду чего я вас посетил перед своим отъездом, чтобы ...

Я ответил, что вполне разделяю его мнение.

Сказав: таких вопросов, которые в настоящий момент требуют обсуждения — три, он заявил следующее:

1. Вопрос об уступке Восточно-Китайской железной дороги должен был быть решен в завтрашнем совещании кабинета, но в виду моего отъезда министр финансов будет вести это дело в моем отсутствии. В общем, нет возражений. Вопросы, которые скорее касаются министерства финансов и требуют еще рассмотрения, будут, вероятно, решены до моего возвращения.

2. Незначительные вопросы, касающиеся инцидентов, возникших в Иркутске, Харбине и Владивостоке после революции и вызвавших недоразумения у обеих сторон.

3. Я намерен образовать под своим председательством комиссию, в состав которой войдут послы и посланники держав согласия и русские представители, для рассмотрения вопросов, о которых я узнал от Рута и Гендерсона. Число членов комиссии не должно превышать 12 человек, и я бы желал, чтобы мы в ней могли свободно обменяться взглядами.

Большинство министров нынешнего правительства ... Может быть, они ... неожиданно хорошими результатами наступления. Хотя они и хотят ... , но, во всяком случае, это предложение для нас выгодно. Так как это вопросы, с которыми я незнаком, то я бы просил мне телеграфировать для моего осведомления, если потребуется вступить в переговоры или дать какие-либо объяснения противной стороне.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 27 июня (10) июля 1917 г., № 1423.

Из Стокгольма. № 675.

Лично. Совершенно секретно.

Русский посланник сообщил мне вчера, что русские политические эмигранты имеют свои комитеты в Стокгольме, Лондоне и Париже; здешний комитет регулярно пользуется русскими официальными вализами для отправки своей корреспонденции Совету в Петроград. Здешний комитет просил его, чтобы их корреспонденция, адресованная лондонскому и парижскому комитетам, также пересылалась русскими вализами. Он ответил, что так как русских вализ немного, то было бы лучше использовать английские и французские вализы, при условии получения разрешения соответствующего правительства. Он, очевидно, опасается, что комитеты смогут использовать официальные вализы для пересылки в них . . . . . Я сказал, что запрошу по этому вопросу вас. Однако я думаю, что если мы дадим это разрешение, то мы будем слишком обременены их корреспонденцией, от которой, разумеется, нам будет трудно отделаться.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград . . . .[1] *июня 1917 г.*

Лично.

Так как министр иностранных дел заявил, что теперь он готов передавать в неприкосновенности по назначению все письма, которые я могу получить от королевы Александры к императрице Марии, я пе-

[1]) В подлиннике дата отсутствует.

редал ему вчера восемь писем, а также два письма великой княгине Ксении. Он позволил мне также передавать письма, которые я могу получить от императрицы Марии для королевы Александры.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 3(16) июля 1917 г., № 1176.

Я только что узнал, что все министры-кадеты вышли в отставку в связи с их отказом принять заключенное министром иностранных дел и Церетелли соглашение по украинскому вопросу. Оба последние вернулись сегодня вечером из Киева.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 5(18) июля 1917 г., № 662.

Вчера по городу разъезжало множество автомобилей, вооруженных пулеметами, и т. д. Вооруженные солдаты, рабочие и матросы из Кронштадта произвели демонстрации, захватили здание телефонной станции (sic!) [1]) и велели закрыть заводы и фабрики. В городе повсюду раздавались ружейные выстрелы. Анархисты захватили редакцию «Нового Времени», трамваи прекратили движение, все заводы и магазины закрыты, и происходит совершенно то же самое, как и в дни революции. Когда правительство при поддержке большинства Совета Солдатских и Рабочих Депутатов решило воспользоваться казаками для подавления демонстраций, произошли столкновения с казаками. Вблизи посольства и перед главным артиллерийским управлением произошли сражения. Главнокомандующий Петроградским военным округом по приказу правительства обратился к населению с воззванием закрыть ворота домов и не выходить на улицу ввиду ареста лиц, нарушающих порядок с оружием в руках. Одновременно он обратился с предупреждением к демонстрантам, однако эти [1]) и сегодня утром усиленно разъезжают на автомобилях, и, если правительство решительно приступит к подавлению восстания, то дело опять дойдет до столкновений.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон

Петроград. 7(20) июля 1917 г.

Лично.

Министр иностранных дел сообщил мне сегодня конфиденциально, что императора и его семью решено, для большей безопасности, отправить в Сибирь, — по всей вероятности, или в Тобольск, или в . . . . ск, где они будут жить в . . . . . и будут пользоваться большей личной свободой. Причиной, побудившей правительство сделать этот

[1]) Так в подлиннике.

шаг, было опасение, что, в случае немецкого наступления или какой-нибудь контр-революционной попытки, их жизнь может подвергнуться опасности. [1])

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 12(25) июля 1917 г.

Л и ч н о. Моя личная телеграмма от 20-го июля.

Министр иностранных дел сообщил мне сегодня, что Керенский, который видел вчера императора, условился относительно его отъезда в Тобольск во вторник. Его величество предпочел бы уехать в Крым, но, повидимому, остался доволен предложением переменить место жительства. Я выразил надежду, что в Сибири свобода императора не будет так ограничена, как в Царском Селе, и что ему разрешат свободу передвижения. Несмотря на то, что он совершил много ошибок и несмотря на слабость его характера, он не преступник и к нему должны относиться с возможно бо́льшим зниманием. Министр иностранных дел ответил, что Керенский, вполне разделяя это мнение, готов всецело итти навстречу желаниям его величества.[2]) Он дал ему разрешение выбрать лиц, которые будут сопровождать его. Возможность для него свободы передвижения будет зависеть исключительно от общественного настроения в Тобольске. В Царском Селе это было для него опасно. Истинной причиной переезда императора является растущая среди социалистов боязнь контр-революции. Я сказал министру иностранных дел, что, по моему мнению, эта боязнь неосновательна, поскольку дело идет о династии. Правда, существует движение в защиту порядка и сильной власти, но . . . . . это совершенно другое дело. Министр иностранных дел вполне с этим согласился.

Телеграмма виконта Уцида виконту Мотоно в Токио.

Петроград. 16(29) июля 1917 г., № 704.

Содержание беседы, которую я имел с министром иностранных дел 28 июля: удар, нанесенный нам неприятелем на юго-западном фронте, можно рассматривать, как благодеяние по отношению к России. В начале 4-го года войны правительство не думает о мире и намерено заявить союзным державам и русскому народу о своей решимости продолжать войну до конечной победы. Несомненно, что неприятель спас Россию. Он сделал то, чего правительство со времени революции желало, но не могло сделать, т.-е. он способствовал тому, что правительство восстановило смертную казнь, обуздало крайние партии, укрепило

---

[1]) Об этом же см. «Мемуары дипломата», стр. 189.

[2]) Определяя отношение Керенского к царской семье, Бьюкенен в другом месте говорит так: «Один из мотивов, по которым он [Керенский] добивался отмены смертной казни, заключался в желании предупредить возможное в будущем требование казни над императором». (Там же, стр. 189).

свою позицию и . . . . единение страны. Он лично . . . . . в ставку для совещаний с премьер-министром и главнокомандующим, и к вечеру, вероятно, упомянутая декларация будет отправлена по телеграфу представителям за границей.

На мой вопрос он ответил: московское совещание отсрочено до реорганизации кабинета, причем эта реорганизация не является перестройкой кабинета, а только укреплением его позиции. Неприятель сосредоточил главные силы на юго-западном фронте. На северном фронте пока нет признаков наступления. Неприятель испытывает различные затруднения внутри страны и у него нет лишних сил для действий на всех фронтах. (Кстати, судя по сведениям, имеющимся у голландского поверенного в делах, с которым я знаком из Пекина, несомненно, что немецкий народ желает мира). Русской армии где-нибудь удастся остановить неприятеля. Главная задача правительства в данный момент — приготовиться к зиме, а особенно приложить все старания для доставки топлива и продовольствия.

До какой степени эти заявления министра соответствуют действительности, покажет будущее, но нынешний министр иностранных дел не избегает общей привычки всех русских и весьма разговорчив. Это, конечно, необходимо более или менее принять во внимание.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 21 июля (3 августа) 1917 г., № 1185.

Керенский заявил, что он хотел вчера подать в отставку, но взял ее назад по просьбе своих коллег. Терещенко также согласился взять назад свою отставку. Чернов вышел в отставку, чтобы иметь полную свободу в защите себя от возведенных на него инсинуаций, но должность министра земледелия будет оставлена вакантной до тех пор, пока он окончательно не оправдается. Ему были устроены большие овации в Совете, где он был с Церетелли, который . . . . . в . . . . . от его поведения. Терещенко, которого я посетил сегодня, выразил очень пессимистический взгляд на положение и заявил, что он впервые совершенно не в состоянии сказать, что может случиться . . . . . ждать психологического момента, прежде чем настаивать на принятии правительством чрезвычайных шагов, но теперь момент этот наступил, и, если правительство не сделает их, оно будет вынуждено уступить место контр-революционерам. До сих пор он честно поддерживал революцию, но прежде всего его верность принадлежит родине. Он сказал Керенскому, что . . . . . нельзя больше откладывать, что он больше не может оставаться членом правительства, если последнее не решится действовать энергично. Ничего не остается делать, как только милитаризовать всю страну, объединить всех . . . . . как левых, так и правых, применить военные законы к железнодорожникам и принудить крестьян силой продавать их пшеницу. Генерал Корнилов должен быть

допущен в правительство, а несколько членов правительства должны находиться в ставке, чтобы быть с ним в постоянном контакте. На мой вопрос, разделяет ли Керенский оба его взгляда, он ответил утвердительно, но сказал, что его руки связаны. Члены правительства — социалисты — сознают необходимость энергичных мер для спасения страны, но не хотят нести ответственность за их применение. Он опасается, что Церетелли предпочтет покинуть правительство, если не будет иметь возможности действовать в качестве независимого члена Совета, который он стремится укрепить. Кадеты, наоборот, хотят обеспечить полное партийное . . . . . и заменить теперешнее правительство. Он видел сегодня Керенского, и ему кажется, что он желает организовать . . . . . представителей различных социалистических и несоциалистических групп, не ведя переговоров с самими партиями. Однако он не очень надеется на успех; все, что требуется, — это люди, которые не только были бы выразителями идей, но которые вели бы и практическую работу в качестве министров.

Положение настолько тяжелое, что я не вижу никакого просвета. Кадеты не имеют на своей стороне армии, и для них преждевременно становиться у власти с надеждами на успех проведения . . . . . политики; политика, предложенная Терещенко, должна быть проводима правительством, в котором сильно представлены социалисты, иначе ему сейчас же поставят на вид подготовку пути для контр-революции. В таком случае мы увидим повторение большевистской демонстрации, бывшей две недели тому назад, и страна впадет в анархию или гражданскую войну. Единственную надежду на успокоение дает образование коалиционного министерства во главе с Керенским, но если члены правительства — социалисты — оставят его, он в значительной степени потеряет популярность и влияние. [1])

Телеграмма швейцарской миссии на имя Адор в Берн.

Петроград. 22 июля (4 августа) 1917 г.

Керенский, которому Совет предъявляет требования о контроле над деятельностью министров-социалистов и о сохранении программы 8-го июля, а кадеты, с другой стороны, требования об изменении программы и независимости Временного Правительства, подал вчера в отставку. Министры и товарищ председателя Некрасов созвали тотчас же ночью конференцию делегатов пяти партий и председателей Советов и Думы. Все вернулись к мысли о необходимости предоставления Керенскому неограниченных полномочий для формирования кабинета, но кадеты требуют создания национального кабинета и возлагают ответственность на социалистов и на Советы, которые настаивают на

[1]) Текст телеграммы во многом сходен с текстом письма Бьюкенена от 2/VIII (н. ст.), адресованного в английское мин-во ин. дел. «Мемуары дипломата», стр. 239—240.

сохранении программы и контроля. Керенский был вызван из Финляндии.

Арестован генерал Гурко, обвиненный в контр-революционном заговоре.

Генерал Корнилов назначен верховным главнокомандующим: он требует carte blanche для восстановления дисциплины на фронте и в тылу.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 29 июля (10 августа) 1917 г.

Говоря о взглядах генерала Корнилова на военное положение, министр иностранных дел высказался вчера в том же смысле, что и румынский посланник, с тою лишь разницею, что он не думает, чтобы существовала какая-либо опасность оккупации немцами всей Украины. Он сказал, что считает нравственной обязанностью России спасти как можно большую часть Молдавии, но, если она должна выполнить это, союзники должны ослабить нажим на этом фронте, усилив свое наступление, так как положение станет критическим, если немцы перебросят новые войска с запада. В случае эвакуации Молдавии Россия предоставит в распоряжение Румынии военную зону для ее армии, где король будет обладать полнотой власти, а румынское правительство будет управлять.

Его превосходительство сказал, что Корнилов произвел на него хорошее впечатление. Он железной рукой восстанавливает дисциплину, приказал расстрелять сотню солдат, виновных в грабежах и убийствах в Калише, и положить их тела вдоль дороги с привязанными надписями, объясняющими, за что они были расстреляны. Он расстрелял также несколько захваченных немецких офицеров, у которых были найдены прокламации с пропагандой мира, и сообщил об этом немецким войскам. Что касается дисциплины в тыловых войсках, то генерал приказал, чтобы части, отправляющиеся на фронт, сперва обучались втечение нескольких месяцев в каком-нибудь месте внутри фронтовой зоны, где применяются военные законы. При первой возможности он будет просить о включении в эту зону Петрограда.

Телеграмма маркиза Карлотти бар. Соннино в Рим.

Петроград. 3 (16) августа 1917 г.

Телеграмма № 339. Бьюкенен сообщил мне, что причины, по которым он советует своему правительству выдать английским делегатам пропуска на Стокгольмскую конференцию, таковы:

1. Не следовало бы позволять русским делегатам входить в прямое и неограниченное соприкосновение с делегатами исключительно враждебных и нейтральных стран.

2. Представляется более правильным, чтобы английская демократия присутствовала на обсуждении вопроса о целях настоящей войны и чтобы она могла также защищать и свою точку зрения.

3. Таким способом была бы оказана услуга нынешнему правительству и вместе с тем поддержаны хорошие отношения между обеими сторонами — правительством и социалистами.

Таким образом, точка зрения английского посла основана опять-таки на желании не оставлять Россию, чтобы этим не воспользовалась Германия, и извлечь как можно больше пользы из военного союза с Россией.

Надо также признать, что влияние социалистов на русскую армию гораздо сильнее, чем влияние правительства, авторитет которого сосредоточен в лице Керенского, но у последнего нехватает мужества и моральной силы для того, чтобы увлечь за собой всю армию. К тому же трудно сделать что бы то ни было в стране, где у большинства лишь одно желание — заключить мир.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 12(25) августа 1917 г., № 1332.

Сегодня в разговоре с министром иностранных дел я сказал, что по сведениям, полученным от одного из наших офицеров, настроение в войсках немного лучше, но большевики стараются подорвать дисциплину, и если не будут приняты энергичные меры к подавлению их, они опять скоро возьмут верх [1]). Бесполезно запрещать газеты, которые они выпускают в окопах, если на другой же день их разрешается выпускать под другим названием. Приведенные в печати объяснения отставки Савинкова, видимо, говорят за то, что в кабинете мнения по этому вопросу различны. Может ли он сообщить мне, пришли ли к соглашению Керенский и Корнилов [2]) по вопросу о введении смертной казни? Я опасаюсь, что первый слишком склонен поддаваться влиянию внутренних политических соображений. Терещенко ответил, что только в последние дни было возможно затронуть вопрос о смертной казни. Правительство проявляло осторожность . . . . равно как и в вопросе о применении военного закона против большевиков. Керенский, — уверял он меня, — был в согласии с Корниловым и в принципе одобрил применение смертной казни к некоторым видам преступлений, совершенных против государства солдатами и штатскими, но министры-кадеты возражали против применения ее к последним, опасаясь, что она

[1]) В письме в великобританское министерство ин. дел от 15/VIII (н. ст.) Бьюкенен писал: «Правительство упустило единственную возможность раздавить раз навсегда большевиков после беспорядков, происходивших в прошлом месяце». «Мемуары», стр. 242—243.

[2]) Ген. Корнилов, по мнению Бьюкенена, являлся «единственным человеком, достаточно сильным» для «восстановления строгой дисциплины в армии и подавления анархии в тылу» (Там же).

будет использована в политических интересах против всех способствующих контр-революции. Я возразил, что как бы ни была необходима осторожность, государство не должно терять времени, так как, не говоря уже о военных перспективах, экономическое положение настолько серьезно, что, если сейчас же не будут приняты энергичные меры, зимой возникнут серьезные осложнения. Я однажды предупреждал императора, что холод и голод повлекут за собой революцию, и если правительство не будет действовать поспешно, те же причины вызовут контр-революцию. Терещенко не отрицал этой опасности. Я узнал частным образом, что высказанные мною взгляды разделяются N N.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 23 августа (5 сентября) 1917 г., № 1389.

Министр иностранных дел, которому я прочел содержание вашей телеграммы № 8, сказал, что так как военная конференция состоится в Париже в конце этого месяца, то, по его мнению, конференция, на которой должен присутствовать русский министр, должна бы быть в Лондоне немного позднее. Он предпочел бы Лондон Парижу, как место встречи. Он сказал, что предложит пост посла в Лондоне князю Львову и что последний, если примет пост, будет сопровождать его на конференцию, так же как и вновь назначенный посол в Париже Коновалов, являющийся специалистом по экономическим вопросам. Я сказал, что одним из важных преимуществ конференции будет откровенный обмен мнений между русским правительством и союзниками по вопросу о роли, которую Россия все еще может играть в войне, и о той помощи, которую союзники могут оказать ей. Здешним представителям очень трудно обрисовать в полной мере настоящее положение вещей, и только при личном участии члена русского правительства союзные правительства смогут решить, в какой мере будет в дальнейшем возможно представление России значительного количества военных материалов. Последние известия с фронта, связанные с внутренним экономическим кризисом, сильно поколебали мою веру в способность России отразить немецкие войска, которые, вследствие неспособности правительства восстановить дисциплину, опять перешли в наступление.

Министр иностранных дел согласился с тем, что откровенный обмен мнений будет необходим на конференции, и выразил надежду, что на нее будет приглашен американский представитель, так как он предполагал привезти данные по финансовым вопросам, которые подвергнутся обсуждению. Говоря об утрате Риги, он сказал, что не думает, чтобы мог быть взят Петроград, и что приняты меры к тому, чтобы остановить германское наступление. Петроградский округ будет непосредственно подчинен главнокомандующему, но самый город не может управляться подобным образом, поскольку в нем остается правительство, а оно переедет в Москву лишь в крайнем случае. Последние части гарнизона

должны быть отправлены на фронт, а в город, который будет объявлен на военном положении, будут присланы три дивизии казаков. Я выразил надежду, что арест двух великих князей и всех . . . . . в контрреволюции, не отвлечет внимания от тяжелого военного положения, и спросил, может ли он сообщить мне причину ареста. Он ответил, что они скомпрометированы интригами княгини Палей, жены великого князя Павла, и ее сына, направленными к возвращению императора или возведению на престол великого князя Дмитрия; были найдены ее многочисленные шифрованные телеграммы и письма. Однако он не думает, чтобы этот арест, являющийся лишь домашним, был продолжительным.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 26 августа (8 сентября) 1917 г., № 1406.

Сегодня в разговоре со мной министр иностранных дел просил меня использовать мое влияние на английских корреспондентов и попросить их не посылать телеграмм, могущих возбуждать анти-русские чувства, так как из телеграфных сообщений, полученных из Лондона, видно, что некоторая часть печати, видимо, потеряла надежду на Россию. Русская армия прошла через гораздо худшее время, когда имело место своего рода перемирие, так называемое братание, на фронте. Он опять предостерегал меня от слишком больших надежд на русское наступление; хотя он никогда не предполагал, что оно закончится столь катастрофически, он ожидал, что оно достигнет более . . . . и, таким образом, облегчит давление противника на западном театре войны. Эта цель была достигнута, и у врагов теперь 144 дивизии на русском фронте. В своей речи в Москве князь Кропоткин сказал, что Россия, подобно Франции в 1870 г., сознает себя побежденной, но, подобно Франции, обратившейся впоследствии к России, как к единственной стране, от которой она могла ожидать помощи, Россия теперь обратится к каждой стране, выражающей ей симпатию и готовность помочь ей. Его превосходительство говорил далее о несколько улучшившемся положении на фронте и сообщил, что генерал Алексеев дошел до Двинска, который надеются спасти. Положение продолжает оставаться серьезным, но он полагает, что армия остановится и будет в состоянии перейти в наступление весной. Комиссия, собранная в ставке, определила полномочия комитетов и правительственных комиссаров, а офицерам предоставлены широкие дисциплинарные права. Несмотря на протест Совета, несколько полков и часть . . . . были посланы в Псков; другие полки также будут, несомненно, отозваны и заменены другими. Указ, объявляющий Петроград на военном положении, прошел на вчерашнем заседании Совета Министров и будет тотчас же опубликован. Что касается продовольственного вопроса, то министр продовольствия вышел в отставку; правительство приглашает крупных

московских промышленников помочь ему. Продовольственный вопрос будет изучен ими, и новый министр выйдет из их рядов. Он надеется также, что Чернов покинет правительство.

Телеграмма бар. Соннино маркизу Карлотти в Петроград.

Рим. 26 августа (8 сентября) 1917 г.

Телеграмма № 1490.

От 6-го сего месяца информация из Лондона, телеграмма № 411:

«Я видел сегодня Гардинга. Мы говорили о России. Он сказал мне, что считает положение безнадежным. Тем не менее, — добавил он, — Бьюкенен телеграфирует, что он еще не потерял надежд».

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 8 (21) сентября 1917 г., № 1492.

Военный министр, которого я встретил сегодня в военном министерстве, сообщил мне свой проект реорганизации фронта в тех же чертах, как он это сделал военному атташе. Я начал нашу беседу с указания на тяжелые последствия, которые, по всей вероятности, вызовет в армии выступление генерала Корнилова [1]), и с выражения опасения, что постоянная смена высшего командного состава будет иметь результатом подрыв доверия солдат к своим вождям и сделает для России очень трудным доведение войны до конца. Генерал ответил, что мятеж генерала Корнилова задержит реорганизацию армии приблизительно на месяц, но что реорганизация все же будет проведена. У генерала Корнилова была только одна идея . . . . . винтовки и пулеметы. По

---

[1]) О той позиции, какую занимал Бьюкенен во время корниловского выступления, указания можно найти в цитированных выше «Мемуарах». Так, накануне восстания он беседует с одним финансистом, принимавшим участие в заговоре, и просьбу последнего о содействии отводит ссылкой на свое положение посла и заявляет, что, с одной стороны, не станет обманывать оказанного ему доверия, с другой, — не окажет требуемой поддержки. При этом он сомневается в успехе всего предприятия и советует подождать «пока большевики не сделают первый шаг» (стр. 249). В момент наступления Корнилова на Петроград Бьюкенен в своей беседе с Терещенко указывает последнему на необходимость примирения с верховным главнокомандующим и командирования ген. Алексеева в качестве посредника для выработки соглашения с ним. «Так как он (Терещенко), — комментирует эту беседу Бьюкенен в своих «Мемуарах», — не выражал никакой надежды на то, что будет предпринят какой-либо шаг в этом направлении, то не остается ничего иного, как выжидать событий и верить в то, что Корнилов окажется довольно сильным, чтобы проедолеть всякое сопротивление в течение нескольких дней» (Там же, стр. 252). В строках дневника, помеченных Бьюкененом 12/IX (н. ст.), т.-е. написанных уже после выхода Корнилова в отставку, читаем: «Хотя все мои симпатии были на стороне Корнилова, однако, я все время старался изо всех сил бороться с идеей военного переворота, так как наилучшую надежду на спасение России дало бы тесное сотрудничество между Корниловым и Керенским» (Там же, стр. 254).

его мнению, это — ошибка. Прежде всего надо привить солдатам сознание . . . . . и необходимости смертной казни, поскольку эта мера восстановлена, в тех случаях, когда солдаты виновны в . . . . . Этой системы он придерживался с большим успехом в бытность свою командующим в Москве. Генералу Корнилову было нетрудно обмануть своих офицеров, но обмануть солдат он не мог, так как они всегда опасались, что он использует свое влияние в армии с политическими целями. Совершенно необходимо заменить высший командный состав людьми, пользующимися доверием солдат. Лица, которые будут назначены, не только должны быть лучше, но должны пользоваться доверием. По его словам, он стремится к тому, чтобы вся власть была сосред точена в руках офицеров, а не комитетов.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 19 сентября (2 октября) 1917 г., № 1545.

Новое правительство почти окончательно сформировано, и хотя состав его официально будет объявлен лишь после конца Демократического Совещания, члены его примут на себя руководство соответствующими министерствами с завтрашнего дня. Совет пяти будет продолжать свою деятельность в качестве военного комитета под председательством Керенского, в то время как М. . . .ов, один из московских промышленников, будет председателем Экономического Комитета, членами которого будут также министр финансов, торговли, продовольствия и. . . . Я спросил министра иностранных дел, действительно ли он предполагает отлучаться на короткое время из Петрограда, как он сообщил моим французскому и итальянскому коллегам. Его превосходительство сообщил мне, что несколько дней тому назад, когда я выразил неудовольствие по поводу появившегося в московской социалистической газете сообщения, будто английское. . . участвовало в имевшей недавно место попытке генерала Корнилова свергнуть правительство, он заявил, что Керенским было дано распоряжение закрыть газету. Но военный министр [1]), не уведомив его об этом, отдал приказ приостановить репрессии по отношению к этой газете, и сообщение, о котором я говорил, было повторено. У него был по этому поводу разговор с военным министром, и он заявил, что для него невозможно иметь дело с иностранными представителями, если он будет поставлен в положение лица, дающего им неправильные сведения. Я поблагодарил его превосходительство за его поступок. В заключение министр иностранных дел сказал, что он распорядится, чтобы в печати было опубликовано категорическое опровержение сообщения, помещенного в московской газете.

---

[1]) Верховский.

Телеграмма швейцарской миссии в политический департамент в Берн.

Петроград. 26 сентября (9 октября) 1917 г., № 43.

Демократическое Совещание закрылось сегодня, выбрав из своей среды постоянный демократический Совет из 300 членов, на который возложено образование правительства и контроль над ним. Пять делегатов тотчас же вступили в переговоры с правительством. Соглашение состоялось, за исключением вопроса об ответственности правительства. Сегодня указом правительство окончательно сформировано; большинство — социалисты, четыре кадета, Коновалов — товарищ председателя, Керенский — председатель, Терещенко остается. Большевистские Советы возмущены осуществлением коалиции. Совет будет дополнен 120 представителями цензовых элементов. Опубликовано назначение Ефремова в Берн.

Телеграмма бар. Фашотти бар. Соннино в Рим.

Яссы. 28 сентября (11 октября) 1917 г.

Телеграмма № 465.

Военный министр телеграфирует из Петрограда, что он удовлетворен переговорами с Керенским, который подтвердил данные ему уже в ставке обещания по вопросу о снабжении продовольствием.

Что касается вопроса о вмешательстве Совета во внутренние дела Румынии, то Керенский обещал ему послать специального делегата в Яссы, снабженного инструкциями по этому вопросу и обладающего необходимыми полномочиями.

Телеграмма бар. Соннино маркизу Карлотти в Петроград.

Рим. 9 (22) октября 1917 г.

Телеграмма № 1707. Наш поверенный в делах в Христиании телеграфирует от 20-го с. м.: «С е к р е т н о. Я узнал из авторитетного русского источника, что крайние русские партии поддерживают секретные сношения с немцами в целях ускорить заключение мира. Они готовы употребить все свое влияние, чтобы всеми средствами облегчить продвижение немцев на северном фронте, так как они убеждены, что с взятием Петрограда мир должен быть заключен».

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 11 (24) октября 1917 г.

Л и ч н о. На вашу телеграмму от 20-го октября. № 1028.

Часть писем королевы Александры, быть может, еще не дошла до императрицы [1]), так как их можно посылать только с оказией. Министр

[1]) Мария Федоровна, вдова Александра III.

иностранных дел сообщил, что императрице разрешено посылать свои письма с любым, едущим в Петроград, лицом, которому она доверяет. Я переслал два ее письма из Крыма последней почтой, но не помню, были ли они адресованы королеве Александре или. . . . Что касается последних трех писем императрице и одного великой княгине Ксении, то я передал их князю Шервашидзе [1]), который уезжает завтра в Крым. Он сказал, что императрица вполне поправилась после своей болезни, но все еще довольно слаба. Она не хочет уезжать из России до тех пор, пока не окончится война. Князь Шервашидзе был снабжен рядом писем к властям, указывающих, что ее величество не пленная и не должна быть притесняема в каком бы то ни было отношении. Новый комиссар, по его словам, также хорошо расположен, но не имеет достаточно влияния, чтобы заставить исполнять свои приказания. Князь Шервашидзе сообщит императрице, как нетерпеливо королева Александра ожидает от нее известий.

Телеграмма Бьюкенена Бальфуру в Лондон.

Петроград. 16(29) октября 1917 г., № 1712.

Следующее для . . . . . .

Через неделю я уезжаю на несколько недель в Англию и хотел бы узнать ваши распоряжения о том, как мне поступить с государственным серебром. В городе много грабежей. Единственное средство — это сдать его в банк, но все банки отказываются теперь принимать на хранение ценные вещи, и только два банка можно было бы убедить принять наше серебро —Государстзенный и Народный Городской. Разумеется, в случае, если большевистское движение будет иметь успех, опасность будет угрожать как банкам, так и посольству, и, таким образом, шансы почти одинаковы. Кроме того, в случае эвакуации Петрограда, было бы легче получить наше серебро в целости, если бы оно было сдано на хранение в банк.

Телеграмма Бальфура Бьюкенену в Петроград.

Лондон. 25 октября (7 ноября) 1917 г., № 2274.

Моя телеграмма № 4516 в Вашингтон [2]).

В случае, если ваш американский коллега не получит в течение ближайших дней предписания содействовать вам, вы должны будете приступить к переговорам самостоятельно. Американцы смогут присоединиться позже, если они, на что я надеюсь, будут содействовать нашей политике.

---

[1]) Состоял при имп. Марии Федоровне.

[2]) В подлиннике сноска: «Эта телеграмма нами еще не получена».

Телеграмма Фюрера [1]) в политический департамент в Берн.

Петроград. 25 октября (7 ноября) 1917 г., № 57.

Большевистский переворот, повидимому, можно считать совершившимся. В течение нескольких часов столица целиком в руках Петроградского Совета, на сторону которого перешел почти полностью гарнизон.

По сообщению французского посольства, министерство Керенского, оставленное даже казаками, условия которых не были приняты, распущено. Сегодня утром Керенский бежал, сказав, что уезжает в армию. Повидимому, формируется правительство Ленина — Троцкого. Отряды войск Совета занимают город; главные улицы забаррикадированы. В десять часов вечера слышна ружейная стрельба и канонада у Зимнего дворца.

Телеграмма Какламаноса [2]) Политису [3]) в Афины.

Петроград. 26 октября (8 ноября) 1917 г.

Совет захватил власть. Судьба министров неизвестна, за исключением Керенского, который, говорят, уехал в ставку. Совет выпустил воззвание, в котором заявляет, что, беря власть в свои руки, он выдвигает в качестве программы предложение демократического мира, распределение земель между крестьянами, контроль рабочих над промышленностью и т. д. Всю ночь шла ружейная перестрелка, а крейсер «Аврора», прибывший из Кронштадта с несколькими миноносцами, стрелял в упор. Верные правительству войска укрылись в Зимнем дворце, но в 2 часа утра сдались. Предпарламент был распущен, и дворец, где он заседал, был занят. Временное Правительство выпустило воззвание, в котором призывает народ и армию защитить законную власть. Крестьянский Совет выпустил прокламации с протестом против происшедшего.

---

[1]) Советник швейцарской миссии в Петрограде.
[2]) Греческий поверенный в делах в Петрограде.
[3]) Министр иностранных дел в Греции.

Запрещенный рассказ В. Короленко.

В 1886 году В. Короленко написал для журнала «Северный Вестник» небольшой рассказ «Федор Бесприютный (Из рассказов о бродягах)». По политическим условиям того времени рассказ к печати не был разрешен. Автор, как пишет цензор Коссович, «имел намерение представить на суд читателя выяснение одного из крайне щекотливых социальных вопросов с целью указать на несостоятельность некоторых условий общественного строя» и для этого он «не преминул иллюстрировать свою мысль чрезвычайно рельефным сопоставлением двух крайних типов, одного — взятого из мира каторжников, а другого — из мира официального». «Моральное превосходство каторжника, — сказано в отзыве о рассказе, — выступает... ослепительно ярко при сравнении мощной фигуры Федора Бесприютного с низменной и даже пошлой личностью quasi-добродушного полковника, очерченного автором в карикатурном виде, с явною целью осмеять в его изображении мещанские инстинкты благодушествующего карьериста».

С течением времени В. Короленко рассказ переработал, стараясь быть «наивозможно менее тенденциозным», и снова сдал его на цензурный просмотр под новым заглавием «По пути (Святочный рассказ)». Рассказ был «легко оцензурен» и к печати разрешен.

В. Короленко вынужден был смягчать свой рассказ. Задачу можно было разрешить двумя путями: значительными сокращениями, технической переделкой произведения, заменой сильных, волнующих мест, характеристик, выражений и слов более мягкими и спокойными, или же коренной, существенной переработкой его. Писатель избрал второй путь, он заново создавал своего Федора, создавал в новом тоне. Была новая творческая работа. Все основные моменты фабулы, тема и идея рассказа «Федор Бесприютный» остались неизмененными и в рассказе «По пути». Сохранились также все основные настроения, они были только смягчены. Во второй редакции не стало той острой сконцентрированности настроения, которая была в первом варианте. Учитывая реальные политические трудности, писатель все же стремился сохранить максимум идейного содержания своего первого рассказа. Существенная переделка коснулась главным образом тех второстепенных мест и моментов, которые сгущали, усиливали и оттеняли фигуру бродяги Бесприютного.

Вынужденный сделать рассказ «наивозможно менее тенденциозным», В. Короленко смягчал нравственное противопоставление бродяги и полковника.

В этих целях писатель старается держать читателя в более спокойном и ровном настроении, дабы он хладнокровнее и не так остро и болезненно воспринимал рассказываемое. Он сглаживает все то, что создает это настороженно приподнятое настроение, а затем снижает и общий психологический тон произведения.

В первом рассказе писатель сразу же резко ударяет по нервам, создает беспокойное, напряженное настроение, в котором и заставляет читателя взглянуть на кусок нашего жуткого прошлого бытия, на его отдельные фигуры. Данная психологическая установка, вызванная предрасположенность к тревоге, естественно, усиливают остроту, яркость и четкость восприятия рассказываемого, приподнимают настроение, напрягают мысль.

Это настроение автор постепенно усиливает, доводит до определенной высоты и силы в сцене встречи бродяги с полковником, некоторое время держит созданную болезненную напряженность, несколько ослабляя настроение, но не разряжая его до самого конца произведения.

Во втором рассказе постепенное, медленное, но неуклонное, грозное нарастание внутреннего кризиса бродяги и соответствующее нарастающее состояние читателя художник заменяет настроением, которое уже не так катастрофически надвигается, оно разбито, затаено. Даются нервозность, судорожность, непредвиденные психологические взрывы. Содержание мысли остается, но настроение ослабляется, хотя сильный удар в конце психологического акта остается. Трагедия не теряет своего смысла и содержания, но впечатление от нее менее тяжелое. В последней своей обработке она ослабляет впечатление и от самой фигуры бродяги. Фигура становится слабее, мельче, обыденнее. Требуется уже серьезная работа читателя, чтобы разобраться во всем этом настроении с полной отчетливостью.

Писатель ослабляет динамику рассказа, разбивает динамику чувств и мыслей, сглаживает настроение от пейзажа, изменяет фон отдельных моментов внутреннего состояния бродяги, переставляет крупные части рассказа и отдельные — на первый взгляд незначительные — места, переносит внимание с одного предмета на другой, делает кое-какие незначительные по существу сокращения.

В результате всей этой вынужденной переделки писатель все же сумел дать рассказ, психологическое воздействие которого хотя и ослаблено, но который не пострадал ни со стороны содержания, ни со стороны художественного выполнения. В последнем отношении рассказ местами даже стал лучше.

Валерьян Полянский.

Федор Бесприютный [1]).

(Из рассказов о бродягах.)

I.

Пешая этапная партия подымалась по трактовой дороге на «взгорок».

По обе стороны дороги кучки елей и лиственниц взбегали кверху оживленной кудрявой зеленью. На гребне холма они сдвинулись гуще, стали стеной тайги; но на склоне, меж дерев и ветвей, виднелась

[1]) Текст рассказа В. Короленко извлечен С. В. Любимовым из «дела СПБ. цензурного комитета 1885 г. по издаваемому А. Сабашниковой журналу под названием «Северный Вестник». Нач. 4 апр. 1885 г., № 43». Из того же дела взяты и отзывы цензора Коссовича, приведенные в предисловии (Ленингр. Центр. Истор. Архив).

даль, расстилавшаяся лугами, сверкавшая кое-где полоской речной глади, затянутая туманами в низинах и болотах...

Вечерело. На землю налегала прохлада; кругом все как-то стихло, темнело, заволакивалось синевой, и только кусок широкой дороги меж зеленью елей и лиственниц весь будто шевелился, кишел серыми арестантскими фигурами, звенел кандалами.

Партия растянулась почти на версту. Арестанты разбрелись по сторонам, избегая дорожной пыли, которую взбивала главная масса, двигавшаяся по тракту. Впереди всех, в голове отряда, шли кандальные; телеги с женщинами, детьми и больными перемешались с пешеходами. По опушкам придорожной тайги слышались голоса, хотя и не особенно оживленные. Партия шла вольно; солдаты частью спали в телегах, свесив оттуда ноги в сапогах с бурками, частью же мирно беседовали друг с другом, беспечно покуривая на ходу «цыгарки» из простой бумаги с махоркой; офицера совсем не было видно. Партия шла на слово старосты Федора, по прозванию «Бесприютного»...

Голова партии дотянулась уже до вершины холма. Федор Бесприютный взошел туда и, остановившись на гребне, откуда дорога падала книзу, окинул взглядом пройденный путь, и темневшую долину, и расползшуюся партию. Затем он выпрямился и крикнул арестантам:

— Ну, подтягивайся, ребята, подтягивайся! Недалече уже! Хлестни лошадей, подводы! Хлестни лошадей... Близко!..

Под влиянием этого окрика партия зашевелилась быстрее.

Из кустов выбегали арестанты, телеги встряхнулись, и сапоги с бурками заболтались на рысях в воздухе.

Серые разбросанные кучки, оживлявшие дорогу, стягивались в одну плотную массу, которая катилась кверху, туда, где, рисуясь на холодевшем небе, виднелась фигура высокого сгорбленного человека.

II.

О бок дороги шел по траве молодой человек, одетый не в арестантское, а в свое собственное платье. Уже это обстоятельство выделяло его из остальной серой массы: его клетчатые брюки, запыленные ботинки, круглая шляпа котелком, из-под которой выбивались мягкие белокурые волосы, синие очки, — все это как-то странно резало глаз, выступая на однообразном фоне партии. Но, — помимо этого, — фигура была несколько странна: молодой человек в круглой шляпе шел ровным шагом, выступая немного по-журавлиному, как ходят люди, выработавшие свою походку в кабинете. Теперь он, видимо, сознавал, что он уже не в кабинете, и прилаживал свой шаг к ходу партии. Ему это удавалось, и он был доволен, что сказывалось во всей его фигуре. Он не просто шел, а как бы свершал нечто важное, и это сознание придавало всей солидно и широко шагавшей фигуре оттенок неотразимого комизма. Черты его лица были тонки, губы легко складывались в

какую-то нервную , несколько кривую, но все же очень добрую улыбку. Но синие глаза всегда глядели серьезно, задумчиво, а высокий лоб придавал верхней части лица характер спокойной, ничем не возмутимой мысли.

Его отношения к партии тоже были отмечены характером двойственности и противоречий. «Барину» полагалась подвода, но он ею никогда не пользовался, и партия завладела телегой для своих надобностей. Его присутствие как будто игнорировалось, но вместе с тем, когда чудной барин подходил к кому-нибудь одному или к целой кучке арестантов, люди как будто смущались и робели. Когда думали, что он не видит, — то подталкивали друг друга локтями и смеялись, но всякий, на ком останавливался этот задумчивый взгляд, как-то терялся и будто чувствовал, что где-то что-то не ладно.

— Почему вы делаете то или другое?— спрашивал он иногда об артельных порядках, далеко не всегда, по его мнению, соответствовавших справедливости.

— Да ведь оно уже заведено, — мямлили арестанты.

Молодой человек задумывался и через несколько минут произносил:

— Но ведь это несправедливо.

— Д-да уж... не очень чтобы правильно, что говорить...

— Значит, надо переменить, — замечал молодой человек, как бы удивляясь, что логическая победа далась так легко, даже без спора.

— Да ведь как уж... не нами заведено... невозможно менять, — возражали арестанты, и губы молодого человека нервно вздрагивали. Он смотрел на людей своим испытующим взглядом, как будто разыскивая в них что-то затерянное. Этот взгляд очень смущал партию: все чувствовали, что этот барин в сущности «младенец», но вместе с тем чувствовали также, что среди них есть человек, который обдумывает каждый их поступок, чуть не каждое слово. Это стесняло партию, но никто не чувствовал против барина недоброжелательства. Вначале выходили иногда споры, так как он сам решительно отказывался подчиняться тем правилам, о которых шла речь, как о несправедливых и неразумных. Но впоследствии на молодого человека махнули рукой. Даже более, смеясь за глаза над барином как над юродивым, партия незаметно меняла тон своих отношений. Цинизм и разгул стихали порой не в силу сознания, но просто потому, что ощущение пристального анализирующего взгляда разлагало непосредственные чувства грубой толпы и умеряло широту размаха.

Так этот странный человек совершал свой путь с людьми и вместе одинокий. Он вместе с другими выходил поутру с этапа и вечером усталый, запыленный, приходил на другой, всю дорогу думая о чем-то, наблюдая, порой дополняя свои размышления расспросами. Вопросы были непонятны арестантам, а когда, получив ответ, он кивал головой, будто утверждаясь в своей догадке, — собеседники переглядывались

друг с другом. А молодой человек шел опять своей дорогой, не глядя по сторонам и весь поглощенный какой-то внутренней работой.

Теперь рядом с молодым человеком, держась за его руку, шел мальчик, лет пяти, одетый не совсем по росту. Рукава какой-то кацавейки были завернуты на детских руках, талия перевязана белым платком; таким же платком перевязан подбородок, большой картуз, с обширным козырьком, из-под которого глядели простодушные синие глаза ребенка. Он старался шагать широко, чтобы не отставать от остальных.

— Так тебя, значит, зовут Мишей? — спрашивал молодой человек, глядя вперед и о чем-то думая.

— Мишей, — повторил мальчик.

— Чей же ты?

— Мамкин... Вот, — указал ребенок на одну из телег, где сидела женщина с ребенком на руках. Она кормила ребенка грудью и в то же время следила взглядом за Мишей, который разговаривал с «барином». Эта женщина примкнула к партии на одном из ближайших этапов, недавно оправившись от болезни.

— Куда же вы идете? — спросил опять молодой человек.

— К тятьке идем, — ответил мальчик с детской беспечностью в тоне.

— А кто твой тятька?

Этот вопрос несколько затруднил мальчишку.

— Тятька-то? — переспросил он.

— Да... кто твой тятька?

— Тятька!.. — ответил мальчик просто, с полной уверенностью, что этим сказано все, что нужно.

— Глупый, не умеешь барину ответить, — наставительно вмешался шедший не вдалеке чахлый арестант и как-то снисходительно-заискивающе улыбнулся барину.

— Глуп еще, не понимает, —пояснил он за ребенка, пользуясь случаем, чтобы вступить в разговор. — А ты говори: посельщик, мол, тятька, вот кто.

Мальчишка вскинул глазами на говорившего и, как будто недоумевая, почему к имени его «тятьки» прибавляют незнакомое слово, — опустил опять глаза и проговорил упрямо:

— Нет, тятька он...

Семенов (так звали молодого человека) утвердительно кивнул головой, как будто находя ответ вполне удовлетворительным.

— Глупый младенец, дозвольте вам сказать, — вмешался опять чахлый арестант тем же заискивающим тоном. Он тоже примкнул к партии недавно. Если бы не это обстоятельство, он знал бы, что Семенов, если и барин, то не такой, от которого можно поживиться. Но, не успев узнать этого, чахлый арестант все время терся около «барина», подыскивая удобный случай для униженной просьбы, в надежде полу-

чить полтину-другую ради своего сиротства. Теперь он желал помочь в том же смысле младенцу.

— Кабы ты не глуп был, — наставлял он, — ты бы сказал барину: к посельщику, мол, идем... должна наша жизнь быть теперича самая несчастная, вот что.

Семенов нервно повел плечами и, повернувшись к арестанту, сказал:

— Идите, пожалуйста, своей дорогой.

Чахлый арестант съежился и отошел в сторону, а мальчишка, еще ниже опустив голову, повторил упрямо:

— К тятьке, к тятьке...

— Верно, — сказал молодой человек, и в его голове зароились невеселые мысли.

«Да, — думал он, шагая вдоль дороги, — вот целая программа жизни в столкновении двух взглядов на одного и того же человека: тятька и посельщик... для других это — посельщик, может быть, вор или убийца, но для мальчишки он—отец, и больше ничего. Ребенок попрежнему ждет от него отцовской ласки, привета и наставления в жизни. И так или иначе, он найдет все это... Каковы только будут эти наставления?..»

Молодой человек оглядел бойко шагавшего мальчишку своим задумчивым взглядом.

«Да, — продолжал он размышлять, — вот она, судьба будущего человека. Она поставила уже мальчишку на дорогу. Тятька и посельщик... Две координаты будущей жизни... Любовь сына, послушание отцу — две добродетели, из которых может выработаться целая система пороков. Житейский парадокс, и этот парадокс, быть может, воплотится в какую-нибудь мрачную фигуру, которая возникнет из этого мальчика с такими синими глазами»...

Дальнейшая нить размышлений молодого человека была прервана окриком арестантского старосты. Партия зашевелилась, и Семенов посадил Мишу на телегу рядом с матерью. Сам он на мгновение остановился и посмотрел в том направлении, где виднелась фигура Бесприютного. Казалось, фигура эта вновь вызвала в его голове новую нить размышлений.

III.

Трудно сказать почему, но именно эта минута, именно этот кусок пути запечатлелся в его памяти с особенной яркостью, и каждый раз, когда он вспоминал впоследствии о Федоре Бесприютном, в его воображении тотчас оживали холмик, и расстилавшиеся у его подножия луга, тихо лежавшие под лучами заката, и холодок близкой ночи, и высокий силуэт человека, стоявшего вверху... И этот голос, звучавший своеобразным, странным призывом.

«Близко!..» Что же близко? — этап, один из многих сотен этапов на расстоянии тысячеверстного длинного и трудного пути! Странное

утешение! Солнце закатывается, день отходит, партия тянется по дороге. И завтра, и через неделю, и через месяц — то же солнце увидит тех же людей на такой же, только, быть может, еще более трудной дороге,— что за дело? Что за дело, если путь бесконечно длинен, если он пролегает через знойное лето и через холодную страшную сибирскую зиму? Что за дело, если старик, который теперь еле выносит летнее путешествие, — наверное не вынесет осеннего. Что за дело, если ребенок, рожденный на этапе весной, умрет на другом этапе осенью. Что за дело и до того, что в конце пути для тех, кто его выдержит, лежит каторжный труд или горькая доля изгнания!

Что за дело! Солнце садится и отдых близок! — вот что слышалось Семенову в голосе вожака арестантской партии.

Молодой человек ускоренной, но ровной походкой обогнал телеги и подошел к Федору.

— Скоро придем? — спросил он.

— Недалече, — ответил Федор. — Вот в эту падушку [1]) спустимся, да опять на узгорочек подымемся. Там от кривой сосны за поворотом всего полверсты будет.

— Да уж Бесприютный знает, — льстиво заговорил тот же чахлый арестант, поспевший за барином. — Чать Бесприютному этой дорожкой не впервой иттить.

Арестант, очевидно, хотел польстить опытному бродяге, но суровое лицо Бесприютного, с резкими чертами, с морщинами около глаз, осталось таким же неподвижно суровым. Он осматривал внимательным взглядом свою ватагу. Он знал, конечно, что в партии, которую он вел, не может быть побега. Он дал слово начальнику, партия дала слово ему. Ценой этого слова партия покупает известные вольности возможность по временам снимать кандалы, зайти вперед, прилечь в тени, пока подойдут остальные, отправить в какую-нибудь деревушку, в стороне от тракта, несколько человек за сбором подаяния и т. д. И, дорожа этими вольностями, арестанты свято блюдут данное слово, строго следя друг за другом. Но, не опасаясь побегов, Бесприютный боялся, что «шпанка» разбредется по лесу, пожалуй кое-кто заблудится и отстанет, и таким образом партия явится к этапу не в полном составе. А этого он не любил. Он дорожил своею репутацией; ему было бы неприятно, если бы про Бесприютного сказали, что у него в партии беспорядок.

Но этого не случилось; все были налицо; вот, звеня кандалами, подходят «каторжане»; громыхая, подъезжают подводы с женщинами и детьми; сгрудившись плотной кучей, всходят на пригорок пешие арестанты. И Бесприютный, окончив осмотр, опять двинулся вперед своей развалистой, характерной походкой бродяги.

---

[1]) От слова падь — долина. *Прим. автора.*

Шестьдесят верст «на круг» в сутки — такова была эта походка. Так идет человек, у которого нет ближайшей цели. Он не торопится, чтобы прийти до ночи, чтобы не опоздать к обедне в храмовой праздник, чтобы поспеть к базару. Он просто — идет. Дни, недели, месяцы... По хорошей и по дурной дороге, в жару и слякоть, гольцами и тайгой, и ровною Барабинскою степью, — бродяга все идет к своей неопределенной далекой цели... Он не торопится, потому что торопиться всю жизнь невозможно. Самое страстное, самое горячее стремление — в эти долгие месяцы и годы уляжется в привычные, размеренные, бессознательно рассчитанные движения. Туловище подается вперед, будто хочет упасть, но следующий шаг несет его дальше, и так, покачиваясь на ходу, уставившись перед собой глазами, согнув спину с котелком и котомкой, — отмеривает бродяга шаг за шагом эти бесконечные и бесчисленные версты... Эта ровная, неторопливая, хотя и довольно быстрая походка входит в привычку, и теперь, когда Семенов смотрел на фигуру шедшего впереди Бесприютного, ему виделось в этой сгорбленной фигуре что-то роковое, почти символическое. Молодой человек опять кивнул головой: «Понимаю, — подумал он, — выражение этой походки состоит в том, что человек не идет по своей воле, а как будто отдается с полным фатализмом неведомому пространству».

Серые халаты с тузами и буквами на плечах — вообще нивелируют всю эту массу. В первое время свежему человеку все эти люди кажутся будто на одно лицо, точно бесконечное повторение одного и того же тюремного экземпляра. Но это только первое время. Затем вы начинаете под однообразной одеждой замечать бесконечные различия живых физиономий; вот на вас из-под серой шапки глядят плутоватые глаза ярославца; вот добродушно хитрый тверитянин, не переставший еще многому удивляться и то и дело широко раскрывающий голубые глаза; вот пермяк с сурово и жестко зарисованными чертами; вот золотушный вятчанин, прицокивающий смягченным говором. Вы начинаете различать под однообразной оболочкой и разные характеры, и сословия, и профессии, — все это выступает, точно очертания живого ландшафта из-под серого тумана.

Но, смотря на Бесприютного, трудно было решить — что это за человек, кем был он раньше, пока не надел серого халата. Тогда как на большинстве арестантов казенное платье сидело как-то неуклюже, не ладилось, топорщилось и слезало, — на Бесприютном все было впору, сидело ловко, точно на него шито. Большие руки, дюжая фигура, грубоватые движения... как будто крестьянин. Но ни одно движение не обличало в нем пахаря. Не было заметно и мещанской юркости, ни сноровки бывшего торговца. Кто же он? Семенов долго задавался этим вопросом, но наконец теперь, поняв по-своему «выражение» его походки, он решил, что перед ним бродяга.

Бродяга — и ничего больше! Все характерные движения покрывались одной этой бродяжной походкой. Глаза Федора глядели не

с мужицкой наивностью, в них заметна была своего рода интеллигентность. Ни роду, ни племени, ни звания, ни сословия, ни ремесла, ни профессии, — ничего не было у этого странного человека. Он, как и мальчишка, с которым Семенов только что беседовал, пошел в Сибирь за отцом, бывшим крестьянином. Рос он дорогой, окреп в тюрьме, в первом побеге с отцом возмужал и закалился. Тюрьма и ссылка воспитали этого человека и наложили на него свой собственный отпечаток. Пройти столько, сколько прошел бродяга, видеть стольких людей, скольких он видел, — это своего рода школа, и она-то дала ему этот умный наблюдательный взгляд, эту немужицкую улыбку. Но эта школа была трагически односторонняя: люди, которых он изучал, были не те, что живут полной человеческой жизнью; это были арестанты, которые только и д у т [1]), которых только г о н я т [1]). Правда, во время бродяжества он сталкивался и с сибиряками, живал по деревням и на заимках. Но опять и тут настоящая жизнь для бродяги была закрыта. Его дом — не изба, а баня на задах; его отношения к людям — милость или угроза. Он знал, в какой стороне чалдон живет смирный и мягкосердный; в каких деревнях бабы ревут ревмя, заслышав заунывный напев «Милосердной» [2]), и где бродяге надо итти с опаской; знал он, где для бродяжки готов хлеб «на поличке» и где встретят горбача винтовкой. Но жизнь семьи, круговая работа крестьянского года, житейские радости, печали и заботы — все это катилось стороной, все это миновало бродягу, как минует быстрое живое течение оставленную на берегу продырявленную и высохшую от солнца лодку.

Эти характерные бродяжьи черты в Федоре Бесприютном соединились с замечательной полнотой, и немудрено: ведь он не знал другой жизни, — жизнь сибирской дороги владела его душевным строем безраздельно. Но кроме этих характеристических черт было в фигуре Бесприютного еще что-то, сразу выделявшее его из толпы. Каждая профессия имеет своих выдающихся личностей.

Бесприютный представлял такую личность бродяжьей профессии. Каторжная, скорбная дорога овладела в его лице недюжинной, незаурядной силой.

В волосах Федора уже виднелась седина. На лбу прошли морщины; резкие морщины обрамляли также глаза, глядевшие из глубоких впадин каким-то особенным выдержанным взглядом. Казалось, человек, смотрящий этим странным взглядом, знает о жизни нечто очень горькое... Но он таит про себя это знание, быть может, сознавая, что оно под силу не всякому, и, быть может, именно в этом сдержанном выражении, глядевшем точно из-за какой-то завесы на

---

[1]) Разбивка автора.

[2]) «Милосердная» — арестантская песня с чрезвычайно унылым напевом: «Партионные» и бродяги запевают ее, проходя по улицам деревень и выпрашивая подаяния. *Прим. автора.*

всякого, к кому обращался Федор Бесприютный с самыми простыми словами, скрывалась главная доля того обаяния, которое окружало вожака арестантской партии.

— Бесприютный знает! Бесприютный зря слова не скажет, — говорили арестанты.

И худое слово человека, глядевшего этим спокойным, сдержанным, знающим взглядом, приобретало в глазах толпы особенную авторитетность. Ко всякому, самому простому слову Федора (он был вообще неразговорчив), кроме прямого его значения, присоединялось еще нечто... Нечто неясное и смутное прикасалось к душе слушателя, что-то будило в ней, на что-то намекало. Что это было, — слушатель не знал, но он чувствовал, что Федор Бесприютный что-то «знает»... Знает, но не скажет, и поэтому в каждом его слове слышалось нечто большее обыкновенного смысла этого слова.

В лицо он знал в партии всех, но друзей и товарищей у него не было. Ближе других сошлись с ним два человека, но и с теми соединяли его особые отношения. Первым был старый бродяга, Хомяк, вторым — барин.

Бродяга Хомяк был дряхлый старик. Сколько ему было лет, — сказать трудно, но он не мог уже ходить и «следовал» на подводе. Одна из телег, именно та, на которой помещался старик, служила предметом особенных попечений старосты. Он сам настилал в ней солому, прилаживал сиденье, сам выносил с этапа и усаживал старого бродягу. В продолжение пути он то и дело подходил к этой телеге и подолгу шел рядом с нею. Никто не слышал, чтобы они разговаривали друг с другом. Бесприютный только пощупывал сиденье и шел, держась за переплет телеги. Хомяк сидел, свесив ноги, боком к лошадям, и смотрел неизменно перед собою неподвижным взглядом. Его руки лежали на коленях, ноги бессильно болтались, спина была сгорблена. Густая шапка только наполовину седых волос странно обрамляла темное обветрелое лицо, на котором тусклые глаза совсем терялись, что придавало лицу выражение особенного бесстрастия. Картина за картиной менялись, появляясь и исчезая, но эти выцветшие глаза смотрели на все одинаково равнодушно. Старик мог видеть и слышать, но как будто не хотел уже ни глядеть, ни прислушиваться. Он мог говорить, но до сих пор Семенов ни разу еще не слыхал звуков его голоса. От всей фигуры веяло каким-то замогильным безучастием; не было в ней даже ни одной черты страдания: в холод и жар, в дождь и непогоду — он сидел одинаково сгорбившись и по временам только постукивал пальцем одной руки по другой. Это было единственным проявлением жизни в этой старчески-невозмутимой фигуре.

Арестанты говорили, что Федор Бесприютный приходится Хомяку товарищем по прежним бродяжествам.

IV.

На одной из телег, среди всякой арестантской рухляди, лежал белый чемоданчик, принадлежавший Семенову. Иногда на этапе он просил старосту принести чемодан, чтобы переменить белье и взять, что нужно, и Федор, исполнявший очень внимательно все его просьбы, обыкновенно сам приносил просимое. Этот чемодан и послужил первым поводом для их сближения.

За несколько дней до описываемого случая молодой человек попросил принести чемодан. Федор принес и отошел было как всегда, пока молодой человек разбирался, но, оглянувшись как-то, староста увидал, что Семенов открыл одну из крышек и стал разбирать книги. Вынув одну из них, он закрыл чемодан и лег с книжкой на нарах. Федор посмотрел несколько секунд будто в нерешительности, потом подошел к Семенову и сказал:

— Книжки у вас?

— Книжки, — ответил Семенов и, взглянув на Федора из-за страницы, спросил, — а вы читаете?

— Мерекаю самоучкой, — сказал бродяга, приседая у чемодана и без спроса открывая крышку. Семенов смотрел на это, не говоря ни слова. Федор стал раскрывать одну книгу за другой, просматривая заглавия и иногда прочитывая кое-что из середины. При этом его высокий лоб собирался в морщины, а губы шевелились, несмотря на то, что он читал про себя. Видно было, что чтение стоило ему некоторого усилия.

— Нельзя ли и мне какой-нибудь книжечки почитать? — спросил он, продолжая перелистывать книги одну за другой.

Молодой человек приподнялся.

— Возьмите, — сказал он живо и как будто обрадовавшись, — не знаю только, найдете ли вы что-нибудь интересное.

— Ну, ничего, — сказал снисходительно бродяга, — все-таки время провести. Конечно, и в книгах тоже... настоящего нету.

— Настоящего? — удивился Семенов. — Как это странно! Каждая книга говорит о каком-нибудь одном предмете, и, если бы у меня их было побольше, вы, вероятно, нашли бы, что вам нужно.

Бродяга слегка усмехнулся, и в его глазах промелькнул мгновенно огонек, опять в них засветилось такое выражение, как будто бродяга знает и по этому предмету кое-что, но возражать не желает.

— Читал я их, — продолжал он, помолчав и попрежнему рассматривая книги, — не мало читал. Конечно, есть занятные истории, да ведь, поди, не все и правда... Вот тоже у поселенца одного, из раскольников, купил я раз книжку; называется эта книжка «Ключ к таинствам природы»... Говорил он, в ней будто все сказано, как есть...

— Ну, и что же?

— Да нет, толку мало. Неотчетливо пишет этот сочинитель. Читаешь, читаешь, в голове затрещит, а ничего настояще не понимаешь. Вечная единица, треугольники там, высшая сила... а понять ничего невозможно. Конечно, я человек темный, а все же, думаю, обман это, больше ничего.

— Я тоже думаю, что вам попалось не то, что нужно...

— То-то и я думаю. Надо чем-нибудь кормиться, хоть бы и сочинителям.

Перебирая книги одну за другой, он вдруг со вниманием остановился на одном заглавии.

— Это что же такое? — сказал он, поворачивая заглавие.

Это были «Вопросы о жизни и духе» Льюиса.

— Это насчет чего? — спросил бродяга, с любопытством осматривая со всех сторон книгу.

Молодой человек затруднился ответом. Если заглавие непонятно, то что же сказать в объяснение? Как пояснить содержание трактата о сложных «проклятых» вопросах, над которыми, быть может, никогда не задумывался этот человек, с трудом разбирающий по складам?

— О жизни и духе!.. — задумчиво повторил между тем бродяга и опять с видом удивления стал поворачивать книгу во все стороны, осматривая и корешок, и коленкоровый переплет, и даже самый шрифт. Казалось, он удивлялся, что книга с таким заглавием так проста на вид. Быть может, он ожидал встретить «вопросы о духе» в каком-нибудь фолианте, переплетенном в старинный сафьян.

— Это насчет жизни и, например, о душе?.. Так что ли?

— Да, — ответил молодой человек нерешительно.

Бродяга пытливо посмотрел на него.

— И все тут сказано?.. явственно?..

— Как вам сказать?.. конечно, все, что мог сказать этот писатель. Но явственно ли?.. Знаете что! Лучше возьмите какую-нибудь другую книжку...

Бродяга с живостью отдернул книгу, к которой молодой человек протянул было руку.

— Нет уж, дозвольте мне этой книжки почитать... Ежели тут насчет души и о прочем...

— Извольте, — неохотно ответил молодой человек. — Если встретится вам что-нибудь непонятное, слово какое-нибудь, выраженье, я с удовольствием постараюсь вам разъяснить...

— Нет, что выражение, выражение ничего не составляет. Конечно, мало ли их, слов-то непонятных. Ну, да все же прочитаешь раз, прочитаешь другой, оно и видно, к чему что идет. Так можно?

— Можно.

— Спасибо, — сказал он и опять взглянул в книгу. — «Вопросы о жизни и духе», прочитал он еще раз с расстановкой. Должно быть — она самая!..

Он встал, но, подымаясь, раскрыл книгу на предисловии и зашевелил губами, прочитывая кое-что на выдержку. Одна фраза остановила на себе его внимание. Что-то в роде удовлетворения мелькнуло в его лице и в глазах, когда он взглянул на молодого человека.

— Вот, — сказал он, ткнув пальцем в одно место, и затем прочитал: — «Наш век страстно ищет веры».

— Это верно, — подтвердил он с какой-то наивной авторитетностью, махнув головой.

Молодой человек усмехнулся.

— Верно, — подтвердил бродяга, — сколько теперича этих самых молоканов да штундистов с партиями гонят. И что ни дальше, то больше... Ну, спасибо. Эту книгу я теперича беспременно прочитаю.

И он ушел.

Когда наступила ночь, в камере этапа не спало только два человека. Бесприютный, полулежа на нарах, при свете сального огарка, поворачивал страницу за страницей. Лицо его выражало сильное, почти болезненное напряжение мысли, морщины на лбу углубились, и по временам, когда бродяга отрывался от книги и, устремив глаза в потолок, старался вдуматься в прочитанное, — на лице его явственно виднелось страдание.

Не спал и молодой человек. Лежа под открытым окном, — это было его любимое место, — заложив руки за голову, он задумчиво следил за читавшим. Когда бродяга углублялся в книгу и лицо его становилось спокойнее, — на лице молодого человека тоже выступало спокойное удовлетворение; когда же лоб бродяги сводился морщинами и глаза мутились от налегавшего на его мысли тумана, — молдой человек беспокоился, приподымался с подушки, как будто порываясь вмешаться в тяжелую работу.

Он был утомлен дневным переходом. Все члены ныли от усталости, и он чувствовал потребность в успокоении. Но голова его горела, глаза тоже были охвачены будто кольцами лихорадочного жара, он беспокойно метался каждый раз, когда шелест перекидываемой страницы долетал до его слуха среди сонных звуков камеры.

«Что-то он найдет в моей книге, — думал он, — этот наивный вопрошатель? Найдет ли хоть частицу того, что ему нужно?»

И молодому человеку глава за главой вспоминалась вся книга. Живучесть проклятых вопросов... Определение метафизики. Метод научный, метод эмпирический, метэмпирический метод... Что же тут почерпнет этот самоучка, что он поймет во всех этих определениях, зачем ему вся эта история бесплодных исканий, это блуждание за заблудившимися в бесконечном лабиринте?

Молодой человек смотрел теперь на труд мыслителя с особенной точки зрения; он хотел представить себе, что может почерпнуть из него человек, незнакомый со специальной историей человеческой

мысли, и он метался беспокойно, боясь, не дал ли он просившему камень, вместо хлеба. Эта работа внимания и воображения утомила Семенова. Голова его отяжелела, тусклый свет огарка стал расплываться в глазах, темная фигура маячила точно в тумане.

V.

И приснился молодому человеку странный сон. Видел он густой, темный лес ночью... Во мраке качались гигантские ветви, старые стволы стояли точно великаны-призраки, и ни одна звезда не заглядывала в чащу, ни один луч не освещал темноты. Толпа людей билась в этом лесу, разыскивая, где выход к вольному простору и свету. Долго шла толпа, расчищая путь, прорубая просеки, прокладывая в лесу дороги. Куда вести эти дороги, так ли направлены просеки, кратчайшим ли путем приведут они к выходу, туда, где солнце золотит нивы, — люди не знают. Лишь только бледная заря разольется по лесной глуши, — люди встанут ото сна и поведут дальше работу. Сзади за ними теряется в бесконечном лесу пройденный путь, вперед призывает работа, и пот выступает на лбу и ноют усталые члены, а люди рубят деревья, стелют мосты, жгут и уничтожают чащу. Ночной отдых сменяет усталость дневной работы. Приходит смерть, и люди ложатся в могилы, в темноте чащи, обращаясь головами туда, откуда — они верят — свет светит и лежит страна, которую они ищут. Там ли она, так ли направили они свою тяжелую работу, — они не знают. Знают другие. Им известно только, что они тяжко трудились, что заслужили отдых, чтобы завтра трудиться опять, или смерть, чтобы успокоиться навеки.

Толпа спит спокойным трудовым сном. Но в ней есть люди, которых члены не ноют, над которыми сон не налег так тяжело, как над остальными, потому что их работа легче. У них были глаза острее, слух чутче, и потому они не рубили деревьев, не копали землю лопатами, не настилали мостов. Они проверяли пути, они ходили вперед, они ставили позади вехи и вечно думали о той стране простора и света, куда стремились. Иногда они подымались на высокие деревья... Но оттуда только бесконечное море древесных вершин колыхалось и шумело листвой... То самое море, на дне которого, там назади — в тесных могилах — полегло столько людей, искавших выхода... И люди спускались опять в чащу, исследовали и меряли путь, а сердца их нередко сжимались от боли, их душу тяготило чувство ответственности, но члены их не ныли и ноги не подкашивались от утомления.

И вот раз в глухую полночь они поднялись от сна и, оставив спящую толпу, пошли в чащу. Одних неодолимо влекло вперед представление о стране простора и света, других манил мираж близости этой страны, третьим надоело тянуться с «презренной толпой, которая только и знает, что спать да работать руками», четвертым каза-

лось, что все идут не туда, куда надо. Они надеялись разыскать путь своими одинокими усилиями и, вернувшись к толпе, сказать ей: вот близкий путь. Желанный свет тут, я его видел...

И эти люди пошли, а толпа еще спит. До зари далеко, кругом темно. Далеко зашли ушедшие, и многим уже не вернуться. Они сбивались с пути, возвращались, встречались друг с другом и расходились опять. Они менялись опытом своих неудач и успехов, они ставили свои вехи, делали свои зарубки, условные знаки, понятные другим искателям. Иногда кто-нибудь из них натыкался на какой-нибудь символ, смысл которого не давался пониманию. Тогда сходились другие и по большей части разгадывали знак: знамение неведомой гибели и незнакомой доселе опасности. И так прошло много дней и ночей. Толпа осталась где-то далеко, продолжая прежде намеченный путь, а те, что ушли вперед, — все шли, у них выработался свой условный язык, свои знаки...

И вот в одну ночь, когда отдыхавшая толпа спала, как прежде, еще один человек поднялся задолго до зари и, беспокойно оглядевшись, тоже пустился в чащу. И чаща замкнулась за ним. Он искал пути, как и другие, но был один. Ему непонятен условный язык. Он остановился у громадного столетнего дерева и, подняв свой фонарь, с тоской рассматривает зарубку... Знак, когда-то высеченный твердой рукой, стоит перед ним неведомым иероглифом и, несмотря на это указание, чаща стоит вокруг него полная прежней тайны, и мрак кажется еще глубже, лесная глушь еще враждебнее и страшнее... Зачем он поднялся, что его разбудило?..

Молодой человек спал плохо. Он метался, и весь этот сон проходил в его мозгу, как это нередко бывает, то в виде образов, то будто написанный где-то, то как воспоминание о чьем-то рассказе, звучавшем в его ушах и отдававшемся в сердце скорбными нотами какого-то незнакомого голоса... Только лицо человека, стоявшего перед знаком на дереве, вдруг встало в его воображении с такой знакомой яркостью, что он проснулся и окинул камеру мутным взглядом... Действительность не сразу овладела сознанием. В обширной камере вповалку спала толпа, и один человек склонился у самого огарка над книгой с выражением тоскующего недоумения...

Молодой человек быстро отвернулся. В нем шевельнулась досада. «Что это такое, — думал он, — или я в самом деле становлюсь болен и начинаю бредить?.. Чем я виноват, и что мне за дело?.. Я не бросал спящей толпы, я не уходил от нее в чащу, и, наконец, не я и разбудил этого человека... Не я виновен, что путь мысли труден, что они не понимают условных знаков на пути... Я сам родился где-то на глухом бездорожьи и сам вынужден искать пути в глухой чаще»...

И молодой человек заснул...

Между тем бродяга прекратил чтение; он посидел некоторое время отуманенный, с выражением разочарования, затем оглядел

книжку со всех сторон удивленным и насмешливым взглядом, точно удивляясь, как мог он ждать от нее чего-либо и тратить на нее так много времени... Если бы молодой человек видел все это, то его сон был бы менее спокоен и на его лице едва ли горела бы улыбка...

На следующий день была дневка, затем опять два дня пути с остановками только для ночлегов, и опять дневка. Все это время Бесприютный не заговаривал о книге и как будто избегал Семенова.

VI.

Когда теперь на гребне холма Семенов подошел к старосте, на лице Бесприютного виднелось сдержанное и холодное выражение.

— Ну, как вам понравилась книга? — спросил молодой человек.

— Ничего, книга хорошая, — сказал Федор, но в его тоне слышалось полное осуждение книги; он говорил о ней так же, как отзывался раньше о тех, которые помогают «провести время»; вслед затем он неожиданно заговорил о другом предмете:

— Которая в этой книге вложена карточка, — это кто такие вам приходятся?

Семенов вспомнил, что действительно он вложил в книгу фотографию и, забыв об этом, после не мог разыскать карточку.

— Это, должно быть, моя сестра, — ответил он.

— Сестра, — проговорил Бесприютный задумчиво, и Семенова поразил особенный тон, каким звучало в устах бродяги это слово; казалось, все, что можно соединить любовного и нежного с идеальным представлением о сестре, — все вылилось в голосе Бесприютного.

— Сестра... так... у меня тоже есть сестра... две сестры было...

— Было? А теперь?

— Да чай и теперь есть.

— Вы их давно не видали?

— Давно. Мальчонкой по улице вместе бегивали. С тех пор... Чай теперь такая же, как и ваша. Только моя — крестьянка. Ну, да ведь все равно это... Все ведь равно, — я говорю?

Семенов невольно посмотрел в лицо Бесприютного при этом повторенном вопросе. Суровые черты бродяги будто размякли, голос звучал тихо, глубоко и как-то смутно, как у человека, который говорил не совсем сознательно, поглощенный страстным созерцанием. Семенову казалось тоже странным, что бродяга говорит о сестре, тогда как у него были сестры, как будто представление о личности стерлось в его памяти и он вспоминал только о том, что и у него есть сестра, как и у других людей.

— А мальчик, — спросил он опять, — чать сынок ейный?

— Да.

— Вам значит — племянник?

— Конечно.

— Чать и у моей тоже... племянник... — сказал он попрежнему тихо и с тем же затуманенным взглядом.

Пройдя несколько саженей, он встряхнулся и резко вернулся к началу разговора.

— Несовсем и эта книга хороша. Не договаривает сочинитель.

— Чего не договаривает? — удивился Семенов.

— Нет настоящего... — и, видя, что молодой человек ждет пояснений, Бесприютный заговорил серьезно и с расстановками. — Не договаривает!.. Да!.. Как, то есть, надо понимать. Вот у вас племянник. Чать у него отец с матерью?

— Да.

— Ну, подрастет, станут наставлять... потом в школу, потом к ремеслу аль к месту. Верно?

— Конечно, — ответил молодой человек, недоумевая, к чему клонится этот разговор.

— Ну, вот. Это ведь всегда так. Взять хоть скотину: гонят ее, например, по дороге к околице. Станет теленок брыкаться, с дороги соскакивать, сейчас его пастух опять на дорогу гонит. Он вправо, — он его справа кнутиком, он влево—его и слева. Глядишь—и привык, придет в возраст, уж он ни вправо, ни влево, а прямо идет, куда требуется. Верно ли?

— Верно.

— То-то. Так вот и с человеком, все равно. Только бы с малых лет не сбился, на линию стал. А уж там, на какую линию его установили, — не собьется.

— Это верно все, но к чему вы это говорите?..

— А к тому и говорю, что племянник-то ваш, я вижу, сытенький мальчик, и притом с отцом, с матерью. Поставят его на дорогу, научат и пойдет он себе жить благородно, по-божьему. А вот Мишка, с которым вы сейчас шли, — с малых лет все по тюрьмам да на поселении... Так же и я вот: с самых с тех пор, как пошел за отцом, да как мать померла, я, может, и человека хорошего не видал и слова хорошего не слыхал. Откуда мне было в понятие войти? Верно ли я говорю?

— Что же дальше?

— Ну вот! Может, — спросили бы меня теперь, — я бы согласнее в младых летах свою жизнь кончить, чем этак-то жить. И верно, что согласился бы. Так ведь у меня никто не спрашивал, а сам я был без понятия... Положи сейчас кусок хлеба, пущай мимо голодная собака бежит. Ведь должна она этот хлеб схватить. Ну, так и я. Вот и вырос. Жить мне негде, к работе не приучен. Идешь по бродяжеству, — тут всего бывало: где подают, ну а где и сам промышляешь. Помню этто в первый раз мы с отцом, да со стариком вон с тем шли. Оголодали. Вот подошли ночью к амбару, в амбаре оконце. Ломать ежели амбар, — услышат. Подсадил меня отец к оконцу: «Ну-ко,

говорит, пробуй, Федька, пролезет ли голова. Голова пролезет, так и весь пролезешь». А мне боязно: в амбаре-то темно, да еще, может, и чалдон сторожит где-ни-то за углом. А тоже ослушаться не смею. Сунул голову. «Не лезет», говорю (а голова-то ведь лезет!). Вот и слышу, говорит отец Хомяку: «А что, брат Хомяк, ничего не поделаешь, — видно, ломать придется». — «Плохо, — тот отвечает, — услышат на заимке или собака взлает. Народ здесь — варвар, — убьют.» «Да ведь как быть, — отец отвечает, — мочи моей нет! Ведь я вторые сутки не ел, вчерась свой кусок мальчонке отдал»... Повернулось у меня сердце, куда и страх девался. Сунул голову в оконце. «Тятька,— кричу, — тятька! Голова-то пролезла!» Ну, вот... А там и пошло; современем все больше да больше... Вот она — наука-то моя. Поставили меня на линию тоже... А теперь должон я за это отвечать?.. Это как?

— Что же, — заметил Семенов, — если бы вас судили судом присяжных, то вероятно, все это приняли бы во внимание...

Но тотчас он понял, что сказал ужасную глупость. Бесприютный окинул его быстрым взглядом, в котором он прочел удивление, а затем что-то в роде пренебрежения. И тотчас точно луч блеснул в уме молодого человека: он сообразил теперь, о какой ответственности говорил бродяга, в чем этот человек сомневался, чего добивался от книг.

— Продолжайте, — сказал Семенов, — я ошибся, но теперь понимаю.

Повидимому, бродяга убедился, что недоразумение действительно рассеяно.

— Каждый человек поставлен на линию, — подтвердил он, — вот что. Как же теперь понимать, за что отвечать человеку? Шел два года назад арестант один, так тот так понимает, что ничего этого нет. Помер человек, и кончено. Больше ничего. Все одно — как вот дерево: растет, качается, родится от него другая лесина. Потом, например, упадет, сгниет на земле, — и нету... И растет из него трава. Ну, опять на это я тоже не согласен...

Он прошел несколько шагов молча и опять, как Семенову показалось сначала, — заговорил о постороннем:

— Третий раз я бежал в ту пору. Отец у меня уже помер, товарища не было, — пошел один. Ну, скучно было. Тайгой иду, и все вспоминается, как мы тут с отцом шли. Только раз ночью бреду себе знакомой тропкой, запоздал шибко, до ночлега. Хотел в шалашике ночевать, который шалаш мы с отцом когда-то вместе строили. Только подхожу к шалашику, — гляжу: огонек горит и сидит у огонька старик-бродяга. Исхудалый, глаза точно у волка. Кидает он на огонь сучья, сам к огню тянется, дрожит. Одним словом,— оголодал и одежа на нем рваненькая. Почитай нагишом совсем... Вот хорошо; я даже этому случаю шибко обрадовался, — думаю, товарища встре-

тил. Покормил я его, чем богат, чайком обогрел. Посидели, потолковали, — спать!.. Лег я, халат под голову положил... полежал — слышу: встает мой старик, из шалаша вон выходит. Куда? — спрашиваю.— «Да так, — говорит, — не спится что-то. Пойду к ручью, водицы в котелок возьму да сучьев натаскаю: завтра пораньше чай варить. Да ты что же, молодец, головой-то под самый навес уткнулся, — чай ведь душно...» А меня покойник отец учил: случится, говорит, с незнакомым человеком ночевать, пуще всего голову береги. В живот хоть может и ткнет, все же труднее убить. А по голове ничего не стоит. Вот я, хоть насчет старика этого и в уме у меня не было, а все же завет отцовский берегу. «Ничего, — говорю, — в привычку мне этак, и комар не ест». Хорошо!.. Ушел старик к ручью, не идет, да не идет. Ночь, помню, темная была, на небе тучи, да еще и неба скрозь дерев не видать. Огонек у входа эдак дымит, потрескивает, да листья шелестят. Тихо. Вот лежал я, лежал — и вздремнул, да не очень крепко. Только слышу — вдруг отец меня окликает: «Федор, не спи!» Так это будто издалека слышно. Открыл я глаза, гляжу опять — огонек дымит, да ветка качается. Я опять заснул. Только слышу опять, будто идет кто к шалашу и даже так, что вижу — за огоньком эдак кто-то стоит. И опять: «Эй, Федор, не спи!» Вот я опять и проснулся. Что, думаю, такое это? Ну, как за день я сильно притомился, то и не могу вовсе проснуться, — глаза так и слипаются. Заснул опять, да, видно, еще того крепче. Прошло сколько-то времени. Опять слышу — подходит отец, стал в дверях шалашика, руки эдак упер, сам наклонился ко мне в дыру-то: «Слышь, Федор, не спи, а заснешь — навеки!» Да таково явственно сказал, что сон с меня вовсе соскочил. Гляжу: нет никого, огонек погас почитай вовсе; по листьям дождик шумит. И будто за костром кто-то молчит, — так помаячил и исчез. Поднял я голову — что бы это, думаю, могло обозначать? Видно, не спроста. А где, мол, старик проходящий, что это он в дождь по тайге ходит. И вдруг опять кто-то крадется тихонько к шалашику. Подошел этот старик, остановился у самого того места, куда я головой улегся, потом слышу — шарит осторожно, хворост разворачивает. Встал я незаметно, выхожу из шалашика. Что это, мол, ты делаешь, почтенный? А у него, подлеца, уже и шелеп изготовлен: в тайге вырезал здоровенную корягу... Да, вот оно дело какое. Как же теперь надо понимать: ведь уж это явственно ко мне отец приходил с того свету. Кабы с другим было — может бы и не поверил, а ведь со мной...

Несколько шагов они прошли молча.

— Рассказать вам, что после у меня с этим стариком вышло? — спросил бродяга, кинув искоса взгляд на молодого человека.

— Расскажите.

— Да, вот я вам расскажу, а вы подумайте, как оно бывает иногда. Потому: вы еще молоды. Книжек-то вы читали много, ну а все же пожили бы с мое, увидали бы такое, чего и в книжках нету. Вот,

когда услышал старик такие мои слова, — сейчас бросил свою корягу, сел к огню и говорит:—Ну, бей, — говорит, — ты человек молодой и в силе. Мне с тобой не справиться, а без одежи да без пищи я все равно в тайге смерть приму. Так уж лучше сразу...—Посмотрел я на старика этого: ноги у него в кровь изодраны, одежонка рваная, промок, дрожит весь: борода лохматая, лицо худое, а глаза горят все равно, как угли. Видно, лихоманка к нему привязалась не на шутку. Жалко мне его стало. «Ты что же это, — говорю, — на подлости пошел? Я тебя хотел заместо товарища взять, весь бы запас разделил пополам, а ты что задумал?» — Нехватит, — говорит старик, — все одно на двух-то...—А запасу, правду сказать, и у меня было немного. Тайгой этой итти надо было еще ден шесть, а то и больше, а мне и одному-то на три дня в силу хватит. Ну, думал себе, ягодой, мол, станем пробавляться, да корнем, — как-нибудь выберемся. А как увидел его поступки, тут уж какое товарищество, конечно... Однако отделил сколько-то сухарей, да чаю, да табаку немного и говорю: «Бери! Я на тебе зла не помню». Взял он, сгреб все обеими руками, сам на меня глазами уставился, — не стану ли отнимать... Вижу я: в глазах у него точно огонь бегает. Даже страшно. Собрался я, подвязал котомку и котелок, — пошел. Прошел сколько-то, оглядываюсь: старик мой тоже собирается. Завязал все кое-как в узел, айда за мной... Верите, сколько я с ним муки принял, так это и рассказать невозможно. Ни отдохнуть, ни поспать, — сейчас он тут как тут. Видели вы летом слепую муху, как она к скотине привяжется. Ну, так и этот старик. И ведь не думайте, нисколько моего добра не помнил: чуть бывало прилягу к ночи, прислушаюсь: уж он тут... крадется в тайге и все с корягой. Как только поспевал за мной — удивительно! Я иду скоро, как могу, а он не отстает, да и только. Вот подошел я к нему раз и говорю: «Что тебе надо? Отстань, а коли не отстанешь, тут и жизни твоей конец»... Хотел запугать, да где тут! Отошел я версты три, к вечеру дело было, и думаю: дай схоронюсь за дерево, обожду, а сам огонек разложил небольшой в другом месте, подальше. Только этак через полчаса времени, гляжу, выходит мой старик на тропку... идет, как медведь, переваливается, глаза горят, сам носом по воздуху так и водит. Завидел мой огонек и сейчас в тайгу, да стороной-то, да крадучись, так и ползет к огню с корягой... Что мне тут делать: парень я молодой, непривычный; кругом, может, на сколько верст души человеческой нету, только лес один; на сердце и без того тоскливо, а тут этот старик увязался. Заревел я тут, просто сказать, по-бабьи, да ну бежать. Бежал, бежал, сколько было мочи; наконец, притомился, лег и заснул. Сколько-то проспал, просыпаюсь, — опять старик тут. Впоследствии времени уж он и стыд потерял. Я к нему усовещевать, а он на меня с корягой так и кидается, так и наскакивает. Ах, ты господи! Выбился я на вторые сутки из сил, вижу: либо мне, либо ему не жить. Стал супротив его на тропке, дожидаюсь. Увидел он, что я

стою, да, видно, не испугался: так со слепу с корягой и лезет. А я стою, голосом реву, слезами плачу; вышел уже изо всякого терпения, нет моей мочи. Подскочил он ко мне, замахнулся — бац шелепом по голове. Изловчился-таки достать порядочно... Ну, тут уж я ожесточился, вырвал корягу, ударил раз и другой... Да тут же и сам свалился, заснул. Ночью проснулся, — так мне и кажется, что опять старик крадется в тайге потихоньку. Да нет: лежит на тропке, не шевельнется. Схватил я тут котомку, да опять бежать. Ни сна, ни отдыху; иду-иду, а самому кажется, что никогда мне из этой тайги не выйти; и все сзади будто старик идет, сопит, переваливается, нагоняет... Как уж я вышел к деревне, — и сам не знаю: подняли меня сибиряки у поскотины замертво... Да, так вот оно, дело-то... Иной человек и век проживет без греха. Сходит к празднику в церковь, оттуда домой придет, о божественном разговаривает с детьми, потом пообедает, ложится спать... Совесть, думает, чиста у меня, не как у прочих других. А между прочим, может, и совесть потому у него чистая, что горя он не видал да на линию такую поставлен. А вот моя линия совсем другая... И совесть у меня нечиста, а иной раз так даже и места себе не найду... И по сию пору, бывает, старик этот не дает мне покою. Потому что, не иначе, думаю я, только что был он тогда вроде как в горячке. А его, больного человека, убил... Как же теперь по-вашему-то: должон я за это отвечать, или нет?

VII.

Не дожидаясь ответа, Бесприютный вдруг сошел с дороги и остановился. Невдалеке виднелась уже кривая сосна. Этапные проходили мимо, и староста занялся счетом людей, не обращая более внимания на молодого человека, который остановился с ним рядом.

Последняя телега поровнялась с ними. На ней сидело несколько женщин, и старый Хомяк глядел с нее своими оловянными глазами. Староста подошел к телеге.

— Что, старичок божий, хорошо ли сидеть-то? — спросил он, взявшись по обыкновению за переплет телеги.

Старые губы прошамкали что-то невнятное.

— Стар дедушка, — сказал Семенов.

— Не очень, должно быть, — насмешливо возразил Федор. — Год назад еще его в Одессе отодрали. Ничего, — выдержал. Стало быть, еще молодец.

— Что вы это, Федор, говорите?

— То и говорю, что было. По закону оно, конечно, не надо бы, да про закон вспомнили, когда уже всыпали. Ну, что же тут поделаешь, — назад не вернешь.

Старый Хомяк закачал головой, его морщинистое лицо пришло в движение, глаза заморгали, и в первый раз Семенов услышал его

голос. Он повернулся к Бесприютному, уставился на него глазами и сказал:

— Ничего не поделаешь, парень! Да, ничего не поделаешь!

Он говорил ровным дребезжавшим голосом, бесстрастным, как его тусклый взгляд, хотя, повидимому, находился в состоянии оживления, на какое только был способен. Долго еще шамкали и двигались бескровные губы, голова шевелилась, даже полуседые волосы, торчавшие из-под шапки, казалось, задорно подымаются, и среди невнятного шамканья слышалась все та же фраза:

— Ничего не поделаешь!

При этом Бесприютного старик называл парнем или малым, вероятно, по старой памяти.

— То-то и я говорю, ничего не поделаешь, — всыпали, так уж назад не высыпешь, — ответил Федор с выражением грубоватой насмешки; была ли это действительно насмешка или под ней скрывались горечь и участие, Семенов не мог разобрать. Резкие черты Федора были довольно грубы, и не особенно подвижная обветренная физиономия плохо передавала тонкие оттенки выражения.

За поворотом от кривой сосны действительно открылся и этап. Высокий частокол с зубчатым гребнем скрывал крышу здания; лес подступал к нему с трех сторон. Невдалеке, под темной стеной тайги, небольшая деревушка искрилась несколькими красными огоньками, между тем как дома уже терялись в тумане. Невеселый сибирский пейзаж охватывал кругом печальные здания этапа; вечерний сумрак делал картину еще грустнее, но партия весело и шумно огибала угол частокола и входила в отворенные ворота: ужин манил изголодавшихся, широкие нары — усталых.

Один Бесприютный не изменил походки, не прибавил шагу. Он только окинул этап быстрым, угрюмым взглядом, как бы желая убедиться, что все осталось без перемен с тех пор, как он был здесь в последний раз.

Все было попрежнему; только разве лес несколько отступил от частокола, оставив пни и обнажив кочковатое болото, да частокол еще более потемнел, да караулка еще более покосилась. И бродяга отвел глаза от знакомого здания. Да, все здесь в порядке... здания сгибаются от старости, как и люди, старые окна глядят так же тускло, как и старые очи... Он знал это и прежде.

Посмотрев еще раз кругом на оставшуюся сзади только что пройденную дорогу, на темнеющий лес, на огоньки деревушки, на стаю ворон, круживших и каркавших над болотом, и проводив в ворота последнюю телегу, на которой сидел Хомяк, — староста сам вошел во двор этапа, где уже слышались шум голосов и суета располагавшейся на ночевку партии.

VIII.

Первая суета стихла в старом этапном здании. Места заняты, споры об этих местах покончены. Арестанты лежат на нарах, сидят кучками, играют в три листика, иные уже дремлют. Из отдельных, «семейных», камер слышится крик ребят, матери баюкают грудных детей, а в окна и открытые двери глядит сырая, но теплая сибирская ночь, и полная луна всплывает красноватым шаром над зубцами частокола.

Часа через полтора после прибытия партии два арестанта-кашевара внесли в общую камеру на шесте ушат со щами. Бесприютный вошел вместе с ними из кухни и стал у стола, чтобы наблюдать за раздачей партии горячей пищи. Арестанты засуетились, разбились на кучки. Каждая кучка посылала от себя человека с посудой, который, подходя к столу, произносил: пятеро, четверо, шестеро — и соответственно с этим получал пять, шесть, четыре больших ложки щей. Больные и женщины, кормившие грудью детей, имели при раздаче преимущество, и Бесприютный внимательно и деловито следил за правильностью раздачи.

В это время в ночном воздухе, там, за оградой, послышался топот приближавшейся к этапу тройки. Тройка катила лихо, но под дугой заливался не почтовый колокольчик, а бились и «шаркотали» бубенцы.

— Эй, подтянись, ребята, смирно! — высунулся головой один из караульных. — Чай это инспектор приехал.

Среди арестантов произошло невольное движение, которое Бесприютный прекратил спокойным замечанием:

— Подходи, ребята, подходи, полно!

И раздача продолжалась прежним порядком, а Бесприютный стоял у стола с тем же равнодушным видом человека, мало заинтересованного всем происходящим.

Раздача еще не совсем кончилась, когда на пороге, выступая из темноты, появилась полная фигура немолодого уже полковника.

— Здорово, ребята! — сказал он тем бодрым и добродушно веселым тоном, которым приветствуют обыкновенно подчиненную толпу добрые и благодушные начальники.

— Желаем здравия, ваше скородие, — нестройно ответили в камере, и арестанты повстали с мест, с ложками в руках. Иные стали вылезать из-под нар.

— Оставь, ребята, оставь, ничего! — махнул он рукой, входя в камеру. За ним вошел начальник этапа, болезненный, и худой офицер, да еще два-три молоденьких прапорщика конвойной команды. Фельдфебель, молодцевато выпятив грудь, вынырнул из темноты и мгновенно прилип к косяку вытянутой фигурой.

— Хлеб-соль, ребята! — продолжал полковник, обходя кругом средних нар. — Не имеете ли претензий?

— Никак нет, ваше скородие, — послышались опять голоса.

— Ну, и отлично, ребятушки! А каковы у вас щи? Хороши ли? — И с этими словами он направился к тому концу, где стоял Бесприютный у опорожненного почти ушата. Полковник среди раздававшейся толпы арестантов шел тяжеловатой, но свободной походкой человека, который знает, что эта толпа уже заранее к нему расположена, что на него обращены одобрительные взгляды. Казалось, он испытывал самодовольное чувство от сознания, что он добрый начальник, что он знает, как нужно говорить с этими преступными людьми, что он умеет с ними ладить.

Староста стал на своем месте, и его глаза попрежнему следили за ложкой разливальщика, причем ни один мускул не шевельнулся при входе и приближении начальника. На мгновение только его быстрый испытующий взгляд остановился на толстой фигуре полковника с тем же выражением, с каким он исследовал за несколько часов перед тем покосившиеся этапные постройки. Казалось, расплывшаяся и несколько обрюзглая фигура инспектора доставила бродяге материал для нового, хотя и не неожиданного заключения. Затем он равнодушно отвел глаза и занялся своим делом.

Но полковник, заметивший бродягу еще на половине своего пути, оказал ему более внимания. Он прибавил шагу, потом, приблизившись, быстро и внезапно остановился, при чем ножны его сабли с размаху ударили по коротким ногам. Откинув назад голову с широким добродушным лицом, он взглянул на бродягу из-под громадного козырька и хлопнул себя рукой по бедру.

— Панов! Бесприютный! Да никак это ты!

— Я самый, — ответил бродяга, опять кидая на полковника равнодушный короткий взгляд.

— Вот! Сразу узнал, — не без самодовольства обратился полковник к следовавшей за ним кучке подчиненных. — А ведь имейте в виду: уже более двадцати лет я его не встречал. Так, что ли? Да ты меня, братец, узнал ли?

— Как не признать, — ответил Бесприютный спокойно и затем прибавил: — Да! Чать не менее двадцати-то лет...

— Двадцать, двадцать, я тебе верно говорю. Уж я не ошибусь, — у меня, братец, память! Д-да. Имейте в виду, господа, — это было два года спустя после моего поступления на службу, — как мы с ним встретились первый раз. Как же! Мы с ним старые знакомцы. Много, братец, много воды утекло.

— Так точно, ваше высокородие, — ответил бродяга равнодушно. Казалось, он не видел особенных причин к тому, чтобы радоваться и этой встрече и вызванным ею воспоминаниям.

— Ну, каково поживаешь, братец, каково поживаешь? — И добряк-полковник присел на угол нары с очевидным намерением удостоить бродягу благосклонным разговором.

Бесприютный ничего не ответил, но это не остановило словоохотливого полковника. Повернувшись в свободной и непринужденной позе фамильярничающего начальника к стоящим за ним офицерам, он сказал, указывая через плечо на бродягу большим пальцем:

— Русская поговорка, гора, дескать, с горой не сходится!.. Да-с... Вот она судьба-то сводит. Имейте в виду, господа, двадцать лет назад я вел партию в первый раз. Понимаете, молодой прапорщик, первый мундир, эполеты, одним словом — начинал карьеру. А он в то время бежал во второй раз и был пойман. Он молодой и я молодой... Оба молодые люди у порога, так сказать, жизни... И вот, судьба сводит опять... Знаете, для ума много, так сказать... Понимаете, для размышления...

Почувствовав некоторое затруднение в точной формулировке тех философских заключений, которые теснились под его форменной фуражкой, полковник быстро повернулся опять к бродяге и измерил его с ног до головы пристальным и любопытным взглядом.

Фигура Бесприютного как-то потемнела; он насупился и как будто слегка растерялся. Но полковник, не замечавший, повидимому, ничего, кроме своего собственного прекраснодушия, продолжал осматривать своего собеседника и при этом слегка покачал головой.

— Постарел, братец, постарел. А что! Я, брат, слышал, что ты с тех пор еще несколько раз бегал. Небось раз десять пускался, а?

— Тринадцать раз, — глухо ответил Панов.

— Ай-ай-ай. Имейте в виду, — повернулся опять полковник к молодым офицерам, — и все неудачно!

Инспектор покачал опять головой с видом глубокого сожаления. И это сожаление было совершенно искренно. Конечно, в то время, когда он конвоировал партию, и после, будучи начальником этапа, — он не только не отпустил бы Панова на волю, но даже, пожалуй, усилил бы в иных случаях надзор за ловким бродягой. Конечно, и теперь, в случае побега, он постарался бы с особенным усердием устроить облаву, потому что этого требовали прямые интересы его службы. Но ведь Панов-Бесприютный мог убежать не у него (у него вообще не бегали); он мог уйти с каторги или поселения, и, в этом случае, встретившись с ним где-нибудь на тракту, — полковник без сомнения дал бы ему рубль на дорогу и проводил бы старого знакомца добрыми пожеланиями. Теперь он искренно жалел человека, с которым его связывали воспоминания о давнем прошлом. Когда он начинал свою карьеру молодым урядником конвойной команды, — Бесприютный начинал карьеру бродяги, и теперь в сердце полковника ожили давние приятные ощущения. Он был тогда молод, усики только что пробились над губой и доставляли ему такое же удовольствие, как и новый мундир и погоны; все это наполняло его жизнь радостью и блеском. С тех пор он подвигался вперед и вперед по ровной, проторенной и верно расчищенной дороге. Молодому прапорщику жизнь пред-

ставлялась целой лестницей повышений. Если во столько-то лет он достигнет чина поручика, то наверно умрет полковником... а при успехе... Теперь полковник оглядывался назад на пройденное пространство и видел с удовольствием, что он ушел гораздо дальше, чем это представлялось безусому фендрику: вот он еще бодр и крепок, а уже достиг высшего предела своих молодых мечтаний. Он уже полковник, и все, чего удастся еще добиться по службе, будет сверхсметным подарком судьбы. И старик-инспектор был доволен своей трезвой, благоразумной, уравновешенной жизнью; у него была семья; сына он поставил сразу гораздо выше, чем стоял сам при начале пути; дочери он дал приданое, потому что он не пьяница и не картежник, как многие другие. А исполнив все это, — он спокойно сомкнет глаза перед последним часом, потому что и т а м [1]), в другом мире, его формуляр — в этом он твердо убежден — заслужит полное одобрение.

Да, вот какова его жизнь! А ведь не все умеют так устраивать ее. Полковник испытывал в глубине сердца — под сожалением к бродяге — еще то особенное чувство, которое заставляет человека тем более ценить свой уютный угол, свой очаг, когда он вспоминает об одиноком и усталом путнике, пробирающемся во тьме, под метелью и ветром, безвестной и нерадостной тропой.

Хорошо полковнику, согревшему свою жизнь светом общепризнанных солидных добродетелей. А вот он, — старый бродяга, — стоит перед ним, сгорбившись, в том же сером халате, с тем же тузом на спине, с сединой в волосах, с угрюмой лихорадкой во взгляде. Да, карьера Панова, связанная, в воспоминании полковника, с началом его собственной карьеры, — не удалась. Несмотря на всю силу и удаль, несмотря на то, что имя Панова гремит по всему тракту, что об его ловкости и влиянии сложились целые легенды, что его имя от Урала и до Амура известно всем гораздо более, чем знают имя полковника, даже в районе его служебного влияния, — все же к этому имени всюду прибавляется один эпитет — несчастного, незадачливого бродяги.

Полковник опять повернулся к своим спутникам, и во взгляде, который он бросил им, заключалось целое невысказанное наставление. Наставление, очевидно, было понятно, потому что молоденький урядник, державший в руках новенькую папаху с кокардой, тоже посмотрел на бродягу и покачал головой; за ним так же укоризненно покачали головами два его сотоварища. Только один смотритель этапа, худой, с раздражительным и угрюмым лицом, не обращал на слова философствовавшего начальника никакого внимания, и вся его фигура обличала по меньшей мере равнодушие и пассивное неодобрение. Впрочем, может быть, это происходило оттого, что Степанов немолодой уже поручик, и вообще-то не вполне соответствовал видам на-

[1]) Разбивка автора.

чальства, получал частые выговоры, а теперь, кажется, был еще вдобавок с похмелья.

— Удалось ли хоть побывать на родине? — спросил опять полковник бродягу.

— До своей губернии доходил два раза, — говорит бродяга и затем добавляет глуше, — в своем месте не бывал ни разу.

— Ай-ай-ай! — закачал опять головой полковник и затем, усевшись поудобнее на нарах, он положил локти на коленях и, сложив руки ладонями, подался туловищем вперед, как человек, располагающийся побеседовать подольше. Раздача была кончена, ушат убрали, у Бесприютного не было больше дела у стола, но он стоял на том же месте. Теперь у него не было уже того равнодушно горделивого вида, как прежде. Окруженный кучей арестантов, стоявших на почтительном отдалении, бродяга стоял с несколько растерянным видом прямо перед сидевшим в свободной позе инспектором.

— Ну, — произнес тот, усевшись, — скажи ты мне, куда ты все бегаешь?

Бродяга еще больше растерялся и, если бы полковник был несколько наблюдательнее, у него, вероятно, нехватило бы духу продолжать свой допрос. Но он принадлежал к числу тех людей, для которых самодовольное прекраснодушие застилает все происходящее перед их глазами. В этом была его несомненная сила, и Бесприютный как-то растерянно ответил:

— Да как же, ваше высокородие, в свою сторону хочется все...

— Так! — сказал полковник. — А давно ли ты оттуда?

— Дитей оттуда, ваше высокородие.

— Отец твой ведь помер в Сибири?.. Ну, а мать-то жива?

— Нету. Ранее еще померла, без матери вырос, — сказал Бесприютный, и затем как-то робко, будто высказывая последний аргумент и вместе боясь за него перед лицом этого беспощадно-здравомыслящего человека, он добавил: — Сестра у меня родная...

— Сестра! Пишет она тебе письма?

— Где уж писать!

— Может, и она умерла давно.

— Две было, — протестует бродяга.

— Ну, пусть. Ну, допустим, обе они живы. Так ведь они теперь замужем, своя семья у них, дети. И вдруг явишься ты, беспаспортный, беглый из Сибири... Думаешь, — обрадуются? Что им с тобой делать?.. Имейте в виду, господа, — повернулся опять полковник с своим поучением к молодежи, — я знаю этих людей: чем опытнее бродяга, чем больше исходил свету, тем глупее в житейских делах.

Было что-то ужасное в этой простой сцене. В голосе полковника звучала такая полная уверенность, что, казалось, сама практическая жизнь говорила его устами, глядела из его несколько заплывших глаз;

между тем опытный бродяга, тот самый Бесприютный, который пользовался у сотен людей безусловным авторитетом, стоял перед ним и бормотал что-то, как школьник. Лица обступивших эту группу арестантов были угрюмы. На одной из нар сидел в своей обычной позе Хомяк, и даже он как будто прислушивался к громкому голосу полковника и к тихим ответам Бесприютного.

— Эх, вы! — махнул полковник рукой, — недаром говорится: горбатого исправит могила!

И затем, переменив тон, он добавил благодушно:

— А постарел ты, братец, сильно постарел. Да и то сказать, все к могиле идем. И я не тот, что был: женился, пятеро детей; старший учение кончает, дочь невеста... Вон меньший карапуз во дворе играет.

Взгляд Бесприютного, который он поднял на полковника, стал как-то тяжел и мутен. Но полковник теперь не глядел на бродягу. Полковник знал про себя, что он добр, что его любят арестанты «за простоту». Вот и теперь он приехал сюда со своим мальчишкой, и семилетний ребенок играет на дворе с собакой среди снующей по двору кандальной толпы. Прислушавшись, инспектор различил среди наступившей в камере тишины игривое урчание собаки во дворе и звонкий детский смех.

— Васька, эй, Васька! — крикнул полковник.

— Василь-Ваныч, — повторил почтительно стоявший у дверей фельдфебель.

На пороге открытой двери появился краснощекий мальчуган в синей косоворотке и военной фуражке. Свет керосиновой лампы на мгновенье заслепил его голубые глаза; мальчик с улыбкой закрыл их рукавом, но затем, разглядев отца, он бросился к нему с веселым смехом среди расступающихся арестантов. Физиономия старого полковника расплылась благодушной улыбкой; с нее исчезли последние признаки философского глубокомыслия; он поставил около себя своего любимца и, положив ему на голову свою руку, повернул лицо мальчика к бродяге.

— Вон какой растет, — произнес он. — Это у меня самый младший, а ведь тогда, как мы с тобой в первый-то раз шли, — я еще сам молокосос был.

Мальчика не пугала серая толпа, окружавшая его со всех сторон в этой камере, — он привык к этим лицам, привык к звону кандалов, и не одна жесткая рука каторжника или бродяги гладила его белокурые волосы. Но, очевидно, в лице одиноко стоявшего перед отцом его человека, в его воспаленных глазах, устремленных с каким-то тяжелым недоумением на отца и на ребенка, было что-то особенное, потому что мальчик вдруг присмирел, прижался к отцу головой и тихо сказал:

— Папа, пойдем отсюда!.. Папочка!..

— В самом деле пора. Мальчишка набегался за день, поневоле спать захочет. Ну, Бесприютный, прощай. Спокойной ночи, ребята, счастливый путь!

— Вам также, — послышалось откуда-то несколько голосов. Ближайшие арестанты молчали.

Кажется, мальчик на этот раз, по счастливому инстинкту, оказался благоразумнее опытного и «знающего этот народ» инспектора. Когда отец и сын направились к выходу, Бесприютный провожал их горящими глазами; лицо его сделалось страшно; он скрипел крепко стиснутыми зубами.

IX.

Утомленный дневным переходом, Семенов заснул скоро и, вероятно, очень крепко, потому что очень долго шум, стоявший в камере, не мог его разбудить. Однако, мало-по-малу, крепкий сон стал переходить в беспокойство, потом над ним нависло какое-то дремотное полусознание. Молодой человек слышал неприятный гул голосов, сквозь который прорывался то чей-то оклик, то клочек песни, и опять все эти звуки удалялись, тонули, чтобы опять выделиться с беспокоящею резкостью. Особенно неприятным казался ему один голос, звучавший громче других. Он как будто узнавал его сквозь сон, и от этого ему еще более не хотелось проснуться, не хотелось убедиться в том, что он не ошибся.

— Пей, мамка, — пей!.. Эй, жги, нажигай, молодка!..

Семенов открыл отяжелевшие веки, и в сизом тумане душной камеры перед ним обрисовалось красное лицо с горящими глазами. Кто-то сидел на нарах, обнявшись с пьяной простоволосой арестанткой, которая покачивалась и, нагло ухмыляясь по временам, заводила пьяную песню. Большинство арестантов спало, но в центре камеры шла попойка. Увидев все это, Семенов тотчас же опять сомкнул глаза, и двоившееся сознание затуманилось. «Это был только сон», думалось ему во сне об этой картине из действительности.

Но вдруг шум усилился. Молодой человек проснулся и некоторое время не мог отдать себе отчета в том, что перед ним происходило, — в камере кто-то плакал, как-то дико и с причитаниями. Это был голос Бесприютного, и к нему примешивались пьяные причитания арестантки.

— Феди-инька, горемышно-ой!.. О-ох-ох-хо-оо!..

И пьяная простоволосая баба тянулась руками, стараясь приподнять голову Бесприютного, припавшего к нарам, а сам Бесприютный как-то глухо и протяжно ревел. Это не был плач пьяного человека и не порывистое рыдание мгновенно прорвавшегося горя. Это был именно протяжный грудной рев, как-то безнадежно, ужасающе ровный, долгий, которому, казалось, не будет конца. В камере воцарилось гробовое молчание. Арестанты приподымались на нарах;

недоумевающие лица обращались к Бесприютному, и на них виднелось общее выражение испуга.

Вдруг Бесприютный поднял голову и обвел взглядом всю камеру. Казалось, водка не оказала на него обычного действия: его глаза не затуманились, черты не расплылись. Напротив, бледное лицо стало как будто суше и резче, а взгляд горел.

Он тяжело приподнялся, опираясь руками на нары, и все искал кого-то блуждающим взором. Вдруг он увидел Семенова, который смотрел на бродягу вдумчиво и с участием. Во взгляде Бесприютного мелькнуло определенное выражение.

— А, барин! — крикнул вдруг Бесприютный, подаваясь всем могучим корпусом вперед, и скверное циничное ругательство сорвалось с его языка.

— Ва-апросы, — продолжал с горькой язвительностью, — я, брат, и сам спрашивать мастер... Нет, ты мне скажи: за что я отвечать должон, — вот что. А то ва-апросы!.. На цыгарки я твою книгу искурил... ха-ха!.. Се-естра! У меня у самого сестра.

И опять ругательства полились уже по адресу сестры, на этот раз еще более циничные и ожесточенные. Казалось, он чувствовал особое злобное наслаждение, втаптывая в грязь свою мечту о мифической сестре; и вместе с тем безумный огонь в его глазах разгорался еще сильнее, а из груди вырывался сухой кашель, похожий на глухие стоны.

Он замолчал и опустил голову. Когда он поднял ее, выражение лица изменилось.

— Из лесу выйду, — заговорил он опять, глядя куда-то в пространство тоскующим взглядом, — люди этта в полях копошатся, чего-то работают, стараются... А я гляжу на них, точно волк из кустов... А что делают, для чего стараются... не знаю!..

Гробовое молчание камеры, казалось, стало еще глубже. Освещенная сальным огарком, она вся замерла, хотя не спал в ней никто, и отрывистые жалобы и проклятия бродяги с какою-то тяжелою отчетливостью падали в испуганную, взволнованную и сочувственную толпу. Даже пьяная арестантка прекратила свои причитания и уставилась в Бесприютного мутным застывшим взглядом.

Вдруг среди тишины раздался дребезжащий голос старого Хомяка. Уже несколько минут назад старик, кряхтя и охая, медленно сполз с нары и направился к Федору. Теперь он остановился по другую сторону нар и произнес своим обычным тоном:

— Ничего не поделаешь, парень... Д-да!..

И затем прибавил с более определенным выражением:

— Терпи, Федор, терпи, паренек. Ничего не поделаешь.

Помутившийся от внутренней боли взгляд Федора повернулся к Хомяку.

— А ты, старый сыч! Молчи, поротая собака!.. Что? Думаешь, и я эдак же? И меня в девяносто лет... пороть... Н-нет же!.. — стукнул он кулаком по нарам так, что дерево затрещало, и в то же мгновение в камере началась невообразимая возня. Семенов видел только, как в руках Бесприютного сверкнуло что-то, как ближайшие арестанты кинулись на него. Завязалась борьба. Федор рвался и бился, как бешеный зверь, но толпа, без вражды и гнева, но с молчаливым испугом настойчиво боролась с одним человеком. Более робкие повскакали на нарах, крестясь и вздыхая.

Наконец, толпа осилила. Несколько тел грузно рухнулись на пол.

— Берегись, братцы, ножик!

Отнятый у Панова и кинутый чьей-то рукой из толпы, — ножик с лязгом упал на пустые нары. Из груди Бесприютного вырвался стон, и затем он только храпел и глухо рыдал. Его вязали.

— Господи, царица небесная, — пугливо причитал чахлый арестант, глядевший на всю эту сцену широко раскрытыми лихорадочными глазами.

Когда привлеченные шумом в открытые настежь двери камеры вошли конвойные солдаты, все было кончено. Панов, весь опутанный веревками, принесенными наскоро со двора, где висело белье, уже лежал на нарах. Он глухо рычал и безумно озирался, крепко стиснув губы, на которых виднелась красноватая пена. Лицо страшно побледнело, и на нем резко виднелись черные огромные глаза, в которых теперь исчезло всякое выражение. С какой-то ужасающей размеренностью бродяга поворачивал голову, останавливая взгляд на комнибудь из арестантов. По всем вероятиям, он никого не видел; однако, когда молодой почувствовал на себе этот упорный взгляд, ему сделалось жутко.

Понемногу разговоры стихли; усталые, измученные борьбой арестанты улеглись по нарам, оставив около связанного троих караульных. Хомяк подошел, было, к нему, но, увидев его, Федор заметался так враждебно, что старик отошел. Кряхтя и охая, он уселся в обычной позе невдалеке от Федора, но так, что тот не мог его видеть, и все стихло. В окна глядела ночь, свеча нагорела и вздрагивала, по временам стонал и ворочался связанный бродяга, да храпел уже кое-кто из арестантов. Молодой человек тоже забылся, но его дремота странно сливалась с бодрствованием: он все время сознавал на себе тяжелый взгляд лежавшего насупротив бродяги.

Много ли времени прошло таким образом, сказать было бы трудно, но вдруг молодой человек встрепенулся и его дремоты мгновенно как не бывало. Прямо против него на нарах сидел Федор, попрежнему опутанный веревками, но теперь его глаза смотрели сознательно.

— Барин, а барин! — тихо звал Семенова бродяга, и этот тихий возглас разбудил молодого человека. Повидимому, его услышал также

старый Хомяк. Он раскрыл глаза и, тяжело кряхтя, спустился с лавки. Остальные арестанты крепко спали; спали даже приставленные к Федору караульные, прислонившись спинами к колонке и низко свесив головы.

Хомяк подошел к Федору, вздохнул и сказал со старческим сожалением:

— Эх, паренек, паренек!..

Покачав головой и вздохнув, он прибавил обычную сентенцию:

— Что тут поделаешь, терпи! — и затем стал развязывать дрожащими руками веревки.

— Барин, помоги развязать, — сказал Федор Семенову.

Тот подошел и, вынув перочинный ножик, разрезал веревку в нескольких местах. Лицо бродяги было бледно; глаза глядели хотя и угрюмо, но совершенно сознательно, так что молодой человек нисколько не колебался исполнить обращенную к нему просьбу Бесприютного. Последний встал на ноги, кивнул головой и, потупясь, быстро вышел из камеры. Протягивая перед собой руки, пошел за ним и Хомяк.

Молодой человек посмотрел им вслед и затем, улегшись на наре, выглянул в окно. На дворе было темно. Две фигуры медленно ходили взад и вперед, о чем-то разговаривая. Семенов не слышал слов, и только грудной голос Бесприютного долетал до его слуха. Казалось, бродяга жаловался на что-то, изливая перед стариком наболевшую душу. Временами среди этой речи дребезжали старческие ответы, в которых молодому человеку слышалась неизменная безнадежная формула смирения перед судьбой.

Наконец, Федор подвел старика к стене, подослал свой халат и уложил старого бродягу. А сам уселся на ступенях крыльца, так что молодому человеку была видна вся его фигура.

И долго сидел этот человек, опустив голову и не шевелясь, и молодой человек, крепко прижавшись горячей головой к холодному железу решеток, смотрел на него и думал.

А ночь все лежала над двором, безмолвная и темная.

X.

Этапный двор казался угрюм и неприветлив. Ровная с прибитой пылью площадка замыкалась забором. Столбы частокола, поднявшись рядами, встали угрюмой тенью между взглядом и просторною далью. Зубчатый гребень как-то сурово рисовался на темной синеве ночного неба. Двор казался какой-то коробкой... в тени смутно виднелся ворот колодца и еще неясные очертания каких-то предметов. Глухое бормотание и дыхание спящих арестантов неслись из открытых окон...

Сверху темнота налегла на эту коробку плотной непроницаемой крышкой. Где-то, далеко в вышине, вглядевшись, молодой человек

различил неясные очертания белесоватого облака, тихо плывшего над этой коробкой. Но очертания были нежны, смутны; казалось, этот бесцветный призрак облака тонул и терялся в густой темноте, наводя своим неопределенным движением грустные, тоскливые грезы...

И молодому человеку показалось в эту темную безлунную ночь, что весь мир замкнулся для него этой зубчатой стеной... Весь мир сомкнулся, затих и замер, оградившись частоколом и захлопнувшись синеватою тьмою неба. И никого больше не было в мире... Был только он, да эта темная неподвижно сидевшая на ступеньках фигура... Молодой человек отрешился от всего, что его волновало гневом, надеждами, запросами среди шума и грохота жизни, которая где-то катилась там... далеко... за этими стенами...

Это было когда-то давно. Теперь ему ни до чего не было дела, кроме одной мрачной и неподвижной фигуры...

И по неясной для него самого аналогии в его воспоминании наряду с этой темной фигурой возникала другая, вставал в душе эпизод далекого детства.

Отца его все любили. Он был добр и великодушен, — сердит, да отходчив. За обиду он вознаграждал всегда очень щедро, и многие сами напрашивались на обиду, чтобы потом воспользоваться великодушием сожаления. Однажды отец нанял молодого лакея. Говорили, что это сирота, что ему выпало счастье в виде места у доброго барина. Это был странный человек, непохожий на остальную дворню, чуткий и гордый. Отец вспылил как-то, разгневался и при всех ударил молодого лакея. Потом оказалось, что отец был совершенно неправ. Семенов вспоминал болезненное, горькое, исполненное недоумения выражение на лице оскорбленного. На другой день молодой слуга ушел. Связал свои вещи в узелок, надел узелок на палку, вышел за ворота и тихо, не оглянувшись, ушел по дороге. Мальчик долго глядел, и на глазах его были слезы, потому что он не знал, откуда пришел этот Павел и куда он ушел, он знал только, что ему было плохо и будет еще хуже... Но он ушел, потому что над ним совершена несправедливость. Отец предлагал ему денег, извинялся перед ним, уговаривал его, но он, отвернув глаза в сторону, твердил одно: «Прощайте, пан, пойду». И пошел.

Но раньше, чем уйти, всю ночь до утра он просидел на крыльце, и мальчик долго смотрел на него из окна. Павел сидел точь-в-точь так, как теперь сидел бродяга: опустив голову, не двигаясь, точно будто он окаменел или спит непробудным тяжелым сном. Он не спал, а только тосковал о том, что добрый человек, которого все любили и которого он тоже начал любить, совершил над ним жестокую неизгладимую несправедливость. И мальчик никогда не мог забыть этого ночного часа, и этой фигуры, и совершенной над этим человеком несправедливости. Он не примирился с нею, и даже теперь, когда он

вспоминал об отце,—к его любви и к его грусти примешивалось воспоминание о тяжкой, неизгладимой и неизглаженной неправде.

И вот опять такая же ночь и такая же фигура. Но теперь не отец виноват в тяжкой неправде... Виноват кто-то другой, тоже любимый и тоже для многих других великодушный и щедрый... Жизнь над бродягой совершила эту страшную несправедливость...

И молодой человек с горечью отворачивался от того, что называют жизнью, яркой, веселой, сверкающей, гремящей, живой и неудержимо катящей свои волны. Душа одного человека — это целый мир, и вот этот мир в душе бродяги отравлен тяжкой неправдой. За что?

Теперь эта душа открылась перед молодым человеком; он понял, чего искал бродяга своим темным умом; понял, что и перед человеком с грубыми чертами могут вставать проклятые вопросы. Жизнь оскорбила этого человека, — вот он восстал, и он ставит эти вопросы, обращая их к жизни, требуя у нее ответа...

То, что другим дается, как подарок, с рождения, что составляет как бы воздух, которым грудь дышит даже без сознания этого блага, то для бродяги — иллюзия. «У меня тоже сестра!» Т о ж е [1]), как и у других, как у всех людей!.. Да, в устах бродяги это только иллюзия, это надежда, миф, идеал. К а к у в с е х! [1]) Бродяга мечтал о том, чтобы быть, к а к в с е [1]), мечтал наивно, и эта мечта разбивалась, как все недосягаемые иллюзии.

Уйти? Но куда же? Павел, — тот вскинул свою палку на плечи, шел, шел по прямой дороге, все уменьшаясь, мелькнул беленькой точкой у самого леса, который составлял для мальчика грань видимого мира... Мелькнул еще раз и скрылся. Будет ли ему там хорошо или дурно, найдет ли он там забвение горькой обиды, спокойствие, счастье или тягчайшие, еще более жестокие обиды?..

Сегодня, после того как последние иллюзии жизни разбиты практическим полковником, — бродяга тоже пытался у й т и [1]), совсем рассчитаться с жизнью. Но куда бы он ушел? Что встретил бы там, за краем видимого мира?.. За что он должен ответить и кто перед ним ответит? Забвение ждет его или награда за страдания? Или в самом деле — ничего, этот мир — душа человека, мир, отравленный ядом незаслуженного страдания, — промелькнул и исчезнет, оставив в общем балансе природы одно ничем не вознагражденное, ничем не уравновешенное страдание?..

Вот как понимал молодой человек теперь все вопросы бродяги, его поиски в книгах, его иллюзии. Вот о чем он думал, глядя с переполненным сердцем на темную неподвижную фигуру.

О чем же в эту ночь думал сам бродяга? Быть может, он ни о чем теперь не думал, а только ощущал в сердце тяжесть от обломков раз-

---

[1]) Разбивка автора.

битых надежд и боялся пошевелиться, чтобы вместе с ним не зашевелилась глухая тоска. И потому он сидел, опустив голову и с закрытыми глазами.

А между тем ночь бежала и убегала своим обычным путем, и мир начинал пробуждаться. Жизнь тихо, неслышно, но неуклонно прокрадывалась на маленький дворик. Сначала темная крышка, плотно надвинувшаяся сверху, стала будто приподыматься. Дыхание утра легко развеяло сумрачную серую тьму ночи... Небо засинело, стало прозрачнее, взгляд молодого человека уходил все дальше и дальше в высь. Мир сверху раздвигался, маня синим простором.

Потом розовые лучи разлились по небу с восточной стороны и, смешавшись с сумерками, заиграли на зубцах частокола. Это розовое сияние упало вниз на землю, где прежде лежала густая тень, мягко легло на дерево колодца, на прибитую росою пыль, заиграло в капельках на траве и разливалось все обильнее и дальше.

Затем белая тучка выглянула краем из-за зубцов частокола. Она будто заглянула во двор и понеслась вверх, все выше и выше. За ней другая, третья. И чем быстрее неслись они, играя и переливая лучами, тем яснее было видно, как они высоко, как бесконечно велик свод...

Встрепенувшись от холода и росы, жаворонок, спавший за кочкой вне ограды, вдруг поднялся от земли и, кинувшись вверх точно камень, брошенный сильной рукой, посыпал оттуда яркой, нежной, веселой трелью. И вслед затем мысль молодого человека перешагнула за ограду, и опять сверкающий, манящий, живой мир развернулся перед его воображением. Он увидел, как тихо колышатся ветки елей под дуновеньем утреннего ветра. Там вьется меж деревьев еще спокойная и безмолвная дорога, там ручей журчит и бормочет под белой пеленой утреннего тумана... И речка, и луга, и горы — все встало в воображении молодого человека и потянулось вдоль необозримой, бесконечно разнообразной перспективой.

Свежее дуновенье утра коснулось также и неподвижной фигуры сидевшего на крыльце человека. Бесприютный вздрогнул от холода, пробежавшего по спине, повел плечами и поднял голову. Затуманенным взглядом он посмотрел на небо.

Из «семейной» камеры вдруг послышался плач ребенка, и эти неудержимые всхлипывания резко пронеслись из окна по этапному дворику. Когда ребенок смолкал на время, тогда было слышно дыхание спящих, чье-то сонное бормотание и храп. Но вскоре детский плач раздавался опять, наполняя собой тишину свежего утра.

Бледная, изможденная, вышла на крыльцо мать ребенка. Месяца два назад она родила и теперь в дороге, несмотря на все трудности, на собственные страдания, она с материнской неутомимостью и энергией отстаивала юную жизнь. И, повидимому, старанья не оставались безуспешны: достаточно было прислушаться к звонкому, крепкому

и настойчивому крику ребенка, чтобы получить представление о здоровой груди и хороших легких.

Нельзя было того же сказать о матери. Некрасивое, испитое и изможденное лицо носило следы крайнего утомления; глаза были окружены синевою; она кормила и вместе с тем вынуждена была продаваться за деньги, чтобы покупать молоко и окружить ребенка возможными в этом положении удобствами. Теперь она стояла на крыльце, слегка покачиваясь на нетвердых ногах. Она, казалось, все еще спала и, если двигалась, то лишь под впечатлением детского крика, который управлял ею, помимо ее сознания.

Бесприютный поднялся.

— Матрена! — окликнул он женщину, — тебе молока, что ли?

Женщина протерла глаза, увидела Бесприютного, и довольное доброе выражение появилось на ее сонном лице.

— А, ты здеся, Федор? Никак уже встал? Да, Федорушко, молочка бы ему: слышь, как заливается.

Федор направился к небольшому домику, где помещались караулка и кухня. Каждый раз с вечера он заготовлял молоко для партионных ребят, и не было еще случая, чтобы он забыл об этом. Не желая будить кашеваров, так как было еще рано, Бесприютный вышел из кухни во двор с охапкой щепок и кастрюлькой. Через минуту синий дымок взвился кверху, и огонь весело потрескивал и разгорался. Бесприютный держал над пламенем кастрюльку, арестантка, все еще сонная, с выбившейся из-под платка косой, стояла тут же.

— Ишь заливается, орет, — произнес Бесприютный, — ты бы хоть грудь дала.

— Чего давать, молока ни капли нету; всю он меня высосал...

— Ишь, бутуз. В кого он такой уродился? Ась?

Арестантка слегка потупилась.

— Да, чать в Микиту Тобольского, с ним я в ту пору жила, — ответила она грустно. — А ты, Федор, вечор пошумел маленько.

— Пошумел, — ответил Бесприютный, — на вот, тащи. Покорми дите скорея...

Арестантка ушла. Бесприютный поднялся и прислушался, как мальчишка тянул теплое молоко, жадно ворча и чмокая. Лицо бродяги стало спокойнее.

А между тем день совсем разгорелся. Выкатилось на небо сияющее солнце, лес вздыхал и шумел, шуршали за оградой телеги, слышно было, как весело бежали к водопою лошади, скрипел очеп колодца.

Жизнь закипала кругом и вливалась также в сердце бродяги. Его лицо было спокойно, как будто вчерашнего не бывало, как будто ожили надежды, и образ мифической сестры загорелся всеми живыми красками, как те облака, что бежали в синеве небес...

Бродяга глядел своим обычным взглядом. Выражение горечи опять спряталось куда-то вглубь его спокойных, задумчивых глаз,

и в движениях явилась привычная уверенность авторитетного старосты.

Он разбудил кашеваров, потом вошел в общую камеру.

— Ну, вставай, ребята, вставай. Переход ноньче дальный.

— А много ли?

— Тридцать верст до лукояновского этапу.

— Тише, ребята, не возись, — добавил он, взглянув в сторону, где было место молодого человека. — Барин вон заснул... Чай всю ночь не спал, — не буди! Уходить станем, тогда побудим.

Действительно, молодой человек спал. Он вздыхал полной грудью; чистое бледное лицо было спокойно, и ветер, врываясь в окно, слегка шевелил его белокурые волнистые волосы...

Из записной книжки архивиста.

Подготовка к наступлению на Петроград.

Среди документов личного архива б. пом. командующего Петроградским военным округом в октябре 1917 года кап. А. И. Козьмина сохранились некоторые материалы, относящиеся к организации Керенским контр-революционных сил против Петрограда в дни Октябрьского восстания. А. И. Козьмин, участник Красноярского восстания 1905 года, с.-р., личный друг Керенского, в Октябрьские дни находился в Гатчине вместе с Керенским. В его архиве сохранилась полевая книжка с копиями писем-приказов, которые он от имени Керенского и своего писал разным лицам в поисках опоры в борьбе с восставшими петроградскими рабочими и солдатами. В числе адресатов Козьмина — Керенского: полковник Краковецкий, граф Ребиндер, командир стрелкового увечных воинов полка и др. Помимо полевой книжки, в архиве Козьмина сохранилось несколько документов, рисующих некоторые мероприятия военных властей перед Октябрьскими событиями. Останавливает на себе внимание документ, состоящий из четырех пунктов, адресованный Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов (№ 1). Документ этот, напечатанный на пишущей машинке, никем не подписанный, повидимому, представляет собой проект программы действий штаба Петроградского военного округа против Военно-Революционного Комитета. Содержащиеся в этом проекте предложения об аннулировании обращения Петроградского Совета к гарнизону, получении от окружного комиссара санкции на назначение полковых комиссаров и т. д. звучат очень наивно в той боевой обстановке, когда проект этот был написан. 23 октября Военно-Революционным Комитетом уже повсюду были назначены комиссары, было опубликовано объявление В.-Р. К. о том, что «приказы и распоряжения властей подлежат исполнению лишь по утверждении их комиссаром» и т. д. В тот же день Керенским было отдано распоряжение начальнику штаба Петроградского военного округа о передаче Военно-Революционному Комитету ультимативного требования отменить разосланную в воинские части телефонограмму о неподчинении штабу округа. Все это фактически знаменовало собой начало военных действий. Рапорт командира стрелкового увечных воинов полка начальнику штаба Петроградского военного округа и приложения к нему (№ 2) как нельзя более красноречиво говорят о том, что время всякого рода совещаний, «контактных комиссий» и пр., о чем говорится в проекте штаба, прошло, что в воздухе запахло порохом. Рапорт датирован 24 октября. Он является ответом на телеграмму штаба военного округа, присланную командиру полка накануне, о выступлении войск в Петроград в «виду тревожного политического момента». Военные власти перешли в наступление. И с первых же шагов должны были почувствовать свое бессилие перед революционным настроением масс. Командир полка рапортует, что «в силу технических условий, а р в н о у г-

розы со стороны местной Царскосельской военной секции исполнить вашего приказания полк не в состоянии» (разрядка наша. *Ред.*) То же он пишет и о добровольческом батальоне рабочих Обуховского завода, прикомандированном к его полку. Приложения к рапорту дают надлежащий комментарий к этому документу. Оказывается, военная секция «предложила» командиру «воздержаться от вывода полка в г. Петроград». И «предложение» военной секции Совета для командира полка звучало более авторитетно, чем прямое приказание начальника штаба военного округа. Фактически еще 21 октября власть над Царскосельским гарнизоном находилась в руках военной секции Царскосельского Совета, без санкции которого «требования на воинские наряды, откуда бы таковые ни исходили, не могли быть выполняемы».

«Секретно-боевой» приказ № 171 3-му конному корпусу от 25 октября 1917 года, за подписью ген. Краснова (№ 5), насколько нам известно, не был до сих пор опубликован. Между тем это первый официальный приказ об объявлении военных действий против Петрограда, содержащий в себе к тому же две чрезвычайно ценные телеграммы: Керенского о направлении 1 Донской казачьей дивизии с фронта в Петроград и комиссара северного фронта Войтинского с призывом к «донцам и приморцам» исполнить «свой долг перед родиной» — итти на Петроград, куда «Временное Правительство в полном согласии с Центральным Комитетом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов стягивает верные революции и долгу перед родиной войска».

Следующие два документа — запрос Комитета Спасения родины и революции, адресованный «главковерху Керенскому», — «когда его войска будут в Петрограде», — и ответ ген. Краснова: «Завтра в 11 ч. выступаю на Петроград, буду итти, сбивая и уничтожая мятежников» и т. д. — в комментариях не нуждаются. Через четыре дня, разбитый наголову ген. Краснов писал на имя того же Комитета Спасения родины и революции, что «кровопролитие не является задачей наших действий, и мы готовы его прекратить». В этом же духе им написано и обращение в Военно-Революционный Комитет (№ 21).

Все печатаемые документы взяты из фонда А. И. Козьмина, хранящегося в Центральном Архиве Октябрьской Революции в Москве.

1.

В Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

1. При главном начальнике Петроградского военного округа должно быть совещание из членов Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов; состав совещания безразличен, желательно старый.

2. Необходимо издание обращения от Петроградского Совета Р[абочи]х и С[олдатских] Депутатов, аннулирующее его обращение к гарнизону, разосланное в ночь на 22 октября.

3. Цель совещания при главном начальнике Петроградского военного округа — предварительное осведомление Совета о всех распоряжениях по гарнизону и округу, отдаваемых штабом округа, равно как и осведомление штаба о всех распоряжениях Совета, отдаваемых гарнизону.

4. Полковые комиссары должны получить санкцию окружного комиссара, после чего [sic!] должны быть отданы приказом по штабу.

2.

Начальнику штаба Петроградского военного округа[1]).

В. срочно.

Рапорт.

Доношу, что минувшею ночью на мое имя была получена ваша телеграмма с

[1]) Документ написан на бланке со штампом: «Командир стрелкового увечных воинов полка. 24 октября 1917 г. № 702. Царское Село».

приказанием вверенному мне полку и даже части его немедленно выступить в Петроград, в виду тревожного политического момента.

В силу технических условий, а равно угрозы со стороны местной Царскосельской военной секции, исполнить вашего приказания полк не в состоянии.

Кроме того, считаю своим долгом упомянуть, что в прикомандировании к вверенному мне полку состоит 1-й добровольческий батальон рабочих Обуховского завода, который так же, как и вверенный мне полк как в боевом, так и в техническом отношениях, еще далеко не подготовлен.

Своим большинством вверенный мне полк и батальон Обуховского завода всецело стоят на платформе Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Солдатских и Крестьянских и Рабочих Депутатов.

Приложение. Предписание Царскосельского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов сего года № 1593 и воззвание военной секции того же Совета к частям гарнизона.

Командир полка
подполковник *Купов*.
И. д. полкового адъютанта
поручик [подпись].

3.

В комитет стрелкового увечных воинов полка[1]).

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов предлагает вам воздержаться от вывода полка в гор. Петроград до выяснения этого вопроса военной секции [sic!].

Председатель *Шаусе*.
Секретарь *Татаринцев*.

4.

Срочно.

В комитеты всех частей и учреждений Царскосельского гарнизона.

Исполнительный комитет военной секции Царскосельского Совета Р. и С. Д., в виду переживаемого тревожного момента и упорно циркулирующих слухов о предстоящих погромах и выступлениях, просит вас быть особо бдительными.

Исполнительный комитет просит вас:
1) усилить дежурства членов комитета;
2) установить связь между частями гарнизона и Царскосельским Советом Р. и С. Д. и, если возможно, и с Петроградским Советом.

3) Бдительно следить, чтобы не производилось погромной и черносотенной агитации среди солдат.

4) Все требования на воинские наряды, откуда бы таковые ни исходили, должны быть выполняемы после санкционирования таковых военной секцией Царскосельского Совета.

Требования и предписания о передвижении воинских команд и частей должны производиться по личному требованию или письменному предписанию только следующих членов Совета: Шаусе, Замятина, Татаринцева, Столярова, Швец и Королева.

На письменных требованиях должно быть не менее двух подписей вышепереименованных лиц.

5) Патрули, циркулирующие по г. Царскому Селу, обязаны исполнять приказания как переименованных шести лиц, так и особых комиссаров Совета, каковые имеют при себе соответствующие удостоверения.

6) Исполнительный комитет, кроме того, предлагает комитетам частей устроить общее собрание солдат части для выяснения вопросов о текущем моменте и о необходимости сохранять спокойствие. По желанию частей, докладчики по текущему моменту и для соответствующих разъяснений будут военной секцией командированы по первому на то требованию.

Тов. председателя военной секции
Шаусе.
Секретарь *Замятин*.

21 октября 1917 г.
г. Царское Село.

[1]) Документ написан на бланке со штампом: «Царскосельский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. 24 октября 1917 г. № 1593. Гор. Царское Село».

5.

Приказ 3 конному корпусу № 171/20. Секретно-боевой.

Г. Остров.
25 октября 1917 года.

Верховный главнокомандующий Керенский, и. д. председателя Союза казачьих войск войсковой старшина А. Греков телеграфируют:

«Приказываю с получением сего все полки 1-й Донской казачьей дивизии со своей артиллерией, находящейся на северном фронте, под общей командой начальника 1-й Донской казачьей дивизии направить по железной дороге в Петроград на Николаевский вокзал в распоряжение главного начальника Петроградского округа полковника Полковникова, о времени выступления донести мне шифрованной телеграммой. В случае невозможности перевозки по железной дороге части направить поэшелонно походным порядком. № 1688».

Комиссар северного фронта Войтинский телеграфирует:

«Передайте донцам и приморцам: Временное Правительство, в полном согласии с Центральным Комитетом Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, стягивает в Петроград верные революции и долгу перед родиной войска. Петроградские полки, упорно отказавшиеся от выступления на фронт, под предлогом защиты свободы в тылу, оказались неспособными оградить Петроград от бесчинств и анархии. Создалась опасность срыва Учредительного Собрания. В числе других войск, призванных в этот грозный час на спасение России, одно из первых мест занимают казачьи полки.

«Пусть злобствуют против казаков окопавшиеся в тылу дезертиры, но казаки свой долг перед родиной исполнят до конца.

«Комиссар северного фронта *Войтинский*».

Во исполнение этих телеграмм 1-й Донской дивизии сегодня спешно направиться по железной дороге в район Гатчина — Александровская. Принять меры для сосредоточения дивизии в районе Пулково — Царское, откуда походным порядком двигаться к Петрограду всей дивизии одновременно, согласно данных мною указаний.

Подписал: командующий корпусом генерал-майор *Краснов*.

Верно:

Начальник штаба корпуса генерального штаба генерал-майор *Солнышкин*.

6.

Ген. Краснову.

1917 года 27 дня октября месяца.
7 ч. 5 м. № 146 из . . . . .

Приказываю вам вступить в командование всеми вооруженными силами Российской Республики Петроградского округа на правах командующего армией.

Министр-председатель и верховный главнокомандующий *А. Керенский*.

7.

Главковерху Керенскому.

«Комитету Спасения родины и революции крайне необходимо знать, когда ваши войска будут в Петрограде. Положение крайне тяжелое. Отвечайте. Член Совета при восьмом — Мартынов».

Подпись удостоверяю.

Завтра в 11 час. выступаю на Петроград. Буду итти, сбивая и уничтожая мятежников. Буду занимать позицию по рубежам. Прибытие в Петроград вполне зависит от активности верных присяге войск гарнизона, по прибытии в Петроград вы должны занять все караулы, посты и принять на себя разведочную службу. В виду сильного утомления моих людей и лошадей прошу ответ дать до 9 часов завтрашнего дня.

Ген.-майор *Краснов*.

27/X 1917 г.

8.

Александру Алекс. Овсянникову. Петроград, Зверинская, № 2 (Петроградская сторона). (В случае отсутствия адресата Н. Д. Миронову) [1].

Шура, я и Алекс[андр] Федорович находимся в Гатчино — казармы 23 арт. бригады.

Приезжай немедля или пришли кого-либо из политического отдела. Крайне необходимо. Здесь войска наши.

Андрей.

Пришли Доммазьянца.

27 октября.

9.

Гор[одскому] голове Григорию Ильичу Шрейдер для полковн[ика] Краковецкого. Городская дума. Петроград [2].

Прошу вас, господин полковник, снестись со мной для разрешения вопросов, связанных с избавлением г. Петрограда и его окрестностей от большевиков. Вы обо мне, вероятно, слыхали как о старом работнике и до сего времени занимающего [sic!] пост помощника главнокомандующ[его] войсками П[етроградского] в[оенного] о[круга] капитана Андрея Козьмина. Пишу вам на основании сведений, полученных от товар[ища] Горштейна, делегирован[ного] в Лугу. Снестись необходимо в наивозможно кратчайшее время. Желательно в течение сегодняшней ночи и не позже утра завтра. Я нахожусь в Гатчино на положении командующ[его] войсками П[етроградского] в[оенного] о[круга]. Во главе всех войск, находящихся в Гатчино и прибывающих сюда, находится А. Ф. Керенский. Ответьте мне или — еще лучше — пришлите ко мне делегата для связи вместе с моим курьером. Через него сговоримся мы относительно дальнейшего нашего совместного образа действий.

Капитан *Козьмин.*

Адрес: Гатчино, казармы 23 арт. бригады, штаб 3-го конного корпуса.

10.

Коменданту гор. Луги. Воинскому начальн[ику] и... [1].

1917 г. 27 дня октября месяц[а].
Из Гатчины. Войтинскому [2].

Прошу подателю сего оказывать всякое содействие по предоставлению ему бензина и других горючих материалов для мотоцикла.

Помощник главнокомандующ[его] П[етроградского] в[оенного] о[круга] капитан *Козьмин.*

11.

1917 г. 27 дня окт[ября] месяц[а].
Из Гатчины.

Викентий Викентьевич.

Прошу вас немедля снестись со мною по нашему общему делу борьбы с большевистской анархией. Прошу вас приехать ко мне или прислать делегата, которого я бы знал.

Адрес: Гатчино. Казармы 23 арт. бригады. Штаб 3-го конн. корпуса.

Приехать прошу до ночи. Капитан *Андрей Козьмин.*

Здесь же находит[ся] и А. Ф. Керенский. *Андрей Козьмин.*

12.

Прошу вас, граф [3], немедля снестись со мною. Лучше, если вы приедете сами. Я нахожусь в Гатчино. Казармы 23-й арт. бригады.

Здесь же и А. Ф. Керенский. Очень прошу вас приехать или, в крайнем случае, прислать кого-либо мне знакомого.

Капитан *А. Козьмин.*

27 октября.

---

[1]) На конверте надпись карандашом: «Сообщите семье А. Ф. Керенского».

[2]) Адрес на конверте.

[1]) Далее следует одно неразобранное слово.

[2]) Адрес на конверте.

[3]) На конверте адрес: «Графу Ребиндеру, командиру гвард. запасн. конн. арт. бригады. Павловск».

13.

В комитет добровольцев Обуховского завода. (Царское, стрелковый увечных воинов полк.)

Сообщаю, что А. Ф. Керенский находится в Гатчино во главе войск, верных правительству и верховным органам демократии. Эти войска имеют задачей избавить Петроград и его граждан от ужа[со]в большевистской анархии. От имени своего и нашего общего товар[ища] Мартынова, призываю вас оказать нам всю возможную для вас поддержку в нашем общем деле.

Я также нахожусь в Гатчино. Прошу вас связаться со мною.

Помощн[ик] главн. П[етроградским] в[оенным] о[кругом] капитан *Козьмин*.

Гатчина. Казарма 23-й арт. бригады.

14.

Главнокомандующему Кавказск[ой] армией.

Никогда не сомневался в глубоком патриотизме Кавказской армии. Передайте ей, что вера в великую силу разума России и непобедимую мощь революции ведет меня и верные родине войска к сокрушению предателей и изменников. Рад засвидетельствовать, что вся действующая армия охвачена тем же порывом.

Верховный главнокомандующий
Керенский.

15.

Коменданту Гатчины.

1917 г. 28 дня окт[ября] месяц[а].
Из дер. Перелесино.

Прошу вас немедля прислать с моим посланным мое обращение к солдатам. В типографию сдано еще вчера вечером.

Капитан *А. Козьмин*.

16.

Командиру стрелкового увечных воинов полка.

1917 г. 28 дня [октября месяца].
Из Красной Слободки.

По приказанию командующего армией под Петроградом, прошу вас прибыть немедля в Красную Слободку для представления ему.

А. Козьмин.

17.

Пр[апорщику?] Кищуку.

1917 г. 30 дня октября.

1) Сговориться с Гинтовтом и направить агитаторов в части.

2) Установить связь с коменд[антом] Гатчины и 1) торопить с присылкой сюда эшелонов. 2) Сообщать обо всем происходящем в Гатчину.

3) Телеграммы, имеющие политич. агитацион[ный] характер, пере[пи]сывать и отправл[ять] ко мне.

4) То же с телеграмма[ми] не пропупущенными.

18.

Командующему армией.

1917 г. 30 дня октября месяца.
Царское Село.

Доношу, что 150 снар[ядов] 3″ находятся во дворе штаба в Царс[ком Селе], 100 шт[ук] в Павловске, винтовочн[ые] патроны — во дворе штаба.

Обращаться к подполковнику Малевскому.

А. Козьмин.

19.

Петроград. Комитету Спасения родины и революции. Копия Викжель.

Защищая волю страны, выявленную в постановлениях всех руководящих общественных организаций, охраняя завоевания великой революции и возможность созыва в срок Учредительного Собрания, Временное Правительство, по долгу присяги, во главе с верными родине и революции войсками, приняло все меры к подавлению мятежа, приостановившего всю государственную жизнь.

Обороняя существование, свободу и честь страны, вынужденное не по своей воле к пролитию братской крови, Временное Правительство еще раз призывает все силы страны сплотиться в борьбе с насилием меньшинства.

Вместе с тем, озабоченное скорейшим восстановлением обороноспособ-

ности армии и законной жизни в стране, правительство готово приостановить подавление восстания силой оружия и ликвидировать мятеж путем переговоров Временного Правительства в полном составе с руководящими общественными организациями и партиями о воссоздании законной революционной власти в стране.

Министр-председатель *А. Керенский*.

31. X 1917 г. [1])

20.

Комитету Спасения родины и революции.

В ответ на телеграмму за № 1167 от председателя совещания Викжеля о прекращении междоусобной войны мы, представители верных законному правительству войск, заявляем: кровопролитие не является задачей наших действий, и мы готовы его прекратить при выполнении нижеследующего: все арестованные члены правительства и все другие, верные ему, освобождаются, равно как мы освобождаем арестованных и захваченных во время военных действий большевиков.

Законное правительство, восстановившись, вступает в переговоры с представителями всех партий о реорганизации власти на основах: преимущественного значения большинства, необходимости продолжать оборону страны и созыва в установленное время Учредительного Собрания, которое одно только должно разрешить вопросы о земле и воле, о войне и мире.

Командир 3-го конного корпуса генерал-майор *Краснов*.

Председатель дивизионн. комитета 1-й Донской дивизии подъесаул *Ажогин*.

Помощник главнокомандующего войсками Петроградского военного округа капитан *Козьмин*.

Гатчина, 31 октября 1917 г.

[1]) Далее следует рукописная приписка: «Если связи с Петроградом нет, передать до той станции, конечной к Петрограду, которая работает.»

[Подпись не разборчива.]

21 [1]).

В Военно-Революционный Комитет.

Совещание, созванное Центральным Исполнительным Комитетом Всероссийского железно-дорожного союза из представителей Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Комитета Спасения родины и революции, Петроградской городской думы, Центрального Комитета Партии социал-демократов-меньшевиков объединенных, Ц. Б. с.-д. интернационалистов объединенных, Центрального Комитета с.-д. большевиков, Центрального Комитета социалистов-революционеров, Петроградской Конференции левых социалистов-революционеров, Еврейской Социалистической Рабочей Партии, Польской Социалистической Партии, Объединенной Еврейской Социалистической Партии, Всероссийского Центрального Совета войсковой организации при военном министре и Викжеле,—по вопросу о прекращении вооруженных столкновений между частями войск и рабочих, приняло положение: для окончательного соглашения о форме и конструкции новой государственной власти приняло [2]) необходимым установить немедленное перемирие и обращение к враждующим сторонам о прекращении кровопролитий и вооруженных столкновений.

Верховный главнокомандующий, не желая проливать братскую кровь, согласился на переговоры и установление естественных отношений между войсками правительства и мятежниками, почему предлагаю штабу отряда мятежников отозвать свои войска в Петроград, установить линию Лигово—Пулково—Колпино нейтральной и допустить беспрепятственно для

[1]) Документ написан на бланке со штампом: «Командир 3-го конного корпуса . . . октября 1917 г.»

[2]) Так в подлиннике.

обеспечения спокойствия в Царском Селе конные авангарды правительственных войск. Ответ на это предложение передать с парламентером не позже 8 часов 1 ноября с. г.

Генерал-майор *Крымов*.

Романовы в первые дни революции *).

Письмо О. В. Палей Александре Романовой 3 марта 1917 г.

3 марта 1917 г.

Palais de S. A. J. le Grand Duc Paul. Tzarskoè-Sèlo.

Ваше императорское величество, 3-го дня вечером вел[икий] князь [1]) был сильно встревожен слухами о назначении в[еликого] кн[язя] Мих[аила] Алекс[андровича] — регентом [2]). Весь вчерашний день он был в угнетенном состоянии, т[ак] к[ак] не было ни поездов, ни телефонов, верный нам человек, кот[орый] держал нас в контакте с Гос[ударственной] Думой, — не появлялся. Наконец, стало невмоготу, и мы послали человека пешком (моторы реквизируются везде в Петрограде) к в[еликому] князю Кириллу Владимировичу [3]) с письмом след[ующего] содержания:

«2 марта 1917 г.

Дорогой Кирилл.

Ты знаешь, что я через Н. И. [4]) все время в контакте с Государст[венной] Думой. Вчера вечером мне ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу [5]) регентом. Это недопустимо, и возможно, что это только интриги Брасовой [6]). Может быть, это только сплетни, но мы должны быть на-чеку и всячески, всеми способами, сохранить Ники [7]) престол. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный, о конституции **), то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного Правительства. Переговори с Родзянко [8]) и покажи ему это письмо. Крепко тебя и Ducky [9]) обнимаю.

Твой дядя *Павел*».

Наш человек дошел к утру до города, и т[ак] к[ак] сегодня поезда ходят, то привез прилагаемый ответ Кир[илла] Влад[имирови]ча.

Сегодня утром, прочитав с трепетом сердечным сегодняшнюю газету, которую решаюсь послать вам на прочтение, т[ак] к[ак] считаю, что в такой момент ваше величество должны знать все, какие бы там ни писались дерзости и ужасы (главное — речь Милюкова), сегодня, говорю, прочитав газету, мы с в[еликим] князем сообща составили и послали сегодня в 12 час. дня нашего вахтера с письмом к Родзянко, след[ующего] содержания:

«3 марта 1917 г.

Глубокоуважаемый Михаил Владимирович.

Как единственный оставшийся в живых сын царя-Освободителя, обращаюсь к вам с мольбой сделать все от вас зависящее, дабы сохранить конституционный престол государю. Знаю, что вы ему горячо преданы и что всякий ваш поступок проникнут глубоким патриотизмом и любовью к дорогой родине. Я бы не тревожил вас в такую минуту, если бы не прочитал в «Известиях» речь министра иностр[анных] дел Милюкова и его слова о регентстве в[еликого] кн[язя] Михаила Александровича [10]). Эта мысль о полном устранении государя меня гнетет. При конституционном правлении и правильном снабжении армии государь несомненно поведет войска к победе. Я бы сам приехал к вам, но мой городской мотор реквизирован, а силы не позволяют итти пешком. Да

*) Публикуемые документы воспроизводятся здесь с подлинников, хранящихся в Моск. Центр. Архиве Окт. Рев., Особый отдел.

**) Речь идет о манифесте, составленном вел. кн. Павлом Александровичем и подписанном группой великих князей 1 марта 1917 г. Факсимиле этого документа напечатано в № 1 журнала «Огонек» за 1923 г.

поможет нам господь и да спасет он нашего дорогого царя и нашу родину!

Искренно вас уважающий и преданный вел[икий] князь *Павел Александрович*».

Как только будет какой-нибудь ответ от Родзянки, я сообщу вашему величеству, а пока — молю вас на коленях быть спокойной и верить, что до последней капли крови, до последних сил будем с вами!

Целую ваши дорогие ручки, извиняюсь за почерк, рука дрожит и остаюсь ваша всем сердцем, всеми помыслами.

Ольга Палей [11]).

По прочтении великий князь просит вернуть письмо Кир[илла] Влад[имировича], газету, а также мы молим два слова — как здоровье наследника и великих княжен, и есть ли известия от государя? Во Пскове ли он или уехал и куда и на что он решился?

О. П.

Письмо Кирилла Романова Павлу Романову 2 марта 1917 г.

Дорогой дядя Павел!

Относительно вопроса, который тебя беспокоит, до меня дошли одни лишь слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы, работает ясно и единомысленно с нашим семейством, он прячется и только сообщается секретно с Родзянкой. Я был все эти тяжелые дни один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и родиной, спасая положение, признавая новое правительство. Обнимаю.

Кирилл.

2 марта 1917 г.

Письмо Николая Михайловича Романова [12]) А. Ф. Керенскому [13]).

Многоуважаемый
Александр Федорович.

За сегодняшний день я получил согласие на отказ от престола и на отдачу удельных земель от великих князей Кирилла Владимировича (легко), от в[еликого] к[нязя] Дмитрия Константиновича [14]) (туго) и от князей Гавриила [15]) и Игоря Константиновичей [16]) (оч[ень] легко). Телеграмма, которую я сварганил для брата Александра [17]), вам известна от М. И. Терещенко [18]) по ее содержанию. Остается убедить Павла Александровича, брата Георгия [19]), живущего у М[ихаила] А[лександровича] в Гатчине, и брата Сергея [20]), находящегося в Могилеве.

Неизвестно, где находятся Николай [21]) и Петр Николаевичи [22]), Борис Владимирович [23]) и князь Константин Конс[тантинович] [24]).

Наша вчерашняя беседа оставила во мне самое светлое и отрадное впечатление. Моя лепта в каком угодно размере на памятник декабристов обеспечена от всей души.

Бог вам в помощь.

Весь ваш *Николай М.*

9/III. [1917 г.]

Заявление Георгия Романова 12 марта 1917 г.

Относительно прав наших, а в частности и моего, на престолонаследие, я, горячо любя свою родину, всецело присоединяюсь к тем доводам, которые изложены в акте отказа великого князя Михаила Александровича.

Что касается до земель удельных, то я вполне готов подчиниться решению правительства, которое несомненно имеет в виду благо родины.

Великий князь *Георгий Михайлович.*

12 марта 1917 года.

Заявление—Кирилла Романова.

Относительно прав наших, и в частности и моего, на престолонаследие, я, горячо любя свою родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича.

Великий князь *Кирилл Владимирович.*

Примечания.

[1]) Павел Александрович, великий князь, сын Александра II.

[2]) Михаил Александрович, вел. кн., сын Александра III.

[3]) Кирилл Владимирович, вел. кн., сын вел. кн. Владимира Александровича.

[4]) Н. И. — расшифровать не удалось.

[5]) См. прим. 2.

[6]) Брасова, Наталья Сергеевна, графиня, жена вел. кн. Михаила Александровича.

[7]) Ники — Николай II.

[8]) Родзянко, Михаил Владимирович, председатель Государственной Думы.

[9]) Ducky — Виктория Федоровна, жена вел. кн. Кирилла Владимировича.

[10]) 2 марта Милюков, выступая на митинге в Екатерининском зале Таврического дворца, на вопрос о судьбе династии Романовых ответил: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен, власть перейдет к регенту, вел. кн. Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей». Заявление это вызвало бурю негодования против Временного Правительства. В тот же день Милюков сделал заявление, что его слова о династии являются его личным мнением.

[11]) Палей, Ольга Валериановна, княгиня, жена вел. кн. Павла Александровича, по первому мужу фон-Пистолькорс.

[12]) Николай Михайлович, вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича.

[13]) Александр Федорович Керенский, министр юстиции Врем. Правительства.

[14]) Дмитрий Константинович, вел. кн., сын вел. кн. Константина Николаевича.

[15]) Гавриил Константинович, князь, сын вел. кн. Константина Константиновича.

[16]) Игорь Константинович, князь, сын в. кн. Константина Константиновича.

[17]) Александр Михайлович, вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича.

[18]) М. И. Терещенко, министр финансов Временного Правительства, позже министр иностранных дел.

[19]) Георгий Михайлович, вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича.

[20]) Сергей Михайлович, вел. кн., сын вел. кн. Михаила Николаевича.

[21]) Николай Николаевич, вел. кн., сын вел. кн. Николая Николаевича старшего.

[22]) Петр Николаевич, вел. кн., сын вел. кн. Николая Николаевича старшего.

[23]) Борис Владимирович, вел. кн., сын вел. кн. Владимира Александровича.

[24]) Константин Константинович, князь, сын вел. кн. Константина Константиновича.

Ответственная редакция: В. Адоратский. Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Июльские дни в Петрограде (окончание)	3—70
Октябрь на фронте (окончание)	71—107
Иностранные дипломаты о революции 1917 г. С предисловием *А. Л. Попова*	108—163
Запрещенный рассказ В. Короленко. С предисловием *В. Полянского*	164—200

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

Подготовка к наступлению на Петроград	201—208
Романовы в первые дни революции	208—210

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1928 ГОД

НА ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АРХИВНОГО ДЕЛА, ИЗДАВАЕМЫЙ ЦЕНТРАРХИВОМ РСФСР,

„АРХИВНОЕ ДЕЛО“

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. С. Вишневского, В. В. Максакова, А. А. Сергеева

в 1928 году выйдет 4 тома

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА **6** РУБЛЕЙ В ГОД

Подписка принимается Ред.-Изд. Отделом Центрархива РСФСР

Москва, улица Маркса и Энгельса, д. 20.

Телефон редакции: 3-72-91.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Адоратский В. В., Алексеев В. П., Андреев А. И., Анфилов Б. И., Ахун М. И., Бельчиков Н. Ф., Богоявленский С. К., Буржен Ж. (Франция), **Валк С. Н., Вишневский М. С., Воинова К. И., Гераклитов А. А., Гиваргизов А. П., Голубцов И. А., Домбровский В. А., Егоров Д. Н., Жданович Я. Н., Зекцер А. Л., Иодко А. Р., Истнюк Д. Г., Константинов М. М., Кубалов Б. Г., Кудрявцева А. И., Левин Л. М., Лихачев Н. П., Любавский М. К., Любименко И. И., Максаков В. В., Маяковский И. Л., Нечаев В. Н., Павлова Н. А., Пичета В. И., Покровский А. А., Покровский М. Н., Пушкин Б. С., Рахлин А. М., Рождественский С. В., Русинов Н. В., Сенковский Е. Ф., Сергеев А. А., Сергиевский Н. Л., Соколова А. А., Сэ А.** (Франция), **Тарле Е. В., Хрипач И. В., Чулков Н. П., Шереметевский В. В., Шилов А. А., Шмидт Ш.** (Франция), **Эйнгорн В. О., Яхонтов С. Д. и др.**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. **М. Н. Покровского.**

ДЕЛА ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ.

ТОМ I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева. Стр. 540, ц. 6 р.

В первый том вошли следственные дела декабристов, принадлежавших к Северному тайному обществу. Материалы дают впервые совершенно полное и точное воспроизведение дел, с сохранением всех особенностей расположения, правописания и пунктуации.

ТОМ II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Стр. 420, ц. 6 р.

ТОМ III. Следственные дела: А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. Стр. 447, ц. 6 р.

ТОМ IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола, стр. 486, ц. 6 р.

ТОМ V. Следственные дела: П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го М. М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. Стр. 495, ц. 6 р.

ТОМ VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Стр. 431, ц. 4 р. 50 к.

В книге воспроизведен текст подлинной рукописи, принадлежавшей Николаю I, находившейся всегда у него на столе для справок, как содержавшей в себе в азбучном порядке имена всех декабристов и других привлеченных к следствию о тайных обществах. Таких лиц было 579. В виде приложения к этому ценному историческому документу редакторами его—Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом—даны подробные биографические справки о всех упоминаемых в «Алфавите» лицах, причем прослежена судьба каждого до 14 декабря и после до самой смерти.

ТОМ VI. Восстание Черниговского полка.

ТОМ VII. „Русская Правда“ П. И. Пестеля. По ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ДЕКАБРИСТЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Стр. 94. Ц. 80 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в Торговый сектор Госиздата РСФСР

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Телефон 1-91-49, 3-71-37 и 5-04-56

Ленинград, „Дом книги“, проспект 25 Октября, 28. Телефон 5-34-18

и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР.

МОСКВА, ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ „КНИГА ПОЧТОЙ“

высылает все книги немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1928 год

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО и В. М. ФРИЧЕ.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

Подписная цена: на год — 15 р., на 6 мес. — 8 р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 р.

ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГ НА ЖУРНАЛЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ К НИМ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ГЛАВНОЙ КОНТОРОЙ ПОДПИСНЫХ и ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ГОСИЗДАТА, Москва, Рождественка, 4, телефоны 4-87-19 и 5-88-91, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Госиздата, у уполномоченных снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного Контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев. Продажа отдельных номеров журналов производится в магазинах, киосках, и отделениях Госиздата, в киосках Всесоюзного Контрагентства печати и Управления Московскими киосками при издательстве „Рабочая Москва“.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Финансовое положение России перед Октябрьской революцией.— Октябрьская революция в Балтфлоте.—„Демократическое“ правительство Грузии и английское командование.— Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.). — Решенный вопрос (экспертиза по делу Н. Г. Чернышевского). — Иностранная цензура о „Коммунисте“ в 1916 г. — Эпизод из истории балканской войны.— Из истории иностранного капитала в России. — Перлюстрация писем в России в начале XIX в.

ЦЕНТРАРХИВ

1927

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ (ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ)

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
ГИЗа. Москва, Пятницкая, 71.
Главлит А-7486. П.12. Гиз. 25907.
Заказ 7. Тираж 2 000.

Финансовое положение России перед Октябрьской революцией.

Публикуемый доклад директора департамента государственного казначейства Г. Д. Дементьева «Положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австрией до конца 1917 года», — был прочитан в особой комиссии при Совете Съездов представителей торговли и промышленности 19 июля 1917 г. [1]). Стоит отметить, что это выступление официального представителя министерства финансов, в точных цифрах изображавшее финансовый крах, который в сущности исключал для России всякую возможность продолжения войны, состоялось перед представителями торгово-промышленной буржуазии даже несколько раньше, чем такой же доклад и тем же лицом сделан был в подлежащем государственном органе: в Экономическом Совете при Временном Правительстве Г. Д. Дементьев докладывал неделю спустя, 26 числа. В обоих случаях и сам докладчик и его слушатели во время прений находились во власти «июльских» настроений и под гнетом необходимости ответить на вопрос о том, какие мероприятия при описанных в докладе условиях должны быть предприняты для того, чтобы продолжать войну, не углубляя дальше финансовой катастрофы. Не имея, что́ предложить в этом смысле, кроме, в конечном счете, воздыханий о бессилии Временного Правительства бороться с массовыми революционными отражениями хозяйственного краха, вызванного войной, участники обоих совещаний, — и сам докладчик в том числе, — склонны были рассматривать и самый крах исключительно сквозь призму текущей политической борьбы, как спутника революции. Фактическое же содержание доклада Дементьева представляет большой интерес.

Цифровой материал доклада, удобно расположенный и отжатый от пестрящих подробностей бухгалтерского масштаба, сообщает публикуемому документу все качества достоверного источника (разумеется не в бухгалтерском, а в историческом смысле).

[1]) Доклад Дементьева хранится в I Экономическом Отделе ЛЦИА вместе с экземпляром журнала «Совещания представителей промышленности и торговли, состоявшегося 25 июля 1917 г. в помещении Совета Съездов» [представителей промышленности и торговли], с подлинным расписочным листом присутствовавших на этом совещании и с отпуском письма председателя Совета Съездов Н. Н. Кутлера к м-ру фин. А. И. Шингареву от 14 июня, в котором Кутлер просил о разрешении Дементьеву «ознакомить Совет Съездов с современным финансовым положением России». Ответа Шингарева не сохранилось. В журнале Совещания 25 июля есть ссылка на то, что доклад Дементьева заслушан был 19 июля; 25 числа состоялись уже прения по докладу. Совещание было закрытое, при 26 участниках. Текст доклада, как и журнала, писан на машинке крайне небрежно. Мы не оговариваем дальше многочисленных опечаток, исправленных нами при настоящем издании. В одном месте восстановленный нами пропуск цифр оговорен в примечании. *Б. Р.*

Больше того, в значительной своей части доклад Дементьева является единственным официальным общим сводом данных об исполнении бюджетов военного времени. Обычным источником этого рода служат «Отчеты государственного контроля», но последний опубликованный отчет относится к исполнению бюджета 1914 г., и уже для 1915 г. имелся лишь предварительный проект отчета, составленный в свое время в немногих экземплярах; для 1916 же и для 1917 годов не было и попыток подвести какие-либо итоги в контрольном порядке. Доклад Дементьева равномерно охватывает все время войны почти что по день его зачтения в упомянутом заседании в Совете Съездов и в доброй половине своей является результатом проработки таких сведений, сосредоточивавшихся в министерстве финансов, источники которых в настоящее время не сохранились, а если бы и сохранились, то представили бы колоссальные трудности как при собирании, так и при их обработке.

Если роспись государственных доходов и расходов на 1917 год могла быть представлена Николаю II в октября 1916 г. в таком виде, что финансовое положение империи произвело на него впечатление «отрадной картины», то публикуемый теперь документ дает возможность конкретно уразуметь разрушительное действие, которое с самого начала неуклонно производила война на финансовую ткань страны год за годом [1]). Для историка в нашем документе интереснее, пожалуй, не та часть его, относящаяся к пяти революционным месяцам 1917 года, которая привлекала к себе внимание современников в июле, а та, которая показывает, какими путями и каким темпом шло это разрушительное действие и к какому результату привело оно в самый канун собственно политического краха империи в феврале 1917 года.

Не трудно понять, почему бюджетная техника военного времени делала кардинальное различение между бюджетами «мирным» и «военным»: такое различение исходило из мысли о предстоящих, по заключении мира, прибылях войны, которые должны были покрыть прежде всего военные расходы и отнюдь не предназначались на погашение всех вообще расходов на текущие нормальные нужды страны; а затем и самые расходы на ведение войны не поддавались предварительному расчету на целый год вперед в сколько-нибудь точных цифрах. Россия начинала войну, располагая свободной наличностью государственного казначейства в 500 миллионов руб. (в круглой цифре). При том, что за 5 слишним месяцев 1914 г. на ведение войны было израсходовано более 2.500 млн. руб., этой свободной наличности хватило бы всего на 1 месяц, — срок, в который даже самые отважные умы не мечтали дойти до Берлина. В дальнейшем должны были выступить на сцену такие кредитные операции, которые, как и военные расходы, не могли быть заранее определены ни количественно, ни в их форме. Однако, такое различение «мирного» и «военного» бюджетов при всякой попытке учесть действие войны на хозяйственное положение страны оказывается непригодным. Не говоря уже о многом другом, сами абсолютные цифры «мирного» бюджета, взятые вне их зависимости от цифр «военного», ровно ничего не выражают, кроме известных чисто бухгалтерских соотношений, оторванных от хозяйственной действительности. Публикуемый документ дает погодные сводки цифр обоих бюджетов и в значительной степени вскрывает природу и истинное значение этих цифр, не останавливаясь перед разоблачением «бухгалтерских эффектов».

---

[1]) См. опубликованный в XVII т. «Красного Архива» доклад Барка о росписи на 1917 год.

Переходя к этим «бухгалтерским эффектам», надобно иметь в виду, что вся бюджетная масса 1914—1917 гг., исчисляемая более чем в 60 миллиардов рублей, должна быть разделена — с точки зрения значения ее для характеристики финансового положения страны в о в р е м я в о й н ы — не на две части: «мирную» и «военную», а на три. В этой массе числилось до 7,5 миллиардов иностранных военных займов, расходовавшихся в подавляющей своей доле на оплату заграничных заказов и частью, оставаясь за границей же, обеспечивавших там курс нашего рубля. Эта сама по себе громадная цифра, худо ли, хорошо ли удовлетворявшая потребности войны, именно в о в р е м я в о й н ы не давила на русскую финансовую систему, и все отрицательное действие ее должно было сказаться только по окончании войны, когда собственно и встал бы вопрос о включении в послевоенный бюджет и статьи расходов по уплате процентов и статьи расходов по погашению заграничных займов 1914—1916 гг.; ведь до окончания войны никаких платежей по этим займам не производилось. За выключением этой, для военного времени нейтральной, части военного бюджета, прочая бюджетная масса, как указано, бухгалтерски разделялась на две части таким способом, который, открывая широкую возможность варьировать соответствующие «бухгалтерские эффекты», позволял достигать максимальной видимости благополучия каждой из этих двух частей в отдельности. Задача при этой операции состояла в том, чтобы «мирный» бюджет не только был бы сбалансирован бездефицитно, но дал бы превышение доходов над расходами, т.-е. так называемую «свободную наличность», которая и свидетельствовала бы о способности страны (т.-е. тыловой ее территории) принимать участие в расходах войны за счет текущих поступлений казны. Что касается бюджета «военного», то тут аналогичная задача заключалась в том, чтобы его расходы безостановочно и во-время покрывались при помощи кредитных операций на внутреннем рынке как в форме прямых займов, так и в форме выпусков «краткосрочных обязательств государственного казначейства», причем свободная наличность «мирного бюджета» играла в «военном» бюджете роль доходной статьи. То и другое бухгалтерски удавалось министерству финансов, причем до 1 января 1917 г. «мирный» бюджет мог выделить в пользу «военного» 1 283,9 миллионов свободной наличности и из них 1 027,7 миллионов дал один только 1916 год. Но удавалось это благодаря не только искусственному разъединению обоих бюджетов, но и, когда было надо, своеобразному соединению их. Два-три примера покажут, в чем тут было дело.

Таков, напр., «бухгалтерский эффект», имевший место при исполнении сметы 1914 г. Оказалось, что 1914 г. принес с собою уменьшение цифры расходов, сравнительно с 1913 г., на 167 млн. руб. Секрет такого удивительного для первого года войны обстоятельства заключался в том, что все решительно расходы военного ведомства на содержание войск и военно-административных управлений отнесены были при исполнении сметы на «военный фонд» и в исчисление действительных расходов военного министерства, предусмотренных росписью, не попали. Таков, напр., эпизод с громадным увеличением доходов по обыкновенному бюджету 1916 г. сравнительно с поступлениями 1915 г., увеличением на 1 146 миллионов руб.: но, по собственному признанию Дементьева, около 70% этого увеличения объясняется обстоятельствами в о е н н о г о времени, и этот прирост доходов «мирного» бюджета в большей части оплачивался самою казной за счет «военного фонда». Наиболее яркий пример такого в и д и м о г о роста дохода в 1916 г. являли собою прибыли государственного банка (увеличение на 91 млн. руб.

против 1915 г.). Рост их всецело зависел от того, что выпускаемые государственным казначейством краткосрочные обязательства в значительной части не уходили в обращение, а оставались в портфеле государственного банка, и при истечении их срока банк производил переучет, взимая при этом проценты по ним на новый срок вперед посредством списывания соответственной суммы с текущего счета казначейства. Или, например, эпизод с сокращением в том же «отрадном» 1916 году расходов по эксплоатации железных дорог, по сравнению с 1915 г., на 26 млн. руб.: он объяснялся тем, что зато по «военному» бюджету ассигнование на эксплоатацию в 1916 г. повысилось против 1915 г. на 138 млн. руб., т.-е. в действительности произошло не уменьшение, а увеличение этого расхода в 1916 г. на 112 млн. руб. — Благодаря подобным приемам и мог получиться, напр., указанный выше «эффект» со свободной наличностью. Общая ее сумма за 1914—1917 годы исчислена была в росписях «мирного» бюджета в 2 199 млн. руб. Но из этих росписей исключены были расходы на содержание войск (мирного состава) по 500 млн. руб. в год, всего (с остатком 1914 г.) за четыре года 1 685 млн. руб., и расходы на уплату процентов по краткосрочным обязательствам, оставшимся за государственным банком, в сумме около 1 000 млн. руб., показывавшиеся, однако, доходом в «мирном» бюджете по государственному банку. Возвращение этих последних цифр на принадлежащие им места в «мирном» бюджете повлекло бы за собою то, что не только исчезла бы всякая свободная наличность, но и образовался бы в нем дефицит около 486 млн. рублей [1]).

Внимательное рассмотрение статьи доходов бюджета «военного» приводит к не менее любопытным наблюдениям. Если не считать мнимого воспособления из «свободной наличности», то главная масса этих доходов, расходовавшаяся на нужды войны внутри страны, извлечена была путем продажи облигаций шести внутренних займов (на сумму в 8 миллиардов руб.) и краткосрочных обязательств государственного казначейства (на сумму, в круглой цифре, 9 миллиардов) и составила, таким образом, к 1 января 1917 г. 17 миллиардов рублей. Но из них без малого 7 миллиардов рублей остались за государственным банком и представляют собою также не что иное, как «дефицит», но только дефицит совсем непоправимого свойства, непополнимый никаким займом и непереложимый своею тяжестью на следующие поколения. Эти 7 миллиардов, неуклонно и непрерывно нараставшие с первого дня войны, не могли быть оплачены и не оплачивались государственным банком за счет его оборотных средств, а добывались им за счет эксплоатации его эмиссионного права, которое, в свою очередь, расширялось правительственными распоряжениями совсем произвольно, сообразуясь только с потребностями и не соображаясь с возможностями [2]). К тому же потребности были настоятельны и неотклонимы в условиях войны, а возможности были понятием мнимым и ограничивались только выносливостью печатного станка. Сопоставление нескольких цифр уясняет движение этого «дефицита» в доходной части «военного» бюджета и показывает, что картина общего финансового состояния и будущего страны, освещаемая именно с этого пункта, становилась не только год от году «безотрадней», но и по-просту безнадежной еще к началу 1917 г.

---

[1]) В чем и сознавался Дементьев 26 июля в заседании Экономического Совета.

[2]) 23/VII 1914 г. эмиссионное право было увеличено на 1 200 млн. руб., 17/III 1915 г. — на 1 000 млн. руб., 22/VIII 1915 г. — на 1 000 млн. руб., 29/VIII 1916 г. — на 2 000 млн. руб., 27/XII 1916 г. — на 1 000 млн. руб., 4/III 1917 г. — на 2 000 млн. руб., 15/V 1917 г. — на 2 000 млн. руб., 11/VII 1917 г. — на 2 000 млн. руб. Всего на 12 200 млн. рублей.

Годы	Движение золотого запаса в млн. руб.	Имелось и (выпущено) кредитных билетов в млн. руб. [1]	% золотого обеспечения кредитных билетов	Краткосрочные обязат., оставленные госуд. банком за собой [1]
К 1 июля 1914 г.	1 603	1 647	98	0
К 1 января 1915 г. . . .	1 560	2 781 (1 134)	53	657
К 1 января 1916 г. . . .	1 614	5 451 (2 670)	29	3 232 (2 575)
К 1 января 1917 г. . . .	1 471	8 938 (3 487)	16	6 867 (3 635)
К 1 марта 1917 г.	1 476	9 784 (846)	15	7 882 (1 015)
К 1 июля 1917 г.	—	12 839 (3 105)	—	10 393 (3 526)
К 23 июля 1917 г.	1 293	13 703 (814)	9,3	11 394[2] (1 001)

Рассматривая приведенные цифры, можно заметить, что, сохраняя некоторое плавное движение до 1 марта 1917 г., на этой дате они испытывают толчок. Но отсюда не следует, что толчок этот целиком связан с крушением монархии в феврале. Такова, напр., цифра золотого запаса: против 1 560 на 1 января 1915 г. она уменьшилась к 23 июля 1917 г. до 1 293, т.-е. на 267 миллионов. Но секрет этого уменьшения золотого запаса лежит в том, что 200 млн. руб. золотом были высланы в Англию на основании соглашения 1 октября 1915 г. еще до августа 1916 г. А остальные 67 миллионов с избытком покрываются обязательством, принятым на себя Барком в июле 1916 г., о высылке в Англию еще 200 миллионов (в случае падения английского золотого запаса ниже 700 миллионов рублей) [3]. В силу уже одного этого дореволюционного обязательства 1 293 млн. руб., сохранившиеся в кладовых государственного банка на 23 июля 1917 г., оказывались под угрозой дальнейшего таяния до 1 160 млн. руб. Значит, процент обеспеченности массы кредитных билетов, скакнувший с 1 марта на 23 июля 1917 г. на 5,7% (т.-е. 15—9,3), был бы выше, если бы наш золотой запас не стал предметом соглашений еще царского правительства.

Переходя к цифрам роста кредитной массы, на первый взгляд замечаем скачок на целые 3 миллиарда в промежутке между 1 марта и 1 июля 1917 г., тогда как в 1916 году $3^1/_2$ миллиарда кредитных билетов прибавилось за целый год. Но несколько иное получится, если раздробить эти хронологические периоды на более мелкие сроки, а именно:

Выпущено кредитных билетов

В 1916 г. Декабрь	714	млн. руб.
» 1917 » Январь	343	» »
Февраль [4]	510	» »

[1]) В скобках дается цифра действительно выпущенных за данный период кредитных билетов или краткосрочных обязательств. Вне скобок показана общая цифра наличности на данный срок.

[2]) Данные этой таблицы взяты частью из доклада Дементьева, частью из доклада управляющего гос. банком И. Н. Шипова 3 августа 1917 г. в Экономическом Совете при Временном Правительстве.

[3]) См. «Красный Архив», т. V, доклад Барка от 6 августа 1916 г., стр. 79—80.

[4]) Данные наших источников здесь несколько расходятся: для января-февраля 1917 г. Шипов дает 846 млн. руб., Дементьев 853 млн. руб.

Выпущено кредитных билетов

В 1917 г.	Март	1 031	млн. руб.
	Апрель	476	» »
	Май	729	» »
	Июнь	869	» »
	Июль по 23-е	861	» »

т.-е. средняя цифра эмиссии последних трех месяцев монархии (522,5 млн. руб. ежемесячно) скакнула к средней цифре первых четырех месяцев революции (776,2 млн. руб.) на 48%, между тем как, сравнивая с революционными месяцами 1916 год целиком, будем иметь скачок на 71%. Но процентное нарастание бумажной массы с самого начала войны шло по годам следующим образом: за полугодие 1914 г.—на 68%, за 1915 г.—на 96% и за 1916 г. — на 64%. Если допустить, что в условиях дореволюционного строя печатный станок продолжал бы работать в том же темпе, как в январе-феврале 1917 г., и дальше, что революции не случилось бы в феврале и что 133 оставшиеся к июлю невывезенными миллиона рублей были бы вывезены в Англию до 1 ноября 1917 г., то при царизме на 1 ноября 1917 г. мы имели бы золотой запас в 1 160 млн. руб. при кредитной массе в 13 168 млн. руб. и при процентном обеспечении кредитных билетов 8,8%, — картина несколько даже хуже июльской [1]).

Нет нужды останавливаться здесь на катастрофических финансовых перспективах, раскрываемых печатаемым докладом на ближайшие к июлю 1917 г. месяцы. В этом отношении данные доклада едва ли требуют каких-либо пояснений.

Б. Романов.

Положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австрией до конца 1917 года.

В последнем перед войною 1913 г. финансовое положение государства было весьма благоприятным. Обыкновенные доходы достигали высокой цифры, до какой они раньше никогда не доходили — 3 417,3 млн. руб.; к концу 1913 г. кредитных билетов находилось в обращении на 1 775 млн. рублей.

Исполнение государственной росписи доходов и расходов за 1913 г., как известно из отчета государственного контроля, выразилось в следующих цифрах:

	Доходы	Расходы
	в млн. руб.	
Обыкновенные	3 417,3	3 094,2
Чрезвычайные	13,8	288,7
	3 431,1	3 382,9
Остатки от заключенных смет прежних лет	21,4	
	3 452,5	

[1]) Цифру 13 168 млн. руб. получаем, исходя из расчета, что двухмесячный порцион кредитного выпуска был бы неизменен: 846 млн. руб., как в январе-феврале 1917 г. На самом деле он рос бы в свою очередь, как росли выпуски неизменно с 1 июля 1914 года.

Поступления превысили расходы на 69,6 млн. рублей.

Этот избыток доходов пополнил собою свободную от каких-либо обязательств наличность государственного казначейства, размер которой достиг небывалой еще цифры 514,2 млн. руб. Этот свободный денежный запас, накопившийся за несколько лет удачного исполнения росписей доходов и расходов, как сейчас увидим, пришелся очень кстати при начавшейся в 1914 г. войне с Германией и Австрией.

Для того, чтобы легче было ориентироваться в изменениях, последовавших в нашем бюджете за время войны, напомним, из каких главных элементов он слагался в 1913 г.

Обыкновенные поступления по главным группам государственных доходов дали:

	Млн. руб.		%
Потребление вина:			
казенная винная операция	899,3		
сборы с питей	53,7	953,0	27,9
Эксплоатация железнодорожных предприятий:			
казенных	813,6		
частных (прибыли от участия казны в доходах железнодорожных обществ и обязательн. платежи этих обществ в казну)	47,2		
сбор с пассажиров и грузов, перевозимых в пассажирских и товаро-пассажирских поездах	30,8	891,6	26,1
Косвенные налоги:			
таможенный	352,9		
прочие	355,2	708,1	20,7
Прямые налоги:			
промысловый	150,1		
прочие	122,4	272,5	8,0
Остальные доходы		592,1	17,3
		3 417,3	

Преобладающее значение в бюджете того времени имел доход от потребления вина, особенно от монопольной продажи вина казною.

Столь же крупною статьею, в качестве источника государственных доходов, является эксплоатация железнодорожных сообщений.

Обе эти статьи дали в 1913 г. 1 844,6 млн. руб., или 54% общего итога обыкновенных поступлений в 3 417,3 млн. рублей.

Обыкновенные расходы за 1913 г. характеризуются следующими цифрами:

	Млн. руб.	%
Морское и военное ведомства	825,9	26,7
Эксплоатация казенных жел. дор. . .	586,9	19,0
Платежи по займам	[424,4] [1])	[13,7] [1])
Расходы казенной винной операции .	235,0	7,6
Все остальные расходы	1 022,0	33,0
	3 094,2	100

В расходах первенствующее место заняли оба военных ведомства.

В состав чрезвычайных расходов (288,7 млн. руб.) вошли: постройка казенных железных дорог и улучшение их — 133,3 млн. руб., хозяйственно-операционные расходы военного ведомства, медлительно двигавшегося по пути улучшения обороны — 127,3 млн. руб., постройка и улучшение коммерческих портов — 18 млн. руб. и другие более мелкие расходы.

1914 ГОД.

В первой половине 1914 г. поступление обыкновенных государственных доходов продолжалось в тех же условиях, в каких оно происходило в 1913 г., и с тем же успехом; во второй половине года в этом отношении произошла резкая перемена, о которой можно судить по следующим данным:

	1914 г.	1913 г.	Разница против 1913 г.
	в млн. руб.		
Первое полугодие	1 767,6	1 612,6	+ 155,0
Второе »	1 130,5	1 804,8	— 674,3
	2 898,1	3 417,4	— 519,3

Обычно во второй половине года поступало доходов больше, чем в первой; в 1914 г. вышло наоборот. По сравнению с 1913 г. в первом полугодии 1914 г. поступило больше на 155 млн. руб., во втором — меньше на 674,3 млн. руб., а в общем за весь 1914 г. доходы сократились на 519,3 млн. рублей.

Сокращение произошло преимущественно по следующим трем главнейшим видам поступлений:

	1914 г.	1913 г.	Сокращение в 1914 г.
	млн. руб.		
Казенная винная операция	503,9	899,3	395,4
Казенные железные дороги	733,3	813,6	80,3
Таможенный доход	303,9	352,9	49,0
			524,7

Сокращение коммерческого движения по железным дорогам и привоза товаров из-за границы вызвали естественное падение и соответственных поступлений государственных доходов. Уменьшение

[1]) В подлиннике цифры пропущены; восстановлены здесь по общей сумме. *Б. Р.*

поступлений от казенной монополии объясняется предпринятою с объявлением войны героическою для бюджета мерою — запрещением продажи казенного вина, перешедшим потом в полную отмену приготовления вина навсегда и в запрещение торговли даже виноградным вином и пивом.

На что не решались министры финансов до войны — отказаться от винной монополии как источника государственных доходов, то совершилось при самом начале величайшей в истории России войны. Но так как этот решительный шаг, на-ряду с влиянием войны на понижение доходов, пробил большую брешь в средствах казны, то предприняты были меры к возмещению казне утраченного источника дохода за счет других поступлений [1]) и к сокращению разрешенных уже по росписям 1914 г. и прежних лет расходов путем отсрочки или полной отмены некоторых назначений.

Действие повышенного изданными во второй половине 1914 г. законами обложения началось только в следующем 1915 г., а для 1914 г. мероприятия по этой части не имели заметного значения.

Чрезвычайных доходов, кроме выручки от займов, поступило в 1914 г. немного, всего лишь 8,3 млн. рублей.

Зато довольно крупная сумма зачислена в ресурсы казны из назначений по сметам прежних лет —54,4 млн. руб., частью составляющих обычные свободные остатки от сметных назначений, частью же обращенных в ресурсы казны с целью сокращения расходов в виду наступившей войны.

Обыкновенных расходов за счет росписи 1914 года исполнено 2 927,1 млн. руб., по сравнению с 1913 г. (3 094,2 млн. руб.) менее на 167,1 млн. руб., и небольшое уменьшение произошло в чрезвычайных расходах, не относящихся к войне, — 276,4 млн. руб. против 288,7 млн. руб. в 1913 г., т.-е. менее на 12,3 млн. рублей.

В отдельности по главнейшим видам назначений произошли следующие перемены в расходах:

	1914 г.	1913 г.	Разница против 1913 г.
	в млн. руб.		
Военное и морское ведомства	641,5	825,9	— 184,4
Эксплоатация казенных железн. дорог .	652,8	586,9	+ 65,9
Платежи по займам	365,8	424,4	— 58,6
Казенная винная операция	208,4	235,0	— 26,6
Все остальные расходы в общем выводе	1 058,6	1 022,0	+ 36,6
	2 927,1	3 094,2	— 167,1

Из этих изменений самое крупное принадлежит обоим военным ведомствам, обыкновенные расходы которых, судя по отчету государ-

[1]) Повышены ставки промыслового налога, акцизов с табака, с папиросной бумаги и гильз, с нефтяных продуктов и со спичек, почтовых и телеграфных сборов, установлены налог на телефон и временный налог на перевозку пассажиров, багажа и грузов и особо на хлопок. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.)*

ственного контроля, уменьшились в 1914 г. на 184,4 млн. руб. Однако, это сокращение расходов на самом деле не имеет реального значения. Это только бухгалтерский эффект, являющийся последствием исполнения особых, утвержденных в августе 1914 г., правил о порядке испрошения, разрешения и ассигнования военному министерству средств на расходы, вызываемые военными обстоятельствами. На основании этих правил, распространенных на морское министерство и пограничную стражу, если война затягивается, то при составлении смет и росписи на предстоящий год расходы на содержание войск и военно-административных управлений и учреждений вносятся в обыкновенные сметы по численному составу их, принятому при составлении смет текущего года, т.-е. в сущности по составу мирного времени; при исполнении же смет кредиты на содержание войск и военно-административных управлений и учреждений закрываются по счету обыкновенных расходов, а предусматриваемые ими потребности удовлетворяются из особого чрезвычайного назначения, именуемого «военным фондом». Сделано это для удобства распоряжений и для объединения в одном общем счете всех расходов по содержанию войск и обслуживающих их учреждений в составе военного времени. С точки зрения удобств распорядителей кредитов возражать против такого порядка счетоводства не приходится, но так как современная война вступила уже в четвертый год, то с нашими бюджетами и исполнением их происходит довольно странная несогласованность. При составлении смет и росписей кредиты на содержание сухопутных войск, флота и пограничной стражи неизменно исчисляются в сметах на каждый предстоящий год по мирному составу в числе обыкновенных расходов, а при исполнении смет они исключаются из обыкновенных и показываются в чрезвычайных расходах вместе с расходами на содержание мобилизованных армий и флота. Между бюджетами и отчетами происходит тоже как бы своего рода война: бюджеты упорно стоят на своем, вмещая в себе, вот уже четвертый год, содержание войск и флота по мирному положению, а отчеты по исполнению смет столь же упорно не соглашаются с этим положением и показывают все расходы по содержанию войск и флота в числе чрезвычайных расходов, вызванных войною. В 1914 г. за часть года эта разница между сметами и отчетом выразилась в сумме 185,1 млн. руб., а в последующие годы она превышает 500 млн. руб. в каждом году. На эту сумму баланс по исполнению отдела обыкновенных доходов и расходов росписи представляется лучше, в сравнении с сметными исчислениями самой росписи.

В отчете государственного контроля за 1914 г. общий итог расходов, вызванных войною, показан в сумме 2 540 млн. руб., для покрытия которых государственное казначейство обладало свободною наличностью, составлявшею к началу года 514,2 млн. руб., и выручкою от реализации займов—1 595,3 млн. руб., в том числе от выручки 5% внутреннего займа 1914 г. —441,8 млн. руб., 4% билетов государ-

ственного казначейства —266,8 млн. руб. и 5% краткосрочных обязательств государственного казначейства —886,7 млн. рублей [1]).

Исполнение же всего бюджета за 1914 г. с присоединением расходов, вызванных войною, и выручки от реализованных займов, по отчетным сведениям государственного контроля, представляло следующую картину:

Доходов:

Обыкновенных	2 898,1	млн. руб.
Чрезвычайных, кроме займов	8,3	» »
От реализации займов	1 595,3	» »
	4 501,7	млн. руб.
Остаток от смет прежних лет	54,4	» »
	4 556,1	млн. руб.

Расходов:

Обыкновенных	2 927,1	млн. руб.
Чрезвычайных, кроме войны	276,4	» »
Вызванных войною	2 540,0	» »
	5 743,5	млн. руб.

Следовательно, по этому исчислению расходы в общем итоге превысили все поступления на 1 187,4 млн. руб.; за покрытием части этого дефицита, в сумме 514,2 млн. руб. свободной наличностью, все-таки осталось, по сведениям контрольного ведомства, непокрытых расходов 673,2 млн. рублей.

Не ограничиваясь этими выводами, государственный контроль при исчислении наличности государственного казначейства к началу 1915 г. показывает превышение расходов по счету кассовых оборотов, т.-е. сумм переходящих или таких, которые не должны бы относиться к сметным доходам и расходам. Превышение расходов над приходом по кассовым оборотам учитывается контролем в очень крупной сумме — 632,9 млн. руб., и таким образом весь дефицит в наличности к началу 1915 г. определяется в отчете контроля (673,2+632,9) в 1 306,1 млн. руб.

Однако, на этот раз указанные выводы отчета государственного контроля нельзя признать по существу правильными.

Не возражая против приходной части отчета, следует заметить, что в сумме 2 540 млн. руб. расходов войны значатся 884,6 млн. руб. [2]), которые к 1 января 1915 г. остались неизрасходованными и на основании утвержденного бывшим царем 13 января 1915 г. журнала Совета Министров должны быть исключены из назначений на 1914 г. и причис-

[1]) Из этой суммы 82 млн. руб. поступило от учета обязательств в Англии. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.)*

[2]) В предварительном проекте отчета государственного контроля за 1915 вся эта сумма показана перенесенной из назначений 1914 г. в счет кредитов 1915 г., в том числе 664 тыс. руб., подлежащие выдаче по кредиторским спискам за 1914 г. Эту сумму (664 тыс. руб.), пожалуй, правильнее было бы не переносить в расходы 1915 г. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

лены к ассигнованиям на следующий 1915 г. За исключением же этой суммы расходы, вызванные войной, за 1914 г. сокращаются до 1 655,4 млн. рублей.

Далее из превышения расхода над приходом по кассовым оборотам в 632,9 млн. руб. следует исключить 539,6 млн. руб., израсходованные из кассовой наличности на мобилизацию армии и флота и оставшиеся к 1 января 1915 г. непокрытыми из ассигнований за счет военного фонда. Отпуски денег из кассовой наличности на мобилизационные расходы допускаются действующими правилами по невозможности испрашивать обычным порядком кредиты на мобилизацию, совершающуюся с особою спешностью, но израсходованные на это суммы подлежат затем списанию в расход из военного фонда с восстановлением уменьшенного уже счета кассовой наличности, иначе одна и та же сумма была бы показана расходом два раза. Соблюдая этот порядок, государственному контролю следовало иметь в виду, при исчислении наличности к началу 1915 г., что непокрытые в 1914 г. мобилизационные расходы — 539,6 млн. руб. будут возвращены счету наличности, и не показывать их как бы безвозвратным расходом. И действительно, произведенные в 1914 г. мобилизационные расходы были в 1915 г. списаны в расход из военного фонда, в числе прочих расходов, вызванных войной, и зачислены на приход по кассовым оборотам для восстановления наличности.

За вычетом этих 539,6 млн. руб. из превышения в 632,9 млн. руб. расхода над приходом по кассовым оборотам 1914 г. остается еще 93,3 млн. руб., из которых 42,3 млн. руб. относятся к операции обмена одних ценностей на другие и для 1914 г. составляют действительное сокращение наличности; 3 млн. руб. выданы за представленные в кассы билеты государственного казначейства истекающих сроков и 49,3 млн. руб. выражают собою оставшийся к началу 1915 г. не выясненным результат поступлений и расходов по некоторым кассам местностей, занятых неприятелем. Главная причина, почему пришлось ограничиться включением в отчет за 1914 г. лишь общего сальдо по этим кассам, заключается в том, что во время составления государственным контролем отчета за 1914 г. в распоряжении контроля не было необходимой отчетности и оправдательных документов этих касс, эвакуированных при обстоятельствах, помешавших им вывезти книги и документы. С другой стороны, наличность увеличилась на 1,3 млн. руб., которые являются результатом различных оборотов переходящего свойства.

С указанными исправлениями, т.-е. с уменьшением расходов, вызванных войною, на 884,6 млн. руб. и по счету кассовых оборотов на 539,6 млн. руб., а всего на 1 424 млн. руб., оказывается, что вместо дефицита в наличности, вычисленного государственным контролем в 1 306,1 млн. руб., еще оставалось к 1 января 1915 г. в свободной наличности казны (1 424,2—1 306,1) 118,1 млн. руб.

1915 ГОД.

Отчет по исполнению смет и росписи доходов и расходов за 1914 г. был последним отчетом государственного контроля. Расстройство казначейств и казенных палат, а также контрольных учреждений, лишившихся массы служащих, призванных в армию, при сильно увеличившихся и осложнившихся за время войны оборотах, привели к запущенности счетоводства и к большому опозданию в составлении отчетности при участии малоопытных лиц, вместо изъятых из состава этих учреждений опытных служащих. К этому в текущем году, с начала революционного переворота, присоединилось неспокойное состояние служащих, занявшихся своими политическими интересами и правами и стремящихся к ограничению рабочего времени при заметном уменьшении работоспособности, понижение которой объясняется также утомлением тех служащих, которые слишком переобременены работою после ухода своих товарищей на фронт.

Правда, государственным контролем составлен в немногих экземплярах предварительный проект отчета за 1915 г., но в этом произведении много существенных недостатков, которые лишают его серьезного значения, да и государственный контроль не считает его отвечающим требованиям, которые предъявляются к отчетам этого ведомства.

По невозможности в дальнейшем изложении опираться на отчеты государственного контроля, сведения о поступлениях и расходах государственного казначейства за 1915—1917 гг. заимствованы и из отчетности, получаемой министерством финансов от подведомственных ему касс, — тоже неполной и несовершенной, не проверенной в контрольном порядке. Поэтому все приведенные дальше цифровые данные следует считать лишь приблизительными, подлежащими проверке и изменению. Но при исключительно крупных оборотах военного времени возможные поправки не могут значительно поколебать общих выводов, за исключением, быть может, 1917 г., до конца которого остается более пяти месяцев; за это время так много может произойти неожиданного, что предопределить вперед балансовое состояние счетов государственного казначейства к концу этого года можно только в виде гадательных предположений.

По сведениям министерства финансов, обыкновенных доходов казны поступило в 1915 г. 2 827,7 млн. руб. [1]) на 70,4 млн. руб. меньше, чем в 1914 г. (2 898,1 млн. рублей).

В отдельности по видам доходов произошли, однако, довольно значительные изменения, как можно усмотреть из следующей таблицы:

---

[1]) Государственный контроль считает несколько больше —2 830 млн. руб. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

	1915 г.	1914 г.	Разница против 1914 г.
	в млн. руб.		
Сборы с пассажиров и грузов	224,8	31,4	+ 193,4
Казенные жел. дор.	783,2	733,3	+ 49,9
Сахарный доход	186,1	139,5	+ 46,6
Промысловый налог	212,0	166,3	+ 45,7
Прямые налоги и подати	104,8	77,2	+ 27,6
Табачный доход	114,2	92,8	+ 21,4
Пошлины гербовые, судебные и др.	125,6	105,2	+ 20,4
Таможенный доход	283,4	303,9	— 20,5
Казенная винная операция	30,7	503,9	— 473,2
Все остальные доходы	762,9	744,6	+ 18,3
	2 827,7	2 898,1	— 70,4

По указанной уже выше причине, т.-е. за полным прекращением продажи казенного вина, доход от винной монополии уменьшился на 473,2 млн. руб., сойдя лишь на 30,7 млн. руб., тогда как два года назад, в 1913 г., он принес казне 899,3 млн. руб. Кроме того уменьшился на 20,5 млн. руб. таможенный доход. Целый ряд других доходов, преимущественно таких, ставки которых были увеличены в 1914 г., дал повышение, но это повышение, составившее в общем 423,8 млн. руб., не могло возместить сокращение поступлений от казенной винной операции даже за один только 1915 г. (473,2 млн. руб.), не говоря уже о последовавшем уменьшении их за два года: 1914 и 1915 (899,3—30,7—868,6 млн. руб.). Поэтому, несмотря на прирост доходов в 1915 г. от увеличения обложения, общий итог обыкновенных поступлений за этот год (2 827,7 млн. руб.) далеко не достиг итога поступлений в 1913 г. (3 417,3 млн. руб.), да и не мог сравняться с ними уже по той только причине, что некоторые западные губернии были заняты неприятелем.

Чрезвычайных поступлений, кроме займов, составилось 50,6 млн. руб., в том числе 48,9 млн. руб. от выпуска разменных марок.

Предположительная [1]) сумма остатков от заключенных сумм прежних лет определилась в 36,2 млн. рублей.

Заметно уменьшились, в исполнении, обыкновенные расходы, итог которых исчисляется министерством финансов, по собственным сведениям, требующим, как сказано выше, поверки и исправления, в 2 642,7 млн. руб., по сравнению с расходами 1914 года (2 927,1 млн. руб.) менее на 284,4 млн. руб.

Из следующей таблицы видно, в чем тут дело: [2])

Сократились расходы казенной винной операции за прекращением приготовления вина и расходы военных ведомств и пограничной стражи по объясненной выше причине, т.-е. за перечислением из обыкновенных в чрезвычайные по военному фонду расходов на содержание войск

[1]) По предварительному проекту отчета государственного контроля за 1915 год. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

[2]) См. таблицу на стр. 17. *(Прим. ред.)*

	1915 г.	1914 г.	Разница против 1914 г.
	в млн. руб.		
Обыкновенные расходы:			
Военное и морское ведомства	317,8	641,5	— 323,7
Пограничная стража	1,1	2,8	— 1,7
Казенная винная операция	77,4	208,4	— 131,0
Платежи по займам	516,6	365,8	+ 150,8
Все остальные расходы	1 729,8	1 708,6	+ 21,2
	2 642,7	2 927,1	— 284,4

и некоторых военных управлений и учреждений. В 1914 г. таких расходов перечислено 185,1 млн. руб., а в 1915 г. — 510,5 млн. руб., отчего обыкновенные расходы этих ведомств сократились в 1915 г. на 325,4 млн. рублей.

Платежи по займам увеличились на 150,8 млн. руб. в виду увеличения выпуска займов.

Чрезвычайных расходов, кроме войны, исполнено 193,9 млн. руб.

На удовлетворение расходов, вызванных войной, потребовалось 8 818,4 млн. руб.

Покрывались они в наибольшей своей части выручкою от реализации займов:

внутренних	2 878,6	млн. руб.
внешних	2 088,0	» »
и учетом краткосрочных обязательств	3 176,0	» »
	8 142,6	млн. руб.

Свод приведенных выше цифровых данных за 1915 г. приводит к следующим результатам исполнения бюджета за этот год:

Доходы:		
Обыкновенные	2 827,7	млн. руб.
Чрезвычайные, кроме займов	50,6	» »
От реализации займов	8 142,6	» »
	11 020,9	млн. руб.
Остатков от заключенных смет прежних лет	36,2	» »
	11 057,1	млн. руб.
Расходы:		
Обыкновенные	2 642,7	млн. руб.
Чрезвычайные, кроме войны	193,9	» »
Вызванные войною	8 818,4	» »
	11 655,0	млн. руб.
К этой сумме следует прибавить расходы (уплату процентов) при переучете краткосрочн. обязательств государств. казначейства сроков 1915 г.	48,1	» »
	11 703,1	млн. руб.

Относительно процентов по переучету краткосрочных обязательств государственного казначейства следует заметить, что операция эта совершается следующим образом: по наступлении срока обязательств государственный банк списывает с текущего счета департамента государственного казначейства нарицательную стоимость их для полного их погашения и вместе с тем ставит на текущий счет департамента как выручку от выпуска обязательств на новый срок за учетом процентов вперед. По соглашению министерства финансов с государственным контролем, эта операция проходит по отделу чрезвычайных доходов и расходов, и учет процентов по обязательствам выражается в виде разности между приходом и расходом (расход больше прихода). В сущности же учет процентов по обязательствам составляет не что иное, как уплату процентов по государственным займам, и расход этот правильнее было бы относить на смету по системе государственного кредита, по отделу обыкновенных расходов. К этому вопросу мы еще возвратимся.

В общем выводе, расходы, со включением учета процентов по краткосрочным обязательствам, превысили поступления в 1915 г., по предварительным данным министерства финансов, на 646 млн. руб., а за обращением на покрытие этой разницы 118,1 млн. руб. остатка свободной наличности к началу 1915 года образовался к началу 1916 года дефицит в наличности на сумму 527,9 млн. руб., не считая возможных изменений по счету кассовых оборотов, еще не выясненных за непоступлением, главным образом, отчетности об оборотах сумм государственного казначейства за границей.

1916 ГОД.

Из предыдущих объяснений нетрудно притти к заключению, что если ни министерство финансов, ни государственный контроль еще не обладают, в середине 1917 г., окончательными отчетными данными о расходах и доходах за 1915 г., то в еще более сыром, неполном виде имеются у них сведения об оборотах сумм государственного казначейства в 1916 г. Нижеследующие данные, как и за 1915 г., извлечены из отчетности касс, подведомственных министерству финансов.

Обращает на себя внимание исключительный рост обыкновенных доходов в 1916 г.; поступление их увеличилось по сравнению с 1915 г. на 1 146,8 млн. руб., или на 40%, — явление, не имевшее примеров даже в мирное время. Увеличение шло, за ничтожными исключениями, почти по всей линии доходов, но более существенные прибавки дали следующие, отдельно поименованные, поступления [1]).

Стоит повнимательнее рассмотреть эту табличку, чтобы убедиться, что, как это ни странно на первый взгляд, но ростом наиболее существенных доходов казна обязана затянувшейся войне. В самом деле

[1]) См. таблицу на стр. 19. *(Прим. ред.)*.

	1916 г.	1915 г.	Разница против 1915 г.
	в млн. руб.		
Промысловый налог	443,7	212,0	+ 231,7
Казенные железные дороги	964,7	783,2	+ 181,5
Таможенный доход	459,4	283,4	+ 176,0
Сбор с пассажиров и грузов	346,6	224,8	+ 121,8
Прибыли госбанка	121,4	30,1	+ 91,3
Табачный доход	169,4	114,2	+ 55,4
Пошлины гербовые, судебные и др.	162,0	125,6	+ 36,4
С переходящих имуществ	63,7	32,0	+ 31,7
Почтовый доход	108,6	86,9	+ 21,7
Нефтяной	80,4	61,2	+ 19,2
Телеграфный и телефонный доходы	78,5	62,0	+ 16,5
Сахарный доход	202,4	186,1	+ 16,3
Налоги прямые и подати	115,9	104,8	+ 11,1
Все остальные доходы	657,6	521,4	+ 136,2
	3 974,5	2 827,7	1 146,8

множество промышленных предприятий работает теперь для потребности наших армий, и при щедрости ведомств, предоставляющих им заказы, частные предприятия получили высокие прибыли. Доходы железных дорог поднялись тоже, главным образом, за счет казенных перевозок людей и грузов, преобладающих над частными перевозками. Одинаково это относится и к сбору с пассажиров и грузов. Небывалая в мирное время высота и стремительность роста таможенного дохода объясняется громадным привозом из союзных и нейтральных стран изделий и сырья, необходимых для снабжения наших армий или заводов и фабрик, работающих на армию. Прибыли государственного банка никогда в мирное время не были так высоки, как во время настоящей войны, но если вспомнить, что в состав прибылей банка входят и проценты по переучету им до наступления сроков краткосрочных обязательств, оставшихся в портфеле банка, то очень понятно, что прирост этих прибылей, особенно поражающий своею величиною в последующие годы, когда прибыли банка достигают сотен миллионов рублей, является прямым последствием выпуска казною краткосрочных обязательств для покрытия военных расходов. На долю поименованных доходов приходится большая часть общего повышения поступлений — 802 млн. руб. из числа 1 146,8 млн. руб., или 70%. Несомненно, что повышающее влияние войны на поступления можно было бы найти и в отношении многих других доходов казны.

Указанное обстоятельство не может не обратить на себя внимания и не вызывать некоторых опасений за будущее наших доходов, когда война окончится, а вместе с тем прекратится и ее влияние на заработок промышленных предприятий, на привоз товаров из-за границы, на интенсивность железнодорожных сообщений и т. д.

Кроме того, исключительно высоким приростом государственных доходов в военное время нельзя восторгаться уже потому, что прирост

этот оплачивается, в большей части, самой казною за счет чрезвычайных ассигнований на удовлетворение потребностей, созданных войною.

Возвращаясь к исполнению бюджета за 1916 г., необходимо отметить также значительное поступление чрезвычайных доходов, не принадлежащих к выручке по займам. Чрезвычайных доходов поступило в 1916 г. 175 млн. руб., в том числе 115 млн. руб. от выпуска разменных марок, 58 млн. руб. от перечисления в казну части слишком уточнившихся за время войны экономических войсковых капиталов, некоторых специальных капиталов и других.

Учесть вероятные остатки от заключенных смет прежних лет министерство финансов не может; предполагается не менее 30 млн. руб.

Увеличение обыкновенных расходов, насколько установление цифры их доступно министерству финансов, было довольно скромным по сравнению с ростом доходов, — всего лишь на 279,1 млн. руб. (2 291,8 млн. руб. против 2 642,7 млн. руб., израсходованных в 1915 г.).

Увеличились расходы многих ведомств, но главное повышение их падает на платежи по займам — 173,4 млн. руб. К удивлению, данные министерства финансов показывают уменьшение на 26 млн. руб. обыкновенных расходов по эксплоатации казенных железных дорог при повышении дохода от них, как сказано выше, на 181,5 млн. руб. Однако это обстоятельство нельзя приписать блестящему состоянию казенного железнодорожного хозяйства. Суть в том, что за время войны утратилось строгое различие обыкновенных расходов от чрезвычайных, и очень многие сверхсметные назначения на потребности обыкновенные относились и относятся на чрезвычайный военный фонд, как расходы, вызываемые военным временем. Так происходит и с сверхсметными кредитами на эксплоатацию казенных железных дорог: отпускаются они то как обыкновенные, то как чрезвычайные из военного фонда; напр., на покрытие перерасходов по эксплоатации казенных линий отпущено за счет военного фонда в 1915 году 55 млн. руб., а в 1916 г. — 193 млн. руб., более на 138 млн. руб. Если эти ассигнования присоединить к обыкновенным ассигнованиям на эксплоатацию железных дорог, то указанное уменьшение расходов на этот предмет на 26 млн. руб. превратится в увеличение их (138—26) на 112 млн. руб.

Не останавливаясь на чрезвычайных расходах за 1916 г., кроме вызванных войною, так как большого интереса по сумме (230 млн. руб.) они не представляют, следует указать на дальнейшее и притом большое возрастание расходов военных — 14 572,8 млн. руб., против 8 818,4 млн. руб., израсходованных в 1915 году.

Совершенные на 1916 г. для покрытия этих расходов кредитные операции принесли государственному казначейству:

Внутренние займы	4 173,9 млн. руб.
Внешние »	3 664,8 » »
Учет краткосрочн. обязательств . . .	5 610,6 » »
	13 449,3 млн. руб.

В общем же, балансовое выполнение бюджета за 1916 г. вместе с военными расходами представляется в следующем виде:

Доходы:	
Обыкновенные	3 974,5 млн. руб.
Чрезвычайные, кроме займов	175,0 » »
От выпуска займов	13 449,3 » »
	17 598,9 млн. руб.
Остаток от законченных смет прежних лет	30,0 » »
	17 628,8 млн. руб.
Расходы:	
Обыкновенные	2 921,8 млн. руб.
Чрезвычайные, кроме войны	230,0 » »
Вызванные войною	14 572,8 » »
	17 724,6 млн. руб.
к которым надо прибавить проценты от переучета краткосрочных обязательств	376,0 » »
	18 100,6 млн. руб.

Следовательно в исполнении бюджета за 1916 г. образовался дефицит в наличности в 471,8 млн. руб., не считая изменений по кассовым оборотам, а вместе с дефицитом за 1915 г. в 527,9 млн. руб. осталось к 1 января 1917 г. непокрытых соответствующими источниками чрезвычайных военных расходов на 999,7 млн. рублей.

В приведенном сводном подсчете обращает на себя внимание превышение обыкновенных доходов (3 974,5 млн. руб.) над обыкновенными расходами (2 921,8 млн. руб.) на 1 052,7 млн. руб. Эта разница отнюдь не открывает каких-либо благоприятных перспектив на будущее время. Помимо приведенных выше объяснений о приросте доходов в зависимости от военного времени, при оценке разницы в 1 052,7 млн. руб., надо иметь в виду, что сумма обыкновенных расходов в исполнении их уменьшена на 504,2 млн. руб. расходов на содержание войск, флота и пограничной стражи, перенесенных в отдел чрезвычайных расходов по военному фонду, и что проценты по переучету краткосрочных обязательств относятся в отдел чрезвычайных расходов, вместо обыкновенных, едва ли правильно. Большая часть их списывается по обязательствам, не выпущенным в народное обращение, а оставшимся в государственном банке, который зачисляет их в свои прибыли, перечисляемые в следующем году в обыкновенные доходы казны. Таким образом эта доходная статья казны является для нее оборотной, но проходит расходом чрезвычайным, а доходом обыкновенным, что в результате ведет к преувеличению обыкновенных доходов за счет чрезвычайных расходов. Наконец, в числе чрезвычайных ассигнований по военному фонду, как увидим дальше, находится много таких назначений, которые с наступлением мирного времени должны будут перейти в отдел обыкновенных расходов.

1917 ГОД.

В высшей степени трудно сделать сколько-нибудь определенные, хотя бы относительно близкие к действительности выводы о доходах и расходах государства за текущий 1917 г. Министерство финансов имеет только в общих итогах предварительные отчетные сведения о поступлении доходов за первые пять месяцев этого года, да некоторые сведения о выполнении чрезвычайных военных расходов. Этим исчерпывается отчетный материал.

За самое последнее время, согласно постановления Временного Правительства, доставляются в министерство финансов от всех ведомств подсчеты доходов, какие могут поступить в текущем году по соображению ведомств, и подсчет всех расходов, какие потребуются ведомствами до конца года. Эти подсчеты еще не от всех ведомств получены, но как сметный материал они могут быть использованы. По мере получения сведений ведомств первоначальные исчисления министерства финансов по расходам все больше и больше приходится увеличивать, в доходах же, наоборот, по некоторым статьям предвидится сокращение против сметных ожиданий.

За первые пять месяцев 1917 г. поступило обыкновенных доходов 1 655 млн. руб., более чем за тот [же] период времени 1916 г. (1 396,5 млн. руб.) на 258,5 млн. руб., большая часть которых приходится на увеличение поступлений промысловых налогов.

В остальные семь месяцев 1916 г. поступило обыкновенных доходов 2 577,9 млн. руб. Если бы та же сумма поступила в июле — декабре в 1917 г., то итог доходов за этот год определился бы в 4 232,9 млн. руб. К этой сумме надо прибавить 500 млн. руб. подоходного налога, 80 млн. руб. единовременного сбора, до 105 млн. руб. увеличения прибылей государственного банка, около 500 млн. руб. увеличения эксплоатационных доходов казенных железных дорог от повышения перевозочных тарифов, 120 млн. руб. табачного дохода, около 90 млн. руб. почтового и телеграфного доходов и некоторых других. С другой стороны, по некоторым доходам ожидается, по обстоятельствам времени, сокращение поступлений, определяемое приблизительно в 200—250 млн. руб. Принимая во внимание все эти изменения, можно, повидимому, было бы ожидать поступление обыкновенных доходов в 1917 г. приблизительно в сумме 5 400 млн. руб., более против 1916 г. (3 974,5 млн. руб.) на 1 426 млн. рублей.

Такое поступление было бы возможно при условии, если границы России не будут нарушены новым нашествием неприятеля. В случае же занятия неприятелем части территории России, особенно в богатой юго-западной полосе, все эти расчеты утратят свое значение. Затем в 1917 г. предвидится перечисление в казну до 260 млн. руб. капиталов кабинета бывш. императора и удельных и до 20 млн. руб. из экономических войсковых капиталов. Эти суммы вместе с некоторыми другими,

всего в общей сложности 286 млн. руб., будут записаны в чрезвычайные доходы казны.

Остатков от заключенных смет прежних лет можно предвидеть, как и в 1916 г., до 30 млн. рублей.

Затруднения при исчислении расходов заключаются в крайней трудности распределения их между отделами обыкновенных и чрезвычайных назначений, в виду того, что, как уже упоминалось выше, многие по существу обыкновенные расходы относятся на военный фонд, как расходы, вызванные войною. Впрочем, для общего вывода строгое распределение ассигнований между обыкновенными и чрезвычайными отделами росписи и не имеет значения.

По не полным пока сведениям, гражданскими ведомствами заявлено расходов за весь 1917 г. обыкновенных и чрезвычайных всего на 11 100 млн. руб. С присоединением к этой сумме расходов военного и морского ведомств до конца года около 17 000—17 500 млн. руб. и процентов при переучете краткосрочных обязательств сроком 1917 г., выпущенных в России и за границей, до 800 млн. руб., составляется всего в общем итоге за округлением до 29,2 миллиардов рублей, из которых к обыкновенным, по приблизительному подсчету, может быть отнесено 4 500 млн. руб., к чрезвычайным, не принадлежащим к войне — 300 млн. руб. и к вызванным войною — 24 400 млн. руб.

На покрытие означенных расходов предвидятся доходы обыкновенные 5 400 млн. руб., чрезвычайные 286 млн. руб., поступления от выпуска займов за первое полугодие 1917 г.: внутренних 3 179,4 млн. руб., внешних 1 720 млн. руб., краткосрочных обязательств 4 671 млн. руб. — итого 9 571,2 млн. руб. и, наконец, до 30 млн. руб. остатков от заключенных смет прежних лет. Всех же ресурсов составляется 15 287 млн. рублей.

Следовательно, надо изыскать для полного покрытия всех расходов до конца 1917 г. ресурсов около пятнадцати миллиардов рублей.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

В приведенных выше исчислениях были рассмотрены доходы и расходы государственного казначейства по годам. Нижеследующие сводки представленных цифровых данных дадут возможность лучше ориентироваться в общей массе выполненных и подлежащих выполнению расходов за четыре года — 1914—1917 гг. и в источниках для их удовлетворения. В этих сводках расходы, вызванные войною, и поступления по займам отделены от всех прочих расходов и доходов государственного казначейства.

а) Доходы и расходы обыкновенные и чрезвычайные без займов и расходов, вызванных войною, за 1914—1917 года.

В следующей таблице приведены все общие итоги обыкновенных и чрезвычайных (в обычном смысле) доходов и расходов казны за четыре года.

Годы	Доходы				Расходы			Разность (превышение доходов +, расходов —)
	Обыкновенные	Чрезвычайные	Остатки от заключен. смет	Итого	Обыкновенные	Чрезвычайные	Итого	
	В миллионах рублей							
1914	2 898,1	8,3	54,4	2 960,8	2 927,1	276,4	3 203,5	— 242,7
1915	2 827,7	50,6	36,2	2 914,5	2 642,7	193,9	2 836,6	+ 77,9
1916	3 974,5	175,0	30,0	4 179.5	2 921,8	230,0	3 151,8	+ 1 027,7
1917	5 400,0	286,0	30,0	5 716,0	4 500,0	300,0	4 800,0	+ 916,0
								+ 1 778,9

За четыре года поступлениями в приведенном в таблице составе не только сполна покрыты показанные в таблице обыкновенные и чрезвычайные расходы, но в доходах оказался избыток на сумму 1 778,9 млн. руб. Этот избыток поступлений несомненно перешел бы в дефицит, если бы расходы по содержанию войск и некоторых военных управлений по мирному составу их не относились на военный фонд, а уплата процентов по краткосрочным обязательствам проводилась в обыкновенных расходах.

Если, оставляя распределение расходов между обыкновенными и чрезвычайными отделами росписи без изменений, к сумме 1 778,9 млн. руб. прибавить свободную наличность к началу 1914 г. — 514,2 млн. руб. и, с другой стороны, исключить превышение расхода над приходом по кассовым оборотам за 1914 г. — 93,3 млн. руб., то в результате получается 2 199,8 млн. руб. таких остатков поступлений, которые могли быть обращены на покрытие расходов, вызванных войною.

б) Расходы, вызванные войною, и средства для покрытия их.

Расходы войны не ограничиваются только содержанием армии и флота, заготовлением боевых припасов, оружия и т. п. предметов по военному и морскому министерствам. Много расходов, относящихся к войне, производится и по гражданским ведомствам.

Главную часть расходов гражданских ведомств занимают пайки солдатским семьям. За четыре года на эту потребность израсходовано и до конца 1917 г. должно быть израсходовано около 5 млрд. рублей, а именно в 1914 г. — 190,6 млн. руб., в 1915 г. — 623,7 млн. руб., в 1916 г. — 1 106,8 млн. руб., и в 1917 г. этот расход, по предположению, достигает 3 млрд. рублей.

Расход на помощь беженцам за 1914—1917 гг. исчисляется в сумме 736 млн. рублей.

Очень крупные расходы на потребности, связанные с войною, производятся по министерству путей сообщения. Кроме назначений на приобретение подвижного состава, на усиление и улучшение железных дорог, на увеличение их оборотных капиталов, из военного фонда отпускаются ассигнования на постройку железнодорожных линий, на эксплоатационные расходы казенных железных дорог, на разного рода выдачи служащим по требованиям, предъявленным в революционный период времени, и т. д. В одном только 1917 г. такого рода назначений предвидится от 2 до $2^1/_2$ млрд. рублей.

Далее идут расходы на потребности водных и шоссейных путей сообщения, на улучшение коммерческих портов, на продовольственную и семенную помощь населению, на нужды почтово-телеграфного ведомства, на заготовку топлива для населения, на выдачу ссуд разным техническим предприятиям, работающим на армию, и многое другое.

В следующей таблице приведены ассигнования на расходы, связанные с войною, с разделением их по главнейшим ведомствам:

	Военное мин-во	Морское мин-во	Мин-во вн. дел	Мин-во пут. сооб.	Остальные ведомства	Итого ассигновано
	В миллионах рублей					
1914 г. (июль — декабрь)	2 208,3	83,3	200,5	36,7	17,2	2 546,0
1915 г.	7 486,7	406,0	832,9	388,0	261,3	9 374,9
1916 »	11 395,5	804,6	1 526,3	1 050,3	489,7	15 267,0
1917 г.						
Январь	1 364,1	101,5	97,9	90,8	47,4	1 701,7
Февраль	1 223,4	81,5	41,2	169,5	56,7	1 572,3
Март	1 512,7	41,5	473,7	53,0	61,3	2 142,2
Апрель	1 328,0	121,5	84,1	107,8	42,0	1 683,4
Май	976,0	102,9	33,1	155,9	44,1	1 312,0
Июнь	1 261,9	115,0	679,0	92,4	93,4	2 241,7
За полгода	7 666,1	563,9	1 409,0	669,4	344,9	10 653,3
С начала войны	28 756,6	1 857,8	3 969,3	2 144,4	1 113,1	37 841,2

Эта таблица показывает, что с начала войны до 1 июля 1917 г. было открыто кредитов на расходы, вызванные войною:

	Млн. руб.	%
Военному министерству	28 756,6	76,0
Морскому »	1 857,8	4,9
Министерству внутренних дел	3 969,3	10,5
» путей сообщения	2 144,4	5,7
Другим ведомствам	1 113,1	2,9
	37 841,2	100,0

Назначения по обоим военным ведомствам составили 30 614,4 млн. руб., или 80,9%, и по всем гражданским ведомствам вместе — 7 226,8 млн. рублей, или 19,1%.

Действительный расход несколько меньше и к началу июля 1917 г. составил приблизительно 35 млрд. рублей, но из этого не следует, что разница с ассигнованием может быть сочтена за сбережение; не израсходованные по 1 июля кредиты, без сомнения, потребуются в разное время после 1 июля.

Большой интерес вызывает к себе усиление темпа военных расходов с начала войны. Суточный расход определяется (по ассигнованиям):

	Военное мин-во	Морское мин-во	Мин-во внутренн. дел	Мин-во путей сообщен.	Остальные ведомства	Итого
	В миллионах рублей					
В 1915 г.	20,5	1,1	2,3	1,0	0,7	25,7
» 1916 »	31,1	2,2	4,2	2,9	1,3	41,7
» 1917 » . . . . . (первое полугодие)	42,3	3,1	7,8	3,7	1,9	58,9
Увеличение:						
в 1916 г.	10,6	1,1	1,9	1,9	0,6	16,0
за полгода 1917 г. . . .	11,2	0,9	3,6	0,8	0,6	17,2

Из этих цифр видно, что особенно увеличились расходы в 1917 г. отчасти в связи с происшедшей революцией и с предъявлением исключительных требований демократическими массами. За полгода 1917 г. они повысились больше, чем за весь 1916 г., и относительно всего более по министерству внутренних дел, по которому отпускаются пайки семьям солдат.

Для установления размера военных расходов до конца 1917 г. следует к сумме действительных расходов за 1914—1916 гг. (1 655,4+8 818,4+14 472,8) 25 046,6 млн. руб. прибавить: 23 600 млн. руб. — вероятный расход в 1917 г. и 1 224,1 млн. руб. (48,1+376+800) процентов по переучету краткосрочных обязательств в 1915—1917 гг. Сложность этих цифр дает общий итог военных расходов до конца 1917 г. в 49 870,7 млн. рублей.

Для покрытия военных расходов поступили по 1 июля 1917 г. следующие средства:

Свободная наличность к началу 1914 г. и остатки от исполнения бюджетов обыкновенных и чрезвычайных, кроме военного, за 1914—1917 гг.	—	2 199,8 млн. р.
От выпуска:		
займов внутренних	10 940,5 млн. р.	
» внешних	7 555,0 » »	
краткосрочных обязательств в России	14 262,9 » »	32 758,4 » »
		34 958,2 млн. р.

По исключении этой суммы из вычисленного итога расходов в 49 870,7 млн. руб. находим, что для покрытия расходов войны до конца 1917 г.

необходимо изыскать в текущем году средства на сумму 15 млрд. рублей.

Таков заключительный вывод, который получается путем подсчета доходов и расходов государственного казначейства за время войны по сведениям министерства финансов. Эти сведения приблизительны, но какую ни пришлось бы сделать впоследствии поправку в них на основании точных отчетных данных — пусть даже будет отклонение в 1—2 млрд. (хотя отклонение может быть и в сторону увеличения расходов, не только уменьшения), общая картина финансового положения, к которому приведено государство войною, безумною расточительностью, не считаясь со средствами и крайне слабым управлением финансами, не изменится.

Какие же, спрашивается, шансы имеются у государства для того, чтобы найти недостающие ему в 1917 г. 15 млрд., за которыми последует еще неизвестное пока количество миллиардов в 1918 г.?

Вместо ответа на этот вопрос обратимся к анализу тех 32,7 млрд. рублей, которые числятся, как выручка от кредитных операций, совершенных до 1 июля 1917 г. для приобретения средств на покрытие военных расходов. Представленные дальше сведения дадут достаточно материала для размышления над поставленным вопросом о 15 млрд.

Из предыдущих объяснений уже известно, что от реализации внутренних займов (5% 1914 г., 5% и двух $5^1/_2$% 1915 г., двух $5^1/_2$% 1916 г., займа свободы и билетов государственного казначейства) поступило 10 940,5 млн. рублей.

За границею (в Англии, Франции, Италии, Японии и Северо-Американских Штатах) учитывались краткосрочные обязательства государственного казначейства. Эта операция принесла по сведениям, требующим проверки, 7 555 млн. руб. Если наши союзники, по наступлении срока обязательств, не согласятся на переучет их, то перед русским правительством встанет тот же вопрос о средствах для оплаты этих обязательств на нарицательный капитал 7 914 млн. руб. [1]), который возникает относительно 15 млрд. рублей. Союзники же естественно рассматривают Россию не только с экономической стороны, но и со стороны ее политической и военной благонадежности.

Наконец, от учета краткосрочных обязательств государственного казначейства в России на нарицательный капитал 14 668,7 млн. руб. зачислено на текущий счет казначейства в государственном банке по 1 июля 1917 г. 14 262,9 млн. руб. Дало ли, однако, население страны полностью всю эту сумму государству для борьбы с врагом? Ничуть не бывало; в народное обращение ушло обязательств едва на 4 276 млн. руб. нарицательных, а на 10 392 млн. руб. осталось в государственном банке.

---

[1]) Разницу (7 914—7 555) в 359 млн. руб. составляют проценты, учтенные при выпуске обязательств. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

Следовательно, путем реализации внутренних займов и размещения краткосрочных обязательств среди населения выручено за три года войны по 1 июля 1917 г. не более 15 млрд. рублей, т.-е. такая сумма, какую в текущем году необходимо изыскать на шесть месяцев. Между тем, за первое полугодие не размещено полных 3 млрд. займа свободы, несмотря на декоративные процессии, поездки делегатов и т. п. приемы пропаганды займа.

Оставив краткосрочных обязательств на 10 392 млн. руб. за собою, государственный банк вынужден был для подкрепления государственного казначейства обратиться к выпуску кредитных билетов. С начала войны по 1 июля 1917 года [1]) было выпущено кредитных билетов на сумму 11 515 млн. руб., причем за исключением 1914 г., в котором выпуск кредитных билетов был значительно больше суммы оставшихся за банком краткосрочных обязательств, в остальные годы — 1915, 1916 и 1917 гг. получается весьма близкое соотношение выпуска кредитных билетов с увеличением наличности краткосрочных обязательств в государственном банке.

	Выпущено и осталось за госбанком краткосрочн. обязательств	Выпущено кредитных билетов
	В миллионах рублей	
В 1914 г.	656,7	1 425
» 1915 »	2 574,9	2 612
» 1916 »	3 634,5	3 488
» 1917 »	3 526,3	4 030

Эмиссионная деятельность государственного банка все время усиливается; в среднем ежемесячные выпуски кредитных билетов составляли:

В 1914 г.	237 млн. р.
» 1915 »	218 » »
» 1916 »	291 » »
» 1917 »	671 » »

Особенно усилились выпуски кредитных билетов в 1917 г. в связи с революционным временем и с проявившимся стремлением демократических масс, пользуясь своей сплоченностью и силой, требовать улучшения своего материального положения за счет казны, владельцев частных предприятий и пр. Поэтому выпуски кредитных билетов оседают, главным образом, среди крестьянского, рабочего и солдатского населения. Заметную в этом отношении роль играет выдача пайков семьям солдат, на что указывают следующие данные:

---

[1]) В июле 1917 г. выручка превысила три миллиарда руб. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

	Расходы, вызванные войною, кроме назначения по мин-ву внутр. дел	Расходы мин-ва внутр. дел (главным образом пайки, выдающиеся по четвертям года)	Выпуск кредитных билетов (за исключением билетов, находящихся в кассе госбанка)
	В миллионах рублей		
1917 г.			
Январь	1 502	98	343
Февраль	1 348	41	510
Март	1 482	474	1 031
Апрель	1 469	84	476
Май	1 279	33	729
Июнь	1 563	679	869

В марте и июне, когда происходит выдача пайков, значительно усилился и выпуск в обращение кредитных билетов. А так как в 1917 г. предвидится выдача пайков на $2^1/_2$—3 млрд. рублей, то можно себе представить, какое огромное количество денежных знаков одним этим каналом проникает в сельское и городское солдатское население. Если к этому прибавить очень крупные выдачи рабочим по сильно повышенным в 1917 г. нормам платы, увеличение жалованья солдатам и т. д., то с несомненностью можно установить, что в народных слоях осаживаются миллиарды денежных знаков. Извлекаются же они из этой среды обратно в кассы не легко и не вполне. При обилии денег в народе подписка на военные займы могла бы итти успешнее, но для этого нужны, с одной стороны, лучшая организация по сбыту облигаций займа, при участии местных общественных органов, в селах и деревнях, а с другой стороны, доверие к прочности положения страны и к ее финансовому состоянию.

Одним из ближайших последствий войны является увеличение задолженности государства. С причислением к государственным долгам также и краткосрочных обязательств, замена которых долгосрочными займами лишь вопрос времени, состояние государственного долга представляется в следующем виде:

К 1 января	1914 г.	8 824,5	млн. руб.
» 1 »	1915 »	10 488,5	» »
» 1 »	1916 »	18 876,5	» »
» 1 »	1917 »	33 580,8	» »
» 1 июля	1917 »	43 906,0	» »
» 1 января	1918 »	60 000,0 [1])	» »

Одних процентов на эту последнюю сумму придется уплачивать ежегодно до 3 200 млн. рублей.

Сильнейшим образом война отразилась также на внешней торговле России, баланс которой принял крайне неблаго-

[1]) Сумма условная; находится в зависимости от выпуска займов во второй половине 1917 г. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

приятное для нас положение, о чем можно судить из следующей таблицы:

	Вывоз	Привоз	Превышение вывоза над привозом	Превышение привоза над вывозом
	Ценность в млн. руб.			
Средние за 1909—1913 гг.	1 501	1 139	362	
1913 г.	1 520	1 379	141	
1914 »	956	1 098	—	142
1915 »	402	1 153	—	751
1916 »	579	2 707	—	2 128
			За 3 года	3 021

Ввиду неимоверно возрастающего привоза при сократившемся вывозе, баланс внешней торговли принял прямо катастрофический для России характер: с 142 млн. руб. пассива 1914 г. он через два года, в 1916 году, стал пассивным уже на 2 128 млн. руб., а всего за три года Россия должна переплатить иностранцам 3 021 млн. руб. и уплатить золотом.

Это положение продолжается и даже прогрессирует и в 1917 г. По крайней мере за первые три месяца этого года (без Владивостока и Николаевска за март) баланс внешней торговли был пассивным для России на 400 млн. руб., против 262 млн. руб. за те же месяцы 1916 г.

К сожалению, несмотря на всевозможные совещания и комитеты, положение внешней торговли России не привлекает к себе достаточно серьезного внимания; заказы за границей совершаются ведомствами слишком свободно и, может быть, слишком охотно, без строгого соображения с последствиями для России усиленных платежей за иностранные товары. Забывается при этом, что пассивность баланса должна обесценивать наш рубль на международных рынках. Поднять же свой вывоз для улучшения баланса внешней торговли Россия не может. Напротив, надо ожидать очень слабого вывоза в первые годы после войны. Нетрудно убедиться в этом из следующего перечня товаров, вывезенных в 1913 г. при нормальных условиях:

	Ценность в млн. руб.
Хлеб, мука, крупа, стручковые растения, отруби .	594,5
Яйца	164,9
Лен	86,8
Масло коровье	71,6
Нефть и ее продукты	50,1
Бумажные ткани	43,9
Выжимки	38,7
Кожи невыделанные	36,1
Живые животные	34,4
Сахар	27,7
Пенька	20,4
	1 259,1

При общей ценности вывоза в 1913 г. 1 520,1 млн. рублей поименованные товары составили 83%. Спрашивается, много ли этих товаров будет вывозиться в ближайшие годы при расстройстве нашего сельского хозяйства? Много ли повезем мы хлеба, яиц, масла коровьего, сахара, производство которых сократилось? Или живых животных, усиленно истребляемых во время войны? Или при недостатке топлива или даже леса, нещадно истребляемого на дрова?

В заключение не излишне еще раз остановиться на цифре 15 млрд. рублей, как на предстоящем до конца 1917 г. расходе, для покрытия которого государственное казначейство еще не имеет средств. Не без основания можно опасаться, что с окончанием года, когда выяснится размер фактических расходов, на покрытие их потребуется более значительная сумма. Опасения эти основываются на том, что, во-первых, государственное казначейство может лишиться доходов некоторых местностей в случае развития наступления неприятеля и занятия им части юго-западной России, во-вторых, в приведенных выше сведениях не заключается расходов министерства продовольствия, от которого еще не получено исчислений на 1917 г. [1]) и, в-третьих, в текущем [году] предъявляются ведомствами такие исключительные и неожиданные требования, что было бы затруднительно считать, что приведенные выше цифры расходных предположений до конца 1917 г. — предельные.

Следующие немногие примеры из бесчисленного числа их могут дать некоторое представление о масштабе налагаемой на государственное казначейство тяготы.

Почтово-телеграфное ведомство всегда отличалось скромностью своего бюджета, а незначительность окладов служащих этого ведомства не только вызывала сочувствие к их положению, но и послужила затем поводом к возбуждению Государственной Думой вопроса об улучшении материального положения почтальонов, телеграфистов и всякого названия чинов ведомства; кредиты на это были увеличены. За время же войны в конце 1915 г. была сделана прибавка в 20 млн. руб. а в 1917 г. в несколько приемов разрешены дополнительные ассигнования на различного рода добавки почтово-телеграфных служащих на дороговизну до 141 млн. руб., повышающихся в 1918 году до 182 млн. руб. Требования служащих этого ведомства сопровождались угрозами забастовок.

Многочисленный кадр служащих на казенных железных дорогах также под угрозой забастовок предъявил к казне требования по случаю дороговизны, которые обязали казначейство к новому расходу на 700 млн. руб., в том числе в 1917 г. на 540 млн. рублей.

---

[1]) Не приняты также в расчет расходы казны, вытекающие из монопольных операций по снабжению населения хлебом и другими припасами, топливом, кожами и многим другим. (Примечание в подлиннике. *Б. Р.*)

Около 500 млн. руб. потребовалось на увеличение в 1917 г. жалования солдатам и матросам.

Суточные деньги эвакуированным увечным, раненым и больным солдатам, конечно, недостаточные по современным ценам на продукты — по 25 коп. в сутки — увеличены в 1917 г. до 75 коп. Казалось бы копейки — расход пустяковый, а для казны он повышается с 3 до 9 млн. в месяц, или на 72 млн. руб. в год.

Не останавливаясь на других ведомствах с менее значительными бюджетами, надо отметить, что, несмотря на войну, по некоторым ведомствам предприняты всевозможные преобразования и операции, которые в мирное время были бы признаны непосильными для обыкновенных ресурсов государства, а теперь в головокружительном вихре всяких добавок легко проходят в значительнейшей части за счет военного фонда, но по окончании войны многие из этих расходов войдут в обыкновенный бюджет.

Операционные расходы по разного рода заготовкам военного ведомства исчислены для 1916 г. приблизительно в 4,2 млрд. рублей, главным образом по частям интендантской, артиллерийской и военно-технической. Спрашивается, в какой сумме выльются эти операции в 1917 г., в котором дороговизна возросла на 100 и более процентов? Никаких расчетов на увеличение платы за рабочий труд, вызвавшее сильное повышение стоимости изделий, не существует, но кому же неизвестно, что рабочие массы при первом же революционном движении озаботились прежде всего обеспечением своего существования в размерах, ими установленных и превосходящих плату до 1917 г. в несколько раз. Стране обойдется это в несколько миллиардов и, в частности, на государственное казначейство упадает значительная часть новых добавок.

Не смущаясь войною, ведутся и строительные операции, которые хозяйственно, может быть, и полезны, но должны быть отложены до наступления мира уже потому, что они отнимают металл, топливо и рабочие силы от главной в настоящее время задачи государства — изготовления для армии снарядов и прочих боевых припасов. Уже приходится, все равно, многие строительные операции, по явной нецелесообразности их для данного момента, останавливать, израсходовав многие десятки миллионов рублей. Для характеристики дороговизны построек можно привести пример Николаевского, Ташкентского, Иркутского военных училищ и Иркутского корпуса. В 1913 г. постройка их исчислялась в 9,8 млн. руб.; замедлившись, она в 1916 г. оценивалась уже в 20 млн. рублей. Арифметическая задача: во что она обойдется по ценам 1917 года?

Но в требовательности к казне превзошли всякое воображение только что разработанные в особой комиссии при министерстве внутренних дел, при деятельном участии делегаток от солдаток и делегатов от Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, назначения пайков

семьям солдат. В тяжелое время войны, в особенности великой нынешней войны, требующей громадных расходов, состав пайков по закону ограничивается лишь самым необходимым для поддержки жизни — мукой, крупой, постным маслом и солью, стоимость которых в начале войны определялась в 6 руб. на паек в месяц, а в 1917 году она дошла до 14—15 рублей. В зависимости от повышения цен расходы казны деньгами, вместо продуктов в натуре, тоже поднялись, и в текущем 1917 году они по расчету должны составлять, при указанном составе пайков, от $2^1/_2$ до 3 млрд. рублей. Несмотря на такую тяжелую для государства сумму, комиссия при министерстве внутренних дел выработала новый состав пайков, добавив на каждый паек не только взрослых, но не исключая и грудных младенцев: масла коровьего $1^1/_2$ ф., мяса 15 ф., картофеля $1^1/_2$ пуда, сахара 2 ф. и чая $^1/_8$ ф. Кроме того, предполагается расширить право на пайки, ... [1]) тех, кто думает, что казна может все выдержать, забывая, что казенные деньги это те же народные деньги, получаемые налогами и займами, и что государство ведет войну, требующую величайшего напряжения средств.

Следующие подсчеты показывают, какое опустошение в продуктах получилось бы при полном удовлетворении всех требований в пайках, если бы они выдавались натурой.

На 45 млн. пайков пришлось бы в год:

	Млн. пудов	
Муки	810,0	или $^1/_3$ всего урожая ржи и пшеницы.
Крупы	134,4	
Масла постного	20,2	
Соли	27,0	
Масла коровьего	20,2	
Мяса	202,5	
Картофеля	810,0,	или около 40% урожая.
Сахара	27,0,	т.-е. более 40% всей выработки сахара в 1917 г.
Чая	1,69,	составляющих 35% всего привоза чая, не исключая и кирпичного.

А для дачи мяса в желаемом количестве надо было бы зарезать более 8 миллионов голов рогатого скота.

---

[1]) Пропуск в подлиннике. *Б. Р.*

Октябрьская революция в Балтийском флоте.

(Из дневника И. И. Ренгартена.)

«Дневник мировой войны на Балтийском морском театре с 2 января 1917 г. по 5 (18) февраля 1918 г.» капит. 1 ранга И. И. Ренгартена содержит много интересного и ценного материала о военных действиях флота и о событиях революции 1917 г. Печатаемая часть дневника охватывает период с 13 октября по 18 декабря 1917 г. (ст.ст.) и особенно ценна, как дающая картину подготовки и развития Октябрьской революции в Балтийском флоте, участия флота в революции, а также борьбы штаба флота и командного состава с образовавшейся Советской властью.

С 1916 г. Ренгартен занимал в штабе Балтфлота ответственную должность начальника разведывательного отделения. Благодаря своей должности и широким личным связям с верхушкой штаба Ренгартен всегда был в курсе всех событий в Балтийском флоте. Судя по всему, с ним считались; на последнее указывают его отношения с убитым в Февральскую революцию командующим флотом вице.-адм. Непениным и назначенным после июльских событий контр-адмиралом Развозовым. В своем дневнике автор воспроизводит перед нами настроение той части офицерства, представителем которой он является. Особенностью дневника является его пунктуальность: с точностью вахтенного начальника Ренгартен проставляет часы и минуты своих записей.

Дворянин Ковенской губ., значительно более образованный, чем огромное большинство офицеров, знающий три иностранных языка, Ренгартен находится всецело во власти буржуазных влияний. Лучше всего характеризует Ренгартена его запись в дневнике от 2 января 1917 года: «В тот самый вечер, когда я сделал последнюю запись, я прочел в газете об увольнении Трепова и гр. Игнатьева и о назначении премьером совершенно неспособного старца кн. Голицына и сподвижника Кассо — Кульчицкого, определенно отрицательную личность, врага просвещения и бюрократа, министром просвещения. Мы дошли до предела. Говорят самые невозможные вещи, которые оказываются возможными: Распутин похоронен в Царском Селе, на его могилу — паломничество высоких особ и проч. Говорят, что императрица — человек большой воли, и государь ее слушает, что все министры, если не хотят вылететь, обязаны, параллельно с докладом государю, делать доклад и государыне, которая, таким образом, фактически властвует. Говорят об ее определенных немецких симпатиях. Мерзавцы! Что они делают с моей родиной!»

12 января новая запись: «Говорят о проскрипционном списке «15-ти», приговоренных к смерти: 1-й пал Распутин, 2-я она — императрица, будто на нее уже было покушение, 3-я идет Вырубова. Говорят, что гвардия замышляет государственный переворот.

Говорят много и, конечно, большей частью ложь; но ведь правда же, что Распутин погребен в Царском Селе».

Ренгартен не протестует против возможных дворцовых революций, они ему нужны и понятны. Автор уже в этот период интересуется письмом Гучкова к Алексееву, материалами по совещанию Протопопова с членами Государственной Думы, речью Чхеидзе и т. д. В весьма откровенной беседе с адм. Непениным Ренгартен по вопросу о воздействии на царя предложил третий путь (один открытый — говорить с царем, второй — дворцовые интриги) и — «путь устранения»... «Будем говорить прямо, — читаем в его дневнике,— те крупицы гражданской свободы, которыми мы пользуемся, получены не доброй волей. Красивые, милостивые слова — в манифестах, а на деле санкция их продиктована страхом».

«Есть мракобесы и идиоты, — пишет он в тот же день, — и есть патриоты», относя к последней категории и себя.

Наконец, 28 февраля Ренгартен получил известия о событиях в Петрограде; его настроение вылилось в следующей записи:

«28. II. Вторник, 9 ч. Ура! Только что узнал потрясающую новость: вчера в Государственной Думе образовалось Временное Правительство во главе с Родзянко, все министры в Думе, к Временному Правительству примкнуло 5 гвардейских полков, о совершившемся донесено в ставку». В этой революции Ренгартен ищет разрешения своих вопросов, но уже с первых дней революции сначала удивленные, затем и протестующие замечания начинают мелькать в дневнике. У Ренгартена мартовскими днями революция была закончена — буржуазия стала у власти.

Поэтому вполне ясно, что малейшие намеки на возможность второй революции вызывают у него сильнейшие протесты против нового «грозного этапа». Он мечтает о сильной центральной власти, и это настроение выражается в составлении «меморандума», с весьма авантюристическими планами борьбы с немецким флотом и... гибелью. Это было 17 октября. Надо отдать ему справедливость, все, что можно было сделать для поддержки Временного Правительства, Ренгартен в эти дни агонии Правительства сделал. «Меморандум» был принят советом флагманов и послан с нарочным офицером к морскому министру и командующему сев. фронтом ген. Черемисову.

Интересны моменты, касающиеся непосредственной подготовки Октября и самой революции во флоте.

Ренгартен вынужден признать действительную революционность матросов. Это видно из его записей (25. X), где указывается на отсутствие специалистов на кораблях, так как все уехали на фронт в Петроград. Через некоторое время уже читаем: «матросы восторженно записываются в добровольцы против Каледина». В остальном «настроение» Ренгартена ничем не отличается от представителей буржуазной и мелкобуржуазной среды. Он также пророчит, что «власть падет через неделю». Последующий за Октябрьской революцией этап закрепления Советской власти встретил в лице Ренгартена ярого противника, он уже один из лидеров, он идет на блок с соц.-рев. и даже — меньшевиками. Все, что против большевиков, все для него приемлемо. Борьба идет под знаком признания лишь правительства, созданного Учредительным Собранием. Ренгартен настаивал, чтобы комфлот и начальник штаба не шли ни на какие условия. Это касалось признания управляющего морским министерством М. Иванова. Наконец, разразился конфликт. 20 ноября М. Иванов прибыл в Гельсингфорс и на линкоре «Гражданин» поднял свой

флаг. Со стороны Развозова последовал чисто формальный протест (дескать, не знали, и флот подчинен северному фронту), который, в конечном итоге, вылился в принципиальную постановку вопроса о власти и признании командующим и его штабом совершившегося переворота. Благодаря энергичному вмешательству Центробалта конфликт был ликвидирован, и внешне штаб признал правительство уже не только de facto, но и de jure.

Однако политика штаба успела уже пустить глубокие корни в офицерской среде. В результате — ряд конфликтов на кораблях между матросами и офицерами. 5 декабря фактически все управление флотом перешло в руки Центробалта, создавшего специальный военный отдел. Записи за этот период у Ренгартена носят отпечаток апатии и неуверенности.

По заключении мира с Германией И. И. Ренгартен стал преподавателем Морской академии, во вновь открытом военно-морском отделе, по кафедре «истории морской войны», а затем и по кафедре «службы генерального штаба». Одновременно Ренгартен был назначен редактором оперативного отдела Комиссии по исследованию и использованию опыта мировой войны 1914—1918 гг. на море.

В ночь с 13 на 14 января 1920 г. Ренгартен умер от сыпного тифа.

В Центрархиве имеется копия дневника Ренгартена, заверенная самим автором

А. Дрезен.

1917 ГОД.

13. X.

15—00. Близятся 20-е числа: двойное ожидание выступления и мятежа. Все сплетается вместе. На судах идет пропаганда большевиков; уже на эск. миноносце «Самсон» в команде разговоры, что больше в море не пойдут.

На миноносцах минной дивизии, где после операции была просьба увеличить общее число представлений к наградам, теперь идет движение в пользу отказа от наград.

«Петропавловск» снят с камней. Теперь будет разбирательство... Воображаю, во что оно выльется...

14. X.

14—00. Увы! Служба связи напутала: пост ошибся в пеленге — «Петропавловск» на камнях недвижим.

Много слышу разговоров о «поправении» Петрограда, о появлении на свет многих новых газет ярко антибольшевистского направления, о росте недовольства Керенским, которого все ругают, о том, что с восстанием большевиков что-то не клеится...

Совет Российской Республики открылся; там много замечательных людей, но, по общим условиям, пока — все это одни разговоры, и настоящего просвета не видно.

Нынче мы спохватились: послезавтра — срок представлять кандидатский список для выборов в Учредительное Собрание. По этому

поводу Левушка Сахаров написал письмо Вилькену, предлагая устроить сегодня вечером собрание, чтобы наметить кандидатов. Я звоню о том же Новопашенному в Ревель.

17—30. Здесь был кап. 1 р. Вилькен — говорили мы (Вилькен, Сахаров, Демчинский и я) об Учредительном Собрании; решили, что сегодня в 19. 30. в Морском собрании соберется группа офицеров и наметят двух кандидатов. Кроме того, я говорил с Новопашенным, который обещал собрать группу в Ревеле, наметить несколько кандидатов, сообщить их фамилии и предоставить нам [1]) окончательный выбор.

15. X.

17—50. Вчера в Морском собрании состоялось заседание группы офицеров под председательством Вилькена. Были Граф, Куремиров, Иерхо, Давыдов, Демчинский, Баллас [2]), два представителя партии народной свободы и Ножин.

Представители к.-д. выставляют под своим флагом кандидатуру адм. Колчака и адм. Канина. Они очень красноречиво доказывали, что, без всякого сомнения, всякая офицерская кандидатура здесь провалится и тягаться с большевиками в Балтике не приходится, но общественное мнение в России будет, по крайней мере, знать, что офицеры остановили свой выбор на достойных, опытных людях, в то время как команды пошли за Лениным и Дыбенко...

Мы (и я тоже) возражали им, что мы не находим возможным так заранее сдавать свои позиции, что мы надеемся найти таких кандидатов, которые оказались бы приемлемыми и для части команд, что среди матросов очень многие видят, к какому краху ведет большевизм, и многие [3]) боятся открыто это высказать. Насколько выборы будут в действительности тайными — благоразумная часть команды предпочтет подать свой голос за офицера, а не за такого явного пораженца, как Ленин.

Споров было много, но до конца не договорились, попробовали голосовать записочками, получилось большинство за Колчака и Канина и по одному или два голоса — за Демчинского, Новопашенного, Вилькена, меня... Я заявил, что нас мало, сборище случайное, надо собрать побольше народу завтра (15-го).

Сегодня в 14 собралось в Морском собрании человек до 70. Демчинский председательствовал, рассказал про всю технику выборов, о вчерашнем собрании (забыл записать), где прошли кандидатуры Развозова и Пилкина, но оба отказались, почему вопрос остался открытым. С большой речью в защиту предложения к.-д. выступил

---

[1]) В подлиннике: «наш».
[2]) В подлиннике: «Боллас».
[3]) В подлиннике: «много».

их представитель; ему возражал Лев Сахаров; весьма веско доказывал, что нам предлагают доставить удовольствие одной партии, мы должны предпочесть вступить в борьбу. Демчинский тоже говорил в пользу составления своего списка.

Затем подачей записок установили список кандидатов: подавляющее большинство было за Колчака, Канина, затем от шести до трех голосов: Зарубаев, Демчинский, Новопашенный, Ренгартен и один голос за Пуришкевича. Тогда Демчинский передал председательствование Графу, и мы с ним (как присутствующие кандидаты) вышли, предоставив собранию обсуждать все эти кандидатуры. Когда мы были вновь приглашены, собрание подачей записок установило новый список:

Демчинский	39 голосов
Цион	20 с чем-то голосов
Ренгартен	18 голосов
Колчак	14 »
Канин	.....
Новопашенный	1 »
Пуришкевич	1 »

Цион — подполк[овник], с.-р., участник Свеаборгского восстания. Таким образом, от нас будет список: Демчинский, Цион.

Известно, что уже имеются от флота два списка:

1. От большевиков: Ленин и Дыбенко.
2. От с.-р.-интернационалистов: Шишко и Прошьян.

Комитет XII армии из кожи лезет, чтобы поднять дух и восстановить порядок, но дело не идет: солдаты говорят: «вот — выпадет снежок: домой пойдем».

17. X.

10—30. Вчера, после разговора моего с Черкасским, решили, что комфлот должен заявить правительству всю правду о состоянии боеспособности подчиненных ему флота и армии.

Я взялся составить соответствующий меморандум. Основная мысль его: позиции не боеспособны, почему вся тяжесть защиты падает на флот. Силы наши слишком неравны, почему единственный исход: приказать флоту, чтобы, при появлении флота немецкого, наш бросался ему навстречу, не думая о себе и стремясь лишь нанести врагу максимум вреда ценою хотя бы собственной гибели. Что при современном упадке духа столь полное использование нашей морской силы едва ли, в действительности, будет иметь место, но можно, тем не менее, надеяться, что в известной мере такая задача будет выполнена, после чего флот наш перестанет существовать, и весь Балтийский театр будет для немцев открыт.

При докладе этого комфлоту он нашел нужным еще подчеркнуть, что вообще, если только немцы захотят, то сделают все, что им надо, что сопротивление наше равно нулю, что если и вообще не

будет нападения, то, все равно, к весне 1918 г. флота не будет... Словом, полная безнадежность.

Я предложил свое «сочинение на заданную тему»; все эти мысли подверглись резкой и вполне обоснованной критике Левушки Сахарова, затем снова обсуждались мною с Черкасским и М. Петровым, и, наконец, сегодня я еще много думал об этом и, кажется, склоняюсь к тому, что мы не имеем права так опускать руки...

Затем имел разговор с Демчинским, который справедливо заметил, что нельзя этого излагать документально: неровен час, где нибудь застряв, снимут копию, и попадет она к немцам, этакая расписка в своем бессилии! На это князь [1]) возразил, что подобных расписок у немцев куча...

Вчера выяснилось, что Цион идет кандидатом в списке социал-революционеров, по этой причине в наш список вошел следующий из намеченных, т.-е. я.

Кроме того, М. И. Давыдов добыл согласие баллотироваться от почетного старца, известного Лопатина, предложив вторым... Бриллиантова. Я пришел в ужас, ибо по первым дням революции знаю этого демагога и льстеца толпе. Мое замечание убедило Давыдова снять кандидатуру Бриллиантова, и он заменен матросом Магницким (бывший председатель Ц. К. Б. Ф.) — весьма почтенная личность.

С нашим списком из-за нераспорядительности писаря едва не вышла драма: срок представления списков — полночь 17. X. Расписка в получении его в избирательную комиссию помечена 23 ч. 45 м. 17. [2]) X.

Таким образом, кандидатами от группы офицеров (109 чел.) флота и армии по Балтийскому округу — предложены:

1. Старш. лейтен. В. Н. Демчинский.
2. Кап. 1 ранга Ив. Ив. Ренгартен.

Предполагается, что мы в течение ближайшей недели попытаемся войти в блок со списком с.-р. или беспартийных избирателей, дабы не разбивать голосов среди приемлемых для умеренной части избирателей списков.

Последняя сенсация: радио — принята 5—00. 16. X.; адресована она «всем солдатам, матросам, рабочим и крестьянам» — подписана: «Северный Областной Съезд Советов Солд., Раб. и Кр. Деп.». Эта радио содержит ряд клеветнических выпадов по отношению всех, кто не согласен с большевиками, и объявляет, что 20. X. в Петербурге назначен Всероссийский Съезд Советов, который [3]) предложит немедленное перемирие на всех фронтах,

---

[1]) Черкасский.
[2]) В подлиннике ошибочно: «16».
[3]) В подлиннике: «которое».

передаст крестьянам землю и обеспечит созыв Учредительного Собрания в назначенный срок...

Попутно: по агентурным сведениям, немцами намечена операция высадки десанта — захвата острова Оланда...

И еще... на фронте вновь возобновилось братание...

12—45. Мои доводы касательно меморандума отвергнуты Черкасским, а комфлот все-таки признал нужным сохранить его, как было составлено. Только еще М. Петров добавил в более подчеркнутой форме мысль, что, если правительство не сумеет справиться с разлагающими течениями и разрухой, война окончится позорным неуспехом и потерей достояния народного...

Сейчас узнал, что председателем Ц. К. Б. Ф. четвертого созыва избран Дыбенко.

Избирательная комиссия получила пять списков: от большевиков — Ленин, Дыбенко; от с.-р.-интернационалистов — Шишко, Прошьян; от с.-р.—Маслов, Цион; от группы беспартийных — Лопатин, Магницкий; от группы офицеров флота и армии — Демчинский, Ренгартен.

15—00. В каюте комфлота заседание флагманов.

Ком. флотом прочел меморандум.

Пилкин спрашивает: А какая цель этого? Чего мы добиваемся?

Ком. фл. Это — документ, устанавливающий существующее настроение у нас, и мы просим, чтобы нам ответило Временное Правительство, учитывает ли оно это?

Пилкин. Не может ли отсюда Временное Правительство сделать вывод, что надо заключать мир?

Ком. фл. Нет. Мы — лишь часть фронта. Может быть, надо еще отступить, отдать, может быть, еще 500 верст и пространством забить немцев.

Бахирев. Согласен с Александром Владимировичем.

Петров. Надо нажать на правительство, чтобы не продолжало быть таким инертным.

Беренс. Мне кажется, что здесь слишком мягко сказано о флоте; надо подчеркнуть, что во флоте много хуже.

Ком. фл. Приходится быть осторожнее во избежание использования документа в целях агитации крайними партиями.

Кн. Черкасский вспоминает свои впечатления о разговорах с Временным Правительством. Оно рассчитывает на конечный успех союзников и их верность нам; поэтому, если мы и потеряем еще очень много, то потом возместится, но что они, в правительстве, плохо учитывают состояние флота и надеются на него больше, чем можно.

Бахирев. Дело плохо, но, по-моему, не так уж безнадежно.

Развозов. Я больше надеюсь на осень...

Бахирев. Больше согласен с князем, что дело наше общее, не вовсе еще пропащее. Самое лучшее — дать нам всем до завтра подумать.

Старк констатирует, что мы всегда были слабее немцев здесь, на море. Надо все, что мы имеем в центральной позиции [1]). А на Оланд надо махнуть рукой, отказаться от Ботники, уничтожить все фарватеры, оставить только батареи... а вход в Финский залив мы и с нашими силами можем охранить.

Беренс. А если возьмут Ревель? Нет, без давления противника ничего нельзя оставлять.

Ком. фл. Часть фарватеров уже приказано уничтожить.

Пилкин. Предполагается ли этот документ представить конфиденционально [1])?

Ком. фл. Нет — официально, но весьма секретно — министру и главнокомандующему.

Вейс говорит, что команда у него держится хорошо, но к весне не надеюсь.

Киткин. У меня тоже, и до весны.

Старк говорит то же.

Говорится о настроении команд больших судов, что на словах они бодрятся, а на деле устанут через три дня.

Бахирев. В общем — хорошо написано.

Другие находят, что все это изложено правильно. Пилкин только считает, что есть какая-то неясность в смысле вывода.

Решается, что все подумают до завтра.

Ком. фл. сообщает выводы по обстановке — о неприятеле и о поступках в связи с защитой Або-Оландского района.

Если падет Ревель, загнем позицию. Мины едут из Черного моря, их будет довольно.

Документов отпечатано пять — взяли подумать: Пилкин, Бахирев, Старк, Киткин, Вейс (присутствует еще Беренс).

Решают придать документу форму постановления заседания флагманов, для чего пригласить всех флагманов завтра днем.

Бахирев думает, что мы все-таки еще можем воевать.

Вспоминают случаи упадка духа. Говорят, что если это станет гласным, то демократические органы будут говорить: «нас предали».

Пилкин предлагает отметить, что мы знаем и верим искренности порывов команд, но опыт убеждает нас в непрочности их подъема.

Разводов говорит, что его гнетет беззащитность Гельсингфорса.

Бахирев соглашается, что неизвестно, что мы будем делать, если немцы высадятся у Ганге.

---

[1]) Так в подлиннике.

17—50. Совещались Черкасский, Сахаров, я. Тема: что делать комфлоту? Решено: если предстоящие политические пертурбации не выкинут из флота Развозова, то я должен итти к нему и предложить решить — или уходить теперь же или со льдом. Если он решит — теперь же, то отпустить Черкасского, взять вместо него Шевелева, потом уехать, оставив Шевелева временно исполняющим обязанности, после чего, через некоторое время, последует утверждение Шевелева в должности...

Когда мы кончали беседу, ко мне в каюту вошел комфлот, бухнулся в кресло и говорит: «Ну и заседание же было!»

Он пришел с «Полярной Звезды», где под председательством Дыбенко заседал Ц. К. Б. Ф.

Дыбенко очень мило предупредил, что с завтрашнего дня он намерен провести в жизнь постановление Областного Комитета о контроле и выборном начале.

Комфлот ответил, что силою они, конечно, могут ввести контроль, но он категорически отказывается признать его без приказания министра; что прежние инструкции комиссарам вполне достаточны, оказались полезными, и совместная работа наша с ними шла вполне гладко.

О выборном начале Дыбенко сказал, что они уже устроили анкету и, вероятно, его, Развозова, выберут единогласно...

Комфлот и на это ответил, что протестует и, кроме того, находит, что, во-первых, им выбирать-то не из кого, а вреда и беспорядка все это внесет неисчислимо много.

Когда Дыбенко говорил, многие члены Комитета посматривали на него с неодобрительной улыбкой; затем комфлот ушел, оставив их обсуждать его возражения.

18. X.

10—00. В каюте комфлота. Заседание совета флагманов. Присутствуют в.-адм. Бахирев, к.-адмиралы: Вейс, Киткин, Старк, Пилкин и кап. 1 р. Беренс.

От нас: к.-адм. Развозов, Черкасский, кап. 1 р. Ренгартен и кап. 2 р. Петров. Комфлот сообщил о текущем моменте по обстановке и вернулся к вопросу о «меморандуме».

Бахирев. Мы решили, что надо писать от имени флагманов вам (командующему флотом). А с тем, что написано в записке, я во всем согласен.

Пилкин. В записке не все ясно, не выяснена ее цель, есть противоречия...

Идет спор о редакции, вычеркивается заключение, в споре принимают участие: Развозов, Пилкин и я.

Бахирев. Ну, в общем мне эта бумага нравится, надо сообщить ее правительству, как есть...

Развозов. Мы не знаем, на что рассчитывает правительство, каковы планы обороны на будущее время, и важно ему разъяснить, что при таких обстоятельствах, какие сейчас имеют место, флота к весне не будет, что там и написано.

Пилкин. Но таких-то данных у нас мало!

Бахирев. Как мало? Я скажу: самая худшая часть — дредноуты. Это ужас, что такое!..

Черкасский. Да, годятся до первого снаряда! А там и до белой простыни дойдет!

Бахирев. Ну-у! Не-ет! Все-таки офицеры не допустят.

Беренс. Трудно сказать: если случится паника, такие доклады будут командиру, что он сам решит, что надо бросить корабль...

Пилкин. Вот мы сами говорим, что флот неуправляем... Зачем же мы хлопочем?! Не лучше ли прямо сказать им: «выбирайте кого хотите!»... А то ведь в каком положении оказываются те начальники, которых не слушают! Вы сами говорите, что ничего не выходит...

Развозов. Ну, знаете, испытали мы выборных: М. Иванов и те, которых потом команды просили убрать, говорили, что «ошиблись, назначьте толкового, больше выбирать не будем».

Пилкин. А Лодыженский?

Беренс. В отдельном случае, может быть, выйдет хорошо, а как правило — совершенно невозможно.

Бахирев, Черкасский, Старк горячо возражают Пилкину.

Пилкин. Ну, хорошо, а все-таки по документу выходит, что мы ничего не можем.

Ренгартен. Нет. Там говорится, что сможет сделать флот. И флот способен выйти в бой.

Старк. Конечно, мы даже можем бой выдержать и даже успех иметь...

Бахирев. И даже до центральной позиции?

Беренс. Конечно, да!

Пилкин. Господа! Тогда не надо ничего писать, раз на деле оказывается, что мы еще что-то можем.

Развозов. Это не так — мы кое-что можем, но нельзя рассчитывать на позицию, и там же ясно сказано, что, в случае планомерной и решительной операции немцев, они своего достигнут...

Бахирев. Я считаю, что не так уж плохо дело! По-моему, так ничего еще! Можно делать! А документ — послать! С удовольствием подпишу, пусть читают... это правительство.

Черкасский. Обсвистанное правительство.

Бахирев. Конечно — ни к чорту оно не годится! И надо, чтобы оно убиралось, если ничего не умеет... пусть прочтет!

Пилкин. Очень вероятно, что наш документ не останется тайным, попадет в комитеты, будет разглашен и вызовет кривотолки;

не следует ли на этот случай застраховать себя от мелких нападков и отметить, что команды проявляли воодушевление, заверяли нас в готовности во всем и т. п., что факты это подтверждают, как подтверждают также и непрочность добрых порывов...

Старк. Конечно, это верно, и мы верим искренности команд...

Бахирев. Разумеется.

Черкасский и я поддерживаем предложение Пилкина.

Комфлот предлагает мне сесть возле него и составить в этом смысле заключение.

Документ этот вновь прочитывается, в нем делаются мелкие редакционные поправки, выпускается несколько абзацев [1]) и весь конец.

Я прочитываю вновь составленное заключение; оно одобряется. На этом заседание закончено.

19. X.

13—30. Вчера, после заседания, Левушка Сахаров, под мою диктовку, отпечатал «документ» в форме протокола совета флагманов, затем он был подписан адмиралом Бахиревым, Пилкиным, Вейсом, Киткиным, Старком и кап. 1 р. Беренсом.

После этого мне было поручено составить препроводительное отношение комфлота к морскому министру.

Я упомянул о данных агентуры и обстановке, предостерегал о возможности захвата немцами острова Оланда и закончил указанием, что катастрофа, как от войны, так и от разложения, не может быть предотвращена никакими мерами на местах, и единственный выход есть создание действительно сильной центральной государственной власти...

Развозов принял мысль и редакцию, и вчера же нарочный офицер выехал с этими документами в Петроград к морскому министру и с копией с них в Псков, к главнокомандующему сев. фронтом.

17—40. В связи с последними известиями о немцах я утром сегодня при оперативном докладе высказал мысль, что весьма полезно было бы послать четыре самых исправных и храбрых «Новиков» для постановки мин на путях противника; на обратном пути они могли бы снять маячные суда немцев к W от Эзеля.

М. Петров обрадовался, взял циркуль, рассчитал время — выходит: в одну ночь все можно сделать. Князь отнесся скептически: где они — исправные и храбрые? А тут получаем днем телеграмму от главкосева, общий смысл которой: почему вы бездействуете, почему немцам даете спокойно жить в Моонзунде?

Составляя ответ, Петров склонил Развозова согласиться приписать, что он имеет намерение послать «Новики» на заградительную операцию в Балтийском море...

---

[1]) В подлиннике: «образцов».

21. X.

14—10. В море. В 13 ч. вышли из Гельсингфорса; цель — свидание в Ревеле комфлота, генер.-губернатора Финляндии Некрасова, главкосева Черемисова и минмора Вердеревского.

По агентст. «Х». — Четыре «Осфрисланда», шедшие к нам, ушли опять в Киль; отряд О. Н. расформировывается; командование вновь возвращается либавскому начальству... Это похоже на отказ от дальнейших операций.

Итальянцы потерпели страшное поражение — около 200 000 пленных, свыше 1 500 потерянных пушек, огромная территория.

Только французы наносят немцам тяжкие удары. А у нас — опять братание на фронте и накаливание атмосферы в тылу, пока дело не дойдет до гражданской войны; уже пишут в газетах, что обыватель перестал бояться и начал злиться...

На 22-е назначен «Съезд Советов»; на этот же день, с одной стороны, большевики призывают на улицу для вооруженного выступления, с другой, — казаки устраивают большой крестный ход и моление о спасении родины...

Вчера группа с.-р., выставившая кандидатами в Учред. Собрание Маслова и Циона, предложила нашей группе коалицию. Демчинский предлагает коалицию всех (включая с.-р.-интернационалистов) против большевиков.

Я согласился на коалицию, ибо тогда наш список имеет шансы пройти вторым, т.-е. мы получим одно место. Таким образом лично я не заинтересован, но обещал Демчинскому всякое содействие, включительно до выступления на предвыборных собраниях. Он надеется привлечь на нашу сторону с.-д. меньшевиков.

22. X.

0—15. Ревель. Около 18 ч. 21. X. пришли сюда. На нашем месте стоит «Волга», почему ошвартовались у ее борта.

Вечером с Е. И. Максимовым пошел в управление службы связи, где беседовал с Коптевым и Новопашенным об обстановке в связи с предположенной операцией «Новиков». По всему выходит, что единственный район — Люзерорт.

Бедный Новопашенный бьется, как рыба об лед; до чего все развалилось — не может пройти гладко такая ясная вещь, как выставление поста службы связи, ибо в дело путаются и начальник и комитет и мешают друг другу... Он ездил на Бердер и в Пернов, говорил по телефону с постами. С Залиса ему сообщили, что теплой одежды не надо присылать, ибо сухопутные войска отослали присланную им одежду: они не намерены зимовать и с первым холодом кончат воевать — пойдут по домам... ну, а что же тогда делать посту? Для кого наблюдать, если войско ушло? Логично.

23. X.

2—30. Весь день 22-го сплошь были заняты работой по разведке. Никто не мешал. А начальство было занято совещанием. Здесь были: генерал Черемисов, ген. Надежный (командир 42 корпуса), ген. Изместьев (комендант крепости) — новый, что заменил Лескова, ген. Хендриксон и при них ряд лиц: генер.-квартирмейстеры [1]), Альтфатер, Арнаутов, комиссары — Войтинский, Скачков и др.; приехали и наши — Франкфурт и Онипко.

По словам Развозова, собрание было слишком многочисленно и потому мало продуктивно, были еще морской министр и помощник Финл. генер.-губернатора бар. Корф.

Оборона всего этого колоссального района: сев. фронт, Балтийское море, Финляндия, действительно, в наших условиях — кажется прямо невыполнимой...

Часов в 11 веч. меня призвал к себе Развозов: у него сидели бар. Корф и Онипко. Я должен был быть четвертым собеседником. Пили чай и херес и заболтались до 2-х час. ночи — обо всем, а поговорить нынче есть о чем!.. Ох, какие же у нас безрадостные перспективы!..

21—00. Днем было совещание — Развозов, Новопашенный, М. Петров, я. Происходило в управлении службы связи за картой. Тема: заградительная операция «Новиков».

Относительно операции ни до чего окончательно не договорились, кроме того, что все признали мою точку зрения верной: мы обязаны поставить препятствия неприятелю на двух вероятных направлениях его удара: 1) Финский залив, 2) Оланд: мы не можем вовсе преградить ему доступ к этим целям, но пусть он заплатит за это потерями.

Моральные последствия потери всегда имеют известное значение.

Вечером Новопашенный сообщил мне, что к нему явились комиссары местного Сов. Р. и С. Д. — для контроля на Морской Центральной станции всех телеграфных сношений. Он заявил, что полагает целесообразнее в морском ведомстве контроль морских же демократических организаций.

Местный флотский комитет оказывает Новопашенному поддержку. Это ставят в связь с ожидаемым в Петрограде Съездом Советов и выступлением большевиков.

Газеты полны заметок об этом выступлении; общий тон газет несоциалистических направлений — крайний пессимизм, отвращение и отчаяние. Впрочем, недовольны все, всех объединяет взаимная ненависть, презрение, злоба; на столбцах прессы потоки клеветы, грязи.

---

[1]) В подлиннике: «генер.-квартирмейстеров».

24. X.

12—45. На Ревельском рейде.

19—35. Ходим по внешнему Свеаборгскому рейду. Свежо. Волна. У бона южнее Грохары никто не встретил; кажется, мы его ткнули, потом прошли вплотную Грохару...

Сейчас выходим наверх: светят мигалки, прожектор наш ищет вешки, даем хода — вперед, назад; слева, из темноты слышен свирепый голос... «не люди... сволочи... не могут найти»... и еще что-то заглушает свист ветра. Кто кричит, откуда, кому? ничего не понять. Развозов пошел на мостик разобраться.

Перед этим мы мирно сидели с Черкасским в его каюте на креслах, вытянув ноги, и беседовали.

Он рассказал о беседах с Вердеревским и Черемисовым. Перед северным фронтом немцев мало до неприличия; перед XII-й армией (8 корпусов) не более нескольких дивизий... и вот Черемисов отдал приказ о наступлении — и... рад теперь, что его не пришлось приводить в исполнение, ибо это привело бы лишь к худшему погрому. Армии босы и голодны и не хотят более воевать ни за что!

Вердеревский говорит, что страна забыла армию, бросила армию... армии больше нет.

Правительство знает, что Россия более воевать не может, и только тянет, как бы вытянуть побольше времени, чтобы успеть хоть как-нибудь сговориться с союзниками.

Черкасский пришел к выводу, что больше мы ничего не можем сделать. Все кончено!

Я предложил ему план: отказаться от посылки в море и английских лодок... ибо — свинство выезжать теперь на них.

Решить, что пока мы еще владеем остатками, последними обломками оперативных возможностей, все средства направить на ничем не стесняемое минирование Балтики везде, где только есть указание, что противник может пройти. Позвать сюда англичанина Кроми и честно ему сказать: «Спасибо, союзники, за службу, за помощь. Мы теперь кончены и распоряжаться вами больше не можем: Балтийского флота, российской армии — больше не существует. Делайте со своими лодками, что хотите, — по мере сил своих — поможем»...

Наш разговор был прерван приходом Развозова.

Он мрачно сел в кресло и сказал: «вот — придет — сейчас придет к вам Дыбенко и приставит контроль»...

Черкасский: «... Ну и что вы сделаете?»

Развозов: «... Что я сделаю?.. Что же... сказать, что не признаю?..»

Черкасский: «А если скажут: ну, признаете или нет, это не важно, — будет контроль и все тут».

Развозов: «... Да вот — пробовал Зарубаев протестовать и сдал, в конце концов, когда ему заявили: «в таком случае мы будем бороться, мы — враги»... Да и мы, когда нас за горло схватят, тоже, в конце концов, скажем — довольно! Выбирайте, кого хотите»...

Ренгартен: «Не поможет это ничего, и вас выберут, и меня выберут, и вообще всех выберут, и останемся со всеми теми же бесчисленными затруднениями»...

21—15. Гельсингфорс. В каюте комфлота. Здесь — Бахирев, Развозов, Черкасский, Демчинский, М. Петров, начальник дивизиона Крашенников [1]) и командир миноносца — Б. Иванов. Перед тем был здесь Дыбенко и заявил, что в Петрограде происходит разгром Съезда Советов и Петроградского Совета при помощи юнкеров, что команды наши решили помочь Советам — послать три миноносца для поддержки десанта из Кронштадта на Петроград.

С этим требованием Дыбенко и делегаты еще до нашего прихода обратились непосредственно на миноносцы, начальник дивизиона и комиссар — к нам.

Получена открытая радио Исполн. Комит. Кронштадта: «Петроградскому Совету грозит опасность... закрыты газеты «Рабочий Путь» и «Голос Солдата»; готовится наступление юнкеров и разных темных личностей!»

Кто его знает — правда или провокация?

Развозов колеблется.

Черкасский считает согласие послать миноносцы абсолютно недопустимым. Я говорю, что мы не хотим — не можем итти на гражданскую войну.

Сегодня здесь вынесено постановление судовых комитетов: «Да здравствует власть Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов!.. По первому зову Центрофлота все выступим — умрем или победим! Смерть лучше позора!»...

21—45. Пришло сейчас три комиссара Центробалта, принесли предписание комфлоту «немедленно послать в Петроград «Забияку», «Страшного» и «Меткий»... «при шифровании телеграмм и отдаче приказаний в штабе быть присланным комиссарам»...

Комфлот говорил с Петроградом. Там что-то заварилось: разведены мосты; кажется, собираются арестовывать Революционный Комитет Петроградского Совета... говорят даже, что войска с фронта идут на Петроград.

Комфлот ушел на экстренное заседание Ц. К. Б. Ф. Я говорил по телефону с Ревелем (со Щастным, приехавшим из Петрограда). По его сведениям, в столице кризис власти, причем конъюнктура складывается в пользу большевиков. Он привез с собою два тюка из генмора: шифры и всякие секреты...

Начинается новый, еще более грозный этап революции.

---

[1]) В подлиннике: «Кошеринников».

25. X. Среда. Гельсингфорс. «Кречет».

Около полуночи я говорил по юзу с Петроградом. Деж. офицер генмора: до сих пор ничего не было предпринято ни той, ни другой стороной. В городе сравнительно спокойно; часть разведенных мостов на Неве вновь наведены; открыты кинематографы...

Во время моего разговора в рубку юза вошел «сам» Дыбенко. Это — высокий, плотный мужчина с пышной копной волос на голове, с черной бородой и благообразными чертами лица; одет в серую куртку, в руках мягкая широкополая шляпа: держит себя скромно, вежливо, уверен в себе.

Вернулся Развозов с экстренного заседания Центробалта.

Ком. флотом был принят весьма предупредительно, были внимательно выслушаны его решительные протесты против посылки миноносцев в Петроград; не возымело действия; он подчеркнул, что не желает давать вооруженной силы ни правительству, ни его противникам... и собрание единогласным голосованием подтвердило, что миноносцы должны быть посланы.

Комфлоту было заявлено, что, если власть будет взята Советами, в жизнь войдет выборное начало, и его, Развозова, обязательно выберут командующим флотом.

Развозов ответил, что отказывается...

Около 2 ч. ночи из Петрограда по телефону звонил морской министр: он только что вернулся с заседания Временного Правительства.

Настроение в столице весьма тревожное и напряженное, но пока никаких «действий» не было, и Временное Правительство прилагает все усилия для мирного разрешения дела. Арестов пока не было; приняты лишь меры охраны от погромов анархических выступлений. Из армий фронта Временным Правительством получен ряд телеграмм с требованием немедленно установить порядок в тылу, и особенно в Петрограде, и всю власть дать правительству.

После этого разговора пришел комиссар Центробалта; Развозов передал ему сообщение Вердеревского, указав, что оно не соответствует рассказам Центробалта.

Затем затеяли спор: комиссар-матрос убежден в необходимости передачи всей власти Советам и не сомневается в благодетельных результатах этой реформы.

Развозов всячески возражал... Спор бесплодный, слова старые, тысячи раз повторенные, но спор характерен в смысле посылок и доказательств.

Общее резюме комиссара большевистского толка таково: если власть не будет взята Советами — пропадай флот! не надо его, и воевать не будем! довольно ждали!..

На возражение, что не может вопрос о власти решаться явным меньшинством, что, повидимому, подавляющее большинство армии—

противоположного большевикам мнения, комиссар ответил: «... Ну, если армия будет за родину, а не за флот... то пусть одна воюет дальше... Что она без флота сделает?»

Слышу топот ног, посмотрел в окно: по мосткам «Полярной Звезды» бегут матросы, громко говорят... Этот шум действует на нервы. Но если что-нибудь серьезное: доложит флаг-офицер. А сейчас спрашивать лень...

Странное еще происшествие: еще до полуночи явился на «Кречет» матрос с «Видного», сказал, что хочет видеть лично комфлота. А когда деж. флаг-офицер стал допытываться — кто? откуда? зачем? — он смутился, отступил и стал уходить. По всему кораблю бегали за ним Дыбенко и Демчинский, но не догнали, и матрос исчез бесследно...

Снова шум, топот ног бегущих людей, крики, слышна команда... «во фронт», чей-то голос кричал: «товарищи!»

Впечатление, что собирается вооруженная команда.

Что-то они затеяли.

3—40. Сейчас принял командира эскадр. миноносца «Меткий», он показал мне полученное им предписание Центробалта «с рассветом итти в Петроград»...

Я рассказал ему о заседании Центробалта и позиции, занятой комфлотом, а также передал как приказание, — подчиниться принуждению, если команды будут настаивать на походе, предварительно попытаться отговорить от этого шага.

Он спросил, надо ли поднимать утром сигнал: «прошу разрешить следовать по назначению».

Решили, что не надо, чтобы не ставить в трудное положение комфлота, но я сказал ему, что он может записать у себя, что через меня получил все эти указания адмирала...

Глубоко сочувствую бедняге...

9—30. В Петроград с рассветом вышли «Забияка», «Самсон» и «Меткий»; должен был итти еще «Страшный», но, к счастью командира, миноносец оказался неисправным.

Оказывается, ночной шум был, действительно, от сборища вооруженных людей: чуть не до 1500 охотников с судов образовали «десантный отряд», который по жел. дороге направился в Петроград для поддержки Совета.

На миноносцах также отправлены боевые взводы.

11—00. С утра сидел с Черкасским у Развозова; редко перекидывались замечаниями и ждем... Черкасский говорит: «и все лгут, и мы лжем»...

11—30. Приходил Руденский (командир «Гражданина»); говорит, что снимает с себя всякую ответственность за боевую готовность корабля, ибо нужные специалисты массами уходят в боевые отряды для направления в Петроград во имя «углубления завоеваний революции».

Что ж, они прямо говорят: «не получат власти Советы — не нужен и флот и... ничего не нужно... мы не хотим власти капитала, а если ее нельзя скинуть никак, то — не все ли равно, чей капитал: русский, немецкий, французский»...

15—00. Меня призвал Черкасский; у него сидел «хитрейший из хитрейших» — А. М. Щастный.

Мне молча протянули телеграмму, указав, что она расшифрована без контроля, ибо у нас фактически контроль еще не существует, хотя контролеры и присланы.

Содержание телеграммы таково: «по приказанию главковерха немедленно направьте в Петроград такие-то и такие-то части при такой-то артиллерии. Об исполнении срочно донести. Подпись — генерал Лукирский, нач. штаба главковерха», — и спросили мое мнение.

Я ответил, что надо ответить: «на №..... исполнено быть не может». Ибо нельзя вчера заявлять, что миноносцы не желаем посылать, а сегодня посылать войска. Ведь ясно же, что это не оперативное приказание!

Оба мужа обозвали меня простецом и рассказали свой план: ответить 1) «телеграмма №..... не расшифровывается», 2) «установлен контроль, прошу шифрованных телеграмм не посылать».

В Петрограде юнкера и некоторые части действительно готовы к борьбе и подавлению выступления большевиков, но и только — защищать Керенского и его правительство никто не хочет.

По рассказам приехавшего из Петрограда К. Зубова, атмосфера накалена, но обе стороны сдерживаются, не желая нападать первым...

У кого окажутся крепче нервы?

Из Кронштадта уже высажена матросская часть.

17—45. Получено по телефону из Петрограда известие, что «Аврора» и «Амур» вошли в Неву, что на Дворцовой площади строят баррикады и идет уличный бой...

18—40. Мои хитрецы не сделали того, что хотели, относительно шифрованной телеграммы: она была сожжена, и ответ составлен так: «с вечера 24. X. здесь установлен контроль всех получаемых и отдаваемых приказаний».

Полагаю — должны понять.

26. X.

13—00. Свершилось. Временное Правительство свергнуто. Вчера вечером получена юзограмма с этой вестью.

У нас тут утром было маленькое совещание: Развозов, бар. Корф, Черкасский, Щастный, Онипко, Демчинский, я.

Корф сообщил о своих намерениях: со свержением Временного Правительства он здесь больше никого не представляет и не имеет никаких средств защищать русские интересы, почему слагает свои полномочия и прекращает всякую деятельность.

Далее он, лично, предоставляет себя в полное распоряжение комфлота.

Все признали это намерение правильным (надо отметить, что бар. Корф сейчас за генерал-губернатора Некрасова, который находится в Петрограде).

Комфлот заявил, что он стоит на прежней точке зрения исключительно военно-морских интересов.

14—00. Сейчас прочел новые телеграммы за подписью «Съезд Советов» — смертная казнь отменяется, все арестованные по политическим делам освобождаются.

Все министры, кроме Керенского, арестованы: Керенский бежал; приказывается всем его ловить.

Воззвания к железнодорожникам — сохранить порядок и не прерывать движение.

На фронте восстанавливается право свободной агитации...

16—00. Слух: образовано новое правительство: председатель — Ленин, министр иностранных дел — Троцкий.

17—45. В 15 ч. 29 м. принята радио из Петрограда, в которой Петроградский Совет Р. и С. Д. призывает все корпусные комитеты прислать своих представителей по 1 на 25 000 чел. на Съезд Советов.

27. X.

С утра, как это стало теперь обычаем, сидел у Развозова; тут были Черкасский, Щастный, Демчинский.

Официально известно следующее: по инициативе «Балтийского флота» образуется комиссия для управления морским ведомством; капитан 1 ранга Модест Иванов, намеченный кандидатом для избрания на должность члена коллегии, был по радио запрошен о согласии и немедленно это согласие дал.

Другим кандидатом, повидимому, выставляется адм. Лесков (?).

Образовалась какая-то «Следственная комиссия особого назначения», которая арестовала и посадила в Нюландскую тюрьму полковника Нордмана (н-ка контр.-разв. отд. шт. ком. флотом); причина ареста — «политическая неблагонадежность»...

17—40. Tiens! Это ново! Занимаюсь в каюте, слышу чьи-то шлепающие шаги, входит мальчик в солдатской шинели: газетчик, предлагает — «Известия», «Прибой», «Социалист-Революционер» — это правоверная печать нашего времени.

Газетчик на корабле — мелочи новых форм быстротечной жизни.

В Центробалте слух, что Петроград осаждается войсками, присланными с фронта...

28. X.

За ночь — ряд событий: получены две юзограммы за подписью министра-председателя и верх. главноком. Керенского, который со-

общает, что во главе войск фронта, преданных родине, идет на Петроград, — им взята Гатчина без кровопролития, причем войска Петроградского Совета и матросы сдались.

В другой телеграмме он объявляет петроградское действо буйством шайки преступников и т. п.

Затем к аппарату юза из Петрограда был приглашен член Областного Комитета. Вызвал Ленин и начал передавать, что «положение критическое, войска Петроградского гарнизона устали ...», «необходима помощь, что можете прислать?»

На это Областной Комитет ответил, что могут послать здешнюю 128 дивизию, «Республику», миноносцы...

Дальше неизвестно, что говорилось, ибо дежурного офицера просили выйти: «разговор секретный»...

К утру мы узнали, что Ц. К. Б. Ф. решил и отдал приказ итти в Петроград крейсеру «Олег».

11—15. В каюте комфлота — обычное совещание.

Решается, если суда действительно пойдут, комфлот немедленно пошлет телеграмму главнокомандующему северным фронтом, что, при условиях впутывания кораблей в политику в ущерб войне, он более командовать не может.

Ночью к Черкасскому явился штурман «Олега» с вопросом о безопасных курсах и конвойных миноносцах. Князь ответил, что ни комфлот, ни штаб не отдадут распоряжения о посылке судов с политической целью; что, если корабль сам находит нужным итти, пусть обратится к тем, кто его посылает.

Есть сообщение, что в [?] сев. фронте образовался «Революционный Комитет», постановивший признавать только «Революционный Комитет Петрогр. Совета», что к нему присоединился генерал Черемисов, а комиссар Временного Правительства Войтинский подал в отставку.

15—00. Мы с Черкасским составили юзограмму от Развозова главнокомандующему сев. фронтом Черемисову — ссылаясь на нарушение его прав: посылка в Петроград четырех миноносцев, затем «Олега», задержание в Петрограде «Авроры» — все это несмотря на протесты и указания на недопустимость этих посылок в оперативном отношении, — комфлот заявил, что слагает с себя ответственность за оборону вверенного ему театра и просит указать, кому сдать командование.

17—00. Сейчас сидели в каюте комфлота, бар. Корф, Черкасский, Щастный, Демчинский; из Петрограда адъютант бывш. министра сообщил, что ничего существенного в газетах нет — почти исключительно распоряжения новой «власти» по продовольствию, а сверх того им в министерстве ничего неизвестно.

Все буржуазные газеты закрыты, что вызывает негодование даже «Новой Жизни» Горького. Вообще, вся социалистическая печать небольшевистского толка возмущена до крайности всей этой историей.

19—00. Перед обедом телеграмма об отставке комфлота была подписана Развозовым и прочтена призванному для этого нашему комиссару из Центробалта матросу Журавлеву.

Телеграмма произвела на него большое впечатление; он стал говорить, что теперь он и сам видит, что как будто ни к чему было посылать корабли, что они уже собираются их отозвать, да вот только сведений никаких из Петрограда нет: не дает гл. телегр. контора провода уже скоро сутки...

Журавлев просил обождать, не посылать сейчас; выражал опасение, что содержание ее дойдет до Керенского, и тот разъяснит ее своим казакам в нежелательном смысле: де матросы не хотят исполнять боевых приказов...

На это Развозов возразил, что в телеграмме этого нет, и ничто в ней не дает повода к такому толкованию...

В общем, комиссар удручен...

Телеграмма должна быть послана.

29. X.

11—00. Радио всем. «2-й Всерос. Съезд Советов опубликовал правительство в следующем составе: председатель Совета Народных Комиссаров — Ленин; по внутренним делам — Рыков; земледелия — Милютин: труда — Шляпников; по делам военно-морским — Антонов; по делам военно-морским — Крыленко; по делам военно-морским Дыбенко; торговли и промышленности — Ногин; просвещения — Луначарский; финансов — Скворцов; иностранных дел — Троцкий; — юстиции — Ломов; продовольствия — Теодорович; почт и телеграфов — Авилов-Глебов; председатель по делам национальным — Сталин.

«Новое правительство вступило в исполнение своих обязанностей, опубликовав ряд декретов. Министр Вердеревский согласился быть в морском министерстве, заведуя технической частью и не касаясь политики. В Гатчине находятся казаки во главе с Керенским.

«Навстречу им двинуты силы Военно-Революционного Комитета. V, VI, VIII, XI армии, Москва, Одесса, Псков, Смоленск, Рязань, Севастополь и другие города поддерживают власть нового правительства.

«Пока никаких столкновений между Петроградским гарнизоном и войсками Керенского не было. Настроение в Петрограде спокойное. В войсках единодушное сознательное отношение к происходящим событиям. Поступает целый ряд телеграмм о поддержке новому правительству.

Рев. Морск. Ком. № 130. Председатель В а х р а м е е в».

Эта радио была принята вчера днем, но не была нам показана...

Сегодня с утра она вывешена на доске, где вывешиваются объявления во всеобщее сведение.

Вчера вечером, когда юзограмма Развозова об отставке была уже подана в рубку для передачи, явился взволнованный председатель Центробалта и заявил, что они не могут допустить передачу этой телеграммы... ибо не хотят, чтобы Черемисов знал, какие силы посланы нами в Петроград.

Комфлот ответил, что, в таком случае, он составит акт о факте задержания телеграммы...

Этот человек тогда сказал: «пожалуйста, не посылайте телеграммы, мы согласны бы хоть сейчас отозвать корабли, да вот только не знаем — каково там, в Петрограде, положение! не дают проводов юза, не соединяют телефона!..»

30. X.

10—50. Вчера вечером получена радио от лица «членов революционного органа»; призывает не верить врагам народа и уверяет, что большевики вполне победоносны. Подпись «Олег».

Сегодня мы узнаем, что сюда идет яхта «Штандарт» на буксире «Ермака».

Так как были слухи, что Ленин и Троцкий скрылись, то у нас возникло предположение, что они идут сюда на «Штандарте».

Собрались в каюте Развозова: Черкасский, Щастный, Демчинский, я, — как быть? Черкасский предложил: с его появлением комфлот, начальник штаба, оба флаг-капитана заявляют, что они не признают власти Ленина и уходят, оставляя остальные чины штаба для «хранения дел».

Все согласны, что это правильно, но возражение в том, что такой план будет квалифицирован как измена... что лучше, может быть, просто ни в какие сношения не входить — пусть арестуют, а мы до конца будем на своем месте...

12—50. Получен письменный, формальный протест английского капитана 1 ранга Кроми против установления контроля над его сношениями.

Для передачи этого протеста вызван наш комиссар Центробалта Журавлев.

«Петропавловск», неожиданно для нас, снялся с камней (благодаря прибыли воды).

Завтра — начало выборов в Учредит. Собрание. Воображаю, что из этого выйдет!?

Вот где истинная наша трагедия: хозяин земли русской, признанная всеми власть — Учредительное Собрание рождается при условиях ужасающей распри — что это будут за выборы?

18—00. Только что говорил по юзу с Петроградом — генмором, с кап. 2 ранга Романовым. Спрашивал — нет ли вестей от англичан (на-днях была агентура, — правда, весьма сомнительная, — о возможной операции в Финском заливе) и, после разговора на эту тему,

считаясь с возможностью, что рядом с Романовым сидит какой-нибудь комиссар в роде тех, что у нас в радио-рубках, спросил его дипломатично: «не имеете ли еще чего сообщить по обстановке?»

На что последовал ответ: — «ничего не могу... ох... не имею вам сообщить...»: «ох»... на языке юза значит — «ошибся».

19—10. Сегодня утром протест Кроми против контроля, при надписи комфлота: «Требую немедленно снять контроль с флотилии иностранной державы» с указанием, что такое действие может вызвать «международные осложнения», был направлен в Центробалт. Там созвали совещание и решили немедленно снять контроль, о чем сейчас посланы соответствующие телеграммы...

31. X.

14—00. Из Петрограда вернулся Тимофеевский: он видел всех, кого можно: Вердеревского, городского голову, Комитет Спасения и т. п. После избиения юнкеров все успокоилось в городе, солдат мало — все ушли на «позиции», в городе много патрулей, магазины открыты. Позиция Комитета Спасения нейтральна, Городская дума враждебна большевикам.

Саботаж со стороны ведомств и населения продолжается.

При войсках Керенского находится В. Чернов, «селянский министр»; говорят, что дело принимает затяжной оборот, что Керенский хочет изолировать столицу, что не позже как через неделю большевистская власть лопнет.

Вердеревский, однако, думает, что вся эта неразбериха сможет продлиться с месяц.

С фронтов вести соответствующие: братания...

17—21. Радио с царскосельской радиостанции.

«Центробалт. Призываю всех товарищей к спокойствию. Час поражения врагов революции близок. Они отступили от Царского Села и преследуются нами. Доблестью товарищей матросов все восхищаются и стоящие на позициях шлют привет всему Балтийскому флоту.

Народный комиссар Дыбенко».

2. XI.

11—00. В каюте комфлота — Развозов, Черкасский, Щастный, я.

Очередная сенсация — немцы сообщают по радио, что Сибирь отделилась от России и призвала к себе царем бывшего императора Николая II...

Другая радио за подписью Дыбенки и ряда революционных организаций объявляет о состоявшемся в Петрограде соглашении между казаками, юнкерами и гарнизоном — требовать Керенского в Петроград для «гласного народного суда».

Третья радио от новой организации — «Союза имущественного и трудового равенства» — с предложением через предста-

вителей нейтральных держав ко всем воюющим — перемирия на три месяца...

Сегодня ожидается большой скандал в городе. Какая-то «социальная реформа»: не то разгон сейма, не то драка между красной и белой гвардией...

Так или иначе Ц. К. Б. Ф. постановил не увольнять матросов на берег сегодня и завтра; вероятно, матросы обиделись — а как же офицеры? и, в дополнение, издан новый указ Центробалта: не сходить на берег и офицерам.

Утреннее совещание у Развозова.

Все тот же вопрос: где же предел нашему терпению? До каких пор должны мы подчиняться? Не иссяк ли уже наш основной стимул, ради которого мы жертвовали всем прочим, — война?

Во имя чего еще держаться?

Мы имеем сведения, что многие начальники и офицеры решили все вопросы просто и легко: «делать то, что сделает комфлот»...

Счастливцы!

А каково-то Развозову, зная, что за ним пойдут многие, решаться?!

У нас есть пример: на-днях, когда от миноносца «Деятельного» потребовали, чтобы он открыл огонь, стоя в Неве, по городу, командир лейт. Рыболтовский ушел с миноносца и скрылся; остальных трех офицеров арестовали и отправили в Кронштадт.

В газетах пишут, что в Черном море команды поставили офицерам вопрос ребром: «или вы за Советскую власть или...»

13—15. Имеем радио из Петрограда: Гатчина взята советскими войсками; генерал Краснов и штаб Керенского взяты в плен; сам Керенский — снова бежал...

Сегодня с изумлением прочел агитационный плакат списка № 3; там рядом с моей фамилией — напечатано: член президиума союза социалистов, товарищ председателя Исполнительного Комитета Гельсингф. Сов. Деп. I созыва...

Никогда не был в президиуме союза социалистов; мне крайне неприятна эта ошибка агитационного бюро; придется писать заметку в газетах, но ведь плакатов до тысячи, на ложь будут пальцами тыкать!

На плакате написано, что «захват власти одной партией есть насилие над волей народа», что «кто за волю большинства демократии Российской республики», с исключением «преступных крайних левых и правых элементов»...

Не думаю, чтобы этот плакат имел успех.

14—30. Через Демчинского просил агитационное бюро поместить в газетах заметку, что, по их недосмотру, вместо «член учредитель», написано «член президиума».

16—30. Подлинная сенсация: получена юзограмма генерала Духонина; он объявляет, что генерал Краснов донес ему о заключенном

с войсками Петроградского гарнизона перемирии и о том, что Керенский «скрылся»! Далее Духонин объявляет, что, на основании такого-то закона, он принимает на себя обязанности верховного главнокомандующего и приказывает немедленно прекратить всякое кровопролитие, запрещает всякое передвижение войск к Петрограду и призывает ожидать образования в Петрограде нового правительства.

Комфлот был в Центробалте; ему задали вопрос — как быть с жалованьем, с финской валютой?

Он ответил, что на I. XI он озаботился и таким образом: до 20. XI деньги есть, а что будет дальше — вне его власти. Больше денег нет, и он не имеет возможности достать их.

То же и с мукой: выписанные для флота запасы расхищены по дороге; комфлот может писать только к министру, но министров не существует, может писать в министерство, но министерства бастуют...

Члены продовольственной секции ездили в Петроград, но ничего не сделали; председатель строго на них посмотрел и сказал: «просто ни чорта не сумели сделать, надо самому поехать... поеду сам — и хлеб будет!»...

Каждый день — ряд случаев, подчеркивающих полное наше безвластие; дошло до того, что целый полк (Лодейнопольский) уведен из Гельсингфорса без ведома (не говоря уже о разрешении) комфлота.

И вот только что был у нас (Развозов, Черкасский, я) разговор, что, так как фактически власть перешла к Советам, то надо разработать новый «modus vivendi»: составить какой-то устав, в котором точно указать область применения офицеров во флоте — оперативно-техническую...

3. XI.

12-00. Весьма любопытная телеграмма Черемисова: «Ком. арм. 1, 12, комфлоту (и другим адресам)...

«В 15 ч. I. XI главковерх Керенский выехал из Гатчины неизвестно куда. Во временное и. д. главковерха вступил наштаверх генерал Духонин. Братоубийственная война под Петроградом прекратилась. Войска, собранные главковерхом в Гатчине, отведены назад. Приказываю всякие перевозки войск в районе фронта, кроме оперативных, прекратить, а также прекратить всякие самочинные передвижения войск. Всем начальствующим лицам совместно с комитетами принять все меры для поддержания порядка в войсках и обратить все внимание на прочное удержание ныне занимаемых позиций, п о к а с о с т о р о н ы п р а в и т е л ь с т в а н е п о с л е д у е т д р у г о г о р а с п о р я ж е н и я (!).

2 ноября 12 ч. № 2078. Ч е р е м и с о в».

13-00. Разговор за завтраком:

Щ а с т н ы й: «...Разве назначение всего живущего не есть переваривание пищи?»

Черкасский: «...Конечно... и жалованье 20-го числа».

Щастный: «...Которое идет на ту же пищу...»

Ренгартен Черкасскому: «...Тошно все это! Надо послать Черемисову телеграмму об отставке, что была тогда задержана...»

Черкасский: «...Зачем? Ведь это та же тога, в которую мы заворачиваемся, когда, ссылаясь на «спасение родины», «сохранение фронта», все отодвигаем и отодвигаем пределы... Это продолжается восемь месяцев, а предела все нет. Говорим: вот придет Ленин, тогда скажем: довольно ... Пришел Ленин, и мы остались... Говорили: вот придет гражданская война, нам скажут — посылайте суда... и офицеры скажут: нет! довольно! на гражданскую войну мы не пойдем... И вот пришла гражданская война, мы прикрылись фиговым листком бумажных протестов и... корабли пошли в Петроград. Может быть только два решения: одеть котелки и уйти или признаться в собственной подлости и продолжать катиться по наклонной плоскости во имя 20-го числа и пищи...»

Щастный: «...А может быть — мы стихийно принимаем участие в процессе распада...»

Черкасский: «...Еще одна тога...»

Мирбах: «...Ну, а представим себе, что вдруг все офицеры стали идеальны и все уйдут — не будет ли тогда во флоте еще хуже?»

Черкасский: «...Ну, конечно! Вот уже есть благовидный предлог служить, т.-е. получать 20-го жалованье...»

Щастный: «...Так, катимся, катимся, все равно, в голове, в хвосте, все — кучей...»

Черкасский: «...Опрохвостились!..»

17—30. Днем ходил в город с семьей и Сахаровым.

Встречаю дорогой бар. Корфа: «Не ходите... там стрельба, паника... около университета...»

Идем дальше, навстречу офицер: «Не ходите — там красная гвардия забирает банки»...

Идем дальше. На площади Salutorget часть оцеплена красной гвардией, рабочие с красными повязками на шляпах стоят — ружья наперевес. За ними идут весьма стройными рядами отряды красногвардейцев. Публика толпится, но пятится при окриках вооруженных людей. Далее видно запруженную народом площадь Сенатскую и слышен гул голосов и отдельные крики.

В городе ни трамваев, ни извощиков — все бастует.

Когда мы шли домой, слышали отдельный ружейный выстрел.

5. XI.

15—00. Вместе с Л. Сахаровым подали свои голоса; избирательная камера находится в нашем «салоне». На столе большой деревянный ящик, крышка которого запечатана несколькими печатями. На крышке — щель. За столом — дежурный член избирательной

комиссии принимает удостоверения, отмечает в избирательном списке, что голос подан, выдает конверт для вложения записки.

Угол каюты завешен, дабы избиратель мог «тайно» осуществлять свое право.

Я подал свой голос за список № 3.

Может быть, выборы и закончатся, может быть, даже удастся подвести им итоги; есть также вероятие, что соберутся члены Учредительного Собрания и даже удастся открыть его... но что будет дальше?!

Сегодня хотел говорить по юзу с Ревелем, но оказалось, что правительственный провод получить нельзя: по словам юзиста, ревельская телеграфная контора забастовала, не признает нынешней «власти». «Власть» рассердилась и объявила, что, если работа не возобновится, вся контора будет арестована и отправлена на фронт.

Обычный в наше время эпизод: было приказано летчикам с Бригитовки лететь на Даго для разрушения немецких ангаров. Отказались лететь: объявлен «декрет о мире», поэтому нехорошо обижать «товарищей немцев»...

8. XI.

Утром, когда флаг-офицер хотел послать за комфлотом его автомобиль, председатель Ц. Б. Измайлов заявил: «доведите до сведения комфлота, что автомобиль, по моему приказанию, пойдет на вокзал встречать «адмирала» М. Иванова...»

Сюда едет председатель Верховного Морского Комитета Модест Иванов.

Что делать — ясно; вопрос лишь в форме.

На совещании: Развозов, Черкасский, Щастный, М. Петров, я.

М. Петров. Надо придраться к случаю с автомобилем, заявить, что «требую переизбрания председателя Ц. Б.» или «ухожу с поста комфлота»...

Щастный. Слишком мелок этот случай; надо сделать это торжественнее: пусть на большом собрании флагманов Модест Иванов продекламирует свои взгляды и намерения... ему можно будет отвечать соответственной отповедью и заявить после этого о своем уходе.

Ренгартен. Вполне согласен с этим предложением.

Петров. Но это лишает нас приятной возможности игнорировать М. Иванова.

Черкасский. Ну нет! Он сам сюда явится и, все равно, уклониться от всякой встречи не придется.

Я. Со своей стороны, если не будут пускать, прошу разрешения уехать в отпуск; по последнему приказу имею законное право на пять недель...

Развозов. Нет — мы еще не дошли до грунта: мы все что-то ждали, что вот-вот — еще немного, и вся эта ерунда сокрушится, на-

ступит нечто приемлемое. На деле же новая власть и не думает падать, но, наоборот, глумится. Больше того: на «Республике» большевиками уже недовольны, хотят большего. В Ц. К. Б. Ф. уже завелось 15 анархистов... Советы больше не удовлетворяют, требуют не много, не мало— анархии! Мы не должны участвовать в переходе от Советской власти к анархии.

Щ а с т н ы й. Русский народ и по складу ума и по привычке управлять «миром» весьма склонен к тихому бэдламу. Я думаю, что наиболее длительным из периодов революции будет анархический... В самом деле — система «подскочи» наиболее свойственна нашей природе и духу.

Ч е р к а с с к и й. Итак — доехали! Решено; а там, пусть поступают с нами по «местным законам», дальше видно будет.

Р а з в о з о в. Да. Так и сделаем.

Вечером у Развозова был Модест Иванов: явился в качестве начальника 2-ой бригады крейсеров, чтобы узнать, можно ли сдавать бригаду Дмитриеву.

Подумаешь, какая дисциплина! А уехать самовольно можно было!

Он рассказал, что войдет в новое правительство в качестве морского министра, что он идет с большевиками из любви к офицерам, желая своим влиянием спасти офицеров от ожидающих их бедствий, до безработицы включительно; что правительство в вопросе о мире не может действовать иначе, ибо доподлинно известно, что армия с наступлением зимы все равно ушла бы домой. Правительство своим шагом хочет удержать армии в порядке (!?) и придать планомерный характер (??) эвакуации...

Решено, что, когда он станет министром, он официально сюда явится на собрание флагманов и капитанов, где предполагается декларировать «исход».

9. XI.

11—45. Можно считать, что правительство Крестьян и Рабочих декретировало анархию на фронте...

Верховным главнокомандующим назначен — прапорщик Крыленко.

Радио — передана на немецком языке 23-00. 8. XI. 1917.

«В о з з в а н и е к м о р я к а м г е р м а н с к о г о ф л о т а.

«Братья по пролитой крови и труду, моряки германского флота!

«Обращаемся к вам с сердечным и искренним призывом, свергайте ваших угнетателей, эксплоатирующих вашу силу и труд!

«Товарищи матросы германского флота!

«Следуйте примеру ваших братьев — русских моряков Балтийского флота, которые гордо подняли красное знамя восстания.

«Товарищи! Открыто и честно вам заявляем, что в России сам народ взял власть в свои руки и управляет всей Российской Республикой!

«Надеемся, что и вы отзоветесь на наш братский призыв, сбросите с себя рабские цепи империализма и дружно, вместе, провозгласим:

«Долой кровавую бойню, затеянную капиталистами и царями!»

«Да здравствует братский мир народов любви [?] всего мира!

«Да здравствует Третий Интернационал!

«Да здравствует соединение многострадальных в бушующих волнах морей и океанов моряков всего мира!

Центральный Комитет Балтийского флота. 5. XI. 1917».

Один из характерных штрихов революционной тактики:

Разговор по юзу между Дыбенко (в Петрограде) и председателем Ц. К. Б. Ф. (в Гельсингфорсе). Говорят о возможности, что офицеры не будут подчиняться большевистской власти.

Дыбенко замечает: «...Офицеров можно отпустить, но не в резерв, а... матросами, в кочегарку! ...а от тех, что теперь в резерве — отобрать жалованье!...»

Один из многих эпизодов, характерных с точки зрения неприкосновенности жилища:

Нынче ночью меня разбудил звонок телефона: говорят из квартиры жены Петухова — просят помощи: к ним стучатся в окна и двери матросы...

На помощь пришли и с «Кречета» и из «Секции охраны народной свободы».

Выяснилось, что матросы «Деятельного» искали бежавшего командира, вероятно, чтобы «судить не по закону, а по совести».

Жена Рыболтовского сама не знает, где ее муж, и, боясь оставаться в своей квартире, ночует у Петуховых. Матросы же с «Деятельного» не верят этому, ибо какая-то прислуга уверила их, что видела Рыболтовского...

Сегодня Советская власть исполнила свое обещание — она «приступила к опубликованию тайных договоров»... Это всего лишь секретная переписка министров иностранных дел. Я ожидал большего. Правда, это только начало.

Здесь был сегодня capt. Cromie; он только что из Петрограда. Он дружески сообщил мне, что заключение сепаратного мира могло бы привести нас в состояние войны с ними, на что я возразил, что не найдется для этой войны русских офицеров. Он очень озабочен судьбой своей флотилии, и мы совещались на этот счет у Развозова.

На иностранных послов произвело наибольшее впечатление опубликование секретной переписки (это откроет немцам ряд шифров!). Особенно боятся опубликования переписки о Дальнем Востоке: что-то союзники нечистое договаривали, как будто в ущерб Японии и Америке...

Теоретически — согласен, что тайная дипломатия есть величайший разврат и кладезь чудовищной подлости. Но... во что обойдется это России?

14—40. Когда были призывы в баталионы смерти для борьбы с врагом внешним на фронте, «революционные матросы» с презрением отвергали такие предложения.

Теперь кликнут другой клич:

На борьбу междуусобную, на войну гражданскую, на фронт русско-русский или петроградско-донской, или ленино-калединский...

И «революционные матросы» восторженно записываются в добровольцы!

Вот они идут к «Штандарту» по стенке, за оркестром музыки, играющим марсельезу.

14. XI.

16—00. Мне предложили взять на себя чтение лекций по электротехнике в Матросском университете. Электротехнический факультет организуется Демчинским. Курс 5 месяцев.

Это значит — 9 часов в неделю делать дело нужное, полезное и, кажется, хорошее.

Я дал принципиальное согласие.

Утром тягостное собрание у Развозова.

Сидели два представителя Центробалта.

Вопрос шел о зимней дислокации. Развозов сообщил им, как он приказал распределить суда, и заявил, что никаких претензий по этому поводу принимать не будет, и пусть Ц. Б. сам разрешает все могущие произойти недоразумения...

Попутно, невольно, задевались общие места.

На замечание комфлота, что нынче нет свободы слова, один из двух представителей Центробалта дал такую реплику, сказанную с полным сознанием своей непогрешимости: «свобода слова не значит — свобода лжи... это все, что я имел заявить!».

На другое замечание Развозова, что флот принадлежит всему народу, и высшее управление им не может зависеть всецело от воли 30.000 человек его личного состава — ничтожного меньшинства по сравнению со 180.000.000 [?] населения России — на это второй представитель Центробалта, стиснув зубы, твердо заявил: «не 30, а 65.000 человек!».

По поводу чего первый еще добавил: «...А Совет Народных Комиссаров поставлен волею представителей 12.000.000-ной армии!...».

Таким образом каждый остался при своем мнении.

Ко мне приходил Кроми; я утешил его, рассказав о совещании с представителями Центробалта, о том, как один из них убежденно заявил, что «наши главные враги — Франция и Англия...».

Кроми последовал моему совету и собирает все свои лодки в Ганге. Мы долго говорили с ним о текущих делах самым дружественным образом.

Он спросил, не было ли бы полезно ему явиться в Центробалт и поставить ребром вопрос: считают ли они Англию врагом или другом и дать на ответ 24 часа...

Я возразил, что пока Развозов находит возможным командовать флотом, Кроми надлежит игнорировать всякую другую власть и считаться только с властью командующего флотом, особенно, пока с ним (с Развозовым) считаются. Но может, и очень скоро, притти время, когда такой шаг был бы весьма целесообразен.

Вчера в Ботнике, близ Ментилуото, взорвался на немецкой мине и погиб миноносец «Бдительный». На нем погибли все офицеры, из матросов спасено только 10 человек.

Среди офицеров — начальник дивизии капитан 1 ранга В. Кедров, командир миноносца лейтенант Мусселиус, мичман Тихомиров и еще двое.

Прошли выборы на «Кречете»:

левых с.-р.	113
большевиков	105
офицеров	30
правых с.-р.	10
Лопатин	5

В Петрограде победили большевики — они получили 6 мест; за ними кадеты — 4 места и с.-р. — 2 места. Прочие ни одного.

Весьма характерно.

19. XI.

1 — 00. Вчера в газетах опубликовано обращение Временного Правительства за подписью всех тех его членов, которые не арестованы и не ушли в отставку. За председателя — Прокопович. В обращении этом Временное Правительство объявляет все акты Совета Народных Комиссаров незаконными, призывает к сплочению всех вокруг Учредительного Собрания, подтверждая незыблемость договоров с союзниками, указывает на недопустимость и позор сепаратного мира и т. п.

Одновременно опубликовано постановление об открытии Учредительного Собрания 28. XI. в 2 часа дня в Таврическом дворце...

Этот голос Временного Правительства, которого, в сущности, нет, но которое все же существует, прозвучал как-то странно, из небытия.

Сегодня (т.-е. 18-го [1])) ни одна газета, напечатавшая обращение Временного Правительства, не вышла, т.-е. снова закрыты все газеты, кроме большевистских и «Новой Жизни»!

Но этого мало: распущены Московская и Петроградская городские думы, т.-е. Военно-Революционный Комитет распускает органы само-

[1]) Так в подлиннике.

управления, избранные на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Результаты голосования в Учредительное Собрание по Балтийскому округу:

Ленин	60.000 гол.
Дыбенко	
Шишко	30.000 »
Прошьян	
Цион	12.000 »
Маслов	
Демчинский	2.000 »
Ренгартен	

20. XI. «Кречет».

19-50. Из дому вышел только в 13 ч., чтобы итти на открытие электротехнических курсов Матросского университета.

Подойдя к набережной, увидел на рейде много кораблей под красным флагом... еще вчера на этих кораблях развевался Андреевский флаг, что свидетельствовало о принадлежности их к России.

Итак — первое впечатление дня: красные кормовые флаги.

По дороге встретил Демчинского, заведующего электротехническими курсами. Он рассказал мне, что в ночь на 19-е в 3-м часу к юзу был вызван Альтфатером из Пскова командующий флотом и начальник штаба. Оба были дома, разбужены и вызваны на «Кречет». Альтфатер сообщил, что было сношение северного фронта со ставкой, из коего видно, что союзники согласны на заключение нами сепаратного мира с немцами, что из Петрограда едут и на рассвете будут во Пскове два офицера генерального штаба, назначенные в делегацию военными экспертами, что необходимо к их приезду знать мнение комфлота о гарантиях, которые мы должны потребовать как условия заключения перемирия.

Командующий флотом спросил: делается ли это с предварительного согласия союзников?

На это последовал ответ: «П о в и д и м о м у, да».

Тогда комфлот заявил, что признает в качестве обязательного требования: возвращение нам Балтийских островов, увод германских морских сил из Рижского залива, проведение демаркационной линии на время переговоров о мире — Виндава-Готланд.

Так начался этот печальный день.

С утренним поездом приехал из Петрограда капитан 1 ранга Модест Иванов, и начались чудеса.

Он явился на «Гражданин» и приказал поднять «свой» флаг морского министра.

Командир отказался исполнить это приказание без разрешения командующего флотом. Развозов одобрил действия командира и не разрешил подъема флага министра.

Тогда Модест Иванов отправился в Центробалт, куда скоро был приглашен и Развозов.

Произошло заседание, весьма тягостное и нелепое по содержанию и грубое и бурное по форме. Часть собрания прямо искала повода для оскорбительных выходок по отношению к командующему флотом: некоторые ораторы в сильных местах стучали кулаком по столу, раздавались крики «долой», «требую», «мы не позволим», «мы сметем», «штаб надо встряхнуть так, чтобы все полетели вверх ногами»...

Были и личные, резкие и несправедливые нападки на командующего флотом.

В конце концов утомившееся от криков собрание постановило:

1. Сообщить на все суда, что на «Гражданине» поднят флаг морского министра — Модеста Иванова, все приказания которого подлежат беспрекословному исполнению.

2. Обсудить в особом заседании Центробалта 20-го линию поведения комфлота и его штаба.

Когда я пришел с открытия электротехнического отделения Матросского клуба на «Кречет», то застал там, в ожидании конца заседания Центробалта, в каюте комфлота Бахирева, Тимирева и Черкасского.

Шли разговоры — как быть, что предпринять. Бахирев ходил по каюте взад и вперед и изредка угрюмо бормотал, что «довольно»...

По возвращении Развозова он рассказал о заседании; было решено 20-го в 9 час. утра собрать на «Кречет» флагманов, чтобы принять общее для всех решение.

Так как приказание о подъеме флага министра теперь исходило от признаваемого Центробалта, то от комфлота командиру «Гражданина» послана записка с подтверждением, что подъем флага разрешается.

Вечером с «Гражданина» всем — семафор:

«Морской министр просит комфлота, нач. штаба и всех флагманов прибыть на «Гражданин» в 10 час. утра 20 ноября».

В это время на «Кречете», в частном порядке, обсуждалось положение — в столовой сидели: Развозов, Черкасский, Вилькен, я, М. Петров и другие офицеры штаба.

Печальная была беседа.

Разговор шел о Модесте Иванове как о провокаторе-авантюристе; дело казалось ясным: сказать ему, что о нем думают, и заявить, чтобы он убирался к чорту.

Все соглашались, что это, пожалуй, самое лучшее, что можно сделать, ибо как можем мы признать министра из правительства Ленина, которое не признано страной и является узурпатором власти накануне Учредительного Собрания...

Но Развозов говорит, что мы не можем не считаться с Центробалтом и со съездом всех морей, который, как оказывается, недавно собрался в Петрограде и принял кандидатуру Иванова на пост министра... что он, Развозов, на собрании Центробалта открыто и категорически заявил о непризнании им власти Совета Народных Комиссаров, но такого признания и не требуют от него, что конфликт создается на почве предположения, что мы, т.-е. комфлот и флагманы и вообще офицеры — не желаем признавать власти демократии вообще.

Черкасский высказался определенно, что комфлот и он должны заявить Иванову, что, будучи назначены Временным Правительством, они не могут признать над собою его власти и слагают свои полномочия.

М. Петров предложил, чтобы представители Промора (Вилькен и он) заявили Иванову, что считают его приезд приемом провокаторским и что если в результате возникает острый кризис, то офицерство пойдет не за ним, М. Ивановым, но за комфлотом — Развозовым.

Я предложил — чтобы комфлот и начальник штаба не шли ни на какие условия, а просто заявили бы, что, как назначенные Временным Правительством, его, Иванова, не признают и слагают свои обязанности, передавая все свои полномочия Центробалту, настаивая при этом, чтобы всем офицерам, не признающим власти, непризнанной страною, была дана возможность уйти, куда пожелают...

Наконец, порешили, что свидание с Ивановым все же состоится, что Развозов заявит ему, что мы требуем, чтобы до созыва Учредительного Собрания (до чего осталось лишь 8 дней) нас оставили в покое: пусть будет все, как есть сейчас.

А по созыве Учредительного Собрания оно создаст власть, которой все мы беспрекословно подчинимся. Потом решили, что Вилькен с Петровым теперь же разыщут М. Иванова и передадут ему это решение; если он его отвергнет, мы идем на конфликт.

Однако поиски Иванова не увенчались успехом — ездили за ним по городу, и на катере, на «Гражданин» — он как сквозь землю провалился; никто не мог указать, куда именно.

Черкасский думает, что не миновать ему и Развозову Петропавловской крепости; пришел вечер и неопределенные перспективы на ночь. На случай ареста и прочих случайностей — комфлот и начальник штаба решили ночевать на корабле. Я тоже решил это сделать.

20. XI.

9—15. Каюта комфлота. Собираются флагманы.

Так как вчера не удалось найти Иванова, то Вилькен сейчас отправился к нему на «Гражданин».

Только что получена из ставки юзограмма, что, по официальной справке, слух, будто союзники выразили согласие на заключение нами сепаратного перемирия, не подтвердился...

9—30 все собрались, началось совещание.

Развозов рассказал о вчерашних событиях, о создавшемся положении, о позиции Центробалта, об отсутствии твердого, определенного настроения в офицерстве, в результате чего он полагает, что надо ехать к Иванову и заявить мнение обо всем этом флагманов.

Бахирев. Не стоит ехать... если офицеры — такие шляпы и не могут себя защитить, то... пусть пропадают...

Развозов. Я все-таки думаю, что так как Центробалт поставил дело в такую плоскость — непризнания власти демократических организаций, чего на самом деле нет, то мы не можем итти на конфликт. Я хочу сказать Иванову: «Ваш приезд сюда, за восемь дней до созыва Учредительного Собрания, поставил нас в крайне тяжелое положение, и вы должны все это уладить, чтобы мы могли спокойно ожидать власти, Учредительным Собранием поставленной, которую все безусловно признают».

Бахирев. А по-моему — не стоит — правда? Когда-нибудь же надо в рыло!..

Паттон. Еще нет. Флот еще надо поддерживать: вот как только заключат мир, — мы уйдем...

Бахирев. Наглость дальше и дальше идет... когда-нибудь надо кончать!..

(Все молчат. Продолжительная пауза.)

Бахирев. Эксцессы! Пусть будут эксцессы!..

Паттон. До сих пор менялись правительства, и нашего мнения не спрашивали. Спрашивали только, признаем ли мы демократические организации, и мы всегда отвечали: да... а вопрос о признании или непризнании власти вообще, сам по себе, нелеп... она есть, не надо обострять.

Бахирев. ...Пора обострять!

Зарубаев. Если мы пойдем на открытый разрыв, то не сможем обеспечить для офицеров безболезненной демобилизации... я не знаю — будет ли это правильно. Я на бригаде еще могу кое-что сделать, меня признают...

Бахирев. Эта почва больно скользкая!..

Зарубаев. Если признавали Керенского, то почему не признавать Ленина?

Тимирев. Все-таки разница... Я, с своей стороны, вполне одобряю план, что предложил Александр Владимирович...

Бахирев. Да ведь так — конца-края нет...

Паттон. Мы, раз признаем комфлота, должны итти за ним и его поддерживать.

Тимирев. Конечно — да!

Развозов. В виду того, что до Учредительного Собрания остается лишь восемь дней, я поставлю ему (Иванову) условие, чтобы до созыва Учредительного Собрания не было произведено никаких изменений в личном составе. Они собираются сегодня судить меня и

штаб за вчерашнюю историю с флагом. Об этом его (Иванова) хотел поставить в известность Промор. В смысле офицеров и их сплоченности, мы знаем от того же председателя офицерского союза, что такой сплоченности нет.

Черкасский. А если Модест Иванов скажет, что он не согласен ждать Учредительного Собрания, что ныне вся власть в руках демократии, и дальнейшее зависит от нее, он же мешать ей не намерен?..

Развозов. Тогда я отвечу ему, что я назначен Временным Правительством и этого нового порядка признать не могу...

Бахирев. Надо прямо сказать: «Не признаем вас и — шабаш. К чортовой матери ступайте...»

Развозов. Я сбит с позиции постановкой вопроса, сделанной Центробалтом, которого мы признавали раньше, признаем и теперь. Теперь все это дело перешло в сферу театральную: поднят флаг выборного министра, и под ним задан вопрос — признаем ли мы власть народа или хотим ей противиться?.. Они действительно верят, что он избран народом, что ему поручена лишь техника, что политика тут не при чем...

Конечно, всякая уступка влечет другие уступки; но ведь — до созыва Учредительного Собрания осталось только восемь дней, а там все будет выяснено, придет конец колебаниям...

Мне кажется, что нам особой демонстрации делать не следует, мы подчеркнули бы только, что идем против Центробалта, чего, на самом деле, нет.

Развозов. Фактически — власть в их руках. Это движение исторически создалось, невозможно его не признавать.

Черкасский. Таким образом, дальнейшие шаги таковы: признать Модеста Иванова министром и, значит, поддерживать правительство комиссаров, прикрываясь признанием демократических организаций... это так: au claire, без шифра!.. И впоследствии что бы наш сосед ни выдумал... сегодня будут судить комфлота и его штаб... завтра комфлотом назначат матроса...

Или мы идем на все это, и тогда — признаем министра — или надо сказать: нет. По-моему — нет. Довольно!

Паттон. Нет. Мы можем сказать, что требуем не смены комфлота. Мы будем протестовать против смены, ибо она не вызывается никакими военными и техническими причинами...

Развозов (обращаясь к Вейсу). А ваше мнение?

Вейс (помолчав). Согласен с Николаем Ивановичем (Паттоном).

Тимирев. Если будет сменен командующий флотом, то мы все уйдем...

Ружек. Все — рапорты подадим, и больше никаких.

Развозов. Так, как же, Михаил Коронатович, давайте — поедем...

Бахирев. ...Я вашему приказанию подчинюсь, но и там скажу то же...

Паттон. Мне кажется, что нам не надо поднимать самим какие-либо вопросы. Мы идем за командующим флотом и присоединяемся к его заявлениям...

Черкасский. Таким образом, большинство за то, чтобы признавать.

Бахирев. Выходит — и поддерживать это самое правительство.

Черкасский. Ну, нет.

Тимирев. Это же совсем другой вопрос...

Развозов. Наш приезд есть акт чисто политический во исполнение приказания Центробалта, в руках коего единоличное распоряжение в сфере политической...

Скажу ему, что его приезд сюда и действия есть поступок демонстративный, направленный к разрушению флота, нами всемерно осуждается... и спрошу его, что он, собственно, имеет нам сказать?

Бахирев. Что он такое может сказать? Мы даже и предположить не можем, чего он там наговорит!..

(Все молчат.)

Бахирев. Давайте еще перебаллотируем... не ехать просто на просто...

(Все молчат. Молчание неловкое и тягостное.)

Развозов. Так как же: ехать или не ехать?

Бахирев. Нет!

Развозов (к Вейсу). А вы? (Вейс молчит.)

Развозов (к Тимиреву). А вы?

Тимирев. Ехать...

В это время доложили, что катер у трапа, все поднялись и вышли; последним — Бахирев, который с сердцем хлопнул дверью, проворчал со злобой что-то; я расслышал: «испить чашу унижения...», и жалко было, что дверь не хлопнула — так устроена, что не может хлопать.

Дальше произошло нечто неожиданное.

Когда комфлот с флагманами были готовы отваливать, к трапу подошел катер с «Гражданина», из которого вышли Модест Иванов и председатель Промора — Вилькен.

Все вместе вернулись в каюту комфлота. Расселись так, что Модест Иванов, на стуле, оказался лицом к собранию, сидевшему полукругом. Рядом с ним Вилькен. А в полукруге справа налево: Паттон, Развозов, Бахирев, Зарубаев, Вейс, Тимирев, Черкасский, Ренгартен, М. Петров, Ружек, Демчинский.

9—55. Открывается новое заседание.

Председатель Промора докладывает о содержании своей беседы с М. Ивановым.

В и л ь к е н. ...Я сказал капитану 1 ранга Иванову, что Промор считает приезд его сюда при существующих условиях, за восемь дней до открытия Учредительного Собрания, актом, вызывающим конфликт, в котором офицерство за ним не пойдет. Я сказал ему, что приглашение явиться к нему к 10 ч. всем флагманам есть обострение конфликта, ибо если комфлот и флагманы не придут, устранить последствия будет уже невозможно. Дело осложняется еще тем, что события вчерашнего дня вызвали на сегодня, в 2 часа, в Центробалте суд над комфлотом и его штабом...

Я указал капитану 1 ранга Иванову, что если он сейчас же поедет к комфлоту, то, быть может, удастся в более нормальных условиях притти к определенному решению.

На это капитан 1 ранга Иванов ответил мне: «...Зачем же вы раньше не сказали мне об этом? Я с удовольствием приехал бы и сделал со своей стороны все возможное!..»

Р а з в о з о в. Я хочу сообщить нашу точку зрения. Вчера в Центробалте вопрос был поставлен неверно — говорили о связи между признанием вас и признанием правительства...

М. И в а н о в. Я — не член правительства.

Р а з в о з о в. Мы решили, что неприезд к вам — есть акт непризнания Центробалта, чего на самом деле нет, и потому решили к вам приехать.

Ваш приезд сюда и форму, в которую вы его вылили, я не мог понять иначе, как желание вызвать конфликт. Если бы вы прямо пришли ко мне, это не было бы ничьим умалением. А ваш приезд на «Гражданин» сразу же поставил в тяжелое положение командира «Гражданина» и повлек за собою ряд неприятных последствий... Все это дало нам повод думать, что вы решили умышленно создать конфликт.

Вот причины, по которым я собрался ехать к вам, и вот, что имел намерение вам сказать.

М. И в а н о в (немного возбужденно). ... Я решил, что впредь никогда больше ни с кем не буду говорить с глазу на глаз... Я буду теперь ставить все вопросы ребром, открыто, при всех...

Я был у вас, Александр Владимирович, когда просил разрешения сдать бригаду Ст. Дмитриеву, мы говорили с вами. Вы сказали, что желаете мой приезд... Вы говорили мне, что хотите уйти... «...подыщите мне заместителя...» — значит, вы тогда признавали, а теперь...

Р а з в о з о в. Я вас тогда поставил лишь в известность о моем двукратном обращении по телеграфу к генералу Черемисову об освобождении от командования флотом, что оба раза телеграммы эти не были допущены комиссаром...

М. И в а н о в (продолжая волноваться). ...Я в Петрограде говорил один-на-один с Вердеревским — сказал ему, что я назначен товарищем морского министра, предлагал ему сговориться о

совместной работе... Он меня выслушивал, отвечал... А что из этого вышло?..

Я все время предлагаю устроить, наладить дело... Я готов выступить где угодно и дать ответ на все вопросы и объяснения всех моих действий...

В Петрограде был съезд представителей всех морей, на котором решено поднять власть командующего флотом...

Почему там не было представителей от офицеров?.. Вы далеки от жизни... Вы не знаете, что происходит... Вы замкнулись в себе... Я один должен защищать там интересы офицеров... Если бы меня не было, не удалось бы отстоять Андреевского флага: только благодаря моим настояниям было принято решение только временно заменить все флаги красными... это — шаг политический, ибо иначе часть русского флота уже стояла бы под украинским флагом.

Мои намерения и поступки толкуются предвзято и неверно; я не знаю, почему ко мне так дурно относятся?

Развозов. Потому, что те лозунги, которые выкинуло правительство, настолько несостоятельны и гибельны по последствиям, что совершенно неприемлемы для нас. Сепаратный мир мы считаем изменой по отношению к союзникам... Подобная политика нынешнего правительства непонятна и нам претит... вот почему и к вам такое отношение.

М. Иванов. Но дело в том, что я — не член правительства! Мне было предложено войти в Совет Народных Комиссаров, и я категорически отказался! Я — не большевик и не партийный человек и политикой не занимаюсь. Меня пригласили как техника. Я мог бы предложить способ обеспечить полную неприкосновенность личного состава...

Третьего дня в генеральном штабе собрались офицеры. Я пришел, спросил разрешение присутствовать; меня просили обождать. Я обождал, пока они решали, пускать или не пускать. Решили пустить. Тогда я просил разрешение участвовать в прениях. Меня просили на минутку выйти — стали обсуждать, допускать или не допускать. Решили — разрешить. Я сказал там, что хорошо знаю настроение масс народа, но не знаю настроения министерства, я объяснил лишь мою непричастность к политике и мои намерения в отношении флота и офицеров и... в результате, на другой день тот же Беренс принял место...

Ведь право смешно... граф Капнист, начальник морского генерального штаба, собирает своих подчиненных, подговаривает их бастовать... он был арестован — я к этому не причастен...

Потом понадобился эксперт в делегацию для переговоров о перемирии, я пригласил кап. 1 ранга Доливо-Добровольского. Когда он узнал все, он принял мое предложение и уехал сияющий!..

Вы сидите здесь в тупике. Вы изолированы и мертвы и не знаете, какова жизнь и каковы ее требования.., а когда является человек, ко-

торый согласен за все отвечать, на все дать определенные разъяснения, который в курсе всего и хочет всем помочь, вы не желаете его знать и относитесь к нему с предубеждением...

Развозов. Захват власти создал такую обстановку, в которой разобраться трудно, — от нас теперь просто скрывают многое, и мы, действительно, многого не знаем. Неудивительно, что и в офицерстве, достаточно потрясенном, нервы натянуты и нет надлежащего единодушия. И это верно, что жизни мы не знаем...

М. Иванов (уверенным тоном, откинув голову, смотря вверх). В будущем строительстве жизни вы — мертвецы.

Развозов. Но ведь дело в том, что декреты Ленина и приказы Крыленко таковы, что окончательно разваливают армию и ставят мир в условия самые невыгодные для нас. И мы не можем этому содействовать...

М. Иванов. Жизнь идет своим чередом... Я это чувствовал и пошел в министры, ибо видел, что выхода нет вне прямого участия. Я хотел предложить способ — вместо Центробалта и штаба — создать один орган, т.-е. институт комиссаров в отделениях штаба, и тогда Ц. Б. станет не нужным...

Развозов (перебивая). Они желают совсем не этого... Они желают убрать штаб вовсе и создать, по-своему, секции... технически получится ерунда и чепуха, и никакое дело с места не тронется...

М. Иванов. Так надо, чтобы офицеры приняли сами участие... Вы не знаете: я имею в виду, что комиссарами будут офицеры...

Сейчас создается совет 20-ти, который войдет в предпарламент и будет высшим органом для флота... Вы знаете, ведь адмиралтейств-совет упраздняется.., а офицеров в этом новом совете нет, а они должны там быть...

Ну как же выйти из этого положения? Вы предполагаете что-нибудь?

Развозов. Когда будет правительство, признанное всей страной, то дело сделается само собою. А до тех пор я никакого выхода не вижу...

М. Иванов. Выборное начало безусловно пройдет, но в общегосударственном масштабе... Нельзя допустить, чтобы оно вошло в жизнь самочинно, решениями отдельных комитетов; надо выходить из всех этих положений созданием определенных законов... законопроекты пишутся.

Развозов. Конечно, нужны уставы. Но надо дать нам возможность ознакомиться с их проектами...

М. Иванов (реплика). Мертвая отписка. Вы не знаете, как они представляют себе выборное начало.

Развозов. Не знаю, ибо желание офицеров — чтобы им не мешали исполнять их обязанности...

М. Иванов. Я говорю о том, что приехал сюда не для того, чтобы принизить, но чтобы поднять офицерство... за офицеров теперь я один. Вы же закрываете глаза на действительность... Я предлагаю такой выход: в 2 или 3 часа созовем митинг офицеров — пускай задают мне вопросы, я на все отвечу... не беспокойтесь — в толпе могут быть свистки, крики, брань — на меня все это не подействует. Самолюбия у меня — ноль...

Кроме того, мне не нужно никаких почестей, ни караулов; вот, вы помните, Александр Владимирович, как вас встречали почетным караулом в Мариенхамне... это же ужас, парад, почет, а рядом матрос пускает дым папиросы вам в лицо...

Этого не нужно делать... и Лебедев, помните, требовал почестей, и почему же вы находили возможным признавать министра в поручике французской армии?

Если я взялся за дело, то только потому, что команда относится ко мне с огромным доверием. И вовсе не потому, что я подлаживался... Про меня распространена неправда... И эта история с увольнением меня в резерв; по слухам, не проверив, не разобрав!.. Потому только, что штаб находит это нужным.

Я, действительно, видел в представителях команды, в комитетах— лиц официальных и относился к ним с должным уважением, прочая же команда знала и видела во мне на корабле только своего начальника бригады...

А вы не видите действительности... Штаб — вещь колоссальной силы, влияние его огромно, и я должен сказать, что, действительно, «Кречет» — накануне взрыва... офицерство замкнулось и ничего не понимает... Понятие об Учредительном Собрании — у вас неверное...

Развозов. Может быть, наши взгляды и не соответствуют, но они какие есть, такие и есть, — и с этим надо считаться... Офицерство старается прежде всего сохранить флот... Я считаю, что до Учредительного Собрания ничего менять нельзя... весь вопрос заключается в системе власти... Власть, установленная захватным порядком, претит офицерскому сознанию... и вот — причина всех конфликтов...

М. Иванов. Мне сказали, что Промор, что все офицеры — уйдут, если уйдет комфлот, — я в это не верю... и зачем это, когда мои намерения — спасти, помочь офицерам...

Развозов. Если ваши намерения таковы, то и надо ждать Учредительное Собрание...

М. Иванов. Вы, Александр Владимирович, превосходный офицер, отличный командующий флотом, но вы слишком упорны и упрямы... как Александр Васильевич Колчак... упорство ужаснейшее...

Вы погубите флот. Вы должны уйти, но нельзя, чтобы это случилось с конфликтом; вы должны уйти с помпой... Вы не отдаете себе никакого отчета о том, какова действительность.

Слушайте, решено, что правительство, до Учредительного Собрания, должно быть ответственно перед «Народным Советом»; так ведь идет спор, сколько мест отвести одному съезду... и решено, что если политическая физиономия окажется левой, дать 20 мест, а правой — 2 места... это действительность, это жизнь... Нам нечего и неоткуда ждать помощи. Спасать флот надо нам самим.

Развозов. Сохранение флота было нашей основной задачей... Всякие нападки на офицерство при таких условиях всегда могли иметь одну явную цель: посеять раздор и развалить флот, но мы и посейчас стоим на своей точке зрения и желаем сохранить флот как военную организацию... С политической стороны — мы ничего не можем... Я не знаю, чего хочет мой сосед? Власть в их руках. Они могут прийти сюда с караулом и выгнать нас всех. Они этого не делают, ибо не хотят явно развалить флот своими же руками. Но они хотят другого: они хотят, чтобы я думал так, как они, чтобы я верил в социализм, в их идеалы. Мы не знаем даже, что это такое. Общие столовые, общие жены, общие дома?!.. Я не верю в этот наступающий социализм...

М. Иванов (с видом знатока). Социализм есть: поставить в равные условия всех живущих на земле, чтобы каждый мог свободно развиваться сообразно его способностям...

Я вижу, Александр Владимирович, что вы — лидер военной партии... Михаил Коронатович говорил, что все здесь хотят оставить вас командующим флотом...

Что ж — действуйте. Он вам нужен, не мне, зачем я должен вам помогать?..

(Я прервал запись, заметив, что записывает Демчинский, который умеет это делать гораздо лучше меня...)

21. XI.

14—00. Последний оплот современной государственности пал.

Утром по юзу получено сообщение из ставки, что Духонин убит и в ставку вступил и фактически стал верх. главнокомандующим прапорщик Крыленко... Начальником штаба верховного главнокомандующего назначен генерал Бонч-Бруевич.

Вчера произошло, можно сказать, историческое заседание Центробалта (см. запись Демчинского) [1]). Таким образом, «конфликт ликвидирован», — командующий флотом остается на своем посту впредь до издания положения о выборном начале съездом всех морей. Командующего флотом просят принять все меры, чтобы подчиненные ему флагманы повлияли на офицеров и команды в смысле наилучшего исполнения всех предначертаний комфлота, направленных к укреплению боеспособности флота. Командующего флотом просят продолжать его энергичную и плодотворную работу по укреплению

[1]) Записи Демчинского не обнаружено.

передовых и других позиций, а также подготовке личного состава к бою (!).

Затем Модест Иванов устроил большое gala-представление: были призваны все флагманы, торжество «нахождения общего языка» ознаменовано рукопожатием (бедный Развозов)...

М. Иванов придумал своему врагу тонкую пытку: он предложил Центробалту послать телеграмму Верховной коллегии с просьбой произвести Развозова в вице-адмиралы!

И это предложение встречено аплодисментами и привело к посылке и другой телеграммы... о производстве самого М. Иванова в контр-адмиралы.

Таким образом М. Иванов добился исполнения своей давнишней мечты, исполнению которой было столько помех!..

23. XI.

17—00. Между прочим, эта страна[1]) естественным ходом вещей стала самостоятельной; вчера глава здешнего правительства — Свинхувуд с бывшим министром-ст.-секретарем Энкелем просили Развозова принять их совершенно частным образом; они были приглашены на «Кречет» и сообщили, что Финляндия, сделавшись волею народа самостоятельным государством, предполагает послать своих представителей к правительствам иностранных держав с покорнейшей просьбой признать новое государство — Финляндскую республику...

Войска и флот, пока что, пусть будут с Россией общие... а там дальше видно будет, как наладим с этим делом...

А у нас все то же.

Дела не делаются. Все развалилось.

Отдельно, по некоторым специальностям, работа еще продолжается автоматически, по инерции, ибо сама жизнь этого требует, но в общем— нет руководительства, планомерности, надежд — есть полный разброд и расстройство.

На больших кораблях нехватает по нескольку сот человек команды, все они уволены в отпуск или отправились «против Каледина», «для завоевания ставки»...

О боеспособности просто и говорить не приходится...

21-го вечером, неожиданным распоряжением Верховной морской коллегии до 10. XII. запрещены все отпуски.

Центробалтом получено секретное приказание иметь наготове отряд в 6.000 человек вооруженных матросов...

Зачем? Не знаю.

29. XI.

15—00. Получив в свое время приглашение на Всероссийский съезд радиотелеграфистов, я, вечером 25-го, выехал отсюда в Петроград.

---

[1]) Финляндия.

Я хотел побывать у городского головы — это центр антибольшевизма, почтенный и смелый человек; и неудивительно, что он, представитель подлинного демократического права, был уже раз арестован, жилище его оказалось прикосновенным и потому — телефон оказался испорченным и квартира всеми оставлена.

В дальнейших поисках я побывал в городской управе (и почему она до сих пор не разогнана!), где говорил с одним из членов управы, тоже партии с.-р.; он сказал мне, что разогнанная дума нынче соберется на заседание в помещении районной Литейной думы.

На завтра они готовятся к открытию Учредительного Собрания и питают розовые надежды, что какие-то полки будут защищать Учредительное Собрание от большевиков...

В Технологическом институте я неуспел захватить Шрейдера — он уже уехал; там царствовало совсем воинственное настроение. В вестибюле разный народ ходил взад и вперед — видно, что хозяина нет, приходил и уходил — кто хочет. Посреди лестницы на площадке какие-то люди продают «партийную литературу»; на дверях аудитории надписи, сделанные кое-как, на клочках бумаги, — все это какие-то собрания кружков, групп, партий... После многих расспросов я добрался до аудитории № 5, где заседали члены Учредительного Собрания партии с.-р., — встретил Федота Онипку, этого милейшего, бестолкового революционера, искреннего разрушителя, мечтателя, продукт конспиративных кружков...

Он восторженно уверял меня, что завтра — решительный день— такие-то и такие-то части гарнизона уже настроены против большевиков, будет организована грандиознейшая процессия... он еще не может мне сказать всего, но, вот, завтра я сам все увижу... Я ни в коем случае не должен сегодня уезжать, но завтра непременно должен прийти к нему в полдень... Литейная, 21, 3-й этаж...

Милый Федот! Все, что он говорил, не произвело на меня ни малейшего впечатления: завтра, очевидно, ничего не произойдет ни решающего, ни, вообще, ничего значительного, разве что — манифестация и, может быть, драка...

Не могу не отметить как штрих, рисующий современные нравы: уличная толпа увидела мальчика — кадета сухоп. корпуса — по предложению кого-то из публики, принялась колотить его на том основании, что он «кадет», а партию к.-д. — «приказано бить».

Этот факт рассказан знакомым доктором, который спас кадета от толпы.

С 18 до 20 ч. был на радиотел. съезде — в Инженерном замке.

В старинном, когда-то красивом зале дворца я увидел серую массу солдат, среди коих немного офицеров, матросов и статских; за столом президиума стоял статский и читал по записке речь; я не сразу узнал его — это был мой старый учитель А. А. Петровский.

В свое время он читывал лекции перед иными аудиториями и начинал их словами — «Ваши превосходительства, милостивые государыни и милостивые государи!..»

Теперь, он с чувством, встряхивая своей профессорской шевелюрой, восклицал: «товарищи!» Это была замечательная речь: «...радиотелеграф это уже не младенец, это уже стройный юноша с развевающимися золотыми кудрями, а голос его гремит на тысячи километров...» Но лучше всего были заключительные слова: «...по выражению ваших лиц я вижу, что вы меня поняли...»

Тут ко мне пристали наши радиотелеграфисты: у них язык прилип к гортани — просили от их имени приветствовать съезд.

Пришлось выступить.

Я избег обращения «товарищи», ибо это слово звучит нынче уж чересчур фальшиво.

По окончании заседания избрали мандатную комиссию. Я заявил президиуму, что приезжать в Петроград часто не могу, что мой опыт и знание к услугам съезда, но что могу служить им только экспромтом, так сказать, по востребованию.

Я выехал в тот же вечер из Петрограда.

Когда шел пустынными улицами Петроградской стороны, слыхал со стороны Невы отдельные ружейные выстрелы.

Кн. Черкасский получил указание — впредь не именоваться «князем». Он с Развозовым уехал по жел. дор. в Ботнику — посетить Николайштадт и Торнео.

1. XII.

15—30. Я — фактически в отпуску. Не оформил его только по совету А. М. Щастного в связи с задержкой отпусков до 10. XII.

Вчера последний раз был на «Кречете», видел ряд постановлений Центробалта: офицеры штаба имеют явиться в Ц. Б. и т. п. Общее впечатление, что кем-то решено разрушить управление флотом.

Нет, — надо это все кончить. Решил окончательно продать часть имущества, чтобы на вырученные деньги прожить это время и вылечиться.

3. XII.

23—00. Итак — теперь уже можно сказать, что «дошли до грунта» [1]). Вчера было совместное заседание всех комитетов и «товарищ Дыбенко» продемонстрировал любопытный документ: проект приказа по флотам.

Должность командующего флотом и его штаб упраздняются; вся власть в морях переходит к Центральному Комитету, который

[1]) Морской термин, означающий, что якорь достиг дна — в переносном смысле: дойти до конца.

выделяет особый военный отдел для заведывания оперативными делами. Этот отдел приглашает (в качестве компетентных лиц) несколько офицеров для работ в области оперативной части...

Этот документ оказался совершенно неожиданным даже для некоторых членов Центробалта; с их стороны были попытки возражать; выступали с напоминанием о выборном начале, которого в его «проекте» не оказалось... Но властное слово Петрограда все заглушало.

Великолепный Измайлов сообщил собранию, что на пост «компетентного лица по оперативной части» «нанимается» «товарищ» Ружек.

В помощники «нанимают» героя «Славы» — бравого капитана Антонова...

Мне сообщили, что у нас в штабе пока решено никаких деклараций по этому поводу не выносить, однако, предрешено, что каждый заявит о своем нежелании «наниматься» в коллегию, выросшую на почве 25. X, особенно после событий последних дней (фактический разгон Учредительного Собрания).

По этому поводу состоялось собрание флагманов у М. К. Бахирева. К сожалению, и флагманы не пришли к единодушному решению; лишь сам Бахирев и немногие другие считают конфликт нужным — прочие колеблются и ждут возвращения Развозова... Плохое предзнаменование.

На завтра назначено общее собрание офицеров в морском собрании.

Офицерство наше в смятении. Перед сколькими [1]) встает вопрос: а как будет мол [2]) семья существовать без жалованья, которое она получала каждое 20-е число? Что буду делать я, невежда, приученный только проводить известные часы на корабле или, что в лучшем случае, обученный какой-нибудь специальности, нужной только военному флоту?..

5. XII.

19—40. Вчера я поднялся с трудом около полудня и узнал, что на 15—30 назначено заседание флагманов, на котором Развозов предложит форму протеста против знаменитого приказа Верховной морской коллегии.

В 14—00 я пошел на «Кречет»; отдал распоряжение об окончательной ликвидации разведывательного отделения, к чему тут же приступил Ев. Ив. Максимов; сообщил о происходящем у нас разрушении флота в Ревель С. Д. Коптеву; просил его уничтожить теперь же все документы, касающиеся английских подводных лодок.

В 15—30 открылось заседание флагманов в нашем салоне на «Кречете».

---

[1]) В подлиннике: «столькими».

[2]) В подлиннике: «мор».

Присутствуют:

Контр-адмирал Развозов, вице-адмирал Бахирев, контр-адм. Зарубаев, контр-адм. С. Дмитриев, контр-адм. Вейс, контр-адм. Паттон, контр-адм. кн. Черкасский, контр-адм. Тимирев, контр-адм. Киткин, ген.-майор Скаловский, ген. Хенриксон, контр-адм. Ружек, кап. 1 ранга Беренс, ген.-лейт. Винтер, кап. 1 ранга Щастный, ст. лейт. Демчинский, кап. 1 ранга Ренгартен, кап. 2 ранга Дудкин, кап. 2 ранга М. Петров и два комиссара-матроса из Ц. Б.

Развозов (прочел проект приказа Верховной морской коллегии о введении коллегиального начала в управление флотом и прочих мер...). Из Петрограда приказано завтра расцветиться красными флагами в ознаменование перехода власти во флоте к Центробалту.

Таким образом, мне предстоит передать всю ответственность за дальнейшие «судьбы» флота на Ц. К. Б. Ф. Перед тем, как уйти, я хочу, в самых сухих, общих, но определенных выражениях, изложить письменно, почему я считаю эту реформу вредной, непрактичной.

Для истории, быть может, небезынтересно окажется мнение лица, несущего на себе ответственность за флот в течение последних четырех месяцев его существования — до перехода власти к коллегии... Я хочу указать, что проект народовластия от этого не восторжествует, ибо флот принадлежит всему народу и распорядиться им в праве только всенародное Учредительное Собрание.

Что касается до управления флотом как военной организацией, то оно находится вне зависимости от политики и следует определенным военным принципам; это — область техники... Я хотел бы выслушать по этому поводу мнения флагманов...

Старк (в большом возбуждении). Флот сделан только для войны и победы, а не для позора!.. Наш флот создан многолетними трудами адмирала Эссена, который поднял флот на должную высоту... Это сложное тяжелое дело; если флот перейдет в руки коллегии, это будет гибель флота.

Сколько нас учит история, таких примеров не было... Она учит нас, что все войны выигрывались только гением отдельных людей...

Многолетний опыт определил, что в случае выбытия из строя командующего его место должен занять его ближайший помощник, сжившийся с ним, изучивший его и его планы; такая преемственность необходима...

Проект, который нам прочли [1]), будет иметь ужасное последствие— приведет флот к безусловной гибели и ненужной трате народных денег...

Бахирев. К полной гибели... и притом там, в этой самой коллегии — люди, в военно-морском отношении совершенно безграграмотные!..

---

[1]) В подлиннике: «прочили».

Развозов. ...Конечно; и эти люди, не будучи в курсе дел, как они сложились исторически, будут решать их, руководствуясь, главным образом, политическими соображениями и во имя народовластия, хотя бы дела эти были чисто военно-технического характера...

Бахирев. ...И результаты мы уже видим с тех пор, как коллегия только еще впутывалась в дела командующего флотом.

Паттон. Вчера на собрании флагманов никакого разногласия не было в мнениях, что приказ этот развалит флот окончательно, но как нам надо к этому отнестись, вот в чем весь вопрос сейчас. Но что это окончательно погубит флот, в этом нет никакого разногласия.

Ружек. Насколько я знаю, этот приказ появился потому, что Центробалт не мог работать со штабом... тут был случай с ледоколом; кто-то не так распорядился... Заявления члена Центробалта не принимались вообще... и прошлый раз, когда прибыл морской министр, на заседании было решено реорганизовать штаб и... вообще флот...

... Они считают, что в команде не будет доверия к одному лицу. Теперь вводится выборное начало. Но даже если и выборный человек, то ему все-таки не будет доверия... а Центробалт — признан всем флотом...

Ст. Дмитриев. То, что сказал адмирал Ружек, может быть, хорошо с политической стороны, но совершенно не годится с точки зрения военной... Мы знаем, что лучшие флоты управляются на основе единоначалия... Мы должны сказать, что флот обрекается на полнейшую гибель, и мы не можем играть роли его палачей...

Ружек. ...Этот приказ предусматривает, чтобы было полное доверие к этому органу, — я понимаю, на войне, действительно... а в мирное время...

Ст. Дмитриев. А с переходом к вольнонаемному личному составу управление тоже будет коллегиальным?

Комиссар Ц. Б. ... Я здесь исчерпывающего ответа дать не могу... Переход власти к Ц. К. Б. Ф. это, конечно, мера временная.

Винтер (с большим подъемом, дрожью в голосе и нервно). Дело в том, что командующий флотом служил всю жизнь во флоте, его все знают, и дела его на глазах всех, и если такой командующий флотом, который всю жизнь отдал флоту, не встречает доверия, то я спрошу— встретит ли доверие тот, который вышел из Центробалта и никому не известен? Флот с момента его передачи коллегиальному управлению — погиб... флота — нет... Существуют суда и люди, живущие на них...

Развозов. Теперь как относительно войск, подчиненных мне...

Хенриксон (бравый генерал, в куртке без погон, согласно последнему распоряжению товарища Крыленко, держит себя очень бодро, говорит громко, решительно).

Начинает с чтения «Положения о демократизации армии»; там указано, что вся полнота власти в войсках переходит к комитетам; оперативное же и техническое заведывание остается в руках прежних органов, ибо «комитет не может взять на себя ведение специальной областью, в коей он не компетентен», где необходимы быстрые решения отдельных лиц.

Развозов. Это именно то, что у нас было до сих пор...

Хенриксон. ...Высшим органом является солдатская секция Центр. Исполн. Комитета... Строгая дисциплина поддерживается комитетами. Комитеты ведут кандидатские списки... Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Бонч-Бруевич предупредил все комитеты, что они должны с осторожностью выполнять программу демократизации армии, выбирать начальников осторожнее, избегать интриг и пр. Уже наверху, таким образом, сознают, что путь, на который они вступили, — скользкий. Декрет далее говорит об отмене всяких внешних отличий — погон, шпор, орденов (кроме георгиевского креста), знаков... Каковы же теперь будут взаимоотношения между армией и флотом? Я просил бы указать, как должен я согласовать объявляемое положение с новой реформой во флоте...

Развозов. Да, это трудная задача; надо запросить главнокомандующего, как тут быть; вы обратитесь прямо к нему.

Хенриксон. Я не знаю, как будет итти дело с таким выборным началом, когда... в каждый последующий момент мне могут выразить недоверие.

Я лично не вижу оснований — зачем становиться на этот путь?!

Кто бы ни был человек, будь он самым популярным, как только он становится во главе, он делается не заслуживающим доверия... Но замените его комитетом, это не поможет, ибо масса и комитетов не слушает. Такие выборные органы, раньше чем решиться на что-нибудь, вынуждены еще позондировать почву... а такие проволочки в области управления военной организацией совершенно недопустимы... не говоря о том, что и при зондировке можно легко ошибиться, попасть в группу лиц, мнение коих уже или еще не удовлетворяет массы...

Щастный. Разрешите привести историческую справку. Когда зарождалась идея государства, Аристотель сказал, что государственный организм жизненен только, когда строго разграничены власти — законодательная, исполнительная и судебная...

Когда в каком-нибудь государстве замечалось смешение этих трех функций власти, это приводило его к гибели. И за все 3.000 лет, протекшие с тех пор, как Аристотелем открыт этот закон, не было ни одного исключения из него. До сих пор, худо ли, хорошо ли, — Центробалт являлся властью законодательной, командующий фло-

том — властью исполнительной, и существовали судебные установления; при наличии закона выработалось бы надлежащее сознание и найдены надлежащие формы.

И закон поддерживал бы авторитет власти.

Ныне суды упразднены вовсе, и начинается смешение исполнительной и законодательной властей...

Комиссар Журавлев. Я должен заметить, товарищи, что, действительно, мы были без власти... и шла борьба за власть... Но у нас, как сказать, была власть как бы коалиционная — был Центробалт вместе с командующим флотом.

Теперь у нас власть народная, есть и власть законодательная, а смешивать Центробалт со штабом вовсе не смешиваем, а просто будет один Центробалт, одна исполнительная власть...

Ведь у нас выхода больше нет, это же явный факт — у нас не может быть никакого раздора, и все будет проводиться скорее и точнее, и нам пришлось решить, чтобы дела шли, как бы сказать, более или менее лучше...

Являясь здесь, мы вырабатываем дела как ответственные люди; если придется воевать, мы дадим власть одному человеку... вот мы помогали в Ревеле адмиралу Развозову и работали совместно; если бой будет, мы даем это дело одному человеку... если народная власть будет, а она должна быть — нет! теперь власть будет — одна и для всех!

Мы должны удержать Россию от гибели страны; а если мы будем говорить, как вы говорите, товарищи, что уйдем, — так это будет саботаж... если человек хочет свобод только себе...

Мы все должны быть братья, мы не должны работать врозь; если будут лица, которые будут разжигать, — мы их сметем!

Мы стараемся объединить, чтобы так не смотрели массы, что не доверяют им... а что в массах могут произойти и эксцессы, чего мы слишком не желаем, а массы ведь тоже скажут: вот они не желали.

Если мы — защитники и патриоты родины, то все должны оставаться на местах и служить, как раньше служили под палкой Николая Кровавого.

Он над нами измывался... Конечно, какие люди, которые проливают нашу братскую кровь, мы их уберем...

Те и виноваты, которые ведут массы против нас, и таких людей надо стереть с лица земли... вот что!

Старк. Мы протестуем не против идеи народовластия, но мы протестуем, как техники, ибо мы с детства учились, что коллегиальное управление в военном деле абсолютно недопустимо.

Если вы поведете флот к победе как командующий флотом, — мы пойдем за вами!

Комиссар Журавлев. Вот я и хочу сказать, что мы все хотим вместе защищать родину.

Явный факт, если я буду следить за тем или другим делом, то вреда коллегиального управления почти совершенно нет... Если теперь у нас будет возбуждение сделано, то это как есть — саботаж, и этого мы ни в коем случае не можем допустить.

Я такого образования не получил, а знаю, что если такой саботаж, мы ни к чему не придем.

Если не будете признавать власть, то что же это получится?! И нам вовсе нежелательно, чтобы мы остались одни, — это приведет к слишком печальным обстоятельствам...

Развозов. Вот я вижу, опять Центробалт ставит вопрос не в ту плоскость...

Мы же ничего не возражали ни по поводу народовластия ни по поводу комитетов... Здесь высказывается мнение техников, и никакого отношения к политике наша беседа не имеет...

Идея народовластия в том, что флот находится в распоряжении всего народа...

Раз доверие к «единой власти» потеряно, то утрачено и всякое управление военной силой.

Но теперь всякая война у нас здесь замерла, перемирие заключено на 28 дней, и фактически мы не можем воевать, ибо фронт и не может и не хочет; таким образом, надо считать, что война фактически заканчивается, и нам приходится подумать, как ее ликвидировать; для этого тоже нужны опыт и знания...

Комиссар Журавлев. Мы действительно подходим к тому, что война ликвидируется, но мы этого не говорим сейчас...

Мы, конечно, моложе, и я вас так понял, что вы должны уйти, и которые не имеют средств могут уйти — должны работать [1]); но если этот человек, который надеется бросить дело и жить на свой капитал!.. этого не должно быть и этого не допустят...

Мы избегаем только, чтобы взять в руки это... как бы не было эксцессов.

Если человек хочет укрепить лучшие права народа, то он должен остаться на своем месте...

В настоящий момент не существует суда, и вы видите, какие сделаны злоупотребления — вы сами знаете случаи на заградителях, на «Орфее» и др. Ни к кому, ни к одной личности нет доверия — мы можем работать только совместно, и тогда злоупотреблений не будет.

Так нельзя оставить, ибо будет еще хуже.

Надо предотвратить это, чтобы не убивали.

Если вы этого не сделаете, вина за это падет на вас.

Поэтому я предлагаю, чтобы вообще — на сторону не выносить никаких восклицаний: «этого не признаю!.. того не признаю!..»

---

[1]) Так в подлиннике.

Я предлагаю об этом моим старшим товарищам на сторону этого не выносить...

Законная власть — в Петрограде, и мы только исполняем приказания этой власти.

Дудкин. Я хочу подойти к действительности... если мы заключим мир, все будет просто: офицеры смогут уйти.

Фактически этого нет, мы мира не имеем; говорят, что за перемирием будет мир, но наверное ничего неизвестно; есть люди, которые думают, что война еще может продолжаться, пусть хоть остается сотая доля вероятия, что война возобновится... Я с начала революции считал, что в какие бы тяжелые положения мы ни попадали, надо оставаться, пока война — я всегда принесу хотя бы крупицу пользы; бывали все же в действительности случаи, что ко мне обращались как к специалисту, и я своим опытом и знаниями приносил эту хотя бы небольшую пользу.

Мой личный взгляд, что мир близок; нет оснований сказать, что при таких условиях работать нельзя; может быть, продуктивность моей работы совсем упадет, но пока не будет заключен мир, я обязан остаться на своем месте, пока команда сама не скажет, что я больше не нужен или Россия не выйдет из состояния войны.

Бахирев. Но ведь это же к делу совершенно не относится; пользу мы и принесем, если укажем, какой вред принесет эта самая... «реформа».

Комиссар Журавлев. Действительно, как сказал товарищ, надо оставаться на местах, — в чем же дело?

Это явный факт, что вы не так говорите, что к гибели... мы ведь только что вышли из этого омута, в котором были 8 месяцев, и не желаем туда же возвращаться...

Вы напрасно думаете, что дело будет итти плохо; мы будем все дело вести как можно лучше...

Такие разговоры, что это — допустимо, то — недопустимо, это так нельзя... все должны работать... Если кто идет против воли народа, тогда такой будет сметен.

Паттон (доброжелательно и мягко). Я хотел бы опять пояснить наш взгляд; мы все, старшие начальники флагманы, мы с самого начала революции прошли через ряд должностей, значит, шли за демократией, — ибо она же вела страну, и если мы сегодня заявляем свое мнение, то это вовсе не есть саботаж... Мы не можем отнестись безразлично к своему маленькому, но дорогому для нас всех делу.

Мы не можем относиться безразлично и выразили свое мнение для истории; иначе она осудит нас за то, что мы промолчали... И я думаю, что наше мнение о том, что коллегиальное управление поведет к гибели флота, должно быть услышано. Таково наше глубокое убеждение.

Комиссар Журавлев. Вот видите, вы все говорите, что... если вы шли за всеми организациями до настоящего времени, то почему не идете сейчас?!.

Я уверен, что если бы не взяли власти, я не мог бы здесь говорить так свободно... Нет такой революции, которая была бы без ошибок... Может быть, нас [не] осудит история, так как она знает, что мы не виноваты.

Не должно быть того, что вы или мы правы или виноваты... во всем виноват тот, кого мы свергли 25 октября...

Я не могу сказать, что я виноват в том, что делаю не так; я не имею опыта и знаний, и, конечно, не знаю, как надо делать... Я не хочу быть у власти и не хочу, чтобы вы были у власти... Я хочу, чтобы все были вместе...

Народовластие должно быть... Декреты, которые они объявили,— правильны, и должно быть дано им предпочтение... а винить друг друга совершенно не надо! Это что ж!

Паттон. Товарищ Журавлев! Мы также согласны с народовластием, но мы против коллегиального управления, потому что такое неправильное управление произведет разруху и гибель...

Ружек (тоном авторитета). Дело в том, что масса не идет теперь за одним человеком; доверие массы может быть только коллегии. Этот приказ вызван тем, чтобы было полное доверие к Центробалту. Центробалт говорит, чтобы не было единоличных личностей. Вот, как указал товарищ Журавлев, — доверия нет к отдельному лицу и доверие может быть только к коллективу.

Бахирев (сердито, с сердцем). Когда мир, тогда валяй-ломай во-всю, а пока еще мира нет — не замай!..

Развозов. Но ведь дело же не в этом... Мы обязаны по долгу и совести предупредить, что это решение гибельно.

Я в этом заявлении не вижу ничего угрожающего, ничего — против народовластия... Из этого абсолютно нельзя заключить, что у нас есть стремление к так называемому саботажу и проч.

Комиссар Журавлев. Вот что! Выборов не будет — вообще будем приглашать, скажем, дивизионных командиров, и им будет итти жалованье, какое выработает Верховная морская коллегия, а если Центральный Комитет приглашает, он работает уж совместно с вами...

Развозов. А как же насчет выборного начала?

Комиссар Журавлев. Выборного начала не будет! Потому что если будет выборный человек, то произойдет то же недоверие.

Развозов. Послушайте, Журавлев! Так же нельзя! Вот, помните, две недели тому назад я говорил о недопустимости выборного начала; вы жестоко критиковали слова мои, и вы сами теперь пришли к моему же...

И разве то, что я 22 года служу в офицерском чине и всех знаю, не помогает мне при выборе людей? А теперь будет выбирать Ц. Б. И почему это будет лучше, неизвестно, ибо как и кого может знать Ц. Б.?

И вам тоже по необходимости придется довериться заявлению отдельного делегата, совершенно случайного человека...

Комиссар Журавлев. Нет!.. Не в том смысле!.. Выборы-то есть, но вот, скажем, дивизия видит человека, который соответствует должности, ну, ему и предлагают...

Бахирев (реплика). Значит — выборное начало есть!..

Паттон. Товарищ Журавлев, нельзя ли пояснить, вот комиссар Дыбенко сообщил, что будут перевыборы всех вообще офицеров и что те, которым свыше 32 лет, и не будут выбраны, — увольняются в отставку или разжалованы в матросы...

Комиссар Журавлев. Ну да! В каком смысле?.. Мы вообще выбираем людей, которые соответствуют своей должности, и вот команда, если увидит, что не годится и возраст ему вышел,—то, значит, может уйти...

Ст. Дмитриев. Таким образом тех офицеров, которых никуда не выберут, разжалуют в матросы?

Комиссар Журавлев. Да.

Ст. Дмитриев. Но может так случиться, что один корабль не выбирал, а другой выбирает? Это можно?

Комиссар Журавлев. Если на одном не признали, а на другом с радостью, может быть, признают, — это вполне, как говорится, возможно; это — отчего же!

И у нас еще, может быть, недостаток в офицерах будет! Тем более, что больше не будут производить в офицеры, и здесь вот какая обидная история была. В штабе напроизвели писарей в офицеры, это неправильно, потому что больше нельзя производить; теперь придется их разжаловать!

Развозов. Так вот, я прошу комиссаров разъяснить в Ц. Б. все, что здесь говорилось, что мы совершенно не намерены призывать к саботажу, а я протестую лишь как техник, что и изложено в этой записке.

Паттон. Но вот я слышал от товарища Журавлева, что это только проект.

Комиссар Журавлев. Нет, он фактически утвердится.

Паттон. До нас дошли слухи, что два члена Ц. Б. очень удивились, что этот приказ прошел помимо Ц. Б., на что товарищ Дыбенко будто бы возразил, что приказ исходит от военной секции... значит, что в Ц. Б. он и не обсуждался...

Комиссар Журавлев. Так ведь вчера же мы его в Ц. Б. утвердили.

Старк. Только маленькую поправку: мы были вчера на собрании, где читали этот приказ, и все флагманы были против, только не имели права голоса, чтобы заявить свой протест.

Комиссар Журавлев. Что же это такое?!

Ведь надо, чтобы не за кулисами, а на-чистоту! А так не то на две половины, надо, чтобы каждый выразил свое мнение, мы будем приглашать, и пусть он тогда прямо скажет: да или нет! Вот что!

Бахирев. Моя совесть заставит меня сказать, что я не признаю коллегиального начала, а приказ сам по себе; факт, что есть приказ, и все тут.

(Начинается бесцельный спор о словах, пересыпанный репликами, за которыми трудно уследить.)

Ружек. Да ведь это в виде опыта!..

(Продолжительная пауза — не находится слов для возражения!)

Хенриксон. Когда я вступил в командование дивизией, то я нашел там полный развал; я шесть месяцев возился с ним, возник спор по части оперативной; я говорил, что коллегия негодится; решили сделать опыт — создали оперативную секцию, но я просил во время боев давать мне полную власть, и, действительно, мне пришлось участвовать во многих делах, и моя дивизия, могу сказать, вышла из них с честью, и в боевой обстановке эта оперативная секция оказала мне огромную помощь...

Но это удалось только потому, что меня знали хорошо. И на основании своего опыта я нахожу, что человек, которому придется итти в бой и вести за собой других, должен быть вполне авторитетен! Случай не может сделать того, что сделает опыт.

Мой комитет отличался левизной, но всячески меня поддерживал в дивизии, потому что опыт помог ему узнать меня, и я мог управлять фактически.

А управление комитетом — сложно и просто невозможно, и не только в боевой обстановке, но и в обстановке демобилизации.

Приказ есть, и я обязан ему подчиниться, но я оставляю всегда за собою право заявить свое мнение о нем и вызываемых им последствиях.

Комиссар Журавлев. Выбирали мы товарища Ружека, потому что я знаю, что весь флот его знает; вместе мы будем создавать боевую силу флота, а когда будет бой, товарищ Ружек поведет нас.

А без помощи невозможно; надо поддерживать и помочь друг другу, а если одни будем, то мы никогда ни к чему не придем.

(Пауза.)

Развозов (читает свою записку, содержащую доказательства необходимости единовластия и критику коллегиального начала).

Комиссар Журавлев. Да зачем все это?! Вот соберется коллегия, и все рассудим!

Развозов. Да ведь это же все — наше мнение; вы нас призываете и спрашиваете наше мнение, мы его и высказываем... и, может быть, вспомните об этом, когда получите в делах неизбежный затор.

Голоса:

... Да ведь никто не отказывается!..

... Это наше мнение!

... О чем тут еще разговаривать!

(Все флагманы подходят к столу и подписываются под заявлением командующего флотом; ничто же сумняшеся, подписываются и товарищи — Ружек и Дудкин.)

В 17 ч. 40 м. заседание окончено.

По окончании заседания флагманы еще остались одни; разговор шел о том, как им поступить. Насколько я слышал, полного единодушия нет, но часть находит невозможным при новых условиях принимать командные посты.

Я ликвидировал все свои дела в штабе; распорядился о ликвидации также и дел служебных, подал рапорт флаг-капитану о болезни, ибо чувствую себя совсем плохо.

Очень жалел, что уже не чувствовал себя в силах пойти в Морское собрание на общее заседание офицеров.

Оно открылось в 19 ч. под председательством капитана 2 ранга Гаральда Графа и закончилось только в 2 ч. 30 м. ночи.

Было около 300 офицеров; заседание прошло крайне бурно и если вначале и была обычная разноголосица, много вздорных выступлений и шуму, то к концу создалось редкое единодушие; такому объединению особенно способствовало появление в зале (перед концом заседания) председателя Военно-Морской коллегии Измайлова и его товарища из Ц. Б.

Появление «товарищей» и выступление их с угрозами офицерству воспламенило все сердца, и голосами всех против 2-х принята резолюция, от которой товарищи пришли в ужас!

Постановлено, что все офицеры считают приказ Верховной морской коллегии о новой организации управления флотом — гибельным для флота и, если он не будет отменен, то все офицеры отказываются от своего звания, делаются матросами и отказываются от занятия офицерских должностей...

Когда Измайлов заявил, что «завтра коллегия примет командование флотом», собрание отвечало на это дружным смехом.

Резолюция принята «под гром аплодисментов»; возбуждение было чрезвычайное...

О результатах я узнал по телефону; сообщил Жорж Петухов, возбужденный и радостный: «все за одного, один за всех!..»

Сегодня (5. XII) с утра спущен флаг командующего флотом; на стеньгах всех судов подняты красные флаги.

Я этого не видел, ибо не выхожу из дому.

В 14 ч. все офицеры (по приглашению Ц. Б.) явились на заседание на «Полярную Звезду». Но пришло так много, что невозможно было поместиться; решено было перейти в Мариинский дворец.

Заседание длилось около шести часов — председателем Гар. Граф и президиум Ц. Б.

Сущность заседания сводится к тому, что Ц. Б. уговаривал офицеров отказаться от вчерашней резолюции, требовал, грозил эксцессами (!).

Речей было сказано бесчисленное множество; по общему признанию, самая сильная и содержательная произнесена Шевелевым, который громил Ц. Б. вдребезги.

Очень остроумно и неожиданно для большинства — в пользу офицеров — выступил Ладыженский.

В ответ на угрозы многосотенное собрание офицеров гудело: «не запугаете!..»

Когда какой-то оратор из Ц. Б. кричал, стуча кулаком по столу, что еще не было случаев, чтобы зря обижали офицеров, многие голоса возмущенно кричали: «А Петропавловск!»... Когда другой оратор вздумал заявить, что-де не было случаев отказа выполнить оперативное приказание, со всех сторон понеслись крики: «А «Припять»? А «Перель»?»...

Итак, было много шуму, много крика, но... ни к какому соглашению стороны не пришли.

А поскольку касается офицеров, многие ушли с этого заседания неудовлетворенными, ибо чувствовалось, что начинается разброд...

Решено в общем, что все части пришлют по делегату на решающее заседание офицеров в Морское собрание 6-го в 14—00, где будет пересмотрена резолюция 4-го XII.

«Пересмотрена»!

В штабе началась передача дел; явился Антонов — не знает, как взяться за дело, крайне сконфуженный.

Надо отметить, что Черкасский совершенно правильно не пошел ему на помощь, и, заявив, что все дела им закончены, а текущее находится в производстве, почему он имеет передать ему лишь ключи от каюты и письменного стола, он ушел домой.

У меня перебывали сегодня: Н. Мазуров, Д. Дараган, Л. Сахаров и Д. Лупандин, по их рассказам я составил себе общее впечатление и вижу, что окончательно на единодушие офицеров рассчитывать нельзя.

И это понятно: сказывается деморализация. Вчера был порыв, а сегодня уже раздаются другие голоса.

Так, 30 чел. кают-компании крейсера «Россия» определенно протестуют против резолюции 4. XII.

С другой стороны, курьез: команда «Петропавловска» вынесла постановление, что не допустит разжаловать офицеров в матросы, даже если это постановит Ц. Б.

6. XII.

Так состоялось собрание делегатов офицерских кают-компаний; результат голосования: резолюция 300 офицеров 4. XII о т в е р г н у т а большинством 557 голосов против 151 при 44 воздержавшихся; вместо того вынесена и принята теми же голосами другая: обоснованный протест против введения в командование коллегиального начала и требование восстановления власти командующего флотом...

А если не послушают (?!), то «мы оставляем за собою свободу действий».

Таким образом, все стройное здание офицерского единодушия рухнуло.

Наш делегат ст. лейт. Демчинский, действуя согласно данным указаниям, протестовал против новой резолюции и покинул заседание...

Штаб решил действовать самостоятельно.

Я не принимал ни в чем участия, ибо доктор Четвериков уложил меня в постель.

7. XII.

23 ч. 15 м. На «Кречете», говорят, развевается красный флаг с буквами «Р. Р.», и под ним посажен «нанятый» Ружек.

Додо Леонтьев, Д. Дараган, Н. В. Шевелев, адм. Старк и офицеры XIII дивизиона решили осуществить резолюцию 4. XII и подали соответственные заявления, пока каждый своему прямому начальнику.

Левушка Сахаров получил от Центробалта предложение ехать на «мирную конференцию» в качестве «компетентного лица» по вопросу о демаркационной линии...

8. XII.

23—30. Левушка Сахаров отказался помогать большевикам; пригласили адмирала А. П. Зеленого — тот согласился.

В штабе решили проводить в жизнь свою резолюцию; одобрили действия Демчинского.

9. XII.

14—00. Левушка Сахаров принес мне обе резолюции — я присоединил к другим свою подпись.

Мы требуем возвращения к нормальному порядку управления флотом и отмены знаменитого приказа Верховной морской коллегии; в противном случае слагаем с себя офицерские звания, отказываемся от офицерского содержания (т.-е. остаемся служить как матросы).

Копии с резолюций переданы Центробалту и судовому комитету. Есть намерение послать копии Учредительному Собранию и в газеты.

13. XII.

Ц. Б. рассмотрел наши резолюции и постановил: издать приказ, что мы вновь становимся офицерами и будем получать жалованье.

Не лишено остроумия.

Завтра наши офицеры соберутся, чтобы обсудить, как реагировать.

17. XII.

13 — 00. По поводу приказа Ц. Б. вчера собирались офицеры штаба. Увы, развалилась и эта корпорация.

Везде одно и то же. Даже в этой группе, — каких-нибудь 30 человек, как будто спаянных кое-какими высшими идеями, — обнаружились и трусость, и неискренность, и хулиганство в форме срыва заседаний. Левушка Сахаров и двое других были избраны в исполнительное бюро, которому поручено осуществить рассылку резолюции и все сношения по проведению ее в жизнь, и когда большинство утвердило эти меры, нашлись желающие интриговать «в кулуарах», и, в результате, новое голосование все разрушило. Большинство решило присоединиться к резолюции делегатов 75 кают-компаний, т.-е... сдаться.

В меньшинстве остались: Д. Р. Карпов, А. М. Щастный, В. Н. Демчинский, Е. А. Максимов, Л. Сахаров, Г. М. Петухов и я.

Я заявил, что поступлю во всем, как решит это меньшинство.

Я лично не виню нисколько тех, что сначала не желали конфликта с Ц. Б.; это — вопрос убеждения, с одной стороны, и сознание своей слабости (обязанность к семье, неприспособленность к другой работе и пр.), но не понимаю, как можно подать свой голос сначала з а и тотчас затем п р о т и в. В данном случае очевидно, что д а было неискренним.

18. XII.

19 — 30. Л. Сахаров рассказывал: было совещание несогласных с последним решением штаба.

В общем, порешили, что каждый сделает, как найдет для себя возможным, и постарается уйти со службы так, чтобы не обидеть тех, кто по тем либо другим соображениям принял последнее решение 17-го.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Альтфатер, Василий Михайлович, кап. 1-го ранга, флаг-капитан морского штаба ставки верх. главнокомандующего. В брестских переговорах Альтфатер принимал участие в качестве морского эксперта. После брестских переговоров назначен в Москву на должность помощника начальника морского генерального штаба. В 1918 г. назначен командующим морскими силами Республики и членом РВС. 20 апреля 1919 г. Альтфатер скоропостижно умер от разрыва сердца.

Арнаутов, Сергей Константинович, ст. лейт., сост. при штабе командующего Балтийским флотом.

Балас, Александр Иванович, ст. лейт., ком. эск. миноносца; член совета Промора.

Бахирев, Михаил Коронатович, вице-адм., начальник морских сил Рижского залива. В 1919 г., во время наступления ген. Юденича на Петроград, руководил подготовкой восстания в Кронштадте. Расстрелян.

Беренс 1-й, Евгений Андреевич, кап. 1-го ранга (по морскому генеральному штабу). После Октябрьской революции был выбран начальником морского генерального штаба. После смерти Альтфатера Беренс был назначен командующим всеми морскими силами Республики.

Бонч-Бруевич, Михаил Дмитриевич, ген.-майор, начальник штаба главнокомандующего северным фронтом; начальник штаба верх. главнокомандующего (при Крыленко).

Вахрамеев, Иван Иванович, председатель Военно-Морского Революционного Комитета. Член Верховной морской коллегии. Постановлением 1-го съезда Всероссийского военного флота 21 ноября 1917 г. был произведен в лейтенанты.

Вейс, Александр Константинович, контр-адм., флагман.

Вилькен, Павел Викторович, кап. 1-го ранга, начальник дивизиона миноносцев Балтийского флота. Председатель совета Промора (Профессиональный союз офицеров, врачей и чиновников флота и портов Балтийского моря).

Граф 1-й, Гаральд Карлович, кап. 2-го ранга; командовал одним из «Новиков», член совета Промора.

Давыдов, Михаил Платонович, капитан 1-го ранга, состоял в управлении службы связи (гор. Ревель).

Демчинский, Владимир Николаевич, ст. лейт., состоял в штабе командующего Балтийским флотом. Председатель Совета Республиканского союза офицеров, врачей и чиновников армии и флота Свеаборгского района.

Доливо-Добровольский, Борис Иосифович, кап. 1-го ранга, состоял при морском генеральном штабе.

Дудкин, Василий Федорович, кап. 2-го ранга, начальник дивизиона подводных лодок Балтийского флота.

Дыбенко, Павел Ефимович, матрос, председатель Центрального Комитета Балтийского флота (Центробалта); первый народный комиссар по морским делам.

Зарубаев, Сергей Валерианович, контр-адм., начальник 1-й бригады линейных кораблей.

Иванов, Борис Платонович, кап. 2-го ранга, командир эск. миноносца «Самсон».

Иванов 7-й, Модест Васильевич, кап. 1-го ранга, после Октябрьской революции управляющий морским министерством и член Верховной морской коллегии. Постановлением 1-го съезда Всероссийского военного флота произведен в контр-адмиралы.

Иерхо, Генрих Генрихович, инженер-механик, кап. 2-го ранга; член совета Промора.

Изместьев, Петр Иванович, ген.-майор, начальник 20-й Сибирской стр. див.; 20 октября 1917 г. был назначен комендантом крепости императора Петра Великого (Ревельской).

Канин, Василий Александрович, адмирал, командующий Балтийским флотом (с 12 мая 1915 г. по 7 сентября 1916 г.). С 1 января 1917 г. назначен членом адмиралтейств-совета, сверх штата. 4 апреля 1917 г. был назначен вторым помощником морского министра.

Капнист, Алексей Павлович, граф, начальник морского генерального штаба.

Киткин, Петр Павлович, контр-адмирал, начальник дивизии траления. Член центрального исполнительного бюро союза минных офицеров.

Коптев, Сергей Дмитриевич, кап. 1-го ранга, ком. крейсера «Богатырь».

Крашенников, Петр Ильич, кап. 2-го ранга, начальник 4-го дивизиона миноносцев.

Кроми (Cromie), начальник отряда английских подводных лодок в Балтийском море. Убит в 1918 г. в здании английского посольства в перестрелке с сотрудниками ЧК.

Куремиров, Сергей Николаевич, инж.-мех., ст. лейт., механик посыльного судна «Кречет»; секретарь совета Республиканского союза офицеров, врачей и чиновников армии и флота Свеаборгского района.

Лебедев, Владимир Иванович, лейт. 13-го конно-егерского полка французской службы, председатель комиссии для согласования внутреннего быта военнослужащих флота. С 14 июня 1917 г. врем. управл. морским министерством.

Лесков, Петр Николаевич, контр-адмирал.

Лодыженский, Илья Ильич, кап. 1-го ранга, ком. лин. корабля «Андрей Первозванный».

Лопатин, Герман Александрович, народоволец-шлиссельбуржец.

Лукирский, Сергей Георгиевич, генерал-квартирмейстер штаба армий северного фронта.

Максимов, Евгений Александрович, кап. 1-го ранга, сост. при штабе ком. Балтийским флотом (разведыв. отд.).

Надежный, Дмитрий Николаевич, ген.-лейт., ком. 42-го корпуса.

Новопашенный, Петр Алексеевич, кап. 1-го ранга, начальник службы связи (г. Ревель). Председатель Исполнительного Комитета союза морских офицеров г. Ревеля (сокращ. СМОР).

Ножин, Анатолий Евгеньевич, полковник корпуса гидрографов.

Паттон, Николай Иванович, контр-адм., нач. 2-й бригады линейных кораблей.

Петров, Михаил Александрович, кап. 2-го ранга, состоял при штабе командующего Балтийским флотом.

Пилкин, Владимир Константинович, контр-адм., флагман. Морской министр Вердеревский в сентябре ему предложил принять должность помощника министра. Пилкин отказался.

Прошьян, левый с.-р. Умер в 1920 г.

Развозов, Александр Владимирович, контр.-адм., командующий Балтийским флотом после июльских событий 1917 г. (вместо контр-адм. Вердеревского) до 5 декабря 1917 г.

Руденский, Дмитрий Петрович, кап. 1-го ранга, ком. лин. корабля «Гражданин» (бывш. «Цесаревич»).

Ружек, Александр Антонович, кап. 1-го ранга, командующий под брейд-вымпелом отрядом заградителей Балтийского моря. 23 ноября произведен в контр-адмиралы; работал в военном отделе Центробалта.

Сахаров, Лев Валерианович, кап. 2-го ранга, штурман, состоял в штабе командующего Балтийским флотом, помощник флаг-капитана по оперативной части.

Старк, Георгий Карлович, контр-адм., нач. минной дивизии.

Тимирев, Сергей Николаевич, кап. 1-го ранга.

Хендриксон, Николай Владимирович, ген.-майор, командовал войсками, подчиненными командующему Балтийским флотом.

Черемисов, Владимир Андреевич, ген.-майор, главнокомандующий северным фронтом.

Черкасский, Михаил Борисович, кн., и. о. начальника штаба Балтийского флота в период командования флотом контр-адм. Развозова до 5 декабря 1917 г.

Шевелев, Клавдий Валентинович, кап. 1-го ранга, нач. третьего дивизиона «Новиков».

Шишко, левый с.-р.

Шастный, Алексей Михайлович, кап. 1-го ранга, командующий Балтийским флотом в начале 1918 г.; расстрелян в связи с его контр-революционной деятельностью во флоте.

„Демократическое" правительство Грузии и английское командование.

В «Красном Архиве» были уже опубликованы стенограммы бесед представителей грузинского правительства с английским командованием[1]). В нашем распоряжении имеются новые материалы, дополняющие прежние публикации: 1) стенограммы «бесед» представителей грузинского правительства с английскими генералами 23 февраля и 19 августа 1919 г. и 2) протокол совещания грузинского правительства от 23 мая 1919 г.

Документы эти затрагивают тот же круг вопросов, вновь и вновь показывая, что грузинское меньшевистское правительство в своей политике опиралось не только на союз с английским империализмом и русской контр-революцией, но и внутри своей страны не прочь было заигрывать с представителями крупного землевладения, особенно стремясь их использовать в деле восстановления национального мира. Но восстанавливать национальный мир в Закавказье при посредстве представителей крупного землевладения означало пожар тушить огнем.

История существования меньшевистской Грузии есть история непрерывающейся национальной борьбы. Через несколько месяцев после объявления независимости Грузия принуждена была воевать с дашнакской Арменией. В уездах с преобладающим составом мусульманского населения шла беспрерывная борьба населения с грузинским правительством. Национальная политика правительства в Аджаристане и Абхазии привела к тому, что последние отказывались остаться внутри грузинского государственного объединения и довольно недвусмысленно заявили о своем желании отделиться. Все это побуждало грузинское правительство особенно ярко именно в национальном вопросе выявить свое, мы бы сказали, антинародное лицо. Ко всему тому, что мы уже имеем в печати по этому вопросу, публикаемые документы дают чрезвычайно ценное дополнение.

В стенограмме беседы Н. Жордания с генералом Уокером от 23 февраля 1919 г. идет речь о мерах ликвидации борьбы с мусульманским населением, разгоревшейся в Ахалцыхском уезде. В ответ на вопрос генерала, какова будет дальнейшая политика правительства в этом вопросе, Н. Жордания отвечает, что «по мере ликвидации вооруженного восстания татарских банд, из Ахалцыхского уезда, т.-е. из пределов границ Грузинской республики, будет немедленно выслан весь нежелательный элемент».

---

[1]) «Красный Архив», т. XXI, стр. 122—173. Стенограммы от 23 февраля и 19 августа обнаружены С. Е. Сеф в разрозненных материалах архива Музея Революции ССР Грузии. Протокол же совещания от 23 мая обнаружен Е. Драбкиной в Центральном Госуд. Архиве Азербайджанской ССР в фонде мин. ин. дел мусаватского правительства (дело № 229).

Этот высылаемый, по терминологии социал-демократа, «нежелательный элемент» при дальнейшем разъяснении оказался татарским населением соседних уездов, причем, при всем желании доказать, Н. Жордания не удалось убедить даже английского генерала в том, что «татарские банды» (!) не формировались из состава коренного населения именно Ахалцыхского уезда.

Характерно, что в подтверждение этого положения представитель «демократического правительства» сослался на то, что часть беков (крупных помещиков) уезда стали на сторону грузинского правительства, отказавшись от турецкой ориентации. Из публикуемых документов видно, что эта фраза сорвалась у Жордания не случайно, что это явление было звеном в общей связи национальной политики. Разъясняя английскому генералу, что население Аджаристана (равно как и Абхазии) проникнуто симпатиями по отношению к грузинскому правительству, Жордания принужден был заявить: «В этом направлении [в направлении установления национального мира. *С. С.*] работает в Батуме грузинский мусульманский комитет, имеющий своими сторонниками многих влиятельных беков, которые всецело на стороне грузинского правительства».

Как видит читатель, ставка на помещиков в национальной политике Грузинской республики была далеко не случайной.

Становится понятным, почему Абхазский Народный Совет, находясь под непосредственными ударами деникинщины, все же настаивал на выделении. Да и достаточно ознакомиться с показаниями Джугели (см. «Тяжелый крест. Записки красногвардейца». Тифлис, 1920 г.), чтобы получить определенное представление о политике правительства и о поведении грузинских меньшевистских отрядов в Сухумском округе.

В этих условиях английские генералы, разговаривавшие от имени Деникина, имели все основания брать глумливый тон в тот момент, когда разговор касался вопроса о симпатиях Абхазского населения к грузинскому правительству (см. протокол совещания от 23 мая 1919 г.). Равноправные члены II Интернационала, подавлявшие силой оружия права малых народностей, высылавшие карательные экспедиции против мирного крестьянского населения, по отношению к сильным мира сего проявляли услужливость и доподлинное лакейство.

В этом отношении публикуемая стенограмма переговоров от 23 февраля преподносит нам исключительный по своей яркости материал. Ведь партия, именующая себя социал-демократической, предлагает английскому генералу не печатать в местной прессе сообщений о рабочих волнениях в Англии против капиталистов и своего правительства, так как это может скверно отразиться на населении. И представитель английского империализма принужден был преподать социалисту Жордания урок демократизма, заявив, что «Англия — страна свободная, в которой все рабочие движения, в том числе и забастовка, могут протекать совершенно правомерно», хотя и поспешил оговориться, что «если правительство Грузии предпочитает их [сообщения. *С. С.*] не печатать, то генерал против этого не возражает и вполне соглашается с подобной постановкой дела».

С. Сеф.

Беседа председателя правительства с генералом Уоккером.

23 февраля 1919 г. 11 ч. 55 м. дня.

Присутствовали: председатель правительства *Н. Н. Жордания*, командующий британскими войсками Закавказья генерал *Уоккер*, майор *Кемпбель*, интерпретер-лейтенант *Хэнт*, секретарь председателя правительства *Мачавариани*.

Генерал Уоккер, приветствуя председателя правительства, говорит, что целью его посещения является желание узнать, каковы намерения грузинского правительства и его дальнейшая политика в районе Ахалцыхского уезда.

Председатель правительства отвечает на вопрос генерала Уоккера, что, по мере ликвидации вооруженного восстания татарских банд, из Ахалцыхского уезда, т.-е. из пределов границ Грузинской республики, будет немедленно выслан весь нежелательный элемент.

Генерал Уоккер осведомляется, кого председатель правительства подразумевает под понятием нежелательного элемента.

Председатель правительства поясняет, что таковым является турецко-мусульманское население, ворвавшееся из Поцховского района и выжегшее грузинские деревни.

Генерал Уоккер интересуется, куда собственно правительство Грузии намерено выслать этот нежелательный элемент.

Председатель правительства говорит, что, так как все эти лица являются уроженцами Ардаганского и Поцховского округов, то туда они и будут выдворены, кроме того, в числе восставших банд находятся турецкие аскеры, которые также будут высланы в указанном направлении.

Генерал Уоккер соглашается со взглядом председателя правительства и полагает, что раз в числе восставших есть аскеры, то их безусловно надо арестовать, но было бы нецелесообразно высылать их в Батумскую область.

Председатель правительства поясняет, что он говорил исключительно о восставшем татарско-мусульманском населении Ахалцыхского уезда, но против мирного населения этого уезда, к какому бы вероисповеданию оно ни принадлежало, правительство Грузии ничего против не имеет. Мера выселения будет касаться исключительно восставшего населения. Например, жители селения Вахравани и некоторых других вооружились для борьбы с нами к моменту прихода войск грузинского правительства, а остальной элемент — это перекочевавшие из Ардаганского и Поцховского районов. Вместе с тем председатель правительства, чтобы поставить генерала Уоккера в полную известность с положением дел, знакомит его со всем действительным состоянием вещей, которые имели место перед разыграв-

шимися событиями. Такое пояснение председатель правительства находит необходимым сделать в виду того, что генерал Уоккер предполагает, что поднявшие оружие против правительства Грузии были местные, т.-е. ахалцыхские жители. До прихода сюда англичан, другими словами, до полного торжества оружия союзников, правительство Грузии вошло в соглашение с турецким правительством в Константинополе относительно того, что Ахалцыхский и Ахалкалакский уезды будут очищены в продолжение одного месяца, в срок с 4 ноября по 4 декабря, и вслед за очищением войсками этих областей войска Грузинской республики вступят и займут очищенный край. В подтверждение этого обстоятельства имеются документы. Генералу Макаеву было предложено 4 декабря ввести в указанные местности грузинские войсковые части. К моменту очищения турками Ахалкалакского уезда там образовался комиссариат, состоящий из лиц турецкой ориентации, во главе с Сервер-беком Атабековым. 2 декабря господин Атабеков со своими единомышленными [?] пришли в Ацхур к генералу Макаеву и заявили о своем нежелании признать власть грузинского правительства. Вместе с тем они довели до сведения генерала, что у них свое правительство. Господин Атабеков располагал тысячью вооруженных солдат, большинство которых были оставшиеся аскеры. Макаев ответил им, что он считается лишь с распоряжением своего правительства, что не может признавать образования никакой новой власти и что ему достоверно известно, что турки очистили Ахалцыхский уезд для грузин. К этому времени среди сторонников Атабекова произошел раскол; так, например, влиятельные беки Мачабели, Эристовы и многие другие явно стали на сторону Грузинской республики, а Атабеков со своими сторонниками остался в меньшинстве. Большинство солдат тоже разошлось, открыто заявляя, что не желают итти против грузин.

Генерал Уоккер спрашивает: это были аджарцы или татары?

Председатель правительства разъясняет генералу, что это были ахалцыхские грузины-мусульмане, два века тому назад принявшие ислам (аджарцы приняли его в XVIII веке, а ахалцыхцы в XVII веке). Итак, когда произошел упомянутый выше раскол, и генерал Макаев занял Ахалцыхский уезд, Атабеков со своими сторонниками бежал в Батум, где образовал пресловутое карсское правительство, передав при этом соответствующий меморандум английской миссии в Батуме; копия этого меморандума имеется у грузинского правительства.

Генерал Уоккер замечает, что в то время его не было в Батуме.

Председатель правительства поясняет, что хотя генерала Уоккера не было в это время в Батуме, но там находился другой английский генерал, которому был передан этот меморандум.

Генерал Уоккер спрашивает председателя правительства, говорит ли он о меморандуме, подписанном профессором Головиным и Атабековым?

Председатель правительства. Нет.

Генерал Уоккер сообщает, что он видел один меморандум и вскоре после того вызвал Атабекова, сказав ему, что если он, Атабеков, позволит себе какие-либо самочинные выступления, то будет повешен.

Председатель правительства говорит, что все это он сообщает генералу Уоккеру с единственной целью полной информации. Правительство Грузии может прислать английскому командованию копию этого меморандума, подписанного пятью лицами, бывшими агентами Турции. Эти господа работали в Батуме и оттуда посылали своих пропагандистов с соответсвующими директивами в Поцхо, Ахалцых и Ахалкалаки.

Генерал Уоккер интересуется, где сейчас находится Атабеков.

Председатель правительства. В Ахалцыхе.

Генерал Уоккер выражает свое удовольствие, что правительству Грузии удалось установить порядок и надеется, что в будущем в этих уездах будут находиться те благоразумные элементы грузинского населения, которые смогут предотвратить впредь подобные нежелательные выступления.

Председатель правительства доводит до сведения генерала, что, как только из этой части будет выдворен нежелательный элемент, правительство Грузии предоставит ахалцыхскому населению самые широкие права самоуправления, как, например, право выбора из своей среды уездных комиссаров. Вместе с тем председатель правительства осведомляется, имеются ли у англичан в данном районе вооруженные силы.

Генерал Уоккер сообщает, что там есть британская стража, охраняющая провиантский магазин с запасами для войск, расположенных в Ахалцыхском уезде.

Председатель правительства высказывает свое удовольствие по этому поводу, ибо британцы в этом районе, охваченном в настоящий момент волнениями, охраняют порядок.

Генерал Уоккер соглашается со взглядом, высказанным председателем правительства, и говорит, что он также желал бы, чтобы там была твердая грузинская или английская власть, опасаясь возможности вспышки нового волнения вследствие пребывания на этой территории двух враждебных сторон.

Председатель правительства знакомит генерала с предположениями правительства организовать немедленно, — по изгнании татарско-мусульманских банд из Ахалцыхского уезда, — твердой государственной власти, при условии широкого местного самоуправления.

Председатель правительства попутно напоминает генералу Уоккеру, что он обещал поставить британские пикеты и надеется, что таковые будут, во всяком случае, поставлены на границе территории Грузинской республики.

Генерал Уоккер говорит, что не посылал вооруженных сил в эти места ранее лишь потому, что там было все спокойно.

Председатель правительства объясняет генералу, что волнения в Ахалцыхском уезде вызваны тем, что до прихода туда англичан этот район был без хозяина, без всякой власти.

Генерал Уоккер замечает, что хотя он и не верит, но жители восставших уездов объяснили свое поведение протестом против плохой администрации грузинского правительства.

Председатель правительства опровергает подобные предположения, сообщая генералу Уоккеру следующие факты: вся администрация в этом районе была мусульманской. В данном случае правительство Грузии руководствовалось тем соображением, чтобы мусульманское население не выразило протеста по поводу назначения чиновников христианского вероисповедания. Ярким примером справедливости слов председателя может служить тот факт, что вся милиция Ахалцыхского уезда, в количестве двухсот человек, под предводительством Хадыр бека Шервашидзе, мужественно боролась против повстанцев. Среди этих милиционеров все были мусульмане. Председатель правительства не исключает возможности, что среди этого чиновничества мусульманского вероисповедания могли быть исключения, т.-е. недостойные люди, но правительство Грузии всегда всемерно боролось и борется с подобным элементом, стараясь дать все, что есть в ней лучшего из населения. К сожалению, правительство Грузии не могло предпринять энергичных шагов, да и не имело возможности, для борьбы с Батумским Комитетом, посылавшим своих пропагандистов против Грузии в уезды, охваченные ныне восстанием. Единственно, что могло сделать правительство по получении сведений о нахождении на территории Ахалцыхского уезда турецких эмиссаров, это арестовать их, и среди пятидесяти задержанных пропагандистов оказалось восемнадцать аскеров, теперь, очевидно, освобожденных.

Генерал Уоккер спрашивает председателя, не были ли эти аскеры жителями Ахалкалакского уезда?

Председатель правительства отвечает, что это были турецкие офицеры и аскеры, которые, боясь, — после падения Энвера-паши, — возвратиться на родину в Турцию, остались в Закавказьи, их также много и в Аджарии.

Генерал Уоккер обещает председателю принять все меры, чтобы словить этих беглых солдат и предать их военно-полевому суду или немедленно выслать из пределов Кавказа.

Председатель правительства замечает генералу, что очень трудно будет найти подобных субъектов, вследствие того, что все они переодеты. Масса турецких офицеров в Карсской области и Артвинском участке.

Генерал Уоккер замечает, что правительство Грузии, насколько ему известно, изловило несколько аскеров на своей территории, что

британцы имели возможность поймать аскеров в Армении, и вместе ст ем генерал интересуется знать, каково отношение местного населения к оставшимся на их территории турецким солдатам и их офицерам.

Председатель правительства говорит, что население не любит аскеров, так как турецкая армия грабила беспощадно все, но, к сожалению, они скрываются у беков турецкой ориентации.

Генерал Уоккер просит верить председателя, что он будет тем более признателен, чем более аскеров будет изловлено в Грузии. Со своей стороны генерал принимает в этом направлении все меры и надеется, что грузинское правительство, задержавши того или иного турецкого военнообязанного, не выпустит его на свободу

Председатель правительства сообщает генералу, что вчера один влиятельный грузин-мусульман, житель Батумской области, говорил ему, что громадное количество турецких аскеров проживает в Ардаганском, Артвинском и Ольтинском округах.

Генерал Уоккер поясняет, что Ардаганский округ еще не обследован, но Артвинский достаточно хорошо осмотрен батумским генерал-губернатором.

Председатель правительства. А Ольты?

Генерал Уоккер. Туда еще не проникли британские силы.

Председатель правительства говорит генералу, что один богатый грузин-аджарец, проживающий в Константинополе и заслуживающий полного доверия, рассказывал ему накануне, что в Константинополе организован комитет под председательством Риза-Паши, поставивший своей целью присоединение к Турции тех областей Грузии, которые населены грузинами-мусульманами. Вместе с тем этот же аджарец передал как достоверный факт, что большая часть грузинского населения указанных областей подобного слияния не хочет. Конечною целью этого комитета является идея панисламизма на территории всего Закавказья.

Генерал Уоккер замечает, что было бы очень прискорбно, если симпатии аджарцев будут не на стороне Грузинской республики. Генерал очень хочет принять все меры, чтобы Батумская область была присоединена к Грузии.

Председатель правительства говорит, что, к сожалению, правительство Грузии сильно ограничено в своих действиях. Оно имеет возможность влияния и воздействия лишь в районе Кобулет и Верхней Аджарии, но нижняя Аджария и Лазистан, непосредственно примыкающие к Черному морю, находятся под влиянием турецких пропагандистов и эмиссаров. Правительство обещало Аджарии так же, как и Абхазии, полную и самую широкую автономию. В этом направлении работает в Батуме грузинский мусульманский комитет, имеющий своими сторонниками многих влиятельных аджарских беков, которые всецело на стороне грузинского правительства.

Генерал Уоккер, затрагивая вновь вопрос об Ахалцыхском уезде, говорит председателю, что он надеется на посылку грузинскому правительству [?] туда достаточного количества войск для усмирения восстания, вместе с тем просит не притеснять жителей восставших селений.

Председатель правительства говорит, что, до того момента, пока не будет сосредоточено достаточного количества войск, грузинское командование не собирается переходить в наступление. У правительства Грузии имеются агентурные сведения, что со стороны Ацкур собираются большие силы.

Генерал Уоккер высказывает надежду, что после выдворения из Ахалцыхского уезда повстанцев, правительство Грузии, впредь до конференции, не будет в этом районе производить национализации.

Председатель правительства доводит до сведения генерала, что правительство Грузии даст возможность населению этого района высказать свою волю. Это объясняется тем, что крупных помещиков в Ахалцыхском и Ахалкалакском уезде нет, так как две трети владельцев земли являются одновременно горийскими помещиками, само же население бедно.

Генерал Уоккер благодарит за сведения, полученные от председателя.

Председатель правительства касается вопроса о большевистских сообщениях по радио о событиях в Англии и во Франции. Он говорит, что, желая сохранить престиж этих держав на должной высоте в среде населения Грузинской республики, правительство Грузии задерживало некоторые радиограммы, характеризующие положение в данных государствах. Председатель правительства приводит примеры последних большевистских сведений о событиях в Англии и в Ирландии и Одессе.

Генерал Уоккер говорит, что в этих сообщениях много правды, но также много и вымысла. К сожалению, газеты дают совершенно несоответствующие комментарии этим сведениям. Во всех случаях, когда является какое-либо сомнение, генерал просит обращаться к нему за комментариями.

Председатель правительства продолжает свою мысль и поясняет, что эти меры предпринимаются исключительно в силу соображений, во-первых, поддержания престижа союзников, а во-вторых, для аннулирования пропаганды турецких эмиссаров, проводящих в Закавказьи мысль об умалении силы союзников и торжестве Турции и вместе с тем идеи панисламизма.

Генерал Уоккер соглашается со взглядом председателя правительства и благодарит за поднятый вопрос. Генерал заявляет, что Англия — свободная страна, в которой все рабочие движения, в том числе и забастовка, могут протекать совершенно правомерно. К сожа-

лению, вне территории Англии эти движения понимаются не вполне правильно и комментируются в ином свете. Если правительство Грузии предпочитает их не печатать, то генерал против этого не возражает и вполне соглашается с подобной постановкой дела. Но британское командование на Кавказе не будет ничего иметь против, если подобные сообщения правительство найдет возможным помещать в своих периодических изданиях.

Председатель правительства. К сожалению, подобные сообщения действуют на население. Оно думает, что, в силу создавшихся в Англии условий, великобританские войска уйдут. Это может явиться результатом московских и большевистских сведений... [1]).

Протокол совещания представителей грузинского правительства и Добровольческой армии в г. Тифлисе 23 мая 1919 года.

Присутствовали: *Е. П. Гегечкори, Н. В. Рамишвили*, ген. *Гедеванов, Д. А. Топуридзе*, ген. *Бриггс*, ген. *Бич*.

Гегечкори. Приветствую вас, генерал, как представителя английского командования, тем более, что вы явились сюда с целью помочь нам в деле урегулирования осложнившихся за последнее время наших взаимоотношений с Добровольческой армией. Я должен напомнить, что еще в прошлом году у нас были переговоры с ген. Алексеевым. Тогда Добровольческая армия была еще очень слаба, и я утверждаю, что, как тогда, так и теперь, наше отношение к ней осталось неизменным. Не имея намерения вмешиваться в чисто русские дела, правительство Грузии находит, что не имеется никаких реальных оснований для вооруженных конфликтов с Добровольческой армией. Единственный вопрос, который нас сейчас интересует и создает между нами затруднения, — это вопрос [о] занятии нами стратегической границы, которая гарантировала бы нас от всяких посягательств с чьей бы то ни было стороны. Такою является река Мехадырь: разрешение этого вопроса в предложенном нами смысле имеет большое значение и для Деникина, так как при этом условии тыл его армии с его стороны будет обеспечен. Такова была наша позиция в прошлом году, таковой она остается и поныне, и наше отношение к Добровольческой армии с тех пор нисколько не изменилось: доказательством этого служат переговоры прошлого года с Алексеевым, и я говорю, что других расхождений с Добровольческой армией у нас не имеется, и если мы выйдем из области личных симпатий и станем на деловую точку зрения, то этот спорный пограничный вопрос может быть разрешен в смысле, приемлемом для обеих сторон.

Бриггс. Вчера я подробно изложил точку зрения генерала Деникина. Из всего того, что я здесь слышал, я прихожу к заключению,

---

[1]) Конец стенограммы отсутствует. *С. С.*

что вы настаиваете остаться на Мехадыре. Я уже излагал причины, по которым Деникин настаивает на восстановлении прежнего положения, это — дурное поведение грузинских войск в Сочи и недовольство грузинским управлением со стороны населения Сухумского округа. Жалобы поступают в очень большом количестве. Абхазцы недовольны грузинским управлением и даже заявляют, что если им дадут оружие, то они сами очистят округ от грузинских войск. Грузины поступают хуже большевиков: отнимают дома, земли, производят социализацию и национализацию имущества. Деникин не мог остаться безучастным к этим жалобам, и, если вы настаиваете остаться на Мехадыре, то боюсь, что мой приезд сюда явится бесцельным.

Гегечкори. Жалобы на Добровольческий отряд в Сочи поступали и поступают в не меньшем количестве и к нам и в английский штаб. Если всему тому, что про нас говорят некоторые элементы, верить, то, конечно, можно возмущаться: но я полагаю, что нельзя относиться с доверием ко всем этим жалобам, не проверив их. Я заявляю, что в Сочи ни у кого грузинское правительство ни клочка земли не отнимало, никакой социализации или национализации не производило. Все эти слухи распространяются нашими врагами, и верить им нельзя. Что касается Сухумского округа, то нам бы не хотелось вовсе об этом говорить, так как это может лишь осложнить наши переговоры, но раз вы, г. генерал, затронули этот вопрос, то позвольте вам сказать, что в настоящее время Абхазия управляется автономно Абхазским Народным Советом, избранным всем населением на основе всеобщего избирательного права, и если сведения о недовольстве абхазцев исходят от таких лиц, как находящийся теперь в Екатеринодаре Александр Шервашидзе, тот Шервашидзе, который ввел в прошлом году турецкий десант в Сухумский округ, то я спрашиваю, можно ли верить заявлениям таких лиц. Я слышал тут упрек в том, что мы поступаем хуже большевиков: я знаю, на чем основано это заявление, но я удостоверяю, что тут, в Грузии, русское офицерство нашло защиту и приют в то время, когда по всей России шла безудержная волна самосудов и диких расправ над офицерами. Только здесь, в Грузии, не было ни одного случая насилия над русским офицером, и только здесь они могли сохранить свое существование и укрыться от преследований, которым подвергались по всей бывшей России. И я с гордостью заявляю, что история отметит эту заслугу Грузии перед Россией.

Бриггс. Генерал Деникин лишь временно стоит во главе армии, создающей Россию, а потому не может допустить разрешения теперь же вопроса о границах. Это дело Русского Народного (Учредительного) Собрания. Что касается Сухумского округа, то из других источников слышал, что желание воссоединиться с Грузией не есть выражение воли населения. Если абхазцы на Русском Народном Собрании заявят о своем желании быть с Грузией, то в настоящее время торжества демократических принципов эта воля народа должна быть удо-

влетворена, и Деникин, настроенный демократически, не будет против этого. Сейчас же Деникин хочет обеспечить свой тыл и согласен, чтобы Сухумский округ был нейтральной зоной, но он не будет разговаривать до тех пор, пока грузинские войска не отойдут за Бзыбь.

Гегечкори. В прошлом году, когда мы вели переговоры с ген. Алексеевым, речь [шла] только о Сочинском округе; теперь же, как видно из вашего заявления, притязания Добровольцев простираются и на Сухумский округ. О воле абхазского народа, выразителем которого является Абхазский Народный Совет, избранный 99% населения, я уже говорил, и я не знаю, почему вы верите одним источникам и не верите другим.

Бриггс. Я — человек сторонний, незаинтересованный, и полагаю, что нейтральная комиссия должна произвести расследование и выяснить действительное желание населения.

Рамишвили. Демократические принципы, о которых вы говорили, генерал, являются только тем, чем руководствуется грузинское правительство и что лежит в основе во всех его действиях. Наше продвижение в Сухумском округе имело целью борьбу с большевизмом. Население этого округа равно 200.000, из коих большинство составляют грузины (80.000) и абхазцы. Это население выявило свою волю в выборах Народного Совета, доказавших, что оно желает получить автономное управление в пределах независимой Грузии. И сейчас там имеет место такое автономное управление, и оно подерживается всем населением, поэтому мы настаиваем на сохранении за нами стратегической границы Абхазии. Это — единственное правильное решение пограничного вопроса до окончательного его разрешения Парижской конференцией, и, я повторяю, именно конференцией, а не Русского Учредительного Собрания [?].

Бриггс. Раз большинство населения Сухумского округа составляют грузины, то вы не должны опасаться, если союзная комиссия произведет расследование. Если комиссия выяснит, что население будет за Грузию, то Деникин не будет противиться этому, при условии обеспечения русского имущества и соблюдения ею условий о границах. Скоро Колчак и Деникин соединятся, и тогда будет сформировано общерусское правительство — это вопрос нескольких недель; ведь англичане и итальянцы уйдут, а Россия останется, а потому надо быть с ней в хороших отношениях, и совет вам, если вы пожелаете его принять, поступиться самолюбием, протянуть Деникину руку и сказать: «Мы с вами». Ведь малые государства слишком слабы, они должны не враждовать, а, наоборот, соединяться; вам, вероятно, видно, что отдельная финансовая система разорительна, так будет и во всем остальном.

Рамишвили. Быть самостоятельным и независимым — вот желание не только нашего правительства, но и всего грузинского народа, и в этом, мы уверены, нас поддержат великие державы. Англия уже

официально обещала поддержать наше выступление в деле признания нашей независимости.

Бриггс. Независимости по отношению к России?

Рамишвили. Да, мы вовсе не хотим обособляться, а, наоборот, желаем сотрудничать с великими державами и приобщиться к их культуре, и если демократические намерения Колчака и Деникина действительно чистосердечны, то они не могут не считаться с желанием грузинского народа, вопрос же о границах должен быть разрешен мирной конференцией.

Бриггс. Этот вопрос конференция не будет сейчас обсуждать с Деникиным и Колчаком, а с русским правительством, и если Грузия хочет отделиться, то решение этого вопроса составит компетенционные прения государств; но маленькие государства могут пострадать от этих войн, и я думаю, что вы готовите себе не особенно благоприятное будущее.

Гегечкори. Мы очень благодарим вас за совет, но, что будет в будущем, никому неизвестно. Я заявляю вполне откровенно и чистосердечно, что мы хотим видеть Россию великой и могущественной; это наше искреннее желание, но мы также хотим, чтобы каждый народ устраивал свою жизнь, и наше право на самоопределение должно быть решено не командованием Добровольческой армии, и мы можем надеяться, что этот вопрос будет решен в положительном смысле. Что касается наших будущих отношений к России, то они должны быть урегулированы путем достижения взаимного соглашения, и мы думаем, что демократическая Россия никогда не пойдет против желания маленьких народов (читает приветственную речь ген. Алексеева), иначе это было бы актом насилия. Я думаю, что теперь не время заносить над нами руку, и верю в то, что у нас есть возможность договориться. По этим вопросам мы неоднократно беседовали с союзниками, и нам интересно знать, являются ли высказанные вами соображения мнением английского командования или генерала Деникина.

Бриггс. Я говорю в качестве представителя Деникина, а не английского правительства, вы говорите о будущем Грузии, — это как раз соответствует видам Добровольческой армии, они стоят за автономию и самостоятельность маленьких народов и за соединение, так как в этом сила.

Гегечкори. А если мы думаем иначе, то кто же должен решить этот вопрос? Мы думаем, что Парижская конференция; ведь наше международное положение еще не выяснено окончательно, и мы ждем разрешения этого вопроса.

Бриггс. Но Россия скоро сформируется, и не надо было спешить с объявлением независимости.

Гегечкори. Позвольте спросить вас, генерал, имеем ли мы право заявлять о своих желаниях в деле устройства нашей судьбы?

Бриггс. Я вижу, что тут с двух сторон записывается все, о чем мы говорим.

Гегечкори. Мы говорим откровенно, и нам скрывать нечего, и я спрашиваю, имеем ли мы право заявлять о наших желаниях?

Бриггс. Да, конечно.

Гегечкори. Так вот мы и заявили о своем мнении и ждем решения конференции по этому вопросу. Переходя к вопросу о соглашении с Деникиным, я формулирую наши условия: 1) мы остаемся на Мехадыри и обеспечиваем тыл Добровольческой армии; между нами может быть нейтральная полоса, 2) мы гарантируем русское имущество и возобновим торговые сношения, 3) вопрос о границах подлежит решению Парижской конференции. Вот наши условия. Теперь мы бы хотели знать, какие условия предлагает Деникин.

Бриггс. Условия Деникина следующие: 1) вы должны отойти за реку Бзыбь, 2) Сухумский округ может временно остаться в управлении грузинского правительства, при условии обеспечения безопасности имущества русского как в Сухумском округе, так и вообще в Грузии, 3) земли могут быть, в случае желания населения, отобраны, но за справедливую плату.

Рамишвили. Мне, кажется, генерал, что вы не вполне осведомлены о настроениях Деникина. Он был бы против независимости Польши и Лифляндии, а ведь наше дело гораздо яснее: 2.000 лет Грузия существовала как независимое государство, а в 1801 году она добровольно присоединилась к России по договору, на условиях автономии и протектората. Однако, Россия не выполнила этих условий, чем даже вызвала протесты со стороны конгресса [18]55 года, в числе протестовавших была Англия. Такова, в двух словах, наша история. Что же касается нашего отношения к России, то я заявил, что мы не противники Великой России, но и Добровольческая армия не должна быть против нас. В деле признания нашей независимости мы ждем решения Парижской конференции и имеем право на удовлетворение ею наших желаний. Наш же спор с Добровольцами мы хотим разрешить путем миролюбивого соглашения, а за последствия иного разрешения этого вопроса мы ответственности на себя взять не можем.

Бриггс. Я повторяю, что Деникин не считает себя в праве решать вопрос о границах.

Гегечкори. А разве прокламация Деникина не является вмешательством в сферу вопросов, подлежащих разрешению мирной конференции?

Бриггс. Вы тоже продвинулись вперед, не ожидая решения вопроса о границах.

Гегечкори. А известно ли вам, генерал, что мы продвигались с ведома английского командования, которому было известно о причинах нашего продвижения? Известно ли вам также то, что английское командование уже давно предложило Деникину очистить Сочи и что

английское командование официально заверяло нас о гарантиях нашей неприкосновенности со стороны Добровольцев?

Бриггс. Я вижу, что мы возвращаемся к старому, и считаю, что моя миссия не увенчалась успехом. Я жалею, что напрасно приехал и потерял время.

Гегечкори. Я должен откровенно заявить, что с нашей стороны было самое искреннее желание миролюбиво разрешить этот вопрос и выражаю крайнее сожаление, что нам не удалось прийти к соглашению [1]).

Беседа заместителя председателя правительства Е. П. Гегечкори с верховным комиссаром Армении и Закавказья полковником Гаскель.

19 августа 1919 года.

Присутствовали: заместитель председателя правительства министр иностранных дел и юстиции *Е. П. Гегечкори*, полковник *Гаскель*, дипломатический представитель Грузии в Англии *Д. Гамбашидзе*, секретарь *Мачавариани*.

Начало в 10 ч. 20 м. дня. Конец в 10 ч. 35 м. дня.

Полковник Гаскель. Я пришел к вам, как к главе грузинского правительства, чтобы выразить свое почтение.

Е. П. Гегечкори. Я приветствую полковника Гаскель, как полномочного представителя мирной конференции и держав согласия, и вместе с тем я считаю необходимым подчеркнуть, что за год и три месяца Грузия, пронесшая через горнило тяжелых испытаний знамя государственности, сохранила по сие время свою самостоятельность. Это знамя вместе со своей судьбой мы вручаем теперь мирной конференции. Наш народ со своей тысячелетней историей имеет полное право ждать и надеяться, что его требования будут признаны. И в последнюю минуту, когда решающее слово принадлежит мирной конференции, мы спокойно ждем от нее справедливой оценки нашей государственной работы.

Полковник Гаскель. Я прошу вас, ваше превосходительство, верить, что я приму все меры для того, чтобы справедливые требования грузинского народа, представленные мною мирной конференции, были выполнены. Я хочу, ваше превосходительство, дать вам знать, что я всегда в вашем распоряжении для переговоров по тем вопросам, которые в дальнейшем гарантируют вашу самостоятельность.

Настоящее время есть момент выжидания, которое кончится благополучным разрешением вашего вопроса. Помимо политических функций, на меня возложены и экономические. Я хочу помочь Грузии товаром, мануфактурой и снабжением вообще и думаю, что это наладится в скором времени. Не буду отнимать у вас драгоценного времени и позволю себе откланяться.

---

[1]) Далее следуют подписи. *Е. Д.*

Е. П. Гегечкори. Правительство Грузии знает, какие большие задачи возложены на вас, господин полковник, и во всех ваших работах, направленных на пользу Закавказского края, вы встретите со стороны грузинского народа и его правительства живейшую и искреннюю поддержку.

Полковник Гаскель. Ваше превосходительство, можете быть уверенным в моем добром отношении к грузинскому народу, нужно только немного подождать, так как все интересующие вас вопросы разрешатся не так скоро. Я говорю об этом потому, что некоторые проявляют известную нетерпеливость.

Е. П. Гегечкори. Мы будем бодро ждать. Пусть господин полковник знает, что Грузия мала, но она сильна духом, она настойчиво до конца будет добиваться осуществления задач, которые поставлены перед ней.

Взаимные приветствия.

Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.).

В изданной еще царским министерством иностранных дел «Оранжевой книге» («Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895—1905 гг.») была опубликована нота великобританского правительства, переданная в цзун-ли-ямынь [1]), в которой заявлялось, что Англия придает большое значение удержанию во владении Китая принадлежащей ему области Ян-цзы, «как обеспечивающей свободное течение и развитие торговли». В ноте вместе с тем выражалась уверенность в том, что Китай никогда не отчудит «какой-либо другой державе» на каких бы то ни было условиях территорий в провинциях, прилегающих к Ян-цзы. Ямынь ответною нотою [2]) дал требуемое обещание блюсти неприкосновенность собственных территориальных богатств.

Не лишенное на первый взгляд оригинальности выступление Англии в защиту целости и неприкосновенности Китая получило в скором времени достаточное объяснение.

Известно, что в это время царская Россия с не меньшею бдительностью стояла на страже интересов Китая и с исключительной энергией защищала его от японской и германской агрессии, не останавливаясь ни перед чем, что казалось ей необходимым для этой цели, даже перед приобретением незамерзающего порта на берегах Желтого моря [3]).

То соперничество, какое естественно возникало между двумя великими державами из-за приоритета в деле служения столь привлекательной и столь слабой китайской государственности, закончилось к обоюдному для соперников благополучию, и читатель той же «Оранжевой книги», изданной еще в 1906 г., мог с удовлетворением констэтировать, что относящиеся к 1898 г. самоотверженные действия двух ревнивых соперников уже к началу следующего года разрешились дружеским обменом нот, свидетельствовавшим о достигнутом обеими державами полном взаимном понимании [4]).

Основанное на этом взаимном понимании своих нужд соглашение между Англией и Россией в неофициальной и русской и английской литературе получило широкую известность, как соглашение о разграничении сфер влияния в Китае. В просторечии оно зовется также соглашением о «разделе Китая».

Следует отдать должное царскому дипломатическому ведомству, которое упомянутому акту приписывало значение соглашения о «сферах влияния» и, несмотря на всю

---

[1]) От 9(21)/II 1898 г. См. названный выше «Сборник», стр. 297—298.

[2]) От 11(23)/II 1898 г. См. там же.

[3]) См. «Красный Архив», т. XIV, стр. 1—8.

[4]) См. «Сборник», стр. 358—359.

условность господствовавшей в ту пору дипломатической терминологии, такой, именно, заголовок дало составленному из соответствующей переписки досье [1]).

Досье это содержит в себе преимущественно переписку, подобранную по частному вопросу о постройке линии Шанхай-Гуань—Ньючжуан. Соглашение по этому частному вопросу должно было быть достигнуто в результате общего соглашения, о котором говорилось выше; оно зафиксировано в нотах, равным образом получивших известность еще в эпоху царской публикации [2]).

Ярко империалистическая природа русско-английского соглашения о разграничении сфер влияния в Китае самоочевидна даже для читателя «Оранжевой книги». Хранящаяся в Архиве Внешней Политики переписка по данному вопросу едва ли в состоянии прибавить в этом отношении что-либо существенно новое.

В ней есть однако ряд документов, доселе не опубликованных, но заслуживающих внимания, которые отвечают на вопрос о том, кто являлся инициатором соглашения, выясняют ход переговоров и дипломатическую борьбу, предшествовавшие подписанию его, и рисуют попутно международную конъюнктуру, в условиях которой соглашение было заключено [3]).

Обмен мнений между кабинетами начался в ту пору, когда русское правительство вело с Китаем переговоры о сооружении южно-манчжурской железной дороги, как условии заключения Китаем нового займа. Инициатива переговоров принадлежала сент-джемскому кабинету, как известно, особенно страдавшему в ту пору от состояния «блестящего одиночества». Изолированная в ближне-восточных делах, Англия испытывала в это время сильнейшие трения в своих отношениях с французами, стремившимися к созданию крупной колониальной империи и захватывавшими направо и налево все, что можно было захватить (Индо-Китай, Сиам, Китай, Мадагаскар, Верхний Нил, Нижний Нигер). В то же время Франция исправляет свое международное положение заключением

---

[1]) Точный заголовок таков: «О соглашении с Англией по железнодорожным делам. Сферы влияния».

[2]) См. там же.

[3]) Необходимо отметить, что если русская публикация ограничивалась воспроизведением только текста соглашения, то английская публикация также не блистала ни полнотою, ни систематичностью. Непосредственно после заключения соглашения советник русского посольства в Лондоне предупреждал: «Переписка, относящаяся к этому вопросу, так же, как и к делу Ньючжуанской дороги, пока не появилась; в ней неизбежно будет много такого, что представит действия великобританского правительства в весьма неблаговидном свете, и оно, весьма естественно, употребит все усилия, чтобы по возможности задержать публикование подобных документов» (депеша Лессара от 28/IV 1899 г. за № 32). Когда появилась «Синяя книга» с соответствующей перепиской «China № 1 (1900)», русский посол в Лондоне указывал на то, что публикация эта является вынужденным ответом правительства на докучливые вопросы парламентских групп.

Переходя к критической оценке опубликованного английским правительством материала, тот же посол писал: «Английские правительственные издания, вообще, представляют собой исключительно сырой материал — собрание документов без всякой попытки систематизации. Но едва ли когда-нибудь до настоящего времени в одной «Синей книге» было соединено без всякой связи столько разнокалиберного материала, как в данном случае. Вероятно, Foreign Office более интересуется другими делами и не стремится облегчить знатокам дел Китая ознакомление с английскою деятельностью в этой стране» (депеша Стааля 29/III 1900 г., № 25).

торгового договора с Италией и, столкнувшись с англичанами в пределах Центральной Африки, ведет с Германией переговоры по поводу английской опасности. Германия, намечающая себе приобретения на африканском материке за счет португальских владений, занимает в отношении Англии враждебно-настороженную позицию и разработкою законопроекта о флоте немало тревожит лондонские политические круги.

Такова была та общая международная обстановка, в условиях которой Англия стала лицом к лицу перед русской опасностью на Дальнем Востоке — насаждением военного инструктажа в Корее и постепенным внедрением в Манчжурию, сопровождающимся соединением манчжурской магистрали с китайскими железными дорогами.

Предоставляя Японии ликвидировать русскую опасность в Корее, в пределах китайской территории англичане надеются притти с русским империализмом к полюбовному соглашению. Интересы английского и русского империализма сталкивались здесь прежде всего в вопросе о предпринимаемом китайским правительством сооружении железнодорожной линии Тянь-цзин-Шанхай-Гуань-Ньючжуан.

Проект сооружения железной дороги от Шанхай-Гуаня вглубь Манчжурии до Мукдена и Гирина был составлен еще в начале 90-х годов. Война с Японией и наступившее после того финансовое оскудение помешали правительству богдыхана реализовать проект, и ко времени сооружения Россией Китайской Восточной ж. д. (т.-е. к середине 1897 г.) китайцам удалось проложить всего лишь 64 клм. пути от Шанхай-Гуаня до местечка Чунхоу-Со. Отношения Китая к России в ту пору не отличались особой приязнью. 19/VII 1897 г. был издан указ богдыхана о скорейшем продолжении этой линии дальше на соединение с К.-В. ж. д., причем во главе всего дела ставился директор северных железных дорог, Ху-юй-фын, человек, близкий к кругам английского Гонконг-шанхайского банка, непосредственное же руководство по сооружению линии поручалось англичанину Киндеру.

Русский дипломатический представитель в Пекине указывает цзун-ли-ямыню на нежелательность допущения англичан к железнодорожному строительству в Манчжурии. Цзун-ли-ямынь сперва отвечает уклончиво, но, когда наступают тяжелые для него дни (занятие германцами Киао-Чао 26/XI 1897 г.), он идет на уступки и своей профессиональной защитнице — России; дает обещание, что в деле сооружения железных дорог севернее Шанхай-Гуаня будет устранено всякое участие иностранцев, кроме русских. Вместе с тем Китай связывает себя заключением в Русско-китайском банке двух займов на общую сумму 600.000 лан. Вынужденное к уступкам обстоятельствами момента, китайское правительство ждет благоприятной минуты, чтобы взять их обратно, и готово в любой момент нарушить только что торжественно данные обязательства. Английские банковские круги также отнюдь не намерены сдавать свои позиции, и Киндер продолжает спокойно ждать своего назначения на должность.

Известно, что, заняв 4/XII 1897 г. Пэрт-Артур судами своей эскадры, Россия хлопочет в ту пору о заключении арендного договора, и действия русской дипломатии в китайском вопросе в связи с тем становятся особенно предупредительными и мягкими. Как повествует всеподданнейшая записка, составленная ст.-секретарем Витте [1]), «министры иностранных дел и финансов, сего 14 января, совещались по вопросу о дальнейшем направлении дела о займе», причем пришли к следующему заключению: «1. Покуда надлежит продолжать вести переговоры о займе прежним порядком и даже уполномочить

[1]) Проект всеподданнейшей записки, составленный ст.-секр. Витте 14/I 1898 г.

Павлова [1]) заявить, что, если китайское правительство примет все наши условия займа, мы, с своей стороны, готовы повысить цену займа против цены займа 1895 г., не определяя ныне размера сего повышения. Продолжение переговоров о займе не обусловливается непременным желанием указанных министров заключить заем чрез посредство России,— но намерением сделать нижеизложенную попытку соглашения с Англиею по этому делу. 2. Признать, что интересы России при настоящих политических обстоятельствах были бы достаточно удовлетворены, если бы, при заключении займа Англиею, великобританское правительство поставило одним из условий займа расширение концессии Кит. Вост. ж. д. предоставлением этой дороге сооружения и эксплоатации на условиях предоставления этой концессии ветви магистрали к порту Талянваню. Это второе условие, по мнению министров иностранных дел и финансов, оградит интересы России при решении сохранить за нами навсегда Порт-Артур как военную гавань, а Талянвань — конечный пункт великой Сибирской дороги и коммерческий порт, открытый в мирное время для всесветной торговли».

Роль кредитора Китая сама по себе для нуждавшейся в кредитах России была мало подходящей, и переуступить ее на выгодных условиях Англии представлялось русской дипломатии не только возможным, но и желательным. Соглашаясь с доводами министра финансов, министр ин. дел гр. Муравьев писал [2]): «Некоторые данные указывают на то, что высказанное вашим превосходительством предположение о направлении, которое может, в конце концов, принять дело китайского займа, близится к осуществлению. В этих видах и принимая во внимание заявление, сделанное китайским правительством лондонскому кабинету о том, что оно принуждено было отклонить английские предложения исключительно в угоду нашим требованиям, — казалось бы, что ныне наступило время, когда нам необходимо было бы стремиться к извлечению всех политических выгод из настоящего положения этого вопроса. С этою целью мы могли бы, предоставив англичанам воспользоваться чисто финансовыми льготами задуманного китайцами внутреннего займа, попытаться достигнуть соглашения в этом деле с Англиею — между прочим на условиях, изложенных в вашем проекте докладной записки от 14/I с. г. При таких обстоятельствах нам удалось бы, в согласии с высочайшими предначертаниями государя императора, обеспечить вполне дружественные отношения с Англиею в делах, касающихся Крайнего Востока» [3]).

Предрасположенность к уступкам русской дипломатии выявилась перед нами в приведенных документах с достаточной ясностью. Такой момент английская дипломатия находит подходящим для того, чтобы обратиться к России с предложением поделить по-братски плохо лежащую китайскую территорию, распределив ее на соответствующие зоны или сферы влияния. Во всеподданнейшей записке министра ин. дел. Муравьева от 19/I 1898 г. читаем: «Посетивший меня на-днях великобританский посол... высказал некоторые соображения по поводу возможности установления между Россиею и Англиею

---

[1]) Русский посланник в Пекине.

[2]) Копия с доверительного письма мин-ра ин. дел мин-ру финансов от 27/I 1898 г., № 50.

[3]) На письме гр. Муравьева имеется собственноручная пометка Николая II: «К сожалению, я не уверен в хорошем исходе подобной сделки с Англиею, что все наши интересы на Дальнем Востоке будут соблюдены».

полного согласия в делах как Крайнего, так и Азиатского Востока. Согласие это, по мнению маркиза Сольсбюри, могло бы установиться, если бы мы изъявили готовность принять точкою исхода наших взаимных отношений более или менее определенное разграничение обоюдных сфер влияния как в Китае, так и в Турции, с обязательством взаимной помощи и поддержки. Осмеливаюсь полагать, что предложение маркиза Сольсбюри заслуживает внимания в той мере, поскольку оно касается разграничения сфер обоюдного влияния в пределах Китая. В самом деле, при настоящих политических обстоятельствах и в виду занятия судами нашей эскадры портов Артура и Талянваня, для нас казалось бы весьма желательным войти в полюбовное соглашение с Англиею разделением сфер влияния в пределах Китая в смысле предложения Сольсбюри, т.-е., чтобы восточною границею нашей сферы была бы река Хуан-хе (Желтая река), а северною границею — английский бассейн Ян-цзы-цзян. Подобное соглашение в настоящую минуту, открывая нам полную свободу действий в пределах Печилийского залива, давало бы возможность устранить англичан от всякого вмешательства в дела Северного Китая. Если вашему императорскому величеству благоугодно будет одобрить изложенные соображения, то я не премину... приступить к дальнейшему обмену мыслей с великобританским послом по поводу предложения маркиза Сольсбюри, лишь в той части оного, которая касается Китая».

28 января английский посол посещает министра и снова поднимает вопрос о соглашении. В заключительной части всеподданнейшей записки от 29/I 1898 г. значится: «Внимание посла было обращено мною на то обстоятельство, что сэру О'Конору [1]) надлежит испросить скорейшего сообщения из Лондона нам более определенной программы, которая могла бы послужить основою для будущего соглашения между Россиею и Англиею. Так как я при этом не преминул подтвердить великобританскому послу, что наиболее спешного обсуждения в настоящее время требуют дела Крайнего Востока, то сэр О'Конор все же, повидимому, нашел необходимым высказать несколько соображений и относительно возможного соглашения с нами по делам Турецкого Востока. Соображения эти весьма знаменательны и потому заслуживают, казалось бы, серьезного внимания: так, английский посол заявил, что по вопросу о разграничении сфер влияния в Турции Англия готова будет признать полную законность стремления России включить в свою сферу не только Черное море с прилегающими ближайшими побережьями и Босфорским проливом, но и с «выходом в Эгейское море», присовокупив при этом, что все интересы Англии ныне сосредоточены преимущественно на африканском материке. В заключение английский посол прибавил, что о взглядах великобританского правительства относительно возможного между обоими государствами соглашения — он, О'Конор, уже делал сообщения гр. Муравьеву, который, несомненно, имел случай докладывать о сем вашему императорскому величеству, и что, стало быть, ныне наступила минута для более точного и подробного определения программы соглашения. Не оспаривая соображений посла и убедившись из общего характера беседы сэра О'Конора, что он лично, повидимому, вполне сочувствует сближению между Россией и Англией и совершенно чистосердечно готов способствовать таковому, я просил его, во избежание всяких недоразумений, изложить, если возможно письменно, в форме промемории или памятной записки, взгляды и пожелания великобританского правительства».

[1]) Великобританский посол в Петербурге.

О начавшихся переговорах министр ин. дел телеграммой ставил в известность своего посла в Лондоне [1]): «Здешний английский посол по поручению своего правительства поставил меня в известность о готовности сент-джемского кабинета войти с нами в соглашение по делам как Крайнего, так и Турецкого Востока при посредстве более или менее определенного разграничения обоюдных сфер влияния в Китае и в Турции, с обязательством взаимной помощи и поддержки. Соображения Сольсбюри по сему предмету были повергнуты мною на высочайшее благовоззрение его императорского величества. Государю императору благоугодно было выразить великобританскому послу полное сочувствие к предложениям английского правительства, высказав при этом, что наиболее спешного обсуждения в настоящее время требуют дела Крайнего Востока. В виду сего мы надеемся, что Сольсбюри не замедлит сообщить более точную программу, которая могла бы послужить основою для будущего соглашения между Россиею и Англией».

31 января английский посол в Петербурге вручает министру ин. дел памятную записку по вопросу о проектируемом соглашении. Мы лишены, к сожалению, возможности привести текст этой записки, ибо до сего времени в делах б. министерства ин. дел она не обнаружена.

Но из цитированных документов с достаточной убедительностью явствует, что удочка британской дипломатии первоначально была закинута далеко, что англичане имели в виду заключить соглашение на весьма широкой основе, охватив им вопросы не только Дальнего, но и Ближнего Востока. Однако в вопросах ближневосточных определенно не клюнуло, и переговоры развивались исключительно в плоскости дальневосточной политики. Еще после первого визита О'Конора Муравьев намечал для переговоров определенное ограниченное русло. На полях же второй всеподданнейшей записки (от 29/I 1898 г.) рукою Николая II была сделана помета: «Наши переговоры с Англиею в настоящее время могут касаться только дел Дальнего Востока». Англичане, повидимому, на своем первоначальном широком предложении не настаивали, и второе посещение О'Конора связано уже с конкретною темой о китайском займе. Об этом мы узнаем из следующих строк той же записки: «Великобританский посол посетил меня вчера и вновь выразил сетования на то, что мы будто бы воспрепятствовали заключению китайского займа у Англии, стремясь для сего воздействовать на пекинское правительство угрозами. Между тем, по словам О'Конора, в Лондоне придавали большое значение вопросу о китайском займе, главным образом, потому, что многие мелкие английские капиталисты уже готовы были поместить свои небольшие капиталы в это предприятие, не состоявшееся вследствие настойчивого противодействия России; с другой стороны, местная пресса не преминула воспользоваться этим обстоятельством, чтобы перенести чисто финансовую неудачу на политическую почву; газеты стали говорить о неуспехах английской политики в Китае, объясняя это возрастающим политическим влиянием России на Крайнем Востоке, все более и более задевая национальное чувство англичан. Такое положение, — прибавил О'Конор, — может поставить английское правительство... в весьма затруднительное положение... Вследствие сего О'Конор и обращается к нам с просьбой дать возможность английскому правительству какими-либо средствами сгладить это тяжелое впечатление в Англии, помочь Сольсбюри выйти из настоящего затруднительного положения. На сообщение это я прежде всего заметил английскому послу, что не

[1]) Проект секретной телеграммы Муравьева Сталю (не датирован).

следует придавать особой веры тем сообщениям, которыми китайцы старались объяснить в Лондоне неудачный исход переговоров английского правительства о займе, так как министры богдыхана пользовались совершенно аналогичными доводами в объяснениях с нашим представителем в Пекине, утверждая, что Англия старалась всеми средствами и угрозами воспрепятствовать заключению китайского займа в России. Это обстоятельство,—добавил я,—как нельзя более свидетельствует, что, если бы между нами состоялось предложенное по инициативе маркиза Сольсбюри соглашение, получившее... высочайшее одобрение... то все возникающие между Россией и Англией недоразумения подобно вышеизложенному легко разрешались бы к обоюдному удовлетворению. Из наших откровенных объяснений сент-джемский кабинет не замедлил бы усмотреть, что мы не придаем преувеличенного значения заключению китайского займа в России; напротив того, если бы мы были глубоко убеждены, что великобританское правительство интересуется китайским займом лишь с точки зрения помещения фондов своих капиталистов, т.-е. видит в нем чисто финансовую операцию, то, несомненно, Россия не только не препятствовала бы заключению займа у английских капиталистов, а, быть может, в состоянии была бы оказать и некоторое содействие заключению такового в Англии, но, само собою разумеется, с тем непременным условием, чтобы Англия не предъявляла бы пекинскому правительству таких требований, которые могли бы нанести ущерб нашим интересам, либо противоречили всем тем обязательствам по отношению к России, которые уже ранее были приняты китайцами...» Английской ноте от 31/I русским дипломатическим ведомством придавалось безусловно крупное значение. «Официальная нота великобританского посла, — читаем во всеподданнейшей записке от 2/II 1898 г., — в коей изложены взгляды лондонского кабинета по вопросу о разграничении сфер влияния между Россией и Англией как в Турции, так и в Китае, представляет документ первостепенной важности. Нисколько не связывая свободу наших действий, английское правительство этою знаменательною нотою, подписанною от его имени его же представителем в С.-Петербурге, заранее устанавливает известные принципиальные основания, которые в будущем могут иметь для нас существенное значение». «Я не премину прежде всего заявить О'Конору, — писал Муравьев в той же записке, — что Англия, как явствует из ноты посла, вполне верно определила наше право на преобладающее влияние на севере Китая, вследствие чего мы, с своей стороны, готовы были бы допустить влияние Англии на юге империи».

Переданная великобританским послом в русское министерство памятная записка от 2/II 1898 г. заключала в себе перечисление основных пунктов английских пожеланий по китайским делам; из них самым существенным являлся пункт о неотчуждаемости иностранцам какой-либо части района Ян-цзы.

Столковавшись с министерством финансов и получив от Витте наставление руководствоваться прежде всего соображениями о русских притязаниях на манчжурскую ветвь и Порт-Артур, министерство ин. дел отвечает англичанам по принципиальной части их предложения полной взаимностью, причем ответ свой фиксирует в особой ноте, передаваемой великобританскому послу 10/II 1898 г.: «Мой государь соизволил усмотреть в этой записке [от 2/II 1898 г.] новое доказательство выраженного великобританским правительством желания притти с императорским правительством к такому соглашению, которое помогло бы устранить всякие трения и осложнения между двумя государствами в областях, где интересы их могли бы прийти в соприкосновение. С удовольствием принимая эту мысль, император полагает, что она могла бы найти ближайшее применение

к делам Крайнего Востока, в частности, к вопросу о китайском займе, который, именно в данный момент, является предметом особого внимания обоих кабинетов» [1]).

Еще раньше, при одном из свиданий своих с О'Конором, Ламздорф переводил мысль последнего от общего соглашения к частному: «Соглашение наше по частному вопросу о займе, — говорил он тогда, — может служить пробным камнем для выяснения общности наших взглядов и действий современем даже по более обширной программе» [2]).

Аргументация в пользу соглашения о займе основывалась русской дипломатией на следующих соображениях: хотя китайцы в рассматриваемый момент склонны были отказаться от внешнего займа, уверяя англичан, что заключению займа в Англии им мешают угрозы России, а русских уверяя в обратном, но было несомненно, что заключение внутреннего займа пекинскому правительству не удастся; при таких обстоятельствах «возможно было бы допустить предъявление Англией китайцам тех условий займа, которые могли бы быть приняты китайцами без ущерба для них и не затрагивали бы наших интересов в Китае»; «предоставив» китайцам свободно войти в переговоры о займе с Англией и заставив Англию «смягчить» условия его, т.-е. выступив в качестве защитника интересов Китая, русская дипломатия «взамен этой услуги» могла потребовать от правительства богдыхана «обеспечения за ним арендного пользования портами Артуром и Талянваном совместно с концессиею на соединительную с ними железнодорожную линию»; «при подобной постановке вопроса, — замечал по этому поводу Ламздорф, — мы прежде всего избегнем всех тех неудобств, которые могли бы возникнуть в случае заключения Китаем внешнего займа у какой-либо европейской державы без всякого посредства с нашей стороны»; разумеется, рассмотрение английских условий должно было быть произведено не иначе, как «с точки зрения наших политических и финансовых интересов»; «поставленное в вышеозначенные рамки соглашение наше с Англией обеспечило бы за нами существенные интересы наши на севере Китая»; всем сказанным ни в какой мере не должны были омрачиться взаимоотношения России и Франции, ибо в северной части Китая Франция не была заинтересована совершенно, «в деле же разграничения сфер влияния Франции и Англии на юге Китая едва ли с нашей стороны возможно какое-либо вмешательство». Изложенная аргументация заключалась в записке товарища министра от 2/II 1898 г. С этого момента переговоры, казалось, могли начаться и могли быть поставлены на конкретную деловую почву.

Англичане рассчитывали, между тем, в конкретном вопросе о займе добиться своего, поставив русское правительство перед совершившимся фактом. По крайней мере, русский посланник в Пекине телеграммою от 15/II 1898 г. сообщал о том, что китайское правительство возобновило переговоры с Гонконг-шанхайским банком о займе в 16 милл. фунтов стерлингов на условиях, тождественных с теми, которые банк предлагал весною прошлого года и которые тогда были отвергнуты китайцами, что дело ведется крайне секретно между Хартом и Чжан-ин-Хуаном, повидимому, лично заинтересованным в деле. Русское правительство, настаивавшее на соглашении прежде всего по частному вопросу о займе и занятое оформлением договора об аренде портов и о концессии на южную ветку К. В. ж. д., не торопится с продолжением переговоров.

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Всеподданнейшая записка Ламздорфа от 7/II 1898 г.

В результате, переговоры развиваются крайне медленным темпом, иногда прерываясь, потом снова возобновляясь, принимая характер торга по мелочам.

Китай также оказывается невольно втянутым в переговоры, и в июле 1898 г. Павлову удается обменяться с цзун-ли-ямынем нотами, которыми было условлено, что Шанхай-Гуань — Инкоуская железная дорога не может служить обеспечением займа, и что иностранный финансовый контроль над операциями дорог допущен не будет. «Такою постановкою вопроса, — объяснял министр Лессару [1]), — мы в значительной мере связали свободу действий Китая». Вместе с тем тот же министр подчеркивал, что «стремление наше оградить собственные интересы не может и не должно вызывать опасений со стороны Англии»: симпатии Англии Россия должна была завоевать фактом сообщения английскому посланнику 3-й статьи дополнительного протокола [2]). О той тревоге, какая в связи с занятием Россией Квантуна, охватила лондонские политические круги, сообщал Стааль еще в январе 1898 г. Теперь, в июле, Лессар писал о наступившем в Лондоне рецидиве этих политических страхов. Поручая Лессару выступить перед кабинетом с соответствующими объяснениями «в примирительном духе», в своей телеграмме от 29/VII 1898 г. министр инструктировал его так: «В виду обострившегося по отношению к нам настроения Англии в вопросе о продлении железной дороги от Шанхай-Гуаня до Инкоу, необходимо иметь в виду, что мы вовсе не противимся сооружению китайцами означенной дороги, ни совершению займа для этой цели. Заключенные нами с правительством богдыхана соглашения имеют лишь в виду предупредить возможность перехода предприятия тем или иным путем в руки иностранцев. Действуя таким образом, мы руководились весьма понятным стремлением оградить собственные интересы в сфере естественного влияния России. Мы не преследовали при этом каких-либо скрытых замыслов и продолжаем оставаться при... убеждении, что деятельность наша в Манчжурии, открывшая новый край предприимчивости иностранцев, может лишь иметь благотворное влияние на общие интересы».

Состояние переговоров к этому времени определяется сообщением Лессара от 31/VII 1898 г.: «Несколько часов ранее получил приглашение Бальфура, ныне управляющего министерством иностранных дел, зайти к нему сегодня. Он обратил внимание на возбуждение общественного мнения, выразил сожаление, что смягчившиеся после весенних недоразумений отношения опять обострились, несколько раз повторил, что правительство крайне озабочено положением дел на Крайнем Востоке, которое оно считает очень серьезным. В ответ я привел аргументы телеграммы вашего сиятельства, прибавив, что, если мы не можем пожертвовать нашими интересами в Манчжурии, то были бы искренно рады решению вопроса, при котором были бы соблюдены обоюдные выгоды. Я спросил: если постройка дороги Шанхай-Гуань—Инкоу дело коммерческое, то не могла ли бы Англия просить у Китая гарантии займа в другом виде? Бальфур видит главное затруднение в том, что вопрос принципиальный — Англия должна защищать Тянь-цзинский трактат. Я заметил, что, вопреки нашему трактату, Англия получила исключитель-

---

[1]) Депеша министра ин. дел росс. дипл. представителю в Лондоне Лессару от 29/VII 1898 г.

[2]) О соединении сибирской магистрали с Порт-Артуром и Талянваном, о недопредоставлении иностранцам ж.-д. концессий в этом районе, о согласии России не препятствовать сооружению Шанхай-Гуанской ж. д., строящейся на средства китайского правительства.

ную привилегию относительно начальника таможен. Как Бальфур, так и Сандерсон оспаривают этот довод, но, повидимому, понимают его вес. Бальфур полагает желательным соглашение всех заинтересованных держав относительно сфер влияния каждой. Не зная взгляда императорского правительства на введение европейского концерта в Китае, я лишь указал на трудность международного обширного соглашения; казалось бы, легче сговориться отдельным государствам. Объяснение имело самый примирительный характер, и министр, повидимому, желает найти выход и опасается лишь нападок прессы и шовинистов». Англичане не перестают также указывать на то, что считают заключенные Россией соглашения с Китаем для себя не обязательными [1]).

Мысль Бальфура, расценивающего положение вещей на Дальнем Востоке, как «очень серьезное», — о разрешении китайского вопроса путем обращения к концерту держав — в русском министерстве не встречает сочувствия. «Разрешение возникающих на почве Китая вопросов путем европейского концерта, — телеграфировал министр Лессару 2/VIII 1898 г., — считаем безусловно нежелательным, полагая удобным сговариваться с заинтересованными государствами в отдельности». По сути дела русское правительство было заинтересовано только в соглашении с Англией, и притом только по частному вопросу, и этим позиция его сильно отличалась от позиции англичан, которые опасались, с одной стороны, сужения некоторых своих прав в Манчжурии, с другой же — конкуренции Франции в долине Ян-цзы и предполагали в этом добиться от России поддержки.

Русская дипломатия избирает определенно кунктаторскую тактику, но вместе с тем старается всячески избежать обострения отношений с Англией. Допуская возможность, что Англия в крайнем случае «решится... на вызывающий прямо против России шаг в такой отдаленной области наших интересов, где трудно было бы дать англичанам надлежащий отпор», автор всеподданнейшей записки ставил вопрос: «в предвидении такой случайности можем ли мы настаивать на нашей точке зрения до последних пределов, рискуя подорвать занятое нами ныне на Дальнем Востоке положение?» [2]). «Мир важнее всего, если честь не затронута», — отвечал ему собственноручной пометой его постоянный читатель. О возможности нарушения мира англичане, разумеется, серьезно не думали. Но что царь не продумал еще сделанного ему предложения, видно из другой пометы его, проставленной на одной из августовских телеграмм Лессара [3]), сообщавшего о неудовлетворенности англичан русской редакцией проекта о разделе Китая: «Нельзя делить существующее независимое государство на сферы влияния. Турция — в том же положении, как и Китай. Однако никто не делит ее территории на сферы влияния». Царские дипломаты, призванные к разработке дальне-восточного вопроса и фактически проводившие эту разработку в смысле утверждения русского влияния в известных зонах Китая, не чурались идеи о разделе его на сферы влияния, но опасались вводить эту идею в практику дипломатической терминологии. «Повидимому, можно было бы вовсе не касаться общего вопроса о сферах влияния, — говорит Лессар в своем частном письме от 19/VIII 1898 г., — и ограничиться лишь соглашением не просить концессий англичанам — в Манчжурии, нам — в долине Ян-цзы, ... оставляя за собой полную свободу действий на Желтой реке». Русский представитель в Лондоне, естественно, ближе всех подходил к английской точке зрения. Между тем иностранная политика сент-джемского кабинета

[1]) Всеподданнейшая записка от 4/VIII 1898 г.

[2]) Там же.

[3]) От 18/VIII 1898 г.

вызывает в стране определенное недовольство, и, стоящий перед обнаруживающимися в некоторых избирательных районах неприятными симптомами, кабинет стремится добиться хотя бы самого скромного успеха в китайских делах.

Сменяющий О'Конора Чарльз Скотт развивает энергичную деятельность, бомбардируя русское дипломатическое ведомство письмами и записками [1]).

Так как возражения Муравьева сводились прежде всего к ссылке на то, что китайское правительство не имеет права отдавать под залог Гонконг-шанхайского банка проектируемую железнодорожную линию, Скотт предлагал обеспечить заем другою существующею уже линиею, лежащею к западу от Великой Стены, а именно линиею Шанхай-Гуань — Тяньцзин — Пекин. «Так как дорога эта и без того находится в руках англичан, — писал по поводу этого предложения министр посланнику в Пекине [2]), запрашивая заключения последнего, — то, казалось бы, нет препятствий согласиться на предложение лондонского кабинета, дабы покончить все недоразумения». Министр иностранных дел, во всяком случае, склонялся к тому, чтобы принять предложение англичан, и даже получил на то согласие министра финансов. «Казалось бы, мы могли воспользоваться предложениями Бальфура, — читаем во всеподданнейшей записке от 29/VIII 1898 г., — и изъявить свое согласие на то, чтобы в обеспечение проектированного китайцами займа для постройки линии на Инкоу поступила Шанхай-Гуань—Тяньцзинская дорога, которая и без того находится в руках англичан и по отношению к которой не могут быть применены условия нашего соглашения с Китаем, так как дорога эта находится, если и не вполне вне сферы нашего влияния, то во всяком случае за пределами той полосы, где мы по смыслу конвенции 15 (27) III с. г. имеем право требовать устранения иностранных компаний от участия в сооружении железных дорог. Следует предположить, что готовность Англии довольствоваться столь скромной, — чтобы не сказать фиктивной, — уступкой в возникших между нами недоразумениях вызвана лишь весьма понятным желанием великобританского правительства, убедившегося, быть может, в невозможности склонить нас к изменению принятых нами решений в деле постройки железных дорог на севере Китая, — представить в настоящую сессию парламента, по крайней мере, благополучное окончание возбужденных им переговоров с китайским правительством о займе, под обеспечение одной из существующих вблизи Пекина железнодорожных линий. Такой оборот дела нельзя не считать весьма удачным, и нам, повидимому, нет оснований рассчитывать на более выгодные условия соглашения с Англиею в вопросе о Ньючжуанской дороге. О предложении великобританского правительства я не приминул довести до сведения ст.-секр. Витте через министерство финансов, который, с своей стороны, не видит препятствий к тому, чтобы проектируемый китайский заем совершен был под залог Шанхай-Гуань—Тяньцзинской железной дороги...» Царь также выразил согласие принять английское предложение: «На этих условиях, мне кажется, можно согласиться с Англией» — пометил он на цитированной записке.

Ламздорф тотчас же сообщает Скотту о последовавшем высочайшем решении и предлагает ему «оформить письменно, в виде проекта, текст обоюдных нот по означенному вопросу, подлежащих обмену».

---

[1]) Частные письма Скотта к Муравьеву от 16/VIII и 22/VIII 1898 г., сообщение великобританского посольства от 9/IX, конфиденциальное письмо Скотта от 16/IX 1898 года.

[2]) Секретная телеграмма Павлову от 29/VIII 1898 г.

«Великобританский посол возразил мне, — пишет Ламздорф о дальнейшем ходе переговоров [1]), — что им до сего времени не получено от маркиза Сольсбюри разрешения выделить вопрос о железнодорожных концессиях из общего соглашения по делам в Китае и что, в виду необычайного, постоянно поддерживаемого прессою возбуждения общественного мнения в Англии, ему казалось бы крайне желательным, заявляя парламенту о том, что Англия отказалась от гарантии железнодорожной линии Шанхай-Гуань — Инкоу, возвестить и о соглашении, достигнутом по всем интересующим оба государства в Китае вопросам». Опасаясь просчитаться на более широком соглашении, русская дипломатия, в свою очередь, уклоняется от прямого ответа, ссылаясь на необходимость дать более точное географическое определение сферам влияния. Англичане спешат рассеять сомнения русской дипломатии и уже 13/IX на недоуменные вопросы ее дают следующий ясный ответ [2]): «Район Ян-цзы может быть определен, как «провинции, прилегающие к реке Ян-цзы, и сверх того — провинции Хуань и Чже-цзянь». Мы считаем Манчжурию ясно определенною страною и ожидаем от русского правительства предложения касательно того ее определения, которое должно быть включено в соглашение».

Наконец, в приложении к своему конфиденциальному письму от 16/IX 1898 г. сэр Скотт давал такую формулировку проекта соглашения: «Оба правительства согласились о нижеследующем: 1. Чтобы линия Шанхай-Гуань — Ньючжуан была построена и, если нужно, при посредстве займа от Шанхай-гонконгского банка, но что линия эта должна остаться китайской линиею, под китайским контролем, и не должна быть отдана под залог какой-либо не-китайской компании. 2. Оба правительства также согласились относительно общего вопроса о железнодорожных концессиях в Китае: а) что русское правительство обязуется не домогаться получения за свой счет или для русских подданных каких-либо концессий или участия в концессиях на железные дороги в районе Ян-цзы, а также не оказывать прямого или косвенного противодействия ходатайствам о таких концессиях, поддерживаемых британским правительством; в) что британское правительство обязуется не домогаться получения за свой собственный счет, или для английских подданных, каких-либо концессий или участия в концессиях на железные дороги в Манчжурии, а также не оказывать прямого или косвенного противодействия ходатайствам о таких концессиях, поддержанных русским правительством. Сверх того условлено между обоими правительствами, что с обеих сторон ясно установлено, что таковые железнодорожные концессии не должны заключать в себе каких-либо постановлений относительно преимущественных (preferential) железнодорожных такс или исключительных (differential) правил о пассажирах и товарах в пользу страны, получившей концессию» [3]).

Английский проект заострил, таким образом, соглашение на железнодорожных концессиях и требовал снятия в пределах сферы влияния всех привилегий для подданных страны, получающей концессии. Вопрос о соглашении снова подвергается совместному обсуждению министров иностранных дел и финансов. У ведомств обнаруживается при этом значительное разномыслие. Точка зрения Витте сводилась к следующему: он допускал возможность не устанавливать запретительных мер по отношению к иностранным подданным в районах русского преобладающего влияния, но требовал вместе с тем снятия

[1]) Всеподданнейшая записка Ламздорфа от 9/IX 1898 г.

[2]) Сообщение великобританского посла в Петербурге от 13/IX 1898 г.

[3]) Перевод с английского.

всяких ограничений с деятельности Русско-китайского банка на юге Китая; это представлялось ему желательным не только в интересах самого банка, но и в видах завоевания симпатий французских финансовых сфер. «Таковы, — восклицал глава русского дипломатического ведомства [1]), — по проекту министерства финансов, единственные выгоды, приобретаемые нами ценою отказа от исключительного влияния на севере Китая! Как бы дороги ни были нам интересы единичных русских предпринимателей на юге Китая, где, впрочем, успехи их при существующей конкуренции английских, бельгийских, французских и иных капиталистов весьма сомнительны, как бы ни было желательно расширение финансовой деятельности банка на востоке, смею думать, что, ради выгод частных железнодорожных компаний и кредитных учреждений, императорское правительство едва ли может жертвовать политическими интересами первостепенной государственной важности. Открывая широкий доступ в Манчжурию и, вообще, северные области Китая англичанам, за которыми, в силу нашего соглашения, беспрепятственно последуют американцы, японцы и другие иностранные предприниматели, мы тем самым предоставим им первенствующую роль в экономическом и политическом развитии страны, которая, благодаря близкому соседству на протяжении почти всей государственной азиатской границы нашей должна находиться под преобладающим влиянием России и, с окончанием великого железнодорожного пути, войти в самое тесное сближение с Сибирью».

В результате ведомственных трений русский ответ на последнее английское предложение задерживается. Проходит два месяца. Между тем к ноябрю англичане достигают крупных военных и дипломатических успехов в Египте, нанося в Фашодском вопросе чувствительный удар Франции. Проведя вместе с тем дополнительную работу по укреплению своих вооруженных сил, они проникаются более уверенными настроениями в дальневосточном вопросе и пользуются теми разногласиями, какие обнаружились между двумя русскими ведомствами. Сообщение великобританского посольства от 18 (30) ноября 1898 г. свидетельствует о росте английских притязаний в Китае и стремлении вторгнуться в ту «сферу», которая недавно еще почиталась англичанами сферою прямых интересов России. Сообщение это гласило: «Сожалея о том, что мысль зафиксировать разграничение сфер влияния путем письменного соглашения встречает по указанным [вами] соображениям возражения, я тем не менее был рад узнать, что граф Муравьев и г-н Витте оба являются сторонниками соглашения, которое считалось бы как с независимостью Китая, так и с нашими правами по договору, которым, между прочим, признается совершенно недопустимым установление в силу железнодорожной концессии какого-либо преимущественного тарифа и исключительных правил в отношении к провозу товарных грузов и пассажиров в зависимости от национальности; что они готовы признать и блюсти политику «открытых дверей», основывающуюся на наших договорных правах; что они не намереваются требовать создания в Китае сферы исключительно русского влияния и русских интересов, и склонны не выходить за пределы тех мероприятий, которые являются необходимыми для охраны их манчжурской железной дороги. Если вы найдете возможным достигнуть того, чтобы смысл этих слов был в той или иной форме письменно зафиксирован в соглашении, — это было бы для нас весьма ценно, и подобное соглашение значительно помогло бы рассеять здесь некоторые опасения и подозрения» [2])...

[1]) Всеподданнейшая записка министра ин. дел. от 21/XII 1898 г.

[2]) Перевод с французского.

Русский дипломатический представитель в Лондоне так характеризовал новое английское выступление [1]): «Сообщение сэра Чарльза Скотта является мало понятным. Согласно новому предложению, мы отказываемся от всего и в этот раз уже действительно ничего не получаем. Желание лорда Сольсбюри совершенно непонятное и небывалое: он требует, чтобы наш отказ не был в виде обыкновенного уверения, а в виде un engagement écrit, т.-е. чтобы мы взяли перед Англией обязательства по поводу наших обязательств к третьему независимому государству — Китаю. Во всей истории наших уверений по средне-азиатским делам не было ничего подобного. Если бы мы пожелали увеличить арендованный нами участок на Ляодунском полуострове подобно тому, как сделали англичане у Гонконга, то должны были бы просить согласия Англии, ибо мы перед нею обязались бы «respecter l'intégrité de la Chine». Если бы какая-либо другая держава заняла самые важные пункты Печилийского залива, мы не могли бы получить компенсаций от Китая без разрешения Англии. Мы отказываемся от сферы влияния в Китае, даже если бы пожелали заключить таковой с какой-либо другою державою. Англия будет судьею, что нужно для ограждения безопасности манчжурской линии. В общем — отказ от права сноситься непосредственно с независимым государством. Если бы было невозможно вернуться к распределению сфер концессий, то, казалось бы, лучше не иметь никакого соглашения, нежели вышеназванное. Оно не принесет пользы и будет принято, как уступка угрозам Англии и повлечет за собою новые требования. Под влиянием новой, столь серьезной, дипломатической победы шовинисты сочтут себя полными хозяевами Китая, и их образ действий вызовет, весьма вероятно, очень серьезные осложнения. Едва ли проявление нами твердости в настоящее время сопряжено с большим риском. Мы имели предупреждения из Рима, но Италия более всего дружественна Англии, и ее предупреждения не были бы одною из косвенных попыток запугивания? Все были убеждены, что на вооружения тратятся громадные суммы, а на-днях канцлер казначейства сэр М. Гикс-Бич нашел нужным заявить, что все издержки на снаряжение флота ограничились несколькими десятками тысяч фунтов. Может быть, это и неверно, но самый факт такого заявления доказывает, что правительство едва ли приняло крайние решения, и само боится возбуждения общественного мнения. Бить Францию в ее колониях было, конечно, очень легко, но воевать с нами другое дело. Это здесь сознают, и весьма мало вероятия, чтобы пошли далее угроз. К тому же все с тревогою смотрят на северо-западную границу Индии и ранее выяснения положения дел на ней ни на что не решатся. Обстоятельства сложились для Англии исключительно благоприятно и подняли ее престиж; но действительные силы ее не велики, живет она только престижем, и продержится он, вероятно, весьма недолго, несколько месяцев. Если англичане увидят, что мы их не испугались, и если мы при этом будем вести очень осторожную политику в Пекине, избегая новых вопросов, то, вероятно, будет возможно избегнуть серьезных осложнений и без соглашения».

Как же реагировало русское дипломатическое ведомство на новый натиск англичан?

Секретною телеграммою на имя своего представителя в Пекине от 19/IX 1898 г. министр предупреждал последнего, что ньючжуанский вопрос вступает снова в свой первоначальный фазис, что Гонконг-шанхайский банк, возможно, начнет снова предлагать заем под обеспечение проектируемой дороги Шанхай-Гуань — Инкоу и что велико-

---

[1]) Частное письмо Лессара от 24/XI 1898 г.

британское правительство будет подерживать это требование, не взирая на состоявшийся между нами и китайцами обмен нот 19/VII. Вместе с тем, однако, министр ставил посланника в известность о том, что признано необходимым «не доводить отношений наших с Англией в Китае до открытого разрыва» и стремиться во что бы то ни стало «найти выход из настоящих затруднений».

Министр иностранных дел отлично понимал, что «попытка маркиза Сольсбюри добиться признания с нашей стороны политики «открытых дверей» в Китае, отказа нашего как от преимуществ, сопряженных с полученною нами концессиею Восточной железной дороги, так и от права на исключительное влияние в Манчжурии — указывает на все более и более возрастающие притязания Англии играть первенствующую роль в Китае и на стремление ее с этою целью вторгнуться в сферу прямых интересов России» [1]). Министр учитывал вместе с тем исключительно выигрышное в настоящий момент положение Англии, усилившейся дипломатически и в военном отношении. Ему приходилось также считаться со следующими особенностями настоящей конъюнктуры: 1) антагонизмом России с Японией, которая не могла решиться на враждебные против России действия иначе, как при поддержке со стороны Англии; 2) с обнаруживающеюся у Соединенных Штатов, после приобретения ими Филиппин, тягой на юг — к долине Ян-цзы, где их интересы должны были рано или поздно притти в ближайшее соприкосновение с английскими, причем русскому правительству, само собой разумеется, представлялась здесь желательной перспектива отнюдь не англо-американского согласия, но — англо-американского соперничества [2]). «Это обстоятельство, — заключал свой анализ международного положения министр иностранных дел, — в свою очередь, казалось бы, свидетельствует о необходимости для нас, при настоящих политических условиях, исчерпать все средства к достижению полюбовного соглашения с Англиею по делам Крайнего Востока».

Практический шаг намечался отсюда следующий — отклонив новое английское предложение, вернуться к старому первоначальному, а пока что — обратиться к китайскому правительству с запросом, в каких провинциях оно готово предоставить России, с одной стороны, и Англии—с другой, право получения железнодорожных концессий.

«Единственным выходом для нас, — значится во всеподданнейшей записке от 15/I 1899 г., — представляется принять изложенные в ноте от 16/IX 1898 г. первоначальные английские предложения о взаимном распределении железнодорожных концессий в Китае, согласно нашему проекту карты, что, по крайней мере, обеспечило бы за нами исключительное влияние на севере Китая и преимущественно в Манчжурии».

Пока происходит выработка русского ответа, редактируемого по соглашению между двумя ведомствами и обсуждаемого затем (в конце января 1899 г.) на специально созываемом особом совещании, англичане успевают приступить к реализации Гонконг-шанхайским банком железнодорожного займа. 23/I 1899 г. было опубликовано объявление о подписке; в нем сообщалось, что гарантиею займа являются линии от Пекина до Шанхай-Гуаня, а также доходы железной дороги от Шанхай-Гуаня до Синминтина [3]) и проектируемых от этой последней ветвей, из коих одна должна была пойти на Ньючжуан. Контрактом займа, кроме того, предусматривалось, что главным инженером по постройке

[1]) Всеподданнейшая записка, не датированная, относящаяся ко второй половине ноября 1898 г.

[2]) Записка от 2/XII 1898 г., составленная, повидимому, Лессаром.

[3]) Синминтин — город в Южной Манчжурии, верстах в 60 к западу от Мукдена.

дорог должен быть великобританский подданный, что главные служащие должны быть из европейцев, и что бухгалтеру-европейцу, совместно с директором дороги и главным инженером, должны быть предоставлены полномочия вести железнодорожную отчетность и наблюдать за приходом и расходом сумм [1]). Словом, условия этого контракта находились в безусловном противоречии с только что состоявшимся русско-китайским соглашением (ст. 3 СПБ дополнительного протокола от 25/IV 1898 г.).

Одновременно сэр Чарльз Скотт обнаруживает крайнее нетерпение и неоднократно запрашивает русское министерство, какие причины вызывают отсрочку начатых с Англиею переговоров о соглашении. В настояниях англичан Муравьев усматривает даже «недоверие к нашей искренности и даже некоторое раздражение» [2]).

Необходимость соглашения с Англиею в той или другой форме теперь была уже сознана всеми ведомствами, вопрос этот петербургским кабинетом был бесповоротно решен в положительном смысле. Частный вопрос о займе не должен был явиться препятствием на пути к этому соглашению. Тем более, что препятствие легко было устранить за счет того же Китая. О способах этого устранения повествуется в одном из доверительных писем министра иностранных дел к военному министру [3]): «Как вашему превосходительству не безызвестно,—писал Муравьев,—в последнее время китайское правительство для приобретения средств на постройку железной дороги от Шанхай-Гуэня до Ньючжуана прибегло к заключению займа у Гонконг-шанхайского банка на условиях, противоречащих состоявшемуся еще в июле минувшего года между нами и Китаем соглашению относительно названной дороги. Так как благоприятному осуществлению вышеупомянутого займа английское правительство придавало весьма существенное значение, то министерство иностранных дел не признало возможным настаивать в Пекине на уничтожении состоявшейся финансовой сделки, дабы, при хорошо известных вашему превосходительству настоящих политических условиях, не нарушить наших дружественных отношений с Англиею, с которою мы ныне ведем переговоры о заключении соглашения по китайским делам. С другой стороны, однако, вверенное мне министерство все же нашло необходимым предъявить формальный протест в Пекине против допущенного китайскими министрами нарушения принятых ими перед нами обязательств, имея в виду воспользоваться этим обстоятельством, чтобы потребовать от китайского правительства соответствующих компенсаций и, таким образом, не оставить безнаказанным отступление его от соглашения 19 июля 1898 г. При этом министерство полагало, что наиболее целесообразным было бы потребовать таковые компенсанции в пределах Квантунского полуострова и нейтральной зоны, т.-е. именно в тех местностях, где мы не придем в столкновение с притязаниями англичан и где у нас имеются первостепенные государственные интересы».

Ниже мы увидим, какую компенсацию русское правительство имело в виду выговорить себе у Китая, сейчас же обратимся к русскому ответу на английские предложения. Ответ этот возвращался к первоначальному английскому проекту, был составлен в осторожных выражениях, но значительно сужал базу, на которой должно было быть построено соглашение. Ответ этот был дан в ноте, переданной английскому послу 26/I 1899 г., гласившей [4]): «Императорское правительство не преминуло подвергнуть всестороннему рас-

[1]) Письма Витте Муравьеву от 25/I 1899 г. и от 28/I 1899 г.

[2]) Всеподданнейшая записка Муравьева от 23/I 1899 г.

[3]) От 26/II 1899 г.

[4]) Перевод с французского.

смотрению делавшиеся ему с прошлого года великобританским правительством предложения о заключении обеими державами соглашения, имеющего целью устранение конфликтов, порождаемых с некоторых пор заинтересованностью их подданных в экономических делах Китая, приобретших такую значительность с того времени, как пекинское правительство решило содействовать проведению железных дорог по своей обширной территории. Самая сущность этих подвергнутых рассмотрению столь сложных вопросов не позволила нам выработать какие-либо конкретные определенные предложения, которыми достигалась бы цель мирного согласования, побудившая обе стороны приступить к вышеупомянутым переговорам. Не желая тем не менее затягивать заключение принципиального соглашения, долженствующего свидетельствовать о твердом решении как России, так и Великобритании избегать всякого рода конфликтов и работать совместно в деле миролюбивого разрешения всех вопросов в области развития их промышленных и коммерческих интересов в Китае, — императорское правительство пришло к заключению, что в настоящее время в вопросах Дальнего Востока лучше всего было бы остановиться на предложениях лондонского кабинета, изложенных в ноте великобританского посла в Петербурге от 31 января минувшего года. Если правительство ее величества королевы разделяет эту точку зрения, то, не касаясь преждевременно специальных вопросов и деталей, которые могут быть разрешаемы постепенно, по мере представляющейся в том надобности, было бы возможно установить теперь же общие положения соглашения на основах разграничения сфер влияния в зависимости от экономической или географической заинтересованности той или иной державы. В виду же того, что в настоящее время вопросом, наиболее интересующим и с.-петербургский и лондонский кабинеты является вопрос о проведении и эксплоатации китайских железных дорог, естественно было бы прежде всего договориться именно по этому вопросу. Можно было бы условиться о следующем: 1) что Россия не будет препятствовать никаким железнодорожным предприятиям Великобритании в районе Ян-цзы и 2) что Великобритания, с своей стороны, не будет препятствовать аналогичным предприятиям России в районе, расположенном к северу от Великой Китайской стены. Заключить подобное соглашение было бы тем более легко, что оно вполне согласовалось бы с предложениями, сделанными нам британским правительством год тому назад и что оно соответствовало бы идее разграничения сфер влияния, — идее, игнорирование коей в ведущихся переговорах еще так недавно вызывало сожаление у маркиза Сольсбюри».

Побуждаемое отчасти соображениями парламентской тактики, стоящее перед близкою перспективою отправки своих войск в Южную Африку [1]), и, в конечном счете, добившееся в китайском вопросе, если не всего, то очень многого, английское правительство спешит с ликвидацией затянувшихся переговоров и выражает согласие на постановку вопроса в суженном виде. Нота, переданная 3/III 1899 г. гр. Муравьевым великобританскому послу в Петербурге, заключала в себе весь необходимый и достаточный материал, из которого можно было построить столь долго ожидаемое соглашение.

В ноте этой проект соглашения получал следующую формулировку: «1) Россия обязуется не требовать ни для себя, ни для своих подданных никаких железнодорожных концессий в районе Ян-цзы и не препятствовать ни прямо, ни косвенно никаким требованиям железнодорожных концессий в этом районе, поддерживаемых великобританским

[1]) К отправке войск в Южную Африку английское правительство приступает в июне 1899 г.

правительством. 2) Англия, с своей стороны, обязуется не требовать ни для себя, ни для своих подданных никаких железнодорожных концессий в районе, расположенном к северу от Великой Китайской стены, и не препятствовать ни прямо, ни косвенно никаким требованиям, поддерживаемым русским правительством» [1]).

В заключение в ноте заявлялось, что предполагаемым соглашением не должны быть нарушены права Гонконг-шанхайского банка на Шанхай-Гуань—Ньючжуанскую линию, но что вместе с тем не может быть и речи о передаче банку в отношении названной линии прав собственности или контроля.

В дополнительной переписке, ведущейся в течение марта месяца, русское правительство заверяет англичан в признании им всех выговоренных Англией прав на Ньючжуанскую линию и подтверждает вместе с тем право свое «потребовать от китайского правительства концессию на сооружение ветви от одного из пунктов Китайской Восточной дороги по направлению к Пекину» [2]).

Наконец, в апреле 1899 года кабинеты обмениваются теми двумя последовательными нотами (от 16 апреля), которые, будучи опубликованы в Оранжевой и Синей книгах, получили широкую известность, как установившие соглашение о разделе Китая на сферы влияния.

Движимые заботами о «ненарушении прав Китая», авторы соглашения в течение всего того времени, пока соглашение вырабатывалось, старались не тревожить предмета своей опеки излишними волнующими вопросами. Когда сферы влияний были определены и соглашение заключено, текст последнего просто доводится дипломатическими миссиями обеих держав до сведения правительства богдыхана.

Видавшее столь многие виды и привыкшее ничему не удивляться, пекинское правительство на этот раз, повидимому, теряет привычное самообладание и спокойствие. В ответ на торжественные сообщения обеих миссий сановники цзун-ли-ямыня заявляют, что они не могут признать англо-русское соглашение для себя обязательным и что, «если соглашение это будет сопряжено с препятствиями или неудобствами для Китая, то факт получения сообщения не может служить доказательством согласия Китая».

Не менее характерно также то обстоятельство, что русский посланник в Пекине не обратил ни малейшего внимания на ответ Китая и, «оставив его без письменного возражения», счел полезным «при первом удобном случае вновь заявить министрам, что застенный Китай входит несомненно в сферу наших интересов» [3]).

О том, как было воспринято в Китае англо-русское соглашение и какими тайными надеждами утешало себя поваленное на землю китайское правительство, весьма подробно и краснореч иво рассказывается в доверительной депеше Гирса от 21/V 1899 г. Сообщив об ответе Китая, заключительная часть которого (приведенная выше), была столь непривычна для слуха европейской дипломатии, Гирс писал: «Означенная оговорка служит, несомненно, выражением удивления и страха, овладевших здешними правителями при предположении, что вековой нашей вражде с Англией положен конец, и что Китаю остается только впредь беспрекословно подчиняться как нашим, так и английским требованиям. Опасения китайских министров усилились, когда, вслед за сообщением нашего соглаше-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Проект секретной телеграммы Гирсу от 31/III 1899 г.

[3]) Секретная телеграмма Гирса из Пекина от 30/IV 1899 г.

ния, им немедленно было предъявлено ходатайство нашей манчжурской дороги о предоставлении ей концессии на построение линии по направлению к Пекину. Министры заключили из этого обстоятельства, что мы спешим войти во владение предоставленным будто бы нам по разделу с Англией Северным Китаем. Никто из них не решался доложить императрице-регентше о нашем требовании, и все их старания были направлены к тому, чтобы, по возможности, отклонить его или, по крайней мере, затянуть его решение на неопределенное время, быть может, не без надежды, что представлявшееся им столь невероятным наше примирение с Англией окажется в действительности непрочным. Шум, поднятый в местной английской прессе по поводу проектируемой нами линии, и отчасти недоброжелательное отношение к ней великобританской миссии могли лишь укрепить упования министров на возможность скорого разлада между вновь договорившимися сторонами». Переходя к вопросу о той тактической линии, какую надлежало проводить в Китае русской дипломатии, Гирс замечал: «...я счел своим долгом приложить усилия ко вселению в министрах убеждения, что мы ни при каких условиях не откажемся от нашего требования. В моих переговорах с цзун-ли-ямынем я тщательно избегал, однако, прибегать к каким-либо угрозам, не теряя еще надежды, что мы можем добиться преследуемой нами цели путем мирных настояний, лишь бы китайцы были уверены в нашей решимости. Как я имел честь доносить вашему сиятельству, я имею основания предполагать, что среди министров существует стремление выкупить Шанхай-Гуаньскую дорогу у англичан, чтобы отнять у нас этим повод требовать удовлетворения за нарушение соглашения 19/VII 1898 г. Ко мне подсылались уже совершенно частные лица с запросами, не дадим ли мы Китаю денег на возвращение Гонконг-шанхайскому банку части займа, выплаченного уже им китайскому правительству... Смею высказать личное свое мнение, что, по местным условиям, такой исход был бы возможен, если бы мы могли заместить англичан во всех условиях контракта о займе. В заключение позволю себе присовокупить, что в требуемой нами концессии китайцев пугают, главным образом, условия постройки и эксплоатации линий, выговоренные нами в пользу Восточной железной дороги. В их глазах военная охрана дороги и ширина полотна, одинаковая с шириною, принятою на всех наших железнодорожных путях, представляются условиями, отдающими Пекин в распоряжение наших войск...»

Вконец терроризованный цзун-ли-ямынь дает России требуемое обязательство не предоставлять ни одной державе, кроме России, права постройки железной дороги от Пекина в северном или северо-восточном направлении [1]).

Русскому правительству не приходилось серьезно задумываться над вопросом о выкупе Шанхай-Гуаньской дороги, ни тем более о проведении Пекинской. Сделанные достижения приобретали для него, таким образом, значение исключительно морального успеха и могли рассматриваться в положительном смысле только в смысле накопления политических прав и возможностей. Поэтому, «ценя сказанные положительные уверения почтенного правительства и во внимание к нему», петербургский кабинет в результате короткого обмена мнений счел возможным, отнюдь «не отказываясь от предъявленных им требований, не настаивать на немедленной постройке железнодорожной линии от Восточной дороги по направлению к Пекину» [2]).

---

[1]) Сообщения китайских министров от 20/V 1899 г. и от 9/VI 1899 г.

[2]) Нота Гирса китайским министрам от 5/VI 1899 г.

Смысл и значение тех переговоров, которые продолжает вести Гирс по поводу сооружения этой дороги, по собственным его словам, сводились к следующему [1]): «...мои переговоры по поводу этой дороги будут иметь лишь тот результат, что вопрос о даровании нам концессии не будет снят с очереди, и тем мы облегчим себе его решение к тому времени, когда императорское правительство признает возможным предъявить наши требования в более категорической форме».

Вынужденное к заключению соглашения с Англией, как к политической уступке последней, и в процессе переговоров попавшее в положение стороны обороняющейся, русское правительство реальных осязательных выгод из этого соглашения не извлекло. Единственно ценным из того, что извлекла дипломатия молодого русского империализма из всего хода переговоров о соглашении, был довольно содержательный опыт в деле ознакомления с методами и приемами английской дипломатии. Подытоживая данные этого опыта, советник русского посольства в Лондоне писал [2]): «При заключении соглашения Англия держалась своих обыкновенных приемов: в то время, как она вела с Россией переговоры, посланник в Пекине устраивал заем для Гонконг-шанхайского банка, контракт которого носит отнюдь не коммерческий, а политический характер, направленный против нас и идущий вразрез с заключавшимся договором. Что при этом английское правительство не поддерживало только требования банка, а, напротив, банк исполнял лишь желания правительства, это видно из вышедшей «Синей книги», а особенно из того, что это последнее не остановилось даже перед таким необыкновенным шагом, как включение письма товарища министра иностранных дел в объявление банка о подписке на заем. Кроме дороги к Ньючжуану, о которой был уведомлен петербургский кабинет, для базиса была выговорена еще вторая линия к Синминтину; чтобы по возможности умалить значение этой последней и отвлечь от нее наше внимание, направление ее на карте, приложенной к объявлению, показано намеренно неверно. Но эти английские приемы не новые, и о них приходится говорить лишь в виде напоминания на будущее время. Более существенный интерес представляет значение, какое имеет для нас состоявшееся соглашение, и то, что из него хотят сделать англичане. Соглашение в том виде, какой оно имело осенью прошлого года, было для нас очень выгодно. В долине Ян-цзы даже серьезные коммерческие интересы мы можем иметь лишь в будущем; нынешнее же наше финансовое и экономическое положение еще в течение многих лет не допустит нас развить там свою деятельность; вся наша задача теперь заключается в сосредоточении наших сил в Манчжурии для выполнения не только экономических, но, главным образом, неотложных политических задач, которые мы там имеем. Проект соглашения давал нам возможность это сделать. Принимая его, англичане лишались права иметь свои железнодорожные линии в Северном Китае, а без такой базы все другие их предприятия и концессии останутся всегда лишь коммерческими делами, не опасными для нас, и никогда не приобретут политического значения. Под влиянием стоявшего так высоко в то время нашего престижа в Пекине и боясь впечатления, которое произвела бы в Англии полная неудача займа, английское правительство было готово тогда удовольствоваться сделкою чисто коммерческого характера. В происшедших затем промедлениях лондонский кабинет усмотрел с нашей стороны колебания и разногласия

---

[1]) Копия донесения Гирса от 25/VI 1899 г. № 17.

[2]) Депеша Лессара от 9(21)/VI 1899 г. № 40.

и воспользовался этим для достижения своей цели, т.-е. устройства в Манчжурии гнезда для интриг и противодействия нам в Северном Китае. Это очень печальный факт, но и то соглашение, которое состоялось весной этого года, в сильной степени связывает руки англичанам и может считаться для нас выгодным, само собою, если ему не будет придано более широкого значения, нежели какое оно действительно имеет... Важнее всего то, что мы сохранили полную свободу действий в наших сношениях с китайским правительством. В этом вопросе наиболее опасными являются толкования, которые делает Англия по поводу соглашения. В своей речи г. Бродрик [1]) видит достоинство его в том, что оно кладет предел бывшему до сих пор нежелательному положению, при котором переговоры Англии с заинтересованными в китайском вопросе дружественными державами сводились к дуэли, в которой выстрелы обеих сторон были направлены в цзун-ли-ямынь. Другими словами, г. Бродрик желал бы, чтобы в будущем мы вели наши дела с Китаем по совещании и совместно с Англией. Опыт наших сношений с Альбионом уже давно убедил нас, что такой порядок для нас был бы гибелен. Для нас может быть выгодно, как мы сделали относительно Манчжурии, заключить с Англиею соглашения, так сказать, отрицательные, т.-е. такие, в которых, не жертвуя ничем существенным, мы можем стеснить Англию в принесении нам вреда. Напротив, совместное с ними действие крайне опасно. Лицемерные и вероломные, они скажутся нашими союзниками и под рукою сделают все, чтобы воспрепятствовать выполнению наших стремлений на Дальнем Востоке... Мы должны держать себя безусловно независимо в наших сношениях в Пекине, уклоняясь от всяких совместных с Англией действий. Само собою, при этом важно только преследовать наши интересы и задачи, но не задаваться целью нанесения вреда Англии, и потому наша независимость не может нам мешать соглашаться с нею по отдельным второстепенным вопросам, причем соглашения эти, чтобы быть для нас выгодными, как выше указано, должны будут иметь, вероятно, отрицательный характер. Несмотря на отсутствие действительно непримиримых интересов между обоими государствами, поведение Англии делает совершенно невозможными для нас совместные действия с нею в политических делах».

С иною оценкой и иными настроениями подходили к своей дипломатической продукции англичане. «Мы достигли удовлетворительного соглашения с русским правительством, — говорил лорд Сольсбюри на банкете Академии Художеств [2]). — Надеюсь, что соглашение окажет хорошее влияние; не желаю распространяться о том, к каким обширным результатам может привести соглашение, но, ввиду отношений, временно существовавших за последние 50 лет между нами и этою великою империею, я полагаю возможным радостно приветствовать факт, что мы достигли соглашения по китайскому вопросу, которое, как я полагаю с некоторой достоверностью, предотвратит всякую вероятность столкновения между нашими интересами и целями в будущем». Оратор поздравлял, в заключение, Англию с тем, что она в настоящее время находится в дружественных отношениях со столькими нациями на земле. Органы двух важнейших политических партий, с своей стороны, поздравляли министра с успехом, которым увенчались усилия его устранить бесполезные столкновения России и Англии на Дальнем Востоке. Как шаг на пути к выходу Англии из состояния «splendid isolation», как основа

[1]) Лессар имеет в виду речь, произнесенную Бродриком в палате общин, о чем см. ниже.

[2]) Сообщение агентства Рейтера от 18(30)/IV 1899 г.

для возможных в будущем соглашений с Россией по ряду других вопросов, как предпосылка создания спокойного тыла на Дальнем Востоке, необходимого для полезной работы на южно-африканском фронте, — так квалифицировался факт соглашения во всех этих официальных приветствиях и поздравлениях.

Соглашение это, по убеждению англичан, должно было послужить отправною точкой для их дальнейшей активной политики в Китае.

Выступающий в заседании палаты общин 28/V (9/VI) 1899 г., посвященном китайским делам, лорд Чарльз Бересфорд в своей речи намечает для Англии задачу взять в свои руки реорганизацию китайской армии, завладеть командными должностями в ней, провести ряд реформ в делах финансового и внутреннего управления Китая — одним словом, британизировать весь строй китайской жизни.

Если выступление Бересфорда было выступлением не ответственным, и речь его — скорее речью политического мечтателя, то отнюдь не к области политических фантазий относилась речь ответственного оратора и реального политика, товарища министра иностранных дел сэра Бродрика: «Мы будем требовать от китайского правительства, — заявлял он, — исполнения данного нам обещания не отчуждать какой-либо другой державе земель в долине Ян-цзы и разрешения продолжать бирманские железные дороги в Юнань на соединение с Чинкиангом, если найдутся британские капиталисты, которые пожелают взяться за это дело. Мы смотрим на улучшение теснин Ян-цзы, как на задачу, по соглашению с китайским правительством, для английских инженеров. Опыты этого улучшения будут произведены в непродолжительном времени. Не считая военных судов в Шанхае, мы имеем в настоящее время 3 канонерки на Ян-цзы; мы предполагаем иметь, сколько потребуется, морских сил между устьем и Ишангом и изучить вопрос, можно ли иметь канонерки и выше Ишанга. Это — меры предосторожности, и принимаются они для безопасности наших купцов и торговцев».

В течение последующих месяцев отмечается значительное расширение английской концессии в Ньючжуане, причем главный инженер Ньючжуанской дороги, англичанин Киндер, не встречает препятствий к уменьшению площади земель «китайской» железной дороги с тем, чтобы увеличать участок, требуемый Англиею.

В течение тех же месяцев, когда встает вопрос о расширении международной и отдельной французской концессии в Шанхае, англичане выступают с протестом, заявляя, что это противоречит обязательству, принятому на себя Китаем в 1898 г. не закладывать, не отдавать в аренду и не уступать земель в долине Ян-цзы какой-либо иной державе. Через некоторое время, под давлением событий в Южной Африке, Англия идет на уступки французам, поясняющим, что соглашение между муниципальным советом французского и международного поселений и Китаем состоялось еще в 1896 г., т.-е. ранее принятия Китаем обязательств перед Англиею. Однако, как отмечал русский посол в Лондоне [1]), во время переговоров исчерпывающе выявилась точка зрения англичан на их права на Ян-цзы: «Великобританское правительство, повидимому, не считает, что обязательство Китая не отчуждать ничего в долине Ян-цзы касается Англии. Оно не объявляет этого категорически, но это видно из его деятельности в Шанхае и Возунге. Оно настаивает на своих правах без всякого предварительного совещания с представителями других держав и требует от Китая учреждения сетльментов, носящих

[1]) Депеша Стааля от 29/III 1900 г. № 27.

название международных, но, в действительности, находящихся вполне под английским контролем».

Стремление англичан к расширительному применению на практике соглашения о железнодорожных концессиях и к приобретению исключительного положения на Янцзы не мало тревожило русскую дипломатию. «Когда Англия принудила Китай дать обещание о неотчуждении другим державам земель в бассейне этой реки, — рассуждал Лессар [1]), — то ни одно из государств не потребовало разъяснений, что это касается и Англии. Но в китайской ноте это обязательство так именно изложено, и при удобных случаях и теперь было бы не поздно ставить это на вид Англии. Мы обязались не просить концессий в долине Ян-цзы, но во всех других отношениях сохраним полную свободу действий и потому имеем полное право послать по этой реке от времени до времени наши канонерки. Река не заарендована Англией, и эта последняя не могла бы в виде компенсации требовать стоянки для своего флота в Талянване и Порт-Артуре».

Разумеется, не безупречная по части хищничества в Манчжурии русская дипломатия не считала для себя удобным открыто выступать против притязаний английских хищников на важнейшую китайскую артерию. Но побудить другие заинтересованные державы ограничить притязания Англии ей казалось возможным. В своем доверительном письме Гирсу от 4/V 1900 г. гр. Муравьев писал: «Такое весьма невыгодное для интересов других держав положение дел может в будущем представить серьезные затруднения и, пока притязания англичан не приобрели характера давности, было бы полезно, если бы одна или несколько держав получили от китайцев разъяснение, что обязательство о неотчуждаемости земель в долине Ян-цзы равно касается и Англии... Нет сомнения, что правильного определения смысла китайских обязательств 1898 г. могли бы добиться те державы, которые, как Америка, Германия, Франция, имея существенные интересы на юге Китая, должны противиться попыткам Англии создать для себя первенствующее положение в долине Ян-цзы»...

Больше всего надежд в этом отношении возлагалось царскою дипломатией на Францию.

Что надежды эти были напрасны, что Франция вовсе не была расположена к тому, чтобы взять на себя роль охранителя китайской территории от всякого расчленения, явствует из того, что сама она в ту пору в не меньшей мере была заражена тою же империалистической болезнью, в качестве сферы своего преимущественного влияния и своего железнодорожного строительства намечая юго-восточные провинции Китая: это было намечено еще франко-китайской конвенцией от 20/VI 1895 г., это было признано англо-французской декларацией от 15/I 1896 г., это было оформлено обменом нот между французским поверенным в делах в Пекине и цзун-ли-ямынем 9/IV 1898 г., это было подтверждено, наконец, всею политической практикой Франции в Китае в течение последующих лет.

Не менее неосновательны, чем двусмысленные расчеты царской дипломатии охранить при помощи Франции долину Ян-цзы от английских захватов, были и политические расчеты сановников цзун-ли-ямыня, как мы видели выше, делавших ставку на соперничество и антагонизм, которые, по их мнению, должны были проявиться между самими заинтересованными в расчленении китайской территории державами.

---

[1]) Депеша Лессара от 9/VI 1899 г. № 39.

В эпоху боксерского восстания, непосредственно следующую за рассматриваемым временем, эти расчеты были блестяще опровергнуты действиями дипломатического корпуса в Пекине и тех соединенных военных сил, на которые он опирался.

Китай продолжал быть немым объектом всяческих соглашений и основанной на них практики расчленения и разграбления.

Только последующие страницы китайской истории покажут воочию, каковы те силы, которые одни в состоянии охранить целость и независимость Китая.

А. Попов.

Решенный вопрос.

(Экспертиза по делу Н. Г. Чернышевского.)

Как известно, Н. Г. Чернышевский был сослан на каторгу за свою подцензурную литературную деятельность и за «вредное влияние» на общество. Но формально он был осужден за подготовление к насильственному ниспровержению существующего строя. Сенат, а затем Государственный Совет признали его виновным в сочинении возмутительного воззвания («К барским крестьянам»), передаче оного (В. Костомарову) для тайного напечатания с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего порядка управления. На основании этого Чернышевский был приговорен к ссылке в каторжные работы на 14 лет, каковой срок царем был сокращен наполовину.

Приговор этот опирался на показания В. Костомарова и его писца Яковлева, а также на представленные Костомаровым два документа: 1) якобы собственноручную записку Чернышевского, оставленную им на квартире Костомарова весною 1861 года при проезде через Москву, и 2) письмо Чернышевского к какому-то Алексею Николаевичу, по объяснению Костомарова, к поэту А. Н. Плещееву, которое Чернышевский якобы около того же времени поручил Костомарову передать Плещееву и которое содержало намеки на тайную типографию, подпольное печатание, революционные предприятия в разных концах страны, а главное — признание Чернышевского в принадлежности ему прокламации «К барским крестьянам». Письмо это Костомаров, мол, потерял, но через два года случайно нашел его в своем чемодане и представил... в III отделение.

Существовал еще третий документ, легший в основание сенатского приговора, а именно «дружески-откровенное» письмо Костомарова к своему мифическому приятелю Соколову, якобы написанное в Туле 5 марта 1863 года, во время препровождения Костомарова на Кавказ, и отобранное у него сопровождавшим его жандармским офицером Чулковым. В этом письме Костомаров возводит на Чернышевского и Шелгунова ряд обвинений и, в частности, называет первого автором воззвания к крестьянам, а второго — автором воззвания к солдатам. Назначение этого письма совершенно ясно: оно должно было подтвердить правильность показаний Костомарова и представленных им документов, а с другой стороны — представить Костомарова в виде человека, припертого к стене и вынужденного давать «откровенные» показания, а тем самым придать его показаниям характер большей достоверности.

Этот документ с внешней стороны не является спорным: он принадлежит Костомарову и написан его рукой. Другое дело — его внутренняя достоверность и фактическая надежность. Уже Чернышевский, ознакомившись с его содержанием, признал его литературным сочинением на заданную тему, притом основанным на материалах дела, услуж-

ливо предоставленных III отделением в распоряжение предателя. В настоящее время на основании документов, найденных М. Лемке, а отчасти и мною в архивах, твердо установлено, что письмо это (равно как и другие сфабрикованные Костомаровым документы) было задумано на совещаниях предателя с начальником III отделения Потаповым и председателем следственной комиссии А. Голицыным — при соучастии петербургского генерал-губернатора кн. Суворова, сыщика Путилина и царя Александра II. Письмо это долго обдумывалось Костомаровым, исправлялось и переделывалось по указаниям Потапова и, вероятно, Голицына (нам известны две редакции этого письма: первую из них, датированную 3 января, мы опубликовали в № 4 «Красной Нови» за 1927 г., стр. 143—145, а вторая или, точнее, последняя, одобренная Потаповым, напечатана в «Политических процессах» Лемке, стр. 274—292), пока не получило желательного для жандармов вида. Но в графологической экспертизе оно не нуждается, ибо автор его бесспорен.

Иначе обстоит дело с двумя другими документами, сыгравшими в процессе роль улик, дозволивших сенатским Шемякам вынести Чернышевскому обвинительный вердикт. Сам Чернышевский не только отрицал подлинность этих документов, но и определенно указывал как на их предполагаемого автора на В. Костомарова, требуя, чтобы их почерк при экспертизе был сличен не с одним его, Чернышевского, почерком, но и с почерком Костомарова. Однако Сенат нашел таковое «домогательство» Чернышевского незаконным и в просьбе ему отказал.

С тех пор в русском обществе утвердилось убеждение, что Чернышевский был осужден на основании поддельных документов. Такого мнения держались люди самых различных политических направлений. Во всей русской литературе нашелся один только человек, приват-доцент М. В. Клочков, высказавшийся за юридическую правильность сенатского приговора и за подлинность документов, легших в его основу (в статье «Процесс Н. Г. Чернышевского». «Исторический Вестник», 1913, №№ 9 и 10). Общественное мнение давно требовало научной экспертизы этих документов. Но только после революции, вскрывшей тайники царских архивов, такая экспертиза стала возможной. Как видим, она подтвердила то мнение о подложности рассматриваемых документов, которое возникло в публике сначала на основании проникавших в нее слухов о ходе процесса, а затем упрочилось в ней, когда сделалась известна обстановка, в которой протекал этот редкостный процесс.

Для того, чтобы надлежащим образом понять приводимую ниже экспертизу, необходимо сказать несколько слов об истории анализируемых документов.

В. Костомаров был арестован 25 августа 1861 года по делу о московских тайных типографиях. В то время правительство еще не помышляло, повидимому, о расправе с Чернышевским, и потому Костомаров, поспешивший выдать М. Михайлова, о Чернышевском сначала не говорил ничего. Более того, в тот момент он даже был уверен, что прокламация «К барским крестьянам» принадлежит Михайлову (и так он думал еще долго после того). Посланный якобы его братом Николаем (а вернее им самим) донос от 18 августа того же года тоже приписывал это воззвание Михайлову. И только в самом конце 1861 года или в начале 1862 года, когда правительство уже решило вплотную приняться за идейного вождя революционного движения, Костомаров дал какие-то уличающие его показания Потапову (см. записку Путилина, опубликованную нами в той же книжке «Красной Нови», стр. 138—141). Но и теперь он не называл Чернышевского автором воззвания к крестьянам.

Еще долго после того, как Костомаров начал выдавать Чернышевского, он не инкриминировал ему составления этого воззвания. Вплоть до последней трети января 1863 года он продолжал приписывать его Михайлову: об этом свидетельствует его показание в следственной комиссии 18 января, где он, уже возводя тяжкие обвинения на Чернышевского, снова называет автором указанной прокламации Михайлова. А ведь Костомаров, несомненно, согласовывал свои показания с Потаповым: отсюда следует, что вплоть до конца января 1863 года и III отделение не знало о принадлежности воззвания Чернышевскому. На эту сторону вопроса исследователи до сих пор не обращали внимания.

А отсюда, как нам кажется, следует и другой вывод: не Потапов узнал об авторстве Чернышевского от Костомарова, а наоборот Костомаров от Потапова, а затем повторил это перед комиссией и Сенатом (как узнало или догадалось об авторстве Чернышевского III отделение, остается пока секретом). Этим определяется и время составления первого документа, т.-е. «собственноручной записки». Она была сфабрикована между 19 января и концом февраля 1863 года, через семь месяцев после ареста Чернышевского. Подобно письму к Соколову, которое вовсе не было отобрано у Костомарова в Туле, а преспокойно лежало в III отделении, и эта записка наверно хранилась у Потапова, а не была обнаружена у Костомарова после возвращения его из Тулы в Петербург, как нагло врал Потапов в официальных бумагах.

Записка эта подвергалась экспертизе дважды: в следственной комиссии и в Сенате. В следственной комиссии экспертизу производили чиновники губернского правления, уголовной палаты и 2-го деп. гражданской палаты. С таким же успехом ее можно было поручить швейцарам или курьерам комиссии. Это была не экспертиза, а фарс. 24 апреля эксперты нашли, что почерк записки имеет «некоторое сходство» с почерком Чернышевского, но в чем оно выражается и какими путями они пришли к своему выводу, эксперты умалчивали.

Но эта экспертиза в комиссии не имела юридического значения. Таковое имела экспертиза, произведенная 19 июня 1863 года по распоряжению Сената, куда в мае перешло дело Чернышевского. Но и эта экспертиза носила характер не серьезного научного исследования, а невежественного издевательства.

Прежде всего производили ее секретари Сената. Были ли они компетентны в порученном им деле? Ни в каком случае. Никакими познаниями по графологии они не обладали, а приемы, ими применявшиеся, поражают своею примитивностью и неубедительностью. Они не определяли общего характера исследуемых почерков, не устанавливали их специфических черт и своеобразия, не производили никаких измерений, а судили просто на-глаз, устанавливали сходство или различие отдельных букв по общему впечатлению, а не на основании действительного анализа их составных частей, их сочетания и пр. Достаточно сопоставить их манеру с приемами печатаемой ниже экспертизы, чтобы убедиться в полной их беспомощности как экспертов-графологов.

Но этого мало. Эти горе-эксперты были Сенатом поставлены вдобавок в весьма узкие рамки и снабжены недостаточным для надежных выводов материалом. Во-первых, им дали для сличения с запиской только бумаги, писанные рукою Чернышевского; бумаг же, принадлежащих руке Костомарова, т.-е. единственного лица, на которое кроме Чернышевского могло упадать подозрение в составлении записки, вопреки требованию подсудимого, им не показали. Другими словами, им заранее подсказывали вывод, к которому они должны были притти в результате экспертизы. А, во-вторых, даже из бумаг Черны-

шевского им предоставили для сличения ничтожную и произвольно выбранную часть, а именно одну небольшую записку, отобранную у него при обыске в июле 1862 г., сделанную его рукой запись показаний, данных им 30 октября того же года. При таких условиях заключения экспертов не могли, разумеется, быть особенно твердыми и основательными.

Но даже при этих условиях, т.-е. при тенденциозном подборе экспертов, при заранее установленном ограничении их задачи и при предоставлении им недостаточных для убедительного вывода материалов, сделанные ими заключения фактически явились опровержением выдвинутого против Чернышевского обвинения. Эксперты не только разошлись в оценках (у всех, впрочем, основанных на субъективных впечатлениях, а не на объективном анализе), но в большинстве даже признали записку не принадлежащей Чернышевскому.

Три эксперта признали, что сходства в общем характере почерка записки и бесспорно принадлежащих Чернышевскому бумаг нет, но имеется сходство многих отдельных букв (*«б, ж, з, р, л, Д, я, т»*). Двое других, также отрицая общее сходство почерков, признали сходными буквы «з, ж, б, к, Д.» Шестой, опять-таки не находивший сходства в общем характере почерков, усмотрел в некоторых словах сходство букв «В, Д, з, ж, р». Наконец, два эксперта находили, что в почерках есть разница, но буквы «ж» и «з» писаны везде одинаково; способ писания (?) букв «л, я, Ѣ» также одинаков; на этом основании они пришли к убеждению, что записка написана умышленно извращенным почерком. Таким образом из 8 экспертов 6, т.-е. 75%, нашли, что общие характеры почерков записки и несомненно писанных Чернышевским бумаг несходны, хотя в отдельных буквах некоторых слов сходство замечается, и только двое признали, что записка написана извращенным почерком, похожим — опять-таки в отдельных буквах — на почерк Чернышевского (хотя для непредубежденного человека это говорило о подделке почерка Чернышевского кем-то другим, в данном случае Костомаровым, а не самим Чернышевским, как заключили оба эксперта.) При этом необходимо отметить, что все эксперты не устанавливают сходства отдельных букв какими-либо объективными приемами (измерением, определением взаимоотношений между отдельными штрихами в буквах, отдельными буквами в слогах, отдельными слогами в словах и пр.), а просто декретируют это сходство на основании внешнего зрительного впечатления и чисто субъективного восприятия, ничем не аргументированного и не подкрепленного.

Повторяем, даже и в этой несовершенной форме экспертиза отвергала выдвинутое против Чернышевского обвинение, и если бы сенаторы руководствовались законом, который лицемерно повелевал толковать всякое сомнение в пользу подсудимого, то они должны были бы категорически отвергнуть принадлежность ему инкриминируемой записки. Но Сенат поступил иначе. Он с л о ж и л все буквы, сходство которых в исследуемых документах установили о т д е л ь н ы е эксперты, хотя каждый из них указывал р а з н ы е буквы, а потому для правильного вывода нужно было не складывать, а вычитать и признать установленным сходство только тех букв, на которые согласно указывали отдельные эксперты: таких букв имеется в с е г о д в е «з, ж», если взять мнение шести экспертов, составлявших большинство, и н и о д н о й, если взять мнение всех восьми экспертов. С помощью своего странного метода сложения противоречащих свидетельств сенаторы пришли к совершенно произвольному и ни на чем не основанному выводу, будто экспертиза установила сходство 12 букв из 25, имеющихся в записке (даже таких букв получилось меньшинство). Более того, сенаторы, видимо недовольные

неопределенным тоном секретарской экспертизы, произвели свою дополнительную, методология которой остается абсолютной тайною, и «с своей стороны нашли, что в отдельных буквах сей записки (теперь уж выходит, как будто во всех. *Ю. С.*) и в общем характере почерка есть совершенное сходство» (между тем как все эксперты без исключения находили, что как раз в общем характере почерков сходства нет).

Это было в достаточной мере скандально. Но, как увидим, еще более скандальной была «экспертиза» второго документа, пресловутого письма к Плещееву.

Как возник этот второй документ?

Если не по исполнению, то по замыслу он предшествовал «собственноручной записке». Последняя, как мы видели, могла быть задумана и сфабрикована лишь в конце января или в феврале 1863 года. Между тем письмо к Плещееву было уже анонсировано в показании Костомарова от 18 января того же года. В этом показании Костомаров говорит о сношениях Чернышевского с каким-то раскольничьим деятелем Дорофеем и о письме его к Плещееву, хранящемся якобы в Москве у некоего Шиповалова, личности столь же мифической, как и другие, на которые ссылался предатель. О содержании письма к Плещееву пока ничего определенного еще не говорится, но что оно носит революционный характер, это видно из слов Костомарова, что предъявлением его в каком-то московском революционном кружке он снял с себя обвинение в выдаче Михайлова.

Что в тот момент письмо к Плещееву не было еще Костомаровым составлено, видно из того, что он тогда еще не приписывал Чернышевскому авторства воззвания к крестьянам, а в письме об этом говорится открыто. Отсюда ясно, что написано было это письмо позже. Но по тем же соображениям столь же ясно, что задумано оно было до «собственноручной записки», которая ни о чем другом, кроме принадлежности Чернышевскому названной прокламации, не говорит. Однако выплывает это письмо гораздо позже записки, а именно только в середине июля 1863 года. Значит ли это, что оно было сфабриковано только около этого времени или же было заготовлено заранее и просто лежало про запас у Потапова? Этого мы не знаем. Одно мы знаем наверное, а именно, что оба эти документа составляли нечто целое, друг друга восполняли, и оба требовались для осуждения Чернышевского, ибо по тогдашнему закону, в случае запирательства подсудимого, для обвинения его необходимо было иметь два «несовершенных доказательства», т.-е. две косвенные улики или два документа. Костомаров услужливо доставил «правосудию» эти два несовершенные в полном смысле слова документа.

Чернышевский, разумеется, отверг принадлежность ему этого нелепого письма, и Сенат постановил произвести его экспертизу, каковая и была выполнена 30 июля 1863 года секретарями Сената.

На сей раз дело происходило еще проще, чем во время экспертизы записки. Там «эксперты», хотя и невежественные в области графологии, пытались что-то сравнить, сличить, выяснить. Правда, делали они это грубо, по-детски, примитивно, но все же делали. Теперь же, вспомнив, что они — люди служилые, и, вероятно, после конфуза первой экспертизы получив надлежащее внушение с предупреждением со стороны начальства, все восемь секретарей Сената единогласно пришли к тому выводу, что письмо написано тем же почерком, каким написаны имеющиеся в деле бумаги, принадлежащие руке Чернышевского (правда, они указывают только одну). Но в отличие от первой экспертизы они не сочли нужным хоть сколько-нибудь аргументировать свое заключение и пояснить, на каком основании они пришли к своему выводу. Даже такого пустяка, как

указание на сходство отдельных букв, они не признали нужным на этот раз проделать. Естественно, что Сенат, фактически отвергший экспертизу записки, ему невыгодную, поспешил согласиться с экспертами письма и тоже признал его принадлежащим Чернышевскому.

Так обстояло дело с формальной экспертизой этих спорных документов. Но независимо от этой стороны вопроса ставился вопрос об их внутренней достоверности. Исследователи ясно видели недостаточность, неубедительность, чтобы не сказать — недобросовестность, сенатской экспертизы, но до сих пор они не могли противопоставить ей другую, более точную, надежную и объективную экспертизу. Единственно, что они в состоянии были делать, это показать внутреннюю недостоверность рассматриваемых документов, дать, если так можно выразиться, экспертизу содержания. И такая критика лишний раз вскрывала лживость формальной экспертизы, произведенной Сенатом. Эта критика остается нелишней и теперь, после убедительной экспертизы, ниже печатаемой, ибо она в сильнейшей степени подтверждает и подкрепляет ее убедительность и точность ее выводов. Доказательства внешнего и внутреннего порядка идут здесь рука об руку.

Со стороны внутренней достоверности между обоими рассматриваемыми документами существует крупное различие. «Собственноручная записка» является более уличающим Чернышевского документом, чем «письмо к Плещееву»: последнее всем своим стилем и содержанием вопиет против приписывания его Чернышевскому, тогда как записка по содержанию могла быть написана Чернышевским, и если она до сих пор признавалась ему не принадлежащей, то потому, что против этого говорила неправдоподобная обстановка ее появления (а как мы доказываем, и сопоставление разнородных показаний Костомарова). Итак, скажем сначала несколько слов об этой записке.

В этой записке Чернышевский просит Костомарова исправить в воззвании к барским крестьянам употребленный им по непростительной оплошности термин «срочно-обязанные» на «временно-обязанные». Мог ли Чернышевский написать такую записку? Мы отвечаем: мог. Что Чернышевский был автором названной прокламации, это установлено заявлением Шелгунова в его «Воспоминаниях» и ныне никем не оспаривается. Что он внес в свое воззвание неверный термин, это также бесспорно, и Лемке, отрицающий это и на этом основании доказывающий принадлежность записки Костомарову, просто обнаруживает здесь свое незнакомство с историей реформы 19 февраля 1861 года. В «Политических процессах» (стр. 296) он говорит: «Чернышевский, вынесший на своих плечах все литературное прохождение крестьянского вопроса, знавший и следивший за ним изо дня в день, конечно, не мог употребить такой основной термин неверно, но это мог и даже должен был сделать поэт-переводчик, бывший, как в лесу, в крестьянской реформе». С этой точки зрения автором воззвания надлежало бы признать не Чернышевского, а Костомарова, ибо в воззвании, кстати тут же перепечатываемом Лемке, как раз и употреблен этот термин «срочно-обязанные», который, по мнению Лемке, доказывает якобы незнакомство с крестьянской реформой. На самом деле при обсуждении реформы сначала всегда употреблялся именно термин «срочно-обязанные», так как первоначально предполагалось установить точно определенный срок временно обязательных отношений крестьян к помещикам. Но в последний момент правительство отказалось от установления определенного срока, и потому термин «срочно-обязанные» был в Положении заменен термином «временно-обязанные». То, что в воззвании употребляется ста-

рый термин, доказывает только одно: или Чернышевский написал воззвание до выхода в свет Положения, т.-е. до 5 марта 1861 года, или не сразу заметил эту замену терминов. В III отделении эта ошибка автора прокламации была замечена (быть может, благодаря помощи таких спецов, как, напр., проф. М. Касторский, писавший для жандармов записку о литературной деятельности Чернышевского), и когда Потапов решил приписать Чернышевскому авторство воззвания, — а это случилось в феврале 1863 г., — то и возникла идея «собственноручной записки», которая должна была это авторство подтвердить. Надо признать, что задумано это было ловко.

Факты как будто говорили в пользу версии о принадлежности записки Чернышевскому. Указанная терминологическая ошибка в прокламации была допущена. Заметивший ее впоследствии автор мог просить о таком исправлении. Прокламация действительно набиралась Костомаровым, а потому эта просьба могла быть адресована ему. Наконец, в рассматриваемое время, т.-е. весной 1861 года, Чернышевский действительно был в Москве и видался с Костомаровым. Получается сплетение обстоятельств, способных при поверхностном, а особенно при недобросовестном отношении к делу убедить в принадлежности записки Чернышевскому. Но стоит только подойти к этому построению с внимательным критическим разбором, чтобы искусно возведенное здание улик сразу рушилось бесследно.

Чернышевский, зная, что за ним следят и ищут случая расправиться с ним, проявлял необыкновенную осторожность в словах, поступках и выборе знакомств. Эта осторожность была всем известна. О ней говорили студенты, профессора, писатели; ею возмущались шпики в своих донесениях, ее отмечали жандармы и члены следственной комиссии, равно как тот же предатель Костомаров в своем письме к мифическому Соколову и в сочиненном им же письме к Плещееву. Недовольство ею нашло даже отражение в сенатском приговоре. И вдруг этот осторожнейший человек совершает такой грубый промах, как оставление записки на квартире мало знакомого ему молодого человека, к которому он вдобавок относился с подозрением, записки, в которой определенно признается в авторстве нелегального воззвания и которую мог прочитать любой посторонний, зашедший в комнату, и делает это без всякой надобности, ибо, не застав Костомарова дома, мог или дождаться его или зайти в другой раз! Этот поступок, достойный зеленого гимназиста, настолько нелеп, что при минимальной добросовестности судей он должен был бы возбудить в них величайшие сомнения.

Но ведь ошибка в терминах воззвания была? Ведь мог же и даже должен был автор его внести в него нужное исправление? Да, была, да, мог и должен был. Но почему с Костомаровым должен говорить об этом сам автор? Почему этого не мог сделать Михайлов, который и передал через студента Сороку рукопись воззвания для набора? Конечно, можно допустить, что в один из своих приездов в Москву Чернышевский мог просить Костомарова сделать нужное исправление (но что и при этом допущении он не называл себя автором прокламации, мы увидим из дальнейшего); Костомаров запомнил этот разговор, а когда оказалось надобность, использовал его для сфабрикования записки. Более вероятно, что об этом просили его Михайлов или Сороко, а при случае предатель это использовал. Но еще более вероятно, что не было ни того, ни другого, а что на эту ошибку обратили внимание в III отделении, и Потапов указал на нее Костомарову.

Но главным доводом против подлинности этой записки и против отнесения ее к весне 1861 года служит тот факт, что вплоть до середины февраля 1863 года Костомаров не знал

о том, что автором воззвания к крестьянам является Чернышевский (выше мы выяснили этот пункт с достаточной убедительностью). Если бы записка принадлежала Чернышевскому, если бы Чернышевский оставил ее у Костомарова, более того, если бы Чернышевский или кто-либо другой вообще вел с Костомаровым разговор о воззвании, из которого явствовало бы авторство Чернышевского, то Костомаров уже весной 1861 года знал бы, что автором воззвания является Чернышевский. Но он этого не знал, а потому и не заявлял. Даже давши в начале 1862 года, по совету сыщика Путилина, компрометирующие Чернышевского показания Потапову, Костомаров ничего не говорил ему о принадлежности воззвания к крестьянам Чернышевскому, приписывая его Михайлову, от которого через Сороку он его получил для напечатания. Более того, давая в следственной комиссии в январе 1863 года показания против Чернышевского, Костомаров, приписывая ему разные революционные дела, в том числе и явно выдуманные, опять-таки ни словом не заикнулся о принадлежности воззвания к крестьянам Чернышевскому, продолжая считать и называть автором его Михайлова. И только с 19 февраля (символическое совпадение дат!) 1863 года выплывает версия о принадлежности этой прокламации Чернышевскому и вместе с тем жандармы впервые заговаривают о «собственноручной записке», подтверждающей дескать эту версию. Это мы видим из доклада Голицына царю, сделанного 20 февраля 1863 года. Здесь сказано, что Костомаров по убеждению генерала Потапова изъявил готовность обнаружить известные ему преступные замыслы Чернышевского и Шелгунова и указать других лиц, коим известны эти замыслы, что с этой целью он написал письмо к Соколову (рассмотренное и одобренное комиссией, — цинично прибавляет Голицын), в котором объявляет Чернышевского автором воззвания «К барским крестьянам», и что к улике Чернышевского он обещает представить хранящуюся у него в Москве собственноручную записку Чернышевского, подтверждающую его авторство.

Все это было бы невозможно, если бы Чернышевский написал и оставил у Костомарова эту записку весною 1861 года в Москве.

На основании всего вышесказанного мы в праве сделать логически неопровержимый вывод, что записка лишена внутренней достоверности, и что не только материальное создание, но и мысль о ней возникла не ранее февраля 1863 года. Этот вывод полностью совпадает с выводом графологической экспертизы, и этим они взаимно друг друга подкрепляют.

Еще более внутренне недостоверным является письмо к Плещееву.

Более бесцеремонную и глупую подделку трудно себе представить. Здесь все недостоверно: и общее содержание письма, и отдельные его детали, и выбор адресата, и выбор передатчика, и самый факт написания Чернышевским такого письма не только А. Плещееву, но и кому бы то ни было.

Как попало это письмо в руки III отделения? В делах III отделения, следственной комиссии и Сената, относящихся к Чернышевскому и нам (равно как и М. Лемке) известных, никакого указания на тот путь, каким оно попало к жандармам, нет. Отсюда Лемке умозаключает, что его принес Костомаров, непосредственно вручивший его Потапову. Когда? Лемке думает, что это имело место после месячного пребывания Костомарова на свободе, незадолго до 12 июля 1863 года. Выше мы уже указывали, что по нашему мнению «письмо к Плещееву» было заготовлено одновременно с другими уличающими Чернышевского документами, если даже не раньше их. Во всяком случае, можно признать установленным фактом, что версия о существовании какого-то революционного письма

Чернышевского к Плещееву сложилась до того, как заговорщики из III отделения начали приписывать Чернышевскому составление прокламации «К барским крестьянам», т.-е. д о того, как почувствовалась надобность в сочинении письма к Соколову и «собственноручной записки». Вспомним, что 18 января, т.-е. за месяц до того, как Костомаров объявил Чернышевского автором воззвания, он уже дал в следственной комиссии показание, что А. Плещеев заведует типографией какого-то московского кружка и что у него, Костомарова, где-то имеется письмо Чернышевского революционного содержания к Плещееву, временно находящееся на сохранении у некоего И. С. Шиповалова [1]). Поэтому мы думаем, что письмо это было сфабриковано тогда же, но III отделение по каким-то соображениям (может быть, потому, что оно опасалось представить Сенату, все-таки «суду», сразу много фальшивок) удержало его у себя и предъявило его только тогда, когда в нем почувствовалась безусловная необходимость.

В конце концов это — вопрос второстепенный. Гораздо важнее вопрос о подлинности письма. Совершенно независимо от экспертизы почерков письмо это представляется по всему своему тону и содержанию документом внутренне недостоверным. Т а к о г о п и с ь м а Чернышевский никогда не мог написать ни Плещееву, ни кому-либо другому.

Некогда привлекавшийся по делу петрашевцев, а в рассматриваемый момент мирнейший из мирнейших жителей Москвы, поэт Плещеев не имел в 1861 году никакого отношения к революционным делам. Интимных отношений между Чернышевским и Плещеевым не было. Личной переписки они почти не вели. Известно только одно письмо Плещеева к Чернышевскому, да и то чисто деловое, по делам журнала. Переписывался Плещеев преимущественно с Добролюбовым, который аккуратно отвечал на письма. По настроению они тоже были неблизки, хотя Плещеев глубоко уважал Чернышевского. Об этом свидетельствует и посвящение ему переведенной Плещеевым поэмы Гейне «Вильям Ратклифф», напечатанной в № 11 «Современника» за 1859 год. Политикой Плещеев в то время уже не занимался, хотя сохранил старые прогрессивные стремления. То обстоятельство, что Плещеев с такой решительностью ручается за непричастность Чернышевского к революционным делам, также доказывает, что близко к Н. Г. он не стоял, политических бесед с ним не имел и в его политические дела не посвящался [2]).

С каким уважением старый фурьерист относился к более молодому проповеднику революционного коммунизма, видно из переписки Плещеева с Добролюбовым [3]). По поводу упомянутой выше гейневской поэмы Плещеев в письме к Добролюбову от 25 августа 1859 года говорит: «Я перевел... стихами целую трагедию Гейне «Вильям Ратклифф»...

---

[1]) В высшей степени характерно для той небрежности, с какой дело Чернышевского велось даже в Сенате, что, несмотря на это показание Костомарова и на тщетные попытки жандармов отыскать мифического Шиповалова для отобрания у него этого письма (и других документов), никто из сенаторов, когда это письмо очутилось, наконец, в их руках, не счел нужным заинтересоваться вопросом: каким же путем Костомаров нашел этого Шиповалова и получил от него письмо? Более того, Сенат вполне удовлетворился новой версией Костомарова, будто он нашел это письмо за подкладкой своего чемодана, несмотря на то, что она резко противоречила первому его показанию. О других документах, якобы тоже хранившихся у таинственного Шиповалова, т.-е. о письмах Михайлова и записке Шелгунова, теперь уже не было и речи: для погубления Чернышевского признан был достаточным и имевшийся материал.

[2]) А. Скафтымов «Чернышевский и Плещеев». Сарат. Сборник, стр. 163.

[3]) «Письма А. Н. Плещеева к Н. А. Добролюбову». «Русская Мысль», 1913, № 1.

Пьеса эта в романтическом роде, но в ней есть кое-что современное... затронут мимоходом один из насущных вопросов дня. Гейне писал ее под влиянием тех теорий, которые в литературе нашей нашли себе только одного поборника, Н. Г. Чернышевского. И потому мне очень бы хотелось посвятить ему мой перевод. Не знаю, будет ли ему это приятно. Я этим посвящением хотел бы также заявить мое к нему глубокое уважение. Если увидите его, спросите, позволяет ли он мне это сделать, и передайте ему мой искренний поклон».

На этом письме рукою Чернышевского сделана была (повидимому, в 80-х годах) следующая пометка: «Д-в забыл спросить. Я увидел это посвящение только (дальше не разобрано, должно быть: «в печати». *Ю. С.*). Что за нелепая мысль явилась у Плещеева удостоить меня этой чести! Разумеется, не сердился на глупость, но если бы знал о намерении П-ва сделать ее, то попросил бы не делать, т.-е. [1]) Ратклифф казался мне дурацким произведением» (разрядка моя. *Ю. С.*) [2]).

По поводу статьи Чернышевского «Капитал и труд», напечатанной в № 11 «Современника» за 1860 год, Плещеев, для которого, как, впрочем, и для большинства русской публики, мысли этой статьи были чем-то совершенно новым, 12 февраля 1861 года пишет: «Что за удивительная статья Николая Гавриловича! Просто все пальчики облизать можно. Ежели кто и по прочтении этой статьи будет стоять за экономистов, проповедующих laissez faire, laisser passer, так уж, значит, у того голова одинакового устройства с помещицей Коробочкой... А сообщаемая вами новость о Милле [т.-е. о предстоящем печатании перевода Милля с примечаниями Чернышевского. *Ю. С.*] меня очень радует. Для меня особенно это будет кладом, потому что я в политической экономии — игнорант. Комментарии будут, разумеется, интереснее самой книги» [3]).

Все это, разумеется, подтверждает хорошее отношение Плещеева к Чернышевскому, но решительно противоречит возможности между ними переписки в духе сфабрикованного В. Костомаровым письма. Никакими революционными делами Плещеев в рассматриваемое время не занимался [4]), и, во всяком случае, никаких революционных дел с Чернышевским у него быть не могло. Но если бы таковые и были, Чернышевский все равно не стал бы никогда писать об этом, да еще так глупо, так неконспиративно, называя имена (Сулин, Сороко, Л. К.), выдавая себя и других, декларируя черным по белому, что у Плещеева есть тайная типография, что у Костомарова с компанией есть другая, что он передал им для напечатания свое произведение и т. д. И это стал бы делать человек, который с первых строк письма хвастает принятыми им мерами предосторожности?! Да и зачем было писать это письмо? Ведь, по собственным показаниям Косто-

---

[1]) В «Русской Мысли» (стр. 132—133) напечатано: «т.-е.», но по смыслу здесь скорее должно быть «т. к.» (так как).

[2]) Кажется, ясно? Однако это не помешало г. Клочкову сделать отсюда тот вывод, что Чернышевский в это время относился враждебно к Плещееву, и усмотреть в этом доказательство того, что «письмо к Плещееву», за которое Чернышевского осудили на каторгу, было подлинным.

[3]) Ibid., стр. 140—141.

[4]) Костомаров приписал Плещееву заведывание подпольной типографией для того, чтобы придать вид вероятия нелепому письму, задуманному им вместе с Потаповым для погубления Чернышевского. Но что сам Сенат не верил этому нелепому оговору, видно из того, что Плещеев арестован не был, к делу Чернышевского или какому-либо другому не привлекался и никаким преследованиям не подвергался.

марова, Чернышевский дважды после того приезжал в Москву (в феврале и марте), когда Костомаров уже приступил к набору воззвания, т.-е. вскоре после мнимого визита Костомарова к Чернышевскому, визита, во время которого он якобы сообщил Н. Г. о ходящих в Москве слухах и этим вызвал письмо его к Плещееву. Стал ли бы Чернышевский, тот Чернышевский, осторожность которого настолько бесила жандармов, что они не раз негодовали по поводу его конспиративности, и в том же письме — писать Плещееву столь компрометирующее всех и его самого письмо, когда знал, что на-днях лично побывает в Москве и сможет обо всем переговорить с Плещеевым и с другими, если понадобится, с глазу на глаз? Здесь жандармы явно не свели концов с концами.

Но письмо не только хронологически и материально недостоверно, — оно недостоверно и с моральной стороны. Мы не повторим того, что сказали выше о невероятной болтливости письма, без всякой нужды называющего массу имен и перечисляющего ряд фактов, компрометирующих не только мнимого автора, но и адресата и упоминаемых в письме лиц и по тому времени угрожавших этим людям каторгой. Кто поверит, чтобы высоко-нравственный, глубоко деликатный и чуткий Чернышевский мог употребить такую фразу, какую содержит письмо, по поводу большого риска, которому подвергаются люди, печатающие прокламации, и сравнительной безопасности главного виновника, автора воззвания, в данном случае самого Чернышевского? Чернышевский, удерживавший молодежь от необдуманных шагов и неосторожных действий, пользовавшийся всяким случаем, чтобы указать им на трудности, ожидающие революционеров, и на угрожающие им опасности, стал бы выражать, да еще перед таким столь же моральным человеком, как Плещеев, неприличную радость по поводу того, что в случае провала главный риск падет на юношей, работающих в типографии, тогда как он, руководитель и вдохновитель, останется в стороне! Одного этого места письма достаточно для того, чтобы приписать авторство его не Чернышевскому, а таким негодяям, как жандармы, третьеотделенцы и предатели вроде Костомарова. Это в их голове могла зародиться такая гнусная мысль, это их морали соответствовали такие чувства, наконец, это их слова повторяются в рассматриваемом месте письма. Вставляя эту фразу в письмо к Плещееву, Костомаров плагиировал самого себя и повторял то, что уже писал в записке о литературной деятельности Чернышевского и в письме к Соколову, где в еще более грубой форме (ибо там он говорил от себя, там ему не приходилось надевать маску) выражал ту мысль, что Чернышевский, посылая на гибель неопытных юношей, сам рассчитывает остаться в стороне, уцелеть и затем в случае успеха занять главенствующее положение. Этого мог не заметить только г. Клочков, проливающий слезы умиления перед невинно оклеветанным, благородным и правдивым юношей В. Костомаровым и признанием подлинности этого письма пытающийся лягнуть за гробом великого мыслителя и революционера.

Действительный автор письма выдал себя этой фразой, но не только этой. Внимательное изучение дела показывает, что все письмо составлено из отдельных фраз и положений, содержащихся в предательских показаниях Костомарова, и из мыслей, пользовавшихся распространением в третьеотделенских кругах и выражавшихся в официальных документах, относящихся к Чернышевскому. В этом мы без труда убедимся, анализируя этот документ фраза за фразой.

Пропуская уже отмеченное выше выражение досады жандармов на конспиративность и осторожность Чернышевского, столь расходящееся с дальнейшим содержанием

неосторожного и неконспиративного письма, перейдем прямо к тому, что там говорится о В. Костомарове [1]). Он хвалится как человек дельный и полезный, Плещееву выражается благодарность за доставление знакомства с ним, хотя осторожно прибавляется, что особенно откровенничать с ним пока не следует впредь до испытания его верности на деле [2]). Зачем все это понадобилось? Ясно, зачем: чтобы, во-первых, подтвердить факт революционных сношений с Костомаровым, доверие к нему Чернышевского, а значит, подтвердить и прежние и будущие показания Костомарова, а, во-вторых, внушить мысль о наличии революционных конспираций между Чернышевским и Плещеевым, из которых Костомарову известна только часть. Упрек Плещееву в медлительности и нерешительности опять-таки имеет двоякий смысл: выставить Чернышевского в виде ярого, энергичного деятеля, подстрекающего колеблющихся, и как бы между прочим сообщить о неизбежности передачи воззвания в типографию Костомарова, т.-е. признать принадлежность воззвания Чернышевскому как общеизвестный, не вызывающий сомнений и вопросов факт. Но и здесь предатель не удержался и выдал себя головой, назвав воззвание к барским крестьянам «манифестом». Такого широковещательного термина не употребляют, говоря о воззвании, ни Михайлов ни Шелгунов; его в ренегатской злобе и с потугами на иронию употреблял только Костомаров в своем письме к Соколову.

По словам автора письма к Плещееву, оно вызвано сообщением Плещеева о распространившихся якобы в Москве весною 1861 года слухах, будто Сулин хвастал знакомством с Чернышевским и передачею ему последним своего воззвания к крестьянам для напечатания в подпольной типографии. Начать с того, что если бы такие слухи действительно распространились в Москве весною 1861 года, то об этом дошло бы до сведения III отделения, и обвинение в авторстве воззвания к крестьянам было бы предъявлено Чернышевскому гораздо раньше февраля 1863 года. Далее, никогда ничего подобного Плещеев Чернышевскому не сообщал, и это Плещеев категорически заявлял не только во время суда над Чернышевским, когда его показание можно было бы истолковать как желание обелить и вызволить подсудимого, но и после смерти Чернышевского, когда в таком обелении не представлялось уже никакой необходимости [3]). Наконец, о таких слухах действительно говорилось, но не Плещеевым и не весною 1861 года, а В. Костомаровым 31 июля и особенно 14 октября 1863 года, не до письма к Плещееву, а после него. А именно в показании, данном Сенату 31 июля 1863 г. [4]), Костомаров заявил: «До меня стали доходить слу-

---

[1]) Правда, Костомаров там назван только буквой К. (характерно, что другие названы почти полностью, чтобы не могли отпираться), но Голицын, препровождая 16 июля 1863 года это письмо Замятину, счел долгом пояснить, что начальные буквы Сул., Сор. и К. «по всей вероятности должны означать фамилии Сулина, Сороко и Костомарова» (Дело № 28, л. 45). Ну, еще бы!

[2]) Напускающий на себя наивность г. Клочков по этому поводу замечает: «Если бы письмо было подделано Костомаровым, то странно было бы, что он так часто занимается самим собой и о себе дает характеристику»! (цит. ст., «Ист. Вестник», 1913 г., № 10, стр. 184). Ох, боимся, что г. Клочков не так ... наивен, как притворяется.

[3]) См. письмо А. Н. Плещеева к А. Н. Пыпину от октября 1889 года в Саратовском Сборнике, стр. 155 сл., причем Плещеев так до конца и оставался при убеждении в полной непричастности Чернышевского к революционным делам.

[4]) Сенатское дело, л. 115; у Лемке (стр. 444—445) это важное место почему-то пропущено.

хи, что Сулин получил от Чернышевского его сочинение для напечатания». Приблизительно то же он заявил на очной ставке с Чернышевским 14 октября 1863 года, добавив, что об этих слухах он узнал и от Плещеева [1]). Вот кто, таким образом, был автором версии о московских слухах, а следовательно и «письма к Плещееву» [2]).

Для окончательного изобличения злокозненности Чернышевского и обширности его революционных замыслов в конце письма прибавлена непонятная фраза о чудесах, наделанных каким-то «Л. с своими офицерами и 23 в Понизовьи». Кроме истории в селе Бездне Казанской губернии никаких громких революционных событий в то время не было, да и к крестьянскому пассивному «бунту» в Бездне эта фраза никак не могла относиться. Не расшифровал ее и Сенат, да и не старался ее расшифровать. Но за него и за III отделение попытался в наши дни сделать это уже известный нам приват-доцент Клочков.

«Л., — изрекает он (цит. ст., стр. 184), — по моей догадке Лавров, 23 — шифр, который нужно еще раскрыть». При этом для оправдания своей догадки относительно Лаврова г. Клочков ссылается на Пантелеева (т. I, стр. 328), где из рассказа Лаврова о том, что он был у Казанского собора, делает вывод, что «Лавров вел пропаганду в среде офицеров и имел успех». Далее следует ссылка на «Юбилейный сборник Литературного Фонда» (Спб. 1910, стр. 73) для доказательства той мысли, что между Чернышевским и Лавровым за последние два года до ареста первого установились «очень дружеские отношения» (следует новая ссылка на Пантелеева, т. I, стр. 167, где передаются слова Чернышевского, сказанные в 1889 г., об его уважении к Лаврову). Но, рассуждает далее г. Клочков, Костомаров не знал ни Лаврова, ни его успешной революционной работы среди офицеров (которой, как мы знаем, вовсе и не было). А «при таких обстоятельствах [т.-е. при незнакомстве с Лавровым. *Ю. С.*] Костомаров не мог подделать письма, потому что не мог написать в нем того, о чем он не имел никаких сведений [!]. К тому же эта фраза могла иметь место лишь в письме того, кто был близок к революционным цен-

---

[1]) Сенатское дело, лл. 209—210; у Лемке, стр. 473.

[2]) Что могло натолкнуть Костомарова и его вдохновителей из III отделения на мысль о сочинении письма к Плещееву? Во-первых, Плещеев рекомендовал Михайлову и Чернышевскому Костомарова, который искал литературной работы и которого оба названные писателя пригрели. А, во-вторых, косвенный ответ на этот вопрос дает следующее. В письме Чернышевского к Костомарову от 2 июля 1861 года имеется непонятная для нас фраза: «О вашей благотворительности в пользу дворовых пишу к Алексею Николаевичу» (т.-е. Плещееву). С другой стороны, в письме Плещеева к тому же Костомарову от 3 июня 1861 года сказано: «Я писал к Чернышевскому — если он ответит через вас, то дайте знать». Эти письма, якобы найденные у Костомарова 10 марта 1863 года, наверное были Костомаровым представлены Потапову гораздо раньше. Но если даже они очутились в руках Потапова только в марте, то ведь письмо к Плещееву выплыло только в июле. Возможно, что, обсудив содержание этих писем, почтенная компания пришла к выводу, что их можно использовать для учинения нового подлога. Правда, в письме Плещеева не говорится о посылке письма к Чернышевскому через Костомарова, и относится оно к июню, а не к весне 1861 г., но такие мелочи для жандармов не имели значения. Станет ли Сенат разбираться в хронологических несуразностях, раз дело идет о таком «преступнике», как Чернышевский! Мы не утверждаем, что наша гипотеза бесспорна, но она представляется нам довольно правдоподобной.

трам, таким именно был Чернышевский, а не Костомаров». По здравой человеческой логике выходит как будто наоборот: такую бессмысленную фразу, которую и в то время никто не мог расшифровать и которая до сих пор остается совершенно непонятной, мог сочинить именно человек, не стоявший близко к революционным центрам, но желавший во что бы то ни стало напустить туману и придать продукту своего творчества видимость чего-то опасного и сугубо конспиративного. Наконец, г. Клочков сознательно упускает из виду другую сторону вопроса. Допустим, что Костомаров не знал ничего о Лаврове, но сочинял-то он свои документы вместе с Потаповым, а III отделение, как известно, давно подозревало Лаврова в революционном влиянии на офицеров и следило за ним. Таким образом, вопреки г. Клочкову, эта фраза не опровергает, а подтверждает авторство Костомарова, который, разумеется, «работал» не один, а вместе с Потаповым [1]).

Сам Плещеев, которому якобы адресовано было это письмо, так и умер, не поняв его смысла (разъяснений г. Клочкова он, к сожалению, не дождался). В цитированном выше письме к Пыпину (стр. 157—158) Плещеев рассказывает, что на его вопрос, откуда взялось письмо, якобы посланное ему Чернышевским, сенаторы ему не ответили. В подложности письма он убедился с первого взгляда. «Подделка под руку Ник. Гавр., и самая грубая, бросилась в глаза, в особенности во второй половине письма (оно было на 4 страницах). Тон его также совсем не походил на тон Ник. Гавр., никогда не употреблявшего тех выражений, которые там встречались. Не говорю уже о том, что содержание письма было совсем для меня непонятно. Меня упрекали в нем за недостаток энергии, и в образец мне ставились какие-то люди, «действовавшие на Волге» и пр., словом, говорилось о таких вещах, о которых я никогда не слыхал от Ник. Гавр.».

Словом, дело ясно. И только царский Сенат мог основываться на таком заведомо поддельном документе для вынесения обвинительного приговора. Нужно прибавить, что кроме г. Клочкова в русской литературе никто никогда не отстаивал подлинности «письма к Плещееву» [2]).

24 июля Чернышевский был вызван в Сенат, и первоприсутствующий Карниолин-Пинский, показывая письмо Чернышевскому, торжественно произнес: «Oculis, non manibus» (смотрите, но не троньте) [3]). Чернышевский, конечно, отверг принадлежность и этого письма ему [4]). Ввиду этого Сенат постановил произвести экспертизу

---

[1]) Даже ошибка в слове «некогда», написанном в письме через ѣ (ять), используется г. Клочковым для приписания письма Чернышевскому, который, видите ли, сильно торопился и потому сделал такую ошибку (ibid., стр. 185). Но почему же ее не мог сделать по торопливости или просто по малограмотству Костомаров?

[2]) В одном г. Клочков прав: в свое время относительно этого документа распространено было много легенд. Циркулировавший в либеральных кругах рассказ о том, будто на «письме к Плещееву» были водяные знаки 1864 года, тогда как на нем поставлена дата 1863, неверен, ибо, во-первых, на письме никакой даты нет, а, во-вторых, письмо было предъявлено Сенату 18 июля, следовательно, бумага не могла быть изготовлена в 1864 г. (этот рассказ приводится Ив. Захарьиным-Якуниным в № 10 321 «Нового Времени» от 23 ноября 1904 г.; ср. Лемке, стр. 443). Но легенда, которую пытался упрочить относительно этого документа г. Клочков, по своей чудовищности далеко оставляет за собою все другие.

[3]) Лично сообщено Чернышевским А. Н. Пыпину.

[4]) Сен. дело, л. 90—95. Кстати, цитируемых М. Лемке (стр. 444) слов Н. Г. о том, что «если в вовсе неискусной подписи нужно читать «Чернышевский», то письмо — явно поддельное», там нет.

и этого письма, о которой мы выше говорили (Сен. дело, лл. 112—113). Как мы знаем, на сей раз секретари Сената выполнили предписания начальства в точности, как впоследствии их старался выполнить «ученый исследователь», приват-доцент Клочков, который имел смелость заявить: «Общий характер (!) письма, стиль (?), вид, формат и бумага совершенно (!?) соответствуют (?!?) письмам Чернышевского» (цит. ст., стр. 183). Насчет формата и бумаги спорить не станем: надо полагать, что III отделение старалось подобрать подходящую бумагу для подлога (хотя, как свидетельствует печатаемая ниже экспертиза, это и здесь им не вполне удалось, ибо бумага получилась не совсем та). Ну, а что касается стиля и общего характера письма, то они, как мы показали выше, имеют весьма мало общего с стилем и общим характером писаний Чернышевского, и только такой «исследователь», как г. Клочков, способен утверждать противоположное.

В высшей степени характерно, как оценивает эту «улику» такой далеко не революционно настроенный, но в отличие от г. Клочкова добросовестный человек, как философ В. С. Соловьев.

«Ввиду решительного заявления подсудимого, — говорит он, — что он такого письма никогда не писал, и что почерк предъявленного ему документа — не его, хотя в начале старательно подделан под его руку, были спрошены в качестве э к с п е р т о в... сенатские секретари! Каким образом эта должность и ступень служебной иерархии является вдруг в виде особой профессии, — это есть тайна нашей дореформенной юстиции. Между моими хорошими знакомыми есть несколько лиц, бывших сенатскими секретарями (один из них еще до судебного преобразования), но они решительно отрицают какую-нибудь свою прикосновенность к искусству распознавания почерков и различения поддельного сходства от действительного тождества. Секретари могли говорить только о явном сходстве почерков, которое необходимо существует и в подделке [1])...

«А между тем, помимо такого странного решения вопроса о почерках, принадлежность Чернышевскому этого письма опровергается и по существу — и неправдоподобным содержанием письма, и выбором адресата, и выбором посредника. Поэт тихой грусти А. Н. Плещеев был в жизни совершенным младенцем. В ранней молодости он как-то участвовал в деле Петрашевского... После этого Плещеев никакою политикою не занимался. И ему-то Чернышевский, очень мало с ним знакомый, написал будто бы письмо о каком-то их общем революционном предприятии и отправил этот документ с юным литератором, с которым также вовсе не был близок и который вместо адресата доставил письмо в III отделение. Очевидно, над изобретением правдоподобных улик не очень трудились: не считали нужным церемониться. Что улика была заведомо ложная, явствует из следующего соображения. Ведь при предположении подлинности письма оно было уликою против Плещеева столько же, сколько против Чернышевского. Между

---

[1]) Далее В. Соловьев замечает: «При этом некоторые из них, вероятно более внимательно рассматривавшие письмо по отдельным буквам, заявили, что только некоторые буквы схожи с способом писания их в признанном письме Чернышевского, другие же не похожи. Такая экспертиза была сочтена достаточною для признания подлинности письма и для осуждения Чернышевского». Здесь В. Соловьев ошибается: разногласие между «экспертами» имело место по поводу «собственноручной записки», а не по поводу «письма к Плещееву». Но по отношению к этой записке недоумение В. Соловьева остается в полной силе.

тем Плещеев никакой ответственности не подвергся. Ясно, что ни в III отделении, ни в Сенате подлинности этого письма не верили» [1]).

31 июля подвергнут был сенаторскому допросу Костомаров [2]).

В противоречие с прежними своими показаниями он теперь заявил, что уже во время первого чтения Чернышевским своего воззвания в присутствии Михайлова он остался недоволен его содержанием и категорически отказался принять его к печатанию. Но затем, когда в Москве до него дошли слухи о разговорах Сулина и Сороки, он немедленно поехал в Петербург предупредить об этом Чернышевского, которому повез письмо от Плещеева. В ответ на это письмо Чернышевский и написал свое письмо к Плещееву, которое сам вручил Костомарову для передачи по адресу. Но Костомаров затерял его дорогою, о чем и сообщил Чернышевскому. «А после, когда я нашел его за подкладкой своего саквояжа (это через два-то года! *Ю. С.)*, оно было и измочено, и изорвано, одним словом, в таком виде, что отдать его Плещееву мне было уже совестно, да оно уже и не имело бы смысла». Совестливый юноша предпочел передать письмо III отделению, хотя и в «подмоченном» виде...

Но для Сената все это нагромождение явных нелепостей и очевидной лжи звучало несомненной истиной, не требующей никакой проверки. Не дожидаясь даже допроса главного свидетеля, чтобы не сказать соучастника, — Плещеева, Сенат поспешил признать письмо подлинным и даже включил его в составляемую по делу Чернышевского записку. Ознакомившись с нею 13 августа, Чернышевский 20 августа потребовал производства научной экспертизы письма и просил предоставить ему возможность сличить его с бумагами, написанными почерком Костомарова и его собственным, явно намекая на подделку этого письма Костомаровым. Сенат, разумеется, поспешил признать «таковое домогательство Чернышевского незаконным» и в просьбе ему отказал [3])...

Так понимал законность Сенат, высшее судебное место в Российской империи! Приговор был у него заранее готов. Но для проформы надлежало еще допросить Плещеева, этого грозного и опасного революционного заговорщика, письмо к которому окончательно обличало Чернышевского в революционных происках.

30 сентября Плещеев явился в Сенат. Здесь этого революционного деятеля, заведывавшего подпольной типографией в Москве, бывшего в курсе всех революционных событий того времени, в том числе и таких, о которых не ведал, равно как не ведает и сейчас никто («23 в Понизовьи» и пр.), к удивлению, не только не арестовали и не посадили в крепость, но даже ограничились просто тем, что взяли с него подписку явиться на допрос 2 октября и преспокойно отпустили в гостиницу.

На допросе 2 октября Плещеев категорически отверг все изветы Костомарова. Что же касается мнимого письма к нему Чернышевского, то он заявил, что почерк первой страницы действительно похож на почерк Чернышевского, но дальше как-то сбивается, особенно в конце. Никогда Чернышевский и не мог написать ему такого письма, и смысл его остается для него тайной [4]). Очная ставка с Костомаровым также ничего не разъяс-

---

[1]) «Письма В. С. Соловьева», стр. 277—278.

[2]) Сен. дело, лл. 114—116; у Лемке, стр. 444—445.

[3]) Сен. дело, лл. 135 и 137—141; у Лемке, стр. 447—448.

[4]) Сен. дело, лл. 197—200; у Лемке, стр. 472—473. — Г. Клочков в первой своей статье (стр. 910) говорит: «В особом акте 2 октября 1863 г. записано: «Плещеев объявил, что почерк руки, коим писано письмо, схож с почерком Чернышевского, осо-

нила: Плещеев даже не понимал беспомощного бормотания растерявшегося предателя [1]). Во время очной ставки с Плещеевым в Сенате Костомаров «с необыкновенной наглостью и злобой» утверждал в глаза, будто Плещеев рекомендовал его Чернышевскому как человека способного и пригодного для политической агитации, что Плещеев, конечно, категорически отрицал, ибо это было наглейшей ложью [2]). После этого Сенат признал возможным отпустить Плещеева в Москву, взяв с него для близиру подписку об явке по первому вызову, какового, конечно, никогда не последовало. А между тем, раз Сенат придавал веру показаниям Костомарова и признавал письмо подлинным (а он сделал и то и другое), то он обязательно должен был привлечь Плещеева к делу как человека, состоявшего с Чернышевским в революционных сношениях, имевшего в своем распоряжении тайную типографию, знавшего о тайном печатании прокламаций и пр. Но именно логики-то в деле Чернышевского никакой и не было, а был голый и циничный произвол. «Письмо к Плещееву» нужно было Сенату исключительно для погубления Чернышевского; сам же Плещеев сенаторов нисколько не интересовал [3]).

Таковы были те, с позволения сказать, документы, которые фигурировали в деле Чернышевского, которые, говоря словами сенатского приговора, «обратили нравственное убеждение (сенаторов) в виновности Чернышевского в юридическое тому доказательство» и позволили им отправить в каторгу великого мыслителя. Из этих документов «собственноручная записка» подавляющим большинством самих сенатских экспертов признана была непринадлежащей Чернышевскому, а «письмо к Плещееву», повидимому, возбуждало сомнения и в самом Сенате, судя по тому, что он не привлек к ответственности Плещеева, который компрометировался этим письмом не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем Чернышевский, ибо помимо всего прочего ему приписывалось там обладание подпольным станком.

Использование столь сомнительных документов против подсудимого было бы чем-то глубоко возмутительным даже при том условии, если предположить, что Сенат ничего не знал о том, к а к получены и созданы были эти документы. А предполагать это никак невозможно. Вся обстановка их постепенного появления на свет божий, все эти «случайные» открытия и находки должны были невольно возбуждать сомнения и подозрения

бенно первая страница, но после как-то сбивается, особенно в конце» (т. II, л. 206). Отсюда видно, что подлинная запись показания Плещеева, скрепленная его же подписью, не так решительна, как об этом писал сын его — А. А. Плещеев («Новое Время», 1904 г., 6 ноября, № 10304), который заявил, что отец при допросе письмо признал поддельным и кроме того глупым, наивным по содержанию, какого Чернышевский написать не мог. В деле подобных заявлений Плещеева нет». Но ведь это просто игра слов со стороны приват-доцента: буквально таких выражений нет, но смысл показания Плещеева именно таков.

[1]) Сен. дело, л. 212.

[2]) Письмо Плещеева к Пыпину, loc. cit., стр. 157.

[3]) Плещеев ошибается, полагая, что это письмо было единственной уликой против Чернышевского. Но он прав в том отношении, что оно сыграло в деле решительную роль, ибо без него одна карандашная записка еще не создавала полного комплекса формальных улик против подсудимого. «Не ясно ль, — пишет Плещеев, — что эта вопиющая несправедливость, эта беспримерная жестокость имела источником желание во что бы то ни стало устранить писателя, литературную деятельность которого, имевшую громадное влияние на общество, считали опасной?» (Письмо Плещеева к Пыпину, loc. cit., стр. 158).

даже не у таких тертых калачей, как сенаторы, понаторевшие во всяких судебных кляузах. Уже одно то обстоятельство, что Сенат не добивался разъяснения этого кардинального вопроса, что он преднамеренно оставлял в тени расследование происхождения этих документов, в частности «письма к Плещееву», относительно которого ему не было даже сообщено, откуда оно взялось и как очутилось в руках III отделения, — уже одно это обстоятельство показывает, что Сенат отлично знал о происхождении этих документов и понимал, что касаться этого вопроса значит сразу подорвать столь хитро и вместе с тем столь грубо возведенное здание улик.

Чернышевский знал, что суд над ним, исход которого он прекрасно предвидел, с течением времени превратится в суд над Сенатом, вынесшим ему вердикт, который, как он это неоднократно подчеркивал, был просто актом классовой расправы. В общественном мнении не только революционного пролетариата, но и демократической интеллигенции репутация Сената как бессовестного и насильнического Шемякина суда утвердилась прочно. Печатаемая ныне экспертиза документов, на основании которых сенаторы сочли возможным совершить юридическое убийство знаменитого русского писателя, лишний раз покажет, что как бы дурно мы ни думали о царском режиме, на деле он был еще хуже, безобразнее и гнуснее, чем человеческая фантазия может вообразить.

Ю. Стеклов.

Экспертиза [1]).

Сравнительный методологический анализ признаков почерка Николая Гавриловича Чернышевского, почерка двух спорных писем, приписываемых Чернышевскому, и почерка Всеволода Дмитриевича Костомарова.

Произведя исследование подозреваемых документов и изучив подлинные рукописи Чернышевского и Костомарова в делах: «Производство следственной комиссии о Николае Чернышевском» за № 13; «Арестантское дело о Николае Чернышевском Правительствующего Сената» 5 департамента 1 отделения, за № 13; «Производство следственной комиссии о Николае Чернышевском, Всеволоде Костомарове и Петре Яковлеве», за № 28; «Производство следственной комиссии по объявлению Всеволода Костомарова об известных ему злоумышленных действиях разных лиц», за № 29, предъявленных для экспертизы, представляем нижеследующий отчет и выводы, к которым привел анализ.

I. АНАЛИЗ ПОЧЕРКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО.

(Фотоснимк. Ч. I, Ч. II, Ч. III.)

В деле Чернышевского имеется большое изобилие разнороднейших типов его почерков: стенографический дневник периода влюбленности 1852 года, образец черновых литературных работ 1863 г., весь следственный материал с официальными заявлениями,

[1]) Настоящая экспертиза представляет собой данные работ организованной редакцией «Красного Архива» особой комиссии в составе специалистов-графологов, под председательством В. И. Геркан, при участии представителя редакции «Красного Архива» А. А. Сергеева и Ю. М. Стеклова.

Ред.

письмами и записками, одно письмо к И. Е. Андреевскому от 18/III 1862 г. с двумя черновыми стенографическими набросками к нему, два письма к В. Костомарову и три письма к жене.

Несмотря на поразительное разнообразие форм многих отдельных букв, вызванное, несомненно, отчасти постоянным употреблением упрощенных и сокращенных форм букв стенографических записей по собственной системе, несмотря на выявление всех других посторонних причин на характер почерка, как бумага, перо, чернила, ручка, письмо наспех или старание писать крупно и четко, душевное настроение и пр., во всех типах почерков Чернышевского имеются общие обычные и особые признаки, «режущие глаза своею дикою своеобразностью», как сам Чернышевский характеризует свой почерк.

Для сличения, однако, может и должен служить в первую очередь, конечно, однородный материал, т.-е. записки и письма, ближе всего походящие по характеру и условиям на подозреваемые письма. Таким материалом является единственная в деле записка Чернышевского карандашом (см. *Ч. I*) и два письма Чернышевского к Костомарову (см. *Ч. IIа*, *Ч. IIв* и *Ч. III*), обычные и особые приметы почерка которых надлежит установить и описать.

Обычные признаки почерка Чернышевского.

Средний наклон почерка 40—50°.

Склонность к постепенному снижению букв в слогах и словах, чаще всего в коротких словах «что», «это» и в конце слов.

Отсутствие однообразия в размерах букв и их составных частей, наименьшими по размеру буквами являются «і», а также «и» и «о», в особенности в конце слова.

Склонность к снижению вторых и третьих элементов в буквах «т, м, ж, п, н, и, ц, ш, щ, ы, к».

Буквы «т» и «п» пишутся самым разнообразным образом: аркадами, гирляндами, острыми углами, змеевиком и смесью этих форм.

Принципиального неприменения «ъ» у Чернышевского не наблюдается, так как в деле не имеется ни одного документа без «ъ», не исключая даже стенографического дневника, но «ъ» в конце слов часто вовсе не пишется, и это без соблюдения каких-либо правил. В конце слов после букв «в» и «х» твердый знак заменяется мечевидным росчерком вниз.

Буквы «ъ, ч, ы, ж» всегда выше остальных строчных букв, причем обычно «ч, ъ» пишутся с большой угловатой головкой.

Буквы «с, С» пишутся обычно без точки или спирали, но иногда с маленькой приводной черточкой снизу вверх.

Буквы «а, я» в конце слов обычно имеют длинный отводный косой вверх штрих, иногда с маленьким изгибом вправо на конце штриха.

Начальные кавычки Чернышевский ставит всегда внизу.

Точка на «і» находится или прямо над буквой или немного впереди.

Знак вопросительный имеет длинную отводную косую линию вверх, а в дневнике 1852 года он пишется простым крючком без отводного штриха.

Запятые Чернышевский ставит длинные, с загибом влево, часто с маленькой приводной черточкой или в связи с концом слова.

Краткий знак над буквою «и» ставится косо вверх направо.

Особые приметы почерка Чернышевского.

«б» часто пишется с угловым переломом в верхнем штрихе и с большой кривой, обращенной далеко назад. С последующими буквами «ы, ъ» — «б» связывается гирляндой. Знаки над «ій» пишутся тоже гирляндой слитно.

Направление осей элементов букв.

У большинства букв оси направлены наклонно вправо с колебанием от 40—50°. В длинных словах, в особенности к концу слов, оканчивающихся буквой «и», а также в букве «и» среди слова, почти всегда меняется во втором элементе ось направления до такой степени, что продолжения осей часто перекрещиваются над самой буквой. Такой переход правого наклона в левый наклон так часто повторяется, что он является настоящим выдающимся признаком.

Форма основной линии.

Горизонтальная линия, соединяющая два крайних нижних конца первого и последнего элемента в слове, часто не достигает или пересекает некоторые элементы, что не только зависит от писания без линеек, но также от разнообразия размеров, формы и положения самих букв. Но если соединить крайние верхние и крайние нижние концы отдельных букв в одном слове, то при стенографической привычке Чернышевского писать многие буквы, смотря по удобству связи, длинными, полудлинными или укороченными формами получаются сильно волнистые и переломанные линии. При изобилии разнородных форм букв интенсивность этой неровности создает один из самых выдающихся индивидуальных признаков почерка Чернышевского.

При таком неровном почерке, конечно, и расстояния между буквами и элементами не могут быть однообразны, что и заметно в каждом более длинном слове.

II. АНАЛИЗ СПОРНЫХ ПИСЕМ.

(Фотоснм. ? IV, ? Va, ? Vв.)

Микроскопическое исследование и троекратное фотографическое увеличение подозреваемых писем не обнаружили заметных переломов штрихов и шероховатостей контуров букв, обычных признаков вырисовывания букв при неопытной подделке чужого почерка. Из этого можно вывести заключение, что записка и письмо написаны свободным движением руки.

1) Почерк спорной записки карандашом (фотоснм. ? IV).

Наклон почерка 50—70°.

Оси основных элементов букв по наклону совершенно параллельны, за исключением третьей буквы с конца слова «набирать», в которой второй основной штрих наклонился влево.

Начальные кавычки у двух слов поставлены наверху,

Буква «ч» в слове «срочнообяз.» написана как «г» и не превышает другие буквы, «ъ» в первом слове «какъ» мало выдвигается над остальными буквами, в слове «непростительной» недостает последней буквы, буква «ш» в «оплошности» написана как «т» и подчеркнута, чего у Чернышевского не бывает; слово «оплошности» не дописано до конца; буква «а» везде неясно написана и мало похожа на «а», в то время как Чернышевский букву «а» тщательно выписывает; конец слова «набирать» написан неясно или с орфографической ошибкой, в букве «р» в слове «временнообязан.» имеется в кривой перелом от

недостаточного навыка в этом почерке; в первой букве «н» в этом же слове повышается второй штрих, а во втором «н» оба штриха равны, а Чернышевский только обычно понижает вторые штрихи. Во втором слове «какъ» «ъ» сокращен крючком, чего у Чернышевского не бывает. В слове «называется» «ы» повышается над уровнем строки. В подписи буква скорее похожа на С, чем на Ч. Таким изгибом Чернышевский не подписывает своей фамилии. «Ваш» без твердого знака, а Чернышевский обычно ставит «ъ». Запятые короткие.

Такая масса отклонений от характера почерка Чернышевского в маленькой записке карандашом, а в особенности верхние начальные кавычки, где Чернышевский всегда ставит начальные кавычки внизу, является Ахиллесовой пятой автора этой записки, подделывающего почерк Чернышевского.

Во всяком случае не может быть сомнения, что Чернышевский не писал этой записки.

2) Анализ спорного письма (фотоснимки *? V а, ? V в*).

Физический, химический и микроскопический анализы.

Бумага подозреваемого письма к «Алексею Николаевичу» имеет ту же синюю окраску, как и подлинное письмо Чернышевского к Костомарову от 2/VII 1861 г., но выделка бумаги другая, так как узор водяных знаков различен. На подлинной бумаге в сплошном линейном узоре заключаются между двумя более жирными линиями всегда семь тоненьких линий, а на бумаге спорного письма чередуются световые и темные полоски в три *мм* ширины.

Химический анализ чернил упомянутых выше двух писем показал, что оба писаны железистыми чернилами, так как они от желтой кровяной соли окрашиваются в синий цвет.

Под микроскопом цифра 3 на 64 строке (*? V в*) оказывается исправленной в нижнем изгибе дополнительной кривой.

Почерк спорного письма (фотоснимки *? V а, ? V в*).

Наклон почерка 60°.

Оси основных элементов букв по наклону в общем параллельны, только буквы «т, ш, м» преимущественно в конце слов во втором и третьем штрихах снижают ось направления вправо, в то время как у Чернышевского эти штрихи меняют свою ось направления влево, т.-е. как раз в противоположную сторону.

Буква «ч» имеет форму буквы «г» и очень редко повышается над уровнем строки, в то время как у Чернышевского она всегда выше строки и имеет угловатую головку.

Ни одной отчетливой буквы «ъ» во всем письме, она сокращается в виде крючков. Во всех же письмах Чернышевского твердый знак выписывается отчетливо с превышением угловатой головки над строчкой, либо совершенно не пишется и лишь после букв «в» и «х» крючок вниз заменяет «ъ».

Буква «ы» не выше строки, а у Чернышевского всегда выше.

Буква «б» имеет в шести случаях острый угол в верхнем обратном изгибе, а Чернышевский всегда закругляет эту кривую.

В слове «Николаевич» буква «в» написана с высокой надстрочной петлей обратным ходом. Так Чернышевский не пишет букву «в».

Буква «В» без приводного штриха и с острым конечным росчерком ниже строчки, а Чернышевский пишет обычно «В» с закругленным приводным штрихом и оканчивает букву либо с утолщением на строке, либо загибает конец внутри буквы.

Прописная буква «С» имеет либо точку, либо спираль в начале, а Чернышевский пишет «С» или без всякой головки, как он пишет свое построчное «с», или же с легким приводным штрихом.

Подпись «Черныш...» совершенно не соответствует подлинной подписи Чернышевского. Она повышается после «н», а у Чернышевского всегда понижается.

Длинные отводные штрихи в конце слов, оканчивающихся на «а» или «я», загибаются налево назад, у Чернышевского же они либо прямы, либо изгибаются направо.

Два знака вопросительных на строках 35 и 65 имеют угловатый конец, а Чернышевский пишет «?» с круглым изгибом и длинным отводным штрихом, в 1852 году он писал «?» с простым крючком.

В трех случаях точки над буквою «і» поставлены немного позади буквы.

Запятые короткие прямые, часто с расщеплением пера вначале, а Чернышевский пишет обычно длинные запятые с изгибом, иногда с маленьким приводным штрихом или связно с предыдущей буквой.

Буква «ф» в слове «манифест» на 24 строке и в слове «офицерами» на 63 строке написана тремя прямыми штрихами, средний из которых превышает уровень строки, а Чернышевский пишет «ф» по школьному образцу с немного вогнутой средней чертой, превышающей строку.

Таким образом установлено предыдущим методическим графическим сличением, что спорные письма написаны одним и тем же лицом, но не Чернышевским. Надлежит теперь искать в почерке Костомарова, подозреваемого Чернышевским в подделке его почерка, таких примет, которые соответствовали бы тем формам букв в спорных письмах, которые не встречаются в почерке Чернышевского.

III. АНАЛИЗ ПОЧЕРКА В. КОСТОМАРОВА.

(Фотоснимк. К. VI, К. VII а, К. VII в, К. VIII.)

Если графическая приметоописательная экспертиза сличения двух рукописей для решения вопроса о том, принадлежат ли они одному лицу или разным лицам, чрезвычайно сложна и трудна, то такое сличение особенно трудно тогда, когда подозревается подражание от руки чужому почерку после точнейшего изучения и упражнения в нем. Но такое изменение почерка предполагает двоякое действие, т.-е. отречение от собственных примет письма и усвоение чужих, большею частью непривычных особенностей почерка, относящихся не только к отдельному, всегда повторяемому отклонению от привычного движения при писании, но к множеству таких форм изменения. Эти чрезвычайные затруднения при раздвоении внимания недооцениваются подделывателями, так что им в лучшем случае удается подделать только часть чужого почерка. Большую роль при удачном подражании почерка играет, конечно, знакомство с графологией, образованность, навык в письме и способность к рисованию. Но у самых искусных специалистов на этом поприще встречаются почти всегда, в особенности же при подражании целых документов и писем, досадные оплошности, выдающие их головой.

К таким незаурядным специалистам можно причислить писателя и полиглота Костомарова, руки которого имеются в деле около дюжины псевдонимных писем, представленных Н. Путилиным, с совершенно различными, изумительно измененными почерками, вплоть до нежного тонкого женского почерка на розовой бумаге с подписью «Fanny».

Среди этих писем с различными почерками, сохранившими, однако, некоторые общие индивидуальные приметы настоящего почерка Костомарова, имеется одно письмо с подписью «В. Кост...» от 14 декабря (фотосним. К. VI), которое уже по одной подписи можно считать подлинным письмом Костомарова. Но в деле № 28 имеется на 41 и 42 страницах копия спорного письма (фотосним. К. VII), написанного, вне всякого сомнения, самим Костомаровым, так как единственно он мог восстановить текст протертого и промоченного письма, и кроме того, почерк этой копии совершенно тождествен с почерком письма с подписью «В. Кост...», а также с почерком следственных показаний Костомарова. Как на особые приметы, общие с этим почерком, можно указать на букву «К» и букву «з», которую Костомаров часто пишет прямым или немного волнистым штрихом.

Наклон почерка 40°.

Наклон букв в конце слов часто снижается до 30 и 20°. Такая склонность к снижению осей в конце слов часто встречается в письме *(? V)*, у Чернышевского же оси в конце слов, напротив, повышаются.

В письме Костомарова *(К. VIII)* с подписью «Кнохеншмидт» имеется восемь «В» с концом ниже строки, как в спорном письме *(? V)*.

Пологий изгиб буквы «б» Костомарова встречается в *(? IV* и *? V)*, этот пологий изгиб является причиной острого угла в верхней кривой буквы «б» *(? V)*. Если бы Костомаров обратил внимание на то, что Чернышевский пишет «б» в более вертикальном наклоне, часто с углом перед верхней кривой, то у Костомарова в *(? V)* не получались бы около шести неудачных по форме «б».

Буква «а» у Костомарова похожа на «о», часто на «и, н», что наблюдается также в *(? IV* и *? V)*, а Чернышевский пишет «а» по школьному образцу всегда тщательно.

Букву «я» Костомаров пишет тоже не так отчетливо, как Чернышевский и часто сокращает и комкает эту букву, в особенности в конце слов, что наблюдается также в спорных письмах *(?IV* и *? V)*.

Буквы «ч, ъ», Костомаров обычно пишет как «г», не превышая их над остальными буквами, а «ъ» в конце слова часто сокращается в виде крючков разной формы и длины, что имеет место также в письмах *(? IV* и *? V)*, Чернышевский же пишет эти буквы обычно с большой угловатой головкой, повышая их над строкой, в конце же слов Чернышевский часто вовсе не пишет «ъ» и только после «в, х» заменяет их росчерком вниз налево.

Начальные кавычки Костомаров ставит наверху, что является довольно редкой привычкой у литераторов. В записке *(? IV)* начальные кавычки поставлены два раза наверху, а Чернышевский ставит их только внизу.

Костомаров почти всегда загибает длинную отводную черту в конце слова назад влево, а Чернышевский чаще отклоняет конец отводного штриха вправо. В письме *(? V)* все отводные загнуты, как у Костомарова.

Высокая петля буквы «в» в слове «Николаевич» *(? Va 2)*, писанная обратным ходом,— необычная для Чернышевского форма, и встречается у Костомарова, напр., в слове «ответственности» (см. *К. VII а 22)*.

Буква «ф» из трех параллельных черточек, не превышающих уровня строки в словах «манифест» и «офицерами» (см. *? Va 24* и *? V в* 63) встречается у Костомарова в *(К. VII. а 21* и *К. VII в* 58), а также в следственных допросах Костомарова. А Чернышевский пишет «ф» по школьному образцу с двумя полукругами и длинным средним немного вогну-

тым штрихом. Очевидно, Костомаров не знал, как Чернышевский пишет букву «ф», в письмах Чернышевского к Костомарову не встречается буква «ф».

Букву «С» Костомаров пишет с точкой или спиралью, и все «С» в спорном письме *(? V)* так же написаны, а Чернышевский пишет обычно либо совершенно без точки, либо с маленькой приводной закругленной черточкой.

Знак вопросительный с углом в ножке (см. *? V в* 35 и 65) встречается у Костомарова в его письме в деле № 29 на обороте страницы 167 на 14 и 15 строках. Чернышевский же пишет знак вопросительный с закругленным высоким отводным штрихом, в 1852 году он писал знак вопросительный простым крючком без отводного штриха.

Запятая короткая и точка часто поставлена на «і» до буквы, как в трех случаях в спорном письме. Запятая и точка — часто с расщеплением пера.

Копия спорного письма, написанная несомненно Костомаровым *(К. VIIа)*, показывает в двух словах «что» на 5 и 7 строках, что Костомаров изучал почерк Чернышевского, ибо на 7 строке «что» написано по образцу почерка Чернышевского с высокой буквой «т», которою Костомаров обычно не пользовался. В копии этого письма *(К. VIIв)* встречаются группы букв и даже целые слова, совершенно тождественные по начертанию с теми же словами в спорном письме *(? V)*, напр. «ча» и «года» на 39 строке, «ничего не пишу Вам» на 41 стр., «гіи» и «ус» на 51 стр., «ось» на 53 стр., «ничего и не в» на 54 стр. Очевидно, Костомаров писал копию инкриминируемого письма вскоре после фабрикации спорного письма, когда он еще не успел освободиться от тренировки в подражании почерка Чернышевского.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ АНАЛИЗА.

Сравнительный приметоописательный графический анализ признаков почерков Чернышевского и Костомарова и признаков почерка подозреваемых записки и письма привели к установлению, что последние состоят из смеси неискусно подделанных типов почерка Чернышевского с явными признаками почерка Костомарова. Насколько Костомаров мастерски умел изменять свой почерк и придумывать новые почерка, настолько он был неосмотрителен в подражании чужого почерка, а судебные власти в хранении такой копии спорного письма. Для опытного графолога достаточно высоких начальных кавычек и буквы «ф», чтобы считать спорные письма поддельными.

Стилистически спорное письмо является подражанием письма Чернышевского к Костомарову от 2/VII 1861. Вставленная в этом письме в скобки фраза на 2 и 3 строках (или, как иначе называется ?— об утопленнице-то) подражалась в спорном письме на 31 и 32 строках в форме (или как там его). К тому же дважды упоминаемый в письме Чернышевского к Костомарову «Алексей Николаевич» служил с удобством в качестве адресата для спорного письма, что заметно по большому сходству начертания этого имени, которое Чернышевский в дознаниях писал с большими отклонениями в формах букв.

При крайней осторожности и сдержанности Чернышевского и при его навыке писать журнальные статьи неуловимым для цензуры эзоповским языком, совершенно недопустимо, чтобы Чернышевский мог быть автором спорных писем, в которых подпольные действия называются простым языком, как «тайное печатание» и пр. Таким языком никогда не писали и не пишут даже рядовые подпольные деятели. Такой текст

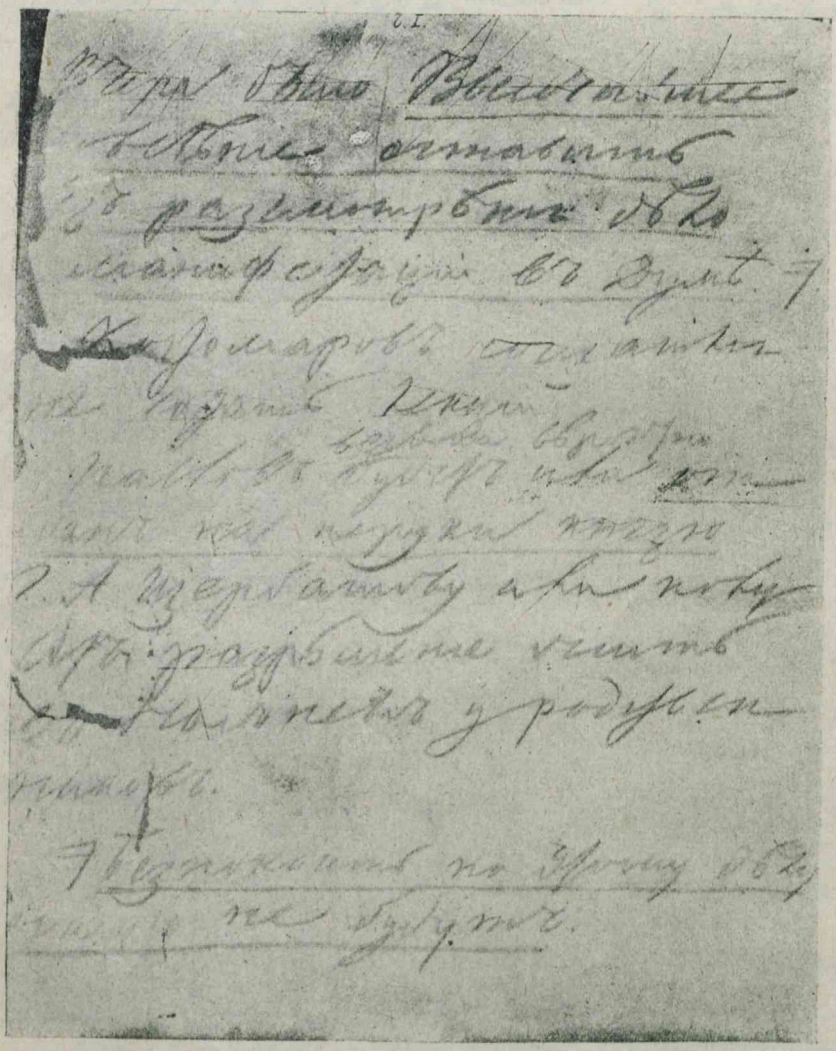
потребовался очевидно III отделению, чтобы доставить формальные улики для следственной комиссии из сенаторов, которую Чернышевский даже из крепости характеризует как «бестолковый омут» из «тупоумных глупцов».

Если графический анализ с очевидностью доказал, что спорные письма подделаны Костомаровым, то к характеристике личности Костомарова, данной генерал-майором К. Огаревым 24/I 1863 года в письме к генералу Потапову, в котором Огарев удивляется, что жалеют архибестию Костомарова, экспертиза может лишь добавить, что Огареву, очевидно, не было известно, что материалом для подделки спорных писем послужили два письма Чернышевского к Костомарову, в которых он о нем заботится. «Tue niemand etwas Gutes, so widerfaehrt dir nichts Boeses».

Председатель экспертной комиссии *В. И. Геркан.*

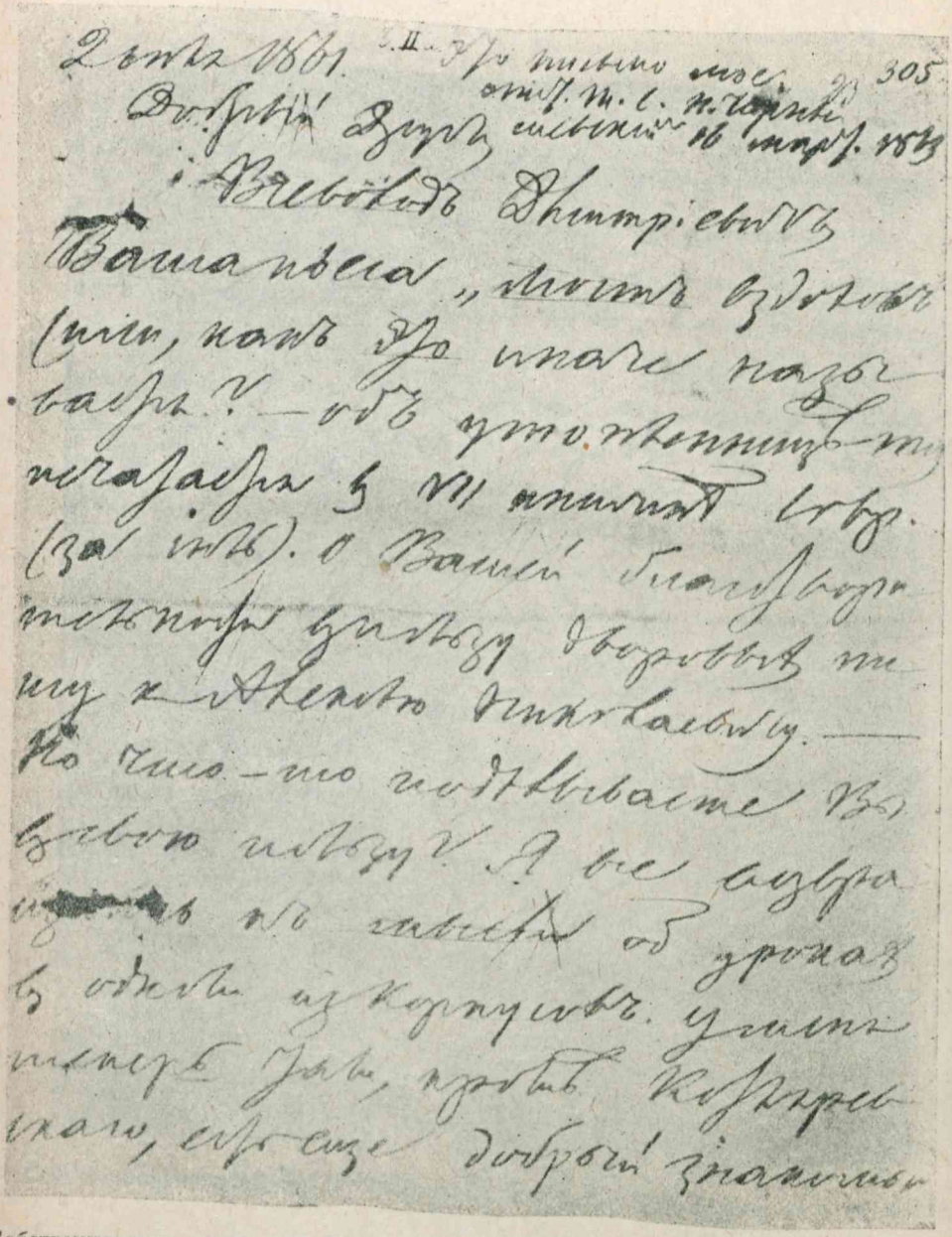
Эксперты [подписи].

Фотосним. Ч. I.



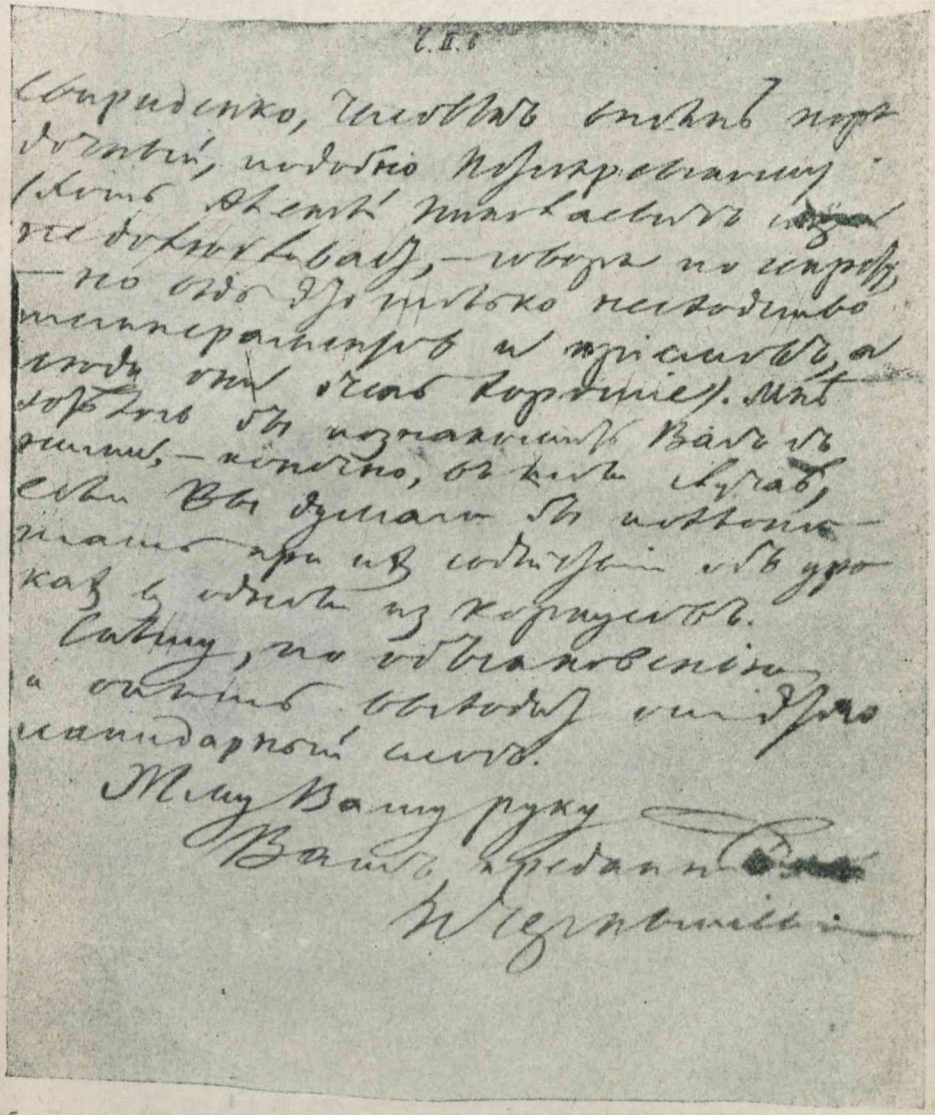
Собственноручная записка Н. Г. Чернышевского, сделанная карандашом.

Фотосним. Ч. На.



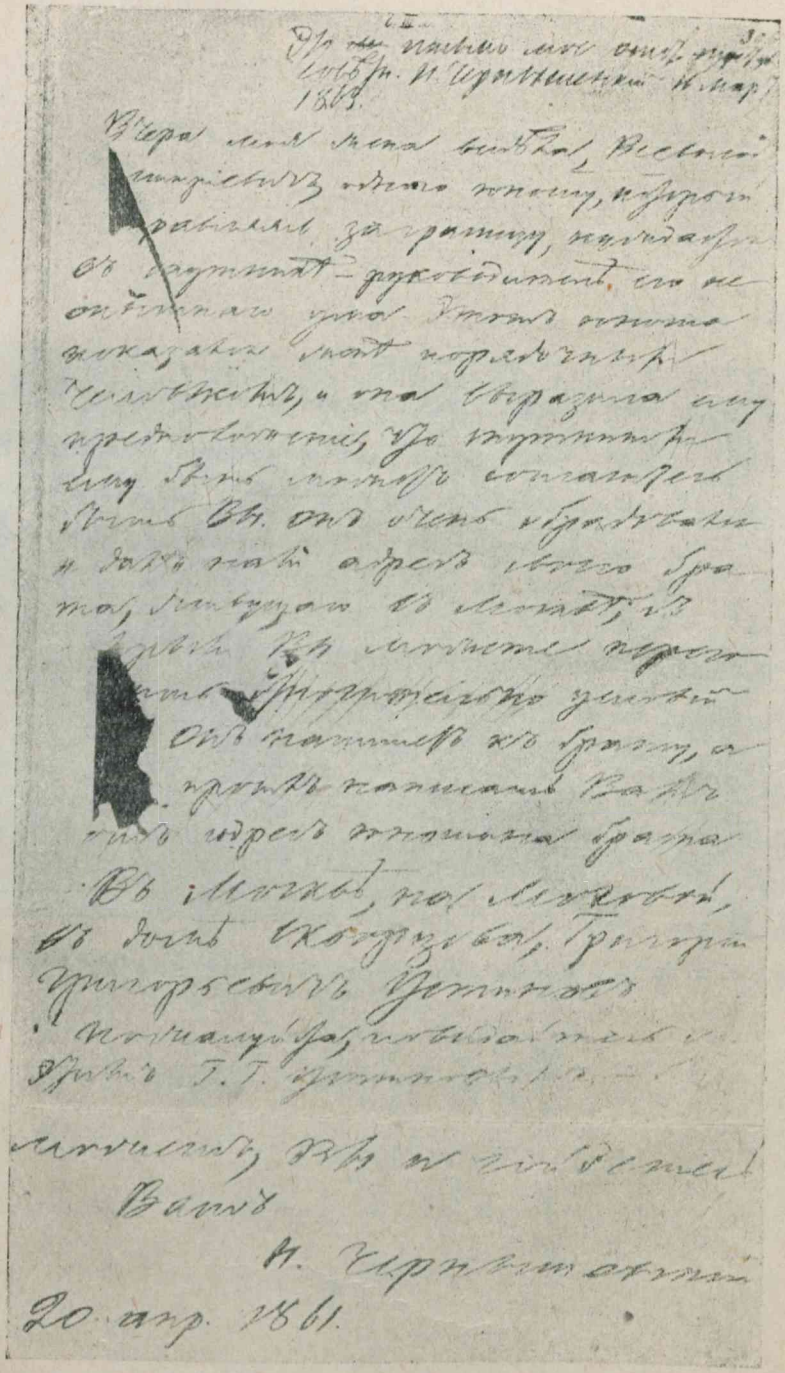
Собственноручное письмо Н. Г. Чернышевского В. Костомарову от 2 июля 1861 г.
(Первая страница.)

Фотосним. Ч. IIв.



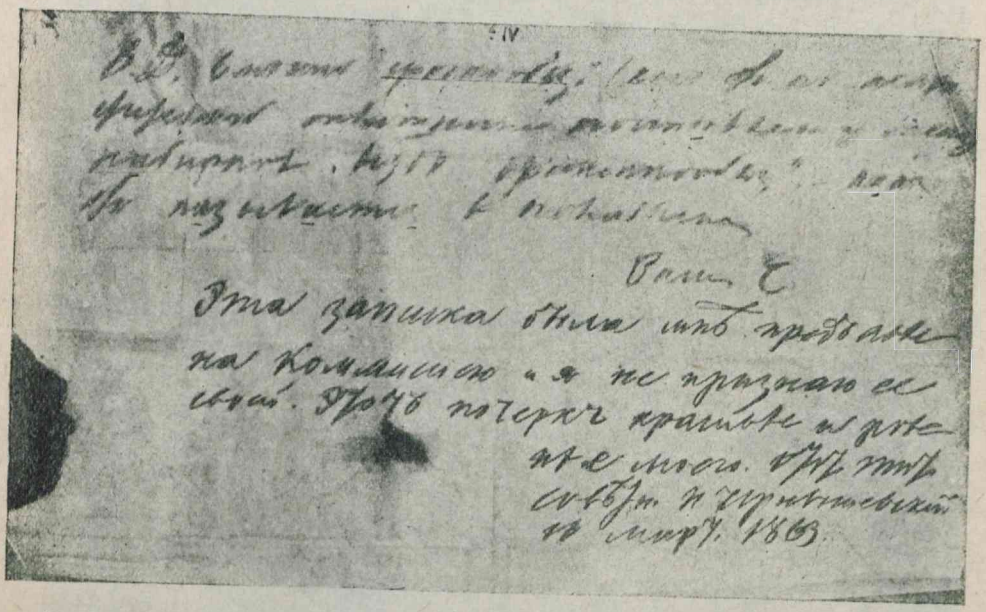
Собственноручное письмо Н. Г. Чернышевского В. Костомарову от 2 июля 1861 г.
(Вторая страница.)

Фотоснимк. Ч. III.



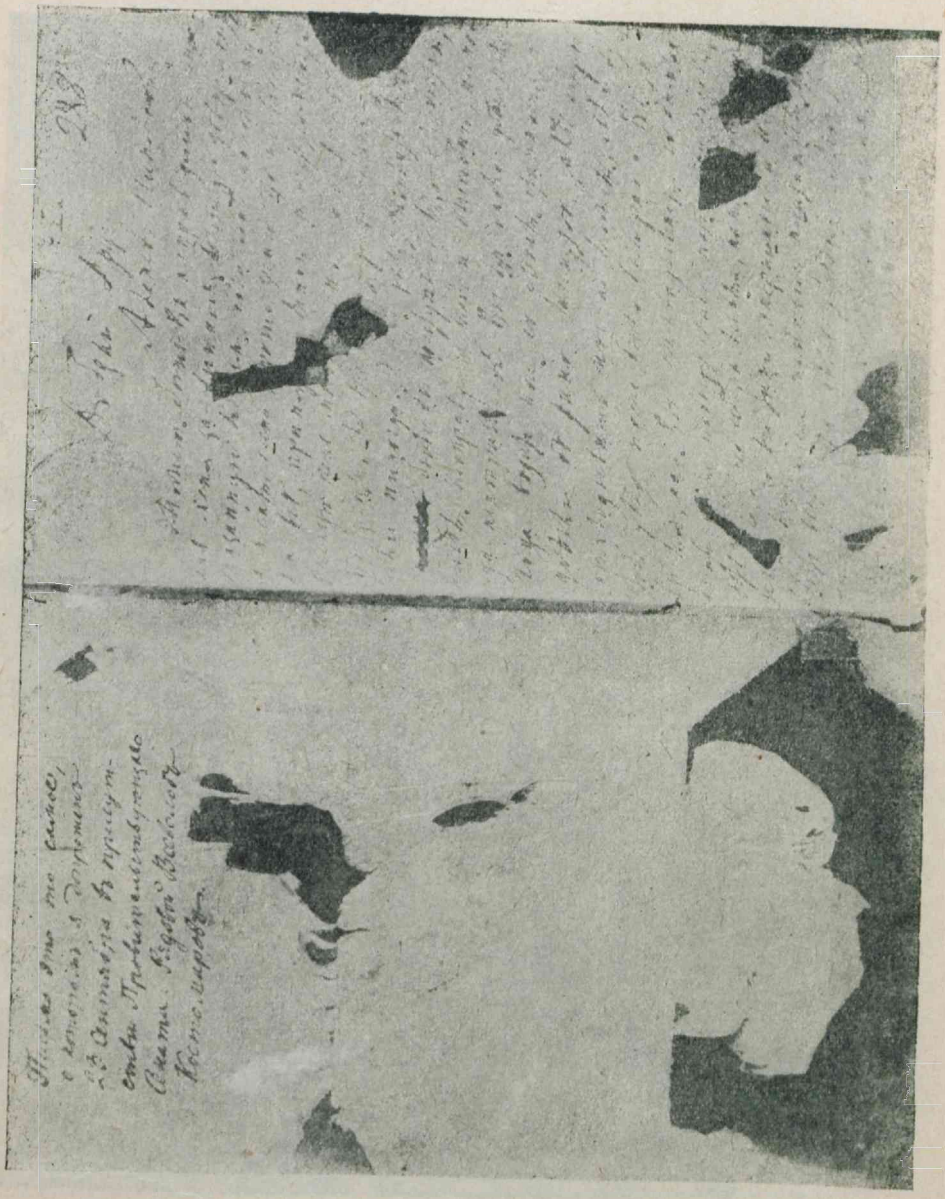
Собственноручное письмо Н. Г. Чернышевского В. Костомарову от 20 апреля 1861 г.

Фотосним. ? IV.



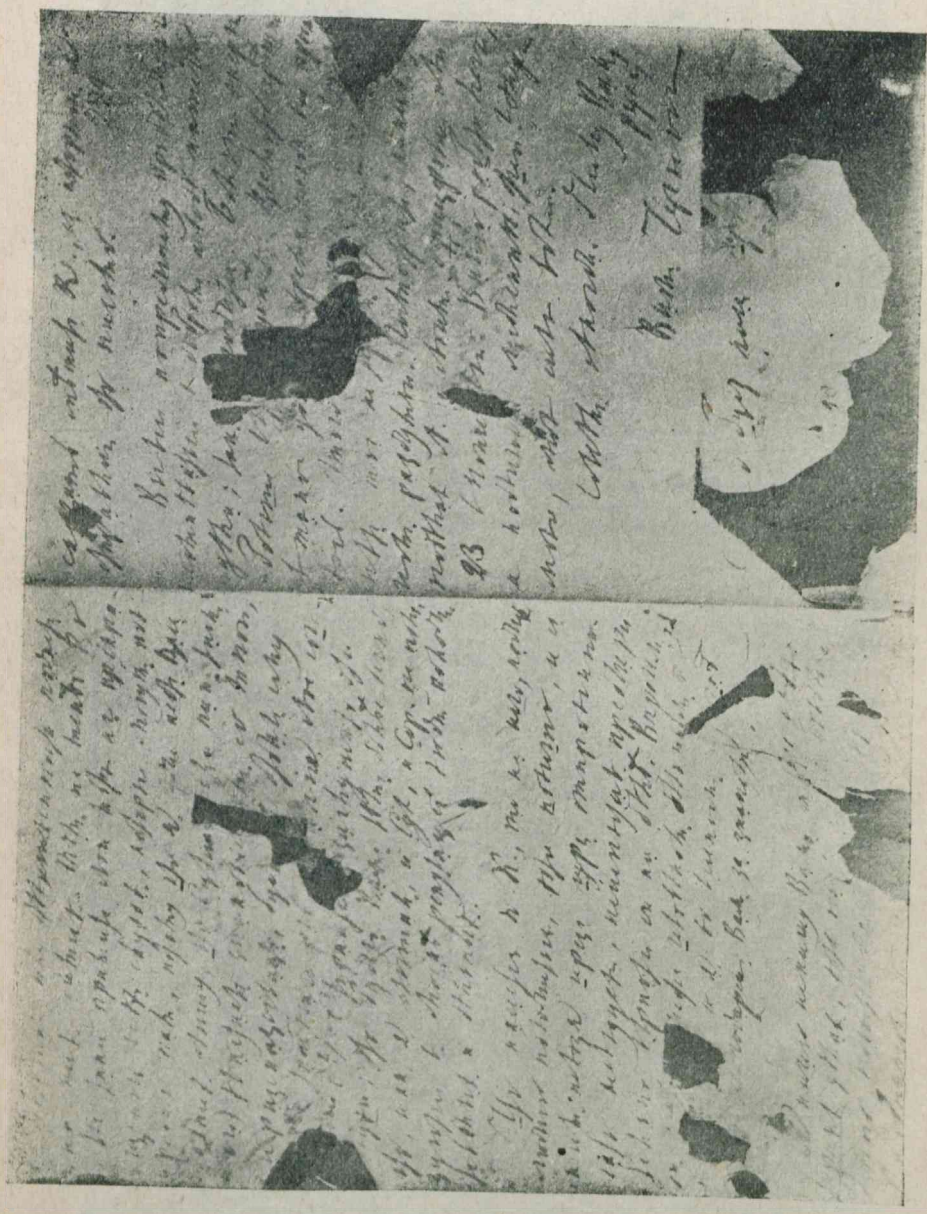
Написанная карандашом записка, приписанная членами суда Н. Г. Чернышевскому.

Фотосним. ? V a.



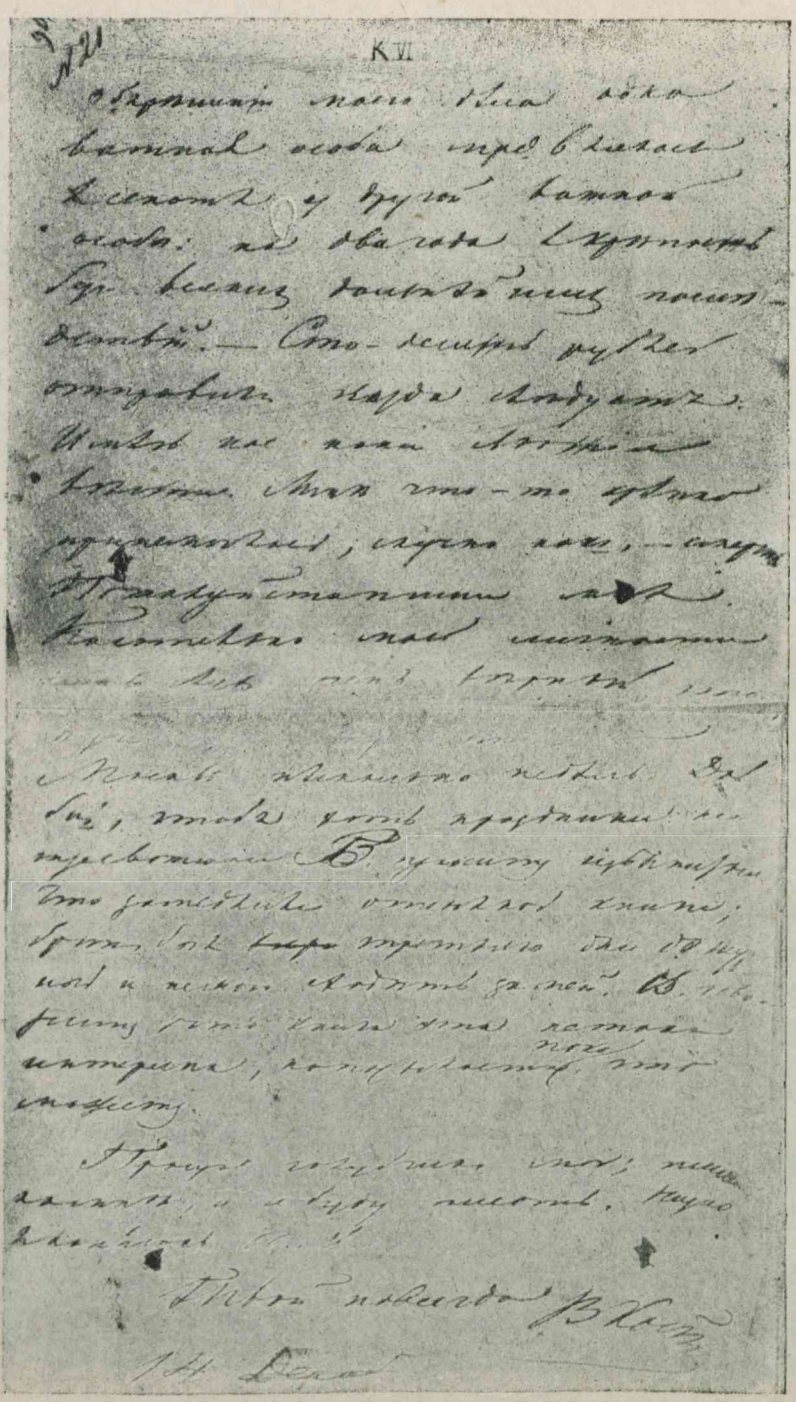
Письмо к А. Н. Плещееву, приписанное Н. Г. Чернышевскому.
(1 и 4 страницы.)

Фотосним. ? V в.



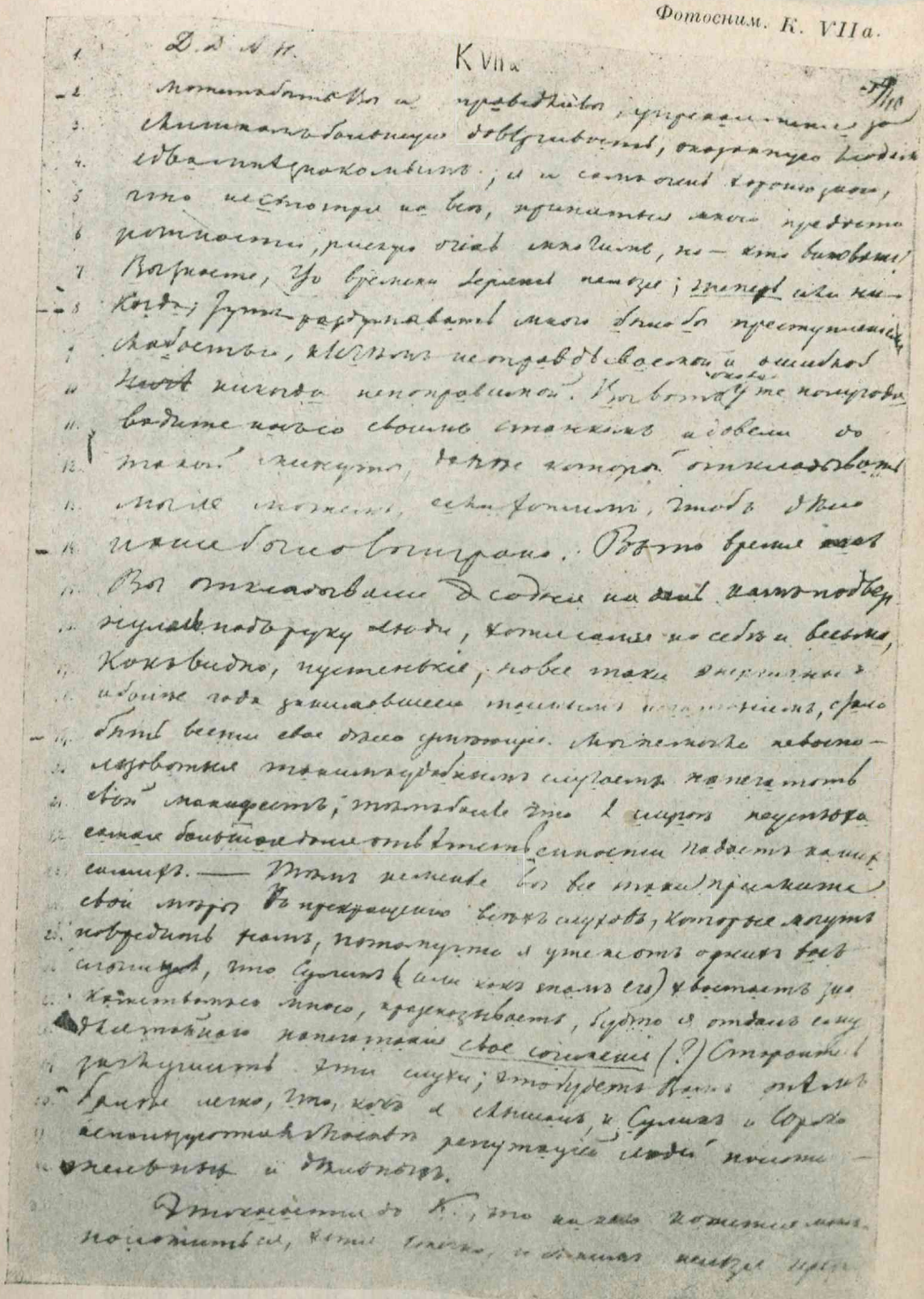
Письмо к А. Н. Плещееву, приписанное Н. Г. Чернышевскому.
(2 и 3 страницы.)

Фотосним. К. VI.



Собственноручное письмо В. Костомарова.

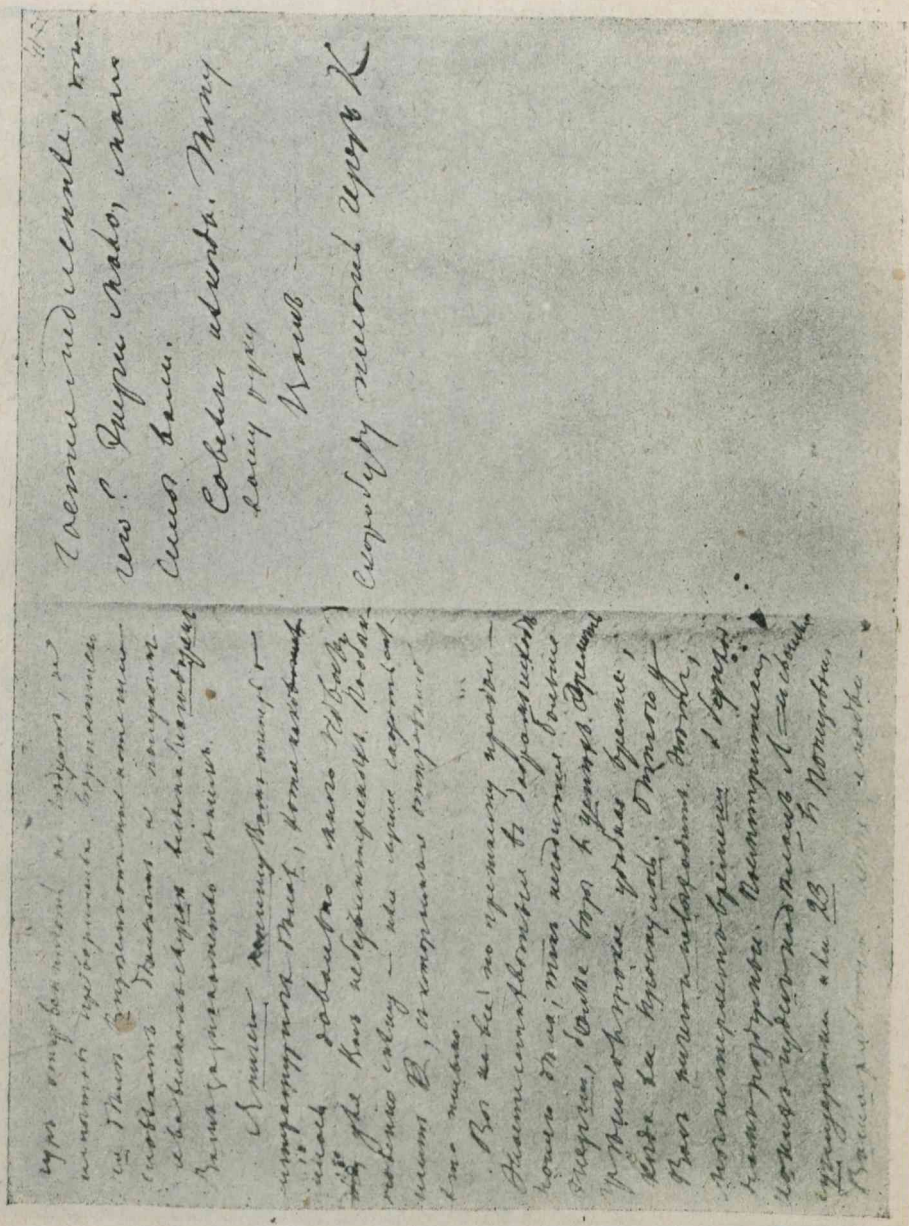
Фотоснимок. К. VIIа.



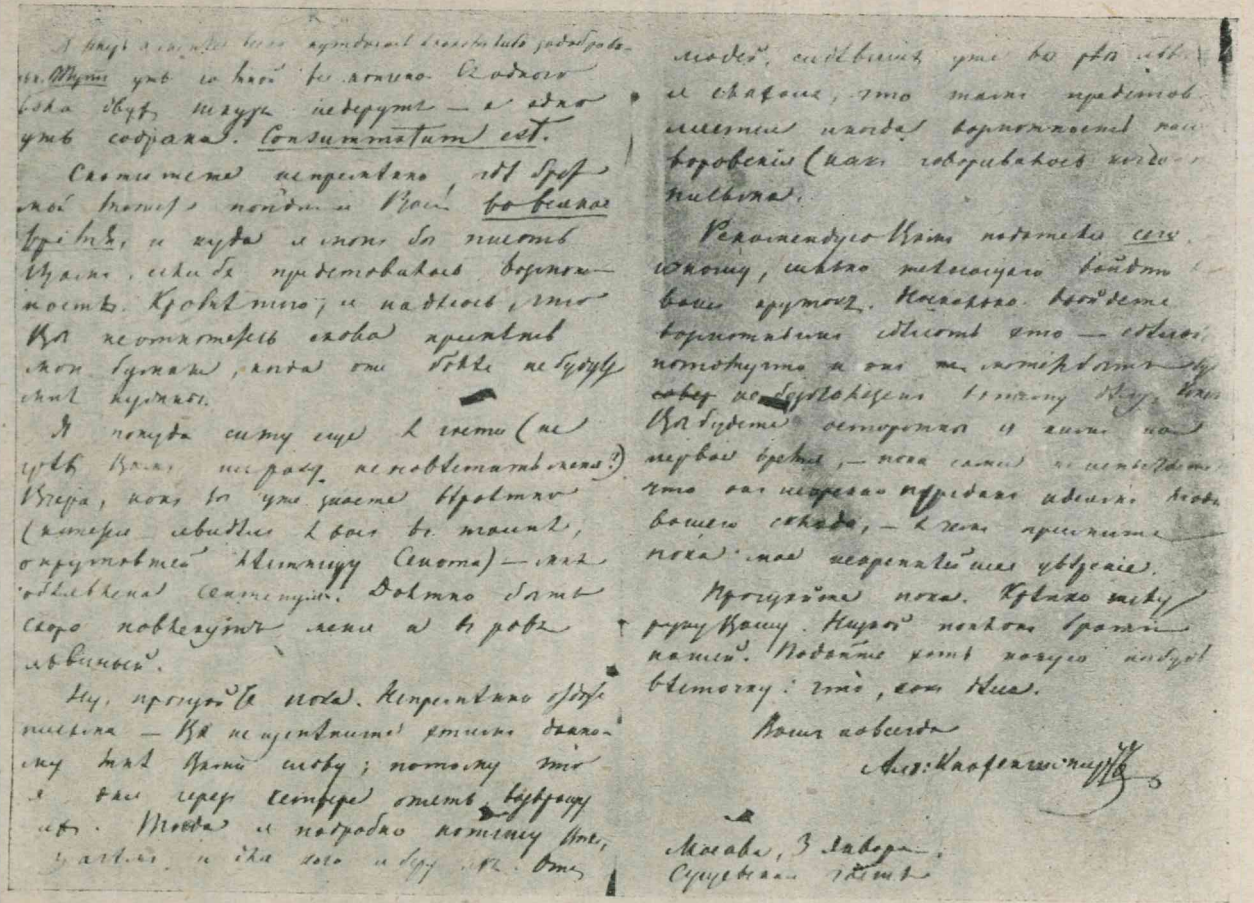
Копия письма к А. Н. Плещееву, сделанная В. Костомаровым.

(1 страница.)

Фотосним. К. VIIв.



Копия письма к А. Н. Плещееву, сделанная В. Костомаровым.
(2 и 3 страницы.)



Собственноручное письмо В. Костомарова.

Фотосним. К. VIII.

Из записной книжки архивиста.

Иностранная цензура о «Коммунисте» в 1916 году.

На обязанности иностранной цензуры царского времени лежало рассмотрение, а затем или дозволение или запрещение всех тех произведений печати, которые, будучи выпущены в свет за границей, безразлично на русском или на каком-нибудь ином из европейских языков, попадали в Россию. Названия всех просмотренных, дозволенных или запрещенных к ввозу в Россию заграничных изданий каждый месяц опубликовывались в особых «Алфавитных указателях», не подлежавших, однако, оглашению и сообщавшихся «для руководства» лишь различным цензурным учреждениям.

Одним из последних накануне падения монархии распоряжений Петроградского главного комитета цензуры иностранной, через который проходила наибольшая часть заграничных изданий, было запрещение журнала «Коммунист», экземпляр которого за 1915 г. попал на рассмотрение иностранных цензоров.

Это предсмертное постановление комитета иностранной цензуры заключалось в следующих немногих и категорических словах: «запретить журнал «Коммунист» к распространению в России».

Мотивированное же мнение цензора-докладчика было таково: «Коммунист». № 1—2. 1915 г. (Genève). 196 стр. в 8 д. л. (Рос. Соц.-Дем. Рабоч. Партия). Самое название журнала, указание, что он издается Российской Социал-Демократической Рабочей Партией, издание его в Женеве, все это предрешает вопрос о характеристике журнала. Вступительное же слово редакции определяет и самую цель издания нового органа «помочь разъяснению истин коммунистического учения Маркса и лучшему пониманию задач предстоящей пролетариату эпохи революционной борьбы за демократическую республику в России и за социалистический переворот в Европе» (стр. 3). Поэтому долго останавливаться на содержании № 1—2 журнала не приходится; намеченная программа его проводится систематически в ряде статей по экономическим, социальным и политическим вопросам таких более или менее известных писателей-социалистов, как Ленин, Зиновьев, Паннекук, Радек и др. В подтверждение сказанного приведу лишь несколько отдельных более резких мест, касающихся царизма в России. Так, например, на стр. 106 утверждается, что «против революционной грозы, способной снести царский трон, монархия Романовых искала громоотвод в сфере иностранной политики». На стр. 153—154 Зиновьев говорит, что царизм поставил громадную ставку в этой войне. Чем больше он будет ее проигрывать, тем большим долгом революционной социал-демократии будет бить в набат, звать рабочий класс и всю русскую демократию к революционной борьбе. А затем следует призыв к революции: «К ответу царскую монархию! За горло ее и коленом в грудь! Пусть кровопускание, которое устроила монархия Романовых нашей стране в 1914—1915 гг., будет последним. Пора поменяться ролями, пора нашей стране раз навсегда покончить с Романовской монархией, пора уложить

ее в могилу и вбить для большей верности хороший осиновый кол». На стр. 83 и 167 встречаются выпады против особы государя императора. На стр. 193—196, в заключение номера, помещены: манифест Базельского Международного Социалистического Конгресса от 24/25 ноября 1912 г. и резолюция Хемницкого партейтага германской социалдемократической партии от 20 сентября 1912 г., приглашающие пролетариев к борьбе против империализма и капитализма.

Представляя об изложенном комитету, считаю безусловно необходимым № 1—2 «Коммуниста» запретить к распространению в России» [1]).

Так накануне гибели царизма, поражаемого извне и угрожаемого изнутри, охранявшие его органы продолжали вместе с ним цепляться за жизнь и размахивать ржавым оружием, выпадавшим уже из их рук.

С. Любимов.

Эпизод из истории балканской войны.

Печатаемый ниже всеподданнейший доклад председателя Совета Министров Коковцова от 2 декабря 1912 г. вскрывает любопытный факт из области политики воевавших тогда с Турцией балканских государств: из письма обнаруживается, что 1 декабря (ст. ст.) этого года болгарское правительство обратилось к правительству России с просьбою уступить временно Болгарии два броненосца и два линейных крейсера (или миноносца) из состава русского черноморского флота и, независимо от этого, предоставить Болгарии 28 тяжелых полевых мортир.

Чтобы оценить истинное значение этой просьбы, надо, прежде всего, отметить, что в те дни, к которым она относится, воевавшие с Турцией славянские союзники уже принудили последнюю просить о заключении перемирия: оно состоялось 22 ноября, — а уже 2 декабря в Лондоне съехались представители балканских держав для обсуждений мирных условий; в то же время (4 декабря) в Лондоне же открылась, в связи с тем же вопросом, конференция послов великих держав.

Как известно, балканские союзники за непродолжительный срок войны (начавшейся 26 сентября) успели добиться очень больших успехов и захватили у Турции искомые ими и заранее между собою распределенные турецкие территории; в частности же, болгарская армия, осадив Адрианополь, дошла почти до Константинополя, подступив уже к защищающим последний укреплениям Чаталджи, где, после нескольких попыток прорыва их открытой силой, болгары перешли к правильной осаде. Но последняя могла итти лишь самым медленным темпом как в виду ограниченности у болгар осадной артиллерии (да и то прикованной к осаде Адрианополя), так и благодаря действиям турецкого флота, направлявшего свои удары против обоих флангов осаждающих болгарских войск. Эти две причины и вызвали, конечно, у Болгарии надобность и в осадных орудиях и в военных судах, которые могли бы парализовать действия турецкого флота.

Но если просьбу Болгарии о предоставлении ей орудий царское правительство и могло бы еще, при желании, как-либо удовлетворить, неся, однако, все последствия за нарушение своего нейтралитета, то просьба об уступке русских военных судов была, в сущности, совершенно практически невыполнима: ввиду отсутствия у Болгарии достаточного количества подготовленного для обслуживания этих судов личного состава, просьба Болгарии об уступке ей военных кораблей фактически означала и просьбу о предоставлении личного для них состава (хотя бы для исполнения специальных обязанностей). Но такой шаг царского правительства был бы, без сомнения, равносилен объявлению Россией войны

[1]) Журнал заседания комитета цензуры иностранной 21 декабря 1916 г. № 4187.

Турции. Это признал и русский Совет Министров, рассматривавший болгарское предложение.

Трудно предположить, чтобы болгарское правительство не понимало, какой именно смысл должно было иметь предоставление Россией Болгарии военных кораблей. И потому мы думаем, что просьба Болгарии была, в сущности, просто дипломатическим ходом, призывавшим Россию принять участие в войне. Такой смысл болгарского предложения обнаруживается, впрочем, и в тех данных, которые имеются в докладе Коковцова. Оказывается, что болгарский военный агент, передавая упомянутые просьбы своего правительства, заявил вместе с тем о готовности Болгарии «обратить ее армию, вместе с армиями ее союзников, против Австрии и ее союзников с целью облегчения положения России».

«Облегчать» свое положение войной русское правительство, по своей логике, могло бы для подавления назревавшего в стране революционного движения, — но болгарское правительство, конечно, имеет ввиду не это. Оно, делая свое предложение накануне начала мирной конференции и лондонской конференции послов имело, несомненно, в виду «облегчить» именно на последней положение России, ввиду тех трений и столкновений, которые должны были выйти, — и, действительно вышли, — у представителей последней с представителями Австрии и поддерживавшей ее Германии.

Надо заметить также, что Болгария и во время этой конференции делала, повидимому, попытки соблазнить царское правительство теми перспективами, которые могли бы открыться перед Россией в случае поддержки ею дальнейших агрессивных планов Болгарии: по крайней мере, — как видно из слов английского посла в России Бьюкенена, — Николай говорил ему в это время (разговор относится к 1 апреля ст. ст. 1913 г.), что «в случае предполагаемого занятия Константинополя болгарскими войсками, Болгария намерена была предложить его России, как дар признательности за освобождение от турецкого ига». Однако Николай, — как он сообщил Бьюкенену, — «дал ей (Болгарии) ясно понять, что Россия не может принять такого подарка, и рекомендовал ей отказаться от попытки занять его» [1]).

Предложение об «уступке» России Константинополя, так же как и рассматриваемые нами просьбы Болгарии о предоставлении ей русских военных судов и тяжелых орудий, с несомненностью указывают на то, что болгарское правительство совершенно неправильно оценивало истинный характер отношений к нему правительства России и соответствующий образ действий русской дипломатии. Раскрытая теперь история политических взаимоотношений России, Франции и Англии в период балканских войн [2]) вполне ясно обнаруживает, что русское правительство не только не желало способствовать продвижению болгар на Константинополь, но чрезвычайно страшилось этой возможности, видя в этом посягательство Болгарии на выполнение той «исторической миссии», которую в ближайшем будущем должна была выполнить сама Россия. В сущности, в стараниях к недопущению Болгарии до захвата Константинополя заключалась основная линия тогдашней русской балканской политики, причем дипломатия России дошла в этом отношении до такой абсурдной, с точки зрения «покровительства славянам», позиции, что стала желать усиления Турции для того, чтобы последняя могла отразить всякую попытку болгар овладеть Константинополем.

---

[1]) Дж. Бьюкенен. «Мемуары дипломата», М. Гиз., изд. 2-е, стр. 116.

[2]) См. «Константинополь и проливы. По секретным документам бывш. министерства иностранных дел» (М., 1925 г.), а также «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Сборник секретных документов бывш. мин. ин. дел». (М., 1922 г.).

Таким образом только неосведомленностью болгарского правительства о тактической линии русской дипломатии (ведшей себя в это время, при непосредственных сношениях с Болгарией, довольно уклончиво) мы можем объяснить то, что Болгария решилась обратиться к России с рассматриваемой просьбой об уступке русских военных судов и тяжелых орудий.

Оценивая по существу эту просьбу, мы ее не можем назвать иначе, как провокационной. Но т о г д а, в 1912 г., царское правительство не только не желало итти на славянскую провокацию, но всячески ее опасалось; в частности, например, русский посол в Англии, Бенкендорф, высказывал Сазонову (18 ноября 1912 г.) совет (имея в виду, в случае войны, обеспечить поддержку Англии) «избегать всего того, что могло бы быть истолковано, как сербская провокация» [1]). Еще больше оснований имело тогда царское правительство, чтобы пренебречь рассматриваемой болгарской провокацией.

Такое «миролюбие» царского правительства объясняется, конечно, прежде всего тем, что оно, усиленно стремясь к войне, не считало себя тогда к ней вполне готовым, — «полная готовность» создалась только в июле 1914 г.

Что касается публикуемого здесь второго доклада Коковцова, то он приводится нами лишь по связи с тем самым историческим моментом, которого касается и первый доклад. 23 декабря Коковцов докладывает Николаю, что особое совещание министров и начальника генерального штаба 22 декабря 1912 г. признало необходимым привести в исполнение временно отложенное распоряжение Николая, от 10 декабря, о задержании в рядах армии солдат, подлежавших увольнению от службы 31 декабря 1912 г.

Этим шагом царское правительство также «подкрепляло» свою позицию на происходившей тогда конференции в Лондоне и немедленно вслед за этим шагом предъявило Турции требование об осуществлении некоторых спорных пожеланий славянских государств.

В. Семенников.

1.

Ваше императорское величество.

В субботу, 1-го сего декабря, в 4 часа дня, военный министр передал мне высочайшее вашего императорского величества повеление обсудить обращенное к нему болгарским военным агентом, от имени своего правительства, ходатайство о продаже Россиею Болгарии 28 орудий тяжелого образца полевых мортир, с соответствующим комплектом снарядов.

В тот же день и час морской министр передал мне обращенное к нему ходатайство того же агента о временной уступке Россиею Болгарии двух броненосцев и двух линейных крейсеров или миноносцев из состава нашего Черноморского флота.

Я распорядился немедленно созвать Совет Министров, который, подвергнув оба вопроса всестороннему обсуждению, в заседании 2-го декабря, пришел единогласно, без всяких возражений со стороны военного и морского министров, — к совершенно отрицательному заключению.

Не утруждая вашего императорского величества изложением сколько-нибудь подробных соображений относительно прямой недопустимости передачи, хотя бы на время, части наших судов Черноморского флота, для управления коими у Болгарии не имеется ни офицерского и командного состава, ни навыка в технике морского дела, — передача же судов с командою равносильна начатию Россиею войны против Турции, — Совет Министров нашел, что и передача артиллерийских орудий должна быть решительно отвергнута как с точки зрения занятого Россиею нейтрального положения в балканской войне, так и по невозможности ослаблять наши средства обороны в настоящую минуту.

Передача 28 орудий Болгарии не может остаться тайною; слух о предпо-

[1]) «Константинополь и проливы», стр. 36.

ложении болгарского правительства спешно приобрести некоторое количество орудий осадного образца уже проник, благодаря чьей-то нескромности, в дипломатические сферы Петербурга, и к нам несомненно будет предъявлено обвинение в нарушении нейтралитета как со стороны Турции, так и со стороны дружественно-расположенных к ней держав тройственного союза.

С точки зрения России представляется даже весьма спорным, насколько желательно укрепление Болгарии в ее стремлении продолжать войну с Турцией, и не следует ли [?] даже, во имя ее собственных интересов, скорейшее заключение мира, не подвергая себя риску утратить плоды ее блестящих побед.

Еще менее допустима, по заключению Совета Министров, уступка орудий, с точки зрения наших собственных интересов.

Заявление военного агента Болгарии о готовности обратить ее армию, вместе с армиями ее союзников, против Австрии и ее союзников, с целью облегчения положения России, — должно быть отнесено к числу несбыточных увлечений. Еще 2 месяца тому назад болгарский министр внутренних дел откровенно заявил в Петербурге о том, что Болгария в состоянии вести войну с Турцией не долее 3-х месяцев, а болгарский посланник еще на сих днях сказал министру иностранных дел, что он смотрит с величайшею озабоченностью на распадающееся согласие среди союзников.

Помышлять о новой войне с европейским государством, хотя бы в защиту правого дела — ограждение интересов Сербии, — очевидно, можно только на словах и не неся ответственности за них. Очевидно, поэтому, что при таких условиях ослаблять России свои средства обороны просто недопустимо. Мы поколебали бы то твердое и всеми признаваемое безупречное положение, которое мы заняли, по воле вашего императорского величества, среди всех великих держав и, думая оказать небольшую помощь нами же созданной Болгарии, мы поставили бы самих себя в условия совершенно ложные и лишающие нас всякого авторитета в глазах наших политических противников.

Совет Министров не упустил, наконец, из внимания и будущих наших отношений к Турции: мы не должны давать ей оснований упрекать нас в неприязненных действиях против ее, тем более, что, удаленная на малоазиатский материк, она продолжает быть нашим соседом в будущем. По всем этим, лишь вкратце излагаемым, соображениям Совет Министров постановил: всеподданнейше ходатайствовать перед вашим императорским величеством об отклонении просьбы, обращенной болгарским правительством чрез посредство его военного агента к министрам: военному и морскому.

О таковом постановлении Совета Министров всеподданнейшим долгом почитаю повергнуть на высочайшее благовоззрение вашего императорского величества.

Председатель Совета Министров
статс-секретарь *В. Коковцов.*

2 декабря 1912 г.

2.

Приемлю долг всеподданнейше довести до высочайшего сведения вашего императорского величества, что состоявшееся вчера, 22 декабря, под председательством моим совещание из: министра иностранных дел, начальника генерального штаба и помощника военного министра, — пришло к единогласному заключению о необходимости привести в исполнение высочайшее предуказание вашего величества, воспоследовавшее в 11 день декабря месяца, по всеподданнейшему докладу военного министра, о задержании еще на некоторое время, после 1 января 1913 г., в рядах армии, во всех военных округах Европейской России, нижних чинов срока призыва 1910 года, подлежащих по закону увольнению в запас 31 декабря 1912 г.

На точном основании ст. 22 устава о воинской повинности, мера эта может быть произведена с высочайшего вашего императорского величества соизволения и не требует ни издания особого указа

Правительствующему Сенату, ни опубликования во всеобщее сведение.

А так как соизволение вашего величества уже последовало 11 декабря и было лишь задержано выполнением по высочайшему вашему указанию, то все распоряжения военного ведомства имеют быть сделаны сегодня и завтра, без испрошения нового высочайшего вашего императорского величества повеления.

Председатель Совета Министров
статс-секретарь *В. Коковцов.*

23 декабря 1912 г.

Солдатское письмо о «9 января» [1].

Гл. Штабъ.

Нельзя ли розыскать этого негодяя.
Сахаров. 7/VI.

Его высоко-превосходительству.
господину воѣнному министру.

Заявленіе.

Симъ заявляю Вашему Высокопревосходительству.

Запасный фельдфебель 12-го Сибирскаго стрѣлковаго Полка 4-й роты Ивановъ. Я вернулся съ дальнаго Востока съ потерей ноги. Подъ Мукденомъ и долженъ Вамъ заявить 1-е о трусости нашихъ офицеровъ. 2-е О сдачи 50000 челов. въ Пленъ теперь въ слѣдущимъ бою солдаты решили сдаватся безъ боя. въ плѣнъ. Причина этаго состоитъ въ томъ мщенье за 9-й январь. Что стрѣляли свой народъ въ Петербургѣ. Заэто тамъ стрѣляли своихъ офицеровъ. Помнитѣ генералъ солдаты этимъ возмущены, т.-е. растрѣломъ своихъ братьевъ. вся дѣйствующія армія Поклялась мстить своимъ бюрократамъ и Правительству. за это оскорбленіе. Вы забыли закаго мы проливаемъ кровь. затехъ кто насъ давитъ и жметъ. и Грабитъ наше отечество. Вамъ мало нашей крови надальнымъ Востокѣ, то понадобилась Еще тутъ наша вамъ кровь.

Это Ваша дворянская безумiе къ хорошему неведетъ, я увверенъ и эскадра рождественскаго Погибла Тоже мщеніе за 9-е января. Вы скорей торопитесь опомница Всѣй бюрократіи грозитъ гибель. я слышу типерь, на родинѣ отъ чиновъ запаса что онѣ готовятся устроить это прямо бедой Пахнетъ и рекрута нонишные однаго духа будутъ. Вы первое лицо къ Государю Императору. То поторопитесь доложить немедленно что въ Войскахъ идетъ Тоже смута и въ народѣ. дотехъ поръ небудетъ нашей Побѣды. Пока Нераскается Наше правительство Предъ народомъ въ своемъ безуміи дотехъ поръ не будетъ нашей победы пока неулидотворитѣ Требованія народа по Петіціи свящ. о. Гапона мы читали эти питіціи надальнымъ востоки нам было прислано по 20 шт. на роту. Всѣ солдаты поклялись до техъ поръ не одержывать Побѣды пока не будетъ дана народу Полная Политическая свобода. Вы Ваше Высокопревосходительство поторопитесь это устроить. т.-е. Доложить Государю Императору. и объявитѣ Свободу Людямъ всѣй Россіи и война клянусь будетъ закончена въ $2^1/_2$ месяца. безовсякихъ налоговъ денегъ народъ дастъ какъ Минину и Пожарскому. А если небудетъ это сдѣлано То Позоръ и Гибель бюрократіи. и война Будетъ проиграна Японцамъ.

Съ полной увереностью къ Вашему Высокопревосходительству, докладываю И надѣюсь что вы постараитесь Выполнить Требованія Войскъ и Всѣго русскаго Народа.

Д. Ивановъ.

Прошу опубликовать это письмо въ газетахъ.

4 Іюня 1905 г.

---

[1]) Моск. Центр. Военно-Истор. Архив. Дело Гл. Штаба, 16 отд., № 55/1, 1905 г. «О революционной пропаганде в войсках», лл. 118—120. Письмо воспроизводится здесь с точным соблюдением всех особенностей подлинника.

Из истории иностранного капитала в России [1]).

Внутреннее состояние России, как и внешнее ее положение к 1907 году отнюдь не были блестящими.

Тяжелая обстановка, осложненная неурожаем 1906 г., сопровождалась большими финансовыми затруднениями. «Что касается доходов, — читаем в письме министра финансов В. Н. Коковцова директору Парижско-Нидерландского банка Э. Нецлину, от 14 (27) ноября 1906 года, — то в этом отношении мы находимся в крайне неблагоприятных условиях. Нам приходится довольствоваться существующими ныне доходами, и мы не можем рассчитывать на новые источники доходов и в будущем году» [2]). Дефицит по бюджету 1906 года был неизбежен, а относительно 1907 г. в том же письме Коковцов говорит: «Я принимаю все зависящие от меня меры, чтобы составить обыкновенный бюджет на 1907 г. без дефицита, — надеюсь, что это мне удастся... Говоря о трудностях составления бездефицитного обыкновенного бюджета, я разумел дело не столь простое, каким оно могло показаться».

Внешние займы 1905 и 1906 гг., исчерпав в значительной мере заграничный кредит России, не давали, однако, никакой уверенности в том, что они покроют все потребности и позволят не обращаться к иностранным денежным рынкам в ближайшее время. Вот почему, несмотря на дорого оплаченное одолжение европейской биржи [3]), приходилось все же итти навстречу всякого рода проектам иностранного капитала, даже тогда, когда выгода таких предложений была более чем сомнительна [1]). Примером такой предупредительности по адресу иностранного капитала и его агрессивности, доходившей до использования дипломатического аппарата, свидетельствует история забастовки на одном из заводов Екатеринославской губернии, принадлежавшем французским акционерам.

19 января 1907 года, во время утренней смены, в поселке Дружковка (Бахмутского у.), рабочие побросали работу. Попытка вызвать для переговоров директора Реймона не увенчалась успехом. Ближайшим поводом для забастовки явилось требование обратного приема только что уволенных 21 чел. рабочих, о чем администрация не хотела и слышать и в свою очередь ответила предложением стать на работу, пригрозив окончательным расчетом, а в случае продолжения забастовки до 27-го, — и закрытием завода на неопределенное время. Как выяснилось в дальнейшем, забастовка была в известной мере на руку администрации: завод не был обеспечен заказами, и в ближайшие планы все равно входил расчет 200—400 чел. из общего числа 2 700 рабочих; вместе с тем для администрации открывался удобный случай для удаления наиболее беспокойного элемента. Так объясняли обстановку и начальник екатеринославского губернского жандармского управления и сам губернатор [2]).

Угрозы администрации не произвели большого впечатления. 20-го числа утром на работу вышло лишь несколько человек. Администрации оставалось толь-

---

[1]) Материал для настоящего сообщения, равно как и печатаемое ниже донесение екатеринославского губернатора, извлечены из дела деп. пол. по IV делопроизводству, 1907 г., № 18, ч. 2. «По Екатеринославской губернии. Рабочее движение на фабриках и заводах».

[2]) Сборник Центрархива, составленный Б. А. Романовым: «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.». Изд. «Московский Рабочий», М. — Л. 1926 г., стр. 366—369.

[3]) См. материалы об условиях выпуска внешних займов в 1904—1909 гг. в названном сборнике Центрархива, стр. 375 и следующие.

[1]) Интересная в этом отношении переписка В. Н. Коковцова с Вернейлем приведена в том же сборнике; см. стр. 371—374.

[2]) Донесения от 30 января и 22 февраля 1907 г. за № 789 и 3656. Дело департамента полиции, IV делопроизводство, 1907 г., № 18, ч. 2, входящий 1309 и 2708.

ко показать, что ее угрозы не были пустым звуком: на воротах завода появилось объявление, приглашавшее явиться за получением расчета. В то же время местный начальник войсковых частей в Бахмутском уезде сделал попытку подойти к рабочим с другой стороны и, чтобы дать возможность столковаться колеблющимся элементам, предложил собраться для обсуждения положения вещей к церкви поселка.

Оба приглашения остались без ответа, и 27 января завод был закрыт на неопределенное время. Тревожное настроение заставило подумать об усилении охраны завода, и в поселок, кроме квартировавшей там роты 56 пехотного Житомирского полка, были вызваны рота 135 пехотного Керчь-Еникальского полка, половина эскадрона драгун и 40 человек конных стражников. Одновременно жандармское начальство арестовало наиболее видных рабочих из числа бастовавших.

Особенности положения Дружковского завода, находившегося в руках французских акционеров, осложнили обычный ход русской забастовки. 8 февраля министру иностранных дел была доставлена французским послом Бомпаром нота такого содержания [1]): «Господин министр! Я только что получил телеграмму от г. Реймона, французского инженера, директора завода в Дружковке, который доводит до моего сведения следующие факты: завод только что был закрыт в течение трех недель вследствие забастовки, вызванной небольшим числом зачинщиков, и теперь рабочие упрашивают дирекцию пустить опять в ход работы на заводе. Но дирекция колеблется принять это решение, так как рассчитанные рабочие могли бы угрожать безопасности своих товарищей и вызвать новую забастовку. Г. Реймон просит меня ходатайствовать о том, чтобы юзовскому генерал-губернатору были посланы особые инструкции о том, чтобы рассчитанные рабочие были удалены из Дружковки и не могли бы, таким образом, помешать открытию завода. Г. Реймон обращает мое внимание на то, что без этого вмешательства высших местных властей три тысячи рабочих могут еще долго остаться без средств к существованию. Буду благодарен вашему превосходительству, если вы, передав как можно скорее это сообщение г. председателю Совета Министров, министру внутренних дел, попросите его принять благосклонно просьбу моего соотечественника». В интересах срочности французский посол не ограничился нотою министру иностранных дел, и в тот же день обратился officieusement к председателю Совета Министров, П. А. Столыпину.

Местные власти получили немедленно предписание дать разъяснение министерству и «сделать, что можно», но оказались далеко не настолько преисполненными готовности, как можно было бы ожидать. Их сдерживала общая напряженность настроения, с одной стороны, а с другой — и непомерная, на их взгляд, требовательность акционеров завода. Угроза выселения пришлых рабочих, в большинстве семейных, сама по себе обостряла положение. Местные власти медлили, не желая навязать себе на шею возможные открытые и крупные беспорядки. События между тем развернулись ускоренным темпом.

10 февраля, когда директор завода Реймон, около 7 часов вечера, возвращался в экипаже из конторы домой, на него было произведено покушение; одним из выстрелов Реймон был ранен в голову и от этой раны 15 февраля умер. Покушение, естественно, произвело большой переполох в Петербурге. 11 числа департамент полиции посылает две телеграммы; из них в одной департамент запрашивает генерал-губернатора Богачевского о состоянии здоровья Реймона и предлагает вместе с

---

[1]) Там же, входящий 1739. Нота цитируется по переводу департамента полиции, так как французского текста в деле не имеется. Отметим, что во всех переводах фамилия директора передана почему-то «Рено», в то время как французское написание фамилии «Reymond» (см., напр., входящий 1521) не оставляет сомнений в произношении. Реймон — зять Ленина, префекта парижской полиции (входящий 1521).

тем принять «самые энергичные меры к предупреждению дальнейших посягательств на чинов администрации, с просьбой телеграфировать о сделанных распоряжениях. Другая, адресованная состоящему при генерал-губернаторе жандармскому полковнику Козинцеву, предлагает последнему, вместе с начальником охранного отделения, лично руководить розыском по делу о покушении и принять «самые энергичные меры к изъятию угрожающих безопасности элементов». «При отсутствии поддержки высшего начальства, — добавляет далее депеша, — телеграфируйте, равно как о принятых мерах, для сообщения французскому правительству».

Бомпар, действительно, уже 11-го обратился к П. А. Столыпину с просьбой «предложить юзовскому генерал-губернатору принять все меры к предупреждению новых несчастий» [1]). Не довольствуясь этой общей формулой, Бомпар на следующий день в новом письме уже детализирует свои домогательства: «французский консул в Харькове, находящийся в настоящее время в Дружковке, телеграфирует мне, что вслед за покушением на жизнь г. Реймона, директора заводов, произносятся угрозы по отношению к рабочим-французам, расположенным приняться за работу. Дирекция вообще подвергается нападкам со стороны революционеров. Позволяю себе снова настаивать перед вашим превосходительством, чтобы юзовскому генерал-губернатору было специально рекомендовано принять меры к ограждению свободного производства работ на заводе и безопасности моих соотечественников. Буду очень благодарен за сообщение мне, что вы изволите сделать в этом направлении» [2])... Письмо П. А. Столыпину опять подкрепляется официальной нотой министру иностранных дел [3]).

Не было никакого сомнения в том, что местная полиция, даже без особенных побуждений из центра, действительно постарается разыскать виновника покушения на Реймона. Но дело осложнялось, как указано выше, вопросом о выселении рассчитанных рабочих. 13-го февраля Богаевский телеграфировал П. А. Столыпину: «немедленную, как хотел завод, высылку из Дружковки ста тридцати восьми рабочих со ста семьюдесятью тремя детьми, причем двадцать одна семья живет в собственных домах, нельзя было допустить, не вызвав острых массовых осложнений, потребовав, чтобы завод обставил выезд рассчитанных рабочих так, чтобы могли добровольно уехать; это принято седьмого февраля, и последним сроком выезда назначено двенадцатое. Выехало семьдесят восемь, высылаются властями за доказанную вредную деятельность четырнадцать. Только твердости, такту находившихся на месте военных и гражданских властей обязаны сохранением порядка. Реймон охранялся все время, в день происшествия сам категорически отказался от охраны. Охрана администрации завода будет продолжаться. Губернатору предложено усилить заводскую полицию командированием, если надо, из других уездов» [1])...

К 19 февраля Дружковскую забастовку можно было считать оконченной: уволенные рабочие были выселены, а принятые стали на работу на новых условиях. Страх французских хозяев завода перед возможностью новых осложнений, однако, не прошел. К концу февраля завод представлял собою укрепленный лагерь. «В Дружковку стянута половина полицейской стражи уезда, сорок конных, двадцать пять пеших стражников, установлен военный караул в семьдесят пять человек и разъезды, до полуэскадрона ежедневно, — читаем в телеграмме того же Богаевского от 25 февраля. — Такую охрану допустил только на короткий срок и на-днях сниму, ибо войска не имеют двух очередей, а уезд остался почти без стражи. Донецкое Общество должно скорее озаботиться усилением за свой счет заводской полиции, которой содержат всего пят-

[1]) Там же, входящий 1737.
[2]) Там же, входящий 1738.
[3]) Там же, входящий 1740.

[1]) Там же, входящий 1793-б.

надцать городовых. Если, в виду ходатайства посла, желательно установленную охрану оставить долее, необходимо немедленно командировать в генерал-губернаторство еще две роты и эскадрон и переместить в Дружковку из уездов губернии, где снято военное положение, тридцать конных, двадцать пеших стражников, о чем прошу распоряжения, так как уезды эти мне не подчинены» [1]). Настояния французского посла были так убедительны для П. А. Столыпина, что, несмотря на внушительность собранных сил, департамент полиции 5-го марта рассылает соответствующую телеграмму о командировании нужных войск и стражников.

Для опасений владельцев завода были, впрочем, серьезные основания, источник которых скрывался в тяжелом положении рабочих. Приведенное ниже донесение екатеринославского губернатора Клингенберга рассказывает, как ухудшалось это положение в тех случаях, когда хозяевами заводов являлись не только французские, но вообще иностранные предприниматели. Положение автора не позволяет заподозреть его в большом сочувствии к рабочему движению. В своих наблюдениях о «самых алчных инстинктах» иностранных хозяев Клингенберг был не одинок, т. к. не ему одному только пришлось почувствовать, насколько трудно согласовать требования таких «инстинктов» даже с обычной широкой предупредительностью по адресу хозяев, обязательной для представителей администрации. Генерал-губернатор Богаевский в своем обзоре, представленном департаменту полиции в апреле месяце 1907 года, так рисует положение дел в Донецком бассейне: «быт рабочих во многих случаях заставляет желать много лучшего; главным образом, это относится к предприятиям, во главе которых стоят иностранные капиталисты и компании, которые видят в рабочем прежде всего рабочую силу и, имея поддержку в лице своих консулов, зачастую допускают отступления от установленных правил для взаимных отношений с рабочими, очень мало заботятся об улучшении их быта, полагая, что и местная администрация обязана прежде всего защищать их интересы. К сожалению, под впечатлением установившихся отношений между представителями предприятий и чинами администрации, такое убеждение составилось и у рабочих. И лишь установленное мною спокойное и нелицеприятное отношение к рабочему вопросу вообще, повидимому, значительно рассеяло это убеждение. Правда, такое отношение вызвало было протест со стороны заводской администрации, выразившийся увольнением рабочих, обратившихся ко мне с жалобами; пришлось с самого начала круто оборвать — и положение изменилось» [1])...

Затруднения донецких администраторов были тем более велики, что пример вмешательства французского посольства нашел себе немедленное подражание. Министр иностранных дел 28 апреля сообщил П. А. Столыпину, что «бельгийский поверенный в делах, по поручению своего правительства, обратил внимание министерства иностранных дел на безвыходное положение, в коем находятся администрации бельгийских фабрик, расположенных в Донецком бассейне, вследствие тех серьезных беспорядков, которые имели место за последнее время в названном районе. Директора упомянутых фабрик, в числе восьми человек, окончательно убедившись в невозможности работать при указанных условиях, обратились в правления фабрик с предложением прекратить работы, если только их жизнь и имущество не будут надлежащим образом защищены от произвола местного возбужденного населения. Вместе с тем г. де-Грелль-Рожье присовокупил, что правления бельгийских фабрик в названном районе лишены возможности подыскать подходящих людей, которые бы согла-

[1]) Там же, входящий 2387.

[1]) Цитируется по выдержке, приведенной в делопроизводственной справке от 8 мая 1907 г. Там же.

сились при настоящих условиях стать во главе предприятий. Ввиду изложенного и принимая во внимание, что закрытие крупных бельгийских фабрик в Донецком бассейне привело бы к нежелательным для нас в экономическом отношении результатам, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать во всестороннем рассмотрении настоящего ходатайства бельгийского поверенного в делах, и о тех мерах, какие вы, милостивый государь, найдете необходимым предпринять, благоволить меня уведомить для поставления о сем в известность г. де-Грелль-Рожье»[1])...

Богаевский и Клингенберг достаточно хорошо информировали департамент полиции, чтобы оставалось какое-нибудь сомнение в характере местных отношений между рабочими и их иностранными хозяевами. Интересы последних, подкрепленные доводами дипломатического вмешательства, перетянули тем не менее чашку весов на свою сторону, и центральная власть, закрывая глаза на действительное положение вещей, безоговорочно и настойчиво заставляла местных агентов использовать весь аппарат власти для защиты «самых алчных инстинктов» иностранного капитала.

Донесение екатеринославского губернатора департаменту полиции, от 29 июля 1907 г. о положении дел на местных заводах и фабриках.

Секретно.

На № 73414, от 14 июля, уведомляю департамент полиции, что, получив телеграмму от 1 мая, я поручил уполномоченному по чрезвычайной охране в Мариупольском, Бахмутском и Славяносербском уездах камергеру Крейтону представить мне, какие, по его мнению, следует принять меры к предотвращению рабочих беспорядков, а равно, объехав наиболее крупные торгово-промышленные центры, доложить мне о настроении рабочих масс. Докладную записку камергера Крейтона, от 17 мая с. г. за № 1 [1]), при сем препровождаю в департамент для сведения и присовокупляю, что об ускорении процедуры выселения из заводских квартир рассчитанных рабочих мною вновь сообщено земским начальникам и чинам полиции к неуклонному исполнению, что удалять таких рабочих за пределы горнозаводского района я считаю себя в праве лишь в том случае, если о них у полиции будут иметься хотя какие-либо неодобрительные сведения, и что выдачу даровых или льготных билетов я могу производить лишь в исключительных случаях, предоставляя администрациям предприятий в собственных же интересах приходить на помощь рассчитываемым не по случаю дурного поведения, а по другим причинам, рабочим выдачей пособий на проезд на родину.

Достаточно сильный гарнизон, расположенный в Екатеринославской губернии, вместе с авангардом этой воинской силы, в виде конной и пешей полицейской стражи, дает мне право утверждать, что всякие крупные беспорядки я имею возможность подавить в самом их зародыше. Целый ряд политических забастовок, пагубно отразившихся на благосостоянии рабочего населения, заставил последнее относиться скептически и к массовым забастовкам экономического характера, которых, таким образом, я не предвижу; но вместе с тем я признаю, что в некоторых местах масса рабочих находится еще в руках небольших сравнительно революционных организаций, сильных, главным образом, сочувствием к ним многих нравственно распущенных рабочих, видящих в осуществлении программ крайних левых партий средство для оправдания своей разнузданности. Главным образом на почве так называемого хулиганства пользуются некоторым успехом у рабочих идеи анархизма, и при этом самого беспрограммного, в

[1]) Там же, входящий 5818.

[1]) Содержание записки Крейтона в общих чертах вошло в настоящее донесение.

виде выступления анархистов-индивидуалистов, или тех же разбойников, которыми и ранее так изобиловала Екатеринославская губерния с ее многочисленным пришлым и кочующим рабочим населением, всегда выделявшим из своей среды много преступных элементов. Рассеять чисто революционные организации нелегко, ввиду отсутствия внутренней, хорошо поставленной охранной агентуры, которая заменяется случайной полицейской, признаваемой мною удовлетворительной лишь в м. Юзовке, благодаря талантливости местного пристава Экка. Даже для производства дознаний в порядке 1035 ст. уст. уг. суд. не имеется, несмотря на мои ходатайства, особого жандармского офицера в Бахмутском уезде, которым заведывает до сих пор ротмистр Каминский, проживающий в Луганске и настолько заваленный работой, что, несмотря на свою недюжинную трудоспособность, он едва справляется по одному Славяносербскому уезду. Между тем расстояние между Бахмутом и Луганском почти то же, что между Бахмутом и Екатеринославом. Очень серьезным препятствием к успешности действий общей полиции в деле борьбы с революционными организациями и выделяемыми последними отрядами боевиков и экспроприаторов является отсутствие у полиции тех средств, которыми располагают ее противники; против маузеров и браунингов она может выставить устаревшие смиты-и-вессоны и однозарядные берданки; в то время как революционеры обмениваются между собой срочными условными телеграммами, чины полиции, выслеживая анархистов, пропагандистов, агитаторов и т. п., или принуждены платить из своих скудных личных средств за телеграммы, или же сноситься по почте; в то время как враги порядка разъезжают, не стесняясь, на курьерских поездах, полицейские чины слетят за ними, или опять-таки из собственных средств платя за билеты, или же гоняются за ними на почтовых лошадях. Конечно, в исключительных случаях, я могу поставить в вину тому или иному полицейскому чину его скупость в расходовании собственных денег на экстренные поездки по делам службы, но требовать от них постоянного самопожертвования я не считаю себя в праве, а между тем иностранцы изумляются такому контрасту в средствах, имеющихся в распоряжении у революционеров и чинов полиции, приписывая бедность последних их инертности и апатии. Лично я убежден, что пока в распоряжении полиции не будут находиться даровой казенный телеграф и даровые казенные железные дороги, об исчерпании всех средств борьбы с революцией не может быть и речи, какие бы военные положения в губернии ни вводить; злоупотребления же, несомненно, могущие возникнуть на этой почве, следовало бы пресекать особым контролем, да, наконец, не надо забывать, что злоупотребления эти все же будут носить единичный характер и с лихвой покроются той выгодой, которая получится от возможности чинам полиции передвигаться и сноситься между собою не медленнее революционеров.

Но, как я уже упомянул, революционные организации захватывают сравнительно небольшой процент рабочих, и многие террористические действия, так пугающие иностранцев, происходят просто на почве нравственной разнузданности рабочих, а иногда под влиянием своеобразного молодечества. Контингент таких рабочих — не скрою — велик, и он примыкает к сознательным «товарищам», будучи способен, без энергичного противодействия, создать внушительную армию врагов порядка. Отсутствие мало-мальски сносных помещений и развлечений, притягательная сила водки, свойство и тяжесть физического труда, вызывающие потребность хоть временно отрешиться путем кутежа от окружающей непривлекательной обстановки, оторванность многих рабочих от родины и семьи, получение сравнительно большого заработка, без уменья сберечь его, частые случаи действительно бессердечной эксплоатации рабочих их хозяевами, временная без-

работица — вот те причины, которые вызывают развитие хулиганства в рабочей массе. Бороться с ним можно и должно, конечно, и полицейскими мерами, путем применения прав, предоставленных администрации чрезвычайной и усиленной охраной. Из подобных мер самыми действительными считаю я предание виновных военному суду, наложение административного взыскания за нарушение обязательных постановлений и изъятие, ради быстроты репрессии, целого ряда проступков из ведения судебных мест. Но при наличности тех причин, которые создают само хулиганство, все указанные меры не могут гарантировать мирного населения и, в частности, иностранных подданных от террористических актов и от разбойничества. Единственным средством, которому, я убежден, аплодировали бы все иностранцы и даже русские капиталисты, было бы единовременное массовое в несколько тысяч человек выселение всех безработных и всех внушающих какое бы то ни было подозрение в благонадежности лиц за пределы губернии, без производства расследования, по одному лишь указанию кого-нибудь из фабрикантов, мастеров или низших даже чинов полиции; но предоставляю судить другим, насколько эта мера удобоисполнима и целесообразна.

Таким образом я полагаю, что возмущаться развитием хулиганства без принятия мер к устранению органических причин, его вызвавших к жизни, — это значит не знать местных условий. Говоря об этом печальном явлении, не могу не коснуться вопроса о том, как реагируют на него, в частности, представители капитала: многие из них, и в том числе иностранцы, в начале освободительного движения не могли себе представить, в какие уродливые формы оно впоследствии выльется, и поэтому сочувствовали проявлению в рабочих «протеста против прежнего политического режима», полагая, что даже в области экономической это движение ничего кроме пользы не принесет; социал-демократическая программа их не отталкивала, так как в западно-европейских странах выработался на практике известный modus vivendi, при котором капиталисты могут жить и получать доходы, имея среди рабочих много настоящих социал-демократов. Такого мнения были сначала многие капиталисты, русские и иностранные, в Екатеринославской губернии, а их директоры, инженеры, техники, разные конторщики, штейгеры и прочие их наймиты, конечно, пошли значительно дальше, и все они, вместе взятые смотрели на рабочую массу как на армию для достижения смутно понимаемой ими самими политической цели. Не только не принимались меры к удержанию рабочих от политической игры, но таковая, при благосклонном содействии заводчиков, а, главное, их служащих, вменялась рабочим чуть ли не в обязанность; достаточно было заявить «сознательным товарищам» администрации того или другого предприятия, что они требуют удаления из своей среды консервативных элементов, как «черносотенцы» изгонялись с заводов и фабрик.

Это не было единичным явлением, и вскоре рабочие прекрасно поняли, какой политической партии им следует держаться, дабы сохранить кусок хлеба. Два года смуты отрезвили до неузнаваемости большинство капиталистов, из которых иностранцы первые поняли, к чему может вести дальнейшее поощрение рабочих в этом направлении, поняли они также, что с русскими социал-демократами рабочими они ни в какое соглашение войти не будут в состоянии; постепенно и многие инженеры под дулом браунинга сильно поправели, но было уже поздно: в рабочем, при той обстановке, в которой ему приходилось жить, проснулся зверь, которого поймать в клетку те же капиталисты стали призывать полицию, требуя принятия против него самых суровых репрессивных мер. Утверждаю, что без потворства рабочим к нарушению государственных законов или без того апатичного отношения, которое проявляли фабриканты, за-

водчики и их служащие к этому политическому движению, — среди рабочих не развилась бы так скоро и в таких больших размерах замечаемая ныне в них беспринципность. В настоящее время большинство капиталистов совершенно иначе относится к участию своих рабочих в политической борьбе, неразрывно связанной с крахом экономическим. Многие из таких капиталистов и почти все иностранцы в душе стали сами черносотенцами, но гражданского мужества удалить из своих владений все революционные, им самим хорошо известные, элементы, — они не проявляют; далеко не всегда даже оказывают нужное содействие полиции и ждут, чтобы последняя сама их от таких элементов избавила. Среди инженеров, конторщиков, штейгеров, управляющих есть еще много кадетов, но все же и в них совершился перелом, и их внешнее сочувствие левым партиям прямо объясняется или их близорукостью или трусостью. Так, еще недавно представители рудников в Верхнеднепровском уезде, большинство которых находится в руках иностранных компаний, заявили мне, что они просят организованную ими на свой счет частную конную полицейскую стражу отнюдь не вызывать для прекращения беспорядков общего характера, так как эта стража, по их мнению, существует только для охраны их личности и имущества и так как, будучи вызываема по другим поводам, она возбудит против себя, а следовательно, и лиц, создавших ее, озлобление среди рабочих. Администрация бельгийского стекольного завода в Сантуриновке Бахмутского уезда, перед выборами во вторую Думу, принимала все меры к тому, чтобы выборщиком от рабочих прошел известный впоследствии депутат социал-демократ Белоусов, для чего выдали ему удостоверение в том, что он состоит на заводе рабочим, тогда как на самом деле этого не было, и он там играл роль какого-то посредника между рабочими и заводоуправлением. В железнодорожных екатеринославских и нижнеднепровских мастерских расценка рабочего труда так высока, что, будь они не казенными, а частными предприятиями, закрытие их было бы неминуемо; между тем ни один мастер не смеет из боязни мести заикнуться о понижении искусственно поднятой заработной платы. Кое-где замечается еще заигрывание капиталистов с профессиональными союзами, в большинстве случаев являющимися рассадниками социал-демократических учений, но все эти факты общего характера не имеют, и в большинстве случаев не только капиталисты, но и их инженеры в душе бы были рады навсегда избавиться от сознательных товарищей и их хулиганствующих приспешников, экономические требования которых не знают границ.

Последнее время среди рабочих замечается некоторое стремление избавиться от гнета со стороны таких «товарищей», облагающих их всякого рода поборами в пользу своих социал-демократических организаций, требующих слепого повиновения их приказаниям и безбожно эксплоатирующих невежество темной рабочей массы; особенно характерно среди рабочих всеобщее ослабление интереса к профессиональным союзам, но в большинстве случаев дело до общего протеста не доходит из боязни подвергнуться мести и расправе со стороны революционеров и разных хулиганов. Все же и теперь на любом заводе имеется солидная по числу группа рабочих, которые прямо ненавидят своих крайних левых товарищей; но эти благоразумные элементы не организованы и поэтому слабы, они как бы ждут энергичных, храбрых вожаков, около которых можно было бы им объединиться; но таких лиц еще очень мало. Тем не менее уже в настоящее время я укажу на железнодорожные севастопольские мастерские в Александровске, на железнодорожное депо в Луганске и на Днепровский завод в с. Каменском, где уже образовались солидные группы благоразумных рабочих, людей сильных и бодрых, не боящихся столкновения с революционерами и их террора. Объединение это происходи

под знаменем союза русских рабочих (киевского типа), принявших политическую программу крайних правых партий; впрочем, утверждаю, что политическая эта окраска вызвана лишь отсутствием других более умеренных организаций и историческими ныне переживаемыми Россией событиями, на самом же деле подобные союзы почти исключительно вызваны отчаянной борьбой за существование и за самостоятельность, которую приходится вести людям честным и порядочным, отражая нападения разрушителей государственного и общественного порядка. Быть может «желтые» беспартийные синдикаты, появившиеся во Франции, сослужили бы ту же службу и в России, но, очевидно, еще не время им теперь создаваться, и умеренность, повидимому, нельзя противопоставить злобности крайних левых. Я полагаю, что рабочая неурядица может исчезнуть лишь путем повсеместного образования союзов благоразумных рабочих, но вместе с тем нахожу, что создавать их не дело правительства, которое может оказывать им лишь некоторое покровительство, дабы своей опекой не разрушить в зародыше столь ценные в рабочем классе проблески правомерной самодеятельности. Не дело это и капиталистов; но последние в собственных своих интересах обязаны не противодействовать таким организациям, как это было кое-где еще год тому назад. Из разговоров моих с некоторыми представителями заводов и фабрик видно, что в настоящее время они охотно готовы были бы даже поддержать подобные союзы, но прямо боятся отчасти мести революционеров, а главное, издевательств со стороны левой печати, в программу которой входит отчаянная борьба с консервативным рабочим движением; все же я знаю, что некоторые фабриканты негласно внесли кое-какие суммы для содействия недавно образовавшемуся в Екатеринославе союзу русских рабочих Брянского завода.

Подобная помощь была бы оказана еще щедрее, если бы среди инженеров, техников и директоров не было бы сравнительно большого польского и даже еврейского элемента, — понятно, без особых симпатий относящегося к политической программе союза русских рабочих.

Обращаясь к главной теме вопроса, так широко мною поставленного, — ибо я не могу понять, каким образом можно обеспечить жизнь иностранных капиталистов и охранить их имущество без обсуждения вообще тех причин, которые вызвали смуту среди рабочего класса, — должен сообщить департаменту, что, в частности, иные требования представителей французских, английских и бельгийских капиталов прямо чрезмерны и еще в прошлом году имели несколько оскорбительный для достоинства России характер; эти лица прямо говорили: «мы вам дали наши капиталы, мы вас облагодетельствовали и вместо благодарности мы разоряемся из-за вашей внутренней смуты». Сильная правительственная власть, ныне ими констатируемая, отчасти успокоила их, но, тем не менее, под тем же флагом они подчас предъявляют ко мне чисто эгоистические требования, которых удовлетворить я не могу без существенного нарушения закона. Подчас эти требования диаметрально противоположны, как я отметил это в моем сообщении департаменту полиции 3 июля сего года, за № 11656, по вопросу об образовании профессиональных союзов в Юзовке и Мариуполе, и очень часто подобные просьбы скрывают, да будет позволено мне так выразиться, самые алчные инстинкты людей, которым совершенно безразлично, что будет с Россией; между тем ни один бельгийский или французский рабочий и дня не прожил бы в тех бараках или землянках, которые иностранные предприниматели настроили для русских рабочих, причем совершенно основательные протесты последних, выраженные в самой умеренной форме, дают повод иностранным их хозяевам кричать о бунте, о необходимости суровых репрессий и т. д.

По поводу желания, выраженного бельгийским послом, об особой охране, кроме Бахмутского, Мариупольского и Славяносербского уездов, заводов, расположенных в других местностях Екатеринославской губернии, а именно в Брянске, Нижнеднепровске и окрестностях самого Екатеринослава, — позволяю себе заметить, что Брянск лежит за пределами Екатеринославской губернии и что, очевидно, дело идет не о Екатеринославском Брянском заводе, в существовании которого заинтересованы лишь французские капиталисты. Я не понимаю, о каких беспорядках в Нижнеднепровске или в окрестностях г. Екатеринослава говорит г. посол, так как работы там на заводах идут беспрерывно, и никто из бельгийских подданных ко мне с просьбой о защите своих прав и интересов не обращался. Могу лишь сказать, что и на этих предприятиях смута окончательно искоренится лишь тогда, когда революционным рабочим организациям будут противопоставлены контрреволюционные рабочие же организации, под каким бы девизом они ни создавались.

И. д. губернатора *Клингенберг*.

За правителя канцелярии [подпись].

Сообщил *Н. С.*

Синод в борьбе с революцией.

Летом 1902 года по Полтавской и Харьковской губерниям прокатилась волна крестьянских беспорядков.

Разумеется, для подавления этих беспорядков тотчас же были отправлены сильные карательные отряды, которые, подвергнув возмутившихся жесточайшим экзекуциям, возложили на них огромный налог на погашение убытков, понесенных землевладельцами.

В предупреждение повторений подобных явлений, царское правительство выработало целый ряд мероприятий, в составлении которых принимали участие все, без исключения, ведомства, а в том числе и синод.

В задачу последнего входило воздействие на народные массы при помощи религии и устрашения недовольных разными небесными карами.

Для выполнения этой задачи 2 августа 1902 года синод устроил секретное заседание, на котором было выработано следующее постановление:

«Святейший правительствующий синод имел суждение о мерах к предупреждению смут, производимых злоумышленниками в простом народе.

Приказали: принимая во внимание, что в некоторых местностях нашего отечества злонамеренные люди — противники законной власти — возмущают народ и нарушают мирное течение гражданской жизни, святейший синод признает необходимым поручить епархиальным преосвященным приглашать священников тех приходов, в коих, по сведениям, есть опасность возникновения смут, к принятию всех зависящих от них пастырских мер к предупреждению смут и разъяснять пастве, на основании слова божия, всю лживость уверений злоумышленников, склоняющих к неповиновению властям, от царя поставленным, и к покушениям на чужое добро. Для сей цели преосвященные могут поручать священникам, известным своим благоразумием, произносить, в потребных случаях, с церковного амвона прилагаемое при сем слово. О таковом своем постановлении св. синод определяет: послать епархиальным преосвященным секретные печатные циркулярные указы с приложением копии с предполагаемого к произношению в приходах слова».

«Слово» это представляет собой столь типичный образец приспособления библии для политических целей самодержавия, что его следует привести целиком, тем более, что оно представляет собой в настоящее время библиографическую редкость и сохранилось едва ли не в единственном эк-

земпляре, приложенном к делу синодальной канцелярии (1902 г. № 634). Некоторые сведения о нем были в современной нелегальной печати («Освоб.» 1902, № 8, «Револ. Россия» 1902, № 14).

«Православные христиане!

В некоторых местах нашего отечества, в Полтавской и Харьковской губерниях, случилось несчастное и безумное дело, доныне неслыханное. Явились в селения крестьянские к простым людям злые обманщики, называя себя царскими посланцами, и стали уверять их, что правительство дозволяет им грабить и разорять чужие достатки у людей зажиточных. Поверили им [1]) простые люди и, никого не спрашивая, пустились разорять чужие усадьбы, забирать хлеб и всякое имущество. Довелось им плакаться на свою глупость. Вскоре явились законные власти, грабители потерпели тяжкое наказание, и те селения, которые, поверив возмутителям, пустились на грабеж, обложены тяжким оброком, на возмещение законным владельцам всего, что у них было пограблено.

Берегитесь, православные люди, слушать бродячих обманщиков, если б явились к вам такие и стали склонять вас к неповиновению властям, от царя поставленным, и ко всякому покушению на чужое добро. Если б не было у нас закона и не было бы властей, поставленных наблюдать закон, все мы погибли бы, и каждый творил бы свою беззаконную волю, и все, кто может, друг друга обижали бы и насиловали. В том и есть первый закон, чтобы каждый был при своем и не касался бы чужого достояния. Без этого закона не было бы житья на земле, и все люди были бы как звери. Это закон божеский, закон заповедей, данных человеку самим богом. Что говорит закон божий? Не укради. Это значит: не бери, что принадлежит не тебе, а другому человеку; каждый сам должен трудиться, чтобы не только иметь нужное для пропитания себя и своей семьи, но чтобы было из чего уделять и нуждающемуся. А другая заповедь божия требует еще больше: не пожелай чужого, и прямо указывает, чего именно не должно желать у ближнего: «не пожелай жены искреннего твоего, не пожелай дому ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, ни вола его, ни всякого скота его, ни всего, елика суть ближнего твоего». Видите, что воспрещает сам господь бог, творец и вседержитель мира, и как воспрещает. Господь [1]) воспрещает желать и дома ближнего своего и села его — это его усадьба; и рабов его — это его слуги и домочадцы; и ослов его и волов его и всякого скота у него и, наконец, что только есть у ближнего. Это тоже закон. Не только не бери чужого добра хищными руками, даже не желай взять его, не думай об этом. У него больше, чем у тебя. Что же! Это его добро, ему дар божий. Он приобрел его своим трудом и умением. Он сохранил его своим воздержанием и бережливостью. Оно перешло к нему как законное наследство от родителей и предков. Эти пути и от тебя не закрыты: трудись, работай, сберегай на случай нужды, молись, проси помощи божией; но будь доволен своим жеребием, гони от твоего сердца всякую завистливую и злую мысль. Зависть — это горькое чувство: если ты не остережешься, она не даст тебе покою и изведет твою душу [2]).

Заповеди сии, как воля верховного законодателя-бога, непреложны. Никакой человеческий ум, никакая воля, никакая сила не могут их отменить. «Доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона», сказал господь спаситель наш Иисус Хри-

---

[1]) В первонач. ред. слова, хранящейся в деле, здесь стояло еще слово «дуростью». Разрядка ниже — подлинника.

[1]) В первоначальной редакции — «господь бог».

[2]) В первоначальной редакции последней фразы не было.

стос» (Матф. 5, 18). Никакие извинения и оправдания не избавят хищников от праведного гнева божия и от суда и наказания от законной власти. Если б случилось, что какой-либо хищник избежал суда человеческого, его постигнет гнев божий и в сей и в будущей жизни. «Не обманывайтесь, — говорил апостол Павел, — ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники царствия божия не наследуют» (1 Коринф. 6, 10).

Сосед твой богат, и ты хочешь отнять у него и то и другое; но на взгляд нищего, который подошел к твоему окошку просить милостыню, и ты не беден. У тебя дом, у того нет его. У тебя есть хоть одна корова, одна лошадь; у того нет их. Он, однако, просит у тебя милостыню и не ведет с твоего двора лошадь и корову. Проси и ты у более достаточного соседа помощи в твоем деле. Не дает? — его дело, он будет отвечать перед богом, равно как и ты волен дать или не дать бедному. Апостол Павел говорит: «каждый уделяет по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит бог» (2 Коринф. 9, 7). Невольное, вынужденное даяние не имеет цены пред богом.

Но представь, что бедный вместо того, чтобы просить у тебя хлеба, сам опустил бы свою руку в твой закром и взял оттуда ржи или пшеницы или свел бы со двора твою лошадь или корову. Как бы тебе это было горько и обидно, каким бы гневом ты воспылал против него? Так не делай сего и сам в отношении к своему соседу.

Скажешь: «он не только не дает мне помощи, но еще обижает, теснит меня, он захватывает часть поля, мне принадлежащего». И здесь тебе нельзя действовать самовольно. Для разбора наших тяжебных дел есть суды, законное правительство. Апостол Павел пишет: «Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от бога, существующие же власти от бога установлены. Посему противящийся власти противится божию установлению; и противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Римл. 13, 1—2). Самовольная расправа не только тяжкое гражданское преступление, строго наказуемое законами, но и дело — богу противное, навлекающее на виновных суд и [1]) гнев божий, как видите из слов святого апостола. Апостол Петр учит повиноваться властям, богом установленным: «Будьте покорны всякому человеческому начальству, для господа: царю ли как верховной власти, правителям ли как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1 посл. 2, 13—15). Царь — верховная власть, помазанник божий, отец народа. Он о всех заботится, всем желает добра. Но он один, а нас много; посему для управления нами он назначает и посылает правителей — разного рода начальников, которые действуют от его высочайшего имени и его властию, насколько дана им сия власть в той или другой их должности. Этих правителей и начальников вы знаете. К ним и обращайтесь со своими нуждами, просьбами и жалобами. И каждое царское повеление объявляется народу известным, определенным по закону, образом [2]). Знайте, что злые и лукавые люди, противники законной власти, хотят ныне смущать, обольщать [3]) народ, чтобы произвесть в нем смуту и вести его на гибель. Не мы, грешные,

---

[1]) В первоначальной редакции слов «суд и» не имеется.

[2]) В первоначальной редакции этой фразы («и каждое царское повеление» и т. д.) нет.

[3]) В первоначальной редакции «темный народ».

говорим, а сам апостол Христов Павел говорит христианам: «Живите в любви, как и Христос возлюбил вас, и никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев божий на сынов противления» (Ефес. 5, 2, 6). Аминь».

Сообщил *М. Лаозерский.*

О перлюстрации писем в начале XIX века.

(Секретная переписка О. П. Козодавлева с Д. П. Руничем.)

Данные по вопросу о перлюстрации писем до учреждения III отделения собственной его императорского величества канцелярии (1826 г.) чрезвычайно скудны. На основании беглых литературных замечаний о перлюстрации, можно, в сущности, установить лишь только то, что перлюстрация практиковалась в довольно широких размерах. О степени применения перлюстрации в практике русского правительства можно судить на основании того факта, что еще при Екатерине II многие видные государственные и дипломатические деятели в своих письмах писали о вещах, могущих заинтересовать не столько их адресатов, сколько правительство — так сильна была их уверенность в том, что письма будут вскрыты и прочтены [1]). Сообщая об этом, Брикнер прибавляет, что перлюстрации подвергалась почти исключительно дипломатическая переписка, частная же корреспонденция была избавлена от этого. Однако в действительности дело обстояло несколько иначе. Из книги Я. Л. Барскова «Переписка московских масонов XVIII в.» можно видеть, как много внимания уделяло правительство частной переписке тех людей, которые имели несчастье навлечь на себя подозрение. Московский почт-директор Ив. Бор. Пестель (отец декабриста), занимавший этот пост с 1789 по 1806 г., снимал копии с писем масонов в двух экземплярах. Один из них предназначался для главнокомандующего в Москве кн. Прозоровского, другой же отсылался в Петербург гр. А. А. Безбородке, который сообщал наиболее интересные письма Екатерине II.

Перлюстрация существовала и в последующее царствование — Павла, причем сам он не находил даже нужным особенно скрывать это. В Москве было перехвачено письмо некоего чиновника Приклонского к И. М. Муравьеву совершенно невинного свойства. Однако этим письмом гр. Ф. В. Ростопчин воспользовался для того, чтобы погубить своего врага гр. Ник. Петр. Панина. Он изменил в нем имена, чем придал письму порочащий Панина смысл, и в таком виде показал его Павлу. Когда Павел велел через московского военного губернатора Салтыкова сообщить Панину, что ему известно об этом письме, то Панин стал категорически отрицать свое авторство. Тогда Павел написал Салтыкову письмо, которое начиналось так: «В улику того и тому, о чем и кем дело было, посылаю вам копии с перлюстрированных Панина писем, которыми извольте его уличить» [1]).

Не забыта была перлюстрация и в «либеральных проектах» царствования Александра I. Уже в 1803 г. в «секретном наставлении комитету высшей полиции» говорилось: «через сношения с дирекцией почт комитет должен получать немедленные и верные сведения о подозрительных переписках», а в параграфе 3-м положения комитета 13 января 1807 г. («комитета общей безопасности») читаем: «Для получения таковых сведений (о проживающих в столице и вновь приезжающих подозрительных людях, о раз-

[1]) А. Брикнер, «Вскрытие чужих писем при Екатерине II».— «Рус. Стар.» 1873, I.

[1]) Шильдер, «Импер. Павел I». Спб., 1901, стр. 480.

глашаемых слухах, сочинениях и известиях, вредные последствия иметь могущих, и о скопищах и собраниях подозрительных) комитет дает нужные предписания обер-полицеймейстеру и, буде нужно, употребит к тому по своему усмотрению и другие лица. Министр внутренних дел сообщать будет оному известия, через губернатора из губерний получаемые и открываемые по дирекции почт о подозрительных переписках» [1]).

К концу царствования Александра, как известно, правительственный шпионаж распространился чрезвычайно широко, и, конечно, перлюстрация занимала видное место в числе способов, с помощью которых правительство узнавало, что говорят и делают в обществе. Сам Александр относился, видимо, к перлюстрации без предубеждения. «Он до конца жизни приказывал подвергать ее [Марии Федоровны] переписку перлюстрации и именно ее письма к племяннику принцу Евгению Виртембергскому»... [2])

Скудные данные о перлюстрации в конце XVIII и начале XIX вв., которыми можно было располагать до сих пор, устанавливая самый факт ее применения, оставляют совершенно в тени целый ряд вопросов, касающихся подробностей перлюстрационного дела.

Печатаемая ниже переписка О. П. Козодавлева с Д. П. Руничем выясняет отчасти темные стороны перлюстрационного дела, знакомя с некоторыми неизвестными и иногда очень любопытными подробностями его.

Переписка обнимает собою 1813—1817 гг. В это время Козодавлев занимал пост министра внутренних дел. Член Российской академии, широко образованный человек, занимавшийся литературной деятельностью, убежденнейший сторонник протекционизма, много работавший по крестьянскому вопросу (указы о вольных хлебопашцах и об освобождении остзейских крестьян разработаны при его ближайшем участии), деятель народного просвещения (задолго до своего назначения на пост министра он работал в комиссии об учреждении училищ), Козодавлев был одним из заметных представителей прогрессивной части деятелей Александровского царствования.

Полную противоположность умеренно либеральному Козодавлеву являл собою Рунич. Исправляя должность московского почт-директора, он уже и тогда проявлял себя крайним реакционером — некоторые из печатаемых писем Рунича являются красноречивыми показателями его политических взглядов. Но наиболее громкую славу Рунич заслужил на посту попечителя петербургского учебного округа, который он занимал между 1821 и 1826 гг. Его преследования либеральных профессоров, полицейские приемы управления округом, попытки свести дело просвещения к религиозно-нравственным проповедям — все это создало Руничу печальную известность среди современников и потомства. Рунич служил не за страх, а за совесть. Не удовлетворяясь ролью перлюстратора, порученной ему официально его непосредственным начальником — министром внутренних дел, он, видимо, с охотой брал на себя обязанности добровольного осведомителя о разговорах и настроениях в Москве. В письме № 8 Рунич пишет подробное донесение о различных московских фактах и сплетнях, имеющих политический характер. Надо думать, что письмо это было не единственным, и Рунич усердно исполнял свою роль добровольного шпиона.

В то время, к которому относится переписка Козодавлева с Руничем, правительству пришлось особо усилить свою бдительность, так как реакция второй половины царствования Александра вызывала резкое недовольство среди прогрессивной части русского общества.

Одним из наиболее возбуждавших опасения правительства центров, в котором постоянно поддерживались оппо-

---

[1]) Шильдер, «Импер. Александр I», Спб., 1897, т. II, стр. 362, 363, 365.

[2]) Schiemann, «Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I», B. I, S. 56.

зиционные настроения, была Москва, и поэтому к московской общественной жизни в Петербурге присматривались всегда с особым вниманием. В 1808 г. Магницкий писал Александру: «Письма, в Москву отправляемые, и приезжие из Петербурга непрестанно наполняют ее слухами, для правительства вредными. Слухи же сии, невзирая на нелепость их, с жадностью внимаются и распространяются с чрезвычайной быстротой в обширном городе, составленном по большей части из людей праздных или отставных и дворян недовольных и почитающих себя независимыми от правительства потому только, что под благотворной его сенью пользуются достаточными имуществами, которые оно же им охраняет. Из древней столицы сей, куда каждую зиму съезжается со всех концов России богатейшее дворянство, гибельная мода порицать правительство переходит в провинции» [1]).

Правительство придавало всем этим московским настроениям серьезное значение и ожидало от Москвы всяких неприятностей. В ней была учреждена даже особая тайная полиция во главе с бывшим министром юстиции И. И. Дмитриевым, в 1814 г. вышедшим в отставку и поселившимся в Москве. Несмотря на то, что московская фронда носила по существу совершенно несерьезный характер, правительство опасалось ее и постоянно заботилось о том, чтобы быть в курсе всех московских дел. Поэтому-то Козодавлеву приходилось обращать так много внимания на перлюстрацию писем в Москве и собирать всякими иными путями сведения о политических настроениях московского общества.

Оригиналы печатаемых писем находятся в рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде и Пушкинском доме Академии Наук. Письма Козодавлева извлечены из его бумаг, хранящихся в Гос. Публ. Библиотеке. От писем Руничa к Козодавлеву остались лишь черновые наброски. Они хранятся в Дашковском собрании рукописей в Пушкинском доме. Нижеприводимые письма составляют лишь часть обширной переписки Козодавлева с Руничем. Из нее выбраны только те письма, в которых идет речь о перлюстрации. Из их текста видно, что ими одними далеко не исчерпывается переписка обоих корреспондентов о перлюстрации, но, к сожалению, никаких следов других, на эту же тему написанных, писем в ленинградских книгохранилищах и архивах найти не удалось. Письма печатаются с некоторыми пропусками. Рунич был обычно очень многословен и щедр на изъявления любви, благодарности и преданности. Эти излияния иногда столь обильны и представляют так мало интереса, что в видах экономии места они опущены. По этой же причине из писем Козодавлева опущено все то, что относится к его личным делам и никакой связи с перлюстрацией не имеет.

А. В. Предтеченский.

1. Письмо Д. П. Рунича к О. П. Козодавлеву [1]).

[Сентябрь 1813 г.]

М. г. Осип Петрович! Благосклонное и милостивое секретное письмо вашего превосходительства от 12 сентября я имел честь получить... Приемля с чувствами глубочайшей благодарности наставления и замечания, помещенные в письме вашего превосходительства насчет секретной части, не в оправдание ее, а вместе с тем и себя, осмеливаюсь коснуться здесь паки сделанной ошибки, но единственно в той надежде, что, ваше превосходительство, снисхождение, ко мне оказанное, обратить изволите и на саму экспедицию. Занимаясь при перлюстрации лично чтением переписки вместе с секретным экспедитором и наблюдая всемер-

[1]) Дубровин, «Русская жизнь в начале XIX в.» «Рус. Стар.» 1898, XII, стр. 508.

[1]) Пушкинский Дом. На этом письме, так же как и на всех остальных, имеется пометка «Секретно».

но, чтобы что-либо достойное внимания не было пропущено, по неимению чиновников, которым бы полную доверенность в столь важном деле дать было можно, я принужденным нахожусь и самою перепискою занимать экспедитора; а так как петербургские почты приходят ныне против назначенного времени позднее целыми сутками, привыкшая же к обыкновенному получению публика по целому дню ожидает оных на дворе почтамта, то перлюстрация в отвращение всякого подозрения и производится с величайшей поспешностью, которая была главнейшей причиною ошибки, сделанной во время списывания письма секретным экспедитором, принявшим по печати герба А. и самое письмо писанным С. С.

2. Письмо О. П. Козодавлева к Д. П. Руничу [1]).

М. г. мой Дмитрий Павлович! От всего сердца сожалею, что перлюстрация московских писем не удается и что вы мало в московской переписке находите интересного. Я хочу поговорить с вами о сем предмете не официально, но дружески. Выписки, доставляемые вами ко мне всякую почту, без сумнения интересны, я разумею переписку французскую гр. М., надв. сов. К. и г-жи Н., но их переписка перлюстрируется по моему предписанию и открыта при вашем предместнике. Неужели, кроме сей переписки, другой совсем и нет, которая заслуживала бы внимание? Неужели и любезный мой Дмитрий Павлович не может по соображениям своим обратить внимание на чью-нибудь переписку?

Из всех доставленных вами выписок есть самая интереснейшая и полезнейшая из письма арзамасского лекаря. Сею выпискою отвратится зло и сделается добро. Что до политических рассуждений касается, то полезно видать — как об них у нас, а не в чужих краях рассуждают. Я бы желал, чтобы вы обще с г-м Рушковским [1]) обратили на сие самое строжайшее и деятельнейшее внимание. Не подумайте, чтобы кому-либо могло произойти какое зло: нет, надобно токмо все знать, а, кроме добра, ничего из сего вытти не может. Тайна, и самая непроницаемая тайна, долженствует быть наблюдаема; все таковые выписки у государя предаются огню, а также и у меня, а потому и следов никаких не остается. Разве бы случилось, что нужно такую выписку оставить для справок, что однакож весьма и весьма случается редко, то таковая огню не предается; отпусков никаких не оставляется. Все сие для соблюдения верной тайны и вам делать надлежит... верьте, что я навсегда с совершенным почтением пребываю вашим покорнейшим слугою.

Осип Козодавлев.

В С.-Петербурге 23 сентября 1813 г.

3. Письмо Д. П. Рунича к О. П. Козодавлеву [2]).

1813 г. 29 сентября.

... Вникнув всесовершенно в дела и намерения вашего превосходительства при получении уже первого повеления на счет перлюстрации московской почты, я обратил все внимание мое на сей предмет и продолжая наблюдение за несколькими почтами к ряду и подвергая перлюстрации те письма, которые по надписям и печатям представлялись мне могущими заключать в себе переписку столь же любопытную, какова та, о коей в почтеннейшем письме вашем, м. г., упомянуто и которая при предместнике моем по предписанию вашего превосходительства открыта; но все сделанные опыты оказывались неудовлетворительными.

Проведя большую часть жизни в Москве, имея в ней по связям родства

[1]) Гос. Публ. Библиотека, бумаги Козодавлева. На письме рукою Рунича написано: «Получил 28 сентября 1813 г., ответствовал 29 сентября».

[1]) Помощник Рунича по должности.

[2]) Пушкинский Дом. Копия этого письма имеется в бумагах Шильдера в Гос. Публ. библиотеке.

обширные знакомства, а по немалому кругу, в котором оные обращаться меня заставили, зная и лично, и через других близких мне свойства многих здешних и знатных и частных особ, конечно, удобнее другого мог бы я по соображениям моим обращать и наблюдение мое за московскою перепискою, а через то открыть, может быть, любопытную. Несмотря, однакож, на все сии удобности, при всех усилиях моих успеха в том не было, чему, как благодетелю моему, и осмелюсь представить здесь причины.

Главнейшая из них есть та, что насильственное нынешнее правление Москвою [1]) весьма вероятно, многих сделало осторожными, особенно тех, которые по неведению предполагают, что почтовая часть в Москве в непосредственной от начальствующего оной состоит зависимости. Известные объявления в газетах и изданиях, подобные небылицам в лицах, всеконечно, каждого от всякого рассуждения в письмах удержать могут, и сему перлюстрация многие доставила доказательства; ибо из нескольких десятков перлюстрованных писем ни в одном не найдено ничего другого, кроме семейных дел, или интересных предположений, или расчетов. Другая причина, столь же затрудняющая открытие какого-либо канала и на предыдущей имеющая основание, есть отправление многих писем под одним адресом, что положительно сказать можно делается для того, чтобы скрыть переписку от наблюдения по адресу. В почтамте получается немалое количество огромных пакетов на имена здешних чиновников и служителей от тамошних, в которых замечаются не только иностранные, купеческие и частные письма, но даже и письма от знатных лиц, что, без сумнения, или по недоверчивости к почтовому месту, или с другим каким видом делается. В числе же сих писем находятся такие, которые в себе еще другие вмещают, так что для открытия такового письма нужно снимать несколько оберток и делать слепки со многих печатей, что по кратковременности чрезвычайное представляет затруднение, ибо набираемые здесь в почтовые дни в Петербург письма, прием коих начинается в 2 часа пополудни, в 9 часу уже по установлению должны быть отправлены. Получаемые же из Петербурга, по причине чрезвычайного опаздывания почт, не могут быть долго задерживаемы, как потому что по прибытии почт публика неотступно их требует, и мне для отвращения и тени подозрения само малейшее остается на перлюстрацию время. Так, например, с одной из последних почт не оказавшееся от известной иностранки Ноазель письмо с немалыми затруднениями найдено уже в пакете экз[екутора] п[очтамта] Фетисова в числе других в него вложенных. Почему великое было бы в сем деле облегчение, да и самое зло отвратилось бы, если бы вашему превосходительству благоугодно было приказать за коренное в почтовых местах правило, чтобы пересылка нескольких писем в одном пакете между чиновниками отнюдь не производилась... В управляемом мною почтамте есть некоторые лица, служащие, так сказать, проводным каналом для таковой переписки. На имена их адресуются преогромнейшие пакеты из всех почтовых мест, особенно же из Петербурга, как равно подобные и отсюда туда отправляются. Но сие делается так скрытно, что нет возможности получить во время приема сии пакеты, ибо отправляющие их умеют скрывать сие до самого почти заделывания почт, почему всякое по сему предмету изыскание обнаружит только тайну перлюстрации и людям сим ясно покажет, что уловка их, по существу своему подозрительная и корыстная, а

[1]) После ухода Наполеона из Москвы и возвращения в нее русских власти обратили усиленное внимание на сношения с французами тех, кто оставался в Москве во время пребывания там наполеоновских войск. Начались дознания о лицах, заподозренных в сношениях с неприятелем. Полиция обнаружила большое рвение в поисках виновных, часто арестовывая лиц, совершенно непричастных, и потому москвичи должны были соблюдать крайнюю осторожность.

по последствиям могущая быть предосудительная для почт. деп., открыта. Я беру смелость представить здесь мнение сие, как такое, которое довольно продолжительным служением моим в почт. деп. мне удавалось проверять неоднократно.

Что касается до предварения вашего превосходительства, чтобы я не подумал, что через перлюстрации могло кому-либо произойти зло, то зная довольно и христианские и благороднейшие свойства и правила ваши, м. г., и тень подобного предположения мысли моей коснуться не может...

В заключение сего и обращаясь паки к перлюстрации, долгом почитаю присовокупить, что из всех известных мне в Москве лиц никто, кроме Кр., неудобен доставлять сведения, подлинно замечания достойные. По связям его со всеми знатными здешними домами и лицами, великому обращению в свете и, можно сказать, особой любезности, он имеет средства узнавать и мнения частные и общие слухи, что никто с ним в сем случае поравняться не может. Но несмотря на то, что я не оставлю усугубить всех усилий моих, чтобы открыть подобный сему канал чрез перлюстрацию, я особливо счастливым почту себя, если успех в том соответствовать будет и желаниям вашего превосходительства, и усердному во всех отношениях стремлению моему сделать вам, м. г., угодное и обращать через то на себя благоволение ваше.

4. Письмо Д. П. Рунича к О. П. Козодавлеву [1]).

18 ноября 1813 г.

М. г. Осип Петрович! Почтеннейшее предписание вашего превосходительства от 11 числа я имел честь получить с прибывшею вчерашний день почтою и во исполнение оного не премину представлять выписки из тех только писем, которые будут заключать сведения, касающиеся до происшествий в Москве и России, или сведения, почему-либо заслуживающие внимания...

[1]) Пушкинский Дом.

Продолжая более двух месяцев перлюстрацию московской и с.-петербургской почт, несмотря на все трудности, с тем соединенные, я не оставил ни одного средства, которое, по соображению моему, почитал могущим открыть внимания достойный канал, и сказать осмеливаюсь, что подобного наблюдения до вступления моего в управление почтамта не производилось, в чем и могу сослаться на единственного моего по сей части помощника г. Рушковского. Победы, одержанные под Лейпцигом [1]) и по занятии сего города, казалось, оживили было переписку, и я долгом поставил представить упоминаемые в письме вашего превосходительства выписки не потому, что считал известия, в них помещенные, новыми, но по уважению того, как оные были описаны, и посчитал описания сии скрывающими расположение, с каким оные писаны. Приемля ныне за основание изъявленную мне на сей счет волю вашего превосходительства, исполнять буду оную во всей точности...

5. Письмо Д. П. Рунича к О. П. Козодавлеву [2]).

[Ноябрь 1813 г.]

М. г. Осип Петрович! Два собственноручные письма вашего превосходительства от 20 и 24 ноября я имел честь

[1]) После битвы под Лейпцигом (октябрь 1813 г.) можно было считать окончательно обеспеченной независимость Германии. В России многие находили, что после ухода из нее Наполеона нет никакого смысла продолжать войну за дело, русским совершенно чуждое — освобождение Германии, что дальнейшее продолжение войны грозит России большими бедствиями. Лейпцигская битва, стоившая русским около 22 000 выбывших из строя, должна была особенно содействовать оживлению разговоров на эту тему.

[2]) Пушкинский Дом. Дата отсутствует; повидимому, письмо написано в ноябре 1813 г., так как в нем идет речь об устранении того неудобства, на которое указывал Рунич в письме от 29 сентября 1813 года.

получить одно за другим. За первое и приложенное при нем, которое называть изволите полуофициальным и полусекретным, приношу глубочайшую благодарность. Оно не только облегчает мне придирку [?] к устранению известного беспорядка, открывающегося по перлюстрации, но развязывает мне совершенно руки и подает возможность прекратить такое относительно секретной части неудобство, которое скрывать может крайнее злоупотребление. Подношу у сего на помянутое полуофициальное предписание полуофициальное донесение мое, присовокупляя, что я решился немедля сделать по почтамту изъясненные в нем распоряжения, от которых ожидаю наилучшего успеха. Показывать приятельским образом письмо вашего превосходительства ко мне Лук... [1]) я не решился, опасаясь, чтобы он из того не сделал какого-либо замечания, ибо не один он пересылает в своих пакетах и получает многие десятки писем, а также и экспедиторы П. А. Трескин и Харламов и еще другие чиновники; а потому и счел, что общее по сей материи распоряжение коснется как его, так и других, и прекратит с давнего времени укоренившееся злоупотребление, от коего по многим отношениям происходят неисчислимые по службе беспорядки и затруднения. Я приложу всемерное старание к пресечению оных по управляемому мною почтамту, но беру смелость донести, что если злоупотребление сие равномерно и по петербургскому почтамту прекращено не будет, то я останусь в прежнем по секретной части стеснении, ибо некоторые чиновники петербургского почтамта всякую почту присылают на имена здешних, особенно трех вышеупомянутых, преогромные пакеты, в которых . . [2]) подвергаемые перлюстрации письма находились. Если вашему превосходительству благоугодно будет распространить сделанное мною по московскому почтамту распоряжение и на петербургский, тогда отвечать можно будет, что и ропот публики, обращаемый на позднее и неисправное получение писем, прекратится и никакое уже письмо не укроется от надлежащего наблюдения, что ныне скорее случиться может. Я взял смелость со всею подробностью изъяснить в прилагаемом у сего донесении все беспорядки в пересылке писем, через почтовых чиновников происходящие. Все сие предаю главноначальственному усмотрению вашего превосходительства.

[1]) Очевидно, Лукьян Яковлевич Яковлев — экспедитор почтамта (Адрес-календарь на 1813 г., стр. 289).

[2]) Три слова не разобраны.

6. Письмо О. П. Козодавлева к Д. П. Руничу [1]).

21 июня 1815 г.

... По причине нынешних обстоятельств, до политики относящихся [2]), наверное полагать можно, что политические разглагольствия в Москве весьма распространяются, и уездные политики пространное имеют поле распускать умные свои замечания и заключения. Посему прошу вас, любезный мой Дмитрий Павлович, обратить на сие вниманне ваше и сверх обыкновеной перлюстрации сообщать мне почасту и московские вести и рассуждения уездной политики, в Москве все умы обуявшей...

7. Письмо О. П. Козодавлева к Д. П. Руничу [1]).

4 января 1816 г.

... Прошу вас убедительнейше обратить самое живейшее внимание ваше на перлюстрацию. Приехавший сюда Б. верно будет писать, а также и другие. Напишите ко мне о иезуитах, что и как у вас о сем говорят, а также и о дру-

[1]) Гос. Публ. Библиотека, бумаги Козодавлева.

[2]) 9 (21) мая 1815 г. (в период «Ста дней») Александр I подписал в Вене манифест «о поднятии оружия против похитителя французского престола всеми державами, хранящими закон благочестия и правды». В этом же манифесте

гих разглагольствиях так, чтобы я мог показать ваше письмо вместе с перлюстрованными. Мое правило есть все подобное доводить до сведения государя. Сверх того, что я ему предан и люблю его от всего сердца, почитаю я для него нужным все знать, что говорят и как рассуждают. Напишите ко мне, что у вас говорят и делают, а я письмо ваше подлинником доставлю...

8. Письмо Д. П. Рунича к О. П. Козодавлеву [1]).

[Январь 1816 г.]

... Нелепости московские подобны пожару, которого ни вода, ни все усилия остановить не могут. Что в опровержение их ни доходит сюда, все то не прекращает их, а как будто подогревает. Умолкнут на минуту и потом с новой дерзостью распространяются. В последние дни прошедшей недели нелепости, разглашаемые по городу, по существу своему заслуживают, однако же, некоторого внимания. Например, сказывали мне, будто из Петербурга получены известия о строгостях по военной части и что во дворце на дверях найдены сделанные мелом надписи «1812 год», что гр. Аракчеев для того назначается президентом Гос. Совета и Комитета Министров, что г[осударь] не желает заниматься гражданскими делами, и что гг. министры гр. Аракчееву по всем делам докладывать будут; что министр юстиции не хочет сему подвергнуть себя и потому идет в отставку. К сим слухам можно бы присовокупить и другие, менее значущие, но все они почти к тому клонятся, чтобы обратить неудовольствие и недоверчивость к тому, что в правительстве происходит, а чтобы придать вероподобие в сем случае, то всегда возобновляют прежний припев, что Д. П. Трощинский [1]), который и не останется в службе, на новые введения не согласится. Как будто он из всех государственных людей — мудрейший и один в состоянии управлять всею империей, разумеется, старообрядчески, ибо его почитают непримиримым врагом всего нового. Все сии разглашения, хотя в самом деле и ничтожны, но распространение их порождает суждения; последние бывают иногда так дерзки, что, конечно, заслуживают быть остановлены. К несчастью Александра Петровича Тормосова [2]) при всех добрых качествах своих не довольно имеет силы побуждать строптивых властью своею, а полиция вообще так слаба, что обратила на себя по всем отношениям негодование. Всяко желая прослыть добрым, о том только и думает, как бы снисхождением нажить доброжелателей, а буйные головы, пользуясь тем, забывают всякие пристойности и переходят границы. Здесь, в Москве, в обществах никогда, кажется, не существовало такой ненависти к лицам, в правительстве первые места занимающим, и сие расположение никто не скрывает, видя, что оно не останавливается, ибо нет лица, на счет которого не говорили бы даже публично самых оскорбительных речей. Сия дерзость поставила меня вчерашний вечер в самое неприятное положение в доме тестя моего. Тут нашелся некто Ф. М. Полторацкий, который, ругая все, что только можно, русское, сказал, наконец, что у нас и людей нет, кому бы что поручить можно было, и что вообще Россия в таком варварстве, что это приводит в жалость и что мы должны признавать пред целым миром, что мы всем просвещением, которое имеем, обязаны французам. Таковое, самыми

говорилось о присоединении к России части бывшего герцогства Варшавского. 28 мая (9 июня) состоялось подписание главного акта Венского конгресса. Эти события оживленно обсуждались в России, причем влияние Меттерниха на Александра вызывало особенное неудовольствие.

[1]) Пушкинский Дом. Дата отсутствует; письмо написано, очевидно, в январе 1816 г., так как в нем Рунич рассказывает о впечатлении, произведенном в Москве манифестом 1 января 1816 г.

[1]) Министр юстиции с 1814 по 1817 г.

[2]) Московский главнокомандующий.

наглыми и дерзкими речами на счет русских и государственных лиц подкрепляемое суждение заставило меня забыть всю благопристойность, тем более, что оно объявлено было вслед почти по прочтении, можно сказать, боговдохновенного манифеста, в первый день года последовавшего, и который у многих извлек слезы благодарности к господу и чувства удивления к государю, и в котором именно употреблено выражение на счет Парижа что он есть г н е з д о р а з в р а т а. Я признаюсь, что сказал посему сему офранцуженному малороссиянину такие вещи, которые и генерал-бас, родитель его, пропеть не умел бы и которые подкреплены были всеми при том. Дерзость открывает всегда повод к таким суждениям, а дух Христов, толь обильно излиянный спасителем на помазанника своего и через него изливаемый на подвластных ему подданных, сильно остервеняет дух сатаны, который так укоренился в сердцах космополитов и санкюлотов, философия XVIII в. и для нравов тлетворный Париж [sic!]. Горестно сказать, что немногие радуются о царе своем и о благоденствии, которое правление его обещает, читая последние две пьесы: Акт союзный [1]) и манифест 1816 г. Большая часть не только его находит ничтожным, на проповедь похожим, но даже смешным, и только что с сохранением некоторой благопристойности то объявляют. Вот, почтеннейший благодетель мой, каким духом лучшее общество наше напитано.

Сегодня К. был у меня и спрашивал, правда ли, что тариф все разрешающий [1]) подписан, что сие весь город утверждает. Я показал ему одно число последнего собственноручного письма вашего и сказал, что в сем письме нет о том ни слова, и он заключил, что сие все .... [2]) вздор из большой книги московского вранья. Другой посетитель из сиятельных и украшенных уверял меня, что министерство внутренних дел отошло к министерству полиции и что г. Калинин сделан главным директором почт. Слухи о возвышении и восхождении министра юстиции не вообще, однако же, равную во всех радость производят, ибо здесь стали уже известны некоторые пристрастные его действия, особенно же по делу кн. Белосельской с купцом Стариковым...

Вот, почтеннейший благодетель, что ум мой осужден ежедневно слышать, а сердце, слыша, скорбеть. Не могу того скрыть от вас, как по беспредельной моей к вам любви, так и по чувствам верноподданных .... [2]) государя нашего, к которому преданность ваша сердечная равно мне известна. Остается всеми, принадлежащими к... [2]) молить и просить господа сил и всякие мудрости, чтобы он отца отечества нашего укрепил и осиял ими и дал ему совершить великое дело восстановления государства, которое, быв в продолжении нескольких лет терзаемо внешними врагами, изнуряется не менее того внутренними, у которых отечество — чрево, а побуждения — всякого рода и нравственные и физические сладострастия.

---

[1]) Акт Священного Союза, заключенного осенью 1815 г. и обнародованного в России только 25 декабря этого же года.

[1]) В 1816 г. был издан новый тариф, ослабивший покровительственную систему, введенную в 1811 г.

[2]) Слово не разобрано.

Ответственная редакция: В. Адоратский. Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. С предисловием *Б. А. Романова* . . . . . 3— 33

Октябрьская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена). С предисловием *А. Дрезена* . . . . . 34— 95

«Демократическое» правительство Грузии и английское командование. С предисловием *С. Е. Сеф* . . . . . 96—110

Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.). *А. Л. Попов.* . 111—134

Решенный вопрос (экспертиза по делу Н. Г. Чернышевского). *Ю. М. Стеклов* . . . . . 135—182

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Иностранная цензура о «Коммунисте» в 1916 г. Сообщил *С. В. Любимов* . . . . . 183—184

Эпизод из истории балканской войны. Сообщил *В. П. Семенников* . 184—188

Солдатское письмо о «9 января» 188

Из истории иностранного капитала в России. Сообщил *Н. С.* . . . . 189—198

Синод в борьбе с революцией. Сообщил *М. Паозерский* . . . . . 198—200

Перлюстрация писем в России в начале XIX в. Сообщил *А. В. Предтеченский* . . . . . 201—209

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского и В. М. Фриче

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. — Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым. — К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта. — Письма Некрасова и Достоевского. — Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко. — Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны. — Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича. — С. В. Зубатов и А. И. Спиридович. — Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.— Подкуп китайских сановников Ли Хун-чжана и Чжан Ин-хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазанова Николаю Романову в 1910—1912 гг. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. — Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене. — Письма С. Л. Перовской. — Воспоминания А. Г. Достоевской. — **Из записной книжки архивиста:** Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России. — Письма В. Гете, и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г. — Дневник А. А. Половцева. — Переписка В. Н. Коковцова с Нецлиным. — Семейная переписка Романовых. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Отзвуки польского восстания 1863 г. — Письма К. П. Победоносцева. — Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста:** Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда». — Достоевский в Твери. — Речь Щапова. — Революционное движение в войсках во время мировой войны. — Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября, и др.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина. — Русско-германский договор 1905 г. — Финансовые совещания союзников во время войны (доклад мин. фин. П. Л. Барка). — Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.). — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. — Письма участников процесса 193-х. — Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. — С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине. — Верховное командование в первые дни революции. — Из переписки Николая I в декабре 1825 г. — Письма Д. И. Писарева из крепости. — Два письма П. Ф. Якубовича. — **Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и «шпионские забавы».. — Казнь П. П. Шмидта, Частника и др. — В. Чернов и июльские дни. — Распутин в освещении охранки.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут. — Константинополь и проливы. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Из архива Л. Тихомирова. — Временное Правительство после Октября. — Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. — Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову. — Л. Толстой и помощь голодающим. — **Из записной книжки архивиста:** Два письма Карла Маркса. — Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. — К иконографии декабристов, и др.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание). — Константинополь и проливы (окончание). — Из дневника А. Н. Куропаткина. — Автобиографическая записка и письма С. Ширяева. — М. Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson». — Достоевский. «Преступление и Наказание». — Омские события при Колчаке. — **Из записной книжки архивиста:** Неизданный манифест Исполнительного Комитета «Народной Воли» — Неизданные письма Л. Толстого Ислявиным, и др.

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка балканской войны 1912 г. — Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г. — Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г. — март 1906 г.). — Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 гг.) — Заседание Совета Министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича). — Октябрьский переворот и ставка. — Омские события при Колчаке (окончание). — Указы Пугачева и его коллегии. — Литература 60-х годов по отчетам III отделения. — Ф. М. Решетников и «Северная Пчела». — Неизданная сказка А. П. Чехова. — **Из записной книжки архивиста:** Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве. — В годы реакции. — Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову. — Николай Романов 28 февраля—4 марта 1917 г. — Пенсионная практика Временного Правительства. — Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка балканской войны 1912 г. (окончание). — Отражение событий 1905 г. за границей. — Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. — Крестьянское движение 1905 г. — Волнение во флоте в 1915 г. — Из дневника ген. В. И. Селивачева. — Показание А. Д. Протопопова. — Октябрьский переворот и ставка (окончание). — Вокруг Гатчины. — Записка А. К. Бошняка. — Марксистская периодическая печать 1896 — 1906 гг. — **Из записной книжки архивиста:** «План убийства» Вильгельма II. — Письмо Балашова к Столыпину. — Письмо Гапона. — Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г. — Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцова о займе 1905—1906 гг. — С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы. — Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. — Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. — Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко; 2) записка В. Степанова.—Протокол заседаний ЦИК С. Р. и С. Д. I созыва после Октября. — Из дневника ген. В. И. Селивачева. — Из дневника А. Д. Протопопова. — Буташевич-Петрашевский в Сибири. —

Из дневника в. кн. Константина Николаевича. — 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде. — Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге. — **Из записной книжки архивиста:** Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. Думы — К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен. — М. Корф в полемике с Герценом. — Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости. — Рептильный фонд 1914—1916 гг. — Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ—ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского. — 9 января 1905 г. — Проект манифеста о событиях 9 января. — Манифест 17 октября. — Из архива С. Ю. Витте. — Доклады С. Ю. Витте Николаю II. — Хроника вооруженной борьбы в 1905 г. — Аграрное движение в 1905 г. по отчетам Дубасова и Пантелеева. — Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца «Потемкин-Таврический», б) «Георгий Победоносец». — Прибалтийский край в 1905 г. — Движение в войсках на Дальнем Востоке. — Штурм Пресни. — Карательная экспедиция Римана. — Заем 1906 г. в донесениях русского посла. — **Из записной книжки архивиста:** Николай II в 1905 г.— Письма Николая II к Дубасову. — К убийству Н. Э. Баумана. — Подвиги барона Меллер-Закомельского. — К истории 9 января 1905 года. — Из бумаг Д. Ф. Трепова.— Самоубийство Н. П. Шмидта.

ТРИНАДЦАТЫИ ТОМ.

М. Н. Покровский. Статья. — Восстание Черниговского полка. — Записка Н. И. Тургенева. — М. Ф. Орлов и 14 декабря. — «Практич. начала полит. экономии» Пестеля. — К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным. — Заговор в Зерентуйском руднике. — **Из записной книжки архивиста:** П. И. Пестель. «Конституция Госуд. Завет». — Рассказ И. Я. Телешова о 14 дек. 1825 г. — Солдаты Моск. полка о 14 дек. 1825 г. — Казнь моряков-декабристов. — Из писем и записок В. Ф. Раевского. — О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов. — Месяцеслов на 1827 г. — Завещание П. И. Пестеля.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Боксерское восстание. — Бакунин в 40-е годы. — Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отд. — Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова. — Новое о Нечаеве. — Автобиограф. заявление А. А. Квятковского. — Письмо Баранникова.— Аграрное движение в 1917 г. — К истории последних дней царского режима. — **Из записной книжки архивиста:** Письмо Эртеля об убийстве Сидорацкого. — Москва в марте 1881 г. — Отклики моск. промышленников на антиеврейские беспорядки в 1881 г. — Письмо ген. Буланже Александру III. — К истории манифеста 6 авг. 1905 г. — Хиромант Перен и русский министр.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Первая балканская война. — Март — май 1917 г. — Февральская революция и европейские социалисты. — Гирш Леккерт и его покушение. — Из архива Щегловитова. — К истории «хождения в народ». — Новое о Нечаеве. — Имущественное положение декабристов. — **Из записной книжки архивиста:** Из правительственных настроений в эпоху I Госуд. Думы. — К истории аграрных мероприятий 1906 г. — Из писем ген. Левашева Куропаткину. — К истории покушения А. Ульянова и др. — Вокруг поездки Вивиани и Альбера Тома. — Неосуществившееся издание сочинений Л. Толстого под цензурой Николая II. — Неопубликованные статьи Добролюбова.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Ф. Э. Дзержинский по архивным материалам. — Первая балканская война (оконч.). — Февральская революция и европ. социалисты (оконч.) — Романовы и союзники в первые дни революции. — К истории восстания киргиз в 1916 г. — К истории ареста и суда над с.-д. фракцией II Госуд. Думы. — Записки современника о 1861 г. — П. И. Пестель по письмам к нему родителей. — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — **Из записной книжки архивиста:** О локализации празднования 1 мая на фабриках и заводах. — Эконом. перспективы франко-русского союза после мировой войны. — Письмо ген. Стесселя ген. Глазову. — Революция 1905—1906 гг. в донесениях иностр. дипломатов. — Один из замыслов Ф. М. Достоевского. — Казни на Лисьем Носу в годы реакции.

СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении. — Революционная пропаганда в армии в 1916—1917 гг. — Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. — Безобразовский кружок летом 1904 г. — К истории аграрной реформы Столыпина. — Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. — Бакунин (новые материалы). — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — **Из записной книжки архивиста:** Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. — К истории демонстрации-панихиды по убитым в с. Бездне, Казанской губ., крестьянам в 1861 г. — Письмо Фр. Яцевича. — Донесения из Берлина С. С. Татищева В. К. Плеве в 1904 г. — Письма Медникова Спиридовичу. — Из переписки Николая Романова с В. А. Романовым. — Расстреливать или вешать? — Экспедиция ген. Иванова на Петроград.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. — Письмо Витте к Сипягину. — Китайская революция 1911 г. — К истории Ясского совещания. — Продуголь. — Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — Марксистская периодическая печать 1896—1906 гг. (окончание). — **Из записной книжки архивиста:** А. И. Желябов в Александровске. — Первый транспорт литературы группы «Освобождение Труда». — Письмо В. К. Плеве А. А. Кирееву. — Из черновых бумаг Победоносцева. — «Записка, достойная внимания». — ВЦИК в июльские дни 1917 г. и др.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

К истории французской интервенции на юге России. — Англичане на севере. — Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897—1905 гг. — Переписка Витте с Куропаткиным в 1904—1905 гг. — Из дневника ген. Рауха. — Записки Ф. А. Головина. — А. П. Щапов. — Показания Рысакова. — К истории «Земли и Воли» 70-х гг. — **Из записной книжки архивиста:** Из переписки С. М. Кравчинского. — Извещение «Нар. Воли» о разгроме типографии в Саперном переулке. — Первомайские речи в Одессе в 1895 г. — Ответ «Рабочей Газеты» Г. В. Плеханову. — Три документа из истории зубатовщины. — Столыпин и смертная казнь в 1908 г. — 20 лет назад.

ДВАДЦАТЫЙ ТОМ.

Дипломатия Временного Правительства в борьбе с революцией. — Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. — Из дневника А. Н. Куропаткина. — Бухара в 1917 г. — Дневник Николая Романова. — «Работа» эсеров в 1918 г. — «Европа и Китай» (Записка Мартенса). — Письма Г. Ф. Здановича. — Из народовольческих автобиографических документов. — **Из записной книжки архивиста:** Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 гг. — Треповский проект речи Николая II к рабочим в 1905 г. — Программа союза русского народа.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Февральская революция 1917 г. — Дневник Николая Романова. — Союз земельных собственников в 1917 г. — «Демократическое» правительство Грузии и английское командование. — Начало врангелевщины. — Царская дипломатия в эпоху Тайпингского восстания. — Общество «Священной дружины». **Из записной книжки архивиста.** Как буржуазия готовилась к Октябрю. — Письмо ген. Щербачева ген. Деникину. — «Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. — Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. — Ф. М. Достоевский — «член тайного общества».

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ТОМ.

Февральская революция 1917 г. — Дневник Николая Романова. — Крымское краевое правительство в 1918—1919 гг. — Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 гг.) — Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского. **Из записной книжки архивиста:** Побег Ярослава Домбровского. — К истории «нечаевщины». — Л. Н. Толстой в Московском архиве мин. юстиции. — Последние Романовы о «либерализме» и конституционном строе.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Предисловие. — Июльские дни в Петрограде. — Московский Военно-Революционный Комитет. — Октябрь на фронте. — Накануне перемирия. — Из дневника ген. В. Г. Болдырева.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Июльские дни в Петрограде. — Октябрь на фронте. — Иностранные дипломаты о революции 1917 г. — Федор Бесприютный (запрещенный цензурой рассказ В. Г. Короленко). **Из записной книжки архивиста.** — Подготовка к наступлению на Петроград. — Романовы в первые дни революции.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ТОМ.

Финансовое положение России накануне Октябрьской революции. — Октябрьская революция в Балтийском флоте (дневник кап. И. И. Ренгартена). — «Демократическое» правительство Грузии и английское командование. — Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.). — Решенный вопрос (экспертиза по делу Н. Г. Чернышевского). — **Из записной книжки архивиста:** Иностранная цензура о «Коммунисте» в 1916 г. — Эпизод из истории балканской войны. — Солдатское письмо о «9 января». — Из истории иностранного капитала в России. — Синод в борьбе с революцией. — Перлюстрация писем в России в начале XIX века.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Под общей редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО. (Истпарт)

Том I Стр. XI + 518. Ц. в/п. 4 руб.

Содержание: А. Сидоров. Влияние империалистической войны на экономику России. А. Сидоров. Рабочее движение в России в годы империалистической войны (июль 1914—февраль 1917 гг.). Д. Баевский. Партия в годы империалистической войны.

Том II. Стр. VI + 452. Ц. 3. р. 50 к.

Содержание: Э. Генкина. Февральский переворот. М. Югов. Советы в первый период революции. Ш. Н. Рубинштейн. Внешняя политика керенщины. С. Лидак. Июльские события 1917 г.

Граве В. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г.—февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. Стр. 415. Ц. 2 р. 75 к.

Содержание: Предисловие. Введение. I. Война и разложение капитализма. (Народное хозяйство во время войны.) II. Пролетариат во время войны. (Экономическое положение рабочего класса в годы войны. Общий очерк стачечного движения. Пролетариат в первые месяцы войны. Массовое движение в 1915 г. Революционный под'ем в 1916 г. Агония старого порядка.) III. Буржуазия и царизм. (От „единения с царем" к образованию „прогрессивного блока". Политическая позиция буржуазии в 1916 г. Буржуазия накануне и в момент Февральской революции.) Приложения: диаграммы и пр.

Драбкина. Грузинская контрреволюция (печатается).

Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. Стр. 280. Ц. 2 р.

Содержание: Февральская революция. Революционный Кронштадт. Работа в Кронштадте. Апрельские дни. Кронштадтская республика. Вокруг финского побережья. Июльские дни. Накануне Октябрьской революции. Октябрьская революция.

К ЮБИЛЕЮ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Чернышевский Н. Г. Литературное наследие.

Том I. Из автобиографии. Дневник 1848—1853 гг. Под ред. и с примеч. Алексеева Н. А., Чернышевского и проф. Чернова С. Н. Стр. 748. Ц. 5 р. 50 к.

Том II печатается.

Том III печатается.

Стеклов Ю. Чернышевский. Его жизнь и деятельность (печат.).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 год в материалах и документах. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 371, ц. 4 р.

В наиболее типичных документах (пополненных газетными материалами) дана история рабочего движения от Февраля к Октябрю по основным его этапам. Для более удобного пользования и изучения публикуемых материалов в текст книги введено краткое изложение фактов, не нашедших достаточно полного освещения в документах сводного характера.

Крестьянское движение в 1917 году. С предисловием Я. А. Яковлева. Подготовили к печати К. Г. Котельников и В. Л. Меллер, стр. XXVII + 444, ц. 5 р. 25 к.

В основу вышедшего тома положены сводки Главного управления милиции (Временного Правительства), составлявшиеся по сообщениям с мест и расположенные в книге хронологически и по районам. В первый том вошло около четырех с половиной тысяч таких сводок. Взятые в целом, сводки дают картину движения многомиллионного крестьянства во всем его грандиозном размахе.

Разложение армии в 1917 году. Материалы и документы. Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 192 + 1 карта, ц. 1 р. 50 к.

Материалы и документы делопроизводства ставки, канцелярии военного министерства и кабинета военного министра.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро И. К. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 375, ц. 2 р. 75 к.

Первый Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Стенографический отчет. С предисловием Я. А. Яковлева. Т. I. Выходит из печати.

Второй Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Отчет и материалы. С предисловием Я. А. Яковлева. Печатается.

Всероссийское Совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Март—апрель 1917 года. Стенографический отчет. С предисловием Я. А. Яковлева, стр. 355, ц. 4 р. 50 к.

Протоколы заседаний Съездов Советов и Всероссийского Совещания даны в проверенных редакциях, снабжены вступительными статьями, необходимыми комментариями, указателями и т. д.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА

3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1928 год

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО и В. М. ФРИЧЕ.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

Подписная цена: на год — 15 р., на 6 мес. — 8 р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 3 р.

ПОДРОБНЫЙ КАТАЛОГ НА ЖУРНАЛЫ И ПРИЛОЖЕНИЯ К НИМ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ГЛАВНОЙ КОНТОРОЙ ПОДПИСНЫХ и ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ГОСИЗДАТА, Москва, Рождественка, 4, телефоны 4-87-19 и 5-88-91, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного Контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев. Продажа отдельных номеров журналов производится в магазинах, киосках и отделениях Госиздата, в киосках Всесоюзного Контрагентства печати и Управления Московскими киосками при издательстве „Рабочая Москва“.